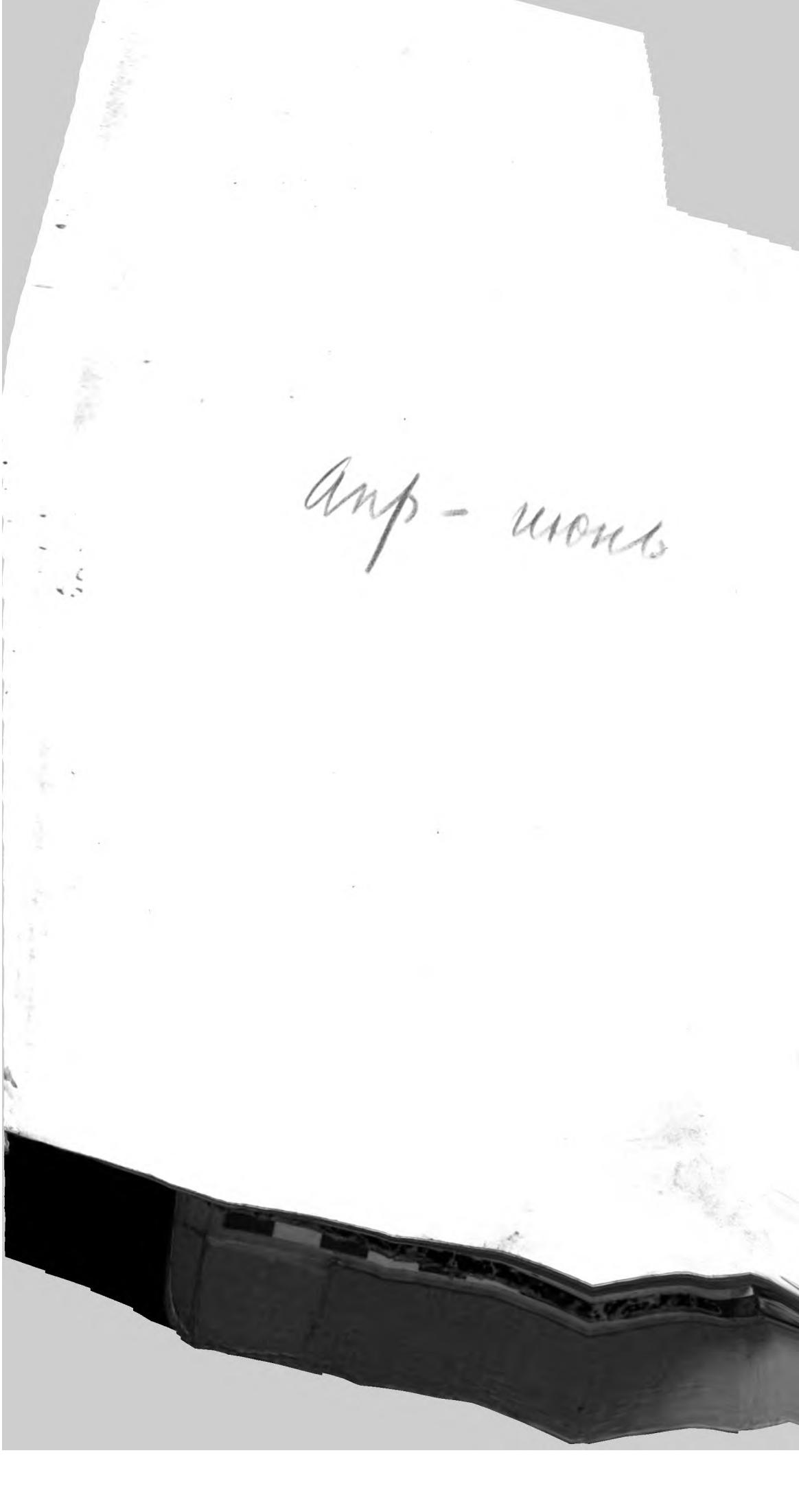
Rpng Omg 18
N 188
Ag N 921.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

8734


апр - июнь

Годъ VIII-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Проверено 1950 г.
1445 амб.

АПРѢЛЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

AF 50
.M67
V.8, Nos. 6
April June
1899

Дозволено цензурою 26-го марта 1899. С.-Петербургъ.

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

601623

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	СУЩНОСТЬ СОЦІАЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ СТРАНАХЪ. Проф. **Н. Райхесберга**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ОДА КЪ МОЛОДОСТИ. (Изъ А. Мицкевича). **А. Колтановскаго**	16
3.	БЕЗЪ РОДУ-ПЛЕМЕНИ. Изъ повѣсти о современныхъ людяхъ. **Ив. Бунина**	19
4.	АРНОЛЬДЪ БЕКЛИНЪ. (Критическій очеркъ). **Сергѣя Маковскаго**	34
5.	ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. Проф. **Р. Виппера**. (Продолженіе).	53
6.	ВУЛКАНЫ НА ЗЕМЛѢ И ВУЛКАНИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ВО ВСЕЛЕННОЙ. Проф. **А. П. Павлова**. (Окончаніе)	82
7.	ТЕХНИЧЕСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ КОНЦА XIX В. **Б. Воль—на**.	104
8.	СТИХОТВОРЕНІЯ. **Сергѣя Маковскаго**	120
9.	СТУДЕНТКА. Романъ **Грэхэмъ Трэверса**. Переводъ съ англійскаго **З. Журавской**. (Продолженіе)	123
10.	РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА. Переводъ съ англійскаго. **Л. Давыдовой**	161
11.	КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). **Н. Гарина**. (Продолженіе)	173
12.	РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). **К. Станюковича**	206
13.	СТИХОТВОРЕНІЯ. **Allegro**	234

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Юродствующая литература: «О любви», М. О. Меньшикова, «Сумерки просвѣщенія», В. В. Розанова.—Характеристика этихъ проповѣдниковъ любви и просвѣщенія.—Отсутствіе любви въ проповѣди г. Меншикова.—Изувѣрство г. Розанова и проповѣдуемая имъ полная тьма вмѣсто сумерекъ.—Изъ текущей беллетристики: «Кирилка», «Ѳома Гордѣевъ», г. Горькаго; «Смиренные», В. Короленко. **А. Б.**	1
15.	ОТРАЖЕНІЕ СЕМЕЙНАГО БЫТА И НРАВОВЪ ВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЕЛИКОРУССОВЪ. (Замѣтка). **Н. Демидова**	19

стр.

16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Изъ голодающихъ губерній.—Санитарное состояніе фабрикъ въ Московской губерніи.—Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи.—Земскій органъ.—Духоборы заграницей 27

17. **За границей.** Дѣтскій рабочій вопросъ въ Англіи.—Коллегія Рёскина для рабочихъ. — Политическіе клубы въ Англіи.—Промышленная дѣятельность женщинъ въ Англіи.—Профессоръ Адольфъ Вагнеръ о женскомъ вопросѣ и отношеніе германскихъ студентовъ къ этому вопросу. — Общество народныхъ университетовъ въ Парижѣ.—Бостонъ и его значеніе, какъ умственнаго центра въ Америкѣ. — Будущій конгрессъ исторіи религій.—«Великій авантюристъ» и его идея трансафриканской желѣзной дороги.—Самая маленькая республика на свѣтѣ. 39

18. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue des Revues».—«Revue des Paris».—«Review of Reviews». 51

19. ДОМАШНІЙ БЫТЪ АМЕРИКАНСКАГО РАБОЧАГО. **Л. Манухиной** 55

20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Біологія.** 1) Парабіозъ у муравьевъ. 2) Запахъ земли.—**Зоологія.** 1) Живучесть нѣкоторыхъ рыбъ. 2) Необычайное изобиліе насѣкомыхъ.—**Ботаника.** Новое примѣненіе кактуса.—**Агрономія.** Великъ ли вредъ, приносимый земледѣлію кротомъ.—**Медицина и гигіена.** 1) Шестидневная велосипедная гонка. 2) Взрывы въ каменноугольныхъ шахтахъ и послѣдствія излишней искусственной вентиляціи. 3) Новый способъ уничтоженія городскихъ отбросовъ и нечистотъ. **Н. М.** 62

21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика.— Публицистика. — Исторія всеобщая. — Политическая экономія.—Антропологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 68

22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Schicksalsmensch. По поводу «Gedanken und Errinnerungen von Otto Fürst von Bismarck». Stuttgart 1898. **Ив. Иванова.** 90

23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 112

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ВЕРОНИКА. Историческій романъ **Шумахера.** Переводъ съ нѣмецкаго **З. А. Венгеровой.** (Продолженіе). 81

25. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ,** покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго** и **Д. Н. Нелюбова.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе). 97

Сущность соціальнаго вопроса въ западно-европейскихъ странахъ.

Если различные историческіе періоды можно характеризовать по фактамъ и явленіямъ, наиболѣе замѣчательнымъ въ ихъ духовной и матеріальной жизни, то, современная историческая эпоха, и въ особенности текущее столѣтіе вполнѣ заслуживаетъ названія эпохи соціальныхъ движеній. Не то, чтобы въ прошлыя столѣтія,—столѣтія, когда религіозные или политическіе интересы приводили въ движеніе всѣ классы народа, когда давались кровавыя битвы ad majorem Dei gloriam, или когда народныя массы поднимались съ тѣмъ, чтобы свергнуть иго деспотизма,—соціальные моменты вполнѣ отсутствовали. Въ нихъ не было недостатка ни въ пору религіозныхъ, ни въ пору политическихъ движеній; напротивъ, въ настоящее время мы положительно знаемъ, что во всѣхъ этихъ движеніяхъ духовнаго или матеріальнаго характера немалую роль играли и соціальныя причины, которыя по временамъ имѣли даже рѣшающее вліяніе на ихъ направленіе и исходъ. Но характернымъ признакомъ, отличающимъ наше столѣтіе отъ прошлыхъ и налагающимъ на него особый отпечатокъ, служитъ то явленіе, что въ наше время *соціальные* интересы фактически взяли верхъ надъ всѣми остальными и что, далѣе, пониманіе фундаментальной важности этихъ интересовъ для человѣческой жизни достигло всеобщаго сознанія.

Если въ прошедшія времена соціальныя бѣдствія и угнетенія иногда и вызывали сильныя движенія и потрясающіе взрывы, то явленія эти, единичныя и разрозненныя, во-первыхъ, не были въ состояніи измѣнить общій характеръ даннаго времени; во-вторыхъ, они съ самаго начала принимали такую форму, что должны были современникамъ казаться исключительно выраженіемъ религіознаго или политическаго духа. Не смотря на ужасныя условія жизни нѣкоторыхъ слоевъ населенія въ былыя времена, въ народномъ сознаніи рѣдко зарождалось сомнѣніе въ справедливости и полезности существующаго порядка вещей. Цѣлые вѣка проходили въ спорахъ по поводу религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, соціальныя же проблемы возникали въ народномъ сознаніи только въ исключительныхъ случаяхъ, да и тогда онѣ весьма рѣдко приводили къ болѣе или менѣе значительному результату.

Зато нашему вѣку пришлось быть свидѣтелемъ зарожденія соціальнаго движенія, которое вскорѣ мощно и неудержимо распространилось

по всему цивилизованному міру. Движеніе это не случайное; носители его не блуждаютъ въ потьмахъ, а твердо и настойчиво преслѣдуютъ свою цѣль, намѣченную ходомъ исторіи.

Это могучее, какъ бы стихійное движеніе, которое, отодвинувъ все остальное на задній планъ, всецѣло завладѣло въ наше время общественнымъ вниманіемъ, является мыслителю, умѣющему судить о явленіяхъ по ихъ внутреннему достоинству и содержанію,—ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ человѣческаго духа найти удовлетворительное рѣшеніе вопроса, поставленнаго на очередь развитіемъ современной культуры,—вопроса, окончательное рѣшеніе котораго было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ всего движенія. Это—такъ называемый *соціальный вопросъ*, который, какъ извѣстно, нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, занявъ среди всѣхъ другихъ вопросовъ, волнующихъ общество, самое выдающееся мѣсто, удерживаетъ его за собою и до сихъ поръ. Чтобы правильно понять соціальныя движенія настоящаго столѣтія и имѣть возможность вѣрно судить объ ихъ значеніи для современной культуры, необходимо уяснить себѣ происхожденіе соціальнаго вопроса настоящаго времени и его сущность.

Еще недавно, правда, нѣкоторыми учеными существованіе соціальнаго вопроса вообще отрицалось. Извѣстно, что представители большой политико-экономической школы, такъ называемой манчестерской, которая еще до конца семидесятыхъ годовъ чуть ли не господствовала на университетскихъ каѳедрахъ и парламентскихъ трибунахъ, въ чисто научной литературѣ, какъ и въ періодической печати, высказывали и защищали мысль, что безпокоющій нѣкоторыхъ соціальный вопросъ является ничѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ болѣзненной фантазіи которая въ лучшемъ случаѣ основана на совершенно неправильномъ пониманіи общественныхъ и экономическихъ условій. Однако, наукѣ пришлось, главнымъ образомъ въ виду появленія нѣкоторыхъ тревожныхъ явленій общественной жизни, мало-по-малу отказаться отъ своего отрицательнаго отношенія къ соціальному вопросу; ученые нашли себя вынужденными заняться ближе этимъ вопросомъ, который, не смотря на продолжительное отрицаніе его существованія, сталъ подъ конецъ принимать подозрительный и угрожающій характеръ.

И вотъ, въ настоящее время произошла полнѣйшая перемѣна въ отношеніи научно-образовательныхъ круговъ къ соціальному вопросу, до того, что можно прямо сказать, образованные слои общества приняли въ данномъ случаѣ діаметрально противоположную точку зрѣнія. Въ то время, какъ раньше не считалось даже стоющимъ труда присматриваться ближе къ требованіямъ и жалобамъ представителей обездоленныхъ классовъ, въ то время, какъ раньше проекты реформъ, предложенные послѣдними, въ лучшемъ случаѣ считались «химерами», при чемъ, конечно, имъ не придавалось никакого серьезнаго значенія,—въ настоящее время вся политическая литература самымъ внимательно-

нымъ образомъ занимается этими, раньше столь пренебрегаемыми воззрѣніями и идеями, и не мало примѣровъ, гдѣ даже личности, которыхъ трудно заподозрить въ непріязненности къ существующему общественному строю, указываютъ на соціальный вопросъ какъ на главную и самую важную задачу текущей эпохи. Если мы станемъ доискиваться причины происшедшей въ отношеніи къ интересующему насъ вопросу перемѣны, то окажется, что ее во всякомъ случаѣ нельзя видѣть, какъ многіе полагаютъ, въ увеличеніи нужды простого населенія, каковое обстоятельство, будто бы, привлекло на себя вниманіе имущихъ классовъ общества. На быстрый ростъ нищеты населенія многіе друзья народа не разъ указывали еще въ началѣ этого столѣтія, не достигнувъ однако этимъ никакихъ серьезныхъ результатовъ въ смыслѣ измѣненія или улучшенія судьбы страждущихъ слоевъ общества. Самостоятельный и сознательный протестъ рабочаго населенія, предъявившаго государству и обществу ясно сформулированныя требованія,—требованія, которыя другими классами общества хотя и считаются, по меньшей мѣрѣ, не вполнѣ справедливыми, но которыхъ, тѣмъ не менѣе, въ виду рѣшительности и настойчивости, съ которой они были поставлены рабочимъ классомъ, нельзя и не должно было игнорировать далѣе—вотъ что̀ явилось единственнымъ толчкомъ къ тому, чтобы сдѣлать соціальный вопросъ вопросомъ первой важности; это же обстоятельство не позволяетъ снять интересующій насъ вопросъ съ очереди раньше, чѣмъ онъ не будетъ окончательно рѣшенъ въ удовлетворительномъ для рабочаго класса смыслѣ.

Что же такое соціальный вопросъ? Какъ можно формулировать проблему, составляющую его содержаніе? Различные отвѣты давались на эти вопросы; но, присматриваясь къ нимъ ближе, находимъ, что формулировка ихъ почти всегда въ значительной степени обусловливалась принадлежностью отвѣчающаго къ той или иной политической партіи. И не только сами отвѣты получали такимъ образомъ большею частью тенденціозную окраску; довольно часто даже и характеристика причины появленія соціальнаго вопроса, точно также какъ и условій его дальнѣйшаго существованія, оказывались подъ вліяніемъ партійной точки зрѣнія, не совсѣмъ-таки объективной.

Мы слишкомъ далеко вышли бы изъ предѣловъ этой статьи, если бы вздумали перечислить всѣ существующія относительно соціальнаго вопроса воззрѣнія. Точно также мы не считаемъ умѣстнымъ подвергнуть здѣсь критикѣ хотя бы и главнѣйшія изъ этихъ воззрѣній. Наша задача заключается въ томъ, чтобы изложить и разобрать тотъ взглядъ на соціальный вопросъ, который намъ съ чисто-научной точки зрѣнія кажется единственно правильнымъ; при чемъ можно будетъ убѣдиться, что этотъ взглядъ на соціальный вопросъ стоитъ рѣшительно *выше* всякихъ временныхъ партійныхъ точекъ зрѣнія, и намъ кажется, что онъ болѣе всего другого способенъ служить надежной руководящей

нитью всѣмъ заботящимся о народномъ благѣ, лучшей исходной точкой для здороваго соціальнаго законодательства и лучшей народной политикѣ.

При всемъ разнообразіи мнѣній, господствующихъ относительно соціальнаго вопроса, можно, однако, констатировать одно: когда говорятъ о соціальномъ вопросѣ всегда имѣютъ въ виду тѣ болѣзненныя, нездоровыя состоянія общественнаго организма, которыя развились съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ различныхъ условій и выступили на свѣтъ съ большей или меньшей рѣзкостью,—состоянія, удаленіе которыхъ считается вещью весьма необходимой. Относительно самаго характера этихъ состояній мнѣнія естественно, большею частью, рѣшительно расходятся. Одни полагаютъ, что въ распредѣленіи народнаго богатства не совсѣмъ все обстоитъ въ порядкѣ, въ виду того, что богатые становятся все богаче, бѣдные же—все бѣднѣе, при чемъ послѣдніе не имѣютъ ни малѣйшаго вида на улучшеніе своего положенія, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. Другіе не находятъ ничего неестественнаго въ указанномъ сейчасъ несоотвѣтствіи, ссылаясь на исторію, которая насъ, будто бы, учитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ «созданъ міръ», существовали богатые и бѣдные, изъ чего, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ, что это законъ природы, измѣненіе котораго лежитъ внѣ человѣческой власти. Но зато, по ихъ мнѣнію, надо видѣть неоспоримое соціальное зло въ томъ, что принадлежащихъ къ болѣе бѣднымъ классамъ не удалось, не смотря на ихъ бѣдность, никакими проповѣдями о нравственности заставить отказаться отъ вступленія въ бракъ и произведенія на свѣтъ дѣтей, которыхъ они, конечно, не въ состояніи пропитать. Представители подобнаго воззрѣнія склонны видѣть болѣзненное состояніе, устраненіе котораго имъ является желательнымъ, въ мнимомъ перенаселеніи, въ слишкомъ большомъ числѣ членовъ низшихъ классовъ города. Далѣе, другіе считаютъ экономическіе кризисы, повторяющіеся въ послѣднія десятилѣтія съ поразительной правильностью, единственно значительной болѣзнью, и все ихъ стараніе направлено на то, чтобы отъискать средства и пути если и не для совершеннаго искорененія этого зла, то, по крайней мѣрѣ, для ослабленія его опустошительнаго дѣйствія. Нѣкоторые, наконецъ, полагаютъ, что основную причину явленій, вызывающихъ недовольство существующимъ и опасеніе за дальнѣйшее мирное развитіе слѣдуетъ видѣть въ потрясеніи прочнаго и солиднаго положенія такъ называемаго средняго класса. И такъ далѣе. Словомъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь идетъ о явленіяхъ и предметахъ, касающихся большей или меньшей степени жизни общества, о состояніяхъ, устраненіе которыхъ, повидимому, зависитъ не просто отъ примѣненія одной какой-либо законодательной или административной мѣры, а напротивъ, требуетъ болѣе или менѣе основательнаго измѣненія условій существованія тѣхъ или иныхъ общественныхъ классовъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ

виду, что здѣсь главнымъ образомъ рѣчь идетъ не о чисто политическихъ или чисто экономическихъ условіяхъ въ отдѣльности. Съ соціальнымъ вопросомъ связано представленіе о самыхъ основахъ общественнаго строя, и это представленіе существуетъ при всевозможныхъ родахъ пониманія даннаго вопроса, если оно часто, можетъ быть, и не приходитъ въ ясное сознаніе представителей тѣхъ или другихъ воззрѣній. Потому можно съ полнымъ правомъ утверждать, что всякій, разсуждающій о соціальномъ вопросѣ и признающій за нимъ право на существованіе, этимъ самымъ признаетъ, что существующій общественный строй не удовлетворителенъ, не совершененъ и нуждается въ преобразованіи.

Не трудно, однако, замѣтить, что въ этомъ общемъ опредѣленіи соціальнаго вопроса еще не видно того, что именно дѣлаетъ его, употребляя выраженіе нѣкоторыхъ писателей, главнѣйшей проблемой нашего столѣтія. Вѣдь, насколько насъ учитъ исторія, никогда не бывало недостатка въ мыслителяхъ и дѣятеляхъ, относившихся отрицательно ко многому въ современной имъ общественной жизни, и раньше соціальныя неурядицы и бѣдствія, которыхъ и въ прошедшія времена было не мало, иногда складывались въ сознаніи современниковъ въ соціальныя проблемы. Слѣдовательно, и тѣ эпохи, и историческіе періоды точно также имѣли свои соціальные вопросы въ выше охарактеризованномъ общемъ смыслѣ, а именно постольку, поскольку упомянутые недостатки общественной жизни достигали до сознанія современниковъ и вызывали въ послѣднихъ желаніе по возможности ихъ устранить. Для пониманія особаго характера соціальнаго движенія настоящаго времени это общее опредѣленіе поэтому является недостаточно. Опредѣливъ формулу соціальнаго вопроса вообще, остается еще установить *особое* содержаніе, *особую* сущность соціальнаго вопроса настоящаго времени, и затѣмъ указать, какія условія способствовали развитію соціальнаго вопроса въ этой особой формѣ и что поддерживаетъ его существованіе.

Знать это для каждаго образованнаго человѣка не только интересно, но прямо необходимо! Ибо миновало то время, когда можно было стоять въ сторонѣ отъ общественной жизни и жить исключительно своими личными интересами. Въ наше время отдѣльная личность находится въ слишкомъ большой зависимости какъ своей духовной, такъ и матеріальной жизнью, да и вообще всѣмъ своимъ состояніемъ отъ общаго состоянія общества, чтобы быть въ состояніи по собственному усмотрѣнію, безъ дальнѣйшаго отказываться отъ занимаемыхъ ею въ обществѣ соціальныхъ и другихъ положеній. А если, не смотря на эту зависимость, тому или другому и удастся, благодаря иногда счастливому стеченію обстоятельствъ, получить возможность смотрѣть на себя, какъ на человѣка, котораго свирѣпствующая нынѣ классовая борьба лично не обходитъ, то этотъ баловень судьбы все же ни въ какомъ случаѣ

не имѣетъ права надменно отвернуться отъ борющихся, если не хочетъ стать моральнымъ соучастникомъ въ приношеніи безчисленныхъ жертвъ человѣческаго счастія и гибели множества человѣческихъ жизней. Ввиду взаимнаго ожесточенія, вызваннаго обнаружившейся повсюду въ общественной жизни борьбою интересовъ различныхъ общественныхъ группъ, является прямою нравственною обязанностью каждаго образованнаго и честнаго человѣка оставаться на своемъ посту, съ тѣмъ, чтобы насколько возможно способствовать мирному рѣшенію трудной соціальной проблемы съ цѣлью приблизить торжество добра и справедливости. Но для этого прежде всего необходимо, какъ было сказано выше, ясное и свободное отъ предразсудковъ пониманіе общихъ условій, для этого необходимо умѣніе возможно свободно оріентироваться въ тѣхъ вещахъ, которыя составляютъ сущность и содержаніе соціальнаго вопроса настоящаго времени.

Я выше указалъ, что соціальный вопросъ или, если угодно, соціальные вопросы всегда появляются тогда и тамъ, когда и гдѣ оказались недостатки въ общественной жизни, которые, какъ таковые, достигли до сознанія общества и вызвали въ послѣднемъ желаніе устранить сознанное зло. Очевидно, что какое-нибудь явленіе или состояніе можетъ казаться зломъ только въ томъ случаѣ, если оно въ сравненіи съ существующимъ или вновь появившимся соотвѣтственнымъ представленіемъ или идеаломъ окажется неудовлетворительнымъ, если, другими словами, получается противорѣчіе между существующей дѣйствительностью и тѣмъ, что признается хорошимъ, желательнымъ, достойнымъ. Если порождается новая соціальная проблема, новый соціальный вопросъ, то заранѣе можно быть увѣреннымъ, что между дѣйствительнымъ состояніемъ общества съ одной стороны и идеальнымъ и нравственнымъ представленіемъ народа съ другой образовалась болѣе или менѣе широкая пропасть, при чемъ, все равно, явилась ли она вслѣдствіе абсолютнаго ухудшенія соціальныхъ условій, или вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ народа. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ создается дисгармонія въ общественной жизни, болѣе или менѣе рѣзкая, смотря по тому, насколько велика или мала вышеупомянутая пропасть.

Сообразно съ этимъ и соціальный вопросъ настоящаго времени основанъ на противорѣчіи, которое мало-по-малу сложилось подъ вліяніемъ естественнаго хода событій, противорѣчій, выступившихъ въ настоящее время на поверхность съ особенной яркостью. Чтобы выяснить себѣ характеръ этого противорѣчія, необходимо изслѣдовать состояніе современнаго общества въ томъ отношеніи, поскольку оно не соотвѣтствуетъ общераспространеннымъ и общепризнаннымъ воззрѣніямъ и идеаламъ. Такимъ путемъ становишься на совершенно объективную почву, на которой изслѣдованіе не можетъ быть отклонено вліяніемъ односторонней партійной точки зрѣнія ни въ ту, ни въ другую сторону.

На этой почвѣ слово принадлежитъ исключительно свободной отъ предразсудковъ наукѣ, которая не имѣетъ обыкновенія считаться съ тѣмъ, пріятны или непріятны кому-либо выводы, къ которымъ она пришла.

Колыбелью современнаго общественнаго строя являются всемірно-историческія событія послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Съ одной стороны, идеи великой французской революціи господствуютъ еще до нашихъ дней надъ интеллектуальнымъ и нравственнымъ развитіемъ цивилизованнаго человѣчества, весьма сильно вліяя на его политическую и правовую жизнь. Съ другой стороны, повсемѣстное введеніе машины совершенно измѣнило родъ производства, и такимъ образомъ вызвало къ жизни соціальныя движенія и комбинаціи, никогда раньше не существовавшія.

Разсмотримъ ближе эти, такъ сильно измѣнившія ходъ развитія цивилизованнаго общества, событія. Обратимся сперва къ характеристикѣ тѣхъ принциповъ и воззрѣній, которые проявились во французской революціи и которые играли въ ней выдающуюся роль.

Главной характерной чертой дореволюціоннаго общества неоспоримо является дѣленіе населенія на сословія, которое и отражалось во всѣхъ проявленіяхъ и формахъ политической и экономической жизни. Дворянство и духовенство съ одной стороны, всѣ остальные граждане въ видѣ третьяго сословія—съ другой, стояли враждебно другъ противъ друга, причемъ первымъ удалось путемъ различнаго рода привилегій захватить всю государственную власть, а съ нею и всѣ доставляемыя ею права и преимущества въ свои руки, и такимъ образомъ подчинить себѣ все третье сословіе, весь народъ. Не личному достоинству, не личнымъ способностямъ принадлежалъ рѣшающій голосъ въ этомъ обществѣ; происхожденіе, простой фактъ принадлежности къ извѣстному сословію съ самаго начала и разъ навсегда рѣшающе вліялъ на дальнѣйшую судьбу каждаго отдѣльнаго человѣка. Дворяне и духовенство не только предъявляли претензіи на наилучшія блага и выгоды, доставляемыя государствомъ, но и не преминули свалить всѣ требуемыя этимъ же государствомъ повинности и службы на непривилегированныя сословія. По возможности освобождая себя отъ всякихъ податей и обязанностей, отъ всякихъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ къ своимъ гражданамъ, они не переставали эксплуатировать государственную власть во всѣхъ мыслимыхъ отношеніяхъ въ свою пользу. Тяжела была судьба простого гражданина, но еще тяжелѣе становилась она отъ того, что и хозяйственная дѣятельность его была вполнѣ предоставлена произволу власть имущихъ. И въ этой послѣдней области простой гражданинъ не смѣлъ дѣйствовать свободно. Связанный безчисленными предписаніями и регламентами, духъ предпріимчивости едва могъ проявляться; всѣ принуждены были оставаться при устарѣлыхъ, отжившихъ формахъ производства, измѣнять которыхъ никто не смѣлъ подъ угрозой строжайшихъ наказаній. Такъ страдалъ народъ подъ

гнетомъ, который наложили на него королевская власть и привилегированныя сословія, страдалъ до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ, когда такое положеніе вещей должно показаться невыносимымъ. Тогда явилось стремленіе узнать, не существуетъ ли выхода изъ этого печальнаго состоянія, а если существуетъ, то не будетъ ли онъ больше соотвѣтствовать требованіямъ права и справедливости. И дѣйствительно, вскорѣ нашлись личности, которыя съумѣли дать подходящее выраженіе этому народному стремленію и направить его въ опредѣленную сторону.

Уже давно указывалось проницательными людьми на одно психологическое явленіе чрезвычайно замѣчательнаго свойства: человѣкъ только тогда начинаетъ возставать противъ притѣсненія, только тогда старается свергнуть гнетъ, когда приходитъ къ убѣжденію, что все это несправедливо, что, другими словами, причиняемое ему зло не соотвѣтствуетъ праву и справедливости. Пока онъ къ этому убѣжденію не пришелъ, онъ, какъ бы его ни угнетали, какъ бы скверно съ нимъ ни обращались, какъ бы ни эксплуатировали, ничего лучшаго не находитъ, какъ только развѣ проклинать свою судьбу и отчаиваться въ себѣ самомъ и въ своихъ силахъ. Эта черта человѣческаго характера свойственна и народному характеру. И народъ обыкновенно подчиняется обычнымъ условіямъ, какъ бы невыносимы они ни были, до тѣхъ поръ, пока у него не является сомнѣнія въ ихъ справедливости. Но разъ таковое сомнѣніе пробудилось, существующее неминуемо обречено на гибель, и удаленіе или измѣненіе его является только вопросомъ времени.

Охарактеризованныя выше соціальныя условія дореволюціоннаго общества постепенно сложились подъ вліяніемъ предшествовавшихъ историческихъ событій и продолжали свое дальнѣйшее существованіе на основаніи историческаго права. Вслѣдствіе этого основы, на которыя опиралось это общество, должны были пошатнуться, когда противъ дѣйствующаго права выступило другое, болѣе высокое право, достаточно сильное для того, чтобы выбить изъ позиціи представителей и защитниковъ перваго. Это высшее право народное сознаніе увидѣло въ такъ называемомъ *естественномъ правѣ*, которое оно и противопоставило во всѣхъ областяхъ жизни господствующему *историческому* праву. Естественное право стало народнымъ девизомъ и съ нимъ друзья народа выступили въ борьбу противъ узкихъ, отжившихъ государственныхъ и общественныхъ формъ, въ которыя была втиснута народная жизнь; и дѣйствительно, этому естественному праву обязаны не въ малой степени достигнутымъ впослѣдствіи народными борцами успѣхомъ.

Основнымъ принципомъ естественнаго права, какъ оно тогда понималось, является признаніе за человѣческой личностью особыхъ неотъемлемыхъ правъ и уваженіе ея достоинства. Люди надѣлены, по мнѣнію представителей естественнаго права, самой природой равными правами, и ни одинъ человѣкъ отъ природы ни въ чемъ не превосходилъ

другого. Уже *Гоббесъ* высказываетъ мнѣніе, что всѣ люди равны, такъ какъ по природѣ своей никто не можетъ имѣть больше правъ, нежели другіе, никто больше обязанностей, никто больше преимуществъ. По мнѣнію натурфилософовъ, подобное состояніе, при которомъ фактически господствовало равенство всѣхъ, нѣкогда дѣйствительно существовало; только по выходѣ изъ этого состоянія, утверждаютъ они, положеніе вещей начало мѣняться. На вопросъ, какія обстоятельства послужили причиной къ тому, чтобы человѣчество вышло изъ своего естественнаго состоянія и впало въ состояніе господствующаго въ настоящее время повсюду неравенства, натурфилософы имѣли опредѣленный отвѣтъ, хотя, надо сказать, что въ этомъ отношеніи между ними далеко не было согласія.

Здѣсь, конечно, не мѣсто разбирать спорныя мнѣнія по поводу этого вопроса. Приведемъ только вкратцѣ воззрѣнія одного философа, который имѣлъ рѣшающее вліяніе на ходъ развитія революціоннаго движенія прошлаго столѣтія.

Въ своемъ знаменитомъ произведеніи «Эмиль» *Ж. Ж. Руссо* старается доказать, что всѣ люди могли бы всегда остаться равными и свободными, если бы они получили абсолютно равное и естественное воспитаніе. По его мнѣнію, причина господствующаго неравенства коренится не въ людяхъ, какъ таковыхъ, а единственно въ *неодинаковыхъ условіяхъ ихъ развитія*. Неравенство, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя считать неотъемлемой чертой человѣческой природы, происходитъ подъ вліяніемъ внѣшней силы; сила же эта по своему существу—нѣчто весьма измѣняемое и преходящее, вслѣдствіе чего ея вліяніе и можетъ быть устранено. Но вслѣдствіе фактически существующаго неравенства получаются зависимыя отношенія между отъ природы равными, а слѣдовательно, и свободными людьми, и такимъ образомъ существующій на основаніи дѣйствующаго права общественный строй противорѣчитъ общественному праву, такъ какъ при немъ многіе совершенно лишены своихъ первоначальныхъ правъ. Такое положеніе вещей не можетъ быть, по мнѣнію *Руссо*, слѣдствіемъ законныхъ дѣйствій заинтересованныхъ индувидуумовъ, какъ господствующихъ, такъ и подчиненныхъ. Насиліе, говоритъ онъ буквально въ своемъ «общественномъ договорѣ», создало первыхъ рабовъ, низость и трусость послѣднихъ навсегда удержали ихъ въ этомъ положеніи. Но насиліе, какъ таковое, не можетъ явиться основаніемъ права, и угнетенный находится въ своемъ правѣ, если онъ пытается свергнуть съ себя иго зависимости. Отдѣльная личность обязана подчиняться только законной власти, законна же власть бываетъ только въ томъ случаѣ, если она явилась результатомъ свободнаго договора между заинтересованными лицами. *La volonté générale*, абсолютное господство воли равныхъ отъ природы членовъ народа служитъ, по убѣжденію Руссо, основой естественнаго строя общественной жизни.

Мы, можетъ быть, слишкомъ долго останавливались на этихъ теоріяхъ, но, какъ намъ кажется, не безъ достаточнаго основанія. Теоріи эти являются ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ мыслей, общераспространенныхъ среди народа непосредственно до и во время французской революціи. Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того могучаго отклика, который они нашли въ сердцахъ страждущихъ. Угнетенный народъ изнывалъ подъ тяжестью дѣйствующаго права, и вдругъ онъ узнаетъ, что это право не можетъ считаться справедливыхъ; онъ узнаетъ, что существующій общественный строй, напротивъ, нарушаетъ истинное право, которое не признаетъ никакой зависимости. Опираясь на это право, французскій народъ и началъ потрясать основы, существующаго строя, въ надеждѣ водворить, наконецъ, на мѣсто господства силы, царство естественной справедливости, царство свободы и равенство.

Это стремленіе осуществить требованія свободы и равенства воодушевляло дѣятелей французской революціи и съ самаго начала опредѣлила ходъ слѣдующаго за ней историческаго періода. Съ тѣхъ поръ человѣчество имѣетъ предъ собой задачу придать этому идеалу плоть и кровь во всѣхъ областяхъ общественной жизни, сдѣлать его осязаемой дѣйствительностью. Рѣшить эту задачу является самымъ пламеннымъ сердечнымъ желаніемъ цивилизованныхъ народовъ настоящаго времени, желаніемъ столь благороднымъ и возвышеннымъ, достойнѣе котораго трудно себѣ представить!

Посмотримъ теперь, на сколько въ самомъ дѣлѣ этотъ идеалъ осуществился въ теченіе послѣдующаго времени, посмотримъ, другими словами, не существуетъ ли противорѣчія между даннымъ идеаломъ и дѣйствительною жизнью.

Если обратимъ вниманіе на политическую жизнь, то оказывается, что здѣсь развѣ только въ однихъ демократическихъ государствахъ созданы были условія, которыя болѣе или менѣе близки къ поставленному идеалу. Что же касается государствъ съ иной формой правленія, то приходится сознаться, что здѣсь сдѣлано въ этомъ отношеніи еще чрезвычайно мало. Въ нихъ все еще существуютъ многія привилегіи, связанныя съ происхожденіемъ и принадлежностью къ тому или иному сословію, хотя они, можетъ быть, кое-гдѣ и уничтожены на бумагѣ. Законодательная и почти вся административная власть фактически все еще находится въ рукахъ привилегированнаго меньшинства. Свобода религіи и свобода совѣсти, правда, большею частью обезпечиваются гражданамъ конституціей, въ дѣйствительности же нетерпимость празднуетъ свои безобразныя оргіи не въ меньшей степени, какъ въ самыя мрачныя времена далекаго прошлаго. Тяжкія имущественныя жертвы, требуемыя государствомъ, всей своею тяжестью давятъ шею слабыхъ и неимущихъ, въ то время, какъ сильнымъ и власть имущимъ удается такъ или иначе избавлять себя отъ всего подобнаго.

Подобное положеніе вещей мы находимъ и въ области права. Несмотря на провозглашеніе равенства предъ закономъ, позитивное право все еще содержитъ множество постановленій различнаго рода, говорящихъ скорѣе обо всемъ другомъ, чѣмъ объ осуществленіи указаннаго принципа. Стоитъ только кинуть взглядъ на недавно введенный кодексъ гражданскихъ правъ германскаго государства, чтобы найти полное подтвержденіе справедливости сказаннаго.

Тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что въ упомянутыхъ сферахъ общественной жизни, въ особенности, если принять во вниманіе все болѣе распространяющійся духъ демократіи, человѣчество близко къ осуществленію въ не совсѣмъ отдаленномъ будущемъ требованій свободы и равенства.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло свободы и равенства въ области экономической жизни современныхъ западно-европейскихъ народовъ?

Положеніе вещей здѣсь несравненно хуже, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ областяхъ общественной жизни. Какъ ни мрачны все еще условія тамъ,—въ сравненіи съ картиной, которая представляется намъ здѣсь, ихъ можно назвать болѣе или менѣе удовлетворительными. Становится жутко, когда представляешь себѣ, что творится въ этой области еще въ настоящее время. Свобода и равенство требовались въ свое время также и для этой области общественной жизни и, можно сказать, даже съ большею настойчивостью, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ иномъ мѣстѣ; хозяйственной дѣятельности народа вѣдь болѣе всего приходилось страдать подъ гнетомъ отжившихъ формъ феодальнаго и деспотическаго образа правленія. Французская революція точно такъ же, какъ и находившаяся подъ ея болѣе или менѣе значительнымъ вліяніемъ государственная политика послѣдующаго времени стремилась, по возможности, устранить всѣ ограниченія, стоявшія на пути свободнаго развитія экономическихъ силъ, съ тѣмъ, чтобы совершенно освободить гражданъ отъ вмѣшательства государства въ ихъ хозяйственную дѣятельность или отъ всякой регламентаціи въ этомъ отношеніи. Привилегіи, предоставленныя въ свое время государствомъ отдѣльнымъ лицамъ или цѣлымъ классамъ въ экономической области, были болѣе или менѣе уничтожены. Впредь каждый могъ посвящать себя тому ремеслу, которое ему было по душѣ или отъ котораго онъ ожидалъ для себя больше выгодъ; каждый былъ также свободенъ, по крайней мѣрѣ, по буквѣ закона, селиться вездѣ, съ цѣлью посвоему усмотрѣнію примѣнять такъ или иначе находившіеся въ его владѣніи хозяйственные факторы, и никто въ этомъ отношеніи не имѣлъ права оказывать на него давленіе ни съ политической, ни съ правовой стороны. Такимъ образомъ, и экономическая жизнь, подобно политической и правовой, мало-по-малу, въ одномъ государствѣ скорѣе, въ другомъ медленнѣе,

измѣнялась подъ вліяніемъ этихъ условій и, въ концѣ концовъ, приняла совершенно иной видъ.

Осуществленіе равенства и свободы въ экономической области въ указанномъ видѣ привело, однако, къ весьма замѣчательнымъ результатамъ. Присмотрѣвшись ближе, находишь, что всѣ старанія въ данномъ направленіи привели *какъ разъ противоположно тому, что было цѣлью первоначальнаго стремленія.* Вмѣсто гармоніи и мира въ экономической жизни западно-европейскихъ народовъ господствуетъ борьба всѣхъ противъ всѣхъ,—борьба, изъ которой только сравнительно небольшая часть борющихся выходитъ побѣдителями. Здѣсь нѣтъ мѣста ни свободѣ, ни равенству, здѣсь все еще господствуетъ, какъ въ дореволюціонномъ обществѣ, право сильнаго, по отношенію къ которому болѣе слабый является подчиненнымъ и данникомъ. Равныя потребности людей ни въ какомъ случаѣ не находятъ равнаго удовлетворенія. Участіе членовъ общества въ потребленіи произведенныхъ богатствъ далеко не равное. Одинаковый трудъ рѣдко находитъ одинаковое вознагражденіе, да послѣднее находится часто даже въ прямо обратномъ отношеніи къ потраченному труду. Тѣ, которые вообще никогда не трудились, получаютъ большую часть запаса, созданнаго трудомъ, въ то время, какъ, говоря словами *Джона Стюарта Милля*, вознагражденіе уменьшается въ той же степени, въ какой возрастаетъ тяжесть и непріятность труда, пока, наконецъ, самый утомительный и физически истощающій трудъ не можетъ даже съ увѣренностью разсчитывать на необходимый для поддержанія существованія заработокъ.

Такимъ образомъ получилось рѣзкое различіе въ развитіи формъ въ области политической и правовой съ одной стороны, и въ экономической—съ другой. И это различіе тѣмъ замѣчательнѣе, что развитіе это во всѣхъ областяхъ общественной жизни, казалось, руководилось однимъ и тѣмъ же девизомъ, свободы и равенства. Однако, въ то время, какъ въ первыхъ каждый успѣхъ свободы и равенства дѣйствовалъ въ самомъ дѣлѣ благодѣтельно, въ области экономической жизни всѣ направленныя въ эту сторону усилія сопровождались постоянно явленіями, тотчасъ же дѣлавшими значеніе достигнутаго успѣха весьма сомнительнымъ.

Въ чемъ же основная причина этого на первый взглядъ столь страннаго явленія? Къ счастью, отыскать ее не представляется никакой трудности. Если принять во вниманіе, что осуществленіе принципа равенства и свободы не во всѣхъ областяхъ общественной жизни совершилось при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, то не трудно понять, что и результаты не могли быть всюду одни и тѣ же. Въ правовомъ и политическомъ отношеніяхъ не ограничивались только простымъ уничтоженіемъ устарѣлыхъ учрежденій и организацій, но въ то же время и старались проложить новые пути, создать новый фундаментъ для зданія, которое должно было быть мало-по-малу воздвигнуто. Въ отно-

шеніи же экономической жизни дѣйствовали иначе. Здѣсь не создавали ничего новаго, но ограничивались только главнымъ образомъ разрушеніемъ всего стараго. Въ то время, какъ вся дореволюціонная правовая система, всѣ правительственныя и государственныя формы были уничтожены, а взамѣнъ ихъ вызванъ къ жизни новый государственный и правовой порядокъ, исторически устарѣлая, обветшавшая основа экономической жизни осталась совершенно нетронутой; имущественныя отношенія и организація собственности были оставлены въ томъ же видѣ, какъ будто все еще надъ цивилизованнымъ человѣческомъ продолжалось господство духа прошедшихъ столѣтій. По прежнему пользуется безусловнымъ признаніемъ принципъ исключительнаго права собственника неограниченно распоряжаться своимъ имуществомъ по своему личному усмотрѣнію; по прежнему, собственность не находится ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ труду; по прежнему, многіе получаютъ доходъ, не заработавъ его своимъ трудомъ, а слѣдовательно, обладаютъ и собственностью, не основанной на ихъ трудѣ, которая тѣмъ не менѣе пользуется защитой и покровительствомъ государства. Большія сконцентрированныя имущества, говоритъ *Альбертъ Ланге,* перешли изъ средневѣковой эпохи въ наше столѣтіе, имущества, которыя явились частью прямымъ, частью косвеннымъ путемъ результатомъ барщины или привилегій феодальной системы; и такимъ-то путемъ пріобрѣтенная собственность была затѣмъ не только признана, но и оберегаема современнымъ правовымъ государствомъ. Этимъ однако уже съ самаго начала была подготовлена почва для все больше и больше растущаго увеличенія имущественнаго неравенства. Съ самаго начала въ новый строй общественной жизни были такимъ образомъ перенесены неравенства чрезвычайно важнаго свойства, — неравенства, котсрыя именно въ виду правового равенства и свободы всѣхъ членовъ государства современемъ должны были стать все болѣе вопіющими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все болѣе опасными для современнаго общественнаго строя.

Въ томъ же направленіи, обостряя неравенство и уничтожая свободу, дѣйствовало еще другое обстоятельство и притомъ съ еще большей энергіей, именно развитіе фабричнаго производства. Примѣненіе машины необыкновенно подняло производительную силу человѣка. Каждый день производятся неизмѣримыя груды товаровъ, которыя помощью желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ доставляются въ самые отдаленные уголки земного шара. Богатства скопляются въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ прежнія времена не могли имѣть и понятія. Но въ той же степени, въ какой машина творила указанныя чудеса, она своей желѣзной рукой все больше понижала благосостояніе значительно большей части населенія. Она лишила рабочій людъ собственнаго крова, разрушила семью рабочаго и искалѣчила физически и нравственно его самого. Она сдѣлала его существованіе ненадежнымъ, создала массо-

вую нищету и сдѣлала въ цивилизованныхъ странахъ голодную смерть обыкновеннымъ явленіемъ. Машина, которая, при разумной организаціи общества, была бы общимъ благословеніемъ, стала ангеломъ смерти для народныхъ массъ.

Но эти ужасающіе факты опять-таки являются ничѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ устарѣлой имущественной организаціи. Примѣненіе машины требовало капитала, много капитала. Вслѣдствіе этого обладатели капитала съ самаго начала заняли въ экономической борьбѣ настоящаго времени болѣе выгодное положеніе въ сравненіи съ неимущими. И въ самомъ классѣ капиталистовъ положеніе владѣльца бо́льшаго капитала оказалось несравненно болѣе выгоднымъ положенія владѣльца небольшого капитала, такъ какъ первый имѣлъ возможность производить сравнительно дешевле. Соотвѣтственно этому, всякій прогрессъ въ машинной техникѣ служилъ главнымъ образомъ интересамъ большого капитала, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствовалъ во вредъ рабочему. Капиталъ концентрировался все болѣе и болѣе, что при существующихъ условіяхъ не могло означать ничто иное, какъ концентрацію его все въ меньшемъ числѣ рукъ или, выражаясь иначе, какъ все усиливающееся обѣдненіе массъ ради выгодъ едва замѣтнаго меньшинства.

Указанныя явленія въ своей совокупности и составляютъ сущность соціальнаго вопроса настоящаго времени.

Въ политическомъ и правовомъ отношеніяхъ всѣ члены государства, вслѣдствіе осуществленія до извѣстной степени принциповъ великой французской революціи, сдѣлались на самомъ дѣлѣ сравнительно свободными и равными; огромная же масса народа, какъ ни кажется парадоксальнымъ это утвержденіе, все же по прежнему порабщена. Лишенная всякой собственности, она зависитъ всей своей личностью и своей жизнью отъ воли небольшой кучки собственниковъ, и эта зависимость и подчиненность только внѣшнимъ образомъ отличаются отъ зависимости и подчиненности прежнихъ временъ. Отдѣльный рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ право продавать свою рабочую силу по собственному усмотрѣнію, однако это право уничтожается невозможностью примѣнять рабочую силу, не имѣя орудій и средствъ производства; послѣднія же находятся въ рукахъ капиталиста. Можетъ ли быть рѣчь о свободѣ тамъ, гдѣ лишенный собственности рабочій, единственнымъ достояніемъ котораго является его рабочая сила, всегда принужденъ, если онъ не предпочитаетъ умереть съ голоду, соглашаться на условія, диктуемыя предпринимателемъ. Свобода и равенство являются при подобныхъ условіяхъ пустымъ звукомъ. Современное общество содержитъ такимъ образомъ въ своихъ нѣдрахъ могучее противорѣчіе. Съ одной стороны, оно стремится осуществить во всѣхъ сферахъ жизни идеалъ свободы и равенства, а съ другой—оно своей организаціей владѣнія и собственности уничтожаетъ на каждомъ шагу результаты этихъ

стремленій. Частная же собственность будетъ, по мнѣнію профессора *Платтера*, всегда и вездѣ, гдѣ она существуетъ, прибывать въ рукахъ одного и убывать въ рукахъ другого, и не только вслѣдствіе различной ловкости въ обращеніи съ нею, но не въ меньшей степени и вслѣдствіе различныхъ случайностей, счастія, извѣстныхъ выгодныхъ условій, права наслѣдства и т. д.; она немедленно снова создала бы самое большое неравенство даже и въ томъ случаѣ, если бы удалось какъ-нибудь ввести въ обществѣ состояніе полнѣйшаго равенства. Кто хочетъ сохранить частную собственность и при этомъ осуществить дѣйствительное равенство предъ закономъ, тотъ задается задачей согласить несогласимое.

Припомнивъ все вышесказанное, мы получаемъ возможно полную характеристику интересующей насъ проблемы; остается только влить ее въ болѣе или менѣе краткую формулу, чтобъ получить опредѣленіе соціальнаго вопроса настоящаго времени на Западѣ.

Какъ слѣдуетъ изъ предъидущаго изложенія, подъ соціальнымъ вопросомъ надо понимать вопросъ о томъ, какимъ путемъ и какими средствами возможно и желательно устранить обнаружившееся противорѣчіе между рисующимся воображенію современнаго культурнаго человѣчества идеаломъ свободы и равенства всѣхъ членовъ народа, съ одной стороны, и фактически господствующими условіями общественной и экономической жизни—съ другой, каковыя условія въ своемъ настоящемъ видѣ представляютъ собою прямое воплощеніе неравенства и полнаго отсутствія свободы.

Рабочіе западно-европейскихъ странъ, т. е. классъ, которому наиболѣе приходится страдать при современномъ общественномъ строѣ, въ наше время собственными силами пошелъ по избранному имъ самимъ пути, ведущему къ рѣшенію соціальнаго вопроса текущаго историческаго періода. Кому желательно узнать этотъ путь, тотъ видитъ себя принужденнымъ заняться изученіемъ соціальнаго движенія, проявившагося на Западѣ въ теченіе этого столѣтія, такъ какъ, говоря словами консервативнаго писателя *Мерме*, нужда въ одинъ прекрасный день, безъ сомнѣнія, заставитъ даже государственныхъ людей обратиться за новыми идеями къ представителямъ пролетаріата.

Проф. **Н. Райхесбергъ.**

Бернъ.

ОДА КЪ МОЛОДОСТИ.

(Изъ А. Мицкевича).

Безъ душъ и безъ сердецъ—то сонмища скелетовъ...
Ахъ, крылья, молодость, мнѣ дай!
Изъ міра мертваго, гдѣ нѣтъ святыхъ завѣтовъ,
На нихъ умчусь я въ новый край,—
Въ отчизну райскую живыхъ очарованій,
Гдѣ вдохновенье чудеса творитъ,
Роняетъ дождь цвѣтовъ, изъ смутныхъ упованій
Видѣнья свѣтлыя родитъ...

Пусть тотъ, въ комъ жизнь сковала разумъ тьмою,
Челомъ морщинистымъ поникъ
И видитъ узкій кругъ, что обнимать собою
Угасшій взглядъ его привыкъ.
Ты жъ, молодость, пари надъ жизненной равниной,
Летай какъ вихръ изъ края въ край,
Все человѣчество, съ весельемъ и кручиной,
Какъ солнце окомъ проникай!..
Смотри: внизу, гдѣ вѣчной мглою
Пространства бездну населя,
Презрѣнной гнусности волною
Клубится омутъ,—то земля!..
Смотри: на ней. надъ смрадною водою
Чернѣетъ нѣкій гадъ .. Съ своею скорлупою
Онъ самъ себѣ—пловецъ, кормило и ладья...
Гонясь за тварями ничтожнѣе себя,
То на поверхность онъ всплываетъ,
То быстро тонетъ въ глубинѣ.

Волна его не приласкаетъ,
Онъ не ласкается къ волнѣ...
И вдругъ, ударившись своей скорлупкой тѣсной,
Разбился о гранитъ,—безвѣстно прожилъ вѣкъ
И жизнь окончилъ онъ безвѣстно...
То—себялюбецъ-человѣкъ!.

Тебѣ жъ, о молодость, и нектаръ бытія
Не сладокъ, если онъ не раздѣленъ съ другими,
И намъ не напоитъ сердецъ его струя,
Пока ихъ нитями не свяжемъ золотыми.
Сплотимся жъ, юные друзья,
Чтобъ къ общему стремиться счастью!
Сильны единствомъ, мыслью, страстью,
Сплотимся, юные друзья!
И счастливъ тотъ, кто въ битвѣ смѣлой
Падетъ среди друзей своихъ,
Чье станетъ мертвенное тѣло
Ступенью къ славѣ для другихъ...
Дружнѣй! Опасный путь и трудъ насъ ожидаетъ,
Помѣха слабости, насилія запретъ;
Но пусть насилье—сила побѣждаетъ,
А съ немощью—борися съ юныхъ лѣтъ!..

Кто въ колыбели гидру обезглавитъ,
Тотъ, юношей, Кентавра побѣдитъ;
Чтобъ жертвъ отнять—и въ адъ онъ путь направитъ,
За лаврами—и въ небо полетитъ.
Стремись же за предѣлъ, доступный слабымъ взорамъ!
Круши и то, предъ чѣмъ безсиленъ разумъ твой!
О, молодость, орломъ летишь ты надъ просторомъ,
Разишь, какъ молнія, могучею рукой!..

Друзья! рука съ рукой, сомкнемся цѣпью длинной
И опояшемъ шаръ земной,
Сольемъ всѣ мысли въ лучъ единый
И станемъ всѣ одной душой!
Мы расколышемъ грудь земную;

Велимъ,—и новыми путями жизнь пойдетъ;
Земля омоетъ плѣсень вѣковую
И, обновившись, зацвѣтетъ...

Изъ хаоса стихій и тьмы первоначальной
Однимъ могучимъ словомъ „будь!“
На предначертанный имъ путь
Былъ брошенъ созданный имъ міръ матеріальный;
И вѣтеръ зашумѣлъ, и рѣки потекли,
И звѣзды синій мракъ ночныхъ небесъ зажгли...

Надъ человѣчествомъ нависла ночь глухая,
Борьбу стихій добра и зла скрывая...
Но вотъ—огнемъ дохнетъ любовь,
Изъ хаоса взойдетъ духовный міръ, сіяя,
И молодость его одѣнетъ въ плоть и кровь,
И дружба вѣчная соединитъ народы...

Безстрастья лёдъ ломаютъ воды;
Рѣдѣетъ предразсудковъ рой...
Привѣтъ тебѣ, заря свободы:
Спасенья солнце за тобой!..

А. Колтоновскій.

БЕЗЪ РОДУ-ПЛЕМЕНИ.

Изъ повѣсти о современныхъ людяхъ.

Vae divilibus!

I.

Съ вечера я спалъ крѣпко, потому что слишкомъ измучился за день, но потомъ мнѣ стало сниться, что я иду по какимъ-то станціоннымъ дворамъ и запаснымъ путямъ, среди паровозовъ и вагоновъ, ищу мужа Зины и хочу непремѣнно убѣдить его, что я вовсе не врагъ ему. Я любилъ Зину, но теперь не думаю о себѣ, желаю только ея счастія и питаю къ ней самую искреннюю дружбу. Казалось даже, что я говорилъ ему это, но онъ все уходилъ отъ меня и я плохо его видѣлъ, а расположеніе мое къ Зинѣ возростало, все кругомъ темнѣло, странно вытягиваясь коридоромъ, и вотъ этотъ корридоръ — слабоосвѣщенный, насквозь видный рядъ вагоновъ—уже бѣжитъ, дрожа подо мною, и какая-то стройная и красивая дѣвушка, перебивая мои слова веселымъ шепотомъ, зоветъ и уводитъ меня за руку все дальше по узкому корридору поѣзда.

— Зина!—умоляюще и робко говорю я, замирая отъ жуткой радости... Она на ходу оборачивается съ странной и веселой улыбкой, отъ которой у меня сжимается сердце, таинственно говоритъ мнѣ: „Погоди!“ и идетъ дальше. Но я уже едва поспѣваю за нею, въ поѣздѣ темнѣетъ, вагоны разростаются и бѣгутъ, увлекая меня за собою,—падаютъ все ниже и ниже, точно сама земля падаетъ подъ ними по наклону, и радость, страсть и отчаяніе достигаютъ во мнѣ такого напряженія, что я дѣлаю послѣднее усиліе крикнуть—и просыпаюсь!

Такъ начался этотъ день. Очнувшись, я шумно вздохнулъ и долго глядѣлъ неподвижнымъ взоромъ, точно изумленный спокойнымъ видомъ комнаты. Давно день, ставни открыты и на часахъ—половина десятаго... Волненіе сна таетъ и уступаетъ мѣсто трез-

вому сознанію дѣйствительности. Какой вздоръ снился мнѣ! И что̀ это напоминаетъ онъ непріятное и какъ будто неестественное? Ахъ, да! Зина повѣнчалась вчера съ Богаутомъ... Значитъ, несомнѣнно, что я пережилъ эту долгую и тяжелую болѣзнь, и что моему роману—форменный конецъ!

Вотъ теперь я ужъ твердо вѣрю въ это. Правда, я давно все зналъ, но тѣмъ не менѣе аккуратно продолжалъ ходить къ Соймоновымъ. Сегодня четвергъ,—значитъ, это было въ воскресенье... Смѣшно, какъ все это вышло неожиданно! Я думалъ мирно провести вечеръ въ семьѣ, къ которой уже привыкъ. И вдругъ—темнота и тишина во всемъ домѣ, Александръ Данилычъ одинъ сидитъ въ темномъ кабинетѣ, усиленно куритъ, задыхаясь болѣе обыкновеннаго, и говоритъ мнѣ, какъ только я появляюсь на порогѣ, неестественно равнодушно:

— А Катерина Семеновна съ Зиной по лавкамъ поѣхали.

И, попыхтѣвъ, продолжаетъ иронически:

— Великое переселеніе народовъ, что называется... Къ семейному торжеству готовимся... Нынче, знаете, весьма скоропалительно выходятъ эти исторіи. И все поскорѣй, на дѣловой ладъ—и до свиданія!

Онъ хочетъ смягчить свои слова ироніей, но я понимаю его и стараюсь только объ одномъ—получше попадать ему въ тонъ, чтобы поскорѣе и поприличнѣе уйти.

И я ушелъ, пришибленный, точно выгнанный изъ дому. Чтобы заглушить чувство боли, я усиленно развивалъ въ себѣ злобу и презрѣніе къ этимъ свадебнымъ приготовленіямъ. Я бродилъ по городу, и когда однажды встрѣтилъ жениха, проѣхавшаго съ какими-то картонками въ колескѣ, остановился и расхохотался. Катается, дуракъ, на чужихъ лошадяхъ и доволенъ! какъ домой, является въ чужую семью и не стыдится этихъ портнихъ и бѣлошвеекъ, завалившихъ всѣ комнаты матеріями и выкройками! Не стыдится и она,—даже весела и счастлива... Какое ей дѣло до моихъ каверзныхъ улыбокъ и моего страданія?.. А потомъ—сумерки, освѣщенная церковь, суета около паперти. Подкатываютъ кареты, и щеголь-приставъ горячится, чтобы сохранить порядокъ въ этой церемоніи... И церемонія совершится въ образцовомъ порядкѣ!

Но даже попытки злиться не удавались мнѣ. Я, какъ во снѣ, ходилъ на службу, и однѣ и тѣ же мысли о Зинѣ, о свадьбѣ дурманили мнѣ голову. А тутъ еще Елена! Чѣмъ я виноватъ, что она неравнодушна ко мнѣ? Я знаю, что она одинока, измучена бѣганьемъ по урокамъ, что она бросила семью и живетъ впроголодь, но зато у нея есть цѣли и надежды, мечты о курсахъ, о наукѣ и какой-то хорошей жизни. У меня нѣтъ пока никакихъ

цѣлей, и вольно же ей было мечтать увлечь и меня за собою! Всегда такая бодрая и веселая, она странно измѣнилась за послѣднее время. То грустно-ласкова со мной, то хмурится, точно ей больно. А когда я рѣзко заявилъ ей третьяго дня о своемъ отъѣздѣ, она вспыхнула, взглянула на меня изумленными глазами, потомъ неловко и кротко улыбнулась и, едва выговоривъ: до свиданья,—ушла... Я разсѣянно посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Но вотъ эти сумерки наступили, и я очнулся. Я минута за минутой пережилъ въ воображеніи все, что̀ должно происходить въ церкви, и жгучая злоба, ревность и даже почему-то страсть къ Зинѣ разрывали мнѣ сердце. Я плакалъ и кого-то умолялъ сжалиться надо мною. Если бы вошла она въ эту минуту! Я обезумѣлъ бы отъ счастья, цѣловалъ бы ея ноги!.. Иногда я порывался бѣжать къ ней и у нея искать спасенія отъ моей скорби. Но она-то и мучила меня! Выхода не было, и я метался по своей комнатѣ... Потомъ острая боль стала замирать. Совсѣмъ стемнѣло; затихающій гулъ соборнаго колокола медленно и ровно раскачивался надъ городомъ. Я зналъ, что все уже кончилось тамъ, въ церкви. Острую боль замѣнила тупая, скучная, и я крѣпко заснулъ.

Вотъ опять день, но мнѣ теперь легче. И какъ хорошо, что я проснулся! То, что̀ снилось, такъ странно слилось со всѣмъ пережитымъ за послѣднее время. Но это—послѣдній отголосокъ его. Надо вставать, собираться и куда-нибудь уѣхать...

Только неужели я больше не увижу ее? И что мнѣ дѣлать съ Еленой?

II.

— Панычу!—раздался голосъ Одарки за дверью,—уже можно нести самоваръ?

— Черезъ пять минутъ!—крикнулъ я лѣниво. Собственно говоря, хорошо не то, что я проснулся, а что кончились эти сновидѣнія. Заснуть спокойно и глубоко было бы такъ отрадно! Но сонъ не приходитъ. Надо, значитъ, подыматься.

Я долго мылся холодной водой, потомъ, не спѣша, сталъ одѣваться, что-то обдумывая, въ чемъ и самому себѣ не могъ бы дать отчета. За стѣной малороссійской скороговоркой ругалась на кухарку хозяйка. Мимо окна мягко прокатилъ по немощеной мостовой извозчикъ, и, стуча сапогами по деревянному тротуару, прошли два семинариста. Мнѣ бы тоже давно пора идти—на службу, но я уже второй день бросилъ думать о службѣ и, конечно, не пойду и сегодня.

— Вы жъ, панычу, справди уѣдете сёгодня?— спросила Одарка, входя въ комнату съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ.

— Что?—машинально проговорилъ я и, помню, долго глядѣлъ на нее безъ отвѣта... Да,—думалъ я,—Зина непремѣнно уѣдетъ сегодня съ мужемъ въ Крымъ. Значитъ, мнѣ тоже надо уѣхать отсюда...Что мнѣ дѣлать теперь въ этомъ скучномъ и постыломъ городишкѣ? Пора, наконецъ, начать болѣе спокойную жизнь!

— Я вечеромъ уѣду,—отвѣтилъ я твердо и почти сердито.— Непремѣнно!

И какъ только Одарка скрылась, рѣшительно заварилъ чаю, привелъ въ настоящій порядокъ свой туалетъ и нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ, оглядывая, съ чего начать сборы въ дорогу. Но вдругъ дверь снова распахнулась.

— Письмо-съ,—проговорилъ внезапно появившійся на порогѣ почтальонъ, бойко приложилъ къ козырьку руку и скрылся.

Я быстро схватилъ письмо—и мгновенно разочаровался. „Пожалуйста, не уходи никуда завтра. Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой. Е. Добронравова". „Какое бабье письмо!" подумалъ я почти со злобой. Не уходи, серьезно поговорить! Совершенно не понимаю, что я могу сказать ей! Мнѣ жаль ея, но чѣмъ я виноватъ въ этомъ глупомъ стеченіи обстоятельствъ?

«Красавицу юноша любитъ,
А ей полюбился другой,
Другой этотъ любитъ другую...»

Но это старая исторія!

Взволнованный, я кинулъ письмо на столъ и опять опустился въ кресло.

День облачный, вѣтреный—стоитъ уже конецъ сентября—и вѣтеръ проноситъ по улицѣ пыль и листья. Въ открытую форточку долетаетъ тревожный шумъ тополей. Улица, гдѣ я такъ однообразно провелъ почти два года,— безлюдная, тихая и вся въ деревьяхъ. Деревья на бульварѣ и около тротуаровъ—старыя и развѣсистыя. Теперь они шумятъ сухой листвою; вѣтеръ гонитъ облака пыли и качаетъ ихъ изъ стороны въ сторону... А пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ теплые апрѣльскіе дня, они кудрявились нѣжной, мелкой зеленью, голубое небо сіяло между ихъ вершинами, и я бродилъ подъ ними по мягкой, влажной землѣ, чему-то радуясь и улыбаясь!

Пять мѣсяцевъ... И мнѣ хочется твердо и опредѣленно сказать себѣ, что я очень глупо провелъ эти пять мѣсяцевъ. Убѣдить себя въ этомъ мнѣ тѣмъ легче, что я не только не люблю Зины теперь, но даже со стыдомъ вспоминаю свое униженное положеніе передъ нею и все, что такъ откровенно говорилъ ей.

Я очень ясно вижу теперь, что мой романъ оказался довольно-таки ничтожной исторіей.

Знакомство состоялось въ мартѣ. Незадолго передъ тѣмъ у насъ образовался „музыкально-драматическій кружокъ", и я самъ написалъ объ этомъ событіи корреспонденцію въ „Лѣтопись Юга". Корреспонденціи увеличиваютъ мое жалованье въ земской управѣ рублей на восемь, на десять въ мѣсяцъ, и я аккуратно сообщаю въ „Лѣтопись" обо всѣхъ выдающихся городскихъ событіяхъ. Съ кривой улыбкой, я пишу газетнымъ жаргономъ о положеніи народной столовой и чайной, о полковыхъ праздникахъ, о дамскомъ благотворительномъ кружкѣ, о домѣ трудолюбія, гдѣ бѣдные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены подъ конецъ этой жизни выполнять идіотскую работу—трепать, напримѣръ, мочало... Пишу о томъ, что сельскохозяйственное общество „заслушало" и „передало въ коммиссію" чрезвычайно любопытный докладъ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу объ урегулированіи свиноводства", и тутъ же добавляю, что „нельзя не отмѣтить и другого отраднаго факта: въ средѣ мѣстнаго интеллигентнаго общества, по иниціативѣ ея превосходительства, супруги начальника губерніи, возникла благая мысль организовать въ нашемъ богоспасаемомъ городкѣ кружокъ съ цѣлью проведенія въ жизнь и доставленія публикѣ здоровыхъ и разумныхъ развлеченій..." Съ той же улыбкой я отправился и въ дворянскій клубъ, на одинъ изъ вечеровъ „кружка", въ качествѣ скрипача, участвующаго въ концертѣ. Я предчувствовалъ, что ничего не выйдетъ путнаго изъ моихъ посѣщеній клуба.

Люди, къ которымъ я принадлежу и которые называются у насъ интеллигенціей (безъ ироніи, въ отличіе отъ „обывателей"), совсѣмъ не умѣютъ „держать себя". Не умѣю и я. Заставь меня разговаривать съ коммерсантомъ, съ военнымъ, съ протопопомъ, съ чиновникомъ—я окажусь въ непріятномъ положеніи. Я не съумѣю поддѣлаться подъ его тонъ, не съумѣю провести съ нимъ какъ слѣдуетъ даже часа. Такъ было и со мной на вечерахъ „кружка".

Утомленный однообразной зимней жизнью—службой, обѣдами въ кухмистерской и скучными вечерами въ своей студенческой комнаткѣ, гдѣ всегда пахнетъ дешевымъ глицериновымъ мыломъ и гдѣ вся мебель состоитъ изъ стола, кровати, двухъ-трехъ стульевъ и плетеной корзины,—я былъ возбужденъ „господской" атмосферой клуба. Я былъ доволенъ, что меня знакомятъ съ семьями вице-губернатора и предсѣдателя суда, съ чиновниками особыхъ порученій и съ богатымъ молодымъ помѣщикомъ Вечесловымъ, который такъ хорошо играетъ въ любительскихъ спектакляхъ... Всѣ они такіе свѣжіе, бодрые и всѣ хотятъ незамѣтно обласкать тебя, обращаясь „совсѣмъ какъ съ своимъ". Въ клубѣ—

свѣтло, просторно, зеркала, бархатная мебель, пахнетъ дорогимъ табакомъ и оживленно идетъ говоръ. А главное, я не чувствую себя лишнимъ на этотъ разъ: я съигралъ, какъ настоящій скрипачъ, одну вещь грустную, нѣжную, похожую на колыбельную пѣсенку, а другую—бойкую, въ темпѣ мазурки, съ рѣзкими ударами смычка и pizzicato, т. е. исполнилъ все, что по шаблону полагается сыграть скрипачу на концертѣ, и былъ одобренъ.

Словомъ, первые вечера въ клубѣ прошли недурно. Но на слѣдующихъ я уже безпріютно ходилъ изъ комнаты въ комнату, чѣмъ-то возбужденный и не находя исхода своему волненію. Вотъ тутъ-то и состоялось мое знакомство съ Соймоновыми.

Всѣ они мнѣ понравились: и самъ докторъ, пожилой человѣкъ, похожій на помѣщика, съ одышкой и съ такимъ видомъ, словно онъ объѣлся, и его жена, болтливая, молодящаяся grande dame, и ея падчерица, Зина, высокая, красивая дѣвушка съ чудными темносиними глазами и длинными рѣсницами.

— Зиночка, матушка! Что это ты сидишь такая сонная?— сказалъ Александръ Данилычъ, подводя меня къ дочери.—Я вотъ тебѣ еще жениха привелъ. Посмотри—можетъ, понравится.

— Ну, садитесь и разсказывайте,—проговорила Зина. Она улыбнулась и красиво подняла рѣсницы, но только на мгновеніе перевела глаза на меня, а потомъ снова стала глядѣть въ сторону, сидя прямо и машинально играя вѣеромъ.

Я не обратилъ на это вниманія и спросилъ весело:

— Съ чего же начать прикажете?

— Въ качествѣ жениха — съ того, кто вы такой, откуда, почему?..

— Зовусь Магометомъ я,—сказалъ я, съ шутливой грустью опуская глаза.—Я потомокъ бѣдныхъ Азровъ...

— Полюбивъ, мы умираемъ?—добавила Зина. Потомъ пристально и задумчиво посмотрѣла на меня.

— Вы не декадентъ?—спросила она и опять отвела глаза въ сторону.—Не пишете о фіолетовыхъ страданіяхъ?

— Развѣ Азры были декадентами?

— Но вѣдь вы ихъ потомокъ.

— Все-таки не понимаю, почему я долженъ быть декадентомъ.

— Я шучу,—сказала Зина серьезно,—у васъ такое лицо... Да вы и не обижайтесь. Я сама иногда думаю, что я декадентка. „Чего хочу, сама не знаю“...

— Вѣроятно, это можно же узнать въ концѣ концовъ?

— Вѣроятно... Жизни, должно быть...

— Это еще не декадентство.

— Все равно, теперь вещи въ родѣ этого всѣ носятъ такую кличку...

— Ну, а лицо-то у меня какое же?

— Лицо? Мнѣ кажется, вы могли бы умереть, полюбивъ, но бѣда въ томъ, что вы, вѣроятно, никого не полюбите.

Я былъ задѣтъ за живое, но сдержалъ себя и сталъ говорить полушутливымъ тономъ:

— Можетъ быть... Вы, пожалуй, сказали горькую правду. Кого намъ любить?

— Кому это вамъ?—перебила Зина.

— Людямъ въ родѣ меня,—отвѣтилъ я уклончиво.—Обществу праздныхъ и обезпеченныхъ людей, гдѣ могъ бы процвѣтать культъ любви, мы чужды... да едва ли въ состояніи удовлетвориться такимъ обществомъ. Правда, мы тоже захвачены этой пробудившейся всюду жаждой жизни, красоты, поэзіи, даже комфорта, но пользоваться этимъ мы еще конфузимся, да ничего этого у насъ и нѣтъ. А къ этому надо прибавить еще то, что въ сферѣ любви что-то совершается, что-то назрѣваетъ новое. Вы замѣтьте: теперь совсѣмъ не пишутъ о любви; пишутъ о любви или такъ, для проформы, сѣро и безцвѣтно, или же совсѣмъ въ низкомъ тонѣ—только о чувственности...

— Виновата,—вдругъ сказала Зина небрежно.—Мнѣ нужно подойти къ тетушкѣ.

И она съ привѣтливой и радостной улыбкой пошла навстрѣчу старухѣ, сопровождаемой бѣлокурымъ и женственнымъ молодымъ человѣкомъ,—старухѣ съ лошадинымъ лицомъ и совиными глазами, которые посмотрѣли на меня очень удивленно. Я опять почувствовалъ себя лишнимъ и надулся. А когда Зина вернулась ко мнѣ, началъ притворно-лѣниво и очень некстати глумиться надъ жандармскимъ полковникомъ (человѣкомъ съ сизымъ и злымъ лицомъ обыкновеннаго военнаго типа), надъ любительницей-пѣвицей, пожилой, некрасивой и сильно декольтированной дѣвушкой, надъ віолончелистомъ...

— Посмотрите,—говорилъ я,—какой онъ маленькій, молоденькій и головастый. Типичный музыкантикъ. Лицо—конфектное, но зато волосы совсѣмъ какъ у Рубинштейна. И вѣдь я знаю, что онъ вовсе не юноша. А такъ—„маленькая собачка до-вѣку щенокъ“...

— А это кто, не знаете?—продолжалъ я, все болѣе раздражаясь и въ тоже время все болѣе ощущая женственное обаяніе Зины.—Вотъ тотъ пожилой господинъ съ артистической наружностью и лицомъ алкоголика? Посмотрите, какъ у него запухли глаза и какъ онъ смотритъ всегда—точно сонный, съ холоднымъ презрѣніемъ. Это настоящій клубный посѣтитель, и про него непремѣнно говорятъ, что онъ—умница, золотая голова, только спился, опустился и долженъ всѣмъ...

— Это Алексѣй Алексѣевичъ Бахтинъ, мой дядя,—отвѣтила Зина съ неловкой улыбкой...

III.

Зачѣмъ вспоминать все это подробно? Послѣ нашего перваго разговора съ Зиной почти ничего не измѣнилось за всѣ пять мѣсяцевъ. Я началъ часто бывать у Соймоновыхъ и Зина сперва радовалась мнѣ. Мы даже говорили другъ другу, что мы—большіе друзья, но что-то мѣшало нашей дружбѣ. Это я чувствовалъ больше всего, когда у Соймоновыхъ собирались гости. Да и вообще наши разговоры—даже наединѣ, въ отсутствіи этихъ бѣлокурыхъ молодыхъ людей изъ суда—не удовлетворяли меня. Наступили свѣтлые апрѣльскіе дни, и я все чаще сталъ упрашивать Зину отправиться куда-нибудь за городъ, въ степь... Мнѣ казалось, что я все скажу ей тамъ... Но она неизмѣнно отвѣчала:

— Я вовсе не хочу, чтобы мы сдѣлались басней города. Вотъ соберемся какъ-нибудь компаніей. Вы вѣдь, все равно, знаете, что я только для васъ поѣду.

И я ограничивался тѣмъ, что провожалъ ее въ лавки или въ народную чайную, гдѣ она, въ числѣ другихъ дамъ-покровительницъ, дежурила по пятницамъ. А вечеромъ я одинъ уходилъ за городъ, къ вокзалу за рѣку, или въ городской садъ, гдѣ еще не началась лѣтняя ресторанная жизнь.

По вечерамъ въ саду совсѣмъ никого не было. Чистый весенній воздухъ холодѣлъ на закатѣ, и въ пустынномъ, еще черномъ саду казалось, что стоитъ ясный октябрьскій вечеръ. Только первыя алмазныя звѣздочки по весеннему, ласково теплились надъ вершинами деревьевъ и соловьи въ чащахъ уже пробовали свои голоса. Рѣзко пахло пробивавшейся изъ земли травкой и самой землею—холодной и влажной. И я до полной усталости ходилъ въ пустынныхъ аллеяхъ и по дорожкамъ, засыпаннымъ прошлогодней слежавшейся листвою... Дома же я до поздней ночи игралъ у раскрытаго окна на скрипкѣ элегіи, и скрипка звонко и жалобно пѣла въ чистомъ ночномъ воздухѣ, въ ладъ съ моимъ сердцемъ.

Потомъ было одно время, когда Зина рѣзко измѣнилась ко мнѣ. Въ срединѣ мая управа назначила экстренное земское собраніе, и подготовительныя управскія работы къ собранію около двухъ недѣль не позволяли мнѣ ходить къ Соймоновымъ. И вотъ какъ-то въ воскресенье я сидѣлъ въ своей комнатѣ и спѣшилъ окончить кое-какія статистическія выкладки, чтобы передъ вечеромъ можно было отправиться къ Зинѣ. Съ самаго утра перепадалъ теплый,

веселый дождикъ, и обмытая имъ майская зелень и самый воздухъ, казалось, молодѣли отъ него. Громъ рокоталъ то въ той, то въ другой сторонѣ, но поминутно, между клубами дымчатыхъ и бѣлыхъ облаковъ, вздымавшихся по небу, сіяла яркая, чистая лазурь и выглядывало жаркое солнце... Я засмотрѣлся въ окно, на голубыя лужи подъ деревьями, какъ вдругъ мимо окна быстро прошла Зина. Съ минуту я сидѣлъ неподвижно, изумленный ея появленіемъ, потомъ схватилъ шляпу и кинулся на улицу... Ахъ, какой это былъ славный и веселый день!

— Мнѣ было грустно безъ васъ,—говорила Зина смущенно, но улыбаясь,—я сама, наконецъ, рѣшилась идти къ вамъ.

И я въ упоеніи цѣловалъ ея руки и не зналъ, что сказать ей отъ счастья...

А потомъ я не зналъ, что сказать, отъ сомнѣній. Я по цѣлымъ ночамъ обдумывалъ на тысячи ладовъ, что можетъ выйти изъ моего брака съ Зиной, и приходилъ къ неутѣшительнымъ заключеніямъ. „Мы разные люди,— думалъ я,—она даже мало интеллигентна. Наконецъ, у нея ничего нѣтъ, и куда я возьму ее? Въ эту комнату?“

И потянулись томительные вечера, которые я неизмѣнно проводилъ у Соймоновыхъ. Что-то мѣшало мнѣ высказаться передъ Зиной. Я потерялъ, выражаясь вульгарно, удобный моментъ. Да и было ли что высказывать? Любилъ ли я ее?

Помню, въ одинъ холодный и дождливый вечеръ мнѣ было особенно скучно. Зина что-то вязала, я перелистывалъ журналъ. Стихотвореніе Леконта де-Лиля, которое я нашелъ въ немъ, чрезвычайно совпало съ моимъ настроеніемъ, и я сталъ читать, едва сдерживая слезы:

Укоръ ли намъ неся, прощальный ли привѣтъ,
Какъ дальнихъ волнъ прибой, осенній вѣтеръ стонетъ
И вдоль пустыхъ аллей деревья грустно клонитъ,
О, солнце,—а на нихъ твой свѣтъ, кровавый свѣтъ...

Изъ славныхъ ранъ твоихъ, родникъ и свѣточъ дня,
Какъ изъ груди бойца потокъ любви высокой,
Струится золото лучистое широко...
Ты умираешь... Ахъ, лишь ночь—вотъ смерть твоя!

Но сердцу, что въ конецъ разбито, сердцу кто же
Вернетъ и жизнь, и свѣтъ, вернетъ надежду, Боже?

— Не правда ли, какъ хорошо?—спросилъ я.

— Да, красиво,—отвѣтила Зина машинально.

— А по моему,—сказалъ Александръ Данилычъ,—все это „собачья старость“ и больше ничего.

Зина звонко и весело расхохоталась...

А тутъ у Соймоновыхъ почти каждый день началъ бывать помощникъ присяжнаго повѣреннаго Богаутъ, молодой человѣкъ, здоровый и жизнерадостный, какъ нѣмецъ, всегда со всѣми любезный и ласковый. Я же сталъ проводить вечера въ обществѣ Елены, милой и простой дѣвушки, типичной курсистки изъ духовнаго званія. Мы ѣли съ ней колбасу, пили чай и слушали у окна музыку военнаго оркестра, доносившуюся изъ городского сада. Съ Еленой мнѣ было легко и хорошо, я по цѣлымъ часамъ могъ жаловаться ей на свою участь и цѣловалъ у ней руки. Но что, кромѣ этого, я могъ сказать ей? И какъ быстро разочаровалась бы она во мнѣ!

Мнѣ мучительно жаль ея теперь, но я долженъ во что бы то ни стало избѣгнуть этого послѣдняго свиданія!..

IV.

Въ надеждѣ, что она придетъ какъ разъ въ мое отсутствіе, я отправляюсь въ кухмистерскую обѣдать.

Въ самомъ дѣлѣ, какой скучный день! Прохожихъ мало, извозчики у перекрестковъ дремлютъ. Бѣлые каменные дома въ пыли. Вѣтеръ несетъ по мостовой эту бѣлесую пыль и шуршитъ на бульварахъ тощими и почернѣвшими акаціями... Вотъ присутственныя мѣста на площади, вотъ главная улица. Тутъ больше прохожихъ и проѣзжихъ, около магазиновъ тѣснятся экипажи... Мнѣ же все кажется, что въ городѣ—праздникъ, потому что Зина вчера повѣнчалась и сегодня дѣлаетъ съ мужемъ визиты... Шибко прокатилъ на парѣ сѣрыхъ, бойкихъ и злыхъ лошадей полиціймейстеръ. Пристяжная круто отвернула отъ коренника голову, кучеръ—въ струну, а самъ полиціймейстеръ весело оглядывается, по офицерски заложивъ руки въ карманы. Это онъ къ Соймоновымъ, должно быть... И я безсознательно прибавляю шагу; сердце забилось сильнѣе, и тянетъ хоть еще разъ взглянуть на нее...

Но зачѣмъ?

И преодолѣвъ себя, я сворачиваю на тихую Старо-Замковую улицу, гдѣ уже второй годъ обѣдаю въ польской „кондитерской".

Я быстро подошелъ къ дверямъ—и внезапно струсилъ А если тутъ Елена? Вѣдь часто случалось, что мы обѣдали вмѣстѣ. Мо-

случиться и сегодня...

ерѣшимости я прошелъ мимо оконъ, заглянулъ въ столовую.

овой пусто,—значитъ, можно идти смѣло...

облегченнымъ сердцемъ я взялся за ручку двери.

невеселыя мысли и тутъ преслѣдовали меня. Знаете вы этихъ

забитыхъ трудомъ и бѣдностью старушекъ, которыя встрѣчаются иногда на улицахъ, въ кухмистерскихъ и присутственныхъ мѣстахъ въ дни выдачи пенсій? Почему-то всѣ онѣ маленькаго роста, ходятъ въ старенькихъ бурнусахъ и убогихъ шляпкахъ, смотрятъ на все робкими, недоумѣвающими глазами и возбуждаютъ мучительную жалость своимъ покорнымъ видомъ... Какъ нарочно, и сегодня одна изъ нихъ тутъ.

Я старался глядѣть только въ тарелку, но не могъ забыть о своей сосѣдкѣ. Вѣрно, думалось мнѣ, она даетъ уроки языковъ или музыки, живетъ одна въ маленькой, чистой комнаткѣ, гдѣ горитъ лампадка въ часы ея недолгаго отдыха, когда темнѣетъ субботній вечеръ и тихо рѣетъ надъ городомъ звонъ ко всенощной... Но чувствуетъ ли она, какъ горько на старости лѣтъ, безъ семьи, безъ близкихъ, отдыхать только въ субботній вечеръ? Знаетъ ли она, какъ тяжело глядѣть на нее, когда плетется она въ своемъ старенькомъ бурнусѣ съ урока въ кухмистерскую или вечеромъ въ лавочку за осьмушкой чаю? А главное, не приходитъ ли ей въ голову, что между нами есть что-то общее?

Эта мысль злитъ меня, я знаю, что глупо разжалобливать себя, и все-таки невеселыя думы и воспоминанія вереницей проходятъ въ моей головѣ. Я спѣшу домой и усердно принимаюсь за уборку вещей въ дорогу. Но какія же у меня вещи?

Я открылъ корзину, въ которой въ безпорядкѣ навалено бѣлье, выдвинулъ изъ подъ кровати чемоданъ съ письмами, бумагами и нотами—и опустилъ руки.

Тутъ всѣ мои воспоминанія. Этотъ чемоданъ — мой старый товарищъ. Въ первый разъ онъ отправился со мной въ путешествіе еще тогда, когда я только что „вступалъ въ жизнь“, т. е. ѣхалъ на югъ, въ университетскій городъ.

Удивительно живо я помню эти дни въ пути! Помню даже, какъ смотрѣлся въ зеркало на вокзалѣ въ Курскѣ и думалъ, что я похожъ на Шопена; помню, какъ по вагону ходили полосы свѣта и тѣни—отъ яркаго мартовскаго солнца и клубовъ дыма, плывущихъ мимо оконъ. Снѣжныя поля блестѣли золотой слюдой, сіяющая даль манила къ югу, къ чему-то молодому и веселому... А потомъ—большой, шумный городъ, весна, во всемъ что-то нѣжное, легкое, южное... Сѣверный уѣздный городокъ, гдѣ осталась моя семья, разорившаяся помѣщичья семья, былъ отъ меня далеко, и я не понималъ тогда, что потерялъ послѣднюю связь съ родиной,—именно послѣднюю. Развѣ есть у меня теперь родина? Если нѣтъ работы для родины, нѣтъ и связи съ нею.

Общество переживало тогда глухое время. Старшіе братья сыграли свою роль и разбрелись по бѣлу-свѣту. Младшіе—одни не хотѣли, другіе не чувствовали себя въ силахъ продолжать ихъ

оборвавшуюся дѣятельность. Общественная жизнь замерла... И для меня потянулись одинокіе дни, безъ дѣла. безъ цѣли въ будущемъ и почти въ нищетѣ. Вѣдь у меня нѣтъ даже и этой связи съ родиной—своего угла, своего пристанища. И я быстро постарѣлъ, вывѣтрился нравственно и физически, сталъ бродягой въ поискахъ работы для куска хлѣба; а свободное время посвятилъ меланхолическимъ размышленіямъ о жизни и смерти... Такъ сложился мой характеръ и такъ просто прошла моя молодость.

Собственно говоря, и вспоминать-то нечего. А все-таки при взглядѣ на этотъ истрепанный чемоданъ я опускаю руки, подавленный воспоминаніями. Каждый разъ, какъ мнѣ приходится укладывать въ него мой скарбъ, я говорю себѣ: вотъ еще невозвратно прошло столько-то лѣтъ; еще часть моей жизни оторвана... И мнѣ больно говорить это себѣ. Вспоминаются одинъ за другимъ дни, проведенные въ этой комнатѣ,— дни, полные моихъ неопредѣленныхъ надеждъ и мечтаній, и кажется, что было въ нихъ что-то молодое и хорошее. Вспоминаются и далекіе дни, тѣ, что рисуются мнѣ словно въ туманѣ. О нихъ говорятъ связки писемъ. Вотъ письма родныхъ, которые гдѣ-то тамъ, на сѣверѣ, все еще ждутъ меня къ праздникамъ и грустятъ обо мнѣ съ нѣжною любовью, какъ о мальчикѣ... Вотъ письма первой любви, первыхъ товарищей... И при взглядѣ на каждое изъ нихъ у меня сжимается сердце...

Рѣзкій звонокъ заставилъ меня быстро вскочить съ кресла и кинуться къ шляпѣ. Елена! И я заметался по комнатѣ, готовый даже пригнуть въ окошко. А между тѣмъ уже слышенъ ея голосъ:

— Дома Сергѣй Николаевичъ?

— Дома, дома, заходить, пожалуйста!

Я распахнулъ дверь, пробѣжалъ черезъ кухню, оттуда — по двору къ калиткѣ и, пока Елена была въ домѣ, успѣлъ повернуть за уголъ... У меня какой-то нелѣпый страхъ въ этимъ „серьезнымъ разговорамъ“.

V.

До поздняго вечера я бродилъ за городомъ.

Кругомъ было поле, безжизненное, унылое. Наплывали угрюмыя тучи, вѣтеръ усиливался и сухой бурьянъ летѣлъ по пашнямъ въ непривѣтную, темную даль. И на душѣ у меня становилось тоже все темнѣе и темнѣе.

Въ смутномъ, волнующемся сумракѣ городского сада я сидѣлъ подъ старыми деревьями на забытой скамейкѣ. Вотъ гдѣ, думалось мнѣ, унынie-то теперь—на кладбищѣ! Развѣ въ смерти есть что-

нибудь ужасное, сильное? Смерть—ничто, пустота. И только однимъ этимъ и пугаетъ насъ смерть. И на кладбищѣ также: сумерки, ни души кругомъ; могилы и могилы, заросшія травою; трава теперь высохла, пожелтѣла и тихо шелеститъ отъ вѣтра.

— А гдѣ Елена?—приходило мнѣ иногда въ голову внезапно.—Вѣдь она совсѣмъ одна и въ безнадежной тоскѣ ждетъ ночи... Можетъ быть, она тутъ гдѣ-нибудь,—въ саду?

Я вдругъ вспоминаю слова пріора Гейстербаха о вѣтреныхъ днахъ и душахъ повѣсившихся людей и въ испугѣ поднимаюсь со скамьи. Зачѣмъ я такъ подло и трусливо спрятался отъ нея? Зачѣмъ не поговорилъ съ ней? Хотя, съ другой стороны, что же я могъ сказать ей? Это все равно, что мнѣ отправиться сейчасъ къ Зинѣ... Да и нельзя отправиться... Пять часовъ, она уѣхала...

Я опять сажусь и пристально гляжу въ одну точку, стараясь охватить то, что̀ творится въ моей душѣ.

Звѣзды въ мутномъ небѣ свѣтятъ блѣдно и сумрачно. Вѣтеръ поднимаетъ пыль на дорожкахъ почти темнаго сада, и съ деревьевъ сыплются листья. Точно напряженный шепотъ, не смолкаетъ надо мною порывисто усиливающійся шумъ и шелестъ деревьевъ. А когда вѣтеръ, какъ духъ, какъ живой, убѣгаетъ, кружась, въ дальнія аллеи, старые тополи гудятъ тамъ такъ угрюмо, что становится жутко. Гулъ ихъ вершинъ грустно сливается съ моимъ настроеніемъ, и старыя грустныя сравненія приходятъ въ голову... Какъ вѣтеръ листьями, играетъ жизнь моею судьбою, и я не виноватъ, что не могу открытой грудью встрѣтить бурю жизни!

Когда я, наконецъ, рѣшилъ вернуться домой, была уже ночь. Подавленный тоской, подгоняемый вѣтромъ, я безсильно брелъ по улицамъ. Вотъ и нашъ домишко ярко свѣтитъ окнами въ черномъ мракѣ подъ деревьями. Кругомъ шумъ вѣтра и листьевъ, а тамъ затишье, и сухія вѣтки плюща, какъ во снѣ, качаются надъ окномъ моей комнаты. Въ ней, за стеклами, спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ горитъ лампа... Куда же я ѣду? Кто гонитъ меня въ эту неизвѣданную даль, гдѣ полутемный поѣздъ, одинокая ночь и долгій, замирающій, точно прощальный, стонъ паровоза?

Въ страхѣ я остановился.

— Елена!—хотѣлось крикнуть мнѣ.

И точно по волшебству угадавъ мое желаніе, она неслышно вышла изъ темноты подъ деревьями.

— Можно къ тебѣ?—спросила она деревяннымъ голосомъ.

Я растерялся и смущенно пробормоталъ:

— Конечно... Конечно, можно... Сдѣлай одолженіе...

Въ темнотѣ я долго не могъ попасть ключемъ въ замочную скважину, наконецъ, отворилъ дверь и неестественно-шутливо проговорилъ:

— „Прошу, сказалъ Собакевичъ".

— Я только на минутку,—отвѣтила она сухо, входя въ комнату и не глядя на меня.

Я подвинулъ ей кресло, сѣлъ противъ нея и взялъ ее за руку.

— Снимай,—сказалъ я ласково, указывая глазами на перчатку,—посиди у меня.

Она взглянула на меня, улыбнулась, но вдругъ губы ея дрогнули и на глазахъ показались слезы.

— Елена!—сказалъ я тихо.—Еленочка!

Она не отвѣтила. Я повторилъ свои слова, но уже безъ нѣжности и пожалъ плечами. Что же мнѣ еще сказать ей?

— Елена! — снова началъ я съ раздраженіемъ. — Надо же взять себя въ руки, — прибавилъ я, чувствуя, что говорю глупости.

Она упорно молчала. Зубы ея были стиснуты, въ голубыхъ глазахъ, пристально устремленныхъ на огонь, стояли слезы.

Я съ шумомъ отодвинулъ кресло, быстро застегнулъ на всѣ пуговицы пиджакъ и, заложивъ руки въ его карманы, заходилъ по комнатѣ. Но повернувъ раза два или три, снова бросился въ кресло и, прикрывъ глаза, спросилъ съ холодной насмѣшливостью:

— Что же тебѣ угодно отъ меня?

Она быстро и удивленно взглянула на меня, хотѣла что-то сказать, но вдругъ закрыла лицо руками и разразилась громкими, судорожными рыданіями. И рыдая, комкая къ глазамъ платокъ, заговорила отрывистымъ, крикливымъ голосомъ:

— Ты не смѣешь такъ говорить!.. Какъ ты... смѣ-ешь... когда я... та-акъ... относилась къ тебѣ!.. Ты обманывалъ... Ты только... фамильярничать способенъ!..

— Зачѣмъ ты врешь?—перебилъ я ее,—ты знаешь, что я искренно относился къ тебѣ, по дружески. Но чѣмъ я былъ обязанъ на большее? Какъ это пошло; воображать, что разъ человѣкъ сталъ говорить женщинѣ „ты", это ужъ что-то особенное! Я не хочу вашей любви, я хочу новыхъ, простыхъ отношеній. Если бы ты даже согласась со мной, то почему мы должны быть связаны на всю жизнь? Я путаюсь, но ты понимаешь меня...

— А я не хочу твоей декадентской дружбы,—крикнула Елена и отняла платокъ отъ глазъ.—Что значатъ эти новыя отношенія? Чего ты ломался,—заговорила она, твердо сдерживая рыданія и глядя на меня въ упоръ съ ненавистью.—Почему ты вообразилъ, что со мной только и можно было, что болтать ерунду? Чѣмъ я хуже тебя? Ты не смѣешь думать, что я навязываюсь тебѣ... Но я *такъ* спрашиваю: почему ты мысли даже не допускалъ, чтобы я осталась съ тобой? Я одна, меня ждетъ ужасная жизнь гдѣ-нибудь въ сельскомъ училищѣ, и я пойду туда, но я тоже чело-

вѣка... А ты... ты даже вообразить не можешь, какъ я ненавижу васъ всѣхъ,—неврастениковъ! Хоть бы каплю совѣсти, хоть бы на іоту что-нибудь для другихъ! Все для себя! Все ждете, что ваша трусливая жизнь обратится въ нѣчто необыкновенное!

— Да,—сказалъ я со злобою, поднимаясь.—Мнѣ дана только одна жизнь и та на какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ пятнадцать ушло на дѣтство и четверть уйдетъ на сонъ. Смѣшно, не правда ли?

Но Елена опять прижала платокъ къ глазамъ и зарыдала съ новой силой.

— И поэтому ты...—заговорила она гадливо.—И потому ты сегодня такъ низко и спрятался отъ меня? Ты опять лжешь, чтобы закрыться пышными фразами...

Я съ неимовѣрной быстротой схватилъ прессъ-папье и со всего размаху ударилъ имъ по столу.

— Уйди!—крикнулъ я бѣшено.

И мгновенно похолодѣлъ отъ ужаса за сдѣланное. Я увидалъ, какъ Елена вскочила, сразу оборвавъ рыданія, и лицо ея рѣзко измѣнилось отъ дѣтскаго страха.

— Сережа!—вырвалось у нея съ невыразимой нѣжностью.

— Уйди!—закричалъ я опять, но уже другимъ—жалкимъ голосомъ, до глубины души пораженный жалостью.

Она распахнула дверь, и вѣтеръ, какъ шалый, со стукомъ рванулъ къ себѣ раму, съ шелестомъ и шумомъ деревьевъ ворвался въ комнату и мгновенно уничтожилъ свѣтъ лампы. Я упалъ на постель, уткнулся лицомъ въ подушку и заскрежеталъ зубами, упиваясь своею скорбью и своимъ отчаяньемъ. Тополи гудѣли и бушевали во мракѣ... Но я точно былъ радъ всему этому. Все равно, все равно!—повторялъ я съ мучительнымъ наслажденіемъ,—пусть бушуетъ вѣтеръ, пусть шумъ деревьевъ, стукъ ставень, чьи-то крики вдали сливаются въ одинъ дикій хаосъ! Жизнь, какъ вѣтеръ, подхватила меня, отняла волю, сбила съ толку и несетъ куда-то въ даль, гдѣ смерть, мракъ, отчаянье!..

А теперь, когда я пишу эти строки, я часто думаю: „Боже мой! Если бы можно было начать жизнь снова, какъ бы я ухватился даже за самую трудную, рабскую жизнь, но радостную въ *какомъ*-нибудь неустанномъ, неусыпномъ трудѣ! Горе слабымъ, *одинокимъ*—и праздным!“

Ив. Бунинъ.

АРНОЛЬДЪ БЁКЛИНЪ.

(Критическій очеркъ).

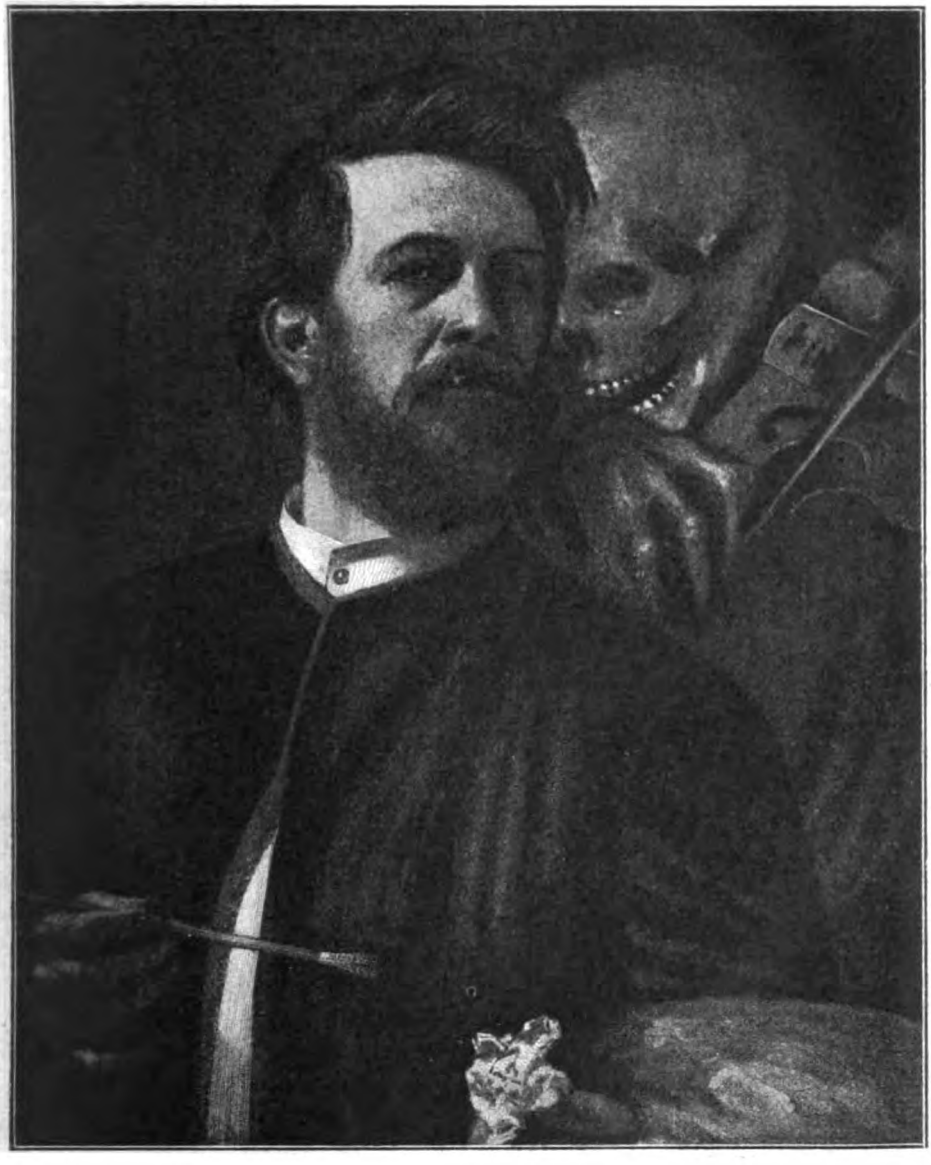
I.

У Арнольда Бёклина есть аллегорическая картина «Поэзія и живопись» *). На мраморномъ подножіи, около фонтана, въ тѣни лавровыхъ деревьевъ, обвитыхъ плющемъ, стоятъ двѣ женскія фигуры. Одна изъ нихъ, бѣлокурая дѣвушка, держитъ въ рукѣ палитру и наклоняется надъ прозрачной водой, чтобы въ ней увидѣть свое отраженіе. Другая, Поэзія, съ вѣнкомъ на черныхъ волосахъ, глядитъ строго, задумчиво на серебряшійся лучъ фонтана, точно прислушиваясь къ ритму падающихъ брызгъ, къ неясному шуму весенней природы... Это изображеніе двухъ сестеръ искусства у одного источника красоты является символическимъ и относительно таланта самого художника.

Несомнѣнно, что Бёклинъ не только большой живописецъ, но также глубокій поэтъ. Во многихъ его картинахъ можетъ быть больше поэзіи, чѣмъ живописи. Бёклинъ не признаетъ формы для формы, цвѣта для цвѣта; не ищетъ пластическаго совершенства. Искусство его не столько *рисуетъ*, сколько *разоблачаетъ*, дѣйствуя намекомъ и настроеніями, открывая сказки тамъ, гдѣ прежде видѣли одну художественность. Оно будитъ наше сочувствіе къ неодушевленному и стихійному, вызываетъ въ насъ цѣлый міръ неразгаданныхъ ощущеній и полузнательныхъ думъ.

Бёклинъ менѣе всего похожъ на импрессіонистовъ, для которыхъ природа лишь рядъ красочныхъ эффектовъ, живописныхъ уголковъ, солнечныхъ пятенъ. Останавливаясь на поверхности, импрессіонисты желаютъ «поймать природу» въ одномъ изъ ея мгновенныхъ превращеній, и поэтому могутъ дѣйствовать (въ лучшемъ случаѣ) только на зрѣніе. Бёклинъ—исповѣдникъ природы. Задача его заключается въ томъ, чтобы досказать на полотнѣ ея неопредѣленную мысль, чтобы выразить тайну, скрытую подъ покровомъ ея измѣнчивыхъ формъ, кра-

*) Dichtung und Malerei.



АРНОЛЬДЪ БЁКЛИНЪ.
Портретъ работы самого художника.

сокъ и звуковъ. Другими словами, художникъ не только чувствуетъ природу, но передаетъ ей свое чувство. Онъ мало заботится о той объективной *правдивости*, которая въ сущности не болѣе, какъ поверхностная *видимость* вещей, онъ не пишетъ «съ натуры», но воображаетъ и одушевляетъ ее. Раньше всего онъ—пантеистъ и лирикъ. Его природа живетъ своею собственною правдой, интимной, многозначительной. Она настолько же внутри художника, насколько внѣ его. Она въ то же время призрачна и осязательна, романтична и реальна, но, главнымъ образомъ, задушевна...

Эта задушевность тихо волнуетъ насъ и навѣваетъ воспоминанія. Когда мы стоимъ передъ картинами Беклина, то намъ кажется, что прежде никто, кромѣ насъ, ихъ не видѣлъ, но что мы когда-то давно уже видѣли ихъ, точно онѣ воплощеніе нашихъ неясныхъ предчувствій.

Вотъ, напримѣръ, его картина «Возвращеніе на родину». Скромный нѣмецкій пейзажъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ. Мельница, березовая роща, нѣсколько деревенскихъ домиковъ. Противъ мельницы, на каменной стѣнѣ бассейна сидитъ человѣкъ въ средневѣковомъ платьѣ—старый солдатъ, вернувшійся, послѣ долгихъ скитаній, въ родное гнѣздо. Онъ снялъ шляпу и замечтался. На него нахлынули воспоминанія дѣтства... Со времени его отъѣзда здѣсь почти ничего не измѣнилось: тѣ же березы стоятъ надъ плотиной; позади та же холмистая даль. Только онъ сгорбился и постарѣлъ. Какъ знакома ему эта осень! Сколько разъ, бывало, сиживалъ онъ тутъ, слушая однообразный гулъ мельничнаго колеса и глядя на темнѣющее небо... Какъ все это близко, какъ безконечно далеко... И осенній вечеръ понимаетъ его мысли. Вмѣстѣ съ нимъ онъ какъ будто жалѣетъ о минувшемъ, сознаетъ невозвратное, проникнутъ тишиной одиночества.

Вдумываясь въ эту картину, мы перестаемъ на нее смотрѣть нашими глазами; она становится видѣніемъ старика-солдата. И невольно мы смѣшиваемъ себя съ его грустью... точно художникъ угадалъ нашу тайну, раскрылъ какую-то полузабытую страницу нашей души.

II.

По своей субъективности и утонченности Бёклинъ—глубоко современенъ. Ему знакомъ соблазнъ мыслей, какъ будто недодуманныхъ, похожихъ на ощущеніе,—сумрачныхъ, иногда зловѣщихъ образовъ, безпричинныхъ и недосказанныхъ печалей. Тотъ «интимный пантеизмъ», которымъ просвѣчиваетъ его искусство, является несомнѣннымъ знаменіемъ времени. Но въ Бёклинѣ есть черта, отличающая его отъ большинства современныхъ художниковъ и въ особенности отъ новаторовъ съ символическимъ и мистическимъ оттѣнкомъ. Это—искренность, доходящая порою до наивности, до ребячества,—искренность, напоминающая любов-

ное простодушіе старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ. У Бёклина грусть или веселіе, какая-нибудь залетная идея или случайно попавшееся подъ руку стихотвореніе непосредственно выливаются въ образы и краски. Когда онъ шутитъ или плачетъ, то всегда отъ чистаго сердца. Его юморъ такъже безъискусственъ и заразителенъ, какъ его скорбь. Ему точно нѣтъ дѣла до публики, до впечатлѣнія на зрителя. Онъ пишетъ для себя, повинуясь лишь капризамъ своего воображенія, рискуя быть непонятымъ и осмѣяннымъ. Съ смѣлостью, свойственной большимъ талантамъ, онъ не боится воплощать все, *что* ему вздумается и *какъ* ему вздумается; онъ не боится несообразностей и несоразмѣрностей чудовищнаго и замысловатаго; онъ одинаково пользуется языческимъ и христіанскимъ міромъ, сверхъестественными легендами и самой обыденной правдой. Притомъ онъ обладаетъ въ высшей степени способностью отдалять отъ насъ современную дѣйствительность, и съ другой стороны—приближать къ намъ старину. Фигуры его произведеній почти всегда одѣты въ историческіе костюмы, но, строго говоря, ихъ нельзя считать историческими. Въ нихъ такъ много субъективнаго и близкаго намъ лиризма, что мысль о какой-нибудь отдѣльной эпохѣ, связанной съ ними, и въ голову не приходитъ; онѣ положительно—внѣ опредѣленнаго времени и мѣста, являясь для художника только случайными звеньями въ безконечной цѣпи историческаго бытія. Это сліяніе въ одно ощущеніе вѣковой жизни человѣчества, жизни, возникающей изъ той же вольной, необъятной природы; эта свобода представленій — и придаютъ картинамъ Бёклина ихъ обаяніе, ихъ своеобразную роскошь. Воображеніе художника дѣйствительно не имѣетъ границъ, что̀ не мѣшаетъ ему всегда оставаться большимъ мастеромъ, внимательнымъ, обладающимъ громадной выдержкой и почти женскимъ чутьемъ. Его фантазія не переходитъ черезъ край, не теряетъ почвы; необычайное не становится неправдоподобнымъ. Наоборотъ, въ сказочныхъ образахъ, созданныхъ имъ, столько убѣдительности, что мы невольно начинаемъ вѣрить въ нихъ; намъ кажется, что въ самомъ дѣлѣ они существуютъ, только мы ихъ не замѣчали, пока художникъ не открылъ намъ глаза...

III.

Трудно найти другого художника, котораго можно было бы сравнить съ Беклиномъ по разнообразію дарованія. Онъ писалъ пейзажи, аллегоріи, историческія картины, портреты, образа, декоративныя фрески... «Нѣтъ той области въ живописи, которой бы онъ не освѣтилъ по своему и не отмѣтилъ своею рѣзкой индивидуальностью. При этомъ онъ всегда находитъ что нибудь новое. Въ самой избитой темѣ онъ умѣетъ открыть такія особенности, такія многозначительныя мелочи, которыя придаютъ всей картинѣ неожиданную прелесть. Бёклинъ

постоянно искалъ и поэтому постоянно мѣнялся. Большинство хорошихъ мастеровъ, особенно на склонѣ лѣтъ, пріобрѣтаютъ извѣстную манеру, по которой ихъ легко можно узнать. Это особенно замѣтно въ вещахъ менѣе удачныхъ. Такъ, напримѣръ, Маккартъ—неподражаемый колористъ и сильный темпераментъ, но достаточно знать нѣсколько его картинъ для того, чтобы имѣть о немъ полное представленіе. У него есть любимыя лица, группы, любимыя краски. Наоборотъ, почти каждая вещь Бёклина своеобразна и по техникѣ, и по духу. Онъ не повторяется даже тогда, когда повторяетъ свои темы.

Въ національной галлереѣ Берлина находится его извѣстная картина «Край блаженныхъ» *). Она выдержана въ глубокихъ тонахъ. Густая, почти черная зелень рѣзко вырѣзается на лазури; деревья словно вылиты изъ тяжелаго металла; у одной изъ нимфъ на головѣ, вмѣсто волосъ, — настоящее золото, а лебеди на темномъ основаніи воды, какъ будто сдѣланы изъ ослѣпительно бѣлаго фарфора. Это—краски жгучія по всей яркости. Вся картина пронизана лучами солнца, Жизнь разлита въ ней знойными, ликующими струями. Никто не достигалъ еще такой пышности, такой отчетливый полноты цвѣта.

Полную противоположность этому колориту мы встрѣчаемъ тутъ же въ небольшой вещицѣ «Отшельникъ» **) Старичекъ-монахъ играетъ на скрипкѣ передъ образомъ Мадонны, который онъ любовно украсилъ цвѣтами; въ окно и въ щелку двери на него съ любопытствомъ глядятъ кудрявые херувимы съ крылышками изъ павлиньихъ перьевъ... Здѣсь все едва намѣчено воздушною кистью; тѣни сливаются нѣжными переходами; лучъ солнца скользитъ и разсѣивается незамѣтно... Какъ у истиннаго поэта нѣтъ готовыхъ риѳмъ и эпитетовъ для своего вдохновенія, такъ и у Беклина нѣтъ постоянныхъ пріемовъ. Онъ любитъ зеленовато-синіе эмалевые блики, блестящіе контрасты, борьбу золотистыхъ волнъ и глубокаго мрака; умѣетъ зажечь нѣсколькими пятнами цѣлую картину, но въ то же время онъ пользуется чередованіемъ полутѣней и полукрасокъ, и знаетъ тайну сѣрыхъ, поблекшихъ тоновъ. Его задача заставить *говорить* краску, найти гармонію мысли и цвѣта.

IV.

Подобно многимъ крупнымъ художникамъ, Бёклинъ былъ въ юности копіистомъ. Сначала въ Дюссельдорфѣ подъ руководствомъ Вильгельма Ширмера, а потомъ въ Антверпенѣ, Брюсселѣ и Парижѣ онъ много писалъ съ древнихъ мастеровъ. Трудно сказать, кто изъ нихъ оказалъ наибольшее вліяніе на развитіе его таланта, венеціанскіе ли кватрочентисты, отъ которыхъ онъ унаслѣдовалъ свои горячіе тона, или

*) Die Gefielde der Seligen.

**) Der Eremit.

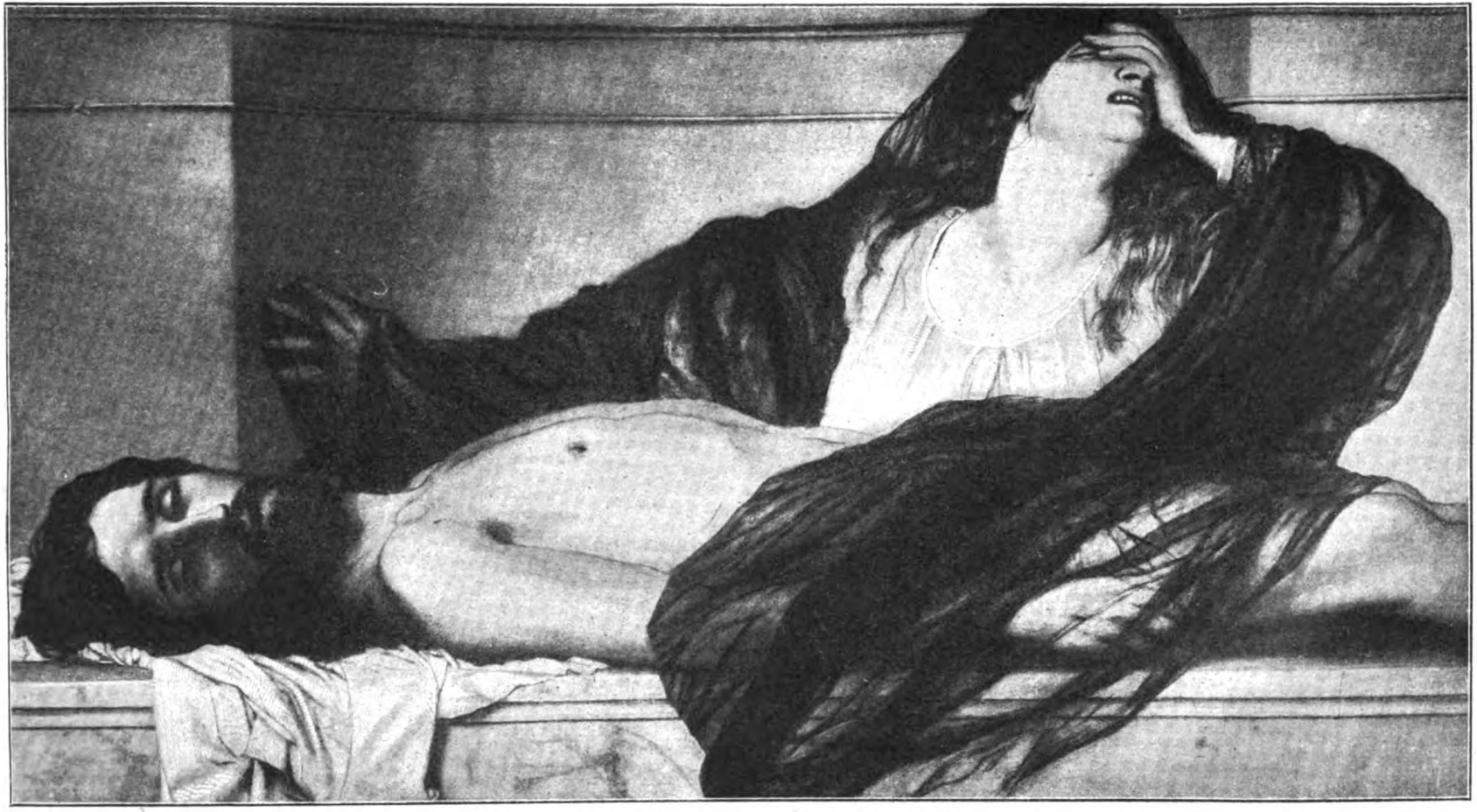
Рубенсъ, возбудившій въ немъ любовь къ обнаженному тѣлу, къ юмористическимъ уродствамъ, или старая нѣмецкая школа съ Дюреромъ и Гольбейномъ во главѣ. Кажется, нѣтъ художника, съ какимъ бы ни сравнивали Бёклина. Вѣрнѣе всего то, что онъ понемногу учился у всѣхъ, но никому не подражалъ. И еще несомнѣннѣе, что духовный складъ его таланта чисто германскій, какъ бы ни оспаривали этого его соотечественники-швейцарцы.

Бёклинъ родился въ Базелѣ (1827 г.), но большую часть жизни, т. е. около тридцати лѣтъ онъ провелъ въ Италіи. Влюбленность въ Италію сама по себѣ уже типична для нѣмца. «Ja! Italien wird uns immer beherschen».—говоритъ Гейне... Начиная съ остготовъ и Гогенштауфеновъ и кончая Гёте, Грегоровіусомъ, Корнеліусомъ и др., нѣмцы стремились въ солнечный край, такъ нѣжно воспѣтый Миньоной:

...гдѣ въ зелени тѣнистой
Цвѣтетъ лимонъ и апельсинъ златистый,
Гдѣ съ неба вѣетъ тихій вѣтерокъ,
Недвижимъ миртъ и темный лавръ высокъ...

Существуетъ легенда, какъ молодой нѣмецкій рыцарь былъ обворожонъ мраморной Діаной, стоявшей въ саду флорентинскаго гуманиста-патриція. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ ея чарующихъ формъ, да такъ и не вернулся къ себѣ на родину. Бёклинъ напоминаетъ этого рыцаря... Въ первый разъ онъ увидѣлъ Италію 23-хъ лѣтъ. Тогда-то и опредѣлились въ немъ настроенія, возвращавшіяся къ нему впродолженіи всей жизни. Гдѣ бы ни находился художникъ потомъ, въ Римѣ ли Мюнхенѣ у своего друга и покровителя графа Шака, или въ Веймарѣ среди своихъ учениковъ, его тянуло обратно, на югъ, къ голубымъ холмамъ Фіезоле или въ Санъ-Миньято, гдѣ на закатѣ дня верхи кипарисовъ отливаютъ золотистымъ пурпуромъ, а темная листва ихъ становится непроницаемой, какъ бархатный покровъ... Но Бёклинъ иначе вдохновился Италіей, чѣмъ другіе нѣмцы, вродѣ Ахенбаха, котораго поразила только показная ея сторона: богатство южныхъ красокъ, волшебныя зори и лунные вечера, однимъ словомъ, декорація природы, а не природа въ ея глубокомъ, таинственномъ значеніи. Какъ многіе итальянствующіе художники, въ томъ числѣ и нашъ Семирадскій, Ахенбахъ—парадный живописецъ. Бёклинъ въ силу своего историческаго лиризма полюбилъ душу Италіи, ея развалины, одѣтыя трауромъ старины, сумракъ священныхъ рощъ, море, вѣчно нашептывающее легенды о минувшихъ вѣкахъ; онъ полюбилъ поэзію невозвратнаго. Въ этомъ отношеніи его скорѣе напоминаетъ меланхолическій Клодъ Лоррэнъ. Но недаромъ говорится, что меланхолія—только пріятная грусть. Пейзажи Клода почти всегда ясны, безвѣтренны. Ни одинъ звукъ не нарушитъ тишины; ни одинъ листъ не шелохнется. Темная, кружевная зелень деревьевъ постепенно блѣднѣетъ, удаляясь отъ насъ гармоническими планами, и, наконецъ, на горизонтѣ сливается съ небомъ и таетъ, какъ

СВЯЩЕННАЯ РОЩА.



МАГДАЛИНА У ТЂЛА ХРИСТА.

блѣдно-лиловый туманъ. Въ этой замирающей колыбельной пѣснѣ развалины существуютъ какъ будто для изящества картины, подобно искусственнымъ «руинамъ» въ садахъ XVIII вѣка; онѣ не говорятъ о прошедшемъ. Мечтательность французскаго мастера такъ невозмутима, что часто переходитъ въ равнодушіе.

Въ творчествѣ Бёклина всегда чувствуется непримиренность, тревога; на каждомъ шагу диссонансы. Уже въ 1841 году онъ рисуетъ «Ландшафтъ съ Бургруиной» *)—остовъ замка на высокомъ холмѣ, похожій на скелетъ; въ самой несимметричности его обнаженныхъ стѣнъ страдальческое выраженіе. Дѣло въ томъ, что природа Бёклина неразлучна съ психическимъ элементомъ. Когда онъ рисуетъ какое-нибудь живописное мѣсто: тѣнистую рощу или развалину на морскомъ берегу, то въ его воображеніи всегда представляется тамъ душа человѣческая: дѣвушка тихо стоитъ въ одиночествѣ, смутно мелькаетъ вереница жрецовъ въ бѣлыхъ хитонахъ, богиня грезитъ у ручья... Нѣсколькими штрихами, неясными пятнами художникъ умѣетъ передать психологическій моментъ (задумчивость, испугъ или борьбу, движеніе далекой толпы), и распространяетъ его на всю картину. Деревья, небо, море, очертанія скалъ проникаются однимъ настроеніемъ, какъ бы становятся сознательными. Даже, если Бёклинъ не воплощаетъ въ образы своего лиризма, то незначительной на первый взглядъ подробностью, полураскрытою ли дверью, или забытыми на алтарѣ цвѣтами, онъ заставляетъ насъ догадываться о невидимомъ присутствіи человѣка. Природа, переставая быть зрѣлищемъ, точно глядитъ на насъ, прислушивается къ нашимъ мыслямъ и нашептываетъ сновидѣнія. Неодушевленное начинаетъ жить...

«Поэзія,—говоритъ Викторъ Гюго,—это то, что есть во всемъ самаго интимнаго». Дѣйствительно, въ каждой вещи, даже очень обыденной, кромѣ внѣшней, матеріальной стороны, кромѣ поверхности, по которой скользитъ наше вниманіе, есть еще нѣчто неуловимое, какая-то внутренняя тѣнь существованія. Нужно вдуматься въ эту смутную глубину вещей, въ эти lacrima rerum, знакомыя уже римскимъ поэтамъ, чтобы понять, сколько новаго и близкаго намъ въ творчествѣ Бёклина. Передъ его полотнами вспоминаются другія слова Гюго: «Une fleur souffre-t-elle? un rocher pense-t-il? Vivants distinguons nous une chose d'un être»?..

V.

Романтизмъ Бёклина еще въ первое его посѣщеніе Италіи принялъ миѳологическій и историческій характеръ. Перваго фавна онъ написалъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Затѣмъ слѣдуетъ длинный списокъ непонятыхъ въ свое время картинъ, гдѣ художникъ натурализуетъ образы

*) Landschaft mit Burgruine. Felsschlucht mit schäumendem Wasserfall.

классической поэзіи, освѣщая ихъ своимъ чуткимъ геніемъ и національной самобытностью *)... Тутъ и древній миѳъ о похищеніи человѣкомъ небеснаго огня съ колоссальной фигурой скованнаго Прометея **), и плѣненіе Одиссея нимфой Калипсо, и бѣгство хитрыхъ Данаевъ отъ яростнаго Полифэма; тутъ и герои и боги: мать земли Церера, обнимающая рогъ изобилія, Діонисъ, богъ «грозныхъ веселій» съ хрустальною чашей въ рукахъ, Афродита въ вѣнцѣ золотисто-крылыхъ эротовъ; тутъ и берега мрачнаго Стикса, охраняемые неумолимымъ Харономъ, и страшная голова Медузы... Передъ нашими глазами открывается новый сказочный міръ, въ которомъ слышатся отголоски древней Эллады, но живетъ современная намъ душа, утомленная отъ сѣрой жизни нашего вѣка.

Въ этомъ мірѣ много неожиданностей и очарованій... Тамъ, въ невѣдомыхъ моряхъ волны просвѣчиваютъ темнымъ сапфиромъ; въ нихъ живутъ чудовища, опутанныя водяными растеніями, и плещутся свѣтловзорыя наяды. Во время бури свинцовыя тучи охватываютъ небо; молніи бросаютъ на землю тысячу фосфорическихъ отсвѣтовъ; въ углубленіи скалъ пробуждаются призраки и поютъ дикія пѣсни непогодѣ. Тамъ въ лѣсахъ и долинахъ, на берегу рѣкъ, поросшихъ тростникомъ, прячутся мохнатые сатиры, а на лужайкахъ, озаренныхъ солнцемъ, среди нарцисовъ и анемоновъ нимфы внимаютъ свирѣли веселаго Пана...

Вы помните стихотвореніе въ прозѣ Тургенева—«Нимфы». Нашъ великій писатель разсказываетъ о томъ, какъ однажды стоя «передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ», онъ закричалъ, обращаясь къ ликующей природѣ: «Воскресъ! воскресъ великій Панъ!». «И тотчасъ, о чудо!» говоритъ онъ дальше,—«въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. «Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!» шумѣли молодые голоса. Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину... Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головкамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій, олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними... Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,—колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны... Діана, это—ты?».

Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, что Тургеневъ вдохновился для этихъ чарующихъ строкъ картинами базельскаго художника, напримѣръ его «Діаной на охотѣ».

---

*) «Pan im Schilfe». «Faune eine Nymphe belauschend» и т. д.

**) «Die Beziehungen der Menschen zum Feuer».

ПОЛЯ БЛАЖЕННЫХЪ.

Беклинъ не остановился на греческихъ миѳахъ. Ему не только жаль «исчезнувшихъ богинь». Какъ эстетикъ, онъ сожалѣетъ и о среднихъ вѣкахъ, проникнутыхъ тревогой разбойничьихъ набѣговъ и суевѣрными легендами. Въ его композиціяхъ мы часто встрѣчаемъ рыцарей въ желѣзныхъ кольчугахъ; замки, громоздящіеся надъ обрывомъ; пѣнистые потоки съ узкими мостами, перекинутыми высоко надъ ними: горныя ущелья, одѣтыя туманомъ, гдѣ живутъ громадные драконы, злорадно подстерегая людей; дальнія зарева пожаровъ, которыми отмѣчали свой путь варвары старины.

Бёклинъ также много трудился надъ религіозными сюжетами. Въ мистическомъ движеніи, являющемся все болѣе и болѣе осязательнымъ въ наше время и положительно охватившемъ искусство Германіи, онъ опять-таки занимаетъ совершенно особенное мѣсто. Но объ этомъ рѣчь впереди. Бёклинъ извѣстнѣе какъ пейзажистъ. Поэтому сначала я остановлюсь на тѣхъ картинахъ, которыя всего ярче его характеризуютъ.

VI.

«Осеннія думы» *)... Вдоль узкой рѣчки, надъ которой склоняются ивы, бродитъ женская фигура въ длинной бѣлой одеждѣ и смотритъ задумчиво на воду. Къ ея ногамъ жмется помертвѣлая трава. Воздухъ туманенъ. Кругомъ тишина, неподвижность... Только больные листья одинъ за другимъ срываются съ вѣтвей, неслышно падаютъ въ рѣку и уносятся вдаль, какъ осеннія думы... Это уже грусть, но грусть мечтательная; то—природа, убаюканная поэзіей своего увяданія. Настроеніе становится болѣе сложнымъ и острымъ въ цѣломъ рядѣ другихъ полотенъ. Художникъ вводитъ насъ въ безмолвное царство одиночества и сожалѣній. Такъ, въ Мюнхенской галлереѣ Шака, въ числѣ многихъ произведеній Бёклина, есть небольшая картина, названная имъ «Анахоретъ» **). Гористая мѣстность, дикая, глухая, затерянная гдѣ-то высоко надъ людьми и міромъ. Сѣрыми уступами громоздятся скалы, поросшія низкими деревьями и кустарникомъ. Сквозь пожелтѣвшую листву кое-гдѣ проглядываетъ небо съ тяжелыми бѣлыми облаками. Направо изъ разсѣлины скалы поднимается крестъ, даже не крестъ, а просто ветхій пень съ перекладиной, полусгнившій отъ частыхъ дождей. И передъ нимъ на колѣняхъ молится старикъ-отшельникъ. Въ припадкѣ религіознаго бреда онъ упалъ на землю и бичуетъ себя веревкой. Лица его не видать. Замѣтна только часть его взъерошенной бороды и обнаженная спина, на которой легли кровавые слѣды ударовъ... Выше, надъ крестомъ вьется стая вороновъ. Черныя птицы слетѣлись сюда, чтобы раздѣлить съ человѣкомъ свое одиночество.

*) Herbstgedanken.

**) Anachoret.

Отъ этой картины вѣетъ какимъ-то неяснымъ ужасомъ. Передъ чѣмъ? Передъ наступленіемъ зимы, которая сорветъ поблекшіе листья и на вѣки схоронитъ ихъ въ пропасти? Или этотъ ужасъ выраженъ въ маленькой сгорбленной фигурѣ отшельника, измученнаго покаяніемъ? Въ его сознаніи, быть можетъ, также пропасть и холодъ наступающей смерти... Владѣлецъ картины, графъ Шакъ, назвалъ ее «Св. Іеронимъ въ пустынѣ». Очень вѣроятно, что Бёклинъ дѣйствительно вдохновился тиціановскимъ Іеронимомъ. Но Тиціанъ просто изобразилъ историческое лицо въ подходящемъ пейзажѣ; Бёклинъ связалъ мистицизмъ человѣка съ природой мучительной глубиною молитвы.

Въ той же галлереѣ Шака находятся двѣ знаменитыя «Римскія виллы на морскомъ берегу» *), одна при дневномъ, другая при вечернемъ освѣщеніи... Тихо плещется невозмутимо-прозрачное море; но небо все въ тучахъ; порывистый вѣтеръ сгибаетъ столѣтніе кипарисы. За ними, въ цвѣтущемъ саду, разукрашенномъ статуями, бѣлѣетъ старинное зданіе изъ мрамора. Узкая лѣстница спускается внизъ. У подножія ея, прислонясь къ высокому камню, стоитъ женщина въ траурѣ—загадочный образъ, не то безмолвный укоръ, не то тревожное напоминаніе. Кто она? Когда она вышла изъ опустѣлаго дворца? Намъ кажется, что стоитъ она здѣсь очень давно, что, несмотря на ея молодыя черты, ея страданію много, много лѣтъ. Въ ней цѣлая вѣчность разбитыхъ надеждъ... Бёклинъ самъ навѣрное не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ хотѣлъ сказать. Онъ вдохнулъ свою душу въ осеннюю грусть заброшенной римской виллы. Природа изъ глубины его творчества вышла преображенною: она заговорила, и, какъ эхо ея невнятной рѣчи, явилась эта женщина, темное привидѣніе дальнихъ временъ, поэзія невозвратнаго.

Образы Бёклина часто реальны только на половину и не живутъ настоящимъ. Они какъ будто слились съ таинственной жизнью развалинъ. Они такъ долго грезили о минувшемъ, что стали внѣ законовъ времени. Но что такое время? Вѣдь все должно умереть; все постоянно умираетъ. Прошедшее и будущее, колыбель и могила—все лишь короткій сонъ. «Vita somnium breve»—гласитъ названіе одной изъ картинъ Бёклина. Для художника жизнь и смерть не отдѣлены другъ отъ друга непроницаемой стѣной; земля наполнена призраками былого; міръ живыхъ въ то же время міръ загробный. Ему чудится, что гдѣ-то въ океанѣ есть островъ съ исполинскими скалами, съ густой кипарисовой рощей, гдѣ отдыхаютъ мертвыя тѣни **)... И онъ пишетъ этотъ островъ такъ, какъ будто его видѣлъ. Передъ нами настоящая вода, подернутая изумрудомъ, настоящіе, обросшіе мохомъ камни! Передъ нами грозовое небо, которое мы видѣли тысячу разъ! Движеніе волнъ схвачено такъ живо, что мы чувствуемъ ихъ извивы и слышимъ легкое

*) Willa am Meer.

**) «Die Insel der Todten». Музей въ Лейпцигѣ.

шипѣніе прибоя. Но въ общемъ этотъ скалистый замокъ моря—только сказка; въ немъ могутъ дышать лишь мертвые. Эти вѣщія, каменныя глыбы, расположенныя треугольникомъ, кажутся входомъ въ безконечно глубокую пещеру, гдѣ царитъ мракъ и сырость подземелій. И вотъ, мы стоимъ въ недоумѣніи. Художникъ разстроилъ наше обычное представленіе о томъ, что есть и чего нѣтъ; онъ испугалъ насъ сближеніемъ дѣйствительности съ мечтою.

Мотивъ смерти часто возвращается въ картинахъ Бёклина. Онъ даже написалъ евой собственный портретъ со скелетомъ. Какъ извѣстно, Гольбейнъ младшій воспользовался тою же темой въ портретѣ канцлера Генриха VIII *). Та же тема, но какъ разно ее поняли два художника, находящіеся на разстояніи трехъ вѣковъ другъ отъ друга! У Гольбейна скелетъ стоитъ въ почтительномъ отдаленіи отъ добродушно улыбающагося сэра Бріана Тука, держа въ одной рукѣ традиціонную косу, а другою указывая на пергаментъ съ надписью: Nunquid non paucitas dierum finietur brevi? Скелетъ у Бёклина играетъ на скрипкѣ, хищно оскаливъ зубы, и совсѣмъ близко наклоняется къ художнику, который откинулъ голову назадъ, точно внимательно прислушивается къ загробной мелодіи... Мы уже видѣли, что этотъ символическій призывъ смерти особенно громко звучитъ въ мысляхъ Бёклина съ наступленіемъ зимы. Тогда природа говоритъ ему о неизбѣжномъ концѣ всего земного, человѣческихъ радостей, печалей, труда и надеждъ. Осень—неумолимое «Шествіе смерти» **). Вотъ какъ это представилъ себѣ художникъ. На краю дороги стоятъ заброшенныя постройки. Тревожно и тяжело несутся надъ ними вихри лиловыхъ тучъ. Кривыя деревья поломаны бурей и покрыты ржавчиной старости. Всюду желтыя краски съ кровавымъ оттѣнкомъ, темные порывы осенняго вѣтра, и, какъ владыка окружающаго запустѣнія и холода, одинокій всадникъ-скелетъ на черной лошади и въ черномъ плащѣ...

VII.

Но, судя по этимъ описаніямъ, не слѣдуетъ заключать о безъисходномъ пессимизмѣ Бёклина. Разочарованіе художника проходитъ такъже быстро, какъ ежегодное шествіе осени. Улыбка солнечныхъ дней возвращаетъ ему весеннія грезы. Съ тою же искренностью, съ какою онъ тревожилъ насъ призраками печали, онъ будитъ наши иллюзіи молодости и счастія. Бёклинъ до глубокой старости сохранилъ въ себѣ даръ обновляться, какъ бы постоянно начинать жить сначала. Будучи шестидесяти-лѣтнимъ старикомъ онъ пишетъ послѣ острова смерти «Островъ жизни» ***)—сказочный край, гдѣ вмѣстѣ цвѣтутъ березы и пальмы

*) Мюнхенъ. Старая пинакотека.

**) Der Ritt des Todes.

***) Lebensinsel.

гдѣ вѣчно царитъ восходъ солнца, раздаются пѣсни, пляшутъ хороводы нимфъ и тихо скользятъ надъ водою лебеди, гдѣ каждое біеніе природы поетъ любовь...

Много разъ во всѣ періоды свего художественнаго развитія брался Бёклинъ за ту же тему—весна. Онъ не нуждается въ сложной композиціи, чтобы вызвать въ насъ ея звонкое эхо. Поляна въ цвѣтахъ, березовая роща, нѣсколько солнечныхъ пятенъ, и среди этой незатѣйливой обстановки—двѣ, три фигуры: то темноглазыя дѣвушки въ итальянскихъ костюмахъ, съ мандолинами въ рукахъ, то купальщицы у зеркальнаго ручья, то влюбленная пара, слѣдящая въ тѣни тополей за пѣнистыми облаками на синемъ небѣ *). Весна. Только что распустились молодыя почки на березахъ. Около нихъ стоитъ полуодѣтая женщина, перебирая струны высокой арфы. Четыре голыхъ мальчугана пріютились къ ней. Двое—безмятежно спятъ, обнимая другъ друга, убаюканные дуновеніемъ тепла. На ихъ кудрявыхъ головахъ вѣнки изъ маргаритокъ. Третій мальчикъ сидитъ, поджавъ ноги и раскрывъ глаза съ довѣрчивымъ удивленіемъ, точно онъ въ первый разъ видитъ Божій міръ, а четвертый ползаетъ по лужайкѣ и внимательно что-то разглядываетъ на молодой березовой корѣ. Небо свѣтлое, влажное. Сзади тянутся луга; видны домики съ плоскими крышами. Едва замѣтной полоской обозначены очертанія далекихъ холмовъ... Въ этой картинѣ можно замѣтить много несовершенствъ: плохой рисунокъ, незаконченность, пренебреженіе деталями. Искатель «красоты» не найдетъ ея въ бёклиновской женщинѣ. Но странно, техническіе недостатки не портятъ общаго впечатлѣнія. Мы подчиняемся *внушенію* автора и начинаемъ видѣть сердцемъ больше, чѣмъ глазами. Это не аллегорія пробужденія природы въ миѳологическомъ вкусѣ и не только пейзажъ. Это—пѣснь въ краскахъ, немного грустная, какъ весеннее счастье. Художникъ пробудилъ въ насъ волненіе весны: мы вспомнили первое щебетаніе птицъ, запахъ сырости и нѣжной травы, пробивающейся сквозь мерзлую почву, лѣнивый трепетъ обновленной жизни, когда въ воздухѣ точно натянуты невримыя струны, которыя тихо колеблются отъ всякаго дуновенія, когда весь необозримый просторъ земли таетъ въ лучахъ юнаго солнца...

VII.

Какое же мѣсто занимаютъ въ этихъ сложныхъ, волнующихъ настроеніяхъ живыя существа? Ихъ нельзя отдѣлять отъ окружающей обстановки. Въ другой средѣ они невозможны; они только часть внутренняго *видѣнія* художника, завершительные аккорды поэтической мысли. Бёклинъ смотритъ на людей, какъ на растенія, и гармонируетъ

*) Liebes frühling; Sieh, es lacht die Au!—Frühlingshymne и. т. д.

ихъ съ пейзажемъ. Они не случайные гости природы; они родились вмѣстѣ съ листьями на деревьяхъ, съ облаками, скользящими по небу, и должны исчезнуть вмѣстѣ съ ними...

Но всего ярче, быть можетъ, высказывается творчество Бёклина въ созданныхъ имъ волшебныхъ существахъ. Его тритоны, наяды, кентавры, сатиры, духи горъ, морей и лѣсовъ выше всякаго описанія! Какъ демонологъ, какъ воплотитель темнаго мифа, ἐκ νυκτὸς γερῶν, Бёклинъ выводитъ свои образы изъ самой глубины эллинскаго хаоса, но онъ оживляетъ ихъ реализмомъ и юморомъ чисто германскаго характера. Передъ нами не античныя чудовища, какія мы привыкли видѣть на греческихъ горельефахъ,—искусственныя сочетанія человѣческаго тѣла съ тѣломъ животнаго, но дѣйствительно полулюди, полузвѣри и физически, и духовно. Въ нихъ оба начала такъ крѣпко срослись, что они правдивы до иллюзіи, естественны, какъ сама жизнь. Въ нихъ выражена близость человѣческаго сознанія съ темной душою животнаго. И вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ глубоко задуманы, что, будучи вполнѣ конкретными существами съ плотью и кровью, они кажутся намъ олицетвореніями стихій природы.

Въ этихъ странныхъ существахъ съ рыбьей чешуей, отливающей перламутромъ, и опутанныхъ красными нитями водорослей, таится что-то могучее, свободное, вѣчное и сладострастное, какъ море, которое ихъ окружаетъ и стонетъ, и смѣется, и грозитъ во время бури. Ихъ движенія, ихъ чешуйчатые извивы скользятъ и нѣжатся, какъ морскія волны... Въ каждомъ изъ нихъ—дикая поэзія безграничнаго простора. Вы видите всю тревогу ихъ борьбы за существованіе; ихъ бѣшеные скачки въ погонѣ за добычей; безстрашныя игры около скалъ; семейныя сцены и роковыя битвы, ихъ нечеловѣческую жестокость и любовь нечеловѣческую...

«Морская идиллія»... На прибрежной скалѣ, обрызганной соленой влагой, полулежитъ красавица-наяда. Она вплела жемчужныя раковины въ свои тяжелыя, черныя кудри и жадно глядитъ на мужа, который поймалъ большого моржа и побѣдоносно притащилъ его къ семьѣ. Тутъ же ползаютъ двое ребятишекъ. Младшій беззаботно улыбается; но старшій сынъ уже понимаетъ, что значитъ борьба и охота; въ его глазахъ лихорадочно горитъ любопытство и восхищеніе... Еще выразительнѣе, пожалуй—«Тритонъ, любующійся нереидой». Сколько нѣги и страдальческой ласки въ изгибахъ ея отдыхающаго тѣла; въ немъ—какая неукротимая, голодная страсть! А вотъ еще картина: «Семья Тритоновъ». Разыгралась буря. Со всѣхъ сторонъ пушистая пѣна обливаетъ брызгами темный гранитъ. Неба не видать изъ-за поднятыхъ волнъ. Самка лежитъ на спинѣ, раскинувъ свои лапчатыя ноги, и съ улыбкой внимаетъ угрозамъ вѣтра. Самецъ въ порывѣ дикой нѣжности взялъ на руки своего сына и высоко подбрасываетъ его надъ водой; а тотъ весело кричитъ и смѣется, глядя на отца...

И почти рядомъ съ этимъ могучимъ и волшебнымъ натурализмомъ—комическій элементъ. Когда около берега купаются молодыя русалки, играя съ дѣтьми, къ нимъ осторожно подкрадываются толстые, вислоухіе уроды съ вытаращенными глазами—уморительные, обиженные судьбою ухаживатели Бёклиновскаго моря *)... А то старый Панъ-рыболовъ, вмѣсто рыбы, выуживаетъ изъ морской глубины хорошенькую наяду и не знаетъ, что ему дѣлать со странной добычей...

Художникъ не только разнообразитъ до безконечности внѣшній видъ своихъ кентавровъ, козлоногихъ сатировъ и т. д., но выражаетъ и ихъ психологію со всевозможными переходами отъ страшнаго къ забавному, отъ жестокости къ добродушію, создавая такимъ образомъ особый *миѳическій жанръ*... Съ высотъ Олимпа зашла на гористую мѣстность богиня—Діана. Она устала и прилегла отдохнуть на мшистыя камни около прохладнаго потока. Ея бѣлое тѣло, прикрытое воздушною туникой, свѣтится на солнцѣ. И вдругъ ее замѣтили два проходящихъ мимо фавна... Какъ безъискусственно смѣшны лица этихъ «добрыхъ малыхъ»—лѣсовиковъ, испуганныхъ неожиданной встрѣчей! То же комическое положеніе еще болѣе подчеркнуто въ другой, на этотъ разъ вполнѣ натуралистической картинѣ «Сусанна и старцы»... Трудно себѣ представить, что авторъ таинственнаго «Молчанія въ лѣсу» и «Острова мертвыхъ» способенъ на такой добродушный и откровенный юморъ. Но внимательный зритель увидитъ въ этомъ доказательство не только необычайной разносторонности Бёклина, но также—его духовной близости къ другимъ нѣмецкимъ художникамъ.

VIII.

Тяготѣніе къ волшебному и своеобразный юморъ — характерныя черты живописи и, быть можетъ, всего искусства Германіи. Обращаясь къ старой нѣмецкой школѣ, мы замѣчаемъ, что даже у Альбрехта Дюрера, обыкновенно правдиваго до строгости и проникнутаго величавою религіозностью настроенія, есть наклонность къ загробно-причудливымъ композиціямъ и къ забавнымъ мелочамъ. Достаточно его знаменитаго офорта: рыцарь въ лѣсу, окруженный зловѣщими привидѣніями, для того, чтобы подтвердить наше замѣчаніе. Иногда же Дюреръ является настоящимъ галлюцинатомъ, какъ, напр., въ рисункахъ на мѣди, служащихъ иллюстраціей къ Апокалипсису. О Гольбейнѣ, стоитъ лишь упомянуть. Всякому памятна его «Пляска смерти»... Альтдорферъ (любимый ученикъ Дюрера) умѣетъ разсказать на шестивершковой досточкѣ цѣлую фантастическую поэму. Въ старой пинакотекѣ Мюнхена есть его картина, гдѣ передъ цѣпью живописныхъ холмовъ, въ пышномъ букетѣ вѣтвистыхъ деревьевъ изображена встрѣча рыцаря въ латахъ, должно быть, св. Георгія, со страннымъ чудовищемъ,

*) «Spiel der Wellen», «Spiel der Najaden».

пернатымъ, губастымъ, напоминающимъ жабу. До такого звѣря не додумался самъ Бёклинъ... И несмотря на это, фантастичность Альтдорфера хорошаго вкуса, изящная, даже тонкая рядомъ съ какимъ-нибудь Брёгелемъ или Жеромомъ Бошемъ.

Въ Мюнхенѣ есть другая любопытная картина съ исторической точки зрѣнія. Въ ней разработана легенда о видѣніи св. Уберта—тема, часто возвращающаяся у современныхъ романтиковъ Германіи. Авторъ ея близокъ Іоахиму Патиниру. По этой картинѣ видно, что иногда маленькому художнику удается выразить крупную національную особенность... Вечеръ. Небо, впрочемъ, блѣдное, холодное. О позднемъ часѣ говорятъ только таинственно-мглистыя рощи. Надъ ними призрачно и тяжело большими глыбами камня громоздится замокъ съ формами почти живыми. На первомъ планѣ раскинулась охота. Въ темномъ кустарникѣ гладко освѣщается голова большого оленя, несущаго между рогами распятіе. Охотники въ смятеніи преклоняются передъ нимъ. Вдали—второстепенные эпизоды: пасутся кони; ловчіе отдыхаютъ на травѣ; по дорогѣ къ замку свѣтлѣютъ длинные изгибы гончихъ собакъ... И здѣсь, въ этой старой народной легендѣ, полной священнаго ужаса, также присутствуетъ комическій элементъ...

Кстати, можно сдѣлать еще интересное наблюденіе. Старые нѣмецкіе мастера съ первыхъ же шаговъ ввели пейзажъ въ свои композиціи, подобно родственнымъ имъ голландцамъ. Конечно, пейзажъ не занимаетъ еще большого мѣста; но ужъ онъ значительно менѣе отдаленъ отъ человѣка, чѣмъ въ итальянскомъ искусствѣ, гдѣ все вниманіе обращалось на пластику голаго или задрапированнаго тѣла. У итальянцевъ пейзажъ является лишь условною рамкой, фономъ картины. Наоборотъ, художники сѣверныхъ школъ, Вольгемутъ, авторъ «Жизни Маріи», или названный уже Альтдорферъ, также, какъ нидерландцы—Лука Лейденскій, Шпригель и др., всѣ болѣе или менѣе обладаютъ интимнымъ чувствомъ природы (тѣмъ, что нѣмцы называютъ Naturgefühl). Но пока это чувство проявляется робко. Впослѣдствіи, освободившись отъ традицій религіозной живописи, вдохновеніе сѣвера сдѣлало успѣхи въ любви къ пейзажу; оно проникло таинственною близостью природы къ помысламъ человѣка...

Въ лицѣ Людвика Рихтера и Морица фонъ-Швинда возродился романтизмъ. Ожили народныя сказанія, легенды старины; воскресли великаны и хитрые, длиннобородые гномы, золотистокудрыя царевны и рыцари въ желѣзныхъ доспѣхахъ, однимъ словомъ, весь древне-германскій міръ, воспѣтый Гейне *). Подъ эпическіе звуки вагнеровскихъ оперъ Швиндъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими художниками расписываетъ стѣны сказочныхъ замковъ Людовика Баварскаго. Живопись становится начертательной поэзіей; чувство природы занимаетъ пре-

*) См. его книгу «Erdgeister».

обладающее мѣсто. Если пейзажи Швинда антропоморфны, то съ другой стороны, и его человѣческія фигуры являются лишь составною частью пейзажа. Въ этомъ заключается сходство и въ то же время различіе между нимъ и Бёклиномъ, хотя и тотъ, и другой художникъ въ высшей степени національны. Лиризмъ Бёклина духовный, скрытый. Онъ околдовываетъ насъ незамѣтно, какъ бы ненамѣренно. Только изрѣдка можно уловить связь его мысли съ матеріальнымъ образомъ. Онъ всегда остается внимательнымъ реалистомъ. Моритъ фонъ-Швиндъ грубѣе, тѣлеснѣе. Это не поэтъ, а скорѣе сказочникъ-иллюстраторъ, изобразившій съ помощью необыкновенно богатаго рисунка, но въ довольно тусклыхъ краскахъ, преданія своей родины. Всѣ аксесуары его композиціи, облака, цвѣты, змѣистые корни дубовъ или дикія пещеры—пріобрѣтаютъ особенную выразительность не въ силу внутренняго настроенія, но благодаря своимъ причудливымъ формамъ.

IX.

Въ настоящее время Германія переживаетъ новую эпоху романтизма. Молодые художники отрѣшились безповоротно отъ академическихъ традицій, которыя болѣе живы у нѣмцевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Они также извѣрились въ безличномъ реализмѣ своихъ предшественниковъ. Различіе взглядовъ на искусство (а этихъ взглядовъ не оберешься) не мѣшаетъ всѣмъ имъ подвигаться по одному пути къ освобожденію отъ устарѣлыхъ авторитетовъ, къ развитію новыхъ вкусовъ въ обществѣ. Стремленіе къ неизвѣданнымъ и заманчивымъ химерамъ воображенія стало общераспространеннымъ недугомъ. Уйти подальше отъ жизни, оставаясь живымъ—вотъ задача современнаго эстетизма... Здѣсь не мѣсто давать оцѣнку ни этой формулѣ, ни тѣмъ многочисленнымъ художническимъ начинаніямъ, которыя такъ или иначе сводятся къ ней...

Арнольдъ Бёклинъ, имѣя очень мало общаго съ молодымъ поколѣніемъ, оказалъ тѣмъ не менѣе громадное вліяніе на отмѣченный нами поворотъ въ искусствѣ. Почти во всѣхъ центрахъ Германіи вы найдете теперь декоративные памятники, украшенія фонтановъ и мостовъ, навѣянные его смѣлымъ творчествомъ. Въ городскихъ садахъ съ каждымъ годомъ возростаетъ число мраморныхъ кентавровъ, фавновъ и наядъ, какъ будто прямо взятыхъ съ его полотенъ. То же самое на выставкахъ. Францъ Штукъ, завоевавшій себѣ за послѣднее время громкую извѣстность, пользуется безъ всякаго стѣсненія мотивами или даже готовыми образами бёклиновскихъ картинъ, впрочемъ, приправляя ихъ своей вычурной фантазіей; Гансъ Тома (художникъ не лишенный оригинальности) пишетъ тритоновъ и т. д. Мнѣ лично пришлось въ Мюнхенѣ познакомиться съ нѣсколькими скульпторами изъ

ВИЛЛА НА МОРѢ.

ПОЭЗІЯ И ЖИВОПИСЬ.

молодыхъ. Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить талантливаго Гастейгера, работающаго теперь надъ колоссальною группой сражающихся кентавровъ... Всѣ грезятъ Бёклиномъ. Мастерскія заставлены начатыми работами миѳологическаго характера. Замысламъ и фантазіямъ нѣтъ конца. Поражаешься тѣмъ, до какой степени даже мелкія издѣлія, цвѣточныя вазы, стѣнные барельефы, рамы заражены духомъ Бёклина. Въ скоромъ будущемъ въ Германіи можетъ создаться особый стиль на этой почвѣ.

Я не стану перечислять ничтожныхъ подражателей. Ихъ произведеніями полны выставочныя окна большихъ магазиновъ. Всякое крупное явленіе въ области искусства неизбѣжно вызываетъ наплывъ мелкихъ дарованій, неудачниковъ, которые стремятся во что бы то ни стало прикрыть свое безсиліе фальшивыми эффектами и надѣятся прослыть оригинальными только потому, что они портятъ взятое ими у другихъ. Мода руководитъ ими, а не любовь. Къ сожалѣнію, и въ молодой Германіи конца XIX-го вѣка такихъ представителей не мало. Ихъ-то и имѣетъ въ виду нѣмецкій критикъ Нейманъ въ своей замѣчательной книгѣ—«Борьба за новое искусство»: «Художникъ чистой воды (ein Künstler aus Kernholz), нашъ смѣлый Бёклинъ и эти нервные, бархатные, женственные живописцы! Новое поколѣніе, испуганное серьезнымъ значеніемъ натурализма, собственно ввело въ моду Бёклина, его, величайшаго сына нашей романтики и ея чувства природы. Волна художественнаго теченія, нахлынувшая съ чужого берега, вызвала современную наклонность къ фантастическому. Но талантъ Бёклина коренится въ самой глубинѣ нашей почвы, гдѣ скрыты неисповѣдимые тайники нашихъ рассовыхъ особенностей... Нѣсколько лѣтъ назадъ была выставлена Бёклинымъ дивно написанная имъ и долгое время остававшаяся въ неизвѣстности картина съ многочисленными фигурами «Снятіе со креста, или Плачъ о Христѣ». Судя по отзывамъ, она не имѣла большого успѣха. Были недостатки въ рисункѣ замѣтные даже неопытному глазу. Я часто ходилъ смотрѣть на эту картину; мало-по малу я пересталъ видѣть ея ошибки; зато съ каждымъ разомъ на меня дѣйствовали все сильнѣе сочность глубокихъ красокъ, великолѣпіе одеждъ, выразительность фигуръ и неудержимая мощь душевнаго движенія. Въ этой яркости выраженія, доходящей до преувеличенія, въ тонахъ и поворотахъ дѣйствующихъ лицъ замѣчалось тѣсное родство этой картины съ нашими древними мастерами. Если бы мы увидѣли ее рядомъ съ ними, то, пожалуй, приняли бы за старинное произведеніе. Отъ нея повѣяло бы тѣмъ же властнымъ очарованіемъ, которымъ проникнуты наши старые лѣса и старыя пѣсни. Вотъ, гдѣ тайна творчества великихъ художниковъ: можно подумать, что цѣлый народъ творитъ вмѣстѣ съ ними».

X.

Картина, о которой говоритъ Нейманъ, одно изъ лучшихъ произведеній Бёклина на религіозную тему. Мнѣ не удалось ее видѣть, но даже фототипія съ нея производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Въ самой композиціи столько неожиданнаго обаянія, тонкаго психологическаго чутья и, главное, столько новизны въ деталяхъ, что не знаешь, чему больше удивляться, смѣлости ли автора или его проницательности... Тѣло Учителя только что сняли съ креста. Іосифъ Аримафейскій, сѣдой, важный старикъ съ курчавыми волосами, поддерживаетъ голову Христа, а Никодимъ прикрываетъ Его длиннымъ саваномъ и глядитъ на Него съ выжидающимъ напряженіемъ, точно спрашиваетъ: «Правда, что Ты умеръ?» Тутъ же стоитъ на колѣняхъ старушка въ національномъ еврейскомъ нарядѣ. Съ перваго взгляда въ ней трудно узнать Богородицу. Она не плачетъ и даже не страдаетъ. Она дошла до того состоянія, когда горе дѣлаетъ равнодушнымъ. Лѣвѣе Марія Магдалина, отвернувшись въ сторону, неутѣшно рыдаетъ. Подлѣ нея кроткій, подавленный грустью Іоаннъ. Въ правомъ углу картины видны распятые разбойники. Одинъ изъ нихъ уже пересталъ жить; но въ глазахъ другого еще тлѣетъ озлобленная мысль. Позади тянется невысокая каменная стѣна, а дальше—верхи кипарисовъ и плоскія крыши Іерусалима.

Замѣтимъ еще одну подробность. Бёклинъ, подчиняясь своей непосредственной оригинальности, усѣялъ всю Голгоѳу пестрыми маргаритками. Эта идея кажется нѣсколько странной. Какъ могли вырости цвѣты на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно толпился народъ, римскіе воины, палачи? гдѣ было пролито столько крови и слезъ? Не спрашивайте объ этомъ художника. Онъ не написалъ «Снятіе съ креста» для того, чтобы передать ужасы казни. Кто знаетъ, можетъ быть, вся немного наивная поэзія картины таится въ дѣвственныхъ лепесткахъ раслустившихся около Спасителя маргаритокъ...

Образъ умершаго Христа часто тревожилъ воображеніе Бёклина. Въ 1868 году впервые написана имъ «Печаль Магдалины». Затѣмъ, съ нѣкоторыми варіаціями, картина повторялась въ 1870 и 1873 г. *). Наконецъ, въ національной галлереѣ Берлина есть еще большое полотно «Pietà», исполненное въ 1877 году. Впечатлѣніе отъ картины двоится. Внизу тѣло Христа, лежащее на мраморной доскѣ, залито блѣднымъ зеленовато-фосфорическимъ свѣтомъ, который переходитъ, сгущаясь, въ мѣдно-синій фонъ. Почти такого же цвѣта покрывало, окутывающее съ головы до ногъ Марію, припавшую на грудь Спасителя... Но когда мы обращаемся отъ этой скорбной группы къ верхней части картины, то

*) «Magdalenas Trauer an der Leiche Christi». Базель. «Die büssende Maria Magdalena».

насъ поражаетъ рѣзкій переходъ и въ краскахъ, и въ настроеніи. Тамъ ярко золотится разверстое небо и толпа ликующихъ ангеловъ въ праздничныхъ одеждахъ славословитъ Бога. Художникъ мгновенно переноситъ насъ изъ лунныхъ сумерекъ въ солнечныя небеса, отъ безжизненно-страдальческаго лица Спасителя къ беззаботной улыбкѣ херувимовъ...

Въ своихъ религіозныхъ произведеніяхъ Бёклинъ болѣе поэтъ, чѣмъ мистикъ. Для него Новый Завѣтъ—художественная сказка и онъ принимается за нее съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ пишетъ древнегреческія или средневѣковыя легенды. Есть двѣ большія работы Бёклина, одна (въ Базелѣ), изображающая «Сказаніе о Дѣвѣ Маріи» (Mariensage), другая (въ музеѣ Бреславля) подъ названіемъ «Fertur lux in tenebris». Собственно говоря, это—складни. «Mariensage» представлена слѣдующимъ образомъ. Въ центрѣ—сидящая на престолѣ Богородица съ младенцемъ; налѣво—рожденіе Іисуса; направо—ученики, уходящіе отъ гроба Господня. Кромѣ того, наверху помѣщаются еще маленькія, едва намѣченныя изображенія: «Волхвы со звѣздою» и «Погребеніе Христа». Тутъ начало и конецъ христіанской легенды; первая чудесная ночь рождества, непроницаемо-темная, съ одною лишь яркой путеводной звѣздой, и тревожная ночь смерти, послѣдняя ночь, озаряемая вспышками далекихъ зарницъ...

Другой триптихъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ символической декораціи. Онъ дополняетъ «Сказаніе о Маріи», открывая духовный смыслъ Евангелія—«Свѣтъ во откровеніе язычниковъ». Но пусть самъ авторъ пояснитъ свою идею. Слѣдующій отрывокъ взятъ изъ письма Бёклина къ директору Силезскаго музея Бергу: «Моя задача состоитъ въ томъ, чтобы сковать всѣ три картины объединяющею ихъ мыслью, которая была бы притомъ живописна. Однако, всѣ три фрески должны быть совершенно различны и производить своеобразное впечатлѣніе, чтобы не быть скучными, какъ тріо флейтъ. Картина налѣво представляетъ ужасъ: темный лѣсъ, алтарь въ крови, смятенный народъ; все, что останется выразить при окончательной разработкѣ, должно вызывать жуткое чувство. На противоположной сторонѣ (триптиха) радость. Въ обѣ картины надо вложить возможную силу и глубину красокъ. Теперь вопросъ заключается въ средней фрескѣ. Она должна и по внѣшнему виду, и по интимному дѣйствію на зрителя превосходить остальныя, которыя такимъ образомъ будутъ какъ бы ея дополненіемъ. Останется только, послѣ изображенныхъ душевныхъ волненій (ужаса и радости) написать ее такъ, чтобы она возбуждала страхъ въ самомъ зрителѣ... Если выполнить такой замыселъ со всѣмъ богатствомъ свѣта, доступнаго фрескамъ, то я думаю, что при перемѣнномъ взглядѣ съ одной картины на другую интересъ къ нимъ возрастетъ. Тогда не будетъ достаточнымъ увидѣть ихъ однажды; подобно тому, какъ хорошая музыка или поэзія никогда не надоѣдаютъ,

такъ и къ нимъ будетъ постоянно тянуть, потому что сильные контрасты трогаютъ душу и долго звучатъ въ ней потомъ».

Вотъ бѣглый очеркъ исполинскаго труда, совершеннаго Бёклиномъ... Въ настоящее время художнику минулъ семьдесятъ первый годъ; но, несмотря на возрастъ, вдохновеніе не измѣнило ему. Онъ продолжаетъ по прежнему работать, удалившись въ свою виллу Санъ-Доменико, близъ Флоренціи.

Мы вѣримъ въ творческую силу южнаго неба. Мы вѣримъ, что еще долго въ тѣни лавровыхъ деревьевъ, обвитыхъ плющемъ, будетъ бить источникъ красоты, и что около него не перестанутъ грезить два женскихъ образа—бѣлокурая дѣвушка съ палитрой въ рукѣ и ея задумчиво-строгая сестра—Поэзія съ вѣнкомъ на черныхъ волосахъ, внимающая многозвучному пѣнію весенней природы...

Сергѣй Маковскій.

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. Р. Виппера.

(*Продолженіе* *).

III. «Духъ законовъ».

Если въ XVII в. умственная жизнь отдѣльныхъ европейскихъ обществъ была еще весьма изолирована, то около 1700 г. намѣтилось сближеніе между англійской и французской средой. Знакомство двухъ національныхъ обществъ положило начало тому, что стало называться въ XVIII в. литературной республикой, что мы могли бы назвать литературнымъ космополитизмомъ Европы.

Первые шаги въ этомъ сближеніи были сдѣланы людьми, которыхъ оффиціальная Франція безжалостно выбросила за предѣлы родины, эмигрантами-гугенотами. Поселившись у порога Франціи, въ Голландіи, въ Лондонѣ, самые живые, талантливые и просвѣщенные въ ихъ средѣ, отчасти силою вещей, брошены были на литературный заработокъ и горячо принялись за самые живые вопросы дня. Политики вигской партіи въ Англіи пользовались ихъ услугами. Эмигранты, нервно возбужденные, благодаря сознанію испытанной несправедливости, діалектики и резонеры, подъ вліяніемъ кальвинистской школы, составляли среду, постоянно кипѣвшую разнообразными интересами. Въ началѣ XVIII в. мѣсто ихъ сходокъ въ Лондонѣ, кофейня «Радуги», наполнено шумомъ споровъ и разсужденій по всѣмъ вопросамъ религіи, науки, политики. Здѣсь, до извѣстной степени, получаютъ крещеніе свѣтскіе пилигриммы, отправляющіеся позднѣе въ Англію, въ родѣ Вольтера.

Уже политическое положеніе эмигрантовъ ставило ихъ въ оппозицію національному предразсудку: съ другой стороны, раздраженіе, которое нерѣдко заставляло ихъ биться въ рядахъ враговъ Франціи, естественно, должно было направить ихъ симпатіи къ либеральнымъ доктринамъ и учрежденіямъ. Эмигранты любили и ненавидѣли Францію, они жадно подбирали всякаго рода проекты реформы, относившіеся къ ней, а въ

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

Англіи они крѣпко стояли за вигонъ и парламентъ въ политикѣ, за терпимость въ религіи. Побѣжденные силой, они какъ бы поставили себѣ задачей завоевать Францію идеями. Все, что привлекало ихъ въ странѣ, давшей имъ пріютъ, что такъ подходило къ ихъ настроенію, они стали неутомимо пропагандировать для отвергнувшей ихъ родины. Безпокойная, компиляторская, популяризующая литература ихъ и послужила первымъ мостомъ между Англіей и Франціей. Гугеноты первые познакомили французовъ съ англійскими учрежденіями. Въ массѣ переводовъ распространили они англійскія литературныя произведенія, начиная отъ Утопіи Мора и кончая Робинзономъ Дефо; въ общедоступной формѣ открывали они французской публикѣ философію Бэкона и Локка.

Въ этой литературѣ было мало оригинальнаго. Въ ней чувствовалась тяжеловѣсность, педантизмъ кальвинистовъ, взявшихъ на себя педагогическую роль. Но жизнь сама вырабатывала въ нихъ жилку журнализма, бойкость, расторопность, освѣдомленность обо всемъ, что могло волновать европейскій міръ.

Благодаря ихъ неутомимой работѣ, Англія перестаетъ казаться французамъ чуждой, непонятной страной. За вынужденными переселенцами рѣшаются двинуться туда люди любопытные, жаждущіе поученія и откровенія. Съ 20 гг. входятъ въ моду путешествія въ Англію. Аббатъ Прево, будущій романистъ, сбросивъ рясу бенедиктинца, бѣжитъ въ Англію, которая заранѣе представляется ему страной умственной и общественной свободы. Въ своемъ журналѣ «Pour et contre», который онъ сталъ издавать по возвращеніи во Францію (1733—1740), онъ ставитъ спеціальной цѣлью передавать свѣдѣнія, крупныя и мелкія, о томъ, что дѣлается въ Англіи, объ «интересныхъ частностяхъ, касающихся генія англичанъ, о курьезахъ Лондона, о прогрессѣ наукъ и сообщать самыя лучшія сцены англійскихъ переводныхъ пьесъ».

Нѣтъ ничего характернѣе искренняго и наивнаго, нѣсколько неопредѣленнаго восторга увлекающагося аббата передъ англійскими порядками и нравами. Все у нихъ хорошо, начиная съ умѣреннаго климата и естественныхъ богатствъ: прекрасны прочныя учрежденія, которыя охраняютъ англичанъ отъ тиранніи, ихъ законы, имѣющіе въ виду лишь общественное благо, ихъ правовое сознаніе, ихъ религіозная терпимость; наконецъ, ихъ нравы, ихъ глубокая естественность, которая заставляетъ презирать аффектацію, церемоніи и гримасы. Вотъ счастливый безгранично народъ!

«Какъ поучительно видѣть въ кафе одного или двухъ милордовъ, рыцаря-баронета, башмачника, виноторговца и нѣсколько человѣкъ еще такого же рода—за однимъ столомъ, съ трубкой во рту, въ непринужденной бесѣдѣ объ общественныхъ вопросахъ». Подъ грубоватой оболочкой англичанъ скрывается духовное здоровье. Англійскія добродѣтели—обыкновенно добродѣтели прочныя, потому что онѣ основаны на принципахъ: а принципы эти—созданіе счастливой натуры и наиболѣе чистаго разума.

Въ видѣ иллюстраціи этому положенію Прево пишетъ огромный 6-томный романъ о приключеніяхъ «побочнаго сына Кромвеля Клевеленда». Въ обстановкѣ романизированной исторіи Англіи эпохи революціи и реставраціи изображенъ человѣкъ, который именно въ своихъ чисто-англійскихъ чертахъ представляетъ типъ истиннаго философа, странствующаго и спокойно наблюдающаго среди житейскихъ бурь мыслителя. Клевелендъ объѣзжаетъ материки и океаны и ни на минуту не колеблется его философія. Среди величайшихъ несчастій, въ американской дикой глуши, среди страшныхъ людоѣдовъ, убивающихъ его лучшихъ друзей и съѣдающихъ, какъ онъ увѣренъ, его дочь, онъ, не теряя равновѣсія, размышляетъ, отмѣчаетъ впечатлѣнія и предписываетъ законы, потому что онъ принадлежитъ къ націи прирожденныхъ правителей земли.

Другой писатель, швейцарецъ Муральтъ, стараясь растолковать французамъ причину научныхъ и литературныхъ успѣховъ англичанъ, говоритъ: «Мнѣ нисколько не удивительно это: они чувствуютъ себя свободными; имъ легко и удобно; они любятъ прилагать ко всему мѣрку разума, они пренебрегаютъ тою деликатностью въ разговорѣ, тѣмъ вниманіемъ къ манерамъ, которыя только развлекаютъ и примельчаютъ умъ. Среди нихъ есть люди, которые мыслятъ болѣе сильно и у которыхъ болѣе оригинальныхъ идей, чѣмъ у развитыхъ людей другихъ націй».

Какъ обыкновенно бываетъ, при такомъ увлеченіи, въ обѣтованной землѣ, у своего великаго образца находили то, чего искали, видѣли то, что хотѣли видѣть. Создается своего рода фантазія о разумно-счастливомъ народѣ, къ которому должно ѣхать учиться. Поѣздка въ Англію, стали теперь думать во Франціи, формируетъ человѣка, доканчиваетъ его развитіе, открываетъ ему широкій міръ. «Изъ всѣхъ странъ всего полезнѣе посѣтить Англію», говоритъ Монтескьё. Путешествіе тридцати-двухлѣтняго Вольтера въ Англію составляетъ поворотный пунктъ его жизни. Одинъ современникъ замѣчаетъ объ этомъ: «Онъ имѣлъ великое счастіе побывать въ Англіи... Всѣ знали давно поэтическій талантъ этого автора. Его и не думали, однако, (до тѣхъ поръ) заносить въ разрядъ людей, которые размышляютъ и разсуждаютъ». По возвращеніи Вольтеръ не только пропагандируетъ усвоенныя на мѣстѣ новыя научныя теоріи; англійскія впечатлѣнія слагаются у него въ злую сатиру противъ домашнихъ порядковъ.

Англія представляется страной, рѣшившей естественнымъ путемъ, въ силу своей счастливой организаціи и здоровыхъ свойствъ расы, тѣ политическіе и религіозные вопросы, о которыхъ французамъ позволительно было лишь мечтать. Во всякомъ случаѣ, знакомство съ нею открывало новый культурно-общественный матеріалъ, навязывало само собой рядъ поучительныхъ параллелей.

Въ этой умственной обстановкѣ и создалась крупнѣйшая соціоло-

гическая работа первой половины XVIII в.—«Духъ законовъ» Монтескьё.

Чтобы выдѣлить характерныя черты соціальнаго сознанія, лежащія въ основѣ этой книги, необходимо вглядѣться въ общественную среду, которая воспринимала новыя впечатлѣнія. Монтескьё самъ своею жизнью даетъ въ этомъ отношеніи наилучшій матеріалъ; Монтескьё—одинъ изъ лучшихъ, самыхъ гуманныхъ представителей руководящаго интеллигентнаго общества въ его старинномъ составѣ и съ его старинными традиціями. Монтескьё выражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ ту мѣру реформъ, на которыя это общество было способно безъ ломки своихъ основъ. Въ его совѣтахъ и признаніяхъ соединяются слабости и возвышенныя стремленія этого общества, они отражаютъ въ себѣ пониманіе соціальныхъ порядковъ, ихъ принципіальное и историческое оправданіе, свойственное соціальной средѣ, которая чувствовала себя весьма далекой отъ катастрофъ и революцій. Мы имѣемъ передъ собой оціальную философію, если такъ можно выразиться, устойчиваго общественнаго момента или, вѣрнѣе сказать, общества съ сознаніемъ своей устойчивости.

Монтескьё по происхожденію и воспитанію принадлежалъ къ высшему слою общества, къ наиболѣе активной и просвѣщенной группѣ его. Его семья примыкала къ стариннымъ родамъ военной аристократіи, и его предки въ свое время прошли всѣ увлеченія и приключенія, характерныя для французскаго дворянства, включая сюда и отпаденіе въ кальвинизмъ, эту героическую вѣру XVI в. Отъ эпохи бурь, подвиговъ и оппозиціи осталась черта нѣкоторой аристократической суровости и спартанства. Старики Монтескьё—Ла Брэды жили въ сельскомъ замкѣ около Бордо, который стоялъ живымъ памятникомъ XIII в., въ большой неуклюжей почернѣвшей башнѣ безъ всякихъ украшеній, съ подъемнымъ мостомъ черезъ окружный широкій ровъ, наполненный водой. Монтескьё самъ живо ощущалъ свое феодальное положеніе и любилъ говорить: «моя земля, мои вассалы». Съ полнымъ убѣжденіемъ производилъ онъ себя отъ германскихъ завоевателей, которые принесли въ порабощенную римлянами Галлію понятія свободы. Онъ различалъ двѣ націи, націю благородную и мѣщанскую, плебейскую и называлъ первую «наши предки, германцы, свободные воины». Въ феодальной средѣ, гдѣ родился Монтескьё, чувствовалась и патріархальная близость къ народу. На молитвенникѣ одной мѣстной крестьянки оказалась подъ днемъ крещенія мальчика помѣтка: «Сегодня окрестили сына нашего сеньера; воспріемникомъ его былъ бѣдный нищій прихода, Шарль, для того, чтобы оставить ему на всю жизнь память, что бѣдные—братья его. Да сохранитъ намъ всеблагій Господь этого ребенка!»

Совершенно въ духѣ землевладѣльца, гордаго вѣковой осѣдлостью, презиралъ Монтескьё торговое занятіе, и эта черта проникла

въ спокойную среду его характеристикъ въ «Духѣ законовъ». Торговля—дѣло мелкихъ государствъ и мелкихъ людей. Римляне, героическій народъ, презиралъ ее; у великой французской монархіи есть болѣе крупныя и возвышенныя задачи. Честь и торговля не могутъ идти вровень.

Но у Монтескьё землевладѣльческая гордость сплетается съ аристократизмомъ другого рода. Отъ родственниковъ своихъ наслѣдуетъ онъ мѣсто въ бордоскомъ парламентѣ, пріобрѣтаетъ независимое положеніе въ средѣ высшей судебной магистратуры. Такимъ образомъ онъ вступаетъ въ корпорацію съ своеобразнымъ складомъ и традиціями. Опираясь на свою привиллегію покупки и передачи должностей, парламенты защищали вообще унаслѣдованныя вольности; въ періодъ политическаго молчанія общества они провозглашали идеи и обнаруживали тенденціи сословнаго представительства; они заявляли вражду къ бюрократизму, къ нивеллировкѣ, къ механичности абсолютнаго управленія. Въ качествѣ хранителей закона, парламенты привыкли противопоставлять себя неустойчивой, склонявшейся по произволу администраціи, всей массѣ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ.

Въ свое время Сорбонна, совокупность свѣтилъ богословской науки, считала себя въ правѣ направлять на путь истины, возвращать къ вѣрной традиціи самого святѣйшаго отца; такъ и парламентъ, сознавая себя олицетвореніемъ неизмѣннаго государственнаго принципа и закрѣпленныхъ привиллегій, думалъ, что выполняетъ свой долгъ, когда возражалъ самому государю и не допускалъ его до нарушенія старины и традиціи. Въ исторіи этихъ почти всегда трагическихъ попытокъ возраженія во имя закона заключался какъ бы мартирологъ, полный почета для парламентской корпораціи. Понятно, что въ этой средѣ слагалось особое міровоззрѣніе, что здѣсь прививалась фаталистическая, учившая гордому самоотреченію вѣра, вѣра янсенизма. Юридическая школа, которую проходили парламентскіе дѣятели, наталкивала ихъ на историческія сближенія, взятыя изъ римской исторіи; они чувствовали сходство свое съ римскимъ сенатомъ эпохи имперіи и настраивали себя на тонъ тѣхъ героевъ оппозиціи деспотизму императоровъ, которые изображены у Тацита. Эти параллели добавляли новый оттѣнокъ къ настроенію ихъ, особый консервативно-республиканскій стоицизмъ, нѣкоторый реторическій пафосъ, идеализацію античной добродѣтели.

Черты эти очень замѣтны у Монтескьё. Они составляютъ основное настроеніе его «Разсужденія о причинахъ величія и паденія древняго Рима». Изображая появленіе стоическаго ученія среди упадка силъ и нравовъ имперіи, Монтескьё говоритъ: «Казалось, человѣческая природа сдѣлала усиліе, чтобы произвести самобытно эту изумительную секту людей, напоминающую тѣ растенія, которыя порождаетъ земля въ мѣстахъ, никогда не видѣвшихъ неба». Герои Монтескьё—замкнутые, непоколебимые, проникнутые однимъ принципомъ республиканцы,

прирожденные господа земли; добродѣтель, по Монтескьё,—исполненіе гражданскаго долга, который не нуждается въ поощреніяхъ и не страшится преслѣдованій. Говоря объ убійствѣ Цезаря Брутомъ, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «можно ли было наказать иначе, какъ убійствомъ преступленіе Цезаря, который вѣдь выросъ и жилъ среди свободнаго устройства?» Въ дѣлѣ Брута «выразилась любовь къ родинѣ, настолько сильная и подавляющая, что, выходя за обычные предѣлы преступленій и добродѣтелей, она внимала лишь себѣ самой, не видя ни гражданина, ни друга, ни благодѣтеля, ни отца». Общество такимъ образомъ какъ бы имѣетъ призванныхъ, прирожденныхъ руководителей, а для этихъ вождей существуетъ особая мораль, и они составляютъ настоящую его интеллектуальную силу.

Аристократъ съ республиканскими и стоическими симпатіями, Монтескьё формировалъ свои вкусы въ салонной средѣ; свои умственные интересы онъ развивалъ на научной методѣ, созданной преимущественно изученіемъ явленій физической природы. Монтескьё былъ вполнѣ человѣкъ общества; мастеръ остроумнаго разсказа, мѣткихъ опредѣленій, неожиданныхъ оборотовъ въ разговорѣ, онъ былъ любителемъ тонкой бесѣды, въ которой споръ не грозилъ затянуться, но захватывались легко и ярко существенные факты и идеи. Онъ привыкъ наблюдать, брать свой матеріалъ на лету, заносить случайныя и оторванныя черты и анекдоты о нравахъ и привычкахъ людей въ разныхъ странахъ и въ разныя времена, не пренебрегать мелочами. Въ разговорѣ, на прогулкѣ эти клочки и блестки собираются въ картинки и сближенія; такъ постепенно, не спѣша и на досугѣ, слагаются общія характеристики, сравнительныя оцѣнки и т. д. Съ тою же свѣтской манерой наблюдаетъ Монтескьё во время своихъ путешествій; это—не систематическое изученіе, не исчерпывающая полнота. Можно сказать, Монтескьё любитъ конкретное, но, выжавъ изъ него драгоцѣнную каплю, бросаетъ его и знаетъ лишь добытую эссенцію. Но онъ всюду вноситъ неослабѣвающую чуткость, свѣжесть интереса и мысли: «Я всю жизнь наблюдаю; все меня интересуетъ, все приводитъ въ удивленіе; я—какъ ребенокъ, органы котораго, еще нѣжные, живо затрогиваются малѣйшими предметами».

Монтескьё прошелъ и характерное для того времени увлеченіе естественными науками. Онъ производилъ опыты, штудировалъ анатомію, ботанику. Это какъ бы считалось общеобязательной школой саморазвитія, приблизительно, какъ у насъ въ 60-хъ годахъ. Монтескьё, можетъ быть, немного вынесъ отсюда спеціальныхъ знаній; но подобная работа имѣла значеніе: матеріалъ общественно-научныхъ и историческихъ свѣдѣній былъ слишкомъ безпорядоченъ, и натуралистическая школа скорѣе воспитывала въ умѣ понятіе закономѣрности явленій.

Монтескьё любитъ вплетать примѣры изъ жизни внѣшней природы, пояснять общественные законы аналогіями, заимствованными изъ сферы

естественно-историческихъ явленій. Напримѣръ, онъ замѣчаетъ въ «Духѣ законовъ» по поводу революцій: въ малыхъ государствахъ, гдѣ масса гражданъ принимаетъ участіе въ политическихъ волненіяхъ, необходимо, чтобы небольшое число разумныхъ и спокойныхъ людей входило въ составъ мятежниковъ: «такъ, броженіе одной жидкости можетъ быть остановлено каплей всего другой жидкости». Въ разсужденіи о вліяніи тепла и холода на нервные центры и развитіе психическихъ наклонностей у цѣлыхъ народныхъ группъ, Монтескье разсказываетъ обстоятельно о своихъ изслѣдованіяхъ подъ микроскопомъ и опытахъ надъ поверхностью языка барана и пр.

Кругозоръ идей Монтескьё былъ расширенъ путешествіями. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ побывалъ въ Австріи, Венгріи, Италіи, Германіи, Голландіи, Англіи. Эти страны съ ихъ строемъ и нравами составили тотъ общественный міръ, въ которомъ постоянно жила мысль Монтескьё, который постоянно подсказывалъ ему сопоставленія, поученія и историческія аналогіи. На краю этого міра помѣщались народы и области, извѣстные по наслышкѣ, изъ книгъ, страны полуварварскія и не достигшія культуры или извратившія культурные принципы, Польша, Москва, Турція и Персія; послѣднія двѣ составляли тотъ «Востокъ» въ собственномъ смыслѣ, который постоянно напрашивался на антитезу съ Европой.

Осязательно-знакомый міръ у Монтескьё не великъ. Но онъ представлялъ для наблюдателя нѣчто цѣльное, связанное внутри, поддающееся классификаціи. Стремясь понять его основы, Монтескьё постоянно возвращается къ сравненію его съ другимъ, исчезнувшимъ міромъ, съ міромъ античнымъ, который сосредоточивается для него въ Римѣ. Гражданскія войны въ Римѣ напоминаютъ ему тотчасъ Кромвеля и англійскую революцію; демократическій царь Рима, Сервій Туллій, принижающій сенатъ, вызываетъ параллель съ Генрихомъ Тюдоромъ, который увеличилъ силу общинъ, чтобы ослабить сеньеровъ. Въ чемъ была сущность этого разрушившагося міра, какія причины его паденія? Чѣмъ отличается отъ него вновь сложившаяся среда? Эти историческіе вопросы тѣсно связаны были съ соціальнымъ пониманіемъ современности.

Для Вико, какъ мы видѣли, вопросы эти рѣшались теоріей круговорота, признаніемъ аналогичныхъ повтореній въ фатальныхъ кругахъ развитія. Монтескьё болѣе чувствуетъ различіе древняго и новаго міра. Въ своемъ «Разсужденіи о причинахъ величія и паденія древнаго Рима» онъ старается опредѣлить, почему въ современности невозможны такія крупныя и великія предпріятія, какъ въ древнемъ мірѣ. Уже постановка вопроса клонится къ невыгодѣ новой культуры.

Монтескьё указываетъ прежде всего на огромную разницу военной способности древнихъ и новыхъ народовъ. Современный государь, имѣющій милліонъ населенія въ странѣ, не можетъ держать, не разоряясь,

болѣе 10,000 солдатъ. Въ настоящее время отношеніе солдатъ къ остальному населенію 1:100, въ древности — 1:8. Но главная причина въ развитіи сношеній и публичности въ новое время. Книгопечатаніе, гравюра и карты, политическіе журналы, почта быстро знакомятъ всѣхъ съ положеніемъ дѣлъ, распространяютъ свѣдѣнія и раскрываютъ секреты государственные; со времени изобрѣтенія векселей денежныя средства въ рукахъ купцовъ и огромныя суммы направляютъ движеніе событій. Монтескьё не склоненъ восхищаться этими успѣхами новой культуры, какъ это будутъ дѣлать позднѣе теоретики и проповѣдники безконечнаго прогресса человѣчества. Онъ не можетъ удержаться отъ ироническаго замѣчанія: «сношенія между націями нынче такъ велики, что каждый государь имѣетъ представителей своихъ при всѣхъ дворахъ и можетъ располагать измѣнниками во всѣхъ министерскихъ кабинетахъ».

Сравните съ этимъ опредѣленіемъ то, что говорится о древнемъ мірѣ. Его основная черта—господство характеровъ, господство политической свободы; это—великія данныя, которыя не идутъ въ сравненіе съ современными благами мягкой, удобной, рефлектирующей жизни; обладаніе ими, напротивъ, тревожно и страшно, жизнь эта—грандіозна и бурна. «Свободное управленіе, т. е. вѣчно безпокойное», говоритъ Монтескьё. (Въ древности) «совершали дѣла, которыхъ мы не видимъ болѣе и которыя поражаютъ слабыя души наши». «Мнѣ непріятно, что Титъ Ливій окружаетъ цвѣтами этихъ огромныхъ колоссовъ древности (такъ замѣчаетъ Монтескьё по поводу Аннибала), лучше бы онъ поступалъ, какъ Гомеръ, который не старается ихъ разрядить, но зато такъ хорошо умѣетъ показать ихъ въ движеніи».

Въ этой идеализаціи древняго міра—своего рода утопія. Но человѣкъ нуждается въ подобномъ утѣшеніи, будь это картина небеснаго или земного рая, счастливаго уголка добродѣтельныхъ дикарей на островѣ Великаго Океана или погибшаго среди развалинъ міра великихъ сердецъ и неукротимыхъ характеровъ. Даже въ знаменитой сатирѣ Свифта, въ «Путешествіи Гулливера», гдѣ все человѣческое опрокинуто въ злой насмѣшкѣ, есть одинъ свѣтлый пунктъ, одно святое мѣсто, которое поднимается выше критики и злословія, и это также моментъ великой моральной силы въ античной республикѣ. Въ ученомъ царствѣ Гулливеръ проситъ вызвать тѣни Гомера и Аристотеля, Брута и Цезаря и почтительно бесѣдуетъ съ ними. Цезарь восхваляетъ Брута, съ которымъ онъ теперь неразрывенъ, и называетъ величайшимъ подвигомъ убійство его, Цезаря. Рядомъ съ современнымъ законодательнымъ собраніемъ, жалкимъ и позорнымъ, поднимается сенатъ, точно совѣтъ героевъ и полубоговъ.

Только по временамъ вспыхиваетъ и въ новой Европѣ героическій духъ, такъ кажется Монтескьё, болѣе всего въ Англіи и особенно въ эпоху ея революціи. Никогда Англія не вызывала такого преклоненія,

какъ въ эпоху Кромвеля. Таково же было время лиги во Франціи, смутъ въ малолѣтство Людовика XIV. Во внутреннихъ междусобіяхъ формируются крупные люди и зрѣютъ великіе завоевательные замыслы, которые грозятъ сосѣдямъ. Но вообще Европа можетъ жить спокойно. Варвары спятъ на ея краяхъ, пока ихъ не трогаютъ. Но если ихъ загнать опять на сѣверъ, какъ сдѣлали римляне и Карлъ Великій, они во второй и въ третій разъ наводнятъ Европу и покорятъ ее.

Стоитъ запомнить этотъ кругъ понятій и эту спокойную разсудительную фигуру представителя стариннаго общества наканунѣ своего рода завоевательной бури политическихъ и соціальныхъ требованій, наканунѣ возникновенія какъ бы новой религіи, религіи прогресса и демократіи, сопровождавшейся, какъ всякая религія, безпокойной пропагандой, апологіей чувства, нетерпимымъ сознаніемъ исключительной истины и исключительной цѣли впереди.

До извѣстной степени завѣщаніемъ сходящаго со сцены общества и его настроенія останется «Духъ законовъ» Монтескьё. Самому Монтескьё казалось, что онъ всю жизнь работалъ надъ этой книгой. «Когда я вышелъ изъ школы, мнѣ дали въ руки юридическія сочиненія; я искалъ въ нихъ духа». Что Монтескьё разумѣетъ подъ этимъ?

Монтескьё любитъ настаивать на томъ, что не случай, не слѣпая судьба управляетъ міромъ. «Посмотрите на римлянъ: они имѣли непрерывный рядъ успѣховъ, когда управлялись по одному извѣстному плану, рядъ безконечныхъ неудачъ, когда избрали другой. Есть причины общія, нравственныя или физическія, которыя дѣйствуютъ во всякомъ государствѣ, поднимаютъ, сохраняютъ его или губятъ; всѣ отдѣльные случаи подчинены этимъ причинамъ; если мы видимъ, что случайный исходъ битвы, т. е. частная причина, разрушаетъ государство, то навѣрно существовала общая причина, въ силу которой государство это должно было погибнуть отъ одной битвы».

Отысканіемъ этихъ общихъ причинъ и занятъ Монтескьё въ «Духѣ законовъ». Свои твердо укрѣпившіяся убѣжденія, результатъ всей работы соціально-историческихъ наблюденій онъ отчетливо формулируетъ въ предисловіи:

«Я сначала изучилъ людей и я пришелъ къ убѣжденію, что въ безконечномъ разнообразіи законовъ и нравовъ они не руководятся единственно своими капризами.

«Я установилъ принципы, и я увидѣлъ, что частные случаи какъ бы сами собою имъ подчинялись, что исторія каждой націи являлась какъ бы слѣдствіемъ этихъ принциповъ, что каждый частный законъ былъ связанъ съ другимъ или зависѣлъ отъ болѣе общаго.

(Въ началѣ) «я не имѣлъ плана, не зналъ ни правилъ, ни исключеній; но когда я нашелъ принципы, все, чего я искалъ, само собою далось мнѣ».

Но отчего же рѣчь идетъ о духѣ законовъ, а не о духѣ устройствъ,

духѣ культуръ народныхъ? Законъ у Монтескьё—широкое понятіе или, лучше сказать, подъ этимъ словомъ онъ смѣшиваетъ разныя понятія, и въ этомъ смѣшеніи заключается характерная черта его воззрѣній.

Монтескьё опредѣляетъ прежде всего законъ, какъ научное понятіе: это—постоянныя отношенія въ природѣ и человѣческомъ общежитіи. Нечувствительно онъ переходитъ къ другому опредѣленію: внутри каждой формы общежитія, въ жизни каждаго государства, народа—есть свой основной законъ, т. е., онъ уже хочетъ сказать, неизмѣнный факторъ, главный жизненный элементъ, который мы узнаемъ изъ постоянныхъ отношеній, постоянныхъ повтореній въ предѣлахъ такой общей формы. Наконецъ Монтескьё разумѣетъ законъ въ узкомъ смыслѣ, изданный, государственный законъ; этотъ законъ только тогда дѣйствителенъ, если онъ формулируетъ требованія или условія, вытекающія изъ фундаментальнаго закона, т. е. изъ принципа жизни данной общественной группы или общественнаго тѣла. Монтескьё хочетъ сказать, что въ дѣйствительности живутъ, жизненны только типичныя формы; то, что не типично, что случайность, что составляетъ временное и мѣстное отклоненіе, то не идетъ въ счетъ, не имѣетъ ни научной, ни практической цѣны. Если изданный государствомъ законъ не идетъ къ данной общественной организаціи, онъ останется безплоднымъ; и соціологъ или историкъ при научномъ изученіи посмотрятъ на него, какъ на курьёзъ.

Велика можетъ быть игра случая, каприза, ошибки; но въ нормальной жизни всѣ отклоненія должны взаимно парализоваться, одна опредѣленная нить въ концѣ концовъ пробѣжитъ черезъ весь общественный организмъ, начиная отъ первыхъ шаговъ его существованія, и къ этой нити должны примкнуть всѣ тѣ человѣческіе акты, которые отражаютъ въ себѣ существенныя потребности и свойства даннаго общества.

Монтескьё почти не видитъ, почти не рѣшается сказать, гдѣ кончается вліяніе натуральнаго жизненнаго принципа, проникающаго собою общественное тѣло, и гдѣ начинается воздѣйствіе изданнаго властью закона, если этотъ законъ вѣренъ основному принципу. Они взаимно укрѣпляютъ другъ друга, ихъ силы переплетаются. Вѣрные принципу даннаго общества, законы напрягаютъ всѣ пружины управленія, а принципъ, жизненная органическая основа, въ свою очередь, получаетъ новую мощь.

Опираясь на это убѣжденіе, Монтескьё хочетъ соединить научную и практическую задачу. Путемъ изученія естественныхъ, необходимыхъ условій, на которыхъ держится существованіе тѣхъ или другихъ общественныхъ формъ, онъ хочетъ опредѣлить, какъ надо ихъ направлять; онъ хочетъ положить основы для здравой раціональной политики, онъ пишетъ руководство общественно-политической гигіены.

Какимъ же образомъ сложились, держатся и развиваются эти формы?

Монтескьё предлагаетъ читателю рядъ главъ, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи климата и почвы страны на общественный и политическій строй, на характеръ и нравы народовъ. Онъ думаетъ въ природныхъ условіяхъ открыть прочную отправную точку, факторъ непрерывно-одинаковой силы.

Главныя противоположности въ его характеристикахъ—это Европа и Востокъ, сѣверяне и южане. Между ними распредѣляются такія свойства, какъ холодность, малоподвижность или страстность, сангвинизмъ, дѣятельный духъ или лѣность. Монтескьё вооружается физіологическими представленіями своего времени и хочетъ открыть причину разницы нравственныхъ свойствъ въ степени расширенія и сжиманія сосудовъ на конечностяхъ тѣла, въ степени развитости и чувствительности нервныхъ нитей у людей разныхъ странъ. Холодъ и тепло опредѣляютъ эту разницу: оттого у народовъ холодныхъ и теплыхъ странъ очень разная степень нравственной чувствительности, очень разная способность раздражаться; сюда же Монтескьё сводитъ бо̀льшую или меньшую охоту къ удовольствіямъ, силу храбрости и т. п.

Сѣверяне, напримѣръ, очень выносливы къ боли и мало чутки. Сюда относится замѣчаніе по нашему адресу: «надо содрать кожу съ московита, чтобы заставить его почувствовать».

Народы Востока отличаются слабостью органовъ и крайней чувствительностью. Вслѣдствіе этого они усвоиваютъ необычайно сильно первыя впечатлѣнія: затѣмъ, въ силу того же свойства, парализующаго активность, они не могутъ избавиться отъ этихъ впечатлѣній; отсюда происходитъ неподвижность ихъ порядковъ, привычекъ, даже такихъ вещей, какъ костюмъ.

Монтескьё увлекается дальше въ своихъ сближеніяхъ. Сами политическія формы народа какъ бы предопредѣлены климатомъ и почвенными условіями его страны. Въ области, гдѣ жили древніе спартанцы, плодородная почва способствовала развитію рабства и аристократическаго правленія, потому что легко достававшееся изобиліе скоро было захвачено немногими, а остальные имъ подчинились; напротивъ, скудная земля Аттики заставила всѣхъ одинаково упорно работать и, слѣдовательно, создала въ Аѳинахъ демократію.

Одинъ примѣръ особенно необычно для насъ звучитъ. Монтескьё указываетъ на то, что англичане склонны къ самоубійству; это—болѣзнь климата, который затрудняетъ фильтрацію нервныхъ соковъ и вызываетъ по временамъ истощеніе, усталость человѣческой машины. Но дальше отсюда онъ уже выводитъ общую нетерпѣливость англичанъ, которая особенно сказывается на почвѣ политики. Если людямъ всѣ вещи могутъ надоѣдать вплоть до развитія въ нихъ отвращенія къ жизни, то для нихъ подойдетъ только такая форма правленія, которая не утомляетъ однообразіемъ, а главное дѣло—такая, въ которой нельзя на одного свалить отвѣтственность за причины своего раздраженія;

вотъ почему здѣсь скорѣе законы правятъ, чѣмъ люди; для того, чтобы измѣнить порядки, надо опрокинуть законы, а это труднѣе.

Итакъ, передъ глазами Монтескьё стоятъ какъ бы отлитыя изваянія народовъ и государствъ; характеры готовы разъ навсегда; всѣ ихъ дѣйствія—въ духѣ намѣченныхъ ролей. Увѣренной рукой высѣкаетъ Монтескьё всѣ контуры каждаго коллективнаго лица. Онъ разбиваетъ народы и государства на группы и чертитъ ясно и отчетливо нравственную физіономію каждой группы. Деспотіи, монархіи, аристократіи, демократіи—каждый порядокъ имѣетъ свою природу, и каждому отвѣчаетъ извѣстный принципъ, т. е. опредѣленная тенденція человѣческихъ страстей, основной нравственный мотивъ. Монтескьё различаетъ подъ обозначеніемъ «природа» и «принципъ» двѣ разныя группы условій, два разныя начала: одно опредѣляетъ строеніе, другое—движеніе общества; одно—сохраняющая и распредѣляющая, другое—направляющая сила.

Въ деспотіи движущій мотивъ, около котораго все вращается—страхъ, въ монархіи—чувство чести, въ республикѣ—добродѣтель. Къ такому основному свойству тяготѣютъ всѣ жизненныя черты, религія, воспитаніе, примѣры прошлаго, нравы, привычки, правительственные пріемы.

Изъ нихъ образуется общій духъ даннаго общественнаго организма, его esprit général, связанный съ нимъ, какъ душа, на всемъ протяженіи земного его существованія. Измѣна ему невозможна: она равна болѣзни и смертной опасности. Если же начала, создавшія организмъ и составлявшія его жизненное содержаніе, разрушатся, наступитъ естественная смерть.

Въ какомъ-то кругѣ безъ начала и безъ конца пробѣгаютъ жизненныя влеченія каждой общественной среды: такъ, напримѣръ, любовь къ демократіи есть любовь къ суровой умѣренности потребностей. Разъ всякій долженъ обладать одинаковымъ счастьемъ и одинаковыми выгодами, всякому въ этой средѣ должны выпасть также одни и тѣ же удовольствія, наличность однѣхъ и тѣхъ же надеждъ; а это возможно лишь при общей простотѣ и умѣренности потребностей, составляющихъ сущность демократіи.

Въ этихъ разсужденіяхъ Монтескьё бываетъ очень остроуменъ, хотя иногда нѣтъ не только вывода, но и выхода изъ нихъ. Напримѣръ, отчего монахи такъ любятъ свой орденъ? Какъ разъ по тѣмъ основаніямъ, почему онъ имъ невыносимъ. Ихъ уставъ лишаетъ ихъ всего, на что опираются обыкновенныя страсти; остается, значитъ, одна страсть—къ уставу, который ихъ угнетаетъ. Чѣмъ онъ суровѣе, т. е. чѣмъ больше онъ заколачиваетъ ихъ склонности, тѣмъ больше онъ даетъ силы тѣмъ немногимъ влеченіямъ, которыя онъ имъ оставилъ.

На изученіи этихъ основныхъ моральныхъ свойствъ построена практическая забота объ общественномъ здоровьѣ и цѣлости общества; ея

исходный пунктъ у Монтескьё всегда простъ, но выполненіе въ деталяхъ сложно и требуетъ всесторонняго вниманія. Только опредѣленныя моральныя и соціальныя черты можно вызвать въ опредѣленной средѣ. Напримѣръ, демократіи годятся лишь для малыхъ государствъ, монархіи для большихъ. Демократія держится лишь на имущественномъ равенствѣ, небольшихъ земельныхъ надѣлахъ, суровомъ воспитаніи, отсутствіи денегъ. Свобода кажется невыносимой для народовъ, которые не привыкли ею пользоваться. Монтескьё не забываетъ при этомъ взять сравненіе изъ области физическихъ явленій. «Такъ, чистый воздухъ иногда вреденъ тѣмъ, кто жилъ въ болотистой странѣ».

Красивое зрѣлище, говоритъ Монтескьё, представляли въ прошломъ вѣкѣ безсильныя попытки англичанъ установить у себя демократію. Но вмѣсто добродѣтели у вождей было безграничное честолюбіе, и одна политическая интрига смѣняла другую. Затѣмъ, Монтескьё впадаетъ въ любимую антитезу античнаго величія и современной мелкоты. «Греческіе политики, жившіе среди народнаго правленія, не признавали иной силы, которая могла бы его держать, кромѣ добродѣтели. Нынѣшніе политики толкуютъ намъ о мануфактурахъ, коммерціи, финансахъ, богатствахъ, даже о роскоши».

У Монтескьё часто изумляешься точности дисциплинарно-гигіеническихъ предписаній и обстоятельности его рецептовъ и инструкцій. Въ главѣ объ аристократіи и ея режимѣ ничего не забыто. Можно сказать, каждый день, каждый актъ правительства предусмотрѣнъ. Господствующій классъ въ аристократическихъ государствахъ не долженъ участвовать въ организаціи сбора податей; имущество его представителей не должно быть ни велико, ни мало. Съ увѣренностью декретируетъ Монтескьё, когда и гдѣ сенаторамъ должно быть пожизненными, и когда и гдѣ они должны быть смѣняющіеся. На то у него есть общее правило: первый случай, когда ихъ задача—надзоръ за нравами, второй, когда ихъ обязанность—подготовка политическихъ актовъ.

Разъ діагнозъ опредѣлилъ характеръ общественнаго организма, даже опытъ не можетъ поколебать увѣренности политическаго философа въ томъ, что онъ знаетъ необходимые и правильные способы режима или лѣченія для общественнаго тѣла. Монтескьё, напримѣръ, не вѣритъ въ реформы, совершившіяся со времени Петра въ Россіи: стоитъ замѣтить, что его скептическія замѣчанія объ этомъ написаны лѣтъ 20 спустя послѣ смерти Петра. «Смотрите,—говоритъ онъ,—съ какою заботою московское правительство старалось выйти изъ тяжелаго строя, который давилъ его еще больше, чѣмъ самый народъ. Были уничтожены большіе военные отряды (Монтескьё разумѣетъ стрѣльцовъ), уменьшены наказанія, установлены суды, начали понимать законность, обучили народъ». Монтескьё склоненъ думать, что эти мѣры не привьются, потому что онѣ не отвѣчаютъ характеру государства, т. е. ранѣе опредѣлившимся его чертамъ.

Въ пріемахъ Монтескьё намѣчается будущая соціологія, наша наука объ обществѣ, законахъ его строенія и развитія. Его собирательный терминъ въ примѣненіи къ совокупности соціальныхъ явленій, «общій духъ» звучитъ странно для насъ, но въ качествѣ его слагаемыхъ разумѣются всѣ основные моменты общественно-исторической жизни. Одна черта однако останавливаетъ наше вниманіе, какъ существенный пробѣлъ въ ея научномъ истолкованіи. Монтескьё видитъ лишь одну арену, на которой проявляются соціальныя свойства, именно государство. Онъ не замѣчаетъ, что подъ этой организаціей, закрѣпленной законами, есть другая, самостоятельная, менѣе замѣтная по внѣшнимъ проявленіямъ, но болѣе глубокая, медленнѣе измѣняющаяся и опредѣляющая въ сущности политическую жизнь, организація общественная, въ видѣ группировки классовъ, распредѣленія интересовъ между ними въ видѣ господства извѣстныхъ направленій мысли, связанныхъ съ этими интересами.

Любопытна судьба идей Монтескьё въ ближайшую къ нему эпоху. Книга его, вышедшая въ 1748 г., была прочитана съ захватывающимъ интересомъ: въ теченіе двухъ лѣтъ она выдержала 22 изданія. Какъ всѣ крупныя произведенія французской литературы XVIII вѣка, она должна была изъ за цензуры выйти заграницей. Она удостоилась еще и той чести, что правовѣрные католическіе богословы Сорбонны нашли въ ней опасныя ученія: открылись разнообразные подозрительные пункты, какъ-то: ссылка на роль климата въ образованіи религіозныхъ понятій, сочувственныя замѣчанія о разводѣ и критическія о безбрачіи духовенства, восхваленіе достоинствъ Юліана Отступника, какъ государя. «Духъ законовъ» попалъ даже въ индексъ, въ списокъ запрещенныхъ церковью книгъ. Были и другія нападки. Черезъ нѣсколько лѣтъ появилась книжка, въ которой симпатія Монтескье къ англійскому строю истолковывалась, какъ измѣна отечеству.

Словомъ, весь неизбѣжный циклъ былъ пройденъ. Но эти нападки со стороны стражей оффиціальныхъ традицій и отживающихъ воззрѣній менѣе останавливаютъ вниманіе, чѣмъ возраженія, которыя очень скоро подняли представители передовой просвѣтительной литературы.

Во второй половинѣ вѣка имя Монтескьё по традиціи было окружено почетомъ, но слѣдующія поколѣнія чувствовали себя чуждыми ему, удивлялись его слабостямъ и недоговоренности, жалѣли о его уступкахъ предразсудку. Одинъ изъ вождей философскаго движенія, Гельвецій, по поводу «Духа законовъ» находилъ, что писателю слѣдовало бы ради пользы общества остановиться на опредѣленіи правильныхъ принциповъ въ будущемъ строѣ, вмѣсто того, чтобы освящать и оправдывать тѣ, которые укрѣпляютъ предразсудки. Гельвецій находилъ, что Монтескьё вноситъ слишкомъ много усложненій въ политику, что его гигіена слишкомъ медлительна, что она требуетъ слишкомъ много терпѣнія со стороны врача, т. е. законодателя и политика, слишкомъ много добродѣтели со стороны больного, т. е. народа.

Экономистъ Дюпонъ сожалѣлъ, что Монтескьё «вообще столь достойный, чтобы просвѣтить во всѣхъ направленіяхъ умъ человѣческій», могъ говорить шаблонно, какъ «всякій другой», что, «не объяснивъ намъ, какова первоначальная основа, какова общая задача всякой формы управленія, эта возвышенная личность направила всю силу и превосходство своего тонкаго и глубокаго ума на придумываніе спеціальныхъ оправданій къ даннымъ случаямъ».

Критики радикально расходились съ Монтескье: они не хотѣли видѣть въ строѣ разныхъ обществъ на землѣ законныхъ и неустранимыхъ различій. «Необходимый порядокъ, на которомъ основываются общества, есть въ то же время общій и естественный порядокъ». Они требовали одинаковаго и настойчиваго воспитанія и руководительства для всѣхъ обществъ.

Эта позднѣйшая критика еще рѣзче выдѣляетъ характерныя черты соціальной философіи Монтескьё. Въ его время старыя политическія и общественныя формы въ Европѣ стояли еще кругомъ твердыми, традиціонными группами. Въ эти сложившіяся рамки гуманная личность—а Монтескьё мы съ особымъ правомъ могли бы такъ назвать—хотѣла бы внести больше мягкости, справедливости, больше общенія между людьми. Монтескьё—врагъ пытокъ; онъ наглядно показываетъ безсиліе строгихъ наказаній. Вѣротерпимость какъ бы сама собою разумѣется для него. Онъ требуетъ отмѣны рабства черныхъ. Горячо ратуетъ онъ и за неприкосновенность личности: въ этомъ въ сущности для него и состоитъ главная цѣна политической свободы.

Но ни въ одномъ изъ этихъ его желаній нѣтъ рѣжущаго, разрушительнаго порыва, нѣтъ угрозы стариннымъ общественнымъ устоямъ. Онъ точно хочетъ сказать: какъ въ обществѣ могутъ и должны уживаться различные характеры, сложившіеся въ зависимости отъ наслѣдственныхъ свойствъ и воспитанія, такъ на земной поверхности неизбѣжна коренная разница большихъ коллективныхъ организмовъ, крупныхъ національныхъ и соціальныхъ характеровъ. Какъ бы ни было благотворно ихъ взаимное общеніе, какъ бы ни просвѣтляла людей въ отдѣльности наука и мораль, эти массовые характеры, въ которыхъ тонутъ личности, останутся неизмѣнны и будутъ жить до своего естественнаго конца.

IV. Просвѣтительная публицистика и ея историческія понятія.

Со времени эмигрантской литературы гугенотовъ началось литературное и культурное сближеніе Франціи съ Англіей, и представители французской интеллигенціи открыли въ сосѣдней странѣ точно новый для себя общественный міръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе публика искала непрерывнаго, быстраго и доступнаго поученія; тѣмъ больше и литературные вожди ставили себѣ цѣлью неустанную и разностороннюю

пропаганду и ознакомленіе общества съ сосѣдней культурой. Въ связи съ этимъ возникла и обширная публицистическая, такъ называемая просвѣтительная литература XVIII в. Она отвѣчаетъ прежде всего нарожденію новаго читателя, его стремленію къ тому, что мы теперь называемъ самообразованіемъ.

Интересный фактъ разсказываютъ очевидцы выхода въ свѣтъ словаря Бэля: когда экземпляръ его появился въ Парижѣ въ библіотекѣ Мазарини, единственной публичной въ то время, каждый день, рано утромъ, задолго до открытія дверей у зданія собиралась толпа; давка была такая среди желавшихъ добраться до новой книги, точно при разборѣ билетовъ на пьесу, которая имѣетъ большой успѣхъ.

Мы можемъ наблюдать, какъ читатель упреждаетъ своими запросами, наводитъ своего руководителя. Журналистъ Прево, о которомъ шла рѣчь выше, былъ заваленъ письмами, вопросами, требованіями своихъ подписчиковъ и посторонникъ, жаждавшихъ разнообразныхъ точныхъ и конкретныхъ свѣдѣній. У него «тысячу разъ», какъ онъ говоритъ, требовали во Франціи точнаго перевода протокола засѣданія англійскаго парламента. Онъ рѣшается, наконецъ, печатаетъ подробно цѣлое засѣданіе и имѣетъ полнѣйшій успѣхъ. Прево имѣетъ въ виду и другой жгучій пунктъ интереса, желаніе знать о результатахъ естественно-научныхъ изслѣдованій; онъ собирается передавать «завѣренные факты, которые, повидимому, превосходятъ силы природы». Его на это не хватаетъ. Съ его знаніемъ и подготовкой въ этой области обстоитъ плохо, но что же дѣлать: «Я рѣшаюсь,—говоритъ онъ въ журналѣ,—сообщить вамъ сегодня нѣсколько соображеній о дѣлимости матеріи, о ея сущности, о природѣ души животныхъ, людей и существъ, одаренныхъ высшимъ разумомъ, хотя я вовсе не освоенъ въ сочиненіяхъ метафизиковъ такъ же, какъ въ геометріи и алгебрѣ, въ которыхъ, сознаюсь, я почти ничего не понимаю». Однако въ качествѣ обозрѣвателя ему приходится на все дерзать, и онъ сообщаетъ объ опытахъ съ фосфоромъ, о физическихъ теоріяхъ Ньютона и даже о проблемахъ страшной ему алгебры.

Само собою, настойчивость запроса формировала и болѣе искусныхъ, и болѣе освоенныхъ руководителей. Вольтеръ, поэтъ, сатирикъ и драматургъ, принимая на себя обязанность научнаго пропагандиста, которая кажется ему болѣе высокой, продѣлываетъ всю черную работу натуралиста, чтобы являться во всеоружіи передъ читателемъ; во время путешествія въ Англіи въ качествѣ обстоятельнѣйшаго репортера, онъ выясняетъ себѣ обстановку, въ которой сложилась крупнѣйшая научная новинка эпохи, ньютоновская теорія, бесѣдуетъ съ докторомъ только что умершаго ученаго, знакомится съ ближайшими къ нему лицами, посѣщаетъ засѣданія королевскаго общества.

На его примѣрѣ видно также, какъ видоизмѣняются вкусы. Вопросы искусства отступаютъ на второй планъ. Само искусство раз-

сматривается главнымъ образомъ съ утилитарной точки зрѣнія, какъ средство популяризаціи научныхъ, моральныхъ, политическихъ идей. Резонерство, полемика становятся господствующимъ тономъ въ литературѣ.

Читающая публика хочетъ не просто точнаго и быстраго освѣдомленія, она ищетъ общаго метода, связи, цѣльности въ свѣдѣніяхъ, хочетъ того, что мы перевели себѣ теперь съ нѣмецкаго тяжелымъ словомъ—«міросозерцаніе». Въ XVIII в. это называлось иначе—философіей. Смотрѣть философски на вещи, быть философомъ значило пріобрѣсть раціональный, научный взглядъ, устранить изъ изученія природы и исторіи понятіе произвольнаго и сверхъестественнаго, связывать факты въ тѣсные ряды причинъ и слѣдствій, умѣть ввести новое единичное явленіе въ знакомыя цѣпи и группы. Въ этомъ смыслѣ общественные руководители и называли себя по преимуществу философами; названіе можетъ вызвать заблужденіе, если мы станемъ у нихъ прежде всего искать системы, оригинальности, господствующаго принципа, дѣлить ихъ на школы и т. д. Ихъ «философія» это то, что мы называемъ научностью, общимъ научнымъ духомъ, научнымъ запросомъ.

Вольтеръ представляетъ собою типъ такого публициста-популяризатора. Съ удивительной легкостью владѣя чуть не всѣми видами литературы, онъ бросаетъ кругомъ научныя и культурныя идеи, проповѣдуетъ новыя знанія, громитъ и высмѣиваетъ отсталыя воззрѣнія—всѣмъ, чѣмъ можетъ, стихами, памфлетомъ, драмой, романомъ, философской статьей, полуфантастической новеллой, словаремъ, энциклопедіей, историческимъ разсужденіемъ. Разнообразіе формы поддерживается тѣмъ, что литературные жанры еще не фиксировались. Это видно на знаменитыхъ сженедѣльныхъ англійскихъ журналахъ начала XVIII в. Ихъ задача—моралистическая оцѣнка жизненныхъ явленій, разборъ театральныхъ пьесъ, художественная критика, наблюденія ежедневной жизни, выработка политическихъ сужденій. Но весь этотъ матеріалъ передается въ рамкѣ новеллы или драматизированныхъ бесѣдъ и приключеній опредѣленныхъ романическихъ персонажей, въ уста которыхъ влагаются сужденія и наблюденія. Подобную же смѣсь беллетристическаго, сатирическаго и резонирующаго элемента, художественной характеристики, научнаго анализа и проповѣди представляютъ сказки и повѣсти, фельетонныя письма и статьи Вольтера. Пріемы декламаціи, морализующаго наставленія, тонъ передовыхъ статей нашихъ журналовъ ярко выдѣляется и въ многотомной великой энциклопедіи средины вѣка, посвященной популяризаціи научныхъ и техническихъ свѣдѣній и укрѣпленію научнаго міровоззрѣнія въ обществѣ.

Литературу эту трудно подводить подъ разряды философскихъ направленій. Цѣль Вольтера безпокоить то, что спитъ, и подрывать то, что вредитъ своею косностью. Если есть новая раціональная простая

научная теорія взамѣнъ разрушеннаго взгляда, онъ ее разовьетъ и иллюстрируетъ. Если таковой нѣтъ, онъ удовольствуется тѣмъ, что вызвалъ мысль или сомнѣніе. Одинъ изъ разсказовъ Вольтера «Исторія добраго брамина» заключается въ томъ, что индійскій ученый, который много размышлялъ и учился — несчастливъ, потому что ко всѣмъ загадкамъ жизни и міра онъ можетъ лишь ставить вопросы, но не имѣетъ отвѣтовъ; добрая старушка, его сосѣдка, счастлива, потому что ей никогда и въ голову не приходило углубляться въ подобные вопросы. И все же никто не предпочтетъ ея состоянія состоянію брамина. Мы цѣнимъ счастье, но еще болѣе цѣнимъ разумъ. Какъ же примирить это противорѣчіе? спрашиваетъ Вольтеръ. «Такъ же, какъ всякое другое противорѣчіе: тутъ есть о чемъ поговорить».

Отсутствіе системы, философскаго догмата, какъ будто бы даже составляетъ достоинство въ его глазахъ. Бэль, по мнѣнію Вольтера, выше другихъ потому, что, сохраняя равновѣсіе самъ, онъ доказываетъ людямъ разумность сомнѣнія; онъ достаточно мудръ и великъ, чтобы обойтись безъ системы. То же самое общее научно-критическое настроеніе лежитъ въ основѣ энциклопедіи Дидро и д'Аламбера.

Новизна пріемовъ публицистики, ея огромный успѣхъ привлекли къ ней вниманіе оффиціальныхъ, правительственныхъ круговъ. Раньше въ эпоху англійской революціи XVII в. партіи и правительства прибѣгали къ помощи пера, къ оправданію своихъ дѣйствій, развитію своихъ программъ въ летучихъ произведеніяхъ, но эта связь устанавливалась на моментъ кризиса и не пріобрѣтала постояннаго характера. Впервые сложилось правильное пользованіе прессой, какъ непрерывнымъ, ежедневнымъ средствомъ воздѣйствія въ Англіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.; это было время, когда вмѣстѣ съ династическимъ вопросомъ рѣшалось существованіе конституціи и религіозной свободы, время, когда перевороты разрушили старые порядки и традиціи и заставили сверху до низу пересмотрѣть вопросы о смыслѣ и предѣлахъ власти, о правахъ личности и общества и т. д. Самыя крупныя литературныя силы бросились въ борьбу—Дефо, Стиль, Аддисонъ со стороны либеральныхъ виговъ, а съ противной—Свифтъ и Болингброкъ; смѣнявшіяся у правленія партіи субсидировали ихъ, сообщали имъ темы и секреты, инспирировали направленіе ихъ статей или, напротивъ, черпали сами въ нихъ вдохновеніе и силу.

Вслѣдствіе своей политической практики французское правительство XVIII в. не умѣло стать въ нормальныя отношенія къ публицистикѣ. Въ немъ слишкомъ вкоренилось притязаніе обладать монополіей государственнаго разума. Общество, которое этого убѣжденія не раздѣляло, должно было въ весьма своеобразной формѣ удовлетворять своимъ вкусамъ и запросамъ. Производимая въ качествѣ національнаго фабриката, французская публицистическая литература скрывалась съ мѣстнаго рынка и подъ иностраннымъ штемпелемъ возвращалась кон-

трабандой домой; станки Лондона, Гаги, Амстердама, Женевы, а иногда и миѳическихъ городовъ работали усиленно на французское общество.

Еще дальше на востокѣ и на югѣ Европы общества, какъ дѣятельнаго цѣлаго, слагающагося изъ борьбы и сплетенія партій, и вовсе не было. Правительства, малыя и большія, ставили себѣ воспитательскія, опекунскія задачи.

Одно изъ небольшихъ, но дѣятельныхъ правительствъ въ Германіи выражалось: «Наша государственная дворцовая палата — естественный опекунъ нашихъ подданныхъ. Ея долгъ — выводить изъ заблужденій и направлять ихъ на вѣрный путь, наставлять ихъ, хотя бы противъ ихъ воли, какъ устраивать свое домохозяйство, какъ работать на землѣ, какъ посредствомъ болѣе производительной организаціи своего хозяйства облегчить себѣ (!) уплату податей». Въ другомъ правительственномъ центрѣ полагали, «что для поднятія мануфактуры необходимы разсудительность, вдумчивость, траты и награды». Это, говорилось дальше въ канцелярскомъ документѣ, «государственныя занятія; купецъ же остается при своей выучкѣ и привычкахъ. Онъ не заботится объ общихъ интересахъ отечества». Здѣсь, очевидно, правительство думало, что сложное понятіе объ отечествѣ доступно лишь ему. Этотъ пессимистическій взглядъ выразился въ одной оффиціальной бумагѣ даже въ такой карикатурной формѣ: «народъ (въ документѣ презрительно сказано «плебсъ») до тѣхъ поръ не отойдетъ отъ старыхъ скучныхъ привычекъ, пока его за руки и за носъ не вытащишь къ новой выгодѣ». Знаменитый прусскій король хотѣлъ непремѣнно расшевелить мыслительныя способности своихъ подданныхъ, научить ихъ «резонировать».

Отсюда правительства на востокѣ Европы пришли къ сознанію, что они должны сами на себя взять цѣликомъ публицистическую роль; время такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма и есть именно эпоха, когда правительства писали передовыя статьи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое манифесты и рескрипты ихъ, что такое наказъ Екатерины II, какъ не поучающія или популяризирующія статьи? Посмотрите въ ученическую тетрадку будущаго Фридриха II, обратите вниманіе на направленіе честолюбія у принца: онъ пробуетъ свои публицистическія силы и пишетъ подъ громкимъ названіемъ «Антимаккіавель» возраженіе на теорію знаменитаго итальянскаго политика; онъ чувствуетъ непреодолимую потребность повѣдать всѣмъ печатно о своихъ возвышенныхъ принципахъ. Конечно, уже въ обращеніи государя къ печатному станку заключалось съ его стороны важное признаніе по отношенію къ этимъ «всѣмъ», къ этой неясной массѣ того, что́ мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ.

А изъ этого признанія вытекалъ интересъ правительствъ къ другимъ, такъ сказать, вольнымъ направителямъ общественнаго мнѣнія, къ призваннымъ публицистическимъ дѣятелямъ, къ «философамъ». Въ

созданной ими литературной республикѣ коронованныя лица искали почетнаго мѣста себѣ и диплома отъ его старѣйшихъ членовъ. Невольно поражаютъ тѣ комплименты, тотъ тонъ униженнаго ухаживанья, который господствуетъ въ письмахъ государей къ нимъ. Біографъ Вольтера, Кондорсе, увлеченный блестящей стороной этихъ отношеній, пишетъ: «во всѣхъ странахъ правители, министры, вліятельные люди, всѣ, кто искалъ славы, соперничали изъ-за слова одобренія со стороны фернейскаго философа и повѣряли ему свои надежды на успѣхъ разума, свои планы распространенія свѣта и истребленія фанатизма... Онъ установилъ по всей Европѣ союзъ, котораго душою былъ самъ. Если гдѣ совершалась несправедливость, поднималось кровавое гоненіе, оскорблялось человѣческое достоинство, одна статья Вольтера ставила виновныхъ къ позорному столбу передъ всей Европой. Какъ часто рука притѣснителя должна была отшатнуться въ страхѣ передъ этимъ мщеніемъ».

Не надо однако забывать и оборотной стороны. Ее очень хорошо иллюстрируетъ исторія приключеній Вольтера при дворѣ «короля-философа». Случайность литературнаго заработка, неопредѣленность круга читателей заставляла публициста искать связей съ дворомъ; съ другой стороны, выписывая изъ-за границы литературное свѣтило, дворъ смотрѣлъ на него, какъ на новый видъ дорогого украшенія; такъ же, какъ надо имѣть свою оперу, свою картинную галлерею, такъ надо имѣть свою академію, своего мудреца; при этомъ грубыя представленія временъ, когда придворнымъ мудрецомъ былъ шутъ, еще не совсѣмъ исчезли. Вольтеръ отправлялся въ первый разъ въ Берлинъ, имѣя отъ французскаго правительства такія секретныя порученія, которыя представляютъ низшій и даже подозрительный видъ дипломатіи. Фридрихъ II, только что посылавшій камергера своего засвидѣтельствовать вниманіе «сирейскимъ божествамъ», т. е. Вольтеру и его ученой пріятельницѣ, пишетъ интимно послѣ личнаго свиданія своему агенту: «твой скряга Вольтеръ пусть пьетъ до дна своей ненасытной жадности и получаетъ еще 1,300 талеровъ; изъ 6 дней, которые онъ тутъ пробылъ, каждый день стоилъ мнѣ 550 талеровъ. Это, по моему, значитъ дорого дать за шута (fou). Едва ли когда-нибудь скоморохъ при дворѣ большого сеньёра получалъ такое вознагражденіе». Со своей стороны Вольтеръ запомнилъ уроки придворной жизни и объяснялъ, покупая себѣ на покой помѣстье въ республиканской и протестантской Швейцаріи: «боюсь монарховъ и епископовъ».

Союзъ тѣмъ не менѣе установился. Просвѣтители въ обладаніи престола и просвѣтители въ одномъ обладаніи пера сходились во взглядахъ на задачи и пріемы просвѣщенія. Для осуществленія той мѣры «свободы», какая нужна интеллигентному человѣку, т. е. свободы умственной, по мнѣнію философовъ, именно нуженъ былъ авторитетъ просвѣщеннаго государя. Несравненно болѣе рѣзкій, чѣмъ Вольтеръ,

въ религіозныхъ вопросахъ, матеріалистъ Гольбахъ въ своей «Системѣ природы» прославляетъ государя, какъ основную двигающую силу въ обществѣ. Правительство должно принимать во вниманіе общественное мнѣніе, но оно само ведетъ народъ. Конечно, должно распространять въ народѣ обученіе; но это лишь средство сдѣлать гражданъ «дѣятельными, приверженными къ власти, разсудительными». Дидро внушаетъ одно только государю — быть мягкимъ, благосклоннымъ. «Трудно вообразить себѣ, какую силу, дѣятельность, какой энтузіазмъ и мужество можетъ создавать мягкость. Сколько разъ оправдывалось это во Франціи: мягкость правителя—единственное лѣкарство противъ неизбѣжныхъ золъ въ такихъ государствахъ, которыя по своему строю наименѣе оставляютъ свободы гражданамъ и наименѣе равенства между ними».

Въ этой массѣ внизу, въ черной народной тьмѣ просвѣтители не видѣли еще ни объекта своего воздѣйствія и симпатіи, ни возможнаго будущаго союзника. У Вольтера есть теплыя выраженія о народѣ, въ родѣ того, что «мужиковъ обыкновенно вспоминаютъ, лишь когда ихъ стада мрутъ отъ чумы, а то если только большая опера въ порядкѣ, да есть красивыя балерины, все на свѣтѣ превосходно!» Онъ рѣзокъ къ аристократическому произволу въ Польшѣ, Швеціи. Но народъ страшитъ его и вызываетъ отвращеніе. «Онъ всегда грубъ и тупъ; это волы, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ». «Эта порода никогда не будетъ имѣть ни времени, ни способности учиться; мнѣ кажется, даже необходимо, чтобы оставались невѣжественные молодцы. Если бы вы, какъ я,—говоритъ онъ корреспонденту,—обрабатывали землю, вы были бы навѣрно моего мнѣнія; когда чернь принимается разсуждать, все погибло». Вольтеръ высказывается противъ чрезмѣрнаго улучшенія участи простого народа. «На нашемъ несчастномъ земномъ шарѣ невозможно, чтобы люди, живущіе въ обществѣ, не были раздѣлены на два класса: классъ богатыхъ, которые повелѣваютъ, классъ бѣдныхъ, которые служатъ».

Въ принципѣ не лучше относятся къ массѣ другіе публицисты просвѣтительной школы. У Дидро, съ его любящей натурой, съ его горячимъ сочувствіемъ каждому бѣдняку, можно найти такія общія формулы: человѣкъ изъ народа (l'homme-peuple) самый глупый и злой изъ всѣхъ людей; отрѣшиться отъ народныхъ началъ (se dépopulariser), или стать лучше—это одно и то же.

Здѣсь, въ этой массѣ, думаютъ просвѣтители, главное препятствіе для торжества свѣта. Противъ спящаго мрака, который однако можетъ быть поднятъ изъ косности лицемѣрной злобой, надо именно искать помощи властной руки. Просвѣтители чувствуютъ себя со своими читателями и приверженцами небольшой кучкой на земномъ шарѣ: «масса рода человѣческаго была и очень еще долго будетъ безумной и безсмысленной». Въ своей «Философіи исторіи» Вольтеръ помѣщаетъ рубрику

«о дикихъ». Дѣло идетъ однако не объ истинныхъ дикаряхъ, краснокожихъ Америки, въ прирожденный умъ и добродѣтель которыхъ Вольтеръ вѣритъ: «Я думаю,—обращается онъ къ читателю,—вы готовы подъ дикими разумѣть грубыя существа, живущія въ лачугахъ съ самками своими и нѣкоторыми животными, вполнѣ предоставленныя случайностямъ непогоды, знакомыя только съ землей, гдѣ они копошатся, и рынкомъ, гдѣ они продаютъ овощъ, чтобы купить сермяги; говорящія на языкѣ, котораго въ городѣ не понимаютъ; существа, у которыхъ мало мысли и мало словъ, неизвѣстно, почему-то подчиненныя человѣку съ перомъ за ухомъ, которому они несутъ каждый годъ половину того, что добываютъ въ потѣ лица; въ извѣстные дни собирающіяся въ подобіи сарая, чтобы праздновать обряды, которыхъ они не понимаютъ, слушать человѣка, который одѣтъ иначе, чѣмъ они, и котораго они тоже не понимаютъ; по временамъ, когда забьетъ барабанъ, бросающія свою курную избу, чтобы наняться и идти убивать въ чужой странѣ и себя отдавать на смерть, и все за 1/4 того, что могутъ заработать дома. Этихъ дикихъ много по всей Европѣ».

Рѣзкою противоположностью позднѣйшей идеализаціи народа отзываются горячія восклицанія, которыми полна вся статья о «толпѣ» (multitude) въ Энциклопедіи Дидро: «Берегитесь сужденія массы; въ вопросахъ умственныхъ ея голосъ звучитъ злобой, глупостью, безчеловѣчностью, превратностью и предразсудкомъ. Масса невѣжественна и идіотична. Берегитесь ея въ нравственныхъ вопросахъ: она не способна на сильныя и благородныя дѣла; героизмъ въ ея глазахъ почти безуміе. Въ чемъ и когда же толпа права? Во всемъ; но лишь по прошествіи очень долгаго времени, потому что тогда это—эхо, повторяющее сужденіе небольшого числа разумныхъ людей, опредѣляющихъ заранѣе мысль потомства. Если за васъ свидѣтельствуетъ ваша совѣсть, а противъ васъ—толпа, утѣшьтесь и будьте увѣрены, что время совершитъ судъ».

Это сознаніе характерно для просвѣтительнаго вѣка. Приблизительно такъ могли чувствовать себя культурные греки и римляне въ эпоху имперіи, окруженные массой безъ счета варваровъ заграницей, да и и дома неувѣренные въ какихъ-нибудь едва тронутыхъ культурой африканцахъ и далматинцахъ; такъ могла себя чувствовать античная интеллигенція среди разношерстной толпы, шумѣвшей на улицахъ Рима, среди своей челяди, своего сельскаго, цвѣтного, понураго земледѣльца, рабскаго и крѣпостного населенія. Если, казалось, въ XVIII в. просвѣщенныхъ людей, свободныхъ отъ предразсудковъ, можно собрать со всей Европы въ одномъ залѣ, то естественно въ этихъ условіяхъ трудно было увлечься вѣрой въ скорый и прочный прогрессъ. Въ этомъ смыслѣ знаменательны слѣдующія слова Вольтера, написанныя за годъ до смерти: «Я вижу теперь, что мы должны еще ждать три или четыре столѣтія; несомнѣнно наступитъ день, когда честные люди одержатъ

побѣду; но какъ много подлыхъ дѣлъ должны мы претерпѣть, пока наконецъ настанетъ этотъ славный день, какъ много жестокихъ преслѣдованій выпадетъ на нашу долю, сколько Ла-Барровъ сгоритъ на кострѣ!»

Теперь намъ будетъ понятно и это странное на первый взглядъ, свойственное Вольтеру и большей части просвѣтителей XVIII в., возвеличеніе Китая. Какимъ образомъ могла быть идеализирована страна застоя, неоконченной и уродливо окаменѣвшей культуры, страна обрядности и безконечнаго формализма, государственной тайны и политическаго фокуса надъ огромной массой людей, живущихъ по животному?

Конечно, здѣсь играетъ роль уже знакомая намъ сантиментальная разрисовка, которую давали миссіонеры. Несомнѣнно также, что въ идеализированной картинѣ Китая значительное мѣсто надо отвести духу намѣренной оппозиціи, замаскированной полемикѣ. Часто замѣтку «вотъ это разумно у китайцевъ», надо понимать такъ: «вотъ чего нѣтъ у ветхозавѣтнаго Израиля» или «вотъ что искажено въ католическомъ мірѣ». Таковы восхваленія умѣренности, мягкости, справедливости законовъ китайскихъ, указаніе на то, что священники не вмѣшиваются тамъ въ свѣтскія дѣла и т. п., ссылка на необыкновенную древность китайской науки, которая добралась до великихъ астрономическихъ открытій, когда еврейскіе патріархи еще кочевали со стадами и т. д.

Но основной мотивъ симпатіи къ Китаю лежитъ глубже. Говоря о нелѣпыхъ и шаманскихъ сектахъ въ Китаѣ, далеко отстоящихъ отъ мудраго ученія Конфуція, Вольтеръ прибавляетъ: «Секты эти терпимы въ Китаѣ ради простонародья, какъ грубая ѣда нужна для его пропитанія, между тѣмъ какъ сановники и книжные люди, во всемъ отдѣленные отъ народа, питаются болѣе чистымъ веществомъ: дѣйствительно, кажется, что чернь не заслуживаетъ разумной религіи». Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ объяснено, что религія книжныхъ людей въ Китаѣ чисто философская, раціоналистическая и свободная, Вольтеръ напоминаетъ, что государь тамъ—глава и охранитель этой религіи. «Онъ долженъ быть первымъ философомъ, первымъ проповѣдникомъ имперіи: его эдикты—почти всегда наставленія и лекціи морали». Дидро, присоединяясь къ такому опредѣленію роли китайскаго императора, прибавляетъ: «обычай учить и увѣщевать въ указахъ былъ свойственъ и нашимъ королямъ, и они очень потеряли, покинувъ его».

Вотъ почему просвѣтители охотно прощаютъ Китаю отсутствіе движенія, даже восхищаются неизмѣнностью его строя; вотъ почему они мирятся здѣсь съ господствомъ традиціи, къ которой они такъ строги въ Европѣ. Традиціонныя, умныя, застывшія формы Китая вѣрнѣе и болѣе обезпечиваютъ спокойное пользованіе культурой для избраннаго слоя человѣчества, чѣмъ наши скороспѣлые успѣхи, окруженные бурями и злою косностью—такова какъ будто скрытая мысль. Оставьте грубое суевѣріе толпѣ и не стѣсняйте вольномыслія высшаго круга людей.

Въ Энциклопедіи подъ заглавіемъ «Законодатель» Дидро останавливается на неутѣшительномъ фактѣ, что человѣческая природа всегда была и будетъ склонна къ суевѣрію. Хотя знанія и успѣхи разума—лучшія средства противъ этой болѣзни нашей породы, но такъ какъ она неизлѣчима въ извѣстной мѣрѣ, то она требуетъ большаго снисхожденія. «Образъ дѣйствій китайцевъ кажется мнѣ въ этомъ отношеніи превосходнымъ. Совѣтники государя—философы, и провинціи покрыты пагодами и богами: къ тѣмъ, кто имъ поклоняется, никогда не примѣняютъ суровыхъ мѣръ; но когда кто-либо изъ боговъ не исполнитъ желаній народа, и недовольство дойдетъ до того, что начнутъ сомнѣваться въ его божественности, мандарины пользуются моментомъ, чтобы уничтожить одно изъ суевѣрій, они разбиваютъ изображеніе бога и разрушаютъ его храмъ». Вотъ роль, которую бы желали играть просвѣтители въ государствѣ: ученые въ качествѣ министровъ, снисходя къ предразсудкамъ, въ то же время регулируютъ ихъ; въ опасный моментъ они становятся вождями толпы, раціонально утилизируя ея порывъ, отнимая у него анархическую силу авторитетной санкціей, и въ концѣ концовъ хитро и незамѣтно проводятъ свою философскую цѣль—упрощеніе религіи.

Современность кажется просвѣтителямъ моментомъ сравнительно спокойнымъ, удаленнымъ отъ политическихъ порывовъ, особенно же отъ бушеванія религіозныхъ страстей. Вольтеръ замѣчаетъ въ «Англійскихъ письмахъ» по поводу слабости деизма, какъ вѣры: «Теперь нѣтъ шансовъ на торжество новой вѣры. Не смѣшно ли, что Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли и всѣ эти писатели, которыхъ теперь невозможно читать, образовали секты, раздѣлившія между собою Европу, что невѣжественный Магометъ далъ религію Азіи и Африкѣ; а гг. Ньютонъ, Локкъ и другіе величайшіе философы и лучшіе литераторы нашего времени едва могли сложить небольшую общину, которая уменьшается каждый день. Вотъ что значитъ кстати явиться на свѣтъ. Если бы Кромвель воскресъ, Кромвель, который велѣлъ срубить голову королю и сдѣлался государемъ, онъ остался бы простымъ куппомъ въ Лондонѣ».

Но спокойствіе еще не признакъ силы просвѣщенной группы людей. Это пассивное явленіе. «Раздѣлите,—говоритъ Вольтеръ,—родъ человѣческій на двадцать частей; изъ нихъ 19, это—тѣ, которые живутъ трудомъ рукъ своихъ и никогда не узнаютъ, что на свѣтѣ былъ Локкъ. Въ остающейся двадцатой части сколько людей читающихъ? А между тѣми, кто читаетъ, на двадцать читающихъ романы лишь одинъ занимается философіей. Число мыслящихъ людей поразительно мало и они не собираются волновать міръ». Страшныя религіозныя и политическія бури, войны изъ-за символовъ и предразсудковъ миновали.

Когда же наступило это спокойствіе, давно ли стали пробиваться здравые культурные принципы, какъ развились они? Просвѣтительная публицистика въ ряду задачъ своихъ должна была выдвинуть историческій вопросъ о судьбѣ своего ближайшаго дѣла въ прошломъ. Она

встрѣчалась съ недовѣріемъ къ пользѣ историческихъ знаній въ виду преобладанія въ нихъ матеріала чисто внѣшняго. Умная и ученая пріятельница Вольтера, маркиза Дюшатлэ, сильная въ естественныхъ и математическихъ наукахъ, поклонница Ньютона, выражала это недовѣріе такъ: «какое дѣло мнѣ, француженкѣ, до того, что въ Швеціи Эгиль наслѣдовалъ Гакону, а у турокъ Оттоманъ былъ сыномъ Эртогрула? Можно читать исторію Греціи и Рима ради описанія увлекательныхъ и величественныхъ картинъ, но я ни разу не могла прочесть до конца исторію современныхъ народовъ; здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ безпорядочности и путаницы; цѣлый рядъ мелочныхъ событій безъ связи и послѣдовательности и тысяча сраженій, ни къ чему не приводящихъ. Я отвергаю знаніе, которое, отягощая умъ, нисколько не способствуетъ его развитію».

Вольтеръ отвѣчаетъ на это въ своемъ «Опытѣ о нравахъ и о духѣ народовъ», или «Философіи исторіи»: цѣль моего труда вовсе не въ томъ, чтобы сообщить, что такой-то не стоющій вниманія государь слѣдовалъ за такимъ-то правителемъ-варваромъ у грубаго народа. Забивать въ голову хронологическую послѣдовательность династій—значитъ заучивать лишь слова. «Зачѣмъ вамъ детали столькихъ мелкихъ интересовъ, нынѣ совершенно исчезнувшихъ, судьбы этой массы семей, которыя спорили изъ-за областей, поглощенныхъ потомъ большими государствами?». Что же стоитъ изученія? «Духъ, нравы, обычаи главныхъ народовъ». Въ другой разъ онъ выражается такъ: «тысячи сраженій не принесли человѣчеству никакой пользы, тогда какъ произведенія великихъ людей, Мольера, Декарта и друг. будутъ служить вѣчнымъ источникомъ наслажденія для послѣдующихъ поколѣній. Шлюзъ какого-нибудь канала, картина Пуссэна, художественная трагедія, твердо установленная истина имѣютъ въ тысячу разъ большую цѣну, чѣмъ вся масса лѣтописей двора и всѣ разсказы о военныхъ кампаніяхъ».

Такимъ образомъ Вольтеръ съ настойчивостью и рѣзкостью увлеченія высказываетъ программу того, что мы называемъ теперь исторіей культуры. Онъ намѣчалъ и тѣ рубрики, тѣ вопросы, изъ которыхъ должна составиться эта новая исторія, исторія состояній, а не событій, не похожая на военную и политическую. «Теперь хотятъ знать, какъ складывалась извѣстная нація, изъ какихъ племенныхъ частей; хотятъ знать разницу числа войскъ въ настоящемъ и прошломъ, развитіе и характеръ торговыхъ сношеній; искусства, самобытно выросшія и заимствованныя, а потомъ усовершенствованныя; среднія цифры государственныхъ доходовъ прежняго времени и настоящаго; возникновеніе и развитіе морскихъ силъ; отношеніе численное между классами привиллегированными и простыми, обезпеченными и трудящимися».

Вольтеру казалось также важнымъ приложить этотъ методъ къ исторіи новоевропейскихъ народовъ для того, чтобы объяснить происхожденіе современной культуры, вмѣсто того, чтобы останавливаться на слишкомъ изученныхъ явленіяхъ древняго міра.

Въ Энциклопедіи подъ заглавіемъ «Законодатель» Дидро останавливается на неутѣшительномъ фактѣ, что человѣческая природа всегда была и будетъ склонна къ суевѣрію. Хотя знанія и успѣхи разума—лучшія средства противъ этой болѣзни нашей породы, но такъ какъ она неизлѣчима въ извѣстной мѣрѣ, то она требуетъ большаго снисхожденія. «Образъ дѣйствій китайцевъ кажется мнѣ въ этомъ отношеніи превосходнымъ. Совѣтники государя—философы, и провинціи покрыты пагодами и богами: къ тѣмъ, кто имъ поклоняется, никогда не примѣняютъ суровыхъ мѣръ; но когда кто-либо изъ боговъ не исполнитъ желаній народа, и недовольство дойдетъ до того, что начнутъ сомнѣваться въ его божественности, мандарины пользуются моментомъ, чтобы уничтожить одно изъ суевѣрій, они разбиваютъ изображеніе бога и разрушаютъ его храмъ». Вотъ роль, которую бы желали играть просвѣтители въ государствѣ: ученые въ качествѣ министровъ, снисходя къ предразсудкамъ, въ то же время регулируютъ ихъ; въ опасный моментъ они становятся вождями толпы, раціонально утилизируя ея порывъ, отнимая у него анархическую силу авторитетной санкціей, и въ концѣ концовъ хитро и незамѣтно проводятъ свою философскую цѣль—упрощеніе религіи.

Современность кажется просвѣтителямъ моментомъ сравнительно спокойнымъ, удаленнымъ отъ политическихъ порывовъ, особенно же отъ бушеванія религіозныхъ страстей. Вольтеръ замѣчаетъ въ «Англійскихъ письмахъ» по поводу слабости деизма, какъ вѣры: «Теперь нѣтъ шансовъ на торжество новой вѣры. Не смѣшно ли, что Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли и всѣ эти писатели, которыхъ теперь невозможно читать, образовали секты, раздѣлившія между собою Европу, что невѣжественный Магометъ далъ религію Азіи и Африкѣ; а гг. Ньютонъ, Локкъ и другіе величайшіе философы и лучшіе литераторы нашего времени едва могли сложить небольшую общину, которая уменьшается каждый день. Вотъ что значитъ кстати явиться на свѣтъ. Если бы Кромвель воскресъ, Кромвель, который велѣлъ срубить голову королю и сдѣлался государемъ, онъ остался бы простымъ купцомъ въ Лондонѣ».

Но спокойствіе еще не признакъ силы просвѣщенной группы людей. Это пассивное явленіе. «Раздѣлите,—говоритъ Вольтеръ,—родъ человѣческій на двадцать частей; изъ нихъ 19, это—тѣ, которые живутъ трудомъ рукъ своихъ и никогда не узнаютъ, что на свѣтѣ былъ Локкъ. Въ остающейся двадцатой части сколько людей читающихъ? А между тѣми, кто читаетъ, на двадцать читающихъ романы лишь одинъ занимается философіей. Число мыслящихъ людей поразительно мало и они не собираются волновать міръ». Страшныя религіозныя и политическія бури, войны изъ-за символовъ и предразсудковъ миновали.

Когда же наступило это спокойствіе, давно ли стали пробиваться здравые культурные принципы, какъ развились они? Просвѣтительная публицистика въ ряду задачъ своихъ должна была выдвинуть историческій вопросъ о судьбѣ своего ближайшаго дѣла въ прошломъ. Она

встрѣчалась съ недовѣріемъ къ пользѣ историческихъ знані
преобладанія въ нихъ матеріала чисто внѣшняго. Умная и уч
тельница Вольтера, маркиза Дюшатлэ, сильная въ естественны
тематическихъ наукахъ, поклонница Ны выражала это не
такъ: «какое дѣло мнѣ, француженкѣ, что въ Шве
наслѣдовалъ Гакону, а у турокъ Отто сыном
Можно читать исторію Греціи и Рима ія у
и величественныхъ картинъ, но я ни разу
исторію современныхъ народовъ; здѣсь нѣт
ности и путаницы; цѣлый рядъ мелочныхъ с
довательности и тысяча сраженій, ни
отвергаю знаніе, которое, отягощая
его развитію».

Вольтеръ отвѣчаетъ на эт
родовъ», или «Философіи
чтобы сообщить, что та
за такимъ-то правит
лову хронологичес
лишь слова. «Зач
вершенно исче
изъ-за обла
Что же сто
Въ друго
человѣч
Мольер
слажд
карт
исти
топ

че
к
д
в
с

Но его «Опыту о нравахъ» недостаетъ многаго, чтобы стать исто-
человѣческой культуры. Прежде всего полемическія цѣли слиш-
рываются въ изложеніе. Вольтеръ не упускаетъ случая указать
ѣчія, странности въ исторіи евреевъ: злорадно здѣсь выдвинутъ
нительный эпизодъ; мудрость индусовъ, финикіянъ, китай-
уетъ лишь для того, чтобы выставить фанатизмъ и не-
въ. Благодаря этому, разрушается историческая пер-
то Востокъ оказывается болѣе важнымъ культурнымъ
чѣмъ Грецiя и Римъ.
въ, идей и вѣрованій оказывается совер-
родное творчество, поэзію мифа, первые
изма, выраженіе правоваго сознанія
разнаго, для непосредственной
ѣтъ чутья. Только то полу-
чальнаго объясненія или
какъ дикій вымыселъ,
а. Обряды, въ родѣ
лишь жалкой или
о вниманіе зри-
ство?» спра-
овый мошен-
шенно за-
го шар-
казанія
этотъ
что-
дья
ъ и
въ,
ъ
ъ.

женія раздражаетъ его. Поэзія, архитектура, вѣра среднихъ вѣковъ его отталкиваютъ. О Божественной комедіи Данта онъ говоритъ: «Всякій человѣкъ съ искрой здраваго смысла долженъ покраснѣть, читая описаніе этой собравшейся въ аду чудовищной компаніи изъ Данте и Виргилія, св. Петра и сеньоры Беатриче». «Готическое искусство—стиль вандаловъ; это фантастическая смѣсь грубости и мелочной отдѣлки».

Низко ставитъ Вольтеръ и цѣну средневѣковой науки; его мнѣніе ярко отражается въ замѣчаніяхъ по поводу флорентійскаго ученаго въ XV в. Пико Мирандолы и свидѣтельствъ о его необычайной даровитости и знаніяхъ. Вольтеръ полагаетъ, что въ обширномъ арсеналѣ знаній, которыя хранила эта удивительная память, развѣ только кое-что изъ геометріи стоитъ вниманія. Остальное, говоритъ съ насмѣшкой Вольтеръ, «отражало лишь духъ времени», и, какъ бы увѣренный, что одни имена вызовутъ у современниковъ смѣхъ, онъ называетъ свѣтила схоластики, Ѳому Аквинскаго и Альберта Великаго. «Легко извинить за презрѣніе къ наукамъ тѣхъ, кто управлялъ тогда міромъ. Пико де-Мирандола былъ очень несчастливъ, отдавъ свою жизнь и сокративъ дни свои на изученіи этихъ глубоко безумныхъ вещей».

Сильныя фигуры среднихъ вѣковъ низведены и осмѣяны. Вотъ въ какомъ тонѣ разсказывается исторія Жанны д'Аркъ. «Дворянинъ съ границъ Лотарингіи отыскиваетъ служанку въ Вокулерскомъ кабачкѣ, соображая, что она съумѣетъ съиграть роль воительницы, вдохновенной видѣніями. Ее выдавали за пастушку 18 лѣтъ, но ей было 27 лѣтъ; у нея хватило мужества и сообразительности исполнить замыселъ... Доктора университета и нѣсколько парламентскихъ совѣтниковъ не поколебались объявить ее вдохновенной свыше: обманула ли она ихъ, или они были сами настолько ловки, что вошли въ обманъ: народъ повѣрилъ, и этого было достаточно». А вотъ оцѣнка завоевателя Англіи Вильгельма и его союзника папы. «Итакъ, варваръ, сынъ развратной женщины, убійца законнаго короля, дѣлитъ награбленное у этого короля съ другимъ варваромъ; право, устраните здѣсь только титулы, герцогъ Нормандіи, король Англіи, папа—все сведется на дѣло норманскаго разбойника и ломбардскаго укрывателя».

Герои религіознаго увлеченія вызываютъ злыя и презрительныя замѣчанія: просвѣтители не вѣрятъ въ ихъ искренность или осмѣиваютъ ихъ невѣжество.

Флорентійскій аскетъ и проповѣдникъ очищенія церкви Савонарола кажется Вольтеру только ложнымъ пророкомъ, обманщикомъ, злоупотреблявшимъ тайной исповѣди и секретами, которые открывали ему братья-монахи. «Могъ ли онъ не сознаться въ своемъ обманѣ?—спрашиваетъ Вольтеръ.—Интригующій вѣщатель развѣ не убѣжденъ, что онъ—плутъ? Еще больше, можетъ быть, было въ немъ фанатизма: человѣческое воображеніе способно совмѣстить эти двѣ крайности, которыя, повидимому, другъ друга исключаютъ». Онъ приходитъ къ об-

щему заключенію: «Съ презрительною жалостью смотрите вы на эти сцены безсмыслицы и отвращенія; вы не находите ничего похожаго ни у римлянъ, ни у грековъ, ни у варваровъ. Это—плодъ самаго постыднаго суевѣрія, которое когда либо обращало человѣка въ звѣря, и худшаго изъ всѣхъ режимовъ. Но вы знаете, что лишь очень недавно мы вышли изъ этого мрака и что далеко не все просвѣщено».

Лютеръ кажется Вольтеру полуразвитымъ грубымъ монахомъ, съигравшимъ роль безсознательнаго орудія въ нехорошей интригѣ вождей и крупныхъ людей въ церковныхъ и политическихъ спорахъ. «Его начальники уполномочили его проповѣдовать противъ товара, который они не могли продавать». Вольтеръ имѣетъ въ виду индульгенціи и повторяетъ устами свѣтскаго скептика старую инсинуацію католической полемики.

Въ реформаціонномъ движеніи онъ вообще видитъ мелкія страсти, мѣщанскіе мотивы, понятія какихъ-то полуграмотныхъ обывателей, которые вообразили себя рѣшителями большихъ вопросовъ. Вотъ что говорится о Цвингли: «швейцарскій городишка (Цюрихъ) произнесъ судебный приговоръ надъ Римомъ. Счастливый народецъ въ концѣ концовъ, разъ онъ въ простотѣ своей довѣрялъ своимъ властямъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые ни онъ самъ, ни они, ни Цвингли, ни папа постигать не могли».

Соціальной стороны реформаціи Вольтеръ тоже не хочетъ признать или, лучше сказать, онъ видитъ въ ней то же пробужденіе некультурныхъ инстинктовъ. Здѣсь опять характерно пробивается недовѣрчивое отношеніи къ народной массѣ. Мюнцеръ и другіе вожди крестьянскаго возстанія, говоритъ онъ, развили (въ декларацiяхъ) опасную истину, которая заключена во всѣхъ сердцахъ, именно, что люди рождены равными и что, если паны обращались съ государями, какъ съ подданными, то помѣщики обращались съ крестьянами, какъ съ животными. Правда, этотъ манифестъ дикарей во имя людей, обрабатывавшихъ землю, могъ быть подписанъ Ликургомъ... они настаивали на правахъ рода человѣческаго, но поддерживали требованія, какъ дикіезвѣри».

Приведенныя сужденія и характеристики объясняютъ, почему картина прошлаго у Вольтера однообразна и безнадежно тяжела. Вотъ почему у него нѣтъ и представленія о постепенномъ развитіи культуры, нѣтъ перехода между съумасбродствомъ, дикимъ мракомъ и разсудочностью, спокойнымъ научнымъ взглядомъ. Разумъ необъяснимо и сразу вступаетъ въ свои права, а впрочемъ, его торжество слабо и моменты его рѣдки. Оттого у просвѣтителей возможно и обратное, совершенно неисторическое представленіе относительно старины. Вольтеръ готовъ допустить первоначальную чистую, разумную естественную религію, которая потомъ въ нечестныхъ рукахъ исказилась.

Прогрессъ рода человѣческаго поэтому не выступаетъ въ разнообразныхъ формахъ. Иногда кажется, какъ будто въ историческомъ изображеніи приняты во вниманіе лишь утилитарные успѣхи. Вольтеръ отмѣчаетъ и привѣтствуетъ ростъ техники, изобрѣтеній, торговли, на-

копленіе знаній и притомъ главнымъ образомъ въ области изученія физической природы. Онъ не замѣчаетъ ни улучшенія морали, ни развитія и усовершенствованія права и соціальныхъ отношеній. Ему какъ бы чужда мысль, что сознаніе въ средѣ общества растетъ въ соотвѣтствіи съ успѣхами его организаціи, что потребности извѣстной среды и движеніе ея запросовъ отражаются въ правѣ, обычаяхъ, наконецъ въ складѣ понятій средняго человѣка.

Немного лишь дальше ведетъ насъ осторожно написанная картина соціальнаго движенія у Дидро (въ ст. Энциклопедіи подъ заголовкомъ «Законодатель»). Онъ указываетъ на измѣненіе нравовъ въ Европѣ, благодаря развитію обмѣна. «Торговля — новый связующій элементъ для людей». Націи все болѣе заинтересовываются во взаимномъ благополучіи. Крушеніе Лейпцига, Лиссабона, Лимы въ послѣднее время отразилось въ рядѣ банкротствъ въ Европѣ и разрушеніи интересовъ нѣсколькихъ милліоновъ гражданъ. «Торговля, подобно просвѣщенію, смягчаетъ нравы, уменьшаетъ воинственность, но она также уничтожаетъ энтузіазмъ добродѣтели, понижаетъ силу, великодушіе и благородство нравовъ. Однако, прибавляетъ составитель, войны всегда будутъ въ Европѣ, вызываемыя соперничествомъ, различіемъ строя и т. д., и онѣ воспрепятствуютъ росту мягкости и чрезмѣрной кротости нравовъ, результату торговли и продолжительнаго мира».

Обѣщанія широкаго прогресса здѣсь нѣтъ. И вообще узкимъ представляется просвѣтителямъ путь, по которому движется культура, тѣсно кажется ея содержаніе. Небольшая горсть человѣчества захвачена ею, и отовсюду грозятъ ей опасности. Чѣмъ меньше казался кругъ ея пріобрѣтеній въ данную минуту, тѣмъ слабѣе обозначалась полоса свѣта въ прошломъ. Недовѣріе къ окружающему предразсудку, косности, фанатической злобѣ просвѣтительная публицистика переносила на старину: вслѣдствіе этого она отбрасывала, игнорировала крупныя области, широкія направленія человѣческой дѣятельности и человѣческой вѣры въ прошломъ, или она смѣшивала ихъ въ общую массу началъ, враждебныхъ разумному существованію.

Но та же самая публицистика поставила задачу культурной исторіи; этимъ она не только выдвинула новыя рамки, но и новый запросъ, способный расширить пытливую мысль и поднять морально-общественное сознаніе. Если она могла поставить такую задачу, то это значитъ, что она обладала горячимъ убѣжденіемъ въ цѣнности самой культуры. Мы можемъ считать это, какъ угодно, ея заслугой, ея усиліемъ, или ея природой, ея свойствомъ, но фактъ такого убѣжденія, такого сознанія былъ важенъ. У слѣдующаго поколѣнія на немъ выстраивается вѣра въ быстрый всеобщій прогрессъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Вулканы на землѣ и вулканическія явленія во вселенной.

Проф. **А. П. Павлова.**

(*Окончаніе* *).

II. Причины вулканическихъ явленій.

Прежде чѣмъ дѣлать попытки объясненія причинъ вулканической дѣятельности, нужно еще узнать, много ли на землѣ вулкановъ и какъ они распредѣлены по земной поверхности.

Общее число дѣйствующихъ вулкановъ около 300 или 350; такихъ вулкановъ, которые, хотя и не дѣйствуютъ, но хорошо сохранили свою форму и окружены еще свѣжими лавами и шлаками, указывающими на недавнюю дѣятельность, раза въ полтора больше дѣйствующихъ. Что касается распредѣленія вулкановъ, то въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства: во-первыхъ, весьма часто встрѣчающееся расположеніе вулкановъ рядами прямолинейными или слегка изогнутыми. Примѣрами могутъ служить вулканы, расположенные вдоль западнаго берега Южной Америки, вулканы Центральной Америки, Алеутскихъ острововъ, вулканы Камчатки, Курильскихъ острововъ и Японіи, вулканы Зондскаго архипелага и др. Такое расположеніе вулкановъ какъ бы намѣчаетъ нѣкоторыя линіи на земной поверхности, вдоль которыхъ вулканическіе продукты, стремящіеся вырваться изъ земныхъ глубинъ, встрѣчаютъ меньшее сопротивленіе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, какъ будто по этимъ линіямъ идутъ расколы въ земной корѣ, повторяющіе въ грандіозномъ масштабѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются на склонахъ Этны при сильныхъ изверженіяхъ, когда образуются длинныя трещины, на пути которыхъ въ разныхъ точкахъ возникаютъ небольшіе вулканы и изъ выброшенныхъ ими шлаковъ и пепла нагромождаются побочные конусы. Такое предположеніе о связи вулкановъ съ расколами земной коры подтверждается еще тѣмъ, что эти линіи вулкановъ являются въ то же время линіями вдоль которыхъ тянутся горныя цѣпи, т. е. такія области земной коры, гдѣ

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

пласты, изъ которыхъ они состоятъ, изогнуты, смяты въ складки, разломаны и передвинуты на различные уровни. Эти же самыя полосы земли принадлежатъ къ числу такихъ мѣстъ, гдѣ особенно часто бываютъ землетрясенія. Ряды вулканическихъ острововъ, вродѣ Курильскихъ или Алеутскихъ, не представляютъ исключенія, такъ какъ эти острова представляютъ собою, въ сущности, тѣ же горныя цѣпи, но погруженныя въ воду настолько, что надъ ея уровнемъ поднимаются только отдѣльныя вершины горъ.

Второе обстоятельство, на которое стоитъ обратить вниманіе, это то, что ряды вулкановъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, тоже не разсѣяны по землѣ въ разныхъ случайныхъ направленіяхъ, и въ нихъ обнаруживается наклонность примыкать одинъ къ другому и связываться въ огромныя вулканическія полосы или пояса, которые съ болѣе или менѣе значительными перерывами опоясываютъ кругомъ весь земной шаръ. Если взять глобусъ и намѣтить на немъ вулканы западнаго берега Америки, Алеутскихъ острововъ, Камчатки, Курильскихъ острововъ, Японіи, Филиппинскихъ острововъ и Зондскаго пролива съ прилежащими частями Суматры и Явы, то получится полоса вулкановъ, опоясывающая почти весь земной шаръ. Если ее продолжить черезъ Индійскій океанъ, мимо края южнаго полярнаго материка до южной оконечности Америки, то на этомъ продолженіи мы встрѣтимъ еще нѣсколько вулканическихъ острововъ (Килингсъ, Кергуэленъ, Юж. Шетландскіе), какъ бы замыкающихъ этотъ замѣчательный вулканическій поясъ. Существуютъ еще и другіе, хотя и менѣе отчетливо выраженные пояса вулкановъ, напримѣръ, тотъ, который проходитъ черезъ Яву, Суматру, вулканическіе острова Бенгальскаго залива, по сѣверному берегу Аравійскаго моря и Персидскаго залива, далѣе черезъ Мертвое море и вулканическіе острова Средиземнаго моря. Если соединить двѣ замѣчательныя вулканическія области южно-итальянскую (съ Этной и Эоловыми островами) и исландскую и продолжить соединяющую ихъ полосу вокругъ всего земного шара, то на этомъ поясѣ или очень близко къ нему окажется еще нѣсколько замѣчательнѣйшихъ вулканическихъ областей, напр., Кенія въ Африкѣ, вулканы Мозамбикскаго канала и Мадагаскара, острововъ Маврикія, Кергуэленъ, вулканическая область Новой Зеландіи и острова Гаваи. Случайное ли это совпаденіе, или оно имѣетъ какое-либо болѣе глубокое значеніе, это еще остается невыясненнымъ.

Попытаемся теперь поискать отвѣтъ на вопросы, что такое вулканъ, почему онъ приходитъ въ дѣятельное состояніе, производитъ взрывы, выбрасываетъ пары и газы, брызги и осколки лавы, изливаетъ потоки лавы и затѣмъ затихаетъ? Откуда эта сила, способная пробить каналъ внутри горы и поднять на большую высоту расплавленную каменную матерію, втрое болѣе тяжелую, чѣмъ вода, и выбросить массы минеральныхъ обломковъ и пыли въ высокіе слои атмосферы? Нѣкоторые ученые

пытались объяснить эти явленія, такъ сказать химико-механическими причинами, видѣть въ нихъ явленія, имѣющія мѣстный характеръ и обусловленныя нѣкоторыми физическими или химическими процессами, которые сопровождаются развитіемъ теплоты, способной вызвать мѣстное расплавленіе твердыхъ массъ земного шара и всѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются при вулканическихъ изверженіяхъ. Но такое объясненіе, въ сущности, ничего не объясняетъ, ибо не указываетъ, какіе именно процессы могутъ вызвать такое колоссальное развитіе жара въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, не слишкомъ глубоко лежащихъ пунктахъ твердаго шара, носящагося въ холодномъ міровомъ пространствѣ и нагрѣваемаго солнцемъ очень неравномѣрно въ разныхъ поясахъ и только до извѣстной, очень небольшой глубины. Между тѣмъ извѣстно, что вулканы распространены почти повсемѣстно на землѣ, что они не обнаруживаютъ какой-нибудь зависимости отъ климатическихъ условій и располагаются среди напластованій земной коры самыхъ разнообразныхъ по составу и по времени своего образованія — и среди новѣйшихъ морскихъ отложеній, какъ вулканы Южной Италіи, и на древнѣйшихъ гранитахъ и гнейсахъ, какъ потухшіе вулканы Центральной Франціи, и при всемъ томъ составъ продуктовъ, ими выбрасываемыхъ, хотя и неодинаковъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, но все-же измѣняется въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ и независимъ отъ состава тѣхъ каменныхъ породъ, которыя образуютъ данный участокъ земной коры. Кромѣ всего этого, подвижность, малая устойчивость земной коры, мѣстами опускающейся, мѣстами изгибающейся въ складки, плохо мирится съ тѣмъ мнѣніемъ, что земной шаръ весь вообще, кромѣ отдѣльныхъ очаговъ плавленія, твердъ и холоденъ. Мы не будемъ излагать подробно такихъ толкованій вопроса о вулканахъ, которыя уже отжили свой вѣкъ или, очевидно, не выдерживаютъ критики, такъ какъ не принимаютъ въ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, требующихъ разъясненія, или не соотвѣтствуютъ масштабу объясняемыхъ явленій.

Мы остановимъ наше вниманіе на такомъ объясненіи, которое лучше согласуется съ извѣстными намъ фактами и допускаетъ дальнѣйшее развитіе на почвѣ научнаго изслѣдованія, а потому и принимается громаднымъ большинствомъ геологовъ.

Главные факты, съ которыми приходится считаться, ища объясненія вулканическихъ явленій, это широкое распространеніе вулкановъ и горячихъ источниковъ, свидѣтельствующихъ о необычайно высокой температурѣ внутреннихъ областей земли, и то обстоятельство, что всюду, даже въ странахъ вовсе не вулканическихъ, при углубленіи въ землю въ шахтахъ и скважинахъ, по миновании слоя постоянной температуры замѣчаютъ все большее и большее повышеніе температуры, составляющее въ среднемъ одинъ градусъ Ц на каждые 33 метра. Эта величина 33 м. и называется геотермическимъ градусомъ.

Это повсемѣстное повышеніе температуры даетъ еще новое свидѣ-

тельство въ пользу существованія въ глубинахъ земли чрезвычайно горячей матеріи, которая можетъ быть разсматриваема, какъ остатокъ той первобытной матеріи, изъ которой нѣкогда состоялъ весь земной шаръ, пока его поверхность не охладилась настолько, что на ней образовалась сплошная каменная кора, которая и заперла внутри планеты еще неохладившіяся и продолжающія охлаждаться центральныя массы.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что эти массы сохранили чрезвычайно высокую температуру, несмотря на то, что со времени образованія твердой коры протекли многіе десятки, а можетъ быть, и сотни милліоновъ лѣтъ. Вѣдь сравнительно ничтожная масса еловстонской лавы сохранила внутри высокую температуру, несмотря на то, что со времени ея изліянія протекли десятки тысячъ лѣтъ и что страна пережила ту великую міровую зиму, которая называется ледниковой эпохой.

Но намъ могутъ возразить, какъ же примирить съ этимъ допущеніемъ то, что земной шаръ, съ его водной и каменной оболочками, подчиняясь притяженію ближайшихъ къ нему небесныхъ тѣлъ, ведетъ себя такъ, что водная оболочка образуетъ приливы и отливы, а каменная кора относится къ этимъ вліяніямъ не какъ тонкая оболочка, одѣвающая жидкую массу, а какъ твердая оболочка колоссальной толщины или какъ тѣло твердое до самаго центра. На это мы отвѣтимъ, что это возраженіе было бы непреодолимо, если бы геологи утверждали (какъ это и было прежде), что сравнительно тонкая каменная кора земли плаваетъ на расплавленной жидкой лавѣ.

Возраженіе было направленно къ тому, чтобы опровергнуть такое мнѣніе; оно его и опровергло: но вѣдь такое мнѣніе и безъ того не выдерживаетъ критики и давно оставлено спеціалистами, хотя еще до недавняго времени фигурировало въ популярныхъ сочиненіяхъ.

Предположить внутри земли вещества, обладающія громаднымъ запасомъ энергіи,—вещества, нагрѣтыя до температуры несравненно болѣе высокой, чѣмъ температура плавленія всѣхъ извѣстныхъ намъ каменныхъ массъ, еще не значитъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какомъ физическомъ состояніи находятся эти вещества. Это совсѣмъ особый и весьма сложный вопросъ.

Чтобы подойти къ нему, припомнимъ нѣкоторыя свойства лавы. Самое важное изъ нихъ—это богатство парами и газами, которые играютъ столь существенную роль въ механизмѣ изверженія. Пары выдѣляются не только изъ жерла дѣйствующаго вулкана, но и изъ текущаго по поверхности лавоваго потока; они вспѣниваютъ верхній слой лавы и изъ застывшаго сверху потока вырываются съ нѣкоторой силой, взламывая образовавшуюся сверху каменную корку и подбрасываютъ вверхъ осколки этой корки и брызги лавы. Вообще можно сказать, что пары воды играютъ самую существенную роль между газообразными продуктами, которые извергаются вулканами.

На вопросъ, откуда взялись въ лавѣ эти газообразныя вещества можно отвѣтить двояко.

1) Эти вещества проникаютъ сверху. Это вода моря, проникающая къ лавѣ, превращающаяся въ паръ, который и поглощается лавой. Такое мнѣніе о способности лавы поглощать газообразныя вещества находитъ себѣ подтвержденіе въ опытахъ. Сѣра, расплавленная подъ давленіемъ нѣсколькихъ атмосферъ въ присутствіи воды, поглощаетъ много водяныхъ паровъ и постепенно выдѣляетъ ихъ при охлажденіи въ открытомъ сосудѣ, причемъ производитъ взрывы, разбрызгиваніе и взламываніе корки; расплавленное серебро поглощаетъ до 22 объемовъ кислорода, который при охлажденіи выдѣляется съ тѣми же явленіями.

При остываніи расплавленной стали въ большихъ тиглѣхъ въ 1 метръ высотою и 300 сентиметровъ въ поперечникѣ, изъ нея выдѣляется много газовъ, причемъ уровень жидкой стали постепенно понижается, такъ что ее подливаютъ 5 или 6 разъ. На поверхности появляется шлаковая корка; она трескается и легкіе взрывы разбрызгиваютъ капли металла. Если покрыть тигель крышкой и потомъ открыть, газы прорываются съ новой силой, и на поверхности корки, въ серединѣ или ближе къ одному краю, образуется шлаковый конусъ или даже два и три. При конечномъ пониженіи уровня нерѣдко остаются на стѣнкахъ тигля горизонтальныя полоски застывшей стали, напоминающія края изъ застывшей лавы у огненнаго озера въ кальдерѣ Килауеа. Эти явленія объясняютъ многое въ механизмѣ дѣятельности лавовыхъ озеръ Гаваи.

Если допустить, что вся внутренняя масса планеты представляетъ охлаждающееся и сокращающееся въ своемъ объемѣ тѣло, одѣтое твердымъ, уже охладившимся и не участвующимъ въ этомъ сжатіи чехломъ и притомъ очень тяжелымъ, то вполнѣ естественно, что поверхность этого чехла будетъ морщиться, мѣстами приподниматься и образовать складки, мѣстами разламываться и опускаться. Расположеніе вулкановъ вдоль линій расколовъ и смѣщенія пластовъ и вдоль складчатыхъ горъ какъ нельзя лучше мирится съ этимъ допущеніемъ. Съ этой точки зрѣнія понятна также роль воды и водяныхъ паровъ въ механизмѣ большей части изверженій.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что проникновеніе морской воды черезъ трещины и жерла вулкановъ, превращеніе ея въ пары и поглощеніе ихъ лавой имѣетъ мѣсто при тѣхъ пароксизматическихъ ужасныхъ взрывахъ, примѣръ которыхъ мы видѣли на Кракатоа.

2) Можно еще объяснить происхожденіе газовъ и паровъ въ лавѣ и инымъ путемъ, не прибѣгая къ процессу образованія ихъ изъ морской воды и поглощенія лавой. Вѣдь было время, когда земля не имѣла каменной коры, когда вся вода океановъ была газомъ, окружавшимъ тяжелой атмосферой расплавленную поверхность планеты, и если лава была способна поглощать газы, она должна была уже въ то время поглотить ихъ до насыщенія этой способности, а теперь при охлажденіи этой первобытной насыщенной газами матеріи и выдѣляются газы, повторяя

въ грандіозномъ масштабѣ тѣ явленія, которыя наблюдаются при охлажденіи сѣры, серебра, стали.

Но какъ бы и когда бы эти водяные пары и эти газы ни попали въ лаву, мы должны помнить, что условія, въ какихъ эти вещества въ ней находятся, совсѣмъ не тѣ, при какихъ мы знаемъ ихъ на земной поверхности. Мы должны стараться уяснить себѣ вліяніе на эти вещества двухъ самыхъ существенныхъ факторовъ: 1) колоссальнаго давленія, которое испытываютъ всѣ вещества, находящіяся въ глубокихъ областяхъ земли и которое все увеличивается съ увеличеніемъ глубины, и 2) чрезвычайно высокой температуры. Легко видѣть, что уже на сравнительно незначительныхъ глубинахъ имѣетъ мѣсто такое колоссальное давленіе и такая высокая температура, которыя лежатъ далеко за предѣлами, доступными намъ въ лабораторіяхъ.

Давленіе столба воздуха, высотою до предѣловъ атмосферы, мы называемъ одной атмосферой (оно равно, приблизительно, 58½ пуд. на квадр. футъ); такое же давленіе производитъ столбъ воды, высотою въ 10 метровъ, а лава раза въ три тяжелѣе воды, слѣдовательно, съ такою же силой будетъ давить столбъ лавы уже метра въ 3½ высотою.

Если даже мы примемъ, что, съ углубленіемъ на каждые 10 метр. въ землю, давленіе возрастаетъ на одну атмосферу, то на глубинѣ только одного километра оно будетъ уже въ 100 атмосферъ, съ углубленіемъ, напр., на 50 кил.—5.000 атмосферъ, а эта глубина будетъ тоже, что уколъ булавки въ глобусъ, имѣющій 1 метръ въ поперечникѣ.

Итакъ, уже на малыхъ, сравнительно, глубинахъ давленіе оказывается весьма высокимъ, а мы знаемъ, что высокія давленія сильно вліяютъ на физическое состояніе матеріи.

Разсмотримъ, для примѣра, одинъ изъ газовъ—углекислый газъ, тотъ газъ, который выдѣляется изъ шипучихъ напитковъ. Этотъ газъ въ изобиліи приносится изъ глубины земли водами многихъ ключей, а также выходитъ изъ отдушинъ и трещинъ на вулканахъ какъ дѣйствующихъ, такъ и потухшихъ. Сжимая углекислый газъ при температурѣ 0°, нужно употребить давленіе въ 36 атмосферъ, чтобы преодолѣть его упругость и заставить его сгущаться въ жидкость. Съ повышеніемъ температуры на каждый градусъ, упругость углекислаго газа возрастаетъ на полторы атмосферы. Принимая вышеуказанное возрастаніе температуры съ глубиною, мы получимъ на глубинѣ 1.000 метровъ температуру 33°, а при такой температурѣ упругость углекислаго газа должна увеличиться почти на 50 атмосферъ (49½), т. е. она будетъ равна 86 атмосферамъ, а давленіе на этой глубинѣ будетъ 100 атмосферъ, т. е. превзойдетъ упругость углекислаго газа, и онъ превратился бы въ жидкость, если бы жидкая углекислота могла существовать при такой температурѣ. Но это температура, близкая къ такъ называемой критической для углекислоты, т. е. такой, при которой она можетъ существовать только въ формѣ газа, правда, газа плотнаго,

тяжелаго, сильно отличающагося отъ того газа, который мы знаемъ при нашихъ обычныхъ условіяхъ.

То же будетъ и съ водой. Упругость образующихся водяныхъ паровъ не будетъ препятствовать проникновенію воды въ глубину; наибольшая упругость ихъ 1.200 атмосферъ будетъ уравновѣшена давленіемъ уже на глубинѣ 12 километровъ, т. е. на глубинѣ, равной, приблизительно $^1/_{500}$ земнаго радіуса. На этой глубинѣ водяные пары, такъ сказать, утратятъ упругость и не только не будутъ препятствовать проникновенію воды, но не будутъ и образовываться, не смотря на высокую температуру 363°, которая должна тамъ господствовать. На глубинѣ еще нѣсколько большей вода вступаетъ въ область критической для нея температуры. Она переходитъ въ газъ, упругость котораго скована давленіемъ. Если тамъ или на глубинѣ еще большей, гдѣ температура превышаетъ температуру плавленія извѣстныхъ намъ каменныхъ породъ, есть расплавленная лава, она будетъ поглощать этотъ сжатый водяной газъ, онъ будетъ растворяться въ лавѣ и образовать съ нею родъ сплава.

Но для составленія понятія о состояніи, въ какомъ находится вещество въ глубинахъ земли и для уясненія механизма вулканическихъ изверженій еще недостаточно останавливаться на однихъ физическихъ условіяхъ, нужно еще нѣсколько освѣтить вопросъ о химическомъ состояніи вещества.

Извѣстно, что высокая температура вызываетъ распаденіе сложныхъ тѣлъ, къ какимъ относится и вода, на элементы ихъ составляющіе, или, какъ говорятъ химики, вызываетъ диссоціацію.

Но извѣстно также, что давленіе противодѣйствуетъ диссоціаціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда энергія сложнаго тѣла меньше, чѣмъ энергія элементовъ, его составляющихъ, и когда происходитъ сокращеніе объема при его образованіи. Давленіе, сжимая объемъ, препятствуетъ распаденію такого тѣла на составные элементы, которое стремится вызвать температура.

Вода начинаетъ диссоціировать при 1.200 градусахъ и оканчиваетъ при 2.500 на глубинѣ 50 километровъ (принимая геотермическій градусъ равнымъ 33-мъ метрамъ); при температурѣ 1.515° она будетъ накалена, но не разложится.

Это будетъ взрывчатое газообразное вещество, готовое немедленно распасться на свои составные элементы, т. е. образовать гремучую смѣсь водорода и кислорода, но все тотъ же стражъ—давленіе препятствуетъ ей проявить ея естественныя при данной температурѣ свойства. Если есть на этой глубинѣ лава, она будетъ поглощать эту гремучую воду и образовать съ нею родъ смѣси или сплава.

Мы все время говорили о томъ, что газы и вода или ея пары должны поглощаться лавой, если тамъ еще есть ненасыщенная ими лава. Нельзя ли теперь теоретически освѣтить вопросъ, есть ли она тамъ и на какой глубинѣ.

Извѣстно, что для большей части веществъ, которыя въ жидкомъ состояніи занимаютъ большій объемъ, чѣмъ въ твердомъ, давленіе препятствуетъ плавленію, и вещество можетъ быть нагрѣто до температуры, далеко болѣе высокой, чѣмъ температура его плавленія, и будетъ оставаться твердымъ, но способнымъ тотчасъ перейти въ расплавленное состояніе, какъ только уменьшится давленіе; другими словами, такое вещество имѣетъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться жидкимъ, и для этого не только не нужно нагрѣвать его еще больше, но оно само способно отдать огромный избытокъ своей теплоты, выдѣлить огромное количество энергіи; но эта энергія скована давленіемъ.

Такое состояніе вещества называютъ потенціально жидкимъ.

Аналогія съ критическими температурами, при которыхъ жидкость, несмотря на давленіе, переходитъ въ газъ, а также нѣкоторые опыты, показавшіе, что точки плавленія извѣстныхъ веществъ повышаются съ повышеніемъ давленія, но не въ той же степени, а въ меньшей, позволяютъ думать, что такому состоянію есть предѣлъ, при которомъ никакое давленіе болѣе не въ силахъ удержать вещество въ твердомъ состояніи; но гдѣ, на какой глубинѣ этотъ предѣлъ, на это мы не можемъ пока отвѣтить съ полной опредѣленностью. Да это намъ и не важно, такъ какъ вопросъ о состояніи центральныхъ областей нашей планеты выходитъ за предѣлы нашей задачи и намъ незачѣмъ спускаться глубже той зоны, въ которой вещество земли твердо, но не такъ, какъ гранитъ нашихъ скалъ, а такъ, что оно удерживается въ этомъ состояніи лишь внѣшнею силой—силой давленія.

Едва ли можно сомнѣваться, что такое вещество въ высокой степени способно поглощать, такъ сказать, растворять въ себѣ пары и газы, если оно еще не насыщено ими, а если уже насыщено, то эти вещества должны обладать высокой энергіей, ибо они сильно сжаты, такъ сжаты, что газы были бы жидкими, если бы этому не препятствовала высокая температура, газы, имѣющіе между собою химическое сродство, соединились бы со взрывомъ и съ выдѣленіемъ огромныхъ количествъ тепла, если бы этому не препятствовало давленіе *).

---

*) Одинъ очень простой снарядъ можетъ до нѣкоторой степени иллюстрировать эту роль давленія, конечно, не въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ земныхъ глубинъ, а въ обычныхъ условіяхъ имѣющихъ мѣсто на земной поверхности. Снарядъ этотъ—обыкновенный сифонъ съ зельтерской водой. Вода, налитая въ сифонъ, сильно насыщена газомъ и этотъ газъ имѣетъ настолько значительную упругость, что онъ тотчасъ выдѣлился бы изъ воды, производя кипѣніе и разбрызгиваніе, если бы вода эта не была заключена въ прочный, плотно закрытый сосудъ и на ея поверхность не давилъ бы скопившійся сверху сжатый углекислый газъ. Теперь вода эта совершенно спокойна и по виду ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной воды, налитой въ простую бутылку. Но стоитъ только нажать кранъ сифона и тѣмъ ослабить давленіе газа на воду въ трубкѣ сифона и тотчасъ вода приходитъ въ движеніе отъ обильно выдѣляющихся пузырей газа, выгоняется его упругостью въ кранъ сифона и съ шипѣніемъ и разбрызгиваніемъ льется въ подставленный стаканъ.

Такимъ образомъ энергія такихъ газообразныхъ тѣлъ можетъ быть значительно больше, чѣмъ энергія газовъ, сжатыхъ въ жидкости, или энергія чрезвычайно высоко нагрѣтыхъ водяныхъ паровъ.

При свѣтѣ этихъ теоретическихъ данныхъ мы вправѣ сказать, что запертая въ глубинахъ нашей планеты лава, или, какъ ее называютъ, эруптивная (взрывчатая) магма представляетъ собою вещество въ совершенно особыхъ, почти неизвѣстныхъ намъ, на землѣ физическихъ условіяхъ. Она обладаетъ колоссальнымъ запасомъ энергіи, она рѣзко отличается отъ лавы, причинившей рядъ вулканическихъ взрывовъ и вылившейся на поверхность, гдѣ она и остываетъ. Эта послѣдняя представляетъ, такъ сказать, мертвую матерію. Эти клубы пара и газовъ, которые она выдѣляетъ на своемъ пути, это послѣднее дыханіе ея жизни. Напротивъ, лава глубинъ или эруптивная магма—это титанъ, заключающій въ себѣ избытокъ силъ, она способна проявить колоссальную и разнообразную работу механическую и химическую. Это живая космическая матерія и ея изученіе даетъ намъ возможность приподнять край завѣсы, скрывающей отъ насъ тайны жизни, не нашей органической жизни, а *космической*.

III. Вулканизмъ во вселенной.

Если эруптивная магма земныхъ глубинъ дѣйствительно имѣетъ значеніе живой космической матеріи, той матеріи, изъ которой созидались или созидаются другія космическія тѣла, то, изучая эти тѣла, и особенно тѣ изъ нихъ, которыя ближе къ намъ, мы можемъ надѣяться и на нихъ встрѣтить слѣды явленій, аналогичныхъ съ нашими вулканическими явленіями. Посмотримъ теперь, насколько оправдывается такое ожиданіе.

Прежде всего остановимъ наше вниманіе на ближайшемъ къ намъ небесномъ тѣлѣ, на спутникѣ нашей планеты—лунѣ, которая отдалена отъ насъ нѣсколько болѣе, чѣмъ на 50.000 географическихъ миль и имѣетъ поперечныхъ 468 географическихъ миль.

Обыкновеннымъ глазомъ на поверхности луны видны болѣе темныя мѣста, такъ называемыя моря, болѣе свѣтлыя мѣста и нѣкоторыя особенно ярко свѣтящіяся точки и полосы. Еще болѣе отчетливо эта разница въ степени яркости видна въ бинокль или въ ручную зрительную трубу, при чемъ видно, что нѣкоторыя изъ морей, особенно не самыя большія, имѣютъ болѣе или менѣе округлыя очертанія. Если наблюдать луну въ первую или послѣднюю четверть, когда дискъ ея не весь освѣщенъ, и лучи солнца падаютъ сбоку, то уже въ хорошую ручную трубу видны многія особенности рельефа луны, напримѣръ, кольцевыя горы, а въ астрономическую трубу лунный рельефъ выступаетъ настолько отчетливо, что какъ будто мы сами находимся на разстояніи нѣсколь-

кихъ сотъ верстъ отъ поверхности луны и разсматриваемъ ее съ птичьяго полета (Рис. 31).

Въ послѣднее время астрономамъ удалось получить превосходныя фотографическія изображенія луны, отчетливо передающія рельефъ отдѣльныхъ частей ея поверхности. Съ появленіемъ такихъ изображеній сдѣлались возможны попытки разъяснить вопросъ о происхожденіи этого замѣчательнаго рельефа. Конечно, многія изъ предлагаемыхъ теперь объясненій еще ожидаютъ дальнѣйшей провѣрки и но-

Рис. 31.

выхъ изслѣдованій, но это не мѣшаетъ намъ составить себѣ общее представленіе о характерѣ лунной поверхности.

Прежде всего останавливаетъ наше вниманіе изобиліе на лунѣ такъ называемыхъ кольцевыхъ валовъ или горъ, болѣе или менѣе высокихъ, болѣе или менѣе отчетливо выраженныхъ и обыкновенно съ значительно пониженнымъ срединнымъ полемъ. Съ этого поля, въ его серединѣ или ближе къ одному краю, поднимается у нѣкоторыхъ кольцевыхъ горъ еще центральная высокая и крутая гора, вершина которой не достигаетъ высоты вала. На рисункѣ 31 близъ его праваго края отчетливо видно нѣ-

сколько такихъ горъ. Иногда вмѣсто такой центральной горы со дна большой кольцевой горы поднимается одна или нѣсколько сравнительно маленькихъ, но тоже кольцевыхъ горъ; ихъ можно хорошо видѣть на нашемъ рисункѣ въ его нижней половинѣ, т. е. на южномъ полушаріи луны. Иногда два кольцевыхъ вала сливаются вмѣстѣ, образуя цифру 8, иногда два вала располагаются такъ, что одинъ изъ нихъ вторгается въ площадь другого, какъ будто онъ образовался позже и при своемъ развитіи не стѣснялся прежнимъ рельефомъ и совершенно передѣлалъ захваченный имъ участокъ прежней горы. Размѣры этихъ кольцевыхъ валовъ весьма велики: они, обыкновенно, имѣютъ десятки верстъ въ поперечникѣ. Напримѣръ, въ сѣверномъ полушаріи луны замѣтна кольцевая гора съ расходящимися отъ нея свѣтлыми струйками, очень напоминающими потоки застывшей лавы; это гора Коперникъ, имѣющая 84 версты въ поперечникѣ и почти 260 метровъ въ высоту; сравнивая ее съ другими, не трудно убѣдиться, что это далеко не самая большая кольцевая гора. Эти горы имѣютъ мало общаго съ вулканами типа Везувія, но нельзя не признать нѣкотораго сходства ихъ съ кальдерами Гаваи. Замѣчательно, что даже разница въ крутизнѣ внѣшняго и внутренняго склона горы близко приближается къ тому, что наблюдается на лавовыхъ вулканахъ Гаваи; и на лунѣ внѣшній подъемъ на гору пологій иногда такой же, какъ и у Моуна Лоа, а внутренній склонъ крутой. Есть, впрочемъ, горы, у которыхъ и внѣшній подъемъ довольно крутъ, но все-таки менѣе крутъ, чѣмъ внутренній. Такія горы, конечно, больше отличаются отъ Моуна Лоа. Другое отличіе лунныхъ горъ въ томъ, что дно ихъ кальдеры обыкновенно лежитъ ниже общей поверхности луны и иногда на значительной глубинѣ до 1.000 метровъ.

Какъ же объяснить себѣ способъ образованія этихъ оригинальныхъ горъ, этихъ лунныхъ кратеровъ?

Форма лунныхъ кратеровъ и ихъ взаимныя отношенія лучше всего соотвѣтствуютъ тому предположенію, что каждый изъ нихъ первоначально возникъ какъ очагъ расплавленія уже отвердѣвшей передъ тѣмъ поверхности луны. Въ однихъ мѣстахъ эта поверхность была ровной, въ другихъ она уже была осложнена раньше образовавшимися кольцевыми или иной формы горами. Это расплавленіе, вызванное подъемомъ извнутри небеснаго тѣла струи горячей матеріи, стремящейся выдѣлиться наружу, начиналось въ одномъ пунктѣ и распространялось дальше и дальше, образуя круглое озеро лавы, подобное тѣмъ, какія образуются въ разныхъ мѣстахъ кратера Килауеа. Валъ, окружающій озеро, образовался или тѣмъ же путемъ, какъ образуется тотъ замѣчательный по своей правильности кольцевой валъ, который періодически образуется вокругъ лавоваго озера въ кратерѣ Килауеа, т. е. путемъ перелива лавы на берега озера и застыванія ея первоначально въ видѣ низкаго вала, постепенно повышающагося (при послѣдовательныхъ переливахъ), т. е. это кратеръ перелива; или онъ могъ образоваться

вслѣдствіе того, что въ краевой области возникающаго лавоваго озера лавовая кора не только расплавлялась, но отчасти взламывалась и ея глыбы, благодаря движенію лавы, все приливавшей отъ середины къ краямъ, оттѣснялись къ краямъ и нагромождались въ видѣ вала. Оба процесса могли и комбинироваться.

Послѣ образованія кольцеваго вала, уровень лавы въ озерѣ обыкновенно понижался и часто значительно ниже общаго уровня окружающей мѣстности; поверхность лавы покрывалась корой охлажденія и

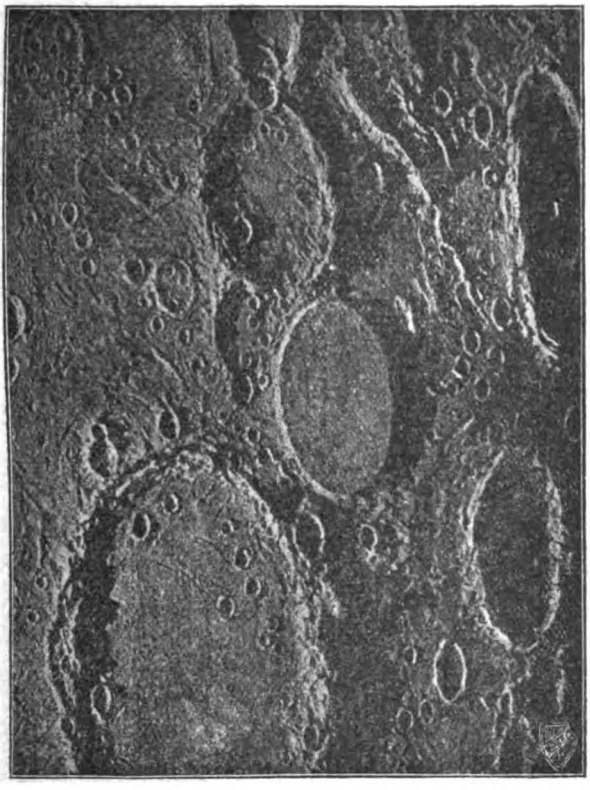


Рис. 32.

такимъ образомъ возникало болѣе или менѣе ровное дно луннаго кратера. Нерѣдко въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ этой первоначально еще тонкой коры эруптивная дѣятельность опять возобновлялась въ болѣе слабой степени, возникали новые очаги плавленія дававшіе начало или внутреннимъ плаковымъ конусамъ (центральная гора) или сравнительно небольшимъ вторичнымъ кратерамъ перелива, поднимающимся со дна большихъ кратеровъ. Какъ будто нарочно для того, чтобы подтвердить выводъ о такомъ происхожденіи кольцевыхъ лунныхъ горъ, среди множества этихъ горъ сохранилась одна, наполненная почти до краевъ застывшей лавой и представляющая собою не кольцевой валъ

съ глубокой внутри его впадиной, а какъ бы круглую столовую гору съ плоской вершиной (рис. 32). Эта замѣчательная гора получила названіе Варгентинъ и имѣетъ 81 версту въ поперечникѣ и 424 метра въ высоту.

Возможенъ и третій случай образованія кольцевыхъ или полукольцевыхъ валовъ, который, впрочемъ, имѣлъ, повидимому, мѣсто при обра-

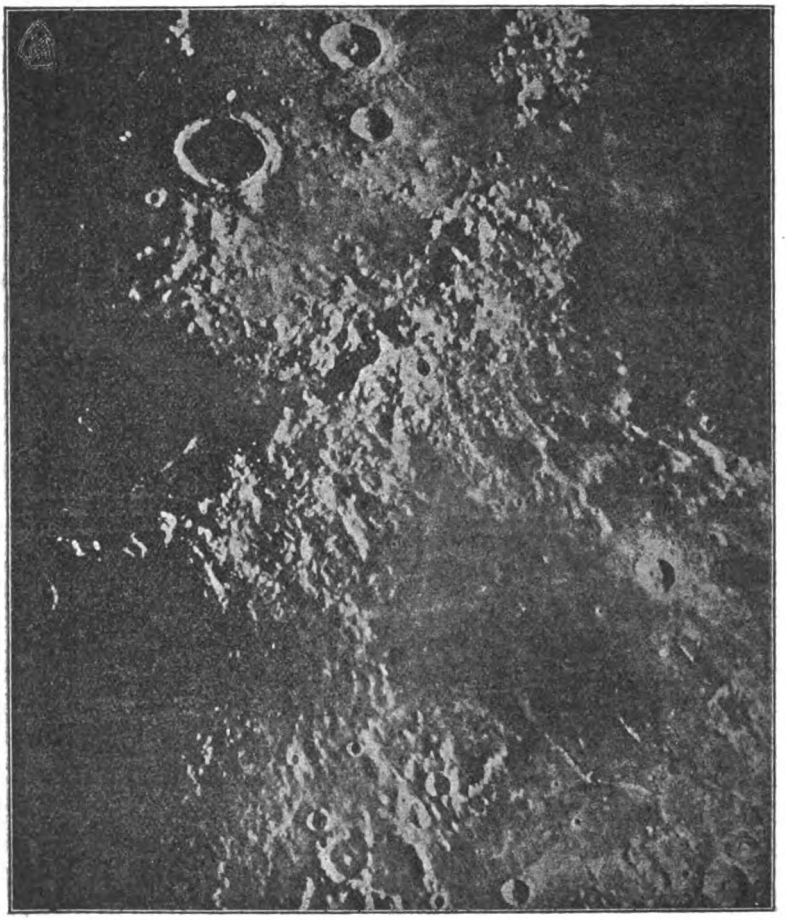


Рис. 33.

зованіи самыхъ колоссальныхъ по своему протяженію и менѣе правильныхъ по формѣ валовъ или горныхъ цѣпей, наблюдаемыхъ на лунной поверхности. Такіе валы возвышаются по краямъ нѣкоторыхъ изъ такъ называемыхъ морей. Сравнительно небольшое, но отличающееся правильностью своихъ очертаній море—Mare Crisium—находится на той половинѣ луны, которая не видна на нашемъ рисункѣ. Оно представляетъ какъ бы переходъ отъ настоящихъ кольцевыхъ горъ съ кальдерами къ настоящимъ морямъ, еще болѣе обширнымъ и обыкновенно

менѣе правильнымъ. Mare Crisium имѣетъ въ поперечникѣ около 480 верстъ.

Разсмотримъ для примѣра Море Ливней—Mare Imbrium, находящееся на сѣверномъ полушаріи между уже упомянутой горою Коперникъ и сѣвернымъ полюсомъ луны (Рис. 31). Оно представляетъ собою въ общемъ округлую, однако не совсѣмъ правильно очерченную площадь, окруженную, хотя и не со всѣхъ сторонъ, высокими горами. Горы эти не составляютъ сплошнаго вала, а поднимаются болѣе или менѣе изолированными одинъ отъ другого гребнями, получившими особыя названія: Апеннины, Карпаты, Альпы. Рис. 33 изображаетъ Ю.-В. край Моря Ливней съ ограничивающими его лунными Апеннинами. Онъ сдѣланъ съ прекрасной фотографіи, изданной парижскою астрономической обсерваторіей. Возможностью воспроизвести здѣсь эту фотографію я обязанъ любезности профессора В. К. Церасскаго. На сравнительно ровномъ и болѣе темно окрашенномъ днѣ Моря Ливней мѣстами возвышаются отдѣльныя высокія и круглыя горы и нѣсколько кратеровъ обычнаго кольцеваго типа, изъ которыхъ одинъ—Архимедъ—принадлежитъ къ числу весьма крупныхъ и имѣетъ діаметръ около 75 верстъ. (самый большой изъ трехъ кратеровъ въ верхней части рисунка 33), а само Море Ливней имѣетъ болѣе 1000 верстъ въ поперечникѣ. Какъ же могла образоваться подобная колоссальная по своему протяженію, хотя и не очень глубокая впадина на лунной поверхности, окруженная высокими горами съ крутымъ внутреннимъ склономъ. Она возникла, очевидно, въ одну изъ раннихъ фазъ развитія лунной пластики на сѣверномъ полушаріи, возникла въ видѣ колоссальнаго очага плавленія еще тогда не толстой лунной коры. Этотъ очагъ естественно принялъ округлую форму, вообще свойственную лавовымъ озерамъ, возникающимъ такимъ путемъ, только это озеро уже правильнѣе называть лавовымъ моремъ (астрономы, назвавшіе его Моремъ Ливней, конечно, были очень далеки отъ тѣхъ представленій, какія теперь у насъ возникаютъ при свѣтѣ геологическихъ данныхъ). Представимъ себѣ теперь, что процессъ образованія нашего лавоваго моря достигъ своего кульминаціоннаго пункта, послѣ чего обильное выдѣленіе теплоты прекращается и море покрывается, все или отчасти, корою охлажденія; гдѣ-нибудь на поверхности этого моря въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно, процессъ продолжается или послѣ перерыва вновь возобновляется въ меньшемъ масштабѣ, при чемъ происходитъ образованіе или шлаковыхъ конусовъ, или сравнительно небольшихъ очаговъ плавленія; вокругъ нихъ образуются кольцевые кратеры обычнаго луннаго типа и между ними Архимедъ, имѣющій болѣе 70 верстъ въ поперечникѣ. Словомъ, на этомъ участкѣ лунной поверхности повторяется тотъ же процессъ, который ранѣе, въ эпоху образованія первоначальной твердой коры на лунѣ происходилъ на всей ея поверхности. Въ то же время или нѣсколько позже начинается опус-

каніе всей площади моря, тонкая кора, его покрывающая, отдѣляется трещинами отъ болѣе толстой коры, образовавшей его первоначальные берега, и по этимъ трещинамъ выходятъ наружу массы сравнительно болѣе густой лавы, даже возникаютъ сравнительно небольшіе эруптивные центры, изъ которыхъ продолжаетъ нѣкоторое время изливаться лава или выбрасываются полужидкіе шлаки, нагромождающіеся вокругъ отдушинъ въ видѣ цѣлыхъ горъ или горныхъ грядъ (горы изліянія по расколамъ). Нѣкоторые изъ такихъ пунктовъ впослѣдствіи и сами дѣлаются очагами плавленія второго порядка и вокругъ нихъ возникаютъ кольцевые валы типа кратеровъ перелива.

Мы уже упомянули о расходящихся отъ горы Коперника свѣтлыхъ изгибающихся и какъ бы обходящихъ препятствія струйкахъ, очень напоминающихъ своимъ расположеніемъ излившіеся изъ вулкана потоки лавы. На лунной поверхности наблюдаются еще свѣтлыя полосы иного типа, особенно отчетливо видныя во время полнолунія. Онѣ расходятся по радіусамъ отъ горы Тихо и идутъ чрезвычайно далеко по лунной поверхности прямыми не рѣзко очерченными полосами, на направленіе которыхъ рельефъ луны, повидимому, не имѣетъ вліянія. Природа этихъ полосъ трудно поддается разъясненію. Мнѣ кажется возможнымъ предположить, что онѣ являются памятникомъ когда-то происходившихъ надъ поверхностью луны движеній лунной атмосферы, богатой вулканическими газами и парами, которые дѣйствовали химически на твердыя вещества лунной коры и измѣняли ея цвѣтъ, или, что еще вѣроятнѣе, осаждали при своемъ охлажденіи твердыя и бѣлыя, какъ снѣгъ, минеральныя вещества, которыя и располагались по поверхности луны по направленію теченій ея атмосферы. Расхожденіе этихъ полосъ отъ горы Тихо, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что эта гора была однимъ изъ послѣднихъ на южномъ полушаріи большихъ эруптивныхъ центровъ, доставлявшихъ газообразные продукты въ лунную атмосферу. Она была, такъ сказать центромъ возникновенія атмосферныхъ токовъ, направлявшихся отъ нея къ противоположному полюсу луны и отлагавшихъ на своемъ пути полосы твердыхъ минеральныхъ осадковъ бѣлаго цвѣта. Быть можетъ и бѣлый цвѣтъ большей части лунной поверхости зависитъ отъ свѣтлыхъ минеральныхъ осадковъ лунной атмосферы; болѣе темный цвѣтъ областей называемыхъ морями можно было бы объяснить тѣмъ, что въ этихъ областяхъ поверхность болѣе древней лунной коры была переплавлена и послѣ своего затвердѣнія осталась менѣе измѣненною вліяніями атмосферы и почти непокрытою осадками.

Мы видимъ такимъ образомъ, что поверхность луны представляетъ собою арену вулканическихъ явленій, совершавшихся въ грандіозномъ масштабѣ и притомъ съ такимъ характеромъ, который представляетъ на землѣ рѣдкое исключительное явленіе.

Земная кора состоитъ главнымъ образомъ изъ толщъ слоистыхъ

осадочныхъ напластованій, образовавшихся поверхъ коры охлажденія дѣятельностью океана. Вулканическая энергія внутреннихъ областей земного шара можетъ проявляться только въ формѣ изверженій по сложнымъ расколамъ, глубоко прорѣзывающимъ осадочную кору. Здѣсь нѣтъ обширныхъ поверхностей сравнительно тонкой лавовой коры, подъ которой находится живая космическая матерія. Нѣкоторое приближеніе къ этимъ условіямъ представляютъ резервуары лавы въ кальдерахъ Гаваи и, естественно, что тамъ-то и наблюдаются наиболѣе близкія къ луннымъ явленія. Намъ скажутъ, пожалуй, что близость эта обманчива, что масштабъ тѣхъ и другихъ явленій совершенно иной, а потому ихъ нельзя и сравнивать, что кольцевые кратеры на лунѣ принадлежатъ къ числу наиболѣе распространенныхъ, наиболѣе постоянныхъ формъ, а въ кальдерахъ Гаваи сходные съ ними по формѣ кратеры перелива образуются лишь временно, и затѣмъ разрушаются, обваливаются и вновь переплавляются.

На первое возраженіе мы отвѣтимъ, что явленія, вполнѣ аналогичныя съ гавайскими, наблюдаются при остываніи расплавленной стали въ глиняныхъ резерзуарахъ, и эти наблюденія проливаютъ много свѣта на механизмъ явленій въ лавовыхъ озерахъ Гаваи, а разница въ масштабѣ здѣсь еще больше, чѣмъ между Килауеа и, наприм., луннымъ Архимедомъ. На второе замѣчаніе можно отвѣтить, что полнаго тожества результатовъ и быть не можетъ. Не слѣдуетъ забывать, что на лунѣ напряженіе тяжести въ шесть разъ меньше, чѣмъ на землѣ и тотъ же самый застывшій лавовый валъ, представляющій на землѣ весьма тяжелую массу, на лунѣ будетъ легкимъ тѣломъ, вдвое болѣе легкимъ, чѣмъ вода на землѣ, естественно, поэтому, что тамъ могутъ быть устойчивы такія образованія, которыя на землѣ мало устойчивы.

Вѣроятно, и земля переживала нѣкогда ту стадію, какую пережила и запечатлѣла на своей окаменѣвшей мертвой поверхности луна, лишенная океана и атмосферы. Но, послѣ такой фазы ея развитія, поверхность земли глубоко измѣнена послѣдующими процессами, въ которыхъ существенную роль играли океанъ и атмосфера.

Перенесемся теперь мысленно въ ту эпоху, когда спутникъ нашей земли покрылся первой еще непрочной корой охлажденія и утратилъ способность свѣтиться собственнымъ свѣтомъ. Представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь мѣстѣ этой коры возникаетъ очагъ расплавленія и образуется лавовое море, напр. Море Ливней. Что увидали бы мы при этомъ съ земли?

Мы увидали бы, что на темномъ или отчасти освѣщенномъ солнечными лучами дискѣ луны возникаетъ свѣтящееся пятно, занимающее значительную часть ея поверхности. По завершеніи этого процесса, свѣтящееся пятно исчезло бы, и спутникъ земли сталъ бы вновь темнымъ. Мы имѣли бы передъ собою примѣръ небеснаго тѣла, временно вспыхивающаго собственнымъ свѣтомъ и вновь угасающаго. Астрономы

знаютъ примѣры подобныхъ тѣлъ во вселенной. Они очень далеки отъ насъ. Чѣмъ вызывается ихъ временное возгораніе—мы этого не знаемъ и можемъ говорить объ этомъ только гадательно. Не будемъ на нихъ останавливаться, а перейдемъ теперь къ иной чрезвычайно интересной фазѣ развитія небесныхъ тѣлъ.

Въ сравнительно близкихъ къ намъ областяхъ вселенной существуетъ такое тѣло, на поверхности котораго нѣтъ коры охлажденія—это солнце, центральное тѣло нашей планетной системы, которому все живущее на землѣ обязано свѣтомъ, тепломъ и жизнью.

Мы уже видѣли, что луна обходитъ землю, держась отъ нея на разстояніи около 50.000 геогр. миль. Если взять линію, соединяющую

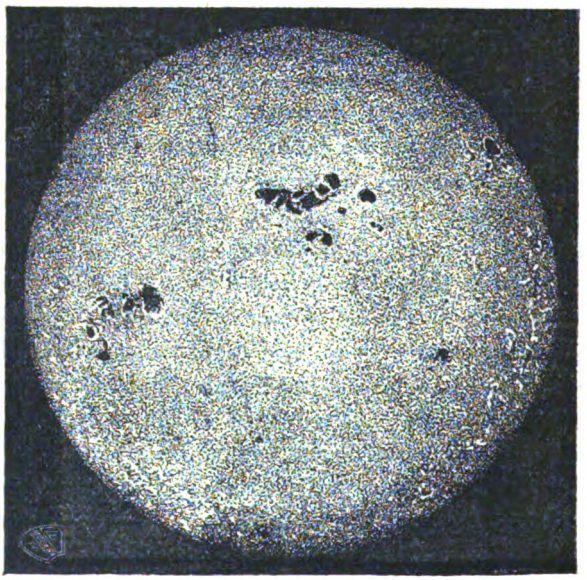


Рис. 34.

землю съ луною, почти удвоить ее и затѣмъ представить себѣ шаръ, имѣющій эту линію своимъ радіусовъ, то такой шаръ и дастъ намъ понятіе о размѣрахъ солнца. Если бы земля находилась въ центрѣ такого шара, то луна не только могла бы свободно двигаться вокругъ нея на томъ же разстояніи, какъ и теперь, но между нею и стѣнкой шара оставалось бы еще почти такое же разстояніе, какъ и до земли.

Вся поверхность солнца состоитъ изъ движущихся, волнующихся, до бѣла раскаленныхъ массъ, образующихъ такъ называемую фотосферу. Поверхъ фотосферы, при нѣкоторыхъ условіяхъ, которыя будутъ сейчасъ указаны, замѣтна еще оболочка тоже раскаленныхъ свѣтящихся красноватымъ свѣтомъ металлическихъ паровъ и пылающихъ газовъ; ее называютъ хромосферой.

На поверхности фотосферы, этого колоссальнаго ярко свѣтящагося и вѣчно волнующагося океана по временамъ появляются темныя мѣняющія свою форму и расположеніе пятна съ менѣе темной каймою вокругъ (рис. 34). Эти пятна, судя по рисункамъ изучившихъ ихъ астрономовъ (см. рис. 35), ближе всего сходны съ прорывами или глубокими пропастями въ сплошномъ покровѣ фотосферы, которыя, послѣ своего образованія, вновь заливаются свѣтящимися потоками фотосферы. Размѣры ихъ таковы, что въ такой прорывъ прошелъ бы, не зацѣпивъ краевъ, земной шаръ, а иногда и нѣсколько такихъ шаровъ сразу. Около пятенъ на поверхности фотосферы нерѣдко наблюдаются свѣтящіяся, еще болѣе яркія, чѣмъ сама фотосфера, полосы и потоки—это такъ называемые факелы (см. лѣвую половину рис. 35, изображающую пятно, расположенное близъ видимаго края солнечнаго диска). Когда эти

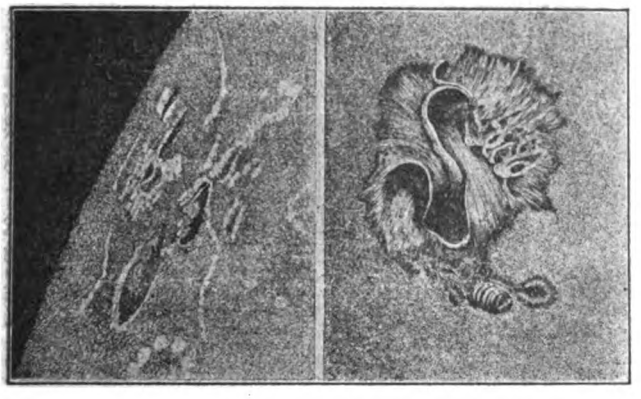


Рис. 35.

пятна, вслѣдствіе вращенія солнца, приходятъ на самый край солнечнаго диска, то въ области ихъ развитія и какъ бы въ связи съ ними, а иногда и безъ всякой связи съ пятнами, замѣчается выбрасываніе раскаленной свѣтящейся матеріи, взлетающей съ невѣроятной быстротой на высоту многихъ тысячъ географическихъ миль: это такъ называемые протуберанцы (рис. 36, 37). Наблюдать ихъ, а также и хромосферу, надъ которой они взвиваются, всего удобнѣе во время затменій, когда ослѣпительно яркій дискъ солнца закрытъ проходящимъ между солнцемъ и землею темнымъ дискомъ луны *). Эти протуберанцы то расширяются и разсѣеваются наверху, принимая формы вулканическаго облака или пиніи и держатся нѣкоторое время на одномъ и томъ же мѣстѣ, то выбрасываются въ видѣ очень разнообразныхъ по формѣ ярко свѣтящихся массъ, чрезвычайно быстро распространяющихся на огромныя разстоянія и разсыпающихся въ видѣ сноповъ и ракетъ.

*) Въ настоящее время наблюдаютъ протуберанцы и при полномъ блескѣ солнца, при помощи спектроскопа, щель котораго направляютъ на край солнечнаго диска.

Рис. 36 изображаетъ одинъ изъ замѣчательныхъ протуберанцевъ этого типа; кривизна дуги, надъ которой онъ взвился, даетъ понятіе о раз-

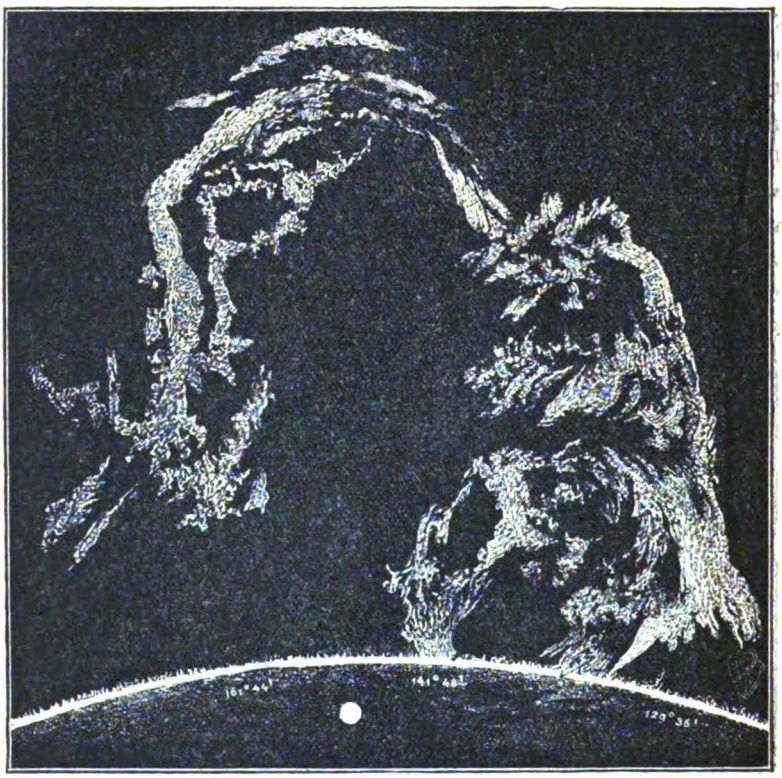


Рис. 36.

мѣрахъ солнца, маленькій свѣтлый кружекъ внизу изображаетъ земной шаръ, нарисованный въ соотвѣтственномъ масштабѣ.

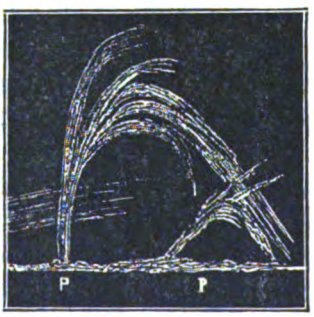


Рис. 37.

Рис. 37 изображаетъ другой типъ протуберанцевъ, которые можно назвать струеобразными. Они извергаются перпендикулярно, или косо

къ поверхности солнца въ видѣ струи, простой или вѣтвистой, но не слишкомъ сложной по своимъ очертаніямъ и иногда возвращающейся обратно къ солнцу.

Спектроскопъ показалъ, что протуберанцы перваго типа состоятъ преимущественно изъ водорода и гелія, а протуберанцы струеобразные, кромѣ того, содержатъ въ значительномъ количествѣ пары различныхъ металловъ.

Связь между факелами, пятнами и протуберанцами еще не можетъ считаться вполнѣ выясненной. Нѣкоторые факты, замѣченные астрономами, наблюдавшими эти явленія, особенно для насъ интересны. При разсматриваніи въ спектроскопъ факеловъ, замѣчается усиленіе всѣхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра, даже темныя линіи нѣкоторыхъ металловъ кажутся на факелѣ нѣсколько менѣе темными. Кажется, какъ будто въ этомъ мѣстѣ ярко свѣтящаяся фотосфера стремится обнажиться отъ покрывающей ее и поглощающей свѣтъ оболочки металлическихъ паровъ, образующихъ нижніе слои хромосферы. Это даваемое спектроскопомъ впечатлѣніе было подтверждено и наблюденіемъ, показавшимъ что, когда факелы находятся на самомъ краю солнечнаго диска, то въ области ихъ развитія замѣчается нѣкоторое поднятіе общаго уровня поверхности фотосферы. Появленіе факеловъ обыкновенно предшествуетъ появленію пятенъ. Было, между прочимъ, замѣчено, что иногда, спустя нѣкоторое время послѣ появленія вѣнца факеловъ, расходящихся ярко свѣтящимися потоками, между ними появляется сначала тусклое туманное мѣсто, а потомъ здѣсь же возникаетъ и пятно или группа пятенъ.

Спектроскопическія изслѣдованія пятна указываютъ, что въ этомъ мѣстѣ что-то нѣсколько затмеваетъ всѣ цвѣта солнечнаго спектра, какъ будто ослаблена прозрачность того слоя, черезъ который проходитъ свѣтъ отъ ярко свѣтящейся солнечной массы, что металлическіе пары въ этомъ мѣстѣ болѣе сгустились, а темныя линіи, имъ свойственныя, рѣзче обозначились.

Всѣ эти явленія еще не могутъ считаться достаточно разъясненными и ученые объясняютъ ихъ весьма различно. Уже одно разнообразіе этихъ объясненій говоритъ за то, что вполнѣ удовлетворительнаго объясненія еще не найдено. Поэтому, я полагаю, не будетъ слишкомъ смѣло дать здѣсь мѣсто нѣкоторымъ представленіямъ, заимствованнымъ изъ изученія вулканическихъ явленій, и сказать, въ самыхъ общихъ чертахъ, что пятна представляютъ собою дѣйствительные разрывы фотосферы, этой раскаленной магматической оболочки солнца, чрезвычайно богатой газами и парами, что этимъ разрывамъ предшествуетъ поднятіе фотосферы, раскаленныя массы которой растекаются вокругъ, образуя вѣнецъ колоссальныхъ блестящихъ потоковъ, называемыхъ факелами, что затѣмъ происходитъ выбрасываніе изъ солнца различныхъ веществъ въ состояніи высоко накаленныхъ диссоціиро-

танныхъ газовъ, производящихъ взрывы, и извергающихся далеко за предѣлы солнечной хромосферы въ формѣ протуберанцевъ. Быть можетъ, въ смѣси этихъ газовъ, выброшенныхъ въ область болѣе низкой температуры и низкаго давленія происходитъ иногда химическая реакція, быстро и на огромномъ протяженіи охватывающая массу газовъ, носящихся надъ хромосферой и сопровождающаяся развитіемъ свѣта и тепла. Образующіяся при этомъ химическія соединенія вновь разлагаются, если они падаютъ на солнце.

Выбрасываніе газовъ есть слѣдствіе продолжающагося уплотненія солнечной матеріи, сопровождающагося выдѣленіемъ тепла и повышеніемъ термическаго состоянія веществъ, и безъ того обладающихъ страшнымъ запасомъ энергіи. Пока потокъ этихъ газовъ продолжается, солнечное пятно остается постояннымъ, по прекращеніи или ослабленіи эруптивнаго процесса, массы раскаленной магматической фотосферы устремляются потоками и вихрями къ эруптивному центру, стремясь заполнить пропасть и выровнять поверхность небеснаго тѣла. Въ очень маломъ масштабѣ до нѣкоторой степени аналогичную картину этихъ выбросовъ газообразной матеріи и послѣдующаго исходящаго движенія расплавленной лавы въ эруптивномъ фокусѣ представляютъ намъ фонтаны въ лавовомъ озерѣ Килауеа. Только нужно помнить, что поверхность солнечной фотосферы состоитъ не изъ расплавленной тяжелой лавы, представляющей собою сложное химическое соединеніе или, вѣрнѣе смѣсь химическихъ соединеній, а вещество, находящееся въ совершенно иномъ химическомъ и физическомъ состояніи.

Хотя природа солнца и характеръ явленій, совершающихся на его поверхности и представляютъ еще много загадочнаго, тѣмъ не менѣе то, что мы о нихъ знаемъ, даетъ намъ право сказать, что массы, образующія свѣтящуюся поверхность солнца, находятся въ крайне подвижномъ, крайне напряженномъ состояніи и что. если искать аналогій этимъ массамъ съ тѣмъ что мы знаемъ на землѣ, то ближе всего къ нимъ слѣдуетъ поставить эруптивную взрывчатую магму земныхъ глубинъ, которую мы тоже можемъ представлять себѣ въ видѣ смѣси различныхъ газообразныхъ и быть можетъ нѣкоторыхъ жидкихъ веществъ, диссоціированныхъ или еще не вступившихъ въ химическія соединенія; только на землѣ, такая магма могла сохраниться лишь на большихъ глубинахъ внутри планеты, а на солнцѣ она образуетъ фотосферу или видимую раскаленную поверхность небеснаго тѣла. О состояніи вещества, образующаго болѣе глубокія области солнца, мы ничего не знаемъ и можемъ только думать, что вещество это находится въ состояніи крайней напряженности.

Это крайне раскаленное вещество, газообразное или находящееся въ иномъ, намъ еще мало извѣстномъ состояніи, поднимаясь извнутри солнца въ область меньшаго давленія и меньшихъ температуръ, достигаетъ такихъ областей, гдѣ становится возможнымъ переходъ нѣко-

торыхъ газовъ въ жидкое состояніе и образованіе изъ нихъ яркосвѣтящейся магмы или раскаленныхъ облаковъ фотосферы. Болѣе стойкіе газы прорываются сквозь эту фотосферу, волнуютъ ея поверхность и мѣстами образуютъ уже знакомые намъ протуберанцы.

Такимъ образомъ солнце представляетъ намъ зрѣлище необычайно грандіозныхъ эруптивныхъ явленій, которыя происходятъ въ условіяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ на землѣ и существовали когда-то на лунѣ; но при всѣхъ этихъ различіяхъ условій, все-таки, у всѣхъ этихъ, столь различныхъ съ перваго взгляда, процессовъ можно подмѣтить нѣкоторыя общія черты, и едва-ли будетъ ошибкой сказать, что, только принимая въ соображеніе эти общія черты, можно приблизиться къ болѣе глубокому пониманію этихъ сложныхъ и загадочныхъ явленій. Съ такой точки зрѣнія эруптивныя явленія на всѣхъ этихъ столь несходныхъ тѣлахъ вселенной представляютъ собою различныя фазы развитія одного и того же великаго процесса космической жизни, ничтожное остаточное проявленія котораго обнаруживаютъ наши земные вулканы.

Мы видимъ теперь, насколько сложны и трудны явленія подлежавшія нашему разсмотрѣнію. Для освѣщенія этихъ явленій необходимы совокупныя усилія многихъ наукъ, нужна дружная работа геолога, астронома, химика, физика, и эта работа пока не приноситъ намъ непосредственныхъ матеріальныхъ благъ, но она расширяетъ нашъ кругозоръ и помогаетъ намъ лучше оріентироваться среди сложныхъ и разнообразныхъ явленій окружающаго насъ міра.

Существуетъ, конечно, разница между суевѣрнымъ страхомъ, наполнявшимъ душу древняго грека—колониста итальянскаго побережья, страхомъ, заставлявшимъ его держаться подальше отъ острова Вулкана, этого входа въ плутоново царство, и тѣмъ благоговѣніемъ передъ величіемъ и порядкомъ вселенной, которое овладѣваетъ нами, когда наука начинаетъ освѣщать намъ чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. И все-таки, какъ еще мало мы знаемъ даже ближайшія къ намъ области вселенной, и сколько тайнъ и чудесъ сокрыто въ томъ, на что мы привыкли смотрѣть съ такимъ равнодушіемъ.

ТЕХНИЧЕСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ КОНЦА XIX в.

Будущій историкъ XIX вѣка съ особеннымъ вниманіемъ долженъ будетъ остановиться на періодѣ отъ 1860 года до нашихъ дней. Именно этому періоду, по продолжительности не превышающему средней человѣческой жизни, выпало на долю преобразовать всю соціальную жизнь культурныхъ народовъ, посредствомъ колоссальнѣйшаго практическаго примѣненія безчисленнаго множества новыхъ открытій и изобрѣтеній, преобразовать всѣ условія этой жизни такъ, какъ это не имѣло мѣста ни въ одинъ изъ предыдущихъ историческихъ періодовъ. Вспомнивъ, какимъ представлялся цивилизованный міръ всего полвѣка назадъ, какъ много человѣчество не знало тогда, мы не только поймемъ, какъ далеко мы шагнули за это время впередъ, но и сможемъ представить себѣ,—какъ говоритъ Шарль Рише, — насколько ничтожны всѣ наши знанія въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ и что ожидаетъ насъ впереди.

I.

Обратимся прежде всего къ технической революціи, происшедшей за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ *путяхъ сообщенія*, къ колоссальному перевороту, произведенному въ этой области желѣзными дорогами.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ желѣзныя дороги были еще очень мало распространены; въ настоящее время общее протяженіе ихъ на всемъ земномъ шарѣ простирается до 600.000 километровъ, на которые потрачено около 60 милліардовъ рублей. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ интенсивности желѣзнодорожнаго пассажирскаго и товарнаго движенія, приведемъ двѣ только цыфры, относящіяся, правда, къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ желѣзнодорожная сѣть на 40.000 кв. миль больше, чѣмъ во всѣхъ странахъ Европы, вмѣстѣ взятыхъ. Въ 1889 году на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ перевезено было 495 милліоновъ пассажировъ и 619 милліоновъ тоннъ товаровъ. При этомъ сами за себя говорятъ слѣдующія цыфры о гигантскомъ возрастаніи международной торговли «міра послѣ ж. дорогъ» сравнительно съ «міромъ до ж. дорогъ»: въ «мірѣ до ж. дорогъ» общій ежегодный оборотъ международной торговли не превы-

шалъ въ среднемъ 20 милліардовъ франковъ; въ 1867 году онъ доходитъ до 55 милліардовъ, въ 1870 году—до 70, въ 1889 г.—до 93, а въ 1892 году—до 95 милліардовъ франковъ. Увеличеніе почти на 500%, которое, главнымъ образомъ, должно быть приписано желѣзнымъ дорогамъ, создавшимъ новыя, до того совершенно неизвѣстныя условія для колоссальнаго развитія международныхъ сношеній.

Интересно вспомнить, какъ встрѣчена была постройка желѣзныхъ дорогъ почти во всѣхъ странахъ. Одинъ бельгійскій профессоръ передавалъ намъ, что онъ отлично помнитъ то время, когда желѣзныя дороги вызывали въ Бельгіи, во всей странѣ, особенно въ деревняхъ, страшную ненависть со стороны католическаго духовенства: деревенскіе священники, говорилъ намъ профессоръ, инстинктивно чувствовали, что эти новые вагоны и локомотивы, быстро и равнодушно, какъ ни въ чемъ ни бывало, несущіеся по рельсамъ,—неизбѣжно явятся проводниками новыхъ идей.

Но не только въ деревняхъ и со стороны не одного только католическаго духовенства желѣзныя дороги встрѣчали столь недружелюбный пріемъ. Когда, въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, бельгійскій министръ Роже (Roger) внесъ въ парламентъ проектъ о сооруженіи на счетъ государства нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линій, онъ вызвалъ общій взрывъ насмѣшекъ по адресу желѣзныхъ дорогъ—до того сооруженіе ихъ показалось нелѣпымъ. Когда, затѣмъ, въ сороковыхъ годахъ, во французской палатѣ зашла рѣчь о томъ, что желѣзныя дороги вытѣснятъ когда-нибудь дилижансы, депутаты расхохотались—до того невѣроятнымъ и смѣшнымъ показалось имъ это предположеніе. Если же оглянуться еще дальше назадъ и вспомнить, что для нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ поѣздка, напр., изъ Парижа въ Руанъ составляла цѣлое событіе, къ которому надо было готовиться: надо было собраться компаніей человѣкъ въ пятнадцать, чтобы дилижансъ отправлялся въ путь; если вспомнить, напр., тотъ общеизвѣстный фактъ, какъ Дидро, неоднократно побуждаемый настойчивыми приглашеніями Екатерины пріѣхать въ Петербургъ, куда онъ и отправился въ 1773 г., долго колебался и не рѣшался предпринять эту поѣздку, до того, главнымъ образомъ, пугало его «далекое и трудное путешествіе», которое теперь можно совершить съ величайшими удобствами въ три дня, и передъ тѣмъ, какъ уѣхать, онъ сдѣлалъ даже завѣщаніе,—если вспомнить и представить себѣ все это, то мы поймемъ... Но нѣтъ, намъ, выросшимъ при совершенно новыхъ условіяхъ, успѣвшихъ уже всецѣло преобразовать всѣ наши нравы, всю нашу обиходную жизнь, намъ трудно понять, какъ люди жили *безъ* желѣзныхъ дорогъ.

Океанскіе пароходы до 1875 года далеко не имѣли того значенія, что имѣютъ теперь. Пароходныя машины были тяжелы, занимали слишкомъ много мѣста и потребляли слишкомъ много топлива, также занимавшаго много мѣста—на счетъ остальнаго груза. Такъ, напримѣръ,

«сли пароходу старой конструкціи приходилось совершать большое плаваніе, то, при подъемной способности въ 3.000 тоннъ, все же онъ могъ принять только 800 тоннъ груза—товаровъ, такъ какъ долженъ былъ тащить съ собою, какъ балластъ, 2.200 тоннъ угля для топки машинъ. Вотъ почему старые пароходы такъ мало были пригодны для массоваго транспорта тяжелыхъ и громоздкихъ товаровъ. Теперь же, благодаря компаундъ-машинамъ и другимъ многочисленнымъ усовершенствованіямъ въ пароходствѣ, тотъ же пароходъ можетъ совершить то же плаваніе, но уже въ прямо противоположныхъ условіяхъ: онъ принимаетъ до 2.200 тоннъ груза и только 800 тоннъ угля.

Съ постепеннымъ усовершевствованіемъ пароходовъ и съ появленіемъ пароходовъ-гигантовъ, *парусное судоходство* отходитъ все болѣе на задній планъ. Пароходы, если еще не вытѣснили окончательно парусныя суда, получаютъ все болѣе и болѣе преобладающее значеніе. Въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующей, приводимой у Шиппеля, статистики плавающихъ по океанамъ парусныхъ судовъ:

въ 1885	году	ихъ насчитывали	25.766	съ 11,2	милл. тоннъ
» 1886	»	»	25 155	» 10,4	»
» 1887	»	»	23.310	» 9,8	»

Уменьшеніе общей грузоспособности составляло, слѣдовательно, 1,4 милліона тоннъ, или за 2 года 12,4%!

Но это явленіе постепеннаго и все болѣе усиливающагося вытѣсненія паруснаго флота паровымъ выступитъ еще ярче, если мы обратимъ вниманіе на статистическую таблицу, опубликованную въ іюнѣ 1892 года Джономъ Гловеромъ въ лондонскомъ «Journal of the Royal Statistical Society».

Цифры Главера относятся къ десятилѣтнему періоду 1880—1890 гг. и показываютъ размѣры парового флота въ различныхъ странахъ по отношенію ко всему флоту каждой изъ этихъ странъ, вмѣстѣ взятому: число паровыхъ судовъ въ Англіи (за исключеніемъ колоній), составлявшее, въ 1880 году, 41,7% всего флота, поднялось десять лѣтъ спустя, въ 1890 году, до 63,4%; во Франціи, соотвѣтствующія цифры были—27,4% въ 1880 и 52,8 въ 1890 г.; въ Германіи—16,7 и 46,8%; въ Норвегіи—3,4 и 10,4%; въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя процессъ идетъ медленнѣе, все же число паровыхъ судовъ составлявшее въ 1880 году только 11,6% всего флота, достигло 20,9% въ 1890 году. Отмѣтимъ для другихъ странъ соотвѣтствующія прогрессіи: 7,2 и 22—въ Италіи, 15,7 и 26,7 — въ Швеціи, 17,3 и 44,5 — въ Голландіи, 19,3 и 35,9—въ Даніи; наконецъ, бельгійскій флотъ, въ которомъ паровыя суда составляли уже въ 1880 году 83,6% и гдѣ парусное судоходство имѣло, слѣдовательно, такое слабое значеніе, имѣетъ въ 1890 году паровыхъ судовъ уже до 93,9%!

Съ тѣми же самыми явленіями мы встрѣчаемся во всѣхъ большихъ и малыхъ портахъ Стараго и Новаго свѣта: въ Ливерпулѣ и Гамбургѣ,

въ Антверпенѣ и Марсели, въ Сенъ-Назэрѣ и Нью-Іоркѣ, въ Гонгъ-Конгѣ и Роттердамѣ, въ Амстердамѣ и Генуѣ: количество парусныхъ судовъ, посѣщающихъ эти порты, сильно падаетъ изъ года въ годъ, (въ антверпенскомъ порту, напр., оно уменьшилось болѣе чѣмъ вдвое за десятилѣтіе 1874—1884 г.: съ 2.000 судовъ на 935), тогда какъ паровыхъ судовъ прибываетъ туда все въ большемъ количествѣ.

Но этого мало: статистика констатируетъ не только сильное уменьшеніе количества парусныхъ и сильное увеличеніе количества паровыхъ судовъ, но и еще болѣе быстрое уменьшеніе общей вмѣстимости паруснаго флота—мы это показали выше цифровыми данными, заимствованными у Шиппеля — увеличеніе общей вмѣстимости парового и увеличеніе *средней* подъемной способности какъ паровыхъ, такъ и парусныхъ судовъ.

Не желая загромождать статью балластомъ статистическихъ цифръ отмѣтимъ только, что теперь на верфяхъ строятъ какъ паровыя, такъ и парусныя суда все большихъ размѣровъ и вмѣстимости. Появляются теперь гиганты, которые не снились не только нашимъ дѣдамъ, но и отцамъ *).

Одна изъ многихъ причинъ появленія кораблей большихъ и даже колоссальныхъ размѣровъ та, что съ увеличеніемъ размѣра и вмѣстимости корабля достигается огромная, сравнительно, экономія въ общихъ издержкахъ и расходахъ по эксплуатаціи. Въ то время, какъ пароходъ съ подъемною способностью въ 200 или 300 тоннъ требуетъ на каждыя 19,8 тоннъ рабочую силу одного матроса, пароходъ въ 800—1.000 тоннъ требуетъ одну рабочую силу только на каждыя 41,5 тоннъ. Но это только одна изъ многихъ причинъ. Не мало способствовали этому огромныя усовершенствованія техники *кораблестроенія* съ одной стороны, и другихъ отраслей промышленности—прежде всего желѣзо- и сталедѣлательной—съ другой. При постройкѣ новаго желѣзнаго или стальнаго корабля, въ 1872—1874 гг., каждая тонна стоила 90 долларовъ, въ 1877 г. она стоила 65, въ 1880 — 57 долларовъ, тогда какъ въ 1887 году, каждая тонна первокласснаго винтового парохода, стальной конструкціи и со всѣми новѣйшими усовершенствованными машинами, обходилась всего только въ 34 доллара.

Естественно, благодаря усовершенствованіямъ въ постройкѣ и эксплуатаціи кораблей, цѣны за фрахтъ сильно понизились. За провозъ одного бушеля хлѣба изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль платили въ 1860 году не меньше 12, а въ теченіе извѣстнаго времени года даже 27 центовъ; въ 1886 году цѣна эта стояла въ среднемъ въ 5 центовъ, а временами—ниже одного цента. Теперь перевозятъ товары изъ Австраліи въ Англію—разстояніе въ 11.000 миль—въ гораздо болѣе ко-

*) См. «Les grands ports maritimes» par Daniel Bellot и «Anvers port de mer», оффиціальное изданіе антверпенскаго муниципалитета..

роткое время и съ гораздо меньшими расходами, чѣмъ сто лѣтъ назадъ отъ одного конца британскихъ острововъ до другого.

Нужно ли повторять ту банальную истину, что теперь, какъ вслѣдствіе быстроты, такъ и дешевизны передвиженія, нѣтъ болѣе разстояній?

И благодаря тому, что теперь на самомъ дѣлѣ нѣтъ болѣе разстояній, благодаря тому, что расходы по перевозкѣ товаровъ не представляютъ болѣе препятствій къ обращенію товаровъ, товарное обращеніе стало не только *интернаціональнымъ*, но и *интерконтинентальнымъ*. Весь міръ образуетъ теперь огромный рынокъ, гдѣ уравненіе товаровъ и товарныхъ цѣнъ устанавливается между цѣлыми частями свѣта съ гораздо меньшими трудностями, чѣмъ раньше—между одной провинціей и другой. Появляется ли поэтому въ одномъ мѣстѣ застой въ какомъ-нибудь производствѣ, возрастаетъ ли въ другомъ мѣстѣ потребность въ извѣстныхъ продуктахъ и цѣны на нихъ повышаются, это неизбѣжно и немедленно отдается во всѣхъ углахъ земного шара: соотвѣтствующіе продукты всѣхъ частей свѣта проявляютъ тенденцію устремиться туда, гдѣ въ нихъ нуждаются и гдѣ они могутъ найти прибыльный сбытъ.

Въ теченіе первыхъ одиннадцати мѣсяцевъ 1388 года, въ Великобританію ввезено было болѣе 67 милліоновъ центнеровъ пшеницы и муки. Почти столько же она ввезла, въ теченіе такого же періода времени, въ 1887 году. Но какъ велика была, въ томъ и этомъ году, перемѣна въ странахъ вывоза! Изъ 67 милліоновъ центнеровъ, ввезенныхъ въ Англію въ 1887 году, 49 милліоновъ ввезены были изъ сѣверной и южной Америки. Въ 1888 г. Америку постигъ неурожай и она сократила свой вывозъ хлѣба въ Англію до 29 милліоновъ центнеровъ; этотъ дефицитъ противъ предыдущаго года въ 20 милліоновъ центнеровъ покрытъ былъ, главнымъ образомъ, Россіей, пользовавшейся въ томъ году обильнымъ урожаемъ. Такимъ образомъ, англійскій потребитель ѣлъ свой хлѣбъ, не смотря на недостаточность его производства на родинѣ, не смотря на уменьшившійся ввозъ изъ Америки, по той же и даже по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Пшеничныя поля британскаго народа лежатъ частью въ Америкѣ, частью въ Индіи, Россіи или Австраліи.

Интернаціональность матеріальной жизни, прибавляетъ Шиппель, какъ она создана почтами, телеграфами, желѣзными дорогами и пароходами, создаетъ такимъ образомъ интернаціональность политики, права и многихъ другихъ умственныхъ и нравственныхъ воззрѣній народовъ.

II.

Какъ для желѣзныхъ дорогъ, такъ и для судоходства, одно изобрѣтеніе, а именно—способъ *дешеваго производства* стали, имѣло особенно большія послѣдствія.

Если бы, по мѣрѣ увеличенія сообщеній, пришлось замѣнять старые, дѣлающіеся все болѣе негодными для движенія, *желѣзные* рельсы новыми, то это до того повысило бы общіе расходы желѣзныхъ дорогъ, что дешевые тарифы сдѣлались бы невозможными. Но *стальные* рельсы имѣютъ гораздо бо́льшую способность сопротивленія и гораздо бо́льшую продолжительность, къ тому же они теперь, благодаря многочисленнымъ усовершенствованіямъ *бессемерованія*, гораздо дешевле, чѣмъ 10—15 лѣтъ назадъ желѣзные рельсы.

Въ 1873 году одна тонна бессемеровой стали стоила въ Англіи, не знающей покровительственныхъ тарифовъ, 16 фунтовъ стерлинговъ; въ 1886 году ее можно было прибыльно производить и продавать по 4 фунта. За этотъ же періодъ времени производительность бессемеровскаго «конвертера» увеличилась въ четыре раза, безъ увеличенія и даже съ уменьшеніемъ потребной рабочей силы. Благодаря усовершенствованному способу Гилькристъ-Томаса, четверо рабочихъ производятъ теперь то же количество стали, въ то же самое время и съ гораздо большей экономіей въ матеріалѣ, что раньше—десять рабочихъ. Относительно получаемой экономіи въ матеріалѣ дастъ представленіе то обстоятельство, что на производство одной тонны стальныхъ рельсовъ требуется теперь $2^1/_2$ тонны угля, тогда какъ въ 1868 году требовалось 5 тоннъ.

Удешевленіе желѣза и стали видно изъ слѣдующей, приводимой Д. Уэльсомъ статистики: въ 1870—1871 гг., при постройкѣ одной изъ главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ на сѣверо-западѣ С. Штатовъ, одна миля стоила въ среднемъ 40.000 долларовъ, въ 1889 году она обходилась вдвое дешевле.

Съ 1878 года сталь очень быстро начинаетъ вытѣснять желѣзо и въ кораблестроеніи.

Всеобщая народная перепись, произведенная въ С. Штатахъ въ 1880 году, показала, сравнительно съ переписью 1870 года, огромное увеличеніе количества добываемыхъ угля и мѣди, при гораздо меньшемъ сравнительно увеличеніи потребныхъ «рукъ» (hands). Такъ, напримѣръ, добыча антрацита увеличилась за этотъ періодъ времени на 82,7%, рабочія же руки—только на 33,2%; добыча мѣди увеличилась на 70,8%, а число рабочихъ—только на 15,8%: все болѣе сильныя и болѣе дешевыя взрывчатыя вещества, какъ динамитъ, всевозможныя буровыя машины и множество другихъ усовершенствованій въ горномъ дѣлѣ, очень просто объясняютъ это явленіе.

Замѣтимъ мимоходомъ, что явленіе это—фактъ гораздо болѣе медленнаго возрастанія числа рабочихъ сравнительно съ ростомъ производства,—блестяще подтверждаетъ лишь слѣдующій экономическій законъ, а именно: что въ капиталистическомъ обществѣ часть капитала, идущая на покупку машинъ и сырого матеріала, т.-е. постояннаго капитала, растетъ въ гораздо болѣе быстрой прогрессіи, чѣмъ та

часть капитала, которая употребляется на покупку рабочей силы, т.-е. чѣмъ перемѣнный капиталъ.

Но вернемся къ новѣйшимъ успѣхамъ техники.

Мы встрѣчаемся теперь на рынкѣ съ замѣчательнымъ явленіемъ: старые продукты, имѣвшіе прежде огромное значеніе, все болѣе теряютъ его и вытѣсняются новыми, которые раньше не могли поступать въ мѣновое обращеніе, такъ какъ ихъ не умѣли эксплуатировать и практически примѣнять.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали входить въ употребленіе проволочные канаты, культура конопли все болѣе падаетъ; льноводство вытѣсняется хлопчатой бумагой и другими растеніями, представляющими гораздо болѣе дешевые матеріалы для производства одежды и предметовъ упаковки. Постоянные успѣхи въ фабрикаціи минеральныхъ освѣтительныхъ и смазочныхъ маслъ, раньше неизвѣстныхъ или мало еще распространенныхъ на всемірномъ рынкѣ, теперь успѣшно конкуррируютъ съ растительными маслами и животными жирами, сильно понижаютъ ихъ цѣны и вытѣсняютъ ихъ съ рынка.

Сильнаго конкуррента растительныя масла и животные жиры встрѣтили въ лицѣ, можно сказать, новичка на всемірномъ рынкѣ—хлопчатобумажнаго масла (получаемаго изъ хлопчато-бумажнаго сѣмени); въ сыромъ видѣ оно является прекраснымъ свѣтильнымъ масломъ и введено, напримѣръ, на многихъ рудникахъ Сѣверо-Американскихъ С. Штатовъ; употребляется такъ же, какъ смазочное масло и для производства разныхъ сортовъ мыла и свѣчъ; очищенное, оно замѣняетъ оливковое масло и свиной жиръ.

Въ то же время утилизируются и отбросы хлопчатобумажныхъ сѣмянъ, до того не находившіе никакого примѣненія.

Натуральный газъ, употребляемый въ качествѣ двигательной силы, имѣетъ теперь въ С. Штатахъ огромное значеніе. Совершенно неизвѣстный раньше, онъ, по разсчетамъ геологическаго бюро Союза, замѣщалъ въ 1887 году, приблизительно, 10 милліоновъ тоннъ угля. Въ ноябрѣ того-же года насчитывали въ Союзѣ 445 сталелитейныхъ и сталепрокатныхъ заводовъ, одна четверть которыхъ употребляла натуральный газъ, какъ топливо, причемъ экономія въ рабочей силѣ—огромная.

Нечего распространяться о томъ, сколько выгодъ и удобствъ это топливо представляетъ въ домашнемъ обиходѣ: прежняя грязная работа разведенія и поддерживанія огня замѣняется легкимъ повертываніемъ крана.

Но натуральный газъ нашелъ себѣ уже въ Америкѣ опаснаго конкуррента въ лицѣ *водянаго газа*, добываемаго тамъ изъ антрацита и тяжелыхъ нефтяныхъ остатковъ, и имѣющаго передъ натуральнымъ газомъ то великое преимущество, что его можно получать въ почти неограниченныхъ количествахъ.

Древнее искусство производства *мельничныхъ жернововъ* приходитъ въ совершеннѣйшій упадокъ. Жерновые камни принадлежатъ къ древнѣйшимъ изобрѣтеніямъ человѣческаго ума. Теперь они замѣщаются стальными вальцами (вальцовыя мельницы) все болѣе усовершенствованныхъ типовъ, съ помощью которыхъ производятъ больше, лучше и дешевле. Раньше изъ зерна получали $^2/_3$ муки, теперь—$^3/_4$.

Та же участь, что жерновой камень, постигла и парусное полотно: съ вытѣсненіемъ паруснаго судоходства паровымъ, спросъ на парусное полотно все болѣе уменьшается. Такъ, напримѣръ, за четырехлѣтіе 1882—1885 гг. потребность въ парусномъ полотнѣ, въ С. Штатахъ, вчетверо уменьшилась, не смотря на сильное развитіе судоходныхъ сообщеній.

До 1872 года почти всѣ хлопчатобумажныя матеріи окрашивались и набивались красильнымъ веществомъ, добывавшимся изъ крапа (красильной марены). Культура крапа занимала тысячи десятинъ земли въ Голландіи, Бельгіи, восточной Франціи, Италіи, Силезіи, Тюрингіи и въ Левантѣ, обработка и приготовленіе его требовали весьма значительныхъ капиталовъ и занимали много сотенъ рабочихъ рукъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Количество крапа, ввезеннаго въ Соединенное Королевство (Великобританію и Ирландію) составляло, въ 1872 году, не менѣе 28,7 милліоновъ англ. фунтовъ, а въ С. Штаты 7,8 милліоновъ. Въ настоящее же время красильное вещество—алицаринъ—добывается изъ каменноугольнаго дегтя на нѣсколькихъ фабрикахъ въ Германіи и Англіи, работающихъ съ небольшими, сравнительно, капиталами и съ небольшимъ количествомъ рабочихъ, и продается по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. И такимъ образомъ, когда-то столь процвѣтавшая культура крапа пришла въ совершенный упадокъ: въ 1887 году Великобританія ввезла не болѣе 2 милліоновъ, а Америка не болѣе 1 милліона фунтовъ.

III.

Обратимся теперь къ другой категоріи фактовъ, рисующихъ намъ успѣхи техники въ производствѣ предметовъ обиходнаго, ежедневнаго употребленія.

Замѣчательный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ *машинное производство обуви*, гораздо болѣе развитое въ С. Штатахъ, чѣмъ у насъ.

Изъ собранныхъ на одной большой башмачной фабрикѣ, въ одномъ изъ восточныхъ штатовъ, данныхъ явствуетъ, что 100 человѣкъ, работающихъ съ помощью машинъ, вырабатываютъ такое количество женской обуви, какого не выработаютъ 500 ремесленниковъ. На этой же фабрикѣ, при производствѣ другого сорта обуви, «сберегаютъ» трудъ половины рабочихъ, становящихся вслѣдствіе этого «излишними». Другая

извѣстная фирма на Западѣ показала, что если бы ей приходилось работать ручнымъ трудомъ, она должна была бы употреблять вдвое болѣе рабочихъ, при чемъ работа выходила бы гораздо менѣе изящной. По мнѣнію одного фабриканта дѣтской обуви въ Филадельфіи, теперь съ помощью машинъ производятъ въ шесть разъ больше, чѣмъ 30—40 лѣтъ назадъ.

А сколько послѣдовало «сбереженій» человѣческаго труда, сколько рабочихъ рукъ сдѣлались «излишними» съ правильной организаціей нефтянаго дѣла, съ усовершенствованнымъ устройствомъ *нефтепроводовъ*, черезъ которые нефть перемѣщается отъ источниковъ къ заводамъ, съ организаціей наливной перевозки нефти въ наливныхъ пароходахъ, цистернахъ и наливныхъ вагонахъ (американскихъ tank-cars)! Когда въ началѣ 60-хъ годовъ начали добывать нефть, — продуктъ, мимоходомъ сказать, получившій самое широкое распространеніе не только какъ свѣтильное масло, но и употребляемый также въ мелкихъ и среднихъ производствахъ, какъ движущая сила, и въ качествѣ такового имѣющаго передъ собою огромную будущность—когда началась, говоримъ мы, добыча нефти, ее приходилось перевозить въ бочкахъ,—неудобная и чрезвычайная дорогая укопорка! Въ настоящее же время вотъ какого рода устройство существуетъ на американскихъ, а съ 1885 года, по иниціативѣ бр. Нобель, и у насъ, на Кавказѣ, нефтяныхъ промыслахъ и которое прекрасно описываетъ въ своихъ лекціяхъ по промышленной химіи и товаровѣдѣнію проф. коммерческаго института въ Антверпенѣ, Шарль Анжено (см. также его брошюру: «Leçons sur le pétrole et ses dérivés», etc. par Charles Angenot).

«Нефть, говоритъ проф. Анжено, выходя изъ источника, перемѣщается по желѣзнымъ трубамъ въ огромнѣйшіе желѣзные резервуары, вмѣстимостью отъ 40 до 50 тысячъ гектолитровъ. Эти трубопроводы и резервуары составляютъ въ Америкѣ собственность Pipe lines Companies (трубопроводныхъ компаній), являющихся посредниками между производителями сырой нефти и заводчиками, занимающимися ея перегонкой, для перевозки сырой нефти отъ промысловъ къ заводамъ. Изъ своихъ резервуаровъ, компаніи эти перемѣщаютъ сырую нефть, по огромной сѣти нефтепроводныхъ трубъ, діаметромъ отъ 2-хъ до 3-хъ дюймовъ, прорѣзывающихъ весь нефтяной районъ, къ станціямъ своихъ желѣзнодорожныхъ линій или къ водянымъ путямъ. Тамъ нефть переходитъ въ большіе цилиндрическіе желѣзные резервуары, помѣщающіеся въ вагонахъ или на пароходахъ и, такимъ образомъ, доставляется въ крупные центры—Питсбургъ, Кливлэндъ, Бостонъ, Балтимора, Филадельфія и др. для перегонки.

«Легко представить себѣ,—прибавляетъ профессоръ,—какая огромная экономія получается благодаря этому способу транспорта, прекрасно характеризующему технической геній американцевъ».

«Докладъ о торговомъ, промышленномъ и морскомъ движеніи города

Антверпена» за 1883 годъ (Mouvement commercial, industriel et maritime de la place d'Anvers en 1883) даетъ о «pipe lines» еще слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

«Всякій, эксплуатирующій нефтяной промыселъ, каждый производитель имѣетъ въ своемъ районѣ одинъ или нѣсколько резервуаровъ, вмѣстимостью отъ 200 до 500 бочекъ. Резервуары эти, черезъ систему трубъ, pipe lines, прорѣзывающихъ всю мѣстность, соединены съ нефтепроводами одной изъ двухъ компаній: United pipe lines C° или Ride Water pipe lines C°.

«Когда производитель наполняетъ свой резервуаръ, онъ призываетъ агента компаніи, отъ котораго получаетъ соотвѣтствующій «сертификатъ» (удостовѣреніе), гдѣ указывается количество и качество нефти; нефть же эта впускается въ общій резервуаръ, common stock, компаніи. Нефть, ежедневно такимъ образомъ образующаяся въ общихъ резервуарахъ, обозначается именемъ pipe line runs.

«Удостовѣреніе, выдаваемое агентомъ компаніи, даетъ предъявителю право на полученіе соотвѣтствующаго количества нефти, при чемъ предварительно приходится уплатить за храненіе и нѣкоторые другіе расходы. Эти же удостовѣренія служатъ предметомъ купли и продажи на нью-іоркской и филадельфійской биржахъ, и въ то же время, прежде чѣмъ попасть въ руки заводчиковъ, даютъ поводъ къ спекуляціямъ, о которыхъ трудно дать представленіе.

«Сертификаты мѣняютъ подчасъ своихъ владѣльцевъ по нѣсколько разъ въ день, и нерѣдко случается, что въ теченіе одной биржи, въ Нью-Іоркѣ, заключаются сдѣлки отъ 15 до 20 милліоновъ бочекъ нефти».

Бутылочное производство было всегда чрезвычайно труднымъ и нездоровымъ промысломъ, при чемъ почти 33% расплавленной массы совершенно терялось и хотя шлаки снова утилизировались, но съ ухудшеніемъ ихъ первоначальнаго качества. Долго здѣсь не наступало значительной перемѣны, пока, въ 1885 году, новѣйшія т. назыв. непрерывныя стеклоплавильныя ванны не начали вытѣснять повсюду стеклоплавильные горны стараго образца.

Экономія, получаемая при непрерывныхъ стеклоплавильныхъ ваннахъ, состоитъ въ томъ, что «ванны» эти употребляютъ сравнительно гораздо меньше топлива, образуютъ гораздо меньше шлаковъ и «сберегаютъ» огромное количество человѣческаго труда. Кромѣ того, онѣ даютъ возможность вести безпрерывное, 24-хъ-часовое производство, что для капиталиста по крайней мѣрѣ имѣетъ огромное значеніе. При старыхъ горнахъ работа могла продолжаться ежедневно не болѣе 10—11 часовъ, и стекольный рабочій могъ приниматься за свою работу только по окончаніи процесса плавленія, по новой же системѣ плавка и производство происходятъ одновременно. Эта внезапная революція въ техникѣ стекольного производства вызвала въ Бельгіи другую революцію, на этотъ разъ въ средѣ рабочихъ стекольныхъ заводовъ бас-

часть капитала, которая употребляется на покупку рабочей силы, т.-е. чѣмъ перемѣнный капиталъ.

Но вернемся къ новѣйшимъ успѣхамъ техники.

Мы встрѣчаемся теперь на рынкѣ съ замѣчательнымъ явленіемъ: старые продукты, имѣвшіе прежде огромное значеніе, все болѣе теряютъ его и вытѣсняются новыми, которые раньше не могли поступать въ мѣновое обращеніе, такъ какъ ихъ не умѣли эксплуатировать и практически примѣнять.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали входить въ употребленіе проволочные канаты, культура конопли все болѣе падаетъ; льноводство вытѣсняется хлопчатой бумагой и другими растеніями, представляющими гораздо болѣе дешевые матеріалы для производства одежды и предметовъ упаковки. Постоянные успѣхи въ фабрикаціи минеральныхъ освѣтительныхъ и смазочныхъ маслъ, раньше неизвѣстныхъ или мало еще распространенныхъ на всемірномъ рынкѣ, теперь успѣшно конкуррируютъ съ растительными маслами и животными жирами, сильно понижаютъ ихъ цѣны и вытѣсняютъ ихъ съ рынка.

Сильнаго конкуррента растительныя масла и животные жиры встрѣтили въ лицѣ, можно сказать, новичка на всемірномъ рынкѣ—хлопчатобумажнаго масла (получаемаго изъ хлопчато-бумажнаго сѣмени); въ сыромъ видѣ оно является прекраснымъ свѣтильнымъ масломъ и введено, напримѣръ, на многихъ рудникахъ Сѣверо-Американскихъ С. Штатовъ; употребляется такъ же, какъ смазочное масло и для производства разныхъ сортовъ мыла и свѣчъ; очищенное, оно замѣняетъ оливковое масло и свиной жиръ.

Въ то же время утилизируются и отбросы хлопчатобумажныхъ сѣмянъ, до того не находившіе никакого примѣненія.

Натуральный газъ, употребляемый въ качествѣ двигательной силы, имѣетъ теперь въ С. Штатахъ огромное значеніе. Совершенно неизвѣстный раньше, онъ, по разсчетамъ геологическаго бюро Союза, замѣщалъ въ 1887 году, приблизительно, 10 милліоновъ тоннъ угля. Въ ноябрѣ того-же года насчитывали въ Союзѣ 445 сталелитейныхъ и сталепрокатныхъ заводовъ, одна четверть которыхъ употребляла натуральный газъ, какъ топливо, причемъ экономія въ рабочей силѣ—огромная.

Нечего распространяться о томъ, сколько выгодъ и удобствъ это топливо представляетъ въ домашнемъ обиходѣ: прежняя грязная работа разведенія и поддерживанія огня замѣняется легкимъ повертываніемъ крана.

Но натуральный газъ нашелъ себѣ уже въ Америкѣ опаснаго конкуррента въ лицѣ *водянаго газа*, добываемаго тамъ изъ антрацита и тяжелыхъ нефтяныхъ остатковъ, и имѣющаго передъ натуральнымъ газомъ то великое преимущество, что его можно получать въ почти неограниченныхъ количествахъ.

Древнее искусство производства *мельничныхъ жернововъ* приходитъ въ совершеннѣйшій упадокъ. Жерновые камни принадлежатъ къ древнѣйшимъ изобрѣтеніямъ человѣческаго ума. Теперь они замѣщаются стальными вальцами (вальцовыя мельницы) все болѣе усовершенствованныхъ типовъ, съ помощью которыхъ производятъ больше, лучше и дешевле. Раньше изъ зерна получали $^2/_3$ муки, теперь—$^3/_4$.

Та же участь, что жерновой камень, постигла и парусное полотно: съ вытѣсненіемъ паруснаго судоходства паровымъ, спросъ на парусное полотно все болѣе уменьшается. Такъ, напримѣръ, за четырехлѣтіе 1882—1885 гг. потребность въ парусномъ полотнѣ, въ С. Штатахъ, вчетверо уменьшилась, не смотря на сильное развитіе судоходныхъ сообщеній.

До 1872 года почти всѣ хлопчатобумажныя матеріи окрашивались и набивались красильнымъ веществомъ, добывавшимся изъ крапа (красильной марены). Культура крапа занимала тысячи десятинъ земли въ Голландіи, Бельгіи, восточной Франціи, Италіи, Силезіи, Тюрингіи и въ Левантѣ, обработка и приготовленіе его требовали весьма значительныхъ капиталовъ и занимали много сотенъ рабочихъ рукъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Количество крапа, ввезеннаго въ Соединенное Королевство (Великобританію и Ирландію) составляло, въ 1872 году, не менѣе 28,7 милліоновъ англ. фунтовъ, а въ С. Штаты 7,8 милліоновъ. Въ настоящее же время красильное вещество—алицаринъ—добывается изъ каменноугольнаго дегтя на нѣсколькихъ фабрикахъ въ Германіи и Англіи, работающихъ съ небольшими, сравнительно, капиталами и съ небольшимъ количествомъ рабочихъ, и продается по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. И такимъ образомъ, когда-то столь процвѣтавшая культура крапа пришла въ совершенный упадокъ: въ 1887 году Великобританія ввезла не болѣе 2 милліоновъ, а Америка не болѣе 1 милліона фунтовъ.

III.

Обратимся теперь къ другой категоріи фактовъ, рисующихъ намъ успѣхи техники въ производствѣ предметовъ обиходнаго, ежедневнаго употребленія.

Замѣчательный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ *машинное производство обуви*, гораздо болѣе развитое въ С. Штатахъ, чѣмъ у насъ.

Изъ собранныхъ на одной большой башмачной фабрикѣ, въ одномъ изъ восточныхъ штатовъ, данныхъ явствуетъ, что 100 человѣкъ, работающихъ съ помощью машинъ, вырабатываютъ такое количество женской обуви, какого не выработаютъ 500 ремесленниковъ. На этой же фабрикѣ, при производствѣ другого сорта обуви, «сберегаютъ» трудъ половины рабочихъ, становящихся вслѣдствіе этого «излишними». Другая

извѣстная фирма на Западѣ показала, что если бы ей приходилось работать ручнымъ трудомъ, она должна была бы употреблять вдвое болѣе рабочихъ, при чемъ работа выходила бы гораздо менѣе изящной. По мнѣнію одного фабриканта дѣтской обуви въ Филадельфіи, теперь съ помощью машинъ производятъ въ шесть разъ больше, чѣмъ 30—40 лѣтъ назадъ.

А сколько послѣдовало «сбереженій» человѣческаго труда, сколько рабочихъ рукъ сдѣлались «излишними» съ правильной организаціей нефтянаго дѣла, съ усовершенствованнымъ устройствомъ *нефтепроводовъ*, черезъ которые нефть перемѣщается отъ источниковъ къ заводамъ, съ организаціей наливной перевозки нефти въ наливныхъ пароходахъ, цистернахъ и наливныхъ вагонахъ (американскихъ tank-cars)! Когда въ началѣ 60-хъ годовъ начали добывать нефть, — продуктъ, мимоходомъ сказать, получившій самое широкое распространеніе не только какъ свѣтильное масло, но и употребляемый также въ мелкихъ и среднихъ производствахъ, какъ движущая сила, и въ качествѣ такового имѣющаго передъ собою огромную будущность—когда началась, говоримъ мы, добыча нефти, ее приходилось перевозить въ бочкахъ,—неудобная и чрезвычайная дорогая укопорка! Въ настоящее же время вотъ какого рода устройство существуетъ на американскихъ, а съ 1885 года, по иниціативѣ бр. Нобель, и у насъ, на Кавказѣ, нефтяныхъ промыслахъ и которое прекрасно описываетъ въ своихъ лекціяхъ по промышленной химіи и товаровѣдѣнію проф. коммерческаго института въ Антверпенѣ, Шарль Анжено (см. также его брошюру: «Leçons sur le pétrole et ses dérivés», etc. par Charles Angenot).

«Нефть, говоритъ проф. Анжено, выходя изъ источника, перемѣщается по желѣзнымъ трубамъ въ огромнѣйшіе желѣзные резервуары, вмѣстимостью отъ 40 до 50 тысячъ гектолитровъ. Эти трубопроводы и резервуары составляютъ въ Америкѣ собственность Pipe lines Companies (трубопроводныхъ компаній), являющихся посредниками между производителями сырой нефти и заводчиками, занимающимися ея перегонкой, для перевозки сырой нефти отъ промысловъ къ заводамъ. Изъ своихъ резервуаровъ, компаніи эти перемѣщаютъ сырую нефть, по огромной сѣти нефтепроводныхъ трубъ, діаметромъ отъ 2-хъ до 3-хъ дюймовъ, прорѣзывающихъ весь нефтяной районъ, къ станціямъ своихъ желѣзнодорожныхъ линій или къ водянымъ путямъ. Тамъ нефть переходитъ въ большіе цилиндрическіе желѣзные резервуары, помѣщающіеся въ вагонахъ или на пароходахъ и, такимъ образомъ, доставляется въ крупные центры—Питсбургъ, Кливлэндъ, Бостонъ, Балтимора, Филадельфія и др. для перегонки.

«Легко представить себѣ,—прибавляетъ профессоръ,—какая огромная экономія получается благодаря этому способу транспорта, прекрасно характеризующему технической геній американцевъ».

«Докладъ о торговомъ, промышленномъ и морскомъ движеніи города

Антверпена» за 1883 годъ (Mouvement commercial, industriel et maritime de la place d'Anvers en 1883) даетъ о «pipe lines» еще слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

«Всякій, эксплуатирующій нефтяной промыселъ, каждый производитель имѣетъ въ своемъ районѣ одинъ или нѣсколько резервуаровъ, вмѣстимостью отъ 200 до 500 бочекъ. Резервуары эти, черезъ систему трубъ, pipe lines, прорѣзывающихъ всю мѣстность, соединены съ нефтепроводами одной изъ двухъ компаній: United pipe lines C° или Ride Water pipe lines C°.

«Когда производитель наполняетъ свой резервуаръ, онъ призываетъ агента компаніи, отъ котораго получаетъ соотвѣтствующій «сертификатъ» (удостовѣреніе), гдѣ указывается количество и качество нефти; нефть же эта впускается въ общій резервуаръ, common stock, компаніи. Нефть, ежедневно такимъ образомъ образующаяся въ общихъ резервуарахъ, обозначается именемъ pipe line runs.

«Удостовѣреніе, выдаваемое агентомъ компаніи, даетъ предъявителю право на полученіе соотвѣтствующаго количества нефти, при чемъ предварительно приходится уплатить за храненіе и нѣкоторые другіе расходы. Эти же удостовѣренія служатъ предметомъ купли и продажи на нью-іоркской и филадельфійской биржахъ, и въ то же время, прежде чѣмъ попасть въ руки заводчиковъ, даютъ поводъ къ спекуляціямъ, о которыхъ трудно дать представленіе.

«Сертификаты мѣняютъ подчасъ своихъ владѣльцевъ по нѣсколько разъ въ день, и нерѣдко случается, что въ теченіе одной биржи, въ Нью-Іоркѣ, заключаются сдѣлки отъ 15 до 20 милліоновъ бочекъ нефти».

Бутылочное производство было всегда чрезвычайно труднымъ и нездоровымъ промысломъ, при чемъ почти 33% расплавленной массы совершенно терялось и хотя шлаки снова утилизировались, но съ ухудшеніемъ ихъ первоначальнаго качества. Долго здѣсь не наступало значительной перемѣны, пока, въ 1885 году, новѣйшія т. назыв. непрерывныя стеклоплавильныя ванны не начали вытѣснять повсюду стеклоплавильные горны стараго образца.

Экономія, получаемая при непрерывныхъ стеклоплавильныхъ ваннахъ, состоитъ въ томъ, что «ванны» эти употребляютъ сравнительно гораздо меньше топлива, образуютъ гораздо меньше шлаковъ и «сберегаютъ» огромное количество человѣческаго труда. Кромѣ того, онѣ даютъ возможность вести безпрерывное, 24-хъ-часовое производство, что для капиталиста по крайней мѣрѣ имѣетъ огромное значеніе. При старыхъ горнахъ работа могла продолжаться ежедневно не болѣе 10—11 часовъ, и стекольный рабочій могъ приниматься за свою работу только по окончаніи процесса плавленія, по новой же системѣ плавка и производство происходятъ одновременно. Эта внезапная революція въ техникѣ стекольного производства вызвала въ Бельгіи другую революцію, на этотъ разъ въ средѣ рабочихъ стекольныхъ заводовъ бас-

сейна Шарлеруа, откуда она очень быстро распространилась и охватила всю страну: рабочіе разоряли фабрики и заводы, поджигали «замки», словомъ сказать, то былъ въ лѣтописяхъ Бельгіи и бельгійскаго рабочаго движенія столь памятный 1886 «ужасный годъ» (année terrible).

Способный гвоздарь могъ изготовить въ теченіе дня съ помощью молота и наковальни, при чрезвычайной напряженной и тяжелой 13-тичасовой работѣ—каждый гвоздь требовалъ въ среднемъ, приблизительно, 30 ударовъ молотомъ—около 2.000 башмачныхъ гвоздей малаго, 1.500 большого размѣра и отъ 900 до 1.000 подковныхъ гвоздей. При производствѣ машиннымъ проволочныхъ штифтиковъ, машинный ножъ однимъ ударомъ образуетъ четырехстороннее остріе, другимъ ударомъ—головку. «Производство происходитъ до того быстро, — писала еще въ 1891 году «Deutsche Metallarbeiter Zeitung»,—что каждая машина изготовляетъ ежедневно не менѣе 100.000 штифтовъ; есть даже машины, которыя употребляютъ въ дѣло двѣ и больше проволокъ одновременно и ежедневно выдѣлываютъ *полмилліона* штифтовъ, при чемъ *шесть* такихъ машинъ требуютъ лишь *одного* рабочаго. Гигантскій техническій прогрессъ отъ молота и наковальни къ машинному производству штифтовъ выступитъ еще ярче, если сопоставить сравнительныя цѣны продуктовъ. Въ то время, какъ тысяча кованыхъ гвоздиковъ самаго малаго размѣра стоитъ, приблизительно, одну марку, тысяча проволочныхъ штифтиковъ малаго размѣра обходится въ два пфенига, причемъ фабрикантъ дѣлаетъ еще скидку и дисконтъ».

Производство *булавокъ* часто служило, какъ извѣстно, примѣромъ для иллюстраціи удивительной производительности человѣческаго труда. Ад. Смитъ уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ пользовался этимъ примѣромъ для доказательства огромныхъ преимуществъ *раздѣленія труда*, т.-е. мануфактурнаго раздѣленія ремесла на составныя части. Теперь же мануфактурное производство именно въ этой области давно уже вытѣснено *машиннымъ*, и является поэтому чрезвычайно интереснымъ и поучительнымъ сопоставить результаты обоихъ способовъ производства по не разъ уже цитированному свидѣтельству Ад. Смита и по даннымъ одного оффиціальнаго доклада правительству сѣверо-американскихъ С.-Штатовъ.

Ад. Смитъ писалъ въ 1776 году: «Для примѣра возьмемъ самое незначительное производство, но въ которомъ *раздѣленіе труда* тѣмъ не менѣе весьма замѣтно — булавочную фабрику. Человѣкъ, не обученный этому дѣлу... какъ бы ловокъ онъ ни былъ, едва ли въ состояніи въ продолженіи цѣлаго дня изготовить одну булавку и, безъ всякаго сомнѣнія, *не сдѣлаетъ двадцати*. Но при томъ способѣ, который употребляется въ настоящее время при этомъ производствѣ послѣднее не только составляетъ отдѣльное ремесло, *но оно раздѣлено еще на многія вѣтви*, изъ которыхъ почти каждая составляетъ отдѣльное ремесло.

«Одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый завостриваетъ, пятый обтачиваетъ конецъ для го-

ловки. Сама головка составляетъ предметъ двухъ или трехъ особенныхъ операцій; выбить ее составляетъ отдѣльное занятіе, чистка булавокъ составляетъ другое; даже прокалывать бумажки и вкалывать въ нихъ булавки составляетъ особенное и отдѣльное занятіе; словомъ, все булавочное производство раздѣляется на восемнадцать, или около того, отдѣльныхъ занятій...

«Я видѣлъ небольшое заведеніе, употреблявшее только *десять* человѣкъ рабочихъ и въ которомъ, поэтому, одному и тому же работнику поручено было два или три занятія. Но... когда работники усердно принимались за дѣло, то они были въ состояніи приготовить въ день около двѣнадцати фунтовъ булавокъ, или болѣе *сорока восьми тысячъ* булавокъ» *).

Таковы чудесные результаты мануфактурнаго производства! Посмотримъ же теперь, какова производительность крупнаго машиннаго производства.

Американскій консулъ Шенгофъ докладывалъ своему правительству, въ 1888 году, слѣдующее: «Поразительные результаты представляетъ собою производство—почти исключительно машинное — винтовъ, гвоздей, иголокъ и булавокъ. При фабрикаціи булавокъ нужно только мѣдную проволоку положить на соотвѣтствующее мѣсто и прикрѣпить ея конецъ и почти человѣкоподобный механизмъ со своими желѣзными пальцами оканчиваетъ все остальное. Одна машина изготовляетъ 180 булавокъ въ минуту; она рѣжетъ проволоку, дѣлаетъ головку, заостриваетъ концы и опускаетъ въ надлежащее мѣсто готовыя булавки. Ежедневное производство машины составляетъ 180.000 булавокъ. Посѣщенная мною фабрика работала съ 70 машинами и общее производство ихъ составляло $7^1/_2$ *милліоновъ булавокъ въ день*! При машинахъ работаютъ всего *три* человѣка. Одинъ машинистъ и одинъ подростокъ-рабочій заняты починкою машинъ».

Иными словами, во времена Ад. Смита считалось чудомъ, что десять человѣкъ рабочихъ изготовляли ежедневно 48.000 булавокъ. Теперь же, при машинномъ способѣ производства, трое рабочихъ, вся работа которыхъ заключается собственно въ одномъ лишь надзорѣ за машиной, производятъ ежедневно $7^1/_2$ мил. булавокъ.

IV.

Успѣхи техники—примѣненіе машинъ и усовершенствованныхъ способовъ производства—идутъ очень быстро впередъ и въ *сельскомъ хозяйствѣ*; во всѣхъ земледѣльческихъ странахъ совершается процессъ индустріализаціи земледѣльческой промышленности, но особенно быстро процессъ этотъ развивается въ Сѣверо-Американскихъ С. Штатахъ.

*) Ад. Смитъ, «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ», пер. П. А. Бибикова, т. I, стр. 98—99. Спб. 1866.

Останавливаться на немъ мы не станемъ, такъ какъ этотъ вопросъ былъ подробно разсмотрѣнъ въ статьяхъ г. Крживицкаго въ «М. Б.», въ прошломъ году.

Мы намѣрены еще коснуться въ немногихъ словахъ нѣкоторыхъ измѣненій, происшедшихъ за послѣднія десятилѣтія въ *торговлѣ*.

Гибель мелкаго ремесла, упадокъ мелкаго крестьянскаго хозяйства и мелкой торговли—«банкротство средняго сословія», какъ выражается американскій публицистъ Lucien Sanial—есть несомнѣнно самое рѣзкое, самое характерное экономическое явленіе послѣднихъ десятилѣтій.

Приведемъ только двѣ-три цифры. Въ 1896 г., изъ 1.150.000 торговыхъ фирмъ, существовавшихъ въ С. Штатахъ и Канадѣ, 224.534 фирмы или, приблизительно, 20% обанкротились или ликвидировали свои дѣла, потерявъ послѣдній долларъ. Изъ числа обанкротившихся фирмъ 80% обладали капиталомъ до 5.000 долларовъ, а 14%—отъ 5.000 до 20.000 тысячъ долларовъ.

По этому разсчету выходитъ, говоритъ по поводу этихъ цифръ Lucien Sanial, что достаточно было бы 5 лѣтъ, чтобы всякая фирма, обладающая менѣе, чѣмъ 20.000 д., исчезла изъ С. Штатовъ и Канады и чтобы вся торговля этихъ странъ сосредоточилась въ рукахъ нѣсколькихъ милліонеровъ.

Число кандидатовъ на банкротство было до сихъ поръ достаточно велико, чтобы наполнить собою пустоту, обнаруживающуюся въ торговыхъ адресъ-календаряхъ (business-directories), благодаря исчезновенію ихъ злосчастныхъ предшественниковъ; но и эти кандидаты долго продержаться не могутъ, и тогда всякому броситься въ глаза исчезновеніе, «банкротство средняго сословія».

Вышеприведенныя цифры, прибавляетъ Sanial, содержатъ такую долю реализма, до какой не могъ бы дойти самъ Золя. Онѣ скрываютъ подъ собою въ высшей степени драматическую картину самой отчаянной борьбы за существованіе; они содержатъ въ себѣ гораздо больше философіи и истинной исторіи, чѣмъ какая когда-либо писалась, такъ какъ это печальное исчезновеніе когда-то столь сильныхъ среднихъ классовъ, сто лѣтъ тому назадъ уничтожившихъ гордость феодальныхъ лордовъ и произведшихъ огромный переворотъ во всемъ мірѣ,—паденіе и исчезновеніе этихъ классовъ не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ исторіи.

Мы не будемъ долго останавливаться на *технической* сторонѣ революціи, происшедшей за послѣднія десятилѣтія въ торговлѣ, благодаря пару и электричеству, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, телеграфамъ и пароходамъ. Ограничимся двумя-тремя фактами, наиболѣе ярко иллюстрирующими эту сторону вопроса.

Торговля бѣлой жестью требовала, напр., въ Америкѣ, до введенія пароходовъ и телеграфовъ, огромныхъ амбаровъ, гдѣ складывалась жесть всевозможныхъ сортовъ и величины, въ ожиданіи спроса.

Владѣльцамъ этихъ складовъ приходилось тратить много трудовъ и

денегъ на собираніе необходимыхъ свѣдѣній о внутреннемъ и иностранномъ жестяномъ производствѣ, чтобы на основаніи этихъ свѣдѣній дополнять свои запасы изъ разныхъ странъ производства. Но сколько проходило времени, пока свѣдѣнія изъ Европы доходили до Америки, пока дѣлался заказъ и получался товаръ! Въ настоящее же время всякій, интересующійся этимъ дѣломъ, можетъ прочесть въ курсовой таблицѣ о положеніи жестяного дѣла во всемъ мірѣ. Люди, являющіеся посредниками въ этомъ дѣлѣ, не нуждаются больше въ большихъ складахъ. Они узнаютъ, что тутъ нужно строить желѣзнодорожный мостъ, что тамъ необходимо имѣть 70.000 жестянокъ для консервовъ, и отправляются къ желѣзнодорожному предпринимателю, къ фабриканту или купцу, предлагая доставить имъ необходимое къ извѣстному близкому сроку и по послѣдней цѣнѣ не только нью-іоркскаго, но и всемірнаго рынка. Посредникъ получаетъ за это свою комиссію—составляющую, быть можетъ, лишь дробь $1^0/_0$—заказчикъ по полученіи товара оплачиваетъ свой вексель, и весь этотъ процессъ совершается безъ товарныхъ складовъ со всѣми необходимыми при этомъ рабочими, служащими, бухгалтерами, и безъ довольно многочисленныхъ посредниковъ, которые раньше сопровождали товаръ отъ мѣста его производства до самаго его потребленія.

Извѣстно, что открытіе Суэзскаго канала подорвало всю такъ называемую «индѣйскую складочную или доковую систему» въ Англіи не только потому, что страны Средиземнаго моря вновь получили, благодаря прорытію канала, огромное значеніе для торговыхъ сношеній съ восточной Азіей, но и потому, что, вслѣдствіе огромнаго сокращенія пути и усиленнаго товарнаго обращенія, старая система стала вообще никуда негодной.

До 1869 года направленіе западно-европейской торговли съ Индіей и Остъ-Азіей медленно шло вокругъ Африки и мыса Доброй Надежды, и длилась—при преобладающемъ парусномъ судоходствѣ—отъ 6 до 8 мѣсяцевъ. Чего только не могло произойти за этотъ длинный періодъ времени: могли наступить дурныя жатвы, войны могли совершенно парализовать международныя сношенія, могло произойти, словомъ, много непредвидѣннаго; это и послужило причиной къ созданію, главнымъ образомъ, въ англійскихъ портахъ—откуда она распространилась по всей Европѣ—цѣлой системы искусственныхъ бассейновъ или доковъ, гдѣ собирались и скоплялись огромные запасы индѣйскихъ и китайскихъ продуктовъ.

Но тутъ открытъ былъ Суэзскій каналъ, парусный флотъ сталъ замѣщаться паровымъ, въ свою очередь все болѣе и болѣе усовершенствованнымъ; въ теченіе 30 и даже еще меньше дней можно было получить изъ Азіи любой товаръ. Къ чему, въ такомъ случаѣ, огромные склады при докахъ, требовавшіе очень большихъ капиталовъ и очень много труда. Коммиссіонеръ въ любомъ торговомъ европейскомъ центрѣ

заказываетъ по телеграфу джутъ, хлопчатую бумагу, колоніальные товары, каучукъ, словомъ, любой потребный фабриканту продуктъ; гдѣ-то, въ одномъ изъ восточно-азіатскихъ портовъ, стоитъ уже готовый къ нагрузкѣ пароходъ, чтобы отправиться въ путь. Черезъ четыре недѣли грузъ получается въ Англіи, въ еще менѣе короткій срокъ—въ одномъ изъ средиземныхъ портовъ.

Въ настоящее время, въ большихъ городахъ Европы и Америки, не только крупные оптовые, но и болѣе и менѣе крупные розничные купцы находятся въ прямыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ и Индіей. Европейскіе фабриканты посылаютъ своихъ странствующихъ приказчиковъ въ Азію, Австралію и Америку и завязываютъ тамъ, въ свою очередь, непосредственныя торговыя сношенія.

Чрезвычайно интересный фактъ передаетъ американскій писатель Уэльсъ въ своей книгѣ, трактующей о томъ же предметѣ, что и наша статья.

«Зимою 1884 года, — разсказываетъ онъ, — я ѣздилъ изъ Нью-Іорка въ Вашингтонъ вмѣстѣ съ однимъ крупнымъ бостонскимъ купцомъ, находившимся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Остъ-Индіей. Когда я, по прибытіи въ Вашингтонъ, встрѣтился вечеромъ съ моимъ купцомъ, онъ обратился ко мнѣ со словами: я имѣю, сэръ, передать вамъ вещь, которая несомнѣнно представитъ для васъ большой интересъ. Когда я вчера передъ обѣдомъ выѣхалъ изъ Бостона, я телеграфировалъ своему агенту въ Калькуттѣ: если найдете по такой-то цѣнѣ столько-то кожи и джута и сможете отправить ихъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ, то покупайте и отправляйте. Когда я сегодня послѣ обѣда прибылъ въ Вашингтонъ, передо мною лежала телеграмма моего бостонскаго компаньона, гдѣ мнѣ сообщаютъ, что нашъ калькутскій агентъ отвѣтилъ: кожи и джутъ купилъ, зафрахтовалъ пароходъ, началъ нагрузку». Прежде для подобной же операціи требовались недѣли и мѣсяцы, масса посредниковъ и складовъ.

V.

Разсчитываютъ, что сила одного лишь пара составляетъ теперь на всемъ земномъ шарѣ 200 милліоновъ лошадиныхъ силъ, другими словами—доставляетъ какъ бы современному человѣчеству 1 милліардъ даровыхъ желѣзныхъ рабовъ, а каждому *рабочему* человѣку въ отдѣльности — принимая, что одна треть всего народонаселенія земного шара, равняющагося, вѣроятно, $1^1/_2$ милліардамъ человѣкъ обоего пола и всякаго возраста, является дѣятельнымъ факторомъ производства—по крайней мѣрѣ, одного раба.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ самые цвѣтущіе періоды рабства на землѣ. При этомъ можно смѣло утверждать, что все это человѣчество пріобрѣло, главнымъ образомъ, за послѣднія 30—35 лѣтъ,

такъ какъ $^4/_5$ изъ имѣющихся теперь въ нашемъ распоряженіи паровыхъ двигателей широко введены лишь послѣ 1865 года.

Но кто знаетъ, какъ долго еще паровая машина будетъ играть ту роль, которую она играетъ въ экономической жизни настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что, какъ бы высоко мы ни цѣнили услуги, которыя паровая машина оказала и оказываетъ человѣчеству, какъ бы мы ни восхищались ея удивительнымъ устройствомъ, нельзя все-таки, съ другой стороны, отрицать того, что она имѣетъ и очень много недостатковъ.

Она недостаточно утилизируетъ, напр., необходимую для нея теплоту, и въ производственномъ процессѣ выступаетъ лишь $^1/_6$ часть силы, заключающейся въ потребляемомъ ею горючемъ матеріалѣ, въ то время, какъ мы уже и теперь обладаемъ двигателями, эффективная сила которыхъ равняется 75%.

Вотъ почему паровая машина не есть послѣднее слово техническаго прогресса.

Объ этомъ давно уже твердятъ какъ люди науки, такъ и техники-практики. Еще въ 1888 году, сэръ Фридрихъ Браумэлль высказалъ въ англійской «Association for the Promotion of Science» мысль, что дни паровой машины сочтены, и что «когда Британская Ассоціація,—говорилъ онъ,—будетъ праздновать въ 1931 году столѣтній юбилей своего существованія, теперешняя паровая машина будетъ уже, вѣроятно, стоять въ музеяхъ древности и вызывать одно только удивленіе».

Машина—двигатель будущаго не будетъ, вѣроятно, нуждаться въ посредствѣ водянаго пара, какъ мы уже и въ настоящее время, при газовыхъ двигателяхъ, сжиганіе газовъ непосредственно примѣняемъ къ производству.

А одинъ нѣмецкій писатель утверждаетъ, что человѣчество скоро научится эксплуатировать и практически примѣнять неисчерпаемыя силы воздуха и воды.

Вѣдь и теперь уже вода и вѣтеръ утилизируются во многихъ производствахъ въ качествѣ двигательныхъ силъ. Но что это значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы еще не утилизируемъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ бы доставить намъ, наприм., одинъ только Ніагарскій водопадъ, сила котораго исчисляется въ $12^1/_2$ милліоновъ лошадиныхъ силъ. А сколько еще другихъ водъ на землѣ! А вѣдь сила воды, какъ и сила вѣтра, буквально неисчерпаема. Правда, для утилизированія, для практическаго примѣненія этихъ силъ, человѣчеству необходимо преодолѣть еще много, очень много трудностей, но несомнѣнно, что практическое разрѣшеніе этихъ трудностей является лишь вопросомъ времени.

Техническія революціи настоящаго, произведя огромный, колоссальный переворотъ во всей нашей жизни, являются въ то же время предвозвѣстниками еще бо́льшихъ революцій въ ближайшемъ будущемъ.

Б. Воль—нъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Украинскій вечеръ.

(Посвящается В. В. Голубеву).

Въ розовомъ сумракѣ ивы плакучія
Надъ пыльной дорогою спятъ;
Шорохи вечера, струи пѣвучія
Неясно плывутъ и дрожатъ...

Улица мазанокъ, тихо мечтающихъ
Въ листвѣ голубыхъ тополей;
Прудъ, вереница крестьянъ проѣзжающихъ,
И легкія ткани тѣней—

Все выдается узорами нѣжными
Въ сіяньи закатныхъ лучей.
Издали кажутся хлопьями снѣжными
Стада бѣлокрылыхъ гусей.

Поле уносится въ даль безпредѣльную.
Покоенъ туманистый сводъ.
Вечеръ украинскій пѣснь колыбельную
Душѣ восхищенной поетъ...

Финляндія.

Безмолвный край, угрюмый край, холодный край!
Вездѣ—покой унылаго простора,
Вездѣ—туманъ и сѣрыя озера...
Моихъ осеннихъ думъ, пѣвецъ, не нарушай!

Кругомъ меня—признанья вѣчной тишины,
Небесъ усталыхъ блѣдное сіянье,
Громады скалъ и сосенъ колыханье,
И однозвучный плескъ береговой волны...

Моихъ осеннихъ думъ, пѣвецъ, не нарушай!
Кругомъ—обвѣянный мечтой невнятной,
Печалью призрачной и необъятной—
Безмолвный край, угрюмый край, холодный край.

Что же, пускай разлюбила она!
Чашу любви не извѣдавъ до дна,
Я повторяю съ улыбкой во взорѣ:
Горе любви—вдохновенное горе.

* * *

Ночь наступила. Ея тишина
Грустью былыхъ упованій полна.
Звѣзды колеблются въ темномъ просторѣ...
Горе любви, безотвѣтное горе...

* * *

На̀ морѣ—буря. Сѣдая волна
Бьется о берегъ дика и шумна;
Стонетъ, грозитъ возмущенное море:
Горе любви, неутѣшное горе!

(Посвящается З. А.)

Темноокая! мѣрила
Нѣтъ любви необозримой.
У души неуловимой,
Если разъ она любила,
Подъ таинственнымъ покровомъ
Всѣхъ оттѣнковъ переливы...
Человѣческимъ ли словомъ
Передать ея порывы?
Вѣдь любовь, какъ смерть—загадка;
Всѣ слова въ ея просторѣ;
Какъ въ немолчно-шумномъ морѣ,
Нѣтъ въ ней цѣли, нѣтъ порядка...

Что порокъ? и что святое?
Гдѣ потемки? гдѣ сіянья?
Гдѣ сомнѣнья? гдѣ мечтанья?
Гдѣ кончается земное?
Мракъ ли нуженъ для зарницы?
Или грозамъ блескъ лазури?
И къ чему, зачѣмъ границы,
Тамъ, гдѣ царство грезъ и бури,
И молитвы, и объятья,
Гдѣ встрѣчаются, какъ братья,
Рай блаженствъ и адъ кромѣшной,
И любовь поетъ, чаруя
Красотою ласки грѣшной,
Нѣжной болью поцѣлуя!
Въ этой пѣснѣ духовъ буйныхъ
Голоса неукротимы,
И на арфахъ сонно-струйныхъ
Славословятъ серафимы...

Звѣзда.

Какъ странно... Когда я гляжу въ небеса,
И звѣздочка вдругъ упадетъ въ вышинѣ,
Мерцая лучами, все кажется мнѣ,
Что гдѣ-то надъ нами упала слеза.

***

Какъ странно... Любуясь тобой, иногда
Я вижу слезу въ твоихъ синихъ глазахъ.
И чудится мнѣ, далеко въ небесахъ
Упала, дрожа, золотая звѣзда.

Любишь ты все, что волною туманною,
Вкрадчивымъ шепотомъ въ сердце вливается,
Сердце баюкаетъ, грезою странною,
Сказкой невѣдомой въ немъ откликается.
Любишь ты все, что боится признанія,
Все невозможное, недостижимое,
Горе неясное, необъяснимое,
Грусть безпричинную, грусть безъ названія...
Полно!..

Сергѣй Маковскій.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

XX.

Сентъ-Рульсъ.

На другое утро, когда Мона сошла внизъ къ завтраку, Рэчель окинула ее критическимъ взглядомъ и осталась недовольна.

— Удивляюсь, какъ вамъ не надоѣстъ это платье,—начала она, разливая чай изъ *коричневаго* чайника.—Оно, конечно, очень мило и почти-что новое, но вѣдь скучно носить все одно и то же; какъ-то невольно хочется видѣть на васъ что-нибудь посвѣтлѣе, что-нибудь болѣе подходящее для молодой дѣвушки. Вотъ жаль, что ваше батистовое платье въ стиркѣ.

Мона посмотрѣла въ окно.

— У меня есть другое. Вы думаете, дождя не будетъ?

— О, нѣтъ! Притомъ же вы можете взять съ собой ватерпруфъ.

— Я не столько боюсь испортить платье, сколько ненавижу быть одѣтой несоотвѣтственно погодѣ; впрочемъ, сегодня, кажется, чудный день.

Она вышла, какъ только завтракъ былъ оконченъ, и черезъ десять минутъ вернулась въ свѣтломъ платьѣ и шляпкѣ.

— Ну-съ, надѣюсь, теперь вы довольны?—спросила она, присѣдая.

— Честное слово! вы смотрите настоящей леди. И матерія недорогая. Вы, положительно, могли бы прослыть красавицей, еслибъ дали себѣ трудъ хорошо одѣваться. Эта шляпка удивительно вамъ идетъ!

— Дали себѣ трудъ хорошо одѣваться! — мысленно воскликнула

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

Мона.—Недурно! И это приходится выслушивать женщинѣ, для которой туалетъ—первое дѣло въ жизни!

Онѣ дошли пѣшкомъ до Киркстоуна, а тамъ сѣли въ дилижансъ. Мона предпочла бы сидѣть снаружи, но Рэчели хотѣлось пустить пыль въ глаза попадавшимся навстрѣчу знакомымъ, притомъ же она находила, что «за свои деньги» лучше сидѣть внутри. Къ счастью, пассажировъ было немного, и Монѣ удалось помѣститься съ навѣтренной стороны, такъ, чтобы не особенно страдать отъ близкаго сосѣдства двухъ торговокъ рыбой.

Около двѣнадцати онѣ пріѣхали въ Сентъ-Рульсъ и принялись довольно безцѣльно бродить по улицамъ, заходя осматривать разныя достопримѣчательности. Рэчель имѣла такое же слабое представленіе объ обязанностяхъ чичероне, какъ объ отдѣлкѣ шляпъ, искусствѣ печь блины и завѣдываніи магазиномъ,—вообще, о вещахъ дѣйствительно полезныхъ,—и все время находилась въ нервномъ возбужденіи, боясь, какъ бы какой-нибудь гидъ по профессіи не навязалъ имъ своихъ услугъ, за которыя потомъ придется расплачиваться.

Сезонъ уже прошелъ и пріѣзжихъ въ городкѣ было мало, поэтому изящное платье Моны обращало на себя большое вниманіе. Какъ оно ни было просто, она успѣла уже сто разъ пожалѣть, что надѣла его: безвкусный туалетъ Рэчели могъ бы пройти незамѣченнымъ, а теперь, по контрасту, онъ еще болѣе бросался въ глаза.

Она положительно обрадовалась, когда онѣ дошли до кондитерской, но въ дверяхъ Рэчель почтительно посторонилась, чтобы пропустить впередъ даму, подъѣхавшую за ними въ «собственномъ экипажѣ», а затѣмъ спросила порцію пирожковъ вполголоса и съ такимъ сконфуженнымъ видомъ, какъ будто не имѣла права заказывать здѣсь что-нибудь одновременно съ такой важной особой. Бѣдная Мона! Она вспомнила леди Мунро и вздохнула.

— Въ сущности, теперь намъ осталось посмотрѣть только одно,—говорила Рэчель, вытирая руки о скомканный бумажный мѣшокъ, лежавшій возлѣ нея на диванчикѣ:—это замокъ. Я тамъ посижу, отдохну, а то у меня уже ноги болятъ, а вы побѣгайте, осмотрите все хорошенько.

Хорошо, что у Рэчели хватило ума приберечь замокъ на закуску. Вся досада и раздраженіе Моны растаяли при видѣ бархатнаго зеленаго дерна подъ ногами, яснаго синяго неба надъ головой и величественныхъ развалинъ вокругъ. Она бродила по этимъ развалинамъ, заглядывая въ каждую щелку, какъ вдругъ, въ одномъ укромномъ уголкѣ, наткнулась на молодого человѣка и барышню, о чемъ-то горячо толковавшихъ между собой. Барышня вздрогнула и отвернулась; Мона поспѣшила уйти, чтобы не мѣшать имъ.

— Гдѣ я видѣла это лицо?—думала она.—Я несомнѣнно видѣла его [illegible]же недавно. Ага, знаю! Это та глупая маленькая обезьянка, Ма-

тильда Куксонъ. Надѣюсь, что этотъ молодой человѣкъ не имѣетъ дурныхъ намѣреній.

Черезъ минуту «глупая маленькая обезьянка» вылетѣла у нея изъ головы—на зеленомъ пригоркѣ, смѣясь и разговаривая съ Рэчелью, стоялъ докторъ Дудлей.

Невольный порывъ удивленія и радости, тревожное чувство при мысли, что̀ скажетъ Рэчель, удовольствіе отъ сознанія, что на ней хорошенькое свѣтлое платье,—все это молніей пронеслось въ душѣ Моны, пока она переходила черезъ лужайку.

— Ну,—сказалъ Дудлей, когда она подошла,—это мѣстечко можетъ дать десять очковъ впередъ даже замку Маклинъ.

— Вы думаете?—серьезно переспросила Мона.—Это большая похвала.

Онъ засмѣялся.

— Вы уже видѣли угрюмую старую башню?

— Нѣтъ еще. Я какъ разъ шла туда.

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нею. На верхней площадкѣ они остановились и, опершись на перила, стали смотрѣть въ мрачную темную бездну. На разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ вершины, роскошный папоротникъ, выросшій изъ разсѣлины, раскинулъ надъ темными сырыми камнями свои нѣжные, блѣдно-зеленые листья.

— Какая прелесть!—вырвалось у Моны.

— Да, и въ этой мрачной обстановкѣ онъ кажется еще краше.

— Можетъ быть, но природа создала его не для этого.

— Вы правы; но кто захотѣлъ бы перенести его отсюда!

Онъ отвернулся и сталъ смотрѣть вдаль, на море.

— Эта башня всегда приводитъ меня въ уныніе. Она напоминаетъ мнѣ «разсказы о мученикахъ», которые я читалъ въ дѣтствѣ. Мнѣ и сейчасъ представляется семья, сидящая вокругъ пылающаго костра, и слышится испуганный шепотъ: «Да, не веселая штука провести ночь въ Сентъ-рульской башнѣ!» Какія превратныя понятія объ исторіи внушаютъ намъ въ дѣтствѣ!

И онъ началъ декламировать, какъ бы про себя:

«Sitzt das kleine Menschenkind
An dem Ocean der Zeit.
Schöpft mit seiner kleinen Hand
Tropfen aus der Ewigkeit» *),

Мона подняла на него заблестѣвшіе глаза и отвѣтила:

«Schöpfte nicht das kleine Menschenkind
Tropfen aus dem Ocean der Zeit,
Was geschieht verwehte wie der Wind
In den Abgrund öder Ewigkeit» **).

---

*) Маленькое человѣческое дитя сидитъ у океана временъ и черпаетъ маленькой ручкой капли изъ вѣчности.

**) Если бы маленькое человѣческое дитя не черпало капель изъ океана временъ, все, что происходитъ, развѣянное вѣтромъ, исчезло бы безъ слѣда въ пустынной безднѣ вѣчности.

— Продолжайте, продолжайте, — говорила она, не смущаясь его нескрываемымъ удивленіемъ,—самая лучшая строфа послѣдняя.

И онъ продолжалъ:

«Tropfen aus dem Ocean der Zeit
Schöpft das Menschenkind mit kleiner Hand
Spiegelt doch, dem Lichte zugewandt,
Sich darin die ganze Ewigkeit» *).

— Не знаю,—молвилъ онъ печально,—въ тѣхъ капляхъ, которыя достались мнѣ, вѣчнаго было очень мало.

— Вамъ такъ кажется теперь, — возразила Мона,—но когда вы состаритесь настолько, чтобы обратить ихъ къ свѣту, вы увидите и въ нихъ вѣчное.

Лицо его прояснилось въ улыбку.

— Эта дѣвушка—точно оборотная сторона моего собственнаго *я*,— подумалъ онъ.

Они медленно возвратились къ Рэчели.

— Вы охотница до зрѣлищъ?

— Этотъ вопросъ слишкомъ обширенъ. Сократите его.

— Нѣтъ, я лучше рѣшу его самъ. Вы не слишкомъ устали, чтобы вернуться обратно въ городъ?

— Ни чуточки не устала.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Рэчель поспѣшила подняться съ мѣста съ помощью Моны и толстаго зонтика. Она охотно посидѣла бы еще, чтобы «дать покой ногамъ», и ей даже въ голову не приходило, что молодую дѣвушку не слѣдуетъ отпускать одну, но честь прогуляться по улицамъ Сентъ-Рульса въ обществѣ доктора Дудлея была слишкомъ велика, чтобы пренебречь ею.

Первые полчаса доставили Монѣ гораздо болѣе огорченій, чѣмъ удовольствія. Она употребляла всѣ усилія, чтобы выказать Рэчель съ самой лучшей стороны, но при данныхъ обстоятельствахъ это было не такъ-то легко.

Съ низшими Рэчель нерѣдко бывала проста, естественна, даже симпатична; но въ обществѣ людей, которыхъ она почему-либо считала выше себя, ея врожденная вульгарность обязательно выходила наружу. Мона слишкомъ хорошо понимала доктора Дудлея, чтобы не знать, что онъ не питаетъ королевскаго презрѣнія къ такъ-называемой «внѣшности», и страдала больше за него, чѣмъ за себя.

Ей не приходило въ голову, что Рэчель весьма усердно разыгрывала роль сырой, темной стѣны, служившей такимъ выгоднымъ фономъ для нѣжнаго папоротника.

— И во всемъ этомъ онъ самъ виноватъ, — съ негодованіемъ думала Мона. — Къ чему было ставить насъ обѣихъ въ такое нелѣпое

*) Маленькое человѣческое дитя маленькой ручкой черпаетъ лишь капли изъ океана временъ, но въ этихъ каплях на свѣту отражается цѣлая вѣчность.

положеніе?! Теперь мнѣ еще придется смотрѣть за Рэчелью, чтобы она не болтала объ этомъ всѣмъ и каждому.

Къ счастью, хотя Рэчель оставалась любезной до конца и все время плелась за ними, скоро она такъ утомилась, что не въ состояніи была говорить, и Мона могла спокойно наслаждаться прогулкой. Докторъ Дудлей или зналъ Сентъ-Рульсъ наизусть, или обладалъ волшебнымъ даромъ угадывать, что именно было достойно вниманія. Любопытныя рукописи и полустертыя надписи; окна изъ цвѣтныхъ стеколъ и остатки чудесной рѣзьбы; забытыя картины; древніе старики и старушки, какъ бы сросшіеся съ тѣми зданіями, въ которыхъ они состарились—все по очереди давало пищу его блестящей импровизаціи. Онъ не даромъ жаловался, что страсть къ разговорамъ когда-нибудь погубитъ его.

Подъ конецъ они еще разъ обошли руины собора.

— «Разворите гнѣзда», и грачи улетятъ,—съ горечью процитировалъ докторъ Дудлей.—Зато здѣсь передъ нами изнанка «разсказовъ о мученикахъ».

— Все это восхитительно,—сказала Мона, когда онъ усаживалъ ихъ въ дилижансъ,—но нужны особенные глаза, чтобы все это видѣть.

— Все становится интереснѣе, когда оно пропущено сквозь «призму темперамента». Очень радъ, если могъ послужить вамъ своимъ.

Вечеромъ каждый изъ трехъ раздумывалъ про себя о прогулкѣ.

— Все это вышло чрезвычайно удачно, принимая во вниманіе, что я самъ этого искалъ,—думалъ Дудлей.—Я былъ увѣренъ, что ничего не выйдетъ. Она *должна* была случайно встрѣтить суконщика.

— Онъ настоящій джентльменъ и удивительно уменъ,—думала Рэчель,—и, кажется, обрадовался встрѣчѣ не меньше насъ. Но какъ у меня болятъ ноги!

— Мнѣ надоѣло это притворство,—думала Мона.—При первомъ же удобномъ случаѣ попрошу у Рэчели позволенія сказать ему всю правду. Можетъ быть, онъ найдетъ, что такъ и слѣдовало поступить.

Но на другой день за обѣдомъ, Рэчель спокойно сообщила ей, что докторъ Дудлей уѣхалъ.

— Онъ только-что прошелъ на станцію съ саквояжемъ въ рукахъ, а за нимъ Билль повезъ на тачкѣ цѣлую кучу вещей. Я нахожу страннымъ, что онъ не зашелъ къ намъ проститься послѣ того, какъ мы вчера почти цѣлый день провели вмѣстѣ!

Мона улыбнулась немного грустно, думая про себя: «Какъ мужчина, онъ нисколько не лучше Саиба, но у меня никогда въ жизни не было такого товарища!»

XXI.

«Летучій Шотландецъ».

Нѣсколько дней спустя къ ней вошла Рэчель, вся сіяющая, крича еще на порогѣ:

— Угадайте, отъ кого я получила письмо? Отъ племянницы. Хотите послушать?

— Очень хочу. Еще бы! первыя воспоминанія въ новомъ краю! Это первое письмо отъ нея?

— Нѣтъ, второе. Она не мастерица писать письма, но въ этомъ больше «впечатлѣній». Она говоритъ, что тамъ ужасно трудно достать прислугу.

Рэчель углубилась въ чтеніе довольно длиннаго посланія и Мона должна была чуть не въ первый разъ въ жизни вполнѣ согласиться съ кузиной: ея племянница, дѣйствительно, была «не мастерица писать письма».

Это было вечеромъ и Мона только что вернулась съ прогулки по берегу. Она рѣдко выходила въ сумерки послѣ чаю, но нельзя отрицать, что послѣдніе нѣсколько дней прошли не очень-то весело, и моціонъ представлялся желательнѣе, чѣмъ когда-либо. Пока докторъ Дудлей не уѣхалъ, она не отдавала себѣ отчета въ томъ, насколько случайныя встрѣчи съ нимъ и бесѣды дѣлали для нея привлекательнѣе жизнь въ Борроунессѣ, но теперь созналась себѣ въ этомъ, не колеблясь ни минуты.

— Мнѣ такъ грустно, какъ будто я потеряла Дорисъ или Люси; и дѣйствительно, въ такой глуши симпатичный знакомый прямо находка. Здѣсь можно впасть въ меланхолію отъ потери умной собаки или любимой канарейки. Самый фактъ обилія влюбленныхъ женщинъ бросаетъ мрачный свѣтъ на жизнь, которую они ведутъ. Бѣдняжки! Завтра же напишу въ Тильбёри, чтобы мнѣ выслали сюда мой маленькій ящикъ съ книгами. Два часа внимательнаго чтенія ежедневно—прекрасная панацея отъ большинства болѣзней.

Придя къ этому благоразумному рѣшенію, она пошла домой и застала Рэчель блаженствующей надъ письмомъ племянницы.

— Ахъ, да, я совсѣмъ забыла,—вспомнила вдругъ Рэчель:—тамъ есть письмо и посылка для васъ. Они, должно быть, лежатъ на стулѣ за дверью.

Мона прошла туда.

— Ничего интереснаго,—объявила она,—по крайней мѣрѣ, я не узнаю почерка ни на одномъ. Должно быть, какая-нибудь просьба.

Она распечатала сперва посылку, осторожно развязывая узлы и смутно соображая, отчего это отъ нея такъ странно пахнетъ сыростью.

Слова «модныя отдѣлки», напечатанныя золотыми буквами на одной сторонѣ ящика, очевидно, относились не къ его содержимому, потому что когда Мона сняла крышку, глазамъ ея предстала масса сырой и темной растительности. Рэчель въ ужасѣ всплеснула руками.

— Ну, можно ли присылать подобную гадость. Еще, пожалуй, въ домѣ заведутся гусеницы и черви!

Сверху лежалъ листокъ отсырѣвшей почтовой бумаги, сложенный вдвое, въ длину. Мона взяла его.

— Ахъ, вотъ что! Какъ это мило! Это отъ мистера Броуна. Онъ ходилъ собирать растенія и прислалъ мнѣ все, что̀ нашелъ.

— Это надо съ ума сойти,—внутренно возмущалась Рэчель.—Посылать по почтѣ такую дрянь, которая годна только въ печь, и платить за пересылку! Теперь даже и ящикъ никуда не годится послѣ того, какъ въ немъ полежалъ этотъ мусоръ.

Къ счастью, прежде чѣмъ она успѣла излить вслухъ свое негодованіе, въ умѣ ея мелькнула блестящая мысль.

— Абсолютно эта посылка, безспорно, мусоръ, но относительно она можетъ оказаться въ высшей степени цѣнной. Всякій знаетъ, что у суконщика не хватаетъ одной клѣпки въ головѣ, но никто изъ-за этого не считаетъ его негоднымъ въ городскіе головы, или въ женихи. Мона вѣдь тоже «съ придурью». Она не меньше его дорожитъ всѣми этими травами. Въ этомъ отношеніи они какъ разъ пара. И потомъ—вѣдь вотъ какъ удивительно складывается все въ жизни!—это прекрасный случай для Моны примѣнить на практикѣ свои несомнѣнныя дарованія. Она рождена для торговли, а у мистера Броуна дѣло ведется на широкую ногу; лучшаго трудно желать; если же онъ дѣйствительно займетъ высокое общественное положеніе, какой же изъ здѣшнихъ барышень больше пристало фигурировать въ роли «супруги городского головы»?

Разумѣется, въ домѣ безъ нея будетъ страшно скучно, но вѣдь она, все равно, могла бы уѣхать, такъ лучше ужъ пусть бы поселилась въ Кильвинни; это, по крайней мѣрѣ, рукой подать. Рэчель не хотѣла сознаться даже самой себѣ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для нея было бы почти облегченіемъ избавиться отъ спокойнаго вдумчиваго взора этихъ ясныхъ молодыхъ глазъ.

Она пылала румянцемъ, сіяла улыбками и непремѣнно подмигнула бы, будь это кто-нибудь другой, а не Мона. Съ Моной, понятно, надо прикидываться, будто ничего не видишь, пока дѣло не обнаружится само собой. Впрочемъ, м-ръ Броунъ, повидимому, можетъ и самъ за себя постоять, даромъ, что тихонькій на видъ; хотя, если бы *ей* въ молодости кто-нибудь прислалъ такой ящикъ, она бы сочла это за насмѣшку.

Она сгорала желаніемъ узнать, что пишетъ м-ръ Броунъ, но, когда Мона подала ей письмо, была горько разочарована. Что-то такое несуразное,—и не поймешь: написано точно на незнакомомъ языкѣ и, кажется, все сплошь о растеніяхъ! Вѣдь придетъ же охота давать такія трудныя имена самымъ обыкновеннымъ травамъ, которыя растутъ въ огородѣ на каждой плохо выполотой грядкѣ! А впрочемъ, вкусы бываютъ разные, и люди «съ придурью», навѣрное, отлично понимаютъ другъ друга.

Бѣдная Рэчель! Это были только цвѣточки; впереди ее ждало еще болѣе горькое разочарованіе. Мона распечатала второе письмо и вмигъ вся побѣлѣла.

— Мнѣ нужно ѣхать завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ, чтобы захватить «Летучаго Шотландца». Одна моя подруга въ Лондонѣ опасно больна.

Въ письмѣ заключалась, дѣйствительно, просьба, но иного рода, чѣмъ ожидала Мона. Оно было отъ м-ра Рейнольдса, отца Люси.

«Докторъ говоритъ, что пока опасности нѣтъ, — писалъ м-ръ Рейнольдсъ,—но прибавляетъ, что температура *не должна* подыматься. Дѣвочка такъ волнуется и тревожится за васъ, что отъ этого одного можетъ усилиться жаръ. Она уѣхала отъ насъ недѣлю тому назадъ, чтобы вернуться въ Лондонъ; ей и тогда уже нездоровилось, но нашъ доревенскій врачъ сказалъ, что ѣхать можно, и мы ее не удерживали. Разумѣется, Люси пригласила женщину-врача и, хотя я отъ души одобрилъ ея выборъ, въ такія минуты старые предразсудки легко оживаютъ и всплываютъ наружу. Д-ръ Алиса Бэтсонъ, повидимому, знаетъ свое дѣло и очень внимательна, но не скрою отъ васъ, что для меня было бы большимъ облегченіемъ видѣть васъ здѣсь. Мать Люси совсѣмъ больная женщина и не можетъ пуститься въ такой дальній путь, а вы были для нея столько лѣтъ все равно, что старшей сестрой.

«Знаю, что передъ вами мнѣ не нужно извиняться за безпокойство и увѣренъ, что моя дѣвчурка почувствуетъ себя лучше, какъ только узнаетъ, что я написалъ вамъ».

Мона прочла это вслухъ и добавила:

— Надо отвѣтить телеграммой. Я сейчасъ пойду сама на почту.

— Ну, знаете, это ужъ черезчуръ,—объявила Рэчель;—цѣлая куча хлопотъ изъ-за простой знакомой, даже не родственницы!

— Люси не простая знакомая,—возразила Мона съ дрожью въ голосѣ;—она для меня все равно, что младшая сестра.

— Что же съ ней такое?

— Острый ревматизмъ.

— Что же прикажете, и вещи вамъ отправить за вами?—съ горечью освѣдомилась Рэчель.

— Нѣтъ, нѣтъ!—утѣшала ее Мона, стараясь говорить шутливымъ тономъ;—уговоръ дороже денегъ и я не желаю, чтобы нашъ былъ нарушенъ. Я обѣщала прожить у васъ полгода и проживу. Я вернусь сейчасъ же, какъ только Люси начнетъ поправляться, надѣюсь, не позже, чѣмъ черезъ недѣлю. Знаете, теперь острыя заболѣванія ревматизмомъ ужъ не затягиваются, какъ прежде. Увѣряю васъ, милая, у меня самой нѣтъ ни малѣйшаго желанія ѣхать въ Лондонъ. Я лично съ несравненно большимъ удовольствіемъ осталась бы у васъ. Но я здѣсь не такъ нужна, чтобы отказывать тѣмъ, кто во мнѣ дѣйствительно нуждается.

Если ей хотѣлось услышать нѣсколько словъ одобренія, она не разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ, хотя Рэчель вообще была не мастерица на такую поддержку.

— Какъ будто здѣсь въ васъ не нуждаются!—возразила она.—Ужъ и не придумаю, что я буду дѣлать безъ васъ; да и всѣ говорятъ, что съ тѣхъ поръ, какъ вы здѣсь, магазинъ имѣетъ совсѣмъ другой видъ.

Ей стоило большихъ усилій удержаться отъ приведенія болѣе вѣскихъ доводовъ противъ отъѣзда Моны.

Мона поцѣловала ее въ лобъ.

— Вотъ и ждите меня назадъ черезъ недѣльку, а то и раньше. Ужъ навѣрно вы меньше будете скучать безъ меня, чѣмъ я буду желать вернуться.

Это была истинная правда. Она вовсе не была благодарна судьбѣ, препятствовавшей точному выполненію задуманнаго ею плана; она была искренно заинтересована своимъ опытомъ и жизнью въ Борроунессѣ; притомъ-же для нея было положительно тяжкимъ испытаніемъ вернуться въ Лондонъ въ качествѣ дезертира, какъ разъ въ то время, когда вся учащаяся молодежь съ шумомъ и трескомъ готовилась къ новой кампаніи.

Она пошла на почту и послала двѣ телеграммы: одну м-ру Рейнольдсу, другую—Дорисъ съ извѣщеніемъ, что она ѣдетъ на нѣсколько дней въ Лондонъ и будетъ на станціи Вэверлей около десяти утра слѣдующаго дня. Затѣмъ она вернулась домой, написала благодарственную записочку м-ру Броуну, уложила свои вещи и провела остатокъ вечера въ обществѣ Рэчели и «м-рсъ Пойзеръ».

Ночью ее одолѣла тревога. Хорошо доктору говорить, что температура у Люси «не должна подыматься»; а если она подымется? Если она все время подымалась съ тѣхъ поръ, какъ послано письмо? Мона видѣла нѣсколько такихъ случаевъ въ госпиталѣ; особенно ей врѣзался въ память одинъ, гдѣ ни ледъ, ни холодныя ванны и никакія другія средства не могли спасти жизни больной: она сгорѣла въ нѣсколько дней. Замирая отъ волненія, она переворачивалась съ боку на бокъ, а когда, наконецъ, уснула, ее почти все время мучилъ кошмаръ. Она даже рада была встать раньше обыкновеннаго, чтобы не опоздать къ поѣзду.

Но оказалось, что Рэчель предупредила ее: она встала еще раньше и ждала Мону въ столовой, приготовляя ей на дорогу огромные, неаппетитные сандвичи; когда же поѣздъ, увозившій Мону, скрылся изъ виду, нежданная слеза скатилась по ея старой, увядшей щекѣ.

На Эдинбургской платформѣ стояла Дорисъ, свѣжая, какъ лилія.

— Какъ это мило, что вы пріѣхали,—сказала Мона,—я и ждала и не ждала васъ.

— Душа моя, я ѣду вмѣстѣ съ вами,—былъ спокойный отвѣтъ.

— Вздоръ! Не можетъ быть!

— Отецъ весьма кстати замѣтилъ, что мнѣ нужна перемѣна воздуха, а я не давала ему покоя, пока онъ не позволилъ мнѣ ѣхать съ вами. Вѣдь такой случай можетъ и не повториться, а онъ это пони-

маетъ. Онъ самъ бы пріѣхалъ проводить насъ, но у него ровно въ десять какая-то важная консультація. Вы мнѣ покажете школу, госпиталь и все,—хорошо?

— Покажу,—отвѣтила Мона.

Дорисъ даже въ голову не пришло, что ея подругѣ можетъ быть непріятно пойти въ школу и встрѣтиться съ прежними товарками. Если-бы кто-нибудь намекнулъ ей объ этомъ, она вскричала-бы: «Мона способна на такую мелочность! Мало же вы ее знаете»!

— Въ телеграммахъ не распространяются, не то я объяснила-бы вамъ, что ѣду къ больной подругѣ. Вы слыхали отъ меня о Люси Рейнольдсъ?

— Ахъ, какъ мнѣ жаль! Но вѣдь я не стану вамъ мѣшать. Вы только удѣлите мнѣ какъ-нибудь нѣсколько часовъ; больше мнѣ ничего не надо.

— Имѣете вы понятіе о томъ, гдѣ вы остановитесь?

— Само собой, у тетки, въ улицѣ Парка,—у той самой, чьи журфиксы вы такъ надменно отказались посѣщать. Папа телеграфировалъ ей вчера вечеромъ, и я еще до отъѣзда получила очень милый отвѣтъ. Она дѣйствительно всегда отъ души рада видѣть меня: мы съ ней не церемонимся.

— Вы удивительное существо! Я не знаю никого, кто умѣлъ бы все такъ разумно и хорошо устроить безъ всякой суеты. Не занять ли намъ мѣста?

— Я давно уже заняла два мѣстечка у окна, въ вагонѣ третьяго класса. Вашъ другъ «мальчикъ съ пальчикъ» положилъ мой пледъ на одно, а дорожный мѣшокъ на другое и самъ сторожитъ, чтобы кто-нибудь не стащилъ вещей. У насъ совершенно достаточно времени, чтобы выпить чашку кофе.

Нѣсколько минутъ спустя онѣ вошли въ вагонъ, отпустили «мальчика съ пальчикъ» и углубились въ серьезный разговоръ. Мона не подымала глазъ, пока не тронулся поѣздъ, но тутъ взглядъ ея упалъ на милое, знакомое лицо. На другомъ концѣ платформы стоялъ Сагибъ. Не подозрѣвая, что она въ поѣздѣ, онъ махалъ шляпой кому-то другому, и передъ его красивой, сильной фигурой всѣ другіе мужчины на платформѣ въ силу контраста казались пигмеями.

Мона замѣтила его слишкомъ поздно даже для того, чтобы поклониться, и отвернулась отъ окна, вспыхнувъ отъ разочарованія.

— Дорисъ, представьте, здѣсь былъ Сагибъ.

— А можно узнать, кто этотъ Сагибъ?

— М-ръ Дикинсонъ. Я часто видѣлась съ нимъ въ Норвегіи этимъ лѣтомъ; онъ большой другъ всѣхъ Мунро. Онъ такой славный. Мнѣ кажется, на него каждая женщина инстинктивно должна смотрѣть, какъ на брата.

— Типъ рѣдкій,—холодно замѣтила Дорисъ—но я полагаю, что онъ существуетъ.

Разговоръ коснулся ея циническої струнки, хотя мужчины, знакомые съ «лилейной дѣвушкой», очень удивились бы, узнавъ, что таковая у нея имѣется.

— Не думаю, чтобы можно было сомнѣваться въ существованіи такого типа,—сказала Мона;—и ужъ, разумѣется, въ этомъ не усумнится ни одна женщина, знающая Сагиба.

Дорисъ не отвѣтила и нѣсколько времени обѣ молчали; морщинка на лбу Моны врѣзалась глубже.

— Милочка,—выговорила наконецъ Дорисъ,—я вамъ не докучаю? Можетъ быть, вы предпочли бы остаться одна?

Мона засмѣялась.

—А что вы сдѣлаете, если я отвѣчу «да»? Дернете за веревку и остановите поѣздъ? Или, можетъ быть, выброситесь изъ окна? Голубушка моя, я по пальцамъ могу перечесть, сколько разъ вы «докучали» мнѣ; а сегодня я особенно рада, что вы со мной. Будь я одна, я бы измучилась до смерти въ тревогѣ за Люси и съ досады, что пропустила случай повидаться съ Сагибомъ.

Лицо Дорисъ омрачилось.

—Мона, милая, лучше бы ваши Мунро вернулись изъ Индіи послѣ того, какъ васъ занесутъ въ списки. Я не одобряю мужчинъ, на которыхъ всѣ женщины инстинктивно смотрятъ, какъ на братьевъ. Для студентовъ и студентокъ бракъ—это гибель.

— Бракъ?—съ изумленіемъ вскричала Мона.—Выйти замужъ за Сагиба?! Дорисъ, голубушка, да мнѣ это и въ голову не приходило: это все равно, что выйти за васъ.

— Желала бы я, чтобы это было такъ,—спокойно возразила Дорисъ;—а для себя желала бы, чтобы мнѣ не пришлось больше съ вами разговаривать объ этомъ, пока васъ опять не внесутъ въ списки. Ахъ, какая прелесть!

Поѣздъ шелъ по берегу моря, и всѣ линіи, всѣ очертанія береговыхъ скалъ выступали рѣзко и ясно въ неровномъ свѣтѣ октябрьскаго утра.

— Не правда ли?—Морщинка на лбу Моны сгладилась: — Знаете, Дорисъ, иногда мнѣ кажется, что я сама частица этого берега—такъ я люблю его. Ура, я увѣрена, что Люси лучше.

— Судя по тому, что вы мнѣ сказали, мнѣ кажется, вы, имѣете всѣ данныя разсчитывать, что она встрѣтитъ васъ на станціи.

Мона разсмѣялась.

— Она настоящій резиновый мячикъ, но такая болѣзнь дѣло не шуточное. Я говорила вамъ, что *она* выдержала экзаменъ?

— Конечно, при вашей помощи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я, право, начинаю думать, что у Люси голова лучше моей. Дѣло въ томъ, Дорисъ, что мнѣ приходится теперь провѣрять и передѣлывать свои взгляды на жизнь, и я пришла къ убѣжденію, что

всѣ мы жестоко заблуждались относительно моей даровитости; это единственный удовлетворительный базисъ, на которомъ я могу начать строить новое зданіе. Есть что-то успокоительное въ сознаніи, что ни къ чему великому ты не призванъ и ничего особеннаго изъ себя не представляешь, а потому и стараться особенно нечего.

Дорисъ улыбнулась ясной улыбкой. Она то ужъ не перемѣнитъ своего мнѣнія о Монѣ.

Разговоръ оборвался, и обѣ долго сидѣли молча, прислушиваясь къ грохоту поѣзда. Монѣ онъ былъ непріятенъ. Почему-то стукъ колесъ напоминалъ ей, что между болѣзнью Люси и ясным осеннимъ днемъ не было никакой обязательной связи.

— О чемъ вы задумались, Дорисъ?—вскричала она.

У Дорисъ сверкнули глаза.

— Я думала, живъ ли еще тотъ чудный тюлень, котораго я видѣла послѣдній разъ, какъ была въ Зоологическомъ. Вы не знаете?

— Нѣтъ; это все равно, что спросить меня, продолжаетъ ли *Carolus-rex* размахивать, своимъ собственнымъ смертнымъ приговоромъ передъ глазами *madame* Тюссо.

— Какъ вы можете ставить такія вещи на одну доску?

— Очень могу, потому что въ волшебномъ дворцѣ моихъ воспоминаній дѣтства они стоятъ рядомъ, а внѣ этого онѣ совсѣмъ для меня не существуютъ.

— И это говоритъ женщина, посвятившая себя изученію естественныхъ наукъ! Я думала, что вы большую часть свободнаго времени проводите въ Зоологическомъ.

— *Ars longa!*—но вы совершенно правы. Гёксли будущаго поколѣнія, вмѣсто того чтобы посылать насъ со скальпелемъ въ рукѣ въ анатомическій залъ, посовѣтуетъ намъ сначала изучить строеніе тѣла живыхъ животныхъ, ихъ привычки и нравы. Я совершенно согласна съ вами, что лучше знать и любить живыхъ тварей, какъ вы, чѣмъ самостоятельно изслѣдовать всѣ отклоненія отъ основнаго типа сосудистой системы, какъ я.

— Не вижу, почему не соединить того и другого.

— И это вѣрно; но тогда что-нибудь другое должно отойти на задній планъ, напримѣръ, Тэрнеръ, или Броунингъ, или Вагнеръ.

«We have not wings, we cannot soar,
But we have feet to scale and climb» *).

— Не знаю. Нѣкоторыя изъ насъ, повидимому, нашли весьма недурную замѣну крыльямъ. Притомъ же вы отлично знаете, что я еще больше жажду увидѣть анатомическій залъ.

— Неужели вы серьезно этого хотите?

---

*) Мы не можемъ летать; у насъ нѣтъ крыльевъ, но есть ноги, чтобы взбираться и карабкаться.

— Разумѣется. Почему же нѣтъ?

— Главнымъ образомъ потому, что вы, все равно, его не увидите. Посторонній человѣкъ не можетъ составить себѣ правильнаго понятія о томъ, что такое на самомъ дѣлѣ анатомическій залъ. Васъ онъ только приведетъ въ ужасъ, и вы будете шокированы тѣмъ, что молодыя дѣвушки могутъ смѣяться за такою работой.

— Неужели онѣ смѣются?—ужаснулась Дорисъ. Она рисовала себѣ въ мечтахъ подвигъ геройскаго самоотверженія,—но смѣхъ!..

— Разумѣется, когда есть чему смѣяться. Мы, напримѣръ, часто потѣшались надъ одной ирландкой, которая, чтобы не перепутать нервовъ руки, перевязывала ихъ разноцвѣтными ниточками. Когда дѣвушки прядутъ шерсть, или расписываютъ подойники, вѣдь онѣ же не все время думаютъ о происхожденіи и назначеніи матеріала, надъ которымъ онѣ работаютъ. Такъ же и мы.

— Но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло.

— Развѣ? Не знаю. Если такъ, Провидѣніе по милосердію своему закрываетъ намъ глаза, чтобы мы не видѣли разницы. Это просто становится *нашимъ дѣломъ*, священнымъ, или самымъ обыденнымъ, смотря по характеру и взгляду на вещи. Есть въ немъ свои непріятныя стороны, но въ какомъ же дѣлѣ ихъ нѣтъ? И если въ практической анатоміи ихъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, зато здѣсь еще больше стараешься извлечь изъ нихъ пользу.

— О да, въ этомъ я увѣрена. Въ такомъ дѣлѣ можно забыть о непріятныхъ мелочахъ. И по всей вѣроятности, то, что вы говорите, вполнѣ естественно; но мнѣ всегда казалось, что такого дѣла не вынести, если васъ не поддерживаетъ энтузіазмъ.

— Мнѣ кажется, что безъ энтузіазма невозможно вообще никакое дѣло; но вѣдь энтузіазмъ не украшеніе, которое можно носить на рукѣ; это душа, это центральный двигатель всей системы, о которомъ мы и не думаемъ, пока не расклеимся физически или нравственно. Я не хочу этимъ сказать, чтобы въ анатомическомъ театрѣ можно было чувствовать себя хорошо съ самаго начала. Пока вы не втянетесь въ дѣло, онъ хуже, чѣмъ ужасенъ, онъ *отвратителенъ*. Вотъ почему я говорю, что посторонній человѣкъ, все равно, не увидитъ его. Первые дни я работала, стиснувъ зубы и мысленно повторяя себѣ: «Уставъ отъ жизненныхъ тревогъ, онъ сладко спитъ». Это звучитъ ироніей, не правда ли? А меня это утѣшало. Во всякомъ случаѣ, *здѣсь* борьба для одного жалкаго существа была кончена; а судя по результатамъ вскрытія, борьба была трудная и мучительная. Но, конечно, продолжать такъ я не могла; это убило бы меня. Я заставила себя совсѣмъ перестать думать объ этомъ и смотрѣть на это просто, какъ на мою ежедневную работу, иногда банальную, иногда увлекательную. Сэръ Дугласъ сказалъ бы, что я очерствѣла, но этого я не думаю.

— Очерствѣли!—повторила Дорисъ. Глаза ея засвѣтились сочув-

ствіемъ, когда она замѣтила, какъ дрогнули губы Моны при одномъ воспоминаніи объ этихъ дняхъ.—Вы справились съ собой, какъ мужчина!

— Я ни съ кѣмъ не говорила объ этомъ раньше, кромѣ одного раза, съ дядей. Но если вы рѣшили пойти туда...

— О да, я хочу видѣть все, что только можно. Вы не очень противъ этого.

— Противъ?—одушевленіе Моны сразу потухло.—Развѣ я когда-нибудь, чему-нибудь противлюсь? Я не рѣшаюсь даже совѣтовать. Однако вотъ Іоркъ и завтракъ. Мы можемъ докончить нашъ разговоръ потомъ.

Но въ этотъ день имъ не суждено было окончить его. Передъ самымъ отходомъ поѣзда Дорисъ высунулась изъ окна.

— О Мона, здѣсь стоитъ бѣдная женщина съ четырьмя маленькими дѣтьми, отыскивая глазами вагонъ, куда бы они могли сѣсть всѣ вмѣстѣ.—Бѣдняжка! У нея такой усталый видъ. Какъ бы я хотѣли, чтобы она посмотрѣла въ нашу сторону. Вотъ она идетъ!

Дорисъ распахнула настежъ дверь и одно за другимъ приняла въ свои объятія дѣтей и узлы.

— Вы не въ претензіи на меня,—неожиданно спросила она у Моны, когда поѣздъ тронулся.

— О нѣтъ!—засмѣялась та, пожимая плечами.—За удовольствіе путешествовать съ такой «*Schöne Seele*» всегда приходится расплачиваться.

XXII.

Докторъ Алиса Бэтсонъ.

Огни, пылающіе во мракѣ, носильщики, бѣгущіе на встрѣчу поѣзду, публика на платформѣ, напрягающая зрѣніе, чтобы разглядѣть за стеклами знакомыя лица—все это возвѣщало прибытіе «Летучаго Шотландца» въ Кингсъ-Кроссъ.

— Вы увѣрены, что вашъ мужъ встрѣтитъ васъ?—спрашивала Дорисъ у своей *protegée*.—Идите, поищите его; я останусь съ дѣтьми. Мона, голубушка, мнѣ лучше проститься съ вами. Завтра утромъ я забѣгу повидать васъ и справиться о здоровьѣ вашей подруги.

— А васъ самихъ есть кому встрѣтить?

— Я видѣла въ толпѣ лакея моей тетки. Онъ сейчасъ разыщетъ меня.

Къ Монѣ уже подходилъ красивый, сѣдой старикъ священникъ, снимая перчатку, чтобы пожать ея руку.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ,—выговорилъ онъ тихо.—Вы настоящій другъ въ нуждѣ.

— Что Люси?

— У Люси, какъ я и ожидалъ, температура сразу упала, какъ только она узнала, что вы пріѣдете. Докторъ говоритъ, что теперь все пойдетъ хорошо.

Мона съ облегченіемъ перевела духъ и улыбнулась ему.

Онъ положилъ ей руку на плечо.

— Гдѣ вашъ багажъ?

— Вонъ у носильщика чемоданчикъ,—это мой. Больше у меня ничего нѣтъ.

Они сѣли на извозчика, между тѣмъ какъ высокій лакей подвелъ Дорисъ къ изящной каретѣ, и покатили.

Если въ присутствіи сэръ Дугласа Мона чувствовала себя опять молоденькой дѣвушкой, съ м ромъ Рейнольдсомъ она чувствовала себя ребенкомъ. При немъ кора нажитого цинизма, покрывавшая ея сердце, таяла, какъ иней подъ солнцемъ, уступая мѣсто нѣжному уваженію, и этимъ она окончательно покорила сердце старика. «Мой любимый женскій типъ,—сказалъ онъ однажды Люси,—это женщина съ яснымъ умомъ»; но очень возможно, что «женщина съ яснымъ умомъ» нравилась бы ему менѣе, если бъ она не смотрѣла на него съ такимъ трогательнымъ смиреніемъ, казалось, говорившимъ: «Меня считаютъ умной и сильной, но въ сущности я не болѣе, какъ бѣдная сирота безъ отца».

— Какъ вы думаете, Люси будетъ уже спать, когда мы пріѣдемъ?—спросила Мона.

— Нѣтъ, ей дѣлаютъ подкожныя впрыскиванія морфія во время приступовъ боли и сегодня хотѣли это отложить, если возможно, до нашего прибытія.

Черезъ нѣсколько минутъ кэбъ остановился у слабо освѣщеннаго подъѣзда, въ Блумсбери. Домъ былъ старинный и солидный, хотя и носилъ на себѣ отпечатокъ уныніе и запущенности, присущій всѣмъ лондонскимъ меблированнымъ домамъ.

— Проводите барышню въ ея комнату,—вѣжливо обратился священникъ къ дѣвушкѣ, отворившей имъ дверь.

— Не теперь, благодарю васъ, —сказала Мона.—Я хотѣла бы прежде пройти къ миссъ Рейнольдсъ. Проводите меня.

Комната больной была ярко освѣщена хорошенькой лампой—Люси не выносила темноты. Она лежала въ постели, обложенная подушками; глаза ея казались до странности большими и блестящими, щеки впали, все лицо носило печать недавнихъ страданій.

Мона закусила губы. Она не думала, чтобы нѣсколько дней лихорадки и боли могли произвести такую перемѣну.

Люси хотѣла-было протянуть ей руки, но тотчасъ же уронила ихъ на одѣяло съ легкимъ, жалобнымъ смѣхомъ.

— Я не могу сейчасъ обнять васъ, Мона, но видѣть васъ рада,—ахъ какъ рада!—И слезы чисто физической слабости наполнили ея глаза.

— Бѣдная дѣточка! Надо васъ будетъ хорошенько пожурить, когда вы поправитесь! Васъ нельзя съ глазъ спустить ни на минуту.

— Ну да,—шепнула Люси.—Я навѣрно не заболѣла бы, если бы вы были здѣсь; а теперь я все время буду болѣть то тѣмъ, то другимъ, пока вы не вернетесь и не приметесь за свое дѣло.

Она была такъ безконечно трогательна и такъ не похожа на прежнюю Люси, что Мона не находила словъ для отвѣта. Инстинктивно она одной рукой пощупала пульсъ, а другую приложила къ разгорѣвшейся щечкѣ больной.

— О, теперь я совсѣмъ здорова. Пульсъ, разумѣется, чаще, чѣмъ слѣдуетъ, да это и не удивительно: у меня чуть сердце не выскочило, когда я услыхала стукъ колесъ. А вотъ и мой докторъ. Сегодня вы, пожалуй, можете и не посылать меня въ рай: это мой другъ, миссъ Маклинъ.

Мона протянула руку вошедшей.

— Ваше имя почти также знакомо мнѣ, какъ мое собственное. Для меня большое удовольствіе встрѣтиться съ вами.

Докторъ Алиса Бэтсонъ, не отвѣчая, взяла протянутую ей руку; обѣ женщины безъ церемоніи критически оглядѣли другъ друга; и обѣ, повидимому, остались довольны осмотромъ. Докторъ Бэтсонъ вошла безъ перчатокъ, въ небрежно накинутомъ на плечи платкѣ. Шляпа ея несомнѣнно видѣла лучшіе дни, но изъ подъ загнутыхъ полей виднѣлись пара серьезныхъ, карихъ глазъ и характерный, рѣшительный ротъ.

— Она серьезно относится къ дѣлу,— рѣшила Мона, — тутъ ужъ обмана не можетъ быть.

— Эта дѣвушка изъ *нашихъ*,—подумала докторша,—она не потеряетъ головы и найдется въ бѣдѣ.

— Ну съ, какъ вы поживаете?— спросила она, поворачиваясь съ грубоватою нѣжностью къ Люси.

— О, очень хорошо, хотя не настолько, чтобы не нуждаться въ вашей помощи.—И она протянула доктору тоненькую, бѣлую ручку.

Визитъ длился не болѣе трехъ минутъ. Алиса Бэтсонъ не брала денегъ со студентокъ и практика ея была слишкомъ обширна, чтобы тратить помногу времени на больныхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она могла принести безусловную пользу, физическую или моральную. Она проводила цѣлые часы у Люси, когда той было худо, но теперь дорожила каждой минутой.

— О да, миссъ Рейнольдсъ совершенно поправится,—сказала она Монѣ, вышедшей вслѣдъ за нею.—Къ счастью, за мной прислали вовремя и застали меня дома. У людей съ такимъ темпераментомъ, какъ у нея, температура подымается и падаетъ очень быстро, и тогда она такъ поднялась, что я даже встревожилась, хотя, какъ видите, все обошлось благополучно. Спокойной ночи, миссъ Маклинъ. Надѣюсь, мы скоро увидимъ васъ.

— Благодарю васъ. Я ничего бы такъ не желала, какъ работать въ женской больницѣ подъ вашимъ руководствомъ.

И Мона побѣжала назадъ въ комнату Люси.

— Ну, моя дѣточка, — ласково сказала она, — теперь я вамъ поправлю подушки, а вы извольте быть умницей и спать спокойно.

— Спать!—мечтательно выговорила Люси.—Я не *сплю*. Я только перехожу черезъ зеркало въ самый странный, самый фантастическій міръ, какой только можно себѣ вообразить. *Cést magnifique mais ce n'est pas le sommeil.*—Она съ усиліемъ приподнялась на локтѣ. Около трехъ я засыпаю и не просыпаюсь до десяти. Какъ пріятно будетъ увидѣть васъ завтра утромъ!

Вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, поцѣловалъ маленькую, бѣлую ручку, лежавшую на одѣялѣ, и предложилъ руку Монѣ.

— Бѣдное дитя, — сказалъ онъ, когда они вышли изъ комнаты Люси,—вы навѣрное устали и проголодались. Вотъ ваша комната, а гостиная внизу, сейчасъ подъ лѣстницей. Я оставлю дверь открытой. Ужинъ на столѣ.

Оба очень пріятно провели время вмѣстѣ. Мона чувствовала себя прекрасно съ м-ромъ Рейнольдсомъ—съ нимъ она могла быть сама собой,—а старикъ священникъ чувствовалъ себя прекрасно почти со всѣми.

XXIII.

Встрѣча.

Вѣрная своему обѣщанію, Дорисъ зашла на другой день около одиннадцати утра.

— Вотъ такъ сюрпризъ!—удивилась Мона.—Я совсѣмъ не ожидала васъ видѣть.

— Какъ! Вѣдь я же сказала, что зайду.

— Да; но я думала, что вы пойдете навѣстить вашу спутницу и совсѣмъ забудете обо мнѣ. Что значитъ старая дружба въ сравненіи съ несчастьемъ имѣть мужа и четверыхъ дѣтей!

— Этотъ мужъ страшно эгоистичное животное, — сказала Дорисъ, игнорируя намекъ, за который она непремѣнно обидѣлась бы, если бы голова ея была не такъ занята другимъ. — Вы замѣтили? Онъ навалилъ на жену больше половины узловъ. Я послала Джона, чтобъ онъ взялъ ихъ у бѣдной женщины, и, къ счастью, это пристыдило того.

— А какъ это понравилось Джону?

— Дорисъ засмѣялась. — Право, не знаю, о немъ я не думала. И потомъ, мнѣ кажется, Джонъ немножко привязанъ ко мнѣ.

— Я еще не встрѣчала мужчины, который бы зналъ васъ и не былъ къ вамъ привязанъ, будь это джентльменъ или лакей.

— Мона, какой вздоръ! Я за всю жизнь только и получила одно предложеніе.

— Мнѣ кажется, не многія женщины, истинно уважающія себя, получаютъ больше одного, конечно, если ихъ знакомые мужчины не «преимущественно дураки» *), подобно населенію британскихъ острововъ.

— Ахъ они всѣ такіе. Но я согласна съ вами. Первое предложеніе, какъ пощечина, всегда является неожиданностью; говоришь себѣ: кто могъ бы это предвидѣть? Ну, а потомъ научаешься распознавать присутствіе электричества въ воздухѣ. Не правда ли?

— Да, я думаю. Впрочемъ, это не по моей части. Благоразумные люди склонны считать меня скорѣе хорошимъ товарищемъ и только одинъ слабоумный юный викарій попросилъ меня заодно ужъ раздѣлить съ нимъ и двѣсти фунтовъ его «годового дохода». Видите, какъ далеко простирается моя власть надъ сильнымъ поломъ. Иногда мнѣ кажется,—прибавила она печально,—что она пропорціональна моей степени приближенія къ идеалу женственности.

— Мона! Если бы сыны Божіи брали себѣ въ жены дочерей человѣческихъ, мы услыхали бы совсѣмъ другое. При данныхъ же условіяхъ я даже рада, что вы женщина не въ мужскомъ вкусѣ; вы женщина въ женскомъ вкусѣ, что̀ несравненно лучше. Если бы васъ превратить въ мужчину, половина вашихъ знакомыхъ дѣвушекъ охотно согласились бы выйти за васъ замужъ,—я первая.

— Вы мой самый старый другъ, Дорисъ, — ласково возразила Мона.—Другимъ я нравлюсь потому, что у меня замкнутый характеръ, что у меня часто мѣняются настроенія, что иногда я отношусь къ нимъ по матерински... Женщины влюбляются во все таинственное.

— Будь это иначе, какъ могли бы онѣ выходить замужъ?—совершенно серьезно возразила Дорисъ.

— Ахъ вы, скверный, старый циникъ! Сегодня я представлю васъ,—не вамъ, а именно *васъ* представлю,—мужчинѣ, который заставитъ даже Дорисъ Колькхунъ полюбить сильный полъ. Вчера, вечеромъ, онъ встрѣтилъ меня на станціи, но вы, вѣроятно, были слишкомъ заняты своей protegée, чтобы замѣтить его.

— Я замѣтила сѣдые волосы и старосвѣтскій поклонъ. О лицѣ трудно судить, когда видишь его вечеромъ и на вокзалѣ, гдѣ свѣтъ и тѣни такъ рѣзки.

— Это правда. Тамъ всѣ люди похожи на любительскія фотографіи, снятыя въ комнатѣ. Но теперь вы увидите м-ра Рейнольдса днемъ. Онъ обѣщалъ зайти ко мнѣ. Не говоря о присутствующихъ, я никого на свѣтѣ не люблю, какъ его, да еще развѣ сэра Дугласа Мунро.

---

*) Намекъ на извѣстную фразу Карлейля: «Въ Великобританіи 27 милліоновъ населенія, преимущественно дураковъ». *Прим. перев.*

— Сэръ Дугласъ Мунро! О Мона! Отецъ говорилъ какъ-то, что сэръ Дугласъ добрый малый, но что онъ типичный прожигатель жизни, это видно съ перваго взгляда.

— Перестаньте! — вскричала Мона, слегка притопнувъ ногой.—Зачѣмъ намъ думать объ этомъ? Я не умѣю сказать вамъ, какъ онъ былъ добръ ко мнѣ.

Дорисъ хотѣла что-то возразить, но въ эту минуту вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ они болтали вообще обо всемъ. На вопросъ Дорисъ, о томъ, какъ себя чувствуетъ Люси, онъ отвѣтилъ:

— У нея теперь сидитъ докторъ Алиса Бэтсонъ.

Дорисъ вся вспыхнула.

— О!—вскричала она. — Я такъ хотѣла бы видѣть доктора Алису Бэтсонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—ласково улыбнулся старый пасторъ. — Это очень легко устроить. Мы отворимъ дверь и позовемъ ее сюда, когда она будетъ идти внизъ. А вотъ и она! Докторъ, здѣсь есть одна молодая особа, пріѣзжая изъ Шотландіи, которая сгораетъ нетерпѣніемъ познакомиться съ вами. Могу я вамъ представить ее?

Вошла миссъ Бэтсонъ. Она не любила служить предметомъ вниманія, но, при видѣ Дорисъ, не могла не смягчиться: это прелестное личико, этотъ горячій, пылкій взоръ были неотразимы.

— Я очень рада случаю, — робко выговорила Дорисъ, — выразить свою личную признательность женщинѣ, посвятившей себя дѣлу, которое я считаю благороднѣйшимъ въ мірѣ.

— Вы правы, это великое дѣло, — суховато согласилась д-ръ Бэтсонъ.—Миссъ...—она взглянула на Мону.

— Маклинъ.—съ улыбкой подсказала Мона.

— Миссъ Маклинъ покажетъ вамъ нашу школу и госпиталь. Можетъ быть, мы какъ-нибудь встрѣтимся въ госпиталѣ. Всего хорошаго.

— Ну?—спросила Мона, когда та ушла.

— Она великолѣпна — такая умная и энергичная. Но, знаете, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она носила перчатки, и потомъ, она была бы такъ мила въ шляпкѣ

— Полноте, не будьте такъ мелочны.

— Я не мелочна. Мнѣ лично она еще больше нравится за то, что она чужда всякой условности, но я думаю о *дѣлѣ*, которому она служитъ.

— Вы ушли на цѣлую четверть часа, — обидчиво замѣтила Люси, когда Мона вернулась въ ея комнату;—а вчера миссъ Колькхунъ провела съ вами цѣлый день.

— Вамъ сегодня лучше, дѣточка,—сказала Мона, цѣлуя ее.

— Намъ о столькомъ надо переговорить...

— Да, дружокъ, но только не сегодня и не завтра. Я вовсе не же-

лаю, чтобы мой пріѣздъ вызвалъ у васъ рецидивъ. Вамъ еще рано разговаривать. Кушайте какъ можно больше яицъ, молока и пуддинга, а я почитаю вамъ послѣднюю новинку изъ новыхъ трехтомныхъ романовъ.

Люси тѣмъ охотнѣе подчинилась этому режиму, что она была еще слишкомъ слаба, чтобъ говорить, и дѣйствительно, за два дня ей стало значительно лучше. Вскорѣ она могла уже обходиться безъ морфія на ночь, хотя нельзя сказать, чтобъ это доставило ей особенное удовольствіе; а нѣсколько дней спустя, дочитавъ послѣднюю страничку романа, Мона увидала, что Люси спитъ здоровымъ естественнымъ сномъ.

Она тихонько вышла изъ комнаты, съ минуту прислушивалась у дверей и, ничего не разслышавъ, кромѣ ровнаго дыханія спящей, сбѣжала внизъ.

— Надѣюсь, вы пойдете подышать свѣжимъ воздухомъ?—спросилъ м-ръ Рейнольдсъ, глядя на нее поверхъ газеты.—Вы ужъ, кажется три дня не выходили.

— Да; я сказала Люси, что, если она уснетъ, я сбѣгаю прогуляться. Она позвонитъ, когда проснется.

— Вотъ и отлично; и пожалуйста, не торопитесь возвращаться. Я увѣренъ, что Люси проспитъ до вечера, а если нѣтъ, ей придется часокъ-другой довольствоваться обществомъ старика; только и всего.

— Счастливица! — вскричала Мона, глядя на него съ любовью. — Многіе рады были бы заболѣть, чтобы пользоваться «обществомъ старика». Оно можетъ болѣе чѣмъ вознаградить за непріятность лежать въ постели.

Товарки Люси регулярно каждый день заходили справляться о ней Какъ разъ въ это утро одна молоденькая студентка зашла узнать о ея здоровьи, по дорогѣ въ медицинскую школу, и столкнулась съ Дорисъ Колькхунъ.

— Какъ я хотѣла бы пойти съ вами!—сказала Дорисъ, и Мона поспѣшила это устроить, обрадовавшись случаю исполнить желаніе пріятельницы безъ ущерба для себя.

— Надо будетъ зайти къ Дорисъ,—сказала она себѣ,—послушать ея впечатлѣнія, покуда онѣ не вывѣтрились.

Мона вышла изъ дому бодрая и веселая.—Въ сущности, пріятно опять пожить въ Лондонѣ, въ особенности, въ эти молодые ясные дни. Витрины сохранили для нея всю прежнюю привлекательность, и она каждыя пять минутъ останавливалась поглядѣть на новые фасоны и модныя бездѣлушки, соображая, какія изъ этихъ хорошенькихъ вещицъ не худо бы захватить съ собою въ Борроунесъ, ибо ей удалось, хотя и не безъ труда, уговорить Рэчель пожертвовать нѣсколько фунтовъ на пріобрѣтеніе модныхъ новинокъ.

— Что бы я ни купила, оно будетъ непріятно рѣзать глаза, на-ряду со всѣмъ остальнымъ,—думала Мона;—но что же дѣлать! лавка должна

быть прежде всего лавкой, а затѣмъ уже произведеніемъ искусства. Сейчасъ она, какъ выражается докторъ Дудлей, «ни рыба, ни мясо, ни птица, ни красная селедка».

Она хорошо изучила свою *clientèle* въ Борроунессѣ и знала, какія вещи слѣдуетъ брать, чтобы онѣ понравились покупательницамъ, не оскорбляя ея собственнаго, нѣсколько прихотливаго вкуса, но при этомъ она рѣшила накупить какъ можно больше и потому дрожала надъ каждой копѣйкой, какъ будто отъ этого зависѣло ея собственное пропитаніе.

— Не будемъ торопиться, душа моя,—говорила она себѣ. — Семь разъ примѣрь, одинъ—отрѣжь. Надо хорошенько все обсудить, прежде чѣмъ истратить хоть шиллингъ. И какъ же я рада, что мнѣ не пришлось идти въ школу. Я совсѣмъ не такъ настроена, чтобы заниматься фехтованіемъ.

Мона обрадовалась слишкомъ рано. Не успѣла эта мысль промелькнуть въ ея головѣ, какъ чей-то голосъ позади нея сказалъ:

— Какъ поживаете, миссъ Маклинъ?—и, обернувшись, она увидала двухъ товарокъ по курсу съ мѣшками въ рукахъ.

Какъ на зло, одна изъ нихъ оказалась единственной студенткой на курсѣ, которая всегда была Монѣ безусловно антипатична. Она-то и заговорила первой.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Не ожидала васъ видѣть. Миссъ Рейнольдсъ говорила, что вы совсѣмъ не вернетесь эту зиму.

— Совершенно вѣрно. Я здѣсь всего на нѣсколько дней.

— Вы готовитесь дома?

— Въ настоящее время совсѣмъ не готовлюсь.

— Это очень жаль.

— Вы думаете? Я нахожу, что не мѣшаетъ иногда взобраться на изгородь, отдѣляющую нашу полосу отъ всѣхъ другихъ, и посмотрѣть, что дѣлается на полѣ вообще.

— Но вѣдь вы и прежде это дѣлали? Я васъ всегда считала большимъ авторитетомъ въ области пустяковъ.

— И сожалѣли, что результаты экзаменовъ не подтвердили моей компетентности въ другой области, не правда ли? Великое дѣло временно страдало оттого, что попало въ недостойныя руки? Не огорчайтесь; это часто бываетъ.

Дѣвушка покраснѣла. Мона, съ своей обычной чуткостью, вѣрно угадала ея мысль.

— Намъ страшно недостаетъ васъ,—поспѣшила вставить другая студентка.—Я такъ хотѣла бы, чтобъ вы вернулись!

— Вы, по всей вѣроятности, заготовляете себѣ костюмы на зиму?— продолжала первая, глядя на витрину, передъ которой онѣ стояли.— Очевидно, Риджентъ-стритъ не потеряла для васъ былого обаянія, какъ потеряла его Медицинская школа.

— Что бы онѣ сказали,—думала Мона,—еслибъ я выложила имъ

всю правду, разсказала бы, что я не туалеты заготовляю на зиму, а закупаю товаръ для крошечнаго магазинчика въ Борроунессѣ, гдѣ я имѣю честь стоять за прилавкомъ, угождая немногочисленнымъ и, притомъ, не особенно просвѣщеннымъ покупателямъ?..

Съ минуту искушеніе «сдѣлать такъ, чтобъ у нихъ волосы на головѣ встали дыбомъ», было почти непреодолимо; но, къ счастью, кто привыкъ сдерживаться, тому трудно побороть себя сразу, и Мона сказала только:

— О нѣтъ! Еслибъ Риджентъ-стритъ утратила свое обаяніе, это былъ бы серьезный симптомъ, показующій употребленіе хины и рыбьяго жира, или иныхъ лѣкарствъ, прописываемыхъ при меланхоліи. Прощайте. Желаю вамъ обѣимъ успѣха!

Она пожала руки обѣимъ,—довольно сухо первой и очень сердечно—второй, причемъ ласково спросила ее: «Ну, а у васъ какъ теперь, все благополучно?» и пошла дальше.

— Вотъ чудачка-то!—вскричала первая студентка, когда Мона отошла настолько далеко, что не могла уже ея слышать.—Я такъ полагаю, что она собирается замужъ. Мой братъ видѣлъ ее мѣсяца два тому назадъ на пароходѣ въ Норвегіи, въ очень приличномъ обществѣ, и говорилъ, что какой-то высокій «господинъ» съ умопомрачительными икрами страшно ухаживалъ за ней.

— Вашъ братъ разговаривалъ съ нею?

— Нѣтъ. Онъ очень заинтересовался ею на послѣдней раздачѣ наградъ и просилъ представить его, но не было удобнаго случая. У нея масса знакомыхъ. Я нахожу, что она очень важничаетъ, не правда ли?

— Я тоже это находила, но въ прошломъ году убѣдилась, что ошибаюсь. Знаете, миссъ Бёрнетъ, мнѣ она нравится.

— А мнѣ нѣтъ.

— Дѣло въ томъ,—дѣвушка покраснѣла и запнулась,—вы, конечно, никому этого не скажете,—но я очень обязана ей. Въ прошломъ году мнѣ пришлось разъ очень круто: денегъ ни гроша, квартирная хозяйка ужъ хотѣла на меня въ судъ подавать. Домой я не рѣшалась написать, и вотъ однажды вечеромъ, доведенная до отчаянья, я рѣшилась пойти къ миссъ Маклинъ. Мнѣ она тогда не нравилась, но когда идешь занимать деньги, тутъ уже не время разбирать, кто нравится, кто не нравится, а всѣ мы знали, что у нея водятся деньги. Я уже не къ первой къ ней обращалась и, по правдѣ сказать, ничего не ждала, кромѣ отказа. А она—никогда не забуду, какъ просіяло ея лицо, когда она сказала: «Какъ это хорошо, что вы пришли ко мнѣ! Я знаю по себѣ, что значитъ быть въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ». Не думаю, чтобы она тогда важничала, и я рѣшила хоть день и ночь работать, но непремѣнно отдать ей до конца года занятыя деньги.

— Я не вижу тутъ ничего особеннаго. У васъ не было денегъ, у нея были, она и дала вамъ; это очень просто.

— Хорошо вамъ говорить! Вы не знаете, что значитъ получить отказъ отъ поддюжины товарокъ, которыя отлично могли бы помочь вамъ. Вы не знаете, чего стоитъ выслушивать проповѣди на тему о томъ, какъ скверно занимать деньги въ такую минуту, когда вамъ до зарѣзу нужно нѣсколько фунтовъ!

— Я увѣрена, что миссъ Маклинъ зря тратитъ кучу денегъ. Я видѣла ее какъ-то въ театрѣ, въ партерѣ, вмѣстѣ съ миссъ Рейнольдсъ; ужъ, конечно, за мѣста платила не миссъ Рейнольдсъ.

— Миссъ Рейнольдсъ вообще очень везетъ, такъ что это меня не удивляетъ. А все-таки мнѣ нравится миссъ Маклинъ, и если она броситъ школу, это будетъ большая потеря для медицины.

— Она два раза провалилась на экзаменѣ.

— Тѣмъ стыднѣе для экзаменаторовъ!

— Дорисъ,—говорила Мона нѣсколько минутъ спустя, входя въ изящную гостиную, гдѣ ея подруга въ одиночествѣ сидѣла за чаемъ,— дайте мнѣ вина, подкрѣпите меня печеньемъ—я сейчасъ встрѣтила вою *bête-noire!*

Дорисъ подняла на нее глаза съ ясной улыбкой.

— Полноте, не будьте такъ мелочны.

Мона схватила пуховую подушечку и бросила ею въ подругу.

— Поднимите, пожалуйста,—спокойно сказала Дорисъ.—Если тетя войдетъ и увидитъ свою любимую подушечку на полу, конецъ ея симпатіи къ вамъ,—вы попадете въ опалу.

Мона разсѣянно подняла подушку и положила ее на диванъ.

— Теперь продолжайте. Разскажите мнѣ о вашей *bête-noire*. Кто онъ такой?

— *Онъ!* Конечно, *онъ!* Какъ осмѣлиться сказать вамъ, милая Дорисъ, что далеко не каждая представительница прекраснаго пола совмѣщаетъ въ себѣ Минерву и Гебу?

— Попробую примириться съ этимъ, припомнивъ, что «Всемогущій Богъ сотворилъ ихъ для того, чтобы онѣ были подругами мужчинъ». Продолжайте.

Но Мона была еще не въ состояніи продолжать. Она пила чай храня свирѣпый видъ.

— Я дѣйствительно мелочна,—выговорила она, наконецъ.—Я желала бы, чтобы какая-нибудь власть, земная или небесная, запретила женщинамъ изучать медицину ранѣе достиженія ими двадцати-трехлѣтняго возраста и совсѣмъ запретила изучать ее тѣмъ, у кого нѣтъ на это никакихъ данныхъ, физическихъ, умственныхъ, нравственныхъ или общественныхъ. Это замѣчаніе звучитъ нѣсколько странно въ устахъ студентки, дважды провалившейся на экзаменѣ, но мы здѣсь между друзьями.

— Я сама замѣтила сегодня въ школѣ нѣсколько такихъ типовъ, которые предпочла бы видѣть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но въ общемъ студентки произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе: всѣ онѣ такія здоровыя, счастливыя, умныя, работящія. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я очень рада.

— А нѣкоторыя изъ нихъ положительно выдающіяся женщины.

— О да! въ видѣ исключенія это бываетъ; но разскажите мнѣ все по порядку. Жаль, что вы не могли посмотрѣть школу лѣтомъ, когда студентки занимаются въ саду, обложенныя книгами, костями и *materia medica specimens*.

— Двѣ студентки играли въ теннисъ, когда я вошла — и отлично играли, надо имъ отдать справедливость. Мы немножко посмотрѣли на нихъ и пошли въ анатомическій.

— Ну?

— Я очень рада, что вы разсказали мнѣ все о немъ раньше, — *очень* рада. Если бы я вошла туда неподготовленной, пожалуй, онъ показался бы мнѣ ужасенъ, а теперь ничего... Тяжело, конечно, но страшно интересно. Демонстрировала молодая дѣвушка, милая такая. Она всюду меня повела и показала самыя лучшія сѣченія; я раньше понятія не имѣла, какъ это выглядитъ. Представьте себѣ, — съ торжествомъ вскричала Дорисъ,—я теперь знаю, что такое фасція, умѣю отличить сухожиліе отъ нерва, и не смѣшаю ни того, ни другого съ веной.

— Это хорошо. Многія изъ насъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы, не съумѣютъ этого сдѣлать въ трудномъ случаѣ.

— Не смѣйтесь надо мной; вы знаете, что я хочу сказать. О Мона, какъ могли вы пріѣхать въ Лондонъ и не вернуться къ своей работѣ, вотъ что для меня непостижимо!

— Да? Это интересно, но не совсѣмъ идетъ къ дѣлу. Что же вы еще видѣли? куда пошли изъ анатомическаго?

— Была на лекціи физіологіи. Читалъ молодой человѣкъ, который все время возводилъ очи горѣ, не двигая ни однимъ мускуломъ въ лицѣ, пока это не оказывалось безусловно необходимымъ.

Мона засмѣялась.

— Узнаю его; но это не мѣшало ему отлично видѣть, что происходитъ въ аудиторіи; онъ навѣрное замѣтилъ новую и внимательную слушательницу и спрашивалъ себя, кто бы это могъ быть? Онъ восхитительно читаетъ.

— Онъ очень милъ,—добросовѣстно согласилась Дорисъ,—и несомнѣнно очень уменъ, но было бы гораздо лучше, если бы лекціи читали женщины.

— Это правда, конечно, при условіи, что онѣ знали бы свое дѣло ничуть не хуже мужчинъ. Не забывайте, мой другъ, что хорошая

прачка лучше служитъ «женскому дѣлу», чѣмъ плохая лекторша или женщина-врачъ.

— О, я это знаю. Но читать физіологію вовсе ужъ не такъ трудно. Мнѣ кажется, на это способны очень многія.

Мона пожала плечами.

— Для того, чтобы быть хорошимъ лекторомъ по физіологіи, нужно много—гораздо больше, чѣмъ вы думаете,—подчеркнула она.

Дорисъ вспыхнула.

— Не вивисекція же!

— Да, и вивисекція. Возможно, что современная наука пошла по ложному пути; возможно и то, какъ сказалъ мнѣ одинъ молодой врачъ въ Борроунессѣ, что теперь останавливаться уже поздно и остается только сдѣлать логическій переходъ къ вивисекціи надъ человѣкомъ;— все это возможно, но при настоящемъ положеніи вещей я не вижу, какимъ образомъ добросовѣстный человѣкъ можетъ взяться читать лекціи по физіологіи, если онъ самъ лично не производилъ опытовъ. Ему нѣтъ надобности производить опыты надъ живыми животными на глазахъ у студентовъ, но въ каждый данный моментъ онъ обязательно долженъ быть въ курсѣ дѣла.

Дорисъ не отвѣчала. Мона всегда была для нея авторитетомъ; она не допускала и мысли, что Мона можетъ судить о чемъ бы то ни было не здраво и несправедливо; она старалась во всемъ соглашаться съ подругой, но сейчасъ это было очень трудно.

— А какъ относится вашъ молодой врачъ въ Борроунессѣ къ женщинамъ-врачамъ?—неожиданно спросила она.

Мона вздрогнула.

— Онъ не знаетъ, что я изучаю медицину. Зачѣмъ ему знать?

— О, Мона, неужели вы не сказали ему? Упустили такой прекрасный случай постоять за свое дѣло!

— Не въ моихъ привычкахъ ходить съ ярлычкомъ, дорогая; но, если хотите, можете привѣсить его мнѣ на шею.

— Впрочемъ, вы же съ нимъ еще увидитесь. Торопиться некуда.

— Надо полагать, что такъ,—не безъ горечи отвѣтила Мона,—а теперь, милый другъ, мнѣ пора идти.

XXIV.

Голосъ въ туманѣ.

Густой туманъ повисъ надъ городомъ.

Дорисъ и Мона провели полдня въ лавкахъ и складахъ, и Мона ликовала. Она была убѣждена, что ни одна человѣческая душа не могла бы болѣе производительно израсходовать десять фунтовъ, и ее трудно было даже заставить говорить о чемъ-либо другомъ.

*

Это очень забавляло Дорисъ. Она находила, что каждый «имѣетъ право развлекаться по своему», а ради того, чтобы провести день въ обществѣ Моны, стоило поступиться многимъ; но какъ могла интеллигентная женщина по доброй волѣ провести его именно *такимъ* образомъ—это было выше ея пониманія.

— Все это можно было устроить совершенно иначе, — смѣялась она.—Вамъ стоило заказать все это оптомъ въ какомъ-нибудь большомъ складѣ, предоставивъ подробности приказчикамъ, и вышло бы то-же самое, плюсъ сбереженная энергія.

Мона только вздохнула. Дорисъ всегда находила, что въ важныхъ вещахъ нельзя ожидать безусловнаго сочувствія даже отъ самыхъ близкихъ друзей; когда обѣ дѣвушки сходились вмѣстѣ, Мона каждый разъ убѣждалась, что и въ мелочахъ нельзя разсчитывать на такое сочувствіе.

Покончивъ съ закупками, обѣ согласились, однакоже, зайти на часокъ въ Сентъ-Джемсъ-Холль отвести душу музыкой. Послѣднею въ программѣ стояла увертюра изъ «Тангейзера»; ради того, чтобы услыхать эту вещь, Мона охотно пошла-бы пѣшкомъ за двадцать миль. Когда онѣ вышли, уже совсѣмъ стемнѣло; уличные фонари тускло мигали въ туманѣ, бросая свѣтъ не больше, какъ на два-три ярда вокругъ, но Мона и съ закрытыми глазами нашла бы дорогу въ богоспасаемый Блумсбёри. Дорисъ тоже пошла ужинать къ Рейнольдсамъ, чтобы наконецъ познакомиться съ Люси; попозже тетка должна была прислать за нею кабріолетъ.

— Мона, вы слышите,—сказала она вдругъ, когда онѣ проходили по Пиккадилли,—позади насъ двое прохожихъ толкуютъ о вашемъ возлюбленномъ «Тангейзерѣ»?

Это было интересно. Мона забыла о своихъ покупкахъ и насторожила ушки.

Сначала слышались только отдѣльные возгласы въ родѣ; «шумъ и больше ничего», «отвратительная какофонія», «громовая проповѣдь» и т. д., но минуту спустя рука, лежавшая на рукѣ Дорисъ, невольно дрогнула—мягкій бархатный голосъ второго собесѣдника показался Монѣ до странности знакомымъ.

— Милый другъ, въ томъ-то и суть, по крайней мѣрѣ, для меня. Хоръ пилигримовъ красивъ и величественъ самъ по себѣ, но когда эти звуки, чистые, спокойные, неизмѣнные, постепенно наростая, безъ всякихъ видимыхъ усилій, покрываютъ собою весь шумъ, трескъ и грохотъ мірской суеты, голоса плоти и діавола, — это уже не просто красиво, это вдохновенно. Настроеніе пилигримовъ торжествуетъ, потому что оно все время остается вѣрнымъ себѣ.

Первый голосъ сказалъ что-то насчетъ «отсутствія мелодій», затѣмъ тотъ-же бархатный басъ продолжалъ:

— Я слишкомъ мало компетентенъ, чтобы спорить о технической

сторонѣ. Для меня вопросъ стоитъ просто: опера должна представлять собою органическое цѣлое,—не коллекцію шедевровъ, но одинъ цѣлый шедевръ. Возьмите, напримѣръ, «Донъ-Жуана»,..

Спорящіе свернули въ боковую улицу и голоса ихъ замерли вдали.

— Какой чудный голосъ!—сказала Дорисъ.

— Да.

— Знаете, Мона, онъ, должно быть, хорошій человѣкъ,

— Судя по голосу?

— Судя по голосу и по тому, что говорилъ голосъ. Молодые люди не часто такъ говорятъ.

— Откуда вы знаете, что онъ молодъ?

— Я увѣрена, что «милому другу» не больше двадцати пяти лѣтъ.

— Я бы сказала: двадцать семь,—задумчиво выговорила Мона.

Дорисъ засмѣялась.

— Вы очень точны. Или вы опять вернулись къ своимъ чернильницамъ?

Мона вздохнула.

— Да, я опять вернулась къ своимъ чернильницамъ.

Нѣсколько времени обѣ молчали. Первой заговорила Дорисъ.

— Желала бы я знать, кто этотъ молодой человѣкъ?

— Что это, Дорисъ, вы, кажется, выступаете въ новой роли? Это мило похоже на васъ—интересоваться молодыми людьми!

— Тѣмъ больше причинъ заинтересоваться исключительнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Ахъ вы, милая моя старушка! — приласкала ее Мона. — Онъ, безспорно, хорошо говоритъ, но что если «разговоры» погубятъ его, какъ Гретхенъ ея красота?

— Не думаю. Не такіе «разговоры» губятъ людей.

— Именно такіе.

Но про себя Мона думала:

— Нѣтъ, этого не можетъ быть. Если у него есть даръ слова, такъ у него, по крайней мѣрѣ, есть и что сказать.

—Какая это была восхитительная недѣля!—продолжала Дорисъ;— а теперь еще одно пріятное путешествіе по желѣзной дорогѣ въ вашемъ обществѣ, и затѣмъ—всему конецъ. Какая вы счастливица, Мона! вы можете устраивать свою жизнь, какъ вамъ угодно.

Мона улыбнулась, не отвѣчая. Эта обычная тема ихъ споровъ давно ей пріѣлась.

— Я знаю, что вы хотите сказать! Но меня вы ужъ лучше объ этомъ не спрашивайте. Я не съумѣю сказать, которая изъ этихъ двухъ чернильницъ лучше, и нахожу, что вы отлично сдѣлали, заказавъ по дюжинѣ обѣихъ

— Да, и главное шарниры прочные въ обѣихъ, — вы замѣтили? Въ дешевой чернильницѣ надо прежде всего обратить вниманіе на шарниръ.

— Гдѣ вы пропадали цѣлую вѣчность?—вскричала Люси, когда обѣ дѣвушки вошли въ столовую; она сидѣла въ тепломъ халатикѣ у камина.—Я уже хотѣла посылать за вами глашатая. Какъ я рада познакомиться съ вами, миссъ Колькхунъ!

— Она не такая хорошенькая, какъ я,—подумала Люси,—но Мона никогда этого не замѣтитъ.

Когда рѣчь зашла о покупкахъ, Люси обнаружила живѣйшій интересъ, болѣе чѣмъ искупавшій надменное безучастіе Дорисъ.

— Разумѣется, вамъ слѣдовало отправить все прямо на станцію, но мнѣ такъ хотѣлось бы посмотрѣть, что вы купили. Такъ жаль, что я не могла пойти вмѣстѣ съ вами! Ну, разсказывайте все по порядку. Куда вы пошли прежде всего?

Къ счастью, въ эту минуту вошелъ м-ръ Рейнольдсъ, и Дорисъ не пришлось вторично выслушивать болтовню о лентахъ, цвѣтахъ, записныхъ книжкахъ и проч. и проч.

— Не даромъ говоритъ пословица: «продержи вещь семь лѣтъ въ сундукѣ, на восьмой она тебѣ пригодится»,—начала Мона.—Моя ребяческая страсть къ витринамъ и красивымъ бездѣлушкамъ, какъ видите, сослужила мнѣ хорошую службу. Вы не можете себѣ представить, какъ это все изящно и мило. Лавки просто не узнать будетъ; я ее уберу, какъ игрушечку. Теперь мнѣ не придется краснѣть передъ заѣзжимъ покупателемъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось поѣхать и посмотрѣть вашу лавку!—вскричала Люси.—Я съумѣла бы отлично «убрать окно». Вы не думаете, что Борроунессъ могъ бы мнѣ принести такую же пользу, какъ и Ривьера? Притомъ же, это обошлось бы гораздо дешевле, не правда ли?

— Много дешевле,—улыбнулась Мона,—но рѣзкій восточный вѣтеръ обладаетъ способностью каждаго задѣть по больному мѣсту, а вы не должны забывать, что теперь у васъ въ крѣпости есть предатель.

— Эта болѣзнь ужасно некстати. За право ученія заплачено, да еще книгъ новыхъ сколько придется купить. Просто не придумаю, откуда папа добудетъ денегъ на эту поѣздку.

— Не горюйте. Я думаю, что это можно будетъ устроить дешево.

— «Дешево»—понятіе относительное. Не забывайте, что мы всѣ, вмѣстѣ взятые, тратимъ въ годъ немногимъ больше вашего.

— Во всякомъ случаѣ, вамъ не придется платить за столъ.

Правду говоря, Мона уже написала леди Мунро о болѣзни своей подруги и надѣялась, что въ отвѣтъ та пригласитъ Люси погостить у нея мѣсяцъ-другой въ Каннахъ. Мона знала, что Мунро не изъ тѣхъ, которые ищутъ случая облагодѣтельствовать ближняго, но именно потому можно было разсчитывать, что они не откажутся сдѣлать доброе дѣло, когда случай представится самъ собой. Лично для Моны эта комбинація представляла большія неудобства, такъ какъ ей не хотѣлось, чтобы Мунро знали, гдѣ она проводитъ зиму, но съ такими мелкими

и эгоистическими соображеніями, конечно, считаться не слѣдовало. Притомъ же это, вѣроятно, удастся какъ-нибудь уладить.

Въ самый разгаръ разговора доложили, что ужинъ поданъ. Ужинъ былъ самый простой, семейный, но м-ръ Рейнольдсъ умѣлъ придать прелесть и достоинство всему, въ чемъ онъ участвовалъ. Послѣ ужина онъ отвелъ Мону въ сторону.

— Д-ръ Бэтсонъ говоритъ, что Люси было бы очень полезно пожить мѣсяцъ-другой въ болѣе тепломъ климатѣ, чтобы обезпечить себя отъ повторенія ревматическихъ болей. Мнѣ страшно хотѣлось бы отправить ее на югъ Франціи; вы человѣкъ бывалый; посовѣтуйте, какъ это устроить получше и подешевле. Вы видѣли, какъ мы живемъ, и мнѣ незачѣмъ вамъ говорить, что воспитаніе Люси ложится тяжелымъ бременемъ на мой кошелекъ. Я рѣшилъ дать ей образованіе, потому что это единственное, чѣмъ я могу обезпечить ее въ будущемъ. Я всегда стараюсь жить такъ, чтобы черный день не захватилъ меня врасплохъ, но именно теперь обстоятельства сложились чрезвычайно несчастливо: я только что внесъ деньги за правоученіе Люси, и этотъ новый расходъ является ужасно некстати.

— Сейчасъ я не могу сказать вамъ ничего опредѣленнаго—я сама очень мало знаю,—но могу навести справки; у меня есть друзья на Ривьерѣ. Я думаю, можно устроить такъ, чтобъ было и хорошо, и дешево. Во всякомъ случаѣ я дамъ вамъ знать въ концѣ этой недѣли.

— Если тетя окажется не на высотѣ положенія,—рѣшила про себя Мона,—я ужъ какъ-нибудь заставлю ихъ взять, сколько нужно, денегъ у меня.

XXV.

Новообращенная.

Опять Мона вышла въ Борроунессѣ, и опять Рэчель ждала ее на станціи.

Только теперь у нея не было никакихъ иллюзій относительно предстоящей жизни, не было ни неопредѣленности, ни смутныхъ мечтаній о самоотреченіи и призваніи. Оставалась одна ясная, плоская, унылая проза.

Не легко было на душѣ у Моны, но, когда поѣздъ остановился, Рэчель увидала въ окнѣ улыбающееся личико, легкіе шаги послышались на платформѣ, и веселый голосъ сказалъ:

— Вотъ видите, я вѣрна своему слову, и вы представить себѣ не можете, сколько хорошенькихъ вещицъ я привезла съ собою.

— Мона,—таинственно начала Рэчель, когда онѣ были уже недалеко отъ дому,—у меня есть для васъ новость. Какъ бы вы думали, кто былъ у насъ съ визитомъ?

— Боюсь, что мнѣ не угадать.

— М-ръ Броунъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно выговорила Мона.

— Да. Такъ досадно, что васъ не было дома! Я такъ взволновалась, побѣжала скорѣе переодѣться въ свое лучшее платье; посидѣли мы, поболтали, потомъ провожаю его, и вдругъ—идетъ м-съ Робертсонъ. Вотъ-то она вытаращила глаза! Броунамъ никогда не пришло бы въ голову пріѣхать съ визитомъ къ ней. Я сказала ему, что вы гостите у знакомыхъ. Я не говорила, что вы въ Лондонѣ, боясь, какъ бы онъ не узналъ откуда-нибудь, что вы собираетесь быть докторшей.

— Это было бы ужасно, не правда ли?

— Да, но теперь вамъ бояться нечего. Онъ что-то болталъ насчетъ того, какъ трудно и скучно учить ребятъ и что для васъ полезно пожить здѣсь и отдохнуть, а я, само собой, не разувѣряла его; такъ онъ и остался при убѣжденіи, что вы учительница, хотя у меня и вертѣлось на языкѣ сказать, что у васъ, слава Богу, свои средства есть и по чужимъ домамъ вамъ таскаться незачѣмъ.

— Пожалуйста, объ этомъ никому ни слова,—довольно рѣзко прервала ее Мона.—Я не имѣю ни малѣйшаго желанія прослыть здѣсь выгодной невѣстой.

— Что жъ, душенька, вѣдь года-то идутъ. Надо косить сѣно, пока солнце свѣтитъ.

— Вѣрно,—но когда у дѣвушки есть хоть четыреста фунтовъ годового дохода, ей незачѣмъ торопиться.

Вечеромъ Билль принесъ со станціи багажъ Моны, и обѣ кузины съ одинаковымъ наслажденіемъ принялись распаковывать ящики. «Ну что это, ей Богу!» и «Ахъ ты, шутъ тебя возьми!» и тому подобныя воскицанія то и дѣло срывались съ устъ Рэчели при видѣ прелестей, вынимаемыхъ Моной изъ разныхъ картонокъ. Десять фунтовъ, конечно, большія деньги, но кто бы могъ подумать, что за десять фунтовъ можно накупить столько разныхъ разностей!

— Вы положительно рождены быть продавщицей, душа моя!—повторяла Рэчель съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ.

Мона смѣялась.

— Не напечатать ли намъ въ мѣстной газеткѣ, что «миссъ Маклинъ, только что вернувшись изъ Лондона, предлагаетъ покупательницамъ отмѣнный выборъ всѣхъ новостей сезона?»—сказала она, но тутъ же поспѣшила взять назадъ свое предложеніе, замѣтивъ, что Рэчель готова отнестить къ нему совершенно серьезно.

— А теперь,—продолжала она,—еще одна вещица, но уже не для магазина, а для васъ самихъ.—И, развернувъ закрывавшіе ее листы оберточной бумаги, Мона вынула изъ ящика красивую темную мантилью, подбитую мѣхомъ.

Господи Боже! Рэчель въ жизнь свою не видала такой велико-

лѣпной накидки; когда она стала примѣрять обновку, у нея даже слезы выступили на глазахъ.

— Меня не столько трогаетъ подарокъ, сколько ваша доброта, душа моя,—пояснила она;—а все же лучше этой мантильи не сыскать и въ Сентъ-Рульсѣ. Мнѣ она хватитъ до конца жизни.

Мона, довольная, поцѣловала ее въ лобъ.

— Я привезла также муфточку и теплую пелеринку для Салли. Она все жалуется, что ей холодно. Это ей въ награду за то, что я ее заставила истратить часть жалованья на фланелевое платье.

— Ну, скажите пожалуйста. Да она совсѣмъ спятитъ отъ радости. Теперь ее и дома-то не удержишь! Какъ хорошо, что вы вернулись, Мона! И не сосчитать, сколько народу спрашивало про васъ въ магазинѣ; съ тѣхъ поръ, какъ вы стали за прилавокъ, у насъ вдвое больше покупателей. Миссъ Мойръ отложила покупать шляпку до вашего возвращенія—хочетъ, чтобъ вы ей помогли выбрать; Полли изъ Тоуэрса приносила образчики, хотѣла васъ просить, чтобы вы ей посовѣтовали, какую матерію взять на платье.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это мило съ ея стороны! Надѣюсь, вы сказали ей, чтобъ она пришла еще разъ. А полковникова Дженни не заходила?

— О нѣтъ, для нея это слишкомъ далеко. Киркстоунъ гораздо ближе, да и магазины тамъ лучше.

— Она жаловалась мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ Магги поступила на мѣсто, ей некому писать письма, и я обѣщала какъ-нибудь зайти къ ней, чтобы исполнить для нея обязанности писца. У меня это все время лежало на душѣ, пока я была въ Лондонѣ. Только вотъ уберу магазинъ, разставлю всѣ эти вещицы, и пойду къ ней. Полковникъ уже уѣхалъ?

— Нѣтъ еще; завтра, кажется, уѣзжаетъ.

Большинство знакомыхъ Дженни предпочитали навѣщать ее въ отсутствіе ея хозяина. Полковникъ слылъ во всемъ околодкѣ за страшнаго чудака, и нужно было не малое гражданское мужество, чтобы рискнуть случайно встрѣтиться съ нимъ. Разумѣется, можно было застать его и въ наилучшемъ расположеніи духа, но разсчитывать на это заранѣе было опасно; зато всѣмъ была извѣстна его безцеремонность въ разговорѣ, не умѣрявшаяся ни тактичностью, ни правилами простого приличія. Онъ что́ думалъ, то и говорилъ, и нерѣдко говорилъ хуже, чѣмъ думалъ. Еще не такъ давно, нѣсколько лѣтъ назадъ, его семейство владѣло всѣмъ помѣстьемъ, гдѣ онъ теперь арендовалъ хорошенькій коттэджъ, стоявшій невдалекѣ отъ моря, въ сосновомъ лѣсу. Здѣсь онъ и жилъ большую часть года, одинъ со своей старой экономкой, Дженни, не принимая никакого участія въ мѣстной общественной жизни, но навѣщая кого захочется и когда захочется, безъ всякаго вниманія къ общепринятому порядку. Странныя вещи разсказывали о немъ, но

старая Дженни, когда къ ней обращались за справками, молчала, какъ сфинксъ, не спорила, но и не подтверждала. Она давно привыкла къ странностямъ своего господина и не возмущалась его пристрастіемъ и къ «крѣпкому словцу», и къ крѣпкимъ напиткамъ.

— Не хотите ли стаканчикъ виски съ водой, полковникъ?—предложила м-съ Гамильтонъ, когда онъ случайно зашелъ къ ней въ одно холодное утро.

— Благодарствуйте, сударыня,—отвѣтилъ онъ;—насчетъ воды не хлопочите; мы и безъ нея обойдемся.

Умная старушка пользовалась большой его симпатіей, тѣмъ болѣе, что, по ея мнѣнію, старому солдату изъ хорошей семьи предоставлялось право быть рѣзкимъ и грубымъ.

Въ сущности, полковникъ былъ добрякъ и любилъ дѣтей, хотя тѣ по большей части побаивались его. Встрѣтивъ въ почтовой конторѣ, его излюбленномъ мѣстопребываніи, какого-нибудь румянаго мальчугана или дѣвчурку, онъ неизмѣнно обращался къ хозяйкѣ съ просьбой завернуть для «юнаго джентльмена» или «юной леди» на шесть пенсовъ леденцовъ—не надо забывать, что Борроунесская контора помѣщалась въ бакалейной лавкѣ.

Монѣ любопытно было взглянуть на старика; ей помнилось, что въ дѣтствѣ она слыхала о немъ отъ отца; но въ первые дни послѣ возвращенія у нея были полны руки работы. Рэчель дала разрѣшеніе почистить лавку, выбѣлить потолокъ и оклеить ее новыми обоями; Мона сама разставила и разложила товаръ и, когда все было готово, «магазинъ» сдѣлался неузнаваемъ.

Поставивъ на мѣсто послѣднюю чернильницу, Мона обвела все торжествующимъ взглядомъ и захлопала въ ладоши отъ радости. Затѣмъ она посмотрѣла на часы; но время было уже позднее, а до коттэджа полковника считалось около четырехъ миль; поэтому она еще разъ отложила свой визитъ къ старой Дженни. Рисовать не тянуло—она слишкомъ устала; Мона взяла книжку стихотвореній и, не спѣша, направилась къ замку Маклинъ.

День былъ сѣренькій, тихій. Дальніе холмы потонули въ туманѣ, но скалистый берегъ былъ величественъ, какъ всегда, и рокотъ волнъ, разбивавшихся о камни, звучалъ въ ея ушахъ слаще музыки.

Скоро однако ея мечтательное настроеніе было нарушено: на тропинкѣ раздались шаги; на мгновеніе сердце ея забилось быстрѣе, но тотчасъ же она чуть не разсмѣялась надъ собственной глупостью. Передъ нею предстала Матильда Куксонъ, въ шикарной шляпкѣ, съѣхавшей на бокъ, и съ растрепавшимися рыжими локонами.

— Гдѣ вы пропадали, миссъ Маклинъ? — начала она, съ трудомъ переводя духъ и присаживаясь на выступъ скалы.—Я уже двѣ недѣли ищу случая переговорить съ вами.

Лино Моны вырозило неподдѣльное изумленіе.

— Меня не было здѣсь. Что вамъ угодно отъ меня?

— Не было здѣсь! Такъ вы никому еще не сказали?

— Чего не сказала?

Матильда сдвинула брови. Если миссъ Маклинъ въ самомъ дѣлѣ ничего не замѣтила, не слѣдовало и заводить объ этомъ рѣчь, но теперь отступать было уже поздно.

— Я думала, что вы видѣли меня — помните, тогда, въ Сентъ-Рульсѣ!

— Ахъ вотъ что!—Мона припомнила случайную встрѣчу, — Да, я видѣла васъ, но почему же вы хотите, чтобъ я никому объ этомъ не говорила?

Матильда покраснѣла до корней волосъ и, наклонившись, принялась чертить что-то зонтикомъ на камнѣ. Она не ожидала такого прямого вопроса. Она думала, что достаточно будетъ нѣсколькихъ, мимоходомъ брошенныхъ словъ, чтобъ уладить дѣло, и была убѣждена, что такъ бы оно и вышло, случись ей застать миссъ Маклинъ одну въ лавкѣ, или встрѣтиться съ ней у себя дома. Но на этихъ утесахъ, гдѣ Мона расположилась такъ уютно, съ полуразрѣзанной нѣмецкой книжкой въ рукахъ, гдѣ она, повидимому, чувствовала себя полной хозяйкой, и смотрѣла такой спокойной и самоувѣренной, дѣло принимало гораздо болѣе серьезный оборотъ.

Мона внимательно вглядывалась въ пылающее лицо Матильды.

Ей очень хотѣлось сказать: Дитя мое, я и безъ вашей просьбы никому бы ничего не разсказывала; я и думать объ этомъ забыла,—и этимъ сразу покончить дѣло, но ей смутно припомнился разговоръ съ докторомъ Дудлеемъ по поводу этихъ дѣвушекъ, и это удержало ее. Она забыла, что дѣвицы Куксонъ должны были считать ее ниже себя по общественному положенію и помнила только, что она женщина, а слѣдовательно, болѣе или менѣе отвѣтственна за каждую молоденькую дѣвушку, съ которой она столкнется въ жизни.

Она положила руку на плечо нежданной гостьи.

— Можете быть увѣрены, что я не поставлю васъ въ неловкое положеніе, но все-таки вы лучше разскажите мнѣ, почему вы не хотите, чтобъ я говорила объ этомъ.

Прикосновеніе Моны обладало магнетической силой — по крайней мѣрѣ, такъ рѣшила Матильда Куксонъ. За всю свою сѣренькую, безцвѣтную жизнь она не испытывала ничего подобнаго. Словно электрическій токъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Въ эту минуту она готова была во всемъ признаться, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы горько пожалѣть о своей откровенности часъ спустя.

Разсказъ былъ не новъ, даже для малоопытныхъ ушей Моны. Два года тому назадъ, всѣ воспитанницы пансіона миссъ Барнетъ въ Киркстоунѣ были влюблены въ учителя рисованія, два раза въ недѣлю пріѣзжавшаго давать урокъ изъ Сентъ-Рульса. Его большіе черные глаза

и томныя манеры натворили не мало бѣдъ даже въ «душныхъ монастырскихъ стѣнахъ»; когда же онъ прекратилъ занятія, такъ какъ у него накопилось слишкомъ много уроковъ въ Сентъ-Рульсѣ, ученицы проводили его плачемъ и воплями.

Вскорѣ послѣ того Матильда поступила въ Лондонскій пансіонъ и совсѣмъ забыла о красивомъ учителѣ рисованія, но, по пріѣздѣ домой, достаточно было случайной встрѣчи на вечерѣ, чтобы снова поддаться прежнему обаянію. За первой случайной встрѣчей послѣдовали другія; когда же м-съ Куксонъ объявила, что Матильда будетъ каждую недѣлю ѣздить въ Сентъ-Рульсъ на урокъ музыки, искушеніе устроить еще нѣсколько «случайныхъ встрѣчъ» оказалось непреодолимымъ.

Выслушавъ эту исповѣдь, Мона почувствовала себя довольно неловко. Какъ теперь быть? Она такъ мало знала эту дѣвушку. Какимъ богамъ она молится? Есть ли у нея идеалы? герои? героини? Найдутъ ли слова ея откликъ въ этой юной душѣ? Мона сама была слишкомъ молода, чтобы, приступая къ бою, не пустить въ ходъ самой тяжелой артиллеріи.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросила она вдругъ.

— Восемнадцать.

— Развѣ вы не стремитесь быть хорошей женщиной—нравственно хорошей?

«Нравственно хорошей»—звукъ этихъ словъ, произнесенныхъ полузастѣнчиво, полунаставительно, былъ почти чуждъ слуху Матильды. Почти, но не совсѣмъ. Онъ навѣвалъ смутныя грезы о вечерней службѣ при зажженныхъ свѣчахъ, о какихъ-то смутныхъ порываніяхъ къ лучшему, и болѣе отчетливыя воспоминанія объ одномъ періодѣ ея жизни, когда она была «истеричкой», ходила на митинги, чувствовала себя «обращенной» и «возрожденной». Въ то время она была очень счастлива, но это продолжалось недолго, всего нѣсколько недѣль. Такія состоянія недолговѣчны, какъ всякое возбужденіе,—сказалъ ей тогда отецъ. Къ чему же теперь копаться въ этомъ старомъ хламѣ!..

— Я не вижу большой бѣды въ нашихъ встрѣчахъ,—молвила она упрямо.

— Я вполнѣ увѣрена, что вы и не хотѣли сдѣлать ничего особенно дурного, но знаете ли вы, какъ мужчины говорятъ о дѣвушкахъ, которыя «слишкомъ податливы», какъ они выражаются?

Матильда покраснѣла.

— Я увѣрена, что онъ не сказалъ бы обо мнѣ ничего худого. Онъ страстно влюбленъ въ меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я мало знаю о любви, но если онъ любитъ васъ, вы, конечно, должны желать, чтобы онъ и уважалъ васъ. Вѣдь вы не захотите, чтобъ онъ сталъ хуже отъ того, что любитъ васъ,—а онъ станетъ хуже, если начнетъ дурно думать о женщинахъ.

— Вы хотите сказать, что мнѣ не слѣдуетъ больше встрѣчаться съ нимъ.

— Я хочу сказать, что онъ не можетъ уважать васъ, зная, что вы видитесь съ нимъ безъ позволенія вашей матери.

— Предположимъ, что я не дамъ вамъ обѣщанія не встрѣчаться съ нимъ больше—что вы сдѣлаете?

— Не считаю себя въ правѣ требовать отъ васъ такого обѣщанія.

— Такъ вы никому не скажете объ этомъ, что бы ни случилось?

Мона улыбнулась.

— Не вижу, почему вы имѣете право требовать обѣщанія отъ меня.

Матильда не могла не улыбнуться въ свою очередь. Ударъ былъ отраженъ по всѣмъ правиламъ искусства.

— Но, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ вы никому объ этомъ не говорили?

— Никому.

— Ни даже миссъ Симпсонъ?

— Я же вамъ сказала, что никому.

— Это очень мило съ вашей стороны.

— Боюсь, что не заслуживаю вашихъ похвалъ; мнѣ просто въ голову не приходило заговорить объ этомъ съ кѣмъ-нибудь.

— Хотя вы отлично узнали меня?

Мона разсмѣялась отъ души.

— Хотя я отлично узнала васъ.

Наступило минутное молчаніе. Матильда для храбрости слегка притопнула ножкой въ ботинкѣ съ высокимъ каблучкомъ и рѣшила перемѣнить разговоръ.

— Давнымъ-давно,—начала она,—когда я была дѣвочкой, я вѣрила одно время въ самоотверженіе, высокіе идеалы и т. под.—но вѣдь съ этимъ не проживешь. Это все мечты.

— Мечты!—съ мягкимъ укоромъ повторила Мона.

«Нѣтъ, нѣтъ, клянусь Распятымъ
И всѣми, кто страдалъ!»

— Все остальное—мечты, да; но это дѣйствительность. Вамъ данъ былъ случай приблизиться къ идеалу. Надо было схватиться за него обѣими руками. Вы упустили его, и теперь душа ваша тонетъ въ морѣ ничтожности.

Ни одинъ проповѣдникъ не могъ бы такъ разгромить ее. Матильда ощутила слабый приливъ былого энтузіазма, но, не желая выдать себя, возразила:

— Вамъ хорошо говорить. Вы не знаете, что значитъ быть первыми богачами въ такомъ мѣстечкѣ, какъ это! Па и ма не позволяютъ никому даже разговаривать съ нами. Это кончится тѣмъ, что мы

совсѣмъ не выйдемъ замужъ. Они все будутъ выбирать, да перебирать, а время-то и уйдетъ.

— Дитя, развѣ въ жизни только и счастья, что замужество? И если даже такъ, ужъ навѣрное лучшія жены выходятъ изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя довольствуются тѣмъ, что онѣ—душа и радость своей семьи, а не изъ тѣхъ, которыя все смотрятъ вдаль и ждутъ, не пріѣдетъ ли рыцарь освободить ихъ отъ великана.

Въ Лондонѣ Мона встрѣчала не мало дѣвицъ, тяготившихся узкимъ семейнымъ кругомъ и мечтавшихъ объ иной «сферѣ», но дѣвушка, жаждавшая просто-на-просто мужа, являлась для нея новымъ типомъ; это былъ разительный примѣръ атавизма.

Матильда вздохнула.

— Вы не знаете, какъ мы живемъ. Ходимъ въ гости и къ намъ ходятъ въ гости; гуляемъ по шоссе, вяжемъ крючкомъ, играемъ на фортепіано, да еще читаемъ романы изъ городской библіотеки,—вотъ и все. И каждый день одно и то же!

— Развѣ вы не любите книгъ и музыки, что онѣ не доставляютъ вамъ удовольствія?

Матильда покачала головой.

— Вы можете читать по нѣмецки?—неожиданно спросила она, глядя на книгу Моны.

— Да, а вы?

— Нѣтъ, и въ жизнь свою не встрѣчала никого, кто бы могъ это дѣлать, кромѣ развѣ моей нѣмки учительницы. Я три года училась нѣмецкому языку въ пансіонѣ, но теперь помню изъ десяти словъ одно. А жаль! Вотъ была исторія, какъ отецъ разъ принесъ намъ нѣмецкое письмо изъ конторы,—я тогда только что кончила,—онъ воображалъ, что я въ состояніи его перевести!

— Вамъ легко было бы подучиться. Нужно только немножко терпѣнія и настойчивости. Стоитъ внимательно прочесть одну нѣмецкую книгу съ диксіонеромъ,—остальное пойдетъ легко.

Матильда сдѣлала гримасу.

— У меня есть только одна «Bilderbuch» *), да и ту я знаю переводить наизусть, у насъ ее постоянно читали въ классѣ. Вы только начните, я и пойду катать, а въ разбивку, пожалуй, не съумѣю даже сказать, какъ по-нѣмецки «луна».

Она сама дивилась своей откровенности. Такъ она еще ни съ кѣмъ не говорила.

— Мнѣ не хочется вамъ вѣрить. Позвольте мнѣ судить самой.— И Мона раскрыла книгу на первой страницѣ.

Матильда закрылась руками.

— Не надо пожалуйста! Мнѣ стыдно показать вамъ, какъ я мало

*) Разсказы мѣсяца—Андерсенъ.

знаю. Но я попытаюсь выучиться. Сегодня же примусь опять за «Bilderbuch», хотя ненавижу ее не меньше, чѣмъ «Лицидада» и «Гамлета», и все остальное, что у насъ читали въ классѣ.

Мона невольно вздрогнула.

— Зачѣмъ же читать то, что надоѣло до тошноты! Если хотите, я дамъ вамъ интересную книгу, которая васъ захватитъ помимо воли.

— Страшно вамъ благодарна. Вы очень добры.

— Я буду очень рада помочь вамъ, если вамъ встрѣтится трудное выраженіе.—Мона помолчала.—Я уже говорила, что не считаю себя вправѣ брать съ васъ обѣщанія, но не умѣю сказать, насколько вы повысились бы въ моемъ уваженіи, еслибъ дали себѣ трудъ дочитать до конца.

Это заключеніе поразило Матильду своей неожиданностью. Она думала, что Мона говоритъ объ учителѣ рисованія, но Мона, кажется, забыла обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ своихъ нѣмецкихъ книгъ.

— Можно будетъ какъ-нибудь придти сюда къ вамъ, поболтать? Я часто вижу, какъ вы гуляете по берегу.

— Я не могу сказать заранѣе, когда я здѣсь буду, но если вы согласны рискнуть, я буду очень рада васъ видѣть.

Когда посѣтительница ушла, Мона улыбнулась полу-насмѣшливо, полупечально, говоря себѣ.:

— Новый Адамъ стремится къ свѣту, но старый Адамъ не уступаетъ своихъ правъ безъ борьбы.

Черезъ минуту Матильда вернулась и застѣнчиво попросила:

— Не скажете ли вы мнѣ еще разъ этого стишка про Христа и мучениковъ?

Мона улыбнулась.

— Погодите минутку, я напишу вамъ.—И, вырвавъ листокъ изъ своей записной книжки, она написала на немъ всю строфу:

«No, no, by all the martyrs and the dear dead Christ;
By the long bright roll of those whom joyenticed
With her myriad blandishments, but could not win,
Who would fight for victory, but would not sin» *).

Матильда прочла стихи и тщательно сложила листокъ, причемъ замѣтила и прочла вслухъ написанный на оборотѣ адресъ:

«Леди Мунро, *Poste Restante*, Канны».

— Кто такая леди Мунро?—грубовато спросила она.

— Моя тетка. Я не знала, что ея адресъ былъ записанъ какъ разъ на этомъ листкѣ.

---

*) Нѣтъ, нѣтъ, клянусь всѣми мучениками и распятымъ Христомъ;
Длиннымъ спискомъ тѣхъ, кого счастье манило
Міріадами обольщеній, но не подчинило себѣ;
Кто боролся, чтобы побѣдить, но не грѣшилъ.

Мона оторвала тотъ кусочекъ листка, гдѣ стояло имя, и протянула Матильдѣ остальное.

— Леди Мунро вамъ родная тетка, а вы живете у миссъ Симпсонъ!

— Почему же нѣтъ? Миссъ Симпсонъ моя кузина.

— Миссъ Маклинъ, еслибъ *у меня* была тетка «леди», это было бы извѣстно цѣлому свѣту. Не думаю, чтобъ я была способна проѣхать двѣ станціи по желѣзной дорогѣ, не разболтавъ этого всѣмъ пассажирамъ.

Мона засмѣялась.

— Я уже сказала вамъ, что не стану вѣрить вамъ на-слово. Въ сущности, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы здѣсь знали о существованіи леди Мунро. Мнѣ было бы непріятно, еслибъ другіе начали дѣлать сравненія между нею и миссъ Симпсонъ.

— Простите меня. Я не хотѣла...

— Я знаю, что вы не хотѣли обидѣть меня. Я сама виновата, что не посмотрѣла. Но все-таки мнѣ бы не хотѣлось, чтобы другіе знали объ этомъ. *Auf Wiedersehen*!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАЗСКАЗЫ АЛЛЕНА УАЙТА.

Переводъ съ англійскаго.

I.

Грѣшная дочь.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дочь старика Билея работала на фабрикѣ. Она была хорошенькой дѣвушкой, и естественно, сосѣди много говорили о ней, потому что, вопреки теоріи, гласящей, что бѣдность и добродѣтель неразлучны, люди, живущіе по теченію рѣчки Джерсей-Крикъ, нисколько не лучше обитателей аристократическихъ кварталовъ Нью-Іорка. Когда она ушла съ фабрики, сосѣди объяснили это тѣмъ, что управляющій былъ съ ней слишкомъ любезенъ. Впрочемъ, если бы она осталась на фабрикѣ, то и это объяснили бы тою же причиной. Она стала ходить въ театръ съ молодыми людьми, которые поднимали воротникъ своего пиджака и носили его зимой и лѣтомъ вмѣсто пальто.

Уйдя съ фабрики, она осталась жить у отца и яко бы занималась у него хозяйствомъ. Онъ работалъ въ мастерской, гдѣ-то на окраинѣ, возвращался домой по вечерамъ усталый и угрюмый и рано ложился спать. Онъ спалъ въ комнатѣ за кухней, а дочь его—въ передней комнатѣ. Онъ не зналъ, когда она возвращается ночью домой, да и нисколько этимъ не интересовался. Онъ не обращалъ также вниманія на то, что маленькіе братья и сестры дразнили его старшую дочь молодыми людьми, бывавшими у нихъ въ гостяхъ. Если бы другіе члены семьи дразнили десятилѣтнюю сестренку, которая была главной зачинщицей такихъ разговоровъ, отецъ также мало обращалъ бы вниманія на ихъ болтовню. Старшая дочь дѣлала его очень счастливымъ своей безхитростной лаской, хотя, конечно, онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что его чувство къ ней и то желаніе поскорѣе вернуться домой къ ужину, которое онъ испытывалъ въ теченіе дня, и было счастіемъ.

Но, безсознательно, дочь сдѣлалась ему очень дорога. Онъ не умѣлъ анализировать своихъ чувствъ, но, тѣмъ не менѣе, не могъ не замѣчать ея красоты и не гордиться ею; когда она наряжалась, уходя куда-нибудь, а уходила она очень часто, родительская гордость ослѣпляла его, и онъ не замѣчалъ кричащей яркости ея платья, ея взбитыхъ во-

лось и бьющаго въ глаза неестественнаго румянца на ея хорошенькомъ личикѣ. Очень возможно, что онъ былъ настолько ненаблюдателенъ, что не замѣтилъ бы всего этого, даже если бы и не любилъ ея такъ сильно. Но другіе отцы, у которыхъ были дочери, прекрасно все замѣчали, и сосѣдки, у которыхъ были взрослые сыновья, не упоминали въ семейномъ кругу имени миссъ Билей. Только когда она неожиданно для всѣхъ вступила въ странствующую труппу актеровъ и отправилась съ ними на западъ играть «Дочь фермера» и «Бѣлую рабыню», имя ея стало свободно произноситься въ аристократическихъ кружкахъ Джерси-Крика, и затѣмъ она точно умерла для всѣхъ. М съ Гинклей, которая смотрѣла за дѣтьми и вела хозяйство въ домѣ осиротѣвшаго старика, часто говорила любопытнымъ сосѣдкамъ: «У меня просто сердце надрывается, когда я вижу, какъ м-ръ Билей тоскуетъ и убивается по этой дѣвчонкѣ. А когда онъ получаетъ отъ нея письмо, онъ читаетъ его вслухъ за ужиномъ, и ужъ такъ бываетъ доволенъ. Боже мой, бѣдный старикъ! Хотѣла бы я знать, знаетъ ли онъ...» Обыкновенно она заканчивала свои разсужденія, говоря со вздохомъ: «Я, во всякомъ случаѣ, ничего не скажу ему».

Разлука—удивительная вещь. По своей способности измѣнять людей и ихъ взаимныя соотношенія, она подобна темнотѣ. Хотя Али выросла на его глазахъ, старикъ почти никогда не перемолвился словомъ со своей дочерью. Отецъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, чѣмъ была его дочь. Въ мысляхъ его она оставалась только «ею». Они были чужими, но когда онъ началъ забывать ея присутствіе, онъ сталъ постоянно думать о томъ, что бы онъ хотѣлъ ей сказать. «Она» исчезла и мѣсто ея заняли мечты, совершенно отличныя отъ его прежняго представленія о своей дочери. Онъ скучалъ по ней и жаждалъ высказать ей всю свою любовь. Среди шума машинныхъ колесъ онъ бормоталъ себѣ подъ носъ длинные разговоры, которые ему хотѣлось вести съ нею, и въ письмахъ, которыя онъ изрѣдка писалъ ей, онъ царапалъ кое-что изъ этихъ нѣжностей.

Однажды она написала, что вернется домой на каникулы, и онъ былъ очень радъ. Онъ читалъ и перечитывалъ это письмо, и за ужиномъ прочелъ его вслухъ м-съ Гинклей и дѣтямъ. Когда онъ читалъ его, то ни онъ, ни его слушатели не представляли себѣ, сколько чувства было вложено въ простыя слова: «мнѣ хочется опять быть дома со всѣми вами». Эти слова должны были выразить цѣлую повѣсть одиночества, отчаянія и душевной муки, но они были обыденны и не производили никакого дѣйствія. Если бы кто нибудь сказалъ м-съ Гинклей, что у «этой дѣвчонки» могутъ быть какія-либо человѣческія чувства, она бы не повѣрила, и всякія увѣренія упали бы на безплодную почву.

Когда насталъ день ея возвращенія, м-съ Гинклей оставила домъ Билей, но старикъ устроилъ себѣ праздникъ и не пошелъ на работу. Онъ радовался при мысли, что сможетъ теперь сказать ей тѣ ласковыя

слова, которыя накопились у него на душѣ, и въ то же время боялся, что дочь настолько выше его, что вся его нѣжность окажется ей ненужной. Онъ надѣлъ свое лучшее платье и услалъ изъ дому всѣхъ дѣтей. Въ домѣ все было прибрано, какъ передъ приходомъ гостей: онъ самъ убралъ все и въ комнатахъ царила праздничная тишина и чопорность. Онъ сидѣлъ въ первой комнатѣ, ожидая ее. Когда онъ услышалъ голоса на улицѣ и узналъ голосъ дочери, сердце у него забилось; но, заглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ какого-то посторонняго мужчину вмѣстѣ съ нею, и сердце его упало.

Отецъ и дочь встрѣтились у двери. Онъ протянулъ ей руку и она вошла, сопутствуемая незнакомымъ мужчиной; отецъ смущенно привѣтствовалъ ее.

— Ну, Али — проговорилъ онъ растерянно, и черезъ нѣкоторое время прибавилъ:—какъ поживаешь?

Она отвѣтила ему, улыбаясь, и старикъ продолжалъ говорить тѣмъ же неестественнымъ тономъ, искоса поглядывая на незнакомца, который такъ и не былъ ему представленъ.

— Ты, вѣрно, сдѣлалась теперь такой важной барыней...

— Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь поѣсть, па? — спросила молодая дѣвушка, снимая перчатки и бросая на кровать свою замысловатую, но уже порядкомъ истрепавшуюся шляпу.—Я умираю отъ голода. Мы сегодня съ утра ничего не ѣли.

Старикъ поспѣшилъ въ кухню, и когда онъ вернулся, незнакомца уже не было. Али не прикоснулась къ тому, что онъ принесъ, но повернулась къ нему и охватила руками его шею. На глазахъ ея были слезы, когда она сказала:

— О, па, какъ хорошо быть опять дома!

Отецъ собралъ всѣ свои силы, чтобы избѣгнуть обычныхъ привѣтственныхъ словъ, и началъ дрожащимъ голосомъ:

— Али, ты, можетъ быть... можетъ быть, тебѣ приходило въ голову, что твой старикъ забылъ тебя... но, Али, я... ты знаешь, я ужасно много о тебѣ думалъ...

Больше онъ ничего не могъ сказать и только поцѣловалъ ее, но и этого уже было много. Потомъ они оба успокоились и начали говорить о дѣтяхъ, о которыхъ она много разспрашивала, и о сосѣдяхъ, о которыхъ она не спрашивала ничего.

Странствующая труппа потерпѣла фіаско и Али собиралась пожить дома. Разлука научила и ее, и отца цѣнить другъ друга. Отецъ такъ радъ былъ ея возвращенію, что даже не замѣчалъ исчезновенія сосѣдей, которые какъ будто стали избѣгать ихъ домъ. Когда онъ приглашалъ кого-нибудь изъ нихъ въ гости и они подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уклонялись, онъ принималъ всѣ ихъ объясненія за чистую монету и не задумывался надъ ними.

Его отцовская гордость не знала никакихъ границъ. Однажды, когда

у нихъ въ мастерской во время обѣденнаго перерыва между молодыми рабочими завязался раговоръ о хорошенькихъ дѣвушкахъ, онъ вмѣшался въ него, и заявилъ:

— А я вамъ скажу, братцы, что у меня дома есть такая дѣвушка, которая забьетъ всѣхъ вашихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вотъ, придите какъ-нибудь въ праздникъ ко мнѣ — сами увидите.

А когда молодежь переглянулась между собой и засмѣялась, старикъ тоже засмѣялся и повторилъ:

— Я знаю, что говорю: она самая хорошенькая изъ всѣхъ, какія здѣсь есть.

Вечеромъ онъ разсказалъ ей про этотъ разговоръ, про то, какъ всѣ смѣялись, и какъ онъ все-таки настаивалъ на своемъ; но она стояла у плиты и онъ не видѣлъ, какъ глаза ея вспыхнули ненавистью, когда она наклонилась надъ кухонной посудой. Старикъ и дѣти продолжали болтать, пока она не совладала съ собой и не присоединилась къ семейной группѣ со своимъ обычнымъ спокойнымъ видомъ.

Въ эту ночь она долго не могла заснуть и много разъ переворачивала на всѣ лады свою подушку. Она проклинала жизнь и людей, и хотѣла заставить ихъ страдать. Позоръ отца и мысль, что она не можетъ защитить его, приводили ее въ неистовство. Когда уже почти начало свѣтать, она доплакалась до того, что, наконецъ, заснула. Ее разбудилъ отецъ, выгребавшій угли изъ кухонной плиты; она посмотрѣла на старика и ее охватила великая любовь къ нему. Весь этотъ день, занимаясь хозяйствомъ, она думала объ отцѣ. Ей казалось, что жизнь съ нимъ, дѣйствительно, стоитъ того, чтобы жить, и она была рада, что, вернувшись домой, порвала со всѣми своими прежними знакомыми. Но она ненавидѣла людей—тотъ узкій мірокъ, который для нея былъ цѣлымъ міромъ, который не хотѣлъ забыть ея прошлаго и вымещалъ его на единственномъ дорогомъ для нея существѣ. Тѣ же мысли, которыя мучили ее ночью, преслѣдовали ее и днемъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія отца.

Она издали услышала его шаги, пошла къ нему навстрѣчу и поцѣловала его. Старикъ немного былъ пораженъ неожиданностью такого привѣтствія, но оно доставило ему удовольствіе. Онъ присѣлъ на скамеечку во дворѣ, а она осталась стоять въ дверяхъ. Они поговорили о семейныхъ дѣлахъ, и затѣмъ старикъ сказалъ неожиданно: «Ты не можешь вообразить, что мнѣ м съ Гинклей сказала про тебя только-что». Молодая дѣвушка поблѣднѣла и ничего не отвѣтила. Были сумерки и старикъ не видѣлъ ея лица. «Она сказала,—продолжалъ отецъ,—м-ръ Билей, знаете, вы напрасно держите эту Али у себя въ домѣ». Я говорю: «Отчего же напрасно, м-съ Гинклей?» А она все твердитъ свое: «напрасно, да и только». Я думаю, м-съ Гинклей хотѣла сказать, что ты стала такая хорошенькая... и все такое... и тебѣ скучно здѣсь въ Джерсей-Крикѣ со своимъ старикомъ-отцомъ и ребятишками».

Странныя вещи происходили въ это время въ душѣ дѣвушки—страстное желаніе облегчить себя признаніемъ, высказать все, брало верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Отецъ спрашивалъ ее: «Вѣдь ты не стыдишься жить здѣсь со своимъ бѣднымъ, старымъ па, Али?»

За этимъ вопросомъ послѣдовало короткое молчаніе. Сердце старика сжалось. Онъ не зналъ, отчего она молчитъ, и подумалъ, что она дѣйствительно стыдится его бѣдности.

— Али,—сказалъ онъ, подходя къ ней и обнимая ее.—Маленькая моя дѣвочка... хочешь, уѣдемъ отсюда... непремѣнно уѣдемъ.

Али вырвалась изъ его объятій, чувствуя, что не сможетъ сдержать себя, если останется съ нимъ, и быстро пошла въ кухню. Старикъ не замѣтилъ патетической дрожи въ ея голосѣ, когда она крикнула своей младшей сестрѣ, игравшей на дворѣ:

— Дженни, Дженни, сходи принеси мнѣ щепокъ на растопку. Надо готовить папѣ ужинъ.—Потомъ она прибавила болѣе твердымъ голосомъ, обращаясь къ отцу:—Какъ тебѣ могла придти въ голову такая глупость—уѣхать отсюда.

Старикъ смотрѣлъ на нее со счастливой улыбкой.

На другой день, сидя за работой, старикъ Билей повѣрялъ свои мысли большому колесу машины, и большое колесо отвѣчало тихимъ монотоннымъ согласіемъ на все, что онъ говорилъ. Она всегда была хорошей дочерью, говорилъ онъ, и колесо отвѣчало ему, что онъ совершенно правъ.

Послѣ того, какъ она вернулась изъ поѣздки со странствующей труппой, она стала даже заботливѣе къ нему, чѣмъ раньше. Со времени своего возвращенія она всѣ вечера оставалась дома. Почему же о ней говорятъ такія вещи? Что жъ такое, что за ней ухаживали? Развѣ за другими дѣвушками не ухаживаютъ?—Ухаживаютъ, конечно, успокоительно бормотало колесо.—Развѣ она хуже другихъ дѣвушекъ и развѣ она виновата, что у ней не было матери?—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно стучало колесо, негодуя вмѣстѣ съ нимъ на сосѣдей, которые говорили ему уже не намеками, а прямо, что его дочь не должна оставаться въ Джерсей-Крикѣ. Въ обѣденное время онъ стоялъ въ сторонѣ отъ остальныхъ рабочихъ и въ одиночествѣ ѣлъ принесенный изъ дому пирогъ. Мысль о томъ, что́ сказала ему м-съ Гинклей сегодня утромъ, когда онъ проходилъ мимо ея дома, идя на работу, приводила его въ ярость; вспоминая объ этомъ разговорѣ, онъ удивлялся теперь, какъ онъ могъ спокойно стоять и выслушивать ея слова, не возразивъ ей ничего. Какъ хотѣлось ему теперь вернуться къ ней и бросить ей въ лицо все, что́ онъ думалъ по поводу ея словъ.

Какъ только мужчины ушли изъ дому и дѣти высыпали на улицу, женское населеніе Джерсей-Крика узнало о поступкѣ м-съ Гинклей. Она разсказала имъ, какъ м-ръ Билей безмолвно и пристыженно выслу-

шалъ ея протестъ противъ пребыванія «такой дѣвушки» въ ихъ честномъ кругу. Женщины, ошибочно принявъ нѣмое удивленіе старика за признаніе вины, дали волю своему благородному негодованію и постановили рѣшеніе, что м-съ Гинклей должна пойти къ нему въ домъ и повторить дочери то, что она уже сказала отцу.

М-съ Гинклей, не теряя времени, отправилась исполнить возложенную на нее миссію и затѣмъ вернулась прямо къ одной изъ сосѣдокъ, гдѣ нѣсколько женщинъ ожидали ея рапорта.

— Ну, я все сказала,—заявила она, опускаясь на качалку съ сознаніемъ исполненнаго долга.—Я не теряла даромъ словъ, а прямо и просто сказала ей, какъ мы всѣ понимаемъ ея поведеніе и что ей нужно идти туда, гдѣ мѣсто такимъ, какъ она; я сказала, что отецъ ея все знаетъ и уже согласился на то, чтобъ она уѣзжала—во всякомъ случаѣ, онъ ничего не сказалъ противъ. О, я думаю, она больше ужъ не станетъ разгуливать здѣсь въ своихъ нарядныхъ платьяхъ! Что она сказала? Да, Боже мой, что же она могла сказать? Ничего она не сказала, даже не заплакала, дрянная дѣвчонка, когда я разсказала ей, какъ ея старый па повѣсилъ голову и молчалъ послѣ моихъ словъ. И такъ какъ больше говорить было нечего, и она не хотѣла ничѣмъ объяснить своихъ поступковъ, я встала и ушла.

Можетъ быть, колесо сообщило старику кое-что изъ происшедшаго въ его отсутствіе, потому что оно стонало и скрипѣло, какъ въ агоніи, все послѣобѣденное время и совершенно истомило нервы старика. Въ три часа онъ не могъ больше выдержать этой муки и ушелъ съ фабрики, попросивъ управляющаго поставить на его мѣсто кого-нибудь другого. Въ теченіе получаса, пока онъ торопливо шелъ домой, тысячи страшныхъ мыслей вертѣлись въ его головѣ. А вдругъ его дочь въ самомъ дѣлѣ была виновата, думалъ онъ, и ненавидѣлъ себя за эти мысли. Онъ только теперь понялъ, какъ непростительно невнимателенъ онъ былъ по отношенію къ ней: вспомнилъ, что позволялъ ей знаться, съ кѣмъ она хотѣла, и съ содроганіемъ думалъ о большомъ городѣ, гдѣ она жила со странствующей труппой. Но тутъ же онъ вспомнилъ объ ея добротѣ, объ ея ласкѣ, и эти воспоминанія дѣлали его счастливымъ. Мысли его кружились, какъ въ головѣ пьянаго человѣка. Проходя мимо дома м-съ Гинклей, онъ увидѣлъ ее въ дверяхъ. Она сказала что-то, чего онъ не разслышалъ, но инстинктивный страхъ, что она могла говорить и съ его дочерью, заставилъ его еще ускорить шаги.

Въ домѣ было тихо, темно-синія зановѣски на окнахъ были спущены. Когда онъ вошелъ, въ его душѣ уже не было никакихъ чувствъ, кромѣ полной увѣренности въ невинности дочери. Вся ея доброта встала передъ нимъ, когда онъ вошелъ въ кухню. Не обращая вниманія на какой-то ѣдкій запахъ, наполнявшій кухню, онъ прошелъ въ комнату.

Въ ту же минуту онъ понялъ все. Онъ вспомнилъ лицо м-съ Гин-

клей на улицѣ и сразу догадался, что́ она сказала дочери, какое она нанесла ей оскорбленіе. Онъ думалъ теперь только о ней и съ необыкновенной ясностью представлялъ себѣ, что она приметъ смерть его дочери за признаніе. Онъ зналъ также, что дочь его наложила на себя руки, чтобы спасти его отъ позора. Онъ поднялъ лежавшій на полу револьверъ, увидѣлъ, что тамъ остался еще одинъ зарядъ. И въ головѣ у него неожиданно созрѣлъ безумный планъ — выдать себя за убійцу дочери, чтобы снять съ нея пятно самоубійства, которое въ глазахъ людей было равносильно признанію.

Черезъ часъ этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ судебныя книги Джерси-Крика былъ внесенъ новый преступникъ, запись о которомъ гласила:

«Джонъ Билей, рабочій, 60 лѣтъ. Арестованъ за убійство своей дочери Алисы Билей. Сознался въ своемъ преступленіи».

II.

Исторія одного города.

Люди, пишущіе о Канзасѣ, обыкновенно плохо его знаютъ и трактуютъ этотъ штатъ, какъ законченное цѣлое. Между тѣмъ, Канзасъ, какъ древняя Галлія, раздѣляется на три части, совершенно отличныя другъ отъ друга, какъ три различныя государства. Было бы также невѣрно объединять египтянъ, индійцевъ и жителей центральной Америки, какъ говорить о канзасцахъ, не различая восточнаго, центральнаго и западнаго Канзаса. Восточный Канзасъ представляетъ собою вполнѣ организованную территорію, подобно штату Нью-Іорка или Пенсильваніи; центральный Канзасъ еще не достигъ этой высоты, но приближается къ ней, а западный Канзасъ—единственное мѣсто, гдѣ населеніе страдаетъ отъ неурожаевъ и засухи, является новой страной, въ которой только недавно началась борьба человѣка съ пустыней.

Aqua Pura представлялъ собой маленькій западный городокъ, пріютившійся въ самой глубинѣ пустыни. Онъ былъ основанъ лѣтъ девять назадъ, и не пастухами или мошенниками, а честными, честолюбивыми людьми. Всѣ шестеро основателей города побывали въ университетахъ. Первая же почта привезла въ новый городокъ цѣлую серію нью-іоркскихъ журналовъ. Самъ городъ ничѣмъ не отличался отъ дюжины другихъ, возникшихъ одновременно съ нимъ весною 1886 г., во время земельной горячки, охватившей всю страну.

Ему дали названіе Aqua Pura, выбравъ нарочно латинское имя, чтобы возвѣстить міру, что городъ основанъ не бездѣльниками, а образованными людьми. Новыя деревянныя постройки поселка блестѣли на яркомъ солнцѣ. Въ ясные дни онъ былъ виденъ издалека, потому что стоялъ на пригоркѣ, и изъ сосѣдняго мѣстечка Мэзъ можно было по

вечерамъ любоваться электрическими фонарями Aqua Pura, которые зажглись тамъ однажды вечеромъ, когда городку было всего шесть мѣсяцевъ отъ роду. Къ концу первой же зимы было построено зданіе школы, стоившее 20.000 долларовъ, и первый рождественскій балъ въ Aqua Pura происходилъ въ зданіи оперы, на которое было потрачено 10.000 долларовъ. Денегъ было въ изобиліи; на главной улицѣ городка съ необыкновенной быстротой выростали двухъ и трехъ-этажные дома. Фермеры, которые вели хозяйство въ окрестностяхъ, процвѣтали. Земля съ перваго же года дала прекрасный урожай. Въ воздухѣ носились самыя радужныя надежды, которыя заражали всѣхъ. Въ теченіе зимы «ассоціація для устройства общественной библіотеки» собрала 1.000 долларовъ на покупку книгъ и весною образовался синдикатъ, взявшій на себя постройку зданія для библіотеки. Aqua Pura не могла, конечно, отставать отъ другихъ городовъ и желѣзнодорожный поѣздъ проходившій по близости, доставлялъ туда всѣ новѣйшія книги и періодическія изданія изъ Нью-Іорка. Весною 1887 г. былъ сооруженъ городской водопроводъ, и вода въ изобиліи притекала къ городу изъ колодцевъ, которые были выкопаны на глубинѣ отъ 50 до 100 футовъ подъ землею.

На муниципальномъ собраніи весной 1887 года, Боррингеръ былъ избранъ городскимъ мэромъ. Тогда въ Aqua Pura было уже двѣ тысячи жителей. Экипажи безпрепятственно колесили по неровнымъ, недавно проложеннымъ улицамъ городка, открылось два банка, и мѣстная газета, издававшаяся вначалѣ разъ въ недѣлю, теперь сдѣлалась ежедневной. Общественная жизнь была очень оживленной и люди съ разныхъ концовъ земного шара встрѣчались въ этомъ недавно возникшемъ городкѣ.

Нравы въ Aqua Pura были строгіе. Въ городѣ не было ни одного легкомысленнаго заведенія. Билліардная и соприкасающаяся съ нею темная комната, гдѣ шла карточная игра, были единственными учрежденіями, заставлявшими краснѣть жителей Aqua Pura, когда они возили по городу безчисленныхъ «восточныхъ капиталистовъ», посѣщавшихъ въ этомъ году западный Канзасъ. Эти капиталисты останавливались въ трехъ-этажномъ «отелѣ», освѣщенномъ электричествомъ и снабженномъ всѣми послѣдними усовершенствованіями, съ цѣлью затмить сосѣдній городокъ Мэзъ, гдѣ отель представлялъ собою самое заурядное строеніе въ городѣ. На улицахъ встрѣчалось множество хорошо одѣтыхъ людей и въ конюшняхъ у фермеровъ стояли хорошо откормленныя лошади.

Такова была исторія подъема Aqua Pura. Боррингеръ разсказывалъ ее всѣмъ тысячу разъ. Боррингеръ до конца оставался вѣренъ своему городу. Когда наступила страшная засуха 1887 года и ея раскаленное дыханіе спалило всѣ окрестныя поля, Боррингеръ стоялъ во главѣ большинства, которое съ гордостью заявляло,

что въ ихъ краѣ все обстоитъ благополучно; въ качествѣ предсѣдателя совѣта мѣстныхъ землевладѣльцевъ, онъ отправилъ губернатору губительный для всѣхъ докладъ, въ которомъ Aqua Pura отказывалась отъ правительственной помощи. Банкъ Боррингера занялъ деньги подъ землю, которая не дала никакого урожая, чтобы помочь фермерамъ продержаться зиму. Тѣмъ не менѣе, многіе дома начали пустѣть. Когда пришло время расплачиваться по долгамъ, Боррингѐръ отправился на востокъ, къ людямъ, вложившимъ деньги въ постройку новаго города, и просилъ у нихъ снисхожденія къ должникамъ и временной отсрочки платежей. Въ іюлѣ начались палящіе вѣтры, нетолько уничтожившіе посѣвы, но и изсушившіе ручьи, наполнившіеся весною. Осенью этого года отель, въ которомъ и такъ былъ открытъ только нижній этажъ, закрылся Въ зданіи оперы стали устраиваться митинги для оказанія помощи «пострадавшимъ отъ неурожая», и когда зимою холодный вѣтеръ навѣвалъ кучи снѣга на пустынныя улицы маленькаго городка, онъ ударялъ въ сотни оконъ опустѣвшихъ домовъ.

Въ этомъ году Боррингѐръ не ѣздилъ на востокъ. Онъ не могъ рѣшиться на это, но аккуратно писалъ капиталистамъ, заинтересованнымъ въ его банкѣ, и отвѣты ихъ дѣлались все холоднѣе и холоднѣе по мѣрѣ того, какъ приближалась зима и они не получали слѣдуемыхъ имъ процентовъ. Банкротство Боррингѐра было объявлено весною 1889 года. Двое его компаньоновъ покинули городъ, другіе три основателя умерли прошлой зимой, семьи ихъ уѣхали, и вмѣстѣ съ ними исчезла культура и честолюбивыя мечты городка. Но Боррингѐръ остался и, чтобы не платить ренты, жилъ въ двухъ пустыхъ комнатахъ въ нижнемъ этажѣ отеля. Съ нимъ жила его дочь Мэри, болѣзненная блѣдная дѣвушка съ впалыми глазами, совершенно обезсиленная ужаснымъ климатомъ.

Въ 1890 году горячіе вѣтры опять вернулись и дули долго и непрерывно, уничтожая всякую растительность. Въ городкѣ осталось только 500 жителей и они жили на налоги, платимые желѣзной дорогой, проходившей по ихъ странѣ. Многія семьи, откинувъ прежній стыдъ, просили о пособіи отъ государства. Весною началось поголовное выселеніе изъ города. Боррингѐръ наблюдалъ за процессіей всевозможныхъ повозокъ, крытыхъ разноцвѣтнымъ полотномъ, увозившихъ обратно на востокъ имущество горожанъ. Онъ похудѣлъ, посѣдѣлъ и сталъ совсѣмъ старикомъ. Каждый вечеръ, когда вѣтеръ шумѣлъ въ пустыхъ комнатахъ отеля и колебалъ выцвѣтшую вывѣску надъ входной дверью, онъ сидѣлъ съ дочерью надъ счетными книгами, вычислялъ проценты, подводилъ итоги и рѣшалъ миѳическія задачи, которыя для всѣхъ, кромѣ него, не имѣли никакой реальной подкладки.

На Рождество 1891 г. все населеніе городка, состоящее только изъ 15 душъ, собралось къ Боррингѐру. Онъ былъ преисполненъ надеждъ и говорилъ о томъ, что «одинъ хорошій урожай» спасетъ страну, хотя

въ ней не осталось ни одного фермера, который могъ бы засѣять поля, даже если бы природа сдѣлалась болѣе благосклонной въ этомъ году. И дѣйствительно, весна оказалась довольно удачной: начались дожди и въ маѣ трава зазеленѣла на поляхъ. Борринджеръ ожилъ. Онъ послалъ отчетъ о положеніи дѣлъ своимъ кредиторамъ на востокѣ и увѣрилъ ихъ, что осенью добросовѣстно расплатится по всѣмъ обязательствамъ. Немногочисленные поселенцы отваживались вернуться, привлеченные видомъ зеленыхъ полей и журчащихъ ручейковъ. Въ пустынѣ опять появились хижинки людей, рѣшившихся еще разъ попытать счастья и обрабатывать поля. Къ іюню ихъ набралось около тысячи человѣкъ. Дѣловая жизнь въ Aqua-Pura снова начала закипать. 4-го іюля въ городѣ даже отпраздновали національный праздникъ. Но дождь, испортившій возвѣщенный въ программахъ фейерверкъ, былъ послѣднимъ въ этомъ году. Изъ Канзаса опять прибыла благотворительная помощь, которая, въ буквальномъ смыслѣ слова, спасла жизнь не одной сотни людей.

Весною слѣдующаго года Борринджеръ выглядѣлъ на 10 лѣтъ старше по сравненію съ весной прошлаго года. Зима была сухая, весна также и весь май дули вѣтры. Въ городѣ осталось всего 5 человѣкъ—Борринджеръ съ дочерью и семья почтмейстера. Продукты получались изъ Мэза, который одержалъ полную побѣду надъ своимъ, когда-то грознымъ соперникомъ.

У Борринджера вошло въ привычку сидѣть на крыльцѣ опустѣвшаго отеля, смотря на далекія преріи, уходившія къ юго-востоку, и на облака, разсѣянныя по сумерочному голубому небу. Онъ видѣлъ силуэтъ бездѣйствующей водопроводной башни, вырисовывающейся на небѣ. Каменныя зданія, воздвигнутыя въ блестящіе дни города, были снесены, и линія горизонта, открывавшагося передъ нимъ, прерывалась только ирригаціонными сооруженіями, поставленными на одинаковыхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Они казались точно часовыми, стерегущими прошедшее. Умирающій вѣтеръ шумѣлъ въ короткой, выжженной травѣ. Вдали сверкали зарницы, и тучи, собиравшіяся каждое полудня на краю неба, точно насмѣхались надъ обманутыми надеждами старика, сидѣвшаго на полуразвалившемся крыльцѣ пустого отеля. Каждый вечеръ сидѣлъ онъ здѣсь со своей дочерью и ждалъ дождя. Было время, когда онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы ѣхать на востокъ, гдѣ его имя сдѣлалось нарицательнымъ. Теперь онъ былъ слишкомъ бѣденъ, и деньгами, и духомъ. Поэтому онъ сидѣлъ и ждалъ, надѣясь на осуществленіе мечты и опасаясь, что она окажется неосуществимой.

Иногда къ нему приходилъ четырехлѣтній сынишка почтмейстера. Однажды вечеромъ, когда старикъ и ребенокъ сидѣли вмѣстѣ на крылечкѣ, м-ръ Борринджеръ сказалъ со вздохомъ: «Если бы теперь пошелъ дождь, можно было бы еще кое-что собрать съ полей. Только бы пошелъ дождь!»—Ребенокъ, слушая его, тоже вздохнулъ изъ подражанія.—

«Да, еслибъ пошелъ дождь,—проговорилъ онъ.—А что́ такое дождь, м-ръ Боррингеръ?»—Онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на ребенка и долгое время молчалъ. Когда онъ всталъ, у него не осталось больше призрака надежды. Съ этого времени имъ овладѣла особаго рода ипохондрія—онъ преувеличивалъ ужасы засухи.

Осенью дочь Боррингера умерла отъ лихарадки. Старикъ какъ будто мало былъ опечаленъ ея смертью. Но когда онъ возвращался съ кладбища среди тучъ поднимаемаго вѣтромъ песку, онъ могъ только проговорить друзьямъ, пріѣхавшимъ изъ Мэза на похороны: «Мы положили ее въ пыльную и жаркую могилу».—Онъ вспомнилъ старую мелодію, которая подходила къ этимъ словамъ, и всѣ послѣдующіе дни тихо напѣвалъ: «Мы опустили ее въ пыльную и жаркую могилу».

Зимою и семья почтмейстера покинула Aqua-Pura. Почтовыя сношенія съ остальнымъ міромъ прекратились. Но Боррингера никакими силами нельзя было убѣдить уѣхать. Жители Мэза не настаивали: для одного изъ нихъ открылась возможность получать изъ городской казны по 4 доллара въ день за доставку пищи Боррингеру.

Старикъ готовилъ себѣ обѣдъ, ѣлъ и спалъ въ кухнѣ отеля. День за днемъ онъ надѣвалъ зимою пальто и обходилъ пустыя зданія. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по узкимъ тропинкамъ оставшимся на заросшихъ коричневой травой улицахъ, и весь день говорилъ о чемъ-то самъ съ собою. По ночамъ, когда вѣтеръ завывалъ въ пустыхъ зданіяхъ и свѣвалъ кучи снѣга и песку на обломанныя ступени лѣстницъ, лампа старика была единственной свѣтящейся точкой въ окружающемъ мракѣ. Онъ сидѣлъ такъ далеко за полночь и говорилъ своему ежедневному посѣтителю изъ Мэза, что занятъ сведеніемъ счетовъ.

Такъ прошла зима. Въ мартѣ показалась первая травка, въ маѣ она утратила свой зеленый цвѣтъ, а въ іюнѣ сдѣлалась коричневой. Въ августѣ опять начались вѣтры. Старикъ все сидѣлъ на крылечкѣ, ожидая дождя, и въ глазахъ его свѣтилось безуміе. Людямъ, заговаривавшимъ съ нимъ, онъ всегда повторялъ одно и тоже:

— Да, какъ будто похоже на дождь, но дождя не будетъ. Дождь весь ушелъ отсюда. Говорятъ, что въ Гютчинсонѣ былъ дождь—можетъ быть, что и такъ, но я сомнѣваюсь. Они говорятъ объ ирригаціи. Все это однѣ глупости. Гдѣ Джонсонъ? Уѣхалъ. Гдѣ Никольсъ? Уѣхалъ. Гдѣ Гиксъ? Уѣхалъ. А гдѣ красивый Динъ Боррингеръ? Почтенный Ричардъ Боррингеръ? Здѣсь. Онъ здѣсь и кладетъ раскаленные кирпичи въ аду. Да, какъ будто похоже на дождь.

Онъ не могъ покинуть этого мѣстечка, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоялъ основанный имъ городокъ. Здѣсь онъ рискнулъ всѣмъ и здѣсь же, въ своемъ разстроенномъ воображеніи, надѣялся опять вернуть прежнее благосостояніе. Онъ такъ часто писалъ своимъ кредиторамъ: «Весной дѣла поправятся, и одинъ хорошій урожай спасетъ страну», что это сдѣлалось какъ бы частью его символа вѣры. Слова

эти красными буквами выступали для него на стѣнѣ отеля, на выцвѣтшихъ вывѣскахъ, на пустыхъ стѣнахъ полуразрушенныхъ домовъ, словомъ, вездѣ въ Aqua Pura.

Однажды утромъ онъ проснулся и какіе-то странные звуки поразили его слухъ. Слышался какой-то шорохъ, который не былъ шорохомъ вѣтра. Онъ бросился къ двери и увидѣлъ, что идетъ дождь. Посланецъ изъ Мэза увидѣлъ его стоящимъ безъ шляпы посреди улицы и подставляющимъ голову падающимъ каплямъ дождя.

— Галло, дядя Дикъ,—сказалъ посланецъ.—Чего смотришь? Рѣка поднимается. Поѣдемъ-ка со мной въ Мэзъ.

Но старикъ отвѣчалъ только:

— Гдѣ Джонсонъ? Нѣтъ его. Гдѣ Гиксъ? Нѣтъ его. Гдѣ Боррингеръ? Здѣсь.

Увезти его не было возможности.

Когда черезъ пять дней дожди кончились и рѣка, затопившая оголенную равнину, спала, изъ Мэза прибылъ спасательный отрядъ и нашелъ старика мертвымъ. Около его постели лежали документы и счетныя книги. Въ его мертвыхъ глазахъ былъ цѣлый міръ грезъ.

Л. Давыдова.

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

(*Продолженіе* *).

24-го августа.

Верстъ за 15—20 передъ Владивостокомъ желѣзная дорога подходитъ къ бухтѣ и все время уже идетъ ея заливомъ. Это громадная бухта, одна изъ лучшихъ въ мірѣ, со всѣхъ сторонъ закрытая, съ тремя выходами въ океанъ.

Ничего подобнаго тому, что произошло въ Сантъ-Яго съ испанскимъ флотомъ, здѣсь немыслимо.

Отрицательной стороной Владивостокскаго порта являются туманы и замерзаемость порта съ конца ноября по мартъ.

Для льда существуютъ ледоколы; туманы то появляются, то исчезаютъ, и во всякомъ случаѣ и ледъ, и туманы не являются непреоборимымъ зломъ.

Все остальное за Владивостокскую бухту, и принцъ Генрихъ, который теперь гоститъ во Владивостокѣ, отдавая ей должное, сказалъ, что портъ этотъ оправдываетъ и оправдаетъ и въ будущемъ свое названіе и всегда будетъ владѣть востокомъ.

Городъ открывается не сразу и не лучшей своею частью. Но и въ грязныхъ предмѣстьяхъ уже чувствуется что-то большое и сильное. Многоэтажные дома, какіе-то заводы или фабрики. Крыши почти сплошь покрыты гофрированнымъ цинковымъ желѣзомъ и это рѣзко отличаетъ городъ отъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, придавая ему видъ иностраннаго города.

Впечатлѣніе это усиливается въ центральной части города, гдѣ очень много и богатыхъ, и изящныхъ, и массивныхъ, и легкихъ построекъ. Большинство и здѣсь принадлежитъ, конечно, казнѣ, но много и частныхъ зданій. Тѣ же, что и въ Благовѣщенскѣ, фирмы: Кунстъ и Альберсъ, Чуринъ, много китайскихъ, японскихъ магазиновъ. Здѣсь, за исключеніемъ вина, на все остальное порто-франко.

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

На улицахъ масса китайцевъ, корейцевъ, военныхъ и матросовъ. На рейдѣ бѣлые броненосцы, миноносцы и миноноски. Въ общемъ, своеобразное и совершенно новое отъ всего предъидущаго впечатлѣніе и житель Владивостока съ гордостью говоритъ:

— Это уже не Сибирь.

И здѣсь такая же строительная горячка, какъ и въ Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ, но въ большемъ масштабѣ.

Со всѣхъ сторонъ лучшей здѣшней гостинницы «Тихій Океанъ» строятся дома массой китайцевъ и отъ этого стука работы не спасаетъ ни одинъ номеръ гостинницы. Съ первымъ лучемъ солнца врывается и стукъ въ комнату и мало спится и въ этомъ звонкомъ шумѣ, и въ этомъ яркомъ свѣтѣ августовскаго солнца. Особый свѣтъ—чисто осенній, навѣвающій покой и миръ души. Беззаботными туристами мы ходимъ по городу, знакомимся, ѣдимъ и пьемъ, пробуя мѣстныя блюда.

Громадныя, въ кисть руки, устрицы, креветки, киты, скумбрія, синіе баклажаны, помидоры—все то, что̀ любитъ и къ чему привыкъ житель юга. Не совсѣмъ югъ, но ближе къ югу, чѣмъ къ сѣверу.

А вечеромъ, когда яркая луна, какъ въ волнахъ, ныряя то въ темныхъ, то въ свѣтлыхъ облакахъ, сверкаетъ надъ бухтой, когда огни города и рейда обманчиво раздвигаютъ панораму горъ, все кажется большимъ и грандіознымъ, сильнымъ и могущественнымъ, такимъ, какимъ будетъ когда-нибудь этотъ начинающій свою карьеру портъ.

Ходимъ мы по улицамъ, ходятъ матросы наши, русскіе, нѣмецкіе, чистые, выправленные щеголи, гуляютъ дамы, офицеры, ѣдутъ извозчики, экипажи-собственники. Это главная улица города—Свѣтланская; внизу бухта, суда. Садится солнце и толпы китайцевъ и корейцевъ возвращаются съ работъ.

Китайцы подвижны, въ короткихъ синихъ кофтахъ, такихъ же широкихъ штанахъ, завязанныхъ у ступни, на ногахъ туфли, подбитыя въ два ряда толстымъ войлокомъ. Нижній рядъ войлока не доходитъ до носка и такимъ образомъ равновѣсіе получается не совсѣмъ устойчивое. Китайская толпа оживлена, несутся гортанные звуки, длинныя косы, всегда черныхъ, жесткихъ и прямыхъ волосъ, спускаются почти до земли. У кого волосъ не хватаетъ, тотъ приплетаетъ ленту.

Корейцы—противуположность китайцу: такой же костюмъ, но бѣлый. Движенія апатичны и спокойны: все это, окружающее, его не касается. Онъ куритъ свою маленькую трубку или, вѣрнѣе, держитъ во рту длинный, въ аршинъ, чубучекъ съ коротенькой трубочкой и степенно идетъ. Шляпы нѣтъ—на головѣ его пышная и затѣйливая прическа, кончающаяся на макушкѣ, такъ же, какъ и модная дамская, пучкомъ закрученныхъ волосъ, продѣтыхъ цвѣтной булавкой. Лицо корейца широкое, желтое, скулы большія, выдающіяся; глаза маленькіе, носъ карто-

фелькой; жидкая, очень жидкая, въ нѣсколько волосковъ, бородка, такіе же усы, почти полное отсутствіе бакенбардъ. Выше средняго роста, широкоплечи и въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ, съ неспѣшными движеніями и добродушнымъ выраженіемъ, они очень напоминаютъ тѣхъ типичныхъ хохловъ, которые попадаютъ впервые въ городъ: за сановитой важностью и видимымъ равнодушіемъ прячутъ они свое смущеніе, а можетъ быть, и страхъ.

Много японокъ въ ихъ халатахъ-платьяхъ въ обтяжку съ открытой шеей, широчайшимъ бантомъ сзади, безъ шляпы въ своей прическѣ, которую дѣлаетъ японка разъ на всю недѣлю, смазывая волосы какимъ-то твердѣющимъ веществомъ. Ходятъ онѣ на неустойчивыхъ деревянныхъ подставкахъ. Упасть съ ними легко, чему мы и были свидѣтелями: японка заглядѣлась, потеряла равновѣсіе и, подгибая колѣнки, полетѣла на землю. Японки низкорослы, мясисты, съ лицомъ безъ всякаго выраженія. Не крупнѣе и мужское поколѣніе японцевъ, въ своихъ европейскихъ костюмахъ, шляпахъ котелкомъ, изъ-подъ которыхъ торчатъ черные жесткіе, какъ хвостъ лошади, волосы.

Китайцы—каменщики, носильщики, прислуга; японцы—мастеровые. Высшій классъ китайцевъ и японцевъ захватили и здѣсь торговлю. Въ рукахъ у русскихъ только извозчичій промыселъ.

Среди японцевъ множество отставныхъ солдатъ, резервистовъ, запасныхъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ.

— Эти желтые люди обладаютъ четвертымъ измѣреніемъ: они проходятъ чрезъ насъ, а мы не можемъ...

Это говоритъ мѣстный житель.

Мы въ это время подходимъ къ какой-то запрещенной полосѣ и намъ говорятъ:

— Нельзя!

— Секретъ отъ насъ, своихъ,—поясняетъ мѣстный житель,—а эти съ четвертымъ измѣреніемъ тамъ: каменщикъ, плотникъ, слуга, нянька поваръ,—они проходятъ вездѣ, безъ нихъ нельзя. Они знаютъ все, ихъ здѣсь въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ насъ, русскихъ, и среди нихъ мы ходимъ и живемъ какъ въ гипнозѣ.

Все здѣсь, дѣйствительно, въ рукахъ желтыхъ. Пусть попробуетъ, напримѣръ, думающій строиться домовладѣлецъ выжечь кирпичъ на своемъ заводѣ, а не купить его у китайца. Такого собственнаго кирпича рабочій-китаецъ изведетъ хозяину почти вдвое противъ купленнаго у китайца.

— Плохой кирпичъ—бьется.

Если хозяинъ начнетъ, ругаться, китайцы бросятъ работу и уйдутъ и никто къ этому хозяину не придетъ, пока онъ не войдетъ въ новое соглашеніе съ ихъ представителемъ.

Представителемъ этимъ называютъ одного китайца, который искусно руководитъ здѣсь всѣмъ китайскимъ населеніемъ, облагая ихъ всякаго

рода произвольными, но добровольными поборами. Частью этихъ поборовъ онъ кое съ кѣмъ дѣлится, часть остается въ его широкихъ карманахъ. Но зато всѣ вопросы, касающіеся правильности пасспортовъ, для китайца не страшны и свободно процвѣтаетъ азартная игра въ китайскихъ притонахъ.

Терпѣливый, трудолюбивый китаецъ оказывается страстнымъ игрокомъ и зачастую въ одинъ вечеръ проигрываетъ все накопленное имъ. Проигрываетъ съ сократовскимъ равнодушіемъ и опять идетъ работать.

Въ китайскихъ кварталахъ грязно, скучено и въ домѣ, гдѣ русскихъ жило бы 200, ихъ живетъ 2.000. Такое жилье въ буквальномъ смыслѣ клоака и источникъ всѣхъ болѣзней.

Теперь свирѣпствуетъ, напримѣръ, сильнѣйшая дизентерія.

Китайцамъ все равно, играютъ... каждый притонъ платитъ кое-кому за это право по сто рублей въ день. Такихъ три притона, итого сто тысячъ въ годъ... Разрѣшить ихъ оффиціально и улучшить на эти деньги ихъ же часть города: строить гигіеничные дома для нихъ, пріучать къ чистотѣ...

Я былъ въ домахъ, занятыхъ китайцами, задыхался отъ невыносимой вони, видѣлъ непередаваемую грязь, видѣлъ игорную комнату и грязную равнодушную толпу у обтянутаго холстомъ стола. При нашемъ появленіи раздался какой-то короткій лозунгъ и толпа лѣниво отошла и какой-то пронырливый китаецъ съ мелкими-мелкими чертами лица подошелъ къ намъ и заискивающе объяснялъ:

— Такъ это, такъ, на олѣхи иглали...

Я познакомился съ однимъ мѣстнымъ, очень интереснымъ жителемъ.

— Все это на моихъ глазахъ, — говорилъ онъ, — совершилось уже въ какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ, что хозяиномъ сталъ китаецъ. Откажись онъ сегодня отъ работъ, уйди изъ города—и мы погибли. Задумай Варѳоломеевскую ночь и никто изъ насъ не останется. Вотъ какъ, напримѣръ, они вытѣснили нашихъ огородниковъ: стали продавать даромъ почти, а, когда всѣхъ русскихъ вытѣснили, теперь берутъ за арбузъ рубль, яблоко семь копѣекъ. А вотъ какъ они расправляются съ вредными для нихъ людьми. Одинъ изъ служащихъ сталъ противодѣйствовать въ чемъ-то главѣ здѣшнихъ китайцевъ. Въ результатѣ доносъ этого главы, что такому-то дана взятка и въ доказательство представляется коммерческая книга одного китайца, гдѣ въ статьѣ его расходовъ значится, что такому-то дана имъ взятка... А на слѣдствіи, когда слѣдователь заявилъ, что этого недостаточно еще для обвиненія и нужны свидѣтели, этихъ свидѣтелей была представлена дюжина... Китайцу, когда нужно для его дѣла, ничего не стоитъ соврать... Вотъ вамъ и китаецъ... А такъ, что хотите съ нимъ дѣлайте... Манджуры ихъ били, били, а теперь отъ манджуръ только и осталось, что династія, да нѣсколько городовыхъ...

Да-съ,—мрачно заключаетъ мой знакомый,—мы вотъ гордимся нашей безкровной побѣдой—взятіемъ Портъ-Артура, а не пройдетъ и полувѣка, какъ съ такой же безкровной побѣдой поздравитъ китаецъ всю Сибирь и дальше...

Поздно уже. Ночь, южная ночь быстро боретъ остатки дня. Небо на западѣ въ огнѣ, выше дымчатыя тучи нависли, а между ними тамъ и сямъ свѣтятся кусочки безмятежной золотистой лазури.

— Будетъ вѣтеръ.

Ночь настоящая южная: живая, тревожная, темная и теплая.

Множество огней и сильнѣе движеніе по Свѣтланской улицѣ. Ѣдутъ торопливо экипажи, снуютъ пѣшеходы, изъ оконъ магазиновъ свѣтъ снопами падаетъ на темную улицу. Темно, пока не взойдетъ луна. Кажется, провалилось вдругъ все въ какую-то темную бездну, въ которой снизу и сверху мигаютъ огоньки. Тамъ внизу море, тамъ вверху небо, но гдѣ же эти огоньки? между небомъ и землей? Да тамъ: они горятъ на высокихъ мачтахъ бѣлыхъ, не видныхъ теперь броненосцевъ. Тамъ между ними теперь и германскихъ три судна. Принцъ Генрихъ угощаетъ гостей обѣдомъ, и лихо пьютъ, говорятъ, за его столомъ и хозяева, и гости.

Принцъ, кажется, хочетъ ѣхать до Благовѣщенска.

Одного изъ адъютантовъ нашихъ, приставленныхъ къ нему, онъ спросилъ:

— Стоитъ ли ѣхать въ Благовѣщенскъ?

Адъютантъ замялся: сказать «не стоитъ» казалось ему неловко, какъ представителю своей страны, съ другой стороны и соврать не хотѣлось.

— Жители Благовѣщенска будутъ счастливы видѣть ваше высочество.

— Ну, я не для громкихъ китайскихъ фразъ пріѣхалъ сюда.

Принцъ любитъ нѣмецкій языкъ и настоятельно требуетъ употребленія его въ разговорѣ съ нимъ. Не только отъ мужчинъ, но и отъ дамъ. Передаютъ, что на благотворительномъ гуляньѣ здѣсь, на предложеніе на французскомъ языкѣ одной красивой продавщицы шампанскаго, онъ сказалъ:

— Сейчасъ я не буду пить, но вечеромъ, у васъ въ домѣ выпью, если вы будете говорить со мной по-нѣмецки.

— Но я говорю совсѣмъ плохо.

— У васъ есть время выучить.

Было четыре часа дня.

Дама покраснѣла, подумала и тихо отвѣтила:

— Я выучу...

— Но принцъ шутитъ,—по-русски рѣзко проговорила одна изъ болѣе старшихъ дамъ своей растерявшейся подругѣ.

— Но и madame *** шутитъ,— отвѣчалъ принцъ на этотъ разъ тоже по русски,—въ нѣсколько часовъ нельзя выучить языкъ.

Кстати о благотворительномъ гуляньѣ. Это благотворительное гулянье устраивается ежегодно и даетъ до десяти тысячъ чистаго сбора. Оно продолжается весь день. Публика, по преимуществу, китайцы. Они страшно раскупаютъ билеты аллегри, кричатъ отъ удовольствія, глядя на японскій фейерверкъ, и, когда изъ лопнувшей въ небѣ ракеты вылетаетъ то бумажный китаецъ, то бумажный корабль, они какъ дѣти бѣгутъ къ тому мѣсту, куда онъ долженъ спуститься. Надутый бумажный пузырь, искусно изображающій наряднаго китайца, не спѣша, спускается, а толпа жадно вытянула руки, весело хохочетъ, кричитъ и ждетъ, не дождется, когда опустится фигура на столько, чтобъ схватить ее сразу всѣмъ.

Еще примѣръ китайской азартности: торги.

На всякіе торги китайцы жадно стремятся, набиваютъ цѣны и на этотъ разъ даже не помогаетъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ строгая выдержанная корпоративная организація.

30-го августа.

Всѣ эти дни прошли въ окончательныхъ приготовленіяхъ: покупаемъ провизію, разныя дорожныя вещи.

Въ свободное же отъ покупокъ время знакомимся съ мѣстнымъ обществомъ и жизнь его, какъ въ панорамѣ, проходитъ передъ нами. Одинъ драматическій и опереточный театръ дѣйствуетъ, лихорадочно достраивается другой—тамъ будутъ пѣть малороссы; работаетъ циркъ.

Мы были и въ театрѣ, и въ циркѣ. Что сказать о нихъ? Силы, въ общемъ, слабыя, но есть и таланты. Въ общемъ же житье артиста здѣсь, сравнительно съ Россіей, болѣе сносное и публика здѣшняя относится къ нимъ хорошо. Хорошо относится и печать.

Перваго сентября выходитъ еще одна новая, третья газета здѣсь. Дѣло изданія въ рукахъ бывшаго политическаго ссыльнаго, съ которымъ я познакомился у бывшаго его тюремнаго начальства на Сахалинѣ.

Это былъ интересный обѣдъ съ разговорами о Кеннанѣ и всемъ пережитомъ.

Одинъ горячо настаивалъ на томъ, что все дѣло было сильно раздуто, другіе, напротивъ, доказывали, что раздутаго ничего не было. Я, лично, склонялся къ доводамъ послѣднихъ, такъ какъ у первыхъ было больше азарта въ нападеніи, чѣмъ фактовъ...

Рѣчь заходитъ о побывавшихъ здѣсь литераторахъ: Чеховѣ, Дѣдловѣ, Сигмѣ, Дорошевичѣ.

— Да что литераторы,—говоритъ хозяинъ дома,—это въ прежнее время было что-то особенное, а теперь? Изъ всѣхъ сидящихъ здѣсь, кто не литераторъ? Каждый изъ насъ пишетъ въ газетахъ—я, онъ, они, въ столичныхъ... Всѣ умѣемъ и мысли свои высказать, и литературно изложить ихъ, и... приврать.

— Кстати, провѣрить одинъ фактъ,—говорю я,—про одну даму на Сахалинѣ, которая, будто бы, сѣкла заключенныхъ.

— Кто такая?

Я называю фамилію и говорю, что она жаловалась мнѣ на пароходѣ на то, что на нее такъ жестоко наклеветалъ Чеховъ.

— Сѣчь она не сѣкла, но по лицамъ била сапожниковъ, портныхъ...

Со всѣхъ сторонъ слѣдуютъ энергичныя подтвержденія. На этотъ разъ кажется все настолько достовѣрнымъ, что я рѣшаюсь этотъ фактъ занести въ свой дневникъ и тѣмъ возстановить репутацію своего коллеги.

Можетъ быть, въ свое время она такъ же горько будетъ жаловаться кому нибудь и на меня. Но при чемъ я тутъ? И если говорятъ всѣ, что дама эта, дѣйствительно, была нехорошая, злая дама, злоупотреблявшая своимъ и даже не своимъ, а положеніемъ своего мужа, то пусть и знаетъ эта дама, что все, конечно, можно сдѣлать: и злоупотребить своимъ положеніемъ, и не стѣсняться своимъ человѣческимъ долгомъ, но потомъ для всякаго наступаетъ исторія, которая и клеймитъ каждаго его клеймомъ.

Я не называю имени этой дамы потому, что имя это—звукъ пустой для всего русскаго общества, а для ея общества достаточно и сказаннаго, чтобы безошибочно узнать, о комъ рѣчь идетъ.

Вечеромъ я ужиналъ съ нѣсколькими изъ здѣшнихъ обитателей, а послѣ ужина одинъ изъ нихъ позвалъ меня прокатиться съ нимъ по городу и его окрестностямъ.

Это была прекрасная прогулка. Мой собесѣдникъ, живой и наблюдательный, говорилъ обо всемъ, съ завидной мѣткостью опредѣляя современное положеніе дѣлъ края.

— Вотъ это темное зданіе—военнаго вѣдомство, а напротивъ, вотъ это, морское: они враги... Они только и заняты тѣмъ, какъ-бы подставить другъ другу ножку. Это сознаютъ и моряки, и сухопутные... И случись осложненія здѣсь, мобилизація тамъ что ли, если не будетъ какой нибудь объединяющей власти... А вотъ вѣдомство путей сообщенія и контроля: опять на ножахъ. Опять постановка, въ родѣ того, что, кто зеленый кантъ носитъ, тотъ мошенникъ; кто синій надѣлъ, тотъ непремѣнно честный: я такъ, а я такъ, а въ результатѣ, что стоитъ рубль, обходится въ сотни. Терпитъ казна...

— Это не только въ Сибири.

— Знаю... И средство отъ всего этого и тамъ одно: объединенныя министерства съ министромъ—отвѣтственнымъ главой.

— Скажите мнѣ откровенно: что представляетъ изъ себя собственно вашъ край? Способенъ онъ къ самостоятельной культурѣ или вѣчно такъ будетъ, что сколько Россія приплатитъ здѣсь, столько, за исключеніемъ жалованья, остальное унесутъ китайцы?

— Съ какой стороны,—раздумчиво началъ мой собесѣдникъ,—взять вопросъ. Во всемъ этомъ краѣ, прежде всего, что-то роковое и такое же

неизбѣжное, какъ роды, что ли... Пришло время и взяли Портъ-Артуръ, хотя отплевываются и отплевывались отъ него всѣ... Но все-таки край могъ бы быть несомнѣнно не той піявкой, какой онъ является теперь для остальной Россіи... съ нашествіемъ сюда китайцевъ, то-есть, рабочихъ рукъ, одна сторона такимъ образомъ рѣшается, но другая сторона остается открытой: у насъ денегъ нѣтъ... Надѣялись мы на русско-китайскій банкъ, но... банкъ въ коммерческомъ отношеніи стоитъ очень хорошо. Но предпріятія, которыя могли бы здѣсь развиться, не создаются: деньги даютъ на краткосрочный кредитъ... на нѣсколько мѣсяцевъ... на такой кредитъ предпріятія не создашь и съ такимъ кредитомъ только запутаешься... А дѣла много, но и денегъ надо много... Это не Россія: здѣсь для дѣла надо весь капиталъ сполна, и если хоть десятой части его не хватаетъ, то дѣло будетъ сорвано: кредита нѣтъ... Совершенно нѣтъ... А есть и золото, и каменный уголь, и руды: свинцовая, желѣзная, соль каменная есть. Можно и сельско-хозяйственную культуру вести: и скотъ, и сахаръ, и табакъ, и пиво пойдетъ... Да какъ не пойти? Вы посмотрите, какія цѣны: бутылка пива рубль, фунтъ сахару 25 копѣекъ, хлѣбъ, мясо... На все вѣдь безумныя цѣны... Лѣсъ... Но вотъ лѣсъ нашъ: при разработкѣ въ одинъ годъ съ нимъ не повернешься, а такихъ здѣсь, которые могли бы затратить капиталъ на два года,— нѣтъ... Возьмите другое громадное дѣло—рыба... Вѣдь такого изобилія рыбы нѣтъ на остальномъ побережьѣ земного шара. Три осеннихъ мѣсяца, когда идетъ кита, чтобъ метать свою икру въ Амуръ, ее столько, что руками можно ловить. А вѣдь это та же лососина... За ней стадами плывутъ акулы, кошелоты... Два года тому назадъ убили въ бухтѣ кита... Въ ловѣ пудъ рыбы обходится копѣйка... Но для организаціи сбыта нужны пароходы-ледники, во всѣхъ европейскихъ центрахъ склады-ледники... Солить рыбу? нужна соль, а ея нѣтъ: нѣмецкая соль у насъ стоитъ 70 копѣекъ, съ Сахалина 50, но и не годится, и оба эти сорта соли не годятся,—онѣ получаются выварками, а, слѣдовательно, въ нихъ и іодъ, и натръ, и все это даетъ негодный для продажи товаръ... Нужна комовая соль... Японцы здѣсь вертятся, но народъ безденежный... Все, на что хватаетъ ихъ—это удобрительными туками увозить эту рыбу къ себѣ... Милліона два пудовъ вывозятъ... Иностранные капиталы сюда бы... Но не идутъ въ такія сложныя дѣла...

— Почему?

— Положеніе неопредѣленное,—боятся произвола, взяточничества....

1-го сентября.

Сегодня вышелъ первый номеръ новой здѣсь третьей газеты—«Восточный Вѣстникъ». Редакція газеты, очевидно, чистоплотная. Лучшая будущность — 500 подписчиковъ и, слѣдовательно, людей собрала къ этому дѣлу не его денежная сторона.

Сегодня вечеръ я провелъ въ ихъ кружкѣ и вечеръ этотъ былъ одинъ изъ лучшихъ здѣсь проведенныхъ вечеровъ.

Хозяйка дома, госпожа М., она же секретарь редакціи, изъ числа тѣхъ беззавѣтныхъ, которыя своей любовью къ дѣлу, любовью особенной, какъ только женщины умѣютъ любить дѣло, перенося на него всю ласку и нѣжность женской натуры,—грѣютъ и свѣтятъ, вносятъ уютность, вкусъ, энергію...

Выхлопотать разрѣшеніе, получить случайно вò-время запоздавшую телеграмму и такимъ образомъ прибавить интересъ номеру, не спать ночь, чтобы номеръ вышелъ вò-время, выправлять корректуру и огорчаться отъ всего сердца, если какая-нибудь буква выскочила-таки вверхъ ногами—вотъ на что проходятъ незамѣтно дни, годы, вся жизнь...

2-го сентября.

Сегодня вечеръ въ морскомъ собраніи въ честь принца Генриха. Мужской элементъ представленъ на вечерѣ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи эффектно. Большинство военныхъ, всѣхъ сортовъ оружій. Изъ штатскихъ налицо вся колонія нѣмцевъ. Налицо и весь дѣловой міръ города. Большинство это люди, своими руками сдѣлавшіе себѣ свое состояніе. Многимъ изъ нихъ пришлось начинать снова въ жизни послѣ выслуженной каторги, ссылки. Но здѣсь, на крайнемъ Востокѣ мало обращаютъ вниманія на прошлое, руководствуясь нѣмецкой поговоркой: за то, что было, еврей ничего недастъ: важно то, что есть.

Зато дамъ мало, молодыхъ и того меньше, барышень и совсѣмъ на перечетъ. Костюмовъ особыхъ не было. Выдавалась одна, жившая очень долго въ Парижѣ и, очевидно, прекрасно усвоившая всѣ пріемы великихъ франтихъ Парижа. Костюмъ ея блѣдныхъ тоновъ съ нѣжно лиловыми цвѣтами, низенькій корсетъ, лифъ, схваченный на оголенныхъ плечахъ маленькими бархатками, вся фигура изящная и въ то же время декадентски-небрежная, нѣсколько дорогихъ камней, небрежно брошенныхъ по костюму, дѣлали ее, на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ и взглядъ моихъ знакомыхъ,—царицей вечера.

Въ ея движеніяхъ, манерахъ—свобода парижанки, къ которой, очевидно, плохо привыкаетъ мѣстное общество.

На первыхъ порахъ, говорятъ, ей особенно трудно пришлось здѣсь; но затѣмъ все вошло въ колею. Много помогло то обстоятельство; что виновница толковъ мало обращала на нихъ вниманія и молодая, изящная, съ оригинальной, хотя, можетъ быть, и некрасивой наружностью, окружила себя блестящей молодежью морскихъ офицеровъ.

Это ея штатъ и за ужиномъ симпатичные хозяева вечера, въ значительномъ числѣ, откочевали за ней наверхъ, оставивъ своихъ гостей-нѣмцевъ на попеченіе своихъ старшихъ членовъ, да сухопутныхъ представителей нашихъ войскъ.

Одинъ изъ нѣмецкихъ гостей сидѣлъ и за нашимъ столомъ. Онъ хорошо ѣлъ, хорошо говорилъ по нѣмецки, но ни на какихъ другихъ язы-

кахъ не говорилъ, въ то время, какъ кругомъ его русскіе офицеры бойко перебрасывались на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Не удалось нѣмецкаго гостя вызвать и на болѣе широкую тему въ разговорѣ: все сводилось къ его кораблю, его формѣ и ближайшимъ поѣздкамъ. Зато увѣренность и снисходительность этой боевой единицы были по истинѣ завидны. Очевидно, всѣхъ насъ онъ считалъ чѣмъ-то неизмѣримо ниже его стоящимъ. Всѣ это чувствовали и съ добродушіемъ русскихъ относились къ своему гостю, усердно подливая ему шампанское.

Когда коснулись китайскаго и японскаго вопросовъ, гость-нѣмецъ категорически заявилъ, что и тѣхъ, и другихъ надо такъ держать. Онъ при этомъ показалъ на свой кулакъ и наивно улыбнулся. Поддержку онъ нашелъ въ одномъ господинѣ, который взялся, очевидно, научно обосновать этотъ вопросъ. Онъ заговорилъ о желтой расѣ, о томъ, что, какъ извѣстно, раса эта имѣетъ совершенно отличную отъ насъ культуру, и затѣмъ искусно перешелъ къ нѣмецкому, русскому и англійскому кулакамъ, такъ же необходимымъ-де желтой расѣ, какъ воздухъ, пища, сонъ. Нѣмецъ улыбался, кивалъ ему головой и постоянно чокался съ нимъ. И такъ какъ задача и заключалась въ томъ, чтобы гость нѣмецъ пилъ, то господинъ и заслужилъ въ концѣ концовъ признательность хозяевъ. Я уѣхалъ сейчасъ послѣ ужина, но до шести часовъ утра ублажали моряки своихъ гостей. Многіе изъ хозяевъ не выдержали этого виннаго боя, тогда какъ нѣмцы, выпивъ неимовѣрное количество вина, все-таки на своихъ собственныхъ ногахъ дошли до извозчика.

— О, дьяволы, какъ здоровы они пить,—говорили на другой день,— нѣтъ возможности споить ихъ.

Впрочемъ, отдавая должное, и между нашими были молодцы въ этомъ отношеніи.

3-го сентября.

Возвратился съ вечера въ часъ ночи, а въ семь часовъ утра пароходъ, на которомъ я уѣзжалъ изъ Владивостока, уже выходилъ изъ бухты въ открытый океанъ.

Ѣду я до бухты Посьета, а оттуда сухимъ путемъ въ Новокіевскъ, Красное Село и далѣе въ Корею.

Утро, солнце лѣниво поднимается изъ-за хребтовъ бухты, еще окутанной молочно-прозрачнымъ туманомъ.

Маленькій пароходъ нашъ стоитъ на рейдѣ, къ нему подплываютъ лодки со всѣхъ сторонъ съ разнаго рода пассажирами: военные съ дамами, японцы, китайцы. Китайцы лодочники, китайцы носильщики, китайцы пассажиры и звонкій гортанный говоръ ихъ рѣзко стоитъ въ просыпающемся утрѣ.

Неподвижно и безмолвно вырисовываются грозные громадные броненосцы съ своими высоко задранными бѣлыми и черными бортами.

Что-то типично южное во всей этой картинѣ,—краски юга, утро юга, южное разнообразіе нарѣчій, говоровъ, цвѣтовъ костюмовъ. На бортѣ парохода бытовая сценка.

Полицейскій осматриваетъ паспорты китайцевъ: каждый пріѣзжающій и уѣзжающій китаецъ долженъ платить пять рублей русскаго сбора. Отмѣтка дѣлается на паспортѣ. Тѣхъ китайцевъ, у которыхъ отмѣтокъ этихъ нѣтъ, полицейскій не пускаетъ на параходъ. Крикъ, шумъ, вопли. Китайцы, прогнанные съ одной стороны, уже взбираются съ другого траппа. Очевидное дѣло, что одному не разорваться. Нѣкоторые уплачиваютъ половину, третью часть, отдѣлываются мелочью.

Полицейскій пожимаетъ плечами, жалуется намъ на свое безвыходное положеніе и усердно въ то же время прячетъ деньги въ карманъ. На лицахъ слушающихъ и наблюдающихъ большое сомнѣніе, кому достаются эти деньги, получаемыя безъ всякихъ расписокъ и отмѣтокъ. А денегъ собирается все-таки не мало съ двухъ-трехъ сотенъ китайцевъ.

Возлѣ меня моряки и военные. Рѣчь о судахъ, на которыхъ пріѣхали къ намъ нѣмцы.

— Такая же разнокалиберная дрянь, какъ и наши,—говоритъ степенный солидный морякъ.

Но вотъ третій свистокъ и заключительная картинка: полицейскій спускается съ траппа, а по другому стремительно бросаются на пароходъ массы точно изъ подъ воды появившихся китайцевъ.

Полицейскій уже въ лодкѣ, кричитъ, на минуту изъ-за борта выглядываетъ къ нему капитанъ и машетъ рукой: дескать, довольно съ тебя—набралъ.

Полицейскій человѣкъ русскій и вся фигура его говоритъ, что оно конечно, что набралъ и все довольно благополучно и благовидно вышло, онъ машетъ рукой и, обращаясь къ намъ, невольно сочувствующимъ китайцамъ, говоритъ снисходительно:

— Что прикажете дѣлать съ этимъ народомъ?

Кто-то сзади убѣжденно говоритъ:

— Хорошій человѣкъ...

А пароходъ уже идетъ, лязгаетъ якорная цѣпь, мы смотримъ на городъ, склоны горъ, окружающихъ бухту. Дальше и дальше горы спятъ въ ясной синевѣ прозрачнаго осенняго утра.

— Будетъ качать?

— Пустяки...

— Ну-съ, не говорите—въ морѣ мертвая зыбь.

Дамы испуганно смотрятъ впередъ, гдѣ за береговыми тѣснинами еще прячется открытая даль. И долго еще пароходъ пробирается между этими извилистыми берегами, между островами. Тамъ и сямъ взрытыя кучи земли, скрытыя постройки—это все батареи, телеграфные сигналы,

укрѣпленія, настолько сильныя, что Владивостокъ считается неприступнымъ со стороны моря.

Вотъ и островъ, на которомъ два дня охотился принцъ Генрихъ. Нѣмцы въ восторгѣ отъ охоты, единственной въ своемъ родѣ. Въ моей памяти сохранилась цифра убитыхъ оленей—сорокъ два.

— Это чисто нѣмецкая манера—бить все и вся до послѣдняго: не поѣдятъ...

Говоритъ офицеръ съ манерами гвардейца, изысканно пренебрежительно бросая слова. Онъ тихо выпускаетъ:

— Хамовье... Единственный графъ, но и тотъ хуже нашего сапожника. Это вѣдь традиціонная манера Гогенцоллерновъ—окружать себя исключительно низкопробной публикой... Единственно вѣрный взглядъ на китайцевъ и всю здѣшнюю сволочь...

Генеральнаго штаба полковникъ, военный инженеръ, нѣсколько дамъ и штабныхъ офицеровъ замыкаются въ свой кружекъ. Рѣчь о Петербургѣ, штабѣ, военныхъ дѣлахъ, скандалахъ и скандальчикахъ. Грузно, по медвѣжьи, въ сторонѣ сидятъ нѣсколько армейскихъ офицеровъ. Костюмы ихъ трепаные, лица потертыя, сильно задумчивыя. Рѣчь о командировкахъ, прибавочныхъ, о дѣтяхъ, воспитаніи, корпусахъ, и это все надо и надо.

— Гамъ, гамъ надо...

Показываетъ штабъ-офицеръ на свой ротъ.

Дамы, тоже задумчивыя, прикрываютъ свои стоптанныя ботинки и толкуютъ о выкройкахъ, шляпкахъ, модисткахъ. Тутъ же денщики-няньки, носящіе дѣтей ихъ на рукахъ, играющихъ съ ними, пока супруга офицера не позоветъ и не прикажетъ что-нибудь принести ему.

Звонятъ къ завтраку—одни идутъ, другіе остаются.

Армейскихъ офицеровъ и женъ ихъ мало за обѣденнымъ столомъ. Ни китайцевъ, ни японцевъ за столомъ тоже нѣтъ. Прислуживаютъ проворные «бои»—китайскіе подростки, въ синихъ короткихъ кофточкахъ, съ длинными косами. Есть поразительно красивые, мало похожіе на общій типъ китайца съ раздвоенными глазами. Это смуглые красавцы, напоминающіе итальянца, древняго римлянина. Во Владивостокѣ, какъ разъ противъ гостинницы «Тихій Океанъ», строится какой-то домъ и масса китайцевъ работаютъ, голые, только слегка прикрывая середину тѣла. Это здоровыя, сильныя, темно-бронзовыя тѣла. Каждый изъ нихъ прекрасный матеріалъ для скульптора. Собственно тотъ типъ китайца, къ которому привыкъ европейскій взглядъ—только уродъ, который и здѣсь существуетъ, какъ таковой. Но, если взять другой типъ китайца, то красотой формъ, лица, руки, ноги, изяществомъ движеній и манеръ, тонкостью всего рѣзца — онъ, если не превзойдетъ, то и не уступитъ самымъ элегантнымъ представителямъ Европы.

Кончился завтракъ и волна уже открытаго моря весело подхватила пароходъ и понесла на себѣ. Другая на смѣну,—хочетъ перехватить,

не успѣваетъ и пароходъ неловко падаетъ на бокъ. Летятъ брызги во всѣ стороны, что-то замираетъ въ груди, пароходъ уже поднялся и взбирается на новый гребень волны, но, капризная, она уклоняется и опять тяжело и неуклюже валится пароходъ въ открытую бездну.

Что это? Качка настоящая, большая?

Да, тайфунъ гулялъ.

Еще никто никогда не спасся изъ тѣхъ, кто попадаетъ въ середину тайфуна. Все искусство при встрѣчѣ правильно опредѣлить его центръ и уходить отъ него... Нѣмцы, неопытные еще мореплаватели въ этихъ моряхъ, чаще другихъ платятъ дань грозному бичу здѣшнихъ морей.

Меня не укачиваетъ, но зато аппетитъ громадный. Послѣ завтрака уже въ двѣнадцать часовъ я обѣдалъ и жадно ѣлъ, мало обращая вниманія на то, что изъ каюты несутся непріятные звуки страдающихъ морской болѣзнью. Народу мало за столомъ. Какой-то бѣдный армейскій офицеръ, на котораго качка производила, очевидно, такое же дѣйствіе, какъ и на меня, не выдержалъ и сѣлъ за столъ. Съ какимъ наслажденіемъ ѣлъ онъ, пока жена его мучилась въ сосѣдней каютѣ.

А въ два часа мы уже были въ бухтѣ Посьета, послѣдней нашей русской бухтѣ, и сразу исчезла и качка и всѣ страхи открытаго моря. Тихій заливъ бухты, говорливо нѣжно ласкаясь, разступается, сверкаетъ переливами морская вода и мы быстро подходимъ къ противоположному берегу.

Вотъ островъ—маленькій сплошной утесъ и милліонъ пеликановъ, робко вытянувъ свои шеи и уродливыя головки, смотрятъ на насъ съ острова, шумно взлетаютъ и опять садятся: близко и будь ружье, сколько бы ихъ стало жертвой скучающаго охотника.

Вотъ и берегъ, рядъ казенныхъ кирпичныхъ построекъ, а на одномъ изъ холмовъ, на черной взрыхленной поверхности изъ бѣлыхъ камней выложенъ громадный двуглавый орелъ.

Какой-то толстый господинъ, изъ тѣхъ практиковъ и бывалыхъ людей, которые вездѣ и всегда чувствуютъ себя такъ же свободно, какъ въ своемъ кабинетѣ, подсаживается ко мнѣ и, пока пароходъ медленно подвигается и бросаетъ якорь, говоритъ съ дѣловымъ пренебреженіемъ:

— Я знаю, куда и зачѣмъ вы ѣдете, здѣсь мы все знаемъ... Я вѣдь знаю и Корею, и Китай вотъ какъ... Въ Кореѣ я скупаю скотъ, въ Шанхаѣ у меня нѣсколько домовъ...

И онъ сообщаетъ мнѣ массу полезныхъ и практичныхъ свѣдѣній о пока совершенно неизвѣстныхъ мнѣ странахъ.

О проѣханныхъ мѣстахъ онъ говоритъ:

— Нѣтъ ничего, ничего и не будетъ здѣсь: относительно сельскаго хозяйства убиваетъ все туманъ, который здѣсь отъ іюня до августа. Верстъ пятьдесятъ дальше, у китайцевъ уже другое дѣло, тамъ ни тумановъ, ни морской соли нѣтъ.

— Лѣса вырублены или никогда и не расли?

— Были кустарники—мало... Подпочвы совсѣмъ нѣтъ...

— Скотоводство?

— Чума, сибирская язва... Манджуръ вѣдь и шкуру съ больной скотины снимаетъ, а скотину или съѣстъ, или такъ броситъ, такъ что разсадникъ всегда готовъ, оттого и въ Сибири и здѣсь скотоводство—одно разореніе...

Пароходъ остановился.

— Ну, прощайте... Смотрите, никакого оружія не берите,—все это глупости тамъ насчетъ разбойниковъ, а населеніе обидите... Обращайтесь съ ними, какъ съ людьми, не кричите по солдатски... Охота хорошая: козы есть, тигры, барсы: не дай Богъ только съ ними встрѣчаться...

Влѣво и вправо идутъ развѣтвленія залива, я ѣду двѣнадцать верстъ на лошадяхъ до Новокіевска и все тотъ же заливъ Песьета. Самыя ничтожныя работы сравнительно могутъ создать изъ него одну изъ лучшихъ и громаднѣйшихъ бухтъ въ мірѣ.

Все время по пути попадаются здѣсь и тамъ отдѣльными городками солидныя кирпичныя постройки; это все наши войска — пѣхота, артиллерія.

Новокіевскъ—центръ этихъ войскъ. На каждомъ шагу здѣсь лихорадочная постройка новыхъ и новыхъ зданій. Китайцы, корейцы, японцы—все тѣ же исполнители.

Новокіевскъ имѣетъ видъ настоящаго городка; въ немъ и лавки и магазины, даже отдѣленіе Кунста и Альберса. Городъ военный весь въ низинѣ и разбросался на далекое разстояніе. Въ концѣ его на дворѣ одного окраиннаго города расположился и нашъ экспедиціонный отрядъ.

Во дворѣ стоятъ палатки, а вдоль заборовъ двора расположены лошади. Лошади маленькія, корейскія, то и дѣло схватываются между собой, а корейцы-конюха то и дѣло вскрикиваютъ на нихъ, издавая короткіе рѣзкіе звуки.

Всю компанію засталъ я въ палисадникѣ за ѣдой. Столъ былъ устроенъ изъ ящиковъ, поверхъ которыхъ было настлано по двѣ доски. Ѣда въ походныхъ жестяныхъ тарелочкахъ, чай въ такихъ же чашкахъ.

Съ моимъ пріѣздомъ экспедиція была вся налицо. Когда выступаемъ—еще неизвѣстно: паспорта не готовы, нѣтъ людей, нѣтъ отвѣта относительно запасныхъ солдатъ, которыми предполагается пополнить кадръ, нѣтъ, наконецъ, еще и полнаго комплекта лошадей. Хорошо, если выступимъ пятаго.

7-го сентября.

Прошло пятое, седьмое сегодня—и хорошо, хорошо, если тронемся девятаго. Теперь держатъ проливные дожди, благодаря которымъ

рѣка вышла изъ береговъ, а такъ какъ мостовъ въ этой первобытной странѣ нѣтъ, то и сообщеній иныхъ, какъ въ бродъ, нѣтъ. Ни о какихъ же бродахъ теперь и рѣчи быть не можетъ. Маленькая рѣчушка возлѣ насъ съ бродомъ ниже колѣна, теперь трехъ саженъ глубины и вода все еще прибываетъ.

Во дворѣ, гдѣ наши палатки, невылазная грязь, грязь и въ палаткахъ. Грязь и сырость и всѣ мы рискуемъ, не выступая еще, нажить себѣ солидные ревматизмы.

Обѣдаемъ уже не въ палисадникѣ, а въ домѣ, гдѣ раньше шла упаковка разныхъ вещей. И теперь ихъ здѣсь навалены груды и укладчики жалуются, что мы мѣшаемъ имъ. Но дѣваться некуда и публика толчется весь день въ этой комнатѣ. Хозяинъ дома въ отчаяніи и требуетъ новой окраски половъ.

Дѣлать нечего и мы знакомимся и ближе присматриваемся другъ къ другу.

Здѣсь прибавилось нѣсколько новыхъ попутчиковъ.

А. И. З. молодой представитель экспедиціи. Онъ одѣтъ въ красивый тирольскій костюмъ, носитъ бѣлую пробковую шляпу съ низкимъ дномъ и широкими полями. Весь костюмъ придаетъ ему не русскій видъ и идетъ ко всей его стройной, высокой и красивой фигурѣ. Волосы острижены при головѣ, черная вьющаяся бородка, большіе, красивые, черные глаза. Лицо доброе, открытое, умное, манеры предупредительныя и сильное желаніе стушеваться. Раньше онъ былъ морякомъ, изучалъ астрономію и теперь въ предстоящихъ работахъ взялъ на себя всѣ астрономическія наблюденія.

Съ Н. А. К. я уже познакомилъ читателя. Онъ считается помощникомъ З.,—энергиченъ, горячъ и забираетъ себѣ работы по части описанія существующихъ дорогъ столько, что и въ нѣсколько мѣсяцевъ, вѣроятно, не управится.

Затѣмъ идутъ отдѣльныя партіи по разнымъ спеціальностямъ. У меня ихъ двѣ: одной завѣдую я самъ и со мной Н. Е. Б., а другой завѣдуетъ А. П. С. и съ нимъ докторъ.

По части геологіи и изслѣдованія почвы горный инженеръ С. П. Т.

Это человѣкъ, лѣтъ 35, высокій, сухой брюнетъ, уже извѣстный изслѣдователь, по преимуществу въ совершенно дикихъ мало обитаемыхъ мѣстахъ. Онъ работалъ у якутовъ, на Охотскомъ побережьи, въ Забайкальѣ и гдѣ его только ни носило. Разсказы его интересны и мы слушаемъ его вечеромъ, послѣ ужина, когда двѣ-три свѣчки плохо освѣщаютъ нашъ длинный столъ, а на дворѣ монотонно и однообразно барабанитъ все тотъ-же унылый осенній дождь.

Дѣло свое спеціальное знаетъ онъ очевидно хорошо, но все остальное мало его интересуетъ.

Въ помощники себѣ онъ взялъ бывалаго моряка-бродягу, хорошо знающаго Корею и всѣ ея трущобныя мѣста. Похоже на то, что оба

они не прочь попытать счастья и хищнически порыть золота. Онъ самъ говоритъ объ этомъ; вѣроятно, помощникъ его обѣщаетъ ему въ этомъ отношеніи многое, потому что у обоихъ лица довольныя и таинственныя. Вся ихъ партія въ цвѣтъ и масть: все здоровые, сильные, рослые молодцы, умѣющіе и стрѣлять, и копать землю. Такъ какъ въ Кореѣ добыча золота запрещена, то дѣло это и является такимъ образомъ противозаконнымъ. Имъ занимаются китайскіе разбойники (хунгузы) и всякій сбродъ. Рискъ такимъ образомъ двойной: и со стороны этихъ хунгузовъ, и со стороны корейскихъ властей.

Въ случаѣ осложненій непріятность и для остальной экспедиціи.

Мы иногда безъ С. П. толкуемъ объ этомъ, намекаемъ и ему, но онъ только посмѣивается и загадочно говоритъ:

— Мое дѣло, и за насъ не бойтесь.

Его помощникъ весело поддерживаетъ:

— Не пропадемъ.

Помощникъ С. П. прекрасный и страстный охотникъ. Онъ ручается ему, что къ столу будутъ фазаны и гураны (дикіе козлы), ручается и за прекрасныя отношенія съ корейцами.

— Только смазать какъ слѣдуетъ ихъ губернатора, и дѣлай что хочешь. А ихъ губернаторъ такая же неумытая свинья, какъ и вотъ наши корейцы. Сидитъ, ѣстъ и тутъ же за столомъ всѣ отправленія. Ничѣмъ не брезгуетъ: ножичекъ, карандашъ... А ужъ что приказалъ губернаторъ, то свято для корейца. Кореецъ, какъ и китаецъ, власть признаетъ и уважаетъ. Власть все равно, что самъ Богъ: хоть глупость, хоть несправедливость, приказано—законъ. Такъ кореецъ ничего не дастъ, никуда не повезетъ... Разъ такой случай былъ. Договорились съ вечера—утромъ ни одной подводы. Что, почему? Ничего неизвѣстно: не хотятъ, и баста. Нечего дѣлать—къ губернатору. Ну, поѣли, вылилъ я въ него цѣлую бутылку коньяку, объяснилъ ему, что такое русскій царь тамъ, все, какъ слѣдуетъ. Потребовалъ губернаторъ къ себѣ всѣхъ этихъ корейцевъ и ну ихъ пороть. Билъ, билъ, пока не согласились, наконецъ, ѣхать. День, конечно, пропалъ, а на другой день поѣхали. Ѣдешь около нихъ — всѣ битые — и жалко и смѣшно... Или, напримѣръ, спросите у корейца яицъ—«нѣтъ». Идете сами, берете изъ лукошка яйца, отдаете деньги—кланяется и благодаритъ...

Помощникъ С. П. даже собственникъ въ Кореѣ: имѣетъ домикъ тамъ и десятину земли. За домъ и эту десятину заплатилъ 14 рублей на наши деньги, что составляетъ 6.500 корейскихъ кешъ (около 1/5 коп.).

— Зачѣмъ вамъ этотъ домъ и земля?

— Да вѣдь человѣкъ я холостой: такъ ухаживать за корейками неудобно, а такъ выходишь въ родѣ своего.

— Корейскія женщины красивы?

— Есть очень красивыя: высокія, стройныя... Плечи и грудь обна-

женныя, снизу только что-то въ родѣ корсета... Иная идетъ съ рѣки, поддерживаетъ на головѣ кувшинъ руками — просто, хоть царапайся, такъ хороша...

— Онѣ доступны?

— Лѣтъ пять тому назадъ сколько угодно было, а теперь нельзя. То-есть можно, если жить. Я попалъ къ нимъ разъ на Новый годъ, пришелся онъ съ нашимъ 17 январемъ. Праздникъ большой и три дня всѣ лавки заперты. А мы пріѣхали за провизіей. Волей, неволей пришлось просидѣть безъ дѣла. Губернаторъ знакомый: пьяница, обжора и пошли мы съ нимъ. Пригласилъ онъ восемь кореекъ изъ такихъ, которыя бывали во Владивостокѣ и умѣли немного по русски. У всѣхъ все такіе же костюмы, все здѣсь открыто... Первымъ дѣломъ каждая изъ нихъ рюмку ихней водки подноситъ и яйцо. Необходимо выпить и съѣсть яйцо. И такъ восемь разъ... Потомъ чай, игры... хлопаютъ въ ладоши, бьютъ по колѣнамъ, потомъ по твоимъ ладошамъ. Ну, ошибешься, попадешь ей въ грудь—ничего. А у нихъ, какъ семь часовъ, ворота городскія запираются. А мой станъ за городомъ. Повели меня провожать губернаторъ, корейки, ихъ мужья: всѣ подъ ворота пролѣзли—забрались ко мнѣ—опять кутежъ. Потомъ ко всѣмъ корейкамъ по очереди... И вездѣ рюмка водки, яйцо, да такъ всѣ три дня и три ночи. Въ день яицъ 35, да 35 рюмокъ—такъ ошалѣешь, что отца съ матерью забудешь... А приглашенія все новыя и новыя, а если безъ приглашенія, такъ и еще лучше: это ужъ такой почетъ, если иностранецъ въ праздникъ попадетъ безъ зова...

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: чѣмъ больше спутникъ С. П. обнажается, тѣмъ унылѣе становится съ нимъ С. П., говоритъ:

— Бывалый, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ.

Партія лѣсника состоитъ изъ четырехъ рабочихъ, во главѣ которыхъ и стоитъ В. А. Т. Это лѣтъ за 50 человѣкъ, тихій, наблюдательный, очень свѣдущій и очень неглупый. Онъ хохолъ, любитъ хохлацкія пѣсни и до сихъ поръ сохранилъ свой голосъ.

7-го сентября.

Сегодня приглашеніе всѣмъ отъ мѣстнаго русскаго комисара на обѣдъ. Комисаръ очень обязательный человѣкъ и мы всѣ охотно идемъ къ нему, хотя дождь льетъ, какъ изъ ведра.

У комисара прекрасный, въ два этажа, казенный домъ.

Кромѣ насъ, приставъ и мировой судья, онъ же слѣдователь.

Оба на столько интересны, что надо на нихъ остановиться.

Мировой судья, лѣтъ 35 человѣкъ, съ круглымъ лицомъ, мелкими чертами, въ очкахъ.

Намъ пришлось сидѣть съ нимъ за обѣдомъ рядомъ и я не жалѣлъ. Онъ первый здѣсь судья съ іюня прошлаго года. За годъ многое уже сдѣлано. Главныя преступленія: убійства и грабежи. Въ первой оче-

реди преступниковъ стоятъ китайскіе хунгузы, а за ними идутъ наши русскіе солдатики. Въ этомъ только году двадцать изъ нихъ сосланы въ каторжныя работы.

— Въ чемъ же преступленія этихъ солдатъ?

— Грабятъ русскихъ корейцевъ.

Очень еще недавно охота на бѣлыхъ лебедей,—такъ называютъ корейцевъ въ ихъ бѣлыхъ костюмахъ и черныхъ волосяныхъ, узкихъ и смѣшныхъ шляпахъ,—была обычнымъ явленіемъ. Четыре года назадъ, одинъ солдатъ изъ такой партіи лебедей, шедшихъ гуськомъ по скалистой тропинкѣ, перестрѣлялъ четырехъ,—«а что ихъ не стрѣлять? Души у нихъ нѣтъ—паръ только».

Обычная форма грабежа: солдатъ подходитъ къ корейцу и спрашиваетъ спичекъ и въ это же время лѣзетъ къ нему за грудь и отрываетъ подвѣшенный тамъ кисетъ съ деньгами.

Съ введеніемъ здѣсь слѣдователя, послѣ ссылки въ каторгу 20 человѣкъ, преступленія эти прекратились, но сдѣланное зло не исправится и десятками лѣтъ. Робкій кореецъ боится и ненавидитъ солдата: для солдата нѣтъ продажной курицы, яйца, чумизы, предъ солдатомъ кореецъ запретъ свою фанзу и совсѣмъ уйдетъ въ горы, но не пуститъ добровольно солдата.

Слѣдователь прямо въ восторгѣ отъ корейцевъ. И онъ у нихъ желанный гость. Въ немъ они только и видятъ защитника и каждый его пріѣздъ къ нимъ сопровождается цѣлыми оваціями.

— Скажите, правда, что съ корейцемъ нужна твердая авторитетная манера?

— О, Боже сохрани! Не слушайте вы всѣхъ этихъ негодяевъ шовинистовъ. Вѣдь это они же и подрываютъ вездѣ и всегда русское имя: за нихъ краснѣемъ.

Послѣ обѣда З. шепнулъ мнѣ:

— Провѣрьте впечатлѣніе вашего разговора со слѣдователемъ и поговорите съ приставомъ.

Приставъ, молодой человѣкъ, рыжій, съ тонкими чертами лица. Я подсѣлъ къ нему.

Рѣчь скоро зашла о корейцахъ.

— Способный это народъ?

— Очень способный; такъ, вообще, въ жизни онъ лѣнивъ, апатиченъ, но отъ книги не оторвешь. Я уже устроилъ здѣсь четыре школы. Двое изъ моихъ теперь въ Казани, двое въ Благовѣщенскѣ, двое въ Хабаровскѣ.

— Симпатичный это народъ?

— Чистый и симпатичный, душой дѣти. И преступленія у нихъ дѣтскія: стащитъ у васъ какую-нибудь бездѣлушку.

— Храбры?

— Очень робки; лѣнивый ихъ не грабитъ,—грабятъ или, вѣрнѣе,

грабили до его,—приставъ показалъ на слѣдователя,—пріѣзда солдаты. грабятъ хунгузы... Такъ въ своей жизни очень самолюбивы. На всякаго, кто съ оружіемъ, смотрятъ, какъ на хунгуза: боятся и не довѣряютъ.

Слѣдователь подсѣлъ:

— Будете путешествовать, спрячьте всѣ ваши ружья: простой лаской сдѣлаете съ ними все.

Было уже темно. Мы поблагодарили гостепріимнаго хозяина и отправились домой. Засидѣлись, противъ обыкновенія, до 12 часовъ ночи.

Вдругъ вбѣгаетъ С. П.

— Господа, въ сосѣднемъ дворѣ пожаръ.

Рядомъ пожаръ, а у насъ лошади. Въ страхѣ онѣ могутъ сорваться и истоптутъ и палатки, и все сложенное въ нихъ, и насъ самихъ. Мы бросились во дворъ. Ночь темная, безъ звѣздъ, дождь, а черезъ заборъ только еще разгорается пожаръ въ сосѣднемъ домѣ.

Первый бросился туда Н. А., за нимъ я. Остальные бросились къ лошадямъ, отвязывать ихъ и выводить на улицу.

Къ счастью, Н. А. удалось скоро разбудить спавшихъ хозяевъ и раньше еще того онъ началъ заливать пламя стоявшей тутъ же водой. Но когда огонь потухъ и стало темно, мы почувствовали себя жутко. Н. А. шепчетъ:

— Теперь удираемъ, пока не пришли желтокожіе.

Онъ исчезъ, я пустился за нимъ. Назадъ труднѣе было бѣжать: мѣшали какія то деревья, ограды, ямы. А сзади, казалось, кто-то бѣжитъ и вотъ-вотъ поймаетъ.

Но никто за нами не гнался, а на другой день намъ принесли въ подарокъ бутылокъ двадцать вина отъ благодарныхъ погорѣльцевъ.

10-го сентября.

Сегодня, наконецъ, въ половинѣ пятаго вечера выступаемъ мы изъ Новокіевска на границу Кореи (Красное Село). Дорога все время кружитъ по берегу залива Посьета и на нашемъ горизонтѣ постоянно то изрубленныя, хотя и не высокія, голыя, безлѣсныя горы, то синее море.

На горизонтъ съ запада выдвинулись тучи и замерли. Онѣ, какъ вторая линія горъ, рельефно вырисовываются въ небѣ въ самыхъ причудливыхъ формахъ. Вотъ стада какихъ-то невиданныхъ звѣрей, вытянувъ шеи, тянутся къ открывшемуся океану.

Солнце послѣдними лучами играетъ въ этой грудѣ облаковъ. Тамъ же на востокѣ все мрачно и вдоль горизонта моря стоитъ какая-то сине-огненно-дымчатая стѣна съ башнями тамъ наверху. Точно иной берегъ тамъ, и кажется, что, прижавшись къ нему, стоятъ тѣ плывущіе корабли у той стѣны.

Гаснетъ солнце, синѣетъ стѣна, мрачная и грозная и уже вспы-

хиваютъ по ней зарницы, какъ сторожевые огни сказочной крѣпости. Холодомъ ночи вѣетъ оттуда. А ближе къ солнцу покой и тишина. Тамъ обласканныя солнцемъ облака словно таютъ въ его лучахъ, золотистымъ бирюзовымъ слѣдомъ протянувшись въ небѣ. Легкій свѣтлопрозрачный туманъ нѣжно окутываетъ горы,—туманъ забрался въ ихъ впадины и кажутся эти горы приподнятыми въ воздухѣ и такая масса тамъ этого нѣжно-молочно-прозрачнаго воздуха. Лучи солнца еще просѣкаютъ его, но уже теряются фіолетовымъ отблескомъ въ безбрежныхъ низинахъ этихъ горъ.

Наша кавалькада красиво растянулась и змѣей вьется по прихотливой береговой полосѣ,—всадники съ ружьями, ножами, англійскими шляпами, какъ на рисункахъ журналовъ, вродѣ «Земля и люди».

Уже попадаются корейскія фанзы съ ихъ плоскими, камышевыми крышами, покрытыми веревочной сѣткой, съ ихъ отдѣльно стоящими высокими деревянными трубами, съ ихъ бумажными окнами и дверями. Но все это тамъ, внутри двора, а снаружи только глухая стѣна и спряталъ кореецъ за ней и себя, и семью, и свои обычаи. Все это пока еще тайна для насъ и очень интересная.

Около каждой фанзы громадная, въ ростъ всадника, конопля, гоалинъ. Гоалинъ—родъ крупнаго проса, на видъ очень похожій на нашъ камышъ. Темнѣетъ. Молодой мѣсяцъ блѣдно-прозрачный всплылъ въ небѣ. Скорпіонъ, его спутникъ здѣсь, нѣжно обвилъ его яркими, какъ брилліанты, звѣздочками.

Все темнѣе и все растутъ бастіоны востока.

Дорога идетъ черезъ заливъ по водѣ и растянувшаяся линія всадниковъ одинъ за другимъ исчезаетъ въ мракѣ воды и темныхъ синихъ стѣнъ.

Подбирается вода все выше и выше, подмочила уже вьюки, лошади всплыли, солдатъ Бибикъ съ головой провалился въ воду и ругаетъ, отряхиваясь, соленую воду. Но опять берегъ и горы и мы ѣдемъ рысью.

Китайская деревня Ханъ-си,—незаконный выходъ манджуровъ къ морю. Она растетъ съ каждымъ годомъ—это уже портъ Манджуріи, изъ котораго и идетъ вся ея торговля.

Ночь и спитъ деревня. Мы ѣдемъ въ сторонѣ отъ нея.

Вотъ и нашъ привалъ—Зарѣчье и фанза Николая. Насъ гостепріимно принимаютъ, и я, уѣхавшій впередъ, уже сижу въ маленькой, въ квадратную сажень, чистенькой комнаткѣ. Оклеены обоями стѣны, потолокъ. Двери въ другія комнаты и каждая комната имѣетъ такой же отдѣльный выходъ на дворъ. Выходъ на высотѣ аршина,—это и дверь, и окно. Можно ее затворить глухой дверью или бумажной. Снаружи, когда закрыта такой бумагой, она просвѣчиваетъ свѣтъ комнаты и тогда на фонѣ темной ночи вырисовывается какой-нибудь фантастичный узоръ.

Хозяева фанзы—русскіе, крещеные корейцы.

Николай—старшина; онъ богачъ.

Пріѣхали остальные и насъ поятъ чаемъ, кормятъ ужиномъ, подаютъ корейскій салатъ, рисовую кашу.

— Есть клопы?

— Мало.

Хуже клоповъ донимаютъ комары, которыхъ набилось видимо невидимо. Но мы устали и уже спимъ.

11-го сентября.

Прекрасное раннее утро. Я сижу во дворѣ и записываю впечатлѣнія.

Предъ моими глазами фанза.

Цѣлый рядъ оконъ-дверей, съ узорчатымъ мелкимъ переплетомъ, заклееннымъ бумагой. Всѣ эти окна-двери выходятъ на узкій, шириной всего съ аршинъ, балкончикъ. Съ этого балкончика до земли тоже аршинъ. Вся фанза выбѣлена. Крыша ея плоская изъ мелкаго камыша, сверху покрытая веревочной сѣткой.

Отдѣльно, сбоку отъ фанзы, на разстояніи сажени, изъ земли выведена высокая, выше крыши, узкая деревянная, изъ четырехъ досокъ, труба. Въ эту трубу проходитъ дымъ изъ печей дома.

Печи устроены очень своеобразно: всѣ дымовые ходы расположены подъ поломъ. Полъ поэтому всегда теплый, а въ комнатахъ не видно печей. При легкости всей постройки, при толщинѣ стѣнъ въ два вершка, я не думаю, чтобы въ этихъ фанзахъ было тепло зимой. Впрочемъ, вотъ доживемъ до холода и тогда убѣдимся.

Дворъ собственно раздѣленъ на двѣ части; въ передней сосредоточено все относящееся къ рабочимъ и скоту. Тамъ грязно.

Во второмъ дворѣ, гдѣ мы, чисто, а съ лѣвой стороны устроенъ даже небольшой цвѣтникъ. Красные и бѣлые цвѣты въ изобиліи ласкаютъ взглядъ.

Вдоль стѣнъ висятъ грозди краснаго перцу, желтой кукурузы, бѣлаго чесноку, а изъ-за забора выглядываетъ здѣшняя ветла съ острыми длинными серебряными листьями, съ ярко-красными наростами на листьяхъ.

Во дворцѣ корейцы: русскіе—стриженые, подданные же Кореи въ своихъ прическахъ съ завитушкой на срединѣ головы.

Добрыя дѣтскія лица ихъ широки, кожа темна, глаза прямые, но узкіе, вѣки опущенныя, какъ у тѣхъ, у кого они находятся въ параличномъ состояніи.

— Теперь это самая пустая операція,—говоритъ докторъ,—дѣлается разрѣзъ на лбу: разъ, два...

Но въ это время раздается отчаянный крикъ,—это Н. А. летитъ съ балкончика, не замѣтивъ уступа. Онъ постоянно падаетъ.

Онъ спокойно встаетъ и идетъ къ намъ.

— То-есть, чортъ знаетъ, какъ я падаю,—говоритъ онъ.—Мое единственное спасеніе, что я падаю, какъ мѣшокъ съ овсомъ, не сопротивляюсь, и потому никогда не зашибаюсь.

— Вы также никогда не оглядываетесь на то мѣсто, гдѣ упали?—спрашиваетъ докторъ.

— Бо́же сохрани оглядываться,—говоритъ серьезно Н. А.

Нашъ лѣсникъ, спокойный, уравновѣшенный и веселый хохолъ, мягкій и деликатный В. А. Т. методично говоритъ:

— Утро ли, полдень ли, вечеръ: докторъ ругается, а Н. А. падаетъ.

— Совершенно вѣрно,—говоритъ Н. А., — я за всѣхъ отдуваюсь.

— И я,—говоритъ докторъ.

— Еще бы не ругаться: мнѣ 50, а мнѣ 200, 100, 300 порошковъ, а я одинъ.

Одинъ за другимъ уходятъ обозы, уходитъ и мой. Докторъ и С. уходятъ совсѣмъ, отправляясь прямо на Кегенфу.

Но жаль мнѣ разстаться съ чуднымъ утромъ, уютнымъ уголкомъ, расположеніемъ къ работѣ. Я еще останусь.

Я принимаюсь за англійскій языкъ; мнѣ предлагаютъ сварить кукурузу, и незамѣтно я провожу здѣсь время до часу.

Пора ѣхать: лошади давно осѣданы и громадный Бибикъ ждетъ не дождется, когда я тронусь наконецъ.

Мы ѣдемъ отъ Зарѣчья къ Красному Селу долиной рѣки Пончіанги.

Кругомъ поля корейцевъ: всевозможные сорты чумизы, овесъ, кукуруза, одни бобы, другіе, третьи, изъ которыхъ приготовляется соя.

Въ этомъ году, послѣ трехъ лѣтъ неурожая, урожай громадный.

Яркое солнце, синее осеннее небо, по обѣимъ сторонамъ красиво-изузбренныя, хотя и невысокія горы. Въ общемъ очень напоминаетъ долину Крыма, когда ѣдешь изъ Севастополя въ Ялту.

Но здѣсь красивѣе, потому что все время на горизонтѣ темно-синей лентой море. Только краешекъ его и виденъ, но это еще сильнѣе дразнитъ и тянетъ къ нему, прочь отъ этихъ мѣстъ къ далекой милой родинѣ. Когда-то это будетъ? Гонишь и мысль и то смотришь на барометръ и записываешь, то слушаешь переводчика П. Н. Кима, который разсказываетъ мнѣ то про тигровъ, ютящихся въ этихъ горахъ, то про друическія постройки на вершинахъ горъ, то про жить-бытье здѣшнихъ корейцевъ.

Край этотъ заселенъ всего пятнадцать лѣтъ назадъ.

Первымъ корейцамъ пришлось особенно трудно. Голодъ, неустройство довели ихъ до полной нищеты и жены ихъ и дочери добывали себѣ пропитаніе позорнымъ ремесломъ.

Теперь все измѣнилось и корейскія женщины славятся своей цѣломудренностью.

— Вотъ въ Кореѣ много балованныхъ женщинъ.

— Но вѣдь и тамъ пять лѣтъ назадъ вышелъ новый законъ.

— Что́ законъ? Законъ ничего не можетъ перемѣнить. Хуже стало: нельзя прямо, потихоньку дѣлаютъ... болѣзни...

У здѣшнихъ корейцевъ надѣлы и такіе же общинные порядки, какъ и въ остальной Россіи. Жалуются они очень на дорожную повинность. На волость въ 1.500 дворовъ приходится такихъ дорогъ слишкомъ 200 верстъ. Прежде они взносили на ихъ ремонтъ деньгами—6.000 руб. въ годъ, но съ этого года введена натуральная повинность, которая, очевидно, очень не по вкусу имъ.

Зато введеніе съ прошлаго же года мирового судьи удовлетворяетъ корейцевъ выше головы. Они не могутъ нахвалиться какъ и самимъ мировымъ, такъ и вообще идеей мирового суда. Хвалятъ они и своего пристава, открывшаго имъ нѣсколько школъ.

Иногда мы останавливаемся и разговариваемъ съ корейцами: ихъ много въ полѣ — они молотятъ овесъ. Въ своихъ бѣлыхъ костюмахъ они дѣйствительно напоминаютъ бѣлыхъ лебедей.

Слѣдующій разсказъ выслушанъ мною отъ нѣсколькихъ корейцевъ и подтвержденъ старшиной, старостой и переводчикомъ П. Н. Кимъ.

Въ 1896 г., въ концѣ весны, корейскій подданный, кореецъ Хенъ, былъ найденъ замерзшимъ на берегу озера Сенденыпи, близъ Краснаго Села и его выселка Сегарти.

Дальніе родственники Хена дали знать женѣ и сыну умершаго. Шестнадцатилѣтній сынъ съ двумя другими корейцами пришли къ трупу. Въ то время, какъ сынъ наклонился надъ трупомъ отца, раздался выстрѣлъ изъ группы нѣсколькихъ солдатъ, стоявшихъ въ верстѣ, и мальчикъ съ пробитымъ лбомъ упалъ мертвый на трупъ своего отца.

Два другихъ корейца убѣжали.

Слѣдствіе выяснило, что солдаты по близорукости приняли корейцевъ за лебедей, и было поэтому прекращено.

Корейцы просили меня записать, что они сами показали, что солдаты приняли ихъ за лебедей и ничего не имѣютъ противъ оправданія подсудимыхъ. Не имѣетъ и вдова, живущая теперь въ Красномъ Селѣ, но только она боится съ тѣхъ поръ русскихъ и, когда увидитъ, бѣжитъ отъ нихъ, какъ сумасшедшая.

13-го сентября.

Всѣ эти дни мы съ Н. Е. простояли лагеремъ у красносельской переправы, на берегу величественной и красивой рѣки Туменьула или Тумангана по-корейски. Это пограничная на всемъ своемъ протяженіи рѣка между Кореей и Манжуріей.

Возлѣ насъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ каменный пограничный знакъ I'.—точка, гдѣ сходятся границы Китая, наша и Кореи.

Эти дни мы занимались повѣркой барометровъ, кипяченіемъ воды, астрономическими наблюденіями, изслѣдованіемъ рѣки и нивеллировкой

окружающей мѣстности въ предположеніи дать рѣкѣ болѣе благопріятный выходъ въ море, такъ какъ при теперешнемъ, благодаря какъ встрѣчному морскому теченію, такъ и вѣтрамъ, устье рѣки засоряется настолько пескомъ, что входъ и выходъ изъ нея обставленъ непреодолимыми препятствіями. Весьма, вѣроятно, что рѣка эта прежде текла въ бухту Посьета. И теперь въ высокую воду одинъ изъ рукавовъ ея, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, переливается и течетъ по старому руслу. Работы по отводу не представляли бы серьезныхъ препятствій. Длина такого канала по совершенно ровной мѣстности въ мягкомъ грунтѣ составила бы четыре съ половиной версты.

Что касается астрономическихъ работъ, то ими занимается А. И. З., а В. А. Т. помогаетъ ему. Мы же остальные получаемъ, что нужно каждому изъ насъ, въ готовомъ уже видѣ.

Сегодня снимается З., Т и К. и мы съ Н. Е. остаемся одни. Завтра и мы снимаемся.

Вокругъ насъ все время корейцы ласковые, гостепріимные, хотя и готовые получить за все немного дороже. Гдѣ, въ какой странѣ это не практикуется съ такими туристами, какъ мы?

Я былъ въ школѣ деревни Подгорской. И учитель и, ученики—корейцы. Положеніе учителя очень плохое. Получаетъ онъ 15 р. въ мѣсяцъ и при здѣшней дороговизнѣ живетъ хуже крестьянина-корейца.

— Чай пьете?

Онъ только разсмѣялся и махнулъ рукой.

Дѣти усердны и всѣ поразительные каллиграфы. И къ остальнымъ наукамъ, впрочемъ, корейцы очень способны.

Зданіе школы просторное и свѣтлое. Школа устроена въ этомъ году.

По вечерамъ, когда я возвращаюсь съ работъ, около меня толпится много корейцевъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ 35, маленькій, съ черными глазками, маленькими руками и ногами, присланъ ко мнѣ учителемъ, какъ человѣкъ, знающій много разсказовъ изъ корейской жизни. Онъ сидитъ на корточкахъ и со всѣмъ жаромъ художника, весь увлеченный, разсказываетъ. По временамъ переводчикъ П. Н. останавливетъ его, не надѣясь на свою память, передаетъ мнѣ, а я записываю. Всѣ остальные корейцы сидятъ на корточкахъ и серьезно, внимательно слушаютъ. Если разсказчикъ сбивается, они поправляютъ его и иногда поднимается горячій споръ.

Такъ я записалъ уже до десяти сказокъ и разсказовъ.

Этотъ кореецъ-художникъ принялъ мое предложеніе и отправляется со мной по Кореѣ: онъ будетъ помогать мнѣ собирать тѣ разсказы, которые удастся собрать.

Изъ разсказовъ, между прочимъ, выясняется несомнѣнный фактъ, что русскимъ корейцамъ живется гораздо лучше, чѣмъ ихъ братьямъ въ Кореѣ. Они говорятъ, что еслибъ не запрещались переселенія, вся сѣверная Корея перешла бы въ Россію, особенно съ тѣхъ поръ, когда

пріѣхалъ мировой, когда нельзя больше безнаказанно ни убивать, ни бить ихъ. Но переходъ изъ Кореи строго запрещенъ и всѣхъ такихъ переходящихъ, и корейцевъ, и китайцевъ, препровождаютъ обратно. При этомъ корейское начальство ограничивается выговоромъ и тутъ же отпускаетъ ихъ, а китайское тутъ же или сѣчетъ, или рубитъ головы. Поэтому китайцы такому обратному ихъ водворенію противятся всѣми средствами и нерѣдко дѣло кончается кровопролитіемъ, причемъ китайцы дерутся ожесточенно и даже умирающіе стараются ранить или подстрѣлить преслѣдующихъ ихъ.

Обыкновенно облавы на такихъ тайныхъ переселенцевъ дѣлаются въ тѣхъ случаяхъ, когда произойдетъ какое-нибудь убійство или грабежъ и виновныхъ не хотятъ выдать. Но одна угроза, что будетъ обыскъ, уже дѣлаетъ то, что преступниковъ сейчасъ же приводятъ.

Такъ, на-дняхъ были убиты двое русскихъ съ цѣлью ограбленія, и убійцу—китайца привели сами китайцы. Чтобъ онъ не убѣжалъ, русскія власти обрѣзали ему косу: этого довольно; въ Китаѣ уже за одно то, что онъ безъ косы, его ждетъ смерть, тогда какъ въ Россіи самое большое за убійство—безсрочная каторга.

На самомъ берегу Туманган, у пограничнаго знака, стоитъ фанза, въ которой живетъ нашъ офицеръ и нѣсколько солдатъ.

Ничего печальнѣе такого одиночнаго существованія представить нельзя себѣ. Офицеръ, молодой и симпатичный, коротаетъ свое время собираніемъ гербаріума, охотой. Охота здѣсь прекрасная, къ тому же, осень и перелетъ.

Вечеромъ, когда потухнутъ огни неба,—когда вся рѣка, въ перспективѣ наморщенныхъ, какъ шкуры собирающихся броситься тигровъ, горъ, окрашенныхъ непередаваемымъ отливомъ заката, съ водой нѣжно-фіолетоваго цвѣта, съ спящими на ней тамъ и сямъ лодочками рыбаковъ-корейцевъ,—въ блѣдномъ небѣ раздаются то нѣжный гортанный крикъ журавлей, то рѣзкое кряканье утокъ, то далекій крикъ гусей. А въ горахъ фазаны, косули, волки, лисицы, медвѣди, барсы и тигры. А въ водѣ милліонъ всевозможныхъ рыбъ и изъ нихъ первая красная кита—та же лососина.

Послѣдній вечеръ на русскомъ берегу. Я слушаю разсказы о тиграхъ и барсахъ.

Тигръ благороднѣе барса. Передъ нападеніемъ онъ всегда показываетъ себя и нерѣдко играетъ съ врагомъ, какъ кошка съ мышью. Онъ то прыгаетъ, то ложится, машетъ хвостомъ и смотритъ. На окрикъ онъ бросается.

Кореецъ пользуется этимъ и, приготовивъ себя и свое копье, бросаетъ тигру такой вызовъ:

— Принимай мое копье!

Искусство такъ подставить копье, чтобъ тигръ схватилъ его зубами,

а затѣмъ,—и для этого нужна не малая сила,—надо это копье, протиснувъ сквозь сжатые зубы тигра, всадить ему въ горло.

Барсъ же всегда нападаетъ изъ засады: съ дерева, со скалы.

Раненый, онъ притворяется мертвымъ, а когда къ нему подходитъ довѣрчивый охотникъ, онъ бросается на него.

И тотъ, и другой боятся огня и шума и поэтому на ночь корейцы въ походахъ разводятъ костры, а при появленіи тигра, если не желаютъ съ нимъ сразиться, поднимаютъ шумъ: кричатъ, стучатъ въ литавры.

14 го сентября.

Шесть часовъ утра. День просыпается лѣниво. На западѣ синія тучи и тонутъ въ сизомъ туманѣ горы и даль рѣки. Но востокъ уже ясенъ; безмятежно искрится тамъ рѣка свѣтлая, прозрачная. Спятъ дальнія горы въ лучахъ, плывутъ плоты и корейцы на нихъ.

Мы собираемся: складываются палатки, затюковываются вещи. Съ мѣста я разбиваю мой отрядъ на три части: одинъ идетъ прямо на г. Херіонъ, другой идетъ по направленію Кегенху, а я отправляюсь сперва въ бухту Гашкевича, къ устью Тумангана.

Къ вечеру я догоню тѣхъ, что пошли на Кегенху, а черезъ три дня мы всѣ соединимся въ Херіонѣ.

Мы уже переѣзжаемъ рѣку.

Поднялся вѣтеръ и тучи закрыли небо. Чувствуется уже осень,—холодно.

Паромъ, длиной до $4^1/_2$ саженъ, можетъ поднять до 300 пудовъ или 17 лошадей. Спереди онъ узокъ, но расширяется и доходитъ до ширины $1^1/_2$ саженъ.

Работаютъ два корейца, двумя веслами сзади кормы, выдѣлывая весломъ восьмерки. При полномъ грузѣ работаютъ восемь веселъ.

На другой сторонѣ рѣки большая песчаная отмель, ясно показывающая горизонтъ высокихъ водъ (до $3^1/_2$ саженъ, какъ оказалось по измѣренію).

Паромъ до берега не дошелъ и мы въ бродъ, ниже колѣнъ, прошли на берегъ. Корейцы предлагали перенести насъ на своихъ плечахъ, но мы рѣшительно отказались.

На берегу уже ждутъ двѣ арбы, запряженныя быкомъ и коровой. Запряжка съ двумя оглоблями; на шеѣ родъ англійской шоры изъ веревокъ, въ ноздрѣ же животнаго кольцо, отъ котораго веревки, проходятъ между рогами: этими веревками и управляютъ. Въ такую двухколесную арбу—колеса сплошныя—накладываютъ до 15 пудовъ и берутъ по 1 к. съ пуда и версты. Это ровно въ десять разъ дороже обычной нормы другихъ странъ.

У подъѣхавшихъ къ намъ корейцевъ мы мѣняемъ деньги. За нашъ рубль или японскій долларъ намъ дали 500 кешъ.

Кеша мѣдная монета, величиной между двумя и тремя копѣйками

съ дырочкой по срединѣ, чрезъ которую и нанизываются эти деньги на веревочку. Мы размѣняли только шесть рублей и не знаемъ куда дѣваться съ этимъ грузомъ.

Нашъ проводникъ къ бухтѣ Гашкевича русскій корейскій старшина.

Просто, не соблюдая никакихъ формальностей, переѣхали мы границу Кореи,—формальностей, изъ-за которыхъ намъ столько пришлось возиться. Говорятъ, что такъ и дальше проѣдемъ мы всю Корею и не спросятъ у насъ нашихъ паспортовъ.

Мы ѣдемъ мимо дома какого-то пограничнаго чиновника и, по совѣту переводчика, я послалъ ему свою карточку, напечатанную по корейски: «путешественникъ такой-то»...

Все время у подножія травой поросшихъ горъ множество живописно разбросанныхъ уже безъ заборовъ фанзъ.

Вотъ и перевалъ къ бухтѣ Гашкевича, и съ перевала уже видны и бухта, и громадное озеро.

29 лѣтъ тому назадъ, у этой бухты погибъ пароходъ Кунста и Альберса. Пассажиры тогда спаслись на лодкѣ во Владивостокъ, а сѣвшій на мель пароходъ оставили на произволъ судьбы.

Но когда затѣмъ возвратились за грузомъ, ни груза, ни парохода не оказалось: прибрежные корейцы все разграбили. Разграбили, какъ дѣти: товары, оказавшейся внѣ ихъ пониманія—они выбросили назадъ въ море. Только водку выпили, да русскими бумажными деньгами расклеили у себя окна.

Хозяева парохода жаловались тогда корейскому правительству и въ результатѣ камни (исправникъ) Кегенфу и мелкій пограничный чиновникъ поплатились своими головами за этотъ грабежъ.

Въ деревушкѣ Косани, гдѣ только четыре года назадъ упразднена пограничная стража, и были они казнены.

Мы въѣзжаемъ въ эту деревушку; теперь это маленькая, въ десять фанзъ, деревня, въ ущельи, между двумя высокими холмами.

Желтой глиной вымазанныя фанзы, чистенькія, выглядятъ уютно. Мы остановились возлѣ одной изъ самыхъ бѣдныхъ и попросили гостепріимства.

Насъ сейчасъ же пригласили. Мы оставили здѣсь Бибика приготовлять намъ завтракъ, а сами, Н. Е., Кимъ и я, поѣхали осматривать бухту.

Прелестное живописное мѣсто, совершенно пустынное: вода, а съ запада толпа отдѣльныхъ изрубленныхъ зеленыхъ горъ.

Тихо, неподвижно. Мы стоимъ на одной изъ командующихъ высотъ Янди, служившихъ еще недавно для сигнальныхъ огней. Такими огнями Сеулъ извѣщался о грозящей опасности.

Янди—значитъ послѣдняя станція.

Въ грудѣ камней, на которыхъ разводился сигнальный огонь, множество змѣй. Мы убили двѣ разновидности этихъ змѣй.

Мѣстные жители одну изъ нихъ, въ три четверти аршина длиной, черную, съ немного коричневыми пятнами, назвали корейской змѣей, а другую такой же длины, сѣрую—китайской. Обѣ онѣ ядовиты и смертельны. Но корейская кусается рѣдко.

Невдалекѣ навалена еще одна груда мелкихъ камней. Это молельня. Какъ заболѣетъ ребенокъ, мать съ шаманомъ идутъ сюда съ рисомъ, заколотой свиньей и молятся небу.

На обратномъ пути я узналъ разныя выраженія вѣжливости по корейски.

Проѣзжая мимо фанзы, вѣжливость требуетъ слѣзть съ лошади или, по крайней мѣрѣ, выпустить стремена.

При встрѣчѣ съ женщиной соблюдается такая же вѣжливость. При встрѣчѣ двухъ равныхъ по положенію, надо слѣзть съ лошадей обоимъ и распростереться на землѣ.

Возвращаясь въ деревню, мы выпустили стремена. У нашей фанзы ждетъ насъ гостепріимный хозяинъ; мы входимъ въ двѣ чистенькія маленькія комнатки, вымазанныя глиной, устланныя цыновкой. Квадратная сажень въ ширину, меньше сажени въ вышину, безъ оконъ, съ одной выходной дверью, она же и окно.

При входѣ надо снимать обувь, но насъ извиняютъ.

Мы пьемъ чай, угощаемъ хозяина. Затѣмъ я сажусь записывать. Немного погодя, П. Н., нашъ переводчикъ, кричитъ откуда-то меня. Я иду къ нему. Онъ стоитъ у оригинальнаго памятника съ оригинальной китайской крышей изъ черепицы.

Памятникъ со всѣхъ сторонъ огороженъ и можно пролѣзть къ нему только ползкомъ. Можетъ быть, это способъ каждаго заставить поклониться, т. е. герою.

Тамъ, внутри, на гранитномъ основаніи стоитъ темная мраморная доска, вышиною въ ростъ человѣка, шириной въ аршинъ и въ полтора аршина толщиной. Китайскими буквами описаны всѣ событія, послужившія поводомъ къ постройкѣ этого памятника.

Написано громадными буквами: Син-ген-те, что̀ значитъ: одолѣлъ на этомъ мѣстѣ.

Памятникъ этотъ поставленъ богатырю Кимъ-Коръ.

Начальникъ заставы былъ тогда Ди-сун-син. Происходило это 400 лѣтъ тому назадъ. Родъ Кимъ-Кора и теперь еще существуетъ въ Сеулѣ и занимаетъ высокія должности.

Самъ Кимъ-Коръ, уроженецъ этой деревни, былъ богатырь и перебилъ несмѣтное количество хунхузовъ на этомъ самомъ мѣстѣ, когда они напали на заставу.

Разсказывавшіе старались фигурѣ своей придать соотвѣтствующій воинственный видъ, но они оставались такими добродушными, что я едва сдерживалъ улыбку при желаніи представить себѣ, какъ они стали бы драться.

Памятникъ содержится въ большомъ порядкѣ и деревня не жалѣетъ для того денегъ.

По возвращеніи когда мы усѣлись во дворѣ фанзы, вошелъ высокій, лѣтъ 55-ти кореецъ съ пріятнымъ и открытымъ лицомъ. За плечами его былъ крупный прекрасный винчестеръ на 12 зарядовъ. Онъ весело поздоровался и спокойно, смѣло пошелъ къ углу двора, гдѣ сложилъ свое ружье и сумки.

Это знаменитый охотникъ здѣшнихъ мѣстъ Шинъ-Пуги. Его знаютъ и на русской сторонѣ и зовутъ его Самсономъ.

Собственно, онъ житель Краснаго Села, но охотится въ Кореѣ, такъ какъ въ Россіи охота на изюбровъ запрещена.

Онъ убилъ на своемъ вѣку: 9 тигровъ, 21 медвѣдя, 7 изюбровъ и безъ счета барсовъ и козуль.

Къ сожалѣнію, охотникъ не разговорчивъ и на всѣ разспросы объ охотѣ отвѣчалъ такъ лаконично, что не передалъ ничего такого, гдѣ бы почувствовался тигръ и барсъ.

Впрочемъ, на одинъ изъ вопросовъ онъ удовлетворилъ насъ. Вопросъ: былъ ли онъ въ лапахъ тигра или медвѣдя?

Онъ молча показалъ на свое разорванное лѣвое ухо и синій шрамъ черезъ весь лобъ.

— Ну и что же?

— Все-таки, убилъ.

Затѣмъ онъ всталъ и ушелъ.

Въ октябрѣ, когда выпадаетъ снѣгъ, онъ пойдетъ за тиграми въ городъ Тангонъ. Вокругъ этого города много тигровъ. Онъ будетъ ихъ выслѣживать и убивать. Тамъ еще не знаютъ такихъ, какъ у него, ружей. Тамъ охотятся или съ копьемъ, или съ ружьемъ, которое зажигается фитилемъ.

Во дворѣ, гдѣ мы завтракали, множество дѣтей. Ихъ лица широки, смуглы, въ щелкахъ едва видны глаза. Иные совсѣмъ голые. Большинство личиковъ грустныя, задумчивыя. Я роздалъ имъ бывшій со мной сахаръ, печенья: взяли и ѣдятъ.

Я насчиталъ ихъ 15. Это дѣти двухъ семействъ.

— Всѣ корейцы такъ плодородны?

— Бываетъ и 10, и 15,—много дѣтей.

Въ воротахъ стоитъ человѣкъ съ ужаснымъ лицомъ,—это прокаженный. Онъ живетъ въ деревнѣ. Такихъ двое въ этой деревнѣ.

Я спрашиваю: много ли въ Кореѣ такихъ? Отвѣчаютъ — много. Иногда они соединяются въ цѣлыя общества.

У больного какой-то особый видъ, схожій со львомъ.

Болѣзнь неизлѣчимая; живутъ съ ней 3, 5, 10, 20 лѣтъ.

Другая больная—дѣвушка 13 лѣтъ. Такіе больные никогда не переводятся—одни умираютъ, заболѣваютъ другіе. Болѣзнь, по мнѣнію разсказчиковъ, не заразительна...

Закончивъ свои работы въ бухтѣ, въ пять часовъ мы тронулись въ обратный путь: назадъ до Красносельской переправы и далѣе впередъ по направленію къ Кегенху съ ночевкой въ деревнѣ Коуба.

На озерѣ такая масса дичи—утокъ, нырковъ, гусей, куликовъ—какой я никогда не видалъ,—озеро, буквально, усыпано ими.

Это одинъ изъ тѣхъ уголковъ міра, гдѣ никто эту птицу не тревожитъ.

Одна, двѣ маленькихъ деревушки и все остальное необъятное пространство голо и пусто, и привольно здѣсь и птицѣ, и звѣрю.

Тамъ, по горамъ, обильнымъ травой, пасутся стадами дикіе бараны, олени, изюбры, а вслѣдъ за ними ходятъ и спутники ихъ тигры, барсы, волки и медвѣди.

Съ нами ѣдутъ мѣстные корейцы и мы говоримъ обо всемъ.

Корейцы недовольны своей династіей. Они упрекаютъ ее за эгоизмъ, за готовность пожертвовать всѣмъ, родиной, лишь бы имъ было хорошо... Наслѣдникъ совершенно выродившійся человѣкъ, которому даже и жена его не нужна.

Большія надежды возлагаются на незаконнаго сына корейскаго короля, который воспитывается въ Японіи. Ему теперь 22 года. Корейцы надѣются, что японскій микадо отдастъ за него свою дочь и это будетъ первый случай, что изъ корейской династіи женится не на своей же родственницѣ. Это очень умный и образованный человѣкъ. Онъ «знаетъ и всѣ иностранныя грамоты, знаетъ и нашу, и мужскую, и женскую».

Мужская—китайскія письмена, женская—корейскія, упрощенныя для простого народа.

Женскую грамоту знаетъ половина корейцевъ, остальные неграмотны.

Мы говоримъ о земельныхъ отношеніяхъ. Земля здѣсь свободна. Ее занимаетъ тотъ, кто купитъ ее. Продается только удобная земля. Мѣрою земли служитъ кари — 800 кв. саж. Наша десятина стоитъ здѣсь до 250 ланъ. Лана—20 коп., слѣдовательно, на наши деньги десятина стоитъ 50 р.

Это цѣна въ здѣшней провинціи Хай-гіон-нук-до; въ южныхъ цѣна значительно выше. Валовой доходъ съ десятины 100 ланъ—20 рублей. Сѣютъ ячмень, овесъ, чумизу, бобы, буду, яръ буду, гречиху, коноплю. Поле почти никогда не отдыхаетъ; вмѣсто отдыха, сѣютъ бобы, какъ растеніе, возстанавливающее плодородіе почвы.

Культура однорядная съ глубокими, вершка въ два, ровиками. Это требуется для защиты отъ выпадающей здѣсь влаги.

Сѣютъ въ половинѣ апрѣля, а теперь, въ половинѣ сентября, разгаръ уборки.

Крупныхъ владѣльцевъ нѣтъ—2, 3 десятины. Случаи продажи участковъ очень рѣдки. Развѣ разорится или проиграется въ бобы: азартная игра.

Четыре боба съ отверстіями,—выброшенные такъ, что всѣ четыре отверстія падаютъ вверхъ—полный выигрышъ.

Дорога тянется болотистой долиной Тумангана. Иногда дорога взбирается на утесъ въ нѣсколько десятковъ сажень, — отвратительная, узкая, гдѣ двумъ верховымъ лошадямъ трудно разойтись, и такая крутая въ подъемахъ, что трудно сидѣть на сѣдлѣ.

Отъѣхавъ верстъ десять, мы прощаемся съ гостепріимными корейцами, уѣзжаетъ старшина, и мы остаемся одни.

Темнѣетъ, кругомъ горы, а выше ихъ тучи нависли и розовымъ свѣтомъ освѣщаетъ ихъ снизу солнце, уже сѣвшее за горы.

Въ просвѣтѣ сумерекъ видны корейцы, усердно работающіе на своихъ поляхъ.

Надо ѣхать скорѣе, чтобы не захватила въ незнакомой дорогѣ ночь.

— Ѣдемъ, господа!

И я пускаю своего иноходца, — типъ вятской буланой лошади, довольно крупный для здѣшнихъ мѣстъ.

Я слышу за собой топотъ и, поэтому, не оглядываясь, ѣду верстъ десять. Но, оглянувшись наконецъ, я вижу только переводчика П. Н. Что до Н. Е. и Бибика, то ихъ и не видно, и не слышно.

Покричали, посвистали и поѣхали назадъ къ нимъ. Проѣхали верстъ пять—раздорожье. Не уѣхали ли влѣво, взявъ въ горы? Спросить некого. Поѣхали влѣво. Ѣхали-ѣхали — новое раздорожье. Куда они повернули здѣсь? Сворачиваемъ вправо. Еще раздорожье, еще и еще.

Совсѣмъ стемнѣло и тучи закрываютъ луну. Округа разошлась и въ обманчивомъ сумракѣ представляется какой-то безпредѣльной бездной. Въ эту бездну провалились наши два спутника безъ какого бы то ни было знанія языка, не зная ни одного названія, не зная даже, куда ѣдутъ они и гдѣ назначена ночевка, два безпечныхъ русскихъ человѣка, которые, покачиваясь въ своихъ сѣдлахъ, ѣдутъ себѣ теперь гдѣ-нибудь, ни о чемъ не думая.

Мы скачемъ дальше и дальше въ эту невѣдомую таинственную глубь невѣдомой намъ страны, стрѣляемъ, свистимъ, кричимъ.

Не знаю, сколько времени такъ прошло, но, когда мы уже потеряли было всякую надежду, вдругъ откуда-то изъ мрака долетаетъ до насъ едва слышный свистъ условнаго свистка.

Мы облегченно вздохнули и начали еще отчаяннѣе свистать: я въ свою сирену, П. Н. въ обыкновенный полицейскій свистокъ.

То мы слышали ихъ, то опять теряли изъ виду. Свистъ раздавался то справа, то слѣва, то прямо передъ нами и тамъ гдѣ-то въ горахъ, которыя въ потьмахъ кажутся небесами.

Мы наткнулись наконецъ на какую-то деревню и рѣшили не двигаться дальше и свистѣть.

Корейцы въ деревнѣ проснулись, выскочили и между ними и П. Н.

завязался энергичный разговоръ. Слышенъ смѣхъ, выраженіе удовольствія.

Наконецъ подъѣхали наши безпечные путники.

— Мы думали, что ѣдемъ правильно.

— Прекрасно, продолжайте такъ и впередъ: мы кончимъ тѣмъ, что и не съищемъ другъ друга.

Какъ изъ этихъ трущобъ попасть на ночлегъ въ Коубе? Одинъ изъ корейцевъ предлагаетъ проводить. Во всей деревнѣ ни одной лошади нѣтъ. Онъ садится верхомъ на быка, ѣдетъ впереди, мы за нимъ. Здѣсь много тигровъ, барсовъ—надо разговаривать, кричать, свистать.

Мы, русскіе, окончательно отказываемся, потому что по русскому легкомыслію плохо вѣримъ въ этихъ тигровъ и барсовъ. Но кореецъ и П. Н. вѣрятъ и потому всю дорогу громко до крика разговариваютъ и П. Н. то и дѣло свиститъ. Иногда П. Н. переводитъ мнѣ, что говоритъ ему кореецъ. Ихъ деревня называется Сорбой, что̀ значитъ сосна. Прежде былъ здѣсь прекрасный сосновый лѣсъ. Такимъ образомъ, оголеніе горъ, можетъ быть, не есть естественное явленіе. По крайней мѣрѣ, судя по отдѣльнымъ экземплярамъ деревьевъ мощныхъ и большихъ, получается впечатлѣніе, что лѣсъ здѣсь могъ бы произростать.

Мы пріѣхали въ Коубе подъ проливнымъ дождемъ. Коубе—старый городъ. Прежняя его роль была та, которую теперь исполняетъ Кегенфу. Потомъ онъ былъ заставой, а теперь просто деревня, въ которой сто фанзъ.

Фанза, въ которой мы, отличается тѣмъ, что вся она видима изъ одной комнаты, потому что, вмѣсто перегородокъ, все двери.

Я вижу, какъ, окруженная дѣтьми, полуобнаженная корейка чешется, а дальше выглядываетъ красивая голова степеннаго быка.

Я спрашиваю, какъ пасутъ здѣсь скотъ? Каждый отдѣльно, на привязи. Въ деревнѣ около ста головъ рогатаго скота, лошадей 50, свиней до 200.

Иванъ Аѳанасьевичъ, нашъ передовой отрядъ, уже снялся и ушелъ Я кончаю свою запись и тоже снимаюсь.

Дѣтямъ раздаю сахаръ, съ хозяевами расплачиваюсь: за дрова 15 коп., за сѣно для 13 лошадей 20 коп., за курицу 20 коп. За ночлегъ 13 лошадей и насъ, десяти человѣкъ, я даю японскій долларъ.

Хозяинъ очень доволенъ. Онъ возвращаетъ мнѣ связкой кешъ половину. Я прошу взять остальное для его дѣтей. Онъ обращается къ остальнымъ сородичамъ; они совѣщаются и изъявляютъ согласіе. Хозяйка изъ другой комнаты довольно улыбается.

Кстати о деньгахъ. Пока берутъ и русскіе, и японскіе серебряные доллары: за нихъ, какъ и за нашъ рубль, даютъ пятьсотъ кешъ, хотя курсъ русскаго 480, а японскаго 475 кешъ. Мексиканскихъ долларовъ,

которыхъ мы набрали кучу и о которыхъ намъ говорили, какъ о ходячей монетѣ, пока совсѣмъ не берутъ.

Чѣмъ еще помянуть городокъ Коубе? Легендой. Нѣкогда, въ царствованіе династіи Цумуана, въ немъ проживалъ знаменитый во всей Кореѣ легендарный Кантехе. Онъ былъ очень ученый и мудрый.

Когда ему минуло 80 лѣтъ, онъ оставилъ всѣ свои дѣла и только и занимался тѣмъ, что ходилъ на Туманганъ и удилъ тамъ рыбу.

Но такъ какъ онъ не клалъ приманки, то никогда и не поймалъ ни одной рыбки *).

Женѣ Кантехе надоѣло это и она сказала ему:

— Ты совсѣмъ выжилъ изъ ума и мнѣ стыдно жить съ тобой: давай мнѣ разводъ.

Кантехе исполнилъ ея желаніе. Три года уже Кантехе ловилъ такъ рыбу, когда до императора дошло объ этомъ. Императоръ заинтересовался и потребовалъ къ себѣ страннаго старика.

— Зачѣмъ ты безъ приманки ловишь рыбу? — спросилъ его императоръ.

— Я предсказатель, — отвѣтилъ ему Кантехе, — и зналъ, что это приведетъ меня къ разговору съ тобой.

— О чемъ же ты хочешь говорить со мной?

— О государственныхъ дѣлахъ.

Императоръ разговорился съ Кантехе и, узнавъ его мудрость и ученость, сдѣлалъ его министромъ. Тогда бросившая его жена пожелала опять возвратиться къ нему.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ ей Кантехе-Цумуанъ, — друга для хорошихъ только дней я всегда найду, а въ трудные мои дни ты не была моимъ другомъ. Но такъ и быть, я и для тебя кое-что сдѣлаю.

И Кантехе приказалъ сложить возлѣ дороги большую кучу камней съ надписью:

«Прохожій, вспомни о моей женѣ и плюнь».

Съ тѣхъ поръ всякій кореецъ, проходя мимо кучи Кантехе, всегда плюетъ и говоритъ:

— Отъ дрянной женщины.

Корейскія женщины, впрочемъ, не вѣрятъ этой легендѣ и происхожденіе каменныхъ кучъ, которыхъ очень много въ Кореѣ, объясняютъ тѣмъ, что камень этотъ сами корейцы стаскиваютъ съ своихъ каменистыхъ полей. А чтобы веселѣе было таскать, они и тѣшатъ себя всякими глупостями.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Съ тѣхъ поръ и вошла въ поговорку: «удочка Кантехе».

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе*) *).

Глава девятая.

I.

Повидимому, Травинскій примирился со своимъ положеніемъ. По крайней мѣрѣ, послѣ сцены, бывшей вслѣдъ за возвращеніемъ супруговъ съ журъ-фикса Козельскихъ, онъ не предъявлялъ никакихъ правъ, не плакалъ и не бранился и окончательно переселился въ кабинетъ, не теряя надежды, что Инна одумается и, тронутая его привязанностью, по прежнему будетъ если и невѣрной, то, во всякомъ случаѣ, благосклонной женой и не оставитъ его, не разрушитъ семьи.

Не въ первый разъ жена бросала ему въ глаза, что не любитъ его, что онъ ей противенъ, не въ первый разъ сцены, бывшія между ними, оканчивались ссылкой въ кабинетъ. Но ссылки эти были непродолжительны. Онъ вымаливалъ прощеніе истериками и слезами, онъ такъ жалобно говорилъ о своей любви, валяясь въ ногахъ, и такъ рѣшительно обѣщалъ покончить съ собой, что возбуждалъ жалость въ безвольной, безхарактерной Иннѣ Николаевнѣ, и она снова терпѣла мужа, ничтожество котораго сознавала, сознавал въ то же время и вину свою передъ этимъ человѣкомъ и презирая по временамъ и себя.

Но теперь Инна Николаевна, казалось, задыхалась въ той атмосферѣ, въ какой жила, и мужъ, глупый, пошлый, не разборчивый на средства, возбуждалъ въ ней отвращеніе. Не разъ она собиралась разводиться съ нимъ, но каждый разъ жалѣла мужа и останавливалась передъ вопросомъ, на что она будетъ жить съ дѣвочкой пяти лѣтъ, единственнымъ ребенкомъ, который былъ у нея? И, наконецъ, отдастъ ли онъ дочь?

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

Эта перемѣна въ молодой женщинѣ была до извѣстной степени результатомъ встрѣчи съ Никодимцевымъ. Его трогательная, почтительная любовь положительно изумляла, и его рѣчи, совсѣмъ не похожія на тѣ, которыя она слышала у себя въ домѣ, невольно пробуждали что-то хорошее, что-то свѣтлое, дремавшее въ ея душѣ.

И за послѣднее время она все чаще и чаще думала: „Какъ могла она такъ жить, какъ жила?“

Думала и рѣшительно не могла объяснить себѣ, почему она вышла замужъ за человѣка ничтожнаго, котораго, къ тому же, не любила и тогда, когда дала ему слово, какъ она постепенно дошла до настоящаго положенія, она, не глупая и умѣвшая, казалось, отличить добро отъ зла? Безхарактерность, которую она въ себѣ сознавала, была, конечно, одной изъ причинъ, но не всѣ же безхарактерныя женщины идутъ на такіе компромиссы? Значитъ, было еще что-то другое, и вотъ это-то другое и было непонятно молодой женщинѣ. Непонятно и въ то же время вселяло въ ней ужасъ чего-то рокового, безнадежнаго, отъ котораго избавиться нельзя. Она обречена на гибель и нѣтъ ей выхода.

И въ такія минуты Инну Николаевну охватывало отчаяніе.

Мужъ замѣтилъ перемѣну въ настроеніи жены и въ образѣ ея жизни. Прежняго кабака въ домѣ не было. Обычные посѣтители стали бывать рѣже. Обѣды и ужины въ ресторанахъ прекратились. Инна Николаевна нерѣдко сидѣла за книгой и не скучала, какъ прежде, когда никого не было. Уменьшились и траты на туалеты.

Мужъ не сомнѣвался, что Никодимцевъ—любовникъ его жены, и въ то же время недоумѣвалъ, что жена нерѣдко бываетъ мрачна и даже послѣ посѣщенія Никодимцева, которыя все учащались.

Все это не нравилось мужу, тѣмъ болѣе, что Инна Николаевна относилась къ нему съ презрительнымъ равнодушіемъ и почти не разговаривала съ нимъ. Терпѣніе его истощилось, и онъ рѣшилъ показать, что онъ не тряпка, какъ она воображаетъ, а мужчина, и серьезно поговорить съ женой.

Къ этому еще подбилъ его одинъ пріятель и сослуживецъ, г. Привольскій.

Давно влюбленный въ жену своего друга, слишкомъ невразчный и ничтожный, чтобы надѣяться добиться ея благосклонности, онъ совершенно неожиданно для самого себя сдѣлался близокъ съ Инной Николаевной въ одну изъ минутъ мрачнаго отчаянія молодой женщины. Онъ подвернулся въ эту минуту, и она готова была забыться, слушая его влюбленныя рѣчи и мольбы... Эта близость продолжалась два мѣсяца, окончившись такъ же неожиданно, какъ и началась.

Инна Николаевна объявила ему, что между ними все кончено и чтобы онъ не ходилъ больше къ нимъ.

И Привольскій, рѣшившій, что Инна Николаевна порвала съ нимъ изъ-за Никодимцева, не прочь былъ ей отмстить, натравивъ на нее мужа.

Онъ пригласилъ друга завтракать. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки и вина Травинскій раскисъ и впалъ въ изліянія передъ человѣкомъ, прежнія отношенія котораго къ его женѣ были, конечно, ему извѣстны. Тогда онъ терпѣлъ ихъ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ, а въ эту минуту онъ точно сожалѣлъ, что эти отношенія окончены. При нихъ и онъ пользовался долей счастья и не боялся драмы, а теперь...

И, жалуясь на то, что Инна заставила переселиться его въ кабинетъ и обращается съ нимъ чортъ знаетъ какъ, онъ со слезами на глазахъ говорилъ:

— Ты знаешь... я ее люблю... Она легкомысленная и увлекающаяся, но я все-таки ее люблю. Она умнѣе меня, тоньше, но все-таки она моя жена... Не правда ли? И должна ею быть? За что же я трачу на нее деньги... хлопочу чтобы ей было хорошо?..

— Будь мужчиной, Лева!.. Покажи свою твердость, Лева!..

— Но что жъ мнѣ сдѣлать?

— Выгони Никодимцева. Развѣ ты не видишь, зачѣмъ онъ такъ часто бываетъ? Его посѣщенія компрометируютъ тебя... О нихъ говорятъ...

— Но какъ же это сдѣлать?

— Скажи женѣ.

— Точно ты не знаешь Инну? Она разсердится.

— Посердится и перестанетъ. Надо быть мужчиной, Лева!

— Но Инна можетъ оставить меня.

— Не оставила до сихъ поръ и не оставитъ... Твоя жена безхарактерная женщина. И она не броситъ Леночку.

Травинскій согласился съ этимъ и даже пустился въ интимныя изліянія по поводу безхарактерности своей жены и ея легкомыслія и прибавилъ:

— А если увезетъ и Леночку? Что тогда дѣлать?

— Тогда подними скандалъ. Ты отецъ, имѣешь права. Ты только покажи характеръ, Лева! Теперь же припугни жену, чтобъ она и не думала, что такъ легко отдѣлаться отъ мужа хотя бы и съ помощью Никодимцева.

— Чѣмъ припугнуть?

— Скажи, что будешь требовать дочь черезъ судъ, мотивируя это требованіе невозможностью поручить воспитаніе ребенка такой... такой увлекающейся женщинѣ, какъ твоя жена. Понялъ? Этого она

испугается и согласится на всѣ твои требованія. И не соглашайся на разводъ ни въ какомъ случаѣ. Будь мужчиной, Лева!—повторялъ другъ, готовый присовѣтовать какую угодно пакость, чтобы только причинить зло отвергнувшей его женщинѣ, имѣвшей несчастье считать его за сколько-нибудь порядочнаго человѣка.

Къ концу завтрака Травинскій былъ „взвинченъ“ и ѣхалъ домой, полный рѣшимости показать женѣ, что онъ—мужчина.

II.

— Барыня дома?—спросилъ онъ у швейцара

— Дома.

— Былъ кто?

— Никого не было!

Онъ особенно сильно подавилъ пуговку электрическаго звонка и, сбросивъ шубу на руки горничной, прошелъ прямо въ комнату жены.

Та лѣниво подняла глаза отъ книги и нѣсколько удивилась рѣшительному виду мужа.

О, какъ противенъ показался ей этотъ маленькій, тщедушный человѣчекъ со своимъ самодовольно-пошлымъ, торжественнымъ, прыщеватымъ лицомъ, покрытомъ красными пятнами, какія выступали у него всегда послѣ вина. Все въ немъ казалось отвратительнымъ теперь Иннѣ Николаевнѣ: и этотъ длинный и красный „глупый“ носъ, и блестѣвшіе пьянымъ блескомъ рачьи темные глаза, и бачки, и взъерошенные усы, и руки съ короткими пальцами, и чуть-чуть съѣхавшій на бокъ галстукъ, и форменный фракъ...

Она съ брезгливой гримасой опустила глаза на книгу и въ головѣ ея пронесся вопросъ:

„И почему онъ смѣетъ безъ спроса входить ко мнѣ?“

И тотчасъ же появился отвѣтъ:

„Потому, что онъ мужъ и имѣетъ право на меня!“

Вслѣдъ затѣмъ Инна Николаевна почему-то вспомнила чьи-то слова: „Женщина принадлежитъ тому, кто ее содержитъ“.

Нѣсколько минутъ мужъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету жены, изящно убранной, покрытой ковромъ комнатѣ со множествомъ красивыхъ вещей на этажеркахъ и на письменномъ столѣ, съ цвѣтами и уютнымъ уголкомъ, въ которомъ на маленькой тахтѣ полулежала Инна Николаевна.

Это мельканіе начинало раздражать ее.

— Мнѣ нужно объясниться съ тобой, Инна!—наконецъ проговорилъ мужъ, останавливаясь около жены.

Она подняла глаза.

— Больше я терпѣть не могу...

— Наконецъ-то! И я не могу... Ты, кажется, это видишь!

— Я все вижу, будь спокойна и объявляю тебѣ, что посѣщенія твоего Никодимцева мнѣ не нравятся... Они слишкомъ часты...

— А когда твои пріятели посѣщали меня часто, ты этого не находилъ?..

— Этого больше не будетъ... Я не желаю компрометировать свое имя... И ты скажи своему другу Никодимцеву...

— Это еще что за тонъ?—перебила Инна Николаевна —Ты, видно, завтракалъ... Такъ уходи лучше въ кабинетъ и проспись!— прибавила жена, взглядывая на мужа съ нескрываемымъ отвращеніемъ.

— Я не пьянъ и знаю, какимъ тономъ говорить съ такими женщинами, какъ ты.

— Не довольно ли?—еще разъ попробовала она остановить мужа.

— Нѣтъ, не довольно! Я покажу тебѣ, что я мужчина, а не тряпка. Слышишь? Довольно ты подло оскорбляла меня... Довольно ты лгала и мѣняла любовниковъ... Я больше этого не хочу.

— Я не лгала... Ты давно знаешь, что я не люблю тебя и что ты мнѣ противенъ... Да, я имѣла любовниковъ!—вызывающе кинула Инна Николаевна.—И ты это зналъ и молчалъ!..

Она присѣла на тахту и глядѣла въ упоръ на мужа.

— Однако ты жила и, кажется, не дурно жила на мои денежки... И даже удостаивала своими милостями и меня, противнаго? — злобно воскликнулъ мужъ...

— И за это я презираю себя... Ты, впрочемъ, этого не поймешь... Но теперь мы договорились, и ты, конечно, дашь мнѣ разводъ.

— Разводъ?—переспросилъ Травинскій и, нагло взглянувъ на жену, засмѣялся, показывая гнилые черные зубы. — Ты воображаешь, что послѣ всего, что ты мнѣ сдѣлала, я тебѣ дамъ разводъ?.. Я не дамъ тебѣ развода... И ты никуда не уйдешь отъ меня... А если осмѣлишься увезти Леночку—и твой любовникъ Никодимцевъ не поможетъ тебѣ.. Нѣтъ! Я знаю, что я сдѣлаю. Я покажу, что я мужчина! —яростно взвизгивалъ мужъ, торопливо бросая слова и возбуждаясь ими.—Я не позволю, чтобы Леночка была у тебя. Я судомъ вытребую ее... и объясню въ прошеніи, что довѣрить воспитаніе дочери такой дамѣ, какъ ты, нельзя... Ты ее развратишь... И въ доказательство я назову по фамиліямъ всѣхъ твоихъ любовниковъ... Пусть ихъ допросятъ... И Никодимцева тоже... Ты думаешь, я ихъ не знаю... Я всѣхъ знаю... У

меня и письма твои къ одному изъ нихъ есть... Слышишь?.. А ты вообразила, что я тряпка... Ты думала, что я дуракъ? Ты думала, что за всѣ свои униженія я такъ тебѣ все прощу?.. Слышишь ли?.. Ты никуда не уйдешь и... будешь моей женой... Что жъ ты молчишь? Струсила?.. Поняла, что я не хочу быть больше твоимъ рабомъ...

Дѣйствительно, Инна Николаевна замерла въ какомъ-то ужасѣ.

Она всего ждала отъ мужа, но только не этой низости, которою онъ угрожалъ

Она призвала на помощь все свое самообладаніе, чтобы не обнаружить ужаса, охватившаго ее передъ этой угрозой. Какою виноватою ни считала себя Инна Николаевна передъ мужемъ, но эта подлая угроза словно бы освобождала ее отъ всякихъ обязательствъ. А она еще считала его добрымъ. Она жалѣла прежде его. Вѣрила, что онъ любитъ. Хороша любовь!

И, полная омерзѣнія къ мужу, она поднялась съ тахты и холодно произнесла:

— Я думала, что вы только глупы. Теперь вижу, что вы еще и подлецъ.

Мужъ не ожидалъ этого. Онъ увидѣлъ поблѣднѣвшее, презрительное и въ то же время красивое лицо жены и струсилъ. Струсилъ и почувствовалъ, что сдѣлалъ непоправимую ошибку, что теперь все кончено...

И мысль, что онъ потеряетъ жену привела его въ отчаяніе.

Весь запасъ рѣшимости исчезъ въ немъ. Забывъ, что хотѣлъ показать себя мужчиной, онъ вдругъ бросился къ ногамъ жены и, плача, говорилъ:

— Инна... прости... Живи, какъ хочешь... Пусть Никодимцевъ ходитъ... но не оставляй меня... Я все перенесу... я люблю тебя... Инна... Я не поступилъ бы такъ... И то, что я говорилъ... это... Привольскій посовѣтовалъ...

И онъ коснулся губами одѣтой въ туфли ноги жены.

Инна Николаевна брезгливо отдернула ногу и властно и повелительно сказала:

— Вонъ отсюда!

Травинскій поднялся и вышелъ.

Инна Николаевна заперла двери на ключъ. Нервы ея больше не выдержали. Она бросилась на тахту и зарыдала.

„Вотъ она расплата!“ —думала она, вздрагивая при мысли, что мужъ не отдастъ ей дочери и что ей грозитъ позоръ судбища.

Глава десятая.

По воскресеньямъ и по праздникамъ Никодимцевъ обыкновенно

давалъ отдыхъ прислугѣ и отпускалъ ее со двора и самъ уходилъ обѣдать къ Донону, гдѣ ему нравилась тишина, царившая въ обѣденной залѣ, обстановка, менѣе напоминающая модные кабаки, и отсутствіе тѣхъ кутящихъ посѣтителей, одинъ подвыпившій видъ которыхъ раздражалъ Григорія Александровича.

И въ это воскресенье, на другой день послѣ супружеской сцены у Травинскихъ, Никодимцевъ въ седьмомъ часу пошелъ пѣшкомъ въ ресторанъ, разсчитывая послѣ обѣда поѣхать къ Иннѣ Николаевнѣ и просидѣть у нея вечеръ. Эти вечера были теперь для него радостью жизни, и онъ всегда ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ влюбленнаго юнца.

Сегодня ему особенно хотѣлось видѣть Инну Николаевну. Въ послѣднее его посѣщеніе она была грустна, и когда онъ спросилъ: „Что съ ней?“ она отвѣчала: „Послѣ, послѣ когда-нибудь разскажу и даже попрошу у васъ совѣта“.

Быть можетъ, сегодня она разскажетъ о томъ, что заставляетъ ее страдать, и окажетъ ему величайшую милость своимъ довѣріемъ.

Никодимцевъ сѣлъ на свое обычное мѣсто у маленькаго стола въ углу комнаты, и толстый, солидный татаринъ Магометъ, всегда подававшій Никодимцеву, подалъ ему карточку и проговорилъ:

— Вмѣсто крема, бискъ прикажете, ваше превосходительство?

— Бискъ!

Никодимцевъ обѣдалъ въ пріятномъ настроеніи, то и дѣло поглядывая на часы, какъ за сосѣднимъ столомъ сѣло двое молодыхъ людей. Они шумно и громко потребовали закусокъ и водки и велѣли заморозить бутылку мума.

Обѣдъ Никодимцева подходилъ къ концу, какъ вдругъ до его слуха донеслось имя Инны Николаевны, и вслѣдъ затѣмъ раздался смѣхъ.

Никодимцева кольнуло въ сердце. Смѣхъ этотъ казался ему оскорбительнымъ.

Но то, что онъ услыхалъ затѣмъ, было еще ужаснѣе.

Одинъ изъ молодыхъ людей, бѣлобрысый господинъ въ смокингѣ, громко говорилъ:

— Очаровательная женщина. Мужъ болванъ, и она широко пользуется его глупостью...

— Флиртуетъ?—спросилъ другой.

— Она не прочь и болѣе флирта. Надо только уловить психологическій моментъ... Ха-ха-ха! Теперь только она что-то монашествуетъ .. Нигдѣ ея не видно... И послѣдній министръ въ отставкѣ... Говорятъ, барынька связалась съ Никодимцевымъ... Впрочемъ, она любитъ мѣнять министровъ... Они у нея...

Молодой человѣкъ не докончилъ.

Передъ нимъ блѣдный, какъ полотно, стоялъ Никодимцевъ и, едва владѣя собой, задыхаясь отъ гнѣва, тихо и отчетливо проговорилъ:

— Ни слова больше или я задушу васъ!..

Молодой человѣкъ съ видомъ испуганнаго животнаго глядѣлъ на искаженное гнѣвомъ лицо Никодимцева.

— Вы подло лжете... слышите ли?.. Я уже не говорю, что такъ говорить о женщинѣ, какъ говорили вы, можетъ только большой негодяй.

— Но... послушайте, милостивый государь,—вызывающе началъ товарищъ бѣлобрысаго господина, — по какому праву вы вмѣшиваетесь? Мы не имѣемъ чести васъ знать.

— По праву порядочнаго человѣка, возмущеннаго вашимъ разговоромъ... Поняли? Вотъ вамъ моя карточка. Я къ вашимъ услугамъ, если только господа, подобные вамъ, способны оскорбляться!

И Никодимцевъ вздрагивавшей рукой досталъ изъ бумажника визитную карточку и бросилъ ее на столъ.

Полный негодованія, сѣлъ онъ къ своему столу, и когда испуганный татаринъ, видѣвшій эту сцену, подалъ Никодимцеву мороженое, онъ спросилъ, кивнувъ головой на сосѣдній столъ:

— Вы не знаете, кто эти мерзавцы?

— Не могу знать, ваше превосходительство! Они у насъ не бываютъ. Сегодня въ первый разъ.

Прочитавъ карточку, молодые люди, оба чиновника, знавшіе хорошо, кто такой Никодимцевъ, ахнули и испуганно переглянулись.

И вслѣдъ затѣмъ рѣшили, что надо извиниться.

Они подошли къ Никодимцеву и, почтительно поклонившись, по очереди стали говорить, что они, подъ вліяніемъ вина, позволили себѣ неприличную выходку...

— Неприличную? — перебилъ Никодимцевъ.—Подобныя выходки не находятъ достаточно презрительнаго названія... И вѣдь вы все лгали... Вѣдь лгали?— съ какимъ-то возбужденіемъ проговорилъ Никодимцевъ.

И, не ожидая отвѣта, брезгливо отвернулся. Молодые люди отошли.

Разумѣется, Никодимцевъ не повѣрилъ ни одному слову изъ того, что говорилъ объ Иннѣ Николаевнѣ бѣлобрысый молодой человѣкъ. Да и возможно ли повѣрить? Если его называли ея любовникомъ, то съ такою же достовѣрностью называли и другихъ. И это соображеніе нѣсколько успокоило Никодимцева.

Но то, что его имя связывалось съ именемъ любимой женщины глубоко взволновало его.

Какъ ни тяжело было Никодимцеву, но онъ рѣшилъ рѣже

бывать у Инны Николаевны. По крайней мѣрѣ, онъ не дастъ повода клеветать на любимую женщину. Не онъ, конечно, скомпрометируетъ ее. Бѣдная! Она и не знаетъ, какія гадости говорятъ про нее...

И Никодимцевъ не поѣхалъ въ этотъ вечеръ къ Иннѣ Николаевнѣ, а просидѣлъ дома грустный и задумчивый.

Прошло еще три дня. Никодимцевъ не ѣхалъ къ Травинской и не былъ даже на вторникѣ у Козельскихъ. Всѣ эти дни онъ не находилъ себѣ мѣста. Наконецъ онъ не выдержалъ и рѣшилъ въ воскресенье поѣхать днемъ съ коротенькимъ визитомъ...

„По крайней мѣрѣ увижу ее!“

И при этой мысли онъ обрадовался.

Но счастью его не было границъ, когда въ четвергъ ему подали маленькій конвертъ, и онъ прочиталъ записочку слѣдующаго содержанія:

„Что же вы забыли совсѣмъ меня, многоуважаемый Григорій Александровичъ?„

Онъ благоговѣйно прикоснулся губами къ этимъ строчкамъ, вдыхая ароматъ душистой бумаги, снова прочиталъ записку и спряталъ ее въ бумажникъ, просвѣтлѣвшій, полный счастья, что Инна Николаевна его вспомнила, зоветъ его...

И какой же онъ жизнерадостный и веселый былъ въ этотъ день въ департаментѣ и дѣлалъ докладъ министру!

Въ тотъ же вечеръ, не смотря на спѣшныя дѣла, онъ ѣхалъ на Моховую.

Чортъ съ ними, съ дѣлами! Онъ за ними просидитъ ночь! А сейчасъ онъ увидитъ ее, эту женщину, благодаря которой онъ понялъ, что значитъ любовь.

На лѣстницѣ Никодимцевъ встрѣтилъ Травинскаго.

Смѣшанное чувство ревности, смущенія и невольной брезгливости охватило Григорія Александровича при видѣ мужа Инны Николаевны.

Никодимцевъ очень рѣдко его видалъ и держалъ себя съ нимъ съ холодной сдержанностью, не допуская никакой короткости, на которую видимо напрашивался Травинскій, и словно бы не скрывая, что ѣздитъ исключительно къ Иннѣ Николаевнѣ.

И теперь Травинскій съ обычной льстивой любезностью привѣтствовалъ Никодимцева.

— Инна дома и очень будетъ рада вамъ, Григорій Александровичъ!—весело воскликнулъ Травинскій, почтительно пожимая протянутую Никодимцевымъ руку.—Совсѣмъ вы насъ забыли, Григорій Александровичъ, давно не были...

— Некогда было!—суховато сказалъ Никодимцевъ.

— А Инна одна и хандритъ... Нервничаетъ и никуда не вы-

ходитъ... Я предлагалъ ей прокатиться за границу—не хочетъ. И лѣчиться не хочетъ... Уговорите ее уѣхать изъ Петербурга... Она васъ послушаетъ... право. Чужого человѣка всегда больше слушаютъ, чѣмъ близкаго... Не правда ли?.. А меня извините, Григорій Александровичъ, что ухожу... Спѣшное дѣло... долженъ ѣхать...

Травинскій снова горячо потрясъ руку Никодимцева и проговорилъ:

— Предложили бы Иннѣ прокатиться на острова... Вечеръ отличный, и ей полезно... А я, Григорій Александровичъ, буду благодаренъ, если вы развлечете жену... Она очень цѣнитъ ваши посѣщенія и симпатизируетъ вамъ... Повѣрьте, Григорій Александровичъ, я очень, очень радъ, когда вы бываете у Инны. Инна тогда оживаетъ. Она любитъ поговорить съ умными людьми о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Она вѣдь сама умная... Значитъ и вамъ, Григорій Александровичъ, не скучно съ Инной? Не правда ли?

— Совершеннѣйшая правда! — серьезно отвѣчалъ Никодимцевъ, краснѣя и испытывая желаніе сбросить съ лѣстницы этого болтливаго пошляка.

— Ну вотъ видите... Я такъ и говорилъ женѣ, а она... думаетъ, что вамъ скучно съ ней, оттого вы давно не были... Увѣрьте ее, что я правъ, и навѣщайте ее почаще... Вы удивляетесь, что я васъ объ этомъ прошу?.. Но я не ревнивый мужъ... Совсѣмъ не ревнивый! — неожиданно прибавилъ Травинскій и захихалъ.

И съ этими словами онъ почтительно приподнялъ цилиндръ и сталъ спускаться съ лѣстницы.

„И она живетъ съ этой гадиной? Она его жена!?“—подумалъ Никодимцевъ съ тоской и подавилъ пуговку электрическаго звонка, чувствуя, какъ сильно колотится въ груди его сердце.

II.

Никодимцевъ вошелъ въ гостиную и радостно бросился на встрѣчу показавшейся въ дверяхъ своего кабинета Иннѣ Николаевнѣ.

Но когда онъ увидалъ ея осунувшееся и поблѣднѣвшее лицо, когда увидалъ, какимъ отчаяніемъ дышало оно, когда увидалъ слезы на ея глазахъ, сердце его упало. И онъ, крѣпко пожимая маленькую руку Инны Николаевны, спросилъ дрогнувшимъ, тревожнымъ голосомъ:

— Инна Николаевна! Да что съ вами?

И онъ глядѣлъ на нее съ выраженіемъ такой восторженной

любви и такой тревоги, что молодая женщина благодарно и ласково улыбнулась ему глазами, и лицо ея просвѣтлѣло, когда она сказала:

— А я, было, думала, что вы совсѣмъ меня забыли, и наша дружба окончена...

Никодимцевъ смутился и, краснѣя, произнесъ:

— Какъ могли вы это думать?

— Я мнительна, Григорій Александровичъ!

— Вы?—обронилъ изумленно Никодимцевъ.

— Да... И имѣю основанія быть мнительной...

Инна Николаевна опустилась на диванъ. Никодимцевъ сѣлъ на обычное свое мѣсто—на кресло съ лѣвой стороны.

— Вы бывали часто и вдругъ перестали... Мнѣ хотѣлось узнать, что это значитъ, и я написала вамъ... Спасибо, что пріѣхали и, кажется, не очень недовольны, что я вамъ напомнила о себѣ? Въ самомъ дѣлѣ, отчего вы не были въ воскресенье?.. Я васъ ждала.

— Ахъ, Инна Николаевна, не всегда можно дѣлать то, что хочешь...

— Значитъ, хотѣли пріѣхать?

— Еще бы.

— Такъ отчего же не пріѣхали?

— Отчего?.. Да просто потому, что слишкомъ часто бывать у васъ... неудобно... И какъ мнѣ ни пріятно навѣщать васъ. я все-таки рѣшилъ... сократить свои посѣщенія.

— Вамъ писалъ что-нибудь мужъ?

— Нѣтъ. Развѣ онъ недоволенъ моими посѣщеніями? Сейчасъ я его встрѣтилъ, и онъ просилъ меня чаще навѣщать васъ. Говорилъ, что вы хандрите? Что не хотите ѣхать за границу... Просилъ какъ-нибудь развлечь васъ... предложить вамъ ѣхать на острова...

Инна Николаевна презрительно усмѣхнулась.

— Такъ отчего вы рѣшили сократить посѣщенія? И мужъ, и жена васъ зовутъ, а вы...

— Люди злы и глупы, Инна Николаевна.

— И вы ихъ боитесь?

— Я не боюсь ихъ, но съ ними надо считаться, чтобъ не подать повода къ нелѣпымъ толкамъ...

— Понимаю. Вы боитесь скомпрометировать меня?—горько усмѣхнувшись, сказала Инна Николаевна.—Спасибо вамъ за это, Григорій Александровичъ, но не бойтесь этого... Про меня и такъ говорятъ, путая правду съ клеветой... Я это знаю... И скажите, ради чего вы будете лишать меня и, быть можетъ, себя удовольствія коротать вмѣстѣ иногда вечера... Изъ-за того только, что скажутъ люди? И еще какіе люди? Такіе, которые не прощаютъ

другимъ то, что дѣлаютъ сами? Ужели стоитъ, Григорій Александровичъ?—прибавила молодая женщина съ грустною улыбкой.

Никодимцевъ восторженно глядѣлъ на молодую женщину.

— Право, не стоитъ! Такъ будемъ видѣться и болтать, пока намъ не скучно. Хотите?

— Разумѣется, хочу.

— И будемъ добрыми друзьями, пока кому-нибудь изъ насъ не надоѣстъ эта дружба. Хотите?

Инна Николаевна протянула руку. Никодимцевъ крѣпко пожалъ ее и съ какою-то особенною серьезностью проговорилъ:

— Спасибо за довѣріе. Я буду вѣрнымъ другомъ.

— Вамъ я вѣрю.

— И еслибъ я могъ чѣмъ-нибудь доказать эту дружбу, я былъ бы счастливъ, Инна Николаевна.

— О, я сейчасъ же воспользуюсь ей...

— Приказывайте.

Инна Николаевна на минуту примолкла.

— Вы помните нашъ разговоръ на выставкѣ, Григорій Александровичъ, по поводу картины „Супруги"?—наконецъ спросила.

— Помню.

— Я тогда защищала жену, которая не оставляетъ нелюбимаго и неуважаемаго мужа... Теперь я не защищала бы ее.

Лицо Никодимцева просвѣтлѣло при этихъ словахъ.

— Вы, какъ вошли, спросили: что со мной?

— Да. Вы такъ похудѣли, такая грустная...

— Со мной, Григорій Александровичъ, то, что бываетъ со многими женщинами, которыя вдругъ сознали весь ужасъ своего положенія, почувствовали отвращеніе къ прежней жизни... и видятъ, что выхода нѣтъ... Нѣтъ его! — съ отчаяніемъ проговорила молодая женщина.

— Инна Николаевна! Къ чему отчаяваться? Поищемъ выхода, можетъ быть, и найдемъ.

— О, если бы найти!.. Если бы вы помогли мнѣ найти его! Я, право, стою этого, хотя во всемъ сама виновата. Какъ это случилось, какъ могла я жить съ человѣкомъ, котораго не любила и тогда, когда шла за него замужъ,—не стану теперь говорить. Мнѣ мучительно... мнѣ противно вспоминать весь этотъ ужасъ... Но потомъ, не сегодня, я все разскажу вамъ... всю правду, хотя бы изъ за нея я и потеряла вашу дружбу... Я не хочу, чтобы вы заблуждались на мой счетъ, такъ какъ слишкомъ уважаю васъ и цѣню вашу дружбу. Я далеко не такая, какою вы представляете себѣ... Слышите? — строго, почти что съ угрозой прибавила она.

Никакое самое лукавое кокетство не могло бы такъ подѣй-

ствовать на порядочнаго человѣка, какъ этотъ искренній порывъ любимой женщины.

И Никодимцевъ, полный восторженный любви, взволнованно проговорилъ:

— Что бы вы ни сказали о себѣ, я не перемѣню о васъ мнѣнія, Инна Николаевна!

— Не говорите заранѣе, чтобы послѣ не раскаяться въ своихъ словахъ... Не надо, не надо... А теперь слушайте и помогите совѣтомъ.

И Инна Николаевна, „волнуясь и спѣша“, проговорила:

— Жить больше съ мужемъ я не могу.

— Еще бы!—чуть слышно и радостно проронилъ Никодимцевъ.

— И я хотѣла бы развестись съ нимъ.

Въ головѣ Никодимцева появилась внезапно мысль, что Инна Николаевна, вѣроятно, кого-нибудь любитъ и собирается выйти вамужъ.

И въ голосѣ его прозвучала едва уловимая грустная нотка, когда онъ сказалъ:

— Чтобы найти счастіе въ другомъ замужествѣ?

Инна Николаевна удивлено взглянула на Никодимцева.

— Почему вы думаете, что я желаю развода ради другого замужества?

— Вы такъ молоды... И я думалъ...

— Довольно одного урока. Довольно...

— Но вы могли полюбить кого-нибудь достойнаго вашей привязанности и тогда отчего же не выйти замужъ.

— Полюбить?

Инна Николаевна вспомнила, какъ и кого она любила, и дрожь пробѣжала по ея тѣлу. И она проронила съ горькой усмѣшкой:

— Не такъ легко полюбить, Григорій Александровичъ, какъ слѣдуетъ любить... И надо заслужить право любить... А я... Я не имѣю права послѣ позорнаго своего замужества... Не утѣшайте... Не говорите ничего...

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ, не ради какого-нибудь рыцаря хочу я развода. Я просто желаю быть свободной... Избавиться отъ этого кошмара.

Никодимцевъ облегченно вздохнулъ.

Всѣ эти быстрыя перемѣны настроенія, отражавшіяся въ выраженіи его лица, глазъ, Инна Николаевна замѣтила, и ей это было пріятно. Ея трогала эта привязанность. Трогала и удивляла деликатностью проявленія и тѣмъ дѣйствительнымъ уваженіемъ, котораго она до сихъ поръ не видала ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ обожателей.

— Я не обвиняю этого человѣка... Я виновата. Зачѣмъ вы-

ходила замужъ... Зачѣмъ раньше не ушла отъ него... И вотъ теперь... расплата. Онъ не даетъ развода. Онъ грозитъ судомъ отнять дочь, если бы я уѣхала отъ него... Но за то онъ предоставляетъ мнѣ полную свободу жить, какъ я хочу, только бы я осталась съ нимъ... Вы понимаете какой ужасъ онъ предлагаетъ мнѣ?.. Вы понимаете, какое презрѣніе возбуждаетъ этотъ человѣкъ?..

Никодимцевъ вспомнилъ только-что бывшій на лѣстницѣ разговоръ съ Травинскимъ и, полный негодованія, промолвилъ:

— Это что-то чудовищно-омерзительное.

И затѣмъ съ трогательнымъ участіемъ прибавилъ:

— Какъ вы должны были страдать, Инна Николаевна... Но больше страдать вы не будете. Не падайте духомъ и завтра же уѣзжайте со своей дочкой изъ этой квартиры... Вы гдѣ думаете пока жить... У своихъ?

— Да.

— Завтра я добуду вамъ и отдѣльный видъ на жительство.

— А мужъ не отниметъ ребенка?.. Не подастъ жалобы въ судъ?

— Ничего онъ не сдѣлаетъ. Будьте покойны. Онъ только застращивалъ васъ!—успокоивалъ Никодимцевъ молодую женщину, хотя самъ и не увѣренъ былъ въ томъ, что говорилъ.

Разумѣется, онъ могъ устроить такъ, чтобы этотъ „негодяй“, какъ мысленно назвалъ Никодимцевъ мужа Инны Николаевны, не смѣлъ больше ее безпокоить. Стоило ему только поѣхать къ градоначальнику и попросить, чтобы онъ „посовѣтывалъ“ Травинскому оставить въ покоѣ свою жену, но Никодимцевъ рѣшительно отогналъ эту мысль, когда она пришла ему въ голову, считая такой образъ дѣйствій предосудительнымъ.

Болѣе всего возлагалъ онъ надеждъ на знакомаго своего пріятеля, извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго, который не откажется помочь въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ, и на подлость мужа Инны Николаевны, который, вѣроятно, не откажется дать и разводъ, если ему предложить денегъ.

И Никодимцевъ рѣшилъ отдать на это дѣло всѣ свои сбереженія — тысячъ пятнадцать — которыя онъ скопилъ, живя очень скромно и не проживая всего своего довольно значительнаго жалованья. Разумѣется, онъ сдѣлаетъ это отъ имени Козельскаго.

— И о разводѣ похлопочемъ, Инна Николаевна, и разведемъ васъ... только вы-то не волнуйтесь и не терзайте себя злыми мыслями... Кто не дѣлалъ ошибокъ?.. Вы вотъ свою теперь поправите и дѣлу конецъ...

— Спасибо вамъ, Григорій Александровичъ. За все, за все спасибо... не только за участіе и помощь. Вы сдѣлали для меня

нѣчто бо́льшее. Вы вернули мнѣ вѣру въ порядочныхъ людей, уважающихъ въ женщинѣ человѣка, и заставили меня очнуться и придти въ ужасъ... На долго ли меня хватитъ—не знаю, боюсь говорить... Но никогда я этого не забуду!—горячо и взволнованно проговорила Инна Николаевна.

Въ первое мгновеніе Никодимцевъ не находилъ словъ.

Полный необыкновеннаго счастья, стараясь скрыть его, онъ наконецъ проговорилъ:

— Вы слишкомъ добры, Инна Николаевна и слишкомъ мало цѣните себя... Ужъ если считаться, то я долженъ благодарить васъ за довѣріе и дружбу... Мнѣ, одинокому старику, она такъ дорога и такъ краситъ жизнь...

Онъ готовъ былъ сказать, что только теперь понялъ прелесть жизни, потому что любитъ Инну Николаевну и будетъ любить, и не можетъ не любить ея, что она одна теперь владѣетъ его мыслями, но во́-время остановился, считая такое признаніе прямотаки святотатственной дерзостью и подлостью именно теперь, когда Инна Николаевна такъ дружески и довѣрчиво отнеслась къ нему. Она никогда не должна знать про его любовь. И на что она ей?.. Развѣ возможно, чтобы Инна Николаевна могла отнестись иначе, какъ съ негодованіемъ или съ обиднымъ сожалѣніемъ къ влюбленному пожилому человѣку, да еще такому некрасивому, какъ онъ?

Такія мысли не разъ приходили въ голову мнительно-самолюбиваго Никодимцева, и онъ даже въ мечтахъ не допускалъ возможности быть любимымъ, да еще такой молодой, такой красивой, такой умной и отзывчивой женщиной, какъ Инна Николаевна.

— И, значитъ, мы, во всякомъ случаѣ, квиты, Инна Николаевна!—прибавилъ весело Никодимцевъ...

Скоро подали чай, и они пошли въ столовую.

И чай, и хлѣбъ, и масло... все казалось необыкновенно вкуснымъ Никодимцеву.

Въ двѣнадцатомъ часу онъ сталъ прощаться и снова повторилъ Иннѣ Николавнѣ, чтобы она не безпокоилась и завтра переѣзжала къ своимъ.

— А паспортъ я завтра вечеромъ самъ привезу, если позволите...

— Конечно...

— А вещи ваши...

— Я ничего не хочу брать...

— Вотъ вы какая...

Никодимцевъ хотѣлъ сказать: „хорошая“, но вмѣсто этого покраснѣлъ отъ удовольствія.

— А затѣмъ, Инна Николаевна, когда вы отдохнете, можно

будетъ пріискать вамъ какія-нибудь занятія, если они вамъ нужны и если вы соскучитесь безъ дѣла. Хотите?

— Еще какъ хочу... Но только боюсь, Григорій Александровичъ...

— Чего?

— Что я послѣ праздной жизни ни къ чему неспособна.

— Я вамъ отвѣчу, какъ отвѣтилъ во „Власти тьмы" отставной солдатъ: „А вы не бойтесь и не будетъ страшно". Попробуйте... Ну да объ этомъ еще поговоримъ... Спокойной ночи, и дай вамъ Богъ хорошихъ сновъ, Инна Николаевна!.. А мнѣ еще надобно съ своими бумагами повозиться...

— И долго будете работать?

— Часа два, три... Да я привыкъ къ работѣ... Всю жизнь за ней просидѣлъ и не замѣтилъ, какъ старость подошла...

— Ну ужъ и старость. Вы просто кокетничаете своею старостью, Григорій Александровичъ.

— Нѣтъ, Инна Николаевна, нѣтъ... Старикъ, старикъ! И не утѣшайте меня изъ любезности. Я знаю себѣ цѣну! — почти строго произнесъ Никодимцевъ.

Прощаясь, онъ опять-таки не поцѣловалъ руки Инны Николаевны, какъ дѣлалъ это прежде, а только крѣпко ее пожалъ

И Инна Николаевна поняла и оцѣнила эту тонкую деликатность.

„Зачѣмъ я его раньше не встрѣтила?" — подумала она, направляясь въ свою комнату.

На слѣдующій день, во второмъ часу, Инна Николаевна, Леночка и фрейленъ Шарлотта уѣхали въ каретѣ къ Козельскимъ.

Инна Николаевна сочла возможнымъ взять съ собою только ея приданное бѣлье, нѣсколько своихъ вещицъ, книгъ и дѣтское бѣлье и платье. Всѣ хозяйственныя деньги, бывшія у нея, всѣ драгоцѣнныя вещи: браслеты и кольца, въ томъ числѣ и обручальное, она положила въ небольшую шкатулку и поставила на письменномъ столѣ въ кабинетѣ мужа вмѣстѣ съ коротенькой записочкой, въ которой извѣщала, что оставляетъ его навсегда.

Прислуга, разумѣется, догадалась въ чемъ дѣло, и съ молчаливымъ сочувствіемъ проводила барыню.

Инна Николаевна была въ большой тревогѣ, нѣсколько разъ высовывалась изъ окна, чтобы просить кучера ѣхать скорѣе. Она боялась погони. Ей казалось, что вотъ, вотъ мужъ остановитъ карету и отниметъ ребенка. И вмѣстѣ съ мужемъ, въ ея воображеніи являлся образъ Привольскаго, и она вздрагивала съ чувствомъ отвращенія.

Успокоилась она только тогда, когда вошла въ квартиру отца.

Глава одиннадцатая.

I.

Дома была одна Антонина Сергѣевна. Она торопливо вышла въ прихожую, когда горничная сказала, что пріѣхала молодая барыня.

— А мы къ вамъ совсѣмъ, мама. Позволишь?

Въ голосѣ Инны Николаевны звучала дѣтская жалобная нотка,

И она съ какою-то особенной порывистостью и лаской, словно бы и радуясь, и въ то же время прося за что-то прощенія, стала цѣловать лицо и руки матери.

— Больше нѣтъ силъ, мамочка!—шепнула она.

И слезы покатились изъ глазъ Инны Николаевны.

Антонина Сергѣевна прижала голову дочери къ своей груди и тихо гладила ея голову своей вздрагивающей рукой, какъ, бывало, гладила, когда Инночка была маленькой дѣвочкой.

Увидавъ, что лакей Иванъ и швейцаръ не знаютъ, куда нести большую корзину, привезенную Инной Николаевной, Козельская приказала нести ее въ свою комнату. И, разцѣловавъ затѣмъ внучку, сказала дочери, когда всѣ вошли въ гостиную:

— Ты будешь съ Леночкой жить въ моей комнатѣ, Инночка, а фрейленъ будетъ спать въ столовой, а я возьму себѣ комнату, гдѣ стоятъ шкапы... Ихъ оттуда вынесутъ, и мнѣ будетъ отлично...

— Что ты, мама... Я въ той комнатѣ помѣщусь...

Но Антонина Сергѣевна и слышать не хотѣла.

— Завтракали ли вы?—спохватилась она.

— Я не хочу, мама... А Леночкѣ вели сдѣлать котлетку.

Какъ ни пріятно было Иннѣ Николаевнѣ сознаніе, что она уѣхала отъ мужа, но въ то же время она чувствовала, что переселеніе ея стѣснитъ всѣхъ, и главнымъ образомъ мать, и это нѣсколько отравляло ея удовольствіе.

Антонина Сергѣевна сдѣлала распоряженіе, чтобы Леночкѣ была котлета и молоко и чтобы очищена была маленькая комната и, вернувшись въ гостиную къ дочери, снова горячо обняла ее, всплакнула и затѣмъ спросила:

— А онъ что? Онъ знаетъ?

— Нѣтъ, мамочка. Я оставила записку.

— Бѣдная ты моя, дѣточка!.. Я догадывалась, что ты несчастлива... Не даромъ я была противъ этого брака!—говорила Антонина Сергѣевна, забывая, что она ни однимъ словомъ не выразила своей дочери протеста противъ ея брака съ Травинскимъ и вообще не считала нужнымъ въ чемъ-нибудь стѣснять своихъ дочерей.

Она принадлежала къ типу тѣхъ матерей, которыя слѣпо любятъ своихъ дѣтей. Антонина Сергѣевна обожала мужа, обожала дочерей и, полная этого обожанія, создавшая изъ него культъ, заботилась, чтобы всѣ ихъ желанія были удовлетворены, баловала ихъ и вполнѣ была увѣрена, что, отдавъ имъ всю свою жизнь, безупречную и свѣтлую, она добросовѣстно исполнила свои обязанности и воспитала превосходныхъ женщинъ—такихъ же преданныхъ долгу и такихъ же „однолюбокъ", какою была сама и что ставила себѣ въ особую заслугу и чѣмъ особенно гордилась.

Не смотря на страстную и готовую на всякія жертвы любовь Антонины Сергѣевны къ дочерямъ, между ними и ею не было духовной близости. Мать совсѣмъ не знала внутренняго міра дочерей и, влюбленная въ нихъ, не замѣчала того, что легко бросалось въ глаза постороннимъ. Не глупая, видѣвшая недостатки въ чужихъ людяхъ, она была совсѣмъ слѣпою и, казалось, наивною въ оцѣнкѣ своихъ дочерей, и чѣмъ старше онѣ становились, тѣмъ болѣе хроническою становилась эта слѣпота безграничной вѣры.

Такъ Антонина Сергѣевна и продолжала жить въ какомъ-то сантиментальномъ миражѣ, въ культѣ обожанія, ласкъ, поцѣлуевъ и заботъ о дочеряхъ, и въ лелѣяніи ревнивыхъ подозрѣній и въ мучительныхъ розыскахъ любовницъ мужа, когда она сдѣлалась несчастной женой все еще любимаго человѣка.

И мужъ, и дѣти сохраняли этотъ миражъ, чтобы не причинить страданій женщинѣ, которую считали безупречною и святою.

Обманывалъ ее болѣе или менѣе умѣло мужъ. Скрывали отъ нея все, что могло огорчить ее, обѣ дочери. Инна, не обращавшая вниманія, что про нее говорятъ, боялась недовѣрчиваго взгляда матери и находила мучительное утѣшеніе въ томъ, что мать, одна только мать, считаетъ ее чистою и непорочною и не повѣритъ ничему дурному, если бы до нея и дошли какіе-нибудь слухи. Даже Тина, проповѣдывавшая въ послѣднее время теорію пріятныхъ ощущеній со смѣлостью самолюбивой барышни, желавшей удивить всѣхъ оригинальностью мнѣній и самостоятельностью поступковъ, не похожихъ на поступки другихъ,—и та, несмотря на свою рѣзкость и равнодушіе къ чужимъ мнѣніямъ, стѣснялась высказывать свои взгляды при матери, чтобы не огорчить ее и не обнажить, такъ сказать, себя передъ любимой, почитаемой и потому всегда обманываемой матерью.

— Какъ это все вышло? Изъ-за чего у васъ дѣло дошло до разрыва? Было объясненіе?... Вѣдь онъ все-таки любитъ тебя, Инночка? Не правда ли?.. И очень любитъ?—спрашивала мать, любовно и грустно взглядывая на дочь и плотнѣе усаживаясь на диванъ, чтобы выслушать подробный разсказъ дочери о томъ, какъ все это вышло.

Эти вопросы кольнули Инну Николаевну. О, какъ далека мать отъ пониманія всего ужаса ея брачной жизни и ея душевнаго настроенія. А вѣдь сама несчастлива съ отцомъ!

— Я не любила его, мама... И вообще мы съ нимъ не сходились... И вышло это просто, какъ видишь... Я пріѣхала къ вамъ и не вернусь болѣе къ нему... Положимъ, я во многомъ виновата передъ нимъ, но...

— Что ты, что ты, Инночка! Причемъ ты могла быть виновата передъ нимъ?.. Если немножко кокетничала, такъ что жъ тутъ дурного? Онъ все-таки не имѣетъ права ни въ чемъ тебя упрекнуть... Ты была честной и вѣрной женой... Точно я тебя не знаю...

„Еслибъ мама знала?“ — пронеслось въ головѣ Инны Николаевны.

И она прижалась головой къ матери, словно ребенокъ, ищущій защиты, и сказала:

— Не будемъ пока объ этомъ говорить, мама... Я виновата ужъ тѣмъ, что была женой человѣка, котораго не любила...

И мать, и дочь нѣсколько минутъ сидѣли молча.

Наконецъ, Инна Николаевна спросила:

— А папа не будетъ недоволенъ, что я пріѣхала?.. Мнѣ все кажется, что я стѣсню васъ...

— Какъ тебѣ не стыдно, Инночка!..

И Антонина Сергѣевна стала говорить, какъ она рада, что Инночка и Леночка будутъ около нея и что, конечно, отецъ тоже будетъ радъ. Онъ вѣдь такъ любитъ и ее, и Тину. И, разумѣется, никакого стѣсненія и быть не можетъ. Напротивъ, въ домѣ станетъ веселѣе отъ присутствія внучки.

Въ это время въ гостиную вошелъ лакей и доложилъ Иннѣ Николаевнѣ, что кучеръ проситъ деньги.

— Я и забыла... Заплати, мамочка! — попросила она и по французски прибавила:—Вѣдь я ничего оттуда не взяла... Одно бѣлье и платье, которое на мнѣ...

— Милая! Это благородно!—воскликнула мать и, отпустивъ лакея, снова обняла Инну Николаевну и сказала, что она поговоритъ съ отцомъ и, конечно, онъ съ удовольствіемъ дастъ денегъ и у Инночки будетъ все, что нужно.

— И у меня есть свои триста рублей. Возьми ихъ, голубка!

Хотя Инна Николаевна не сомнѣвалась, что отецъ не откажетъ, все-таки сознаніе матеріальной зависимости отъ него нѣсколько отравляло радость новаго ея положенія, и она подумала, что непремѣнно попроситъ Никодимцева пріискать ей какія-нибудь занятія.

За четверть часа до обѣда пришла Тина, закраснѣвшаяся, свѣжая, оживленная.

По обыкновенію, она не сказала матери, гдѣ была, и, здороваясь съ сестрой, проговорила:

— Цвѣтъ лица у тебя нехорошій. Видно, мало ходишь. Надо ходить, ходить.

И когда мать сказала, что Инна будетъ жить теперь съ ними, молодая дѣвушка радостно проговорила:

— Наконецъ-то ты разсталась со своимъ идіотомъ! Надѣюсь, примиренія больше не будетъ?

— Надѣюсь...

— Ты не раскисай, Инна. Не вздумай его пожалѣть.

— Теперь ужъ не пожалѣю!—значительно проговорила Инна Николаевна.

— Конечно, разведешься?

— Онъ не хочетъ давать развода.

— Не хочетъ? Какой негодяй!.. Видно, надѣется, что ты вернешься? Вотъ и выходи послѣ этого замужъ!—смѣясь проговорила молодая дѣвушка.

— Не всѣ же такіе, Тина!—замѣтила Антонина Сергѣевна.

— Всѣ, мама!—категорически заявила Тина, точно она отлично знала мужчинъ.—Пока женщина, которую они любятъ, какъ говорятъ, при нихъ, они готовы ползать на четверенькахъ, а уйди она... А ты, Инна, попросила бы Никодимцева...

Инна Николаевна слегка покраснѣла.

— О чемъ?

— Чтобы онъ тебѣ помогъ, если твой идіотъ въ самомъ дѣлѣ будетъ упрямиться...

— Но что же Никодимцевъ можетъ?

— Онъ можетъ поѣхать къ начальнику твоего мужа и попросить...

— Это лучше папѣ сдѣлать!—замѣтила Антонина Сергѣевна.

— Для папы не сдѣлаютъ того, что сдѣлаютъ для Никодимцева. А онъ порядочный человѣкъ и, конечно, съ удовольствіемъ исполнитъ просьбу Инны!—сказала молодая дѣвушка, не сомнѣвавшаяся, какъ и многіе, что Никодимцевъ близокъ съ Инной Николаевной.

— Онъ и такъ былъ настолько добръ, что обѣщалъ выхлопотать мнѣ отдѣльный видъ на жительство...

Антонина Сергѣевна вышла изъ гостиной. Сестры пошли въ комнату Татьяны Николаевны.

— Онъ тебѣ и разводъ выхлопочетъ. Это въ его интересахъ!—заговорила Тина.

— Это почему?

— Да потому, что онъ влюбленъ въ тебя и...

— И что еще?

— И разумѣется, скоро сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, Инна... Точно ты сама этого не знаешь... А за него еще можно рискнуть... Онъ навѣрное въ разводѣ не откажетъ... Не правда ли, Инна?—съ веселымъ смѣхомъ говорила Татьяна Николаевна.

— Не сдѣлаетъ онъ мнѣ предложенія и не пойду я за него замужъ, Тина!—серьезно проговорила старшая сестра.

— Отчего! Развѣ онъ тебѣ не нравится?...

— Тина... Тина... Ты все еще вѣришь въ свою теорію пріятныхъ ощущеній?

— Вѣрю и живу ими. А ты развѣ нѣтъ?..

— Я пришла въ ужасъ отъ нихъ, Тина... Нѣтъ, Тина, такъ жить нельзя... Придетъ часъ расплаты...

Молодая дѣвушка насмѣшливо посмотрѣла на сестру.

— Ты моралисткой стала. Съ какихъ это поръ?

— Съ недавнихъ.

— Поздравляю! Это чье же вліяніе? Никодимцева?

— Отчасти и его. И я хотѣла бы, чтобы и ты встрѣтила такого человѣка, какъ Никодимцевъ, Тина. Не шути съ жизнью. Дошутишься до того, что станешь презирать себя... Избави тебя Богъ отъ этого...

— Слова, слова, слова!..

— Пожалуйте кушать!—доложилъ вошедшій лакей.

II.

Новость, сообщенная Антониной Сергѣевной мужу, какъ только онъ пріѣхалъ домой, не удивила Николая Ивановича. Онъ тоже выразилъ удовольствіе, что Инна оставила этого идіота. Она, разумѣется, должна развестись съ нимъ и какъ можно скорѣе. „Инна молода, хороша собой и можетъ еще выйти замужъ“, думалъ Козельскій, рѣшившій, что оставленіе мужа дочерью явилось не безъ вліянія Никодимцева. Что Никодимцевъ влюбленъ въ Инну, въ томъ Козельскій не сомнѣвался, особенно послѣ джентльменскаго поступка Никодимцева въ ресторанѣ Донона, о которомъ Николай Ивановичъ узналъ на-дняхъ, и, разумѣется, отъ Инны зависитъ женить его на себѣ. Партія блестящая и родство очень выгодное. Человѣкъ онъ очень умный и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный и при этомъ еще не старый, здоровый и крѣпкій и можетъ понравиться женщинѣ. Съ нимъ Инна навѣрное перестанетъ подавать поводъ къ разговорамъ, подобнымъ тому, изъ-за котораго Никодимцевъ не испугался риска нарваться на „исторію“. Только надо ковать желѣзо, пока горячо, и Инна, разумѣется, сдѣлается женой Никодимцева, пока онъ по уши влюбленъ и, слѣдовательно, не повѣритъ тому, что о ней говорятъ... Однимъ

словомъ, Козельскій возлагалъ большія надежды на то, что и онъ, въ качествѣ тестя, такого виднаго человѣка, такъ или иначе, но поправитъ свои дѣла.

Денегъ на экипировку Козельскій обѣщалъ дать „сколько нужно, хотя и подумалъ, что Инна напрасно не взяла свои платья и драгоцѣнныя вещи, но просилъ только повременить нѣсколько дней. У него будутъ деньги... Онъ долженъ получить...

Козельскій говорилъ такъ небрежно увѣренно, что Антонина Сергѣевна, давно ужъ не посвящаемая въ денежныя дѣла мужа, горячо поблагодарила и ушла изъ кабинета вполнѣ довольная за Инну.

А между тѣмъ, на сердцѣ у Козельскаго скребли кошки. На завтра предстояла новая уплата по векселю, и сегодня онъ денегъ не досталъ, и не знаетъ, куда обратиться. Всюду — онъ долженъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ получалъ жалованье, оно уже забрано, и его превосходительство рѣшительно не зналъ, какъ извернуться и что ему дѣлать. Если даже онъ и заплатитъ завтра, во всякомъ случаѣ дѣла его отъ этого не поправятся. Ему необходимо гдѣ-нибудь достать крупный кушъ—тысячъ десять, чтобы расплатиться съ болѣе назойливыми долгами и нѣсколько успокоиться отъ этой каторги—вѣчнаго исканія денегъ.

Онъ въ разныхъ служебныхъ мѣстахъ нахватывалъ до двадцати тысячъ и всегда былъ безъ денегъ. У него всегда были какіе-то старые долги, которые онъ выплачивалъ, и всегда ему не хватало денегъ на тотъ train жизни, какой онъ велъ. И онъ легкомысленно надѣялся на возможность сразу получить крупный кушъ и сразу поправить дѣла, выдумывая разныя предпріятія, вступая въ компанію съ сомнительными дѣльцами. Но или предпріятія оказывались несбыточными, или у Николая Ивановича не было ни достаточно умѣнья, ни вліятельныхъ связей, но только ни одно дѣло его не приносило ему большого куша, а лѣсное, на которое онъ такъ надѣялся, принесло ему еще убытокъ, и весьма порядочный, на такъ называемые „предварительные расходы“, часть которыхъ пала на его долю. А деньги были заняты и заняты на короткій срокъ.

Сегодня вечеромъ Николай Ивановичъ долженъ былъ сдѣлать послѣднюю попытку: имѣть свиданіе съ однимъ евреемъ, подставнымъ лицомъ знакомаго тайнаго совѣтника, который пріумножалъ свое состояніе ростовщичествомъ за чужой спиной. Если эта попытка неудастся...

— Ника! Мы ждемъ тебя, Ника!—проговорила, входя въ кабинетъ, жена.

И, замѣтивъ озабоченное лицо мужа, безпокойно прибавила:

— Ты чѣмъ-то разстроенъ... Что съ тобой?..

*

— Ничего, право, ничего... Просто усталъ немного, Тоня... Прости, что заставилъ себя ждать.

И съ изысканной любезностью предложивъ женѣ руку, прошелъ съ ней въ столовую.

Онъ съ особенною ласковостью поздоровался съ Инной Николаевной, расцѣловалъ внучку, протянулъ руку фрейленъ и сѣлъ на свое обычное мѣсто около Антонины Сергѣевны.

— Теперь мы всѣ въ сборѣ!—значительно проговорилъ Козельскій, взглядывая на Инну Николаевну.—И я очень этому радъ.

Онъ на время позабылъ о дѣлахъ и съ обычнымъ легкомысліемъ почему-то надѣялся, что убѣдитъ еврея дать ему денегъ. И, успокоивъ себя этой надеждой, онъ за обѣдомъ былъ очень милъ: находилъ все вкуснымъ, къ удовольствію Антонины Сергѣевны, не безъ насмѣшливой игривости разсказалъ, что недородъ оффиціально признанъ и что о немъ можно будетъ говорить въ газетахъ, весело сказалъ Иннѣ Николаевнѣ, что „все хорошо, что хорошо кончается", шутилъ съ внучкой и съ Тиной и послѣ второго блюда что-то шепнулъ лакею, сунувъ ему въ руку деньги.

И когда передъ жаркимъ розлили по бокаламъ шампанское, Козельскій поднялъ бокалъ и предложилъ выпить за Инночку, вырвавшуюся изъ вавилонскаго плѣна.

— А мы ужъ тебя больше въ обиду не дадимъ! Разведемъ съ твоимъ умникомъ! — ласково прибавилъ отецъ и, поднявшись съ мѣста, подошелъ къ дочери и крѣпко ее поцѣловалъ.

Инна Николаевна была тронута. Цѣлуясь съ отцомъ, матерью, и сестрой, она чувствовала себя въ атмосферѣ нѣжной ласки, увѣренная, что въ обиду ея не дадутъ. Но все-таки вспомнила при этомъ и Никодимцева..

„Не познакомься она съ нимъ?.."

Послѣ обѣда Козельскій увелъ Инну Николаевну въ кабинетъ и, усадивъ ее на диванъ, сталъ закуривать, не спѣша, сигару.

Инна Николаевна не безъ восхищенія глядѣла на своего моложаваго, красиваго, элегантнаго и порочнаго отца.

— Ну поговоримъ, Инночка,—заговорилъ онъ своимъ мягкимъ пѣвучимъ голосомъ.— Во-первыхъ, выдалъ онъ тебѣ видъ на жительство?

— Нѣтъ, папа. Онъ застращивалъ меня судомъ. Грозилъ отнять Леночку.

— Ну, это дудки!.. А паспортъ мы и безъ него добудемъ.

Инна Николаевна сказала, что паспортъ обѣщалъ сегодня привезти Никодимцевъ...

— И отлично. Спасибо Григорію Александровичу, что онъ принялъ въ тебѣ участіе. Онъ очень порядочный человѣкъ и дѣйствительно преданъ тебѣ... И я сердечно поблагодарю его се-

годня же, если застану у насъ... Въ половинѣ восьмого мнѣ надо ѣхать по дѣлу... И свою порядочность и уваженіе къ тебѣ онъ доказалъ... Онъ не нынѣшнимъ молодымъ людямъ чета... Не правда ли... джентльменскій поступокъ?.. Можно сказать по рыцарски поступилъ...

— Ты про что говоришь?.. Про какой рыцарскій поступокъ Никодимцева?

— Да развѣ ты не знаешь?.. Ничего не слыхала? Твой мужъ ничего не говорилъ?

— Я ничего не знаю.

Тогда Козельскій разсказалъ о томъ, какъ Никодимцевъ заставилъ замолчать одного молодого мерзавца, позволившаго себѣ недостаточно уважительно и слишкомъ громко говорить съ товарищемъ объ Иннѣ.

— Ты вѣдь знаешь, какъ клевещутъ на женщинъ, особенно если онѣ красивы!—успокоительно прибавилъ Козельскій.

— Кто были эти господа и что они говорили? — внезапно блѣднѣя, спросила Инна Николаевна.

— Пріятели твоего мужа... Служатъ вмѣстѣ... Да ты что волнуешься, Инночка?.. Мало ли негодяевъ... Но только Григорій Александровичъ поступилъ, какъ истинный джентльменъ... Мнѣ говорилъ Магометъ — татаринъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены... Григорій Александровичъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, подошелъ къ сосѣднему столу, за которымъ сидѣли эти господа, и сказалъ, что онъ задушитъ, если тотъ мерзавецъ скажетъ слово... Немножко по мальчишески для будущаго товарища министра, но... благородно...

Передавая объ этомъ не безъ тайнаго умысла возбудить въ Иннѣ Николаевнѣ бо́льшій интересъ къ Никодимцеву, Козельскій никакъ, конечно, не разсчитывалъ, что дочь приметъ исторію нѣсколько трагически, и былъ изумленъ, когда, вмѣсто радостнаго чувства польщеннаго самолюбія, въ ея лицѣ было что-то страдальческое...

— А Никодимцеву эти... господа не отвѣтили дерзостью?— взволнованно спросила она.

— Такіе господа трусы... Онъ бросилъ имъ карточку... и они извинялись передъ нимъ...

— Когда это случилось?

— Въ прошлое воскресенье.

„Такъ вотъ отъ чего онъ не пріѣзжалъ и вотъ отъ чего не хотѣлъ ѣздить, боясь скомпрометировать меня. Вѣрно говорили про него!“ — подумала Инна Николаевна, тронутая деликатною, самоотверженною любовью Никодимцева.

— Да, Инночка, вотъ это истинная преданность... Ты, видно, околдовала этого Никодимцева...

— Тутъ не я, папа... Онъ, я думаю, вступился бы, еслибъ при немъ позорили и совсѣмъ незнакомую женщину...

— Положимъ, но все-таки едва ли бы такъ горячо...

И Инна подумала, что отецъ, пожалуй, и правъ. И ей было это очень пріятно и въ то же время ей хотѣлось какъ можно скорѣе „открыть ему глаза“ на себя и сказать, что многое изъ того, что говорили о ней—правда.

„А тамъ будь, что будетъ! Довольно лжи!“

Козельскій еще разъ сказалъ дочери, что въ обиду не дастъ и сказалъ, что надо скорѣе разводиться. Деньги на разводъ онъ, конечно, дастъ.

— Но мужъ ни за что не дастъ развода, папа.

— Онъ говорилъ?

— Говорилъ.

— О, какая скотина!.. Я съ нимъ поговорю... Быть можетъ, удастся убѣдить его...

— Врядъ ли...

— Тогда... тогда, знаешь ли что, Инночка?.. Надо будетъ попросить Никодимцева...

— Онъ уже предлагалъ свои услуги!—промолвила Инна Николаена.—Но только лучше попробуй ты, папа... Поговори съ мужемъ... Быть можетъ... что-нибудь выйдетъ...

— Во всякомъ случаѣ выйдетъ что-нибудь хорошее!—значительно проговорилъ Козельскій, цѣлуя дочь.—А пока до свиданія. Надо ѣхать. Передай мой привѣтъ Григорію Александровичу, если онъ пріѣдетъ!

Козельскій уѣхалъ дѣлать послѣднюю попытку.

III.

Инна Николаевна уложила Леночку спать и, въ ожиданіи Никодимцева, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, со страхомъ думая объ объясненіи, которое она должна имѣть съ нимъ. Его заступничество произвело на нее сильное впечатлѣніе и въ то же время обязывало ее разсказать про свою жизнь...

„Но только не сегодня и не сказать... лучше написать?“..

Эта мысль нѣсколько успокоила ее... По крайней мѣрѣ сегодня еще онъ будетъ такой же любящій, добрый.

Пробило девять часовъ. Никодимцевъ не ѣхалъ, и Инна Николаевна то и дѣло подходила къ окну, изъ котораго былъ видѣнъ подъѣздъ, и всматривалась, не подъѣдетъ ли Никодимцевъ... И въ голову ея лѣзли мрачныя мысли. Ей казалось, что Никодимцевъ болѣе никогда не пріѣдетъ, что онъ узналъ, какая она, и что она лишится единственнаго друга, котораго такъ наожиданно послала ей судьба.

— Вамъ письмо Инна Николаевна. Курьеръ привезъ и спрашиваетъ будетъ ли отвѣтъ?—доложилъ лакей, подавая на маленькомъ серебряномъ подносѣ письмо.

„Онъ не пріѣхалъ!"—подумала Инна Николаевна.

И сердце ея тревожне забилось, когда она вскрыла большой конвертъ, въ которомъ находилась зелененькая паспортная книга.

Но лицо ея просвѣтлѣло, когда она прочитала маленькую записочку, въ которой Никодимцевъ извѣщалъ, что, не смотря на желаніе узнать лично о здоровьѣ Инны Николаевны, онъ не рѣшается ее безпокоить въ день ея переѣзда и проситъ позволенія пріѣхать завтра, чтобы лично сообщить пріятныя извѣстія о возможности развода.

Повеселѣвшая, она тотчасъ же написала ему:

„Спасибо, горячее спасибо. Пріѣзжайте завтра. Буду ждать".

— Положительно, мама, Никодимцевъ образецъ порядочности!—проговорила Инна Николаевна, входя въ столовую.

— А что?..

— Прочитай его записку и оцѣни деликатность его непріѣзда...

— Да... вполнѣ приличный господинъ! И радостную вещь сообщилъ. Спасибо ему.

— Какую?—спросила Тина.

— Что привезетъ пріятное извѣстіе о разводѣ.

— Гм... Какъ, однако, твой корректный чиновникъ торопится съ твоимъ разводомъ.

Инна Николаевна промолчала.

— Ты что этимъ хочешь сказать, Тина?—простодушно спросила Антонина Сергѣевна.

— Хочу сказать, что онъ старается для себя...

— То-есть, какъ?

— А такъ... Влюбленъ въ Инну и навѣрное сдѣлаетъ ей на-дняхъ предложеніе...

Мать вопросительно взглянула на Инну. Та полушутя сказала:

— У Тины фантазія большая, мама. Вотъ и все.

Въ это время вошелъ лакей и, обратившись къ Тинѣ, сказалъ:

— Васъ, барышня, какой-то студентъ спрашиваетъ, Скурагинъ.

— Первый разъ слышу фамилію!—удивилась Тина.

— Очень бѣдно одѣтый и въ лѣтнемъ пальтецѣ... Зазябши. Прикажете отказать?

— Просите въ гостиную.

— Я ему пришлю чаю, Тиночка! —сказала Антонина Сергѣевна.

Тина вышла въ гостиную.

Черезъ минуту изъ-за портьеры показался черноволосый, худощавый студентъ, въ очень потертомъ форменномъ сюртукѣ и въ стоптанныхъ сапогахъ, замѣчательно красивый, серьезный и нѣсколько взволнованный.

— Скурагинъ!—произнесъ онъ строгимъ тономъ.

И взглядывая на молодую дѣвушку своими прелестными большими черными глазами строго, почти непріязненно, протянулъ ей первый зазябшую красную руку и спросилъ:

— Вы Татьяна Николаевна Козельская?

— Я!—отвѣтила Тина.

И, пораженная одухотворенною и, казалось, несознаваемою молодымъ человѣкомъ красотою, его блѣднаго, строгаго и мужественнаго лица и въ то же время недовольная, что онъ, подобно большей части мужчинъ, не испытываетъ ни малѣйшаго обаянія ея вызывающаго, хорошенькаго личика, она кокетливо ему улыбнулась, словно бы хотѣла расположить студента въ свою пользу этой улыбкой и сказать: „погляди, какая я хорошенькая!“

Но студентъ не только не сдѣлался отъ этой улыбки привѣтливѣе, а еще холоднѣе и строже произнесъ:

— Мнѣ надо съ вами поговорить. Здѣсь можно?—нетерпѣливо прибавилъ онъ, бросая взглядъ на полуоткрытую дверь въ столовую.

Заинтересованная этой таинственностью, Тина сказала:

— Пойдемте въ кабинетъ отца...

И когда они вошли туда, сѣла на кресло и, указывая на другое, сухо бросила:

— Присядьте.

Но студентъ не сѣлъ.

— Я къ вамъ по порученію Бориса Александровича... Онъ проситъ...

— Но какъ онъ смѣлъ обратиться къ чужому посредству?—высокомѣрно перебила молодая дѣвушка, чувствуя, что краска заливаетъ ея лицо.

— Потрудитесь выслушать и тогда вы поймете, что онъ смѣлъ!.. Онъ сегодня въ три часа дня пустилъ себѣ пулю въ грудь и находится теперь въ больницѣ... Написать не могъ и потому просилъ меня передать вамъ свою просьбу пріѣхать къ нему завтра, утромъ, въ Общину св. Георгія на Выборгской Сторонѣ...

Тина ахнула. Еще сегодня она утромъ была у него.

— Онъ не смертельно ранилъ себя. Онъ будетъ жить?—испуганно спросила она.

— Доктора подаютъ надежду, но... рана опасная. Что прикажете ему отвѣтить!

— Я буду.

— Въ которомъ часу.

— Въ десять утра. Можно?

— Да. Имѣю честь кланяться!

Студентъ поклонился и вышелъ.

Тина нѣсколько минутъ сидѣла неподвижная.

— Какой онъ, однако, глупый!.. Стрѣляться! — прошептала она, и вдругъ слезы полились изъ ея глазъ.

Въ кабинетъ заглянула Инна Николаевна.

— Тина... голубчикъ... Что съ тобой?..

— Борисъ Александровичъ стрѣлялся... Рана опасная... Проситъ пріѣхать завтра въ больницу... Не говори ни слова мамѣ! — вытирая слезы, говорила молодая дѣвушка.

И, нѣсколько успокоившись, прибавила:

— Онъ настаивалъ, чтобы я вышла за него за мужъ, а я... я сегодня была у него и сказала, что замужъ не выйду... Довольно съ него, что я... цѣлую его, пока мнѣ хочется... А онъ принялъ все это трагически...

— Поѣдемъ сейчасъ къ нему, Тина... Я скажу мамѣ, что хочу прокатиться...

— И скажи, что студентъ приходилъ отъ... отъ Ольги Ордынцевой... звать къ нимъ...

Черезъ нѣсколько минутъ сестры выходили изъ подъѣзда. На подъѣздѣ ихъ встрѣтилъ отецъ.

— Вы, милыя, куда?—спросилъ онъ.

— Прокатиться немного... У меня голова болитъ, папа!— сказала Инна Николаевна.

— Такъ берите моего извозчика... У него хорошая лошадь!

Козельскій вошелъ въ квартиру и прошелъ въ кабинетъ. Деньги онъ досталъ, но какою цѣною?

И его превосходительство чувствовалъ какую-то неловкость и что-то, похожее на стыдъ, когда досталъ изъ бумажника чекъ на пять тысячъ.

„Но я возвращу ихъ!“—старался успокоить себя Козельскій и сознавалъ, что все-таки онъ взялъ взятку...

— И какъ это все случилось неожиданно!—прошепталъ онъ, вспоминая, какъ это случилось.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

* * *

Въ окно глядится сумракъ предразсвѣтный,
Чернѣетъ садъ угрюмою стѣной,
Унылый часъ, холодный, непривѣтный,
Какъ привидѣніе, проходитъ надъ землей.

—

Душа полна тревогою больною,
Усталая склонилась голова,
А синій сумракъ шепчетъ надо мною
Послѣднихъ сновъ неясныя слова...

---

* * *

Я сбросить хотѣлъ роковую неволю мученій,
Я въ полночь глухую дороги искалъ
И вдругъ я услышалъ средь тихихъ ночныхъ дуновеній,
Какъ кто-то душѣ прошепталъ:
— Не бойся страданій, не бойся любви безотвѣтной,
— Надъ мракомъ страданья — не меркнущій свѣтъ,
Не бойся нарушить молчаніе пѣснью привѣтной...
Быть можетъ, раздастся отвѣтъ!

Allegro.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Юродствующая литература: «О любви», М. О. Меньшикова, «Сумерки просвѣщенія», В. В. Розанова.—Характеристика этихъ проповѣдниковъ любви и просвѣщенія.—Отсутствіе любви въ проповѣди г. Меньшикова.—Изувѣрство г. Розанова и проповѣдуемая имъ полная тьма вмѣсто сумерекъ.—Изъ текущей беллетристики: «Кирилка», «Ѳома Гордѣевъ», г. Горькаго; «Смиренные», В. Короленко.

Есть особый сортъ литературы, для котораго мы не можемъ подобрать болѣе вѣрнаго названія, какъ юродствующая литература. Всякому, конечно, памятно еще изъ учебниковъ, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они вниманіе и сочувствіе толпы. Обыкновенно это были нѣсколько поврежденные въ умѣ, но съ достаточной хитрецей нищіе духомъ, которые при помощи наивныхъ пріемовъ старались выдѣлиться изъ ряда обычныхъ нищихъ и создавали иной разъ почетное себѣ имя, перешедшее даже въ исторію. Одни изъ нихъ, затвердивъ какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тѣмъ наводили мистическій страхъ на простодушныхъ слушателей. Другіе ограничивались тѣмъ, что ходили въ одной рубахѣ или ѣздили на палочкѣ верхомъ, и видъ бородатаго субъекта въ такомъ легкомысленномъ костюмѣ, занимающагося такимъ ребячьимъ дѣломъ, приводилъ въ трепетъ московскихъ кумушекъ и сокрушалъ ихъ сердца. Были между ними подчасъ и искренніе дураки или прямо сумасшедшіе, невмѣняемость дѣйствій которыхъ оказывала тѣмъ большее вліяніе на осатанѣвшую отъ невѣжества и страха толпу. Послѣднимъ представителемъ такого юродствующаго цеха былъ знаменитый Иванъ Яковлевичъ Корейша съ его проникновеннымъ словечкомъ «кололацы», около котораго создалась даже цѣлая литература, защищавшая и комментировавшая его благоглупости, впрочемъ, довольно невинныя по существу.

Но духъ юродства не вымеръ и не угасъ на святой Руси, и отъ времени до времени онъ осѣняетъ того или иного избранника, который, возмнивъ себя пророкомъ и сосудомъ особой мудрости, начинаетъ неутомимо разводить свои «кололацы», гремѣть «металломъ» и сокрушать «жупеломъ». За послѣдніе годы въ литературѣ объявились даже два такихъ сосуда—г. Меньшиковъ изъ «Недѣли» и г. Розановъ изъ нѣдръ нашей реакціонной прессы. Трудно сказать, кому изъ нихъ надлежитъ пальма первенства, ибо каждый изъ нихъ единственный въ своемъ родѣ и вполнѣ достоенъ унаслѣдовать лавры Ивана Яковлевича. Оба щеголяютъ во всей, если можно такъ выразиться, душевной наготѣ, оба имѣютъ по палочкѣ, на которой лихо гарцуютъ по страницамъ печатной бумаги, на соблазнъ и изумленіе читающаго міра. Палочка у каждаго, конечно, своя. У г. Меньшикова она склеена изъ обрывковъ проповѣди графа Толстого, плохо имъ усвоенныхъ и сдобренныхъ собственной отсебятиной вполнѣ юродивого содержанія и направленія. То, что у графа представляетъ стройную систему, съ которой можно соглашаться или нѣтъ, но которой нельзя отказать иногда

въ страшной силѣ чувства и энергіи выраженія,—у г. Меньшикова превращается въ наборъ обрывочныхъ и противорѣчивыхъ словечекъ и мыслишекъ, разведенныхъ елейной водицей съ доброй дозой постнаго масла, затаенной злости и несомнѣннаго фарисейства. Въ своей книгѣ «Думы о счастьѣ», какъ помнятъ, быть можетъ, читатели, г. Меньшиковъ пытался претворить идеи графа на мѣщанскій ладъ, чтобы сдѣлать бремя ихъ болѣе удобоносимымъ для себя и своихъ присныхъ. Новая книга его «О любви» построена на тотъ же ладъ, какъ увидимъ ниже, и по юродству не уступаетъ первой.

Г. Розановъ избралъ себѣ палочку другого типа. Для характеристики ея довольно вспомнить одинъ изъ недавнихъ его подвиговъ, когда по поводу годовщины прискорбнаго событія на Ходынскомъ полѣ онъ забилъ въ бубны и тимпаны и, ликуя, возгласилъ «аллилуйя!» Или его проповѣдь «животности», какъ главнаго начала и устоя семьи. Черезъ всѣ его юродства красной нитью проходитъ мысль о грубой силѣ, которая ему представляется единственнымъ argumentum ad hominеs, достойнымъ поклоненія. Въ церковь, имя которой онъ постоянно всуе повторяетъ, онъ готовъ людей загонять дубиной и непрочь жечь на кострахъ несогласномыслящихъ. Науку и просвѣщеніе онъ ненавидитъ и, не обинуясь, предлагаетъ скалозубовскій методъ воспитанія. Единственную свободу онъ признаетъ для себя, какъ право говорить свои откровенія, образчики которыхъ мы приведемъ ниже. Въ отличіе отъ г. Меньшикова, который не пишетъ, а баюкаетъ, не говоритъ, а сладко глаголетъ, не разсуждаетъ, а ткетъ тончайшую сѣть афоризмовъ, въ которой въ концѣ-концовъ запутывается и онъ самъ, и читатели до полнаго одурѣнія,—г. Розановъ съ величайшими усиліями громоздитъ фразу на фразу, бьется надъ словомъ, подъискивая возможно мудренѣе, вычурнѣе, тяжеловѣснѣе, для вящаго удрученія читателя, который прямо-таки раздавливается этой неуклюжей постройкой. Чтеніе произведеній г. Розанова есть тяжкій и удручающій трудъ. Все время чувствуешь себя словно въ темномъ, непроглядномъ мѣстѣ, гдѣ то и дѣло натыкаешься на углы и закоулки, рискуя постояно удариться лбомъ въ совершенно неожиданный выступъ, или провалиться въ волчью яму. И происходитъ это не столько отъ путаницы мыслей автора, вообще, примитивныхъ и дѣтски-невѣжественныхъ, сколько отъ витіеватости его слога, тяжкаго, темнаго, удушающаго, какъ тѣ густыя, зловредныя испаренья, которыя въ осеннія сумерки подымаются надъ смрадными болотами. Если справедливо изреченіе Бюффона, что слогъ—это человѣкъ, то, составляя по этому слогу представленіе о г. Розановѣ, испытываешь жуткое впечатлѣніе. Его допотопныя мысли, изложенныя допотопнымъ языкомъ, напоминаютъ одно изъ вымершихъ чудовищъ въ книги Гётчинсона—птеродактиля, представляющаго переходное существо отъ пресмыкающихся къ птицамъ,—небольшое, странное созданіе, нѣсколько напоминающее нашу летучую мышь,—нетопыря, но болѣе фантастическое по формѣ крыльевъ и головы. Эти, въ сущности, невинныя творенія обитаютъ въ затхлыхъ, плохо провѣтриваемыхъ подвалахъ, развалинахъ и старыхъ заброшенныхъ зданіяхъ; по ночамъ они вылетаютъ на добычу, охотясь за ночными насѣкомыми и пугая дѣвушекъ и женщинъ, съ налету ударяясь о ихъ бѣлыя платья и лица, а днемъ они скрываются въ своихъ темныхъ обиталищахъ, вися головой внизъ, прицѣпившись крѣпкими когтями къ мрачнымъ сводамъ. Такъ и господа Розановы укрываются отъ свѣта солнца по разнымъ темнымъ трущобамъ, куда рѣдко-рѣдко заглядываютъ читатели, и лишь въ сумеречные, неясные дни они рѣютъ въ воздухѣ, приводя въ невольную дрожь своимъ фантастическимъ полетомъ и сказочнымъ видомъ. Кромѣ книги «Сумерки просвѣщенія», о которой мы желаемъ поговорить теперь, издатель г. Розанова—П. П. Перцевъ угрожаетъ намъ еще его произведеніями: «Религія и красота», «Литературные очерки» и проч. Все это уже гдѣ-то печаталось, хотя и врядъ ли было кому на потребу. Но не ошибся ли

г. Перцевъ, думая, что именно теперь время гг. Розановыхъ приспѣло? Не запоздалъ ли онъ, скорѣе, съ своими изданіями? Не беремся отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Пусть, впрочемъ, судятъ сами читатели.

Но прежде о г. Меньшиковѣ; не о немъ, конечно, а о его книгѣ «О любви».

Любовь, любовь—вотъ, по истинѣ, безсмертная, не старѣющаяся тема, о которой писано и переписано столько, что не хватило бы человѣческой жизни для ознакомленія съ литературой, ей посвященной. Можно себѣ представить, какая это богатая тема для г. Меньшикова. При его много- и пустословіи, это неисчерпаемый источникъ для безконечнаго потока вздора, искусно завернутаго въ безчисленныя папильотки кокетливаго проповѣдника изъ «Недѣли». Тутъ и Дафнисъ и Хлоя, какъ образцы невинной и, тѣмъ не менѣе, страждущей любви. Тутъ и стихъ изъ Гейне про бѣднаго потомка Азровъ, которые, полюбивъ, умираютъ,—какъ доказательство безпощадности злой страсти. Далѣе Вертеръ подъ ручку съ царемъ Соломономъ, изрекшимъ, что любовь сильнѣе смерти, и пушкинская Татьяна съ Дмитріемъ Карамазовымъ Достоевскаго, Вѣра изъ «Обрыва» и Анна Каренина. А потомъ—непрерывными рядами шествуютъ Шопенгауеръ и Будда, Летурно и Мопассанъ, Мантегаца и Бодлэръ. Верленъ и Гомеръ, Байронъ и Шекспиръ, русскіе сектанты, нигилисты и либералы и проч. Словомъ—

«Были тамъ послы, софисты,
И архонты, и артисты»,—

пока не явился г. Меньшиковъ:

«Онъ рѣчами завладѣлъ,
И безумными глазами
На красавицу глядѣлъ».

И, наконецъ, повѣдалъ міру плоды своихъ великихъ думъ, вынесенныхъ изъ этого созерцанія.

Дума первая. «Любовь въ алхиміи счастья есть тотъ философскій камень, прикосновеніе котораго къ самымъ презрѣннымъ вещамъ даетъ имъ цѣну золота. Какъ жизненный элексиръ, любовь возвращаетъ омертвѣвшему отношенію нашему къ вещамъ огонь молодости. Это не просто очаровательное состояніе жизни—это сама жизнь въ ея творческомъ порывѣ, въ благоуханіи ея расцвѣта». Какова галантерейность г. Меншикова? Можно ли блеснуть очаровательнѣе, отсалютовать любви болѣе парадно и эффектно? Одна «алхимія счастья» чего стоитъ,—«не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ». Но, зная пріемы г. Меньшикова по его прежнимъ подвигамъ въ области философіи и публицистики, мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что это—лишь хитроумныя ковы, въ родѣ тѣхъ, что придумалъ сердитый Гефестъ колченогій, чтобы накрыть измѣнницужену Афродиту съ свирѣпымъ Аресомъ. «И отъ смѣха боговъ дрожалъ Олимпъ многохолмный».

Такъ повѣствуетъ нелицепріятный Гомеръ о результатахъ хитрости Гефеста. Нѣчто въ этомъ родѣ испытываетъ и читатель книги г. Меньшикова, когда, развертывая одну за другой авторскія папильотки, онъ получаетъ въ концѣ концовъ рядъ поученій изъ прописей, что любовь «не исчерпывается любовною *страстью*», что въ «супружествѣ необходима строгая воспитанность въ цѣломудріи и долгѣ ненарушимой вѣрности другъ другу», что «чистота духа и тѣла обязательна для мужчинъ и для женщинъ», и что «совершенный союзъ можетъ быть основанъ только на нравственномъ, духовномъ единеніи мужа и жены».

Кажется, что можетъ быть проще и банальнѣе этихъ мыслей, вошедшихъ въ обиходъ мудрости всѣхъ временъ и народовъ, запечатлѣнныхъ и въ религіозныхъ обрядахъ, и въ высшихъ произведеніяхъ общечеловѣческой литературы, и въ народномъ непосредственномъ творчествѣ, какъ оно проявилось въ

*

пѣсняхъ и сказаньяхъ? Но посмотрите, какихъ только вавилоновъ не наворотилъ нашъ публицистъ!

Онъ начинаетъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, когда еще дикарь «ударомъ дубины по головѣ повергалъ женщину», и доводитъ эволюцію любви до Мопассана и современныхъ «дамочекъ», которыя въ любви, своеобразно ими понимаемой, видятъ смыслъ жизни. Если въ жизни дикаря любовное чувство не играло никакой роли, то это и есть «естественное состояніе человѣка», по мнѣнію г. Меньшикова. Только наша извращенная во всѣхъ отношеніяхъ цивилизація отвела этому чувству такое верховное мѣсто, о чемъ свидѣтельствуетъ яко бы вся наша литература. Непремѣнно «вся», на меньшемъ юродивые публицисты не мирятся. Это ихъ главный аргументъ,—всѣ въ любви «подлецы», всѣхъ любовь превращаетъ въ «свиней». Начинается литературная скачка отъ пушкинской Татьяны до романовъ Стебницкаго, Писемскаго и Клюшникова, въ которыхъ предаются осмѣянію яко бы дѣйствительные факты изъ жизни нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ. Услѣдить за головоломными прыжками г. Меньшикова, отмѣтить всѣ его ужимки и тартюфскія киванья въ сторону «интеллигенціи»—мудрено, да и не нужно. Два-три образчика достаточны, чтобы обрисовать съ головы до ногъ несложную фигуру г. Меньшикова, не безъ граціи гарцующаго на своей палочкѣ въ болѣе чѣмъ легкомысленномъ костюмѣ среди «архонтовъ и софистовъ» и доблестно сокрушающаго перья въ борьбѣ съ Иветой Гильберъ, Отеро и имъ подобными «жрицами любви» (см. стр. 60—61 и другія).

Книга его раздѣлена на четыре главы: «О любовной страсти», «Суевѣрія и правда любви», «Любовь супружеская» и «Любовь святая». Первая посвящена анализу влюбленности и тѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, къ какимъ часто ведетъ страсть. Какъ и вообще мысли г. Меньшикова, его изложеніе въ этой главѣ не блещетъ ни оригинальностью, ни глубиной. Всѣ его вопли по поводу злой страсти тысячи разъ повторялись со временъ Соломона и до нашихъ дней. Невѣрны только его общіе выводы. Онъ комбинируетъ разныя стороны любовной страсти, сваливая въ одну кучу и голую, ничѣмъ не прикрытую, разнузданную чувственность, доходящую до болѣзненности въ лицѣ маркиза де-Сада, и то нѣжное, вполнѣ свободное въ началѣ отъ всякой чувственности—чувство, какое охватываетъ влюбленныхъ съ такой силой въ первый періодъ ихъ влеченія. Грубая ложь звучитъ также въ нападкахъ на литературу, которая будто бы создала и поддерживаетъ въ обществѣ ложный взглядъ на страсть, какъ на идеалъ любви. Выудивъ у Пушкина небрежно и вскользь брошенный стишокъ

«Любви не женщина насъ учитъ,
А первый плохостный романъ»,

онъ сейчасъ же строитъ на немъ цѣлую систему обвиненія противъ литературы. «Въ заурядной семьѣ, гдѣ бабушка читала Грандисона, маменька увлекалась Понсонъ-дю-Терайлемъ, дочь упивается Марселемъ Прево,—въ такой семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе передается мечта о половой любви, какъ нѣкая религія, священная и прекрасная, и всѣ поколѣнія дышатъ одной атмосферой—постояннаго полового восторга, постоянной жажды «влюбленности». Великіе авторы, описывающіе любовь во всей ея трезвой, ужасной правдѣ, до большинства не доходятъ, да большинству они и не по плечу; средней публикѣ доступнѣе маленькіе писатели и писательницы, которые, какъ и публика, не знаютъ природы и не умѣютъ быть вѣрными ей, которые не знаютъ, что такое любовь, но тѣмъ болѣе стараются изобразить ее обольстительной. И вотъ тысячами голосовъ, исходящихъ «свыше», въ каждомъ молодомъ поколѣніи создается ложное внушеніе о любви, дѣлающее эту страсть одною изъ самыхъ гибельныхъ для человѣчества. Литературное внушеніе изъ читающихъ клас-

совъ проникаетъ въ нечитающіе и ослабляетъ способы борьбы съ этою страстью, вырабатываемые всякой естественной, патріархальной культурой. Въ деревенской средѣ, гдѣ народъ не испорченъ (у старовѣровъ, напр.), тамъ молодежь воспитывается цѣломудренно и религіозно, половое влеченіе презирается внѣ брака, и вообще никакихъ «романовъ» и «драмъ» не полагается, всякія попытки къ нимъ гаснутъ въ общемъ внушеніи, что это грѣхъ и позоръ. Поэтому здоровое влеченіе обоихъ половъ здѣсь крайне рѣдко развивается въ страсть, регулируясь ранними и крайне-строгими браками. Не то мы видимъ въ среднихъ, не трудовыхъ классахъ съ утраченной религіозностью, съ ослабленнымъ представленіемъ о добрѣ и злѣ» (стр. 11—12). Слѣдуетъ далѣе ссылка на Лукреція и его гимнъ Венерѣ, какъ доказательство испорченности «среднихъ классовъ», хотя Лукрецій жилъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. и никакого отношенія къ нашимъ «среднимъ классамъ» никогда не имѣлъ.

Но Богъ съ нимъ, съ Лукреціемъ. Если начать высчитывать всѣ ошибки и курьезы учености г. Меньшикова, въ родѣ, напр., того, что «за порицаніе Елены Аргивской былъ ослѣпленъ Гомеръ» (стр. 39),—мы никогда не кончимъ его скучно-напыщенной канители. Приведенный образчикъ размышленій г. Меньшикова чрезвычайно для него характеренъ. Съ поразительной смѣлостью, не сморгнувъ глазомъ, онъ, не обинуясь, преувеличиваетъ одно, какъ въ данномъ случаѣ вліяніе литературы, и извращаетъ другое, какъ противопоставляемую имъ добродѣтель народа и испорченность среднихъ классовъ. Ниже читатели могутъ прочесть въ статьѣ г. Демидова нѣкоторые «подлинные документы», свидѣтельствующіе о распространенныхъ въ народной средѣ взглядахъ на любовь. Драмъ и романовъ на любовной подкладкѣ въ народной средѣ никакъ не меньше, чѣмъ и во всякой другой, ибо, выражаясь просто, «всѣ люди, всѣ человѣки». Причемъ тутъ литература? Если гдѣ меньше всего она имѣетъ вліяніе, такъ именно въ дѣлѣ любви, въ виду общности этого чувства, коренящагося въ одинаковой организаціи человѣческой природы на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Только въ народной средѣ любовныя драмы принимаютъ особо-ужасный характеръ, благодаря непосредственности, несдержанности чувства, проявляющагося въ грубѣйшей формѣ, и драма, въ родѣ толстовской «Власти тьмы», можетъ служить хорошей иллюстраціей къ народной любовной хроникѣ.

Распространяться на эту тему значило бы идти по стопамъ г. Меньшикова, пережевывая всякое старье, давнымъ-давно ставшее ходячимъ мѣстомъ. Но и слѣдовать за нитью его разсужденій оказывается прямо-таки невозможнымъ. Постоянно смѣшивая два понятія—чувственность и здоровое чувство любви, авторъ до того перепутываетъ эту нить, что нѣтъ силъ разобраться въ навороченной имъ кучѣ своихъ и чужихъ афоризмовъ, то вѣрныхъ, хотя и старыхъ, какъ міръ, то смѣшныхъ до наивности. То онъ заявитъ, что прежде люди были здоровѣе и сильнѣе, потому что прежде бракъ рѣшался родителями, которые подбирали невѣстъ и жениховъ, отнюдь не руководствуясь ихъ чувствомъ. Въ доказательство—опыты хозяевъ, которые «не дожидаются, чтобы самецъ самъ выбралъ самку по своему вкусу; напротивъ, они этого боятся и не допускаютъ». То, наоборотъ, «выборъ жениха и невѣсты долженъ быть предоставленъ имъ самимъ», но съ условіемъ, чтобы ими руководило отнюдь не чувство любви, а дружбы. Слѣдуютъ доказательства, что въ любви не руководствуются высшими соображеніями, ибо любовь есть «психозъ, помраченіе разума, гипнозъ» и т. п. Такъ, великіе люди по большей части женятся на женщинахъ гораздо ниже ихъ по достоинству, примѣръ—Гете, Данте, Мольеръ, Гейне и проч. Отсюда выводъ—если ужъ жениться, то лучше безъ любви. Хотя, поправляется авторъ, «я этой страсти ни отрицать, ни утверждать не могу, она явленіе природное, въ своемъ корнѣ отъ насъ не зависящее». А если такъ, то... опять прыжокъ въ сторону, къ какимъ-то невѣдомымъ временамъ, когда «берегли не только физическую, но и психическую невин-

ность юношей, какъ зеницу ока, старались имъ не давать *никакого* понятія объ этой сторонѣ жизни, скрывали половую любовь, какъ нѣчто постыдное, въ глубокой тайнѣ. Тогда инстинктивно понимали, что «придетъ пора» и все откроется, но лучше, чтобы это открылось людямъ взрослымъ, съ созрѣвшей волею и разумомъ, съ укрѣпившимися понятіями о чести, съ привычкою относиться къ лицамъ другого пола безукоризненно и безтѣлесно». Авторъ не опредѣляетъ, когда это было, заявляя только, что «въ старину, въ хорошихъ семьяхъ», но воздерживаясь отъ указанія на литературу по этому вопросу. И очень понятно почему. Намъ слишкомъ хорошо извѣстно, что творилось въ эту старину, подъ покровомъ невѣдѣнія и тайны, и исторія «дѣвичей» еще не такъ далека отъ современной русской жизни. И прежде, конечно, и теперь были и есть образцовыя семьи. Но ужь если сравнивать прошлое отношеніе къ любви и современное, беря не исключительные случаи, а среднее проявленіе этого чувство, то безспорно эти отношенія стали теперь и чище, и разумнѣе, и возвышеннѣе. Стоитъ только вспомнить, что представляла русская семейная жизнь еще лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какъ она отразилась въ драмахъ Островскаго, въ произведеніяхъ Грибоѣдова, Гоголя, Тургенева, въ «Пошехонской старинѣ» Салтыкова и т. п. Тутъ играло роль не только крѣпостное право, страшно принижавшее все и всѣхъ, но и грубое невѣжество, отъ котораго мы, къ несчастью, и теперь еще далеко не освободились, какъ свидѣтельствуетъ книга г. Меньшикова. Въ чемъ угодно эта «старина» пусть служитъ урокомъ, но никакъ не въ дѣлѣ любви можемъ мы у нея поучиться нравственности.

Въ слѣдующей главѣ «Суевѣрія и правда любви», самой афористической, гдѣ Шопенгауеръ цитируется на ряду съ парижскими кокотками, въ родѣ знаменитыхъ Иветокъ и Отеро, г. Меньшиковъ побѣдоносно ниспровергаетъ «культъ» любви, понимаемой какъ только физическое чувство, не облагороженное никакими высшими стремленіями. Побѣда его, довольно-таки жалкая по существу, такъ какъ онъ штурмуетъ открытыя двери и учиняетъ разгромъ беззащитныхъ. Мы бы охотно увѣнчали его лаврами, если бы не было смѣшно читать, когда онъ громитъ «дамъ», которыя извращаютъ смыслъ евангельскихъ словъ о любви для оправданія своихъ faux pas. Курьезнѣе всего въ этой главѣ его разборъ «Ромео и Джульетты», дѣлаемый имъ съ точки зрѣнія аскета-моралиста. Видите, видите, торжествуетъ г. Меньшиковъ, къ чему ихъ привела любовь? Родителей не слушались, родственными чувствами небрегли и погибли. Ну какъ же послѣ этого любовь не безуміе? Ясное дѣло, да. Но не безуменъ ли г. Меньшиковъ со своей критикой, основанной на абсолютной морали, не желающей считаться съ грѣшной землей.

Въ третьей главѣ «Супружеская любовь», повторивъ, по обыкновенію съ десятокъ разъ, что основа брака «не разсчетъ, не наслажденіе», а взаимное уваженіе, любовь и дружба, имѣющія цѣль—«взаимное сотрудничество въ дѣлѣ жизни», г. Меньшиковъ обрушивается на современную семью, гдѣ этого начала будто бы нѣтъ. Для подтвержденія гибели семейнаго начала приводятся наблюденія автора, въ которыхъ онъ говоритъ о развратѣ... «золотой молодежи» (стр. 138—139). Нельзя сказать, чтобы это было убѣдительное доказательство. Далѣе слѣдуютъ нападенія на нигилистовъ 60 хъ годовъ (стр. 154 и др.). Запоздалая вылазка понадобилась автору для борьбы съ «лже-либеральной», какъ онъ выражается, теоріей «свободной любви», оправдывающей разводъ. Какова эта критика, пусть судятъ сами читатели: «Честность» въ дѣлѣ брака,—повѣствуетъ г. Меньшиковъ о нигилистахъ,—заключалась въ томъ, что если ваша жена полюбила вашего пріятеля, вы обязаны были уступить ему честь и мѣсто, ни мало не прекословя, а чуть-ли даже не съ оттѣнкомъ почтительности. У однихъ беллетристовъ мужъ цѣлуетъ въ послѣдній разъ невѣрную жену и исчезаетъ куда-нибудь, въ Америку, что-ли, у другихъ мужъ доводитъ великодушіе до того, что соединяетъ руки своей жены и любовника,

у третьихъ мужъ съ перваго дня брака твердитъ женѣ, что она во всякую минуту свободна, и, наконецъ, добившись ея измѣны, чуть не съ торжествомъ выдаетъ ей отдѣльный видъ или разводъ и даже снабжаетъ деньгами, если любовникъ жены—какой-нибудь интеллигентный пролетарій. На эту тему со всевозможными варіаціями написано множество плохихъ романовъ и повѣстей, которые читались (а вѣроятно, и до сихъ поръ кое-гдѣ читаются) съ восхищеніемъ. Свобода брака! Свобода любви! Вотъ лозунгъ, наиболѣе понятный изъ всѣхъ для распущенныхъ дамъ и кавалеровъ. Положимъ, они и до нигилизма пользовались этою свободою, но прежде она считалась мерзостью, а тутъ вдругъ ее возвели въ достоинство, въ добродѣтель! Немудрено, что десятки и сотни тысячъ дамъ и мужчинъ—нѣсколько поколѣній подъ-рядъ—подъ благословеніемъ этой доктрины пускались во всѣ тяжкія и мѣняли свои привязанности чуть-ли не одновременно съ бѣльемъ» (стр. 155).

«Клевещите, клевещите,—говоритъ донъ-Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ»,—отъ клеветы всегда останется что-нибудь». Зачѣмъ, однако, эта запоздалая клевета, это грубое извращеніе литературы 60 хъ годовъ, посвященной вопросу о свободѣ любви? А затѣмъ, чтобы доказать, что современное поколѣніе есть продуктъ такой распавшейся семьи, гдѣ «привязанности мѣнялись съ бѣльемъ». и что теперь нѣтъ истинной семьи. «Лже-либеральное» движеніе требуетъ разрѣшенія развода и будто-бы санкціонируетъ теорію свободной любви. Авторъ рѣшительно противъ развода, онъ хочетъ начать «истинно-либеральное» движеніе, которое бы привело къ ненужности развода. Цѣль очень почтенная, но какъ же надѣется достигнуть ея г. Меньшиковъ? Для этого онъ ставитъ *абсолютное* требованіе: выходить замужъ и жениться *безъ любви*, и тогда не будетъ повода къ разводу. «Поводомъ и основою брака можетъ служить только цѣль, указанная при твореніи: необходимость человѣку имѣть *помощника*, помощника не только въ жизненномъ трудѣ, но и въ нравственномъ подвигѣ, для котораго человѣкъ посылается въ міръ, и для дѣторожденія, необходимаго для совершенствованія тѣхъ душъ, которыя еще слишкомъ далеки отъ идеала. И если встрѣчаются мужчина и женщина, которые изъ всѣхъ пригоднѣе для помощи другъ другу,—это и есть поводъ и основа брака, а вовсе не любовь» (стр. 178).

Договорившись до такого брака, г. Меньшиковъ вполнѣ логически заканчиваетъ книгу главой объ особой «святой любви», для которой ни бракъ не нуженъ, ни дѣторожденіе, потому что такая любовь въ себѣ самой находитъ цѣль и содержаніе. Слѣдуетъ длинное разсужденіе о достоинствахъ и преимуществахъ святой любви, какъ ее представляетъ г, Меньшиковъ, но которая всякому простому, не изощренному въ «эллинскихъ мудрованіяхъ» уму и сердцу покажется чѣмъ угодно, только не любовью. Наворотивъ массу словъ о «безстрастіи», «безкорыстіи», «безпредметности» и «безпредѣльности» этой любви, г. Меньшиковъ ставитъ для опредѣленія такой любви вопросъ, можно ли «одинаково любить и ребенка, и разбойника, который выкалываетъ ему глаза?»—и отвѣчаетъ съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ: «дѣйствительно, святая любовь любитъ одинаково и ребенка, и разбойника». Слѣдуетъ, по истинѣ іезуитски-казуистическое толкованіе, для юродствующей литературы высоко характерное. «Мы,—говоритъ авторъ,—смотримъ на жизнь сквозь наше искривленное сознаніе, подобно тому, какъ сквозь кривыя стекла дома можно подумать съ улицы, что отецъ душитъ ребенка, тогда какъ онъ его щекочетъ, такъ и сквозь иллюзорное сознаніе наше всѣ факты жизни могутъ быть извращены относительно ихъ *абсолютной* сущности. Можетъ быть, разбойникъ, замучивая ребенка. т. е. его временное, мгновенное тѣло, тѣмъ самымъ спасаетъ его душу. Можетъ быть, это мученіе необходимо для спасенія самого разбойника, для пробужденія въ немъ искры совѣсти. Можетъ быть, это зло-

дѣйство нужно для того, чтобы потрясти слишкомъ неподвижныя души другихъ людей. Я не рѣшаю вопроса, мотивы Высшей воли мнѣ неизвѣстны, но если вѣрить въ эту волю, то нужно вѣрить также, что она *Благо*, что страданія наши суть только дурно понятыя нами блага» (стр. 211—212 и далѣе). Не такъ ли во время оно разсуждали господа инквизиторы, сжигая людей для спасенія ихъ души? И неужели въ концѣ XIX в. приходится говорить, что Высшая воля, какъ истинное Благо, не можетъ стремиться къ добру злыми путями? И не потому ли данъ законъ этой Высшею Волею въ словахъ: «нѣтъ той любви больше, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ?» Одно изъ двухъ—или этотъ законъ истина, и тогда дѣйственная любовь, предписанная имъ, никогда не примирится съ этими «можетъ быть» г. Меньшикова и не останется безстрастной при видѣ разбойника, выкалывающаго глаза ребенку, или же... Впрочемъ, никакого другого «или» здѣсь и быть не можетъ для нравственно-здоровыхъ людей.

Мы видѣли, какъ этотъ проповѣдникъ примѣняетъ свою «святую любовь». Оправдавъ разбойника, онъ съ пѣною у рта накидывается на злополучныхъ нигилистовъ, не обинуясь возводя на нихъ вздорное обвиненіе, будто они развратили и уничтожили семью. Елейный сладкопѣвецъ, не смущаясь, всѣхъ влюбленныхъ величаетъ «свиньями», обвиняетъ въ «подлости любви», бросаетъ вызовъ «всѣмъ честнымъ» людямъ—признаться, что въ пору любви они всѣ были проникнуты самыми гнусными и низменными порывами. Постоянно твердя—«любовь, любовь», онъ извращаетъ исторію, литературу, подхватываетъ всякія вздорныя измышленія до откровенныхъ глупостей парижскихъ кокотокъ—и все это лишь затѣмъ, чтобы оплевать, огадить, загрязнить то, что скрашиваетъ жизнь бѣднаго человѣчества, что единитъ людей и въ самомъ сухомъ и черствомъ сердцѣ вызываетъ трепетъ добра, милосердія и чистѣйшихъ порывовъ. Съ дикой радостью выхватываетъ онъ, проповѣдникъ любви, всякія уродства, неестественныя проявленія полового чувства и торжествующе вопіетъ «вотъ она, ваша любовь!»

Все, что̀ угодно, вдохновляло г. Меньшикова, но никакъ не чувство любви. Ибо давно уже сказано: «Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто. И если я роздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю,—нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ». (Первое посланіе къ коринѳянамъ ап. Павла, гл. 13, ст. 1—7). Вотъ что такое «святая любовь», и ни слѣда ея нѣтъ въ гнусной и человѣконенавистнической книгѣ публициста изъ «Недѣли».

Переходъ отъ г. Меньшикова къ г. Розанову—прямой и непосредственный. Это двѣ родственныя души, единомыслящія и единостремящіяся. Раньше мы указали на разницу ихъ стиля. Теперь укажемъ на ихъ общія свойства.

Мы только что видѣли, какъ г. Меньшиковъ стремится изгнать любовь во имя любви,—г. Розановъ продѣлываетъ ту же операцію надъ просвѣщеніемъ, и, къ счастью, съ такимъ же успѣхомъ. Пріемы его совершенно тѣ же, что и г. Меньшикова, та же логика, тотъ же абсолютизмъ, та же непреложность и широковѣщательная манера, тоже самодовольство и глубочайшая увѣренность въ обладаніи полной истиной. «Мысли, изложенныя въ моей статьѣ,—говоритъ онъ о своей статьѣ «Сумерки просвѣщенія»,—должны бы быть индиферентны для всѣхъ партій, борющихся за ту или иную систему образованія у насъ ли, въ За-

падной ли Европѣ; и я имѣлъ нѣкоторую надежду, что для всѣхъ же партій они будутъ цѣнны, потому что вскрываютъ сторону вопроса. ими всѣми равно опущенную. Я не касаюсь ни реализма, ни классицизма въ образованіи; меня занимаетъ скорѣе вопросъ: почему и при классицизмѣ юныя образующіяся души являются такъ мало проникнутыми имъ? Почему, проходя реальную школу, онѣ такъ мало проникнуты бываютъ интересомъ къ реальнымъ наукамъ—этому плоду новаго трехвѣкового европейскаго движенія? Ни одного типа школы я не отвергаю; я изслѣдую только, почему всѣ типы такъ мало достигаютъ своихъ цѣлей, съ такимъ упорствомъ осуществляемыхъ, такъ ярко и, несомнѣнно, благородно желаемыхъ» (стр. 86—87).

Такова цѣль г. Розанова. Въ «Сумеркахъ просвѣщенія» онъ критикуетъ въ началѣ основу современной школы—низшей, средней и высшей, находя всѣ эти школы не отвѣчающими назначенію. Основной недостатокъ заключаются въ отсутствіи принципа индивидуальности, въ отрывочности знаній, въ невыдержанности типа для каждой школы. Преимущественно рѣчь идетъ о средней школѣ, но заключенія свои онъ постепенно распространяетъ на всю систему образованія. Онъ указываетъ на шаблонность и формализмъ, на схоластику изгнавшую изъ средней школы живую жизнь и убивающую личность во имя, отвлеченнаго принципа государственности. Всѣ его указанія, какъ видятъ читатели, вѣрны, хотя и не новы, потому что тысячи разъ повторялись въ нашей литературѣ. Если бы г. Розановъ ограничился ими, мы имѣли бы тысячу первую критику современной гимназіи, написанную мучительно тягостнымъ языкомъ—и только. Пожалуй, она даже имѣла бы нѣкоторое значеніе, какъ критика изъ реакціоннаго лагеря, до сихъ поръ упорно отстаивавшаго ломку средней школы, произведенную гр. Д. А. Толстымъ. Въ этомъ и заключалась бы оригинальность г. Розанова. Но, съ другой стороны, какая же критика безъ положительнаго идеала, и вполнѣ законно его стремленіе—указать тотъ свѣтъ, который, по его мнѣнію, долженъ разсѣять нынѣшнія сумерки.

Онъ начинаетъ снизу—съ народной школы, которая, какъ и все прочее, подпала нынѣ ложному и вредному вліянію западной цивилизаціи. Надо изгнать послѣднюю изъ всѣхъ закоулковъ низшей школы, вернуть школу въ ея первобытное состояніе. Какъ же сдѣлать это, какъ избавить плѣненную народную школу, гдѣ теперь учатъ люди, «темные въ просвѣщеніи и въ путяхъ исторіи»? Ибо «темны были въ просвѣщеніи эти люди, когда, набравъ немножко грамматики, немножко ариѳметики, прибавивъ къ этому кое-что по географіи и исторіи, думали, что съ четырьмя своими книжками они внесутъ что-нибудь въ душу, надъ изученіемъ богатствъ которой трудятся первоклассные ученые; темны они были въ путяхъ исторіи, когда думали, что во всемъ разучившійся и ничему не научившійся наемникъ, придя въ деревню съ этими книжками, можетъ начать въ ней новое просвѣщеніе» (стр. 28). Надо вернуться къ «естественнымъ» силамъ. Кто и гдѣ эти силы, ясно само собой. Имѣется въ виду церковно-приходская школа, но отнюдь не та, которую мы знаемъ, съ опредѣленной программой, особыми учителями и подъ надзоромъ высшей власти. «Есть эти силы и для школы, это—силы церкви и всѣхъ, кто, слушая изъ за ограды ея ученіе—болѣе всего его любятъ». «Нельзя довѣрять слѣпому вести зрячаго», говоритъ онъ затѣмъ, и такъ какъ государство—слѣпо, то «нужно имѣть довѣріе, что зрячій различитъ пути и не останется на мѣстѣ; не нужно къ церкви приставлять стражей, чтобы она, почти два тысячелѣтія учительная, взростившая въ ученіи своемъ весь христіанскій міръ, не упустила какихъ-нибудь подробностей, въ которыхъ однѣхъ могутъ что-нибудь понимать эти приставленники». Мало того, что не надо никакого контроля надъ такой школой,—не надо для нея ни программы, ни учебниковъ. «Невозможно, не слѣдуетъ установлять «отъ сихъ до сихъ» программы: не приподнявъ худое, она закроетъ ростъ доброму». Объ

этомъ нечего заботиться. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ и даже очень: «Несомнѣнно должны быть удалены изъ элементарной школы тѣ «начатки міровѣдѣнія», какіе обычно сообщаются при началѣ курса географіи (въ средней школѣ на первомъ же урокѣ ея перваго класса). Есть нѣчто развращающее въ этомъ сообщеніи... Есть недостатокъ благоговѣйной памяти къ трудамъ Коперника и Кеплера, есть страшное насиліе надъ дѣтскимъ воображеніемъ, насильственное вталкиваніе въ него свѣдѣнія, для насъ любопытнаго, но въ немъ ни на что не отвѣчающаго, ни съ чѣмъ не гармонирующаго и, если вдуматься строже, ничего неправильнаго въ его созерцаніи не поправляющаго. Вѣдь не ошибается же ѣдущій изъ Нижняго въ Москву, думая и говоря, что онъ движется на западъ, хотя въ смыслѣ абсолютнаго движенія, онъ съ чрезвычайной быстротой мчится на востокъ. Именно это только утвержденіе дѣлаетъ и простолюдинъ, думая и говоря, что земля неподвижна—не относительно созвѣдія Козерога или Сиріуса, чего онъ не знаетъ и о чемъ не говоритъ, а относительно его самого, поля, лѣса, города, этихъ плывущихъ облаковъ и тверди небесной, по которой они плывутъ. И также точно говоря, какъ, что солнце восходитъ, онъ ничего другого не говоритъ, что оно становится ближе къ зениту, выше по дугѣ, соединяющей этотъ зенитъ съ горизонтомъ—что правильно и не нуждается въ опроверженіяхъ. Итакъ, въ его твердомъ созерцаніи все покоится, и никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя для устойчивости воображенія, мысли—всего душевнаго строя. Механики и психологи говорятъ, что и всѣ мы не могли бы сдѣлать малѣйшаго движенія, если бы ежеминутно вмѣстѣ съ относительнымъ движеніемъ представляли себѣ и абсолютное, и только при психически необходимой ошибкѣ, при представленіи въ каждый моментъ всего, кромѣ себя, въ покоѣ,—можемъ двигаться. Но если для особыхъ цѣлей научнаго знанія намъ иногда необходимо *вспоминать* и объ абсолютномъ движеніи, это воспоминаніе незачѣмъ навязывать, внѣ всякихъ цѣлей и необходимости, простолюдину» (стр. 35—36). Къ этому разсужденію позволимъ себѣ добавить небольшую историческую справку, забытую г. Розановымъ. Онъ ошибается, будто «никто не оцѣнилъ еще важности этого покоя» земли для души народа. Еще святая инквизиція, въ числѣ обвиненій противъ Галилея, указывала, что онъ своимъ утвержденіемъ, что земля движется, *нарушаетъ* и *смущаетъ* покой невинныхъ душъ. Указываемъ на это совпаденіе мыслей г. Розанова и судей Галилея, какъ на любопытный примѣръ атавизма. Далѣе мы еще увидимъ такія же проявленія атавизма.

Чтобы устранить все, что нарушаетъ покой «простолюдина», г. Розановъ совѣтуетъ также избѣгать въ этой школѣ всякихъ учебниковъ. Онъ сравниваетъ исторію Иловайскаго и «Синопсисъ» XVIII в. и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Въ древнихъ книгахъ, въ большомъ и маломъ объемѣ («Синопсисъ» заключаетъ въ себѣ 224 стр., учебникъ Иловайскаго 397 стр.), по всѣмъ, строго необходимымъ для крестьянскаго воспитанія предметамъ даны свѣдѣнія въ формѣ, не дисгармонирующей съ содержаніемъ. Этой дисгармоніи нельзя вносить, не нарушая смысла въ самомъ предметѣ, цѣлесообразности въ преподаваніи его, значенія во всей школѣ. Итакъ, если отъ бѣдственной идеи учебныхъ программъ еще нельзя скоро освободиться по силѣ предразсудка, нужно, по крайней мѣрѣ, отнять въ нихъ зло эгоистическаго самоволія: ихъ нельзя абстрактно составлять и вызывать ими развратную литературу «руководствъ»; но, поработавъ надъ старыми книгами, избравъ изъ сокровищъ воспитанія, въ нихъ содержащагося, наилучшее — слѣдуетъ примѣнительно къ этому наилучшему, обнимая его, составить программы» (стр. 33). Иными словами, ради сокровищъ «Синопсиса» г. Розановъ готовъ отказаться и отъ выраженной имъ нѣсколько выше (стр. 30) ненависти къ программамъ вообще, которыя, «не поднявъ худое, закроютъ ростъ доброму».

Свою реформу низшей школы онъ заканчиваетъ слѣдующимъ пожеланіемъ: «Итакъ, мы думаемъ, что достаточно, если одна половина христіанскаго міра (западно-европейская) отдала дары своего первородства за человѣческую похлебку; у насъ же пусть лучше останется мякинный хлѣбъ и христіанство. Вѣдь несомнѣнно, что именно ихъ сознательно и твердо избираетъ и желалъ бы покончить на вѣки этотъ вопросъ народъ нашъ. Не будемъ же опять лукаво подходить къ нему, чтобы, оставивъ ему тлѣнныя вещи, которыя и намъ не нужны, украсть у него нетлѣнное сокровище. Оставимъ ему его общину, холщевую самодѣльную рубаху, и дадимъ, чего онъ въ правѣ требовать и мы не въ правѣ отказать, три десятины на душу» (стр. 37—38). Читателя не должна удивлять манера г. Розанова—говорить отъ имени всего народа русскаго. Это обычная манера юродствующей литературы—превозноситься до олицетворенія въ себѣ Бога, если рѣчь идетъ о вопросахъ вѣры, какъ это дѣлаетъ г. Меньшиковъ, предавая анаѳемѣ чувство любви, или народа, если дѣло касается народныхъ воззрѣній. Нечего спрашивать у г. Розанова, гдѣ и когда народъ «сознательно и твердо» пожелалъ отказаться отъ общеобразовательной школы въ пользу уродливой затѣи г. Розанова съ «Синопсисомъ» вмѣсто учебниковъ, безъ учителей и безъ программъ? Или кто уполномочилъ г. Розанова такъ просто рѣшить за народъ сложнѣйшій экономическій вопросъ объ общинѣ и трехъ десятинахъ на душу,—«оставимъ» ему! Кто это «мы», столь могущественные, что достаточно «намъ» сказать «да будетъ» — и община останется у народа неприкосновенной плюсъ три десятины земли?.. И съ какихъ это поръ русскій народъ получилъ въ монополію христіанство? На такіе вопросы гг. Меньшиковы и Розановы не отвѣчаютъ, просто потому, что все время они витаютъ внѣ времени и пространства. Иначе тотъ же г. Розановъ вспомнилъ бы, что нигдѣ еще «простолюдинъ» нашъ не отказался отъ современной школы, которая наполнена и переполнена, что никто еще у народа общины не отнималъ и не отнимаетъ. Что же касается трехъ десятинъ, то ихъ мы готовы приписать всецѣло доброй душѣ г. Розанова и охотно ему посочувствуемъ.

Таковъ «свѣтъ», которымъ желалъ бы осіять нашу народную школу г. Розановъ. Думаемъ, что всякая критика здѣсь излишня. Въ своемъ усердіи г. Розановъ, что называется, перехолопилъ. Въ самомъ дѣлѣ, какова ни на есть современная церковно-приходская школа, все же она неизмѣримо выше этого «идеала» съ «Синопсисомъ» вмѣсто «развратной литературы» руководствъ, съ тремя китами вмѣсто «развращающихъ» начатковъ міровѣдѣнія, безъ особыхъ учителей, безъ программъ и всякаго контроля. Есть въ этой школѣ и руководства, и программы, и учителя. Правда, все это далеко отъ совершенства, но самый плохенькій учебникъ, по которому учатъ въ церковно-приходской школѣ, лучше чудовищнаго «Синопсиса». По крайней мѣрѣ, хоть трехъ китовъ тамъ нѣтъ. Противъ «Синопсиса» возсталъ даже г. Иловайскій, и мы въ этомъ случаѣ всецѣло на его сторонѣ.

Опять-таки это общая черта у всѣхъ юродствующихъ писателей. Они ужъ если начнутъ, такъ хватятъ что-нибудь такое, что всѣ ихъ присные готовы отъ стыда сгорѣть. Отсутствіе мѣры и такта и излишекъ ревности доводятъ ихъ обыкновенно до неприличія, какъ свидѣтельствуетъ далѣе все тотъ же г. Розановъ.

Приступивъ къ реформѣ средняго образованія, онъ обрушивается на гимназіи, мужскія и женскія, находя, что онѣ только губятъ всѣхъ и ничего не даютъ никому. Больше всего его возмущаетъ смѣшанность въ нихъ учениковъ, и онъ предлагаетъ раздѣлить среднюю школу на два типа, какъ видно изъ слѣдующаго резюме его учебнаго плана: «Должны быть открыты для мірянъ параллельные курсы съ тѣми, какіе проходятъ будущіе священно-и церковно-служители, гдѣ то, что ими изучается, и только это одно, изучалось бы въ

степени очень ослабленной. Тотъ же самый душевный строй, устремленіе вниманія къ тѣмъ же предметамъ, наученіе достаточное, чтобы прибавить къ сердечному слушанію литургіи и слушаніе разумное,—вотъ все, что здѣсь удавалось бы каждому и къ чему для даровитыхъ прибавлялись бы и всѣ сокровища христіанской культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что для самыхъ людныхъ классовъ городского населенія, для ремесленника, для мѣщанина, для именитаго купца, съ тарелкой собирающаго подаяніе въ церкви, для всѣхъ этихъ людей, столь неожиданно изумленныхъ міромъ Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли, *этотъ міръ* (курсивъ г. Розанова) евангельскихъ притчъ и житій святыхъ, чудной исторіи объ Руѳи и поученій Іисуса сына Сирахова былъ бы и неудивителенъ, и глубоко родственъ, и,—мы увѣрены въ этомъ,—не менѣе культуренъ. Такимъ образомъ, средняя классическая школа, какъ это и слѣдуетъ, осталась бы школою для классовъ, уже вышедшихъ изъ культуры только христіанской (т. е.,—поясняетъ г. Розановъ въ примѣчаніи,—для дворянства и бюрократіи, безъ искусственнаго привлеченія, черезъ «преимущества», другихъ классовъ); эта же послѣдняя осталась бы воспитательной для всѣхъ остальныхъ классовъ населенія... Воспитаніе женское, сообразно установившемуся уже историческому теченію (?!), должно быть для городского населенія также двояко: для массы оно должно быть церковное, для нѣкоторыхъ, т. е. также для дворянства и для бюрократіи, то особенное, нѣсколько исключительное, нѣсколько искусственное, но, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно образующее, какое дается нашими институтами» (стр. 51—52). Типомъ женскихъ церковныхъ школъ г. Розановъ рекомендуетъ епархіальныя училища, хотя съ горечью и сожалѣніемъ замѣчаетъ: «Они (епархіальныя училища) нѣсколько испорчены только своимъ сближеніемъ съ женскими гимназіями, какъ и семи наріи испорчены черезъ сближеніе со свѣтской школой,—не потому, что она классическая, но потому, что она совершенно не выдержана въ своемъ классическомъ строѣ. Изъ курса епархіальныхъ училищъ, какъ и изъ курса семинарій должны быть удалены физика, космографія и,—я глубоко убѣжденъ въ этомъ,—также геометрія и алгебра» (прим. 2, стр. 51).

Не правы ли мы, говоря, что откровенность г. Розанова,—или его усердіе, не знаемъ, что лучше и вѣрнѣе,—доходитъ до неприличія? Едва ли кто изъ его единомышленниковъ, за исключеніемъ, конечно, г. П. Перцова, его издателя, рѣшился бы откровенно высказать пожеланіе—изгнать изъ средней школы «для массы» вышеназванныя науки, «весь міръ Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли». По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это первое громкое и откровенное признаніе, и что бы ни случилось затѣмъ, г. Розанову купно съ г. Перцовымъ надлежитъ пальма первенства за открытое гоненіе на «міръ вертящейся земли»,—вмѣстѣ съ тѣмъ и за открытіе такого міра.

Но г. Розановъ и его вѣрный Санчо Панса, г. Перцовъ, на этомъ не останавливаются. Какъ истинно русскіе люди, они не знаютъ предѣла въ своемъ размахѣ и выступаютъ подъ конецъ совсѣмъ au naturel.

Давъ планъ образованія, они не могли не коснуться и воспитательной стороны бѣднаго человѣчества, и такъ какъ ихъ идеалы назади, то г. Розановъ спокойно и безстрастно заявляетъ, а г. Перцовъ почтительно печатаетъ: «Мнѣ не кажется излишней въ школѣ суровость; я не отвергаю (и думаю, напротивъ, что даже должны быть возстановлены въ ней) физическія наказанія» (стр. 98). Опасаясь, чтобы его не поняли превратно или иносказательно, г. Розановъ на стр. 131, примѣчаніе, поясняетъ:

«Въ бытность мою учителемъ гимназіи и вмѣстѣ класснымъ наставникомъ, ко мнѣ, какъ къ послѣднему, нерѣдко являлись матери учениковъ (всегда вдовы) съ просьбой наказать розгами (т. е., чтобы это было сдѣлано въ гимназіи) своего разбаловавшагося мальчугана: «сестеръ колотитъ, меня не слушаетъ, ничего

не могу сдѣлать», и проч.; я, конечно, объяснялъ, что это запрещено всѣми параграфами, но, зная конкретно мальчишку способнаго и, что называется, зарвавшагося, потерявшаго голову отъ баловства, всегда давалъ совѣтъ—обратиться къ кому-нибудь по сосѣдству или изъ родственниковъ и больно-больно высѣчь его. И теперь, когда мнѣ приходится видѣть въ богатой и образованной семьѣ лимфатическихъ дѣтей, киснущихъ среди своихъ «глобусовъ» и другихъ «пособій», я всегда, вспоминая и свое дѣтство, думаю: какъ бы встряхнулись они, оживились, начали тотчасъ и размышлять, и чувствовать, если бы, взамѣнъ всѣхъ этихъ для ихъ любознательности расшпиленныхъ букашекъ и запыленныхъ минераловъ, разъ-другой ихъ самихъ вспрыснуть по-старому. Все тотчасъ бы перемѣнилось въ «обстоятельствахъ»: и впечатлительность бы пробудилась, и сила сопротивленія требуемому,—именно *оживился бы* (курсивъ г. Розанова) духъ, который теперь только затягивается какою-то плѣсенью подъ музыку все поученій, поученій и поученій, все разъясненій, разъясненій и разъясненій. Розга—это, наконецъ, фактъ; это—насиліе надо мною, которая вызываетъ всѣ мои силы къ борьбѣ съ собою; это—предметъ моей ненависти, негодованія, отчасти, однако же, и страха; въ отношеніи къ ней—я, наконецъ, не пассивенъ; и, уединившись въ себя отъ тѣхъ, въ рукахъ кого она,—наконецъ, свободенъ, то-есть, свободенъ въ душѣ своей, въ мысли, непокоренъ ничему, кромѣ боли своей и негодованія. Я серьезно спрашиваю: чѣмъ, какими коллекціями, какими иллюстраціями и глобусами можно вызвать эту *сложную* и *яркую* работу души, эту ея самостоятельность, силу, напряженіе? Что касается «униженія человѣческой природы», будто бы наносимаго розгой, то вѣдь не унизила она Лютера, нашего Ломоносова; отчего же бы унизила современныхъ мальчишекъ?»

Этотъ гимнъ розгѣ заимствованъ авторомъ цѣликомъ изъ древнихъ букварей, современныхъ «Синопсису», въ которыхъ на заглавномъ листѣ помѣщались обыкновенно стишки въ назиданіе питомцу, совершенно похожіе по содержанію съ гимномъ г. Розанова. Совершенно «серьезно» спрашиваемъ его: не розгою ли вызываетъ онъ въ себѣ эту «свободу въ душѣ своей, въ мысли, непокорство», которая проявляетъ въ своей чудовищной проповѣди дикаго мракобѣсія? Намъ представляется невозможнымъ, чтобы образованный человѣкъ конца XIX в., въ здравомъ умѣ и полной памяти, могъ серьезно приглашать насъ вернуться къ тѣмъ временамъ, когда, по словамъ Амоса Коменскаго, школы были застѣнками, а учителя палачами, упражнявшимися во имя науки надъ ея невинными жертвами.

Мы далеко еще не исчерпали всѣхъ откровенныхъ признаній г. Розанова, но и этихъ образчиковъ, думаемъ, достаточно, чтобы оправдать нашу характеристику, сдѣланную въ началѣ. Еще лишь два слова изъ его реформы университетовъ, которыми онъ тоже недоволенъ за «начатки міровѣдѣнія». Но, признавая, что въ наше время все же нельзя отказать человѣчеству въ знаніяхъ, онъ стремится лишь «упорядочить» оныя. «Безусловная несвязанность мысли и ея выраженія должна быть допущена здѣсь—вѣдь безъ этого тотчасъ нарушается самая идея познанія»,—не правда ли, какъ «лже-либерально»? Хотя «несвязанность» и не есть еще свобода, но все же для г. Розанова это уже очень много. Однако, не будемъ торопиться. «Но,—предостерегающе подъемлетъ перстъ г. Розановъ,—конечно, къ этому высокому праву могутъ быть допущены только тѣ, которые подходили бы къ нему съ священнымъ трепетомъ долга». Первое ограниченіе «несвязанности»—«священный трепетъ долга», качество, вообще весьма трудно констатируемое. Познанія, умъ, талантъ, ученыя работы—всѣ эти данныя въ глазахъ г. Розанова нѣчто несущественное, внѣшнее, поверхностное: «священный трепетъ долга»—вотъ что рѣшаетъ вопросъ о правѣ быть допущеннымъ на каѳедру. Согласны, пусть даже это ми-

стически-туманное качество. Но кто же будетъ рѣшать, какой профессоръ обладаетъ имъ, какой нѣтъ? Сами университеты? О нѣтъ: «Доступъ туда (на кафедру) не можетъ быть свободенъ для всякаго, и онъ не можетъ стать предметомъ передачи отъ учителя къ ученику... и не можетъ этотъ доступъ открываться самимъ университетомъ... Мы думаемъ,—совокупности университетовъ, но такъ, чтобы избираемый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ избираемъ не изъ корпораціи, его избирающей, но изъ другихъ родственныхъ». Замѣтивъ, что онъ предлагаетъ нѣчто сугубо несуразное, г. Розановъ моментально поправляется и уже строго и настойчиво рѣшаетъ: «Это же право, безъ всякаго ущерба для университета и его достоинства, могло бы принадлежать пожизненнымъ ихъ покровителямъ, но непремѣнно—близкимъ имъ... Мы думаемъ, назначеніе отъ государства подобныхъ покровителей *наилучшимъ образомъ* могло бы обезпечить университеты...» (стр. 63). Что же останется отъ «несвязанности мысли и выраженія»? Съ одной стороны—«священный трепетъ долга», съ другой—«покровитель», какъ единый судья и вершитель—не получится ли въ результатѣ вмѣсто «Сумерокъ просвѣщенія»—сугубая тьма? Въ особенности, если подобранному такимъ образомъ университету былъ бы порученъ, какъ предлагаетъ г. Розановъ, еще и «надзоръ за печатью».

Теперь окинемъ «умственнымъ окомъ» весь планъ просвѣщенія, какъ онъ мерещится распаленному «вспрыскиваніемъ» розгами духу гг. Розановыхъ и Перцовыхъ. Внизу «простолюдинъ», просвѣщаемый «Синопсисомъ», строго оберегаемый отъ «развращающей литературы» руководствъ съ ихъ «начатками міровѣдѣнія» и блаженно покоющійся на трехъ китахъ невиннаго невѣдѣнія. Для пищи матеріальной—«оставимъ ему общину и три десятины на душу».—словомъ, внизу «мякинный хлѣбъ и христіанство» въ духѣ, конечно, г. Розанова. Слѣдующая ступень—среднее образованіе безъ геометріи, алгебры, физики, географіи, свободное «отъ міра Ѳемистокловъ и Лициніевъ, свѣченія моря и вертящейся земли». Для оживленія «силы сопротивляемости, духа любознательности и свободы въ мысли»—розги, въ изобиліи расточаемыя вмѣсто «глобусовъ» и другихъ «пособій». На третьей ступени—университетъ, составленный изъ проникнутыхъ «священнымъ трепетомъ долга» профессоровъ, избираемыхъ пожизненными покровителями по назначенію администраціи. И, наконецъ, какъ увѣнчаніе зданія—печать подъ надзоромъ подобнаго трепещущаго университета. Нельзя этому плану гг. Розановыхъ и Перцовыхъ отказать въ стройности и послѣдовательности. Но, можетъ спросить иной наивный читатель, что же тогда станется съ просвѣщеніемъ? Именно то самое, къ чему стремится г. Розановъ: оно будетъ уничтожено во имя индивидуальности, цѣльности и единства типа, который, въ отличіе всякаго другого, мы осмѣлились назвать «юродствующимъ».

Есть одна несомнѣнная заслуга въ юродствующей литературѣ. Доводя до крайности въ своихъ откровенно-циничныхъ признаніяхъ основныя положенія, заимствуемыя ею изъ источниковъ, пользующихся если не признаніемъ, то вниманіемъ,—эта литература вскрываетъ до очевидности всю дикость этихъ основоположеній. Она показываетъ, во что превратилась бы наша жизнь, какъ частная, такъ и общественная, если бы человѣчество забыло хоть на мгновеніе здравыя требованія ума и сердца. По г. Меньшикову, идеалъ семьи—это супружество безъ любви, безъ влеченія брачущихся, основанное исключительно какъ кооперація. По г. Розанову, просвѣщенная въ духѣ христіанства страна—это народная масса, пребывающая во тьмѣ «Синописа», руководимая трепещущими университетами. И тотъ, и другой исходятъ изъ самыхъ, повидимому, высокихъ принциповъ: одинъ во имя якобы поруганной любви, другой—просвѣщенія, нынѣ переживающаго сумерки. Но одинъ изгоняетъ изъ любви необходимѣйшій, существеннѣйшій ея элементъ, безъ котораго любовь превращается

въ нѣчто болѣзненное и извращенное. Другой отнимаетъ у просвѣщенія главную его силу—свободу духа, стремясь заковать его въ тѣ старыя оковы, изъ которыхъ человѣчество выбилось путемъ трехвѣковой мучительной борьбы. Одинъ желалъ бы передѣлать человѣческую природу, не замѣчая, что даже съ своей точки зрѣнія наноситъ этимъ жесточайшее оскорбленіе Высшей волѣ, Тому, чьи будто бы велѣнія онъ готовъ признать благомъ даже въ поступкахъ разбойника, выкалывающаго глаза ребенку. Другой хотѣлъ бы потушить свѣтъ знанія совсѣмъ, потому что этотъ свѣтъ, благодаря плохому устройству свѣтильника, недостаточно свѣтитъ, или, вѣрнѣе сказать, не такъ освѣщаетъ, какъ угодно его изувѣрской душѣ. Оба, въ заключеніе, выдаютъ себя головой—своимъ лицемѣріемъ и кощунственнымъ отношеніемъ къ самымъ дорогимъ для человѣчества силамъ—любви и знанію.

Въ этомъ ихъ приговоръ, въ этомъ ихъ и наказаніе.

Пройдемъ мимо нихъ и забудемъ. Лучшаго они не заслуживаютъ. Но мы не желали бы оставить читателя подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ мертвящаго духа юродствующей литературы, и потому, думаемъ, небольшая экскурсія въ область текущей беллетристики вполнѣ умѣстна.

Положимъ, въ послѣднее время установился особый, нѣсколько легкомысленный тонъ по отношенію къ беллетристикѣ. Критика, болѣе сердитая и ворчливая, чѣмъ справедливая, однихъ, преимущественно молодыхъ и новыхъ, укоряетъ въ томъ, что пишутъ они мало, но слишкомъ много мнятъ о себѣ,—написавъ двѣ-три вещицы, сейчасъ же тискаютъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ. Что же касается старыхъ и почтенныхъ художниковъ, то ихъ по прежнему винятъ въ «скорописаніи» и обиліи, какъ будто есть для таланта нѣкая установленная природою норма, сколько именно онъ долженъ и можетъ выписать. Съ такимъ отношеніемъ къ нашей беллетристикѣ мы никогда не могли согласиться и стоимъ на высказанномъ уже нами мнѣніи, что наша художественная литература, взятая въ цѣломъ, не ниже уровня общеевропейской, гдѣ тоже не видно теперь великихъ талантовъ, дѣлающихъ эпоху, но и у насъ, какъ и тамъ нѣтъ недостатка въ силахъ и молодыхъ, и свѣжихъ. Если же сравнимъ хотя бы послѣднее полугодіе, т. е. текущій литературный сезонъ, то всѣ преимущества окажутся на нашей сторонѣ. Только за три мѣсяца текущаго года появилось нѣсколько несомнѣнно выдающихся произведеній, которымъ развѣ нарочито сердитая критика откажетъ въ талантливости и интересномъ, живомъ содержаніи.

Въ обновившемся, напр., журналѣ «Жизнь» мы имѣемъ сразу два выдающихся произведенія г. Горькаго—«Кирилка», прекрасный разсказъ, написанный съ тонкимъ юморомъ, выдержанный и вполнѣ законченный по формѣ, и начало большой, повидимому, повѣсти «Ѳома Гордѣевъ». Въ «Кирилкѣ» г. Горькій проявилъ новую черту таланта, сближающую его отчасти съ Гл. Успенскимъ, который такъ тонко и мѣтко умѣетъ освѣтить отношеніе къ народу другихъ классовъ, живущихъ за счетъ этого послѣдняго. Собравшіеся на переправѣ у только-что тронувшейся большой рѣки, земскій начальникъ, купецъ, дьячокъ и авторъ—въ большомъ смущеніи. О переправѣ нечего и думать, и, по обычаю русскаго человѣка искать виноватаго, всѣ обрушиваются на злополучнаго Кирилку, плюгаваго мужиченку, приставленнаго завѣдывать переправой. Кипятится больше всего земскій, какъ представитель власти, натыкающійся на непорядокъ тамъ, гдѣ по бумагѣ все должно обстоять благополучно. Купецъ заискивающе ему поддакиваетъ. Дьячокъ придерживается скорѣе нейтралитета, а Кирилка вполнѣ равнодушенъ, сознавая полную свою непричастность къ поведенію рѣки, такъ не во время тронувшейся. Въ заключеніе, разыгрывается комическій инцидентъ. Захваченные врасплохъ путники сильно проголодались, а

у Кирилки оказывается краюха хлѣба, которую онъ, по обыкновенію, хранитъ за пазухой («теплѣе онъ отъ энтого»). Путники сначала брезгливо относятся къ этому хлѣбу, но потомъ не выдерживаютъ и братски его раздѣляютъ между собой съ добродушнаго согласія Кирилки. Хлѣбъ, уписываемый всѣми, несмотря на всѣ его неприглядныя качества, вызываетъ въ земскомъ рядъ новыхъ нападеній на Кирилку за недородъ, за плохое качество хлѣба. «Что мы видимъ?— гремитъ земскій, прожевывая кирилкину краюху, — пьянство, распущенность, лѣность... Руководителя нѣтъ. Недородъ—на сцену выступаетъ земство: на, сѣй, батюшка, на, ѣшь, батюшка... Нѣ-ѣтъ-съ, это не порядокъ!.. Почему до 61 года родила? Потому что—если недородъ, сейчасъ же голубчика, мужика то-есть,— пожалуйте-ка сюда! Вы какъ пахали? Вы какъ сѣяли?» и т. д... Наконецъ, рѣка прошла и компанія благополучно перебирается на другой берегъ въ прибывшихъ оттуда лодкахъ, а Кирилка добродушно проситъ перевозчика: «Дядя Антонъ! за почтой поѣдешь, хлѣба мнѣ привезите, слышь? Господа-то, путя ожидаючи, краюшку у меня съѣли, а одна была»! .

Въ нашей болѣе чѣмъ сжатой передачѣ трудно представить всю живость этого очерка, словно выхваченнаго изъ жизни, съ этимъ земскимъ, непоколебимо вѣрующимъ въ непреложность лѣни и мужицкой распущенности, единственныхъ причинъ недорода и прочихъ бѣдствій, удручающихъ деревню,—съ купцомъ, отлично понимающимъ всю наивность земскаго, но которому не съ руки расходиться съ нимъ во взглядахъ и противорѣчить власти,—съ угрюмымъ дьякомъ, пришибленнымъ и захудалымъ, молча сторонящимся отъ господъ, памятуя рѣченное отъ Писанія: «блаженъ мужъ»... Всѣ эти лица живутъ, каждый съ своимъ языкомъ и характерными особенностями, и среди нихъ философски-спокойный Кирилка, которому, все равно, не переслушать пустыхъ рѣчей, раздающихся вокругъ него и не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ его жизни. Г. Горькаго упрекали въ романтическихъ преувеличеніяхъ, въ идеализаціи босяковъ и ихъ жизни. Теперь, пожалуй, его попрекнутъ, что онъ повторяетъ старую тему. Для насъ существенную важность представляетъ вопросъ—какъ повторять, и если эти повторенія такъ художественны, какъ его «Кирилка», мы можемъ лишь пожелать побольше подобныхъ повтореній. Есть темы никогда не старѣющіяся, и къ нимъ принадлежитъ тема этого чуднаго очерка.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ повѣсть «Ѳома Гордѣевъ», начало которой обѣщаетъ очень художественную и содержательную вещь, открывающую въ талантѣ г. Горькаго новыя черты. Предъ нами не босяки, не пролетаріи, не случайныя сценки, а широко захваченная картина быта купеческой семьи, одинъ изъ представителей которой, отецъ будущаго героя, Игнатъ Гордѣевъ написанъ во весь ростъ, сильная, колоритная фигура, съ яркимъ и мощнымъ характеромъ, типичный волжскій богатырь-хищникъ. Изъ простыхъ судорабочихъ онъ выбивается въ хозяева и самъ становится виднымъ на Волгѣ пароходчикомъ. Въ повѣсти мы уже застаемъ его на вершинѣ жизни, которая вся ушла въ борьбу за богатство и въ страстную любовь къ сыну, маленькому Ѳомѣ. Типъ Игната не выдуманный—напротивъ, на Волгѣ часто попадаются такіе богатыри, а прежде они были еще чаще. «Богатырски сложенный, красивый и неглупый, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ всегда и во всемъ сопутствуетъ удача—не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорѣе потому, что, обладая огромнымъ запасомъ энергіи, они, по пути къ своимъ цѣлямъ, не умѣютъ, даже не могутъ задумываться надъ выборомъ средствъ и, помимо своего желанія, не знаютъ иного закона. Иногда они со страхомъ говорятъ о своей совѣсти, порою искренно мучаются въ борьбѣ съ нею, но совѣсть, это сила непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и порабощаютъ ее своимъ желаніямъ, ибо они безсознательно

чувствуютъ, что если дать ей просторъ и свободу—она изломаетъ жизнь. Они приносятъ ей въ жертву дни; если же случится, что она одолѣетъ ихъ души, то они, побѣжденные ею, никогда не бываютъ разбиты и такъ же сильно и здорово живутъ подъ ея началомъ, какъ жили и безъ нея»...

Словомъ, Игнатъ-то, что принято называть цѣльной, непосредственной натурой, которая всякому движенію души отдается вся, безъ остатка. Онъ сильно напоминаетъ одно дѣйствительное лицо, недавно сошедшее въ могилу,—извѣстнаго волжскаго судовладѣльца Гордѣя Чернова. Онъ также изъ судорабочихъ выбился въ пароходчики, предпріимчивый и дѣятельный быстро нашелся въ новыхъ условіяхъ судоваго дѣла на Волгѣ въ 80-ыхъ годахъ, сообразилъ важную роль нефти, только что тогда выступавшей на сцену, и на транспортахъ ея составилъ огромное состояніе. Это былъ человѣкъ порыва, иногда дикій и необузданный, съ задатками глубокаго мистицизма, внезапно проявившагося въ немъ съ непреодолимой силой. Вдругъ, въ разгарѣ своихъ милліонныхъ предпріятій, не смотря на блестящее положеніе дѣла, Черновъ бросилъ все и исчезъ къ великому изумленію всего волжскаго торговаго міра. Сначала думали, что дѣла его пошатнулись, но при ликвидаціи очистилась въ его пользу солидная сумма въ нѣсколько сотъ тысячъ. Оказалось, что Гордѣй Черновъ ушелъ на Аѳонъ, гдѣ и кончилъ жизнь въ 90-хъ годахъ послушникомъ въ скиту. Повидимому, эта замѣчательная личность, имя которой до сихъ поръ хорошо знакомо каждому волгарю, послужила прототипомъ для Игната Гордѣева.

Герой повѣсти, однако, не онъ, а его сынъ Ѳома, выступающій въ повѣсти пока еще мальчикомъ. Въ противоположность отцу, онъ обрисованъ нѣжными, почти женственными чертами, съ поэтической, чуткой, вдумчивой душой, жадно впитывающей волжскія впечатлѣнія. Какъ сложится этотъ чуть-чуть еще намѣчаемый характеръ, покажетъ дальнѣйшее развитіе повѣсти. Дѣйствіе ея постепенно развертывается на фонѣ широкой и мощной рѣки, жизнь которой написана мастерски. Превосходна, напр., заключительная сцена обычнаго ночного событія въ судовомъ каравапѣ, какъ рабочіе, тихонько перекликаясь, сплавляютъ откуда то навернувшагося утопленника, отпихивая его баграми. Глухая рѣчь, тишина, мракъ, какой лишь бываетъ иногда лѣтомъ на рѣкѣ, когда вода похожа на темное тяжелое масло.

«Всматриваясь во тьму пристально, до боли въ глазахъ, мальчикъ различалъ въ ней черныя груды и огоньки, еле горѣвшіе надъ ними... Онъ зналъ, что это были баржи, но знаніе не успокаивало его и серде билось въ немъ неровно, а въ воображеніи вставали какіе-то пугающіе темные образы.—О-о...о...—донесся издали протяжный крикъ и закончился похоже на рыданіе... Вотъ кто-то прошелъ по палубѣ къ борту парохода...—О-о-о... раздалось опять, но уже гдѣ то ближе...—Яфимъ!—вполголоса заговорили на палубѣ.—Яфимка!—Ну-у?—Чортъ! вставай! бери багоръ...—О-о-о...—застонали гдѣ-то близко, и Ѳома, вздрогнувъ, откачнулся отъ окна. Странный звукъ подплывалъ все ближе и росъ въ своей силѣ. рыдалъ и таялъ въ черной тьмѣ. А на палубѣ тревожно шептали: Яфимка! Да встань... гость плыветъ! — Дѣ? — раздался торопливый вопросъ... потомъ по палубѣ зашлепали босыя ноги, послышалась возня и мимо лица мальчика сверху скользнули два багра и почти безшумно вонзились въ густую воду.—Го-о-о сть!—зарыдали гдѣ-то близко и раздался тихій, но очень странный плескъ воды. Мальчикъ дрожалъ отъ ужаса предъ этимъ грустнымъ крикомъ, но не могъ оторвать своихъ рукъ отъ окна и глазъ отъ воды.—Зажги фонарь... не видать ничего...—Сичасъ...—И вотъ на воду упало пятно мутнаго свѣта... Ѳома видѣлъ, что вода тихо колышется, рябь идетъ по ней, точно ей больно и она вздрагиваетъ отъ боли.—Гляди... гляди!.. испуганно зашептали на палубѣ... Въ тоже время въ пятнѣ свѣта на водѣ явилось большое, страшное человѣческое лицо съ бѣлыми оскаленными зубами.

Оно плыло и покачивалось на водѣ, зубы его смотрѣли прямо на Ѳому, и точно оно, улыбаясь, говорило: «Эхъ, мальчикъ, мальчикъ... Холодно... прощай!» Багры дрогнули, поднялись въ воздухѣ, потомъ снова опустились въ воду и стали осторожно толкать въ ней что-то. —Веди его... веди... смотри—подобьетъ въ колесо...—Пихай ты самъ-то!.. Багры скользили по борту и царапались объ него со звукомъ, похожимъ на скрипъ зубовъ. Ѳома не могъ закрыть глазъ, глядя на нихъ... Стукъ ногъ, топавшихъ о палубу надъ его головой, постепенно удалялся на корму... И вотъ тамъ вновь раздался этотъ стонущій, заупокойный звукъ:— Го-о-ость!..»

Нужно отмѣтить еще въ новомъ произведеніи г. Горькаго ту тщательность, съ которою онъ отдѣлываетъ свой слогъ, прежде нѣсколько небрежный и распущенный. Видимо, этотъ свѣжій и сильный талантъ крѣпнетъ, растетъ и становится все серьезнѣе. Талантъ—это величайшій даръ судьбы, и необходимо относиться къ нему бережно, не расточая силъ его на пустяки—вотъ почему насъ особенно радуетъ это большое и хорошо задуманное произведеніе.

Лучшею, однако, вещью послѣдняго времени является безспорно очеркъ «Смиренные» г. Короленко, въ первой книгѣ «Русскаго Богатства» за текущій годъ. Давно уже уважаемый художникъ не давалъ ничего такого художественнаго и глубоко захватывающаго душу. «Человѣкъ на цѣпи въ концѣ XIX в.» — отъ времени до времени подобныя извѣстія изъ деревенской глуши доносятся до насъ въ видѣ корреспонденцій и обыкновенно мало кого тревожатъ, скорѣе кажутся курьезомъ, дополняющимъ картину некультурности деревенской жизни. Художникъ, наткнувшись на такой «курьезъ», создалъ удручающую картину, которая возбуждаетъ рядъ неотложныхъ вопросовъ, тревожитъ и мучитъ совѣсть читателя.

Сумасшедшій больной десять лѣтъ живетъ въ избѣ, прикованный къ стѣнѣ, съ двумя прикованными къ нему женщинами—женой и сестрой. Эта совмѣстная жизнь, полная невыразимыхъ физическихъ и нравственныхъ мученій для всѣхъ троихъ, не поражаетъ окружающихъ, и ихъ равнодушіе кладетъ новое яркое пятно на общемъ безотрадномъ фонѣ деревни, ея словно забытыхъ всѣми «смиренныхъ» полей. Свѣжій человѣкъ, случайно натыкающійся на прикованнаго сумасшедшаго, растеривается и недоумѣваетъ, къ кому обратиться, что предпринять? Общее спокойствіе, результатъ безнадежности и безвыходности, охватываютъ его. «Кого онъ позоветъ и кому сообщитъ свою новость?.. Отъ всего вѣяло смиреніемъ и покорностью,—исконнымъ деревенскимъ смиреніемъ, которое съ такою болью проникаетъ въ душу, изливаясь отъ этого скромного родного пейзажа... И ему казалось, что весь порядокъ, и блѣдныя ветлы, и всѣ эти избушки какъ будто сжимаются и говорятъ: «что дѣлать... ничего не подѣлаешь...»

Выслушавъ исторію сумасшедшаго, который побывалъ и въ больницѣ, но откуда его взяли родственники, находя, что дома ему все же лучше, свѣжій человѣкъ, газетный работникъ Бухвостовъ, представляетъ себѣ такую же исторію въ городѣ. «Разумѣется, если бы что-нибудь подобное онъ замѣтилъ въ самомъ городѣ... Ну, тогда онъ зналъ бы, къ кому ему обратиться и что ему дѣлать... Тотчасъ же онъ растормошилъ бы, поднялъ бы на ноги властей, былъ бы составленъ протоколъ, онъ далъ бы телеграмму въ столичныя газеты, телеграмма была бы подхвачена всей прессой: «человѣкъ на цѣпи!»... Словомъ, люди были бы взволнованы и общими усиліями устранили бы зло. «Но здѣсь, въ деревнѣ, среди этихъ смиренныхъ нивъ... Бухвостовъ чувствовалъ, что здѣсь все это какъ-то по иному. И прежде всего—10 лѣтъ!..» Эти 10 лѣтъ убиваютъ въ немъ всю энергію, всякое желаніе вступиться въ это дѣло, которое всѣмъ окружающимъ, и ближнему, и дальнему начальству хорошо извѣстно—и все же оно существуетъ, и будетъ существовать. «И вдругъ онъ вспомнилъ

вздохъ послѣдняго изъ уходившихъ раскатовцевъ:—Охъ-хо-хо! грѣхи тяжкіе...—Грѣхъ? чей же именно грѣхъ? И что такое грѣхъ? Сознаніе, что происходитъ что-то, не согласное съ высшими законами жизни... Очевидно, оно, хотя и неясно, присутствуетъ у этой, смиренной «деревни». Только она спокойнѣе, потому что на ней же лежатъ и тяжелыя послѣдствія всевозможныхъ «грѣховъ»... А онъ, городской человѣкъ, весь день старается, кромѣ послѣдствій, свалить на нее еще и всю тяжесть вины»...

Выдержанное превосходно во всемъ разсказѣ настроеніе смиренной приниженности и забитости деревенской жизни охватываетъ читателя съ подавляющей силой, заставляя и его испытывать это чувство горькой безпомощности и сознаніе «грѣха», устранить который онъ не можетъ.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ произведеніяхъ текущей беллетристики, каковы, напр., интересный романъ г. Боборыкина «Куда идти» въ «Вѣстникѣ Европы», и «Воскресшіе боги» г. Мережковскаго въ «Началѣ». О нихъ придется говорить, когда они закончатся. Относительно романа г. Мережковскаго можно замѣтить, что читается онъ съ увлеченіемъ, не смотря на излишнее обиліе подробностей, дѣлающихъ слогъ тяжеловѣснымъ. Г. Мережковскій усиленно подражаетъ манерѣ Флобера въ «Саламбо», но у него нѣтъ яркости красокъ великаго француза и его умѣнья одной-двумя характерными подробностями быта освѣтить всю картину. Время и мѣсто дѣйствія, выбранныя г. Мережковскимъ, особенно ярки, — вѣдь это эпоха Возрожденія въ Италіи. А между тѣмъ, на всемъ романѣ лежитъ оттѣнокъ какой-то тусклости, если можно такъ выразиться, — запыленности, которую авторъ, слишкомъ усердно роясь въ пыли архивовъ, внесъ и въ самую жизнь, имъ описываемую.

А. Б.

Отраженіе семейнаго быта и нравовъ въ народной поэзіи Великоруссовъ.

(ЗАМѢТКА).

«Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.»—Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I вып. первый. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1898.

Недавно издана академіей любопытнѣйшая книга, какъ по отношенію къ личности ея составителя, такъ и по важности содержанія, тѣмъ болѣе цѣннаго, что пѣсенное творчество народа воспроизводится въ ней совершенно объективно, въ непосредственныхъ записяхъ изъ устъ самого народа.

Сперва два слова о собирателѣ.

Въ высшей степени интересна судьба этого неутомимаго и ревностнаго труженика въ дѣлѣ изученія нашей народности. Павелъ Васильевичъ Шейнъ родился въ 1826 г. въ Могилевѣ, въ зажиточной еврейской семьѣ. Тяжкія болѣзни, обрушившіяся на хилый дѣтскій организмъ, превратили мальчика въ калѣку и лишили его возможности продолжать начавшіяся было правильныя учебныя занятія. Тѣмъ временемъ матеріальное благосостояніе отца Шейна пошатнулось, вслѣдствіе вынужденной необходимости прекратить служившія источникомъ пропитанія дѣла съ Москвой, въ виду изданнаго тогда закона, воспрещавшаго *небогатымъ* евреямъ пребываніе въ столицѣ. Воспользовавшись лѣченьемъ больного сына, какъ предлогомъ для житья въ Москвѣ, отецъ помѣстилъ сына въ одну изъ больницъ, гдѣ онъ и пробылъ три года, и въ концѣ

концовъ, мальчикъ, не могшій двигаться, получилъ возможность ходить на костыляхъ.

Пребываніе въ московской больницѣ имѣло огромное значеніе для умственнаго развитія юнаго Шейна. Знакомство и разговоры со студентами, чтеніе русскихъ, дотолѣ неизвѣстныхъ мальчику книгъ сдѣлали то, что молодой человѣкъ проникся глубочайшимъ интересомъ къ тѣмъ умственнымъ горизонтамъ, которые начали открываться передъ нимъ въ чтеніи книгъ и бесѣдахъ съ людьми, стоявшими по образованію несравненно выше всего, что до сихъ поръ видѣлъ онъ въ замкнутой еврейской средѣ родного города. Его страшила перспектива вернуться опять въ провинціальную среду, а между тѣмъ остаться въ столицѣ по выпискѣ изъ больницы Шейнъ, какъ еврей, не имѣлъ права. Тогда онъ рѣшился перейти въ лютеранство и поступилъ для полученія образованія въ сиротское отдѣленіе одной московской лютеранской школы. Связи съ родной семьей должны были съ этихъ поръ порваться. Счастливый случай далъ Шейну въ руководители извѣстнаго поэта и переводчика Ѳ. Б. Миллера, преподававшаго въ школѣ русскую литературу. Онъ ввелъ своего ученика въ литературные круги московскаго общества, познакомивъ его съ Ѳ. Глинкой, Аксаковыми, Раичемъ, Шевыревымъ и другими. Горячо раздѣляемый Шейномъ пробудившійся тогда въ обществѣ интересъ къ изученію русской народности сблизилъ его по симпатіямъ съ кружкомъ славянофиловъ.

Съ 1850 г. начинается періодъ странствованій Шейна по Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ помѣщичьихъ семьяхъ. Здѣсь то и рѣшился онъ безповоротно посвятить себя собиранію памятниковъ народной словесности и началъ записывать пѣсни по деревнямъ. Въ 1859 г. О. М. Бодянскій напечаталъ первое сдѣланное П. В. Шейномъ собраніе пѣсенъ въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. исторіи и древностей россійскихъ».

Чуткость и отзывчивость Шейна къ вопросамъ народнаго образованія сказалась, между прочимъ, въ томъ, что въ періодъ открытія воскресныхъ школъ въ Москвѣ Шейнъ явился однимъ изъ дѣятельныхъ преподавателей въ нихъ; нѣкоторое время онъ преподавалъ въ Яснополянской школѣ, въ имѣніи гр. Л. Н. Толстого, и записывалъ за дѣтьми ихъ пѣсни. Прослуживъ уѣзднымъ учителемъ, а затѣмъ штатнымъ смотрителемъ училищъ въ нѣсколькихъ городахъ, г. Шейнъ изъ великорусскихъ губерній переѣхалъ въ бѣлорусскія. Будучи учителемъ витебской гимназіи, П. В. издалъ въ 1870 г. первую часть составленнаго имъ сборника великорусскихъ пѣсенъ. Со второю частью этого сборника изслѣдователя начинаютъ постигать разныя неудачи: сперва какимъ-то образомъ исчезаетъ при пересылкѣ въ Москву рукопись съ 200 набѣло переписанныхъ листовъ, затѣмъ такой же свертокъ украли изъ вагона желѣзной дороги. Несмотря на эти неудачи, рвеніе собирателя однако не слабѣло. Въ продолженіе учебнаго года все свободное время посвящалъ онъ собиранію пѣсенныхъ памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества, а на каникулахъ предпринималъ поѣздки по великорусскимъ губерніямъ съ цѣлью пополненія своего ранѣе составленнаго сборника. Увлеченный своимъ дѣломъ, П. В. всюду старался передать и другимъ это увлеченіе народной поэзіей, стараясь вызвать интересъ къ ней въ знакомыхъ помѣщичьихъ семьяхъ, въ учителяхъ и ученикахъ разныхъ школъ. Всѣхъ заинтересовавшихся этимъ дѣломъ П. В. самъ училъ пріемамъ записыванія, напечаталъ для руководства неопытныхъ собирателей программу и т. д. Въ 1874 г. появился составленный г. Шейномъ сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, удостоенный золотой медали отъ Этнографическаго Отдѣленія Имп. Русск. Геогр. Общества и напечатанный въ «Запискахъ» этого общества. По выходѣ въ свѣтъ, капитальный трудъ этотъ былъ увѣнчанъ уваровской преміей и стороны академіи наукъ.

Между тѣмъ, составитель сборника, покинувъ Витебскъ, кочуетъ по Россіи,

въ качествѣ учителя гимназіи, въ разныхъ городахъ. Въ 1877 г. на каникулахъ г. Шейнъ отъ академіи наукъ получаетъ командировку въ Сѣверо-западный край для собиранія матеріаловъ по изученію бѣлорусскаго нарѣчія и памятниковъ народнаго творчества. Относясь къ своему дѣлу съ крайней добросовѣстностью, П. В. не находитъ возможнымъ удовлетвориться результатами одной поѣздки,—онъ предпринимаетъ рядъ другихъ поѣздокъ въ тотъ же край уже на свои средства, а когда разстроенное здоровье вынудило его оставить педагогическую дѣятельность, неутомимый труженикъ науки умудряется какъ-то на крохи своей ничтожнѣйшей учительской пенсіи предпринимать новыя научныя экспедиціи. Онъ разъѣзжаетъ по захолустнымъ деревнямъ, платитъ пѣвцамъ и пѣвицамъ за пѣсни, угощаетъ крестьянъ въ бѣлорусскихъ корчмахъ, ведетъ обширную переписку со своими сотрудниками. Если прибавить къ этому, что такую изумительную энергію, при отсутствіи достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, обнаруживаетъ больной старикъ, то остается только подивиться силѣ увлеченія своимъ дѣломъ, одухотворяющей этого самоотверженнаго труженика, продолжающаго и до сихъ поръ неутомимо работать на пользу русской этнографіи.

Новѣйшій сборникъ г. Шейна, являющійся, до нѣкоторой степени, объединеніемъ всѣхъ предшествующихъ работъ собирателя по части изученія поэзіи великоруссовъ, представляетъ по тщательности подбора, по кропотливости работы, какъ справедливо выражается авторъ въ предисловіи,—«рискованное, трудное и крохоборное предпріятіе на пользу науки». Рѣзкое отличіе сборника г. Шейна отъ другихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ въ томъ, что это сборникъ не *областной*, не собраніе пѣсенъ какого-нибудь одного уголка Россіи, а сборникъ общій, представляющій главныя характерныя черты народно-поэтическаго міросозерцанія великорусскаго племени и дающій вполнѣ достаточный матеріалъ для общихъ выводовъ. Исходя изъ положенія, что «пѣсня до сихъ поръ остается вѣрной спутницей многотрудной жизни русскаго человѣка отъ колыбели до могилы», г. Шейнъ, предлагая публикѣ свой трудъ, имѣлъ въ виду дать матеріалъ для ознакомленія съ характеромъ великорусскаго племени, его нравами и духовной жизнью *). Въ зависимости отъ такой постановки задачи находится и распредѣленіе собраннаго г. Шейномъ матеріала «въ порядкѣ біографическомъ или бытовомъ», т. е. «по всѣмъ почти замѣчательнымъ мгновеніямъ семейной, бытовой и исторической жизни русскаго народа». Нечего поэтому и говорить о желательности распространенія новаго сборника въ нашей читающей публикѣ, особенно же въ средѣ учителей роднаго языка и литературы, а также и всѣхъ лицъ, интересующихся жизнью и поэтическимъ творчествомъ народа **).

Переходя къ содержанію сборника, мы должны прежде всего отмѣтить пѣсни, наиболѣе поэтичныя по своему характеру и основной идеѣ. Такова, напр., облетѣвшая всю Россію съ хоромъ Славянскаго и записанная еще въ 1859 г. г. Шейномъ въ Твери пѣсня—«Спится мнѣ, младешенькой, дремлется»—противополагающая суровое обращеніе свекра и свекрови съ молодой невѣсткой и ласковое отношеніе къ ней любящаго мужа (№ 833). Очень поэтично описаніе молитвы дѣвушки за любимаго человѣка (№ 689), тоски при разставаньи съ милымъ (№№ 754—758), воспоминанія несчастной въ замужествѣ женщины о прежней беззаботной жизни въ родительскомъ домѣ (№ 830), грустная пѣсня

*) Подобная работа, на основаніи изданнаго въ 1870 г. сборника г. Шейна, была произведена покойнымъ Н. И. Костомаровымъ въ его статьѣ «Великорусская народная поэзія»—«Вѣстникъ Европы» 1872. № 6.

**) Для интересующихся можемъ указать на составленный А. Е. Грузинскимъ по матеріаламъ П. В. Шейна «Сборникъ народныхъ дѣтскихъ пѣсенъ, игръ и загадокъ» М. 1898 г.

...реслѣдующемъ дѣвушку до гробовой доски (№ 797), разговоръ дѣ-
...ѣкой, утопившей ея милаго (№ 736—738). Пѣсни эти проникнуты
...ушевнымъ чувствомъ, полны тихой грусти и участливаго человѣ-
...енія къ людямъ. Но слѣдуетъ сказать, что это все—отдѣльные,
...щіе мотивы; общая же картина, получающаяся отъ всей массы
..., сборникѣ 1.283 №№), —далеко не такова.
...семейнаго быта и нравовъ, слагающаяся изъ отдѣльныхъ
...ыхъ различными пѣснями сборника г. Шейна, —весьма пе-

...ночекъ, которыми «дѣти вышедшія изъ младенческаго
...ебя тѣшить и забавлять», попадаются вещи ярко
... Весьма любопытно для характеристики нравовъ
...невозможности скабрезныхъ плясовыхъ при-
...ковъ собирателя отъ 12-ти-лѣтней кре-

...томъ быту и взгляды на любовь,
...бой утонченностью. Любопы-
...ни, заканчивающія хоро-
...участниками и участ-
...ныя пѣсни словами:
...то одинъ разъ»,
... девять разъ»
..., добавляетъ
...я вакхиче-

...акъ они
...пѣсни,
...деній
...ьное
...енъ
...а.
—

ваютъ эти дѣянія парня, послѣдствіемъ которыхъ во второй изъ указанныхъ пѣсенъ представляется даже смерть избитой дѣвушки. Такой же случай—смерть дѣвушки отъ побоевъ парня—описываетъ пѣсня № 803. Особенно же любопытна въ этомъ отношеніи одна пѣсня (№ 772), гдѣ дѣвушка сама проситъ возлюбленнаго побить ее «шелковой плеткой».

Женщина тоже не остается въ долгу передъ мужчиной въ подобныхъ отношеніяхъ, и въ описаніяхъ женской мести измѣнившему любовнику обнаруживается ужасающая грубость и жестокость. Обычнымъ типомъ мстительныхъ угрозъ является извѣстное заявленіе:

Я изъ рукъ, изъ ногъ кроватку смощу.
Изъ ребёръ яво мосты помощу,
Изъ висковъ яво фитилей насучу,
Изъ мозговъ яво я свѣчей налью,
Изъ жиру яво сала натоплю. (№ 750)

или:

Я изъ косточекъ теремъ выстрою,
Я изъ ребрышекъ полы выстелю,
Я изъ рукъ, изъ ногъ скамью сдѣлаю,
Изъ головушки яндову солью,
Изъ суставчиковъ налью стаканчиковъ,
Изъ ясныхъ очей чары винныя,
Изъ твоей крови наварю пива. (№ 751)

или—короче, но еще выразительнѣе:

А изъ жиру я твово, изъ сала
Сальныхъ свѣчекъ да налью,
А изъ жилъ твоихъ, изъ мяса
Пироговъ напечу. (№ 752).

Цѣлый рядъ пѣсенъ (№ 823—829) рисуетъ картину отравленія дѣвушкой прежняго любовника; слѣды преступленія потомъ старательно уничтожаются:

Отвозила любезнóва
Въ чисто поле далекó,
Я зарыла любезнóва
Въ сыру землю глубоко. (№ 824).

При такомъ, чисто зоологическомъ отношеніи между полами и семейная жизнь представляетъ немного гарантій счастья. Въ одной пѣснѣ (№ 691) дѣвушка выражаетъ свой взглядъ, что не слѣдуетъ торопиться съ замужествомъ, потому что трудовая жизнь замужней женщины и непривлекательна, и мѣшаетъ сохраненію любовныхъ отношеній къ прежнему милому.

Любопытный взглядъ на семейную жизнь высказываетъ устами дѣвушки рядъ другихъ пѣсенъ (№№ 578—582)—дѣвушка обсуждаетъ вопросъ, за кого лучше выйти замужъ; трудовая жизнь вызываетъ въ ней отвращеніе, она рѣшается выйти либо за «боярина»: «жизнь боярская—что твой рай, только знай себѣ гуляй»,—либо за «подъячаго» или «писаря» ради ихъ неправедныхъ доходовъ.

Вышедшая замужъ за крестьянина, молодая жена хочетъ сама создать себѣ жизнь «что̀ твой рай», бросаетъ домъ, ребенка и отправляется гулять «въ царевъ кабакъ». Является съ работы мужъ съ «лозой» и застаетъ жену «набѣленную, нарумяненую». Жена открыто объявляетъ о своемъ желаніи «сбыть врага»-мужа и купить себѣ «молодчика» (№ 618). Въ другой пѣснѣ (№ 619) жена, въ отвѣтъ на угрозы мужа побить ее за подобное зазорное поведеніе, отвѣчаетъ:

А я старому хрычу
Сама вдвое отплачу;
Спину на бокъ сворочу
И найду себѣ молодчика
Молоденькаго.

Удалое гулянье молодой жены съ добрыми молодцами и слѣдующіе за этимъ побои отъ мужа описываются въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ (№ 453—462). Особенно любопытны между ними тѣ, которыя иллюстрируются въ хороводномъ исполненіи мимическимъ изображеніемъ наказанія провинившейся. Такъ, при пѣніи словъ, рисующихъ дѣйствія мужа—

Къ сторонѣ ее отвелъ,
По щекѣ ее оплелъ,—

парень ударяетъ дѣвушку по лицу платочкомъ, а далѣе при словахъ:

Какъ моя то ли жена
Стыдъ, безчестье приняла—
По затылку оплела,—

—въ свою очередь, и дѣвица ударяетъ парня платкомъ.

Вообще, пѣсенъ, въ которыхъ мужъ съ женой дерутся—безконечное число; самая обычная вещь—заявленія вродѣ:

Шелковая плетка
Не на мѣстѣ висѣла,
Всю ночь просвистѣла
На моемъ бѣломъ тѣлѣ (№ 438) и т. п.

Молодецъ, опоздавшій на свиданіе съ любовницей, оправдывается тѣмъ, что замѣшкался за побоями жены:

Я билъ ее, молодецъ,
Чуть живу на свѣтъ пустилъ (№№ 775—776).

Бабьи мечты о несбыточной идеальной порѣ, когда въ побояхъ перемѣнятся отношенія между мужьями и женами, представлены въ пѣснѣ (№ 624):

Какъ нынѣ то куры
Поютъ пѣтухами,
Какъ нынѣ то жены
Вольны надъ мужьями,
Вольны надъ мужаями,
Сѣкутъ батожьями:
Лежи, мужъ, тутъ,
Дожидайся кнута.

Нѣсколько пѣсенъ (№ 620—622) повѣствуютъ о томъ, какъ легкомысленная супруга тащитъ все изъ дому мѣнять на наряды и разныя принадлежности туалета:

На румяны—корову,
На бѣлилы—кобылу,
А на нарядъ—скирдъ овса,

а потомъ лжетъ передъ мужемъ, куда все это дѣвалось. Слѣдуютъ со стороны мужа побои:

Какъ билъ мужъ жену отъ клѣти до клѣти
Во четыре плети,
Еще билъ мужъ жену отъ гумна до гумна,—
Будь, жена, умна, умна!

Группа пѣсенъ (№№ 466—472) разсказываетъ, какъ жена прячетъ любовника, котораго затѣмъ отыскиваетъ неожиданно вернувшійся мужъ.

Вообще, это самый частый и излюбленный мотивъ этого рода пѣсенъ—мужъ «учитъ» невѣрную жену «плеткой шелковой» (№ 625, 626), а жена отвѣчаетъ ему такимъ благопожеланіемъ:

Встань, мой мужъ, пробудися!
На тебѣ помойцевъ—умойся!
На тебѣ сухарь—подавися!
На тебѣ ложку щей—захлебнися!
На тебѣ шило—заколися! (№ 627).

Такую же трогательную картину семейнаго счастья изображаетъ и другая пѣсня (№ 634):

Какъ жена мужа продала,
Она не дорого взяла—
По старому два рубля.
Какъ мой негодяй
Никуда не годѣнъ.

Или еще (№ 636):

Жена мужа продала,
Да не дорого взяла:
Копѣйку, полушку,
Да въ шею колотушку.

Далѣе идутъ уже мечты не столь невиннаго свойства: поразительной жестокостью и грубостью дышитъ пѣсня (№ 465), гдѣ жена мечтаетъ «поскорѣе мужа сжить, подъ оврагъ его стащить, со живого кожу снять, подъ себя ее постлать, чтобы мягче было спать, веселѣе утромъ встать».

Подобное же пожеланіе смерти всѣмъ, мѣшающимъ любовному счастью женщины, выражено въ другой пѣснѣ (№ 780):

Ты возстань, возстань, туча грозная!
Ты убей, убей свекра батюшку,
Во вторыхъ убей свекровь матушку,
А лиха мужа я сама убью,—
Со милымъ дружкомъ я гулять пойду.

Это еще намѣренія, касающіяся убійства. Но есть и цѣлый рядъ пѣсенъ, рисующихъ самое убійство мужа женой:

Я стара мужа потѣшила,—
На осинушку повѣсила (№ 888)

или:

Какъ жена мужа пріутѣшила:
Въ зеленомъ саду зарѣзала.

Особенно изысканнымъ звѣрствомъ поражаетъ одна изъ этихъ пѣсенъ (№ 891):

Жена мужа погубила,
Острымъ ножичкомъ зарѣзала.
На ножичкѣ сердце вынула,
На булатномъ оно встрепенулося,—
А шельма женка усмѣхнулася,
Во холодный погребъ бросила,
Дубовой доской прихлопнула,
Чернымъ чеботомъ притопнула.

Есть даже пѣсни, подробно описывающія мельчайшія обстоятельства и всю обстановку убійства, какъ жена вмѣстѣ съ любовникомъ душитъ мужа, пѣсня подробно рисуетъ даже агонію, послѣднія судороги и хрипоту удавленнаго:

Старый захрапѣлъ,
Будто спать захотѣлъ,
Ногами забилъ.—
Будто шутъ задавилъ,
Руки растопырилъ—
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ,
Смѣяться сталъ. (№ 902).

Другая группа пѣсенъ рисуетъ подобныя же безчеловѣчныя отношенія со стороны мужа: онъ молитъ смерти для своей жены (№№ 872, 873), особенно поражаетъ безсмысленной жестокостью слѣд. пѣсня (№ 874): мужъ проситъ—

Ой, ты, смерть моя прекрасна,
Умори мою жену,
Опростай мою голову!

Смерть исполняетъ его просьбу, но мужъ не можетъ дождаться спокойно послѣдняго вздоха постылой жены—

Не дождалъ я все кончанья,
Взялъ на койку положилъ.
Положилъ ее на койку,
Принакрылъ ее полотномъ:
Принакрывши полотномъ,
Взялъ привдарилъ кулакомъ,
Самъ на вулицу пошелъ,
Къ караводу подошелъ:
«Играй дѣвки, играй бабы,—
Померла моя жена».

Таковы семейныя отношенія супруговъ, какъ они рисуются въ большинствѣ пѣсенъ. Но побои примѣняются и во взаимныхъ отношеніяхъ другихъ родственниковъ. Таковъ, напримѣръ, извѣстный мотивъ—зять бьетъ гостью-тещу (№ 917—921).

Онъ ей перву воздалъ честь,—
По затылку тещу хлесь!
А другую воздалъ честь—
Тещу по брюху хлесь!
Онъ и третью воздалъ честь—
По спинѣ тещу хлесть! (№ 920).

Эти же пѣсни, какъ особый видъ молодечества, прославляютъ гомерическое обжорство зятя, съѣвшаго пирожокъ, котораго «восьмерымъ не поднять». Обжорство же, пьянство и распутство цинично воспѣваются въ пѣснѣ «Кругъ я печки хожу, кругъ муравленыя» (№ 1020)

Поразительной грубостью и цинизмомъ отличаются отношенія къ религіознымъ предметамъ и къ духовенству. Уже колыбельныя пѣсенки, которыми потѣшаютъ дѣтей, заключаютъ въ себѣ эти неподходящіе вовсе для нихъ мотивы издѣвательства надъ попами, напр.:

Попъ то съ печки
Отшибъ себѣ плечки,
Дьяконъ съ брюза (?)
Отшибъ себѣ пузо и т. д. (№ 95).

Или про то, какъ попъ

...сидитъ въ коробу;
Словно Божій рабъ въ гробу (№ 97).

Выйдя изъ младенческаго возраста, дѣти сами уже начинаютъ распѣвать:

Собаки то злыя,
Попа укусили,
Попъ то свиснулъ,
Попадья то крикнула;
Попадья то за ремень,
Чтобы попъ то не ревѣлъ. (№ 143).

Одинъ изъ любимыхъ пѣсенныхъ мотивовъ—изображеніе разгульнаго «черненца» и такой же «черницы», которая говоритъ о себѣ:

Ужъ я пѣсню заиграю,—
Уся келья зазвянитъ,
У ладони пріударю,—
Съ кельи верхъ полятитъ.
А скакать же я пойду,—
Всѣхъ монаховъ полюблю. (№ 593).

Любопытна еще игра «игуменъ», въ которой «черницы» поютъ такую пѣсенку:

Черницы мои.
Сестрицы мои!

Попляшемтя,
Поскачемтя!
Мы безъ игумена своно,
Безъ канальи его.
Ужъ игуменъ то
Меня молоду стрижеть,
Въ черну рясу кладеть (№ 1065).

Самое невозможное отношеніе къ религіознымъ обрядамъ обнаруживаетъ пѣсня, описывающая нецензурные подвиги деревенской Цирцеи въ церкви (№ 588).

Крайнимъ цинизмомъ отличается пародія погребальнаго обряда въ пѣсни о похоронахъ одного насѣкомаго паразита:

А попы были клопы,
А дьячки были сверчки.
Тараканы погребали,
Мыши голосъ подавали:
«Помяни нашу рабу,
«Сѣру .... во гробу». (№ 1002).

Насколько подобный юморъ, помимо грубости и цинизма, безсмысленъ, особенно наглядно показываетъ такая дикая пѣсня (о дѣлежѣ мяса убитаго быка):

Антипу колѣно,—
Онъ и бьетъ жену полѣномъ;
Ивану печенку,—
Хороша его дѣвченка;
Якову два зуба,—
Онъ и самъ мужикъ зуда;
Ананью языкъ,—
За пелепелками бѣжить и т. д. (№ 1014).

Изъ этого краткаго обзора содержанія сборника г. Шейна ясно, насколько важное значеніе имѣетъ этотъ капитальный трудъ почтеннаго изслѣдователя для ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ нашего народа, о которомъ такъ часто высказываются предвзятыя сужденія, до различныхъ опредѣленій его таинственной «субстанціи» включительно. Выводы къ какимъ можетъ привести ознакомленіе съ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, столь безпристрастно подобраннымъ относительно *всѣхъ* великорусскихъ губерній въ сборникѣ г. Шейна,—далеко неутѣшительнаго свойства и еще разъ краснорѣчиво подтверждаютъ ту азбучную истину, что мѣшкать съ просвѣщеніемъ народа—не приходится.

Н. Демидовъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодающихъ губерній. Князь С. И. Шаховской, посѣтившій недавно пострадавшіе отъ неурожая уѣзды Самарской и Уфимской губ., составилъ подробный отчетъ о своемъ путешествіи, извлеченія изъ котораго напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Побывавъ въ 9-ти селеніяхъ Бугульминскаго уѣзда, кн. Шаховской убѣдился, «что благодаря своевременной помощи земства, дѣятельности самарскаго частнаго кружка и содѣйствію Краснаго Креста самая острая нужда здѣсь удовлетворена. Но экономическій строй населенія пострадалъ все-таки сильно;

задолженность его увеличилась, потеря рабочаго скота достигла 60%. Для удовлетворительной обработки земли здѣсь признается необходимымъ имѣть не менѣе двухъ лошадей, но хозяевъ, располагающихъ такой рабочей силой, осталось немного.

«Упомянувъ о дѣятельности частнаго самарскаго кружка, слѣдуетъ прибавить, что ему пришлось обратиться за организаціей помощи на мѣстахъ преимущественно къ врачамъ. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ работали особенно Н. А. Хардина и У. Е. Ѳомина, которыми были составлены подробные посемейные списки особенно пострадавшихъ селеній. Имъ значительно содѣйствовалъ А. А. Бибиковъ, а въ двухъ селеніяхъ завѣдывали столовыми барышни. Организація помощи въ столовыхъ опредѣлена особо выработанными подробными инструкціями. Въ 15-ти селеніяхъ имѣется въ виду прокормить до 2.500 дѣтей, изъ коихъ теперь получаютъ помощь 1.500. Въ окрестностяхъ г. Бугульмы, въ районѣ до 40—50 в. отъ города, работаетъ врачъ Андреевъ, а въ с. П. Кувахѣ женщина-врачъ С. П. Давыдова. Красный Крестъ также оказываетъ существенную помощь, но, къ сожалѣнію, не всегда равномѣрно, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ случаяхъ открытыя столовыя, за неполученіемъ во-время дальнѣйшихъ средствъ, принуждены были закрываться. Вообще, Красный Крестъ предполагалъ приходить на помощь только тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ права на пособіе отъ правительства и земства, но инструкціи, предлагаемыя имъ участковымъ попечительствамъ и земскимъ начальникамъ, допускаютъ въ этомъ отношеніи и исключенія. Пособіе лицамъ, имѣющимъ свое хозяйство, оказывается въ формѣ ссуды съ возвратомъ въ теченіе трехъ лѣтъ; лицамъ же, находящимся въ *безвыходномъ положеніи*, пособіе оказывается безвозвратно. Ссылаясь на опытъ 1891 г., инструкція не рекомендуетъ устройства столовыхъ, «какъ не отвѣчающихъ ни міровоззрѣнію, ни складу жизни сельскаго населенія и въ общемъ вызывающихъ на свое устройство значительные расходы». Но на практикѣ пришлось значительно поступиться этими инструкціями, причемъ видъ помощи выразился именно въ столовыхъ, инструкціей не рекомендуемыхъ. Какъ на характерный фактъ можно еще указать, что въ «Самарской Газетѣ» не могли печататься свѣдѣнія о поступающихъ въ частный кружокъ пожертвованіяхъ, а равно не дозволялось устройство спектаклей въ пользу пострадавшаго населенія. Земскіе начальники относятся къ дѣятельности кружка весьма различно. Есть среди нихъ оказывающіе ему дѣятельное содѣйствіе, но есть и отъявленные его противники. Такъ, одинъ заявилъ, что лица, пользующіяся помощью изъ средствъ кружка, будутъ исключены изъ земскаго пайка. Другой земскій начальникъ запретилъ населенію ѣсть жолуди, ссылаясь на то, что такая пища вредитъ здоровью; когда же населеніе, побуждаемое голодомъ, не послѣдовало предписанію, то вышло запрещеніе мельникамъ молоть муку изъ жолудей. Въ результатѣ населеніе было вынуждено ѣсть жолуди немолотыми. Лѣсное управленіе тоже запретило-было сначала собирать жолуди въ казенныхъ лѣсахъ, а когда разрѣшило, то въ лѣсахъ оказался уже снѣгъ мѣстами до аршина въ вышину. Относительно топлива вышло также недоразумѣніе. Населенію было разрѣшено собрать сухостойникъ и валежникъ въ казенныхъ лѣсахъ, причемъ данъ былъ трехдневный срокъ. Три дня населеніе и собирало топливо, складывая его въ кучи, но когда затѣмъ пріѣхали за нимъ, то его не отпустили, такъ какъ въ срокъ трехъ дней включенъ былъ и вывозъ. Теперь заготовленное такимъ образомъ топливо можно пріобрѣтать за деньги...».

Самая сильная нужда, по словамъ кн. Шаховского, свирѣпствуетъ въ Карамальской волости, Мензелинскаго уѣзда. Въ составъ этой волости входятъ 24 деревни съ 14.300 жителей.

«Въ концѣ января здѣсь почти отсутствовала помощь, между тѣмъ, по

разсчету мѣстнаго врача Александра Ал. Степанова (въ с. Карамалѣ), однихъ наиболѣе нуждающихся здѣсь не менѣе 4.000. Положеніе населенія въ этой мѣстности ухудшилось отъ неудавшихся операцій земства. Закупленный и отправленный караваномъ хлѣбъ застрялъ гдѣ-то на Камѣ, отчего населеніе въ началѣ осени терпѣло сильную нужду. Затѣмъ нашелся благодѣтель, который предложилъ земству уступить ему хлѣбъ на Камѣ въ обмѣнъ на мѣстный хлѣбъ, который и былъ розданъ населенію, но оказался слеглымъ и неудовлетворительнымъ. На 14 т. населенія здѣсь мѣстный врачъ могъ располагать помощью около 200 р. въ мѣсяцъ; понятно, что этого было крайне недостаточно и неудовлетворенныхъ оказывалась масса. Кн. Шаховской посѣтилъ нѣкоторыя селенія волости и былъ пораженъ встрѣченною имъ степенью нищеты. Въ Михайловкѣ многіе дома оказались заколоченными, большинство безъ дворовъ, безъ хозяйственныхъ построекъ. Крыши многихъ строеній пошли на топливо. Въ домахъ большею частью остались только старые. малые и больные; остальные бродятъ по сосѣднимъ деревнямъ и ищутъ хлѣба. Въ избахъ холодно; топятъ по-черному; удушливый дымъ ѣстъ глаза».

Такъ обстоятъ дѣла въ Уфимской губ., не лучше и въ Казанской губ. Въ «Казанскій Телеграфъ» пишутъ изъ Свіяжскаго уѣзда:

«Въ Свіяжскомъ уѣздѣ есть деревня «Татарская Маматкозина». Недавно я узнала, что въ этой деревнѣ нужда, есть семьи, которыя особенно нуждаются. Не вполнѣ довѣряя слухамъ, я попросила одно оффиціальное лицо, по дорогѣ въ уѣздъ, заѣхать въ эту деревню (она въ его участкѣ) и посмотрѣть на мѣстѣ, какова эта нужда? Вчера онъ вернулся оттуда и привезъ мнѣ очень печальныя вѣсти. Представить себѣ ясно эту нужду нельзя: надо видѣть ее, чтобы вполнѣ понять; при однихъ только разсказахъ очевидца у меня голова пошла кругомъ. Въ названной деревнѣ всего 124 дома, изъ нихъ 25—нуждающихся и получающихъ пособіе отъ Краснаго Креста. Однако, пособія, выдаваемаго по 35 фун. на человѣка въ мѣсяцъ, за исключеніемъ работниковъ и дѣтей моложе двухлѣтняго возраста не хватаетъ не только на мѣсяцъ, но иногда и на половину мѣсяца. Это зависитъ отъ условій семьи. Если, напр., въ семьѣ 4 работника и 3 человѣка, получающихъ пособіе, то, конечно, на эту семью никоимъ образомъ не хватитъ 105 фунтовъ муки въ мѣсяцъ, такъ какъ, хотя работники и исключаются въ виду возможности заработка, но, благодаря массѣ рабочихъ рукъ и безработицѣ, работники эти часто сидятъ безъ работы и ѣдятъ то же пособіе. Изъ 25 пострадавшихъ отъ неурожая семействъ, 16 уже положительно сидятъ безъ хлѣба.

«Во всѣхъ домахъ онъ не нашелъ ни крошки хлѣба. Дворы всѣ давно уже раскрыты и крыши употреблены на топливо, въ нѣкоторыхъ домахъ топить уже нечѣмъ, такъ что избы по нѣсколько дней не топлены, холодъ страшный. Во всѣхъ 16 дворахъ нѣтъ ни одной скотины: правда, у одного татарина нашлась коза, которую ему подарила его сестра для того, чтобы онъ пилъ молоко (онъ чахоточный), но эта коза до того голодна, что едва жива, кормится она навозомъ, который подбираетъ на улицѣ (на дворахъ даже навоза нѣтъ) и, конечно, у нея никакихъ признаковъ молока нѣтъ.

«Въ избахъ, изъ которыхъ многія землянки, съ холоднымъ земляннымъ поломъ,—невообразимая нищета. Въ одной избѣ, напр., очевидецъ увидалъ самоваръ, изъ котораго семья что то пила. Онъ даже, на этомъ основаніи, усомнился въ нуждѣ, но оказалось, что эта семья уже второй день ничего не ѣла и утоляетъ голодъ горячей водой, которую нагрѣваетъ въ самоварѣ. Продовольствіе выдается въ концѣ мѣсяца, и поэтому теперь уже нигдѣ нѣтъ крошки хлѣба, все давно съѣдено и люди перебиваются кое-какъ до новой выдачи. Въ другой семьѣ мать и хозяйка больна водянкой, не можетъ ни ходить, ни сидѣть, ни даже лежать на спинѣ; она находится въ какомъ-то полулежачемъ

положеніи, и у этой несчастной есть грудной ребенокъ, котораго она кормитъ. Въ третьей семьѣ—мать семьи больна какой то болѣзнью, отъ которой ее всю скрючило, такъ что она не можетъ ходить и сидитъ на нарахъ въ ужасномъ видѣ, дѣти маленькія, всѣ работы по дому исполняетъ мужъ. Въ четвертомъ домѣ—хозяинъ и работникъ семьи въ чахоткѣ и т. д. и т. д. Дѣти всѣхъ возрастовъ почти голыя, или завернуты въ невозможныя лохмотья. При всемъ этомъ холодъ и мракъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ домахъ уже давно нечѣмъ освѣщаться. На-дняхъ тамъ былъ уполномоченный отъ Краснаго Креста и обѣщана столовая, но въ столовой, во-первыхъ, кормятъ не всѣхъ, а нѣкоторые больные и не дойдутъ до столовой; а во-вторыхъ, нужда такъ велика, что одной столовой мало: нужно топливо, нужна одежда. Я уже не говорю о томъ, что будутъ дѣлать эти несчастные весной, какъ они обработаютъ свои поля, не имѣя на 16 домовъ ни одной лошади?»

Въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» помѣщено интересное письмо г-жи Габай, отправившейся въ Казанскую губ. и долгое время не могшую добиться разрѣшенія помогать голодающимъ.

«Послѣ долгихъ ожиданій пришло разрѣшеніе,—пишетъ она.—Совершаемъ закупки при помощи и протекціи новыхъ знакомыхъ.

«Пріѣзжаемъ въ Савруши. Утромъ идемъ съ приставомъ смотрѣть избы подъ столовую; переднюю большую избу сдаетъ обѣднѣвшая, но нѣкогда съ достаткомъ, вдова. Хозяйка съ виду ничего себѣ, изба большая, какихъ очень мало на селѣ. Осматриваемъ клѣть, сарай, сговариваемся; себѣ беремъ напротивъ новую, только что отстроенную избенку. Мебели никакой... Живемъ такъ нѣсколько дней, осматриваемся, знакомимся и, главное, ждемъ изъ города запасовъ.

«Народъ въ избѣ толчется буквально безъ передышки: всѣ просятъ записать ихъ въ списокъ. Одно описаніе смѣняетъ другое и, дѣйствительно, чувствуешь, какъ изголодался этотъ народъ. Бѣгутъ за 8—10 верстъ, напрашиваются во всякую погоду ходить ежедневно изъ-за одной порціи. Сами ничего не рѣшаемъ. Собираемъ совѣтъ, присутствуютъ: приставъ, батюшка, еще священникъ, нѣсколько учителей и староста. Судимъ, рядимъ, разспрашиваемъ и, наконецъ, выбираемъ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ Савруши и Краснаго Болота 130 человѣкъ: по одному, по два изъ каждой семьи, а семьи, не нашимъ чета, — большія. На остальныя деревни остается всего 20 человѣкъ (взять всего можемъ только 150 человѣкъ, а сколько ихъ ходитъ, такъ даже не пересчитать).

«Вчера былъ у меня мулла изъ Тахталы (деревня)—проситъ принять хоть 20 человѣкъ. Въ деревнѣ 1.577 человѣкъ, нужда особенная. Записала только пять человѣкъ, а и другихъ вѣдь жалко.

«Мулла будетъ поочередно назначать на ѣду пять человѣкъ; сегодня одни пять поѣдятъ, завтра другіе и т. д. Отъ насъ ихъ деревня за 8 в., и всѣхъ ихъ 1.577 человѣкъ; судите сами!

«Многіе не ходятъ въ столовую за неимѣніемъ одежды (одѣваться можно только по очереди), а между тѣмъ нечего и думать отложить хоть копѣйку изъ этихъ денегъ на одежду. Тряпья—цѣлый вагонъ не будетъ много, малой скоростью обойдется сравнительно недорого»...

Санитарное состояніе фабрикъ въ Московской губерніи. На основаніи данныхъ, сообщаемыхъ въ отчетахъ окружныхъ санитарныхъ врачей Московской губ., журналъ «Знамя» приводитъ рядъ фактовъ, характеризующихъ печальное состояніе фабрично-промышленныхъ заведеній губерніи. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи, пользуясь изложеніемъ ея въ «Пет. Вѣд.»

«Московскій уѣздъ—самый промышленный въ губерніи. Въ 1897 г. въ

немъ было произведено санитарное описаніе тѣхъ фабрикъ и заводовъ, которые въ производствѣ своемъ даютъ жидкіе отбросы, въ видѣ грязныхъ промывныхъ водъ. Нужно замѣтить, что фабрики этого рода не подвергались полному санитарному осмотру съ 1880—1881 гг., который въ то время обнаружилъ на нихъ массу недостатковъ. Улучшились ли онѣ за время 1881—1897 годовъ?—Нѣтъ.

«Изслѣдованіе 20 такихъ фабрикъ, съ числомъ рабочихъ свыше 4.500 человѣкъ, въ настоящее время показало, — говоритъ въ своемъ отчетѣ санитарный врачъ Московскаго уѣзда, — что для нихъ какъ будто бы не прошло 17 лѣтъ; онѣ оказались почти въ такомъ же положеніи, какъ и 17 лѣтъ назадъ, за исключеніемъ одной только стороны — подачи медицинской помощи рабочимъ.

«Недостатки были обнаружены на всѣхъ 20 фабрикахъ. Такъ, на 16—обнаружена тѣснота, и даже полное отсутствіе спальныхъ помѣщеній для рабочихъ; на 8—тѣснота и плохая вентиляція мастерскихъ; на 9—неудовлетворительность приспособленій для очищенія грязныхъ промывныхъ водъ и на 8—неудовлетворительность устройства помѣщеній для подачи рабочимъ медицинской помощи.

«Въ отчетѣ отмѣчаются еще недостатки, допущенные при устройствѣ фабрично-заводскихъ помѣщеній ихъ владѣльцами.

«Для примѣра взятъ сахарно-рафинадный заводъ даниловскаго товарищества, съ числомъ рабочихъ свыше 4.000.

«Температура воздуха въ большей части мастерскихъ превосходитъ 30 гр. по Реомюру, и въ нѣкоторыхъ достигаетъ 50 гр.; влажность воздуха колеблется между 30 и 40 гр. Работа при такихъ условіяхъ крайне изнурительна.

«Устраненіе указанныхъ недостатковъ, которыхъ можно было бы избѣгнуть при первоначальномъ устройствѣ зданій, хотя и возможно въ настоящее время, но потребуетъ большихъ затратъ, на которыя согласятся очень и очень немногіе фабриканты. Отчетъ говоритъ, что подобный недостатокъ примѣнимъ и къ другимъ фабрично-промышленнымъ заведеніямъ Московскаго уѣзда.

«Завѣдующій вторымъ санитарнымъ округомъ (Богородскій уѣздъ) въ своемъ отчетѣ указываетъ на интересное дѣло по упорядоченію многочисленныхъ жилыхъ помѣщеній на торфяникахъ Карнѣева, начавшееся еще въ 1895 году. Осматривавшій эти помѣщенія въ 1897 году, санитарный врачъ нашелъ во всѣхъ баракахъ для рабочихъ нецѣлесообразное устройство наръ, допускавшее значительное переполненіе жилыхъ зданій, недостаточность помѣщенія для женщинъ и крайнюю ветхость бани, совершенно непригодной для 500 рабочихъ».

Любопытно, что на предложеніе земства владѣльцу фабрики Карнѣеву объ устраненіи замѣченныхъ осмотромъ неустройствъ, Карнѣевъ заявилъ, что его заведеніе относится не къ фабричному, а къ сельскохозяйственному производству и поэтому постановленія санитарнаго надзора онъ считаетъ для себя необязательными.

«Санитарный врачъ высказываетъ опасеніе, что если въ будущемъ Карпѣевъ, а съ нимъ и другіе предприниматели торфянаго производства будутъ отказываться отъ выполненія санитарныхъ требованій надзора, то можно будетъ вернуться вспять, именно, къ періоду до 1893 года, когда почти всѣ жилыя зданія на торфяныхъ болотахъ носили характеръ сараеобразныхъ построекъ, а не человѣческаго жилья. «Въ то время,—говоритъ врачъ,—на громадномъ большинствѣ болотъ торфяники помѣщались въ простыхъ длинныхъ, безъ потолка, сараяхъ-бараках, построенныхъ изъ досокъ или изъ тонкаго лѣса, обитыхъ одною дранкою... освѣщенныхъ очень небольшими, конюшеннаго типа, окошками. Для спанья вдоль стѣнъ устраивались тесовыя нары, на которыхъ и располагались въ повалку всѣ рабочіе... Подобныя постройки,—

говоритъ далѣе врачъ, — сносныя въ теплые дни и ночи, становятся совершенно невозможными для пребыванія въ дождливую холодную погоду, когда вѣтеръ и дождь свободно проникаютъ чрезъ всевозможныя щели во внутрь барака». Существующія въ Богородскомъ уѣздѣ три волосяно-ткацкихъ заведенія, по словамъ санитарнаго врача, хотя и улучшили свою обстановку, но это мало повліяло на уменьшеніе заболѣваемости рабочихъ сибирскою язвою. Заболѣванія же происходятъ вслѣдствіе того, что употребляемый въ дѣло конскій волосъ не кипятится и не дезинфецируется. Но есть фабрично-промышленныя заведенія, которыя портятъ здоровье не только своихъ рабочихъ, но и сосѣднихъ жителей».

Завѣдующій клинскимъ санитарнымъ участкомъ врачъ г. Соколовъ относительно медицинской помощи фабричнымъ рабочимъ говоритъ, что «на многихъ мелкихъ, особенно расположенныхъ въ Калѣевской волости (фабрикахъ) она отсутствуетъ, несмотря на то, что со времени обязательнаго примѣненія постановленій московскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія прошло 8 мѣсяцевъ... Какъ долго просуществуетъ такое положеніе,—сказать трудно, такъ какъ, насколько извѣстно, со стороны фабричной инспекціи побудительныхъ напоминаній въ этомъ отношеніи не послѣдовало.

«Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, при осмотрѣ санитарнымъ врачемъ кожевеннаго завода г. Бобылина, рабочіе были найдены спящими во всѣхъ отдѣленіяхъ завода, начиная съ сушильни и кончая зольной съ сырой кожевней. Затѣмъ, при осмотрѣ фабрики товарищества мануфактуры П. Рябова, произведенномъ санитарнымъ врачемъ совмѣстно съ фабричнымъ докторомъ, были найдены — съ одной стороны свальныя спальни съ двухъярусными нарами, раздѣленными на клѣтки висящими на жердяхъ рогожками, для спанья отдѣльныхъ семействъ; съ другой—каморки, въ которыхъ на объемѣ въ 2,9 куб. сант. ютилось пять человѣкъ взрослыхъ и трое дѣтей... Въ довершеніе всего, въ нѣкоторыя каморки изъ помѣщеній верхняго этажа, сквозь досчатый потолокъ протекала и падала на обѣденный столъ всякая жидкость»...

Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Г. Пругавинъ разсказываетъ въ «Юридической газетѣ» о слѣдующемъ случаѣ, происходившемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, по словамъ г. Пругавина, «горячимъ сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній явился земскій начальникъ 1-го участка г. В—овъ. Питая къ розгѣ поистинѣ нѣжную привязанность, г. В—овъ видитъ въ ней одно изъ лучшихъ средствъ для воздѣйствія на грубую и распущенную, по его мнѣнію, народную среду. Подъ его вліяніемъ и давленіемъ волостные суды 1-го участка широко пользуются предоставленною имъ властью приговаривать крестьянъ къ наказанію розгами. Засѣдая въ уѣздномъ съѣздѣ, гдѣ разсматриваются жалобы, приносимыя на приговоры волостныхъ судовъ, г. В—овъ всегда настаиваетъ на утвержденіи приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи. Онъ крайне враждебно относился къ дѣятельности своего сосѣда по участку, бывшаго земскаго начальника 2-го участка Петровскаго уѣзда Н. С. Ермолаева, человѣка весьма почтеннаго и гуманнаго, долгое время служившаго предсѣдателемъ мѣстнаго съѣзда мировыхъ судей и въ участкѣ котораго тѣлесное наказаніе совсѣмъ не примѣнялось. Но вотъ, послѣ одной очень грустной исторіи, въ которой г. В—овъ игралъ самую печальную роль, г. Ермолаевъ принужденъ былъ, къ глубокому сожалѣнію всего уѣзда, оставить должность земскаго начальника: завѣдываніе его участкомъ временно было поручено г. В—ову. Первымъ дѣйствіемъ г. В—ова было преподать всѣмъ волостнымъ судамъ 2-го участка строжайшій приказъ о томъ, чтобы отнынѣ они не только не избѣгали примѣнять тѣлесное наказаніе, а напротивъ, всячески старались возможно чаще приговаривать провинившихся крестьянъ къ наказанію розгами. Подобные при-

казы и наставленія, сопровождаемые угрозами и застращиваніями, безъ которыхъ г. В—овъ никогда не обходится въ своихъ сношеніяхъ съ должностными лицами крестьянскаго управленія, не могли, конечно, не оказать своего дѣйствія. И дѣйствительно, волостные суды 2-го участка подъ давленіемъ г. В—ова постановляютъ цѣлый рядъ приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ».

Къ неудовольствію администратора, какъ разъ въ это самое время министерство внутреннихъ дѣлъ издало циркуляръ отъ 13-го декабря 1894 года, каковымъ было разъяснено, что «приговоры, коими виновные присуждены къ тѣлесному наказанію или общественнымъ работамъ, не подлежатъ приведенію въ исполненіе, ибо взысканія эти поставлены на одну степень съ тѣми наказаніями, отъ которыхъ виновные освобождаются за силою манифеста, почему было бы несправедливо лишить приговоренныхъ къ симъ наказаніямъ той же милости, которая дарована присужденнымъ за такіе же проступки, но къ другому наказанію». Такимъ образомъ, всѣ приговоры, постановленные волостными судами, о наказаніи розгами подлежали отмѣнѣ за силою Высочайшаго манифеста, согласно приведенному разъясненію министарства внутреннихъ дѣлъ».

Но г. В—овъ рѣшаетъ обойти это непріятное ему объясненіе, «такъ какъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, разъясняющій Всемилостивѣйшій манифестъ, не былъ еще полученъ имъ (онъ узналъ о немъ изъ газетъ), поэтому онъ спѣшитъ отдать грозный приказъ: всѣ вошедшіе въ силу приговоры волостныхъ судовъ о наказаніи розгами немедленно же привести въ исполненіе. Ему пытаются возражать, указывая на изданный министерствомъ циркуляръ, категорически разъясняющій вопросъ о примѣненіи манифеста, предостерегаютъ, что, настаивая на исполненіи приговоровъ, онъ является нарушителемъ воли самого Монарха, пожелавшаго даровать извѣстныя милости лицамъ, обвиненнымъ за тѣ или иные проступки, но г. В—овъ не хочетъ ничего слушать. «Циркуляръ былъ бы обязателенъ для меня, если бы я имѣлъ его въ рукахъ,—говорилъ онъ,—но пока я его не получилъ, я могу не знать о его существованіи... Не правда ли, вѣдь мало ли что пишутъ въ газетахъ?.. Но необходимо спѣшить, такъ какъ циркуляръ можетъ получиться каждую минуту и тогда уже будетъ невозможно приводить въ исполненіе приговоры о тѣлесномъ наказаніи». Г-ну В—ову особенно хочется чтобы «порка» была непремѣнно произведена въ селѣ Спасскомъ-Александровскомъ, въ мѣстѣ жительства его врага Н. С. Ермолаева, который, какъ мы уже сообщали, всегда вооружался и ратовалъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Г. В—овъ хорошо зналъ, что въ Спасскомъ до тѣхъ поръ, благодаря г. Ермолаеву, ни разу не было примѣнено тѣлесное наказаніе, и это его ужасно возмущало. Подъ давленіемъ же г. В—ова спасско-александровскій волостной судъ сразу постановилъ одиннадцать приговоровъ о наказаніи розгами... «И вотъ теперь, благодаря манифесту и циркуляру министра всѣ эти приговоры должны остаться безъ исполненія. Нѣтъ, г. В—овъ рѣшительно не въ состояніи примириться съ подобной мыслью». «И вотъ, въ результатѣ отдается грозное приказаніе: всѣхъ приговоренныхъ перепороть немедленно».

Авторъ статьи въ «Юридической Газетѣ» прибавляетъ, что г. В—ову удалось привести свой планъ въ исполненіе...

Въ заключеніе своей статьи г. Пругавинъ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе о неосновательности того оптимизма, который проявлялся въ послѣднее время по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній:

«Въ послѣднее время въ нашей періодической прессѣ весьма много писалось на тему объ естественномъ и постепенномъ «вымираніи розги». При этомъ приводились цифровыя свѣдѣнія о количествѣ лицъ, подвергавшихся тѣлесному наказанію въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ Россіи за послѣдніе годы. Такъ какъ цифры эти обыкновенно доказывали, что число лицъ, наказанныхъ роз-

гами по приговорамъ волостныхъ судовъ, постепенно изъ года въ годъ уменьшается, то отсюда дѣлался выводъ о томъ, что съ теченіемъ времени мало помалу «порка» и «розги» сами собой исчезнутъ изъ числа наказаній. Подобные успокоительные выводы, по нашему мнѣнію, черезчуръ грѣшатъ излишнимъ, весьма вреднымъ оптимизмомъ. Во-первыхъ, не слишкомъ ли долго придется ждать того времени, когда всѣ волостные судьи во всѣхъ уголкахъ Россіи проникнутся убѣжденіемъ, что розги и порка никогда и никого не исправляли, а лишь унижаютъ и позорятъ человѣческое достоинство, что онѣ вносятъ въ народную жизнь деморалирующее вліяніе, ожесточаютъ людей, развращаютъ народные нравы?»...

Земскій органъ. «Сынъ Отечества» сообщаетъ о заключеніяхъ земскихъ собраній по вопросу объ изданіи обще-земскаго органа, который, какъ извѣстно, былъ поднятъ въ вольно-экономическомъ обществѣ, выработавшемъ свой проектъ изданія земскаго органа и разославшемъ его на обсужденіе земскихъ собраній. 16 губернскихъ земскихъ собраній владимірское, вологодское, воронежское, вятское, казанское, костромское, курское, олонецкое, орловское, пермское, рязанское, самарское, с.-петербургское, саратовское, харьковское и черниговское—опредѣленно и категорически высказались въ пользу изданія земскаго органа въ Москвѣ и постановили: 1) возбудить передъ правительствомъ ходатайство о разрѣшеніи изданія въ Москвѣ земскаго періодическаго органа печати на средства всѣхъ губернскихъ земствъ или тѣхъ изъ нихъ, которыя пожелаютъ принять участіе въ изданіи, подъ отвѣтственностью московской губернской земской управы и по программѣ, которая окончательно будетъ выработана московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, и 2) просить московское губернское земское собраніе, принявъ во вниманіе заключеніе губернскихъ земскихъ собраній, разработать проектъ программы земскаго періодическаго органа печати и представить на утвержденіе правительства. На случай удовлетворенія ходатайства правительствомъ большинство изъ перечисленныхъ земствъ ассигновало на расходы по изданію каждое по 1.000 рублей.

Два собранія—смоленское и херсонское—свое сочувствіе изданію земскаго органа въ Москвѣ выразили въ нѣсколько иной формѣ. Смоленское собраніе, «признавая необходимымъ изданія земскаго органа», рѣшило «просить московское губернское собраніе, принявъ во вниманіе заключенія губернскихъ земскихъ собраній, разработать проектъ программы земскаго органа и представить на утвержденіе правительства». Херсонское собраніе, состоявшееся еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, постановило: «выразить сочувствіе костромскому губернскому земскому собранію за иниціативу въ возбужденіи вопроса объ изданіи спеціальнаго органа печати, посвященнаго всестороннему обсужденію земскихъ вопросовъ по всей Россіи, и просить губернскую управу оказать содѣйствіе къ осуществленію этой мысли, если возникновеніе такого органа окажется возможнымъ».

Два земства—пензенское и таврическое—высказались и въ пользу московскаго сборника, и въ пользу «земскихъ ежегодниковъ» вольнаго экономическаго общества. По мнѣнію означенныхъ земствъ, земская жизнь настолько разнообразна и сложна, а матеріалъ, характеризующій дѣятельность земскихъ учрежденій, настолько обиленъ, что представляется вполнѣ возможнымъ и даже желательнымъ одновременное существованіе земскихъ органовъ какъ при московскомъ земствѣ, такъ и при вольно-экономическомъ обществѣ.

7 земствъ—бессарабское, екатеринославское, нижегородское, новгородское, полтавское, тамбовское и тверское—присоединились къ предложенію вольнаго экономическаго общества и сдѣлали соотвѣтствующія ассигновки на выписку проектируемыхъ изданій.

Ярославское собраніе опредѣленно не высказалось по вопросу о земскомъ

органѣ, а отложило обсужденіе его до экстреннаго собранія, къ которому поручило управѣ «выработать совмѣстно съ постоянной коммиссіей по этому вопросу, подробную программу».

Три земскихъ собранія—псковское, симбирское и уфимское — совсѣмъ не разсматривали вопроса о земскомъ органѣ печати. Въ калужскомъ земствѣ былъ составленъ докладъ объ органѣ и внесенъ на обсужденіе земскаго собранія, но послѣднее постановило—отклонить доклады «по неизвѣстности программы будущаго органа». Относительно тульскаго земства неизвѣстно, обсуждался ли вопросъ о земскомъ органѣ въ собраніи или нѣтъ.

Итакъ, изъ числа 33 губернскихъ земствъ вопросъ о земскомъ періодическомъ органѣ печати разсматривался въ 29 собраніяхъ, причемъ 27 высказались въ пользу изданія, одно—противъ и одно передало вопросъ въ коммиссію. Изъ 27 земствъ, отнесшихся съ полнымъ сочувствіемъ къ изданію земскаго печатнаго органа, 18 присоединились къ предложенію московской губернской земской управы, 2 земства признали желательнымъ, чтобы земскіе періодическіе органы издавались и при вольно-экономическомъ обществѣ, и при московскомъ земствѣ, 7 земствъ присоединились къ предложенію вольнаго экономическаго общества.

Духоборы заграницей. Духоборы, отправившіеся раньше въ Кипръ, теперь рѣшили также переселиться въ Канаду, такъ какъ условія жизни на Кипрѣ оказались неблагопріятными. «С.-Петербургскія Вѣдомости» приводятъ интересныя выдержки изъ письма женщины-врача, рисующаго положеніе той партіи, которая, по словамъ газеты, «прельстилась возможностью свить себѣ гнѣздо поближе къ Россіи и за это поплатилась». Авторъ письма, пріѣхавъ въ Кипръ, засталъ духоборовъ въ очень угнетенномъ состояніи. «Больны почти на половину, остальные переболѣли раньше; совсѣмъ истомленные. Изъ 1.137 чел. за три мѣсяца умерло 98. Тифа сравнительно мало: главное—поголовная лихорадка, захваченная еще раньше за послѣдніе четыре года, когда изъ шести тысячъ они потеряли до тысячи человѣкъ... Съ больными здѣсь приходится возиться безъ перерыва съ ранняго утра до вечера, но толку пока мало выходитъ; во-первыхъ, нѣтъ физической возможности отнестись ко всѣмъ достаточно внимательно; во-вторыхъ, никакъ не могу наладиться съ выпиской лѣкарствъ. Аптекаря никакъ не могутъ понять, что можетъ быть поголовная лихорадка: думаютъ, что я рѣшила отравлять хиной, а потому въ точности присылаютъ всѣ требуемыя лѣкарства, но ограничиваютъ присылку хины. Объясниться же мы не можемъ. Чувствую я себя здѣсь совсѣмъ какъ въ русской деревнѣ: даже по временамъ такъ же несносны мнѣ кажутся бабы, какъ и въ Россіи, когда набьется ихъ сразу много, и онѣ начнутъ разводить свои теоріи про «грызь» и «колюку». Первое впечатлѣніе отъ острова—это впечатлѣніе выжженной степи, массы камней и разоренныхъ поселковъ: точно забытая Богомъ страна! Позже, впрочемъ, пошли дожди; степь зазеленѣла... Хотя преданіе и гласитъ, что когда-то Кипръ былъ очень заселенъ, много населенія погибло во время постоянной рѣзни между турками и греками, пока ихъ не замирилъ англичанинъ, однако, тотъ кусочекъ Кипра, который я теперь знаю, производитъ впечатлѣніе чего-то отжившаго. Безконечныя степи, стада тощихъ овецъ, вмѣсто пастуха—турокъ съ ружьемъ. Мое окно какъ разъ выходитъ на дорогу; постоянно проходятъ верблюды, ѣдутъ на ослахъ турки и женщины, закутанныя въ покрывала; дальше дорога идетъ если не «по скалѣ», то попросту по обрыву; внизу аулъ, сады маслинъ, по каменнымъ заборамъ лѣпятся кактусы, кое-гдѣ одиноко растутъ пальмы. Но мнѣ все это кажется точно нарочно, а на самомъ дѣлѣ на Кипрѣ все должно быть чисто по-русски.

Я почувствовала это уже въ первый день, когда одна изъ духоборокъ мнѣ сказала: «Ну, разгуляйтесь теперь по нашей Кипрѣ».

«Какъ-то я шла съ двумя духоборами въ другой поселокъ, засмотрѣлась съ непривычки на пальму. «Славная лѣсина—что, она на дрова годится?» Такъ вотъ и приходится все повертывать на русскій манеръ. Встрѣтили меня сразу привѣтливо—въ первый же вечеръ пришли въ мое помѣщеніе; думали, что я разскажу что-нибудь новое,—разсказывали охотно про себя. Но потомъ я видѣла только больныхъ и не успѣвала приглядываться къ нимъ ближе. Выстроили они себѣ здѣсь глиняныя хаты, сырыя и тѣсныя, такъ что сразу бросается въ глаза некультурность, особенно по сравненію съ тѣми домиками, которые куплены готовыми у англичанъ. Питаются, можно сказать, однимъ хлѣбомъ а больные совсѣмъ ничего не ѣдятъ. Ребятишекъ моложе 4—5 лѣтъ совсѣмъ, нѣтъ: всѣперемерли! Дѣтвора очень самостоятельна: взрослые духоборы смотрятъ на дѣтей, какъ на маленькихъ людей, созданныхъ по образу Божію, и не бьютъ дѣтей. Подростки удивительно степенны, да и насмотрѣлись они горя! Въ рѣдкой семьѣ за послѣдніе годы не было нѣсколько покойниковъ: у многихъ братья или отцы «страдаютъ». Я никакъ не могу уловить какой-то черточки, чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное мнѣніе объ этомъ народѣ. Разсуждаютъ они въ высшей степени человѣчно; въ отношеніяхъ другъ къ другу, къ квакерамъ упрекнуть ихъ ни въ чемъ пока не могу. Къ постояннымъ потерямъ они относятся удивительно спокойно: тоже люди эти не обнаруживаютъ боязни нетолько передъ смертью, но и передъ испытаніями жизни? Не знаю, объясняется ли это нѣкоторымъ безразличіемъ къ смерти, которое иногда,—по крайней мѣрѣ, по виду,—замѣчаешь и у русскихъ крестьянъ, или же вѣра не даетъ человѣку умереть душой и поддерживаетъ его на духовной высотѣ. Здѣсь есть семьи, у которыхъ сыновья теперь оставлены вынимать жребій. Недавно только они получили извѣстіе, кто свободенъ, а кто вынулъ жребій.

Кипръ въ извѣстномъ отношеніи нагналъ на духоборовъ панику,—будущихъ жаровъ всѣ страшно боятся. Говорятъ: если переселяться послѣ жаровъ, то некому будетъ—всѣ помремъ... Переселеніе въ Канаду, гдѣ англичане отвели для нихъ землю, рѣшено весной».

Другая партія духоборовъ, отправившаяся въ Америку, достигла мѣста своего назначенія самымъ благополучнымъ образомъ. Новое отечество встрѣтило ихъ очень привѣтливо. Въ прошломъ № «Міра Божія» мы перепечатали изъ «Сына Отечества» корреспонденцію о прибытіи духоборовъ въ Америку. Теперь, со словъ той же газеты, познакомимъ нашихъ читателей съ дальнѣйшей судьбой ихъ. Корреспондентъ «Сына Отечества» пишетъ:

«Первый пароходъ съ духоборами подошелъ къ Галифаксу весьма торжественно, съ пушечными выстрѣлами и пѣніемъ духовныхъ гимновъ. Тихо, безъ выстрѣловъ и безъ пѣнія, вошелъ и сталъ на галифаксій рейдъ второй пароходъ съ 2.000 кавказскихъ духоборовъ. Путешественники были слишкомъ утомлены тяжелымъ морскимъ путемъ, чтобы шумно выражать свою радость.

Живя на Кавказѣ, въ горахъ, большинство духоборовъ не только никогда не видало моря, но имъ не приходилось встрѣчать даже сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ, и вдругъ далекое морское путешествіе. Жестокая буря на Черномъ морѣ передъ Константинополемъ ихъ сильно напугала, а трехнедѣльный путь по Средиземному морю и въ особенности по Атлантическому океану истомилъ ожиданіемъ.

Почти все время пароходъ шелъ въ теплыхъ странахъ и только у береговъ Америки повернулъ къ сѣверу. Сколько радости и восторговъ вызвало у духоборовъ появленіе земли послѣ такой долгой разлуки.

— Матушка наша.—говорили они ласковымъ голосомъ—хоть бы разъ ногою

ступить, все бы полегчало. Кажется, душа бы ожила. Хоть бы коснуться разокъ...

Дня за три, за четыре до прихода въ Галифаксъ, пароходу пришлось выдержать серьезное волненіе. Почти все время спокойный океанъ забушевалъ, и громадныя волны перекатывались черезъ палубу. Но духоборы уже обтерпѣлись и выносили тяготу морского пути съ удивительнымъ терпѣніемъ.

Когда пароходъ сталъ, наконецъ, на рейдъ Галифакса, то оказалось, что испытанія духоборовъ еще не кончились. Изъ трехъ больныхъ, умершихъ въ теченіе долгаго пути, одинъ былъ боленъ оспой, и пароходу пришлось выдержать 21 день карантина. Часть духоборовъ высадили на островъ, гдѣ выстроены теплые и свѣтлые бараки. Въ этихъ бараках поставлены красивыя, желѣзныя нары, въ родѣ двойныхъ кроватей, такъ что можно спать внизу и вверху. Но такъ какъ кроватей не хватаетъ, то духоборы сами дѣлаютъ себѣ деревянныя кровати. Островъ, на которомъ помѣстились духоборы, очень красивъ и поросъ елями и соснами. Духоборамъ разрѣшено рубить лѣсъ для своихъ надобностей, и вечеромъ очень красиво смотрѣть на цѣлый рядъ костровъ, на которыхъ они варятъ себѣ пищу. Днемъ женщины стираютъ бѣлье, моютъ и стригутъ ребятъ и мужей, варятъ обѣдъ. Мужчины брѣются, дѣлаютъ кровати, корыта, скалки, ложки и т. п. Мѣстные доктора совершаютъ ежедневные осмотры больныхъ и поражаются терпѣніемъ и кротостью русскихъ переселенцевъ. Часть духоборовъ осталась на пароходѣ, и этимъ было особенно тяжело переносить холода, такъ какъ пароходъ «Superior» приспособленъ исключительно для плаванья по теплымъ морямъ. Канадское правительство немедленно распорядилось выстроить новый баракъ для оставшихся на пароходѣ 800 человѣкъ, и баракъ былъ готовъ черезъ десять дней.

Всѣмъ духоборамъ была привита оспа. Американскій способъ прививки гораздо болѣзненнѣе нашего. Маленькими костяными пластинками, смоченными оспенной матеріей, скребутъ кожу на пространствѣ величиною въ двугривенный, а то и больше. Операція мучительная и для взрослыхъ, не говоря уже о дѣтяхъ. Но, послѣ всего испытаннаго, и это не казалось особенно тягостнымъ. Пожалуй, тяжелѣе было переносить холодъ и недостатокъ прѣсной воды на пароходѣ.

Жители Галифакса отнеслись къ прибывшимъ переселенцамъ въ высшей степени радушно. Все, что только можно было сдѣлать, все дѣлалось очень охотно и быстро; что же касается дамъ, то отъ нихъ было прислано для дѣтей нѣсколько тюковъ конфектъ и яблоковъ.

Объясняются доктора съ духоборами, благодаря посредничеству гр. С. Л. Толстого, сопровождавшаго духоборовъ всю дорогу; переводчикомъ также служитъ одинъ мѣстный еврей и сопровождающая духоборовъ фельдшерица, говорящая по французски. Американскіе доктора стараются запоминать побольше русскихъ словъ, и всякій разъ, навѣщая духоборовъ, съ серьезнымъ видомъ произносятъ:

— Доброе утро! Нѣтъ ли больныхъ? И на отвѣтъ: «нѣтъ, слава Богу», также серьезно отвѣчаютъ: «слава Богу».

Когда окончился срокъ карантина, духоборы покинули лежащій близъ Галифакса островокъ и на томъ же пароходѣ «Lake Superior» отправились въ портъ Сентъ-Джонъ. Въ Сентъ-Джонѣ духоборы были посажены на пять поѣздовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ на разстояніи часа и отправились въ Виннипегъ.

Вагоны желѣзной дороги, въ которыхъ везли духоборовъ, очень чистые, удобные и даже щеголеватые; въ нихъ было тепло, свѣтло и можно было лежать. Въ каждомъ поѣздѣ имѣлась кухня, въ которой во время пути готовили обѣдъ для духоборовъ. Поили чаемъ. Къ чаю давали хлѣбъ, сыръ и молоко.

Два раза въ день каждый вагонъ посѣщали доктора, оказывая больнымъ медицинскую помощь. При каждомъ поѣздѣ находились агентъ правительственнаго переселенческаго комитета и переводчикъ.

Привезли духоборовъ, послѣ трехдневнаго пути по желѣзной дорогѣ, въ Селькиркъ—небольшое мѣстечко въ тридцати верстахъ отъ Виннипега. Встрѣтилъ нашихъ переселенцевъ представитель канадскаго правительства, завѣдующій переселенческимъ комитетомъ, г. Макріеръ.

Прежде всего духоборовъ направили въ громадное зданіе, предназначавшееся раньше для вокзала желѣзной дороги. Въ этомъ зданіи была очень большая зала, въ которой стояли столы, а вдоль стѣнъ было десять печей съ объемистыми котлами, въ которыхъ уже клокоталъ борщъ.

Когда путешественники насытились, столы и скамейки были убраны, и г. Макріеръ привѣтствовалъ духоборовъ отъ имени канадскаго правительства.

Болѣе двухъ тысячъ человѣкъ стояли тѣсной толпой, прислушиваясь къ непривычнымъ для переселенцевъ словамъ. Впереди полукругомъ стояли такъ называемые «старики», т. е. выборные, довѣренные люди, въ возрастѣ отъ 30 до 60 лѣтъ, совѣтъ которыхъ вѣдаетъ и рѣшаетъ всѣ общественные дѣла у духоборовъ. Въ центрѣ этого полукруга стояли г. Макріеръ и гр. С. Л. Толстой, переводившій по русски каждый періодъ рѣчи представителя канадскаго правительства. И вслѣдъ за каждымъ переведеннымъ періодомъ по толпѣ пробѣгалъ радостный шепотъ, а «старики» низко наклоняли свои головы, дѣлая поясные поклоны и благодарили.

Г. Макріеръ объяснилъ переселенцамъ, что имъ предоставляются на выборъ земли въ трехъ участкахъ: сѣверномъ, южномъ и западномъ. Сѣверный участокъ лѣсистый, южный носитъ степной характеръ, а западный смѣшанный. На каждую мужскую душу, начиная съ 18-дѣтняго возраста, духоборамъ отводится по 160 акровъ земли (около 70 казенныхъ десятинъ). На содержаніе и прокормленіе этой партіи канадскимъ правительствомъ ассигновано около 70 тысячъ рублей, но такъ какъ въ настоящее время годовые счеты закончены, то у правительства не хватаетъ 30 тысячъ, и эта сумма будетъ выдана только въ іюнѣ, если, впрочемъ, духоборы могутъ подождать. «Если же вы не можете подождать,—сказалъ г. Макріеръ,—то правительство сдѣлаетъ заемъ изъ другихъ суммъ. Закупка сѣмянъ, орудій и матеріаловъ для построекъ уже началась».

Когда г. Макріеръ окончилъ свою рѣчь, и послѣдняя фраза была переведена гр. С. Л. Толстымъ, тогда всѣ «старики» поблагодарили земнымъ поклономъ представителя канадскаго правительства. Затѣмъ они благодарили гр. С. Л. Толстого, кн. Хилкова и другихъ лицъ, сопровождавшихъ ихъ во время пути.

— Спасибо вамъ за вашу любовь и ласку! Поѣдете до дому,—говорили духоборы тѣмъ, которые возвращались, — такъ передайте же нашъ поклонъ и любовь женамъ и мужьямъ вашимъ, и сестрамъ вашимъ, и братьямъ, и дѣткамъ.

Возлѣ отведенныхъ для духоборовъ участковъ земли живутъ менониты, краснокожіе, переселенцы изъ Галиціи и англичане. Менониты, поселившіеся пять лѣтъ тому назадъ, сдѣлали первоначально заемъ для покупки земли, скота, земледѣльческихъ орудій и т. п. Въ настоящее время они не только выплатили весь долгъ, но обзавелись всѣмъ необходимымъ, обжились и держатъ много скота—по 10 и болѣе головъ на хозяина.

Канадцы пришли въ восторгъ отъ внѣшняго вида духоборовъ; они не ожидали увидѣть такой рослый, крѣпкій и красивый народъ.

Духоборы просили своихъ провожатыхъ прислать имъ изъ Россіи, чтобы не забыть родной языкъ, азбукъ, учебниковъ, книгъ по географіи и по сельскому хозяйству».

За границей.

Дѣтскій рабочій вопросъ въ Англіи. Распорядительный комитетъ, стоящій во главѣ всѣхъ первоначальныхъ школъ Лондона, заключающихъ въ себѣ не менѣе полумилліона учениковъ, занялся разслѣдованіемъ, какое количество работы совершаютъ внѣ класса тѣ изъ учениковъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію и должны не только заработать себѣ кусокъ хлѣба, но и помогать родителямъ. Разслѣдованіе произведено было въ 112 школахъ и обнаружило въ большинствѣ случаевъ очень печальную картину существованія дѣтей. Изъ 2.157 дѣтей, посѣщающихъ школы, 1.143 работаютъ внѣ-школы отъ 19 до 29 часовъ въ недѣлю, чтобъ достать себѣ кусокъ хлѣба; 729 работаютъ отъ 30 до 39 часовъ, а 285—отъ 40 часовъ и болѣе. Триста девять дѣтей употреблялись для домашнихъ работъ и зарабатывали въ часъ до 5 сантимовъ; 719 разносили молоко и газеты и такимъ образомъ зарабатывали до 10 сантимовъ въ часъ; 1.056 дѣтей работали въ промышленныхъ заведеніяхъ или магазинахъ (средній заработокъ: 10 сантимовъ въ часъ), а 69 ухитрялись исполнять болѣе сложную работу, которая доставляла имъ заработокъ въ $12^1/_2$ сантимовъ въ часъ.

Въ одной изъ школъ, находящихся въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона, среди учениковъ оказались: два маленькихъ разносчика молока, занятыхъ въ недѣлю до 57 часовъ; два продавца газетъ, также работающихъ до 63 часовъ въ недѣлю; два посыльныхъ (изъ нихъ одинъ занятъ былъ 59 часовъ, а другой $68^1/_2$ въ недѣлю). Въ другой школѣ найденъ былъ маленькій мальчикъ, который въ свободное отъ школьныхъ занятій время работалъ у гробовщика и помогалъ ему снимать мѣрку съ умершихъ. Эта работа, отнимавшая у него $23^1/_2$ часа въ недѣлю, доставляла ему заработокъ въ 1 фр. 25 сант.

Эта мрачная картина дѣтской жизни, раскрытая распорядительнымъ комитетомъ, произвела сильное впечатлѣніе въ лондонскомъ обществѣ и печать заговорила о необходимости положить законные предѣлы дѣтскому труду. Распорядительный комитетъ, съ своей стороны, предполагаетъ обратиться въ совѣтъ лондонскаго графства съ петиціей о разслѣдованіи и ограниченіи путемъ законодательныхъ мѣропріятій предѣловъ эксплуатаціи дѣтскаго труда. Однако, Англія, вообще опередившая другія европейскія государства во многихъ пунктахъ, относящихся къ рабочему вопросу, въ томъ, что касается дѣтскаго труда, далеко отстала отъ другихъ цивилизованныхъ странъ. Это единственная промышленная страна, допускающая на фабрики дѣтей 11-ти лѣтъ и дозволяющая работу въ рудникахъ съ 12-ти-лѣтняго возраста. Но благодаря дѣятельности распорядительнаго комитета первоначальныхъ школъ, дѣтскій рабочій вопросъ въ Англіи снова выдвинутъ на первый планъ и, вѣроятно, въ скоромъ времени будетъ возбужденъ въ палатѣ общимъ.

Однако, никакія запрещенія и теоретическое разрѣшеніе этого жгучаго вопроса не помогутъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ вообще облегчена участь рабочихъ классовъ. Къ этой именно цѣли направлены различныя мѣропріятія послѣдняго времени и, между прочимъ, проектированныя лондонскимъ общиннымъ совѣтомъ жилища для рабочихъ, часть которыхъ уже готова. Выстроенное зданіе выглядитъ очень привѣтливо и, благодаря балкончикамъ и башенкамъ, не имѣетъ казарменной наружности. Внутри оно заключаетъ въ себѣ 120 квартиръ, отъ 2-хъ до 3-хъ комнатъ; послѣднія предназначаются для рабочихъ семействъ, имѣющихъ не менѣе четырехъ дѣтей. Стоимость найма: 6 шиллинговъ 50 п. за меньшія и 8,50 за большія квартиры въ недѣлю. Нечего и говорить, что въ домѣ соблюдены всѣ санитарныя условія и общинный совѣтъ отпускаетъ нанимателямъ газъ по очень дешевой цѣнѣ. Въ подвальномъ этажѣ зданія устроены лавки, гдѣ рабочіе могутъ получать всѣ припасы по удешевленнымъ цѣнамъ и

тамъ же устроены для отдачи въ наемъ рабочимъ различныя мастерскія. При домѣ устроена прекрасная прачечная, а также теплыя и холодныя ванны, которыя можно брать во всякое время. Не обходится дѣло, конечно, безъ клуба и принадлежащаго къ нему концертнаго зала, гдѣ устраиваются различныя увеселенія. Огромное удобство заключается еще и въ томъ, что зданіе окружено прекраснымъ садомъ и цвѣтникомъ, которымъ могутъ пользоваться всѣ наниматели квартиръ. Общинный совѣтъ, такимъ образомъ, предполагаетъ дать пріютъ 6.000 рабочимъ и намѣревается выстроить зданіе еще для 4.000. Въ среднемъ комната обходится рабочему въ 3 франка въ недѣлю; нѣкоторые изъ англійскихъ филантроповъ, въ томъ числѣ лордъ Роутонъ, уже выстроили нѣсколько такихъ домовъ для рабочихъ и опытъ этотъ принесъ настолько хорошіе результаты, что поощрилъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи.

Коллегія Рёскина для рабочихъ. Въ концѣ февраля этого года состоялось въ Оксфордѣ открытіе коллегіи для рабочихъ, основанной подъ вліяніемъ ученія Рёскина и названной его именемъ. Эту коллегію учредили два американца, послѣдователи Рёскина, со спеціальною цѣлью подготовить рабочихъ къ роли общественныхъ дѣятелей, поэтому и программа преподаванія въ ней состоитъ лишь изъ предметовъ, имѣющихъ наиболѣе близкое отношеніе къ соціальной и политической жизни народа. Курсъ ученія продолжается четыре года, но только первый годъ обязательно слушаніе лекцій въ коллегіи; остальные же три года каждый можетъ заниматься у себя дома по книгамъ и подъ письменнымъ руководствомъ и указаніями профессоровъ коллегіи.

Въ коллегію можетъ поступать каждый, кто пожелаетъ, такъ какъ требуется только умѣнье читать и писать и нѣкоторое общее развитіе, которое нужно для того, чтобы слѣдить за лекціями и понимать ихъ. Предпочтеніе, однако, отдается рабочимъ, въ особенности тѣмъ, которые, поступивъ въ коллегію, все-таки продолжаютъ свою работу. За полное содержаніе въ коллегіи полагается 10 шиллинговъ въ недѣлю и еще 10 шиллинговъ въ мѣсяцъ берется за слушаніе лекцій. Однако, нашелся одинъ богатый филантропъ, который обязался вносить въ продолженіи двухъ лѣтъ плату за ученіе 50-ти человѣкъ, и такъ какъ въ коллегію принимаютъ пока не болѣе этого числа, то никому изъ поступившихъ не придется пока платить за ученіе. Тѣ, кто не въ состояніи платить за свое содержаніе, могутъ отработать его и потому въ коллегіи нѣтъ посторонней прислуги, а обязанности ея исполняются слушателями, которые получаютъ за это плату и такимъ образомъ не только учатся сами, но и зарабатываютъ себѣ средства къ существованію, оправдывая на дѣлѣ ученіе Рёскина о достоинствѣ всякаго честнаго и полезнаго труда. «Ruskin Hall», слѣдовательно, будетъ не только по имени, но и по духу, коллегіей Рёскина, такъ какъ во всемъ будетъ придерживаться его взглядовъ и теорій. Джонъ Рёскинъ, которому въ январѣ минулъ 81 годъ, выразилъ большое удовольствіе по поводу устройства этой коллегіи, но не могъ, по причинѣ слабости здоровья, присутствовать на ея открытіи.

Политическіе клубы въ Англіи. Въ каждомъ кварталѣ Лондона, и не только въ одномъ Лондонѣ, а также во многихъ другихъ городахъ, существуютъ особыя учрежденія, нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ парламентовъ или политическихъ клубовъ. Члены этихъ частныхъ парламентовъ собираются въ извѣстные дни для обсужденія наиболѣе важныхъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Пренія происходятъ совершенно въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ палатѣ общинъ, даже обстановка такая же, только члены не надѣваютъ шляпъ, какъ въ вестминстерскомъ дворцѣ и президентъ или спикеръ не носитъ мантіи и парика. По окончаніи преній происходитъ голосованіе совершенно такъ, какъ

въ Вестминстерѣ. Въ мѣстной печати (каждый лондонскій кварталъ непремѣнно имѣетъ свою собственную газету) помѣщаются подробные отчеты о засѣданіяхъ въ этихъ парламентахъ; но, кромѣ того, отчеты появляются и на столбцахъ большихъ газетъ.

На-дняхъ, всѣ большія газеты напечатали отчетъ о засѣданіяхъ одного изъ этихъ парламентовъ—«Кенсингтонскаго парламента», гдѣ обсуждались наиболѣе жгучіе современные вопросы. касающіеся національной обороны и федераціи колоній. На этихъ засѣданіяхъ присутствовала избранная публика и множество дамъ въ элегантныхъ туалетахъ, очевидно, очень интересующихся политикой. Главное вниманіе возбудили пренія по вопросу о томъ, какъ побудить великія англійскія независимыя колоніи участвовать въ издержкахъ по содержанію войска и флота. Нѣкоторые изъ ораторовъ доказывали, что если колоніи не хотятъ участвовать въ военныхъ и морскихъ расходахъ, которые несутъ на своихъ плечахъ два маленькихъ острова, составляющихъ соединенное королевство, то пусть лучше онѣ совсѣмъ отдѣлятся отъ метрополіи и живутъ собственною жизнью. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ вопросовъ англійской колоніальной политики и въ англійской печати давно уже идетъ горячая полемика по поводу сепаратизма колоній. Приверженцевъ послѣдняго довольно много и это выразилось въ преніяхъ Кенсингтонскаго парламента. Однако, одинъ изъ главныхъ ораторовъ, сэръ Джонъ Куломбъ, въ блестящей рѣчи постарался отклонить голосованіе въ пользу сепаратизма, доказавъ вредъ, который принесла бы такая политика самой Великобританіи. Конечно, вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ голосованіемъ Кенсингтонскаго парламента, но, во всякомъ случаѣ, нельзя назвать безполезными и безплодными такія публичныя обсужденія важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, и маленькіе парламенты, подобные Кенсингтонскому, не только представляютъ прекрасную школу практической политики, но даже оказываютъ нѣкоторое вліяніе и на общій ходъ политическихъ дѣлъ.

Промышленная дѣятельность женщинъ въ Англіи. Женское движеніе въ Англіи возникло гораздо раньше и выражается гораздо рѣзче, нежели во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ. Вышедшій недавно первый томъ «Dictionary of Employments opento women», издаваемый миссъ Филиппъ, даетъ весьма подробныя свѣдѣнія о промышленной дѣятельности женщинъ и заработной платѣ, существующей въ Англіи для женщинъ. Заработная плата въ различныхъ отрасляхъ фабричной промышленности въ Англіи гораздо выше, чѣмъ въ Германіи. Еще выше заработокъ женщинъ, поступающихъ въ услуженіе, такъ какъ въ этой отрасли спросъ далеко превышаетъ предложеніе и хорошая экономка или кухарка получаютъ въ среднемъ отъ 300 до 600 рублей въ годъ (отъ 30 до 60 ф. ст.) Въ Англіи существуетъ очень много школъ домашняго хозяйства и кулинарнаго искусства. Учительницы въ этихъ школахъ получаютъ въ среднемъ отъ 1.200 до 2.240 марокъ въ годъ, инспектрисы же—отъ 3.000 до 4.000 марокъ (отъ полутора до двухъ тысячъ рублей) и путевые расходы. Учительницы элементарныхъ школъ, которыхъ въ Англіи насчитывается 33.021, получаютъ слѣдующее содержаніе: старшія—до 4.000 марокъ въ годъ и младшія—до 3.000. Въ Шотландіи условія такія же и только въ Ирландіи положеніе учительницъ много хуже и высшее жалованье тамъ=1.400 марокъ. Въ промышленныхъ и политехническихъ школахъ учительницы получаютъ такое же содержаніе, какъ и въ элементарныхъ. Въ частныхъ домахъ гувернантки получаютъ на полномъ содержаніи отъ 1.000 до 2.000 марокъ въ годъ, дѣтскія садовницы—отъ 800 до 1.600, а въ колоніяхъ—отъ 3.000 до 5.000 марокъ въ годъ.

Но въ особенности велико, въ сравненіи съ другими странами, число госу-

дарственныхъ должностей, открытыхъ для женщинъ въ Англіи. Женщины назначаются на должности правительственныхъ коммиссаровъ въ самыя разнообразныя коммиссіи, въ королевскую коммиссію по среднему образованію, по вопросу о положеніи рабочихъ, въ различныя школьныя коммиссіи и т. п. Одна англійская дама въ теченіе 12 лѣтъ занимаетъ должность инспектора бѣдныхъ. Женщины назначаются также инспекторами школъ съ содержаніемъ отъ 3.000 до 6.000 марокъ и путевыми расходами. Въ особенности плодотворна оказалась дѣятельность женщинъ въ должности фабричныхъ инспекторовъ, получающихъ жалованье также отъ 4.000 до 6.000 марокъ въ горъ.

Въ англійскихъ тюрьмахъ 540 женщинъ занимаютъ разныя должности, начиная отъ должности тюремнаго сторожа, до надзирателей и помощниковъ директора съ содержаніемъ въ 5.000 марокъ. Въ торговомъ департаментѣ женщины занимаютъ должность корреспондентовъ—«Labour Correspondent» съ содержаніемъ въ 8.000 марокъ. Средняя цифра годового содержанія, получаемаго женщинами, служащими въ почтовомъ вѣдомствѣ, равняется 7.158 марокъ. 4.350 женщинъ служатъ телеграфистками и телефонистками; начиная съ очень скромнаго заработка въ 10 марокъ въ недѣлю, онѣ могутъ въ концѣ концовъ достигнуть вполнѣ обезпеченнаго положенія; тѣ, которыя назначаются на должность начальника станціи, получаютъ до 9.900 марокъ въ годъ. Женщины занимаютъ должности врачей въ различныхъ страховыхъ агентствахъ и въ почтовомъ вѣдомствѣ. Число женщинъ, служащихъ въ англійскомъ почтовомъ вѣдомствѣ, равняется 30.534. Во всѣхъ госпиталяхъ въ Индіи женщины назначаются на штатныя должности врачей. Въ прошломъ году три женщины назначены на должность ординаторовъ въ чумныя больницы. Въ обсерваторіи въ Наталѣ одна женщина занимаетъ должность штатнаго астронома, а другая—метеоролога, въ Гринвичской и Кэмбриджской обсерваторіяхъ также есть женщины-астрономы. Во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ женщины назначаются на должности фабричныхъ и школьныхъ инспекторовъ.

Такое обширное разнообразное примѣненіе женскаго труда въ Англіи, конечно, оказало большое вліяніе на развитіе женской промышленной дѣятельности и область ея все больше расширается. Въ Англіи есть уже много женщинъ архитекторовъ, врачей, адвокатовъ; въ Лондонѣ открытъ женскій госпиталь «New Hospital for Women», персоналъ котораго исключительно состоитъ изъ женщинъ; женщины журналистки и писательницы составляютъ уже самое обыкновенное явленіе въ Англіи и зарабатываютъ перомъ большія деньги. Очень много женщинъ служатъ въ аптекахъ. Не такъ давно женщины появились на биржѣ, въ качествѣ маклеровъ. Одна изъ нихъ, леди Кукъ, открыла биржевую контору. Нѣсколько женщинъ служатъ въ англійскомъ банкѣ и въ другихъ, а трое имѣютъ свои собственныя банкирскія конторы, которыми сами управляютъ. Какъ можно видѣть изъ этого краткаго отчета, женскій трудъ стоитъ на хорошемъ счету въ Англіи и средній заработокъ женщины довольно высокъ, даже госпитальныя сидѣлки получаютъ до 1.600 марокъ въ годъ, и до сихъ поръ англичанамъ не приходится пожалѣть объ этомъ уравненіи женскаго труда, который во всѣхъ другихъ странахъ всегда оцѣнивается ниже мужского.

Профессоръ Адольфъ Вагнеръ о женскомъ вопросѣ и отношеніе германскихъ студентовъ къ этому вопросу. Въ берлинскихъ студенческихъ кружкахъ сильное впечатлѣніе произвела рѣчь профессора Адольфа Вагнера, произнесенная имъ въ ферейнѣ учащихся женщинъ (Studirende Frauen). Профессоръ Вагнеръ говорилъ о женскомъ вопросѣ и о томъ, что на рубежѣ XX вѣка женское движеніе приняло такіе размѣры, что игнорировать его уже болѣе не представляется возможнымъ. Можно думать какъ угодно объ этомъ

движеніи, но уже теперь необходимо опредѣлить свое положеніе по отношенію къ женскому вопросу, а это не легко для пожилыхъ людей, прожившихъ всю свою жизнь съ извѣстными убѣжденіями. Однако, въ высшей степени важно отнестись объективно къ этому вопросу и воздержаться отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ мнѣній.

Развивая далѣе свой взглядъ на женскій вопросъ, профессоръ сказалъ, что хотя не все можно оправдывать въ женскомъ движеніи, но тѣмъ не менѣе нельзя же все отвергать и нельзя отрицать, что въ женскомъ движеніи заложены условія развитія человѣчества. Женщины возстали противъ традиціоннаго положенія, которое создала имъ исторія, и объявили о своемъ намѣреніи принимать активное участіе въ общемъ культурномъ развитіи и въ общей культурной работѣ. Если же мужчины возражаютъ противъ этого, выставляя на видъ естественныя различія, обусловливающія, въ силу необходимости, подчиненное положеніе женщины, то вѣдь на это можно сказать, что все въ природѣ и жизни подвергается постояннымъ измѣненіямъ и тотъ же принципъ высшей эволюціи, который дѣйствуетъ въ природѣ, можетъ быть примѣненъ и къ женщинѣ. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію профессора, настойчивость, энергія и сознательность, съ которою женщины стремятся къ своей цѣли, заслуживаютъ не только вниманія, но и полнаго сочувствія, хотя, быть можетъ, и нельзя согласиться со многими сторонами женскаго движенія.

Статистическія данныя могутъ, по словамъ профессора Вагнера, служить лучшимъ доказательствомъ необходимости расширить кругъ дѣятельности женщинъ. Извѣстно, что смертность между мальчиками больше, нежели между дѣвочками, въ особенности въ юные годы, и поэтому число женщинъ превышаетъ иногда на 50 проц. число мужчинъ въ какомъ-нибудь государствѣ. Шансы на замужство, такимъ образомъ, становятся очень не велики и жизнь женщинъ, лишенныхъ средствъ къ существованію, бываетъ очень трудна. «И при этомъ,—прибавилъ профессоръ,—въ высшей степени безнравственно и недостойно родителей, если они ставятъ замужество единственною цѣлью воспитанія своей дочери и ни къ чему иному ее не готовятъ!»

Такія слова въ устахъ нѣмецкаго профессора, конечно, представляютъ характерное знаменіе времени, указывающее на то, что въ нѣмецкомъ обществѣ начинаютъ сознавать необходимость компромисса и безплодность дальнѣйшихъ усилій противодѣйствовать женскому движенію. Профессоръ Вагнеръ въ особенности нападаетъ на систему воспитанія дѣвушекъ въ высшемъ обществѣ, гдѣ обращается главное вниманіе на «пустяки». Онъ считаетъ безусловно необходимымъ произвести реформы въ женскомъ воспитаніи и сдѣлать его болѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ современной жизни. Что же касается вопроса, можетъ ли женщина въ физическомъ, психическомъ и умственномъ отношеніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ общественной и профессіональной дѣятельности, то профессоръ Вагнеръ считаетъ во всякомъ случаѣ преждевременнымъ рѣшать этотъ вопросъ въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Онъ лично не думаетъ, однако, чтобы женщина могла соперничать съ мужчиной во всѣхъ отношеніяхъ, и полагаетъ, что мужчина всегда окажется побѣдителемъ, но, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ проводить сравненія между способностями обѣихъ половинъ человѣческаго рода, необходимо открыть женщинамъ арену дѣятельности и тогда уже, послѣ достаточно продолжительнаго времени, рѣшать споръ о превосходствѣ одного пола надъ другимъ. Профессоръ Вагнеръ думаетъ, что женское движеніе въ Германіи лишено такого политическаго характера, какое оно имѣетъ въ Америкѣ и Англіи и самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается въ пользу допущенія женщинъ въ университеты, въ высшія школы. Многіе въ Германіи противятся этому, такъ какъ достиженіе ученыхъ степеней откроетъ женщинамъ доступъ къ академическимъ должно-

стямъ. Но профессоръ полагаетъ, что очень мало есть такихъ профессій, которыя должны оставаться закрытыми для женщинъ. «Почему,—восклицаетъ профессоръ,—монополія труда должна принадлежать мужчинамъ, даже совершенно неталантливымъ и неспособнымъ, а талантливыя и способныя женщины осуждаются на бездѣятельность или вынуждены заниматься домашними работами, не требующими ни особенной талантливости, ни даже ума? Германія не должна отставать отъ другихъ въ этомъ отношеніи, хотя традиціи въ Германіи держатся крѣпче и труднѣе сладить съ ними, чѣмъ въ другихъ странахъ».

Въ заключеніе профессоръ Вагнеръ посовѣтовалъ германскимъ женщинамъ быть умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, не стремиться разрушить сразу всѣ преграды, и нѣтъ сомнѣнія, что германское правительство и всѣ тѣ, кто такъ яростно теперь противятся женскому движенію, не сочтутъ возможнымъ оставить разумныя и умѣренныя требованія женщинъ безъ всякаго удовлетворенія.

Не смотря на то, что большинство германскихъ профессоровъ начинаетъ мало-по-малу отрѣшаться отъ своихъ прежнихъ предвзятыхъ взглядовъ на женскій вопросъ и общество понемногу привыкаетъ смотрѣть на женщину нѣсколько иными глазами, чѣмъ прежде, все-таки не мало находится людей, не только среди ученыхъ и пожилыхъ людей, которымъ трудно освоиться съ новымъ положеніемъ вещей, но и среди нѣмецкой учащейся молодежи, протестующей противъ допущенія женщинъ на университетскія скамьи и въ клиники, на равныхъ правахъ со студентами. Недавно студенты университета въ Галле внесли въ медицинскій факультетъ протестъ противъ допущенія женщинъ къ слушанію клиническихъ лекцій. Курьезнѣе всего, что эти господа протестуютъ во имя нравственности и приличія и къ нимъ теперь присоединяются берлинскіе студенты. Ассоціація берлинскихъ студентовъ обратилась съ воззваніемъ къ своимъ членамъ, и, опираясь на протестъ профессоровъ Галле, приглашаетъ студентовъ начать агитацію противъ допущенія женщинъ на медицинскій факультетъ. Но профессора медицинскаго факультета въ Галле поспѣшили отречься и протестовать противъ солидарности со студенческою молодежью, высказывающею такія ретроградныя воззрѣнія. Въ своемъ заявленіи, подписанномъ деканомъ медицинскаго факультета, профессора университета выражаютъ сожалѣніе, что студенты относятся столь враждебно къ студенткамъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія не дали къ тому ни малѣйшаго повода. Весь медицинскій факультетъ Галле рѣшительно высказывается противъ заявленія студентовъ, что занятія женщинъ въ клиникѣ противорѣчитъ нравственности и приличіямъ и наноситъ ущербъ серьезности научныхъ занятій. Деканъ прибавляетъ, что авторы воззванія будутъ подвергнуты дисциплинарному взысканію.

Общество народныхъ университетовъ въ Парижѣ. Въ Парижѣ образовалось недавно, подъ шумъ политической борьбы и разныхъ событій, чрезвычайно симпатичное общество, носящее оригинальное названіе: «Coopération des idées» (кооперація идей) и скромно начавшее свою дѣятельность въ маленькомъ помѣщеніи въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи. Нѣсколько человѣкъ, преданныхъ идеѣ соціальнаго прогресса, энергичныхъ и научнообразованныхъ, рѣшили устроить публичныя бесѣды по разнымъ вопросамъ, доступныя для всѣхъ. Опытъ этотъ очень удался и небольшая зала всегда была переполнена самою разнообразною публикою, преимущественно рабочими и ремесленниками, молодыми и старыми, прислушивавшимися съ большимъ вниманіемъ къ словамъ лектора. Послѣ лекціи начиналась бесѣда, въ которой аудиторія принимала обыкновенно самое дѣятельное участіе, лектору задавались вопросы, возникали пренія, иногда очень оживленныя, и такимъ образомъ происходилъ обмѣнъ взглядовъ и слушатели выходили изъ залы съ запасомъ новыхъ идей и новыхъ свѣдѣній.

Но лекціи и бесѣды велись безъ всякой системы и безъ всякой программы. Организаторы ихъ имѣли въ виду только одну цѣль—возбудить любознательность, стремленіе къ развитію въ своихъ слушателяхъ и поэтому они бесѣдовали съ ними о разныхъ предметахъ, касаясь въ своихъ лекціяхъ и чисто научныхъ и общественныхъ вопросовъ. Аудиторія всегда бывала переполнена и часто случалось, что она не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ, такъ что Дегермъ, предсѣдатель общества «кооперації идей», въ виду такого удачнаго опыта, рѣшилъ расширить его дѣятельность и обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ тѣмъ, кто считаетъ народное воспитаніе, за предѣлами школы, первымъ и необходимымъ условіемъ правильнаго развитія демократіи, желающей оставаться свободной. Въ своемъ воззваніи Дегермъ подробно развиваетъ идею народныхъ университетовъ и говоритъ, что общество должно стремиться къ тому, чтобы привлечь рабочихъ къ себѣ и пріучить ихъ употреблять свой досугъ съ пользою для себя, а не во вредъ, какъ это случается слишкомъ часто; онъ желалъ бы сдѣлать народный университетъ такимъ мѣстомъ, въ которомъ народъ могъ бы найти всѣ нужные элементы для своего развитія и удовлетворенія своихъ умственныхъ и запросовъ. Дегермъ приглашаетъ женщинъ участвовать въ общей работѣ, разсчитываетъ главнымъ образомъ на то, что онѣ будутъ содѣйствовать популяризаціи идеи народныхъ университетовъ и помогутъ ея усвоенію и распространенію среди рабочихъ классовъ.

Конечно, для устройства народнаго университета нужны не только дѣятели, но и средства. Дѣятели уже есть, средства же найдутся—въ этомъ Дегермъ не сомнѣвается и поэтому онъ прямо заявляетъ въ своемъ воззваніи, что общество «кооперації идей» уже выработало уставъ народнаго университета и намѣрено открыть первый французскій народный университетъ 1-го октября этого года, въ томъ же Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи, гдѣ теперь общество устраиваетъ свои лекціи и бесѣды. Будетъ ли этотъ первый французскій народный университетъ устроенъ на широкую ногу, или же онъ будетъ имѣть скромные размѣры, это, конечно, всецѣло будетъ зависѣть отъ средствъ. Но какъ бы тамъ ни было, а онъ будетъ открытъ къ назначенному времени—это говоритъ Дегермъ и, принимая во вниманіе ту энергію, которую уже проявило общество «кооперації идей» въ организаціи лекцій и популярныхъ бесѣдъ, можно смѣло предположить, что намѣченная цѣль будетъ достигнута и Парижъ съ 1-го октября этого года будетъ обладать народнымъ университетомъ. Уставъ этого университета уже печатается и желающіе получить его для ближайшаго ознакомленія могутъ адресоваться въ бюро общества «Coopération des idées», улица Поль-Беръ, 17.

Бостонъ и его значеніе, какъ умственнаго центра въ Америкѣ. Знаменитый американскій поэтъ и критикъ Лоуэлль, говоря однажды о традиціяхъ культуры, игравшихъ такую огромную роль въ развитіи и успѣхахъ американскихъ штатовъ, сказалъ по отношенію къ Бостону, что основатели этого города заботились, во-первыхъ, чтобы у нихъ всегда былъ достаточный запасъ пороха, а во-вторыхъ, чтобы сохранились въ неприкосновенности традиціи солиднаго воспитанія, принесенныя ими съ собою въ новое отечество. поэтому-то, черезъ пять лѣтъ по основаніи города, въ немъ уже была открыта первая безплатная школа, доступная для всѣхъ, а еще черезъ два года учреждены были первая второразрядная школа «the Latin School» и первый университетъ, гарвардскій университетъ, устроенный посреди полей, въ трехъ километрахъ отъ города. Теперь Бостонъ можетъ похвалиться своими трудами на пользу просвѣщенія; въ городѣ существуютъ 603 школы, общественныя и частныя, два университета, консерваторія, большая профессіональная школа, безчисленное множество библіотекъ, не говоря уже о разныхъ другихъ учрежденіяхъ, имѣю-

щихъ цѣлью народное воспитаніе и устраиваемыхъ какъ частными лицами, такъ и муниципалитетомъ.

Все въ этомъ старинномъ городѣ, полномъ историческихъ воспоминаній, указываетъ на интенсивность интеллектуальной жизни, на стремленіе къ разнаго рода нововведеніямъ и постоянная забота о томъ, чтобъ всегда быть на высотѣ современности и прогресса. Почти всѣ движенія общественнаго мнѣнія, значительныя или ничтожныя, всякое нововведеніе и всякая иниціатива, исходили изъ Бостона, также какъ и разнаго рода безумныя фантазіи, нелѣпыя затѣи,— все это или народилось въ Бостонѣ, или въ концѣ концовъ тамъ получало свое развитіе. Всякаго рода общества, литературныя, артистическія и религіозныя, буквально кишмя кишатъ въ Бостонѣ. Спириты устроили тамъ церковь, обращающую на себя вниманіе, какъ архитектурный памятникъ, и тамъ очень часто организуются митинги, на которыхъ спиритическіе ораторы произносятъ рѣчи, нашептанныя имъ духомъ какого-нибудь великаго человѣка.

Женскихъ клубовъ въ Бостонѣ также безчисленное множество, равно какъ и всякихъ другихъ. Бостонскій муниципалитетъ, въ своихъ заботахъ о томъ, чтобы доставить обществу какъ можно больше средствъ къ самообразованію, постоянно устраиваетъ публичныя лекціи по разнымъ предметамъ, приглашая для этого мѣстныхъ и иностранныхъ знаменитостей. Въ Бостонъ пріѣзжали читать лекціи Бурже, Брюнетьеръ и многіе другіе. Въ этомъ мѣсяцѣ ожидаютъ туда Думика и Рода. Бостонскій муниципалитетъ гордится этимъ, также какъ и своими многочисленными безплатными учрежденіями для народа. Муниципалитетъ устроилъ прекрасныя общественныя бани для зимы и купальни для лѣтняго сезона, школы плаванія, гимнастическія заведенія, лѣтнія резиденціи для дѣтей рабочихъ и вообще неимущихъ классовъ. Все это предлагается народу безвозмездно, а за слушаніе лекцій и концертовъ взимается самая ничтожная плата. Но въ Бостонѣ есть еще одно учрежденіе, которое не имѣетъ себѣ подобнаго по красотѣ и роскоши отдѣлки, нигдѣ на свѣтѣ; это публичная библіотека, на которой красуется надпись: «Выстроена народомъ для успѣха просвѣщенія». Постройка этой библіотеки обошлась въ 12 милліоновъ франковъ, а содержаніе ея, вмѣстѣ съ десятью отдѣленіями и 17 станціями для выдачи книгъ, обходится ежегодно въ одинъ милліонъ. Великолѣпная лѣстница изъ желтаго мрамора, ведущая въ первый этажъ, украшена чудными панно покойнаго французскаго художника Пюви де-Шаванна.

Всѣ иностранные лекторы, пріѣзжающіе въ Бостонъ, отзываются съ необыкновенною похвалой о бостонской публикѣ. Французскій языкъ и Франція пользуются, повидимому, наибольшими симпатіями этой публики и въ гарвардскомъ университетѣ существуетъ французскій кружокъ, члены котораго, прекрасно владѣющіе французскимъ языкомъ, ежегодно устраиваютъ французскія представленія въ бостонскомъ театрѣ и знакомятъ публику съ произведеніями французскаго драматическаго искусства. Впрочемъ, въ гарвардскомъ университетѣ превосходно преподается французскій языкъ, въ школахъ также. Кромѣ того, въ городѣ существуютъ два литературныя общества, спеціально занимающихся французскою литературой и собирающихся нѣсколько разъ въ мѣсяцъ для совмѣстнаго чтенія и бесѣдъ.

Бостонцы чрезвычайно гордятся своимъ университетомъ, и не только одни бостонцы! Вся Америка высоко ставитъ гарвардскій университетъ и называться «Harvardman» (кончившій курсъ въ Гардвардѣ) считается равносильнымъ почетному титулу, которымъ каждый американецъ находитъ нужнымъ гордиться.

Будущій конгрессъ исторіи религій. Къ предстоящей всемірной парижской выставкѣ въ 1900 году организуется безчисленное множество конгрессовъ и въ томъ числѣ конгрессъ по исторіи религій. Иниціативу устройства этого

конгресса взялъ на себя Альбертъ Ревилль, руководящій секціей религіозныхъ наукъ въ высшей школѣ (Ecole des hautes études). Проектируемый конгрессъ будетъ носить чисто научный характеръ и въ этомъ отношеніи будетъ отличаться отъ конгресса религій, который происходилъ на чикагской всемірной выставкѣ, такъ какъ къ участію въ этомъ конгрессѣ будутъ приглашены только ученые, занимающіеся или интересующіеся исторіей религій, а вовсе не представители различныхъ религій, какъ это было въ Чикаго.

Исторія религій составляетъ новую отрасль науки, возникшую въ концѣ нашего вѣка. Около тридцати лѣтъ тому назадъ, она еще вращалась въ области гипотезъ и носила болѣе апологетическій характеръ, но теперь уже наука эта имѣетъ вполнѣ опредѣленную цѣль и занимается изслѣдованіемъ религіозныхъ явленій какъ психологическихъ и соціальныхъ фактовъ и стремится опредѣлить ихъ характеръ и историческое развитіе, независимо отъ ихъ метафизическаго или нравственнаго значенія. Въ послѣднее время область этой науки значительно расширилась и она уже пріобрѣла права гражданства. Въ Collège de France устроена каѳедра исторіи религій, которую занимаетъ Альбертъ Ревилль; въ высшей школѣ существуетъ отдѣльная секція для занятія этой наукой и даже издается спеціальный журналъ, подъ редакціей Жана Ревилль и Мазиллье, посвященный научно-религіознымъ вопросамъ. Во всѣхъ почти европейскихъ и американскихъ университетахъ существуютъ каѳедры по исторіи религій и, слѣдовательно, теперь уже должны быть достигнуты настолько значительные результаты въ этой области научныхъ изслѣдованій, что организація конгресса въ 1900 году будетъ вполнѣ умѣстна.

Конгрессъ соберется въ первыхъ числахъ сентября 1900 года. Организаціонный комитетъ состоитъ изъ 40 членовъ; президентомъ избранъ Ревилль и вокругъ него группируются остальные члены, профессора различныхъ факультетовъ въ Парижѣ и провинціи и ученые, пользующіеся всемірнымъ авторитетомъ, какъ, напримѣръ: Бреаль, Масперо, Берже, Опперъ, Дюркгеймъ, Бертранъ, Дарамбергъ, Сабатье, Рони, Ренье и т. д.

Секціи будущаго конгресса распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) Религіи нецивилизованныхъ народовъ и цивилизаціи въ Америкѣ до Христофора Колумба. 2) Религіи на крайнемъ востокѣ: Китай, Японія, Индокитай и т. д. 3) Религіи семитическія: іудаизмъ, исламизмъ. 4) Религіи Египта. 5) Религіи Индіи и Ирана. 6) Религіи Греціи и Рима. 7) Религіи кельтовъ, германцевъ, славянъ и т. д. 8) Христіанская религія.

Составляя эти секціи, комитетъ распредѣлилъ занятія въ географическомъ порядкѣ, руководствуясь въ данномъ случаѣ желаніемъ выказать одинаковое уваженіе ко всякаго рода религіознымъ убѣжденіямъ. Всѣ научныя сообщенія будутъ допущены къ слушанію на конгрессѣ, если только они будутъ имѣть отношеніе къ исторіи религій, но никакая религіозная полемика не допускается, какъ не соотвѣтствующая строго-научному характеру конгресса. Всѣ иностранные ученые получили приглашеніе участвовать въ этомъ конгрессѣ.

«Великій авантюристъ» и его идея трансафриканской желѣзной дороги. Въ послѣднее время въ европейской печати много толковъ возбуждаетъ грандіозный проектъ Сесиля Родеса, мечтающаго о соединеніи посредствомъ желѣзной дороги и телеграфа мыса Доброй Надежды съ Европой. Желѣзная дорога пройдетъ отъ Капштадта въ Каиръ и такимъ образомъ явится возможность чуть ли не въ недѣльный срокъ времени перебраться изъ Каира въ Капскую колонію. Таковъ проектъ Сесиля Родеса, который ожидаетъ громадныхъ результатовъ отъ проведенія трансафриканской желѣзной дороги, какъ для Великобританіи и ея интересовъ въ Африкѣ, такъ и для чернаго континента вообще, въ которомъ такимъ образомъ скорѣе можно будетъ насадить цивилизацію.

Но для выполненія такого грандіознаго проекта, конечно, нужны громадныя деньги и содѣйствіе англійскаго правительства. Сесиль Родесъ отправился лично хлопотать объ этомъ въ Лондонъ, но ему нужно было заручиться содѣйствіемъ и другихъ государствъ, имѣющихъ владѣнія въ Африкѣ, и въ особенности Германіи, такъ какъ Родесъ проектировалъ свою желѣзнодорожную линію черезъ восточноафриканскія владѣнія Германіи. Повидимому, ему удалось заинтересовать своимъ проектомъ Вильгельма II, но такъ какъ тутъ оказались замѣшанными разныя политическія соображенія, то Родесъ уѣхалъ, не добившись прямого отвѣта. Однако, принимая во вниманіе энергію и настойчивость Сесиля Родеса, можно быть увѣреннымъ, что будущее столѣтіе увидитъ грандіозное сооруженіе, о которомъ мечтаетъ Родесъ.

Имя Сесиля Родеса сдѣлалось извѣстно въ Европѣ со времени злополучнаго похода или, вѣрнѣе, набѣга Джемсона въ Трансваалъ. Извѣстно, что Родесъ былъ главнымъ иниціаторомъ этого похода и, какъ говорятъ, онъ самъ тогда сказалъ: «Да, я былъ неправъ... потому что походъ окончился неудачей». Но это не помѣшаетъ ему, конечно, при случаѣ организовать новый подобный же походъ, такъ какъ онъ именно изъ тѣхъ англичанъ, которые желали бы все подчинить англійскому знамени. Разсказываютъ, что онъ однажды шутливо замѣтилъ: «Я не знаю большей ошибки во всемірной исторіи, какъ постройка вавилонской башни, такъ какъ всѣ народы должны были бы говорить только на одномъ языкѣ... на англійскомъ!» Эти слова, сказанныя въ шутку, однако, вполнѣ характеризуютъ взгляды Родеса. Но его мнѣнію, единственная истинно-культурная нація это—англичане и они должны подчинить себѣ весь міръ. Поэтому-то у многихъ является подозрѣніе, что Сесиль Родесъ не только имѣетъ въ виду проѣхаться въ одномъ и томъ же поѣздѣ съ одного конца Африки на другой, но мѣтитъ гораздо дальше. Проведя дорогу и телеграфъ, онъ сдѣлаетъ возможнымъ подвозъ матеріаловъ и войскъ въ случаѣ надобности въ любую часть Африки и утвердитъ могущество Англіи, подчинивъ ея вліянію огромную часть чернаго континента. Нѣкоторые даже думаютъ, что онъ мечтаетъ о захватѣ Абиссиніи. Въ подтвержденіе всѣхъ этихъ догадокъ и предположеній объ истинной подкладкѣ грандіознаго плана Родеса, выставляется на видъ то обстоятельство, что эта трансафриканская желѣзная дорога въ финансовомъ отношеніи не представлятъ ровно никакихъ выгодъ, такъ какъ врядъ ли найдется много путешественниковъ, которые будутъ по ней ѣздить; что же касается товаровъ, то до сихъ поръ еще торговля вдали отъ береговой полосы настолько незначительна, что подвозъ товаровъ въ Центральную Африку не можетъ быть принимаемъ въ разсчетъ, какъ доходная статья для желѣзной дороги. Вѣроятно, всѣ эти соображенія и догадки и заставили императора Вильгельма отнестись нѣсколько содержанно къ заманчивой перспективѣ, которую Сесиль Родесъ развивалъ передъ нимъ, и согласиться только на проведеніе телеграфной линіи черезъ нѣмецкія владѣнія, оставивъ вопросъ о желѣзной дорогѣ открытымъ.

Но Сесиль Родесъ, какъ мы уже говорили, не унываетъ. Вся его жизнь служитъ ручательствомъ, что онъ станетъ добиваться своей цѣли. Онъ, какъ называютъ въ Англіи—«self mademan», т. е. всего достигъ своимъ трудомъ и настойчивостью, и самъ проложилъ себѣ дорогу въ жизни. Отецъ его—сельскій священникъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, имѣлъ лишь очень ограниченныя средства. Теперь же одинъ изъ англійскихъ писателей, говоря о Сеснлѣ Родесѣ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Этотъ человѣкъ обладаетъ лицомъ Цезаря, честолюбіемъ Лойолы и богатствомъ Креза». Но когда Сесиль былъ ребенкомъ и потомъ юношей, притомъ весьма здоровымъ, то никому изъ его близкихъ не приходило въ голову, что сыну предстоитъ такая блестящая будущность. Слабое здоровье молодого Ридеса было причиною того, что его родители, по совѣту врача, отправили его въ южную Африку. Изъ этого путе-

шествія Сесиль вернулся цвѣтущимъ юношей и поразилъ своимъ видомъ всѣхъ своихъ родныхъ. Онъ пошелъ къ старику доктору, отправившему его въ Африку, чтобъ поблагодарить его за совѣтъ, но не нашелъ старика въ живыхъ. Практика его перешла къ его сыну, молодому врачу, который принялъ Родеса и сталъ искать въ записяхъ своего покойнаго отца имя его бывшаго паціента. «Родесъ? Родесъ?—говорилъ онъ, перелистывая книгу;—вотъ тутъ я нахожу запись, но только она не можетъ относиться къ вамъ. Тутъ сказано: Сесиль Родесъ. Очень плохъ, проживетъ не болѣе полугода».

Поѣздка въ Африку спасла не только жизнь Родесу, но она же содѣйствовала и его карьерѣ. По окончаніи гимназіи, Сесиль Родесъ опять отправился въ Африку и поселился въ Наталѣ, гдѣ съ очень незначительными средствами устроилъ небольшую хлопчатобумажную плантацію. Вскорѣ послѣ этого были открыты алмазныя копи въ Кимберлеѣ и Родесъ вмѣстѣ съ прочими отправился туда. Тамъ онъ познакомился и сошелся съ докторомъ Джемсономъ, который впослѣдствіи прославился своимъ неудачнымъ нашествіемъ на боеровъ. Молодой Родесъ очень подружился съ Джемсономъ, но въ то время, повидимому, не мечталъ ни о какихъ грандіозныхъ планахъ. Родесъ былъ простымъ рабочимъ въ копяхъ и подвергался такимъ же лишеніямъ и невзгодамъ, какъ и другіе, но уже тогда пользовался большимъ вліяніемъ на своихъ товарищей. Несмотря на такую жизнь, полную приключеній, Сесиль Родесъ не порывалъ связи съ родиной, интересовался всѣмъ, что тамъ дѣлается и, какъ оказалось потомъ, уже тогда въ его головѣ зарождались честолюбивыя мечты. Однако для выполненія своихъ плановъ онъ находилъ нужнымъ докончить свое образованіе и поэтому, къ величайшему изумленію своихъ товарищей, онъ вдругъ бросилъ работу въ копяхъ и уѣхалъ въ Англію, чтобъ поступить въ оксфордскій университетъ. Находясь въ университетѣ, онъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ университетскихъ гонкахъ и состязаніяхъ и трудно было предположить, глядя на его юношеское увлеченіе игрою въ мячъ и крокетъ, гребными гонками и т. д, чтобы въ головѣ его роились безчисленные планы, одинъ другого грандіознѣе, и что онъ ни на минуту не терялъ ихъ изъ виду. Товарищи его въ шутку называли его «колоссомъ Родосскимъ», не подозрѣвая, о чемъ мечтаетъ этотъ беззаботный на видъ молодой человѣкъ. Покончивъ университетъ, Родесъ тотчасъ же уѣхалъ въ Африку и съ этого времени начинается его блестящая карьера. Тамъ онъ проявилъ свой финансовый геній и свои дипломатическія способности въ организаціи промышленной компаніи съ цѣлью эксплуатаціи алмазныхъ копей. Составивъ себѣ такимъ образомъ огромное состояніе, Сесиль Родесъ обратилъ свое вниманіе на Капскую колонію и часть своего капитала вложилъ въ трансваальскія золотыя розсыпи, основавъ впослѣдствіи знаменитую «Chartered Company», въ рукахъ которой находится теперь почти вся южная Африка. Въ теченіе девяти лѣтъ Сесиль Родесъ былъ министромъ финансовъ Капской колоніи.

Сесиль Родесъ во всѣхъ отношеніяхъ типичный представитель англосаксонской расы и тѣхъ англійскихъ піонеровъ, которымъ Англія обязана своимъ колоніальнымъ могуществомъ. Вся его наружность дышитъ энергіей и рѣшительностью. Никакія препятствія и лишенія не пугаютъ его, къ роскоши онъ довольно равнодушенъ и такъ какъ онъ не женатъ, то предоставляетъ своей сестрѣ, живущей у него, устраивать его домъ, какъ ей хочется. Самъ онъ бываетъ занятъ съ пяти часовъ утра и до такой степени поглощенъ своими планами, что совершенно не замѣчаетъ окружающей его обстановки.

Самая маленькая республика на свѣтѣ. Въ Аппенинскихъ горахъ, въ Италіи, пріютилось крошечное государство, служащее единственнымъ живымъ

памятникомъ того времени, когда Италія была разбита на множество мелкихъ княжествъ и королевствъ и служила постояннымъ театромъ междоусобныхъ войнъ. Это маленькое государство, республика Санъ-Марино, живущая и теперь самостоятельною жизнью въ предѣлахъ монархическаго государства, представляетъ въ высшей степени любопытный остатокъ или пережитокъ внутри страны, отличающейся стремленіемъ къ современности и къ шаблонному прогрессу. Нельзя не удивляться, что путешественники по Италіи никогда почти не заглядываютъ въ этотъ любопытный уголокъ, хотя онъ заслуживаетъ вниманія, въ особенности тѣхъ изъ туристовъ, которые интересуются средними вѣками. Городокъ Санъ-Марино, столица республики, имѣющей населеніе въ восемь тысячъ и занимающей пространство въ 5.421 гектаръ, принадлежитъ къ самымъ живописнымъ городамъ на свѣтѣ. Онъ построенъ на верхушкахъ перпендикулярныхъ скалъ, которыя точно нагромождены другъ на друга. У подножія одной изъ скалъ лежитъ предмѣстье, представляющее коммерческій центръ республики и тамъ можно найти спеціальную монету, которую чеканитъ республика. Узенькая тропинка ведетъ вверхъ въ живописный городокъ, который находится недалеко отъ Римини, между итальянскими провинціями Форли и Пизарро Урбино. Съ вершины горы Монте Титана открывается чудный видъ на Адріатическое море и въ ясную погоду видѣнъ даже берегъ Далмаціи. На трехъ верхушкахъ этой горы находятся три замка, и когда почтальонъ привозитъ почту, то онъ останавливается у подножія скалы и звонитъ въ колоколъ; обитатели горы должны тогда спуститься внизъ, чтобы получить свои письма, такъ какъ по старинной традиціи почтальонъ никогда не переходитъ края республики.

Эта микроскопическая республика, существующая въ самомъ сердцѣ современной монархіи, представляетъ, конечно, довольно странную аномалію. Она была основана въ XIII вѣкѣ, по словахъ однихъ—рабочимъ въ каменоломняхъ, по словамъ другихъ—пустынникомъ по имени Марино, который, спасаясь отъ преслѣдованій, поселился вмѣстѣ со своими друзьями на верхушкахъ скалъ. Такимъ образомъ заложено было основаніе маленькому государству, жизнь котораго протекала удивительно спокойно и безмятежно среди всякихъ волненій и пертурбацій, которыя переживала Италія. Страннымъ образомъ ни одно изъ сосѣднихъ итальянскихъ княжествъ не покушалось завладѣть Санъ-Марино, и независимость республики подвергалась опасности только одинъ разъ, когда кардиналъ Альберони вздумалъ-было присоединить ее къ папству. Но не такъ то легко было совладать съ маленькимъ рѣшительнымъ народомъ, и когда онъ собралъ именитыхъ гражданъ Санъ-Марино въ церковь и потребовалъ, чтобы они принесли присягу папству, то его встрѣтили громкими криками и возгласами негодованія, въ которыхъ приняло участіе даже все духовенство республики.

Другимъ опаснымъ посѣтителемъ республики былъ Наполеонъ I, открывшій республику во время итальянскаго похода. Но, къ удивленію, Наполеонъ не уничтожилъ ея, а рѣшилъ сохранить, какъ «интересный образчикъ», и даже подарилъ маленькой республикѣ четыре пушки въ награду за ея скромность, такъ какъ жители ея отказались отъ предлагаемаго имъ увеличенія территоріи. Послѣ объединенія Италіи маленькая республика получила окончательное признаніе и ей было обезпечено ея независимое существованіе и всѣ ея прежнія вольности.

Законодательная власть маленькой республики принадлежитъ совѣту, состоящему изъ 60 членовъ, 20 нотаблей, 20 буржуа и 20 земледѣльцевъ, назначаемыхъ пожизненно. Исполнительную власть представляютъ два капитана-регента, вибираемые совѣтомъ на полгода. Одинъ изъ нихъ выбирается изъ крестьянъ, другой же изъ аристократіи, причемъ одинъ изъ нихъ управляетъ только

городомъ, а другой всею остальною территоріей республики. Войско республики состоитъ изъ гвардіи, численностью въ 31 человѣкъ, включая офицеровъ и милиціи, состоящей изъ 950человѣкъ.

Маленькая республика заботится о просвѣщеніи, такъ какъ въ ней есть двѣ школы и коллегія, въ которой устроены каѳедры права, философіи, математики и реторики. Въ Санъ-Марино живетъ врачъ, который считается на службѣ государства; онъ получаетъ жалованье и обязанъ содержать лошадь, чтобы быть готовымъ во всякое время дня и ночи отправиться по первому требованію въ любую часть республики. Врачъ выбирается совѣтомъ только на три года, но по истеченіи этого срока онъ можетъ быть снова избранъ на такой же срокъ и т. д.

Санъ-маринцевъ справедливо можно назвать счастливѣйшимъ народомъ на свѣтѣ, такъ какъ они вполнѣ довольны своею участью, любятъ свои скалы и ни за что не согласятся промѣнять свое независимое существованіе на фиктивное и эфемерное величіе, къ которому такъ стремятся европейскія государства и ради котораго они взваливаютъ на свои плечи часто непосильную тяжесть. Санъ-маринцы выше всего цѣнятъ свою національную независимость и поэтому держатся въ сторонѣ отъ всѣхъ жгучихъ вопросовъ современной политики. Это степенное горное племя, конечно, взираетъ съ нѣкоторою долею презрительнаго сожалѣнія на своихъ соплеменниковъ итальянцевъ, изнемогающихъ подъ тяжестью налоговъ. Санъ-маринцы не испытали ничего подобнаго, они не платятъ налоговъ и не несутъ воинской повинности и ужъ, разумѣется, не промѣняли бы своей участи на участь итальянцевъ, хотя они и отзываются всегда очень восторженно объ объединенной Италіи.

Но долго ли удастся маленькой республикѣ сохранить свою независимость? По счастью, благодаря тому, что туристы крайне рѣдко заглядываютъ туда, ни одному изъ агентствъ до сихъ поръ не пришло въ голову соединить желѣзнодорожною вѣтвью Санъ-Марино съ главною линіей и устроить удешевленныя поѣздки для осмотра этого пережитка старины. Какъ только это будетъ сдѣлано, то Санъ-Марино скоро утратитъ свою оригинальную физіономію и окончательное его присоединеніе къ республикѣ сдѣлается лишь вопросомъ времени, такъ какъ уже теперь въ Римѣ нѣкоторые политики заговариваютъ о томъ, что существованіе этой республики составляетъ не только аномалію въ современномъ государствѣ, но и пятно на единствѣ Италіи, пятно, которое давно уже пора уничтожить.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Revue des Paris».—«Review of Reviews».

Имя первой женщины - инженера во Франціи теперь совсѣмъ позабыто, а между тѣмъ Мартина де-Бержеро, баронесса Босалейль въ XVII вѣкѣ заслуживаетъ чтобы французскіе феминисты вспомнили о ней. «Revue des Revues» разсказываетъ любопытную исторію этой женщины, которая была вовлечена въ занятія инженернымъ искусствомъ различными предпріятіями своего мужа, принадлежащаго къ очень именитой аристократіи изъ Брабанта. Съ нимъ вмѣстѣ Мартина объѣздила въ теченіе тридцати лѣтъ Европу и Америку, единственно занятая только своимъ искусствомъ и вмѣстѣ съ мужемъ открывали рудныя мѣсторожденія и залежи каменнаго угля. Вмѣстѣ съ мужемъ она спускалась въ шахты на большую глубину. Во Франціи Мартина, въ сопровожденіи своего мужа, производила изысканія въ теченіе девяти лѣтъ. Они изслѣдовали южную, центральную и западную Францію и произвели громадныя изы-

сканія въ этихъ областяхъ, при чемъ истратили на это всѣ свои капиталы, надѣясь, что эксплуатація рудниковъ въ будущемъ покроетъ всѣ издержки. Въ этомъ смыслѣ были изданы и королевскіе ордонансы, разрѣшающіе Мартинѣ производить изысканія на свой собственный счетъ, и по предъявленіи документовъ, эксплуатировать найденныя рудныя богатства, съ уплатою государству извѣстной части. Но Мартинѣ пришлось дорого поплатиться за свои занятія. Въ то время, когда она находилась въ Бретани, гдѣ она вмѣстѣ съ мужемъ производила изысканія, въ ея домѣ въ ея отсутствіе былъ произведенъ обыскъ. Провинціальный судья Ля-Тутъ Гриппе захватилъ все ихъ имущество и всѣ инструменты и документы подъ тѣмъ предлогомъ, что супруги Босалейль занимаются магіей и колдовствомъ.

Но Мартина была не такая женщина, чтобы отступить. Она взялась за перо, которымъ умѣла владѣть, несмотря на то, что гораздо чаще держала въ своихъ рукахъ кирку углекопа, нежели письменныя принадлежности, и написила книгу, заключающую въ себѣ горячую апологію своей инженерной дѣятельности. Обращаясь къ могущественному кардиналу Ришелье, она просила его заступничества, приводя безчисленныя доказательства въ пользу того, что открытіе и эксплуатація минныхъ богатствъ могутъ принести государству громадную пользу. Она высказываетъ въ этой книгѣ такіе экономическіе взгляды и соображенія, отъ которыхъ, пожалуй, не отказались бы и наши современные экономисты. Мартина говоритъ, что доходы, получаемые отъ разработки рудниковъ, дадутъ возможность государству уменьшить налоги и въ то же время увеличить свою армію и свой флотъ; тутъ Мартина, очевидно, имѣла въ виду то, что кардиналъ Ришелье носилъ титулъ генералъ-адмирала флота. Далѣе она говоритъ объ уничтоженіи пауперизма, бродяжничества и нищенства, предлагая всѣхъ нищихъ, годныхъ къ военной службѣ, зачислять во флотъ, старики же инвалиды, женщины и дѣти, ведущіе бродяжническій образъ жизни, должны заниматься доступнымъ для нихъ механическимъ трудомъ. Любопытно также, что Мартина совѣтуетъ отправлять въ колоніи обѣднѣвшихъ дворянчиковъ, которые тамъ могутъ посвятить себя разнымъ колоніальнымъ предпріятіямъ, вмѣсто того, чтобы проводить цѣлые дни на охотѣ или заниматься грабежомъ бѣднаго народа. Однако, чтобы достигнуть такихъ результатовъ нужна, разумѣется, спеціальная администрація копей и Мартина предлагаетъ кардиналу свой проектъ такой администраціи.

Къ несчастію для Мартины, все ея краснорѣчіе пропало даромъ. Ея горячая защита дѣла, которому она посвятила всю свою жизнь, не привела ни къ чему. Очевидно, судья Ля-Тутъ Гриппе дѣйствовалъ согласно инструкціямъ всемогущаго кардинала и поэтому Ришелье страшно разсердился, когда прочелъ въ книгѣ фразу, что Ля-Тутъ Гриппе, «захвативъ имущество, прикрылся авторитетомъ короля». «Развѣ же во Франціи могутъ происходить такія вещи?—восклицаетъ Мартина.—Развѣ же могутъ тѣ, кто призванъ совершать правосудіе, первые нарушать его?»

Эта неосторожная фраза окончательно погубила Мартину. Быть можетъ, Ришелье увидѣлъ въ ней обидный для себя намекъ на нѣкоторыя свои собственныя незаконныя дѣйствія и нарушенія правосудія? Такъ или иначе, но Ришелье нашелъ поступокъ Мартины слишкомъ дерзкимъ. Спустя нѣкоторое время послѣ появленія книги Мартина была арестована по обвиненію въ колдовствѣ и заключена въ венсенскую тюрьму. Ея мужъ былъ также заключенъ въ Бастилію, гдѣ и умеръ въ 1645 году; но какая судьба постигла Мартину—неизвѣстно.

Отъ этой первой французской женщины-инженера осталось только одно воспоминаніе ея сочиненій, посвященное кардиналу Ришелье. Эта книга, названная Мартиной «Restitution de Platon», составляетъ въ настоящее время

величайшую библіографическую рѣдкость и по всей вѣроятности единственный ея экземпляръ сохраняется въ національной парижской библіотекѣ.

«Revue de Paris» печатаетъ «Notes sur la vie» («Замѣтки о жизни») Альфонса Додэ. Это большею частью короткія замѣчанія, мысли, брошенныя вскользь, эскизы, сдѣланные мастерскою рукою художника. Никакой связи между этими коротенькими набросками нѣтъ; они заносились на листки записной книжки чисто случайно, подъ вліяніемъ мимолетнаго впечатлѣнія, внезапно родившейся мысли, но въ нихъ уже сказывается талантъ и душа художника. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ, очевидно, были написаны въ мрачное время войны 1870 года и тревожные дни коммуны, но между ними также нѣтъ никакой связи и они представляютъ рядъ отдѣльныхъ картинокъ или моментальныхъ фотографическихъ снимковъ. Несмотря на это, всѣ эти случайные наброски, отрывистыя замѣчанія производятъ на читателя впечатлѣніе и вызываютъ въ его душѣ живые образы. Приводимъ нѣкогорые изъ отрывковъ:

«Приговоренный къ смерти! Какой-то господинъ входитъ въ кафе.—«Я только что пріѣхалъ изъ деревни», говоритъ онъ и вмѣшивается въ разговоръ. Шла рѣчь о приговорѣ военнаго суда, судившаго участниковъ 31-е октября. «А!—восклицаетъ господинъ.—Вы имѣете извѣстія?.. Ну, чѣмъ же кончилось?»—«Трое приговорены къ смерти: Бланки, Флурансъ и еще одинъ».—«Его имя?»—«Такой-то». Господинъ восклицаетъ: «Ба! вѣдь это я!» Нѣсколько минутъ онъ молчитъ въ смущеніи, затѣмъ ударяетъ по столу: «Гарсонъ, кружку пива!..» Однако, онъ не выпилъ этой кружки, пожалъ руки друзей, оглянулся кругомъ и исчезъ въ проходѣ».

* * *

«Генералъ,—его звали генераломъ, этого стараго отставного чиновника, одного изъ первыхъ разстрѣлянныхъ, когда войска вступили въ Парижъ».

* * *

«Хорошъ типъ,—господинъ, ѣхавшій со мною въ вагонѣ, когда я бѣжалъ изъ Парижа, во время коммуны. По мѣрѣ удаленія отъ фортификацій, онъ становился нахальнымъ, дерзкимъ и грознымъ для коммунаровъ; онъ грозилъ всѣхъ ихъ разстрѣлять. Очень любопытно также всеобщее молчаніе въ вагонѣ въ теченіе цѣлой четверти часа и, наконецъ, общій вздохъ облегченія послѣ проѣзда Шуазилеруа».

* * *

«Сцены возмущенія—вступленіе версальцевъ въ Парижъ. Одинъ изъ федералистовъ, ночевавшій въ походномъ госпиталѣ, взбирается на крышу и стрѣляетъ въ перваго нарочнаго, показывающагося на улицѣ. Домъ оцѣпляютъ, женщины, напротивъ, смотрятъ изъ за занавѣсокъ. Что-то бѣлое солдаты спускаютъ внизъ; это федералистъ въ кальсонахъ. Лицо блѣдное, красивый завитой юноша; онъ разстрѣлянъ на углу улицы Бланшъ. Всѣ кокотки смотрятъ на этотъ красивый трупъ».

* * *

«Другая картина: отрядъ плѣнныхъ; его ведутъ егеря по авеню Клиши. Какой-то толстый человѣкъ, настоящій южанинъ, потѣя и задыхаясь, съ трудомъ поспѣваетъ за ними. Два егеря приближаются, привязываютъ повода къ его рукамъ и вокругъ туловища и пускаютъ лошадей галопомъ. Толстякъ хочетъ бѣжать, падаетъ, его тащутъ словно окровавленный кусокъ мяса, издающій хриплый стонъ. Въ толпѣ слышны просьбы о помилованіи: «Лучше разстрѣляйте его!» Одинъ изъ егерей останавливаетъ лошадь, приближается и стрѣляетъ изъ карабина въ кучу мяса, хрипящую и дрыгающую. Но онъ не убитъ... Другой егерь соскакиваетъ съ лошади и посылаетъ въ него другую

пулю. На этотъ разъ удача. Несчастный остается на мѣстѣ, точно огромная, сплюснутая масса».

* * *

«Это ужасно, знать людей и потомъ слышать; «Такой-то разстрѣлянъ!..» Передъ глазами возникаетъ образъ человѣка, представляется искаженіе его лица, его жестъ, когда онъ падаетъ, слышенъ его голосъ»!..

* * *

«Безъ банальнаго воззванія къ милосердію, но во имя нашего собственнаго эгоизма, во имя нашего будущаго спокойствія, не будемъ безжалостны! Иначе это продлится до безконечности!.. Еслибъ вы могли уничтожить всѣхъ этихъ людей до третьяго поколѣнія, но нѣтъ, вы этого не можете. Маратъ морали и порядка еще ужаснѣе... Они говорятъ, что надо убивать, разстрѣливать во имя морали и т. п... Будемъ всѣ трудиться, чтобъ подобныя вещи не повторялись».

* * *

«Тѣ, кто умерли въ теченіе этихъ бурныхъ дней, ушли изъ жизни, какъ уходятъ изъ салоновъ—«à l'anglaise».

Въ такомъ родѣ написаны всѣ эти замѣтки о жизни, производящія впечатлѣніе своею отрывочностью и краткостью. Но Альфонсъ Доде записалъ въ свою записную книгу не однѣ только эти моментальные снимки, запечатлѣвавшіеся въ его душѣ, а также разныя мысли и остроумныя замѣчанія, приходившія ему въ голову, мнѣнія въ двухъ-трехъ словахъ о разныхъ лицахъ, порою скрывающихся подъ иниціалами. Приводимъ нѣсколько замѣчаній Доде: «Я готовъ поклясться, что единственными честными королями во Франціи были короли-тунеядцы. «Nihil fecit,—говорятъ про нихъ біографы.—Еслибъ я былъ королемъ, то желалъ бы, чтобъ про меня могли сказать то же самое».—Злая нѣмка—это взбѣшенная *незабудка* (Une allemande méchante; c'est le *vergiss-meinnicht* enragé).

Американскій журналъ «Review of Reviews» печатаетъ очеркъ, заключающій въ себѣ характеристику президента филиппинской республики и вождя филиппинскихъ инсургентовъ, Агвинальдо, который такъ много насолилъ испанцамъ, а въ данный моментъ причиняетъ столько непріятностей американцамъ. И друзья, и враги одинаково признаютъ выдающійся умъ, абсолютную честность и мужество этого вождя инсургентовъ, но также не отрицаютъ, что онъ честолюбивъ, мстителенъ и часто бываетъ жестокъ. Конечно, янки, не долюбливающіе его, приписываютъ ему и разныя другія непріятныя качества; говорятъ, что онъ хитеръ, тщеславенъ и дерзокъ, однако и они не отвергаютъ, что онъ способенъ выказать величайшее великодушіе и самоотверженіе. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Агвинальдо, выдающійся человѣкъ, но только враги называютъ его величайшимъ изъ малайцевъ въ исторіи, друзья же говорятъ, что онъ вообще одинъ изъ великихъ людей въ исторіи, независимо отъ расы.

Въ жилахъ Агвинальдо течетъ смѣшанная кровь, помѣсь испанской и тагальской крови, такъ что его нельзя считать представителемъ малайской расы. Относительно его происхожденія мнѣнія расходятся: онъ незаконный сынъ тагалки, но отцомъ его одни считаютъ испанскаго генерала, другіе же—іезуита. Четырехъ лѣтъ онъ поступилъ въ услуженіе къ одному іезуитскому священнику въ Кавите. На Филиппинахъ, также какъ и въ Китаѣ, съ такими мальчиками, поступающими въ услуженіе, обращаются не лучше, чѣмъ съ собаками, но Агвинальдо попался хорошій хозяинъ, который не только одѣвалъ и кормилъ его порядочно, что возбуждало зависть сосѣдей, но и училъ его. Агвинальдо оказался примѣрнымъ ученикомъ. Онъ обладалъ самолюбіемъ испанца, способностью быстро схватывать, какою отличаются малайцы, память же у него была,

какъ у китайца, которые въ этомъ спеціальномъ отношеніи одарены лучше всѣхъ другихъ народовъ. Въ пятнадцать лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ Маниллы, гдѣ принялся изучать медицину. Это былъ единственный университетъ во всемъ архипелагѣ и, конечно, онъ находился въ вѣдѣніи католическаго духовенства. Профессора этого университета, іезуиты доктора—Нальда и Бюнтраго, были въ восторгѣ отъ успѣховъ Агвинальдо и его способностей. Но Агвинальдо совершилъ непростительное преступленіе въ бытность свою студентомъ—онъ вступилъ въ массонскій орденъ. Во времена испанскаго господства такой тяжкій проступокъ приводилъ къ тюрьмѣ, пыткѣ и смертной казни.

Въ 1888 году, 18-ти лѣтъ, Агвинальдо имѣлъ первое столкновеніе съ испанскими властями и бѣжалъ въ Гонконгъ, гдѣ ему оказала гостепріимство колонія филиппинскихъ эмигрантовъ. Тамъ же, въ Гонконгѣ, онъ подружился съ офицерами британскаго гарнизона и изучилъ организацію и вооруженіе современныхъ войскъ. Но чтобы лучше ознакомиться съ этимъ, онъ поступилъ въ китайскіе сухопутные и морскіе отряды, обучаемые европейскими инструкторами. Въ то же время онъ поглощалъ всѣ книги, имѣющія отношеніе къ военной исторіи, и очень серьезно принялся за ея изученіе. Но, кромѣ того, онъ стремился также изучить нѣсколько языковъ и, помимо трехъ главныхъ филиппинскихъ нарѣчій, онъ превосходно говоритъ и пишетъ по испански и по англійски, по китайски и по латыни. Въ послѣднее время онъ началъ немного говорить по нѣмецки и по японски.

Послѣ амнистіи онъ вернулся на родину и тамъ скоро завоевалъ себѣ положеніе и выдѣлился своими способностями. Къ своему удовольствію онъ былъ назначенъ командиромъ отряда туземной милиціи и на этомъ посту съумѣлъ пріобрѣсти популярность среди своихъ подчиненныхъ и уваженіе испанскихъ офицеровъ. Но правительство, повидимому, нашло, что онъ пользуется черезчуръ уже большою популярностью и его перевели въ другой округъ и сдѣлали инспекторомъ туземныхъ первоначальныхъ школъ. И въ этой должности онъ снискалъ любовь и довѣріе населенія округа. Съ іезуитами онъ жилъ въ ладу, тѣмъ болѣе, что онъ былъ всегда ревностнымъ католикомъ и считалъ себя обязаннымъ іезуитамъ, какъ своимъ первымъ учителямъ. Но францисканцевъ и доминиканцевъ, которые были настоящими тиранами Филиппинскихъ острововъ, онъ терпѣть не могъ и они отплачивали ему тѣмъ же.

Вспыхнула революція 1896 года, вызванная мѣропріятіями, направленными къ покрытію дефицита послѣднихъ 12-ти лѣтъ. Былъ вновь введенъ въ силу старинный законъ, по которому недоимщики должны были насильственно работать въ пользу монаховъ. Принудительныя мѣры и вымогательства вызвали возмущеніе. Тогда-то на сцену выступилъ извѣстный филиппинскій публицистъ-докторъ Ризаль, громившій испанцевъ въ своихъ памфлетахъ. Ризаль былъ схваченъ испанцами и разстрѣлянъ. Его невѣста, молодая англичанка, его паціентка, обвѣнчалась съ нимъ передъ самою казнью. Впослѣдствіи она сдѣлалась женою Агвинальдо, который поклялся ей отомстить за смерть Разаля и, какъ мы видимъ, сдержалъ свою клятву.

Домашній бытъ американскаго рабочаго.

Образъ жизни американскаго рабочаго,—говоритъ Левассеръ въ своемъ обширномъ трудѣ о жизни и бытѣ рабочихъ въ Америкѣ,—сильно напоминаетъ англичанъ. Утромъ, прежде чѣмъ отправиться на работу, американскій рабочій солидно закусываетъ: это «breakfast». Около полудня ему дается часъ на вторую ѣду, lunch или обѣдъ; вечеромъ, возвратясь къ себѣ, рабочій ужинаетъ — обѣдаетъ въ

своей семьѣ: это главная ѣда и время отдыха, причемъ вся семья находится въ сборѣ. Городъ Филадельфія представилъ, на выставкѣ въ Чикаго, слѣдующее росписаніе дневной пищи рабочаго: на завтракъ (breakfast)—супъ, картофель, яица и мясо; или яица, жареная говядина; или хлѣбъ, масло, картофель; или яица и овсянка; на lunch или обѣдъ: 1) холодное мясо и хлѣбъ; 2) жареное мясо или рагу; картофель; къ ужину: 1) горячее мясо, овощи, пуддингъ; 2) холодное мясо или яица, консервы; 3) горячее мясо, овощи, чай и прочее.

Въ 1891 г. коммиссаръ труда Соединенныхъ Штатовъ представилъ въ «*Сенаторіальный комитетъ цѣнъ и жалованій*» отчетъ о расходахъ 232 рабочихъ семействъ. Средній расходъ на пищу оказывается 262½ доллара (т. е. 525 рублей), или 5 долларовъ въ недѣлю, изъ которыхъ 15,6% на мясо, 11,1% на масло, 10,2% на муку, 6,4% на свинину, 7,2% на разное другое мясо, въ томъ числѣ и на птицу, 6,4% на сахаръ, 5,7 на молоко, 5,3 на кофе, 4.5 на картофель, 1,4 на хлѣбъ, 4,8 на разныя овощи.

Въ Штатѣ Мэнъ, по даннымъ 1889 г., фрукты и овощи, свѣжее мясо, сахаръ, мука, масло и яица занимаютъ первое мѣсто въ бюджетѣ питанія; рыба также часто употребляется въ хозяйствѣ рабочихъ.

Въ числѣ второстепенныхъ пищевыхъ предметовъ не слѣдуетъ забывать и пирожныхъ, до которыхъ американцы и американки очень лакомы, а также конфекты, фрукты, особенно бананы,—послѣдніе очень питательны.

Прибавимъ къ этому еще сухое пирожное (crackers), пуддингъ, мороженое. Если лѣто жаркое, то за ѣдой пьютъ воду со льдомъ. Американцы—народъ, употребляющій сахару больше всѣхъ остальныхъ народовъ въ мірѣ.

Значительнымъ достаткомъ и даже комфортомъ пользуются собственно американскіе рабочіе, которыхъ и жалованье гораздо выше, чѣмъ у рабочихъ-иммигрантовъ: итальянцевъ, нѣмцевъ, ирландцевъ и т. д.; послѣдніе, не особенно избалованные на своей родинѣ, довольствуются меньшимъ жалованьемъ и гораздо меньшими удобствами, считая и это уже великимъ для себя благомъ, сравнительно съ прежнимъ бѣдственнымъ положеніемъ; средняя, однако, минимальная оцѣнка рабочаго дня въ Америкѣ—1 или 2 доллара.

Разумѣется, въ Америкѣ, какъ и вездѣ, живутъ на разныя цѣны и при разныхъ условіяхъ, смотря по роду занятій и числу ртовъ, которые приходится кормить, но общій уровень благосостоянія рабочаго гораздо выше, чѣмъ въ Европѣ, хотя и въ Америкѣ, правда, очень рѣдко, и главнымъ образомъ среди иммигрантовъ, встрѣчаются картины поразительной бѣдности, нетолько съ точки зрѣнія американскаго комфорта, но и безусловно.

У американцевъ—мужъ зарабатываетъ, а жена тратитъ. Чистокровная американка не то, что нѣмка: она не любитъ экономничать. Еще будучи дѣвушкой, она тратила, не задумываясь, большую часть своего заработка на туалеты, а теперь, замужемъ, она и подавно не стѣсняется. Замужняя американка рѣдко ходитъ на работу, особенно на фабрику; она находитъ, что мужъ обязанъ трудиться и на нее, и на дѣтей. Она очень немного занимается хозяйствомъ, очень много своимъ туалетомъ и чтеніемъ. Любитъ посѣщать театры, зрѣлища, разныя гулянья, митинги, въ которыхъ нерѣдко и сама принимаетъ дѣятельное участіе. Она вообще довольно образована и очень начитана, особенно сравнительно со своимъ мужемъ, которому некогда этимъ заниматься. Не въ этомъ ли лежитъ и весь секретъ ея семейнаго вліянія? Вѣдь мужъ не можетъ не сознавать ея умственнаго превосходства. Грубое обращеніе рабочаго со своей женой—вещь въ высшей степени рѣдкая въ Америкѣ.

Американки не умѣютъ хозяйничать. Стоитъ заглянуть въ узенькіе переулочки позади домовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ: туда, въ числѣ сора, выбрасывается каждый день множество остатковъ хлѣба и мяса; а между тѣмъ

если бы хозяйка знала свое дѣло, она могла бы прокормить семью очень дешево; мясо, особено свинина, здѣсь очень недорого, овощи, впрочемъ, не особенно дешевы. Большой стряпни американка также не любитъ: супъ варится очень рѣдко, рагу также; она предпочитаетъ кушанья, не требующія хлопотъ: яичница, ветчина, горячія сосиски, вареный картофель, кусокъ жаренаго мяса, обыкновенно слишкомъ тонко нарѣзаннаго и неумѣло высушеннаго: на столъ все подается въ большомъ количествѣ и накладывается на тарелку очень обильно, а потому все, что остается на тарелкѣ, выбрасывается вонъ.

Американскіе филантропы и педагоги встревожены этимъ явленіемъ и почти всѣ единогласно заявляютъ объ этомъ мотовство пищей. «Нашей странѣ,—говоритъ Аткинсонъ;—необходимо выучиться не пріобрѣтать, но расходовать свой заработокъ». Это мотовство пищи и освѣщенія можно, безъ преувеличенія, оцѣнить въ 5 центовъ въ день на каждое лицо, т. е. 20% всего расхода; къ этому нужно еще прибавить на 2 цента водки и табаку, что все вмѣстѣ составитъ не менѣе 65 милліоновъ долларовъ въ годъ на 13 милліоновъ семействъ въ Соединенныхъ Штатахъ. «Въ расходѣ на пищу замѣчается не только обиліе, но даже расточительность», говорилъ въ 1890 г. Richard Dodge, въ то время начальникъ службы въ министерствѣ земледѣлія, въ своемъ докладѣ въ американскомъ обществѣ покровительства наукамъ. «Всѣ классы общества въ изобиліи ѣдятъ мясо, обыкновенно три раза въ день. Нашъ обѣдъ разнообразится разными рыбами и прекрасными устрицами, знаменитыми и по ту сторону океана». Далѣе онъ замѣчаетъ, не безъ національной гордости, что вода, въ которой американки варятъ мясо и овощи и которую онѣ выливаютъ, могла бы служить для милліоновъ европейскаго населенія питательнымъ веществомъ; въ среднемъ, потребляемаго мяса на каждаго жителя приходится по 175 фунтовъ въ годъ.

Хотя овощи въ Америкѣ не особенно дешевы и не особенно разнообразны, зато фрукты: яблоки, груши, виноградъ, персики, сливы, а также бананы, ананасы и т. д., въ соотвѣтственные сезоны наполняютъ рынки и лавки и продаются дешево.

Американскій рабочій не только хорошо ѣстъ, онъ и одѣвается хорошо. Это происходитъ во-1-хъ вслѣдствіе болѣе высокаго жалованья, которое даетъ возможность и издерживать больше, и во-2-хъ вслѣдствіе глубоко демократическаго духа американскаго рабочаго, а также врожденнаго кокетства женщинъ и дѣвушекъ. Вотъ бюджетъ этого рода расходовъ, составленный въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Rhode Island, три ткача шерсти, получающіе—одинъ 600 долларовъ, другой 575 и третій 525 долл., тратили, первые два—по 100 дол. (200 р.) на одежду, а третій—88 долл. Затѣмъ, еще 2 другіе, у которыхъ было 1.107 и 1.672 доллара дохода, тратили на одежду по 250 долларовъ каждый.

Изъ сообщенія, сдѣланнаго комиссаромъ труда Соединенныхъ Штатовъ въ комитетъ сената видно, что 232 семейства издерживали на одежду по 100,31 доллара каждое при бюджетѣ въ 790 долл., т. д. 12,7%. Изъ этой суммы, т. е. 100,31 д., третья часть приходилась на мужа, болѣе $^1/_4$ на жену и $^2/_5$ на дѣтей.

Холостые въ среднемъ тратятъ, конечно, меньше на платье; это и понятно, такъ какъ съ увеличеніемъ числа дѣтей, растутъ и расходы. Работница, живущая отдѣльно, особенно молодая дѣвушка, тратитъ на эту статью, сравнительно, больше, чѣмъ рабочій; магазинная барышня больше, чѣмъ фабричная работница. Разница эта сама собою понятна.

Какъ сказано выше, американскій рабочій любитъ комфортъ, и не потому, что его привлекаетъ роскошь: онъ не видитъ причины, почему бы ему одѣваться хуже своего патрона, разъ онъ снялъ свое рабочее платье; того же убѣжденія придерживается и его жена. На улицѣ рабочій вовсе не отличается отъ

своего хозяина, а его жена отъ своей хозяйки: у рабочаго такая же круглая шляпа, галстукъ, жакетка, ботинки; если эти предметы иногда отличаются по качеству, то, что касается фасона, они часто бываютъ работы того же магазина, въ которомъ покупаетъ и патронъ.

Жены ихъ тоже стараются сравняться съ буржуазками, хотя имъ это труднѣе удается. Но онѣ, подобно тѣмъ, носятъ шелковыя платья и ленты, шляпки, также обильно отдѣланныя, перчатки, зонтики. «Въ 1893 г., разсказываетъ Левассеръ, я отправился въ «Central park». Еще въ мою первую бытность въ Нью-Іоркѣ я былъ пораженъ изяществомъ дамскихъ туалетовъ и благороднымъ умѣньемъ носить ихъ. Теперь я вновь увидѣлъ тѣ же туалеты, но не находилъ уже того же изящества. Когда я сказалъ объ этомъ сопровождавшему меня лицу: «Развѣ вы не видите,—отвѣтили мнѣ,—что сегодня воскресенье и потому здѣсь почти исключительно прогуливаются фабричныя работницы и служанки и жены рабочихъ». Одинъ англичанинъ, Брайсъ, основательно изучившій американскую жизнь, ошибся точно такимъ же образомъ. Прежде всего его поразило, что въ поѣздѣ ѣхали однѣ только дамы такъ называемаго въ Европѣ средняго класса. «Однако, при болѣе внимательномъ наблюденіи, — говоритъ онъ, — я увидѣлъ, что все это были жены и дочери рабочихъ». Женскій глазъ, пожалуй, сразу замѣтилъ бы разницу, тѣмъ не менѣе, подобныя ошибки знаменательны.

Конечно, всѣ эти костюмы приходится оплачивать. Американки утверждаютъ, что онѣ настолько искусны, что могутъ позволить себѣ это кокетство, не издерживая много; съ этимъ не особенно соглашаются ихъ мужья, хотя и относятся къ этому добродушно, да и статистика констатируетъ большой расходъ на ткацкія издѣлія.

Очень можетъ быть, что желаніе показаться заставляетъ больше заботиться о верхнемъ платьѣ, чѣмъ объ остальныхъ частяхъ одежды. Изъ нѣкоторыхъ бюджетовъ видно, напр., слѣдующее: женщина издерживаетъ 10 дол. на платья и 18 на шали и манто; другая—6,40 на первое и 5,13 на второе, тогда какъ на бѣлье и остальную одежду первая—4,60, а вторая 4,30 дол.

Дѣвушка-американка одѣвается изысканнѣе, чѣмъ замужняя. Это естественное кокетство въ ея возрастѣ, можетъ быть, не всегда безразсчетно: она хочетъ выйти замужъ и знаетъ, что мужа должна пріискивать себѣ сама, а для этого нужно умѣть нравиться. По справкамъ, собраннымъ въ 1891 г., статистическимъ бюро въ Мичиганѣ, можетъ быть, не особенно скромнымъ, 3.487 работницъ заявили, что онѣ носятъ корсетъ, 232 заявили, что ихъ не носятъ, а остальныя отвѣтили, что до этого никому нѣтъ никакого дѣла и касается только ихъ однѣхъ.

Мужья-рабочіе часто жалуются, хотя и безъ горечи, на туалеты своихъ женъ. Такъ, напр., одинъ рабочій въ Филадельфіи, который въ иные дни зарабатывалъ, правда, довольно много, но у котораго было шестеро маленькихъ дѣтей, разсказываетъ автору, что онъ купилъ для своей старшей дочери, дѣвочки лѣтъ тринадцати, шляпку въ $3^1/_2$ дол., и малютка сдѣлала гримасу, находя ее недостаточно красивой.

Въ Соединенныхъ Штатахъ квартира обходится рабочему дорого, это всѣ говорятъ единогласно. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ Америкѣ, въ общемъ, рабочій помѣщается гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ, а многіе изъ нихъ имѣютъ даже свои собственные дома; на постройку послѣднихъ берется, обыкновенно, въ соотвѣтственной рабочей кассѣ болѣе или менѣе долгосрочная ссуда, которая выплачивается безъ особенныхъ затрудненій. Разумѣется цѣны на рабочія квартиры значительно колеблются, смотря по тому, въ городѣ онѣ или въ деревнѣ, живетъ ли рабочій въ большомъ общественномъ домѣ или нанимаетъ особнячокъ. Послѣдній видъ квартиръ вообще предпочитается американцемъ, укотораго сильно

развито чувство личной независимости и который ревностно охраняетъ свой *Home* (домашній очагъ) отъ всякихъ непрошенныхъ вторженій. По справкамъ, собраннымъ въ Бостонѣ въ 1891 г., на 71.665 рабочихъ квартиръ было 1.053 квартиры въ 1 комнату, въ нихъ помѣщалось 2.067 человѣкъ; 5.695 квартиръ въ 2 комнаты; 13.876—въ 3 комнаты; 18.661—въ 4 комнаты (съ населеніемъ въ 77.439 человѣкъ); 13.002—въ 5 ком. и т. д. Въ среднемъ, слѣдуетъ полагать на рабочую квартиру 4 комнаты въ городахъ, предмѣстьяхъ и деревняхъ.

Цѣна рабочихъ квартиръ отъ 5 долларовъ въ мѣсяцъ до 50 д. Лучшей репутаціей въ квартирномъ вопросѣ пользуются: Бюфалло, Клевелендъ, Индіанополь, Балтимора, Филадельфія; здѣсь почти всѣ рабочія семейства живутъ въ отдѣльныхъ, чистенькихъ домахъ, на которые пріятно даже смотрѣть. Въ худшихъ условіяхъ—штатъ Цинцинната, Новый Орлеанъ, Бостонъ и особенно Нью-Іоркъ; въ послѣднемъ рабочія квартиры очень дороги и часто въ анти-гигіеническихъ условіяхъ.

Въ благопріятныхъ квартирныхъ условіяхъ находятся, главнымъ образомъ, собственно американскіе рабочіе, у которыхъ и заработокъ больше, такъ какъ они больше приспособлены къ труду и болѣе умѣлы въ обращеніи съ машинами; да у нихъ и сильнѣе развиты культурныя привычки комфорта и удобствъ вообще. Нельзя того же сказать объ иммигрантахъ за малыми, конечно, исключеніями. Здѣсь часто встрѣчаются картины неприглядной бѣдности и даже нищета со всей ея удручающей неряшливостью.

Въ одномъ изъ кварталовъ St.-Louis, вблизи рѣки, мы видимъ, напр., множество домовъ, сколоченныхъ изъ досокъ, зловонные переулки, цѣлыя кучи нечистотъ, босыхъ дѣтей, грязныхъ и оборванныхъ, и матерей, не менѣе ихъ жалкихъ. Здѣсь живутъ преимущественно польскіе и русскіе евреи. Напротивъ того, въ нѣмецкомъ кварталѣ дома изъ кирпича, чистыя, блестящія окна украшены цвѣтами, женщины и дѣти прилично одѣты.

Холостые работники и работницы часто помѣщаются на хлѣба въ семействахъ женатыхъ рабочихъ. Нѣкоторые же устраиваются въ меблированныхъ комнатахъ—«Lodging» и «Boarding houses». Эти меблированныя комнаты, устраиваемыя иногда хозяевами, т. е. патронами рабочихъ, бываютъ дешевле и лучше содержатся, чѣмъ если ихъ устраиваютъ спекулянты.

Такой патронатъ довольно сильно развитъ въ Америкѣ; особенно нельзя не упомянуть о *Pullman City* — городкѣ Пульмана. Это самый знаменитый и, можетъ быть, самый совершенный типъ учрежденія не только въ Америкѣ, но, вѣроятно, и во всемъ мірѣ.

Пульманъ, создавшій въ Америкѣ, въ 1863 г., производство роскошныхъ вагоновъ (vagons de luxe), устроилъ въ 1880 г. свою фабрику вагоновъ на участкѣ земли въ 500 акровъ, къ югу отъ Чикаго, на берегу озера Калюмель. Участокъ этотъ стоилъ тогда 800.000 долларовъ, а въ 1893 г. цѣна его поднялась до 5 милліоновъ дол. Среди поселенія возвышается фабрика, а мастерскія идутъ каймою вдоль бульваровъ. Въ 1892 г. здѣсь работало 6.324 рабочихъ, $^1/_3$ часть которыхъ жила въ самомъ поселкѣ; общее же число всѣхъ жителей этого городка—14.702. Улицы въ Pullman City или вымощены, или шоссированы, съ широкими тротуарами, усыпанными пескомъ. Какъ улицы, такъ и бульвары, шириною отъ 66—100 футовъ, усажены деревьями и окаймлены дерномъ. Благодаря самой обширности построекъ, Пульманъ могъ производить ихъ экономно, а потому, по его собственному заявленію, онъ можетъ выручать отъ 8—9% на затраченный капиталъ. Дома изъ краснаго кирпича выходятъ окнами на улицу или на бульваръ. Фасадъ состоитъ изъ подвала, rez-de-chaussée, перваго и второго этажей и оканчивается плоской крышей. Позади каждаго дома дворъ, отдѣленный отъ сосѣднихъ дворовъ досчатымъ заборомъ. Ежедневно въ повозкахъ вывозятся нечистоты и сжигаются. Если у кого изъ жильцовъ есть

лошади, то ихъ помѣщаютъ въ конюшняхъ на другомъ концѣ городка. Въ нѣкоторыхъ домахъ по нѣсколько квартиръ. Такія квартиры, не болѣе 12 на каждый домъ, состоятъ изъ 3 или 4 комнатъ и сдаются за 8—9 долларовъ въ мѣсяцъ; лѣстница общая. Въ другихъ домахъ квартиры по 5 комнатъ съ особымъ ходомъ, цѣна 14—16 д. въ мѣсяцъ. Есть 3 дома, по 48 квартиръ въ каждомъ; многія изъ нихъ только въ 2 комнаты, цѣна ихъ—6 д. Воду жильцы получаютъ даромъ (1 кранъ на улицѣ на 4 дома), но за газъ платятъ. Рабочіе охотно селятся въ этихъ домахъ, но только преимущественно иностранные, такъ-какъ американецъ предпочитаетъ домъ-особнякъ.

Есть дома и въ одну квартиру; кирпичный домъ въ 17 и 32 фута, съ садомъ позади сдается за 18 д. въ мѣсяцъ; деревянные домики безъ двора позади: гостиная, 2 комнаты и кухня, сдаются по 9 и даже 6 д. въ мѣс.

Есть тутъ и элегантныя квартиры цѣною до 50 дол. въ мѣс. Всѣ эти цѣны гораздо ниже, чѣмъ въ самомъ Чикаго, но такъ какъ для рабочаго онѣ все-таки высоки, то многія семейства принимаютъ еще пансіонеровъ. Здѣсь нѣтъ ни кабаковъ, ни игорныхъ домовъ. Пульманъ покровительствуетъ устройству клубовъ, физическимъ упражненіямъ, военнымъ и даже тайнымъ обществамъ, но не допускаетъ у себя профессіональныхъ синдикатовъ. Есть здѣсь большой рынокъ съ лавками и магазинами; тутъ и мясная, и булочная, и москательная, фруктовая, и лавка модныхъ товаровъ; торговцы—жильцы Пульмана, самъ онъ не продаетъ ничего, Здѣсь также ссудный банкъ и сберегательная касса, почта, библіотека съ 8.000 томовъ книгъ, основанная на средства владѣльца, очень хорошенькій театръ съ кокетливыми декораціями. Кромѣ того, здѣсь 2 церкви, нѣсколько школъ; больница. Пульманъ признаетъ, что извѣстная роскошь необходима рабочему: болѣе утонченное существованіе скорѣе ведетъ къ намѣченнымъ имъ соціальнымъ цѣлямъ.

Американскій рабочій не только любитъ хорошо поѣсть и одѣться, но усердно заботится также и о меблировкѣ своей квартиры. Въ бѣдныхъ квартиркахъ, въ 1 комнату, а такія составляютъ рѣдкое исключеніе, встрѣчаются, конечно, убогія кровати съ соломеннымъ тюфякомъ, пара стульевъ, столъ и печурка; но настоящій американскій рабочій живетъ не въ такихъ чуланчикахъ; чаще всего его квартира состоитъ изъ зала (parlor), меблированнаго довольно богато: здѣсь не рѣдкость увидѣть рояль, а чаще гармоніумъ, коверъ, столъ съ разложенными на немъ книгами и журналами, библіотеку за стекломъ, кресла и «качалку», диванъ, гравюры, на этажеркахъ и консоляхъ бездѣлушки; въ католическихъ семействахъ изображенія святыхъ; часто швейная машина. Левассеръ, у котораго мы заимствуемъ большую часть свѣдѣній, здѣсь излагаемыхъ, разсказываетъ, что однажды онъ пришелъ въ домъ плотника; его встрѣтила сама хозяйка. Въ столовой, гдѣ былъ накрытъ столъ, и въ смежной съ нею кухнѣ все было безукоризненно чисто; въ гостиной 12-лѣтняя дѣвочка играла на гармоніумѣ; вездѣ стояли шкафы,—наверху три спальныя комнаты, въ которыхъ мебель, хотя и попроще, но далеко не бѣдная. Въ деревнѣ же не рѣдкость встрѣтить у рабочихъ, позади дома, огородъ, домашнюю птицу, корову. Впрочемъ, не слѣдуетъ преувеличивать, замѣчаетъ авторъ: если встрѣчаются чистенькія, кокетливыя хозяйства, то есть также и небрежныя. Комиссаръ труда, въ своемъ изслѣдованіи прядильнаго и стекляннаго промысловъ, говоритъ, что на 5.282 семейства онъ нашелъ, въ бумагопрядильномъ производствѣ 1.765 хозяйствъ въ хорошемъ порядкѣ, 65—среднихъ и 588—плохихъ; въ шерстяномъ производствѣ: 743 хорошихъ хозяйства, 88—плохихъ; въ стекольномъ дѣлѣ 1.033—хорошихъ и 133—плохихъ.

Механическое производство движимости изъ дерева или металла способствуетъ дешевому комфорту, но ведетъ также къ нѣкоторому однообразію въ меблировкѣ. Странствующіе комми распространяютъ эти товары не только по магази-

вамъ, но и среди частныхъ лицъ. Въ магазинахъ масса предметовъ хозяйства по дешевой цѣнѣ. Расхаживая по улицамъ Jersey City, Левассеръ былъ пораженъ и грубостью издѣлій, и ихъ дешевизной: деревянное ведро—11 центовъ; чашка (подражаніе японской)—10 ц.;вызолоченная чашка—5 ц. и т. д. Цѣлый рядъ лавокъ представлялъ какъ бы маленькій парижскій базаръ.

Несмотря на большой наплывъ иностранцевъ, американскому рабочему нечего опасаться ихъ конкурренціи, по крайней мѣрѣ—въ ближайшемъ будущемъ: работы хватитъ на всѣхъ, благодаря усовершенствованному машинному производству, да, къ тому же, много еще пройдетъ времени, пока пришлый рабочій людъ выучится работать по-американски: умѣло, сознательно и производительно съ наименьшей затратой времени и силъ.

Л. Макухина.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Біологія. 1) Парабіозъ у муравьевъ. 2) Запахъ земли.—**Зоологія.** 1) Живучесть нѣкоторыхъ рыбъ. 2) Необычайное изобиліе насѣкомыхъ.—**Ботаника.** Новое примѣненіе кактуса. — **Агрономія.** Великъ ли вредъ, приносимый земледѣлію кротомъ. — **Медицина и гигіена.** 1) Шестидневная велосипедная гонка. 2) Взрывы въ каменноугольныхъ шахтахъ и послѣдствія излишней искусственной вентиляціи. 3) Новый способъ уничтоженія городскихъ отбросовъ и нечистотъ.

Біологія. 1) *Парабіозъ у муравьевъ.* Auguste Forel сообщилъ недавно обществу натуралистовъ Ваадта о любопытномъ способѣ ассоціаціи, наблюдавшемся имъ у нѣкоторыхъ муравьевъ Колумбіи. Есть виды муравьевъ, которые охотно устраиваютъ смѣшанные муравейники; это наблюдается и у нѣкоторыхъ видовъ европейскихъ муравьевъ: часто находятъ смѣшанныя колоніи, занимающія одно и то-же жилище, причемъ галлереи и кладовыя, принадлежащія одному виду, хотя и переплетаются съ ходами и кладовыми, принадлежащими другому виду, однако нигдѣ не сообщаются между собою. Иначе дѣло обстоитъ у нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ Колумбіи. Forel наблюдалъ два различныхъ рода, Dolichoderus и Crematogaster, которые имѣютъ очень различныя привычки и въ то же время живутъ вмѣстѣ въ полномъ единеніи. Часто можно наблюдать, говоритъ Forel, какъ эти два рода муравьевъ бѣгаютъ по одной и той же дорожкѣ и въ полномъ согласіи: дорожка бываетъ иногда узка и насѣкомыя часто встрѣчаются между собою. Но вотъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ гнѣзда дорожка раздѣляется: каждый родъ муравьевъ идетъ къ своимъ спеціальнымъ занятіямъ; одни направляются къ вѣточкамъ, на которыхъ сидятъ тѣ и другія насѣкомыя, другіе—къ растеніямъ съ питательными сокамъ. Обратный путь къ жилищу происходитъ въ такомъ же полномъ порядкѣ. Въ муравейникѣ Crematogaster и Dolichoderus, хотя и занимаютъ отдѣльныя кладовыя и жилыя помѣщенія, такъ что никогда оба рода не живутъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же помѣщеніи, однако жилища ихъ смежны между собою и проходъ изъ жилищъ, принадлежащихъ первымъ, въ жилища, принадлежащія послѣднимъ, вполнѣ свободенъ, ничто также не отдѣляетъ гнѣздъ муравьевъ. Этому роду ассоціаціи Forel далъ названіе *парабіоза*. Нужно замѣтить впрочемъ, что парабіозъ этихъ видовъ не является чѣмъ-нибудь постояннымъ, и Forel наблюдалъ гнѣзда, занятыя исключительно то однимъ, то другимъ родомъ муравьевъ.

2) *Запахъ земли.* Clarke Nuttal приписываетъ всѣмъ извѣстный запахъ свѣже-вспаханной земли присутствію бактерій, находящихся въ землѣ въ цѣлой массѣ колоній. Въ послѣднее время онѣ были изолированы и изучены. Это такъ называемыя Cladothrix Odorifera — безцвѣтныя, если ихъ разсматривать отдѣльно, но имѣющія молочно-бѣлую окраску, если онѣ сгруппированы въ большія колоніи. Онѣ размножаются дѣленіемъ и выдѣляютъ особое вещество, которое улетучивается и даетъ тотъ специфическій запахъ, которымъ обла-

дастъ свѣже-вспаханная земля. Cladothrix odorifera обладаетъ способностью выносить длинные періоды засухи; развитіе ея тогда останавливается, но она остается живою и достаточно появленія влаги, чтобы возвратить ей силы и способность къ дальнѣйшему размноженію. Она обладаетъ также способностью противостоять ядамъ, такъ, напр., сулема не всегда убиваетъ ее. Присутствіе влаги является необходимымъ условіемъ ея активной жизни, вотъ почему, безъ сомнѣнія, запахъ земли въ особенности рѣзко ощутимъ послѣ дождя. Пахучее вещество, выдѣляемое бактеріями, также какъ и вода, испаряется сильнѣе, когда находящіяся подъ поверхностью слои земли будутъ проведены на поверхность и этимъ объясняется болѣе рѣзкій запахъ свѣже-вспаханной земли. (R. scientifique).

Зоологія. 1) *Живучесть нѣкоторыхъ рыбъ.* Нерѣдко приходится констатировать отдѣльные случаи чрезвычайной живучести различныхъ животныхъ видовъ при наступленіи неблагопріятныхъ условій для ихъ существованія. Въ своемъ сочиненіи объ островѣ Цейлонѣ подъ заглавіемъ «Въ странѣ веддасовъ» Emile Deschamps передаетъ очень интересный примѣръ такой необыкновенной живучести. Рисовыя плантаціи, которыми изобилуютъ низменныя мѣстности острова, дающія населенію главное средство пропитанія, нуждаются въ обильномъ орошеніи. Такъ какъ на островѣ дождливое время чередуется съ засухой, то существованіе рисовыхъ плантацій поставлено въ зависимость отъ системы искусственнаго орошенія. Воды рисовыхъ плантацій заключаютъ въ себѣ довольно богатую фауну и нужно à priori предположить, что эти животныя должны обладать особой способностью противостоять неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, въ которыя они часто попадаютъ. Одинъ видъ рыбъ (пока неопредѣленный) обладаетъ, по словамъ наблюдателя, такой способностью сопротивленія неблагопріятнымъ вліяніямъ, которая выходитъ за предѣлы обыкновенной: это выражается въ способности рыбы жить безъ воды достаточно долгое время. Живучесть рыбы доходитъ до маловѣроятныхъ предѣловъ: нѣкоторые экземпляры, помѣщенные въ 60° алкоголь, выживали около получаса. Выставленныя на тарелкѣ подъ прямымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, онѣ не такъ легко погибаютъ, какъ многіе другіе виды. Помѣщенныя на землѣ, онѣ безпрестанно движутся и, постепенно перемѣщаясь, часто находятъ струйку влаги, слѣдуя по которой, онѣ, наконецъ, добираются до безопаснаго мѣста. Пробовали держать ихъ безъ воды въ теченіе 24 часовъ: въ концѣ этого времени оказалось, что на пять рыбъ четыре были еще живы. Эти животныя обладаютъ также, повидимому, особымъ чутьемъ, которое указываетъ имъ, гдѣ находится наиболѣе близкая вода, такъ какъ при движеніи по землѣ они всегда направляются къ мѣстамъ, гдѣ есть вода. Мы говоримъ «повидимому», такъ какъ объясненіе можетъ оказаться и невѣрнымъ; дѣло въ томъ, что направленіе передвиженія можетъ зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ, напр., отъ наклона мѣстности.

Живучесть этихъ рыбъ видна также изъ того, что онѣ способны проводить достаточно долгое время - отъ времени сбора риса до новаго посѣва—въ низинахъ рисовыхъ плантацій въ грязи, оставшейся влажною, и не погибаютъ въ ней. Было бы очень интересно поближе изучить этихъ рыбъ, чтобы опредѣлить, чему онѣ обязаны такою живучестью и изучить устройство органовъ, которое должно играть важную роль въ этомъ свойствѣ.

2) *Необычайное изобиліе насѣкомыхъ.* Почти не проходитъ года, чтобы въ какой-либо мѣстности не пришлось наблюдать чрезвычайнаго множества того или иного вида насѣкомыхъ. Трудно съ точностью опредѣлить причину этого явленія; для этого нужно было бы болѣе близкое знакомство съ внѣшними агентами, способными воздѣйствовать на эволюціи жизненнаго цикла этихъ насѣкомыхъ. Во всякомъ случаѣ, если мы даже не можемъ дать удовлетвори-

тельнаго объясненія явленію, оно интересно само по себѣ. Кепуеп сообщаетъ въ «Science» недавній фактъ такого рода; ему пришлось наблюдать въ Канзасѣ, въ октябрѣ истекшаго года, необычайное множество бабочекъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ виду Anosia plexippus. Количество бабочекъ было такъ велико, что нельзя было работать внѣ закрытыхъ помѣщеній; въ одномъ мѣстѣ бабочки опустились въ такомъ количествѣ на полотно желѣзной дороги, что подошедшій поѣздъ остановился: раздавленныя бабочки сдѣлали рельсы настолько скользкими, что колеса скользили по нимъ. Подобный фактъ не является, впрочемъ, единичнымъ: тотъ же наблюдатель разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ массоваго перелета бабочекъ въ Небраскѣ въ 1885 году; бабочки лѣнивымъ полетомъ направлялись съ сѣвера на югъ. Другой разъ масса насѣкомыхъ опустилась на городъ Линкольнъ (Небраска): направляясь на свѣтъ, они ударялись о стекла освѣщенныхъ домовъ и общественныхъ экипажей. Число ихъ было такъ велико, что ударъ ихъ тѣлъ о стекла трамваевъ производилъ впечатлѣніе паденія града. Воздухъ былъ буквально переполненъ ими. На перекресткахъ нѣкоторыхъ улицъ, гдѣ помѣщались электрическіе фонари, насѣкомыя, ударяясь о лампы, падали на землю и скопились въ такомъ количествѣ, что представляли серьезное неудобство для прохожихъ.

Ботаника. *Новое примѣненіе кактуса.* Roland-Gosselincообщаетъ въ «Bulletin de la Société d'acclimatation» нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о новомъ примѣненіи, которое нашелъ кактусъ на югѣ Франціи. Оно заключается въ томъ, что живою изгородью изъ опунцій окружаютъ искусственныя плантаціи хвойныхъ деревьевъ съ цѣлью уменьшить шансы истребленія такихъ плантацій пожарами; особенно часты такія опустошенія въ Ландахъ, гдѣ въ послѣднее время широко примѣнялось искусственное облѣсеніе. Дѣйствительно, опунція является до нѣкоторой степени несгораемою: вслѣдствіе значительнаго количества воды, наполняющей ея ткани, она не загорается и пожаръ травы и кустарниковъ, встрѣтившій на своемъ пути изгородь изъ опунцій, останавливается въ своемъ движеніи впередъ, не будучи въ состояніи проникнуть черезъ нее; травы и кустарники, растущіе по другую сторону изгороди остаются невредимыми.

Авторъ сообщенія былъ свидѣтелемъ одного большаго лѣсного пожара на югѣ Франціи, причемъ онъ обратилъ особенное вниманіе на опунціи; оказалось, что пожаръ пощадилъ ихъ, что онѣ сравнительно легко перенесли жаръ и быстро оправились отъ понесенныхъ поврежденій: восемь дней спустя онѣ уже давали новые побѣги и новые бутоны начинали распускаться, тогда какъ ни одно изъ растеній на обгорѣвшей почвѣ не обнаруживало признаковъ жизни. На основаніи этихъ наблюденій Rolland-Gosselin приходитъ къ выводу, что въ странахъ, гдѣ опунція можетъ произрастать, слѣдовало бы устраивать живыя изгороди изъ этого растенія въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ; устроивъ ряды параллельныхъ и перпендикулярныхъ посадокъ опунціи, можно раздѣлить лѣса на участки и такимъ образомъ воспрепятствовать распространенію пожара на большіе лѣсные участки: огонь уничтожилъ бы въ такихъ условіяхъ лишь ограниченный участокъ лѣса. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно бы даже попытаться акклиматизировать обыкновенные виды опунціи и искусственно культивировать ее, такъ какъ она можетъ оказать громадныя услуги. («Revue scientique»).

Агрономія. *Великъ ли вредъ, приносимый земледѣлію кротомъ?* H. Wilson много занимался вопросомъ: въ какой мѣрѣ кротъ или различные виды этого животнаго могутъ быть признаны врагами земледѣлія? Для рѣшенія вопроса онъ занялся прежде всего разсмотрѣніемъ того, что составляетъ главную и обыкновенную пищу крота; съ этой цѣлью онъ произвелъ вскрытіе нѣсколькихъ кротовъ, чтобы посмотрѣть, чѣмъ наполненъ ихъ желудокъ, такъ какъ

было бы крайне трудно слѣдить за кротомъ цѣлый день и наблюдать за тѣмъ, что онъ ѣстъ и чего не ѣстъ. Изслѣдовавъ содержимое желудка тридцати шести кротовъ, Wilson пришелъ къ тому общему и важному заключенію, что если въ желудкѣ крота и попадается небольшое количество растительной пищи, то ея бываетъ очень мало и попадаетъ она въ желудокъ крота скорѣе по необходимости, чѣмъ по склонности животнаго къ растительной пищѣ. Такъ какъ кротъ роетъ свои жилища въ поверхностныхъ слояхъ почвы, ему поневолѣ приходится перегрызать корни злаковъ и другихъ культурныхъ растеній; точно также, схватывая свою добычу, которая стремится убѣжать, онъ не можетъ избѣгнуть того, чтобы вмѣстѣ съ нею не захватить мелкихъ корней растеній, которые заодно съ добычей и попадаютъ въ его желудокъ; но это дѣйствіе случайное и невольное. Въ дѣйствительности кротъ является животнымъ насѣкомоядным и лишь отыскивая насѣкомыхъ, живущихъ въ землѣ, и ихъ личинки, онъ по пути повреждаетъ нѣкоторые корешки. Тѣмъ не менѣе, кротъ до извѣстной степени вреденъ, если не для земледѣлія, то для садоводства. Съ другой стороны, несомнѣнно установлено, что другія мелкія млекопитающія пользуются галлереями крота и забираются въ нихъ для добычи пищи. Между ними есть травоядныя и вотъ они-то и поѣдаютъ обнаженные кротами корни. Такъ, въ Соединенныхъ Штатахъ серьезныя опустошенія производитъ животное, извѣстное подъ названіемъ Arvicola riparia. Въ началѣ сезона это маленькое млекопитающее устраиваетъ себѣ гнѣздо въ травѣ, но позже, когда скотъ уничтожитъ траву, оно забирается въ галлереи, вырытыя кротомъ, и тамъ производитъ сильныя поврежденія корней, которыя съ перваго взгляда можно было приписать кроту; но послѣдній въ нихъ неповиненъ. Кротъ—животное насѣкомоядное. Его слѣдовало бы скорѣе защищать, такъ какъ, въ свою очередь, онъ защищаетъ посѣвы отъ червей вредныхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ.

Медицина и гигіена. 1) *Шестидневная велосипедная гонка.* «Médecine moderne» сообщаетъ о нѣкоторыхъ болѣзненныхъ явленіяхъ, наблюдавшихся у участниковъ шестисуточной велосипедной гонки. Всѣ такія явленія были неизбѣжнымъ результатомъ анэміи мозга и нарушенія правильнаго питанія нервной системы, какъ послѣдствія переутомленія и истощенія отъ присутствія въ крови излишка продуктовъ мускульнаго утомленія.

Анэмія мозга была наиболѣе частымъ симптомомъ, легче всего поддававшимся діагнозу. Она являлась обыкновеннымъ слѣдствіемъ начинавшагося упадка сердечной дѣятельности. Какъ только появлялись первые признаки такой анэміи, врачи заставляли участниковъ бѣга бросить состязаніе, если они не желали оставить бѣга при наступленіи симптомовъ болѣзненнаго состоянія.

Однако, нѣкоторые изъ конкуррентовъ обнаружили совершенно необычайную неутомимость. Одинъ изъ нихъ по окончаніи бѣга изъявилъ готовность начать состязаніе снова на слѣдующій день. И дѣйствительно, изслѣдованіе его физическаго состоянія не обнаружило никакой ненормальности его здоровья, такъ что ничто не препятствовало бы продолженію бѣга.

Побѣдитель состязанія также находился въ удовлетворительномъ состояніи послѣ пройденнаго разстоянія въ 2.000 миль. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что въ теченіе всѣхъ шести сутокъ онъ принималъ минимальное количество животной пищи: онъ питался почти исключительно овощами, плодами, яйцами и жидкостями. Онъ не принималъ никакихъ возбуждающихъ средствъ и въ теченіе ста сорока четырехъ часовъ спалъ всего лишь девять часовъ съ четвертью.

2) *Взрывы въ каменноугольныхъ шахтахъ и послѣдствія излишка искусственной вентиляціи.* Въ замѣткѣ, напечатанной въ «Revue universelle des Mines» F. Büttgenbach разсматриваетъ причины страшнаго взрыва въ каменноугольныхъ копяхъ въ Вестфаліи. Во время этого несчастія погибло 120 ра-

бочихъ, находившихся во время взрыва болѣе чѣмъ на 1.000 метровъ отъ мѣста взрыва, притомъ въ этажахъ, расположенныхъ на 200 метровъ выше этого пункта. Авторъ сопоставляетъ этотъ несчастный случай съ недавними изслѣдованіями Гальдана, который установилъ, что асфиксія можетъ быть произведена окисью углерода, подмѣшаннаго къ воздуху въ количествѣ 1,8%; такого количества окиси углерода достаточно, чтобы въ 8 минутъ произвести обморокъ и смерть въ 30, 40 минутъ.

Основываясь на этихъ выводахъ, Бюттгенбахъ приписываетъ недавнюю катастрофу въ Вестфаліи дѣйствію окиси углерода, образовавшейся вслѣдствіе сгоранія находившейся въ воздухѣ шахты мелкой каменноугольной пыли, которая загорѣлась отъ взрыва газа въ шахтѣ. Пыль же была быстро разнесена по всѣмъ галлереямъ дѣйствіемъ энергичной искусственной вентиляціи, которая практиковалась въ копи. При наличности печальныхъ результатовъ такого положенія дѣла, авторъ останавливается надъ вопросомъ: гдѣ же граница, которую не слѣдуетъ переходить при устройствѣ искусственной вентиляціи. Въ свое время Köhler рекомендовалъ какъ средство противъ несчастныхъ случаевъ въ такихъ обстоятельствахъ, немедленное снабженіе всѣхъ галлерей кислородомъ, но Бюттгенбахъ сомнѣвается въ практической пригодности этой мѣры. Практикуемая въ Германіи поливка галлерей съ цѣлью уменьшить способность пыли къ воспламенѣнію точно также, по его мнѣнію, не достигаетъ цѣли.

3) *Новый способъ уничтоженія городскихъ отбросовъ и нечистотъ.* Задача уничтоженія отбросовъ въ большихъ городахъ является одною изъ наиболѣе трудныхъ заботъ, стоящихъ передъ городскимъ управленіемъ, если оно заинтересовано гигіеной и вопросами общей экономіи.

Какъ уничтожать отбросы? Научное разрѣшеніе вопроса можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: нужно закончить циклъ химическихъ и біологическихъ реакцій и процессовъ, одною изъ стадій котораго является поддержаніе человѣческаго организма.

Для жидкихъ и полужидкихъ нечистотъ задача получила, наконецъ, окончательное рѣшеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ни одна часть всѣхъ канализаціонной системы (égouts) Парижа не будетъ направляться въ Сену, какъ это практиковалось до сихъ поръ; всѣ эти воды будутъ направляться на особо для этой цѣли отведенныя поля, которыя достаточно велики, чтобы очистить ихъ. Если бы, однако, оказалось, что поля недостаточно велики для того, чтобы вполнѣ утилизировать всѣ удобряющіе элементы, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что поливка удобряющими водами распространится и на поля частныхъ владѣльцевъ, и такимъ образомъ будетъ гарантирована полная утилизація одобреній.

Труднѣе задача уничтоженія твердыхъ отбросовъ. Она разрѣшалась различно. Обыкновенно, на спеціально для этой цѣли предназначенныхъ участкахъ земли складывались мусорныя кучки различной величины и въ этихъ кучахъ оканчивались процессы броженія. Но этотъ способъ представляетъ много неудобствъ: зараженіе воздуха скернымъ запахомъ, потеря азота и части каліевыхъ солей, засореніе полей медленно разлагающимся, недѣятельнымъ матеріаломъ—вотъ послѣдствія такого способа уничтоженія отбросовъ. Сожиганіе отбросовъ, широко практикующееся въ Англіи, предпочтительнѣе съ гигіенической точки зрѣнія, но оно очень дорого и оставляетъ массу инертнаго пепла, который скоро представилъ бы серьезныя неудобства. Наконецъ, сожиганіе имѣетъ еще болѣе худую сторону, такъ какъ оно уничтожаетъ всѣ органическіе элементы, которые подъ названіемъ гумуса идутъ на питаніе растеній; почвы окрестностей Парижа, въ частности, очень бѣдны гумусомъ и сожиганіе этого драгоцѣннаго элемента въ такихъ условіяхъ является серьезной потерей. Обработка паромъ подъ давленіемъ, заимствованная у американцевъ, страдаетъ тѣмъ же главнымъ недостаткомъ: она разрушаетъ гумусъ. Съ точки зрѣнія гигіены она тоже не

вполнѣ выдерживаетъ критику, такъ какъ при этомъ распространяется скверный запахъ. Д ръ J. Pioger нашелъ и послѣ долгихъ практическихъ опытовъ далъ простое и полное разрѣшеніе трудной задачи. Онъ соорудилъ очень простую и удобную машину для измельченія твердыхъ отбросовъ. Послѣдніе выходятъ изъ нея въ видѣ порошка, состоящаго изъ крупныхъ зеренъ, и поступаютъ прямо въ вагонъ, который долженъ увезти отбросы на мѣсто ихъ потребленія. Этотъ способъ имѣетъ то громадное преимущество, что при немъ ничто не пропадаетъ, такъ какъ ферментація отбросовъ начинается лишь черезъ два дня и начинается уже на поляхъ для ихъ же пользы. Чрезвычайная простота труда, требующаго лишь двигательной машины и машины для измельченія, дѣлаетъ его въ высшей степени экономнымъ. Продуктъ является въ чрезвычайно удобной формѣ для перевозки и для равномѣрнаго разбрасыванія по поверхности удобряемаго поля. Зимою земледѣлецъ безъ неудобствъ можетъ запастись матеріаломъ; процессы броженія въ это время сильно замедлены или даже почти прекращаются. Чтобы предохранить себя отъ выдѣленія сквернаго запаха, достаточно покрыть кучи тонкимъ слоемъ гипса или извести. Итакъ, мы видимъ, что при способѣ, предложенномъ J. Pioger'омъ теоретическій циклъ химическихъ и біологическихъ реакцій доведенъ до своего минимума и является вполнѣ законченнымъ. На практикѣ, къ тому же, онъ явится наиболѣе дешевымъ и выгоднымъ.

Новая задача, поставленная на разрѣшеніе насущной потребностью соціальной жизни, такимъ образомъ, еще разъ разрѣшена съ помощью науки и практики—единеніе необходимое для того, чтобы разрѣшеніе такихъ задачъ могло явиться раціональнымъ и полезнымъ для человѣчества. («R. générale des sciences»).

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Антропологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература*: Изъ западной культуры. «Schicksatsmensch». Ив. Иванова.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Н. Потапенко. «Повѣсти и разсказы».—*А. Вербицкая.* «Сны жизни», разсказы.

И. Н. Потапенко. Повѣсти и разсказы. Т. XII. Ц 1 р. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Врядъ ли кому изъ беллетристовъ доставалось столько отъ критиковъ и рецензентовъ, какъ г-ну Потапенкѣ, за его, будто бы много-и скорописаніе. Двѣнадцатый томъ повѣстей и разсказовъ—развѣ жъ это не много, когда произведенія лучшихъ нашихъ современныхъ писателей укладываются въ два, три томика? Съ этимъ мы никакъ согласиться не можемъ. Ни въ чемъ, быть можетъ, не сказывается больше русская «непроизводительность», та «improductivité slave», которая вошла въ пословицу на Западѣ, какъ въ работѣ нашихъ художниковъ послѣдняго времени, и только поэтому-то написанные г. Потапенкой двѣнадцать томиковъ въ теченіе почти 20 лѣтъ кажутся чѣмъ-то прямо невѣроятнымъ. Но если сравнить эту художественную работу съ продуктивностью большихъ художниковъ западно-европейской литературы, она покажется вполнѣ умѣренной. Да и вообще, это странное отношеніе къ писателю—измѣрять его достоинство количествомъ имъ написаннаго. Большая часть русскихъ писателей, дѣйствительно, крайне непроизводительны. По большей части, это люди порыва, и для длительной плодотворной работы, за рѣдкими исключеніями, они просто неспособны. Напишетъ человѣкъ смаху одну, двѣ вещи, сразу выскажется весь безъ остатка—и надолго, а нерѣдко и навсегда—замолкнетъ. Неумѣнье русскаго человѣка работать вообще, его склонность къ созерцательной лѣни и врожденное отвращеніе къ непрерывно-дѣятельной жизни—отразилась и въ литературѣ, гдѣ даже выработалась особая, оправдывающая эту лѣнь теорія, согласно которой таланты не нуждаются въ работѣ. Они должны все брать съ налету, создавать не трудясь и пожинать лавры, не вѣдая мукъ труда творчества, который, какъ и всякій трудъ, есть тяжкій и мучительный долгъ. Отсюда эта неспособность русскаго писателя работать изо дня въ день, сосредоточиваться на этой работѣ и хотя медленно, но съ каждымъ шагомъ подвигаться впередъ, совершенствуясь въ техникѣ, расширяя и углубляя содержаніе своего таланта.

И. Н. Потапенко составляетъ счастливое исключеніе въ смыслѣ рабочей способности и трудовой бодрости, что̀ вмѣстѣ съ его талантомъ, котораго не отрицаютъ въ немъ даже наиболѣе придирчивые критики, дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ живыхъ и занимательныхъ беллетристовъ. Обладая тѣмъ особымъ достоинствомъ, которое такъ цѣнилъ въ художникѣ Тургеневъ—выдумкой, г. Потапенко никогда не повторяется, всегда умѣетъ выбрать интересную и жи-

вую тему и привлечь къ ней вниманіе читателя. Между многочисленными его произведеніями есть, конечно, вещи различнаго достоинства, но ни одной нельзя отказать въ интересѣ и жизненности. Бодрость и живость—вотъ двѣ отличительныя черты его таланта, которыми онъ больше всего подкупаетъ читателя. Одинъ изъ своихъ романовъ онъ назвалъ «Живая жизнь», и намъ кажется, что эти слова могутъ служить общей характеристикой его художественнаго творчества. Именно живая жизнь во всей безконечности ея проявленій служитъ ему неисчерпаемымъ источникомъ, жизнь ко всѣмъ проявленіямъ которой онъ относится съ одинаковой любовью и интересомъ, будетъ ли то бѣдная, захудалая, такая однообразная по внѣшности жизнь нашего сельскаго духовенства, такъ прекрасно изображенная имъ въ рядѣ повѣстей и чудесныхъ очерковъ, или жизнь интеллигентной среды, мятущаяся и волнующаяся, безпокойная и лишенная того центра, который вырабатывается только долгой и стойкой культурой, или наша молодежъ, всегда стремительная, спѣшно живущая, жадная къ новымъ впечатлѣніямъ и новымъ ученіямъ, или низшая городская среда, ютящаяся на задворкахъ городской культуры. За это разнообразіе его темъ и живое, не мучительно-выдуманное отношеніе къ нимъ его нерѣдко упрекали въ безпринципности,—упрекъ, по нашему мнѣнію, равно несправедливый и неосновательный. Г. Потапенко, дѣйствительно, писатель не тенденціозный, не подгоняющій свои сюжеты къ заранѣе выбранному шаблону, къ опредѣленному направленію разъ и навсегда избранному писателемъ. Но вы всегда ясно видите и чувствуете, гдѣ симпатія автора, что живѣе заставляетъ биться его сердце и вызываетъ въ немъ гнѣвъ или негодованіе. Въ немъ нѣтъ безстрастнаго равнодушія, хотя, какъ истый художникъ, онъ никогда не подчеркиваетъ, находя вполнѣ справедливо излишнимъ дѣлить своихъ героевъ на праведныхъ и козлищъ, представляя этотъ судъ уму и сердцу читателя.

Переходя къ двѣнадцатому тому, мы должны отмѣтить и недостатки г. Потапенки, заключающіеся, главнымъ образомъ, въ торопливости его работы, въ недостаточной отдѣланности и продуманности его произведеній, которыя всегда хорошо задуманы, но далеко не всегда доведены до конца съ надлежащимъ вниманіемъ. Такъ, въ этомъ томѣ есть двѣ вещи—«Уставъ» и «Двѣ полосы», очень интересныя по темѣ, но, что̀ называется, скомканныя до послѣдней степени. «Уставъ» названъ даже повѣстью, хотя всѣ лица въ ней чуть-чуть лишь намѣчены. Между тѣмъ, одинъ характеръ, хотя бы чиновника Похожева, умнаго, дѣльнаго и ученаго магистра, промѣнявшаго каѳедру на бойкую бюрократическую карьеру и томящагося пустотой и безцѣльностью своей работы въ канцелярскихъ нѣдрахъ, гдѣ весь его умъ и наука уходятъ въ упорядоченіе ничтожныхъ дѣлъ, нисколько не увлекающихъ его,—это такой современный типъ, который могъ бы послужить для цѣлаго романа. Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно «эпизода изъ недавняго прошлаго», какъ названъ разсказъ «Двѣ полосы», въ которомъ авторъ коснулся очень интересной темы. Разсказана исторія одного фиктивнаго брака, но именно только «разсказана»: въ повѣсти нѣтъ дѣйствія, мы не видимъ героевъ, не слышимъ ихъ рѣчей—за нихъ дѣйствуетъ и говоритъ авторъ, торопливо, скороговоркой, словно куда-то спѣшитъ, лишь бы скорѣе покончить съ надоѣвшей ему исторіей. Авторъ какъ-будто нарочно портитъ то, что̀ при обработкѣ могло бы дать одинъ изъ интереснѣйшихъ романовъ, какіе въ недавнемъ прошломъ очень нерѣдко разыгрывались въ жизни нашей воинствующей интеллигенціи.

Двѣ другихъ вещи—«Мужицкая канитель» и «Сфинксъ»—уже совсѣмъ въ иномъ родѣ. Это наблюденія надъ жизнью деревни, написанныя просто и живо, въ особенности «Мужицкая канитель», содержаніемъ которой служатъ сцены въ волостномъ судѣ, гдѣ предъ нами проходятъ деревенскіе типы и раскрываются разные характерные случаи крестьянской жизни. «Сфинксъ»—разсказъ

изъ жизни интеллигента, попавшаго на лѣто въ деревню, куда онъ привозитъ съ собой и готовый, заимствованный изъ книги взглядъ на крестьянство, которое оказывается въ дѣйствительности сфинксомъ, мудреной загадкой, такъ и не поддавшейся рѣшенію заѣзжаго горожанина. Изъ деревни онъ увозитъ одну только для него незыблемую истину, что народъ просто-на-просто изголодался и что его прежде всего «кормить надо». Написаны и «Мужицкая канитель», и «Сфинсъ» живо и интересно и, какъ все, что касается жизни современной деревни, заслуживаютъ вниманія.

А. Вербицкая. Сны жизни. Разсказы. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. Непонятно и странно, почему авторъ назвалъ сборникъ своихъ разсказовъ «Сны жизни», когда существенное достоинство ихъ заключается именно въ реальности содержанія. Такое вычурное и по существу неясное заглавіе можетъ ввести многихъ въ заблужденіе, что во всякомъ случаѣ не въ интересахъ автора. Сборникъ заключаетъ семь разсказовъ, не одинаковаго, конечно, достоинства, но всѣ вполнѣ заимствованы изъ дѣйствительности, которую съ большимъ или меньшимъ талантомъ пытается воспроизвести г-жа Вербицкая. Каждый изъ нихъ даетъ картинку жизни, хорошо обдуманную и въ общемъ умѣло нарисованную, написанную въ задушевномъ, хотя мѣстами и приподнятомъ тонѣ, что не всегда отвѣчаетъ содержанію. Лучшихъ два очерка—«Пробужденіе» и «Элегія», впрочемъ, свободны отъ этого недостатка, дающаго себя чувствовать сильнѣе всего въ разсказѣ «Репетиторъ». Это одна изъ обычныхъ, къ сожалѣнію, у насъ исторій бѣдственной жизни бѣдняка студента, всѣми силами выбивающагося къ жизни изъ путъ горькой нищеты, тормозящихъ всѣ его порывы. Но какъ ни горька сама по себѣ такая жизнь, все же возводить ее чуть не въ трагедію значитъ неумѣло подходить къ факту, давая ему ложное освѣщеніе и въ то же время, вмѣсто сочувствія, вызывая въ читателѣ легкую и неумѣстную насмѣшку надъ злополучнымъ героемъ. Справедливо, много хорошихъ силъ пропадаетъ у насъ также, какъ и этотъ бѣднякъ репетиторъ. Но задача художника не въ томъ, чтобы ахать и охать по этому случаю, а заставить насъ пережить и прочувствовать эту разбитую жизнь, представивъ ее во всей художественной правдивости и простотѣ.

Тамъ, гдѣ авторъ не взвинчиваетъ себя и остается вѣрнымъ правдѣ, не выходя изъ рамокъ сюжета, ему это почти всегда удается. Таковъ очеркъ «Элегія», написанный дѣйствительно хорошо и задушевно. Выведенныя двѣ противоположныя натуры—черствaго эгоиста, не понимающаго ничего, что прямо и непосредственно его не касается, и простой, но доброй и чуткой дѣвушки-учительницы, любящей свое дѣло,—очерчены просто и даже ярко. Очень хорошъ также разсказъ—«Одна», въ которомъ сильно и живо представлена опять эгоистическая натура, готовая принести въ жертву весь міръ своему «я», съ ненавистью отворачивающаяся отъ всего, что не мирится съ такимъ чудовищнымъ себялюбіемъ, Два разсказа «Ночью» и «Поздно» написаны на одну и ту же тему—печальнаго сознанія, что жизнь кончена и впереди остается будничное, не скрашенное живымъ чувствомъ существованіе. Оба разсказа нѣсколько испорчены шаблонностью обработки: «онъ» и «она» начинаютъ ныть въ одну и ту же ноту и, правду сказать, не вызываютъ особаго сочувствія. Не видно, почему эта жизнь, какъ они сами ее себѣ устроили, не дала имъ того, что имъ хотѣлось бы у нея взять. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что эта унылая нотка звучитъ вообще во всемъ сборникѣ, дѣлая его нѣсколько монотоннымъ, по преобладающему въ разсказахъ настроенію неудовлетворенности и тоски жизни. Конечно, такое настроеніе вполнѣ законно и не мѣшаетъ художественности впечатлѣнія, но когда всѣ очерки имъ проникнуты, то получается въ общемъ избытокъ тоскливаго ощущенія и нѣкоторое досадливое ощущеніе безцѣльнаго нытья. Отъ этого настроенія вполнѣ свободенъ только раз-

сказъ «Пробужденіе», правда, тоже не веселый по сюжету, но въ которомъ чувствуется бодрое вѣяніе молодой и готовой къ житейской борьбѣ любви, съ радостью идущей на встрѣчу суровымъ задачамъ жизни. Это бодрящее настроеніе отразилось и на внѣшности очерка, написаннаго сжато, безъ лишнихъ словъ и деталей, подчеркиваній и утомительной растянутости, что даетъ себя чувствовать въ большинствѣ произведеній г-жи Вербицкой.

Общее, однако, впечатлѣніе, какое выносишь изъ настоящаго сборника, все же въ пользу автора, котораго выгодно выдѣляетъ его горячее сочувствіе ко всему живому и страждущему, его умѣнье обрисовать темныя стороны изображаемой имъ жизни и передать свое настроеніе читателю. Несомнѣннымъ также достоинствомъ является хорошій языкъ, какимъ написаны разсказы, хотя ему и не достаетъ пластической образности и яркости въ описаніяхъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Мижуевъ. «Очеркъ развитія средняго образованія въ Англіи».—*Г. Лихтенбергъ.* «Афоризмы».

П. Г. Мижуевъ. Очерки развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Ц. 80 к. Изд. ред. журнала «Русская Школа». 1898 г. Вопросъ о необходимости реформы нашей средней школы, преобразованной въ 70-хъ годахъ, настолько назрѣлъ въ настоящее время, что даже самые ярые сторонники реформы гр. Д. А. Толстого признаютъ его и если продолжаютъ отстаивать классическую систему, какъ таковую, все же соглашаются, что въ своемъ современномъ видѣ она не отвѣчаетъ запросамъ времени. Любопытно и полезно поэтому ознакомленіе съ постановкой средней школы въ другихъ странахъ, опытъ которыхъ, болѣе длительный и болѣе разумно обставленный, даетъ хорошій матеріалъ для сравненія и выводовъ о примѣнимости и удобствахъ той или иной системы. Въ этомъ отношеніи средняя школа въ Англіи даетъ особенно поучительныя данныя. Здѣсь она сложилась вѣками; есть школы съ вѣковыми традиціями, съ цѣлой исторіей, въ которой накапливался матеріалъ наблюденій и фактовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Книга г. Мижуева, посвященная этой исторіи и современному ходу развитія средней школы въ Англіи, очень своевременна и очень интересна. «Англійская общественная школа,—говоритъ авторъ,—по своимъ внутреннимъ порядкамъ представляетъ Англію въ миніатюрѣ; децентрализованное управленіе, власть, рѣдко напоминающая о себѣ при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, дѣйствующая издалека и разсчитывающая болѣе на нравственное вліяніе своего авторитета, нежели на одну силу принужденія. «Мониторы» (старшіе изъ учениковъ, «старшины»)—настоящіе помощники директора и туторовъ (воспитателей) по наблюденію за порядкомъ въ школѣ—научились разумно пользоваться властью добровольнымъ повиновеніемъ въ младшихъ классахъ. Они достигли старшаго класса, не переставая быть въ сообществѣ со старшими въ школѣ учениками, всегда сохраняя отчетливое сознаніе того, что одобряется или порицается общественнымъ мнѣніемъ товарищей, они привыкли уважать личность каждаго воспитанника, если только прямые интересы школы не требуютъ принесенія въ жертву интересовъ отдѣльнаго лица... Въ англійскихъ школахъ наказанія рѣдки. Обращаясь къ дѣтямъ, стараются воздѣйствовать на ихъ чувство чести, поднять въ нихъ чувство отвѣтственности за свои поступки, а никакъ не полагаются на однѣ лишь угрозы наказанія». Такова воспитательная сторона школы. Образовательная стоитъ не менѣе высоко. Хотя преобладаетъ классическая школа, но за послѣднее время «древніе языки, и въ особенности греческій,

все болѣе и болѣе теряютъ свое привилегированное положеніе, уступая мѣсто естествознанію и новымъ языкамъ. По изслѣдованію директора школы Харроу, обратившагося съ запросомъ въ 75 главныхъ англійскихъ школъ, оказывается, что изъ 20.000 учениковъ этихъ школъ болѣе 10.000 не учится греческому языку». Сокращены также требованія по древнимъ языкамъ даже въ наиболѣе консервативныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Англіи, въ университетахъ Кэмбриджа и Оксфорда.

Англичане въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самый консервативный народъ и упорно держатся извѣстныхъ традицій. То же самое проявляется и въ развитіи средней школы, гдѣ они не допускаютъ никакой ломки. Но такъ какъ школы находятся всецѣло въ рукахъ общества, то, по мѣрѣ новыхъ требованій жизни, вводятся и новые предметы, измѣняются постепенно программы старыхъ и вырабатывается въ общемъ типъ школы необыкновенно устойчивый, но въ то же время и необыкновенно эластичный, вполнѣ приспособляемый къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ общество. При всемъ разнообразіи программъ, которыя каждая школа вырабатываетъ примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ, въ англійской системѣ средняго образованія есть одна общая всѣмъ школамъ неизмѣнная тенденція—школа должна служить интересамъ и потребностямъ общества. Школа для общества, а не наоборотъ. Только такимъ путемъ вырабатываются въ этой школѣ настоящіе люди, тѣ знаменитости, имена которыхъ вырѣзаны на столахъ главнѣйшихъ школъ и которыми онѣ гордятся, какъ виднѣйшими образцами проводимаго школою воспитательнаго метода. Но чтобы стать такою, школа должна быть достояніемъ именно общества, и гдѣ этого нѣтъ, тамъ школа превращается въ мертвящую схоластическую дисциплину, уродующую личность и приготовляющую безвольныя орудія, а не живыхъ и энергичныхъ дѣятелей.

Г. Х. Лихтенбергъ Афоризмы. Пѣреводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Георгъ Христофоръ Лихтенбергъ, имя котораго едва ли многимъ извѣстно, принадлежалъ къ числу выдающихся людей прошлаго столѣтія, по уму и всесторонней эрудиціи родственныхъ такимъ универсальнымъ геніямъ, какъ Лейбницъ или Вольтеръ. Прошлое столѣтіе было особенно богато такими удивительно свѣтлыми разносторонними умами, представлявшими ходячую энциклопедію своего времени. Люди тогда были еще далеки отъ современной намъ удручащей спеціализаціи, дѣлающей насъ какими-то книгами, замкнутыми для всякаго, кто не принадлежитъ къ одному съ нами цеху. Они смотрѣли на міръ, какъ на открытое поле для своей любознательности, и стремились объять его, открывая въ то же время свои знанія и душу для всѣхъ. Лихтенбергъ представляетъ замѣчательный типъ такого пытливаго и открытаго для общенія со всѣми ума. Замѣчательный лингвистъ, ученый и талантливый математикъ, критикъ и глубокій, острый аналитикъ, онъ всю жизнь проводитъ въ движеніи, путешествуетъ, читаетъ лекціи, всѣмъ и всѣми интересуется и никогда не останавливается въ своей ненасытимой страсти все узнать, все видѣть и понять. Болѣзненный отъ рожденія, горбатый, вслѣдствіе несчастнаго случая въ дѣтствѣ, онъ проявилъ удивительную нервную силу, выразившуюся въ многочисленности и разнообразіи его умственныхъ интересовъ, въ какой-то вѣчно-юношеской порывистости души и неугомонности духа, какъ можно судить по его сочиненіямъ, касающимся самыхъ разнородныхъ темъ. Но изъ всего этого духовнаго наслѣдства сохранилъ значеніе до нашихъ дней и обезсмертилъ его имя — дневникъ, или, какъ онъ самъ называлъ его, — книга мыслей, составленная изъ замѣтокъ, афоризмовъ, сужденій и всегда остроумныхъ, хотя и бѣглыхъ иногда наблюденій. По мѣткости, глубинѣ и силѣ выраженія, эти афоризмы съ полнымъ правомъ могутъ быть поставлены на ряду съ извѣстными афоризмами Лябрюйера, Ларошфуко и мыслями Паскаля. Правда, имъ не-

достаетъ той легкости и артистической законченности, которыми отличаются афоризмы названныхъ французскихъ мыслителей. Въ афоризмахъ Лихтенберга сказалась тяжеловѣсность тевтонскаго ума, съ его стремленіемъ, повозможности, втиснуть все, что можетъ войти въ данные предѣлы, чтобы съ наибольшей точностью и полнотой выразить данную мысль. Но если отъ этого его афоризмы теряютъ въ легкости и изяществѣ, зато они выигрываютъ въ глубинѣ и опредѣленности.

Предлагаемый сборникъ представляетъ это главное произведеніе Лихтенберга въ переводѣ г. Соколова, вѣрно передающемъ какъ форму, такъ и сущность подлинника. Для характеристики какъ перевода, такъ и для нѣкотораго ознакомленія съ содержаніемъ афоризмовъ Лихтенберга, приводимъ нѣкоторые изъ нихъ, болѣе простые и легче запоминаемые.

«Въ разумѣ—человѣкъ, въ страстяхъ—Богъ.

«Рабскій поступокъ—не всегда поступокъ раба.

«Во многихъ отношеніяхъ привычка очень вредна. Это ея дѣло, когда несправедливость считаютъ справедливостью и ошибку—истиною.

«Кто могъ бы подражать хорошо, тотъ рѣдко подражаетъ.

«Перемудрить—это одинъ изъ самыхъ позорныхъ видовъ глупости.

«Гордость, благородная страсть, не закрываетъ глазъ на свои ошибки. Это дѣлаетъ только высокомѣріе.

«Давать обѣтъ—большій грѣхъ, чѣмъ нарушить его.

«Наши слабости намъ не вредятъ, когда мы ихъ знаемъ.

«Тамъ, гдѣ умѣренность—ошибка, равнодушіе—преступленіе.

«Дѣвушка, которая открываетъ своему другу тѣло и душу, открываетъ ему тайны всего женскаго пола; каждая дѣвушка—это жрица женскихъ мистерій. Бываютъ случаи, когда крестьянская дѣвушка выглядитъ, какъ королева по душѣ и тѣлу.

«Природа создала дѣвушекъ такъ, что онѣ должны дѣйствовать не по принципамъ, а по ощущеніямъ.

«Краснѣютъ ли люди отъ стыда въ потемкахъ? Думаю, что отъ страха въ потемкахъ блѣднѣютъ, но краскѣ стыда въ темнотѣ не вѣрю. Блѣднѣютъ только для себя, а краснѣютъ и для себя, и для другихъ. Вопросъ, краснѣютъ ли дѣвушки въ темнотѣ, очень важный вопросъ,—по крайней мѣрѣ, такой вопросъ, который нельзя рѣшить при дневномъ свѣтѣ.

«Не удивительно ли, что люди такъ часто воюютъ за религію и такъ рѣдко живутъ по ея предписаніямъ?

«Даже самые умные люди гораздо охотнѣе встрѣчаютъ тѣхъ, которые приносятъ деньги, чѣмъ тѣхъ, которые ихъ уносятъ.

«Ошибаться—потому человѣческое свойство, что животныя ошибаются мало или совсѣмъ не ошибаются,—по крайней мѣрѣ, самыя умныя изъ нихъ».

По этимъ выхваченнымъ нами на удачу мѣткимъ и красивымъ афоризмамъ читатели могутъ составить отчасти представленіе объ умѣ Лихтенберга, нѣсколько скептическомъ и склонномъ къ недовѣрію и анализу самыхъ, повидимому, установившихся положеній. Не менѣе остроумны его наблюденія въ области психологіи, въ которыхъ онъ является тонкимъ аналитикомъ, умѣющимъ подмѣтить всевозможные оттѣнки душевныхъ настроеній.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Ю. Белохъ. «Исторія Греціи».— *Ж. Губеръ.* «Исторія іезуитовъ».—*В. К. Надлеръ.* «Лекціи по исторіи французской революціи».—*Жюссеранъ.* «Исторія англійскаго народа».

Ю. Белохъ. Исторія Греціи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. I. Москва 1897 (XIII+500 стр. 8°). Ц. 2 р. Т. II М. 1899 (X+527 стр. 8°). Ц. 2 р. «Исторія Греціи» проф. Белоха обратила на себя вниманіе уже при появленіи ея перваго тома на нѣмецкомъ языкѣ въ 1893 г. Въ 1897 г. она была закончена изданіемъ второго тома, въ которомъ изложеніе заканчивается завоеваніемъ Азіи Александромъ Македонскимъ. Глубокое знаніе источниковъ, здравая и смѣлая историческая критика и основанная на ней оригинальность и независимость взглядовъ на многія явленія греческой исторіи, талантливое, изящное изложеніе—все это дѣлаетъ трудъ Белоха важнымъ не только для спеціалистовъ ученыхъ, но и для болѣе широкаго круга читателей. Уже давно не появлялось труда по исторіи Греціи, охватывающаго такой большой промежутокъ времени (около пяти столѣтій), который представлялъ бы такую органически-цѣльную картину историческаго развитія эллинскаго племени. Особенное вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что въ книгѣ важное мѣсто занимаютъ главы, излагающія *экономическое* развитіе Греціи. Эти главы появляются въ общемъ изложеніи греческой исторіи впервые. Мы, конечно, не можемъ въ рецензіи передать всѣ подробности изложенія проф. Белоха. Намъ поневолѣ придется ограничиться только нѣкоторыми чертами, наиболѣе отступающими отъ обычнаго изложенія греческой исторіи.

Первый томъ доводитъ исторію Греціи до похода аѳинянъ въ Сицилію 415 года. Въ возстановленіи древнѣйшаго періода авторъ старается, по возможности, освободиться отъ вліянія греческаго преданія, которое, по его мнѣнію, представляетъ довольно поздніе комбинаціи, имѣвшія цѣлью согласовать историческіе факты съ данными національной эпической поэзіи, которую греки принимали за историческое преданіе. Отсюда цѣлый рядъ миѳовъ о разселеніи и переселеніяхъ греческихъ племенъ, объ основаніи различныхъ городовъ и колоній. Переселеніе дорянъ въ Пелопоннесъ, которое обыкновенно принимается за древнѣйшій историческій фактъ, Белохъ считаетъ такимъ же миѳомъ. Въ древнѣйшую пору греческой исторіи главную роль въ экономической жизни играло скотоводство: быки и овцы играли роль денегъ. Но вскорѣ и сельское хозяйство начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Общинное владѣніе землею, остатки котораго еще сохраняются мѣстами, уже начинаетъ замѣняться личною собственностью: уже существуютъ безземельные батраки. Богатые аристократы защищаютъ свое привилегированное положеніе противъ неимущихъ сельскихъ работниковъ и мелкихъ собственниковъ при помощи металлическаго вооруженія и боевой колесницы. Между греческими колоніями и метрополіей поддерживались постоянныя торговыя связи, которыя сильно способствовали развитію греческой національной промышленности, и постепенно произведенія Востока, привозимыя финикійскими купцами, были вытѣснены греческими товарами. Съ развитіемъ торговли и мореплаванія прекращается мало-по-малу морской разбой, устанавливаются мирныя отношенія и развивается институтъ гостепріимства (проксенія). На почвѣ дальнѣйшаго развитія земледѣлія пропасть между богатыми и бѣдными увеличивается: хозяева мелкихъ надѣловъ попадаютъ въ рабство къ богачамъ. Возникшія на этой почвѣ неурядицы стараются уладить установленіемъ точныхъ законовъ и реформами (напр., Солона). Но это мало помогало дѣлу, такъ какъ экономическое господство аристократіи этими реформами обыкновенно не устранялось. Народъ волновался,

свергалъ аристократическое правленіе и ставилъ во главѣ государства тирановъ. Но тиранія рѣдко удерживалась долго. Сослуживъ свою кратковременную службу, тиранія уступала свое мѣсто демократіи. Побѣдоносная борьба противъ Персіи повлекла за собою еще большее развитіе метрополіи. Экономическій центръ тяжести изъ малоазіатскаго побережья перемѣстился въ метрополію, такъ какъ торговыя сношенія колоній съ враждебной Персіей были затруднены и взамѣнъ того еще болѣе усилились сношенія съ метрополіей. Подъ верховнымъ руководствомъ Аѳинъ для защиты противъ Персіи складывается союзъ греческихъ государствъ. Демократическій строй распространяется въ большинствѣ государствъ греческаго міра. Аѳины и Спарта, достигшія полнаго расцвѣта, наконецъ, приходятъ въ столкновеніе и возгорается Пелопонесская война.

Мы не станемъ останавливаться на изложеніи политическихъ событій, а перейдемъ прямо къ содержанію второго тома, гдѣ тоже, главнымъ образомъ, отмѣтимъ нѣкоторыя оригинальныя воззрѣнія автора. Развившаяся въ Аѳинахъ демократія страдала большими недостатками. Невѣжественное большинство народнаго собранія, плохо понимая политическія дѣла, естественно должно было подчиняться наиболѣе ловкимъ руководителямъ, и на этой почвѣ развилась демагогія, которая угождала низменнымъ инстинктамъ толпы. Главную язву демократіи составляло судопроизводство. Чтобы устранить возможность подкупа бѣднѣйшихъ гражданъ, имѣвшихъ право быть присяжными, приходилось составлять суды изъ сотенъ присяжныхъ и назначать имъ жалованье за эту службу. Поэтому въ судъ старались попасть бѣднѣйшіе классы, которые изъ этого занятія сдѣлали себѣ профессію. Рѣшеніе вопроса по большей части зависѣло отъ большей или меньшей ловкости обвинителя или защитника, такъ какъ судьи во многихъ случаяхъ очень плохо понимали то дѣло, которое они были призваны рѣшать, въ особенности если дѣло шло о какомъ-либо выдающемся государственномъ дѣятелѣ или полководцѣ. Дѣло дошло даже до того, что государственные процессы превратились въ средство пополненія государственной казны, такъ какъ имущество осужденнаго конфисковалось. Рядомъ съ этимъ развилась и система доносовъ, и множество ловкихъ адвокатовъ жило вымогательствомъ денегъ у богатыхъ людей подъ угрозою судебнаго обвиненія. И аѳинская демократія запятнала себя множествомъ несправедливыхъ судебныхъ рѣшеній. Эти недостатки демократіи создали многочисленную партію приверженцевъ олигархіи, въ которой народное собраніе составлялось изъ того или другого опредѣленнаго количества гражданъ. Поэтому по окончаніи Пелопонесской войны почти всюду въ Греціи распространяется олигархія, которую въ томъ или другомъ видѣ вводила Спарта въ покоренныхъ городахъ. Но правленіе олигарховъ, какъ, напр., правленіе «тридцати» въ Аѳинахъ, запятнало себя еще большими несправедливостями и ужасами, нежели демократія, и послѣ непродолжительнаго господства она снова стала уступать мѣсто прежней формѣ правленія. Побѣда аѳинянцевъ при Левитрахъ надъ Спартою, главною защитницею олигархіи, повела за собою распаденіе Пелопонесскаго союза и возстановленіе демократіи въ большинствѣ городовъ, невольныхъ союзниковъ спартанцевъ.

Жизненная сила Греціи проявилась въ этотъ періодъ непрерывныхъ войнъ особенно въ томъ, что, не смотря на бѣдствія войны, она продолжала экономически развиваться. Земледѣліе въ этотъ періодъ уже начинаетъ терять свое первенствующее значеніе въ хозяйствѣ, и Греція становится все болѣе и болѣе страною промышленной. Однако и земледѣліе сдѣлало успѣхи. Господствовавшая прежде двухпольная система смѣнилась трехпольной, по крайней мѣрѣ въ болѣе благоустроенныхъ хозяйствахъ. Теоретическая разработка вопросовъ сельскаго хозяйства въ многочисленныхъ трактатахъ свидѣтельствуетъ о дви-

женіи впередъ этого дѣла. Но наибольшаго развитія въ это время достигаетъ промышленность. Въ Аѳинахъ къ концу Пелопонесской войны существовали фабрики, на которыхъ работало до 120 человѣкъ, конечно, рабовъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло велось единичнымъ капиталистомъ, но встрѣчаются также и торговыя компаніи, въ особенности въ сферѣ морской торговли. Кромѣ того, товарищества создавались въ такихъ крупныхъ дѣлахъ, какъ откупъ государственныхъ налоговъ, постройка общественныхъ зданій, поставка припасовъ и т. под. Развивалось также и банковое дѣло. Первоначально банками служили храмы, куда отдавали на храненіе деньги какъ государства, такъ и частныя лица. Развитіе торговли привлекло къ банкирскому дѣлу и частныхъ лицъ; они принимали вклады, производили платежи за счетъ своихъ кліентовъ или давали деньги взаймы и т. под. Такія мѣняла сидѣли на рынкахъ за столами, почему у грековъ банкъ назывался «столомъ». Главнымъ денежнымъ рынкомъ въ Греціи были Аѳины. Количество драгоцѣнныхъ металловъ въ это время значительно увеличилось, что привело къ всеобщему повышенію цѣнъ и, сообразно съ этимъ, заработной платы. Пропасть между богатыми и бѣдными увеличилась. Мѣстности, населеніе которыхъ занималось по преимуществу земледѣліемъ, какъ, напр., въ Спартѣ, страдали особенно сильно. «Здѣсь ясно обнаружилось, какъ безсильны законодательныя постановленія передъ силою экономическихъ отношеній. Запрещеніе отчуждать наслѣдственный надѣлъ должно было защитить массу крестьянства, но оно оказало какъ-разъ противоположное вліяніе, потому что, въ силу этого закона, безземельному или малоземельному и потому необезпеченному хлѣбопашцу было крайне трудно пріобрѣсти кусокъ земли, развѣ только ему посчастливилось жениться на дочери-наслѣдницѣ» (стр. 288 сл.). Положеніе такихъ людей ухудшалось еще и тѣмъ, что примѣненіе рабскаго труда въ промышленности не давало возможности обѣднѣвшимъ гражданамъ поступать на фабрики или работать въ помѣстьяхъ богатыхъ. Поэтому множество грековъ поступало въ качествѣ наемниковъ на службу въ войска иностранныхъ государей.

Послѣднія главы книги излагаютъ исторію возвышенія Македоніи при Филиппѣ, объединеніе Греціи подъ скипетромъ этого государя и завоеваніе Азіи Александромъ Македонскимъ. Въ характеристикѣ дѣятелей и оцѣнкѣ событій этого періода авторъ отступаетъ отъ наиболѣе распространенныхъ взглядовъ въ томъ отношеніи, что онъ не смотритъ, какъ большинство историковъ, на событія этого времени глазами Демосѳена. Поэтому въ его изложеніи Демосѳенъ не является безупречнымъ и дальновиднымъ политикомъ, и Филиппъ не является олицетвореніемъ хитрости и коварства.

Къ книгѣ приложенъ краткій обзоръ источниковъ исторіи Александра Великаго. Кромѣ того, текстъ постоянно сопровождается подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ читатель можетъ найти указанія на источники того или другого свѣдѣнія, разборъ хронологическихъ вопросовъ, указанія на новѣйшую литературу вопроса часто съ критическими замѣчаніями, а иногда и болѣе подробное обоснованіе высказаннаго въ текстѣ взгляда. Все это дѣлаетъ сочиненіе Белоха превосходнымъ пособіемъ для ознакомленія съ греческой исторіей. Въ очеркахъ науки и искусства мы встрѣчаемъ множество блестящихъ характеристикъ, изъ которыхъ достаточно указать, напр., на характеристики Сократа и Платона.

Что касается перевода на русскій языкъ, то вообще его надо признать очень хорошимъ, хотя и встрѣчаются въ немъ неудобныя выраженія въ родѣ «запустошенныя поля» (стр. 467; можетъ быть, опечатка?). Нельзя не пожалѣть о томъ, что переводчикъ или издатель сочли лишнимъ помѣстить и при русскомъ переводѣ указатель именъ и карту. Если авторъ счелъ необходимымъ сдѣлать это въ подлинникѣ, то въ русскомъ переводѣ это было тѣмъ болѣе необходимо,

что хорошихъ историческихъ атласовъ мы почти вовсе не имѣемъ. При изданіи такого капитальнаго труда не слѣдовало останавливаться передъ небольшими трудностями, сопряженными съ составленіемъ указателя и изданіемъ одной карты.

Ж. Губеръ. Іезуиты. Ихъ исторія, ученіе, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи. Перев. В. И. Писаревой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Изд. Ф. Павленкова. Книга мюнхенскаго профессора Губера разочаруетъ многихъ, кто ожидаетъ найти въ ней дѣйствительно исторію и выясненіе сущности этого удивительнѣйшаго изъ общественныхъ учрежденій западной Европы. Въ тотъ моментъ, когда освободившійся отъ цѣпей средневѣковья духъ Запада, ликуя и славословя, устремляется на завоеваніе новыхъ міровъ и новыхъ областей знанія, расширяетъ предѣлы видимаго и невидимаго и словами Ульриха фонъ-Гуттена восторженно заявляетъ: «какъ хорошо жить!»—въ нѣдрахъ, казалось, побѣжденнаго, растаптаннаго, погрязшаго въ тьму невѣжества и пороковъ, католицизма возникаетъ учрежденіе, строгое, стройное, воинственное и побѣдоносное, столь могущественное, что на первыхъ же порахъ оно смѣло становится на всѣхъ путяхъ новой жизни и одерживаетъ рядъ поразительныхъ побѣдъ. Въ теченіе трехъ вѣковъ оно властвуетъ неограниченно въ однѣхъ странахъ, въ другихъ выступаетъ мощнымъ противникомъ и вездѣ заставляетъ считаться съ собой самыхъ выдающихся и энергичныхъ вождей обновленнаго человѣчества. И даже теперь оно не сложило оружія. Возрожденіе клерикализма во Франціи—это новое проявленіе въ концѣ XIX вѣка все того же могучаго ордена, основаннаго восторженнымъ испанскимъ рыцаремъ Игнатіемъ Лойолой въ 1540 году.

Что же это за сила? Откуда эта непреодолимая стойкость? Гдѣ корни этого не умирающаго могущества и источники неизсякаемыхъ волненій, одушевляющихъ безчисленное воинство «общества Іисуса»?—вотъ вопросы, возникающіе при видѣ этого могучаго ордена, на которые книга Губера не даетъ отвѣта. Мало того, самое изложеніе исторіи оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ. Оно поверхностно и бѣгло Авторъ вскользь обозрѣваетъ исторію возникновенія ордена, останавливается на нѣкоторыхъ выдающихся моментахъ, но не даетъ полнаго и обстоятельнаго разсказа о ростѣ и развитіи ордена, ничего не говоритъ о его замѣчательныхъ генералахъ, даже не приводитъ именъ этихъ удивительныхъ людей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались временами нити не только европейской, но міровой политики.

Губеръ много работалъ надъ изученіемъ уставовъ и подробно говоритъ о внутреннемъ устройствѣ ордена, видимо хорошо изучивъ литературу іезуитовъ, но онъ не съумѣлъ проникнуть въ духъ ордена. Его отношеніе къ дѣлу чисто формальное, чѣмъ и объясняется какъ сухость изложенія, такъ и неясное представленіе о воодушевлявшихъ орденъ началахъ и руководившихъ его вождями принципахъ. По его мнѣнію, «іезуитизмъ есть не что иное, какъ папизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ». Сила его—въ организаціи. «Общество Іисуса» представляется наблюдателю,—говоритъ Губеръ, — колоссальнымъ гранитнымъ зданіемъ, обезпеченнымъ отъ всякаго внѣшняго напора и отъ процесса внутренняго разложенія. Сила общества заключается главнымъ образомъ въ строгомъ подчиненіи всѣхъ его членовъ генералу и, vice versa, въ строгомъ надзорѣ и господствѣ членовъ общества надъ генераломъ и всѣми старшими. Въ этой желѣзной организаціи нѣтъ простора личной свободѣ, всякій характеръ обуздывается и направляется, всякій поступокъ подлежитъ наблюденію и контролю, ни одно дѣйствіе не совершается безъ вѣдома членовъ ордена». Принципъ организаціи—чисто военный: послушаніе и немедленное, быстрое исполненіе. «Іезуитское общество представляетъ отрядъ солдатъ», во главѣ котораго стоитъ генералъ. Его рѣшенія безапелляціонны, каждый въ его рукахъ молча-

ливое орудіе. «Послушаніе самый неприступный оплотъ общества Іисуса». Въ наставленіяхъ Лойолы и въ уставахъ постоянно повторяется, что въ послушаніи лежитъ сущность служенія Богу. Мало того. «Истинное послушаніе заключается въ исполненіи всего предписаннаго, хотя бы цѣною здоровья, жизни, чести и даже высшей добродѣтели и прославленія Бога; безусловное послушаніе необходимо даже въ томъ случаѣ, если приказаніе старшаго обусловлено явнымъ предразсудкомъ, несправедливостью, пристрастіемъ или какою-либо преступною страстью». Дальше этого идти нельзя. Возникаетъ вопросъ, мыслимо ли довести человѣка до такой степени безвольнаго послушанія? И орденъ іезуитовъ всею своею трехвѣковою исторіей отвѣчаетъ: «да, возможно». Тысячи членовъ его, разсѣянныхъ по всему міру, доказали на дѣлѣ, что могутъ сдѣлать люди, руководимые общей волей и дисциплинированные до потери собственной воли. Въ этой исторіи есть много славныхъ страницъ въ дѣлахъ миссіонерскихъ, но они затмѣваются безчисленными подвигами сплошныхъ преступленій, прославившихъ орденъ и заклеймившихъ его презрѣніемъ лучшихъ людей. Въ исторіи новой Европы нѣтъ ни одного гнуснаго дѣла, къ которому орденъ не приложилъ бы своей руки. Не говоря уже о дѣлахъ религіозныхъ, въ которыхъ іезуиты всегда играли возмутительную роль, но въ политикѣ, въ общественной жизни, въ литературѣ іезуиты превзошли своими преступленіями все, что знаетъ древняя и новая исторія. Понятно негодованіе, которое они вызывали въ сердцахъ лучшихъ представителей человѣчества, но непонятна преданность, не знающая границъ самоотверженія, въ той массѣ приверженцевъ, которыхъ орденъ находилъ во всѣ времена и вездѣ во всѣхъ слояхъ общества, отъ царскихъ престоловъ и до бѣднѣйшихъ хижинъ. Проникая всюду, орденъ съ поразительной быстротой завладѣвалъ позиціей и надолго являлся хозяиномъ положенія. Потребовалась утомительнѣйшая вѣковая борьба, чтобы отгѣснить его съ занятыхъ позицій, вырвать у него воспитаніе, которымъ орденъ овладѣвалъ прежде всего, руководство политикой и церковную власть. Да и то орденъ далеко еще не побѣжденъ, и во Франціи, южной Германіи, Италіи, Испаніи, Австріи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и во всѣхъ государствахъ южной Америки онъ обладаетъ огромной властью и значеніемъ. Эта сторона дѣятельности ордена освѣщена тоже посредственно, и читатели въ правѣ желать многихъ дополненій.

Исторія доведена до возстановленія ордена въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, что уменьшаетъ еще болѣе значеніе книги Губера, лишая ее современности. Къ достоинствамъ автора слѣдуетъ отнести его безпристрастіе и спокойное изложеніе, хотя предметъ самъ по себѣ даетъ массу поводовъ для негодованія и увлеченія легкой ролью неумолимаго судьи. Губеръ, напротивъ, старается въ такихъ случаяхъ соблюсти возможную объективность, отчего мнѣнія его выигрываютъ въ убѣдительности и ясности.

Переводъ въ общемъ выполненъ правильно, но нѣкоторыя названія почему-то переданы на свой ладъ, какъ, напр., «Тріентскій соборъ» вмѣсто—Тридентскій, какъ принято, или «Венедиктъ» вмѣсто Бенедиктъ, и т. п.

Проф. В. К. Надлеръ. Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона. Харьковъ. 1898. Проф. Надлеръ скончался въ 1894 году и книга составлена изъ его лекцій проф. В. П. Бузескуломъ. Редакторъ взялъ на себя трудъ привести матеріалъ въ порядокъ, разбить на главы, устранить повторенія, исправить ошибки, обмолвки и неточности. Всего этого въ запискахъ слушателей должно было оказаться не мало, такъ какъ покойный профессоръ читалъ лекціи безъ всякихъ конспектовъ. Кое-что все-таки не могло быть исправленнымъ, нѣкоторые своеобразные рѣзкіе взгляды Надлера, правда, не оригинальные, но тѣмъ болѣе ошибочные, что профессоръ заимствовалъ ихъ изъ мутнаго источника тэновскихъ произведеній. Проф. Бузескулъ въ предисловіи указываетъ на нѣкоторыя увлеченія автора. Надлеръ, напри-

мѣръ, очевидно, со словъ Тэна подвергъ партію террористовъ рѣшительному уничтоженію, усмотрѣлъ въ ея составѣ только эгоистовъ и лицемѣровъ, и торжество ихъ въ конвентѣ приписалъ исключительно безсовѣстности ихъ дѣйствій. Г. Бузескулъ исправляетъ эти приговоры, правда, слишкомъ глухо и въ общихъ выраженіяхъ. Это жаль. Книгу въ сущности слѣдовало бы снабдить примѣчаніями и дополненіями. Надлеръ очень долго занимался революціей и особенно первой имперіей и все-таки остался чисто-фактическимъ историкомъ. Идейная подкладка фактовъ ему недоступна или не интересна. Этотъ пріемъ крайне невыгодно отражается именно на исторіи революціи: ея факты преимущественно требуютъ философскаго освѣщенія. По этой части Надлеръ обнаруживаетъ несостоятельность даже въ самыхъ простыхъ вопросахъ. Онъ, напримѣръ, совершенно основательно желаетъ подвергнуть критикѣ ученіе Монтескьё о трехъ властяхъ. Авторъ *Духа законовъ* просто не понялъ ни духа, ни практики англійской конституціи и открылъ цѣлую пропасть между законодательной и исполнительной властью, т. е. парламентской и королевской, въ то время, когда практическая власть принадлежала одному парламенту всецѣло: парламентъ издавалъ законы и онъ же приводилъ ихъ въ исполненіе при посредствѣ министровъ, взятыхъ изъ среды законодательнаго собранія. Этотъ фактъ и есть самая естественная критика на теорію Монтескьё: Надлеръ бросается въ другую сторону и начинаетъ доказывать, что и королю и парламенту принадлежатъ одинаково обѣ власти. Совершенно нецѣлесообразное замѣчаніе, обличающее авторское непониманіе самой сущности кабинета министровъ въ Англіи. Излагая ученіе другого французскаго политика, Надлеръ допускаетъ уже просто фактическую ошибку. О противоестественномъ происхожденіи гражданскаго порядка Руссо писалъ въ 1754 году, во второмъ разсужденіи; эту идею Надлеръ приписываетъ *Общественному договору*, изданному восемь лѣтъ позже и гдѣ гражданскій строй положенъ въ основу политической теоріи.

Столь же ошибочно и представленіе автора о литературной дѣятельности энциклопедистовъ: будто всѣ они писали «исключительно для высшаго общества». Утверждать это—значитъ не имѣть элементарнаго понятія о задачахъ просвѣтителей и объ ихъ программѣ. Въ одномъ изъ руководящихъ произведеній всей эпохи, въ *Посланіи вѣрнымъ* Вольтера, читаются слѣдующія наставленія: «цѣлесообразно писать только о предметахъ простыхъ, краткихъ, понятныхъ самымъ грубымъ умамъ. Пусть одушевляетъ писателей только истина, а не жажда блеска. Пусть они уничтожаютъ ложь и суевѣріе и учатъ людей быть справедливыми и терпимыми. Слѣдуетъ желать, чтобы никто не пускался въ метафизику, понятную только для немногихъ... Надо умѣть просвѣщать одновременно канцлера и сапожника». И у просвѣтителей было не мало путей къ просвѣщенію именно сапожниковъ,—брошюры, памфлеты, театральныя пьесы. И здѣсь зависимость русскаго историка отъ Тэна помѣшала достойнымъ образомъ оцѣнить историческое явленіе и вспомнить о фактахъ, извѣстныхъ изъ элементарной исторіи революціи въ 1789 году. *Общественный договоръ* Руссо цитировали даже захолустные избиратели, а по свидѣтельству провинціальнаго духовенства, брошюры вольтеровскаго направленія широко были распространены даже по деревнямъ. Вообще авторъ чувствуетъ большую склонность къ аристократическимъ воззрѣніямъ на революціонныя событія, въ данномъ случаѣ особенно неумѣстнымъ. Со словъ все того же Тэна онъ излагаетъ исторію 5-го октября, совершенно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ роли двора и высшей аристократіи, систематически раздражавшихъ народъ угрозами военной экзекуціей надъ пораженнымъ населеніемъ. Надлеръ, видимо, не счелъ нужнымъ лично ознакомиться съ первоисточниками революціонной исторіи, иначе онъ отъ самыхъ умѣренныхъ и осторожныхъ очевидцевъ услышалъ вполнѣ удовлетво-

рительное объясненіе торжества крайней революціонной партіи—не вслѣдствіе ея злодѣйствъ, а поразительно-безтактной политики двора. Обратилъ бы тогда авторъ больше вниманія и на вліяніе европейской коалиціи на ходъ французскихъ событій. Коалиція явно свидѣтельствовала о вмѣшательствѣ Европы во внутреннія дѣла Франціи и вмѣшательство было вызвано французскимъ королемъ. Естественно, не надо было непремѣнно исповѣдывать якобинскій образъ мыслей, чтобы возненодовать на подобную политику исключительно подъ вліяніемъ національнаго чувства.

Не точны и нѣкоторые факты, сообщаемые Надлеромъ. Неправда, напримѣръ, будто «Ліонъ былъ превращенъ въ груду развалинъ». Конвентъ дѣйствительно изрекъ такое постановленіе, но его коммиссары не рѣшились исполнить этого приговора цѣликомъ и только нѣкоторыя зданія города были разрушены. Перечисляя революціонные комитеты, Надлеръ называетъ всего одинъ комитетъ только двумя разными именами—*комитетъ спасенія и комитетъ общественной безопасности*. А между тѣмъ, свѣдѣнія о комитетахъ необходимы въ исторіи революціи: извѣстно, что именно въ комитетахъ сосредоточилась власть и отъ нихъ исходятъ важнѣйшія мѣры въ самый горячій періодъ революціоннаго движенія. Вообще исторія революціи въ изложеніи Надлера уступаетъ, по полнотѣ фактовъ и яркости освѣщенія, извѣстному сочиненію Минье—самому краткому и въ то же время самому обдуманному изложенію революціонныхъ событій. Можно думать, умъ покойнаго профессора не былъ приспособленъ къ охвату столь сложной задачи и не могъ вмѣстить въ себя разнообразнѣйшихъ причинъ и слѣдствій, сопровождавшихъ грозное движеніе 1789 года. Проще, казалось бы, для авторской проницательности оцѣнить Наполеона и созданный имъ политическій порядокъ вещей.

Но и здѣсь съ самаго начала допущенъ существенный пробѣлъ, отразившійся на дальнѣйшемъ изложеніи. Авторъ не счелъ нужнымъ дать общую характеристику Бонапарта, не позаботился, хотя бы для самого себя, уяснить его личность, проникнуть въ сущность человѣческой и политической психологіи Наполеона. Въ результатѣ сбивчивость представленій въ основныхъ вопросахъ наполеоновскаго режима.

Авторъ, напримѣръ, совершенно основательно подчеркиваетъ поистинѣ преступное, двоедушническое отношеніе Наполеона къ полякамъ. Извѣстно, съ какимъ энтузіазмомъ Польша привѣтствовала походъ Наполеона на Россію, съ какимъ самоотверженнымъ, восторженнымъ обожаніемъ польская шляхта присоединялась къ французскимъ легіонамъ. Можно сказать, Наполеонъ на верху своей славы даже во Франціи врядъ имѣлъ болѣе пламенныхъ почитателей, чѣмъ поляки въ эпоху войны 1812 года. И все-таки онъ остался совершенно безучастнымъ къ этому увлеченію, взглянулъ на него исключительно, такъ сказать, съ коммерческой точки зрѣнія. И онъ не скрывалъ своего отношенія, съ циничесной откровенностью заявлялъ своему штабу, что все значеніе Польши для него сводится исключительно къ ея роли «депо для поставки солдатъ и лошадей». Энтузіазмъ поляковъ оказался предметомъ эксплуатаціи для мелкихъ разсчетовъ ихъ героя. Эта черта не случайная въ политикѣ Наполеона. Она вполнѣ распространяется и на другія его отношенія; не иначе смотрѣлъ онъ и на французскую націю, интересуясь однимъ лишь вопросомъ, сколько солдатъ ежегодно онъ можетъ *издерживать*? Совершенно напрасно, поэтому, Надлеръ усиливается открыть въ политической дѣятельности Наполеона далѣе принципы свободы. По его мнѣнію, Наполеонъ послѣ революціи «не могъ измѣнить свободѣ» и будто потому, что свобода была уничтожена до него. Авторъ, слѣдовательно, не понимаетъ разницы между террористическимъ мимолетнымъ режимомъ и постояннымъ порядкомъ, который задумалъ установить Наполеонъ.

Терроръ былъ временный недугъ, анархія, Наполеонъ представлялъ цѣльную политическую систему, подчиненную въ высшей степени сильной власти.

Надлеръ возмущается писателями, приписывавшими Наполеону стремленіе возстановить старый режимъ. Возмущеніе совершенно неосновательное, и неосновательность подтверждается собственными словами автора. Прежде всего неизвѣстно, почему онъ считаетъ возникновеніе новой имперской аристократіи второстепеннымъ обстоятельствомъ. Совсѣмъ иначе смотрѣли на этотъ вопросъ современники Наполеона, самъ онъ и созданные имъ герцоги, графы и принцы. Буржуазія вовсе не считала этихъ украшеній пустяками и появленіе новой титулованной аристократіи было одной изъ важнѣйшихъ причинъ озлобленія третьяго сословія противъ наполеоновскихъ порядковъ. Эта аристократія живѣйшимъ образомъ напоминала старый режимъ, потому что была наслѣдственна и осыпаема всевозможными милостями своего господина. Потомъ, Надлеръ распространяется о принципѣ политическаго и общественнаго равенства, усвоенномъ имперіей Наполеона. Равенство существовало, но это было отнюдь не гражданское равенство, а фронтовое и казарменное равненіе всѣхъ личностей и талантовъ по одному чисто дисциплинарному шаблону.

Самъ же авторъ нѣсколькими страницами позже дѣлаетъ совершенно правильный выводъ изъ своей оцѣнки наполеоновской внутренней и внѣшней политики: «Если мы,—говоритъ Надлеръ,—вникнемъ въ сущность тенденцій, лежавшихъ въ самомъ основаніи наполеоновской монархіи, то мы придемъ къ убѣжденію, что полное осуществленіе плановъ Наполеона грозило Европѣ нетолько страшнымъ политическимъ рабствомъ, но и уничтоженіемъ всякой самостоятельной духовной жизни, все равно, проявлялась ли эта жизнь въ области религіи, политики, литературы или науки».

Подобный результатъ стоилъ правленія Людовиковъ и въ Неаполѣ превосходилъ даже прелести ancien régime'a. Книга Надлера вообще не можетъ похвалиться выдержанностью и послѣдовательностью мысли и сама по себѣ не можетъ служить вполнѣ удовлетворительнымъ источникомъ для знакомства съ исторіей революціи и имперіи. Сравнительно съ остальнымъ содержаніемъ лучше изложена исторія вѣнскаго конгресса, благодаря тому, что Надлеръ посвятилъ раньше особую монографію Меттерниху и европейской реакціи послѣ сверженія Наполеона. Въ общемъ книгу можно рекомендовать развѣ только для фактическихъ справокъ по исторіи наполеоновскихъ войнъ: онѣ разсказаны живо, интересно и разсказъ можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ историческимъ учебникамъ. Собственно *университетскаго характера* не носитъ вся книга Надлера: для этого въ ней слишкомъ мало идейной обобщающей работы и почти совсѣмъ отсутствуетъ культурно-историческій матеріалъ. Безусловно цѣнный вкладъ въ лекціи — обширныя библіографическія указанія, очень хорошо составленныя. Цѣна книги — 2 рубля — слишкомъ высока и для ея объема, и для ея достоинства.

Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ, 1898. Изданіе О. Поповой. Цѣна 1 р. 25 к. Жюссеранъ не принадлежитъ всецѣло къ цеху литераторовъ и ученыхъ, хотя за нимъ числится диссертація на латинскомъ языкѣ и довольно много сочиненій по исторіи литературы, притомъ на темы весьма отвѣтственныя, требующія прилежной архивной работы. Книга, переведенная на русскій языкъ, называется въ подлинникѣ «Histoire litteraire du peuple anglais des origines à la Renaissance» и вышла въ 1894 году. Раньше Жюссеранъ издалъ нѣсколько монографій по исторіи англійской литературы и общественной жизни, между прочимъ объ англійскомъ театрѣ до Шекспира, объ англійскомъ романѣ той же эпохи и объ англичанахъ вообще въ періодъ среднихъ вѣковъ. Такой пристальный интересъ къ англійской жизни и литературѣ связанъ, вѣроятно,

съ оффиціальной карьерой Жюссерана, какъ дипломата. Жюссеранъ состоялъ одно время совѣтникомъ при посольствѣ въ Лондонѣ. Всѣ его сочиненія очень благосклонно встрѣчались англійской критикой, несомнѣнно, оцѣнятъ его книгу и русскіе читатели. Задача Жюссерана прослѣдить психологію и культуру англійской національности по литературнымъ памятникамъ. Изслѣдованіе пока ограничивается средними вѣками и авторъ вполнѣ добросовѣстно изучилъ средневѣковую поэзію и отчасти ученую и церковную литературу, извлекая изъ нея въ высшей степени богатый и яркій матеріалъ для характеристики англосаксонской народной души, ея нравственнаго и политическаго міросозерцанія. Книга уснащена ссылками на самые ископаемые памятники древней словесности, — но это только примѣчанія, самый текстъ блещетъ литературнымъ талантомъ, нерѣдко становится художественнымъ и поэтичнымъ. Авторъ интересенъ, даже когда онъ ведетъ бесѣду о количествѣ французскихъ и саксонскихъ словъ въ англійскомъ языкѣ, увлекателенъ, когда знакомитъ читателя съ рыцарскими поэмами, и поучителенъ, когда черпаетъ черты старинной жизни изъ житія святыхъ и церковныхъ проповѣдей. Книга повсюду свидѣтельствуетъ о солидной работѣ и искреннемъ авторскомъ увлеченіи. Мы можемъ указать только на одинъ недостатокъ, явившійся результатомъ симпатичной способности автора увлекаться не только предметомъ, но и его идейнымъ смысломъ.

Жюссеранъ, несомнѣнно, большой патріотъ, точнѣе—націоналистъ. Ему приходится изображать двѣ стихіи—англо-саксонскую, т. е. германскую, и французскую, и искать психологическихъ отраженій этихъ стихій въ поэзіи. Онъ ихъ находитъ въ изобиліи, но не можетъ остаться вполнѣ безпристрастнымъ. Онъ очень искусно выбираетъ драматическія сцены изъ германскихъ поэмъ, у читателя остается цѣльное и сильное впечатлѣніе: онъ видитъ, сколько воинственной жестокости таилось въ германскомъ національномъ духѣ, какой глубокій осадокъ пессимизма и мрачной тоски, даже болѣзненнаго отвращенія къ жизни успѣло накопиться въ сердцѣ германца еще въ доисторическій періодъ его жизни. Факты—въ высшей степени любопытные и обширная освѣдомленность автора въ литературѣ позволяетъ ему дѣлать эффектныя сопоставленія. Рѣчь какого-нибудь легендарнаго героя изъ германской поэмы, оказывается, предвосхитила за нѣсколько вѣковъ монополію глубокомысленнѣйшихъ шекспировскихъ философовъ, въ родѣ Гамлета. Вопросъ о судьбѣ человѣка за предѣлами настоящей жизни мучительно волновалъ германскихъ воиновъ еще въ ту эпоху, когда они ходили въ звѣриныхъ шкурахъ и устраивали кровавыя оргіи. Наклонность къ созерцанію и глубокимъ вопросамъ жизни яркой чертой проходитъ по всей національной поэзіи германскихъ племенъ. Авторъ здѣсь правъ, но онъ не замѣтилъ проблесковъ другого настроенія, разрушающаго цѣльность мрачнаго и жестокаго фона германскихъ легендъ.

Жюссеранъ приводитъ страшныя потрясающія сцены изъ миѳическихъ поэмъ, гдѣ на сценѣ герои и полубоги германскаго Олимпа. Но этими сценами не исчерпывается германское вдохновеніе. Ему, хотя и не въ такой степени, какъ романскому эпосу, доступны болѣе свѣтлыя картины и жизнерадостные мотивы. Древній германецъ не только сражался и предавался безотраднымъ думамъ, онъ проникалъ также и въ міръ сердца и чувства и подчасъ обнаруживалъ поразительную тонкость психологіи въ чисто-романическихъ вопросахъ. Недаромъ, женщина пользовалась такимъ высокимъ уваженіемъ у германскихъ племенъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ: въ подлинномъ сказаніи онъ исполненъ мощной красоты и въ то же время глубокой жизненной правды. Сцена происходитъ между красавицей-богиней Гердой и посланцемъ бога Фрейра. Богъ увидѣлъ случайно Герду, страстно влюбился въ нее и послалъ сватать ее себѣ въ супруги. Гордая красавица холодно принимаетъ предложеніе Фрейра и пускаетъ въ ходъ

разныя лукавыя женскія отговорки. Посолъ начинаетъ грозить ей мечомъ, угроза не дѣйствуетъ, тогда посолъ принимается рисовать Гердѣ печальную перспективу вѣчнаго одинокаго дѣвства, проклятія ни съ кѣмъ нераздѣленной жизни и «дѣвственной старости», перечисляетъ ей всѣ нравственныя муки и болѣзни, поражающія одинокую, никого не любившую дѣвушку, и до такой степени краснорѣчиво изображаетъ неприглядный нравственный міръ старой дѣвы, что перепуганная Герда соглашается на бракъ съ Фрейромъ. Отъ этого мотива совершенно не вѣетъ ни воинственностью, ни жестокостью, и такихъ мотивовъ разсѣяно не мало по германскому эпосу. Французскій авторъ опустилъ ихъ и подготовилъ себѣ очень пріятный, но не вполнѣ правдивый переходъ отъ мрачной германской поэзіи къ свѣтлымъ и граціознымъ романскимъ легендамъ.

Повторяемъ, это единственное неосторожное увлеченіе автора. Оно вполнѣ вознаграждается всѣмъ остальнымъ содержаніемъ книги. И именно потому, что авторъ не цеховой и не кабинетный ученый, книга изобилуетъ остроумными сопоставленіями, въ высшей степени находчивыми параллелями. Жюссеранъ не пропускаетъ случая указать на вѣковую давность популярнѣйшихъ романическихъ темъ. Совпаденіе ихъ въ старой легендарной поэзіи и въ новѣйшихъ романахъ часто невольно заставляетъ подозрѣвать плагіатъ и подражаніе. Все зависѣло, очевидно, отъ личной талантливости психологовъ любовнаго чувства,— время, уровень цивилизаціи по существу не могъ измѣнить содержанія ихъ произведеній, и Боккаціо будетъ совершенно такъ же разсказывать преступныя интриги своихъ монаховъ и монахинь, какъ онѣ разсказаны нѣсколько вѣковъ раньше въ народныхъ сатирахъ, даже Мюссе и Мопассанъ не разъ повторятъ пріемы своихъ предшественниковъ XII го вѣка. Это весьма часто примѣнимо и къ болѣе серьезной литературѣ, чѣмъ романы и поэмы. Жюссеранъ не ограничился художественнымъ творчествомъ, онъ попутно ознакомился и съ политической мыслью средневѣковой Англіи и имѣлъ возможность извлечь изъ трактатовъ, написанныхъ грубымъ, неправильнымъ языкомъ, не мало правильныхъ и мѣткихъ идей, не утратившихъ практическаго значенія до конца XIX-го вѣка. Нерѣдко политическая идея у старыхъ политиковъ принимаетъ наивную, слишкомъ живописную форму, но сущность ея не становится отъ этого менѣе серьезной и прочной. Характерно, напримѣръ, для оцѣнки національнаго англійскаго генія разсужденіе писателя XII-го вѣка, Іоанна Сольсберійскаго. Это вообще одинъ изъ остроумнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ мыслителей старой Англіи. Его проницательности и смѣлости могли бы позавидовать даровитѣйшіе публицисты новаго времени. Среди современныхъ компиляторовъ и покорныхъ слугъ чужого церковнаго или государственнаго авторитета, этотъ епископъ изощрялъ свое оригинальное и независимое остроуміе надъ вліятельнѣйшими сословіями и лицами, не щадилъ монаховъ и придворныхъ и самому королю говорилъ такія рѣчи: «когда народъ страдаетъ, то это все равно, какъ будто у государя подагра: напрасно тогда государь будетъ считать себя здоровымъ, пусть онъ попробуетъ пройти хоть два шага, и онъ упадетъ». Въ этой, по формѣ простодушной, проповѣди слышится исконно-британскій духъ свободы и демократизма, и онъ не замедлитъ восторжествовать надъ какими угодно врагами, будь это самъ король или папа. Столь же сильно воплотила старая англійская словесность и другую добродѣтель только-что сложившейся англійской націи—непреодолимую національную гордость. Англія—это несравненное божество, первостепенная міровая сила въ глазахъ своего народа. Недаромъ позже Шекспиръ будетъ изощрять свой поэтическій геній, чтобы достойно воспѣть чудный островъ въ алмазной оправѣ моря, а первый теоретикъ англійской конституціи, Джонъ Фортескью, въ XV вѣкѣ напишетъ въ политическомъ трактатѣ настоящій панегирикъ англійской доблести, даже когда она проявляется въ преступленіяхъ. Вообще, «царица морей» вѣрна себѣ и своей исторіи, начиная съ легендъ о королѣ Артурѣ и кончая текущимъ

днемъ. Именно эта идея проходитъ по всей книгѣ Жюссерана и трудно представить болѣе яркую и правдивую иллюстрацію къ національной англійской исторіи и психологіи, чѣмъ талантливая работа нашего автора. Переводъ удовлетворителенъ: слѣдовало только приложить оглавленіе и перевести хотя бы наиболѣе важныя примѣчанія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

М. М. Ковалевскій. «Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ».

М. М. Ковалевскій. Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. Іубличныя лекціи, читанныя въ брюссельскомъ университетѣ. 225 стр.— Спб. 1899. Ц. 75 к. Лекціи М. М. Ковалевскаго представляютъ большой интересъ, какъ краткое, популярное изложеніе его капитальнаго и еще не законченнаго труда: «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства». Первая лекція—теоретическаго характера: въ ней изложенъ взглядъ автора на эволюцію экономическихъ порядковъ. Основная мысль—что главнымъ двигателемъ экономической эволюціи является ростъ населенія. Мысль очень простая, но едва ли за ней признано въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ подобающее первостепенное значеніе; настойчивость автора въ развитіи этого тезиса является далеко не излишней. Его слѣдовало бы даже расширить, признавъ, что рѣшеніе вопроса о плотности населенія въ данной странѣ—основная, хотя крайне трудная и подчасъ почти невыполнимая задача историка-соціолога, приступающаго къ изслѣдованію основъ не только опредѣленнаго экономическаго строя, какъ говоритъ авторъ, но и вообще любого культурно-историческаго склада. При какомъ угодно пониманіи историческаго процесса—матеріалистическомъ или не матеріалистическомъ—населенность надо считать факторомъ, который опредѣляетъ интенсивность культурнаго развитія, а стало быть, и смѣну формъ культуры. Авторъ на этой мысли основываетъ свой анализъ экономической эволюціи, доказывая рядомъ остроумныхъ выводовъ методологическое удобство своей точки зрѣнія при изученіи смѣны формъ хозяйства. Значительный интересъ представляетъ и критика, которой авторъ подвергаетъ классификацію формъ хозяйства Бруно Гильдебранда (натуральное, денежное и кредитное хозяйство) и Карла Бюхера (домашнее, городское и народное хозяйство—ср. статью П. Струве, въ № 7 «Міра Божія» за 1898 г.). Авторъ обѣими недоволенъ, доказывая расплывчатость ихъ принциповъ. Дѣло въ томъ, что ему нужна классификація, которая давала бы возможность стройной періодизаціи экономической исторіи и отвлеченные типы хозяйствъ, устанавливаемые Бюхеромъ, его не удовлетворяютъ. Поэтому и въ полемикѣ Бюхера съ Эд. Мейеромъ (см. «Міръ Божій», 1898 г., іюль, библіографія) онъ становится на сторону послѣдняго. Историкамъ не по нутру классификація Бюхера, такъ какъ цѣлый рядъ явленій въ нее не укладывается: хозяйство племени—рода, сельской общины, феодальнаго помѣстья... М. М. Ковалевскій пытается замѣнить ее другой: онъ различаетъ лишь двѣ типичныхъ формы хозяйства: такого, производство котораго разсчитано на непосредственное и мѣстное потребленіе, и мѣнового. Каждой формѣ соотвѣтствуетъ эпоха экономической исторіи, раздѣляющаяся на періоды по степени распространенія обмѣна соотвѣтственно увеличенію плотности населенія. «Преимущества нашей классификаціи—замѣчаетъ авторъ,—заключается прежде всего въ извѣстной градаціи, позволяющей преслѣдовать эволюцію экономическаго строя шагъ за шагомъ, по мѣрѣ того, какъ государство поглощаетъ собой независимыя хозяйства, роды, селенія, помѣстья, города»... «Мы переходимъ такимъ образомъ отъ хозяйства племени-рода и позднѣе сельской общины къ хозяй-

ству помѣстья и города, чтобы закончить національнымъ хозяйствомъ нашего времени». Авторъ полагаетъ, что «не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказывать наступленіе мірового хозяйства, которое пойдетъ самостоятельнымъ путемъ развитія и едва ли въ состояніи будетъ помириться съ существующей общественной организаціей». Но это, все-таки, пророчество, и касается оно далекаго будущаго, когда ростъ населенія и подъемъ культуры за предѣлами германо-романскаго міра создастъ новую, болѣе широкую группу равноправныхъ сочленовъ «мірового хозяйства»...

Таковы общіе взгляды автора. Въ разбираемой книгѣ они находятъ приложеніе къ смѣнѣ общиннаго и помѣстнаго хозяйства—городскимъ и цеховымъ—и къ вопросу о паденіи этихъ формъ при зарожденіи современнаго экономическаго порядка. М. М. Ковалевскій принадлежитъ, какъ извѣстно, къ той группѣ ученыхъ, которые признаютъ широкое значеніе коллективизма на низшихъ ступеняхъ хозяйственной культуры. Это значеніе—безспорно. Но наукой установлено существованіе столь разнообразныхъ формъ коллективной собственности, что авторъ справедливо признаетъ весьма сложной задачу «распознать эти формы, установить между ними отношенія преемства и взаимной зависимости, объяснить различныя причины, приведшія къ ихъ упадку, и прослѣдить черезъ цѣпь вѣковъ это медленное и прогресивное движеніе человѣческаго общества къ характеризующему наше время индивидуализму». Признавая это, авторъ едва ли удачно упрощаетъ сложную задачу, затушевывая различія разныхъ формъ коллективизма, отрицая, напримѣръ, существенную разницу между семейной, общинной и коммунистической деревней. Самыя разнообразныя явленія—нераздѣльное владѣніе семьи, долевое владѣніе, общинное пользованіе угодьями, общинное владѣніе на началахъ равенства и т. п., обобщаются, безъ пользы для изученія, въ понятіи «общиннаго землевладѣнія». Происхожденіе равенства надѣловъ въ помѣстьи особенно мало поддается анализу автора; для этого сложнаго и спорнаго вопроса необходимо привлечь новый матеріалъ, напримѣръ, любопытныя данныя о литовскомъ землевладѣніи въ «Актахъ литовской метрики». Дальнѣйшее изученіе, навѣрное, не оправдаетъ предположеній о происхожденіи этого равенства изъ существовавшихъ «нѣкогда» общихъ и періодическихъ передѣловъ, а, напротивъ, придаетъ большее значеніе тѣмъ фактамъ, которые свидѣтельствуютъ о связи этого равенства съ системой повинностей населенія, и указаны авторомъ въ его «Экономическомъ ростѣ Европы» (сравни «Міръ Божій», январь, 1899 г.) и Любавскимъ («Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства»—очеркъ III).

Истинная научная цѣнность лекцій М. М. Ковалевскаго въ ихъ части, посвященной исторіи городского хозяйства и рабочаго вопроса въ средніе вѣка. Характеристика городского быта, набрасываемая авторомъ, значительно отличается отъ общепринятой. Достаточно сказать, что авторъ ставитъ вопросъ: «справедливо-ли, что средніе вѣка не знали того глубокаго раздѣленія между предпринимателемъ и наемнымъ рабочимъ, которое является отличительной чертой современной промышленной организаціи?» — и отвѣчаетъ на него отрицательно. Опираясь на рядъ интересныхъ фактовъ изъ области экономической политики городовъ XIII вѣка. Остроумно вскрывая чисто экономическія причины политической борьбы внутри городскихъ республикъ, продолжительныхъ войнъ и частыхъ договоровъ между ними, М. М. Ковалевскій особенно останавливается на классовой борьбѣ, вызванной этой бойкой экономической жизнью. Рабочій вопросъ—и очень острый—существовалъ въ средніе вѣка и власть имущая буржуазія всѣми силами боролась противъ роста заработной платы. Послѣдствія знаменитой «черной смерти» XIV вѣка, картину которыхъ въ Италіи авторъ впервые раскрываетъ во всей полнотѣ, усилили борьбу рабочаго съ предпринимателемъ. Къ серединѣ XIV столѣтія относятся первые, безуспѣшные, опыты

стачекъ рабочихъ. Въ Англіи, Италіи и Франціи правительство усиленно регулируетъ заработную плату въ ущербъ трудящемуся люду. И другія черты современнаго экономическаго строя зародились въ ту же эпоху. Особенно любопытны въ изложеніи М. М Ковалевскаго свѣдѣнія о процессѣ капитализаціи земледѣльческой промышленности въ Италіи, такъ какъ на англійской почвѣ онъ давно детально изученъ.

Свое изложеніе экономической эволюціи, предшествовавшей установленію современнаго порядка авторъ заканчиваетъ обзоромъ экономической политики послѣднихъ трехъ столѣтій. Указывая причины, благодаря которымъ буржуазные интересы и пропитанныя ими экономическія теоріи получили господство въ эпоху большихъ національныхъ государствъ, авторъ утверждаетъ, что враждебное отношеніе къ принципу ассоціаціи вызвало борьбу противъ оставшихся формъ аграрнаго коммунизма, и что причинъ окончательнаго его исчезновенія надо искать внѣ сферы чисто экономическихъ отношеній. По мнѣнію автора, община пала жертвой не экономическаго прогресса, а торжества буржуазіи, какъ сельской, такъ и городской. Тутъ авторъ раздѣляетъ нераздѣльное: это торжество вѣдь было создано именно экономической эволюціей. Пусть въ Западной Европѣ на протяженіи вѣковъ, въ теченіе которыхъ совершалось разложеніе аграрнаго коммунизма, способы обработки земли оставались почти тѣ же: они стали другими по завершеніи этого процесса. Вообще же авторъ считаетъ недоказаннымъ, что принципъ совладѣнія препятствуетъ развитію интенсивной культуры. Его аргументы подчасъ очень любопытны, но это слишкомъ сложный вопросъ, чтобы касаться его въ небольшой замѣткѣ.

АНТРОПОЛОГІЯ.

Д-ръ Г. Плоссъ. «Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи».

Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологическое изслѣдованіе Доктора Г. Плосса. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія, дополненнаго и переработаннаго послѣ смерти автора д-ромъ М. Бартельсомъ, подъ ред. д-ра А. Г. Фейнберга. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб. 1898 г. Т. I, ч. I и II. Ц. 10 р., съ пересылкой 11 за все изданіе въ четырехъ полутомахъ. Книга д-ра Плосса представляетъ капитальное изслѣдованіе исторіи женщины преимущественно съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія и этнографіи. Собранный и обработанный авторомъ матеріалъ громаденъ, освѣщая значеніе и положеніе женщины у всевозможныхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Авторъ излагаетъ всѣ ему извѣстныя данныя о положеніи женщинъ, начиная съ дѣтства и до ея смерти, послѣдовательно разсматривая отношеніе къ ней человѣческаго общества въ дикомъ и культурномъ состояніи. Авторъ стоитъ вездѣ на чисто фактической точкѣ зрѣнія, не позволяя себѣ никакихъ обобщеній или выводовъ, какъ бы они ни казались соблазнительны для приверженца той или иной партіи, избѣгая всякихъ «за» и «противъ» женскаго вопроса, что прибавляетъ еще одно положительное достоинство къ его труду. Самъ онъ не скрываетъ, что не принадлежитъ къ сторонникамъ женской эмансипаціи, но нигдѣ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ воспользоваться имѣющимися въ его рукахъ данными противъ женскаго движенія. На ряду съ своими взглядами, онъ приводитъ и взгляды сторонниковъ, хотя этой стороны женскаго вопроса онъ касается мало и лишь во введеніи, въ общей главѣ о психологіи женщины (стр. 27—36). Остановимся на нѣкоторыхъ очень интересныхъ данныхъ о женщинѣ въ антропологическомъ отношеніи.

Изъ сравненія величины тѣла мужчины и женщины оказывается, что туловище мужчины короче половины всего роста, такъ что ноги длиннѣе туловища, у женщины туловище равно половинѣ длины тѣла. Наибольшей величины мужчина достигаетъ въ 30 лѣтъ и наибольшаго вѣса въ 40, женщина же достигаетъ максимальнаго вѣса въ 50 лѣтъ. Въ общемъ вѣсъ мужчины колеблется отъ 51.453 килогр. до 83.246, средній—62.049 кил. или приблизительно около $3^1/_2$ пудовъ, вѣсъ женщины минимальный—36.777 килогр., максимальный—73.983, средній—54.877, или около 3 пуд. 10 фунтовъ. Емкость черепа у разныхъ народовъ крайне различна, но вообще средняя емкость мужского черепа больше женскаго, причемъ отношеніе между ними можетъ быть выражено какъ 100 : 90. Соотвѣтственно и всѣ размѣры отдѣльныхъ частей головы и лица меньше, что особенно замѣтно въ развитіи нижней челюсти, которая у женщины меньше мужской по вѣсу и объему, приблизительно, на $^1/_4$. Но замѣчательно, что верхніе средніе рѣзцы у женщины и относительно, и абсолютно шире, чѣмъ у мужчины. Вѣсъ мозга, послѣ многихъ изслѣдованій разными учеными, опредѣляется въ среднемъ около 1.222 граммовъ, меньше мужского на 126—164 грамма. Что касается относительнаго вѣса мозга, то по однимъ изслѣдованіямъ онъ то же меньше, чѣмъ у мужчинъ (Броунъ, Рюдингеръ), по другимъ (Топинаръ) нѣсколько больше. Ранке заключаетъ такъ: «если по строенію разбираемаго нами органа судить вообще о его функціональной способности,то мы, согласно съ прежними наблюденіями по этому вопросу, должны признать, что функціональная способность женскаго мозга для средней женщины стоитъ нѣсколько выше, чѣмъ таковая же для средняго мужчины. Но, съ другой стороны, должно замѣтить, что среди мужчинъ больше, чѣмъ среди женщинъ,такихъ индивидуумовъ, развитіе мозга, слѣдовательно, и мозговая дѣятельность которыхъ превышаетъ средній уровень».

Статистика рождаемости и смертности тоже указываетъ на рѣзкія различія между обоими полами. Такъ, на 100 дѣвочекъ въ среднемъ рождается 105 мальчиковъ, по даннымъ для 32 странъ. Только въ центральной Австраліи этотъ законъ поразительно нарушается—на одного мальчика тамъ родится 4 дѣвочки. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что здѣсь же сильнѣе всего развито дѣтоубійство, которое объясняется отчасти такимъ громаднымъ перевѣсомъ въ числѣ рождающихся дѣвочекъ. Далѣе вышеупомянутый законъ получаетъ совсѣмъ обратную формулу. Не смотря на то, что мальчиковъ въ дѣтскомъ возрастѣ умираетъ больше, чѣмъ дѣвочекъ, въ концѣ концовъ получается избытокъ женскаго населенія, и по даннымъ для Европы отношеніе между мужскимъ населеніемъ и женскимъ, въ дѣтствѣ равное 105 : 100, превращается въ 100 : 102,1. Что касается смертности, то для всей Европы въ среднемъ на 100 мужчинъ умираетъ 108 женщинъ (въ Россіи 105).

Очень интересны данныя относительно самоубійствъ. Какъ общій законъ, статистика установляетъ, что женщины меньше мужчинъ прибѣгаютъ къ самоубійству. Бертильонъ на основаніи больше чѣмъ 54.000 самоубійствъ, пришелъ къ выводу, что «въ равный періодъ времени покончило самоубійствомъ въ три раза больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ». Въ статистикѣ преступленія женщина играетъ тоже меньшую роль. Изъ любопытной таблицы у Плосса оказывается, между прочимъ, что чѣмъ промышленнѣе и развитѣе страна въ культурномъ отношеніи, тѣмъ больше женщинъ преступницъ. Такъ, въ Англіи отношеніе числа преступниковъ мужчинъ къ числу женщинъ-преступницъ равно 3 : 1, въ Австріи 4,9 : 1, въ Испаніи 7,3 : 1, въ Россіи 9 : 1. Объясняется это на первый взглядъ странное явленіе тѣмъ, что въ странахъ культурныхъ женщина дѣятельнѣе, ей больше открыто путей для проявленія своей личности и потому чаще случаи различныхъ правонарушеній со стороны женщины.

Въ книгѣ Плосса собранъ богатѣйшій матеріалъ о положеніи женщины въ

различныхъ странахъ. Выводы, которые сами собой напрашиваются изъ сопоставленія этихъ данныхъ, до крайности безотрадны. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ женщина стоитъ почти на уровнѣ домашняго животнаго, и часто съ той лишь разницей, что домашнимъ скотомъ дорожатъ больше, чѣмъ женщиной, какъ, напр., у кафровъ и большинства африканскихъ племенъ. Причины такого отношенія къ женщинѣ вездѣ однѣ и тѣ же—исключительно экономическія условія примитивнаго хозяйства, въ которомъ роль женщины оцѣнивается только съ точки зрѣнія физической силы. Религія вездѣ въ этихъ странахъ,—и даже сравнительно культурныхъ, какъ въ Индіи и Китаѣ,—освящаетъ всю тяжесть такого соціальнаго положенія женщины. Нѣтъ такого насилія, дикаго уродства или извращенія естественнаго на нашъ взглядъ состоянія женщины, которое не было бы обставлено цѣлымъ рядомъ религіозныхъ обрядовъ и особыхъ церемоній. Начиная съ рожденія и до смерти женщина поставлена въ такіе тиски, что невольно только удивляешься, какимъ образомъ всѣ эти дикіе народы не вымерли естественнымъ путемъ. Появленіе на свѣтѣ дѣвочки вездѣ, безъ исключенія, встрѣчается какъ несчастіе, и такое отношеніе до сихъ поръ сохранилось даже въ самыхъ культурныхъ странахъ. Мало того, у большинства восточныхъ народовъ, преимущественно семитовъ, родившаяся дочь считается нечистой, что̀ отразилось и въ кодексѣ Моисея, гдѣ сказано, что родившая сына остается нечистой 7 дней, а дѣвочку—2 недѣли. Это же осталось и въ католическихъ странахъ, гдѣ родившая сына имѣетъ право войти въ церковь на 7-ой день, а дочь—послѣ 6-ти недѣль. У австралійскихъ племенъ и многихъ африканскихъ дѣвочекъ по большей части съѣдаютъ, оставляя лишь самыхъ на видъ лучшихъ. Такимъ образомъ уже съ перваго момента жизни женщина поставлена въ семьѣ на низшей ступени сравнительно съ мужчиной. Чѣмъ дальше, тѣмъ это неравенство возрастаетъ. У самыхъ дикихъ, какъ у папуасовъ и племенъ центральной Африки, женщина въ одно и то же время вьючное животное, единица мѣры при торговомъ обмѣнѣ и запасъ пищи на случай голода, такъ какъ ее съѣдаютъ прежде всего. Она же является самымъ выгоднымъ товаромъ въ странахъ болѣе культурныхъ, гдѣ на нее смотрятъ, какъ на объектъ наслажденія. Наконецъ, въ еще болѣе культурныхъ, какъ Индія или Китай, она уже признается чѣмъ-то въ родѣ человѣка, но съ большими ограниченіями. По законамъ Ману, женщина должна всю жизнь быть въ подчиненіи у мужчины: въ дѣтствѣ она подчинена отцу, въ зрѣломъ возрастѣ мужу, подъ старость сыну. Браки съ малолѣтними, столь распространенные въ Индіи, освящены закономъ и опираются въ сознаніи народа на священныя правила. Въ Китаѣ жена зависитъ отъ мужа всецѣло, онъ можетъ ее убить, не отвѣчая за это передъ закономъ. Мы не можемъ привести здѣсь выдержекъ изъ Плосса, въ которыхъ описываются всѣ звѣрства надъ женщиной, съ цѣлью сдѣлать ее болѣе удобнымъ и привлекательнымъ предметомъ, чтобы увеличить ея стоимость, какъ товара.

Книга Плосса можетъ имѣть большое значеніе для правильнаго пониманія женскаго вопроса. Она, быть можетъ, помимо воли автора, показываетъ, что этотъ вопросъ коренится въ сокровеннѣйшихъ устояхъ общества, и по мѣрѣ развитія культуры долженъ играть все большую и большую роль въ ряду другихъ соціальныхъ вопросовъ. Въ вышедшихъ двухъ частяхъ мы имѣемъ преимущественно антропологическую основу вопроса. Въ двухъ послѣдующихъ авторъ описываетъ преимущественно соціальную сторону положенія женщины. Книга снабжена массою рисунковъ и таблицъ, что̀ дѣлаетъ ее еще интереснѣе и доступнѣе.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го февраля по 15-е марта 1899 года.

Проф. Хвольсонъ. Курсъ физики. Т. III. Съ 230 рис. въ текстѣ. Изд. Риккера. Спб. 1899. Ц. 5 р.

А. Бине и В. Анри. Умственное утомленіе. Съ 93-мя рис. и діаграммами. Изд. редакціи журн. «Вѣстникъ Воспитанія». Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

А. Тарутинъ. Стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Минцловъ. Женское дѣло. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Одесса. 1899. Ц. 1 р.

Сочиненія Шелли. Освобожденный Прометей. Пер. съ англ. К. Бальмонта. Вып. 6-й. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Семейный университетъ. Сборникъ популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ I, т. I. вып. I. Спб. 1899. Цѣна 5 вып. I курса 10 р.

П. Накрохинъ. Идилліи въ прозѣ. Разсказы. Спб. 1899. Ц. 1 р.

М. Покровская. Популярныя статьи по гигіенѣ. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Петиссонъ Мюръ. Химія огня (съ 17 рис.). Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899. Ц. 85 к.

Дарвинизмъ и теорія познанія. Изд. Дарвинистической библіотеки. Вып. I. Спб. 1899. Цѣна кажд. вып. 50 к.

Внѣшкольное народное образованіе въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Сост. В. Гебель, съ прилож. статьи «Очеркъ исторіи развитія общественныхъ и народныхъ библіотекъ въ Россіи. Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Ж. Буссинеска. Анализъ безконечно малыхъ. Т. I. Часть I (Элементарный курсъ). Москва. 1899.

Генри Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ, пер. съ англ. Ив. Бунина. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки изъ исторіи всемірной торговли. Сост. М. Соболевъ. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 1 р.

Н. Кабановъ. Роль наслѣдственности въ этіологіи болѣзней внутреннихъ органовъ. Диссертація. Москва. 1899.

О. Гутманъ. Гимнастика голоса. Съ 5-го нѣм. изданія. Спб. 1899. Ц. 60 к.

О. Кулюкинъ. Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьковъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Матеріалы по киргизскому землепользованію Акмолинской обл. Т. I. Кокчетавскій уѣздъ. Воронежъ. 1898.

Д-ръ Брусиловскій. Лѣченіе хроническаго очлененнаго ревматизма. Одесса 1899.

Б. Григорьевъ. Стихотворенія. Т. I. Москва. 1899. Ц. 75 к.

В. Львовъ. Курсъ эмбріологіи позвоночныхъ. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Магда Нейманъ. Армяне. Краткій очеркъ изъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Э. Золя. Штурмъ мельницы. Изд. Хоге. Москва. 1899. Ц. 30 к.

«Колосья». Сборникъ стихотвореній. Изд. Бохана. Минскъ. 1899. Ц. 75 к.

Д. Шантепи-де-ля Соссей. Иллюстрированная исторія религій. Вып. IX. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899.

Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1898 годъ. Изд. тверск. губернск. земства. Тверь. 1899.

Д. С. Миль. Система логики. Вып. VI. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Москва. 1899. Ц. 6-ти вып. 3 р.

Географія Россійской Имперіи, сост. Спиридоновъ. Изд. II. Спб. 1899. Ц. 45 к.

Ив. Порошинъ. Русалка и др. разсказы. Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Труды ветеринарнаго отдѣленія Саратовской губернской земской управы. Т. III. Саратовъ. 1898.

Двадцатипятилѣтіе Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. Нижній-Новгородъ. 1899.

Коммерческая энциклопедія М. Ротшильда. Изд. В. Э. Форселлеса. Вып. I и XI. Подп. цѣна 2-хъ т. 10 р.

Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. Сост. Балталонъ. Изд. 3-е. Москва. 1899. Ц. 55 к.

Матеріалы для оцѣнки земель Владимірской губ. Т. I. Вып. I и II. Владиміръ. 1898. Ц. кажд. вып. 1 р.

Инструкція Красноярской городской управѣ. Красноярскъ. 1899.

В. Романовскій. «Наказъ» Императрицы Екатерины II. Тифлисъ. 1899. Ц. 20 к.

В. Гуторъ. Первые уроки пѣнія. Вып. I. Москва. 1899. Ц. 1 р. 20 к.

Матеріалы къ вопросу объ участіи псковскаго губ. земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія. Вып. II. Псковъ. 1899.

Сборникъ статей и справочныхъ свѣдѣній по Влад. губ. Вып. I. Изд. Владимірской губернской земской управы. Владиміръ. 1898.

Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра. Изд. Ю. Р. Общества печ. дѣла. Одесса. 1899. Ц. 15 к.

Плято Рейсснеръ. Русско-польскій и польско-русскій самоучитель. Вып. I. Ц. 10 к.

Его же. Польско-французскій самоучитель. Вып. I. Варшава. 1899. Ц. 15 к.

Крестьянское хозяйство (ежемѣсячный иллюстрированный журналъ). Спб. 1899. Ц. 1 р.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

SCHICKSALSMENSCH.

По поводу «Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck». Stuttgart 1898.

I.

Въ концѣ минувшаго года въ европейской политической литературѣ произошло событіе исключительной важности: въ ноябрѣ, одновременно на четырехъ языкахъ, явилась книга, подписанная едва ли не самымъ громкимъ именемъ нашего столѣтія,—именемъ князя Оттона Бисмарка. Этихъ *мыслей и воспоминаній* ждали давно и съ нетерпѣніемъ. Было извѣстно, что князь усердно занялся подведеніемъ итоговъ своей дѣятельности немедленно послѣ отставки. Окончательный разрывъ съ молодымъ повелителемъ засталъ министра, привыкшаго считать себя безсмѣннымъ и незамѣнимымъ, совершенно врасплохъ. Незадолго князь, бесѣдуя съ русскимъ императоромъ, рѣшительно заявлялъ: «Я увѣренъ, что останусь министромъ на всю жизнь», и вдругъ ударъ, навсегда отнявшій власть и развѣнчавшій провиденціальнаго человѣка Германіи въ просто country gentleman'а.

Было отчего вознегодовать и утратить равновѣсіе духа, и Бисмаркъ не скрывалъ своихъ сильныхъ чувствъ. Европа по временамъ слышала ревъ раненаго льва, и творцы «новаго курса» невольно приходили въ страхъ и смущеніе отъ мѣткихъ, часто неотразимыхъ издѣвательствъ оскорбленнаго отшельника. Дѣло дошло до того, что германское правительство вынуждено было защищаться предъ державами и просить ихъ не считать бисмарковскихъ откровенностей фактами оффиціальной политики.

Но Бисмаркъ оставался неукротимымъ. Казалось, въ годы опалы къ нему вернулось былое юношеское остроуміе, озлобленное чувство горечи и обиды имѣло въ распоряженіи богатѣйшій историческій матеріалъ и канцлеръ пользовался имъ, нисколько не стѣсняясь ни самолюбіемъ, ни высокимъ положеніемъ своихъ жертвъ. Одновременно съ періодическими набѣгами на нихъ въ печати писались мемуары. Длинные зимніе вечера посвящались этой работѣ, въ высшей степени оживленной, даже страстной: Бисмаркъ и здѣсь сводилъ счеты съ своими недругами и невѣрными друзьями. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ глубже и напряженнѣе становилась личная страсть. Въ 1894 году сконча-

лась супруга Бисмарка, служившая для него поддержкой и утѣшеніемъ, немного спустя умеръ самый близкій наперсникъ, преданнѣйшій повѣренный всяческихъ тайнъ Бухеръ. Его назначеніемъ было сглаживать и исправлять тѣ мѣста *Воспоминаній*, гдѣ мстительныя настроенія канцлера накладывали на факты и мысли ужъ слишкомъ яркія краски. По смерти Бухера, автобіографія Бисмарка должна была остаться въ первобытной, въ высшей степени яркой, и—тѣмъ менѣе *исторической* формѣ.

Обстоятельство, нисколько не отнимавшее интереса у произведенія Бисмарка, напротивъ, повышавшее пикантность разоблаченій и оригинальность приговоровъ. На книгу жадно набросилась вся европейская печать. Журналы поспѣшили дать самые пространные отчеты, сообщить своимъ читателямъ обширныя выдержки въ видѣ образчиковъ бисмарковскаго литературнаго таланта. Нѣкоторыя періодическія изданія помѣстили даже по нѣскольку статей, и писались они депутатами, сенаторами или многоопытными дипломатами, очевидцами дѣятельности Бисмарка. Можно сказать, ни одна книга за весь девятнадцатый вѣкъ не вызвала такого обилія толкованій, сужденій и самыхъ противоположныхъ чувствъ. И имъ предстоитъ еще очень продолжительное будущее. Бисмаркъ оставилъ слишкомъ прочное *реальное* наслѣдство, чтобы міръ скоро могъ сдать въ архивъ его личную и политическую исповѣдь.

И все-таки, если пристально и вполнѣ хладнокровно вникнуть въ литературное завѣщаніе Бисмарка, само по себѣ оно врядъ ли окажется достойнымъ такой шумной вемірной славы. Тайна громаднаго успѣха, какъ это безпрестанно случается, не въ самомъ произведеніи, а въ имени автора. Будь всѣ эти мысли пущены въ оборотъ не подъ фирмой объединителя Германіи и царя европейскихъ дипломатовъ, публика и печать могли бы остаться безучастными. Онѣ и теперь имѣютъ полное основаніе въ сильной степени понизить свое обычное представленіе о величіи канцлера именно какъ политика и отвести его геніальности опредѣленный и далеко не всеобъемлющій кругъ. Они прежде всего должны обратить вниманіе на громадный, совершенно необъяснимый пробѣлъ, допущенный Бисмаркомъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Едва ли не труднѣйшимъ вопросомъ внутренней политики канцлера была борьба съ соціалъ-демократіей. Именно она вызывала энергичнѣйшія мѣры Бисмарка, подвергала жестокимъ искусамъ его общепризнанный государственный геній, вынуждала на грубую физическую расправу съ противниками, и эта же борьба еще при жизни канцлера обнаружила безплодность его усилій подавить идейное движеніе силой хотя бы и желѣзной власти.

Для насъ было бы въ высшей степени любопытно слышать отъ самого борца объ этомъ поединкѣ. Онъ, по крайней мѣрѣ въ двухъ доселѣ вышедшихъ томахъ своихъ записокъ, предпочитаетъ миновать не совсѣмъ пріятный вопросъ и вознаградить читателя основательнѣйшими подробностями на счетъ своихъ безчисленныхъ побѣдъ надъ дипломатами, вообще надъ Европой. Мы были бы также очень обязаны автору за сообщенія другого рода, именно какъ развивалось его политическое и нравственное міросозерцаніе, какъ онъ росъ духовно и постепенно усвоивалъ идеи, съ какими явился властителемъ одного изъ культурнѣйшихъ народовъ міра.

И на этотъ счетъ образцовая краткость и скромность. *Воспоминанія* открываются общимъ заявленіемъ, что авторъ въ средней школѣ почерпнулъ пантеистическія и республиканскія воззрѣнія и колебался надъ рѣшеніемъ вопроса, какъ это милліоны людей могутъ повиноваться одному человѣку? Но всѣ эти колебанія не повлекли ни къ какимъ даже ближайшимъ послѣдствіямъ. «Мои историческія сочувствія—говоритъ Бисмаркъ,—остались на сторонѣ авторитета. Гармодій и Аристогитонъ, даже Брутъ для моего дѣтскаго правоваго чувства (fur mein Kindliches Rechtsgefühl) были преступниками и Телль бунтовщикомъ и убійцей». Послѣ столь рѣшительныхъ заявленій неизвѣстно, зачѣмъ намъ только что сообщено было о пантеизмѣ и республиканскихъ теоріяхъ. Повидимому, даже малѣйшей борьбы, хотя бы въ области отвлеченной мысли, Бисмаркъ не испыталъ ни въ молодости, ни позже. Онъ родился готовымъ *практикомъ* независимо отъ какихъ бы то ни было школьныхъ или житейскихъ вліяній. Достаточно было простыхъ *впечатлѣній*, чтобы пробудить въ натурѣ Бисмарка прирожденныя политическія стремленія.

И онъ сообщаетъ объ этихъ впечатлѣніяхъ. При взглядѣ на карту имъ овладѣвало чувство мести и жажда войны: онъ не могъ спокойно видѣть, что Страсбургъ числится во французскихъ владѣніяхъ. Тотъ же самый процессъ и въ вопросахъ внутренней политики. Со всѣмъ строемъ его личности не мирилась мысль, будто какіе-то представители, на основаніи какихъ-то профессорами измышленныхъ правъ, могутъ критиковать верховную волю прусскаго короля. Эта критика такой же бунтъ, какъ и возстаніе Телля, даже хуже: презрѣнная интрига, основанная на безсмысленной болтовнѣ и лжи.

Это презрѣніе Бисмарка къ политическимъ фактамъ, разъ они противорѣчатъ его инстинктамъ, основной руководящій мотивъ всей его дѣятельности. Воспоминанія переполнены именно чувствомъ презрѣнія, это—настоящая поэма особой своеобразной мизантропіи—холодной, убѣжденной безъ единаго проблеска грусти или сожалѣнія о человѣческой слабости. Практически это грозная воинственная сила, неспособная считаться ни съ какими средствами и личностями, это взглядъ на людей правыхъ или виноватыхъ, смотря по тому, согласны ли они съ мнѣніями героя, или противорѣчатъ имъ.

И съ этой точки зрѣнія Бисмаркъ оцѣниваетъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться во внѣшней или во внутренней политикѣ. На первыхъ же страницахъ онъ пишетъ удручающую характеристику дипломатовъ. Это, надо думать, самыя жалкія созданія въ глазахъ канцлера, глупыя, тунеядныя и въ высшей степени смѣшныя. Французскій языкъ, и притомъ въ предѣлахъ оберкелльнерскихъ свѣдѣній—высшая точка ихъ стремленій. Дипломатическое призваніе вполнѣ оправдано, разъ кандидатъ въ дипломаты можетъ написать письмо на французскомъ языкѣ. Это общая картина; не лучше и отдѣльныя фигуры: рядомъ съ ними Бисмаркъ даже въ юности является гигантомъ, и не можетъ быть, конечно, и рѣчи объ исходѣ борьбы, разъ на полѣ битвы подобные противники.

Еще эффектнѣе другое сопоставленіе. До *Воспоминаній* Бисмарка всѣмъ были извѣстны его идеальныя чувства къ импера-

тору Вильгельму I. Личность императора казалась чрезвычайно величественной, почти эпической. Европа не сомнѣвалась въ громадной роли, какую прусскій король игралъ въ объединеніи Германіи, и многіе даже склонны были думать, что Бисмаркъ явился въ этомъ вопросѣ только искуснымъ сотрудникомъ. По смерти «стараго императора» образъ его воспринялъ нѣкій легендарный ореолъ, ставившій его въ рядъ средневѣковыхъ витязей старой священной германской имперіи... Явились *Воспоминанія* Бисмарка, и пьедесталъ сразу рухнулъ и ореолъ разсѣялся.

Страницы, посвященныя Бисмаркомъ императору Вильгельму, едва ли не самыя любопытныя. Онѣ съ особенной яркостью освѣщаютъ личность и таланты самого канцлера и знакомятъ насъ съ его обычными практическими пріемами.

Вильгельмъ представлялъ изъ себя крайне зауряднаго человѣка и въ сущности не былъ рожденъ государемъ въ истинномъ смыслѣ слова. Всѣ достоинства его ограничивались честностью и искренностью, собственно королевскіе задатки состояли въ крайне высокой идеѣ о власти монарха. У Вильгельма эта идея носила чисто религіозный характеръ, но практически у короля и позже императора почти никогда не хватало силъ самостоятельно и мужественно оправдывать свое призваніе. Онъ вѣчно находился подъ разными внѣшними вліяніями, и въ особенности своей супруги Августы. Ея воля тяготѣла надъ его мыслью, въ самыя рѣшительныя минуты, онъ обнаруживалъ жалкую безпомощность предъ энергической горячей королевой, и Бисмарку стоило не малыхъ усилій преодолѣвать это рабство и перетягивать своего повелителя на свою сторону.

Эта борьба, очевидно, накипѣла на сердцѣ канцлера. Она занимаетъ очень много мѣста въ его воспоминаніяхъ, до конца остается главнѣйшимъ вопросомъ внутренней политики, какъ ее излагаетъ Бисмаркъ. И надо отдать ему справедливость, онъ умѣетъ достигнуть своей цѣли очень живыми драматическими эпизодами и сценами. Здѣсь канцлеръ является талантливымъ психологомъ-художникомъ и не оставляетъ у насъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своемъ недосягаемомъ умственномъ превосходствѣ надъ императоромъ и его вдохновительницей.

Первый случай представился немедленно послѣ вступленія Вильгельма на престолъ. Новый король питалъ глубокую любовь ко всему военному, имѣть многочисленное и образцово устроенное войско было его задушевнѣйшей мечтой. Но парламентъ сталъ на пути, страсти поднялись до высшей температуры, король перепугался и уже сталъ подумывать объ отреченіи отъ престола. О сопротивленіи парламенту король не смѣлъ и подумать, кругомъ ему нашептывали о судьбѣ Карла I, Людовика XVI и онъ уже видѣлъ себя на эшафотѣ вмѣстѣ съ своимъ министромъ. Бисмарка сравнивали съ Полиньякомъ, Страффордомъ, однимъ словомъ, королева и ея помощники постарались извлечь изъ исторіи всѣ ужасы, подходившіе къ случаю.

Бисмаркъ оказывался одинокимъ, даже военный министръ Роонъ не сочувствовалъ его слишкомъ самодержавнымъ заявленіямъ предъ парламентомъ. Бисмаркъ не отступилъ, онъ встрѣтился съ королемъ наединѣ, и между ними произошла сцена, въ высшей степени поучительная и по содержанію, и по смыслу.

Бисмаркъ нашелъ короля въ полномъ упадкѣ духа, Вильгельмъ прямо заявилъ ему о предстоящей казни ихъ обоихъ. Тогда Бисмаркъ произнесъ горячую рѣчь, доказывалъ, какъ недостойно монарха безъ борьбы подчиняться своей участи, объяснилъ малодушное поведеніе Людовика XVI и Карла I, воззвалъ къ чувству военной чести, и въ заключеніе одержалъ побѣду.

Замѣчателенъ общій психологическій выводъ. Король—идеальный типъ прусскаго офицера, ни болѣе, ни менѣе. Онъ все, что угодно, сдѣлаетъ, но только *по командѣ*, лишь бы не разсуждать и не нести личной отвѣтственности. Но бѣда, если предъ такимъ исполнителемъ возстаетъ призракъ чьей бы то ни было критики, на него направленной, начальства или общественнаго мнѣнія: мгновенно пропадаетъ всякая энергія. Такъ и Вильгельмъ. До встрѣчи съ Бисмаркомъ онъ ужасался нагоняя отъ супруги, порицанія отъ разныхъ политиковъ, Бисмаркъ сразу поставилъ его въ положеніе фрунтового воина, и онъ подчинялся его волѣ, какъ это сдѣлалъ бы всякій прусскій офицеръ по приказу высшаго начальства.

Бисмаркъ видимо съ наслажденіемъ разсказываетъ и подробно разъясняетъ все приключеніе. Читатель долженъ разъ навсегда убѣдиться, какъ велика была личная нравственная сила министра и какъ пассивна, *механична* натура его государя.

Не лучше и портретъ императрицы Августы.

Эта женщина—настоящій кошмаръ для Бисмарка. Онъ не можетъ спокойно вспоминать о ней, она умѣла отравлять лучшіе моменты его власти, угрожать ему утратой только что достигнутыхъ результатовъ и вѣчно держать въ томительномъ страхѣ; вотъ внезапно перемѣнится настроеніе ея августѣйшаго супруга и «вся постройка» канцлера рушится въ прахъ.

Что руководило неумолимой пожизненной оппозиціей Августы? По словамъ Бисмарка, менѣе всего какая-нибудь опредѣленная идея, просто даже прямая практическая цѣль. Королева интриговала просто ради удовлетворенія личнаго самолюбія. Она желала въ своей особѣ воплощать правительство, всякая власть внѣ ея была ей ненавистна просто какъ власть независимо отъ направленія и самихъ обладателей властью. Бисмаркъ вполнѣ опредѣленно выражается: если правительство было консервативно, Августа собирала вокругъ себя либераловъ и съ помощью ихъ мѣшала предпріятіямъ министерства. Если правительство начинало относиться благосклонно къ либераламъ, императрица принималась поощрять консерваторовъ и особенно католиковъ. То же самое и во внѣшней политикѣ. У императрицы всегда имѣлось свое анти-министерство и, напримѣръ, она защищала интересы Австріи даже въ началѣ австро-прусской войны.

Положеніе вещей бывало тѣмъ болѣе тягостнымъ, что императоръ, безъ всякой критики, подчинялся внушеніямъ супруги. Если онъ самолично додумывался до какой-либо идеи, враждебной планамъ канцлера, переубѣдить его было не трудно: здравый смыслъ, по словамъ Бисмарка, и логика фактовъ брали свое. Но горе, если Вильгельмъ являлся съ мнѣніями своей жены! Тогда рѣчь его становилась сбивчивой, разсужденія странными и совершенно нелогическими, а между тѣмъ роковое внушеніе тяготѣло надъ

слабымъ духомъ. Прижатый къ стѣнѣ, императоръ обыкновенно восклицалъ въ безъисходной тоскѣ: «Кончимъ же, наконецъ!» И въ оправданіе приводились соображенія, отнюдь не способныя умиротворить канцлера;—въ родѣ «жена моя—горячая голова» и «что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?»

Легко представить, сколько ловкости и энергіи требовалось Бисмарку вести эту непрерывную войну! Но оставаться побѣдителемъ онъ привыкъ съ самого начала, его могъ раздражать только процессъ борьбы; исходъ былъ заранѣе извѣстенъ.

Слѣдующая императрица, Викторія, также оказалась на политическихъ путяхъ Бисмарка и здѣсь соперничество грозило несравненно болѣе серьезное, чѣмъ капризная легкомысленная фронда предшественницы. Супруга Фридриха III также неограниченно вліяла на мужа, но она твердо знала, чего хотѣла. Понималъ это и Бисмаркъ, жестоко укоряя Викторію въ ея неизмѣнныхъ прирожденныхъ англійскихъ идеалахъ. Онъ имѣлъ основанія бояться, какъ бы «англичанка» не поколебала устоевъ прусской внутренней и внѣшней политики, и Фридрихъ III обнаруживалъ всѣ данныя «желѣзнаго канцлера» замѣнить другимъ, болѣе близкимъ его уму и сердцу. Смерть рѣшила вопросъ въ пользу Бисмарка. Но торжество продолжалось не долго: гроза пришла совершенно неожиданно и съ той стороны, гдѣ, казалось, все было ясно...

Но, во всякомъ случаѣ, паденіе не нанесло смертельнаго удара историческому величію Бисмарка. На первыхъ порахъ обнаружилась-было обычная человѣческая доблесть: вокругъ Бисмарка образовалась пустота. Верховная опала превратила отставку въ изгнаніе. Но виновникъ опалы не обнаружилъ ни таланта, ни достоинства, равносильныхъ его юпитеровскому разсчету съ основателемъ германской имперіи. Первое впечатлѣніе прошло, нѣмцы быстро постигли своего новаго кормчаго, сравнили съ прежнимъ, и ореолъ Бисмарка засіялъ новымъ ослѣпительнымъ блескомъ затѣмъ, чтобы ужъ больше не померкнуть до самой его смерти.

Убѣжище канцлера превратилось въ Мекку нѣмецкихъ патріотовъ. Не проходило мѣсяца безъ паломничествъ и рѣчей изгнанника, звучавшихъ и теперь все также громко и властно. Заграницей не менѣе внимательно прислушивались къ этимъ рѣчамъ и говорили: вотъ истинно національный герой новой Германіи *)!

Когда, наконецъ, смерть прекратила паломничества и рѣчи, самые разсудительные и просвѣщенные соотечественники покойника писали: «до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать наша планета и на землѣ жить люди, имъ будутъ называть Бисмарка, какъ одного изъ людей, давшихъ имя своему столѣтію... Девятнадцатый вѣкъ будетъ названъ вѣкомъ Бисмарка». И нѣмцы находили, что міръ обѣднѣлъ послѣ кончины Бисмарка, даже трудно мыслить міръ безъ Бисмарка, и остается одно утѣшеніе, желать, чтобы *его* геній и его перваго императора бодрствовалъ надъ созданной имъ имперіей... **),

Мы видимъ, канцлеръ остался побѣдоноснымъ и при жизни, и за гробомъ. Геній императора даже упоминается всуе: такого

*) *Nuova Antologia*, 1899, 16 gennaio, p. 314.
**) *Deutsche Rundschau*, 1898, September.

вовсе не было, все создано однимъ Бисмаркомъ. Это мы знаемъ отъ него самого и послѣ его *Воспоминаній* честь объединенія Германіи должна принадлежать ему безраздѣльно. Онъ выше всѣхъ цѣлой головой, и дипломатовъ, и государей, и, несомнѣнно, такой портретъ собственной особы желалъ нарисовать авторъ. Но онъ не достигъ болѣе общей цѣли: не успѣлъ изобразить себя высокимъ безъ сравненія съ завѣдомыми ничтожествами. Онъ допустилъ извѣстную наполеоновскую ошибку, повторенную, впрочемъ, всѣми надменными повелителями человѣческаго стада. Они до послѣдней степени принижаютъ матеріалъ, подлежавшій ихъ воздѣйствію, и забываютъ, что этимъ самымъ они подрываютъ у насъ вѣру въ ихъ исключительное могущество. Немного чести властвовать надъ глупцами и посредственностями. А именно такого рода созданія проходятъ передъ нами въ воспоминаніяхъ и Наполеона, и Бисмарка. Императоръ Вильгельмъ развѣнчанъ окончательно, дипломаты осмѣяны безнадежно, но всѣ эти посягательства не миновали и самого побѣдителя. Онъ великъ среди слишкомъ маленькихъ людей. А если мы еще припомнимъ, что отъ разсказа о важнѣйшихъ своихъ затрудненіяхъ во внутренней политикѣ онъ уклонился, выводъ получится отнюдь не восторженный. И мы логически должны признать *Мысли и Воспоминанія* не исторіей, а чисто юридической рѣчью pro domo sua. Бисмаркъ строилъ себѣ памятникъ нерукотворный, тщательно выбирая подходящій матеріалъ, свободно обтесывая камни и невозбранно возвышая пьедесталъ до какихъ угодно размѣровъ. Въ результатѣ получилась книга, требующая многочисленныхъ критическихъ примѣчаній, предстала предъ читателемъ *парадная* фигура на чрезвычайно искусно обставленной сценѣ.

Мы попытаемся представить героя и пьесу въ менѣе торжественной и болѣе естественной картинѣ. Никакихъ экстренныхъ откровеній и углубленій въ государственныя тайны намъ не потребуется: мы просто припомнимъ факты, или опущенные самимъ Бисмаркомъ, или оставленные имъ безъ должнаго освѣщенія. Работа въ высшей степени поучительная: она лишній разъ покажетъ намъ, на какихъ пьедесталахъ красуются обыкновенно сверхъчеловѣки и какой смыслъ имѣетъ эта красота для всего бѣднаго человѣчества.

II.

Поклонники Бисмарка чаще всего выставляютъ на видъ одно достоинство своего героя: ясное сознаніе своихъ цѣлей и неуклонное стремленіе къ нимъ. Это—*воплощенная воля*, направленная по строго опредѣленному, безусловно неизмѣнному и для всѣхъ ясному плану: Гогенцоллерны должны неограниченно владычествовать надъ Пруссіей, Пруссія надъ Германіей, Германія надъ Европой. Вотъ и вся политика и философія Бисмарка, она дана ему самой природой, она тождественна съ его инстинктами, можно сказать, сливается съ его непосредственными вкусами и физическими влеченіями. А такъ какъ инстинктъ не станетъ вступать въ сдѣлки, подчиняться идеѣ или нравственному чувству, то и цѣльность бисмарковской дѣятельности обезпечена ея основнымъ вдохновляющимъ мотивомъ.

И цѣльность дѣйствительно поразительная!

Нѣкоторое время Бисмаркъ находится на распутьѣ. Въ университетѣ онъ учится плохо, не разъ проваливается на экзаменахъ, беретъ даже репетитора и сдаетъ государственный экзаменъ, но какъ и когда—остается неизвѣстнымъ. Вообще научный багажъ самый легковѣсный, но зато двадцать восемь дуэлей, почетная рана въ лицо и бурный неукротимый характеръ. Онъ мѣшаетъ Бисмарку приспособиться къ какой бы то ни было службѣ, требующей подчиненія. Бисмаркъ задыхается въ чиновничьей канцеляріи, возстаетъ противъ военной дисциплины и спасается на годъ въ деревню. Здѣсь бѣшеная скачка верхомъ смѣняется оргіями, Бисмаркъ быстро во всей округѣ пріобрѣтаетъ славу перваго кутилы, о величинѣ его пивной чаши разсказываютъ легенды и эта популярность нагоняетъ такой ужасъ на чинныхъ матерей семействъ, что Бисмаркъ рискуетъ получить отказъ въ рукѣ любимой дѣвушки. На его счастье, молодая особа держалась совсѣмъ другого взгляда на подвиги своего поклонника, чѣмъ мать, и счастливый бракъ состоялся.

Одновременно открывается политическая карьера. Бисмаркъ является въ прусскій сеймъ. Ему предшествуетъ извѣстность отчаяннаго охотника и любителя шумныхъ кутежей, но это было не все. Члены сейма, да, вѣроятно, и собутыльники Бисмарка не знали, что онъ какимъ-то путемъ ухитрился перечитать множество нужныхъ ему книгъ, по исторіи Германіи и Англіи, углублялся даже въ старинныя лѣтописи, отыскивая всюду германскій духъ и открывая его, разумѣется, въ полномъ соотвѣтствіи съ своими гогенцоллернскими страстями. Теперь онъ явился во всеоружіи фактовъ и цифръ, заранѣе предвкушая обязательную побѣду надъ идеологами и конституціоналистами. Гигантскій ростъ, совершенно демократическое лицо съ громадными сѣрыми глазами, обладавшими способностью смущать и очаровывать и при этомъ непобѣдимая самоувѣренность стараго дуэлиста и искателя приключеній: сеймъ немедленно почувствовалъ вліяніе нѣкоего мощнаго духа въ первыхъ же рѣчахъ Бисмарка.

Онъ не преминулъ изложить свою откровенную исповѣдь и безъ всякихъ колебаній заявилъ себя рѣшительнымъ реакціонеромъ. Онъ дерзнулъ отрицать фактъ, всѣми признанный, будто Пруссія со временъ борьбы противъ Наполеона желаетъ конституціи. Ничего подобнаго! Она просто хотѣла прогнать врага и жить по старому со своими королями... Услышавъ такую ересь, сеймъ пришелъ въ негодованіе, крики покрыли рѣчь оратора, но ни на минуту не смутили его: онъ преспокойно вынулъ изъ кармана газету и принялся читать ее, пока народные представители шумѣли. Когда шумъ прекратился, Бисмаркъ началъ снова свою рѣчь и закончилъ ее съ надлежащимъ эффектомъ: «Мнѣ напоминаютъ, что я молодъ и что я еще ничего не сдѣлалъ для страны, будьте покойны, можетъ быть, не далекъ день, когда я сдѣлаю все, чего я, по вашимъ упрекамъ, не сдѣлалъ».

Это происходило наканунѣ іюльской революціи. Вѣтеръ дулъ, повидимому, совсѣмъ не въ сторону отважнаго монархиста. Парижскія событія обезпокоили прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV: переворотъ онъ приписывалъ недостатку либерализма въ правле-

ніи Людовика-Филиппа. Бисмаркъ думалъ совершенно иначе—точь-въ-точь, какъ Наполеонъ во время великой революціи. Онъ дрожалъ отъ гнѣва при одной мысли о побѣдѣ улицы надъ войскомъ. Онъ не понималъ, почему король не очистилъ города хорошимъ залпомъ изъ митральезы? Этого мало: въ сущности слѣдовало бы уничтожить всѣ большіе города, какъ очаги революцій. У Бисмарка спросили, какъ бы онъ распорядился, находясь у власти? «Висѣлица была бы на очереди дня»,—отвѣчалъ будущій канцлеръ и не преминулъ подтвердить свою идею на дѣлѣ.

Онъ страстно возсталъ противъ амнистіи участникамъ мартовской революціи. Онъ подвергъ жестокому издѣвательству теоретическихъ политиковъ: «Они со временъ *Общественнаго договора* Руссо ничему не научились и ничего не забыли и ихъ фантазіи въ полгода стоили націи больше крови, денегъ и слезъ, чѣмъ абсолютизмъ въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ». Очевидно, на языкѣ Бисмарка не была пустымъ словомъ *висѣлица* и не для мелодраматическихъ эффектовъ онъ говорилъ о крови и мести. Ежеминутно онъ лично готовъ былъ отмстить и пролить кровь.

Однажды, вечеромъ, въ пивной одинъ изъ посѣтителей дурно отозвался о королевской семьѣ. Бисмаркъ всталъ съ мѣста и крикнулъ: «Убирайтесь вонъ; если вы не уйдете, пока я опорожню эту кружку, я разобью ее о вашу голову!» Несчастный не повѣрилъ угрозѣ, но Бисмаркъ, спокойно выпивъ пиво, разбилъ кружку о черепъ либерала и тотъ упалъ, обливаясь кровью.

Даже король чувствовалъ себя неловко предъ этимъ средневѣковымъ забіякой. Бисмаркъ это зналъ и будто гордился оторопью своего повелителя: онъ особенно громко провозглашалъ себя сторонникомъ обскурантизма и средневѣковыхъ убѣжденій. Король не могъ остаться безучастнымъ къ такому самоотверженному оруженосцу его правъ, и будущее Бисмарма было обезпечено. Онъ является на франкфуртскомъ общегерманскомъ сеймѣ и впервые усвоиваетъ глубокую личную ненависть къ Австріи. Онъ всюду сталкивается съ ея притязаніями и оскорбительной надменностью ея представителей. Его прусское сердце переполняется гнѣвомъ. Онъ теперь безповоротно убѣждается въ необходимости выбросить Австрію изъ германскаго союза, унизить ее и подчинить прусскому вліянію. Онъ считаетъ все это вполнѣ достижимымъ. Именно теперь онъ постигаетъ все ничтожество пышныхъ раззолоченныхъ фигуръ, именуемыхъ дипломатами. Его письма къ женѣ переполнены истинно-художественными насмѣшками надъ глубокомысленными вершителями народныхъ судебъ. «Пришлите мнѣ,—пишетъ онъ,—мыловара или школьнаго учителя, вымойте и причешите ихъ и я надѣлаю вамъ изъ нихъ дипломатовъ... Трудно себѣ представить, сколько ничтожества и шарлатанства заключается въ дипломатіи».

Это вступительное разсужденіе къ внѣшней политикѣ. Одновременно Бисмаркъ запасается свѣдѣніями и для будущей министерской и канцлерской дѣятельности. Свѣдѣнія не новыя, но франкфуртскій сеймъ даетъ особенно богатый матеріалъ. Въ письмахъ къ женѣ иронія распредѣляется поровну по адресу дипломатовъ и депутатовъ. Всѣ они одинаково забавны, воображая себя значительными фигурами, и Бисмаркъ не пропускаетъ случая подмѣтить смѣшную или жалкую черту у ненавистныхъ ему людей

всюду—въ сеймѣ, на улицѣ, на балу. Онъ не отказывается отъ развлеченій, его считаютъ даже слишкомъ легкомысленнымъ, онъ, повидимому, большой любитель танцевъ и пустой свѣтской болтовни, но наивные судьи не понимаютъ тонкихъ разсчетовъ веселаго пруссака. Онъ всюду бываетъ затѣмъ, чтобы все видѣть и обо всемъ имѣть личное сужденіе. Не виноватъ же онъ, что дипломатовъ приходится изучать преимущественно на балахъ и въ концертахъ! При случаѣ онъ не затрудняется дать понять, чего онъ стоитъ въ качествѣ прусскаго представителя. Вся Германія была взволнована сценой съ президентомъ сейма, австрійскимъ депутатомъ графомъ Туномъ.

Графъ принялъ Бисмарка, какъ существо низшей расы, не предложилъ ему сѣсть и, не выпуская изо рта сигары. Бисмаркъ самъ пододвинулъ себѣ кресло, вынулъ сигару и попросилъ у Туна огня. Австріецъ онѣмѣлъ отъ изумленія. То же самое произошло и въ самомъ сеймѣ. До Бисмарка президентъ пользовался исключительной привилегіей—курить во время засѣданій. Бисмаркъ и здѣсь обратился къ Туну съ просьбой огня. Это было цѣлымъ событіемъ. Представители немедленно сообщили о немъ своимъ правительствамъ и спустя полгода послѣдовало распоряженіе отъ лица всѣхъ нѣмецкихъ государей курить ихъ депутатамъ въ сеймѣ наравнѣ съ президентомъ. Депутаты, никогда не курившіе, вынуждены были начать курить въ интересахъ политики.

Такой менѣе всего легкомысленный эффектъ могъ вызвать прусскій «освистанный депутатъ»! Даже король затруднялся сначала послать его въ столь важное собраніе, теперь онъ съ любовью слѣдилъ за дѣятельностью своего рыцаря. А Бисмаркъ усиленно изучалъ людей и обстоятельства. Отъ его проницательности не ускользала никакая слабость и ошибки. Одаренный невозмутимой трезвостью взгляда, онъ всегда умѣлъ изъ-за внѣшняго блеска распознать печальную дѣйствительность. Никакое театральство, никакое краснорѣчіе не могли подкупить наблюдателя, и онъ съ первой же встрѣчи съ Наполеономъ III произнесъ убійственный приговоръ. Онъ проникъ въ мелкую и бездарную натуру цезаря, въ его запутанномъ, хотя подчасъ и очень эффектномъ краснорѣчіи распозналъ отсутствіе ясныхъ идей и точно установленныхъ цѣлей, а главное, онъ присмотрѣлся къ общимъ порядкамъ императорской Франціи, оцѣнилъ по достоинству ея армію и оставилъ Парижъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что часъ имперіи и самой Франціи пробьетъ въ недалекомъ будущемъ.

Тѣ же наблюденія и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ. Разсказъ о пребываніи Бисмарка въ русской столицѣ—одна изъ любопытнѣйшихъ главъ его книги, и любопытна она прежде всего совершенно не дипломатическимъ отношеніемъ посла къ той средѣ, гдѣ ему пришлось дѣйствовать въ качествѣ министра своего государя. Недаромъ онъ такъ безпощадно издѣвался надъ заурядными дипломатами, онъ самъ является въ чужую страну не затѣмъ, чтобы получать и представлять ноты и циркуляры, онъ желаетъ знать народъ и его правительство и притомъ изъ первоисточниковъ, а не по придворнымъ и закулиснымъ сплетнямъ. Онъ не пропуститъ случая побесѣдовать съ крестьяниномъ, старымъ солдатомъ—и—такое ему счастье!—всюду онъ встрѣтитъ оправданіе своихъ

*

политическихъ сочувствій и ненавистей. Московскій унтеръ-офицеръ, украшенный кульмскимъ крестомъ, поразитъ его своей враждой противъ Австріи, засвидѣтельствуетъ такимъ образомъ истинное отношеніе русскаго народа къ «фальшивому другу». Другія наблюденія также укрѣпятъ Бисмарка въ необходимости вѣчнаго мира съ Россіей, близкой войны съ Австріей и вѣчныхъ раздоровъ съ Франціей. Программа все прежняя, только подтвержденная новыми данными.

Къ шестидесятымъ годамъ, т. е. ко времени вступленія Вильгельма на прусскій престолъ, политическое воспитаніе Бисмарка закончено во всѣхъ подробностяхъ. Онъ попрежнему не вызываетъ довѣрія у старыхъ хитроумныхъ политиковъ. Надъ нимъ почти смѣются, Наполеонъ именуетъ его «безумцемъ», императрица Евгенія—«чудакомъ», французскіе министры—«не серьезнымъ человѣкомъ». И, повидимому, основательно. Бисмаркъ говоритъ совершенно громко самыя рискованныя вещи: истинный дипломатъ побоялся бы даже увидѣть ихъ во снѣ. Онъ кричитъ о союзѣ Франціи съ Пруссіей для совмѣстнаго дѣлежа плохо лежащаго чужого имущества. Онъ предлагаетъ Наполеону овладѣть Бельгіей и помочь объединенію Германіи. Наполеона очаровываютъ столь смѣлые планы, онъ внимательно прислушивается къ рѣчамъ Бисмарка, становится повѣреннымъ его тайнъ. А въ это время Бисмаркъ пишетъ о немъ: «издали это—еще кое что, вблизи это—ничто. Сначала я его самъ-было слишкомъ переоцѣнилъ, на самомъ дѣлѣ это большая непризнанная бездарность»:

Впослѣдствіи Наполеону придется еще дороже расплатиться за конфиденціальныя бесѣды съ «безумцемъ». Въ видѣ предисловія къ франко-прусской войнѣ Бисмаркъ опубликуетъ въ «Times» fac-similé своего договора съ Наполеономъ и подниметъ все общественное мнѣніе противъ Франціи. Вообще, ему везетъ насчетъ глупой дичи. Такую же исторію онъ продѣлаетъ раньше съ австрійскими дипломатами, заручится отъ нихъ предложеніемъ—подѣлить между Австріей и Пруссіей нѣкоторыя германскія герцогства. Документъ также будетъ опубликованъ въ нужную минуту, именно во время австро-прусской войны, и вызоветъ вражду всей Германіи противъ коварства Австріи.

Нечего и говорить, конечно, откуда исходило это коварство. Австрія и Наполеонъ просто попадались въ ловушки согласно основному убѣжденію Бисмарка въ ничтожествѣ и ограниченности дипломатовъ. И легко представить, какъ глубоко укоренялось въ душѣ удачливаго охотника презрѣніе къ неразумному человѣчеству! Это чувство—самый могущественный вдохновитель на головокружительныя предпріятія, и чѣмъ ближе Бисмаркъ знакомится съ людьми, тѣмъ отважнѣе становятся его планы. Онъ, опять подобно Наполеону, превращается въ азартнаго игрока, ставитъ на карту сотни тысячъ жизней, судьбу государства и свою собственную особу. Бисмаркъ можетъ долго и съ любовью сплетать искусныя сѣти, вести сложную дипломатическую интригу, но только затѣмъ, чтобы, наконецъ, нанести противнику молніеносный ударъ. Онъ по природѣ берсеркеръ и его высшее счастье—сокрушительная энергія дѣйствій, а не тонкая логика рѣчей. До поры до времени онъ можетъ дурачить австрійскихъ и французскихъ дипломатовъ, но онъ уже давно публично

объявилъ, что великіе вопросы времени рѣшаются не фразами, а желѣзомъ и кровью. Убаюкавъ бдительность и жадность Наполеона, Бисмаркъ разгромилъ Данію. Это—начало, слѣдующая очередь Австріи. Предварительно прусскій министръ справится, насколько перемѣнились настроенія Наполеона. Изслѣдованія оказываются благопріятными: резонерствующій авантюристъ все также близорукъ и смѣшенъ,—онъ не пойметъ смысла австро-прусской борьбы и допуститъ униженіе Австріи, ни на минуту не задумавшись надъ собственной участью.

Какая драма эта междоусобная война двухъ нѣмецкихъ державъ! Ее въ Германіи называютъ братоубійственной, король и особенно королева противъ нея, даже армія не чувствуетъ энтузіазма идти противъ вчерашняго союзника и единоплеменника. Бисмаркъ въ полномъ смыслѣ играетъ на все свое будущее, и онъ это понимаетъ. Онъ уѣзжаетъ изъ Берлина съ твердымъ рѣшеніемъ не вернуться, если Пруссія не побѣдитъ. Онъ присоединяется къ арміи, присутствуетъ въ сраженіяхъ и позже издѣвается надъ своими излюбленными жертвами—дипломатами, объявляющими войну въ креслахъ у камина и не имѣющими понятія о крови живого человѣка. Онъ покидаетъ короля въ дурномъ настроеніи, и это не мѣшаетъ ему объявить публично: «король откажется отъ престола, если мы будемъ побиты». Бельгійскому посланнику онъ обѣщаетъ: «Если мы потерпимъ неудачу, я дамъ себя изрубить саблями въ послѣдней стычкѣ».

И онъ переживаетъ страшныя минуты на поляхъ битвъ! Онъ ведетъ себя истиннымъ героемъ, не спускаетъ глазъ съ дѣла, имъ вызваннаго, ни на одно мгновеніе не забываетъ о личной отвѣтственности. Здѣсь Бисмаркъ дѣйствительно великъ и дипломатическій корпусъ всей Европы, со всѣми его историческими bons mots и изяществомъ французскаго стиля—кучка пигмеевъ предъ этимъ геніемъ воли и мужества. Въ теченіе тринадцати часовъ при Садовой онъ не сходитъ съ лошади. Исходъ битвы зависитъ отъ появленія арміи кронпринца. Она медлитъ, рѣшительный часъ насталъ, Бисмаркъ видитъ предъ собой пропасть, онъ заряжаетъ пистолетъ и закуриваетъ сигару. Сраженіе продолжается; если онъ выкуритъ сигару и кронпринцъ не явится, онъ покончитъ съ собой. Уже раздаются побѣдные крики австрійцевъ, но судьба за смѣлыхъ; въ самую послѣднюю минуту кронпринцъ бросается на австрійцевъ, битва выиграна, и игра Бисмарка закончена съ блескомъ и славой. Онъ засыпаетъ, какъ мертвый, безъ постели и подушки, среди грязи, но счастливый и отнынѣ единовластный.

Такой же рѣшительный ходъ игрока и франко-прусская война. Въ теченіе многихъ лѣтъ Бисмаркъ опутывалъ Наполеона несбыточными перспективами, льстилъ его мнимому всемогуществу, поощрялъ самыя нелѣпыя притязанія, отлично понимая полное безсиліе Франціи осуществить ихъ. Бисмаркъ умѣлъ лучше Наполеона и французскихъ генераловъ изучить военное положеніе имперіи, въ прусскомъ военномъ штабѣ имѣлись несравненно болѣе точныя свѣдѣнія о французской арміи, чѣмъ во французскомъ военномъ министерствѣ, и здѣсь знали глиняный пьедесталъ бонапартовскаго колосса. Наполеонъ имѣлъ глупость самолично со-

чинять договоры, способные погубить его въ глазахъ Европы, его министры держались величественнаго тона, не имѣя за собой никакой реальной силы. При такихъ условіяхъ Бисмарку дешево стоило разгорячить самолюбіе французовъ и натолкнуть ихъ на роль зачинщиковъ брани. Достаточно перваго случая, разъ Бисмаркъ былъ увѣренъ въ несомнѣнномъ превосходствѣ прусской арміи надъ французской.

Въ свое время громадное впечатлѣніе на весь міръ произвело разоблаченіе бисмарковской продѣлки наканунѣ объявленія войны. Ее подробно разсказываетъ самъ герой съ видимымъ упоеніемъ. И дѣйствительно, тонкость работы образцовая: стоило посвятить даже отдѣльную главу *Эмской депешѣ*.

Какъ извѣстно, вопросъ шелъ о кандидатурѣ гогенцоллернскаго принца на испанскій престолъ. Наполеонъ воспротивился и кандидатура была устранена. Но французское правительство, продолжавшее грезить старымъ бонапартовскимъ авторитетомъ надъ послушной Европой, потребовало отъ короля Вильгельма «гарантіи на будущее». Бисмаркъ пришелъ въ восторгъ, узнавъ объ этой фанфаронадѣ. Но препятствіе заключалось въ миролюбіи короля: ему и на умъ не приходило разрывать съ Франціей. Онъ совершенно невинно приказалъ своему адъютанту передать французскому послу, что онъ считаетъ вопросъ рѣшеннымъ и ничего больше не имѣетъ сообщить ему.

Все это происходило въ Эмсѣ; Бисмаркъ, Мольтке и Роонъ находились въ Берлинѣ и ждали съ мучительнымъ нетерпѣніемъ развязки. Пришла телеграмма, застала воинственный тріумвиратъ, за обѣдомъ и повергла его въ уныніе. У Мольтке и Роона пропалъ даже аппетитъ, но Бисмаркъ быстро опомнился, взялъ карандашъ и принялся редактировать отчетъ о событіи. Онъ не измѣнилъ и не прибавилъ въ телеграммѣ ни одного слова, слегка только ретушировалъ форму. По телеграммѣ выходило, что король лишь въ *данный моментъ*, на водахъ, отказался *продолжать* переговоры, въ Берлинѣ они могутъ быть возобновлены; редакція Бисмарка придавала отказу рѣшительный характеръ: король *не пожелалъ принять* французскаго посла и этимъ безусловно оскорбительнымъ актомъ закончилъ инцидентъ.

Когда Бисмаркъ прочиталъ свое произведеніе Мольтке и Роону, тѣ пришли въ восторгъ и заявили, что телеграмма звучала какъ *отбой*, а сообщеніе Бисмарка играетъ *наступленіе*. Бисмаркъ еще болѣе подогрѣлъ радость пріятелей, объявивъ имъ, что онъ сообщитъ свой текстъ въ газеты и всѣмъ прусскимъ посольствамъ. Это произведетъ «впечатлѣніе краснаго платка на галльскаго быка», и Пруссія окажется стороной *вызванной*, а не *вызывающей*, что и требовалось для завоеванія общественнаго мнѣнія Европы и либеральныхъ ораторовъ.

Генералы возвеселились, какъ школьники, принялись ѣсть, пить и «говорить въ веселомъ духѣ», какъ выражается Бисмаркъ. Мольтке, вѣчно безмолвный и пассивный—билъ себя въ грудь и выкрикивалъ горячія фразы... Судьба Франціи была рѣшена.

Существуетъ особое сочиненіе, изображающее Бисмарка во время франко-прусской войны. Написано оно его личнымъ секре-

таремъ—Бушемъ *) и полно поучительнѣйшихъ сообщеній. Бисмаркъ вырисовывается здѣсь весь и окончательно, и портретъ любопытенъ не только самъ по себѣ, но и вообще для человѣческой психологіи. Мы знаемъ, конечно, что Бисмаркъ страстный патріотъ и насъ не удивитъ его сострадательное, даже нѣжное чувство къ нѣмецкимъ солдатамъ. Но намъ трудно помирить какой угодно патріотизмъ съ кровожадной *расовой* ненавистью. Бисмаркъ во время войны свирѣпостью превзошолъ всѣхъ вождей германской арміи. Отъ начала до конца онъ вѣчно ссорится съ генеральнымъ штабомъ изъ-за его, будто бы, слишкомъ гуманнаго отношенія къ французамъ. Онъ настаиваетъ, чтобы огонь и мечъ не уставали истреблять враговъ, деревни выжигались, населеніе вѣшалось при всякомъ подозрѣніи въ «измѣнѣ». Онъ негодуетъ, что слишкомъ много людей берутъ въ плѣнъ: ихъ слѣдуетъ разстрѣливать на мѣстѣ. Онъ не допускаетъ и бѣглецовъ: оставленные дома должны быть разрушены, имущество конфисковано. Онъ съ удовольствіемъ любуется на горящія зданія, гдѣ подъ развалинами тлѣютъ трупы, и шутитъ на счетъ «жаренаго луку». Подъ Парижемъ онъ настаиваетъ, чтобы солдаты стрѣляли по бѣднякамъ, выходившимъ за городъ отрывать изъ подъ снѣга картофель. Онъ требуетъ бомбардировки столицы и даже ссорится съ Мольтке, который считалъ безцѣльнымъ разрушать Парижъ и истреблять его населеніе...

Бисмаркъ могъ быть доволенъ собой: даже въ средніе вѣка онъ могъ бы разсчитывать на довольно рѣдкую славу... Но какъ бы то ни было, зданіе увѣнчано. Въ зеркальной залѣ версальскаго дворца германскіе государи провозгласили прусскаго короля императоромъ. Въ этотъ день—18 января 1871 года—началась новѣйшая исторія Европы, съ истиннымъ смысломъ исторія культурнаго міра конца вѣка.

III.

Въ дневникѣ кронпринца Фридриха, очевидца провозглашенія германской имперіи, описывается приснопамятная сцена довольно неожиданными красками: Бисмаркъ прочиталъ документъ «голосомъ монотоннымъ, безучастнымъ, будто докладчикъ», блѣдность не сходила съ его лица...

Странно! Великій человѣкъ достигалъ вѣнца своихъ стремленій, и такой голосъ, и такое лицо... Не могло же его смутить сопротивленіе баварскаго короля, равнодушіе и даже отчасти нежеланіе самого Вильгельма быть императоромъ—осуществлять мечту профессоровъ и либераловъ и впослѣдствіи считаться съ парламентомъ и даже всеобщей подачей голосовъ. Ни Людвигъ II, ни Вильгельмъ I не могли разстроить Бисмарка; надо думать, совсѣмъ другія обстоятельства отравляли его торжество.

Въ самомъ дѣлѣ, что получалось въ результатѣ побѣдоносныхъ дипломатическихъ и военныхъ походовъ? Ни болѣе, ни ме-

*) Bismarck und seine Leute während des Kriegs 1870—1871. Существуетъ франц. переводъ: *Le comte de Bismarck et la suite pendant la guerre de France 1870—1871.* Paris. 1879.

нѣе, какъ революціонный разрывъ со всѣми драгоцѣннѣйшими для Бисмарка прусскими и гогенцоллернскими основами. Въ 1849 году прусскій король съ презрѣніемъ отвергъ императорскую корону, предложенную ему народнымъ представительствомъ. Теперь онъ получалъ ту же корону отъ принцевъ, но далеко не безвозвозмездно. Всеобщая подача голосовъ—идея, по существу противная всѣмъ инстинктамъ и убѣжденіямъ Бисмарка. Дальше, единство, провозглашенное прокламаціей къ народу, не уничтожало почеркомъ пера исконныхъ нѣмецкихъ наклонностей къ обособленію. Не даромъ исторія создала на почвѣ Германіи десятки государствъ: это дробленіе, очевидно, соотвѣтствовало національному германскому духу, и уничтожить его политикой или войной—внѣ человѣческихъ силъ. Наконецъ, во главѣ имперіи становился протестантскій государь, и милліоны католиковъ врядъ ли могли видѣть провиденціальный актъ въ этомъ событіи. Очевидно, народъ, церковь, государи и всѣ эти силы, по своимъ историческимъ задачамъ и путямъ, отнюдь не представляли благодарной почвы для чисто-прусскаго гогенцоллернскаго владычества. И Бисмарку немедленно предстояло вступить въ совершенно другую борьбу—не съ дипломатами и придворными интригами, а съ внутренними національными теченіями—умственными, политическими и экономическими.

За предѣлами версальскаго мира предъ нами встаетъ другой Бисмаркъ, точнѣе прибавляется новая основная черта къ его личности и дѣятельности. Старая, знакомая намъ, остается по прежнему, Бисмаркъ неизмѣнно побѣдоносенъ въ своихъ столкновеніяхъ съ дипломатами и всякаго рода сановниками. Одинъ князь Горчаковъ было не угодилъ канцлеру, зато какими же насмѣшками осыпалъ его раздраженный и избалованный владыка европейской политики, сколько ѣдкихъ замѣтокъ посвятилъ онъ его «ревности» и «соперничеству» въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, а главное, съ какой утонченной, но безпощадной жестокостью отомстилъ онъ ему на берлинскомъ конгрессѣ! И все это за то, что русскій канцлеръ осмѣлился принять на себя отвѣтственность за рѣшительное нежеланіе Александра II допустить новый разгромъ Франціи!.. Но это—лишь эпизодъ: все остальное въ дипломатическомъ мірѣ волновалось и укрощалось подъ взоромъ Бисмарка, будто море подъ трезубцемъ и окрикомъ Нептуна.

И Бисмаркъ упражнялся въ хитроумнѣйшихъ комбинаціяхъ на полной свободѣ. Безъ обмана и лицедѣйства дѣло не обходилось, и въ 1884 году Бисмаркъ совершилъ въ этомъ направленіи одинъ ихъ самыхъ блестящихъ дипломатическихъ шедевровъ, заключилъ съ Россіей договоръ о взаимномъ нейтралитетѣ на случай нападенія Франціи на Германію или Австріи на Россію. Это была кровная обида для тройственнаго союза, но въ дипломатіи подобныя случайности только des petits expédiens. Здѣсь нѣтъ ни принциповъ, ни партій, и уменъ тотъ, кто умѣетъ пользоваться фактами и положеніями, независимо отъ договоровъ и обязательствъ. И Бисмаркъ—по истинѣ геніальный виртуозъ на этомъ поприщѣ, неподражаемый и неуловимый. Могъ же онъ послѣ берлинскаго конгресса публично хвастать своими громадными услугами Россіи и правомъ на высшій русскій орденъ! И *фактически* возразить было нечего: такъ тонко, по выраженію того же Бисмарка,

желудокъ Россіи былъ освобожденъ отъ излишней—неперевари мой—будто бы, для него пищи...

И дипломаты, надо думать, прямо рождались готовыми famulus'ами германскаго канцлера. Это его личный штатъ, какая-нибудь конференція—его классная комната, его нота—приказъ и урокъ, и можно сказать: Европа обожаетъ и слушается Бисмарка. Американскій посолъ въ Берлинѣ, долго наблюдавшій дѣятельность канцлера, высказалъ свое сужденіе въ очень остроумной формѣ: «Я въ особенности восхищаюсь одной способностью Бисмарка: покажите ему лошадь или иностраннаго посла, онъ немедленно, послѣ краткаго осмотра, скажетъ вамъ, есть ли у лошади тайный порокъ и какою слабостью посла можно пользоваться». И въ Европѣ, по словамъ французскаго политика, не осталось ни одной державы, на которой Бисмаркъ не игралъ бы, какъ на флейтѣ.

Это не точно: одна держава не поддалась музыкальному таланту канцлера, именно Германія. Вся жизнь Бисмарка послѣ франко-прусской войны поразительное зрѣлище, изъ двухъ одновременно идущихъ пьесъ: въ одной канцлеръ-траумфаторъ, гордый, ясный, иногда по юпитеровски гнѣвный, въ другой—озлобленный, часто мелко-мстительный, нерѣдко разочарованный боецъ, обязанный быть вѣчно во всеоружіи и своего государственнаго таланта, и простой административной власти. Одинъ иностранецъ, большой знатокъ въ современной исторіи Германіи, по поводу Бисмарка высказалъ очень лестное сравненіе: бываютъ люди, чрезвычайно уважаемые въ обществѣ, во всемъ и вездѣ разсудительные, способные упорядочить всякое общественное дѣло, а дома самые несчастные мужья и неудачливые хозяева. Жена презираетъ почтеннаго дѣятеля, не признаетъ его талантовъ и ума, дѣти смѣются надъ нимъ, и именно у семейнаго очага онъ безсиленъ и жалокъ.

Такъ и Бисмаркъ. Отлично справляясь съ цѣлой Европой, онъ совсѣмъ непризнанный пророкъ въ рейхстагѣ и среди милліоновъ нѣмцевъ. Геній, окружавшій его неувядаемой славой въ дипломатическихъ поединкахъ, принесъ ему сугубый вредъ въ стѣнахъ отечественнаго парламента. Тамъ вызывали общее удивленіе ловкія одурачиванья, легкія и тяжкія перемѣны чувствъ, доблестное заушеніе принциповъ и обязательствъ, здѣсь оказалось все наоборотъ. Когда Бисмаркъ игралъ двойную игру съ Австріей и Россіей, онъ могъ спокойно хвастаться: «Я держу за ошейники двухъ страшныхъ геральдическихъ звѣрей. Я ихъ разъединяю: во-первыхъ, затѣмъ, чтобы они не передрались другъ съ другомъ, а потомъ, чтобы они не сговорились разорвать насъ». Очень ловко! Но стоило перенести эту политику въ рейхстагъ, немедленно приходилось конфузиться и терпѣть самыя досадныя укоризны и неудачи.

Ненавистные народные представители требовали какихъ-то опредѣленныхъ идей, принциповъ, какой-то вѣрности одной какой-нибудь партіи и жестоко клеймили всякую попытку перебѣжать справа налѣво, или наоборотъ. Когда Бисмаркъ заключалъ двусторонній договоръ съ двумя державами, знатоки дѣла повергались въ изумленіе и зависть, но когда тотъ же Бисмаркъ сегодня ссорился съ католиками и покровительствовалъ либераламъ, а на слѣдующій день дѣлалъ авансы центру и воевалъ съ лѣвой, оте-

чество не желало увѣнчать его гражданскимъ вѣнкомъ. Конечно, у Бисмарка были основанія кочевать съ одной стороны рейхстага на другую: либералы надобились для «майскихъ законовъ» противъ католиковъ и папы, а католики, въ свою очередь, стали необходимы для проведенія табачной монополіи. Но это не казалось убѣдительнымъ парламенту. Вѣдь майскіе законы, по увѣренію Бисмарка, охраняли цѣлость имперіи, даже больше—защищали цивилизацію отъ римскаго мрака и деспотизма. Такъ и сама борьба называлась *культурной—Kulturkampf*. И, пожалуй, справедливо. Папа, лишенный свѣтской власти, объявилъ врагами Бога и церкви всѣхъ сочувствующихъ этому событію. Государи, не вооружившіеся противъ новаго итальянскаго королевства, лишались божьей благодати для своей власти и въ Германіи находились епископы, готовые, по ихъ словамъ, ниспровергать троны и поднимать революціи.

Пій IX былъ достаточно фанатиченъ, чтобы поощрять страсти своихъ «дѣтей», и Бисмаркъ имѣлъ право защищаться. Церкви и школы подчинялись государственному надзору, вводился гражданскій бракъ, и узаконялись мѣры противъ непокорныхъ епископовъ и священниковъ. Заодно и протестантское духовенство лишалось власти надъ школами: Бисмаркъ создавалъ многочисленную партію, враждебную ему лично и политически, партію *центра*. Это въ высшей степени усложнило положеніе канцлера. Ему теперь приходилось составлять большинство чуть не на каждый важный случай и онъ бралъ сторонниковъ, гдѣ только удавалось. Естественно, внутренняя политика превращалась въ рядъ сдѣлокъ, уступокъ, и если онѣ не достигали цѣли на сцену выступало императорское посланіе о распущеніи рейхстага и беззастѣнчивое давленіе правительства на выборы. Выдвигался во всемъ ужасѣ призракъ французскаго или казацкаго нашествія на Германію, печать била тревогу, взывала къ патріотизму бюргеровъ и особенно къ ихъ пугливымъ инстинктамъ, и вопросъ о большинствѣ для Бисмарка отождествлялся съ вѣрностью отечеству и судьбой самой имперіи и націи.

Нужны ли были столь энергичныя мѣры, создавшія *черную партію?* Вѣдь оказалось же возможнымъ впослѣдствіи въ сильнѣйшей степени смягчить майскіе законы, возвратить по приходамъ изгнанныхъ священниковъ и даже предоставить епископамъ извѣстную самостоятельность въ замѣщеніи должностей. Культурная борьба, слѣдовательно, окончилась уступками, Бисмаркъ не смогъ выполнить своей знаменитой похвальбы: «мы не пойдемъ въ Каноссу». Но эта борьба, сравнительно, второстепенный и временный вопросъ. Бисмарку пришлось имѣть дѣло съ несравненно болѣе могучимъ и, на этотъ разъ, буквально—народнымъ теченіемъ. И здѣсь въ особенности его политика даетъ яркое представленіе о величинѣ его государственнаго ума.

Бисмаркъ вернулся въ Германію послѣ франко-прусской войны подъ сильнымъ впечатлѣніемъ парижской коммуны. Идеи Карла Маркса не давали остыть ужасу. Протекціонистская политика, служившая Бисмарку средствомъ укрощать оппозицію католическихъ фабрикантовъ и промышленниковъ, вызвала сильный протестъ демократіи. Наконецъ, разразились покушенія на императора.

Виновники ихъ вовсе не принадлежали къ соціалистской партіи,— одинъ просто бродяга, торговавшій даже брошюрами пастера Штёкера, а другой—національ-либералъ. Но событія взволновали бюргерскую массу и Бисмаркъ выступилъ горячимъ выразителемъ настроенія —проектъ исключительныхъ законовъ былъ готовъ въ нѣсколько дней.

Рейхстагъ услышалъ потрясающія вещи. Самъ «великій молчальникъ» Мольтке напалъ на либераловъ и даже умѣреннаго и вѣрноподданнаго вождя національ-либераловъ Беннигсена обвинилъ въ коммунарскихъ замыслахъ. Воинъ хватилъ черезъ край, Беннигсенъ поднялъ его на смѣхъ, рейхстагъ не послѣдовалъ за правительствомъ и былъ распущенъ.

Въ странѣ воцарился терроръ. Аресты, обыски, конфискаціи, доносы нависли тучей надъ культурной націей. Вѣрноподданные, входя въ пивныя, кричали: «да здравствуетъ императоръ!»—и кто не вскакивалъ съ мѣста, того влекли въ судъ за оскорбленіе величества. На помощь администраціи пришли фабриканты и заводчики. Они терроризировали рабочихъ, прогоняли ненадежныхъ, водворяли въ округахъ настоящее олигархическое самовластіе. Требуемое большинство было получено, и соціалистской партіи объявлена административная война на жизнь и смерть.

Законъ уполномочивалъ правительство распускать собранія, прекращать изданія, изгонять и заключать въ тюрьму агитаторовъ. Но Бисмаркъ не стѣснялся предѣлами закона. Онъ объявилъ въ осадномъ положеніи Берлинъ, Лейпцигъ, Гамбургъ, не справляясь съ законной основательностью своихъ мѣръ. Соціалъ-демократическая партія чуть не оффиціально признавалась скопищемъ измѣнниковъ и мятежниковъ. Бисмаркъ преслѣдовалъ ее, какъ своего рода галльскую расу, и стремился смести ее съ лица германской земли.

Одновременно съ исключительнымъ законодательствомъ Бисмаркъ сталъ приводить въ исполненіе свой государственный соціалистическій планъ. Идея въ сильной степени была навѣяна Лассалемъ. Бисмаркъ открылъ въ необыкновенно шумномъ агитаторѣ нѣчто въ родѣ бонапартиста. Лассаль проектировалъ кооперативныя общества рабочихъ подъ покровительствомъ государства. Бисмаркъ почувствовалъ большое уваженіе именно къ соціальному предназначенію государства, убѣдился, что Лассаль отнюдь не республиканецъ и рѣшилъ у него кое-чѣмъ позаимствоваться. Современныхъ соціалъ-демократовъ онъ зачеркнулъ однимъ взмахомъ руки. Ни одного разу онъ не далъ себѣ труда вдуматься въ ихъ задачи, даже серьезно отнестись къ ихъ идеямъ. Они только разрушители и враги общественнаго порядка и ихъ надо искоренять и укрощать, а не спорить съ ними. Жестокими обвиненіями и не всегда хорошаго тона насмѣшками ограничилась вся идейная полемика Бисмарка съ ненавистной партіей. Прусскіе инстинкты не могли здѣсь оказать ни малѣйшей услуги, и Бисмарку оставалось поставить вопросъ на военную почву въ полномъ смыслѣ слова.

Государственный соціализмъ Бисмарка быстро, повидимому, пошелъ въ ходъ. Законы о страхованіи рабочихъ противъ несчастныхъ случайностей, на случай болѣзни, старости или инва-

лидности слѣдовали одинъ за другимъ. Страна покрылась страховыми и пенсіонными учрежденіями. Казалось, будущее рабочаго класса обезпечивалось. Ни одному инвалиду теперь не угрожалъ голодъ, а пенсіи старикамъ могли доходить свыше 400 марокъ. Дѣло страхованія велось въ образцовомъ порядкѣ, взносы строго соразмѣрены съ количествомъ получаемой платы, усовершенствована фабричная инспекція, приняты въ особый разсчетъ особенно опасныя или отравляющія производства: въ этихъ случаяхъ предприниматели одни платились за несчастія съ рабочими.

Бисмаркъ проводилъ всѣ эти мѣры съ обычной энергіей и вѣрой въ свою силу. Соціализмъ правительство било съ двухъ сторонъ и, казалось бы, съ полнымъ успѣхомъ. Полиція усердствовала въ области исключительныхъ законовъ, фабриканты насаждали страховыя учрежденія, а результаты получались совсѣмъ странныя. Съ каждыми выборами въ рейхстагъ соціалъ-демократы множились, въ 1878 году ихъ было всего девять и до 1884 года, въ самый разгаръ гоненія, партія увеличилась почти втрое—до 24. И съ тѣхъ поръ ростъ не прекращается до послѣднихъ дней. Очевидно, государству не удалось ни запугать ни переманить на свою сторону рабочій классъ. Онъ предпочитаетъ идти за Бебелемъ и не довѣряетъ благодѣяніямъ Бисмарка.

И по очень простой причинѣ: соціализмъ Бисмарка—ничто иное, какъ капиталистическая федерація. Предприниматели стоятъ во главѣ всѣхъ учрежденій, они распоряжаются кассами страхованія, сбереженія рабочихъ, слѣдовательно, въ рукахъ ихъ хозяевъ. Въ результатѣ, учрежденія менѣе всего демократическія, скорѣе чиновничьи. Для нѣмецкихъ рабочихъ громадная разница завѣдывать ли своими капиталами самолично, или отдать ихъ въ распоряженіе своихъ естественныхъ противниковъ. И соціалъ-демократическая партія, именно одновременно съ развитіемъ бисмарковскаго соціализма, организовалась въ настоящее государство съ собственными учрежденіями и выборными завѣдующими.

Слѣдовательно, и здѣсь внутренняя политика Бисмарка не привела къ желаннымъ результатамъ. Онъ оставилъ соціализмъ великой угрозой единой германской имперіи, къ Вильгельму II перешли въ наслѣдство всѣ его горькія чувства по адресу «враговъ отечества». Вопросъ не только не удалось рѣшить Бисмарку, но его военныя расправы даже способствовали росту и укрѣпленію соціалъ-демократическаго движенія. Но и этимъ не ограничилось фіаско великаго канцлера. Онъ вышелъ изъ боя не только побѣжденнымъ, но и въ сильной степени подорвавшимъ свой кредитъ. Онъ обнаружилъ политическое идейное безсиліе въ борьбѣ, онъ не понялъ сущности ненавистнаго явленія, онъ вообразилъ, что оно представляетъ кучку злонамѣренныхъ возмутителей общественнаго порядка, смѣшныхъ идеологовъ и мечтателей и что его можно разсѣять натискомъ полицейскихъ и двумя-тремя юмористическими упражненіями съ парламентской трибуны. Бисмаркъ оказался неспособнымъ въ борьбѣ съ *идеей*. Къ такой борьбѣ способенъ только тотъ, кто самъ владѣетъ идеей. Бисмаркъ всю жизнь открещивался отъ теорій, заявлялъ себя самымъ трезвымъ реалистомъ и невозмутимымъ изслѣдователемъ фактовъ. Мы знаемъ по многочисленнымъ примѣрамъ, что это значитъ. У человѣка въ сущности имѣется теорія, и даже весьма отвлеченная, теорія фи-

зической силы, стоящей выше всякаго права. Бисмаркъ исповѣдывалъ религію *сильнаго человѣка* задолго до фантасмагорій Нитче. Онъ въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности заявилъ, что сила царствуетъ надъ правомъ и что великіе вопросы политики рѣшаются желѣзомъ и кровью...

Развѣ это не теорія? Матеріалистъ можетъ быть такимъ же фантастическимъ метафизикомъ, какъ самый отчаянный ясновидецъ и мистикъ. Бисмаркъ и Наполеонъ въ нашемъ столѣтіи представили поучительнѣйшіе образцы подобной метафизики. Несомнѣнно, существуютъ положенія, когда сила кулака, пожалуй, цѣлесообразнѣе всякой логики, напримѣръ, въ спорѣ съ глупцами или въ чисто физической борьбѣ. Бисмаркъ испыталъ этихъ положеній безчисленное множество: припомнимъ его дипломатовъ; несомнѣнно онъ импонировалъ имъ прежде всего «померанскимъ гренадеромъ». Недаромъ онъ такъ издѣвался надъ Наполеономъ III; ограниченный несчастный человѣкъ ставилъ требованія, не имѣя возможности подкрѣпить ихъ милліономъ штыковъ. Бисмаркъ въ совершенствѣ постигъ эту нехитрую тайну политики и, естественно, его международный авторитетъ росъ сообразно съ военнымъ бюджетомъ германской имперіи и столь же естественно, почему онъ всякій разъ выходилъ изъ себя, когда рейхстагъ начиналъ считаться съ кредитами на вооруженія. Онъ посягалъ на единственную всеобъемлющую идею провиденціальнаго человѣка!

Легко понять, какая борьба возможна была при такихъ условіяхъ? Только кулачная и военная, и Бисмаркъ неизмѣнно прибѣгалъ къ исключительнымъ законамъ и экстреннымъ мѣрамъ, разъ предъ нимъ возставалъ идейный противникъ, будь это католическій патеръ или соціалъ-демократическій вожакъ. У того и у другого имѣлось свое *право*, Бисмаркъ на это отвѣчалъ: а у меня *сила*, и шелъ впередъ на проломъ, будто предъ нимъ разстилалось поле Садовой или высились форты Седана.

Результаты не подлежали сомнѣнію: Виндгорстъ и Бебель не уступили ни шагу; напротивъ, заставили податься силу во имя *права* и *идеи*.

Поучительнѣйшій фактъ и не только для внутренней исторіи Германіи. Бисмаркъ осуществилъ свою теорію сполна въ своемъ безспорномъ царствѣ — въ международныхъ отношеніяхъ. Онъ открылъ эру безконечныхъ вооруженій, по истинѣ желѣзную эпоху милитаризма. Онъ создалъ единую Германію и одновременно посѣялъ во всѣхъ умахъ Европы вѣчный страхъ предъ международнымъ побоищемъ, неизлѣчимое взаимное недовѣріе среди державъ, сосредоточилъ главнѣйшія заботы правительствъ на развитіи военной силы, затормозилъ и подавилъ культурную работу народовъ и политиковъ и, слѣдовательно, отодвинулъ міровой прогрессъ на нѣсколько поколѣній. И это не все: не менѣе важны нравственные результаты идеи Бисмарка. Она коренится на презрѣніи къ человѣческой природѣ, на недовѣріи къ отдѣльнымъ личностямъ и цѣлымъ націямъ, она воскрешаетъ дохристіанское варварское представленіе объ избранныхъ и осужденныхъ племенахъ, она превозглашаетъ массовое истребленіе человѣческой расы на основаніи такъ называемаго національнаго инстинкта. Открывая франко-прусскую войну, Бисмаркъ про-

изнесъ смертный приговоръ надъ цѣлымъ французскимъ народомъ, даже вообще надъ кельтической расой: она женственно изнеженна, а германцы мужественно закалены, и французы должны быть подданными у нѣмцевъ.

Это теорія и одна изъ самыхъ головокружительныхъ, но для Бисмарка безусловно осуществимыхъ: мы видѣли, какой родъ войны подсказывала ему его философія! И онъ распространилъ ее на всю свою политику. Представьте же будущее нашей планеты, усвоившей бисмарковскую идеологію! Европа будто не жила и не мыслила со временъ Ватерлоо: Бонапартъ воскресъ во всей красѣ своихъ человѣкоубійственныхъ идеаловъ, воскресъ въ той самой странѣ, гдѣ противъ него когда-то было направлено вдохновенное идеалистическое слово, гдѣ противъ силы было призвано право и восторжествовало надъ силой.

Да, Бисмаркъ продолжатель наполеоновской реакціи. Мы безпрестанно наталкивались на совпаденія въ міросозерцаніи этихъ двухъ сверхчеловѣковъ нашего столѣтія. Если бы мы захотѣли эффектнѣйшихъ аналогій, мы нашли бы ихъ безчисленное множество въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ обоихъ героевъ. Бисмаркъ самъ предвосхитилъ всѣ эти сравненія: онъ своимъ назначеніемъ объявилъ борьбу съ революціей и идеологіей, и навязалъ роль факта и здраваго смысла Пруссіи, клеймо революціи—Франціи, хотя бы представляемой даже Наполеономъ III. Это мысли и даже форма рѣчи бонапартовскія. И Бисмаркъ послѣдовательно выполнялъ программу своего предшественника, только болѣе усовершенствованную и разсудительную. Онъ не гонялъ армій по всѣмъ концамъ свѣта; напротивъ, онъ сосредоточивалъ ихъ въ сердцѣ Европы и отсюда повелѣвалъ ея внутренней и внѣшней политикой. И онъ также подобно Наполеону пережилъ свое аустерлицкое солнце, также испыталъ невыразимое чувство повелителя міра, но такъ же, какъ онъ, палъ, и не лично только, а палъ въ своей вѣрѣ, въ своей идеѣ.

Однажды, въ минуту откровенности, Бисмаркъ повелъ съ Бушемъ рѣчь о своей бурной жизни, и внезапно впалъ въ элегическій тонъ. Пораженный секретарь услышалъ слѣдующую исповѣдь: «Моя славная политическая карьера не стяжала мнѣ ничьей любви и никому не принесла радости; напротивъ, она причинила несчастье множеству людей. Безъ меня не было бы трехъ большихъ войнъ, 80.000 человѣкъ не погибли бы на поляхъ битвъ и ихъ семьи не носили бы траура».

Справедливо, но слишкомъ мало. Бисмаркъ коснулся только чувствительной стороны своей разрушительной дѣятельности, но есть неизмѣримо важнѣйшая—*идейная*. Именно она истинный судъ и осужденіе надъ личностью и дѣломъ Бисмарка, она — варварская и кровавая страница въ исторіи человѣчества, она, наконецъ, подлежитъ многотрудному и продолжительному исправленію усиліями всего культурнаго міра.

Родина Бисмарка уже давно рѣшаетъ эту задачу, и съ самаго начала побѣдоносно. Не было ни одного періода въ исторіи объединенной Германіи, когда Бисмаркъ могъ бы сказать: я царствую надъ моимъ народомъ. Въ исторіи Европы такіе моменты были, длятся они и до сихъ поръ.

Духъ Бисмарка вѣетъ надъ милліонами вооруженныхъ людей, покрывающихъ всѣ культурныя страны Стараго Свѣта. Онъ паритъ надъ хищническими инстинктами современныхъ политиковъ. Онъ живетъ въ современномъ скептицизмѣ и пессимизмѣ, вдохновляетъ современное отчаяніе въ благородныхъ силахъ человѣческой природы, онъ освящаетъ и сопутствуетъ всякое реакціонное побужденіе современныхъ мыслителей и дѣятелей. Но онъ, къ великому счастью цивилизаціи, только сила задерживающая и мертвящая и знающая только одно оружіе борьбы — желѣзо. Безсмертная, неустанно развивающаяся и цвѣтущая сила идеи ему чужда, и этотъ внутренній недугъ всегда былъ и будетъ вѣрнѣйшей порукой торжества права надъ силой и мысли надъ фактомъ.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Workers: an Experiment in Reality*». *The West. By Waltes. A. Wyckoff. New-York. Charles Scribnes's Sans.* (*Рабочіе; наблюденія дѣйствительности*). Врядъ ли существуютъ болѣе жизненныя проблемы въ эволюціи общества, чѣмъ тѣ, которыя касаются великой массы рабочихъ классовъ, составляющихъ потенціальную энергію каждаго общества. Въ высшей степени важно ознакомиться съ этическими воззрѣніями этихъ классовъ, ихъ взглядами на жизнь. Такое знаніе необходимо, такъ какъ лишь оно даетъ возможность отыскать способы вызвать улучшенія въ соціальномъ положеніи и нравственности рабочихъ. Авторъ задался цѣлью изучить бытъ рабочихъ и ихъ нравственный кругозоръ, но не въ качествѣ посторонняго наблюдателя, а въ качествѣ такого же рабочаго, поэтому онъ провелъ два года среди бѣднѣйшихъ рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ американскаго континента и работая такъ же, какъ и они. Результаты своихъ наблюденій авторъ собралъ и литературно обработалъ и, благодаря живому изложенію, книга его производитъ впечатлѣніе и можетъ быть очень полезна, какъ матеріалъ для изученія рабочаго вопроса.

(Popular Science Monthly).

«*The Elements of Sociology*» *by Franklin Henry Giddings. New-York.* (*Macmillan Company*). (*Элементы соціологіи*). Это прекрасная книга, которая можетъ служить руководствомъ для студентовъ, изучающихъ соціологію, такъ какъ заключаетъ въ себѣ интересное и понятное изложеніе теоріи развитія и образованія общества. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору, состоитъ въ томъ, что онъ совсѣмъ не говоритъ въ своей книгѣ о семьѣ и о вліяніи семейной жизни на общественный строй. (Popular Science Monthly).

«*The Nature and development of Animal intelligence*» *by Wesby Mills. New-York.* (*Macmillan C°*). (*Родъ и развитіе ума животныхъ*). Авторъ этой интересной книги говоритъ, что при теперешнемъ состояніи зоологической науки факты гораздо желательнѣе теорій. Опытъ и наблюденія должны предшествовать на много лѣтъ какимъ бы то ни было обобщеніямъ и выводамъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ занялся преимущественно наблюденіями надъ животными и въ особенности надъ психическимъ развитіемъ молодыхъ животныхъ; съ этою цѣлью онъ воспиталъ цѣлыя семьи собакъ, кошекъ, цыплятъ, воронъ, морскихъ свинокъ и голубей. Добросовѣстныя и интересныя наблюденія, произведенныя авторомъ, бросаютъ свѣтъ на духовную область жизни животныхъ и на развитіе у нихъ интеллекта. Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги авторъ приводитъ изслѣдованія и взгляды различныхъ ученыхъ на развитіе инстинкта у животныхъ.

(Popular Science Monthly).

«*Ruskin, Rossetti, The Raphaelism*» *by William Michael Rossetti Arranged and edited by... London.* (*Рёскинъ, Россетти, прерафаэлизмъ*). Очень интересное и подробное изложеніе исторіи прерафаэлизма и его отношеній къ ученію Рёскина.

(Bookseller).

«*Eine Reise um die Welt*» *von Genry Schweizer. Mit 24 Vollbildern. Berlin.* (*Путешествіе вокругъ свѣта*). Авторъ этого путешествія обладаетъ наблюдательностью и талантомъ хорошаго разсказчика. Онъ любитъ природу и умѣетъ художественно описывать ея красоты. Онъ ведетъ за собою читателя сначала въ Палестину, затѣмъ въ Египетъ, бесѣдуетъ съ хедивомъ и потомъ отправляется въ Индію, Яву и Сіамъ, учрежденія котораго онъ изучаетъ очень основательно. Оттуда онъ отправляется въ Китай и Японію и черезъ Соединенные Штаты возвращается въ Европу.

(Das Litterarische Echo).

«*Zur Urgeschichte der Ehe*» *von Professor Dr. J. Kohler. Stuttgart.* (*Къ древней исторіи брака*). Эта небольшая книга заключаетъ въ себѣ, однако, очень много свѣдѣній изъ исторіи культуры и въ краткихъ чертахъ излагаетъ исторію развитія брака, начиная отъ самыхъ древнихъ временъ. Къ книгѣ приложенъ въ высшей степени полезный и подробный указатель источниковъ.

(Das Litterarische Echo).

«*Das Leben Friedrich Nietsches*» *von Elisabeth Nietsche. Leipzig.* (*Жизнь Фридриха Ницше*). Въ этой біографіи Ницше. написанной его сестрой, читатель найдетъ подробныя свѣдѣнія о жизни знаменитаго нѣмецкаго философа. Въ первой части сестра Ницше описываетъ его дѣтство и юность, до того времени, когда онъ былъ приглашенъ въ Базель профессоромъ. Читатель видитъ передъ собою юношу, обладающаго горячею, поэтическою и чувствительною душой и вѣчно стремящимся къ истинѣ умомъ. Это впечатлѣніе еще усиливается во второй части, въ которой описывается дружба Ницше съ Вагнеромъ, окончившаяся такъ трагически. Описаніе нѣжной дружбы, которая существовала между Ницше и Мальвиною Мейзенбургъ, уничтожаетъ легенду, сложившуюся о Ницше, какъ о ненавистникѣ женщинъ.

(Das Litterarische Echo).

«*Das Mensch auf den Hochalpen*» *Forschungen von Angelo Mosso, prof. au der Universität Turin. Mit zahlreichen figuren, Ansichten und Tabellen. Leipzig.* (*Человѣкъ въ высокихъ Альпахъ*). Физіологическія явленія, наблюдающіяся у людей, во время пребыванія ихъ на высотѣ 3.000 метровъ и выше, далеко не вполнѣ выяснены. Авторъ знаменитаго изслѣдованія ооъ усталости, профессоръ Моссо, поставилъ себѣ задачей изслѣдовать интересный вопросъ о вліяніи пребыванія на высотахъ и поэтому, взявъ съ собою отрядъ изъ десяти, выбранныхъ имъ солдатъ, и военнаго врача, отправился на Монте Роза, на высоту 4.560 метровъ. Вслѣдствіе болѣзни одного изъ солдатъ, ему пришлось сократить свое пребываніе на высотѣ на 10 дней. Тѣмъ не менѣе, онъ произвелъ очень много изслѣдованій и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ рѣшающее значеніе и касаются тѣхъ перемѣнъ, которыя заключаются въ мускульной и нервной системѣ, въ дѣятельности сердца и дыханіи подъ вліяніемъ жизни на большой высотѣ. Профессоръ наблюдалъ особенную болѣзнь сердца, которая развивается отъ пребыванія на высотѣ, въ острой или хронической формѣ и вызываетъ разныя тяжелыя явленія. Кромѣ того, профессоръ приводитъ массу интересныхъ наблюденій различныхъ путешественниковъ, совершавшихъ восхожденія. Вообще эта книга чрезвычайно интересная, не только для спеціалистовъ, но и для обыкновенныхъ читателей.

(Frankfurter Zeitung).

«*Was muss man von der Chemie wissen?*» *von Dr. W. Baringer. Berlin.* (*Hugo Steinitz*). (*Что надо знать изъ химіи*). Книга имѣетъ цѣлью познакомить огромный кругъ читателей, совершенно не свѣдущихъ въ химіи, съ главными ея основами и ея теоріями и указать значеніе химіи въ практической и сельскохозяйственной жизни.

(Das Litterarische Echo).

«*Das republikanische Brasilien in vergangenheit und gegenwart*» *von Oskar Canstadt. Mitt 22 Abbildungen 2 Karten in Farbendruck und einem Panorama von Rio de Janeiro. Leipzig.* (*Республиканская Бразилія въ прошломъ и настоящемъ*). Авторъ этой интересной и въ высшей степени документальной исторіи Бразиліи не только изучилъ источники и всю литературу, относящуюся къ этой странѣ, но прожилъ долго въ ней, занимая такое положеніе, которое давало ему возможность вступать въ сношенія съ самыми разнообразными людьми въ Бразиліи и присмотрѣться къ различнымъ условіямъ жизни. Авторъ относится съ большою симпатіей къ прекрасной странѣ, но это не мѣшаетъ ему видѣть и указывать на всѣ ея недостатки. Въ типографскомъ отношеніи книга издана очень хорошо и прекрасные рисунки даютъ ясное представленіе о красотахъ этой богатой страны. (Das Litterarische Echo).

«*Picturesque India*» *by W. S. Caine.* (*Routledge and Sons*). (*Живописная Индія*). Книга въ особенности полезна для тѣхъ, кто собирается совершить путешествіе по Индіи и можетъ служить превосходнымъ путеводителемъ, такъ какъ авторъ даетъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ надо путешествовать по Индіи экономнымъ образомъ и сообщаетъ всѣ цѣны. Но, кромѣ того, въ книгѣ заключается интересное описаніе различныхъ городовъ и наиболѣе любопытныхъ мѣстностей Индіи, начиная отъ Пешавера до Коморина, Бирманіи и Цейлона. (Literary World).

«*Through New Guinees and the Cannibal Countries*» *by H. Cayley Webster. With illustrations and map.* (*Черезъ Новую Гвинею и страны людоѣдовъ*). Очень интересное описаніе поѣздки, которую совершилъ авторъ въ Новую Гвинею и группу острововъ, населенныхъ каннибалами. Большинство этихъ острововъ, одаренныхъ всѣми богатствами природы, очень мало изслѣдованы и въ Новой Гвинеѣ, за исключеніемъ береговой полосы, царитъ самая первобытная дикость. Племена, которыя посѣтилъ авторъ, держа всегда свое ружье на готовѣ, стоятъ на самой низкой ступени развитія. Авторъ мастерски изображаетъ контрастъ, существующій между утонченностью европейской цивилизаціи въ колоніяхъ и роскошью жизни, которую ведутъ нѣкоторые изъ европейскихъ резидентовъ на берегу и жизнью дикарей внутри страны и ихъ каннибальскими нравами и обычаями, которые описываетъ авторъ. Очень интересно и художественно онъ изображаетъ жизнь въ дѣвственномъ лѣсу и пиршества дикарей.

(Bookseller).

«*Tableau de l'histoire litteraire du monde*» *par Frédéric Lolliée* (*Schleicher*). (*Картина литературной исторіи міра*). Эта книга входитъ въ составъ серіи изданій «Petite

Encyclopédie populaire illustrée» и заключаетъ въ себѣ краткое, но чрезвычайно популярное и ясное изложеніе исторіи развитія всемірной литературы и всѣхъ проявленій человѣческой мысли въ поэзіи, философіи и беллетристикѣ, начиная съ древняго востока до нашихъ временъ. Авторъ справился со своею трудною задачей очень успѣшно. (Revue internationale).

«*Danton; a study*» *by H. Belloc. Oxford* (*Nisbet and C°*). (*Дантонъ; очеркъ*). Авторъ этого историческаго очерка поставилъ себѣ задачей дать наивозможно болѣе полную характеристику Дантона и его времени и представить этого «титана французской революціи» во всей его величинѣ. Книга написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ и обнаруживаетъ основательное знакомство автора съ источниками.

(Literary World).

«*My innes Life: Being a Chapter au personal Evolution and Autobiography*» *by John Beattie Crozier* (*Longmans*). (*Моя внутренняя жизнь*). Извѣстный авторъ «Civilization and Progress» и «History of Intellectual development», д-ръ Крозье, издалъ свою автобіографію, стараясь изобразить въ ней ходъ своей умственной эволюціи и указать различные моменты, вліявшіе на нее. Чрезвычайно живо и образно описываетъ авторъ свои школьные годы въ Канадѣ и затѣмъ свои похожденія въ Лондонѣ и визиты къ издателямъ, а также посѣщеніе Томаса Карлейля. Авторъ мастерски изображаетъ Карлейля со всѣми присущими ему странностями, достоинствами и недостатками и передаетъ свои бесѣды съ нимъ. Во время этихъ бесѣдъ, порядочно-таки доставалось и Миллю, и Боклю, и Спенсеру отъ Карлейля, который отзывался о нихъ довольно презрительно. Очень интересно описаны также первые шаги автора на поприщѣ литературы, его долговременныя мытарства и т. д.

(Literary World).

«*Freiheit und Sociale Pflichten*» *von Adolf Prins. Berlin.* (*Otto Liebman*). (*Свобода и соціальныя обязанности*). Авторъ этого сочиненія, извѣстный юристъ и криминалистъ, профессоръ брюссельскаго университета, состоитъ предсѣдателемъ нѣсколькихъ коммиссій, занимающихся обсужденіемъ законопроектовъ, которые касаются положенія рабочихъ. Авторъ разсматриваетъ современный соціальный вопросъ, но останавливаетъ главнымъ образомъ, свое вниманіе на его основахъ. Мысли, высказываемыя авторомъ, не заключаютъ въ себѣ, однако, ничего абсолютно новаго, но высказаны онѣ мастерски и подкрѣпляются рядомъ доказательствъ. Можно смѣло рекомендовать эту книгу всѣмъ, интересующимся соціальными вопросами и относящейся сюда литературой.

(Das Litterarische Echo).

«*Politische Arithmetik oder die Aritthmetik des Täglichen Lebens*» *von Moritz Cantus. Leipzig* (*Teubner*). (*Политическая ариѳметика*). Извѣстный ученый, недавно издавшій исторію математики, издалъ небольшую брошюру, въ составъ которой вошли лекціи, читанныя имъ въ Гейдельбергѣ для будущихъ государственныхъ чиновниковъ «О политической ариѳметикѣ», т. е. о такихъ ариѳметическихъ задачахъ и счетѣ, которыя находятся въ связи съ управленіемъ государствомъ. Подзаглавіе книги: «Ариѳметика обыденной жизни» вполнѣ подходящее, такъ какъ читателю преподаются такія правила счета, которыя могутъ пригодиться въ ежедневномъ обиходѣ. Въ нѣкоторыхъ главахъ, напримѣръ, въ тѣхъ, гдѣ говорится о страховой системѣ, авторъ приводитъ разныя, очень любопытныя историческія данныя. (Frankfurter Zeitung).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ VIII-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Й

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 24-го апрѣля 1899. года. С.-Петербургъ

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		отр.
1.	НАКАНУНѢ СТОЛѢТІЯ. **Виктора Острогорскаго**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЯ. **А. Колтановскаго и Тана**	25
3.	РИШТАУ. Повѣсть. **В. Сѣрошевскаго.**	27
4.	СРЕДИ РАБОЧИХЪ. («Изъ житейскаго опыта»). **И. К.**	56
5.	НА МОНБЛАНЪ. Прив.-доц. **Н. Иванцова.**	77
6.	МИЦКЕВИЧЪ О ПУШКИНѢ. (Переводъ съ польскаго). **А. К.**	113
7.	ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. Проф. **Р. Виппера.** (Продолженіе).	121
8.	СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) СОНЕТЪ; 2) ГРОЗА. **С. Мановскаго**	158
9.	СТУДЕНТКА. Романъ **Грэхэмъ Трэверса.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Продолженіе)	159
10.	ИМЯНИНЫ. Разсказъ **Поля Ренадэна.** Переводъ съ французскаго **Л. Давыдовой.**	191
11.	КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). **Н. Гарина.** (Продолженіе)	201
12.	РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). **К. Станюковича**	225
13.	ДНИ ПОКАЯНІЯ (Пушкинская годовщина). **Ив. Иванова.**	246
14.	СТИХОТВОРЕНІЕ. НЕИЗБѢЖНОЕ. **Allegro**	314

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Общая тема въ современной беллетристикѣ.—Идейный разладъ.—Три романа на эту тему: «Куда идти» г. Боборыкина, «Аргонавты» г-жи Ожешковой, «Равнодушные» г. Станюковича.—Причины разлада.—Значеніе его, какъ показателя общественнаго настроенія.—Предстоящая Пушкинская годовщина. **А. Б.**	1
16.	НАШИ ВЕСЕННІЯ ВЫСТАВКИ. (Замѣтка). **С. М.**	13
17.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Изъ голодающихъ губерній.—Народный университетъ въ Тифлисѣ.—Сахалинскіе арестанты.—На новыхъ мѣстахъ.—Пушкинскій музей.	17

стр.

18. **За границей.** Рабочая коллегія въ Оксфордѣ. — Годовщина основателя Арміи Спасенія.—Фабрикантъ-художникъ.—Японія прежде и теперь —Парсы въ Индіи и европейское вліяніе.—Въ Египтѣ.—Положеніе миссій въ Китаѣ. 28

19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «The Chautauquan». — «Nuova Antologia».—«Revue des Deux Mondes».—«Ethical Journal». . 40

20. АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ГОЛЛАНДІИ. **М. Рафаилова.** . . 44

21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Физіологія.** 1) Новыя изслѣдованія о причинѣ горной болѣзни. 2) Отчего негры чернаго цвѣта?— **Физика.** Жидкій воздухъ и нѣкоторыя его примѣненія.—**Біологія.** Удаленіе менѣе приспособленныхъ.—**Географія и путешествія.** Возвращеніе экспедиціи де-Гарлапа и свѣдѣнія о о другихъ антарктическихъ экспедиціяхъ. 49

22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Юридическія науки.—Медицина и гигіена. — Математика и астрономія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. 59

23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 91

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ВЕРОНИКА. Историческій романъ **Шумахера.** Переводъ съ нѣмецкаго **З. А. Венгеровой.** (Продолженіе). 113

25. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ,** покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго и Д. Н. Нелюбова.** Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе). 125

НАКАНУНѢ СТОЛѢТІЯ *).

I.

По выраженію Эмерсона, «рожденіе поэта есть важнѣйшее событіе въ хронологіи». Въ самомъ дѣлѣ, великіе поэты, благодаря своему генію, проникаютъ, такъ сказать, въ душу своего времени, воплощаютъ въ своихъ образахъ, чувствахъ и думахъ все важнѣйшее, существеннѣйшее, и справедливо могутъ быть названы, по словамъ Пушкина, «оракулами вѣковъ». Такими «оракулами» въ истекающемъ XIX столѣтіи для англичанъ былъ Байронъ, для французовъ—Гюго, для нѣмцевъ—Гёте и Гейне, для Польши—Мицкевичъ, для насъ, русскихъ—А. С. Пушкинъ.

Но, если такъ высоко цѣнятъ въ западной Европѣ геніальныхъ поэтовъ, которыхъ у болѣе просвѣщенныхъ націй было по нѣскольку, то тѣмъ болѣе дорогъ долженъ быть для насъ нашъ единственный, несравненный, поэтическій геній. Не было у насъ ни одного такого до Пушкина, не появилось подобнаго ему и до настоящаго времени. Онъ писалъ всего только какихъ-нибудь 22 года, считая даже его лицейскія стихотворенія; въ полномъ расцвѣтѣ своего генія, едва достигнувъ тридцати семи лѣтъ, онъ уже уходитъ отъ насъ, подобно юному Ахиллесу, прославившему грековъ, наполнивъ вѣковѣчной славой всю Россію. И слава эта не военная, какъ Ахиллеса, а культурная,—слава генія, пробудившаго въ насъ самосознаніе и добрыя чувства своей лирой,—слава русскаго Колумба, открывшаго намъ неизсякаемыя сокровища нашего родного языка,—слава поэта, впервые наглядно показавшаго намъ Русь, прежде всего и настойчивѣе всего требующую просвѣщенія.

Въ концѣ текущаго мѣсяца предстоитъ величайшій культурный праздникъ, какого у насъ до сихъ поръ еще не было никогда. Всей грамотной Россіей будетъ праздноваться столѣтіе рожденія нашего единственнаго генія, который является центромъ и главою

---

*) Публичная лекція, прочитанная въ С.-Петербургѣ, 11-го марта 1899 года, въ Соляномъ Городкѣ, въ пользу Подвижного музея учебныхъ пособій при Постоянной Коммиссіи Императорскаго Техническаго Общества. *Ред.*

всей русской литературы XIX вѣка. Празднуя это столѣтіе, наша литература будетъ праздновать вмѣстѣ съ тѣмъ и столѣтній юбилей своего самостоятельно-художественнаго и національнаго существованія. Ибо отъ Пушкина пошла вся наша литература XIX-го вѣка,—литература, поразившая Европу своимъ необыкновенно быстрымъ ростомъ и поставившая и насъ въ рядъ народовъ культурныхъ. Отъ Пушкина, какъ отъ солнца, исходятъ лучи согрѣвающаго свѣта поэзіи на всѣ послѣдующія поколѣнія; отъ него идутъ и разрабатываются дальше и дальше литературные темы, сюжеты, типы; имъ порождаются послѣдующіе поэты и сама критика; его лучшими завѣтами проникнуты всѣ русскіе люди, которымъ дорого просвѣщеніе родной страны.

Оглянемся назадъ. Посмотримъ, съ чѣмъ вступили мы въ XIX в., и какой представлялась Пушкину литература и Русь въ первую четверть столѣтія.

Къ началу XIX в. прошло почти сто лѣтъ со введенія въ Россію гражданскаго шрифта и появленія первыхъ опытовъ россійской поэзіи, но какъ она еще ничтожна по своему значенію! За рѣдкими исключеніями, это все еще, по мнѣнію Тредьяковскаго, только «утѣшная и веселая забава», а произведенія ея «фрукты и конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ». По Державину, поэзія—«даръ боговъ», что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей быть «милой, любезной, пріятной, сладостной, полезной, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». Поэтъ Богдановичъ вотъ что говоритъ о задачахъ своей поэзіи:

Люблю свободу я мою:—
Не для похвалъ себѣ пою,
Но, чтобъ въ часы прохладъ, забавы и покоя,
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Въ самомъ дѣлѣ, что далъ намъ XVIII в.? Высокопарную поэзію Ломоносова и Державина, рядъ одописцевъ, которыхъ считали геніями, но читали только любители. Сколько высокопарныхъ словъ, реторики, лести, псевдоклассическихъ, никому непонятныхъ, миѳологическихъ украшеній, лжи, и почти полное отсутствіе народности. Кто прочтетъ теперь театральныя упражненія Сумарокова, всѣ эти, якобы историческія, трагедіи XVIII в., въ которыхъ ни на волосъ поэзіи и ровно ничего историческаго? Что такое поэтъ XVIII вѣка? Это балующійся стишками чиновникъ, эксплуатирующій свое стихоплетство служебными наградами и поощряемый высокопоставленными меценатами. Какъ мало во всей этой литературѣ поэзіи, и еще менѣе національности; какъ тяжелы языкъ, форма; какъ чуждъ намъ этотъ псевдоклассицизмъ, въ которомъ среди реторики почти тонетъ даже такой талантъ, какъ Державинъ, не трогая сердца и почти не давая воображенію ясныхъ образовъ. Живѣе—сатира, но и она выражается только въ двухъ комедіяхъ Фонвизина, наполовину заимствованныхъ и стоящихъ совершенно одиноко. Да и эта сатира, какъ и сатира Новикова, должна скоро прекра-

титься, какъ она ни скромна, и первые проблески этой болѣе живой общественной литературы гибнутъ въ самомъ зародышѣ. Даже Крыловъ развертываетъ свой талантъ въ баснѣ только уже въ XIX столѣтіи, и стоитъ тоже совершенно отдѣльно. Одинъ Карамзинъ къ концу XVIII столѣтія обращаетъ публику къ интересамъ литературы, но и его дѣятельность слишкомъ кратковременна и проникнута, чуждой Россіи, приторной сентиментальностью. Изъ за границы проникаетъ къ намъ черезъ Жуковскаго и романтизмъ, но всѣ эти заимствованія—псевдоклассицизмъ, сентиментализмъ и романтизмъ—случайны, отрывочны, безпочвенны и мало имѣютъ отношенія къ русской жизни. Конечно, Жуковскій и Батюшковъ—наши первые, истинные поэты, но и они не самостоятельны и не національны. Они прекрасные версификаторы, по большей части, исполнители чужихъ мотивовъ съ чужого голоса. На общественное мнѣніе, на сознаніе русскаго общества они имѣютъ вліяніе очень малое, и роль ихъ можно уподобить роли хорошихъ учителей словесности, какими они и были для юноши Пушкина, который, выучившись у нихъ, такъ сказать, техникѣ искусства, пошелъ дальше уже по самостоятельному пути.

Говоритъ ли о нашемъ просвѣщеніи въ началѣ вѣка, о нашей наукѣ, которой почти совсѣмъ не было, какъ и критики? Наше жалкое образованіе, доступное только немногимъ, ютилось въ единственномъ московскомъ университетѣ, мало чѣмъ отличавшемся отъ гимназіи; въ Благородномъ пансіонѣ, Петербургской Іезуитской коллегіи, да позже—въ Лицеѣ и въ нѣсколькихъ военныхъ училищахъ...

Вотъ среди какихъ условій общественной культуры, за два года до наступленія прекраснаго начала Александровыхъ дней, явился въ 1799 г. на свѣтъ Пушкинъ.

Если въ основаніе трагедіи берется личность страстная, богато одаренная, борящаяся за идею, идущая къ великой цѣли, но, не достигнувъ ея, честно погибающая, великая и въ своей гибели, то именно такою личностью представляется мнѣ Пушкинъ, а трагедіей—его жизнь съ неизбѣжною развязкой—насильственной смертью.

Представимъ себѣ наше русское общество первой четверти XIX вѣка съ его убогой культурой и просвѣщеніемъ, общество крѣпостническое, бюрократическо-низкопоклонническое, безъ всякихъ высшихъ задачъ и стремленій,—словомъ, общество очень хорошо извѣстное намъ по Грибоѣдову, Пушкину, и позже—Гоголю,—общество, живущее почти животной жизнью, изо дня въ день, безъ размышленія и сознанія своихъ общественныхъ и гражданскихъ обязанностей, не говоря уже о политическихъ понятіяхъ, которыхъ, за рѣдкими исключеніями, еще почти не существовало вовсе; общество, въ которомъ Чацкаго сочли сумасшедшимъ и опаснымъ врагомъ всего существующаго порядка. Недаромъ Пушкинъ самъ говорилъ про себя: «и угораздило же меня родиться съ талантомъ въ Россіи!»

*

И въ этомъ-то полуазіатскомъ обществѣ, вдругъ, волею неисповѣдимыхъ судебъ, нарождается невиданное доселѣ чудо—геній, съ необычайно горячей кровью, сильными страстями, натура пылкая, увлекающаяся, характеръ крайне сложный, полный противорѣчій,—геній, одаренный такими силами творчества, какихъ и представить себѣ не могло это общество. Какъ же послѣднее его приняло и воспитало, какъ относилось всю жизнь къ нему и какъ потеряло, не умѣвъ его охранить и сберечь?

Приняла генія въ міръ его семья, легкомысленная и пустая, встрѣтившая непривѣтливо урода-арапа. Двѣ простыя женщины, нянька да бабушка, выходили младенца, передавъ его на воспитаніе развратнымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, да гостиной его родителей, гдѣ отъ дяди и отца ребенокъ слышалъ фривольные стишки французской эротической музы, а въ богатой библіотекѣ родителей знакомился со всѣми тайнами «страсти нѣжной». Мнѣ нечего распространяться объ его воспитаніи, въ которомъ не докучали ребенку моралью строгой—оно достаточно всѣмъ извѣстно; это—воспитаніе Онѣгина. Еще въ родительскомъ домѣ проявляются первые проблески необыкновенной натуры, любознательность, талантливость, умъ и остроуміе, но нѣтъ никого, рѣшительно никого, кто бы обратилъ на ребенка серьезное вниманіе и направилъ его къ добру.

11-ти лѣтъ его отдаютъ въ Лицей, особое, аристократическое заведеніе, возникшее какъ-то вдругъ, безъ почвы, безъ обдуманной программы, и даже ясной, опредѣленной цѣли, — заведеніе, о которомъ петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ, увидѣвъ на парадѣ лицеистовъ, выразился такъ: «Да, это не то, что университетъ, не то, что кадетскій корпусъ, не семинарія, это—Лицей».

Лицей далъ генію много товарищеской ласки, но, за исключеніемъ Пущина, едва ли не всѣ остальные товарищи были неизмѣримо ниже Пушкина по уму и развитію. Они дѣлили съ нимъ забавы и школьничества, баловали его восторженными похвалами, но едва ли сколько-нибудь понимали его сокровенную душу. Вспоминаетъ впослѣдствіи Пушкинъ съ благодарностью профессоровъ Куницына и Галича, но, при лицейскихъ порядкахъ, кратковременности своего преподаванія и юности лицеистовъ, они могли дать имъ очень немногое. Можно сказать, что и Лицей, какъ и родной домъ, ни одного, сколько-нибудь серьезнаго, руководителя Пушкину не далъ. Но геніальная натура развертывалась. Слывя повѣсою и лѣнтяемъ, онъ съ жаромъ предается поэзіи, много думаетъ, читаетъ и, обладая громадною памятью фактовъ и словъ, пріобрѣтаетъ и здѣсь не мало знаній... И, какъ ни легкомысленъ кажется онъ на первый взглядъ, но этотъ удивительно правдивый, искренній, сердечный юноша уже въ Лицеѣ проявляетъ во многихъ стихотвореніяхъ серьезное настроеніе и, болѣе или менѣе, строгій взглядъ на жизнь и поэзію.

Далѣе, на три почти года, геній былъ предоставленъ вполнѣ самъ себѣ, и, при бѣшеной, кипучей натурѣ, Пушкинъ предается всякимъ излишествамъ. Но это не мѣшаетъ ему продолжать, хотя урывками, учиться, а въ 1819 году написать глубокую вещь, какъ «Деревня». Какъ быстро развивается поэтъ въ четыре года своихъ скитаній по югу Россіи, извѣстно всѣмъ, и къ его невольному уединенію въ Михайловскомъ съ 1824—1826 годамъ вполнѣ можно примѣнить его же стихотвореніе «Возрожденіе», гдѣ, въ картинѣ,

Краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей,
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Съ 1824 года во всю ширь и мощь развертывается, подъ вліяніемъ упорнаго труда надъ собой и образованія, геній Пушкина, и съ этого же времени начинается, и все crescendo и crescendo идетъ къ страшной развязкѣ трагедія его жизни. Ужасныя событія конца 1825 года, заставшія одинокаго поэта въ Михайловскомъ, приводятъ его къ ложнымъ отношеніямъ къ власти, съ которой онъ тщетно старается держать себя независимо, а несчастная женитьба окончательно затягиваетъ петлю. Общество радуется его ошибкѣ, ловко пользуется его ревностью и бѣшеной натурой и ведетъ пьесу къ развязкѣ,—геній гибнетъ, «оставя міру свой вѣнецъ».

Но, за всю свою недолгую жизнь, до самой послѣдней минуты, онъ остается вѣренъ себѣ. Искренность, сердечность, доброта, великодушіе, уваженіе къ личности, правдивость, независимость убѣжденій, постоянный, добросовѣстнѣйшій трудъ надъ своими созданіями невольно заставляютъ забывать о многочисленныхъ недостаткахъ, ошибкахъ и увлеченіяхъ, зависѣвшихъ, впрочемъ, скорѣе отъ его неуравновѣшенной, бѣшеной натуры, стоявшей въ нашемъ обществѣ совсѣмъ одиноко по своей исключительности и неподатливости. И всего болѣе отличаетъ этого генія постоянная страстная любовь къ поэзіи, въ которой онъ видѣлъ не игрушку, не удовлетвореніе самолюбія, не средство къ пріобрѣтенію мірскихъ благъ, а великое, пророческое служеніе родинѣ. Со школьной скамьи поэзія была для него серьезнѣйшимъ и первымъ дѣломъ жизни. Ради нея-то онъ и «хотѣлъ жить, чтобъ мыслить и страдать»,—и страдалъ за нее всю жизнь. Въ поэзіи Пушкинъ видѣлъ для Россіи великую культурную силу, подобно тому, какъ Ломоносовъ видѣлъ на ряду съ ней и другую силу—науку. Наукѣ придавалъ всегда и Пушкинъ огромнѣйшее значеніе. Прочтите его письма, замѣтки, статьи; вспомните знаменитую «Деревню», гдѣ онъ видитъ вокругъ «невѣжества губительный позоръ» и требуетъ, съ освобожденіемъ народа, и просвѣщенія, и вы должны признать, что Пушкинъ былъ не только поэтомъ-художникомъ, творцомъ прекрасныхъ

образовъ, рожденнымъ для звуковъ «чистыхъ и молитвъ», но и поборникомъ свѣта просвѣщенія среди темнаго вѣка застоя и невѣжества.

Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый у насъ энергическій поборникъ свободы печати, на почвѣ строгой законности, и его два посланія къ цензору принадлежатъ къ самымъ сильнымъ его произведеніямъ и въ своемъ родѣ единственныя во всей нашей литературѣ. Здѣсь кстати коснуться общественно-политическихъ воззрѣній Пушкина вообще, такъ какъ съ этой стороны не разъ дѣлались ему упреки, но, принимая во вниманіе его натуру, условія его воспитанія и историческій моментъ, когда онъ жилъ, совершенно несправедливые. Если даже и теперь, черезъ 62 года послѣ смерти Пушкина, наше общественно-политическое воззрѣніе еще далеко неясно,—да и многіе ли теперь о такихъ вопросахъ серьезно думаютъ?—то что же было лѣтъ восемьдесятъ, семьдесятъ назадъ, при чуть не поголовномъ невѣжествѣ «свѣтской черни» и полномъ хаосѣ разнородныхъ понятій и вѣяній? Правда, уже послѣ 1812 года, народился у насъ, относительно, очень небольшой кругъ цѣльныхъ, опредѣленно убѣжденныхъ, людей, какъ И. И. Пущинъ или Чаадаевъ, которыхъ близко зналъ Пушкинъ; но эти люди, зная неосторожность поэта въ знакомствахъ и словахъ, тщательно берегли его геній и рѣшительно отстранили Пушкина отъ ближайшихъ сношеній съ декабристами. Онъ однако, какъ и самъ откровенно признался Императору Николаю Павловичу, навѣрное былъ бы съ ними, если бы только въ это время находился въ Петербургѣ. Какъ тепло относился онъ къ злополучнымъ жертвамъ декабрьскаго погрома, видно изъ писемъ Пушкина, изъ «Посланія къ И. И. Пущину»:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!

или изъ написаннаго въ 1827 г. «Посланія въ Сибирь»:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье!
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье!

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ

Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора!

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Ни воспитаніе, ни Лицей, ни общественная жизнь не могли дать Пушкину прочнаго общественнаго міровоззрѣнія, да мѣшала этому, особенно въ молодости, и слишкомъ большая впечатлительность. Но, можно сказать, въ Пушкинѣ, какъ въ фокусѣ, отразился весь кодексъ современнаго ему культурнаго общества, съ его какъ либеральными, такъ и консервативными особенностями. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что знать Пушкина только по однимъ художественнымъ произведеніямъ еще слишкомъ недостаточно. Да и они вѣдь дошли до насъ только частью. Въ нихъ поэтъ былъ всегда въ узкихъ цензурныхъ рамкахъ; на ряду съ поэтическимъ творчествомъ стоятъ еще его письма, записки и отрывки, изъ которыхъ мы и теперь можемъ извлечь не мало поучительнаго и цѣннаго.

Что же далъ Пушкинъ русской литературѣ?

Прежде всего онъ далъ нашей поэзіи красоту языка, формы, стиха, образа. Такой красоты формы, въ соединеніи съ простотой, опредѣленностью, ясностью, музыкальностью, и притомъ, съ такой именно русской, національностью языка, еще не видѣлъ ни русскій стихъ, ни проза, и уже одна эта эстетическая сторона его произведеній, доставляющая сама по себѣ наслажденіе, даже независимо отъ содержанія, ставитъ Пушкина на ряду съ величайшими, міровыми, поэтами. Школѣ остается только учиться на Пушкинѣ родному языку въ лучшихъ сокровищахъ его духа и словеснаго богатства; поэты должны имѣть Пушкина своимъ образцомъ; общество будетъ всегда наслаждаться этимъ стихомъ, его чудной прозой, воспитывать на Пушкинѣ свой вкусъ и обогащать языкъ. Безъ прекрасной формы нѣтъ искусства, безъ яснаго, яркаго, образа оно не открывало бы намъ тайниковъ жизни, не давало бы постигать и чувствовать красоту и смыслъ природы и человѣческой жизни,—душу. Форма, языкъ Пушкинской поэзіи, полные жизни и простоты, безповоротно и навсегда упразднили высокопарность русскаго псевдо-классицизма, слащавость слезливой сентиментальности и неопредѣленность и водянистую мечтательность романтики. Кто ищетъ въ поэзіи душевной радости, независимо ни отъ какихъ постороннихъ программъ или задачъ, кто хочетъ отдохнуть отъ пошлости и мелочи ежеднев-

ности, утѣшить свое воображеніе и сердце красивымъ и вмѣстѣ трезвымъ, жизненнымъ, вымысломъ, кто, наконецъ, просто захочетъ поласкать слухъ гармоніей стиха,—всякій найдетъ себѣ въ Пушкинѣ утѣшеніе. Именно въ этомъ смыслѣ и могъ сказать Пушкинъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Повторяемъ вмѣстѣ съ Ив. Сер. Аксаковымъ, что уже одна форма, одна эстетическая сторона Пушкина, сама по себѣ имѣетъ огромное значеніе: «Какой же пользы еще нужно? Да вѣдь такіе стихи благодѣяніе»...

Но Пушкинъ не остановился на формѣ. Онъ—не только чистый эстетикъ, бряцающій на кимвалѣ красивые, ласкающіе слухъ, мотивы и тѣшащій праздное воображеніе красивыми образами, онъ—пророкъ, вѣщающій Божьи глаголы, народный поэтъ, къ памятнику котораго не заростетъ народная тропа, и всегда, пока будетъ стоять Русь, будетъ этому народу любезенъ не только тѣмъ, что былъ полезенъ живой прелестью стиха. Пушкинъ своими сочиненіями открылъ Россіи ее самое. Воспользовавшись преданіями старины глубокой въ пѣсняхъ и сказкахъ, онъ прозрѣлъ въ эту старину и изобразилъ ее въ «Русланѣ», сказкахъ и записанныхъ или обработанныхъ имъ пѣсняхъ, чего у насъ до него не было. Онъ прозрѣлъ въ «дѣла давно минувшихъ дней» и изъ «дыма столѣтій» извлекъ образы и картины изъ нѣсколькихъ, существеннѣйшихъ и знаменательнѣйшихъ, моментовъ нашей исторіи, которой до Пушкина мы не знали. Въ какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ, съ 1825 по 1837 г., онъ создаетъ и легендарнаго воителя, князя Олега, и открываетъ намъ въ огромной картинѣ весь складъ древней Руси въ эпоху смутнаго времени, съ ролью народа, духовенства, боярства, съ образомъ верховнаго правителя Бориса, съ его стремленіями къ образованію и попытками послужить народу, который ждалъ для своего блага другого, настоящаго генія—Великаго Петра. Немногими пѣснями обрисовываетъ поэтъ и Стеньку Разина и, наконецъ, переходитъ къ самому Петру, котораго открылъ намъ поэтъ, какъ основателя Петербурга, какъ военнаго героя, осмысливъ борьбу со шведами, и какъ вѣчнаго работника на тронѣ и, наконецъ, въ частномъ быту. Петръ у Пушкина — это настоящее откровеніе, осмыслившее передъ нами все великое значеніе петровской реформой съ той страшной ломкой, мятежами, казнями, которые мрачили начало дней Петра, желѣзной волей своей вздернувшаго Россію на дыбы! А эта, едва ли достаточно оцѣненная нами, Капитанская дочь? Развѣ не даетъ она намъ ключа, вмѣстѣ съ Дубровскимъ, къ пониманію причинъ народныхъ волненій; развѣ не рисуетъ, незатронутой до Пушкина, изнанки блестящаго царствованія Екатерины II, безсмысленнаго и безпо-

щаднаго русскаго бунта, съ Пугачовымъ во главѣ съ одной стороны, и не подготовленнаго къ нему невѣжественнаго русскаго общества, даже самого войска—съ другой? А эта, какъ бы дополнительная, картинка изъ жизни общества въ «Пиковой дамѣ», или ужасная картина крѣпостничества въ «Дубровскомъ»? Вѣдь все это—величайшіе историческіе документы, которыхъ у насъ, кромѣ «Войны и мира», явившагося лѣтъ черезъ тридцать пять позже, нѣтъ. А эпоха Наполеона, только едва затронутая Пушкинымъ?—развѣ, въ значительной степени, не отмѣтилъ и ея поэтъ своей одой и «Полководцемъ», или отрывкомъ изъ Рославлева, гдѣ вы видите изнанку патріотизма, при полной дряблости и некультурности современнаго общества.

Но это все прошлое, исторія, а вотъ и настоящая Русь, современная Пушкину. Нечего говорить уже объ изображеніи всей русской природы отъ Кавказа и Крыма до бѣдной деревушки; вспомните только «Деревню» съ картиной порабощеннаго народа, «Лѣтопись Села Горохина», на ряду съ которой можетъ быть поставлена развѣ только «Исторія одного города» Салтыкова; вспомните отдѣльныя черты народной жизни, разбросанныя въ разныхъ сочиненіяхъ Пушкина, напр., Няня въ «Онѣгинѣ», Наташа въ «Русалкѣ», Савельичъ, и вы согласитесь, что Пушкинъ далъ, хотя и не полную, но очень яркую картину и крѣпостной Руси, которой до Пушкина не изображалъ такъ правдиво еще ни одинъ русскій писатель.

Что же сказать объ изображеніи помѣщачьей жизни и жизни высшаго общества или, какъ называлъ его Пушкинъ, «свѣтской черни»? Всѣмъ еще со школьной скамьи извѣстенъ «Онѣгинъ» наизусть, и нечего объяснять все великое значеніе этого перваго русскаго романа, или указывать на громадное богатство и разнообразіе содержанія, изъ котораго развились весь позднѣйшій романъ и повѣсть съ Лермонтова до Тургенева и Толстого включительно. Но, оставляя въ сторонѣ Онѣгина, вспомнимъ о «Повѣстяхъ Бѣлкина» и «Египетскихъ ночахъ», которыя, при всей, относительно, малой цѣнности, сравнительно съ романомъ, даютъ множество чертъ жизни нашего, якобы культурнаго, общества.

Вотъ что далъ намъ Пушкинъ, только какъ первый и до сихъ поръ не превзойденный никѣмъ по разнообразію содержанія національный русскій писатель, способствовавшій сознанію нашего прошлаго и настоящаго, нашей природы, нашей народной массы съ ея психологіей и жизнью слоевъ высшихъ, образованныхъ. Эти заслуги Пушкина такъ неоцѣнимо велики, что за ними блекнутъ даже такія, такъ сказать, міровыя, вещи, какъ «Каменный гость», «Скупой рыцарь» или «Пиръ во время чумы», со всей чудной лирикой, навѣянной иностранной литературой, какъ антологіи, подраженіе Корану, итальянцамъ или испанцамъ и т. п.

Итакъ, Пушкинъ первый художникъ-бытописатель, лѣтописецъ Россіи. Но онъ не только таковой; онъ — первая наша русская худо-

жественная творческая великая душа, первая серьезная наша поэтическая дума, первое наше русское сердце,—и вѣрно сказалъ о Пушкинѣ Тютчевъ:

Тебя, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь только въ эту «*душевную*» сторону Пушкинской поэзіи: сколько въ ней гуманнаго, симпатичнѣйшаго, содержанія! Здѣсь и дружба со школьной скамьи, и женская любовь и ласка, и задушевная бесѣда за стаканомъ вина съ близкими людьми, съ провозглашеніемъ:

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ,
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Здѣсь и тоска одиночества, и мечта о счастьѣ, и наслажденіе природой, и вѣра въ жизнь, въ святое, прекрасное, и трогательное чувство къ старушкѣ нянѣ, и сочувствіе страданіямъ народа, который поэтъ такъ любитъ, и любовь къ родинѣ, которой онъ желаетъ добра и счастья, и радость, и печаль, и утѣшеніе, и чувство религіозное, и восхищеніе красотой, въ чемъ бы она ни выражалась! И нигдѣ не видно нытья, всюду бодрость духа и свѣтлый взглядъ впередъ, безъ страха и боязни, какъ бы ни былъ теменъ горизонтъ,—словомъ, въ сочиненіяхъ Пушкина, какъ бы эхомъ, отразилось все, что волновало и томило душу современниковъ и просило у сердца отвѣта. Подобно Гёте, Пушкинъ облетѣлъ крылатою мыслью весь современный ему русскій міръ и съ поразительной яркостью и силой отразилъ въ своихъ стихахъ и вольнолюбивыя мечты своего времени, и лучшія чувства, и лучшія человѣческія движенія.

Но не одно всеобъемлющее сердце, не одно жизнерадостное чувство видимъ мы въ поэтѣ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ первый у насъ поэтъ серьезной думы,—думы глубоко скорбной, заставляющей «мыслить и страдать». И между тѣмъ какъ до Пушкина, за исключеніемъ мечтательнаго Жуковскаго, изображали по преимуществу міръ внѣшній,—Пушкинъ удивительно изображаетъ внутренній и свой, и своихъ героевъ. Необычайно умный, несмотря на все свое, подчасъ, легкомысліе, и даже иногда, такъ сказать, шатанье мысли, не всегда ясной,—не смотря даже на ошибки, Пушкинъ, съ Лицея и до смерти, не можетъ не относиться критически къ существующей дѣйствительности, и всѣ лучшія его лирическія произведенія и поэмы, особенно «Онѣгинъ», проникнуты глубокою скорбью и заставляютъ серьезно задуматься надъ жизнью. Этою скорбью и мыслью проникнуты, напримѣръ, его лицейская сатира «Лицинію», «Деревня», «Къ морю», «Полководцу», «Андре Шенье», «Посланіе къ цензору», «Вельможа», «Лицейскія элегіи», «Опять на родинѣ», «Когда за городомъ», «Не дорого цѣню я громкія хвалы»,

«Брожу ли», «Пророкъ» и величавый «Памятникъ». И чѣмъ долѣе живетъ Пушкинъ, тѣмъ все болѣе и болѣе зрѣетъ его серьезная мысль, тѣмъ болѣе слышится въ его стихахъ скорби...

Таковъ Пушкинъ, какъ поэтъ, русскій, національный, какъ великій художникъ и человѣкъ! И посмотрите, какой плодъ, еще при его жизни, принесла его поэзія. Ни одинъ еще поэтъ на Руси не производилъ такого впечатлѣнія на общество, не интересовалъ такъ своею личностью, никого не читали съ такимъ интересомъ и жадностью, никого такъ не бранили, никѣмъ такъ не восхищались. Каждое его новое произведеніе возбуждало общій интересъ. Пушкинымъ зачитывались, надъ Пушкинымъ плакали, читали его наизусть, о немъ всюду говорили, спорили, переписывали его стихи, эпиграммы, приписывали ему многое, что ему и не принадлежало. Словомъ, можно сказать, вся эпоха съ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ наполнена у насъ его именемъ, которое проникаетъ въ самые отдаленные углы Россіи... И въ 1832 году Гоголь смѣло и справедливо привѣтствуетъ въ лицѣ Пушкина «чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа».

Къ тридцатымъ годамъ около Пушкина уже цѣлая плеяда даровитыхъ поэтовъ: Баратынскій, Языковъ, Дельвигъ, Козловъ, Губеръ, Подолинскій, Полежаевъ, Кольцовъ. Ихъ всѣхъ читаютъ и переписываютъ, ими увлекаются; поэты становятся у насъ глашатаями красоты, добра и правды, покорителями сердецъ, признаются и цѣнятся обществомъ, какъ избранныя натуры, носящія на себѣ печать генія. Но надъ всѣми поэтами царитъ Пушкинъ,—властитель думъ и благородныхъ чувствъ, источникъ всего высокаго и прекраснаго... Общество начало мыслить, начало чувствовать; въ грубо-матеріальную, холодную, мертвую жизнь отъ солнца - Пушкина проникъ лучъ гуманизирующей поэзіи.

Поэзія вдохновила и другія искусства, которыхъ до Пушкина въ Россіи еще не было. Глинка, а за нимъ и цѣлый рядъ композиторовъ, вдохновляется Пушкинскими стихами, пишетъ на нихъ музыку, и ихъ распѣваетъ, начиная съ «Черной шали» Верстовскаго, вся Россія. Въ тридцатыхъ же годахъ появляется и первая народная русская опера: въ 1834 году «Аскольдова могила», а въ 1835 году «Жизнь за Царя». Живописцы, какъ Кипренскій и Брюловъ, пишутъ портреты Пушкина, сочиненія котораго начинаютъ иллюстрироваться; начинаетъ появляться русская живопись, выставившая Брюлова и Ѳедотова.

Пушкинскія изображенія народа и сочиненія историческія, собранныя Пушкинымъ пѣсни и сказки, пробуждаютъ интересъ къ изученію русской народности и исторіи: появляются статьи по русской исторіи и филологіи; выходятъ «Сказанія русскаго народа» Сахарова—этотъ первый сборникъ народной поэзіи, и готовится богатый сборникъ Кирѣевскаго, которому не мало матеріала сообщаетъ самъ Пушкинъ. Пушкинымъ вдохновлена и національная русская наука, отсюда пошедшая дальше до Соловьева, Костомарова, Кавелина, Аксаковыхъ,

Кирѣевскаго, Безсонова, Рыбникова, Буслаева, Тихонравова и другихъ изслѣдователей и собирателей русской старины и современной народности въ жизни массъ, на которую обращено теперь вниманіе.

Критики до Пушкина у насъ не было, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь серьезной, руководимой извѣстными основаніями. Значеніе ея сознаетъ опять-таки Пушкинъ. «Критика,—говоритъ онъ,—не имѣетъ у насъ никакой самостоятельности и почти не имѣетъ никакого вліянія на судьбу литературныхъ прозведеній». «Критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь». Теперь извѣстно, сколько здравыхъ критическихъ мыслей высказано Пушкинымъ въ его обширной и любопытнѣйшей перепискѣ; извѣстно и его отношеніе къ первымъ попыткамъ серьезной критики Бестужева въ «Полярной звѣздѣ». Извѣстны и попытки самого Пушкина создать критическій органъ изъ «Современника». И критика явилась еще при Пушкинѣ вмѣстѣ съ первыми, серьезными русскими журналами, «Московскимъ Телеграфомъ» Полевого, гдѣ писалъ и самъ Пушкинъ, съ «Телескопомъ» и «Молвой» Надеждина, гдѣ въ 1834 году выступилъ и Бѣлинскій. И всѣ первые наши критики—Полевой, Надеждинъ, Бѣлинскій—съ первой же статьи своей «Литературныя мечтанія»—идутъ отъ Пушкина. Онъ ихъ критерій, ихъ мѣрка для сужденія; онъ объектъ ихъ порицанія или похвалъ. «Литературы у насъ нѣтъ — восклицаетъ въ 1834 г. Бѣлинскій,—а есть только хорошія книги; но литература у насъ можетъ быть, и она будетъ непремѣнно, ибо у насъ уже есть Пушкинъ».... И Бѣлинскій не ошибся: Пушкинъ именно сталъ отцомъ всей нашей литературы, которая пошла отъ него и за нимъ. И вотъ, не прошло еще и трехъ лѣтъ съ появленія первой статьи Бѣлинскаго, поставившаго Пушкина на его настоящее мѣсто, какъ уже для всѣхъ неожиданно, какъ громомъ, поразила всю мыслящую и грамотную Россію страшная вѣсть: «Великаго не стало»!

«Солнце нашей поэзіи закатилось!»—прочла 62 года назадъ вся Россія немногія скорбныя строки въ траурной рамкѣ:—«Пушкинъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ серединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы, да и не нужно: всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава! Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина? Къ этой мысли нельзя привыкнуть!..»

Такъ оплакивали безвременно погибшаго поэта современники подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ тяжкой утратой. Какими стихами оплакали своего учителя Кольцовъ въ своемъ «Лѣсѣ» и Лермонтовъ, напоминать нечего: эти стихи знаетъ каждый наизусть. Къ приведеннымъ мною словамъ остается прибавить только одно. Не только современники не могли привыкнуть къ мысли, что не стало Пушкина,

но даже и мы, отдаленные потомки, которымъ извѣстны многія подробности страшной трагедіи, и теперь, черезъ 62 года, не можемъ примириться съ этой гибелью нашего единственнаго генія, котораго мы не умѣли уберечь. Зная теперь, хотя еще и далеко не вполнѣ, какъ эта гибель подготавливалась; какъ неизбѣжно послѣдовательно шелъ къ ней самъ Пушкинъ, подавляемый и общественными и семейными условіями послѣднихъ лѣтъ, да, пожалуй, и всей своей жизни; зная, какъ много его гнали, какъ раздражали и оскорбляли и клеветой, и урѣзываніемъ, искалѣченіемъ лучшихъ созданій, а часто и вынуждали молчать, когда хотѣлось сказать горькую правду;—зная все это, стыдно за нашихъ предковъ, за тотъ «жестокій» вѣкъ, когда приходилось Пушкину такъ много страдать за мысль и чувство и такъ нелѣпо, безобразно, погибнуть отъ руки какого-то иностранца-проходимца, котораго натравили на эту бѣшеную, огненную, натуру и который, конечно, въ скудоуміи своемъ, «не понималъ ни нашей русской славы, ни того, на что онъ руку подымалъ»!

Но геніи великодушны; геніи—это такіе богачи, которые оставляютъ послѣ себя огромное наслѣдіе. И этого наслѣдія не лишаютъ они своихъ наслѣдниковъ, какъ бы при жизни они ни обходились съ ними дурно, хотя бы даже и погубили. Великое наслѣдство оставилъ по себѣ и Пушкинъ въ своихъ созданіяхъ, въ области разнообразной мысли и творчества, въ своемъ вліяніи на современниковъ и потомство. Разберемся же въ этомъ наслѣдіи, опредѣливъ въ общихъ, болѣе крупныхъ, чертахъ роль Пушкина въ послѣдующей русской литературѣ.

II.

«Великаго не стало!»—пишетъ Гоголь, получивъ извѣстіе о смерти Пушкина.—«Вся жизнь моя отравлена. Русь начинаетъ казаться мнѣ могилой, безжалостно похитившей для меня все, что есть драгоцѣннаго для сердца... Что теперь трудъ мой? Что теперь жизнь моя?..» Уединенная келья и мученичество стали представляться больному воображенію Гоголя, когда порвались его связи съ Пушкинымъ, и живая творческая дѣятельность другого великаго русскаго писателя была уже на закатѣ.

Тѣсная связь Гоголя съ Пушкинымъ несомнѣнна. Еще юношей онъ лелѣялъ въ себѣ высокій идеалъ, который воплощался для него именно въ Пушкинѣ. Стихи послѣдняго, по собственнымъ словамъ Гоголя, воспитали въ немъ благородство мыслей и чувствъ. Въ смутныхъ чаяніяхъ своей великой будущности, геніальный юноша Гоголь въ своихъ первыхъ, скорбныхъ, порывахъ оторваться отъ «бездѣйственной и вялой жизни», отъ черни и пошлости, самъ сознаетъ великое вліяніе Пушкина и видитъ въ немъ идеалъ не только поэта, но и человѣка независимаго, мыслящаго, упорно трудящагося надъ достиженіемъ за-

данной цѣли. Въ 1830 г. Гоголь черезъ Плетнева познакомился съ Пушкинымъ, уже по «Вечерамъ на хуторѣ» провидѣвшимъ новую грядущую силу, и Пушкинъ тотчасъ же принимаетъ Гоголя подъ свое покровительство и становится въ буквальномъ смыслѣ слова учителемъ и воспитателемъ, моральнымъ и литературнымъ, того великаго, новаго меланхолика, которому суждена была такая славная будущность. За всѣ шесть лѣтъ знакомства Пушкинъ носился съ Гоголемъ, какъ съ роднымъ сыномъ: былъ исправителемъ его слога, его эстетическимъ цензоромъ, образователемъ его вкуса. Пушкинъ заставилъ Гоголя взглянуть на дѣло серьезно и отъ смѣхотворныхъ пустячковъ обратилъ своего ученика къ дѣлу серьезному, большому, къ смѣху горькому надъ дѣйствительно-смѣшнымъ всеобщимъ, всероссійскимъ, что̀ достойно было быть выставленнымъ на посмѣяніе и позоръ. Пушкинъ даетъ Гоголю сюжетъ «Ревизора», и комедія пишется, сцена за сценой, прямо-таки подъ руководствомъ учителя. Въ одно время съ «Ревизоромъ» принимается ученикъ и за «Мертвыя души», сюжетъ которыхъ тоже уступленъ Гоголю Пушкинымъ, и 7-го октября 1835 года уже пишется третья глава романа, не урывками, по отдѣльнымъ сценамъ, какъ писалъ Гоголь прежде, а по стр[illegible]гому, опредѣленному плану, съ медленной и внимательной отдѣлкой малѣйшихъ деталей, чтобы исполненіе, какъ требовалъ того Пушкинъ, было достойно великаго сюжета, который, по словамъ Гоголя, долженъ былъ охватить всю Русь, «хотя бы съ одного боку», т. е. со стороны пошлости, въ противоположность Пушкину, который искалъ, по преимуществу, въ жизни красоты. Есть основаніе думать, что даже весь планъ «Мертвыхъ душъ» былъ разработанъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, и что вся первая часть, которой, собственно говоря, и закончилъ Гоголь свою дѣятельность, была написана вчернѣ еще при жизни Пушкина.

Многознаменателенъ и трогателенъ этотъ союзъ двухъ геніевъ, изъ которыхъ старшій—Пушкинъ передаетъ младшему—Гоголю преемство творчества, точно предчувствуя, что жить осталось немного и надо приготовить себѣ преемника, который повелъ бы его великое творческое дѣло далѣе, еще болѣе широкимъ и новымъ путемъ, сообразно особымъ свойствамъ своего генія. Гоголь унаслѣдовалъ отъ Пушкина серьезность въ творческомъ трудѣ, отдѣлку, строгое обдумываніе малѣйшихъ частей твореній и реальное изображеніе дѣйствительности, какова бы она ни была.

Третій геній, младшій изъ трехъ, Лермонтовъ, еще ребенкомъ списывалъ въ тетрадь стихи Пушкина и началъ почти съ буквальныхъ его перепѣвовъ, даже съ тѣми же названіями: «Кавказскій плѣнникъ» и «Цыгане», и позже очень живо напоминалъ своего учителя въ нѣсколькихъ своихъ пьесахъ, и образами и складомъ стиха, какъ, напр. «Вѣтка Палестины» или «Три пальмы». Онъ рано усвоилъ себѣ форму Пушкинскаго стиха и тщательность отдѣлки, равно какъ и легкость

Пушкинской прозы, и свое благоговѣніе и восторгъ передъ учителемъ ясно вырязилъ въ стихотвореніи на его смерть, съ чего и началась извѣстность молодого поэта. Его поэмы всѣ навѣяны поэмами того же Пушкина, съ тѣми же неудовлетворенными натурами, съ яркими картинами природы, лирическими отступленіями и нѣкоторой приподнятостью тона. Легкая по формѣ, но очень знаменательная, какъ картина нравовъ, «Казначейша» и «Сказка для дѣтей» напоминаютъ «Домикъ въ Коломнѣ» и «Нулина». Стихотвореніе «Журналистъ, писатель и читатель»—прямой наслѣдникъ «Разговора книгопродавца съ поэтомъ». «Поэту» — навѣяно «Пророкомъ» Пушкина, а «Пророкъ» Лермонтова — продолженіе Пушкинскаго, только уже вышедшаго изъ пустыни къ людямъ. Печоринъ—развитіе того же Онѣгинскаго типа, только развѣнчаннаго въ своей внѣшней обаятельности, болѣе умнаго и самоуглубляющагося, чѣмъ Онѣгинъ. Такимъ образомъ, пошелъ отъ Пушкина и Лермонтовъ, отличающійся отъ него большею цѣлостностью и единообразіемъ въ высшей степени скорбнаго направленія, которое красною нитью проходитъ у юнаго поэта въ мрачномъ раздумьѣ надъ русской жизнью и судьбой молодого, современнаго автору, поколѣнія. Лермонтовъ является непосредственнымъ продолжителемъ Пушкина со стороны скорбной его вдумчивости въ жизнь, серьезнаго отношенія къ задачамъ поэзіи и элегическаго чувства.

Еще при жизни Пушкина, въ 1835 году, выступилъ въ русской литературѣ и четвертый изъ крупнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, первый народный художникъ-пѣсенникъ Кольцовъ. Выросши въ грубой и невѣжественной семьѣ, едва грамотный, онъ кропаетъ по образцу Сумарокова, Ломоносова, Державина и Дмитріева, жалкіе вирши, и тотъ же Пушкинъ открываетъ ему, темному человѣку, тайны истинной поэзіи и гармоническаго простого стиха. Народные сюжеты и мотивы, которыми не пренебрегъ и такой большой баринъ и знаменитѣйшій въ Россіи «сочинитель», какъ Пушкинъ, обращаютъ этого самородка на его настоящій путь пѣвца народнаго горя и радости, пѣвца сельской природы, кормилицы земли и порывовъ даровитыхъ натуръ изъ народа къ просвѣщенію, къ волѣ, къ свободѣ изъ узъ крѣпостничества. Въ 1836 г. Кольцову удалось даже познакомиться съ самимъ Пушкинымъ, и тотъ принимаетъ въ немъ такое теплое участіе, такъ сердечно ободряетъ своего младшаго собрата по поэзіи къ дальнѣйшей дѣятельности, что свиданія и бесѣды съ Пушкинымъ до самой смерти бѣднаго поэта остаются самымъ свѣтлымъ его воспоминаніемъ... Насколько проникнутъ былъ Кольцовъ признательностью и любовью къ своему наставнику, достаточно показываетъ одна изъ самыхъ лучшихъ пѣсенъ Кольцова «Лѣсъ», вызванная гибелью Пушкина.

Крупнѣйшимъ по значенію внутреннему, при сравнительно меньшемъ талантѣ поэтическомъ, непосредственно за Лермонтовымъ и Кольцовымъ, является съ своими пѣснями Некрасовъ—этотъ исключи-

тельный пѣвецъ народнаго горя, выступившій въ литературу и развернувшійся во всю ширь уже въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. Онъ также воспитался на Пушкинѣ: отъ него заимствовалъ онъ любовь къ народу и серьезный взглядъ на поэзію, какъ выразительницу лучшихъ чувствъ и интересовъ общества, какъ пробудительницу этихъ добрыхъ чувствъ. Въ поэзіи, какъ и Пушкинъ, видѣлъ Некрасовъ, не одну только безотносительную красоту и цѣлью ея не ставилъ одно только наслажденіе:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,—

говорилъ онъ:—

Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Но, признавая въ Пушкинѣ великое значеніе поэта вообще, не только гражданина, Некрасовъ, называвшій свою музу, въ противоположность богинѣ «тихихъ пѣснопѣній» Пушкина, «музой мести и печали»,—на склонѣ уже дней своихъ, незадолго до смерти въ 1877 г., явился выразителемъ сердечной потребности въ обществѣ—чистой поэзіи:

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись! Священный факелъ твой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!
Вооружись небесными громами,
Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,
Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту.

Одновременно съ Некрасовымъ выступилъ и дѣйствовалъ и А. Н. Плещеевъ, признававшій себя также ученикомъ Пушкина, которому подражалъ и въ красотѣ формы, и въ простотѣ и реальности образовъ, и въ благородномъ откликѣ на думы своихъ современниковъ и ихъ лучшія чувства, не говоря уже о широкой гуманности и задушевности, которыми Плещеевъ очень напоминаетъ Пушкина.

Поэты, какъ Лермонтовъ и Некрасовъ, пошли, такъ сказать, отъ идейной, болѣе серьезной, вдумчивой, поэзіи Пушкина, отражавшей лучшія думы и скорби современниковъ, хотя и тотъ, и другой отзывались и на темы общія, не имѣющія значенія спеціально-гражданскаго. Оба они были, такъ же, какъ и Пушкинъ, только поэты, литераторы, поэзія и литература были первымъ и единственнымъ дѣломъ ихъ жизни.

Но отъ Пушкина же пошли и поэты-эстетики, служившіе, какъ они говорили, чистому искусству: Майковъ, Фетъ, Полонскій, Тютчевъ,

Алексѣй Толстой. Это были люди, богато одаренные отъ природы, широкообразованные, матеріально-обезпеченные, но по натурѣ болѣе спокойные, гораздо болѣе уравновѣшенные, чѣмъ такъ часто увлекавшійся, ошибавшійся и каявшійся Пушкинъ. Они долго жили, а трое изъ нихъ даже справили 50-лѣтіе своей поэтической дѣятельности, между тѣмъ какъ на долю Пушкина выпало только едва какихъ-нибудь 17 лѣтъ, да и то при какихъ страшныхъ условіяхъ, которыя очень хорошо извѣстны изъ его біографіи: вѣчное скитальчество, гоненія, матеріальныя нужды, непониманіе и преслѣдованія общества, искусственныя отношенія къ власти, несчастная семейная жизнь...

Неизмѣримо счастливѣе были поставлены въ жизни эстетики, избравшіе себѣ девизомъ не Пушкинскаго Пророка, сожигающаго глаголомъ сердца людей, не народнаго поэта, котораго благословитъ страна, а жреца Аполлона, которому нѣтъ дѣла до презрѣнной черни и который рожденъ не для того, чтобъ мыслить и страдать, не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ, а для молитвъ и сладкихъ звуковъ. Тѣмъ не менѣе, эти поэты принадлежали искусству далеко не вполнѣ. Почти всѣ они священнодѣйствовали лишь въ свободное отъ служебныхъ занятій время, и только временами отдавались «служенію музамъ». Передъ глазами ихъ прошелъ цѣлый рядъ знаменательнѣйшихъ для Россіи событій, совершались великія реформы; страна, общество переживало столько невѣдомыхъ дотолѣ чувствъ, радостей, надеждъ, горя и разочарованій, а они, гордые жрецы Аполлона, стояли выше толпы и, за рѣдкими исключеніями, какъ, напр., «Картинка» Майкова, да еще кое-что, очень немногое, и у другихъ этихъ поэтовъ,— оставались равнодушными къ думамъ и чувствамъ своихъ современниковъ. Они пѣли на разные лады любовь, природу, красоту вообще, чистое искусство, жаловались, что искусства не понимаютъ, ихъ, пѣвцовъ, не цѣнятъ; воспѣвали Грецію, Римъ, Италію, братьевъ славянъ; но того-то, что такъ сильно въ Пушкинѣ—національности, своего-то, русскаго, у нихъ слишкомъ мало, а въ ихъ патріотическихъ стихахъ много блеску и риторики, но мало простоты и задушевности. Въ смыслѣ національности исключеніе представляетъ развѣ одинъ Алексѣй Толстой съ его прекрасной трилогіей, идущей по прямымъ слѣдамъ отъ Пушкинскаго «Бориса Годунова», да съ своимъ романомъ «Князь Серебряный». Эти поэты написали не мало прекрасныхъ стиховъ, какихъ однако слишкомъ много и въ западной литературѣ, и ужъ никакъ не худшихъ; они, дѣйствительно, цѣлыхъ полвѣка поддерживали и проводили традиціи своего учителя, но какія?—только чисто-эстетическія, общечеловѣческія: главное у нихъ—красивый стихъ, образъ, форма, часто при малозначительности содержанія. Но значеніе ихъ, какъ поэтовъ національныхъ, оригинальныхъ, самобытныхъ, какими были Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ или Некрасовъ, сравнительно съ ними, очень не велико. Къ этимъ же поэтамъ отнесли бы

мы и очень даровитаго Мея, котораго драмы, «Царская невѣста» и «Псковитянка», вмѣстѣ съ стихотворными сказаніями и нѣсколькими стихотвореніями, воспроизводятъ по слѣдамъ Пушкина древнюю Русь.

Наиболѣе плодотворно сказалось черезъ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ послѣ смерти Пушкина, съ сороковыхъ годовъ, вліяніе поэта на прозаикахъ-беллетристахъ, поставившихъ русскую литературу въ рядъ литературъ европейскихъ. Воспитавшись на Пушкинѣ, предъ которымъ они, какъ и сами признаются въ своихъ воспоминаніяхъ, благоговѣли, они восприняли въ себя Пушкинскую любовь къ закрѣпощенному народу, его простоту и реальность въ художественномъ воспроизведеніи дѣйствительной, неприкрашенной, жизни, его національность въ широкомъ смыслѣ слова, его гуманизмъ, элегичность тона и легкій юморъ, не говоря уже объ образцовой Пушкинской прозѣ. «Евгеній Онѣгинъ» становится первообразомъ, краеугольнымъ камнемъ русскаго романа, а типы Онѣгина и Татьяны—прототипами всѣхъ дальнѣйшихъ культурныхъ героевъ и героинь русской литературы: у Лермонтова—Печоринъ, Вѣра и Мэри; у Тургенева—Базаровъ, Рудинъ, Лишній человѣкъ, Маша, Лиза, Наташа, Елена; у Гончарова—Адуевъ, Обломовъ, Райскій, Ольга, Марѳинька, Вѣра и т. д. до скучающаго Нехлюдова, Наташи и Анны Карениной гр. Льва Толстого. Все это, такъ или иначе, дѣти, родственники, потомки того же Онѣгина и Татьяны, только представленные въ дальнѣйшемъ, и болѣе разностороннемъ, развитіи типовъ, поставленныхъ въ разныя положенія и условія, сообразно расширенію рамокъ литературы. Крестьянскія повѣсти Григоровича, начиная съ «Деревни» и «Антона Горемыки», вмѣстѣ съ «Записками охотника» и другими разсказами и романами разныхъ авторовъ изъ крестьянской крѣпостной жизни — не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе мыслей Пушкинской «Деревни» и другихъ его откликовъ на крестьянское горе и житье закрѣпощеннаго народа. И если Пушкинъ имѣлъ такое большое вліяніе на русскую поэзію, то вліяніе его на всю послѣдующую русскую художественную прозу, въ формѣ повѣсти и романа, гдѣ мы справедливо заняли такое высокое мѣсто даже въ болѣе культурной Европѣ,—громадно, и еще ждетъ въ будущемъ особаго изслѣдователя, который обстоятельно опредѣлитъ эту непосредственную, кровную, связь Пушкина со всей дальнѣйшей нашей литературой, въ которой безъ Пушкинской исторической повѣсти не было бы, можетъ быть, и «Войны и мира», а безъ Онѣгина, съ блестящей свѣтской дамой Татьяной Греминой, не явилось бы и единственной эпопеи изъ жизни высшаго общества «Анны Карениной». На сколько сильнымъ признаютъ вліяніе Пушкина крупнѣйшіе изъ нашихъ писателей, это показали, при открытіи памятника ему въ Москвѣ въ 1880 году, рѣчи Тургенева и особенно Достоевскаго, не говоря уже о всѣхъ рѣчахъ другихъ писателей.

Сейчасъ мы видѣли, какъ отразилось вліяніе Пушкина на всей

нашей дальнѣйшей художественной литературѣ; бросимъ бѣглый взглядъ на отношеніе къ поэту нашей критики. Отзывы о писателѣ современниковъ и потомства рисуютъ положеніе общества и его ростъ. Эти отзывы были слишкомъ разнообразны и вносятъ въ наше пониманіе Пушкина не мало путаницы. Разберемся въ этихъ отзывахъ.

При жизни поэта поняла его и оцѣнила лучше критики сама публика. Не было въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ грамотнаго человѣка, который бы не восхищался и не зачитывался бы Пушкинымъ. По словамъ Гоголя, «всѣ армейскіе и штатскіе считали своею обязанностью проговорить и исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ». Критика съ самаго «Руслана и Людмилы» напустилась на Пушкина за отступленіе отъ псевдоклассицизма, увидѣла въ немъ дерзкаго «романтика», ниспровергателя всего священнаго, и говорила о немъ столько вздору, что Пушкинъ имѣлъ полнѣйшее право относиться къ своимъ критикамъ презрительно. Первый отзывъ о Пушкинѣ, какъ объ очень большомъ писателѣ, принадлежитъ Полевому, однако, поставившему его только наравнѣ съ Державинымъ. Позже—кое-что высказалъ о Пушкинѣ вѣрнаго въ «Телеграфѣ» Надеждинъ, однако обозвавшій Пушкина «нигилистомъ». Только одинъ Гоголь въ 1832 году смѣло и патетически привѣтствовалъ въ лицѣ Пушкина «чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа». Въ первой же статьѣ своей въ 1834 году, какъ мы уже говорили, указалъ на Пушкина, какъ на родоначальника литературы, Бѣлинскій; но онъ долго видѣлъ въ немъ только одну сторону, не нравственную, не общественную, а лишь эстетическую. Только черезъ два года послѣ смерти Пушкина, въ 1839 г., его оцѣнилъ нѣмецъ—критикъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе. Онъ поставилъ Пушкина на ряду съ величайшими представителями европейской поэзіи и призналъ въ немъ «выраженіе всей полноты русской жизни и, слѣдовательно, поэта національнаго въ высшемъ смыслѣ этого слова» *).

Прошло почти восемь лѣтъ по смерти Пушкина. Бѣлинскій былъ уже въ Петербургѣ, и критическія требованія его перешли отъ туманныхъ эстетическихъ теорій къ реальной и трезвой оцѣнкѣ художественно-изображаемой дѣйствительности. Въ 1844 г. является рядъ статей его о Пушкинѣ, составляющихъ одну изъ самыхъ важныхъ заслугъ великаго критика и во многихъ отношеніяхъ имѣющихъ очень большое значеніе и до сихъ поръ. Но у Бѣлинскаго въ рукахъ было изданіе сочиненій Пушкина далеко не полное, искалѣченное цензурой, исправленное Жуковскимъ, безъ біографіи, безъ примѣчаній,—и оцѣнка вышла опять почти только эстетическая. «Пушкинъ,—по словамъ Бѣлинскаго,—былъ по преимуществу поэтъ-художникъ и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ... Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство,

*) «Отечеств. Записки», 1839 г., III, 1—36.

какъ художество...» «Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка...» Но, за этою оцѣнкою, чисто эстетическою, нравственною вообще, Бѣлинскій, частью по условіямъ цензурнымъ, частью же по недостаточному знакомству съ личностью поэта и его сочиненіями и варіантами, явившимися въ печати уже впослѣдствіи, могъ коснуться только вскользь, однимъ намекомъ на нравственное чувство, другой, существеннѣйшей, стороны его поэзіи: именно гражданской, общественной. Почти совсѣмъ не указалъ Бѣлинскій на то, что Пушкинъ видѣлъ въ поэтѣ не только художника, но и гражданина, пророка, призваннаго самимъ Богомъ «жечь глаголомъ своимъ людскія сердца», что Пушкинъ имѣлъ въ исторіи нашего общественнаго развитія особое, великое, значеніе, какъ одинъ изъ передовыхъ борцовъ за лучшія мысли своего времени. Это-то умолчаніе объ общественномъ значеніи поэта, или, по крайней мѣрѣ, недостаточно ясное указаніе на это значеніе, и было впослѣдствіи причиною многихъ опрометчивыхъ сужденій о Пушкинѣ. Только черезъ 18 лѣтъ по смерти Пушкина вышло въ 1855 году первое, достойное имени поэта, изданіе Анненкова и «Матеріалы для его біографіи», впослѣдствіи дополненные извѣстной книгой «Пушкинъ въ александровскую эпоху». Съ этого-то времени и начинается болѣе вѣрная и разносторонняя оцѣнка Пушкина, хотя все-таки долго еще смотрѣли на него только какъ на эстетика. Даже покойный Чернышевскій въ своихъ статьяхъ «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы» о Пушкинѣ продолжалъ отчасти придерживаться взгляда Бѣлинскаго *), и только одинъ Аполлонъ Григорьевъ, котораго мало читали, высказалъ, что «поклоненіе поэту, какъ жрецу чистаго искусства, лишаетъ поэта его великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнью, сочувствій, его высокаго общественнаго значенія и низводитъ его на степень кимвала звенящаго и мѣди бряцающей, громкаго и равнодушнаго эха, сладко поющей птицы» (I, 238). Критикъ горячо стоялъ за національное значеніе Пушкина. «Онъ наше все,—говорилъ Григорьевъ.—Онъ, Пушкинъ, первый и полный представитель нашей народной физіономіи въ мірѣ всѣхъ нашихъ сочувствій, не только художественныхъ, но и общественныхъ и нравственныхъ». «Всѣ истинныя, правдивыя стремленія современной литературы находятся въ духовномъ родствѣ съ Пушкинскими стремленіями, и отъ нихъ-то по прямой линіи и ведутъ свое начало».

Но даровитый критикъ не успѣлъ высказаться вполнѣ и опредѣленно, и голосъ его остался одинокимъ. Наступило время великихъ ре-

*) Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что покойнымъ Н. Г. Чернышевскимъ еще въ 1856 г., безъ имени автора, была издана прекрасная дѣтская біографія Пушкина «А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія». Это—первый опытъ разъясненія дѣтямъ значенія нашего поэта. *В. О.*

формъ и страшной ломки старыхъ понятій; время возбужденныхъ страстей, борьбы стараго съ новымъ, время увлеченій злобами дня, за которыми не оставалось времени для спокойнаго, безпристрастнаго, обсужденія ненавистнаго прошлаго. Ниспровергались съ озлобленіемъ старые боги, которымъ поклонялись «отцы», и слова «аристократъ», «чистый эстетикъ», «искусство для искусства» стали для этого боевого, нервнаго, времени чуть не бранными. Старые поклонники Пушкина, какъ только жреца чистаго искусства, своимъ неумѣлымъ прославленіемъ въ его поэзіи именно одной только этой стороны подлили масла въ огонь, и «дѣти», какъ и сами отцы, не знавшіе и не хотѣвшіе знать исторіи и внимательно изучить Пушкина, пошли походомъ противъ этихъ отцовъ-эстетиковъ, и легкомысленно сдѣлали именно Пушкина козлищемъ отпущенія, основавшись на стихотвореніи «Чернь», въ которомъ выразилось только случайное, озлобленное, настроеніе поэта. Тутъ уже отказывалось Пушкину и въ народности, и въ общественномъ значеніи вовсе, и поэтъ низводился на степень только сладко поющей птицы.

Въ такія эпохи общей ломки и лихорадочной критики отживающаго, общество всегда обрушивается на тѣхъ, кто былъ авторитетомъ стараго поколѣнія, и на крупнѣйшихъ представителей литературы въ особенности. Это позналъ и Пушкинъ на себѣ самомъ, и вотъ что̀ говорилъ онъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ: «Дружина ученыхъ и писателей всегда стоитъ впереди во всѣхъ набѣгахъ на просвѣщеніе. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы». Это недолгое время, первые шестидесятые годы—время такъ громко нашумѣвшихъ Писарева и Зайцева, очень даровитыхъ, особенно Писаревъ, людей искренних, страстныхъ, могущественно дѣйствовавшихъ на молодежь увлекательно горячимъ словомъ, остроуміемъ, но людей очень односторонних, не хотѣвшихъ вовсе признавать исторіи. Цензурныя условія, да отчасти и все еще недостаточная разработка біографіи Пушкина и библіографическихъ матеріаловъ помѣшали дать увлекшимся хулителямъ поэта основательный отпоръ. Кромѣ того, выясненіе общественнаго значенія Пушкина было тогда дѣло щекотливое, да и въ лагерѣ почитателей Пушкина не было ни одного сильнаго таланта, который могъ бы равняться съ Писаревымъ, а Чернышевскій и Добролюбовъ уже сошли со сцены. И вотъ, какимъ-то самумомъ, впрочемъ, очень кратковременнымъ, пролетѣло странное и для насъ теперь легкомысленное развѣнчиваніе нашего величайшаго поэта. Пронеслось оно, найдя себѣ сочувствіе только въ наиболѣе юной молодежи, едва ли дававшей себѣ трудъ обратиться отъ критики къ спокойному изученію самого поэта,—пронеслось почти безъ слѣда, какимъ-то прискорбнымъ кошмаромъ и недоразумѣніемъ.

Послѣ горячки реформъ наступило затишье, вмѣстѣ съ тѣмъ пришла и большая зрѣлость, и неизбѣжная оглядка на недавнее прошлое, и обращеніе къ исторіи русскаго общества за первое пятидесятилѣтіе

вѣка. Явились труды А. Н. Пыпина, записки, мемуары, масса матеріаловъ біографическихъ и библіографическихъ, и естественно,—личности Пушкина и его критика Бѣлинскаго, какъ крупнѣйшія въ исторіи просвѣщенія нашего вѣка, стали центрами исторіи русской новѣйшей литературы. Стало постепенно уясняться въ глазахъ нашего общества, чѣмъ были эти люди по своей натурѣ, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ они развивались и писали, и какъ много они оба для насъ сдѣлали, какими великими, самоотверженными вождями нашихъ мыслей и чувствъ они были, сколько страдали и какъ умерли. И съ благоговѣніемъ преклонились передъ Бѣлинскимъ и Пушкинымъ всѣ честно мыслящіе русскіе люди. Для Бѣлинскаго полное признаніе его великаго просвѣтительнаго значенія совершилось въ прошломъ году, 26-го мая, въ день пятидесятилѣтія со дня его смерти; Пушкинъ предсталъ, во весь свой ростъ, какъ геній-художникъ и великій вождь и учитель, еще 19 лѣтъ назадъ, въ незабвенные пушкинскіе дни въ Москвѣ, когда Москва, воздвигла ему, по всенародной подпискѣ, «мѣдную хвалу» и такъ торжественно отпраздновала открытіе памятника 6-го іюня 1880 г.

Такого праздника, гражданскаго, общественнаго, праздника въ честь героя мысли и слова еще дотолѣ не бывало на Руси, какъ по участію въ немъ самого общества, такъ и по невиданному у насъ единодушію, сердечности и подъему духа. Кто, какъ я и многіе изъ читателей, сами были свидѣтелями этого удивительнаго и свѣтлаго праздника, тѣ не забудутъ этихъ чудныхъ дней до конца жизни, какъ дней побѣды нашего русскаго самосознанія, побѣды «духа жива» надъ мертвящей косностью, дней побѣды просвѣщенія, свѣта, надъ невѣжественной тьмой; дней признанія нашей русской славы, славы русскаго ума и генія. Со всей Россіи съѣхались на торжество представители науки и литературы, весь цвѣтъ нашей интеллигенціи, съ Тургеневымъ и Достоевскимъ во главѣ, и вотъ тутъ-то, въ цѣломъ рядѣ талантливыхъ рѣчей, начиная съ рѣчи митрополита Макарія на панихидѣ въ Страстномъ монастырѣ,—и писателями-художниками, и лучшими представителями нашей науки, съ разныхъ сторонъ, насколько это было возможно, была разъяснена и благородная личность Пушкина, и его значеніе, какъ европейскаго, всечеловѣческаго, генія и какъ величайшаго нашего поэта народнаго.

Но, когда кончились торжества и стали подводить имъ итоги, оказались нѣкоторые и недочеты. Справедливо сожалѣли, что первый нашъ поэтъ почти неизвѣстенъ народу; что даже средняя школа, подавленная формализмомъ и обременительными программами, слишкомъ мало знакомитъ съ Пушкинымъ. Находили, что очень много было наговорено хорошихъ словъ и проявлено чувствъ и восторженной радости, но осязательныхъ, прочныхъ, результатовъ въ концѣ концовъ праздникъ далъ мало, или почти никакихъ. Гдѣ, спрашивали тогда, Пушкинскія школы или, вообще, просвѣтительныя учрежденія въ память Пушкина,

Пушкинскія стипендіи, наконецъ, хотя бы чтенія изъ Пушкина для народа? Высказывалось сожалѣніе, что праздникъ носилъ характеръ слишкомъ исключительно литературный, и что слишкомъ мало принимала въ немъ участія школа, и особенно—народная, русскій учитель, русское юношество. Наконецъ, справедливо выражалось пожеланіе, чтобы поставленъ былъ достойный памятникъ Пушкину и въ Петербургѣ, гдѣ поэтъ учился, долго жилъ и умеръ... Въ этихъ указаніяхъ на недочеты праздника была горькая правда...

Прошло семь лѣтъ, и болѣе чѣмъ скромно было отмѣчено исполнившееся въ 1887 году пятидесятилѣтіе кончины поэта. Но, благодаря появленію въ продажѣ дешевыхъ собраній сочиненій его, оно много способствовало большему ознакомленію въ массѣ съ его великими твореніями. Принимая во вниманіе дешевыя изданія Пушкина, цѣлую массу всякихъ педагогическихъ и народныхъ изданій, разошедшихся съ 1887 года по Россіи, въ милліонахъ экземпляровъ, можно сказать, что Пушкинъ уже въ значительной степени въ Россіи извѣстенъ.

Теперь мы наканунѣ столѣтія рожденія Пушкина, наканунѣ перваго нашего культурнаго, всенароднаго, юбилея.

Съ рѣдкимъ у насъ единодушіемъ уже откликается на этотъ праздникъ вся Русь съ самыхъ дальнихъ своихъ окраинъ, и можно и, кажется, слѣдуетъ ожидать, что этотъ великій, культурный, повсемѣстный и всенародный, единственный въ Россіи по своему значенію, праздникъ будетъ достоенъ имени своего виновника — Пушкина. Чего же пожелать этому празднику?

Прежде всего желательно, чтобы повсюду онъ прошелъ какъ можно торжественнѣе, а главное—веселѣе, радостнѣе, свѣтлѣе, какъ была свѣтла и чиста человѣчная личность самого Пушкина, такъ любившаго человѣка и Россію, съ ея народомъ и ея великимъ будущимъ, въ которое онъ смотрѣлъ «безъ боязни, въ надеждѣ славы и добра». Въ общемъ, въ настоящее время наша жизнь такъ сѣра, скучна и безцвѣтна! Да оживитъ же насъ, хоть ненадолго встряхнетъ и возвыситъ въ насъ «духъ живъ» этотъ праздникъ, чтобы среди безглагольныхъ равнинъ нашихъ раздался голосъ литературы и всего общества, голосъ, провозглашающій хвалу нашему поэту и провозглашеннымъ имъ идеямъ истины, добра, красоты и свободы. Да объединитъ насъ всѣхъ, разномыслящихъ и разночувствующихъ, имя Пушкина въ одной мысли наибольшаго блага и счастья нашей родинѣ, алчущей хлѣба, матеріальнаго и духовнаго, въ одномъ чувствѣ любви къ красотѣ, добру, свободѣ, гуманности! И первое мѣсто на этомъ праздникѣ должно быть предоставлено дѣтямъ и юношеству. Съ благородными идеями, чувствами и образами Пушкина должно идти наше молодое поколѣніе въ жизнь, какъ съ надежнѣйшими орудіями для борьбы съ зломъ и тьмой, какъ съ драгоцѣннѣйшими идеалами, безъ которыхъ нѣтъ вѣры и надежды на лучшее. На ряду съ учащимися поколѣніями, для ко-

которыхъ отнынѣ Пушкинъ долженъ служить краеугольнымъ камнемъ эстетическаго и національнаго воспитанія, на праздникѣ долженъ быть непремѣнно и народъ, который долженъ какъ можно болѣе быть ознакомленъ съ поэтомъ и принять самъ участіе въ торжествѣ всероссійскомъ, всесословномъ, а отнюдь не только литературномъ. И чѣмъ больше этотъ праздникъ русскаго искусства и національнаго самосознанія будетъ единодушнѣе, сердечнѣе, веселѣе, торжественнѣе, тѣмъ выше будетъ его общественно-воспитательное значеніе.

Но, самое главное, надо постараться, чтобы праздникъ привелъ къ прочнымъ и вѣчнымъ, осязательнымъ для страны, результатамъ. Не говоря уже о постановкѣ памятника въ Петербургѣ, а можетъ быть, и въ другихъ большихъ городахъ, и о широкомъ распространеніи портретовъ, сочиненій Пушкина, чтеній съ туманными картинами,—нужно помнить, что это праздникъ не только литературный, что онъ—въ то же время и праздникъ столѣтія русскаго просвѣщенія, нынѣ освобожденнаго народа. Мы вѣдь наканунѣ новаго вѣка, и вотъ, въ виду вступленія въ новое двадцатое столѣтіе, совпадающаго съ столѣтіемъ Пушкина, намъ нужно открыть въ его память какъ можно болѣе школъ и просвѣтительныхъ учрежденій, чтобы надъ всей Россіей, къ новому вѣку, взошла, наконецъ, желанная заря просвѣщенія, къ которому звалъ поэтъ, и безъ котораго нѣтъ ни истинной свободы, ни благосостоянія страны, ни народной гордости передъ образованнѣйшими государствами. Объ этой-то зарѣ просвѣщенія мечталъ Пушкинъ еще юношей. Будемъ же вѣрить, что эта заря взойдетъ отъ нашего солнца—Пушкина, и тогда-то, вспоминая своего поэта, котораго, какъ свою первую любовь, не забудетъ сердце Россіи, всѣ единодушно воскликнутъ на Руси:

Да здравствуетъ солнце,
Да скроется тьма!

Викторъ Острогорскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ А. Мицкевича.

Въ альбомъ К. Ржевуской.

Въ морѣ жизни, волей рока,
Мчимся розно—ты и я;
Надъ пучиной одиноко
Бьется каждаго ладья.
Но твоя, вся росписная,
Позолотою блеститъ;
Рѣжетъ волны грудь стальная,
Парусъ весело шумитъ...
Я жъ, съ остатками вѣтрила,
Бури прихотью носимъ,
Въ море брошенъ безъ кормила—
Въ жертву чудищамъ морскимъ.
Вся трещитъ, скользя надъ бездной,
Полусгнившая ладья...
Звѣзды скрылись... Безполезный
Компасъ за-бортъ кинулъ я...
Не сойтись намъ: ты забудешь,
Что встрѣчались на пути;
Ты меня искать не будешь,
А тебя мнѣ—не найти...

А. Колтоновскій.

Изъ Маріи Конопницкой.

(Переводъ съ польскаго).

Спите, розы, мирно, сладко!
Доброй ночи вамъ!
Мѣсяцъ льетъ свой свѣтъ украдкой
Дремлющимъ полямъ,

И кувшинкамъ безмятежнымъ
На груди озеръ
Переливомъ ряби нѣжнымъ
Застилаетъ взоръ.
Теплый вечеръ мягкой тьмою
Топитъ сонный день,
И причудливой каймою
Чертитъ въ полѣ тѣнь.
Легкимъ паромъ словно дышетъ
Лоно свѣжихъ волнъ,
И задумчиво колышетъ
Одинокій челнъ.
Духъ, подвластный плѣннымъ мукамъ,
Встрѣтивъ эту ночь,
Дверь темницы будитъ стукомъ,
Страстно рвется прочь.
Мысль, взлетѣвъ, о звѣзды бьется,
Рѣетъ въ сонмѣ тучъ.
Кровь, волнуясь, въ жилахъ льется,
Какъ ожившій ключъ.
Счастья, счастья! Пусть промчится
Чудный мигъ средь бурь!
Пусть заблещетъ, какъ зарница,
Освѣтивъ лазурь!
И растаетъ, какъ росинка
Въ чашечкѣ цвѣтка,
Какъ упавшая пылинка
Съ крыльевъ мотылька!..
Вздохъ печали будитъ эхо
Въ голубой дали...
Смолкни, пѣсня—ты помѣха
Отдыху земли!
Ночь одѣлась мглой эѳирной,
Міръ молчитъ, какъ храмъ...
Спите, розы, сладко, мирно!
Доброй ночи вамъ!

Танъ.

РИШТАУ.

Повѣсть.

I.

Долина рѣчки Аучи принадлежитъ къ красивѣйшимъ въ юго-западныхъ отрогахъ Кавказа. Дно ея покрыто буйной южной растительностью, по бокамъ вздымаются скалистые уклоны, изрытые сѣтью трещинъ и овраговъ. Оттуда по ущельямъ съ рокотомъ бѣгутъ къ главной рѣчкѣ мелкіе потоки и льются водопады. Въ одномъ концѣ долины, сквозь широкую брешь въ предгорьяхъ, открывается видъ на далекое синее море, въ другомъ — зеленыя складки столпившихся горъ запираетъ снѣжная вершина Риштау. Когда-то здѣсь жили черкесы, но лѣтъ тридцать тому назадъ ушли и вскорѣ непролазные лѣса поглотили заброшенные поля и аулы.

Теперь только медвѣди, кабаны, да шакалы пользуются заросшими дорогами и дерутся по ночамъ изъ-за плодовъ въ одичалыхъ садахъ. Изрѣдка въ то время ходятъ туда и оставшіеся туземцы стрѣлять ихъ по ночамъ „на шумокъ".

Среди новѣйшихъ колонистовъ эта красивая, но опасная охота мало находила любителей. Въ долинѣ Аучи одинъ Юрій Страсевичъ увлекался ею. Какъ разъ, дня за два до того, армяне изъ сосѣдней деревушки доложили ему, что большой медвѣдь ходитъ въ ближайшихъ аулищахъ, и черные, спутанные вихры молодого человѣка пришли отъ этого въ еще большій безпорядокъ.

— Отпусти ты его, Семенъ! Пусть идетъ!—обратилась г-жа Страсевичъ къ старшему сыну, когда вечеромъ вся семья усѣлась за чайнымъ столомъ на верандѣ небольшого ихъ домика, до крыши покрытаго пышной зеленью вьющихся розъ и виноградной лозы.

— Сидитъ, молчитъ... Слова не добьешься... Смотритъ въ лѣсъ, точно волкъ!..—жаловалась старушка.

Семенъ медленно поднялъ отъ блюдечка желтую, обстриженную, какъ дыня, голову.

— Ну!?

Юрій покраснѣлъ подъ его взглядомъ.

— Да я не смотрю...—торопливо заговорилъ онъ.—Мамѣ все кажется. А молчу потому, что говорить нечего...

Дѣйствительно, все было ясно и безъ разговоровъ. Онъ не могъ отлучиться. Нужно было во что бы то ни стало кончить поскорѣе окапываніе кукурузы, пока отволгшая послѣ небольшого дождя земля опять не превратится въ кирпичъ подъ палящимъ зноемъ. Тѣмъ не менѣе, видъ темнѣющихъ на закатѣ лѣсовъ вызывалъ въ юношѣ тоску, сердце его билось тревожно, все казалось пустымъ, не интереснымъ, въ лицѣ просвѣчивало сдержанное, глухое страданіе. Нѣчто подобное онъ испытывалъ только тогда, когда Елена Ивановна Рудзкая долго не глядѣла на него... въ сердцахъ или по забывчивости. Этотъ лѣсъ и эту дѣвушку онъ зналъ почти одинаково давно. Ее, сироту, пріютили Страсевичи еще во время своего переѣзда изъ Сибири; съ тѣхъ поръ молодые люди росли вмѣстѣ, какъ братъ и сестра.

Юрій невольно перевелъ глаза на дѣвушку, сидѣвшую тутъ же, и вспыхнулъ подъ ея дружескимъ взглядомъ.

— Если я помогу вамъ, то вы вѣдь кончите завтра?

— Что за выдумка? Въ такую жару... Ни за что, ни въ какомъ случаѣ не позволяй!..—обратился Юрій къ матери.

Семенъ медленно поднялъ свою „дыню“ и сказалъ, поглаживая подбородокъ:

— Чего ей бояться, такой здоровячкѣ? Пусть поможетъ!

— Со скотомъ я одна управлюсь. А воды сегодня принесите!..—вставила третья женщина, сидящая у стола, одѣтая въ темное, желтая, тонкая, уже сильно поблекшая и отцвѣтшая Юстина Николаевна.

Весь слѣдующій день молодежь проработала подъ палящимъ зноемъ. Было настолько жарко, что имъ даже не захотѣлось пѣть, что̀ дѣлали они всегда при совмѣстной работѣ. Юрій ужасно сердился. Онъ все настаивалъ, чтобы Елена вернулась домой, что мать одна не можетъ справиться съ чисткой вишень на варенье, а здѣсь дѣвушка совершенно лишняя. Однимъ словомъ... тысяча причинъ злиться и ворчать. Елена только посмѣивалась, довольная, что добралась, наконецъ, до трудной, мужской работы. Было ей видимо трудно, потъ струился по лицу ея градомъ, но все время она шла наравнѣ съ мужчинами.

— О, Господи! Юрій, Юрій, погляди: одна мотыка виситъ въ воздухѣ, а барышня исчезла, разстаяла...—шутилъ Семенъ.

— Дѣйствительно, жарко! — отвѣтила Елена и вытерла по-мужицки лицо рукавомъ рубахи.

Семенъ глядѣлъ на нее пристально, какъ на совершенно новое,

незнакомое ему явленіе. Этотъ зной и эта напряженная работа измѣнили и ее. Спокойная, сдержанная, почти медлительная, вдругъ проявила она необычную быстроту движеній и пламенную энергію. Его шутки только подзадоривали ее; загорѣлыя, точно изъ золота выточенныя, руки ея безостановочно сверкали по воздуху.

Заступъ со звономъ ударялъ въ каменистую почву, разрыхлялъ ее и сейчасъ же мгновенно взлеталъ вверхъ. Только когда желѣзо орудія попадало въ крупныя глыбы булыжника, глубокій, болѣзненный вздохъ вылеталъ изъ груди дѣвушки.

— Молодецъ, но... не совсѣмъ! Зачѣмъ попадаешь въ камень! Бокомъ нужно... Вотъ такъ!—наставлялъ ее Семенъ.

— Оставь ее! Пусть ушибется!—кричалъ Юрій. Оба они принуждены были хорошо подтянуться, чтобы не позволить ей подъ конецъ опередить себя. Семенъ глазъ не сводилъ съ дѣвушки, все что-то соображалъ, сощуривъ по-кошачьи вѣки, и былъ чрезвычайно веселъ.

— Стóитъ Риштау наша барышня! Возьмемъ ее на слѣдующую охоту, непремѣнно возьмемъ, Юрій!.. Вѣрно говорю!? Ты только посмотри!—говорилъ онъ брату, когда послѣ работы пошли обѣдать. Дѣвушка съ самодовольной улыбкой засовывала подъ бѣлый платочекъ свои русые, выбившіеся на лобъ волосы. Юрій притворился, что наблюдаетъ нѣчто очень интересное въ противоположномъ краю долины; Семенъ пропѣль сквозь зубы:

«Гей, на гóри тай жинци жнуть...»

но сфальшивилъ и оборвалъ. На верандѣ, точно темное привидѣніе, двигалась беззвучно съ обѣденными приборами Юстина. Она обвела прибывшихъ внимательнымъ, загадочнымъ взглядомъ и ушла въ кухню.

— Ахъ!.. ахъ!.. Уже вижу, набѣдокурили!..—заохала госпожа Страсевичъ. Старушка сидѣла неподвижно передъ своимъ приборомъ, съ очками на носу и неизмѣннымъ чулкомъ въ рукахъ. Съ обѣдомъ пришлось подождать Елену, которая пошла къ криницѣ умыться. Семенъ тоже сгоряча осмотрѣлъ свои запыленныя руки.

— Земля есмь и къ землѣ вернусь!—сказалъ онъ съ благодушной насмѣшкой, отломилъ кусокъ хлѣба, посолилъ его круто, и принялся ѣсть съ увлеченіемъ. Юрій все время угрюмо молчалъ. Его поведеніе въ конецъ испортило общую веселость. Всѣ молчали и переглядывались. Когда угрюмый молодой человѣкъ всталъ и ушелъ къ себѣ безъ чаю, мать сухо спросила Елену:

— Что случилось?

— Не знаю!

— Вы, мама, и представить себѣ не можете, что это за ехидная барышня...—началъ было Семенъ, но синіе, полные удивле-

нія и обиды глаза Елены остановили его. Пока они смотрѣли другъ на друга, Юстина съ неловкимъ стукомъ потянулась къ пустому стакану Семена.

— Нѣтъ... нѣтъ!—поправился тотъ съ комическимъ ужасомъ.— Она прекрасно работаетъ. . дѣйствительно хорошо работаетъ!

— Лучше бы не работала!—проговорила госпожа Страсевичъ. Послѣ ухода Юрка спицы въ ея рукахъ задвигались особенно быстро и кончикъ носа, вооруженнаго очками, покраснѣлъ знаменательно.

— Не вижу достаточнаго повода...—хмуро замѣтилъ Семенъ. Елена пошевелилась, но промолчала. Было что-то особое въ поведеніи Юрія, что ее непріятно задѣло; она хотѣла работать и была благодарна Семену за его поддержку. Обиженный юноша больше къ нимъ на веранду не являлся.

Они нашли его въ полѣ усиленно работающимъ и все также надутымъ. Семенъ молча поднялъ свой заступъ, но Елена тщетно искала свой. Смущенная, она обшарила вблизи кусты, траву, наконецъ, остановилась передъ юношей:

— Юрій, отдай, пожалуйста, заступъ!—Ты вѣдь его спряталъ... Право, не знаю, что все это значитъ!?

Юрій и виду не подалъ, что слышитъ.

— Заступъ!..—повторяла сердито дѣвушка.—Я не маленькая! Что за странная опека?!

— Отдай, отдай!.. Безъ шутокъ...—вступился Семенъ. Юноша мрачно взглянулъ на обоихъ и губы его сжались еще плотнѣе. Елена замѣтила его потемнѣвшее, застывшее лицо и поняла, что на этотъ разъ ничего не подѣлаетъ. Слезы досады навернулись у ней на глаза. Семенъ все время съ любопытствомъ наблюдалъ за ними.

— Хорошо! Буду знать!..—вдругъ добавила она, отвернулась и ушла.

— Если не отдашь сейчасъ, уйду и я... Что за грубыя выходки?! за что ты ее обидѣлъ!?—вспыльчиво заговорилъ Семенъ.— Ты забываешь, что она сирота... Лёля, Лёля!.. Вернись!.. Возьми мой!

Дѣвушка не остановилась и даже, когда онъ нагналъ ее и сталъ убѣждать, она продолжала идти мелкими рѣшительными шагами. Въ полѣ остался одинъ Юрій. Онъ рѣшилъ про себя не возвращаться домой до окончанія, и хотя осталось довольно много, надѣялся, благодаря своей силѣ и умѣнью, успѣть къ вечеру. Но онъ ошибся, работа затянулась, солнце закатилось, а онъ все стучалъ своимъ заступомъ. Госпожа Страсевичъ посылала Юстину, Семена, наконецъ, сама за нимъ пошла, все напрасно,—юноша рылъ землю въ какомъ-то изступленіи, какъ бы желая наказать самого себя.

Въ домикѣ всѣ уже спали и свѣтъ блестѣлъ только въ окнѣ у Елены, когда онъ осторожно по черному ходу проскользнулъ въ кухню. Въ комнатѣ Семена сквозь тонкую перегородку онъ неожиданно разслышалъ сдавленный шепотъ Юстины:

— Не обманешь меня! Не отнекивайся!.. Все вижу... И не позволю тебѣ обидѣть другихъ такъ, какъ ты меня обидѣлъ... Все сейчасъ разскажу...

— Что жъ, разскажи! Тебѣ больше всего достанется... Мать прогонитъ тебя сію минуту...

— Мнѣ нечего терять... ты все отнялъ у меня! Если молчу, такъ только ради матери... Мнѣ жаль ее; она ко мнѣ добра, она и не догадывается, какой ты...

— Ээ! Можетъ быть, не только ради этого...

— Боже мой, Боже!..

Шепотъ перешелъ въ рыданія. Жалость сразу охватила Юрія, онъ давно зналъ все, мучился за брата и Юстину, но что же онъ могъ подѣлать? Теперь его только сильнѣе потянуло въ лѣсъ. Онъ тихонько отыскалъ ощупью хлѣбъ на полкѣ, взялъ коробку спичекъ, огарокъ свѣчки, затѣмъ со двора черезъ окно проникъ въ свою комнату, гдѣ захватилъ ножъ, ружье, патронташъ и двинулся къ воротамъ. Собаки побѣжали за нимъ, но онъ сердито отогналъ ихъ и одинъ зашагалъ по тропинкѣ внизъ. У рѣчки онъ прежде всего напился воды, отломилъ хлѣба и сталъ его ѣсть съ удовольствіемъ. Онъ отдыхалъ и слушалъ, какъ шумитъ бѣгущая вода, какъ шепчутъ вдали лѣса. Легкій, знойный вѣтерокъ, дующій вдоль рѣчки, приносилъ изъ сосѣднихъ „щелей“ ароматы цвѣтущаго жасмина. Юрій ѣлъ и раздумывалъ о томъ, что сегодня случилось: конечно, онъ поступилъ дурно! Онъ неисправимо грубая скотина, и Елена поэтому его не любитъ. А все-таки ему лучше! Бѣдный, бѣдный Семенъ, ему никогда не выпутаться! Лѣля, конечно, менѣе всего виновата... Все-таки хорошо, что такъ случилось, пусть не думаетъ, что съ нимъ все можно... Пусть не дразнитъ... Современемъ онъ объяснится, но теперь... пусть недоумѣваетъ, пусть томится... Нельзя черезчуръ баловать дѣвушекъ!.. Онъ слышалъ, что онѣ совсѣмъ даже этого не любятъ... Нужно не поддаваться, дать имъ почуствовать свое превосходство...

Онъ былъ очень доволенъ своимъ заключеніемъ и не безъ торжества посмотрѣлъ на бѣлый домикъ, спящій среди розъ на скатѣ горы. Свѣтъ все еще мелькалъ въ окнѣ Елены. Онъ уже собирался переходить рѣку, какъ вдругъ его побѣдное настроеніе исчезло, онъ смутился, сердце у него защемило, онъ повернулся и пошелъ все быстрѣе и быстрѣе назадъ. Подъ конецъ онъ почти бѣжалъ, но раньше, чѣмъ онъ открылъ калитку, свѣтъ въ

окнѣ задрожалъ и погасъ. Тогда онъ зажегъ свою свѣчку и на ступеняхъ крыльца написалъ на бумажкѣ карандашомъ:

„Елена прости! Я былъ золъ и все это очень глупо!“ Записку онъ бросилъ въ комнату, приподнявъ край опущенной въ окнѣ занавѣски.

II.

Лѣса начинались сейчасъ же за потокомъ. Луна какъ разъ всходила надъ ними, и въ ея серебристомъ сіяніи мощныя, высоко на горахъ толпившіяся деревья обозначались черными, рѣзкими пятнами. Въ тѣни ихъ, внизу, бурлила невидимая рѣчка, въ рощахъ протяжно перекликались крошечныя кавказскія совы. Ихъ нѣжное, жалобное „сплю“ проносилось въ длинныхъ промежуткахъ времени, точно жалобный, мечтательный стонъ. Воздухъ горячій, ароматный слегка туманился. Юрій тоже чувствовалъ въ душѣ сладкій туманъ и волненіе, какъ будто брелъ не назадъ, а на тихій зовъ, къ закрытому занавѣской окну и ждалъ, что вотъ-вотъ порывъ вѣтра подыметъ ее и онъ увидитъ любимую дѣвушку, спящую въ лунномъ сіяніи.

— Спи спокойно!.. Богъ свидѣтель: всегда ты была для меня и будешь святыней! — размышлялъ онъ съ благоговѣніемъ.

За ручьемъ онъ снялъ ружье и перевязалъ конецъ дула обрывкомъ бѣлаго холста для стрѣльбы въ темнотѣ. Затѣмъ онъ заложилъ въ замокъ патронъ, пощупалъ ножъ, поправилъ за пазухой хлѣбъ и, низко нагнувшись, нырнулъ подъ вѣтки, нависшія надъ узкой тропинкой.

Еще шагъ и охотникъ потонулъ въ непроницаемой тьмѣ. Онъ чувствовалъ себя здѣсь превосходно, зналъ каждый пень, каждую лiану. Съ протянутой слегка впередъ рукою онъ двигался быстро, беззвучно и увѣренно. Изрѣдка тучи „свѣтляковъ“, точно голубыя или зеленыя брызги тронутыхъ имъ таинственныхъ волнъ, взлетали изъ подъ его ногъ, чертили мракъ въ прихотливомъ полетѣ, обсыпали его плечи и голову, потухали вдругъ и вдругъ неожиданно зажигались, освѣщая нѣжнымъ, струящимся свѣтомъ края и поверхность скрывающихъ ихъ листьевъ и травъ. Юрій мало видѣлъ, ему это и не нужно было, онъ чувствовалъ тропинку подъ ногами и всѣмъ существомъ своимъ угадывалъ мѣстность. Говорили ему о ней и пройденное разстояніе, и наклонъ почвы, и звуки, и смѣняющіеся волны воздуха, то влажныя, затхлыя, то жаркія, трепетныя, то пахучія, упоительныя, точно душъ изъ вина и цвѣтовъ.

— Щель... Утесы... Роща жасмина... Азалiи... Пропасть...— отмѣчалъ охотникъ въ умѣ и шелъ все также быстро и беззвучно.

А лѣсъ кругомъ гудѣлъ, вздыхалъ, шепталъ, точно милліоны засыпающихъ эльфовъ. Временами высоко по сводчатымъ вершинамъ исполинскихъ дубовъ прокатывалась широкая, какъ стонъ, волна и замирала вдали. То вѣтеръ, дующій съ моря, врывался сюда. И затѣмъ все стихало и опять тихій, однообразный шепотъ лѣса нарушали только трескъ сломанной гдѣ-то вѣтки, писк подравшихся въ чащѣ векшей, или отдаленное блеяніе козъ. Тогда Юрій на мгновеніе замиралъ безъ движенія и чутко прислушивался. Его опытное ухо различало въ этомъ невнятномъ, миломъ говорѣ всякій звукъ. Его ноздри жадно втягивали пахучій, живительный воздухъ, а широко раскрытые глаза по оттѣнкамъ тьмы угадывали повороты лѣса и открытые пролеты тропинокъ. Волненія, противорѣчивыя чувства, мучительныя мысли, самая любовь уходили мало-по-малу куда-то отъ него прочь и онъ опять чувствовалъ себя частицей этого бора, и ему хотѣлось закричать вдругъ по орлиному или залаять, какъ лаютъ лѣсные шакалы, зашипѣть, какъ рысь или барсъ. Довольный, веселый, онъ ловко скользилъ по крутымъ уклонамъ, опираясь о теплые, шероховатые пни деревьевъ, какъ о старыхъ друзей. А если вблизи мерещилась ему бездна, онъ осторожно выставлялъ впередъ вѣрное ружье и ощупывалъ старательно землю тяжелымъ прикладомъ.

Такимъ образомъ онъ пробрался высоко въ горы въ котловину, гдѣ подлѣсокъ былъ рѣже, а деревья выше и стройнѣе. Здѣсь росла искомая черешневая роща, здѣсь было больше свѣта и простора. Лунные лучи проскальзывали сверху сквозь отверстія лиственнаго свода, оттуда точно паутина свѣшивались туманныя сплетенія плюща, винограда и тонкая сѣть льянъ. Ниже—лунныя пятна, стрѣлки и серебристая пыль разсыпались причудливо по вершинамъ курчавыхъ кустовъ, по широкимъ кружевнымъ лопастямъ исполинскихъ папоротниковъ, по колоннамъ громадныхъ деревьевъ, утопающихъ главами и основаніями въ нѣжномъ, какъ самый ранній разсвѣтъ, полумракѣ. Все было неясно, туманно, сонно, только крупныя капли росы сверкали изрѣдка, какъ наборы алмазомъ на членахъ притаившихся въ тѣни сказочныхъ красавицъ, да на дулѣ ружья и въ оправѣ ножа Юрія вспыхивали огненныя нити и искры, когда тотъ, пробираясь среди растеній, попадалъ въ полосу свѣта. Охотникъ присматривался внимательно къ вѣткамъ, къ землѣ, шарилъ, ощупывалъ рукою тропинку. Наконецъ, нашелъ, чего искалъ, присѣлъ на корточки и зажегъ свѣчку. На липкой, покрытой прошлогодними листьями почвѣ, среди сучьевъ валежника и упавшихъ вишень, онъ сразу замѣтилъ свѣжіе оттиски хищныхъ лапъ, примятыя травы и черты острыхъ когтей на ближайшихъ пняхъ.

— Былъ вчера и придетъ, по всей вѣроятности, на разсвѣтѣ сегодня...

Интересно: ходятъ ли и кабаны?—подумалъ онъ и дальше блуждалъ по рощицѣ съ свѣчою въ рукахъ. Убѣдившись, что больше нѣтъ ничего, онъ прислушался къ странному звуку, который пронесся въ сторонѣ и, когда тотъ больше не повторился, задулъ свѣчку и вернулся на прежнее мѣсто. Впереди оставалось много времени. Онъ придвинулъ подъ голову камень, покрылъ его вчетверо сложенной шляпой, ружье положилъ тутъ же около себя и сейчасъ же уснулъ. Спалъ онъ чуткимъ охотничьимъ сномъ, когда тѣло отдыхаетъ, хотя сознаніе бодрствуетъ и слышно все, слышно даже, какъ каплетъ съ деревьевъ роса, какъ падаютъ спѣлыя вишни. Продолжалось это не долго. Опять въ лѣсу пронеслись рѣзкіе звуки, отличные отъ постояннаго гомона пустыни. Онъ прислушался и вскорѣ различилъ трескъ ломающихся кустовъ. Трескъ приближался, временами затихалъ, временами къ нему присоединялся гулъ катящихся сверху камней. Не подлежало сомнѣнію: звѣрь шелъ къ нему. Удивляло только Юрія необычное его поведеніе, но и у медвѣдей есть свои фантазіи. Онъ взвелъ курокъ и ждалъ, а когда въ сумракѣ заколыхались кусты и замелькалъ черный силуэтъ, намѣревающійся видимо миновать рощицу, охотникъ приложился.

— Почуялъ, дьяволъ!—чуть не вслухъ пробормоталъ онъ и съ досадой нажалъ собачку. Блескъ, громъ выстрѣла и пронзительный неожиданный крикъ смѣшались въ одно.

— Боже мой!.. Что такое!?. Подстрѣлилъ, кажется, имеретина...

Въ ужасѣ Юрій забылъ даже зарядить ружье и бросился мгновенно въ кусты. Тамъ все затихло. Дрожащей рукою охотникъ зажегъ свою свѣчку и первое, что увидѣлъ, были ноги, обутыя въ длинныя ботфорты. Дальше онъ увидѣлъ сѣрую, полотняную блузу, зеленую жестянку для собиранія растеній и руку, безсильно заброшенную за голову. У Юрія потемнѣло въ глазахъ.

— Убитъ!.. Совсѣмъ убитъ!..

Чтобы заглянуть въ лицо мертвецу, онъ потянулъ его за рукавъ и тѣло ужаснымъ движеніемъ трупа развернулось и упало навзничь. Раны Юрій не замѣтилъ, но когда наклонился послушать сердце и рукою уперся въ землю, то почувствовалъ подъ ладонью теплую, противную лужу. Пуля попала несчастному въ бокъ и кровь обильно текла. Раненый жилъ, сердце тихонько стучало и обморокъ сталъ проходить; онъ пошевелилъ губами, вздохнулъ. Къ Юрію тоже вернулось самообладаніе. Онъ быстро развелъ огонь, выбросилъ изъ зеленой жестянки какой-то соръ и бросился съ ней внизъ. Когда онъ вернулся, раненый уже полусидѣлъ, опираясь на руку и мутными глазами смотрѣлъ въ огонь. Увидѣвъ незнакомца съ водой въ своей жестянкѣ, онъ попробовалъ улыбнуться.

— Хорошо попали!..—прошепталъ онъ внятно по-русски.— Кажется... конецъ!

— Боже мой! Зачѣмъ вы не посвистывали, когда шли!?— сердился Юрій.

Незнакомецъ опять улыбнулся.

— Не зналъ... не пришло въ голову... Сначала я васъ звалъ, но когда свѣчка потухла... я побоялся, что вы испугаетесь, убѣжите... я не зналъ, гдѣ вы и кто вы... Воды... Темно... Тутъ близко...

Юрій поддержалъ его, напоилъ, лицо и виски смочилъ обильно водою.

— Здѣсь... гдѣ-то... недалеко... мой человѣкъ... Тамъ бумаги и все... пошлите матери... Темно... темно... жаль!..

— Рано жалѣть... Будете жить!—ворчалъ Юрій; онъ ловко разстегнулъ платье и внимательно осмотрѣлъ рану при блескѣ огня.

— Скверная пробоина, но не тяжелая. Пуля скользнула по ребрамъ и вышла съ той стороны... Ваше счастье!.. Даже не знаю, какъ это случилось!.. Должно быть, старый попался патронъ... Мы ее заклеимъ хлѣбомъ, а затѣмъ я сбѣгаю домой за носилками... Остатокъ хлѣба я вамъ оставлю, можетъ быть, вы поѣдите!.. Пройдетъ много времени... Не тревожьтесь!

Незнакомецъ свѣсилъ на плечо голову и тихо стоналъ съ закрытыми глазами. Юрій опять испугался. Онъ торопливо устроилъ больному постель изъ свѣжихъ вѣтокъ и листьевъ, поставилъ рядомъ жестянку съ водою, положилъ хлѣбъ, спички, заготовилъ дровъ для костра, еще разъ осмотрѣлъ раненаго, накрылъ его собственной курткой и въ одной рубахѣ, разстроенный и блѣдный, бросился съ горъ поскорѣе домой.

Сизый свѣтъ ранняго утра просачивался въ глубину жемчужной отъ росы зелени лѣса. А тамъ, гдѣ обрывы открывали пролеты къ востоку, розовый блескъ зари уже окрасилъ верхушки деревьевъ и грани скалъ. Сѣдой туманъ колыхался на кручахъ и тихо скатывался небольшими тучками внизъ по ложбинамъ.

Юрій поспѣшно бѣжалъ тропинкой и вытиралъ ежеминутно рукавомъ потъ, обильно льющійся съ лица.

III.

— Тетя!.. Онъ говоритъ по-польски... Право: онъ говоритъ по-польски!..

Больной пришелъ въ себя, но глазъ не открылъ. Онъ тоже разслышалъ, что говорятъ по-польски, и былъ увѣренъ, что это бредъ и отблескъ того... невѣдомаго міра, куда онъ рѣшилъ было

уйти. Точно огненный туманъ искръ и дыма, выбрасываемыхъ быстро бѣгущимъ поѣздомъ, проносились передъ нимъ, вспыхивали и потухали видѣнія и звуки... Горы... Закатъ солнца... Лѣсъ... Тьма... Среди нея, точно бабочка, плаваетъ крошечное мѣдное лицо освѣщенное пламенемъ свѣчи... Опять темно... И опять голова съ его зеленой коробкой въ рукахъ... Шумитъ, клокочетъ... Это водопадъ!.. Нѣтъ! Это колышутся дубы! Это вѣтеръ гуляетъ... Что-то навалилось на него, что-то не даетъ ему дышать... И въ тоже время нѣжный голосокъ шепчетъ близко:

— Тетя, опять кровь!..

— Арникой, арникой... дитя мое!

Его тревожитъ, толкаетъ, не даетъ заснуть, какъ хочется, глубоко и безпросыпно... Да, да... Это мать будитъ его... Ахъ, проклятый девятый часъ... „Стась, Стась!..“ шепчетъ знакомый дорогой голосъ. „Уже девять!..“—„Господи, развѣ возможно, милая матушка, позволять сыну спать такъ долго, когда у него столько дѣлъ?..“—„Ты вчера долго сидѣлъ, милый... Умственный трудъ требуетъ отдыха...“ Легкое, холодное прикосновеніе; затѣмъ жгучая боль въ боку. Раненый открылъ глаза.

— Что? Что случилось?

Ослѣпительный свѣтъ послѣ мрака, бѣлая комнатка съ бѣлыми у окна занавѣсками, окно, полное синевы и солнца, а ближе... прелестная дѣвушка съ большими голубыми глазами.

— Несомнѣнно, видѣніе!.. Вѣдь онъ умеръ въ горахъ Кавказа... Онъ былъ убитъ ночью выстрѣломъ незнакомца... Это онъ хорошо помнитъ.

Больной поспѣшно смыкаетъ глаза. Да, какъ это ни странно, а вопреки всѣмъ разсужденіямъ очевидно, существуетъ загробный міръ... и въ сущности совсѣмъ не дурной! Очевидно, ему, Станиславу, простили грѣхи, въ виду его неожиданной смерти и онъ не попалъ въ адъ... Но онъ не спасенъ... Онъ, вѣрно, въ чистилищѣ... Ему больно, ему трудно... Онъ хотѣлъ бы открыть вѣки, чтобы еще разъ увидѣть видѣніе, но вѣки не слушаются, тѣло его тяжело и плотно, какъ свинецъ... Навѣрно онъ въ чистилищѣ... У окна онъ замѣтилъ даже большое черное пятно... Нехорошее пятно... Въ то же время онъ близко опять почувствовалъ пріятное тепло, запахъ и услышалъ милый, серебристый голосокъ:

— Тетя, я боюсь, что онъ умретъ! Такой блѣдный!..

— Сохрани Богъ! Это повело бы для Юрія къ ужаснымъ непріятностямъ...

— Не двигается... даже не стонетъ!.. Фельдшеръ все не ѣдетъ... Взгляни, тетя милая, на кого это собаки лаютъ?!

— Да нѣтъ! Не они! Это Юрій возвращается съ работы! Рано для нихъ!..

... Фельдшеръ... — соображалъ раненый. — Та-акъ!.. Значитъ все очень просто... я раненъ. И не все окончено...

Онъ побѣждаетъ, наконецъ, безсилье и открываетъ глаза. Лицо дѣвушки наклонено къ нему такъ близко, что подъ его неожиданнымъ взглядомъ она вспыхиваетъ и отшатывается прочь... Больной тоже смущенъ, но не краснѣетъ. Онъ черезчуръ много потерялъ крови. Въ сознаніи своей виновности, онъ только блѣдно улыбается и шепчетъ чуть внятнымъ голосомъ:

— Виноватъ! Гдѣ я!?

Черное пятно у окна перестаетъ шевелить спицами и поворачивается къ нему всѣмъ корпусомъ.

— Вы... у меня! Я вдова-чиновница... Вероника Страсевичъ... Имѣю честь представиться! А вы кто?

Больной задумывается и ищетъ глазами видѣніе... Опять на него надвигается темная ночь... Скачетъ мѣдное лицо съ зажженной свѣчой... Шумитъ не то водопадъ, не то лѣсъ... а надъ лѣсомъ пролетаетъ ангелъ...

— Итакъ, вы утверждаете, что нужно положить гипсовую перевязку...

— Если ребро сломано, необходимо положить перевязку... Всегда кладутъ перевязку, если что сломано...

— Очень это неудобно... Кто же это сдѣлаетъ? Но вѣдь ребро, можетъ быть, еще не сломано. Вы сами говорили, что эта выпуклость можетъ быть простое уплотненіе мышцъ отъ удара!..

— Да, я это говорилъ. Хотя, разъ пуля ударила здѣсь, то должна была сломать...

— Вижу, что вы ничего не знаете, и совѣтую послать за армяниномъ Сембатомъ...—внушительно раздается голосъ госпожи Страсевичъ.

— Виноватъ, но я не медикъ, а естественникъ... со второго курса и вовсе не обязанъ знать... Пріѣхалъ я только потому, что Семенъ Эдуардовичъ усиленно просилъ меня...

— Кого же взять? Докторъ не хочетъ, фельдшеръ верхомъ ѣздить боится, а пѣшкомъ не можетъ... Говорятъ, что они не обязаны ѣздить такъ далеко... Въ полицію не хотѣлось обращаться, разсказывать преждевременно... Да я и не знаю его фамиліи даже... Кто его знаетъ? Молчалъ вѣдь... Бѣда!

Больной чувствуетъ, что все опять невозможно путается, что прежнія ясныя картины блѣднѣютъ, что толкаютъ его грубыя мужскія руки и густые голоса говорятъ по-русски. Съ невѣроятнымъ усиліемъ онъ открываетъ глаза и видитъ близко надъ собою русую голову, обстриженную въ видѣ дыни, а далѣе широкое, морщинистое лицо госпожи Страсевичъ, обрамленное кружевомъ чернаго чепца. Ангела нѣтъ!

— Глаза открылъ... Пришелъ въ себя...

— Гдѣ бумага? Дайте ему вина... Пейте и пишите вотъ здѣсь... „я, такой-то, былъ раненъ случайно“... — говоритъ порывисто Семенъ.

— Оставь, послѣ... Онъ будетъ здоровъ... — шепчетъ Юрій.

— Нѣтъ! нѣтъ!.. На всякій случай лучше теперь...

Раненый поднимаетъ голову и находитъ наконецъ „ангела“: онъ стоитъ въ глубинѣ, прислонившись къ косяку дверей. Глаза видѣнія полны слезъ. Тогда онъ беретъ карандашъ и пишетъ съ трудомъ блѣдными, холодными пальцами:

„Убитъ нечаянно. Станиславъ Вихлицкій“.

Затѣмъ голова его свисаетъ и опять онъ тонетъ въ мучительномъ мракѣ.

— Онъ изошелъ кровью!..

— Спокойствіе... прежде всего спокойствіе!..

Подтвердилъ это и Сембатъ. Къ тому же, онъ совѣтовалъ прикладывать на рану какія-то „вытягивающія огонь“ травы. Но главныя надежды онъ возлагаетъ на другое!

— Рибро ништехо... Худой кровь мало-мало садись... Сембатъ такой слово скажетъ... Всэ надо, всэ будэтъ!.. Спитъ мирно! Сембатъ кукуруза кончалъ, приходитъ будэ...—объяснялъ знахарь, принимая деньги.

Послѣ его ухода возникъ ужасный споръ между возмущеннымъ естественникомъ и госпожей Страсевичъ.

— Кто не нашелъ ребра, тому можно не вѣрить!

— Я говорилъ, что я не на томъ факультетѣ... Вы думаете, переломъ ребра легко узнать... Ошибались болѣе опытные...

Старушка величаво отвернулась.

— Знала я овчарей, у которыхъ лѣчились князья. Меня самую, когда оставили доктора, спасъ простой, неграмотный мужикъ!

— Это не доказательство! Наука...

— Нѣтъ, доказательство... А науки вы мнѣ не приводите... Довольно ея осталось у меня послѣ покойника мужа...

— Этотъ шарлатанъ убьетъ вамъ больного! Колдовство, средневѣковые предразсудки!.. Рѣшительно совѣтую холодные компрессы... Стыдно образованнымъ людямъ вѣрить въ наше время въ знахарей...—доказывалъ горячо студентъ Семену. Тотъ поддержалъ его.

— Ты всегда такъ и только потому, что я сказала другое. Можете ему прикладывать теперь, что угодно. Я умываю руки... Только помни: ты будешь виновенъ въ его смерти...

— А мама и рада все свалить на меня... Я ли, кто ли, только бы не Юрій!..

Пока они ссорились, Юстина незамѣтно выскользнула за Сем-

батомъ и долго съ нимъ толковала въ сторонкѣ за кустами. Армянинъ щурилъ глаза, почесывалъ подбородокъ, наконецъ кивнулъ головою и пошелъ по крутой тропинкѣ на перевалъ той горы, подъ которой жили Страсевичи.

Прошло нѣсколько дней. Больной спалъ, бредилъ сквозь сонъ и просыпался только затѣмъ, чтобы напиться. Первое, что болѣе сознательно прошло сквозь его спекшіяся губы, былъ вопросъ:

— Гдѣ проводникъ?.. Вещи?.. Все ли еще въ лѣсу?!

— Все у насъ. Проводникъ самъ пришелъ, вещи мы привезли. Все въ сохранности. Не безпокойтесь!—отвѣтилъ Семенъ, который вошелъ въ то время въ комнату больного. Какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго, въ полуоткрытыя двери за нимъ выглянуло темное, бородатое лицо черкеса Селима.

— Бисмильляхъ! Живъ?! Будь живъ и все будетъ!

Еще нѣсколько дней спустя температура упала, опухоль кругомъ раны стала уменьшаться, раненый пришелъ въ себя, но лежалъ блѣдный, обезсиленный и ко всему равнодушный. Одна странность поражала въ немъ его сидѣлокъ: онъ все чего-то искалъ, ежедневно по нѣскольку разъ ощупывалъ и осматривалъ свои вещи. И все это ни съ того, ни съ сего, лежитъ спокойно, и вдругъ, какъ будто, что-то вспомнитъ, засуетится, требуетъ свои вещи, перебираетъ каждую отдѣльно, роется по карманамъ и въ бумагахъ на столикѣ... Разъ пробовалъ даже засунуть свои исхудалыя руки въ щель между стѣной и кроватью,— смотрѣлъ тамъ долго и ощупывалъ что-то прутикомъ, который отнялъ у Елены. Спрошенный, онъ покорно легъ на подушки, но ничего не отвѣтилъ.

— Только бы съ ума не сошелъ!..—вздыхала госпожа Страсевичъ.

— Развѣ это бываетъ, тётя!.. Вѣдь ему лучше!

— Случается. Помню у насъ дома, еще я была дѣвушкой, панъ Вильчинскій, раненый въ голову...

— Да, но панъ Станиславъ раненъ въ бокъ!..

— Позволь, у тебя дурная привычка всегда ловить меня!— Елена съ мягкой улыбкой склоняла къ работѣ свою изящную головку и слушала терпѣливо длинный, предлинный разсказъ о томъ, какъ сошелъ съ ума панъ Вильчинскій. По временамъ она съ тревогой посматривала на больного, что тотъ дѣлаетъ. Тотъ не шевелился, если не осматривалъ своихъ вещей; онъ все больше любилъ слушать, глядѣлъ на разказчицъ, мило улыбался и вѣжливо благодарилъ за все.

Мало-по-малу жизнь входила въ обычную колею. Больной быстро изучилъ нравы маленькаго домика, научился слѣдить за ними по крохотнымъ, чуть замѣтнымъ признакамъ и примѣняться къ ней. Просыпался онъ раньше всѣхъ. Кругомъ было въ то время

такъ тихо, что, казалось, можно было уловить дыханіе спящихъ за стѣнкой сосѣдей. И онъ прислушивался къ этому неясному нѣжному шороху, полный довольства, надеждъ и предположеній возвращающейся къ нему жизни. Онъ глядѣлъ въ окно, гдѣ хмурый разсвѣтъ робко расцвѣталъ, гдѣ неясно вырисовывались горныя вершины, еще подернутыя сумракомъ и мглою. Онъ раздумывалъ о вчерашнемъ днѣ и всегда возвращался въ началу, къ ночи, къ смерти, къ моменту, когда думалъ, что потеряно все, и къ чудесному пробужденію въ свѣтлой, чистой комнаткѣ, на мягкой постели, въ милой, уютной обстановкѣ... Родные звуки, красавица-дѣвушка, забавная старушка, два ея сына — лѣсные бродяги, и таинственная угрюмая Юстина, которая, впрочемъ, тоже ему улыбалась. Ему всѣ улыбались, даже заискивали, желая, очевидно, вознаградить чѣмъ могли случившееся по ихъ винѣ... Во всемъ проглядывала любезная, тонкая предупредительность, вѣжливость и доброжелательство. И хотя въ окно глядѣлъ чужой ландшафтъ, комнатка походила на тысячи знакомыхъ, родныхъ провинціальныхъ комнатокъ. Кисейныя занавѣски, полка съ книгами, дешевая гравюра въ деревянной орѣховой рамкѣ, въ углу небольшой ящикъ, покрытый вылинялымъ коврикомъ, у окна большое обтянутое кожей кресло и маленькій стульчикъ для ногъ, у кровати столикъ, на немъ небольшое венеціанское зеркальцо и букетъ алыхъ розъ въ граненомъ стаканѣ. Въ изголовьяхъ кровати — католическій крестъ чернаго дерева въ вѣнкѣ засушенныхъ вѣтокъ кипариса. Въ этой комнаткѣ непремѣнно жила дѣвушка... Это онъ угадывалъ, но спросить стѣснялся.

Объ этой дѣвушкѣ онъ привыкъ думать ежедневно, пока разгоралась заря. Между тѣмъ, по небу и откосамъ горъ разливался пламенный отблескъ, и въ комнатку сквозь открытое окно врывались его нѣжныя волны. Домикъ просыпался. Въ кухнѣ шумѣли и бренчали посудой. Со двора долетали скрипъ воротъ, мычаніе скота, легкій топотъ босыхъ ногъ. Это дѣвушки шли доить коровъ. Съ этого момента движеніе и шумъ въ домикѣ наростали съ блескомъ дня. Мѣрно стучалъ топоръ, гремѣли цѣпи, скрещивались энергичные окрики мужчинъ.

— Чортъ возьми!.. Гдѣ же буравъ?.. Ничего не кладутъ на мѣсто... Юрій, гдѣ буравъ и молотокъ?!

— Да въ комнатѣ, вѣрно на столѣ... У тебя же...

— Гей! Абастуманъ, Пятнышъ!.. Стойте, проклятые!..

Немного спустя мимо дома грузно проходилъ караванъ, глухо шуршалъ по землѣ лемехъ, быки сопѣли и мѣрно стучали копытами. Облака бѣлой, известковой пыли залетали даже въ окно. Больной жадно глядитъ туда, чтобы увидѣть удалящихся уже на вторичномъ изгибѣ горы, надъ пропастью, полной розоваго свѣта.

Впереди шелъ обыкновенно Юрій въ бѣлой рубахѣ съ вѣткой въ рукѣ и, упираясь плечомъ въ ярмо, велъ, терпѣливо, на работу черныхъ лоснящихся быковъ, съ тонкими, какъ паутина, нитями слюны у мордъ. Позади Семенъ придерживалъ рукоятку тяжелаго плуга. Свѣжіе, влажные лучи только что взошедшаго солнца золотили ихъ фигуры, а встрѣчали ихъ хоры птицъ, только-что запѣвшихъ въ лѣсахъ.

Въ покинутомъ домикѣ вслѣдъ затѣмъ нѣкоторое время было тихо. Развѣ что собака зѣвнетъ подъ стѣною, или зажужжитъ надъ букетомъ розъ случайно залетѣвшая въ комнату пчела. Наконецъ опять на дорожкѣ шлепали легкіе, быстрые шаги, звенѣла въ кухнѣ посуда, да веселый говоръ, смѣхъ дѣвушекъ и плескъ воды давали знать, что они вернулись, моются и одѣваются. Больной волновался, усаживался поприличнѣе и настороживался. Она могла ежеминутно войти. Вотъ наконецъ шуршитъ женское платье, двери слегка пріоткрываются и звучный голосокъ спрашиваетъ:

— Можно? Вы уже встали? Я сейчасъ принесу воды и сдѣлаю перевязку!

Входитъ Елена, розовая, золотая и свѣжая, какъ самое утро. Въ рукахъ у нея фаянсовая умывальница, а черезъ плечо бѣлое полотенце. Молодой ученый и дѣвушка, какъ полагается, въ первую минуту встрѣчи всегда почти смущены и неловки. Ему стыдно, что онъ такой безпомощный, что принужденъ обнажать тѣло, её стѣсняетъ его волненіе. Она торопливо снимаетъ перевязку, отмачиваетъ присохшую корпію и кладетъ все свѣжее. Затѣмъ, оставляетъ тазъ съ водою и уходитъ, а вмѣсто нея является Селимъ и помогаетъ барину дѣлать туалетъ. Подаютъ завтракъ: хлѣбъ, масло, яйца и чай. Прислуживаетъ ему Селимъ, но нѣтъ-нѣтъ является въ дверяхъ и молодая хозяйка, чтобы съ привѣтливой улыбкой узнать, все ли есть, что нужно. Станиславъ до того привыкъ къ ея ясному взгляду и лучезарному спокойному лицу, что тоскуетъ, когда долго его не видитъ, не хуже Юрія, и не на шутку сердится на свою рану, безпомощность, на безсердечность окружающихъ, когда на верандѣ, среди говора, звона чайной посуды и громогласныхъ восклицаній Семена, зазвенитъ неожиданно непонятный ему смѣхъ дѣвушки. Тогда весь міръ дѣлается чрезвычайно печальнымъ, являются дурныя предчувствія, ничего хорошаго онъ не ждетъ больше въ жизни, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не является пани Страсевичъ—признакъ, что всѣ разошлись. Старушка считаетъ своей обязанностью сидѣть каждое утро послѣ завтрака съ работою въ комнатѣ больного и развлекать его разговоромъ.

— Доброе утро! Какъ вы спали?

— Благодарю. Хорошо...

— Ну и слава Богу! А все-таки лучше и сегодня меньше говорить и не шевелиться... Особенно не говорить... даже, когда хочется, нужно воздерживаться!

— Слушаю!—покорно соглашается Вихлицкій.

— Вотъ такъ именно: слушайте! Помню, еще въ то время, когда я была дѣвушкой... учили насъ, что больные, а особенно раненые, не должны разговаривать... Разговоры вредятъ лѣченію; я сама не разъ это замѣчала въ 1863 году. Когда за ранеными ухаживали мужчины—служители и фельдшера, то всѣ молчали и больной скоро выздоравливалъ. Совсѣмъ другое съ барышнями, которыя любили поболтать... Тѣхъ прямо не слушали, спрашивали и необходимо было отвѣчать, потому что сейчасъ раненые раздражались, а раздраженіе мѣшаетъ лѣченію... Я была строже другихъ и точно исполняла предписанія врача, тѣмъ не менѣе мой покойный мужъ... не слушался. Я свое, онъ свое! Бѣдняга раненъ былъ въ ногу... Привезли его грязнаго, измятаго, упалъ съ лошади и *эскадронъ* прошелъ по немъ... Я его увидѣла впервые такимъ жалкимъ, безсильнымъ, а познакомилась и убѣдилась, что онъ совсѣмъ не такой... Знаете, я полагаю, что въ старину хорошо дѣлали, пріучая дѣвушекъ перевязывать раны, править кости... Вѣдь среди мужчинъ драки, выстрѣлы, убійства постоянно. Женщина должна знать, какъ помочь горю... Съ непривычки, конечно, ужасно бываетъ смотрѣть на эти раны, на кровь... А тутъ еще помогай! Для Лёли прямо счастіе этотъ случай съ вами... Вы не думайте, что это простая съ моей стороны вѣжливость... Нѣтъ, дѣйствительно вышло удачно, и разъ вы останетесь здоровы, мы очень будемъ рады. У дѣвушки была, правда, уже маленькая практика въ прошломъ году, когда Юрія кабанъ порвалъ, но это пустякъ... Ахъ, этотъ мальчикъ, какъ онъ меня огорчаетъ... Не своей онъ смертью умретъ, не своей... Чуетъ мое сердце...

— Почему же вы ему позволяете?

— Да что вы думаете: онъ меня послушаетъ? Никогда они меня не слушаютъ! Отъ самой колыбели привыкли они дѣлать по своему. И я даже знаю, отъ кого это они наслѣдовали... Перешло это къ нимъ... отъ отца! Тотъ всегда не то дѣлалъ, чего я хотѣла... Ужъ я иногда, бывало, и старалась, и раздумывала, и хитрила, лишь бы угадать, чего онъ хочетъ, и жить бы съ нимъ въ согласіи. Скажу—и какъ разъ наоборотъ выходитъ. Тогда я поняла, что это неизбѣжно и подчинилась! Съ тѣхъ поръ мы никогда уже ни въ чемъ не соглашались... Совсѣмъ, какъ теперь съ Семеномъ. Чтобы я ни сказала, онъ всегда наоборотъ... И такъ вся жизнь прошла въ противорѣчіи... Если бы я болѣе была опытна, я бы угадала это еще въ то время, когда покойникъ

мужъ былъ раненъ. Посудите сами: я запрещаю напримѣръ говорить, а онъ не слушаетъ. Не отвѣчаю; онъ руки цѣлуетъ и такія глупости плететъ, что и совѣстно, и стыдно, и жалко... И что же? Все вышло, какъ онъ рѣшилъ. Вышла я за него замужъ и уѣхала на край свѣта. Родные уговаривали, я упиралась... И что же: взялъ меня, точно силою... „Ты будешь моя! Помни!“—сказалъ онъ мнѣ. Онъ былъ въ то время раненый, заключенный, затѣмъ осужденный, а я вольная, богатая, холенная... И что же: все я бросила... Была у него воля! Нельзя сказать! Отъ этой воли именно вся его и моя жизнь испортилась. Сколько разъ впослѣдствіи случалось мнѣ молить его и плакать—ничего не помагало. „Жизни лишусь, а не стерплю униженія!“ Какъ будто въ этомъ дѣло? „Эдуардъ, говорю, я не желаю твоей смерти. Нѣтъ! Я только хочу, чтобы нашимъ дѣтямъ было хорошо!“ А онъ воспиталъ, какъ хотѣлъ, а теперь умеръ и оставилъ насъ въ такомъ положеніи, ни впередъ, ни назадъ. А нашихъ прежнихъ страданій ни разсказать, ни перомъ описать... Такъ-то, сударь мой!

Тутъ начинался длиннѣйшій перечень несчастій и приключеній, постигшихъ Страсевичей. А такъ какъ Станиславъ большую часть разсказовъ слышалъ раньше по другому поводу, то онъ мало слушалъ а больше смотрѣлъ на фигуру Елены, склонившейся надъ работою, на чудный овалъ ея лица, на мягкія тѣни рѣсницъ, дрожащія на щекахъ, на свѣжія, прелестно очерченныя губы, на трудолюбивыя маленькія руки, въ которыхъ быстро мелькала игла. Онъ смотрѣлъ и не скучалъ. Дѣвушка не могла не замѣтить, что его темные, ласково останавливающіеся на ней глаза, тоже очень хороши и даже временами выразительны.

Разъ послѣ обѣда, когда пани Страсевичъ, усталая отъ жары и длиннаго разсказа, вздремнула въ креслахъ, а дѣвушка долго шила, не поднимая глазъ, больной спросилъ неожиданно:

— Панна Елена, вы не дочь пани Страсевичъ?

— Нѣтъ!

— Вы даже не родственница?

— Нѣтъ. Мой отецъ былъ только другомъ и товарищемъ по ссылкѣ пана Страсевича. Матери я не помню. Страсевичи привезли меня сюда изъ Сибири...

— Вы прямо пріѣхали сюда?

— Нѣтъ. Мы нѣсколько лѣтъ прожили въ Россіи.

— Да, но родины ни вы, ни Семенъ, ни Юрій не знаете?

— Не знаемъ.

— И не увидите никогда? Не интересно вамъ?

— Нѣтъ! Напротивъ!..— вспыхнула дѣвушка.—Пани Страсевичъ собирается давно, только все денегъ нѣтъ. Прежде всего

вѣдь нужно собрать деньги. Пани Страсевичъ говоритъ, что родина у тѣхъ только, у кого есть деньги.

— Не совсѣмъ такъ, но немного такъ!..—вздохнулъ Вихлицкій.

— А вы почему иногда такой грустный?

— Я? Какъ всѣ... „въ оковахъ съ колыбели“...

— „Но у васъ хоть одна была въ жизни весна“...—докончила дѣвушка съ грустной улыбкой.

— Вы знаете эти стихи?

— Почти всю книгу знаю наизусть.

— Я не нашелъ ея среди вотъ этихъ!

Онъ кивнулъ головою въ сторону полки.

— Она спрятана у меня въ ящикѣ. Это память послѣ отца. У меня еще есть другая, которую Семенъ купилъ случайно здѣсь, на рынкѣ. Заголовка не знаю, онъ оборванъ, а начинается она такъ:

„Знаешь ли, юный другъ, земли твоей богатые плоды?“ Вы знаете эту книгу?

— Да, я ее знаю.

— Вы, должно быть, много книгъ прочли и рѣдкой не знаете?

— А вы развѣ не читаете?

— Мало, изрѣдка по праздникамъ! При жизни пана Страсевича чаще попадали къ намъ книги. Онъ даже выписывалъ. Но теперь покупаемъ только по случаю. Тѣ, что есть здѣсь, всѣ прочтены.

— А молодые Страсевичи тоже развѣ не читаютъ?

— Очень рѣдко. И то только Семенъ. Въ будни они черезчуръ устаютъ, а въ праздники спятъ много, отдыхаютъ. Вѣчно у нихъ работа. Панъ Страсевичъ тоже въ послѣднее время работалъ круглые дни напролетъ. Здѣсь былъ густой, непролазный лѣсъ, когда мы пріѣхали. Панъ Страсевичъ купилъ эту землю, потому что иначе нельзя было. Въ городѣ онъ жить не хотѣлъ. Привыкъ въ Сибири къ земледѣлію. Панъ Страсевичъ очень любилъ земледѣліе. Говорилъ, что земледѣльцу только Богъ начальникъ. Такое было его убѣжденіе. Ахъ, какъ бы я желала имѣть убѣжденіе! Любить что-нибудь всей душою, какъ панъ Страсевичъ земледѣліе! А у васъ есть убѣжденіе?

— Гм! Развѣ это легко? Убѣжденія требуютъ бо́льшихъ денегъ, чѣмъ даже родина...

Елена долго не отвѣчала. Наконецъ, подняла голову и посмотрѣла на него съ необычной серьезностью.

— Почему вы все только спрашиваете, а никогда не говорите о себѣ? У васъ тайна?

— Ничуть! Только не знаю откуда начать: со вчерашняго дня или отъ самаго начала... Въ сущности мое начало еще не началось!

— Вы все только шутите!

— Плачу тоже частенько, когда никто не смотритъ.

— У васъ нѣтъ близкихъ никого?

— Есть... мать!

— Аха! Мать!.. Слушаю, слушаю... Съ удовольствіемъ слушаю... Продолжайте... Что за несносная жара?! Леля, принеси, милочка, воды съ сокомъ!—проговорила со вздохомъ пани Страсевичъ. Она проснулась, потная и заплывшая, и прежде всего принялась вытирать платкомъ лицо и губы.—Я, кажется, вздремнула. Но я не помѣшала вамъ? Продолжайте! И такъ... у васъ была мать!

— У меня *есть* и теперь мать, если ничего не случилось!— съ суевѣрнымъ страхомъ остановилъ ее Вихлицкій...

— Ну ладно! Пусть будетъ: у васъ есть мать,—согласилась пани Страсевичъ, собирая на спицы спущенныя петли.—Васъ я люблю, потому что съ вами легко соглашаться. И такъ у васъ была мать...

Но Елена еще не вернулась, а Вихлицкій не торопился съ разсказомъ.

— Что же изъ этого, что у васъ была мать? . — повторяла въ нетерпѣніи старушка.

— Да, у меня была мать, но не было денегъ!

— Это всегда такъ. Понимаю!

— Въ виду этого я принужденъ былъ особенно упорно искать занятій. На родинѣ у насъ очень теперь трудно найти хорошо оплаченную работу.

— Знаю, знаю. Замѣть, Леля... очень трудно! И всѣ это говорятъ, кто только пріѣзжаетъ оттуда...

— Особенно это было трудно для меня, окончившаго университетъ по естественномт факультету.

— Именно. Этотъ дуракъ естественникъ, представьте себѣ, не могъ найти у васъ ребра. И еще наговорилъ мнѣ дерзостей... А почему вы не пошли въ медики?

— Я любилъ науку, но на чистую науку у насъ нѣтъ спроса.

— Вполнѣ вѣрю. Это тоже всѣ говорятъ!.. — соглашалась старушка, кивая головой.—И это понятно, потому что это теорія!

— Я принужденъ былъ отправиться съ моимъ товаромъ въ другія мѣста. Послѣ многихъ мытарствъ, нашлись благодѣтели, которые за умѣренную цѣну послали меня къ вамъ дѣлать открытія, собирать растенія и насѣкомыхъ на альпійскіе луга Кавказа, къ вѣчнымъ снѣгамъ, въ мѣста, куда другіе идти не хотятъ

и не могутъ. Я полагаю, что я дѣйствительно могу найти тамъ много интереснаго, новаго, важнаго... Я думаю даже, что я напалъ на слѣдъ, можетъ быть, не далеко отсюда кроется разгадка одной значительной геологической проблемы.

— Какъ? Вы еще хотите туда идти?—спросила Елена.

— Даже если бъ не хотѣлъ—долженъ. Но я хочу!—отвѣтилъ задумчиво Вихлицкій.

— Ну, сознаюсь, я не пошла бы! Все-таки жизнь милѣе денегъ!—закончила старушка.

Елена ушла; Юстина позвала ее накрыть столъ; Юрій и Семенъ уже возвращались съ поля.

— Какъ ваше здоровье? Поправляетеся?—спросилъ послѣдній, входя въ комнату больного.

— Благодарю. Теперь значительно лучше. А вы что подѣлываете?

— Начинаемъ косить...

— А Селимъ что дѣлаетъ? Вы его не видѣли?

— Онъ вамъ нуженъ? Добрякъ пошелъ съ нами, помогаетъ намъ.

— Я хотѣлъ послать его съ письмами и бумагами въ городъ... Могу, впрочемъ, подождать...

— Вотъ и прекрасно. Мы и отправимъ его въ воскресенье.

IV

— Пожалуйте чай пить!

— Сію минуту! Сейчасъ кончу!..

Вихлицкій, не торопясь, дописалъ до точки и вышелъ на веранду, гдѣ всѣ уже усѣлись за столъ.

Солнце закатилось. Долина полна была алаго свѣта, въ которомъ синева далекихъ лѣсовъ и скалъ пріобрѣла густой фіолетовый тонъ. Ледяной колпакъ Риштау горѣлъ кровянымъ заревомъ, точно громадный причудливый рубинъ. А въ другомъ концѣ — море и темный небосклонъ сливались въ одну прозрачную бездну, гдѣ блуждали бѣлыя тучи и ихъ отраженія. Пахло южнымъ лѣсомъ, свѣже-скошеннымъ сѣномъ и дозрѣвающимъ хлѣбомъ.

Пани Страсевичъ показала гостю на обычное мѣсто около себя.

— Ради чего такъ торопитесь? Весь день пишете и пишете!.. Съ трудомъ поднялись, а уже все сидите... Отъ сидѣнія въ боку можетъ опять что-нибудь испортиться. Вѣдь тамъ внутри свисаетъ и печень, и легкія!..

— Торопиться мнѣ необходимо. Хотѣлъ бы завтра все от-

править на почту. Селимъ пойдетъ въ городъ, — добавилъ онъ по-русски.

Черкесъ, который сидѣлъ тутъ же, у стола, и чинно тянулъ чай съ блюдечка, повернулъ къ нему бородатое лицо и спокойно согласился:

— Селимъ пойдетъ!

— Я потерялъ деньги въ послѣднемъ приключеніи!—сказалъ Станиславъ и вспыхнулъ.—Пока не получу отвѣта, не могу двинуться дальше.

Всѣ замолкли.

— Боже мой! Этого только недоставало! — вздохнула пани Страсевичъ.

— Деньги? И много? Вы этого раньше не говорили...—спросилъ сдержанно Семенъ.

— Ээ! Пустяки! Главное—задержка. А не говорилъ я, потому что горю помочь нельзя!

— Вѣрно... разъ помочь нельзя!.. — согласился задумчиво Семенъ.

— Напрасно. Мы завтра же пойдемъ съ Селимомъ по слѣдамъ...—вмѣшался порывисто Юрій.—У васъ гдѣ были деньги? Въ чемъ?

— Я ихъ носилъ въ сумочкѣ зеленаго сукна на шеѣ. Вѣрно тесемки пропотѣли и оборвались... По такимъ пришлось пробираться трущобамъ, что искать только трата времени. Сумочка провалилась куда-нибудь въ скважину... Или дождь да вѣтеръ ее въ пропасть смыли... Во всякомъ случаѣ, пусть Селимъ раньше письма снесетъ на почту, это вѣрнѣе!

Селимъ, который хотя и не понималъ по-польски, внимательно прислушивался къ разговору, опять привѣтливо кивнулъ головою.

— Все хорошо, но вы ничего не ѣдите. Яичница совсѣмъ простыла. Пусть они на время оставятъ пана Станислава, тетя, послѣ разспросятъ!—просила Елена и придвинула ближе къ Вихлицкому блюдо.

— Дѣйствительно! Пожалуйста, ѣшьте, потомъ разскажите намъ, какъ все это случилось съ самаго начала. Вѣдь до сихъ поръ мы ничего не знаемъ!

— Все это произошло очень просто!—заговорилъ Вихлицкій, принимаясь за кушанье.—Я потерялъ тропинку, по которой первоначально вышелъ изъ ущелья, а затѣмъ не могъ ея найти... Вѣрнѣе нашелъ ихъ тысячу! Проплуталъ нѣсколько верстъ и затесался въ такую чащу, что ни тпру, ни ну! Чего я ни пробовалъ! По низенькимъ проходамъ подъ льянами и ежевикой ползъ не разъ на колѣняхъ. Тѣсно, такъ что локти задѣваютъ, темно, сыро, противно, пахнетъ змѣями...

— Хорошо еще, что не повстрѣчались въ такомъ корридорчикѣ съ медвѣдемъ или барсомъ... Это бываетъ!.. Со мной былъ случай...—началъ было Семенъ.

— Тсс! Не мѣшай! Послѣ!.. И такъ: вы проползли?!..

— А хуже всего рододендроны! Сквозь ихъ заросли невозможно, думаю, прорваться...

Юрій усмѣхнулся.

— Невысокіе и не особенно густые, но такіе упругіе и раскидистые... Чувствуешь себя точно пойманнымъ въ сѣти. То рука, то нога, то стволъ ружья застрянетъ въ этой ткани вѣтвей... Силы и терпѣніе оставили меня... Попробовалъ я къ ручью спуститься, внизъ—нельзя! Вездѣ отвѣсъ! Такъ я прошатался весь день. Стемнѣло. Влѣзъ я на дерево...

Тутъ разсказчикъ замѣтилъ, что Юрій, Семенъ, даже Елена сдержанно улыбнулись.

— А затѣмъ увидѣлъ свѣтъ, пошелъ къ нему и... выстрѣлили въ меня...—съ досадой докончилъ онъ.

— Ошибка. Въ сомнительныхъ случаяхъ нужно свистѣть... Случается даже туземцамъ стрѣлять другъ въ друга въ ночную охоту!..—замѣтилъ Семенъ.

— Именно. Виноваты вы, что не свистѣли. Здѣсь всѣ свистятъ въ лѣсу!—поддержала сына пани Страсевичъ.

— Не свистѣлъ!—отвѣчалъ сухо молодой ученый.

На мгновеніе водворилось неловкое молчаніе.

— Ну, все это... къ Богу! Стоитъ ли? Все это не интересно! Разскажите лучше вы, какими судьбами попали сюда?—заговорилъ Вихлицкій.

— Видите, вотъ что...—протянулъ Семенъ и погладилъ нерѣшительно верхушку своей „дыни“.—Мой отецъ... утверждалъ, что всѣ эти несчастія... страданія... пре-ступ-ленія... да... преступленія... происходятъ отъ того, да, что... люди направляютъ свои усилія не столько... да, на полезный трудъ... сколько... на взаимное, да, обирательство... Да! А происходитъ это отъ того, что, да... рыночная цѣна труда... да... несправедливо... не *нормально*, да, да... *не нормально* составлена. Въ томъ вся суть. Если бы люди отдавали другимъ столько же, сколько берутъ, было бы равенство... Потому что силы и способности, да, почти равны... Производительность мало дѣйствуетъ, потому что у тѣхъ, кто мало работаетъ, бываетъ много... а не наоборотъ... Такъ бываетъ въ вашей жизни...

— Семенъ, Семенъ, постой!.. Ты мнѣ позволь...—пробовала вмѣшаться пани Страсевичъ.

— Такъ вотъ... никто не можетъ быть увѣренъ... что въ сигарѣ, которую куритъ, въ съѣденномъ пирожкѣ, въ билетѣ въ

театръ... да, нѣтъ человѣческаго голода и человѣческихъ слезъ... Да, но тутъ начинается такая философія, что самъ чортъ ногу сломитъ. Я не въ состояніи повторить ее вамъ во всемъ размѣрѣ. Много тамъ экономическихъ, статистическихъ и даже антропологическихъ изученій моего отца... — продолжалъ уже обычнымъ голосомъ Семенъ.

— Вотъ видишь! Ты не знаешь... ты позволь мнѣ!..—опять вмѣшалась пани Страсевичъ.

— Одно я понялъ и твердо знаю: чтобы всего этого не было, чтобы совѣсть была чиста, каждый долженъ работать на себя, на землѣ, брать оттуда все, что ему нужно... И это безъ разсужденій, не оглядываясь ни на что, потому что это одна истина, и вѣрно... Этому я вѣрю, потому что это я понялъ... Потому что это ясно и просто безъ всякихъ размышленій и сбиться тутъ нельзя! Работай и другихъ не обижай. Будетъ этого достаточно съ каждаго! И если бы всѣ такъ поступили, то не нужно было бы даже любви къ ближнему... Она сама бы пришла съ общаго согласія и все было бы рѣшено... Такъ меня училъ отецъ и такъ я поступаю!..— закончилъ онъ немного торжественно и положилъ на столъ загрубѣлый рабочій кулакъ.

— Въ этомъ-то и вся суть, какъ сдѣлать, чтобы всѣ...—началъ было Станиславъ, но пани Страсевичъ не дала ему продолжать и бурно накинулась на сына.

— Ты, Семенъ, всегда такъ: возмешься за то, чего не знаешь, и только порочишь память отца. И что за выраженія? Смѣю васъ увѣрить, что покойникъ былъ очень умный и образованный человѣкъ. Всѣ съ этимъ соглашались и всѣ уважали его...

— Да вовсе я не хотѣлъ порочить память отца... Напротивъ!.. Мама никогда хорошо не разберетъ...

— Вотъ, вотъ! Всегда такъ: Ты развѣ не сказалъ: „самъ чортъ ногу сломитъ“? Отопрись! Кто, кто, а твой отецъ заслужилъ царство небесное... Если бы онъ больше о себѣ помнилъ, мы не были бы здѣсь... И начало нашихъ страданій было совсѣмъ не такое, какъ ты разсказываешь, и совсѣмъ не отъ *нормальнаго* труда, а отъ другого. Ты не позволилъ мнѣ сказать, а между тѣмъ ты тогда былъ маленькій и ты не знаешь... Ахъ, панъ Вихлинкій, вы и представить себѣ не можете, сколько мы натерпѣлись... Ни разсказать, ни перомъ описать! Когда мы съ мужемъ очутились на краю свѣта, въ глухой деревушкѣ, Семену было всего два года, а Юрьемъ я какъ разъ была беременна. Денегъ нѣтъ, работы нѣтъ... Такое было начало! Купить нечего. Даже лавочки не было въ этой деревушкѣ. Въ городъ—мѣсяцъ пути. Впрочемъ, для насъ это было безразлично; приказано было не пускать насъ дальше поскотины! Письма, газеты шли годы. Занятій

никакихъ. Чего не сдѣлалъ каждый себѣ собственными руками, того взять неоткуда. Мужъ мой принужденъ былъ плотничать, домъ строить, печки ставить, и пахать, и сѣять. Круглый годъ мы питались только картофелемъ. Дѣти болѣли. Отъ сырости въ квартирѣ всѣ мы схватили ревматизмъ. Жили мы первое время въ банѣ у богатаго мужика. Хорошо еще, что пустилъ, а то свободныхъ квартиръ въ деревнѣ не было и насъ боялись. Мужъ работать не умѣлъ, топора отъ роду въ рукахъ не держалъ. Пришлось всему учиться. То ногу, то руку поранитъ, занозитъ... пошли у него по тѣлу нарывы отъ простуды... А тутъ зима, холода сумасшедшіе, темно, тоска гложетъ... Ужасъ, ужасъ!.. Я барышня, холеная, благовоспитанная, не выдержала... Не разъ молю мужа на колѣняхъ: „просись, милый, куда-нибудь въ городъ!“ Ни за что. Уперся, а воля у него была... Мрачный онъ сдѣлается, хуже ночи. Совсѣмъ какъ теперь Юрій, который это отъ него наслѣдовалъ. „Хочешь, поѣзжай съ дѣтьми!“ — говоритъ. Но развѣ я могла его оставить одного, навсегда... Впослѣдствіи стало намъ лучше. Мужъ привыкъ работать, я взяла на себя огородъ. Не повѣрите: какъ простая мужичка полола я гряды и таскала воду. Дальше стало даже совсѣмъ хорошо. Завелись у насъ сбереженія. Жители, большіе лѣнтяи, предпочитали охоту. Она имъ лучше оплачивалась. Все они покупали у насъ — и мукѹ, и овощи. Намъ разрѣшалось уже переѣхать въ городъ, но покойникъ не пожелалъ: пусть дѣти лучше останутся мужиками, говорилъ онъ, тогда ничего въ жизни не побоятся. Сколько я ночей проплакала, сколько пролила слезъ?! По праздникамъ мужъ самъ училъ ихъ, а зимою увозилъ въ мѣстечко. Тамъ обучались они у знакомыхъ. Самъ покойникъ въ городъ не переѣзжалъ. Уже я думала, что мы такъ и умремъ въ этой глуши, какъ вдругъ случилось, что мы все продали и уѣхали. По дорогѣ мы прихватили Лёлечку, у которой тогда отецъ умеръ. Въ Россіи опять намъ стало тяжело. Хуже даже, чѣмъ въ Сибири. Очевидно, Богъ въ своихъ рѣшеніяхъ опредѣлилъ испытать насъ до конца. Мой мужъ въ виду необходимости учить уже выросшихъ дѣтей, пересилилъ себя и согласился остаться въ городѣ. Выборъ былъ не совсѣмъ свободенъ и вотъ пошли неудачи. Покойникъ забылъ въ деревнѣ многія науки; должность получилъ онъ маленькую. Непріятности, униженія, вѣчная неувѣренность... необходимость поступаться иногда самымъ дорогимъ убивали его. Онъ вѣчно стремился къ землѣ, тосковалъ по ней. Книги и чтеніе только больше разжигали его. Вотъ когда начались экономическія и даже антропологическія рѣшенія. Сильно я боялась ихъ и, оказывается, не напрасно. Не вѣрю я, не могу себя пересилить, чтобы убѣдиться, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны. Сколько слезъ по этому поводу пролила я. Чуть у меня не вы-

шелъ съ покойникомъ разладъ. Онъ все читалъ, дѣлалъ выписки... Масса этого накопилась. Если хотите, могу показать вамъ; можетъ быть, вы, какъ человѣкъ знающій, сдѣлаете употребленіе. Это послѣ. Теперь возвращаюсь къ разсказу. Наши сбереженія истощались. Тогда и я стала убѣждать мужа бросить городъ. Мы собрали остатки, продали мебель и прочее и мужъ купилъ вотъ эту колонію, гдѣ теперь живемъ. Прежній собственникъ, чиновникъ, купилъ землю за гроши у правительства. Самъ онъ земледѣліемъ не интересовался и никогда здѣсь даже не былъ. Дачу хотѣлъ строить, но испугался лихорадокъ... Продалъ дешево, но когда мы сюда пріѣхали, мы изумились: ничего, рѣшительно ничего не было, только глухой громадный лѣсъ. Сдѣланнаго поправить нельзя было. Средства истощились. Мужъ съ сыновьями принялись собственноручно за корчевку. Съ Божьей помощью осилили. Теперь живется намъ не дурно. Трудъ не особенно тяжелъ, въ сравненіи съ сибирскимъ. Расходы небольшіе. Тепло, платья зимняго и топлива почти не надо. Урожаи хорошіе. Въ лѣсу фруктовъ, ягодъ много. Какъ видите, у насъ всегда на столѣ компотъ, варенія, сушеные плоды—все свое. Одно скверно—нѣтъ дорогъ, нѣтъ сбыта. Поэтому-то и виноградникъ у насъ маленькій, только для себя. Нѣтъ у насъ общества и нѣтъ денегъ. А между тѣмъ хорошо было бы скопить сколько-нибудь... Я не оставляю мысли о возвращеніи. Мужъ умеръ съ мечтой объ этомъ. Послѣдній годъ даже сталъ онъ искать покупателя на нашъ участокъ, но кто пойдетъ въ такую трущобу... Не для себя я мечтаю... Даже сознаюсь, трудно было бы мнѣ разстаться...

Тутъ старушка склонилась къ работѣ и стала быстро перебирать долго отдыхавшими спицами.

Вихлицкій невольно взглянулъ на Елену. Дѣвушка сидѣла задумчиво съ опущенными глазами; возможно, что не слышала окончанія. Взглянула на нее также и Юстина, но раньше глаза ея встрѣтились съ взглядомъ Семена. Она порывисто встала и принялась убирать со стола.

Поздній вечеръ, почти ночь, покрыла окрестности. Бѣлый Риштау слился съ облаками въ одно туманное пятно. Отъ моря дулъ мягкій, прерывистый вѣтерокъ. Звѣзды блѣдно мерцали надъ черными зубчатыми вершинами горъ.

— Пожалуй, можно ожидать дождя. Дуетъ морякъ, слабый, но будетъ и больше! Барышни намъ завтра, думаю, помогутъ убирать сѣно. Что?! Хорошо? Мама, съ обѣдомъ справишься ли одна? Какъ думаешь?—спросилъ Семенъ.

— Прекрасно справлюсь. А не хватитъ, такъ дополните творогомъ и сметаной.

Вскорѣ на верандѣ не осталось никого. Юрій уже раньше

ушелъ осматривать недалеко „слѣды“. Семенъ отправился подъ орѣхъ, гдѣ всегда спалъ лѣтомъ вмѣстѣ съ братомъ. Юстина мыла въ кухнѣ посуду. Пани Страсевичъ въ своей комнатѣ стояла на колѣняхъ передъ образомъ Ченстоховской Божіей Матерью. Все это видѣлъ Вихлицкій, блуждавшій кругомъ дома въ мечтательномъ настроеніи. Нигдѣ только онъ не замѣтилъ Елены. Вдругъ снизу, отъ ключа долетѣла до него знакомая польская пѣсенка:

«Гей, тамъ на горѣ ѣдутъ рыцари»...

Онъ прислушался и поспѣшно пошелъ въ ту сторону. Однако на крою обрыва онъ остановился. А что, если тамъ двое? раздумывалъ онъ. Ему даже показалось, что онъ разслышалъ мужской голосъ. Онъ спрятался въ тѣни и ждалъ, пока въ блѣдномъ пролетѣ тропинки не мелькнула одинокая фигура дѣвушки, съ трудомъ несущей въ гору ведра, полныя воды. Онъ сейчасъ же бросился туда.

— Дайте, я вамъ помогу.

— Нѣтъ! Этого не будетъ. Не берите, не берите! Это для меня ничуть не тяжела, я привыкла, а у васъ еще вновь вскроются раны...

— Ну, что такое „раны“... Вамъ дышать трудно... Не отговаривайтесь.

— Каждому дышится такъ, когда взбираешься на гору.

— Ну, такъ отдохните...

— Сейчасъ отдохну... Вотъ и отдыхаю!..

Она разсмѣялась и быстро пробѣжала оставшіеся нѣсколько шаговъ. Затѣмъ ведра поставила на краю обрыва и сѣла вблизи на камень. Станиславъ присѣлъ тутъ же. Блѣдныя, лохматыя тѣни большихъ грушъ скрывали ихъ, между тѣмъ какъ надъ долиной, мѣсяцъ, минуя рѣдкія тучи, сѣялъ серебристую пыль мягкаго свѣта. Внизу въ лучахъ его блестѣла рѣчушка, вьющаяся среди лѣсныхъ выступовъ, луговъ и скалъ. Море нѣжно шумѣло вдали и оттуда дулъ вѣтерокъ, то крѣпкій, то слабый, то холодный и соленый, то теплый и благоухающій. Въ лѣсахъ мелодично перекликались древесныя лягушки и совы тянули свои тоскующія „сплю“. Бѣлый домикъ на кручѣ, полуприкрытый тѣнью, вздымающейся надъ нимъ горы, сонно мерцалъ въ окнахъ крошечными огнями. Надъ долиною вѣялъ міръ и тишина.

— Хорошо тутъ у васъ, можно отдохнуть, но навсегда, я думаю, трудно остаться.

Дѣвушка рѣзко подвинулась, какъ бы намѣревалась повернуться къ нему, но вмѣсто этого встала и подняла ведра. Вихлицкому показалось, что она вздохнула.

— Должно быть, показалось! Съ чего ей вздыхать?! А впрочемъ... кому не случается вздохнуть, подымая ведра послѣ плот-

наго ужина!..—увѣрялъ онъ себя. На днѣ его сердца притаилось все-таки крошечное волнующее его сомнѣніе, и онъ легъ спать въ чрезвычайно веселомъ настроеніи.

V.

— Хотя я и считаю себя искреннимъ демократомъ, тѣмъ не менѣе, сознаюсь, не желалъ бы, чтобы мои знакомые изъ Варшавы, а тѣмъ болѣе моя матушка или мои покровители изъ высокоученаго общества, увидѣли меня теперь...—розмышлялъ, улыбаясь, Вихлицкій. Онъ не безъ основанія предполагалъ, что все его лицо запылено и измазано. Съ самаго утра онъ съ большимъ рвеніемъ исполнялъ разныя обязанности, связанныя съ грязью, пылью и копотью. Теперь онъ чистилъ картошку. А случилось это очень просто. Съ уходомъ на луга женщинъ и Селима всѣ домашнія работы, возня съ обѣдомъ, поддержаніе порядка, и чистоты, легли на пани Страсевичъ. Вихлицкій само собою не могъ позволить, чтобы въ его присутствіи старушка нагибалась съ вѣникомъ въ рукахъ и носила тяжести. Все это онъ взялъ на себя и усердно подмсталъ полы, чихая невозможно отъ столбовъ поднятой пыли.

— Нужно вспрыснуть водой...—совѣтовала съ улыбкой старушка.—Вы устали. Отдохните! Вы совсѣмъ раскраснѣлись!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сейчасъ кончу!..

Сама старушка, разрумянившаяся отъ огня, въ бѣломъ чепичкѣ, съ огромной ложкой въ рукахъ стояла у плиты, точно королева.

— Въ домашнихъ работахъ никогда мужчинѣ не сравняться съ женщиной... Нужны другія свойства и другое тѣлосложеніе. Я увѣрена, что книги вы пишете очень хорошо, между тѣмъ, посмотрите, какія полосы сору остались на полу. У мужчинъ все широко, все размашисто. Нѣтъ у нихъ ни ловкости, ни...

— А лакеи? А повара?—защищался Станиславъ.

— Вѣрно. Но видите: лакеи всегда врутъ, а повара—воры и пьяницы... Порядокъ въ домѣ начинается только съ женою. До того всякій мущина немного неряшливъ и распущенъ. Даже мать не въ состояніи во все вникнуть. Поэтому-то я очень желала бы... Сембатъ, ты это куда...—вскричала пани Страсевичъ, высовывая голову въ окно.

— Я... Сембатъ... ходылъ больной урутска...

— Больной „урутска“ здѣсь... Что нужно?—разсмѣялся Станиславъ, являясь на порогѣ. Онъ интересовался вообще туземцами, а тѣмъ болѣе своимъ врачомъ.

Знахарь стоялъ неподвижно въ лучахъ палящаго сонца съ правой рукой на груди. Онъ былъ не особенно старъ, но былъ невозможно дуренъ собою. Въ тотъ моментъ онъ похожъ былъ на нѣчто въ родѣ грязнаго мѣшка, набитаго сухими листьями.

На груди ткань мѣшка лопнула и обнажилось тѣло, поросшее черными волосами, рыжее и морщинистое, какъ папуша табаку. Голова, повязанная краснымъ платкомъ, похожа была на ворохъ порыжѣлыхъ корешковъ и листьевъ. Обширныя, измызганныя шаровары свисали отъ пояса въ неуклюжихъ складкахъ и оканчивались узенькими ногавицами, рѣзко обозначавшими кривизну голени. Армянинъ щурилъ лукаво воспаленные глазки и все кланялся съ рукой на груди, въ то время, какъ другою закрывалъ шейку бутылки, торчащей изъ кармана.

— Больной урутска карошъ!? Сембатъ мало-мало садысь!.. Сембатъ знайетъ...

— Больной урутска трава на бокъ не садысь. Вода шалтай — болтай!—отвѣтилъ поспѣшно Станиславъ. Онъ боялся, что знахарь сейчасъ же станетъ просить прибавку, а денегъ у него не было.

Армянинъ причмокнулъ.

— Молодой боба ы-гдѣ садысь?

— Всѣ сѣно садись.

— Не ходи?!

— Должно быть... ходи!

— Урутскій боба люби?

— А Сембатъ любитъ?

Сембатъ разсмѣялся, отвернулся къ окну и сталъ фамильярно разговаривать съ пани Страсевичъ о какомъ-то маслѣ, курицахъ и яйцахъ, все на томъ же забавномъ русско-армянскомъ нарѣчіи.

— Панъ Станиславъ, будьте любезны до конца и помогите Юсти пригнать изъ лѣсу скотъ. Она, бѣдняжка, чуть идетъ. Что за несносная жара!

Вихлицкій уже раньше замѣтилъ дѣвушку и былъ непріятно удивленъ отсутствіемъ остальныхъ. Значитъ, не придутъ; Юстина подоитъ коровъ и понесетъ имъ обѣдъ. Огорченный, онъ отправился въ лѣсъ за скотомъ. Не легко было собрать его; возбужденное зноемъ и напуганное оводами, стадо забралось въ такія трущобы, что Вихлицкій проходилъ добрый часъ, пока разыскалъ его. Затѣмъ оно постоянно стремилось разбѣжаться и Вихлицкій очень былъ доволенъ, когда наконецъ у поворота тропинки увидѣлъ Юстину и Сембата. Но дѣвушка куда-то скрылась, а Сембатъ съ рукою на груди и низкими поклонами прощался съ нимъ, ничуть не думая помогать ему.

Онъ побѣжалъ на сѣнокосъ, какъ только пани Страсевичъ присѣла въ кресло для послѣобѣденнаго отдыха.

Ему не позволили работать и онъ прилегъ на травѣ недалеко отъ громаднаго орѣха. Потоки яркаго, золотистаго свѣта и жгучаго зноя падали сверху. Трава, цвѣты и сосѣдній лѣсъ казались уставшими, вялыми, запыленными; зато косы у косцовъ сверкали

какъ молніи въ лучахъ ослѣпительнаго сіянія, а ихъ цвѣтныя рубашки и женскія юбки буквально пламенѣли. Большой мелкочешуйчатый ужъ съ поднятой головой съ шипѣніемъ проползъ мимо Вихлицкаго, хорошенькая птичка съ алой грудью и голубыми крылышками присѣла надъ нимъ, раскрыла клювъ и тихо чирикала, ошеломленная зноемъ. Зной проникалъ вездѣ, былъ вездѣ и исходилъ отовсюду; имъ дышала раскаленная земля, онъ струился со щетины заострившихся травъ, накопляясь точно въ резервуарахъ въ широко раскрытыхъ благоухающихъ чашечкахъ цвѣтовъ, плылъ влажный, ароматный, какъ пары нагрѣтаго вина, изъ лѣсныхъ глубинъ, дрожалъ въ воздухѣ надъ долиною чуть замѣтнымъ волнистымъ миражемъ. Ближе Вихлицкаго въ кустахъ и травѣ кишьмякишѣла жизнь, трещали кузнечики, пролетали ,съ жужжаніемъ овода, разноцвѣтныя, щеголеватыя мухи, ползли и суетились муравьи, пестрые, блестящіе жуки, проносились въ прихотливомъ полетѣ большія, нарядныя бабочки. Милліоны запаховъ скрещивались, боролись, потопляли на мгновеніе другія ощущенія и вдругъ исчезали согнанные дуновеніемъ вѣтерка и живительная прохладная струя морского воздуха врывалась въ этотъ концертъ ароматовъ, точно звучный, освѣжающій ударъ кимвала. Нѣга, упоеніе, истома овладѣли Вихлицкимъ, ему не хотѣлось ни думать, ни двинуться, онъ подчинялся и сладострастно втягивалъ въ себя всѣмъ тѣломъ разлитые кругомъ свѣтъ и зной. Полусонный, не поднимая головы, онъ слѣдилъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ за работающими недалеко дѣвушками. Въ короткое время онъ успѣлъ сдѣлать много важныхъ и совершенно новыхъ открытій. Онъ зналъ, конечно, что Елена красива, но что она такъ изящна, сильна, трудолюбива и, главное, проста—этого онъ не подозрѣвалъ. Ему казалось, что онъ ее впервые видитъ, и онъ былъ очарованъ. Даже когда она садилась отдохнуть, усталые ея члены не развертывались неуклюже, босая ножка въ кавказскихъ „чувякахъ“ не высовывалась изъ-подъ платья больше, чѣмъ слѣдовало... Къ тому же замѣтно было, что она всегда такая... и въ зной, и въ холодъ, и одна, и на людяхъ. Вихлицкій прекрасно помнилъ теорію граціозности Спенсера. Вообще, склонный подозрѣвать барышень, которыя ему нравились, на этотъ разъ онъ не устоялъ и съ покорностью истиннаго естественника преклонился передъ совершившимся фактомъ.

— Да, я несомнѣнно влюбленъ! я вздыхаю, дѣлаю глупости, не могу стать умнѣе... Все въ порядкѣ... Ахъ, еслибъ къ тому же у меня были деньги!..

В. Сѣрошевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(«Изъ житейскаго опыта») *).

Сочиненіе, съ которымъ мы намѣрены познакомить здѣсь читателя, не отличается какими-нибудь особенными литературными достоинствами и не подписано какимъ-нибудь громкимъ авторитетнымъ именемъ. И однако, несмотря на всю свою внѣшнюю непритязательность, на всю скромность его вчера еще никому неизвѣстнаго американскаго автора, оно въ самое короткое время успѣло остановить на себѣ всеобще вниманіе не только у себя на родинѣ, но и въ Европѣ. Даже у насъ, въ Россіи, оно не прошло незамѣченнымъ, и въ нѣкоторыхъ газетахъ ему были посвящены недавно болѣе или менѣе подробныя замѣтки и статьи.

Примыкая по своему общему характеру къ безчисленнымъ произведеніямъ современной литературы, посвященнымъ разнымъ сторонамъ такъ называемаго «соціальнаго вопроса», оно занимаетъ среди нихъ—какъ по своей непосредственной задачѣ, такъ и по способу ея выполненія—совершенно особенное мѣсто. Глубокомысленныя или поверхностныя, научно-безстрастныя или проникнутыя духомъ горячей практической борьбы, всѣ эти тысячи книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей носятъ чуть не исключительно теоретическій характеръ. Анализируютъ ли онѣ общій ходъ экономической эволюціи; изучаютъ ли наличныя соціальныя отношенія; обсуждаютъ ли, наконецъ, отдѣльныя, чисто практическія задачи, возникающія изъ противоположности интересовъ труда и капитала,—онѣ всегда почти исходятъ изъ общихъ формулъ, которыя остается лишь согласить съ статистическими указаніями и приложить по опредѣленному логическому шаблону къ трактуемому вопросу. Настоящая жизнь въ ея живыхъ реальныхъ краскахъ, въ ея бытовыхъ формахъ, въ ея морально-психологическихъ проявленіяхъ, не поддающихся ни точному статистическому подсчету, ни формально-логическому анализу, ихъ мало занимаетъ. Изученіе ея какъ бы молчаливо предоставляется или художественной литературѣ, которая прежде всего преслѣдуетъ свои *художественныя* цѣли, или случайному, поверхностному и мало компетентному газетному репортерству.

*) «The Workers, an experiment in reality», by Walter A. Wyckoff. London. Heinemann. 1898—1899.

Тѣмъ большее значеніе имѣютъ, по нашему мнѣнію, тѣ, къ сожалѣнію рѣдкія, попытки «соціальныхъ слѣдствій», которыя берутъ иногда на себя въ этой области подготовленные и компетентные люди. Эти попытки живого и свободнаго отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ увлеченій изученія условій существованія и психики соціальныхъ слоевъ, на которые дробится современное общество, кажутся намъ необходимымъ дополненіемъ теоретическаго изученія. Онѣ не только даютъ ему драгоцѣнныя иллюстраціи, освѣщающія иногда вопросъ лучше самыхъ логическихъ выкладокъ, но и вносятъ въ него необходимыя поправки, тѣмъ болѣе законныя и важныя, чѣмъ болѣе безпристрастнымъ и толковымъ съумѣлъ оказаться наблюдатель-слѣдователь. Книга, съ которой мы намѣрены познакомить читателя, является результатомъ одной изъ такихъ именно попытокъ и ужъ по одному этому заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя она и относится исключительно къ нѣсколько своеобразному строю американской жизни. Къ тому же, она полна животрепещущаго интереса, проникнута духомъ истинной гуманности, свободна отъ какой бы то ни было партійной предвзятости и принадлежитъ перу умнаго и образованнаго человѣка.

Авторъ ея, прирожденный американецъ, нѣкій Викофъ. Покончивъ съ университетомъ, онъ не спѣшилъ съ устройствомъ своей карьеры, тѣмъ болѣе, что матеріальная обезпеченность, и даже богатство, были его удѣломъ съ дѣтства. Еще менѣе тянуло его къ праздному, безхитростному наслажденію благами жизни. Вдумчивый характеръ и чуткая совѣсть не позволяли ему пойти по стопамъ средняго американца его круга, для котораго первое мѣсто въ жизни занимаетъ *business*, *money making* и комфортъ личнаго существованія. Приглядываясь къ окружающей жизни, онъ не могъ не видѣть, что «соціальный вопросъ», еще недавно считавшійся исключительнымъ достояніемъ старой Европы, все болѣе давалъ себя чувствовать и въ молодой Америкѣ.

Противоположность интересовъ труда и капитала, рѣзкія проявленія классовой вражды, боевыя рабочія организаціи, громадныя стачки, появленіе и быстрый ростъ «арміи безработныхъ», крайности безумной роскоши и жалкой нищеты,—все это нашло себѣ мѣсто и въ Америкѣ, несмотря на обширность ея территоріи, на ея природныя богатства, на гигантскіе успѣхи ея промышленности и торговли. Тяжелый кошмаръ соціальной неурядицы все болѣе привлекаетъ къ себѣ умы мыслителей и вниманіе честныхъ общественныхъ дѣятелей, выдвигая передъ ними длинный рядъ жгучихъ вопросовъ, настоятельно требующихъ разрѣшенія. Викофъ не могъ, и не хотѣлъ, игнорировать ихъ только потому, что они оставались пока внѣ сферы его личнаго существованія. Онъ горячо интересовался ими, много читалъ, много думалъ, но прямота ума и чуткость совѣсти, въ союзѣ съ наслѣдственною практичностью истаго американца, не позволяли ему придти къ какимъ-нибудь окончательнымъ теоретическимъ заключеніямъ и успокоиться

на нихъ разъ навсегда. Его симпатіи склонялись, конечно, на сторону рабочихъ и вообще «обездоленныхъ міра сего», но въ отсутствіи личнаго опыта и провѣренныхъ на практикѣ теорій, эти симпатіи были, естественно, непрочны и какъ бы полусознательны.

Душевный кризисъ, у громаднаго большинства его сверстниковъ самъ собою проходившій съ наступленіемъ зрѣлости и давшій, въ зависимости отъ ихъ соціальнаго положенія, тотъ или иной опредѣленный результатъ, у Викофа затянулся на долгіе годы, и чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ становился мучительнѣе и, повидимому, неразрѣшимѣе. Выйти изъ него было необходимо во чтобы то ни стало, и Викофъ, какъ настоящій представитель упорной и энергичной англо-саксонской расы, не побоялся выйти изъ него тѣмъ путемъ, который казался ему единственно раціональнымъ и правильнымъ. Онъ рѣшилъ забыть на время все, что читалъ, всѣ теоріи, съ которыми успѣлъ познакомиться, и посмотрѣть жизни прямо въ глаза, испытавъ на собственной шкурѣ условія существованія, въ которыя ставитъ современная соціально-экономическая организація человѣка, единственнымъ рессурсомъ котораго являются его рабочія руки. Онъ задумалъ отказаться на время отъ всѣхъ преимуществъ своего соціальнаго положенія и, покинувъ среду, въ которой жилъ, потонуть, года на два, въ рабочей массѣ, слиться съ нею и жить ея жизнью, т. е. трудомъ рукъ своихъ.

Послѣднимъ толчкомъ, заставившимъ его привести въ исполненіе это рѣшеніе, послужилъ горячій споръ, завязавшійся въ его присутствіи по поводу стачекъ и безработицы. Викофъ принялъ участіе въ этомъ спорѣ и, защищая рабочихъ отъ обвиненій въ варварствѣ и лѣности, пытался доказать, что при данныхъ общественныхъ условіяхъ стачки являются иногда единственнымъ оружіемъ въ рукахъ рабочихъ противъ злоупотребленій капитала, и что, съ другой стороны, въ настоящемъ обществѣ далеко не всякій, ищущій работы, можетъ найти ее, что, поэтому, армію безработныхъ составляютъ не только лѣнтяи, но и честные неудачники. Эта аргументація не показалась, однако, убѣдительною богатымъ свѣтскимъ людямъ, проводившимъ свое время въ элегантной виллѣ на берегу чуднаго голубого моря. Въ ихъ глазахъ она отзывалась теоріею, кабинетнымъ знаніемъ, къ которому всегда прибѣгаютъ люди, черпающіе свои идеи изъ книгъ, а не изъ жизни. Такимъ наивнымъ кабинетнымъ теоретикомъ былъ объявленъ ими и Викофъ.

Это было каплею, переполнившею чашу, и Викофъ рѣшилъ не откладывать далѣе предпріятія, идею котораго онъ давно уже носилъ въ душѣ. На слѣдующій же день, съ разсвѣтомъ, покинулъ онъ виллу своего пріятеля. Одѣвшись въ простой костюмъ, взваливъ на плечи мѣшокъ съ нѣсколькими книгами и съ необходимымъ запасомъ бѣлья, безъ копѣйки въ карманѣ, онъ переступилъ ея порогъ и бодро зашагалъ по дорогѣ на западъ, стремясь къ неизвѣстному будущему. Послѣдуемъ же за нимъ, по возможности, шагъ за шагомъ.

Съ перваго же дня новой жизни нашъ герой почувствовалъ, какія непредвидѣнныя раньше затрудненія ожидаютъ его. Не владѣя никакимъ ремесломъ, онъ могъ разсчитывать лишь на трудъ простого чернорабочаго, да на случайныя мелкія «работишки», въ которыхъ, думалъ онъ, не можетъ быть недостатка. Дѣло оказалось, однако, не такъ просто. Его бѣлыя руки, его костюмъ, вся его внѣшность плохо отвѣчали положенію, въ которое онъ себя поставилъ, и онъ не замедлилъ почувствовать, что значитъ быть *чужимъ* среди людей, человѣкомъ, до котораго никому нѣтъ дѣла, который всюду встрѣчаетъ къ себѣ недовѣріе и подозрѣніе. Мало помогала ему и книжка иллюстрированнаго журнала, которую онъ захватилъ съ собою, чтобы облегчить себѣ, въ качествѣ агента, собирающаго подписчиковъ, подступъ къ людямъ. Никто не нуждался въ его журналѣ, и ни въ комъ его званіе бродячаго разносчика не вызывало ни симпатіи, ни уваженія.

Съ каждымъ новымъ шагомъ, съ каждой новой встрѣчей тяжелое чувство отчужденности и неувѣренности завладѣвало имъ все съ большею силою. На его привѣтствія многіе не отвѣчали даже кивкомъ головы; въ отвѣтъ на разспросы о дорогѣ его часто посылали «къ дьяволу»; на просьбы о работѣ отвѣчали пренебрежительнымъ, иногда грубымъ отказомъ. Мѣшокъ тяжело давилъ ему спину, солнце жарило немилосердно, острое чувство голода давало себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе, и способъ его удовлетворенія казался уже не только интереснымъ экспериментомъ, но настоятельною необходимостью. И однако, миля проходила за милею, не принося съ собою никакой надежды, не открывая ни малѣйшей перспективы по части утоленія голода или нахожденія ночлега, хотя время было рабочее, и повсюду виднѣлись фермы. Проходя мимо кладбища, Викофъ подошелъ къ могильщику, устало опиравшемуся на заступъ возлѣ на половину вырытой могилы, и предложилъ ему взамѣнъ обѣда окончить работу, но старикъ не нуждался въ его помощи. Идя далѣе, онъ встрѣтилъ трехъ женщинъ, которыя тщетно усиливались поймать пѣтуха. Онъ предложилъ имъ свои услуги въ обмѣнъ на кусокъ хлѣба, но и здѣсь онъ оказался ненужнымъ. Положеніе становилось серьезнымъ; усталость и голодъ становились чуть не мучительными; чувство отчужденности—подавляющимъ. Наконецъ, ему посчастливилось наткнуться на фермера, который согласился накормить его за часъ работы на лугу. Совсѣмъ подъ вечеръ такая же счастливая случайность обезпечила ему ужинъ и ночлегъ въ сѣнномъ сараѣ.

На слѣдующій день дѣло шло не лучше. Чувство заброшенности и отчужденности было еще болѣе тяжело, и подъ его вліяніемъ судьба фермерскихъ рабочихъ, попадавшихся ему по дорогѣ, казалась Викофу по истинѣ завидною долею. Честная трудовая жизнь, братское общеніе съ товарищами-рабочими, обезпеченный кровъ и хлѣбъ—какое это блаженство въ сравненіи съ жалкимъ существованіемъ несчастнаго,

всѣмъ подозрительнаго, отовсюду гонимаго бродяги! Увы! это блаженство было, повидимому, недосягаемо. Никому не были нужны услуги нашего героя. Ему нерѣдко предлагали хлѣбъ только изъ жалости, но работы для него не было. Вѣрный своему рѣшенію, онъ отказывался отъ этого дарового хлѣба и не ѣлъ иногда по цѣлымъ суткамъ. Спать ему приходилось въ полѣ, зарывшись въ стогъ сѣна, или въ сараѣ какого-нибудь сердобольнаго фермера. Иногда его соглашались взять на испытаніе, но испытаніе оканчивалось обыкновенно крахомъ, и хозяинъ на завтра же прогонялъ его, какъ негоднаго ни на что бродягу. Къ концу первой недѣли какой-то кабатчикъ согласился послѣ нѣкотораго колебанья взять его къ себѣ на нѣсколько дней въ качествѣ «рабочаго на всѣ руки». Этотъ кабатчикъ, можно сказать, спасъ Викофа отъ окончательной деморализаціи. Наѣвшись, выкупавшись, выспавшись и сходивъ въ церковь, нашъ герой почувствовалъ себя какъ бы возродившимся и еще разъ поклялся довести свое предпріятіе до конца во что бы то ни стало.

Проработавъ свои нѣсколько дней въ гостинницѣ, Викофъ отправился дальше на западъ. Первую настоящую, болѣе или менѣе регулярную работу удалось ему достать въ Вестъ-Пойнтѣ, гдѣ шли работы по расчисткѣ разрушенныхъ зданій старой академіи и по постройкѣ новаго зданія. Работы было много, подрядчикъ спѣшилъ поспѣть къ сроку, разбираться было некогда и Викофъ былъ принятъ въ качествѣ чернорабочаго, по 1 доллару и 70 центовъ за рабочій день въ 9 съ половиною часовъ.

Легко представить, какъ хорошо спалось Викофу въ эту ночь, первую на настоящей рабочей квартирѣ, и какъ бодро вскочилъ онъ на ноги на завтра, въ 6 часовъ утра. Всѣ его соночлежники уже проснулись, наскоро позавтракали и поспѣшили на свои мѣста. Заспанная толпа оборванныхъ людей всевозможныхъ національностей, въ томъ числѣ и нашъ герой, молча и угрюмо ожидала знака надсмотрщика, *босса*, какъ говорятъ американцы. Ровно въ 7 часовъ раздался зычный крикъ: начинай! и картина сразу измѣнилась. Лопаты, заступы, ломы начали дѣйствовать съ лихорадочною быстротою въ рукахъ рабочихъ, сортировавшихъ обломки и нагружавшихъ ими телѣги. Боссъ стоялъ на возвышеніи и наблюдалъ за работою. Его короткая мускулистая фигура казалась вросшею въ стѣну. Смѣтливость и сила, которыми дышало его грубое лицо, ясно говорили о томъ процессѣ естественнаго подбора, который выдѣлилъ его изъ массы и поставилъ на занимаемый имъ постъ. Его быстрые глаза были повсюду, и вся его фигура казалась олицетвореніемъ физической энергіи. Ничто не укрывалось отъ его взора. Малѣйшая неловкость или ошибка со стороны рабочаго тотчасъ же замѣчалась и навлекала на несчастнаго градъ ругательствъ, которыя дѣйствовали на него, какъ ударъ кнута дѣйствуетъ на лошадь.

Работа была тяжелая, даже и для профессіональнаго рабочаго, не

то что для Викофа. Сортируя обломки, приходилось то и дѣло пускать въ ходъ голыя руки, которыя скоро покрывались ранами и обливались кровью. Наклонное положеніе тѣла вызывало мучительную боль въ непривычныхъ мускулахъ. Чисто механическая работа не требовала вниманія, но—слишкомъ тяжелая—исключала въ то же время всякую возможность умственнаго усилія. А время тянулось такъ безконечно долго! Его необходимо чѣмъ нибудь заполнить, и Викофъ пытается обмануть себя, давая волю фантазіи и возстановляя въ своей памяти во всѣхъ ему знакомыхъ деталяхъ обычный день своей прежней жизни. Свѣтлыя, веселыя картины смѣняютъ одна другую; время летитъ съ сказочною быстротою, фантазія начинаетъ истощаться, но, увы! часы сосѣдней колокольни показываютъ всего половину девятаго. Половина девятаго! Съ тѣхъ поръ, какъ началась нагрузка первой телѣги, прошла, кажется, цѣлая вѣчность, и эта вѣчность сводится къ $1^1/_2$ часамъ, съ денежнымъ эквивалентомъ въ 25—30 центовъ!

Такъ или иначе, въ свое время приходитъ и полдень. Раздается крикъ босса: стопъ! лопаты и ломы мгновенно останавливаются и рабочіе принимаются за принесенный съ собою обѣдъ. Принимается за него и Викофъ, съ непонятною для себя самого жадностью пожирающій его до послѣдней крошки. Черезъ 45 минутъ снова раздается крикъ босса, и работа начинается съ новой энергіей. Часъ ползетъ за часомъ съ ужасающею медленностью; лѣтнее солнце жжетъ немилосердно; тонкая пыль наполняетъ воздухъ, проникаетъ въ носъ, уши, ротъ и глаза. Рабочіе безостановочно ворочаютъ лопатами и кирками и вполголоса посылаютъ ругательства по адресу босса. Викофъ чувствуетъ себя какъ въ полуснѣ, его мускулы страшно болятъ, и всякое движеніе стоитъ ему невѣроятныхъ усилій. Но работа идетъ и идетъ, не останавливаясь ни на минуту, пока не бьетъ 5 часовъ. Снова слышится «стопъ!» надсмотрщика, рабочіе бросаютъ инструменты, разгибаютъ спины, и черезъ 2 минуты ихъ густая толпа движется по дорогѣ въ городъ.

Здѣсь авторъ дѣлаетъ мимоходомъ замѣчаніе, которое не мѣшаетъ, пожалуй, имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о пьянствѣ среди рабочихъ. Онъ былъ утомленъ до изнеможенія, чувствовалъ чисто звѣрскій голодъ, но еще болѣе мучила его жажда, которую никакое количество воды не могло утолить. И этотъ человѣкъ, никогда въ своей жизни не пившій и чувствовавшій отвращеніе къ алкоголю, теперь мечталъ о стаканѣ крѣпчайшаго, сдобреннаго купоросомъ, джина! Впрочемъ, умывшись холодною водою и поужинавъ, онъ почувствовалъ значительное облегченіе. Все его тѣло болѣло, но эта боль только дѣлала болѣе блаженнымъ физическое состояніе покоя.

Второй день работы былъ еще болѣе мучителенъ, и Викофу нужно было все его душевное мужество, чтобы дотянуть его до конца. Третій день былъ уже легче, и чѣмъ дальше, тѣмъ естественнѣе и сноснѣе

казалось ему его положеніе чернорабочаго; онъ мирился съ нимъ, тѣмъ болѣе, что рабочіе, съ которыми онъ работалъ и жилъ, сразу приняли его въ свою среду, какъ полноправнаго члена рабочей семьи. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ категоріи квалифицированнаго труда и сразу выдѣлялись изъ общей массы высшимъ развитіемъ, рука объ руку съ которымъ шли и болѣе приличныя манеры и большая изысканность въ одеждѣ. Другіе—между такими было очень мало прирожденныхъ американцевъ—были простые чернорабочіе. Были среди нихъ люди, которые, очевидно, знали лучшіе дни и разсматривали свое настоящее положеніе, какъ деградацію, но большинство принадлежало къ чернорабочимъ отъ рожденія, которые и не претендовали ни на что лучшее. При всей своей грубой внѣшности, языку и манерамъ, почти всѣ они были честные, прямодушные люди, невольно внушавшіе къ себѣ симпатію и уваженіе. Попадались среди нихъ, къ удивленію автора, и старики, мѣсто которыхъ было скорѣе въ богадѣльнѣ, чѣмъ на такой тяжелой работѣ. Одинъ изъ такихъ, съ которымъ авторъ работалъ въ одной артели, вдругъ исчезъ, очевидно, разсчитанный за полною негодностью. Это исчезновеніе едва ли обратило бы на себя чье либо вниманіе, если бы онъ не появился черезъ нѣсколько дней снова на работахъ, но уже въ качествѣ только зрителя. Это былъ старый ирландецъ, вѣчно страдавшій отъ зубной боли и весь обвязанный тряпками. Онъ подошелъ къ рабочимъ колеблющеюся походкою, которая ясно говорила о приступѣ остраго ревматизма, и, обмѣнявшись съ ними нѣсколькими словами, вдругъ раздрыдался, какъ ребенокъ. Рабочіе начали смѣяться и гнать его прочь, и возмущенный Викофъ готовъ былъ счесть ихъ за безсердечныхъ варваровъ. Впечатлѣніе это, оказалось, однако, ошибочнымъ. Рабочіе прогнали старика, потому что его плачъ компрометировалъ ихъ профессіональное достоинство передъ боссомъ, но это не мѣшало имъ сочувствовать его положенію и принять мѣры для оказанія ему посильной помощи.

Вообще, положеніе чернорабочихъ—насколько онъ успѣлъ съ нимъ познакомиться—казалось Викофу во многихъ отношеніяхъ жалкимъ и обиднымъ. Все ихъ богатство—рабочая сила, и обмѣнивать эту силу на средства существованія имъ приходится при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Они не имѣютъ сбереженій и не могутъ, подъ страхомъ голодной смерти, выжидать поднятія цѣны на свой товаръ. Подчиняясь дѣйствію закона спроса и предложенія, они, какъ продавцы рабочей силы, оказываются въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ продавцы желѣза и др. товаровъ. Ихъ товаръ—они сами. Но они—живые люди, связанные въ своихъ дѣйствіяхъ разнообразными узами личнаго и общественнаго характера. Они не могутъ ни выжидать, ни искать себѣ наивыгоднѣйшаго рынка, съ тою свободою и легкостью, какая возможна для другихъ товаровъ. Мало того: они *невѣжественные* люди, не знающіе ни цѣнъ, ни состоянія рынка, ничего, что выходитъ изъ

узкихъ предѣловъ мірка, въ которомъ они вращаются. Ихъ рыночная цѣна не можетъ, къ счастью, значительно понизиться, потому что понижаться ей некуда, но она могла бы, несомнѣнно, подняться. Но для этого необходима съ ихъ стороны цѣлесообразная коллективная дѣятельность; необходима организація. Они же неорганизованы, и каждый изъ нихъ дѣйствуетъ индивидуально, на свой страхъ и рискъ. Отсюда—плохое сравнительно качество работы и необходимость грубаго и безжалостнаго *босса*, какъ защитника хозяйскихъ интересовъ.

Никакая политическая экономія не заставитъ ихъ при настоящихъ условіяхъ отождествить эти интересы съ своими. Хозяинъ, заплатившій за ихъ рабочую силу, естественно стремится использовать ее цѣликомъ; рабочіе столь же естественно стремятся затратить ее въ возможно меньшемъ количествѣ. Никакой элементъ «чести» не скрашиваетъ ихъ труда и не входитъ въ ихъ профессіональное существованіе, которое сводится къ вѣчной борьбѣ между ними и *боссомъ*. Вся ихъ жизнь, поэтому, тяжелая, безцѣльная и безнадежная жизнь рабовъ, но не сознательныхъ людей и гражданъ. А между тѣмъ, думаетъ авторъ, какъ легко было бы ввести въ эту жизнь недостающій ей *человѣческій* элементъ, особенно въ такой странѣ, какъ Америка, съ ея неисчерпаемыми природными богатствами, съ ея безграничною потенціальностью въ дѣлѣ приложенія къ нимъ труда. Организуйте эту безформенную массу, заинтересуйте ее въ трудѣ, придавъ ему характеръ ея собственнаго дѣла, внеся въ него животворный принципъ кооперації, и вы пробудите въ ней и человѣческое достоинство, и духъ солидарности, и сознаніе отвѣтственности, безъ которыхъ нѣтъ ни полнаго человѣка-гражданина, ни прочнаго общественнаго прогресса...

Вѣрный своему рѣшенію познакомиться съ жизнью рабочихъ по возможности во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, Викофъ не задержался надолго въ Вестъ-Пойнтѣ, тѣмъ болѣе, что усталое тѣло и израненныя руки требовали хоть небольшого отдыха. Отдавъ почти весь свой заработокъ въ уплату за квартиру и содержаніе (онъ получилъ всего 5 долларовъ и 85 центовъ, вмѣсто 8 долларовъ, на которые разсчитывалъ), онъ остался всего съ 10 центами, съ которыми и тронулся въ дальнѣйшій путь. Объ отдыхѣ, значитъ, нечего было и думать; надо было сразу приниматься за поиски работы. Къ счастью ему посчастливилось найти работу къ вечеру перваго же дня пути, въ дачномъ отелѣ, гдѣ какъ разъ нуждались въ сторожѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія хозяинъ согласился взять его на нѣсколько дней, пока не пріѣдетъ уже нанятый на это мѣсто человѣкъ.

Само по себѣ, однако, это мѣсто было не изъ завидныхъ, какъ ни кстати пришлось оно бездомному бродягѣ безъ гроша въ карманѣ. Жалованья полагалось всего 8 долларовъ въ мѣсяцъ; работать приходилось съ 5 ч. утра до 11 ч. ночи, т. е. 18 часовъ, причемъ работа, какъ всѣ домашнія работы, была изъ тѣхъ, которымъ никогда нѣтъ

конца; харчи—отвратительные, состоявшіе изъ остатковъ отъ обѣда жильцовъ отеля; уколы самолюбію постоянны; привычные для профессіональнаго слуги, они были тѣмъ болѣе обидны для переодѣтаго джентльмена. Наконецъ, самая работа, при всей своей кажущейся легкости, заключала въ себѣ, какъ скоро пришлось въ этомъ убѣдиться Викофу, непріятные сюрпризы. Такъ, въ число обязанностей Викофа входило ежедневное мытье половъ общихъ салоновъ отеля. Чего, казалось бы, проще: три крѣпко щеткой, не жалѣй воды,—вотъ и все искусство! Оказалось, однако, не то. Полы были вымыты, казалось, на славу, но когда они просохли, нашъ бѣдный герой пришелъ въ ужасъ при ихъ видѣ. Они представляли собою цѣлую мозаику капризныхъ узоровъ, грязныхъ полосъ и пятенъ, оставленныхъ тряпкою. Всю работу пришлось передѣлать, едва ли съ большимъ успѣхомъ, и прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ Викофъ проникъ въ тайну этого нехитраго искусства. Еще болѣе хлопотъ доставляло ему мытье оконныхъ стеколъ, но у насъ нѣтъ времени подробно останавливаться на этомъ траги-комическомъ эпизодѣ въ его рабочей жизни.

Вымывъ полы и окна, Викофъ выметалъ веранду и приступалъ къ очисткѣ садовыхъ дорожекъ, шелъ помогать на кухнѣ, состоялъ на побѣгушкахъ у постояльцевъ, чистилъ лампы, наполнялъ ихъ керосиномъ и т. д. и т. д., до 11 часовъ ночи, когда онъ могъ, наконецъ, съ спокойною совѣстью идти на покой въ свою каморку. Въ общемъ, эта 18-ти-часовая работа была не легка, но Викофъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ, особенно въ сравненіи съ пятью днями, проведенными имъ въ Вестъ-Пойнтѣ въ качествѣ чернорабочаго. Какъ ни какъ, здѣсь онъ былъ гораздо болѣе самостоятельнымъ, онъ могъ проявлять въ работѣ свою иниціативу, надъ нимъ не тяготѣлъ обидный подозрительный взглядъ босса, онъ чувствовалъ себя менѣе рабочею скотиною и болѣе человѣкомъ. Къ тому же, новое мѣсто открывало для него возможность близко познакомиться съ условіями жизни такой обширной категоріи труда, какъ домашняя прислуга. Едва ли не самою непріятною стороною этой жизни является, по мнѣнію автора, отсутствіе *своего* времени, которое есть у всякаго чернорабочаго. Тяжела также та печать отверженія, которая лежитъ почему-то на этомъ родѣ труда, и благодаря которой горничная, лично служащая «господамъ», въ соціальномъ отношеніи кажется чѣмъ-то низшимъ, чѣмъ, напр., фабричная работница, которая внѣ фабрики сама себѣ госпожа.

Вообще, чѣмъ ближе знакомился Викофъ съ жизнью, тѣмъ яснѣе видѣлъ онъ, что кромѣ того основного соціальнаго барьера, который раздѣляетъ современное общество на рабочихъ и нерабочихъ, въ самой этой—на первый взглядъ однородной—рабочей массѣ существуетъ цѣлый рядъ своихъ барьеровъ, столь же исключительныхъ и условныхъ. Таковъ былъ барьеръ, отдѣлявшій «искусныхъ рабочихъ» отъ «чернорабочихъ» и этихъ послѣднихъ отъ «безработныхъ» въ Вестъ-Пойнтѣ. Таковъ

былъ барьеръ, отдѣлявшій высшую категорію отельной прислуги—поваровъ, горничныхъ и пр., отъ кухонныхъ мужиковъ, сторожей и иной мелкоты, къ которой принадлежалъ въ самомъ низу лѣстницы Викофъ... Тѣмъ не менѣе, средній уровень моральнаго и интеллектуальнаго развитія отельной прислуги оказался, къ удивленію Викофа, значительно выше, чѣмъ среди чернорабочихъ. Причину этого авторъ видитъ въ томъ, что домашняя работа даетъ большій просторъ иниціативѣ и носитъ менѣе скотскій, рабскій характеръ, чѣмъ работа подъ надзоромъ ругателя-босса. Не остается, можетъ быть, безъ вліянія и высокій, сравнительно, уровень заработной платы (главный поваръ отеля получалъ 60 долларовъ въ мѣсяцъ, Викофъ—всего 8 долларовъ; среднее же жалованье было 20—25 долларовъ въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ, конечно, харчахъ).

Викофъ прослужилъ въ отелѣ около трехъ недѣль и, когда онъ отправился въ дальнѣйшій путь, оказался обладателемъ цѣлаго капитала въ 4 доллара. Спокойный и увѣренный въ себѣ, онъ бодро шелъ впередъ, всѣмъ существомъ своимъ наслаждаясь и вновь обрѣтенною свободою, и окружающею природою, и крѣпящимъ воздухомъ чудныхъ дней ранней осени. Въ настоящемъ онъ былъ обезпеченъ своими 4 долларами: будущаго онъ не боялся, увѣренный въ томъ, что въ случаѣ нужды съумѣетъ выполнить всякую работу. Какъ мальчикъ, только-что выучившійся плавать, онъ чувствовалъ себя способнымъ на всякіе подвиги въ своей новой стихіи. Какъ, однако, ни великъ казался ему его денежный запасъ, черезъ нѣсколько дней онъ истощился. Дойдя до Миддльтовна, Викофъ увидѣлъ, что пришло время приниматься серьезно за поиски работы. Первыя попытки въ этомъ направленіи были неудачны. Одинъ за другимъ нѣсколько подрядчиковъ отказали ему. Отказы не всегда были грубы и обидны. Иногда въ нихъ звучало несомнѣнное сочувствіе къ его положенію. Но все-таки это были отказы. Викофъ, однако, не унывалъ и продолжалъ слоняться по улицамъ города, останавливаясь у всякой новой постройки. Такъ добрелъ онъ до края города, гдѣ происходили работы по постройкѣ громадной больницы для умалишенныхъ. Здѣсь, наконецъ, ожидала его удача. Благодаря совѣтамъ и указаніямъ стараго ирландца-садовника, добродушно взявшаго его подъ свое покровительство, онъ къ вечеру былъ принятъ на работы и назначенъ въ артель изъ 20 человѣкъ, рывшую сточную канаву, съ вознагражденіемъ по $1^1/_2$ дол. въ день.

Извѣстно, что работа землекопа—одна изъ самыхъ тяжелыхъ для непривычнаго человѣка. Викофъ скоро убѣдился въ этомъ. Не прошло и часа съ начала работъ, какъ отъ его самоувѣренности не осталось и слѣда. Онъ снова чувствовалъ себя жалкимъ интеллигентомъ, взявшимся за чужое, непосильное ему дѣло. Каждый ударъ тяжелой кирки, падавшій на неподатливую каменистую почву, вызывалъ во всемъ его тѣлѣ какъ бы электрическое сотрясеніе и стоилъ ему все большихъ усилій. Онъ не отставалъ отъ товарищей лишь благодаря крайнему

напряженію воли. И чѣмъ дальше шло время, чѣмъ выше поднималось солнце, обдавая горячими лучами согнутыя головы и спины, тѣмъ тяжелѣе становилась кирка, тѣмъ невозможнѣе казалось выдержать испытаніе до конца. Въ девять часовъ Викофъ чувствовалъ себя окончательно деморализованнымъ, и только жгучій стыдъ удержалъ его отъ позорнаго бѣгства. На его счастье, скоро ему дали другую работу—засыпать уже оконченную часть канавы. Орудовать съ лопатою надъ липкою тяжелою глиною было тоже не легко, но все же легче, чѣмъ съ киркою, и Викофъ снова пріободрился. На третій день дѣло совсѣмъ пошло на ладъ, потому что Викофа взяли съ земляныхъ работъ и назначили въ помощники больничному кучеру, на обязанности котораго лежало развозить по разнымъ отдѣленіямъ больницы всевозможные припасы, убирать накопившійся за день соръ и увозить въ прачешную грязное бѣлье. Въ этихъ разъѣздахъ проходилъ цѣлый день, и Викофъ могъ считать себя истиннымъ счастливцемъ, тѣмъ болѣе, что кучеръ, подъ начальствомъ котораго онъ состоялъ, оказался добродушнымъ и хорошимъ человѣкомъ.

Тѣмъ естественнѣе было искреннее удивленіе босса, когда послѣ нѣсколькихъ дней работы, Викофъ потребовалъ разсчета. «Куда вамъ идти,—говорилъ онъ ему отеческимъ тономъ,—держитесь лучше своей работы; не важная она, правда, но я постараюсь найти вамъ другую, получше». Но Викофъ остался непреклоненъ, и добродушному, въ противность общему правилу, боссу не оставалось ничего другого, какъ сердечно пожать ему руку, пожелать успѣха и прибавить въ заключеніе, что если судьба заброситъ его когда-нибудь снова въ эти мѣста, онъ всегда найдетъ здѣсь работу.

При разсчетѣ случился маленькій инцидентъ, который привелъ въ немалое смущеніе нашего автора. Конторщикъ, выдавая ему деньги, спросилъ, умѣетъ ли онъ подписать свое имя? Этотъ вопросъ, вполнѣ естественный для конторщика, имѣвшаго дѣло съ сотнями неграмотныхъ чернорабочихъ самыхъ разнообразныхъ національностей, чрезвычайно смутилъ и даже обидѣлъ Викофа. «За кого только ни принимали меня до сихъ поръ,—говоритъ онъ по этому поводу,—и за пьяницу, и за шпіона, и за бродягу, которымъ пугаютъ дѣтей, но никто ни разу не принялъ меня за джентльмена. И, сказать правду, такой успѣхъ моего переодѣванія иногда казался мнѣ очень огорчительнымъ и обиднымъ»...

Въ карманѣ Викофа было цѣлыхъ 6 долларовъ! Этой суммы было вполнѣ достаточно, по меньшей мѣрѣ, на 3—4 дня комфортабельнаго путешествія. Можно было, значитъ, дойти до Вилькесбарра и, возобновивъ тамъ случайною работою истощенный запасъ, двинуться дальше. Бодро и увѣренно тронулся Викофъ въ путь, который, благодаря прекрасной погодѣ, былъ скорѣе пріятнымъ отдыхомъ, чѣмъ печальною необходимостью. Хорошо, конечно, изголодавшись и натрудивши ноги,

найти работу, обезпечивающую хлѣбъ и кровъ, но не лишена своей прелести и жизнь «трампа» (бродяги), особенно когда въ карманѣ этого трампа звенитъ презрѣнный металлъ. Было начало осени; солнце грѣло, но не жгло; лѣса и луга начали уже одѣваться радужными осенними тонами; воздухъ былъ прозраченъ и ясенъ; встрѣчавшіеся по пути люди были вѣжливы и внимательны; по сторонамъ дороги всюду виднѣлись прекрасно обработанныя поля, комфортабельныя фермерскія усадьбы, обширныя стада скота. Все кругомъ говорило объ изобиліи и довольствѣ, и тѣмъ труднѣе было понять, какія причины гонятъ изъ этихъ чудныхъ мѣстъ сельскую молодежь, которая наполняетъ промышленные городскіе центры толпою безработныхъ и безпріютныхъ бродягъ.

Въ пятницу, вечеромъ, Викофъ добрался до Вильксбарра. Имѣя передъ собою цѣлый субботній день для пріисканія работы, онъ не побоялся хорошо поужинать и провести ночь въ хорошей постели, хотя такая роскошь и отразилась крайне разрушительно на его финансахъ. Съ ранняго утра слѣдующаго дня начались поиски. Несмотря, однако, на оживленную внѣшность города, эти поиски долго оставались безъ результата. Всюду былъ полный комплектъ рабочихъ, и въ новыхъ никто не нуждался. Положеніе становилось серьезнымъ, тѣмъ болѣе, что завтра было воскресенье. Надо было непремѣнно найти работу сегодня же до вечера. А тутъ, какъ на зло, въ глаза Викофу бросилась заманчивая вывѣска публичной библіотеки. Онъ такъ давно не видалъ печатной строчки, потерялъ всякое представленіе о томъ, что дѣлается на свѣтѣ! И вотъ передъ нимъ живой источникъ, готовый утолить его жажду! Можно ли было пройти мимо и не войти въ гостепріимно открытыя двери хоть на часъ, на полчаса, наконецъ? Очевидно, это было невозможно, и Викофъ зашелъ въ библіотеку. Внимательные служащіе, тишина, удобные стулья, безконечный рядъ полокъ, уставленныхъ книгами,—все здѣсь было къ его услугамъ. Очарованіе охватило его сразу, и онъ не могъ уже стряхнуть его съ себя, забывъ обо всемъ и весь отдавшись своимъ любимымъ авторамъ. Часы незамѣтно летѣли, и только звонокъ, возвѣстившій о закрытіи библіотеки, напомнилъ ему ужасную истину, что уже 9 часовъ вечера, что день пропалъ и о пріисканіи работы нечего думать до самаго понедѣльника. Наступила реакція; онъ чувствовалъ себя настоящимъ преступникомъ, истратившимъ драгоцѣнное время на такую непозволительную для пролетарія роскошь, какъ чтеніе.

Впервые ощутилъ онъ теперь во всей его реальности чувство естественной симпатіи къ своимъ неизвѣстнымъ товарищамъ по соціальному положенію и проникъ сердечнымъ инстинктомъ въ одинъ изъ уголковъ ихъ моральнаго существованія. «Впервые, пишетъ онъ, я встрѣтился съ неудачею. Неудача не была пока особенно серьезна, но все же мои поиски работы оказались безплодными въ теченіе цѣлой половины дня. И вотъ, вмѣсто того, чтобы тѣмъ настойчивѣе продолжать ихъ и этимъ

исполнить свой очевидный долгъ до конца, я малодушно поддался искушенію забыться. Для меня такимъ искушеніемъ оказалась библіотека, и я его не выдержалъ. Другой рабочій въ моемъ положеніи встрѣчаетъ такія же искушенія на каждомъ уличномъ перекресткѣ. Онѣ такъ же заманчивы для него, обѣщая ему временное забвеніе и общество людей, которые помогутъ ему утѣшиться въ своей неудачѣ. Онъ поддается, какъ поддался я, и въ чемъ, въ сущности, заключается разница между нами, между нашею моральною силою?..»

Потерпѣвъ неудачу въ Вилькесбаррѣ, Викофъ принужденъ былъ продолжать путь дальше, въ надеждѣ найти работу на какой-нибудь фермѣ. На этотъ разъ надежда не обманула его, и на второй же день—уже безъ гроша въ карманѣ—онъ нанялся въ рабочіе къ одному богатому фермеру, по имени Хиллю, по 75 центовъ въ день, конечно, на хозяйскомъ содержаніи. У Хилля Викофъ проработалъ около недѣли, и эта недѣля тяжелой, но здоровой сельской работы, прекраснаго питанія и сердечныхъ отношеній съ семьею хозяина была для него лучшимъ отдыхомъ. Въ 6 часовъ утра онъ вставалъ, пробуждаемый крикомъ самого хозяина «Эй Джонъ!», умывался, закусывалъ и принимался за работу. То это было устройство пруда, то поправка изгороди, то сборъ яблокъ, въ которомъ принимала участіе вся семья. Когда наступалъ часъ обѣда, всѣ умывались и усаживались за столъ, уставленный вкусно приготовленными и здоровыми блюдами. Послѣ небольшого отдыха работа начиналась снова и продолжалась до 6 часовъ вечера, когда Викофъ, согласно договору, освобождался отъ какихъ бы то ни было занятій по хозяйству до слѣдующаго утра. Затѣмъ наступалъ часъ ужина, столь же сытнаго и вкуснаго, какъ обѣдъ, нѣсколько часовъ спокойнаго отдыха, проводимаго въ сердечной бесѣдѣ съ хозяиномъ и, наконецъ, крѣпкій, чисто дѣтскій, сонъ на свѣжемъ душистомъ сѣнѣ. Все, что дѣлаетъ работу непріятною—подозрительный глазъ босса, монотонность движеній, отсутствіе видимой цѣли и осязательнаго результата, казарменная дисциплина—здѣсь отсутствовало.

Все, что дѣлаетъ ее удовольствіемъ — свѣжій воздухъ и здоровая обстановка, очевидная цѣлесообразность всякаго дѣйствія, просторъ для проявленія собственной иниціативы, довѣрчивое и товарищеское отношеніе со стороны хозяина, которому приходилось скорѣе сдерживать, чѣмъ понукать, своего не въ мѣру пылкаго работника—было на лицо.

Не удивительно, поэтому, что все время своего пребыванія на фермѣ Викофъ чувствовалъ себя прекрасно, какъ физически, такъ и морально, не говоря уже о томъ, что это пребываніе позволило ему лично и близко познакомиться съ условіями существованія американскаго фермера и съ особенностями его положенія въ общемъ строѣ американской промышленной жизни. Не мало помогъ ему въ этомъ самъ Хиллъ—человѣкъ хотя и не очень образованный, но съ богатымъ

опытомъ и съ здравымъ природнымъ умомъ. Потомокъ традиціонно фермерской семьи, онъ былъ прекрасный хозяинъ, знавшій до тонкости свое ремесло. Его дѣла шли хорошо, ферма процвѣтала, дѣти получили прекрасное образованіе. но личный успѣхъ не ослѣпилъ его. Ко многому въ окружающемъ его строѣ жизни онъ относился отрицательно, и жгучіе соціальные вопросы, волнующіе умы современнаго человѣчества не были чужды и ему. Его взгляды, можетъ быть, и не отличались особенною глубиною, но для Викофа они были чрезвычайно интересны, какъ плодъ большого житейскаго опыта, долгой и честной умственной работы. Приведемъ здѣсь въ краткомъ резюме одну изъ бесѣдъ, которую велъ онъ съ Викофомъ наканунѣ разставанія. Она, въ сущности, стоила бы того, чтобы привести ее цѣликомъ, но для этого у насъ нѣтъ мѣста.

Они сидѣли послѣ ужина на завалинкѣ, и Хиллъ дѣлалъ послѣднее усиліе удержать Викофа, говоря ему о трудности найти хорошаго рабочаго и обѣщая ему постоянное занятіе на самыхъ лучшихъ условіяхъ.

— Повѣрьте,—отвѣчалъ ему Викофъ,—мнѣ очень не хотѣлось бы покидать васъ, но, сказать правду, я не вполнѣ понимаю, какъ можетъ смущать васъ вопросъ о пріисканіи мнѣ подходящаго замѣстителя, когда повсюду слышишь и читаешь о людяхъ, тщетно ищущихъ работы, о тысячныхъ толпахъ безработныхъ, переполняющихъ наши города.

— Да,—отвѣчалъ Хиллъ,—это можетъ казаться непонятнымъ, но это такъ. У насъ на фермахъ масса работы. и въ то же время мы далеко не всегда можемъ найти для нея подходящихъ рабочихъ. Наши лучшія силы, наша лучшая молодежь рвется въ городъ и осѣдаетъ тамъ на всегда. Откуда это странное явленіе? Трудно сказать, но, мнѣ кажется, объясненія ему надо искать въ нарушеніи нормальнаго равновѣсія между разными сторонами экономической дѣятельности, въ перемѣщеніи центра тяжести въ городъ. Въ то время, какъ наше фермерство остается въ своихъ главныхъ чертахъ тѣмъ, чѣмъ оно было при отцахъ и дѣдахъ, въ области городской промышленности и торговли за послѣднія десятилѣтія происходили постоянныя усовершенствованія, страшно поднявшія въ ней производительность труда, доходность предпріятій и отчасти заработную плату. На ней сосредоточивались всѣ усилія талантливыхъ изобрѣтателей; въ ней искали приложенія всѣ лучшіе организаторскіе умы, въ нее же уходили и наши лучшія рабочія силы. Такъ шло дѣло до сихъ поръ, но мнѣ кажется, что мы стоимъ теперь наканунѣ обратнаго движенія. Въ то время, какъ у насъ здѣсь образовалась пустота, тамъ все сильнѣе начинаетъ чувствоваться переполненіе. Обостряется конкурренція, понижается доходность предпріятій, понижается уровень заработной платы, возникаетъ армія безработныхъ. Незанятые капиталы, свободные таланты и прирожденные организаторы должны искать новаго приложенія своимъ силамъ, и гдѣ же естественнѣе всего найти имъ его, какъ не въ земледѣліи, потенціальности

котораго далеко не исчерпаны, которое представляетъ собою свѣжее, почти не тронутое еще, поле дѣятельности. За ними пойдетъ, конечно, и трудъ. Начнется—да отчасти, пожалуй, уже и начинается—перераспредѣленіе производительныхъ силъ, параллельно съ которымъ должно будетъ идти и измѣненіе условій деревенской жизни въ смыслѣ ея украшенія, введенія въ нее элементовъ комфорта и веселья, которыми притягиваютъ теперь къ себѣ города. Возникнетъ и новое направленіе въ системѣ національнаго образованія, которому необходимо будетъ придать практическую форму профессіональнаго техническаго—преимущественно земледѣльческаго—обученія. Эта перемѣна представляется мнѣ уже почти назрѣвшею, и я считаю ее во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельною не только для насъ, но и для общества въ его цѣломъ. Соціальный вопросъ! Мы всѣ знаемъ, какое большое мѣсто занимаетъ въ современномъ обществѣ филантропія; какія громадныя суммы денегъ и времени тратятъ богатые для облегченія участи обездоленныхъ. Но развѣ облегчаетъ все это разрѣшеніе соціальнаго вопроса? Увы! я не замѣчаю, чтобы бѣдные чувствовали себя признательными богатымъ, чтобы бездна, ихъ раздѣляющая, сколько-нибудь съуживалась, чтобы чувства классовой вражды становились менѣе опасными для соціальнаго порядка, въ которомъ мы живемъ. Если бы богатые жили менѣе роскошно, на свѣтѣ было бы менѣе зависти и противообщественныхъ стремленій. Если бы сохраненныя такимъ образомъ средства шли на раціональную организацію національнаго образованія и на устройство рабочихъ, выброшенныхъ изъ разныхъ отраслей непроизводительнаго труда, въ такой истинно-производительной и благодѣтельной области, какъ земледѣліе, вокругъ насъ совершалось бы меньше несправедливостей, было бы меньше нищеты и вражды...

Намъ хотѣлось бы остановиться здѣсь и на другихъ подробностяхъ, относящихся къ пребыванію Викофа у Хилла и живо рисующихъ бытовыя черты американской фермерской жизни, но мы должны спѣшить за нашимъ героемъ. 4-хъ долларовъ, полученныхъ имъ отъ Хилла, было совершенно достаточно, чтобы добраться до Вильямспорта, за которымъ начиналась лѣсистая мѣстность, усѣянная многочисленными станами дровосѣковъ, всегда, какъ ему говорили, нуждавшимися въ рабочихъ. Судя по разсказамъ, эти затерявшіяся въ горныхъ лѣсахъ поселенія были чистымъ анахронизмомъ въ современномъ строѣ американской промышленной жизни и напоминали какъ характеромъ своихъ обитателей, такъ и всѣмъ складомъ жизни давно прошедшія времена первыхъ піонеровъ и калифорнійскіе разсказы Бретъ-Гарта. Естественно, что Викофъ рѣшилъ включить ихъ въ свой маршрутъ. Черезъ нѣсколько дней пути онъ оставилъ Вильямспортъ за собою и очутился въ горной лѣсистой мѣстности, которая его такъ интересовала. Не особенно гостепріимно встрѣтила она его на первыхъ порахъ. Деньги у него успѣли выйти, и послѣдній день пути до ближайшаго стана ему при-

шлось дѣлать на голодный желудокъ. Идти по горнымъ тропинкамъ было тоже не легко, но это еще было полъ-бѣды. Главная бѣда была та, что, по мѣрѣ приближенія къ стану, онъ чувствовалъ, какъ постепенно покидала его самоувѣренность и на ея мѣсто водворялось сомнѣніе и даже страхъ передъ ожидавшимъ его пріемомъ. Одного внѣшняго вида встрѣчавшихся ему по дорогѣ дровосѣковъ достаточно было для такого эффекта. Они принадлежали, повидимому, къ совсѣмъ особой, невиданной еще имъ, породѣ людей. Все это былъ народъ необыкновенно здоровый—настоящіе лѣсные великаны, исполненный сознанія своей силы, флегматично-спокойный и чуть не дикій на видъ, но дикій на какой-то свой особенный, чрезвычайно внушительный ладъ. Несчастный Викофъ чувствовалъ себя передъ этими людьми какимъ-то слабымъ, беззащитнымъ и ни на что не годнымъ ребенкомъ, и разсѣянно-недоумѣвающій взглядъ, которымъ они отвѣчали на его привѣтствія, какъ бы говоря: «это еще что за птица?», вызывалъ въ его душѣ невольную тревогу.

Часовъ въ пять вечера Викофъ добрался, наконецъ, до «Волчьяго Ручья», какъ назывался первый станъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ, блиставшихъ свѣжестью и чистотою, бревенчатыхъ избъ, съ кузницею по срединѣ. У дверей кузницы стояла группа дровосѣковъ, какъ на подборъ великановъ, смотрѣвшихъ настоящими царями лѣса. Всѣ они уставились на подходившаго путника тѣмъ же пренебрежительно-недоумѣвающимъ взоромъ, и Викофу надо было собрать все свое мужество, чтобы обратиться къ нимъ.

— Это ли Волчій Ручей?—спросилъ онъ юнаго Ахилла, лицо котораго показалось ему болѣе добродушнымъ.

— Да!—былъ короткій отвѣтъ.

— Могу ли я видѣть хозяина?

— Онъ въ городѣ.

— Въ такомъ случаѣ босса?

— Вотъ онъ!—сказалъ Ахиллъ съ легкимъ кивкомъ въ сторону подходившаго къ кузницѣ человѣка съ угрюмымъ, хотя и не злымъ лицомъ,—съ лицомъ человѣка, который относится къ жизни серьезно, и шутокъ не понимаетъ и не любитъ.

— Извините, сэръ, мнѣ сказали, что вы здѣсь боссъ...

Тотъ остановился и, не говоря ни слова, посмотрѣлъ на него съ высоты своего роста.

— Я ищу работы,—продолжалъ съ усиліемъ Викофъ,—и слышалъ, что у васъ здѣсь нуждаются въ рабочихъ.

— Работали ли вы когда-нибудь по лѣсной части?

— Нѣтъ.

— Такъ какого же дьявола вамъ тутъ надо! — рѣзко проговорилъ боссъ, отворачиваясь и входя въ кузницу.

По лицамъ дровосѣковъ, молчаливо присутствовавшихъ при корот-

комъ діалогѣ промелькнула легкая улыбка, а бѣдный Викофъ долженъ былъ продолжать свой путь до слѣдующаго стана. Но и тамъ онъ встрѣтилъ отказъ, хотя и въ болѣе мягкой формѣ. «Едва ли вы найдете здѣсь что-нибудь, — сказалъ ему боссъ, — вотъ развѣ у Фицъ-Адама». Голодный, усталый, безъ всякой надежды въ душѣ, Викофъ отправился на розыскъ Фицъ-Адама. Солнце уже спряталось за горами, когда онъ добрался до стана. Все было пусто, нигдѣ не было видно живой души. Выбравъ наугадъ одну изъ избъ, Викофъ постучался. Отвѣта не было. Обойдя избу кругомъ, онъ нашелъ другую дверь и снова постучался. Дверь открылась и на порогѣ появилась молодая женщина.

— Здѣсь ли живетъ Фицъ-Адамъ?

— Здѣсь,—и она позвала мужа.

Послышались тяжелые шаги, и изъ глубины комнаты показалась массивная фигура, заполнившая собою весь просвѣтъ двери. Это и былъ Фицъ-Адамъ, здоровый, молодой еще, человѣкъ, съ грубыми, но не лишенными своеобразной красоты, чертами лица, съ твердо очерченными ртомъ и подбородкомъ, съ суровымъ взглядомъ, говорившимъ о силѣ и твердости характера.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, подозрительно оглядывая неприглядную фигуру пришельца.

— Въ Лонговомъ станѣ мнѣ сказали, что вы нуждаетесь въ рабочихъ...

— Тамъ вы не пригодились, такъ васъ послали ко мнѣ! Ловко!.. Работали ли вы когда-нибудь по нашей части?

— Нѣтъ, но я работалъ разную работу, — поспѣшилъ прибавить Викофъ, чувствуя, что его дѣло виситъ на волоскѣ.—Испробуйте меня... Не пригожусь, разсчитаете...

— Работы-то у меня много, едва ли только, судя по вашему виду, подойдетъ она вамъ. Впрочемъ, оставайтесь, тамъ увидимъ. А пока нарубите дровъ и затопите печку.

Итакъ, вопросъ былъ пока рѣшенъ. Викофа накормили, отвели ему чистую постель въ общей казармѣ; оставалось только утвердиться на новомъ мѣстѣ, показать, что и онъ можетъ пригодиться даже и среди этихъ полудикихъ великановъ. Впереди былъ цѣлый день—воскресенье—для отдыха и первоначальнаго знакомства съ будущими товарищами по работѣ. Въ общемъ, они производили рѣшительно хорошее впечатлѣніе, не смотря на свою внѣшнюю грубость. Они не лишены были даже извѣстной естественной деликатности въ своихъ отношеніяхъ къ низшему, очевидно, новичку. Правда, они были страшно невоздержны на языкъ; самыя ужасныя проклятія и ругательства обильно уснащали ихъ обычный разговоръ; они имѣли самое слабое представленіе о религіи и никогда, повидимому, не посѣщали церкви, но жить съ ними совмѣстною товарищескою жизнью было, очевидно, возможно. Един-

ственное, что еще смущало Викофа, была мысль о предстоявшемъ ему трудовомъ испытаніи, отъ исхода котораго зависѣло все.

Въ четыре часа утра раздался рѣзкій звонокъ будильника, и дровосѣки начали лѣниво подниматься съ постелей. Кухарка была уже на ногахъ, приготовляя завтракъ, а Фицъ-Адамъ ходилъ по казармѣ, стягивая съ кроватей заспавшихся рабочихъ. «Да вставайте же, чтобы васъ чортъ побралъ!» кричалъ онъ, но въ этихъ грубыхъ окрикахъ не чувствовалось гнѣва и никто на нихъ не обижался. Скоро всѣ были на ногахъ, наскоро позавтракали и съ фонарями въ рукахъ отправились въ конюшню приготовлять телѣги для свозки изъ лѣсу заготовленныхъ тамъ дровъ и коры. Когда все было готово, уже къ разсвѣту, телѣги отправились въ лѣсъ и началась нагрузка. Викофъ и другой рабочій, по имени Толеръ, были назначены подручными при телѣгѣ, управляемой долговязымъ американцемъ, котораго въ станѣ звали «Чернымъ Бобомъ». Нагрузка происходила такъ: подручные, спиною къ телѣгѣ и лицомъ къ сложенной заранѣе кучѣ, подхватывали тяжелые куски коры и передавали ихъ черезъ голову Черному Бобу, который, стоя въ телѣгѣ, укладывалъ ихъ тамъ правильными рядами. Вся штука была въ быстротѣ работы, и Викофу оставалось только подражать пріемамъ Толера и, по возможности, не отставать отъ него. Дѣло, конечно, не ладилось, а тутъ, какъ на зло, къ мѣсту работы подъѣхалъ самъ Фицъ-Адамъ, тоже съ телѣгою. Взглянувъ на Викофа, онъ позвалъ его съ собою. «Вотъ оно, начинается!» подумалъ съ невольною тревогою нашъ герой, затормозивъ телѣгу и ставъ въ позицію, показанную ему только что Толеромъ.

Началась нагрузка. Викофъ пустилъ въ ходъ всю свою ловкость и силу, но только изъ этого, увы! выходило не много. Фицъ-Адамъ небрежно подхватывалъ передаваемые ему куски коры и каждымъ своимъ движеніемъ ясно показывалъ, что ему приходится постоянно ждать своего подручнаго, что дѣлать ему, въ сущности, нечего, что это не работа, а какая-то дѣтская игра. Лицо его темнѣло, выраженіе снисходительнаго пренебреженія смѣнялось выраженіемъ едва сдерживаемаго негодованія и, наконецъ, гроза разразилась. «Скорѣе, скорѣе, чортова кукла!» закричалъ онъ въ бѣшенствѣ, и изъ его устъ полился потокъ такой ругани, какой еще не приходилось никогда въ жизни слышать бѣдному Викофу. Его не разъ бранилъ боссъ въ Вестъ-Пойнтѣ, и онъ спокойно выносилъ эту брань, потому что она входила такъ сказать въ программу его предпріятія, но ругательства Фицъ-Адама переходили всякую мѣру, и ему понадобилось все усиліе воли, чтобы сдержать свое возмущеніе. Онъ не отвѣтилъ ни слова, ускорилъ, насколько могъ, темпъ своихъ движеній и продолжалъ работать, какъ бы совершенно не замѣчая сыпавшихся на него проклятій. Бѣшенство Фицъ-Адама дошло до послѣдняго предѣла: еще немного, и онъ, казалось, пуститъ въ дѣло свои кулаки, но хладнокровіе Викофа видимо ему импониро-

вало, и было нѣчто комическое въ этомъ безсиліи полудикаго гиганта передъ спокойнымъ достоинствомъ его тщедушнаго противника. Наконецъ, телѣга была нагружена, и Фицъ-Адамъ уѣхалъ, поручивъ Викофу и Толеру заняться прочисткою дороги къ другимъ, сложеннымъ въ чащѣ лѣса, кучамъ коры и дровъ. Толеръ былъ старый опытный рабочій, когда-то имѣвшій свой собственный станъ, и столь же ясно, какъ Фицъ-Адамъ, замѣчавшій всю степень непригодности новичка въ ихъ работѣ. Но эта непригодность не только не раздражала его, но, скорѣе, вызывала къ себѣ теплое сочувствіе. Онъ никогда не ругался, не возвышалъ голоса, терпѣливо училъ его пріемамъ работы, и каждый успѣхъ ученика радовалъ его, какъ свой собственный. Неудивительно, что такое истинно «джентльменское» отношеніе дѣйствовало умиротворяющимъ образомъ на возбужденную душу Викофа и возобновляло запасъ его терпѣнья.

Такъ прошло дня два, въ теченіе которыхъ Викофу приходилось то жестоко страдать душевно и тѣлесно, особенно душевно, при нагрузкѣ телѣги Фицъ-Адама, который разъярялся все болѣе и болѣе, то успокаиваться, работая съ старымъ Толеромъ. На третій день Фицъ-Адамъ началъ свою обычную атаку на несчастнаго Викофа еще съ ранняго утра. Замѣтивъ съ его стороны какую-то неисправность, онъ набросился на него передъ конюшнею, въ присутствіи всѣхъ дровосѣковъ, которые молча, съ видомъ знатоковъ, прислушивались къ артистической ругани своего патрона. Кромѣ этого, чисто профессіональнаго, такъ сказать, интереса, на ихъ лицахъ не замѣчалось ничего. Однако, когда истощившій весь запасъ ругательствъ Фицъ-Адамъ съ отчаяніемъ крикнулъ: «Что же мнѣ сдѣлать съ этимъ?.. Убить его тутъ на мѣстѣ, или оставить жить еще одинъ день?..» Черный Бобъ отвѣтилъ серьезнымъ тономъ: «Пусть живетъ, собака!»—«Ну такъ возьми его съ собою», сказалъ Фицъ-Адамъ и Викофъ отправился на работу съ Чернымъ Бобомъ. Они шли молча. Черный Бобъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на своего спутника. Каково же было удивленіе Викофа, когда онъ вдругъ остановился и, конфузливо запинаясь, началъ трогательно просить его не обращать вниманія на Фицъ-Адама и не огорчаться его ругательствами, потому что ругается онъ не по злобѣ, а «такъ: другихъ-то словъ и нѣтъ у него!» Это неожиданное участіе, да еще со стороны Чернаго Боба, было истиннымъ бальзамомъ для бѣднаго Викофа и поддержало покидавшее его мужество. Дѣйствительно, Фицъ-Адамъ не производилъ впечатлѣнія злого по натурѣ человѣка. Къ тому же, онъ всегда вѣдь могъ прогнать Викофа. Почему же онъ не дѣлалъ этого? Положительно, похоже было на то, что подъ грубою оболочкою у этого дикаря было доброе сердце, котораго онъ самъ стыдился, считая его недостойною мужчины слабостью. Не имѣя духа прогнать негоднаго рабочаго и лишить его,

такимъ образомъ, хлѣба, онъ, повидимому, надѣялся заставить его уйти «добромъ».

На другой же день послѣ тяжелой сцены передъ конюшнею произошелъ кризисъ, окончившійся совсѣмъ не такъ, какъ боялся Викофъ... Случилось это утромъ, при нагрузкѣ дровъ. Викофъ и патронъ были одни. Фицъ-Адамъ, въ противность своему обыкновенію, не спѣшилъ, не погонялъ своего подручнаго, совершенно не ругался и какое-то неувѣренное выраженіе не сходило съ его лица. Это было болѣе, чѣмъ странно, и Викофъ ждалъ худшаго, т. е. разсчета. Вдругъ Фицъ-Адамъ остановилъ работу и смущенно заговорилъ:

— Послушайте, новичокъ, вѣдь вы были въ школѣ?

— Да,—отвѣчалъ Викофъ.

— И вы получили хорошее образованіе?—продолжалъ Фицъ-Адамъ послѣ минуты молчанія.

— Да, мнѣ посчастливилось въ этомъ отношеніи.

Прошла еще минута неловкаго молчанія, и затѣмъ изъ устъ Фицъ-Адама, какъ бы противъ его воли, вырвался новый вопросъ:

— Мàйоръ *), вы можете вести счеты?

— Могу,—отвѣчалъ Викофъ.

— Не возьметесь ли вы вести мои счеты, мàйоръ?

— Съ удовольствіемъ.

Фицъ-Адамъ облегченно вздохнулъ.

— Это очень важно для меня, — заговорилъ онъ довѣрчивымъ тономъ,—я никогда не учился, а Самъ—солдатъ, который работаетъ у меня за бухгалтера, знаетъ не многимъ больше моего. Въ прошломъ году я потерялъ не менѣе 2.000 франковъ изъ-за того, что мои счета были не въ порядкѣ... Вѣдь эта работа не по васъ, мàйоръ, надо правду сказать. Вы не очень-то налегайте на нее. Чортъ съ ней; будете помогать мнѣ въ счетахъ... Я... не зналъ раньше, что вы...

— Не будемъ вспоминать прошлаго, Фицъ-Адамъ,—остановилъ его Викофъ.—Я знаю васъ лучше, чѣмъ вы думаете.

Этимъ окончились испытанія Викофа, и онъ сразу занялъ въ станѣ опредѣленное и почетное положеніе. Фицъ-Адамъ почувствовалъ къ нему глубочайшее уваженіе и началъ относиться къ нему, какъ къ равному себѣ, если не какъ къ высшему. Иначе стали относиться къ нему и остальные дровосѣки, которые называли его съ этихъ поръ, по примѣру патрона, не иначе, какъ «мàйоромъ».

Все пошло, какъ по маслу, и Викофъ чувствовалъ теперь себя совсѣмъ своимъ въ этомъ заброшенномъ въ лѣсу станѣ. И чѣмъ ближе знакомился онъ съ его грубыми обитателями, тѣмъ большею симпатіею и уваженіемъ проникался онъ къ этимъ дѣтски простодушнымъ, честнымъ, истинно независимыхъ дикарямъ. Онъ охотно прожилъ бы съ

*) Старшій.

ними дольше, тѣмъ болѣе, что Фицъ-Адамъ всѣми силами старался удержать его, но это было невозможно. Онъ и безъ того прожилъ въ станѣ болѣе, чѣмъ ему полагалось по программѣ. Впереди его ждали Чикаго и штаты дальняго запада. Надо было спѣшить, и Викофъ покинулъ станъ, проживъ въ немъ около трехъ недѣль и заработавъ до 15 долларовъ.

Этимъ заканчивается часть дневника Викофа, заключающаяся въ первомъ томѣ его замѣчательной книги. Его дальнѣйшія испытанія описаны во второмъ томѣ, вышедшемъ мѣсяца два назадъ и представляющемъ не меньшій, если не бо́льшій интересъ. До сихъ поръ мы видѣли его въ нормальныхъ, такъ сказать, условіяхъ чернорабочаго, ищущаго и почти всегда находящаго работу въ сельскихъ округахъ штата. Теперь онъ попадаетъ на залитыя электрическимъ свѣтомъ улицы Чикаго, и счастливая звѣзда покидаетъ его надолго. Онъ сразу оказывается въ рядахъ переполняющей богатый городъ арміи безработныхъ и, несмотря на всѣ свои усилія, въ теченіе почти трехъ недѣль не можетъ выбиться изъ нихъ, живя ихъ жизнью, голодая, холодая, ночуя на улицахъ и въ участковыхъ ночлежныхъ домахъ, доходя до послѣднихъ предѣловъ отчаянія и деморализаціи. Здѣсь онъ впервые сталкивается лицомъ къ лицу съ сложными проблемами, созданными современнымъ состояніемъ городской промышленности, съ ея переполненнымъ рабочимъ рынкомъ, организованнымъ трудомъ и еще лучше организованнымъ капиталомъ, съ стачками, съ революціонными организаціями, съ анархическими и соціалистическими тенденціями, словомъ, со всѣми знакомыми намъ сторонами рабочаго, или, лучше, соціальнаго вопроса, какъ онъ стоитъ теперь въ Европѣ и отчасти въ Америкѣ. Такимъ образомъ, главный интересъ, представляемый дневникомъ Викофа, сосредоточивается именно во второмъ томѣ, съ которымъ мы и намѣрены познакомить читателя въ слѣдующей статьѣ.

И. К.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НА МОНБЛАНЪ.

I.

Изъ всѣхъ восхожденій, которыя когда-либо дѣлались и дѣлаются въ горахъ Швейцаріи, наибольшею извѣстностію пользуются восхожденія на Монбланъ. Это вполнѣ понятно. Монбланъ — высочайшая гора Европы. Его вершина лежитъ на высотѣ 4.810 метровъ выше уровня моря. Монъ-Роза, вторая по высотѣ гора въ Европѣ, имѣетъ уже 4.638 метровъ, третья по высотѣ, Домъ,—4.554 метра. Неудивительно, что всякій туристъ, имѣющій страсть къ восхожденіямъ, стремится подняться на самую высокую изъ европейскихъ вершинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое восхожденіе, хотя и не представляетъ отдѣльныхъ затрудненій, требующихъ иногда прямо гимнастической ловкости, какъ нѣкоторыя другія подпятія, едва ли не самое утомительное вслѣдствіе длины пути, который приходится дѣлать, и быстраго истощенія силъ, которое влечетъ за собою работа въ разрѣженномъ воздухѣ. Ни откуда, наконецъ, не открывается такое обширное и удивительное зрѣлище, какъ съ вершины Монблана. Все это сдѣлало Монбланъ ареной для пробы силъ спортсменовъ-альпинистовъ, и большинство восхожденій на Монбланъ имѣетъ значеніе исключительно спорта.

Но Монбланъ имѣетъ еще другое значеніе. Исторія Монблана есть исторія неимовѣрныхъ трудностей и смертельныхъ опасностей, которымъ готовъ былъ подвергнуться человѣкъ изъ чистой любви къ наукѣ. Исторія Монблана представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ страницъ въ лѣтописи научныхъ завоеваній. Первое восхожденіе на него тѣсно связано съ именемъ одного изъ крупнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ—Соссюра; на его вершинѣ, на высочайшемъ пунктѣ Европы, утверждено одно изъ славнѣйшихъ знаменъ науки—астрономическая и метеорологическая обсерваторія Жансена.

Лѣтомъ 1897 года, въ бытность мою въ Швейцаріи, я посѣтилъ также Шамуни, небольшой городокъ у подножія Монблана, откуда было сдѣлано первое восхожденіе на него, и откуда они обыкновенно дѣлаются и въ настоящее время, и имѣлъ случай лично испытать тѣ затрудненія, съ которыми эти восхожденія связаны. Я разскажу далѣе свои впечатлѣнія.

Въ первый разъ я увидалъ Монбланъ изъ Женевы съ набережной Монблана. Передо мной разстилалось прозрачное голубое Женевское озеро, за нимъ виднѣлся англійскій садъ и набережная Живыхъ Водъ, далѣе раскинувшійся по скату зеленыхъ горъ старый городъ и совсѣмъ на горизонтѣ бѣлоснѣжная цѣпь Монблана, съ цѣпью болѣе низкихъ Красныхъ Горъ и отдѣльными остроконечными пиками передъ нею. Отсюда ясно было видно, насколько величественный куполъ Монблана превосходитъ по своей высотѣ и массивности всѣ другія окружающія горы.

20-го іюня (новаго стиля) съ поѣздомъ, отходящимъ отъ вокзала Живыхъ Водъ въ 10 ч. 10 м., я выѣхалъ въ Шамуни. Дорога, идущая большею частью вдоль долины рѣки Арвы, очень красива. Горы подступаютъ все ближе и ближе, и вотъ, нахонецъ, справа Монбланъ открывается во всей своей красѣ и величіи. Воздухъ настолько прозраченъ, что, не смотря на разстояніе около 50 верстъ, онъ кажется совсѣмъ близко съ своей бѣлоснѣжной вершиной на темносинемъ небѣ.

Черезъ два часа мы пріѣзжаемъ въ Клузъ и черезъ полчаса трогаемся далѣе въ огромномъ двухъэтажномъ дилижансѣ, запряженномъ шестеркой большихъ, крѣпкихъ лошадей.

Становится жарко. Дорога идетъ по узкой долинѣ Арвы, съ обоихъ боковъ которой тянутся одѣтыя лѣсомъ горы, словно выростающія все выше и выше. Дорога поднимается въ гору, и мы ѣдемъ медленно. Часа черезъ два мы пріѣзжаемъ въ Салланшъ—небольшой городокъ съ фонтаномъ въ память революціи и статуей мира. Отсюда открывается видъ на Монбланъ, который справедливо считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ видовъ на него снизу. Въ Салланшъ перепрягаютъ лошадей, и мы трогаемся далѣе. Мы ѣдемъ въ виду снѣжнаго колосса, но затѣмъ находящаяся болѣе на переднемъ планѣ гора Біонассэ заслоняетъ его на нѣкоторое время собою.

Дорога поднимается все круче; въ одномъ мѣстѣ приходится припрягать седьмую лошадь. Въ Шатляръ новая перепряжка. Картина горъ, покрытыхъ внизу лѣсами, блистающихъ на голубомъ небѣ своими ослѣпительно бѣлыми вершинами, становится все величественнѣе. Ихъ блескъ настолько рѣжетъ глаза, что многіе пассажиры надѣваютъ темные очки—необходимую принадлежность туриста въ высокихъ областяхъ Швейцаріи. Каскады падаютъ съ горъ; уже далеко внизу шумитъ Арва. День склоняется къ вечеру, жара спадаетъ. Нѣсколько разъ мы пересѣкаемъ Арву. Цѣпь Монблана подступаетъ все ближе. Величественные глетчеры спускаются съ горъ внизъ. Мы проѣзжаемъ мимо огромнаго ледника де-Боссонъ, ползущаго съ самой снѣговой вершины Монблана, и въ восьмомъ часу вечера пріѣзжаемъ наконецъ въ Шамуни, опоздавъ болѣе чѣмъ на часъ противъ росписанія, какъ это введено здѣсь въ обычай.

Шамуни—небольшой красивый городокъ, раскинувшійся вмѣстѣ съ

прилежащими деревушками въ узкой долинѣ по обѣимъ сторонамъ Арвы, насчитывающій вмѣстѣ съ ними около двухъ тысячъ мѣстныхъ жителей. Самъ Шамуни почти цѣликомъ состоитъ изъ отелей и магазиновъ, торгующихъ принадлежностями, необходимыми для горныхъ экскурсій, фотографіями и швейцарскими сувенирами—цвѣтными камнями, рѣзными вещицами изъ дерева и такъ далѣе. Нельзя лучше охарактеризовать рѣдкое по своей красотѣ положеніе Шамуни, раскинувшагося среди узкой долины на высотѣ 1.050 метровъ надъ уровнемъ моря, какъ слѣдующими словами Соссюра въ его «Путешествіяхъ»: «Величественные ледники, отдѣленные огромными лѣсами, увѣнчанные гранитными скалами поразительной высоты, изсѣченными въ видѣ гигантскихъ обелисковъ и перемежающимися съ снѣгомъ и льдомъ, представляютъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ зрѣлищъ, какое только можно себѣ вообразить. Прохладный, чистый воздухъ, которымъ дышешь, высокая культура долины и прелестныя деревушки, черезъ которыя проходишь, даютъ представленіе новаго міра, нѣкотораго рода земного рая».

Дилижансъ останавливается около небольшой площади противъ бюро путей сообщеній Парижъ-Ліонъ-Средиземное море. Шеренга портье изъ различныхъ отелей готова къ вашимъ услугамъ, поражая отсутствіемъ той навязчивости, которая почти повсемѣстно характеризуетъ это племя человѣческаго рода. Здѣсь же толпятся проводники въ своихъ коричневыхъ курткахъ, съ мужественными, загорѣлыми лицами, привлекающими своимъ открытымъ и благороднымъ выраженіемъ. Ни одинъ изъ нихъ не будетъ къ вамъ назойливо приставать съ предложеніемъ услугъ, подобно гидамъ Бернской Швейцаріи, осаждающимъ васъ буквально, какъ нищіе. Въ отелѣ вамъ отведутъ чистенькую комнату и исполнятъ по возможности всѣ ваши желанія. Вообще съ самаго момента пріѣзда Шамуни производитъ самое пріятное впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливается присутствіемъ той поэтической черты въ характерѣ мѣстныхъ жителей, которая такъ рѣзко отличаетъ французское населеніе высокой Савойи отъ населенія собственно Швейцаріи, поражающаго своей прозаичностью въ ея нѣмецкой части.

Непремѣнную принадлежность каждаго отеля въ Шамуни составляетъ терраса или садикъ съ телескопомъ. Въ городѣ имѣются еще два телескопа, около которыхъ въ тѣ дни, когда дѣлаются большія восхожденія, всегда собирается толпа любопытныхъ. Восхожденія на горныя вершины и прежде всего, конечно, на Монбланъ, представляютъ главный интересъ жизни городка. Съ террасы отеля, въ которомъ я остановился, открывался великолѣпный видъ на Монбланъ, но вершина его была закрыта облаками, и только Домъ-дю-Гутэ величественно бѣлѣлъ на небѣ своей снѣговой вершиной.

Шамуни расположенъ въ узкой долинѣ того же названія, прорѣ-

зываемой рѣкой Арвой и тянущейся въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ ширину она имѣетъ не болѣе четверти часа ходьбы, въ длину часовъ пять. Съ сѣверо-западной стороны ея тянется цѣпь сравнительно невысокихъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Красныхъ Иголъ и Бревана; отсюда открываются великолѣпные виды на цѣпь Монблана, идущую по противоположной, юго-восточной, сторонѣ долины, съ ея остроконечными пиками или, какъ ихъ здѣсь называютъ, иглами, сползающимися ледниками и вѣчными снѣгами. Объ цѣпи горъ въ своихъ нижнихъ частяхъ покрыты роскошными лиственными и далѣе хвойными лѣсами, затѣмъ выше растительность бѣднѣетъ, лѣса исчезаютъ, голый гранитъ отливаетъ красновато-сѣрыми оттѣнками на горныхъ кряжахъ и вершинахъ. Долина вся зеленѣетъ нивами, садами и рощами. По склонамъ горъ пасутся стада коровъ и козъ, гармонично побрякивающихъ своими подобранными въ тонъ колокольцами.

Ориентироваться въ цѣпи Монблана не представляетъ большихъ затрудненій. Ниже огромнаго снѣжнаго купола самого Монблана, получая свое начало изъ его вѣчныхъ снѣговъ, спускаются два большихъ ледника, раздѣленные горнымъ выступомъ, носящимъ названіе Монтань-де-ля-Котъ. По этому выступу поднимались до вѣчныхъ снѣговъ при первыхъ восхожденіяхъ на Монбланъ. Правый изъ ледниковъ, если смотрѣть отъ Шамуни, раздѣляемыхъ этимъ выступомъ, носитъ названіе ледника Таконаца, лѣвый ледника де-Боссонъ. Выше Монтань-де-ля-Котъ торчитъ среди ледниковъ группа скалъ, носящая названіе Большихъ Муловъ—Гранъ Мюле. Въ телескопъ здѣсь можно различить небольшое деревянное зданіе, служащее гостинницей, въ которой обыкновенно ночуютъ при восхожденіи на Монбланъ. Ниже Гранъ Мюле ледникъ Таконаца и ледникъ де-Боссонъ соприкасаются другъ съ другомъ, и это мѣсто носитъ названіе Соединенія—Джонксіонъ. Выше Гранъ Мюле куполъ Монблана поднимается террасами, образуя Малое и Большое Плато. Еще выше подъ самой вершиной можно различить небольшія Красныя Скалы и Пти Мюле. Вправо отъ снѣжнаго купола Монблана виденъ другой куполъ, носящій названіе Дома-дю-Гутэ. Вправо отъ него и впереди возвышается острый пикъ—Игла дю-Гутэ. Съ Дома дю-Гутэ беретъ свое начало ледникъ Таконаца. Отъ Дома къ вершинѣ Монблана ведетъ снѣжный кряжъ, получившій за свою форму названіе горбовъ верблюда—Боссъ-дю-Дромадеръ. По лѣвой сторонѣ ледника де-Боссонъ теперь обыкновенно поднимаются на Монбланъ. Слѣва отъ вершины Монблана на переднемъ планѣ бросается въ глаза изрѣзанная атмосферическими вліяніями гранитная вершина Игла дю-Миди, Южная Игла. За нею вправо видны Монбланъ-дю-Такюль, съ котораго беретъ свое начало ледникъ де-Боссонъ, и Проклятыя Горы—Монъ-Моди. Влѣво отъ Южной Иглы тянется горный кряжъ съ зубчатыми вершинами Иголъ дю-Планъ, дю-Блетьеръ и Шармоца, съ многочисленными ледниками второго разряда въ ихъ промежуткахъ. Еще далѣе

влѣво ниже Иглы Шармоза выдается горный выступъ, покрытый роскошнымъ лѣсомъ, носящій названіе Монтанверъ. Изъ за него спускается огромный ледникъ, получившій названіе Ледяного Моря за свою волнистую поверхность. За нимъ вдали видны Большія Жорассы, Монъ Мале и другія вершины. Слѣва отъ Ледяного моря возвышается Зеленая Игла, остроконечная Игла дю-Дрю, Игла дю-Муань, заслоняющія собою огромный Аржантьерскій ледникъ.

Цѣлый рядъ прогулокъ и болѣе серьезныхъ экскурсій открывается въ окрестностяхъ Шамуни, и врядъ ли въ Швейцаріи можно отыскать мѣсто лучшее въ этомъ отношеніи.

Шамуни—городъ туристовъ, которые здѣсь къ концу лѣта, когда горы становятся болѣе доступными, буквально переполняютъ всѣ отели. Сообразно съ этимъ сложилась и жизнь городка. Встаютъ обыкновенно рано. Часовъ въ семь или восемь или даже ранѣе вы выходите въ общую залу пить кофе, къ которому, какъ и вездѣ въ Швейцаріи, подается масло, варенье и чудный бѣлый крупнозернистый медъ, которымъ славится Шамуни. Это едва ли не единственное мѣсто въ Швейцаріи, гдѣ вы получаете теперь медъ дѣйствительно мѣстный, а не ввозный россійскаго происхожденія.

На улицахъ въ это время происходитъ большое оживленіе. На площади толпятся гиды. Кавалькады на мулахъ, которыхъ ведутъ погонщики, съ барынями, преимущественно англичанками, въ роскошныхъ горныхъ туалетахъ, сшитыхъ по послѣднему рисунку журнала альпійскихъ модъ, въ подобранныхъ юбкахъ или широкихъ шароварахъ, съ изящными горными палочками, украшенными рожками серны, взятыми болѣе по чувству долга, чѣмъ для какой-либо надобности, англичане въ велосипедныхъ костюмахъ, въ пестрыхъ чулкахъ и башмакахъ на резиновыхъ подошвахъ, рядомъ съ ними завзятые альпинисты въ истрепавшихся тяжелыхъ башмакахъ, подкованныхъ гвоздями, въ костюмахъ, познакомившихся съ горами и непогодой, съ горными топорами въ рукахъ; все это направляется съ оживленнымъ говоромъ въ различныя стороны. Затѣмъ городъ значительно пустѣетъ. Ровно въ половинѣ перваго одновременно во всѣхъ отеляхъ раздается трезвонъ колоколовъ, слышный отъ Шамуни за нѣсколько верстъ, призывающій къ завтраку путешественниковъ, успѣвшихъ вернуться съ прогулокъ или оставшихся дома. Въ половинѣ седьмого вечера повторяется такой же звонъ, призывающій къ обѣду. Послѣ обѣда городъ снова оживаетъ. Публика высыпаетъ на улицу, чтобы немного походить передъ сномъ. Отовсюду слышится оживленный разговоръ на всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ языкахъ. Къ первымъ принадлежитъ англійскій, такъ какъ лѣтомъ англичане составляютъ наиболѣе значительную часть населенія Швейцаріи; ко вторымъ тотъ, только имъ самимъ понятный діалектъ, на которомъ особенно англичанки стараются здѣсь говорить и который онѣ по странному недоразумѣнію называютъ французскимъ.

Отъ небольшой площади, на которой останавливается омнибусъ, привозящій пассажировъ изъ Клузъ, ведетъ улица къ церкви. По правую сторону улицы находится бюро гидовъ, стоящее подъ завѣдываніемъ шефа гидовъ, въ которомъ можно получить всѣ указанія относительно экскурсій въ окрестностяхъ Шамуни. Улица упирается въ церковь, передъ которой стоитъ небольшой памятникъ въ видѣ грубо высѣченнаго камня съ медальономъ вверху. На камнѣ надпись: «Жаку Бальма Французское Геологическое Общество при содѣйствіи Французскаго Альпійскаго Клуба. Сентябрь 1875 — Августъ 1878». Вокругъ профиля головы, изображенной въ медальонѣ, надпись: «Жакъ Бальма, по провищу Монблань». Это памятникъ человѣку, гиду изъ Шамуни, который впервые достигъ вершины Моблана, считавшейся до тѣхъ

Жакъ Бальма.

поръ недоступной. Если мы вернемся назадъ и перейдемъ черезъ Арву на ея лѣвый берегъ, то выйдемъ на площадь, на которой стоитъ другой памятникъ. На большой необдѣланной гранитной глыбѣ поставлена группа изъ двухъ лицъ. Одинъ изъ нихъ, съ непокрытой головой и подзорной трубкой въ рукѣ, въ высокихъ сапогахъ и длинномъ сюртукѣ съ закинутымъ за плечо плащемъ, вперилъ свой величественно-восторженный взглядъ въ вершину Монблана. Около него лежитъ ранецъ съ круглой шляпой на немъ и физическіе инструменты. Другой въ обычномъ костюмѣ проводника, обвязанный веревкой и съ длинной горной палкой въ лѣвой рукѣ, въ башмакахъ и чулкахъ, обнаруживающихъ сильныя икры его ногъ, правой рукой указываетъ первому на вершину Монблана. Вся его фигура и выраженіе лица дышатъ порывомъ страстнаго энтузіаста. Первый—знаменитый естествоиспытатель Соссюръ, съ именемъ котораго тѣсно связано первое восхожденіе на

Монблана и который первый поставилъ на его вершинѣ научные инструменты, второй — его проводникъ Жакъ Бальма, открывшій путь на вершину. Не смотря на свою простоту, это одинъ изъ лучшихъ памятниковъ, которые мнѣ когда либо приходилось видѣть, и конечно нѣтъ памятника, который-бы стоялъ на болѣе соотвѣтствующемъ мѣстѣ и съ такою ясностью выражалъ свою идею.

На лицевой сторонѣ памятника надпись: «Г. Б. Соссюру признательный Шамуни». Памятникъ этотъ, какъ значится на оборотной сторонѣ, воздвигнутъ въ память столѣтія восхожденія Соссюра общиной Ша-

Памятникъ Соссюру и Бальма.

муни при содѣйствіи парижской академіи наукъ, альпійскихъ клубовъ Франціи, Италіи, Англіи и Австріи и на пожертвованія частныхъ лицъ.

Остановимся здѣсь на исторіи первыхъ восхожденій на вершину Монблана.

II.

Въ числѣ немногочисленныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Шамуни во второй половинѣ прошлаго столѣтія, былъ молодой женевскій натуралистъ Горасъ Бенедиктъ де-Соссюръ. Въ 1760 году онъ пришелъ туда въ первый разъ пѣшкомъ изъ Женевы съ цѣлью изученія горъ. Съ тѣхъ поръ Шамуни сдѣлался любимымъ мѣстомъ его изслѣдованій. Въ первое же его пребываніе въ Шамуни у него родилась

мысль, неотступно его затѣмъ преслѣдовавшая, подняться на самую вершину Монблана съ цѣлью произведенія тамъ научныхъ наблюденій. Эта идея была такъ настойчива, что Соссюръ издали не могъ видѣть вершину Монблана равнодушно. Только черезъ 27 лѣтъ удалось ему осуществить свое намѣреніе.

Соссюръ.

Въ первое-же свое посѣщеніе Шамуни—Соссюръ объявилъ во всѣхъ мѣстечкахъ долины, что онъ дастъ значительное вознагражденіе тому, кто найдетъ доступный путь на вершину Монблана. Онъ обѣщалъ также заплатить за потерянные дни тѣмъ, попытки которыхъ останутся неудачны.

Въ то время въ Шамуни не было тѣхъ прекрасныхъ гидовъ, которые пріобрѣли всемірную извѣстность въ настоящее время. О высокихъ поднятіяхъ никто и не думалъ и многіе путешественники, рисковавшіе углубляться въ горы, пользовались услугами искателей кристалловъ или охотниковъ за сернами; послѣдніе хотя и были болѣе способны для такого дѣла, такъ какъ обладали болѣе героической смѣ-

лостью, однако не охотно выходили изъ предѣловъ своей спеціальности, которой они страстно отдавались. Экскурсіи Соссюра были той школой, въ которой получили свое воспитаніе первые гиды-шамоньяры. Неудивительно поэтому, что вызовъ Соссюра не имѣлъ непосредственныхъ результатовъ. Было сдѣлано нѣсколько неудачныхъ слабыхъ попытокъ, которыя только еще болѣе укрѣпили вѣру въ недоступность Бѣлаго Пригорка, какъ мѣстные жители иронически прозвали грозную вершину. Только черезъ пятнадцать лѣтъ, въ 1775 году, была сдѣлана первая попытка, которая можетъ считаться серьезной. Четверо шамоньяровъ поднялись на Монтань де-ля-Котъ и прошли нѣкоторое разстояніе по ледянику, какъ далеко—неизвѣстно. Они были, повидимому, обезкуражены тѣмъ обстоятельствомъ, что нашли невозможнымъ подняться до вершины и спуститься въ одинъ и тотъ-же день; о томъ же, чтобы провести ночь въ снѣжныхъ горахъ, къ которымъ жители питали суевѣрный страхъ, въ то время никто не смѣлъ и думать.

Прошло восемь лѣтъ, прежде чѣмъ была сдѣлана новая попытка, и трое другихъ отправились въ 1783 году по тому же пути. Чтобы располагать какъ можно большимъ временемъ, они провели ночь на вершинѣ Монтань-де-ля-Котъ, съ разсвѣтомъ вступили въ ледникъ и достигли значительной вышины. Ихъ поразилъ тотъ жгучій жаръ солнца, который господствуетъ на ледникахъ при хорошей погодѣ. Хотя въ воздухѣ здѣсь бываетъ холодно, но солнечные лучи, вслѣдствіе необыкновенной прозрачности воздуха, буквально палятъ. Въ то время, какъ они достигли своей высшей точки, самымъ сильнымъ и наиболѣе крѣпкимъ изъ нихъ овладѣла неодолимая наклонность ко сну—приступъ такъ называемой горной болѣзни, и онъ просилъ другихъ оставить его и идти безъ него. Они, конечно, не хотѣли этого сдѣлать, а также не хотѣли допустить его заснуть и, отказавшись отъ своего предпріятія, вернулись въ Шамуни съ распухшими отъ дѣйствія солнца губами и облупившейся кожей. По возвращеніи они особенно указывали на жару, и одинъ изъ нихъ серьезно говорилъ Соссюру, что безполезно брать съ собою провизію, такъ какъ всякій аппетитъ совершенно теряется, но что если онъ вновь пойдетъ по тому же пути, то возьметъ только зонтикъ и флаконъ нюхательнаго спирта. «Когда я представляю себѣ,—говоритъ Соссюръ,—этого большого и крѣпкаго горца влѣзающимъ по снѣгу съ маленькимъ зонтикомъ въ одной рукѣ и пузырькомъ нюхательнаго спирта въ другой, то ничто не даетъ мнѣ лучшаго представленія о трудности такого предпріятія и его абсолютной невозможности для людей, которые не имѣютъ ни головы, ни членовъ хорошаго гида шамоньяра».

Дѣлались и другія попытки, которыя оставались однако столь же неудачными. Между прочимъ, самъ Соссюръ въ 1785 году также дѣлалъ попытку восхожденія. Она была равнымъ образомъ неудачна и не вознаградила той невѣроятной усталости, которую испытали муже-

ственные ассензіонисты. Но на этотъ разъ Соссюръ вынесъ убѣжденіе, что въ одинъ прекрасный день онъ достигнетъ наконецъ цѣли своего пылкаго желанія, и «эта идея,—говоритъ онъ,—возбуждала меня до такой степени, что я часто терялъ сонъ».

На слѣдующій годъ вершина Монблана была наконецъ достигнута Жакомъ Бальма совмѣстно съ докторомъ Паккаромъ, а черезъ годъ послѣ этого, въ 1787 году, и Соссюръ впервые поставилъ на ней научные инструменты.

Подробности восхожденія Бальма, которому было всего 24 года, когда онъ сдѣлалъ свое совершенно небывалое по тому времени восхожденіе, извѣстны частію изъ его собственныхъ записокъ, оставленныхъ имъ своимъ наслѣдникамъ, частью изъ разсказа его Александру Дюма, видѣвшему Бальма въ 1832 году, то-есть черезъ 46 лѣтъ послѣ восхожденія. Этотъ разсказъ имѣетъ, правда, нѣсколько идеализированный характеръ, но это придаетъ ему особую прелесть, такъ какъ Бальма дѣйствительно сдѣлался идеаломъ, передъ именемъ котораго благоговѣетъ всякій современный гидъ-шамоньяръ.

Жакъ Бальма родился въ 1762 году въ деревнѣ Пелеринъ, черезъ которую приходится проходить на пути къ Монблану, поднимаясь по лѣвой сторонѣ ледника де-Боссонъ. Его семья была одна изъ самыхъ зажиточныхъ въ деревнѣ; несмотря на это, онъ получилъ лишь весьма элементарное образованіе.

Его первая юность протекла въ работахъ на отцовскихъ поляхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускалъ случая отправляться на поиски за минералами, которые продавалъ путешественникамъ, посѣщавшимъ долину. Это былъ юноша страстный, одаренный живымъ воображеніемъ и большою смѣлостью. Экскурсіи къ подножію ледниковъ въ поискахъ за минералами развили въ немъ страсть настоящаго горца,—страсть къ преодолѣнію опасностей, заставляющую часто рисковать своей жизнью ради наслажденія, получаемаго отъ сознанія, что сдѣлано то, что казалось до тѣхъ поръ невозможнымъ. Это своего рода поэтическая черта характера, отличающая и въ настоящее время многихъ изъ горцевъ. Такая страсть неодолимо влечетъ въ эти опасныя горы, въ вѣчные льды, изрѣзанные трещинами, на уходящія въ небеса крутыя скалы, гдѣ каждый шагъ является рискованнымъ, гдѣ каждый день грозитъ смертью, но гдѣ въ то же время испытывается высокое наслажденіе въ сознаніи, что мужество, хладнокровіе и сообразительность побѣждаютъ самыя ужасныя опасности, которыя ставитъ природа, и гдѣ открываются небесныя красоты, о которыхъ не имѣютъ понятія жители долинъ. Эта удивительная альпійская растительность, склоны горъ, совершенно красные отъ растущихъ на нихъ рододендроновъ, живительный воздухъ высотъ, на которыхъ духъ поднимается еще болѣе, чѣмъ тѣло, воздухъ, вновь возвращающій молодость, это темносинее небо, въ которое врѣзываются ослѣпительныя бѣлоснѣж-

ныя или сѣроватокрасныя вершины, необозримыя панорамы горъ, море облаковъ, клубящихся далеко подъ ногами, озаренныхъ лучами заходящаго солнца—такія картины имѣютъ чарующее вліяніе и влекутъ къ себѣ неотразимо. Кто ихъ видѣлъ, ихъ не забываетъ, и его постоянно влечетъ увидѣть ихъ снова.

Но вмѣстѣ со страстью къ горнымъ экскурсіямъ, поставившею Бальма на степень идеала для всякаго горца, въ немъ развилась при этихъ поискахъ за кристаллами и другая страсть, которая впослѣдствіи вмѣстѣ съ первой повела его къ гибели. Это страсть къ искапію кладовъ, природныхъ сокровищъ, скрытыхъ въ глубинѣ горъ, которыми сразу можно обогатиться,—страсть, опьяняющая золотопромышленниковъ.

Жакъ Бальма скоро пріобрѣлъ репутацію самаго смѣлаго и предпріимчиваго изъ горцевъ. Честолюбіе прославить себя какимъ-либо необыкновеннымъ подвигомъ внушило ему мысль попытаться достичь вершины Монблана которая считалась недоступною, особенно послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ.

Первыя его попытки также были неудачны. Въ одно изъ такихъ предпріятій ему удалось подняться совершенно одному до такъ-называемаго Малаго Плато, но огромная трещина помѣшала ему идти далѣе. День близился къ концу, вдали слышались продолжительные раскаты грома, предвѣщавшаго бурю. Все это заставило Бальма поспѣшить возвращеніемъ, чтобы до ночи достичь жилища. Но едва онъ возвратился, какъ узналъ, что нѣсколько другихъ гидовъ отправились съ тою же цѣлью, въ достиженіи которой онъ только что потерпѣлъ неудачу. Не желая, чтобы его кто-либо опередилъ, Бальма возобновилъ свою провизію и снова отправился въ путь, чтобы какъ можно скорѣе нагнать ушедшихъ. Они ночевали на верху Монталь де-ля Котъ, скалистаго выступа съ правой стороны ледника де-Боссонъ, если смотрѣть отъ Шамуни, и Бальма нагналъ ихъ у начала ледника.

Прибытіе такого соискателя никому не понравилось, и Бальма былъ встрѣченъ довольно холодно. Однако всѣ вмѣстѣ отправились далѣе. Имъ удалось подняться очень высоко—вплоть до снѣжнаго купола съ правой стороны отъ вершины Монблана, такъ-называемаго Дома дю-Гутэ. Отсюда они отправились по направленію къ снѣжному хребту, соединяющему Домъ съ вершиной Монблана. Но едва вступили на него, какъ увидали, что взбираться по нему невозможно. Хребетъ былъ изрѣзанъ трещинами и настолько остеръ, что нельзя было поставить ногу. Необходимо было вернуться назадъ. Одинъ Бальма упорно хотѣлъ идти впередъ и для этого долженъ былъ сѣсть верхомъ на хребетъ между двумя ужасными безднами. При видѣ такого безразсудства его товарищи, не будучи въ состояніи убѣдить его, оставили его одного и вернулись назадъ въ Шамуни.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ Бальма самъ убѣдился, что онъ

искалъ невозможнаго. Съ большой опасностью задомъ онъ спустился внизъ, чтобы на слѣдующій день вновь приняться за поиски.

Отраженіе солнечнаго блеска снѣгомъ такъ подѣйствовало на его глаза, что, дойдя до Большого Плато, онъ не могъ ничего видѣть. Онъ сѣлъ, зажмуривъ глаза, положивъ голову между рукъ. Черезъ полчаса зрѣніе возстановилось, но наступила ночь. Бальма не сдѣлалъ и двухъ сотенъ шаговъ, какъ почувствовалъ, что снѣгъ подъ его ногами проваливается. Онъ былъ на краю огромной трещины, которую утромъ они перешли по снѣжному мостику. Онъ искалъ его, но найти не могъ. Нужно было что-нибудь дѣлать.

Онъ положилъ свою сумку на снѣгъ, обвязалъ лицо платкомъ и рѣшилъ провести ночь, какъ могъ. Съ того мѣста, гдѣ онъ былъ, ему были видны огни въ Шамуни, гдѣ его товарищи въ это время, вѣроятно, спокойно сидѣли вокругъ огня или были въ своихъ постеляхъ. «Быть можетъ, никто изъ нихъ обо мнѣ не подумалъ,—говоритъ Бальма,—или, если и подумалъ, то только для того, чтобы сказать, разгребая горячую золу или натягивая на уши стеганое одѣяло: теперь этотъ дуракъ Жакъ бьетъ ногой объ ногу, чтобы согрѣть ихъ».

Представьте себѣ большую, немного наклонную снѣжную равнину, лежащую на высотѣ около 4.000 метровъ надъ уровнемъ моря, по которой почти на всемъ ея протяженіи скатываются многочисленныя ледяныя лавины, открытую для вѣтровъ съ сѣвера и сѣверо-востока. Ни скалы, ни даже камня, чтобы присѣсть и укрыться отъ непогоды. Всюду одинъ глубокій снѣгъ, который взметаетъ вѣтеръ. Термометръ показываетъ тамъ нуль на солнцѣ въ самые теплые лѣтніе дни. Вотъ что такое Большое Плато, гдѣ Жаку Бальма совершенно одному пришлось не спать, ибо заснуть въ такихъ обстоятельствахъ значило болѣе не проснуться, но дожидаться разсвѣта съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день вновь подвергаться такимъ же опасностямъ.

Приходишь въ изумленіе, представляя себѣ этого удивительнаго человѣка, совершенно одного, потерянаго среди обширныхъ неизвѣстныхъ снѣжныхъ пустынь, не имѣющаго ничего, кромѣ своего мужества и преслѣдующей его идеи, чтобы идти на встрѣчу столь великимъ опасностямъ, съ увѣренностью, что въ случаѣ несчастія ему не можетъ придти отъ людей никакой помощи.

Въ теченіе дня, при чрезмѣрномъ возбужденіи ходьбы, необычайности пейзажей, надеждѣ на успѣхъ, время идетъ быстро. Но ночью, когда одолѣваетъ усталость, безъ достаточной провизіи, съ ногами въ снѣгу, при температурѣ 10 градусовъ ниже нуля, часы должны казаться вѣками. Трескъ ломающихся ледниковъ и продолжительный громъ скатывающихся лавинъ, смѣняющіе одинъ другой въ мертвой тишинѣ этихъ высокихъ областей, способны навести ужасъ на душу самую закаленную.

Наконецъ показался разсвѣтъ. Согрѣвъ себя движеніями, Бальма

вновь отправился на поиски. Ему показалось, когда онъ спускался, что на срединѣ спуска есть склонъ, правда крутой, однако же доступный, ведущій прямо къ скалѣ недалеко отъ вершины. Онъ рѣшилъ по нему взобраться. Когда онъ достигъ его, этотъ склонъ оказался такимъ крутымъ, а снѣгъ настолько твердымъ, что держаться не было почти

«Старый проходъ» — проходъ Бальма.

никакой возможности. Превозмогая чрезвычайное утомленіе, Бальма вырубалъ ступеньки желѣзнымъ наконечникомъ своей палки и такимъ образомъ карабкался кверху.

«Это не была вещь легкая или занимательная, — разсказываетъ онъ,—висѣть такимъ образомъ на одной ногѣ съ перспективой бездны подъ собою и вырубать такого рода лѣсенки. Наконецъ, благодаря

упорству, я достигъ вершины скалы. О, сказалъ я себѣ, я почти что тамъ; отсюда и дотуда (я хотѣлъ сказать—до вершины Монблана) болѣе мнѣ ничто не мѣшаетъ, все ровно—какъ ледъ; болѣе не надо дѣлать лѣсенокъ. Но я окоченѣлъ отъ холода и былъ почти мертвъ отъ усталости и голода. Было поздно; я долженъ былъ спуститься, но на этотъ разъ съ увѣренностью опять подняться при первой хорошей погодѣ и достичь успѣха.

«Вернувшись домой, я былъ почти слѣпъ отъ солнца, отражаемаго ослѣпительнымъ снѣгомъ.

«Жена дала мнѣ поѣсть, хотя мнѣ больше хотѣлось спать, чѣмъ ѣсть. Она уговаривала меня идти спать въ мою комнату, но я боялся, что меня будутъ безпокоить мухи; я заперся въ ригу, легъ на сѣно и проспалъ, не просыпаясь, 24 часа».

Эта попытка, въ которой Бальма почти что достигъ вершины, была сдѣлана имъ 8, 9 и 10 іюля 1786 года.

По возвращеніи въ Шамуни Бальма держалъ свое открытіе въ секретѣ. Но съ этихъ поръ онъ былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Послѣ нѣсколькихъ дней необходимаго отдыха онъ разсчитывалъ снова подняться на Монбланъ, съ увѣренностью, что на этотъ разъ ему удастся достигнуть вершины. Никто, даже жена не знала о его намѣреніи. Онъ узналъ между тѣмъ, что сельскій докторъ Паккаръ, ученый медикъ, не менѣе хорошій натуралистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страстный любитель горныхъ экскурсій, намѣревается также сдѣлать попытку восхожденія. Бальма сообщилъ ему свое открытіе и предложилъ отправиться вмѣстѣ, отчасти, чтобы имѣть свидѣтеля, отчасти, чтобы имѣть товарища, который могъ быть полезенъ если не дѣломъ, то добрымъ совѣтомъ. Паккаръ охотно согласился. Наступила однако дурная погода, заставившая ихъ три недѣли прождать благопріятнаго для восхожденія времени. Въ секретѣ дѣлали они свои приготовленія, пока, наконецъ, 7-го августа погода показалась Бальма благопріятной. Онъ пришелъ къ доктору.

— Что же докторъ,—сказалъ онъ ему,—считаете вы себя способнымъ на такое восхожденіе? Вы не боитесь ни холода, ни снѣга, ни обрывовъ? Говорите прямо.

— Я ничего не боюсь съ тобою, Бальма.

— Прекрасно. Пришло время лѣзть на Бѣлый Пригорокъ.

«Докторъ сказалъ, что онъ совершенно готовъ, но въ то время, какъ онъ затворялъ свою дверь, мнѣ показалось, разсказывалъ Бальма Александру Дюма, что у него не доставало бодрости, такъ какъ ключъ не выходилъ изъ замочной скважины; онъ повертывалъ его два раза, вертѣлъ назадъ, запиралъ снова.

— Послушай, Бальма,—прибавилъ онъ,—не будетъ ли лучше, если мы возьмемъ еще двухъ другихъ гидовъ?

— Нѣтъ,—сказалъ я ему,—я взойду одинъ съ вами, или вы пойдете съ другими; я хочу быть первымъ, а не вторымъ.

«Онъ съ минуту подумалъ, вынулъ свой ключъ, положилъ его въ карманъ и послѣдовалъ за мною машинально, съ опущенной головой Черезъ минуту онъ встряхнулъ головой:

— Хорошо,—сказалъ онъ,—я полагаюсь на тебя, Бальма. Въ дорогу! и будемъ уповать на милость Божію.

Потомъ онъ сталъ пѣть, но не очень вѣрно. Бѣдный докторъ, это его безпокоило».

Передъ отправленіемъ они зашли къ знакомому торговцу сиропомъ и поручили ему и еще другому своему пріятелю слѣдить за ними при помощи телескопа въ извѣстное время, когда они разсчитывали быть около вершины.

Захвативъ немногое, что было нужно, и сказавъ прости своимъ женамъ, они отправились, одинъ по правому, другой по лѣвому берегу Арвы, чтобы никто не могъ догадаться, что они затѣваютъ. Каждый несъ свою провизію, доведенную до минимальныхъ размѣровъ, какъ будто бы это была простая прогулка. За послѣднимъ поселкомъ у подножія Монтань де-ля-Котъ Бальма и докторъ соединились вмѣстѣ и начали восхожденіе.

Этотъ первый день прошелъ почти безъ опасностей. Бальма и Паккаръ достигли до верха Монтань де-ля-Котъ и тамъ провели ночь подъ скалою у начала ледника. На другой день, рано утромъ, Бальма разбудилъ доктора. Восходъ былъ безоблаченъ, солнце встало яркое и сіяющее, обѣщая прекрасный день. Съ зарею они вступили на изборожденный трещинами ледникъ.

«Первые шаги доктора,—разсказываетъ Бальма,—были нетверды, но видя, какъ я шелъ, онъ пріобрѣлъ увѣренность. Скоро мы оставили Гранъ Мюле позади насъ. Я указалъ мѣсто, гдѣ я провелъ свою первую ночь. Докторъ сдѣлалъ значительную гримасу и, помолчавъ минутъ десять сказалъ: «Думаете вы, Бальма, что мы сегодня достигнемъ вершины?» Я не обѣщалъ ничего. Еще болѣе двухъ часовъ мы продолжали подниматься по тому же пути. Послѣ Большого Плато поднялся вѣтеръ и становился все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, когда мы достигли того мѣста, гдѣ изъ снѣга выдаются скалы, названныя нами Пти Мюле, сильный порывъ вѣтра сорвалъ съ доктора шляпу. Я видѣлъ, какъ она унеслась прочь, въ то время, какъ онъ съ распростертыми руками смотрѣлъ ей вслѣдъ. «Докторъ,—сказалъ я,—вы готовы опечалиться; вы ея больше не увидите. Она укатилась въ Пьемонтъ. Адьё!»

«Я едва закрылъ ротъ, какъ налетѣлъ такой сильный порывъ вѣтра, что заставилъ насъ лечь на животъ, и десять минутъ мы не могли подняться. Докторъ пришелъ въ отчаяніе. Что касается меня, я подумалъ тогда о лавочникѣ, который долженъ былъ слѣдить за

нами, и всталъ при первой возможности; но докторъ могъ слѣдовать за мною только на четверенькахъ. Такимъ образомъ мы дошли до мѣста, откуда могла быть видна деревня; я досталъ свою зрительную трубку и увидалъ двѣнадцать тысячъ футовъ внизу нашего лавочника и съ нимъ толпу зрителей деревни, которые искали насъ въ зрительныя трубки. Уваженіе къ самому себѣ заставило доктора идти на своихъ ногахъ, и въ тотъ моментъ, какъ онъ всталъ, они замѣтили насъ, его въ его толстомъ кафтанѣ и меня въ моемъ обыкновенномъ платьѣ. Далеко внизу они махали своими шляпами, и я отвѣчалъ имъ тѣмъ же.

«У доктора не хватало больше силъ идти на ногахъ, и никакія увѣщанія не могли заставить его держаться прямо. Издержавъ все свое краснорѣчіе и видя, что я только теряю время, я сказалъ ему, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, двигался и согрѣвался, насколько возможно. Онъ слушалъ, не понимая, и отвѣчалъ: «да, да», чтобы только отъ меня избавиться. Онъ страдалъ отъ холода, и я самъ окоченѣлъ. Я пошелъ одинъ, сказавъ, что вернусь къ нему назадъ. «Да, да» отвѣчалъ онъ. Я снова совѣтовалъ ему не оставаться безъ движенія; но не сдѣлалъ я и тридцати шаговъ, какъ, оглянувшись, увидалъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы ходить и ударять ногой объ ногу, чтобы оживить ихъ, сидѣлъ, поворотясь спиной къ вѣтру.

«Съ этихъ поръ дорога не представляла какой либо особенной трудности, но по мѣрѣ того, какъ я поднимался выше, воздухъ становился все менѣе и менѣе удобнымъ для дыханія. Я долженъ былъ останавливаться каждые десять шаговъ. Казалось, будто у меня была пустая грудь и не было легкихъ, и холодъ одолѣвалъ меня все сильнѣе и сильнѣе. Я шелъ, опустивъ лицо внизъ, но скоро, поднявъ голову, увидалъ, что, наконецъ, я на вершинѣ Монблана. Я оглядывался вокругъ, дрожа при мысли, какъ бы я не ошибся, что увижу какой-нибудь новый пикъ, на который у меня не будетъ силъ взобраться, такъ какъ сочлененія моихъ ногъ держались, казалось, только при помощи штановъ. Но нѣтъ, нѣтъ! Я достигъ цѣли своего путешествія. Я былъ тамъ, гдѣ ранѣе еще никто не былъ. Тогда я обратился къ Шамуни, махая своей шляпой на концѣ палки, и видѣлъ при помощи моей трубки, что снизу отвѣчали мнѣ.

«Когда прошелъ этотъ моментъ возбужденія, я подумалъ о моемъ бѣдномъ докторѣ. Спускаясь къ нему какъ можно быстрѣе, я звалъ его по имени, почти содрогаясь при мысли, что не услышу отъ него отвѣта. Черезъ четверть часа я увидалъ его издали свернувшимся въ шаръ, безъ движенія, не смотря на крики, которые онъ, конечно, долженъ былъ слышать. Я нашелъ его перегнувшимся вдвое съ головой между колѣнъ, подобно коту, свернувшемуся муфтой. Я ударилъ его по плечу, и онъ механически поднялъ голову. Я сказалъ ему, что я достигъ вершины Монблана, но это, повидимому, интересовало его

весьма мало, такъ какъ онъ отвѣчалъ только вопросомъ, гдѣ бы ему лечь и заснуть. Я сказалъ ему, что онъ пришелъ затѣмъ, чтобы подняться на вершину, и что онъ долженъ идти туда. Я толкалъ его, поднималъ за плечи и заставилъ пройти нѣсколько шаговъ; но онъ казался отупѣвшимъ и ему какъ будто было все равно, подниматься ли вверхъ, или спускаться внизъ. Однако движенія, которыя я заставлялъ его дѣлать, возстановили нѣсколько его кровообращеніе, и онъ спросилъ, нѣтъ ли у меня другой пары перчатокъ въ карманѣ, въ родѣ тѣхъ, какія были на моихъ рукахъ. Они были изъ заячьяго мѣха и сдѣланы спеціально для такихъ случаевъ, безъ раздѣленія между пальцами. Въ подобномъ положеніи я долженъ былъ бы отдать обѣ своему брату, но я далъ ему только одну... Немного спустя послѣ шести часовъ мы были на вершинѣ Монблана».

Около часу времени они провели на вершинѣ.

«Было семь часовъ; дня оставалось только два часа съ половиною; была пора возвращаться. Я снова взялъ Паккара подъ руку, помахалъ своей шляпой въ видѣ послѣдняго сигнала тѣмъ, которые были внизу, и мы начали спускаться. Не было никакого направляющаго слѣда, кромѣ небольшихъ ямокъ, сдѣланныхъ остріями желѣзныхъ наконечниковъ нашихъ палокъ. Паккаръ былъ не лучше, чѣмъ дитя, безъ воли и энергіи, котораго я велъ, гдѣ было удобно, и тащилъ, гдѣ идти было плохо. Начиналась ночь, когда мы переходили большую трещину, и застала насъ ниже Большого Плато. Паккаръ останавливался каждую минуту, объявляя, что онъ не можетъ идти далѣе, и я долженъ былъ принуждать его идти впередъ не убѣжденіями, но силой. Въ одиннадцать часовъ мы вышли изъ міра льда и поставили ногу на твердую почву».

Они спустились до вершины Монтань-де-ля-Котъ, гдѣ провели ночь наканунѣ. Здѣсь Бальма замѣтилъ, что докторъ не владѣетъ своими руками и потерялъ въ нихъ чувствительность. Онъ снялъ ему перчатки. Руки доктора были бѣлы и омертвѣли. Одна рука Бальма была въ такомъ же состояніи.

Бальма сказалъ доктору, что у нихъ у обоихъ отморожены три руки изъ четырехъ, но докторъ хотѣлъ только лечь и заснуть, хотя и сказалъ Бальма, чтобы онъ теръ свою руку снѣгомъ. Средство было недалеко. Бальма началъ на докторѣ и кончилъ на себѣ. Скоро кровообращеніе возстановились, а вмѣстѣ съ нимъ вернулась и теплота, но съ самой жестокой болью. Бальма завернулъ потерявшаго способность движенія доктора въ шерстяное одѣяло, положилъ его подъ защитою скалы; они немного поѣли и выпили, прижались другъ къ другу какъ можно ближе, и заснули.

На другой день утромъ Паккаръ сказалъ Бальма:

— Я слышу чириканье птицъ, а день еще не наступилъ.

— Это потому, что вы не видите,—отвѣчалъ Бальма:—солнце встало

но толстая корка гноя въ глазахъ дѣлаетъ васъ въ настоящее время слѣпымъ; это дѣйствіе отраженія солнечнаго блеска зеркальными снѣгами. Но въ Шамуни вы вылечитесь, обмазавъ лицо сливками или пивной пѣной. Со мной случалось то же самое нѣсколько разъ. Между тѣмъ я натаю немного воды, вы умоетесь, мы вмѣстѣ позавтракаемъ и отправимся въ дорогу».

Съ большимъ трудомъ дошелъ Паккаръ до подножія горы, держась за ремень у мѣшка своего проводника. Но нѣсколько дней отдыха и употребленіе указаннаго Бальма средства заставили пройти воспаленіе. Бальма говоритъ, что онъ самъ былъ неузнаваемъ. «У меня были красные глаза, черное лицо и синія уши».

Такъ было совершено первое восхожденіе на вершину Монблана. Докторъ и Бальма были встрѣчены радостными привѣтствіями своихъ друзей и всего населенія. Ихъ чествовали, поздравляли, всѣ имъ удивлялись. Черезъ четыре дня Бальма отправился въ Женеву возвѣстить Соссюру о своемъ успѣхѣ. Но Соссюръ узналъ о немъ еще ранѣе черезъ посланнаго къ нему изъ Шамуни вѣстника.

На слѣдующій годъ послѣдовало восхожденіе на Монбланъ самого Соссюра ради произведенія научныхъ наблюденій, къ которымъ онъ такъ давно стремился. Подробности его восхожденія разсказаны имъ въ его «Путешествіяхъ въ Альпы», изъ которыхъ я приведу здѣсь выдержки.

«Публика узнала изъ различныхъ періодическихъ извѣстій, что въ августѣ мѣсяцѣ прошедшаго года два шамоньяра, докторъ медицины Паккаръ и гидъ Жакъ Бальма, достигли вершины Монблана, которая до тѣхъ поръ считалась недоступной.

«Я узналъ объ этомъ на слѣдующій день и отправился на мѣсто, чтобы попытаться послѣдовать по ихъ пути, но дождь и снѣгъ принудили меня отложить это до настоящаго сезона. Я оставилъ съ Жакомъ Бальма коммиссію, чтобы изслѣдовать гору въ самомъ началѣ іюня и немедленно увѣдомить меня, какъ только она сдѣлается доступной по уменьшеніи зимняго снѣга. Между тѣмъ я отправился въ Провансъ, чтобы произвести на уровнѣ моря нѣкоторые опыты, которые могли быть сравнены съ тѣми, которые я разсчитывалъ сдѣлать на Монбланѣ.

«Жакъ Бальма сдѣлалъ двѣ неудачныя попытки въ іюнѣ мѣсяцѣ; тѣмъ не менѣе онъ написалъ мнѣ, что онъ не сомнѣвается, что мы будемъ въ состояніи подняться въ началѣ іюля. Я отправился тогда въ Шамуни. Въ Салланшѣ я встрѣтилъ смѣлаго Жака Бальма, который шелъ въ Женеву возвѣстить мнѣ о своемъ послѣднемъ успѣхѣ; онъ взошелъ на вершину горы вмѣстѣ съ двумя другими гидами. Когда я прибылъ въ Шамуни, шелъ дождь и дурная погода продолжалась около четырехъ недѣль. Но я рѣшилъ лучше прождать до конца сезона, чѣмъ пропустить благопріятный случай.

«Наконецъ, наступилъ давно желанный моментъ, и я отправился въ

путь 1-го августа 1787 г. въ сопровожденіи слуги и 18 гидовъ, которые несли мои физическіе инструменты и всѣ принадлежности, которыя мнѣ были нужны. Мой старшій сынъ страстно желалъ сопровождать меня, но я опасался, что онъ еще недостаточно силенъ и привыченъ для экскурсій подобнаго рода. Я принудилъ его отказаться. Онъ остался въ селѣ, гдѣ весьма тщательно производилъ наблюденія, соотвѣтствующія тѣмъ, которыя я дѣлалъ на вершинѣ.

«Хотя отъ села Шамуни до вершины Монблана по прямой линіи едва двѣ съ четвертью мили, эта экскурсія всегда требовала около 18 часовъ ходьбы, такъ какъ есть дурныя мѣста, обходы и около 1.920 туазовъ поднятія.

«Чтобы быть совершенно свободнымъ въ выборѣ мѣста, гдѣ провести ночь, я приказалъ взять съ собой палатку, и въ первый вечеръ расположился на ночлегъ подъ палаткой на вершинѣ Монтань де-ля-Котъ, которая лежитъ къ югу отъ села, выше его на 779 туазовъ. Этотъ день свободенъ отъ безпокойствъ и опасностей: идти приходится постоянно по травѣ или по скаламъ и путь легко проходится въ пять или шесть часовъ. Но отсюда до вершины приходится идти только по льду и снѣгу.

«Второй день не изъ легкихъ. Прежде всего приходится пересѣчь ледникъ де-ля-Котъ *), чтобы достичь подножія небольшой цѣпи скалъ, находящихся среди снѣговъ Монблана **). Этотъ ледникъ труденъ и опасенъ. Онъ прорѣзанъ большими, глубокими и неправильными трещинами, и часто ихъ нельзя перейти иначе, какъ по снѣжнымъ мостикамъ, иногда очень узкимъ и висящимъ надъ бездною. Одинъ изъ моихъ гидовъ едва тамъ не погибъ. Онъ пошелъ наканунѣ съ двумя другими, чтобы разузнать дорогу; по счастью, они взяли предосторожность связаться другъ съ другомъ веревками. Снѣгъ подъ нимъ провалился посреди огромной и глубокой трещины, и онъ остался подвѣшеннымъ между двумя своими товарищами. Мы проходили совсѣмъ вблизи отверстія, которое подъ нимъ образовалось, и я содрогнулся при видѣ опасности, которую онъ претерпѣлъ. Переходъ черезъ ледникъ настолько труденъ и утомителенъ, что намъ потребовалось три часа, чтобы пройти отъ вершины Монтань де-ля-Котъ до первыхъ скалъ изолированной цѣпи, хотя по прямой линіи было никакъ не болѣе четверти льё.

«Достигнувъ этихъ скалъ, мы удаляемся отъ нихъ, описывая зигзаги, по небольшой равнинѣ, наполненной снѣгомъ, идущей съ сѣвера къ югу, вплоть до подножія самой высокой вершины. Эти снѣга прорѣзаны здѣсь и тамъ огромными величественными трещинами. Ихъ чистый разрѣзъ обнаруживаетъ горизонтальное напластованіе снѣга, и каждый

*) Джонксіонъ—соединеніе ледника де-Боссонъ и ледника Таконуа.

**) Гранъ Мюле.

изъ этихъ пластовъ соотвѣтствуетъ одному году. Какова бы ни была ширина этихъ трещинъ, ни въ одномъ мѣстѣ невозможно увидѣть дна.

«Мои гиды хотѣли провести ночь на одной изъ скалъ, которыя мы встрѣчали на пути; но такъ какъ наиболѣе возвышенныя изъ нихъ еще на 600—700 туазовъ ниже вершины, я хотѣлъ подняться выше. Для этого приходилось сдѣлать стоянку среди снѣговъ, и мнѣ стоило большого труда склонить къ этому моихъ товарищей по путешествію. Они воображали, что ночью среди этихъ высокихъ снѣговъ царствуетъ совершенно невыносимый холодъ, и серьезно опасались тамъ погибнуть. Я имъ сказалъ наконецъ, что я, по крайней мѣрѣ, рѣшилъ идти туда съ тѣми изъ нихъ, въ комъ я увѣренъ, что мы глубоко выроемъ снѣгъ, покроемъ это углубленіе полотномъ палатки, соберемся тамъ всѣ вмѣстѣ и такимъ образомъ не будемъ чувствовать холода, какъ бы силенъ онъ ни былъ. Это ихъ успокоило, и мы пошли впередъ. Въ четыре часа вечера мы достигли второго изъ трехъ большихъ снѣжныхъ плато, которыя намъ нужно было переходить. Тамъ мы расположились на ночевку, на высотѣ 1.455 туазовъ выше сеа и 1.995 выше уровня моря, 90 туазовъ выше вершины пика Тенерифа. Мы не пошли до послѣдняго плато *), такъ какъ оно открыто для лавинъ. Первое плато, которое мы переходили, также не изъято отъ нихъ. Намъ пришлось переходить двѣ изъ такихъ лавинъ, упавшихъ послѣ послѣдняго путешествія Бальма, и обломки которыхъ покрывали долину во всю ея ширину.

«Мои гиды прежде всего принялись раскапывать мѣсто, на которомъ мы должны были провести ночь, но они очень скоро почувствовали дѣйствіе разрѣженности воздуха (барометръ показывалъ всего 17 дюймовъ 10 линій). Эти сильные люди, для которыхъ семь или восемь часовъ ходьбы, которые намъ пришлось сдѣлать, не стоютъ ровно ничего, не подняли пяти или шести лопатъ снѣга, какъ почувствовали себя неспособными продолжать: имъ приходилось смѣняться ежеминутно. Одинъ изъ нихъ, возвратясь назадъ, чтобы взять боченокъ воды, которую мы видѣли въ трещинѣ, почувствовалъ себя дурно, пришелъ безъ воды и провелъ вечеръ въ самыхъ тягостныхъ страданіяхъ. Я самъ, настолько привыкшій къ горному воздуху, что чувствую себя въ немъ лучше, чѣмъ въ воздухѣ долинъ, былъ изнуренъ отъ усталости, приготовляя свои метеорологическіе инструменты. Это недомоганье производило палящую жажду, и мы не могли добыть воды иначе, какъ тая снѣгъ, такъ какъ вода, которую мы видѣли при поднятіи, когда за нею воротились, была найдена замерзшею, и небольшая жаровня, которую я велѣлъ взять съ собой, служила весьма медленно поочереди для двадцати человѣкъ.

«Съ середины этого плато, заключеннаго между послѣдней вершиной Монблана съ юга, его высокими откосами съ востока и Домомъ дю-

*) Большое Плато.

Тутэ съ запада, не видно почти ничего, кромѣ чистыхъ снѣговъ, ослѣпительной бѣлизны, составляющихъ на высокихъ вершинахъ необыкновенный контрастъ съ почти чернымъ небомъ этихъ высокихъ областей. Тамъ не видно никакого живого существа, никакого признака растительности: это царство холода и молчанія. Представляя себѣ доктора Паккара и Жака Бальма, прибывшихъ первыми, на склонѣ дня, въ эти пустыни, безъ крова, безъ помощи, не зная даже, могутъ ли люди жить въ тѣхъ мѣстахъ, куда они собирались идти, и тѣмъ не менѣе неустрашимо преслѣдующихъ свое предпріятіе, я удивлялся ихъ силѣ духа и ихъ смѣлости.

«Мои гиды, все преслѣдуемые предвзятымъ страхомъ холода, такъ тщательно закрыли всѣ соединенія палатки, что я сильно терпѣлъ отъ жары и испорченнаго дыханіемъ воздуха. Я долженъ былъ выходить ночью, чтобы подышать. Луна ярко блистала на небѣ, темномъ какъ черное дерево. Юпитеръ всходилъ, также весь окруженный лучами, сзади самой высокой вершины на востокѣ Монблана, и свѣтъ, отражаемый всѣмъ этимъ снѣговымъ бассейномъ, былъ настолько ярокъ, что можно было различить только звѣзды первой и второй величины. Мы наконецъ стали засыпать, какъ были разбужены шумомъ большой лавины, покрывшей большую часть склона, по которому намъ предстояло карабкаться завтра. На разсвѣтѣ термометръ стоялъ на 3 градуса ниже точки замерзанія.

«Мы отправились поздно, такъ какъ нужно было натаять воды для завтрака и на дорогу; ее выпивали тотчасъ же, какъ она была готова, и эти люди, свято охранявшіе вино, которое я взялъ съ собою, непрерывно похищали у меня воду, которую я бралъ про запасъ.

«Сначала мы поднялись на третье и послѣднее плато *), затѣмъ взяли влѣво, чтобы достичь наиболѣе возвышенной скалы, лежащей къ западу отъ вершины. Наклонъ чрезвычайно крутъ, мѣстами достигаетъ 39 градусовъ; онъ повсюду спускается въ бездны, а поверхность снѣга была настолько тверда, что тѣ, которые шли первыми, не могли быть увѣрены въ своихъ шагахъ, не проламывая его топоромъ. Намъ потребовалось два часа, чтобы вскарабкаться по этому наклону, который имѣетъ въ вышину около 250 туазовъ. Достигнувъ послѣдней скалы **), мы взяли вправо, къ западу, чтобы взобраться по послѣднему наклону, вышина котораго по перпендикулярному направленію почти 150 туазовъ. Эта покатость имѣетъ наклонъ всего въ 28—29 градусовъ и не представляетъ никакой опасности, но воздухъ тамъ настолько рѣдокъ, что силы истощаются весьма быстро. Около вершины я не могъ сдѣлать пятнадцати или шестнадцати шаговъ, чтобы не остановиться передохнуть; время отъ времени я чувствовалъ даже

*) Большое Плато.

**) Красныя скалы.

начало обморока, что̀ заставляло меня садиться. Но по мѣрѣ того, какъ дыханіе возстановлялось, я чувствовалъ, что силы возвращаются; отправляясь снова въ путь, мнѣ казалось, что я въ состояніи дойти за одинъ разъ до вершины горы. Всѣ мои гиды, соотвѣтственно ихъ силамъ, были въ такомъ же состояніи. Намъ потребовалось два часа отъ послѣдней скалы до вершины, и было одиннадцать часовъ, когда мы туда прибыли.

Путь Соссюра на Монблант въ 1787 г. Звѣздочки обозначаютъ остановки на ночевку.

«Мои первые взгляды были устремлены къ Шамуни, гдѣ, я зналъ, моя жена и ея двѣ сестры, не отрывая глазъ отъ телескопа, съ большимъ безпокойствомъ слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ, и я почувствовалъ пріятное и утѣшительное ощущеніе, увидавъ развѣвающійся флагъ, который онѣ обѣщали мнѣ вывѣсить въ тотъ моментъ, какъ онѣ увидятъ, что я достигъ вершины, и ихъ опасенія станутъ менѣе напряженными.

«Затѣмъ я безъ угрызенія совѣсти могъ любоваться великимъ зрѣлищемъ, которое было подъ моими глазами. Легкія испаренія, взвѣшенныя въ нижнихъ областяхъ воздуха, мѣшали мнѣ видѣть предметы наиболѣе низкіе и наиболѣе удаленные, какъ, напр., равнины Франціи и Ломбардіи; но я не много сѣтовалъ о такой потерѣ: то, зачѣмъ я пришелъ и что я увидѣлъ самымъ яснымъ образомъ, это былъ общій ансамбль всѣхъ громадныхъ вершинъ, узнать организацію которыхъ я стремился такъ долго. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: мнѣ казалось, что это былъ сонъ, когда я видѣлъ подъ моими ногами эти величественныя вершины, эти грозныя иглы: Миди, Аржентьеръ, Гигантъ, доступъ даже къ основаніямъ которыхъ былъ для меня такъ труденъ и опасенъ. Я схватывалъ ихъ отношенія, ихъ связь, ихъ структуру, и одинъ взглядъ устранялъ сомнѣнія, которыя не могли разъяснить годы работы.

«Между тѣмъ мои гиды растянули палатку и поставили тамъ небольшой столъ, на которомъ я долженъ былъ производить мои опыты. Но когда я началъ размѣщать свои инструменты, я каждую минуту долженъ былъ прерывать свою работу, чтобы заботиться о своемъ дыханіи. Если принять въ соображеніе, что барометръ стоялъ всего на 16 дюймахъ и 1 линіи, и что такимъ образомъ плотность воздуха была не болѣе половины обыкновенной, то понятно, что приходилось возмѣщать недостатокъ плотности частотою вдыханій. Эта частота дыханія ускоряла движеніе крови, тѣмъ болѣе, что давленіе на артеріи извнѣ не было равно тому, которое онѣ испытываютъ обыкновенно. Такимъ образомъ, мы всѣ были въ лихорадочномъ состояніи.

«Пока я оставался совершенно покойнымъ, я испытывалъ лишь небольшое недомоганье, легкую склонность къ тошнотѣ. Но если я работалъ или напрягалъ свое вниманіе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сряду, и въ особенности когда я, нагибаясь, сдавливалъ грудь, мнѣ нужно было отдохнуть и въ теченіе двухъ или трехъ минутъ переводить дыханіе. Мои гиды испытывали то же; они не имѣли никакого аппетита, да и наша провизія, которая въ дорогѣ вся замерзла, не могла его возбудить. Имъ не было даже дѣла до вина и водки. Въ самомъ дѣлѣ, они испытали, что крѣпкіе напитки увеличиваютъ это недомоганье, безъ сомнѣнія ускоряя еще болѣе быстроту кровеобращенія. Помогала и приносила удовольствіе только одна свѣжая вода, но требовалось время и трудъ зажигать огонь, безъ котораго мы не могли ея имѣть.

«Я оставался, однако, на вершинѣ до трехъ часовъ съ половиной, и хотя не терялъ ни одного момента, я не могъ произвести въ эти четыре часа съ половиной всѣхъ тѣхъ экспериментовъ, которые я часто дѣлалъ менѣе чѣмъ въ три часа на берегу моря. Я, однако, тщательно сдѣлалъ тѣ, которые были наиболѣе существенны.

«Покинувъ этотъ великолѣпный бельведеръ, я спустился въ три четверти часа къ скалѣ, образующей восточное плечо вершины. Спускъ по этому наклону, восхожденіе по которому было такъ затруднительно,

былъ легокъ и пріятенъ: снѣгъ не былъ ни слишкомъ твердъ, ни слишкомъ мягокъ, и такъ какъ движеніе, которое производится при спусканіи, совершенно не сжимаетъ діафрагмы, то дыханіе нисколько не затрудняется и нисколько не страдаешь отъ рѣдкости воздуха. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ этотъ склонъ широкъ и удаленъ отъ обрывовъ, то ничто не внушаетъ опасеній и не замедляетъ спуска. Но не такъ было со спускомъ, ведущимъ отъ вершины плеча къ плато, на которомъ мы провели ночь. Большая крутость этого спуска, невыносимый блескъ солнца, отражаемый снѣгомъ, который падалъ намъ въ глаза и благодаря которому освѣщаемые имъ обрывы подъ нашими ногами казались самыми ужасными, дѣлали его безконечно труднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поскольку твердость снѣга дѣлала утромъ нашу ходьбу легкой, постольку его мягкость, произведенная солнечнымъ жаромъ, намъ мѣшала вечеромъ, ибо въ глубинѣ подъ размягченной поверхностью онъ былъ твердъ и скользокъ.

«Такъ какъ всѣ мы сомнѣвались въ этомъ спускѣ, то нѣкоторые изъ гидовъ, въ то время, какъ я производилъ на вершинѣ свои наблюденія, искали какого-нибудь другого пути; но ихъ поиски остались тщетными, и намъ пришлось слѣдовать при спускѣ по тому же пути, который мы сдѣлали при подъемѣ. Однако, благодаря заботливости моихъ гидовъ, мы спустились безъ всякой случайности и менѣе, чѣмъ въ часъ съ четвертью. Мы прошли возлѣ того мѣста, гдѣ мы, если не спали, то, по крайней мѣрѣ, отдыхали прошлую ночь, и спустились еще одно льё далѣе до скалы, около которой мы останавливались при восхожденіи. Я рѣшилъ провести тамъ ночь: я велѣлъ поставить палатку у южной оконечности этой скалы въ мѣстѣ по истинѣ единственномъ въ своемъ родѣ—на снѣгу, на краю очень крутого наклона, спускающагося съ равнины, надъ которой возвышается Домъ дю-Гутэ, съ его короной сераковъ *), и заканчивающагося къ югу вершиной Монблана. Внизу этого склона простиралась глубокая и широкая трещина, поглощавшая все, что падало изъ окрестности нашей палатки.

«Мы выбрали это мѣсто, чтобы избѣжать опасности отъ лавинъ, и для того, чтобы не быть скученными въ палаткѣ, какъ предъидущую ночь, такъ какъ гиды нашли убѣжище въ расщелинахъ скалъ.

«Здѣсь я убѣдился, что это была именно разрѣженность воздуха, которая безпокоила насъ на вершинѣ, ибо, если бы это была усталость,

*) Въ Альпахъ даютъ названіе серака особаго рода бѣлому и плотному сыру, приготовляемому изъ сыворотки, который сжимаютъ въ прямоугольныхъ ящикахъ, въ которыхъ онъ получаетъ форму прямоугольныхъ параллелипедовъ. Снѣгъ на большихъ высотахъ часто принимаетъ эту форму, замерзая послѣ того, какъ онъ отчасти пропитался водой. Онъ становится тогда въ высшей степени плотны мъ; въ этомъ состояніи, если толстый слой такого затвердѣвшаго снѣга находится на покатости, по которой онъ сползаетъ всей массой, то его тяжесть заставляетъ его ломаться на почти прямоугольные куски, нѣкоторые изъ которыхъ имѣютъ до 50 футовъ по всѣмъ измѣреніямъ и которые, благодаря ихъ однородности, бываютъ такъ правильны, какъ будто бы они были обрѣзаны ножемъ. (*Прим. Соссюра*).

мы должны были бы чувствовать себя хуже послѣ долгаго и утомительнаго спуска; но, наоборотъ, мы ѣли съ прекраснымъ аппетитомъ, и я безъ всякаго неудобства производилъ свои наблюденія. Я думаю, что высота, на которой начинаютъ чувствоваться болѣзненные эффекты, совершенно опредѣленна для каждаго отдѣльнаго лица. Я чувствую себя прекрасно до 1.900 туазовъ надъ уровнемъ моря, но начинаю чувствовать недомоганіе, подымаясь выше.

«Я любовался кучами облаковъ, которыя плавали подъ нашими ногами, надъ равнинами и горами менѣе высокими. Эти облака, вмѣсто того, чтобы представлять ровныя пластины или поверхности, какъ они видны, если смотрѣть снизу вверхъ, имѣли формы въ высшей степени странныя,—башенъ, замковъ, гигантовъ, и ихъ, казалось, подымали вертикальные вѣтры, исходившіе отъ различныхъ мѣстъ, расположенныхъ внизу. Выше этихъ облаковъ я видѣлъ кайму горизонта, состоявшую изъ двухъ лентъ: нижней темнокрасной и верхней—болѣе свѣтлой, изъ которой какъ будто поднималось пламя прекрасной авроры, измѣнчивое, прозрачное, отливавшее различными нюансами.

«Мы весело и съ прекраснымъ аппетитомъ поужинали, послѣ чего я провелъ чудную ночь на своемъ матрасѣ. Только тогда я почувствовалъ радость, что исполнено намѣреніе, сдѣланное 27 лѣтъ тому назадъ во время моего перваго путешествія въ Шамуни, въ 1760 году,—проектъ, отъ котораго я такъ часто отказывался, и который былъ для моей семьи постояннымъ предметомъ заботы и безпокойства. Это намѣреніе имѣло характеръ своего рода болѣзни: мои глаза не встрѣчали Монблана, который виденъ изъ столькихъ нашихъ окрестностей, безъ того, чтобы я не испытывалъ нѣкотораго рода болѣзненнаго чувства. Въ тотъ моментъ, когда я его достигъ, мое удовлетвореніе не было полно; еще менѣе оно было въ моментъ моего отправленія назадъ: я видѣлъ тогда только то, чего я не былъ въ состояніи сдѣлать. Но въ тишинѣ ночи, послѣ того, какъ я хорошо отдохнулъ отъ усталости, припоминая собранныя мною наблюденія, возстановляя въ особенности великолѣпную картину горъ, которую я унесъ запечатлѣнной въ своей головѣ, и сохранивъ наконецъ прочную надежду окончить на Колѣ-дю Жанъ то, чего я не сдѣлалъ, и чего, вѣроятно, никогда не сдѣлаютъ на Монбланѣ, я чувствовалъ истинное и ненарушимое удовлетвореніе.

«4-го августа, въ четвертый день путешествія мы отправились лишь около шести часовъ утра. Мы вышли на скалы въ девять часовъ съ половиною, оставивъ за собою всѣ трудности и опасности. Намъ потребовалось оттуда только два часа и три четверти до села Шамуни, куда я имѣлъ удовольствіе возвратить всѣхъ моихъ гидовъ въ полномъ здоровьи.

«Мое возвращеніе было вмѣстѣ и радостно, и трогательно; всѣ родственники и друзья моихъ гидовъ пришли обнять ихъ и поздравить съ возвращеніемъ. Моя жена, мои сестры и сыновья, проведшіе вмѣстѣ

въ Шамуни долгое и тягостное время въ ожиданіи этой экспедиціи, многіе изъ нашихъ друзей, прибывшіе изъ Женевы, чтобы присутствовать при нашемъ возвращеніи, выражали въ этотъ счастливый моментъ свое удовольствіе, которое предшествовавшія опасенія дѣлали еще болѣе живымъ и трогательнымъ.

«Я провелъ въ Шамуни еще слѣдующій день, чтобы сдѣлать нѣкоторыя сравнительныя наблюденія, послѣ чего мы всѣ благополучно возвратились въ Женеву, откуда я снова увидѣлъ Монбланъ съ истиннымъ удовольствіемъ и безъ того безпокойнаго тягостнаго чувства, которое онъ причинялъ мнѣ прежде».

Такъ было совершено первое научное восхожденіе на Монбланъ. Прежде чѣмъ перейти къ другимъ научнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ на его вершинѣ, здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ Жака Бальма.

Его стремленіе прославить себя какимъ-нибудь необыкновеннымъ подвигомъ, его страсть къ рискованнымъ предпріятіямъ, къ побѣдѣ надъ опасностями, получила наибольшее возможное удовлетвореніе въ достиженіи высочайшей вершины Европы, считавшейся дотолѣ совершенно недоступной. Но поиски за кристаллами развили въ немъ еще другую страсть,—стремленіе къ быстрому обогащенію на счетъ сокровищъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ горъ. Воздѣлываніе отцовскаго поля, предложеніе услугъ въ качествѣ гида путешественникамъ его не удовлетворяютъ. Онъ отдается поискамъ минераловъ и въ особенности драгоцѣнныхъ рудъ.

Неопредѣленныя извѣстія заставили его думать, что въ нѣдрахъ высокихъ горъ, окружающихъ съ сѣверо-востока долину Сикста, лежащую къ сѣверу отъ Шамуни, существуетъ богатая золотоносная жила. Въ сентябрѣ 1834 года, слѣдовательно, уже 72-хъ-лѣтнимъ старикомъ, отправляется онъ ее разыскивать. Но, дойдя до указаннаго мѣста, онъ нашелъ его неприступнымъ. Приходилось переходить черезъ ужасный скалистый откосъ по узкому карнизу, наклоненному къ безднѣ. Видъ такой опасности охладилъ его страхомъ и на этотъ разъ онъ отказался отъ своего безумнаго предпріятія. Но нѣсколько времени спустя, соединившись съ однимъ безстрашнымъ охотникомъ за сернами, онъ возвратился вмѣстѣ съ нимъ на поиски и на этотъ разъ, не смотря на увѣщанія и просьбы своего товарища, остался упоренъ: онъ находился какъ бы въ состояніи помраченія. Бальма ступилъ на узкій карнизъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и исчезъ. Его товарищъ, взволнованный, въ полномъ отчаяніи, возвратился одинъ въ состояніи, близкомъ къ помѣшательству. Всякая помощь была для несчастнаго Бальма безполезна: его смерть должна была быть мгновенна. Онъ упалъ съ высоты болѣе 400 шаговъ въ глубину пропасти, загроможденной обломками скалъ, въ которую ежеминутно скатываются ледяныя лавины.

Поиски за тѣломъ Бальма, предпринятые его сыновьями, остались

безуспѣшны. 10 лѣтъ спустя гиды Шамуни возобновили ихъ, чтобы найти, по крайней мѣрѣ, останки славнаго гида и предать ихъ христіанскому погребенію. Но и на этотъ разъ они не повели ни къ чему: не было никакой возможности спуститься въ страшную бездну, гдѣ подъ камнями и снѣжными лавинами нашелъ свою могилу безстрашный гидъ, имя котораго навсегда осталось выраженіемъ идеала для его преемниковъ.

Такимъ образомъ только черезъ 27 лѣтъ удалось Соссюру осуществить свое давнишнее намѣреніе. То, о чемъ мечталъ юноша, было исполнено зрѣлымъ мужемъ, уже вступающимъ на порогъ старости. 27 лѣтъ готовился онъ къ завоеванію грозной вершины, которой наконецъ достигъ. Лишь долголѣтними правильными упражненіями подготовилъ онъ свои члены и сдѣлалъ ихъ способными къ такому восхожденію.

Но экскурсіи въ горахъ Шамуни только слабая часть, правда, для него лично наиболѣе симпатичная, того, что сдѣлано Соссюромъ для изученія горъ и совершающихся въ нихъ процессовъ, ихъ жизни. Онъ исходилъ и исколотилъ своимъ геологическимъ молоткомъ всѣ горы Оверни и Виварэ, всѣ пики Пиренеевъ, анализировалъ лаву Этны на краю ея кратера, изучалъ и сравнивалъ всѣ температуры озеръ Швейцаріи и Савойи съ Средиземнымъ моремъ, не говоря о томъ, что имъ сдѣлано въ другихъ областяхъ естествознанія. Его изслѣдованія и классическія описанія горъ, проникнутыя той живой и высокой поэзіей, до которой можетъ подниматься только познающій духъ естествоиспытателя, проникающаго въ самыя сокровенныя тайны природы, справедливо заслужили ему названіе Гомера Альповъ.

Существуютъ три типа ученыхъ. Одни почерпаютъ свои познанія въ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ и описанныхъ другими. Ихъ поприще дѣятельности—книга. Они приводятъ въ порядокъ, сравниваютъ и даютъ на основаніи такого сравненія критическую оцѣнку трудовъ другихъ своихъ собратій. Ихъ дѣятельность очень полезна и даже необходима, ибо имъ всего яснѣе, куда слѣдуетъ въ данное время направить научныя силы. Они имѣютъ, если угодно, значеніе генеральнаго штаба для дѣйствующей научной арміи. Другой родъ ученыхъ посвящаетъ себя экспериментальной дѣятельности. Ихъ сфера — музеи и лабораторіи. Они изучаютъ явленія природы въ ихъ наиболѣе чистомъ видѣ, достигаемомъ, большею частью, только искусственными средствами, животныхъ и растенія вырванными изъ ихъ обстановки, лишенными жизни и разложенными на свои составныя части. При точномъ умѣ, который часто отличаетъ такого рода ученыхъ, они наиболѣе глубоко проникаютъ въ тайны природы, и имъ по преимуществу наука обязана установленіемъ точныхъ законовъ. Наконецъ, поле дѣятельности третьяго рода ученыхъ составляетъ вся природа съ ея явленіями неорганической и органической жизни, какъ они происходятъ въ

дѣйствительности, во всемъ ихъ великолѣпіи. Изученіе жизни во всемъ ея цѣломъ составляетъ ихъ предметъ. Такого рода ученые отличаются часто особымъ поэтическимъ величіемъ и склонностью къ созданію цѣлостныхъ міровоззрѣній. Часто невозможно сказать, гдѣ здѣсь кончается поэтъ и начинается философъ и естествоиспытатель; Гумбольдтъ и Гёте особенно яркіе представители такого типа ученыхъ. Къ этому же типу принадлежалъ Соссюръ. Какъ и Гёте,

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Восхожденіе Соссюра положило начало цѣлому ряду другихъ научныхъ изслѣдованій, произведенныхъ на вершинѣ Монблана. Самъ Соссюръ на слѣдующій годъ за восхожденіемъ на Монбланъ поднимался съ цѣлью дополненія произведенныхъ тамъ наблюденій вмѣстѣ съ сыномъ на Шею Гиганта (Коль дю-Жанъ) въ той же цѣпи Монблана (3.362 метра), гдѣ оставался при ужасномъ вѣтрѣ цѣлыхъ пятнадцать дней.

За Соссюромъ послѣдовали другіе ученые, но уже много спустя, когда восхожденія на Монбланъ стали болѣе обычными.

31-го іюля 1844 года трое французскихъ ученыхъ—Мартинъ, Браве и Лепилёръ въ сопровожденіи 48 проводниковъ и носильщиковъ отправились на Большое Плато съ цѣлью произведенія научныхъ наблюденій. Ихъ застала буря; большая часть гидовъ ихъ покинула и они остались только впятеромъ съ двумя гидами подъ на-скоро поставленной палаткой. Такъ они провели ночь, полную опасностей, и на слѣдующій день должны были спуститься. Черезъ шесть дней они возобновили свою попытку, но были вновь застигнуты бурей и должны были и на этотъ разъ вернуться назадъ. Наконецъ, 27-го августа имъ удалось достигнуть вершины Монблана, гдѣ они произвели много интересныхъ наблюденій.

Въ 1857 году 12-го августа сдѣлалъ свое первое восхожденіе на Монбланъ знаменитый изслѣдователь ледниковъ Тиндаль, повторявшій восхожденіе и въ слѣдующіе года. Въ 1858 году онъ помѣстилъ на вершинѣ Монблана на глубинѣ четырехъ футовъ минимальный термометръ съ привязанной къ нему желѣзной проволокой для измѣренія, какъ низко падаетъ температура во время зимы. Но на слѣдующій годъ термометра нельзя было отыскать. Вторая попытка была не болѣе удачна: на этотъ разъ термометръ, не смотря на то, что онъ былъ зарытъ въ снѣгу, нашли совершенно разбитымъ. Эти факты, равно какъ и другіе, о которыхъ придется говорить далѣе, указываютъ, что снѣгъ на вершинѣ Монблана не лежитъ неподвижно, но въ немъ совершаются нѣ-

которыя движенія, какія—увидимъ далѣе. Это подтверждаетъ также то, что разсказываетъ о движеніи снѣга на вершинѣ Монблана Маркгамъ Шервиль: Наполеонъ I приказалъ поставить по кресту на Монбланѣ, Монъ Розѣ и Буэ. На Монбланѣ крестъ не стоялъ отвѣсно уже спустя четыре часа послѣ того, какъ былъ поставленъ, и упалъ совершенно нѣсколько дней спустя.

Въ 1859 году Тиндаль рѣшился провести ночь на вершинѣ Монблана, чтобы сдѣлать утромъ нужныя наблюденія. Но имъ и его гидами овладѣла горная болѣзнь, и утромъ они возвратились въ самомъ отчаянномъ состояніи.

Въ томъ же году за Тиндалемъ послѣдовалъ другой извѣстный изслѣдователь ледниковъ и особенно ихъ движенія—капитанъ Форбесъ.

Въ 1859 и 1861 г. сдѣлалъ два научныхъ восхожденія докторъ Питнеръ. На ледникахъ Большого Плато онъ провелъ первый разъ 14 дней и второй разъ 16 дней.

Въ 1863 и 1864 гг. на Монбланъ поднимались нѣсколько медиковъ для изслѣдованія на самихъ себѣ и своихъ спутникахъ симптомовъ горной болѣзни.

Научныя наблюденія на вершинѣ Монблана производились еще Годгкинсономъ 14-го іюля 1866 г. и профессоромъ Сорэ изъ Женевы 21-го іюля 1867 г.

Дальнѣйшія наблюденія на вершинѣ Монблана тѣсно связаны съ именами Юлія Валло изъ Гренобля и доктора Жансена, президента французской академіи наукъ. Имъ наука обязана, кромѣ многочисленныхъ и весьма цѣнныхъ наблюденій, также устройствомъ на Монбланѣ постоянныхъ обсерваторій.

Валло сдѣлалъ свое первое восхожденіе на Монбланъ 6-го августа 1875 года съ цѣлью измѣренія солнечной радіаціи. Онъ нашелъ, что температура солнечныхъ лучей на вершинѣ Монблана на 4 градуса выше, чѣмъ у подножія ледника де-Боссонъ. Этимъ объясняются тѣ часто непріятныя дѣйствія солнечныхъ лучей, которыя оказываютъ они при высокихъ поднятіяхъ.

Съ тѣхъ поръ Валло съ энтузіазмомъ отдается изученію Монблана. Въ 1887 году онъ провелъ ради метеорологическихъ и другихъ наблюденій на вершинѣ Монблана три дня и три ночи. До тѣхъ поръ еще никто не рѣшался ночевать на вершинѣ Монблана, кромѣ Тиндаля, который, какъ мы видѣли, сильно за это поплатился. Трехдневное пребываніе Валло также стоило ему страшныхъ трудностей, читая о которыхъ невольно проникаешься уваженіемъ къ человѣку, который рѣшается на такія лишенія и прямо физическія страданія изъ за одной чистой любви къ знанію. Когда Валло достигъ вершины, имъ овладѣлъ такой сильный приступъ горной болѣзни, сопровождавшійся рвотой, что онъ въ безсиліи принужденъ былъ лежать на снѣгу. Это, однако, его не остановило, и онъ съ своимъ спутникомъ Ришаромъ и двумя гидами

оставался на вершинѣ Монблана цѣлыхъ три дня. За все это время они совершенно не имѣли аппетита и не могли ѣсть; даже чашка чаю производила дурное дѣйствіе. На третью ночь одинъ изъ гидовъ вышелъ изъ палатки и возвратился въ большой тревогѣ, говоря, что воздухъ полонъ электричества. Валло вышелъ посмотрѣть. Отъ палатки, отъ сооруженія, прикрывавшаго инструменты, и отъ него самого исходилъ сильный шумъ, производимый тысячью искръ. «Мои волосы, — говоритъ онъ,—встали и какъ будто изъ меня каждый изъ нихъ выдергивали поодиночкѣ. Искры чувствовались по всему тѣлу; наружи нельзя было оставаться безъ боли; мы буквально купались въ электричествѣ».

Важные научные результаты, полученные Валло во время его пребыванія на вершинѣ Монблана въ 1887 году, привели его къ мысли построить на Монбланѣ постоянную обсерваторію, въ которой можно было бы съ большимъ удобствомъ продолжать свои наблюденія. Не смущаясь многочисленными, встрѣтившимися ему, затрудненіями, онъ приступилъ къ дѣлу. Такъ какъ вершина Монблана покрыта вѣчнымъ снѣгомъ и тамъ нельзя найти твердой опоры для зданія, то Валло выбралъ для своей будущей обсерваторіи небольшую скалу у подножія нижняго изъ двухъ снѣжныхъ горбовъ, называемыхъ Горбами Верблюда (Боссъ дю-Дромадеръ) на высотѣ 4.400 метровъ надъ уровнемъ моря, около 400 метровъ ниже вершины. Община Шамуни дала нѣкоторую субсидію на постройку съ тѣмъ, чтобы зданіе служило одновременно и убѣжищемъ для путешественниковъ, гдѣ бы они могли имѣть за небольшую плату пристанище въ случаѣ необходимости. Въ іюлѣ 1890 года была начата постройка при помощи 110 гидовъ, назначенныхъ общиной для безплатной переноски матеріаловъ. Возведеніе зданія было сопряжено съ большими затрудненіями. Мѣшала дурная погода, припадки горной болѣзни парализовали усилія работниковъ. Наконецъ, послѣ различныхъ неожиданностей, обсерваторія-убѣжище была окончена въ первыхъ дняхъ августа и обошлась въ 11.000 франковъ; кромѣ того 18.000 франковъ было затрачено на инструменты. Зданіе имѣетъ 5 метровъ въ длину и по 3 въ ширину и высоту. Оно было раздѣлено на двѣ части — убѣжище для путешественниковъ, которое было сдѣлано безплатнымъ даже въ случаѣ ночевки, и обсерваторію. Впослѣдствіи, въ 1891 году, убѣжище было отдѣлено отъ обсерваторіи, и для него было выстроено отдѣльное зданіе. Обсерваторія построена цѣликомъ изъ дерева съ двойными дверями и окнами; стѣны и крыша защищены толстыми слоями просмоленаго войлока, несгораемаго и непромокаемаго. Ученые всѣхъ національностей имѣютъ право останавливаться и работать на обсерваторіи, испросивъ предварительно разрѣшеніе Валло и указавъ въ общихъ чертахъ предметъ ихъ занятій.

Постройка обсерваторіи Валло надѣлала много шума, и Валло получалъ самыя нелѣпыя предложенія, какъ-то: построить телеграфъ отъ

вершины до подножія Монблана или построить при помощи мостовъ на широкихъ аркахъ желѣзнодорожную линію, и другія глупости, порожденныя величіемъ предпріятія, оконченнаго съ такимъ успѣхомъ.

Валло намѣревался также прибавить къ своей обсерваторіи извѣстное количество промежуточныхъ станцій для зарегистрированія давленія, температуры и гигрометрическаго состоянія. Онъ надѣялся начать свои наблюденія одновременно на Боссъ, въ Гранъ Мюле, на Пьеръ Пуантю, въ Шамуни и въ Салланшъ. Лѣтомъ должны быть устраиваемы станціи на вершинѣ Монблана, Иглѣ дю-Гутэ и на Флежерѣ; кромѣ того должны быть возведены постройки, чтобы ученые могли съ удобствомъ останавливаться тамъ для своихъ наблюденій. Насколько Балло удастся осуществить свой грандіозный проектъ, покажетъ будущее. Его обсерваторія на Боссъ уже принесла свои плоды,

Д-ръ Жансенъ.

и наблюденія Валло были опубликованы въ «Анналахъ центральнаго метеорологическаго бюро во Франціи» и «Анналахъ метеорологической обсерваторіи на Монбланѣ».

Вскорѣ за обсерваторіей Валло было возведено новое зданіе, о которомъ не мечталъ даже самъ Валло, — постоянная обсерваторія на самой вершинѣ Монблана, которой наука обязана доктору Жансену.

Пьеръ-Юлій-Цезарь Жансенъ (род. въ Парижѣ 22-го февр. 1822 г.), президентъ французской академіи наукъ и директоръ обсерваторіи въ Медонѣ, извѣстный своими многочисленными изслѣдованіями, считающійся во Франціи первымъ пропагаторомъ спектральнаго анализа и небесной фотографіи, составляющихъ основанія современной астрономіи, олицетворяетъ въ своей особѣ тотъ боевой отрядъ науки, къ которому всегда прибѣгаютъ въ особо экстренныхъ случаяхъ. Нельзя

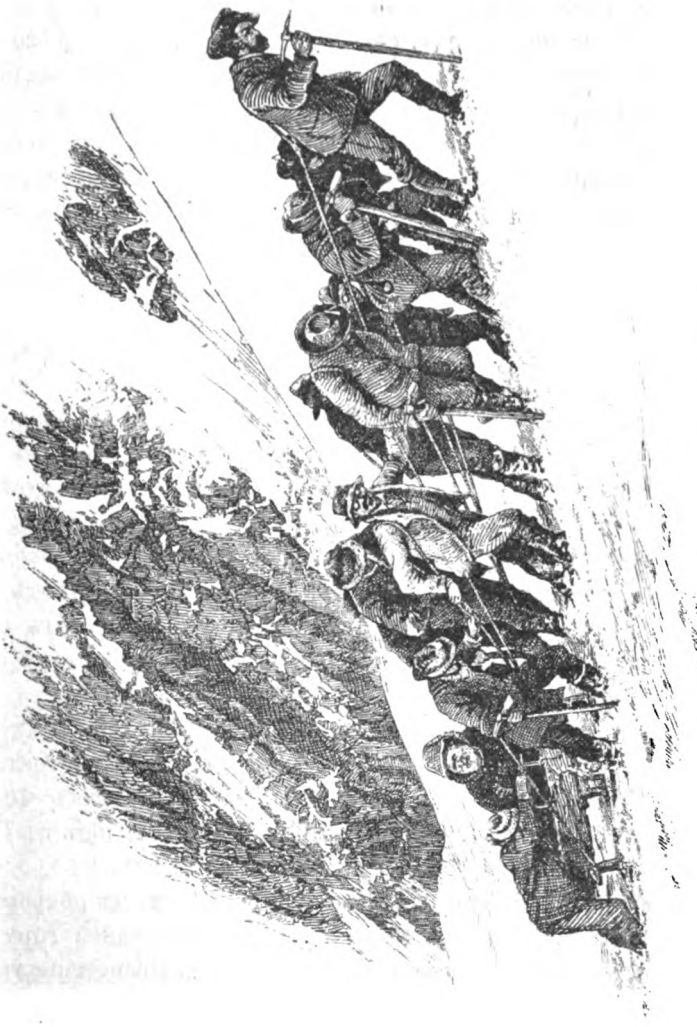
не удивляться энергіи и неутомимости этого человѣка. Врядъ ли кто другой исполнилъ столько научныхъ миссій, какъ Жансенъ. Въ 1857 г. онъ отправился въ Перу для опредѣленія магнитнаго экватора; въ 1861 г. ѣздилъ для астрономическихъ наблюденій въ Италію; въ 1867 г. онъ командировался на Санторинъ и Азорскіе острова, а въ 1868 г. въ Индію для наблюденія полнаго солнечнаго затменія. Въ 1870 г. онъ былъ отправленъ академіей наукъ для наблюденія затменія 22-го декабря, видимаго въ Алжирѣ. Чтобы попасть на свой постъ, онъ долженъ былъ покинуть осажденный Парижъ на воздушномъ шарѣ, во время бури, которая пронесла его 400 километровъ въ 5 часовъ. Въ слѣдующемъ 1871 г. Жансенъ получаетъ новую командировку въ Индію, во время которой онъ открылъ существованіе новой газообразной оболочки вокругъ солнца и опредѣлилъ положеніе дѣйствительнаго магнитнаго экватора; въ 1874 г. онъ былъ посланъ въ Японію для наблюденія прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца, а по возвращеніи оттуда для наблюденія полнаго солнечнаго затменія въ Сіамъ. Въ 1885 г. онъ находился на Каролинскихъ островахъ и посѣтилъ Гавай, гдѣ изучалъ кратеръ во время извержения, для чего провелъ на немъ въ наблюденіяхъ цѣлую ночь.

Въ первый разъ Жансенъ поднимался на Монбланъ до Гранъ Мюле въ 1888 году съ цѣлью изученія важнаго вопроса относительно присутствія кислорода на солнцѣ, который онъ разрѣшилъ окончательно въ три послѣднія свои восхожденія на Монбланъ, придя къ заключенію, что кислорода во внѣшнихъ оболочкахъ солнца нѣтъ. Онъ посѣтилъ обсерваторію Валло черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ она была построена, съ цѣлью произведенія спектроскопическихъ наблюденій, поднялся затѣмъ 22-го августа 1890 года въ первый разъ на самую вершину Монблана. Жансену въ это время было уже 68 лѣтъ, и его силы физическія совершенно не соотвѣтствовали его силамъ нравственнымъ. Это человѣкъ замѣчательный по своей энергіи, храбрости и настойчивости въ преслѣдованіи своихъ предпріятій, и въ то же время онъ совершенно не способенъ вскарабкаться на гору и нѣсколько футовъ и такъ слабъ на ногахъ, что съ трудомъ ходитъ даже по ровному мѣсту. Небольшія сани, запряженныя 12 проводниками, доставили его на вершину Монблана. Впослѣдствіи онъ повторилъ свое восхожденіе еще два раза, при чемъ второй разъ его поднимали часть пути при помощи ворота, служившаго для поднятія строительнаго матеріала для обсерваторіи.

Послѣ своего перваго восхожденія на вершину Монблана Жансенъ пришелъ къ заключенію, что было бы весьма важно построить обсерваторію на самой вершинѣ Монблана.

Черезъ мѣсяцъ спустя Жансенъ вошелъ въ академію съ предложеніемъ относительно постройки постоянной обсерваторіи на Монбланѣ, отъ которой наука можетъ ждать весьма важныхъ результатовъ, вслѣд-

ствіе ея положенія на столь возвышенномъ мѣстѣ въ совершенно прозрачной атмосферѣ. Онъ заключилъ такими словами: «Я полагаю, что было бы весьма важно для астрономіи, физики и метеорологіи, если бы была построена обсерваторія на вершинѣ по крайней мѣрѣ примыкающей къ вершинѣ Монблана. Я знаю, что будутъ сдѣланы возраженія относительно возведенія постройки такого рода на такомъ высокомъ



Восхожденіе г-ра Жансена на Монбланъ.

мѣстѣ, котораго можно достигнуть только съ большими затрудненіями и которое часто посѣщается бурями. Эти затрудненія дѣйствительно существуютъ, но они не непреодолимы. Я не могу вдаваться въ то, какъ это сдѣлать, и удовольствуюсь тѣмъ, что скажу, что съ тѣми средствами, которыя наши инженеры могутъ представить въ наше рас-

поряженіе, и съ такими горцами, какими мы располагаемъ въ Шамуни и прилежащихъ долинахъ, проблема можетъ быть разрѣшена, когда мы пожелаемъ».

Предложеніе было принято, найдены необходимыя средства и учреждена коммиссія по постройкѣ, дѣйствительнымъ предсѣдателемъ которой былъ Жансенъ, отдавшійся дѣлу со всей своей энергіей и энтузіазмомъ. Возведеніе обсерваторіи представляло однако много трудностей, часто такихъ, которыя нельзя было предвидѣть заранѣе, и самая затѣя была встрѣчена почти всеобщимъ недовѣріемъ. Дѣло въ томъ, что на самой вершинѣ Монблана нѣтъ никакой видимой скалы; возведеніе же постройки прямо на снѣгу всѣми считалось дѣломъ невозможнымъ. На совѣщаніе былъ призванъ Эйфель, извѣстный строитель башни на французской выставкѣ, и изъявилъ готовность построить обсерваторію на самой вершинѣ Монблана, если будетъ найдено скалистое основаніе на глубинѣ не болѣе 50 футовъ ниже поверхности снѣга. Онъ выразилъ также готовность взять на себя издержки по предварительнымъ разслѣдованіямъ.

Скалы выдаются черезъ снѣгъ съ трехъ различныхъ сторонъ отъ вершины Монблана: это такъ называемая Турнеттъ справа отъ вершины около 140 метровъ ниже послѣдней, Ити Мюле, подъ вершиной, если смотрѣть отъ Шамуни, въ 129 метрахъ, и Туреттъ всего въ 52 метрахъ ниже вершины, со стороны противоположной отъ Шамуни. Самая вершина расположена, повидимому, на мѣстѣ соединенія трехъ или болѣе скалистыхъ хребтовъ, проглядывающихъ наружу недалеко отъ вершины въ трехъ указанныхъ мѣстахъ, и можно было думать, что самая верхняя оконечность горы расположена гдѣ-либо подъ снѣговой вершиной, такъ что была вѣроятность наткнуться на скалу при развѣдкахъ.

Эйфель поручилъ дирекцію этого дѣла швейцарцу Имфельду, и дѣйствительно, едва ли можно было найти человѣка, болѣе компетентнаго для этой цѣли. Начальникомъ рабочихъ былъ назначенъ гидъ Фредерикъ Пейо, одинъ изъ самыхъ способныхъ и опытныхъ гидовъ въ Шамуни, дѣлавшій восхожденіе на Монбланъ болѣе сотни разъ.

Съ цѣлью отысканія прочной скалы подъ снѣжнымъ покровомъ вершины Имфельдъ провелъ на 49 футахъ ниже послѣдней горизонтальный туннель въ снѣгу на протяженіи 96 футовъ. Проведеніе этого туннеля было сопряжено съ необыкновенными затрудненіями. Мѣшали снѣжныя бури, рабочіе страдали отъ горной болѣзни и не могли долго оставаться наверху. Но весь этотъ трудъ пропалъ даромъ. На всемъ протяженіи туннеля не было найдено никакой скалы. Эйфель отказался отъ предпріятія. Жансенъ провелъ при помощи Пейо туннель дальше на 75 футовъ подъ угломъ въ 45 градусовъ къ первоначальному направленію, но съ тѣмъ же результатомъ: никакой скалы не было найдено. Жансенъ рѣшилъ тогда поставить свою обсерваторію прямо на снѣгу, на высшей точкѣ хребта.

Возведеніе такой постройки представляло совершенно особыя техническія затрудненія, и прежде всего необходимо было рѣшить два вопроса: во-первыхъ, будетъ ли обсерваторія, поставленная на вершинѣ, опускаться или нѣтъ, и во-вторыхъ, какихъ движеній снѣга слѣдуетъ опасаться. Чтобы разрѣшить первый вопросъ, былъ произведенъ опытъ въ Медонѣ. Свинцовая колонна вѣсомъ въ 792 фунта, но только въ одинъ футъ въ діаметрѣ, была поставлена на кучу снѣга, доведеннаго до той плотности, какую онъ имѣетъ на вершинѣ Монблана. Свинецъ опустился менѣе чѣмъ на одинъ дюймъ и Жансенъ счелъ этотъ результатъ утѣшительнымъ.

Что касается второго вопроса, то онъ былъ изслѣдованъ и опредѣленъ постройкой въ 1891 году небольшого деревяннаго зданія на вершинѣ Монблана, полъ котораго совпадалъ съ уровнемъ поверхности снѣга вершины. Уже черезъ два года оно значительно опустилось, а черезъ пять лѣтъ только небольшая часть зданія оставалась надъ поверхностью. Равнымъ образомъ туннель, проведенный на 49 футахъ ниже поверхности снѣга, находится въ настоящее время значительно ниже. Это указываетъ на то, что снѣгъ на вершинѣ Монблана постоянно опускается, чтобы поддерживать и питать ледники внизу: на его мѣсто выпадаетъ новый и такимъ образомъ высота вершины остается постоянной. Но вершина 1891 года не была вершиной въ 1892 году, и вершина 1897 года не будетъ вершиной 1898 года. Такимъ образомъ, если нечего опасаться, что зданіе, поставленное на вершинѣ, будетъ опускаться въ снѣгъ, то есть большая вѣроятность, что оно рано или поздно опустится вмѣстѣ съ снѣгомъ. Такая перспектива грозитъ обсерваторіи Жансена, если только люди, съумѣвшіе построить обсерваторію на заоблачной вершинѣ Монблана, не найдутъ, въ случаѣ необходимости, средствъ компенсировать такое опусканіе.

Жансенъ не былъ смущенъ этимъ обстоятельствомъ и постоянно торопилъ окончаніемъ постройки. Обсерваторіи рѣшено было дать форму усѣченной четырехугольной пирамиды, чтобы имѣть болѣе широкое основаніе и сдѣлать постройку менѣе доступной дѣйствію вѣтра; нижній этажъ ея рѣшено было углубить въ снѣгъ, что дѣлало зданіе болѣе устойчивымъ и обезпечивало за этой частью болѣе умѣренную температуру.

Зимою 1891—1892 года обсерваторія, сдѣланная частью изъ желѣза, частью изъ дерева, была построена въ Медонѣ, разобрана на части и доставлена въ Шамуни. Къ концу лѣтняго сезона 1892 года около четверти матеріала подъ руководствомъ Фредерика Пейо было переправлено на небольшія скалы—Малыя Красныя Скалы—въ 228 метрахъ ниже вершины, а остальное въ Гранъ Мюле. Тамъ матеріалъ былъ оставленъ на зиму. Начало 1893 года было занято откапываніемъ матеріала, зарытаго на скалахъ около вершины въ снѣгу на глубинѣ 25 футовъ и перенесеніемъ остающагося матеріала.

8-го сентября 1893 года постановка обсерваторіи была окончена. Въ этотъ самый день туда поднялся въ своихъ салазкахъ, которыя тащили гиды, докторъ Жансенъ, съ многочисленнымъ караваномъ, несшимъ необходимые на первое время инструменты. Въ слѣдующихъ годахъ были поставлены инструменты болѣе массивные. Главный изъ нихъ, метеорографъ, построенъ въ Парижѣ и стоилъ на наши деньги около 7.500 рублей. Онъ автоматически отмѣчаетъ барометрическое давленіе, максимумъ и минимумъ температуры, направленіе и силу вѣтра

Обсерваторія д-ра Жансена на Монбланѣ.

и такъ далѣе. Инструментъ этотъ приводится въ движеніе тяжестью въ 200 фунтовъ, падающей съ высоты 20 футовъ и ходъ его разсчитанъ такимъ образомъ, что впродолженіи восьми мѣсяцевъ онъ можетъ быть предоставляемъ самому себѣ. Постановка этого инструмента была однимъ изъ главныхъ дѣлъ 1895 года. Вмѣстѣ съ нимъ были перенесены также части большого телескопа, поставленнаго въ сентябрѣ 1896 года. Въ этомъ же году Жансенъ устроилъ на Гранъ-Мюле обсерваторію, подобную той, какая была построена на вершинѣ и снабженную такими же инструментами, съ цѣлью расширить и дополнить свои опыты.

Такъ завершено было научное завоеваніе Монблана, начатое Соссюромъ 110 лѣтъ тому назадъ.

Прив.-доц. **Н. Иванцовъ.**

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МИЦКЕВИЧЪ О НУШКИНѢ.

(Переводъ съ польскаго *).

Промежутокъ времени между 1815 и 1830 г. былъ счастливымъ для поэтическаго творчества. Послѣ долгихъ и великихъ войнъ, Европа чувствовала себя утомленной сраженіями и конгрессами, бюллетенями и протоколами; печальная дѣйствительность стояла передъ ней во всемъ своемъ неприглядномъ видѣ, и она подымала взоры къ міру болѣе идеальныхъ стремленій. Тогда именно появился Байронъ и занялъ такое же мѣсто въ области творческой фантазіи, какое великому цезарю принадлежало на поприщѣ практической жизни. Судьба, неутомимо создававшая для Наполеона поводы къ новымъ войнамъ, долгимъ миромъ осѣнила Байрона, и во все время его поэтическаго владычества ни одно болѣе важное событіе не отвлекло вниманія Европы, занятой тогда англійской литературой.

Какъ разъ въ началѣ этого періода Александръ Пушкинъ окончилъ курсъ ученія въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Въ этомъ лицеѣ была примѣнена заграничная метода, вслѣдствіе чего воспитанники не могли въ немъ пріобрѣсти ничего такого, что оказалось бы полезнымъ для народнаго поэта. Скорѣе—наоборотъ: имъ угрожала опасность забыть и то, что они пріобрѣли въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ эта школа оставалась чуждой всѣмъ роднымъ традиціямъ и обычаямъ своей страны. Противоядіемъ противъ этой чужеземщины было чтеніе поэтическихъ произведеній русскихъ авторовъ, и особенно—Жуковскаго. Этотъ выдающійся писатель сначала подражалъ нѣмец-

*) Статья Мицкевича о Пушкинѣ первоначально была напечатана во французскомъ журналѣ «Globe», 27 мая 1837 г., и была подписана «Одинъ изъ друзей Пушкина»; затѣмъ, на польскомъ языкѣ она появилась въ народномъ изданіи полнаго собранія произведеній Мицкевича, изданномъ въ 1887 г. въ Варшавѣ (стоимостью—4 тома 80 к., въ переплетѣ 1 р.). Изъ этого изданія она и заимствована нами. Насколько намъ извѣстно, на русскомъ языкѣ она появляется впервые. Какъ могутъ убѣдиться читатели, она имѣетъ несомнѣнный интересъ, представляя не только мнѣніе геніальнаго поэта о другомъ геніѣ, но и вообще какъ историческое свидѣтельство современника Пушкина. *Ред.*

кимъ поэтамъ, а потомъ сравнялся съ ними, стараясь придать русской поэзіи народный характеръ и для этого пользуясь преданіями и дѣйствительностью русской жизни. Такимъ путемъ Пушкинъ сдѣлался ученикомъ Жуковскаго; но очень скоро Байронъ оторвалъ его отъ реальной почвы и на долгіе годы унесъ въ фантастическія пустыни и пещеры романтизма.

Прочтя байроновскаго *Корсара*, Пушкинъ почувствовалъ себя поэтомъ, и посыпались въ громадномъ количествѣ, одно за другимъ, его произведенія, изъ которыхъ *Кавказскій Пленникъ* (1821 г.) и *Бахчисарайскій Фонтанъ* (1822 г.) пользовались наибольшей извѣстностью. Трудно описать восторгъ, вызванный въ публикѣ появленіемъ въ свѣтъ этихъ поэмъ. Масса читателей была поражена новизной содержанія и поэтичностью формы; женщины дивились глубинѣ чувствъ молодого писателя и богатству его воображенія, а литераторы—силѣ и точности выраженій и красотѣ стиля его.

Пушкинъ сразу былъ признанъ первымъ поэтомъ въ своемъ отечествѣ. Такой легкій успѣхъ возбудилъ въ немъ желаніе новыхъ и быстрыхъ тріумфовъ и много повредилъ спокойному развитію его силъ, такъ какъ онъ былъ еще ребенокъ,—необыкновенный, правда, но все же ребенокъ.

На Сѣверѣ моральная сторона человѣка созрѣваетъ позже, чѣмъ на Западѣ: сама общественная почва не содержитъ въ себѣ столько элементовъ движенія, какъ въ старой Европѣ, а литературная атмосфера, которою приходится тамъ дышать, носитъ въ себѣ менѣе электричества, страстнаго напряженія силъ. Поэтому Пушкинъ, начавъ слишкомъ рано жить, сталъ преждевременно тратить свой талантъ; а слишкомъ повѣривъ въ свое могущество, онъ поднялся на такую высоту, гдѣ не могъ удержаться самостоятельно и, поддавшись притягательному вліянію Байрона, закружился около этой звѣзды, подобно планетѣ втянутый въ ея систему и сіяя отраженнымъ ея свѣтомъ. И, дѣйствительно, въ его произведеніяхъ, относящихся къ этому періоду, все—байроновское: и сюжетъ, и характеры, и идея, и форма, хотя, не смотря на то, онъ далеко менѣе былъ подражателемъ своего любимаго поэта, чѣмъ выразителемъ его духа. Онъ не былъ фанатическимъ байронистомъ: скорѣе, онъ, такъ сказать, *байронизировалъ*. И если бы произведенія англійскаго поэта вовсе не существовали, Пушкинъ тѣмъ не менѣе былъ бы признанъ первымъ поэтомъ своей эпохи.

Подобное явленіе предвѣщало на Сѣверѣ великую революцію въ литературѣ; всѣ салонные разговоры вертѣлись около достоинствъ и недостатковъ новой школы поэтическихъ свѣтилъ. Каждую минуту въ Россіи могла вспыхнуть борьба между классицизмомъ и романтизмомъ, а въ то же самое время—что особенно важно—готовилась и политическая революція.

Нужно прежде всего замѣтить, что въ этой странѣ все живое

всегда, въ большей или меньшей степени, недовольно своимъ правительствомъ, на которое не только втихомолку жалуются, но часто и вслухъ отзываются о немъ дурно. И несмотря на то, никто не перестаетъ трудиться для него въ качествѣ чиновника или военнаго,—однимъ словомъ, всѣ служатъ этому самому правительству. Иностранецъ, не зная характера и значенія этой оппозиціи, постоянной и повсемѣстной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе не опасной, и видя повсюду враговъ существующаго порядка вещей и нигдѣ не встрѣчая его защитниковъ, склоненъ думать, что Россія ждетъ только удобной минуты и условнаго сигнала.

Это настроеніе умовъ, эти революціонные разговоры обманули даже и самихъ русскихъ, и, къ несчастью, самыхъ благородныхъ изъ нихъ. Небольшое число дворянъ и много военныхъ, пламенно желавшихъ свободы, повѣрили тому, что ихъ соотечественники искреннѣйшимъ образомъ раздѣляютъ ихъ чувства и что настала минута, когда можно ввести въ Россіи, если не республику, то, по крайней мѣрѣ, конституціонную монархію. И въ то самое время, когда на тайныхъ собраніяхъ организовался активный заговоръ, въ публикѣ старались распространять вольнодумныя понятія, при помощи писемъ и книгъ.

Русскіе литераторы образуютъ родъ братства, скрѣпленнаго не однѣми узами. Всѣ они—или богатые люди, или занимаютъ видное служебное положеніе и, по большей части, пишутъ ради извѣстности и славы. И такъ какъ талантъ у нихъ еще не превратился въ продажный купеческій товаръ, то между ними рѣдко замѣчается завистливое соперничество или корыстная ненависть,—по крайней мѣрѣ, мнѣ не пришлось наблюдать ни одного бросающагося въ глаза примѣра чего-либо подобнаго.

Литераторы любили часто для своихъ цѣлей собираться вмѣстѣ, и почти ежедневно видѣлись другъ съ другомъ, встрѣчаясь на вечерахъ, на домашнихъ чтеніяхъ, за пріятельскими бесѣдами. Поэтому не трудно было заговорщикамъ, которые по большей части были изъ литературной среды, находить себѣ многочисленныхъ союзниковъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ.

Вскорѣ, какъ будто по данному знаку, вся русская литература стала на сторону оппозиціи. Кто не смѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ касаться правительства, тотъ замкнулся въ грозномъ молчаніи. Къ чести русскихъ писателей, нужно признать, что въ этомъ случаѣ они обнаружили такую твердость духа и нелицепріятіе, примѣровъ которыхъ мы не нашли бы и въ странахъ, болѣе свободныхъ и болѣе цивилизованныхъ. Я глубоко убѣжденъ, что тѣ огромныя суммы, которыя выдаетъ русскій кабинетъ на подкупъ цѣлой массы услужливыхъ защитниковъ его за предѣлами государства, оказались бы недостаточными для того, чтобъ заплатить хотя бы одному изъ русскихъ литераторовъ, пользующихся почетною извѣстностью, хотя бы за одну журнальную статью, за самую легкую похвалу, даже за слово вѣжливости.

*

Пушкинъ, какъ и всѣ его друзья, былъ въ рядахъ оппозиціи и въ послѣдніе годы царствованія Александра I выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько эпиграммъ не только на его министровъ, но и на его особу; онъ даже написалъ *Оду къ кинжалу* *). Эти летучія стихотворенія въ

---

*) У Пушкина, въ изданіи «Литературнаго фонда», подъ ред. П. О. Морозова, 1887 г., т. I, стр. 239,—это знаменитое стихотвореніе называется просто «Кинжалъ»:

Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ
Послѣдній судія позора и обиды!
Для рукъ безсмертной Немезиды
Лемносскій богъ тебя сковалъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ нѣгъ, въ семьѣ родной.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Таишься ты подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Исчадье мятежа подъемлетъ злобный крикъ:
Преврѣнный, мрачный и кровавый
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ.

Апостолъ гибели, усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ:
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду...

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ—
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

рукописяхъ облетѣли всю Россію отъ Петербурга до Одессы и съ жадностью читались; ихъ комментировали и прославляли, и они доставили автору бо́льшую извѣстность, чѣмъ его позднѣйшія произведенія, имѣющія далеко болѣе высокую цѣнность. Впрочемъ, нужно сказать правду, для того, чтобы написать нѣчто подобное въ Россіи, нужно больше смѣлости, чѣмъ для поднятія возстанія на улицахъ Парижа или Лондона.

Съ того времени Пушкина стали считать главою интеллектуальной оппозиціи, политическимъ дѣятелемъ, опаснымъ для правительства. Самъ императоръ счелъ нужнымъ воспретить ему пребываніе въ столицѣ и выслать въ отдаленную губернію, что̀ спасло ему жизнь, такъ какъ обширный заговоръ вскорѣ былъ раскрытъ. Мятежъ въ Петербургѣ прекратился, возстаніе въ южныхъ губерніяхъ было подавлено, и несчастливые революціонеры погибли на эшафотѣ или навсегда исчезли въ сибирскихъ рудникахъ.

Однако, наслѣдникъ Александра, Николай I, повидимому, обнаружилъ желаніе смягчить и измѣнить прежнюю систему,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Пушкину. Онъ призвалъ его къ себѣ и далъ ему особую аудіенцію, во время которой долго разговаривалъ съ нимъ. Это былъ неслыханный случай, потому что никогда не бывало, чтобы царь принялъ въ аудіенціи человѣка, котораго на Западѣ назвали бы пролетаріемъ и который въ Россіи имѣетъ еще менѣе значенія; ибо хотя Пушкинъ былъ по происхожденію дворянинъ, но въ административной іерархіи онъ не имѣлъ никакого чина. А въ Россіи человѣкъ безъ чиновничьяго ранга не имѣетъ никакого общественнаго значенія, — по званію онъ человѣкъ *благородный*, въ дѣйствительности же является существомъ *сверхштатнымъ*.

Во время этой достопамятной аудіенціи императоръ съ большимъ интересомъ говорилъ о поэзіи. Это, кажется, тоже былъ первый случай, что царь съ однимъ изъ своихъ подданныхъ бесѣдовалъ о литературѣ. Онъ поощрялъ его, совѣтуя отдаться работѣ, даже позволилъ ему печатать, что̀ ему нравится, не обращаясь въ цензуру за разрѣшеніемъ. Такимъ образомъ Пушкинъ первый получилъ привилегію свободы печати, о чемъ исторія не должна забывать. Императоръ Николай обнаружилъ въ данномъ случаѣ необыкновенную дальновидность; онъ понялъ, что Пушкинъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы злоупотреблять исключительной привилегіей, и имѣлъ слишкомъ возвышенную душу для того, чтобы не сохранить благодарнаго воспоминанія о такой необычайной милости. Либералы, однако, съ подозрѣніемъ смотрѣли на взаимное сближеніе этихъ двухъ властелиновъ. Начали обвинять Пушкина въ измѣнѣ дѣлу патріотизма, а такъ какъ его возрастъ и опытность налагали на него обязанность большей осмотрительности въ словахъ и большаго благоразумія въ поведеніи, то эту перемѣну стали приписывать разсчетамъ эгоистическаго тщеславія.

Въ это время появились въ свѣтъ *Цыганы* (1824), а позже—*Ма-*

зепа (1828), знаменитыя произведенія, доказывающія прогрессивную природу таланта Пушкина. Оба они основаны на дѣйствительности. Сюжеты ихъ просты; характеры героевъ глубоко продуманы и обрисованы съ увѣренной силой, а слогъ является уже болѣе свободнымъ отъ преувеличеній романтизма. Къ несчастью, байроновская форма еще стѣсняетъ его, какъ оружіе Саула стѣсняло движенія молодого Давида; но было уже очевидно, что онъ собирается освободиться отъ нея.

Тѣ оттѣнки, которые въ работахъ художника обозначаютъ переходъ изъ одной фазы развитія въ другую, ярко обнаруживаются въ *Онѣгинѣ* (1825—1831), самомъ прекрасномъ, самомъ оригинальномъ и наиболѣе народномъ изъ произведеній Пушкина. Онъ писалъ и печаталъ этотъ романъ по частямъ, какъ Байронъ — своего *Донъ-Жуана*. Началъ онъ его подражаніемъ англійскому поэту, затѣмъ старался идти собственными силами и кончилъ—истинной оригинальностью. Сюжетъ и герои *Онѣгина* взяты изъ дѣйствительной жизни—изъ жизни обыкновенной; здѣсь, какъ и въ жизни бываетъ, моменты глубоко-трагическіе чередуются со сценами чисто-комическими.

Кромѣ названныхъ произведеній Пушкинъ написалъ драму, которую русскіе цѣнятъ высоко, ставя ее на ряду съ драмами Шекспира. Я не раздѣляю ихъ мнѣнія, но было бы нелегкимъ дѣломъ доказать справедливость моего взгляда. Достаточно будетъ напомнить, что Пушкинъ былъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы создавать историческіе характеры. Это былъ только опытъ драмы; но этотъ опытъ давалъ достаточно основаній понять, чего современемъ Пушкинъ могъ достигнуть. *Et tu Shakespeare eris, si fata sinant* *).

Драма *Борисъ Годуновъ* (1825) заключаетъ въ себѣ удивительныя не только частности, но и цѣлыя сцены. Больше всего прологъ кажется мнѣ такимъ оригинальнымъ, такимъ возвышеннымъ, что я не колеблюсь признать, что онъ—единственный въ своемъ родѣ, и не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколько словъ.

Послѣ смерти царя Ивана Жестокаго, или Грознаго, Борисъ Годуновъ присвоилъ себѣ власть надъ Москвой, сживъ со свѣта предшественника своего. Вскорѣ послѣ этого претендентъ, выдавая себя за законнаго наслѣдника короны, прибылъ съ польской арміей, занялъ Москву и нѣкоторое время царствовалъ подъ именемъ Димитрія. Вотъ основа драмы. Дѣйствіе начинается въ царствованіе Годунова, въ тѣсной кельѣ одного изъ монастырей, въ которой нѣкій монахъ оканчиваетъ лѣтопись прежняго царствованія. Онъ перечитываетъ свою лѣтопись съ чувствомъ авторскаго удовлетворенія и спокойной важностью инока въ то время, какъ спящій у его ногъ молодой послушникъ начинаетъ метаться подъ впечатлѣніемъ страшнаго сна. Во снѣ онъ произноситъ странныя названія, упоминаетъ о событіяхъ, которыхъ знать не могъ.

---

*) И ты Шекспиромъ сталъ бы, если бы благопріятствовала судьба.

Наконецъ, пробудившись, онъ разсказываетъ о своемъ видѣніи, о битвахъ и смутахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Этотъ разсказъ, истинный смыслъ котораго ему не понятенъ, служитъ лѣтописцу матеріаломъ для окончанія его хроники, даетъ ему силу угадать будущее и дѣлается пророческимъ символомъ всей драмы. Можно легко догадаться, что этотъ послушникъ явится претендентомъ на корону—лже-Димитріемъ.

Эта драма, какъ и все прочее, что написалъ Пушкинъ въ тѣ годы, отнюдь еще не даетъ истиннаго мѣрила его таланта. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, онъ прошелъ только часть назначеннаго ему жизненнаго поприща: ему было всего лишь тридцать лѣтъ. Тѣ, кто зналъ его тогда, замѣчали въ немъ большую перемѣну. Вмѣсто того, чтобы поглощать романы и заграничные дневники, исключительно занимавшіе его нѣкогда, ему хотѣлось слушать народные разсказы и пѣсни и читать исторію родной страны. Казалось, онъ навсегда оставилъ чужеземные края, пустилъ корни въ русскую почву и началъ сростаться съ своею родною землей. Въ его разговорахъ, которые дѣлались все болѣе серьезными, можно было замѣтить зародыши будущихъ его твореній. Онъ любилъ рѣшать возвышенные вопросы, религіозные и общественные, которые его соотечественникамъ и не снились. Очевидно, въ немъ происходило какое-то внутреннее превращеніе. И какъ человѣкъ, и какъ художникъ, онъ несомнѣнно измѣнился бы или, вѣрнѣе, нашелъ бы себя самого. Онъ даже пересталъ писать стихотворенія и напечаталъ лишь нѣсколько сочиненій историческихъ, которыя можно бы считать за нѣчто подготовительное.

Но къ чему онъ готовился? Имѣлъ ли онъ въ виду развивать свою эрудицію въ этомъ направленіи?

Конечно, нѣтъ! Онъ презиралъ авторовъ, пишущихъ безъ цѣли и направленія; онъ не любилъ философскаго скептицизма и художественнаго холода, какой видѣлъ въ Гёте.

Что творилось въ его душѣ? Пробуждался ли тамъ, въ тиши, тотъ духъ, который оживлялъ сочиненія Манцони или Пеллико, оплодотворялъ думы Томаса Мура, также умолкнувшаго? Быть можетъ, его воображеніе работало надъ воплощеніемъ идей въ родѣ Сен-Симона или Фурье?..

Мы не знаемъ. Въ его стихотвореніяхъ и въ его разговорахъ можно было найти слѣды и того, и другого направленія. Какъ бы то ни было, я держусь того убѣжденія, что его поэтическое молчаніе было счастливымъ предзнаменованіемъ для русской литературы. Я надѣялся, что скоро онъ появится на сценѣ совершенно новымъ человѣкомъ, во всемъ блескѣ своего дарованія, созрѣвшимъ, опытнымъ и сильнымъ. Всѣ, кто зналъ его, раздѣляли эти мои желанія... Одинъ пистолетный выстрѣлъ уничтожилъ всѣ надежды.

Пуля, сразившая Пушкина, нанесла страшный ударъ интеллектуальной Россіи. Есть у нея и теперь выдающіеся писатели. Остался у нея

Жуковскій, поэтъ, исполненный достоинствъ, изящества и чувства; Крыловъ, баснописецъ, богатый вымысломъ и несравненный въ выраженіяхъ; князь Вяземскій, который, благодаря своему остроумному уму, могъ бы даже и во Франціи занять почетное мѣсто; но никто изъ нихъ не замѣнитъ Пушкина. Ни одной странѣ не суждено болѣе чѣмъ одинъ разъ произвести человѣка съ такими необыкновенными и въ то же время столь разнообразными дарованіями, что, повидимому и какъ это обыкновенно бываетъ, они должны бы исключать другъ друга. Пушкинъ, талантомъ котораго такъ восхищались читатели, удивлялъ слушателей своихъ живостью, ясностью и тонкостью ума. Онъ обладалъ феноменальной памятью, строгой логичностью сужденій и утонченнымъ вкусомъ. О политикѣ, какъ иностранной, такъ и внутренней, онъ такъ говорилъ, что его можно было принять за человѣка, посѣдѣвшаго среди государственныхъ дѣлъ и ежедневно читающаго отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ. Много враговъ себѣ онъ нажилъ своими эпиграммами и сарказмами, за которые они мстили ему клеветой.

Я зналъ его близко, въ теченіе долгаго времени, и считалъ его человѣкомъ впечатлительнымъ и подчасъ легкомысленнымъ, но всегда искреннимъ, благороднымъ и откровеннымъ. Его недостатки скорѣе зависѣли отъ обстоятельствъ, отъ среды, въ которой онъ жилъ, а то, что было въ немъ прекраснаго, исходило изъ его собственнаго сердца.

Умеръ онъ на тридцать восьмомъ году жизни *).

Перев. А. К.

*) 37 лѣтъ, 8 мѣс., 3 дня отъ роду: род. 26 мая 1799 г., умеръ 29 янв. 1837 г. *Ред.*

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. Р. Виппера.

(*Продолженіе* *).

V. Осужденіе культуры и патріархальная демократія.

Просвѣтительная публицистика своеобразно узко ставила понятіе культуры: культура, это—умственная свобода для немногихъ, просторъ для интеллектуальной аристократіи; культура, это—кругъ отчетливыхъ идей и представленій, поддающихся логическому опредѣленію и доказательству; культура, это—мягкіе нравы, порядокъ безъ давленія, общеніе безъ принудительности. Путь къ выработкѣ соотвѣтствующаго міровоззрѣнія лежалъ черезъ критику, часто насмѣшку надъ традиціями, черезъ усвоеніе новыхъ научныхъ системъ, которыя опредѣляли мѣсто человѣка въ міровомъ процессѣ, на ряду съ другими элементами, но не занимались его личнымъ спасеніемъ.

Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ это настроеніе сильно видоизмѣнилось. Не разъ повторяется въ исторіи общественнаго сознанія тотъ фактъ, что общество, на которое направлена сильная научно-образовательная агитація, какъ бы не въ силахъ вынести въ цѣломъ всей дозы раціоналистической и скептической мысли. Въ его средѣ поднимается протестъ противъ критицизма. Въ то же время и до извѣстной степени сплетаясь съ этимъ протестомъ, совершается обоготвореніе новыхъ методовъ, новыхъ пріемовъ ума, апоѳеозъ самого интеллекта человѣческаго. Масонство и другія аналогичныя направленія въ XVIII вѣкѣ дѣлаютъ изъ просвѣтляющаго разума святое начало, обращаютъ провозвѣстниковъ науки въ апостоловъ новаго евангелія, образуютъ изъ ея адептовъ священные ордена. Орудіе знанія само превращается въ бога, въ великую творческую силу, въ великаго рѣшающаго судью. А обоготворенный разумъ, разумъ, возведенный на степень непогрѣшимо диктующаго, внутренняго голоса, есть уже, въ сущности, наше чувство: это—въ концѣ концовъ возрождающаяся въ другой формѣ вѣра.

Поворотъ къ вѣрѣ, къ религіозному настроенію сильно намѣчается въ обществѣ съ половины XVIII вѣка. Онъ своеобразно совпадаетъ

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

съ выступленіемъ новыхъ общественныхъ классовъ, съ защитой ихъ нуждъ и стремленій. Въ движеніи новыхъ общественныхъ элементовъ, въ ихъ апологіи заключенъ, естественно, извѣстный идеалистическій толчекъ. Въ подготовку новой общественной организаціи, въ самое изображеніе ея невольно входитъ религіозное увлеченіе. Общественная группа, новый классъ, пробивающіеся кверху, несутъ съ собою извѣстные вкусы и традиціи, заявляютъ притязанія, и программа, слагающаяся изъ нихъ, представляется заинтересованнымъ или вѣрующимъ въ видѣ новой фазы общечеловѣческаго развитія, въ видѣ новаго откровенія.

Въ XVIII вѣкѣ еще нѣтъ такихъ опредѣленныхъ отграниченныхъ группъ, какъ рабочіе классы, городскіе и сельскіе въ XIX вѣкѣ. Демократія слагалась въ деревнѣ изъ мелкихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, связанныхъ отчасти устарѣлыми и запутанными повинностями, въ городѣ—изъ представителей мелкаго ремесла и торговли, мелкихъ мастеровъ домашней индустріи и близкихъ къ нимъ по положенію рабочихъ крупныхъ производствъ. Эти разнообразные элементы надо имѣть въ виду, когда литература выдвигаетъ понятіе «народа». Но, безъ сомнѣнія, первое мѣсто въ представленіяхъ демократіи занимала деревенская масса, главную роль въ соціальныхъ проектахъ и мечтаніяхъ защитниковъ демократіи игралъ вопросъ о земельномъ надѣлѣ, о внутреннемъ обезпеченіи крестьянскаго хозяйства. Это обстоятельство придаетъ дореволюціонной демократической пропагандѣ особый консервативный характеръ.

Мы видѣли отношеніе зождей просвѣщенія во Франціи къ массѣ. Въ концѣ вѣка, однако, «народъ» занимаетъ первое мѣсто въ общественныхъ манифестахъ, «народъ»—предметъ общаго вниманія, «народные интересы» уже изображаются, какъ фундаментъ правильной общественной организаціи.

Въ началѣ вѣка темная масса почти не имѣетъ публичныхъ адвокатовъ, въ кругу интеллигентнаго общества нѣтъ носителей ея чувствъ и понятій. Чтобы судить о томъ, гдѣ крылся раньше народный защитникъ, что онъ переживалъ, стоитъ вникнуть въ трагическую исторію простого сельскаго священника въ Нормандіи, пастора Мелье. Это совершенно безвѣстная личность при жизни своей. Въ теченіе 40 лѣтъ справляетъ онъ свои обязанности въ глухомъ углу, полный самоотверженія, строгій къ себѣ до аскетизма, мягкій къ бѣдняку. Старая Франція не мало произвела этихъ друзей народа въ рясѣ, и еще революція видѣла въ своихъ рядахъ демократическихъ священниковъ. Но въ натурѣ Мелье было больше того. Мѣстный сеньёръ его округи обидѣлъ нѣсколькихъ крестьянъ. Мелье поднялъ противъ него дѣло, но правосудія не добился. Тогда, въ отчаяніи, онъ, 60-лѣтній старикъ, добровольно уморилъ себя съ голоду, отказавъ все имущество свое прихожанамъ.

Все это произошло около 1730 года, но открылось только 30 лѣтъ

спустя послѣ смерти Мелье, когда опубликовано было завѣщаніе его. Завѣщаніе патера было своеобразно; это—большая книга, и книга выстраданныхъ признаній жизни. Мелье заботливо написалъ ее своей рукой, въ трехъ экземплярахъ, чтобы потомство услышало его голосъ. Онъ молчалъ долго, и теперь излилась вся его горечь. Завѣщаніе досталось потомъ въ руки Вольтера и другихъ просвѣтителей, и они напечатали изъ него отрывки. Они воспользовались рѣзкостями и проклятіями патера-самоубійцы, такъ какъ невѣріе и отчаяніе стараго священника могли послужить ядовитыми аргументами для ихъ собственной кампаніи противъ фанатизма. Остальное въ завѣщаніи Вольтеръ объявилъ «длиннымъ, скучнымъ и даже возмутительнымъ». Мы знаемъ теперь, что выпустилъ Вольтеръ и отчего священникъ впалъ въ глубокое мучительное невѣріе.

Онъ подавленъ зрѣлищемъ участи дорогого ему трудового люда. Христіанство въ его современномъ видѣ, по его убѣжденію, не можетъ быть истинной религіей, потому что оно поддерживаетъ рядъ учрежденій, явно несправедливыхъ: деспотическую власть, личную собственность и неравенство. Все завѣщаніе Мелье—злой и отчаянный протестъ противъ несправедливости на землѣ, противъ неравенства, притѣсненія неимущихъ; это—горячій призывъ къ простому народу. «Васъ пугаютъ дьяволомъ, но знайте, дорогіе друзья, что нѣтъ для васъ болѣе злыхъ и настоящихъ діаволовъ, чѣмъ люди, о которыхъ я говорю. Ибо у васъ нѣтъ худшихъ враговъ, какъ большіе, знатные и богатые господа на свѣтѣ, потому что они васъ попираютъ ногами, мучатъ и доводятъ до несчастія». Рядомъ съ ними стоятъ паразиты, всѣ эти судьи, которыхъ можно бы назвать «людьми неправды», пристава, прокуроры, адвокаты, податные сборщики, нищенствующіе монахи и т. д. «Много приходится заниматься ими на свѣтѣ! Птицы поютъ и щебечутъ въ поляхъ и въ лѣсахъ; народу нѣтъ другого дѣла, какъ жирно кормить всю эту массу людей за то только, что они поютъ въ церквахъ».

Возбужденная рѣчь патера, его манифестъ съ того свѣта доходитъ до настоящей революціонной фразеологіи: вы внимаете точно рѣчи оратора конвента, почти буквально слышится извѣстный призывъ марсельезы къ оружію. «Изгоните тирановъ и поповъ и замѣните ихъ хорошими правителями: въ вашихъ рукахъ спасеніе, съумѣйте столковаться. Хорошо задуманному общему движенію ничто не можетъ воспротивиться». «Сговоритесь тайно, распространите хорошія книги. Поберегите для себя то, что производите, пусть дѣти ваши не вступаютъ въ службу къ вашимъ врагамъ». Мелье вѣритъ, что правда и счастіе могли бы быть на землѣ. Она достаточно производитъ, чтобы обезпечить всѣхъ; нужно только, чтобы люди держали ее въ общемъ владѣніи. Каждый приходъ долженъ составить какъ бы одну семью братьевъ, совершенно равныхъ между собою во всемъ. Тогда въ свѣтъ вернется золотой вѣкъ, который хотѣли установить первые христіане.

То, что сельскій священникъ начала XVIII в. долженъ былъ затаить въ своемъ измученномъ сердцѣ и могъ написать только на своей могилѣ, съ половины вѣка стало биться и звучать въ литературѣ, въ салонѣ, въ театрѣ. Типичный носитель этихъ чувствъ — Руссо.

Публика, среди которой Руссо пришлось вращаться, тонко разсуждавшая объ умственной свободѣ, скептичная и резонерская, не могла освоиться съ этой фигурой, необработанной и плебейски нескладной, съ ея парадоксами и какой-то бурной логикой, съ паѳосомъ, въ которомъ глубокая искренность не отдѣлялась отъ тщеславной рисовки, съ отчаянными нападками на современную культуру, какъ на выраженіе неправды, и въ то же время неясными мечтаніями о какомъ-то невозвратномъ свѣтломъ прошломъ. Поколѣнія послѣдующаго полувѣка возвращаются, напротивъ, къ декламаціямъ Руссо, какъ своего рода откровенію.

Между тѣмъ у Руссо въ сущности нѣтъ ни одного оригинальнаго положенія ни въ политическихъ, ни въ педагогическихъ, ни въ его религіозно-моральныхъ разсужденіяхъ. Все, что̀ переворачиваетъ много разъ Руссо, о чемъ онъ патетически проповѣдуетъ,—мистическая воля народа, призывъ къ естественности, идеализація натуральнаго человѣка, протестъ противъ неравенства, созданнаго частной собственностью — все это давно намѣченныя мысли, готовыя формулы ранѣе сложившихся теорій. Что имъ придаетъ особую силу въ устахъ Руссо?

Руссо по отношенію къ этимъ идеямъ то, чѣмъ часто бываетъ первый революціонеръ: онъ послѣдній ихъ прозелитъ, послѣдній новообращенный. Проникаясь формулами общественныхъ, воспитательныхъ идеаловъ, онъ связываетъ съ ними горячія чувства, глубокія симпатіи, которыя притягиваютъ его къ низшимъ классамъ, къ простому народу. Руссо обращаетъ эти формулы во внушенія своего сердца, въ святыя повелѣнія природы, пробудившіяся въ немъ, какъ человѣкѣ искреннемъ, глубоко чувствующемъ.

«Голосъ природы», именемъ котораго Руссо протестовалъ, имѣлъ у него очень опредѣленныя соціальныя черты. Руссо вышелъ изъ круговъ мелкой буржуазіи, проскитался полжизни, испыталъ рядъ тяжелыхъ и сомнительныхъ положеній человѣка, выбитаго изъ своей среды, видѣлъ много нужды около себя, зналъ самъ нужду и униженіе бѣдности. Позднѣе онъ любилъ, уйдя изъ богатаго замка, вмѣшаться въ простонародную толпу, забыться въ ея простодушномъ весельи; по цѣлымъ часамъ онъ могъ плести ремни съ крестьянами. Если откинуть его преувеличенія. его чувствительныя идеализаціи, въ его риторскихъ декламаціяхъ можно найти большую долю непосредственнаго выраженія тѣхъ чувствъ, которыя таятся въ низшихъ, отодвинутыхъ классахъ общества, выраженія ихъ моральнаго сознанія, ихъ болей, ихъ гордости, раздраженія. Руссо могъ называть себя «человѣкомъ, который сокрушается несчастью народа и испытываетъ его».

Среди юношескихъ его скитаній, его, голоднаго, пріютилъ крестьянинъ, который жилъ въ лачугѣ и, какъ воръ, пряталъ собственный хлѣбъ и вино отъ сборщиковъ многихъ налоговъ; онъ объяснилъ Руссо, что вся жизнь его проходитъ въ страхѣ, и что онъ погибъ, какъ только его перестанутъ считать умирающимъ съ голоду. «Все, что онъ мнѣ сказалъ по этому поводу, оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Это было для меня зародышемъ той неистребимой ненависти, которую я испытываю въ виду страданій несчастнаго народа и въ виду его притѣснителей».

Самолюбивый и самостоятельный, Руссо долженъ былъ вращаться въ кругахъ дворянской и финансовой аристократіи; его знакомые, часто не знавшіе сами происхожденія своихъ денегъ, удивлялись, что онъ отвергаетъ подарки, или находили педантизмомъ, что онъ соразмѣрялъ ихъ съ возможностью отплаты со своей стороны. Онъ раздражался тому, что не обладалъ свѣтскимъ обращеніемъ и становился еще болѣе неловокъ, напускалъ грубость, чтобы скрыть смущеніе: «Я рѣшился попирать обычаи, я сталъ циниченъ, но циниченъ отъ стыда, потому что я не въ состояніи былъ исполнять эти обычаи».

И вотъ, по его собственному признанію, въ немъ развивается «горделивая мизантропія, извѣстная горечь въ отношеніи богатыхъ и счастливыхъ людей на свѣтѣ, какъ будто они богаты и счастливы на мой счетъ, какъ будто ихъ такъ называемое счастье есть захватъ моего». Богатые злы и безчеловѣчны. Въ своемъ педагогическомъ романѣ Руссо выбираетъ изъ этого класса своего Эмиля, объектъ разумнаго воспитанія, потому что, хорошо его воспитавъ, «мы можемъ быть увѣрены, что создали лишняго хорошаго человѣка; между тѣмъ какъ бѣдный можетъ и самъ своими силами стать человѣкомъ». У людей высшихъ классовъ нѣтъ морали. Нѣкій графъ мимоходомъ, незамѣтно для себя, обидѣлъ простую женщину, захвативъ назначенную для нея посылку. «Я старался утѣшить ее, милостивый государь,—пишетъ ему Руссо,—объяснивъ ей, во-первыхъ, правила большого свѣта и большого воспитанія, затѣмъ, указавъ, что не стоитъ держать слугъ, если они не будутъ гонять бѣдняковъ, которые являются требовать свое имущество: и, наконецъ, я сказалъ: вѣдь справедливость и человѣчность—мѣщанскія слова, и графъ, отнявъ вашу собственность, сдѣлалъ вамъ честь».

Роль богатыхъ въ обществѣ плачевна; все, что бы ни старались они сдѣлать хорошаго, отравлено основнымъ зломъ ихъ состоянія. Невозможно обогатиться, не сдѣлавъ другого бѣднымъ. Благотворительность, это—забава грабителя.

Одна корреспондентка Руссо упрекала его за то, что своихъ дѣтей онъ отдавалъ въ воспитательный домъ. Руссо отвѣчалъ: «говорятъ, не надо рождать, если не можешь прокормить ихъ. Это — неправда. Природа требуетъ рожденія ихъ, потому что земля даетъ достаточно

для ихъ прокормленія; состояніе богатыхъ, ваше состояніе, милостивая государыня,— обрушивается онъ вдругъ на лицо, которое ему пишетъ,— вотъ что похищаетъ, воруетъ хлѣбъ у моихъ дѣтей».

Въ статьѣ «Политическая экономія», которую Руссо написалъ для Большой Энциклопедіи, онъ такъ резюмируетъ отношеніе между двумя классами, бѣдныхъ и богатыхъ: «Вы нуждаетесь во мнѣ, потому что я богатъ, а вы бѣдны; установимъ же соглашеніе между собою; я позволю вамъ имѣть честь служить мнѣ, при условіи, что вы отдадите мнѣ то немногое, что у васъ остается, за трудъ командовать надъ вами, который я возьму на себя». Руссо заканчиваетъ ироніей по адресу великихъ политическихъ авторитетовъ, которыхъ онъ считаетъ адвокатами и панегиристами аристократіи: налоги должно распредѣлить не просто сообразно размѣру имущества, а притянувъ къ повинности по преимуществу излишки; «это важный и трудный разсчетъ, который каждый день совершаютъ порядочные и знающіе ариѳметику конторщики, но который Платоны и «гг. Монтескьё» взяли бы на себя лишь съ трепетомъ и умоляя небо о просвѣтленіи ихъ и дарованіи имъ честности».

Въ этой фразеологіи, горячей и злой, неопредѣленной и рѣзкой, сказывается біеніе извѣстныхъ классовыхъ чувствъ, часто непослѣдовательное и неожиданное. Оно осложняется у Руссо наклонностью къ религіозному настроенію.

Если въ культурномъ человѣкѣ въ то время особенно цѣнили чуткость, впечатлительность, отзывчивость, то въ Руссо эти черты доходятъ до крайней болѣзненной чувствительности. Разбитый и возбужденный превратностями судьбы, долгое время непризнанный въ своихъ талантахъ, самоувѣренный и подозрительный, онъ привыкъ преувеличивать свои чувства. Первая мысль писать на тему о вліяніи культуры на человѣка охватываетъ его точно «тысячью лучей свѣта», онъ чувствуетъ себя оглушеннымъ и «опьяненнымъ» отъ массы безпорядочныхъ и сильныхъ идей, «бездна великихъ истинъ озаряютъ его въ четверть часа» и онъ теряетъ сознаніе.

Руссо чувствовалъ себя необыкновенной пророческой натурой, которую нельзя мѣрить общепринятой мѣркой. Знаменитая «Исповѣдь» начинается слѣдующими словами: «Я предпринимаю дѣло, которому не было подобнаго и не будетъ. Другимъ людямъ я хочу показать человѣка въ его истинной природѣ; этотъ человѣкъ я, я одинъ. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я не такъ устроенъ, какъ кто бы то ни было изъ видѣнныхъ мною; я рѣшаюсь думать, что не похожъ ни на кого изъ существующихъ людей... Пусть зазвучитъ труба страшнаго суда когда угодно: съ этой книгой въ рукѣ предстану я предъ Всевышняго и громко скажу: «вотъ то, что я сдѣлалъ, что я думалъ, чѣмъ я былъ». Вѣчный Боже, собери кругомъ меня безчисленное множество людей, въ средѣ которыхъ я живу, чтобы они выслушали меня;

пусть огорчаются они тому, что во мнѣ есть недостойнаго, пусть краснѣютъ за то, что во мнѣ низкаго; но пусть каждый съ тою же откровенностью раскроетъ предъ твоимъ престоломъ свое сердце и пусть хоть одинъ скажетъ, если можетъ: «я былъ лучше, чѣмъ этотъ».

Сознавая въ себѣ какъ бы откровеніе, Руссо можетъ патетически обращаться къ человѣку (въ разсужденіи «О причинахъ неравенства между людьми»): «о человѣкъ, изъ какой бы ты ни былъ страны, каковы бы ни были твои убѣжденія, слушай: вотъ твоя исторія, исторія истинная, прочитанная мною не въ книгахъ подобныхъ тебѣ людей, потому что эти книги лгутъ, а въ природѣ, которая никогда не лжетъ. Все, что ей принадлежитъ, правдиво, здѣсь ложь лишь то, что я привнесъ личнаго отъ себя помимо своей воли».

Всякой религіи свойственно различать въ человѣкѣ святое начало и начало грѣховное. Въ понятіяхъ слагающейся вѣры святое, оно же и естественное начало, это—чувство, грѣховное, злое, оно же и искусственное, это—умъ, рефлексія. «Если природа предназначила намъ быть здоровыми, говоритъ Руссо, я почти рѣшаюсь утверждать, что состояніе рефлексіи есть состояніе противоестественное и что человѣкъ, который размышляетъ, есть испорченное животное». Черезъ весь духовный міръ проходитъ рѣзкая черта дѣленія: все непосредственное признано благимъ, жизнь аффектовъ объявлена драгоцѣнной сокровищницей, способность отдаваться чувству—признакомъ возвышенной натуры. Сама обыденность, поскольку въ ней открываютъ голосъ природы, напримѣръ, кормленіе дѣтей матерями, семейная забота, деревенскій пейзажъ и т. д., подняты теперь на степень необыкновенно святыхъ, возвышенныхъ, глубокихъ дѣйствій и моментовъ.

Въ Руссо есть еще одна черта религіознаго настроенія—увлеченіе аскетизмомъ. Постоянно возвращаясь къ понятію добродѣтели, взывая къ ней, Руссо разумѣетъ подъ нею главнымъ образомъ воздержаніе. Руссо жестоко возстаетъ противъ желанія просвѣтителей, Вольтера, д'Аламбера, внести свѣтское направленіе въ старозавѣтную Женеву, этотъ городъ суровой дисциплины кальвинизма; особенно возмущенъ онъ программой завести тамъ театральныя зрѣлища, болѣе двухсотъ лѣтъ подлежавшія въ Женевѣ воспрещенію. Въ большихъ государствахъ, думаетъ Руссо, еще можно терпѣть театръ, какъ необходимое зло, потому что въ нихъ вообще уже нечего болѣе терять и портить; въ малыхъ государствахъ театръ лишь уничтожаетъ любовь къ труду, развиваетъ роскошь, приводитъ къ огрубѣнію нравовъ.

Возвеличеніе аскетическаго воздержанія, отрицаніе художественнаго наслажденія приводитъ Руссо къ восхваленію Спарты. Спарта дорога ему «счастливымъ невѣдѣніемъ и мудрыми законами; это—республика полубоговъ, скорѣе, чѣмъ людей». «О Спарта, вѣчный укоръ суетному ученію! Въ то время, какъ въ Аѳины вступали пороки, создаваемые пластическими искусствами и тиранъ собиралъ тамъ такъ

заботливо произведенія царя поэтовъ, ты изгоняла изъ стѣнъ своихъ искусство и артистовъ, науки и ученыхъ».

Кодексъ грядущей демократіи, знаменитое политическое разсужденіе Руссо «Объ общественномъ договорѣ», это книга, которую по характеру утвержденій, по аргументаціи, по проникающему ее настроенію надо назвать догматической, богословской, почти церковной.

Книга начинается словами: «Человѣкъ рожденъ свободнымъ и вездѣ онъ въ оковахъ». Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Общественный порядокъ есть святое право, но онъ заключаетъ въ себѣ подчиненіе свободной личности. Изъ двухъ началъ одно, свобода, дано отъ природы, другое подчиненіе, порядокъ—дѣло искусства, соглашенія. То и другое, однако, необходимо, и такъ какъ для богослова въ богоуправляемомъ мірѣ не должно оставаться противорѣчій, то расплатиться должны самыя понятія. Задача политическаго догматика найти формулы, которыя бы заключали полное примиреніе между дѣломъ природы и дѣломъ искусства, которыя бы могли представить дѣло искусства претвореніемъ дѣла природы. И дѣйствительно, характеръ разсужденія Руссо напоминаетъ работу христіанскаго философа, который долженъ примирить идею Божьей благодати и Божьяго всемогущества со свободной волей и грѣховнымъ началомъ человѣческой личности.

Дальше объяснено, какимъ образомъ свободные первоначально люди вошли въ союзъ, который составилъ ничто иное, какъ сумму ихъ силъ и ихъ свободныхъ состояній; каждый при этомъ пріобрѣлъ надъ другими ровно столько выгоды, сколько самъ потерялъ; этотъ общественный союзъ лишь общей силой защищаетъ личность и собственность каждаго, причемъ каждый, «соединяясь со всѣми, повинуется все же лишь самому себѣ и, слѣдовательно, остается свободнымъ, какъ и раньше». Мы стоимъ здѣсь передъ догматической схоластикой, мы должны допустить здѣсь мистическое объясненіе.

Совокупность всѣхъ составляетъ верховную волю, верховную личность. Эта личность, народъ есть властелинъ. Государь, будучи лишь суммой отдѣльныхъ лицъ, не можетъ никогда вредить подданнымъ или гражданамъ, такъ какъ невозможно, чтобы тѣло вредило своимъ частямъ. Слѣдовательно, общественный союзъ непогрѣшимъ, на подобіе непогрѣшимости церкви. Личность, однако, грѣховна. Отдѣльный подданный можетъ, преслѣдуя свою выгоду, выражая свою единичную волю, разойтись съ выгодой цѣлаго. Но кто противится повиноваться общей волѣ, того вынуждаетъ къ повиновенію совокупная община; и это значитъ, говоритъ Руссо, что община принуждаетъ его быть свободнымъ. Стоитъ вслушаться въ эти слова. Именно такъ средневѣковая церковь вынуждала еретика путемъ стѣсненія и казни въ интересахъ его же спасенія вернуться къ тому убѣжденію, которое онъ отвергалъ, но которое она считала его по-истинѣ свободнымъ убѣжденіемъ.

Мистическій оттѣнокъ замѣчается также въ опредѣленіи всеобщей воли. Воля всѣхъ еще не есть всеобщая воля. Первая—простая сумма отдѣльныхъ воль, исходящихъ отъ частныхъ интересовъ. Если эти воли сгруппировались по партіямъ и фракціямъ, по промежуточнымъ группамъ, которыя Руссо считаетъ безусловно вредными, то всеобщая воля, т. е. общій интересъ, можетъ быть отстранена, можетъ потонуть въ столкновеніи интересовъ. Но если онѣ проявились изолированно, каждая на свободѣ, получается слѣдующее чудо: «отнимите,—говоритъ Руссо,—изъ частныхъ воль плюсы и минусы, взаимно уничтожающіе другъ друга, и въ остаткѣ отъ разницъ будетъ общая воля». Итакъ, мы всѣ ошибаемся, всѣ грѣшимъ, но изъ нашихъ ошибокъ непонятнымъ образомъ, неисповѣдимыми путями сама собою создается правда.

Болѣе всего, можетъ быть, чудеснаго и вѣры въ чудо требуетъ Руссо въ главѣ о законодателѣ. Законодатель — «необыкновенный, экстраординарный человѣкъ въ государствѣ». Вѣдь онъ долженъ изъ суммы естественныхъ силъ всѣхъ индивидовъ создать нѣчто бо́льшее, чѣмъ эта сумма. Въ его дѣлѣ соединяются двѣ, повидимому, несовмѣстимыя вещи: предпріятіе, превышающее человѣческія силы, а для его исполненія — авторитетъ, который въ сущности есть ничто: его воздѣйствіе можетъ быть лишь моральнымъ, иначе оно становится источникомъ произвола. Далѣе, чтобы народъ могъ почувствовать силу разумныхъ правилъ политики и слѣдовать основнымъ требованіямъ государственнаго разума, нужно, чтобы слѣдствіе могло стать причиной, чтобы общій духъ, который долженъ быть созданъ учрежденіемъ, вдохновлялъ и направлялъ учрежденіе, чтобы люди были ранѣе законовъ тѣмъ, чѣмъ они должны стать благодаря имъ.

Такимъ образомъ законодатель, не будучи въ состояніи прибѣгнуть ни къ силѣ, ни къ разсужденію, по необходимости поднимается къ авторитету высшаго порядка. Вожди народа обращались поэтому во всѣ времена къ идеѣ вмѣшательства самого неба, т. е. религіи.

Вотъ почему въ этой же главѣ помѣщенъ панегирикъ всеобъемлющему генію Кальвина, котораго Руссо изображаетъ гражданскимъ законодателемъ Женевы. Женева именно выполнила великую задачу законодательства. Иностранецъ, богословъ, священникъ, человѣкъ, совершенно лишенный средствъ внѣшняго принужденія, былъ взятъ верховнымъ арбитромъ въ политикѣ, создателемъ конституціи. Симпатіи Руссо недаромъ тяготѣютъ къ суровой фигурѣ служителя Божія XVI вѣка. Но его характеристика вдохновеннаго, непогрѣшимаго законодателя, всемогущаго морально и безсильнаго матеріально, повидимому, внушена картиной, еще болѣе старинной — именно образомъ папства среднихъ вѣковъ.

Демократическое государство Руссо есть въ то же время настоящая церковь. Духовная и свѣтская власть должны совпадать въ немъ, какъ въ древнихъ республикахъ. Религія нужна затѣмъ, что бы граждане любили

свои обязанности. Христіанство не вполнѣ подходитъ къ этой цѣли, такъ какъ отечество христіанина не отъ міра сего. Государство не смотритъ на то, что исповѣдуетъ гражданинъ въ сердцѣ; но оно заботится, чтобы этимъ не нарушалась государственная религія. Кто не исповѣдуетъ этой государственной религіи, тотъ долженъ быть подвергнутъ изгнанію, не въ качествѣ безбожника, а въ качествѣ дурного гражданина; кто ее принимаетъ и все же поступаетъ противъ нея, достоинъ смерти, потому что онъ совершилъ величайшее преступленіе, онъ солгалъ передъ закономъ. Руссо опредѣляетъ и догматы этой религіи: вѣра въ Бога, въ загробную жизнь, гдѣ справедливые награждаются, а злые наказуются, вѣра въ святость государства и государственныхъ законовъ и отстраненіе нетерпимости.

Послѣдній догматъ кричащимъ образомъ нарушенъ самимъ Руссо, который декретируетъ смерть нарушителю государственной религіи. Его государство внушаетъ мораль и вѣру мечемъ.

Но не одна государственная логика приводитъ Руссо къ возвеличенію религіи, не одно только сознаніе, что система крѣпка, когда на недосягаемой высотѣ сокрытъ отъ человѣка ея принципъ. Религія — одно изъ выраженій того, что онъ считаетъ голосомъ природы, одно изъ требованій святой половины человѣческаго существа — чувства. Руссо естественно долженъ былъ обратиться къ религіи, потому что признать за чувствомъ безусловный авторитетъ, это значитъ отдаться во власть непонятныхъ силъ, чудеснымъ образомъ открывающихся въ томъ, что, повидимому, не регулируется закономъ, что внезапно и самобытно.

Демократическій порывъ въ ученіи Руссо и его религіозное направленіе связаны съ рѣзкою соціальной критикой. Современный общественный строй казался Руссо сверху до низу неправильнымъ и нездоровымъ.

Величайшее зло современной культуры — неравенство. Оно дошло теперь «до чудовищной степени, потому что явно нарушается законъ природы, если мы видимъ, что ребенокъ повелѣваетъ надъ старикомъ, глупый руководитъ мудрецомъ и кучка людей утопаетъ въ изобиліи, между тѣмъ какъ голодная масса лишена необходимаго». Вся эта культура, построенная на созданіи лишняго, роскоши—извращена. Деньги, ходящія по рукамъ богатыхъ и артистовъ, потеряны для существованія земледѣльца; у него нѣтъ платья, какъ разъ потому, что другимъ нужны золотые галуны.

По какой же мѣркѣ возможно преобразованіе, оздоровленіе общества? Руссо прибѣгаетъ къ привычной соціально-научной операціи, онъ обращается къ фикціи естественнаго состоянія. Человѣческая природа сильно измѣнилась; чтобы опредѣлить ея основу, нужно представить себѣ «состояніе, котораго нѣтъ больше, которое, можетъ быть, никогда не существовало и котораго навѣрно никогда не будетъ; но оно намъ нужно, чтобы имѣть правильное сужденіе о современномъ состояніи.

Въ этомъ опредѣленіи подъ «естественнымъ состояніемъ» разумѣется видимо то, что можно признать въ человѣкѣ основного, здороваго, къ чему его слѣдуетъ постоянно возвращать. Но какъ только Руссо начинаетъ вырисовывать естественное состояніе, у него получается историческая картина, онъ даетъ намъ отдаленное прошлое, первобытный золотой вѣкъ, изображаетъ безгрѣшныхъ и счастливыхъ предковъ нашихъ. Очень конкретно, съ большою любовью, съ художественнымъ увлеченіемъ передаетъ онъ жизнь ихъ. Невѣдѣніе гарантируетъ ихъ отъ порока и замѣняетъ имъ законъ и принужденіе; у нихъ нѣтъ борьбы, потому что нѣтъ нужды, а нѣтъ нужды, потому что нѣтъ излишнихъ потребностей; они не знаютъ и общества, потому что не нуждаются ни въ какомъ союзѣ, а живутъ рядомъ, какъ деревья въ лѣсу, не споря и не сближаясь; это мягкія и забывчивыя существа, безъ бурныхъ, ломающихъ страстей, но съ легко удовлетворимыми влеченіями, ловкія и гибкія безъ всякихъ орудій, свободныя безъ сознанія своей свободы, какъ свободна окружающая ихъ нѣмая природа и дикіе звѣри, которые ихъ не трогаютъ; они сами—часть этой природы.

Чѣмъ конкретнѣе становится эта картина, тѣмъ болѣе Руссо забываетъ ея назначеніе. Все дальше отходитъ онъ отъ «человѣка вообще» и приближается къ «человѣку когда-то». И вотъ, упившись образомъ послѣдняго, онъ обрушивается на современнаго человѣка и современный строй за то, что человѣкъ теперь потерялъ невинный обликъ, или настаиваетъ на возвращеніи къ исчезнувшей старинѣ. «Ты ищешь, человѣкъ,—говоритъ онъ,—возраста въ своей исторіи, на которомъ ты бы желалъ остановки рода своего. Недовольный нынѣшнимъ состояніемъ, въ силу причинъ, которыя возвѣщаютъ твоему несчастному потомству еще болѣе крупныя невзгоды, ты, можетъ быть, хотѣлъ бы имѣть силу пойти назадъ?

Значитъ ли это, что культура цѣликомъ есть зло и отказъ отъ нея, опрощеніе, возможно? Руссо не рѣшается на такой отвѣтъ. Что было, того не вернешь. Некультурность — блаженное дѣтство, а культура — неизбѣжная старость. Какъ невозвратимо дѣтство, какъ не омолодишь старика, такъ изъ человѣка нашихъ дней нельзя сдѣлать первобытнаго человѣка природы. Такъ какъ основная черта нашей жизни, въ отличіе отъ первобытной и естественной, есть общественность, то Руссо говоритъ: «Общество такъ же свойственно роду человѣческому, какъ дряхлость отдѣльной личности; искусства, законы, управленіе нужны народамъ такъ же, какъ старикамъ костыли». И вотъ въ «Разсужденіи о причинахъ неравенства» Руссо убѣдительно и обстоятельно показываетъ, что природа сама сдѣлала людей физически равными, но одѣлила ихъ разными дарованіями; такъ она сама толкнула ихъ на соперничество, на выработку индивидуальности, а слѣдовательно, на захватъ и господство; отсюда неизбѣжно должны были развиться страсти и столкновенія, вкусы и прихоти, изобрѣтенія и усовершенствованія; изъ

общей неустойчивости и колебаній выросла, наконецъ, необходимость принудительнаго общественнаго союза.

Но въ такомъ случаѣ непонятна злая критика болѣзней возраста; какой же смыслъ горячихъ обращеній къ старику, чтобы онъ забылъ опытъ, отвыкъ отъ желаній и обратился въ ребенка?

Очевидно, что-то въ этомъ сравненіи неправильно или недосказано. За старостью у человѣка идетъ смерть, гдѣ же она у общества? Руссо смотритъ кругомъ, сравниваетъ разныя формы обществъ, государства-гиганты и государства-пигмеи, столицы съ ихъ адскимъ шумомъ, нервной смѣной ощущеній и удовольствій, кричащей противоположностью роскоши и нищеты, а съ другой стороны, точно заснувшую сельскую жизнь или однообразно-скромное мѣщанство мелкихъ городовъ, и онъ приходитъ къ той мысли, что не вездѣ общество въ одинаковомъ возрастѣ развитія и не во всякомъ возрастѣ одинаково быстро развивается. Онъ схватываетъ черты и формы, стоящія ближе къ идеальному дѣтству, и хочетъ ихъ удержать, точно заморозить или гипнотизировать. Есть градаціи зла, называемаго культурой и развитіемъ; есть общества, которыя еще довольствуются малымъ, и вотъ тутъ надо бережно подходить; надо отсюда удалить всѣ соблазны, и молодая жизнь, тихое счастье, простодушная добродѣтель протянутся надолго. Старость придетъ сама, зачѣмъ же спѣшить?

Со злой ироніей заставляетъ Руссо поклонниковъ культуры говорить слѣдующую рѣчь въ прославленіе старости: «О счастливые недуги, которые собираютъ около васъ, стариковъ, столько искусныхъ аптекарей, обладающихъ большимъ числомъ снадобій, чѣмъ у васъ болѣзней, столько ученыхъ врачей, знающихъ досконально вашъ пульсъ, умѣющихъ назвать по-гречески всѣ ваши ревматизмы, столько ревностныхъ утѣшителей и преданныхъ наслѣдниковъ, мягко сопровождающихъ васъ къ послѣднему часу! Сколько пропало бы средствъ помощи, если бы вы не испытывали тѣхъ бѣдствій, которыя вызвали ихъ необходимость».

Вотъ почему Руссо такъ боится за родную Женеву, ея патріархально-пуританскій строй, ея спартанскіе нравы и хочетъ ее избавить отъ развивающаго вліянія театральныхъ зрѣлищъ. Вотъ почему Руссо—противникъ женской эмансипаціи и хочетъ спрятать женщину въ семьѣ. Вотъ почему онъ громитъ большіе города, это послѣднее слово культуры; «большой городъ полонъ интригановъ и праздношатающихся, людей безъ религіи, безъ принциповъ, воображеніе которыхъ, испорченное бездѣльемъ, жаждой удовольствій и большими запросами, родитъ лишь чудовищное, лишь уродство и вызоветъ лишь къ преступленію; большой городъ, гдѣ нравы и честь ставятся ни во что, потому что всякій легко скрываетъ свое позорное отъ глазъ общества, чтится въ мірѣ своихъ богатствъ» и т. д. Все, что есть органическаго, свѣжаго, талантливаго, изобрѣтательнаго, все родится въ провинціальной глуши; большой городъ только тратитъ въ себѣ, поглощаетъ

и стираетъ все человѣческое. «Окрестности столицъ имѣютъ подобіе жизни, но чѣмъ болѣе отъ нихъ удаляешься, тѣмъ пустыннѣе видъ. Отъ столицы идетъ дыханіе чумы, которое безпрерывно подрываетъ и разрушаетъ націю».

Руссо думаетъ, что онъ видѣлъ почти идеальную жизнь людей, стоящихъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ богатой и разлагающей культуры. Со свойственнымъ ему лиризмомъ, онъ описываетъ жизнь горцевъ около Невшателя, мелкихъ собственниковъ, свободныхъ хуторянъ, ни въ чемъ не нуждающихся, потому что, помимо земледѣльческихъ работъ, которыя кормятъ ихъ, все умѣютъ сдѣлать сами; никогда столяръ, слесарь, стекольщикъ, гончаръ по профессіи не входили въ ихъ область; раздѣленія труда не существуетъ; они сами дѣлаютъ себѣ инструменты, и не только грубые, но такіе, какъ часы, барометры, насосы, очки; «печное помѣщеніе крестьянина примешь за механическую мастерскую или кабинетъ экспериментальной физики». У нихъ много книгъ, и они разсуждаютъ здраво и остро; они умѣютъ рисовать, играютъ на флейтѣ, поютъ. Искусствамъ этимъ вовсе не обучаютъ профессіональные учителя; они учатся другъ у друга въ семьяхъ. Въ семейной же средѣ искусство и остается; въ часы досуга они поютъ съ женами и дѣтьми квартеты, и тутъ услышишь чудесныхъ старыхъ забытыхъ композиторовъ. Нравы ихъ чисты, ссоръ нѣтъ, нѣтъ податей, подводныхъ повинностей, администраціи; нѣтъ ничего излишняго, роскошнаго, все необходимое въ изобиліи.

Откуда берутся всѣ эти чудеса и чѣмъ держатся? Простота потребностей, отсутствіе обмѣна, неподвижность отношеній, отсутствіе нервической погони за новизной—вотъ основы ихъ жизни. Конечно, и здѣсь Руссо преувеличиваетъ, рисуетъ своего рода добраго и умнаго дикаря, но куда онъ зоветъ общество?

Къ натуральному, самодовлѣющему хозяйству. Какъ нельзя больше это совпадаетъ и съ его идеализаціей семьи; патріархальная семья—центръ, полное вмѣстилище такого хозяйства. Въ романѣ «Новая Элоиза» вслѣдъ за героическимъ возвеличеніемъ свободной страсти въ первой части, за изображеніемъ бурнаго прорыва естественнаго чувства, представлено примиреніе элементовъ, тихая пристань; безпокойная героиня стала добродѣтельною матерью семейства, и это семейство изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ соціальную утопію въ миніатюрѣ. Семья Вольмаровъ богата, но секретъ ея богатства въ томъ, что они избѣгаютъ въ пользованіи своимъ достояніемъ посредниковъ между производствомъ и потребленіемъ. Въ домѣ все свое—кружева, полотно, вино, масло, хлѣбъ. По возможности и поставщикамъ платятъ натурой. Просто одѣтый, вѣчно въ работѣ, среди трудолюбивой челяди, добрый богачъ живетъ въ своей большой патріархальной семьѣ, которая въ то же время есть какъ бы фаланстеръ, организованный для удовлетворенія главныхъ потребностей; тутъ кормится много людей, а патріархъ,

распредѣляя занятія, водворяетъ вездѣ добродѣтель и счастье. Его жена, какъ добрый геній, благотворитъ кругомъ. Вопреки господствующему предубѣжденію, она раздаетъ всѣмъ нищимъ милостыню, она хлопочетъ, чтобы крестьяне были въ довольствѣ и не имѣли желанія покинуть свое положеніе; она думаетъ, что «для этихъ людей добрые нравы и счастье важнѣе, чѣмъ пользованіе талантами, которые они могли бы имѣть. Многіе таланты вредны, и лучше, чтобы они остались въ небреженіи».

Такимъ образомъ идеалъ состоитъ въ реакціи къ натуральному хозяйству и къ родовымъ отношеніямъ. Рѣзкая критика новыхъ общественныхъ порядковъ заканчивается идилліей отжившаго состоянія. Въ этомъ же смыслѣ Руссо считаетъ желательными практическія реформы тамъ, гдѣ для нихъ еще сохранилась благопріятная почва.

Со времени союза просвѣтительныхъ публицистовъ и правительствъ государи въ XVIII в. обращались къ философамъ за принципіально-политическими совѣтами. Во второй половинѣ вѣка можно указать нѣсколько случаевъ обращенія къ ученымъ и публицистамъ отъ лица уже общественныхъ представителей съ запросомъ о наилучшемъ строѣ или съ предложеніемъ составить образцовую конституцію. Нѣчто подобное было въ XVI и XVII вв., когда богословы, въ родѣ Кальвина, провѣряли или вырабатывали всевозможные гражданскіе и политическіе проекты, конституціи, регламенты торговли, опредѣляли размѣры процента при ростѣ, редактировали административныя правила и т. п.

Руссо два раза получалъ такія приглашенія: разъ, высказаться о конституціи для Корсики, а въ другой разъ о реформахъ для Польши. Онъ серьезно отнесся къ своей обязанности, видя въ ней исполненіе великой задачи. «Я чту каждаго государя и каждое правительство въ отдѣльности, писалъ онъ корсиканцамъ, хотя мнѣ приходится говорить имъ иногда нѣсколько жестокія истины». Потомъ онъ обвинялъ герцога Шуазеля, главнаго министра французскаго, въ томъ, что тотъ завоевалъ Корсику, чтобы отнять у него, Руссо, славу законодательной организаціи острова.

Руссо видитъ въ корсиканцахъ народъ въ особенно счастливомъ положеніи, потому что они еще не вступили на путь культуры, широкаго обмѣна, изобилія и роскоши, потому что они сохранили много первобытныхъ чертъ. Они напоминаютъ ему героическихъ швейцарскихъ горцевъ старины. Руссо заботливо вырисовываетъ тѣ моральныя, экономическія и административныя сдержки, которыя помогли бы сохранить этотъ народъ въ состояніи, болѣе близкомъ къ моменту «его рожденія», чѣмъ къ моменту упадка и смерти.

Перебирая естественныя богатства страны, Руссо приходитъ къ заключенію, что Корсика можетъ совершенно обойтись безъ торговли съ другими землями, что она можетъ экономически вполнѣ обособиться. «Всякая торговля вредна для земледѣлія», но особенно должно запре-

тить вывозъ съѣстныхъ припасовъ». Металлическія деньги станутъ ненужны; въ качествѣ единицы мѣны при внутреннихъ сношеніяхъ онъ предлагаетъ принять быка, какъ было въ старину у грековъ, или овцу, какъ у римлянъ. Какъ скоро продукты земли перестанутъ быть товаромъ, производство ихъ мало-по-малу придетъ въ соотвѣтствіе въ каждой области и даже въ каждомъ наслѣдствѣ съ нуждами этой области и частными потребностями земледѣльцевъ. Каждый захочетъ готовить у себя все самъ вмѣсто того, чтобы получать мѣною. «Намъ не нужно ни скульпторовъ, ни ювелировъ, ни изготовителей кружевъ, намъ нужны плотники, кузнецы, ткачи». Надъ всей совокупностью замкнутыхъ хозяйствъ, на которыя распадется экономическая жизнь страны, государство организуетъ какъ бы большое натуральное хозяйство. Доходы его должны быть въ продуктахъ; налоги замѣняются барщиннымъ исполненіемъ общественныхъ работъ. Государство платитъ своимъ чиновникамъ натурой, припасами. Цѣль состоитъ «не въ отмѣнѣ частной собственности, потому что это невозможно, а въ томъ, чтобы ее включить въ самые тѣсные предѣлы». Руссо декретируетъ не только общую умѣренность, но также обязательный бракъ. Всякая статья комфорта по принципу должна быть вычеркнута: на островѣ должны быть воспрещены кареты. Женщины и священники могутъ пользоваться двухколесными повозками; остальные должны ходить пѣшкомъ или ѣздить верхомъ.

«Благородный народъ,—говоритъ Руссо,—я не хочу тебѣ давать искусственныхъ и систематическихъ законовъ, выдуманныхъ людьми, я хочу вернуть тебя къ однимъ лишь законамъ природы и порядка, которые повелѣваютъ сердцу и не насилуютъ воли».

Къ этимъ идеямъ консервативной демократіи и неподвижнаго хозяйства примыкаетъ цѣлое направленіе общественныхъ теорій и рядъ проектовъ соціальнаго переустройства. Представители этого направленія, сочувствуя извѣстнымъ общественнымъ классамъ, въ то же время рѣшали соціальный вопросъ подъ угломъ извѣстнаго моралистическаго взгляда. Зло и бѣдствія въ судьбѣ низшихъ классовъ они опредѣляли, какъ симптомы паденія, вырожденія человѣчества. Средство къ избавленію отъ этихъ золъ они видѣли въ возвращеніи къ раннему быту, близкому къ первоначальной естественности.

Типичный выразитель экономически-консервативнаго идиллизма въ теченіе четверти вѣка послѣ Руссо—Мабли. Мабли интересенъ прежде всего, какъ личный типъ, предвосхищающій черты добродѣтельно-суроваго, прямолинейно-чистаго революціонера эпохи конвента. Мабли уклоняется отъ предложеннаго ему обученія дофина и не хочетъ вступать въ Академію, чтобы не быть вынужденнымъ произносить панегирика Ришелье, основателю абсолютизма. У него постоянно на устахъ идеализированная древность, Ликургъ и Платонъ.

Мабли очень пессимистиченъ. Онъ пересматриваетъ европейскія

государства и ни въ одномъ не находитъ шансовъ для реформы. Особенно его приводитъ въ отчаяніе Франція. «Я усталъ заниматься націей, которая погибла безъ надежды». Она должна разложиться, какъ всякое общество, которое препятствуетъ гражданамъ интересоваться общимъ дѣломъ.

Все счастье народа зависитъ отъ чистоты нравовъ. Чѣмъ больше растутъ потребности, тѣмъ труднѣе вернуться къ чистотѣ нравовъ и жить разумно. Великій вредъ заключается въ ростѣ изобилія. Для Европы рѣзкій моментъ вступленія этого зла—XVI в., вѣкъ роскоши, широкаго обмѣна. Общество раздѣляется на двѣ крайности, и обѣ онѣ богатство и бѣдность,—одинаково вредны для морали. Бѣдный самимъ состояніемъ своимъ глубоко испорченъ.

Главное явленіе, которое вывело людей изъ счастливаго круга необходимыхъ отношеній—внѣшняя торговля. «Торговля—нѣчто чудовищное, разрушающее само себя собственными руками». Купецъ не имѣетъ отечества; въ древности ихъ не даромъ презирали. Нездоровое явленіе—и та растущая мануфактура, которая питаетъ иноземный сбытъ. У Мабли—недовѣріе къ самому персоналу фабричныхъ рабочихъ: ихъ занятіе, ихъ матеріальное положеніе портитъ ихъ; это самый несчастный, но и самый низкій людъ.

При всей симпатіи француза и демократическаго политика къ сѣверо-американцамъ, которые бились въ то время за независимость, онъ видитъ въ экономической энергіи новой демократіи опасный симптомъ; онъ словно боится ея и рекомендуетъ ей—странно сказать—примѣръ аскетической Спарты и мѣщански-умѣренной Швейцаріи. Самый мотивъ американскаго возстанія, протестъ во имя экономической самостоятельности, ему не нравится.

Отдаленный идеалъ по Мабли состоитъ въ первоначальномъ коммунизмѣ. Поэтому дикимъ легче дать хорошіе законы. Въ Европѣ реформы могутъ заключать въ себѣ лишь постепенное приближеніе къ желательному строю рядомъ «хитрыхъ» комбинацій. Государство не должно быть богато. Иначе оно вызываетъ своимъ примѣромъ жадность въ частныхъ лицахъ. Мабли возстаетъ противъ государственныхъ сбереженій, противъ косвенныхъ налоговъ, развитія кредита. Онъ говоритъ въ политическихъ совѣтахъ полякамъ: «Я бы желалъ, чтобы не было общественныхъ финансовъ». Онъ напоминаетъ, что бѣдные народы всегда побѣждали богатыхъ. Онъ хочетъ наконецъ цензоровъ морали, какъ въ Римѣ, для сокращенія роскоши.

Своеобразно во всемъ этомъ направленіи сплетеніе рѣзкой соціальной критики и узость, скудость положительныхъ соціальныхъ построеній. Этой двойственностью демократической теоріи, исходившей отъ понятія о натуральномъ человѣкѣ и натуральномъ обществѣ, можно объяснить, почему она служитъ сначала въ XVIII в. героическому, революціонному настроенію, а послѣ революціи отдаетъ свои аргументы

свои фантастическія картины реакціоннымъ ученіямъ. Она выступаетъ сначала преимущественно какъ форма критики, форма нападенія.

Имя Руссо, обращеніе къ непосредственному чувству, къ натуральному противъ рефлексіи, противъ искусственнаго звучитъ призывомъ къ общественному перевороту. Въ такой странѣ, какъ Германія, гдѣ не было политической жизни, общественныя мечтанія легко входили въ эти общія моралистическія рамки. Въ 60-хъ годахъ молодой Гердеръ, горячая, многосторонняя натура, заброшенъ въ качествѣ учителя и проповѣдника въ предмѣстье Риги, на окраину тогдашней культурной Германіи: онъ глубоко огорченъ, что теперь онъ не больше, какъ чернильница для ученаго писательства, словарь наукъ и искусствъ, складъ бумагъ и книгъ. «Я хочу искать себя самого, чтобы найти себя воистину и никогда не терять; приди, Руссо, будь моимъ направителемъ». Въ своихъ планахъ реформъ, онъ хочетъ сдѣлать натуральнаго человѣка Руссо національнымъ дѣтищемъ Лифляндіи и преобразовать на широкихъ началахъ естественнаго права эту мирную провинцію. «Ликургамъ и Солонамъ было возможно создать республику, отчего-же мнѣ не создать республики для юношества? Вы, Цвингли, Кальвины, что одушевляло васъ? Я прохожу черезъ міръ; что́ мнѣ въ немъ, если я не сдѣлаюсь безсмертнымъ?»

Нѣсколько позднѣе Шиллеръ представилъ воочію въ своихъ «Разбойникахъ» возвращеніе изстрадавшагося отъ ложной культуры, глубоко чуткаго человѣка, какого рисовалъ Руссо, къ природѣ и даже къ первоначальному чистому обществу; его община героическихъ студентовъ въ лѣсу, которые не признаютъ собственности и не трогаютъ бѣдняка, смѣются надъ властями и сокрушаютъ законный порядокъ, потому что носятъ законъ въ своемъ свободномъ влеченіи и мстятъ насиліемъ за попранный идеалъ человѣческій; что же это иное, какъ не натуральное общество, рисовавшееся реставраторамъ золотого вѣка? Вождь и философъ «Разбойниковъ» говоритъ: «Законъ извратилъ людей, рожденныхъ къ орлиному полету, въ ползающихъ улитокъ; законъ еще не создалъ ни одного великаго человѣка, свобода родитъ великановъ».

Позднѣе та же терминологія, частью тѣ же картины первоначальнаго и натуральнаго быта послужатъ основой реакціонныхъ утопій, къ которымъ будутъ звать не на освободительный бой, а на успокоеніе отъ слишкомъ бурнаго и быстраго движенія впередъ.

Демократія въ проповѣдяхъ Руссо, Мабли и ихъ школы выступаетъ въ чертахъ, мало похожихъ на современную демократію. Мы теперь скорѣе всего ищемъ ея пульса въ большихъ городахъ, мы соединяемъ съ ней представленія о живомъ и быстромъ обмѣнѣ, матеріальномъ и умственномъ, о подвижности и нервности, общественномъ критицизмѣ, сложной организаціи политической и промышленной машины.

Въ противоположность этому можно сказать, что картины Руссо и

Мабли—сельскія, полузаснувшія идилліи; онѣ проникнуты какимъ-то земледѣльческо-кустарнымъ сантиментализмомъ. Недаромъ Руссо все вспоминаетъ альпійскіе уголки, тихо-обывательскую жизнь старозавѣтныхъ швейцарскихъ городковъ. Онъ—одинъ изъ тѣхъ швейцарцевъ въ литературѣ, которые вообще пропагандировали въ XVIII вѣкѣ идеалъ естественности и свободнаго сердца въ обстановкѣ своихъ горныхъ озеръ, живописныхъ селеній и патріархально-простой жизни: они включаютъ чистоту души, искренность порывовъ въ рамки впечатлѣній ровной, мелко-самодовлѣющей среды. Эти соціальные моралисты хотятъ вернуть разбушевавшуюся жизнь большихъ городовъ, ропотъ горячихъ умственныхъ запросовъ къ сладкому сну ограниченныхъ потребностей и тихой сосредоточенности.

Они впадаютъ такимъ образомъ въ соціальный консерватизмъ, можно сказать больше, въ утопическое ретроградство. Правда, многое въ общественно-экономической картинѣ Европы середины XVIII вѣка еще могло питать ихъ утопіи. Лѣтъ 50 спустя, когда выросли фабричные гиганты въ Англіи и Франціи, когда сложился многочисленный рабочій классъ въ городахъ, когда переполненіе Европы выразилось въ обширной эмиграціи и въ завоеваніи рынковъ всего свѣта, общественныя мечтанія, подобныя Руссо, стали невозможнымъ анахронизмомъ; но онѣ еще долго волновали сердце и интересовали фантазію, какъ въ свое время миѳы о золотомъ вѣкѣ; только, сойдя съ почвы общественныхъ программъ, онѣ перешли въ область историческихъ картинъ, въ область сказокъ о томъ, что было когда-то.

Руссо увлекался литературой, изображавшей добрые и воображаемые народы. Одно время онъ самъ былъ занятъ составленіемъ исторіи Спарты, чтобы иллюстрировать на великомъ примѣрѣ силу добродѣтели въ политической жизни. «Самое большое затрудненіе, какое я испытывалъ въ своемъ историческомъ предпріятіи, это—что въ Спартѣ видишь людей, ни въ чемъ почти на насъ не похожихъ, которые кажутся намъ чѣмъ-то, совершенно превосходящимъ человѣческую натуру».

Исторія, слѣдовательно,—нравоучительная фантазія, какое-то изображеніе царства Божія на землѣ, все равно, когда и гдѣ. Сюда и примыкаетъ обширная историческая беллетристика или поэтическая исторія романтиковъ, съ безконечнымъ изображеніемъ то античной жизни, то средневѣкового рыцарства, то германскихъ богатырей, то краснокожихъ героевъ и мудрецовъ. Въ томъ или другомъ костюмѣ, это всегда міръ наивныхъ страстей, прямолинейныхъ характеровъ, а главное, это—міръ гипнотизированныхъ свѣтлыхъ моментовъ, заколдованной гармоніи. Это—вѣчная, блуждающая по вѣкамъ сказка; ея главный внутренній мотивъ—неподвижность отношеній.

VI. Теорія безконечнаго прогресса.

Въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка въ Германіи сложилось общество подъ характернымъ названіемъ союза перфектибилистовъ, т. е. идущихъ къ

совершенствованію, потомъ переименованный въ союзъ иллюминатовъ, т. е. просвѣтленныхъ.

Это была одна изъ формъ превращенія просвѣтительства въ культъ. Вожди и популяризаторы новой науки, новыхъ методовъ изслѣдованія и разсужденія какъ бы чувствовали себя провозвѣстниками новаго Евангелія. Они вѣрили, что просвѣщеніе творитъ чудеса въ нравственномъ существѣ человѣка, что вліяніемъ просвѣщенія онъ перерождается, вступаетъ въ новый міръ, новую жизнь безконечнаго совершенствованія. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія и складывались религіозные союзы, священные ордена просвѣщенія. Ихъ организація намѣчалась какъ бы сама собою: сначала—кружокъ избранныхъ и посвященныхъ, потомъ пропаганда и вербовка новыхъ учениковъ, дальнѣйшее расширеніе круга вѣрныхъ, чтобы подготовить сошествіе святой истины, ея міровое торжество.

Черта крайне любопытная—союзы эти почти непосредственно примыкаютъ по своимъ воспитательнымъ пріемамъ, по устройству, по своей символикѣ къ старымъ, церковнымъ орденамъ и корпораціямъ. Основатель общества иллюминатовъ, молодой баварскій профессоръ Вейсгауптъ, былъ ученикъ іезуитовъ, возненавидѣвшій, какъ Вольтеръ, своихъ учителей по существу, но великій поклонникъ ихъ внѣшнихъ пріемовъ. Вейсгауптъ рѣшилъ послѣ закрытія іезуитскаго ордена бороться съ его тайнымъ вліяніемъ и, взявши его организацію и дисциплину, замѣнить іезуитскую школу пропагандой новаго просвѣщенія. Образы великихъ наставниковъ, которые носились передъ его воображеніемъ, были: Игнатій Лойола, св. Францискъ и Доминикъ. Вейсгауптъ выработалъ статуты, инструкціи, символъ вѣры новаго ордена. Цѣль его опредѣлялась такъ: «Моя задача пустить въ оборотъ, дать силу разуму... Главнымъ образомъ я стремлюсь поддержать тѣ науки, которыя имѣютъ вліяніе на развитіе общаго благоденствія нашего и успѣхъ нашего ордена, а противоположныя устранить съ пути. Намъ придется имѣть дѣло съ педантизмомъ, существующими школами и воспитаніемъ, нетерпимостью, богословіемъ и государственнымъ устройствомъ. Для этихъ цѣлей люди, каковы они есть, не годятся мнѣ, я долженъ еще образовать ихъ. Каждая предъидущая ступень должна быть школой испытанія для послѣдующей».

Согласно этимъ принципамъ, ученики постепенно вводятся въ тайну просвѣтительныхъ идей и дѣла. Въ низшихъ, такъ сказать, классахъ они изучаютъ мораль, исторію, познаютъ человѣка по книгамъ, преимущественно говорящимъ сердцу, воображенію: между поэтами — баснописцы, между философами и историками болѣе конкретные. Плутархъ, Адамъ Смитъ, Гельвецій и др. На высшихъ ступеняхъ изучаютъ «государственныя и религіозныя книги». Строгая іерархія, какъ у іезуитовъ, сложилась въ орденѣ. Около главы стояли посвященные высшихъ ступеней «свѣтлѣйшіе вожди», ареопагиты, которымъ слѣпо

должны были подчиняться низшіе, минералы. Тайную исповѣдь замѣнили правильные отчеты братьевъ, которые неуклонно наблюдали другъ за другомъ и обо всемъ доносили; какъ іезуиты, орденъ жадно добирался до правительственныхъ и сановныхъ лицъ, до богатыхъ и ученыхъ, до лицъ съ вѣсомъ, черезъ которыхъ можно было пріобрѣсти вліяніе. Таинственность и пышный церемоніалъ долженъ былъ приковывать членовъ. Начало союза возводили въ глубь вѣковъ; онъ пользовался особымъ календаремъ, далъ странамъ и людямъ особыя пророческія или символическія имена; подъ вліяніемъ особой игры словъ были введены даже черты персидскаго огнепоклонства: орденъ, по мнѣнію основателя, есть служеніе огню, потому что въ борьбѣ съ мракомъ онъ хочетъ дать торжество свѣту.

Очень быстро распространился орденъ по всей Германіи, и въ него вступило много нѣмецкихъ князей-правителей, министровъ, администраторовъ, профессоровъ, учителей, писателей, между ними Гёте и Гердеръ. Когда его закрыли и стали преслѣдовать на югѣ, на сѣверѣ появился манифестъ «нѣмецкаго союза» или «ордена двадцати двухъ», въ которомъ говорилось: «мы соединились для того, чтобы провести великую цѣль возвышеннаго основателя христіанства, просвѣщеніе человѣчества и низверженіе съ престола предразсудка и фанатизма посредствомъ тихаго братскаго единенія всѣхъ, кто любитъ Божье дѣло».

Общества и союзы, подобные этимъ, отражали въ восторженной формѣ стремленіе къ популяризаціи новаго знанія и вѣру въ его морально-воспитательную силу. Эта вѣра сказывалась съ такой силой, что не только современный моментъ представлялся великимъ и глубоко плодотворнымъ; все будущее развертывалось въ картину безконечнаго совершенствованія.

Такъ слагается другой догматъ, другая черта религіознаго настроенія, передавшагося XIX вѣку, именно идея безконечнаго и необходимаго человѣческаго прогресса. Если можно сказать, что возведеніе народа на степень деспота и земного бога у Руссо было религіозной формулировкой надвигающейся демократіи, то теорія безконечнаго прогресса человѣчества была первой религіозной и энтузіастической формулой современнаго ученія объ эволюціи.

Въ самомъ дѣлѣ, сначала хотѣли въ прогрессѣ человѣческаго общества на землѣ открыть предустановленную цѣль, прочитать планъ и школьную систему великаго воспитателя и даже найти признаки перехода человѣческаго міра въ еще болѣе совершенный міръ, который имѣетъ возникнуть въ будущемъ.

Такова мысль статьи Лессинга «Воспитаніе рода человѣческаго» (1780). Лессингъ представляетъ себѣ развитіе человѣчества похожимъ на развитіе человѣка. Оно также проходитъ три возраста и проходитъ школу, но его воспитанію служитъ откровеніе, которое Лессингъ разсматриваетъ въ его историческомъ движеніи. Имѣя дѣло сначала съ

грубымъ и жесткимъ еврейскимъ народомъ, откровеніе дѣйствовало на него яркими, элементарными картинами и рѣзкой, наивной моралью, которая обѣщала непосредственную кару и награду за зло и добро. Это былъ періодъ дѣтства. По мѣрѣ того, какъ ученикъ подвигался въ ясности, твердости и широтѣ понятій, его школа открывала ему новые горизонты. Школа сама вырабатывала посредствующую форму: въ лицѣ еврейскаго народа Ветхаго Завѣта, на который сначала было направлено откровеніе, былъ подготовленъ будущій воспитатель рода человѣческаго. Христіанство упразднило потомъ предшествующія формы религіознаго сознанія, такъ же какъ для юноши дѣлается ненужнымъ элементарный учебникъ. Оно внесло понятіе отдаленнаго духовнаго возмездія.

Предстоитъ періодъ полной зрѣлости; воспитаніе пойдетъ еще дальше, и человѣкъ будетъ любить добро ради него самого, а не ради возмездія. Это будетъ эпоха полнаго просвѣтленія, эпоха новаго вѣчнаго Евангелія, говоритъ Лессингъ, примѣняя выраженіе мечтателей XIII в., которые ждали послѣ эпохи Новаго Завѣта и царства Христа приближенія неземнаго св. Духа. Они, думаетъ Лессингъ, чуяли истину: «мечтатель часто имѣетъ вѣрный взглядъ на будущее». И Лессингъ, какъ они, рисуетъ возможность настоящаго перерожденія, второго рожденія человѣка. Онъ представляетъ себѣ даже переселеніе душъ на земной поверхности. «Отчего отдѣльная личность не могла бы болѣе одного раза появляться на этой землѣ? Отчего мнѣ не возвращаться (на землю) всякій разъ, какъ я въ силахъ буду достигнуть новыхъ знаній, новыхъ способностей?» При этомъ человѣкъ, возрождающійся въ новую болѣе совершенную эпоху, забываетъ то, что присуще ему было въ низшую, менѣе совершенную. Въ этомъ скачкѣ индивидуальнаго сознанія заключается лишь кажущійся перерывъ. Въ цѣломъ, въ вѣчности движенія ничто не погибаетъ. Статья Лессинга заканчивается словами: «Быть можетъ, для меня такимъ образомъ потеряно будетъ слишкомъ много времени? Такъ ли, потеряно ли? А что я могу упустить? Развѣ не принадлежитъ мнѣ вѣчность?»

Здѣсь смѣшиваются представленія о человѣкѣ и о человѣчествѣ; представленія о личномъ безсмертіи и о непрерывной жизни идей или о ихъ возрожденіи; представленія о связи понятій въ личномъ сознаніи и о связи идей въ развитіи вѣковъ. То, что прошло человѣчество, то кажется жизнью одного духа. Этотъ взглядъ характеренъ для цѣлаго направленія теоріи прогресса.

Подъ какимъ вліяніемъ сложилась эта мысль о человѣчествѣ, какъ великомъ объединенномъ цѣломъ, мысль о безконечномъ, необходимомъ, какъ бы предустановленномъ его прогрессѣ?

Восемнадцатый вѣкъ переживалъ крупное матеріальное сближеніе и сильный обмѣнъ мысли между европейскими націями. Все шире становятся торговыя сношенія, большія океаническія предпріятія, ко-

торыя охватываютъ всю земную поверхность. Въ этихъ оборотахъ и сношеніяхъ европейскіе народы какъ бы раздѣляютъ между собою трудъ и спеціализируются на разныхъ его видахъ. Отсюда возникаетъ идея, постоянно повторяемая въ концѣ XVIII в., что земной шаръ—великая мастерская, въ которой разнообразныя организаціи, постепенно совершенствуясь, работаютъ по извѣстному плану, въ извѣстной гармоніи для общей великой цѣли. Мечта идетъ еще дальше: инымъ кажется, что національныя различія падутъ такъ же, какъ сословные предразсудки, что всѣ люди объединятся въ одинъ народъ, что установится одинъ общій языкъ просвѣщенія.

Другой толчокъ вѣрѣ въ прогрессъ давали успѣхи естествознанія. По мѣрѣ того, какъ европейцы раздвигали свой культурно-географическій горизонтъ, масса новаго матеріала обогатила науки, которыя изучали органическую жизнь природы. Множество новыхъ видовъ растительныхъ и животныхъ, и между ними новые виды животнаго, именуемаго человѣкомъ, открывали возможность широкаго сравнительнаго изученія. Чѣмъ больше сравнивали, чѣмъ больше изучали промежуточные виды, тѣмъ больше вытѣснялось старое представленіе о неподвижности формъ; тѣмъ больше разгоралось желаніе, увлекала задача открыть въ существующихъ видахъ непрерывную цѣпь развитія, схватить въ нихъ біеніе однихъ и тѣхъ же законовъ жизни.

Сильно дѣйствовали на общія представленія также успѣхи физики и химіи. Открытіе магнетизма и электричества, разложеніе на составныя части воздуха и воды, т. е. того, что считалось раньше тоже неподвижными элементами, заставляло и въ неорганическомъ мірѣ искать движущихъ силъ, искать зникновенія сложныхъ формъ и образованій изъ комбинацій простыхъ началъ. Между неодушевленной и одушевленной природой падали преграды, казавшіяся неодолимыми. Человѣкъ былъ пораженъ тѣмъ, что онъ находилъ тамъ и здѣсь одинаковыя составныя части. Если въ современности онъ встрѣчалъ различныя формы въ живомъ и мертвомъ мірѣ, то значитъ слѣдовало отнести къ прошлому нечувствительный переходъ отъ однихъ къ другимъ. «Отчего,—говоритъ Гердеръ въ «Идеяхъ къ философіи исторіи»,—у насъ и у всѣхъ животныхъ въ костяхъ известь? Потому что въ грубыхъ формаціяхъ земли известь составляла одинъ изъ послѣднихъ переходовъ, который, вслѣдствіе своего большаго совершенства, могъ уже служить костяному строенію живого организма».

Еще шагъ, и является мысль, что въ природѣ не только существуетъ единство матеріала, вещества, но также единство движущихъ жизненныхъ началъ. Странно звучитъ для насъ предположеніе одного психолога половины XVIII в. Крейца, что между матеріей и духомъ должны быть «среднія существа» (Mitteldinge). Но онъ именно проникнутъ этой мыслью о единствѣ жизни въ природѣ, которая доходитъ у него до одухотворенія всѣхъ существъ. Чтобы судить, какъ

великъ былъ переворотъ понятій, хорошо вспомнить, что философскій наставникъ предшествующей эпохи, Декартъ, считалъ даже животныхъ машинами, лишь искусно воспроизводящими подобіе душевной жизни.

«Ничто въ природѣ,—читаемъ мы у Гердера въ приведенномъ уже мѣстѣ,—не стоитъ въ покоѣ; все стремится и подвигается дальше». Существующія формы начинаютъ казаться послѣдовательными ступенями, на которыхъ въ разные моменты остановилось движеніе; но всѣ онѣ отъ простѣйшихъ, видимо, покоющихся, спящихъ и до самыхъ сложныхъ и тонкихъ, наиболѣе нервныхъ и подвижныхъ, — всѣ онѣ, вся природа представляется іерархическимъ цѣлымъ, которое на всемъ протяженіи состоитъ изъ одинакихъ элементовъ и внутри котораго идетъ одно великое движеніе.

Къ этому движенію въ природѣ естественно стали присоединять исторію человѣка. Она должна была входить, какъ составная часть, въ общую цѣпь; въ ней слѣдовало теперь открыть ту же возрастающую прогрессію силъ, возрастающую сложность образованій.

Въ этой связи мысли исторія человѣка является у Гердера въ его «Идеяхъ къ философіи исторіи человѣчества», книгѣ, вышедшей въ 1784 году. Интересно сравнить сочиненіе Гердера съ книгой Вико, вышедшей за 60 лѣтъ передъ тѣмъ. Источники и вдохновители Вико—языкъ, литература, миѳъ, поэзія, формы права; онъ старается угадать въ сказаніяхъ, словахъ, обычаяхъ, какъ въ символахъ художественное выраженіе потребностей и настроеній вѣковъ и поколѣній. Гердеръ находится подъ обаяніемъ прежде всего естественно-научныхъ открытій. Фундаментъ его исторіи человѣчества, это—исторія солнечной системы, исторія образованія земной коры, исторіи развитія растительныхъ и животныхъ видовъ. Картина этого непрерывнаго движенія силъ вызываетъ въ немъ культъ творящей природы, и онъ чтитъ въ ней существо, которое своею мыслью опредѣляетъ будущіе пути развитія видовъ на землѣ. Человѣчество представляется ему тоже великимъ живымъ организмомъ, и онъ обращается къ его генію: «и вотъ я повергаю къ твоимъ стопамъ, великое существо, ты невидимый возвышенный геній нашего рода, несовершеннѣйшее произведеніе, какое только писалъ смертный. Развѣются листы и разсыплются буквы, разлетятся формулы, въ которыхъ я видѣлъ твои слѣды и старался ихъ выразить для ближнихъ моихъ, но мысли твои останутся, и ты будешь открывать ихъ послѣдовательно все больше и больше поколѣніямъ рода своего и являть въ образахъ все болѣе прекрасныхъ».

Намъ трудно теперь читать Гердера. Невольно отпугиваетъ его выспренній тонъ, его какъ бы пророческія видѣнія и возгласы, его неумѣнье удержаться на конкретной почвѣ и постоянное уклоненіе въ неясныя и широкія мечтанія. А между тѣмъ въ его хаотическомъ и

реторическомъ изложеніи брошены удивительно сильныя и глубокія мысли, которыя развиваетъ наука въ XIX в.

Гердеръ говоритъ о законѣ сохраненія силы. Онъ опредѣляетъ ростъ всякаго существа, какъ усвоеніе имъ органическихъ силъ изъ окружающаго міра. Но болѣе всего его занимаетъ слѣдующая мысль: «анатомическія и физіологическія данныя доказываютъ, думаетъ онъ, что черезъ все одушевленное твореніе на нашей землѣ проходитъ господствующая аналогія одной организаціи». Пораженный сходствомъ функцій и движенія на всѣхъ ступеняхъ, онъ хочетъ найти основную клѣточку, основной простой типъ, который лежитъ въ глубинѣ всѣхъ организацій, какъ бы онѣ ни были различны. «Мы ставимъ подрядъ виды и формы, въ существо которыхъ мы не можемъ проникнуть, и классифицируемъ ихъ, какъ дѣти, по отдѣльнымъ органамъ и членамъ или другимъ знакамъ. Высшій домоправитель міра видитъ и держитъ у себя непрерывную цѣпь напирающихъ другъ на друга силъ». «Если бы мы обладали чувствомъ, которое позволяло бы намъ видѣть первоначальные образы и зародыши вещей, мы замѣтили бы, можетъ быть, въ мельчайшей точкѣ прогрессію всего творенія».

Одна нить такимъ образомъ проходитъ черезъ все строеніе до человѣка. Сложность организаціи, это — лишь болѣе многочисленное соединеніе элементовъ изъ низшихъ царствъ. «Кровь человѣка — это сборникъ со всего земного міра: известь и земля, соли и кислоты, масло и вода, силы произрастанія, возбужденій, ощущеній соединены въ немъ и сплетены органически». «Чѣмъ ближе къ человѣку, тѣмъ тѣснѣе смыкала природа группы и радіусы, чтобы соединить въ человѣческомъ существѣ, этомъ священномъ центрѣ всего земного творенія, все, что она могла. Радуйся, человѣкъ, твоему состоянію и изучай самого себя, благородное созданіе средины, во всемъ, что живетъ вокругъ тебя».

Характерно разсужденіе Гердера объ «органическомъ различіи» между животными и человѣкомъ. Это — не различіе фиксированныхъ видовъ, не качественное различіе. Человѣка отличаетъ культура, сводящаяся на выработку и передачу слѣдующимъ поколѣніямъ болѣе совершенныхъ органовъ, привычекъ, искусствъ. Лишенный ихъ, не усвоившій ихъ человѣкъ принадлежитъ опять къ животнымъ. Поэтому у Гердера актъ творенія есть только драматическій призывъ генія природы къ поднявшемуся животному, призывъ, въ которомъ лишь формулированъ итогъ совершившагося въ человѣкоподобномъ существѣ подъема къ культурѣ: «Встань, созданіе, съ земли!» Лишь въ этомъ смыслѣ рожденіе человѣка, «перваго вольноотпущеннаго природы», есть второе твореніе.

Впечатлѣніе отъ этой картины возрастающихъ силъ и совершенствующихся формъ настолько сильно, что Гердеръ не можетъ остановиться на человѣкѣ, какъ послѣднемъ звенѣ; его вѣра перекидывается

за предѣлы сущаго и видимаго. Исторія должна показать тѣ средства культуры, которыя направляли всѣ народы къ великой цѣли, именно къ счастливому возсоединенію ихъ и возвышенію въ одинъ народъ «для здѣшняго и будущаго міра». Человѣкъ—послѣднее кольцо земной цѣпи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—первое, начальное для другой жизни; въ отношеніи этой жизни онъ все равно, что дитя въ своихъ первыхъ шагахъ. Безъ безсмертія, говоритъ Гердеръ, нѣтъ философіи исторіи. На землѣ человѣкъ не можетъ болѣе перейти ни въ какую организацію, ему придется идти назадъ или шататься въ кругѣ—остановиться онъ не можетъ; слѣдовательно, ему, очевидно, предстоитъ ступень, настолько къ нему близкая и все-таки настолько надъ нимъ приподнятая, какъ онъ надъ животнымъ. Гердеръ представляетъ себѣ даже прощаніе человѣка съ землей: «Ты много вкусилъ на ней хорошаго. Ты достигъ на ней той организаціи, въ которой ты, въ качествѣ сына небесъ, научился смотрѣть вокругъ себя и выше себя. Покидай ее радостно и благослови ее, это поле, гдѣ ты игралъ, какъ дитя безсмертія, эту школу, гдѣ ты воспитался въ горѣ и радости къ зрѣлому возрасту. Ты не имѣешь болѣе правъ на нее, она не предъявитъ правъ на тебя; увѣнчанный уборомъ свободы, охваченный небеснымъ поясомъ, двинься радостно дальше со своимъ посохомъ».

И здѣсь, какъ у Лессинга, не знаешь, идетъ ли рѣчь о личномъ безсмертіи человѣка или о мистическомъ будущемъ человѣчества. Такъ или иначе, новая вѣра въ безконечный прогрессъ связана съ олицетвореніемъ и обоготвореніемъ человѣчества и съ представленіемъ о о его нѣкоторымъ образомъ загробной жизни.

Но каково же содержаніе прогресса человѣчества? Какія черты обнаруживаетъ развитіе его на землѣ, какимъ законамъ оно подчинено? Гердеръ говоритъ, что встрѣчалъ пессимистовъ, которые увѣряли его, что на пустынномъ океанѣ человѣческой исторіи они не видятъ Бога; напротивъ, Онъ предстаетъ предъ ними, когда они на твердой почвѣ естественно-научнаго изученія, Онъ открывается здѣсь въ каждой былинкѣ и песчинкѣ. О всемогуществѣ и мудрости Бога говоритъ вся природа, только не человѣческое общество, гдѣ безсмысленныя страсти и дикія разрушительныя силы борются между собою. Исторія—словно паутина въ уголку міровданія; въ тонко-сплетенныхъ нитяхъ ея много жертвъ разбоя, но нигдѣ не видно даже печальнаго средоточія ея, самого прядущаго паука.

«Сомнѣнія и жалобы людей, что въ исторіи—одна смута, что едва замѣтенъ ростъ добра, происходятъ отъ того, что печальный путникъ видитъ передъ собой лишь небольшую часть дороги. Если бы онъ окинулъ шире взоромъ и лишь безпристрастно сравнилъ вѣка, болѣе обстоятельно извѣстные намъ изъ исторіи; если бы онъ вникъ, кромѣ того, въ природу человѣка и взвѣсилъ, что такое разсудокъ и правда, онъ бы такъ же мало усомнился въ этомъ, какъ въ самыхъ достовѣр-

ныхъ истинахъ физической природы. Въ теченіе тысячелѣтій считали солнце и звѣзды неподвижными; телескопъ устраняетъ всѣ сомнѣнія въ томъ, что они движутся». Съ извѣстной высоты, слѣдовательно, открывается и для историческихъ судебъ человѣка обширная перспектива, въ которой ясно должны выступить законы его развитія на землѣ. Богъ есть въ исторіи, какъ и въ природѣ; человѣкъ въ самыхъ дикихъ проявленіяхъ слѣдуетъ законамъ, не менѣе прекраснымъ, чѣмъ законы движенія небесныхъ тѣлъ.

Въ самой природѣ человѣка указаны эти законы. Человѣчность, гуманность—вотъ высшая цѣль, заключенная въ его существѣ; недаромъ же, когда мы хотимъ представить ангеловъ или боговъ, мы ихъ рисуемъ, какъ идеальныхъ людей. Возвышенная религія, создавшая нашу культуру, заключаетъ въ себѣ принципы совершеннѣйшей гуманности. Мы слышимъ ее въ бесѣдахъ Христа. Болѣе всего Онъ любилъ себя называть сыномъ человѣческимъ. Какъ понять небесное царство, о которомъ Онъ проповѣдывалъ? Духовный Спаситель рода человѣческаго, Онъ хотѣлъ образовать «человѣковъ Божіихъ, которые подъ господствомъ какого бы то ни было закона, искали бы блага другихъ въ силу чистаго принципа и, даже подвергаясь страданіямъ, съ царственной мощью выступали бы въ мірѣ правды и добра». Богъ сдѣлалъ человѣка богомъ на землѣ. Но не чудесами помогаетъ Онъ человѣку подняться до своего высшаго назначенія: только одно великое чудо дано ему, это—собственная его организація. Онъ брошенъ въ свѣтъ, чтобы развивать вложенные въ него задатки на полной свободѣ; зато всѣ святые, вѣчные законы природы будутъ помогать ему.

Міровая сила мудро распредѣлила на земной поверхности разнообразныя условія внѣшней обстановки, климатъ, форму рельефа, почвенныя различія. Условія эти даютъ толчекъ и матеріалъ для человѣческой работы. Но въ нихъ нѣтъ непреодолимо связывающей силы. «Климатъ не принуждаетъ, а клонитъ», говоритъ Гердеръ, ослабляя положеніе Монтескье. Человѣческимъ группамъ, обществамъ, народамъ даны направительныя линіи, но движеніе по нимъ составляетъ энергическую, самостоятельную работу, составляетъ раскрытіе и примѣненіе данныхъ имъ первоначальныхъ силъ. Въ этомъ смыслѣ существуетъ воспитаніе рода человѣческаго, существуетъ идеальное единство, идеальная семья людей и народовъ. «Историческое теченіе подъ конецъ опять сходится въ одно русло, и вся территорія земли превращается въ одну школу нашей семьи, раздѣленной на много группъ, классовъ и камеръ, но съ однимъ типомъ обученія».

Тысяча заблужденій и паденій возможны на этомъ пути. Божество заставляетъ людей пройти черезъ нихъ, чтобы на нихъ научиться лучшему. «Всякое заблужденіе человѣка—есть туманъ правды; всѣ грубыя страсти въ его груди—дикія побужденія силы, которая еще не сознаетъ себя, но по природѣ своей идетъ и клонитъ къ лучшему.

Бури моря, страшныя и разрушительныя, тоже дѣти гармоническаго мірозданія и ему онѣ должны служить, какъ мягкіе зефиры». Если правды мало и слабы результаты борьбы, это значитъ, что человѣкъ не схватилъ того, на что способенъ. «Человѣчество представляетъ собою то, что оно могло сдѣлать съ собою, на что оно имѣло охоту и силу».

«Если, говоритъ Гердеръ, мнѣ разскажутъ теперь басню о республиканскомъ героѣ Брутѣ, который, будто бы, послѣ пораженія при Филиппахъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, воскликнулъ: «Добродѣтель, я вѣрилъ, что ты нѣчто собою представляешь; я вижу теперь, что ты—сонъ!»—я скажу, что не слышу мудреца въ жалобѣ этой. Будь у него истинная добродѣтель, онъ не могъ и въ этотъ моментъ не чувствовать ея нравственнаго торжества. Разъ онъ не сознавалъ ея силы, онъ только подкрѣплялъ этимъ фактъ побѣды болѣе сильнаго. Невѣрно сбрасывать вину деспотическаго порядка на тѣхъ немногихъ, кто держитъ власть; она держится на слабости, на рабствѣ тѣхъ, кто повинуется».

Въ самыхъ страшныхъ потрясеніяхъ заключается зародышъ лучшаго будущаго. Между примѣрами, которые приводитъ Гердеръ, есть одинъ, для насъ особенно поразительный. Онъ думаетъ, что въ человѣческой средѣ слабѣютъ разрушительныя наклонности, и приводитъ въ доказательство прежнія долгія и частыя грабительскія войны и современныя, быстро рѣшающія дѣло. А ростъ губительныхъ орудій, а увеличеніе человѣческихъ жертвъ въ короткій срокъ нынѣшнихъ войнъ? Гердеръ отвѣчаетъ намъ, что въ злѣ здѣсь и таится добро. Сама страшная техника войны и разрушастъ войну, дѣлаетъ ее невозможной и ненужной. Не тѣ-ли самые доводы въ пользу самопроизвольнаго исчезновенія войны приводятся въ концѣ XIX в., когда мы приходимъ въ ужасъ отъ неуклонно растущихъ военныхъ бюджетовъ и когда мы читаемъ о битвахъ, въ четверть часа обращающихъ цѣлый флотъ и тысячи людей въ одинъ костеръ?

Теорія Гердера не просто шагаетъ черезъ преграды на пути прогресса; она въ нихъ беретъ новую увѣренность въ его неуклонности. Это—оптимистическій фатализмъ. Не надо оплакивать паденій и неудачъ. Беретъ верхъ не всегда лучшее, но если торжествуетъ грубое и злое начало, это лишь испытаніе для добраго, это значитъ, что доброе не съумѣло сплотиться въ силу, не поднялось на истинную высоту.

Стремительная новая философія исторіи, изучавшая въ судьбѣ человѣческихъ обществъ на землѣ лишь одинъ этапъ, одинъ періодъ непрерывнаго процесса движенія, конечно, должна была почувствовать свое отличіе отъ спокойной обозрѣвающей соціологической мысли предшествовавшихъ поколѣній. Гердеръ ждетъ новаго Монтескьё для исторіи и рѣзко отмѣчаетъ то, что ему кажется недостатками дѣйствительнаго Монтескьё: не по пустымъ именамъ трехъ или четырехъ политическихъ

формъ должно опредѣлять законы исторической жизни, не на основаніи хитрыхъ формулировокъ государственныхъ принциповъ, а главное, не на основѣ «оторванныхъ примѣровъ, которые выхвачены изъ всѣхъ націй, временъ и странъ свѣта, такъ что даже геній земли нашей не могъ бы изъ этого смѣшенія и смуты составить цѣлаго». Въ исторіи нѣтъ повтореній.

Такимъ образомъ, исторія представляетъ единый процессъ единаго великаго тѣла, человѣчества. Сравнительное изученіе Гердеръ отвергаетъ потому, что мы имѣемъ въ исторіи не возобновляющіеся типы, а преходящіе моменты великаго теченія, камни, творческой рукой художника приготовленные для цѣлаго. Жизнь обществъ и народовъ, безконечно индивидуализированная, должна быть понята въ своихъ своеобразныхъ чертахъ и своемъ отношеніи къ цѣлому. Только одинъ общій законъ можно въ ней подмѣтить,—законъ механическій: каждая группа можетъ достигнуть извѣстнаго максимума напряженія дѣятельныхъ силъ, слагающихся къ общей гармоніи въ ея средѣ. Народы направляютъ свою энергію къ разнообразнымъ цѣлямъ, у каждаго свой особый максимумъ: у китайца вырабатывалась тонкая политическая мораль, у индусовъ — идеалъ воздержанія, чистоты, тихой работы и терпѣливости, культура грековъ шла къ наивысшему напряженію чувственно-прекраснаго. Въ цѣломъ «черезъ жизнь всѣхъ образованныхъ народовъ тянется одна цѣпь культуры въ сильно отклоняющихся кривыхъ линіяхъ и поворотахъ; отклоненія создаются изъ подъемовъ и паденій, изъ разнообразныхъ максимумовъ. Иные изъ нихъ исключаютъ другъ друга или ограничиваютъ взаимно другъ друга, пока наконецъ въ цѣломъ не возстановится равновѣсіе».

Движеніе прогресса получаетъ такимъ образомъ у Гердера совершенно иной характеръ, чѣмъ въ философіи исторіи просвѣтителей. Иначе складывается у него и опредѣленіе факторовъ прогресса. Въ долгой и непрерывной работѣ приспособленія, совершенствованія органовъ и привычекъ, въ передачѣ высшихъ формъ сознанія, помимо непосредственныхъ усилій ума, помимо прямо усваиваемаго запаса знаній и пріемовъ, Гердеръ указываетъ еще обширную роль традиціи, элемента, глубоко таящагося въ чувствахъ.

Самое яркое выраженіе традиціи — религія. Культура и наука выросли не вопреки религіи и не на ея обломкахъ; онѣ были первоначально ничѣмъ инымъ, какъ религіозной традиціей, передававшейся въ языкѣ и письмѣ; жрецы были первоначальными мудрецами народа. Гердеръ возвращается къ знакомой намъ идеѣ Вико: сфера религіознаго толкованія и религіознаго чаянія безконечно шире, чѣмъ узкій кругъ раціонально доступнаго и объяснимаго. «Мы не можемъ не искать въ окружающемъ причинной связи; но въ дѣлахъ природы мы не можемъ въ сущности открыть внутреннихъ причинъ: мы не знаемъ самихъ себя и не знаемъ работающихъ въ насъ силъ.

Поэтому, въ нашемъ опредѣленіи силъ, дѣйствующихъ внѣ насъ, все—лишь сонъ, догадка или простое названіе; однако же сонъ вѣренъ, если мы видимъ частое и постоянное соединеніе одинаковыхъ причинъ съ одинаковыми слѣдствіями. Таковъ ходъ философіи, а первой и послѣдней философіей всегда была религія». Религія въ человѣкѣ и есть знакъ того, что Богъ не предоставилъ человѣческаго міра жестокому случаю. «Животному Ты далъ инстинктъ, въ человѣческой душѣ Ты начерталъ свой образъ—религію и гуманность; контуръ изваянія заключенъ въ темной глубинѣ мрамора; но онъ не можетъ вырубить, образовать себя самъ. Это должны сдѣлать традиція и ученіе, разумъ и опытъ, и Ты далъ человѣку всѣ средства къ тому». «Царство человѣческихъ дарованій и ихъ выработка—вотъ истинный градъ Божій на землѣ, въ которомъ всѣ люди—граждане, раздѣленные лишь по очень различнымъ разрядамъ и ступенямъ».

Придавая великую культурную цѣну религіи, какъ элементу внутренней энергіи и просвѣтленія, Гердеръ раздѣляетъ однако съ просвѣтителями отрицательное отношеніе къ церковности, къ догматикѣ и считаетъ историческіе моменты господства этихъ началъ безплодными или глубоко печальными. «Варварамъ и сарацинамъ мы должны быть благодарны за то, что они дикими нападеніями своими разрушили этотъ позоръ человѣческаго разума». Вотъ почему въ «отвратительной» византійской исторіи Гердеръ видитъ лишь пороки и жестокости: «дешевый ѳиміамъ передъ худшими императорами; безобразную анархію, которая смѣшала въ одну массу броженія духовныя и свѣтскія дѣла, еретиковъ и правовѣрныхъ, варваровъ и римлянъ, генераловъ и евнуховъ, женщинъ и поповъ, патріарховъ и императоровъ». Античная древность неизмѣримо выше. «Вы, древніе римляне, Катоны, Цицероны, Брутъ, Титъ, вы Антонины. что вы сказали бы, глядя на этотъ новый Римъ, т. е. императорскій дворъ въ Константинополѣ, отъ его основанія до его паденія?» Въ духѣ просвѣтителей Гердеръ оцѣниваетъ и крестовые походы, эту «святую глупость», «бѣшеное» предпріятіе, совершавшееся «распущенными» бандами.

Гердеръ намѣчаетъ въ заключеніе крупнѣйшіе шаги современнаго человѣчества, и его картина надолго опредѣлила перспективу въ послѣдующихъ изображеніяхъ всемірной исторіи. Особенно любопытно опредѣленіе момента, съ какого Гердеръ ведетъ эру новой Европы, просвѣщенной и дѣятельной, новаго общества, исполненнаго независимости, духа равенства и культурности. Великими толчками онъ считаетъ арабовъ, отъ которыхъ идетъ иниціатива рыцарства и средневѣковой поэзіи, затѣмъ ереси съ XII в., подготовлявшія, силою своей простоты и сердечности, паденіе величайшей изъ тираній, іерархіи; наконецъ города. эти «укрѣпленные лагери культуры, мастерскія труда и образцы правильнаго управленія»; города именно создали «объединенную въ своей работѣ Европу, а не государи, попы и дворяне».

У Гердера есть полетъ натуръ-философа, чутье общей органической жизни, пониманіе общихъ психическихъ основъ культуры, но въ его построеніяхъ отсутствуетъ ближайшая обстановка историческихъ явленій; у него есть народы въ разныхъ климатическихъ условіяхъ и съ различными культурными продуктами, но нѣтъ государствъ, сословій. Гердеръ жилъ въ раздробленной Германіи, которая была лишь географическимъ именемъ, а не сплоченной націей; онъ жилъ при небольшомъ просвѣщенномъ Веймарскомъ дворѣ, который скорѣе былъ похожъ на крупную гостепріимную виллу помѣщика-мецената, чѣмъ на государство; онъ самъ былъ священникъ и церковный сановникъ: его разсужденія слагались въ стилѣ общей гуманной проповѣди къ людямъ вообще, а не къ представителямъ извѣстнаго государства, сословной группы, партіи или школы. Окружающія условія и характеръ профессіи налагали вмѣстѣ съ тѣмъ на эту личность, прошедшую просвѣтительную школу, тяжелую сдержку. Гердеръ писалъ къ концу жизни: «каждый человѣкъ долженъ былъ бы передъ смертью начертать на бумагѣ, что собственно онъ считалъ комедіей и кукольной игрой, но не могъ громко объявить изъ страха передъ обстоятельствами, у всѣхъ насъ есть такая ложь жизни на душѣ и намъ стало бы легче, если бы мы сняли ее съ себя, надѣвая на себя саванъ». Въ другой разъ онъ замѣтилъ, что «самое тонкое самоубійство совершается въ самыхъ выдающихся, избранныхъ людяхъ. Чѣмъ болѣе чуткости въ человѣкѣ, тѣмъ страшнѣе для него разрушеніе горячо любимой идеи, возвышеннаго идеала, которые онъ носилъ. Такихъ мертвецовъ гораздо больше въ нашемъ обществѣ, чѣмъ можно думать, именно потому, что они болѣе всего скрываютъ горе свое и прячутъ ядъ своей медленной смерти, какъ печальную тайну сердца, даже отъ своихъ друзей».

Безъ сомнѣнія, представленіе о человѣчествѣ, какъ одномъ великомъ обществѣ, которое въ своемъ развитіи направлено благодѣтельной силой къ свѣтлой общей цѣли, было отзвукомъ старинной церковной идеи, собиравшей разрозненныя на землѣ группы человѣческихъ обществъ въ одинъ великій, всеспасающій градъ Божій.

Въ XVIII вѣкѣ стало трудно распознать первоначальное происхожденіе универсально-историческаго построенія. Всѣ страны на земной поверхности, выступая изъ миѳическаго тумана, втягивались въ реальный обиходъ. Роль просвѣтляющей силы въ средѣ человѣческой массы заняла наука. И рамки прежняго, подлежавшаго объединенію и спасенію человѣчества, и факторы движенія въ его средѣ стали казаться иными. Но можно почти непосредственно ощутить, какъ новая традиція примыкала къ старой. Замѣчательная рѣчь молодого Тюрго «о послѣдовательномъ прогрессѣ человѣческаго ума» была произнесена въ 1750 году въ торжественномъ собраніи стараго богословскаго факультета Парижа, Сорбонны, тамъ же, гдѣ за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ, тотъ же начинав-

щій ученый говорилъ «о благодѣяніяхъ, оказанныхъ христіанствомъ роду человѣческому». Черезъ обѣ рѣчи проходитъ въ сущности одна мысль—о послѣдовательномъ просвѣтленіи человѣчества. Прогрессъ опредѣленъ, какъ ростъ успѣховъ научнаго метода, ясныхъ, точныхъ знаній, какъ развитіе сознательной стройки и творческой работы человѣка. Рѣчи Тюрго по времени совпадаютъ съ горячимъ протестомъ Руссо противъ воздѣйствія культуры и съ началомъ его проповѣди о благодѣтельной, единственно спасающей остановкѣ соціальнаго движенія.

Оба направленія пошли рядомъ въ общественной мысли. Но во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка присоединился еще одинъ новый элементъ общественнаго движенія, который повліялъ на формулировку теоріи прогресса—именно политическое возрожденіе страны, расширеніе сферы правъ, ростъ гражданскаго равенства въ эпоху революціонную.

Совпаденіе торжества точныхъ наукъ и соціально-политическаго подъема производило своеобразное впечатлѣніе на общественное сознаніе. На этомъ впечатлѣніи, можно сказать основано ученіе другого крупнаго провозвѣстника теоріи прогресса въ концѣ XVIII вѣка, столь непохожаго на Гердера какъ по своимъ внутреннимъ свойствамъ, такъ и по обстановкѣ дѣятельности, именно—Кондорсе.

Кондорсе—ученый съ ясной головой, чуждой всякого мистицизма, умственно-счастливая, разумно-рефлектирующая натура. Кондорсе можно назвать лучшимъ, совершеннѣйшимъ продуктомъ просвѣщенія XVIII вѣка. Въ стройной системѣ собраны его знанія, они проникнуты ясными принципами, которые указываютъ точные пути дальнѣйшей работы; въ Кондорсе есть интересъ и чутье ко всему живому въ соціальной жизни: онъ горячій защитникъ самоуправленія, свободы печати, правъ женщины, эмансипаціи невольниковъ; въ немъ научный духъ встрѣчается и крѣпко сплетается съ мягкой человѣчностью.

Кондорсе былъ собственно математикъ и естественникъ; почти всю жизнь онъ провелъ въ серьезной научной работѣ и въ общеніи съ тѣми, кто составлялъ цвѣтъ ума во Франціи въ послѣднюю четверть вѣка, въ кабинетѣ и салонѣ. Но въ эпоху революціи выдающійся человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, не могъ уйти отъ политической жизни. Въ великомъ штурмѣ за человѣческія права его долгъ былъ стоять на первомъ, самомъ отвѣтственномъ посту. Кондорсе отдался дѣлу возрожденія Франціи со всѣмъ жаромъ вѣрующаго, но онъ внесъ въ него свой научный складъ мысли. Люди переживали время удивительныхъ ожиданій и сознанія невѣроятныхъ успѣховъ въ общественной жизни. Въ умѣ философа успѣхи эти выстраивались, какъ ряды результатовъ, которые можно было предусмотрѣть и вычислить изъ дѣйствовавшихъ силъ. Торжество научнаго метода, полное освобожденіе мысли, въ глазахъ ученаго, не просто совпадало съ соціальнымъ и политическимъ освобожденіемъ: нѣтъ, то и другое были какъ бы выраженія одной

и той же благодѣтельной силы: въ просвѣтлѣніи умовъ и заключенъ главный, единственный рычагъ общественнаго благополучія; все зло должно пасть передъ очевидностью научной истины.

Отсюда великая и первая обязанность для научнаго дѣятеля. «Убѣжденный съ давнихъ поръ,—говоритъ Кондорсе,—въ томъ, что родъ человѣческій способенъ къ безконечному совершенствованію и что это совершенствованіе, какъ необходимое слѣдствіе современнаго состоянія знаній и общества, можетъ быть остановлено лишь физическими переворотами на земномъ шарѣ, я считалъ заботу объ ускореніи этого прогресса однимъ изъ самыхъ пріятныхъ занятій, первымъ долгомъ человѣка, который укрѣпилъ свой разумъ научнымъ изслѣдованіемъ и размышленіемъ».

Еще въ концѣ 70-хъ годовъ Кондорсе выступилъ публицистомъ. Со времени революціи онъ—дѣятельный политикъ сначала въ парижской коммунѣ, потомъ въ законодательномъ собраніи и конвентѣ въ рядахъ жирондистовъ. Онъ могъ, не такъ, какъ Гердеръ, до конца и безъ прикрытія высказать свою мысль: онъ могъ испытать, черпнуть до самаго дна наслажденія и горечи политической жизни. Онъ любопытенъ намъ тѣмъ, какъ научная вѣра его прошла невредимой сквозь строй этихъ испытаній.

«Просвѣщеніе» середины XVIII в. формулировало очень ясно задачу культурной работы. Предполагалась заранѣе готовая, фиксированная цѣль—разумный порядокъ, который лишь ждетъ пробуждающихся людей. Движеніе впередъ — какъ бы постепенное отпаденіе шелухи отъ чистаго блестящаго зерна, паденіе съ глазъ человѣческихъ повязки. И вотъ, въ концѣ столѣтія, когда обществу дали просторъ, люди стали свергать одно за другимъ то, что они называли предразсудками и препятствіями: исчезли всѣ преграды къ единенію возрожденнаго народа, сошли въ могилу стародавнія привилегіи двухъ высшихъ сословій, сокрушились самыя эти сословія; исчезла самая старинная привилегія во Франціи, ея монархическая власть; установилась свобода мнѣній и вѣрованій, и скрылся самый могучій авторитетъ, авторитетъ католической церкви. Ученый, который привѣтствовалъ эти быстрые шаги къ послѣдней цѣли, не замѣтилъ, какъ въ сокрушеніи препятствій онъ самъ сталъ препятствіемъ въ глазахъ извѣстной группы борцовъ. Съ паденіемъ жирондистовъ, лѣтомъ 1793 г. Кондорсе пришлось бѣжать отъ гильотины. Нѣкоторое время онъ укрывался въ домѣ героической женщины, не побоявшейся рискнуть жизнью: но спастись ему не удалось.

Въ безпокойныя минуты жизни въ этомъ убѣжищѣ Кондорсе и написалъ свое культурное завѣщаніе «Очеркъ успѣховъ человѣческаго разума». Это набросокъ главныхъ мыслей, который онъ надѣялся заполнить потомъ доказательствами и картинами. Подъ руками не было книгъ и пришлось писать по памяти, возстановлять въ воображеніи заложенныя раньше черты историческихъ образовъ.

Нѣтъ ничего болѣе трогательнаго вѣры преслѣдуемаго ученаго въ близкое торжество истины. У него нѣтъ личной жалобы. Можетъ быть, именно та страшная операція, жертвой которой онъ будетъ, и окажется послѣднимъ усиліемъ, послѣднимъ зломъ, которое надо преодолѣть, чтобы очистить путь. «Если вѣрно, что родъ человѣческій освободится отъ всѣхъ цѣпей, подчиненныхъ господству случая... эта картина даетъ философу утѣшеніе въ виду тѣхъ ошибокъ, преступленій и несправедливостей, которыми еще обагрена земля и которыхъ жертвою онъ часто бываетъ самъ!» Его награда, его наслажденіе—въ сознаніи, что достигнуто прочное благо, которое не разрушитъ роковая сила, чтобы вернуть опять предразсудки и рабство. «Вотъ это сознаніе и есть для него убѣжище, гдѣ не можетъ преслѣдовать его воспоминаніе о его гонителяхъ; вотъ, гдѣ онъ живетъ мыслью съ человѣкомъ, возстановленнымъ въ своихъ правахъ, какъ и въ достоинствѣ своей природы; онъ забываетъ того, кого мучатъ и искажаютъ жадность, страхъ и зависть; вотъ, гдѣ онъ существуетъ истинно вмѣстѣ съ подобными себѣ, въ райскихъ поляхъ, которыя съумѣлъ создать его разумъ и которыя его любовь къ человѣчеству украсила самыми чистыми радостями».

Въ этихъ предсмертныхъ строкахъ осужденнаго на смерть горячо бьется жизнь и жажда продолжить торжество своего духа, своихъ глубокихъ порывовъ за предѣлы короткаго земного существованія.

Кондорсе видитъ въ самой человѣческой природѣ условія для непрерывнаго совершенствованія: они заключаются въ способности воспринимать впечатлѣнія, сопровождаемыя чувствами удовольствія и страданія, связывать и комбинировать ихъ въ идеи и заключенія и накоплять опытъ. Движеніе человѣческаго развитія ускоряется, благодаря общенію его съ другими людьми и наростанію техническихъ приспособленій. Можно изучать общее соотношеніе этихъ силъ и вліяній въ развитіи человѣка. Можно разсматривать развитіе, прогрессъ, какъ явленіе историческое на протяженіи вѣковъ. «Законы этого прогресса будутъ тѣ же, что и въ развитіи способностей личности, потому что прогрессъ человѣчества—лишь результатъ этого развитія, наблюдаемаго одновременно у большого числа личностей, соединенныхъ въ общество». Такимъ образомъ, общество не составляетъ органической группы, не имѣетъ своего закона развитія. Это—лишь сумма развивающихся личностей, благопріятная обстановка, просторная арена ихъ дѣятельности.

Различные предразсудки, мѣстные, сословные и др., задерживали, временно отдаляли прогрессъ. Изученіе борьбы съ ними полезно; мы должны знать, какъ въ свое время былъ обманываемъ народъ, какъ его погружали въ бѣдствія. На основѣ этого изученія можетъ быть основана наука о предвидѣніи, ускореніи, направленіи прогресса.

О раннихъ ступеняхъ въ развитіи человѣчества можно судить лишь по общему заключенію изъ психическихъ свойствъ человѣка; болѣе

позднее время извѣстно намъ изъ опыта исторіи, въ результатѣ прямыхъ извѣстій о жизни разныхъ народовъ. Сравнительное изученіе ихъ необходимо, чтобы извлечь изъ него «предполагаемую исторію единственнаго народа» и изобразить картину его прогресса. Будущій ходъ прогресса можетъ быть теперь опредѣленъ на основаніи точныхъ фактовъ и положительныхъ заключеній. «Философіи ничего болѣе не остается отгадывать».

Въ свою очередь, главныя черты этой картины прошлаго намѣчаются у Кондорсе двумя дорогими для него фактами современности: прогрессомъ умственнаго свѣта, т. е. точныхъ знаній, и прогрессомъ политической и общественной свободы. Интеллектуальный и соціальный прогрессъ тѣсно связаны: они не всегда совпадали, иногда даже ихъ считали непримиримыми, но они должны быть неотдѣлимы, въ концѣ концовъ они всегда взаимно благопріятствуютъ другъ другу. Не называя Руссо, Кондорсе постоянно вооружается противъ него: наука не губитъ лучшихъ сторонъ человѣческой природы; напротивъ, нравственная порча сопровождаетъ умственное паденіе. Да моральнаго прогресса въ сущности и нѣтъ самого по себѣ. Религія не занимаетъ вовсе мѣста въ успѣхахъ человѣчества; мистицизмъ всегда былъ только помраченіемъ: онъ былъ причиной гибели римской имперіи; духъ христіанства отвѣчалъ временамъ паденія и несчастія; оно несло съ собой презрѣніе къ наукамъ. Юліанъ—вдвойнѣ реставраторъ, противъ варваровъ и новыхъ суевѣрій, которыя грозили затопить имперію.

Средніе вѣка представляются Кондорсе эпохой мрачной и тяжелой вдвойнѣ, какъ время водворенія варваровъ и господства церковнаго начала. Папы «подчинили рядомъ грубо сочиненныхъ актовъ невѣжественную довѣрчивость; они примѣшивали религію ко всѣмъ гражданскимъ отношеніямъ, чтобы удовлетворить своей гордости или жадности; они имѣли во всѣхъ государствахъ армію монаховъ, всегда готовыхъ своимъ обманомъ воспламенять суевѣрный страхъ, чтобы тѣмъ сильнѣе поднимать фанатизмъ; они возбуждали народы къ гражданской войнѣ; всюду вызывали они смуту, чтобы надо всѣмъ господствовать; во имя Божіе предписывали измѣну, и клятвопреступленіе, убійство и отцеубійство, дѣлали королей и воиновъ, по очереди, орудіями и жертвами своей мести». На протяженіи этого періода остановки культуры только явленія протеста, ереси, бунтующіе города, вызываютъ симпатію, какъ проблески свободныхъ направленій; и то иниціаторами просвѣщенія европейскаго оказываются арабы-мусульмане.

Ростъ знаній, расширеніе научной мысли и кругозора въ такой мѣрѣ представляется въ глазахъ Кондорсе единственнымъ двигателемъ культуры, что онъ сводитъ къ вліянію этого факта самое образованіе сословій, возникновеніе общественнаго неравенства. Начало общественныхъ классовъ есть умственное разъединеніе: образуется группа болѣе знающихъ людей, которые при помощи искусства господствуютъ надъ

другими. «Остаткомъ такого класса отъ раннихъ временъ является теперь духовенство». Изъ него позднѣе образуются, напримѣръ, на Востокѣ, группы, среднія между священниками и учеными. Эти ученыя касты захватывали воспитаніе и формировали человѣка къ тому, чтобы онъ терпѣливо переносилъ цѣпи.

При помощи этого факта можно объяснить, почему умственное развитіе обыкновенно опережаетъ соціальное улучшеніе. Переходъ грубаго общества къ цивилизаціи буренъ и тяжелъ, онъ стоитъ большихъ жертвъ. Неполная наука, скрываемая ея обладателями, наука метафизическая, служитъ въ одно и то же время источникомъ заблужденія для массы, источникомъ грубаго мнѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ она составляетъ орудіе деспотизма, пригнетенія. Съ установленіемъ и общимъ распространеніемъ истиннаго, положительнаго знанія наука начинаетъ идти объ руку съ общественнымъ прогрессомъ.

Эпохи прогресса намѣчаются появленіемъ крупныхъ мыслителей, какъ Сократъ, Декартъ, или важныхъ научно-техническихъ изобрѣтеній, какъ, напримѣръ, компасъ, книгопечатаніе, или въ новѣйшее время успѣхи агрономіи и идустріальной техники. Въ разсужденіи о важности книгопечатанія, о томъ, какъ оно породило широкое просвѣщеніе, насъ поражаетъ, что Кондорсе ни единымъ словомъ не упомянулъ о могущественной потребности просвѣщенія, которое только и могло вызвать подобное изобрѣтеніе. Это молчаніе для него характерно. У него нѣтъ чутья къ жизни массъ; народная легенда, сатира, эпосъ, моральнопоэтическая литература, обычное право для него не существуютъ. Весь свѣтъ идетъ сверху и только научный свѣтъ организуетъ сѣрую матерію народа. Популяризація лабораторной работы, практическое примѣненіе научныхъ формулъ въ техникѣ государства, фабрики, земледѣлія и воспитанія—вотъ весь прогрессъ. Планъ кампаніи готовъ, генеральный штабъ—образованное общество, сформированъ, надо собрать и обучить армію и создать въ завоевательномъ движеніи новую націю, націю образованныхъ людей.

Въ простомъ образѣ, который принадлежитъ самому Кондорсе, можно было бы художественно закрѣпить эту формулу движенія: «матросъ, спасающійся отъ кораблекрушенія благодаря точному наблюденію долготы мѣста, обязанъ своей жизнью теоріи, которая посредствомъ цѣпи истинъ восходитъ къ открытіямъ Платоновой школы, погребеннымъ въ полной безполезности въ теченіе 20-ти вѣковъ».

Вотъ почему могла получиться у Кондорсе эта смѣлая параллель совпаденія успѣховъ математики съ успѣхами общественной свободы въ XVIII вѣкѣ. Вотъ почему онъ могъ рѣшительно утверждать, что «отнынѣ совершенствованіе человѣка не зависитъ ни отъ какой силы, которая могла бы его остановить, и что ему нѣтъ иныхъ предѣловъ, кромѣ періода существованія нашего земного шара». Темная масса человѣче-

скихъ страстей, взаимное столкновеніе интересовъ, косность привычекъ и упорство человѣческой природы для него не существуютъ. Теперь прогрессъ будетъ немного, на моментъ пріостанавливаться только вслѣдствіе своеобразныхъ условій конституціи нашего ума, т. е. потому, что природа поставила противорѣчіе между нашими средствами открывать истину и препятствіями къ ея нахожденію, т. е. всѣ преграды къ прогрессу устраняются у стола ученаго, усиліями какой-нибудь ученой академіи. Борьба за благо прогресса, слѣдовательно, не представляетъ страданія человѣчества, она—лишь совокупность усилій рѣшить трудную научную задачу.

На фактахъ роста научнаго сознанія и распространенія просвѣщенія въ массахъ основывается и картина будущаго. Кондорсе рисуетъ колонизацію дикихъ материковъ, грандіозное развитіе средствъ сообщенія, всестороннюю утилизацію знаній. Вмѣсто хитрой правительственной машины должна стать во главѣ общества большая организація для научныхъ опытовъ и открытій, для сосредоточенія лучшихъ умовъ и передовыхъ идей. Кондорсе посвящаетъ изображенію всемогущаго авторитетнаго союза ученыхъ особый очеркъ «объ Атлантидѣ или соединенныхъ усиліяхъ рода человѣческаго для прогресса наукъ». Задачею этой великой организаціи будетъ экономить умственное напряженіе, острить силу научныхъ орудій и пытать труднѣйшія проблемы, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе всѣхъ людей. Для массъ должна быть упрощенная наглядная система знаній. Соотвѣтственно этому должно произойти распространеніе по всему міру одного языка, научно-алгебраическаго, космополитическаго отвлеченнаго языка массы, который рядомъ со старыми языками, живыми и народными, будетъ могучимъ средствомъ ускореннаго обмѣна. Народы образуютъ единое цѣлое. Прообразомъ этой космополитической республики, ея подготовкой можетъ служить въ современности общеніе интеллигентныхъ людей во всемъ свѣтѣ.

А матеріальная нужда, болѣзни, преступленія? Все излечитъ проникновеніе научнаго духа, думаетъ Кондорсе. Съ уничтоженіемъ монополій и стѣсненій, которыя нелѣпы въ теоріи, уничтожится и неравенство. Разумныя учрежденія, напримѣръ, страхованіе жизни и пенсіи для рабочихъ классовъ, уничтожатъ ихъ бѣдствія. Сама природа человѣка должна переродиться. Его страсти войдутъ въ спокойное русло и будутъ регулироваться разсудкомъ: «вѣдь рѣзкій характеръ страстей часто результатъ привычекъ, которымъ человѣкъ отдается вслѣдствіе ложнаго разсчета, или результатъ незнанія средствъ къ тому, чтобы воспрепятствовать ихъ первымъ движеніямъ, смягчить ихъ, направить ихъ дѣйствіе». Отъ исчезновенія большей части болѣзней, отъ разумной научной гигіены удлинится, наконецъ, и самая жизнь человѣка.

Таковы упованія Кондорсе.—Значительныя различія бросаются въ

глаза между двумя крупными теоріями прогресса человѣчества, появившимися въ концѣ XVIII вѣка. Различно ихъ отношеніе къ религіи, къ росту политическаго освобожденія, непохожи картины будущаго. Но онѣ обѣ исходили отъ одинаковыхъ реальныхъ толчковъ: это было впечатлѣніе промышленныхъ и культурныхъ сношеній между народами, затѣмъ эволюціонная идея, намѣчавшаяся естественными науками, наконецъ, самый фактъ быстрыхъ успѣховъ науки, ея философскаго и техническаго торжества. Сходились онѣ и въ своей вѣрѣ въ естественную необходимость и неотразимость прогресса совокупнаго человѣчества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОНЕТЪ.

Пѣвцу любви измѣна не страшна.
Ее въ груди не долго онъ хоронитъ,
И малодушныхъ слезъ онъ не уронитъ,—
Отрада слезъ иныхъ ему дана.

Пускай душа зоветъ и сердце стонетъ,
И ночь любви отчаяній полна!
Мигъ творчества—печали мигъ прогонитъ,
Любовь безсонная дождется сна!

Тогда къ пѣвцу со всѣхъ концовъ вселенной
Слетятся звуки... Трепетъ вдохновенной
Прольется въ немъ холодною струей;

И, внемля голосамъ любви иной,
Онъ назоветъ тревогою презрѣнной
Безсильный бредъ души своей больной.

ГРОЗА.

Темно надъ рѣкою. Сердито шумитъ
Порывистый вѣтеръ; доносится громъ;
Вода помутилась и тучи кругомъ...
Дитя, успокойся! Гроза улетитъ:
Появится солнце, и снова оно,
Играя въ прозрачной рѣкѣ, озаритъ
Ея золотистое дно.

—

Дитя, успокойся! Заглянетъ потомъ
И въ сердце мое отраженье небесъ,
И много невѣдомыхъ людямъ чудесъ,
Желаній, раздумій, затерянныхъ въ немъ,
Пробудятъ весеннія ласки твои...
Дитя, успокойся... И въ сердцѣ моемъ
Есть дно золотое любви.

С. Маковскій.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

XXVI.

«Сказочка» полковника.

На другое утро Мона получила цѣлую кипу писемъ по поводу поѣздки Люси на Ривьеру. Леди Мунро оказалась вполнѣ на высотѣ положенія.

«Если твоя пріятельница хоть чуточку похожа на тебя,—писала она,—я буду очень счастлива имѣть такую подругу для Эвелины. Я написала ей, прося ее погостить у насъ мѣсяцъ, и чѣмъ скорѣе она пріѣдетъ, тѣмъ лучше».

«Мы знакомы съ вами всего нѣсколько лѣтъ,—писала Люси,—но за это время мнѣ столько разъ приходилось благодарить васъ, что я даже устала и не нахожу больше словъ. Для меня будетъ наслажденіемъ пожить въ Каннахъ, не чувствуя въ то же время, что отецъ изъ-за меня долженъ отказывать себѣ въ кускѣ мяса; и гостить у такихъ людей, какъ Мунро, тоже чего-нибудь да стоитъ, но если они думаютъ, что я способна замѣнить имъ васъ—мнѣ лучше сразу разочаровать ихъ. Я такъ и сдѣлала: написала имъ, чтобъ они не ждали отъ меня ничего добраго, что я только суррогатъ васъ, и притомъ очень плохой. Напишите и вы то же самое, а то какъ бы не вышло смертоубійства.

«Ваше милое письмо и приложеніе къ нему я передала прямо въ руки отца, спрашивая его, что мнѣ съ этимъ дѣлать. Онъ перечелъ письмо два раза, очень внимательно, и возвратилъ мнѣ банковый билетъ сказавъ только: «Спрячь!» И мнѣ показалось,—понимаете, *показалось*,—что глаза его были какъ-то подозрительно влажны. Должно быть, вы

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

совсѣмъ завладѣли сердцемъ моего отца, миссъ Мона, если онъ позволилъ своей дочери принять отъ васъ двадцать фунтовъ.

«За вычетомъ всѣхъ расходовъ на дорогу, оказывается, что я еще могу сдѣлать себѣ два платья и шляпку; какого труда мнѣ стоитъ ихъ выбрать—и сказать не съумѣю. Наконецъ, я рѣшила окончательно, что одно изъ нихъ будетъ шелковое, блѣдно-зеленое, цвѣта морской волны, съ воздушной отдѣлкой, на манеръ пѣны, и, одновременно съ этимъ, пришла къ другому рѣшенію—что, въ сущности, стоитъ жить.

«Одно меня смущаетъ: я не увѣрена, что вы могли, безъ ущерба для себя, удѣлить мнѣ такую сумму. Вы, помнится, говорили, что ничего не собираетесь дѣлать себѣ эту зиму, etc., etc.».

Въ концѣ была маленькая приписка отъ м-ра Рейнольдса къ его «старшей дочери»,—приписка, не блиставшая оригинальностью, но вся проникнутая тѣмъ животворнымъ обаяніемъ личности, которое стоитъ тысячи блестящихъ афоризмовъ.

Въ это утро въ лавкѣ перебывало множество посѣтителей, но въ свободныя минуты Мона все-таки ухитрилась написать письмо Люси и нѣсколько строкъ леди Мунро. Это отняло у нея все время до обѣда; покончивъ съ этой мало-привлекательной трапезой, она поспѣшно одѣлась и вышла навѣстить свою пріятельницу Дженни.

— Одно изъ двухъ,—разсуждала она дорогой,—или въ Матильдѣ Куксонъ произошла реакція и тогда она не пойдетъ въ замокъ Маклинъ, или мое вліяніе еще держится и, въ такомъ случаѣ, ей не повредитъ, если она подождетъ меня напрасно.

Ей надо было дойти до Киркстоуна и еще двѣ-три мили идти проселкомъ; подходя къ городку, она встрѣтила м-ра Броуна.

— Такъ вы вернулись?—началъ онъ застѣнчиво, видимо, чувствуя себя очень неловко.

— Да, я здѣсь уже нѣсколько дней.

— Какъ поживаетъ миссъ Симпсонъ?

— Очень хорошо, благодарю васъ.

— Вы куда-нибудь направляетесь, или просто такъ вышли пройтись?

— Я иду въ Барнтоунъ-вудъ, но, если это вамъ не по дорогѣ, пожалуйста, не стѣсняйтесь.

Вмѣсто отвѣта, онъ пошелъ рядомъ съ нею.

— Вамъ, можетъ быть, непріятенъ табачный дымъ?—освѣдомился онъ, вынимая изъ кармана трубку.

— Ничуть не непріятенъ.

— Случалось вамъ съ тѣхъ поръ еще предпринимать ботаническія экскурсіи?

— Нѣтъ, времени не было. Благодарю васъ за присылку цѣлаго ящика сокровищъ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень заинтересовали меня.

— Я такъ и думалъ, что онѣ вамъ понравятся. Не соберетесь ли вы какъ-нибудь сами поискать ихъ?

— Развѣ еще не поздно?

— Для мховъ, лишаевъ и водорослей не поздно. Вы когда-нибудь занимались ими спеціально?

— Нѣтъ, это, должно быть, страшно интересно, но и очень трудно?

— О, вы бы скоро пріобрѣли навыкъ. Если хотите, я вамъ покажу какъ-нибудь виды, наиболѣе часто встрѣчающіеся въ этихъ мѣстахъ, и нѣкоторые изъ рѣдкихъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось. Ваша сестра тоже пойдетъ съ нами?

— О да! Въ тотъ разъ она устала не столько отъ ходьбы, сколько отъ того, что башмакъ жалъ ей ногу. Я такъ смѣялся надъ ней, когда мы вернулись домой.

— Ну-съ, здѣсь намъ надо разстаться. Я иду къ полковнику Лауренсу.

— Мнѣ сегодня нечего дѣлать. Я могъ бы проводить васъ.

Слова были самыя обыкновенныя, но въ томъ, какъ онъ ихъ сказалъ, было что-то, заставившее Мону насторожиться.

Въ смыслѣ дара изложенія м-ръ Броунъ ушелъ недалеко отъ безсловесныхъ созданій. Онъ могъ разсуждать съ заѣзжимъ торговцемъ о достоинствахъ той или другой ткани, съ обывателемъ о городскихъ дѣлахъ, или съ сестрами перемывать косточки знакомыхъ. Онъ могъ говорить съ образованной молодой дѣвицей о ботаникѣ и въ видѣ заключенія сказать ей напрямикъ, что онъ проситъ ее быть его женой; но объ ухаживаньи, о нѣжномъ и осторожномъ *crescendo*, которое захватываетъ женщину помимо ея воли, онъ не имѣлъ никакого понятія: въ этомъ отношеніи онъ былъ невиненъ, какъ ребенокъ. Перескочить однимъ гигантскимъ прыжкомъ отъ ботаники къ браку для него было легко и естественно, и ему даже на умъ не приходило, что для женщины такой прыжокъ можетъ быть слишкомъ труденъ, что ее необходимо провести по ступенькамъ, которыя наростающая страсть сама подставляетъ влюбленному и которыми умѣнье жить учитъ свѣтскаго человѣка пользоваться сознательно.

— Очень вамъ благодарна,—сказала Мона;—но я не могу позволить себѣ оторвать васъ отъ дѣла. Я привыкла ходить вездѣ одна.— Она протянула руку и, такъ какъ онъ не сразу взялъ ее, ласково кивнула ему головкой и ушла, оставивъ его растерянно глядящимъ вслѣдъ ея удаляющейся стройной фигурѣ.

Она миновала музей и, оставивъ за собой городъ, пошла цѣликомъ по жнивью. Хлѣбъ былъ по большей части уже убранъ, но кое-гдѣ еще высились скирды, нарушая однообразіе сжатыхъ полей. Деревья въ этой мѣстности были такъ рѣдки, что даже тощая смоковница у дороги служила указателемъ пути и носила пышное названіе «Вѣтвистаго дерева», а лѣсокъ, прилегавшій къ дому полковника, виденъ былъ на многія мили вокругъ, причемъ маленькій бѣлый коттэджъ выглядывалъ изъ густой тѣни сосенъ, словно кроликъ изъ норки.

— Мнѣ кажется, душа моя,—говорила себѣ Мона,—что ты немножко сглупила. Вѣдь тебѣ не семнадцать лѣтъ, чтобы тебя могли смущать разговоры изъ Оллендорфа. Тѣмъ не менѣе, если на будущій разъ миссъ Броунъ опять будетъ жать ногу башмакъ, мои башмаки тоже окажутся тѣсны.

Черезъ четверть часа она подходила къ Баркстоунъ-вуду. Помѣстье казалось до странности пустыннымъ для резиденціи свѣтскаго человѣка, и однако сразу видно было, что здѣсь живетъ джентльменъ. Вдоль тщательно подстриженной буковой изгороди тянулась глубокая, выложенная камнемъ канава; мшистыя трещины ея заросли цѣлымъ лѣсомъ многоножекъ, сквозь которыя мѣстами пробивались граціозныя вѣтки дикаго волосатика. Прямо съ подъѣздной аллеи, гладко убитой и опрятно содержимой, вы погружались въ тѣнь деревьевъ, съ толстымъ ковромъ изъ хвои подъ ногами и томнымъ воркованьемъ голубей надъ головой.

Мону тянуло познакомиться поближе съ этимъ таинственнымъ уголкомъ, но сегодня на это не было времени.

Въ дверяхъ ее встрѣтилъ страннаго вида старикъ съ гладко выбритымъ лицомъ, покрытымъ цѣлой сѣтью морщинъ и въ каштановомъ парикѣ, на которомъ надѣтъ былъ красный ночной колпакъ.

— Кто вы такая?—спросилъ онъ рѣзко.

— Я Мона Маклинъ.—Сама не зная, почему, въ первый разъ со времени своего пріѣзда въ Борроунессъ, она прибавила не «кузина миссъ Симисонъ», но—«дочь Гордона Маклина».

Онъ почти грубо схватилъ ее за плечо и повернулъ лицо ея къ свѣту.

— Ей Богу, правда! Хотя вы не такъ красивы, какъ была ваша мать. Входите же, входите, и разсказывайте все по порядку.

Онъ отворилъ дверь въ старомодную гостиную, гдѣ пахло табачнымъ дымомъ, и Мона вошла.

— Но я вовсе не хочу мѣшать вамъ,—начала было она.—Я пришла къ Дженни.

— Ладно, ладно, садитесь! Дженни, гдѣ ты, чортъ тебя возьми! Подбрось полѣно въ огонь; видишь, барышня пришла.

Старуха прошла къ камину, по дорогѣ кивнувъ головой въ сторону Моны. Она нисколько не удивилась, увидавъ помощницу миссъ Симпсонъ въ гостиной своего господина. Однимъ изъ главныхъ достоинствъ Дженни въ глазахъ полковника было то, что она давно перестала удивляться его причудамъ.

— Не знаю, чѣмъ бы васъ угостить,—раздумчиво выговорилъ старикъ. Онъ отомкнулъ маленькій шкафикъ, досталъ оттуда тарелку съ печеньемъ не первой свѣжести и налилъ Монѣ стаканъ вина, говоря:

— Не пугайтесь: это легкое, дамское. Я пью другое.—И, наливъ себѣ рюмку виски, онъ искоса посмотрѣлъ на гостью.

— За старыя времена и за Гордона Маклина, милѣйшаго малаго и гостепріимнѣйшаго хозяина!—И онъ залпомъ проглотилъ свое виски.

Мона тоже выпила и улыбнулась, сквозь нежданно отуманившую ея глаза дымку слезъ. Ей невыразимо отрадно было слышать похвалу отцу, даже изъ этихъ устъ.

— Полно, полно, не волнуйтесь,—ласково сказалъ полковникъ.—Онъ былъ безспорно добрый малый и красавецъ собой, но, я думаю, это не помѣшало ему найти дорогу на небо.

— Я въ этомъ увѣрена.

— Вотъ и хорошо, отлично. Гдѣ вы гостите—въ Тоуэрсѣ? въ Бальнаморѣ?

— Ни здѣсь, ни тамъ; я живу въ Борроунессѣ, у своей кузины, миссъ Симпсонъ.

Онъ уставился на нее во всѣ глаза.

— У миссъ Симпсонъ! У Рэчели Симпсонъ?

Нижняя челюсть полковника вдругъ отвисла и, откинувъ голову на спинку стула, онъ залился непріятнымъ смѣхомъ.

— Вашъ отецъ былъ богатый человѣкъ, хотя и умеръ холодымъ,—молвилъ онъ, внезапно овладѣвъ собой.—Онъ, должно быть, оставилъ вамъ недурное состояньице.

— Такъ оно и было. Послѣ его смерти опекуны хозяйничали очень плохо, но все же, въ концѣ концовъ, того, что я имѣю, вполнѣ для меня достаточно.

— Вы получили хорошее воспитаніе? учились пѣть, *parlez-vous français*, и этому?

Онъ неловко забарабанилъ пальцами по столу.

Мона засмѣялась.

— Да, всему этому я училась.

Полковникъ нѣсколько времени молча дымилъ трубкой.

— Почему вы не живете у Мунро?—спросилъ онъ вдругъ.—Это странно! Мунро такой любитель хорошенькихъ!

— Я ѣздила съ ними въ Норвегію это лѣто. Сэръ Дугласъ—это сама доброта; лэди Мунро тоже; но вѣдь и миссъ Симпсонъ мнѣ кузина.

Онъ опять засмѣялся тѣмъ же непріятнымъ смѣхомъ.

— Пейте ваше вино, миссъ Маклинъ, а я разскажу вамъ сказочку. Быть можетъ, кое-что въ ней будетъ ново для васъ.

«Много лѣтъ тому назадъ, когда васъ еще и въ проектѣ не было, всей этой мѣстностью владѣлъ мой дѣдъ. Родственники вашего отца, Маклины снимали у него землю въ аренду; были они люди маленькіе, но почтенные, исправные плательщики. Дѣдъ вашъ былъ замѣчательный человѣкъ, изъ тѣхъ, кому всегда и во всемъ везетъ,—вы слышали о немъ?—первый въ школѣ, любознательный, умница, дамскій ковалеръ, словомъ, счастливчикъ! Братъ его, Санди, лѣнтяй и увалень, такъ всю жизнь ничего и не добился, но дѣдъ вашъ скоро разбогатѣлъ. Сестеръ

было двѣ и тоже разныя; каждая, такъ сказать, удалась въ одного изъ братьевъ: Маргарита хорошенькая, стройная, умница, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ; Анна — совершенно безличная; она и вышла за перваго, кто ей сдѣлалъ предложеніе, а Маргарита совсѣмъ не вышла замужъ. Лучшее зерно часто залеживается.

«У дѣда вашего было—дайте сообразить—да, трое дѣтей: два сына и дочка. Дѣвочка и одинъ изъ мальчиковъ умерли. Это грустная исторія,—вамъ разсказывали?—славныя дѣтишки, хорошенькія такія! Но отецъ вашъ выжилъ, онъ былъ крѣпышъ. Воспитаніе ему дали отличное; затѣмъ онъ поѣхалъ въ Индію и тамъ составилъ себѣ крупное имя. Я не встрѣчалъ другого такого человѣка. Всѣ двери, всѣ сердца были ему открыты. Куда бы онъ ни пошелъ, его принимали, какъ роднаго, а между тѣмъ онъ никогда не забывалъ старыхъ друзей. Вернувшись домой, онъ, какъ истый джентльменъ, счелъ долгомъ разыскать своихъ родныхъ. Многіе изъ нихъ уже перемерли; Санди уѣхалъ въ Австралію; оставались только дѣти Анны, Рэчель Симпсонъ и сестра ея, Дженъ. Дженъ вышла замужъ за содержателя мелочной лавки, и у нея было уже своихъ двое ребятъ. Все это были люди бѣдные, и отецъ вашъ назначилъ имъ ежегодную пенсію.

«Ну-съ, гостилъ онъ въ то время вмѣстѣ съ молодой женой миляхъ въ ста отсюда, у однихъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Оба были душою общества. Мнѣ это извѣстно, потому что я самъ былъ приглашенъ туда гостить и пріѣхалъ дня за два до отъѣзда вашего отца съ матерью. Только они уѣхали—замѣтьте, *послѣ того, какъ они уѣхали*!—являются, нежданно-негаданно, какъ снѣгъ на голову, кто бы вы думали?—Рэчель Симпсонъ и ея сестрица, обѣ во всеоружіи—могу сказать, прекурьезная парочка! Въ то время у Рэчели были очень своеобразныя понятія объ искусствѣ одѣваться».

Мона покраснѣла до ушей. Никто, знающій Рэчель, не усомнился бы въ правдивости этого разсказа.

«Онѣ велѣли доложить о себѣ, какъ о кузинахъ Гордона Маклина и само собой были приняты любезно, но лакей получилъ приказаніе, въ случаѣ, если онѣ пріѣдутъ въ другой разъ, говорить, что барыни нѣтъ дома. Я слыхалъ, что Маклинъ даетъ имъ деньги, и рѣшилъ, что не худо бы предупредить его. Онъ принялъ это замѣчательно хорошо—онъ былъ, дѣйствительно, добрый человѣкъ,—но все же должно быть, ясно далъ понять прелестнымъ кузинамъ, что хоть деньгами онъ и не прочь подѣлиться, но друзей своихъ предпочитаетъ оставить для себя. По крайней мѣрѣ, я не слыхалъ, чтобъ онѣ повторили свою продѣлку, да оно и понятно: пенсія для нихъ была интереснѣе великосвѣтскихъ знакомствъ. Но простить этого онѣ тоже не могли, находя, что отецъ вашъ, стоя на верху лѣстницы, могъ бы и ихъ встащить за собою; ха, ха, ха! ноша-то была не изъ легкихъ!»

Мона не смѣялась. Теперь это ужъ не составляло никакой разницы,

но она предпочла бы услыхать сказочку раньше. Черезъ нѣсколько минутъ она встала, говоря:

— Я рада, что вы мнѣ это сказали, хотя все это довольно печально.

— Печально? Вотъ вздоръ! О чемъ тутъ печалиться! Я научу васъ, какъ прибрать къ рукамъ Рэчель Симпсонъ. У меня здѣсь есть карточка вашихъ отца и матери. Хотите взглянуть?

— Очень хочу. Можетъ быть, я такихъ и не видала.

Полковникъ взялъ истрепанный старый альбомъ и началъ перелистывать страницы, пока не нашелъ той, какую искалъ, но, должно быть, старыя руки какъ-нибудь выпустили нужный листокъ, потому что, когда Мона взглянула, передъ нею мелькнули только длинныя бѣлыя ноги и множество газовыхъ юбочекъ.

— Чортъ! — выругался полковникъ и, взявъ назадъ альбомъ, поспѣшилъ исправить ошибку.

На Мону глянули съ фотографіи знакомыя лица — умнаго, серьезнаго мужчины и царственно прекрасной-женщины; во всемъ мірѣ живыхъ для нея не было лицъ болѣе знакомыхъ и близкихъ.

— Я никогда не видала раньше этой карточки. Она очень похожа.

— Я вамъ оставлю ее по завѣщанію—э? Хотите? Это стоитъ не меньше того, что я завѣщаю многимъ другимъ.

— Если то, что вы оставляете другимъ, такъ же дорого для нихъ, какъ эта карточка для меня, вашимъ наслѣдникамъ будетъ за что благодарить васъ.

Старое морщинистое лицо освѣтилось улыбкой.

— Сегодня ночью я уѣзжаю въ Лондонъ,—сказалъ онъ,— но надѣюсь, что мы еще встрѣтимся. Я сейчасъ пришлю къ вамъ Дженни. Мы съ ней добрые пріятели—не мѣшаемъ одинъ другому.

Монѣ съ трудомъ удалось сосредоточить все свое вниманіе на письмахъ Дженни, хотя они были довольно интересны характерны. Одно изъ нихъ предназначалось брату, моряку; другое, адресованное Магги, было полно совѣтовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе Полоній давалъ своему сыну. Бѣдная женщина очень тревожилась за свою дочку, которая поступила въ услуженіе въ дальнюю помѣщичью усадьбу, и всячески старалась предостеречь ее отъ соблазновъ.

XXVII.

«Нездѣшній свѣтъ».

Магазинъ миссъ Симпсонъ положительно вошелъ въ моду въ Борроунессѣ. Будь объявленіе о «пріѣздѣ миссъ Маклинъ съ богатымъ выборомъ новостей», дѣйствительно, помѣщено въ Киркстоунской газетѣ, оно принесло бы несравненно меньше пользы, чѣмъ слухи, пере-

ходившіе изъ устъ въ уста. Ни одна женщина во всемъ округѣ не могла устоять противъ искушенія полюбоваться привезенными новинками. Когда приходилъ торговецъ, Рэчель забирала у него товару вдвое, втрое больше прежняго; скоро дошло до того, что Монѣ и ей ужъ нельзя было одновременно отлучаться изъ лавки.

Однажды утромъ, въ отсутствіе Рэчели, въ магазинъ вошли три пожилыхъ дамы, всѣ три толстенькія, коротенькія, степенныя; всѣ три держали себя съ ненавязчивымъ спокойнымъ достоинствомъ. Съ перваго взгляда казалось, что всѣ три — на одно лицо, но со второго вы уже подмѣчали нѣкоторыя мелкія различія: у одной по обѣимъ сторонамъ лица спускались черные локоны, другая носила очки, третья отличалась отъ сестеръ именно тѣмъ, что въ ней не было ровно никакихъ отличительныхъ признаковъ.

— Я слышала, что миссъ Симисонъ получила замѣчательный выборъ модныхъ новостей,—сказала дама съ локонами.

— Боюсь, что замѣчательнаго у насъ ничего не найдется,—улыбаясь, сказала Мона;—но это правда, что миссъ Симпсонъ недавно получила изъ Лондона свѣжій товаръ. Будьте любезны присѣсть; я вамъ покажу все, что вы пожелаете.

Если Мона была развязна и даже рѣзка въ обращеніи съ другими студентками, то къ женщинамъ старше себя она относилась съ инстинктивнымъ уваженіемъ и нѣжной почтительностью. Въ ней жило врожденное сознаніе правъ и привилегій зрѣлаго возраста, что не часто встрѣчается въ молодежи, но всегда кажется въ ней необычайно привлекательнымъ.

Дамы просидѣли съ полчаса, истративъ всего три съ половиною шиллинга.

— Мнѣ кажется, я васъ видѣла въ баптистской часовнѣ,—уже собираясь уходить, сказала дама въ очкахъ.

— Да, я бываю тамъ иногда съ моей кузиной.

— Вы крещены?—освѣдомилась дама безъ всякихъ отличительныхъ признаковъ.

— О да!—вскричала Мона, нѣсколько смущенная такимъ страннымъ вопросомъ.

— Я замѣтила, что вы ни разу не оставались до причастія,—сказала дама въ локонахъ.

— Я крещена по обряду англиканской церкви.

— О!—вскричали всѣ три въ одинъ голосъ такимъ тономъ, какъ будто Мона жестоко обманула ихъ.

Первой оправилась дама въ очкахъ, по общему признанію, «самая умная» изъ трехъ.

— Вамъ надо поговорить съ м-ромъ Стюартомъ,—сказала она.

— Да, да!—подхватили другія, радуясь, что есть возможность примирить христіанское милосердіе съ вѣрностью своимъ принципамъ и, освѣдомившись о здоровьѣ миссъ Симпсонъ, вышли изъ лавки.

— Это, должно быть миссъ Боктронъ,—догадалась Рэчель, когда Мона описала ей наружность новыхъ кліентокъ.—Онѣ пользуются въ Киркстоунѣ большимъ уваженіемъ. Отецъ ихъ былъ старшимъ діакономъ при баптистской церкви; въ день его похоронъ, каѳедра была задрапирована чернымъ сукномъ. И денегъ онъ имъ оставилъ достаточно, есть чѣмъ жить!

Матильда Куксонъ нашла цѣль жизни и была счастлива: она обожала Мону. Хорошо, что этому восторженному обожанію былъ данъ противовѣсъ въ видѣ добросовѣстной и усердной работы, иначе послѣднее было бы для нея горше перваго. Теперь же она горячо взялась за работу и на всѣ разспросы родныхъ, дивившихся, съ чего это она вдругъ сдѣлалась такой прилежной, отвѣчала таинственнымъ и гордымъ молчаніемъ. Миссъ Маклинъ была для нея переодѣтой принцессой, она сама—единственной хранительницей ея великой тайны. Постоянныя усилія скрывать эту тайну, даже отъ сестры, въ смыслѣ нравственной дисциплины, стоили не меньше добросовѣстнаго чтенія «Валли-Орлицы».

— Я пришла-бы раньше,—говорила она однажды Монѣ, сидя въ замкѣ Маклинъ,—но наши никакъ не могутъ понять, почему меня тянетъ на берегъ въ это время года и мнѣ всегда бываетъ ужасно трудно избавиться отъ Клоринды. Разумѣется, знай они, что вы племянница лэди Мунро, они бы только радовались, что я подружилась съ вами, но объ этомъ я не проговорилась ни единой душѣ.

Матильда гордилась своей выдержкой; это было простительно, но она еще не научилась щадить чувства Моны, и та невольно вздохнула.

— Благодарю васъ, но я не хочу, чтобы вы видались со мной «потихоньку».

— Я думала объ этомъ. Сейчасъ мамѣ, конечно, было бы не особенно пріятно узнать о вашихъ встрѣчахъ, но если выйдетъ исторія и откроется, что вы племянница леди Мунро, она будетъ болѣе чѣмъ довольна. Вѣдь настанетъ же время, когда вы скажете всѣмъ, кто вы такая?

Ибо, чѣмъ же переодѣтая принцесса лучше другихъ людей, если въ ея исторіи нѣтъ развязки?

— Мнѣ очень хотѣлось бы,—терпѣливо возразила Мона, чтобъ вы попытались стать на мою точку зрѣнія. Я не принимала никакихъ мѣръ къ тому, чтобы никто не узналъ, что у меня есть и другіе родственники, но я предпочла бы, чтобы здѣсь не было толковъ по этому поводу; видите ли, это дѣло личнаго вкуса. Притомъ же, мнѣ одинаково непріятно, будутъ ли меня звать племянницей леди Мунро, или кузиной миссъ Симпсонъ. Кто дѣйствительно любитъ меня, долженъ любить меня ради меня самой.

Матильда все время напрягала зрѣніе, глядя въ ту сторону, откуда

сіялъ «нездѣшній свѣтъ», и несомнѣнно думала, что видитъ его, но для нея было очень трудно не терять его изъ виду, говоря съ матерью или сестрой.

— Вы знаете, что я люблю васъ ради васъ самихъ. Я, кажется, никого въ жизни такъ не любила.

— Тсс!.. Не слѣдуетъ такъ говорить: вы меня слишкомъ мало знаете. Если наступитъ разочарованіе, вы возненавидите меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ горячѣе относитесь ко мнѣ теперь.

— *Возненавидѣть васъ!*—засмѣялась Матильда. Ей это казалось совершенно невозможнымъ.

— А что подѣлываетъ «Валли-орлица»?

Онѣ принялись за переводъ. Мона обладала врожденнымъ талантомъ къ преподаванію и полчаса прошли незамѣтно. Затѣмъ Матильда сконфуженно вытащила изъ кармана письмо.

— Я хотѣла сказать вамъ, что я... я написала ему... своему другу.

Она покраснѣла до ушей. Уже нѣсколько разъ видѣлись онѣ съ Моной, но до сихъ поръ ни одна изъ нихъ не касалась факта, послужившаго поводомъ къ ихъ сближенію.

— Написали?—спокойно переспросила Мона.

— Да. Не хотите ли прочесть письмо? Можетъ быть, вы найдете нужнымъ что-нибудь измѣнить?

Мона прочла письмо. Украшенное грубой виньеткой и печатнымъ адресомъ, длинное и сантиментальное, оно было необычайно трогательно въ своемъ родѣ и очень смѣшно. Въ немъ поминутно говорилось о «вашей страстной любви», а въ концѣ, къ ужасу Моны, Матильда ухитрилась вставить строфу о мученикахъ.

Одно только было хорошо. При всей запутанности посланія, изъ него ясно можно было понять, что дѣвушка жалѣетъ о случившемся, находитъ, что ей не слѣдовало видѣться потихоньку съ своимъ возлюбленнымъ и рѣшила прекратить эти встрѣчи. Въ виду этого, съ остальнымъ можно было примириться.

Глава XXVIII.

Треволненія м-ра Стюарта.

Медленно, томительно медленно тянулись дни и недѣли; ноябрь близился къ концу. Берегъ сталъ весь черный, завернули холода, и въ замкѣ Маклинъ можно было сидѣть только въ исключительно хорошую погоду. Тѣмъ не менѣе, Мона каждую свободную минуту проводила на берегу, а когда одной ходьбы оказывалось недостаточно, чтобы разогнать хандру, она шла въ коттэджъ полковника, къ старой Джени, или еще дальше, въ Кильвинни, поболтать съ тетей Белль.

Въ это время во всемъ округѣ только и было рѣчей, что о затѣ-

вавшемся въ Киркстоунѣ благотворительномъ базарѣ. Монѣ даже не вѣрилось, чтобы можно было такъ волноваться изъ-за такихъ пустяковъ, но дѣло въ томъ, что базары подобны землетрясеніямъ: значеніе не зависитъ отъ того, въ какой части свѣта, или страны они происходятъ.

Базаръ устраивался не въ пользу мѣстной церкви или часовни — надъ такими базарами мужчины обыкновенно смѣются, и добрые бюргеры не считаютъ своей обязанностью посѣщать ихъ, и устраивали его не дамы, а мужчины — дамы только взяли на себя всю работу; устроители имѣли въ виду весьма важную цѣль — постройку новаго зданія городской ратуши.

Давно уже обыватели Киркстоуна начали находить, что ратуша ихъ представляетъ собою невзрачное и ничтожное по размѣрамъ строеніе, совершенно не соотвѣтствующее величинѣ и значенію самаго города. И вотъ они рѣшились на смѣлый шагъ—возвести новое зданіе. Часть необходимаго капитала имѣлась, а что касается остального—рѣшено было возложить надежду на Провидѣніе.

Впрочемъ, къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, многіе стали уже забывать, какъ возникъ вопросъ о постройкѣ новой ратуши; зданіе было почти кончено, треть расходовъ покрыта; чтобы расквитаться съ остальнымъ долгомъ, мѣстные кавалеры придумали, а дамы «любезно согласились» устроить базаръ.

Предполагалось открыть продажу за три дня до Рождества и закончить все большимъ баломъ. Какъ же тутъ было не волноваться? На многія мили въ окружности всѣ барышни только и мечтали, что о предстоявшемъ балѣ. Труднѣе всего, конечно, приходилось мамашамъ: имъ предстояло и собирать пожертвованія вещами, и придумывать такіе наряды для дочекъ, которые бы по-меньше стоили и затмили бы собою всѣ остальные, и урезонивать «отцовъ».

Рэчель Симпсонъ занимала слишкомъ ничтожное общественное положеніе, чтобы самой завѣдывать кіоскомъ или принимать пожертвованія, а такъ какъ она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя охотно берутъ на себя черную работу, предоставляя блистать другимъ, то и Мона мало интересовалась предстоявшимъ базаромъ.

Но и ее взволновало въ одно прекрасное утро неожиданное письмо отъ Дорисъ.

«Киркстоунъ—вѣдь это недалеко отъ Борроунесса, не правда-ли?—писала ей подруга. — Если такъ, мы увидимся передъ Рождествомъ. Мои пріятельницы въ Сентъ-Рульсѣ, съ которыми вы такъ рѣшительно отказались знакомиться, будутъ продавать на знаменитомъ базарѣ и пригласили меня помогать имъ. Это будетъ услуга за услугу, такъ какъ въ свое время и онѣ мнѣ помогали, но я постаралась бы уклониться, еслибъ не надежда увидать васъ.

«Вы, конечно, пріѣдете на базаръ; къ тому времени вы, вѣроятно,

успѣете настолько соскучиться, что будете рады небольшому развлеченію; обѣщаю щадить васъ, когда вы зайдете ко мнѣ въ кіоскъ».

— Какъ хорошо!—было первой мыслью Моны, а второю:—Какъ это непріятно! Какъ не у мѣста будетъ Дорисъ здѣсь, въ этой обстановкѣ! Пони и мальчикъ съ пальчикъ плохо гармонируютъ съ лавкой и бѣдными родственниками... Счастье еще, что не я это придумала.

Она еще сидѣла надъ письмомъ, когда вошла Рэчель, раскраснѣвшаяся, взволнованная.

— Мона, вамъ предстоитъ маленькое удовольствіе. Я дала за васъ слово. Вы вѣдь говорили, что любите пѣть?

— Д-да,—неохотно выговорила Мона, уже предчувствуя, что будетъ дальше.

— Я только что встрѣтила м-ра Стюарта. Онъ совсѣмъ съ ногъ сбился, бѣдный. Представьте себѣ, два лучшихъ оратора измѣнили ему—не могутъ быть на сегоднишнемъ *soirée*. У м-ра Дови желтуха, а м-ру Робертсу надо ѣхать на похороны. М-ръ Стюартъ былъ просто въ отчаяніи.—«Какъ же мнѣ быть!—говоритъ;—вѣдь они мнѣ весь вечеръ разстроили! Времени остается мало; кѣмъ ихъ замѣнить? Хоть бы кто прочелъ что-нибудь, или спѣлъ!..» Ну, я и сказала ему, что вы отлично поете и, навѣрное, не откажете спѣть что-нибудь. Онъ страшно обрадовался, весь просіялъ.—«Ахъ,—говоритъ,—какъ это хорошо, я замѣтилъ, что она пѣла въ церкви, не споетъ ли она: «Я знаю, живъ мой Искупитель!» или что-нибудь въ этомъ родѣ?»

Мона вспыхнула; у нея даже духъ захватило отъ этого предложенія.

— Милѣйшая кузина, — выговорила она, тяжело дыша, — это все равно, что попросить меня выкинуть какую-нибудь штуку на трапеціи. Я ни разу не пѣла съ тѣхъ поръ, какъ вернулась изъ Германіи. Пѣть для себя, у себя дома — одно, а выступать публично — другое. Ваша затѣя прямо нелѣпа.

— Вотъ вздоръ какой! Здѣсь публика не взыскательная. Они охотно слушаютъ и худшее пѣніе, чѣмъ ваше.

Послѣдовала первая «стычка» между кузинами. Чѣмъ больше горячилась Рэчель, тѣмъ больше остывала Мона. Въ концѣ концовъ, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, она сама пошла къ м-ру Стюарту и отказалась наотрѣзъ участвовать въ вечернемъ концертѣ, причемъ пасторъ не преминулъ позондировать почву. Онъ питалъ крѣпкую надежду обратить въ свою вѣру «интереснаго молодого скептика».

Глава XXIX.

Страдиваріусъ.

Двери часовни были открыты настежь, потоки свѣта лились на усыпанную гравіемъ дорожку, ведущую отъ крыльца къ церковной

оградѣ. Публика валила въ калитку, веселая, смѣющаяся, заранѣе предвкушая обѣщанныя наслажденія. Ребятишки, перевѣсившись черезъ ограду, жадными глазами заглядывали внутрь церкви.

А наслажденія предстояли весьма существенныя. Мона не успѣла войти, какъ ей преподнесли большую фаянсовую чашку на блюдечкѣ, оловянную ложечку и туго набитый бумажный мѣшокъ.

Она была изумлена.

— Что мнѣ съ этимъ дѣлать?—спросила она кузину.

— Разумѣется, взять съ собой. Заглядывать въ мѣшокъ разрѣшается, но ѣсть можно только въ антрактѣ.

Мона подумала, что ей не трудно будетъ обуздать свое любопытство, но ей даже не пришлось подвергать себя такому испытанію. Значительную часть аудиторіи составляли дѣти; они, конечно, не утерпѣли, повытащили изъ своихъ мѣшковъ все, что въ нихъ заключалось: пирожки, печенье, яблоки, груши, фиги, изюмъ и миндаль, и все это разложили соблазнительными горками на пюпитрахъ, не безъ ущерба для лежавшихъ тутъ же молитвенниковъ.

— Заказано триста мѣшковъ, по три пенса каждый,—громко шептала Рэчель, пригнувшись къ уху Моны.—Удивительно, какъ много даютъ за эти деньги, и еще говорятъ, м-ръ Филиппъ остается въ барышахъ. Оптомъ все закупаютъ; оттого и выходитъ дешево. Тѣсто-то, конечно, не сдобное; лучше бы они дали поменьше да повкуснѣе. Впрочемъ, и то сказать—надо брать въ разсчетъ ребятишекъ.

Въ это мгновеніе что-то громко хлопнуло, и звукъ разнесся по всей церкви. Мона вздрогнула, ей вообразилось, что это выстрѣлъ, но дѣло объяснилось проще: какой-то предпріимчивый мальчуганъ выложилъ всѣ свои сласти въ носовой платокъ весьма сомнительной чистоты, а по мѣшку со всего размаха хлопнулъ ладонью. Эффектъ получился необычайный. Звукъ этотъ неоднократно повторялся въ теченіе вечера, несмотря на усиленное нравственное и физическое воздѣйствіе со стороны м-ра Стюарта и родственниковъ нарушителей тишины.

Въ часовнѣ было невыносимо жарко, и Мона искренно надѣялась, что м-ръ Стюартъ не нашелъ, кѣмъ замѣнить ее, такъ какъ программа и безъ того была достаточно длинна. Она боялась, что не высидитъ цѣлый вечеръ въ такой атмосферѣ и еще больше боялась за малокровную нервную дѣвушку, сидѣвшую впереди ея,

Предсѣдатель собранія ввелъ на каѳедру перваго оратора.

— Теперь пойдутъ хлопушки иного рода,—вздохнула Мона.

Однако, когда ораторъ разошелся, ей пришлось побранить себя за скороспѣлое сужденіе. Такія *soirées* очень въ модѣ въ провинціи; врожденный даръ слова здѣсь быстро оцѣнивается, и слава человѣка, обладающаго имъ, разносится иногда далеко за предѣлы его роднаго графства. Говорившій не былъ лишенъ ни ума, ни юмора; нашлось и еще двое въ томъ же родѣ; тѣ же, кому этого не хватало, брали другимъ—

сказчикъ сказалъ что-нибудь лестное о его чтеніи, потому что глухое гудѣніе, акомпанировавшее его грезамъ, вдругъ стихло; всѣ, какъ одинъ человѣкъ, смотрѣли на него и улыбались.

— Кто бы могъ ожидать, что докторъ Дудлей будетъ здѣсь! — удивлялась Рэчель, по дорогѣ домой. — Какъ жаль, что онъ такъ близорукъ: онъ гораздо красивѣе безъ очковъ. Интересно знать, помнитъ ли онъ, какъ мы тогда подружились въ Сентъ-Рульсѣ... Послушайте-ка, а вѣдь это онъ идетъ за нами, и съ нимъ еще какой то господинъ.

Рэчель была права, а спутникомъ Дудлея былъ не кто иной, какъ самъ баптистскій священникъ, «жаждавшій отвести душу съ интеллигентнымъ собесѣдникомъ». М-ръ Стюартъ глазамъ своимъ не повѣрилъ, увидавъ, что докторъ замедлилъ шаги и пошелъ рядомъ съ Рэчелью. Разумѣется, христіанину подобаетъ быть снисходительнымъ и учтивымъ, но къ чему эта напрасная трата времени?..

Дудлей, повидимому, думалъ иначе. Обмѣнявшись нѣсколькими любезными словами съ Рэчелью, онъ, къ великому ея удовольствію и не малой досадѣ священника, очень просто и естественно перешолъ къ Монѣ, и оба они ушли впередъ, оставивъ старшихъ бесѣдовать между собою.

Не разъ, когда ихъ раздѣляли сотни миль, Мона и Дудлей мысленно говорили другъ съ другомъ откровенно, по душѣ; но теперь, сойдясь вмѣстѣ, оба робѣли. Въ сущности, что у нихъ за отношенія? Что они такое—старые друзья или просто знакомые? Ни одинъ изъ нихъ не могъ этого опредѣлить.

Молчаніе становилось неловкимъ.

— Я должна поблагодарить васъ. Вы доставили мнѣ сегодня истинное наслажденіе,—нѣсколько оффиціально начала Мона.

Это всякій могъ бы сказать ему. Отъ нея онъ ждалъ бо́льшаго.

— Очень радъ, что вы не соскучились,—отвѣтилъ онъ холодно.

Мона посмотрѣла на него, и они обмѣнялись улыбкой. Эта улыбка говорила краснорѣчивѣе словъ.

— Я такъ обрадовался, когда вы вошли и сѣли на свое мѣсто,—молвилъ онъ тихо, словно былъ увѣренъ, что она не приметъ словъ его за пустой комплиментъ. — Я все время смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла миссъ Симпсонъ. Возлѣ нея былъ пустой уголокъ... А что за́мокъ Маклинъ?

— Переданъ почти въ исключительное владѣніе чайкамъ. Надо сознаться, что за́мокъ Маклинъ болѣе удобенъ для лѣтней резиденціи, чѣмъ для зимней. Я часто забѣгаю взглянуть на него, но здѣшніе вѣтры такъ рѣзки, что у меня не является особеннаго желанія оставаться тамъ надолго.

— Я думаю! Когда я рисую себѣ васъ тамъ, на скалѣ, я всегда представляю себѣ лѣто.

— Ахъ, знаете, — спохватилась вдругъ Мона, — мнѣ нужно вамъ что-то сказать. Помните вы нашъ разговоръ о Куксонахъ?

— Помню.

— Теперь мы съ Матильдой большіе друзья, и мнѣ прямо стыдно вспомнить, какъ несправедливо я судила о ней послѣ первой встрѣчи. Это вы помогли мнѣ сознать свою ошибку.

— Полноте, что вы! Причемъ же тутъ я? Вы сами сознали свою ошибку—если только тутъ была ошибка.

— Была. А вы — вы дали мнѣ слишкомъ высокую оцѣнку; это лучшій способъ указать человѣку его мѣсто. Вы не можете себѣ представить, сколько въ этой дѣвушкѣ нетронутыхъ добрыхъ чувствъ. Она ужъ отлично читаетъ по-нѣмецки, перечла массу книгъ и очень увлекается уроками. Что вы на это скажете?

— Удивительно! Какимъ образомъ она познакомилась съ вами?

— Такъ, странная случайность... Я рада этому. Я сама къ ней привязалась. Она такая добрая, впечатлительная...

Разговоръ оборвался. Издали доносился глухой рокотъ прибоя. До дому было еще далеко, и Монѣ страстно захотѣлось разсказать ему теперь, сейчасъ всю правду о своихъ занятіяхъ медициной. Съ какой стати было давать такое идіотское обѣщаніе? И почему она до сихъ поръ не попросила кузину снять съ нея запретъ? Но только что она набралась храбрости, какъ позади раздался голосъ Рэчели:

— Душенька, м-ръ Стюартъ желалъ бы немножко побесѣдовать съ вами. — Докторъ, надѣюсь м-съ Гамильтонъ не стало хуже? Что это вамъ вздумалось пріѣхать?

М-ръ Стюартъ отомстилъ за себя.

Дудлей хотѣлъ было протестовать, но обмѣнъ дамъ уже совершился. Пришлось покориться судьбѣ.

Глава XXX.

Карболка.

— Эге, Джонсъ, вы уже домой?

— Завтракать. Я, можетъ быть, еще зайду сюда вечеркомъ.

— Какъ хотите, какъ хотите, мой другъ, но если вы не кончите сегодня разрѣза подмышки, завтра я буду поставленъ въ непріятную необходимость перейти къ грудной полости.

— Слушайте, Дудлей, это слишкомъ жестоко!

— Не вижу, почему. Неужели вамъ мало цѣлаго дня?

— Но вѣдь вы знаете, что я порѣзалъ себѣ палецъ.

— Гм. Я не очень-то вѣрю въ этотъ порѣзанный палецъ. Эго, помнится, разъ уже было—въ день состязанія въ мячъ.

Джонсъ засмѣялся.

обиліемъ трудолюбиво собранныхъ по крохамъ анекд
довольно общеизвѣстныхъ, но въ пылу увлеченія
за импровизированныя.

Во время одной изъ рѣчей молодая дѣвушка,
Моны, лишилась чувства. Это вызвало большую се
суета; двое мужчинъ неловко и застѣнчиво подняли
и понесли; послѣ минутнаго колебанія Мона послѣд
томъ она была рада, что пошла: въ этомъ здоров
роки—рѣдкость, и никто не зналъ, что дѣлать с
дили и придерживали подъ руки.

— Положите ее на цыновку,—спокойно сказа
луйста, всѣ отойдите. Нѣтъ, не надо ничего под
кто-нибудь воды и, если можно, немножко водки.
опасно. Мы съ м-съ Брандеръ сдѣлаемъ все, что

Всѣ мужчины разомъ бросились за водой, че
рада. Она разстегнула дѣвушкѣ платье, дала ей
ной соли, и черезъ нѣсколько минутъ больная, с
открыла глаза.

— Она, навѣрное, родилась не въ Кирксто
глядя ей въ лицо.—На ней не замѣтно вліянія

— Нѣтъ,—объяснила м-съ Брандеръ,—она
пріѣхала погостить. Они живутъ недалеко, чер
отведу ее домой.

— Идите лучше въ залу. Я сама отведу е

— Вы останетесь безъ чаю. Теперь какъ

— Благодарю васъ, я уже пила чай.

И, сильной рукой обнявъ дѣвушку за талі
и сама уложила въ постель.

Затѣмъ она поспѣшила назадъ, въ часовн
детъ безпокоиться о ней, хотя ей жаль был
воздухъ на нездоровую атмосферу залы. Но
забыла о духотѣ: смѣхъ и шептанье смѣ
среди которой звучалъ только одинъ глубо

«So my eye and h
And inward sense that works a
Slave hunger that can never fe

М-ръ Стюартъ нашелъ, кѣмъ замѣнит
Мона помедлила у двери, потомъ п
возлѣ Рэчели. Чтецъ едва замѣтно и
шелестъ ея шелковаго платья, подожд

...ыла покорена; даже ребятишки позабыли ...
...хъ, прислушиваясь къ этому чудному голосу ...
...рестало существовать; сырыя стѣны, ...
...на принаряженнаго убожества исчезла ...
...засіяло бездонной лазурью итальянское ...
...ерокъ пахнулъ ей въ лицо; она стояла ...
...цѣ, прислушиваясь къ рѣчамъ «человѣка ...
...свѣтомъ безсмертія въ очахъ.

«'Tis God gives skill,
But not without men's hands: He could not make
Antonio Stradivari's violins
Without Antonio. Get thee to thy easel»*.

...олосъ умолкъ. Публика тяжело перевела ...
...ъ, зашевелились. Дудлей усѣлся въ темный ...
...крывъ глаза ладонью, глядѣлъ на Мону.
...олько разъ, въ Лондонѣ, онъ говорилъ себѣ ...
...о онъ преувеличиваетъ благородство ея ...
...онченное изящество всѣхъ ея движеній ...
...уть не преувеличивалъ. Онъ обвелъ ...
...чнымъ удовольствіемъ остановилъ на ней ...
...о отрадой и отдыхомъ. Но скоро ...
...быть, его взволновалъ неожиданный ...
..., съ которымъ его слушали эти ...
... звуками его голоса, но въ эту минуту ...
...бы зажечь огонь любви въ этихъ ...

...а дѣвушка,—думалъ онъ, чутьемъ ...
...ать.—Она еще не любила и, безъ сомнѣнія, ...
...олюбитъ. Завидую тому, кто заставитъ ...
...му можно позавидовать. Она же ...
...й каждый мужчина солнце. Въ ...
... Счастливъ будетъ тотъ, кто ...
...ій—вызоветъ его наружу! Долго ...
...то съ судьбой...

...ысленно оборвалъ себя на полуслов...
...огутъ успѣшно сдать экзаменъ. ...
...емя объ этомъ думать. До іюля, ...
... имѣетъ права говорить ни съ одной ...
...я курса не смѣетъ и думать о ...
... другой—человѣкъ съ золотымъ ...
...нфуженно обернулся. Должно быть, ...

...отъ Бога, но онъ долженъ пройти черезъ ...
...ъ скрипки Антоніо Страдиваріуса безъ ...
..., своему станку».

...ругъ Мона, — мнѣ нужно вамъ
...говоръ о Куксонахъ?

...е друзья, и мнѣ прямо стыдно
...а о ней послѣ первой встрѣчи.
...бку.
...утъ я? Вы сами сознали свою
...а.
...шкомъ высокую оцѣнку; это
...ѣсто. Вы не можете себѣ пред-
...тронутыхъ добрыхъ чувствъ.
... перечла массу книгъ и очень
...кете?
...а познакомилась съ вами?
... рада этому. Я сама къ ней
...тельная...
...я глухой рокотъ прибоя. До
... захотѣлось разсказать ему
...ятіяхъ медициной. Съ какой
...ніе? И почему она до сихъ
...апретъ? Но только что она
...я голосъ Рэчели:
...ы немножко побесѣдовать съ
...нъ не стало хуже? Что это

...мѣнъ дамъ уже совершился.

...айду сюда вечеркомъ.
...ъ, но если вы не кончите
... поставленъ въ непріятную
...
...стоко!
...ло цѣлаго дня?
...ь себѣ палецъ.
... порѣзанный палецъ. Это,
...анія въ мячъ.

обиліемъ трудолюбиво собранныхъ по крохамъ
довольно общеизвѣстныхъ, но въ пылу увлече
за импровизированныя.

Во время одной изъ рѣчей молодая дѣвуш
Моны, лишилась чувства. Это вызвало больш
суета; двое мужчинъ неловко и застѣнчиво п
и понесли; послѣ минутнаго колебанія Мона
томъ она была рада, что пошла: въ этомъ
роки—рѣдкость, и никто не зналъ, что дѣ
дили и придерживали подъ руки.

— Положите ее на цыновку, — спокой
луйста, всѣ отойдите. Нѣтъ, не надо нич
кто-нибудь воды и, если можно, немножко
опасно. Мы съ м-съ Брандеръ сдѣлаемъ
Всѣ мужчины разомъ бросились за
рада. Она разстегнула дѣвушкѣ платье
ной соли, и черезъ нѣсколько минутъ
открыла глаза.

— Она, навѣрное, родилась не
глядя ей въ лицо.—На ней не замѣт
— Нѣтъ,—объяснила м-съ Бранд
пріѣхала погостить. Они живутъ не
отведу ее домой.

— Идите лучше въ залу. Я с
— Вы останетесь безъ чаю. Т
— Благодарю васъ, я уже пи
И, сильной рукой обнявъ дѣв
и сама уложила въ постель.

Затѣмъ она поспѣшила наза
детъ безпокоиться о ней, хотя
воздухъ на нездоровую атмосф
забыла о духотѣ: смѣхъ и
среди которой звучалъ тольк

«S

And inward se
Slave hunger

М-ръ Стюартъ нашелъ,
Мона помедлила у две
возлѣ Рэчели. Чтецъ еди
шелестъ ея шелковаго п
должалъ.

Выборъ поэмы былъ

*) Рука моя и глазъ, и
—и голода того не у

покорена; даже ребятишки позабыли о своихъ изюмахъ и минда-
прислушиваясь къ этому чудному голосу. Для Моны окружающее
ало существовать; сырыя стѣны, низкій потолокъ, вся эта кар-
принаряженнаго убожества исчезла въ туманѣ и надъ головой
яло бездонной лазурью итальянское небо; ласкающій, теплый
къ пахнулъ ей въ лицо; она стояла въ узенькой живописной
прислушиваясь къ рѣчамъ «человѣка въ бѣломъ передникѣ»,
омъ безсмертія въ очахъ.

«'Tis God gives skile,
But not without men's hands: He couldnot make
Antonio Stradivari's violins
Without Antonio. Get thee to thy easel» *).

ъ умолкъ. Публика тяжело перевела духъ; всѣ разомъ задви-
шевелились. Дудлей усѣлся въ темный уголокъ, за эстрадой
ивъ глаза ладонью, глядѣлъ на Мону.

о разъ, въ Лондонѣ, онъ говорилъ себѣ, что все это иллю-
ъ преувеличиваетъ благородство ея чертъ, выразительность
енное изящество всѣхъ ея движеній; теперь онъ убѣдился,
не преувеличивалъ. Онъ обвелъ глазами все собраніе и съ
мъ удовольствіемъ остановилъ на ней взоръ; смотрѣть на
градой и отдыхомъ. Но скоро пульсъ его забился быстрѣе.
, его взволновалъ неожиданный успѣхъ, то напряженное
, которымъ его слушали эти мало культурные люди, оча-
уками его голоса, но въ эту минуту онъ отдалъ бы мно-
зажечь огонь любви въ этихъ ясныхъ краснорѣчивыхъ

вушка,—думалъ онъ, чутьемъ угадывая то, что ему хо-
—Она еще не любила и, безъ сомнѣнія, увѣрена, что ни-
битъ. Завидую тому, кто заставитъ ее сознаться въ своей
ожно позавидовать. Она же кроткая бѣлая маргаритка,
ждый мужчина солнце. Въ ея лицѣ бездна скрытаго
частливъ будетъ тотъ, кто первый—и, можетъ быть,
вызоветъ его наружу! Долго ему придется расплачи-
ъ судьбой...

енно оборвалъ себя на полусловѣ Къ чему эти мысли?
ъ успѣшно сдать экзаменъ. Да если бы и помогли,
объ этомъ думать. До іюля, до перехода на высшій
ѣетъ права говорить ни съ одной женщиной о любви,
курса не смѣетъ и думать о женитьбѣ. А до тѣхъ
гой—человѣкъ съ золотымъ ключемъ.

женно обернулся. Должно быть, смѣнившій его раз-

*) Богъ, но онъ долженъ пройти черезъ руки человѣка. И Богъ
рипки Антоніо Страдиваріуса безъ помощи самого Антоніо.
ему станку».

обиліемъ трудолюбиво собранныхъ по крохамъ анекдотовъ и ос
довольно общеизвѣстныхъ, но въ пылу увлеченія легко сход
за импровизированныя.

Во время одной изъ рѣчей молодая дѣвушка, сидѣвшая
Моны, лишилась чувства. Это вызвало большую сенсацію;
суета; двое мужчинъ неловко и застѣнчиво подняли больну
и понесли; послѣ минутнаго колебанія Мона послѣдовала з
томъ она была рада, что пошла: въ этомъ здоровомъ кл
роки—рѣдкость, и никто не зналъ, что дѣлать съ больн
дили и придерживали подъ руки.

— Положите ее на цыновку,— спокойно сказала Мо
луйста, всѣ отойдите. Нѣтъ, не надо ничего подъ гол
кто-нибудь воды и, если можно, немножко водки. Не
опасно. Мы съ м-съ Брандеръ сдѣлаемъ все, что над
Всѣ мужчины разомъ бросились за водой, чему
рада. Она разстегнула дѣвушкѣ платье, дала ей по
ной соли, и черезъ нѣсколько минутъ больная, съ г
открыла глаза.

— Она, навѣрное, родилась не въ Киркстоун
глядя ей въ лицо.—На ней не замѣтно вліянія м
— Нѣтъ,—объяснила м-съ Брандеръ,—она п
пріѣхала погостить. Они живутъ недалеко, чере
отведу ее домой.

— Идите лучше въ залу. Я сама отведу е
— Вы останетесь безъ чаю. Теперь какъ
— Благодарю васъ, я уже пила чай.

И, сильной рукой обнявъ дѣвушку за тал
и сама уложила въ постель.

Затѣмъ она поспѣшила назадъ, въ часов
детъ безпокоиться о ней, хотя ей жаль бы
воздухъ на нездоровую атмосферу залы. Н
забыла о духотѣ: смѣхъ и шептанье см
среди которой звучалъ только одинъ глуб

«So my eye and
And inward sense that works
Slave hunger that can never

М-ръ Стюартъ нашелъ, кѣмъ замѣни
Мона помедлила у двери, потомъ
возлѣ Рэчели. Чтецъ едва замѣтно
шелестъ ея шелковаго платья, подожд
должалъ.

Выборъ поэмы былъ довольно стр

*) Рука моя и глазъ, и чувство, что ж
—и голода того не утолить за день

покорена; даже ребятишки позабыли о своихъ изюмахъ и миндаприслушиваясь къ этому чудному голосу. Для Мовы окружающее существовать; сырыя стѣны, низкій потолокъ, вся эта карпринаряженнаго убожества исчезла въ туманѣ и надъ головой ояло бездонной лазурью итальянское небо; ласкающій, теплый окъ пахнулъ ей въ лицо; она стояла въ узенькой живописной прислушиваясь къ рѣчамъ «человѣка въ бѣломъ передникѣ», томъ безсмертія въ очахъ.

«'Tis God gives skile,
But not without men's hands: He couldnot make
Antonio Stradivari's violins
Without Antonio. Get thee to thy easel» *).

ъ умолкъ. Публика тяжело перевела духъ; всѣ разомъ задвиашевелились. Дудлей усѣлся въ темный уголокъ, за эстрадой ивъ глаза ладонью, глядѣлъ на Мону.

со разъ, въ Лондонѣ, онъ говорилъ себѣ, что все это иллюнъ преувеличиваетъ благородство ея чертъ, выразительность ченное изящество всѣхъ ея движеній; теперь онъ убѣдился, не преувеличивалъ. Онъ обвелъ глазами все собраніе и съимъ удовольствіемъ остановилъ на ней взоръ; смотрѣть на традой и отдыхомъ. Но скоро пульсъ его забился быстрѣе. ть, его взволновалъ неожиданный успѣхъ, то напряженное которымъ его слушали эти мало культурные люди, очаруками его голоса, но въ эту минуту онъ отдалъ бы многзажечь огонь любви въ этихъ ясныхъ краснорѣчивыхъ

вушка,—думалъ онъ, чутьемъ угадывая то, что ему хо—Она еще не любила и, безъ сомнѣнія, увѣрена, что ни-битъ. Завидую тому, кто заставитъ ее сознаться въ своей ожно позавидовать. Она же кроткая бѣлая маргаритка, ждый мужчина солнце. Въ ея лицѣ бездна скрытаго частливъ будетъ тотъ, кто первый—и, можетъ быть, вызоветъ его наружу! Долго ему придется расплачисудьбой...

енно оборвалъ себя на полусловѣ Къ чему эти мысли? ъ успѣшно сдать экзаменъ. Да если бы и помогли, объ этомъ думать. До іюля, до перехода на высшій ѣтъ права говорить ни съ одной женщиной о любви, курса не смѣетъ и думать о женитьбѣ. А до тѣхъ гой—человѣкъ съ золотымъ ключемъ.

женно обернулся. Должно быть, смѣнившій его раз-

*) Богъ, но онъ долженъ пройти черезъ руки человѣка. И Богъ рипки Антоніо Страдиваріуса безъ помощи самого Антоніо. ему станку».

обиліемъ трудолюбиво собранныхъ по крохамъ анекдотовъ и остротъ, довольно общеизвѣстныхъ, но въ пылу увлеченія легко сходившихъ за импровизированныя.

Во время одной изъ рѣчей молодая дѣвушка, сидѣвшая впереди Моны, лишилась чувства. Это вызвало большую сенсацію; поднялась суета; двое мужчинъ неловко и застѣнчиво подняли больную на руки и понесли; послѣ минутнаго колебанія Мона послѣдовала за ними. Потомъ она была рада, что пошла: въ этомъ здоровомъ климатѣ обмороки—рѣдкость, и никто не зналъ, что дѣлать съ больной. Ее посадили и придерживали подъ руки.

— Положите ее на цыновку, — спокойно сказала Мона, — и, пожалуйста, всѣ отойдите. Нѣтъ, не надо ничего подъ голову. Принесите кто-нибудь воды и, если можно, немножко водки. Не бойтесь это не опасно. Мы съ м-съ Брандеръ сдѣлаемъ все, что надо.

Всѣ мужчины разомъ бросились за водой, чему Мона была очень рада. Она разстегнула дѣвушкѣ платье, дала ей понюхать нюхательной соли, и черезъ нѣсколько минутъ больная, съ глубокимъ вздохомъ, открыла глаза.

— Она, навѣрное, родилась не въ Киркстоунѣ, — сказала Мона, глядя ей въ лицо.—На ней не замѣтно вліянія морского воздуха.

— Нѣтъ,—объяснила м-съ Брандеръ,—она пріѣзжая, къ дѣдушкѣ пріѣхала погостить. Они живутъ недалеко, черезъ дорогу. Я сейчасъ отведу ее домой.

— Идите лучше въ залу. Я сама отведу ее.

— Вы останетесь безъ чаю. Теперь какъ разъ чай разливаютъ.

— Благодарю васъ, я уже пила чай.

И, сильной рукой обнявъ дѣвушку за талію, Мона отвела ее домой и сама уложила въ постель.

Затѣмъ она поспѣшила назадъ, въ часовню, зная, что Рэчель будетъ безпокоиться о ней, хотя ей жаль было мѣнять чистый, свѣжій воздухъ на нездоровую атмосферу залы. Но, войдя, она моментально забыла о духотѣ: смѣхъ и шептанье смѣнились глубокой тишиною, среди которой звучалъ только одинъ глубокій и низкій голосъ:

«So my eye and hand,
And inward sense that works along with both
Slave hunger that can never feed on coin» *).

М-ръ Стюартъ нашелъ, кѣмъ замѣнить недостающаго исполнителя. Мона помедлила у двери, потомъ прошла на свое мѣсто и сѣла возлѣ Рэчели. Чтецъ едва замѣтно измѣнился въ лицѣ, услыхавъ шелестъ ея шелковаго платья, подождалъ, пока она усѣлась, и продолжалъ.

Выборъ поэмы былъ довольно странный, тѣмъ не менѣе аудиторія

*) Рука моя и глазъ, и чувство, что живетъ въ моей душѣ, томятся голодомъ инымъ—и голода того не утолить за деньги.

была покорена: даже ребятишки позабыли о своихъ изюмахъ и миндаляхъ, прислушиваясь къ этому чудному голосу. Для Моны окружающее перестало существовать; сырыя стѣны, низкій потолокъ, вся эта картина принаряженнаго убожества исчезла въ туманѣ и надъ головой ея засіяло бездонной лазурью итальянское небо; ласкающій, теплый вѣтерокъ пахнулъ ей въ лицо; она стояла въ узенькой живописной улицѣ, прислушиваясь къ рѣчамъ «человѣка въ бѣломъ передникѣ», съ свѣтомъ безсмертія въ очахъ.

'Tis God gives skile,
But not without men's hands: He couldnot make
Antonio Stradivari's violins
Without Antonio. Get thee to thy easel» *).

Голосъ умолкъ. Публика тяжело перевела духъ; всѣ разомъ задвигались, зашевелились. Дудлей усѣлся въ темный уголокъ, за эстрадой и, прикрывъ глаза ладонью, глядѣлъ на Мону.

Сколько разъ, въ Лондонѣ, онъ говорилъ себѣ, что все это иллюзія, что онъ преувеличиваетъ благородство ея чертъ, выразительность рта, утонченное изящество всѣхъ ея движеній; теперь онъ убѣдился, что ничуть не преувеличивалъ. Онъ обвелъ глазами все собраніе и съ безконечнымъ удовольствіемъ остановилъ на ней взоръ; смотрѣть на нее было отрадой и отдыхомъ. Но скоро пульсъ его забился быстрѣе. Можетъ быть, его взволновалъ неожиданный успѣхъ, то напряженное вниманіе, съ которымъ его слушали эти мало культурные люди, очарованные звуками его голоса, но въ эту минуту онъ отдалъ бы многое, чтобы зажечь огонь любви въ этихъ ясныхъ краснорѣчивыхъ глазахъ.

— Она дѣвушка,—думалъ онъ, чутьемъ угадывая то, что ему хотѣлось знать.—Она еще не любила и, безъ сомнѣнія, увѣрена, что никогда не полюбитъ. Завидую тому, кто заставитъ ее сознаться въ своей ошибкѣ. Ему можно позавидовать. Она же кроткая бѣлая маргаритка, для которой каждый мужчина солнце. Въ ея лицѣ бездна скрытаго выраженія. Счастливъ будетъ тотъ, кто первый—и, можетъ быть, единственный—вызоветъ его наружу! Долго ему придется расплачиваться за это съ судьбой...

Дудлей мысленно оборвалъ себя на полусловѣ Къ чему эти мысли? Онѣ не помогутъ успѣшно сдать экзаменъ. Да если бы и помогли, теперь не время объ этомъ думать. До іюля, до перехода на высшій курсъ онъ не имѣетъ права говорить ни съ одной женщиной о любви, а до окончанія курса не смѣетъ и думать о женитьбѣ. А до тѣхъ поръ придетъ другой—человѣкъ съ золотымъ ключемъ.

Дудлей сконфуженно обернулся. Должно быть, смѣнившій его раз-

*) «Талантъ отъ Бога, но онъ долженъ пройти черезъ руки человѣка. И Богъ не можетъ сдѣлать скрипки Антоніо Страдиваріуса безъ помощи самого Антоніо. А потому—иди къ своему станку».

сказчикъ сказалъ что-нибудь лестное о его чтеніи, потому что глухое гудѣніе, акомпанировавшее его грезамъ, вдругъ стихло; всѣ, какъ одинъ человѣкъ, смотрѣли на него и улыбались.

— Кто бы могъ ожидать, что докторъ Дудлей будетъ здѣсь! — удивлялась Рэчель, по дорогѣ домой. — Какъ жаль, что онъ такъ близорукъ: онъ гораздо красивѣе безъ очковъ. Интересно знать, помнитъ ли онъ, какъ мы тогда подружились въ Сентъ-Рульсѣ... Послушайте-ка, а вѣдь это онъ идетъ за нами, и съ нимъ еще какой то господинъ.

Рэчель была права, а спутникомъ Дудлея былъ не кто иной, какъ самъ баптистскій священникъ, «жаждавшій отвести душу съ интеллигентнымъ собесѣдникомъ». М-ръ Стюартъ глазамъ своимъ не повѣрилъ, увидавъ, что докторъ замедлилъ шаги и пошелъ рядомъ съ Рэчелью. Разумѣется, христіанину подобаетъ быть снисходительнымъ и учтивымъ, но къ чему эта напрасная трата времени?..

Дудлей, повидимому, думалъ иначе. Обмѣнявшись нѣсколькими любезными словами съ Рэчелью, онъ, къ великому ея удовольствію и не малой досадѣ священника, очень просто и естественно перешолъ къ Монѣ, и оба они ушли впередъ, оставивъ старшихъ бесѣдовать между собою.

Не разъ, когда ихъ раздѣляли сотни миль, Мона и Дудлей мысленно говорили другъ съ другомъ откровенно, по душѣ; но теперь, сойдясь вмѣстѣ, оба робѣли. Въ сущности, что у нихъ за отношенія? Что они такое—старые друзья или просто знакомые? Ни одинъ изъ нихъ не могъ этого опредѣлить.

Молчаніе становилось неловкимъ.

— Я должна поблагодарить васъ. Вы доставили мнѣ сегодня истинное наслажденіе,—нѣсколько оффиціально начала Мона.

Это всякій могъ бы сказать ему. Отъ нея онъ ждалъ бо́льшаго.

— Очень радъ, что вы не соскучились,—отвѣтилъ онъ холодно.

Мона посмотрѣла на него, и они обмѣнялись улыбкой. Эта улыбка говорила краснорѣчивѣе словъ.

— Я такъ обрадовался, когда вы вошли и сѣли на свое мѣсто,—молвилъ онъ тихо, словно былъ увѣренъ, что она не приметъ словъ его за пустой комплиментъ. — Я все время смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла миссъ Симпсонъ. Возлѣ нея былъ пустой уголокъ... А что замокъ Маклинъ?

— Переданъ почти въ исключительное владѣніе чайкамъ. Надо сознаться, что замокъ Маклинъ болѣе удобенъ для лѣтней резиденціи, чѣмъ для зимней. Я часто забѣгаю взглянуть на него, но здѣшніе вѣтры такъ рѣзки, что у меня не является особеннаго желанія оставаться тамъ надолго.

— Я думаю! Когда я рисую себѣ васъ тамъ, на скалѣ, я всегда представляю себѣ лѣто.

— Ахъ, знаете, — спохватилась вдругъ Мона, — мнѣ нужно вамъ что-то сказать. Помните вы нашъ разговоръ о Куксонахъ?

— Помню.

— Теперь мы съ Матильдой большіе друзья, и мнѣ прямо стыдно вспомнить, какъ несправедливо я судила о ней послѣ первой встрѣчи. Это вы помогли мнѣ сознать свою ошибку.

— Полноте, что вы! Причемъ же тутъ я? Вы сами сознали свою ошибку—если только тутъ была ошибка.

— Была. А вы — вы дали мнѣ слишкомъ высокую оцѣнку; это лучшій способъ указать человѣку его мѣсто. Вы не можете себѣ представить, сколько въ этой дѣвушкѣ нетронутыхъ добрыхъ чувствъ. Она ужъ отлично читаетъ по-нѣмецки, перечла массу книгъ и очень увлекается уроками. Что вы на это скажете?

— Удивительно! Какимъ образомъ она познакомилась съ вами?

— Такъ, странная случайность... Я рада этому. Я сама къ ней привязалась. Она такая добрая, впечатлительная...

Разговоръ оборвался. Издали доносился глухой рокотъ прибоя. До дому было еще далеко, и Монѣ страстно захотѣлось разсказать ему теперь, сейчасъ всю правду о своихъ занятіяхъ медициной. Съ какой стати было давать такое идіотское обѣщаніе? И почему она до сихъ поръ не попросила кузину снять съ нея запретъ? Но только что она набралась храбрости, какъ позади раздался голосъ Рэчели:

— Душенька, м-ръ Стюартъ желалъ бы немножко побесѣдовать съ вами. — Докторъ, надѣюсь м-съ Гамильтонъ не стало хуже? Что это вамъ вздумалось пріѣхать?

М-ръ Стюартъ отомстилъ за себя.

Дудлей хотѣлъ было протестовать, но обмѣнъ дамъ уже совершился. Пришлось покориться судьбѣ.

Глава XXX.

Карболка.

— Эге, Джонсъ, вы уже домой?

— Завтракать. Я, можетъ быть, еще зайду сюда вечеркомъ.

— Какъ хотите, какъ хотите, мой другъ, но если вы не кончите сегодня разрѣза подмышки, завтра я буду поставленъ въ непріятную необходимость перейти къ грудной полости.

— Слушайте, Дудлей, это слишкомъ жестоко!

— Не вижу, почему. Неужели вамъ мало цѣлаго дня?

— Но вѣдь вы знаете, что я порѣзалъ себѣ палецъ.

— Гм. Я не очень-то вѣрю въ этотъ порѣзанный палецъ. Эго, помнится, разъ уже было—въ день состязанія въ мячъ.

Джонсъ засмѣялся.

— Да и Коллету безъ васъ ни за что не окончить стопы.

— Пусть постарается.—Дудлей ласково улыбнулся, глядя на озабоченное лицо товарища, наклонившагося надъ столомъ.—Я берусь только найти ему ножное развѣтвленіе внутренняго подошвеннаго.—И онъ любовно приподнялъ нервъ рукояткой скальпеля.—Ну-ка, Джонсъ, приватужтесь. *Ce n'est pas la mer à boire.* Полчаса—и готово!

— Да, какъ-же! У меня это займетъ четыре часа. Вѣдь объ этой подмышкѣ страсть сколько нужно прочесть. У меня и то все спуталось въ головѣ. Дайте еще денекъ сроку. Я ужъ посижу ночью, докончу.

— Очень жаль, старина,—не могу. *Ars longa.* Мнѣ пора перейти къ грудной полости. А вамъ лучше бы читать въ анатомическомъ. Нѣтъ ничего хуже предвзятыхъ идей. Позавтракайте хорошенько, да и возвращайтесь. Это, должно быть, вашъ скальпель, Коллетъ?

— О чортъ! Хоть бы одна мысль въ головѣ! Неужели же никто не объяснитъ мнѣ и не кончитъ моего сѣченія заодно со своимъ?

— Я охотно сдѣлаю это,—не дальше, какъ завтра. Вся выгода будетъ на моей сторонѣ. Впрочемъ, сейчасъ это, пожалуй, и для васъ будетъ лучше. Но не совѣтую вамъ повторять это слишкомъ часто, если вы хотите сдѣлаться хорошимъ анатомомъ.

— Вовсе я не хочу! Я желалъ бы не видать больше никогда этой поганой вонючей ямы!

Дудлей обвелъ взглядомъ высокую, хорошо провѣтренную комнату и молвилъ:

— Мнѣ знакомо это чувство.

— Вамъ, Дудлей! На-дняхъ кто-то увѣрялъ, что вамъ все мило въ анатомическомъ, даже пыль!

— Такъ оно и есть, пожалуй,—усмѣхнулся Ральфъ.—Но въ тѣ дни, когда я владѣлъ инструментами не лучше васъ, я думалъ иначе.

— Вы думаете, что я привыкну, если хорошенько возьмусь за работу?

— Я ничего не думаю; я знаю. Итакъ, ровно въ девять!

Дудлей быстро распахнулъ дверь и очутился на улицѣ. Сырой рѣзкій вѣтеръ пахнулъ ему въ лицо; тротуары были покрыты густымъ слоемъ грязи. Въ такую погоду труженику, натомившемуся за работой, развеселиться трудно. Одна за другой привычныя складки легли на лбу Дудлея; въ тактъ своимъ грустнымъ мыслямъ онъ замедлилъ шаги. Вдругъ позади его раздался мѣрный топотъ копытъ и мягкій стукъ колесъ, обтянутыхъ резиной. Онъ любилъ хорошихъ лошадей и теперь обрадовался возможности полюбоваться. На улицѣ случилась какая-то задержка. Гнѣдыя, всѣ въ мылѣ, фыркали и били копытами. Дудлею вспомнился разсказъ Мельвиля объ «иронiи судьбы», и онъ началъ еще съ большимъ любопытствомъ разсматривать обладателя экипажа.

Здѣсь не могло быть и рѣчи объ иронiи. Возжи легко держалъ въ рукахъ пожилой джентльменъ, красивый, съ военной выправкой,

съ краснымъ лицомъ и сѣдыми кудрями. Онъ тоже былъ видимо недоволенъ задержкой; на лбу его легла глубокая морщина.

Наконецъ, телѣга, загородившая путь, свернула въ сосѣднюю улицу, мальчишки гурьбой бросились за ней. Одинъ, самый маленькій, пренебрегая опасностью, повисъ сзади. Телѣга опять зачѣмъ-то остановилась; потомъ лошади дернули сразу и прежде чѣмъ Дудлей или господинъ, сидѣвшій въ экипажѣ, замѣтили ребенка, тотъ уже лежалъ подъ копытами гнѣдыхъ.

Возница желѣзной рукой натянулъ возжи. Лошади стали, какъ вкопанныя. Дудлей и грумъ бросились поднимать ребенка.

— Онъ,кажется,больше испугался,чѣмъ ушибся,—замѣтилъ Ральфъ,—но моя квартира въ двухъ шагахъ отсюда. Если хотите, я снесу его къ себѣ и осмотрю его. Я докторъ.

— Клянусь душой, очень вамъ обязанъ! Сегодня ночью я уѣзжаю на Ривьеру. Подумайте, какъ непріятно было бы остаться изъ-за такого дѣла. Вы бы сѣли? Чарльзъ подастъ намъ ребенка.

Мальчикъ, оглушенный паденіемъ, дышалъ тяжело и тихонько всхлипывалъ. Когда они дошли до дому, Дудлей подалъ своему спутнику ключъ, а самъ поднялъ мальчика, какъ перышко, и на рукахъ внесъ его на лѣстницу.

— Какъ вы это ловко продѣлываете, точно женщина, ей-Богу!— полуискренно, полунасмѣшливо удивлялся элегантный господинъ, отворяя дверь.—Счастье мое, что вамъ какъ разъ въ это время случилось проходить мимо!

Дудлей провелъ незнакомца въ кабинетъ, а мальчика отнесъ въ спальню, чтобъ осмотрѣть его. Кабинетъ былъ на рѣдкость уютный— ничего кричащаго, бьющаго въ глаза, но каждая вещица, каждая картина и книга, очевидно, выбирались внимательно и съ любовью; все вмѣстѣ взятое, положительно говорило въ пользу хозяина.

— Очевидно, это человѣкъ вполнѣ культурный,—говорилъ себѣ гость;—и выбрать такую профессію—чортъ знаетъ что̀ такое! Возиться съ грязными уличными ребятишками! Онъ, должно быть, со средствами. Ради какого дьявола онъ сдѣлался докторомъ?

— Все въ порядкѣ!—весело воскликнулъ Дудлей, входя въ комнату.— Мальчуганъ очень заинтересовался моимъ скелетомъ, а теперь уплетаетъ за обѣ щеки хлѣбъ съ вареньемъ. Я увѣрилъ его, что изъ ста возницъ девяносто девять переѣхали бы его пополамъ. Онъ спасся только потому, что вы моментально остановили лошадей. Васъ можно поздравить—вы великій мастеръ своего дѣла.

— Вы находите? Очень радъ это слышать. Я самъ было думалъ, что мальчугану не сдобровать. Дѣло въ томъ—въ мои годы смѣшно было бы не умѣть справиться съ лошадьми!—но дѣло въ томъ, что я въ это время думалъ совсѣмъ о другомъ. Такая досада! Я уже взялъ билетъ и теперь придется уѣхать, не повидавшись съ племянницей. Я

ей написалъ, прося назначить, гдѣ и когда я могу ее видѣть, но, оказывается, она переѣхала. Кстати, вы докторъ? Вы ведете знакомство съ женщинами-врачами?

Дудлей покачалъ головой.

— Къ сожалѣнію, не имѣю этой чести.

Гость его желчно разсмѣялся.

— Вы, должно быть, тоже не вѣрите во все это движеніе?

— Этого я не скажу. По части женскаго вопроса я далеко не консерваторъ. Я склоненъ думать, что у женщины есть душа, а, разъ это такъ, теперь, когда прошелъ вѣкъ грубой силы, отчего же ей и не выбрать себѣ дѣла по душѣ? Мнѣ кажется, это вполнѣ естественно.

— Мнѣ это вовсе не кажется, сэръ, нисколько не кажется!—горячо воскликнулъ пожилой джентльменъ, бросившись въ кресло.—Душа! Желалъ бы я знать, причемъ тутъ душа? Можетъ-ли женщина не очерствѣть душой, занимаясь медициной?—вотъ въ чемъ вопросъ.

— Признаюсь, я тоже нахожу, что для женщины это нѣсколько странный образъ жизни, но, тѣмъ не менѣе, я знаю двухъ-трехъ женщинъ—одну ужъ навѣрное—которая будетъ несравненно лучшимъ врачемъ, чѣмъ я самъ.

— Ахъ, да кто же объ этомъ споритъ! Разумѣется, женщины-врачи необходимы,—я самъ признаю, что онѣ необходимы, и слава Богу, что онѣ взялись за это дѣло! Но какого чорта моя племянница вздумала учиться медицинѣ? Она вовсе не изъ тѣхъ женщинъ, о которыхъ вы говорите. Хорошенькая, изящная, даровитая, могла бы выйти замужъ за кого угодно, вращаться въ какомъ угодно обществѣ, и подумать, что такая дѣвушка должна жить въ атмосферѣ... скажите, пожалуйста, чѣмъ пахнетъ въ этой комнатѣ?

Дудлей засмѣялся.

— Должно быть, карболкой. У меня она въ большомъ ходу.

— Карболка? Такъ вотъ представьте себѣ красавицу, вынужденную жить въ атмосферѣ—*карболки!*

Дудлей опять засмѣялся.

— Это, конечно, немножко непріятно, но... все имѣетъ свою обратную сторону. Я согласенъ съ вами, что часть нашего дѣла должна перейти исключительно въ руки женщинъ-врачей, и я лично буду этому очень радъ.

— Я думаю! Это такая грязная работа!

— Вы понимаете, конечно, что здѣсь мы расходимся.

— Вы не находите, что это грязная работа?

— Боже избави!

— Скажите мнѣ...—началъ гость, пытливо разглядывая то интеллигентное лицо Дудлея, то его тонкія нервныя руки;—вы должны это знать... Какъ вы думаете, можетъ женщина, хорошая, чистая, съ характеромъ пройти черезъ все это безъ вреда для себя?

— Хорошая, чистая, съ характеромъ!—задумчиво повторилъ Дуд-

лей.—Да такую женщину не страшно послать и въ адъ. Мнѣ кажется, основная ошибка нашей цивилизаціи въ томъ, что мы воспитываемъ женщинъ, какъ будто онѣ всѣ на одну колодку. Разумѣется, если женщина возьмется изучать медицину, у нея откроются глаза, но вѣдь есть женщины, богато одаренныя, которыя никогда и не разовьются вполнѣ, если вы ихъ оставите за монастырскою стѣной. Откровенно говоря, я не большой поклонникъ искусственно взлелѣянной чистоты.

— Искусственно взлелѣянной! Любезный сэръ, между парникомъ и навозной кучей есть переходныя ступени! Будь это искусство, литература, политика, даже наука; но анатомія, препаровочная!..

— Послушайте,— почти съ негодованіемъ вскричалъ Дудлей,— все зависитъ отъ того, какъ относиться къ дѣлу. Въ анатоміи, какъ и вездѣ, много званыхъ, но мало избранныхъ, а хорошая, чистая женщина всюду будетъ на своемъ мѣстѣ, даже «въ храмѣ святого Духа».

Гость былъ нѣсколько изумленъ такимъ энергическимъ отпоромъ и не сразу отвѣтилъ. Казалось, онъ внимательно изучалъ узоръ на коврѣ. Наконецъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза Дудлею, онъ выговорилъ почти рѣзко:

— Зная все, что вы знаете, вы находите это возможнымъ?

— Зная все, что я знаю, я нахожу это возможнымъ.

Посѣтитель нѣсколько времени сидѣлъ, молча, ударяя себя по кончику сапога линейкой, взятой съ письменнаго стола.

— Вотъ что я могу для васъ сдѣлать, — вдругъ вспомнилъ Дудлей.—Я могу дать вамъ адресъ женской медицинской школы. Тамъ вы навѣрное найдете вашу племянницу.

— Боже упаси! Я не трусъ, но на это у меня не хватитъ мужества. Легче встрѣтиться одинъ на одинъ съ тигромъ въ чащѣ лѣса! Нѣтъ, сэръ, увольте! Покорнѣйше благодарю! Я вамъ безконечно обязанъ. Мнѣ очень хотѣлось бы пригласить васъ отобѣдать со мною въ клубѣ, но это невозможно. Въ пять часовъ я ѣду. Надѣюсь, мы увидимся, когда я возвращусь въ Лондонъ. Вотъ моя карточка. Гдѣ же мальчуганъ? Поди сюда, голубчикъ! Вотъ тебѣ на рождественскія лакомства, но помни, если ты еще разъ попадешь мнѣ подъ лошадей, я тебя переѣду, слышишь?

Онъ сердечно пожалъ руку Дудлею, оставивъ въ этой рукѣ пару гиней, и черезъ минуту гнѣдыя уже неслись по улицѣ.

«Сэръ Дугласъ Мунро»,—прочелъ Дудлей, посмотрѣвъ на карточку.—Великолѣпный экземпляръ краснваго англо-индійскаго типа. Желалъ бы я взглянуть на эту удивительную племянницу!

Глава XXXI.

Пальмы и ананасы.

Представьте себѣ міръ, міръ пальмъ и ананасовъ, алоэ и эвкалиптусовъ, пышныхъ изгородей, изъ-за которыхъ вамъ улыбаются ярко-

красныя розы, бѣлыхъ виллъ, рѣзко выступающихъ на тусклой зелени оливъ, безоблачное небо, которое глядится въ глубокое синее море—роскошный міръ, полный свѣта и солнца, и посреди всей этой роскоши миссъ Люси, такую веселую и безпечную, какъ будто она никогда не бывала въ анатомическомъ и никогда не ломала себѣ головы надъ учебниками.

Оркестръ внизу игралъ одинъ вальсъ за другимъ, и Люси, одѣваясь, танцовала на мѣстѣ, какъ роза, колеблемая вѣтромъ.

— *Entrez*,—вскричала она, заслышавъ стукъ въ дверь.

Вошла Эвелина, высокая, стройная, все съ тѣмъ же строгимъ выраженіемъ глазъ.

— Вы совсѣмъ не похожи на студентку,—выговорила она серьезно.

— Я приняла бы это за комплиментъ, если бы не знала, что это значитъ.

— Что же это значитъ?

— Что я ни капельки не похожа на Мону.

— Ну, это вы и сами знаете.

— Вѣрно, *ma belle*, но неужели вы пришли только для того, чтобъ сказать мнѣ это?

— Я пришла вамъ сказать, чтобъ вы черезъ десять минутъ были готовы. Отецъ свезетъ насъ въ Монте-Карло.

Люси бросилась выбирать платье.

— Но, вѣдь, сэръ Дугласъ, вѣроятно, страшно усталъ съ дороги?—заговорила она, оглядываясь черезъ плечо въ зеркало, чтобы посмотрѣть, хорошо ли сидитъ сзади юбка.

— Онъ уже отдохнулъ за два дня; притомъ же ему хочется увидать Монтизовъ, прежде чѣмъ они переѣдутъ во Флоренцію.

Она могла бы прибавить: я сказала ему, что вамъ страстно хочется побывать въ Монте-Карло.

— Монтизовъ?—невольно повторила Люси и при этомъ чуточку покраснѣла.

Эвелина присѣла на чемоданчикъ.

— Мнѣ не вѣрится, что вы будете докторомъ.

— Давайте биться объ закладъ,—отозвалась Люси, не отводя глазъ онъ зеркала: она была занята важнымъ дѣломъ—застегивала лифъ.

— Я никогда не бьюсь объ закладъ, но если вы будете докторомъ, я... я приглашу васъ на консультацію.

Выпустивъ эту парѳянскую стрѣлу, она также спокойно вышла изъ комнаты.

Дѣвушки постоянно пикировались, но, въ сущности, жили очень дружно. Эвелина находила, что Люси совершенно не на мѣстѣ въ роли «ученой женщины», но это не мѣшало ей чувствовать себя прекрасно въ обществѣ веселой живой студентки. Конечно, ее смѣшно сравнивать съ Моной—Эвелина не допускала самой мысли объ этомъ, и ма-

ленькая Люси сама находила, что это смѣшно: она никому даже не намекнула, что выдержала экзаменъ, на которомъ провалилась Мона. Мона была центромъ системы, она—однимъ изъ спутниковъ; она горько завидовала всѣмъ другимъ спутницамъ, стоявшимъ ближе ея къ центру; но развѣ можно завидовать солнцу?!

Леди Мунро очень привязалась къ своей молоденькой гостьѣ. Она никому на свѣтѣ не призналась бы въ такой ереси, но, въ сущности, ей было легче съ Люси, чѣмъ съ Моной и она не понимала, какимъ образомъ сэръ Дугласъ можетъ находить племянницу болѣе пикантной, чѣмъ Люси Рейнольдсъ. Она видѣла Люси насквозь, а въ разговорѣ съ Моной всегда испытывала чувство неловкости; даже, когда та горячо соглашалась съ нею, ей казалось, что, заглянувъ она глубже въ душу племянницы, она встрѣтила бы тамъ много неожиданностей. Съ Люси у нихъ былъ одинаковый уровень понятій, Мона стояла особнякомъ и не всегда можно было опредѣлить, когда она стоитъ выше ихъ и когда ниже.

Вскорѣ послѣ ухода Эвелины всѣ четверо подъѣхали къ станціи. Утро было прохладное, росистое. Эвелина была, какъ всегда, сдержана и спокойна, но Люси положительно съ ума сходила отъ восторга. Все было для нея наслажденіемъ: и ѣхать въ роскошномъ купэ перваго класса, и находиться въ обществѣ такого человѣка, какъ сэръ Дугласъ, и посмотрѣть поближе на этотъ новый чудный міръ.

Когда они оставили за собой Ниццу, мѣстность измѣнилась. Здѣсь природа была суровой, величественной. Поѣздъ прокладывалъ себѣ дорогу между высокихъ скалъ, стѣною нависшихъ надъ моремъ и совершенно обнаженныхъ, если не считать пріютившихся въ разсѣлинахъ рѣдкихъ ананасовъ, согнутыхъ и скрюченныхъ южнымъ вѣтромъ. Но вотъ, словно вынырнувъ изъ моря, словно частица этой самой природы, передъ ними предсталъ спрятавшійся за скалы Монте-Карло—веселый, вульгарный, красивый, шутовской, обольстительный Монте-Карло!

— Неужели это правда казино,—взволнованнымъ шепотомъ выговорила Люси.

Сэръ Дугласъ засмѣялся. Она была не въ его вкусѣ, но ея энтузіазмъ нравился ему.

— Да,—сказалъ онъ.—Но, если вы не имѣете ничего противъ, мы немножко закусимъ прежде, чѣмъ пойти туда.

Для него казино было знакомой и привычной забавой; для Эвелины—красивымъ и немного неприличнымъ мѣстечкомъ, которое все-таки слѣдуетъ посмотрѣть; для Люси—какимъ-то храмомъ. Ей не пришлось дѣлать замѣчаній: когда они вступили въ роскошныя мрачныя залы, она сразу понизила голосъ до шопота.

— Пожалуй, мы увидимъ Гвендолену Гарлетъ *),—шепнула она Эвелинѣ.

*) Героиня одного извѣстнаго англійскаго романа.

Но Гвендолена Гарлетъ на этотъ разъ блистала своимъ отсутствіемъ. У столовъ съ рулеткою сидѣло множество неинтересныхъ, просто одѣтыхъ женщинъ, похожихъ на гувернантокъ; были здѣсь и нарумяненныя, залитыя бриллiантами красавицы *demi mond'a*; и злыя сморщенныя старыя гарпіи, которыя, казалось, всегда выигрывали; были двѣ-три цвѣтущихъ дѣвушки, самой обыкновенной наружности, но Гвендолены Гарлетъ не было. Въ первый моментъ Люси была почти разочарована. Это было такъ похоже на игру въ винтъ съ марками и никто, повидимому, не волновался, когда останавливалось колесо: очевидно, разсказы о здѣшнихъ трагедіяхъ были сильно преувеличены.

Но въ это время ей попался на глаза юноша англичанинъ, робко озиравшійся вокругъ; онъ, видимо, былъ очень озабоченъ. Открытое добродушное лицо выражало тревогу, весь лобъ собрался въ глубокія складки. Глаза ихъ встрѣтились, и юноша сдѣлалъ надъ собой отчаянное усиліе, чтобы принять спокойный и самоувѣренный видъ. Онъ не игралъ, а бродилъ между столовъ, записывая на клочкѣ бумажки выигравшіе номера.

— *Messieurs, faites vos jeux*!

Юноша открылъ большой, но очень тощій бумажникъ и вытащилъ оттуда послѣднюю пятифранковую монету.

— *Le jeu est fait.*

Съ внезапной рѣшимостью юноша положилъ монету на столъ и подвинулъ ее впередъ.

— *Rien ne va plus.*

— *Vingt sept.*

Маленькая монетка присоединилась къ кучкѣ другихъ.

Юноша растерянно улыбнулся и спряталъ пустой бумажникъ въ карманъ.

Люси посмотрѣла на своихъ спутниковъ. Но ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ этой маленькой трагедіи. Сэръ Дугласъ подвелъ ихъ къ другому столу и далъ каждой изъ дѣвушекъ по золотому. Для него это входило въ программу. Надо же и дѣвочкамъ дать попытать счастья.

Люси колебалась; искушеніе было сильное. Ей смутно представлялись груды золота, которыя она можетъ выиграть и отдать этому бѣдному мальчику. Потомъ она покачала головой и шепотомъ молвила:

— Это было бы непріятно моему отцу.

Сэръ Дугласъ пожалъ плечами: вотъ ужъ, поистинѣ, на вкусъ, на цвѣтъ товарища нѣтъ. Какимъ образомъ человѣкъ можетъ позволять своей дочери проводить цѣлые годы въ анатомическомъ театрѣ, вынудить ее жить и дышать въ атмосферѣ, пропитанной карболкой, и въ то же время запрещать ей разъ въ жизни для шутки поставить монетку на игорномъ столѣ—это было выше его пониманія.

Эвелина тоже колебалась, но не устояла противъ соблазна похвастаться потомъ передъ подругами, что она играла въ Монте-Карло. Она положила свою монетку на столъ и безпомощно спросила у Люси:

— Куда бы мнѣ поставить?

Люси сама не знала игры, но она внимательно слѣдила за тѣмъ, какъ играютъ другіе, а глаза ея привыкли подмѣчать все быстро и точно. Раздосадованная медлительностью Эвелины, она, не подумавши, схватила лопаточку и подвинула золотой на мѣсто—какъ разъ во-время. Черезъ нѣсколько секундъ ставка Эвелины удвоилась.

— Довольно, довольно,—сказалъ сэръ Дугласъ, видя, что дочь его не прочь повторить опытъ,—я не хочу, чтобъ у тебя были такія же красныя щеки, какъ у той дамы, что сидитъ напротивъ.

Господинъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, всталъ, чтобы пропустить ихъ и, когда они проходили мимо, поздоровался съ Люси. Та не сразу взяла его руку и тотчасъ же съ милымъ ужасомъ обернулась къ сэру Дугласу.

— Ну, вотъ! Я такъ и знала. Это нашъ церковный староста.

Сэръ Дугласъ разсмѣялся.

— Что жъ? Теперь вамъ, по крайней мѣрѣ, не разсчетъ выдавать, другъ друга.

Люси наскоро объяснила своему знакомому, какъ она попала сюда и поспѣшила вслѣдъ за своими спутниками во внутреннее отдѣленіе храма, посвященное *rouge et noir*. Здѣсь, во всякомъ случаѣ, трагизма было достаточно даже на первый взглядъ. Люси почти забыла о бѣдномъ юношѣ, видя съ какой ужасающей быстротой кучки золота передвигались съ мѣста на мѣсто. Чахоточный игрокъ, которому врядъ ли оставался годъ жизни, съ какимъ-то отчаяніемъ ставилъ монету за монетой и все время проигрывалъ. Наконецъ, кучка золота, возвышавшаяся передъ нимъ на столѣ, вся растаяла. Послѣ минутнаго колебанія онъ вынулъ свой бумажникъ и началъ ставить банковые билеты. Потомъ и они пришли къ концу, а неутомимое колесо все вертѣлось и вертѣлось съ головокружительной быстротой. Чахоточный не двинулся съ мѣста, не отошелъ отъ стола. Изжелта бѣлыми, трясущимися руками онъ продолжалъ отмѣчать результаты; другіе ставили, выигрывали, проигрывали; онъ лихорадочно и безцѣльно чертилъ на бумагѣ какія-то цифры, какіе-то безформенные рисунки. А двѣ молодыя дѣвушки, сидѣвшія противъ него, все выигрывали, выигрывали и выигрывали, загребая золото и улыбаясь мужчинамъ, стоявшимъ у нихъ за спиной.

— Пойдемте—шепнула Люси.—Я не могу больше.

— Я тоже нахожу, что достаточно,—поддержала ее леди Мунро—мнѣ хочется пить, Дугласъ. Спроси, пожалуйста, кофе.

Они вышли въ садъ, на яркое солнце. Къ нимъ моментально подлетѣлъ старшій лакей. Сэръ Дугласъ былъ изъ тѣхъ, кому рѣдко приходится звать слугу. Онъ заказалъ кофе, безцеремонно закурилъ сигару и вдругъ повернулся къ Люси.

— Гдѣ Мона?

У Люси даже духъ захватило.

— Послѣдній разъ, когда я ее видѣла, она была въ Лондонѣ,—начала она, стараясь выиграть время.

— На своей прежней квартирѣ?

— Н... нѣтъ. Она жила тогда вмѣстѣ со мной.

Нѣтъ, это не годится. Все лучше, чѣмъ заставить ихъ предполагать, что здѣсь кроется какая-то тайна.

— Видите ли, съ самаго начала учебнаго года я не жила въ Лондонѣ и давно уже не получаю писемъ отъ Моны. Я знаю, что она взяла съ собой всѣ необходимые учебники, а готовиться можно гдѣ угодно.

— Такъ почему же... почему ей не пріѣхать къ намъ и не готовиться здѣсь?

Люси засмѣялась. Она начинала надѣяться, что гроза скоро пройдетъ.

— Мона, по всей вѣроятности, отвѣтила бы вамъ на это, что въ Каннахъ такъ же удобно играть въ мячъ, какъ и въ Кембриджѣ.

— Такъ и вы не знаете ея адреса?

— Навѣрное не знаю. Очень можетъ быть, что она до сихъ поръ гоститъ у кузины. Она какъ-то говорила, что тамошній воздухъ укрѣпляетъ нервы и что ей тамъ легче работается.

— Такъ она поѣхала туда готовиться къ экзаменамъ?

— Я увѣрена, что она много работаетъ.

— А когда же назначенъ экзаменъ?

— Видите ли, это зависитъ отъ желанія. Мона не говорила мнѣ, когда она собирается держать экзаменъ. Дѣло въ томъ, сэръ Дугласъ, что мои планы всегда извѣстны Монѣ, но Мона держитъ свои про себя. Она, вѣдь, работаетъ не ради того, чтобъ получить дипломъ, какъ, напримѣръ... я.

— Въ этомъ я увѣренъ. Помнится, Мона говорила своей теткѣ, что она оставляетъ свою квартиру и что лучше всего адресовать письма на имя ея повѣреннаго. Вы тоже такъ адресуете?

— Я давно ей не писала. А буду писать, такъ адресую на имя повѣреннаго.

— Интересно знать, какъ я объясню это Монѣ,—прибавила она про себя.

Глава XXXII.

Смѣхъ и слезы.

Сэръ Дугласъ пошелъ навѣстить пріятеля. До начала концерта оставалось еще много времени, и леди Мунро съ барышнями бродили по террасѣ, съ которой открывается видъ на море.

— Какая прелесть, какая прелесть,—повторяла Люси.—Есть ли въ цѣломъ мірѣ видъ, красивѣе этого.

— Надо будетъ разыскать эти знаменитыя двѣ статуи работы

сэра Бернара и Густава Доре, — сказала Эвелина, заглянувъ въ Бедекеръ.—Одна изъ нихъ изображаетъ...

— Да, ну вы съ вашими статуями! вскричала Люси. Сегодня я хочу чувствовать, а не смотрѣть.—Она вдругъ понизила голосъ:—Леди Мунро, посмотрите, вонъ мой юноша стоитъ, облокотившись на балюстраду. Видите, я не преувеличила—вы только взгляните на него.

Леди Мунро прошла немного дальше, будто случайно обернувшись, посмотрѣла на молодого человѣка и долго не отводила отъ него глазъ. Лицо его пылало; онъ бормоталъ что то безсвязное и смотрѣлъ прямо передъ собой ничего не видѣвшими глазами.

— Онъ, право, кажется, съ ума сходитъ,—замѣтила Эвелина.

— Онъ гораздо больше похожъ на сумасшедшаго, чѣмъ настоящіе сумасшедшіе,—сказала Люси, съ гордостью вспомнивъ о своемъ посѣщеніи дома умалишенныхъ.—О, леди Мунро, пойдите, поговорите съ нимъ. У васъ это выйдетъ такъ просто и хорошо... Вы умѣете.

Леди Мунро колебалась. Она никогда не сворачивала съ дороги ради того, чтобы сдѣлать доброе дѣло. Но этотъ мальчикъ самъ сталъ на ея дорогѣ, и она знала, что ея поступокъ выйдетъ красивъ, хотя продиктованный не принципами, а просто материнскою жалостью къ бѣдному юношѣ.

Она прошла немного впередъ и, мягко шелестя шелковымъ платьемъ, направилась къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ.

— Pardon, monsieur, не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ находится статуя работы Густава Доре?

Юноша вздрогнулъ и удивленно посмотрѣлъ на нее. Въ Монте-Карло не часто встрѣчаются такія изящныя женщины.

— Простите, я не разслышалъ, что вы сказали,—выговорилъ онъ, сдѣлавъ надъ собой отчаянное усиліе, чтобы собраться съ мыслями. Видъ у него былъ растерянный, но рѣчь и манеры показывали хорошо воспитаннаго человѣка. Леди Мунро еще больше заинтересовалась имъ.

— Не знаете ли вы, гдѣ находится статуя работы Густава Доре?

Онъ покачалъ головой.

— Къ сожалѣнію, не знаю,—и отвернулся.

Но леди Мунро вовсе не разсчитывала покончить на этомъ разговоръ.

— Какой очаровательный видъ, не правда ли,—продолжала она.

— Д-да... очаровательный!

— Я, кажется, видѣла васъ за однимъ изъ столовъ въ Казино. Надѣюсь, вы удачно играли.

Онъ круто повернулся къ ней. Лицо его выражало гнѣвъ и обиду, но, главнымъ образомъ, отчаяніе. Это было такое дѣтское лицо, открытое, простодушное. Оно, казалось, говорило: «Развѣ вы не видите, что мнѣ не до пустой болтовни. Вы очень добры, очень красивы, я въ вашей власти, но... зачѣмъ же вы мучите меня».

— Вы попали въ затруднительное положеніе,—мягко, но настойчиво

продолжала леди Мунро.—Можетъ быть, это еще поправимо. Скажите мнѣ всю правду.

Женщина, болѣе привычная къ дѣламъ милосердія, вѣроятно, лучше бы разсчитала дѣйствіе своихъ словъ. У юноши хлынули слезы изъ глазъ. Онъ захлебывался отъ рыданій. Къ счастью, терраса была почти совсѣмъ пуста. Поодаль сидѣли Эвелина и Люси, повидимому, углубившись въ изученіе Бедекера, а въ дальнемъ углу какой-то старикъ читалъ газету, и только.

Юноша разсказывалъ свою исторію довольно безсвязно, но все же можно было понять, въ чемъ дѣло.

У него была только одна сестра, хрупкая, болѣзненная дѣвушка, которой врачи прописали провести зиму въ Санъ-Ремо. Онъ отвезъ ее туда, устроилъ и... и встрѣтилъ знакомаго, который уговорилъ его провести вечерокъ въ Монте-Карло. Остальное не требовало поясненій. Въ данный моментъ въ кошелькѣ молодого человѣка было всего шестьдесятъ пять сантимовъ и, кромѣ того, онъ задолжалъ нѣсколько фунтовъ знакомому.

По-истинѣ, въ жизни все относительно. Иные теряютъ тысячи за игорнымъ столомъ и сравнительно остаются спокойными; этотъ мальчикъ чуть не лишился разсудка изъ-за того, что проигралъ какіе-то двадцать фунтовъ.

— Есть у васъ друзья дома?—былъ первый вопросъ леди Мунро.— Есть отецъ, мать?

Мать умерла, а отецъ очень строгій и далеко не богатъ. Не легко ему было достать денегъ, чтобы послать дочь на Ривьеру.

— Вотъ это-то и ужасно,—говорилъ юноша.—Господи! Отчего я не взялъ обратнаго билета!.. Но, вѣдь, я собирался вернуться на пароходѣ изъ Марселя. Главное,—не надо было трогать денегъ, отложенныхъ на дорогу. Какъ только я поставилъ первые пять франковъ—все пропало. Потомъ я уже игралъ, чтобы отыграться, но мнѣ адски не везло. О, если бы можно было вернуть эти пять франковъ! Если бы я это предвидѣлъ... но я думалъ...

— Вы, конечно, надѣялись выиграть? ласково докончила леди Мунро.

Юноша сконфуженно разсмѣялся сквозь слезы.

— Ну, зато и наказаніе стоитъ грѣха. Я съ радостью готовъ сидѣть цѣлые мѣсяцы на хлѣбѣ и водѣ, лишь бы вычеркнуть эти два дня изъ своей жизни. Я все думаю, думаю... у меня все перепуталось въ головѣ... я, кажется, скоро съ ума сойду. Я *не могу* написать отцу, а кромѣ этого, что же мнѣ остается дѣлать?

Голосъ его оборвался. Леди Мунро молчала. Она думала о томъ, что скажетъ сэръ Дугласъ. Когда замужней женщинѣ представляется случай помочь ближнему, ей приходится принимать въ разсчетъ, помимо собственнаго побужденія, еще многое. Въ отношеніи къ леди Мунро это имѣло свою хорошею сторону. Она такъ же легко отдала бы всѣ

свои деньги нуждающемуся, какъ легко истратила бы ихъ на покупку полюбившагося ей браслета или брошки, ни на минуту не задумавшись о томъ, будутъ ли у нея деньги завтра. Хорошо, что такимъ совершеннымъ женщинамъ не всегда приходится разыгрывать роль добраго генія!

— Я постараюсь помочь вамъ,—выговорила она, наконецъ.—Хотя навѣрное обѣщать не могу. Пока—вотъ вамъ луидоръ. На это вы можете доѣхать до Каннъ и заплатить за нумеръ въ гостинницѣ. Зайдите ко мнѣ завтра между десятью и одиннадцатью.—Она дала ему свою карточку и затѣмъ, какъ бы что-то вспомнивъ, прибавила:—Надѣюсь... вы мнѣ обѣщаете не заходить больше въ казино?

Это было такъ похоже на нее—просить, какъ милости, того, что она могла бы поставить условіемъ. Юноша покраснѣлъ до ушей, но взялъ деньги.

— Вы очень добры,—молвилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.—Спасибо вамъ. Я даже не оглянусь ни разу на казино.

— Ну, миссъ Люси, интересное знакомство вы мнѣ доставили,—сказала леди Мунро, подойдя къ дѣвушкамъ.—Это удовольствіе будетъ мнѣ стоить ровно двадцать фунтовъ.

— Разскажите намъ все по порядку,—взмолилась Люси.—Кто онъ такой?

— Его зовутъ Эдгаръ Дэвидсонъ. Онъ студентъ-медикъ.

— Я такъ и думала! Не удивительно, что я заинтересовалась собратомъ по профессіи! Въ какомъ онъ госпиталѣ работаетъ?

— Не знаю.

— Гдѣ онъ будетъ держать экзаменъ:—въ колледжѣ или въ университетѣ?

— Дитя мое, могло ли мнѣ придти въ голову спросить объ этомъ?

— Я увѣрена, что мама даже не спросила, у какого портного онъ одѣвается,—спокойно вставила Эдвелина.

— Богъ съ нимъ, съ портнымъ — это не интересно, а вотъ куда онъ отдаетъ точить скальпели — это бы мнѣ очень интересно знать. Почему онъ здѣсь среди семестра?

Леди Мунро едва успѣла имъ разсказать въ общихъ чертахъ исторію юноши; они подходили къ дверямъ концертнаго зала, поражавшаго великолѣпіемъ и вмѣстѣ—вульгарностью. Оркестръ уже игралъ знаменитое pizzicato.

— Сядемъ сзади, мама, — шепнула Эвелина,—а то Люси, пожалуй, еще пустится въ плясъ.

Люси окинула подругу высокомѣрнымъ взглядомъ:

— Хорошо и то, что Провидѣніе не создало меня фонарнымъ столбомъ.

Еще до окончанія пьесы въ нимъ подошелъ молодой человѣкъ и поздоровался съ леди Мунро.

— Какимъ образомъ вы здѣсь, мистеръ Монтизъ? Мужъ пошелъ къ вамъ.

— Да, онъ сказалъ мнѣ, что вы будете здѣсь; я оставилъ его съ отцомъ и направился сюда.

Онъ поздоровался съ барышнями и сѣлъ возлѣ Люси.

— Вы здѣсь?—сказала она съ видомъ спокойнаго равнодушія, мало напоминавшаго ея обычную живость.

— Нѣтъ, это мнѣ слѣдовало спросить: вы здѣсь? И вы предоставляете мнѣ узнать это случайно, черезъ сэра Дугласа.

— Я не думала, что это можетъ васъ интересовать, — возразила она граціозно, хотя и безъ всякой нужды обмахиваясь программой.

— Маленькая кокетка!—подумала леди Мунро, но Люси была такъ мила въ эту минуту, что даже у женщины не хватило бы духу осудить ее.

— Вамъ попрежнему нравится въ Каннахъ?

— О да! даже больше прежняго. Появились новыя лица, очень симпатичныя.

— Такъ что вы не скучаете объ уѣхавшихъ?

— Ни капельки.

— И нисколько не обрадовались бы старому другу, еслибъ ему вздумалось вернуться туда денька на два?

Наступила минутная пауза.

— Я не знаю... найдется ли мѣсто. Гостинницы переполнены...

Музыка заиграла снова и продолженіе разговора на время пришлось отложить.

— Бываете вы когда-нибудь въ *той* часовнѣ, на вершинѣ холма?

— О да, очень часто!

— Вы энергичны. И вамъ случается видѣть Альпы въ такомъ же странномъ, мистическомъ освѣщеніи, въ какомъ мы ихъ видѣли въ *тотъ* разъ?

— Да. Они всегда одинаковы.

— Странно! Такъ что прогулки не будятъ въ васъ никакихъ воспоминаній?..

— Напротивъ очень горестныя! Помните, какъ мы сошли съ тропинки, чтобы сорвать вѣтку спаржи, и мое платье зацѣпилось за кустъ терновника, а потомъ залаяла собака...

Она не докончила. Пѣвучій дуэтъ скрипокъ помѣшалъ ей довести до конца трагическій разсказъ; прелюдія перешла въ томный вальсъ, которымъ и закончилась первая часть программы.

Въ антрактѣ за ними зашелъ сэръ Дугласъ. М-ръ Монтизъ проводилъ ихъ до станціи и всю дорогу допытывался, будетъ ли Люси довольна, если онъ на нѣсколько дней вернется въ Канны.

Передъ тѣмъ какъ лечь, Эвелина, какъ всегда, пришла причесываться въ комнату Люси—въ компаніи веселѣе.

— Какая трогательная картина!—неожиданно разсмѣялась Люси, уловивъ въ зеркалѣ отраженіе двухъ дѣвичьихъ фигуръ, съ распущенными по плечамъ волосами.—Ну-съ, разсказывайте все по порядку. Кайтесь. Теперь самое время. По крайней мѣрѣ такъ говорится въ книжкахъ.

— Къ несчастью, мнѣ не въ чемъ каяться.

— Къ счастью, и мнѣ тоже не въ чемъ.—Она низко наклонилась надъ пылающими углями.—Какое, должно быть, рабство любовь.

Эвелина съ любопытствомъ наблюдала за ней и ждала, что̀ будетъ дальше, но дальнѣйшее нѣсколько разочаровало ее.

— Эвелина, какимъ образомъ Монѣ удалось такъ очаровать вашего отца? Мнѣ незачѣмъ повторять вамъ, что *я* думаю о ней, но въ общемъ она не особенно нравится мужчинамъ, она не въ мужскомъ вкусѣ. Я бы никогда не подумала, что такая женщина можетъ покорить сердце сэръ Дугласа.

— Я не нахожу этого страннымъ, — соннымъ голосомъ протянула Эвелина.—Я много объ этомъ думала. Видите ли, Мона очень похожа на мою мать, хотя и не такъ обаятельна, для простыхъ знакомыхъ; мама, вѣроятно, была приблизительно такой же въ ея годы; но тамъ, гдѣ кончается моя *Mater*, тамъ-то и начинается настоящая Мона. Воображаю, какимъ сюрпризомъ это было для отца!!

— Ваша догадка очень остроумна. М-ръ Монтизъ страшно восхищается вашей матерью.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Интересно знать, что бы онъ сказалъ о Монѣ!

— Не могу себѣ представить.

— Вы давно съ нимъ знакомы?

— Папа и мама давно знакомы съ его отцомъ.

— Какъ вы думаете, онъ честный человѣкъ?

— Который—сынъ или отецъ?

— Разумѣется, сынъ.

— У меня онъ ничего не укралъ.

— Не стройте изъ себя дурочку. Какъ вы полагаете, онъ говоритъ, что думаетъ?

Эвелина отвѣтила не сразу

— Отчего вы молчите? Вы не считаете его правдивымъ?

— Я стараюсь припомнить, о чемъ мы съ нимъ говорили. Разъ онъ сказалъ мнѣ: «Какая сегодня гнусная погода, не правда ли?» Тогда онъ, повидимому, говорилъ искренно, по крайней мѣрѣ судя по лицу. Это было единственный разъ, что онъ обратился ко мнѣ лично.

Въ это самое время въ спальнѣ супруговъ Мунро шла иного рода бесѣда.

— Дугласъ,—говорила мужу леди Мунро,—какъ ты думаешь, полковникъ Монтизъ позволитъ своему сыну жениться на Люси Рейнольдсъ?

— Какой вздоръ! Что за мысли тебѣ приходятъ!

— Дѣло въ томъ, что это зашло уже довольно далеко. Джорджъ что-то говорилъ насчетъ возвращенія въ Канны. Не трудно угадать, *кто* для него служитъ магнитомъ. Если ты думаешь, что изъ этого ничего не выйдетъ, лучше бы онъ не пріѣзжалъ.

— Такъ вотъ къ чему влечетъ ее призванье.

— Полно, мой другъ. Что она знаетъ о жизни! Она совсѣмъ еще ребенокъ.

— Совершенно вѣрно. И отецъ ея такой же ребенокъ. Богъ знаетъ, что ты выдумала, Монтизу нужно жениться на богатой наслѣдницѣ.

Леди Мунро не настаивала. Ей нужно было еще поговорить о другомъ. Она поднялась съ кресла и перешла черезъ комнату.

— Дугласъ,—начала она шутливо,—какъ ты ухитряешься оставаться такимъ моложавымъ? Дай мнѣ, пожалуйста, твой рецептъ. Ты скоро будешь казаться моложе своей жены.

— Вздоръ! — проворчалъ сэръ Дугласъ, но, тѣмъ не менѣе, улыбнулся. Жена не часто баловала его такими комплиментами. Случилось такъ, что и она въ этомъ вечеръ выглядѣла совсѣмъ молодой. Можетъ быть, это-то и вызвало ея замѣчаніе.

Съ полчаса у нихъ шла задушевная бесѣда, какъ въ былые, далекіе дни, а потомъ...

Потомъ леди Мунро разсказала ему объ юношѣ, проигравшемся въ Монте-Карло.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИМЯНИНЫ.

Разсказъ Поля Ренадэна.

(Переводъ съ французскаго).

Вся деревня Лагэй-Мелье была въ высшей степени заинтересована тѣмъ, что старуха Лоро такъ часто стала посѣщать учителя и такъ по-долгу оставалась у него. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ по вечерамъ, между пятью и шестью часами, деревенскіе обыватели видѣли, что она проходила по улицѣ своей переваливающейся, но все еще бодрой походкой, съ коричневой косынкой на плечахъ, звонила у калитки школы и старый Гембло самъ отворялъ ей. Да она и не думала скрывать своихъ посѣщеній; она здоровалась съ сосѣдками, которыя занимались стиркой или просто болтали у воротъ, направо и налѣво кивала головой встрѣчавшимся ей по дорогѣ знакомымъ и даже, когда ее спрашивали: «Куда это вы собрались, бабушка Лоро?»—она отвѣчала, не задумываясь: «А вотъ, иду навѣстить м-сье Гембло».—Только когда сосѣдки собирались задержать ее и поговорить о деревенскихъ дѣлахъ, она дѣлала видъ, что не замѣчала ихъ намѣреній, или оставалась съ ними только минутку и спѣшила дальше, заявляя, что ей некогда. Во всякомъ случаѣ, ея ежедневные и продолжительные визиты къ старому Викторину представляли собою нѣчто необычное. Конечно, не могла же она все время заставлять его писать себѣ письма: ей и писать-то было некому, потому что родныхъ у нея было только два человѣка на свѣтѣ: сестра, гораздо моложе ея, живущая съ мужемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Лагэй-Мелье; ея младшая дочь, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, жила у тетки и помогала ей по хозяйству; и потомъ сынъ, занимающійся въ Парижѣ писаньемъ въ газетахъ и журналахъ, «писатель», какъ это у нихъ называется. Учитель помогалъ ей еще сводить мѣсячные счета, не отличавшіеся большой сложностью, а потомъ... чѣмъ же они занимались потомъ, до наступленія ночи? И каждый день! Старикъ Робике, прикованный болѣзнью къ своему стулу и проводящій цѣлые дни у порога своего дома, или вечеромъ у окна, свидѣтельствовалъ, что въ теченіе трехъ недѣль она не пропустила ни одного вечера и ежедневно проходила мимо его дома въ школу.

Такое странное поведеніе наводило на размышленіе, и кумушки давали волю своимъ язычкамъ. Да, да, они давно уже знакомы другъ съ другомъ, учитель и бабушка Лоро. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда Викторинъ былъ назначенъ учителемъ въ Лагэй-Мелье, онъ сразу обратилъ вниманіе на сынишку Лоро, Жана, бойкую, маленькую обезьяну, который въ 8-мъ лѣтъ зналъ столько же, сколько другіе мальчики, идущіе къ причастію. Викторину было тогда подъ тридцать, онъ былъ красивый, статный малый; ей было года на два, на три больше, но она была еще очень свѣжа, и какіе у нея были славные бѣлокурые волосы! Она только-что потеряла мужа, и злые языки говорили, что Викторинъ, съ перваго же дня по своемъ пріѣздѣ, началъ за ней увиваться. Можетъ быть, потому онъ и отказался отъ повышенія, объясняя свой отказъ тѣмъ, что онъ не честолюбивъ и что ему нравится здѣсь, въ деревнѣ. Поэтому-то, вѣроятно, онъ всегда такъ и возился съ ея мальчишкой, и въ концѣ-концовъ вбилъ ей въ голову, что ему необходимо дальше учиться; и вотъ теперь этотъ мальчикъ выросъ и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ навѣрное кутитъ и ведетъ безпутную жизнь, вмѣсто того, чтобы быть честнымъ и работящимъ земледѣльцемъ. Да, да, онъ двадцать пять лѣтъ вздыхалъ по ней, это всѣ видѣли. Правда, она не обращала на него вниманія, и старикъ такъ и остался ни съ чѣмъ. Но какъ знать? Можетъ быть, теперь, на старости лѣтъ, она пожалѣла его...

Мальчишки не заходили такъ далеко въ своихъ предположеніяхъ. Когда они встрѣчали на улицѣ бабушку Лоро, идущую въ школу, они, смѣясь, толкали другъ друга локтями и кричали ей вслѣдъ: «Бабушка Лоро идетъ учиться читать. Достанется ей сегодня на орѣхи отъ учителя! Спроси ее, Аристидъ, не хочетъ ли она, чтобы я ей одолжилъ мою азбуку»? И вечеромъ они разсказывали у себя въ семьяхъ, что бабушка Лоро учится читать. Конечно, никто этому не вѣрилъ. Надо было сойти съ ума, чтобы начать учиться въ 60 лѣтъ, а у старой Жюстины была еще голова на плечахъ. Положимъ, она ужъ слишкомъ носилась со своимъ сынкомъ, но это было единственное, въ чемъ ее можно было упрекнуть.

* * *

А между тѣмъ, это была правда. Бабушка Лоро начала учиться читать. Въ этомъ и заключалась тайна ея ежедневныхъ посѣщеній учителя, такого же стараго и сморщеннаго, какъ и она, и ея любовныя свиданія съ нимъ проходили въ мучительныхъ усиліяхъ надъ складами.

Мысль объ ученіи давно уже приходила ей въ голову, но она всегда говорила себѣ: я слишкомъ стара, и, наконецъ, все-таки принялась за книгу, потому что это оказалось превыше ея силъ... Ей было слишкомъ горько, что она не можетъ читать книжекъ своего сына. Вѣдь онъ

былъ первымъ писателемъ въ Парижѣ, и «въ столицѣ» только о немъ и говорили. Онъ не писалъ ей этого въ своихъ письмахъ, потому что былъ слишкомъ скроменъ; но она угадала истину между строкъ, когда слушала, склонивъ голову и изрѣдка смахивая съ рѣсницъ маленькую слезу, письма, которыя учитель читалъ ей вслухъ. Но въ послѣдній разъ, когда онъ, по обыкновенію, пріѣхалъ навѣстить ее въ день ея имянинъ, онъ не смогъ вполнѣ скрыть своей славы. Она засыпала его разспросами, счастливая и радостная, преисполненная материнской гордостью, и мало-по-малу онъ началъ разсказывать ей и старику Гембло кое-что изъ своей парижской жизни и въ концѣ концовъ долженъ былъ таки признаться, что онъ—знаменитость. Потомъ онъ постоянно присылалъ ей денегъ... Значитъ, онъ очень много зарабатывалъ, потому что вѣдь въ Парижѣ приходится такъ много тратить...

Наконецъ, всѣ газеты постоянно говорятъ о немъ. Еще прошлой осенью, черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, мосье Гембло читалъ ей изъ своей газеты замѣтку, въ которой сообщалось о выходѣ въ свѣтъ книги Жана де-Бро—имя, которымъ Жанъ подписывалъ свои книги, она никогда не могла запомнить, какъ это у нихъ называется—и ужъ какъ тамъ его расхваливали, вы бы послушали! По правдѣ говоря, она не совсѣмъ поняла, что значитъ «остроумный знатокъ подонковъ парижской жизни», «язвительный Аристофанъ современныхъ Аѳинъ» или «восхитительный и извращенный авторъ «Писемъ къ Аспазіи», но что же изъ этого? все-таки она была наверху блаженства во время чтенія учителя и краснѣла отъ радости, когда онъ читалъ объ «успѣхѣ новой книги талантливаго автора». Къ тому же, маленькая лимузенская газетка поставила въ концѣ замѣтки: «заимствовано изъ «Echo de Paris», а мэтръ Викторинъ увѣрялъ, что это одна изъ лучшихъ газетъ столицы и что «быть пропечатаннымъ въ ней, по меньшей мѣрѣ, такъ же почетно, какъ быть генераломъ».

Тутъ ужъ она не могла больше выдержать; было слишкомъ печально, что она не могла прочесть ни одной строчки Жана. Навѣрное, она, его мать, была единственной въ этомъ отношеніи, потому что всѣ его читали. Ея большой мальчикъ, котораго она обожала, ея Жанъ, сдѣлавшійся знаменитымъ человѣкомъ—и вдругъ, не быть въ состояніи прочесть тѣ прекрасныя вещи, которыя онъ пишетъ! И въ тотъ же вечеръ, когда учитель принесъ ей газетку съ отзывомъ о книгѣ Жана, она повѣдала ему свою идею... Старикъ Гембло немного посмѣялся надъ нею вначалѣ... но, тѣмъ хуже для него! На другой день онъ принесъ ей азбуку, и было рѣшено, что по вечерамъ, по окончаніи классовъ, она будетъ приходить въ школу брать урокъ.

* * *

Когда она приходила, около половины шестого, классная комната была уже пуста. Они садились вдвоемъ около печки и, прежде чѣмъ

приступить къ занятіямъ, нѣкоторое время отдавали разговорамъ. Разговоры эти, помимо ихъ воли, постоянно вращались вокругъ «дорогого мальчика»—говорили о его послѣднемъ письмѣ, о той роскошной жизни, которую онъ велъ тамъ, въ этомъ таинственномъ Парижѣ, куда уходили люди, жаждущіе славы и денегъ, или о далекихъ, давно прошедшихъ дняхъ, когда Жанъ еще учился въ школѣ въ Лагэй-Мелье. При мягкомъ свѣтѣ топившейся печки воспоминанія росли, расцвѣтали... Временами Викторинъ впадалъ въ лирическій тонъ: «А вѣдь знаете, мадамъ Жюстина, я всегда предчувствовалъ, что этотъ мальчишка будетъ не такой, какъ другіе, что изъ него выйдетъ толкъ! Нужно было видѣть, какъ онъ писалъ сочиненія въ классѣ! Какъ у него все выходило гладко, складно, точно у настоящаго писателя... О, я всегда ему говорилъ: «если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, пострѣленокъ, я бы поѣхалъ въ Парижъ, поступилъ бы въ большую газету и добился генеральскаго чина! Съ такимъ талантомъ, какъ у тебя, нечего сидѣть здѣсь и землю копать». И вы видите, мои совѣты оказались хорошими!

Старуха, улыбаясь, кивала головой и съ благодарностью пожимала ему руки. Часто, чтобы поддержать гордость, возбуждаемую въ немъ воспоминаніями о своемъ бывшемъ ученикѣ, Гембло вытаскивалъ изъ ящика нѣсколько его «упражненій въ стилѣ», которыя онъ хранилъ какъ драгоцѣнность. И старики въ двадцатый разъ перечитывали ихъ вдвоемъ и подчеркивали наиболѣе достопримѣчательныя мѣста восклицаніями:

— Каково! Не правда ли, какъ мило сказано? И подумать, что въ то время ему было одиннадцать лѣтъ!

И какой онъ былъ добрый мальчикъ! Слава не вскружила ему головы. Теперь, когда онъ сталъ важнымъ бариномъ, и всѣ о немъ говорятъ, онъ все-таки не забываетъ свою старуху-мать, посылаетъ ей время отъ времени денегъ и маленькіе подарки, каждый годъ въ ея имянины пріѣзжаетъ къ ней и привозитъ ей большой букетъ. Не правда ли, какъ это мило съ его стороны? Покидать всѣхъ своихъ важныхъ знакомыхъ, свою веселую парижскую жизнь, и пріѣзжать на 3—4 дня въ деревню, къ своей старой матери-крестьянкѣ, которая даже не умѣетъ читать! Какой глупой она должна ему казаться!

Тутъ слѣдовалъ глубокій вздохъ; старушка вытирала нѣсколько овлажнившіеся очки и раскрывала азбуку. Еге! Будущій годъ Жанъ будетъ удивленъ, когда онъ пріѣдетъ въ деревню, и мать раскроетъ одну изъ его книжекъ, и начнетъ ему читать страницу за страницей!

Но нужно было торопиться: до св. Жюстины оставалось всего два мѣсяца. Нужно было хорошо выучиться читать къ тому времени, потому что эти парижскія книжки такъ трудны! Гембло увѣрялъ ее, что она выучится; конечно, у нея не было недостатка въ стараньи... Но вѣдь она была такъ стара!

Поддерживаемая этой мыслью, она цѣлые полчаса не отрывала головы отъ книги и продолжала бы еще, не замѣчая времени, если бы учитель не остановилъ ея, говоря: «ну, на сегодня довольно, мы хорошо поработали!» Она съ трогательной усидчивостью предавалась занятіямъ, дѣлалась совсѣмъ красной отъ усилій и забавляла учителя своимъ отчаяніемъ и вздохами, когда что-нибудь ей не давалось. Ей все хотѣлось идти дальше, сразу начать читать.

— Не торопитесь такъ, мадамъ Лоро,—говорилъ ей Викторинъ.— Не можете же вы начать читать, не выучивъ сначала склады. Ужъ предоставьте мнѣ учить васъ, понимаю вѣдь я это дѣло, чортъ возьми! Къ сентябрю мѣсяцу мы будемъ отлично читать—я вамъ ручаюсь!

Окончивъ урокъ, она прятала въ карманъ азбучку, чтобы «повторить» урокъ дома, когда у нея найдется свободная минута, и прощалась со старымъ учителемъ съ улыбкой благодарности, свѣтившейся въ ея маленькихъ сѣрыхъ глазкахъ.

* * *

Когда наступилъ сентябрь, старуха Лоро уже могла довольно бѣгло читать по печатному; письма она все еще должна была носить къ учителю, который и самъ, впрочемъ, заявлялъ, что его ученикъ «утратилъ свой прежній прекрасный почеркъ». Но она уже больше не сбивалась въ складахъ: молитвенникъ былъ уже для нея пустой игрушкой, и она могла справляться даже съ мелкой газетной печатью. Викторинъ успокоительно заявлялъ ей, что «Закулисныя тайны», навѣрное, печатаются не такимъ мелкимъ шрифтомъ.

Это было заглавіе послѣдней книги Жана де-Бро. Онъ ничего не писалъ о ней въ своихъ письмахъ, по обыкновенію обходя молчаніемъ свою литературную жизнь, вѣроятно, потому, что продолжалъ считать свою мать такой же невѣжественной, какъ и раньше. Но за нѣсколько дней до его пріѣзда она набралась храбрости, одѣла свое лучшее платье и отправилась въ городъ въ телѣжкѣ Матіаса, подъ предлогомъ, что ей нужно сдѣлать кое-какія покупки. Пріѣхавъ въ городъ, она тотчасъ же справилась, какіе здѣсь есть книжные магазины, и отправилась туда, смущенная, какъ никогда въ жизни, спросить послѣднюю книгу Жана де-Бро. Боже! какъ она покраснѣла подъ насмѣшливымъ и удивленнымъ взглядомъ приказчика! Онъ тоже, очевидно, принялъ ее за неграмотную и подумалъ, что она, очевидно, сошла съ ума, явившись сюда покупать книгу, какъ люди, получившіе образованіе. «Вы знаете этого автора?» спросилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой. Она чуть было не сказала: «Да вѣдь это мой сынъ! Его настоящее имя—Лоро, а вовсе не Жанъ де-Бро», но что-то удержало ее. Она подумала, что онъ, можетъ быть, не повѣритъ ей, сочтетъ ее слишкомъ скромной для такой славы. Такъ какъ она ничего не отвѣчала, то онъ продолжалъ:

*

— Хорошо-съ, мы вамъ ее достанемъ... Вы, вѣроятно, желаете имѣть «Закулисныя тайны?»—Она наугадъ утвердительно кивнула головой. — Только вы не получите ее раньше, чѣмъ черезъ недѣлю, потому что мнѣ надо ее выписать изъ Парижа. и намъ посылаютъ наши заказы только по вторникамъ. Я вамъ ее тотчасъ же перешлю.

Во вторникъ черезъ недѣлю! Значитъ, она получитъ ее только въ среду, а Жанъ долженъ былъ пріѣхать, въ воскресенье вечеромъ. къ ея имянинамъ! Ей не удастся сдѣлать ему сюрпризъ. Съ сжавшимся сердцемъ вышла она изъ магазина, наскоро пробормотавъ благодарность. Она побродила нѣкоторое время по городу, чтобы оправиться отъ разочарованья, и затѣмъ вернулась къ Матіасу.

Ну, что-жъ, все-таки онъ будетъ удивленъ и обрадованъ, ея мальчишка. Она прочтетъ ему что-нибудь другое, газету, положимъ, и покажетъ ему, какая она стала ученая! Она скажетъ ему, зачѣмъ выучилась читать, а въ среду, когда придетъ его книга, какая будетъ радость вмѣстѣ прочесть ее! Ей хотѣлось бы, положимъ, заранѣе немного просмотрѣть ее, чтобы быть спокойнѣе относительно ошибокъ... Но что жъ дѣлать? Викторинъ увѣрилъ ее, что все сойдетъ прекрасно.

Жанъ пріѣхалъ, какъ и обѣщалъ, въ воскресенье, вечеромъ.

— Здравствуй, мамочка, здравствуй! Какая ты у меня свѣжая и румяная! Ты гораздо свѣжѣе, чѣмъ мои розы, посмотри... Жизнь въ Лагэй, очевидно, сохраняетъ молодость... Надо и мнѣ здѣсь поселиться... Поздравляю, мама, милая, поцѣлуемся еще разъ...

Она не могла даже больше цѣловать его: она задыхалась отъ радости снова увидѣть своего мальчика. и прижимала къ себѣ одновременно и его голову, и большой букетъ розъ, который онъ ей привезъ. Она не находила словъ, и онъ все время говорилъ одинъ, радуясь, что опять очутился въ той «залѣ», гдѣ прошло его дѣтство, такое далекое, такое чистое въ его воспоминаніяхъ. Маленькая Жанна смотрѣла на нихъ, стоя около и вытянувъ руки по швамъ, ожидая своей очереди; она была проникнута величайшимъ уваженіемъ къ этому господину, о которомъ «тетушка» безпрестанно разсказывала ей съ такимъ восторгомъ. Наконецъ, Жанъ вырвался изъ материнскихъ объятій и поцѣловалъ свою племянницу. Мадамъ Лоро опустилась въ кресло, изнемогая отъ счастія. Жанъ сѣлъ рядомъ съ ней. Его пріѣзды были единственнымъ лучомъ свѣта въ маленькомъ домикѣ, опустѣвшемъ послѣ смерти его отца. Онъ доставлялъ матери радость, которой она жила потомъ весь годъ, и когда его не было, то она думала о той веселой жизни, которую онъ ведетъ въ Парижѣ, и это было достаточно для ея утѣшенія.

Жанъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ доброе сердце и былъ хорошимъ сыномъ. Онъ рано пріѣхалъ въ Парижъ и съ двадцати лѣтъ, не имѣя

никакой опоры, кромѣ бойкаго пера, окунулся въ литературный міръ, со всѣми его искушеніями, интригами, съ тяжелой борьбой изъ-за куска хлѣба. Онъ необыкновенно быстро пробилъ себѣ тамъ дорогу. Одаренный практическимъ умомъ, умѣньемъ извернуться и жаждой успѣха, онъ почти сразу попалъ на вѣрный путь: онъ спеціализировался на гривуазномъ жанрѣ, избѣгая грубостей, соединяя развращенность съ изяществомъ, уснащая скабрезности остроуміемъ и сочиняя для великосвѣтскихъ салоновъ двусмысленныя исторіи полу-свѣта. Немного скандала, немного ловкости, много удачи, которая страннымъ образомъ сопутствуетъ нѣкоторымъ людямъ,—въ нѣсколько лѣтъ создали ему положеніе. И среди богатства и блеска новой жизни онъ не забывалъ своей деревни, школы, учителя, и въ особенности своей старухи-матери. По отношенію къ ней онъ оставался все тѣмъ же ласковымъ и любящимъ «мальчикомъ», какъ будто онъ никогда не уѣзжалъ изъ Лагэй-Мелье. Когда онъ пріѣзжалъ туда, въ немъ не оставалось и слѣда пресыщеннаго парижанина и гривуазнаго журналиста: онъ дѣлался веселымъ ребенкомъ, благоговѣющимъ передъ сѣдыми волосами своей матери. Каждые два-три мѣсяца онъ посылалъ ей по нѣсколько сотъ франковъ, что давало ей возможность жить въ деревнѣ въ полномъ довольствѣ. Каждый мѣсяцъ онъ писалъ ей длинныя, нѣжныя письма, въ которыхъ говорилось только о ней и о деревнѣ, и каждый годъ къ ея имянинамъ пріѣзжалъ къ ней изъ Парижа и привозилъ большой букетъ.

* * *

На другой день, когда они кончили завтракать, м-мъ Лоро попросила Жана принести изъ другой комнаты газету.

— Какъ, ты получаешь газету?—спросилъ онъ.—Зачѣмъ же это?

— Нѣтъ, я не получаю газету. Мнѣ ее одолжилъ м-сье Гемблю.

— Зачѣмъ же тебѣ газета, когда ты не умѣешь читать?—сказалъ онъ, смѣясь.

— А вотъ увидишь,—отвѣчала она. Ея маленькіе сѣрые глазки съ лукавой улыбкой смотрѣли поверхъ очковъ, которые она нацѣпила себѣ на носъ. Жанна, которая знала все, хохотала отъ души.

— Не можетъ быть,—проговорилъ онъ.—Вѣдь не выучилась же ты читать, мама? Ты шутишь, конечно,

— Не можетъ быть? А вотъ, спроси Жанну или старика Викторина, который промучился со мной весь годъ... Видишь ли, мнѣ было слишкомъ грустно, что я не могла читать то, что ты пишешь. И вотъ, я принялась учиться. Я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ и почитать тебѣ изъ твоей послѣдней книжки, и я даже нарочно ѣздила въ городъ въ книжный магазинъ... Боже мой, не могу вспомнить, какъ она называлась, твоя послѣдняя книга... А я была увѣрена, что запомнила заглавіе.

Онъ вдругъ поблѣднѣлъ, охваченный сильнымъ волненіемъ. Онъ пробормоталъ:

— Ты сдѣлала это, мама, чтобы... чтобы меня порадовать... Значитъ, книжка у тебя?

— То-то и дѣло, что у меня ея нѣтъ. Книгопродавецъ сказалъ, что онъ пришлетъ мнѣ ее только въ среду, потому что ее надо выписать изъ Парижа. Поэтому тебѣ придется слушать газету, мой котикъ. Поди, принеси мнѣ ее, она тамъ на буфетѣ, рядомъ съ хлѣбомъ.

Онъ принесъ ей мѣстную газетку.

— Ну, слушай,—сказала она, разворачивая ее своими немного дрожавшими руками и оправляя очки.

Она начала храбро, съ легкимъ волненіемъ въ голосѣ. Но Жанъ, дѣлая видъ, что слушаетъ, въ дѣйствительности ничего не слышалъ, погруженный въ свои думы, смотря на наивное, святое лицо матери и съ ужасомъ думая о томъ, что она будетъ читать его книги, можетъ быть, даже уже прочла кое-что. Но нѣтъ, она еще ничего не прочла, это видно. «Закулисныя тайны» были первой книгой, которую она заказала. Значитъ, еще не было поздно.

Пока она читала, слишкомъ поглощенная чтеніемъ, чтобы имѣть время смотрѣть, какое впечатлѣніе это производитъ на ея сына, онъ продолжалъ отдаваться своимъ мыслямъ. Ему никогда и въ голову не приходило, чтобы его произведенія, вышедшія изъ подъ пера развращеннаго парижанина, испорченнаго средой, въ которой онъ жилъ, когда-нибудь были прочтены этой старой крестьянкой, оставшейся чистой и доброй среди своихъ полей. И вотъ, теперь это случилось. Боже мой! его книги въ этой избѣ, читаемыя этими маленькими сѣрыми глазками, утратившими свое невѣдѣніе только для того, чтобы читать его циничныя повѣсти! Сердце его сжималось. Онъ всегда гордился тѣмъ, что остался честнымъ человѣкомъ въ той нездоровой средѣ, куда его забросила жизнь, а теперь эта честность казалась ему такой сомнительной! Онъ не хотѣлъ дѣлать ничего дурного, пиша свои пошлости: онъ забавлялъ свою публику, зарабатывалъ хорошія деньги. Изъ-за чего же его могла мучить совѣсть? И вдругъ, въ эту минуту вся его литературная дѣятельность представилась ему преступной и нечистой; и ему хотѣлось уничтожить, сжечь всѣ свои книги, только бы онѣ не попались на глаза его старухѣ-матери.

Тяжелѣе всего была ея наивная гордость, та трогательная радость, которую ей доставляла «слава» ея сына. Если бы она знала эту славу, если бы могла понять, на чемъ она основывается! Эта мысль пронзала теперь сердце Жана стыдомъ. Ему хотѣлось крикнуть, что онъ недостоинъ ея материнской гордости, что ей слѣдовало бы краснѣть за него, а не гордиться такимъ сыномъ. Но онъ не могъ этого сдѣлать: его удерживала любовь къ матери. Для наказанія его было достаточно одной мысли, которая отнынѣ, какъ тѣнь, будетъ всегда омрачать его

карьеру, мысли о томъ, что его старуха-мать, которая до 60 лѣтъ не выучилась читать, чтобы разбирать свой молитвенникъ, принялась за азбуку, чтобы читать постыдныя, циничныя повѣсти Жана де-Бро.

* * *

Она кончила и, вытирая платкомъ лобъ и губы, повернулась къ Жану, чтобы насладиться его удивленіемъ. Онъ овладѣлъ собой и воскликнулъ съ улыбкой:

— Браво, мамочка, браво! Да ты читаешь лучше самого учителя! Я бы никогда не повѣрилъ этому, Жаннета, если бы даже милліонъ людей мнѣ объ этомъ разказывали!

Онъ цѣловалъ ея руки и просилъ ее почитать еще немного, съ дѣланнымъ оживленіемъ, желая скрыть свое недавнее волненіе. Она сіяла отъ счастія и смѣялась, какъ ребенокъ.

— Я знала, что это тебѣ доставитъ удовольствіе,—говорила она.—Но все-таки жаль, что я не могла почитать тебѣ изъ какой-нибудь твоей книги. Какъ жаль, что я не знала — надо было раньше съѣздить за ней. Ну, что отложено, то не потеряно, какъ говорится. Ты вѣдь еще будешь здѣсь въ среду, котикъ?

— Да, да, мама. Впрочемъ, не знаю, я не увѣренъ. Въ четвергъ мнѣ нужно быть въ Парижѣ, на одномъ собраніи. Но слушай, мама, это ничего не значитъ, потому что, видишь ли, я не знаю, могъ ли бы книгопродавецъ достать тебѣ эту книгу: я былъ ею недоволенъ и сказалъ издателю, чтобы онъ издалъ небольшое количество экземпляровъ, которые, вѣроятно, всѣ уже разошлись. Хочешь, я по дорогѣ заѣду къ книгопродавцу и скажу ему, чтобы онъ досталъ тебѣ мою будущую книгу, которую я теперь буду писать, и которая будетъ гораздо, гораздо лучше остальныхъ? Такъ мы и рѣшимъ. Будущей весною ты получишь мою новую книгу.

Пока онъ говорилъ, держа въ своихъ ея обѣ руки, онъ видѣлъ горькое разочарованіе, отражающееся на ея лицѣ, и слезы, навертывающіяся ей на глаза. Значитъ, эта долгожданная радость откладывается еще до весны! До весны, какъ долго! Боже мой! Но, разъ Жанъ этого хочетъ, конечно, такъ и будетъ. Все, что онъ говоритъ, такъ и должно быть; она слушалась его безпрекословно, потому что любила его. А до тѣхъ поръ она еще поучится и ей будетъ легче читать. Но все-таки, грустно было, что эта радость ускользаетъ отъ нея.

Жанъ говорилъ, ласкаясь къ ней:

— Ты понимаешь, мама, я хочу, чтобы ты начала съ моей лучшей книги. А, ты увидишь, сколько о ней будутъ говорить! Другія мои книги... въ нихъ все говорится о Парижѣ, это бы тебя не заинтересовало. Но новая книга будетъ хорошая, я тебѣ обѣщаю, и ты будешь читать ее вслухъ Жаннетѣ и старому Гемблю.

Мало-по-малу, онъ самъ началъ увлекаться, разсказывая о новой книгѣ, которую онъ напишетъ зимой. Да, это будутъ славные разсказы, которые можно будетъ читать зимою около горящей печки. Онъ пріѣдетъ писать ее сюда въ деревню, среди полей, навѣвающихъ ему воспоминанія дѣтства... Въ его разсказахъ будутъ слышаться крики дѣтей, выходящихъ изъ школы, скрипъ телѣгъ, возвращающихся въ деревню, когда на небѣ зажигаются первыя звѣзды, пѣсни сверчка въ большомъ очагѣ, торжественные звуки Angelus надъ полями, всѣ голоса земли, очага, спокойной, здоровой, рабочей жизни. И, навѣрное, въ этой книгѣ на первомъ планѣ будетъ чистый образъ старой крестьянки.

* * *

Онъ сдержалъ слово. Всю зиму и весну Жанъ Лоро, исчезнувшій съ парижскаго горизонта, провелъ въ Лагэй-Мелье, съ матерью и Жаннетой. И осенью, на праздникъ св. Жюстины, онъ привезъ матери красивую книжку въ желтой обложкѣ, которая одна стоила ему больше труда и доставила больше радости, чѣмъ всѣ остальныя. Они вмѣстѣ открыли ее въ той самой комнатѣ, гдѣ она была задумана и почти цѣликомъ написана. Старуха надѣла очки на свои маленькіе сѣрые глазки и, поблѣднѣвъ отъ радости, прочла на первой страницѣ:

«Посвящается моей дорогой матери».

Л. Давыдова.

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

*(Продолженіе *).*

15-го сентября.

Отъ Коубе до города Кегенфу (это по-китайски, а по-корейски—Когнъ или Хын-ыпъ) 30 ли, что должно соотвѣтствовать нашимъ 15 верстамъ. Но и шагомѣромъ, и по часамъ мы опредѣлили только 10 верстъ.

Дорога въ высшей степени живописна. Все время она идетъ открытой долиной Тумангана. Усѣянная песчаными отмелями, сверкаетъ широкая, къ судоходству негодная, до 200 саженъ, рѣка. Справа и слѣва ея горы то надвигаются, то далеко расходятся. Лѣвый, китайскій, берегъ въ горахъ, амфитаетромъ расположенныхъ. Послѣдніе ряды горъ тамъ вверху, въ самомъ небѣ, сливаются уже съ облаками. Безмятежный миръ и покой въ нихъ. Осень наложила на нихъ свою печать. Онѣ забурѣли и отливаютъ желтымъ, бурымъ, темно-краснымъ цвѣтами. Такъ переливаютъ на солнцѣ дорогіе персидскіе ковры. Яркое солнце играетъ въ коврахъ горъ, въ рѣкѣ.

На спокойной глади рѣки рыболовы, то въ лодкахъ, маленькихъ, вырубленныхъ изъ одного дерева, то въ креслахъ. Этихъ креселъ—родъ плетенаго сидѣнья—множество. Они устраиваются одинъ отъ другого саженяхъ въ двадцати. На каждомъ изъ нихъ сидитъ по корейцу и въ извѣстные моменты, когда рыба попадаетъ въ сѣть, корейцы особыми приспособленіями подвинчиваютъ сѣть кверху и такимъ образомъ заграждаютъ рыбѣ выходъ.

Рыбы, говорятъ, много и преобладающая все та же кита. Промыселъ долженъ быть выгодный, но рыбаки живутъ бѣдно, перебиваясь изо дня въ день. Можетъ быть, причиной тому корейская водка тходжю или сцури (русскіе выговариваютъ суля), можетъ быть, причина тому—дуччи—игра въ бобы, но фактъ несомнѣнный, что прибыльный промыселъ даетъ работнику мало выгоды.

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

Встрѣтили опять прокаженнаго. Проводникъ говоритъ, что ихъ здѣсь много и живутъ они на свободѣ, каждый въ своей семьѣ.

Проѣхали деревни: Тяншхай—4 фанзы, Камичи—20 фанзъ, два раза поднялись на прибрежные утесы и, обогнувъ послѣднюю гору, увидѣли, наконецъ, городъ Когнъ (Кегенфу).

Зажатый въ углу долины, слегка на косогорѣ, окруженный каменной стѣной, высотою сажени въ полторы и въ аршинъ шириною, городъ Когнъ состоитъ изъ 140 фанзъ и всѣ онѣ вымазаны желтой глиной, всѣ крыты мелкимъ камышемъ и веревочной сѣткой, у каждой фанзы своя отдѣльная труба торчитъ. И только въ срединѣ города выдѣляется длинное, родъ казармы, строеніе начальника округа и пограничнаго комиссара—камни. Въ городскихъ стѣнахъ четверо воротъ, какъ во всѣхъ городахъ Кореи: на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ.

Камни—главное административное лицо округа съ большими правами. Онъ утверждаетъ старостъ въ деревнѣ (пху-эни) и представителя дворянъ, живущаго въ городѣ—цвашу. И та, и другая должности считаются очень почетными. Владѣльцамъ ихъ принадлежатъ на пиру самыя почетныя части свиньи—копыта и ребра. За эти мѣста богатый кореецъ много платитъ утверждающему его камни.

Мы остановились въ ближайшей фанзѣ, гдѣ уже стоитъ высланный нами впередъ транспортъ. Оказывается, что мы совсѣмъ налегкѣ. Всѣ наши консервы—супы, щи, мясо въ разныхъ видахъ—все это ушло въ Херіонъ, а капуста, хлѣбъ, картофель, молоко и взятые съ собой консервы и масло уже вышли. И такъ какъ ничего этого въ Кореѣ нѣтъ, то мы сразу очутились на три дня, до Херіона, въ отношеніи питанія въ условіяхъ страны.

Къ нашимъ услугамъ: просяная каша, кукуруза, курица и яйца. И собственно говоря, этого вполнѣ достаточно, если къ этому есть чай и сахаръ. Все остальное—излишняя и крайне дорогая роскошь, осложняющая, замедляющая и удорожающая экспедицію.

Такъ, мой отрядъ состоитъ изъ меня и восьми человѣкъ; но сверхъ восьми лошадей, идетъ еще пять своихъ вьючныхъ, двѣ вьючныхъ наемныхъ, три арбы съ быками,—все это багажъ и провіянтъ. Сверхъ этого отправлены для всѣхъ партій провіанты еще въ два пункта Кореи.

Откровенно говоря, все это лишнее. Если путешествовать, то надо и вполнѣ можно довѣряться средствамъ страны и способу ея питанія. Кому не нравятся щенята, пусть не ѣстъ, но можно ѣсть куръ, свиней, можно наконецъ охотиться и имѣть къ столу и дичь, и рыбу. Одни эти ужасные сборы съ багажемъ, благодаря которымъ раньше восьми часовъ никогда не выѣдешь и не сдѣлаешь въ день больше тридцати верстъ.

Если бы не вершина Ченьбошана—Пектусинъ—на 200 верстъ совершенно необитаемая, изслѣдовать которую мнѣ надо, я бы уже бросилъ все. Но какъ только покончу съ Ченьбошаномъ и его таинствен-

нымъ драконовымъ озеромъ, я распускаю весь обозъ и не беру больше никакихъ припасовъ.

Только что мы расположились на отдыхъ, явился полицейскій отъ камни съ просьбой показать наши паспорта. При этомъ полицейскій, одѣтый, какъ и всѣ остальные корейцы, настаивалъ, чтобы я самъ шелъ къ камни. Идти къ камни—значитъ нести ему подарки. Я отъ всякихъ подарковъ рѣшительно отказался, не взялъ ни одного изъ экспедиціонныхъ и только на свой счетъ купилъ нѣсколько бездѣлушекъ, чтобы дарить тѣмъ, кто лично мнѣ окажетъ услугу. Начальства я рѣшилъ не унижать и подарковъ имъ никакихъ не дѣлать.

Кончили тѣмъ, что идетъ Н. Е. и переводчикъ, а я сажусь работать. Я посылаю свои карточки по-корейски и китайски, извиняясь, что обозъ увезъ мое визитное платье.

Черезъ полчаса Н. Е. возвратился.

Камни, маленькаго роста человѣкъ, принялъ его въ фанзѣ, такой же, какъ и наша, посадилъ на стулъ, сожалѣлъ, что мы не остаемся ночевать, извинялся за помѣщеніе, сказалъ, что онъ былъ въ Лондонѣ и прислалъ мнѣ свою карточку: «Кегнскій камни Пакъ-ы-Пенъ».

Это знаменитый родъ, который 500 лѣтъ тому назадъ боролся съ родомъ Ли за престолъ. Оба эти рода изъ Кёгнскаго округа. Ли изъ деревни Сорбой, Пакъ изъ деревни Намбой. Эти деревни другъ отъ друга въ трехъ верстахъ и въ 17 верстахъ на западъ отъ Кёгна. Въ каждой изъ нихъ памятники богатырямъ Ли и Паку, такіе же, какой описанъ мной въ деревнѣ Цозани, въ бухтѣ Гашкевича.

Вотъ легенда объ этой борьбѣ двухъ родовъ изъ за престола.

500 лѣтъ тому назадъ въ провинціи Ханюндю, округа Кёгнъ, жили двое, Ли и Пакъ. Ли въ деревнѣ Сорбой, а Пакъ въ Намбой. И Ли и Пакъ были богатыри.

Богатырями называются рожденные отъ женщины и луча священной горы (мѣнъ-санъ-сёргъ). Богатырь рождается ровно черезъ 12 мѣсяцевъ, совершенно безслѣдно и тотчасъ же улетаетъ съ помощью двухъ имѣющихся у него крыльевъ на священную гору. Тамъ и живетъ онъ у покровителя горы, бѣлаго какъ серебро лицомъ и волосами старика, упражняясь подъ его покровительствомъ въ военномъ искусствѣ. Въ дни младенчества онъ кормится грудью матери, летая для этого къ ней съ священной горы, но онъ не видимъ и сама мать не знаетъ, когда онъ выпиваетъ ея молока.

Вообще родители видятъ своихъ богатырей-дѣтей только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ: въ минуты, напр., исключительной грозящей имъ опасности, отъ которой и освобождаютъ ихъ дѣти ихъ богатыри. Но и то при условіи соблюденія строжайшей тайны со стороны родителей о томъ, что у нихъ есть сынъ-богатырь. Проболтавшимся объ этомъ родителямъ сынъ-богатырь никогда больше не явится.

Бываютъ времена, впрочемъ, когда и для всѣхъ дѣлаются видимыми

богатыри. Это времена войнъ, государственныхъ смутъ, избранія на престолъ новой династіи.

Одна глупая мать, изъ города Танъ-Чёнъ, зная уже, что у нея родится богатырь, рѣшила удержать его возлѣ себя и въ самый моментъ его рожденія,—единственный, когда его видитъ мать,—обрѣзала у сына крылья. Сынъ дѣйствительно остался при матери, выросъ, былъ такой силы, что поднималъ быка съ ношей, но и глупъ былъ, какъ быкъ. Онъ и сейчасъ живетъ въ городѣ Танъ-Чёнъ и, когда его быки заболѣваютъ, самъ носитъ изъ лѣсу деревья, и глупая мать съ нимъ живетъ, давшая ему долю быка, тогда какъ небо готовило ему свѣтлую долю богатыря, за которымъ въ старости спустится драконъ и живымъ унесетъ его на небо къ великому хозяину небеснаго сада Оканшанте, у котораго и живутъ вѣчно всѣ богатыри.

Вотъ такими богатырями и были Ли и Пакъ, когда корейскій народъ выбиралъ себѣ, 500 лѣтъ назадъ, новую нынѣ царствующую династію. И вотъ какъ Ли былъ избранъ.

Когда онъ спалъ, явился къ нему во снѣ его покойный отецъ и сказалъ:

— Завтра ночью не спи. Завтра ночью на озерѣ Цокъ-Чи-Нупъ будутъ драться два дракона: синій и желтый, желтый—я, синій—отецъ Пака. И когда синій станетъ побѣждать меня, ты пусти въ него свою стрѣлу.

Такъ и сдѣлалъ богатырь Ли.

Тогда раненый синій драконъ поднялся на воздухъ и полетѣлъ было, но силъ не было въ немъ больше и онъ упалъ въ р. Туманганъ, а желтый бросился за нимъ по землѣ и такой слѣдъ оставилъ, что съ тѣхъ поръ озеро Цокъ-Чи-Нупъ соединилось съ Туманганъ и называется та рѣчка Цокъ-Чи.

А на другую ночь къ Паку явился отецъ его и сказалъ:

— Сынъ Ли не убилъ меня, отецъ его не догналъ меня и чрезъ 500 лѣтъ твой родъ смѣнитъ на престолѣ родъ Ли. Но берегись Ли и потомство свое спрячь отъ него.

Чтобъ обмануть Ли, Пакъ съ своими воинами пошелъ въ монахи (бонзы). Они поселились между Кёгномъ и Херіономъ въ непроходимыхъ горахъ и, боясь преслѣдованій и выслѣживаній, обращались крайне грубо съ приходившими къ нимъ богомольцами.

Вступивъ на престолъ, Ли, боясь Пака, послалъ узнать, какъ онъ живетъ. Но когда Ли узналъ, какъ Пакъ обходится съ своими прихожанами, онъ разсмѣялся и сказалъ:

— Ну, когда такъ, онъ не страшенъ мнѣ, а чтобъ не былъ страшенъ и впередъ, я выдамъ его монастырю привилегію—вѣчное право ругать и бить всѣхъ и крестьянъ, и дворянъ. Тогда у него много будетъ друзей.

Монастырь и до сихъ поръ существуетъ, продолжая пользоваться

своимъ правомъ и соотвѣтственной репутаціей, а весь прямой родъ Пака,—послѣ того, какъ родоначальникъ его былъ унесенъ дракономъ въ небо,—исчезъ. Это тѣмъ болѣе интересуетъ теперь корейцевъ, что съ того времени прошло уже 504 года и, слѣдовательно, Пакъ съ минуты на минуту долженъ появиться.

Правда, ходятъ темные слухи, что теперь Пакъ по прямой линіи живетъ на одномъ изъ острововъ Японскаго моря. Но пока онъ еще не видимъ. Съ моря слышны иногда съ того острова пѣсни, топотъ, шумъ. Но что тамъ,—никто навѣрно не знаетъ, потому что никто еще изъ приставшихъ къ тому острову назадъ не возвращался. Предполагаютъ, что именно изъ нихъ и комплектуетъ себѣ Пакъ то войско, которое понадобится ему, когда онъ явится законнымъ претендентомъ на корейскій престолъ.

Родъ нашего переводчика П. Н. тоже изъ Кёгнскаго округа. И онъ разсказалъ намъ исторію своего рода. Собственно родъ его изъ стараго города Коубе, гдѣ мы сегодня ночевали. Дѣдъ его былъ очень богатый человѣкъ. Но, однажды, дѣдъ его по торговымъ дѣламъ переплылъ Тумангань, то-есть, перешелъ границу. Объ этомъ узнали и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Тогда онъ бѣжалъ. Сына его высѣкли и потребовали, чтобы онъ разыскалъ отца, угрожая и ему въ противномъ случаѣ смертной казнью. Тогда и сынъ съ семьей однажды ночью вплавь и въ бродъ, всѣ голые, перешли границу. Имущество ихъ конфисковали. Въ ихъ домѣ жилъ камни, но съ упраздненіемъ его, развалился и домъ.

Остальной родъ П. Н. Кима продолжаетъ жить въ Кореѣ, главнымъ образомъ, въ Кёгнскомъ округѣ, и такъ какъ родовыя связи очень сильны въ Кореѣ, то и встрѣчаютъ его здѣсь, какъ близкаго родственника.

Родовыя отношенія и родовая месть (Еманъ-Аманъ) во всей силѣ въ Кореѣ. Корейская пословица говоритъ, что жизнь одного корейца стоитъ иногда тысячи человѣкъ. Эта месть идетъ изъ рода въ родъ.

П. Н., возвратившись отъ камни, сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее: онъ, П. Н., попросилъ у камни толковаго проводника, который умѣлъ бы все разсказать. Камни обѣщалъ и назначилъ такого, который хорошо понимаетъ по-русски. Затѣмъ, проводнику строжайше запрещено было говорить что-нибудь дѣйствительное; онъ долженъ былъ все намъ врать; не сообщать ничего изъ прошлаго, не передавать легендъ и проч

Придумалъ, наконецъ, камни такую вещь. Когда спросятъ проводника, что̀ новаго, онъ долженъ сказать:

— Ничего новаго нѣтъ, только въ одной деревнѣ собака родила кошку.

Но хуже всего было то, что проводнику были даны иструкціи и дальнѣйшее наше путешествіе обставить такими же проводниками. Родные П. Н. и сообщили ему обо всемъ этомъ.

П. Н. сердится.

— Ну, я ему и отомщу же!—говоритъ онъ.

Мы хотѣли осмотрѣть тюрьму, побывать у шамана, но все это подъ вѣжливыми предлогами было отклонено находившимся здѣсь полицейскимъ. Покормивъ еще два часа лошадей, мы отправились дальше по направленію къ Херіону. Новый проводникъ нашъ одѣтъ по-европейски: въ клѣтчатомъ желтомъ пиджакѣ, металлическія пуговицы, шляпа котелкомъ, но ноги обуты по-корейски, т. е. въ бѣлые, мягкіе, на легкой ватѣ чулки и туфли, которыя кореецъ снимаетъ при входѣ въ комнату. Это высокій худой субъектъ, который весело щурится на насъ и о чемъ-то болтаетъ съ товарищемъ.

— Вы говорите по-русски?—спросилъ я его.

Онъ отрицательно замоталъ головой.

Сѣли на лошадей и поѣхали какой-то невозможной грязной тропой въ гору на югъ отъ города, вдоль городской стѣны. Въ глубокомъ оврагѣ бѣжитъ ключъ. Слабой силой его корейцы пользуются очень остроумно, устраивая толчею для обдирки проса. По лотку бѣжитъ вода въ деревянную въ три четверти аршина ложку. Когда ложка наполняется водой, она, перевѣшивая свой длинный конецъ, опускается и выливаетъ воду. Затѣмъ, ложка опять поднимается, а другой ея конецъ опускается. Къ нему придѣланъ идущій къ землѣ стержень. Когда стержень опускается, онъ ударяетъ сосудъ, наполненный просомъ. Отъ каждаго удара часть шелухи отдѣляется и уносится въ сторону. Такихъ толчей на небольшомъ протяженіи до десяти. Онѣ работаютъ механически—никого возлѣ нихъ нѣтъ, и хотя незначительна сила ручья, но она такимъ образомъ вся использована. Чтобы дождь не мочилъ зерно, надъ толчеей устроенъ навѣсикъ.

У восточныхъ воротъ устроена часовня, гдѣ два раза въ годъ камни производитъ оффиціальное богослуженіе. Онъ молится небу: передъ нимъ ставятся три чашки рису, а вмѣсто ладону, служитъ ароматное дерево.

Свѣдѣнія эти намъ сообщаетъ самъ переводчикъ, что до проводника, онъ молчитъ.

Проѣхали верстъ пять и П. Н. приводитъ въ исполненіе свою месть.

— Что у васъ новаго?—спрашиваетъ онъ у проводника.

— Новаго у насъ только и есть, что собака родила кошку.

— А по-русски вы не умѣете говорить?

— Не умѣю.

Н. Е. смѣется и говоритъ:

— Я же слышалъ, какъ вы говорили.

Проводникъ смущенъ и молчитъ.

— Ну,—говоритъ П. Н.,—поѣзжайте назадъ и передайте камни, что у насъ въ Россіи еще больше чудо есть: тамъ блоха тигра родила. Вотъ вамъ сто кешъ (20 коп.)—мы одни дальше поѣдемъ.

Проводникъ совершенно растерялся, онъ поѣхалъ было назадъ, но потомъ опять поѣхалъ за нами. Мы остановились и предложили ему уѣзжать.

— Я боюсь ѣхать одинъ назадъ.

Такъ какъ вблизи была деревня Даури, то мы ему и предложили ѣхать туда и тамъ ночевать, давъ ему еще сто кешъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, а мы поѣхали дальше.

Дорога поднимается на утесъ и мы въ послѣдній разъ любуемся долиной Туманган, затѣмъ дорога сворачиваетъ въ долину рѣчки Камуры, притокъ Туманган, и на два дня съ Тумангномъ мы разстаемся, обходя прямой дорогой луку, которую онъ здѣсь дѣлаетъ.

Мы присѣли на утесѣ и смотримъ на панораму горъ. Солнце близко къ горизонту, ярче даль дорогихъ, золотой пылью заката осыпанныхъ, ковровъ и точно замеръ въ воздухѣ послѣдній вздохъ яснаго безмятежнаго дня. Тихо кругомъ, природа, закатъ и даль горъ, какъ нѣжная музыка навѣваютъ покой души. Какъ будто уже былъ когда-то въ этихъ горныхъ тѣснинахъ, видѣлъ эту даль и краски ея и снова переживаешь прелесть былыхъ ощущеній.

Подсѣли къ намъ корейцы изъ деревни Даури. Мы ихъ разспрашиваемъ. Они говорятъ намъ, что тамъ вонъ, къ югу виденъ уже Херіонскій округъ; вонъ, вонъ за той горкой. А вонъ, за той и озеро Ханъ-Шонъ-Дзе-Дути, гдѣ жилъ родоначальникъ манджурской династіи въ Китаѣ.

— Но вѣдь гробницы китайскихъ императоровъ въ Мукденѣ.

— Гробницы тамъ, а родъ отсюда и китайцы живутъ за счетъ корейскаго счастья. Вотъ какъ было дѣло.

И пожилой кореецъ въ бѣлой кофточкѣ и черной волосяной съ большими полями и узкимъ донышкомъ шляпѣ, сидя на корточкахъ и раскуривая свою маленькую на длинномъ чубукѣ трубочку, разсказываетъ намъ новую легенду.

Нѣсколько корейцевъ, также присѣвъ, внимательно слушаютъ. Иногда поправляютъ, иногда самъ разсказчикъ совѣтуется съ ними. Простъ разсказъ, трогательно наивна вѣра въ него.

Также вѣрятъ, что это было, какъ то, что сидимъ мы теперь на высокомъ утесѣ, что у ногъ нашихъ какъ расплавленный въ огняхъ заката Туманганъ, а кругомъ горы, безпредѣльная даль ихъ и тамъ дальше, куда идти намъ, онѣ все выше и выше, пока молочными очертаніями не сливаются съ небомъ. А на горахъ ковры съ фіолетово-золотымъ отливомъ, а тамъ внизу въ долинахъ уже тѣнь и прячутся въ ней уютныя фанзы мирныхъ корейцевъ. И все тихо, неподвижно и только изрѣдка въ засыпающемъ воздухѣ раздастся вдругъ мычанье громаднаго корейскаго быка.

И кажется минутами наше пребываніе здѣсь какимъ-то сномъ, очарованіемъ, въ которомъ мы всѣ вдругъ перенеслись въ невѣдомую глубь промчавшихся тысячелѣтій.

Или вдругъ вошли подъ какіе-то своды и увидѣли иные горизонты, иную жизнь, память о которой даже исчезла. Взрослые, какъ дѣти, весь досугъ свой отдаютъ сказкамъ, вѣрятъ въ нихъ, возбуждая зависть къ этой своей непоколебимой вѣрѣ, вѣрятъ въ богатырей, въ покойниковъ, возможность найти счастливую могилу, всю жизнь ищутъ ее. Тигръ, барсъ, тысяченожка послѣдняя—все это тѣ же превращенные люди. Фетишизмъ на сценѣ: лучъ горы, лучъ Большой Медвѣдицы оплодотворяющій женщинъ. Самый видъ корейца—темно-пепельный, похожій на мумію, иконописный, говоритъ о промчавшихся надъ нимъ тысячелѣтіяхъ. Кажется, коснется къ этимъ ископаемымъ свѣжій воздухъ и разсыпятся они въ прахъ.

А пока не разсыпались еще они или пока всесокрушающая культура не переработала еще ихъ, я, піонеръ этой культуры, жадно слушаю и спѣшу записать все, чѣмъ такъ довѣрчиво дѣлятся со мной эти большія дѣти.

Вотъ эта легенда о бобрѣ, родоначальникѣ манджурской династіи.

Въ провинціи Ханъ-Піонъ, въ округѣ Херіонъ, въ деревнѣ О-Цеами жилъ нѣкто Цой-цвашу (цвашу—предводитель дворянства), у котораго была дочь Цой-си (си—дочь).

Случилось такъ, что Цой-си почувствовала себя будущей матерью, но какъ это случилось—не знала и сама дѣвушка. Отецъ ея былъ очень опечаленъ этимъ и, собравъ предсказателей, сталъ совѣтоваться съ ними.

Самый мудрый изъ нихъ сказалъ:

— То, что служитъ тебѣ теперь источникомъ печали—будетъ славой для твоихъ потомковъ. Пусть дочь твоя эту ночь только притворится спящей. Пусть ляжетъ она въ свою постель съ каткомъ шелковыхъ нитокъ. Пусть ниткой этой перевяжетъ она того, кто придетъ къ ней.

Ночью, когда Цой-си лежала на своей постели, притворившись спящей, она почувствовала вдругъ возлѣ себя что-то мохнатое. Поборовъ страхъ, она продолжала притворяться спящей, обвязала шелковинкой это что-то. А на утро шелковинка привела отца Цой-си въ одно неприступное мѣсто, гдѣ было священное озеро Ханъ-Шонъ-Дзе-Дути. А когда отецъ потянулъ за шелковинку, слѣдъ которой терялся въ водѣ, то на поверхности озера на мгновеніе показался боберъ и снова затѣмъ скрылся въ водѣ.

Больше онъ никогда не показывался, а Цой-си черезъ десять мѣсяцевъ родила мальчика, цвѣтомъ кожи такого желтаго, что его прозвали Норачи (желтый, рыжій).

Мальчикъ выросъ, былъ нелюдимъ и кончилъ тѣмъ, что, женившись, поселился на берегу озера своего отца. Онъ все время проводилъ въ водѣ, потому что любилъ воду и плавалъ такъ же искусно, какъ и самъ отецъ его, боберъ.

Такъ жилъ Норачи, когда однажды родоначальникъ рода Ли-гай

(Ни-гай) изъ Кёгнскаго округа, деревни Сорбой, увидѣлъ сонъ, что будто стоитъ онъ съ бѣлымъ старцемъ на берегу озера Ханъ-Шёнъ-Дзе-Дути и вылетаетъ изъ того озера Драконъ.

— Это,—говоритъ ему бѣлый старецъ,—умеръ боберъ и обращенный Оконшанге въ дракона, улетѣлъ въ небо. Теперь освободилась императорская могила. Кто опустится на дно этого озера, гдѣ стоитъ дворецъ бобра, и въ правой комнатѣ отъ входа положитъ прахъ своего предка *), тотъ будетъ китайскимъ императоромъ, а чьи кости будутъ лежать въ лѣвой отъ входа комнатѣ, потомокъ того будетъ императоромъ корейскимъ.

Проснувшись, Ни-гай вырылъ кости своего отца и съ нѣсколькими рабами **), Тёнгамомъ (зарыватель костей), и костями отца поспѣшилъ, чтобы никто не опередилъ его, отправиться къ озеру Ханъ-Шёнъ-Дзе-Дути. Но такъ какъ Ни-гай не умѣлъ плавать, то онъ пустился на хитрость.

Онъ вошелъ въ фанзу Норачи и сказалъ ему:

— Я открою тебѣ великую тайну.

И онъ разсказалъ ему свой сонъ, но солгалъ, сказавъ, что кто положитъ прахъ предка въ лѣвой комнатѣ отъ входа, родъ того будетъ на китайскомъ престолѣ, а кто будетъ лежать въ правой—родъ того будетъ на корейскомъ.

— И такъ какъ я плавать не умѣю, а ты умѣешь, то я, уступая тебѣ китайскій тронъ, прошу положить кости моего отца въ правую комнату.

Норачи согласился, но поступилъ наоборотъ и кости отца Ни-гая положилъ въ лѣвой комнатѣ.

На вопросъ же Ни-гая, зачѣмъ онъ такъ сдѣлалъ, Нарачи отвѣтилъ:

— Для тебя же это лучше: будетъ изъ рода твоего китайская династія.

Тогда Ни-гай признался Норачи въ намѣреніи обмануть его, просилъ у него прощенія и вѣчной дружбы. Норачи согласился, простилъ Ни-гая и съ честью отпустилъ его.

Прошло много времени, у Норачи родились и выросли три сына. Третій сынъ его Ханъ имѣлъ лицо, все обросшее волосами, а взглядъ его былъ такой страшный, что тѣ, на которыхъ онъ смотрѣлъ, тутъ же падали мертвыми. И потому онъ никогда не выходилъ изъ своей комнаты и всегда сидѣлъ тамъ съ закрытыми глазами.

Опять снится сонъ Ни-гаю. Говоритъ ему опять во снѣ бѣлый старикъ:

---

*) Счастливая могила, для отысканія которыхъ существуетъ цѣлая наука и классъ людей—искатели счастливыхъ могилъ,—все. Не надо ни ума, ни образованія, достаточно найти счастливую могилу, въ которую и спѣшитъ перенести кореецъ кости предка, и будешь и уменъ, и богатъ, и сановитъ.

**) Рабство и до сихъ поръ въ Кореѣ. О немъ въ своемъ мѣстѣ.

— Около озера бобра есть колодезь, а въ колодцѣ лежитъ сабля. Кто будетъ владѣть этой саблей, тотъ и будетъ китайскимъ императоромъ: Ханъ будетъ китайскимъ императоромъ.

Ни-гай, проснувшись, отправился сейчасъ же съ своими рабами къ колодцу и досталъ оттуда саблю.

— А почему Ханъ, а не я буду китайскимъ императоромъ?—сказалъ Ни-гай.—Сабля вѣдь у меня и этой саблей я прежде всего и убью Хана.

Такъ порѣшивъ, Ни-гай отправился къ Норачи и, пользуясь дружбой, просилъ показать ему сына его Хана.

Норачи не могъ ему отказать въ этомъ.

Но когда Ни-гай увидѣлъ Хана и тотъ открылъ слегка, хотя и не на Ни-гая, свои глаза, на послѣдняго напалъ такой страхъ, что, положивъ саблю къ ногамъ Хана, онъ сказалъ:

— Ты императоръ Китая, тебѣ и принадлежитъ по праву эта сабля.

Ханъ ничего не отвѣтилъ Ни-гаю и только закрылъ опять глаза, а Норачи поспѣшилъ увести гостя изъ комнаты сына.

— Слушай,—сказалъ Норачи, когда они вышли во дворъ, Ни-гаю,— я знаю своего сына: спасайся. Я дамъ тебѣ его лошадь и поѣзжай.

Ни-гай не заставилъ себя просить и сѣлъ на лошадь Хана, которая въ день бѣжала тысячу верстъ. Погодя, когда Ни-гай уже уѣхалъ, Ханъ позвалъ отца и спросилъ:

— Гдѣ этотъ человѣкъ, который принесъ эту саблю.

— Онъ уѣхалъ.

— Выведи мнѣ мою лошадь: надо догнать его и убить, иначе онъ преждевременно огласитъ дѣло.

— Но твою лошадь я и отдалъ ему,—отвѣтилъ Норачи.

— Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ?

— Потому что много лѣтъ тому назадъ я поклялся ему въ дружбѣ.

— Ну, тогда нельзя больше медлить.

И, собравъ своихъ манджуръ, Ханъ двинулся на Пекинъ.

Онъ и былъ первымъ императоромъ изъ манджурской нынѣ царствующей династіи. Онъ настроилъ много крѣпостей и камни для нихъ бросалъ ему съ моря Натхо, тотъ самый Натхо, страшная голова котораго вмѣстѣ съ священной птицей Хаги изображается на стѣнахъ корейскихъ и китайскихъ молелень.

Эту голову срисовалъ одинъ художникъ какъ разъ въ то мгновеніе, когда на вопросъ Хана: «кто бросаетъ камни съ моря?» показалась изъ воды страшная голова Натхо.

Кончилъ разсказчикъ, догорѣли огни заката и въ неясномъ просвѣтѣ надвигающагося вечера исчезаютъ волшебныя очертанія этого замка природы—изъ горъ, неба, дали, дорогихъ ковровъ осени.

Сладко зѣваютъ разсказчики, предвкушая близкій безмятежный сонъ.

— Корейцы любятъ деньги?—спрашиваю я.

— Жили три брата на свѣтѣ и захотѣли они нарыть женъ-шеню, чтобы стать богатыми. Счастье улыбнулось имъ и вырыли они корень цѣной въ сто тысячъ кешъ. Тогда два брата сказали: «убьемъ нашего третьяго брата и возьмемъ его долю». Такъ и сдѣлали они. А потомъ каждый изъ нихъ, оставшихся въ живыхъ, сталъ думать, какъ бы ему убить своего другого брата. Вотъ подошли они къ селу. «Пойди,—сказалъ одинъ братъ другому,—купи сули (водки) въ селѣ, а я подожду тебя». А когда братъ пошелъ въ село, купилъ сули и шелъ съ ней къ ожидавшему его брату, тотъ сказалъ: «если я теперь убью своего брата, мнѣ останется и вся суля, и весь корень». Онъ такъ и сдѣлалъ: брата застрѣлилъ, а сулю выпилъ. Но суля была отравлена, потому что ею хотѣлъ убитый отравить брата. И всѣ трое они умерли, а дорогой корень женъ-шень сгнилъ. Съ тѣхъ поръ корейцы не ищутъ больше ни корня, ни денегъ, а ищутъ побольше братьевъ *).

16-го сентября

Накрапываетъ дождь, обозы ушли, я работаю у двери или окна фанзы. Прямо отъ нея идетъ кукурузное поле. Немного дальше выглядываетъ темно-красная камышеобразная яръ-буда (просо, изъ котораго корейцы пекутъ свой хлѣбъ), еще дальше такой же камышеобразный высокій гоалинъ. А подъѣзжая, мы попали въ болотистое рисовое поле, хотя здѣсь для рису собственно слишкомъ еще холодно и урожаи его бываютъ очень плохи.

Я сижу и вѣтеръ сырой, пропитанный запахомъ травы, гладитъ мнѣ лицо. Передъ фанзой наши лошади мирно жуютъ кукурузу. Немного въ сторонѣ Бибикъ, высокій хохолъ, солдатъ, для насъ варитъ эту кукурузу и въ золѣ жаритъ дикаго гуся. Прямо передъ дверью навѣсикъ и подъ нимъ сидитъ привязанный за ногу коршунъ.

Хозяинъ фанзы съ этимъ коршуномъ ходитъ на фазановъ. Но теперь коршунъ мѣняетъ перья и для охоты не годится. Время его охоты съ октября по апрѣль. Въ помощь ему берется собака лайка,—она дѣлаетъ стойку, отыскиваетъ потомъ коршуна съ его добычей, которую онъ, не теряя времени, клюетъ.

Хозяинъ нашей фанзы—староста здѣшней деревни. Это очень почтенный старикъ, мягкій, съ пробивающейся сѣдиной въ рѣдкой бородкѣ. Онъ самъ будетъ провожать насъ, но извиняется, что не можетъ раньше часу, такъ какъ у него судъ.

Судъ надъ бѣглой женой. Мужъ билъ ее и она убѣжала. Ее поймали гдѣ-то далеко и привели назадъ. Теперь ее будутъ судить.

Нельзя ли посмотрѣть? Нѣтъ, нельзя. Послѣ долгихъ переговоровъ, мы уславливаемся такъ. Староста уйдетъ судить, а немного погодя я

*) Обычай побратимства широко распространенъ у корейцевъ и очень чтится.

съ П. Н. подойдемъ къ той фанзѣ, гдѣ онъ судитъ, и скажемъ ему, что у насъ къ нему есть дѣло. Онъ извинится, что занятъ, и попроситъ насъ подождать здѣсь же, въ фанзѣ.

Такъ мы и сдѣлали. Сперва отправились гулять. Улицъ никакихъ, кривыя тропки изъ фанзы въ фанзу и каждая изъ нихъ родъ дачи.

Подошли къ строющейся фанзѣ.

Поставленъ только деревянный корпусъ изъ рамъ полуторавершковаго лѣса. Затѣмъ эти рамы заплетутъ тонкимъ ивнякомъ и смажутъ глиной съ соломой. На крышу кладутъ плетни изъ конопли. Съ внутренней стороны крышу, служащую потолкомъ, смазываютъ глиной. Съ наружной же стороны, поверхъ плетня кладутъ овсяную солому. Ее опять смазываютъ глиной, а сверху кладутъ мелкій камышъ, который и покрываютъ веревочной сѣткой.

Посреди фанзы, ниже пола устраиваются печные борова; они идутъ подъ всей фанзой, а затѣмъ выходятъ наружу въ высокую деревянную трубу, отстоящую отъ строенія аршина на два.

Осмотрѣвъ постройку, мы пошли къ фанзѣ, гдѣ происходилъ судъ. Но мы пришли слишкомъ рано. Привели только женщину, мужъ же ея еще не пришелъ.

Насъ пригласили внутрь фанзы. Тамъ уже сидѣли восемь судей и девятый староста—всѣ старики деревни. Въ другой комнатѣ сидѣла обвиняемая, на видъ уже старуха—маленькая, уродливая, съ выраженіемъ лица напоминающимъ заклеванную птицу.

Мы вошли, извинились, что не можемъ снять сапоги, и сѣли у стѣны, какъ и другіе, на корточки.

Одинъ изъ корейцевъ предложилъ мнѣ мѣшокъ для сидѣнья. Я снялъ было шляпу, но П. Н. объяснилъ мнѣ, что надо надѣть ее.

Лица корейцевъ смуглыя, широкія, съ рѣдкими бородками, выглядываютъ ласково и добродушно. Есть и некрасивыя, но есть и очень правильныя, напоминающія итальянскія лица. Они стройны, высоки. Я назвалъ бы ихъ даже изящными.

Мы посидѣли немного, встали, поблагодарили и ушли.

Хозяинъ разскажетъ намъ въ дорогѣ о самомъ судѣ.

Въ нашей фанзѣ мы застали стараго китайца, разносчика-торговца. У него два ящика желтыхъ, полированныхъ. Въ этихъ ящикахъ товары. Открылъ одинъ и мы увидѣли тамъ тесьмы, бусы, деревянные гребешки, мундштуки, японскія спички. Въ другомъ бумажныя матеріи, наши русскія—кумачъ, коленкоръ, корейская бязь, очень недурное пике, изъ котораго шьютъ себѣ зажиточные люди платье.

— Все?—спрашиваю я у китайца, осмотрѣвъ весь его несложный товаръ, вплоть до яицъ, на которыя корейцы вымѣниваютъ у него товары.

— Самаго главнаго онъ вамъ не показалъ,—сказалъ П. Н.,—китайскую водку—ханшина, какъ называютъ ее русскіе, или ходжю,

какъ говорятъ китайцы, или тану-сцуръ по-корейски. Этой водкой онъ больше всего торгуетъ. Въ Кореѣ продажа водки разрѣшена безпрепятственно и не обложена акцизомъ.

Я попробовалъ этой водки,—очень сильный сивушный запахъ, горьковатый вкусъ.

— Она очень крѣпкая,—говоритъ П. Н.,—если зажечь спичкой, будетъ горѣть.

Я зажигаю, но спичка тухнетъ и водка не хочетъ горѣть.

— Воды много налилъ.

Китаецъ улыбается.

— Это дешевая водка,—говоритъ онъ.

Возвратился староста съ суда. Мы застали его сидящимъ, по обыкновенію, на корточкахъ съ своей трубкой, задумчиваго и грустнаго.

Судъ кончился. Та старуха, которую мы приняли за обвиняемую, была просто изъ любопытныхъ. Обвиняемая же была женщина 16 лѣтъ. Ее поймали въ этой деревнѣ и дали знать мужу. Когда мужъ пріѣхалъ, устроили судъ.

Мужу 20 лѣтъ.

Его приговорили къ 10 ударамъ розогъ, которые онъ тутъ же и получилъ. Одни держали за ноги, другіе за голову, а помощникъ старосты отсчитывалъ удары. Съ десяти ударовъ они сняли ему нѣсколько полосъ кожи.

Староста, когда били, спрашивалъ:

— А что, больно?

И тотъ благимъ матомъ кричалъ: — «Больно»!

— Ну, въ другой разъ не теряй жену и не безпокой сосѣдей твоими дѣлами.

Староста очень жалѣлъ, что мы не досидѣли до конца и не были свидѣтелями наказанія, такъ какъ чѣмъ больше свидѣтелей, тѣмъ это назидательнѣе выходитъ.

— А женѣ ничего?

— Это дѣло ея мужа.

— И она присутствовала при наказаніи?

— Да.—Затѣмъ они уѣхали оба къ себѣ домой. Онъ не могъ сидѣть и лежалъ въ арбѣ, а она правила.

— Но если она убѣжитъ?

— Тогда еще больше накажемъ: не убѣжитъ.

— Но онъ изъ чужой деревни?

— Это только честь ему. Еслибъ начальникъ чужого города наказалъ его—это переходило бы, какъ заслуга, изъ рода въ родъ.

— Вотъ оно откуда идетъ,—подумалъ я,—эта проповѣдь нѣкоторыхъ изъ нашихъ культуртрегеровъ объ отсутствіи позорности въ тѣлесномъ наказаніи.

Дождь опять. Мы ѣдемъ узкой долиной, тучи легли на горы и все ниже и ниже опускаются прямо на насъ.

Это ужъ и не дождь, а что-то мокрое, и вода бѣжитъ съ нашихъ дождевыхъ плащей. Плащи корейцевъ изъ концовъ конопли, искусно связанныхъ концами внизъ. Они похожи въ нихъ на колючихъ дикобразовъ.

Все выше и выше долина, все уже, уже, все каменистѣе почва. Груды камней лежатъ въ кучахъ,—это камень съ полей, но и на поляхъ его еще больше и всѣ наши плуги изломались бы здѣсь.

А вотъ и перевалъ Капхарленъ на высотѣ 70 саженъ. Дорога почти отвѣсно лѣзетъ въ гору, вечеретъ, совсѣмъ темнѣетъ и проводникъ нашъ, наконецъ, заявляетъ, что дальше не пойдетъ, такъ какъ его лошадь чуетъ «его».

— Кого «его»?

— Не къ ночи сказать,—тигра. Здѣсь никто никогда не ѣздитъ ночью, и днемъ ѣздятъ только партіями.

Мы почти силой увлекаемъ проводника.

— Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ хоть помолиться.

Съ какимъ усердіемъ онъ молится передъ кумирней. Онъ совсѣмъ влѣзъ въ нее и кланяется, кланяется.

Мы ѣдемъ дальше и послѣ двухчасовой переправы спускаемся благополучно въ глубокую долину.

17-го сентября.

Я сижу въ фанзѣ Кимъ-хи-бой деревни Баргаири. У самой фанзы несется теперь разлившаяся въ большую рѣка Пансани-Ханури.

Мы у подножья перевала Капхарленъ.

Мелкій дождь и туманъ закрываютъ ущелье.

Ущелье, которому позавидуетъ и любое кавказское. Вода гулко шумитъ и подъ ея гулъ я слушаю прекрасные разсказы здѣшнихъ горцевъ. Довѣрчиво, какъ дѣти, они сидятъ на корточкахъ человѣкъ десять и внимательно, серьезно объясняютъ моему переводчику.

Очень сложный вопросъ мы обсуждаемъ. Вопросъ ихъ религіи.

Будда, Конфуцій, шаманъ, обожаніе горъ,—все это смѣшалось и составило религію простого человѣка въ Кореѣ.

Милліонъ вопросовъ съ моей стороны,—прямыхъ, перекрестныхъ, и полдня ушло, пока получилось нѣчто связное, передаваемое бумагѣ.

Здѣсь же проводникъ изъ Ауди, почтенный старикъ Кимъ Ти Буанъ. Здѣсь и житель южной Кореи Анъ Кугуни изъ провинціи Піандо. И когда всѣ они киваютъ головами, осторожный и пунктуальный П. Н. Кимъ переводитъ мнѣ. Многое онъ и самъ знаетъ, но не довѣряетъ себѣ и по моей усиленной просьбѣ по нѣсколько разъ переспрашиваетъ.

Вотъ сущность и результатъ всѣхъ вопросовъ.

У человѣка три души. Одна послѣ смерти идетъ на небо (ханыръ); ее несутъ три ангела (бывшіе души праведныхъ) въ прекрасный садъ (синъ тѣнъ). Начальникъ сада Оконшанте спрашиваетъ ее, какъ жила она на землѣ, и въ зависимости отъ грѣховности или чистоты этой жизни, чистосердечности передачи всѣхъ грѣховъ—опредѣляетъ: или возвратиться ей обратно на землю въ оставленное тѣло, или оставаться въ прекрасномъ саду, или переселиться въ тигра, собаку, лошадь, осла, свинью, змѣю.

Есть души, обреченныя на вѣчное переселеніе: это убійцы и разрушители династій.

Вторая душа остается при тѣлѣ и идетъ съ нимъ въ землю (ее несутъ тоже три ангела), въ адъ, къ начальнику ада Тибуанъ.

Третья душа остается въ воздухѣ, близъ своего жилья,—ее несетъ одинъ ангелъ.

О первой душѣ забота живущихъ заключается въ томъ, чтобы дождаться распоряженія начальника сада на случай, если онъ возвратитъ душу назадъ въ тѣло.

Это можетъ случиться черезъ три дня, пять, семь, всегда въ нечетные дни.

Шаманъ, или вѣщунъ, или предсказатель—тоинъ, или просто составитель календаря счастливыхъ дней и празднествъ саатъ-гуанъ, въ точности называютъ этотъ день похоронъ. У богатыхъ не хоронятъ иногда до трехъ мѣсяцевъ. Тѣло тогда кладутъ въ парадную комнату фанзы, кладутъ туда же и пищу и замуровываютъ эту комнату. Вообще, торопиться съ похоронами не слѣдуетъ,—это неприлично, это неуваженіе къ памяти усопшаго.

Заботы о второй душѣ—душѣ тѣла—заключаются въ томъ, чтобъ выбрать тѣлу счастливую гору. Корейскія горы представляютъ изъ себя множество отдѣльныхъ вершинъ, холмовъ. Всѣ эти холмы и вершины утилизируются для кладбищъ. Найти счастливое мѣсто—большой трудъ. По нѣсколько разъ приходится вырывать тѣло и переносить его на новое мѣсто.

Вчера въ дождь и въ непогодь мы встрѣтили по дорогѣ такихъ мучениковъ, несшихъ уже сгнившее тѣло. На двухъ жердяхъ они несли тѣло, обернутое въ корейскую, масломъ пропитанную бумагу. Отъ трупа невыносимо разило.

— Почему вы несете его на новое мѣсто?

— Въ нашемъ домѣ заболѣлъ ребенокъ и шаманъ приказалъ перенести тѣло его дѣда, умершаго шесть мѣсяцевъ назадъ, на другое, болѣе счастливое мѣсто. А сегодня именно тотъ счастливый день, когда назначенъ переносъ.

Счастливая гора, выбранная для покойника, даетъ все — счастье, удачу, служебную карьеру. Онъ богатъ, потому что выбралъ удачную гору отцу, онъ министръ по той же причинѣ.

Есть святыя горы. Кто умѣетъ найти ихъ для своихъ предковъ, въ роду того когда-нибудь будетъ богатырь.

Забота о третьей душѣ *) никогда не прекращается: то ее надо покормить и шаманъ назначаетъ зарѣзать свинью, сварить рису и нести на гору, гдѣ стоятъ молельни—кучи камня подъ навѣсомъ, то тотъ или другой предокъ обидѣлся, и опять надо его умилостивлять той же свиньей (чушкой) и варенымъ рисомъ. Вообще, эти души воздуха—безпокойный народъ и возни корейцу съ ними выше головы. Блудливыя въ жизни, онѣ остаются такими же и послѣ смерти, являясь такимъ образомъ точнымъ снимкомъ съ того, кто жилъ когда-то.

Надъ жизнью и смертью распоряжается идолъ ада Тибуанъ. По своимъ спискамъ онъ вызываетъ съ земли чрезъ свою администрацію очередныхъ. Но, оказывается, что и тамъ возможны подтасовки. Такъ, однажды умеръ нѣкто Пакъ изъ Менгена. Внукъ этого Пака, умершій значительно раньше и успѣвшій попасть въ администрацію Тибуана, сейчасъ же узналъ дѣда, но, не показавъ и вида, сказалъ Тибуану:

— Вотъ произошла ошибка: мы требовали Пака изъ Тангена, а пришелъ изъ Менгена.

— Исправить ошибку,—сказалъ Тибуанъ.

Такимъ образомъ Пакъ изъ Менгена возвратился въ свое тѣло и потомъ разсказывалъ, при какихъ обстоятельствахъ увидѣлся онъ со своимъ внукомъ.

Дождь все идетъ, вся фанза протекаетъ. Платье, промокшее вчера въ дорогѣ, промокло за ночь еще сильнѣе, спички отсырѣли.

— Давно въ этой фанзѣ былъ покойникъ?

— Два года назадъ. Только что сняли трауръ.

— Будутъ его еще переносить?

— Будутъ.

— Сколько времени его держали въ фанзѣ?

— 17 дней.

— Въ какой комнатѣ?

Показываютъ, гдѣ стоитъ моя кровать.

— Отъ какой болѣзни умеръ?

— Отъ оспы.

— Можетъ быть, отъ черной?

Долгіе переговоры.

— Они не знаютъ,—говоритъ П. Н.

— А что онъ спросилъ вдругъ о нашихъ покойникахъ?—встревожились робкіе корейцы.—Можетъ быть, они ему снились? А если снились, то что говорили?

Но я поспѣшилъ успокоить ихъ и объяснить, что заговорилъ о по-

*) У китайцевъ тоже есть нѣчто подобное: душа дыханія.

койникахъ только потому, что вообще зашелъ разговоръ о загробной жизни.

Затѣмъ, такъ какъ все было готово къ отъѣзду, мы простились съ ними, поблагодарили и уѣхали.

Рѣка бушуетъ и рвется. Коротенькія волны съ бѣлыми гребешками съ стремительной быстротой мчатся, догоняя другъ друга.

Туманъ и тучи разсѣялись, видно голубое небо, собирается солнце выбраться изъ послѣднихъ тучъ. А кругомъ тѣснятся горы, здѣсь уже поросшія мелкимъ лѣсомъ.

Говорятъ, прежде здѣсь росъ когда-то большой, высокій лѣсъ. Исторію его исчезновенія можно наблюдать и сейчасъ. По скату горъ тамъ и сямъ уже идетъ распашка. Въ другихъ мѣстахъ къ ней подготовляютъ только поля, выжигая кустарникъ. Такія распашки замѣчалъ я здѣсь на склонахъ очень крутыхъ, не болѣе двойного откоса. Выше этихъ распашекъ мѣста только для козъ, да ихъ спутниковъ—барсовъ и тигровъ.

Проѣхавъ версты двѣ, мы начали переправляться на другой берегъ. Бытовая картинка. Завтра у корейцевъ годовой праздникъ въ честь урожая. Сегодня они поминаютъ родныхъ и готовятъ мясо для завтрашняго дня.

Большія группы, человѣкъ въ 30 корейцевъ на этой и на той сторонѣ. Многіе изъ нихъ до пояса голые и ихъ бронзовыя тѣла сильны и мускулисты. Они всѣ вокругъ разрѣзанныхъ кусковъ свѣжаго мяса.

Эти тѣла, длинные волосы, завитушки на головѣ напоминаютъ одну изъ картинъ Эмара или Купера съ краснокожими.

Началась очень неудачная переправа: у Н. Е. лошадь вдругъ легла или споткнулась посреди рѣки. Вслѣдствіе этого они оба на мгновеніе скрылись съ глазъ. Затѣмъ сейчасъ же опять показались и оба возвратились назадъ. Н. Е. ни на мгновеніе не потерялъ своего философскаго спокойствія и сейчасъ же принялся просушивать записныя книжки, паспорта, револьверъ, ружье, барометръ, шагомѣръ. Одного изъ нашихъ корейцевъ свалило хуже водой, на болѣе глубокомъ мѣстѣ. Лошадь скоро оправилась, но корейца понесло внизъ. Кое-какъ выплылъ и онъ къ берегу и, ухватившись за вѣтви, взобрался на другую сторону.

Все-таки перебрались, но подмочили весь обозъ. Поэтому, разбивъ палатки, принялись сушиться. Корейцы окружили насъ и вотъ мы теперь въ ихъ обществѣ. Они деликатны, вѣжливы, принесли (за деньги, конечно) снопы кукурузы, чумизы, ячменя.

Узнавъ, что на горахъ у нихъ растетъ дикій виноградъ, я попросилъ принести его и теперь возлѣ меня большая корзина чернаго, сладкаго, но мелкаго винограда.

Н. Е. ушелъ на охоту за козами. На всякій случай онъ взялъ и дробовикъ, и винчестеръ. Съ нимъ пошелъ одинъ изъ нашихъ корейцевъ, а другой, здѣшній, показываетъ мѣста.

П. Н. долго вызывалъ охотниковъ.

— Не идутъ,—объясняетъ онъ намъ,—боятся Н. Е.

— Скажите имъ, что это намъ надо ихъ бояться,—насъ, русскихъ пять, а ихъ сколько.

Наконецъ согласились, когда я предложилъ и нашего корейца.

На берегу рѣки, поваливъ лошадь, два корейца подковываютъ ее. Въ другомъ мѣстѣ группа корейцевъ сидитъ на корточкахъ и курятъ свои трубки. Черезъ рѣку голые корейцы переносятъ наши вещи. Все это картинки и надо идти за аппаратомъ. Я снимаю всѣ группы, а П. Н. объясняетъ имъ, что я дѣлаю. Они смѣются и всѣ хотятъ попасть на изображеніе.

Послѣ съемки я раздаю дѣтямъ сахаръ.

Маленькій мальчикъ, грустный и миловидный, уже съ закрученнымъ наверху хохолкомъ—признакъ женатаго человѣка: онъ уже женатъ.

Такъ уютно разбился нашъ лагерь подъ группой деревьевъ, такъ живописна рѣка и округа. Вотъ подходитъ кореецъ въ волосяной шапкѣ, въ родѣ нашей камилавки, съ широкимъ раструбомъ кверху—это дворянинъ. Вотъ идетъ другой въ бѣлой шапкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя когда-то надѣвали въ школахъ—ослиныя уши: это шапка не глубокаго траура. При глубокомъ же весь костюмъ отъ шапки до башмаковъ долженъ быть бѣлаго цвѣта. Вообще бѣлый цвѣтъ національный и любимѣйшій у корейцевъ.

Сегодня вечеромъ у меня опять собраніе корейцевъ изъ сосѣдней деревни. Во главѣ ихъ дворянинъ. Онъ оказывается и староста у нихъ, По требованію П. Н., я оказываю ему особый почетъ: жму, какъ и онъ, двумя руками его руку, посадилъ его на походный стулъ, подарилъ ему какую-то бездѣлушку, а, главное, угостилъ всю компанію коньякомъ. Немного, но достаточно для того, чтобы развязать имъ языки. Дворянинъ недоволенъ современнымъ положеніемъ дѣлъ.

— Прежде въ Сеулѣ за знаніе давали должности, потомъ эти должности покупали, а теперь ихъ никакъ не получишь: пришли *другіе* люди и все взяли. Наша страна бѣдная, только и были, что должности—должности отняли: что остается корейцу?

Онъ спросилъ:

— Отчего другіе народы богаты, а корейцы бѣдны?

Я отвѣчалъ, что и у корейцевъ много естественныхъ богатствъ, но нѣтъ техническихъ знаній. Безъ такихъ же знаній въ наше время нельзя быть богатымъ. Эту мысль я развилъ ему примѣрами, въ родѣ моего путешествія со скоростью 20 верстъ въ сутки въ сравненіи съ желѣзной дорогой съ тысячеверстной скоростью въ то же время.

— Да мы ужъ строимъ такую дорогу, но безъ знаній не мы будемъ и пользоваться.

Я отвѣтилъ, что корейцы народъ способный и разъ начнутъ заниматься, то такъ же скоро, какъ и японцы, догонятъ европейцевъ.

— Сѣверная Корея отъ Россіи приметъ науку.

— Если Корея этого захочетъ, Россія считаетъ корейцевъ братьями.

— Мы хотимъ, а какъ другіе—мы не знаемъ.

Послѣ коньяку рѣчь зашла объ обычаяхъ, преданьяхъ, религіи. Произошла такимъ образомъ провѣрка и прошлаго, услышали мы и три новыхъ разсказа.

Въ этихъ разсказахъ характеристика бонзъ (монаховъ), какъ распутныхъ людей и пьяницъ.

Вечеръ закончился генеральнымъ осмотромъ нашихъ вещей.

Между прочимъ выяснилось, что дворянинъ знаетъ только китайскую письменность, а корейской женской не знаетъ, что дѣлаетъ его, живущаго среди простого населенія, неграмотнымъ человѣкомъ. Но ужъ такъ принято, что дворянину неприлично знать женскую грамоту простого народа.

Къ дворянину остальные относятся съ большимъ уваженіемъ: подаютъ ему двумя руками, спрашиваютъ каждый разъ разрѣшеніе принять отъ меня угощеніе. Сыну своему, женатому, лѣтъ двадцати, онъ не разрѣшаетъ ни вина, ни коньяка.

Выкуривъ свою трубку, онъ опять набиваетъ ее и сынъ идетъ къ костру, принимая каждый разъ и подавая отцу трубку двумя руками.

Почему-то всѣ эти отношенія и эта длинная трубка и даже ароматъ табаку напомнили мнѣ самое раннее мое дѣтство въ домѣ дѣда моего, типичнаго дворянина и помѣщика Малороссіи.

На прощанье дворянинъ взялъ мою лѣвую руку, перевернулъ ладонью вверхъ и сталъ разсказывать мнѣ мою судьбу. Я буду жить до 90 лѣтъ, — объ этомъ говоритъ линія, уходящая къ кисти руки. Это же говоритъ на основаніи хиромантіи Н. А. Линія, къ третьему, безъимянному пальцу говоритъ о способностяхъ, чѣмъ она больше, чѣмъ больше развѣтвленій, тѣмъ больше и способностей.

И это сходится съ тѣмъ, что говоритъ Н. А.

— Вотъ придемъ въ Херіонъ,—говоритъ П. Н.,—тамъ настоящіе предсказатели: они вамъ все разскажутъ...

18-го сентября.

Половина пятаго. Темно еще. За палаткой у костра два сторожевые корейца разговариваютъ. Они говорятъ по обычаю громко, быстро, съ экспрессіей, но голоса мирно налаженные. Однообразный, мирный шумъ воды.

Въ половинѣ шестого первые лучи сверкнули по горамъ. Здѣсь въ долинѣ еще глубокая тѣнь. Уютная красивая картинка. Горы, долинка, рѣка, мирно пріютившіяся здѣсь и тамъ фанзы. Ясное утро и все спитъ въ этомъ торжественномъ тихомъ уголкѣ.

Вчера, прощаясь, корейцы говорили:

— Надо идти, приготовляться къ празднику.

И въ голосѣ ихъ слышалась и торжественность, и радость праздника. Годовой праздникъ. Праздникъ вездѣ праздникъ и ощущеніе этого праздника съ дѣтскихъ лѣтъ остается въ душѣ, и мнѣ понятны ихъ ощущенія.

Сегодня праздникъ и онъ въ природѣ, солнцѣ, на этихъ горахъ.

Изъ за этого праздника пріѣхалъ въ свое имѣніе пусай г. Онъ-тонъ. Онъ пріѣхалъ вчера. Его имѣніе на противоположной сторонѣ, въ живописномъ ущельѣ. Въ контрастъ съ мелкимъ кустарникомъ, его береженный лѣсъ широкой полосой уходитъ въ горы.

Два палача этого пусая приходили въ нашъ лагерь. Оказывается, что онъ и въ чужомъ для него мѣстѣ можетъ творить судъ и расправу: высѣчь дерзкаго, наказать пьянаго.

Часамъ къ шести пришли дѣти деревни. Они сегодня чистенькія, нарядныя, въ бѣлыхъ, голубыхъ, розовыхъ и зеленыхъ курткахъ.

Немного погодя, одинъ изъ взрослыхъ пришелъ и за нимъ несли два закрытыхъ корейской, мягкой бумагой столика. На этихъ столикахъ рядъ маленькихъ чашечекъ, въ которыхъ: 1) корейскій хлѣбъ изъ ярбуды (родъ проса)—желтый, липкій. Съ нимъ въ одной міскѣ мука изъ жареныхъ бобовъ съ сухой приправой сои (что-то въ родѣ нашего зеленаго сыра, мелко растертаго, но не такой острый вкусъ). 2) синіе помидоры, 3) вареный чеснокъ, 4) жареная говядина и соленые огурцы, 5) соленая рѣдька, 6) соусъ изъ желудка, 7) рыба вареная, 8) соусъ изъ щенковъ, 9) теплая водка—сюли и 10) квасъ сладкій съ нѣкоторой остротой, въ родѣ нашего медоваго кваса.

Все это я пробую и благодарю. Мнѣ отдѣльный столикъ, Н. Е.—отдѣльный. Н. Е. категорически заявилъ, что онъ нездоровъ и ѣсть ничего не будетъ. Я уговариваю его и онъ соглашается поѣсть рѣдьки.

На горизонтѣ показывается дворянинъ, тоже со столикомъ. Пока онъ подходитъ, крестьяне разсказываютъ, что собственно дворянство указомъ императора упразднено еще въ 1895 г. Но въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ это, еще держится старый обычай и населеніе добровольно отдаетъ дворянамъ былую честь. Въ большихъ же городахъ, а особенно въ Сеулѣ, о дворянахъ давно забыли думать и тамъ они ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ.

Существовало четыре разряда дворянъ: сельскій дворянинъ, городской дворянинъ, дворянинъ провинціи и дворянинъ имперіи. Изъ дворянъ имперіи выбирались на высшія должности въ имперіи; изъ дворянъ провинціи на высшія должности въ провинціи. Изъ городскихъ дворянъ—военные и, наконецъ, совершенно безправные сельскіе дворяне.

Мы уложились, снялись и поѣхали. Въ живописномъ уголкѣ стоитъ старая, поросшая мохомъ, черепицей крытая уютная фанза. Форма крыши—подражаніе китайскимъ. Фанза огорожена заборомъ, по немъ свѣсились тыквы, виситъ желтая кукуруза, зеленый еще табакъ, красный стручковый перецъ. Яркое впечатлѣніе юга.

— Вотъ,—говоритъ хозяинъ,—яблоня, вотъ вишня.

Вся долина усѣяна камнемъ и на ней растетъ тощій хлѣбъ. Но тутъ же дикая вишня перерастаетъ четыре сажени, тутъ же виноградъ и въ дикомъ своемъ видѣ сладкій и вкусный.

— Придетъ время,—говорю я хозяину,—и ваши долины будутъ зеленѣть въ садахъ, виноградникахъ и трудъ человѣка оправдается въ десять разъ больше теперешняго. Тогда будетъ Корея богатая. Но для этого надо ѣхать не въ Китай учиться его безплоднымъ наукамъ, а туда, гдѣ умѣютъ разводить эти сады, умѣютъ доставать изъ горъ ихъ богатства, которыя лежатъ въ нихъ. Тогда Корея будетъ богатая, а до тѣхъ поръ въ Кореѣ будутъ только добрые, хорошіе люди, занятые выше головы своими покойниками, добрые люди, которыхъ всѣ всегда обидятъ.

Дворянинъ, увязавшійся провожать насъ, снисходительно киваетъ головой.

Онъ съ своей долиной поразительно напоминаетъ родину его прототипа донъ-Кихота Ламанчскаго. И онъ такой же худой, высокій, окруженный насмѣшливой вѣжливостью своихъ односельчанъ. При разставаніи я оказалъ ему всю вѣжливость: слѣзъ съ лошади, двумя руками пожалъ его руку.

— Я хотѣлъ бы еще разъ увидѣть васъ,—сказалъ онъ мнѣ растроганно.

— Если я не пріѣду, то пришлю своего сына,—отвѣтилъ я ему, и мы разстались.

Мы ѣдемъ долиной, у которой столько названій, сколько и селеній: Па и санъ-Хансури, Маргаеръ-Хансури и т. д. Долина, шириной версты въ днѣ, съ каменистой, старательно воздѣланной почвой. Такъ же воздѣланы здѣсь и тамъ косогоры. По долинѣ протекаетъ въ плоскихъ берегахъ рѣка и орошеніе здѣсь не представило бы никакихъ затрудненій. Но имъ пользуются только для риса. Но для риса здѣсь сравнительно холодно и онъ даетъ сравнительно плохой урожай.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше селеній и дороже цѣна на землю. Здѣсь она уже достигаетъ двухсотъ рублей за десятину.

По случаю праздника всѣ нарядны: дѣвушки качаются на качеляхъ, молодые парни разводятъ у рѣки костры и что-то варятъ себѣ. Взрослые на могилахъ предковъ. Группы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ на всѣхъ окрестныхъ пригоркахъ,—все это кладбища, все это счастливыя горы. И нерѣдко, если нашедшій счастливое мѣсто для предковъ, попадаетъ въ знать или богатство, тайно на это же кладбище уже несетъ кто-нибудь и своего какого-нибудь предка. Но если владѣлецъ кладбища узнаетъ, то дѣло нерѣдко кончается и смертью виновнаго.

Поминки заключаются въ томъ, что приносятъ на могилу ѣду и водку. Три рюмки выливаютъ на могилу, а остальную водку и гущу съѣдаютъ въ память усопшаго.

Изъ одной фанзы выскочилъ бѣлый кореецъ и, протягивая руку, кричалъ по-русски:

— Здраствуй, здраствуй, иди на моя фанза!

Это пришедшій съ заработка изъ Россіи кореецъ.

Я угостилъ его папиросой, пожалъ его руку и мы разстались, такъ какъ весь запасъ его знаній ограничился вышеприведенной фразой.

Рѣшили сегодня добраться до Херіона.

Ѣдетъ громадный Бибикъ и что-то улыбается. Онъ уроженецъ Харьковской губерніи, переселился съ родными въ Томскую; выговоръ у него совершенно хохлацкій.

— Хорошая сторона Харьковская губернія,—говорю я.

— Да, вона хорóша, та земли нѣтъ.

— Ну, а Корея вамъ нравится?

Бибикъ усмѣхается:

— А чего тутъ хорошаго: горы да буераки; у насъ въ Томской губерніи, по крайней мѣрѣ, конца полю не видно.

— Ихъ домики,—говорю я,—красивые.

— А что въ нихъ красиваго,—сомнѣвается Бибикъ.

— Вотъ отдѣльно стоятъ, кругомъ зелень, чисто...

— А съ чего у нихъ и грязно будетъ, когда овцы нѣтъ,—скотина—одинъ быкъ.

— Много комнатъ,—говорю я,—въ русской избѣ въ одной комнатѣ набьется народъ, тутъ и телята.

Бибикъ не можетъ удержаться отъ улыбки.

— А что то и за комнаты ихъ: и вся комната, неначе курятникъ у насъ.

Надо видѣть фигуру Бибика, чуть не въ сажень, въ американской высокой шляпѣ; онъ сидитъ на микроскопичной, чуточку больше осла, корейской лошадкѣ.

Ротъ его расширяется до ушей и онъ говоритъ:

— Просто дурная сторона, та и годи. Отъ такжи и въ Китаю.

— Вы были тамъ?

— А бувъ и тутъ я бувъ.

Бибикъ большой любитель впечатлѣній. Онъ не пропускаетъ ни одной экспедиціи и всегда бросаетъ какое бы то ни было выгодное мѣсто. Ѣдетъ и усмѣхается.

Сегодня мы пробыли на лошадяхъ 12 часовъ и сдѣлали 100 ли. Съ послѣдняго перевала при сѣромъ угасающемъ днѣ открылась дивная панорама. Все, что могъ охватить глазъ, были долины, окруженныя причудливыми, наморщенными горами и пригорками. И долины, и горы покрыты все тѣми же чудными бархатными коврами.

Ночь спустилась, сперва вся въ тучахъ, темная, а затѣмъ подулъ сѣверный вѣтеръ, стало холодно, тучи ушли и яркая луна заиграла въ обманчивой теперь и трудно уловимой округѣ.

— Вотъ, вотъ бѣлое,—это ворота Херіона.

Но все бѣлое, вся даль, вѣздѣ ворота Херіона, устали всѣ и всѣмъ хочется спать.

Лошади не ѣвшія цѣлый день, жадно хватаютъ и глотаютъ все—траву, листья, вѣтви.

Удивительные желудки здѣшнихъ лошадей: они ѣдятъ стебли кукурузы, какъ наши лошади сѣно, и большая любезность, если имъ эти стебли порубятъ. Говорятъ, корейскія лошадки злы и корейцы грубо обращаются съ ними. Они, правда, рѣзко кричатъ на нихъ: «Ги!» Но такъ же заботливо, какъ и наши крестьяне, обращаются со своими лошадьми.

— Вотъ въ этихъ горахъ водятся удавы, — говоритъ нашъ проводникъ.

Онъ показываетъ руками размѣръ удава: діаметръ—полъ-аршина, длина—сажень и больше.

— Онъ самъ видѣлъ?—спрашиваю я переводчика.

— Онъ видѣлъ, но не такихъ большихъ,—и онъ показываетъ кулакъ и длину аршина въ полтора. Но и онъ, и всѣ окружавшіе и вездѣ въ другихъ мѣстахъ корейцы твердо стоятъ на томъ, что у нихъ есть и удавы и какой-то родъ крокодиловъ: короткихъ, толстыхъ, на четырехъ лапахъ.

Много легендъ ходитъ объ этихъ крокодилахъ. Голова ихъ похожа на человѣческую; они большіе любители красивыхъ дѣвушекъ. Подобные разсказы упорно повторяются въ каждой деревнѣ. Зимой они пропадаютъ, а лѣтомъ глотаютъ мышей, лягушекъ; ядовиты.

Самая же ядовитая змѣя—куль-пэми (живущая въ норахъ). Живутъ группами; если тронуть одну, то всѣ бросаются на врага. Это маленькая. не больше аршина, темная какъ земля.

Такъ, разговаривая обо всемъ, мы наконецъ подъѣзжаемъ къ воротамъ Херіона.

Это бѣлой известкой выбѣленныя, каменныя арки, сажени въ двѣ толщиной. Отъ нихъ идетъ стѣна, сложенная насухо, высотой въ двѣ сажени. Такая стѣна вокругъ всего города четырехъугольникомъ и въ ней четверо воротъ: сѣверныя, южныя, восточныя и западныя. Чрезъ ворота, которыя словно валятся куда-то въ бездну, виднѣется что-то неясное: какая-то серебряная бездна—не то небо, не то рѣка прозрачная. Фантазія уже рисуетъ причудливой архитектуры восточный городъ, но вотъ темныя ворота назади и мы въ городѣ. Серебряная мгла разсѣивается и мы видимъ... пашню, поля. Саженяхъ въ стахъ виднѣется что-то сѣрое, но и это не городъ еще, это памятникъ бывшимъ начальникамъ города.

Наконецъ и городъ, т. е. рядъ все тѣхъ же фанзъ—сѣрыхъ, крытыхъ соломой. Но здѣсь сбитыя въ кучу, онѣ уродливы и грязны.

Лошадь, ставшая поперекъ, загораживаетъ всю улицу. Я сижу вер-

хомъ и моя голова почти въ уровень съ конькомъ крышъ. Вонь и грязь на улицахъ. Вотъ торговые ряды, такіе же ряды съ клѣтушками. Восемь часовъ, но уже весь городъ спитъ.

Куда же ѣхать? Мы стучимся въ какую-то фанзу.

— Вамъ отведена городская квартира, — справьтесь у начальника.

Нашъ путеводитель-староста, все время заботившійся о чистотѣ своихъ ногъ, отправляется къ начальнику и шлепаетъ теперь по грязи, мало думая о своихъ ногахъ. Вся фигура его покорно сгорбилась и очевидно, онъ только о томъ и думаетъ, какъ бы въ чемъ не проштрафиться.

Первое, запрещается въѣзжать въ городъ верхомъ—но онъ идетъ пѣшкомъ. Второе, при встрѣчѣ съ начальствомъ надо низко пригнуться и идти, не смѣя смотрѣть на него—онъ такъ и идетъ.

И все-таки неспокойно робкое сердце, потому что третье, самое главное, угадать, что желаетъ въ данный моментъ начальство—не дано ни корейскому, ни иному смертному.

— Очень просто,— говоритъ П. Н.,—велитъ вздуть бамбуками и вздуютъ.

— Ну и городъ,—отплевывается Бибикъ отъ окружающей вони.

Немного погодя уже веселый шагаетъ проводникъ назадъ. Онъ опять вспомнилъ о своихъ ногахъ и теперь заботливо выбираетъ мѣсто посуше.

За нимъ полицейскій въ зеленомъ шарфѣ.

— Ге, ге!—говоритъ онъ и бѣжитъ впередъ.

Мы ѣдемъ за нимъ, кружимъ по всему городу и, наконецъ, пріѣзжаемъ. Большая фанза, три чистыхъ комнаты,—уютно и тепло отъ теплаго пола. Съ десятокъ полицейскихъ, откуда-то взявшихся, ссаживаютъ насъ, ведутъ въ комнаты.

Послѣ устали хорошо и поѣсть, хорошо и заснуть. Но надо записать барометръ, термометръ, всѣ полученныя разстоянія, нанести рѣки, села, высоты. А затѣмъ дневникъ, легенды.

Стихъ шумъ отъ раскладки, варится ужинъ, гдѣ-то за спиной какой-то пріятный теноръ выводитъ какую-то восточную пѣснь.

Она, какъ узоръ цвѣтовъ ихъ горъ и долинъ, подходитъ къ нимъ, подходитъ къ чуткой, но притиснутой робкой душѣ корейца.

Что-то нѣжное, тоскливое, хватающее за душу въ этой однообразной мелодіи. Отдѣльныя рулады, ноты понятны и сильно дѣйствуютъ, но все вмѣстѣ требуетъ перевода на наше ухо,—это только матеріалъ для того композитора, который захотѣлъ бы заняться музыкой востока. Пришелъ П. Н. и объяснилъ, что это не пѣніе, а чтеніе, что здѣсь, читая, поютъ и что тотъ, кто читаетъ, одинъ изъ лучшихъ чтецовъ города.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Глава двѣнадцатая.

I.

Когда въ этотъ вечеръ Козельскій ѣхалъ на Васильевскій островъ къ Моисею Лазаревичу Бенштейну, „работавшему“ деньгами тайнаго совѣтника Шпрота, почтеннаго, убѣленнаго сѣдинами старичка необыкновенно добродушнаго вида, съ которымъ Козельскій изрѣдка встрѣчался въ „картофельномъ“ клубѣ,—онъ со страхомъ думалъ: „достанетъ ли онъ полторы тысячи, или нѣтъ?“

Завтра срокъ векселю, послѣ завтра надо уплатить до двѣнадцати часовъ у нотаріуса. Переписать вексель невозможно. Ужъ онъ два раза переписывалъ. Требовали уплаты.

Какъ обыкновенно бывало въ послѣднее время все болѣе и болѣе трудныхъ поисковъ денегъ, его превосходительство находился въ тревожно-нервномъ и мрачномъ настроеніи. Встрѣчая на Невскомъ людей въ собственныхъ экипажахъ, ѣдущихъ въ театры, спокойныхъ, довольныхъ и, казалось Козельскому, съ туго набитыми бумажниками въ карманахъ, онъ завидовалъ этимъ людямъ, злился на нихъ и находилъ даже несправедливымъ неравномѣрное распредѣленіе богатствъ. У однихъ ихъ много, а вотъ онъ, умный, порядочный и работающій человѣкъ, долженъ искать какія-нибудь несчастныя полторы тысячи рублей, отъ которыхъ онъ такъ позорно и глупо зависитъ.

„Дастъ или нѣтъ?“

И его превосходительство, подсмѣивавшійся дома надъ разными предразсудками и примѣтами, загадалъ: если онъ успѣетъ заку-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

рить папироску до углового дома, то получитъ, а не успѣетъ—нѣтъ. Вѣтеръ поддувалъ сильный и, не смотря на то, что Козельскій старался какъ можно быстрѣе спрятать зажженую спичку въ выдвинутую спичечную коробку, съ перваго раза закурить ему папироски не удалось. И это было ему непріятно, но онъ успокоилъ себя тѣмъ, что имѣлъ намѣреніе (хотя и вовсе сперва не имѣлъ) повторить опытъ до трехъ разъ, и если съ трехъ разъ не закуритъ, тогда...

И Козельскій былъ очень радъ, когда въ третій разъ закурилъ папироску, поровнявшись съ угловымъ домомъ. Радъ былъ и когда фамилія на первой вывѣскѣ имѣла четное число буквъ.

Но это довольное чувство быстро исчезало отъ сознанія невыносимости своего финансоваго положенія. И тогда онъ придумывалъ средства, какъ бы выбраться изъ этой каторги постояннаго исканія денегъ и долговъ, останавливаясь на болѣе или менѣе проблематическихъ комбинаціяхъ о какомъ-нибудь предпріятіи, провести которое при помощи Никодимцева будетъ не трудно. И вообще Никодимцевъ могъ бы помочь ему если не въ этомъ, то въ устройствѣ ему какой-нибудь, хорошо оплачиваемой синекуры. Онъ долженъ сдѣлать для отца женщины, которую любитъ.

И въ то же мгновеніе въ головѣ Козельскаго пронеслась мысль—обратиться къ самой послѣдней крайности къ Никодимцеву, если Бенштейнъ откажетъ. Конечно, лучше бы, еслибъ не пришлось этого дѣлать, но... бываютъ такія положенія, когда разбирать нечего.

И Козельскій думалъ: какъ это сдѣлать и въ какой формѣ? Написать ли ему о временномъ затрудненіи или поѣхать и лично разсказать откровенно о тяжеломъ своемъ положеніи... Но это показалось ему отвратительнымъ... Никодимцевъ можетъ подумать, что онъ эксплуатируетъ его отношенія къ Иннѣ.

— Нельзя, нельзя! — проговорилъ вслухъ Козельскій и рѣшилъ, что воспользоваться Никодимцевымъ можно только тогда, когда Никодимцевъ женится на Иннѣ и, слѣдовательно, между тестомъ и зятемъ будутъ близкія родственныя отношенія.

Придумывая разные выходы изъ своего положенія, Козельскій не остановился на самомъ простѣйшемъ и, казалось бы, самомъ достижимомъ—на радикальномъ измѣненіи образа жизни и сокращеніи, такимъ образомъ, расходовъ, хотя въ минуты острыхъ денежныхъ затрудненій такія мысли и мелькали въ его головѣ. Но онъ отлично сознавалъ ихъ несбыточность. Все его существо со всѣми его привычками инстинктивно протестовало противъ измѣненія образа жизни, являвшагося для него потребностью, лишеніе которой онъ не могъ себѣ даже и представить. Измѣнить жизнь такъ, чтобы откладывать на уплату долговъ половину

заработка, значило: отказаться отъ двухтысячной квартиры, отъ превосходнаго кабинета, мраморной ванны, отличнаго повара и умѣлой прислуги, отъ платья отъ Пуля, отъ хорошихъ сигаръ, отъ ложи въ оперѣ, отъ журфиксовъ и отъ Ордынцевой. Мало того: пришлось бы прервать знакомство со многими нужными и вліятельными людьми, нельзя было бы нанимать приличной дачи для семьи и самому уѣзжать за границу на два мѣсяца, чтобъ отдыхать и освѣжаться... однимъ словомъ, надо было бы отказатся отъ всего того, что казалось Козельскому единственнымъ благомъ жизни, изъ-за котораго стоитъ работать и добиваться еще большихъ благъ... Это было невозможнымъ и, какъ думалъ Козельскій, унизительнымъ и для него самого, и для семьи. И какъ бы смотрѣли на него не только знакомые, но даже жена и дочери? Умный, способный человѣкъ и не можетъ даже устроиться сколько-нибудь прилично? Не можетъ хорошо одѣвать жену и дочь? Не можетъ позволить себѣ маленькаго комфорта любовной связи? Послѣднее особенно было дорого его превосходительству, и свиданія съ красивой и умѣющей быть желанной Ордынцевой были для Козельскаго однимъ изъ тѣхъ значительныхъ благъ, безъ которыхъ жизнь была бы для него скучной и не къ чему было бы ему такъ тренировать себя воздержаніемъ въ пищѣ, массажемъ и гимнастикой.

„Дастъ или не дастъ?“

Этотъ вопросъ все болѣе или болѣе удручалъ Козельскаго по мѣрѣ приближенія къ Васильевскому острову, и когда извозчикъ остановился у подъѣзда одного изъ большихъ домовъ на Большомъ проспектѣ, Козельскій чувствовалъ тотъ страхъ, какой испытывалъ гимназистъ передъ экзаменомъ у строгаго учителя.

У него даже схватывало поясницу, когда онъ спросилъ у швейцара: гдѣ живетъ г. Бенштейнъ?

— Здѣсь. Во второмъ этажѣ.

— Дома?

— Должно быть, дома.

Въ швейцарской было тепло, и Козельскій приказалъ швейцару снять съ себя шинель съ серебристымъ бобровымъ воротникомъ, подбитую ильками.

— Не пропадетъ здѣсь?

— Помилуйте... Я не отлучусь.

— Такъ во второмъ этажѣ?

— Точно такъ-съ!

Его превосходительство, не спѣша, чтобы не было отдышки, поднялся во второй этажъ и съ замираніемъ сердца подавилъ пуговку электрическаго звонка у двери, на которой красовалась мѣдная досечка съ вырѣзанной на ней фамиліей по-русски и по-французски.

*

„Экая каналья, этотъ жидъ. Въ бель-этажѣ живетъ!“—подумалъ съ чувствомъ неодобренія Козельскій, приподнимая свою красивую голову въ бобровой боярской шапкѣ.

Миловидная, щеголеватая горничная отворила двери.

„И горничная прилична!“—подумалъ Козельскій, оглядывая быстрымъ, опытнымъ взглядомъ горничную, и спросилъ съ той обворожительной ласковостью, съ какою говорилъ со всѣми хорошенькими женщинами:

— Господинъ Бенштейнъ дома?

— Дома-съ. Но только сейчасъ они обѣдаютъ!—отвѣчала горничная и вся вспыхнула подъ мягкимъ и ласкающимъ взглядомъ Козельскаго.

— А вы, моя красавица, все-таки передайте сейчасъ вотъ эту карточку... Только прежде покажите, куда у васъ тутъ пройти...

— Пожалуйте въ гостиную!—улыбаясь, сказала горничная.

Она распахнула дверь и пошла въ столовую докладывать.

Козельскій вошелъ въ большую гостиную и снова былъ удивленъ роскошью и вкусомъ обстановки.

„И даже Клеверъ!“—мысленно проговорилъ онъ, останавливаясь передъ большой картиной съ зимнимъ пейзажемъ.

„Со вкусомъ и не дурно живетъ этотъ жидъ!“—подумалъ и снова почему-то неодобрительно его превосходительство, присаживаясь въ кресло у стола, на которомъ стояла высокая лампа съ большимъ краснымъ шелковымъ абажуромъ, убраннымъ кружевами.

И опять одна мысль овладѣла имъ: „дастъ Бенштейнъ или не дастъ?“

Вся эта обстановка и то, что „этотъ жидъ“ заставляетъ его ждать, казались Козельскому весьма неблагопріятными признаками. Настроеніе его дѣлалось угнетеннымъ, и онъ почти былъ увѣренъ, что попытка его занять у Бенштейна не увѣнчается успѣхомъ.

Прошло минутъ пять, когда изъ-за портьеры вышелъ молодой и красивый брюнетъ, щегольски одѣтый, съ крупнымъ бриллiантомъ на мизинцѣ маленькой и волосатой руки и съ изысканной любезностью произнесъ, выговаривая слова почти безъ акцента:

— Прошу извинить, что заставилъ ждать, ваше превосходительство!

Его превосходительство поднялся съ кресла и, принявъ тотчасъ же свой обычный видъ барина, кивнулъ головой и, протягивая молодому человѣку руку, проговорилъ съ тѣмъ добродушіемъ, которое вошло у него въ привычку при дѣловыхъ сношеніяхъ:

— Я самъ виноватъ, что пріѣхалъ во время вашего обѣда, Моисей Лазаревичъ.

И, не ожидая приглашенія садиться, опустился въ кресло.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—началъ Бенштейнъ стереотипнымъ вопросомъ.

И, усѣвшись на диванѣ и принявъ необыкновенно серьезный видъ, глядѣлъ въ упоръ на Козельскаго своими черными, большими и слегка влажными глазами.

Козельскій уже не сомнѣвался, что дѣло его проиграно. И вѣроятно, потому онъ съ напускною небрежностью передалъ рекомендательное письмо одного своего пріятеля и кліента Бенштейна и съ такою же напускной шутливостью промолвилъ:

— Въ письмѣ все изложено. Я могу только пожелать, чтобы оно было убѣдительно для васъ, Моисей Лазаревичъ.

Козельскій закурилъ папироску.

Онъ затягивался и пускалъ дымъ съ нервной торопливостью, взглядывая на Бенштейна, лицо котораго сдѣлалось еще серьезнѣе, когда онъ читалъ и умышленно долго читалъ, казалось Козельскому.

Наконецъ господинъ Бенштейнъ положилъ рекомендательное письмо на столъ, оставивъ на немъ свою волосатую, маленькую руку съ сверкавшимъ на мизинцѣ брилліантомъ, словно бы приглашая Козельскаго полюбоваться имъ, и проговорилъ:

— Къ сожалѣнію, я не могу быть полезнымъ вашему превосходительству, не смотря на готовность услужить вамъ. Капиталистъ, деньгами котораго я оперировалъ, прикапчиваетъ это дѣло и никакихъ операцій больше не производитъ!—прибавилъ молодой человѣкъ свою обычную форму отказа, когда не считалъ просителя благонадежнымъ человѣкомъ.

А Бенштейнъ хорошо зналъ, что его превосходительство запутанъ въ долгахъ.

Не смотря на ожиданіе отказа, Козельскій, получивъ его, невольно измѣнился въ лицѣ. Въ немъ было что-то жалкое и растерянное. И въ дрогнувшемъ его голосѣ прозвучала просительная до униженія нотка, когда онъ сказалъ:

— Но мнѣ нужна небольшая сумма, Моисей Лазаревичъ.

— Именно?

— Полторы... даже тысячу двѣсти и на короткій срокъ.

— Полторы тысячи, конечно, небольшая сумма, но когда она нужна, то дѣлается большою, позволю себѣ замѣтить, ваше превосходительство!—проговорилъ уже болѣе фамильярнымъ тономъ молодой человѣкъ.

И не безъ участія освѣдомился:

— Вѣрно срочный платежъ?

— Да.

— И скоро?

— Завтра.

Бенштейнъ поморщился съ такимъ видомъ, будто платежъ предстоялъ не Козельскому, а ему.

У Козельскаго блеснула надежда, и онъ сказалъ:

— Вы сдѣлали бы мнѣ огромное одолженіе, если бы уговорили своего капиталиста, Моисей Лазаревичъ.

— Я сдѣлалъ бы одолженіе не вамъ, а своему довѣрителю, такъ какъ выгодно помѣстилъ бы его капиталъ! — проговорилъ Бенштейнъ, видимо самъ очень довольный сказанной имъ любезностью.—Но что подѣлаешь съ капиталистомъ? Онъ принципіально рѣшилъ прекратить операціи, и отъ своего принципа не отойдетъ! Я его знаю!—говорилъ молодой человѣкъ, щеголяя выраженіями: „принципіальный“ и „принципъ“.—Я съ удовольствіемъ предложилъ бы вамъ свои деньги, но у меня свободныхъ нѣтъ...

Козельскій не сомнѣвался, что Бенштейнъ вретъ относительно прекращенія операцій, и ясно видѣлъ, что дальнѣйшіе разговоры безполезны.

И негодующій за свое безполезное униженіе передъ этимъ франтоватымъ „жидомъ“, готовый теперь перервать ему горло, Козельскій хотѣлъ, было, подняться, какъ Бенштейнъ вдругъ сказалъ, понижая голосъ, и съ нѣкоторою значительностью:

— Извините меня, ваше превосходительство, если я позволю себѣ выразить свое мнѣніе относительно денегъ, которыя вамъ нужны...

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы вотъ безпокоите себя... ищете денегъ подъ большіе проценты, а между тѣмъ...

Бенштейнъ остановился словно бы въ нерѣшительности и пристально взглянулъ на Козельскаго.

— ...А между тѣмъ,—продолжалъ онъ, видимо рѣшившись,—вамъ стоитъ только пожелать, и у васъ сейчасъ же будутъ деньги... И безъ всякихъ процентовъ, и безъ всякихъ условій...

— Какимъ образомъ? Я васъ не понимаю, Моисей Лазаревичъ!—спросилъ Козельскій, изумленный и въ то же время обрадованный.

Ему пришла въ голову мысль, что Бенштейнъ затѣваетъ какое-нибудь предпріятіе и ищетъ его помощи.

— Пять тысячъ съ большимъ удовольствіемъ предложитъ вамъ хоть сейчасъ мой тесть, г. Абрамсонъ. Вы его изволите знать... Онъ подрядчикъ въ вашемъ правленіи... И на него вамъ напрасно наговорили... Онъ добросовѣстный подрядчикъ, а между тѣмъ съ новаго года не хотятъ возобновить съ нимъ контрактъ... И если бы его возобновили...

Его превосходительство понялъ въ чемъ дѣло и густо покраснѣлъ.

До сихъ поръ онъ еще ни разу не бралъ взятокъ, хотя и имѣлъ возможность, и съ брезгливостью относился къ людямъ, которые ихъ брали. Брать взятки Козельскій считалъ позорнымъ дѣломъ, но впутываться въ разныя дѣла, хотя бы самыя двусмысленныя, проводить ихъ и брать за это „коммиссію“ онъ не находилъ предосудительнымъ и считалъ себя вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

Дошелъ онъ до этихъ взглядовъ на порядочность постепенно. Въ молодые годы онъ громилъ тѣхъ дѣльцовъ, которые ловили рыбу въ мутной водѣ. Въ сорокъ лѣтъ, когда сдѣлался однимъ изъ директоровъ желѣзнодорожнаго правленія и частнаго банка, онъ находилъ, что торговля и промышленность имѣютъ свои законы.

Нѣсколько мгновеній Козельскій молчалъ.

— Я возобновлю контрактъ съ вашимъ тестемъ! — наконецъ проговорилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился и г. Абрамсонъ и скоро Козельскій уѣхалъ съ чекомъ на пять тысячъ, написавъ Абрамсону письмо о томъ, что контрактъ съ нимъ будетъ возобновленъ.

Кромѣ того онъ обѣщалъ дать мѣста племяннику Абрамсона и сестрѣ Бенштейна.

II.

Припоминая свое посѣщеніе на Васильевскомъ островѣ, Козельскій сознавалъ, что поступилъ скверно, но старался успокоить свою совѣсть и скоро успокоилъ ея соображеніями о безвыходности положенія, въ которомъ онъ находился, и намѣреніемъ возвратить пять тысячъ Абрамсону и не дѣлать ему никакихъ поблажекъ. Напротивъ, строго требовать точнаго исполненія контракта. Что же касается обѣщанія дать мѣста двумъ неизвѣстнымъ ему лицамъ, то это нисколько не безпокоило Козельскаго. Мало ли кому приходится давать мѣста.

Черезъ четверть часа Николай Ивановичъ уже распредѣлялъ съ карандашомъ въ рукахъ: на что пойдутъ пять тысячъ. Тысяча двѣсти рублей назначены были въ уплату по векселю. Затѣмъ, Козельскій записалъ: на уплату мелкихъ долговъ 500 р.

— Непремѣнно надо заплатить 300 р. курьеру и дать ему 25 рублей“ — подумалъ Козельскій и сталъ припоминать, кому еще онъ долженъ по мелочамъ.

Затѣмъ, онъ отдѣлилъ двѣ тысячи на уплату по векселямъ, срокъ которыхъ былъ черезъ мѣсяцъ и записалъ восемьсотъ рублей на уплату одного стараго долга на слово, но передѣлалъ эту цифру на 300 р., рѣшивъ, что довольно и трехсотъ, такъ какъ тому лицу, которому онъ былъ долженъ, деньги не нужны и оно о нихъ не напоминаетъ.

Въ концѣ-концовъ по списку выходило, что если уплатить часть болѣе или менѣе неотложныхъ долговъ, то изъ пяти тысячъ не останется ни гроша.

И Козельскій сталъ снова передѣлывать списокъ и уменьшать цифры и, наконецъ, составилъ такой, что осталось полторы тысячи. И Козельскій повеселѣлъ, рѣшивъ изъ этого остатка дать пятьсотъ рублей Иннѣ на туалеты, подарить триста женѣ и двѣсти Тинѣ и купить Ордынцевой рублей въ триста брилліантовое кольцо на мизинецъ. Оно очень пойдетъ къ ея красивой рукѣ.

„Кстати завтра нашъ день!“—вспомнилъ Козельскій и, поднявшись съ кресла, подошелъ къ зеркалу и взглянулъ на свое моложавое, красивое лицо съ удовлетвореннымъ чувствомъ человѣка, который еще можетъ нравиться женщинамъ.

„Отлично бы завтра пообѣдать съ Нитой у Донона и потомъ провести вечеръ вмѣстѣ, вмѣсто того, чтобы видѣться, какъ обыкновенно, днемъ. Разнообразіе не мѣшаетъ!“—не безъ игривости подумалъ его превосходительство и, возвратившись къ столу, написалъ двѣ записки: одну Ордынцевой, чтобы была въ шесть часовъ вечера въ Гостиномъ, у магазина Вольфа, другую — въ „пріютъ“, чтобы все было готово.

Приказавъ своему старому Кузьмѣ бросить письма въ почтовый ящикъ, Козельскій спряталъ долговой списокъ въ жилетный карманъ и пошелъ въ столовую, чтобы попросить чаю, захвативъ съ собою корзину съ дюшессами, которые онъ купилъ въ Милютиныхъ лавкахъ, возвращаясь съ Васильевскаго острова, заплативъ за десятокъ десять рублей.

Антонина Сергѣевна удивилась, что мужъ дома, и распорядилась скорѣе подавать самоваръ.

Когда у Козельскаго бывали въ карманѣ деньги и не наступали сроки платежей, онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, веселъ и милъ дома и особенно любезенъ съ женой.

И теперь, передавая ей корзинку, онъ ласково проговорилъ:

— Ты любишь груши, Тоня. Кажется, онѣ не дурны.

Эта внимательность всегда трогала Антонину Сергѣевну, и она сказала:

— Баловникъ ты, мой милый, и умѣешь бросать деньги...

Козельскій просидѣлъ вдвоемъ съ женой около часу, и эта рѣдкость была необыкновенно пріятна Антонинѣ Сергѣевнѣ. Они разговаривали, главнымъ образомъ, объ Иннѣ. Козельскій сообщилъ, что Никодимцевъ влюбленъ въ Инну и что было бы большимъ счастьемъ, если бы она вышла за него замужъ.

Антонина Сергѣевна была очень удивлена. Она и не догадывалась. Да и Инна, кажется, не догадывается — говорила она и тревожно спросила:

— А развѣ Лева дастъ разводъ?..

— Мы его заставимъ дать разводъ. Заставимъ этого идіота!— энергично проговорилъ Козельскій, возбуждавшійся при мысли, что этотъ идіотъ можетъ помѣшать такой блестящей партіи.

Говорили и о второй дочери. Отецъ сказалъ, что милліонеръ Гобзинъ сейчасъ же женился бы на Тинѣ, если бы только она захотѣла. Но онъ ей не нравится... И никто ей не нравится.

— Кажется, Борисъ Александровичъ...

— Да развѣ она пойдетъ за этого голыша?... Онъ милый человѣкъ, но надо же содержать жену... Ну, положимъ, мы помогали бы имъ... Все-таки это не устраивало бы ихъ... У Тины извѣстныя привычки...

— Но когда любишь...

— Въ томъ-то и дѣло, что Тина никого не любитъ...

— Еще, значитъ, время не пришло. А полюбитъ, такъ и за нищаго выйдетъ. Что у тебя и у меня было, когда мы поженились? Ничего, кромѣ твоей умной головы на плечахъ...

И Антонина Сергѣевна влюбленными глазами глядѣла на мужа...

Когда Козельскій, уходя въ кабинетъ, простился съ женой, по обыкновенію цѣлуя ея руку, Антонина Сергѣевна благодарила его за то, что онъ съ ней посидѣлъ.

— Я еще посидѣлъ бы, но надо поработать.

— Иди, иди милый...

— А завтра не придется дома обѣдать... Сегодня звалъ предсѣдатель правленія... Неловко отказаться...

— И не отказывайся... Поѣзжай, Ника... Не все же тебѣ дома сидѣть!..—говорила любящая женщина, словно бы забывая, что „Ника“ и безъ того рѣдко сидитъ дома.

„Ну какъ не беречь такую жену!“—не безъ умиленнаго чувства мысленно произнесъ тронутый мужъ.

Въ томъ, что онъ ее „берегъ“, то-есть хорошо скрывалъ свои связи, онъ находилъ оправданіе и считалъ себя хорошимъ мужемъ, щадившимъ самолюбіе своей жены и не позволявшимъ себѣ давать поводъ къ пересудамъ о ней, какъ о несчастной женщинѣ. Другіе мужья—и Николай Ивановичъ вспомнилъ этихъ другихъ—не стѣсняются, чуть не открыто живутъ со своими любовницами, а онъ никогда этого не дѣлалъ и никогда не сдѣлаетъ, оберегая „святую женщину“ отъ напрасныхъ страданій.

Такъ разсуждалъ Козельскій, только что солгавшій о приглашеніи на обѣдъ, и вмѣсто скучныхъ бумагъ, лежавшихъ въ портфелѣ уже третій день, онъ снялъ свой вестонъ и принялся за упражненіе съ гирями.

Довольный, что онъ свободно поднимаетъ ихъ, не чувствуя усталости, и полный удовлетвореннаго чувства отъ сознанія своей

физической крѣпости и своего здоровья, онъ въ это время забылъ и думать о томъ, какъ получилъ чекъ въ пять тысячъ и, жизнерадостный, думалъ о завтрашнемъ днѣ.

Глава тринадцатая.

I.

Сестры всю дорогу молчали.

Когда извозчикъ переѣхалъ Александровскій мостъ и, минуя медико-хирургическую академію, завернулъ въ плохо-освѣщенную улицу Выборгской стороны, Инна спросила:

— Ты знаешь, гдѣ Община Святаго Георгія?

— Должно быть, гдѣ то здѣсь, недалеко... Найдемъ!

И извозчикъ рѣшительно стегнулъ лошадь.

Дѣйствительно онъ скоро нашелъ и остановился у подъѣзда больницы со стороны набережной. Но двери были заперты.

Стоявшій у Самсоніевскаго моста городовой подошелъ и объяснилъ, что если желаютъ попасть въ больницу, то надо ѣхать назадъ и повернуть въ Костромскую улицу, гдѣ ворота въ больницу.

Извозчикъ повернулъ назадъ и скоро въѣхалъ въ глухую полутемную улицу.

— Вотъ она самая!—проговорилъ онъ, останавливаясь у запертыхъ воротъ.

Калитка была не заперта, и дамы вошли. Сторожъ указалъ имъ на освѣщенныя окна больницы. Онѣ пошли черезъ большой дворъ и вошли въ одну изъ дверей зданія больницы. Ни души. Вездѣ тишина.

Онѣ поднялись по лѣстницѣ и отворили двери. На нихъ сразу пахнуло тепломъ и свѣтомъ, когда они очутились въ прихожей, въ открытыя двери которой увидѣли большую комнату со столомъ по срединѣ и съ большимъ образомъ у стѣны.

Маленькаго роста моложавая и пригожая сестра милосердія, въ бѣломъ чепчикѣ и бѣломъ передникѣ, несла кому-то лѣкарство. Инна Николаевна обратилась къ ней.

Оказалось, что раненый въ другой палатѣ.

— Я васъ сейчасъ проведу. Только дамъ больному лѣкарство.

„Сестра“ говорила какъ-то особенно, не такъ, какъ говорили въ томъ обществѣ, въ которомъ вращались дочери Козельскаго—просто, спокойно и въ то же время привѣтливо, безъ какой бы то ни было дѣланности и желанія нравиться.

И это тотчасъ же было замѣчено Инной.

Черезъ пять минутъ „сестра“ вернулась изъ одной изъ палатъ, двери которыхъ выходили въ столовую, и сказала:

— Пойдемте...

— А какъ же... мы въ шубахъ...

— Ничего... Тамъ снимете... Онъ лежитъ въ палатѣ рядомъ.

— Скажите, сестра... Онъ опасенъ?—спросила Тина.

— Не знаю... Нѣтъ, кажется... Его утромъ привезли къ намъ. Слѣдовало бы въ военный госпиталь, но у насъ случилась свободная комната, его и принялъ Николай Яковлевичъ, старшій докторъ.

Когда они проходили черезъ столовую, среди тишины вдругъ раздались стоны.

Инна вздрогнула и участила шаги.

Дежурная сестра сосѣдней палаты, высокая, молодая брюнетка, манеры которой и нѣкоторое щегольство форменнаго платья обличали женщину изъ общества, отнеслась къ посѣтительницамъ съ тою же сдержанно-спокойной привѣтливостью, какъ и сестра въ первой палатѣ. Но только, какъ показалось Иннѣ Николаевнѣ, она съ бо́льшимъ любопытствомъ оглядѣла быстрымъ взглядомъ своихъ большихъ, темныхъ и замѣчательно красивыхъ глазъ, какъ самихъ посѣтительницъ, такъ и ихъ платья, когда онѣ сняли въ прихожей шубы.

Въ больницѣ уже почему-то знали, что молодой артиллеристъ стрѣлялся изъ-за любви, и „сестра“ сразу догадалась, что одна изъ пріѣхавшихъ такъ поздно была „героиней“.

„Но которая?“—не безъ любопытства думала сестра.

— Можно видѣть Горскаго, Бориса Александровича? Его сегодня привезли? Вы не откажете... не правда ли?—тихо и смущенно спрашивала Инна, по привычкѣ улыбаясь глазами.

— Видѣть можно, но не надолго...

— Благодарю васъ. А какъ онъ... опасенъ?—спросила старшая сестра.

— Онъ будетъ, конечно, живъ? — спросила почти одновременно и Тина.

„Эта!“—рѣшила сестра, взглядывая пристальнѣе на красивое, вызывающее и далеко не убитое лицо молодой дѣвушки.

И почувствовавъ къ ней невольную непріязнь, которую старалась скрыть, она сдержанно и нѣсколько строже отвѣтила Тинѣ:

— Надо надѣяться. Пока опасности нѣтъ... Все идетъ хорошо.

И, отводя глаза отъ молодой дѣвушки, спросила, обращаясь къ Иннѣ Николаевнѣ:

— Вы вдвоемъ хотите посѣтить Бориса Александровича?

— Нѣтъ... Сестра пойдетъ...

— Не угодно ли посидѣть пока въ столовой, а я пойду предупредить больного. Какъ прикажете о васъ сказать?

— Козельская!—твердо и довольно громко отвѣтила молодая дѣвушка.

Сестра ушла въ конецъ столовой и скрылась въ дверяхъ послѣдней комнаты.

Инна Николаевна опустилась на стулъ. Младшая сестра не садилась.

Вокругъ царила мертвая тишина. По временамъ только слышался чей-нибудь тяжелый вздохъ и стонъ.

— А жутко здѣсь!—промолвила Инна.

— Ты нервна... Мнѣ не жутко.

„Бравируетъ!“—подумала Инна.

— И какъ тяжело должно быть сестрамъ...

— И, главное, скучно!—отвѣтила молодая дѣвушка.—А у этой брюнетки трагическое лицо...

— Глаза прелестные...

— Какъ долго однако она не идетъ!—нетерпѣливо промолвила Тина.

— Говори тише, Тина... Это только кажется, что долго... Вотъ и сестра...

— Не угодно ли? Борисъ Александровичъ проситъ васъ...

Молодая дѣвушка смѣло и рѣшительно пошла за сестрой. Та отворила дверь, пропустила впередъ Тину и, вернувшись, пошла въ одну изъ комнатъ, откуда чей-то капризный голосъ звалъ: „сестра“!

II.

Тина въ первое мгновеніе не увидала лица Бориса Александровича въ небольшой, слабо освѣщенной комнатѣ.

И когда она приблизилась къ кровати, то увидала совсѣмъ другое, не похожее на то счастливое, здоровое и румяное лицо, которое цѣловала сегодня. Оно было блѣдно, серьезно, испуганно и некрасиво, со своими ввалившимися и лихорадочно блестѣвшими глазами.

При видѣ Тины, изъ-за которой онъ теперь лежалъ здѣсь и жадно хотѣлъ жизни, онъ не особенно радостно проговорилъ, выпрастывая изъ одѣяла свою руку:

— Вотъ это мило, что вы пришли, Татьяна Николаевна... Я нечаянно, разряжая пистолетъ, ранилъ себя... и мнѣ хотѣлось васъ видѣть... Спасибо...

Тина пожала ему руку, тотчасъ же ее высвободила и присѣла въ глубокое кресло, непріятно пораженная такою перемѣной Бориса Александровича. Еще утромъ близкій ей, теперь онъ казался ей чужимъ. И чужимъ, и физически непріятнымъ,

и она очень рада была, что Горскій не протянулъ ей губъ для поцѣлуя и вообще не обнаружилъ въ первое мгновеніе встрѣчи сантиментальности, которой въ немъ было такъ много, когда онъ былъ здоровъ.

Хотя молодая дѣвушка и чувствовала себя немного виноватою и не столько передъ Горскимъ, сколько передъ собой за то, что сблизилась съ такимъ восторженнымъ влюбленнымъ, но въ душѣ ея шевелился упрекъ противъ него за то, что своимъ безумнымъ поступкомъ онъ компрометировалъ ее. Положимъ, она не особенно обращаетъ вниманіе на то, что про нея говорятъ—такъ, по крайней мѣрѣ, она утверждала,—но въ данномъ случаѣ ей были непріятны сплетни и пересуды, которые непремѣнно появятся на ея счетъ. Въ выстрѣлъ по неосторожности никто не повѣритъ.

„Какъ однако онъ подурнѣлъ!“ подумала снова Тина и понимая умомъ, что надо что-нибудь сказать человѣку, который изъ-за нея стрѣлялся, и чѣмъ-нибудь его утѣшить, проговорила, стараясь придать своему голосу мягкій и задушевный тонъ:

— Ну какъ вы себя чувствуете, Борисъ Александровичъ?..

Онъ почувствовалъ и въ тонѣ этихъ словъ, и въ глазахъ молодой дѣвушки скрытое равнодушіе. Онъ ждалъ, что она придетъ разстроенная, сознающая свою вину передъ нимъ... Онъ даже раньше думалъ, что она опустится передъ его кроватью на колѣни и скажетъ: „прости меня!“, а она между тѣмъ...

— Ничего... хорошо... Лихорадка не велика... всего тридцать девять. Докторъ говоритъ, что этотъ дурацкій, случайный выстрѣлъ по счастью не задѣлъ легкаго... И я поправлюсь, непремѣнно поправлюсь!—возбужденно и словно бы съ вызовомъ къ кому-то проговорилъ Горскій...

И онъ теперь совсѣмъ другими глазами глядѣлъ на Тину... Въ его взглядѣ не чувствовалось любви.

Когда онъ посылалъ студента Скуратова за Тиной, ему казалось, что ему необходимо видѣть ее и сообщить ей что-то важное и значительное и о томъ, какъ онъ ее любитъ, и о томъ, какъ она хороша и прекрасна. Но потомъ онъ уже ни разу даже и не вспомнилъ о ней. Страхъ смерти и неодолимая жажда жизни всецѣло охватили его и все остальное не имѣло для него ни малѣйшаго значенія. Съ наивнымъ эгоизмомъ молодости онъ думалъ, что онъ не долженъ, не можетъ умереть и съ отвращеніемъ вспомнилъ о револьверѣ. И когда врачъ, вынувшій пулю, обнадежилъ молодого человѣка, иронически посовѣтовавъ впредь осторожнѣе обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, онъ былъ полонъ радости и отвѣтилъ, что будетъ очень остороженъ. И въ эти нѣсколько часовъ лежанія въ больницѣ при видѣ этихъ заботливыхъ лицъ врачей, сестеръ и сидѣлокъ, при мысли, что онъ могъ уме-

реть, онъ точно прозрѣлъ и понялъ всю нелѣпость этого выстрѣла и ничтожность причины его. И любовь къ Тинѣ казалась чѣмъ-то позорнымъ именно за то, что изъ-за этой любви онъ стрѣлялся... А главное: ему хотѣлось жить. Просто жить: дышать воздухомъ, двигаться, видѣть все кругомъ—и больше ничего.

И теперь посѣщеніе Тины нисколько не обрадовало его. И ему нечего было сказать той самой дѣвушкѣ, которую, казалось, онъ такъ любилъ, что мысль о потерѣ ея ласки привела къ выстрѣлу. Здоровый, полный силъ, онъ считалъ близость съ Тиной высшимъ для себя счастіемъ и клялся у ея ногъ въ своей любви. Теперь же больной, лишенный силъ и полный эгоизма жизни, онъ не только равнодушными глазами смотрѣлъ на свѣжее, румяное, хорошенькое ея лицо, на ея колыхавшуюся грудь, на ея маленькія бѣлыя руки, которыя онъ такъ любилъ цѣловать, но смотрѣлъ съ затаенной враждебностью и, глядя на нее, какъ на виновницу того, что произошло, онъ мысленно обвинялъ своего „ангела“ въ чувственной распущенности, въ цинизмѣ ея теоріи „пріятныхъ ощущеній“ и находилъ, что она безсердечная эгоистка, думающая только о себѣ, о своихъ наслажденіяхъ. Изъ-за нея онъ пересталъ читать, заниматься... Изъ-за нея онъ забылъ обо всемъ и только каждый день ожидалъ ее, чтобы проводить часы молча въ горячихъ поцѣлуяхъ, послѣ которыхъ она уходила, по прежнему смѣющаяся надъ его восторженностью.

Обвиняя и презирая Тину, по обычаю большинства мужчинъ, за то, что она была близка съ нимъ и отказывала выйти за него замужъ, и за то, что она его любила „низменно“, ради „пріятныхъ впечатлѣній“, а онъ, напротивъ, возвышенно и благородно, Горскій съ наивнымъ легкомысліемъ забывалъ, что и онъ самъ, какъ и Тина, на практикѣ осуществлялъ теорію пріятныхъ ощущеній, хотя и прикрывалъ ихъ сантиментальными фразами и клятвами. Онъ словно бы не понималъ или боялся понять, что и его любовь, съ которой онъ носился, считая ее чистою, глубокою и сильною, была такимъ же одностороннимъ влеченіемъ. Не даромъ же она такъ скоро завяла при первомъ же испытаніи,—какъ только заглохла страсть въ больномъ человѣкѣ и инстинктъ самосохраненія поглотилъ все его существо.

И, однако, онъ считалъ себя правымъ. Онъ разлюбилъ, потому что она оказалась не такою, какою онъ ее хотѣлъ видѣть. Онъ былъ жертвой. Онъ чуть не погибъ изъ-за нея.

И оба они — еще утромъ опьяненные поцѣлуями — въ этотъ вечеръ чувствовали взаимную враждебность, но оба считали нужнымъ скрывать ее и притворяться, чтобы не обидѣть другъ друга.

Тину поразило это равнодушіе къ ней. Сама, равнодушная къ Горскому, она втайнѣ сердилась, что онъ больше не ея вѣрноподданный рабъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Горскій закрылъ глаза.

Наконецъ Тина спросила:

— Быть можетъ, вы хотите спать, Борисъ Александровичъ?..

— Да... Вы меня извините... Я усталъ...

— Завтра я васъ опять навѣщу.

— Зачѣмъ вамъ безпокоиться, Татьяна Николаевна.

— Безпокойство небольшое...

— Все-таки... И вамъ будетъ скучно съ больнымъ...

И онъ не безъ усмѣшки прибавилъ:

— Вѣдь здѣсь вы не найдете пріятныхъ впечатлѣній... Одни только тяжелыя...

— Это что—упрекъ?

— Мнѣ не въ чемъ упрекать васъ...

— Ну полно, полно, не сердитесь, Борисъ Александровичъ, и простите, если считаете меня виноватой... Останемся друзьями. А пока до свиданія—до завтра. Покойной ночи.

Тина кивнула привѣтливо головой и торопливо ушла къ двери.

— Послушайте, Татьяна Николаевна!—окликнулъ ее Горскій.

Тина остановилась.

— Знаете ли, о чемъ я васъ попрошу?

— О чемъ?

— Не приходите больше ко мнѣ!

— Я больше не приду!—сказала Тина.

И вышла изъ комнаты, оскорбленная.

Въ столовой она увидала сестру Горскаго, Вѣру Александровну Григорьеву и съ ней студента Скуратова. Онѣ обмѣнялись холодными поклонами.

— Ѣдемъ, Инна!

— Что жъ вы такъ недолго посидѣли у Бориса Александровича?—спросила „сестра“.

— Боялась безпокоить больного. Прощайте!

Когда сестры надѣвали при помощи сидѣлки свои шубы, къ Тинѣ подошелъ Скуратовъ и, пожимая ея руку, сказалъ болѣе ласковымъ тономъ, чѣмъ говорилъ раньше:

— На два слова, Татьяна Николаевна.

И когда Тина отошла съ нимъ въ сторону, студентъ таинственно проговорилъ:

— Когда можно принести вамъ маленькій пакетъ отъ Бориса Александровича?

Молодая дѣвушка догадалась, что это ея нѣсколько писемъ и обрадованно отвѣтила:

— Завтра послѣ десяти часовъ утра. Благодарю васъ, г Скуратовъ.

И сама протянула ему руку и крѣпко пожала ее.

— Я васъ до извозчика проведу. Позволите?

— Будемъ очень благодарны... Инна!.. Представляю тебѣ... Ваше имя?..—обратилась молодая дѣвушка къ студенту.

— Викторъ Сергѣичъ...

— Викторъ Сергѣичъ Скуратовъ. Онъ принесъ извѣстіе о Борисѣ Александровичѣ.

Инна протянула руку.

Они втроемъ спустились и вышли на дворъ.

Морозъ былъ порядочный. Инна Николаевна обратила вниманіе, что студентъ былъ въ лѣтнемъ пальто, и просила не провожать ихъ.

— Вы простудитесь...

— Я привыкъ... не безпокойтесь.

Онъ проводилъ дамъ до извозчика.

— А вы долго еще останетесь въ больницѣ?—спросила Инна Николаевна.

— До утра. Мы съ Вѣрой Александровной будемъ по очереди дежурить у Бориса Александровича.

— Развѣ онъ такъ опасенъ?

— Врачи надѣются... Но сестра не хочетъ оставлять его... Прощайте!..

— Ну извозчикъ!.. Пожалуйста, скорѣй поѣзжай домой!—нетерпѣливо проговорила Тина.

— Постараюсь, барышня.

Извозчикъ погналъ лошадь. Прозябшая на морозѣ, она пошла крупной рысью.

Очутившись на воздухѣ, далеко отъ больницы, Инна Николаевна облегченно вздохнула. Сознаніе, что она здорова, было теперь ей особенно радостно послѣ посѣщенія больницы.

— Ты что же, въ самомъ дѣлѣ, такъ мало посидѣла у Бориса Александровича?—спросила Инна Николаевна.

— Не къ чему было дольше сидѣть.

— Но было объясненіе?

— Слава Богу, никакого. И какія объясненія?.. Человѣкъ сдѣлалъ глупость—довольно и этого!

— Онъ, конечно, обрадовался тебѣ?

— Напротивъ... Сказалъ, что хочетъ спать и просилъ больше не приходить. Не угодно видѣть!—усмѣхнулась Тина.

— Это что значитъ?

— Точно ты не знаешь этихъ господъ, увѣряющихъ въ какой-то особенной любви?.. Меня, конечно, считаетъ виноватой, что стрѣлялся... Неблагодарное животное!—рѣзко прибавила Тина.

Обѣ примолкли.

Инна Николаевна вспомнила о Никодимцевѣ. Вотъ этотъ человѣкъ дѣйствительно любитъ. И при мысли, что она его потеряетъ, послѣ своей исповѣди, ей сдѣлалось грустно. Она чувствовала, что привыкла къ нему, что онъ ей дороже, чѣмъ она думала. И онъ, конечно, этого не понимаетъ...

„Даже умные мужчины бываютъ глупы!“ — мысленно проговорила она.

— А знаешь что, Инна?

— Что, милая?

— Я все-таки за Гобзина не выйду замужъ!—по-французски сказала она.

— Я въ этомъ и не сомнѣвалась...

Извозчикъ остановился у подъѣзда. Тина отдала ему два рубля, и сестры поднялись наверхъ. У молодой дѣвушки былъ свой маленькій ключъ, которымъ она отворила двери.

Онѣ прошли къ матери. Та еще не спала и сидѣла за книгой въ своей новой маленькой комнатѣ.

— Хорошо ли прокатились, милыя мои? А папа грушъ привезъ... Отличныя... Кушайте...

Сестры просидѣли нѣсколько минутъ у матери, съѣли по грушѣ и, простившись, разошлись по своимъ комнатамъ.

Инна Николаевна тихо поцѣловала свою спящую дѣвочку, переодѣлась въ капотъ, уложенный фрейлинъ, и присѣла къ письменному столу писать Никодимцеву.

Когда она окончила пробило два часа. Глаза Инны Николаевны были влажны отъ слезъ. Но она чувствовала себя точно освобожденной отъ тяжести, облегчивъ свою душу исповѣдью передъ человѣкомъ, который заблуждался на ея счетъ.

Глава четырнадцатая.

I.

Послѣ того, какъ молодой нѣмецъ-массажистъ добросовѣстно промассажировалъ Козельскаго, Николай Ивановичъ взялъ, по обыкновенію ванну и въ девять часовъ утра, свѣжій, выхоленный и благоухающій пилъ у себя въ кабинетѣ кофе, просматривая телеграммы въ газетѣ.

Въ эту минуту вошелъ лакей и подалъ Козельскому пакетъ.

— Посыльный принесъ!—доложилъ слуга.

— Ждетъ отвѣта?

— Нѣтъ. Ушелъ.

Козельскій вскрылъ пакетъ. Въ немъ былъ номеръ одной изъ газетъ мелкой прессы. Развернувъ газету, онъ увидѣлъ отчеркнутое краснымъ карандашомъ извѣстіе подъ заглавіемъ „Попытка къ самоубійству“.

Нѣсколько изумленный полученіемъ этой замѣтки, Козельскій прочиталъ слѣдующее:

„Вчера, въ двѣнадцать часовъ и 10 минутъ дня, выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ себѣ рану въ грудь молодой и блестящій офицеръ Г. По счастію рука его, вѣроятно, дрогнула въ послѣдній моментъ и рана оказалась не смертельной. Молодого человѣка тотчасъ же отвезли въ больницу, гдѣ была извлечена пуля, какимъ-то чудомъ не задѣвшая легкаго. Есть надежда, что раненый останется живъ и наша армія не лишится одного изъ блестящихъ своихъ представителей. По собраннымъ нами достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, причина попытки къ самоубійству—романическаго характера. Не считая себя въ правѣ передавать непровѣренныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, мы, тѣмъ не менѣе, можемъ пока сообщить, что поручикъ Г. выстрѣлилъ въ себя вслѣдъ за тѣмъ, какъ отъ него ушла его невѣста, молодая дѣвушка необыкновенной красоты, дочь одного почтеннаго лица, занимающаго видное общественное положеніе. Мы слышали—и дай Богъ, чтобы слухъ этотъ оказался несправедливымъ—что молодая дѣвушка, получившая первоначально извѣстіе о томъ, что женихъ убилъ себя на повалъ, была такъ поражена, что сошла съ ума. Дальнѣйшія подробности сообщимъ завтра“.

Его превосходительство прочиталъ еще разъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

„И какой-мерзавецъ послалъ это!“—проговорилъ онъ, швырнувъ газету на полъ и тотчасъ же позвонилъ.

— Татьяна Николаевна встали?—спросилъ онъ у лакея.

Слуга вышелъ и скоро вернулся съ докладомъ, что барышня встаютъ.

— Скажите барышниной горничной, чтобы она доложила Татьянѣ Николаевнѣ, что я ее прошу придти ко мнѣ, когда будетъ готова.

Козельскій поднялъ брошенный нумеръ газеты и спряталъ его въ карманъ. Затѣмъ онъ встревоженно заглянулъ въ „хронику“ своей газеты. Оказалось, что и тамъ есть извѣстіе, но безъ всякихъ неприличныхъ комментаріевъ. Все дѣло приписывалось неосторожному обращенію при разрядѣ револьвера. и фамилія „молодого офицера“ была обозначена буквою Z.

Козельскій не сомнѣвался, что извѣстіе было о Горскомъ, и молодой офицеръ былъ обруганъ болваномъ.

„Нашелъ изъ-за чего стрѣляться!“

— Хороша и Тина! Дофлёртовалась-таки до газетнаго сообщенія!..—думалъ Николай Ивановичъ, обозленный всей этой исторіей. И безъ того у него всякихъ дѣлъ по горло а тутъ еще новая исторія. Расхлебывай ее. Поѣзжай къ редактору, объясняй, что репортеръ все навралъ и требуй опроверженія.

И какъ у нихъ хватаетъ духу печатать такія пакости. Нечего сказать, пресса!

Козельскій допилъ свой кофе далеко не въ томъ хорошемъ настроеніи, въ какомъ началъ и былъ раздраженъ противъ Тины. Замужъ не выходитъ, а бѣгаетъ въ гости къ холостому балбесу. Что за распущенность! Что за неосторожность! Хоть бы мать съ отцомъ пожалѣла, если себя не жалѣетъ. Навѣрное она бѣгала къ Горскому цѣловаться. То-то въ послѣднее время онъ рѣдко показывался, а прежде торчалъ каждый день...

„Надо съ ней серьезно поговорить!“—рѣшилъ Козельскій.

Но когда въ исходѣ десятаго часа въ кабинетъ вошла Тина и, поцѣловавъ отца въ лобъ, спросила, нѣсколько смущенная: „Ты меня звалъ, папа?“—Козельскій ужъ отошелъ и, глядя на свою цвѣтущую, пригожую дочь съ обычною мягкостью, проговорилъ:

— Присядь-ка, Тина, и объясни мнѣ, что значитъ эта нелѣпая замѣтка, которую я только-что получилъ. Есть ли въ ней капля правды?..

Тина присѣла въ кресло и стала читать поданную отцомъ газету.

— Какая глупая гадость!—проговорила она, возвращая отцу нумеръ.—Какъ видишь, я не сошла съ ума!—прибавила она, пробуя улыбнуться.

— А Горскій стрѣлялся?

— Да. Мы вчера съ Инной были у него. Говорятъ, будетъ живъ.

— Этакій дуракъ! А стрѣлялся, конечно, изъ за тебя?

— Всегда свою глупость хочется свалить на другихъ... Я отказалась выйти за него замужъ.

— И умно сдѣлала... Неумно только одно, Тина, если только правда, что сообщаютъ въ замѣткѣ, будто ты ходила къ Горскому.

— Это правда, папа. И это мое личное дѣло.

— Мнѣ кажется, не совсѣмъ. Пока ты не замужемъ, до твоихъ поступковъ есть маленькое дѣло отцу и матери... Подумай объ этомъ Тина и... побереги хоть маму... Вотъ все, что я хо-

тѣлъ сказать тебѣ, и ты не сердись за эти слова... А я сейчасъ поѣду къ редактору и заставлю, чтобы не было дальнѣйшихъ подробностей... Я думаю, и тебѣ нежелательно доставлять своей особой матеріалъ репортерамъ и темы для сплетенъ... Нежелательно это и мнѣ... Надѣюсь, мама ничего не будетъ знать...

Дочь ушла. Она не сердилась, но всѣ эти нравоученія отца казались ей фальшивыми.

„Самъ-то онъ хорошъ!“—подумала она и, войдя въ столовую, съ особенной нѣжностью обняла и поцѣловала мать.

II.

Козельскій, по обыкновенію, справился со всѣми дѣлами: получилъ по чеку, уплатилъ по векселю, посидѣлъ часъ на службѣ, былъ у редактора и уговорилъ напечатать опроверженіе, поѣлъ въ Милютиныхъ лавкахъ устрицъ, показался на нѣсколько минутъ въ правленіи, купилъ у Фаберже кольцо для Ордынцевой и въ англійскомъ магазинѣ накупилъ для своихъ три штуки матеріи на платье, перчатокъ, носовыхъ платковъ и духовъ, цѣлый ворохъ игрушекъ для внучки и вернулся домой около пяти часовъ, чтобы порадовать своихъ дарами, переодѣться и ѣхать въ Гостиный дворъ къ магазину Вольфа встрѣтить Ордынцеву.

Козельскій любилъ дѣлать подарки и умѣлъ ихъ дѣлать, зная вкусы жены и дочерей.

Онъ объявилъ всѣмъ, что неожиданно получилъ долгъ и съ обычной своей деликатной манерой сунулъ пакетики съ деньгами женѣ и дочерямъ и затѣмъ вручилъ имъ подарки...

— Это вмѣсто рождественскихъ, пока деньги есть!—шутя говорилъ онъ.

И, незамѣтно мигнувъ Тинѣ, ушелъ въ кабинетъ и, когда она пришла, сказалъ ей, что завтра будетъ въ газетѣ опроверженіе и, поцѣловавъ ее, промолвилъ:

— Гобзинъ собирается тебѣ дѣлать предложеніе. Спрашивалъ моего совѣта. Что ему отвѣтить?

— Чтобы онъ не трудился.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно. Онъ мнѣ не нравится...

— Не нравится, такъ и говорить течего... Я такъ ему и скажу...

Они вмѣстѣ вернулись въ столовую. Всѣ дамы заявили, что все купленное имъ превосходно и очень имъ нравится, и этимъ очень обрадовали Козельскаго... Онъ пошелъ переодѣваться, посидѣлъ, необыкновенно нарядный въ смокингѣ, за столомъ, пока

обѣдали, и въ половинѣ шестого уѣхалъ, объявивъ женѣ, что вѣрно послѣ обѣда придется играть въ карты.

Когда онъ ушелъ, Антонина Сергѣевна горячо проговорила:

— Какой папа добрый и какой заботливый...

Къ вечеру Инна снова перечитала свое письмо, вложила его въ конвертъ и ходила по гостиной въ ожиданіи Никодимцева, грустная, такъ какъ не сомнѣвалась, что это свиданіе будетъ послѣднее. Послѣ письма онъ больше не пріѣдетъ. И, думая объ этомъ, тоска охватывала молодую женщину и на глаза навертывались слезы.

Наконецъ, ровно въ восемь часовъ затрещалъ звонокъ.

„Принимаютъ?“—услышала она голосъ Никодимцева.

Инна сѣла на диванъ, стараясь побороть охватившее ее волненіе.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНИ ПОКАЯНІЯ.

(Пушкинская годовщина).

I.

Наступаетъ двадцать шестое мая и русское общество и отчасти даже русскій народъ готовятся присутствовать при многочисленныхъ и торжественныхъ празднествахъ. Имя Пушкина завладѣетъ на нѣсколько дней вниманіемъ читателей просвѣщенныхъ и просто грамотныхъ. Хвалебныя и восторженныя рѣчи польются потокомъ. Несомнѣнно, воспрянетъ и русская стихотворческая муза и сплететъ болѣе или менѣе свѣжій и красивый вѣнокъ памяти геніальнаго поэта. Газеты, журналы, а, можетъ быть, и спеціальные сборники будутъ давать краснорѣчивые отчеты о «пушкинскихъ дняхъ», живописно изображать событія, съ посильнымъ безпристрастіемъ пересчитывать успѣхи дѣйствующихъ лицъ и составлять чрезвычайно отрадныя умозаключенія, въ родѣ того, напримѣръ, что русское общество, несомнѣнно, достигло поразительной зрѣлости, разъ способно громко произносить и терпѣливо выслушивать столь благородныя мысли и чествовать такъ шумно и единодушно великаго русскаго человѣка, что «пушкинскій праздникъ» открываетъ самыя широкія перспективы русской національной культурности и честной сознательной работѣ русскаго человѣка на поприщѣ ума и просвѣщенія. Найдутся, разумѣется, и хладнокровные зрители торжества, но болѣе подъ вліяніемъ легкомысленнаго духа противорѣчія, чѣмъ по основательнымъ поводамъ отрицать и сомнѣваться. Скептики замѣтятъ, что говорилось о Пушкинѣ дѣйствительно очень много и даже дѣльно, но самаго главнаго, а въ особенности безусловно оригинальнаго не было сказано: *новое слово* осталось не произнесеннымъ...

Скептики и сами не будутъ отдавать себѣ отчета, какого собственно *новаго слова* имъ хотѣлось бы, но такъ ужъ полагается по законамъ психологіи. Если десять, сто человѣкъ говорятъ *да* и *прекрасно*, рядомъ непремѣнно объявится смѣлый и самобытный умъ, выжидающій случая съ невыразимымъ наслажденіемъ и авторитетомъ крикнуть: *нѣтъ! никуда не годится!* Но протестующій крикъ потонетъ въ морѣ восторговъ и умилительныхъ впечатлѣній: герои и даже толпа пушкинскихъ тор-

жествъ, совершивъ поклоненіе позту, вообразятъ, что и они въ нѣкоторомъ родѣ воздвигли себѣ нерукотворный памятникъ.

Все именно такъ произойдетъ: вѣрная порука—опыты прошлаго. Правда, большихъ литературныхъ торжествъ до сихъ поръ было у насъ мало, но зато всѣ они выполнялись по одной неуклонно опредѣленной программѣ. Русскій просвѣщенный человѣкъ—въ будни существо самое кроткое и непритязательное, въ юбилейные писательскіе дни становится необыкновенно рѣчистымъ и безпокойнымъ и на его физіономіи появляется даже нѣчто вызывающее. Въ эти минуты онъ готовъ вообразить себя—и подчасъ дѣйствительно воображаетъ—первымъ артистомъ на міровой сценѣ. Ты меня считаешь скиѳомъ и вандаломъ, говоритъ онъ Европѣ, все думаешь учить меня разнымъ идеямъ и конституціямъ, а я вотъ самъ тебя думаю поучить и открыть тебѣ *новое слово*. У тебя разные Шекспиры и Шиллеры, а у меня Пушкинъ, не французъ, не нѣмецъ и не просто русскій, а *всечеловѣкъ*. А если таковъ Пушкинъ, то и вообще русскіе люди—всечеловѣки и «назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное».

Такъ уже однажды проповѣдывалъ русскій ораторъ по поводу Пушкина и вызвалъ у слушателей потрясающее впечатлѣніе. И иначе не могло быть! У кого же хватитъ духу отказаться отъ столь величественнаго титула, въ особенности, если это рѣшительно ничего не стоитъ: всего только пожать руку вдохновенному пророку, обнять его или, въ крайнемъ случаѣ,—если слушатель достаточно наклоненъ къ психопатіи,—упасть въ обморокъ.

И все это было съ точностью продѣлано, лишь только, девятнадцать лѣтъ тому назадъ, раздалась *пророческая* рѣчь Достоевскаго. Даже самые вдумчивые свидѣтели поддались очарованію и Г. И. Успенскій, едва ли не самый трезвый и достовѣрный свидѣтель событія, вполнѣ отрезвѣлъ только на другой день: въ самый моментъ онъ испыталъ потрясающее впечатлѣніе. А большинство такъ и осталось въ опьяненіи и на челѣ Достоевскаго пророческій вѣнокъ не увядалъ до конца его дней. А вѣдь такъ естественно было бы припомнить самый наглядный фактъ: именно этотъ ораторъ, столь горячо проповѣдовавшій о необъятной нѣжности русскаго человѣка ко всѣмъ народамъ, велъ менѣе всего любвеобильную международную политику, и не только международную: междупартійныя отношенія автора *Дневника писателя* также далеко не отличались примирительнымъ и терпимымъ направленіемъ. Какъ же онъ могъ отъ души и сердца возглашать о «братскомъ стремленіи нашемъ къ возсоединенію людей», о «русской душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей» и многое другое, звучавшее всуе именно въ устахъ его, Ѳедора Михайловича Достоевскаго?

Но онъ возглашалъ и даже *потрясъ*, потому что русскій человѣкъ находился на праздникѣ и вся природа его жаждала опьяняющихъ впечатлѣній и что бы ему ни сказали пріятнаго и утѣшительнаго, онъ

мгновенно всему повѣрилъ бы и возрадовался бы языкомъ и духомъ: какое, однако, я замѣчательное явленіе природы, не думано и не гадано, а вотъ знаменитый писатель *разгадалъ*, наконецъ, *тайну*. Хвала ему, да такая громкая, что и самому Пушкину не мечталось ничего подобнаго. И, несомнѣнно, слава Пушкина отошла на задній планъ предъ отуманенными глазами ликующей толпы въ тѣ минуты, когда, по словамъ самого Достоевскаго, даже просвѣщеннѣйшіе «западники» именовали его рѣчь «геніальной» и горячо жали ему руки.

Да, Пушкинъ внезапно отошелъ въ тѣнь. Въ сущности эта тѣнь лежала на его страдальческомъ образѣ съ самаго начала. Если бы вдругъ ожила бронзовая статуя и поэтъ снизошелъ бы до бесѣды съ мятущейся толпой, онъ могъ бы обратить къ ней рѣчь, исполненную горечи и укоризны и у нея—этой торжествующей толпы—не поднялись бы руки для самоусладительныхъ привѣтствій, у нея скорѣе глаза опустились бы долу и она оставила бы площадь съ гнетущей тоской совѣсти о прошломъ, съ мучительнымъ раздумьемъ о своемъ настоящемъ и будущемъ.

Поэтъ могъ бы сказать своимъ посмертнымъ хвалителямъ слѣдующее: меня не удивляютъ ваши восторги предъ моимъ дарованіемъ и предъ личностью, я самъ предсказалъ себѣ прочную славу послѣ моей смерти. Но меня изумляетъ ваша короткая память о моей судьбѣ при жизни, я не могу понять, какъ вы такъ свободно хвалу моему генію сплетаете съ лестью себѣ самимъ. Я не признаю вашихъ притязаній на участіе въ моемъ, хотя бы и позднемъ торжествѣ, на участіе какъ общества, какъ публики, даже какъ литературы. Чтобы оправдать эти притязанія, вамъ слѣдовало бы начать съ другого конца, именно съ самихъ себя, и вмѣсто исторіи и характеристики моего генія, разсказать свою собственную исторію, представить свой собственный портретъ. Вы правы въ томъ, что я русскій до мельчайшаго изгиба моей души, что я всей кровью своего сердца и всей чудной силой своего вдохновенія болѣлъ за свою родину и жаждалъ ея свѣтлаго будущаго. Но вы—общество и литература—вы развѣ признали во мнѣ эту боль и эту жажду? Еще не исчезло все поколѣніе, свидѣтель моей жизни и дѣятельности. Призовите его къ отвѣту и спросите у него, чѣмъ я былъ для него и что оно сдѣлало для меня?

Вы скажете: я родился въ злополучное время, попалъ въ нравственно-дикую среду, въ злобную и пошлую, что меня погубилъ *свѣтъ* и что вы ни подъ какимъ видомъ не погрѣшили бы въ пролитіи «праведной крови» поэта. Теперь все стало иначе. Поэтъ больше не обязанъ считаться съ расположеніемъ свѣтскихъ невѣждъ и пошляковъ, у него теперь имѣется публика просвѣщенная, отзывчивая, благодарная, она непремѣнно пойметъ его и постарается оградить его личность и его дѣло, какъ драгоцѣннѣйшія достоянія націи. Какъ общество, эта публика не станетъ позорить въ писателѣ человѣка, какъ лите-

ратура—она не рѣшится завѣдомо ложно и злостно унижать его талантъ, перетолковывать его произведенія, злорадствовать надъ мельчайшей, даже мнимой ошибкой и слабостью его пера, однимъ словомъ, она не повторитъ злокозненной, ядовитой войны пигмеевъ съ великаномъ—*ожесточенной* войны только потому, что онъ великъ, а они нестерпимо и безнадежно малы.

Такъ, можетъ быть, отвѣтитъ поколѣніе, воздвигшее памятникъ Пушкину, но поэтъ не удовлетворится отвѣтомъ. Онъ припомнитъ участь своихъ наслѣдниковъ вплоть до послѣднихъ дней, и каждое воспоминаніе должно поразить неотразимымъ ударомъ отвѣтчиковъ.

Поэтъ скажетъ: когда совершилась его кровавая кончина, событіе отозвалось жестокой мукой въ сердцахъ немногихъ его друзей... И посмотрите, что̀ они перечувствовали, что̀ они говорили!

Свѣтская дама, не долго знавшая его, не особенно блистательная цѣнительница литературы и особенно русской, но благородная и искренняя, все время чувствовала себя лично оскорбленной «несправедливостью общества». Передъ вѣстью о смерти поэта она прочитала французскую статью о судьбѣ великихъ людей: «всѣ они»,—писала она,—«преслѣдуемые или обществомъ, или правительствомъ, непризнанные, оклеветанные, умирающіе въ тюрьмѣ или въ нищетѣ. Въ статьѣ не упоминается Пушкинъ, а однако ничего нѣтъ болѣе раздирающе-поэтическаго, какъ его жизнь и его смерть».

Дама говорила грустную правду, но ея впечатлѣнія не имѣли бы большого значенія, если бы ихъ не раздѣлялъ величайшій современный писатель Россіи, Пушкинымъ открытый и имъ направленный. Гоголь бѣжалъ изъ своего отечества,—бѣжалъ именно потому, что онъ обнаружилъ слишкомъ великій и жизненный талантъ и неподкупную правдивость художественнаго слова. Онъ написалъ геніальную комедію, ему посчастливилось мимо безчисленныхъ препятствій проложить ей путь на сцену, она, наконецъ съиграна, и, кажется, никогда еще авторъ ея не чувствовалъ себя до такой степени одинокимъ и лично несчастнымъ. Онъ рѣшается уѣхать «разгулять свою тоску», и бросаетъ такую отповѣдь своему отечеству:

«Грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу... Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него... И кто же говоритъ? Это говорятъ опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобы понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ, русскій свѣтъ называетъ образованными».

И скоро Гоголь окончательно убѣдится, что ему нѣтъ мѣста рядомъ съ этимъ образованнымъ свѣтомъ. Кончина Пушкина потрясетъ его до глубины души, наброситъ тѣнь на его и безъ того не радостную жизнь. Онъ теперь проникнется настоящимъ страхомъ предъ мыслью—изъ за

границы вернуться въ Россію и остаться здѣсь. Онъ легко обобщаетъ страшное событіе и произноситъ рѣшительный приговоръ своей страстно любимой, но неумолимо суровой родинѣ: «Клянусь,—восклицаетъ онъ,—непостижимо странная судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи! Едва только успѣетъ показаться—и тотъ же часъ смерть, безжалостная неумолимая смерть».

Это говорится послѣ смерти Пушкина и въ этихъ словахъ звучитъ, несомнѣнно, болѣзненная память о великомъ другѣ и учителѣ, и звучитъ отголосокъ предсмертныхъ рѣчей его. О нихъ не зналъ Гоголь, но онъ въ точности воспроизвелъ ихъ смыслъ. Задыхаясь въ безвыходной мукѣ среди всесторонникъ гоненій и притѣсненій, Пушкинъ не сдержалъ накипѣвшаго горя и, вопреки обыкновенію, обнаружилъ его даже предъ женой: «чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!»

Какая страшная жалоба и какая правдивая, вызванная *всею* жизнью поэта! И она не осталась одиночной.

За Пушкинымъ и Гоголемъ слѣдовали другіе, и также или безвременно гибли или бѣжали... Почему авторъ *Мертвыхъ душъ* додумался и домучился до *Переписки съ друзьями?* Почему поэтъ, геніальными стихами оплакавшій участь Пушкина, самъ погибъ столь же кровавой смертью и надъ ней съ такимъ же злорадствомъ потѣшился *свѣтъ?* Почему критикъ, растолковавшій русскимъ читателямъ значеніе всѣхъ этихъ людей, самъ умеръ нищимъ, гонимымъ и непризнаннымъ?

Но все это происходило въ рабской и барской Россіи. Привилегированное тунеядство и невѣжество тяготѣли надъ *свободой, славой* и *геніемъ*. Литература была для нихъ передней и писатель—шутомъ... Возникла, наконецъ, Россія свободная и равноправная, народился читатель, способный постигать *личныя* достоинства и *личныя* заслуги. Теперь, повидимому, не должно быть мѣста «всеобщему невѣжеству» и тупому озлобленію на геніальнаго писателя.

Ничего подобнаго! Русскому народу, оказалось, легче освободиться отъ крѣпостнаго рабства, чѣмъ русскому обществу и русской литературѣ отъ рабскаго недуга зависти и злобы. Все, что̀ испыталъ Пушкинъ отъ современной «черни», перешло по наслѣдству и къ благороднѣйшему писателю новой свободной Россіи. И замѣчательно, одному и тому же человѣку пришлось защищать обоихъ поэтовъ отъ яда пресмыкающихся соотечественниковъ и взывать къ бодрости, къ независимому достоинству русскаго писателя.

Князь В. Ѳ. Одоевскій незадолго до смерти Пушкина написалъ горячую отповѣдь журнальнымъ поносителямъ поэта, защищалъ самыя повидимому, очевидныя положительныя качества поэта и человѣка, его благородство, его умъ, силу его таланта. Казалось бы, кто могъ во всемъ этомъ сомнѣваться, и все-таки въ печати сомнѣніе оказалось

до такой степени распространеннымъ, что Одоевскому негдѣ было напечатать своей статьи, и она осталась ненапечатанной.

Много лѣтъ спустя тотъ же Одоевскій вынужденъ снова взяться за перо и на этотъ разъ направить свое краснорѣчіе уже противъ самой жертвы злословія и глупости. Художникъ пришелъ въ отчаяніе отъ неустанныхъ нападеній на его личность и дѣятельность. Онъ, какъ писатель, наслушался поразительныхъ откровенностей на счотъ своихъ злокозненныхъ, темныхъ замысловъ, какъ человѣкъ встрѣтилъ всенародное издѣвательство надъ искренностью и честностью своего творчества. Онъ не вынесъ такой нечистоплотной и безъидейной борьбы и рѣшилъ сказать себѣ и своимъ читателямъ *Довольно!* Онъ больше не пойдетъ на «толкучій рынокъ», больше не подастъ повода ни глупому, ни молодому глупцу во имя презрѣнныхъ кумировъ рыться въ его душѣ и позорить ее предъ «холодной толпой»...

Одоевскій отвѣчалъ страстнымъ, горячимъ призывомъ *Недовольно!*—и требовалъ отъ художника мужества на его трудномъ пути, указывалъ на неизбѣжность борьбы съ пошлостью и злобой для всякаго, кто одаренъ высшими талантами.

Но эти соображенія не устрашили бы художника, онъ не нарушилъ бы своего молчанія, если бы въ немъ не говорилъ неукротимый голосъ творческой силы. Тургеневу предстояло рѣшить вопросъ: слушаться ли внушеній своей природы, или поддаться законному чувству омерзенія предъ судомъ и смѣхомъ толпы? Вопросъ разрѣшился независимо отъ личной воли художника, поэтъ осужденъ всю жизнь быть невольникомъ своего генія. Онъ до конца дней будетъ припоминать предсказаніе Пушкина: «услышишь судъ глупца», и все-таки вызывать этотъ судъ.

Несомнѣнно, въ толпѣ найдутся и благодарные, и любящіе, но именно ихъ чувства и ожесточатъ съ новой силой клеветниковъ и клевета не замолкнетъ даже предъ многотысячнымъ горемъ о смерти великаго писателя, не истощится и долго послѣ его смерти. И свидѣтель горя даже будетъ въ правѣ спросить: дѣйствительно ли это слава, прочная, сознательная? Дѣйствительно ли горькія причитанія и восторженныя похвалы—плодъ вдумчиваго *національнаго* признанія заслугъ писателя? Не просто ли это зрѣлище, случай обнаружиться темпераментамъ и артистическимъ наклонностямъ? А въ основѣ явленія—глубокое безучастное или малодушное формально обязательное сочувствіе завѣдомо хорошему человѣку и занимательному автору?

Именно въ такомъ смыслѣ дастъ отвѣтъ современникъ Тургенева, десятки лѣтъ пристально изучавшій все ту же толпу и радѣвшій объ ея зрѣлости. Щедрину представился случай подвести итоги своей популярности, сообразить плоды своей, казалось бы, необыкновенно увлекательной и популярной литературной работы. И выводъ получится скорбный и полный разочарованія: на Руси нѣтъ читателя-друга! Писатель, по-прежнему, нравственно одинокъ и безразличенъ для тысячей

тѣхъ, кто даже громко и часто твердитъ объ его талантѣ и значеніи. Стóитъ наступить испытанію и кругомъ знаменитаго и любимаго автора водворяется темнота и пустота.

Пройдутъ годы или десятилѣтія и толпа заволнуется. Она шумно справитъ дни рожденія и кончины писателя, она воздвигнетъ ему памятникъ, покроетъ его вѣнками, она даже поумнѣетъ и подобрѣетъ до такой степени, что станетъ толковать объ единеніи, о терпимости, о благородствѣ литературныхъ и общественныхъ отношеній. Въ особо приподнятый моментъ можетъ совершиться неизглаголанное чудо: сами Катковы рѣшатся взывать о примиреніи, они, всю жизнь сѣявшіе раздоры и озлобленія и, по закону своей природы, осужденные совершать это дѣло до послѣдняго вздоха! Среди всеобщаго исключительнаго зрѣлища они запоютъ соловьями и раскроютъ свои объятія съ обѣтами любви и правды. И они даже найдутъ бѣдныхъ, глупенькихъ пташекъ, готовыхъ броситься къ нимъ на грудь съ потокомъ умиленныхъ слезъ...

Но всякій хмель имѣетъ свое похмелье и у русской торжествующей толпы оно неизмѣнно по настроеніямъ и поступкамъ. Праздникъ останется *исторіей*, все пережитое въ дни торжества превратится въ нарядное платье, надѣтое на время и ради гостей. Настанутъ будни, разъѣдутся гости и чистый благородный костюмъ можно смѣнить затрапезной засаленной ливреей. Вчерашній нарядный артистъ, съ необыкновенно красивой рѣчью, съ изящными манерами,—сегодня господинъ подозрительнаго тона, украшеніе гостиной—просто кухонная чумичка, вновь принявшаяся за приготовленіе своихъ обычныхъ блюдъ, отнюдь не тонкаго вкуса и не литературнаго достоинства.

II.

И такъ идетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Послушайте разсказы очевидцевъ о томъ, какъ русскіе люди встрѣтили смерть Пушкина. Петербургъ увидѣлъ зрѣлище, единственное за всю русскую исторію. Въ городѣ господствовало необыкновенное движеніе, по нѣкоторымъ улицамъ не стало ни проѣзду, ни проходу. Толпы день и ночь осаждали домъ, гдѣ лежало тѣло поэта. Всѣ классы населенія, даже, по словамъ свидѣтеля, безграмотные люди считали своимъ долгомъ поклониться праху Пушкина. Молодежь замышляла нести гробъ на рукахъ. Растроганный современникъ называетъ все это «народной манифестаціей», говоритъ объ «очнувшемся вдругъ общественномъ мнѣніи». Даже иностранецъ считаетъ возможнымъ похороны Пушкина признать «народнымъ событіемъ».

И оба правы: раньше ни одного писателя такъ не хоронили. И все-таки «событіе» менѣе всего свидѣтельствовало именно о пробужденіи и бодрственномъ состояніи общественнаго мнѣнія, пожалуй даже о самомъ существованіи его. «Событіе» только открыло новую, въ высшей

степени прискорбную черту въ психологіи русскаго человѣка. Оказалось, онъ прекрасно умѣетъ *хоронить* своихъ великихъ писателей, еще лучше устраивать литературныя поминки и праздновать годовщины, но крайне мало приспособленъ уживаться съ дѣятелями мысли и таланта при ихъ жизни. Почему-то имъ невыносимо душно и мучительно влачить свое бренное существованіе среди того самаго общества, которое по смерти ихъ непремѣнно устроитъ въ ихъ честь рядъ шумныхъ зрѣлищъ и въ число чествователей попадутъ люди, едва успѣвшіе поставить точку въ своемъ послѣднемъ памфлетѣ на великаго покойника. Да, русскія поминки по литераторамъ видывали и такія приключенія.

И невольно возникаетъ вопросъ: ради кого торжествуются юбилеи и годовщины, ради ли истинныхъ виновниковъ или самихъ устроителей и героевъ? Не является ли воспоминаніе о поэтѣ только предлогомъ для безмолвнаго, пригнетеннаго русскаго человѣка заявить о своей собственной особѣ, сказать публично, что и онъ изъ цивилизованныхъ европейцевъ и если ничтоженъ въ настоящемъ, за то обѣщаетъ многое въ отдаленномъ будущемъ?

Въ древнемъ Римѣ существовало празднество, когда рабы и господа мѣнялись своими ролями: рабы пировали за столомъ, а господа имъ прислуживали, рабы пѣли, говорили, свободно предаваясь прихотямъ своего воображенія и темперамента, господа были осуждены на почтительное молчаніе и скромное созерцаніе рабскаго торжества. Они спокойно ждали слѣдующаго дня и отлично знали, что завтра самый громогласный рабъ будетъ у ихъ ногъ, восприметъ какое угодно возмездіе за сегодняшнюю забывчивость и вполнѣ естественно перейдетъ къ своимъ ежедневнымъ обязанностямъ и отправленіямъ.

Сравненіе тягостное, но оно подсказывается превращеніями русскаго общественнаго мнѣнія. Именно пушкинскія годовщины какъ нельзя ярче освѣщаютъ горькую правду. Все, что только искони тяготѣло надъ нашей духовной жизнью, что порочило и унижало наше человѣческое достоинство,—все это неустанно, неотвязчиво преслѣдовало великаго поэта, превратило его жизнь въ сплошную агонію и привело къ страшному концу. Какого бы эпизода въ біографіи Пушкина мы ни коснулись, мы непремѣнно встрѣтимся съ тѣмъ или другимъ злымъ духомъ нашего историческаго бытія. Здѣсь все, что̀ когда-то предстало предъ растерзанной душой датскаго принца, съ одной лишь разницей: Гамлетъ о многомъ говорилъ по наслышкѣ, по книгамъ, Пушкинъ—все до послѣдней черты пережилъ и выстрадалъ:

... обиды, притѣсненья,
Рядъ горькихъ мукъ обманутой любви,
Стыдъ бѣдности, неправду власти, чванство
И гордость знатныхъ родомъ...

Все это неизбѣжно вспоминается нами при одномъ лишь имени поэта. Его жизнь неизгладимая страница нашей общественной исторіи, и эта

страница до сихъ поръ не сдана въ архивъ. Она безпрестанно переписывается и обновляется, мѣняются собственныя имена, отчасти видоизмѣняются факты, но смыслъ текста остается ненарушимымъ. И вписывается онъ не одной какой либо внѣшней силой, надъ нимъ работаютъ преемники тѣхъ самыхъ авторовъ, которые когда-то усердно писали драму жизни Пушкина.

Они въ полномъ составѣ и во всеоружіи. Воскресни Пушкинъ и онъ немедленно встрѣтилъ бы на своемъ пути и Булгариныхъ, и Бенкендорфовъ, и неправду, и чванство, и гордость. Можетъ быть, ему не такъ пришлось бы страдать отъ «стыда бѣдности», издатели ему платили бы больше и честнѣе, но все это не спасло бы его отъ презрѣнія презрѣнныхъ душъ. Его, можетъ быть, похоронили бы еще пышнѣе, чѣмъ въ 1837 году, но никакая сила не помѣшала бы ему съ его неуживчивой природой, страстнымъ сердцемъ, свободнымъ умомъ и врожденнымъ отвращеніемъ ко всякаго рода пресмыкающимся умереть преждевременно и наканунѣ смерти повторить ту же негодующую жалобу на свое рожденіе или заранѣе, подобно Тургеневу, бѣжать подальше отъ родственныхъ объятій соотечественниковъ.

Да, никакіе юбилеи и торжества не очистили и не озарили свѣтомъ низменнаго и жестокаго русскаго міра, никакіе чувствительные призывы не создали ни единенія, ни культурной терпимости, ни идейнаго уваженія даже въ литературѣ. Исамый праздникъ можетъ явиться предлогомъ для междоусобной брани, ехидныхъ уликъ и припоминаній, партійныхъ разсчетовъ. *Нашъ* и *не вашъ* могутъ раздаться у самаго памятника Пушкина и вовсе не ради славы поэта, а во имя все того же мучительно безпокойнаго самопоясненія, свойственнаго рабскимъ душамъ.

Какой послѣ этого смыслъ въ тысячный разъ возглашать геніальность Пушкина, доказывать его народное и національное значеніе, прославлять всечеловѣчность его поэзіи! Все это давно доказано, возглашено, все это—будничныя слова, и если ими еще могутъ люди заниматься, это доказываетъ обычную неприкосновенность этихъ людей къ самымъ простымъ и обязательнымъ культурнымъ истинамъ. Не въ этомъ долженъ состоять у насъ не только пушкинскій, а вообще всякій умственный праздникъ.

Другія общества, давно научившіяся глубоко понимать и честно цѣнить свою національную славу, имѣютъ право славословить своихъ геніевъ, какъ своихъ дѣтей, участвовать въ ихъ величіи, становиться подъ сѣнь ихъ памятниковъ и вѣнковъ: они—эти геніи, стали великими *въ согласіи* съ своимъ народомъ, при горячемъ сочувствіи своего общества. А наши великіе люди? Они жили и развивались *вопреки* окружавшей ихъ средѣ, *наперекоръ* внѣшнимъ и нравственнымъ условіямъ, при слишкомъ скромномъ и робкомъ участіи лучшихъ гражданъ своего отечества и при открытой вызывающей враждѣ сильныхъ числомъ и значеніемъ.

И кто рѣшится сказать, что все это давно изжито нами, что мы не потерпимъ больше позорныхъ покушеній на красоту и славу нашей родины, что всѣ мы посильно работаемъ ради всѣмъ нужныхъ истинъ, а не ради своихъ маленькихъ страстишекъ и соображеньицъ?.. Врядъ ли найдется такой наивный смѣльчакъ, иначе ему пришлось бы стать втупикъ предъ безчисленными явленіями нашей самой послѣдней современности. Противникъ могъ бы сразить восторженнаго патріота самымъ простымъ вопросомъ.

Въ письмѣ къ женѣ Пушкинъ коротко и сильно изображалъ свое существованіе въ Петербургѣ—это «жизнь между пасквилями и доносами»... Пусть какой-либо зритель или дѣйствующее лицо наступающихъ пушкинскихъ торжествъ скажетъ въ чистотѣ своего сердца и въ полномъ разумѣ, что подобная злокачественная атмосфера отошла въ область тяжелыхъ, но невозвратныхъ историческихъ воспоминаній.

Это не мыслимо, и, очевидно, торжества не могутъ быть для насъ днями безусловно свѣтлыми и радостными. Они должны бы явиться для насъ скорѣе днями покаянія, чѣмъ торжества, днями углубленія въ свою человѣческую и гражданскую совѣсть, строгой, нелицепріятной провѣрки своего настоящаго и накопленныхъ нравственныхъ задатковъ на будущее. У насъ въ прошломъ нѣтъ почти ни одного великаго представителя мысли и таланта, о комъ мы могли бы вспомнить съ радостной думой: вотъ какихъ людей создаетъ и воспитываетъ русская жизнь и вотъ какіе вожди вдохновляютъ насъ въ нашей общественной дѣятельности. Съ каждымъ геніальнымъ именемъ у насъ непремѣнно связывается представленіе объ одиночествѣ *человѣка*, о злополучіяхъ *писателя*, объ угнетеніи и преслѣдованіи *мыслителя*. И эти имена стоятъ предъ нами живыми укорами въ нашемъ *праздничномъ* благородствѣ и будничномъ ничтожествѣ. И чѣмъ свѣтлѣе является намъ на пространствѣ десятилѣтій личность поэта, тѣмъ рѣзче оттѣняетъ она тьму, окружавшую его при жизни, не переставшую сопровождать его позднѣйшихъ наслѣдниковъ и неотвязно лежащую до сихъ поръ на путяхъ русской мысли.

«*Не зналъ свободы* онъ для гордыхъ вдохновеній», — говорилось у памятника Пушкина,—и вотъ этотъ-то мотивъ долженъ быть преобладающимъ на чествованіяхъ всѣхъ, кому въ нашей исторіи были доступны гордыя вдохновенія. Не восхвалять надлежитъ намъ покойниковъ съ цѣлью бросить лучъ славы и чести и на самихъ себя, а *познавать самихъ себя* въ прошломъ и въ настоящемъ, не выкрикивать громкихъ самохвальныхъ рѣчей, не смѣшивать съ дѣтскимъ самоуслажденіемъ исключительно личнаго величія того или другого русскаго генія съ неслыханными доблестями русскаго человѣка вообще, а помнить, что до сихъ поръ этотъ заурядный русскій человѣкъ менѣе всего поощрялъ и гордость, и свободу вдохновеній, что въ обществѣ этого русскаго человѣка почти всегда бывало и душно, и тѣсно всякому та-

ланту, что даже въ минуты восторга русскій человѣкъ больше наслаждался своей мимолетно-свободной и благородной ролью, чѣмъ выражалъ жизненную основу своего гражданскаго бытія.

Да, мы не должны этого забывать: иначе мы дѣйствительно уподобимся однодневнымъ господамъ языческаго Рима. Именно такое зрѣлище представила толпа, дошедшая до самозабвеннаго восторга во время пророческаго упражненія Достоевскаго. Сколько фантастической, красивой лжи наговорилъ даровитый писатель! И особенно тамъ, гдѣ желалъ отуманить очи слушателей одуряющимъ куревомъ національной гордости. Какая сплошная неправда—самое громкое и «пьяное» мѣсто рѣчи—апоѳеозъ Татьяны и въ лицѣ ея русской женщины! «Типъ положительной безспорной красоты», это въ лицѣ женскаго существа, сначала подпавшаго гипнозу каррикатурнаго Чайльдъ-Гарольда, а потомъ выполняющаго съ достоинствомъ въ теченіе всей жизни тупоядную и пошлую комедію великосвѣтскаго спектакля! Въ наилучшемъ случаѣ достойна глубокой скорби и христіанскаго состраданія эта красота, какъ и все безпомощное и нравственно-немощное. Именно съ чувствомъ жалости и грусти смотрѣлъ и самъ поэтъ на свою героиню. И ни на одну минуту новѣйшій упоенный пророкъ не задалъ себѣ вопроса: отчего же эта русская женщина, столь прекрасная и неподражаемая, до сихъ поръ не явилась спасти ни одного русскаго «скитальца», разъ это не былъ какой-нибудь пронзительный Алеко, артистъ Евгеній Онѣгинъ или жестокій Печоринъ? Почему втунѣ для русской славы и русской геніальности пропадаютъ высшія добродѣтели Татьянъ—все равно, зачитываются ли эти чудныя героини чувствительными повѣстями, или выходятъ замужъ по волѣ родителей за доблестныхъ генераловъ? И много другихъ вопросовъ можно бы задать сладкопѣвцу-патріоту, и каждый изъ нихъ былъ бы обличеніемъ всероссійскаго молодечества и недомыслія.

Да не будетъ больше такихъ подблюдныхъ празднословій! Не хвалиться подобаетъ русскому человѣку тѣмъ, что въ его исторіи насчитывается десятокъ глубоко несчастныхъ и одинокихъ великихъ людей, а смотрѣть на ихъ судьбу, какъ на жестокій урокъ своему вѣковому культурному мелкодушію, своей гражданской апатіи, своему обывательскому эгоизму. Ни въ одной литературѣ новаго времени нѣтъ такихъ горькихъ жалобъ писателей на свою отечественную публику, ни одна страна такъ часто и настойчиво не являлась жестоковыйной мачихой своимъ благороднѣйшимъ дѣтямъ, ни одинъ читатель во всемъ цивилизованномъ мірѣ не вызывалъ у поэтовъ такихъ страстныхъ нареканій на *толпу* и *чернь*, и только въ русской литературной исторіи возможно *партійное* преслѣдованіе такого художника, какъ Тургеневъ, и такого критика, какъ Бѣлинскій, даже десятилѣтія спустя послѣ ихъ смерти... Это *всечеловѣкъ*, всеобщій братъ цѣлыми поколѣніями способный не понимать и не признавать своихъ кровныхъ соотечественниковъ!..

Вотъ что слѣдуетъ вспоминать намъ на могилахъ нашихъ великихъ людей и долго еще, очень долго воздерживаться отъ національнаго самовосхваленія, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока пушкинская драма не исчезнетъ изъ нашего повседневнаго обихода до послѣдней черты, пока мы не научимся жить съ нашими великими людьми—не только хоронить и поминать ихъ.

Мы и не станемъ сплетать вѣнка изъ похвалъ и восторговъ на пушкинскую годовщину. Все это давно стало достояніемъ прошлаго. Мы займемся современностью, и ее мы отыщемъ не въ краснорѣчивомъ изображеніи пушкинскаго генія, не въ художественномъ или идейномъ разборѣ его произведеній, а въ точномъ историческомъ возсозданіи его личной и писательской драмы. Мы попытаемся разрѣшить самый простой вопросъ: кто былъ Пушкинъ какъ человѣкъ, чего онъ хотѣлъ какъ поэтъ, и какіе люди и обстоятельства встрѣтились его сердцу, уму и таланту? Предъ нами пройдутъ лица и факты не только нашего прошлаго,—у насъ безпрестанно будетъ возникать невольная мысль: какъ это современно! какъ это свѣжо и ново! И намъ не представится необходимости останавливать вниманіе читателя на особенно поучительныхъ чертахъ—предметъ слишкомъ краснорѣчивъ самъ по себѣ, у каждаго читателя, навѣрное, достаточный запасъ новѣйшихъ житейскихъ и литературныхъ впечатлѣній, и чужая исторія естественно сольется съ лично пережитымъ.

III.

Когда вы тщательно изучите жизнь Пушкина, оцѣните достовѣрныя мелчайшія черты его личности, соберете безпристрастные голоса современниковъ, взвѣсите признанія самого поэта, предъ вами непремѣнно воскреснетъ оригинальный образъ, созданный отчасти человѣческимъ воображеніемъ, отчасти воплотившій въ себѣ подлинныя черты дѣйствительности, и много лѣтъ владѣвшій мыслью и чувствомъ западныхъ поэтовъ и политиковъ,—образъ *естественнаго человѣка*. Будто арабская кровь, унаслѣдованная Пушкинымъ, особенно приблизила его къ этому идеальному типу.

Свобода и непосредственность впечатлѣній, чуткая, неудержимая отзывчивость, мгновенно загорающаяся страсть, способность отдаваться наивнымъ, почти дѣтскимъ радостямъ, открытое незлобивое сердце—все это крупнѣйшія черты нравственной природы Пушкина. Генералъ Инзовъ, его начальникъ, писалъ о немъ: «онъ малый, право, добрый». Именно такъ: не человѣкъ добрый, а добрый малый. Это значитъ—доброта инстинктивная, органическая, всегда безразсчетная и часто некстати стремительная. Пушкинъ *не понималъ* злости, какъ нравственнаго явленія: злой человѣкъ не входилъ въ его сознаніе, это нѣчто ненормальное, безгранично-*глупое*. Только дураки могутъ быть злыми,

говорилъ поэтъ, и эта истина подсказывалась ему всей его природой,— не умомъ, не идеями, а прирожденными вкусами и наклонностями.

Отсюда способность поэта предаваться самой безоблачной, чисто дѣтской радости.

Когда на душѣ у него легко и онъ среди завѣдомо любящихъ его людей, онь превращается въ ребенка, неумолкаемо говоритъ, хохочетъ на весь домъ, импровизируетъ стихи, сыплетъ остротами. Отъ его хохота, говорятъ намъ, можетъ встать умирающій. Это не Александръ Сергѣевичъ, а «Саша Пушкинъ»: такъ его называетъ большинство знакомыхъ и у каждаго изъ нихъ въ памяти цѣлый запасъ его школьническихъ проказъ и выдумокъ. Его веселость заразительна, какъ все искреннее, его наивности забавны, его шутки вдвойнѣ увлекательны— и остроуміемъ, и чисто-ребяческой шаловливостью. Онъ самъ называетъ свою болтливость вѣтреной и *нѣжной* и ничто не могло сравниться съ обаяніемъ добрыхъ настроеній Пушкина. Настоящее геніальное дитя природы, окруженное и блескомъ исключительнаго ума и таинственной силой—очаровывать и подчинять!

И Пушкинъ чувствуетъ инстинктивное влеченіе ко всему естественному, органически-сильному и оригинальному. Онъ легко сходится съ простыми людьми, можно сказать влюбляетъ въ себя случайно встрѣченнаго мавра Али, по-пріятельски живетъ съ цыганами, съ первой же встрѣчи вызываетъ у нихъ полное довѣріе и дружелюбіе, дикари поютъ ему свои пѣсни, посвящаютъ его въ свои нравы, въ свою вѣру, учатъ его своему языку, считаютъ его своимъ человѣкомъ. Тоже повторяется съ нищими и старцами. Пушкинъ заслушивается ихъ былинъ, вмѣстѣ съ ними самъ поётъ, и на деревенской ярмаркѣ, среди каликъ лазарей онъ чувствуетъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ самомъ блестящемъ салонѣ. Чувствуется хорошо съ нимъ и всякому простому люду [1]).

Старые слуги перезабудутъ съ годами всѣ подробности изъ жизни покойнаго молодого барина, но одно обстоятельство они запомнятъ твердо и навсегда: «а добръ-то, добръ ужъ какъ былъ!» Это, очевидно, самое яркое воспоминаніе, и его единодушно повторяютъ няня поэта, извозчикъ, часто его возившій, его крѣпостной кучеръ, всѣ, кто только близко его зналъ [2]).

То же самое остается и въ памяти дѣтей. Это одно изъ сильнѣйшихъ пристрастій Пушкина. Онъ любитъ ихъ не просто, какъ милую забаву, слушаетъ ихъ лепетъ не ради одной дешевой потѣхи, онъ любитъ самую ихъ природу, искреннюю и непосредственную. Онъ любитъ ихъ, какъ нравственное и психологическое явленіе, онъ внимательно присматривается къ ихъ безхитростной естественной воспріимчивости,

---

[1]) *Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. Могила Пушкина и село Михайловское.* 1859 г., часть 103.

[2]) *Воспоминаніе изъ дѣтства А. С. Пушкина. Всеобщая газета* 1869, № 60. *Изъ записной книжки Зеленецкаго. Къ біографіи Пушкина.* Вып. II, стр. 96.

слѣдитъ за ихъ впечатлительностью, онъ изучаетъ по нимъ природу въ ея чистомъ видѣ. И у него такъ много общаго съ дѣтьми!

Онъ не жалѣетъ времени на бесѣды и игры съ ребенкомъ, если у него живое воображеніе, если онъ воспріимчивъ къ простой поэтической красотѣ. Онъ изобрѣтаетъ для него даже особыя забавы, по цѣлымъ часамъ смѣшитъ его и самъ смѣется: онъ и здѣсь свой человѣкъ, потому что онъ предъ нимъ наивная красота человѣческаго нравственнаго міра, простѣйшія безсознательно-чистыя и изящныя впечатлѣнія [3]).

И Пушкинъ добръ чисто по дѣтски, безъ малѣйшихъ притязаній на имя благодѣтеля, гуманнаго человѣка. Доброта—одно изъ побужденій его организма. У него просятъ денегъ для одного бѣднаго семейства; онъ отдаетъ послѣдніе 50 рублей. Онъ пишетъ брату: «если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго». И это порученіе дается, когда поэтъ самъ нуждается, когда онъ сидитъ въ ссылкѣ, когда его сочиненія едва-едва проходятъ сквозь тиски цензуры [4]).

Легко представить, какимъ благодарнымъ чувствомъ встрѣчаетъ Пушкинъ доброе отношеніе къ себѣ другихъ. Онъ будто ждетъ случая возможно рѣшительнѣе заявить свою признательность, свою горячую любовь. Его привязанность къ нянѣ — историческій памятникъ всей русской литературы. Ни въ чьей жизни не встрѣчается болѣе трогательной и краснорѣчивой черты: великій поэтъ называетъ «мамой» крѣпостную крестьянку, она протестуетъ, онъ горячо доказываетъ ея жизненныя права на это имя [5]). И онъ пишетъ изъ невольнаго уединенія: «она единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно» [6]).

Столь же искренняя привязанность къ учителямъ за малѣйшій проблескъ живой мысли. Пушкинъ многократно вспоминаетъ о Галичѣ, называетъ его лучшими именами, какія только бывшій ученикъ можетъ дать своему учителю, онъ приноситъ «дань сердца и вина» Куницыну, онъ на вѣки передаетъ потомству, что этотъ профессоръ *создалъ* лицеистовъ, *воспиталъ* *ихъ пламень*, *поставилъ краеугольный камень*, *возжегъ чистую лампаду*... Рѣдко кому выпадала такая честь и изъ такихъ устъ! И за что все это? Можно подумать, Галичъ особенно близко сошелся съ поэтомъ, вникъ въ его юношескія мечты и направилъ его молодыя стремленія. Ничего подобнаго: онъ былъ просто добрымъ, хорошимъ человѣкомъ, и это уже незабвенно для поэта.

---

[3]) *А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ* кн. Вяземскаго. *Къ Біографіи*, стр. 35—6, 49.

[4]) *Русская Старина* 1880, XXVII, 144, 1879, XXVI, 304.

[5]) *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. Ibid.*

[6]) Письмо изъ Михайловскаго, ноябрь 1824 г. *Сочиненія*. Спб. 1887, VII, 96.

Еще меньше заслугъ за Куницынымъ. Главнѣйшая по отношенію къ лицеистамъ—рѣчь при открытіи лицея. Въ ней профессоръ сулилъ своимъ питомцамъ самое блестящее и благородное будущее государственныхъ дѣятелей, призывалъ ихъ къ гражданскимъ подвигамъ и добродѣтелямъ. И это запомнилъ поэтъ. Пусть вскорѣ Куницынъ превратится въ ремесленника-учителя, пусть примется изводить будущихъ благодѣтелей отечества безсмысленнымъ зубреніемъ тетрадокъ, пусть даже самъ первый, какъ владѣлецъ крѣпостныхъ душъ, отступитъ отъ своихъ либеральныхъ проповѣдей, онъ все-таки воспитатель и создатель. Нѣсколько свободныхъ словъ, нѣсколько болѣе или менѣе живыхъ лекцій, и поэтъ непремѣнно увѣнчаетъ своего наставника.

Благодарный ученикъ, онъ единственный, идеальный товарищъ Царское Село для него «отчизна», лицеисты «святое братство» и онъ обѣщаетъ ему вѣрность до послѣдней минуты, гдѣ бы и какъ бы ему ни пришлось жить. И онъ держитъ свое слово. Онъ до самой смерти представляетъ прочную живую связь между товарищами. Его личность—центръ бывшихъ лицеистовъ, его стихи на лицейскія годовщины—важнѣйшій моментъ товарищескаго праздника. Онъ одновременно и слава лицея, и его душа, и среди лицеистовъ онъ—первый поэтъ Россіи—самый родной и близкій товарищъ.

У него есть избранники, особенно ему дорогіе, потому что дружба—одно изъ живѣйшихъ чувствъ пушкинской природы. Рѣдкій поэтъ умѣлъ говорить о дружбѣ такъ сердечно, съ такой трогательной нѣжностью и художественной красотой. Вчитайтесь, напримѣръ, въ слѣдующіе два стиха: они написаны по поводу новыхъ знакомствъ во время ссылки а югѣ. Посмотрите, сколько непосредственной любви и поэтической прелести въ каждомъ словѣ, въ самомъ выборѣ выраженій:

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой.

И Пушкинъ говоритъ о друзьяхъ, какъ о великой радости своей жизни, о дружбѣ, какъ о голодѣ своей души. Пущинъ для него «товарищъ милый, другъ прямой». Пущинъ посѣщаетъ его въ изгнаніи и поэтъ не находитъ болѣе вразумительныхъ словъ для обоихъ и болѣе восторженныхъ для себя, чѣмъ сравненіе этого дня со «днемъ лицея».

Еще ближе ему Дельвигъ—его «братъ названый». Нѣжность къ нему безгранична. Онъ тоскуетъ о немъ въ разлукѣ: ему «мочи нѣтъ хочется Дельвига». При свиданіи онъ осыпаетъ его поцѣлуями, цѣлуетъ у него руки, не можетъ наглядѣться на него. Дельвигъ тоже поэтъ, но предъ Пушкинымъ онъ едва мерцающая точка предъ солнцемъ. Это всѣ знаютъ, не желаетъ знать только Пушкинъ. Онъ упорствуетъ въ своихъ восторгахъ предъ талантомъ Дельвига и въ самоуниженіи. Онъ обвиняетъ себя въ тщеславіи, въ честолюбіи, въ легкомысленной растратѣ таланта и жизни. А Дельвигъ «геній свой воспитывалъ въ тиши». На менѣе очарованный взглядъ, Дельвигъ просто былъ слиш-

комъ лѣнивъ, не обладалъ темпераментомъ и не зналъ никакой страсти: для Пушкина все это превращается въ великія, для него самого недосягаемыя достоинства. Онъ негодуетъ на несправедливость людей. Стихотворенія Дельвига отличались «необыкновеннымъ чувствомъ гармоніи», «классической стройностью»—и поэта никто не привѣтствовалъ. А стихи его—Пушкина—посредственные, только развѣ легкіе и отдѣланные въ мелочахъ—расхваливались и прославлялись.

Несправедливость, разумѣется, существовала только для слишкомъ благосклонныхъ глазъ Пушкина. Дельвиговская гармонія и стройность весьма родственна холоду и искусственности, чего не зналъ пушкинскій талантъ, зато Пушкину, въ посланіи къ тому же Дельвигу, пришлось, помимо похвалъ, упомянуть о зависти и клеветѣ, доставшихся не скромному гармоническому пѣвцу, а ему—легкомысленному и честолюбивому. Но дружескія чувства Пушкина остались неизмѣнными. Смерть Дельвига поразила его, какъ страшное, неизбывное горе. Это первая смерть, имъ оплаканная. Она легла зловѣщей тѣнью на самое, повидимому, счастливое время поэта: онъ добился, наконецъ, руки любимой дѣвушки и готовился стать ея мужемъ. И поэтъ до конца своей жизни не могъ помириться съ этимъ горемъ, безпрестанно вспоминая о покойномъ другѣ, какъ о навѣки утраченной молодости. Смерть Дельвига легла гранью въ жизни Пушкина: «никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига», писалъ онъ, жалуясь на свое сиротство.

Не съ такой нѣжностью любилъ Пушкинъ третьяго товарища—Кюхельбекера, но и къ нему его привязывало неизмѣнно искреннее чувство. У Кюхельбекера было не мало смѣшныхъ качествъ, благородные порывы у него выходили непремѣнно донъ-кихотствомъ, любовь—чувствительной и томительной меланхоліей, онъ давалъ обильную пищу остроумію товарищей. Пушкинъ называлъ его «сумасбродомъ», «унылыхъ чувствъ искателемъ» и Кюхельбекеръ даже однажды едва не подрался съ нимъ на дуэли за выраженіе «кюхельбекерно и тошно». Но смѣхотворность чувствъ и романтичность характера не мѣшали Кюхельбекеру быть благороднымъ и добрымъ человѣкомъ. Онъ страстно увлекся политикой, принялъ участіе въ декабрьской смутѣ и подвергся одиночному заключенію въ Шлиссельбургѣ. Пушкинъ, вспоминая свою «суетную» молодость и признавая суету несовмѣстимой съ поэзіей, обращается къ Кюхельбекеру:

> Скажи, Вильгельмъ, не то-ль и съ нами было,
> Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

И это не только стихотворныя чувства. Пушкинъ былъ крайне огорченъ судьбой товарища, ясно представлялъ весь ужасъ его заключенія и думалъ какъ-нибудь поддержать въ немъ бодрость духа. Онъ неоднократно добивается у властей разрѣшенія вступить въ переписку съ Кюхельбекеромъ, онъ намѣренъ доставлять ему свои произведенія,

онъ цѣнитъ въ немъ критическій талантъ и желаетъ слышать его голосъ... Старанія остались безуспѣшными.

Не одни только товарищи были такъ близки сердцу Пушкина. Онъ всегда шелъ навстрѣчу всему благородному и искреннему и съ первой же минуты отдавался увлеченію. Онъ случайно встрѣтился съ семьей генерала Раевскаго, до тѣхъ поръ онъ зналъ только младшаго сына генерала, но прошло всего нѣсколько дней, и Пушкинъ въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ людей. Въ старшемъ сынѣ генерала онъ провидитъ будущую знаменитость, «всѣ его дочери—прелесть», «старшая—женщина необыкновенная». И поэтъ счастливъ, наслаждается жизнью, какъ никогда, и не знаетъ, чему воспѣть болѣе восторженный гимнъ—южной природѣ или удивительнымъ людямъ?

Какая, очевидно, жажда любви и ласки жила въ сердцѣ Пушкина и съ какой радостью онъ спѣшилъ насытить ее! Всякое чувство у него принимало стремительный, страстный характеръ. Онъ не могъ только сочувствовать, благоволить, онъ непремѣнно увлекался, открывалъ въ человѣкѣ бездну достоинствъ, прощалъ ему недостатки, готовъ былъ поступиться своимъ самолюбіемъ, отдать въ распоряженіе человѣка всѣ сокровища своего ума и таланта.

И такъ происходитъ не только въ ранней молодости. Сердце Пушкина остается неизмѣннымъ, съ годами становится еще болѣе отзывчивымъ и безкорыстнымъ. Отношенія Пушкина къ Гоголю—одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и чудныхъ эпизодовъ всей нашей литературной и общественной исторіи.

Пушкинъ встрѣтилъ бѣднаго, застѣнчиваго малоросса, по положенію отставнаго канцеляриста и съ самыми разнообразными планами будущаго. Сюда входили и слова актера, и дѣятельность писателя, и даже подвижничество ученаго. Кто могъ подозрѣвать, что въ этомъ мечтателѣ и неудачникѣ таится геніальный талантъ? А главное, кто былъ въ силахъ не только открыть талантъ, но двинуть его на истинный путь, вдохновить его, обогатить нравственной силой и даже художественнымъ содержаніемъ? И все это совершаетъ Пушкинъ съ величайшимъ увлеченіемъ, не страшась новой восходящей звѣзды первой величины; напротивъ, всѣми силами стараясь облегчить и украсить ея восходъ.

Онъ становится опекуномъ Гоголя—его вдохновеній и мыслей. Онъ бесѣдуетъ съ нимъ по цѣлымъ ночамъ, указываетъ ему, какія книги слѣдуетъ прочитать, даетъ предварительныя объясненія, желаетъ внушить ему такое же строгое и отвѣтственное отношеніе къ умственному развитію и труду писателя, какое усвоилъ онъ самъ.. Онъ, какъ отецъ, дѣлится съ нимъ своими творческими замыслами и, когда Гоголь пользуется его темой для *Мертвыхъ душъ*, онъ все прощаетъ ему ради его геніальнаго произведенія, онъ даже спѣшитъ признать, какихъ художественныхъ силъ недостаетъ ему, Пушкину, и какими въ изобиліи обладаетъ Гоголь.

И съ Гоголемъ совершается преобразованіе. Съ этихъ поръ писательство для него великій нравственный долгъ и вѣчное обязательство предъ геніальнымъ поэтомъ и руководителемъ. Больше не будетъ напечатано ни одной строки безъ вѣдома Пушкина. Рукописи посылаются ему на просмотръ, Гоголь умоляетъ своего судью «сдѣлать хотя сколько-нибудь главныхъ замѣчаній». И Пушкинъ дѣлаетъ больше: онъ восторженно привѣтствуетъ *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и эти слова останутся для молодого таланта вѣрнѣйшимъ напутствіемъ къ славѣ и величію, они также будутъ едва ли не высшей радостью для Гоголя, какъ человѣка.

Такъ онъ заявитъ въ своемъ письмѣ по смерти Пушкина. Достаточно было бы этихъ строкъ, чтобы навсегда въ нашемъ прошломъ личность поэта осталась въ ореолѣ идеальнаго благородства и человѣчности. Не часто проливаются такія слезы и по самымъ близкимъ и роднымъ людямъ, и Гоголь, говоря о своей горячей любви къ матери, сознается, что ея смерть не могла бы до такой степени огорчить его. Ему кажется, жизнь вообще утратила для него всякую привлекательность, онъ долго не можетъ приняться за работу: онъ, вѣдь, привыкъ считать ее внушеніемъ Пушкина; «ни одна строка не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ». И работа продолжалась потому, что автора осѣняла мысль: *онъ* будетъ доволенъ, *ему* вотъ это непремѣнно понравится... А теперь? что значатъ толки и мнѣнія, когда нѣтъ его *вѣчнаго* и *непреложнаго* слова...

И Пушкинъ останется для Гоголя до послѣднихъ его дней *прекраснымъ сномъ* его жизни... Чтобы внушить такую память, чтобы вызвать такое горе, надо обладать сердцемъ рѣдкой нравственной силы и красоты, надо хотѣть и умѣть любить людей, надо достигнуть высшей цѣли, какую только можетъ поставить себѣ человѣческая доброта: въ своей личности явить радость и счастье другихъ.

Но на свѣтѣ существуетъ еще другая любовь, помимо благодарности, дружбы, товарищескихъ привязанностей. Она должна особенно глубоко владѣть страстной вдохновенной природой великаго поэта, она вѣдь вѣчная спутница даже у людей самыхъ будничныхъ и у поэтовъ самыхъ прозаическихъ.

IV.

Пушкинъ и стихами, и поступками стяжалъ у современниковъ очень нелестную романическую славу. Кого только не воспѣвала его муза? Кажется, женщинъ всѣхъ національностей и общественныхъ положеній, и пѣсни, разумѣется, не были платоническимъ упражненіемъ. Онъ смѣялся надъ «бѣшенствомъ безплоднаго желанья», надъ «неблагодарнымъ мечтаньемъ», онъ не понималъ наслажденія въ слезахъ, унылыхъ чувствахъ: любовь представлялась ему страстнымъ изступленіемъ,

мучительно-сладостнымъ трепетомъ, безумнымъ воплемъ о счастьѣ, даже когда оно достигается жертвой невыносимыхъ страданій и омраченнаго разсудка.

И Пушкинъ не говорилъ фразъ: онъ дѣйствительно только такъ и могъ любить и часто, слишкомъ часто выполнялъ свое же правило:

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей...

И Пушкинъ былъ молодъ... На языкѣ даже близко знавшихъ его людей это называлось самыми страшными именами, и Пушкинъ не открещивался отъ нихъ. Напротивъ, его постоянно посѣщали покаянныя настроенія, онъ съ глубокой грустью припоминалъ свои «изступленія», своихъ богинь и вдохновительницъ и онъ говорилъ тогда:

Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

И подобныя чувства не могли не быть не искренними. Пушкинъ не скрывалъ ихъ. Онъ даже рисковалъ подвергнуться нареканіямъ за измѣнчивость своего сердца, за непримиримое противорѣчіе собственнымъ нерѣдко столь еще недавнимъ признаніямъ. И его дѣйствительно укоряли. Онъ вдругъ, совершенно неожиданно, начиналъ издѣваться надъ милыми дѣвицами, которыхъ раньше осыпалъ любезностями, посвящалъ имъ стихи, видѣлъ въ нихъ чуть не радость и свѣтъ своей жизни.

Онъ, напримѣръ, находился въ большой дружбѣ съ дочерьми г-жи Осиповой, его сосѣдки по Михайловскому, писалъ въ альбомы стихи, неутомимо странствовалъ съ нимъ до поздней ночи по берегамъ живописной Сороти, и вдругъ тѣ же милыя псковскія красавицы должны были прочитать слѣдующее убійственное привѣтствіе:

Ты, губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ!
Что, можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышень твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ...

Это было ужасно, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, каждая изъ этихъ злополучныхъ, плаксивыхъ жертвъ поэтическаго смѣха, свободно годилась въ Татьяны.

Легко представить, такія перемѣны чувствъ не могли нравиться ни псковскимъ, ни одесскимъ, ни петербургскимъ кратковременнымъ властительницамъ пушкинскаго сердца и вдохновенія. И кругомъ виноватымъ оказывался, конечно, поэтъ. Для барышень и ихъ сочувственниковъ это было вполнѣ ясно.

На самомъ дѣлѣ, вопросъ гораздо сложнѣе и любопытнѣе, чѣмъ

первое попавшееся подъ руку соображеніе о легкомысліи поэта. Онъ оставался искреннимъ отъ начала до конца и въ своихъ увлеченіяхъ, и въ своихъ разочарованіяхъ. Никто благороднѣе его не умѣлъ говорить о чувствѣ любви, никто рыцарственнѣе не смотрѣлъ на него, разъ оно дѣйствительно было чувствомъ и любовью. Еще до знакомства съ псковскими барышнями, на югѣ, въ самый разгаръ увлеченій мгновеньями, Пушкинъ полюбилъ. И посмотрите, какъ онъ лелѣетъ свою любовь, какъ онъ бережетъ ее отъ посторонняго взгляда, какъ онъ чтитъ ее, будто священнѣйшую тайну. И все это тѣмъ замѣчательнѣе, что любовь поэта не встрѣтила взаимности.

Одна мысль о *ней* внушаетъ ему картины поразительной прелести и дѣвственнаго благородства: въ руской поэзіи безпримѣрная музыка звуковъ и изящество образовъ! И такъ умѣлъ говорить поэтъ, весь охваченный огнемъ страсти, трепетавшій до послѣдняго нерва въ порывѣ могучаго желанія!

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!..

Но онъ не желаетъ открыть *ея* имени даже друзьямъ, не желаетъ отдавать въ печать стиховъ съ прозрачными намеками на *нее*. Онъ горько жалуется на пріятеля, напечатавшаго элегію съ его откровенными сердечными изліяніями. *Она* прочтетъ, припомнитъ описанную сцену и подумаетъ, — ея имя — такое же достояніе другихъ, какъ и стихи. Развѣ она обязана знать, что поэтъ никому не открывалъ ея, что стихи попали въ печать безъ его вѣдома? И онъ негодуетъ, потому что «одной мыслей этой женщины дорожитъ болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публикой» [7]).

И никогда потомъ не пришла поэту прихотливая мысль посмѣяться надъ своей былой тоской, надъ непризнанными вздохами. *Она* такъ и осталась на высотѣ, недоступной для смѣха.

Иная судьба другихъ, воспѣтыхъ въ началѣ не менѣе вдохновенно. Напримѣръ, знаменитое посланіе «Я помню чудное мгновенье», и эта неподражаемая, вся звучащая грустью и тоской, картина одиночества.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...

Явилась *она*, и для поэта воскресли и жизнь, и любовь, и вдохновенье.

Кажется, на что обаятельнѣе? Такъ не говорятъ комплиментовъ,

[7]) Письмо къ А. А. Бестужеву, 29 іюня 1824. VII, 81—82.

и поэтъ былъ искрененъ и страстно увлеченъ. Но прошло всего два-три мѣсяца и въ письмахъ начинаетъ звучать какая-то странная нота. Правда, непрестанно говорится о любви, и очень большой, поэтъ умираетъ отъ скуки, можетъ заниматься только *ею*... Такъ именно сочиняются любовныя посланія, но зачѣмъ же столь порывистыя чувства сопровождаются явной насмѣшкой, весьма двусмысленной игрой словъ, приглашеніемъ пріѣхать въ Михайловское, конечно, весьма любезнымъ, но въ то же время какимъ-то легкомысленнымъ, съ затаенной проніей на счетъ возможности для молодой супруги отдѣлаться отъ стараго мужа? Поэтъ, наконецъ, и самъ опоминается: нельзя въ такомъ тонѣ писать о такихъ вещахъ любимой женщинѣ, «поговоримъ серьезно», заявляетъ онъ рѣшительно, но серьезность такъ и не дается: поэтъ даже грозитъ влюбиться въ кого-нибудь, если его героиня не увидится съ нимъ...

Очевидно, это не вдохновеніе стихотворнаго посланія и не его чувства, и вскорѣ поэтъ пуститъ по адресу очаровательной и весьма еще недавно обожаемой г-жи Керн забавную остроту. Онъ воспользуется чужими стихами и два самыхъ романическихъ и восторженныхъ онъ подмѣнитъ самыми холодными и для бывшей героини «чуднаго мгновенія» весьма обидными:

Когда стройна и свѣтлоока
Передо мной стоитъ она...
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена!..»

Почему же такая разница въ судьбѣ двухъ, повидимому, одинаково поэтическихъ увлеченій поэта? Отвѣтъ возможенъ только одинъ—самый простой и логическій. Не всякій «идолъ» способенъ былъ остаться на высотѣ, куда его въ первую минуту живыхъ впечатлѣній возносило воображеніе поэта. Очевидно, существовалъ выборъ и онъ именно доказывалъ искренность раскаянія, силу и значительность чувства и нравственный характеръ запросовъ къ любви.

Все это привело Пушкина къ рѣшенію жениться. Оно не могло бы до такой степени овладѣть поэтомъ, если бы для него вся жизнь сердца сводилась къ мгновеньямъ. Мысль о бракѣ совпала у Пушкина съ непреодолимымъ отвращеніемъ къ даромъ потерянному времени и всуе растраченной поэтической силѣ. Онъ намѣренъ окончательно порвать съ «идолами» всякаго рода и пола. Онъ теперь сторонится отъ веселыхъ обществъ и пишетъ откровенныя исповѣди друзьямъ своихъ холостыхъ удовольствій: «Молодость моя прошла шумно и безплодно... Счастья мнѣ не было». И Пушкинъ видѣлъ въ будущемъ упорный, неустанный трудъ. Онъ не ждалъ розъ и радостей: все это онъ приметъ какъ неожиданность. Онъ готовился нести честно и бодро бремя мужа и отца.

И онъ принялъ на себя это бремя сознательно, какъ долгъ, какъ поруку плодотворнаго и многотруднаго будущаго.

Пушкинъ—мужъ!.. Трудно и представить, какъ странно звучало это для самыхъ искреннихъ друзей поэта. Они боялись за него по многимъ и самымъ разнообразнымъ соображеніямъ: страшились неминуемаго рабства предъ семейными обязательствами, плохо вѣрили въ его постоянство, не ждали добра для его таланта и для его личнаго характера. И все-таки Пушкинъ женился.

Предварительно онъ, конечно, воспѣлъ «торжественную красу» своей будущей жены, пережилъ не мало волненій и мукъ самолюбія и влюбленнаго сердца, добиваясь руки красавицы; цѣль, наконецъ, достигнута. Какая трогательная и въ то же время болѣзненно напряженная исторія—семейная жизнь Пушкина!

Онъ создалъ себѣ семью, весь переполненный жаждою прочнаго сердечнаго счастья, тоскующій о подругѣ, хозяйкѣ и о дѣтяхъ. Въ немъ, оказалось, таился идеальный супругъ и отецъ—неусыпно-заботливый, рыцарственно-честный и откровенный, патріархальный по горячей привязанности къ *своимъ*, по наклонности входить во всякую мелочь семейнаго благополучія.

Письма Пушкина къ женѣ—единственные въ своемъ родѣ документы. Ни одинъ великій поэтъ не оставилъ такого краснорѣчиваго, такого живого и глубоко-трагическаго свидѣтельства о своей простой, благородной и величавой личности. Пушкинъ не могъ быть вполнѣ откровеннымъ: его письма вскрывались полиціей, прочитывались почтовыми чиновниками и администраціей. Мы увидимъ, какой смыслъ имѣло это обстоятельство въ жизни поэта, но по временамъ онъ будто забывалъ, что его подслушиваютъ нечистоплотные уши, и какъ онъ умѣлъ тогда говорить! Эта чудная сжатость рѣчи, сила выраженій, сердечность тона и въ глубинѣ—безпокойное страдальческое чувство, трепетный страхъ за безконечно-дорогихъ людей, пламенное негодованіе на все, что только грозитъ ихъ покою, довольству, достоинству.

Ни въ одной самой поэтической поэмѣ нельзя найти такой полной, могучей, самодовлѣющей любви. Каждое будто мимоходомъ брошенное нѣжное слово стоитъ самыхъ живописныхъ и рѣчистыхъ упражненій на романическія темы, и это слово всегда въ высшей степени просто, нерѣдко даже грубовато, народно: отъ него дышитъ органической силой великой личности!

Пушкинъ въ непрерывной работѣ. Онъ часто покидаетъ жену, чтобы въ уединеніи, вдали отъ столичнаго общества, предаться труду. Собираясь писать исторію Пугачевскаго бунта, онъ отправляется въ далекое путешествіе, на Волгу, живетъ по три мѣсяца въ степной глуши, скачетъ по большимъ дорогамъ—и все для нея, жены и дѣтей. На себя онъ тратитъ возможно меньше, дурно одѣвается, вдали отъ жены живетъ отшельникомъ, и все затѣмъ, чтобы его жена была одѣта

не хуже другихъ, чтобы она—красавица и свѣтская дама—веселилась и блистала. «Будь молода,—пишетъ онъ ей,—потому что ты молода, и царствуй, потому что ты прекрасна».

Уѣзжая изъ дому, онъ не забываетъ мельчайшихъ вопросовъ касательно здоровья жены и даже ея хозяйства. Онъ даетъ ей подробныя наставленія, какъ вести себя во время беременности, убѣждаетъ ее быть умной, это значитъ—«здоровой и спокойной», умоляетъ беречь себя—«сдѣлать милость—не простудиться». Онъ не желаетъ, чтобы она больная писала ему длинныя письма и въ точности описываетъ режимъ, какого она должна держаться.

Не меньше приходится заботиться и объ общественныхъ отношеніяхъ жены. У нея нѣтъ такта въ знакомствахъ: она не всегда умѣетъ сохранять свое достоинство въ чванной, но рабской средѣ, дѣлаетъ визиты невпопадъ: все это надо предусмотрѣть и объяснить. Онъ жестоко страдаетъ отъ одной мысли, что его жена потерпитъ униженіе, вдругъ окажется гдѣ-нибудь обойденной, превратится въ просительницу. Еще сильнѣе безпокоится онъ на счетъ ея свѣтскихъ знакомыхъ франтовъ. Они такъ склонны и способны говорить пошлости и глупости, признаваемыя въ свѣтѣ любезностями и остроуміемъ. Ихъ такъ легко поощрить самымъ пустымъ кокетствомъ, особенно красавицѣ, и Пушкинъ долженъ и здѣсь просить, умолять, настаивать не увлекаться дешевыми побѣдами, уяснить себѣ разъ навсегда цѣну свѣтскихъ ухаживаній.

Тяжело давать эти совѣты и въ то же время не допускать мысли, чтобы красивая молодая женщина изъ-за пошляковъ могла отказаться отъ свѣта и удовольствій.

Другая столь же неотступная забота—дѣти. Пушкинъ безпрестанно говоритъ о нихъ, дѣлаетъ женѣ указанія, какъ за ними ухаживать, кормить и лѣчить. Ему думается, что дѣти пострадали при переѣздѣ на другую квартиру, и онъ спѣшитъ навести справку. Но особенно мучительна для него мысль объ ихъ будущемъ. Онъ ужасается, что можетъ оставить дѣтей безъ средствъ: что́ они тогда скажутъ объ отцѣ? «Утѣшенія имъ мало будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на аничковскихъ балахъ».

Дома Пушкинъ является образцомъ кротости и благодушія. «Самый счастливый характеръ для семейной жизни,—говоритъ братъ жены поэта,—ни взысканій, ни капризовъ». Онъ могъ разсердиться только отъ одного нарушенія порядка, если кто являлся въ его кабинетъ отъ часу до трехъ: это время онъ работалъ [8]).

Къ такому концу пришли всѣ бурныя увлеченія молодости, многочисленныя смѣны идоловъ! Поэтъ хотѣлъ только труда и семейнаго покоя,—онъ говорилъ:

---

[8]) *Русск. Стар.* 1880, XXVIII, 95.

Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Да щей горшокъ, да самъ большой...

И рѣдкій идеалъ выполнялся съ такимъ достоинствомъ, съ такой любовью, и врядъ ли кто былъ достойнѣе такого простого непритязательнаго счастья. И врядъ ли для кого оно окончилось несправедливѣе и трагичнѣе...

V.

Если весьма многихъ удивило превращеніе Пушкина въ мужа и отца,—еще менѣе понятной новостью для свѣта и даже для друзей поэта было представленіе о блестящемъ поэтѣ, какъ труженикѣ ума и знанія. Оно совершенно не мирилось съ общеизвѣстнымъ Пушкинымъ, героемъ безсчисленныхъ исторій, неукротимымъ острословомъ, способнымъ сыпать риѳмами—гдѣ угодно и когда угодно—въ свѣтской гостиной, въ товарищеской пирушкѣ, у горы Бештау, на берегу Чернаго моря. И, казалось, ничего не могло быть естественнѣе—примѣнить къ самому поэту его отзывъ объ образованіи его героя: учился понемножку, чему-нибудь и какъ-нибудь...

И вдругъ, всему этому послѣдовало опроверженіе и чрезвычайно внушительное. Пушкина возвращали изъ ссылки, его принялъ императоръ Николай, долго съ нимъ бесѣдовалъ и по Москвѣ потомъ разнесся слухъ, будто государь сказалъ вечеромъ въ тотъ же день одному изъ сановниковъ: «Знаешь, что я нынче говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи».

А дальше уже былъ не слухъ, а достовѣрный фактъ: Государь поручилъ Пушкину составить записку о народномъ воспитаніи. Это вопросъ государственный и его предоставлялось обсудить стихотворду, нѣсколько лѣтъ просидѣвшему въ изгнаніи за неосновательный и даже преступный образъ мыслей.

Какъ это могло случиться? Очевидно, Пушкинъ *кое-что* зналъ и думалъ, и на самомъ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ полагалъ даже Николай I.

Вся жизнь поэта дѣлится на двѣ параллельныхъ полосы. Одна—всѣмъ видимая и всѣми оцѣненная, другая—тайная, личная, одна—полна шума, удовольствій, другая вся занятая трудомъ и размышленіемъ. И поэтъ не скрывалъ этой двойственности. Онъ часто, во всѣ періоды своей жизни, говоритъ объ уединеніи, о счастьѣ—думать и читать вдали отъ людей. Въ ранней молодости онъ воспѣлъ свою чернильницу «подругу думы»: съ ней онъ забывалъ условный часъ похмелья и праздничный бокалъ. «Часы печали томной» коротались вдохновеньемъ, и муза ласково нашептывала одинокому поэту риѳмы и подсказывала ему—одну за другой—темы для стиховъ. И поэту общество всегда казалось цѣпями для сердца и вдохновенія. «Тихій

трудъ» и «жажда размышленій» манили его въ одиночество и тамъ—говорилъ онъ:

Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Эта программа выполняется неуклонно, сначала безсознательно въ дѣтствѣ, потомъ съ твердымъ намѣреніемъ «вознаградить недостатки проклятаго воспитанія». Въ родительскомъ домѣ онъ перечитываетъ французскую библіотеку отца, къ двѣнадцати годамъ изумляетъ учителей и родныхъ обширными познаніями во французской литературѣ. Въ лицеѣ онъ не перестаетъ читать—страстно, усидчиво и въ высшей степени основательно. Онъ читаетъ съ перомъ въ рукахъ, дѣлаетъ выписки и замѣтки. Онъ *наслаждается* и *учится*. По его словамъ, онъ часто тайно, въ своей комнатѣ съ восторгомъ забываетъ цѣлый свѣтъ, его друзья—мертвецы надъ простою полкой, они живутъ съ нимъ.

И мы узнаёмъ подробно имена этихъ друзей. Цѣлая энциклопедія изъ поэтовъ и критиковъ, русскихъ и иностранныхъ, и насколько хорошо съ ними познакомился молодой читатель, онъ вскорѣ докажетъ своими по-истинѣ безсмертными приговорами о крупнѣйшихъ фактахъ родной и чужой поэзіи.

Но чтеніемъ не ограничивается духовная работа Пушкина. Читая книги, онъ изучаетъ людей, жизнь и самого себя. Въ лицеѣ онъ начинаетъ записывать выдающіеся случаи изъ своей жизни, въ стихахъ же безпрестанно говоритъ о своемъ нравственномъ мірѣ, о своихъ думахъ наединѣ, предъ нами не по лѣтамъ развитое самосознаніе и врожденная наклонность отдавать себѣ отчетъ въ пережитомъ и наблюденномъ. Отсюда—горячій интересъ къ современнымъ историческимъ событіямъ. Пушкинъ-лицеистъ становится поэтомъ-лѣтописцемъ великой эпохи. Онъ вдохновенно отзывается на пожаръ Москвы, онъ усиливается осмыслить судьбу Наполеона и опредѣлить славу русскаго императора. Онъ выполняетъ задачу съ чувствомъ искренняго, отчасти наивнаго патріотизма, о Наполеонѣ говоритъ слишкомъ по-московски, готовъ превратить французскаго цезаря въ колѣнопреклоненнаго почитателя русскаго царя. Но для насъ любопытны не столько идеи шестнадцатилѣтняго политика, сколько его глубокое любопытство къ историческимъ фактамъ: оно ручается за совершенствованіе идей, оно, кромѣ того, показываетъ, какіе мотивы увлекаютъ молодой талантъ, свидѣтельствуетъ объ его значительныхъ и жизненныхъ задачахъ.

И самъ поэтъ сознаетъ это вполнѣ. Среди товарищей онъ авторъ безчисленныхъ эпиграммъ, любовныхъ посланій, пѣвецъ лицейскихъ шалостей, неутомимый и веселый производитель риемъ и стишковъ. Но для самого себя онъ и еще кое-что. Онъ чувствуетъ въ себѣ

нѣкую исключительную силу и проникается инстинктивнымъ уваженіемъ къ ней. Онъ, независимо отъ какихъ бы то ни было теорій и идей, не можетъ легко и небрежно смотрѣть на даръ поэта. Геній—его личность, его натура, его *я*, и онъ погрѣшилъ-бы непростительнымъ самоуниженіемъ, если бы отнесся шутя и небрежно къ своему чудному дару пѣсенъ.

И Пушкинъ еще въ лицеѣ составляетъ свою теорію словесности—независимо отъ образцовъ и учителей. Онъ различаетъ стихотворца и поэта. Онъ признаетъ нужнымъ *учиться своему искусству*. Онъ крайне осторожно обращается съ своимъ авторскимъ именемъ, съ трудомъ рѣшается печатать свои стихи и очень неохотно подписывается подъ ними. Впослѣдствіи будутъ случаи, когда онъ по цѣлымъ годамъ будетъ вынашивать и отдѣлывать какое-либо стихотвореніе, напримѣръ, свой окончательный судъ надъ Наполеономъ. Онъ съ негодованіемъ говоритъ о мнѣніи публики, будто стишки для поэта забава и междудѣлье: стóитъ присѣсть, воспѣть какую-нибудь красавицу,—и слава и деньги готовы. Такъ можетъ судить дѣйствительно только чернь, разсуждающая всегда только по внѣшнимъ впечатлѣніямъ и никогда неспособная проникнуть въ душу человѣка и писателя. Такимъ читателямъ достаточно услышать два-три стихотворныхъ каламбура, ознакомиться съ пикантнымъ сонетомъ, и мнѣніе о поэтѣ готово: онъ и есть, и будетъ легкокрылый наперсникъ харитъ и грацій; все, что́ не похоже на любовное риемоплетство и не напоминаетъ бойкой эпиграммы,—странность и случайность.

Именно Пушкинъ особенно прочно стяжалъ эту славу, и ему придется бороться съ ней до конца своихъ дней. Но онъ не прерываетъ работы надъ самимъ собой, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. На югѣ онъ окруженъ въ высшей степени безтолковой средой, безпрестанно попадаетъ въ разныя исторіи, неоднократно изъ-за пустяковъ играетъ своею жизнью, но бенедиктинецъ въ немъ не умираетъ, сказывается часто совершенно неожиданно. Именно, на югѣ у Пушкина ярко обнаруживается замѣчательная наклонность къ *историческому* воззрѣнію на прошлое и настоящее. Онъ желаетъ изучить основу, почву и развитіе извѣстныхъ явленій. Ему нужно не отвлеченное преднамѣренное освѣщеніе дѣйствительности, а логика фактовъ. Поэтъ, оказывается, таитъ въ себѣ мыслителя и ученаго. Впослѣдствіи, выработается политика, можетъ быть, пушкинская политика не будетъ стоять на высотѣ желательныхъ идеаловъ, но мы не должны забывать, какая *исторія* была въ его распоряженіи и по какой минувшей и современной дѣйствительности составлялись его идеалы.

Одинъ изъ его знакомыхъ, генералъ Раевскій, много разсказываетъ ему объ екатерининскомъ времени. Этого достаточно, чтобы Пушкинъ увлекся XVIII вѣкомъ, и не какъ классической эпохой всевозможныхъ приключеній, полуазіатскихъ дикостей, полуевропейскихъ пороковъ. Нѣтъ,

поэта занимаютъ мысли о главнѣйшихъ историческихъ силахъ Россіи, онъ старается уяснить себѣ политическую основу власти Петра, Екатерины, нарисовать нравственный образъ прославленной императрицы. И онъ достигаетъ своей цѣли.

Прочтите характеристику Екатерины II, ея любимцевъ, ея внутренней политики, уничтожающій приговоръ надъ выскочками, повелителями порабощеннаго народа. Пушкинъ не забываетъ оцѣнить по достоинству и такъ называемый просвѣтительный зудъ ученицы Вольтера, напомнить о судьбѣ Новикова, Радищева, о недостойной комедіи съ *Наказомъ* и коммиссіей депутатовъ. Мимоходомъ бросается истинно-государственная идея о плачевномъ вліяніи невѣжественнаго и бѣдствующаго духовенства на религіозность, нравственность и просвѣщеніе русскаго народа...

Критика получается сильная и менѣе всего подсказанная поэтическимъ воображеніемъ, и заканчивается она отповѣдью, которая сдѣлала бы честь и позднѣйшимъ ученымъ и публицистамъ:

«Простительно было фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины но подлость русскихъ писателей для меня непонятна».

Этотъ выводъ не останется у Пушкина навсегда, отношеніе къ Радищеву со временемъ измѣнится, но мы пока не судимъ политическихъ воззрѣній поэта: мы желаемъ только показать полноту его умственной жизни, разносторонность его духовной работы.

Русскій восемнадцатый вѣкъ уживается рядомъ съ Байрономъ, съ англійскимъ языкомъ, съ усиленными поисками настоящей непогрѣшимой литературной школы. Съ французской словесностью счеты подводятся окончательно. Для Пушкина больше не можетъ быть и рѣчи о поэтическомъ достоинствѣ классическихъ трагедій, для него вообще и вся французская поэзія *рабская и лживая*, а главное, напыщенна, нерезьева. Онъ хотѣлъ бы уничтожить ея *мраморъ*. Онъ ясно видитъ, какъ мало дали человѣческую природу французскіе геніи, какъ они ловко цѣлую человѣческую личность подмѣняли одной какой-либо страстью, и еще никто такъ блистательно и убійственно не смѣялся надъ галломаніей, какъ этотъ питомецъ французскихъ гувернеровъ и книжекъ.

И съ каждымъ днемъ міросозерцаніе поэта растетъ и ширится. Его постигаетъ ссылка, отшельническое заключеніе въ глухой деревнѣ,—онъ взываетъ къ друзьямъ: «книгъ! ради Бога—книгъ!» И онѣ идутъ къ нему въ громадномъ количествѣ. И чего только здѣсь нѣтъ! Библія, Коранъ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Мицкевичъ съ Янушемъ, Шекспиръ, Карамзинъ. Воспользовавшись отъѣздомъ Михайловскаго сосѣда, онъ проситъ его привезти изъ Петербурга нѣсколько новыхъ книгъ.

И все это читается, вызываетъ цѣлый рядъ мыслей съ друзьями, но прежде всего ускоряетъ плодъ работы. Онъ увлекается непосредственно художествомъ и творитъ. У него родятся поэмы Кавка-

зина, Шекспиръ становятся источниками вдохновенія, и трудно рѣшить, что въ результатѣ болѣе дѣлаетъ чести поэту—его ли многообразный геній, или добросовѣстный трудъ?

Изучать за тѣмъ, чтобы творить, думать съ цѣлью создавать образы, писать ради умственнаго и нравственнаго просвѣщенія своего народа—такова эстетика Пушкина. Для искусства—строгій, искренній, глубокій реализмъ, для мысли—значительность, жизненность, народность идей, для формы—простота, изящество, идеальная чистота языка.

Реализмъ!—какое для насъ обыкновенное слово, и какое странное, непереводимое понятіе для современниковъ Пушкина! Классицизмъ, романтизмъ—это вполнѣ ясно, а особенно какая прелесть все романтическое, необычайное, неслыханно-красивое, недосягаемо-могучее, и, конечно, неразгаданное. Шиллеръ, Байронъ, Гюго, даже Альфредъ де-Виньи—это истинныя солнца поэзіи, и всякій другой поэтъ можетъ свѣтить только родственнымъ, отъ нихъ же заимствованнымъ свѣтомъ.

И Пушкинъ—молодой, страстный и рыцарственный—согласенъ. Онъ также грезитъ демономъ, бѣднымъ скитальцемъ и одиночникомъ, постарѣвшимъ не отъ лѣтъ, а отъ роковыхъ страстей, сочиняетъ очаровательныя поэмы небесной женской любви и мужского нечеловѣческаго равнодушія... Дань уплачивается сполна неотразимому властителю думъ, но только затѣмъ, чтобы очень скоро взглянуть на него трезвымъ, безпощадно-критическимъ взоромъ.

Едва *Кавказскій плѣнникъ*, *Бахчисарайскій фонтанъ* закончены и вызваны всеобщіе восторги, самъ творецъ ихъ уже недоволенъ: онъ смѣется надъ своими героями, онъ рѣзко осуждаетъ содержаніе поэмъ, онъ успѣлъ перерости ихъ, и не только ихъ, а и самого вдохновителя. Онъ понимаетъ сущность байронизма такъ просто и вѣрно, какъ долго не поймутъ призванные критики и ученые. Онъ въ письмѣ къ пріятелю произнесетъ слова, роковыя для англійскаго поэта, какъ лирика: «постепенности въ немъ не было», и уничтожитъ его, какъ драматурга: Байронъ понималъ только одинъ характеръ—свой собственный и надѣлялъ героевъ разныхъ драмъ разными чертами своей личности. Онъ не могъ создать трагедіи, не нарисовалъ ни одного живого драматическаго лица.

Возможно ли точнѣе опредѣлить лирическаго пѣвца молодыхъ безотчетныхъ стремленій къ волѣ и наслажденію,—пѣвца не мыслителя, не искателя опредѣленныхъ жизненныхъ идеаловъ, пѣвца лишь непосредственныхъ чувствъ—негодованія и страсти?

И Байронъ становится для Пушкина однимъ изъ невозвратныхъ воспоминаній зеленой молодости. Онъ плохой руководитель въ познаніи подлинной жизненной правды, сложнаго нравственнаго міра отдѣльнаго человѣка и общества—и онъ уступаетъ мѣсто Шекспиру.

Здѣсь царство цѣльныхъ, реальныхъ людей, здѣсь—яркое неограниченно-правдивое воспроизведеніе народной исторической жизни. Это

и надо русскому поэту. Отнынѣ, послѣ кратковременнаго байроническаго хмеля, всѣ его произведенія будутъ основаны на данныхъ дѣйствительности, историческія—на достовѣрныхъ фактахъ, всѣ другія—на личныхъ наблюденіяхъ.

Но вѣдь русская исторія такъ бѣдна драматизмомъ, русская жизнь лишена красокъ, она—сѣра, уныла, удручающе-прозаична. Пусть такъ, но поэзія въ правдѣ, и геній художника можетъ нарисовать чарующую картину предъ самой, повидимому, невзрачной дѣйствительностью.

Ужъ, кажется, чего жалче, смѣшнѣе, немощнѣе москвича въ гарольдовомъ плащѣ, а между тѣмъ Евгеній Онѣгинъ—герой одного изъ самыхъ художественныхъ романовъ во всей европейской литературѣ. Совсѣмъ, кажется, не эстетична русская деревенская обстановка, весьма мало увлекательна и вообще русская природа, а между тѣмъ все это дало поэту мотивы для музыкальнѣйшей и благороднѣйшей поэзіи. И этотъ поэтъ имѣетъ полное право въ томъ же романѣ посмѣяться надъ важнымъ ладомъ поэтическаго слова, надъ «пламеннымъ творцомъ», надъ героемъ—совершенствомъ, неправедно гонимымъ, но съ чувствительной душой и вѣчной готовностью на неизглаголанныя жертвы... Какъ все это лживо, не-народно и,—думаетъ Пушкинъ,—не поэтично и не художественно.

Еще забавнѣе бредни вралей, на досугѣ воспѣвающихъ рощи да поля, это—плевелы литературы, трутни въ нравственно-отвѣтственной семьѣ писателей, и Пушкинъ жалѣетъ даже о цензорѣ, вынужденномъ посвящать безплодное вниманіе на птичьи пѣсни и безсмысленные звуки.

И Пушкинъ всю жизнь не переставалъ говорить о высокомъ призваніи поэта:

Служенье музъ не терпитъ суеты,—
Прекрасное должно быть величаво!..

Это правило, выработанное еще въ молодости, съ теченіемъ времени становилось все суровѣе и возвышеннѣе. Личность поэта поднималась до уровня пророка, жреца, онъ становился голосомъ своего народа, совѣстью общества, на него возлагался долгъ — идти своимъ путемъ, независимо отъ искушеній свѣта, отъ прихотей славы, отъ настроенія власти. Поэтъ въ самомъ себѣ несетъ свой судъ, непріятный, неусыпный, потому что измѣна поэта своему генію и своему пути равносильна самоуниженію и даже самоотреченію.

Отсюда вытекаютъ гражданскія и общественныя обязанности поэта. Чтобы быть истиннымъ художникомъ, ему не нужны предписанія эстетики, безполезны самыя ученыя разсужденія по теоріи словесности, совершенно также, чтобы быть гражданиномъ, ему не надо отыскивать себѣ партію, направленіе. Какъ художникъ — онъ правдивъ, искренекъ; слѣдовательно, реаленъ; какъ гражданинъ—онъ честенъ, независимъ, слѣдовательно, неизмѣнный другъ мысли, гуманности и свободы.

И политика Пушкина, какъ и его эстетика, развилась непосредственно изъ его поэтической природы.

VI.

Основной принципъ — поэтъ долженъ быть безусловно свободенъ. Это неотъемлемое условіе самого существованія генія, какъ силы естественной, развивающейся по собственнымъ ей прирожденнымъ законамъ, какъ силы стихійной, слѣдовательно, не подлежащей чисто внѣшнимъ преобразованіямъ. Ее можно задержать въ ея ростѣ, можно даже уничтожить, но передѣлать — для этого нѣтъ достаточно искусной и могучей власти. Истинный поэтъ, поэтъ милостью Божіей — не можетъ сочинять по заказу, даже по собственному желанію: у него бываютъ минуты вдохновенія, его требуетъ божество къ своему жертвеннику,—только тогда онъ творецъ.

Таковъ именно Пушкинъ. Его любимыя выраженія «Я чую рѣемы», «меня посѣтили рѣемы», и частыя жалобы на полное безсиліе писать, когда это необходимо—по *человѣческимъ* соображеніямъ, независимо отъ высшей воли, отъ голоса генія. Но зато, когда этотъ голосъ зазвучитъ, нѣтъ силъ остановить поэта, никто въ мірѣ не принудитъ его молчать. И сколько разъ Пушкинъ говорилъ въ самыя неподходящія минуты и говорилъ, чего отъ него не желали и не ждали услышать.

Во второмъ посланіи цензору онъ пишетъ:

Недавно тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ языка бранчивую свербёжъ...
Но извини меня,—мнѣ было невтерпёжъ.

Это оригинальное извиненіе—одна изъ краснорѣчивѣйшихъ чертъ пушкинской личности. Ему безпрестанно становилось невтерпежъ и онъ тѣшилъ свой языкъ рѣшительно надъ всѣми—надъ свѣтскими свѣтилами, надъ государственными сановниками, надъ смѣхотворными приключеніями частныхъ глупцовъ и пошляковъ и надъ важнѣйшими мѣрами правительственныхъ особъ. Онъ идетъ на явную опасность, отлично знаетъ, что ему нечѣмъ будетъ умилостивить оскорбленнаго и тотъ ему возместитъ обиду сторицей.

Въ ранней молодости онъ пишетъ эпиграмму на Аракчеева, на *Исторію* Карамзина: можетъ быть, потому, что былъ слишкомъ молодъ и по возрасту горячъ? Нисколько. Почти за годъ до смерти онъ сочиняетъ убійственную сатиру на министра Уварова. Она принесетъ автору неисчислимыя бѣдствія, даже уравняетъ ему путь къ смерти, и онъ не можетъ не понимать значенія своего поступка. Но ему «невтерпежъ», онъ не въ состояніи заглушить негодованіе своего сердца, и не желаетъ.

*

То же самое безпрестанно повторяется при еще худшихъ обстоятельствахъ. Пушкину извѣстно, что его письма вскрываются, онъ самъ неоднократно негодуетъ на это, но ничто не мѣшаетъ ему—въ минуты гнѣва—писать женѣ прямо страшныя вещи о своемъ камеръ-юнкерствѣ, объ отношеніи цензуры и администраціи къ литературѣ, жаловаться на свое положеніе писателя именно въ Россіи, о милости государя выражаться: «упёкъ меня въ камеръ-пажи», свой придворный мундиръ именовать шутовскимъ полосатымъ кафтаномъ и откровенно сознаваться, что онъ «ни за какія благополучія» не согласенъ блистать при дворѣ въ качествѣ камеръ-юнкера. Все это пишется *пушкинскимъ* языкомъ; что ни слово, то несмываемый ударъ, и все это читается и попадаетъ въ руки Бенкендорфу.

Намъ извѣстенъ фактъ, когда Пушкинъ, только благодаря счастливой случайности, спасся отъ жестокой опасности. Одно изъ самыхъ рѣзкихъ его писемъ было доставлено шефу жандармовъ, тотъ приказалъ секретарю отложить его для доклада государю. На счастье поэта секретарь Бенкендорфа оказался искреннимъ цѣнителемъ пушкинскаго таланта, воспользовался забывчивостью графа и письмо не дошло до Николая I. Когда сообщили исторію Пушкину, онъ «измѣнился въ лицѣ» [9]). Вполнѣ вѣроятно, но только никакая перемѣна въ лицѣ и никакая злополучная случайность не могли «проучить» поэта: онъ до конца оставался вѣренъ себѣ. Няня дала ему едва ли не самую мѣткую характеристику: «экой ты неумчивый», и самому Пушкину эта характеристика понравилась: она въ точности передавала самую сущность его *поэтической* натуры и его понятій о своемъ писательскомъ и человѣческомъ достоинствѣ.

Теперь представьте, какую невыносимо яркую противоположность являлъ изъ себя такой поэтъ—прежней, далеко еще не отжившей литературѣ? Онъ видѣлъ и даже воспѣлъ ея самую блестящую звѣзду—Державина, но что могло быть общаго между пѣвцомъ Фелицы, одописцемъ-администраторомъ и бѣднымъ коллежскимъ секретаремъ, рѣшительно неспособнымъ соображаться съ пищевареніемъ даже самого графа Воронцова, русскаго вельможи съ англійской складкой лорда?

По исконному правилу отъ поэта требовалась благодарность за высокое покровительство, по просту—лесть, и вотъ о ней-то именно Пушкинъ говоритъ съ глубочайшимъ отвращеніемъ. Одинокій и тѣснимый, онъ живетъ сознаніемъ своей неподкупности и независимости:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И въ силѣ, въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ.
Природу лишь учился славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей...

[9]) *Русск. Стар.* 1880, XXIX, 217, 424.

Но можно и не льстить царямъ, и все-таки не стоять на высотѣ поэтическаго призванія. Существуетъ даже при самой бѣдной литературѣ другой владыка, также щедрый на награды и также настойчиво требующій забавы,—толпа, грамотная чернь: ея довольно во всѣхъ слояхъ общества, и не меньше среди такъ называемаго свѣта, чѣмъ въ грубой невѣжественной массѣ. И находится не мало охотниковъ тѣшить ея тупой слухъ и варварскій вкусъ. Она презрѣнна въ глазахъ поэта столь же, какъ и завѣдомые рабы власти. Такая поэзія для него измѣна, на нее способны люди, у которыхъ нѣтъ

Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной...

Это понятія тождественныя, и поэтъ долженъ быть честенъ и независимъ просто потому, что онъ поэтъ.

И намъ понятны суровыя отповѣди Пушкина черни, толпѣ, такъ называемой «любви народа». Онѣ ничто иное, какъ защита совѣсти и свободы, не презрѣніе къ публикѣ и къ обществу, а законный отпоръ «суду *глупца*» и «смѣху толпы *холодной*». Самъ поэтъ мечтаетъ быть «эхо русскаго народа», съ другимъ идеаломъ онъ не помирится. Подобно Ломоносову, онъ приходитъ въ ужасъ при одной мысли стать *шутомъ* у кого бы то ни было, даже у Господа Бога. И для него это недостижимо, противоестественно. Сочиняя «Бориса Годунова», онъ никакъ «не можетъ упрятать всѣхъ своихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ!»—восклицаетъ онъ съ комическимъ отчаяніемъ. И онъ правъ. Чуть не каждое стихотвореніе его нуждается въ чисткѣ и пересмотрѣ, хотя онъ и готовъ писать «въ хорошемъ тонѣ». Но есть нѣчто посильнѣе даже его добраго расположенія: совѣсть и лира, и онѣ-то накладываютъ свою печать на каждую его фразу, на каждый его стихъ.

Ясно теперь, какъ онъ долженъ держать себя въ обществѣ, въ литературѣ, передъ властью. Для него литература—весь смыслъ его бытія и въ то же время *дѣло*, безусловно важное, всепоглощающее, родъ его жизни, если угодно—призваніе и ремесло. Для свѣта гражданинъ и піитъ это совершенно непереваримая новость. Сочинитель—такого чина нѣтъ въ табели о рангахъ и такого сословія не признано основными законами Россійской имперіи. Все равно, отвѣчаетъ Пушкинъ: тогда его слѣдуетъ признать и поставить внѣ, выше всѣхъ чиновъ и достоинствъ, потому что это геній и умъ, аристократизмъ божественнаго происхожденія.

И вотъ первый догматъ политической вѣры Пушкина: писатель—великая, благороднѣйшая общественная сила, литература—одно изъ достойнѣйшихъ общественныхъ служеній, художественный талантъ—высшее неоспоримое право на уваженіе и признательность общества. Пушкину первому выпало на долю поставить вопросъ столь ясно, рѣшительно и безповоротно и счастье русской литературы!—вопросъ ставилъ человѣкъ геніальныхъ дарованій и неуимчивой натуры. Поэзія не «дѣтское тщеславіе ребячества», «не отдохновеніе чувствительнаго человѣка»: все

это, повидимому, столь простыя истины, но поэту пришлось отвоевывать ихъ до самой смерти, съ громадной затратой силъ, жертвуя личнымъ счастьемъ, не взирая на лица и обстоятельства.

Жертва являлась тѣмъ настоятельнѣе, что общество не имѣло внушительныхъ данныхъ ставить особенно высоко личность и дѣло писателя. У него предъ глазами проходило много этого народу, и безпрестанно самые шумные герои литературы могли вызывать совершенно законное презрѣніе и праведный гнѣвъ, въ лучшемъ случаѣ снисходительный смѣхъ. Нельзя же было считать серьезно наперсниками боговъ сочинителей куплетовъ, чувствительныхъ балладъ, тріолетовъ, сиотворныхъ посланій, и кому могло придти на умъ видѣть «эхо русскаго народа» въ лицѣ Булгарина? А между тѣмъ куплетисты переполняли журналы, а *Сѣверная Пчела* владѣла политикой. Были и почтенные писатели, но они не объявляли литературы своимъ ремесломъ: все это люди государственные, по меньшей мѣрѣ чиновные и служащіе дворяне. Нельзя же было Карамзина именовать поэтомъ: онъ *исторіографъ*, или Жуковскаго—сочинителемъ: прежде всего онъ человѣкъ придворный и членъ высшаго общества.

А здѣсь двадцатилѣтній юноша требуетъ себѣ почета только за то, что онъ пишетъ хорошіе стихи! Да сами литераторы сочтутъ это неслыханнымъ новшествомъ и дерзкимъ притязаніемъ. Надо, слѣдовательно, сначала въ ихъ средѣ возвысить званіе писателя, внушить имъ самимъ чувство самоуваженія.

И Пушкинъ беретъ на себя и эту задачу. Литература—ремесло, промышленность, но *честная*: на этомъ настаиваетъ поэтъ. Сочинитель своей гражданской честью отвѣчаетъ за свое литературное имя и, если бываютъ измѣны въ политикѣ, преступленія по службѣ, тѣ же понятія вполнѣ примѣнимы и къ писательству. Имя писателя должно быть для него святыней. Онъ не долженъ бросать его неосмотрительно всюду и гдѣ только попросятъ, и еще менѣе торговать имъ. Самъ Пушкинъ не сразу дорось до этой истины, она пришла къ нему только съ лѣтами, съ литературной опытностью, и стала руководительницей его дѣятельности. Его имя исчезло со многихъ изданій и ни за какія деньги Булгарины не могли бы украсить имъ своего заведенія. Дошло до того, что Пушкину негдѣ было печатать своихъ произведеній и негдѣ было помѣстить статьи и его друзьямъ о немъ и объ его поэзіи. Ему даютъ огромныя деньги и онъ больше, чѣмъ когда-либо нуждается въ нихъ, но одна мысль стоять рядомъ съ Сенковскимъ отпугиваетъ его отъ сдѣлки. Ему были бы благодарны за крупицу его труда, и заплатили бы ему какими угодно гимнами его генію. Пушкинъ предпочитаетъ скорѣе прослыть погибшимъ талантомъ, литературнымъ промышленникомъ на страницахъ *Сѣверной Пчелы* и *Библіотеки для чтенія*,

чѣмъ запятнать свое писательское имя союзомъ съ Булгаринымъ и Сенковскимъ [11]).

Остается третья и важнѣйшая сила правительство. Самый вопросъ объ отношеніяхъ къ нему писателя не имѣлъ для прежней литературы никакого смысла. Единственное мыслимое положеніе писателя—безпрекословное и безотчетное воспріятіе правительственныхъ распоряженій. У него нѣтъ въ этой области своего голоса, онъ только *объектъ* наравнѣ со всѣми другими подданными. Все бытіе Булгарина, какъ журналиста, основывалось на его тѣснѣйшемъ духовномъ союзѣ съ жандармскимъ управленіемъ. Бенкендорфъ и Дуббельтъ—вотъ настоящіе публицисты общественные политики пушкинскаго времени. *Сѣверная Пчела* сводъ негласныхъ внушеній и предписаній.

Такой порядокъ вещей не могъ даже войти въ сознаніе Пушкина. Булгаринъ не журналистъ, а *холопъ*: это выраженіе поэта и оно вполнѣ точно опредѣляетъ его собственныя понятія о политической печати.

Прежде всего, Пушкину представляется сторона вопроса, совершенно неожиданная и просто непостижимая для литературныхъ холопей. Нельзя отрицать, что въ Россіи существуетъ классъ людей просвѣщенныхъ и почтенныхъ и эти люди, по выраженію Пушкина, *дичатся* правительства, они считаютъ его враждебнымъ просвѣщенію. Убѣжденіе поддерживается близостью властей къ такого сорта литераторамъ, какъ Булгаринъ, Гречъ, Воейковъ, Сенковскій и совершенно разбитый и потерявшійся Полевой. Ни для кого не тайна, какой нравственной цѣнности русскій патріотизмъ поляковъ Булгарина и Сенковскаго и благонамѣренность Полевого, только что провозглашеннаго революціонеромъ за *Московскій Телеграфъ*. Власть, несомнѣнно, унижаетъ себя союзомъ съ этой журнальной чернью. Пушкинъ публично говорилъ, что онъ даже какъ частный человѣкъ брезгуетъ бывать, а литературныхъ сборищахъ и участвовать въ обѣдахъ со спичами и пьянствомъ.

— Я человѣкъ женатый—заявлялъ онъ,—и въ такіе дома ѣздить не могу!

Какъ же могла власть призрѣвать хозяевъ подобныхъ домовъ и пользоваться ими, какъ посредниками между правительствомъ и обществомъ?

Пушкинъ желаетъ уничтожить это недостойное явленіе. Необходимо создать новую журналистику, заслуживающую довѣріе общества и служащую просвѣтительнымъ видамъ правительства. Она должна быть независима, авторитетна, отнюдь не революціонна, но безусловно талантлива и просвѣщенна.

---

[11]) Письмо къ Пушкину, октябрь 1835. *Сочиненія*. VII. 387. Статья Одоевскаго *О нападеніяхъ петербургскихъ журналовъ на русскаго поэта Пушкина. Къ біографіи*. II, 120—121. Письмо Комовскаго, лицейскаго товарища Пушкина, къ А. М. Языкову. *Ист. Вѣстн.* 1883, XIV, 535. *Отзывы современниковъ о Пушкинѣ*, Д. Саовник

И Пушкинъ готовится къ новой дѣятельности и обнаруживаетъ большіе задатки публициста. Сначала поэтъ становится имъ по волѣ самого государя—пишетъ записку *о народномъ воспитаніи*. Это цѣлая программа и въ высшей степени ясная и полная исповѣдь Пушкина, какъ политика.

Въ самомъ началѣ онъ не боится напомнить правительству о декабристахъ: «несчастные» погибли, «правительство основанное на силѣ вещей» оказалось неизмѣримо сильнѣе ихъ замысловъ. Но этой гибелью могутъ не кончиться заблужденія русской молодежи: подростаетъ новое поколѣніе, оно также можетъ отдаться пылкимъ впечатлѣніямъ.

Какъ защитить его?—Единственное средство широкое и основательное просвѣщеніе. Въ настоящее время русскому молодому человѣку «всякая мысль нова» и производитъ на него неотразимое вліяніе, онъ не въ состояніи провѣрить ее, разобраться въ ней, у него нѣтъ положительныхъ знаній и правилъ.

И вполнѣ естественно. Современное воспитаніе юношества совершенно неудовлетворительно: два-три иностранныхъ языка, начатки наукъ, и никакихъ нравственныхъ понятій: ребенокъ окруженъ холопями, самъ рабствуетъ или своевольничаетъ и едва созрѣетъ, является забота о службѣ, о чинахъ.

Пушкинъ требуетъ исключительно государственнаго образованія и высказываетъ нѣсколько соображеній, отчасти не утратившихъ новости и до нашихъ дней. Онъ безусловно возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній, противъ классическихъ языковъ: «позволительно ли,—спрашиваетъ—онъ, роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?» Онъ, наконецъ, требуетъ безпристрастнаго, правдиваго преподаванія исторіи, о какихъ бы народахъ, идеяхъ и событіяхъ ни шла рѣчь. Пушкинъ требуетъ отъ профессоровъ «не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства кесаря, превознесеннаго 2000 лѣтъ, но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а кесаря честолюбивымъ возмутителемъ».

Познанію Россіи Пушкинъ отводитъ первое мѣсто въ своей образовательной программѣ и рекомендуетъ преподавать очень подробно русскую исторію, статистику, законодательство. Это необходимо и въ политическихъ интересахъ.

Только путемъ историческаго изученія страны можно опредѣлить духъ ея народа, его цѣли и идеалы. Пушкинъ и стремится выполнить эту задачу,—въ основу политики положить исторію. Болѣе цѣлесообразнаго гражданскаго воспитанія не открыло и наше время, вопросъ только въ томъ, какъ понимать исторію?

Пушкинъ совѣтуетъ преподавать ее по Карамзину: это рѣшительное отступленіе отъ юношескаго взгляда на произведеніе краснорѣчиваго исторіографа. Можетъ быть, прежній взглядъ былъ не вполнѣ

справедливъ, но во всякомъ случаѣ и новый не отличался безукоризненностью. Это сознавалъ и самъ Пушкинъ. *Для Исторіи пугачевскаго бунта* онъ не взялъ образцомъ благолѣпной и велерѣчивой *Исторіи государства россійскаго*, не отказалъ себѣ въ удовольствіи посмѣяться надъ величавыми пріемами карамзинскаго сочинительства въ *Исторіи села Горохина*. И иначе быть не могло: уже самая форма карамзинскаго повѣствованія претила тонкому художественному вкусу и здравому смыслу поэта, не могъ онъ считать совершенствомъ и содержаніе—онъ, столь тяготѣвшій къ народной жизни, народнымъ нравамъ и особенно къ народной психологіи.

Но въ запискѣ для Николая I—*Исторія* Карамзина вполнѣ умѣстна. Важнѣе другой вопросъ, болѣе общій: до какой степени Пушкинъ отказался отъ политическаго идеализма и подчинился строго-фактическому воззрѣнію на идеи и предметы?

Отвѣты получаются вполнѣ ясные и съ разныхъ сторонъ.

VII.

Пушкинъ долженъ былъ пережить полосу идеализма, къ этому влекло его страстное благородное сердце, геніальный строй его душевнаго міра, отвага и широта юношескихъ стремленій. Мы слышали его восторженные отзывы объ учителяхъ и знаемъ, какъ дешево досталась эта слава ея виновникамъ. Вѣрнѣйшее свидѣтельство—наклонности поэта къ идеализаціи людей и явленій, къ быстрой для него *желанной* влюбленности по впечатлѣніямъ, по первымъ встрѣчамъ, по случайному обмѣну мыслями.

Такимъ Пушкинъ выходитъ изъ лицея, и весь погружается въ политическую мечтательность, господствовавшую надъ молодымъ поколѣніемъ. Это было время тайныхъ обществъ по всей Европѣ, заговоровъ, революціонныхъ движеній и политическихъ убійствъ. Все это волновало и горячило воображеніе поэта, и онъ не скрывалъ своихъ восхищеній предъ нѣкоторыми событіями, сообщалъ кому угодно свои взгляды, показывалъ даже въ театрѣ портретъ убійцы герцога Беррійскаго.

Здѣсь не все было безплодной игрой праздная ума, и не могло быть. На первомъ планѣ, какъ всегда у Пушкина, стояла русская дѣйствительность, и онъ умѣлъ отлично постигнуть ея основной недугъ и мужественно заявить о немъ. Двадцати лѣтъ онъ высказываетъ въ первый разъ политическую идею громаднаго значенія и съ полнымъ историческимъ пониманіемъ предмета. Очевидно, иноземныя вѣянія не отняли у Пушкина отечественной почвы подъ ногами и, говорятъ, даже Александръ I велѣлъ благодарить поэта за стихотвореніе *Деревня*.

Поэтъ нарисовалъ разительную противоположность цвѣтущей сельской

природы и народнаго рабства, необыкновенно сильными выраженіями изобразилъ беззащитность рабовъ и прихотливый развратъ владыкъ и закончилъ пожеланіемъ:

О. еслибъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей безплодный жаръ,
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Годомъ раньше онъ выражалъ увѣренность, что обновленіе Россіи непремѣнно совершится. Онъ написалъ Чаадаеву горячее посланіе, исполненное гражданскаго духа. Поэтъ призывалъ товарища на зрѣлый путь дѣятельности во славу отчизны и увѣрялъ его, «Россія вспрянетъ ото сна».

Это многимъ могло казаться въ первые годы царствованія Александра, но Пушкинъ сильно ошибался и въ хронологіи, и въ своихъ надеждахъ. Онъ слишкомъ летѣлъ впередъ, «дней Александровыхъ прекрасное начало» было давно позади и во всей Европѣ идеальные помыслы о будущемъ считались нарушеніемъ общественнаго порядка.

Но Пушкинъ не успокоился и высланный изъ Петербурга. Напротивъ, онъ страстно желалъ попасть въ какое-нибудь тайное политическое общество, его не приняли, считая, очевидно, мало подходящимъ для политики да еще тайной, и онъ почувствовалъ себя «несчастнымъ»; вѣдь онъ «видѣлъ жизнь свою облагороженною и высокую цѣль передъ собою».

Въ Петербургѣ онъ усердно писалъ эпиграммы на Аракчеева, сочинилъ оду *Вольность*, особенно возмутившую власти и, дѣйствительно, написанную въ очень сильныхъ выраженіяхъ. Но все это не пріобрѣло довѣрія декабристовъ, и они были правы. Радикализмъ Пушкина коренился преимущественно въ его темпераментѣ. Чувству и вдохновенію не доставало строго опредѣленныхъ идей, безъ чего немыслимо ни убѣжденіе, ни политическое воззрѣніе. Съ самаго начала можно было предугадать охлажденіе настроеній подъ вліяніемъ личныхъ опытовъ. Байронизмъ какъ нельзя кстати совпадаетъ съ вольнолюбивымъ азартомъ поэта: оба явленія одного порядка, оба одинаково романтичны, лишены ясныхъ продуманныхъ идейныхъ и жизненныхъ задачъ, оба—вопль юнаго организма, и оба они одновременно поблекли и исчезли. Жизнь и исторія нанесли рѣшительный ударъ демоническимъ грезамъ и радикальнымъ призывамъ. Въ поэзіи Пушкинъ становится реалистомъ, въ политикѣ—защитникомъ просвѣщенія и *постепеннаго* прогресса. Это слово—*постепенность*—мы видѣли, произносится по поводу Байрона, одновременно идутъ историческія занятія поэта, развивается представленіе о «духѣ народовъ», объ «источникѣ нуждъ и требованій

государственныхъ», т. е. объ исторической почвѣ настоящаго и будущаго.

Естественно, все чисто отвлеченное, воображаемое, не реальное встрѣчаетъ рѣшительное осужденіе: Шекспиръ предпочитается Байрону, потому что его созданія разносторонни и жизненны, а у Байрона, какъ и французскихъ классиковъ—искусственны, преднамѣренны, *теоретичны*. То же самое воззрѣніе распространяется на философію и политику и само собой понятно, что̀ должно уцѣлѣть и что̀ отпасть послѣ такой критики.

Пушкинъ не измѣняетъ своимъ молодымъ сочувствіямъ. Его сердце по-прежнему принадлежитъ декабристамъ; нельзя трогательнѣе, чѣмъ онъ, говоритъ объ ихъ участи, объ ихъ благородствѣ. Радищевъ попрежнему остается для него человѣкомъ «съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью». Но онъ рѣшительно не согласенъ съ его «горькими, возмутительными сатирами» и пишетъ подробное опроверженіе книги Радищева, старается особенно смягчить картину крѣпостного состоянія—средствомъ самымъ неубѣдительнымъ, доказывая, что и заграницей не лучше и даже не свободнѣе живется бѣднякамъ.

Пушкинъ, разумѣется, вовсе не желаетъ защищать народнаго рабства, онъ крайне недоволенъ *пріемами* Радищева, революціоннымъ духомъ его сочиненія, призывомъ къ возмущенію. Онъ находитъ въ книгѣ благоразумныя мысли, но только слѣдовало высказать ихъ безъ брани, искренне и «съ благоволеніемъ», потому что, говоритъ Пушкинъ, «нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви».

Противъ этого весьма многое можно возразить: весьма часто именно искренняя любовь къ истинѣ. невольно и необходимо подсказываетъ человѣку страстное негодованіе на неправду. И Пушкинъ безпрестанно, до самой своей смерти являлся образцовымъ *поносителемъ* во имя искренности и правдолюбія. И Радищевъ, конечно, заслуживалъ снисхожденія. Но Пушкинъ желаетъ уничтожить не столько его книгу, сколько вообще отвлеченую идеологію, «безплодную метафизику», «слѣпое пристрастіе къ новизнѣ», «частныя поверхностныя свѣдѣнія, приноровленныя ко всему». Напримѣръ, Радищевъ поноситъ власть господъ: по мнѣнію Пушкина, вмѣсто этого, слѣдовало «представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ».

Совершенно ясная политика! Другое—вопросъ, насколько она цѣлесообразна. Впослѣдствіи опытъ доказалъ, что способы *постепеннаго* улучшенія быта крестьянъ не привели къ благопріятнымъ результатамъ: пришлось просто и сразу отмѣнить власть господъ. Но Пушкинъ глубоко усвоилъ идею *постепенности*, теперь сказали бы *эволюціи*, и сама по себѣ она дѣлала великую честь уму поэта и свидѣтельствовала о вдумчивости работы надъ историческими фактами, о несомнѣнныхъ задаткахъ истинно политической мысли.

Новое міросозерцаніе отразилось и на философскихъ вопросахъ Когда-то Пушкинъ заявлялъ свое сочувствіе атеизму: это говорилось въ сильной степени подъ вліяніемъ тяжелой жизни изгнанника. Теперь онъ жестокій критикъ Гельвеція и вообще холодной, сухой метафизики. Заботясь объ умственномъ развитіи Гоголя и снабжая его книгами, Пушкинъ освобождаетъ его отъ чтенія Вольтера и энциклопедистовъ. Они не удовлетворяютъ поэта своимъ мало-историческимъ, слишкомъ отвлеченнымъ мышленіемъ, Пушкинъ не вѣритъ въ жизненную силу ьистой теоріи, онъ желаетъ идеалы строить на основѣ дѣйствительности и фактовъ.

Принципъ самъ по себѣ не можетъ вызывать нареканій, но окончательный выводъ зависитъ отъ *толкованія* фактовъ, а у Пушкина, какъ у поэта, въ сильнѣйшей степени отъ личныхъ впечатлѣній. Они и наложили рѣзкую окраску на его политику послѣднихъ лѣтъ.

Пушкинъ не могъ отдѣлить своихъ идей отъ своихъ житейскихъ опытовъ. А опыты эти всѣ исключительно вели къ одной цѣли: къ глубокому непримиримому негодованію на властныхъ выскочекъ и канцеляристовъ. Именно они годъ за годомъ пили «праведную кровь» поэта, становились непреодолимымъ препятствіемъ его умственной дѣятельности и даже личному счастью. Гдѣ было искать спасенія? Помириться на смертномъ приговорѣ всей русской исторіи и даже будущему Россіи Пушкину не могло придти и въ голову. Онъ всей душой принадлежалъ этой самой Россіи и именно въ ея исторіи способенъ былъ отыскивать мотивы для своего творческаго вдохновенія. И онъ страстно лелѣялъ мысль о величіи Россіи, ея національной славѣ и его обращеніе къ *Клеветникамъ Россіи* внушено искреннимъ чувствомъ, его *Бородинская годовщина*—открытый и убѣжденный голосъ его сердца. Польское возстаніе повергло его въ глубокую думу, ему припоминался двѣнадцатый годъ, онъ съ тревогой ждалъ вѣстей, взятіе Варшавы наполнило его радостью.

Она не имѣла ничего общаго съ варварскимъ узко-національнымъ патріотизмомъ, поэтъ не могъ помышлять о порабощеніи какого бы то ни было народа, онъ только желалъ, чтобы славянскіе ручьи слились въ русскомъ морѣ. А море это было источникомъ его личной жизни, онъ каждымъ нервомъ чувствовалъ свою неразрывную нравственную связь съ русскимъ міромъ.

И онъ рѣшительно возсталъ противъ Чаадаева. Онъ не могъ допустить униженія прошлаго Россіи и отчаянія въ ея будущемъ. Онъ видѣлъ и за Россіей извѣстное историческое призваніе, считалъ ея исторію отнюдь не ничтожной и незанимательной, находилъ въ ней людей геніальныхъ и событія, полныя жизни и интереса.

Это опять не значило, будто Пушкинъ готовъ восторгаться настоящимъ до самозабвенія. Совершенно напротивъ. Онъ находитъ, что русская общественная жизнь «весьма печальна», общественнаго мнѣнія

совсѣмъ не существуетъ, всюду господствуетъ «равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и къ правдѣ», «циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству приводятъ въ отчаяніе», и онъ привѣтствуетъ Чаадаева за изобличеніе всѣхъ этихъ недуговъ. «Но,—прибавляетъ Пушкинъ,—клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторія нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ».

Слѣдовательно, Пушкину приходилось искать рѣшенія вопросовъ на русской почвѣ, въ русской дѣйствительности. И у него составился стройный планъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ люди ума и просвѣщенія, они сотрудники власти на пути къ общему благу, посредники между нею и обществомъ. И Пушкинъ возлагаетъ на нихъ въ высшей степени отвѣтственный долгъ. Онъ говоритъ: «Дружина писателей и ученыхъ стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла».

Они должны отдавать отчетъ предъ общественнымъ мнѣніемъ во всякомъ своемъ поступкѣ, и Пушкинъ признаетъ извѣстную пользу даже за «ругателями» въ печати: писатель—«лицо общественное» и «пренія» объ его дѣйствіяхъ должны быть гласны: «одно изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ».

Усилія писателей должны быть направлены на созданіе общественнаго мнѣнія и руководительство имъ. Кто же представители этого мнѣнія и кто практически осуществитъ высокія задачи мысли? Народъ, при существующихъ условіяхъ, не въ состояніи самъ устроитъ свое благополучіе. У него единственный опекунъ и защитникъ—дворянство. Оно, обладая образованіемъ и досугомъ, должно посвятить себя на служеніе народному благу: это его—нравственный долгъ и историческое призваніе. И Пушкинъ мечтаетъ изъ дворянскаго сословія создать нѣчто въ родѣ національнаго представительства и народнаго предстательства предъ властью.

Идея не новая: Деместръ, политикъ французской реакціи, воображалъ спасти міръ съ помощью новыхъ «патриціевъ», идеально-самоотверженной, безкорыстной аристократіи, не знающей сословныхъ разсчетовъ, а только общенародное благо. Но самъ же «идеалистъ» вынужденъ былъ сознаться, что его патриціи существуютъ только въ его воображеніи; вмѣсто нихъ, въ дѣйствительности—сплоченная каста, преисполненная предразсудками и сословными вожделѣніями, каста, ежеминутно готовая наслаждаться жизнью именно за счетъ народнаго благоденствія, а иногда даже въ ущербъ чести своего отечества.

И Пушкинъ все-таки лелѣялъ свою мечту. Она свидѣтельствовала о полной практической безвыходности благонамѣреннаго политика. Аристократизмъ оказывался единственнымъ орудіемъ противъ безпринцип-

ныхъ удачниковъ табели о рангахъ и нравственнаго и гражданскиразвращеннаго чиновничества.

Но намъ ясно, что̀ это за аристократизмъ: менѣе всего сословная кичливость родомъ и кастовое обожаніе наслѣдственныхъ привилегій. Напротивъ, аристократическимъ предразсудкамъ Пушкинъ противоставлялъ свои *демократическія предразсудки*; такъ онъ и выражался, т. е. личную независимость, личный умъ и личный талантъ. Онъ убѣжденъ, «имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя». И Пушкинъ не былъ бы геніальнымъ человѣкомъ, если бы полагалъ свое личное достоинство въ происхожденіи. Геній—демократъ по самой своей сущности, и аристократическія идеи поэта ни единой чертой не похожи на аристократизмъ большого свѣта,—даже безусловно и непримиримо враждебны ему. И совершенно естественно—ученіе Пушкина объ аристократіи только еще сильнѣе озлобило на него «презрѣнныхъ потомковъ» своихъ отцовъ и всѣ породы пресмыкающихся.

Съ такими задачами Пушкинъ выступилъ на поприще публициста. Несомнѣнно, задачи съ теченіемъ времени могли преобразоваться: за это было порукой неутомимое трудолюбіе поэта и усвоенный имъ принципъ политическаго мышленія: *историческое* изученіе явленій. Его не переставали воодушевлять стремленія ранней молодости:

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь.

Годы измѣняли его понятія объ этой чести, и самъ Пушкинъ отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ этой перемѣнѣ, въ утратѣ своихъ «молодыхъ мыслей». Онъ, подобно Бѣлинскому, защищалъ преобразованія идей и взглядовъ: «глупецъ одинъ не измѣняется,—говорилъ онъ,—ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ».

Но перемѣна не была измѣной. Пушкинъ искренне искалъ выхода изъ удручающей современной дѣйствительности, искалъ, твердо оставаясь «на поприщѣ ума», ни на одну минуту не забывая оборонять просвѣщеніе и права личности и таланта. Онъ открыто заявлялъ о своей преданности Николаю I и имѣлъ основанія быть благодарнымъ: государь, дѣйствительно, отнесся къ нему гораздо лучше и даже сердечнѣе, чѣмъ аристократы и сановники. И Пушкинъ, всегда готовый горячо отозваться на всякое доброе чувство, ужасался показаться неблагодарнымъ. это его собственное признаніе. Но благодарность не поработила его личности, не могла наложить цѣпей на его умъ и геній, и, мы видѣли, крики боли и негодованія безпрестанно врывались въ спокойное обсужденіе высшихъ вопросовъ. Да и самое это обсужденіе вовсе не входило въ предначертанія низшихъ и высшихъ опекуновъ Пушкина: для нихъ онъ, со всѣми своими исторически обоснованными, уравновѣшенными взглядами, со всѣмъ своимъ стремительнымъ желаніемъ принести пользу отечеству и власти, водворить въ Россіи

единеніе правительства и просвѣщеннаго общества, со всѣми этими замыслами, и даже именно благодаря имъ, Пушкинъ оставался *внѣ* законнаго порядка вещей и даже внѣ покровительства общегражданскихъ законовъ. Его надлежало бояться, слѣдить за каждымъ его шагомъ, вчитываться и вслушиваться въ каждое его слово, и непремѣнно ловить, поучать и наказывать.

И спасители отечества были правы. Пушкинъ могъ задаться какими угодно почтенными намѣреніями, могъ даже въ извѣстное время дойдти до самыхъ благоразумныхъ взглядовъ; не въ этомъ была сущность дѣла,—его личность, натура, его умъ оставались неизмѣнными, неугомонными, ненасытными. Онъ родился, жилъ и умеръ безпокойнымъ человѣкомъ.

Въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ жизни, въ безвыходной тоскѣ среди одиночества, окруженный холодомъ, завистью, тайной злобой и вызывающей ненавистью, Пушкинъ писалъ слѣдующее признаніе:

Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море...
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!..

И здѣсь нѣтъ ни одной *фразы*: Пушкинъ оправдывалъ это заявленіе даже излишнимъ обиліемъ фактовъ... Легко представить, какая сложная задача предстояла русскому свѣту и русской администраціи ужиться съ подобнымъ фанатикомъ мысли! Именно въ необоримой, въ неумирающей страсти жить умомъ и всѣми великими силами души заключалась полная неприспособленность Пушкина къ средѣ. Онъ—ея прирожденный врагъ, между ними немыслимы сдѣлки, недостижимъ прочный миръ. Это явленія разныхъ міровъ, между ними возможны только временныя затишья, перемирія, отнюдь не договоры и союзы.

Въ этомъ и таилась драма Пушкина. Онъ вступилъ въ жизнь съ той роковой печатью на своей геніальной личности, какая, говорятъ, людямъ чуткимъ и нервнымъ бросается въ глаза при встрѣчѣ съ людьми *обреченными*. И врядъ ли еще въ чьей судьбѣ этотъ голосъ рока звучалъ такъ безпощадно и такъ настойчиво, отъ начала до конца, какъ въ жизни Пушкина!

VIII.

Въ одной изъ оффиціальныхъ бумагъ касательно Пушкина имѣется удивительное мѣсто, совсѣмъ не свойственное документамъ и отношеніямъ. Одинъ начальникъ поэта писалъ другому: «Исполненный горестей впродолженіе всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ оставилъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть лишь одно чувство — страстное желаніе независимости. Этотъ ученикъ уже рано проявилъ геніальность не-

обыкновенную. Успѣхи его въ лицеѣ были быстры. Его умъ вызывалъ удивленіе, но характеръ его, кажется, ускользнулъ отъ взора наставниковъ» [12]).

Драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія! Лучше нельзя отвѣтить на самый существенный вопросъ въ судьбѣ поэта: что встрѣтило его сердце сначала въ семьѣ, потомъ въ школѣ? Ни материнской любви, ни отцовской заботливости. Въ семьѣ большого свѣта на эти предметы не хватало ни желанія, ни времени, ни даже привычки. Отецъ — актеръ-любитель, каламбуристъ, эпикуреецъ, страстный охотникъ до анекдотовъ и неумолимый врагъ всякой серьезной умственной работы и какихъ бы то ни было хлопотъ. Для него дѣти совершенно безразличны. Въ ихъ присутствіи онъ разсказываетъ двусмысленныя исторіи и читаетъ менѣе всего педагогическіе стихи: лишь бы дѣти сидѣли смирно и не мѣшали говорить и слушать.

Жена—его достойная соревновательница по тону и взглядамъ на свои обязанности матери и хозяйки. Но она, кромѣ того, еще зла, взбалмошна, мстительна. Она можетъ публично, на балу, ударить дочь, цѣлый годъ не говорить съ сыномъ, смѣяться надъ его неуклюжестью и некрасивостью, изобрѣтать особенно мучительныя наказанія. Отъ нея прямо приходится спасаться и порѣже попадать въ ея общество.

И дѣти впослѣдствіи дѣйствительно бѣгутъ изъ родительскаго дому: дочь тайкомъ выходитъ замужъ, одинъ сынъ также скрытно отъ родителей поступаетъ въ военную службу, будущій геніальный поэтъ съ радостью покидаетъ ихъ, и они не огорчаются разлукой. Вскорѣ они докажутъ это блистательно.

Сынъ вернется домой изгнанникомъ. Мать встрѣтитъ его равнодушно, отецъ—съ невѣроятной жестокостью. Онъ объявитъ его чудовищемъ въ присутствіи брата и сестры, отдѣлитъ его отъ семьи, будто зачумленнаго, поэтъ вынужденъ будетъ цѣлые дни проводить гдѣ-нибудь въ полѣ, въ лѣсу, лишь бы не встрѣчаться съ отцомъ, вдобавокъ, отецъ приметъ на себя обязанности надзирателя за поведеніемъ сына и, слѣдовательно, доносчика, не побоится, въ порывѣ безсмысленнаго озлобленія, оклеветать его въ преступленіи, будто бы онъ, сынъ, покушался убить его, своего отца!.. Несчастный умоляетъ власти запереть его лучше въ крѣпость, чѣмъ заставить жить съ отцомъ.

Такова семейная лѣтопись дѣтства и молодости.

Въ промежуткѣ—школа.

Какія увлекательныя перспективы! Лицей—подъ неусыпнымъ, личнымъ надзоромъ государя, воспитанники окружены, повидимому, самой пристальной заботливостью, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, они освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, имъ при самомъ открытіи лицея заявляютъ, что ихъ назначеніе быть государственными людьми, «столпами обще-

[12]) Письмо гр. И. А. Каподистріи къ Инзову. *Русск. Ст.* 1887. LIII. 241.

ства», что отъ нихъ зависятъ нравственность и благоденствіе народа... Будутъ они изучать много и необыкновенно интересныхъ наукъ—историческихъ, политическихъ, нравственныхъ. Очевидно, начальство дѣйствительно возлагаетъ на нихъ самыя смѣлыя надежды и готовитъ ихъ къ славному будущему...

Да, развѣ только надежды и будущее, а дѣйствительность, настоящее, не имѣютъ почти ничего общаго со всѣмъ этимъ блескомъ. Уже въ самой программѣ какія-то странныя недоразумѣнія. Говорится, напримѣръ, слѣдующее: «Во второмъ курсѣ исторія должна быть дѣломъ разума. Предметъ ея есть представить въ разныхъ превращеніяхъ государствъ шествіе нравственности, успѣхи разума и паденіе его въ разныхъ гражданскихъ постановленіяхъ»... Очень величественно, но знаете, какой спутникъ въ этомъ шествіи? Боссюэ—достопочтенный идеологъ Людовика XIV и г-жи Монтеноръ.

Еще неожиданнѣе рѣшается вопросъ съ наставниками.

Самый видный, несомнѣнно,—ораторъ, столь широковѣщательно открывавшій лицеистамъ горизонты общественной дѣятельности. И Куницынъ, дѣйствительно, умѣлъ говорить, впослѣдствіи потерпѣть даже за неблагонамѣренную книгу *Право естественное*. Здѣсь, между прочимъ, говорилось: «употребленіе власти общественной безъ всякаго ограниченія есть тиранство, и кто оное производитъ есть тиранъ». Очень либерально, и автора уволили отъ службы. Но именно о немъ директоръ лицея Энгельгардтъ, человѣкъ удостовѣреннаго благородства, писалъ слѣдующее:

«Не всегда тѣ люди, которые, по техническому выраженію, *смѣло* говорятъ, точно то думаютъ, что говорятъ, и не всегда то дѣлаютъ, что говорятъ. Куницынъ на каѳедрѣ постоянно говорилъ противъ рабства и за свободу, а между тѣмъ несчастныхъ своихъ рабовъ держалъ хуже собакъ и до полусмерти бивалъ. Куницынъ на каѳедрѣ насмѣхался надъ піэтизмомъ, а послѣ нѣкотораго времени, каждое воскресенье, въ церкви князя Голицына всю обѣдню на колѣняхъ простаивалъ! Обыкновенно эти grands parleurs hardis, какъ моська въ баснѣ: имъ всѣмъ не до дѣла, а только для того, чтобы про нихъ сказали: «ай! моська!—смѣло говоритъ» [13]).

И какъ преподаватель, Куницынъ не оправдалъ надеждъ. Онъ скоро перешелъ къ самому простому способу, заставлялъ лицеистовъ вызубривать его записки слово въ слово; о самодѣятельности ума здѣсь не могло быть и рѣчи.

И все-таки Пушкинъ помянулъ Куницына добрымъ словомъ! Онъ могъ не знать гражданской *практики* профессора, а потомъ и некого было больше вспомнить, развѣ Галича за доброту сердца и соучастіе съ воспитанниками въ попойкахъ.

[13]) «Смѣлые краснобаи». *Руск. Стар.* 1875 г., XIII, 366. Письмо къ Кюхельбекеру, мартъ 1823 г.

Всѣ остальные или смѣхотворныя, дикія фигуры, въ родѣ брата Марата, преподавателя французской словесности, или Кошанскаго—ритора и стихоплета, педанта піитики и напыщеннаго краснословія. Онъ прямо не взлюбилъ Пушкина за его слишкомъ большой и свободный талантъ и самъ Пушкинъ умолялъ въ стихахъ «скучнаго проповѣдника» умѣрить ученый гнѣвъ своего вкуса и оставить въ покоѣ «лѣнивца молодаго». Кошанскому ничего другого и не оставалось.

Но въ лицеѣ былъ одинъ дѣйствительно благородный и добрый человѣкъ, воспитатель по природѣ, гоголевскій идеальный наставникъ—директоръ Энгельгардтъ. Лицеисты—его семья, ихъ умственное развитіе—высшая цѣль его жизни, онъ вѣчный предстатель у государя за своихъ питомцевъ и за ихъ просвѣщеніе, онъ впослѣдствіи и за Пушкина будетъ ходатайствовать, когда надъ поэтомъ соберется гроза и ретивые охранители порядка станутъ прочить его въ Сибирь и въ Соловецкій монастырь. Повидимому, всѣ данныя сойтись геніальному юношѣ съ подобнымъ учителемъ-другомъ.

На самомъ дѣлѣ, именно съ Энгельгардтомъ дѣло вышло хуже, чѣмъ со всякимъ другимъ. Директоръ на второмъ мѣсяцѣ послѣ своего поступленія въ лицей вздумалъ составить характеристики воспитанниковъ, и самая ужасная достается на долю Пушкина. Директору бросилась въ глаза его отчужденность, слишкомъ горячіе взрывы темперамента, онъ не справился, была ли у ребенка возможность — воспитать въ себѣ обходительность и ласковость и позаботился ли кто-нибудь объ его характерѣ и сердцѣ? И Энгельгардтъ открываетъ въ Пушкинѣ холодное сердце, лишенное любви и религіи, умъ поверхностный и пустой, отвращеніе ко всякому серьезному ученію...

Пушкинъ не могъ забыть этой опрометчивости и до конца не сходился съ Энгельгардтомъ. Нашлись и товарищи, раздѣлявшіе впечатлѣнія директора. Пущинъ, Дельвигъ, Кюхельбекеръ поняли поэта, хотя и не сразу, и Пущинъ прямо сознается, что полюбить Пушкина можно было только послѣ тщательнаго и любовнаго изученія его необыкновенной личности. Кто же на это способенъ? Въ лицеѣ оказались далеко не всѣ. Предъ нами отзывы и воспоминанія двухъ товарищей Пушкина и они менѣе всего благосклонны. Одинъ товарищъ убѣждаетъ насъ, что Пушкинъ во всю жизнь не имѣлъ «ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи», въ лицеѣ болталъ, большею частью, тривіальныя общія мѣста или хранилъ разсѣянное молчаніе; кромѣ того, всѣхъ превосходилъ пороками молодости. Вообще, по мнѣнію товарища, Пушкинъ не былъ созданъ ни «для высшей любви, ни для истинной дружбы». Въ немъ не было «ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ и въ заключеніе онъ представлялъ типъ самаго грязнаго разврата» [14]).

---

[14]) *Записки графа М. А. Корфа. Къ біографіи.* II, 19.

Другой товарищъ современемъ наляжетъ на произведенія Пушкина, приравняетъ *Евгенія Онѣгина* къ роману Булгарина *Иванъ Выжигинъ*, вообще въ послѣдній періодъ его дѣятельности объявитъ «спустившимся», а по поводу *Бориса Годунова* обвинитъ даже въ недостаточно сочувственномъ и серьезномъ отношеніи къ бѣдственной эпохѣ русской исторіи [15]). Въ этихъ, хотя бы и литературныхъ приговорахъ не видно дружескаго, даже просто терпимаго отношенія къ поэту: жестокая критика будто доставляетъ удовольствіе автору.

Очевидно, и лицей принесъ мало удовлетворенія сердцу Пушкина. У него остались навсегда поэтическія воспоминанія о своей юношеской «отчизнѣ», но эта поэзія, все равно, какъ и память о Куницынѣ и Галичѣ, *превосходила* горячностью чувства заслуги лицъ и предметовъ, свидѣтельствовала прежде всего о способности поэта увлекаться и любить. А потомъ именно на воспоминаніяхъ молодости такъ легко сглаживаются и совсѣмъ исчезаютъ тѣни!

Не много далъ лицей и уму Пушкина, и не одного его. Выпускные экзамены явились комедіей, столь обычной въ доброе старое время. Вопросы и отвѣты были подготовлены раньше и каждый воспитанникъ выполнялъ заранѣе опредѣленную ему роль. Инымъ способомъ профессора не разсчитывали благополучно разрѣшить задачу. Лицеисты выпускались просто потому, что ихъ надо было выпустить—все равно, что и по какому предмету они знали. Въ аттестатѣ Пушкина, напримѣръ, совсѣмъ не указаны успѣхи по исторіи, географіи, статистикѣ, математикѣ и нѣмецкому языку. Съ такими лаврами вступали въ жизнь юные государственные дѣятели!

Теперь подведите итоги домашнимъ и школьнымъ благодѣяніямъ. Объ образованіи можно говорить только съ крайней снисходительностью: родители Пушкина нанимали къ себѣ въ домъ шутовъ и уродовъ, учителя охотнѣе играли въ карты съ лакеями или кропали французскіе стихи, чѣмъ занимались съ дѣтьми. *Нѣмецъ* училъ будущаго поэта *русскому* языку, а французскій графъ-эмигрантъ, съ музыкальнымъ талантомъ, завѣдывалъ его воспитаніемъ. Лицей въ общемъ достойно продолжилъ семейную программу, только велъ ее гораздо веселѣе.

Царскосельскій садъ и лицейскіе корридоры превратились въ укромные уголки для любовныхъ приключеній съ горничными и крѣпостными актрисами. Кстати пришелся лейбъ-гусарскій полкъ, стоявшій въ селѣ, общія компаніи лицеистовъ съ офицерами, совмѣстное ученье въ манежѣ: самые подходящіе товарищи, чтобы постигнуть «шествіе нравственности и успѣхи разума».

Но лицей покинутъ. Какъ поэту, при его африканской крови, удалось спасти душу и человѣческій образъ послѣ долголѣтняго стран-

---

[15]) *Ист. В.* 1883, XIV, 529 etc, письма Комовскаго.

ствованія въ тѣни царскосельскаго парка съ Наташами и гусарами—тайна исключительно его природы, отнюдь не внѣшней помощи. Еще любопытнѣе, какъ послѣ упорнаго презрѣнія къ исторіи и словесности лицейскихъ профессоровъ у поэта осталась страстная любовь къ исторіи и къ литературѣ? Какъ послѣ куплетовъ и мадригаловъ горничнымъ и актрисамъ онъ нашелъ въ себѣ охоту и волю *три года* работать надъ поэмой *Руслан и Людмила*, и работать тайкомъ, съ неослабнымъ усердіемъ, съ величайшимъ напряженіемъ таланта и ума?

Онъ вступаетъ въ свѣтъ. Такъ какъ онъ молодъ и дворянинъ, это, значитъ, онъ долженъ возможно чаще бывать въ театрѣ, непремѣнно стать своимъ человѣкомъ за кулисами, обзавестись спеціальнымъ сценическимъ кумиромъ, играть въ карты, кутить, ссориться съ пріятелями изъ-за актрисъ и общедоступныхъ женщинъ, драться на дуэляхъ. Попадетъ онъ въ салонъ солидныхъ людей,—онъ долженъ погрузиться въ мелочныя дрязги, въ сплетни, непремѣнно опошлѣть и поглупѣть, иначе его изведетъ скука и отвращеніе ко всему живому. «Политика и литература для нихъ не существуютъ», съ тоской воскликнетъ поэтъ о высшемъ свѣтѣ, и будетъ метаться, будто въ душномъ тѣсномъ углу.

Правда, въ Петербургѣ имѣется необыкновенно тонный и въ то же время чрезвычайно просвѣщенный салонъ исторіографа Карамзина. Но здѣсь Пушкину, пожалуй, еще тошнѣе, чѣмъ съ какимъ-нибудь Якубовичемъ или графомъ Толстымъ-американцемъ. Исторіографъ закаменѣлъ въ своемъ величіи. Онъ неустанно декламируетъ противъ «либералистовъ», онъ желалъ бы, повидимому, остановить нравственную смѣну поколѣній и обморочить самую жизнь своимъ священнодѣйственнымъ профессіональнымъ фразерствомъ. Предъ Пушкинымъ онъ существо высшаго порядка, олимпійски-величественное, высокомѣрное. Пушкинъ жалуется: «Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить». Мы не знаемъ, въ чемъ состояло оскорбленіе, но его долженъ былъ чувствовать молодой поэтъ въ каждомъ изреченіи, въ каждомъ снисходительномъ жестѣ. Собственно личность Пушкина для исторіографа безразлична. Для него это «безпутная голова», онъ напрасно старался образумить ее и «предалъ несчастнаго року и Немезидѣ». Такъ, по обыкновенію и не кстати упиваясь красивыми рѣченіями, вѣщаетъ Карамзинъ и находитъ возможнымъ сострадать только пушкинскому таланту.

Легко представить, какое впечатлѣніе производятъ всѣ эти аллюры на пылкую натуру поэта! Онъ не сдерживаетъ вспышки и бросаетъ ѣдкую эпиграмму въ мнимый государственный разумъ ритора. На него немедленно возстаетъ карамзинская церковь съ кн. Вяземскимъ во главѣ потому что Карамзинъ сталъ для нѣкоторыхъ неприкосновенной августѣйшей особой, посягать на его величіе — значило быть винов-

нымъ въ оскорбленіи величества, чуть не въ измѣнѣ отечеству, и мы знаемъ, какъ эта «карамзинолятрія» отомстила Полевому. И вотъ, кн. Вяземскій, предводитель этихъ литературныхъ сеидовъ, ополчается на Пушкина. Поэтъ чувствуетъ раскаяніе, но не можетъ не заявить, даже годы спустя, что Карамзинъ былъ ему *чуждъ*.

Оставались Жуковскій. Батюшковъ, тотъ же кн. Вяземскій. У нихъ даже существовало общество, называлось *Арзамасъ*, происходили очень веселыя и остроумныя засѣданія, здѣсь подвергались казни ископаемые пииты и бранчивые педанты-эстетики. Но шуткой, острословіемъ все и кончалось, да еще изобрѣтеніемъ забавныхъ прозвищъ. Научиться чему-нибудь, воспринять плодотворную идею здѣсь не было возможности. А потомъ и всѣ эти острословы сами принадлежали прошлому. Ихъ романтизмъ становился фактомъ историческимъ, и съ самаго начала былъ не національнымъ, не народнымъ: не въ такой школѣ учиться молодому геніальному таланту, и дядя Пушкина, Василій Львовичъ, одно изъ первыхъ свѣтилъ «Арзамаса», находилъ племянника *trop libre*, *слишкомъ свободнымъ*... Еще теперь, когда племянникъ пока вращался въ старой атмосферѣ, романтической и международной.

Что же будетъ, когда онъ заговоритъ о «фламандскомъ сорѣ» русской жизни, о герояхъ «обыкновенныхъ малыхъ»? Придется окончательно придти въ недоумѣніе и отвергнуть всякое родство у «бѣшенаго сорванца» со всѣми столпами россійской словесности.

Да, задача этотъ поэтъ одинаково и для русскаго Парнасса, и для русскаго салона, и, что особенно важно, для петербургской канцеляріи. Приходится его «убрать»: можетъ быть, онъ поумнѣетъ, научится чинопочитанію, обратитъ должное вниманіе на службу, обзаведется семьей и станетъ мирнымъ сочинителемъ, писателемъ между прочимъ, а преимущественно бариномъ и чиновной особой.

Ожиданія, повидимому, оправдываются. Пушкинъ дѣйствительно трезвѣетъ, идеалистическіе порывы уступаютъ мѣсто обдуманнымъ, исторически-обоснованнымъ воззрѣніямъ, дѣйствительность окончательно затмеваетъ блестящія романтическія грезы. Поэтъ начинаетъ говорить о вдумчивомъ отношеніи къ современности, объ уваженіи къ прошлому, о постепенномъ возникновеніи будущаго. И обстоятельства, повидимому, складываются вполнѣ благопріятно, чтобы поэтъ сталъ, наконецъ, признаннымъ членомъ общества и законнымъ гражданиномъ своего отечества. Самъ государь привѣтствуетъ его отрезвленіе и говоритъ ему:

— Довольно, ты подурачился, надѣюсь, теперь будешь разсудительнымъ и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ [16]).

И обѣщаніе выполняется. Шефъ жандармовъ извѣщаетъ поэта, что

---

[16]) Разсказъ со словъ Пушкина. *Русск. Стар.* 1880, XXVII, 132.

сочиненій его никто не будетъ разсматривать: «На нихъ нѣтъ никакой цензуры: Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ». Поэтъ можетъ доставлять ихъ или черезъ графа Бенкендорфа, или «прямо адресовать на Высочайшее имя». Государь, по словамъ шефа жандармовъ, увѣренъ, что Пушкинъ «употребитъ отличныя способности свои на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертію имъ свое».

Превосходно! Никто изъ русскихъ писателей не пользовался такой привилегіей и никто такъ заботливо не направлялся по пути къ славѣ и даже къ безсмертію. И Пушкинъ возликовалъ.

Москва праздновала его освобожденіе, высочайшую милость къ нему, и поэтъ отдался мысли быть свободнымъ и знаменитымъ. Онъ поспѣшилъ познакомить московское общество съ *Борисомъ Годуновымъ*, вызвалъ восторгъ до самозабвенія и ликовалъ вмѣстѣ съ публикой. Будущее, казалось, открывалось дѣйствительно свѣтлое и необъятно величественное.

Но торжество продолжалось очень недолго, за пиромъ слѣдовало самое зловѣщее похмелье, и тяжелая завѣса упала на чарующія перспективы, лишь только онѣ успѣли открыться.

IX.

Чтеніе драмы происходило въ сентябрѣ, а въ ноябрѣ шефъ жандармовъ уже дѣлалъ внушеніе пылкому поэту: какъ онъ смѣлъ читать поэму въ обществѣ безъ вѣдома начальства? Это значитъ не чувствовать «въ полной мѣрѣ великодушнаго монаршаго снисхожденія», вообще не быть «благомыслящимъ» и достойнымъ милостей.

Первое предостереженіе, и Пушкинъ могъ дѣйствительно собраться съ мыслями и задать себѣ вопросъ: чего же ему ждать на будущее время? Если онъ вполнѣ не уяснилъ себѣ значенія письма Бенкендорфа, обстоятельства не замедлили навести его на путь истинный, прежде всего *принципіально*.

Пушкинъ представилъ свою записку о народномъ воспитаніи и получилъ оффиціальную критику, способную вразумить самаго опромечтиваго мечтателя и поэта. Авторъ записки могъ усмотрѣть изъ отеческихъ наставленій того же шефа жандармовъ, до какой степени превратно понималъ онъ просвѣщеніе. Онъ считалъ его вѣрнѣйшимъ средствомъ спасти молодежь отъ несбыточныхъ надеждъ и пагубныхъ увлеченій, воспитать настоящихъ гражданъ отечеству,—Бенкендорфъ считалъ просвѣщеніе ядомъ и заразой и «правило» Пушкина насчетъ необходимости распространять просвѣщеніе «есть правило, опасное для общаго спокойствія». Изъ соображеній Бенкендорфа выходило, что просвѣщеніе непремѣнно «неопытно, безнравственно и безполезно» и вмѣсто него должны господствовать «прилежное служеніе» и «усердіе».

Это уже убѣдительнѣе внушенія за *Бориса Годунова* и у Пушкина должны окончательно открыться глаза, къ какимъ людямъ шелъ онъ съ своимъ искреннимъ желаніемъ служить родинѣ умомъ и талантомъ.

Откровенія слѣдовали одно за другимъ и Пушкинъ безпрестанно могъ вычеркивать изъ своихъ писательскихъ разсчетовъ и просто обывательской свободы одинъ пунктъ за другимъ. Освобожденіе отъ общей цензуры совершенно неожиданно, но чрезвычайно просто превратилось для поэта прямо въ лишеніе правъ, принадлежавшихъ каждому русскому литератору.

Бенкендорфъ увѣрялъ поэта, что онъ обязанъ ему, Бенкендорфу, не какъ шефу жандармовъ, а какъ человѣку-другу и покровителю, оберегающему его своими совѣтами и руководящему имъ къ его же пользѣ. Но понятія Бенкендорфа о дружбѣ и покровительствѣ, очевидно, были столь же своеобразны, какъ и о просвѣщеніи.

Онъ безповоротно убѣжденъ, что Пушкинъ существо несовершеннолѣтнее и такимъ останется до конца своихъ дней, просто потому, что онъ сочинитель. Правда, перо у него «блистательное», но за нимъ нуженъ зоркій глазъ, нисколько не меньше, чѣмъ за поступками невмѣняемаго субъекта. Именно такое воззрѣніе на Пушкина должно лежать въ «покровительствѣ» Бенкендорфа: иначе невозможно объяснить безпримѣрно издѣвательскихъ отношеній его къ поэту.

Онъ часто говоритъ весьма лестно, даже льстиво о талантѣ Пушкина въ своихъ письмахъ, и здѣсь же рядомъ, непремѣнно—личное оскорбленіе, въ родѣ обвиненія въ нарушеніи честнаго слова. Лесть, очевидно, должна задобрить буйнаго человѣка, а потомъ его уже можно и хлеснуть, все равно, хотя бы даже по чувству личной чести.

Напримѣръ, Пушкину необходимо только переѣхать изъ Москвы въ Петербургъ. Казалось бы, не можетъ быть и сомнѣнія въ правѣ поэта, столь благосклонно обласканнаго государемъ. Оказывается, надо подать особую просьбу и отвѣтъ на нее получается слѣдующій:

«Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно въ полномъ смыслѣ сдержано».

Въ томъ же 1827 году, когда писалось это письмо, случилась новая исторія, окончательно смутившая Пушкина и навсегда пресѣкшая ему пути свободной дѣятельности.

У кандидата московскаго университета Леопольдова нашли отрывокъ изъ элегіи Пушкина *Андрей Шенье*, сорокъ четыре стиха, не пропущенные въ печать. Леопольдовъ сдѣлалъ помѣтку, что стихи написаны «на 14-е декабря». Листы попали въ руки генералу Ивану Никитичу Скобелеву, вѣдавшему раньше тайную полицію. Генералъ уже раньше старался вернуть себѣ карьеру при помощи пушкинскихъ стиховъ. Генералъ оставался не у дѣлъ по подозрѣнію въ «либеральности» и, по

его словамъ, томился «угрызеніями грозно преслѣдующей совѣсти», хранилъ «постоянные порывы къ истинному добру» и «пламенное желаніе быть полезнымъ благодѣтелю-царю». Представился случай доказать все это доносомъ на неблагонамѣренные стихи Пушкина. Это было три года назадъ. Тогда Скобелевъ даже не имѣлъ въ своихъ рукахъ возмутительныхъ стиховъ, доносилъ по слухамъ и все-таки дѣлалъ такое заключеніе: «если бы сочинитель вредныхъ пасквилей немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры, было бы лучше».

Теперь у генерала имѣется документъ и онъ немедленно сообщаетъ его съ надлежащими соображеніями Бенкендорфу. Началось дѣло, вполнѣ не прекращавшееся относительно Пушкина до самой его смерти. Преступные стихи *Привѣтствую тебя, мое свѣтило* не могли появиться въ собраніи сочиненій поэта до 1870 года, на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ декабрьской смутѣ. Они написаны до 14-го декабря и цѣликомъ относятся къ французской революціи 1789 года. Шенье говоритъ въ нихъ о взятіи Бастиліи, о клятвѣ членовъ генеральныхъ штатовъ въ залѣ Jeu de paume, о перенесеніи праха знаменитыхъ французскихъ писателей въ Пантеонъ, и для всякаго должна быть очевидна безсмыслица приписывать все это 14-му декабря!

Но объясненія поэта не возъимѣли успѣха. Дѣло восходило до сената и государственнаго совѣта, къ нему привлекли знакомыхъ Леопольдова, выдержали ихъ болѣе года въ тюрьмѣ, двухъ лейбъ-гвардейскихъ офицеровъ перевели въ армію послѣ заключенія одного изъ нихъ въ крѣпости, Леопольдова было присудилъ сенатъ къ сдачѣ въ солдаты и лишенію университетскаго диплома, а въ случаѣ непригодности къ военной службѣ, сослать въ Сибирь на поселеніе. Государственный совѣтъ наказаніе Леопольдову отмѣнилъ, но Пушкина не помиловалъ.

Поэтъ на допросѣ, объяснивъ истинный смыслъ своихъ стиховъ, имѣлъ неосторожность спросить у судей: «Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?»

Государственный совѣтъ призналъ убѣдительность объясненій, но обидѣлся заключительнымъ вопросомъ поэта, постановилъ, чтобы впредь Пушкинъ безъ разрѣшенія цензуры не выпускалъ въ свѣтъ ни одного своего творенія, и прибавилъ, чтобы «за Пушкинымъ, по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ на счетъ происшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самого сочиненія его, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года напечатаннаго, имѣлся секретный надзоръ» [17]).

Какую богатую поживу представилъ Бенкендорфу этотъ приговоръ! Съ этихъ поръ Пушкинъ, будто временно выпущенный на волю арестантъ. Негласный надзоръ сопровождаетъ его всюду. Каждый его

[17]) Процессъ объ *А. Шенье*.—*Р. Старъ* 1874, X, 691 etc.; XI, 584 etc.; 1882, XXXIII, 465; 1883, XXXVIII, 690.

переѣздъ вызываетъ безпокойство въ третьемъ отдѣленіи, дѣятельную переписку объ *образѣ жизни* и *поведеніи* Пушкина [18]). Секретныя отношенія летятъ за нимъ вслѣдъ, по канцеляріямъ всѣхъ губернаторовъ, въ чьи губерніи онъ направляется. Предъ нами отношенія нижегородскаго военнаго губернатора къ казанскому военному губернатору, казанскаго губернатора къ казанскому полиціймейстеру: превосходные образчики идеальной бдительности третьяго отдѣленія. Но особенно тревожится оно, когда Пушкину вздумалось проѣхать на Кавказъ. Помимо надзора, слѣдуетъ запросъ самому поэту о цѣли его путешествія. На Кавказѣ находится нѣсколько декабристовъ, Пушкину необходимо оставить и этотъ край, по отеческому совѣту Паскевича... Не дозволяются переѣзды даже изъ Петербурга въ Москву безъ вѣдома шефа жандармовъ: у Пушкина мгновенно требуютъ объясненій по поводу отлучки. Поэтъ горько жалуется на притѣсненія, на безпрестанные выговоры, и это въ письмѣ къ Бенкендорфу!

Мало этого, именно въ Бенкендорфѣ онъ готовъ видѣть своего единственнаго защитника. «Если завтра вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму».

Въ какое отчаяніе надо придти, чтобы написать такія слова и такому защитнику!

И мы понимаемъ настроеніе Пушкина. Онъ рѣшительно не могъ сдѣлать шагу ни какъ писатель, ни какъ членъ общества, чтобы не встрѣтить ненависти и интриги. Если Бенкендорфъ по-своему понялъ порученіе Николая I «оберегать» Пушкина, то и министръ Уваровъ явно стремился извлечь изъ новаго положенія поэта новыя узы и скорпіоны. Это, оказалось, нетрудно. Пушкинъ не подлежитъ общей цензурѣ, его произведенія разрѣшаются къ печати государемъ, слѣдовательно, каждое даже мелкое стихотвореніе должно быть представлено его величеству. Но въ то же время государственный совѣтъ постановилъ лишить Пушкина права печатать что-либо безъ цензурнаго разрѣшенія. Въ результатѣ получилось нѣчто по истинѣ безжалостное.

Лично Пушкинъ только случайно могъ встрѣчаться съ государемъ и, конечно, не могъ докучать ему разговорами и ходатайствами о своихъ произведеніяхъ. Это онъ самъ пишетъ Бенкендорфу. Фактически, слѣдовательно, цензоромъ являлся Бенкендорфъ и чиновники третьяго отдѣленія, которымъ онъ поручалъ разсмотръ и даже критическую оцѣнку произведеній Пушкина. Съ этими оцѣнками и представлялись рукописи поэта государю, напримѣръ, *Борисъ Годуновъ*, *19-е октября*, отрывки изъ *Евгенія Онѣгина*. Критики изъ третьяго отдѣленія не желали ограничиться своей спеціальностью, пускались и въ художественныя разсужденія, напримѣръ, совѣтовали *Бориса Годунова* переложить въ романъ. Пушкину приходилось отвоевывать даже свою

[18]) *Русск. Стар.* 1882, XXXIII, 225.

поэтическую самостоятельность, заявлять, что онъ не въ состояніи передѣлывать разъ написанное, онъ умоляетъ снисходительнѣе относиться къ его безусловно искреннему творчеству. Бенкендорфъ, разумѣется, не внемлетъ мольбамъ, мститъ задержкой въ печатаніи драмы, разрѣшенной государемъ, и унизительнымъ запросомъ по поводу стихотворенія *Анчаръ*.

Оно появляется въ печати, безъ представленія Бенкендорфу, съ разрѣшенія обыкновенной цензуры, и шефъ жандармовъ безъ всякихъ стѣсненій обвиняетъ его въ обманѣ, въ нарушеніи честнаго слова. Пушкинъ оскорбленъ до глубины души, онъ до самой смерти не можетъ забыть этой обиды, пишетъ Бенкендорфу, что, по его мнѣнію, высочайшая милость не лишаетъ его права всѣхъ другихъ подданныхъ, печатать свои произведенія съ дозволенія цензуры.

Соображеніе, повидимому, неопровержимое, но только не для защитниковъ Пушкина. Бенкендорфъ, очевидно, считаетъ личнымъ оскорбленіемъ не знать и не одобрить каждой строки поэта, а Уваровъ, въ свою очередь, не желаетъ признавать особой цензуры для Пушкина и требуетъ цензуры его произведеній, допущенныхъ въ печать изъ канцеляріи его величества. Разумѣется, онъ не смѣетъ дѣлать этого въ самый моментъ разрѣшенія, но немедленно налагаетъ свой запретъ на *вторыя* изданія разрѣшенныхъ произведеній. Пушкину остается удостовѣрить чудовищный фактъ: «Я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ» [19]).

Но у министра Уварова свои счеты съ поэтомъ, и онъ, по собственному побужденію, образуетъ съ Бенкендорфомъ неумолимый инквизиторскій дуумвиратъ и они вдвоемъ благосклонность Николая I къ поэту сдѣлаютъ источникомъ исключительныхъ, истинно-привилегированныхъ гоненій и оскорбленій. Пушкинъ, наконецъ, рѣшаетъ, что гораздо легче жить и писать безъ исключительной верховной цензуры, и ходатайствуетъ подчинить его обыкновеннымъ цензорамъ хотя бы отчасти, т. е. для нѣкоторыхъ произведеній.

И особенно любопытно,—все время Пушкина увѣряли въ благосклонности и въ полной его свободѣ. Бенкендорфъ пишетъ ему, будто никогда никакая полиція не получала приказанія наблюдать за нимъ и *дружескія* предостереженія его, шефа жандармовъ, могли только принести пользу ему, Пушкину. Даже отецъ поэта находитъ, что Бенкендорфъ придирается къ его сыну неслыханно и причиняетъ ему ужасное настроеніе духа [20]).

Пушкину на каждомъ шагу даютъ понять, что ему не довѣряютъ

---

[19]) Исторія по поводу *Анджело*. — Письмо въ главный комитетъ цензуры. — *Сочиненія* VII. 386.

[20]) Benkendorff lui fait des chicanes inies. ce qui rend mon fils d'une humeur atroce.—*Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ.*—Л. Павлищева. М. 1890, 305.

и даже, что онъ не заслуживаетъ довѣрія. Ему позволяютъ работать въ архивахъ, но подъ наблюденіемъ гр. Блудова,—личности, уже составившей себѣ имя необыкновенно ревностнымъ изобличеніемъ *Московскаго Телеграфа* въ неблагонамѣренномъ направленіи. Но и подъ такимъ надзоромъ Пушкину доступны архивы только до тѣхъ поръ, пока онъ числится чиновникомъ; какъ частный человѣкъ онъ лишается этого права: «оно можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства» [21]).

Эти воззрѣнія власти не тайна въ обществѣ и въ литературѣ, и здѣсь отношенія къ Пушкину складываются сообразно съ чувствами Бенкендорфа и Уварова. Этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе, нравственное и практическое. Онъ является самой краснорѣчивой чертой въ судьбѣ русскаго поэта. На немъ основана вся безпросвѣтная драма, душившая Пушкина въ теченіе всей жизни и, наконецъ, поразившая его насильственной смертью.

Много лѣтъ позже два русскихъ писателя, изображая свое положеніе въ современномъ обществѣ, опредѣлили его совершенно тождественно, взаимно дополнили наблюденія другъ друга. Одинъ говорилъ:

Не братъ еще людямъ поэтъ
И тернистъ его путь и не проченъ.

Другой объяснилъ, почему: «Я личнымъ опытомъ основательно и безповоротно убѣдился, что человѣку, который живетъ и дѣйствуетъ внѣ сферы служительскихъ словъ, ни откуда поддержки себѣ ждать нечего».

Можетъ быть, кто-нибудь изъ современниковъ Некрасова и Салтыкова попытается уличить ихъ въ слишкомъ мрачномъ настроеніи, относительно Пушкина немыслимо ни малѣйшее колебаніе: «служительскія слова» отравили его нравственный міръ и варварская, тупо и слѣпо ненавистническая среда предала его медленной долголѣтней казни за свободный умъ, геніальный талантъ и благородную рѣчь.

X.

Пушкинъ, по своей страстной природѣ, могъ, пожалуй, впадать въ крайности, преувеличивать низменный характеръ свѣтской и литературной черни, вызывавшей въ немъ дрожь отвращенія и гнѣва. Такъ именно весьма многіе склонны были думать и при жизни поэта, и послѣ его смерти. Его неумчивое сердце безпрестанно встрѣчало дружескія внушенія и укоризны. Особенно любопытно поученіе, прочитанное Пушкину кн. Вяземскимъ еще во время его ссылки въ Михайловскомъ.

Князь—человѣкъ барской словесности и карамзинскихъ воззрѣній, но онъ настоящій литераторъ, умный, посильно честный и, главное, искренне любящій Пушкина. Онъ крайне обезпокоенъ волненіями поэта въ из-

[21]) *Русск. Стар.* 1874, X, 712.

гнаніи, его замыслами—во что бы то ни стало вырваться изъ тюрьмы, и рѣшается отчасти навести его на путь примиренія и терпимости. «Попробуй плыть по водѣ,—убѣждаетъ князь, — ты довольно боролся съ теченіемъ». Князь спѣшитъ, разумѣется, оговориться: онъ не совѣтуетъ плыть къ грязному берегу, надо выбрать теченіе, гдѣ «ничто не задѣнетъ совѣсти, ничто не запятнаетъ характера».

Очень благоразумные совѣты и, мы знаемъ, Пушкинъ искренне рѣшился послѣдовать имъ. Онъ, несомнѣнно, разсчитывалъ на болѣе или менѣе благополучное плаваніе и даже съумѣлъ, вѣроятно, примирить съ своими разсчетами совершенно безнадежный отзывъ князя о судьбѣ русскаго писателя въ русскомъ обществѣ. Отзывъ—въ высшей степени замѣчательный, прямо культурно-историческій. Всѣ «карамзинскія» соображенія князя вполнѣ очевидны, они могутъ быть устранены безъ всякаго ущерба самой сущности его разсужденій, и эта сущность должна остаться для насъ незабвенна.

Онъ пишетъ Пушкину:

«Ты сажалъ цвѣты, не сообразясь съ климатомъ. Морозъ сдѣлалъ свое, вотъ и все... Ты можешь быть силенъ у насъ только одною своею славою, тѣмъ, что тебя читаютъ съ удовольствіемъ, съ жадностью, но несчастіе у насъ не имѣетъ силы ни на грошъ. Хоть будь въ кандалахъ... ихъ звукъ не разбудитъ ни одной новой мысли въ толпѣ, въ народѣ, который у насъ мало чутокъ... У насъ никому нѣтъ мѣста почетнаго... Оппозиція у насъ пустое и безплодное ремесло во всѣхъ отношеніяхъ... Она не въ цѣнѣ у народа... Поклоняемся мы одному счастью, и благородное несчастіе не имѣетъ еще кружка своего въ мѣсяцесловѣ народа ребяческаго... Пушкинъ, по характеру своему, Пушкинъ, какъ блестящій примѣръ превратностей различныхъ, ничтоженъ въ русскомъ народѣ; за выкупъ его никто не дастъ алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворная отрыжка... Донъ-Кихотъ новаго рода, ты снимаешь шляпу, кладешь земные поклоны и набожничаешь передъ вѣтреною мельницею, въ которой не только Бога или святого, но и мельника не бывало» [22]).

Мѣткость этихъ разсужденій можетъ вполнѣ оцѣнить всякій читатель. Только неизвѣстно почему, кн. Вяземскій толкуетъ о народѣ: въ 1825 году это, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно и неосновательно. Крѣпостной народъ не мѣшался въ литературу и публики не составлялъ,—имя его, слѣдовательно, произносится всуе, и должно быть подмѣнево другимъ—какимъ угодно—свѣтъ, общество, публика, толпа, чернь: всѣ эти понятія въ данномъ случаѣ тождественныя, и Пушкину, какъ и всякому русскому писателю, приходилось и приходится до сихъ поръ считаться именно съ этими силами. Изображены они кн. Вяземскимъ прямо безукоризненно и отношенія ихъ къ Пушкину поняты непогрѣ-

[22]) *Русск. Архивъ*. 1874. № 1.

шимо: «они,—говоритъ князь,—удовольствуются первою разгадкою, что ты человѣкъ неугомонный, съ которымъ ничто не беретъ, который изъ охоты идетъ наперекоръ власти, друзей, родныхъ и котораго вѣрнѣе и спокойнѣе держать на привязи, подальше».

Князь, будто, читалъ въ мысляхъ Бенкендорфа и Уварова! Онъ сдѣлалъ еще шагъ и, какъ свѣдущее лицо, раскрылъ психологію дѣятельнѣйшаго приспѣшника третьяго отдѣленія—большого петербургскаго свѣта. Пушкинъ именовалъ этотъ свѣтъ—чернью и гнусной грязной лужей (un vilain lac de boue [23]), но опять это, можетъ быть, взрывъ неумчивой страсти,—вотъ спокойное и вѣжливое разсужденіе князя.

«У насъ въ обществѣ писателю нѣтъ мѣста. По свѣтскому уложенію, авторство не есть званіе, коего представительство имѣетъ свои права, свой голосъ и законный удѣлъ на съѣздѣ членовъ большого свѣта. Писатель въ Россіи, когда онъ не съ перомъ въ рукахъ, не въ книгѣ своей, есть существо отвлеченное, метафизическое. Если онъ хочетъ быть существомъ положительнымъ, то имѣй онъ еще въ запасѣ постороннее званіе, и сія эпизодическая роль затмитъ и перевѣситъ главную. Исключенія изъ сего правила рѣдки и всегда случайны и временны. Можно пробыть авторомъ въ обществѣ на полчаса, подобно пѣвцу или пьянисту, которые обращаютъ на себя вниманіе только, пока ихъ искусство въ дѣйствіи. Роль, которую играли во Франціи писатели, такъ называемые gens de lettres, въ особенности же царствованія Людовика XV и Людовика XVI до начала революціи, такъ далека отъ нашихъ нравовъ и господствующихъ у насъ понятій, что мы худо постигаемъ всемогущее вліяніе, которое они имѣютъ не только на общую образованность народа, но и на частныя мнѣнія и привычки общества».

Надо помнить, авторъ этихъ словъ самъ принадлежалъ къ высшему обществу, отнюдь не могъ страдать разлитіемъ литераторской желчи или страстью во что бы то ни стало защищать литературный цехъ: онъ говорилъ, какъ писатель-баринъ, какъ просвѣщенный мыслящій и умѣренно-либеральный аристократъ и ни чей судъ не могъ быть освѣдомленнѣе и убѣдительнѣе.

Тотъ же князь Вяземскій не оставилъ насъ безъ краснорѣчивыхъ данныхъ и на счетъ современной господствующей и признанной литературы. Вскорѣ послѣ возвращенія Пушкина изъ ссылки онъ писалъ Жуковскому:

«Я не Булгаринъ и не будочникъ,—слѣдовательно, какъ мнѣ журналъ издавать?» [24]). Именно такіе литераторы въ силу вещей должны процвѣтать и множиться. Общество другихъ не допускаетъ и по очень основательной причинѣ: съ Булгариными можно обращаться какъ угодно—вплоть до оскорбленій словомъ и дѣйствіемъ, съ писателемъ, себя ува-

[23]) *Русск. Стар.* 1880, XXVIII, 103. Письмо къ П. А. Осиповой, авг. 1835.
[24]) *Къ біографіи.* II, 37.

жающимъ, надо считаться и, пожалуй, даже сообразоваться съ его мыслями и вкусами. Это—невѣроятно тамъ, гдѣ писатель—лицо отвлеченное и сановники откровенно заявляютъ: «лучше монополія въ рукахъ у людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ» [25]).

Естественно, тѣснѣйшая родственная связь устанавливается сама собой, между обществомъ, не считающимъ писателя за лицо, литературой, отданной въ руки не лицъ и властью въ лицѣ Бенкендорфа. Это неразрывный, согласный тріумвиратъ, онъ построенъ на однихъ и тѣхъ же жизненныхъ интересахъ, у него одинъ и тотъ же врагъ—свободное мнѣніе свободно мыслящей личности, одна и та же цѣль—низкій нравственный и умственный уровень читателя, одни и тѣ же средства—притѣсненія всего самобытнаго личнаго, даровитаго. Бенкендорфъ и Уваровъ донимаютъ писателя выговорами, надзорами, покушеніями на его гражданскую и даже личную свободу, ставятъ его внѣ закона и заставляютъ Пушкина написать женѣ слѣдующія отчаянныя строки въ самомъ началѣ издательскаго поприща:

«У меня душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры и мнѣ говорили vous avez trompé, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть, какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона» [26]).

Пушкинъ дорожилъ мнѣніемъ просвѣщеннаго государственнаго человѣка и боялся, какъ бы тотъ, по обычному впечатлѣнію, не смѣшалъ его вообще съ толпой русскихъ журналистовъ. Поэтъ имѣлъ основанія такъ думать, потому что *сами* журналисты считали закономъ природы свое рабское и презрѣнное положеніе, какъ это ни удивительно, а между тѣмъ вполнѣ достовѣрно и блистательно было подтверждено журналистами именно по случаю издательской дѣятельности Пушкина.

Если письма Пушкина переполнены жалобами и гнѣвомъ на притѣсненія властей, за то признанія Булгарина кишатъ такими откровеніями: «Графъ Бенкендорфъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы»; «Бенкендорфъ задушилъ меня въ объятіяхъ». Булгаринъ получаетъ бриллiантовый перстень. Бенкендорфъ ходатайствуетъ ему чинъ; указомъ правительствующему сенату признаются «похвальныя литературныя труды» Булгарина [27]).

Очевидно, трогательнѣйшій союзъ Третьяго отдѣленія съ *Сѣверной Пчелой*. И онъ осуществляется не только въ объятіяхъ и оффиціальныхъ бумагахъ, но и публично, въ критическихъ и иныхъ статьяхъ. Булгаринъ яростно ополчается на Пушкина, какъ на писателя и

---

[25]) Ib. 123.

[26]) *Сочин.* VII, 404.

[27]) *Ист. Вѣстн.* 1884, XV, *Полемическія статьи Пушкина*, Сухомлинова.

человѣка, именуетъ его безпутнымъ, безнравственнымъ, картежникомъ, кутилой, готовымъ на самую унизительную лесть ради камеръ-юнкерскаго мундира. Онъ служитъ усерднѣе Бахусу и Плутону, нежели музамъ. «Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины»; у него «сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова родъ побрякушки, набитой гремучими риѳмами, гдѣ не зародилась ни одна идея»; онъ «бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ»; онъ «маратъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ» и у него «одно господствующее чувство—суетность».

Полная ему противоположность—самъ авторъ этой характеристики, никогда не измѣнявшій долгу и чести и образцовый патріотъ.

Пушкинъ отвѣтилъ въ тонъ этому патріотизму, и привелъ въ ужасъ своихъ друзей. Булгаринъ могъ начать дѣйствовать прямо черезъ шефа жандармовъ. И Булгаринъ, дѣйствительно, ходатайствуя о новыхъ милостяхъ изъ русской казны, не преминулъ упомянуть о безнравственныхъ и революціонныхъ произведеніяхъ Пушкина. И самъ поэтъ сообразилъ *политическое* значеніе полемики Булгарина и счелъ нужнымъ предупредить Бенкендорфа о своихъ отношеніяхъ къ издателю *Сѣверной Пчелы*. Бенкендорфъ поспѣшилъ успокоить Пушкина на счетъ своихъ связей съ Булгаринымъ. Но мы знаемъ, какъ правдивы были утѣшенія шефа жандармовъ, и, несомнѣнно, позорную войну презрѣннаго патріота трехъ отечествъ противъ величайшаго русскаго поэта слѣдуетъ поставить въ число его *заслугъ* предъ отцами-командирами, Дуббельтомъ и спеціальнымъ опекуномъ Пушкина.

Булгаринъ и Сенковскій не ограничились уликами поэта въ неблагонадежности. Какъ прирожденные рабы, они вполнѣ естественно выставили на всеобщій позоръ свое ремесло, принявшись укорять Пушкина въ *самоуниженіи*: онъ сталъ журналистомъ, слѣдовательно, палъ и измельчалъ: «князь мысли сталъ рабомъ толпы»,—взывала *Сѣверная Пчела*, безсознательно рисуя свой собственный портретъ. Не дѣло поэта приниматься за журнальную работу: это слишкомъ унизительно! Любопытнѣйшее самопризнаніе журналиста, почтеннаго объятіями Бенкендорфа. И—что особенно замѣчательно—такъ смотрѣли на вопросъ и нѣкоторые, казалось бы, просвѣщенные люди. Поэтъ Языковъ находилъ, что участвовать въ журналѣ «дѣло не поэтическое». Очевидно, и въ этой средѣ идейные планы Пушкина не находили ни признанія, ни сочувствія, и Пушкинъ чрезвычайно мѣтко, хотя и рѣзко обрисовалъ двумя словами современный журнальный міръ. Изъ Михайловскаго онъ спрашивалъ у брата: «Что наши литературные паны и что сволочь?» [28]).

[28]) *Русск. Стар.* 1879, XXIV, 229.

Языковъ былъ, разумѣется, *панъ*, но и отъ него такъ же, какъ отъ Булгарина, русская жирналистика не могла ждать возрожденія. Пушкинъ оказывался неизмѣримо мужественнѣе и идейнѣе даже лучшихъ писателей своего времени и бралъ на себя задачу, которой предстояло ждать болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія еще очень долго.

До какой степени *литературные паны* стихійно враждовали съ Пушкинымъ, показываетъ еще болѣе любопытный фактъ, чѣмъ впечатлѣнія поэта Языкова. Пушкина выбрали въ Академію, но немедленно обнаружилась вся его неприспособленность къ столь почтенному собранію. Уже на второмъ засѣданіи ему прочитали параграфъ устава, повелѣвающій выводить изъ засѣданія членовъ, непристойно себя ведущихъ. Старики поняла свою ошибку, но дѣлать нечего — скрѣпя сердце подчинились факту [29]).

Бенкендорфу, слѣдовательно, нечего было ждать протеста со стороны печати. Его опыты надъ самолюбіемъ и правами Пушкина могли вызвать только полное сочувствіе у «сволочи», и пассивное состраданіе у «пановъ». Не одинъ изъ нихъ могъ промолвить въ пріятельскомъ кружкѣ: подѣломъ Пушкину! не лѣзь въ грязь, не спускайся съ Парнасса на улицу.

Общество спѣшило присоединить свое «мнѣніе» и дѣйствовало совершенно тождественно съ Булгаринымъ. Тотъ клеветалъ въ печати, свѣтъ выполнялъ тоже назначеніе въ салонахъ. Тотъ оповѣщалъ подписчиковъ *Сѣверной Пчелы* о безнравственности и лести Пушкина, свѣтскіе господа и дамы разсказывали, что онъ пьетъ горькую и въ пьяномъ видѣ пишетъ стихи, что онъ въ рукахъ у картежныхъ игроковъ и тѣ располагаютъ его временемъ и вдохновеніемъ, что онъ изъ ревности прибилъ жену и причинилъ ей преждевременные роды, что камеръ-юнкерскій мундиръ ему дали ради той же жены— большой красавицы и что вообще въ семейной жизни онъ хуже всякаго Отелло: не даромъ негритянскаго происхожденія [30]).

Свѣтъ не ограничился предъ устными упражненіями, онъ также пустился въ литературу, принялся сочинять анонимныя письма, пасквили, подбрасывать ихъ въ домъ поэта, пересылать по городской почтѣ, ему лично и черезъ его знакомыхъ. Онъ всѣми способами и мѣрами изводилъ ненавистнаго человѣка: смѣялся, когда при разъѣздахъ выкрикивали карету *Пушкина-сочинителя*, жену его называлъ не иначе, какъ *Пушкина-поэтша*. Друзья, въ свою очередь, въ цѣляхъ либерализма, не преминули также посмѣяться надъ камеръ-юнкерствомъ поэта. Они не могли простить ему примиренія съ правительствомъ, не

---

[29]) Письмо А. М. Языкова къ Комовскому. *Ист. Вѣстн.* 1883, XIV, 537.

[30]) Письма Пушкина. Сочиненія, VII, 329. Павлищевъ, 364. *Русск. Стар.* 1880, XXIX, 217.

желали знать никакихъ иныхъ побудительныхъ причинъ, помимо честолюбія *). Драма, переживаемая поэтомъ, не бросалась имъ въ глаза, подвиги Бенкендорфа, продѣлки Уварова, подлая злоба свѣта и рабскій натискъ журнальныхъ пресмыкающихся—все это для либерально-мыслящихъ наблюдателей исчезало предъ мнимымъ привиллегированнымъ положеніемъ Пушкина, предъ его придворнымъ званіемъ, однимъ изъ источниковъ его страданій и униженій!

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить одну въ высшей степени краснорѣчивую, но до сихъ поръ пренебреженную черту, во всей этой бездиѣ озлобленія противъ великаго поэта. Однимъ изъ его преступленій являлось страстное влеченіе къ русской народности. Она овладѣвала постепенно его вдохновеніемъ, его идеями, его поэтической и журнальной работой. Онъ работаетъ надъ народными сказками, создаетъ, въ поэтической формѣ, цѣлую теорію національнаго русскаго искусства, восторженно привѣтствуетъ Гоголя, именно какъ представителя національнаго реализма. Въ отношеніяхъ къ Гоголю сказывается настоящій призванный глава родной литературы, ея творецъ, опекунъ и первостепенный критикъ. И все это идетъ совершенно въ разрѣзъ и съ настроеніями современной журналистики, и со вкусами просвѣщеннаго общества, и съ видами Третьяго отдѣленія и цензуры.

Ожесточеннѣйшіе свѣтскіе враги Пушкина вдохновляются въ международныхъ солонахъ разныхъ посланницъ и салонницъ. Поэтъ не стѣсняется бросать въ нихъ эпиграммами, а салоны отвѣчаютъ сплетнями, анонимными пасквилями и, позже, восторгами въ честь Дантеса. Именно, здѣсь будущій убійца Пушкина встрѣтитъ самый теплый пріемъ, здѣсь создадутъ ему карьеру, отдадутъ ему и сердца, и честь, и натравятъ на семейное счастье и доброе имя Пушкина. Дантесъ—выкормленникъ и баловень петербургскаго большого свѣта, ненавидѣвшаго въ Пушкинѣ своего естественнаго врага. Даже и послѣ убійства Дантесъ не перестанетъ пользоваться весьма горячей благосклонностью петербургскихъ графинь [32]).

Литература въ лицѣ Булгарина, высшая цензура въ лицѣ Бенкендорфа не имѣли ни малѣйшихъ поводовъ—цѣнить національную русскую силу таланта Пушкина. Офранцуженные салоны могли быть покойны за критику журналиста-патріота, страшно негодовавшаго на свой патріотизмъ послѣ того, какъ русская казна отказала ему въ крупной суммѣ денегъ: «скимпрометировался, а дѣлать нечего»,—восклицалъ Булгаринъ, отдавая должное русскому отечеству [33]). Бенкендорфъ, погубившій журналъ Киреевскаго *Европеецъ* за непочтительный отзывъ о нѣмцахъ, могъ

---

[31]) Отношеніе къ Пушкину русскихъ «либераловъ» прекрасно изображено въ статьѣ Мицкевича о Пушкинѣ, вскорѣ послѣ смерти русскаго поэта. См. *Мицкевичъ о Пушкинѣ. Къ біографіи* 158.

[32]) *А. С. П—нъ по документамъ Остафьевскаго архива. Ibid*, стр. 72.

[33]) *Ист. Вѣстн.* 1884, XV, 491.

только усилить свое презрѣніе къ «блистательному перу» Пушкина за увлеченіе психологіей и поэзіей русскаго народа.

Такова сцена, гдѣ пришлось дѣйствовать Пушкину съ самыми мирными намѣреніями, съ восторженной до наивности готовностью идти рука объ руку съ правительствомъ, лишь бы оно не гнало просвѣщенія и не считало писателя непремѣнно холопомъ или бунтовщикомъ. Какой пьесѣ предстояло разъиграться съ такимъ героемъ и въ такой обстановкѣ, ясно было съ самаго начала, и каждый актъ поразительно логически слѣдовалъ изъ предъидущаго: въ полномъ смыслѣ исторія постепеннаго нравственнаго удушенія со всѣми послѣдовательными симптомами и неизбѣжнымъ заключеніемъ—независимо отъ случайностей и отдѣльныхъ лицъ.

XI.

Пушкина принято обыкновенно считать очень жизнерадостнымъ поэтомъ, яснымъ, невозмутимымъ художникомъ, претворяющимъ силой могучаго таланта и объективнаго творческаго духа всѣ противорѣчія дѣйствительности въ чудную гармонію художественной красоты. Это—великое заблужденіе! Пушкинъ, дѣйствительно, первостепенный творецъ красотъ и гармоній, но онъ въ то же время одна изъ самыхъ трогательныхъ драматическихъ личностей даже въ русской многострадальной умственной исторіи. Нѣтъ рѣшительно ни одного періода въ жизни Пушкина, когда бы намъ не представлялось два образа. Одинъ—геніально-вдохновенный, весь преисполненный сознанія своей силы, невыразимаго счастья—видѣть многообразную жизнь и возсоздавать ее, непоколебимой вѣры въ неизмѣнную власть своего слова надъ сердцами людей. Это — одинъ. Въ иныя минуты онъ нѣсколько видоизмѣняется, именно «въ заботахъ суетнаго свѣта»: тогда онъ неумолкаемо остроумный, блещущій смѣхомъ и, повидимому, неисчерпаемымъ весельемъ, онъ живетъ минутой, онъ весь охваченъ впечатлѣніями и нѣтъ человѣка, равнаго ему въ блескѣ ума, въ мѣткости шутки, въ находчивости забавы.

Другой образъ до такой степени не похожъ на этотъ, что, кажется предъ нами совсѣмъ не тотъ поэтъ. Онъ молчаливъ и задумчивъ, на лицѣ его лежитъ густая тѣнь мучительной тоски или ядовитаго гнѣва можно подумать, онъ никогда не зналъ улыбки счастья, никогда не свѣтился привѣтомъ любви къ людямъ. Это, несомнѣнно, человѣкъ одиночества, нераздѣленныхъ думъ, никому неповѣренныхъ страданій, это—поэтъ гнѣва и презрѣнія.

И эти душевныя состоянія чередовались у Пушкина еще въ ранней молодости. Въ лицеѣ онъ часто искалъ уединенія, и ничего не могло быть для него обиднѣй и досаднѣй, какъ чужой взоръ на его укромную бесѣду съ самимъ собой. Тогда онъ стремился сторицей возмѣстить

свое отшельничество, боясь, какъ бы не разгадали его тайны, старался всѣхъ товарищей превзойти въ шалостяхъ и весельи, заставить всѣхъ думать, что онъ легкомысленнѣйшій школьникъ на свѣтѣ и вовсе не предается никакимъ серьезнымъ и загадочнымъ мыслямъ.

На югѣ, гдѣ поэтъ часто давалъ полную волю своей огненной натурѣ, «тайный демонъ» не покидалъ его. Предъ нами въ высшей степени любопытныя впечатлѣнія очевидца, вовсе не глубокаго психолога, а простого наблюдателя. Его съ перваго взгляда поразила двойственность пушкинскихъ настроеній, даже въ обществѣ.

Разсказчикъ увидѣлъ поэта въ театрѣ. «Въ числѣ многихъ, — говоритъ онъ,---особенно обратилъ мое вниманіе молодой человѣкъ, небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, съ быстрымъ и наблюдательнымъ взоромъ, необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости, и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выраженіе думы до того было увлекательно, что невольно хотѣлось бы спросить: что съ тобой? какая грусть мрачитъ твою душу?» Послѣ перваго акта какой-то драмы, весьма дурно съигранной, Пушкинъ подошелъ къ разсказчику и его знакомому, начался разговоръ объ игрѣ актеровъ, Пушкинъ вспомнилъ о петербургскомъ театрѣ и невольно задумался. «Въ этомъ расположеніи духа,—продолжаетъ розсказчикъ,—онъ отошелъ отъ насъ и, пробираясь между стульевъ со всею ловкостью и изысканною вѣжливостью свѣтскаго человѣка, остановился передъ какою-то дамою... мрачность его исчезла; ее смѣнилъ смѣхъ, соединенный съ непрерывной рѣчью... Пушкинъ безпрерывно краснѣлъ и смѣялся, прекрасные его зубы выказывались во всемъ своемъ блескѣ, улыбка не угасала!»

Какой простой и живой портретъ! И онъ точное отраженіе произведеній Пушкина и его личныхъ признаній. Тучи шли вслѣдъ за солнцемъ его генія—съ дѣтства до самой смерти. Дорогой цѣной искупилъ свое избранничество русскій поэтъ! И рѣдко кто, даже среди ближайшихъ свидѣтелей отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ искупленіи. Поэтъ безпрестанно воспѣваетъ въ стихахъ уединеніе, но вѣдь это благодарный поэтическій мотивъ! Кто же не мечтаетъ объ идиллическомъ временномъ одиночествѣ, не теряя надежды, съ новыми силами пуститься въ общественныя удовольствія?

Поэтъ говоритъ о несомнѣнныхъ страданіяхъ, объ изгнаніи, объ утратахъ, но и это лишь красивые звуки для людей:

> «Тѣмъ лучше»,—говорятъ любители искусства:
> Тѣмъ лучше: наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ.
> И намъ ихъ передастъ...

И Пушкину, несомнѣнно, много разъ приходилось слышать эти столь обычныя утѣшенія. Тогда онъ теряя терпѣніе, сыпалъ эпиграммами,

наносилъ безпощадные удары и врагамъ, и равнодушнымъ друзьямъ и самъ же откровенно сознавался:

Еще былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила...
Я былъ ожесточенъ...

И судьба не спѣшила ожесточеніе смѣнить другимъ чувствомъ. «Неравная борьба» разгоралась все сильнѣй. Поэту приходится отвоевывать свою личность, свой талантъ, свои стихи и мысли, и чѣмъ значительнѣе выростаетъ его личность и блистательнѣе становится талантъ, тѣмъ больше противниковъ и гонителей. Онъ начинаетъ удивляться, какъ можно «на Руси сохранить веселость», у него «кровь въ желчь превращается», онъ не находитъ на своей родинѣ мѣста душѣ и таланту. Его волнуютъ самые отчаянные планы: онъ хотѣлъ бы бѣжать куда глаза́ глядятъ—заграницу, на Кавказъ, въ Китай. Но эти мечты можно питать, пока поэтъ одинокъ. Онъ обзаведется семьей: это необходимо, поэту хочется жить всей полнотой своего сердца. И онъ живетъ, страстно любитъ жену и дѣтей, но судьба и здѣсь предъявляетъ счетъ за счастье.

Она требуетъ, чтобы обладаніе красавицей-женой было возмѣщено неустаннымъ каторжнымъ трудомъ, вѣчными безпокойствами о женѣ, какъ малолѣтней дѣвицѣ, ежедневными столкновеніями съ «гнусной и грязной лужей», населенной сплетниками и клеветниками, неотразимыми объясненіями съ друзьями и покровителями въ жандармскихъ мундирахъ. И за все это — нѣтъ полной, всеохватывающей радости даже дома.

Жена дѣйствительно несовершеннолѣтняя, съ ней нельзя вести рѣчь ни о чемъ, кромѣ свѣтскихъ героевъ и происшествій, она совершенно чужда литературѣ и вообще умственной жизни, и поэтъ, даже въ самыхъ нѣжныхъ своихъ письмахъ, ни разу не рѣшится заговорить о своихъ произведеніяхъ, о своихъ творческихъ думахъ. Если онъ проситъ жену переслать ему книги, то тщательно описываетъ ихъ внѣшность и мѣсто нахожденія: очевидно, его библіотека для жены—заповѣдный міръ.

И въ отвѣтъ письма, переполненныя разсказами о свѣтскихъ побѣдахъ, о кокетствѣ... Въ отвѣтъ онъ умоляетъ жену, напоминая о своей неутомимой работѣ исключительно ради нея: «побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнью мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc., etc.».

Только всего, бо́льшаго поэтъ не требуетъ и предоставляетъ женѣ изо дня въ день выполнять одну и ту же обязанность, просто, но краснорѣчиво описанную матерью поэта:

«Наташа всегда прекрасна, щегольски одѣта; вездѣ празднуютъ ея появленіе. Возвращается съ вечеровъ въ четыре или пять часовъ

утра, обѣдаетъ въ восемь часовъ вечера; вставъ же изъ-за стола, идетъ переодѣваться и опять выѣзжаетъ» [34]).

Очевидно, она принадлежитъ свѣту и свѣтъ ей благодаренъ: онъ усиливается защитить ее отъ африканской ревности мужа, при помощи Бенкендорфа,—даже въ письмахъ. Пушкинъ не смѣетъ откровенно переписываться съ женой. Его негодованію нѣтъ границъ, онъ не можетъ взяться за перо отъ омерзенія при мысли, что его «подслушиваютъ»: «каторга не въ примѣръ лучше!» восклицаетъ онъ, жалуясь на нарушеніе своей «семейственной неприкосновенности». Онъ вынужденъ писать «коротко и холодно», не смѣетъ высказать «все, что придетъ на сердце». Таково привилегированное положеніе «умнѣйшаго человѣка во всей Россіи!»

Его снова начинаютъ одолѣвать мечты о бѣгствѣ изъ этой жизни. Но теперь далеко не убѣжать. Поэтъ былъ бы счастливъ, если бы ему только удалось выселиться изъ Петербурга, зажить въ деревнѣ хозяиномъ и труженикомъ. Онъ безпрестанно пишетъ стихи на эту тему, и въ письмахъ его рѣчь невольно складывается въ стихъ: такъ сильно и непосредственно чувство: «туда бы (т. е. въ деревню), отъ жизни удралъ, улизнулъ». Онъ лелѣетъ мысль о темномъ лѣсѣ, о небесахъ, о шумѣ волнъ, онъ былъ бы одинокъ, но

Силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь роющій поля,
Ломающій лѣса...

Но его мечтѣ никогда не сбыться. На прозаическомъ языкѣ она значитъ выйти въ отставку, т. е. явить изъ себя чудовище неблагодарности. И поэтъ остается въ темнотѣ и узахъ.

Съ каждымъ днемъ его настроенія становятся безнадежнѣе, жизнь не въ моготу; у него является мысль уйти уже не изъ Петербурга, не отъ свѣта и третьяго отдѣленія, а отъ этой самой жизни. Его характеръ рѣзко мѣняется. Пушкинъ будто заболѣваетъ недугомъ подозрительности и неограниченнаго недовѣрія ко всему человѣчеству. Свѣтъ достигъ своей цѣли. Тайная злоба и клевета заставили поэта чуть не въ каждомъ встрѣчномъ видѣть своего оскорбителя и интригана. Всякій малѣйшій намекъ на его семейную честь приводитъ его въ бѣшенство, онъ готовъ требовать удовлетворенія у мнимаго преступника, даже не провѣривъ дѣла, не убѣдившись въ винѣ.

Одно столкновеніе за другимъ.

До Пушкина доходятъ слухи, будто князь Репнинъ неуважительно отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ. Немедленно пишется запросъ и, только благодаря спокойствію и искреннему расположенію князя къ поэту, дѣло не кончается ссорой и, какъ водится, дуэлью.

Почти одновременно происходитъ столкновеніе съ гр. Соллогубомъ:

---

[34]) Павлищевъ, 335.

Пушкинъ узналъ, будто графъ сказалъ какую-то двусмысленность его женѣ. Поэтъ на этотъ разъ немедленно вызвалъ его на дуэль; она не состоялась послѣ объясненій графа [35]). Но было видно, до какой степени напряжены нервы поэта и какъ легко толкнуть его въ пропасть, при помощи самой наглой интриги.

И онъ чувствуетъ, пропасть недалеко. Его встрѣчаютъ въ грустномъ настроеніи, почти въ отчаяніи. Онъ съ горькой иронiей говоритъ о поэзіи, о своемъ семейномъ счастьѣ. Онъ гуляетъ одинъ, избѣгаетъ разговоровъ со встрѣчными и даже наивные почитатели его соображаютъ: «Пушкина гонитъ его злой духъ» [36]).

Этотъ злой духъ—безвыходная тоска и неотвязная духота во всемъ окружающемъ мірѣ. Похороны матери вызываютъ у поэта слова отчаянія о своей грядущей участи. Онъ говоритъ сестрѣ:

«Если бы ты знала, какъ мое существованіе мнѣ тягостно; надѣюсь, оно не будетъ продолжительно... скажу тебѣ лучше: я это чувствую!..»

На лицейской годовщинѣ 1836 года онъ не можетъ прочитать своего привѣтствія: слезы душатъ его и рыданія прерываютъ чтеніе.

Наконецъ, онъ убѣжденно говоритъ: «мнѣ здѣсь не житье», и послѣ его смерти нѣкоторые думаютъ, что Пушкинъ страстно хотѣлъ умереть, что исторія съ Дантесомъ только придирки, «только удобный случай попробовать отдѣлаться отъ жизни» [37]).

Можетъ быть, это преувеличено, хотя вся исторія съ Геккеренами обличаетъ страстное нетерпѣніе поэта во что бы то ни стало покончить вопросъ. На сколько онъ выясненъ въ настоящее время, Пушкину не было настоятельной необходимости наносить несмываемое оскорбленіе отцу Дантеса и дѣлать рѣшительный шагъ къ дуэли. Анонимные дипломы на званіе исторіографа ордена рогоносцевъ у самого Пушкина сначала встрѣтили было вполнѣ достойное презрѣніе. Вполнѣ заслуживали такого же отношенія и пошлые разговоры отца Дантеса съ Пушкиной о примиреніи ея мужа съ Дантесомъ. Друзья поэта были убѣждены, что вопросъ разрѣшится благополучно, тѣмъ болѣе, что Дантесъ успѣлъ жениться на сестрѣ Натальи Николаевны. И вдругъ всѣ ожиданія разсѣеваются въ прахъ. У поэта не хватаетъ спокойствія пренебречь подлыми кознями свѣтскихъ негодяевъ и въ ослѣпленіи гнѣва онъ послушно выполняетъ ихъ предначертанія. Послѣ исторій съ Репнинымъ и Соллогубомъ иного исхода трудно и ожидать. Поэтъ, несомнѣнно, страдалъ невыносимо, перемогалъ себя до послѣдней степени, рѣшаясь пренебречь подметными письмами, но кругомъ не дремали и наносили одинъ уколъ за другимъ. Единственное спасеніе было—бѣжать изъ этого отравленнаго воздуха и, говорятъ, это намѣ-

---

[35]) *Русскій Архивъ.* 1864. № 10. 1865, № 5 и 6. *Изъ воспоминаній гр. Соллогуба.*

[36]) *Встрѣча нѣмца съ Пушкинымъ. Къ біографіи.* II, 145.

[37]) Слова А. М. Языкова въ письмѣ къ Комовскому. *Ib.*, 541.

ревалась сдѣлать жена поэта и убѣдить мужа: остановка вышла за деньгами, не на что было выѣхать изъ Петербурга...

Но снова повторяемъ, частности здѣсь имѣютъ совершенно второстепенное значеніе. Если бы Пушкинъ успѣлъ избѣжать драмы съ Дантесомъ, онъ отнюдь не могъ бы считать себя спасеннымъ. Съ нимъ велъ войну на жизнь и смерть не пошлый и ограниченный салонный шутъ и герой, а «весь Петербургъ»—въ самомъ благородномъ смыслѣ слова. Рано или поздно Пушкинъ—мужъ все той же красавицы-жены, которую, по его словамъ, «часто въ пиръ зовутъ»—вернулся бы въ лоно «просвѣщеннаго общества» и подъ «дружеское» покровительство гр. Бенкендорфа или другого шефа жандармовъ. Сущность исторіи врядъ ли измѣнилась бы: объ этомъ можно судить по судьбѣ Лермонтова, Гоголя и многихъ другихъ. «Свѣтъ» оставался во всеоружіи своихъ вѣковыхъ доблестей, Бенкендорфы и Уваровы уже въ силу этого обстоятельства долго не могли перевестись, а литература—ей предстояло снизойти на послѣднюю ступень безличія, немощи и безъидейности и пребывать въ этой безднѣ цѣлые годы, пока, независимо отъ нея, не посвѣжѣло въ воздухѣ и не посвѣтлѣло кругомъ, да и то лишь на краткое время.

Нѣтъ, Пушкину «здѣсь не житье» было, и не только ему! Здѣшняя жизнь не съумѣла пріютить, умиротворить, открыть разумный и свободный путь и его геніальному наслѣднику. Онъ явился грознымъ мстителемъ за смерть поэта; во всѣхъ литературахъ нѣтъ примѣра такой уничтожающей, сверхчеловѣчески могучей надгробной рѣчи, какую произнесъ Лермонтовъ надъ Пушкинымъ и, повидимому, только затѣмъ, чтобъ сократить себѣ дорогу къ смерти.

И его «вольное сердце» и «пламенныя страсти» должны были искать выхода въ бурныхъ взрывахъ гнѣва и презрѣнія, плодить враговъ, накоплять тайныя и явныя терніи и, наконецъ, погубить его въ расцвѣтѣ гордыхъ силъ—его, не испытавшаго ни прочнаго личнаго счастья, ни отрадной всевозмещающей славы.

Развѣ только тѣни великихъ поэтовъ могли полюбоваться на нескрываемое торжество темной силы и по ея радости судить о своемъ величіи.

Прахъ Пушкина былъ взятъ подъ неусыпный полицейскій надзоръ, въ церковь перенесли ночью, улицы наполнили отрядами военной силы и шпіонами, изъ Петербурга въ Псковскую губернію тѣло отправили также ночью, дали строжайшее предписаніе, чтобы на мѣстѣ «не было никакого особливаго проявленія, никакой встрѣчи, словомъ, никакой церемоніи» [38])... Очевидно, на встрѣчу лермонтовской мести шла другая, если не столь геніальная, то болѣе основательная и властная.

Минуло болѣе полувѣка со дня этихъ событій. Имя Пушкина пере-

---

[38]) Письмо о кончинѣ Пушкина кн. П. А. Вяземскаго къ вел. кн. Михаилу Павловичу. *Русск. Арх.* 1879, I, 387.

жило множество всевозможныхъ испытаній, и совершенно естественно: они только доказывали неумирающую жизненность его дѣла и непремѣнно должны были завершиться однимъ концомъ: національнымъ памятникомъ. Это—законно выплаченный долгъ народа своему народному поэту, но не о такомъ памятникѣ помышлялъ Пушкинъ: онъ говорилъ о памятникѣ *нерукотворномъ* и *вѣчномъ*. Это не «мѣдная хвала», условно-художественный, произвольный символъ, какъ все матеріальное, воздвигнутое во славу мысли и генія. Единственно достойный и вѣчный памятникъ великому человѣку—все равно, какъ храмъ божеству—заключается въ «духѣ и истинѣ».

Воздвигнутъ ли онъ поэту?

Онъ говорилъ о своей жизни: «Прошелъ я мрачный путь», а о своихъ идеалахъ:

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

И мы знаемъ, мракъ пути неразрывно связанъ съ идеалами: если бы Пушкинъ поставилъ себѣ другія цѣли, его жизнь не превратилась бы въ драму. Это соединеніе трагизма и идеальныхъ стремленій исчезло ли изъ русской дѣйствительности?

Мы, разумѣется, ни на минуту не помышляемъ, чтобы когда-либо на землѣ настало неограниченное и самодержавное царство музъ и разума. Въ такое будущее не вѣрилъ поэтъ, разсчитывавшій «мыслить и страдать», какъ на свое призваніе. Нашъ вопросъ неизмѣримо скромнѣе: мы хотѣли бы знать, исчезла ли та чернь, которая отравляла геній поэта судомъ глупца, холоднымъ смѣхомъ, прирожденной ненавистью и завистью пресмыкающагося и раба? Понизила ли чернь свой голосъ не на улицѣ, а въ «храмѣ», т. е. въ русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ? Стала ли она рѣже произносить служительскія слова, не столь охотно отрекаться отъ человѣческой личности, не столь лицемѣрно жить въ душѣ «холопомъ» и притворяться «паномъ»? Нѣтъ ли и въ наше время, уже неоднократно «всенародно» славящее жертву общественнаго варварства и пошлости, литературнаго пресмыкательства и бездарности,—чего-нибудь похожаго на *Смѣрную Пчелу*, на объятія Булгарина съ Бенкендорфомъ, на муть «гнусной и грязной лужи» Петербурга временъ Пушкина?

Всѣ эти вопросы и очень много другихъ невольно приходятъ на память всякій разъ, когда русскій человѣкъ принимается волноваться и торжествовать далекую память своихъ великихъ людей, *увидѣть* *трупъ* ихъ, понимать, какъ много сдѣлали они. При жизни онъ только видѣлъ ихъ «ненависть» и понималъ лишь одно—что-то смутно его раздражающее, непозволительно-великое, укоризненное своимъ благородствомъ и силой. Надо смѣниться нѣсколькимъ поколѣніямъ, надо исчезнуть современникамъ и очевидцамъ, надо разсѣяться духу себялюбивой обиды и зависти, тогда только толпа

Среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ встрѣчаетъ хладный прахъ,—

затѣмъ, чтобы вновь повторить наслѣдственныя чувства относительно другихъ и предоставить радостныя встрѣчи своимъ потомкамъ.

Мы припомнили гнѣвныя слова Лермонтова о французахъ, вѣнчавшихъ Наполеона годы спустя послѣ его смерти. Онъ говорилъ имъ:

Ты жалкій и пустой народъ!—

потому что этотъ народъ вѣнчалъ «поздняго раскаянья порывъ», потому что признавалъ теперь великимъ того, кто былъ имъ покинутъ въ опасности и отданъ на жертву врагамъ...

Насъ занимаетъ вопросъ не о Наполеонѣ, не о его мнимомъ или дѣйствительномъ величіи: идея поэта гораздо глубже. Онъ укоряетъ націю за ея *позднее раскаяніе*, за ея слѣпоту предъ величіемъ живущимъ и дѣйствующимъ, негодуетъ на толпу, довольную собою, тщеславную праздничными заботами, *забывъ свое прошлое*. Поэтъ, независимо отъ какихъ бы то ни было чувствъ къ самому Наполеону, постигъ сущность *жалкой* психологіи людей безъ истинной свободы и разума: запоздалыми празднествами они услаждаютъ себя и самодовольно смѣняютъ одинъ восторгъ на другой.

Какой цѣны хвалы и памятники, расточаемые такими «потомками»? Не напоминаютъ ли ихъ монументы тѣхъ религіозныхъ приношеній, какими ханжи и преступники успокаиваютъ свою совѣсть за прошлые грѣхи и набираются смѣлости на будущіе?..

Ив. Ивановъ.

НЕИЗБѢЖНОЕ.

Печальной, безбрежной равниной
Я шелъ утомленный
И вздрогнулъ внезапно, и поднялъ
Я взоръ изумленный:
Вдали, гдѣ сливались съ землею
Неясныя тучи,
Мнѣ чей-то почудился образъ.
Угрюмый, могучій,
Стоялъ онъ, скрестивъ неподвижно
Тяжелыя руки,
И солнце надъ нимъ не сіяло,
И замерли звуки.
Глядѣлъ онъ впередъ предъ собою
Невидящимъ взоромъ,
Молчалъ и молчанье казалось
Нѣмымъ приговоромъ.
Въ груди моей сердце забилось
Тоскливой тревогой,
И быстро шаги я направилъ
Иною дорогой.
Но тамъ, гдѣ лѣса поднимались
Туманной стѣною,
Все тотъ же таинственный образъ
Стоялъ предо мною.
Напрасно ищу я спасенья
И свѣтлой свободы,—
Подъ тягостной властью проходятъ
Унылые годы.
Куда ни пойду я усталый
Дорогой земною,
Вездѣ онъ стоитъ безпощадный,
Стоитъ предо мною!

Allegro.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Общая тема въ современной беллетристикѣ.—Идейный разладъ.—Три романа на эту тему: «Куда идти» г. Боборыкина, «Аргонавты» г-жи Ожешковой, «Равнодушные» г. Станюковича.—Причины разлада.—Значеніе его, какъ показателя общественнаго настроенія.—Предстоящая Пушкинская годовщина.

Въ беллетристикѣ, какъ и въ жизни, которую она стремится воспроизвести, бываютъ приливы и отливы опредѣленныхъ темъ, типовъ и настроеній. По временамъ это лишь маленькія бѣглыя волны, которыя торопливо проносятся по поверхности жизни и чуть-чуть мутятъ общее впечатлѣніе ровной и безстрастной глади. Но иногда какая-нибудь глубокая волна нахлынетъ откуда-то и разомъ взмоетъ, возмутитъ и вспѣнитъ воды, вынося на поверхность массу мути, тины и песку, въ то же время и нѣчто новое, оригинальное, что раньше не замѣчалось или таилось гдѣ-то подъ спудомъ, пока волна жизни не вынесла его на поверхность. Отражаются эти волненія въ художественной литературѣ общностью темы, которая въ различной формѣ проявляется одновременно въ произведеніяхъ различныхъ авторовъ, имѣющихъ обыкновенно мало общаго между собою и вдругъ, словно по какому-то таинственному сигналу, начинающихъ пѣть въ унисонъ.

Взять, напримѣръ, такихъ до крайности противоположныхъ писателей, какъ г. Боборыкинъ и г-жа Ожешкова, разныхъ не только по темпераменту и манерѣ, но по всему міровоззрѣнію, чуждыхъ другъ другу въ каждой строчкѣ, въ каждомъ мазкѣ своей художественной кисти. Первый—исключительно художникъ внѣшней жизни, набрасывающій рядъ штриховъ, изъ которыхъ пытается возсоздать обликъ фигуры, въ родѣ тѣхъ портретовъ по тѣни, что нѣкогда были въ модѣ. Внутренній міръ его героевъ закрытъ предъ нимъ, какъ ни старается авторъ тысячами бездѣлушекъ выписать ихъ психологію. Онъ тщательно, иногда до утомленія расписываетъ, какъ ходятъ, сидятъ, одѣваются его персонажи, какъ они говорятъ, какія излюбленныя словечки у каждаго, и тѣмъ не менѣе, они производятъ впечатлѣніе лицъ безъ рѣчей, хотя и говорятъ они всѣ поразительно много. Болтливость героевъ соперничаетъ съ развязностью автора, который готовъ подчасъ употребить цѣлый печатный листъ на описаніе костюмовъ героини, ея походки и прочихъ подробностей ея фигуры. И рядомъ—г-жа Ожешкова, вся будто ушедшая въ созерцаніе той многосложной невидимой работы, которая неустанно совершается внутри насъ подъ внѣшней оболочкой жизни. Взявъ какую-либо несложную сцену, эпизодъ изъ жизни тоже кажущагося такимъ простымъ существа, какого-нибудь уличнаго мальчишки, еврея изъ захолустнаго городка или крестьянской дѣвушки, она раскрываетъ предъ изумленнымъ читателемъ поразительно чудный по разнообразію и богатству красокъ духовный міръ, отъ котораго долго-долго нельзя оторваться, а впечатлѣніе остается навсегда.

Между тѣмъ, эти двѣ столь ярко противоположныя художественныя натуры сходятся на одной и той же темѣ, оба останавливаются въ недоумѣніи предъ

новымъ приливомъ и, воспроизводя картину его каждый по своему, сходятся въ одномъ—въ нѣкоторомъ пугливомъ отчужденіи, какъ передъ чѣмъ-то, равно непріятнымъ и непонятнымъ.

Разладъ—вотъ то слово, которымъ можно охарактеризовать общность темы у обоихъ писателей,—разладъ со всѣмъ прежнимъ, со всѣмъ, что казалось еще недавно такимъ прочнымъ и навсегда установившимся. «Куда идти»—вотъ вопросъ, которымъ очень удачно озаглавилъ свой интересный романъ г. Боборыкинъ, выразивъ въ этихъ двухъ словахъ безпокойное настроеніе новаго времени, порывающаго съ прошлымъ, гдѣ оно не находитъ больше устоя для жизни. «Аргонавты»—таково заглавіе другого романа, въ которомъ г-жа Ожешкова выводитъ новыхъ и старыхъ искателей источника жизни и мѣтко характеризуетъ однимъ этимъ словечкомъ отсутствіе пристани, гдѣ они нашли бы покой. Польская писательница и русскій авторъ вводятъ насъ въ высшій кругъ общества, богатый, не знающій унизительной борьбы за существованіе, кругъ, которому доступна вся утонченность умственной жизни высшей культуры, и въ то же время такой бѣдный внутреннимъ, своимъ, содержаніемъ.

Въ лицѣ богача Дарвида, главнаго «Аргонавта», превосходно очерченъ одинъ изъ сильныхъ міра сего, съумѣвшій личными усиліями и иниціативой, не знающей ограниченія, занять положеніе на вершинѣ соціальной лѣстницы. «Трудъ», «борьба», «побѣда»—его девизы. Онъ стоитъ на нихъ, какъ на незыблемыхъ устояхъ, громитъ все жалкое, что не можетъ выдержать этого неустаннаго труда и падаетъ подъ тяжестью непосильнаго его бремени. Онъ проходитъ мимо раздавленныхъ, ни на минуту не останавливаясь, гордый своимъ умѣньемъ хотѣть и добиваться желаемаго. Онъ могучъ, предъ нимъ склоняются таланты, знанія, науки, благотворительность и доброта, которыя прибѣгаютъ за помощью къ его энергіи и его кошельку. И тѣмъ не менѣе, этотъ колоссъ—пустъ внутри, какъ могучій по виду дубъ съ истлѣвшей, выѣденной червями сердцевиной. Одинъ вопросъ—«зачѣмъ все это? какая же цѣль твоихъ трудовъ?»—сбиваетъ его съ позиціи и уничтожаетъ весь внутренній смыслъ этой лишь по внѣшности богатой и сильной жизни.

Дарвидъ своего рода символъ капитала, не знающаго предѣла въ накопленіи, смѣлаго до дерзости въ поискахъ новыхъ полей битвы и энергичнаго въ достиженіи своихъ цѣлей. Въ романѣ уважаемой писательницы это удачнѣйшая фигура, написанная широкими и смѣлыми штрихами, яркая и колоритная.

«Алонзій Дарвидъ пріобрѣлъ свои милліоны не по наслѣдству, а путемъ собственнаго, упорнаго труда. Трудолюбіе его, энергія и предпріимчивость были неисчерпаемы. Онъ вѣчно былъ погруженъ въ свои дѣла, которыя для него составляли такую же необходимую стихію, какъ для рыбы вода. И, правду сказать, только одинъ этотъ міръ дѣловыхъ хлопотъ давалъ ему ощущеніе свободы и блаженства. Какія же это были дѣла? Это были все дѣла крупныя, сложныя: сооруженіе сухопутныхъ и водныхъ путей, постройки, пріобрѣтеніе и сбытъ всякаго рода цѣнностей, денежные обороты на биржахъ и рынкахъ. Для достиженія успѣха во всемъ этомъ надо было обладать самыми разнообразными свойствами: львиной смѣлостью, осторожностью лисицы, нужны были ястребиные когти, упругость кошачьихъ лапокъ. Это была жизнь, проводимая какъ-бы за карточнымъ столомъ, раскинувшимся на пространствѣ цѣлаго гигантскаго государства; это былъ долголѣтній рядъ горячихъ ставокъ противъ банкомета, роль котораго чаще всего выполняла слѣпая судьба. Разсчетъ и умѣнье хотя и имѣли при этомъ большое значеніе, но не могли вполнѣ устранить того, что называется случайностью. Поэтому приходилось не поддаваться силѣ этой случайности, не подчиняться ея ударамъ, а, уклоняясь отъ нихъ пригибаться къ землѣ для того лишь, чтобы, совершивъ ловкій скачокъ, отразить неудачу и схватить новую добычу».

Въ такой борьбѣ, вѣчно лихорадочной погонѣ за новыми предметами есть свое упоеніе, не дающее человѣку остановиться, чтобы вдуматься во внутренній смыслъ этой жизни словно въ курьерскомъ поѣздѣ, уносящемъ все дальше и дальше. Но должна же наступить остановка, минута раздумья, моментъ усталости, когда предъ человѣкомъ возникаетъ на время только заглохшій вопросъ—какая цѣль этой борьбы?

Для Дарвида онъ наступаетъ внезапно, какъ и всегда бываетъ въ жизни, и вопросъ о цѣли ставитъ ближайшая къ нему среда—его семья, на которую онъ какъ-то мало обращалъ вниманія до сихъ поръ. И здѣсь его встрѣчаетъ рядъ неожиданностей, вызывающихъ въ немъ гнѣвъ и недоумѣніе. Жена давно стала ему чуждой, сынъ, какъ ему казалось, молодой повѣса, котораго онъ самъ поощрялъ вначалѣ, оказывается непонятнымъ для него существомъ, идущимъ въ совершенно противоположную сторону. Этотъ сынъ, Маріанъ, и его другъ, баронъ Эмиль—тоже «аргонавты», но ихъ поиски направлены въ иной, странный, до болѣзненности извращенный фантастическій міръ, въ которомъ эти герои, выросшіе на почвѣ высшей плутократіи и впитавшіе въ себя всю утонченность культуры послѣднихъ дней, ищутъ новыхъ, еще никѣмъ неизвѣданныхъ наслажденій, изысканныхъ ощущеній новой красоты и новыхъ стремленій, вполнѣ индивидуальныхъ, никому, кромѣ нихъ, недоступныхъ.

Въ лицѣ Маріана и Эмиля предъ нами два представителя того направленія, которое не мирится ни съ чѣмъ, что носитъ на себѣ печать «проклятой обыденности». Оба героя цѣликомъ ушли въ декадентство, эстетизмъ, въ чувственно-восторженное поклоненіе невиданной и неосуществимой красотѣ, которая имъ мерещится то въ среднихъ вѣкахъ, то въ мистицизмѣ, то въ чудовищной противоестественности, въ чемъ бы она ни проявлялась.

«Это не было пресыщеніе, напротивъ,—жажда новыхъ впечатлѣній съ какою-то свирѣпостью цѣлыми волнами разбивалась о предѣлы возможнаго. Воображеніе между тѣмъ разгоралось, а подвижной умъ и ранній, обильный житейскій опытъ превращали это воображеніе въ открытую рану. Наконецъ, все это въ его собственныхъ глазахъ вознесло его самого на какую-то воображаемую высоту, на которой онъ чувствовалъ свою обособленность отъ всего міра. Я и толпа! Все, что не принадлежало къ небольшому кружку подобныхъ ему, все это была одна пошлость. Такая заносчивость не имѣла ничего общаго съ гордостью происхожденія или богатства. Нѣтъ, это было какое-то умственно-нервное самомнѣніе. Иныя требованія ума, иныя требованія нервовъ, результатъ высочайшаго расцвѣта человѣческой цивилизаціи, пока еще болѣзненной, но какъ будто возвышенной. Можетъ быть, совершается полный упадокъ человѣчества, но—увѣнчаннаго... Уваженіе къ индивидуализаціи, обереганіе своего «я» отъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій. Все, конечно, сообразно времени и мѣсту, можетъ считаться вздоромъ, но индивидуальность отдѣльнаго лица, т. е. форма, въ какую вылились въ немъ желанія, вкусъ, образъ мыслей—это было для него святыней, единственной святыней. Этого нельзя отдавать въ рабство никому и ничему, даже не слѣдуетъ подчинять критикѣ и поправкамъ. Каковъ я есть, такимъ и останусь. Я желаю и я долженъ умѣть желать. Словомъ, это было нѣчто въ родѣ проповѣди Нитцше о сверхчеловѣкѣ».

Другъ Маріана и отчасти его наставникъ, баронъ Эмиль доводитъ эти туманныя стремленія до чудовищности, до послѣднихъ крайностей, въ погонѣ за новыми эстетическими ощущеніями. Вся жизнь обоихъ юношей уходитъ на изысканныя наслажденія во вкусѣ западнаго декадентства, «медіовіализма» и эстетизма, въ которыхъ они усматриваютъ это высокое нѣчто, что отдѣляетъ ихъ отъ толпы, поднимаетъ надъ жизнью и придаетъ внутренній смыслъ ихъ существованію. Въ каждой мелочи жизни, начиная съ ботинокъ и до экстравагантныхъ галстуховъ, баронъ старается провести эту черту, якобы отдѣляю-

щую его отъ пошлой толпы. Его квартира—это музей рѣдкостей, обставленный въ средневѣковомъ стилѣ. Здѣсь все подобрано такъ, чтобы каждая вещь выражала настроеніе, внушала нѣчто таинственное, мистическое и неземное. Самъ хозяинъ подгоняетъ и себя, и всю свою жизнь къ этой обстановкѣ. Такъ, напр., «въ полуденный часъ баронъ Эмиль имѣлъ обыкновеніе садиться между ширмами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ и тою частью стѣны, на которой рыцарь раскланивался съ Изольдой, и игралъ на органѣ одну изъ серьезнѣйшихъ фугъ Себастіана Баха. Небольшая хилая фигура барона, въ утренней одеждѣ изъ желтоватой фланели, въ полосатыхъ чулкахъ и башмакахъ изъ желтой кожи, съ сильно заостренными носками, прислонялась къ спинкѣ большого кресла, изображавшей трилистникъ въ стилѣ XIV вѣка, и худощавые пальцы, протянутой во всю длину руки, перебирали клавиши. Нѣжныя черты поношеннаго лица выражали при этомъ многозначительную важность; маленькіе сѣрые глаза мечтательно устремлялись въ пространство, а между тѣмъ сквозь стекла широко просвѣчивалъ солнечный свѣтъ, бросая красные, синіе и зеленые лучи на увядшее чело этого виртуоза и на его коротко-стриженные рыжіе волосы».

Уважаемая писательница превосходно обрисовываетъ обоихъ героевъ, не впадая въ каррикатуру или шаржъ. Если, тѣмъ не менѣе, получается высококомическое впечатлѣніе, то это зависитъ отъ внутренняго комизма этихъ потугъ безсильнаго тщеславія и глупой маніи подражанія западнымъ образцамъ. И у себя на родинѣ такіе сверхчеловѣчки смѣшны своими ходульными кривляньями во вкусѣ грубо непонятаго ими учителя Нитцше. Тамъ они являются плодомъ утонченнаго разврата высшей плутократіи, не видящей ни цѣли, ни смысла своего существованія, дошедшей то того предѣла развитія, который граничитъ съ самоотрицаніемъ, выражаясь на языкѣ «діалектическаго» пониманія исторіи. Пересаженные на почву нашего доморощеннаго капитализма, они представляются такимъ же комичнымъ продуктомъ, какъ во время оно псевдоклассическіе герои и сентиментальные крѣпостники, проливавшіе слезы надъ бѣдной Лизой и державшіе десятки Лизъ у себя въ дѣвичьей. Трудно представить себѣ что-либо болѣе чуждое нашей жизни, какъ эти попытки рабскаго подраженія, напр., «средневѣковщинѣ», которой у насъ-то именно никогда и не было, или «эстетизму» во вкусѣ извѣстнаго Оскара Уайльда, или «прерафаелитизму», совершенно чуждымъ всей нашей культурѣ, не говоря уже объ отсутствіи той общественной атмосферы, безъ которой немыслимо вообще развитіе этихъ утонченныхъ экстравагантностей.

Послѣдними юные эстеты щеголяютъ на каждомъ шагу, стараясь проявить свою возвышенность въ обстановкѣ своихъ комнатъ, въ манерѣ говорить, постоянными упоминаніями объ Овербекѣ, школѣ прерафаелитовъ, назаритянъ, Нитцше и проч., что впрочемъ, не мѣшаетъ имъ кутить, развратничать, какъ самымъ обыкновеннымъ представителямъ «золотой молодежи». На этой почвѣ и происходитъ столкновеніе между двумя такими противоположными натурами, какъ отецъ и сынъ Дарвиды. Отца возмущаетъ эта безпорядочная жизнь молодого человѣка, не знающаго предѣла своей фантазіи, за счетъ кассы отца, конечно. Происходитъ знаменательное и рѣшительное для обоихъ объясненіе, въ которомъ отецъ и сынъ терпятъ обоюдное пораженіе, потому что разладъ существующій въ обоихъ и подтачивающій ихъ, прорывается наружу. Отецъ, какъ щитомъ, пытается прикрыться своей, повидимому, незыблемой формулой «трудъ, неутомимый, желѣзный трудъ, какъ единственный смыслъ жизни». Сынъ въ отвѣтъ излагаетъ ему свой символъ вѣры и доказываетъ, что въ трудѣ, какъ только трудѣ, нѣтъ никакого смысла. Разсужденія молодого Дарвида представляютъ квинтъ-эссенцію модныхъ теорій утонченнаго ничегонедѣланія. Отецъ его укоряетъ, что тотъ ничѣмъ не занимается, даже университета не кончилъ. Сынъ отвѣчаетъ: «Напротивъ, у меня вовсе нѣтъ отвраще-

нія къ наукѣ. Я читаю много, и любознательность составляетъ мою отличительную черту. Вѣдь, я уже съ дѣтства поглощалъ громадное количество книгъ, но школьныхъ лекцій я никогда не училъ. Всѣ этому удивлялись, а между тѣмъ это очень просто. Ограниченныя индивидуальности легко приспособляются къ указкѣ, а самобытныя и энергичныя не переносятъ ея. Правила, обязанности — это хлѣвъ, въ который люди запираютъ свою животную сторону, чтобы она не вредила культурнымъ людямъ. Волы и бараны терпѣливо стоятъ въ оградѣ, а высшія организаціи разрушаютъ ее, ища свободы. Мнѣ необходима во всемъ безусловная свобода, а потому я пересталъ ходить въ это распивочное заведеніе, гдѣ науку подаютъ въ опредѣленное время, извѣстнаго сорта и извѣстными дозами. Профессора наводили скуку, товарищи были крикуны... Люди проходятъ университетскій курсъ ради одной изъ двухъ цѣлей: или намѣревшись посвятить себя тому, что называется спасеніемъ свѣта, или для обезпеченія себѣ средствъ къ жизни. Ни одна изъ этихъ цѣлей не могла увлечь меня. Относительно первой, она мнѣ не подходитъ, потому что я признаю индивидуализмъ и довожу его до идеи анархизма. Такъ называемое спасеніе міра въ нашъ вѣкъ упадка—неправдоподобная басня. Голая истина заключается въ томъ, что всякій живетъ для себя и по своему»...

Эти обнаженныя до цинизма рѣчи поражаютъ отца, который теряется въ виду такой непринужденной и спокойной безнравственности. Онъ взываетъ къ «принципамъ», забывая, что у него самого нѣтъ въ сущности никакихъ принциповъ, кромѣ ничего не говорящей формулѣ «трудъ ради труда». Сынъ ловитъ его на этомъ и безподобно высмѣиваетъ его требованія.

«О принципахъ я разсуждаю такъ: нравственные принципы зависятъ отъ мѣста, времени, географическаго градуса широты и отъ эволюціи, которой подлежитъ цивилизація. Если бы небо создало меня древнимъ грекомъ, моимъ принципомъ было бы воевать съ азіатами за свободу и влюбляться въ красивыхъ мальчиковъ; въ средніе вѣка я воевалъ бы въ честь своей дамы сердца и жарилъ бы людей на кострахъ. На Востокѣ я открыто обладалъ бы количествомъ женъ, соотвѣтственно моимъ желаніямъ; на Западѣ нравственный принципъ повелѣваетъ мнѣ показывать видъ, будто я обладаю только одной. Въ Европѣ я обязанъ почитать отца и мать, а на Фиджійскихъ островахъ я считался бы преступнымъ, если бы въ извѣстное время не предалъ ихъ смерти. Не галиматья ли все это? Да, принципы—это такое блюдо, которымъ наше время не желаетъ довольствоваться»...

Никакихъ принциповъ, все дозволено, потому что все относительно, и въ концѣ концовъ «мое я—единственное мѣрило всѣхъ вещей»,—провозглашаетъ юный философъ, и старикъ Дарвидъ, къ великому стыду, стоитъ передъ нимъ безъ оружія. Вѣдь и онъ руководствовался въ жизни такимъ же правиломъ, добиваясь богатства и положенія. Могучій аргонавтъ, счастливо объѣхавшій весь міръ въ погонѣ за золотымъ руномъ, терпитъ жестокое пораженіе у семейнаго очага. Всѣ его богатства, связи и общественная сила не могутъ дать ему главнаго—искорки добраго чувства, которая согрѣла бы холодную душу сына-декадента и сблизила бы его съ отцомъ, чужимъ и равнодушнымъ для него человѣкомъ.

Разладъ идетъ еще глубже. Сынъ уходитъ, отказавшись подчиниться его требованіямъ и взяться за нелѣпый на его взглядъ трудъ добыванія денегъ, которыхъ у отца и безъ того слишкомъ много. Жену, потерявшую для него всякое обаяніе, онъ самъ отталкиваетъ грубымъ и безсердечнымъ къ ней отношеніемъ. Единственная его привязанность—младшая дочь, еще дѣвочка, которая любитъ его просто какъ человѣка, ради его самого, умираетъ, и вокругъ образуется леденящая пустота. Вотъ и весь результатъ его трудовой жизни!

Превосходны послѣднія сцены романа, когда Дарвидъ, подавляемый этой пу-

стотой и сознаніемъ безцѣльности жизни, бродитъ по роскошнымъ, залитымъ свѣтомъ комнатамъ своего дворца и не можетъ отдѣлаться отъ жгучей мысли, что вся его жизнь прошла въ погонѣ за миражемъ, что въ основѣ ея лежитъ какая-то ошибка, какой-то разладъ между внутреннимъ его міромъ и внѣшнимъ. «Дарвидъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы передъ нимъ и раньше не представала суровая иронія житейскихъ дѣлъ. Онъ давно уже подмѣчалъ эту иронію, но за разными туманными прикрытіями—трудъ, успѣхъ, недостатокъ времени! Теперь все это покрывало внезапно слетѣло. Онъ увидѣлъ истину во всей ея наготѣ. Чѣмъ защититься теперь, чѣмъ заниматься,—онъ не зналъ. Ему одно только было ясно и несомнѣнно, что въ основаніи всей его дѣятельности лежитъ ошибка. На жизненномъ пути своемъ онъ чего то не примѣтилъ, не распозналъ чего-то въ самомъ себѣ, и что-то упустилъ изъ рукъ своихъ, столь умѣлыхъ въ дѣлѣ всяческаго захвата. Всегда усердно наблюдавшій за точностью въ созидаемыхъ имъ планахъ, онъ не соблюлъ равновѣсія въ своемъ духовномъ развитіи. Одна сторона его рѣзко выдавалась впередъ, а другая угнеталась. Въ зданіи, сооруженномъ такимъ образомъ, непремѣнно должна была появиться какая-то кривизна, которая не даетъ возможности жить въ немъ. Надо изъ него переселиться»... И онъ переселяется также рѣшительно, какъ смѣло строилъ его, и пускаетъ себѣ пулю въ лобъ.

Въ чемъ же заключалась ошибка въ разсчетахъ удачливаго «Аргонавта», приведшая его къ гибели на вершинѣ его успѣховъ? Эта ошибка лежитъ не въ его разсчетахъ и не въ немъ самомъ. Положимъ, онъ могъ бы сохранить семью, покинувшую его, если бы самъ былъ внимательнѣе къ ней и больше отводилъ ей мѣста въ своихъ планахъ. Можетъ быть, другой на его мѣстѣ съумѣлъ бы остаться и любящимъ мужемъ, и заботливымъ отцомъ, и смѣлымъ борцомъ за золотое руно,—но развѣ отъ этого внутренняя пустота его жизни, приведшая къ разладу съ міромъ, стала бы менѣе ощутительной? Ошибка въ томъ, что дѣйствительно нѣтъ смысла въ трудѣ ради труда, если этотъ трудъ не согрѣтъ ежеминутно сознаніемъ высокой цѣли, которой онъ служитъ. Нагроможденіе богатствъ не можетъ быть такой цѣлью, какъ и все, что мертво само по себѣ. Процессъ борьбы ради борьбы увлекателенъ лишь на время, но наступаетъ минута отдыха, и на время задремавшее сознаніе требуетъ отчета—зачѣмъ борьба? Во имя чего она ведется? Какая цѣль ея?

Расширяя исторію Дарвида, можно сказать, что это судьба капитализма, который на извѣстной ступени развитія долженъ самъ вскрыть внутреннее противорѣчіе, таящееся въ немъ и обязательно ведущее къ конечному разладу, какъ онъ обрисованъ въ жизни «Аргонавта». Философія упадка, развиваемая молодымъ Дарвидомъ, прямое порожденіе внутренней пустоты капиталистическаго строя и создаваемыхъ имъ противорѣчій, изъ которыхъ, во что бы то ни стало, стремится выбиться мысль, никогда не мирящаяся на голомъ фактѣ и требующая объясненій и тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ рѣзче эти противорѣчія. Крайности этой философіи, отрицаніе всякихъ принциповъ въ виду ихъ относительности, стремленіе уйти подальше отъ всего реальнаго, какъ отъ пошлой дѣйствительности, вполнѣ умѣстны въ устахъ молодого Дарвида, которому ни отецъ, ни окружающая его среда и не могли внушить ни малѣйшаго почтенія и преданности. Отецъ для него просто «великій мастеръ своего дѣла», которое по существу ничего не имѣетъ въ себѣ достойнаго уваженія. Среда—это раболѣпное преклоненіе предъ успѣхомъ, какими бы средствами онъ ни былъ достигнутъ. «Деньги не пахнутъ», это игривое словечко Веспасіана, сказанное почти 2.000 лѣтъ тому назадъ, попадаетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ современному капитализму, еще болѣе не брезгливому по части средствъ борьбы и добыванія денегъ.

Руководимые такой философіей, молодые «Аргонавты» пускаются въ плаваніе на свой страхъ и счетъ въ поискахъ новаго невѣдомаго міра неизвѣданныхъ

ощущеній, выбросивъ за бортъ, какъ лишній балластъ, даже самое слово «принципъ» и выставляя своимъ девизомъ оголенное «я», въ чемъ бы оно ни проявляло себя. Старый «Аргонавтъ» разбиваетъ себѣ голову, подавленный ничтожностью достигнутыхъ результатовъ. Куда пристанутъ молодые отпрыски, неизвѣстно, ибо для нихъ именно роковое значеніе получаетъ вопросъ: «куда идти?»

Такъ озаглавилъ г. Боборыкинъ свой новый романъ, какъ всегда интересно задуманный, полный живыхъ вопросовъ и мѣткихъ наблюденій. Тема его—тотъ же разладъ, и внутренній, и внѣшній, разладъ въ семьѣ, разладъ въ мысли, въ стремленіяхъ и, главное, въ вѣрѣ въ себя и людей. На сценѣ также два поколѣнія—старое представляютъ князь Елатомскій, его жена, профессоръ Мѣдниковъ и старый учитель профессора, живущій на покоѣ въ Римѣ ученый. Молодое поколѣніе—дѣти Елатомскаго, два брата Романъ и Борисъ, ихъ сестра и ея подруга, дѣвица Полуянова, и нѣсколько личностей, не играющихъ видной роли въ романѣ, скорѣе, служащихъ дополненіемъ общей картины разлада, какъ анархистъ Хазинъ, эстетъ и мистикъ литераторъ Пѣнскій и его не то невѣста, не то просто подруга, съ которой у него «была игра».

На внѣшнемъ разладѣ въ семьѣ не стоитъ останавливаться. Это обычная въ великосвѣтской средѣ исторія, когда пожившая женушка и молодыя дѣти пытаются обработать мѣшающаго имъ отца, не брезгуя никакими средствами, лишь бы сохранить нѣкоторыя «видимости». Молодые Елатомскіе, за исключеніемъ младшаго брата Бориса,—обычные типы этой среды, ходячіе сколки съ самаго моднаго въ данное время трафарета. Они игриво скользятъ по поверхности жизни, занимая время атлетическимъ спортомъ, флёртомъ и тому подобными дѣлами. Въ нихъ нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, это вѣчный типъ жирующей золотой молодежи, во всѣ времена, «отъ Ромула до нашихъ дней», вездѣ одинаковый; это жалкая накипь жизни, носимая прихотливыми теченіями на поверхности, пустая и никчемная, равно ненужная и презрительная.

Главное мѣсто въ романѣ занимаютъ отецъ Елатомскій и младшій его сынъ Борисъ, въ которыхъ авторъ представилъ глубокій внутренній разладъ, разъѣдающій душу современнаго человѣка. Еще не старый годами, отецъ Елатомскій полная душевная развалина. Проживъ бездѣятельно, благодаря богатству, унаслѣдованному отъ родовитыхъ предковъ, Елатомскій вложилъ себя сначала въ одно лишь страстное чувство къ женщинѣ, въ данномъ случаѣ къ женѣ, а когда это пламя, не встрѣтивъ съ другой стороны поддержки, выгорѣло и угасло, его пугаетъ ужасающая пустота, оставшаяся въ душѣ, откуда ушло единственное наполнявшее ее чувство. Предъ его испуганнымъ взоромъ неотступно встаетъ мысль о смерти, о томъ невѣдомомъ нѣчто, что ожидаетъ всякаго по ту сторону. Онъ страстно ищетъ, за что бы уцѣпиться, на чемъ бы укрѣпить шатающуюся душу. Его семья враждебна и противна ему своими грубыми матеріальными аппетитами. Она лишь служитъ ему объектомъ для ѣдкихъ и горькихъ насмѣшекъ надъ всѣми и надъ собой, между прочимъ. Это настроеніе горечи, развинченности нервовъ и страха смерти заставляетъ его внимательнѣе отнестись къ младшему сыну Борису, еще совсѣмъ юному, только что кончившему гимназію. Нервный и не по лѣтамъ серьезно вдумчивый мальчикъ, онъ рѣзко выдѣляется среди окружающихъ своей чистотой и трепетной чуткостью ко всему, что отдаетъ пошлостью, ложью, притворствомъ. Онъ страдаетъ отъ ненормальности семейной обстановки, отъ общаго заговора семьи противъ отца, въ которомъ чувствуетъ родственную душу, такую же страждущую и неудовлетворенную, какъ и онъ самъ. Но у него есть устой, котораго лишенъ отецъ,—устой прочный и, какъ ему кажется, незыблемый. Это—его вѣра. Онъ глубоко религіозенъ, мистически настроенъ, во всемъ видитъ ука-

занія свыше и страдаетъ отъ невѣрія отца, пожалуй, больше, чѣмъ отъ разврата окружающихъ.

Окончательно сближаетъ ихъ обоихъ третій герой романа, профессоръ-психіатръ Мѣдниковъ, къ которому прибѣгаетъ жена князя, пользуясь прежнимъ его увлеченіемъ ею, въ надеждѣ, что Мѣдниковъ поможетъ ей своимъ авторитетомъ упрятать «князиньку» въ сумасшедшій домъ. Ея разсчеты, однако, оказываются грубо ошибочными, и профессоръ сразу становится на сторону князя, подкупленный его искренностью и несомнѣннымъ благородствомъ. Онъ живо заинтересовывается своимъ паціентомъ и въ особенности Борисомъ, нѣжная и чуткая душа котораго привлекаетъ его оригинальностью своихъ порывовъ. Они составляютъ какъ бы тройственный союзъ и побѣдоносно отражаютъ попытки семьи князя завладѣть его особой и его состояніемъ.

Личныя симпатіи, сблизившія ихъ на почвѣ борьбы съ общимъ врагомъ, укрѣпляются еще болѣе, когда спустя три, четыре года наши герои встрѣчаются въ Римѣ, куда ихъ приводятъ разныя причины, въ сущности имѣющія общую подкладку—исканіе новаго пути жизни. Мѣдниковъ, у котораго случился неудачный личный романъ, разбившій ему душу, ищетъ отдыха и забвенія среди историческихъ воспоминаній и красотъ вѣчнаго города. Римъ представляется ему единственнымъ мѣстомъ, гдѣ личная жизнь, со всѣми ея болями, страстями, стремленіями и желаніями, затихаетъ, подавленная величіемъ исторіи, выступающей на каждомъ шагу, и несравненной красотой безсмертнаго творчества. Тянетъ его сюда и воспоминаніе о старомъ профессорѣ учителѣ, который руководилъ его первыми научными шагами, а теперь, вдали отъ міра, тихо доживаетъ, какъ истый философъ, среди историческихъ развалинъ и цвѣтущей на нихъ красоты неблекнущихъ твореній человѣческаго генія. Горечь личной неудовлетворенности Мѣдникова смягчается при видѣ этой ясной безоблачной старости, сохранившей въ себѣ, какъ эти развалины, достаточно силъ, чтобы чувствовать и симпатизировать всему прекрасному, живому и доброму. У него Мѣдниковъ хочетъ научиться тому, чего не дала ему ни личная жизнь, ни каѳедра: любить жизнь и людей ради нихъ самихъ, безъ непосредственнаго отношенія къ себѣ самому.

Здѣсь же онъ сталкивается съ старымъ княземъ и Борисомъ, которые живутъ въ Римѣ, преслѣдуя особую миссію, предпринятую Борисомъ, оформившимъ свой неопредѣленный мистицизмъ юности. Теперь это уже ясная идея, которая кажется ему достаточно сильной, чтобы перевернуть міръ и установить его на новыхъ началахъ. Эта идея—вселенская церковь, въобъединяющая себѣ всѣ христіанскія религіи, главнымъ образомъ православіе и католицизмъ, подъ главенствомъ папы, какъ видимаго намѣстника Христа на землѣ. Какъ старый профессоръ умиляетъ Мѣдникова своимъ всепрощающимъ незлобіемъ и яснымъ пониманіемъ жизни, такъ дряхлый старецъ Ватикана, мечтающій о сближеніи всего человѣчества, умиротвореннаго, укрощеннаго и любящаго, у подножія креста Общаго Учителя, восхищаетъ и вдохновляетъ Бориса. Здѣсь, именно здѣсь, на почвѣ тысячелѣтней культуры, удобренной кровью великихъ героевъ и мучениковъ, среди красоты, расцвѣтшей на развалинахъ стараго міра, ему представляется тотъ «домъ мой», гдѣ усталое человѣчество должно найти миръ, покой душевный и удовлетвореніе. Но тутъ встрѣчаетъ Бориса жизнь, какъ и вездѣ, полная противорѣчій.

Сначала личное чувство къ сестрѣ русскаго художника, полумистика, полупрерафаелита, стремящагося въ одной картинѣ совмѣстить всю боль и страданіе конца XIX вѣка съ наивной, дѣтски-чистой вѣрой учениковъ школы дорафаелевскаго времени. Толпа рабочихъ, застигнутыхъ обваломъ въ шахтѣ, замерла въ предсмертной мукѣ и изъ глубины, откуда идетъ смерть, къ нимъ приближается Христосъ. Борисъ увлекается идеей картины, отвѣчающей, хотя

отдаленно, его настроенію и его миссіи. Но больше картины влечетъ его въ студію художника сестра послѣдняго, тоже изъ новыхъ типовъ, дѣвушка, увлекающаяся всѣми мистически-эстетическими тенденціями современности. Идеей Бориса она не увлечена, но признаетъ въ ней оригинальность, хотя ей, коренной русачкѣ, слишкомъ чужда и даже противна его мысль о папѣ, какъ главѣ будущей объединенной церкви.

Ея недовѣріе къ возможности осуществленія подобной комбинаціи наноситъ первый ударъ восторженности Бориса. Встрѣча со старымъ товарищемъ по гимназіи, помѣщикомъ прежде, а теперь анархистомъ, Хазинымъ, и его нескрываемое презрѣніе къ «сутанѣ» и ея «подвохамъ» еще болѣе разстраиваютъ Бориса. Хазинъ вноситъ новый элементъ въ міросозерцаніе Бориса. До сихъ поръ весь отдавшись мистической идеѣ объединенія, онъ не замѣчалъ той борьбы, которая ведется въ жизни и даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу на Западѣ,—борьбы, въ которую втянулась и сама церковь, и самъ папа своей энцикликой «De rerum novarum». Для Бориса эта энциклика была лишь дополненіемъ къ идеѣ о вселенской церкви, которая необходимымъ образомъ должна взять подъ свою защиту «труждающихся и обремененныхъ». Но самая мысль, тѣмъ болѣе ясное представленіе объ этихъ послѣднихъ было чуждо Борису, и Хазинъ берется просвѣтить его на этотъ счетъ. Хазинъ такой же маніакъ, какъ и Борисъ, только его конекъ—не объединеніе и примиреніе всѣхъ, а напротивъ—вражда всѣхъ противъ всѣхъ, разрушеніе всего, уничтоженіе стараго міра въ конецъ, съ тѣмъ, что въ будущемъ изъ этихъ обломковъ создастся новый міръ, въ которомъ воцарится общая гармонія. Словомъ, это анархистъ, на русскій ладъ, конечно, т. е. хватающій дальше всѣхъ западныхъ послѣдователей этого ученія. Для Бориса, впрочемъ, онъ оказывается чистой находкой, такъ какъ Хазинъ грубо и безцеремонно разсѣеваетъ римскій миражъ и открываетъ глаза Борису на подвиги «черной арміи» ватиканскаго старца. Въ результатѣ этого просвѣщенія, правда, еще неполнаго, но уже тягостнаго, Борисъ уже не можетъ не чувствовать, какъ далекъ онъ жизни, которой совсѣмъ не знаетъ. А Хазинъ, какъ новый Мефистофель, ѣдко высмѣиваетъ затѣи и продѣлки патеровъ, которые громятъ «Сарданапаловъ капитализма» и думаютъ такимъ облегченнымъ способомъ уловить рабочій классъ. Вначалѣ Бориса поражаетъ и увлекаетъ эта смѣлость обличеній. Присутствуя на одной конференціи, посвященной вопросу о необходимости для рабочихъ отдыха, онъ съ увлеченіемъ слушаетъ, какъ «патеръ увѣщевалъ толпу, и безъ того убѣжденную въ необходимости праздновать воскресеніе, взывалъ къ милости всѣмъ рабамъ современнаго общественнаго строя, гдѣ капиталъ, какъ Минотавръ, все пожираетъ въ своей пасти. Онъ даже охрипъ на послѣднихъ фразахъ, когда тономъ мольбы, плачущимъ голосомъ, угрожая адомъ и скрежетомъ зубовъ въ гееннѣ «Сарданапаламъ капитализма», онъ возвѣщалъ торжество другого общественнаго строя, гибель пресыщенныхъ пауковъ, пьющихъ кровь всѣхъ отверженниковъ цивилизаціи. «Развѣ все это смѣлъ бы онъ говорить,—спрашивалъ мысленно Борисъ,—если бы тотъ старецъ въ Ватиканѣ не допускалъ такихъ обличеній? Конечно, нѣтъ!» Но онъ не могъ освободиться отъ двойственнаго, почти жуткаго чувства по прослушаніи этой рѣчи. Что-то не вѣрилось ему въ полную искренность такого пылкаго ратованія за пролетаріевъ, такого обличенія «Сарданапаловъ капитализма».— И ядъ скептицизма начинаетъ мало-по-малу разъѣдать его пылкую вѣру въ силу Рима, въ искренность ватиканскаго старца, въ спасительность единенія церквей. Хазинъ поясняетъ ему, что такія рѣчи имѣютъ важное значеніе, какъ знаменіе времени, что Ватиканъ и его черная армія, преслѣдуя, конечно, личные интересы, не видятъ другого пути, какъ прибѣгнуть къ той же рабочей массѣ и этимъ только подчеркиваютъ ея значеніе.

Кончается эта борьба въ душѣ Бориса, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшеніемъ войти поглубже въ жизнь массъ, чтобы фактически убѣдиться въ тягости ея положенія и, вооружившись опытомъ и знаніемъ, приложить ихъ на спасеніе гибнущаго «духа человѣческаго». По совѣту Хазина, онъ уѣзжаетъ въ Сицилію изучить на мѣстѣ современный адъ. Но какой путь изберетъ онъ для этого спасенія—черезъ Ватиканъ или черезъ анархизмъ, какъ совѣтуетъ Хазинъ,—онъ не знаетъ и не думаетъ. Ни отецъ, ни Мѣдниковъ, внимательно слѣдящіе за его дѣйствіями, не могутъ ему помочь. Вопросъ куда идти, остается открытымъ.

Авторъ не безъ основанія избралъ мѣстомъ дѣйствія Римъ и направляетъ въ концѣ концовъ своего героя въ Сицилію. Ни въ какой другой обстановкѣ, кромѣ итальянской, не мыслимы ни его Борисъ, ни Хазинъ. Только въ Италіи, этой классической странѣ черной арміи и анархизма, не поражаютъ такіе маньяки, какъ всѣ эти герои на половину изъ дома сумасшедшихъ. Такая искусственная обстановка дѣйствія романа лишаетъ его того значенія, какое онъ могъ бы имѣть. Слишкомъ далеки для насъ и чужды и идея вселенской церкви съ папой во главѣ, и итальянскій анархизмъ, чтобы стоило дольше надъ этимъ останавливаться. Но одно остается за романомъ, это—указаніе на разладъ, мутящій душу современнаго человѣка, которому труднѣе, чѣмъ предшествующему поколѣнію найти свою дорогу.

Жизнь несомнѣнно усложнилась, и всякія упрощенныя формулы общаго рѣшенія всѣхъ вопросъ, подводящія все къ одному знаменателю, не годятся теперь. Приходится очень тщательно разбираться въ кучѣ вопросовъ и жизненныхъ явленій, не довѣряя ни одному предвзятому рѣшенію, безъ строгой провѣрки его на фактахъ жизни. Отсюда, намъ кажется, вытекаетъ скептическое отношеніе къ старымъ формуламъ и ихъ всеобъемлемости, а подчасъ и горькая насмѣшка надъ вѣрою отцовъ. Отсюда же и равнодушіе къ тому, что такъ увлекало прежнее поколѣніе,—равнодушіе къ чистой идеѣ, оторванной отъ реальной почвы, и грубый матеріализмъ, замѣчаемый въ нѣкоторой части новыхъ людей. Эту сторону современнаго разлада отмѣтилъ въ своемъ романѣ «Равнодушные» г. Станюковичъ. Романъ еще не конченъ, почему мы и не станемъ пока касаться затронутыхъ въ немъ вопросовъ по существу. Для насъ важно лишь указать на общность темы во всѣхъ трехъ романахъ, этотъ идейный разладъ съ прошлымъ и внутреннюю смуту, которые одолѣваютъ современное общество.

Чувствуется въ этомъ нѣкое тревожное настроеніе. Оно и проявляется въ крайностяхъ и эксцессахъ молодыхъ «аргонавтовъ», высмѣивающихъ всѣ принципы, въ упорствѣ маньяковъ въ родѣ Бориса и Хазина, въ грубомъ презрѣніи ко всему, что не касается ихъ лично, равнодушныхъ. Но въ самомъ разладѣ и тревожности этого настроенія есть и хорошее, спасительное начало. Чувствуется здѣсь біеніе жизни, въ которой зрѣетъ гдѣ-то, въ самой глубинѣ, новый плодотворный ростокъ, и изъ него, быть можетъ, разовьется новая идея, которая дастъ толчокъ и приведетъ въ стройную систему весь видимый нынѣ хаосъ.

Близятся пушкинскіе дни, и хотѣлось бы хоть на мигъ воспарить духомъ, вознести «сердца горѣ». Пушкинъ—сколько съ этимъ именемъ «для сердца русскаго слилось», сколько чистѣйшихъ воспоминаній изъ дней молодости, сколько радостныхъ чувствъ и свѣтлыхъ мыслей связано для каждаго съ нимъ! Все это правда, и одна мысль о благородномъ обликѣ великаго поэта уже оживляетъ надежды и проливаетъ утѣшеніе въ усталую душу. И тѣмъ не менѣе, не радость и подъемъ духа испытываемъ мы въ ожиданіи предстоящихъ торжествъ.

Какое-то чувство скорби, жестокой обиды и горечи подымается въ душѣ одновременно съ мыслью объ этомъ великомъ праздникѣ русской литературы.

Попробуемъ разобраться въ этомъ сложномъ чувствѣ.

Что такое чествованіе памяти великаго человѣка? Это выраженіе благодарности тому, кто внесъ свѣтъ въ нашу жизнь, огнемъ своего серда и ума зажегъ немеркнущій огонь, у котораго согрѣваютъ душу тысячи послѣдующихъ поколѣній. Чувство благодарности само по себѣ цѣнно и дѣйствуетъ благотворно на насъ, вызывая въ душѣ теплую и безкорыстную радость. Тѣмъ болѣе понятно это свѣтлое чувство въ душѣ писателя, когда онъ чествуетъ своего родоначальника и вождя, который первый вознесъ это званіе на такую высоту и заставилъ гордиться этимъ правомъ—быть русскимъ писателемъ. До Пушкина не было литературы, потому что не было писателя, какъ такового, который въ своемъ призваніи видѣлъ бы задачу и смыслъ жизни. Пушкинъ былъ не только первымъ русскимъ великимъ поэтомъ, но и первымъ русскимъ литераторомъ во всемъ объемѣ этого слова. Поэтому, воздавая ему хвалу, возвеличиваемъ и значеніе его дѣла, значеніе литературы россійской. И каждый писатель не можетъ не испытывать законнаго чувства гордости при тѣхъ торжествахъ, которыми страна готовится воздать дань благодарности памяти геніальнаго художника и творца ея родной литературы. Въ этомъ для насъ, писателей, свѣтлая сторона предстоящаго великаго культурнаго праздника. И хотѣлось бы поэтому, чтобы праздникъ былъ возможно величавѣе, возможно торжественнѣе, возможно народнѣе и—менѣе всего оффиціальнымъ,—чтобы онъ явился свободнымъ, вылившимся отъ души, радостнымъ и свѣтлымъ, благодарнымъ чувствомъ—не говоримъ народа, который еще далекъ отъ яснаго представленія о великомъ поэтѣ,—но хотя бы всего общества, всей той части русскаго народа, которая уже сознала все значеніе родной литературы и научилась цѣнить и понимать ее.

Но здѣсь-то и примѣшивается къ радости чувство скорби, обиды и горечи.

Да, у насъ есть теперь литература. Но не представляется ли трагическая судьба Пушкина пророческимъ символомъ этой литературы? Что такое этотъ случайный выстрѣлъ, сразившій великую, казалось, силу, въ расцвѣтѣ надеждъ и пылкихъ ожиданій?

Предъ нами жизнь, полная великой муки, которая могли бы свалить обыкновенную натуру въ самомъ началѣ поприща, и въ заключеніе—трагическій конецъ отъ случайной пули. На пространствѣ 20 лѣтъ,—періодъ творческой дѣятельности поэта,—сжаты всѣ мученія, которыя приходилось и приходится переживать работникамъ русской литературы. Каждый шагъ, каждое завоеваніе въ области литературы запечатлѣно у насъ кровью, куплено тысячами мукъ, на которыя уходитъ преждевременно сила писателя. «Это кровь моя!»—восклицаетъ Пушкинъ, въ извѣстномъ стихотвореніи Некрасова, при видѣ испещренной корректуры. Сколько ухищреній, сколько странныхъ на первый взглядъ пріемовъ долженъ употребить русскій писатель, чтобы провести мысль, ставшую на Западѣ давно уже трюизмомъ. Вырабатывается особый «эзоповскій» языкъ, обидный по существу и для писателя, и для читателя, вырабатывается особый рабій кодексъ отношеній, когда ради спасенія дорогого дѣла приходится жертвовать многимъ и многимъ... Вмѣсто свободнаго служенія русскому слову получается мучительное терзаніе, вырвавшее у другого знаменитаго страдальца-писателя вопль: «за каплю крови, общую съ народомъ, мои вины, о родина, прости!» И нѣтъ даже того утѣшенія, что до этой родины дойдетъ когда либо этотъ вопль, что она поймѣтъ и не осудитъ за ложный шагъ, за компромиссъ, истерзавшій душу. А если услышитъ и поймѣтъ, мы этого долго еще не узнаемъ: глуха и нѣма лежитъ родина и не скоро научится выражать свои чувства съ гордымъ достоинствомъ свободнаго народа.

И этотъ случайный выстрѣлъ,—развѣ не предсказалъ онъ тѣхъ случайностей, которыя ни предвидѣть, ни предотвратить нельзя и жертвою которыхъ падаютъ лучшія наши силы? Дѣло всей вашей жизни, дѣло, стоившее вамъ великихъ жертвъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, дѣло, казалось, ставшее дорогимъ и читателю,—рушится, погребая васъ подъ своими развалинами.

Судьба Пушкина—это судьба русской литературы. Трагедія его жизни—это прообразъ трагедіи русской литературы. Его трагедія завершена, а эта трагедія длится и не предвидится ей конца. Такъ можемъ ли мы чествовать память великаго поэта-страдальца съ открытой душой, безъ стѣсненнаго сердца, безъ обычной для русскаго писателя горькой мысли о горькой судьбѣ русскаго писателя—«hodie tibi, cras mihi?»

Да, можемъ,—что бы тамъ ни было, можемъ. Вѣдь этотъ праздникъ—чествованіе побѣды свѣта надъ тьмою. Какъ ни сильна тьма, какъ ни страшны ея силы, все же свѣтъ, не меркнущій, ясный и гордый—пробивается сквозь тьму, мало того,—заставляетъ и ее преклоняться предъ собою и воздать себѣ хвалу. Чествованіе Пушкина есть открытое воздаяніе заслугъ всѣмъ тѣмъ, кто пошелъ по стопамъ его, кто принялъ свѣтильникъ изъ его рукъ и не скрылъ его подъ спудомъ, а поставилъ на горѣ, чтобы онъ свѣтилъ другимъ, и берегъ его, какъ святая святыхъ своей души, чтобы передать послѣдующимъ поколѣніямъ.

И если бы Пушкинъ воскресъ и всталъ изъ могилы, онъ одобрилъ бы это чествованіе. Вмѣстѣ съ нимъ сколько страдальческихъ тѣней порадовались бы, видя признаніе ихъ заслугъ и чествованіе «литературы рассейской». Гоголь, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Некрасовъ, Салтыковъ, Достоевскій и тысячи безвѣстныхъ работниковъ русскаго слова,—всѣ они могли бы гордиться этимъ праздникомъ. Ибо онъ говоритъ всему міру, что не погибли ихъ усилія и ни одна капля ихъ священной крови не пропала даромъ.

Оглядываясь на путь пройденный за эти сто лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ дня рожденія Пушкина,—съ чувствомъ справедливой гордости русская литература можетъ сказать, что въ самыя тяжкія минуты до текущихъ безславныхъ и безотрадныхъ дней включительно—она не унизила себя, не согнулась подъ ярмомъ и не пала духомъ. А если въ рядахъ ея и были Каины, поднимавшіе руку на своихъ братьевъ, были Булгарины и... — презрѣніемъ при жизни воздавала она имъ и по смерти уготовляла единую достойную ихъ награду—осиновый колъ. Принявъ завѣтъ Пушкина—«глаголомъ жечь сердца людей», она не измѣняла ему никогда, и каждая славная страница русской исторіи связана съ русской литературой. Въ дни печали она ободряла унылыя сердца, въ дни борьбы шла впереди и указывала самыхъ опасныхъ враговъ. Помня другой завѣтъ Пушкина—«на поприщѣ ума нельзя намъ отступать», она не уступала торжествующимъ врагамъ ни пяди изъ завоеваннаго царства свѣта и свободы. Въ дни пораженія она хранила угрюмое молчаніе, предпочитая смерть позорному хваленію. И что бы ни ожидало ее впереди, какія бы испытанія ни готовила ей судьба,—мы твердо вѣримъ, что русская литература, которая вмѣстѣ со всѣмъ, что есть лучшаго въ Россіи, готовится *теперь* праздновать память своего великаго вождя,—*никогда* не устроитъ праздника въ честь тѣхъ темныхъ силъ, жертвою которыхъ палъ Пушкинъ.

Въ этой вѣрѣ есть спасительная сила. Она насъ поддерживаетъ въ дни испытанія, выпавшія на долю современной литературы. Она внушаетъ намъ лучшія надежды. Она разсѣеваетъ мракъ современности и даетъ намъ право съ чувствомъ благодарной радости привѣтствовать Пушкинскую годовщину.

А. Б.

НАШИ ВЕСЕННІЯ ВЫСТАВКИ.

(ЗАМѢТКА).

На весеннихъ выставкахъ этого года оказалось немного картинъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія. О выставкѣ «Петербургскихъ художниковъ» въ академіи наукъ и говорить нечего. Въ сущности, на ней не было ни одного полотна, передъ которымъ стоило-бы сосредоточенно остановиться. Были хорошенькія вещицы—и только. Можно, пожалуй, вскользь упомянуть о миніатюрныхъ пейзажахъ Васильковскаго. Нѣкоторые изъ нихъ написаны съ любовью, со вкусомъ и отдаленно напоминаютъ пейзажи одного въ высшей степени проникновеннаго и чуткаго русскаго мастера, почему-то мало извѣстнаго въ Россіи—Похитонова. Но этимъ, къ сожалѣнію, и исчерпывается интересъ къ «Петербургскимъ художникамъ»...

Менѣе безотрадное впечатлѣніе выносишь изъ передвижной и академической выставокъ, хотя и тутъ большинство картинъ лишены самобытности, отпечатка времени, проблеска новыхъ мыслей и чувствъ. Эти скучныя, ремесленныя «творенія», появляются изъ году въ годъ съ какимъ-то безнадежнымъ постоянствомъ и, что всего хуже, всегда находятъ своихъ нетребовательныхъ почитателей... Объ нихъ не будемъ говорить. Займемся тѣми немногочисленными художниками, которые умѣютъ выражать въ своихъ произведеніяхъ хоть что-нибудь интересное и оригинальное, хоть что-нибудь, не похожее на устарѣлое, скучное ремесло. Мы готовы многое простить имъ за это—ихъ техническія недостатки, ихъ крайности, незрѣлость ихъ порывовъ. Они могутъ не нравиться намъ, но въ нихъ по крайней мѣрѣ чувствуется талантъ, исканіе новыхъ путей въ искусствѣ, та внутренняя работа воображенія, безъ которой мертво всякое творчество.

Принадлежащіе къ числу именно такихъ художниковъ В. И. Суриковъ, М. В. Нестеровъ и Н. А. Касаткинъ—интересны уже оттого, что, являясь чисто русскими талантами *по духу*, они такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга по *направленію* творчества. Въ каждомъ изъ нихъ—національное содержаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый—черпаетъ свои настроенія въ самостоятельной области и преслѣдуетъ другія цѣли. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ тремя ярко выраженными художественными темпераментами.

В. И. Суриковъ—представитель того направленія въ живописи, какое обыкновенно называютъ историческимъ натурализмомъ. Воплощая русскую исторію въ грубые, тяжеловѣсные, иногда просто чудовищные образы, онъ заслуживаетъ упрека въ чемъ угодно, но только не въ отсутствіи смѣлаго замысла и своеобразной силы воздѣйствія. Выставленная въ нынѣшнемъ году на передвижной выставкѣ громадная картина Сурикова—«Переходъ Суворова черезъ Альпы», строго говоря,—вполнѣ неудачна. Написана она плохо и тускло. Компановка ея хаотична до нельзя. Темныя фигуры солдатъ, скользящихъ внизъ по черезчуръ крутому снѣговому спуску горы, положительно падаютъ на зрителя, а самъ Суворовъ, верхомъ на своей черезчуръ маленькой лошадкѣ, до того тщедушенъ,

что вызываетъ невольную улыбку, лишь только удастся выдѣлить его изъ хаоса ледяныхъ скалъ, пушекъ и походныхъ шинелей, которыми онъ окруженъ... Тѣмъ не менѣе, вся картина выражаетъ до извѣстной степени и героическій духъ нашихъ солдатъ, и стремительную тревожность опасной переправы. Въ ней есть движеніе, размахъ. Талантливость автора сквозитъ во всемъ, несмотря на грубую оболочку исполненія... Къ тому же нельзя забывать, что у Сурикова были другія болѣе удачныя картины изъ древне-русской жизни, напримѣръ, «Боярыня Морозова», находящаяся теперь въ Третьяковской галлереѣ.

М. В. Нестеровъ тоже изучаетъ русскую старину, но съ точки зрѣнія ея религіознаго чувства. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ считаться послѣдователемъ В. М. Васнецова. Онъ конечно не обладаетъ ни смѣлостью, ни вдохновенной мощью Васнецова. Образы его проникнуты хрупкой, болѣзненной граціей выходцевъ съ того свѣта. Его отшельники, изсохшіе въ молитвахъ, монахини, въ длинныхъ черныхъ одѣяніяхъ и голубоглазыя богородицы съ лиліями въ рукахъ на фонѣ какихъ то блѣдныхъ, призрачныхъ пейзажей переносятъ насъ въ міръ созерцательныхъ, аскетическихъ идеаловъ нашего народа. Византизмъ въ картинахъ Нестерова до того смягченъ сантиментально-мистическимъ пониманіемъ народной вѣры, что, строго говоря, въ нихъ ничего не остается церковнаго. Всѣмъ этимъ и объясняется особенно невыгодное впечатлѣніе, какое производитъ живопись Нестерова рядомъ съ образами Васнецова въ кіевскомъ соборѣ Св. Владиміра.

Теперь передъ нами послѣдняя картина Нестерова—«Святый Дмитрій Царевичъ убіенный». Въ ней, если можно такъ выразиться, обнажены до крайнихъ предѣловъ художественные пріемы автора, что дѣйствуетъ непріятно. Царевичъ Дмитрій изображенъ здѣсь не воскресшимъ человѣкомъ душою и тѣломъ, какъ это вытекало бы изъ христіанскихъ представленій, а какимъ-то страшнымъ и въ то же время трогательнымъ призракомъ, напоминающимъ тѣхъ безпріютныхъ оборотней, которые до сихъ поръ тревожатъ суевѣрное воображеніе народа, вызывая въ немъ испугъ и жалость. Когда смотришь на эту картину, то опять-таки невольно вспоминается Васнецовъ, вспоминаются два образа его изъ Владимірскаго собора—«Великомученики Борисъ и Глѣбъ». Васнецовъ также хотѣлъ придать своимъ изображеніямъ характеръ замогильной призрачности, но художественное чутье не позволило ему подчеркнуть такъ рѣзко своего намѣренія. Его князья Борисъ и Глѣбъ—не зловѣщіе оборотни, а тихо воскресшіе люди, просвѣтленные сознаніемъ вѣчнаго загробнаго покоя.

Третье изъ названныхъ мною именъ—Н. А. Касаткинъ. Онъ извѣстенъ своими картинами изъ крестьянскаго и главнымъ образомъ изъ рабочаго быта. Онъ—художникъ темнаго, бѣднаго, трудоваго люда современной Россіи, художникъ, не лишенный тенденціозности и гражданской скорби. Но нужно отдать справедливость Касаткину въ томъ смыслѣ, что гражданскія тенденціи, не заглушая достоинствъ его сочной, смуглой живописи, наоборотъ придаютъ его картинамъ характеръ глубокой вдумчивости и задушевности. То, что онъ пишетъ, онъ пишетъ съ увлеченіемъ, съ убѣжденностью, пишетъ большею частью не для того, чтобы поучать, а просто, потому что ему близко знакома мужицкая среда, фабричная и тюремная жизнь Россіи, и что онъ любитъ изображать обездоленное человѣчество. По яркости, по трагизму бытоваго колорита его талантъ напоминаетъ отчасти талантъ Горькаго.

Картины, выставленныя Касаткинымъ въ этомъ году, значительно слабѣе его предъидущихъ работъ. Особенно неудаченъ и возбуждаетъ всеобщее недоумѣніе большой холстъ съ длиннымъ названіемъ: «Свиданіе съ арестованными допускается по воскресеніямъ и четвергамъ отъ 11 до 12 ч. дня. Женское отдѣленіе». Если отойти отъ картины на большое разстояніе, то пожалуй и можно понять, что хотѣлъ выразить художникъ, а именно — смятеніе толпы

женщинъ, ожидающихъ за рѣшеткой. Съ другой стороны сразу трудно догадаться, онѣ ли пришли на свиданіе къ арестованнымъ, либо сами онѣ сидятъ за рѣшеткой... Такъ или иначе, но мнѣ кажется, что если бы этой рѣшетки и этихъ женщинъ совсѣмъ не было написано художникомъ, его репутація нисколько бы не проиграла. Гораздо лучше, и по живописи, и по выразительности—мелкія вещи, въ особенности «Старушка натурщица» и «Ваганщикъ».

Не останавливаясь долѣе на только что упомянутыхъ нами художникахъ передвижной выставки, скажемъ нѣсколько словъ о молодыхъ портретистахъ, выступившихъ въ академіи художествъ. Я имѣю въ виду Ф. А. Малявина, О. Э. Браза, П. Д. Шмарова и отчасти Н. В. Розанова. Ни въ одномъ изъ нихъ нельзя отрицать извѣстныхъ задатковъ оригинальности. О. Э. Бразъ—вполнѣ законченный портретистъ, весьма мѣтко улавливающій сходство, съ выдержкой и чутьемъ. П. Д. Шмаровъ все еще колеблется между свѣтовыми эффектами, иногда довольно сомнительнаго характера, и сильно хромаетъ въ рисункѣ. Н. В. Розанову удалось написать хорошій женскій портретъ. Но конечно талантливѣе ихъ всѣхъ Ф. А. Малявинъ. Онъ обладаетъ рѣшительнымъ, нервнымъ рисункомъ, нѣсколько однообразнымъ, но яркимъ колоритомъ и безспорнымъ вкусомъ. Кромѣ того онъ одинъ изъ немногихъ русскихъ художниковъ, умѣющихъ пользоваться примѣромъ запада въ выработкѣ техническихъ пріемовъ,—не успокоившихся на своей доморощенной рутинѣ. Работы Малявина еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣли несомнѣнный успѣхъ, но онъ не довольствовался имъ. Каждое новое произведеніе его кисти—доказательство его безпокойнаго стремленія къ совершенствованію. Малявинъ до сихъ поръ не вполнѣ еще нашелъ себя, но онъ достаточно молодъ и даровитъ, чтобы выйти изъ этихъ поисковъ съ честью.

Мнѣ не хотѣлось бы выходить изъ стѣнъ Академіи Художествъ, не высказавшись хотя бы вкратцѣ объ В. А. Котарбинскомъ, почему-то завоевавшимъ себѣ за послѣднее время большую популярность. Въ прошломъ году, вѣроятно по недоразумѣнію, была пріобрѣтена въ національный музей Александра III-го его большая, но ничтожная картина — «Оргія». Зато теперь В. А. Котарбинскій щедро отплатилъ намъ за эту печальную ошибку, выставивъ цѣлыхъ шесть своихъ произведеній, выполненныхъ, судя по небрежной манерѣ письма, должно быть въ очень короткій срокъ. Эти картины («Поцѣлуй волны», «Ангелъ грусти», «Память усопшихъ», и т. д.) не заключаютъ въ себѣ рѣшительно ничего, кромѣ дешевыхъ эффектовъ... Дарованіе В. А. Котарбинскаго — пустоцвѣтъ. Дальше замысла, дальше намѣренія онъ не въ состояніи идти. Мы вовсе не желаемъ отнимать отъ В. А. Котарбинскаго красивости нѣкоторыхъ его замысловъ. Въ видѣ смутныхъ и быстрыхъ эскизовъ сепіей они могутъ даже произвести извѣстное впечатлѣніе, если не приглядѣться къ нимъ повнимательнѣе. Но лишь только художнику приходится воплотить померещившійся образъ, все поражающее безсиліе его воображенія выступаетъ наружу. Дѣло въ томъ, что способности Котарбинскаго чисто реалистическаго характера. Во всякомъ случаѣ онъ достигалъ несравненно большаго успѣха, расписывая декоративными пано въ духѣ Маккарта стѣны Владимірскаго собора, чѣмъ пытаясь выразить символическое волшебство природы. Въ результатѣ—всѣ силы его тратятся на какой-то ученическій лепетъ въ краскахъ. Не потому ли многіе еще до сихъ поръ считаютъ г. Котарбинскаго молодымъ, чуть ли не начинающимъ живописцемъ, тогда какъ ему уже за пятьдесятъ лѣтъ, и онъ не только не «подаетъ надеждъ», но давнымъ давно оправдалъ всю свою безнадежность.

Перейдемъ теперь къ пейзажамъ нашихъ весеннихъ выставокъ. Этотъ отдѣлъ живописи (быть можетъ наиболѣе интересный въ данномъ случаѣ) поражаетъ насъ какою-то роковою общностью настроеній. Куда ни посмотришь,

вездѣ чередуются смутные вечера, блѣдные осенніе дни, или снѣговыя равнины, обвѣянныя холодомъ и запустѣніемъ русской зимы. Сумерки царятъ здѣсь повсюду. Одна изъ лучшихъ картинъ на передвижной выставкѣ—«Сумеречный вѣтеръ» А. М. Васнецова. Вечернее небо дымится сѣрыми тучами. Низкія, сѣрыя деревья, наклоненныя вѣтромъ, покрываютъ равнину. Узкая дорога уходитъ вдаль. По ней шагаетъ одинокій странникъ съ сумою и съ посохомъ въ рукѣ... А вотъ другой пейзажъ И. И. Левитана—«Буря,—дождь». Тѣ же сѣрые тона; тотъ же неясный сумракъ и безъисходная, сумрачная грусть... Ничто болѣе не напоминаетъ солнечнаго plein air'а предшествующихъ художниковъ... Здѣсь рѣдко встрѣтишь горячую, лѣтнюю зелень, синее небо, яркія тѣни и яркій свѣтъ. Солнца почти не видно. Въ картинахъ И. И. Левитана оно появляется лишь для того, чтобы вызвать нѣсколько желтыхъ рефлексовъ на листвѣ осеннихъ деревьевъ, чтобы отразиться тусклымъ лучемъ въ стоячей водѣ болота или посеребрить нѣжную поверхность талаго снѣга.

Та же участь постигла и лунный свѣтъ. Не такъ давно сравнительно Куинджи производилъ большое впечатлѣніе изумруднымъ блескомъ своихъ украинскихъ ночей. Теперь изображеніе ярко горящаго мѣсяца кажется уже живописною тривіальностью. Нынѣшніе художники прибѣгаютъ къ нему только съ цѣлью передать заманчивую, призрачную глубину лунныхъ сумерокъ. Вотъ напримѣръ: небольшой пейзажъ того же Левитана. Ночь. Блѣдные лучи невидимаго мѣсяца освѣщаютъ небо. На немъ, подобно темному кружеву, выступаютъ деревья усадьбы, а вдали, въ глубинѣ сада, виденъ домъ, гдѣ мерцаетъ одинокій огонекъ. Въ такомъ же родѣ оригинальная картина И. С. Богатырева (акад. выст.)—«Зимніе сумерки». Передъ нами пустынная деревенская улица, залитая мутнымъ зеленоватымъ свѣтомъ, съ которымъ чередуются едва уловимыя, сизыя тѣни...

Я упоминаю лишь о небольшой части картинъ лучшихъ художниковъ; но сколько полударовитыхъ и совсѣмъ бездарныхъ живописцевъ идутъ по тому-же пути. Достаточно просмотрѣть одни каталоги, чтобы убѣдиться, какое количество пейзажей названы словами: сумерки, вечеръ, къ вечеру и т. д. Этотъ минорный тонъ, это безсознательное стремленіе къ передачѣ неопредѣленныхъ, переходныхъ красокъ—характерная черта современныхъ болѣе или менѣе «молодыхъ» русскихъ художниковъ.

Не въ этой-ли «сумеречности» настроенія слѣдуетъ искать причинъ оскудѣнія русскаго художественнаго творчества? Не беремся отвѣчать утвердительно. Но несомнѣнно, затишье въ общественной жизни, запутанность общественной мысли, бьющейся въ поискахъ новыхъ путей, и минорность общественнаго настроенія—не могутъ не вліять подавляющимъ образомъ и на творческія силы. Несомнѣнно также, что онѣ есть, эти силы, и, быть можетъ, въ тиши, что, какъ гробовая плита, мѣшаетъ ихъ проявленію,—зрѣютъ великіе замыслы въ ожиданіи своей весны и своего солнца, чтобы расцвѣсть внезапно невиданнымъ блескомъ и яркостью, какъ уже было однажды въ исторіи нашей живописи...

С. М.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ голодающихъ губерній. Къ веснѣ нужда все усиливается и изъ голодающихъ губерній приходятъ все болѣе тяжелыя вѣсти. Вслѣдъ за голодомъ появляются его обычные спутники—заразныя болѣзни и цынга. «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» пишутъ изъ Казанской губ.:

«Спѣшно вербуются отряды среди мѣстной учащейся молодежи для борьбы съ все усиливающейся цынгой и другими «голодными» заболѣваніями...

«А бороться есть съ чѣмъ теперь въ деревнѣ молодымъ студентамъ: цынга все усиливается съ ужасающей быстротою, охватывая все большій и большій районъ. Даже предмѣстья нашей Казани и тѣ не избавились отъ посѣщенія ужасной гостьи: Адмиралтейская, Суконная, Ново-Татарская и другія слободы насчитываютъ теперь уже нѣсколько десятковъ цынготныхъ больныхъ среди населяющей ихъ русской и татарской бѣдноты. Если городъ съ болѣе чѣмъ 120 тыс. человѣкъ не спасается отъ цынги, то что дѣлается теперь въ деревнѣ, это читатель самъ легко можетъ себѣ представить... Что касается формъ клинической картины заболѣванія цынгой, то врачи, видавшіе больныхъ, увѣряютъ, что цынга въ нынѣшнемъ году проявляется у людей, истощенныхъ недоѣданіемъ или питающихся однимъ хлѣбомъ безъ прибавленія овощей, положительно въ классическихъ формахъ. Вотъ какъ описываетъ эту картину заболѣванія цынгой одинъ землевладѣлецъ Спасскаго уѣзда (не врачъ), открывшій на частныя пожертвованія даровую хлѣбопекарню. «Заболѣваніе цынгой,—пишетъ онъ,—вызываетъ особенно тяжелыя страданія у женщинъ съ грудными дѣтьми... Сегодня, развѣсивъ хлѣбъ и удостовѣрившись въ его доброкачественности, я обходилъ больныхъ. Попросивъ ихъ открыть ротъ, я ужаснулся: изъ опухшихъ десенъ безпрерывно сочилась кровь и, при малѣйшемъ прикосновеніи къ зубамъ, кровотеченіе усиливалось; зубы шатаются въ своихъ гнѣздахъ, ноги покрыты кровоподтеками».

Такія же картины описываетъ г. Сергѣенко, отправившійся лично на голодъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ населенія:

«На-дняхъ я вернулся изъ Казанской губ., куда ѣздилъ, чтобы познакомиться—насколько это возможно для пріѣзжаго—съ истиннымъ характеромъ и размѣрами народной нужды. Общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ поѣздки, тяжелое и горькое. Нужда во многихъ мѣстностяхъ большая, лютая и застарѣлая. Одной рожью ее нельзя устранить. Народъ обезсилѣлъ отъ нужды. И надо удивляться не тому, что появились массовыя заболѣванія, а тому, какъ могъ истощенный организмъ народа такъ долго выдерживать столь упорный натискъ нужды. Многіе съ осени не знаютъ горячей пищи. Приходилось питаться жолудями, древесной корой, листьями, даже падалью. Въ моемъ распоряженіи имѣются образцы «хлѣба», похожаго на все, кромѣ хлѣба. Неурожай

въ истекшемъ году былъ полный. Сначала продолжительныя засухи съ горячими вѣтрами все завялили и выжгли; затѣмъ ударили ранніе морозы и доконали все остальное».

А какимъ хлѣбомъ приходится пробавляться крестьянамъ, видно, напримѣръ изъ слѣдующаго сообщенія «Самарской Газеты»:

«Профессоръ кіевскаго университета г. Орловъ пожелалъ изслѣдовать научнымъ путемъ хлѣбъ, употребляемый въ нынѣшнемъ году съ примѣсями крестьянами Самарской губерніи (такъ называемый «голодный» хлѣбъ). Образцы такого хлѣба предложено было прислать земскимъ начальникамъ, врачамъ и т. п. Большинство полученныхъ до сихъ поръ отвѣтовъ земскихъ начальниковъ, какъ сообщаетъ «Сам. Газ.», гласитъ, что въ ихъ участкахъ «голоднаго» хлѣба крестьянами въ пищу не употребляется, и потому образцовъ его они прислать не могутъ. Ня-дняхъ, впрочемъ, присланы земскимъ начальникомъ 2 участка Бугурусланскаго уѣзда два образца такого хлѣба, взятые у двоихъ чувашъ. Земскій начальникъ объясняетъ, что этотъ хлѣбъ печется изъ ржаной муки съ примѣсями 1/3 лебеды въ размолотомъ видѣ и приготовляется такъ же, какъ и обыкновенный хлѣбъ. При этомъ земскій начальникъ объяснилъ, что употребленіе въ пищу такого хлѣба, какъ посылаемый образчикъ, исключительный случай, встрѣченный имъ только въ одномъ селеніи чувашъ; остальные же жители (въ томъ числѣ и чуваши) питаются обыкновеннымъ хлѣбомъ. Случай употребленія въ пищу хлѣба присланныхъ образцовъ трудно объяснить, присовокупляетъ земскій начальникъ, но нельзя сказать, чтобы это вызывалось крайностью, такъ какъ всѣ жители и тѣ крестьяне, отъ которыхъ взяты образчики хлѣба, получаютъ ссуду отъ земства въ достаточномъ количествѣ».

Неудивительно, что при такомъ питаніи, которое все-таки является удѣломъ сравнительно болѣе счастливыхъ лицъ, наблюдается быстрое развитіе всякихъ болѣзней. Для борьбы съ ними столовыя являются гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ, чѣмъ всякія лѣкарства. Г-жа Лепешкина пишетъ въ «Крымскій Вѣстникъ» объ открытіи ею столовыхъ въ Уфимской губ.: «15 марта мнѣ пришлось ѣхать съ кн. С. И. Шаховскимъ въ Альматьмуллино (той-же волости), чтобы составить списки и открыть здѣсь столовую. Пріѣхали и, какъ всегда, направились къ мірской избѣ. Около нея толпилась масса народу. Но когда мы вышли изъ саней и. едва пройдя черезъ толпу, хотѣли проникнуть въ избу, то это оказалосьпочти невозможнымъ: сѣни были просто биткомъ набиты народомъ, а дверь извнутри заперта. На наши вопросы намъ отвѣтили, что «дохтуръ» принимаетъ. По его распоряженію, дверь заперли, чтобы больныхъ могли впускать небольшими партіями. Докторъ пріѣхалъ изъ сосѣдней деревни, по неотступной просьбѣ «міра»; селеніе было большое, больныхъ масса, поэтому, чтобы не терять времени, докторъ велѣлъ приводить и приносить всѣхъ больныхъ прямо въ избу. Въ этой же мірской избѣ намъ надо было начать опись: поэтому пришлось ожидать окончанія пріема.

«Когда мы, наконецъ, вошли въ избу, тяжелый, невыносимый воздухъ, переполненный ѣдкимъ запахомъ кизяку, охватилъ насъ. И—Боже!—не забыть намъ никогда картинъ, которыя пришлось здѣсь увидѣть. Цынга была въ полномъ разгарѣ въ этомъ селѣ... Предо мной мелькали несчастные больные, и я видѣла опухшія лица и ноги, кровавыя раны на деснахъ, ногахъ, на всемъ тѣлѣ. Одни больные шли сосредоточенно, точно видя предъ собой призракъ смерти и утративъ всякую надежду на спасеніе, другіе стонали,—глухо стонали и отъ голода, и отъ боли... Проходили предо мной и цѣлыя семьи, пораженныя этой болѣзнью. Одну старуху принесли на подушкахъ, одну женщину мужъ принесъ на спинѣ. Но всего ужаснѣе это—мертвенныя лица дѣтей, безъ выраженія, апатичныя... Дѣтишки такъ ослабѣли, что когда ихъ сажали на стулъ предъ докторомъ, они безпомощно опирались головой о стоя-

щихъ около нихъ мужиковъ. Что могъ сдѣлать здѣсь докторъ? Онъ наскоро осматривалъ больныхъ все одной и той же болѣзнью, осматривалъ десны и ноги, давалъ лѣкарства, а иногда чай, сахаръ и деньги—отъ 10 до 50 к. изъ средствъ, отпускаемыхъ «Краснымъ Крестомъ» для усиленія питанія больныхъ. И послѣ осмотра ихъ «волокли» или уносили обратно. Наконецъ, пріемъ окончился, но потому, что лѣкарствъ больше не было. На другой день оказалось, что больныхъ столько же, сколько уже перебывало у доктора. Многія женщины стѣснялись мужчинъ и не явились на пріемъ. Многія не могли пѣшкомъ добраться до избы, а на лошади ѣхать невозможно, такъ какъ онѣ совершенно обезсилѣли отъ голодовки и не въ состояніи возить.

«Подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ пришлось намъ открыть сходъ и приступить къ переписи. Я очень торопилась составленіемъ списка и поэтому продержала всѣхъ до 10 час. веч. съ тѣмъ, чтобы на другой день возобновить свои занятія. Несмотря на то, что и они всѣ страшно утомились, все же они «жалѣли» меня и горячо благодарили. На другой день къ вечеру удалось открыть столовую. Вмѣстѣ съ кн. С. И. Шаховскимъ, который вернулся изъ поѣздки за хлѣбомъ, мы пошли въ столовую, гдѣ занесенные въ списокъ ѣли свою «шупшу»; это—родъ кашицы изъ пшена, гороха, сала съ лукомъ и перцемъ (лукъ и перецъ—хорошее противоцынготное средство). И я была растрогана до слезъ той радостью, которой вспыхнули эти потухшіе глаза, когда проголодавшимся и изстрадавшимся подали «шупшу». Въ первый день еще не успѣли испечь хлѣба, а потому мы объявили, чтобы столующіеся запаслись своимъ хлѣбомъ. Но—увы!—никто не принесъ даже крошечнаго ломтя, потому что дома хлѣба ни у кого не оказалось».

На народную нужду начинаетъ откликаться теперь не только такъ наз. «общество», но и рабочіе, и крестьяне. Г. Сакмаровъ въ «Сынѣ Отеч.» передаетъ слѣдующій любопытный фактъ:

«Въ одной изъ народныхъ аудиторій столицы, послѣ окончанія чтенія, лекторъ обратился къ своимъ слушателямъ съ предложеніемъ пожертвовать что-нибудь въ пользу голодающихъ. Онъ прибавилъ при этомъ, что ему стыдно обращаться къ нимъ съ такимъ предложеніемъ, такъ какъ онъ знаетъ, что и сами-то они перебиваются со дня на день и тяжелымъ трудомъ зарабатываютъ себѣ ничтожныя средства къ существованію. Но такъ какъ ничтожныхъ жертвъ нѣтъ, то онъ и предложилъ имъ пожертвовать, кто что можетъ, не стѣсняясь размѣрами пожертвованія.

«Такъ какъ въ аудиторіи не было ни тарелки, ни кружки для сбора, то для этой цѣли былъ примѣненъ умывальникъ. Дырку для стока воды заткнули бумагой, чтобы мелкая монетка не проскочила, и стали въ умывальникъ сыпаться тѣ дорогіе гроши и алтыны, которыхъ не обезцѣнятъ никакія колебанія курса, тѣ гривны мѣдныя, которыхъ не оцѣнить на землѣ никакимъ оцѣнщикамъ. И набралось въ этомъ умывальникѣ денегъ 118 руб. Но на этомъ дѣло не остановилось. Народъ въ аудиторіи собрался рабочій. Разошелся онъ утромъ по фабрикамъ и заводамъ и разнесъ вѣсть о сборѣ на голодающихъ. И опять потекли мѣдныя гривны, да и рубли за собой повели. Съ Самсоньевской мануфактуры 211 р. принесли рабочіе, да администрація 200 р. дала, съ тюлевой фабрики 50 руб. набрали, нобелевскіе рабочіе 43 рубля сколотили. Въ общей сложности одни рабочіе больше тысячи рублей принесли. Все по мелочамъ, кровью заработанное отдавали. Женщины-работницы съ патроннаго завода 10 руб. 43 коп. собрали: «Извините, что мало принесли,—говорили онѣ,—сами видимъ, что мало, да вѣдь заработки-то наши ужъ очень не велики».

Въ «Курьерѣ» помѣщено письмо одной народной учительницы, посылающей отъ себя и отъ своихъ воспитанниковъ пожертвованія въ пользу голодающихъ.

«При этомъ посылается квитанція на отправленный въ вашу редакцію багажъ, вѣсомъ пять пудовъ, для голодающихъ въ двухъ тюкахъ; покорнѣйше прошу одинъ тюкъ отправить въ Уфимскую губ. для маленькихъ инородцевъ и большихъ. Другой въ Бугурусланъ, Самарской губ., врачу С. П. Давыдовой,— адресъ вамъ извѣстенъ. Собрано бѣлье и платье нашей школьной дѣтворой, а ихъ у насъ 400 человѣкъ. Прослушали дѣтишки корреспонденціи, помѣщенныя въ вашей уважаемой газетѣ, у многихъ глаза затуманились и понесли на другой же день узелочки и сверточки. Два раза уже школьники и копѣйки свои отсылали голоднымъ и еще собираемъ къ Пасхѣ,—пришлемъ въ вашу редакцію, да позвольте и еще пудиковъ пять прислать бѣлья и платья для другихъ нуждающихся мѣстностей. Дѣтямъ отъ дѣтей, а взрослымъ отъ взрослыхъ.

«Одна изъ учительницъ и 400 дѣтей».

Самое трогательное въ непосредственномъ по чувству и содержанію письмѣ— это то, что и учительница, и дѣти пожелали остаться неизвѣстными.

Народный университетъ въ Тифлисѣ. Движеніе въ пользу распространенія такъ-называемыхъ «народныхъ университетовъ» мало-по-малу начинаетъ прививаться и въ Россіи. Блестящій успѣхъ общеобразовательныхъ курсовъ с.-петербургскаго педагогическаго общества (временно пріостановленныхъ въ этомъ году, но имѣющихъ всѣ шансы открыться въ будущемъ) доказалъ, что у насъ есть достаточный контингентъ силъ для веденія такого сложнаго дѣла: подобные же курсы возникли въ Одессѣ и въ Харьковѣ, попытки организаціи ихъ были въ Казани. Теперь въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщенъ интересный отчетъ о такихъ же курсахъ въ Тифлисѣ. Возникли эти курсы слѣдующимъ образомъ.

Въ октябрѣ прошлаго года въ «Тифлисскомъ Листкѣ» появились двѣ статьи за подписью А. Иванова: «Публичныя лекціи» и «Общеобразовательные курсы для взрослыхъ». Обѣ эти статьи трактовали о необходимости восполнить ощущаемый въ Тифлисѣ недостатокъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ открытіемъ курсовъ для тѣхъ несчастливцевъ, которымъ по разнымъ причинамъ не удалось пройти среднюю школу, а также для тѣхъ, прошедшихъ эту школу, которымъ обстоятельства помѣшали попасть въ университетъ и которые, такимъ образомъ, не могли пополнить свои знанія университетскимъ курсомъ. Послѣ появленія этихъ двухъ статей, въ томъ же «Тифлисскомъ Листкѣ» начали печататься «Письма читателей». Устроенъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ «плебисцитъ». Редакція газеты предоставила свои столбцы для свободнаго обсужденія затронутаго г. Ивановымъ вопроса. «Письма читателей» посыпались, какъ изъ «рога изобилія». Подсчетъ этихъ писемъ далъ, какъ и слѣдовало ожидать, блестящій результатъ: ни одного голоса противъ и всѣ за открытіе курсовъ... Тогда 18 ноября въ той же газетѣ появилась новая статья г. Иванова: «Еще нѣсколько словъ о курсахъ для взрослыхъ». Въ этой своей послѣдней статьѣ г. Ивановъ приводилъ примѣрную программу курсовъ, основывая свои мнѣнія на фактическомъ матеріалѣ петербургскихъ и одесскихъ курсовъ, взывалъ къ мѣстнымъ педагогамъ, приглашая ихъ удовлетворить запросы населенія. А между тѣмъ, «письма читателей» все продолжали и продолжали печататься, и тѣмъ самымъ подкрѣплялись слова г. Иванова. Числа 22—24 въ редакціи «Тифлисскаго Листка» уже состоялось первое засѣданіе педагоговъ, откликнувшихся на «вопль души человѣческой», къ которымъ примкнули и ближайшіе сотрудники этой газеты. Черезъ недѣлю состоялось второе засѣданіе и настолько многолюдное, что скромное помѣщеніе редакціи оказалось малымъ, а потому было рѣшено перенести засѣданія въ просторное помѣщеніе первой мужской гимназіи (ихъ тоже у насъ три). Засимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ засѣданій; учредители курсовъ выдѣлили изъ себя отдѣльныя коммиссіи для детальной

разработки программъ, и вотъ не прошло еще отъ времени перваго засѣданія и полныхъ двухъ мѣсяцевъ, какъ курсы были открыты и начали функціонировать. Такому быстрому разрѣшенію вопроса, прежде всего, способствовала необычайная энергія, проявленная педагогическимъ міромъ, принявшимъ близко къ сердцу запросы населенія, а также и то обстоятельство, что и попечитель учебнаго округа, и мѣстный губернаторъ весьма сочувственно отнеслись къ благому начинанію и съ своей стороны сдѣлали все, чтобы не затормозить открытія курсовъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, однако, что первоначальный планъ учредителей курсовъ нѣсколько былъ видоизмѣненъ. Такъ, напримѣръ, названіе курсовъ «Пушкинскими» попечитель учебнаго округа не призналъ возможнымъ утвердить. «Дѣло это новое; неизвѣстно, какъ пойдетъ, можетъ и разрушиться, и такимъ образомъ наименованіе ихъ «Пушкинскими» является преждевременнымъ. Пусть дѣло наладится, чтобы было достойно великаго писателя, и я тогда первый буду просить министра о присвоеніи курсамъ этого наименованія»,—говорилъ попечитель. Зазимъ онъ же призналъ невозможнымъ оставить за открываемыми лекціями названія «курсовъ», такъ какъ на это должно быть испрошено особое разрѣшеніе отъ министра народнаго просвѣщенія съ представленіемъ проекта устава, но, сочувствуя симпатичной мысли, предложилъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, начать чтеніе лекцій, именовавъ эти курсы «Публичными лекціями по программамъ общеобразовательнаго курса». Подъ такимъ оффиціальнымъ названіемъ и функціонируютъ нынѣ курсы, которые въ общежитіи продолжаютъ называться «Пушкинскими курсами» Курсы эти разсчитаны на три года. Они обнимаютъ слѣдующіе систематически читаемые предметы: 1) Законъ Божій; 2) теорія словесности и исторія русской литературы; 3) новые языки (французскій и нѣмецкій); 4) логику въ связи съ психологіей; 5) математику (алгебра, геометрія, тригонометрія, начала аналитической геометріи, дифференціальное и интегральное исчисленія); 6) физику и начала астрономіи; 7) естествознаніе (химія, минералогія съ геологіей, ботаника, зоологія, анатомія и физіологія человѣка); 8) гигіену; 9) географію Россіи и сравнительную; 10) исторію Россіи и общую; 11) законовѣдѣніе.

Курсы, какъ сказано выше, разсчитаны на три года, причемъ въ первые два года проходится курсъ средней общеобразовательной школы, на послѣдній же III годъ (дополнительный) относятся предметы, не входящіе въ курсъ среднихъ школъ (психологія, элементы высшей математики, астрономія, гигіена и законовѣдѣніе). Въ тифлисскій народный университетъ разрѣшено принимать и мужчинъ, и женщинъ. Отъ поступающихъ не требуется никакихъ документовъ—ни о самоличности, ни объ образованіи; разсчитано лишь, чтобы слушатели имѣли познанія 3—4 классовъ среднеучебныхъ заведеній, о чемъ они и предваряются. Лица моложе 16 лѣтъ принимаются лишь съ условіемъ представленія свидѣтельствъ объ окончаніи ими курса городскихъ трехклассныхъ школъ, прогимназій, военно-фельдшерскихъ школъ. Занятія происходятъ ежедневно: четыре раза въ недѣлю отъ 5 до 9 ч. вечера и два раза отъ 6 тоже до 9 вечера. Происходятъ они въ помѣщеніи первой женской гимназіи (четыре раза въ недѣлю) и первой мужской (два раза). Лекторами состоятъ лица съ высшимъ образованіемъ (учителя среднихъ школъ, офицеры, доктора и др.). Плата опредѣлена слѣдующая: за слушаніе всего курса, т.-е. всѣхъ поименованныхъ выше лекцій, въ годъ взимается 10 руб., а за полгода 5 руб., за слушаніе отдѣльныхъ предметовъ взимается въ годъ 2 р. и за полгода 1 руб. (Необходимо тутъ отмѣтить, что эта плата ниже и одесскихъ, и петербургскихъ курсовъ). Организація дѣла такая же, какъ на курсахъ педагогическаго общества въ Петербургѣ. Завѣдываютъ курсами двѣ коммиссіи изъ учредителей: «учебная», ведущая учебно-образовательную сторону дѣла, и «административно-хозяйственная». Это—оффиціально, но на практикѣ завѣдываетъ курсами об-

щее собраніе учредителей во главѣ съ своимъ предсѣдателемъ-руководителемъ К. Н. Шульгинымъ.

По утвержденіи г. попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа и г. губернаторомъ проекта и программы «публичныхъ лекцій», въ мѣстныхъ газетахъ было объявлено, что лица, желающія слушать лекціи, благоволятъ записываться (были поименованы пункты, въ коихъ принималась запись). Эта предварительная запись превзошла всякія ожиданія и увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ: въ три дня записалось 469 человѣкъ, и предварительная запись была объявлена закрытой, такъ какъ помѣщеніе, гдѣ должно было происходить чтеніе лекцій, могло вмѣстить не болѣе 200 человѣкъ. Многимъ и очень многимъ пришлось отказать. Вслѣдъ за этимъ было назначено три дня для выборки входныхъ билетовъ и уплаты денегъ. За эти три дня выбрано было 293 билета, послѣ чего, скрѣпя сердце, учредители курсовъ больше не принимали денегъ и не выдавали билетовъ, несмотря на буквально слезныя просьбы желающихъ быть слушателями. Изъ этихъ 293 человѣкъ выбрали билеты на весь (полный) курсъ 157 чел., на отдѣльные предметы: Законъ Божій—3, русскій языкъ—59, алгебра—18, геометрія—3, исторія—15, географія—4, физика—23, анатомія—46, химія—40 и новые языки—94 человѣка. Изъ числа слушателей: мужчинъ 212 и женщинъ 81 чел. До сего времени отъ просьбъ отбоя нѣтъ. Въ виду этого, учредители постановили принять еще 43 человѣка на полный курсъ.

Сахалинскіе арестанты. Въ журналѣ «Врачъ» помѣщено интересное сообщеніе д-ра Лобаса о сахалинскихъ арестантахъ. «Помѣщеніе и питаніе арестанта на Сахалинѣ,—говоритъ д-ръ Лобасъ,—одежда и обувь его, работа и, наконецъ, нравственныя воздѣйствія—все это, какъ нарочно,—говоритъ авторъ,—приспособлено къ тому, чтобы тѣло и душу арестантскія вести по пути постепеннаго и неуклоннаго оскудѣнія. Вмѣсто сильнаго духомъ и тѣломъ человѣка, очищеннаго наказаніемъ отъ преступнаго прошлаго, благодаря искусственно созданнымъ условіямъ, получается искалѣченное, никуда ни годное существо, которому въ его колонизаторской миссіи на Сахалинѣ предстоитъ борьба съ суровою дѣвственною природою, предстоитъ трудъ несравненно болѣе тяжелый, чѣмъ каторжная работа».

Ознакомившись съ помѣщеніями, въ которыхъ живутъ арестанты, авторъ вынесъ убѣжденіе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ они не удовлетворяютъ самымъ основнымъ требованіямъ гигіены.

«Тюрьмы представляютъ изъ себя бревенчатыя, не оштукатуренныя, плохо проконопаченныя зданія, построенныя на заболоченныхъ дурно осушенныхъ мѣстахъ (на Сахалинѣ почва вообще болотистая). Высушивающихъ каналовъ нѣтъ; существующія же сточныя канавы плохо нивеллированы и никогда почти не очищаются, благодаря чему сточныя воды застаиваются, гніютъ и пропитываютъ почву вблизи тюремныхъ помѣщеній и подъ ними. Ни въ одной изъ сахалинскихъ тюремъ нѣтъ фундамента, а вѣнцы зданія прямо закладываются въ землю, гдѣ очень скоро и начинаютъ гнить. Тюремныя камеры не имѣютъ приспособленій для провѣтриванія, если не считать недостаточнаго количества форточекъ. Нѣтъ также и черныхъ половъ. Въ имѣющихся полахъ много щелей, черезъ которыя, при мытьѣ, въ подполье стекаетъ грязь, образуя тамъ обширныя клоаки. Вмѣстимость тюремъ не отвѣчаетъ дѣйствительной потребности. По имѣющимся у меня даннымъ, на каждаго тюремнаго сахалинскаго сидѣльца приходится менѣе одной кубической сажени воздуха, безъ вычета на мебель. Переполненіе камеръ бываетъ настолько велико, что на нарахъ нѣтъ мѣстъ, и многіе арестанты спятъ на полу подъ нарами. Нары сплошныя и не подъемныя, что влечетъ за собою скопленіе грязи подъ ними. Если къ сказанному

прибавить, что въ камерахъ, за неимѣніемъ сушилокъ, просушиваются мокрое платье и грязныя портянки, что въ нихъ же сохраняется провизія, выдаваемая на руки, что арестанты, приходя съ работъ, вносятъ съ собою массу грязи, что испаренія изъ подпольныхъ клоачныхъ пространствъ проникаютъ въ камеры, что въ камерахъ тюремъ для арестантовъ разряда испытуемыхъ на ночь ставятъ знаменитыя параши, распространяющія удушающее зловоніе, то станетъ яснымъ не только безусловное кислородное голоданіе людей, принужденныхъ жить въ такихъ ужасающихъ условіяхъ, но и затяжное отравленіе ихъ вредными газами (накопленіе угольной кислоты, амміачныя испаренія). И въ такихъ-то условіяхъ, человѣкъ, работающій цѣлый день, долженъ за ночь получить необходимый отдыхъ, ради возстановленія силъ, потраченныхъ на работу! Говоря о тюремныхъ помѣщеніяхъ, не могу умолчать о штрафныхъ камерахъ и карцерахъ, въ которыхъ тѣсно и въ которыхъ зловонныя параши стоятъ круглыя сутки. Въ карцерахъ, при содержаніи воздуха въ количествѣ одной кубической сажени, нерѣдко помѣщаются по трое арестованныхъ, съ парашей въ придачу».

Питаніе арестантовъ, по мнѣнію д-ра Лобасса, также представляетъ мало утѣшительнаго. Онъ говоритъ: «Нѣсколько разъ поднимался вопросъ объ улучшеніи табели пищевого довольствія арестантовъ на Сахалинѣ, но дѣло почему то не приходило къ желанному концу. Лѣтъ 9 тому назадъ врачамъ острова было предложено выработать табель довольствія, что ими и было исполнено. Табель пошла на утвержденіе въ высшія инстанціи, признана была вполнѣ удовлетворительной и введена въ видѣ пробы въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ острова, причемъ начальникамъ послѣднихъ приказано было сообщить, куда слѣдуетъ, примѣрно черезъ мѣсяцъ пробы, о своихъ наблюденіяхъ надъ новымъ питаніемъ. Такимъ образомъ вся оцѣнка новаго питанія свелась на донесенія начальниковъ тюремъ. Какъ вели свои наблюденія эти начальники, какимъ критеріемъ они руководились для сужденія о новомъ питаніи и что донесли, мнѣ неизвѣстно, но пища для арестантовъ осталась въ прежнемъ видѣ. Еще недавно, три года назадъ, завѣдующій врачебной частью острова Сахалина д-ръ Поддубскій пытался ввести новую табель довольствія для тюремъ, но долженъ былъ остаться при попыткѣ: пищу по новой табели варили, ѣли и хвалили, но опять таки перешли къ старому довольствію».

Одежда арестантовъ состоитъ изъ одного халата сѣраго сукна на годъ (или халата и двухъ куртокъ на два года), шароваръ изъ сѣраго сукна и шубы на тотъ же срокъ. Перечисленные предметы одежды при сахалинскихъ климатическихъ условіяхъ и при тѣхъ работахъ, которыя приходится отбывать арестанту, не удовлетворяютъ своему назначенію. Длинный халатъ, мало согрѣвая, мѣшаетъ свободнымъ движеніямъ; шубы дурно пригоняются, не особенно теплы и при сахалинскихъ пургахъ и морозахъ не предохраняютъ арестанта отъ простудныхъ заболѣваній. Шаровары при нѣкоторыхъ работахъ (горныхъ и пр.) не выдерживаютъ положеннаго срока, превращаясь въ клочки.

Обувь арестанта лѣтомъ состоитъ изъ котовъ, которыхъ ему выдается три пары. Обыкновенно коты не выдерживаютъ и $^1/_2$ срока. Работать приходится въ тайгѣ, на болотистой почвѣ. Коты, не предохраняя ногъ отъ сырости и грязи, расползаются; приходится связывать ихъ веревочками и въ такомъ жалкомъ видѣ донашивать до срока. Зимой обувь арестанта состоитъ изъ бродней. Бродней въ годъ онъ получаетъ двѣ пары (собственно говоря, неполныя 2 пары, а однѣ бродни, къ которымъ пришиваются головки). Бродни, чтобы онѣ держались на ногѣ, нужно привязывать веревочками подъ колѣномъ и надъ голенно-стопнымъ сочлененіемъ. При сахалинскихъ суровыхъ зимахъ и глубокихъ снѣгахъ бродни представляютъ чрезвычайно неудобную обувь, не предохраняющую ногу отъ обмороженія. Съ одной стороны, веревочки, которыми

бродни туго привязываются къ ногамъ, препятствуя правильному кровообращенію, предрасполагаютъ къ обмороженіямъ, а съ другой, и самыя бродни, приготовленныя изъ довольно тонкаго товара, не подвергаясь никогда смазыванію, промокаютъ насквозь и промерзаютъ. Обмороженія ногъ у арестантовъ на Сахалинѣ весьма часты.

Остается еще упомянуть о бѣльѣ арестанта. Раньше арестантъ получалъ на годъ рубахъ и портъ по 3 штуки, въ 3 срока. Такимъ образомъ, арестантъ, не имѣющій собственнаго бѣлья, долженъ былъ 4 мѣсяца безсмѣнно носить рубаху и порты или оставаться безъ бѣлья, пока оно высохнетъ, если бы ему вздумалось его помыть. Положеніе нѣсколько измѣнилось, когда арестанту начали выдавать сразу на руки двѣ пары бѣлья, съ тѣмъ, чтобы одна пара была въ носкѣ, а другая въ мытьѣ. Недостаточность бѣлья прямо бросается въ глаза, если вспомнить, что арестанту приходится въ огромномъ большинствѣ случаевъ выполнять черную работу, въ грязи, и что ему полагается въ мѣсяцъ всего 24 золотника мыла. Большое число кожныхъ заболѣваній прямо можетъ быть отнесено на счетъ недостаточности бѣлья. Какъ это ни странно, но арестанты на Сахалинѣ не получаютъ ни постельныхъ принадлежностей (подстилки, одѣяла и подушки), ни полотенецъ.

Переходя къ вопросу объ арестантской работѣ, д-ръ Лобасъ замѣчаетъ, что каторжныхъ работъ, въ общепринятомъ смыслѣ слова, на Сахалинѣ почти нѣтъ. По его словамъ, крестьянинъ въ Россіи работаетъ больше сахалинскаго каторжника. Но, если принять во вниманіе, что каторжникъ этотъ ослабленъ, что онъ обязанъ долгіе годы отбывать работу принудительную безплатную, а потому и не интересную, то станетъ яснымъ, почему работы на Сахалинѣ носятъ названіе каторжныхъ. Тяжесть работъ на Сахалинѣ увеличивается еще и тѣмъ, что тамъ почти никогда не принимаютъ въ разсчетъ физическую работоспособность арестанта къ той или иной работѣ и навыкъ къ ней. Чернорабочему не такъ трудно выгадить бревно сработать урокъ земляныхъ работъ и пр., какъ ремесленнику, кавказскому горцу или туркмену. «Я не хочу сказать,—замѣчаетъ г. Лобасъ,—что ремесленникъ, кавказскій горецъ или туркменъ не должны отбывать тяжелыхъ работъ, но думаю, что къ такимъ работамъ людей, которые никогда не занимались тяжелымъ физическимъ трудомъ, нужно пріучать исподволь: иначе, какъ мнѣ ежедневно приходится наблюдать, слабый и непривычный человѣкъ, взятый на тяжелую работу, быстро теряетъ силы и превращается въ неспособнаго къ труду, сидящаго на шеѣ у казны: такихъ неспособныхъ на Сахалинѣ огромное число, и это будущіе колонизаторы острова»!

На новыхъ мѣстахъ. «Енисей» даетъ слѣдующую невеселую картину изъ жизни переселенцевъ Ачинскаго округа:

«Кругомъ вѣковая тайга, или съ небольшими плоскими горками степь, и среди нея, гдѣ-нибудь недалеко отъ рѣчки, раскинулись двадцать-тридцать непрезентабельныхъ домиковъ—вотъ вамъ новая переселенческая деревня. Дворовъ почти нѣтъ: другихъ службъ, какъ, напримѣръ, сараевъ, амбаровъ и подваѣсовъ мало у кого видать. Пригоны для скота и лошадей загорожены рѣдкими жердями, положенными перпендикулярно на вбитыя въ землю сошки, тутъ же у кого есть маленькіе огородики, обнесенные тоже жердями. Избы построены частью изъ новаго лѣса, частью перевезенныя изъ старыхъ, купленныхъ у крестьянъ-старожиловъ, избъ или, скорѣе всего, бань.

«Недалеко отъ деревень рины небольшія полосы земли—то пашни новоселовъ, засѣянныя рожью, пшеницей и другими яровыми хлѣбами. Покосныя мѣста тоже вблизи деревень. Въ общемъ, каждый новоселъ засѣваетъ отъ одной восьмой десятины до двухъ десятинъ. Скотоводство вновь поселившихся новоселовъ

состоитъ изъ одной лошади и одной же коровы. Болѣе зажиточнымъ считается новоселъ, имѣющій двѣ лошади и столько же коровъ.

«Хозяйственный инвентарь заключается въ телѣгѣ, саняхъ, сохѣ и боронѣ. Бываетъ, что одна соха и борона служитъ для двухъ семей новоселовъ.

«Внутри избъ тоже бѣднота: не видно приличной постели, какія бываютъ въ Россіи, съ большими перинами на нихъ; въ какомъ-нибудь углу стоитъ сбитая изъ дерева и досокъ, простая кровать, на ней куски кошмы, маленькія подушки—вотъ и все; а во многихъ избахъ спятъ прямо на полу. У многихъ въ избахъ нѣтъ даже деревянныхъ половъ. Многіе дома не соотвѣтствуютъ гигіеническимъ условіямъ. У другихъ въ сѣняхъ помѣщается скотъ. Лишней одежды тоже мало. Маленькіе сундучки на полу служатъ доказательствомъ этому. Пища новоселовъ почти всегда постная, состоящая изъ ржаного хлѣба, щей, сваренныхъ изъ кваса, картофеля и листьевъ щавеля или свеклы. Мясо, по праздникамъ, считается лакомствомъ».

На вопросъ о причинѣ такой незавидной жизни новоселы отвѣчаютъ:

«— Пришли-то мы изъ бѣдныхъ губерній, лишняго ничего не имѣли, ну, распродали тамъ свои хозяйствишки, да почти все въ дорогѣ и потратили. Вотъ и сѣли ни съ чѣмъ. Дали намъ пособія, на него-то мы и поставили эти избенки, да купили коней, коровокъ, хозяйство. Вѣдь все «нужно» купить, а денегъ нѣтъ, одного купишь, другого не достаетъ. Вотъ и перебиваемся кое-какъ, съ горемъ пополамъ, хотя бы хлѣбъ свой былъ, а то нѣтъ ничего. Земли-то здѣсь вдоволь и лѣсъ есть, но голыми руками ничего не сдѣлаешь. На все нужны силы, деньги; когда строили эти избы, такъ чуть съ голоду не померли, одинъ хлѣбъ и больше ничего. Если что нужно купить—нужно ѣхать въ деревню къ старожиламъ, а они и пользуются случаемъ, и просятъ за все втридорога—хочешь берешь, хочешь нѣтъ; волей, неволей и платишь послѣднюю копѣйку. Приходилось и такъ, что самъ работаешь надъ избой, а жена и дѣтишки отправляются по старожильскимъ селамъ собирать милостыню. Обживемся да соберемся съ силами, то тутъ жить можно, лишь бы было желаніе да охота, земли вдоволь!

«— Ну, а гдѣ лучше—тутъ или на родинѣ?—задаете вопросъ.

«— Тутъ будетъ, кажись, лучше. Вѣдь на родинѣ земли совсѣмъ мало, а нашему брату безъ земли какая же жисть? Вотъ хотъ, скажемъ, мы жили. Мы были временнообязанные. Если тебѣ нужно пахать землю, ты и идешь къ барину, берешь у него землю, вспашешь, засѣешь своими сѣменами и уберешь самъ, а потомъ половину всего урожая отдаешь барину и, значитъ, выходитъ, что вся-то прибыль отъ урожая и идетъ на барина, а себѣ остается только прожить съ горемъ пополамъ. Да и за то спасибо, а то вѣдь и совсѣмъ ничего нѣтъ. Идти на заработки—въ день 30—40 коп. даютъ, тоже мало разсчету. Хорошо, если ты какой мастеровой, то пойдешь на фабрику или въ городъ, а не знаешь ничего—караулъ кричи. Здѣсь и на счетъ заработковъ лучше: можно наняться къ старожилу въ работники; цѣны здѣсь хорошія—60—70 р. въ годъ даютъ, а тамъ 40—50 р., да еще не скоро мѣсто найдешь. Можно и на желѣзную дорогу, аль на промысла пойти. На поденщины можно ходить. Вотъ только тоска, дѣйствительно, донимаетъ, какъ-то скучно здѣсь, такъ и тянетъ въ свои края. Плохо тоже и насчетъ кражъ, видишь, какъ тутъ много крадутъ да убиваютъ—ни за што бьютъ! На што ужъ мы сейчасъ бѣдно живемъ, однако и у насъ крадутъ то лошадей, то што-нибудь другое. Все поселыга эта проклятая проказитъ. Народъ тоже здѣсь хуже: все ругаются матерщиною; распущенность; никакой совѣсти нѣтъ на счетъ разврата. У насъ этого нѣтъ. Все здѣсь норовятъ одинъ другого обмануть, провести. Насъ тоже обманывали. Вообче, порядки здѣсь совсѣмъ другіе и, по правдѣ сказать, они намъ не нравятся. Церквей здѣсь мало. Лѣтомъ еще можно поѣхать въ село

къ церкви, а зимой холодъ вонъ какой, а одежда у насъ не завидная, недолго и простудиться. Прійдетъ праздникъ, помолишься дома Богу и тѣмъ и кончаешь».

Но переселенцы все-таки не унываютъ и понемногу начинаютъ привыкать къ своей жизни.

«— Ничего—привыкаемъ,—говорятъ они. Здѣсь лучше; тамъ, на родинѣ, многіе изъ насъ и этого не имѣли. Земля здѣсь подъ бокомъ—хочешь паши вонъ тамъ, а нѣтъ—иди вонъ туда. Коси сколько хошь; вышелъ за дворъ—вотъ и кормъ телку, аль коровѣ. Со временемъ будемъ больше пахать и сѣять, больше будемъ косить травы и тогда лучше будетъ. Фруктовъ здѣсь нѣтъ, зато ягодъ много. Земля тоже обрабатывается иначе, не такъ, какъ у насъ тамъ,—но ничего, приноровимся. Жалко родину, но что дѣлать?—земли тамъ нѣту, жить не на чемъ. Будь тамъ столько земли, кто бы погналъ насъ сюда, въ такую глушь да холодъ. Попривыкнемъ»,—какъ бы въ утѣшеніе о родинѣ, заключаютъ новоселы.

Пушкинскій музей. Вѣроятно, многимъ изъ читателей совершенно неизвѣстно, что въ Петербургѣ существуетъ «Пушкинскій музей», въ которомъ собрано много интересныхъ документовъ, относящихся къ жизни и произведеніямъ великаго поэта. Г. Бахтіаровъ въ «Петерб. Газетѣ» даетъ подробное описаніе этого учрежденія, которое теперь, благодаря столѣтнему юбилею Пушкина, пріобрѣтаетъ особый интересъ. Г. Бахтіаровъ пишетъ:

«Пушкинскій музей находится въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, что на Каменноостровскомъ проспектѣ, и существуетъ съ 19 октября 1879 года, когда среди лицеистовъ возникла мысль собрать въ стѣнахъ заведенія все что такъ или иначе касается Пушкина.

Музей Пушкина подраздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1) предметы, принадлежавшіе Пушкину; 2) сочиненія Пушкина и его изданія; 3) критическая литература о Пушкинѣ и его біографіи; 4) Пушкинъ въ русской музыкѣ; 5) Пушкинъ въ переводахъ на иностранные языки; 6) портреты Пушкина и виды мѣстностей, гдѣ онъ жилъ, а также и памятниковъ Пушкина.

Когда вы проѣзжаете по Каменноостровскому проспекту, то невольно замѣтите огромное многоэтажное бѣлое зданіе съ обширнымъ садомъ, который тянется болѣе позади зданія, чѣмъ впереди. Это и есть Александровскій лицей, на что указываетъ, отчасти, и бюстъ Императора Александра I, стоящій впереди зданія. Позади зданія, въ саду стоитъ бюстъ Пушкина, питомца лицея. Старый обширный садъ, состоящій, преимущественно, изъ бѣлоствольныхъ березъ и выходящій на четыре улицы, сообщаетъ всей мѣстности деревенскій характеръ.

Музей помѣщается въ довольно обширномъ залѣ и производитъ внушительное впечатлѣніе. По сторонамъ, вдоль стѣнъ, стоятъ гипсовые и бронзовые проекты памятниковъ Пушкину, подаренные музею ихъ авторами, напримѣръ, проектъ Забѣлло, Лаверецкаго, Кускова. Кромѣ того, бронзовая миніатюра съ памятника Пушкину въ Москвѣ — г. Опекушина. Всѣ упомянутые проекты отличаются своими достоинствами и каждый по своему объясняетъ музу Пушкина.

На стѣнахъ бросаются въ глаза извѣстныя картины: «Пушкинъ на берегу Чернаго меря», копія съ картины Рѣпина и Айвазовскаго, «Дуэль Пушкина», картина Наумова.

Возлѣ оконъ разставлены витрины, въ которыхъ подъ стекломъ хранятся разные предметы, принадлежавшіе Пушкину, автографы, книги и проч., напр., перстень Пушкина, который подарила въ музей Віардо-Гарсія; ей онъ до-

стался отъ Ивана Сергѣевича Тургенева. А вотъ и автографъ самого Тургенева — относительно перстня: «Перстень этотъ былъ подаренъ Пушкину въ Одессѣ княгиней Воронцовой. Онъ носилъ почти постоянно этотъ перстень (по поводу котораго написалъ свое стихотвореніе «Талисманъ») и подарилъ его на смертномъ одрѣ поэту Жуковскому. Отъ Жуковскаго перстень перешелъ къ его сыну, Павлу Васильевичу, который подарилъ его мнѣ. Парижъ, августа 1880 года. Иванъ Тургеневъ».

Далѣе, прядь волосъ Пушкина, въ миніатюрной коробкѣ пуля, вынутая изъ раны Пушкина. Рядомъ съ пулею лежитъ карточка (въ родѣ пригласительнаго билета) съ извѣщеніемъ о смерти Пушкина: «Наталья Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей 29-го сего января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванію тѣла его въ Исаакіевскій соборъ, состоящій въ Адмиралтействѣ, 1-го числа февраля, въ 11 часовъ пополудни». Далѣе лежитъ Высочайшій приказъ о разжалованіи Дантеса въ рядовые.

Изъ собственноручныхъ рисунковъ Пушкина отмѣтимъ: лицейскій рисунокъ «Собака съ птичкой», съ подписью—рисовалъ Александръ Пушкинъ, «Парень съ боченкомъ». Сохраняется также книга, сочиненія Виргилія, по которой Пушкинъ учился въ лицеѣ, съ надписью на ней: А. Пушкинъ. Переплетъ книги довольно-таки поистрепанъ.

Собраніе всѣхъ изданій сочиненій Пушкина, начиная съ перваго посмертнаго изданія и кончая послѣдними нынѣшними дешевыми изданіями гг. Суворина, Павленкова и друг.

Пушкинъ гордился, что онъ своими произведеніями создалъ у насъ книжную торговлю. Большой толчокъ книжной промышленности данъ былъ окончаніемъ срока права литературной собственности, когда сочиненія Пушкина стали общимъ достояніемъ.

Кромѣ коллекціи всѣхъ существовавшихъ и существующихъ изданій сочиненій Пушкина, въ музеѣ собраны и современныя Пушкину періодическія изданія, въ которыхъ печатались его произведенія, напримѣръ, «Современникъ», «Библіотека для чтенія» и т. д.

Какъ извѣстно, изъ всѣхъ русскихъ писателей Пушкинъ болѣе другихъ положенъ на музыку. Какъ поэтъ по преимуществу лирическій, онъ своими произведеніями неоднократно вдохновлялъ нашихъ композиторовъ, которые охотно писали цѣлыя оперы и мелкіе романсы на слова Пушкина. Достаточно назвать оперы: «Русланъ и Людмила» Глинки, «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго, «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго и т. д., а многочисленные романсы на слова Пушкина поетъ вся Россія. Романсовъ издано и напечатано превеликое множество, и что не достигаетъ до простого народа при помощи типографскаго станка, то становится достигнутымъ въ пѣснѣ или въ популярномъ сантиментальномъ романсѣ. Пушкинъ распѣвается на Руси едва ли не больше, чѣмъ читается. Кто не знаетъ его: «Черная шаль», «Подъ вечеръ осени ненастной», «Гусаръ на саблю опираясь», или «Вотъ взошла луна златая»? и т. п.

Вотъ почему въ Пушкинскомъ музеѣ имѣется особый отдѣлъ: «Пушкинъ въ русской музыкѣ», гдѣ собраны многочисленные оперы и романсы, гдѣ-либо и когда-либо изданные и напечатанные въ Россіи.

Изъ всемірныхъ геніальныхъ писателей, не исключая и Шекспира, Байрона и Гёте, Пушкинъ переведенъ на иностранные языки болѣе, чѣмъ его коллеги: переводная литература произведеній Пушкина занимаетъ въ музеѣ особое мѣсто и будетъ, конечно, пополняться годъ отъ году.

Въ общемъ всѣхъ №№ въ Пушкинскомъ музеѣ: предметовъ, книгъ, нотъ, картинъ, бюстовъ, рисунковъ свыше 2.000 названій. Каталога при музеѣ не

имѣется, но онъ изготовляется лицеистами къ 26-му мая. Все, что гдѣ-либо печатается о Пушкинѣ, съ благодарностью принимается въ музеѣ по одному экземпляру,—для храненія.

За границей.

Рабочая коллегія въ Оксфордѣ. Одинъ изъ сотрудниковъ англійской газеты «Daily News» описываетъ свое посѣщеніе недавно открытой коллегіи Рёскина въ Оксфордѣ*). Коллегія эта или «Рёскинъ-Голлъ», какъ ее называютъ англичане, представляетъ, по словамъ англійскаго журналиста, нѣчто вродѣ университетскаго поселенія, только совсѣмъ новаго рода. Обыкновенныя университетскія поселенія представляютъ колонію людей съ университетскимъ образованіемъ, устроенную въ центрѣ какого-нибудь рабочаго округа и имѣющую цѣлью просвѣщеніе обитателей этого округа и доставленіе самимъ колонистамъ возможности на практикѣ изучить соціальныя проблемы. Таковы, напримѣръ, Тойнби-Голлъ въ Уайтъ-Чапелѣ и Мэнсфельдъ-Гоузъ въ Каннингстоунѣ. Рёскинъ-Голлъ тоже поселеніе, только не людей съ университетскимъ образованіемъ, а рабочихъ, и устроено оно не въ центрѣ рабочаго округа, а въ центрѣ университета. Эта новаго рода коллегія помѣщается въ большомъ старинномъ зданіи, выстроенномъ въ XVII вѣкѣ и служившемъ резиденціей герцогини Мальборо. И вотъ въ этомъ самомъ зданіи, гдѣ нѣкогда обитали герцоги, живутъ теперь рабочіе, студенты коллегіи. Зданіе настолько обширно, что въ немъ могутъ удобно помѣститься 40 резидентовъ и затѣмъ еще остается довольно мѣста для устройства читальни, курительной комнаты, гостиной, залы для чтенія лекцій, библіотеки и столовъ.

Честь основанія этой коллегіи принадлежитъ двумъ американцамъ: Вальтеру Фроомену и Чарльзу Берду, получившему ученую степень въ Оксфордѣ. Первоначальные фонды также доставлены американскими послѣдователями и поклонниками идей Рёскина, которые, кромѣ того, обѣщали гарантировать въ финансовомъ отношеніи это предпріятіе на нѣсколько лѣтъ. Опекуномъ коллегіи состоитъ духовное лицо, достопочтенный Деннисъ Гердъ, а въ составъ попечительства надъ коллегіей входятъ трое хорошо извѣстныхъ главарей рабочей партіи. Въ связи съ коллегіей находится «*Клубъ сочувствующихъ*», основанный миссисъ Фроменъ подъ названіемъ «Backworth Club». Президентомъ этого клуба состоитъ миссъ Кедди, а секретаремъ миссъ Белль. Члены этого клуба трудятся на пользу Рёскинъ-Голля и помогаютъ общей работѣ въ этомъ направленіи. Мистеръ Фроменъ, къ которому англійскій журналистъ обратился съ вопросомъ, какія цѣли преслѣдуетъ Рёскинъ-Голлъ, сказалъ: «Цѣль этого учрежденія — предоставить полную возможность молодымъ людямъ, обладающимъ самыми ничтожными средствами, воспользоваться всѣми преимуществами и воспитательными пособіями Оксфорда и поставить ихъ въ такія условія, чтобы они могли отрѣшиться хоть на короткое время отъ своей обычной обстановки и заняться самообразованіемъ подъ опытнымъ и соотвѣтствующимъ руководствомъ. Здѣсь резиденты коллегіи окружены зелеными садами и лугами и могутъ пользоваться библіотеками и музеями и изучать историческіе памятники, которые собраны въ Оксфордѣ въ такомъ количествѣ, въ какомъ они не встрѣчаются, пожалуй, больше нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь каждый изъ резидентовъ можетъ развивать свои способности и подготовить себя къ болѣе широкой индивидуальной работѣ и производительному труду и расширить свой умственный кругозоръ основательнымъ

*) См. «Міръ Божій», апрѣль.

ознакомленіемъ со всѣми человѣческими учрежденіями прошлаго и настоящаго времени».

Мистеръ Бардъ, съ которымъ журналистъ также бесѣдовалъ о цѣляхъ коллегіи, сказалъ ему: «Мы вовсе не имѣемъ намѣренія побуждать честныхъ ремесленниковъ покидать свой классъ и свою профессію и становиться адвокатами, пасторами, врачами, военными или финансистами. Въ виду этого мы вовсе не стремимся преподавать въ коллегіи древніе языки, метафизику, юридическія и математическія науки, теологію и медицину, которыя составляютъ предметъ правильныхъ университетскихъ курсовъ. Рёскинъ-Голлъ не имѣетъ никакой оффиціальной связи съ университетомъ и не ставитъ своею цѣлью достиженіе университетскихъ степеней. Мы не добиваемся превращенія нашихъ студентовъ-рабочихъ въ свѣтскихъ джентльменовъ и надѣемся, что, пробывъ въ коллегіи извѣстное время, они вернутся къ своимъ лавочкамъ, фабрикамъ, фермамъ и рудникамъ и не только не покинутъ своихъ прежнихъ товарищей, возвысившись надъ ними, но будутъ уже сами содѣйствовать умственному и нравственному возвышенію своего класса».

Резиденты Рёскинъ-Голла уплачиваютъ 10 шиллинговъ въ недѣлю за полное содержаніе, включая помѣщеніе и стирку бѣлья. Но въ виду такой низкой платы, въ коллегіи нѣтъ слугъ, за исключеніемъ повара, и всѣ обитатели Рескинъ-Голла сами исполняютъ домашнія обязанности, убираютъ комнаты, накрываютъ на столъ, топятъ печи и чистятъ собственное платье и сапоги. Кормятъ въ коллегіи обильно и хорошо. Журналистъ, описывающій жизнь въ коллегіи, говоритъ, что на завтракъ подавалась похлебка, ветчина или копченое сало и кофе. Обѣдъ состоялъ изъ жареной баранины и картофеля. Къ чаю подавался хлѣбъ и масло въ изобиліи, а на ужинъ—какао, хлѣбъ и сыръ. Спиртные напитки строго воспрещены въ коллегіи и всѣ обѣдаютъ за однимъ длиннымъ общимъ столомъ, сами себѣ прислуживая.

До завтрака студенты коллегіи занимаются своими домашними обязанностями. Время отъ завтрака до обѣда посвящается лекціямъ и научнымъ занятіямъ. Послѣ обѣда рекреація. Въ настоящее время студенты въ рекреаціонное время занимаются приведеніемъ своего сада въ порядокъ и устройствомъ своего помѣщенія. Нѣкоторыя лекціи читаются по вечерамъ, но по большей части время отъ чая до ужина посвящается индивидуальному чтенію. Послѣ ужина начинаются развлеченія, музыка, пѣніе, разговоры, игры въ шахматы, на бильярдѣ или просто бесѣда въ курительной комнатѣ, съ трубкой или сигарой во рту. Что касается лекцій, то онѣ читаются по слѣдующей программѣ: основательное ознакомленіе слушателей съ американской и англійской конституціональной и политическою исторіей, съ біографіями англійскихъ выдающихся дѣятелей; затѣмъ лекціи по исторіи Европы и соціологіи, по исторіи промышленности и политической экономіи, ознакомленіе слушателей со всѣми современными учрежденіями, исторіей науки, психологіей, философіей и литературой. Учредители коллегіи надѣются, что резиденты-студенты коллегіи будутъ имѣть возможность пробыть въ ней годъ, а затѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе еще трехлѣтняго промежутка времени будутъ поддерживать связь съ нею или же съ какимъ-нибудь другимъ университетскимъ поселеніемъ. Много надеждъ возлагается на организацію постоянной переписки между преподавателями коллегіи и всѣми желающими заняться самообразованіемъ. Уже около 500 человѣкъ, принадлежащихъ къ рабочему классу въ разныхъ мѣстахъ страны, выразили желаніе вести такую переписку. Они сами выбираютъ интересующіе ихъ научные предметы и имъ посылаются программы чтенія, а затѣмъ производится испытаніе посредствомъ письменныхъ работъ, которыя они присылаютъ въ коллегію и которыя исправляются цѣлымъ сонмомъ помощниковъ, преимущественно изъ студентовъ и преподавателей оксфордскаго университета.

Въ настоящее время въ коллегіи около тридцати студентовъ; самому младшему изъ нихъ 18 лѣтъ, самому старшему около 35. Многіе изъ этихъ студентовъ, включая одного плотника, клерка, повара и паяльщика, уплачиваютъ коллегіи за свое содержаніе и ученіе своею работой и остаются на годъ. Еще два или три человѣка платятъ половину, такъ какъ исполняютъ часть работъ. Нѣсколько другихъ нашли работу по своей спеціальности въ городѣ и часть времени посвящаютъ ей, а другую часть проводятъ въ коллегіи. Остальные либо имѣютъ сбереженія, дозволяющія имъ пробыть въ коллегіи, либо же посланы туда на счетъ разныхъ обществъ, въ качествѣ стипендіатовъ. Такъ, одно кооперативное общество уплачиваетъ за одного студента; въ числѣ тѣхъ, которые сами полностью уплачиваютъ за свое содержаніе, находятся: одинъ бывшій солдатъ, три инженерныхъ рабочихъ, одинъ наборщикъ, одинъ рудокопъ, одинъ желѣзнодорожный мастеръ и одинъ плотникъ. Всѣ эти студенты, по словамъ англійскаго журналиста, представляютъ высшій типъ ремесленника. Они единогласно высказывали удовольствіе по поводу возможности годъ посвятить самообразованію и почти всѣ заявили о своемъ намѣреніи вернуться къ прежнимъ занятіямъ по окончаніи этого года, нѣкоторые же выразили при этомъ желаніе впослѣдствіи занять отвѣтственныя мѣста въ рабочихъ союзахъ и кооперативныхъ обществахъ. Преподаватели коллегіи поражаются прилежаніемъ и любознательностью своихъ слушателей. По окончаніи каждой лекціи слушатели буквально закидываютъ ихъ вопросами, указывающими на то, что они поняли и усвоили прочитанное. Университетскія власти въ Оксфордѣ относятся къ коллегіи Рёскина въ высшей степени сочувственно, видя въ ней благое начинаніе, результаты котораго не замедлятъ отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на цѣломъ классѣ англійскаго населенія.

Годовщина основателя Арміи Спасенія. Въ началѣ апрѣля, во всѣхъ мѣстахъ Англіи и ея обширныхъ колоній и въ различныхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара праздновалась 71-я годовщина дня рожденія генерала Бутса, основателя и руководителя «Арміи Спасенія». Въ этотъ день можно было убѣдиться, какъ много горячихъ послѣдователей имѣетъ этотъ проповѣдникъ и какою популярностью онъ пользуется среди бѣднѣйшихъ классовъ населенія, даже во многихъ нецивилизованныхъ странахъ. Въ послѣдніе годы отношеніе англійскаго и вообще европейскаго общества къ арміи спасенія, возбуждавшей прежде столько насмѣшекъ и нападокъ, совершенно измѣнилось. Никто не рѣшится теперь отрицать заслугъ Бутса, который такъ много сдѣлалъ на пользу страждущаго человѣчества и былъ основателемъ одной изъ величайшихъ филантропическихъ ассоціацій нашего времени. Конечно, только время покажетъ, насколько основательны надежды, которыя возлагаетъ Бутсъ на свои учрежденія и главнымъ образомъ на «колоніи», представляющія новый родъ помощи пролетаріату; Бутсъ, конечно—энтузіастъ и фанатикъ своей идеи, но тѣмъ не менѣе уже теперь можно сказать, что его схема организаціи помощи гораздо цѣлесообразнѣе другихъ, которые предлагались и приводились въ исполненіе разными филантропами. Бутсъ изложилъ свои идеи въ книгахъ, которыя въ свое время произвели громадное впечатлѣніе и были переведены на всѣ европейскіе языки. Многіе изъ выдающихся англійскихъ дѣятелей, въ томъ числѣ Гладстонъ, отнеслись очень сочувственно къ пропагандѣ Бутса; къ нему стали стекаться пожертвованія со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ могъ, вскорѣ послѣ выхода своихъ книжекъ, привести часть схемы въ исполненіе, основать нѣсколько мастерскихъ, центральное бюро труда, убѣжище для освобождаемыхъ изъ тюремъ, склады дешевыхъ припасовъ. Онъ пріобрѣлъ участки земли въ Англіи и положилъ начало своей колоніи, причемъ вездѣ и всюду онъ старается провести принципъ, отвергающій даровой трудъ; Бутсъ, по возможности, избѣгаетъ оказанія даро-

выхъ услугъ, но старается такъ устроить, чтобы помощь оказываемая имъ, была доступна, но не носила, характера милостыни и не унижала бы достоинства человѣка.

Пятьдесятъпять лѣтъ тому назадъ, Вилльямъ Бутсъ былъ подмастерьемъ у портного въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ. Онъ былъ слабого здоровья, не получилъ никакого особеннаго образованія и не пользовался ровно никакимъ вліяніемъ. Онъ состоялъ тогда въ методистской общинѣ, но тамъ никто не обращалъ на него ровно никакого вниманія, и когда онъ захотѣлъ читать проповѣдь, то къ нему отнеслись съ насмѣшкой. Въ настоящее же время Бутсъ стоитъ во главѣ самой обширной протестантской общины, носящей наиболѣе космополитическій характеръ и наиболѣе агрессивной. Сторонники его насчитываются теперь сотнями тысячъ, а десятки тысячъ поклялись слѣпо идти за нимъ всюду. Но онъ не проповѣдуетъ никакой новой доктрины и методы его представляютъ нечто иное, какъ повтореніе прежнихъ методовъ, обычныхъ всѣмъ религіознымъ движеніямъ первыхъ временъ христіанства и только болѣе приспособленныхъ къ условіямъ современной жизни. Многіе изъ современныхъ авторовъ находятъ, что между Арміей Спасенія и францисканскимъ орденомъ есть очень большое сходство и исторія, конечно, должна будетъ зачислить Бутса въ разрядъ духовныхъ вождей человѣчества.

Бутсъ въ молодости принадлежалъ къ веслеянской школѣ методистовъ, которые въ тѣ времена пользовались довольно большимъ вліяніемъ. Эти методисты отличались необычайною строгостью взглядовъ, достигавшихъ крайнихъ предѣловъ пуританизма, и единственною цѣлью въ жизни ставили спасеніе душъ. Вилльямъ Бутсъ былъ совсѣмъ еще мальчикомъ, когда познакомился съ однимъ изъ веслеянскихъ проповѣдниковъ и увлекся его проповѣдью. Съ той поры онъ началъ самъ мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться проповѣдникомъ, но это было необыкновенно трудно, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень слабаго здоровья и докторъ ему прямо сказалъ, что онъ не выдержитъ такой суровой жизни и умретъ и смерть его будетъ равносильна самоубійству. Въ концѣ концовъ однако, по мѣрѣ того, какъ Бутсъ становится самостоятельнѣе, методисты почувствовали къ нему недовѣріе, заподозривъ его въ принадлежности къ реформаторскому движенію. Это было справедливо до нѣкоторой степени и Бутсъ въ концѣ концовъ порвалъ съ методистами, такъ какъ его идея была—«спасеніе людей внѣ храмовъ», и онъ не хотѣлъ связывать свою дѣятельность принадлежностью къ какой-нибудь общинѣ. Поселившись въ восточномъ Лондонѣ, онъ былъ пораженъ до глубины души тѣми картинами нищеты, которыя видѣлъ тутъ на каждомъ шагу, рядомъ со страшнымъ нравственнымъ паденіемъ и пьянствомъ. Онъ рѣшилъ именно въ этихъ ужасныхъ кварталахъ, гдѣ ютятся всѣ отбросы общества, сосредоточить свою дѣятельность. Но для этого ему нужно было привлечь на себя вниманіе населенія, подѣйствовать на его воображеніе и тутъ было положено начало разнымъ шумнымъ и грубымъ пріемамъ, посредствомъ которыхъ Бутсъ и его сторонники, т. е. такъ называемая Армія Спасенія, старались обратить на себя вниманіе и заставить себя слушать. Конечно, особенно въ началѣ, Бутсу не разъ приходилось подвергаться нападенію и даже вступать въ битву; случались даже кровопролитія, но теперь это уже отошло въ область преданій, и когда Бутсъ пріѣзжаетъ въ какой-нибудь городъ, то ему устраиваютъ торжественный пріемъ и не только граждане, но и власти выходятъ къ нему на встрѣчу, средства Арміи Спасенія громадны, но образуются главнымъ образомъ изъ пожертвованій.

Несмотря на многія курьезныя стороны этого ученія и всевозможные, подчасъ нелѣпые аттрибуты, которыми сопровождается проповѣдь, тѣмъ не менѣе въ ученіи этомъ заключаются возвышенныя идеи. Бутсъ возводилъ въ принципъ, что нельзя думать о спасеніи душъ такъ называемыхъ подонковъ общества,

не позаботившись прежде объ улучшеніи условій ихъ существованія, такъ какъ они часто побуждаются къ пороку тяжелыми условіями своей жизни и нищетой. Такимъ образомъ Бутсъ организовалъ помощь нуждающимся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и въ разнообразномъ видѣ. Съ 1878 года, когда космополитическая община, которую онъ организовалъ, получила оффиціально названіе Арміи Спасенія, Бутсъ устроилъ въ одномъ только Лондонѣ нѣсколько дешевыхъ ночлежныхъ пріютовъ, нѣсколько столовыхъ, пріютовъ для дѣтей и пріютовъ для падшихъ женщинъ и больницу для алкоголиковъ и т. п.

Генералъ Бутсъ до сихъ поръ, несмотря на свой почтенный возрастъ, сохраняетъ въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія своею громадною паствою. Еженедѣльно онъ получаетъ донесеніе со всѣхъ концовъ міра о дѣятельности своихъ послѣдователей. Онъ зорко слѣдитъ за ними и пятеро изъ его приближенныхъ, его довѣренныя лица, помогаютъ ему въ этомъ, какъ спеціальные агенты. Его старшій сынъ, Брамвелль Бутсъ, горячо преданный его идеямъ, поставленъ имъ во главѣ центральнаго управленія, весь механизмъ котораго дѣйствуетъ съ удивительною правильностью и безупречностью. Если Бутсъ получитъ увѣдомленіе, что гдѣ-нибудь въ самомъ отдаленномъ уголкѣ дѣло не идетъ на ладъ, то онъ немедленно отряжаетъ туда кого-нибудь изъ довѣренныхъ лицъ своего главнаго штаба, который и долженъ на мѣстѣ убѣдиться, что можетъ служить препятствіемъ правильной дѣятельности общины и немедленно удалить изъ общины вреднаго члена, стѣсняющаго ея дѣйствія.

Празднованіе годовщины дня рожденія генерала Бутса въ этомъ году наглядно свидѣтельствуетъ, что его авторитетъ и популярность все возрастаютъ и даже прежніе его противники признаютъ его заслуги, изъ которыхъ далеко не послѣдняя та, что онъ отрицаетъ всѣ расовые предубѣжденія и преграды и желаетъ объединить въ общей дѣятельности все человѣчество.

Фабрикантъ-художникъ. Новое искусство, которому положили основаніе Россетти, Рёскинъ и Вильямъ Моррисъ, распространилось теперь изъ Англіи и въ другія страны; образовалось нѣчто вродѣ новой религіи, разославшей повсюду своихъ миссіонеровъ, проповѣдующихъ, что цѣлью искусства должно быть украшеніе и возвышеніе человѣческой жизни, посредствомъ медленнаго и глубокаго воздѣйствія на окружающую обстановку и воспитанія эстетическаго чувства въ людяхъ. Извѣстно, какъ проводилъ въ жизнь свои идеи Вильямъ Моррисъ. Онъ основалъ фабрику художественныхъ издѣлій для домашняго обихода, и дѣйствительно этотъ «поэтъ обойщикъ», какъ его въ шутку называли англичане, много содѣйствовалъ развитію художественнаго чувства въ Англіи. Примѣръ нашелъ подражателей. Въ рабочемъ кварталѣ Лондона, населеніе котораго равняется двумъ милліонамъ и куда очень рѣдко заглядываютъ туристы, проживалъ ремесленникъ, художникъ и изобрѣтатель, Климентъ Хитонъ, превратившій свой маленькій домикъ въ мастерскую, гдѣ онъ упорно трудился надъ разными произведеніями искусства, обличавшими въ немъ громадный запасъ художественной фантазіи. Сумрачное лондонское небо, туманы и неприглядная окружающая обстановка не могли не дѣйствовать удручающимъ образомъ на художника ремесленника и при первой же возможности онъ отправился искать красоты природы и свѣтлое голубое небо, которымъ ему такъ рѣдко удавалось любоваться въ Лондонѣ. Климентъ Хитонъ поѣхалъ въ Швейцарію, и восхищенный этою страной, поселился въ Невшателѣ, гдѣ основалъ фабрику по идеѣ Вильяма Морриса, котораго онъ былъ горячимъ послѣдователемъ. Также какъ и Моррисъ, Хитонъ занимается пропагандою идеи чистаго искусства и свободнаго труда, горячо возставая противъ современныхъ условій, и подкрѣпляетъ слово дѣломъ, вводя въ своей мастерской совершенно иной порядокъ, чѣмъ какой существуетъ почти на всѣхъ фабрикахъ. Но Хитонъ не ограничи-

вается однимъ только практическимъ примѣненіемъ своихъ идей; онъ устраиваетъ конференціи, на которыя приглашаетъ рабочихъ и проповѣдуетъ имъ свои взгляды, стараясь пробудить и развить въ нихъ чувство прекраснаго и усилить въ нихъ стремленіе къ украшенію и возвышенію жизни. «Это чувство прекраснаго,—говоритъ онъ своимъ слушателямъ,—врожденное у каждаго человѣка и проявленія его существуютъ даже у дикихъ народовъ, которые всегда стремятся украсить свое оружіе и свою домашнюю утварь. Но это чувство можетъ атрофироваться, можетъ извратиться и этого надо избѣгать и съ этимъ надо бороться». Хитонъ недурной ораторъ и умѣетъ увлекать свою аудиторію. Онъ читаетъ рабочимъ нѣчто вродѣ исторіи искусства, и его слушаютъ съ большимъ вниманіемъ.

Несмотря на то, что Хитонъ принадлежитъ къ числу горячихъ поклонниковъ идей Рёскина, онъ все-таки не во всемъ согласенъ со своимъ учителемъ. Между прочимъ, онъ далеко не раздѣляетъ его ненависти къ машинному производству. Новая школа зашла такъ далеко, что почти запретила употребленіе машиннаго труда. Но Хитонъ не выказываетъ такой нетерпимости и, вопреки рёскиновскимъ теоріямъ, находитъ, что было бы опрометчиво лишать себя помощи машинъ, въ особенности при производствѣ работъ, носящихъ болѣе или менѣе механическій характеръ, гдѣ рабочія руки могутъ быть съ пользою замѣнены машины. Развѣ искусство сколько-нибудь пострадаетъ отъ того, что машина будетъ пробивать отверстія вмѣсто того, чтобы это дѣлать человѣку руками?—говоритъ онъ. Машина это сдѣлаетъ скорѣе и ручной трудъ такимъ образомъ сберегается для другой, болѣе важной и плодотворной созидательной работы. Къ тому же машина даетъ возможность увеличивать до безконечности число произведеній искусства и распространять ихъ въ изобиліи, такъ чтобы они не были только исключительнымъ достояніемъ богатыхъ, но встрѣчались и въ жилищахъ бѣдняковъ, эстетическое чувство которыхъ также требуетъ удовлетворенія.

Такимъ образомъ Хитонъ вноситъ поправку въ рёскиновскія теоріи, не находя, чтобы между машиннымъ производствомъ и искусствомъ существовалъ такой непримиримый антагонизмъ. По его мнѣнію объ эти силы можно было бы комбинировать и на своей фабрикѣ онъ именно пробуетъ такую комбинацію и до сихъ поръ результаты этого опыта были очень успѣшны. Подобно Моррису, Хитонъ также изготовляетъ на своей фабрикѣ предметы декоративнаго искусства и постоянно изобрѣтаетъ новые образцы и новые способы производства, стремясь къ ихъ усовершенствованію. Его мастерскія изготовляютъ и выпускаютъ самыя разнообразныя художественныя произведенія, которыя уже пріобрѣли извѣстность не только среди мѣстныхъ жителей, но и за предѣлами страны. Хитонъ отправляетъ въ Англію обои съ рельефными рисунками; во Францію—разныя мелкія произведенія искусства, въ особенности вазы, украшенныя мозаикой изъ эмали и т. п. Въ Швейцаріи Хитонъ уже нѣсколько лѣтъ работаетъ надъ украшеніемъ общественныхъ зданій, музеевъ и т. д. Но это только практическая сторона дѣла, нравственная же заключается въ томъ, чтобы внушить рабочему идею и пониманіе красоты и ввести красоту въ обыденную жизнь, въ самую сѣренькую, будничную обстановку.

Японія прежде и теперь. Одна изъ большихъ японскихъ газетъ въ Токіо, «Yomiouri Shimboum» обратилась ко всѣмъ именитымъ европейцамъ, проживающимъ въ японской столицѣ, съ просьбою высказать свое мнѣніе о современной Японіи и такимъ образомъ предполагаетъ напечатать цѣлый рядъ интервью съ разными лицами, дипломатами, профессорами и т. д. Начало положено Мишелемъ Ревономъ, профессоромъ на юридическомъ факультетѣ въ уни-

верситетѣ Токіо и совѣтникомъ японскаго правительства. Ревонъ живетъ уже семь лѣтъ въ Японіи и считается довольно хорошимъ знатокомъ японцевъ и японской жизни, такъ что замѣчанія, высказанныя имъ, произвели громадную сенсацію въ японскомъ обществѣ и вызвали горячую полемику. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ Ревонъ:

«Европейцы, совершенно не знающіе Японіи, охотно воображаютъ, что, до введенія западной цивилизаціи, это была болѣе или менѣе варварская страна. Повидимому, имъ неизвѣстно, что гораздо ранѣе этой эпохи, въ Японіи существовала очень утонченная и весьма широкая цивилизація, но совершенно особаго рода. Достаточно взглянуть на то, что совершается въ данную минуту, чтобы въ этомъ убѣдиться. Когда двѣ страны приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, причемъ одна изъ нихъ обладаетъ весьма развитой цивилизаціей, другая же — нѣтъ, то въ результатѣ послѣдняя всегда погибаетъ. Это неизбѣжный законъ исторіи и онъ достаточно доказанъ исчезаніемъ аборигеновъ Америки и Африки. Посмотрите же теперь, каковы результаты соприкосновенія японцевъ съ европейцами? Японцы не только сохраняютъ свою индивидуальность, но они съ большимъ искусствомъ извлекаютъ все, что только можно и что только выгодно для нихъ, изъ европейской цивилизаціи и пользуются этимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ».

Послѣ этого Ревонъ перечисляетъ основныя качества японской расы, ихъ горячій патріотизмъ, утонченное художественное чувство и врожденную любовь къ природѣ, которую каждый японецъ носитъ въ своемъ сердцѣ. Но рядомъ съ этими безспорными качествами приходится упомянуть и о недостаткахъ, и Ревонъ на первый планъ выводитъ дурные коммерческіе нравы Японіи. Меркантильные классы въ Японіи весьма часто страдаютъ недостаткомъ честности и добросовѣстности, затѣмъ Ревонъ ставитъ имъ въ упрекъ отсутствіе научнаго любопытства. «Въ Европѣ,—говоритъ Ревонъ,—этого рода любопытство родилось въ Греціи и оттуда уже оно распространилось въ Римѣ. Распространителями его въ средніе вѣка были арабы и такимъ образомъ оно все развивалось и въ нашъ вѣкъ породило столько замѣчательныхъ открытій и изобрѣтеній. Японцамъ это любопытство совѣмъ неизвѣстно; они большею частью довольствуются только пріобрѣтеніемъ знаній, необходимыхъ для практическаго примѣненія, и если ихъ ученые отправлялись нѣкогда, рискуя собственною жизнью, къ голландцамъ въ Нагасаки, чтобы поучаться у нихъ анатоміи, то дѣлали они это главнымъ образомъ лишь ради примѣненія этой науки къ медицинской практикѣ; что же касается причины вещей, то она ихъ никогда не интересовала».

Ревонъ переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію тѣхъ примѣненій, которыя произвела въ японской жизни европейская цивилизація. «Принято думать,—говоритъ онъ,—что японцы лишь внѣшнимъ образомъ усвоили себѣ европейскую цивилизацію, пріобрѣли внѣшній лоскъ, но что въ глубинѣ ничто не измѣнилось. Многіе возмущаются, что въ изящную, утонченную и художественную цивилизацію Японіи вводятся всѣ атрибуты европейской цивилизаціи, лишающіе японскую цивилизацію ея особенныхъ привлекательныхъ сторонъ. И тѣ, и другіе взгляды невѣрны. Несомнѣнно, что Японія находится на пути къ прогрессу, что прогрессъ этотъ замѣчается уже во многихъ направленіяхъ и уже произвелъ не только матеріальныя измѣненія но и глубокія перемѣны во взглядахъ и идеяхъ. Нельзя не указать прежде всего на измѣненія въ политическомъ отношеніи, хотя, разумѣется, парламентскій механизмъ въ Японіи дѣйствуетъ еще не совсѣмъ правильно, благодаря тому, что политическое воспитаніе націи только еще начинается. Народъ большинствомъ еще не имѣетъ понятія о принципахъ парламентскаго управленія, но, разумѣется, нельзя же требовать, чтобы въ такое короткое время народъ привыкся этимъ идеямъ и вполнѣ ихъ

усвоилъ, тогда какъ даже во многихъ западныхъ государствахъ идеи эти до сихъ поръ еще не вполнѣ усвоены народами; но какъ бы ни былъ несовершенъ парламентскій режимъ въ Японіи, она все-таки избрала вѣрный путь, чтобы усвоить его. Нельзя выучиться плавать, смотря на воду съ берега; надо броситься въ воду и попробовать поплыть!»

Ревонъ несочувственно относится къ увлеченію Японіи милитаризмомъ и ея преувеличеннымъ вооруженіямъ. Онъ находитъ, что Японія не должна переступать въ этомъ отношеніи предѣлы, указываемые ей требованіями національной обороны. Къ чему Японіи такая многочисленная армія? Вполнѣ достаточно имѣть сильный флотъ, чтобы помѣшать непріятелю приближаться къ берегамъ и, по мнѣнію Ревона, японскіе политики совершаютъ большую ошибку, вводя государство въ такіе непроизводительные расходы, какіе нужны для содержанія столь многочисленной арміи.

Что касается положенія женщинъ въ современной Японіи, то и тутъ, по словамъ Ревона, сталкиваются два теченія: одно стремится ввести въ Японію американскую систему «возвеличенія женщины», другое—желаетъ сохраненія старой японской системы, основанной на безусловномъ подчиненіи женщины мужчинѣ, какъ существа низшаго. Цивилизованные японцы обнаруживаютъ однако склонность ввести американскую систему и, по мнѣнію Ревона, это будетъ только переходомъ изъ одной крайности въ другую. Въ заключеніе Ревонъ предостерегаетъ японцевъ, чтобы они не слишкомъ стремились къ уничтоженію духа націи. «Интеллигентные и обладающіе въ высокой степени иниціативой японцы, — говоритъ онъ, — обладаютъ всѣми данными, чтобы стать великой націей, равной всѣмъ великимъ державамъ міра».

Разумѣется, это мнѣніе о японцахъ, высказанное въ распространенной газетѣ однимъ изъ уважаемыхъ европейцевъ, вызвало горячіе толки въ японскомъ интеллигентномъ обществѣ, тамъ, гдѣ одѣваются и думаютъ по европейски. Особенно заинтересованъ былъ этими взглядами Ревона маркизъ Ито, котораго справедливо называютъ «отцомъ современной Японіи», такъ какъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, совершившихъ превращеніе Японіи и пересадившихъ въ нее европейскія идеи и цивилизацію. Надо помнить, что это превращеніе совершилось въ какія-нибудь тридцать лѣтъ и подобнаго примѣра не существуетъ въ міровой исторіи. «Мы не только подражаемъ западнымъ методамъ,—сказалъ онъ одному англійскому журналисту, съ которымъ бесѣдовалъ о взглядахъ Ревона,—но мы ввели западный механизмъ вслѣдствіе того, что онъ долженъ лучше содѣйствовать развитію характера націи, поставить это развитіе въ лучшія условія. До нынѣшняго поколѣнія Японія не имѣла понятія о своихъ силахъ и способностяхъ и о томъ, какое мѣсто она можетъ занять среди другихъ націй. Это правда, что мы, островитяне, не особенно долюбливаемъ иностранцевъ, но мы никогда не были восточнымъ народомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимаютъ европейцы, и мы никогда не были раболѣпны. Въ настоящее время Японія, конечно, является весьма активнымъ факторомъ въ восточныхъ дѣлахъ. Въ прежніе годы западныя націи интересовались ею только какъ страною, изобилующей оригинальными произведеніями искусства, но теперь мы стремимся занять мѣсто среди цивилизованныхъ націй. Прежде къ намъ относились, какъ къ восточному государству, въ которомъ весьма слабо развиты понятія о чести и справедливости и которому довѣрять нельзя. Теперь все измѣнилось и европейцы уже не могутъ относиться къ намъ съ прежнимъ пренебреженіемъ. Конечно, еще многое остается сдѣлать въ нашемъ самоуправленіи. Это вѣрно, что парламентскій порядокъ не дѣйствуетъ правильно, что существуетъ большая путаница въ нашихъ политическихъ понятіяхъ и среди нашихъ партій, но вѣдь развѣ можно создать и укрѣпить политическіе взгляды въ какія-нибудь восемь лѣтъ конституціоннаго ре-

жима? Партіи не имѣли времени развить свои принципы и, конечно, люди группировались около отдѣльныхъ единицъ, а не около принципа. Большинство людей партій имѣютъ весьма смутныя понятія о томъ, что нужно для созданія партіи». Маркизъ Ито не допускаетъ, чтобы въ Японіи могла создаться сильная консервативная партія. Японія, по его мнѣнію, по существу прогрессивная нація и это движеніе впередъ уже замѣчается въ самыхъ глубокихъ слояхъ японскаго общества, въ японской семьѣ, въ положеніи женщины. Въ послѣднемъ отношеніи Японія двигается быстрыми шагами, вводитъ реформы въ женскомъ воспитаніи и по справедливости можетъ гордиться тѣмъ, что ею сдѣлано въ такой короткій срокъ.

Парсы въ Индіи и европейское вліяніе. Парсы, безъ сомнѣнія, представляютъ одну изъ наиболѣе интересныхъ религіозныхъ сектъ Индіи и занимаютъ выдающееся мѣсто въ промышленности страны, въ области либеральныхъ профессій, въ торговлѣ, просвѣщеніи и т. д. Между тѣмъ они далеко не составляютъ большинства; ихъ всего 90.000, но зато они всѣ почти сосредоточены въ Бомбеѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Большинство владѣльцевъ бумагопрядильныхъ фабрикъ въ Бомбеѣ—парсы. Въ старомъ городѣ, представляющемъ нѣчто вродѣ лондонскаго Сити, большинство хозяевъ и служащихъ—парсы. Въ новомъ городѣ, надъ которымъ господствуетъ готическая колокольня университета, парсы очень многочисленны, какъ среди профессоровъ, такъ и среди студентовъ. Среди адвокатовъ, врачей, въ литературныхъ и политическихъ ассоціаціяхъ Бомбея, среди членовъ муниципалитета, въ оппозиціи и зачастую въ первыхъ рядахъ національнаго движенія, вездѣ можно встрѣтить парсовъ. Единственныя изъ туземцевъ, ставшіе членами англійскаго парламента, также парсы; одинъ изъ нихъ принадлежитъ къ либеральной, другой—къ консервативной партіи.

Въ политикѣ, въ умственномъ трудѣ и въ торговлѣ парсы берутъ верхъ надъ всѣми прочими индусами, которымъ кастовыя традиціи все таки мѣшаютъ вполнѣ пріобщиться къ европейской жизни. Парсы же, наоборотъ, легко усваиваютъ западныя привычки и зажиточные парсы давно уже стали одѣваться по европейски и ввели у себя европейскую обстановку. Молодые парсы изъ хорошихъ семействъ непремѣнно отправляются въ Англію для довершенія своего образованія и большинство изъ нихъ говоритъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ и много путешествовали. По возвращеніи въ Индію, они ровно ничѣмъ уже не отличаются отъ европейцевъ, усваиваютъ себѣ европейскій скептицизмъ и разныя европейскія привычки, между прочимъ, куреніе, что, разумѣется, приводитъ въ ужасъ стариковъ, исповѣдующихъ правовѣрные взгляды. Новаторы заявляютъ, что во времена Зороастра табаку не было и онъ, слѣдовательно, не могъ запретить курить его, такъ что куреніе не является нарушеніемъ его закона. Во всякомъ случаѣ, надо замѣтить, что парсы, нетолько молодые, но даже старые, обнаруживаютъ удивительную индиферентность въ религіозныхъ вопросахъ, которая составляетъ столь рѣдкое явленіе среди восточныхъ народовъ.

Парсы почти единственные среди индусовъ, которые заботятся о воспитаніи своихъ женщинъ и даже показываются въ публикѣ со своими женами, какъ это дѣлаютъ европейцы. Да и жены и дочери парсовъ нетолько соперничаютъ теперь съ англичанками въ игрѣ въ теннисъ и въ ѣздѣ на велосипедѣ, но также занимаются наукой и умственнымъ трудомъ добываютъ себѣ средства къ жизни. Учительницы въ Бомбеѣ — либо европеянки, либо парсы, и женщины парсовъ—первыя индусскія женщины, начавшія заниматься преподаваніемъ. Въ Бомбеѣ весь учебный персоналъ въ школахъ состоитъ изъ парсовъ. Въ Пунѣ, военномъ центрѣ Деккана, въ двухъ второразрядныхъ школахъ всѣ учительницы

изъ секты парсовъ. Въ Бародо, столицѣ одного туземнаго царства, во главѣ «нормальной школы учительницъ» находится молодая женщина изъ парсовъ.

«Мы французы Бомбея!» сказалъ одинъ изъ парсовъ французскому журналисту, путешествующему по Индіи. Въ этомъ восклицаніи, разумѣется, много преувеличенія, но дѣйствительно французы пользуются большими симпатіями среди парсовъ и французскій журналистъ не безъ гордости констатируетъ это. Въ парсійскомъ клубѣ, куда онъ былъ приглашенъ, онъ нашелъ человѣкъ двадцать, бѣгло говорящихъ по-французски, и провелъ тамъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ вечеровъ въ своей жизни. Въ этомъ клубѣ оказалась прекрасная библіотека французскихъ книгъ, основанная на суммы, пожертвованныя однимъ богатымъ парсомъ, эта библіотека существуетъ уже около 12 лѣтъ.

По мнѣнію людей, хорошо знающихъ и изучающихъ Индію, парсы составляютъ теперь главную интеллектуальную и прогрессивную силу Индіи. Теперь образованные парсы при всякомъ удобномъ случаѣ стараются заявить о своей приверженности англичанами, но кто же сомнѣвается, что эта приверженность тотчасъ же исчезнетъ, какъ только парсы почувствуютъ, что они могутъ сражаться съ англичанами равнымъ оружіемъ.

Англичанамъ нечего опасаться враговъ извнѣ, будто бы стремящихся къ завоеванію Индіи и изгнанію англичанъ. Парсы, которымъ несомнѣнно принадлежитъ будущее, гораздо болѣе опасны для нихъ и дѣйствительно могутъ подорвать англійскій престижъ среди населенія и вытѣснить англичанъ изъ занятой ими позиціи въ Индіи, сдѣлавшись сами господствующимъ классомъ.

Въ Египтѣ. Извѣстіе о появленіи чумы въ Джеддѣ совпало съ отправленіемъ обычнаго ежегоднаго паломничества въ Мекку и поэтому оно произвело въ Египтѣ большую сенсацію. Санитарный совѣтъ взволновался и потребовалъ, чтобъ паломничество было отмѣнено, но египетское правительство не рѣшается на такую мѣру, которая идетъ въ разрѣзъ со всѣми религіозными понятіями населенія. Улемы (представляющіе въ сущности нѣчто вродѣ кассаціоннаго суда), къ которымъ обратились за совѣтомъ по этому поводу, высказались весьма уклончиво: «Пусть ѣдутъ тѣ, у кого есть вѣра и кто убѣжденъ, что въ книгѣ судебъ записана и ихъ судьба! Тотъ, кто боится погибнуть, пусть остается!» Конечно, такое рѣшеніе навлекаетъ большія опасности на Египетъ, а слѣдовательно и на Европу, но оспаривать его неудобно, такъ какъ оно задѣваетъ религіозныя чувства населенія.

Такимъ образомъ первая партія паломниковъ уже отправилась и повезла обычныя приношенія Египта—три ковра, которые изготовлялись въ теченіе десяти лѣтъ и предназначаются: одинъ для могилы пророка, другой для могилы Авраама, а третій, самый богатый, представляющій настоящую пирамиду золота и шелка, предназначается для каабы. Изготовленіе этихъ ковровъ составляетъ большой источникъ расходовъ для египетскаго правительства, которое тратитъ на это не менѣе 350.000 фр. въ годъ. Перенесеніе ковровъ и отъѣздъ паломниковъ сопровождаются торжественною церемоніей. Городъ украшается флагами, войска разстанавливаются шпалерами по улицамъ, и въ высшей степени живописная восточная толпа наполняетъ все свободное пространство на улицахъ и ютится на крышахъ домовъ.

На этотъ разъ церемонія эта сопровождалась еще большею торжественностью, такъ какъ она совпала съ празднествами, даваемыми матерью хедива въ честь своего внука. Хедивъ присутствовалъ на церемоніи, и когда онъ облобызалъ золотыя кисти ковра и уздечку верблюда, который долженъ будетъ отвезти въ Мекку драгоцѣнный коверъ, всю толпу охватилъ трепетъ религіознаго энтузіазма. Толпа загоготала; послышались восторженные возгласы, вопли и рыданія тѣхъ, кто не могъ принять участія въ паломничествѣ. Вмѣстѣ съ

этимъ ковромъ отправились и музыканты, танцовщики, мимы и шуты всякаго рода, которые сопровождаютъ коверъ въ Мекку и вступятъ вмѣстѣ съ нимъ въ священный городъ даже впереди ковровъ султана, такъ какъ, согласно воззрѣніямъ мусульманъ, смѣхъ, танцы, пѣніе и разныя гримасы имѣютъ свойство отвращать всякія бѣдствія и болѣзни. Насколько это средство окажется всесильнымъ и теперь, когда въ Геджазѣ появилась страшная эпидемія—это не берутся рѣшить даже правовѣрные мусульмане, и многіе изъ остающихся, прощаясь съ паломниками, испытываютъ въ душѣ болѣе или менѣе смутное опасеніе, что они ихъ видятъ въ послѣній разъ. Многіе ли изъ нихъ вернутся изъ этого труднаго путешествія, которое сопряжено со столькими лишеніями и опасностями?

Между тѣмъ, несмотря на это сохраненіе въ народѣ религіознаго фанатизма, Египетъ все-таки замѣтно прогрессируетъ во всѣхъ отношеніяхъ и англичане должны быть довольны; особенно процвѣтаютъ промышленныя предпріятія и цифра сдѣлокъ, заключенныхъ различными англійскими фирмами, достигаетъ небывалыхъ размѣровъ въ этомъ году. Промышленные синдикаты растутъ какъ грибы и всюду зарождаются новыя предпріятія, строятся роскошные дома, отели, магазины и производятся все новыя и новыя изысканія съ цѣлью эксплуатаціи природныхъ богатствъ страны.

Что касается Судана, то можно было думать, что послѣ подписанія конвенціи 19-го января Египту не придется болѣе безпокоиться о завоеванной территоріи. Ничуть не бывало. Во-первыхъ, по странному обороту вещей, Египетъ сдѣлался данникомъ завоеванной страны и ежегодно долженъ покрывать дефицитъ бюджета изъ собственныхъ средствъ. Въ 1899 г. этотъ дефицитъ достигаетъ скромной цифры въ 8.223.249 фр.—бездѣлица! Мало того; мало-по-малу Египетъ обирается въ пользу этой завоеванной территоріи. Уже теперь, подъ предлогомъ удобства администраціи, англичане присоединили Вадигальфа къ Египту, а недавно лордъ Китченеръ потребовалъ, чтобы египетское министерство вызвало своихъ уполномоченныхъ изъ Вадигальфы, Эджана и Ассуана. По слухамъ между лордомъ Китченеромъ и лордомъ Крамеромъ существуетъ соперничество и несомнѣнно, что лордъ Китченеръ всячески старается ощипать Египетъ и создать ему изъ Судана могущественнаго соперника. Во всякомъ случаѣ уже теперь можно предсказать, что побѣда надъ Омдурманомъ будетъ окончательной побѣдой и надъ Египтомъ, который теперь согласно поэтическому сравненію, сдѣланному однимъ французскимъ журналистомъ-поэтомъ, напоминаетъ прелестный тропическій цвѣтокъ, отдѣленный искусною рукой отъ стебелька и медленно умирающій среди песковъ пустыни, подъ знойными лучами палящаго африканскаго солнца.

Положеніе миссій въ Китаѣ. Въ миссіонерскомъ журналѣ «Missions catholiques» напечатано письмо пекинскаго епископа Альфонса Фавье, который въ весьма мрачныхъ чертахъ изображаетъ положеніе миссій въ Китаѣ. По его словамъ, китайскій переворотъ имѣлъ очень важныя послѣдствія; всѣ тайныя общества, которыхъ въ Китаѣ очень много, возстали, желая, какъ всегда, воспользоваться смутами, чтобы дѣйствовать противъ династіи. Возмущеніе, какъ всегда, началось въ южныхъ провинціяхъ, въ Куангъ-си и въ Куангъ-Тунгѣ, потомъ распространилось на Сечуань, Хуннанъ и Чанъ-Тунгъ, все болѣе и болѣе приближаясь къ Пекину. Губернаторы и мандарины въ Китаѣ предоставили этому пожару разгораться все сильнѣе, не зная, кого слушать и куда направить помощь. Партія императрицы всесильна въ настоящее время, но надолго ли—этого никто не знаетъ, такъ какъ несомнѣнно, что между побѣжденной партіей и тайными обществами существуетъ связь, и при первомъ удобномъ случаѣ она снова захватитъ власть въ свои руки.

По мнѣнію французскаго миссіонера, европейскія событія непосредственно отражаются въ Китаѣ и тамъ можно найти тѣ же интересы, то же соперничество и тѣ же честолюбивыя стремленія, какія мы встрѣчаемъ въ Европѣ. Главнокомандующій китайскими войсками увеличилъ дѣйствующій составъ манчжурской арміи и собралъ вокругъ Пекина всѣ войска, преданныя династіи, готовясь отразить всякую попытку ниспровергнуть ее, такъ что въ данный моментъ вдовствующая императрица гарантирована отъ всякаго вторженія. Но зато теперь за все расплачиваются миссіонеры и христіане. Въ возставшихъ провинціяхъ общій лозунгъ—это ненависть къ европейцамъ. Шайки бунтовщиковъ производятъ опустошенія и, чтобы создать китайскому правительству какъ можно больше затрудненій, онѣ нападаютъ и разоряютъ миссіи, подвергаютъ истязаніямъ миссіонеровъ. Въ Куангъ-Тунгѣ и Куангъ-Си нѣсколько французскихъ миссіонеровъ были убиты, одинъ сожженъ живымъ въ часовнѣ вмѣстѣ со своею немногочисленною паствой. Тѣ изъ миссіонеровъ, которые уцѣлѣли послѣ этого погрома, должны были удалиться въ болѣе безопасныя мѣста. Въ Сечуанѣ уже полгода царитъ полнѣйшая анархія, бунтовщики захватили въ плѣнъ одного французскаго миссіонера и трехъ китайскихъ священниковъ. Почти во всей провинціи разорены и разграблены миссіонерскія резиденціи, церкви разрушены, а деревни христіанъ превращены въ груды развалинъ. Не такъ давно убиты 18 христіанъ и болѣе 20.000 остается въ настоящее время безъ крова и хлѣба.

Въ Хунпанѣ убитъ священникъ и множество христіанъ; миссіи разорены и нѣсколько христіанскихъ деревень разграблены и разрушены. То же самое въ Кіангъ-Си и др. провинціяхъ. Нѣмцы воспользовались убійствомъ своихъ миссіонеровъ, чтобы занять портъ Кіао-Чау, и китайцы вывели изъ этого заключеніе, что еслибъ не было миссіонеровъ, за которыхъ мстятъ европейцы, то Китай не подвергался бы опасности быть раздѣленнымъ между европейскими націями, изъ которыхъ каждая хочетъ урвать себѣ кусочекъ. По этой причинѣ ненависть къ пришельцамъ, иностранцамъ еще болѣе усилилась и положеніе миссіонеровъ среди враждебно-настроеннаго населенія сдѣлалось еще болѣе шаткимъ и опаснымъ.

Какъ бы тамъ ни было, но, по мнѣнію компетентныхъ лицъ въ китайскихъ дѣлахъ, жадность, которую обнаруживаютъ европейцы, стремящіеся воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы отхватить кусокъ китайской территоріи, сильно вредитъ имъ въ глазахъ китайцевъ. Китайское правительство дѣйствуетъ крайне слабо и нерѣшительно противъ бунтовщиковъ, тѣмъ болѣе, что, безъ сомнѣнія, въ высшихъ сферахъ есть много приверженцевъ тайныхъ обществъ, въ глубинѣ души мечтающихъ о ниспроверженіи манчжурской династіи. Разбойничьи шайки въ провинціяхъ выростаютъ точно грибы послѣ дождя; не успѣютъ правительственныя войска разсѣять одну изъ нихъ и послать увѣдомленіе въ Пекинъ о побѣдѣ, какъ уже въ другомъ мѣстѣ появляется новая шайка грабителей и опять начинается та же исторія. Въ особенности трудно китайскимъ отрядамъ совладать съ шайками, находящимися подъ начальствомъ легендарной личности Ю-Манъ-Тсе. Передъ этимъ китайскимъ атаманомъ трепещутъ китайскіе солдаты, такъ какъ народное суевѣріе уже успѣло окружить его таинственнымъ ореоломъ непобѣдимости. Это бунтовщикъ, нѣкогда приговоренный къ смертной казни китайскимъ правительствомъ. Онъ бѣжалъ въ горы и, собравъ около себя тысячу человѣкъ, началъ свои подвиги и мало-по-малу создалъ себѣ цѣлое войско. Напрасно изъ Пекина получаются строгіе приказы захватить Ю-Манъ-Тсе, живого или мертваго, и уничтожить его шайку. У Ю-Манъ-Тсе много тайныхъ приверженцовъ и друзей, которые увѣдомляютъ его о всѣхъ замыслахъ противъ него и о движеніяхъ войскъ. Чѣмъ кончится эта борьба—предсказать трудно; слава Ю-Манъ-

Тсе все растетъ въ глазахъ народа и недалеко то время, когда онъ можетъ сдѣлаться настоящимъ народнымъ вождемъ и объявить поголовную войну всѣмъ иностранцамъ. «Мы живемъ на вулканѣ,—заканчиваетъ свое письмо французскій миссіонеръ,—и, благодаря разгулявшимся европейскимъ аппетитамъ, каждую минуту можемъ ожидать взрыва».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«The Chautauquan». — «Nuova Antologia». — «Revue des Deux Mondes». — «Ethical Journal».

Въ исторіи Англіи XIX вѣка два явленія въ особенности бросаются въ глаза: съ одной стороны Великобританія становится все болѣе и болѣе промышленною націей, съ другой же—въ ней все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ демократія. Эти перемѣны, конечно, отражаются и на законодательствѣ страны, которое тѣсно связано съ именемъ Джона Брайта. Когда Брайтъ умеръ, то Гладстонъ сказалъ въ палатѣ общинъ по поводу его смерти: «Онъ удалился въ счастливую минуту. Онъ дожилъ до торжества всѣхъ тѣхъ великихъ дѣлъ, которымъ онъ отдавалъ всю свою душу и весь свой умъ». Но изъ этого не слѣдуетъ выводить заключенія, что Брайтъ слѣдовалъ за настроеніемъ массы и прислушивался къ ея желаніямъ, чѣмъ и обусловливался такой успѣхъ всѣхъ его предпріятій. Не въ этомъ заключаются причины его успѣха.

Внѣшнія условія жизни Брайта, говоритъ проф. Эвансъ въ своемъ очеркѣ, напечатанномъ въ журналѣ «The Chautauquan» и посвященномъ англійскому государственному дѣятелю, могутъ быть разсказаны въ нѣсколькихъ словахъ. Онъ родился въ 1811 году, въ Ланкаширѣ: отецъ его былъ квакеръ и Джонъ былъ также послѣдователемъ этой секты въ теченіе всей своей долгой жизни (онъ умеръ въ 1889 г.). Пятнадцати лѣтъ онъ уже покинулъ школу, по слабости здоровья, и поступилъ въ контору своего отца. Еще въ юношествѣ онъ любилъ собирать вокругъ себя своихъ товарищей и говорить имъ рѣчи по поводу разныхъ вопросовъ, тогда уже интересовавшихъ его. Занимаясь въ конторѣ своего отца, онъ всѣ свои досуги посвящалъ чтенію, изучилъ исторію, государственныя науки и политическую экономію. И, наконецъ, отправился путешествовать по континенту. Вернувшись, онъ выступилъ уже въ качествѣ настоящаго политическаго оратора противъ церковныхъ налоговъ, а затѣмъ и противъ хлѣбныхъ законовъ, которые были ненавистны народу. Тогда-то онъ основалъ свою знаменитую лигу для отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ и организовалъ агитацію во всей странѣ. Онъ разъѣзжалъ по разнымъ городамъ и произносилъ пламенныя рѣчи противъ хлѣбныхъ законовъ. Когда его выбрали въ парламентъ, то и тамъ онъ продолжалъ свою агитацію, пока не добился первой побѣды, и Робертъ Пиль внесъ билль объ отмѣнѣ этихъ законовъ.

Впечатлѣнія ранняго дѣтства не остались, конечно, безъ вліянія на направленіе политической карьеры Джона Брайта. Его отецъ, какъ добрый квакеръ, отказался платить налогъ въ пользу государственной церкви, и тогда власти конфисковали его имущество и продали добрую часть его для уплаты недоимки. Сцены, которыя происходили при этомъ, произвели глубокое впечатлѣніе на душу мальчика. Затѣмъ, въ другой разъ онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ войска разгоняли митингъ, устроенный приверженцами парламентскихъ реформъ, причемъ много жизней погибло. Бѣдствія, произведенныя въ фабричномъ Ланкаширскомъ округѣ введеніемъ притѣснительныхъ хлѣбныхъ законовъ, не ускользнули отъ глазъ юноши. Всѣ эти событія и сцены глубоко врѣзались въ его

памяти и всю дальнѣйшую дѣятельность свою онъ направилъ на то, чтобъ добиться отмѣны этихъ тяжелыхъ законовъ и распространенія льготъ.

Брайтъ, говоритъ проф. Эвансъ, сдѣлалъ очень много для повышенія тона британской политики. Онъ представляетъ высшій типъ агитатора, такъ какъ дѣйствовалъ всегда согласно своимъ убѣжденіямъ и никогда не льстилъ народу. Очень часто онъ доказывалъ свою независимость тѣмъ, что упорно настаивалъ на своемъ мнѣніи противъ всѣхъ. Онъ возсталъ противъ крымской и китайской войнъ, не взирая на то, что такія воззрѣнія считались измѣной Англіи и вся страна готова была поддерживать Пальмерстона. Онъ требовалъ, чтобы индусамъ была оказана справедливость и смѣло сдѣлалъ это какъ разъ въ такое время, когда въ памяти англичанъ были еще живы воспоминанія объ индійскомъ возстаніи. Во многихъ случаяхъ онъ храбро становился въ оппозицію общественному мнѣнію и часто рисковалъ своею популярностью. Такъ, послѣ его горячихъ рѣчей противъ крымской войны, его популярность настолько пошатнулась, что его изображеніе было торжественно предано сожженію. Онъ всегда былъ горячимъ сторонникомъ идей мира и религіозной терпимости, приверженцемъ свободы торговли и всегда выказывалъ величайшую независимость взглядовъ: надо, впрочемъ, сказать, что большею частью позднѣйшія событія оправдывали его воззрѣнія.

Брайтъ занимаетъ гораздо болѣе высокое положеніе какъ ораторъ, нежели какъ государственный дѣятель. Какъ народный трибунъ, онъ не имѣлъ себѣ равнаго и только Гладстона можно поставить рядомъ съ нимъ. Лордъ Салисбюри говорилъ про него: «Джонъ Брайтъ былъ образцомъ и великимъ мастеромъ англійскаго ораторскаго искусства и, быть можетъ, онъ былъ первымъ ораторомъ не только своего поколѣнія, но и многихъ другихъ. Я встрѣчалъ людей, которые слышали Питта и Фокса и находили, что они хуже Брайта». Въ противоположность другимъ великимъ ораторамъ современной Англіи, Джонъ Брайтъ не получилъ классическаго воспитанія. Онъ говорилъ необыкновенно простымъ языкомъ, понятнымъ каждому изъ его слушателей, не пересыпалъ своихъ рѣчей цитатами и всегда старался говорить такъ, чтобъ рѣчь его проникала въ сердце слушателей, и въ этомъ главнымъ образомъ заключался секретъ его успѣха.

Въ высшей степени любопытно для характеристики Брайта его поведеніе во время американской гражданской войны. Когда она началась, то американское правительство получило выраженія сочувствія почти отъ всѣхъ европейскихъ правительствъ. Папа и кардиналъ Антонелли также выразили свои симпатіи союзу и Кавуръ на одрѣ смерти объявилъ, что Италія сочувствуетъ движенію, направленному къ уничтоженію рабства. Только Франція и Англія отнеслись совершенно иначе къ этой борьбѣ. Французскій императоръ былъ убѣжденъ, что побѣдятъ южные штаты, и отчасти желалъ этого ради своихъ намѣреній въ Мексикѣ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы Англія присоединилась къ нему и объявила бы независимость южной конфедераціи, такъ какъ ему хотѣлось добиться разрыва союза, но британское правительство не рѣшилось на это прямо, хотя во все время войны оно выказывало враждебное отношеніе къ вашингтонскому правительству. Правящіе классы въ Англіи поддерживали правительство; весь оффиціальный міръ, часть арміи и флота и большинство парламента были проникнуты симпатіями къ югу. Наиболѣе популярныя и могущественныя газеты въ Англіи также проповѣдывали симпатіи къ югу и среди этого хора враждебныхъ чувствъ по отношенію къ сѣверу возвысились только два голоса въ защиту его; это были—принцъ Альбертъ и Джонъ Брайтъ. Но принцъ Альбертъ вскорѣ умеръ и во всей Англіи остался только Джонъ Брайтъ, который продолжалъ упорно отстаивать принципъ справедливости, ставя на карту свою популярность такъ же, какъ въ вопросѣ о крымской войнѣ.

Брайтъ былъ министромъ въ кабинетѣ Гладстона два раза и пользовался своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ министерствѣ для проведенія реформы. Но онъ не сочувствовалъ египетской политикѣ правительства и вышелъ изъ кабинета послѣ бомбардировки Александріи. Всю жизнь Брайтъ ни разу не измѣнилъ своему девизу: «будь справедливъ и не бойся».

Много разъ въ литературѣ поднимался вопросъ относительно послѣднихъ драмъ Ибсена. Одни называли Ибсена символистомъ, другіе—натуралистомъ, а теперь Цезарь Ломброзо поднимаетъ этотъ вопросъ въ своей статьѣ въ итальянскомъ журналѣ «Nuova Antologia». По мнѣнію Ломброзо, Ибсенъ ни то, ни другое, не символистъ и не натуралистъ, просто на-просто онъ—психіатръ. Всѣ его послѣднія драмы въ сущности представляютъ ничто иное, какъ художественное изображеніе послѣднихъ открытій въ области патологіи души. Причины умопомѣшательства, его эволюція и различныя формы—вотъ что хотѣлъ изобразить знаменитый норвежскій драматургъ, и единственная его ошибка, по словамъ Ломброзо, заключается въ томъ, что онъ пытался порою изобразить въ одномъ и томъ же драматическомъ произведеніи слишкомъ много разнообразныхъ формъ психическаго страданія Въ «Призракахъ», напримѣръ, онъ сконцентрировалъ около одного сюжета самыя разнообразныя признаки общаго паралича, точно также въ «Норѣ» онъ слишкомъ сгустилъ краски въ картинѣ атавизма душевныхъ болѣзней и т. д. Драма «Боркманъ» представляетъ спеціальный этюдъ о «преступномъ банкротѣ», который не впадаетъ въ слабоуміе, не заговаривается, но присваиваетъ себѣ довѣренные ему вклады подъ вліяніемъ иллюзіи, что эти накопленныя суммы могутъ пойти на выполненіе какого-нибудь колоссальнаго предпріятія, которое доставитъ ему могущество и такимъ образомъ мечта его исполнится.

Но профессоръ не ограничивается только тѣмъ, что ищетъ ключъ къ пониманію драмъ Ибсена. Статья эта озаглавлена: «Преступленіе и безуміе въ романѣ и современной драмѣ», что указываетъ на болѣе обширную поэму. Ломброзо, послѣ Ибсена, лишь вскользь упоминаетъ о другихъ современныхъ писателяхъ-психологахъ, бѣгло говоритъ о Достоевскомъ, не вдаваясь въ подробное изученіе его типовъ, затѣмъ переходитъ къ Золя, о которомъ говоритъ очень мало, и, наконецъ, прямо перескакиваетъ на «древній романъ и театръ», гдѣ онъ, впрочемъ, къ своему сожалѣнію, констатируетъ почти полное отсутствіе типовъ, представляющихъ признаки его излюбленнаго преступнаго типа и эпилептика.

«Въ классической литературѣ нѣтъ «настоящихъ безумцевъ» и «настоящихъ помѣшанныхъ». Ломброзо объясняетъ это двояко и притомъ очень просто. Во первыхъ, литература не остается неподвижной и, какъ все живое, развивается, переходя отъ болѣе простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ, потому то въ ней теперь встрѣчается такъ много типовъ безумія. Во-вторыхъ, число помѣшанныхъ и врожденныхъ преступниковъ все возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія прогресса, такъ что писателямъ все больше и больше представляется случаевъ изучать патологическіе типы. Теперь, конечно, имъ есть гдѣ разгуляться, такъ какъ, если вѣрить Ломброзо, то насъ на каждомъ шагу окружаютъ типы умственнаго вырожденія, «маттоиды», врожденные преступники и т. п. и мы не можемъ восторгаться геніемъ безъ того, чтобы не вспомнить о томъ, что онъ граничитъ съ помѣшательствомъ. Въ заключеніе Ломброзо выражаетъ сожалѣніе, что въ то время, какъ литература изобилуетъ изображеніями патологическихъ типовъ, ученые по-прежнему упорно отрицаютъ существованіе преступнаго типа, геніальнаго помѣшательства и отношеній между преступленіемъ и эпилепсіей. «Холодная статистика или схематическое изображеніе фактовъ насъ не убѣждаютъ и мы не хотимъ признавать выводовъ науки», говоритъ Ломброзо, и

намъ остается только ждать, какой новый способъ придумаетъ итальянскій профессоръ, чтобы заставить своихъ ученыхъ противниковъ признать свои выводы.

«Revue des Deux Mondes» печатаетъ интересную статью, въ которой изображается жизнь на маякахъ. Отрѣзанный отъ остального міра, на уединенной скалѣ, среди бушующихъ волнъ, смотритель маяка ведетъ уединенную и въ высшей степени однообразную жизнь. Онъ не видитъ никого, иногда въ теченіе двухъ, трехъ недѣль, а то и цѣлаго мѣсяца. Особенно тяжела жизнь сторожей на маякахъ въ открытомъ морѣ. Заключенный въ свою тюрьму, сторожъ не можетъ выйти изъ нея и единственнымъ его развлеченіемъ служитъ наблюденіе кораблей на горизонтѣ. Съ аккуратностью часового механизма, онъ ежедневно зажигаетъ огонь и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы онъ горѣлъ правильно. Единственная музыка, которую онъ слышитъ, это музыка волнъ, то грозная и величественная, то нѣжная и ласкающая. Но сторожъ привыкаетъ къ ней и почти не замѣчаетъ ея, и только когда буря очень разгуляется и скала начинаетъ вздрагивать отъ ударовъ волнъ, въ душѣ его, быть можетъ, возникаютъ смутныя опасенія и онъ невольно припоминаетъ разсказы о разрушенныхъ во время бури маякахъ и погибшихъ людяхъ. Тяжелѣе всего отзывается на маячномъ сторожѣ отсутствіе движенія. Удовлетворить этой потребности въ движеніи ему очень трудно и ничего больше не остается, какъ спускаться и подниматься по винтовой лѣстницѣ, ведущей вверхъ, къ фонарю. Режимъ одиночнаго заключенія, конечно, также оказываетъ свое дѣйствіе на характеръ маячнаго жителя. Представьте себѣ, что вы осуждены цѣлые мѣсяцы не видѣть передъ собою ничего иного, кромѣ однообразной поверхности моря, что вы не можете открыть окна, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и что вы заключены вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ въ тѣсную клѣтку и вынуждены вѣчно переносить его присутствіе. Нѣсколько времени такой жизни—и вы уже до такой степени изучили своего товарища, что каждый его жестъ, каждое его слово вы знаете заранѣе и читаете его мысли. Многіе не въ состояніи выдержать такую жизнь и не разъ случалось, что только-что назначенный на маякъ сторожъ отказывается, послѣ первой же смѣны, возвратиться обратно. Другія, болѣе стойкія натуры свыкаются съ этимъ одиночествомъ, съ этой отрѣзанностью отъ всего остального міра и пробуютъ разнообразить свою жизнь разными способами. Кромѣ обычныхъ работъ на маякѣ, они занимаются еще и какими-нибудь другими работами, напримѣръ, плетеніемъ корзинъ, или же играютъ другъ съ другомъ въ карты, шашки, домино и т. п. Но все-таки для большинства главнымъ развлеченіемъ служитъ чтеніе. Въ Англіи уже устроена летучая библіотека для маячныхъ сторожей, но библіотека эта преимущественно состоитъ изъ книгъ духовнаго и нравственнаго содержанія. Во Франціи же замѣчено, что маячные сторожа любятъ фельетонные романы и питаютъ особенное пристрастіе къ произведеніямъ Жюля Верна и Александра Дюма.

Долгіе годы маячной службы кладутъ неизгладимый отпечатокъ. Молчаливость маячныхъ сторожей вошла въ поговорку. Одинъ изъ нихъ, старикъ Леруа, умершій въ прошломъ году, въ теченіе многихъ лѣтъ не говорилъ ни одного слова, кромѣ того, что относилось къ службѣ. Многіе становятся мизантропами и мало-по-малу отвыкаютъ отъ земли и начинаютъ любить одиночество и избѣгать общества людей. На Дуврскомъ маякѣ сторожъ Верре до такой степени сжился со своею скалой, что избѣгалъ возвращаться на землю и постоянно уступалъ свою очередь товарищу. У бретанскихъ маячныхъ сторожей сильно развивается мистицизмъ, представляющій врожденную черту расы. Подобно одиночнымъ заключеннымъ, занимавшимся прирученіемъ животныхъ и насѣкомыхъ, маячные сторожа также часто приручаютъ птичекъ, которыя составляютъ ихъ единственное общество, они дѣлятся съ ними своими крохами и птички

отплачиваютъ имъ, развлекая ихъ своимъ веселымъ чириканіемъ и порханіемъ. На одномъ изъ англійскихъ маяковъ обычнымъ обществомъ сторжей служатъ чайки, которыя даже оказываютъ пользу своимъ присутствіемъ. Во время тумановъ они усаживаются на выступахъ маяка и испускаютъ продолжительные рѣзкіе крики, которые служатъ для кораблей предостереженіемъ и лучше предупреждаютъ ихъ объ опасности, чѣмъ пушечные выстрѣлы и колокольный звонъ.

Этическое движеніе въ Америкѣ уже успѣло выразиться въ учрежденіи соціальныхъ поселеній. Въ Англіи такое поселеніе всегда устраивается либо церковью, либо университетскими дѣятелями и имѣетъ цѣлью пропаганду извѣстныхъ идей. Въ Америкѣ же, говоритъ «Ethical Journal», это не такъ. Всякое соціальное поселеніе прежде всего стремится къ полной независимости, находя, что принадлежность къ какой-либо церкви или умственному центру, только стѣсняетъ работу. Авторъ статьи разсказываетъ, что одно англійское духовное лицо посѣтило такое поселеніе въ Чикаго. Руководительница этого поселенія, миссъ Адамсъ, на вопросъ гостя, къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ поселеніе, отвѣчала: «Ни къ какому,»—«Вы развѣ не связаны между собою религіей?» спросилъ гость.—«Мы принадлежимъ ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ», сказала она.—«Что же, ваше поселеніе стоитъ въ связи съ какимъ-нибудь университетомъ?» спросилъ онъ.—«Нѣтъ», отвѣчала она.—«Такъ зачѣмъ же вы тутъ находитесь?» воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.—«Намъ это нравится», послѣдовалъ отвѣтъ.

Одною изъ характерныхъ чертъ американскихъ соціальныхъ поселеній служитъ то, что въ нихъ выдающаяся роль принадлежитъ женщинамъ и во главѣ многихъ американскихъ поселеній стоятъ женщины. Цѣлью всѣхъ этихъ поселеній является развитіе гражданственности и образованіе американскаго гражданина (making of citissen), и въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость американцамъ, что они лучше справляются со своею задачей, нежели очень многіе изъ европейскихъ дѣятелей.

Аграрный вопросъ въ Голландіи.

Одинаковыя причины вызываютъ одинаковыя послѣдствія. И если принять во вниманіе, что повсюду (въ Западной Европѣ) господствуетъ частная собственность на землю и что сельское хозяйство стало товарнымъ производствомъ на міровой рынокъ, то можно было бы подумать, что положеніе сельскаго хозяйства—вездѣ одинаково.

Однако, это совсѣмъ не такъ. Почти во всѣхъ крупныхъ европейскихъ государствахъ введены пошлины, ограждающія отечественное землевладѣніе, дѣлающія его положеніе не натуральнымъ, освобождающія этотъ промыселъ отъ конкурренціи. Пошлины эти повышаютъ цѣну хлѣба на четверть стоимости производства и, конечно, чужеземнымъ конкуррентамъ очень трудно бороться съ успѣхомъ.

Повышеніе пошлинъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ хлѣба производится меньше, чѣмъ потребляется, искусственно освободило до нѣкоторой степени сельское хозяйство отъ конкурренціи и помѣшало свободному его развитію; оно держало на искусственной высотѣ цѣны на землю, арендную и заработную плату.

Если съ этимъ соединяется быстрый ростъ промышленности, приводящій къ расширенію внутренняго рынка для хлѣба, тогда сельское хозяйство находится въ лучшемъ положеніи, предприниматели пользуются хорошею прибылью,

въ рабочихъ рукахъ чувствуется недостатокъ. Не всѣ извлекаютъ пользу изъ такого положенія дѣла, потому что крупные предприниматели и богатые крестьяне умѣютъ сохранить выгоды для себя и расплачиваться приходится рабочимъ и мелкимъ крестьянамъ.

На ряду съ этой выгодой для отдѣльныхъ лицъ, охранительныя пошлины приносятъ гораздо большій вредъ, вслѣдствіе вздорожанія продуктовъ, необходимыхъ всему народу. Такимъ образомъ одинъ классъ предпринимателей въ сельскомъ хозяйствѣ пріобрѣтаетъ преимущества на счетъ всего народа. Охранительныя пошлины искусственно поддерживаютъ сельское хозяйство и гдѣ онѣ отсутствуютъ, тамъ положеніе дѣлъ рѣзко измѣняется.

Въ Голландіи протекціонизмъ въ земледѣліи до сихъ поръ не имѣетъ подъ собою почвы и поэтому положеніе землевладѣнія, не находившаго искусственной поддержки, очень затруднительно. Конкурренція американскаго и русскаго хлѣба давитъ на цѣны, а пошлины и разныя другія протекціонистскія мѣропріятія въ другихъ странахъ (какъ, напр., запрещенія ввоза скота и пр.) еще болѣе ухудшаютъ положеніе голландскихъ землевладѣльцевъ, преимущественно крестьянъ. Изъ 2.316.542 гектаровъ обработываемой въ Голландіи земли употребляются:

На воздѣлываніе хлѣбовъ . .	861.313	гект.
Луга	1.167.074	»
Огороды	34.452	»
Сады	22.107	»
Лѣса	231.596	»

Луга и связанныя съ нимъ скотоводство и производство сыра и масла занимаютъ большую половину страны. А какъ разъ въ послѣдніе годы очень затрудненъ вывозъ скота. Германія и Бельгія почти совершенно закрыли свои границы; осталась одна Англія, которая завалена мясомъ изъ Америки и Австраліи, такъ что и здѣсь очень трудно конкуррировать. Голландскіе сыры и масло встрѣтили уже съ десятокъ лѣтъ опасныхъ конкуррентовъ на англійскомъ рынкѣ въ лицѣ Даніи и Швеціи *). Къ тому же, неблагопріятныя условія на хлѣбномъ рынкѣ заставили многихъ крестьянъ преобразовать свои поля въ луга и отношеніе первыхъ къ послѣднимъ измѣнилось. Въ 1891 г. было 43,2 : 56,7; теперь—42,5 : 57,5.

Въ какомъ положеніи находится воздѣлываніе хлѣбовъ, можно лучше всего понять изъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ на голландскомъ рынкѣ. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ среднія цѣны на гектолитръ разныхъ продуктовъ были слѣдующія:

Годы.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.
		Гульдены.		
1861—1870 . .	10,10	7,60	6,05	4,15
1871—1880 . .	10,98	8,11	6,76	4,55
1886	6,54	4,95	4,04	3,44
1890	7,29	5,93	5,10	3,58
1895	4,79	3,56	3,39	2,48

Соотвѣтственно такому страшному паденію цѣнъ на всѣ сорта хлѣбовъ, и цѣны на землю понизились на половину противъ 1880 г., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже еще больше. Арендныя платы тоже упали, хотя и не въ такой пропорціи, но также на 30 и 40%. Сказаннаго достаточно, чтобъ представить себѣ, насколько тяжелѣе стало положеніе сельскаго хозяйства сравнительно съ 1880 г.

*) Теперь и Западная Сибирь выбрасываетъ массу молочныхъ продуктовъ на англійскій рынокъ. Экспортъ масла изъ Тобольской губ. является крупнымъ капиталистическимъ предпріятіемъ. *М. Р.*

Положеніе сельскихъ рабочихъ въ Голландіи очень печально. Но надо прибавить, что и въ годы расцвѣта оно было не лучше; только тогда онъ могъ быть увѣренъ, что найдетъ работу; теперь же нѣтъ. Хотя заработная плата уменьшилась, но это нейтрализуется большей дешевизною жизненныхъ припасовъ.

Паденіе земельныхъ цѣнъ даетъ возможность наемнымъ рабочимъ арендовать клочокъ земли, хотя и не вездѣ, но во многихъ мѣстахъ. Въ годы расцвѣта крестьяне боролись за каждый гектаръ земли, который можно было купить или арендовать: работнику тогда и соваться нельзя было. Теперь крестьянинъ охотно сдаетъ своему работнику клочекъ земли, потому что, во-1-хъ тотъ даетъ за нее 50 гульденовъ вмѣсто 30, въ которые она обошлась крестьянину; во-2-хъ, ему не надо поддерживать зимою работника, который имѣетъ запасъ картофеля въ погребѣ; въ-3-хъ, работникъ доволенъ, если нѣсколько дней не находитъ работы у крестьянина, потому что можетъ воздѣлывать свою землю. По этимъ и разнымъ еще причинамъ рабочій теперь легче можетъ добраться до земли.

Несмотря на это, безработица страшно свирѣпствуетъ. Еще въ послѣднюю зиму было нѣсколько сноснѣе, но въ 1892—1895 гг. обстоятельства были ужасны. Въ общемъ сельскій рабочій можетъ разсчитывать у крестьянина не болѣе, какъ на 200 рабочихъ дней въ году; заработать же можетъ въ годъ въ среднемъ около 200 гульденовъ (около 150 р.).

При современномъ положеніи сельскаго хозяйства всякое движеніе въ пользу повышенія заработной платы заранѣе лишено шансовъ на успѣхъ. Несомнѣнно, что сами арендаторы и задолженные собственники страшно эксплуатируются и къ 90% крестьянъ вполнѣ примѣнима голландская поговорка: «изъ лягушки не добудешь пера». Поэтому попытки профессіональнаго движенія среди сельскихъ рабочихъ потерпѣли неудачу.

Совершенно своеобразныя условія, въ которыхъ находится сельское хозяйство по сравненію съ промышленностью; постоянно навязывающійся вопросъ о томъ, гдѣ кончается собственникъ и предприниматель и гдѣ начинается рабочій; рѣзко противорѣчащіе другъ другу интересы производителей товаровъ и потребителей,—все это заставляетъ смотрѣть на аграрный вопросъ и на земледѣльцевъ совершенно подъ инымъ угломъ зрѣнія, чѣмъ въ промышленности.

Переходъ народнаго хозяйства къ высшимъ формамъ тѣсно связанъ съ вытѣсненіемъ мелкихъ промысловъ крупными. Такая тенденція несомнѣнно замѣчается въ промышленности. Можетъ быть, это примѣнимо и къ сельскому хозяйству въ странахъ съ протекціонной системою. Но не такъ обстоитъ дѣло въ Голландіи, Бельгіи, Англіи.

Въ Голландіи мелкое землевладѣніе рѣшительно идетъ впередъ. Въ 1893 г. одна двѣнадцатая часть почвы (149.500 гектаровъ) принадлежала собственникамъ, владѣющимъ менѣе 1 гектара. Остальная земля распредѣлялась такъ:

Гектары.	1884	1893
	Владѣльцы.	
1— 5 . . .	66.842	77.767
5—10 . . .	31.551	94.199
10—50 . . .	48.278	51.940
Больше 50 . .	3.554	3.517

Такимъ образомъ, изъ 100 собственниковъ надо 66,9 отнести къ мелкимъ.

Въ то время, какъ число крестьянъ, владѣвшихъ двумя лошадьми или упряжными быками, уменьшилось съ 37.536 въ 1870 г. до 32.089 въ 1893 г., число крестьянъ, имѣющихъ одну лошадь или быка, поднялось за то же время съ 45.987 до 51.642.

Эти цифры указываютъ на значительный ростъ мелкаго земледѣльческаго промысла. И причина такого явленія не только въ разореніи богатаго крестьянства и раздробленіи крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, а также и въ указанномъ выше стремленіи крестьянъ отдавать въ аренду своимъ рабочимъ часть ихъ земель. Кромѣ того, земля, раздробленная на мелкіе участки, приноситъ большую арендную плату, чѣмъ крупными участками. Оказываетъ также вліяніе развитіе въ послѣднее время огородничества, садоводства, расширеніе воздѣлыванія свекловицы для сахарнаго производства (подъ свекловицу занято было въ 1895 г., преимущественно мелкими участками, 35.092 гектара вмѣсто 6.580-ти въ 1870 г.).

Въ скотоводческомъ хозяйствѣ и въ изготовленіи молочныхъ продуктовъ никакихъ измѣненій не замѣчается. Хотя повсюду возникаютъ маслодѣлательные и сыроваренные заводы, но они не вліяютъ на формы сельскаго промысла: эти заводы или носятъ артельный характеръ (крестьяне приносятъ молоко и получаютъ оттуда масло или сыръ), или же, при капиталистическомъ характерѣ, они скупаютъ у крестьянъ молоко.

Низкія цѣны на хлѣбномъ рынкѣ дѣлаютъ крупное хозяйство совершенно безъ доходнымъ. Тенденція же къ раздробленію участковъ находитъ поддержку въ стремленіи рабочихъ раздобывать въ собственность или подъ аренду клочекъ земли, въ большей доступности земли и въ большей доходности мелкаго промысла (по крайней мѣрѣ, въ Голландіи), вслѣдствіе лучшей обработки и болѣе тщательнаго присмотра.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ причинъ, на увеличеніе числа мелкихъ землевладѣльцевъ повліялъ законъ, принятый въ 1886 г. о продажѣ общинныхъ земель. Въ различныхъ мѣстностяхъ были большіе участки земли, находившіеся въ коллективномъ владѣніи цѣлой деревни. Въ большинствѣ случаевъ, эти земли очень плохо воздѣлывались вслѣдствіе неопредѣленности правъ и обязанностей совладѣльцевъ. Вмѣсто того, чтобъ урегулировать эти отношенія закономъ, пришли къ рѣшенію распродать эти земли.

Такимъ образомъ, если признавать развитіе крупнаго капиталистическаго хозяйства необходимымъ этапомъ въ достиженіи высшихъ хозяйственныхъ формъ, и примѣнять этотъ масштабъ къ сельскому хозяйству такъ же, какъ въ промышленности, то пришлось бы видѣть въ современномъ положеніи дѣлъ въ Голландіи шагъ назадъ.

Несмотря на увеличеніе числа сельскихъ хозяйствъ, послѣднія далеко не свободны отъ воздѣйствія крупнаго капитала. Колоссальный ростъ ипотечныхъ долговъ показываетъ, что капиталъ владычествуетъ и въ земледѣліи не хуже, чѣмъ въ промышленности. На земляхъ въ Голландіи было ипотечнаго долга:

Въ 1874 г. . . 571.795.000 гульд.
» 1895 » . . 1.217.016.000 »

Хотя часть ипотекъ приходится на города, гдѣ дома строятся на чужія деньги, однако и въ чисто земледѣльческихъ провинціяхъ ростъ ипотекъ не меньше. Изъ общей суммы ипотекъ

472 милл. гульд. приносятъ . . $4^1/_2{}^0/_0$
257 » » » . . $4^1/_2$—$5^0/_0$
489 » » » . . $5^0/_0$ и выше.

Такъ какъ обычный процентъ въ Голландіи $2^1/_2$—$3^1/_2$, то крупный капиталъ, и не захвативъ себѣ совершенно земледѣлія, извлекаетъ изъ него очень немалую дань.

Все это показываетъ, что и въ земледѣліи совершается процессъ экспропріаціи продуктовъ труда, но иначе, чѣмъ въ промышленности. Крестьянинъ разоряется такъ же, какъ мелкій промышленникъ. Но сельское хозяйство, обладая всѣми тѣневыми сторонами капитализма, не имѣетъ никакихъ выгодныхъ сторонъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, голландская демократія, не надѣясь на развитіе крупнаго капиталистическаго промысла въ земледѣліи, выработала въ 1897 г. практическую программу реформъ, которую мы приводимъ здѣсь.

I. Лучшее регулированіе арендныхъ контрактовъ въ интересѣ крестьянъ и рабочихъ, основываясь на принципѣ, что аренда должна платиться съ чистаго дохода, т. е. послѣ отчисленія необходимыхъ расходовъ (въ число послѣднихъ включается сумма, необходимая для поддержанія существованія арендатора и его семьи и для выплаты нормальнаго заработка крестьянамъ).

II. Развитіе существующаго законодательства въ пользу наемщиковъ и запрещеніе его обхода (такъ, напр., законъ разрѣшаетъ въ случаѣ неурожая платить только часть аренды, но въ контрактахъ заставляютъ арендаторовъ отказываться отъ этого права).

III. Право арендаторовъ на вознагражденіе, при невозобновленіи контракта, за улучшенія, произведенныя ихъ трудомъ и капиталомъ.

IV. Принятіе въ контрактѣ пункта, по которому арендаторъ обязанъ, по условіямъ мѣста и величинѣ участка, содержать всю зиму извѣстное количество работниковъ.

V. Учрежденіе во всѣхъ общинахъ арендныхъ коммиссій, избираемыхъ собственниками земли, арендаторами и работниками. Только тѣ договоры имѣютъ законную силу, которыя одобрены этими коммиссіями.

VI. Расширеніе права общинъ отчуждать земли для улучшенія жилищъ, для мѣръ противъ безработицы и улучшенія положенія рабочихъ общины должны быть въ состояніи доставить по возможно низкимъ цѣнамъ землю и средства производство осѣдлымъ работникамъ въ количествѣ, необходимомъ для пропитанія.

VII. Уничтоженіе всѣхъ привилегій въ арендномъ правѣ. Большая самостоятельность общинъ въ податномъ вопросѣ. Право облагать собственниковъ земель, живущихъ въ другихъ мѣстахъ.

VIII. Распространеніе рабочаго законодательства и на сельскій трудъ.

М. Рафаиловъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физіологія. 1) Новыя изслѣдованія о причинѣ горной болѣзни. 2) Отчего негры чернаго цвѣта?—**Физика.** Жидкій воздухъ и нѣкоторыя его примѣненія.—**Біологія.** Удаленіе менѣе приспособленныхъ.—**Географія и путешествія.** Возвращеніе экспедиціи де-Гарлаша и свѣдѣнія о другихъ антарктическихъ экспедиціяхъ.

Физіологія. 1) *Новыя изслѣдованія о причинѣ горной болѣзни.* До настоящаго времени горную болѣзнь разсматривали, какъ простую асфиксію, причиняемую недостаткомъ кислорода. Она является слѣдствіемъ уменьшенія количества кислорода и уменьшенія давленія этого газа въ высокихъ слояхъ атмосферы. Недавнія изслѣдованія *) туринскаго профессора Angelo Mosso показываютъ, что въ дѣйствительности явленіе это болѣе сложно, такъ какъ артеріальная кровь при уменьшеніи барометрическаго давленія теряетъ значительную часть углекислаго газа и, прежде чѣмъ наступятъ явленія, связанныя съ недостаткомъ кислорода въ воздухѣ, уже отчетливо наблюдаются послѣдствія уменьшенія въ крови углекислаго газа. Артеріальная кровь содержитъ около 30% углекислоты (по объему) при 0° и 1 метрѣ давленія.

Находясь однажды на высотѣ болѣе 4.500 метровъ и замѣтивъ, что дыханіе его замедлилось и сдѣлалось болѣе слабымъ, A. Mosso остановился на мысли, что при разрѣженіи воздуха менѣе, чѣмъ до полу-атмосферы, недостатокъ кислорода не могъ быть главною причиною горной болѣзни. Справившись съ графической таблицей, изображающей уменьшеніе кислорода и углекислаго газа въ артеріальной крови при уменьшеніи барометрическаго давленія (см. Поль Бэръ. «Барометрическое давленіе»), онъ сразу обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что на высокихъ горахъ уменьшеніе углекислаго газа, заключающагося въ крови, должно быть значительнѣе, чѣмъ уменьшеніе кислорода. Поль Бэръ пишетъ: «Варіаціи углекислаго газа гораздо болѣе обширны, чѣмъ варіаціи кислорода». Далѣе, изслѣдованія Фрэнкеля и Гепперта, анализировавшихъ кровь собакъ въ разрѣженномъ воздухѣ, показали, что при пониженіи давленія до 410 миллиметровъ (среднее атмосферное давленіе 760 миллим.) содержаніе кислорода въ крови не уменьшается. Извѣстно однако, что на такихъ горахъ, какъ Монъ-Роза и даже всего лишь на высотѣ 3.300 метровъ, горная болѣзнь можетъ проявляться очень сильно, тогда какъ барометрическое давленіе уменьшается всего лишь до 500 миллим. Гюфнеръ доказалъ, что растворы гемоглобина, подобные крови, начинаютъ диссоціировать (терять кислородъ) только при паденіи барометра до 238 миллим. Такая кровь даже на самой высокой вершинѣ Гималайской цѣпи горъ не потеряла бы своей способности поглощать нормальное количество кислорода. Вѣроятно, слѣдовательно, что причину горной болѣзни на высотѣ до 9.000 метровъ, не нужно искать въ химическомъ и физическомъ

*) См. «Revue générale des sciences». № 5. Mars 1899. Angelo Mosso. «L'acapnie et le mal des montagnes».

измѣненіи гемоглобина (такъ называется кровяной пигментъ—вещество, обусловливающее красный цвѣтъ крови). Всѣ вышеприведенные опыты показываютъ, что на высотахъ гораздо большихъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ появляется горная болѣзнь, насыщеніе крови кислородомъ не измѣняется. Это заставило A. Mosso искать причину горной болѣзни не въ уменьшеніи кислорода. По его мнѣнію, причиною этой болѣзни является ничто иное, какъ уменьшеніе углекислаго газа въ крови.

Дѣйствительно, горная болѣзнь усиливается во время отдыха и ночью, т. е. въ то время какъ разъ, когда потребленіе кислорода меньше; но въ это самое время уменьшается производство углекислаго газа. Если бы организмъ не испытывалъ недостатка въ углекислотѣ, то трудно было бы объяснить себѣ иначе тотъ фактъ, что ночью, когда чувствуется стѣсненіе въ груди, сердцебіеніе и затрудненно дыханіе, достаточно подняться съ постели, чтобы чувствовать себя лучше; не нужно выходить изъ комнаты, чтобы подышать холоднымъ и чистымъ воздухомъ, достаточно сдѣлать нѣсколько шаговъ и движеній. Сокращеніе мускуловъ, производя углекислоту, возстанавливаетъ отчасти равновѣсіе этого газа въ крови.

Д-ръ А. Леви первый сдѣлалъ наблюденіе, что лица, надъ которымъ производились опыты въ пневматической камерѣ, чувствуютъ себя лучше, если они производятъ умѣренныя движенія; такъ, напримѣръ, одинъ субъектъ не могъ выдерживать уменьшенія давленія ниже того, которое соотвѣтствуетъ 4.500 метрамъ высоты, если онъ не производилъ сокращенія мышцъ и, только напряженно работая, онъ могъ предупредить обморокъ, который угрожалъ ему во время отдыха.

A. Mosso нашелъ, что въ артеріальной крови собаки, помѣщенной въ разрѣженный воздухъ (той степени разрѣженія, въ которой онъ находится на вершинѣ Монъ-Розы) не хватаетъ въ среднемъ $^1/_6$ части нормальнаго количества углекислаго газа. Такое измѣненіе нельзя считать незначительнымъ, такъ какъ дѣло касается въ данномъ случаѣ вещества очень активнаго, къ которому нервные центры въ теченіе жизни приспособились. Изслѣдованія показываютъ, что въ равной пропорціи мы гораздо болѣе чувствительны къ уменьшенію, чѣмъ къ увеличенію количества углекислоты въ крови.

Mosso придумалъ новое слово для обозначенія новаго состоянія, являющагося результатомъ недостатка углекислаго газа въ крови. Это состояніе не было еще изучено физіологами и составляетъ какъ бы прямую противоположность асфиксіи. Для его обозначенія онъ взялъ греческое слово, но такъ какъ древніе не знали углекислаго газа, то Моссо взялъ слово *дымъ*, какъ образъ, наиболѣе соотвѣтствующій углекислому газу въ физіологическомъ смыслѣ, и образовалъ слово *акапнія* отъ ἄκαπνος, что значитъ «безъ дыма».

Такимъ образомъ на горахъ высоты Монблана наступаетъ не асфиксія, но *акапнія*.

Существуетъ простое средство узнать, дѣйствительно ли уменьшеніе кислорода само по себѣ производитъ явленія горной болѣзни и какую роль въ этомъ играетъ недостатокъ углекислаго газа. Оно заключается въ томъ, чтобы увеличивать пропорцію кислорода въ воздухѣ, которымъ мы дышимъ, при уменьшеніи барометрическаго давленія. Если мы найдемъ, что при вдыханіи того же количества по вѣсу кислорода при сильномъ уменьшеніи барометрическаго давленія, болѣзнь проявляется менѣе сильно въ томъ случаѣ, если съ кислородомъ вдыхается и углекислый газъ, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что акапнія дѣйствительно существуетъ и что она вызываетъ появленія горной болѣзни. Вотъ одинъ изъ опытовъ, произведенныхъ въ пневматической камерѣ надъ служителемъ лабораторіи Моссо. Въ 33 минуты воздухъ въ ка-

мерѣ достигъ разрѣженія соотвѣтствующаго 6.500 метрамъ высоты, барометръ показывалъ 336 миллим. Не будучи болѣе въ состояніи сопротивляться болѣзненному состоянію и головокруженію, служитель взялъ въ бутылку воздухъ для анализа, который далъ такіе результаты (по объему): кислорода 19,9%, углекислаго газа 0,9%. При такомъ разрѣженіи наблюдалось учащеніе пульса съ 55 до 86, дыханія съ 11 до 12 въ минуту. Въ камеру было впущено до 100 метровъ кисларода и болѣзненное состояніе быстро исчезло; пульсъ съ 86 упалъ до 63, хотя давленіе не уменьшилось. Напротивъ, количество дыханій увеличилось съ 12 до 19 и затѣмъ начало уменьшаться. Мало-по-малу углекислота, произведенная дыханіемъ, накоплялась, такъ какъ доступъ свѣжаго воздуха былъ прегражденъ. Въ концѣ слѣдующихъ 29 минутъ барометръ показывалъ всего 246 мил., давленіе, соотвѣтствующее самой высокой вершинѣ Гималаевъ, т. е. 8.800 метр. Субъектъ начинаетъ чувствовать то же болѣзненное состояніе, что и въ началѣ: его пульсъ 102 въ минуту и количество дыханій 12. Онъ беретъ вторую бутылку воздуха для анализа и послѣдній даетъ слѣдующіе результаты (по объему): кислорода 17% и углекислаго газа 2,2%. Субъектъ, надъ которымъ производятъ опытъ, принимаетъ немного кислорода, чтобы отдохнуть, и затѣмъ давленіе опять начинаютъ понижать. Черезъ 15 минутъ оно опять соотвѣтствуетъ 8.800, послѣ чего опытъ прекращается. Выйдя изъ камеры, служитель разсказывалъ, что въ концѣ опыта онъ чувствовалъ себя хорошо, но раньше, именно когда онъ бралъ во второй разъ воздухъ для анализа, его руки дрожали и онъ чувствовалъ головокруженіе. Существенная часть опыта заключается въ сравненіи состава воздуха: въ первый разъ субъектъ чувствовалъ проявленія горной болѣзни на высотѣ 6.500 метровъ при воздухѣ, заключавшемъ 19,9% кислорода, и во второй разъ—на высотѣ 8.800 метровъ, когда воздухъ содержалъ всего 17% кислорода. Такимъ образомъ, если можно такъ выразиться, онъ поднялся выше, когда воздухъ былъ бѣднѣе кислородомъ. Если цифры, полученныя отъ этихъ анализовъ по объему, свести къ вѣсовымъ величинамъ, которыя приходились на долю кислорода при давленіи въ 336 миллиметровъ и 246 им., то мы найдемъ, что субъектъ при 336 мм. давленія вдыхалъ 10,1% кислорода по вѣсу, а при 246 мм. всего лишь 6%. На первый взглядъ фактъ этотъ показался бы парадоксальнымъ, такъ какъ субъектъ чувствовалъ себя лучше, когда количество кислорода было меньше въ пропорціи 6 къ 10; но, принявъ въ соображеніе углекислый газъ, сейчасъ же легко объяснить противорѣчіе, такъ какъ въ первомъ случаѣ воздухъ заключалъ 0,9% углекислаго газа, тогда какъ во второмъ—2,2%. Изъ этого опыта авторъ дѣлаетъ заключеніе, что, прибавляя углекислаго газа къ воздуху, можно противостоять дѣйствію разрѣженнаго воздуха, соотвѣтствующаго высотѣ 8.800 и заключающаго въ себѣ меньшее количество кислорода, чѣмъ то, которое имѣется на высотѣ 6.500 метровъ.

Слѣдовательно, при попыткахъ проникнуть при помощи аэростатовъ въ верхніе слои атмосферы, недостаточно взять съ собою запасъ кислорода, какъ то совѣтовалъ П. Бэръ. Предъидущія изслѣдованія показываютъ, что къ этому запасу слѣдуетъ еще прибавить запасъ углекислаго газа въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы возстановить по мѣрѣ надобности равновѣсіе названныхъ газовъ въ крови.

Далѣе, Моссо произвелъ еще рядъ опытовъ надъ самимъ собою, причемъ давленіе понижалось до 220 мм. и даже до 192 мм. Если сравнить опыты въ разрѣженномъ воздухѣ внутри пневматической камеры съ подъемами на аэростатѣ въ верхніе слои атмосферы, то Моссо въ настоящее время является человѣкомъ, который какъ бы поднимался въ наиболѣе высокіе слои атмосферы, такъ какъ никто изъ аэронавтовъ не достигалъ еще слоя, гдѣ бы давленіе барометра

опускалось до 192 мм. Такое давленіе соотвѣтствуетъ 11.650 метрамъ высоты. Въ теченіе этихъ опытовъ удалось констатировать, что на высотахъ, превосходящихъ 7.000 метровъ, кислородъ оказываетъ очень благодѣтельное вліяніе: какъ только къ воздуху подмѣшивался кислородъ, пульсъ падалъ съ 107 до 62. При этомъ наблюдалось также явленіе, которому Моссо отказывается дать объясненіе: какъ только начиналось вдыханіе кислорода, біеніе сердца становилось очень слабымъ и пульсъ можно было считать лишь помѣстивъ пальцы на артеріи шеи. Моссо обращаетъ особенное вниманіе на то, что онъ могъ бы даже подняться выше 11.650 метровъ, т. е. уменьшить давленіе ниже достигнутаго имъ (192 мм), такъ какъ опытъ былъ имъ прекращенъ не вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, но вслѣдствіе случайности, которая помѣшала ему записывать наблюденія. Раньше, при давленіи въ 292 мм., симптомы болѣзненнаго состоянія были настолько рѣзко выражены, что пришлось прекратить опытъ. Если, такимъ образомъ, съ меньшимъ количествомъ кислорода можно было уменьшить давленіе на 100 мм. ртутнаго столба, то это должно, по мнѣнію автора, отнести на долю углекислаго газа, пропорція котораго, какъ показалъ анализъ, достигала до 2,1%.

Физіологамъ, впрочемъ, давно уже извѣстна важная роль, которую въ жизненныхъ процессахъ играетъ углекислый газъ: онъ производитъ дыхательныя движенія, дѣйствуетъ на сердце и производитъ сокращеніе кровяныхъ сосудовъ. Извѣстно также, что накопленіе углекислаго газа въ крови производитъ болѣе сильное возбужденіе дыхательнаго центра, чѣмъ недостатокъ кислорода. Новыя изслѣдованія Моссо о состояніи, названномъ имъ акапніею, показываютъ также, что уменьшеніе углекислаго газа дѣйствуетъ точно также очень сильно на жизненные процессы. Въ настоящее время процессы образованія углекислоты въ организмѣ и ея дальнѣйшая судьба въ немъ еще гораздо болѣе туманны, чѣмъ значительная часть процессовъ, связанныхъ съ физіологіей кислорода. Послѣдній вступаетъ въ соединеніе лишь съ веществомъ красныхъ кровяныхъ шариковъ, тогда какъ углекислый газъ вступаетъ въ соединеніе съ различными веществами крови. Моссо считаетъ вѣроятнымъ, что уменьшеніе барометрическаго давленія дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на нѣкоторые бикарбонаты (соединенія углекислаго газа), находящіеся въ крови.

Уже д-ръ Лёви сдѣлалъ наблюденіе, что, давая вдыхать углекислый газъ субъектамъ, находящимся въ пневматической камерѣ, можно получить тотъ же результатъ, что и отъ вдыханія кислорода. Однако, онъ далъ другое объясненіе механизму его дѣйствія. По его мнѣнію, углекислый газъ, производя учащенное дыханіе, производитъ бо́льшую вентиляцію легкихъ. Однако, если бы дѣло обстояло дѣйствительно такъ, какъ это предполагалъ Лёви, достаточно было бы сдѣлать нѣсколько болѣе глубокихъ и частыхъ вдыханій, чтобы почувствовать облегченіе, но опыты Моссо показали, что такая мѣра не оказываетъ никакого вліянія на болѣзненные симптомы. Теорія акапніи даетъ ключъ къ пониманію опыта Лёви съ углекислымъ газомъ. Дѣйствіе углекислаго газа полезно, потому что онъ дѣйствуетъ на сердце. Прямые опыты Моссо подтвердили это представленіе. Когда субъектъ, надъ которымъ производился опытъ, начиналъ чувствовать приступы горной болѣзни, въ пневматическую камеру вводился углекислый газъ, и, несмотря на низкое давленіе въ 400 мм., пульсъ немедленно падалъ съ 73 до 60. Субъектъ, ощущавшій головную боль и затрудненіе дыханія, сразу чувствовалъ облегченіе послѣ вдыханія углекислаго газа. Моссо повторилъ опытъ на себѣ самомъ и нашелъ, что пульсъ становился нормальнымъ и дыханіе глубокимъ, какъ только вводился въ камеру углекислый газъ. При давленіи 422 мм., соотвѣтствующемъ высотѣ Монъ-Розы, пульсъ былъ 71. Вдыханіе воздуха, обильнаго углекислымъ газомъ, сразу замедляло пульсъ до 63, 62, несмотря на то, что давленіе оставалось постояннымъ. Количество угле-

кислаго газа достигало 4,7%. Дѣйствіе на пульсъ, однако, не у всѣхъ субъектовъ было столь очевидно; зато самочувствіе улучшалось у всѣхъ, безъ исключенія: головокруженіе и головная боль исчезали, какъ только они вдыхали углекислый газъ, давленіе же при этомъ можно было не только не увеличивать, но даже уменьшать.

Уменьшеніе барометрическаго давленія дѣйствуетъ, слѣдовательно, какъ механическое или физическое средство, которое извлекаетъ изъ крови угольную кислоту.

2) *Отчего негры чернаго цвѣта?* Ch.-Ed. Guillaume въ «Revue générale des sciences» высказываетъ слѣдующія соображенія по вопросу о причинѣ темной окраски кожи негровъ. Для того, кто не заглядываетъ ближе въ сущность дѣла, говоритъ онъ, цвѣтъ негра можетъ показаться противорѣчащимъ здравому смыслу. Не лучше ли было бы, если бы люди, принужденные постоянно жить въ странахъ, подверженныхъ дѣйствію палящихъ лучей солнца, были защищены отъ него посредствомъ бѣлаго пигмента, сильно отражающаго солнечные лучи, вмѣсто того, чтобы облалать чернымъ поглощающимъ слоемъ, какъ будто нарочно приспособленнымъ для поглощенія возможно бо́льшаго количества тепла? Въ прежнее время въ этомъ странномъ совпаденіи можно бы, пожалуй, видѣть признакъ одного изъ многочисленныхъ наказаній, выпавшихъ на долю проклятой расы. Но въ настоящее время мы знаемъ, что природа—добрая мать для всѣхъ; что для всѣхъ существъ, населяющихъ землю, она позаботилась о средствахъ борьбы со зломъ и что ни одинъ организмъ не развился вопреки условіямъ, среди которыхъ онъ эволюціонировалъ.

Будемъ исходить, слѣдовательно, изъ той идеи, что цвѣтъ негра полезенъ ему и постараемся объяснить механизмъ его дѣйсгвія. Всѣ, кому случалось путешествовать подъ палящими лучами солнца, сдѣлали то наблюденіе, что солнечные лучи становились все болѣе и болѣе легко переносимыми, по мѣрѣ того, какъ темнѣлъ цвѣтъ кожи путешественника. Сдѣлавъ это сопоставленіе, легко придти къ заключенію, что увеличеніе поглощающей способности кожнаго пигмента все болѣе и болѣе защищало отъ солнечныхъ лучей. Словомъ, отъ солнца мы защищаемся, какъ и негры, въ маломъ масштабѣ. Чтобы понять, какъ дѣйствуетъ черный пигментъ, необходимо дать себѣ отчетъ въ механизмѣ инсоляціи. Непосредственное дѣйствіе солнечныхъ лучей производитъ воспаленіе кожи, которое обнаруживается въ сжатіи сосудовъ, непосредственно замѣтнымъ слѣдствіемъ чего является дѣятельность клѣточнаго слоя, производящаго эпидермисъ. Новый эпидермисъ замѣняетъ старый, который отдѣляется и, если бы судить по внѣшности, то можно бы подумать, что онъ разрушенъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Въ дѣйствительности же эпидермисъ такъ же хорошо переноситъ ихъ дѣйствіе, какъ ногти и волосы; нарушеніе происходитъ, слѣдовательно, въ болѣе глубокомъ слоѣ. Если кожа, такимъ образомъ, должна быть защищена, то лучшимъ средствомъ для защиты былъ бы поглощающій тепло слой, который служилъ бы экраномъ. Опытъ подтверждаетъ эту идею. Такъ, профессоръ Моссо нашелъ, что для того, чтобы лучше переносить солнечную радіацію на высокихъ горахъ, слѣдуетъ вымазаться сажею, т. е., другими словами, превратиться въ искусственнаго негра. Но поглощенная экраномъ теплота должна излучаться наружу, чтобы внутри температура удерживалась въ сносныхъ границахъ. Здѣсь важную роль играетъ вторая особенность въ устройствѣ кожи негра, заключающаяся въ ея способности выдѣлять жирную матерію. Калориметрическіе опыты д'Арсонваля показали, что жиры обладаютъ значительной способностью лучеиспусканія въ инфра-красной части спектра; смазанный жиромъ кроликъ при такихъ условіяхъ погибаетъ отъ холода. При температурѣ, которой можетъ достигнуть кожный пигментъ, кожа находится какъ разъ въ тѣхъ условіяхъ, когда жиры излучаютъ сильно теплоту и значительно охлаж-

даются. Мы видимъ, слѣдовательно, что природа, создавъ негра, не ошиблась, какъ это могло показаться съ перваго взгляда: темный пигментъ защищаетъ кожу отъ разрушающаго вліянія солнечныхъ лучей и въ то же время охлаждается вслѣдствіе лучеиспусканія жирнаго слоя, который его покрываетъ. И дѣйствительно, кожа негра на ощупь всегда оставляетъ впечатлѣніе свѣжести. Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что негры живутъ въ тѣни собственной кожи.

Физика. *Жидкій воздухъ и нѣкоторыя его примѣненія.* Прежде думали, что, подвергая газъ достаточно высокому давленію, можно превратить его въ жидкость. Въ 1850 г. Бертело подвергалъ давленію въ 800 атмосферъ кислородъ въ термометрическихъ трубкахъ съ очень прочными стѣнками, но не получилъ и слѣдовъ сжиженія. Позднѣйшія изслѣдованія Андрьюса показали, что нельзя получить газа въ жидкомъ состояніи, пользуясь однимъ только увеличеніемъ давленія, если при этомъ не понизить температуру его ниже нѣкоторой точки, которую онъ назвалъ критической температурой. Чтобы получить какой-нибудь газъ въ жидкомъ состояніи, нужно охладить его ниже *его критической температуры* и затѣмъ стать соотвѣтствующимъ давленіемъ, называемымъ *критическимъ давленіемъ*. Такъ, напр., критическая температура для кислорода есть —118°, критическое давленіе 50 атмосферъ; для азота критическая температура равняется — 140°, критическое давленіе 35 атмосферамъ. Критическая температура воздуха равна —140° и критическое давленіе 40 атмосферамъ, такъ что для того, чтобы получить воздухъ въ жидкомъ состояніи нужно сначала понизить его температуру до —140° и увеличить давленіе до 40 атмосферъ. Но возможно получить газъ въ жидкомъ состояніи при давленіи гораздо болѣе низкомъ, чѣмъ критическое давленіе при условіи пониженія температуры ниже критическаго пункта. Такъ, напримѣръ, чтобы получить воздухъ въ жидкомъ состояніи при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи, его нужно охладить до —190°.

Такъ называемые постоянные газы были получены въ жидкомъ состояніи лишь въ 1877 году Пикте и Кайльте. То, чего съ большими затратами достигли 22 года тому назадъ, въ настоящее время, благодаря быстрымъ успѣхамъ техники, сдѣлалось легко и просто достижимымъ. Устроенъ цѣлый рядъ машинъ разныхъ системъ, которыя позволяютъ съ небольшими затратами приготовлять жидкій воздухъ въ большихъ количествахъ. Это обстоятельство позволило предвидѣть и даже реализовать нѣкоторыя важныя примѣненія жидкаго воздуха на практикѣ. Изъ такихъ примѣненій упомянемъ, напримѣръ, интересное употребленіе, которое нашла смѣсь жидкаго воздуха съ угольною пылью, какъ взрывчатое вещество, могущее замѣнить динамитъ; характеръ взрыва этого вещества такой же, какъ и у динамита. Если смѣшать жидкій воздухъ, потерявшій черезъ испареніе значительную часть своего азота, съ древеснымъ углемъ, превращеннымъ въ пыль, и къ смѣси прибавить одну треть по вѣсу ваты, то получается родъ губки, которую помѣщаютъ въ бумажный патронъ и затѣмъ въ минную дыру. Мина должна быть использована непосредственно, такъ какъ свою силу она сохраняетъ лишь въ теченіе 10 минутъ; полчаса спустя ея сила совершенно разрушена. Выгоды такихъ минъ слѣдующія: во-первыхъ, ихъ дешевизна; во-вторыхъ, ихъ безопасность, такъ какъ нечего опасаться послѣдующихъ взрывовъ, если бы случайно остался невзорванный патронъ; наконецъ, невозможность украсть патроны, такъ какъ чрезъ полчаса они уже негодны къ употребленію. Опыты съ новымъ взрывчатымъ веществомъ были произведены въ одной каменноугольной копи возлѣ Мюнхена. Было также рѣшено примѣнить новое вещество для прорытія Симплонскаго туннеля, между Бригомъ и Домо д'Оссола: съ этою цѣлью были устроены двѣ машины Линда, которые могутъ давать отъ 6 до 7 литровъ жидкаго воздуха въ

часъ. Опыты съ жидкимъ воздухомъ производятся также въ нѣкоторыхъ химическихъ заводахъ. Такъ, напр., при производствѣ хлора пытались употреблять жидкій кислородъ съ цѣлью получить жидкій хлоръ и такимъ образомъ легче очищать его отъ остатковъ азота, но этотъ опытъ не далъ выгодныхъ экономическихъ результатовъ. Въ настоящее время производятся опыты надъ примѣненіемъ воздуха, богатаго кислородомъ, при приготовленіи стали по способу Сименса-Мартина: получается болѣе высокая температура и болѣе чистые продукты. Наконецъ, предлагаютъ замѣнить кислородомъ азотную кислоту въ первой свинцовой камерѣ при фабрикаціи сѣрной кислоты. Въ будущемъ можно ожидать примѣненія жидкаго воздуха въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ: достаточно указать на возможность его примѣненія при плаваніи подъ водою, при подъемѣ на аэростатахъ, для закаленія стали при низкихъ температурахъ, для очистки хлороформа и пр. Напомнимъ также о возможности примѣненія холода съ терапевтическими цѣлями: уже нѣкоторыя попытки даже были сдѣланы въ этомъ направленіи въ одномъ изъ госпиталей Парижа.

Если жидкаго воздуха налить просто на руку, онъ не производитъ ожога: это зависитъ отъ отсутствія непосредственнаго соприкосновенія, такъ какъ жидкость принимаетъ сфероидальное состояніе. Если кожа смочена, происходитъ ожогъ, но лишь поверхностный, такъ какъ слой льда защищаетъ находящіяся подъ нимъ части. Для сохраненія жидкаго воздуха необходимы сосуды, по возможности, непроницаемые для тепла; для этой цѣли изобрѣтены особые баллоны, емкостью до $2^1/_2$ литровъ, въ которыхъ можно сохранять жидкій воздухъ въ теченіе 15 дней; потеря въ нихъ равняется 6 куб. сентим. въ часъ, т. е. около 144 куб. сент. въ сутки.

Въ заключеніе остается упомянуть о нѣкоторыхъ научныхъ открытіяхъ, которыми мы обязаны жидкому воздуху. Посредствомъ пониженія температуры до —210° при испареніи жидкаго воздуха, Moissan и Dewar получили жидкій фторъ. Послѣдній въ жидкомъ состояніи теряетъ свою химическую активность: онъ не дѣйствуетъ ни на жидкій кислородъ, ни на ртуть, которая остается блестящею. Рамсэй и Трэверсъ, подвергая фракціонированной перегонкѣ 800 куб. сент. жидкаго воздуха, удаливъ кислородъ, азотъ и аргонъ, получили остатокъ въ 10 куб. сентиметровъ, который въ спектрѣ обнаружилъ неизвѣстныя до того времени линіи: такъ было сдѣлано открытіе новаго простого тѣла, названнаго криптономъ. Наконецъ, недавно А. и Л. Люмьеръ сдѣлали сообщеніе о химическомъ дѣйствіи свѣта при низкихъ температурахъ, которыя легко достижимы съ помощью жидкаго воздуха; они констатировали, что бромосеребряная желатиновая пластинка, погруженная въ жидкій воздухъ, въ теченіе нѣкотораго времени не подвергается дѣйствію свѣта: для самыхъ чувствительныхъ пластинокъ нужно въ 350—400 разъ больше времени при —191°, чѣмъ при обыкновенной температурѣ; кромѣ того, пластинки, погруженныя въ жидкій воздухъ, не претерпѣваютъ никакого постояннаго измѣненія въ своихъ свойствахъ и сохраняютъ при переходѣ къ нормальной температурѣ всѣ свои первоначальныя свойства. Слѣдовательно, химическіе процессы, вызываемые дѣйствіемъ свѣтовыхъ лучей, повидимому, прекращаются при очень низкихъ температурахъ.

Фосфоресцирующія вещества, подвергшіяся предварительно дѣйствію свѣта, моментально теряютъ свои свойства, когда температура опускается до —191°; ихъ способность свѣтиться временно уничтожается холодомъ, но не разрушается: достаточно привести ихъ къ обыкновенной температурѣ, чтобы они вновь начали фосфоресцировать. Наоборотъ, параффинъ пріобрѣтаетъ способность фосфоресцировать въ жидкомъ воздухѣ.

Кстати упомянуть здѣсь, что James Dewar сообщилъ недавно о новыхъ опытахъ съ жидкимъ водородомъ въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ. Если

стеклянную трубку съ сильно разрѣженнымъ воздухомъ опустить въ жидкій водородъ, то остатки находящагося въ трубкѣ воздуха замерзаютъ и собираются въ самой нижней части трубки въ видѣ твердаго тѣла. Если теперь трубку въ одной изъ нижнихъ частей нагрѣть и вытянуть, то въ верхней части образуется до сихъ поръ еще недостигнутая степень пустоты, такъ что электрическій токъ едва еще проникаетъ черезъ нее. Вся операція длится всего лишь одну минуту и результатъ получается совершеннѣе, чѣмъ если бы заставить работать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ воздушный насосъ. Несмотря, однако, на столь сильное, достигнутое при этомъ разрѣженіе воздуха, Круксу удалось посредствомъ спектроскопа доказать присутствіе въ трубкѣ слѣдовъ углекислаго газа, водорода, неона и гелія. («Naturwiss. Wochenschr.», № 16).

Біологія. *Удаленіе менѣе приспособленныхъ.* Всякому приходилось, навѣрное, слышать о естественномъ подборѣ, результатомъ котораго является выживаніе тѣхъ организмовъ, которые наиболѣе приспособлены къ жизненной борьбѣ; организмы менѣе приспособленные погибаютъ въ ней и исчезаютъ. Если легко подобрать примѣры этого явленія при сравненіи организмовъ, принадлежащихъ къ очень различнымъ между собою родамъ, то гораздо труднѣе указать случаи, въ которыхъ замѣтна существенная разница между индивидами, принадлежащими къ одному и тому же виду, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ выживаютъ, другіе же, наоборотъ, погибаютъ. H. C. Bumpus, съ цѣлью заполнить этотъ пробѣлъ, занялся внимательнымъ изученіемъ труповъ большого количества воробьевъ. Первую группу составили 136 труповъ воробьевъ, погибшихъ отъ бури, свирѣпствовавшей 1-го февраля текущаго года. Bumpus полагалъ, что, сравнивъ этихъ воробьевъ (это были всѣ тѣ воробьи, которыхъ онъ могъ достать въ своемъ округѣ; они, конечно, составляли лишь небольшую часть тѣхъ, которые вообще погибли или пострадали отъ названной бури) съ извѣстнымъ количествомъ воробьевъ, оставшихся невредимыми, ему удастся найти какую-нибудь разницу между двумя группами, которая, хотя бы до нѣкоторой степени, объяснила, отчего одни изъ нихъ пострадали, другіе же остались невредимыми.

Наблюденія Bumpus'а показали ему, что въ этихъ двухъ категоріяхъ существуютъ отличія не только замѣтныя и измѣримыя, но даже бросающіяся въ глаза. Погибшія птицы отличались тѣмъ, что они были наиболѣе длинныя, наиболѣе тяжелыя, имѣли болѣе короткую голову, болѣе короткія ноги, болѣе узкій черепъ, болѣе мелкую грудную кость. Существуютъ, слѣдовательно, отчетливыя, общія анатомическія различія между погибшими и выжившими воробьями. Можно было также замѣтить и другой фактъ: среди погибшихъ находились индивидуумы, которые наиболѣе уклонялись отъ средняго воробья. Изъ всѣхъ воробьевъ, изслѣдованныхъ Bumpus'омъ, самый длинный и самый короткій находились среди тѣхъ, которые погибли. Среди погибшихъ находился также воробей съ наибольшимъ или наименьшимъ діаметромъ раскрытыхъ крыльевъ. Среди жертвъ находилась также наиболѣе тяжелая птица; погибли также птицы съ наиболѣе длинной и наиболѣе короткой головой; наконецъ погибли воробьи съ относительно наиболѣе короткою плечевою костью, съ наиболѣе длинною бедренною костью, съ наиболѣе длиннымъ и наиболѣе короткимъ черепами и проч. Смерть, повидимому, произвела опустошеніе среди воробьевъ, наиболѣе уклоняющихся отъ средняго типа и наименѣе подходящихъ къ нему. Изъ своихъ наблюденій Bumpus дѣлаетъ смѣлый выводъ, что погибшіе воробьи по самой своей физической организаціи были предназначены къ погибели; они были удалены изъ жизни, потому что были менѣе приспособлены къ жизненной борьбѣ, обладали меньшими данными для такой борьбы.

Наблюденіе очень интересное само по себѣ и, конечно, можетъ быть съ пользою повторено и обставлено болѣе строгими условіями. Если заключеніе

вѣрно, оно показываетъ, насколько трудно укрѣпиться варіаціи, которая не выгодна. Безъ сомнѣнія, всякій организмъ есть то, чѣмъ онъ долженъ быть въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ эволюціонировалъ; если онъ уклоняется отъ извѣстнаго средняго типа, онъ, очень возможно, менѣе способенъ бороться съ окружающими неблагопріятными условіями. («R. scientifique.», 22 April 1899).

Географія и путешествія. *Возвращеніе экспедиціи де-Гарлаша и другія антарктическія экспедиціи.* «Ciel et terre» сообщаетъ о возвращеніи въ Punta-Arenas бельгійской антарктической экспедиціи на кораблѣ «Belgica», о которой не было никакихъ извѣстій въ теченіе 15 мѣсяцевъ. Къ законной радости по этому случаю примѣшивается однако чувство глубокой печали, такъ какъ двое изъ участниковъ экспедиціи сдѣлались жертвами своего энтузіазма и стремленія, по мѣрѣ своихъ силъ, принести пользу наукѣ. Первою жертвою былъ молодой норвежецъ Винке, 18 лѣтъ, умершій, по всей вѣроятности, случайно, 22 января 1898 года, второю—артиллерійскій лейтенантъ Эмиль Данко, погибшій отъ болѣзни сердца 5 іюня 1898 года, на 30-мъ году жизни. По плану путешествія, выработанному де-Герлашемъ, «Belgica» должна была, покинувъ крайній пунктъ Южной Америки, проникнуть въ море Георга IV возможно далѣе на югъ. Съ приближеніемъ неблагопріятнаго сезона, т. е. около марта 1898 года экспедиція должна была вернуться на сѣверъ, сдѣлать остановку въ Мельбурнѣ (Австралія), запастись тамъ свѣжими припасами и направиться лѣтомъ на Землю Викторіи, съ цѣлью опредѣленія южнаго магнитнаго полюса. Возвращенія ея въ Европу ожидали къ апрѣлю 1899 года черезъ Австралію, Зондскій проливъ, Индійскій океанъ и Суэцкій каналъ. Поэтому, съ немалымъ удивленіемъ узнали о возвращеніи «Belgica» въ Punta-Arenas (на югѣ Патагоніи), такъ какъ, судя по плану экспедиціи, ожидали ея появленія въ Мельбурнѣ, который находится съ противоположной стороны земного шара. Каждому, впрочемъ, извѣстно, что корабль, затертый льдами, идетъ не туда, куда хочетъ, но туда, куда можетъ, такъ что трудно заранѣе намѣтить точный путь экспедиціи, которая часто принуждена бываетъ пользоваться временемъ и обстоятельствами. Отправившись, полтора года тому назадъ, изъ Южной Америки, экспедиція достигла земли, расположенной на 10 градусовъ южнѣе Огненной Земли, и затѣмъ направилась къ Землѣ Александра I, лежащей на западъ. Области, которыя экспедиція изслѣдовала, покинувъ Землю Александра I, совершенно еще неизвѣстны: она подвинулась градусовъ на 20 на западъ въ зонѣ разсѣянныхъ плавучихъ льдовъ. Разстояніе, отдѣляющее извѣстную границу Земли Александра I отъ крайняго пункта, достигнутаго экспедиціею равняется, приблизительно, 700 километрамъ. Наивысшая широта, достигнутая экспедиціей —71°36′ (не нужно забывать, что плавучіе льды въ этой области достигаютъ 43°). Двѣ прежнія экспедиціи достигли въ этомъ смыслѣ бо́льшихъ результатовъ: такъ экспедиція Ведделя въ 1823 году перешла 73°, а знаменитая первая экспедиція Росса перешла въ 1842 г. 77° на востокъ отъ Земли Викторіи. Экспедиція сильно страдала отъ непогоды, но не отъ холода: наиболѣе низкая температура —43° Ц. Въ общемъ сдѣлано было около 20 высадокъ, собрано много коллекцій, между прочимъ, много образчиковъ горныхъ породъ, сдѣланы гидрографическія изслѣдованія и метеорологическія наблюденія. Послѣднія, быть можетъ, будутъ имѣть значительную важность, такъ какъ срокъ пребыванія «Belgica» въ антарктическихъ льдахъ очень значительный (самый продолжительный изъ всѣхъ предъидущихъ), а климатологія этой части земного шара почти совершенно неизвѣстна. Такъ какъ достиженіе южнаго полюса не входило въ планы экспедиціи, то можно сказать, что она вполнѣ исполнила свою задачу—собрать возможно большее количество научныхъ коллекцій и наблюденій, въ особенности же, если мы примемъ въ соображеніе крайне ограниченныя средства, которыми располагала экспедиція.

О другихъ антарктическихъ экспедиціяхъ, частью только проектируемыхъ, частью уже находящихся въ пути, къ настоящему времени имѣются слѣдующія извѣстія. Съ Новой Зеландіи получено извѣстіе, что «Южный Крестъ» возвратился въ Port Chalmers, доставивъ на Землю Викторіи американскую антарктическую экспедицію подъ предводительствомъ Борхгревинка. Въ этой экспедиціи принимаютъ участіе 11 человѣкъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы сообщили въ «Мірѣ Божіемъ», о воззваніи лондонскаго географическаго общества, которое обращалось къ частной и правительственной иниціативѣ за матеріальною помощью на проектируемую антарктическую экспедицію. Въ засѣданіи 27 марта президентъ общества сообщилъ, что г. Л. В. Лонгстафъ пожертвовалъ на это предпріятіе 25.000 фунт. стерлинговъ (болѣе 220.000 руб.). Благодаря такой чрезвычайной щедрости, комитетъ англійской антарктической экспедиціи располагаетъ въ настоящее время капиталомъ свыше милліона франковъ (расходы экспедиціи по смѣтѣ превышаютъ немного два милліона франковъ), такъ что комитетъ надѣется въ скоромъ времени обладать достаточными средствами для приведенія въ исполненіе своего проекта экспедиціи.

16-го января текущаго года въ берлинскомъ географическомъ обществѣ происходило засѣданіе географовъ и ученыхъ другихъ спеціальностей для обсужденія вопроса о снаряженіи, по возможности, въ самомъ непродолжительномъ времени нѣмецкой экспедиціи въ полярныя, антарктическія области. По внимательномъ изслѣдованіи предложеннаго проекта, была высказана надежда, что возможно будетъ выполнить задачу въ теченіе 1900 года. Иниціаторы экспедиціи намѣтили уже и будущаго предводителя ея: выборъ ихъ остановился на молодомъ доцентѣ берлинскаго университета, Эрихѣ Дригальскомъ, имя котораго сдѣлалось въ послѣдніе годы извѣстнымъ, благодаря его замѣчательнымъ изслѣдованіямъ на мѣстѣ ледниковъ внутренней Гренландіи и послѣдующей обработкѣ собраннаго матеріала. Стоимость предпріятія исчислена въ суммѣ, превышающей немного милліонъ марокъ. Главною цѣлью нѣмецкой экспедиціи является опредѣленіе магнитныхъ элементовъ вокругъ антарктическаго полюса.

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Май. **1899 г.**

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Юридическія науки.—Медицина и гигіена.—Математика и астрономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранныя книги*: Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Старицкіе. «Передъ бурей»—*П. Накрохинъ.* «Идиллія въ прозѣ».—*Генри Лонгфелло.* «Пѣснь о Гайаватѣ».

Старицкіе (отецъ и дочь). Передъ бурей. Историческій романъ изъ временъ Хмѣльныщины. Кіевъ. 1899 г. Стр. 620. Ц. 2 р. Успѣхъ романовъ г. Сенкевича изъ эпохи борьбы казачества съ Польшей не могъ пройти безслѣдно, не вызвавъ подражаній, и они, конечно, не замедлили. Самымъ крупнымъ по размѣрамъ, не уступающимъ даже величиною огромному роману «Огнемъ и мечемъ», является недавно изданный романъ «Передъ бурей», представляющій совмѣстный трудъ отца и дочери Старицкихъ. Авторы поставили себѣ непосильную задачу,—дать широкую картину казачества передъ возстаніемъ Хмельницкаго. Сама по себѣ такая тема очень интересна, такъ какъ нарисовать въ художественной картинѣ положеніе тогдашней Малороссіи и уяснить причины, сдѣлавшія невозможнымъ совмѣстное существованіе двухъ народностей,—цѣль, достойная вниманія художника, обладающаго въ равной степени вдумчивостью и умѣньемъ проникнуть въ духъ отдаленной эпохи. Но для этого необходимо обладать огромнымъ талантомъ, котораго у гг. Старицкихъ, къ сожалѣнію, совершенно не оказалось. Вмѣсто исторической картины, они дали рядъ грубо скомпонованныхъ, мало связныхъ сценъ, безъ завязки, безъ центра дѣйствія, безъ яснаго пониманія времени и главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Описанія ихъ блѣдны, растянуты, безсвязны и до нелѣпости грубы. Мы уже отвыкли отъ подобной суздальской мазни, и врядъ ли она можетъ удовлетворить даже самаго невзыскательнаго читателя. Вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ, романъ непроходимо скученъ, и это его главный недостатокъ, въ сравненіи съ которымъ остальное уже не важно, хотя и это «остальное» не дѣлаетъ чести художественному чутью авторовъ.

Дѣло въ томъ, что гг. Старицкіе желаютъ, во что-бы то ни стало, превзойти г. Сенкевича. Послѣдній, какъ извѣстно, грубо-тенденціозенъ въ своихъ историческихъ романахъ, особенно въ первомъ изъ нихъ «Огнемъ и мечомъ». У него что ни полякъ, то герой и рыцарь непревосходимый. Казаки, наоборотъ, пьяницы, разбойники, плуты, трусы и дураки, которые рѣшительно не знаютъ, чего хотятъ. Въ центрѣ доблестнаго польскаго рыцарства стоитъ герой изъ героевъ Іеремія Вишневецкій, которому противопоставляются вѣчно пьяный Хмельницкій, лишенный всякихъ геройскихъ качествъ. Старицкіе состряпали свой романъ по тому же рецепту, но только совершенно наоборотъ. У нихъ что ни казакъ, то «лыцарь», что ни полякъ, то непроходимый оселъ, пьяница и мошенникъ. Іеремія Вишневецкій—разбойникъ, хвастунъ, враль, дикій звѣрь

и отчаянный пьяница. Хмельницкій—солнце «лыцарства», цвѣтъ геройства, такой «лыцарь», который ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ, и уже семи лѣтъ сражается въ рядахъ казачества и проявляетъ великую доблесть. Всѣ остальные «лыцари» не менѣе доблестны. Дерутся они какъ львы, пьютъ горилку не иначе, какъ ковшами, что не мѣшаетъ имъ быть чувствительными до послѣдней степени и лить горячія слезы рѣками, а не ручьями даже. Знаменитый вояка Кривоносъ «реве та стогне», якъ малое дитя, разсказывая сентиментальную повѣсть своей молодости. Не менѣе знаменитый вояка Богунъ то и дѣло вздыхаетъ по своей Ганнѣ, остальные казаки подражаютъ своимъ вождямъ, и если не пьютъ и не дерутся, то воркуютъ сладостно и нѣжно. Словомъ, продѣлываютъ все то, что доблестные паны у Сенкевича, съ тою лишь маленькою разницею, что у польскаго писателя описано все это занимательно, и «сказать неложно—его безъ скуки слушать можно». У Старицкихъ же вся эта quasi - историческая белиберда написана невыносимо скучно, темно и вяло, съ бездной повтореній и высокопарныхъ словечекъ, тошнотворныхъ до послѣдней степени. Хмельницкій, напр., на каждомъ шагу говоритъ длиннѣйшія рѣчи, что твой Цицеронъ, шагу не ступитъ, чтобы не разразиться патетической рѣчью о любви къ отечеству и народной гордости. «Вольное товариство» подражаетъ ему въ этомъ по мѣрѣ силъ и вовможности, но куда имъ до Хмельницкаго! Съ горя они «кохаются» на каждомъ шагу, вздыхаютъ по своихъ «любыхъ», тѣ, конечно, отвѣчаютъ имъ тѣмъ же, а читатель съ горя засыпаетъ, подавленный такимъ обиліемъ горилки, «кохання», «лыцарства» и безталанной болтовни гг. Старицкихъ (отца и дочери). Въ концѣ концовъ г. Сенкевичъ выходитъ не только не посрамленнымъ изъ такого соперничества, но даже съ новыми лаврами. При всей его архи-тенденціозности, при всѣхъ неприличныхъ для такого крупнаго художника вылазкахъ противъ казачества, его спасаетъ огромный талантъ, котораго и искорки нѣтъ у его противниковъ, болѣе смѣлыхъ, чѣмъ удачливыхъ.

Въ заключеніе нужно добавить, что «романъ» внезапно обрывается безъ всякаго окончанія, и что стало съ героями—покрыто мракомъ неизвѣстности. Должно быть, самимъ Старицкимъ надоѣло тянуть свою скучную канитель и они поступили геройски, какъ ихъ «лыцари», поставивъ «конецъ» тамъ, гдѣ никакого конца-то и нѣтъ. А можетъ быть, «умыселъ другой тутъ былъ», и почтенные отецъ съ дочерью, поощряемые другъ другомъ, готовятъ еще романъ—«Буря», а потомъ—«Послѣ бури». Эпоха Хмельницкаго достаточно богата, и, войдя во вкусъ, можно изъ нея настряпать добрый десятокъ такихъ романовъ, какъ «Передъ бурей».

П. Е. Накрохинъ. Идилліи въ прозѣ. Разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. Г. Накрохинъ—имя въ литературѣ для насъ совершенно новое, и тѣмъ пріятнѣе отмѣтить несомнѣнную его талантливость. На всѣхъ разсказахъ его лежитъ печать оригинальности, что одно уже даетъ ему право на вниманіе и выдѣляетъ изъ ряда авторовъ, благодѣтельствующихъ читателя своими архискучными и никому ненужными сборниками банальныхъ, всѣмъ пріѣвшихся разсказовъ. Оригинальность его сказывается какъ въ манерѣ его письма, такъ и въ выборѣ темъ, изъ которыхъ каждая обнаруживаетъ въ авторѣ наблюдательность и умѣнье заглянуть въ жизнь поглубже, открывая новыя стороны, новые типы и своеобразныя явленія. Онъ пишетъ нѣжными, свѣтлыми тонами, хотя и касается грустныхъ явленій. Это зависитъ преимущественно оттого, что авторъ заинтересованъ главнымъ образомъ внутреннимъ міромъ героевъ, надъ которымъ останавливается съ любовью и вдумчивостью. Слогъ его изященъ и простъ, вполнѣ свободенъ отъ вычурности и изысканной утонченности. Онъ умѣетъ мѣткимъ словомъ, красивымъ эпитетомъ оттѣнить

характерную сторону положенія, выдающуюся черту героя разсказа, не прибѣгая къ длиннымъ расплывчатымъ описаніямъ.

Лучшіе разсказы тѣ, въ которыхъ описывается жизнь простыхъ людей, рабочихъ, крестьянъ, прислуги. Таковы разсказы: «Странникъ», «Талисманъ», «Воръ», хотя и въ разсказахъ изъ другой среды болѣе или менѣе ярко сказываются оригинальность и присущій автору юморъ. Наиболѣе типичнымъ для г. Накрохина служитъ разсказъ «Талисманъ», едва ли не лучшій изъ всѣхъ. Талисманомъ является веревка повѣсившагося, которую случайно пріобрѣтаетъ одинъ рабочій. Благодаря глупой случайности, онъ выигрываетъ въ тотализаторъ, и слава о его талисманѣ быстро распространяется среди знакомой его городской бѣдноты. Каждый желаетъ овладѣть талисманомъ, который захватываетъ татаринъ разносчикъ, ловко подмѣнивъ его другой веревкой. Но, увы!—въ его рукахъ талисманъ теряетъ силу, и татаринъ проигрывается въ стуколку тому же рабочему. Съ горя бѣдный Ахметка пытается повѣситься, но его спасаютъ, и онъ приходитъ къ своему партнеру, возвращаетъ талисманъ и винится. Тронутый его чистосердіемъ, рабочій возвращаетъ ему выигрышъ и бросаетъ за окно свой талисманъ. Вся прелесть разсказа заключается въ выполненіи, замѣчательно художественномъ и выдержанномъ. Превосходна, напр., начальная сцена, когда двое рабочихъ и ихъ товарищъ Моисѣичъ, въ родѣ нищаго, идутъ въ ясный денекъ на богомолье и разсуждаютъ о счастіи. Каждый недоволенъ своей судьбой и рѣшаетъ, что нѣтъ ему счастья. «Они замолчали. Моисѣичу показалось обиднымъ, что его даже и не спрашиваютъ, какое у него можетъ быть счастье,—точно несчастнѣе Моисѣича и нѣтъ никого на свѣтѣ.—«Гдѣ оно, счастье-то?—началъ Моисѣичъ.—Былъ у меня сродственникъ Автономъ. И въ сорочкѣ родился, а увѣчнымъ человѣкомъ вышелъ, да еще увѣчнаго-то въ солдаты взяли. Отслужилъ срокъ, вернулся въ деревню, захотѣлъ жениться,—ни одна дѣвка не идетъ. Сосѣдъ Никита сосваталъ ему дѣвку Агашку: такъ, скажемъ, вродѣ вольной женщины была, въ городѣ жила. Обвѣнчались. Она пожила съ нимъ три дня, да и сбѣжала въ городъ. Жилъ на смѣху. Помирать сталъ—лежитъ въ избѣ, бредитъ: «Помоги, Господи, только домой добраться... Тамъ тепло будетъ... Тамъ ужъ хорошо будетъ»... Умеръ—никто не хочетъ гробъ дѣлать. Насилу нашелся добрый человѣкъ. Сдѣлалъ гробъ—вышелъ коротокъ, крышка не закрывается... Тутъ ужъ одна женщина стала надъ нимъ плакать»... Этотъ маленькій отрывокъ, написанный съ такой простотой и правдивостью, очень характеренъ для г. Накрохина. По немъ читатели могутъ сами судить о художественной манерѣ автора, съумѣвшаго въ этихъ десяти строкахъ сжать жестокую драму цѣлой жизни. Правда, такихъ мѣстъ, написанныхъ съ равной силой, у г. Накрохина немного, но приведенная выдержка даетъ представленіе о его простомъ и изящномъ слогѣ, очень вѣрно передающемъ живой разговорный языкъ, безъ всякой поддѣлки подъ народный говоръ.

Отрицательную сторону разсказовъ составляетъ неясность мысли автора, часто расплывающейся въ туманное, неопредѣленное настроеніе, какъ, напр., въ самомъ большомъ разсказѣ «Стихія». Отдѣльныя сцены разсказа, передающаго плаваніе компаніи городскихъ людей различнаго соціальнаго положенія на Валаамъ, написаны очень хорошо. Фигуры типичны и живы, но въ разсказѣ нѣтъ никакого центра, и что долженъ разумѣть читатель подъ «стихіей», едва-ли понимаетъ и самъ авторъ. Та же неясность проявляется и въ нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ, напр., въ очеркѣ «Входящій и исходящій», который производитъ впечатлѣніе незаконченности, какъ-будто авторъ не съумѣлъ или не продумалъ его до конца и оборвалъ свою мысль, что городъ растлѣваетъ душу, не досказавъ ея до конца. Эта неясность мысли при несомнѣнномъ талантѣ показываетъ, что автору надо еще много поработать надъ собой,

чтобы достигнуть истиннаго художественнаго совершенства, при которомъ форма и содержаніе сливаются въ нераздѣльное гармоничное цѣлое.

Генри Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Переводъ съ англійскаго Ив. А. Бунина. Москва. 1899. Въ изящномъ изданіи московскаго магазина «Книжное дѣло», украшенномъ прекрасными рисунками и автотипіями американскаго художника Ремингтона, съ рѣдкою гармоніею соединяются художественность содержанія, возможное совершенство перевода и привлекательная внѣшность. Лонгфелло принадлежитъ къ благороднѣйшимъ поэтамъ нашего вѣка не только по своему исключительному поэтическому дарованію, но и по широкимъ интересамъ и высоко гуманному настроенію. Его знаменитыя *Пѣсни рабовъ* принадлежатъ къ тому же порядку, какъ *Хижина дяди Тома*. Многократныя и долголѣтнія экскурсіи его въ Европу дали богатый матеріалъ его любви къ легендарно-героической и народной литературѣ. Онъ съ одинаковымъ успѣхомъ обрабатывалъ темы и мотивы изъ скандинавской, средне-вѣково-нѣмецкой и англійской литературы и исторіи. Но лучшей его поэмой все-таки осталась *Пѣсня о Гайаватѣ*, эпосъ, въ основаніе котораго легли космологическія и героическія преданія сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько буквально поэтъ слѣдуетъ своимъ источникамъ и какую роль играло его собственное творчество, читатель имѣетъ въ этой поэмѣ необыкновенно поэтическое цѣлое, которое дѣйствуетъ главнымъ образомъ своими общечеловѣческими чертами, не смотря на экзотичность сюжета. Собственно говоря, сюжета въ этой поэмѣ нѣтъ никакого. Вся она состоитъ изъ отдѣльныхъ эпизодовъ и картинъ, связанныхъ между собою личностью главнаго дѣйствующаго лица, а иногда теряющихъ и эту связь. Единство дѣйствія здѣсь замѣнено единствомъ міросозерцанія и колорита. Въ свѣжихъ и могучихъ образахъ, которые создаются лишь первобытными народами, предъ нами проходитъ исторія зачатковъ культуры краснокожихъ людей въ обстановкѣ тяжелой борьбы съ неподатливыми силами природы. Все это съ замѣчательнымъ тактомъ и чувствомъ поэтической мѣры пріурочено къ лицу великаго мудреца и человѣчески благороднаго героя Гайаваты. Внутреннюю цѣльность и правдивость нарушаетъ только заключительный эпизодъ—появленіе бѣлыхъ въ лицѣ монаха, проповѣдующаго христіанство. Краснокожіе дружелюбно и гостепріимно встрѣчаютъ начала новой культуры, и Гайавата, носитель мудрости прежнихъ вѣковъ, чувствуя, что роль его отнынѣ сыграна, удаляется навсегда въ невѣдомыя пустыни запада. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, новая культура, которую Лонгфелло характеризуетъ здѣсь евангельскою проповѣдью, не принесла краснокожимъ ничего, кромѣ вырожденія.

Красота произведеній американскаго поэта, достигаемая замѣчательно простыми, безъискусственными средствами, давно сдѣлали его популярнымъ въ Европѣ. Въ Великобританіи онъ занимаетъ мѣсто въ ряду величайшихъ англійскихъ поэтовъ, нѣмцы имѣютъ образцовые переводы его произведеній; многія изъ нихъ переводились по нѣсколько разъ. У насъ отдѣльныя стихотворенія, въ переводѣ Михайлова, Михаловскаго и др., также пользуются издавна всеобщею извѣстностью; таковы, напр., нѣкоторыя изъ *Пѣсенъ рабовъ*, *Псаломъ жизни* и др. Но изъ поэмъ Лонгфелло мы до сихъ поръ имѣли лишь отрывки изъ *Гайаваты* въ переводѣ Михаловскаго и *Эвангелину* въ переводѣ П. И. Вейнберга. Трудъ г. Бунина является, такимъ образомъ, весьма пріятнымъ явленіемъ, особенно въ виду того, что переводчикъ вполнѣ успѣшно справился со своею нелегкою задачей. Онъ съумѣлъ сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабивъ могучей образности его, что очень рѣдко случается съ нашими стихотворными переводами. Правда, легкость размѣра (4-хъ-стопный хорей съ женскимъ окончаніемъ) и отсутствіе риѳмы въ значительной степени облегчаютъ трудъ переводчика, но съ другой стороны необыкновенная сжатость

англійскаго языка, по справедливому замѣчанію переводчика, представляетъ иногда почти непреодолимыя трудности. Одна особенность *Гайаваты*, впрочемъ, сообщаетъ русскому переводу непріятную черту, устранить которую не во власти переводчика: Лонгфелло вплетаетъ въ текстъ около полутораста индійскихъ словъ, названій людей, животныхъ и предметовъ, которыя постоянно повторяются. Фонетика русскаго языка такъ своеобразна, что звуки почти всѣхъ иностранныхъ языковъ передаются имъ съ большимъ трудомъ и чужеземныя названія въ стихахъ обыкновенно невыносимо рѣжутъ ухо, особенно когда ихъ еще приходится склонять. Въ *Гайаватѣ* же постоянно встрѣчаются такія невозможныя въ русскомъ языкѣ звуковыя соединенія, какъ Minjekahwun, Sheshebwug, Chibiabos и т. п. Къ своей поэмѣ Лонгфелло присоединилъ нѣсколько примѣчаній, которыя иногда поясняютъ тотъ или иной образъ, иногда заключаютъ ссылки на литературные источники или болѣе подробное изложеніе повѣрья, обычая, преданія. Жаль, что г. Бунинъ не счелъ нужнымъ присоединить эти примѣчанія къ своему переводу.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Котляревскій. «Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и настоящаго вѣка».—*Георгъ Брандесъ.* «Людвигъ Берне и Генрихъ Гейне».—«Памяти Ѳедора Ивановича Буслаева».

Н. Котляревскій. Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. С.-Петербургъ. 1898. Главное достоинство задачи, избранной г. Котляревскимъ для своей книги,—чрезвычайно богатое и разностороннее содержаніе. Трудно даже сказать, какой идейный вопросъ не входитъ въ тему сочиненія? Психологія, политика, нравственнаи и умственная культура — все это тѣснѣйшимъ образомъ связано съ исторіей «міровой скорби». Она представляетъ господствующій фактъ новѣйшей европейской цивилизаціи, тѣмъ болѣе сложный и увлекательный, что его отнюдь нельзя считать законченнымъ. Конецъ нашего столѣтія не только не свелъ окончательныхъ счетовъ съ идеями и настроеніями своихъ раннихъ поколѣній, но, можно сказать, только обострилъ и углубилъ вѣковые запросы высшаго философскаго мышленія, настойчиво преслѣдовавшіе предшественниковъ, творцовъ и наслѣдниковъ великой революціи. Писать о «міровой скорби» значитъ вскрывать самую сущность вопроса, чѣмъ живъ современный человѣкъ, и выяснять основные руководящіе мотивы безпримѣрно-запутанной драмы, именуемой исторіей XIX-го вѣка. Естественно, эти свойства задачи налагаютъ на изслѣдователя и вполнѣ опредѣленныя, въ высшей степени отвѣтственныя обязательства. Зарожденіе и развитіе «міровой скорби» можно изслѣдовать по двумъ смежнымъ, но различнымъ направленіямъ. Можно почвой изслѣдованія избрать строго-отвлеченную мысль, разсмотрѣть видоизмѣненія въ міросозерцаніи тоскующаго новаго человѣка по системамъ философіи и нравственности, но къ той же цѣли можно идти и другимъ путемъ—анализомъ художественнаго творчества. Оно—именно въ данный періодъ—съ не меньшей чуткостью и глубиной отразило идейную работу цѣлаго ряда поколѣній, увѣковѣчило ее въ сильныхъ и часто блестящихъ образахъ и этимъ самымъ въ сильнѣйшей степени облегчило трудъ историка и психолога. Г. Котляревскій избралъ второй путь. Его книга—рядъ литературныхъ характеристикъ, портретовъ писателей и разборовъ ихъ произведеній. Авторъ отъ начала до конца сосредоточенъ почти исключительно на произведеніяхъ поэтической фантазіи: только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ онъ касается литературныхъ явленій другого порядка. Это предпочтеніе само по себѣ не можетъ вызывать упрека, но какъ разъ особыя свойства художественнаго творчества въ

XVIII и въ XIX вѣкѣ съ первыхъ же шаговъ разрушаютъ чисто литературныя симпатіи автора. Прежде всего—поэтъ «міровой скорби», все равно, будетъ ли это идейный родоначальникъ якобинства Руссо или гармонически-созерцательный авторъ Фауста—непремѣнно политическое и нравственное явленіе. И все его писательское величіе, вся его слава и все его вліяніе основаны преимущественно на его органической связи съ современной культурной дѣйствительностью: иначе онъ и не былъ бы выразителемъ «міровой скорби», а самое большее—развѣ творцомъ мечтательныхъ элегій и чувствительныхъ балладъ. Слѣдовательно, политическая обстановка скорбящей поэзіи—коренная исходная точка для историка и психолога «міровой скорби». Мы безусловно должны знать *фактическую*, реальную основу явленія. Мы должны непремѣнно *исторически* придти къ убѣжденію, что люди второй половины XVIII-го вѣка неизбѣжно должны были заболѣть недугомъ, именуемымъ «міровой скорбью», что этотъ недугъ явился логическимъ слѣдствіемъ извѣстныхъ условій общественнаго и политическаго строя, что отчаяваться вмѣстѣ съ Руссо въ цивилизаціи, проклинать толпу и человѣчество вмѣстѣ съ героями Байрона—значило только подводить итоги *современной* цивилизаціи и нравственнымъ качествамъ *современнаго* человѣчества. Однимъ словомъ, поэтическіе образы мы обязаны связать съ живыми людьми, и только если эта связь намъ удастся, мы въ правѣ оцѣнивать жизненный смыслъ и историческое значеніе скорбнической поэзіи, иначе мы безпрестанно рискуемъ *переоцѣнить* чисто-личныя изліянія увлекающихся поэтовъ, ихъ больное и капризное фантазерство отождествить съ фактами подлинной дѣйствительности и придать совершенно несоотвѣтственный смыслъ своевольной игрѣ и артистической позѣ какого-нибудь вдохновеннаго стилиста. Только тщательное знакомство съ исторической почвой можетъ помочь изслѣдователю отличить дѣйствительно полносочныя органическія явленія отъ пустоцвѣтовъ. И вопросъ о «міровой скорби» въ особенности требуетъ такого безусловно положительнаго и невозмутимо трезваго отношенія. Она, эта скорбь, оказалась неистощимой родоначальницей всевозможнаго лицедѣйства—благодарнѣйшимъ украшеніемъ для ловкихъ и пошлыхъ эксплуататоровъ чужого простосердечія и роковой способности — поддаваться гипнозу и иллюзіи. Разсуждая о Шатобріанѣ, Гете, Байронѣ, не слѣдуетъ ни на минуту забывать, что въ произведеніяхъ именно этихъ поэтовъ почерпнули свои чары самые мелкіе и презрѣнные представители демоническаго типа, и съ великимъ успѣхомъ подвизались на европейской сценѣ умственные пигмеи и шуты только потому, что умѣли кстати нарядиться въ синій кафтанъ Вертера и въ мишурный плащъ Чайльдъ-Гарольда. Это—фактъ первостепенной важности и онъ показываетъ, съ какой осторожностью слѣдуетъ приступать къ эффектнымъ фигурамъ Рене и Манфредовъ и сколько здраваго смысла и исторической освѣдомленности необходимо вносить въ толкованіе ихъ сатанинскихъ проклятій и вулканическихъ взлетовъ.

Г. Котляревскій приступилъ къ своей работѣ какъ разъ въ противоположномъ настроеніи. Съ первой, страницы до послѣдней онъ находится подъ неотразимымъ обаяніемъ своихъ героевъ, будто одинъ изъ этихъ героевъ пересказываетъ намъ прозой все, что когда-то поэты заставляли его выражать стихами. Авторъ, надо думать, призналъ большой для себя честью и счастьемъ слить свой голосъ съ монологами былыхъ представителей разочарованія и тоски. Такъ можно заключить по неутомимо лирическому тону всей книги. Этотъ лиризмъ означаетъ въ данномъ случаѣ больше, чѣмъ простую литературную форму. Онъ владѣетъ мыслью и чувствами автора, онъ управляетъ его сужденіями, онъ *подчиняетъ* себѣ его критическій анализъ и даже историческую истину. Можно сказать, авторъ является жертвой своего стиля и волей неволей сохраняетъ лирическій *вздующій* характеръ рѣчи тамъ, гдѣ умѣстнѣе всего

было бы дать возможно широкій просторъ прозаическому разсужденію и холодному сомнѣнію. Естественно, лиризмъ плохо мирится съ основнымъ, по нашему мнѣнію, принципомъ поставленной темы—съ *исторіей*, и она совершенно устранена авторомъ. Онъ предпочитаетъ *загадочное* и *таинственное* историческимъ объясненіямъ (стр. V), съ особеннымъ удовольствіемъ пользуется терминами романтической поэзіи и, напримѣръ, глава о Байронѣ пестрѣетъ словами: мистически возвышенно, величаво, тайна, *загадочная* душа, *странный* типъ... Уже самыя выраженія показываютъ, что авторъ заинтересованъ не столько въ анализѣ извѣстныхъ художественныхъ фактовъ, сколько въ изъявленіи своего *поэтическаго* отношенія къ нимъ. Такая ненадлежащая постановка дѣла немедленно отражается на общемъ смыслѣ и на частностяхъ работы.

Прежде всего авторъ бросаетъ ложный свѣтъ на главнѣйшія эпохи новой исторіи и превратно понимаетъ культурную роль важнѣйшихъ идейныхъ дѣятелей. Недоразумѣнія начинаются съ XVIII го вѣка. Его г. Котляревскій характеризуетъ очень жестоко: этотъ вѣкъ «принадлежалъ къ числу беззаботныхъ и очень эгоистическихъ вѣковъ», былъ «вѣкъ блестящей самодовольной цивилизаціи», «въ немъ было мало любви и страсти и много логики». Только *въ концѣ вѣка*, «на самой зарѣ нашего столѣтія» наступила «диктатура сердца» и оживила жизнь «притокомъ любви» (VII).

Этотъ приговоръ рѣшительно не уживается съ простѣйшими подлинными фактами. Кого авторъ разумѣетъ какъ представителей *вѣка* до самаго его конца? Придворныхъ Людовика XVI? Тогда онъ вообще правъ, но вѣдь эта порода людей не повинна въ оригинальныхъ чертахъ XVIII вѣка. По части любви и страсти она мало измѣнилась со временъ Расина и Мольера, и ее нѣтъ ни малѣйшихъ основаній пріурочивать къ просвѣтительной эпохѣ. Остаются «просвѣтители», т. е. энциклопедисты съ Вольтеромъ во главѣ, значитъ они украсили собой беззаботный эгоистическій вѣкъ и, благодаря имъ, этотъ вѣкъ «замыкалъ человѣка въ узкомъ кругѣ утонченной цивилизаціи» и «не дѣлалъ изъ него гражданина вселенной?» Выходитъ такъ. Немного дальше о Вольтерѣ прямо говорится: «любить онъ не умѣлъ, какъ и большинство его современниковъ, за исключеніемъ развѣ Дидро» (13).

У современной французской академической публицистики въ большой модѣ развѣнчивать Вольтера: со стороны академиковъ конца вѣка это понятно; недаромъ они поставляютъ такой благодарный матеріалъ для патріотической лиги и даже для католической церкви. Но какъ могъ впасть въ то же теченіе столь искренній и благонамѣренный русскій авторъ? Онъ съ полнымъ довѣріемъ относится къ словамъ Руссо, цитируетъ чувствительныя изліянія женевскаго философа съ трогательнымъ чувствомъ; отчего же онъ не желаетъ выслушать Вольтера и Даламбера и также довѣрчиво принять ихъ рѣчи? Это даже оказалось бы легче и естественнѣе, чѣмъ съ Руссо; рѣчи, напримѣръ, Вольтера подтверждаются очень *страстными дѣлами* любви, а Руссо, по словамъ самого же автора, силу свою полагалъ не въ дѣйствіи, а въ воздержаніи отъ дѣйствія. Руссо только разъ случилось выступить на защиту гонимыхъ и онъ поспѣшилъ раскаяться въ *нарушеніи своего правила*. А Вольтеръ всю жизнь практиковалъ какъ разъ противоположное *правило*, и г. Котляревскому очень поучительно было бы перечитать письма Вольтера во время исторіи съ Каласами, Сирвномъ и многими другими жертвами католическаго и парламентскаго правосудія. Въ этихъ письмахъ отнюдь не меньше глубокаго и, что особенно цѣнно, *дѣятельнаго* чувства любви, чѣмъ на самыхъ краснорѣчивыхъ страницахъ романовъ Руссо. Между прочимъ, Вольтеръ писалъ: «Мнѣ стыдно быть такимъ чувствительнымъ, такимъ отзывчивымъ въ мои годы. Я страдаю отъ землетрясенія въ Константинополѣ, я плачу о людяхъ, у которыхъ вырываютъ языки...» И нѣтъ конца подобнымъ заявленіямъ, и они неизмѣнно сопровождаются энер-

гичнѣйшимъ вмѣшательствомъ писателя въ пользу несчастныхъ. Дидро имѣетъ всѣ основанія именовать его «славный и нѣжный другъ человѣчества», и впослѣдствіи дѣятели революціи, перенося прахъ Вольтера въ Пантеонъ, на его гробѣ напишутъ слова: «Онъ защищалъ Каласа, Сирвана, Лабарра и Монбалли». Надпись была вполнѣ понятна для послѣдняго парижскаго пролетарія, и даже для весьма многихъ французскихъ крестьянъ. Г. Котляревскій говоритъ о раскаяніи Руссо, по поводу опрометчиваго вмѣшательства въ судьбу феодальныхъ подданыхъ нѣкоего графа, отчего же г. Котляревскій не вспомнилъ аналогичныхъ эпизодовъ изъ жизни Вольтера, особенно отношенія его къ демократическимъ реформамъ Тюрго? Г. Котляревскій благоволитъ къ чувствительнымъ *литературнымъ* мотивамъ,—біографія Вольтера переполнена *фактами* по истинѣ трогательными и забывать ихъ ради художественнаго краснорѣчія хотя бы даже Руссо исторически невѣрно и несправедливо.

Эта забывчивость еще не имѣла бы рѣшающаго значенія, если бы жертвы ея ограничились Вольтеромъ и энциклопедистами. Къ сожалѣнію, историческая неправда жестоко отомстила автору. Онъ, впадая въ неосновательную идеализацію Руссо, односторонне истолковалъ и личность, и идеи женевскаго философа. Онъ посвятилъ все свое вниманіе *чувствительной* сторонѣ таланта Руссо и совершенно упустилъ изъ виду *логическую*. Для г. Котляревскаго Руссо—представитель «автономнаго сердца», весь проникнутый горячей любовью къ людямъ, творецъ идей о равенствѣ и братствѣ и, въ заключеніе, философъ, преисполненный «вѣры въ массу». Этотъ выводъ въ высшей степени рѣшителенъ, авторъ, повидимому, и не подозрѣваетъ всей своей отвѣтственности, рисуя Руссо политическимъ демократомъ. У г. Котляревскаго нашелся даже авторитетъ, г. Спасовичъ, совершенно успокоивающій его. Именно г. Спасовичъ въ статьѣ о Байронѣ написалъ слѣдующую фразу: Руссо явился «знаменосцемъ демократіи; для нея онъ послужилъ истиннымъ выраженіемъ и сосудомъ (?); онъ распространялъ не только демократическія идеи, но самый инстинктъ и духъ демократизма». Г. Котляревскій цитируетъ эту фразу, не чувствуя потребности провѣрить ея справедливость по политическимъ сочиненіямъ Руссо. Сдѣлай авторъ эту провѣрку, онъ убѣдился бы, что г. Спасовичъ не успѣлъ уяснить себѣ дѣйствительнаго смысла *соціальнаго договора* и навязалъ Руссо идеи, до которыхъ европейская—отнюдь не французская—политическая мысль дошла независимо отъ женевскаго политика. Правда, Руссо питалъ очень чувствительное расположеніе къ равенству и братству, но одновременно онъ предложилъ оригинальнѣйшій путь къ осуществленію этихъ благъ. Обществу даетъ извѣстный строй не само это общество, а *законодатель* совершенно исключительнаго характера и Руссо со всѣмъ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ изобразилъ и законодателя и пріемы законодательства. Это *высшая интеллигенція*, *intelligence supericure*, онъ не поучаетъ и не доказываетъ, онъ только изрекаетъ, «увлекаетъ безъ насилія и убѣждаетъ безъ доказательствъ» (qui puisse entraîner sans violence et persuader sans convaincre). Онъ можетъ измѣнять даже человѣческую природу. У него авторитетъ неизмѣримо болѣе высокій, чѣмъ всѣ человѣческія средства и силы. Въ переводѣ на историческій языкъ это, ни болѣе, ни менѣе, какъ гражданское папство, диктатура, цезаризмъ, и впослѣдствіи Робеспьеру и Бонапарту не стоило никакихъ усилій на идеяхъ Руссо основать неограниченную власть *одного человѣка* надъ личностью и жизнью другихъ людей (*Du contrat social*, II, 7). Очевидно, въ демократизмъ Руссо слѣдуетъ внести существенныя поправки: женевскій философъ—творецъ идеи естественнаго равенства и въ то же время теоретикъ *цезаризма*, въ общемъ демократическій политикъ въ національно-французскомъ смыслѣ, т. е. одноцвѣтная народная масса съ диктаторомъ во главѣ. Эта идея, какъ извѣстно, прошла черезъ всю политическую мысль Франціи новаго времени—чрезъ сенъ-симонистскую школу, контовскій позитивизмъ вплоть

до нашихъ дней. И г. Котляревскому, вмѣсто ссылокъ на чужія, слишкомъ поспѣшныя толкованія, надлежало самому вчитаться въ политическія разсужденія Руссо, а главное, провѣрить ихъ практическія тенденціи на историческихъ событіяхъ, тогда онъ увидѣлъ бы сильнѣйшую культурную связь между идеально-аристократическими фигурами поэзіи разочарованія въ родѣ Манфреда и Каина и героемъ *общественнаго договора*, этой сверхъестественной *intelligence superieure*, диктующей свою волю благоговѣйно внимающему народу. Единственный демократическій принципъ въ *политическомъ* смыслѣ можно извлечь изъ идей Руссо—*плебисцитъ*, но г. Котляревскому, несомнѣнно, извѣстны *демократическія* благодѣянія этого принципа, насколько они обнаружились во французской исторіи. Недоразумѣнія относительно Руссо не кончаются у нашего автора на чисто-политическомъ вопросѣ. Стремясь во что бы то ни стало возвести философа на высшую ступень сердечности и человѣколюбія, г. Котляревскій приписываетъ ему даже вѣру въ прогрессъ. Это одно изъ капитальнѣйшихъ заблужденій автора. По самой сущности міросозерцанія Руссо не могъ допустить мысли о прогрессѣ, о постепенномъ *совершенствованіи*, о *положительномъ* развитіи человѣчества. Правда, у Руссо, насколько намъ извѣстно, впервые встрѣчается выраженіе *perfectibilité*, т. е. совершенствованіе: имъ Руссо характеризуетъ ходъ человѣческой исторіи. Но смыслъ этого «совершенствованія» у Руссо совершенно своеобразный. Во второй диссертаціи (*Quelle est l'origine de l'inégalité...*) послѣдствія совершенствованія самыя гибельныя: человѣкъ, совершенствуясь, становится несчастнымъ и пріобрѣтаетъ всевозможные пороки, невѣдомые въ первобытномъ состояніи, вообще, говоритъ Руссо: самое «состояніе мышленія противоестественно и человѣкъ, который мыслитъ, существо извращенное» (un animal dépravé). Въ *Contrat social* Руссо отказался отъ идеализаціи «естественнаго состоянія», но отнюдь не призналъ за исторіей положительнаго значенія. Два основныхъ культурныхъ факта—христіанство и конституціонный строй—Руссо считаетъ моментами регресса. И окончательный выводъ изъ *общественнаго договора*—учрежденіе государственной инквизиціи въ вопросахъ религіи менѣе всего, конечно, свидѣтельствовалъ о довѣріи философа къ способности человѣка совершенствовать жизнь и міросозерцаніе. На эту идею инквизиціоннаго преслѣдованія за «невѣріе» и «нечестіе» г. Котляревскій не обратилъ ни малѣйшаго вниманія во всѣхъ своихъ лирическихъ разсужденіяхъ о Руссо, а между тѣмъ, какую громадную роль съиграла она въ революціонной политикѣ и какой яркій свѣтъ бросаетъ она на «самодержавное сердце» Руссо! Не отдалъ себѣ яснаго отчета г. Котляревскій и въ центральномъ идеалѣ Руссо, какъ писателя, въ идеализаціи естественнаго человѣка. Авторъ въ ней видитъ вообще идеализацію *человѣческой природы*: сердце Руссо будто было исполнено «самой сильной любви къ людямъ». Къ какимъ?—имѣемъ мы полное право спросить у восхищеннаго автора. И самъ Руссо въ отвѣтъ нарисовалъ бы намъ существо, не имѣющее ничего общаго какъ разъ съ реальнымъ человѣкомъ. Объ естественномъ состояніи тотъ же Руссо говоритъ: оно не существуетъ болѣе, можетъ быть, никогда не существовало и навѣрное никогда не будетъ существовать. То же самое и *естественный человѣкъ*, т. е. человѣкъ, единственно любимый Руссо. Достаточно вспомнить, что это удивительное существо не обладаетъ отъ природы даже рѣчью, лишено наклонности къ общежитію и не способно мыслить. Какія-то *внѣшнія причины* (causes etrangères) навязали всѣ эти источники бѣдствій естественному человѣку. Очевидно, Руссо рисовался вовсе не-человѣкъ, какого мы знаемъ не только изъ исторіи, а даже изъ быта дикарей: самые первобытные дикари умѣютъ говорить и стремятся къ общежитію, и даже многія животныя одарены большимъ запасомъ выразительныхъ звуковъ и соціальными инстинктами. Кого же, послѣ этого, любилъ Руссо? Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій, въ проектѣ поль-

ской конституціи, настроенія Руссо окрашены въ еще болѣе мрачный цвѣтъ, чѣмъ даже въ диссертаціяхъ. Въ проектѣ встрѣчаются два лирическихъ отступленія и оба самаго пессимистическаго содержанія. Одно безнадежное изображеніе всѣхъ сторонъ современной европейской жизни и мысли, идеаломъ выставляется древность, снова предается поношенію «пошлая (basse) философія». Въ другомъ мѣстѣ описывается, съ какимъ трудомъ и какъ рѣдко люди усваиваютъ свободу, какъ мало они достойны ея. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о высотѣ человѣческой природы и о предназначеніи человѣка для свободы. Въ заключеніе полякамъ дается совѣтъ вступать въ союзъ только съ султаномъ, какъ государемъ, менѣе другихъ просвѣщеннымъ, и, слѣдовательно, болѣе другихъ честнымъ. Слишкомъ чувствительно принимаетъ г. Котляревскій и экономическое ученіе Руссо. Оно все сводится къ *благотворительности*, т. е. принципу вполнѣ буржуазному и, если бы г. Котляревскій оказалъ больше вниманія къ исторіи, онъ увидѣлъ бы, что именно чувствительныя иллюзіи Руссо съ большимъ успѣхомъ пускались въ ходъ противниками коренныхъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ и буржуазія усиливалась освятить свое эксплуататорское хозяйничанье «прокормленіемъ» бѣдныхъ и обездоленныхъ.

Послѣ этихъ замѣчаній становится очевиднымъ, до какой степени превратно изображены у г. Котляревскаго идейныя теченія XVIII-го вѣка. Любовь къ человѣчеству и вѣра въ прогрессъ находились совершенно не тамъ, гдѣ открылъ ихъ нашъ авторъ, почему—совершенно понятно даже логически. Разъ писатель цивилизаціи противопоставлялъ фантастическое естественное состояніе, разъ лично онъ *по принципу* уклонялся отъ дѣятельнаго осуществленія своей любви, онъ не могъ представлять собой той *philanthropie universelle*, о которой говорилъ Кондорсэ, и того культурнаго энтузіазма, который не покидалъ того же Кондорсэ въ тюрьмѣ и наканунѣ насильственной смерти. Руссо геніаленъ какъ критикъ, какъ отрицатель многихъ темныхъ сторонъ европейской общественной и политической дѣйствительности въ XVIII вѣкѣ, но какъ идеалистъ, какъ созидатель новаго строя онъ пессимистъ и фантазеръ и подлежитъ самой тщательной критикѣ, менѣе всего лирическому прославленію. И заблужденіе г. Котляревскаго произошло не только отъ полнаго пренебреженія къ историческимъ фактамъ, но и отъ исключительнаго пристрастія къ чувствительному элементу литературы и отъ равнодушія къ ея логическому и чистофилософскому содержанію. Руссо не только сентиментальный лирикъ, онъ одинъ изъ первостепенныхъ представителей французскаго *raison raisonnante*, по истинѣ геніальный творецъ отвлеченныхъ формулъ въ области политики и нравственности, можно сказать математически мыслящій законодатель. Именно на этомъ свойствѣ его таланта основано преимущественно громадное революціонное вліяніе его произведеній. Революціонная радикальная идеологія—родное дѣтище *Общественнаго договора* и совершенно напрасно г. Котляревскій, съ чувствительной точки зрѣнія, ополчается на якобинцевъ. Они вовсе не «переродились въ палачей», они только попытались осуществить практически ученіе Руссо, т. е. *измѣнить* самую природу людей во имя свободы или уничтожить ихъ какъ нечестивцевъ и измѣнниковъ. Пусть г. Котляревскій внимательнѣе вчитается въ политическіе трактаты Руссо, и онъ непремѣнно откажется отъ своихъ словъ, будто «извращеніе основныхъ *нравственныхъ* понятій» вызвало злодѣйства революціи. Не въ нравственности вопросъ, а въ фанатическомъ, вполнѣ искреннемъ стремленіи антикультурныя формулы Руссо, разсчитанныя на *фантастическаго* естественнаго человѣка, примѣнить къ историческому обществу и къ многовѣковой культурной почвѣ. Разбирать Руссо-сентименталиста и забывать Руссо-идеолога значитъ писать только *предисловіе* къ характеристикѣ Руссо и отмѣчать второстепенную черту его личности и таланта.

Тотъ же самый неисторическій лиризмъ проходитъ и по остальнымъ характеристикамъ и особенно печально отражается на главѣ о Шатобріанѣ. Послѣ новѣйшихъ изслѣдованій вопроса, послѣ многочисленнаго біографическаго матеріала касательно Ренэ, мы были прямо поражены встрѣтить столь, можно сказать, простодушное архаическое изображеніе одного изъ фальшивѣйшихъ комедіантовъ «міровой скорби». Даже если держаться свѣдѣній, исходящихъ отъ самого Шатобріана—его *Замогильныхъ записокъ* и переписки, никоимъ образомъ его нельзя отнести къ числу идеалистовъ, разочарованныхъ событіями революціи. Неужели г. Котляревскому неизвѣстно, что Ренэ чувствовалъ себя несчастнымъ еще въ родномъ Комбургѣ и принесъ оттуда всю бездну своей скуки ко двору Людовика XVI? И смыслъ этой скуки отнюдь не обманутый идеализмъ, а полная органическая неприспособленность будущаго генія къ какой бы то ни было реальной жизни и серьезной дѣятельности. Это—типичный человѣкъ прошлаго, невропатъ по наслѣдству, средневѣковой романтикъ по инстинктамъ и жертва маніи величія по удачному стеченію обстоятельствъ въ эпоху реакціи. Шатобріанъ бѣжалъ изъ Парижа отъ просвѣтительной философіи, потомъ отъ революціи, бѣжалъ въ Америку не къ Вашингтону, какъ полагаетъ г. Котляревскій, а къ пейзажамъ и «естественнымъ людямъ», т. е. индѣйцамъ. По природѣ и складу ума Шатобріанъ былъ совершенно чуждъ и идеямъ XVIII вѣка, и революціонному движенію: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать первый томъ его *Замогильныхъ записокъ*, его характеристику Мирабо, разсказъ о взятіи Бастиліи и потомъ о свиданіи съ Вашингтономъ. Шатобріанъ—*эмигрантъ* только по слабости характера и отсутствію какихъ бы то ни было политическихъ убѣжденій, лишенный страсти и гнѣва большинства эмигрантовъ, а г. Котляревскій возводитъ его на пьедесталъ разочарованнаго идеалиста! Достаточно простой *хронологіи*, чтобы увидѣть всю странность этого взгляда. Г. Котляревскій говоритъ о надеждахъ Шатобріана, которыхъ не оправдала революція. Любопытно бы узнать отъ автора, какія это надежды и откуда онъ узналъ о нихъ? Не изъ сочиненія же Шатобріана, написаннаго послѣ революціи и представляющаго непроглядный хаосъ декламацій по самымъ противоположнымъ направленіямъ, не изъ бѣгства Шатобріана *въ самомъ началѣ* революціи, еще при жизни Мирабо, не изъ *Генія христіанства*, вдохновеннаго самой наивной младенческой реакціей ханжи-эстета. Дальше г. Котляревскій находитъ возможнымъ трогательно изображать Шатобріана, «приплывшаго, наконецъ, къ тихой и мирной пристани христіанской вѣры», и это на основаніи знаменитаго признанія: *j'ai pleuré et j'ai cru!* У него умерли мать и сестра, и онъ изъ атеиста превратился, по мнѣнію г. Котляревскаго, въ вѣрующаго католика. И эту вѣру г. Котляревскій открылъ, читая *Геній христіанства*, ту самую книгу, отъ которой открещивались всѣ истинно вѣрующіе христіане: до такой степени она унижала и *опошливала* христіанство своими разсужденіями о женскихъ секретахъ по поводу таинствъ и о женской дѣвственности по поводу безбрачія духовенства и о многихъ другихъ предметахъ менѣе всего религіознаго содержанія. Г. Котляревскій съ глубокой искренностью излагаетъ содержаніе романа *Ренэ*, безъ малѣйшихъ колебаній переводя самыя трескучія фразы героя, читая книгу, очевидно, съ такимъ же непосредственнымъ чувствомъ, съ какимъ ее читали почти сто лѣтъ тому назадъ юныя и особенно пожилыя поклонницы шатобріановскаго стиля. А между тѣмъ, весь *Ренэ* ничто иное, какъ экстренный спектакль и сплошное лицедѣйство и даже французская критика давно уже успѣла оцѣнить доблести своего генія. «Цѣль Шатобріана—фраза, — пишетъ Шереръ,—онъ только великолѣпный производитель фразъ—un magnifique faiseur de phrase»; у него цѣлыя страницы часто являются образцами «дѣтскости и нелѣпости» (enfantillage et absurdité); онъ безпрестанно обнаруживаетъ «великій недостатокъ ума, естественнаго такта»; онъ—истинный представитель литера-

турнаго декаданса. И критикъ совершенно правъ. Всякій желающій легко можетъ провѣрить этотъ отзывъ по какому угодно произведенію Шатобріана и даже цитаты г. Котляревскаго выдаютъ истину: до такой степени они безтолково-трескучи и эффектно-театральны! И опять исторія была бы лучшей учительницей нашего автора. Стóило ему познакомиться съ практической дѣятельностью Шатобріана, просто съ его личной и общественной жизнью, онъ никогда бы не написалъ поразительной фразы о «христіанскомъ смиреніи» Шатобріана и объ его великихъ заслугахъ человѣчеству (136, 137). Авторъ, очевидно, совсѣмъ незнакомъ съ Ренэ, какъ политикомъ, вообще, какъ дѣятелемъ, иначе, даже при всепоглощающемъ лирическомъ тонѣ всей книги, онъ непремѣнно внесъ бы искру критики въ литературную и идейную оцѣнку Шатобріана и не сталъ бы толковать столь рѣшительно объ его «скорби о падшемъ человѣчествѣ», объ его «большой потребности въ идеалѣ», объ его обманутыхъ надеждахъ. Эти надежды *никогда* не поднимались выше личнаго честолюбія и если бы г. Котляревскій прослѣдилъ судьбу сочиненій Шатобріана, онъ былъ бы пораженъ беззастѣнчивостью, съ какою его страдающій идеалистъ извращалъ факты, *собственныя* слова и дѣйствія, передѣлывалъ предисловія къ своимъ старымъ сочиненіямъ въ новыхъ изданіяхъ, приписывая себѣ убѣжденія и чувства, сообразно съ интересами *текущей* минуты. Вообще, трудно назвать писателя, до такой степени пресполнившаго свою жизнь и личность всевозможной ложью, столь похожаго на «гробъ повапленный». Одна изъ многочисленныхъ французскихъ статей, написанныхъ о Шатобріанѣ вскорѣ послѣ его смерти,—статья, совершенно свободная отъ чувства нетерпимости и партійности, такъ характеризовала знаменитаго покойника: «charlatan de réligion, comme de royalisme et plus tard de liberté, mais dénué au fond de toute conviction serieuse, il a pu tromper ses contemporains, il ne trompera pas la posterité, т. е. «шарлатанъ религіи, роялизма и позже—свободы, въ сущности лишенный всякаго серьезнаго убѣжденія, онъ могъ обмануть современниковъ, но онъ не обманетъ потомства». Къ сожалѣнію, предсказаніе вполнѣ не осуществилось до сихъ поръ и, что особенно прискорбно, именно въ русской критикѣ, иногда страдавшей даже излишнимъ «реализмомъ» и по существу враждебной всему театральному и фальшивому,—Шатобріанъ нашелъ самаго довѣрчиваго читателя и поклонника.

Сравнительно съ этимъ приключеніемъ, лиризмъ г. Котляревскаго о Вертерѣ Гёте и о герояхъ Байрона не столь важные грѣхи, но только сравнительно. Сами по себѣ они непозволительны въ истинно критической работѣ. Мы оставимъ въ сторонѣ характеристику Гёте: ее г. Котляревскій пишетъ по старымъ традиціоннымъ образцамъ, толкуетъ о «многогранной душѣ» Гёте, объ его олимпійствѣ, о томъ, что онъ вмѣщалъ въ своемъ сердцѣ всѣ увлеченія, надежды и опасенія своего времени, старается политическій индифферентизмъ Гёте подмѣнить философскимъ взглядомъ на вещи,—оправданіе, по меньшей мѣрѣ, столь же странное, какъ и укоризны по адресу Вольтера. Но все это—давно избитыя клише, и, какое бы уваженіе авторъ ни чувствовалъ къ почтеннымъ по возрасту verba magistrorum, все-таки слѣдовало бы кое-что подвергнуть личной провѣркѣ и отдать себѣ отчетъ: не существуетъ ли разницы между двумя фактами: человѣкъ *не горячится* изъ-за извѣстнаго вопроса и человѣкъ вовсе *не интересуется* имъ. Гёте, говоритъ г. Котляревскій, не *горячился* по поводу величайшихъ историческихъ событій своего времени,—это вопросъ *темперамента*: но вотъ что онъ и знать не хотѣлъ о борьбѣ Германіи за національную свободу и пропустилъ мимо ушей сообщеніе объ іюльской революціи и о многомъ другомъ,—это уже не хладнокровіе, не свойство темперамента, а черта ума, пожалуй, всей натуры человѣка. И она бросаетъ свѣтъ на всю [illegible] Гёте, начиная съ Вертера и кончая Фаустомъ и Вильгельмомъ Мейстеромъ. Г. Котляревскій не [illegible] быть хладнокровнымъ за

свой счетъ, и возводитъ Вертера въ демократы, видитъ въ его слезливомъ романическомъ приключеніи «великую нравственную задачу его времени», открываетъ въ немъ даже энергію, правда, въ «скрытомъ состояніи» и, въ довершеніе всѣхъ открытій, находитъ, будто онъ умеръ «отъ той любви къ человѣку, за которую многое прощается». Все это вещи, одна другой фантастичнѣе: ничего подобнаго нельзя найти въ романѣ, при самомъ появленіи возмутившемъ именно людей, рѣшавшихъ задачи вѣка и одаренныхъ энергіей, въ родѣ Лессинга. Г. Котляревскій знаетъ ли объ этомъ впечатлѣніи? Извѣстно ли ему также, со словъ того же Лессинга, что «литературная характеристика» Вертера вовсе *не списана съ живого лица*, т. е. съ Іерусалема: тотъ былъ юноша талантливый, умственно-сильный, философски-одаренный и совсѣмъ не походилъ на гётевскаго «сентиментальнаго дурака», по энергическому выраженію Лессинга. Можетъ быть, Вертеръ и не дуракъ, только ужъ ни въ какомъ случаѣ не носитель задачъ какого бы то ни было вѣка, и г. Котляревскому, вмѣсто ряда цитатъ изъ романа, слѣдовало, какъ историку и критику, изслѣдовать *патологическую* почву, вызвавшую столь уродливое дѣтище и, въ свою очередь, посѣявшее не мало болѣзненныхъ сѣмянъ.

Нашъ отчетъ сильно разросся и мы не имѣемъ возможности остановиться на другихъ фактахъ и сужденіяхъ книги г. Котляревскаго. Отсутствіе критическаго отношенія къ поэтическому матеріалу отразилось едва ли не на каждой страницѣ и лишило все сочиненіе тѣхъ поучительныхъ, идейно-цѣнныхъ выводовъ, какіе обѣщала сама по себѣ поставленная задача. Мы опустимъ главу о Байронѣ: здѣсь лиризмъ автора достигаетъ высшей степени и, по нашему мнѣнію, вся эта глава нуждается въ такомъ же коренномъ пересмотрѣ, какъ глава о Руссо и сужденія о Шатобріанѣ. Авторъ все время созерцаетъ только казовую, парадную сторону байронизма, и не желаетъ знать исторической и жизненной. Онъ *излагаетъ* содержаніе поэмъ и драмъ и даже не поднимаетъ вопроса: какой же культурный смыслъ заключается во всѣхъ этихъ «странныхъ» и «загадочныхъ» образахъ байроновской фантазіи? Можно ли о нихъ говорить, какъ о типахъ, о герояхъ, или они только призраки поэтическаго воображенія? Въ послѣднемъ случаѣ—весь интересъ ихъ исключительно *эстетическій*, а если существуетъ другой, тогда критикъ обязанъ всѣхъ этихъ Манфредовъ, Корсаровъ, Каиновъ *осмыслить* явленіями современной дѣйствительности, показать или совпаденіе поэтическихъ созданій съ этими явленіями, или противорѣчіе. Г. Котляревскій этого не дѣлаетъ и ограничивается самымъ легкимъ дѣломъ, какое только можно представить: рисуетъ чисто-литературные портреты демоническихъ фигуръ. Это съумѣетъ сдѣлать всякій, болѣе или менѣе сознательный читатель. Совершенно другое назначеніе автора книги культурнаго содержанія. Если бы г. Котляревскій выполнилъ это назначеніе, онъ непремѣнно долженъ былъ бы понизать свой тонъ даже предъ Манфредомъ на скалѣ въ облакахъ, обуревавшимъ фантазію поэта въ то время, когда въ долинахъ на землѣ люди вели отвѣтственнѣйшую борьбу за вполнѣ реальныя основы человѣческаго достоинства и свободы. Мы думаемъ, что г. Котляревскій именно объ этой борьбѣ имѣетъ очень смутное представленіе. Онъ допускаетъ для историка совершенно немыслимое смѣшеніе двухъ эпохъ имперіи и реставраціи: обѣ считаетъ одинаково реакціонными. Это прямо элементарное заблужденіе и его г. Котляревскій могъ бы устранить даже заявленіями прочитанныхъ имъ поэтовъ, напримѣръ, Ламартина. Реставрація реакціонна только въ лицѣ *одной парламентской партіи*—ультра-роялистовъ, общій характеръ эпохи—прогрессивный и она въ высшей степени богата идейной борьбой и блестящими либеральными успѣхами въ литературѣ, въ философіи и въ политикѣ. Она—первый опытъ конституціоннаго режима и періодической печати, какъ представительницы правящаго общественнаго мнѣнія: предъ этими фактами совер-

шенно исчезаютъ вожделѣнія разныхъ темныхъ фанатиковъ и просто глупцовъ, мечтавшихъ водворить снова порядки стараго режима. Если бы г. Котляревскій оцѣнилъ по достоинству людей, факты и идеи, ознаменовавшихъ собой эпоху реставраціи, онъ усомнился бы въ положительномъ значеніи байронизма двадцатыхъ годовъ и сдержаннѣе отнесся бы къ философскому покою Гёте. И это пренебреженіе къ реальной дѣйствительности немедленно отомстило автору жесточайшимъ образомъ. Онъ построилъ свою книгу очень архитектурно: сначала идеалистъ вѣрующій, потомъ отчаявшійся, наконецъ, возродившійся. Мы видѣли, ни одинъ изъ этихъ этажей зданія не выдерживаетъ провѣрки, и самый верхній менѣе всего. Если Руссо вовсе не вѣрующій идеалистъ, если Шатобріанъ не имѣлъ повода отчаяваться въ идеалахъ, совсѣмъ не имѣя ихъ, то уже совершенно становится непостижимымъ, какъ могли представлять возродившійся идеализмъ такіе люди, какъ Деместръ? Можетъ показаться невѣроятнымъ зачисленіе этого писателя въ кругъ воскресшихъ оптимистовъ, а между тѣмъ г. Котляревскій совершаетъ это съ чрезвычайной простотой и ясностью. Основныя идеи Деместра ужасомъ и мракомъ превосходятъ самыя темныя измышленія средневѣковыхъ схоластиковъ. Міръ созданъ для войны, кровь должна литься непрестанно: таковъ законъ природы для международныхъ отношеній, для внутреннихъ—палачъ, краеугольный камень общественнаго порядка, человѣческая природа—вмѣстилище всѣхъ золъ и преступленій и порядокъ на землѣ возможенъ только при полномъ возстановленіи папской власти. Таковъ этотъ новый проповѣдникъ *религіи!* Совершенно некстати рядомъ съ Деместромъ упоминается Ламеннэ, не имѣвшій ничего общаго съ чисто разсудочнымъ *политическимъ* фанатизмомъ автора *Петербургскихъ вечеровъ*. И кромѣ того, г. Котляревскій, повидимому, не подозрѣваетъ громадной и сложной эволюціи идей, пережитой Ламеннэ и на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ называетъ его сочиненія *De la religion* и *Paroles d'un croyant*. Читатель, подробно не знакомый съ этими книгами, можетъ подумать, будто Ламеннэ оставался одинаково и въ одно и то же вѣрующимъ, сочиняя оба эти произведенія. На самомъ дѣлѣ предъ читателемъ сначала средневѣковой католикъ, а потомъ соціальный и церковный революціонеръ, отвергнутый Римомъ, психологія, ни единой черты не напоминающая инквизиторской горячки Деместра. Вообще заключительная глава книги написана будто особенно поспѣшно, перемѣшаны идеи и періоды, крайне поверхностно очерчены умственныя теченія. Мы бы желали знать, напримѣръ, какимъ образомъ совмѣстить воскресеніе оптимизма въ началѣ нашего вѣка съ появленіемъ буддійской тенденціи въ философіи, т. е. системѣ Шопенгауэра и ея широкой популярности съ каждымъ десятилѣтіемъ столѣтія? Слишкомъ мало вниманія обратилъ авторъ на подавляющее развитіе антидемократическихъ настроеній въ современной философіи и исторической наукѣ. Г. Котляревскій только упомянулъ о Ренанѣ, но за Ренаномъ стоитъ густая фаланга учениковъ и единомышленниковъ, принципіальныхъ враговъ демократіи. Вражда эта въ лицѣ Тэна нашла очень рѣзкое выраженіе въ исторической литературѣ, захватила и искусство, особенно поэзію. Да и вообще, современная «интеллектуальная Франція» повально антидемократична и г. Котляревскій совершенно неправъ, считая міросозерцаніе Ренана «фактомъ исключительнымъ». Напротивъ, современные ученые и писатели бѣгутъ отъ политики именно потому, что она—царство демократіи и улицы: въ этой области мысль новой Франціи безнадежно пессимистична. И въ результатѣ мы не видимъ, гдѣ г. Котляревскій открылъ проблески любви и вѣры сравнительно съ реакціонной, по его мнѣнію, эпохой реставраціи, видѣвшей развитіе одной изъ самыхъ оптимистическихъ и демократическихъ философскихъ системъ сенъ-симонизма. Именно объ этой системѣ г. Котляревскій не упомянулъ ни словомъ, а предпочелъ придать вполнѣ несоотвѣтственную окраску реакціонному католи-

ческому ученію Деместра... Снова повторяемъ, мы могли отмѣтить далеко не всѣ пункты въ книгѣ г. Котляревскаго, вызывающія сомнѣніе. Совершенно *нефактическая* и *не-критическая* постановка чрезвычайно сложнаго культурнаго вопроса неизбѣжно должна была ввести автора въ заблужденія и кривотолкованія, и, на нашъ взглядъ, весь матеріалъ книги подлежитъ коренному пересмотру съ исторической точки зрѣнія, основной при разборѣ какого бы то ни было нравственнаго и общественнаго теченія. Г. Котляревскій избралъ своимъ путеводителемъ то самое «автономное сердце», которому онъ опредѣлилъ непринадлежащую ему самодержавную роль въ исторіи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Путеводитель — прекрасный въ чисто-эстетическихъ и практически-моральныхъ вопросахъ, но рѣшительно не состоятельный въ критической оцѣнкѣ историческихъ фактовъ и дѣятелей. Вся книга въ высшей степени симпатична, по настроеніямъ автора, за исключеніемъ суда надъ Вольтеромъ и Гете изложена она превосходнымъ литературнымъ языкомъ, свидѣтельствуетъ о живомъ художественномъ чувствѣ автора, но она не даетъ читателю положительныхъ, разумно-провѣренныхъ идей о «міровой скорби», не разъясняетъ ни психологически, ни исторически самого явленія и не рисуетъ строго-обдуманныхъ и трезво-оцѣненныхъ нравственныхъ портретовъ міровыхъ скорбниковъ. Въ результатѣ рядъ личныхъ лирическихъ впечатлѣній по поводу столь же лирическихъ фактовъ,—впечатлѣній, ни для кого не убѣдительныхъ и по существу безразличныхъ для нашихъ историческихъ представленій объ одномъ изъ важнѣйшихъ явленій новой культуры.

Георгъ Брандесъ. Людвигъ Берне и Генрихъ Гейне. Пер. П. О. Морозова. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Спб. 1899. Профессіональные ученые имѣютъ обыкновеніе очень строго отзываться о произведеніяхъ Брандеса. Его укоряютъ въ томъ, что онъ недостаточно углубляется въ изучаемый предметъ, что онъ позволяетъ себѣ слишкомъ часто пользоваться чужими работами въ качествѣ пособій, уличаютъ его чуть не въ плагіатахъ у Геттнера и Гайма. Послѣднее обвиненіе, впрочемъ, не заслуживаетъ никакого вниманія, но въ предъидущихъ есть нѣкоторая доля истины. Тѣмъ не менѣе, если принять во вниманіе, сколько ученѣйшихъ изслѣдованій имѣютъ по нѣсколько десятковъ читателей и не вносятъ ни одной крупицы въ умственный багажъ общества, тогда какъ произведенія Брандеса оказали и до сихъ поръ еще оказываютъ неисчислимо плодотворное вліяніе на весьма широкій кругъ публики, особенно въ скандинавскихъ земляхъ, то нельзя не придти къ выводу, что, помимо формальной учености, дѣятельность Брандеса должна имѣть другія цѣнныя стороны. Одинъ нѣмецкій критикъ, по рожденію шведъ (Ola Hanssen), въ такихъ краскахъ изображаетъ вліяніе Брандеса на родинѣ: лекціи его въ копенгагенскомъ университетѣ о «Главныхъ теченіяхъ литературы XIX вѣка» сдѣлались «пограничнымъ камнемъ между двумя эпохами скандинавской изящной литературы»... «Брандесъ въ тѣ дни (начало 70-хъ годовъ) прошелъ по всему сѣверу, какъ сѣятель духа; почти все, что тамъ съ тѣхъ поръ произрасло и зацвѣло, вышло отъ того сѣмени, которое онъ бросилъ въ землю». Самые крупные писатели, Ибсенъ, Бьернсонъ, Килландъ, Якобсенъ въ той или другой формѣ испытали на себѣ могучее вліяніе новаго вѣянья. Вступающая въ жизнь молодежь увидѣла предъ собой широкіе горизонты общественныхъ задачъ. Назрѣвшія въ обществѣ потребности вылились въ опредѣленныя формулы. Создалась могучая прогрессивная политическая партія, которая въ союзѣ съ новой литературой вскорѣ достигла полной демократизаціи государственнаго строя скандинавскихъ странъ.

Какія же качества позволили Брандесу сосредоточить въ себѣ зародившіяся силы грядущаго? Для всякаго, кто присмотрится къ этому явленію безъ предвзятости и лицепріятія, является несомнѣннымъ, что Брандесъ достигъ такого

значенія умѣньемъ соединить науку съ широко развитымъ современнымъ міросозерцаніемъ. Правда, онъ не исчерпывалъ затрогиваемаго предмета, не устанавливалъ спорныхъ біографическихъ подробностей и не считалъ нужнымъ загромождать свой текстъ ссылками на страницы своихъ пособій, но зато, пользуясь своимъ блестящимъ дарованіемъ художественнаго изложенія, онъ рисовалъ яркую картину эволюціи идей, освѣщая условія ихъ возникновенія съ опредѣленной общественной точки зрѣнія, но безъ сентиментальнаго морализированія.

Статьи о Берне и Гейне носятъ совершенно тотъ же характеръ, отличаются тѣми же недостатками и достоинствами. Это живыя характеристики, въ которыхъ нельзя искать ни полныхъ біографическихъ данныхъ, ни всесторонняго разсмотрѣнія всѣхъ сочиненій названныхъ писателей. Авторъ въ свободной послѣдовательности намѣчаетъ важнѣйшія психологическія черты, старается объяснить ихъ изъ условій политической, соціальной и расовой среды, выдѣляетъ руководящія идеи. При этомъ онъ почти никогда не трудится отмѣчать, какіе выводы и сужденія принадлежатъ ему самому и какіе онъ беретъ готовыми у предшествовавшихъ ему изслѣдователей. Въ статьѣ о Берне Брандесъ въ высшей степени наглядно выясняетъ, какъ условія воспитанія въ еврейскомъ кварталѣ Франкфурта, сохранявшаго до нашествія Наполеона въ неприкосновенности свой средневѣковый кастовый строй, должны были выработать изъ молодого идеалиста прямолинейнаго оппозиціонера, не понимающаго никакихъ компромиссовъ. Публицистика самая неблагодарная отрасль литературы. Самыя талантливыя страницы, посвященныя текущимъ вопросамъ, забываются вмѣстѣ съ вызвавшимъ ихъ мимолетнымъ явленіемъ. И если Берне, одинъ изъ немногихъ, до сихъ поръ возбуждаетъ вниманіе и интересъ, то это происходитъ главнымъ образомъ благодаря психологической цѣльности этого рыцаря свободы и демократизма. Брандесъ не скрываетъ и слабыхъ сторонъ знаменитаго автора «Парижскихъ писемъ»: полный недостатокъ художественнаго чувства, которое въ связи съ страстнымъ политическимъ темпераментомъ, не позволяло ему видѣть въ Гете ничего, кромѣ сытаго олимпійца, индифферентнаго и даже враждебнаго по отношенію ко всѣмъ прогрессивнымъ задачамъ времени. Другой дефектъ Берне, еще болѣе крупный въ публицистѣ,—отсутствіе политическаго чутья: руководясь своимъ неизлѣчимымъ оптимизмомъ, онъ постоянно рисковалъ дѣлать самыя смѣлыя предсказанія, за которыя событія слѣдующаго дня заставляли его стыдиться.

Рядомъ съ Берне сложная, противорѣчивая личность Гейне представляетъ поразительный контрастъ. Благодаря этой сложности, бѣглая, нѣсколько небрежная статья Брандеса о Гейне еще менѣе можетъ претендовать на полноту, чѣмъ статья о Берне. Зато отдѣльныя стороны таланта и личности поэта очерчены мастерски. Едва ли кто-нибудь, кромѣ Брандеса, могъ бы такъ свѣжо и интересно трактовать столь заѣзженные предметы, какъ «Книгу пѣсенъ» и вообще любовную лирику Гейне. Правда, далеко не со всѣми взглядами датскаго критика можно согласиться. Не останавливаясь на мелочахъ, укажемъ одинъ болѣе крупный примѣръ: Брандесъ всегда мастерски пользуется сравнительнымъ методомъ. Въ данномъ случаѣ онъ сопоставляетъ лирику Гёте и Гейне и справедливо замѣчаетъ, что «у Гёте слова всегда являются фактами, между тѣмъ какъ Гейне нерѣдко выставляетъ готовыя фразы (мы сказали бы поэтическія формулы), за которыми нѣтъ ничего—ни образа, ни воспроизведенія дѣйствительности и которыми онъ пользуется только для того, чтобы произвести тотъ или иной поэтическій эффектъ». Дѣйствительно, «глазки, похожіе на фіалки», «алыя щечки», «лилейныя ручки», которыя въ такомъ изобиліи встрѣчаются въ пѣсняхъ Гейне, не даютъ читателю никакого живого образа женской красоты, но поэтъ и не имѣетъ въ виду эту цѣль: извѣстной комбинаціей этихъ

заѣзженныхъ формулъ, какимъ-нибудь однимъ ироническимъ словомъ между цѣлымъ ассортиментомъ сентиментальныхъ эпитетовъ онъ почти всегда умѣетъ подчеркнуть контрастъ между традиціонностью формы и вполнѣ реальнымъ современнымъ чувствомъ. Брандесъ ставитъ въ пассивъ Гейне то, что онъ, также въ противоположность Гёте, никогда не характеризуетъ любовь, не придаетъ ей индивидуальныхъ чертъ, а ограничивается въ большинствѣ случаевъ сопоставленіемъ понятій «любовь и смерть», «любовь и мука» и т. п. Это также справедливо, но неправильно выводить отсюда, что любовь у Гейне не имѣетъ духовнаго содержанія. Въ этомъ случаѣ Гейне такъ же, какъ, напр., Байронъ, вѣрный приверженецъ романтическаго міровоззрѣнія, по которому любовь всегда, вездѣ и у всѣхъ людей сама себѣ равна: она есть нѣчто непроизвольное, роковое и въ существѣ своемъ неизвѣстное, поэтому достаточно ее назвать, характеризовать же—безполезно Совершеннымъ недоразумѣніемъ надо считать утвержденіе Брандеса, будто Гёте не знаетъ поэзіи моря и лишь Гейне открылъ ее для нѣмецкой поэзіи. Дѣйствительно, послѣдній придалъ ей особенную силу и красоту, но и у Гёте есть прекрасныя марины, которыя Брандесъ почему-то забылъ: достаточно назвать его извѣстныя пѣсни *Морская тишь*, *Счастливое плаваніе* или болѣе длинное стихотвореніе *Seefahrt*. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить удачную характеристику общественныхъ взглядовъ Гейне. Отвергая, конечно, злобныя клеветы шовинистскихъ филистеровъ, будто Гейне ненавидѣлъ свою нѣмецкую родину и формально продался французамъ, Брандесъ нисколько не старается смягчить извѣстной нетвердости поэта въ отношеніяхъ къ событіямъ и лицамъ. При этомъ критикъ высказываетъ остроумную гипотезу, можетъ быть, дѣйствительно правильно объясняющую рѣзкое противорѣчіе между революціонными порывами гейневской музы, постоянными издѣвательствами надъ тремя дюжинами нѣмецкихъ князей, ненавистью къ хищному прусскому орлу съ одной стороны и увѣреніями его, что онъ не республиканецъ, а искренній роялистъ—съ другой стороны. Конечно, увѣренія эти часто имѣли весьма практическій смыслъ, но нельзя заподозрить его искренности, когда онъ говоритъ, что не хочетъ ѣхать въ Америку, потому что тамъ «играютъ въ кегли безъ короля», или когда онъ смѣется надъ претензіями «толпы» на верховную власть. Будучи дѣйствительнымъ другомъ угнетенныхъ и голодающихъ, онъ въ то же время былъ глубокимъ противникомъ парламентаризма, какъ олигархическаго, такъ и демократическаго. Приводя это въ связь съ поклоненіемъ Наполеону, котораго Берне никогда не хотѣлъ простить знаменитому поэту, Брандесъ думаетъ, что убѣжденія Гейне въ этомъ вопросѣ ближе всего подходятъ къ демократическому цезаризму, для котораго онъ не умѣлъ найти яснаго выраженія. Можетъ быть, многіе предпочли бы остаться при непослѣдовательности и даже лицемѣріи Гейне, такъ какъ лучше быть лицемѣрнымъ роялистомъ, чѣмъ искреннимъ цезарьянцемъ, но разъ гипотеза на самомъ дѣлѣ объединяетъ факты, личные вкусы надо оставить въ сторонѣ.

Памяти Ѳедора Ивановича Буслаева. Изданіе учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній. Москва. 1898. Нѣсколько профессоровъ и преподавателей гимназіи, въ большинствѣ непосредственныхъ учениковъ Ѳ. И. Буслаева († 31-го іюля 1897 г.), соединили въ названномъ сборникѣ свои статьи, освѣщающія съ той или другой стороны личность и научно-педагогическую дѣятельность покойнаго академика, съ тѣмъ, чтобы прибыль отъ продажи сборника «употребить на образованіе стипендіи или на какое-нибудь образовательное учрежденіе имени покойнаго ученаго». Имя это принадлежитъ къ числу немногихъ именъ университетскихъ преподавателей, относительно которыхъ нѣтъ разногласія въ высокой оцѣнкѣ не только ихъ научной дѣятельности, но и ихъ отношеній къ окружающимъ людямъ. Врядъ ли это можно приписать тому, что въ самыя бурныя времена университет-

ской и общественной жизни Буслаевъ умѣлъ оставаться вдали отъ борьбы и партій: проф. Кирпичниковъ справедливо замѣчаетъ, «что во время горячей борьбы люди, держащіеся золотой середины, обыкновенно проигрываютъ, такъ какъ возбуждаютъ одинаковое нерасположеніе обѣихъ сторонъ, и приравниваются къ тѣмъ несчастнымъ и презрѣннымъ, которые, по словамъ Данта, visser senza infamia e senza lodo» (стр. 160). Въ данномъ случаѣ общественное мнѣніе съумѣло разобрать, что отъ хлѣбнаго стебля, давшаго такой обильный урожай плодотворныхъ сѣмянъ, несправедливо было бы требовать еще твердости и выносливости дуба. А сѣмена, посѣянныя Буслаевымъ, дали дѣйствительно блестящій урожай. Правда, его научные взгляды въ области языка и фольклора, въ свое время открывавшіе новые пути, въ значительной части давно устарѣли и только еще въ гимназіяхъ считаются незыблемыми, благодаря извѣстной косности нашей средней школы (такъ, напримѣръ, многіе учителя словесности и до сихъ поръ съ увлеченіемъ излагаютъ миѳологическую теорію былиннаго эпоса). Но если филологическая наука въ Россіи сдѣлала такіе крупные шаги впередъ, то въ этомъ Буслаевъ игралъ самую видную роль. Онъ пересадилъ къ намъ и своеобразно использовалъ на свѣжихъ нетронутыхъ данныхъ научные методы, открытые великими западноевропейскими учеными, и тѣмъ далъ возможность своимъ преемникамъ идти далѣе. Недаромъ лучшіе ученые позднѣйшаго поколѣнія, покойный Тихонравовъ, академикъ А. Н. Веселовскій, профессора Н. И. Стороженко, А. И. Кирпичниковъ, Вс. Ѳ. Миллеръ, съ гордостью считали и считаютъ себя учениками Буслаева, не говоря уже о той безъимянной массѣ учителей, отъ которыхъ столько подростающихъ поколѣній впервые могли получить нѣкоторое представленіе о дѣйствительной наукѣ, не стерилизованной схоластикой учебника. Извѣстно, что долгое время именно словесность была самымъ живымъ предметомъ гимназическаго курса и преподавателю ея часто выпадало на долю быть властителемъ думъ учениковъ и ученицъ старшихъ классовъ. Въ новѣйшее время предметъ этотъ также значительно поблѣднѣлъ и болѣе вошелъ въ рамки «учебнаго» курса. Примѣняясь къ требованіямъ устава, и университетскіе преподаватели нынѣ зачастую ограничиваются изложеніемъ такъ-называемыхъ общихъ курсовъ предмета, которые, конечно, даютъ слушателямъ извѣстный запасъ систематизированныхъ свѣдѣній, но мало развиваютъ ихъ научные вкусы. Всякій, кто собственными силами пытался перешагнуть отъ «общаго курса» къ дѣйствительной научной работѣ, знаетъ, какъ мало такой курсъ облегчаетъ этотъ переходъ. Буслаевъ по природѣ своей неспособенъ былъ читать общихъ курсовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1861 году, по воспоминаніямъ А. И. Кирпичникова, читая по росписанію лекціи по древне-русской литературѣ, Буслаевъ скоро перешелъ отъ былинъ къ Эддѣ, Беовульфу и старо-нѣмецкому эпосу, а затѣмъ къ Chanson de gestes и Сиду. «Это не былъ переходъ отъ одного отдѣла къ другому или отъ одной главы къ другой»,—просто профессоръ велъ своихъ учениковъ по пути собственнаго изслѣдованія, и въ результатѣ получилось нѣчто неизмѣримо большее, чѣмъ знаніе программнаго учебника: «когда по уставу 1863 г. въ числѣ обязательныхъ предметовъ филологическаго факультета явилась исторія всеобщей литературы», юные третьекурсники «не только были глубоко убѣждены въ ея необходимости, но и были подготовлены къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ работамъ въ этой области» (стр. 58). Другой ученикъ Буслаева, Вс. Ѳ. Миллеръ относитъ къ своему учителю слова, которыми послѣдній характеризовалъ университетское преподаваніе Погодина. Онъ «предлагалъ намъ съ каѳедры то, что въ данную минуту составляло предметъ его ученыхъ интересовъ, надъ чѣмъ онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ... На каѳедрѣ онъ вводилъ насъ въ самый процессъ ученаго труда, который въ ту минуту поглощалъ собою всѣ его умственные интересы; онъ увлекался этими свѣжими интересами собствен

ной работы и тѣмъ самымъ увлекалъ и своихъ слушателей,—не словами, а самымъ дѣломъ, своею личностью внушалъ воодушевленіе и любовь къ наукѣ» (стр. 37). Этой системѣ преподаванія особенно охотно слѣдуютъ нѣмецкіе профессора. Не оттого ли въ Германіи даже люди, посвятившіе себя практической дѣятельности, часто сохраняютъ научные вкусы и интересы и не видятъ бездны между отдѣльнымъ явленіемъ и отвлеченнымъ стройнымъ зданіемъ теоріи?

Слишкомъ далеко завело бы насъ желаніе хоть бѣгло намѣтить сущность научныхъ заслугъ Буслаева въ тѣхъ многочисленныхъ областяхъ знанія, которыми онъ поочередно или одновременно занимался, и мы принуждены отослать читателя къ весьма содержательнымъ и интереснымъ статьямъ сборника. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить въ видѣ исключенія самой обширной въ сборникѣ статьи г. Войнаховскаго о заслугахъ Буслаева «въ исторіи науки о русскомъ языкѣ»: авторъ какъ будто задался цѣлью поддержать упрочившійся у насъ предразсудокъ о скучности и сухости лингвистики. Что можетъ дать читателю библіографическое обозрѣніе, къ тому же составленное не систематически и часто сбивчиво, главныхъ работъ по языковѣдѣнію? Все это можно найти въ любомъ компендіумѣ по исторической грамматикѣ. Для спеціалиста это азбука, а для профана—тарабарщина.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Н. П. Дружининъ. «Русское государственное, гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи».—*М. Оцевскій.* «Справочная книга по военно-судебнымъ дѣламъ».

Н. П. Дружининъ. Русское государственное, гражданское и уголовное право въ популярномъ изложеніи. Спб. 1899 года, цѣна 1 рубль Изданіе О. Н. Поповой. Въ довольно пространномъ предисловіи авторъ опредѣляетъ причины, побудившія его къ составленію настоящей книги, и цѣли, которыя онъ имѣлъ въ виду. Исходя изъ значенія юридическихъ знаній и необходимости широкаго ихъ распространенія, авторъ разбираемаго сочиненія ставитъ себѣ цѣлью—облегчить неподготовленному спеціально читателю переходъ къ другимъ, болѣе обширнымъ и глубокимъ трудамъ по соотвѣтствующимъ отраслямъ права.

Несомнѣнно, говоритъ г. Дружининъ, что юридическія знанія, свѣдѣнія о законахъ для всѣхъ полезны, для многихъ положительно необходимы, а для цѣлаго ряда лицъ безусловно обязательны. Не только свои права и обязанности, но и права и обязанности другихъ, и права и обязанности властей должны быть хорошо извѣстны каждому для того, чтобы онъ могъ дѣйствовать правильно самъ, обезпечивать уваженіе къ своимъ правамъ со стороны другихъ и вообще выполнять свой гражданскій долгъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, значеніе юридическихъ знаній весьма велико уже въ чисто частной жизни. Но нынѣ почти никто не живетъ чисто частною жизнью. Каждый призывается теперь въ большей или меньшей мѣрѣ къ дѣламъ общественнымъ; каждый является членомъ своего сословнаго общества,—дворянскаго, купеческаго, мѣщанскаго, крестьянскаго; многіе являются присяжными засѣдателями, гласными городскихъ думъ и земскихъ собраній; не мало лицъ занимаетъ мѣста по государственной службѣ. Дѣятельность должностныхъ лицъ возбуждаетъ иногда справедливыя жалобы, основательныя возраженія, распоряженія ихъ отмѣняются или замѣняются нерѣдко высшею властью. Въ то же время жалобы и возраженія, исходящія отъ частныхъ лицъ, нерѣдко вовсе не имѣютъ основаній въ законѣ. Лишь знаніе законовъ должностными лицами можетъ дать

наилучшее обезпеченіе интересамъ, имъ ввѣряемымъ, и поддержать ихъ истинное достоинство и значеніе; равнымъ образомъ, при широкомъ распространеніи юридическихъ знаній, рѣже будутъ возникать неосновательныя жалобы и чаще будутъ получать удовлетвореніе ходатайства, возбуждаемыя частными лицами передъ высшею властью. Чѣмъ шире распространены юридическія знанія, тѣмъ яснѣе общее правосознаніе, тѣмъ тверже законы и тѣмъ точнѣе ихъ примѣненіе. Точно также, только на почвѣ знанія законовъ возможна и желательна та *борьба за право*, которую знаменитый германскій юристъ Іерингъ признаетъ *обязанностью* гражданъ. Въ то же время тогда лишь, когда широко распространится знаніе нынѣшнихъ, существующихъ законовъ, окажется обезпеченнымъ вполнѣ ихъ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе.

Послѣ этихъ общихъ соображеній, противъ которыхъ, кажется, трудно было бы что-либо возразить, г. Дружининъ переходитъ къ разъясненію системы предлагаемаго имъ изложенія указанныхъ отдѣловъ законодательства (государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права). Прежде всего, изложеніе это не можетъ представлять собою пересказа законовъ. Для того, чтобы возбудить дѣйствительный интересъ къ законамъ, облегчить ихъ усвоеніе и ознакомить съ ихъ истиннымъ смысломъ и назначеніемъ,—необходимо изложеніе законовъ въ извѣстномъ теоретическомъ освѣщеніи. Для большинства читателей, не получившихъ юридическаго образованія, наша богатая юридическая литература мало или вовсе недоступна. Между тѣмъ, поставленное самою жизнью въ необходимость до извѣстной степени знать законы, оно нуждается въ пособіи къ ознакомленію съ ними, и доступнымъ и оправдывающимъ свое существованіе можетъ быть для него лишь такое научно-практическое пособіе, въ которомъ именно, съ соблюденіемъ теоретически-обоснованной системы, излагаются общія начала дѣйствующаго права.

Что касается расположенія матеріала, то авторъ придерживается такой системы: сначала излагается общая часть уголовнаго права, дающая отвѣты на вопросы о томъ, что такое преступленіе, наказаніе, вмѣняемость, самооборона, соучастіе въ преступленіи, уголовная давность и пр.; затѣмъ излагаются законы о состояніяхъ и ихъ уголовная охрана и, наконецъ, законы гражданскіе и ихъ уголовная охрана. Противъ такой системы изложенія ничего нельзя имѣть; но нельзя также и согласиться со всѣми доводами автора въ пользу помѣщенія имъ въ своемъ изложеніи на первомъ планѣ общей части уголовнаго права. По нашему мнѣнію, нельзя обосновывать такой планъ изложенія матеріала, могущій быть оправданнымъ исключительно теоретическими соображеніями, чисто случайнымъ событіемъ, какъ готовящееся у насъ получить законодательную санкцію новое уголовное уложеніе. Значитъ ли это, что, если бы у насъ должно было получить санкцію новое гражданское уложеніе, авторъ помѣстилъ бы на первомъ планѣ въ своемъ изложеніи общую часть гражданскаго права? Авторъ могъ бы ограничиться тѣми теоретическими соображеніями, которыя приведены имъ раньше. Отмѣтимъ также непонятный пробѣлъ, допущенный авторомъ въ изложеніи государственнаго права: авторъ изложилъ только часть его, именно законы о состояніяхъ. Но почему не изложены основные государственные законы, почему не изложенъ отдѣлъ о государственномъ управленіи, т. е. объ органахъ верховнаго и подчиненнаго центральнаго управленія, о мѣстныхъ органахъ управленія,—представляется совершенно неяснымъ. Въ виду цѣлей, преслѣдуемыхъ авторомъ, включеніе этихъ отдѣловъ было бы вполнѣ умѣстно. Изложеніе дѣйствующаго законодательства въ общемъ вполнѣ правильно и отличается общедоступностью, при чемъ слогъ изложенія—простъ и свободенъ отъ иностранныхъ выраженій Не сомнѣваемся, что разбираемый нами опытъ популяризаціи русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права получитъ широкое распространеніе среди читающей публики.

Михаилъ Огіевскій. Справочная книга по военно-судебнымъ дѣламъ. Спб. 1898 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Изданіе автора. При составленіи настоящей книги авторомъ руководило желаніе дать въ возможно болѣе доступной формѣ опредѣленіе тѣхъ вопросовъ права, съ которыми приходится сталкиваться каждому военнослужащему, при опредѣленіи рода воинскаго преступленія, военной подсудности и, наконецъ, на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. Разбираемая книга является весьма полезнымъ комментаріемъ воинскаго устава о наказаніяхъ, военно-судебнаго устава и отчасти дисциплинарнаго устава. Авторъ останавливается на наиболѣе существенныхъ воинскихъ преступленіяхъ и вопросахъ военно-уголовнаго судопроизводства, устанавливая рядъ краткихъ, точныхъ и понятныхъ тезисовъ, подкрѣпляемыхъ ссылками на научныя сочиненія, рѣшенія главнаго военнаго суда, циркуляры главнаго воен.-суднаго управленія и другіе источники. При существованіи изданій вышеупомянутыхъ уставовъ съ комментаріями г. Анисимова, получившихъ большую извѣстность, появленіе справочной книги г. Огіевскаго получаетъ оправданіе въ томъ, что изданія г. Анисимова стоютъ довольно дорого и представляютъ три отдѣльныя книги; разбираемое же сочиненіе издано въ одной книгѣ, по цѣнѣ довольно доступной, а по изложенію—вполнѣ понятной. Къ книгѣ приложены: указатель приказовъ и циркулярныхъ распоряженій, необходимость въ которыхъ можетъ встрѣтиться въ теченіе военнаго процесса, образцы и формы военно-судебныхъ бумагъ и перечень источниковъ, пособій и научныхъ сочиненій по военно-уголовному праву и процессу. Къ числу недостатковъ настоящаго изданія нужно отнести отсутствіе алфавитнаго указателя, который значительно облегчилъ бы пользованіе разбираемой книги, что особенно важно въ виду ея справочнаго характера.

Представляя весьма полезное пособіе для военно-служащихъ, книга г. Огіевскаго можетъ быть рекомендована, какъ справочное пособіе, каждому юристу, а также любознательному читателю, пожелавшему уяснить себѣ разницу между отправленіемъ правосудія въ военныхъ судахъ и общихъ судебныхъ установленіяхъ.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Левъ Бертенсонъ. «Оздоровляющія и цѣлительныя силы въ природѣ». — *М. П. Покровская.* «Популярныя статьи по гигіенѣ». — *A. Proust et E. Ballet.* «Гигіеническое лѣченіе неврастеніи». — *А. Бине и В. Анри.* «Умственное утомленіе».

Левъ Бертенсонъ. Оздоровляющія и цѣлительныя силы въ природѣ. Спб. 1899. Ц. 50 к. Чистый сборъ въ пользу О-ва усил. сред. Спб. жен. медиц. института. Небольшая, на рѣдкость изящно изданная брошюра уважаемаго профессора Л. Б. Бертенсона заслуживаетъ полнаго вниманія самой широкой публики. Въ нашей научно-популярной литературѣ эта брошюра должна занять одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, какъ по прекрасному, доступному для всѣхъ изложенію, такъ и по огромной важности предмета, которому она посвящена. Уважаемый авторъ, въ блестящей и увлекательной формѣ, знакомитъ читателя съ тѣми цѣлительными силами, которыми природа щедро награждаетъ людей, но которыми мы далеко еще не научились пользоваться умѣло и съ полнымъ къ нимъ довѣріемъ. Не увлекаясь подробностями, интересными и понятными только для спеціалиста-врача, авторъ останавливаетъ вниманіе только на главныхъ оздоровляющихъ силахъ природы, каковы—солнце, воздухъ, почва, вода.

«Гдѣ солнце, тамъ не нуженъ врачъ», говоритъ итальянская пословица,—«и въ ней,—замѣчаетъ авторъ,—много смысла и правды! Дѣйствительно, солнце

и свѣтъ въ органическомъ мірѣ—могучіе возбудители жизни и вѣрные охранители здоровья человѣка, и не даромъ древніе народы поклонялись имъ!» Важное вліяніе свѣта не только на всѣ органическіе процессы, но и цѣлебная его сила при массѣ заболѣваній, подверглась точному изученію сравнительно недавно и теперь научно вполнѣ установлено, что свѣтъ имѣетъ прямое и непосредственное значеніе въ процессѣ дыханія, обмѣна веществъ, при ростѣ животныхъ и, наконецъ, убиваетъ безчисленные микробы, изъ которыхъ рѣдкіе могутъ выдержать его губительную для нихъ силу. Такъ, оказывается, что «двухчасовое дѣйствіе солнечныхъ лучей убиваетъ палочки сибирской язвы; Кохъ наблюдалъ то же самое относительно бациллъ чахотки; Ферузи и Целли—относительно палочекъ столбняка, Гейслеръ и многіе другіе наблюдатели, какъ Китазато, Ру и Йерсенъ—относительно бациллъ тифа, холеры и многихъ другихъ болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ».

Переходя къ значенію воздуха, авторъ приводитъ интересное замѣчаніе стариннаго (1673 г.) гигіениста Аграви, который слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе этого важнѣйшаго элемента органической жизни: «Хорошій воздухъ, принося пользу здоровью, даетъ тѣлу гибкость и силу, душѣ—радостное настроеніе, чувствамъ — тонкую воспріимчивость; отъ него совершенствуется характеръ, становятся возвышенными мысли, развивается умъ и возбуждается охота и любовь ко всякой дѣятельности въ природѣ; оживляется кровь, лицо пріобрѣтаетъ живой, цвѣтущій видъ, сдавленная грудь усталаго рабочаго вздымается свободнѣе, голосъ становится яснымъ и благозвучнымъ, проходитъ одышка, проясняется глазъ—эта жемчужина лица, утончаются обоняніе и вкусъ,—однимъ словомъ, воздухъ, представляя притягательную среду для всѣхъ живыхъ, воспріимчивыхъ и невоспріимчивыхъ существъ, является великой благодатью». Въ этихъ немногихъ словахъ, по словамъ г. Бертенсона, заключается сущность значенія воздуха. Новѣйшая наука только разъяснила намъ процессы, въ которыхъ воздухъ оказывается необходимымъ, и показала, въ чемъ слѣдуетъ видѣть его непосредственное вліяніе.

Если воздухъ является вѣчнымъ источникомъ жизни, то почва и вода—тѣми фильтрами, которые все очищаютъ и уничтожаютъ массу разлагающихся и гніющихъ веществъ, оздоровляя землю и дѣлая ее годной для органической жизни. Трудно въ немногихъ словахъ оцѣнить это фильтрующее значеніе почвы, которая задерживаетъ въ себѣ и убиваетъ массу зловредныхъ для человѣка началъ. «Единственнымъ мѣстомъ, предназначеннымъ самой природой для воспринятія всѣхъ органическихъ отбросовъ и удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ гигіены,—говоритъ берлинскій профессоръ Рубнеръ,—служитъ почва». Представимъ себѣ только массу отбросовъ въ большихъ городахъ и тогда мы оцѣнимъ все значеніе благодѣтельной силы почвы, уничтожающей весь вредъ этихъ скопленій всяческой нечистоты. О громадномъ значеніи чистой воды, какъ для питья, такъ и для омовенія, распространяться нечего, оно ясно для всѣхъ и извѣстно съ древнѣйшаго времени.

Указавъ и разъяснивъ цѣлительность этихъ главныхъ силъ природы, почтенный авторъ говоритъ затѣмъ о требованіяхъ гигіены, вытекающихъ отсюда, и описываетъ огромные благотворные результаты, уже теперь достигаемые примѣненіемъ къ лѣченію исключительно этихъ силъ. Самымъ яркимъ примѣромъ является излѣченіе чахотки въ санаторіяхъ, лѣченіе дѣтей отъ малокровія и золотухи въ морскихъ и горныхъ станціяхъ, примѣненіе воды и купаній, наконецъ, особое лѣченіе солнечными ваннами въ «свѣтолѣчебныхъ институтахъ», гдѣ излѣчивается, напр., ужасная болѣзнь lupus (волчанка). Но эти результаты, какъ они ни благотворны,—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть достигнуто, когда въ сознаніе всѣхъ войдутъ, какъ непреложныя истины, знаніе цѣлительныхъ силъ природы и довѣріе къ нимъ. «Средства свои при-

рода отпускаетъ не по рецептамъ—она сыплетъ ихъ щедрою рукой для всѣхъ и даетъ свои блага не только отдѣльнымъ личностямъ, но и массамъ! Я говорю—даетъ, но не скажу, что человѣчество беретъ ея дары въ должномъ количествѣ! Дѣйствительность пока еще далека отъ идеала; она только указываетъ на возможность стремленія къ лучшему и достиженія его».

М. И. Покровская. Популярныя статьи по гигіенѣ. Спб. 1899. Ц. 60 коп. Хорошо понимая, что gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo, г-жа М. И. Покровская съ похвальной настойчивостью продолжаетъ популяризацію гигіеническихъ свѣдѣній, которыхъ у насъ мало, къ сожалѣнію, не только въ простомъ народѣ, но даже и въ такъ называемой интеллигентной публикѣ. Настоящую свою брошюру г-жа Покровская посвящаетъ цѣлому ряду вопросовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ общественной и частной гигіенѣ. Одинъ перечень трактуемыхъ предметовъ можетъ уже показать, что книжка составлена интересно. Такъ, за главой «санитарныя мѣры и вырожденіе», въ которой авторъ старается опровергнуть то печальное мнѣніе, будто санитарныя мѣры, принимаемыя для уменьшенія заболѣваемости и смертности населенія, сохраняя жизнь слабыхъ, способствуютъ вырожденію,—идутъ главы: «гигіена и гуманность», «о питаніи дикарей и цивилизованныхъ людей», «гигіена и комфортъ», «опрощеніе и гигіена». Написана книжка простымъ и яснымъ языкомъ и, поэтому, доступна даже и мало-образованнымъ людямъ. Намъ кажется, что такого рода книжки для лучшаго ихъ распространенія должны продаваться возможно дешевле.

А. Бинэ и В. Анри. Умственное утомленіе. Переводъ съ французскаго Ек. Анри подъ редакціей В. Анри. Изданія журнала «Вѣстникъ Воспитанія». Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 коп. Впервые вопросъ объ умственномъ утомленіи или, какъ вскорѣ стали говорить, о переутомленіи учащихся въ школахъ, былъ поднятъ въ 80-хъ годахъ и вызвалъ много споровъ, въ которыхъ приняли участіе и врачи, и педагоги, и физіологи, и психологи. Страстные голоса, раздававшіеся и за, и противъ, въ первое время грѣшили однимъ общимъ недостаткомъ—голословностью, апріорностью. Удивительнѣе всего то, что съ голословными заявленіями выступали не только педагоги, но и врачи, которымъ, казалось бы, слѣдовало знать, что пока нѣтъ строго-обоснованныхъ научныхъ данныхъ говорить о предметѣ трудно и что для изученія существуетъ единственный методъ—методъ экспериментальной психологіи. Только тогда, когда стали на этотъ единственно правильный путь, явилась возможность говорить объ умственномъ утомленіи, какъ о фактѣ реальномъ, явилась возможность подумать объ измѣненіяхъ программъ преподаванія въ школахъ, о болѣе правильномъ распредѣленіи часовъ отдыха и занятій: вообще, о болѣе раціональной постановкѣ всего школьнаго дѣла. Но сложность вопроса такъ велика, опыты приходилось и приходится дѣлать столь тонкіе, что, не смотря на массу накопившихся уже работъ, наблюденій, не смотря на все остроуміе самихъ методовъ изслѣдованія, многіе вопросы остаются еще открытыми, многое является едва намѣченнымъ. Авторы вышеназванной книги постарались сгруппировать въ ней все, что до сихъ поръ сдѣлано многочисленными авторами (Моссо, Крепелинъ, Франсуа-Франкъ, Лонборъ, Брока, Мараньяно и т. д.), въ томъ числѣ и самими Бинэ и Анри.

Книга раздѣляется на двѣ части. Изъ нихъ первая трактуетъ о вліяніи умственнаго труда на физіологическую дѣятельность организма, вторая—о вліяніи того же труда на психическую. Установивъ опредѣленіе умственнаго труда, которымъ, въ цѣляхъ ихъ изслѣдованія, приходится называть всѣ виды работы учениковъ какъ во время уроковъ въ школѣ, такъ и во время подготовленія къ нимъ, авторы далѣе указываютъ на различныя формы умственнаго

труда, приглашая, конечно, помнить, что умственный трудъ не есть нѣчто вполнѣ однородное, а слагается изъ цѣлаго ряда психическихъ способностей: умственный трудъ можетъ быть или короткимъ, или продолжительнымъ, онъ можетъ быть или напряженнымъ, или умѣреннымъ и, наконецъ, волевымъ или автоматическимъ, при чемъ волевымъ трудъ называется тогда, когда приходится дѣлать что-либо новое, непривычное, автоматическій же основанъ на привычкѣ и воспоминаніяхъ. Ознакомивъ далѣе со способами изученія вопроса въ экспериментальныхъ лабораторіяхъ и въ школахъ, указавъ на недостатки и достоинства разныхъ способовъ, представивъ объясненія и рисунки предложенныхъ для изслѣдованія приборовъ, авторы послѣдовательно излагаютъ полученные разными изслѣдователями результаты вліянія умственнаго труда на дѣятельность сердца, на капиллярное кровообращеніе, на давленіе крови, на температуру тѣла и образованіе животной теплоты, на движеніе, на мускульную силу и на обмѣнъ веществъ. Цѣлый рядъ пишущихъ приборовъ даетъ возможность графически изображать результаты изслѣдованія и книга обильно снабжена всевозможными кривыми, содѣйствующими лучшему уясненію вопроса. Понятно, что, благодаря сложности дѣла, не всѣ поставленныя изслѣдователями задачи нашли пока вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе; такъ, по вопросу о вліяніи умственнаго труда на мускульную силу до сихъ поръ имѣется еще очень мало данныхъ, вопросъ о вліяніи умственнаго труда на химическій составъ выдыхаемаго воздуха только что поставленъ. Кромѣ того, общій недостатокъ всѣхъ опытовъ—ихъ сравнительная непродолжительность: пока изучали вліяніе умственной работы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколькихъ дней, но остается совершенно неизвѣстнымъ, какія измѣненія происходятъ въ молодомъ организмѣ послѣ цѣлаго года усидчиваго умственнаго труда. Вторая часть книги, посвященная изученію вліянія умственнаго труда на психику, заканчивается подробно составленной авторами программой дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса, при чемъ они выражаютъ надежду, что педагогическая администрація всюду внимательно и доброжелательно будетъ относиться къ этимъ работамъ, клонящимся къ болѣе разумной, болѣе здоровой постановкѣ школьнаго дѣла.

A. Proust и E. Ballet. Гигіеническое лѣченіе неврастеніи. Перевелъ съ французскаго М. И. Петрункевичъ. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва. 1899. Ц. 1 руб. Съ тѣхъ поръ, какъ американскій невропатологъ Бэрдъ выпустилъ впервые описаніе симптомокомплекса, названнаго имъ неврастеніей, появилась такая масса описаній этой болѣзни и научныхъ, и ничего общаго съ наукой не имѣющихъ, такъ часто стали говорить объ этой болѣзни, такъ сдѣлалась она, можно сказать, популярна, что въ настоящее время съ трудомъ можно найти человѣка, принадлежащаго къ среднему или высшему классу общества, который не могъ бы сказать нѣсколько словъ о неврастеніи, не находилъ бы нѣкоторыхъ симптомовъ этой болѣзни у себя или своихъ знакомыхъ. И не смотря на такую популярность, свѣдѣній объ этой болѣзни, или, можетъ быть, именно благодаря этой популярности, очень мало у людей изъ публики, подводятъ подъ нее все, что придетъ въ голову и чему другой, болѣе подходящей клички дать не могутъ. Со словомъ неврастенія случилось то же, что со словомъ «психопатка», впервые пущеннымъ у насъ въ процессѣ объ убійствѣ Сарры Беккеръ... Къ сожалѣнію, не только въ публикѣ, но и среди врачей замѣчается склонность къ злоупотребленію этимъ терминомъ и бѣдная неврастенія является въ настоящее время тѣмъ сорнымъ угломъ въ медицинѣ, какимъ еще недавно служила простуда.

Благодаря тому интересу, какой проявился въ обществѣ къ этой болѣзни, среди описаній ея, главнымъ образомъ, популярныхъ, попадаются такія, которыя разсчитаны на запугиваніе и безъ того изнервничавшейся публики. Тѣмъ

пріятнѣе отмѣчать всякій серьезный трудъ, направленный къ тому, чтобы выяснить предѣлы этой болѣзни, указать на ея главныя причины и соотвѣтственно этому поставить и лѣченіе преимущественно гигіеническое. Неврастенія принадлежитъ къ неврозамъ, т. е. къ той группѣ нервныхъ болѣзней, при которыхъ не наблюдается или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не найдено никакихъ органическихъ, анатомическихъ измѣненій. Неврастенію называютъ «болѣзнью нашего вѣка», забывая, что уже старинные врачи наблюдали тотъ симптомокомплексъ, который теперь описанъ подъ видомъ отдѣльной болѣзни, но не могли выдѣлить ее изъ другихъ невропатическихъ состояній. Нашему времени принадлежитъ только печальная честь значительнаго увеличенія общаго числа неврастениковъ. Подробно разобравъ общія и индивидуальныя причины неврастеніи, давъ картину симптомовъ и клиническихъ формъ болѣзни, авторы самымъ тщательнымъ образомъ разрабатываютъ вопросъ о терапевтической гигіенѣ неврастеніи, останавливаясь, главнымъ образомъ, на физическихъ способахъ лѣченія. Заслугу авторовъ мы видимъ въ отсутствіи шаблонности, и напротивъ, въ строгой индивидуализаціи. Если для одного неврастеника полезенъ полный отдыхъ отъ умственнаго труда, то для другого—умственный трудъ является лѣчебнымъ средствомъ. Говоря о всевозможныхъ физическихъ упражненіяхъ, гимнастикѣ, авторы вполнѣ справедливо указываютъ на ошибочность распространенныхъ представленій объ этого рода упражненіяхъ. Такъ, напр., фехтованіе принадлежитъ къ тѣмъ физическимъ упражненіямъ, которыя требуютъ большого нервнаго напряженія и, вмѣсто ожидаемаго отдыха для нервовъ, можетъ дать только чрезмѣрное утомленіе; то же приходится сказать о гимнастикѣ, практикуемой въ учебныхъ заведеніяхъ. Большое разнообразіе причинъ, вызывающихъ эту болѣзнь, индивидуальныя особенности каждаго больного заставляютъ быть очень строгимъ при выборѣ способовъ лѣченія ея.

МАТЕМАТИКА И АСТРОНОМІЯ.

Библіотека для самообразованія. Г. Лоренцъ. «Элементы высшей математики. Т. I.»—«Русскій астрономическій календарь на 1899 г.».

Библіотека для самообразованія. Г. Лоренцъ. Элементы высшей математики; томъ I. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа. В. П. Шереметевскаго. Переводчикъ этого объемистаго сочиненія (въ первомъ томѣ свыше семисотъ страницъ)—педагогъ, заявившій себя раньше широкими взглядами на преподаваніе математики въ средней школѣ. Онъ не мирится съ ея застывшими традиціями и программами, онъ указываетъ на рутинерство, заставляющее въ гимназіяхъ учащуюся молодежь питаться суррогатами математики, о развивающемъ значеніи которыхъ не приходится и даже говорить—до того оно ничтожно. Книга голландскаго ученаго Лоренца отличается отъ ряда другихъ элементарныхъ обработокъ анализа безконечно малыхъ, порожденныхъ потребностью въ высшей математикѣ для изученія естествознанія. Всѣ эти курсы, появившіеся на Западѣ, «отъ самыхъ краткихъ очерковъ Proctor'a, I. Klein'a, Weissbach'a до четырехтомнаго курса Boussonesq'a, имѣютъ въ виду читателя, знающаго курсъ средней школы, но не избравшаго математику своей спеціальностью. За исключеніемъ перваго изъ названныхъ выше, составители не задаются цѣлями популяризаціи наукъ, и даже тѣ изъ курсовъ, на обложкѣ которыхъ значится «для самообученія», весьма мало принимаютъ во вниманіе потребности читателя, не имѣющаго возможности пользоваться помощью устнаго лекціоннаго преподаванія».

*

«Работы Лоренца по всѣмъ отдѣламъ математической физики дѣлаютъ его особенно компетентнымъ въ правильномъ опредѣленіи объема и характера математическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для ближайшихъ потребностей естествознанія...» и тѣмъ не менѣе «простой переводъ курса Лоренца совершенно не удовлетворялъ бы цѣлямъ *самообразованія*, которыхъ авторъ и не имѣлъ въ виду». Въ силу этого-то соображенія переводчикъ не разъ отступаетъ отъ оригинала и дѣлаетъ дополненія, наибольшее число которыхъ, какъ видно изъ предисловія, выпадаетъ на первый томъ.

Почти треть настоящаго тома занята историческимъ очеркомъ развитія анализа. «Очевидно, что даже бѣглое знакомство съ эволюціей науки выдвигаетъ на первый планъ ея коренныя основы и оттѣняетъ второстепенныя наслоенія, порожденныя преходящими условіями мѣста и времени; съ исторической точки зрѣнія отчетливѣе выдѣляются главныя части конструкціи науки и выясняется ея значеніе для смежныхъ областей знанія въ связи съ общимъ ходомъ культурнаго развитія», объясняетъ свое большее отступленіе отъ подлинника переводчикъ. Мы позволимъ себѣ не разбирать перваго отдѣла по той причинѣ, что онъ представляетъ лишь нѣкоторыя измѣненія несущественнаго характера сравнительно со статьей Г. Шереметевскаго, помѣщенной въ первомъ выпускѣ «сборника статей въ помощь самообразованію по физикѣ, математикѣ, химіи и т. д.», о которой мы имѣли случай говорить («Міръ Божій» 1898. Іюнь). Напомнимъ только коротко его содержаніе: отношеніе математики къ другимъ отраслямъ знанія; объектъ математическаго изслѣдованія, число, величина, значеніе безконечно малыхъ; графическое изображеніе функцій, элементарныя понятія аналитической геометріи, формы математическаго изслѣдованія и значеніе математики, какъ метода.

Въ отдѣлѣ второмъ, историческомъ очеркѣ развитія анализа и его приложеній къ геометріи, указаны только главныя теченія математической мысли; о фактахъ исторіи математики внѣ Европы говорится постольку, поскольку это необходимо для ясно-поставленной авторомъ цѣли—«подготовить читателя къ правильному пониманію лишь самыхъ элементарныхъ основъ математическаго анализа, какъ науки новаго времени, выросшей на европейской почвѣ». Поэтому не много удѣлено мѣста древнимъ культурамъ, напримѣръ, египетской, гдѣ математика играла чисто служебную роль, поддерживая интересы жреческой касты, помогая послѣдней держать въ подчиненіи невѣжественную толпу театральными пріемами.

Интересно, какъ освобождалась математическая мысль отъ религіозныхъ путъ, какъ появлялся отъ времени до времени геніальный умъ, вродѣ евклидовскаго, и приводилъ въ систему накопленный до него матеріалъ, какъ вслѣдъ за тѣмъ научныя свѣдѣнія начинали пріобрѣтать вновь мистическую окраску, пока толчокъ, сообщенный одной могучей народностью другимъ, не вносилъ измѣненій въ политическій строй культурныхъ народовъ древности и не вливалъ одновременно съ этимъ новую жизнь въ науку. Преемница Египта и Вавилона—Греція даетъ Ѳалеса съ его идеальными, чуждыми утилитаризма, взглядами, съ его стремленіемъ исключить изъ науки все сверхъестественное. Но даетъ въ то же время Пиѳагора съ грандіознымъ открытіемъ его школы, ирраціональными величинами, хранившимися въ глубокой тайнѣ его творцами, которые не желали осквернять въ глазахъ непосвященныхъ построенной ими мистической теоріи значенія чиселъ въ міровоззрѣніи. Взрывъ народнаго возмущенія разбрасываетъ пиѳагорейцевъ, къ счастью для быстраго развитія науки по всей Греціи.

Передъ нами проходятъ величавые образы: Платонъ, философъ-аналитикъ и, какъ полагаютъ, отецъ аналитическаго метода, убѣжденный въ высокомъ назначеніи математики, «которая имѣетъ цѣлью способствовать постиженію идеи блага, какъ все, направляющее душу въ область блаженнаго, вѣчно су-

щаго». и Аристотель. разрѣшающій, благодаря вѣрному пониманію понятія «величины», хитрые софизмы Зенона, напримѣръ, извѣстный парадоксъ о «быстроногомъ Ахиллесѣ, который никогда не догонитъ черепахи». Со стороны читателя особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ страницы, на которыхъ говорится объ Евклидѣ. Тутъ находятся краткія указанія на матеріалъ, собранный въ знаменитыхъ «Элементахъ», и примѣры интереснаго способа доказательства, взятые почти цѣликомъ изъ подлинника, заставляющіе преклониться предъ мощью евклидова ума, не остановившагося передъ изученіемъ сложныхъ алгебраическихъ выраженій безъ пособія алгебраической символики—тутъ только одни геометрическія представленія. Далѣе идутъ работы Гипарха, удивительныя изобрѣтенія Архимеда, геометрія Аполонія Пергскаго, рядъ талантливыхъ изслѣдованій Діофанта, который далъ символическое рѣшеніе уравненій, свободное отъ геометрическихъ построеній, словомъ, работы всего того періода, который носитъ названіе Александрійскаго.

Предметъ четвертой главы составляютъ формы, въ которыя вылилась въ области математики причудливая фантазія индусовъ, не отступающая передъ счисленіемъ милліардами и передъ понятіемъ объ отрицательныхъ числахъ, работа изученія природы арабами при содѣйствіи ихъ просвѣщенныхъ правителей, которые поддерживали цѣлый рядъ научныхъ учрежденій отъ богатой библіотеки Кордовы до монументальной обсерваторіи Самарканда.

Хранителями живой науки въ теченіи долгаго періода отъ VI до XII вѣка по Р. Х., когда изсякали въ Европѣ остатки живого интереса къ великимъ греческимъ математикамъ, были индусы и арабы, затѣмъ вновь развивается европейская наука, выступаютъ такія крупныя фигуры, какъ Леонардо Пизанскій и Роджеръ Бекон. Мы получаемъ представленіе о выдающихся математическихъ способностяхъ Леонардо Фибоначчи. читая приведенный авторомъ перечень отдѣловъ книги этого ученаго, который рѣшился, «присоединивъ къ индійскому методу кое-что отъ себя, кое-что отъ тонкостей геометрическаго искусства Евклида, составить трудъ..., дабы родъ латинянъ не оставался болѣе несвѣдущимъ во всѣхъ этихъ вещахъ». Судьбой и дѣятельностью Роджера Бекона авторъ занимается болѣе подробно, указывая на заслуги этого ученаго, выступившаго въ то время, когда идеи его вызывали только преслѣдованія со стороны темной массы, и оттѣняя его превосходство надъ Френсисомъ Бекономъ. Далѣе идутъ Миллеръ, Штифель, Тарталья и Карданъ, ихъ біографіи, характеристики и эпизодъ защиты научныхъ положеній на публичныхъ диспутахъ даютъ понятіе о нравахъ ученыхъ среднихъ вѣковъ: Тарталья, творецъ общаго способа рѣшенія уравненій третьей степени, спасается послѣ удачной защиты бѣгствомъ изъ города, въ которомъ находятся друзья и ученики его завистливаго противника Кардана.

Больше ста страницъ Г. Шереметевскій посвящаетъ XVII и XVIII вѣкамъ, въ теченіе которыхъ, особенно XVII-го, появилось «такое удивительное множество спеціально для математики, такъ сказать, организованныхъ головъ, какъ будто общее развитіе человѣчества въ Европѣ привело къ этому». Историческія условія дѣлаютъ просвѣщеніе доступнымъ не только для избранныхъ, усиливается свѣтская власть, даже аббаты, какъ, напримѣръ, извѣстный Гассенди, выступаютъ въ роли защитниковъ явно «еретическихъ» теорій, основываются флорентійская академія и лондонское королевское общество. Послѣ краткаго историческаго очерка намъ становятся понятными появленіе и успѣхъ дѣятельности Декарта, Ньютона и Лейбница. Изложивъ декартово механическое объясненіе мірового процесса, авторъ еще два раза возвращается къ этому геніальному человѣку, рисуя жизнь его и выработку міросозерцанія и излагая въ отдѣльной главѣ исторію созданія аналитической геометріи. Творенія Ньютона представлены опредѣленіемъ его метода флюксій, по содержанію совпадающаго

съ современнымъ дифференціальнымъ исчисленіемъ. Г. Шереметевскій напоминаетъ о трудахъ математика Ферма (Fermat—въ текстѣ онъ постоянно называется Ферматомъ), говоритъ объ ариѳметикѣ и алгебрѣ XVII вѣка въ отдѣльной главѣ. Совершенно непримѣтной, стушованной вышла личность Паскаля, какъ ученаго. Съ большой подробностью разбираетъ авторъ дѣятельность Лейбница, такъ какъ его научнымъ работамъ по математикѣ и обязанъ главнымъ образомъ своимъ гигантскимъ ростомъ анализъ безконечно-малыхъ въ наше время.

Существующіе на русскомъ языкѣ сочиненія по исторіи метаматики Лаврова и Ващенко-Захарченко, упомянутыя въ текстѣ, обрываются почти въ самомъ началѣ; краткій и высоко интересный очеркъ автора доходитъ до нашихъ дней, но какъ представленъ въ немъ XVIII вѣкъ?—лишь указаніе на работы Лагранжа по аналитической механикѣ и варіаціонному исчисленію. О XIX вѣкѣ сказано также несоразмѣрно мало. Тутъ приведенъ списокъ сочиненій на новыхъ языкахъ, трактующихъ преимущественно объ открытіяхъ XIX вѣка. Прибавимъ сюда пропущенную безъ указанія работу на русскомъ языкѣ В. Бобынина «Изслѣдованіе по исторіи математики».

Теперь мы переходимъ къ чисто-математической части сочиненія, т. е. къ той именно, которая составляетъ трудъ Лоренца. Въ изложеніи сказывается глубокій талантливый педагогъ. Удивительна наглядность и послѣдовательность, съ которой онъ вводитъ начинающаго въ ученіе о функціяхъ: пройдя первыя 60 страницъ, читатель будетъ совершенно ясно представлять геометрическое значеніе любой алгебраической и многихъ трансцендентныхъ функцій; и пріобрѣтенное такимъ образомъ знаніе останется надолго. Большое вниманіе обращено на представленіе сложенія колебаній, столь важное въ современномъ механическомъ истолкованіи явленій свѣта.

Тѣми же достоинствами отличаются остальныя главы перваго тома. Примѣры въ текстѣ полны высокаго интереса—это приложеніе анализа: или къ механикѣ, или къ физикѣ, или къ геометріи. Кромѣ указанныхъ выше отдѣловъ, читатель найдетъ здѣсь введеніе въ аналитическую геометрію (разборъ прямой линіи, круга, эллипса, гиперболы, параболы и т. д.) на плоскости и разсмотрѣніе знакомой ему по курсу средней школы тригонометріи уже съ научной точки зрѣнія.

Всѣ указанія относительно изученія перваго тома лицами, задающимися тѣми или другими цѣлями, можно найти въ предисловіи; мы же настоятельно совѣтуемъ прочесть эту прекрасную книгу даже тѣмъ, кто начинаетъ проходить математическія науки въ университетѣ. Изложеніе не сопровождается повѣрочными вопросами, которые, по мнѣнію переводчика, «нѣсколько насилуютъ вниманіе» читателя при изученіи математики и, «выспрашивая *все* содержаніе текста, недостаточно выдѣляютъ его главныя части». Они замѣнены удачнымъ подборомъ упражненій. Переводъ выполненъ хорошо. Съ внѣшней стороны этотъ трудъ изданъ такъ же изящно, какъ и другіе выпуски «Библіотеки для самообразованія».

Русскій астрономическій календарь на 1899 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. 5-й годъ изданія. Цѣль настоящаго изданія, какъ видно изъ предисловія,—дать практическое и справочное руководство къ наблюденіямъ астрономическихъ явленій, возможно доступное для каждаго интересующагося астрономіей и пріуроченное къ тѣмъ наблюдательнымъ средствамъ, какими могутъ располагать любители астрономіи. Весь календарь разбитъ на 6 отдѣловъ. Послѣдній отдѣлъ состоитъ изъ таблицъ, необходимыхъ для вычисленій тому, кто не пожелаетъ ограничиться одними наблюденіями. Гражданскій календарь въ началѣ этой книжки сопровождается астрономическими данными, касающимися восхода, захода и прохожденія черезъ меридіанъ

луны, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна; тутъ же даны ихъ координаты на каждый день. Такъ какъ для пользованія приложенными таблицами, надо обладать нѣкоторымъ навыкомъ, начинающимъ предлагаютъ рѣшить нѣсколько задачъ, вродѣ нижеслѣдующихъ: а) узнать, какія звѣзды идутъ черезъ меридіанъ въ данный моментъ, б) найти прямое восхожденіе по времени кульминаціи свѣтила и т. д. Что касается до «справочника» наблюдателя, то это сводъ указаній, по мѣсяцамъ и днямъ, на тѣ явленія на небесномъ сводѣ, которыя доступны наблюдателю, располагающему биноклемъ или небольшой трубой.

Въ описаніи солнечной системы приведены очень сжатыя характеристики явленій, происходящихъ на солнцѣ, лунѣ и планетахъ; для иллюстраціи приложены рисунки солнечнаго пятна, кратеровъ на лунѣ (часть лунной поверхности), относительной величины и вида Венеры во время разныхъ отстояній ея отъ солнца, Юпитеръ и Сатурнъ, а также видъ кольца Сатурна при различныхъ положеніяхъ его на солнцѣ; въ краткомъ наброскѣ падающихъ звѣздъ и «огненныхъ дождей» 1899 года приведены времена появленій звѣздныхъ потоковъ. Болѣе подробно останавливается составитель этого описанія на землѣ и звѣздномъ небѣ. Постоянно встрѣчающіеся термины: звѣздныя сутки, небесныя координаты, истинныя и среднія сутки, среднее и звѣздное время объяснены въ одномъ изъ отдѣловъ; вслѣдъ затѣмъ, тотъ, кто поинтересуется, можетъ перейти къ собственно математической части, изложенной крайне элементарно. Для опредѣленія покрытій звѣздъ и солнечныхъ затменій данъ графическій, чрезвычайно простой способъ профессора Ковальскаго. Но особаго вниманія заслуживаетъ способъ опредѣленія широты и времени кіевскаго профессора Фогеля, который рѣшаетъ этотъ вопросъ при помощи *одного отвѣса*. Не прибѣгая къ помощи высшей математики, можно опредѣлить по этому способу широту и мѣстное время, а отсюда уже и долготу мѣста. Это прибавленіе, впервые появляющееся въ разбираемомъ изданіи, очень цѣнно для любителей. Подъ заглавіемъ «успѣхи астрономіи за 1897 годъ» данъ обзоръ того, что опубликовано было въ теченіе этого года; тутъ есть выводъ изъ многолѣтнихъ наблюденій надъ поверхностью солнца и отчетъ о полномъ солнечномъ затменіи 1896 года; изслѣдованія Бреннера относительно Юпитера и Меркурія; конспектъ наблюденій проф. Бредихина надъ вращеніемъ пятенъ Юпитера, а также новости въ области кометовѣдѣнія и изученія звѣздъ.

Разныя свѣдѣнія, безъ которыхъ нельзя обойтись при покупкѣ инструментовъ и обращеніи съ ними, читатель найдетъ въ практической части. Въ этой же части указано, какъ обратить обыкновенную зрительную трубу въ трубу для фотографированія, какъ фотографировать небо при помощи камеры, какъ построить солнечные часы. Благодаря приложенной къ календарю подвижной картѣ звѣзднаго неба, новичекъ легко можетъ ориентироваться на небѣ, такъ какъ карта позволяетъ быстро найти главнѣйшія созвѣздія, отвѣчающія каждому часу любого дня.

Цѣна книжечки 75 копѣекъ, вполнѣ доступная, если принять во вниманіе, что купившій ее любитель избавленъ отъ необходимости пріобрѣсти какое-либо другое справочное изданіе. Мы указали только нѣкоторые изъ отмѣченныхъ въ календарѣ вопросовъ; въ календарѣ читатель найдетъ въ спискѣ книгъ и журналовъ названія статей по тѣмъ областямъ астрономіи, которыя остановятъ его вниманіе.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го марта по 15-е апрѣля 1899 года.

Н. М. Соколовъ. Стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

Старицкіе. Передъ бурей. Историческій романъ. Кіевъ. 1899. Ц. 2 р.

Памяти Бѣлинскаго. Литературный сборникъ, съ 3-мя фототипіями. Изд. Пензенской обществ. библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. Москва. 1899. Ц. 3 р. 50 к.

А. Рамбо. Исторія французской революціи. Пер. съ франц. съ 30 рис. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Т. II. Перев. съ нѣм. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

Фр. Энгельсъ. Происхожденіе семьи. Пер. съ 6-го нѣм. изд. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 50 к.

Франклинъ, Генри Гиддингсъ. Основанія соціологіи. Переводъ съ англ. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р.

Блезъ Паскаль. Мысли. (О религіи). Пер. съ франц. Изд. 2-ое, исправленное. Москва. 1899. Ц. 1 р.

D-r. L. Leistikow. Терапія кожныхъ болѣзней. Перев. съ нѣм. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р.

Э. Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ. Пер. съ нѣм. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1899. Ц. 80 к.

Дж. Ст. Миль. Основанія политической экономіи. Пер. съ англ. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 3 р.

Havelock Ellis. Преступникъ. Пер. съ англ. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1899 Ц. 1 р.

Его же. Мужчина и женщина. Пер. съ англ. д-ра Гринберга. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р.

Э. Тома. Римъ и имперія. Пер. съ франц. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

C. Lombroso e G. Ferrero. Женщина преступница и проститутка. Пер. съ итал. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1899.

Проф. К. Лампертъ. Жизнь прѣсныхъ водъ. Пер. съ нѣм. съ 12 табл. въ краскахъ, и фототипіяхъ и многими политипажами. Изд. Девріена. Вып. I. Спб. 1899. Подписная цѣна на все сочин. въ 10 вып.— 6 р.

Птицы Европы. Практическая орнитологія съ атласомъ европейскихъ птицъ. 56 табл. въ краскахъ съ текстомъ. Подписная цѣна 10 выпуск.—14 руб. Изд. Девріена. Спб. 1899.

Проф. Барсовъ. Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Джеромъ К. Джеромъ. Шесть разсказовъ. Пер. съ англ. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 50 к.

Г. Зиммель. Соціальная дифференціація. Пер. съ нѣм. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1898. Ц. 30 к.

С. Гликинъ. Къ вопросу о происхожденіи права. Пер. съ нѣм. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1898. Ц. 15 к.

Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русской поэзіи. 1824—1898. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

В. В. Розановъ. Религія и культура. Сборникъ статей. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Э. д'Эрвильи. Приключенія доисторическаго мальчика. Пер. съ франц. Мезіеръ. Съ рис. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 80 к.

Эристъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Съ 32 рис. и 3 табл. Пер. съ нѣм. А. Грузинскаго. Москва. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Пушкинъ. Русланъ и Людмила. Народное изданіе Поповой. Спб. 1899.

Ф. Д. Нефедова. Степанъ Дубковъ. Повѣсть. Народное изданіе Поповой. Спб. 1899.

Фонъ-Визинъ. Недоросль. Народное изд. Поповой. Спб. 1899.

Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Народное изданіе Поповой. Спб. 1899.

М. Ю. Лермонтовъ. Тамань. Изд. Поповой. Спб. 1899

Его же. Мцыри. Изд. Поповой.

Его же. Демонъ. Изд. Поповой.

Д. Н. Кайгородовъ. Дерево и его жизнь. Изд. Поповой. Спб. 1899.

Его же. Кукушка. Съ 2-мя рисун. Изд. Поповой. 1899. Спб.

В. Брусъ. Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ.

Думы и пѣсни. Сборникъ стихотвореній для юношества. Вып. I—15 к. Вып. 2—20 к. Изд. Поповой. 1899.

П. Б. Беранже. Пѣсни. Съ портр. Изд. Поповой. 1899. Спб.

Гюи де-Мопассанъ. Въ семьѣ. Разсказъ.

Его же. Изъ франко-прусской войны. Нѣмецъ въ плѣну у французовъ. Два пріятеля. Изд. Поповой. Спб. 1899.

А. Бернштейнъ. Очерки по міровѣдѣнію. Пер. съ нѣм. съ рис. Для подготовленныхъ читателей. Изд. Поповой. Спб. 1899.

Басни Крылова. На сценѣ дѣтскаго театра. Одесса. 1899. Ц. 15 к.

Ю. И. Гессенъ. Галлерея еврейскихъ дѣятелей. Литературно-біографическіе очерки съ портр. Вып. I—1 р. Вып. II—25 к. Спб. 1898.

В. Стидменъ-Альдисъ. Смотри на небо (Популярный очеркъ астрономіи). Пер. съ англ. Серафимова, съ 29 рис. Спб. 1899. Изд. Павленкова. Ц. 50 к.

И. Е. Романовъ. Торговый плодовый садъ средней полосы Россіи. Практическое руководство для землевладѣльцевъ. Москва. 1899. Ц. 70 к.

С. Дремцовъ. Разсказъ о томъ, какъ у насъ на Руси началось и шло земледѣліе съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Изд. «Посредника». Москва. 1899. Ц. 10 к.

Пьеръ Лоти. Горе стараго каторжника и разсказы другихъ авторовъ. Изд. «Посредника». Москва. 1899. Ц. 6 к.

К. Хрѣновъ. Пѣвцы народной жизни. Изд. «Посредника». Ц. 15.

Его же. Женское горе. Сборникъ стихотвореній. Изд. «Посредника». 1899. Ц. 6 к.

Н. А. Машеева. Отецъ. Повѣсть по Франсуа Коппе. Изд. «Посредника». Ц. 6 к.

С. Стаховичъ. Сиротка. Изд. «Посредника». Ц. 6 к.

Н. Телешовъ. Домой. Изъ жизни сибирскихъ переселенцевъ. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

Горбуновъ-Посадовъ. Принцъ-калѣка. Восточное сказаніе по Ж. Леметру. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

А. Хирьяковъ. Сказаніе о королевичѣ Вефріарѣ. Источникъ жалости. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

Земля и человѣкъ по Реклю. Со многими рисунками. Изд. Поповой. Спб. 1899.

В. Овчининская. Какъ живутъ японцы. Изд. «Посредника». Ц. 40 к.

В. Фирсовъ. Хлѣбопашество и скотоводство въ Финляндіи. Изд. «Посредника». Ц. 7 к.

В. Хорошунъ. Дворянскіе наказы во Франціи въ 1789 г. Т. I. Соціальная и экономическая сторона наказовъ. Одесса. 1899.

М. Гуленко. Среди болотъ и лѣсовъ. Краткій разсказъ о Бѣлоруссіи и бѣлоруссахъ. Изд. «Посредника». Ц. 3 к.

Д. З. Горностаевъ и Н. А. Шкляевъ. Кирпичное производство. Изд. «Посредника». Ц. 10 к.

Д. Горностаевъ. Приготовленіе извести, съ 7-ю чертеж. Изд. «Посредника». Ц. 5 к.

Б. Х. Гольдштейнъ. Нумерація въ отвѣтахъ и вопросахъ. Для употребленія учащимися въ школѣ и дома. Гродно. 1899.

Труды коммиссіи о мѣрахъ улучшенія водныхъ путей Россіи. Вып. I и II.

Герасимовъ. Опытъ опредѣленія размѣра производительныхъ затратъ на улучшеніе судоходныхъ условій рѣкъ. Вып. II. Труды Императ. Общества судоходства.

Отчетъ по Красноярской городской общественной библіотекѣ за 1898 г.

Отчетъ о дѣятельности Московскаго уѣзднаго Общества попеченія о неимущихъ дѣтяхъ за 1898 годъ.

Коммерческая энциклопедія М. Ротшильда. Настольная справочная книга по всѣмъ отраслямъ коммерческихъ знаній. Вып. II и XII. Изд. В. Э. Форселлеса. Подписная цѣна на 2 тома 10 р. безъ дост., 12 р. 50 к. съ дост. и перес. Допускается разсрочка.

Doyen. Хирургическая техника. Пер. съ франц. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 35 к.

П. Павловъ. Венерическія болѣзни и сифилисъ. Изд. Сытина. Москва. 1899.

Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Изд. Русскаго Общества охран.

народнаго здравія. Вып. II. Спб. 1899. Ц. 35 к.

Н. Трофимовъ. Въ саду моемъ розы цвѣли—отцвѣтали. Сказка. Спб. 1899. Ц. 30 к.

Алтайскій сборникъ. Вып. 1-й и 2-й. Т. П. Барнаулъ. 1898.

Отчетъ совѣта Общества любителей изслѣдованія Алтая за 1897 г. Барнаулъ. 1898.

Д-ръ Марренъ. Гипнотизмъ въ теоріи и на практикѣ. Перев. съ франц. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Фр. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собственности и государства. Пер. съ нѣм. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 50 к.

П. И. Мельниковъ (А. Печерскій). Полное собраніе сочиненій. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. 14 томовъ. Спб. 1897.

Труды Я. К. Грота. Т. II. Филологическія разысканія (1852—1892). Спб. 1899. Ц. 3 р.

Э. Вернеръ. Собраніе сочиненій. Т. I. Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Пер. съ нѣм. Изд. Ефимова. Цѣна полнаго собранія сочиненій въ 10 томахъ по подпискѣ 6 р., съ перес. 8 р. Москва. 1899.

Феликсъ Адлеръ. О нравственномъ воспитаніи. Библіотека «Педагогическаго Листка». Москва. 1899. Ц. 65 к.

Дрентельнъ. Здоровье женщины. Съ 29-ю рис. въ текстѣ. Изд. Тихомирова. Москва. 1899. Ц. 65 к.

Перфировъ. Первая любовь. Поэма. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Леонъ Буржуа. Солидарность. Пер. съ франц. Изд. Никитина. Москва. 1899. Ц. 40 к.

А. С. Пушкинъ. Избранныя сочиненія. Изд. 3-е редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1899. Ц. 25 к.

А. С. Пушкинъ. Чтеніе для школъ и народа. Изд. Тихомирова. Москва. 1899. Ц. 10 к.

A. Chemchourine Congrès medical à Moscou en 1897.

Карлъ Гроосъ. Введеніе въ эстетику. Пер. съ нѣм. Изд. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Калевала. Финскія народныя былины. Съ рис. Изд. 2-е Луковникова. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Висковатова. Какъ люди научились писать. Одесса. 1899. Ц. 8 к.

Поэты — поэту. Сборникъ стихотвореній, посвящ. А. С. Пушкину на его кончину и открытіе памятника въ Москвѣ. Съ предисл. Божерянова и иллюстр. Спб. 1899. Ц. 25 к.

В. Болинъ. Спиноза. Съ портретомъ. Перев. подъ редакц. П. Струве. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 60 к.

А. Трика. Сапоги Карла Маркса. Спб. 1899. Ц. 35 к.

Д. Эліотъ. Адамъ Бидъ. Изд. «Посредника». Москва. 1899. Ц. 50 к.

М. Цебрикова. Пожаръ на кораблѣ. Смоленскъ. 1899.

Ея же. Пестунья-отравительница.

К. М. Станюковичъ. Матроска. Изд. Поповой. Спб. 1898.

Н. И. Наумовъ. Нефедовскій починокъ. Изд. Поповой. Спб. 1898.

Людвигъ Гейгеръ. Нѣмецкій гуманизмъ. Пер. съ нѣм. Е. Н. Вилларской, подъ ред. и съ пред. проф. Г. В. Форстена. Изд. Поповой. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Die Frau in der modernen Litteratur*». *Ein Beitrag zur Geschichte der Gefühle. Von D-r Ella Mensh.* (*Carl Duncker*). (*Женщина въ современной литературѣ*). Авторъ этой книги задается вопросомъ, какъ отразилось женское движеніе въ литературѣ и что оно внесло туда. Далѣе авторъ разбираетъ и анализируетъ произведенія современныхъ писательницъ и ихъ общественную и литературную дѣятельность.

(Frankfurter Zeitung).

«*Les Congrès ouvriers en France*» (*1876—1897*) *par Léon de Seilhac.* (*Рабочіе конгрессы во Франціи*). Въ книгѣ собраны отчеты и протоколы засѣданій различныхъ рабочихъ конгрессовъ, собиравшихся во Франціи со времени паденія международной ассоціаціи рабочихъ и до конца 1897 года. Авторъ воспользовался для составленія своей книги документами, хранящимися въ богатой библіотекѣ соціальнаго музея и благодаря тому, что онъ сосредоточилъ ихъ въ одномъ мѣстѣ, получилась полная картина возникновенія и развитія, усиленія и распаденія различныхъ рабочихъ партій, причемъ ясно выступаютъ на сцену особенности темперамента, разногласія и борьба и, на поприщѣ этой борьбы,—могучій ростъ новаго организованнаго рабочаго класса во Франціи.

(Revue de Paris).

«*La Tristesse Contemporaine*» *par H. Fiereus-Gevaert.* (*Современная тоска*). Маленькая книга въ которой заключается бѣглый обзоръ философскихъ воззрѣній и ученій философовъ, обусловившихъ «великія нравственныя и интеллектуальныя теченія нашего вѣка». Очень интересна глава, посвященная «вагнеровскому неоспиритуализму» (néo-spiritualisme vagnérien). Но любопытнѣе всего послѣднія страницы, въ которыхъ авторъ, весьма наивнымъ и забавнымъ образомъ, преподаетъ человѣчеству совѣтъ, какъ жить безпечально и излѣчиться отъ своей тоски. Эти совѣты автора можно бы назвать «этикою здраваго смысла», но рѣдко кто проповѣдуетъ эту этику съ такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и непреодолимымъ убѣжденіемъ.

(Revue de Paris).

«*Modern Mysticism and other Essays*» *by Francis Grierson.* (*Géorge Allen*). (*Современный мистицизмъ и другіе очерки*). Чрезвычайно содержательная книга, заключающая въ себѣ много возвышенныхъ мыслей. Первая глава посвящается современному мистицизму, причины и характеръ котораго авторъ стремится опредѣлить на основаніи другихъ явленій современной жизни. Въ другихъ главахъ авторъ говоритъ о красотѣ и нравственности въ природѣ, о современной меланхоліи, о Толстомъ, о подражаніи и оригинальности, о физической храбрости и нравственной трусости и т. д. Книга написана очень изысканнымъ языкомъ, но читается легко и изобилуетъ истинно художественными страницами.

(Athaeneum).

«*The Philippines and Round About*» *by Major Younghusband.* (*Macmillan*). (*Филиппины и ихъ окрестности*). Авторъ этой интересной книги знакомитъ читателей съ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ Филиппинскихъ острововъ и обрисовываетъ яркими красками испанскій деспотизмъ, господствовавшій на Филиппинскихъ островахъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, начиная съ 1570 г. до 1896—1898 гг., когда этому деспотизму наступилъ конецъ. Въ особенности позорную роль въ этомъ отношеніи играло испанское духовенство, отличавшееся на Филиппинахъ чрезвычайною распущенностью нравовъ, лихоимствомъ и жестокостью. Дѣйствительно, факты, которые приводитъ авторъ, подтверждаемые документами, способны привести въ содроганіе. Авторъ подробно описываетъ филиппинское возстаніе, его причины и распространеніе и высказываетъ надежду, что водвореніе мира и спокойствія дастъ возможность филиппинцамъ воспользоваться всѣми плодами американской цивилизаціи, которая понемногу вводится у нихъ.

(Literary World).

«*Instinct an Reason*»; *an Essay, concerning the Relation of Instinct to Reason, with some special Study of the Nature of Religion, by Henry Rutgers Marshall. (Инстинктъ и разсудокъ).* Объемистая книга, посвященная одному изъ наиболѣе интересныхъ и спорныхъ вопросовъ изъ области біологіи. Авторъ старается выяснить роль инстинкта въ соціальной и религіозной жизни человѣка и въ очень интересной главѣ о религіи приходитъ къ заключенію, что религія бываетъ всегда инстинктивна. (Literary World).

«*The Rise and Growth of american Politics*» *by Henry Jones Ford* (*Macmillan and C°*). (*Возникновеніе и развитіе американской политики*). Авторъ поставилъ себѣ цѣлью изобразить постепенную эволюцію политическихъ взглядовъ и выяснить характерныя черты американской политики. Кромѣ того, авторъ подробно изслѣдуетъ современное состояніе американскаго управленія, его качества и недостатки. (Literary World).

«*Saladin*; *Heroes of the Nations*» *by Stanley Lane Role* (*Putnam and Sons*). (*Саладинъ; герои націй*). Замѣчательно, что Саладинъ, который былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ вождей своего времени, былъ совершенно неизвѣстенъ до 25 лѣтъ. Авторъ разсказываетъ его исторію и описываетъ его личность на основаніи подлинныхъ арабскихъ документовъ. Саладинъ былъ великимъ государемъ и вождемъ; обладалъ благороднымъ сердцемъ, былъ милосердъ и сострадателенъ и вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы его біографія была включена въ серію изданій подъ общимъ заглавіемъ «Герои націй». Къ біографіи приложены недурныя иллюстраціи и нѣсколько картъ и плановъ. (Literary World).

«*Transvaal*», *die Südafrikanische Republik, historish, geographisch, politisch, wirthschaftlich dargestellt von A. Seidel. Berlin.* (*Трансвааль*). Живой интересъ, который вызвала къ себѣ южноафриканская республика, выразился въ появленіи большого количества сочиненій, посвященныхъ Трансваалю. Названная книга представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу о Трансваалѣ, такъ какъ она знакомитъ читателей съ южноафриканской республикой, какъ съ исторической и географической, такъ и съ политической и экономической точки зрѣнія. Книга написана очень живо и снабжена многочисленными иллюстраціями. (Litterarische Echo).

«*Buddhistische Schriften*». *Die Liedes der Mönche und Nonnen, übersetzt von Karl Eugen Neumann, Berlin.* (*Буддійскія писанія*). Интересъ къ буддизму, безъ сомнѣнія, сильно возросъ въ Европѣ въ послѣднее время. Послѣдователи буддизма встрѣчаются уже и въ европейскомъ образованномъ обществѣ, въ Лондонѣ и Парижѣ. Но большинство европейскихъ буддистовъ имѣетъ все-таки весьма смутное понятіе о самой доктринѣ и вышеназванный переводъ буддійскаго катехизиса и буддійскихъ священныхъ гимновъ всего лучше знакомитъ съ буддійскимъ міровоззрѣніемъ и его философіей и такимъ образомъ можетъ быть полезенъ не только изслѣдователямъ буддизма, но и его современнымъ приверженцамъ, ищущимъ въ этомъ ученіи отвѣта на разные вопросы, волнующіе ихъ душу. (Litterarische Echo).

«*Die Geistigen und Socialen Strömungen des 19 Jahrhunderts*» *von Theobald Ziegler. Berlin.* (*Georg Bondi*). (*Умственныя и соціальныя теченія XIX вѣка*). Объемистое сочиненіе, представляющее первый выпускъ серіи, которая будетъ состоять изъ сочиненій различныхъ авторовъ, посвященныхъ изученію современной эволюціи Германіи на почвѣ культурно-исторической. Въ слѣдующихъ выпускахъ будутъ помѣщены: политическая исторія проф. Кауфманна изъ Бреславля; военная исторія капитана Кенига изъ Берлина; исторія естественныхъ наукъ, исторія техники, строительнаго искусства, литературы, музыки и т. д. (Litterarische Echo).

«*Le Role social de la femme*» *par Anna Lampérière.* (*Соціальная роль женщины*). Очень интересная книга, обрисовывающая современное положеніе женщины и ту роль, которая ей принадлежитъ въ будущемъ. (Indépendance Belge).

«*Les savants modernes*» *leur vie, leurs travaux d'après les documents académiques.* (*Nony et C°*). *Paris.* (*Современные ученые*) Цѣль этой книги—познакомить всѣхъ культурныхъ читателей, на основаніи подлинныхъ документовъ, со всѣми великими именами, великими законами и великими проблемами науки. Книга эта заключаетъ въ себѣ прекрасно составленное изложеніе научной эволюціи послѣднихъ двухъ вѣковъ. (Indépendance Belge).

«*From Peking to Petersburg*» *by Arnst Reid* (*Edward Arnold*). (*Изъ Пекина въ Петербургъ*). Авторъ начинаетъ свою книгу замѣчаніемъ, что китайцы и славяне будутъ еще долго интересовать англичанъ. По его мнѣнію, нашествіе на Китай уже началось со стороны европейскихъ державъ подъ видомъ мирной оккупаціи, желѣзнодорожной концессіи и т. д., и поэтому теперь самое время заняться вопросомъ о будущемъ Китая. Авторъ видитъ въ современномъ Пекинѣ пророческое изображеніе будущаго Китая. «Въ стѣнахъ Пекина, и безъ всякихъ книгъ, —говоритъ онъ,—можно прочесть исторію прошлаго и предугадать будущее Китая. Дома, дворцы и храмы Пекина постепенно превращаются въ грязныя развалины, и китайцы равнодушно смотрятъ на это. То же самое можно сказать и относительно государства; правительство и народъ какъ будто ожидаютъ,

какая судьба постигнетъ страну, будетъ ли она раздѣлена между европейскими державами, или же въ ней будетъ учрежденъ протекторатъ, какъ въ Египтѣ. Авторъ думаетъ, что и теперь уже довольно было бы тысячи европейскихъ солдатъ, чтобы завоевать Китай. Помимо этихъ разсужденій о будущности Китая, авторъ даетъ очень интересное описаніе своего путешествія по Китаю и сибирской желѣзной дорогѣ.
(The Athaeneum).

«*The Cuban and Portoriean Campaigns*» *by Harding Davis.* (*Heinemann*). (*Кубанская кампанія*). Чрезвычайно живо написанныя картинки кубанской кампаніи, знакомящія читателя со всѣми ужасами войны, которые обыкновенно отодвигаются на второй планъ и о которыхъ забываютъ подъ вліяніемъ грома побѣдъ. Описаніе работъ на перевязочномъ пунктѣ проникнуто глубокимъ реализмомъ и производитъ сильное впечатлѣніе. Въ такомъ же родѣ написаны и другія картины, рисующія безпомощное положеніе раненыхъ на полѣ битвы, подъ палящими лучами солнца. Чтобы немного развеселить читателя послѣ этихъ мрачныхъ картинъ авторъ приводитъ нѣсколько мастерски написанныхъ изображеній солдатской жизни и мѣстами страницы такъ и блещутъ юморомъ.
(Daily News).

«*Sights and scenes of Oxford City and University*». (*Cassell and C°*). (*Виды и сцены изъ жизни Оксфорда и университета*). Чрезвычайно интересное описаніе, снабженное многочисленными видами Оксфорда и университета. (Daily News).

«*Anecdotal History of the British Parliament*» *by G. H. Jennings.* (*Harace Cox*). (*Анекдотическая исторія британскаго парламента*). Занимательная книга, вышедшая новымъ изданіемъ и заключающая въ себѣ цѣлый рядъ картинъ и сценъ изъ парламентской жизни Англіи. Въ книгѣ собранъ значительный историческій матеріалъ.
(Daily News).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ.

1) Капиталъ премія — 1.500 р., съ наросшими до дня выдачи процентами. 2) Срокъ представленія черезъ пять лѣтъ послѣ распубликованія положенія о преміи, т. е. 10 апрѣля 1904 года. 3) Если ни одно изъ представленныхъ черезъ 5 лѣтъ сочиненій не будетъ удостоено преміи, назначается новое соисканіе чарезъ три года и т. д. 4) Комитетъ Литературнаго Фонда, для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій, избираетъ особую коммиссію изъ трехъ лицъ, коими могутъ быть и не члены Комитета. но окончательный рѣшающій голосъ остается за Комитетомъ. 5) Премія присуждается одному лицу. 6) Если коммиссія признаетъ достойными преміи два или нѣсколько сочиненій, таковыя передаются на разсмотрѣніе новой коммиссіи; если же и она, равно какъ и Комитетъ, признаетъ ихъ одинаково удовлетворяющимъ требованіямъ настоящаго положенія—выборъ опредѣляется жребіемъ. 7) Премированное сочиненіе должно заключить въ себѣ: а) полный біографическій очеркъ, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней, психологической, стороны, на основаніи всѣхъ доступныхъ матеріаловъ; б) изложеніе хода развитія идей Бѣлинскаго въ связи съ современными ему и непосредственно предшествующими умственными теченіями, какъ русскими, такъ и европейскими. При этомъ должно быть обращено особое вниманіе на исторію русской критики и журналистики въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ; в) всестороннюю оцѣнку значенія дѣятельности Бѣлинскаго для русской жизни вообще и для послѣдующаго развитія русской критики въ особенности; г) характеристику ближайшихъ друзей и недруговъ Бѣлинскаго. 8) При полученіи преміи авторъ выдаетъ Литературному Фонду обязательство, по которому передаются Лит. Фонду права собственности по изданію 5.000 экземпляровъ. 9) Литературный Фондъ издаетъ премированное сочиненіе на свои средства или на деньги, могущія поступить для этой цѣли. 10) Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ капиталъ имени Бѣлинскаго при Литературномъ Фондѣ. 11) До присужденія преміи капиталъ долженъ находиться въ % бумагахъ. 12) Если по обстоятельствамъ не зависящимъ отъ Лит. Фонда, присужденіе преміи настолько замедлится, что капиталъ преміи вмѣстѣ съ % превыситъ 2.000 р., то въ премію выдается 2.000 р , избытокъ же на покрытіе расходовъ по изданію. 13) Такъ какъ цѣль преміи вызвать появленіе новаго труда о В. Г. Бѣлинскомъ, то всѣ труды, появившіеся до опубликованія положенія о преміи, не могутъ быть допущены къ соисканію, хотя бы и были представлены въ новомъ изданіи. 14) Принимая также во вниманіе, что премированное сочиненіе, въ первыхъ пяти тысячахъ экземплярахъ, должно поступить въ собственность Литературнаго Фонда, премія не можетъ быть присуждена за трудъ, выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, хотя бы и послѣ опубликованія положенія о конкурсѣ; но не можетъ быть препятствіемъ къ присужденію преміи, если часть труда, не болѣе одной половины его, была напечатана въ періодическихъ изданіяхъ.

Годъ VIII-й. № 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮНЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Дозволено цензурою 22 мая 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. МНИМЫЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ПРИЧИНЫ ОСТАНОВКИ ВЪ ПРИРОСТѢ НАСЕЛЕНІЯ ФРАНЦІИ. (Политико-экономическій этюдъ). Прив.-доц. І. **Гольдштейна** 1
2. ИЗЪ ИСТОРІИ ЕРЕСЕЙ НА ЗАПАДѢ. **К. Каутскаго**. Переводъ съ нѣмецкаго **В. Всеволожскаго**. 30
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОБѢЖДЕННЫЕ. (Изъ Ады Негри). **Тана**. 44
4. РИШТАУ. Повѣсть. **В. Сѣрошевскаго**. (Продолженіе) 46
5. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ. (Переводъ съ польскаго). **Тана**. 68
6. НА МОНБЛАНЪ. Прив.-доц. **Н. Иванцова**. (Окончаніе). . . 69
7. ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. Проф. **Р. Виппера**. (Продолженіе). 93
8. СТИХОТВОРЕНІЕ. ОТДЫХЪ. **С. Маковскаго**. 130
9. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. («Изъ житейскаго опыта»). (Окончаніе). **И. К—ва**. 132
10. СТУДЕНТКА. Романъ **Грэхэмъ Трэверса**. Переводъ съ англійскаго **З. Журавской**. (Продолженіе) 155
11. КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ. (Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію). **Н. Гарина**. (Продолженіе) . 183
12. РАВНОДУШНЫЕ. Романъ. (Продолженіе). **К. Станюковича** . . 228
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ А. МИЦКЕВИЧА. АККЕРМАНСКІЯ СТЕПИ. (Изъ «Крымскихъ сонетовъ»). **А. Колтоновскаго** . . 250

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Пушкинъ», Л. Майкова.—Изъ жизни Пушкина.—Характеристика его личности окружающими и близкими людьми.—Пушкинъ, какъ критикъ.—Впечатлѣнія смерти Пушкина на современниковъ: воспоминанія Гончарова.—Судъ потомства. — «Русская школа»: мнѣнія стараго педагога о современной молодежи.—Мнѣнія попечителя г. Яновскаго о современной школѣ.—Почему эта школа не удовлетворяетъ всѣхъ.—Современная школа есть бюрократическое учрежденіе и должна быть разсматриваема какъ преддверіе канцеляріи. **А. Б.** 1

стр.

15. ПУШКИНЪ И ВОЙНА. (Замѣтка). **С. Ашевскаго** 14
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** На голодѣ. — Фабричные безпорядки.—Еврейскіе безпорядки въ Николаевѣ. — Воспоминанія о Салтыковѣ. — Пушкинская выставка. — Пушкинъ въ сельскомъ населеніи. 21
17. VII-й ПИРОГОВСКІЙ СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ. Врача **В. И. Бинштока**. 37
18. **За границей.** Дрейфусовская эпопея.—Двѣ годовщины.—Музей общественной гигіены въ Берлинѣ. — Городское управленіе въ Лондонѣ и палата общинъ.—Первые шаги японскаго государственнаго дѣятеля.—Парижскій соціальный музей и его дѣятельность. 44
19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue de Paris»,—«Revue des Deux Mondes».—«North American Review». 56
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. **Физика и метеорологія.** Жертвы молніи и нѣкоторыя ея эффекты.—**Медицина и гигіена.** 1) Новыя изслѣдованія о зараженіи туберкулёзомъ. 2) Стерилизація воды для питья посредствомъ озона.—**Этнографія.** Русскіе на рѣкѣ Колымѣ. **Н. М.** 60
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги: **Беллетристика.**—**Критика и исторія литературы.**—**Юридическія науки.**—**Философія и психологія.**—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 71
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. О театрѣ и идеяхъ. **И. Иванова.** 95
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 118

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ВЕРОНИКА. Историческій романъ **Шумахера.** Переводъ съ нѣмецкаго **З. А. Венгеровой**. (Окончаніе) 137
25. МИКРОКОСМОСЪ, ИЛИ МІРЪ ВЪ МАЛОМЪ ПРОСТРАНСТВѢ, описанный **Морицомъ Вилькомомъ**, покойнымъ профессоромъ пражскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго **Н. М. Могилянскаго** и **Д. Н. Нелюбова**. Съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ. (Продолженіе). 157

Мнимыя и дѣйствительныя причины остановки въ приростѣ населенія Франціи.

(Политико-экономическій этюдъ).

I.

Въ прошломъ году государственныя науки праздновали, одинъ изъ наиболѣе важныхъ своихъ юбилеевъ. Я подразумѣваю подъ этимъ столѣтній юбилей появленія въ свѣтъ перваго изданія знаменитаго труда Мальтуса, теорія котораго о населеніи считалась многими учеными и политиками въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій за non plus ultra мудрости. Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы пожелали подробно критиковать здѣсь теорію Мальтуса; къ тому же, дальнѣйшія разсужденія о ростѣ народонаселенія въ Англіи и Франціи дадутъ и безъ того косвенную оцѣнку его ученія. Поэтому, упомянемъ только, что по Мальтусу населеніе имѣетъ тенденцію размножаться въ геометрической прогрессіи, тогда какъ жизненные продукты растутъ только въ прогрессіи ариѳметической. Исходя изъ этого, построеннаго при помощи поверхностныхъ статистическихъ наблюденій закона—статистика, какъ извѣстно, обрѣталась тогда еще въ пеленкахъ—Мальтусъ пришелъ къ заключенію, что несостоятельные классы, поскольку они хотятъ избѣжать нищеты и страданій, должны отказаться отъ женитьбы и дѣторожденія или, по крайней мѣрѣ, значительно сократить число дѣтей.

Какъ уже упомянуто выше, теорія эта была признана многочисленными выдающимися учеными и политиками. Особенной популярностью пользовалась она однако во Франціи, гдѣ многочисленные классы населенія, которые, быть можетъ, никогда не слышали имени Мальтуса, проводили на практикѣ рекомендуемое имъ ограниченіе числа дѣтей. Для характеристики прежняго отношенія большинства французскихъ ученыхъ къ теоріи Мальтуса, достаточны слѣдующія цитаты. Извѣстный экономистъ J. B. Say писалъ по этому поводу: «Учрежденія, наиболѣе способствующія счастью человѣчества, это тѣ, которыя поощряютъ ростъ капитала. *Лучше, поэтому, поощрять людей къ экономіи, чѣмъ къ дѣторожденію*» *). Другой французскій писатель Giresse

*) Цитировано по Nitti, «La population» etc., стр. 90.

въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1867 г., «Essai sur la population», проводилъ слѣдующую теорію: «Число рожденій уменьшилось съ конца XVIII столѣтія на цѣлую треть. Если бы, къ несчастью, современные французы слѣдовали заповѣди: «плодитесь и размножайтесь» до сихъ поръ съ тѣмъ же рвеніемъ и тѣмъ же безразсудствомъ, какъ въ 1777 г., мы имѣли бы во Франціи ежегодно около 1.330.000 рожденій, т. е. почти на 330.000 больше, чѣмъ ихъ имѣется на самомъ дѣлѣ. Чтобы показать быстроту прогресса, достаточно констатировать, что онъ избавилъ человѣчество отъ сопряженныхъ съ 330.000 родами тягостей и мученій, отъ смерти многихъ женщинъ и отъ приблизительно 15.000 мертворожденныхъ. Содрогаешься,—заключаетъ Giresse свои разсужденія,—подумавъ, сколько бѣдствій, страданій и потрясеній были бы внесены въ нашъ соціальный строй этими лишними 330.000 рожденіями». Въ томъ же духѣ высказался Josef Garnier, членъ Institut de France. Излишекъ населенія является, по его мнѣнію, одной изъ главныхъ причинъ нищеты и бѣдности *). То же самое писалъ Léonce de Lavergne въ 1860 г., высказывая мысль, что Нормандію можно только поздравить по поводу медленнаго прироста ея населенія **).

Но французы не довольствовались однако только теоретическими совѣтами по поводу необходимости ограниченія числа дѣтей. Тамъ и сямъ они заходили такъ далеко, что платили даже преміи за это. Уже упомянутый нами Josef Garnier сообщаетъ, наприм., что версальскій муниципальный совѣтъ учредилъ въ 1859 г. премію за умѣренность въ 1.000 франковъ. При присужденіи ея особое вниманіе должно было быть обращено на малое число дѣтей ***). Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій во Франціи произошла значительная перемѣна во взглядахъ на этотъ вопросъ. Тогда какъ прежде, какъ мы видѣли, среди ученыхъ и политиковъ считалось какъ бы принадлежностью хорошаго тона высказываться сторонникомъ теоріи Мальтуса, въ настоящее время ученые мальтузіанцы должны прикрывать свои взгляды всякими прикрасами и снабжать ихъ ограниченіями. Статистики, соціологи, экономисты и цѣлыя ученыя общества занимаются теперь разрѣшеніемъ вопроса, какими средствами можетъ быть увеличенъ приростъ населенія.

Откуда взялась эта перемѣна во взглядахъ, мы увидимъ при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи прироста населенія во Франціи. Сперва необходимо разсмотрѣть нѣкоторыя данныя о ростѣ населенія въ Англіи, такъ

---

*) Сравн. J. Garnier, «Du principe de population», II изданіе. Парижъ, 1885 стр. 10.

**) Сравн. L. de Lavergne, «Economie rurale de la France», Paris, 1860, стр. 100.

***) Сравни вышеназванный трудъ Garnier, стр. 224. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи также циркуляръ, опубликованный префектомъ департамента Allier въ 1833 г. Префектъ этотъ рекомендуетъ ограниченіе числа дѣтей, какъ лучшее средство къ поднятію благосостоянія. Сравн. Arthur Cheroin, «Histoire statistique de la population française», Paris, 1889, стр. 46.

какъ это является conditio sine qua non для пониманія хода развитія Франціи.

Въ концѣ XVII столѣтія Англія была, какъ это изложено въ I томѣ моихъ изслѣдованій *), государствомъ, населеніе котораго занималось преимущественно земледѣліемъ. Изъ всего населенія Англіи и Уэльса, которое исчислялось тогда, приблизительно, въ $5^1/_2$ милліоновъ, около $^1/_6$ жило въ городахъ и мѣстечкахъ, остальныя же четыре пятыхъ жили въ селахъ и деревняхъ. Въ вышеназванномъ трудѣ было также доказано, что теперь въ Англіи замѣчается обратное отношеніе, такъ какъ въ настоящее время около $^3/_4$ населенія живутъ въ городскихъ округахъ. Въ вышеуказанномъ мѣстѣ былъ установленъ интересный фактъ, что почти весь приростъ населенія Англіи сосредоточился въ промышленныхъ центрахъ, тогда какъ въ сельскихъ округахъ населеніе оставалось неизмѣннымъ или даже уменьшалось. Наконецъ, приведенныя тамъ данныя привели насъ къ выводу, что измѣненное положеніе мірового рынка и возрастающая агломерація населенія оказали на сельскохозяйственную культуру Англіи рѣзко охарактеризованное вліяніе въ томъ отношеніи, что воздѣлываніе пшеницы и ячменя отодвигается на задній планъ. Земли, бывшія прежде подъ этими культурами, заняты теперь, въ большинствѣ случаевъ, пастбищами или садами. Особенный интересъ заслуживаетъ проявившаяся при этомъ закономѣрность явленій, выразившаяся въ томъ, что графства съ наиболѣе густымъ населеніемъ имѣли въ то же время наибольшій процентъ постоянныхъ пастбищъ и садовъ.

Охарактеризовавъ въ краткихъ чертахъ эволюцію Англіи, мы можемъ перейти теперь къ изслѣдованію хода развитія Франціи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія населеніе главнѣйшихъ культурныхъ государствъ Европы исчислялось слѣдующимъ образомъ: Англія, включая Уэльсъ, имѣла около 9 милліоновъ жителей, Германія **) отъ 22 до 23 милл., Франція около 27 милліоновъ. Франція занимала, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи *первое* мѣсто, причемъ, число ея жителей составляло почти что 47% населенія этихъ 3-хъ странъ.

Иное видимъ мы въ настоящее время. На основаніи новѣйшихъ переписей, нынѣшнее населеніе Англіи, включая Уэльсъ, исчисляется приблизительно въ 31 милл., Германіи въ 53 милліона, Франціи же только въ 39 милліоновъ. Населеніе Франціи составляетъ, слѣдовательно, теперь уже не 47% всего населенія вышеназванныхъ 3-хъ государствъ, а только 32%. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Англія и Германія дали за это время міру нѣсколько милліоновъ эмигрантовъ, тогда какъ во Франціи иммиграція значительно превышаетъ эмиграцію.

*) «Berufsgliederung u. Reichtum», изданіе Cotta, Stuttgart, 1897. См. «Міръ Божій» 1898 г., августъ, статья І. Гольдштейна «Индустрія и земледѣліе, какъ основы эконом. и финанс. могущества».

**) Здѣсь подразумѣвается пространство, занимаемое Германіей въ *настоящее* время.

Еще яснѣе выступаетъ перемѣщеніе политическаго и экономическаго центра тяжести, если принять во вниманіе абсолютный приростъ населенія въ этихъ 3-хъ странахъ. Съ начала XIX столѣтія приростъ населенія Англіи, включая Уэльсъ, исчислялся въ 22 милліона, въ Германіи въ 30 милліоновъ, во Франціи же только въ 12 милліоновъ, причемъ разница становилась все значительнѣе по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени *).

Достаточно въ этомъ отношеніи указать на результаты предпринятыхъ за послѣднія 25 лѣтъ переписей. Съ начала 70 годовъ населеніе Англіи, включая Уэльсъ, увеличилось, приблизительно, на 8 милліоновъ, населеніе Германіи на 12 милліоновъ, населеніе же Франціи только, приблизительно, на 2 милліона. Чтобы покончить съ этимъ, необходимо еще упомянуть, что населеніе Франціи равнялось къ началу великой революціи почти что 25% населенія тогдашнихъ великихъ державъ, тогда какъ теперь оно составляетъ только 13%, т. е., приблизительно половину тогдашняго отношенія.

Приведенные факты чрезвычайно важны для выясненія значенія, которое придается этимъ вопросамъ въ настоящее время во Франціи. Французы боятся потерять свое положеніе среди великихъ державъ и эта боязнь является одной изъ главныхъ причинъ появленія различныхъ законопроектовъ, имѣющихъ цѣлью увеличеніе населенія. Достаточнымъ доказательствомъ правильности выше высказанныхъ взглядовъ являются часто появляющіяся во французскихъ журналахъ вычисленія, трактующія о военныхъ силахъ Франціи въ сравненіи съ военными силами другихъ государствъ. Мы находимъ тамъ, поскольку дѣло касается 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, постоянно указанія на тотъ фактъ, что Франція, вслѣдствіе сравнительно незначительнаго процента дѣтей и сравнительно большаго процента мужчинъ въ зрѣломъ возрастѣ, можетъ выставить столь же многочисленную армію, какъ Германія, такъ что пока нѣтъ собственно никакого повода къ безпокойству. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія исчезло однако и это послѣднее утѣшеніе, такъ какъ уже въ 1885 г. одинъ изъ такихъ утѣшителей—Le Roy—долженъ былъ констатировать фактъ, что мужское населеніе Германіи въ возрастѣ отъ 20 лѣтъ и выше превышаетъ таковое во Франціи больше, чѣмъ на 600.000 **).

Въ заключеніе приведемъ еще цитату изъ читаннаго во французской медицинской академіи реферата д-ра Rochard'a, которая очень характерно выражаетъ печальное настроеніе французской интеллигенціи. «Если наше населеніе,—говоритъ онъ,—остается безъ измѣненія, или даже растетъ, то это нужно приписать иммиграціи; чужіе страны

*) Приростъ населенія во Франціи составлялъ между 1821 — 1841 г. 5,9 на 1.000 душъ, между 1841—1861 г. 3,7, между 1861—1881 около 2.5. Сравни Arthur Chervin, «Histoire statistique de la population française», стр. 10.

**) Сравни «Journal de Société de Statistique de Paris». 1890, стр. 360.

заполняютъ нашу пустоту и этотъ наплывъ въ большинствѣ враждебныхъ намъ элементовъ является на самомъ дѣлѣ скрытымъ вторженіемъ непріятеля, страшной опасностью для нашей будущности. Народъ, поддерживающій свое существованіе при помощи другихъ странъ, теряетъ скоро свой характеръ, свои нравы и свою силу. Онъ теряетъ при этомъ со временемъ и свое величайшее достояніе—свою національность» *).

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію причинъ замедленія прироста населенія, надъ которымъ французы такъ давно уже ломаютъ себѣ головы, необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на слѣдующемъ, чрезвычайно важномъ явленіи. Въ началѣ великой революціи Франція стояла по плотности населенія во главѣ культурныхъ странъ. Въ среднемъ тамъ приходилось тогда почти что 50 человѣкъ на квадратный километръ, противъ 30 въ тогдашней Пруссіи и, приблизительно, 40 въ Соединенномъ Королевствѣ. На этотъ фактъ необходимо обратить особое вниманіе, такъ какъ онъ является, какъ мы потомъ увидимъ, при своеобразныхъ обстоятельствахъ экономическаго развитія Франціи, одной изъ главныхъ причинъ медленнаго прироста населенія.

Первый вопросъ, который намъ предстоитъ разрѣшить, это вопросъ о теперешней плотности населенія въ главнѣйшихъ культурныхъ государствахъ. Соотвѣтствующія вычисленія даютъ слѣдующія цифры. На квадр. километръ приходится въ среднемъ: въ Соединеномъ Королевствѣ 126 человѣкъ, въ Германіи, приблизительно, 97, во Франціи же только 73. При этомъ необходимо не упускать изъ виду, что въ Англіи (включая Уэльсъ) самой по себѣ, т. е. безъ Шотландіи и Ирландіи, на квадр. километръ приходится свыше 203 человѣкъ. Эти данныя показываютъ съ достаточной ясностью, что по отношенію къ плотности населенія съ конца прошлаго столѣтія совершился крупный переворотъ. Франція не стоитъ болѣе во главѣ культурныхъ государствъ, такъ какъ Англія и Германія значительно опередили ее въ этомъ отношеніи. Каковы причины этого быстраго уменьшенія прироста населенія во Франціи въ теченіе послѣдняго столѣтія?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прослѣдить по порядку главнѣйшіе, играющіе тутъ роль, моменты. Первымъ дѣломъ надо обратить вниманіе на число заключаемыхъ браковъ. На 10.000 душъ населенія—масштабъ, какъ мы увидимъ дальше, могущій уяснить дѣло только приблизительно—во Франціи приходилось въ промежуткѣ между 1881—1890 гг., въ среднемъ ежегодно около 74 браковъ, въ Англіи, приблизительно, 75, въ Германіи 78. Если принять во вниманіе существующія различія относительно возраста и гражданскаго состоянія населенія, то, по Бодіо, приходилось между 1874 и 1891 гг.

*) Цитировано по Nadaillac, «Affaiblissement de la natalité», etc., стр 4.

на 10.000 холостыхъ, вдовыхъ и разведенныхъ, старше 15 лѣтъ, въ Швейцаріи 408 лицъ, сочетавшихся бракомъ, въ Бельгіи 419, во Франціи 458, въ Англіи, включая Уэльсъ, 526, въ Германіи 530 *). Въ среднемъ у французовъ, какъ видно, заключается меньше браковъ, чѣмъ въ Германіи и Англіи; ихъ относительное число во Франціи, однако, гораздо больше, чѣмъ въ Швейцаріи и Бельгіи, въ которыхъ остановки прироста населенія не замѣчается. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что на пожилой и на старческій возрастъ во Франціи приходится бо́льшій процентъ, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Въ виду этого вышеприведенная разница относительно средняго числа должна значительно уменьшиться. Особаго вниманія заслуживаетъ при этомъ еще то обстоятельство, что процентъ женатыхъ во Франціи въ теченіе этого столѣтія значительно повысился. Такъ, напримѣръ, въ 1806 г. ихъ числилось около 36%, противъ 40% всего населенія въ 1891 году. Подобное же увеличеніе замѣчается относительно числа овдовѣвшихъ, именно съ 6,6 на 8,1%.

Всѣ эти факты заставляютъ насъ согласиться съ выводомъ большинства французскихъ изслѣдователей **), что нѣсколько меньшее среднее число браковъ, само по себѣ, не можетъ быть причиной остановки прироста населенія. Это дѣлаетъ понятнымъ скептическое отношеніе извѣстнѣйшихъ французскихъ ученыхъ, какъ Levasseur, Bertillon-отецъ и мн. др., къ часто рекомендованнымъ съ разныхъ сторонъ мѣрамъ для искусственнаго повышенія числа браковъ. Прежде всего необходимо упомянуть, что эти предложенія не оргинальны и не новы. Они являются большею частью только повтореніемъ мѣръ, примѣнявшихся въ свое время очень часто просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Чтобы показать, какіе безсмысленные проекты предлагались съ этой цѣлью въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, достаточно цитировать слѣдующій законопроектъ, предложенный въ 1801 году нѣкіимъ Poncet de la Grave, какъ средство для борьбы съ безбрачіемъ ***).

Въ первой статьѣ своего проекта онъ требуетъ, чтобы всѣ холостяки въ возрастѣ отъ 25—60 лѣтъ были объявлены впредь неспособными занимать какую-либо государственную или иную должность. Какъ дополнительная мѣра, высказывается имъ затѣмъ требованіе, чтобы холостяки, находящіеся уже на подобныхъ должностяхъ, немедленно оставили ихъ. Не повинующимся онъ угрожаетъ заключеніемъ въ цѣпи на 10 лѣтъ и лишеніемъ имущества.

Во II статьѣ выражается имъ требованіе, чтобы холостяки платили двойныя подати.

Въ ст. III и IV Poncet de la Grave требуетъ, чтобы холостяки были лишены права наслѣдовать имущество родителей, родныхъ и т. п. Эти

*) Сравн. G. v. Mayr, «Bevölkerungsstatistik», стр. 386.

**) Сравн. Arthur Chervin, «Histoire statistique» etc., стр. 18.

***) Сравн. Poncet de la Grave, «Considérations sur le célibat», стр. 136.

наслѣдства конфискуются въ пользу казны. У холостяковъ отнимается затѣмъ право завѣщанія.

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ предлагается устройство института цензоровъ, которые должны были бы слѣдить за холостяками, затѣмъ установленіе особыхъ внѣшнихъ значковъ для отличія холостяковъ отъ женатыхъ. Такимъ значкомъ для мужчинъ должна была служить желтая кокарда, для дѣвушекъ желтая вуаль.

Въ ст. X онъ предлагаетъ, наконецъ, запретить холостымъ лицамъ обоихъ половъ, принужденнымъ вышеупомянутыми мѣрами къ браку: мужчинамъ женитьбу на женщинѣ, старше 40 лѣтъ, и женщинамъ замужество съ мужчинами старше 60 лѣтъ. Цѣль, преслѣдуемая этой мѣрой, дѣлается понятной, если принять во вниманіе фактъ, что вышеназванный возрастъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ является предѣльной границей зачатія и дѣторожденія.

Такую же незначительную роль, какъ, сравнительно, меньшее число браковъ, играетъ относительно неувеличенія населенія мнимая безнравственность французовъ, поскольку о ней вообще можно судить при помощи числа незаконнорожденныхъ. На 1.000 незамужнихъ женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ во Франціи приходится ежегодно въ среднемъ только 17 незаконнорожденныхъ, противъ 27 въ Германіи. Если сравнить Францію съ Саксоніей или Баваріей, то результатъ окажется для Франціи еще болѣе благопріятнымъ.

Въ такой же независимости, какъ отъ нѣсколько мѣньшаго числа браковъ и отъ процента незаконнорожденныхъ, находится остановка прироста населенія отъ большой смертности, поскольку эта послѣдняя будетъ разсматриваться *сама по себѣ*. На 1.000 душъ населенія во Франціи приходилось между 1884—1893 гг. около 22,4 смертныхъ случаевъ, въ Германіи же почти 24,6. Наоборотъ, въ Англіи, гдѣ $^3/_4$ населенія живетъ въ городскихъ округахъ, иными словами—почти цѣликомъ занимается промышленностью, торговлей и т. п. ремеслами, на 1.000 душъ приходится въ среднемъ всего 19,2 смертныхъ случаевъ.

Намъ остается, слѣдовательно, еще только одинъ важный моментъ, въ зависимость отъ котораго можетъ быть приведена остановка прироста населенія, а именно: чрезвычайно малое количество рожденій, которое замѣчается во Франціи *). На 1.000 душъ населенія здѣсь приходилось между 1865 и 1883 гг. ежегодно около 25 рожденій, тогда какъ въ Англіи (включая Уэльсъ) ихъ числилось около 35, а въ Германіи даже 39 **). Кромѣ того, важно отмѣтить еще тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ Англіи и Германіи относительное число рожденій

*) Отъ этого зависитъ въ значительной степени вышеупомянутая слабая смертность во Франціи.

**) Въ промежуткѣ времени отъ 1887—1891 гг. во Франціи приходилось на 1.000 душъ 23 рожденія, въ Англіи—31,3, въ Германіи—36,5. Сравн. вышеназванный трудъ G. v. Мауг'а, стр. 177.

подвергалось только сравнительно незначительнымъ измѣненіямъ, во Франціи замѣчается изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе быстрое уменьшеніе. Въ общемъ оно понизилось съ 32 рожденій на 1.000 душъ въ началѣ нашего столѣтія на 23 въ послѣднемъ десятилѣтіи. Это явленіе поражаетъ изслѣдователя еще больше, если принять во вниманіе, что абсолютное число рожденій во Франціи, несмотря на то, что населеніе увеличилось почти на половину, теперь значительно меньше, чѣмъ въ началѣ нынѣшнаго столѣтія.

Чтобы уже здѣсь обратить вниманіе читателя на косвенную причину этого явленія, мы приведемъ цифры, касающіяся отношенія законныхъ рожденій къ числу браковъ, заключенныхъ въ теченіе разсматриваемыхъ періодовъ. Такихъ рожденій приходилось на бракъ въ первомъ пятилѣтіи этого столѣтія почти 4,24. Постепенно понижаясь, ихъ число достигло въ промежуткѣ отъ 1886 до 1889 года цифры 2,96 *). Такимъ образомъ, цифра, показывающая отношеніе числа рожденій къ числу заключенныхъ за тотъ же періодъ браковъ, понизилась во Франціи съ начала нашего столѣтія на цѣлыхъ 30%. При этомъ можно замѣтить слѣдующее чрезвычайно интересное явленіе. Сравнивая колебанія этой цифры за отдѣльныя пятилѣтія нынѣшняго столѣтія, мы замѣтимъ, что до 50-хъ годовъ цифра эта понижалась чрезвычайно быстро и достигла уже въ 1856—1860 гг. 3,04. Съ тѣхъ поръ она колеблется, если исключить катастрофу начала 70-хъ годовъ, между 3,15 въ промежуткѣ отъ 1866 до 1870 г. и 2,96 въ промежуткѣ отъ 1886 до 1889 г. Levasseur и многіе другіе французскіе изслѣдователи констатируютъ, правда, это явленіе и стараются даже утѣшить французовъ этимъ фактомъ. Они не даютъ, однако, объясненія его. Мы попробуемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи выяснить причины этого явленія. Прежде необходимо, однако, коснуться въ нѣсколькихъ словахъ числа законныхъ рожденій въ различныхъ странахъ. По вычисленіямъ извѣстнаго итальянскаго статистика Бодіо, на 1.000 замужнихъ женщинъ въ возрастѣ отъ 15—50 лѣтъ приходилось ежегодно въ Германіи **) около 270, въ Англіи (включая Уэльсъ) около 250, въ Франціи же ***) только около 163 такихъ рожденій.

Въ виду вышеприведенныхъ цифръ, въ настоящее время нельзя больше оспаривать факта, что число рожденій во Франціи очень мало и что оно показываетъ, къ тому же, сильное стремленіе къ дальнѣйшему пониженію. При отысканіи объясненія для остановки прироста населенія, насъ, однако, куда меньше интересуютъ косвенныя причины, въ данномъ случаѣ низкая законная рождаемость, чѣмъ установленіе непосредственныхъ причинъ, т. е. отысканіе факторовъ, которые привели къ этому быстрому уменьшенію числа рожденій. Здѣсь находится

*) Сравн. Levasseur, «La population française», III томъ, стр. 150.

**) Въ промежуткѣ 1874—1890.

***) Въ промежуткѣ 1874—1891.

центръ тяжести вопроса, надъ разрѣшеніемъ котораго французскіе ученые и политики трудятся уже въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій.

Мы разсмотримъ сперва главнѣйшія изъ имѣющихся объясненій этого явленія.

II.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ замедленія прироста населенія Франціи, является, по мнѣнію многихъ извѣстныхъ французскихъ изслѣдователей, быстрый ростъ большихъ городовъ. Большіе города, говорятъ они растутъ на счетъ сельскихъ коммунъ. Благодаря проистекающему отсюда уменьшенію сельскаго населенія, изсякаетъ главный источникъ рожденій страны. Чтобы повысить число рожденій, по ихъ мнѣнію, необходимо воспрепятствовать росту большихъ городовъ.

Подобные совѣты можно найти уже у многихъ писателей, жившихъ въ прошломъ столѣтіи, въ особенности часто у Ж. Ж. Руссо. «Большіе города,—говоритъ знаменитый авторъ книги «Contrat social»,—истощаютъ государство и являются причиной его слабости» [1]). Похожіе взгляды высказали въ новѣйшее время Bertillon отецъ, Cheysson, Toussaint Loua, Arsène Dumont, Lagneau и много другихъ.

Что касается знаменитаго демографа Bertillon'a, то онъ называетъ большіе города скопищемъ, вреднымъ какъ для нравственнаго, такъ и для физическаго здоровья [2]). Коллега Bertillon'a, академикъ Lagneau, считаетъ ограниченіе эмиграціи изъ деревень въ города однимъ изъ главныхъ средствъ для ускоренія прироста населенія [3]). Arsène Dumont, о теоріи котораго мы говоримъ въ дальнѣйшемъ болѣе подробно, жалуется на то, что уменьшеніе плодовитаго сельскаго населенія, вслѣдствіе эмиграціи въ города, должно еще болѣе ухудшить и безъ того печальное положеніе Франціи [4]).

Въ томъ же родѣ высказываются Cheysson [5]), Toussaint Loua [6]) и Tounissoux [7]). Особенно далеко идутъ однако въ этомъ отношеніи Bertheau и Dr. Dunant. Первый объявляетъ, что относительное число рожденій уменьшается, съ начала столѣтія, какъ во всей Франціи, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ департаментѣ, и что сельское населеніе является *главнымъ* источникомъ плодовитости націи [8]); послѣдній счи-

[1]) Сравн. Bertheau, «Essai sur les lois de la population», стр. 386.

[2]) Сравн. «Mouvementsde la population», Annales de la «Demographie internationale» 1877, стр. 180.

[3]) Сравн. «Du dépeuplement et de la décroissance de population» etc., стр. 37.

[4]) «Depopulation et civilisation», стр. 83.

[5]) «La Question de la population en France». Journal de la Société de stat. de Paris. 1883, стр. 453.

[6]) «Les deplacements de population en France». Journal de la Soc. de Stat. de Paris 1895, стр. 125.

[7]) «La désertion de campagnes» Ib., стр. 195.

[8]) «Essai sur les lois de la population», стр. 389.

таетъ доказаннымъ, что остановка прироста населенія Франціи зависитъ отъ быстраго роста Парижа и другихъ большихъ городовъ *).

Намъ не остается другого исхода, кромѣ изслѣдованія правильности или неправильности этихъ утвержденій. Главные вопросы, на которые при этомъ необходимо отвѣтить, могутъ быть сформулированы слѣдующимъ образомъ:

1) Есть ли быстрый ростъ большихъ городовъ явленіе, свойственное одной только Франціи?

2) Увеличивается ли населеніе большихъ французскихъ городовъ скорѣе или медленнѣе населенія большихъ городовъ въ Германіи и Англіи?

3) Чѣмъ обусловливается болѣе быстрый или болѣе медленный приростъ населенія въ большихъ городахъ Франціи?

Отвѣтомъ на первый вопросъ можетъ служить констатированіе факта, что быстрый приростъ населенія свойственъ не только большимъ городамъ Франціи, но и большимъ городамъ почти всѣхъ культурныхъ странъ. Такъ какъ въ этихъ странахъ, не смотря на это, замѣтенъ большой приростъ населенія, то большіе города могли бы только въ томъ случаѣ считаться существенной причиной остановки прироста населенія во Франціи, если бы результаты изслѣдованія показали, что большіе города Франціи растутъ гораздо скорѣе, чѣмъ большіе города въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи и Германіи. Иными словами, это явленіе только тогда могло бы быть принято серьезно во вниманіе, если бы вышеназванное мнимое *зло* — быстрый ростъ городовъ ceteris paribus выступало тамъ значительно сильнѣе.

Прежде всего слѣдуетъ установить, какъ велико, собственно говоря, число большихъ городовъ въ упомянутыхъ трехъ странахъ? Если считать «*большими городами*» всѣ города, имѣющіе болѣе 100.000 жителей, то такихъ городовъ числилось по результатамъ послѣднихъ переписей въ Германіи 28, въ Англіи съ Уэльсомъ 24, въ Франціи же только *12*. Если принять еще во вниманіе пятилѣтній промежутокъ, лежащій между послѣднею французскою переписью (1896) и послѣднимъ англійскимъ цензомъ (1891), то число большихъ городовъ въ Англіи должно равняться теперь, приблизительно, 30.

Уже относительно числа такихъ городовъ Франція стоитъ, слѣдовательно, съ 12 большими городами далеко позади Германіи съ 28 и Англіи съ приблизительно 30. Еще интереснѣе становятся результаты, если принять во вниманіе приростъ населенія большихъ городовъ этихъ странъ за послѣднія два десятилѣтія—промежутокъ времени, въ которомъ этотъ приростъ былъ особенно значителенъ. При этомъ необходимо, разумѣется, руководствоваться только результатами переписей, а не основанными на вычисленіяхъ данными. Чтобы яснѣе показать

*) «Influence de l'immigration» etc. «Annales de Démographie», стр. 430.

тенденцію развитія, мы оставимъ пока въ сторонѣ Лондонъ, Парижъ и Берлинъ и разсмотримъ сперва только приростъ населенія въ другихъ большихъ городахъ названныхъ странъ.

Что касается Англіи съ Уэльсомъ, то, по исключеніи Лондона, населеніе остальныхъ 23 большихъ городовъ увеличилось тамъ между 1871—1891 гг. съ 3,6 до 5 милліоновъ. Приростъ составлялъ, значитъ, почти 1,4 милл., т. е. около 38%.

Населеніе остающихся, по исключеніи Берлина, 27 большихъ городовъ Германіи увеличилось между 1875—1895 гг. съ 2,9 до 5,6 милл. Приростъ равнялся, значитъ, приблизительно, 2,7 милл., т. е. почти 93%.

Населеніе же остающихся, по исключеніи Парижа, 11 большихъ городовъ Франціи увеличилось въ промежуткѣ съ 1876—1896 гг. только съ 1,8 до 2,3 милл. Приростъ составлялъ, слѣдовательно, меньше полумилліона или около 27%. Изъ этого видно съ достаточной ясностью, что приростъ населенія въ большихъ городахъ Франціи былъ за разсматриваемыя 20 лѣтъ, какъ абсолютно, такъ и относительно, *значительно медленнѣе* соотвѣтственнаго прироста въ большихъ городахъ Англіи и Германіи.

Подобное же явленіе можно констатировать относительно городовъ съ 50.000 до 100.000 жителей. Такихъ городовъ числилось во время послѣднихъ переписей въ Англіи съ Уэльсомъ 37, въ Германіи—29, во Франціи же только 22. Населеніе этихъ городовъ увеличилось въ теченіе вышеупомянутыхъ 20 лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Англіи съ Уэльсомъ съ 1,7 до 2,6 милл., т. е., приблизительно, на 900.000, или 53%; въ Германіи съ 1,2 до 2 милл., т. е. почти на 800.000, или 69%; во Франціи же всего съ 1,17 до 1,54 милл., т. е., приблизительно, на 370.000, или 32%.

Слѣдовательно, и города съ 50.000 до 100.000 жителей были во Франціи въ гораздо меньшемъ числѣ и расли при этомъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Германіи и Англіи.

Если мы займемся теперь, въ заключеніе, населеніемъ всѣхъ городовъ съ болѣе нежели 50.000 жителей, включая сюда Лондонъ, Парижъ и Берлинъ, то получимъ слѣдующія цифры:

Приростъ населенія ихъ равнялся въ Англіи съ Уэльсомъ (61 городъ), приблизительно, 3,3 милл., или 38%, въ Германіи (57 городовъ) 4,2 милл., или 82%, во Франціи же (34 города) только 1,4 милл., или 29%. Процентное отношеніе населенія всѣхъ городовъ съ болѣе нежели 50.000 жителей ко всему населенію этихъ странъ было, наконецъ, слѣдующимъ:

Во Франціи.....	включая	Парижъ.....	около	16%
Въ Германіи.....	»	Берлинъ	»	19%
» Англіи съ Уэльсомъ	»	Лондонъ	»	41%
Во Франціи	безъ	Парижа	»	10%
Въ Германіи.....	»	Берлина.....	»	15%
» Англіи.....	»	Лондона.....	»	26%

Имѣя налицо всѣ эти факты, едва ли возможно говорить объ особомъ избыткѣ большихъ городовъ во Франціи. Каждому безпристрастному изслѣдователю придетъ, наоборотъ, невольно въ голову мысль, не является ли какъ разъ малочисленность большихъ городовъ одною изъ главныхъ причинъ замедленія прироста населенія въ этой странѣ. Насколько правильнымъ было бы такое заключеніе, мы узнаемъ въ концѣ нашего изслѣдованія, при разсмотрѣніи причинъ медленнаго роста большихъ городовъ во Франціи. Сперва необходимо еще упомянуть два чрезвычайно важныхъ момента, на которые до сихъ поръ обращалось мало вниманія.

Первымъ изъ этихъ моментовъ является тотъ фактъ, что, кромѣ Парижа, изъ 11 такъ называемыхъ *большихъ* городовъ Франціи въ 1896 году только 2 имѣли отъ 200.000 до 300.000 жителей и другіе 2 больше 300.000 жителей. Въ Германіи имѣли въ 1895 г., кромѣ Берлина, изъ 27 большихъ—3 отъ 200.000 до 300.000 жителей и 6 городовъ болѣе 300.000. Наконецъ, въ Англіи съ Уэльсомъ, кромѣ Лондона, числилось уже въ 1891 г. 5 городовъ, имѣвшихъ отъ 200.000 до 300.000 и столько же съ болѣе нежели 300.000 жителей. Изъ этого видно съ достаточной ясностью, что во Франціи въ дѣйствительности очень мало большихъ городовъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Если принять при этомъ еще во вниманіе извѣстный фактъ, что большіе города обладаютъ тѣмъ большей притягательной силой, чѣмъ многочисленнѣе ихъ населенія, то окажется, что Франція, имѣющая, включая Парижъ, всего 5 городовъ съ болѣе нежели 200.000 жителей, имѣетъ, относительно, *очень мало* такихъ притягательныхъ пунктовъ въ сравненіи съ Германіей, имѣющей 10, и Англіей—11 такихъ городовъ. Результаты сравненія окажутся еще менѣе благопріятными для Франціи, если мы напомнимъ читателю, что послѣдняя перепись была предпринята во Франціи въ 1896 г., въ Англіи же въ 1891 г.

Еще важнѣе, пожалуй, второй моментъ, а именно, очень своеобразное географическое положеніе большихъ городовъ во Франціи. Они находятся, по большей части, вблизи границъ, тогда какъ въ центральной части страны—въ противоположность къ Германіи и Англіи—имѣется очень мало большихъ городовъ. Значеніе этого момента выступитъ особенно ясно, если мы упомянемъ установленный многочисленными изслѣдованіями фактъ, что притягательная сила большихъ городовъ распространяется преимущественно на непосредственно къ нимъ примыкающія области.

Познакомившись съ ходомъ развитія большихъ городовъ во Франціи, Германіи и Англіи, поскольку это было возможно при существующихъ различіяхъ относительно времени переписей и другихъ препятствій, въ родѣ присоединенія къ городамъ предмѣстій, разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе ростъ сельскаго населенія этихъ странъ.

Касательно Англіи было въ другомъ мѣстѣ уже констатировано,

что число людей, занимающихся земледѣліемъ, тамъ постоянно уменьшается. Подобные же результаты, или, по крайней мѣрѣ, сравнительное уменьшеніе значенія земледѣлія, какъ источника доходовъ, дала, какъ извѣстно, въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ, предпринятая въ іюнѣ 1895 г. ремесловая перепись *). Остается изслѣдовать, каково въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ во Франціи. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны обратиться, вслѣдствіе недостаточной достовѣрности французской ремесловой статистики, первымъ дѣломъ къ распредѣленію населенія по коммунамъ различной величины.

Сравнивая приростъ населенія въ коммунахъ съ болѣе нежели 2.000 жителей съ населеніемъ коммунъ, имѣющихъ менѣе 2.000 жителей, мы найдемъ, что въ послѣднихъ съ половины 40-хъ годовъ замѣчается почти регулярное уменьшеніе, тогда какъ весь приростъ населенія страны сосредоточился въ коммунахъ съ болѣе нежели 2.000 жителей. Для характеристики тенденцій развитія, проявившихся за послѣднія десятилѣтія во Франціи, достаточны слѣдующія данныя. Въ 1876 г. во Франціи числилось 2 670 коммунъ, съ населеніемъ, превышающимъ 2.000, въ 1891 году—2.701. Число этихъ коммунъ увеличилось, слѣдовательно, только на 31. Населеніе 2.670 коммунъ исчислялось, однако, въ 1876 г. въ 12 милл., населеніе 2.701 коммуны въ 1891 г. уже въ 14,3 милл. На всѣ остальныя коммуны Франціи съ населеніемъ меньше чѣмъ въ 2.000 приходилось, слѣдовательно, въ 1876 г. около 24,9 милл., въ 1891 только 24 милл. Если даже отсчитать 50.000 или 60.000 душъ, составлявшихъ до 1876 года населеніе 31 коммуны, причисляющихся теперь къ городскимъ округамъ **), то и тогда уменьшеніе деревенскаго населенія должно равняться, по меньшей мѣрѣ, 850.000. Касательно этого можно привести, однако, еще болѣе интересныя данныя. Сравнивая приростъ населенія въ отдѣльныхъ департаментахъ Франціи, мы замѣтимъ поразительный фактъ, что послѣ выдѣленія 5 департаментовъ: Nord, Pas-de-Calais, Seine, Rhône и Bouches du Rhone—вмѣстѣ эти 5 департаментовъ занимаютъ около 4 % всей поверхности Франціи—населеніе остальной Франціи (82 департамента) въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ значительно уменьшилось. Основной экономическій характеръ выдѣленныхъ нами 5 департаментовъ ясно характеризуется тѣмъ фактомъ, что въ 4 изъ нихъ населеніе коммунъ, имѣвшихъ болѣе 2.000 жителей, составляло уже въ 1891 году 65, 70, 83 и 99% всего населенія. Это департаменты, охватывающіе главнѣйшіе города Франціи: Paris, Marseille, Lyon, Lille и т. д.

Въ Англіи, Германіи и во Франціи замѣтно, слѣдовательно, абсолютное или, по крайней мѣрѣ, очень значительное относительное умень-

*) Сравн. «Ergebnisse der *Berufs-* und *Gewerbezählung* vom 14 juni 1895».

**) Какъ въ большинствѣ другихъ государствъ, такъ и во Франціи коммуны съ менѣе нежели 2.000 жителей считаются сельскими, остальныя—городскими.

шеніе сельскаго населенія; и все это наблюдается не смотря на то, что въ новѣйшее время многочисленныя фабрики, какъ-то: химическіе, кирпичные, сахарные и т. п. заводы часто строятся изъ-за дешевизны земли, рабочихъ рукъ и т. д. подальше отъ городовъ.

Чѣмъ объясняется это явленіе?

Главнѣйшія причины были мной подробно разсмотрѣны въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь достаточно будетъ указать на учащающееся употребленіе земледѣльческихъ машинъ. Улучшенія въ устройствѣ плуга и молотилки дѣлаютъ возможной все бо́льшую экономію рабочихъ рукъ. Для подтвержденія этого достаточны слѣдующія цитаты. Уже въ 1859 г. Pagezy писалъ, что при замѣнѣ плуга, стоющаго 70 франковъ, улучшеннымъ цѣною въ 100 франковъ, земля приноситъ на цѣлую треть бо́льшую жатву. Плуги стараго устройства, прибавляетъ онъ при этомъ, требуютъ *двойное* количество труда *). «Journal de l'Agriculture» за 1883 г. сообщаетъ данныя, на основаніи которыхъ новѣйшія американскія модели плуга съ тѣмъ же числомъ лошадей и людей исполняютъ *двойную* работу **). Точно также высказался въ началѣ 80-хъ годовъ профессоръ агрономической техники Grandvoinnet въ своемъ докладѣ объ успѣхахъ въ области земледѣльческаго машиностроенія. Только во внѣшнемъ видѣ улучшенный плугъ, писалъ онъ, даетъ возможность при помощи того же числа лошадей и рабочихъ рукъ совершать на половину бо́льшую работу. Къ этому онъ прибавляетъ, что, употребляя улучшенный плугъ съ тремя или четырьмя лошадьми, рабочій въ состояніи выполнить *тройную* работу. Дальнѣйшая экономія можетъ быть достигнута посредствомъ придѣлки къ плугу сидѣнья: взрослый мужчина можетъ быть тогда легко замѣненъ женщиной или подросткомъ ***). Эти сообщенія показываютъ съ достаточной ясностью, насколько неосновательны такъ часто раздающіяся, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, жалобы работодателей въ томъ отношеніи, что бѣгство изъ деревень является будто бы *не результатомъ увеличивающагося недостатка въ работѣ, а результатомъ нравственной порчи сельскихъ рабочихъ и ихъ растущей страсти къ наслажденіямъ*. Какъ стары эти жалобы, видно изъ того, что уже въ XVII столѣтіи знаменитый министръ Colbert высказался за необходимость принятія строгихъ мѣръ для устраненія бѣгства изъ деревень ****).

Мы видѣли уже, что характеръ земледѣльческой культуры Англіи, благодаря увеличивающейся агломераціи населенія съ одной стороны и измѣненію условій производства на всемірномъ рынкѣ—съ другой,

*) «La maine d'oeuvre et les machines en Agriculture». «J. de la Soc. de Stat. de Paris». 1883, стр. 427.

**) «Journal de l'Agriculture». 1883, стр. 121.

***) «Journal de la Soc. de. Stat. de Paris». 1883, стр. 428.

****) Сравни Legoyt, «Du progrés des agglomerations urbaines», стр. 8.

значительно измѣнился. Особаго вниманія заслуживаетъ при этомъ тотъ фактъ, что таможенныя пошлины на хлѣбные продукты были уничтожены въ Англіи уже съ середины 40-вых годовъ. Англійское земледѣліе подпало вслѣдствіе этого вполнѣ подъ вліяніе мірового рынка. Иное видимъ мы во Франціи. Вызванное конкурренціей Америки быстрое паденіе цѣнъ повело здѣсь къ установленію высокихъ пошлинъ на хлѣбъ. Въ виду этого дѣлается интереснымъ прослѣдить вліяніе, которое эти мѣры оказали на распространеніе во Франціи различныхъ хлѣбныхъ культуръ.

Сравнивая между собой пространства, находившіяся подъ разными культурами въ послѣднія два десятилѣтія, мы найдемъ, что между десятилѣтіемъ съ 1886 до 1895 г. и предъидущимъ произошли слѣдующія измѣненія: пространство подъ различными сортами пшеницы уменьшилось, приблизительно, на 200.000 гектаровъ, подъ рожью, приблизительно, на 215.000, подъ ячменемъ на 100.000, подъ маисомъ почти на 60.000 гектаровъ. Наоборотъ, пространство подъ овсомъ точно такъ же, какъ и въ Англіи, значительно увеличилось. За указанный промежутокъ времени это увеличеніе равнялось почти что 325.000 гектарамъ. Сравнивая эти данныя съ данными о ходѣ развитія Англіи, мы найдемъ, что высокія пошлины на зерновые продукты, пожалуй, замедлили переходъ къ наиболѣе доходной при теперешнихъ условіяхъ части земледѣльческаго производства; задержать этотъ переходъ вполнѣ онѣ однако не могли. Чтобы показать, что переходъ этотъ былъ вызванъ во Франціи такъ же, какъ и въ Англіи, главнымъ образомъ, увеличивающейся агломераціей населенія и улучшеніемъ способовъ транспорта, достаточно привести слѣдующія наблюденія. Извѣстный французскій статистикъ Alfred de Foville сообщаетъ въ своемъ сочиненіи: «La Transformation des Moyens de Transport», многочисленныя данныя о вліяніи, оказываемомъ быстрымъ ростомъ Парижа на характеръ сельскохозяйственнаго производства. При этомъ онъ констатируетъ еще тотъ интересный фактъ, что въ департаментахъ La Manche, Calvados, Orne и др,, въ которыхъ все болѣе и болѣе распространяются разведеніе скота и молочное хозяйство, результатомъ сопряженнаго съ этимъ распространенія постоянныхъ пастбищъ является значительный излишекъ рабочихъ силъ *). Въ этомъ же родѣ высказался Baudrillart, дѣлавшій по порученію академіи изслѣдованія о положеніи крестьянскаго населенія во Франціи. Итакъ, переходъ къ постояннымъ пастбищамъ, который, къ счастью, не былъ вполнѣ задержанъ неимовѣрно высокими пошлинами на хлѣбъ, имѣлъ послѣдствіемъ и во Франціи извѣстный излишекъ рабочихъ силъ.

Здѣсь необходимо упомянуть еще въ нѣсколькихъ словахъ о мѣрахъ, предложенныхъ для прекращенія бѣгства изъ деревень. Остав-

*) «La Transformation des Moyens de Transport», стр. 391.

ляя въ сторонѣ репрессивныя мѣры, какъ-то: запрещеніе переселенія и установленіе городами высокихъ налоговъ, взимаемыхъ съ иммигрантовъ, мы коснемся здѣсь, чтобы не останавливаться слишкомъ долго на этомъ пунктѣ, только предложеній, сдѣланныхъ знаменитымъ демографомъ Bertillon'омъ-отцомъ. Bertillon думаетъ, что сельская эмиграція не можетъ быть прекращена искусственными мѣрами. Прекращеніе ея можетъ, по его мнѣнію, быть достигнуто только тогда, когда жизнь въ деревнѣ будетъ сдѣлана болѣе привлекательной. Для достиженія этой цѣли онъ совѣтуетъ устраивать въ деревняхъ частыя народныя празднества, танцовальныя и иныя вечеринки и т. д. Какъ коррелатъ, упоминается имъ при этомъ еще уничтоженіе запрещенія разыскивать отца незаконнорожденныхъ *). Объ успѣхѣ, который могутъ имѣть эти скромныя предложенія Bertillon'a, можно судить по слѣдующимъ сообщеніямъ того же автора. Въ томъ же трудѣ Bertillon жалуется на то, что сельскіе работодатели основали союзъ съ цѣлью нанимать въ рабочіе только *вполнѣ безграмотныхъ*. Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы пожелали подробно изслѣдовать вліяніе различныхъ причинъ, вызывавшихъ и вызывающихъ еще въ настоящее время переселеніе изъ деревень въ города, какъ, напримѣръ, вытѣсненіе извознаго промысла желѣзными дорогами и рѣчнымъ судоходствомъ, вытѣсненіе сильно распространенныхъ въ деревняхъ кустарныхъ промысловъ фабричнымъ производствомъ и т. п. Разсмотримъ подробно только тѣ явленія, которыя являются особенно характерными для Франціи и которыя въ состояніи въ то же время выяснить намъ главныя причины остановки въ приростѣ населенія этой страны.

III.

Мы констатировали уже, что прогрессъ въ области перевозочныхъ средствъ, улучшеніе земледѣльческихъ машинъ, распространеніе постоянныхъ пастбищъ, и т. д. оставили безъ работы часть населенія, занятаго прежде въ земледѣліи. Если мы напомнимъ при этомъ, что во Франціи, какъ мы видѣли, очень мало большихъ городовъ, являющихся большею частью центрами крупной промышленности, то читатель, вѣроятно, легко и самъ догадается, гдѣ слѣдуетъ искать причины замедленія прироста населенія Франціи. Догадаться, въ чемъ дѣло становится еще легче, если упомянуть общеизвѣстный фактъ, что французы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій выказывали очень слабую наклонность къ эмиграціи.

Мы оставимъ, однако, пока напрашивающіяся умозаключенія, такъ какъ намъ не хватаетъ еще нѣсколькихъ звеньевъ. Прежде всего необходимо рѣшить вопросъ, какіе классы населенія являются виновни-

*) «Mouvement de la population dans les divers Etats de l'Europe». стр. 196.

ками остановки прироста. Переходя къ этому вопросу, мы коснемся наиболѣе интересной части нашей темы.

Перелистывая труды французскихъ ученыхъ по этому вопросу, легко убѣдиться, что почти всѣ изслѣдователи утверждаютъ, что медленный приростъ населенія зависитъ не отъ физическаго вырожденія, а отъ того, что французы или вовсе не желаютъ имѣть дѣтей, или же только въ маломъ числѣ. Единогласіе исчезаетъ однако, какъ только мы коснемся взглядовъ на причины этого явленія. Смотря по принадлежности къ той или другой политической партіи, сообразно религіозной точкѣ зрѣнія, личнымъ симпатіямъ или антипатіямъ и т. п., выдвигаются на первый планъ то кокетство и страсть къ наслажденіямъ, свойственныя французскимъ женщинамъ, то якобы слишкомъ поздній возрастъ вступающихъ въ бракъ, то законы, запрещающіе розыски отца незаконнорожденныхъ, то своеобразное распредѣленіе поземельной собственности и т. п.

Я нисколько не намѣренъ оспаривать вліяніе большинства вышеназванныхъ моментовъ. Но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти факторы выказываютъ свое вліяніе отчасти въ еще большей степени и въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Бельгіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи; несмотря на это, тамъ, однако, не замѣчается остановки въ приростѣ населенія. Во Франціи должны быть, слѣдовательно, другія, только ей свойственныя важныя причины, которыхъ въ другихъ странахъ или совсѣмъ не имѣется, или же, если и имѣется, то только въ очень слабой степени. Различные изслѣдователи дѣйствительно утверждаютъ, что такія спеціально Франціи свойственныя причины существуютъ. Въ видѣ примѣра достаточно упомянуть здѣсь вкратцѣ теорію довольно извѣстнаго во Франціи демографа и антрополога Arsène Dumont'a. Его теорія покажетъ намъ, къ какимъ невѣроятнымъ заключеніямъ приходили тамъ искатели этихъ причинъ. Dumont, трудъ котораго «Dépopulation et Civilisation» рекомендуется Tarde'омъ какъ одна изъ наиболѣе остроумныхъ и содержательныхъ книгъ, полагаетъ, что причиной остановки въ приростѣ населенія является только французамъ свойственная черта, что они представляютъ собой *фасонированную монархіей демократію* (democratie façonnée par la monarchie). «Вытекающее отсюда полное отсутствіе гармоніи въ различныхъ сферахъ нашей умственной дѣятельности,—говоритъ онъ,—и сопряженное съ этимъ исчезновеніе внутренняго мира есть характерная черта, свойственная *только* современной Франціи и притомъ черта, выступающая чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче» *). Этотъ примѣръ показываетъ съ достаточной ясностью, куда можно забраться, покинувъ почву дѣйствительности.

*) Вышеприведенному выводу Dumont предпосылаетъ слѣдующія разсужденія: «Какіе моменты,—спрашиваетъ онъ,—причинили остановку въ приростѣ населенія? Мы можемъ прежде всего констатировать, что эти причины должны имѣть общій характеръ, такъ какъ онѣ оказываютъ вліяніе на всю страну, за исключеніемъ 4-хъ

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть, какіе классы населенія прибѣгаютъ къ ограниченію числа дѣтей. Что высшіе классы довольно часто ограничиваютъ число дѣтей, было уже часто констатировано и въ другихъ странахъ. Эти классы составляютъ, однако, сравнительно очень ничтожную часть населенія, такъ что ихъ *непосредственное* вліяніе можетъ быть лишь очень незначительнымъ. По общераспространенному мнѣнію, главнымъ источникомъ прироста является сельское населеніе вообще и въ особенности *крестьянство*.

Это сельское населеніе, какъ мы видѣли, во Франціи однако особенно многочисленно. Въ 1891 году тамъ приходилось вездѣ на коммуны съ менѣе нежели 2,000 жителей почти 63% всего населенія. Основываясь на этихъ фактахъ, можно было бы предположить, что во Франціи, въ противоположность Германіи и Англіи, населеніе которыхъ, по мнѣнію аграріевъ, подвергается подъ вліяніемъ быстраго развитія промышленности все большей и большей нравственной и физической порчѣ—что во Франціи—этомъ Эльдорадо крестьянства, населеніе чрезвычайно быстро размножается.

Мы видѣли уже въ предъидущемъ, что во Франціи такого явленія *не* замѣчается. Невѣрность взгляда, будто бы крестьянство *само по себѣ* является источникомъ быстраго прироста населенія, выступаетъ еще яснѣе наружу, если припомнить часто констатированный фактъ, что во Франціи какъ разъ крестьяне особенно склонны къ ограниченію числа своихъ дѣтей. Для доказательства, достаточно сравнить число рожденій въ различныхъ частяхъ страны. Мы найдемъ тогда, что въ нѣкоторыхъ департаментахъ число рожденій оставалось съ начала нашего столѣтія почти неизмѣннымъ, въ другихъ же наоборотъ значительно колебалось. Такъ, напримѣръ, въ департаментѣ Nord приходилось на 1000 жителей *) между 1801—1810 гг. около 35 рожденій противъ почти 29 за пятилѣтіе отъ 1886 до 1890 г., въ департаментѣ *Pas-de-Calais* 32 противъ 30, въ департаментѣ *Finistère* 37 противъ 33. Въ департаментахъ же съ многочисленнымъ и притомъ состоятельнымъ крестьянскимъ

департаментовъ. Эти причины,—продолжаетъ онъ,—должны быть очень вліятельны и глубоки, потому что всѣ повинуются имъ безсознательно и никто еще не нашелся, чтобы сигнализировать ихъ. Наконецъ, вліяніе ихъ простирается только до границъ Франціи; дальше оно не идетъ—доказательство, что онѣ связаны съ обстоятельствами характерными для *чужой* націи и только для *нашей* націи. Это есть свойственная нашей цивилизаціи характерная черта, привившаяся намъ съ давнихъ временъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ она могла пропитать всю націю. Эти факторы должны были, наконецъ, развиться съ начала этого столѣтія, какъ и само зло, слѣдствіемъ котораго они являются». Объ употребляемомъ Dumont'омъ для объясненія этого явленія выраженіи «соціальная капиллярность» сравн. «Dépopulation et Civilisation», стр. VI. См. «Міръ Божій» 1898 г., апрѣль, ст. II. корр. изъ Парижа.

*) Неимѣніе данныхъ дѣлаетъ невозможнымъ опредѣлить для начала столѣтія число рожденій на 1.000 женщинъ, находящихся въ годномъ для дѣторожденія возрастѣ.

населеніемъ число рожденій, наоборотъ, быстро понизилось. Такъ, напримѣръ, въ департаментѣ *Garonne* съ 33 на 18, въ департаментахъ *Gers* и *Lot-et-Garonne* съ 30 на 15 и т. д. Результаты изслѣдованій по этому вопросу могутъ быть выражены кратко слѣдующимъ образомъ

Число рожденій, сравнительно, мало измѣнилось въ департаментахъ земледѣльческое населеніе которыхъ сравнительно очень *бѣдно*, и затѣмъ въ департаментахъ, въ которыхъ *значительная часть населенія занята въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности*. Въ дальнѣйшемъ мы познакомимся подробнѣе съ своеобразностями этихъ индустрій. Раньше необходимо однако изслѣдовать вліяніе благосостоянія на число рожденій среди крестьянскаго и среди городского населенія. Почти всѣ статистики *) и всякіе иные изслѣдователи утверждаютъ, что существованіе такого вліянія можетъ быть доказано. Такъ, напримѣръ, Tous - saint Loua констатируетъ, что въ четырехъ департаментахъ Нормандіи, отличающихся особымъ благосостояніемъ крестьянъ, число рожденій чрезвычайно низко **).

Въ южной Франціи особенно сильное уменьшеніе рожденій замѣтно въ уже упомянутыхъ департаментахъ съ многочисленнымъ состоятельнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Arsène Dumont, изслѣдовавшій много французскихъ коммунъ, подтверждаетъ наблюденія Dr. Dubert'a и другихъ, говоря, что число рожденій у богатыхъ и состоятельныхъ крестьянъ постоянно *уменьшается*, тогда какъ въ коммунахъ, населеніе которыхъ состоитъ главнымъ образомъ изъ бѣдныхъ крестьянъ и изъ сельскаго и промышленнаго пролетаріата, число рожденій *очень велико* ***). При этомъ необходимо упомянуть еще слѣдующее. Какъ въ Англіи и Германіи, такъ и во Франціи можно часто встрѣтить высказываемый какъ неопровержимая истина взглядъ, будто число рожденій среди сельскаго и въ особенности среди земледѣльческаго населенія гораздо больше, нежели среди городского и промышленнаго. Прежде всего необходимо констатировать, что относительное число рожденій въ различныхъ большихъ городахъ очень различно. Уже академикъ Hippolyte Passy указывалъ въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія на тотъ фактъ, что въ городахъ, населенныхъ крупной и мелкой буржуазіей, число рожденій было очень незначительно, тогда какъ въ городахъ съ многочисленнымъ рабочимъ населеніемъ относительное число рожденій было очень велико.

Въ городахъ Tours, Versailles, Angers и др. приходилось, напримѣръ, на бракъ въ среднемъ только отъ 2,5 до 2,6 рожденій, тогда какъ въ Saint - Etienne, городѣ, населенномъ преимущественно промышленнымъ пролетаріатомъ почти что 4,6, въ Nimes и Boulogne при-

*) Сравн. особенно Tallquist «Becherches statistiques sur la tendence à une moindre fécondité des mariages. Гельсингфорсъ 1886 г.

**) Сравн. «Journal de la Société de stat. de Paris.» 1886, стр. 91.

***) Сравн. «Depopulation et Civilisation», стр. 78, 81 и т. д.

близительно, 4,0 *). Кромѣ того, Passy констатировалъ, что въ городахъ съ сильно развитой фабричной промышленностью среднее число рожденій было *значительно выше* средняго числа рожденій во всей Франціи. Тѣ же наблюденія были сдѣланы и въ новѣйшее время шефомъ парижскаго статистическаго бюро относительно этого города. Продолжая изслѣдованія Passy, онъ констатируетъ, что въ богатыхъ округахъ Парижа на 1.000 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ приходится ежегодно отъ 34 до 53 рожденій, тогда какъ въ бѣдныхъ и очень бѣдныхъ частяхъ Парижа 95 до 108. Относительное число рожденій было, такимъ образомъ, въ послѣднихъ *вдвое* или *втрое* больше **). Мы достигли теперь главнаго пункта нашего изслѣдованія. Спрашивается, на чей счетъ увеличивается населеніе Франціи, если по большей части состоятельное французское крестьянство съ одной стороны и многочисленные, сравнительно преуспѣвающіе средніе классы—съ другой, все болѣе ограничиваютъ число своихъ дѣтей?

Кромѣ иммиграціи, приросту населенія способствуютъ во Франціи два класса: во-первыхъ, бѣдное *крестьянское* населеніе и сельскій пролетаріатъ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи 4 департамента старой провинціи Bretagne. Академики Chateauneuf и Villermé даютъ намъ въ своемъ докладѣ, поданномъ академіи въ началѣ 40-хъ годовъ этого столѣтія, интересныя описанія образа жизни *большинства* бретонскихъ крестьянъ. Оба писателя, объѣздивъ по порученію академіи Bretagne, разсказываютъ слѣдующее: «Какая масса несчастныхъ живетъ въ Бретани! Необходимо видѣть все собственными глазами, чтобы составить себѣ понятіе объ ихъ безпомощности! Для этого необходимо пробраться во внутрь прокопченной дымомъ хижины бѣднаго бретонскаго крестьянина, крыша которой едва поднимается надъ уровнемъ земли. Въ этой конурѣ, въ которую свѣтъ проникаетъ только черезъ дверь, живетъ онъ со всей своей полунагой семьей. Весь ихъ инвентарь состоитъ изъ сквернаго стола, скамьи, котла и нѣсколькихъ посудинъ изъ дерева или глины. Кроватью служитъ ящикъ съ пукомъ ничѣмъ не покрытой соломы. Въ противоположномъ углу жуетъ свою жвачку худая и тощая корова, молокомъ которой питается онъ и его семья. Онъ долженъ считать себя, впрочемъ, счастливцемъ, если у него есть такая корова» ***). По свидѣтельству тѣхъ же академиковъ, въ Бретани часто можно было встрѣтить семейства, принужденныя прокармливаться 250 франками въ годъ.

И вотъ эти-то бѣдные крестьяне, для которыхъ переходъ къ промышленности или вступленіе въ торговый флотъ—по единодушнымъ сообщеніямъ всѣхъ изслѣдователей—являются какъ бы *повышеніемъ* въ

*) Сравн. H. Passy, «De la division des héritages», стр. 291.

**) Сравн. «De la dépopulation de la France etc., Journal de la Soc. de stat. de Paris» 1895, стр. 418.

***) Сравн. «Rapport d'un voyage» etc., стр. 644.

рангѣ и значительнымъ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго и соціальнаго положенія, эти-то крестьяне и являются первымъ изъ вышеупомянутыхъ двухъ главныхъ источниковъ прироста населенія во Франціи.

Вторымъ источникомъ служатъ департаменты *Nord* и *Pas-de-Calais*. Ихъ значеніе легко понять изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Годы.	Естественный [1]) приростъ насел. Франціи.	Естеств. приростъ насел. въ департамент. Nord и Pas-de-Calais. абсолютн.	Естеств. приростъ насел. въ департамент. Nord и Pas-de-Calais. въ % всего естеств. прир. во Франціи.	Естеств. прир. насел. въ такъ назыв. город. коммун. въ департам. Nord и Pas-de-Calais абсолютн.	Естеств. прир. насел. въ такъ назыв. город. коммун. въ департам. Nord и Pas-de-Calais въ % ест. прир. н. Фр.
1861—1865	716.000	91.000	13%	44.000	6%
1882—1886 [2])	376.000	98.000	26%	65.000	17%
1886—1890 [3])	191.000	100.000	53%	68.000	36%
1891—1893 [4])	16.000	84.000	!!!	54.000	!!!

Въ началѣ 60-хъ годовъ излишекъ рожденій надъ смертными случаями равнялся, слѣдовательно, въ этихъ двухъ департаментахъ всего 13% естественнаго прироста населенія Франціи, въ промежуткѣ отъ 1882 до 1886 года отношеніе это повысилось до 26%, отъ 1886 до 1890 года даже до 53%. За послѣдніе четыре года можно впрочемъ, констатировать еще болѣе странное явленіе! Если выдѣлить эти два департамента или даже только ихъ городскія общины, то число смертныхъ случаевъ во всей остальной Франціи *превысило бы* на нѣсколько десятковъ тысячъ число рожденій!! Намъ остается теперь остановиться нѣсколько подробнѣе на экономическихъ особенностяхъ департаментовъ Nord и Pas-de-Calais, спасающихъ Францію отъ быстраго уменьшенія населенія. Для этого достаточно привести слѣдующія вычисленія:

На эти 2 департамента, занимающихъ только 2,3% всей поверхности Франціи, приходилось въ 1894 году почти *28*% [5]) всѣхъ веретенъ, работавшихъ въ хлопчатобумажныхъ прядильняхъ и почти *68*% веретенъ, занятыхъ въ шерстопрядильняхъ Франціи. Въ нихъ добывалось затѣмъ почти *15*% всего чугуна, около *24*% сфабрикованной во Франціи стали и почти *58*% всего угля. Наконецъ, на эти два департамента приходилось больше 20% всѣхъ паровыхъ машинъ, занятыхъ во французской промышленности. Если, значитъ, населеніе Франціи не уменьшается, то это слѣдуетъ приписать только большому числу рожденій въ центрахъ угольнаго производства и въ центрахъ крупной промышленности Франціи.

---

[1]) Излишекъ рожденій надъ смертными случаями.

[2]) Годы 1882—1885 и первые 5 мѣсяцевъ 1886 г. сравн. «Résultat stat. du Dénombrement de 1886», стр. 77.

[3]) 4 полныхъ года 1887—1890, 7 мѣсяцевъ 1886 г. и 3½ мѣсяца 1891 г.

[4]) 4 полныхъ года. Въ 1891 г. былъ констатированъ излишекъ смертныхъ случаевъ надъ рожденіями въ 10.000, въ 1892 году въ 20.000, въ 1890 году почти въ 38.000.

[5]) Небольшая часть приходилась на Pas-de-Calais, остальное на Nord.

На это заключеніе намъ могутъ, пожалуй, возразить, что причиной значительнаго числа рожденій въ департаментахъ Nord и Pas-de-Calais является не столько фабрично-заводское населеніе, сколько большое число живущихъ тамъ иностранцевъ. Это возраженіе было сдѣлано извѣстнымъ нѣмецкимъ статистикомъ, проф. Georg'омъ v. Mayr'омъ.

Но изъ данныхъ о рождаемости видно, что число рожденій въ департаментахъ съ небольшимъ числомъ иностранцевъ, но съ сильно развитой крупной промышленностью было въ большинствѣ случаевъ значительно выше средняго числа рожденій въ остальной Франціи. При дальнѣйшемъ сравненіи мы найдемъ, что число рожденій на 1.000 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ, въ департаментахъ съ многочисленнымъ состоятельнымъ крестьянскимъ населеніемъ было почти вдвое меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ промышленномъ, но имѣющемъ мало иностранцевъ департаментѣ Seine-Inférieure.

Въ заключеніе упомянемъ еще слѣдующую характерную черту: въ 14 департаментахъ, съ крупной промышленностью потреблялось, приблизительно, *57*% всего консумированнаго во Франціи угля. Добыча же равнялась *84*% всего добытаго во Франціи угля. Остальные 73 департамента, занимающіе почти 83% поверхности Франціи, коммунировали слѣдовательно, только 43% всего консума, доставляли же всего 16% всей добычи.

Посмотримъ теперь, какъ относятся французскіе ученые и политики къ тому факту, что источниками прироста населенія являются, во-первыхъ, бѣднѣйшіе слои крестьянства и, во-вторыхъ, сельскій и промышленный пролетаріатъ?

До 60-хъ годовъ французскіе ученые и политики въ большинствѣ случаевъ осуждали эти классы за большое число рожденій. Съ конца 60-хъ годовъ и, въ особенности, послѣ франко-прусской войны во Франціи стали, однако, высказываться осторожнѣе. Антипатія эта однако не исчезла! Французскіе писатели, предлагающіе различныя мѣры для увеличенія числа рожденій, имѣютъ и теперь въ виду главнымъ образомъ не сельскій и городской пролетаріатъ; число рожденій среди этой части населенія, по ихъ мнѣнію, нерѣдко даже слишкомъ велико. Цѣль, къ которой они стремятся, это, наоборотъ, увеличеніе числа рожденій среди состоятельной части крестьянъ и среди средняго сословія. Каковы же мѣры, рекомендуемыя ими для этого?

Перелистывая сочиненія, трактующія объ этомъ вопросѣ, мы найдемъ цѣлую уйму всевозможныхъ проектовъ. Нѣкоторые изъ проектовъ рекомендуютъ уничтоженіе формальностей при бракосочетаніи, другіе— учрежденіе прямыхъ и косвенныхъ премій за дѣторожденіе *), третьи—

*) Въ 1885 и 1889 годахъ во Франціи были изданы законы, освобождающіе отъ извѣстныхъ налоговъ семьи, имѣющія 7 и болѣе дѣтей. По закону 1889 г., родители 7 дѣтей должны были быть освобождены отъ платежа «contribution personnelle et mobilière». Законъ 1885 г., являющійся возобновленіемъ закона, издан-

облегченіе податныхъ тягостей, падающихъ на крестьянъ и на среднее сословіе. Устрашаемые мыслью, что Франція можетъ потерять свое положеніе великой державы, нѣкоторые дошли даже до предложенія конфискаціи имуществъ. Какъ средство для достиженія этой цѣли предлагался особый видъ налоговъ съ наслѣдствъ лицъ, умершихъ бездѣтными или же оставившихъ лишь небольшое число дѣтей. Изъ другихъ часто рекомендуемыхъ мѣръ слѣдуетъ еще упомянуть: привлеченіе иностранцевъ, имѣющихъ, какъ извѣстно, въ среднемъ гораздо большее число дѣтей, нежели французы, устраненіе законовъ, запрещающихъ розыски отца незаконнорожденныхъ, уничтоженіе равномѣрнаго дѣленія наслѣдствъ и т. д. Чтобы показать, до какого сумасбродства доходили многіе изобрѣтатели подобныхъ средствъ, достаточно упомянуть слѣдующее предложеніе извѣстнаго врача *Lombard'a*. Въ своемъ рефератѣ, читанномъ на конгрессѣ врачей въ Lyon'ѣ, Lombard возстаетъ противъ вкоренившагося въ состоятельныхъ семьяхъ обычая, слѣдуя которому супруги спятъ въ отдѣльныхъ кроватяхъ *). Гоняясь за призракомъ, онъ, стало быть, забываетъ, что, съ точки зрѣнія гигіены обычай спать отдѣльно является очень большимъ шагомъ впередъ!

Итакъ, мы разсмотрѣли большинство мѣръ, особенно часто предлагаемыхъ какъ средства для увеличенія числа рожденій. Остается указать еще на въ высшей степени важныя мѣры, которыя или вовсе не предлагались, или же если и предлагались, то только очень робко и притомъ, менѣе всего, какъ средства для увеличенія числа рожденій среди крестьянъ и среди средняго сословія.

Сперва необходимо однако прибавить еще нѣсколько словъ о положеніи фабричныхъ рабочихъ во Франціи въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Отличную характеристику даетъ въ своемъ докладѣ цитированный уже нами академикъ Villermé. Рабочій день очень продолжителенъ, докладывалъ онъ французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Онъ длится для всѣхъ рабочихъ въ бумажныхъ и шерстяныхъ мануфактурахъ отъ 15 до 15½ часовъ, безъ перерывовъ для отдыха въ среднемъ *13* часовъ. Предпринятая въ 1834 г. энкета показала, что въ Roubaix рабочій день продолжался обыкновенно, включая перерывы для отдыха, 14½ часовъ. Дѣти, въ томъ числѣ *6-ти* и *8-ми*-лѣтнія, работали столько же часовъ, какъ и взрослые. Въ городѣ Saint-Quintin всѣ рабочіе, безъ различія пола и возраста, работали по 13 часовъ въ день. То же самое можно было встрѣтить въ Elbeuf'ѣ, Abbeville'ѣ и въ Louviers'ѣ. Въ Sedan'ѣ рабочій день длился *15* час. Въ отчетахъ «Société Industrielle de Mulhause» въ Эльзасѣ за 1837 г. находится слѣдующее мѣсто: «Во Франціи есть прядильныя

наго въ XIII году, имѣлъ цѣлью поощреніе дѣторожденія посредствомъ привилегіи, заключающейся въ томъ, что родителямъ 7 дѣтей позволялось воспитывать одного изъ ихъ сыновей на казенный счетъ.

*) «De la dépopulation en France», Lyon. 1873.

фабрики, въ которыхъ рабочій день охватываетъ 17 часовъ. На завтракъ полагается при этомъ $^1/_2$ часа и на обѣдъ 1 часъ, такъ что дѣйствительное рабочее время равняется $15^1/_2$ часамъ» *).

Чтобы показать своимъ коллегамъ еще яснѣе, что такой рабочій день для дѣтей чрезмѣрно длиненъ, Villermé прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію: онъ указываетъ на то, что даже каторжники на галерахъ работаютъ значительно меньше, такъ какъ по регламенту ихъ работа ограничивается *10-ью* часами въ день. Свободные же рабочіе и между ними 6-ти и 8-ми-лѣтнія дѣти должны были работать ежедневно отъ 13 до $15^1/_2$ часовъ.

Таковымъ было положеніе французскихъ рабочихъ, впрочемъ, не только въ 30-хъ, но также и въ 40-хъ, отчасти даже въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія. Положеніе же французскихъ крестьянъ, наоборотъ, за это время чрезвычайно улучшилось, благодаря совершенной во время революціи конфискаціи земель, принадлежавшихъ церкви и эмигрантамъ, съ одной стороны, и значительному облегченію податныхъ тягостей—съ другой.

Стоитъ только противопоставить эти два факта и одна изъ главныхъ причинъ остановки въ приростѣ населенія выступаетъ ясно наружу. Земледѣліе въ состояніи прокормить, какъ мы видѣли, только очень ограниченное число душъ. Положеніе же фабричныхъ рабочихъ было, въ особенности, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія до того жалкимъ и бѣдственнымъ, что по бо́льшей части состоятельное французское крестьянство должно было считать стыдомъ и униженіемъ для себя, если ихъ сыновья и дочери становились фабричными рабочими. Этимъ же объясняется подчеркиваемая почти всѣми изслѣдователями характерная черта состоятельныхъ французскихъ крестьянъ и средняго сословія, проявляющаяся въ желаніи помѣстить своихъ сыновей на государственную или коммунальную службу.

Для полнѣйшаго выясненія связи между этими явленіями необходимо упомянуть еще слѣдующій чрезвычайно важный фактъ. Дѣло въ томъ, что число рожденій уменьшалось особенно быстро какъ разъ съ начала нынѣшняго столѣтія до конца 50-хъ годовъ то-есть, въ эпоху, когда положеніе бо́льшей части французскихъ рабочихъ становилось вслѣдствіе переворотовъ въ техникѣ и многихъ другихъ причинъ все болѣе шаткимъ и ненадежнымъ, тогда какъ положеніе крестьянства постоянно и притомъ значительно улучшалось.

Наконецъ, необходимо еще вспомнить, что къ ограниченію числа дѣтей прибѣгаютъ только состоятельное крестьянство и болѣе или менѣе состоятельное городское населеніе. Бѣдные крестьяне, для которыхъ переходъ къ индустріальнымъ занятіямъ является въ экономи-

*) «Сравн. Rapport à l'Academie des Sciences Morales et Politiques sur l'état physique et moral des ouvriers», стр. 387.

ческомъ и соціальномъ отношеніи повышеніемъ ихъ Standard'a of life, почти никогда не прибѣгаютъ къ этому средству.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что для увеличенія чрезвычайно малаго числа рожденій среди многочисленнаго богатаго крестьянства и средняго сословія во Франціи имѣется только одинъ исходъ. Этимъ исходомъ является поощреніе развитія крупной промышленности съ одной стороны *) и основательное проведеніе крупныхъ соціальныхъ реформъ, особенно въ область рабочаго законодательства—съ другой. Реформы эти должны, понятно, быть направлены къ уничтоженію громадной разницы, которая существуетъ нынче между столь благопріятнымъ въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи положеніемъ французскихъ крестьянъ съ одной и въ сравненіи съ этимъ въ высшей степени жалкимъ положеніемъ промышленныхъ рабочихъ съ другой стороны. Этими реформами было бы также уничтожено отчасти и зло, подъ вліяніемъ котораго въ настоящее время ни одна изъ культурныхъ націй не страдаетъ въ такой степени, какъ Франція. Я подразумѣваю неслыханную смертность въ городахъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ за 1893 г. *);

	Число рожденій.	Число смертн. случаевъ
Парижъ **)	58.939	52.955
11 городовъ, имѣющ. отъ 100.000 до 432.000 жит.	53.480	56.000
46 » » » 30.000 » 100.000 » .	55.556	60.553
50 » » » 20.000 » 30.000 » .	27.431	29.843
127 » » » 10.000 » 20.000 » .	42.019	45.464
Города, имѣющіе болѣе 5.000 жителей ***). . . .	300.031	307.559

Вышеприведенныя мѣры должны, на мой взглядъ, принудить сельское населеніе и состоятельные городскіе классы—а эти два слоя составляютъ во Франціи громадное большинство населенія—къ увеличенію числа дѣтей. Развитіе промышленности и связанное съ нимъ быстрое увеличеніе спроса на инженеровъ, техниковъ, на учрежденія, занимающіяся транспортомъ кладей и людей и т. д., дало бы состоятельнымъ крестьянамъ и среднему сословію новые рынки для сбыта своихъ дѣтей.

*) Принимая во вниманіе, что во Франціи отъ 1/4 до 1/3 угля, потребляемаго въ странѣ, ввозится изъ за-границы, поневолѣ должно казаться очень страннымъ, что тамъ существуетъ таможенная пошлина въ размѣрѣ 1 ф. 20 сант. съ 1.000 килограммовъ каменнаго угля. Въ главныхъ центрахъ французскаго горнаго промысла, въ департаментахъ Nord и Pas-de-Calais, эта пошлина составляла въ 1894 году отъ 12 до 13% стоимости угля на мѣстѣ добычи.

*) Сравни «Annuaire statistique de la France». 1896, стр. 13.

**) Большое число рожденныхъ въ Парижѣ дѣтей отдается кормилицамъ, живущимъ въ провинціи. Часть смертныхъ случаевъ среди дѣтей въ провинціи должна, слѣдовательно, быть перенесена насчетъ Парижа.

***) Въ томъ числѣ нѣсколько уѣздныхъ городковъ, съ населеніемъ меньше этой цифры.

Слѣдующій по пятамъ за быстрымъ развитіемъ промышленности, сильный спросъ на фабричныхъ рабочихъ, особенно, если при этомъ будутъ проведены широкія соціальныя реформы, не могъ бы никоимъ образомъ повлечь за собой ограниченіе числа дѣтей среди бѣдной части крестьянскаго населенія! Вѣдь этотъ классъ считаетъ уже теперь переходъ къ индустріи значительнымъ повышеніемъ въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи.

Наконецъ, основательно проведенныя широкія соціальныя реформы, въ особенности сокращеніе рабочаго дня, ограниченіе труда женщинъ и дѣтей и т. д., поведутъ къ уменьшенію ужасающей смертности среди промышленнаго пролетаріата Франціи. Этимъ само собой будетъ созданъ косвенно излишекъ числа рожденій надъ смертными случаями и, слѣдовательно, болѣе быстрый приростъ населенія.

На основаніи этихъ фактовъ можетъ показаться страннымъ, что въ трехтомномъ трудѣ извѣстнаго французскаго статистика Levasseur'a «La population française» не имѣется даже нѣсколькихъ строкъ, трактующихъ о необходимости коренныхъ реформъ въ области рабочаго законодательства *). Недоумѣніе можетъ только увеличиться, если мы вспомнимъ, какъ мало сдѣлано въ этой области во Франціи до сихъ поръ.

Здѣсь именно выступаетъ ясно наружу одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій! Обыкновенно утверждаютъ—подобныя мнѣнія можно часто встрѣтить въ англійской, нѣмецкой, французской и русской экономической литературѣ,—что существованіе и процвѣтаніе государства основано на существованіи и преуспѣваніи многочисленнаго крестьянства и сильныхъ въ численномъ отношеніи среднихъ классовъ.

Но вѣдь Франція и является такимъ государствомъ, такъ какъ при существующей тамъ всеобщей подачѣ голосовъ многочисленное состоятельное крестьянство и средніе классы дѣйствительно правятъ страной. Въ виду этого дѣлается интереснымъ прослѣдить, каковы были результаты этого господства для Франціи за послѣднія десятилѣтія?

Въ настоящее время окончательно установленъ фактъ, что Наполеонъ III сдѣлался президентомъ республики и узурпировалъ императорскій тронъ, опираясь на крестьянство и на среднее сословіе. Результатами его господства были: Седанъ и потеря Эльзасъ-Лотарингіи.

Изъ боязни возбудить недовольство той же мелкой буржуазіи и того же состоятельнаго крестьянства, французскія правительства въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій платили бо́льшіе проценты по государ-

*) То же самое можно констатировать относительно Arthur'a Chervin'a и почти всѣхъ остальныхъ французскихъ изслѣдователей. Chervin подчеркиваетъ въ своей «Histoire Statistique», стр. 63, важность гигіеническихъ мѣръ, какъ средства для уменьшенія смертности, не говоритъ, однако, ни слова о необходимости *коренныхъ* реформъ въ области рабочаго законодательства.

ственнымъ и коммунальнымъ долгамъ, нежели это требовалось положеніемъ денежнаго рынка. Результаты: неслыханное отягощеніе бюджета и безсмысленное финансовое хозяйство, выразившееся въ томъ, что въ теченіе 15 лѣтъ—отъ 1876 до 1891 г.—было сдѣлано на 7 милліардовъ франковъ новыхъ долговъ. Франція можетъ, кстати сказать, въ настоящее время похвалиться тѣмъ, что ей принадлежитъ сомнительная честь имѣть наибольшій государственный долгъ.

Тѣ же сословія: мелкая буржуазія и крестьянство всегда задерживали, да и теперь еще задерживаютъ введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, коренную реформу налога съ наслѣдствъ и многія другія финансовыя мѣры, способныя привести въ порядокъ финансовое хозяйство Франціи. Та же мелкая буржуазія и то же крестьянство были затѣмъ всегда главной опорой реакціи, направленной противъ реформъ въ области рабочаго законодательства.

Наконецъ, мы видѣли, что именно многочисленная мелкая буржуазія и состоятельное крестьянство являются тѣми классами, которые охотно ограничиваютъ число дѣтей и, такимъ образомъ способствуютъ тому, что Франція быстро теряетъ значеніе первоклассной политической и экономической державы.

Разсмотрѣніе вопроса: можетъ ли въ наше время большое государство преуспѣвать, находясь подъ управленіемъ среднихъ классовъ, переходитъ за предѣлы изслѣдуемыхъ здѣсь вопросовъ. Я ограничусь поэтому только разсмотрѣніемъ 2-хъ важныхъ фактовъ. Прежде всего необходимо разрѣшить вопросъ, кто, собственно говоря, несетъ на своихъ плечахъ во Франціи главную тяготу податей и налоговъ? Извѣстный французскій политикъ и финансистъ Coste, очень симпатизирующій земледѣльческимъ классамъ, сдѣлалъ на этотъ счетъ слѣдующія вычисленія *). Въ 17 почти цѣликомъ земледѣльческихъ департаментахъ Франціи, въ которыхъ свыше двухъ третей населенія занимались земледѣліемъ, на душу приходилось ежегодно, приблизительно, 34 франка государственныхъ налоговъ. Сумма эта повышалась постепенно, сообразно съ приростомъ промышленнаго населенія и достигла въ 8 департаментахъ, въ которыхъ свыше $^2/_3$ населенія было занято въ индустріи, цифры въ 97 франковъ на душу, т. е. почти тройного размѣра. Въ Парижѣ приходилось на душу въ *восемь* разъ большая сумма налоговъ, нежели въ вышеупомянутыхъ 17 департаментахъ. Все земледѣльческое населеніе Франціи платило по дальнѣйшимъ вычисленіямъ Coste'а въ видѣ государственныхъ налоговъ около 910 мил. франковъ, промышленное же и городское почти 2.650 мил. франковъ, т. е. въ *три* раза больше **).

Эти данныя вполнѣ достаточны для разрѣшенія вопроса, какіе слои

*) Coste, «Etude statistique etc. Paris» 1891, стр. 7.

**) Сравн. Journal de la Soc. de Stat. de Paris» 1889, стр. 52.

населенія несутъ на своихъ плечахъ всю тяжесть основанной на косвенныхъ налогахъ податной системы Франціи.

Второй важный фактъ, на который я желаю обратить вниманіе читателя, это—глубокія потрясенія, къ которымъ должно повести современное финансовое хозяйство Франціи. Извѣстный французскій статистикъ и финансистъ, Alfred de Foville, политическіе взгляды котораго въ высшей степени умѣренны, отлично характеризовалъ на этотъ счетъ положеніе своей родины. «Сравнивая Францію съ Англіей—говоритъ Foville,—мы видимъ, что въ Англіи министерства съ согласія всей страны и даже при поддержкѣ враждебныхъ политическихъ партій работаютъ надъ улучшеніемъ національнаго механизма. Тамъ стараются децентрализировать управленіе, понизить податныя тяжести, уменьшить капиталъ государственныхъ долговъ и платимые за нихъ проценты. Иное видимъ мы у насъ!.. Тяжесть налоговъ гнететъ насъ, никто, между тѣмъ, не старается объ ихъ уменьшеніи. Наоборотъ, ихъ даже еще больше увеличиваютъ! Впрочемъ, не только нашъ бюджетъ превосходитъ по своей тяжести бюджеты всѣхъ другихъ странъ, то же самое наблюдается относительно нашихъ государственныхъ долговъ. Они достигли уже 30 милліардовъ! Не смотря на это, ихъ увеличиваютъ ежегодно на новыхъ полъ-милліарда» *).

Таково въ настоящее время положеніе Франціи по сообщеніямъ французскихъ ученыхъ. Положеніе, виновниками котораго являются, какъ мы видѣли, столь многочисленная во Франціи мелкая буржуазія и состоятельное крестьянство. Разрѣшеніе вопроса о причинахъ замедленія въ приростѣ населенія можетъ быть, слѣдовательно, выражено для Франціи слѣдующимъ образомъ:

Причиной остановки прироста является противорѣчіе между стремящимися къ прогрессу способами производства и направленной на сохраненіе устарѣвшихъ формъ экономической и соціальной политикой Франціи.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о теоріи Мальтуса. Вышеприведенные факты показываютъ съ достаточной ясностью, что его ученіе опровергается дѣйствительностью; національное богатство увеличивалось какъ въ Англіи, такъ и во Франціи гораздо быстрѣе населенія. Богатство Франціи исчислялось, напримѣръ, въ 1821 г. въ 55 милліардовъ, въ настоящее время, приблизительно, въ 225 до 250 милліардовъ франковъ. Національное богатство увеличилось, слѣдовательно, *вчетверо*, въ то время, какъ населеніе только на одну четверть.

Несмотря на это, безпартійному историческому критику приходится признать правильность очень многихъ наблюденій Мальтуса. Для объясненія этого кажущагося противорѣчія стоитъ только заглянуть въ исто-

---

*) Сравн. «Journal de la Soc. de stat. de Paris» 1888, стр. 249.

рію его времени. Когда Мальтусъ выпустилъ въ свѣтъ первое и въ особенности второе изданіе своего труда, Англія переживала сильный кризисъ.

Война съ возставшими сѣверо-американскими колоніями и съ революціонной Франціей съ одной стороны, быстрое распространеніе прядильной машины, механическаго ткацкаго станка и т. п.—съ другой, имѣли слѣдствіемъ глубокій финансовый и экономическій переворотъ, оставившій безъ куска хлѣба сотни тысячъ рабочихъ. Къ бремени неимовѣрно быстро увеличивавшихся государственныхъ долговъ присоединилось теперь еще новое бремя—страшно быстрый ростъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ. Это былъ, слѣдовательно, для Англіи приблизительно тотъ же періодъ развитія, который позже сказался голодными бунтами въ Ліонѣ во Франціи, и возстаніями голодающихъ силезскихъ ткачей въ Германіи.

Ошибка, сдѣланная Мальтусомъ, состоитъ, значитъ, въ томъ, что онъ возвелъ свои наблюденія, болѣе или менѣе вѣрныя для извѣстнаго періода экономическаго развитія, на степень общаго закона.

Прив.-доцентъ **І. Гольдштейнъ.**

Цюрихъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ЕРЕСЕЙ НА ЗАПАДѢ.

К. Каутскаго.

Переводъ съ нѣмецкаго.

I.

Нидерланды, или, выражаясь точнѣе, Фландрія и Брабантъ были первыми странами къ сѣверу отъ Альпъ, гдѣ впервые въ среднихъ вѣкахъ развилось производство товаровъ и торговли ими. Тамъ перекрещивались самые разнообразные торговые пути. Въ фландрскія гавани стекались съ юга французы, особенно итальянцы, съ продуктами своей собственной страны, а также и съ продуктами востока. Эти купцы ѣхали обыкновенно внизъ по Рейну черезъ Кёльнъ, но позднѣе стали предпочитать морской путь. За французами и итальянцами скоро послѣдовали купцы Испаніи и Португаліи. Съ запада наѣзжали англичане, съ сѣвера купцы сильнѣйшихъ ганзейскихъ городовъ, которые вели торговлю между востокомъ и западомъ сѣверной Европы, отъ Новгорода до Лондона и которые сдѣлали своимъ складочнымъ мѣстомъ фландрскія гавани и прежде всего городъ Брюгге (Brügge, который въ среднихъ вѣкахъ лежалъ еще у моря). Рука объ руку съ этимъ шло развитіе промышленности. Нидерландскія пастбища и дюны способствовали развитію овцеводства, а съ нимъ и шерстяной промышленности. Возрастаніе торговли побуждало расширять производство за предѣлы потребностей мѣстнаго рынка, а это обстоятельство вызывало здѣсь сильный спросъ на чужіе сырые продукты, главнымъ образомъ на англійскую шерсть, считавшуюся тогда наилучшей. Совпаденіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ было причиной того, что во Фландріи уже съ давнихъ поръ развился значительный экспортъ суконъ, означавшій ни что иное, какъ-то, что уже съ давнихъ поръ ткачи Фландріи были въ зависимости отъ капитала, и ихъ промышленность стала капиталистической.

Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что къ сѣверу отъ Альпъ, впервые въ Нидерландахъ образовалась значительная секта—секта беггардовъ.

О происхожденіи ея такъ же мало извѣстно, какъ не ясно и значеніе ея названія *).

Въ серединѣ XI-го столѣтія въ Нидерландахъ существовали общества благочестивыхъ женщинъ, носившихъ имя Бегуинъ или Бегутъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ничего обстоятельнаго объ ихъ основныхъ взглядахъ. Общества Бегуинъ отчасти были вызваны къ жизни крестовыми походами, которые значительно уменьшили мужское населеніе и породили тѣмъ самымъ сильный избытокъ женщинъ. Для многихъ вступленіе въ бракъ сдѣлалось невозможнымъ, образовался мучительный «женскій вопросъ», общины Бегуинъ старались облегчить его, давая убѣжище не вступившимъ въ бракъ женщинамъ. Эти организаціи имѣли то преимущество передъ монастырями, что онѣ были свободными союзами, изъ которыхъ можно было выходить во всякое время.

На подобіе этого общества женщинъ были организованы и общества мужчинъ, образовавшіяся въ Нидерландахъ въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка — это были братства неженатыхъ ремесленниковъ, большею частью ткачей, которые собирались въ особыхъ домахъ, вели коммунистическое хозяйство, жили своимъ трудомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимались богоугодными дѣлами, преимущественно призрѣніемъ бѣдныхъ и больныхъ. Членамъ предписывалось, какъ и во всѣхъ тогдашнихъ обществахъ, безбрачіе.

Вѣрный взглядъ на сущность беггарденства даетъ намъ очеркъ, написанный извѣстнымъ Дамгудеромъ въ XIII вѣкѣ о началѣ этой секты. «Тридцать лѣтъ тому назадъ, — разказываетъ онъ, — было, здѣсь тринадцать неженатыхъ ткачей-мірянъ, ревностно стремившихся къ братской и благочестивой жизни. Они нанимали у игумена Экутена земельный участокъ съ большой удобной усадьбой вблизи городской стѣны, платя 6 фунтовъ грошеновъ (libris grossorum) и извѣстное количество воску и перцу въ качествѣ процентовъ. Они скоро начали заниматься ткачествомъ и жить общимъ хозяйствомъ, расходы на которое покрывали изъ доходовъ совмѣстной работы (ex communibus laboribus simul convivere coeperunt); они не подчинялись никакимъ регламентамъ и совершенно не были связаны обѣтами (если не считать того внѣшняго признака, что всѣ они носили коричневую одежду), а на началахъ христіанской свободы и братства образовывали благочестивое общество. Они носили имя «братьевъ ткачей». Въ 1450 г. беггарды г. Брюгге отказались отъ ткачества и примкнули къ францисканцамъ, чтобы защитить себя отъ преслѣдованій.

Беггарды устраивали въ другихъ мѣстахъ, какъ и въ Брюгге, свои

*) Самымъ правдоподобнымъ кажется намъ предположеніе Мосгейма, производящаго это слово отъ старо-саксонскаго beg, просить милостыню; такимъ образомъ беггарды были нищими (Мосгеймъ, «Исторія ересей», стр. 378). Ихъ называли также лоллардами отъ слова lallen, пѣть, бормотать. Оба имени ничто иное, какъ клички, данныя имъ народомъ. Сами себя беггарды называли просто «братьями».

общины. Внутри каждой изъ нихъ господствовала общая собственность, насколько этого требовало благосостояніе общества, но, кромѣ того, каждый членъ долженъ былъ обладать извѣстной частной собственностью, которую онъ либо наслѣдовалъ, либо заработывалъ, либо получалъ въ подарокъ. При жизни онъ располагалъ ею свободно, по смерти же она переходила во владѣніе общества,

Такой внутренній распорядокъ коммунистическаго общества въ экономическимъ отношеніи доставлялъ ему громадное превосходство передъ отдѣльными ремесленниками, да и большое хозяйство было экономнѣе раздробленныхъ мелкихъ хозяйствъ отдѣльныхъ ремесленниковъ. Къ тому же надо прибавить безбрачіе и отсутствіе у беггардовъ семьи. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эти рабочіе союзы являлись сильными конкуррентами для цеховыхъ ткачей и не пользовались ихъ любовью. Мосгеймъ сообщаетъ, что въ Гентѣ и другихъ городахъ городскія власти были вынуждены сдерживать притѣсненія беггардовъ со стороны цеховыхъ ткачей и возстановлять въ общинѣ миръ между ними и цехомъ посредствомъ полюбовныхъ соглашеній. Зато въ массѣ неимущихъ беггарды пользовались большой любовью, такъ какъ избытокъ средствъ, который давала имъ работа, служилъ у нихъ для поддержки бѣдныхъ и больныхъ. Даже Бонифацій IX, въ одной своей буллѣ, восхвалялъ ихъ за то, что они «принимаютъ въ свои госпитали бѣдныхъ и несчастныхъ и по возможности занимаются другими благочестивыми дѣлами».

На такихъ же коммунистическихъ началахъ было основано товарищество, подъ именемъ «братья общинники», которые появились тоже въ Нидерландахъ только въ концѣ XIV столѣтія. Основателемъ считался Гергардъ Гротъ изъ Девентера. Учрежденіе этихъ товариществъ исходило не отъ ремесленниковъ, а отъ членовъ высшихъ классовъ, стремившихся помогать нуждающемуся народу. По характеру они совершенно походили на общества беггардовъ. Если беггарды преимущественно были ткачи, то «братья общинники» зарабатывали себѣ пропитаніе перепиской книгъ, и въ то время, какъ первые расходовали свой избытокъ на матеріальныя нужды бѣдныхъ, послѣдніе на первое мѣсто ставили удовлетвореніе духовной нужды и обращали главное вниманіе на образованіе народа. Они достигали этого частью раздачей книгъ, въ которыхъ до изобрѣтенія книгопечатанія чувствовался недостатокъ, но преимущественнымъ средствомъ для ихъ цѣлей было учрежденіе школъ. На этой почвѣ имъ удалось сдѣлать многое. Порой, одно такое братство дѣйствовало на все населеніе города въ смыслѣ возвышенія его культурнаго состоянія. Въ Амерсдорфѣ, напр., въ XVI столѣтіи знаніе латинскаго языка было такъ обыкновенно, что масса ремесленниковъ понимала и говорила на этомъ языкѣ: образованные купцы знали греческій языкъ и говорили на немъ, дѣвушки пѣли ла-

тинскія пѣсни, а всюду на улицахъ была слышна настоящая латинская рѣчь.

Картина, можетъ быть, нѣсколько и преувеличена, но все-таки она показываетъ то направленіе, въ которомъ обваруживалась дѣятельность братьевъ.

Общество ихъ было чисто коммунистической организаціей. Братство «было тѣсно связаннымъ, но свободнымъ союзомъ... Входъ въ корпорацію не обусловливался связывающимъ на всю жизнь обѣтомъ, и среди правилъ, которымъ подчинялись братья, не было тѣхъ мелочей, опредѣляющихъ каждый шагъ члена братства, которыми, напр., отличались уставы монастырей... Обыкновенное устройство братскихъ обществъ было слѣдующее: въ одномъ домѣ жило вмѣстѣ около 20 братьевъ, имѣвшихъ общую кассу и общій столъ... Принятію въ братство предшествовалъ годъ испытанія, въ продолженіи котораго съ послушниками обращались строго... Отъ поступающаго требовалось, чтобы онъ вносилъ для общаго пользованія часть имущества». Флорентій (другъ и ученикъ Герхарда) говоритъ въ своихъ запискахъ: «Горе тому, кто, живя въ общинѣ, ищетъ своего или утверждаетъ, будто тамъ что-либо принадлежитъ ему...» Роды дѣятельности братьевъ были распредѣлены среди отдѣльныхъ лицъ. Разныя ремесленныя работы, необходимыя для общины, производились отдѣльными ея членами. Среди законовъ братства, существовавшаго въ городѣ Везелѣ, находятся постановленія для братьевъ портныхъ, парикмахеровъ, булочниковъ, поваровъ, садовниковъ, также какъ и для братьевъ учителей и писцовъ, братьевъ переплетчиковъ, библіотекарей и чтецовъ. Но главной братской работой была переписка книгъ. Для этой работы были назначены особые часы, а также было опредѣлено и время, когда они переписывали книги въ пользу бѣдныхъ *).

Эти общества однако никогда не становились исходнымъ пунктомъ коммунистическаго, оппозиціоннаго движенія, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ связи съ имущими и образованными классами. Они всегда оставались въ хорошихъ отношеніяхъ съ папой, но буря реформаціи XVI столѣтія положила конецъ и ихъ мирнымъ дѣйствіямъ.

Иначе дѣло обстояло у беггардовъ. Вначалѣ, конечно, они не проявляли себя ничѣмъ, стараясь только добиться расположенія папства; они не выступали открыто противъ существующаго общества и его властей; но постепенно въ ихъ средѣ начали развиваться революціонные элементы. Беггарды не представляли привилегированнаго сословія, вродѣ монашескихъ орденовъ; они требовали, но не получили никакихъ привилегій отъ папской власти, не были связаны съ ней никакими интересами и остались независимыми отъ нея. Они никогда не выдѣлялись изъ среды неимущихъ, съ которыми оставались въ тѣсной связи, такъ

---

* Уллманъ, «Реформаторы передъ реформаціей», стр. 97—102.

какъ у нихъ не было никакихъ опредѣленныхъ регламентовъ и обѣтовъ, даваемыхъ на всю жизнь. Каждый членъ могъ по собственному желанію выйти изъ общества и жениться, не вступая въ противорѣчіе съ уставомъ послѣдняго. Въ этомъ беггарды были болѣе всего сходны съ францисканцами, съ которыми они по временамъ и въ разныхъ мѣстахъ дѣйствительно сливались; но, если признанные папой и привилегированные францисканцы вступали съ нимъ въ конфликтъ, этотъ конфликтъ былъ еще болѣе непримиримъ у совершенно независимыхъ беггардовъ, пролетарскія тенденціи которыхъ стояли прежде всего въ противорѣчіи съ богатствомъ и характеромъ добыванія средствъ, практикуемымъ существующей церковью. Такъ какъ они старались казаться благочестивыми и покорными, то папству каждое такое движеніе казалось опаснымъ, какъ скоро оно достигало широкаго распространенія, что́ имѣло случай у беггардовъ XIII-го столѣтія. Съ невѣроятной быстротой распространялись ихъ приверженцы по всей Германіи, Франціи и Англіи. Этому могло много содѣйствовать и то, что въ это самое столѣтіе разные города старались расположить къ себѣ фландрскихъ ткачей, чтобы поднять свою шерстяную промышленность. Ткачи проникли на востокъ до Вѣны, Тюрингена, Бранденбурга, Лаузица, на западъ до Англіи. Между прочимъ, этимъ странствованіямъ не нужно приписывать слишкомъ большого значенія въ дѣлѣ распространенія принциповъ беггарденства. Однѣ и тѣ же причины вызываютъ одни и тѣ же слѣдствія. Ткачи льна и хлопчатой бумаги въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ промышленность стала экспортной, развили у себя идеи, очень родственныя идеямъ беггардовъ.

Не смотря на строгую послѣдовательность въ проведеніи своихъ идей, беггарды однако не мѣшали образованію въ своей средѣ и другихъ направленій, такъ какъ перенималось собственно то же ученіе, только практическое примѣненіе его было иное. Если одна часть беггардовъ и осталась смиренными богомольцами, совершенно умершими для суетнаго міра, то въ другой начали шевелиться дерзкія мысли. Пробудилось желаніе противодѣйствовать несправедливости существующаго общества не столько игнорированіемъ, сколько анализомъ общественной жизни и полнѣйшимъ отрицаніемъ основаній этой несправедливости. Изъ беггарденскихъ общинъ выходила масса агитаторовъ — «апостоловъ», которые, подобно членамъ секты вальдензовъ *), переходили съ мѣста на мѣсто, возвѣщая евангеліе первохристіанства и устраивая общины. Рядомъ съ открыто дѣйствующими общинами, Германію **) начала покрывать сѣть тайныхъ союзовъ съ радикальными

*) Вальдензы — коммунистическая секта, основанная въ XII вѣкѣ купцомъ Петромъ Вальдомъ. Членами этой секты были преимущественно ткачи, разсѣянные по южной Франціи и сѣверной Италіи.

**) Сюда относятся также и Нидерланды.

тенденціями; хотя эти общества не были мѣстомъ для подготовленія насильственныхъ переворотовъ, а заботились только о пропагандѣ своихъ идей, но, какъ и всякіе протестанты, не пользовались любовью властей, особенно папской церкви, охотно ихъ преслѣдовавшей.

Совѣтъ въ Беціерѣ обвинялъ ихъ уже въ 1299 г. въ томъ, что они вселяютъ въ народѣ хиліастическія надежды о скорой гибели міра, т. е. существующаго общества; и на Рейнѣ въ это же самое время беггарды сжигались, какъ еретики. Такія преслѣдованія ихъ однако не имѣли повсемѣстнаго успѣха. Болѣе умѣренныя и трусливыя фракціи беггардовъ были, безъ сомнѣнія, запуганы, и общины беггардовъ этого направленія искали и часто находили защиту въ сильныхъ монашескихъ орденахъ, или же прямо закрывались. Францисканцы, имѣвшіе связи съ этою частью беггардовъ, воспользовались ихъ затруднительнымъ положеніемъ и пріобрѣли у нихъ рядъ домовъ.

Новыя общества беггардовъ только изрѣдка основывались послѣ XIII-го столѣтія. Но болѣе энергичная часть беггардовъ была вынуждена преслѣдованіями къ еще болѣе конспиративной дѣятельности и рѣшительной оппозиціи. Этотъ процессъ былъ ускоренъ французскими и итальянскими эмигрантами, которые со времени альбигойской войны охотно переселялись въ Германію, гдѣ государственная власть не имѣла той силы и не была заинтересована въ охраненіи папства, что, напротивъ, имѣло мѣсто во Франціи и итальянскихъ государствахъ. Въ Германіи поэтому легче было найти защиту въ городѣ или имѣніи какого-нибудь покровителя, который часто бывалъ очень доволенъ появленію новыхъ рабочихъ.

Изъ южной Франціи и Италіи шли вальдензы и «братья апостолы»; изъ сѣверной Франціи «братья и сестры свободнаго духа». Производство сукна, какъ предмета вывоза, изъ Фландріи быстро распространилось по сосѣднимъ странамъ, съ которыми существовалъ правильный торговый обмѣнъ: по Нижнему Рейну, по сѣверной Франціи, преимущественно же по Шампани, гдѣ оно процвѣтало въ XIII столѣтіи. Въ XIV вѣкѣ въ отрасли этой промышленности замѣчается поворотъ назадъ вслѣдствіе франко-англійской войны, которая заперла торговыя дороги и отрѣзала доставку сырого матеріала.

Въ связи съ такимъ раннимъ развитіемъ шерстяной промышленности мы находимъ тамъ и раннія братства ткачей-«апостоловъ» съ коммунистическими тенденціями (или, по меньшей мѣрѣ, съ тенденціями первохристіанства, что для пролетаріевъ было почти одно и то же), апостоликовъ, поставившихъ себѣ задачей возстановленіе апостольской жизни. «Они были уже извѣстны въ XII вѣкѣ во время св. Бернарда, сильно опровергавшаго ихъ въ двухъ своихъ рѣчахъ о высотѣ пѣсенъ Соломона... Апостолики жили преимущественно во Франціи... Они трудомъ своихъ рукъ зарабатывали себѣ хлѣбъ. Это были ремесленники, преимущественно ткачи, что можно видѣть изъ рѣчей св. Бернарда,

*

который, не смотря на критическое къ нимъ отношеніе, хвалитъ ихъ за трудолюбіе *).

Между тѣмъ сѣверная Франція въ XII столѣтіи никогда не представляла для подобныхъ сектъ такой почвы, какъ южная Франція и Фландрія. Апостолики никогда не имѣли такого значенія, какъ вальдензы и беггарды въ XIII столѣтіи.

Эта секта была основана Амальрихомъ изъ Бены, бывшимъ въ 1200 году магистромъ теологіи въ Парижѣ. Обвиненный въ ереси, онъ былъ вызванъ въ Римъ къ папѣ Инокентію III (1204 г.), который и принудилъ его отречься отъ своихъ заблужденій. Этимъ думали обезвредить опасныя ученія, но послѣ смерти Амальдриха (1206 г.) убѣдились, что онъ оставилъ за собой много приверженцевъ.

Самымъ значительнымъ изъ его учениковъ былъ Давидъ изъ Динанта (при Намурѣ въ Бельгіи). Въ 1209 году парижскій синодъ проклялъ ученіе Амальриха и началъ ревностно преслѣдовать амальриканъ.

Среди коммунистическихъ сектъ того времени это были самыя смѣлыя и радикальныя. Они объявили не только общность имуществъ, но и женъ, отвергали неравенство, а слѣдовательно, и власть. Они объявили, наконецъ, что Богъ — все и всюду, чего хочетъ человѣкъ—того Самъ Богъ хочетъ, что поэтому всякое лишеніе свободы человѣка беззаконно и каждый воленъ, даже обязанъ повиноваться своимъ влеченіямъ. Если снять съ этого пантеистическаго ученія его мистическое покрывало, то оно представится въ видѣ коммунистическаго анархизма,— ученія, которое для попраннаго въ своихъ правахъ и подвергавшагося жестокому обращенію пролетарія имѣло большую притягательную силу. Это ученіе быстро распространилось изъ Парижа черезъ восточную Францію въ Германію, большая часть беггардовъ приняла это ученіе, а къ концу XIII столѣтія оно было такъ распространено среди беггардовъ на Рейнѣ, что названіе «братья и сестры свободнаго духа» и беггарды стали почти синонимами. Понятіе «беггарды» становилось постепенно все шире. Чѣмъ большее распространеніе получали идеи той части беггардовъ, которая ставила на первый планъ борьбу съ папствомъ, тѣмъ сильнѣе должна была обнаруживаться точка соприкосновенія этихъ сектъ съ буржуазной и крестьянской демократической оппозиціей, которая также была противницей существующаго строя и видѣла въ папствѣ величайшаго и опаснѣйшаго противника... Оба направленія могли тѣмъ легче слиться одно съ другимъ, что они опирались на одни и тѣ же принципы, заимствованные у первохристіанства, и въ концѣ концовъ ни мистическій туманъ, въ который были погружены ученія этихъ сектъ, ни умышленныя покрывала, въ которыя облекали ихъ агитаторы для цѣлей защиты отъ преслѣдованія, не могли помѣшать ясности ихъ принциповъ. Такимъ образомъ имя

*) Мосгеймъ «Исторія ересей».

беггардовъ въ XIV столѣтіи сдѣлалось нарицательнымъ, для обозначенія еретика вообще. Въ Англіи, гдѣ беггарды назывались лоллардами, съ именемъ послѣднихъ произошло то же самое.

Если мы поэтому слышимъ, что въ первой половинѣ XIV столѣтія Германія, а позднѣе Англія были переполнены беггардами или лоллардами, то мы не должны предполагать, что коммунистическое движеніе было такъ сильно, какъ позволяетъ думать распространеніе этой секты. Но все-таки оно было довольно значительно.

II.

Хорошее время наступило въ Германіи для беггарденства, а также для еретическихъ стремленій вообще, когда король Людовикъ IV Баварскій (1314—1347) вступилъ въ конфликтъ съ папой. На этомъ мы должны остановиться нѣсколько дольше.

Національ-либеральные историки, преимущественно въ популярныхъ статьяхъ, любятъ разсматривать всякій конфликтъ между королемъ и папой съ той же точки зрѣнія, какъ и «культурную борьбу», борьбу между высшей культурой германскаго королевства и темнымъ варварствомъ папства, независимо отъ того, когда ведется эта борьба—въ X-мъ или XIX-мъ столѣтіи.

Въ дѣйствительности ни разу средневѣковыя войны между королемъ и папами не носили такого хнрактера. Отъ Оттона до Гогенштауфеновъ война въ сущности вращается около вопроса о томъ, кто долженъ быть организаторомъ господства и владыкой сѣверной Италіи. Послѣдній вопросъ кончился тѣмъ, что города верхней Италіи освободились отъ всякой опеки и образовали самостоятельныя государства. Первый споръ кончился, какъ и разные другіе, побѣдой высшей культуры итальянскаго папства надъ варварствомъ германскаго королевства. Жадность послѣдняго къ сокровищамъ Италіи повела къ тому, что оно раздробило свои силы, и какъ папство торжествовало надъ королевствомъ, такъ и нѣмецкіе территоріальные князья могли торжествовать надъ нимъ. Развитіе товарнаго производства и торговли требовало повсюду возрастанія княжескаго абсолютизма; но въ Германіи оно не вело къ укрѣпленію центральной власти, все больше приходившей въ упадокъ съ гибелью Гогенштауфеновъ, а къ возвышенію имперскихъ князей, которые становились суверенными господами и въ германскомъ императорѣ видѣли только союзнаго президента.

Въ сосѣдней Франціи сила короля, наоборотъ, съ XIII-го столѣтія начинаетъ сильно возрастать какъ разъ въ то самое время, когда, продолжавшаяся цѣлое столѣтіе между германскимъ королемъ и папой, война кончилась побѣдой послѣдняго; короли Франціи были такъ могущественны, что имъ удалось сдѣлать то, къ чему напрасно стремились германскіе императоры, т. е. подчинить себѣ церковь и сдѣлать папу своимъ орудіемъ. Бонифацій VIII тщетно пытался избавиться

отъ господства Филиппа IV французскаго (1303). Чтобы положить конецъ вожделѣніямъ самостоятельности, Филиппъ принудилъ второго преемника Бонифація, француза Климента, избраннаго въ 1305 г., покинуть Римъ и избрать мѣстомъ жительства южную Францію. Послѣ долгихъ скитаній, онъ, наконецъ, и поселился въ Авиньонѣ (1308), который въ теченіе двухъ поколѣній оставался резиденціей папы.

Папская власть стала теперь совершенно зависимой отъ Франціи. Уже при своемъ избраніи Климентъ вынужденъ былъ сдѣлать рядъ важныхъ обѣщаній—и онъ заботился о томъ, чтобы онѣ были выполнимы. Тотчасъ же по своемъ коронованіи Климентъ уступилъ королю десятую часть всѣхъ духовныхъ имѣній Франціи, но самымъ важнымъ было уничтоженіе необыкновенно богатаго ордена храмовниковъ, имѣвшаго своимъ центромъ южную Францію. Филиппъ давно уже засматривался на сокровища этого ордена *) и въ этомъ желаніи Климентъ

*) Храмовники также мало занимались благочестивыми дѣлами, какъ и другіе ордена, но зато отлично понимали всякаго рода коммерческія дѣла. «Не оспорима была,—говоритъ Пруссъ,—слава военной храбрости храмовниковъ, но велико также порицаніе ихъ эгоистичной политики, которая все время противопоставляла выгоду ордена выгодамъ всего христіанства. На это указывали многократныя сомнительныя отношенія ордена къ невѣрующимъ. Онъ старался самъ на средства христіанскихъ вельможъ и князей увеличить свои владѣнія, но упрекать его въ алчности было бы преждевременно. Онъ распоряжался колоссальными финансовыми средствами и представлялъ въ концѣ концовъ своего рода финансовую силу. Ко времени катастрофы его владѣнія въ недвижимыхъ имѣніяхъ были оцѣнены въ 26—62 милліона франковъ, помимо ренты, десятины, процентовъ и т. д.—суммы, ежегодно не меньше двухъ милліоновъ, что по теперешней стоимости денегъ представляло бы сумму, въ двадцать пять разъ большую. Это болѣе чѣмъ королевское богатство, конечно, плохо согласовалось съ слѣдуемой по уставу бѣдностью «бѣдныхъ братьевъ храмовниковъ»; только очень малая часть этой суммы употреблялась на соотвѣтствующія призванію ордена цѣли и на помощь бѣднымъ святой страны. Кромѣ того, орденъ не только перевозилъ товары моремъ на собственныхъ корабляхъ, но онъ совершалъ и крупныя торговыя дѣла. На своихъ галерахъ онъ перевозилъ ежедневно тысячи пилигримовъ въ Палестину и обратно, а привилегія безпошлиннаго ввоза товаровъ западной Европы для собственнаго потребленія въ высшей степени облегчала ему спекуляціи, приносящія огромныя выгоды: какъ главный посредникъ сношеній между востокомъ и западомъ, онъ достигъ большого значенія во всѣхъ денежныхъ операціяхъ. Его главный домъ въ Парижѣ, храмъ, сдѣлался даже интернаціональной биржей, на которой сходились вмѣстѣ совершенно чуждые другъ другу дѣловые люди, для совершенія договоровъ, сами князья дѣлали это: французскіе короли хранили тамъ свои сокровища, совершали и принимали платежи. Конечно, изъ любви только къ ближнему, безъ выгоды для себя самого, орденъ не сталъ бы естественно заниматься такими дѣлами. Военная сила и крупный земельный собственникъ, съ которымъ никто не могъ конкуррировать, на этомъ пути орденъ храмовниковъ становился также еще и финансовой силой. Короли добивались его благосклонности и становились его должниками, Филиппъ IV испыталъ на себѣ это значеніе ордена». (Г. Пруссъ, «Исторія государствъ западной Европы въ средніе вѣка». Берлинъ 1887 г. VI, ст. 49, 50). Храмъ самыхъ христіаннѣйшихъ христіанско-германскихъ рыцарей торговая биржа! Эта дѣйствительность еще больнѣе для антисемитовъ, чѣмъ выдуманный Лессингомъ храмовникъ, который подружился съ жидомъ.

долженъ былъ уступить; какъ ни старался онъ вывернуться, ничто не помогло: онъ, какъ говорятъ нѣмцы, съѣлъ кислое яблоко и послѣ скандальнаго ложнаго процесса долженъ былъ проклясть и закрыть орденъ, якобы за отсутствіе въ немъ религіозности и за его безнравственность. Что въ другихъ мѣстахъ князья могли достигнуть только посредствомъ отреченія папы, напр., отчужденіе богатыхъ церковныхъ имѣній, о томъ для Франціи заботился самъ папа. Нѣтъ ничего удивительнаго, что во Франціи короли остались добрыми католиками и усердно преслѣдовали еретиковъ.

Во внѣшней политикѣ папы также должны были исполнять волю французскихъ королей, которые находились въ постоянной враждѣ съ Англіей и на счетъ Германіи хотѣли увеличить свою страну. Поэтому они побуждали папу къ столкновеніямъ съ англійскими и германскими королями.

Для этого не нужно было прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ папы были въ зависимости отъ французской верховной власти, они лишились лучшихъ сборовъ изъ Франціи, а такъ какъ они теперь не жили въ Римѣ, то доходы отъ церковной области становились также все необезпеченнѣе и часто совершенно прекращались. Одновременно съ развитіемъ торговли и промышленности, при папскомъ дворѣ, какъ и при всякомъ дворѣ того времени, появилась роскошь и потребность въ деньгахъ; чѣмъ меньше доставляла Франція и Италія, а вскорѣ и Испанія, тѣмъ больше нужно было содрать съ сѣверныхъ государствъ. Папы въ Авиньонѣ выдумали ту систему фискальнаго добыванія, которая въ заключеніе привела къ отдѣленію Германіи отъ Рима, къ реформаціи. Въ Германіи, центральная власть которой была такъ слаба, папы могли въ XIV-мъ столѣтіи противустоять всему. Все сильнѣе становились требованія, которыя они возлагали на священниковъ и на монастыри Германіи, все болѣе дерзкой къ тому же становилась метода прямого обложенія, напр., посредствомъ торга разрѣшительными грамотами и вымогательства посредствомъ отлученія отъ церкви.

«Благодаря постояннымъ папскимъ требованіямъ,—говоритъ одинъ добрый католикъ,—благодаря дорого стоющимъ поѣздкамъ въ Римъ, благодаря вѣчной борьбѣ, большая часть нѣмецкаго духовенства (въ XIV и XV столѣтіяхъ) залѣзла въ неоплатные долги и должна была платить лихвенные проценты итальянскимъ банкирамъ. Эти банкиры въ Сіенѣ, Римѣ, Флоренціи пользовались папскимъ авторитетомъ, чтобы высасывать нѣмецкую церковь. Если настоятель не платилъ въ срокъ, они пускали въ ходъ папскія приказанія, благодаря которымъ настоятели должны были платить большіе проценты подъ угрозой отлученія и отрѣшенія отъ должности».

Но этого для папъ было недостаточно. Іоаннъ XXII, наслѣдовавшій въ 1316 г. Клименту V, объявилъ, что послѣ смерти короля его власть

переходитъ къ папѣ, что онъ, рабъ Франціи, есть властелинъ Германіи. Однако король, если онъ вообще хотѣлъ быть королемъ, не могъ допустить этого. Неохотно и нерѣшительно началъ Людовикъ войну. Это былъ совершенно иной конфликтъ, не похожій на тотъ, въ который вступали съ папами еще Гогенштауфены. Дѣло шло больше не за преобладаніе Италіей, а за преобладаніе Германіей. Не о томъ, кто долженъ быть главой церкви, а о томъ, будетъ ли духовный глава церкви вмѣстѣ съ тѣмъ и господиномъ мірового могущества. Эта борьба велась на ряду съ другой. Имперскіе князья начали превращаться въ суверенныхъ господъ; они старались ослабить королевскую власть. Напротивъ того, тѣ элементы, которымъ угрожала князья, прежде всего свободные города, видѣли въ королевской власти своего лучшаго союзника. Они были самыми сильными и надежными союзниками короля въ борьбѣ съ папствомъ; высшее же дворянство склонялось большей частью на сторону папы. Иногда, конечно, требованія послѣдняго бывали такъ велики, что сами князья должны были возставать противъ этого. Но обыкновенно они смотрѣли на короля, какъ на ближайшаго своего противника, и помогали папѣ въ его стремленіяхъ ослабить и унизить королевскую власть.

Противъ короля папа употреблялъ свое самое сильное оружіе: онъ проклиналъ и отлучалъ его отъ церкви. Города же не придавали этимъ отлученіямъ никакого значенія и подчасъ смѣялись надъ папой. Нѣкоторые города, голодомъ или подъ угрозой высылки, заставляли папскихъ священниковъ исполнять ихъ требованія. Вообще, всѣ нѣмецкіе города во главѣ управленія которыхъ не стоялъ патриціатъ, были безусловными противниками Рима и вѣрными преверженцами Людовика. Среди такихъ обстоятельствъ беггарденская ересь сильно разрослась. Всю Германію наполнилъ воинственный крикъ противъ папы. И каждый, стоявшій за интересы буржуазіи и короля, былъ желаннымъ союзникомъ. «Назначеніе Людовикомъ раскольниковъ на почетныя должности,—говоритъ хроникеръ францисканцевъ, котораго приводитъ Мосгеймъ,—и безнаказанность ихъ преступленій увеличили ихъ дерзость и упорство другихъ орденовъ, которые при дѣйствительныхъ или мнимыхъ поводахъ отпадали отъ папы и къ великому вреду католическаго дѣла увеличивали секту «братьевъ» (а также и беггардовъ), безсовѣстно покушавшихся выйти изъ своихъ норъ и одобрить дѣйствія Петра Корбаріуса (котораго Людовикъ сдѣлалъ вторымъ папой подъ именемъ Николая V) и Людовика.

Еретики, бѣжавшіе изъ заграницы въ Германію, тоже находили защиту у Людовика. Въ 1324 г. Іоаннъ XXII въ одной изъ своихъ буллъ отзывается о королѣ, какъ о защитникѣ и покровителѣ людей, изобличенныхъ въ еретичествѣ, преимущественно ломбардскихъ еретиковъ, подъ которыми можно понимать вальдензовъ или братьевъ-апостоловъ. Людовикъ пользовался даже коммунистическими идеями, впрочемъ, въ

безопасной францисканской, а не беггарденской формѣ. Мы уже раньше указывали на борьбу, возникшую внутри францисканскаго ордена относительно вопроса: должна ли быть пріобрѣтаема частная собственность, или нѣтъ? Съ того времени, какъ папа Иннокентій IV (1245 г.) сталъ на сторону фракціи, сочувствующей собственности, строгое направленіе францисканцевъ становилось все недружелюбнѣе по отношенію къ папству. Конфликтъ съ строгими францисканцами-спиритуалистами обострился особенно тогда, когда Іоаннъ XXII, противникъ Людовика, въ 1322 г., призналъ ихъ ученіе о томъ, что Христосъ и его ученики не обладали собственностью, еретическимъ; послѣ же, 1327 г. онъ ввелъ противъ нихъ инквизицію. Уже въ 1328 г. Іоаннъ отрѣшилъ отъ должности генерала ордена Михаила Казена, ставшаго на сторону строгаго направленія. Послѣдній рѣшительно перешелъ на сторону Людовика, строгіе францисканцы были его усерднѣйшими и безстрашными агитаторами. Изъ ихъ рядовъ Людовикъ избралъ своего второго папу, выше упомянутаго Николая V, котораго онъ велѣлъ избрать отъ римлянъ, конечно, только для того, чтобы вскорѣ опять его бросить на произволъ судьбы. Николай уже въ 1330 г. покорился авиньонскому папѣ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ сознался во всѣхъ своихъ «ошибкахъ». Этотъ жребій королевской креатуры ясно указывалъ на то, къ какому концу долженъ былъ привести конфликтъ между папой и королемъ, и мы видимъ, что послѣдній палъ.

III.

Папа Климентъ VI, второй наслѣдникъ Іоанна XXII, нашелъ кандидата для нѣмецкой короны, безусловно преданнаго папѣ и Франціи, въ лицѣ Карла, сына короля Іоанна Богемскаго. Слабость нѣмецкой имперіи содѣйствовала не только тому, что имперскіе князья начали дѣлаться суверенными господами, но и тому, что имперскія территоріи, лежавшія на границѣ, сдѣлались самостоятельными, напр., Швеція и Нидерланды. Богемія тоже все болѣе отдѣлялась отъ государства. Въ противоположность этому, богемскіе короли для поднятія государственной власти и искали защиты во Франціи. Люксембуржецъ Іоаннъ Богемскій былъ шуриномъ Карла IV французскаго, женатаго на его сестрѣ. Сынъ Іоанна, Венцель, воспитывался при французскомъ дворѣ, гдѣ онъ, въ силу того, что тамъ имя Венцеля не нравилось, былъ принятъ подъ именемъ Карла, которое онъ себѣ и присвоилъ. Воспитаніе и династическіе интересы сдѣлали его приверженнымъ союзникомъ папы и Франціи. Когда было рѣшено, что Карлъ готовъ принять императорскую корону, Климентъ объявилъ царствующаго Людовика отрѣшеннымъ отъ престола и потребовалъ отъ Германіи избранія новаго короля. Благодаря церковной поддержкѣ и своему туго набитому карману, Карлъ нашелъ четырехъ курфюрстовъ, которые его и избрали 1346 г. Побѣда

досталась ему легче, чѣмъ онъ думалъ, такъ какъ прежде, чѣмъ это могло повести къ серьезной борьбѣ между обоими императорами, умеръ Людовикъ Баварскій.

Карлъ не былъ политикомъ чувства. Онъ основательно изучилъ новое государственное искусство во Франціи и Италіи и потому отлично зналъ, что дни королевскаго могущества исчезли навсегда и что его сила имѣетъ своимъ основаніемъ страну, а не королевскую корону. Его главной заботой была Богемія. Изъ королевской короны онъ старался извлечь все, что было возможно, однако же остерегаясь начать ради нея войну или чѣмъ-либо пожертвовать. Остатокъ королевскаго уваженія казался ему тѣсно связаннымъ съ уваженіемъ папской церкви. Папа и король были вынуждены идти рука объ руку, что, между прочимъ, для Карла было облегчено его личными склонностями и воспитаніемъ.

Такимъ образомъ Карлъ, «папскій король», какъ его называли итальянцы, сдѣлался ревностнымъ представителемъ всѣхъ требованій папы, которыя хоть на сколько-нибудь были совмѣстими съ его властью. Отъ этого, естественно, больше всего страдало демократическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и коммунистическое еретичество. Во время Людовика были совершенно прекращены или стали почти недѣйствительными преслѣдованія противъ беггардовъ. Теперь же наступилъ кровавый періодъ ихъ преслѣдованій.

Воспоминанія объ этомъ относятся уже къ 1348 году, но съ особой силой свирѣпствовала реакція въ послѣдней трети столѣтія, когда увеличеніе еретичества въ Англіи привело въ особую ярость римскую церковъ. Декреты Карла, касающіеся беггардовъ, слѣдовали одинъ за другимъ, хотя особенно ужаснымъ былъ декретъ, объявленный въ Лукка 10-го іюня 1369 г., давшій инквизиторамъ полную власть.

Въ 1367 году папа Урбанъ V отправилъ въ Германію двухъ инквизиторовъ, но скоро они не могли уже справиться съ работой. Слѣдующій папа Григорій IX послалъ имъ на помощь еще пять инквизиторовъ(1372 г.). Повсюду пылали костры, еретики сжигались сотнями.

Наконецъ, 30-го января 1394 г. папа Бонифацій IX издалъ эдиктъ, въ которомъ онъ дѣлаетъ резюме всѣхъ существующихъ до сихъ поръ опредѣленій папъ объ искорененіи еретиковъ, ссылаясь на предписанія короля Карла IV. Бонифацій ссылался на мнѣніе германскихъ инквизиторовъ объ еретикахъ Германіи, которыхъ народъ называетъ беггардами, лоллардами и швестріонами и которые сами себя называютъ «бѣдными» и «братьями». Онъ горько жаловался на то, что хотя эта ересь и существуетъ болѣе ста лѣтъ, все-таки ее не удалось подчинить своему господству и, не смотря на костры, отъ нея избавиться. Теперь же, наконецъ, имъ удалось совершенно искоренить еретичество.

Въ 1395 г. инквизиторъ Петръ Пилихдорфъ торжественно сооб-

щаетъ, что, наконецъ, еретичество подавлено *). Но уже въ 1399 г. Бонифацій былъ вынужденъ опять увеличить на шесть человѣкъ число инквизиторовъ.

Секта безпрерывно находила новую пищу въ отношеніяхъ, вводимыхъ въ нее все новыми приверженцами. Но какъ бы то ни было, число ея было страшно уменьшено кровавыми преслѣдованіями.

Открытое, самостоятельное беггарденство исчезло совершенно. Мы видѣли, что уже первыя преслѣдованія въ XIII вѣкѣ привели къ сближенію большей части умѣренныхъ беггардовъ съ орденомъ нищенствующихъ. Теперь этотъ процессъ былъ завершенъ. Самостоятельныя общины беггардовъ совершенно исчезли. Онѣ превратились въ монастыри, которые частью перешли во владѣніе нищенствующихъ монаховъ, преимущественно францисканцевъ, частью удержали старое имя, но фактически стали на почву монашества. Папа Николай V оффиціально принялъ эти общества въ концѣ 1453 года въ лоно церкви и даровалъ имъ права францисканцевъ.

Тайныя общества не могли быть ни совершенно уничтожены, ни подчинены папѣ. Но все ихъ геройство и покорность въ теченіе больше чѣмъ столѣтія не дали ничего, кромѣ безконечнаго ряда мучениковъ.

Какъ каждая еретическая оппозиція, такъ и коммунистическая, и она прежде всего, только тогда смогла поднять въ Германіи свою голову, когда всемірный властитель вступилъ въ новый сильный конфликтъ съ папствомъ, когда значительная часть нѣмецкихъ фюрстовъ стала достаточно сильной, чтобы начать одновременно войну съ церковью и королемъ.

По смерти Людовика IV ереси до великой нѣмецкой реформаціи нашли только два свободныхъ государства: сначала Англію, а потомъ—удивительное явленіе—Богемію, ту самую страну, отъ властителя которой исходила въ Германіи католическая реакція.

В. Всеволожскій.

---

*) Л. Кеглеръ. «Реформація».

ПОБѢЖДЕННЫЕ.

(Изъ Ады Негри).

Ихъ тысячи, ихъ тьмы, ихъ рать неисчислима...
Безъ перерывовъ и преградъ,
Сомкнувъ плечо къ плечу, они проходятъ мимо,
Что каждый мигъ, то новый рядъ.

Пускай гроза реветъ надъ лономъ черной ночи,
Тотъ дикій гнѣвъ не страшенъ имъ.
Таинственнымъ огнемъ сквозь тьму горятъ ихъ очи,
Ихъ мѣрный шагъ неутомимъ.

Я вижу, вотъ они. Передо мной тѣснится
Толпа вздымаясь, какъ приливъ.
Ко мнѣ обращены невѣдомыя лица,
И всѣ уста мнѣ шлютъ призывъ.

И клики скорбные, сливаясь въ громкій ропотъ,
Ко мнѣ плывутъ со всѣхъ сторонъ,
Но чутко я ловлю малѣйшій слабый шопотъ,
И каждый вздохъ, и каждый стонъ.

Изъ хижинъ мы пришли, гдѣ сырость въѣлась въ стѣны,
Гдѣ ни огня, ни хлѣба нѣтъ,
Гдѣ изнывали мы, не видя перемѣны
Такъ много безотрадныхъ лѣтъ.

Мы вышли изъ трущобъ холодныхъ, какъ могила,
Гдѣ смерть сосѣдкой намъ была,
И пала тѣнь отъ насъ и землю всю покрыла,
Какъ вѣсть насилія и зла.

Завѣтный идеалъ искали мы упорно,
Но не открылся онъ для насъ,
Мы жаждали любви и вѣры животворной,
Но ихъ огонь давно угасъ.

Въ трудѣ искали мы источникъ обновленья.
Но мы трудомъ не спасены.
Онъ далъ не силу намъ, но тягость утомленья.
О, горе! Мы побѣждены.

Предъ нами солнце шлетъ привѣтъ живой и знойный
Землѣ, любовницѣ своей;
И гимнъ возносится торжественный и стройный
Съ ея смѣющихся полей.

Желѣзная змѣя, дыша волнистымъ паромъ,
Сквозь скалы вырыла проходъ,
И молотъ исполинъ торжественнымъ ударомъ
Зоветъ на праздникъ весь народъ.

И тысячи сердецъ тамъ сходятся на встрѣчу,
И каждый духъ отвагой полнъ.
И юность пылкая бросается, какъ въ сѣчу,
Въ водоворотъ житейскихъ волнъ.

Зачѣмъ же только намъ для мукъ и слезъ ненужныхъ
Природа мачиха шальную жизнь дала?
Зачѣмъ ея рука насъ душитъ безоружныхъ?
Намъ смутный взоръ застлала мгла...

Чья злая ненависть поймала насъ, какъ въ сѣти?
Чья тайная вражда сгубила безъ вины?
Зачѣмъ намъ рокъ гласилъ: Вамъ мѣста нѣтъ на свѣтѣ?
Проклятье! Мы побѣждены!..

Танъ.

РИШТАУ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

VI.

Только справились съ сѣнокосомъ, подошло жниво. Вечерами всѣ они возвращались до того усталые, что не въ состояніи были разговаривать и ложились сейчасъ послѣ ужина, чтобы проснуться завтра до свѣту и опять весь день напролетъ склоняться къ землѣ на жгучемъ зноѣ. Вихлицкій скучалъ одинъ дома, а къ полевымъ работамъ еще нельзя было ему присоединиться. Елену онъ видѣлъ только мелькомъ, всегда очень усталую и сонную, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ воскресенія. Пришло и оно,—до того жаркое, что, казалось, окрестности и скалы, и лѣсъ, и море расплавятся въ безжалостномъ, золотомъ пламени, льющемся съ неба широкой, непрерывной струей. Юрій еще до восхода солнца ушелъ съ ружьемъ въ горы. Остальные были дома. Селимъ усѣлся подъ стѣной въ тѣневой сторонѣ и съ большимъ достоинствомъ чинилъ свою рваную черкеску. На верандѣ Семенъ, которому не здоровилось, пилъ неторопясь чай. Пани Страсевичъ сидѣла тамъ же съ неизмѣннымъ чулкомъ. Вихлицкій глядѣлъ разсѣянно на лѣса, горы, долину, пока на тропинкѣ не появилась Елена съ корзинкой въ рукахъ; тогда онъ торопливо сбѣжалъ внизъ.

— Мама, замѣтили? Ничего не замѣчаете!—прошепталъ Семенъ, кивая головой на уходящихъ.

— Нѣтъ: я все вижу. Но что я могу сдѣлать? Особенно настаивать нельзя. Еще дѣвушка подумаетъ, что мы требуемъ отъ нея платы за воспитаніе.

— Хорошо! Дѣлайте, что угодно... Вы, вѣдь, всегда дѣлаете, что вздумаете. Только послѣ не жалуйтесь.

— Я жалуюсь? Я дѣлаю, что мнѣ угодно... Когда же это? Это вы всегда дѣлаете, что вамъ угодно. Да и ничего не слу-

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

чится. Онъ уѣдетъ черезъ двѣ недѣли, дѣвушка поплачетъ и забудетъ. Даже лучше, когда сама убѣдится, что нѣтъ у нея больше дѣйствительныхъ друзей, кромѣ насъ. А онъ не женится, онъ мнѣ это самъ говорилъ; говорилъ, что онъ бѣденъ, что женитьба его свяжетъ... У него есть какія-то цѣли...

— И зная все это, вы позволяете ему плести этой дѣвочкѣ, Богъ знаетъ что...

Вошла Юстина и стала нехотя собирать посуду, Семенъ гнѣвно замолкъ. Пани Страсевичъ положила чулокъ и сняла очки.

— Будемъ искренни, Сеня!—сказала она серьезно.—Не думай, что меня проведешь. Хорошо я понимаю, къ чему все клонится... Если бы ты былъ умный, хорошій мальчикъ,—давно бы догадался и поѣхалъ искать другой. Эта для тебя черезчуръ молода... Она тебя не полюбитъ... Расходовъ нечего жалѣть на такое дѣло!.. Мы прекрасно могли бы продать часть скота... А теперь... Я съ тревогой жду, чѣмъ все это кончится. Лучше бы вышла за посторонняго...

Пани Страсевичъ испугалась, что сказала черезчуръ много, и подняла глаза на сына; тотъ сидѣлъ съ наклоненной головой и барабанилъ по столу, затѣмъ всталъ и быстро ушелъ внутрь дома. Женщины взглянули другъ на друга, одна съ тревогою, другая—съ дурно скрытымъ страданіемъ.

Между тѣмъ Вихлицкій догналъ Елену.

— Вы за ежевикой? А знаете, есть уже спѣлая „лыча“? Хотите, я покажу вамъ деревцо...

Дѣвушка наклонила съ улыбкой голову. Онъ повелъ ее внизъ по узкой щели, поросшей мелколистымъ темнымъ „самшидомъ“. По дну среди огромныхъ мшистыхъ камней струился крошечный ручей. Курчавыя вязи плюща покрывали скалы, обвивали деревья. Высоко надъ всѣмъ рѣялъ темный сводъ перепутанныхъ верхушекъ дубовъ и грабовъ исполинской величины. Сѣрая паутина льянъ густо свѣшивалась оттуда. Было сумрачно, жарко и ароматно, точно въ сказочномъ гротѣ восточныхъ преданій. Золотые лучи солнца, въ видѣ стрѣлъ и прозрачныхъ столбовъ, пронизывали этотъ мракъ и зелень. Ажурные вѣера исполинскихъ папоротниковъ, тронутые путниками, тихо колыхались за ними и струйки знойнаго воздуха бѣжали отъ нихъ.

— Чудесный уголокъ... Вы не находите?—спросилъ Станиславъ въ надеждѣ, что дѣвушка остановится и поговоритъ здѣсь съ нимъ. Елена дружескимъ, веселымъ взглядомъ окинула лощину, но шла все дальше. Шла она, ловко отклоняя по дорогѣ вѣтки, огибая огромные валуны или прыгая по камнямъ на другую сторону ручья. Ея тонкій, гибкій станъ, прикрытый темной „безрукавкой“, склонялся съ граціозностью природной жительницы горъ.

— Да, здѣсь хорошо, но нужно торопиться. Мы должны возвратиться до обѣда. Нужно Юстинѣ помочь доить, накрыть столъ, перебрать плоды,—отвѣтила она.

У выхода, гдѣ щель оканчивалась крутымъ обрывомъ и ручей падалъ водопадомъ, Вихлицкій свернулъ въ сторону и повелъ дѣвушку вверхъ, по крутой опасной тропинкѣ, къ сѣрому высокому обрыву. Подъ утесомъ среди кустовъ жидкой черемухи, коренастый „мушмулы“ и тонкаго ивовиднаго „кизиля“, онъ показалъ ей деревцо, блестящее отъ несмѣтнаго количества спѣлыхъ, желтыхъ плодовъ, круглыхъ, прозрачныхъ, точно шарики, налитые солнечнымъ свѣтомъ, съ темной въ серединѣ косточкой и легкимъ съ боку румянцемъ. Елена вскрикнула отъ удовольствія, быстро стала рвать плоды и бросать ихъ въ корзинку. Вихлицкій присоединился къ ней. Понятно, по пути кой-что попадало въ ротъ, поэтому они первое время молчали. Вихлицкій нагибалъ вѣтви, хваталъ все выше, какъ будто все дерево, весь лѣсъ хотѣлъ положить къ ногамъ дѣвушки.

— Почему вы смѣялись тогда съ Юрьемъ? — спросилъ онъ неожиданно.

— Когда?

— Да тогда... Когда я разсказывалъ, что влѣзъ на дерево...

Елена засмѣялась опять.

— Это было такъ давно, а вы все помните! Видите, мнѣ показалось это очень забавно, когда я васъ, такого серьезнаго, вообразила на вѣтвяхъ. Здѣсь, на Кавказѣ, никто не прячется на деревья. Я не слыхала. Юрій всегда спитъ прямо на землѣ и даже огня не разводитъ... Говоритъ, что такъ нужно, что это менѣе пугаетъ звѣря...

— А вы были когда-нибудь ночью въ лѣсу?

— О, да! Не разъ! Раньше я ходила съ Юрьемъ на кабановъ и однажды даже на медвѣдя. Теперь тетя не позволяетъ. Хотя нѣтъ никакой опасности: Юрій прекрасный стрѣлокъ. Онъ очень силенъ и смѣлъ. Я съ нимъ пошла бы безъ страха, куда угодно. Онъ очень ловокъ. Случалось, онъ по джеранимъ *) тропамъ спускался въ такія пропасти, что смотрѣть страшно. Даже мѣстные горцы говорятъ, что онъ „хорошій товарищъ“, а это рѣдкая у нихъ похвала. Онъ вспыльчивъ и грубоватъ, но у него золотое сердце... Я очень, очень его люблю и никогда любить не перестану... Я вѣрная! Когда съ кѣмъ дружна, никогда не измѣню... Что вы дѣлаете? Зачѣмъ рвете незрѣлые плоды, а этотъ вотъ совсѣмъ даже испорченъ...

Дѣвушка взглянула съ недоумѣніемъ на Вихлицкаго, который

*) Джеранъ—дикій козелъ.

мрачно рвалъ, что попало подъ руку и бросалъ въ корзину. Лицо ея сейчасъ же стало серьезно, но тутъ же какая-то шаловливая догадка сверкнула неожиданно въ глазахъ, она еще разъ внимательно посмотрѣла на него, затѣмъ перевела потемнѣвшій взоръ на ту сторону долины, гдѣ рдѣли на солнцѣ зеленыя вершины и жемчужныя тучки плыли надъ ними по голубому небу, а подъ ними шумѣла въ ущеліи рѣка. Мягкая, робкая улыбка пріоткрыла ея губы и легкій румянецъ пробѣжалъ по загорѣлымъ, свѣжимъ, какъ персикъ, щекамъ. Она больше уже на него не глядѣла. Молча простояла она мгновеніе, не двигаясь и не выпуская изъ рукъ захваченныхъ вѣтвей. А онъ рвалъ гнѣвно, ничего не видѣлъ и былъ ужасно забавенъ. Только шелестили листья въ ихъ рукахъ, да жужжали осы, во множествѣ слетающіяся къ спѣлымъ плодамъ.

Наконецъ, Елена опустила вѣтвь и присѣла небрежно на землю у корзины.

— Нужно перебрать... Какую гадость вы сюда набросали.

Онъ не отвѣтилъ и даже не остановился.

— Скажите: этотъ вашъ край... нашъ край... онъ сѣрый?

— Сѣрый!

— И... плоскій?

— Плоскій!

Вихлицкій хотѣлъ быть рѣзокъ, но въ голосѣ дѣвушки звенѣли такіе очаровательные, ласкающіе, новые для него звуки, столько въ нихъ дрожало непонятной для него радости и счастія, что онъ въ удивленіи поднялъ голову и улыбнулся.

— Зачѣмъ это... вы... Нашъ край совсѣмъ другой...—спохватился онъ, замѣтивъ въ началѣ фразы испугъ въ ея глазахъ.— Онъ красивъ по другому. Красивъ своимъ прошлымъ, воспоминаніями, вѣковымъ трудомъ... Нѣтъ мѣста, съ которымъ не связано было бы преданіе, то героическое, то значительное, то ужасное... Но и такая у него есть красота... Только—своя!.. Горизонты мягкіе, цвѣта нѣжные... Даже на солнцѣ они не поражаютъ, не ослѣпляютъ, а только какъ бы грустно и мило улыбаются. Все покрыто прозрачною сизою дымкою... И небо виситъ надъ полями уютное, низкое, полное тучъ. Много я изъѣздилъ земли и знаете: нигдѣ не чувствуешь *себя*, не испытываешь той удивительной полноты ощущенія, такъ сильно той спокойной радости, какъ на родинѣ. Не разъ думалъ, пусть бы люди взяли себѣ всѣ эти моря, и тропики, и горы и другія чудеса, пусть бы оставили намъ только наши пески, сосны да можжевельникъ... Все это убого, но именно въ этой своей бѣдности безконечно мило, дорого... Куда ни посмотришь многовѣковой, собирательный трудъ, нашъ трудъ! Много неважнаго, несовершеннаго, прямо по-

порченнаго, но какъ-то вѣришь, что будетъ лучше... Чувствуешь желаніе лучшаго... Затѣмъ—людно! Куда ни обернешься—деревни, мѣстечки, дома, кресты, дороги...

Онъ все продолжалъ въ томъ же тонѣ, настаивалъ на томъ, что люди должны жить въ обществѣ, хотя бы несовершенномъ и стремиться къ исправленію его, а не уходить въ пустыню, на Кавказъ, отъ грѣховъ, ради спасенія души...

— Семенъ говоритъ вздоръ, ваша жизнь здѣсь никому не приноситъ пользы, вы должны вернуться!—настаивалъ онъ.

— Вы знаете, мы хотѣли бы, да нѣтъ средствъ!—защищалась дѣвушка.

— Не въ томъ дѣло: Семенъ высказываетъ такія странныя мнѣнія, можно думать, вы здѣсь живете по принципу...

— Ну, что Семенъ? Семенъ прежде всего работаетъ теперь до смерти. Раньше и онъ былъ другой...

— Хорошо: буду отвѣчать этому другому. Допустимъ, что семья ваша, ну, колонія увеличится. Вы вырубите немного больше лѣса, посѣете немного больше кукурузы и только... Что же дальше? Самая цѣнная доля вашего существованія, эта тонкая, сложная работа духа, кристаллизующаяся въ обычаяхъ, въ языкѣ, въ оттѣнкахъ понятій и чувствъ, погибнетъ... Кругомъ васъ нѣтъ людей, нѣтъ матеріала, который бы воспринялъ эту работу... Внѣшняя культура легко гибнетъ. Вотъ здѣсь: были когда-то черкесы и ничего послѣ нихъ не осталось, кромѣ одичалыхъ садовъ. Ваша работа здѣсь—работа лошадей и быковъ не больше. Работать для будущаго, для человѣчества можно только среди своего народа и при его посредствѣ... Все остальное—зоологія!

— А вы?—спросила вдругъ Елена.

— Я другое. Я пришелъ сюда въ горы, какъ предки наши ходили въ походы—за добычей...

Въ это время вышелъ къ нимъ незамѣтно Юрій, привыкшій всегда ходить по лѣсу тихо, какъ барсъ. По звукамъ голоса, по блеску глазъ и волненію, съ какимъ Елена слушала Вихлицкаго, онъ вообразилъ себѣ больше, чѣмъ было, и золотистый, солнечный свѣтъ, зелень горъ и голубое небо, на фонѣ которыхъ онъ увидѣлъ разговаривающую пару, вдругъ померкли передъ нимъ и подернулись кровавой вуалью. Въ первое мгновеніе ему захотѣлось сбросить немедленно обоихъ съ обрыва и самому прыгнуть туда же; затѣмъ подумалъ, что раньше слѣдуетъ вернуть Вихлицкому потерянныя имъ деньги, а еще немного, онъ рѣшилъ уйти незамѣтно и возненавидѣть вѣтреную дѣвушку.

— Теперь уже я долженъ найти деньги во что бы то ни стало... Переберу, обшарю каждый камень, каждый кусточекъ травы, а найду...

Сегодня онъ не могъ продолжать поисковъ, такъ какъ убилъ кабана и шелъ какъ разъ за лошадью, чтобы привезти добычу. Когда онъ уже миновалъ ихъ и сходилъ въ ущелье, камень, задѣтый имъ по разсѣянности, покатился съ грохотомъ на дно и обратилъ на себя вниманіе разговаривающихъ.

— Кто-то былъ! — сказала Елена, вставая съ земли.—Пора домой!

. . . . . .

— Слушай, Юрій, ты ихъ тамъ не встрѣтилъ? Куда они дѣлись? — спрашивалъ Семенъ брата, который, поймалъ лошадь и не дожидаясь обѣда, готовился въ путь.

— Ну тебя, къ чорту!

Отвѣтъ брата утвердилъ окончательно Семена въ рѣшеніи „выжить“ опаснаго гостя.

Онъ понималъ, что этого прямо сдѣлать нельзя, что у нихъ есть по отношенію къ Вихлицкому извѣстныи обязанности. Но онъ предполагалъ, что Вихлицкій долженъ быть чуткъ къ нелюбезности, и надѣялся устроить все прекрасно и безъ шума. Во время обѣда онъ сдѣлалъ сейчасъ же первые шаги. Онъ все время старался держать носъ такимъ образомъ, чтобы гость видѣлъ только его профиль, отвѣты на вопросъ оттягивалъ, непододвинулъ ему хлѣба и соли, хотя видѣлъ, что онѣ ему нужны. Нѣсколько разъ, когда Станиславъ пробовалъ завязать общій разговоръ, онъ помѣшалъ и вниманіе всѣхъ направилъ въ другую сторону. Пани Страсевичъ, тоже чѣмъ-то разстроенная, забыла угощать гостя, что дѣлала до сихъ поръ всякій разъ неизмѣнно. Елена ловко исправила это. Станиславъ, который все это въ началѣ объяснялъ себѣ болѣзнью Семена, наконецъ удивился, а затѣмъ сталъ съ скрытой веселостью наблюдать за „маневрами“ старшаго Страсевича. Его непріятно поражало только поведеніе Елены, непростительно, по его мнѣнію, осторожное, почти робкое.

„Вотъ кто здѣсь настоящій хозяинъ!“—думалъ онъ съ горечью.—На Семена онъ больше не обращалъ вниманія и когда пани Страсевичъ ушла отдохнуть послѣ обѣда, а они остались еще чай пить, Вихлицкій обратился къ Еленѣ съ продолженіемъ утренняго разговора:

— Вы спрашивали, какъ это случилось?! Какимъ путемъ я пришелъ къ моимъ заключеніямъ!! Видите: къ несчастью я не унаслѣдовалъ истинъ *простыхъ* и *ясныхъ*, которымъ могъ бы повѣрить безусловно...

Елена съ испугомъ взглянула на Семена, но тотъ притворился, что не слушалъ ихъ. Вихлицкій съ нѣкоторымъ раздраженіемъ прочелъ цѣлую лекцію объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ обществу, о законахъ развитія общественныхъ формъ.

*

Это были немудреныя теоріи, почерпнутыя изъ учебниковъ и популярныхъ статей, дополненныя собственными размышленіями, но Еленѣ онѣ показались откровеніемъ. Она слушала ихъ съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что смутно чуяла въ нихъ защиту Вихлицкаго передъ какими-то неясными для нея обвиненіями. Въ чемъ могли упрекать его, она не понимала. Вѣдь онъ многократно говорилъ, что желаетъ всѣмъ добра, что не прочь за это пострадать, лишь бы отъ этого только была польза... Даже теперь, развѣ не собирался ѣхать куда-то, гдѣ никто еще не былъ!..

Вихлицкій, который по многимъ причинамъ не желалъ дурно разставаться съ этой семьей, очень былъ доволенъ, что появленіе Юрія, а затѣмъ очистка и укладываніе привезеннаго кабана прекратили натянутое положеніе.

Вечеромъ онъ позвалъ Селима, отдалъ ему свои золотые часы и бельгійское ружье, приказалъ ему заложить ихъ въ мѣстечкѣ и на вырученныя деньги нанять квартиру.

— Благодарю васъ сердечно за все. Я уже вполнѣ здоровъ и могу справиться самъ. Въ городѣ я буду ближе къ почтѣ... а для меня каждый день дорогъ,—говорилъ онъ, прощаясь съ ...іани Страсевичъ.

Старушка не особенно удерживала его. Семенъ сіялъ.

VII.

Городокъ въ которомъ поселился Вихлицкій оказался типичной захолустной трущобой. Интеллигенція его состояла исключительно изъ чиновъ полиціи и семейства мѣстнаго попа. Врачъ и фельдшеръ существовали, но существованія своего ничѣмъ ни проявляли, кромѣ періодически устраиваемыхъ кутежей. Остальные жители, туземцы, жили своей обособленной отъ русскихъ жизнью. Вихлицкій очутился здѣсь какъ въ ссылкѣ, совершенно одинокимъ отрѣзаннымъ ломтемъ. Онъ никуда не ходилъ и никто не ходилъ къ нему. Въ городѣ знали, что онъ „ученый баринъ“, и этимъ довольствовались. Онъ и радъ былъ, что его оставили въ покоѣ. Отсутствіе денегъ, писемъ, газетъ повергало его въ мрачную хандру. Къ тому же онъ былъ влюбленъ, а извѣстно, что тронутые этимъ недугомъ предпочитаютъ одиночество.

Изрѣдка заходилъ къ нему „коллега“ естественникъ, сынъ попа, студентъ, который лѣчилъ его. Онъ неизмѣнно пилъ чай и разсказывалъ безконечные, похожіе другъ на друга, разсказы о студенческой жизни въ Петербургѣ, о профессорахъ и курсисткахъ. Затѣмъ онъ уходилъ, очень довольный собою. Вихлицкій долго надѣялся, что онъ когда нибудь принесетъ, хоть маленькую вѣсточку отъ Страсевичей, но напрасно. Разъ самъ Вихлицкій ви-

дѣлъ на базарѣ Семена, но тотъ не замѣтилъ его и къ нему не зашелъ.

Минутами его охватывала жажда бросить все и сейчасъ же идти и сказать ей все, а послѣ—пусть будетъ, что будетъ... Но что будетъ? что можетъ быть? У него ничего нѣтъ, не зачто, какъ говорятъ, рукъ зацѣпить. Экспедицію, въ виду приключенія и поздняго времени, могутъ отмѣнить. И опять пойдутъ годы ожиданія, поисковъ, труда, нужды, тоски, ѣдкой жажды дѣятельности, славы и вліянія!.. Кто знаетъ, куда все это загонитъ его, въ какія трущобы и страны... А между тѣмъ онъ прельщалъ ее вѣдь обратнымъ: жизнью на родинѣ, общественной дѣятельностью и т. дальше... Когда-нибудь онъ все это исполнитъ, онъ въ это вѣрилъ... Онъ исполнитъ, добьется или погибнетъ, но теперь?.. Что представляетъ онъ теперь? Семенъ и Юрій куда надежнѣе, какъ мужья и главы семействъ. Зачѣмъ говорить ей? Онъ всегда видѣлъ передъ собою длинный рядъ приключеній и непрерывной борьбы. Къ тому же у него, повидимому, нѣтъ счастія... Сразу—неудача! Правда, онъ упоренъ, онъ сто разъ упадетъ, чтобы подняться въ сто первый... Но до сихъ поръ онъ не знаетъ себя, не знаетъ границъ своихъ силъ. До сихъ поръ его даже мало интересовала личная удача, онъ выполнялъ свою отвлеченную программу и не думалъ ни о чемъ, ничего не боялся... Была у него, старуха мать, которая, въ случаѣ его гибели, осиротѣла бы, но она была женщина иного типа и первая научила его мужеству, какъ залогу удачи. Другое дѣло эта дѣвушка, которую въ сущности онъ зналъ такъ мало...

Онъ не досказывалъ... сердце его сжималось, ныло, и онъ предпочиталъ, закрывши глаза, повторять, какъ ребенокъ:

— А вотъ, будетъ моей, будетъ, увидите!—и предавался мечтамъ, вспоминая блескъ глазъ, звукъ голоса, золотистые волосы, длинныя дрожащія тѣни рѣсницъ, на смуглыхъ щекахъ, всю фигуру ловкую, сильную здоровой, правильно воспитанной женщины, и ту безконечную грусть, съ какою она сказала тогда: „тетя, я боюсь... онъ умретъ!“

Лежалъ онъ разъ лицомъ на постелѣ и не думалъ, не шевелился, чтобы не увеличивать страданія, когда двери широко раскрылись и вошелъ Юрій.

— Вихлицкій, господинъ Вихлицкій... Вы спите?

Вихлицкій приподнялся.

— А! это вы? Что случилось?

— Семенъ отравленъ! Если вы въ состояніи помочь, такъ ѣдемъ...

— Отравленъ?.. Почему вы думаете, что онъ *отравленъ*?

— Рвота, судороги... Такъ полагаемъ...—отвѣтилъ рѣзко Юрій, удивленный тономъ и почти враждебнымъ взглядомъ Вихлицкаго.—

Мы обратились къ вамъ, мама послала, потому, что не желаетъ шума... Но вы скажите, если вы не знаете или не хотите, то я пойду къ фельдшеру...

Онъ сердился, потому что вынужденъ былъ лгать: послала его не мать, а Елена.

— Хорошо! А лошадь у васъ есть?

— Вы садитесь на мою, а я пойду лѣсомъ на прямикъ...

Минуту спустя Вихлицкій мчался по пустынной, пыльной, единственной въ городѣ улицѣ. Жара стояла невыносимая, потоки ярко-золотистаго свѣта потопляли все и навѣсы крышъ, стѣны домовъ и деревья отбрасывали рѣзкія, короткія тѣни. Необычный топотъ лошади вызвалъ изъ занавѣшенныхъ оконъ головы женщинъ, а изъ прохладныхъ, темныхъ лавокъ и духановъ бородатыя мужскія фигуры въ черныхъ, бурыхъ или сѣдыхъ черкескахъ съ кинжалами, револьверами и кривыми шашками у пояса. На головахъ зѣвакъ пестрѣли бѣлыя мингрельскія шляпы, черныя папахи или свѣтлые, живописно повязанные башлыки.

— Хорошая лошадь!—говорили они, причмокивая и хлопая по ляжкамъ руками.

— И и!.. Ты вижу не прочь бы украсть! Оставь—неукусишь!

— Это тѣхъ поляковъ подъ горою?..

— Да, да!.. А вотъ и Юрій...

— Бисмильляхъ!

— Безъ ружья? Что случилось?!.

Туземцы обступили охотника и стали распрашивать ломаннымъ русскимъ языкомъ. Онъ кивалъ имъ въ привѣтствіе рукою и шелъ дальше...

— Медвѣдь убилъ?.. Помни: полъ-кожа моя... продай, сказывалъ... кричалъ вслѣдъ за нимъ высокій горецъ съ кривымъ ястребинымъ носомъ и черной до пояса бородою.

У послѣдняго зданія Юрій повернулъ въ сады и прошелъ оттуда въ горы.

Вихлицкій сдѣлалъ нѣсколько верстъ по хорошей торной дорогѣ, прорѣзанной въ густомъ лѣсу, затѣмъ по узкой тропинкѣ свернулъ въ бокъ и спустился въ каменистое русло Аучи. Здѣсь ему пришлось сбавить шагу, ввиду массы нагроможденныхъ каменныхъ глыбъ и бурныхъ быстринъ рѣчки, затрудняющихъ путь.

Въ хуторъ онъ попалъ не задолго до заката солнца. На верандѣ встрѣтила его пани Страсевичъ, а затѣмъ выбѣжала и Елена.

— Знаете, эпидемія!.. Только что стало лучше Сенѣ, захворала Юстина...

— Такъ Семену лучше?!

— Да, лучше! Спитъ. Только у Юстины точь въ точь тоже

самое: рвота, судороги... Съѣли что-нибудь... или еще хуже—эпидемія... Я слышала, что она гдѣ-то близко... въ Индіяхъ.

— Хотя и не совсѣмъ близко, но...

Вихлицкій пошелъ торопливо къ больной. Лицо ея было мертвенно блѣдно, капли пота выступили на лбу, волоса растрепались. Она тихо стонала, закатывала глаза и судорожно вздрагивала. Вихлицкій пощупалъ у нея пульсъ, выслушалъ сердце, осмотрѣлъ рвоту, пожалъ плечами и сталъ выспрашивать присутствующихъ.

— Молокомъ ее поили,—торопливо заговорила пани Страсевичъ,—по совѣту Лели... Хотя я настаивала, если это холера, такъ нужно горячіе компрессы и растираніе... Я это хорошо помню еще съ того времени, когда...

— Милая тетя, будьте добренькой, приготовьте ужинъ пану Вихлицкому... Онъ вѣрно съ дороги голоденъ, а у меня руки и все платье боюсь испачкано, — просила старушку Елена. Когда та ушла, она быстро повернулась къ Станиславу.

— Молоко, я слышала, лучшее средство отъ отравы... Юстина вѣдь тоже отравилась... Она созналась, взявши съ меня слово; но должна же я вамъ сказать, чтобы вы знали, какъ лѣчить... Она отравила неумышленно Семена. Видите, она призналась, что они съ Семеномъ давно... другъ друга любятъ! Въ послѣднее время Юстина замѣтила, что Семенъ охладѣлъ... и вотъ, она, по совѣту Сембата, подбавляла ему въ пищу ежедневно... лѣкарство... пока не случилось... Вотъ оно это лѣкарство...

Дѣвушка достала изъ подъ кровати бутылку, на днѣ которой осталось немного желтоватой жидкости. Вихлицкій осмотрѣлъ ее, понюхалъ, попробовалъ на языкъ.

— Семенъ все время прихварывалъ, но Юстина не подозрѣвала, что отъ лѣкарства, а думала отъ другого... пока утромъ не случилась съ нимъ рвота, судорога... Ужасно! Всѣ мы страшно испугались. Казалось, что онъ умретъ. Тогда она догадалась, выпила съ отчаянія остатокъ, а мнѣ разсказала все, чтобы спасти его... Мнѣ страшно жаль ее...

— Конечно, жаль... особенно потому, что вмѣсто смерти и любви будетъ у нихъ продолжительный катарръ желудка!—разсмѣялся Вихлицкій.

— Оба жить будутъ!?

— Конечно. Пойдемъ къ больному, можетъ быть проснулся.

Елена была непріятно задѣта его веселостью, которой онъ не старался даже сдержать. Дѣйствительно, онъ былъ очень доволенъ. Все навѣрное окончится благополучно, а между тѣмъ Семенъ навсегда былъ развѣнчанъ, уничтоженъ въ глазахъ Елены. Вихлицкій легко убѣдилъ пани Страсевичъ, что нѣтъ никакой опас-

ности, и веселымъ разсказомъ о скучной жизни въ мѣстечкѣ согналъ съ лица женщинъ грусть и заботу. Поблѣднѣвшія щеки дѣвушки опять зардѣлись, потемнѣвшіе глаза раскрылись широко и радостно. На мгновеніе ему удалось заглянуть туда, но это случилось разъ, а больше она не позволила. Будетъ съ него! Онъ уѣдетъ и найдетъ себѣ другую, ловкую и благовоспитанную, а она останется здѣсь навсегда съ мучительной печалью. Недаромъ Семенъ предостерегалъ, что этотъ „пріѣзжій“ опасный волокита... Она этому вполнѣ вѣритъ... Она сама убѣдилась...

На другой день утромъ больные почти поправились. Семенъ всталъ и работалъ дома. Юстина, все еще слабая, оставалась— въ постелѣ. Вихлицкій далъ указанія, что дѣлать въ случаѣ неожиданныхъ осложненій, и уѣхалъ послѣ обѣда. Коня онъ обѣщалъ отослать съ Селимомъ.

Цѣпь однообразныхъ дней, полныхъ будничнаго труда и сѣрыхъ впечатлѣній, постепенно затушевала въ душѣ дѣвушки воспоминанія послѣдней встрѣчи. Только общее неясное безпокойство все росло и росла жажда вырваться изъ этого мирнаго, соннаго угла. Здѣсь она рѣшила не оставаться ни въ какомъ случаѣ. Она догадалась, къ чему стремился Семенъ, поняла, что Юрій любитъ ее, узнала точно причину покушенія на самоубійство Юстины. Все это возбуждало въ ней раздраженіе. Въ то же время, хотя она и старалась объ этомъ не думать, она чувствовала на днѣ души другой образъ, прикрытый, точно вуалью, тоскою и сожалѣніемъ. При малѣйшемъ толчкѣ извнѣ, онъ всплывалъ ясно и вызывалъ на ея лицо и шею густой румянецъ. Вернется ли онъ? Увидитъ ли она его? Пріѣдетъ ли прощаться? Долженъ пріѣхать! Вѣдь Юрій нашелъ деньги! Въ воскресеніе пошлютъ ему съ армянами записочку. Теперь вторичное окапываніе кукурузы совершенно поглощало мужчинъ. Елена раздумывала о томъ, что скажетъ Вихлицкому въ часъ разлуки. Соображала и колебалась, не спросить ли ей совѣта, какъ вырваться ей отсюда, туда, гдѣ, какъ онъ говорилъ, люди живутъ и борются за чудное будущее, гдѣ всякій поступокъ получитъ и смыслъ, и содержаніе. Нужно только это такъ сдѣлать, чтобы онъ, Боже упаси, не подумалъ... И опять страхъ, что онъ что-нибудь заподозритъ, заставлялъ ее отказываться и отъ совѣта, и отъ разговора... Она сама, безъ всякой помощи, найдетъ и выходъ, и средства... Будетъ трудно, но она не попроситъ его... Нужно только торопиться, она уже не дѣвочка, ей двадцать лѣтъ, и каждый годъ для нея чрезвычайно много. Конечно, она ему не скажетъ, она только намекнетъ слегка, что и она не желала бы пройти безъ слѣда „какъ цвѣты или лѣсъ“. Это тогда онъ сказалъ: „живете какъ цвѣты“, но хотѣлъ вѣрно сказать „живете какъ звѣри!“—И онъ правъ:

работаемъ, чтобы ѣсть, и ѣдимъ, чтобы работать... Нѣтъ ничего, изъ-за чего бы ныло и болѣло сердце или потрясала тревога... Развѣ Юрій больше, чѣмъ слѣдуетъ, проплутаетъ въ лѣсу... Но къ этому всѣ привыкли и это другое... не общее, не грозное, не мощное и величавое... Нѣтъ, она покончитъ съ этимъ „мирнымъ сномъ"—она предпочитаетъ „страданія и даже гибель..." „Всѣ погибнемъ", вспоминала она его слова. Ахъ, если бъ пришелъ онъ, знающій, опытный, умный и такой добрый... и показалъ ей выходъ и тутъ среди этого лабиринта... Она бы имя его повторяла до конца дней съ благодарностью и любовью... Но онъ не идетъ... онъ даже недогадывается... Боже мой, какъ мужчинамъ необходимо, чтобы все было грубо и откровенно... Онъ пожалуй правъ, что здѣсь у нея все, что она любитъ, къ чему привыкла... Да, но не настолько, чтобы пожертвовать этому всю жизнь, которая вѣдь у насъ одна...

Засыпая, послѣднюю недѣлю, она не разъ думала о будущемъ воскресеніи, о письмѣ, объ армянахъ и предполагаемой встрѣчѣ, волновалась и билась съ мыслями.

И вотъ, въ одну лунную ночь, когда она, измученная жарой и внутренней борьбою, уснула очень поздно, показалось ей спросонья, что вѣтерокъ чуть приподнялъ колышущуюся занавѣску, и со двора влетѣла бабочка-ли, цвѣтокъ-ли, но что-то нѣжное и благовонное, что коснулось ея лица. Прикосновеніе, хотя легкое, было до того явственно, что Елена открыла глаза и сѣла. Дѣйствительно: рядомъ на подушкѣ лежала роза. Раньше, чѣмъ она сообразила откуда взялся цвѣтокъ, занавѣска опять чуть приподнялась и новый бутонъ ударилъ ее въ грудь. Удивленная она побѣжала къ окну: вѣтеръ казался ей не настолько сильнымъ. Она раздвинула занавѣску и сейчасъ же съ легкимъ крикомъ отскочила назадъ: тамъ, въ лунномъ сіяніи, съ ружьемъ на плечѣ стоялъ Вихлицкій, собаки ласкались къ нему, а онъ глядѣлъ въ окно и держалъ въ рукахъ связку цвѣтовъ.

— Выйдите!.. Простите! — тихо шепнулъ онъ, когда она вскрикнула.

Наступило тяжелое молчаніе. Онъ не дышалъ, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Теперь только онъ понялъ все безрасудство, всю нелѣпость и грубость своего поступка... Но жребій былъ брошенъ! Какъ сильно она должна была бы любить его, чтобы простить и выйти?.. На что разсчитывалъ онъ? Навѣрное не выйдетъ...

Ему было больно, стыдно, и онъ почти дрожалъ отъ страха.

— Не выйдетъ, не выйдетъ! Лучше уйти пока не замѣтили другіе,—повторялъ онъ.

А дѣвушка стояла между тѣмъ посерединѣ комнаты и при-

жимала руками колышущуюся грудь. Она была возмущена и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно счастлива.

— Выйдите, умоляю! Вы сердитесь, вы сердитесь!.. Если не выйдете, все для меня потеряно; я все объясню... Не думайте дурно обо мнѣ...

Онъ вздрогнулъ и сдѣлалъ шагъ къ окну. Ему показалось, что занавѣска шевельнулась и онъ сію минуту увидитъ ее. Но нѣтъ, это вѣтерокъ колыхалъ легкую ткань.

— На разсвѣтѣ я уѣзжаю, лошади готовы, вещи уложены...

— Такъ!.. Безъ прощанія!?—прошептала она.

— Выйдите, молю васъ! Возможно, что не вернусь. Экспедиція запоздала, а мнѣ поручено проникнуть къ ледникамъ Риштау!.. Не хотите? Такъ хоть руку протяните на прощаніе, дайте взглянуть въ лицо...

— Хорошо! Идите и подождите у воротъ. Юрій нашелъ деньги. Принесу ихъ вамъ, разъ вы не можете быть у насъ больше... Вѣрно онѣ будутъ вамъ нужны...

Дѣвушка говорила тихо, шопотомъ, но ему слова ея казались внятны, какъ крикъ. Онъ боялся, что въ домѣ проснутся, и эта чудная ночь, которая засіяла вдругъ для него и пахнула всѣмъ ароматомъ и нѣгой дальняго юга, что эта ночь превратится въ скучный заученный разговоръ за стаканомъ чаю. Онъ торопливо ушелъ, хотя не былъ увѣренъ, найдетъ-ли ворота, до того кружилась у него голова. Онъ прислонился къ столбу, ладони положилъ на дуло ружья, и безсильный, потрясенный глядѣлъ на долину. Онъ не двинулся, хотя слышалъ, что она идетъ. И только когда она, завернутая въ темную шаль, остановилась около него, онъ очнулся.

Они пошли по тропинкѣ на край пропасти.

— Вы пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— И не боялись? А если бы васъ опять?..

— О, теперь... я бы свистѣлъ...

Елена засмѣялась.

— А вы знаете, Юрій деньги нашелъ?

— Да, вы говорили... Да, ну ихъ! Хватитъ тѣхъ, что прислали.

— Но вѣдь тамъ четыреста рублей. Цѣлехонькіе, только чуть, чуть заплѣснѣли... Мы ихъ высушили...

— Пускай останутся у васъ... на храненіи!

— Вы значитъ вернетесь!

— Поэтому только я и не былъ у васъ... прощаться. Я не могъ попрощаться молча, а сказать всего я не рѣшался... Я хотѣлъ сказать вамъ „люблю“ только тогда... когда я могъ бы... въ случаѣ... Я не хотѣлъ смущать васъ... мнѣ казалось, вамъ будетъ тяжело...

— Вы добрый! Это я знаю!..—шепнула она.

— Нѣтъ: я самонадѣянный... Не правда ли? Не безумно ли было прійти... Но когда я подумалъ, что могу не вернуться, могу никогда, никогда больше увидѣть васъ... Меня охватила такая тревога... Сонъ бѣжалъ отъ меня... Сѣлъ я писать,—не клеится. Въ комнатѣ Селимъ храпѣлъ... лошади бились въ загонѣ... Негдѣ ходить, вездѣ вещи, тюки, сѣдла... Взялъ я ружье и вышелъ пройтись, а какъ вышелъ, меня охватило такое непреодолимое желаніе—быть здѣсь еще разъ... Простите! Можетъ быть погибну...

— Развѣ такъ опасно?

— Тотъ не побѣждаетъ, кто не готовъ идти до предѣла!

— А вы?

— До сихъ поръ я не думалъ объ этомъ. Просто не боюсь! Незнаю почему—нѣтъ во мнѣ этого чувства. И въ этомъ, кажется, лежитъ вся суть успѣха...

— А теперь вы будете опасаться?

Онъ медлилъ отвѣтомъ.

Дѣвушка вздохнула.

Они присѣли на краю пропасти. Кругомъ стояли горныя вершины, темныя, зубчатыя, высокія, точно стѣны и бастіоны громадной крѣпости. Подъ ними внизу, сквозь вѣтви деревьевъ сверкала серебристая лента Аучи. Знойныя, благовонныя дуновенія долетали къ нимъ съ ущелій, съ лѣсу, съ луговъ. Елена отняла у него руку, которую онъ цѣловалъ и прижималъ къ груди.

— Какъ сыро!..—сказала она съ дрожью въ голосѣ, подымая упавшую шаль. Она отодвинулась отъ него и спрятала подъ платье маленькія ножки въ кавказкихъ „чувякахъ“.

— Разсказывайте, куда поѣдете и что тамъ будете дѣлать?

— Я хотѣлъ бы взобраться на самую вершину Риштау. Тамъ еще никто не былъ. Если это неудастся, то, по крайней мѣрѣ, изслѣдовать ледники и геологическія формаціи со стороны истоковъ Уруха. Это самая недоступная часть горы. Рѣка Урухъ—одна изъ быстрѣйшихъ въ этой части Кавказа. Ущеліе очень крутое съ отвѣсными стѣнами, что въ связи съ частыми обвалами и наводненіями, дѣлаютъ его по общему мнѣнію недоступнымъ... Но я надѣюсь добраться! По всѣмъ даннымъ тамъ можно найти обнаженія такихъ геологическихъ напластованій, которыя перевернутъ вверхъ дномъ геологію Кавказа.

— А если погибнете!?

Онъ опять промедлилъ отвѣтомъ.

— Не погибну... Не отнимайте у меня рѣшимости...—прошепталъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Хорошо: я не скажу больше!..

— Знаешь, съ первой минуты, когда я увидѣлъ тебя надъ

собою свѣтлую и золотую, я подумалъ, ты именно та... моя... И какъ странно случилось, что я нашелъ тебя... Вѣдь я могъ не найти тебя... Ахъ, какъ трудно найти новыя настоящія слова любви... И какъ они невообразимо хороши.

— Именно—невообразимо! Я не представляла себѣ совсѣмъ!.. Только... есть въ ней какое-то... страданіе... Сядь, милый, ниже, чтобы я могла положить руку на твою голову... Смотри на долину и говори... о себѣ. Ты вѣрно любилъ не разъ, а я люблю впервые... Мнѣ страшно, мнѣ безпокойно!..

Онъ чувствовалъ, какъ дрожали ея пальцы, покоящіеся на его волосахъ, и самъ былъ глубоко тронутъ ея тревогой и взволнованъ.

— Теперь вмѣстѣ пойдемъ въ жизни...

— О, какъ я любить тебя буду... Вѣдь ты откроешь для меня этотъ міръ, о которомъ ты говорилъ, полный дѣлъ важныхъ и святыхъ... Все, что ты любишь и знаешь...

— Теперь люблю только одну тебя!..

Она засмѣялась и наклонилась къ нему.

— А, между тѣмъ, уѣзжаешь завтра!

— Чтобы вернуться и получить тебя навсегда!

— Да, да! Мы даже умремъ вмѣстѣ...

Онъ снова хотѣлъ овладѣть ея рукою, но она не дала ему.

— Не хочешь, а между тѣмъ смотри: уже свѣтаетъ!

Онъ всталъ и протянулъ руку къ востоку; и она встала и съ испугомъ глядѣла на быстро бѣлѣющій надъ горами небосклонъ.

— И ты сейчасъ уйдешь?

— Да! Проводники ждутъ. Имъ приказано явиться съ восходомъ солнца. Если не прійду, уйдутъ и трудно ихъ будетъ поймать... Небрежность всегда роняетъ авторитетъ начальника... Они должны меня слушать и уважать! Въ этомъ только моя сила! Вчера мы рѣшили до жары перевалить вотъ этотъ хребетъ!

— Высоко!

— Зато дальше будетъ хорошо, поѣдемъ долиною нагорной рѣчки... Тихо поѣдемъ; тамъ тоже много интереснаго. Развѣ не поцѣлуешь меня?—спросилъ онъ, не отпуская ея руки.

Она отрицательно покачала головою.

— Нѣтъ! Чувствую, что если поцѣлуешь меня, заплачу... страшно расплачусь!.. Зачѣмъ? Вѣдь вернешься.

— Вернусь... милая... вернусь... вернусь... На крыльяхъ прилечу! Прощай!..

— Не говори такъ. Прощай! Я суевѣрна... Скажи до свиданія... Не цѣлуй... не цѣлуй... Точно сердце уходитъ... Будь остороженъ, умоляю тебя... Не упади гдѣ-нибудь въ пропасть!..

Онъ махнулъ ей въ послѣдній разъ шляпой и сталъ быстро

спускаться по слабо заросшей кручѣ горы, розовой отъ блеска зари. И все онъ оглядывался, пока, наконецъ, ее не закрыла грань темнаго обрыва. Еще разъ со дна долины Вихлицкій увидѣлъ Елену, она стояла неподвижно съ рукою на груди все на томъ же камнѣ.

VIII.

Всѣ, не исключая пани Страсевичъ, замѣтили удивительную перемѣну въ дѣвушкѣ. Ея движенія, рѣчь, пріобрѣли особую серьезную прелесть, а въ лицѣ сіяла такая доброта, такое ровное, милое ко всѣмъ участіе, что даже Семенъ, который съ нѣкоторыхъ поръ сталъ къ ней злобно придираться, опять покорился и ворчалъ только за глаза. Впрочемъ, и на это онъ осмѣливался только въ отсутствіе Юрія, такъ какъ пылкій юноша при малѣйшемъ порицаніи дѣвушки вспыхивалъ какъ порохъ. Естественные союзницы Семена—мать да Юстина—тоже съ нимъ не соглашались, мать—по привычкѣ, а Юстина, потому что не разъ въ мучительные моменты она выплакивала теперь свои страданія на груди дѣвушки. Семенъ разъ какъ-то застигъ ихъ вдвоемъ, догадался, что Елена *все* знаетъ и нѣсколько дней ходилъ мрачный, какъ туча.

— Видишь, Лёля, какъ все это путается... даже въ такомъ маленькомъ обществѣ, какъ наше, какъ все это многосложно,— заговорилъ онъ грустно съ дѣвушкой, поймавъ ее, наконецъ, наединѣ.—Ты только ее жалѣешь, а между тѣмъ.. Ну, посовѣтуй, что дѣлать?

— Женись на ней!

Семенъ покачалъ головою.

— Стара она!.. Дѣтей у насъ не будетъ... Да и зачѣмъ это ей?.. А для меня, видишь, нѣтъ будущности безъ семьи... Зачѣмъ работать? Зачѣмъ хлопотать? Виноватъ я, но несу я тяжелое наказаніе за ошибку молодости... Она была старше меня, она была опытнѣе... Теперь ея привязанность для меня хуже кандаловъ. Сознайся, если бы не она, ты, можетъ быть, полюбила бы меня... современемъ...

Дѣвушка встряхнула отрицательно головой.

— Почему? Ты раньше дружила со мной!

— Знаешь, Семенъ: ты и Юрій непремѣнно... непремѣнно должны продать хуторъ или *такъ* уѣхать на нѣкоторое время на Родину... Тамъ много хорошихъ женщинъ. Объ этомъ вамъ нужно подумать заблаговременно... Самое лучшее продать... Здѣсь ваша жизнь проходитъ даромъ...

Семенъ задумался.

— Значитъ и Юрій, говоришь?..

Дѣвушка не отвѣтила.

Старшій Страсевичъ, между тѣмъ, въ серьезъ, повидимому, принялъ ее совѣтъ. Съ этого дня онъ громко сталъ говорить о продажѣ колоніи, о безполезной жизни вдали отъ родного народа. Елена съ гордостью узнавала въ его разсужденіяхъ мнѣнія Вихлицкаго. Тѣмъ не менѣе она не совсѣмъ ему довѣряла. По временамъ онъ подолгу не спускалъ съ нея мрачнаго взгляда, а пойманный ею, переводилъ его на мать, на Юрія, куда-нибудь вдаль, тщательно минуя Юстину. Наконецъ, онъ сталъ подъ предлогомъ поисковъ купца отлучаться въ мѣстечко и все чаще и чаще возвращался оттуда пьянымъ.

— Отъ тебя по-ги-баю!—бормоталъ онъ тогда Еленѣ. Юстина брала его подъ свое попеченіе, счастливая, что опять, хоть на минуту, она ему нужна и близка. Юрій молчалъ и работалъ за себя и за брата, а пани Страсевичъ жила въ полномъ невѣдѣніи положенія.

— Старѣетъ Семенъ,—сожалѣла она.—Эти дѣла городскія да разъѣзды сильно его утомляютъ. Помню раньше, бывало, пѣшкомъ два раза дальше сходитъ и не замѣтно; теперь верхомъ ѣздитъ, а по возвращеніи глазами хлопаетъ, ничего разсказать не можетъ, и сейчасъ... Опять что-то его долго нѣтъ!

На верандѣ стоялъ на столѣ пустой самоваръ, грязная чайная посуда и горѣла лампа. Ночныя бабочки густо летали и бились крыльями о фарфоровый абажуръ. Юрій въ сторонѣ чинилъ сломанную лопату для вѣйки хлѣба. Юстина отсутствовала, а Елена, прислонившись къ столбу крыльца, тоскливо глядѣла къ даль. Ночь такая свѣтлая, серебристая, какъ та, въ которую ушелъ Вихлицкій, покрыла окрестности. Съ того времени прошелъ почти мѣсяцъ. Дѣвушка пробовала угадывать, глядя на вершины горы, гдѣ *онъ*, что дѣлаетъ, когда пріѣдетъ или дастъ о себѣ вѣсточку. Скрипъ калитки обратилъ ея вниманіе. Возвращался Семенъ. Онъ былъ, какъ всегда, пьянъ, но въ его фигурѣ на этотъ разъ что-то поразило ее. Онъ не направился, какъ всегда къ черному ходу, къ кухнѣ, чтобы подъ предлогомъ ухода за лошадью оттянуть сколько возможно появленіе въ обществѣ. Нѣтъ, онъ шелъ прямо къ нимъ. Поводья постоянно выскользали у него изъ рукъ, онъ оступался и покачивался и всякій разъ его красивая горная лошадка храпѣла и пятилась отъ него. Юрій сбѣжалъ съ лѣстницы и грубо отнялъ у него животное. Семенъ остановился въ нерѣшительности у нижнихъ ступенекъ; очевидно, подъемъ былъ ему не подъ силу.

— Не пугайся...—пробормоталъ онъ и уставился полусознательнымъ взглядомъ въ Елену.—Не пугайся!.. Будешь моею... Даже исправникъ... даже самъ губернаторъ... ничего не подѣлаетъ... не

найдетъ... Будетъ!.. Урухъ исчезъ и никто... его... не найдетъ! Не увернешься... будешь моей... Разсѣялся... развѣялся, какъ хотѣлъ... въ безконечности жизни... Вотъ и все! И только! И не вернется... Да, да!..

Елена въ мигъ очутилась около него.

— Что?.. Кто исчезъ?!

— Урухъ, говорю тебѣ... Пусти, оборвешь рукавъ... Безконечность жизни... Ха! ха!.. Что тебѣ... Вѣдь я остался,—смѣялся онъ противно.

— Кто исчезъ?.. И кто тебѣ сказалъ?—настаивала Елена. Ей почему-то показалось, что Семенъ менѣе пьянъ, чѣмъ притворяется.

— Урухъ исчезъ... Урухъ, говорю... Добрая душа,—Гуциръ-оглы посадилъ меня на лошадь... И вотъ я пріѣхалъ...

— Юрій, тамъ вѣрно Вихлицкій!—вскрикнула Елена, блѣдная какъ платокъ.

— Именно... Вихлицкій...

— Что ты слушаешь его, пьяницу! Иди въ свою комнату!—возмутилась пани Страсевичъ. Всѣ были чрезвычайно взволнованы и смущены. Юрій мрачно глядѣлъ на брата, котораго тщетно старалась приподнять со ступенекъ Юстина.

— Прочь... Иди... Я спокоенъ... я...—бормоталъ онъ отбиваясь.

— Юрій, ты уже разсѣдлалъ коня? Мнѣ необходимо сейчасъ съѣздить въ городъ...—заговорила тихо, но рѣшительно Елена.

— Теперь?.. Ночью? Безуміе! Да ты ничего не узнаешь... и еще случится съ тобой что-нибудь... Безуміе, прямо безуміе... Мама, слышишь, что говоритъ она?

— Она не поѣдетъ! Елена, что случилось?.. Я совсѣмъ не понимаю!.. Зачѣмъ тебѣ ѣхать?.. Стыдно... Боже мой, Боже! Милліонъ несчастій... Семенъ пьянъ, наплелъ Богъ знаетъ что... Наказаніе Господне!.. Не слыханное дѣло: сынъ, мой сынъ—пьяница! Давно я уже чуяла, но не рѣшалась даже сознаться... Сынъ Эдуарда Страсевича—пьяница!.. Елена, сейчасъ отправляйся въ свою комнату!..—жалобно причитала старушка.

Елена не трогалась. Она прислонила голову къ столбу, стиснула свисшія руки, закрыла глаза и шептала сжатыми губами:

— Я хочу!.. я хочу!.. я должна!..

На ея рѣсницахъ дрожали слезы, и вся она, застывшая въ мѣсячномъ сіяніи, походила на статую отчаянія. Юрій исподлобья глядѣлъ на нее и судорога сводила его лицо.

— Если хочешь, непремѣнно, я пойду... хотя теперь спятъ въ мѣстечкѣ и нѣкого даже разспросить... И ничего раньше утра я не узнаю...

— Ну да, всѣ спятъ... Куда ты пойдешь?.. Пойдешь завтра, слышишь, Юрій... Все это капризы... Неприличные капризы... Вижу, мнѣ придется барышню прибрать къ рукамъ! Мы потолкуемъ. Извольте отправляться въ комнату сейчасъ! — говорила старушка и увела дѣвушку за руку.

Та не сопротивлялась, только взглянула умоляюще на Юрія, а тотъ кивнулъ въ отвѣтъ головою. Она знала хорошо этотъ упрямый, полный преданности жестъ юноши еще съ дѣтства, когда онъ послѣ потасовки каялся и клялся, что ради нея онъ готовъ „въ огонь и въ воду!..“

Въ комнатѣ старушка поставила на столѣ взятую съ веранды лампу и усѣлась въ кресло.

— Скажи мнѣ, дѣточка, что все это значитъ!? Почему ты такъ волнуешься? Конечно, судьба этого человѣка ужасна. Но онъ мужчина, а ты дѣвушка и это очень неприлично... Скажи мнѣ, милочка, что онъ тебѣ говорилъ? что у васъ было?

Пани Страсевичъ взглянула на Елену, пристальнымъ, подозрительнымъ взглядомъ.

— Я тебѣ довѣряла,—продолжала старушка,—и ему довѣряла... Онъ казался благороднымъ человѣкомъ, говорилъ много хорошаго... А про тебя я думала, что ты, воспитанная въ правилахъ старинной добродѣтели, не позволишь себѣ никогда... Вѣдь я видѣла, что оба вы увлекаетесь... Но думала, онъ просто ухаживаетъ, какъ обыкновенно ухаживаетъ молодежь... Что же ты не говоришь, нехорошая дѣвочка!.. И какой грѣхъ будетъ у меня на душѣ... вѣчный укоръ изъ-за тебя, если онъ чего Боже упаси... погибъ... или не вернется!..

— Не говори, тетя, не говори такъ: онъ вернется,—воскликнула въ отчаяніи дѣвушка, склоняя свою золотую головку на колѣни старушки.

— Онъ говорилъ... что вернется. Онъ долженъ былъ уѣхать... У него есть мать, которая осталась теперь одинешенька. О, тетя! Я умру... непремѣнно умру, если что нибудь съ нимъ случится...

Дѣвушка плакала, уткнувшись лицомъ въ колѣни старушки; вдругъ она вскочила.

— Ты куда?

— Сейчасъ вернусь, тетя!

Она побѣжала въ комнату Юрія и въ темнотѣ обшарила стѣну, гдѣ обыкновенно висѣло его ружье. Ружья не оказалось. Не успѣла она обернуться, какъ въ дверяхъ появилась пани Страсевичъ съ лампой.

— Видишь: пошелъ! Пойдемъ, дѣточка, будемъ ждать его обѣ! Пусть будетъ, какъ рѣшилъ Богъ. Только ты помни, что мы всегда тебя любили крѣпко и искренно!

Пани Страсевичъ опять сѣла въ кресло и приказала дѣвушкѣ положить голову къ себѣ на колѣни; разспустила ея золотые волосы и стала худыми, морщинистыми пальцами перебирать длинныя, мягкія косы.

— Видишь, дѣтонька, это судьба большинства женщинъ. Всякая любитъ разъ въ жизни глубоко, страстно—жалкія, которыя не узнали этого—но рѣдко имъ удается соединиться съ человѣкомъ любимымъ этой единственной любовью. Большинство вѣчно протягиваетъ руки къ отошедшимъ. То они остались равнодушны, то сближеніе невозможно по другимъ причинамъ, то бѣдность мѣшаетъ... Можетъ быть, оно и лучше, потому что эти браки по страстной любви всегда почти несчастны; вѣкъ свой не успокоятся, волнуются, спорятъ, какъ я съ Эдуардомъ... Правда я чувствую, еслибъ пришлось все вновь передѣлывать, я бы все-таки вышла за него. Но я была душа неспокойная, любила героевъ, а онъ былъ герой и всѣ его за героя почитали. По разсудку лучше всего, когда мужъ любитъ жену, а жена дѣтей... Тогда въ домѣ согласіе и спокойствіе, а это уже большой для женщины выигрышъ. Нѣтъ никакого подвига въ томъ, что этотъ Вихлицкій въ тебя влюбился! Ничего онъ этимъ не доказалъ! Тебя вѣдь всѣ любятъ!..

— Тетя, кажется, лаютъ собаки. Пойду, посмотрю не Юрій ли?

— Какъ можно? Гакъ далеко... Вѣдь онъ пѣшкомъ... Тебѣ показалось. Ужъ я этому Вихлицкому надеру уши за то, что такъ дитя мое мучитъ. Отдамъ ему тебя, что подѣлаешь, хотя, право, не стоитъ... Была ты у насъ одна и ту онъ отнялъ... а вѣдь тамъ ихъ... другихъ... у него много...

Елена безпокойно задвигалась.

— Тетя, ты что-нибудь знаешь?

— Ничего я не знаю. Не смотри, какъ подстрѣленная коза! Вернется и женится на тебѣ, вотъ и все... Потерялся какой-то Урухъ, а не онъ... Слышала!? Вѣдь Семенъ ясно сказалъ. Значитъ неизвѣстно!

— Урухъ—это рѣка, къ истокамъ которой пошелъ Вихлицкій...

— Ну да, рѣчка!.. Что же что рѣчка... Рѣчки здѣсь часто теряются, перемѣняютъ направленіе... А онъ вернется... Къ тебѣ и невернулся бы!

Пани Страсевичъ вздохнула и перекрестилась.

— Тетя, ты, знаешь, засни, а меня отпусти на обрывъ, тамъ ближе... Какъ скоро я услышу Юрія прибѣгу и тебя разбужу...

— Нѣтъ, дитя мое, я не усну. И тебя одной не отпущу. Еще пойдешь по дорогѣ въ городъ и повстрѣчаешь бродягъ... Къ тому же роса холодная, простудишься! Или вотъ что сдѣлаемъ: пойдемъ обѣ. Отыщи мою шаль, а сама надѣнь накидку... Я пока схожу...

къ этому... Боже мой, Боже!.. милліонъ несчастій!.. Только подумать!..

Вернувшись отъ Семена старушка разрыдалась не на шутку. Нужно было ее утѣшить, уложить въ постель, прогулку оставить. Пани Страсевичъ кашляла, охала, просыпалась и часто подзывала къ себѣ дѣвушку.

Вспыхнула заря, взошло солнце, туманы съ горныхъ покатостей поднялись выше, синева неба накалилась, а Юрія все не было видно. Въ домикѣ загудѣли обычные голоса. Въ кухнѣ хозяйничала Юстина, со скотнаго двора доносились окрики Семена. Елена оттягивала выходъ изъ комнаты. Ей было крайне непріятно думать о встрѣчѣ съ Семеномъ или Юстиной. Между тѣмъ необходимо было приготовить завтракъ. Привычка работать наравнѣ съ другими и надежда, авось они не спрошенные скажутъ ей что-нибудь о Вихлицкомъ, въ концѣ подвинули ее къ дверямъ. Только она нажала ручку, какъ пани Страсевичъ проснулась и окликнула ее. Даже руками всплеснула старушка, увидѣвъ ея почернѣвшія, высохшія губы и воспаленные глаза.

— Ты совсѣмъ не спала! Юрія все еще нѣтъ? Семена ты видѣла, ты распрашивала? Нѣтъ! Ну такъ позови его ко мнѣ!

Семенъ не пришелъ, а послалъ вмѣсто себя Юстину. Долго женщины запершись разговаривали съ собою. Юстина вышла оттуда чрезвычайно смущенная и заплаканная. Когда Елена принесла пани Страсевичъ чашку чаю, предполагая, что та еще лежитъ въ постели, она застала старушку на молитвѣ передъ иконою.

— Семенъ ничего точно не знаетъ. Потерпи. Скоро долженъ прійти Юрій. Ты, милочка, принесла чаю! Хорошо!

Къ концу завтрака явился на тропинкѣ Юрій. Елена хотѣла броситься къ нему, но пани Страсевичъ придержала ее за рукавъ. Юрій усталый и сумрачный въ нѣсколькихъ словахъ передалъ, что случилось: обвалъ засыпалъ входъ въ ущеліе Уруха. Рѣка запружена, не плыветъ. Вихлицкій въ моментъ обвала, находился въ ущеліи, но погибъ онъ или спасся—неизвѣстно. Сообщеніе привезъ въ городъ осетинъ изъ деревушки у входа въ ущеліе, гдѣ Вихлицкій оставилъ часть своего груза. Изъ города сейчасъ же дали телеграмму въ общество, пославшее Вихлицкаго, а завтра становой приставъ поѣдетъ на мѣсто для розысковъ и составленія описи оставленнымъ вещамъ. Елена, которая во время разговора до того поблѣднѣла, что пани Страсевичъ въ испугѣ поддержала ее за талью, вдругъ выпрямилась:

— Поѣду и я! Они его не найдутъ, не будутъ даже искать его... Юрій, милый братъ... Ты, который иголку въ горахъ найти въ состояніи... Мой милый... мой дорогой,—ѣдемъ!

Она склонилась низко передъ нимъ и искала руки, чтобы цѣ-

ловать ихъ. Онъ взволнованный пятился и съ тоскою глядѣлъ на дѣвушку.

— Ты вѣдь любилъ меня, Юрій, а *онъ*—часть меня... душа моя лежитъ тамъ и... коршуны рвутъ его тѣло! Вѣдь онъ твой соотечественникъ, твой братъ, Юрій!

— Онъ могъ спастись!..—бормоталъ Юрій.—Вихлицкій смѣлъ и находчивъ, а Селимъ лучшій въ округѣ проводникъ. Хорошо, хорошо!.. Если ты думаешь, что я могу... я пойду... куда хочешь пойду!

Она обхватила его шею.

— Ты думаешь, что можетъ быть онъ живъ!? Поѣдемъ, поѣдемъ! Вы и меня должны взять съ собою... Я не останусь, не могу!.. Говоришь, что могъ спастись!? Спасибо тебѣ... Только бы поскорѣе!.. У меня вѣдь есть четыреста рублей Вихлицкаго... Мы купимъ лошадей и сегодня еще вечеромъ... Вѣдь правда, Юрій, нужно спѣшить!..—говорила она лихорадочно и на восково-блѣдныхъ щекахъ ея выступилъ яркій румянецъ.

Пани Страсевичъ въ началѣ ошеломленная проектомъ, согласилась послѣ краткаго совѣщанія съ Юріемъ.

— Ни къ чему! Если не придавило, такъ навѣрно утонулъ! Но путешествіе успокоитъ ее!

— Именно: возьми ее, Юрій! Непремѣнно возьми. Самъ не особенно лѣзь, но если безъ опасности можно отыскать тѣло, то постарайся... Мальчикъ стоилъ человѣческихъ похоронъ. Все-таки жалко его... Былъ хорошихъ правилъ, хорошей семьи и, нужно думать, очень способный... Царство ему небесное!

Весь слѣдующій день шли лихорадочныя приготовленія къ дорогѣ. Семенъ пошелъ сейчасъ же за перевалъ покупать у армянъ вторую лошадь. Другіе укладывали вещи, провизію. Пани Страсевичъ не однократно во время работъ посматривала на Юрія и Елену, занятыхъ дѣломъ, улыбалась, но тутъ же сейчасъ вздыхала и дѣлала незамѣтно крестъ, прогоняя сатану, который искушалъ ее радоваться несчастію ближняго.

В. Сѣрошевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ.

(Переводъ съ польскаго).

Ой пошла бъ я жить на волѣ,
Словно вихрь, что свищетъ въ полѣ,
Свищетъ въ полѣ, вьется птицей,
Гонитъ тучи вереницей
Въ роковую даль.
Только сердцу жаль
Той нивы,
Гдѣ надъ рѣчкой плачутъ ивы,
Гдѣ родныя кости тлѣютъ
И колосья мирно зрѣютъ.
Только сердцу жаль!

Ой пошла бъ я въ путь далекій,
Какъ идутъ весной потоки,
Какъ плывутъ рѣчныя воды,
И сплетаютъ хороводы,
И блестятъ какъ сталь.
Только сердцу жаль
Той хаты,
Гдѣ разросся дубъ косматый,
Гдѣ сверкаетъ садъ росою,
Гдѣ луга звенятъ косою.
Только сердцу жаль!

Ой пошла бъ я хоть за море
Разогнать нѣмое горе,
Въ сумракъ ночи безпросвѣтной
Понесла бы кладъ завѣтный,
Пенесла печаль
Только сердцу жаль
Орленка,
Что въ степи клекочетъ звонко,
Что надъ лѣсомъ птицу гонитъ,
Молодыя перья ронитъ.
Только сердцу жаль!

Танъ.

НА МОНБЛАНЪ.

(*Окончаніе*) *)

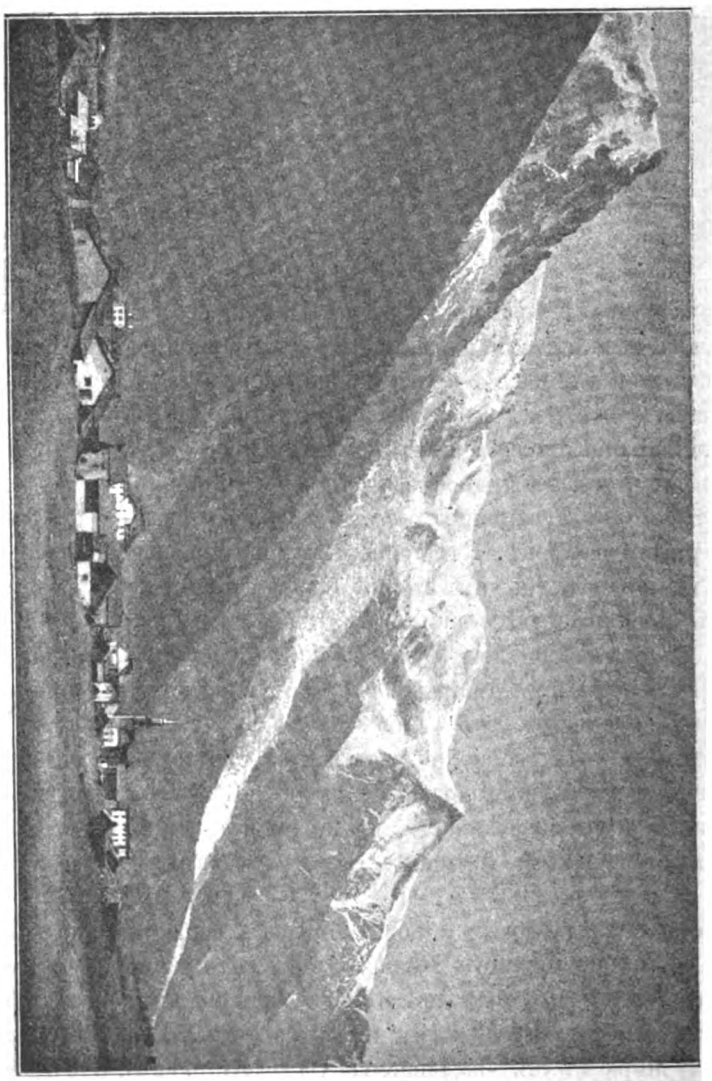
III.

Первые дни по моемъ пріѣздѣ въ Шамуни самая вершина Монблана была закутана легкими облаками, указывавшими на то, что на верху былъ сильный вѣтеръ. Эти дни я употребилъ на прогулки на ледникъ де-Боссонъ, Флежеръ, Каскадъ де-Блетьеръ, Монтанверъ съ его дивнымъ ледникомъ, получившимъ названіе Ледяного Моря, и къ нижней части послѣдняго, носящей названіе Лѣсного ледника—Гласье де-Буа,—изъ котораго съ страшнымъ ревомъ, клубясь и пѣнясь, вытекаетъ притокъ Арвы Арвейронъ. Кто-то справедливо сказалъ, что горы нельзя любить въ половину. Къ нимъ или остаешься равнодушнымъ, или отдаешься имъ съ полнымъ увлеченіемъ. Вершины Монблана все еще не было видно, но начинало влечь туда неотразимо, на эту высочайшую гору Европы, которая представлялась чѣмъ-то таинственнымъ, окутаннымъ величіемъ опасностей, изъ которыхъ человѣкъ вышелъ тѣмъ не менѣе побѣдителемъ. Есть своего рода поэзія въ побѣжденіи опасностей, хотя по правдѣ сказать, если погода благопріятна, восхожденіе на Монбланъ требуетъ только выносливости, но не представляется столь опаснымъ, какъ кажется издали, и какимъ является восхожденіе на нѣкоторыя другія вершины.

Черезъ хозяйку отеля я познакомился съ однимъ очень хорошимъ гидомъ по имени Франсуа Мёнье. Отъ него я узналъ, что восхожденіе на Монбланъ не представляется еще возможнымъ вслѣдствіе сильнаго вѣтра. Онъ предложилъ мнѣ пока сдѣлать прогулку вверхъ по Ледяному Морю въ такъ-называемый Садъ (Жарденъ). Это трехугольная скала посреди ледника Талефра, какъ стѣнами окруженная со всѣхъ сторонъ моренами, словно островъ по срединѣ Ледяного Моря, на высотѣ 2.787 метровъ. Здѣсь есть небольшой источникъ, вокругъ котораго къ концу лѣта расцвѣтаютъ прелестные альпійскіе цвѣты, отчего онъ и получилъ свое поэтическое названіе. Дикая чарующая природа горныхъ

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

вершинъ и ледниковъ раскрывается здѣсь во всей своей красѣ и величіи. Ледяное Море—одинъ изъ самыхъ типичнѣйшихъ альпійскихъ ледниковъ съ краевыми и срединными моренами, трещинами, ледяными пирамидами и сераками, ледниковыми столами и колодцами. Онъ образуется изъ сліянія трехъ главныхъ ледниковъ—ледника Талефра, Лешо



Шамуни и Монбланъ.

и Гиганта. Здѣсь я получилъ первое знакомство съ трудностями восхожденій. При разставаніи, мой гидъ сказалъ мнѣ что, по его мнѣнію, можно ждать хорошей погоды, и въ ближайшіе дни предпринять восхожденіе на Монбланъ.

Черезъ день, вечеромъ, я снова видѣлся съ своимъ гидомъ, и онъ сказалъ, что погода довольно благопріятна и что завтра можно, пожалуй,

идти на Монбланъ, но что лучше еще подождать немного, если время терпитъ, такъ какъ неизвѣстно, насколько погода устойчива. Мы ходили съ нимъ вмѣстѣ разсматривать огромный, прекрасно сдѣланный рельефъ всей цѣпи Монблана, на которомъ можно видѣть во всѣхъ подробностяхъ пути различныхъ экскурсій. Здѣсь же французъ, показывающій свое произведеніе, разсказываетъ о тѣхъ катастрофахъ, которыя случились на Монбланѣ и прилежащихъ вершинахъ.

На другой день, 5-го іюля новаго стиля, проснувшись около 7 часовъ утра, я вышелъ на террасу. Небо въ сторону Бреванъ было покрыто облаками, но надъ цѣпью Монблана не было ни одного облачка. На темной синевѣ ясно вырисовывалась бѣлоснѣжная вершина колосса, на которой въ телескопъ можно было отчетливо различить обсерваторію Жансена. Мною овладѣло прямо лихорадочное стремленіе туда, въ эту далекую заоблачную высь, которое усилилось еще тѣмъ болѣе, когда я узналъ, что цѣлый караванъ отправился на Монбланъ рано утромъ. Послѣ оказалось, что эти туристы намѣрены были подняться только до Гранъ Мюле. Я готовъ былъ сердиться на своего гида и даже сомнѣваться въ немъ, готовъ былъ взять другого, чтобы только онъ велъ меня на вершину. Я послалъ за Мёнье. «Неужели же и теперь нельзя еще идти на Монбланъ? Вѣдь отправились же другіе».—«Да,—сказалъ онъ мнѣ,—кажется, погода будетъ благопріятна, хотя навѣрно поручиться еще нельзя. Вѣтеръ наверху можетъ измѣниться каждую минуту».— Онъ отправился сдѣлать необходимыя приготовленія и взять носильщика. По правиламъ бюро для восхожденія на Монбланъ путешественникъ долженъ брать, по меньшей мѣрѣ, двухъ проводниковъ, которымъ приходится платить по сто франковъ, и одного носильщика за 50 франковъ; каждый новый туристъ беретъ еще одного проводника. Такимъ образомъ, считая, кромѣ того, необходимые расходы, и притомъ довольно большіе, на провіантъ, ночевку въ Гранъ Мюле и такъ далѣе, восхожденіе на Монбланъ, особенно если его дѣлаешь одинъ, обходится довольно дорого. Однако, это правило всегда можно обойти и взять одного проводника и одного носильщика, хотя это является уже нѣсколько рискованнымъ въ случаѣ, если застигнетъ дурная погода или путешественникомъ овладѣетъ сильное изнеможеніе. Мёнье, однако, успокоилъ меня тѣмъ, что онъ увѣренъ въ моихъ силахъ, а носильщикъ, котораго онъ возьметъ, будетъ такъ же хорошъ, какъ онъ самъ, и что двухъ человѣкъ будетъ достаточно. Это былъ молодой скромный малый, по имени Жозефъ Куттэ, дѣлавшій восхожденіе на Монбланъ въ первый разъ.

Я торопился одѣваться и сдѣлать необходимыя приготовленія. Несмотря на значительный холодъ, котораго можно всегда ожидать при большихъ поднятіяхъ, одежду приходится брать довольно легкую, чтобы не тяжело было идти. При такихъ экскурсіяхъ чувствуется всякая излишняя тяжесть. Кромѣ того, на ходу холода почти не чувствуешь. На мнѣ было надѣто шерстяное бѣлье, тирольская куртка, такая же

шляпа съ привязанной къ ней веревочкой отъ вѣтра еще съ экскурсіи въ Жарденъ, на ногахъ шерстяные чулки и башмаки изъ толстой кожи на толстыхъ подошвахъ, подкованныхъ крѣпкими гвоздями. Въ карманѣ лежали теплыя перчатки и темные очки отъ солнца, въ рукахъ неизбѣжный піоле или ледяной топоръ. Приблизительно также были одѣты и гиды. Про запасъ была взята еще другая теплая рубашка, вторая пара шерстяныхъ чулокъ, суконный пиджакъ, гетры отъ снѣга и туфли, чтобы было что надѣть при остановкѣ въ Гранъ Мюле, когда будутъ сушиться мои башмаки. Все это вмѣстѣ съ провизіей, которая состояла изъ курицы и полубутылки коньяку (остальное мы предполагали, чтобы не тащить съ собой лишняго, взять въ Гранъ Мюле), было уложено въ легкій мѣшокъ съ ремнями для ношенія за спиной, который взялъ нести мой носильщикъ. Въ такихъ же мѣшкахъ взяли запасную одежду мои проводники. Кромѣ того, была взята большая жестяная фляга для вина и крѣпкая длинная веревка, которой мы должны были связаться, какъ скоро вступимъ на ледникъ. Я захватилъ съ собою также небольшой фотографическій аппаратъ, при помощи котораго снималъ во время восхожденія фотографіи.

Въ 9 часовъ 5 минутъ мы вышли изъ Шамуни. Мы перешли черезъ мостъ около нашей гостинницы на лѣвую сторону Арвы и вышли на площадь, гдѣ поставленъ памятникъ Соссюру и Бальма. Бальма какъ будто намъ указывалъ на бѣлоснѣжную вершину исполина горъ, такъ заманчиво рисовавшуюся на темносинемъ небѣ. Дорога шла по лѣвой сторонѣ Арвы, за которой на фонѣ горъ Бревана красовался, освѣщенный лучами утренняго солнца, Шамуни. Пройдя мимо небольшихъ группъ домиковъ Пра-Кондюи, Бара и Тсуръ, мы вступили въ еловый лѣсъ, весь заваленный каменьями—остатками моренъ когда-то проходившаго здѣсь ледника. Темная зелень съ огромными красноватыми и сѣроватыми камнями на первомъ планѣ, ослѣпительно бѣлый снѣгъ съ зеленоватыми полутонами льдовъ и темносинее небо даютъ необыкновенно гармоничное сочетаніе. Съ непривычки, а частью вслѣдствіе нетерпѣнія, я шелъ слишкомъ быстро, и проводнику нѣсколько разъ приходилось умѣрять мой шагъ. Нужно было беречь свои силы, и мы шли очень медленно. Идти приходилось все время въ тѣни, и еще не было жарко. На встрѣчу намъ попадались коровы, весело позванивающія своими колокольцами.

Поднимаясь все выше, мы шли черезъ лѣсъ по правой сторонѣ шумнаго ручья, текущаго съ горъ, невдалекѣ отъ чудеснаго водопада—Каскада дю-Доръ.

Въ мою бытность въ Швейцаріи меня всегда поражало то огромное количество естественной силы, которое теряется здѣсь совершенно даромъ. Швейцарія несомнѣнно одна изъ богатѣйшихъ странъ Европы, но она предлагаетъ свои богатства человѣку не въ видѣ богатыхъ минеральныхъ залежей или плодородія почвы, но въ формѣ живой силы

текущей воды. Солнце, источникъ всякой жизни и движенія на землѣ, поднимаетъ съ океана огромныя массы воды въ видѣ облаковъ, несетъ ихъ къ сѣверу и осаждаетъ въ видѣ дождя и снѣга на склоны горъ. Здѣсь энергія, затраченная солнцемъ на ихъ поднятіе, вновь освобождается въ видѣ энергіи паденія водопадовъ и теченія быстрыхъ горных рѣкъ. Но человѣкъ, давно умѣющій пользоваться этими силами, здѣсь оставляетъ ихъ въ пренебреженіи; значительнѣйшая часть ихъ теряется совершенно безполезно. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ построено нѣсколько небольшихъ лѣсопильныхъ заводовъ или фабрикъ, утилизирующихъ лишь ничтожное количество той силы, которой было бы можно воспользоваться. Аллюминіевая фабрика на Рейнскомъ водопадѣ поль-

Монбланъ.

зуется сравнительно весьма небольшой частью той силы, которую онъ предлагаетъ въ распоряженіе человѣка. Насколько громадно количество силы текущей воды Швейцаріи, можно видѣть изъ того, что одинъ лѣвый рукавъ Роны даетъ Женевѣ при помощи ея огромныхъ сооруженій съ турбинами, построенныхъ для этой цѣли въ 1883—1886 году, постоянную силу въ количествѣ 4.200 лошадиныхъ силъ. При помощи этой силы городъ снабжается водой, освѣщается электричествомъ, она же приводитъ въ движеніе многочисленныя фабричныя машины. Въ настоящее время строится другое подобное сооруженіе ниже по теченію, которое будетъ давать 12.000 постоянныхъ лошадиныхъ силъ. Но теченіе Роны лишь ничтожная часть того богатства силы, которымъ обладаетъ Швейцарія. Ея жители привыкли жить иностранцами. Они тратятъ огромныя суммы на проведеніе зубчатыхъ дорогъ, фуникулярокъ и тому подобныхъ сооруженій ради удобства англійскихъ туристовъ. Электрическая дорога на вершину Юнгфрау, которую уже начали строить, будетъ стоить восемь милліоновъ франковъ, огромныя суммы затрачены на желѣзныя и электрическія дороги на Пилатъ, Риги, на Шинниге Плятте, на дорогу изъ Гриндельвальдена въ Лаутербруннентъ, на Мюрренъ и много другихъ, нужныя только для туристовъ, желающихъ совершать путешествія со всѣмъ комфортомъ. Насколько значительнѣе обогатилась бы страна, если бы тѣ же самыя суммы были затрачены на сооруженія болѣе полезныя.

Оставивъ вправо дорожку, ведущую къ началу ледника де-Боссонъ, мы достигли небольшого ресторанчика Шале де-ля Пара (1.605 метровъ), гдѣ сдѣлали короткій первый привалъ. Проводники спросили себѣ свой обычный напитокъ — воду съ сиропомъ и небольшимъ количествомъ коньяка. Онъ прекрасно утоляетъ жажду, а коньякъ, по ихъ словамъ, предохраняетъ отъ простуды при дыханіи холоднымъ воздухомъ. Ребенокъ хозяйки жевалъ лакомство, котораго я уже давно не пробовалъ. Это былъ сухарь изъ ржаной муки, очень похожій на нашъ черный хлѣбъ. Я взялъ съ собою цѣлую краюшку, которая оказала мнѣ послѣ большую услугу. Если много пить во время остановокъ и потомъ во время дороги жевать кусокъ сухаря или вообще что-либо твердое, то это сильно гонитъ слюну, и жажды не чувствуется. Потомъ я узналъ, что многіе проводники дѣлаютъ точно также; въ горахъ Берна они берутъ для этой цѣли или кристаллизованный сахаръ, или, еще чаще, сухой черносливъ.

Оставивъ любезную хозяйку, мы продолжали подыматься въ гору по узкой дорожкѣ для муловъ, которая становилась все круче. Черезъ деревья виднѣлся ледникъ де-Боссонъ, сползавшій въ долину изломанными ледяными массами съ остроконечными глыбами, ярко блестѣвшими на солнцѣ. Ель понемногу замѣнялась лиственницей и затѣмъ исчезла. Лиственница стала рѣдѣть и мельчать и тоже исчезла. Мы шли по скаламъ, покрытымъ роскошными альпійскими розами (родо-

дендрономъ) въ полномъ цвѣту. Его замѣнилъ рододендронъ съ только что распускающимися цвѣточными бутонами и все болѣе и болѣе низкорослый. Наконецъ, исчезъ и онъ. Кое-гдѣ на скалахъ росла жалкая травка, незабудки, альпійская ромашка, куриная слѣпота и другія цвѣтковыя растенія болѣе высокихъ областей Альпъ. Въ вышинѣ въ темно-

«Сераки» въ Альпахъ.

синемъ небѣ парилъ орелъ, описывая величественные круги, едва шевеля крыльями. Въ ущельяхъ горъ лежалъ талый снѣгъ, съ горъ текли ручьи, въ воздухѣ становилось прохладно, между тѣмъ какъ солнечные лучи жгли все сильнѣе. Мы вступили въ область грандіозной весны въ ея второй половинѣ, когда снѣгъ уже почти сошелъ и только что начинаютъ зацвѣтать полевые цвѣты, когда воздухъ чистъ и прозра-

ченъ и солнце сильно грѣетъ, еще не успѣвъ, однако, справиться съ прохладою воздуха и тѣни. Въ 11¾ часовъ мы достигли Пьеръ Пуантю (2.049).

Пьеръ Пуантю (Острый Камень) — большой гранитный камень на склонѣ горы на краю грандіознаго ледника де-Боссонъ. Прямо напротивъ возвышается куполъ Монблана, кажущійся почти совершенно вблизи, налѣво голый скатъ горы, по которому предстоитъ подниматься далѣе по направленію къ Пьеръ à л'Ешель, направо за раздробленной массой ледника Игла Домъ дю-Гуте. На полдорогѣ къ вершинѣ Монблана ясно различаются скалы Гранъ Мюле. На сѣверѣ развернулась цѣпь Красныхъ Горъ и Бревана; далеко внизу шумѣлъ ручей и виднѣлись игрушечные домики Шамуни.

Здѣсь построенъ небольшой чистенькій ресторанчикъ со стѣнами изъ свѣжаго еловаго дерева, исписанными именами посѣтителей и различными остроумными изреченіями, какія обыкновенно оставляются посѣтителями. На небольшомъ столѣ лежали обычныя вещи для продажи: камешки, роговые стаканчики, маленькія папки-гербаріи и такъ далѣе. На стѣнѣ сушились чулки и рубашки, и висѣли лубочныя картинки, изображавшія «Различные возрасты человѣческой жизни», «Назначенія человѣка на землѣ» и «Различныя соціальныя положенія». Пока приготовляли завтракъ, я занялся ихъ разсматриваніемъ.

За три съ половиною франка мнѣ подали завтракъ, состоявшій изъ закуски—масла, ветчины и двухъ ломтиковъ колбасы, яичницы и маленькаго кусочка мяса, половина котораго была кость и жиръ; на десертъ дали плохого сыра, немного изюму и орѣховъ.

Въ 12 часовъ 50 минутъ мы вышли изъ Пьеръ Пуантю. Здѣсь кончается дорога, удобная для муловъ, и далѣе ведетъ по скаламъ крутая узенькая тропинка, иногда прерываемая снѣгомъ. Растительность почти исчезла; только кое-гдѣ скалы были покрыты мохомъ и жалкой травкой. Взбираясь все выше и выше, мы достигли въ часъ три четверти Пьеръ à л'Ешель, то-есть, Камня Лѣстницъ, названнаго такъ потому, что прежде здѣсь оставлялись обыкновенно лѣстницы, которыя брали съ собою для перехода черезъ большія трещины ледниковъ. Мы были уже на высотѣ 2.411 метровъ надъ уровнемъ моря. Остроконечная Игла дю-Миди возвышалась слѣва, справа блистали на солнцѣ раздробленныя ледяныя массы ледника де-Боссонъ. Передъ нами совсѣмъ близко виднѣлись Гранъ Мюле и снѣжный куполъ Монблана, до котораго вслѣдствіе необыкновенной прозрачности воздуха казалось гораздо ближе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Горы на противоположной сторонѣ долины застилались облаками, которыя медленно ползли на насъ. Вверху разстилалось темно-синее небо, съ которымъ составляли гармоничный контрастъ снѣгъ и сѣровато-фіолетовыя скалы. Въ воздухѣ не было ни звука органической жизни, только слышно было, какъ внизу шумѣли ручьи, и съ глухимъ грохотомъ катились

съ горъ лавины. Мы надѣли гетры и, перейдя черезъ морену, вступили на покрытый снѣгомъ ледъ ледника де-Боссонъ.

Мы шли по протоптанной дорожкѣ, по которой каждый день въ Гранъ Мюле носильщики носятъ провизію, пока безъ особенныхъ предосторожностей, такъ какъ здѣсь ледникъ не представлялъ еще опас-

Ледникъ де-Боссонъ.

ностей. Мы перепрыгивали черезъ трещины болѣе узкія и обходили болѣе широкія или переправлялись по оставшимся между ними узкимъ снѣжнымъ мостикамъ. Ледникъ де-Боссонъ, сползающій слѣва съ горы Монблана дю-Такюль, былъ передъ нами во всемъ своемъ величіи съ трещинами и ледяными глыбами или, какъ ихъ здѣсь назы-

ваютъ, сераками. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли форму огромныхъ ледяныхъ пирамидъ. Снѣгъ таялъ, текли ручьи, сливаясь другъ съ другомъ, прокладывая свое русло во льду, низвергаясь мѣстами въ бездонныя трещины. Мы были въ царствѣ только что пробуждающейся весны грандіозныхъ размѣровъ, о которой наша весна можетъ дать лишь такое же отдаленное представленіе, какъ пигмей о великанѣ. Мы были въ царствѣ жизни неорганическихъ силъ природы. Среди ледниковъ эта жизнь дышитъ такою мощною грудью, что не даромъ мѣстные жители горъ считали ихъ живыми существами.

Въ 3 часа 35 минутъ мы пересѣкли ледникъ де-Боссонъ и достигли такъ называемаго Джонксіонъ или Соединенія, мѣста, гдѣ ледникъ де-Боссонъ [и ледникъ Таконаца, раздѣленные вверху скалами Гранъ Мюле, а внизу Горой де-ля-Котъ, соприкасаются другъ съ другомъ. Вслѣдствіе взаимнаго давленія двухъ ледниковъ, сползающихъ внизъ съ неодинаковой скоростью, здѣсь образуется много трещинъ, изъ которыхъ, словно страшныя пасти, вѣющія холодомъ могилы, въ это время зіяли только самыя большія, меньшія же были закрыты снѣгомъ, который стаиваетъ только къ концу лѣта. Обиліе трещинъ, особенно когда онѣ скрыты подъ снѣгомъ, дѣлаетъ переходъ по этому мѣсту опаснымъ. Снѣгъ можетъ провалиться и легко упасть въ трещину. Мы связались веревками на разстояніи метровъ четырехъ другъ отъ друга, такъ что, если бы одинъ изъ насъ провалился, то былъ бы удержанъ другими. Съ такою предосторожностью переходъ по леднику представляется относительно безопаснымъ и нѣтъ надобности тратить много времени на выщупываніе трещинъ палками.

Мы перешли черезъ Соединеніе безъ приключеній. Далѣе приходилось долго и круто взбираться кверху, все время по снѣгу. Но снѣгъ былъ хорошъ, нога по нему не скользила и не проваливалась, такъ что подъемъ не былъ очень затруднителенъ. Становилось значительно холоднѣе, хотя солнечные лучи пекли довольно сильно. Ручьевъ уже болѣе не было; все было сковано холодомъ; мы вступили въ царство вѣчной зимы. На встрѣчу намъ попалась возвращавшаяся назадъ компанія изъ шести человѣкъ молодыхъ туристовъ съ двумя проводниками. Это былъ караванъ, о которомъ утромъ [въ Шамуни предполагали, что онъ отправился на Монбланъ. На самомъ дѣлѣ они дѣлали экскурсію лишь въ Гранъ Мюле, и теперь весело возвращались назадъ, связавшись всѣ вмѣстѣ веревками. Далѣе намъ попались два носильщика, также связавшіеся другъ съ другомъ, съ высокими корзинами за спинами, носившіе провизію въ Гранъ Мюле.

Перейдя еще нѣсколько трещинъ, мы достигли въ 4 часа 50 минутъ Гранъ Мюле (3.050 метровъ надъ уровнемъ моря).

Гранъ Мюле — это нѣсколько скалъ, торчащихъ изъ снѣга и составляющихъ, по всей вѣроятности, продолженіе Горы де-ля-Котъ. Здѣсь находится маленькая обсерваторія, построенная Жансеномъ,

старая альпійская хижина, отслужившая свою службу, и построенная взамѣнъ ея два года тому назадъ небольшая чистенькая гостинница. Въ послѣдней восемь комнатъ съ двумя постелями каждая, кухня, столовая, комнаты для гидовъ. Вся мебель сдѣлана изъ некрашеной ели и была еще совершенно новенькая. Передъ мягкими постелями, съ чистѣйшимъ бѣльемъ, были постланы мѣха вмѣсто ночныхъ ковриковъ. Зданіе было похоже на только что отстроенную дачку. Такія же, еще не обитыя обоями и не загаженныя маленькія комнатки, вездѣ пахло свѣжимъ деревомъ. Все было устроено съ такимъ комфортомъ, котораго не ожидаешь встрѣтить среди вѣчныхъ снѣговъ на высотѣ 3.050 метровъ надъ уровнемъ моря. Рядомъ съ зданіемъ на скалѣ укрѣплена палка съ просмоленой тряпкой, служившая сигналомъ на случай непогоды для заблудившихся туристовъ.

Кругомъ на скалахъ не было замѣтно никакой растительности, кромѣ ярко желтыхъ и зеленоватыхъ пятенъ лишаевъ. Въ концѣ лѣта здѣсь появляется, однако, довольно богатая для такой высоты растительность, въ короткій промежутокъ времени нѣсколькихъ недѣль завершающая полный циклъ своей жизни. Здѣсь насчитано всего 24 вида явнобрачныхъ, 26 мховъ, 2 печеночника и 30 различныхъ лишаевъ, всего, слѣдовательно, 82 вида растеній, преимущественно изъ низшихъ. Снѣговая полевая мышь находитъ себѣ въ нихъ пищу. Трудно вообще сказать, гдѣ лежитъ та черта, за которой кончается всякая растительность. На вѣчномъ снѣгѣ ледниковъ или питающихъ ихъ фирновъ не растетъ, конечно, ничего. Но зато едва ли не на всякой скалистой вершинѣ торчащей изъ снѣгового покрова, на которой снѣгъ не удерживается вслѣдствіе ея крутизны, можно найти желтоватыя и красноватыя пятна лишаевъ, забирающихся въ малѣйшія неровности камня и ведущихъ здѣсь свою медленную, но вѣрную разрушительную дѣятельность, изгладывая камень точно такъ же, какъ наши растенія разрыхляютъ почву, на которой они растутъ. Немногихъ лѣтнихъ дней, когда камень нагрѣвается выше температуры замерзанія, хотя въ воздухѣ продолжаетъ царствовать холодъ, достаточно для того, чтобы не прерывалась ихъ жизнь. Медленно, но вѣрно, рука объ руку съ атмосферическими дѣйствіями разрушаютъ они каменныя породы и подготовляютъ почву для растеній высшаго порядка, когда обломки породы лавинами и ледниками будутъ унесены внизъ, въ мѣста, болѣе благопріятныя для жизни.

Мы сняли свои промокшіе сапоги, поставивъ ихъ сушиться на солнышкѣ, надѣли взятую съ собой болѣе легкую обувь и расположились на отдыхъ.

Усталости не чувствовалось совершенно, и такъ легко дышалось въ прохладномъ горномъ воздухѣ. Воздухъ высотъ оказываетъ возбуждающее вліяніе и обладаетъ какой-то особой живительной силой, заставляющей организмъ усиленно работать. На солнцѣ было довольно тепло

въ одной рубашкѣ, и лучи его прямо жгли, но стоило войти въ тѣнь, чтобы сейчасъ же почувствовать холодъ. Блескъ солнца на снѣжныхъ вершинахъ былъ ослѣпителенъ, такъ что безъ темныхъ очковъ больно было смотрѣть. Небо было темно-темно-синее, настолько синее, что прославленное голубое небо Италіи должно было бы показаться въ сравненіи съ нимъ разбавленнымъ водою молокомъ. Горныя вершины торчали кругомъ изъ снѣжнаго покрова.

Съ противоположной стороны, значительно внизу, медленно клубясь, ползли блестящія освѣщенныя сверху облака, сливающіяся съ темными горами на противоположной сторонѣ долины, на которую они бросали свои тѣни. Черезъ прорывъ облаковъ словно группа игрушечныхъ домиковъ былъ виденъ совсѣмъ внизу Шамуни, а за нимъ открывалось цѣлое безпредѣльное поле горъ, сливающееся съ горизонтомъ. Совсѣмъ подъ ногами узкой тропинкой былъ видѣнъ пройденный путь; трещины и ледяныя пирамиды ледника представлялись темными черточками и комами снѣга.

Кругозоръ былъ необъятенъ и картина похожа на то, какъ изображаютъ твореніе міра, только не было Бога, распростирающаго надъ нимъ свои длани. Природа казалась огромнымъ живымъ существомъ, живущимъ своею собственною жизнью. Пантеистическій восторгъ охватывалъ душу, и становились понятны слова Мишле, что отдѣльныя частныя религіи имѣютъ слабый голосъ и часто ложный передъ этой высокой религіей горъ, религіей, открывающейся во всемъ своемъ величіи и необъятности природы.

Кругомъ поминутно раздавался громъ скатывающихся лавинъ и трескъ ледниковъ, то какъ раскаты дальняго грома, то совершенно близко оглушительнымъ грохотомъ.

Картина была такъ величественна, такъ превосходила въ своемъ великолѣпіи все мное видѣнное до тѣхъ поръ, что я долго не могъ отъ нея оторваться? Мысли были настроены на самый возвышенный тонъ. «Здѣсь жизнь кажется легкой; тяжелыя тучи души исчезаютъ на этихъ высотахъ» (Мишле).

Нужно было идти обѣдать. За столомъ я познакомился съ другимъ туристомъ-французомъ, по фамиліи П....ъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ пріѣхалъ въ Шамуни прямо съ парижскихъ бульваровъ и, не испытавъ себя предварительно на болѣе легкихъ экскурсіяхъ, прямо отправился на Монбланъ. Часто имѣютъ совершенно ложное представленіе о трудностяхъ восхожденія, и это фактъ, что два года тому назадъ одна пріѣзжая англичанка искала въ Шамуни экипажъ, который бы доставилъ ее на вершину, и была удивлена, что такового не оказалось. Г-нъ П. чувствовалъ себя совершенно уставшимъ и почти не могъ ѣсть, чѣмъ я и воспользовался, съ волчьимъ аппетитомъ съѣвъ довольно сытный свой обѣдъ и половину его. По наружному виду

г-нъ П. былъ силенъ и хорошо сложенъ, но уже до Гранъ Мюле сталъ чувствовать затрудненіе въ дыханіи и усиленное сердцебіеніе отъ разрѣженнаго воздуха. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ намѣренъ завтра достичь вершины. Рисковать подобнымъ образомъ было чистое безуміе. Если и удастся при помощи гидовъ подняться до вершины, то все удовольствіе будетъ отравлено чрезмѣрной усталостью и горной болѣзнью, припадки которой часто бываютъ ужасны и могутъ вести къ роковымъ послѣдствіямъ и даже смерти.

Послѣ обѣда я снова вышелъ наружу. Солнце садилось. Облака скопились внизу и образовали цѣлое безбрежное море, изъ котораго какъ острова здѣсь и тамъ торчали темныя вершины горъ. Ослѣпительно бѣлыя волны медленно клубились. Тѣни горъ сдѣлались синеватыми. Потомъ снѣжныя вершины и облака стали загораться розовымъ свѣтомъ съ полутонами еще болѣе синими и совершенно малиновыми тамъ, гдѣ солнечные лучи прорывались черезъ темную массу облаковъ. Золотистыя и пурпурныя легкія облака плавали вдали въ нѣжно-голубомъ небѣ. Солнце зашло за облако, и сразу повѣяло холодомъ. Сумерки спустились очень быстро. Облака и горы тухли одна за другою, послѣдней потухла вершина Монблана. Въ темномъ небѣ засвѣтился совершенно серебряный серпъ луны.

Около восьми часовъ я легъ въ постель, но заснуть не могъ. Возбуждающій воздухъ высотъ, разнообразіе и новизна впечатлѣній, самыхъ высокихъ, оказали свое дѣйствіе. Сердце усиленно билось. Пережитыя картины заоблачнаго міра вновь проносились передо мною, путаясь подъ грохотъ лавинъ съ давними впечатлѣніями земной жизни.

Въ 12 часовъ ко мнѣ уже постучались въ комнату. Была пора приготовляться въ дорогу. Предстоялъ длинный и утомительный путь до вершины Монблана, и затѣмъ въ этотъ же день засвѣтло слѣдовало вернуться въ Шамуни.

Умывшись холодной ледниковой водой, чувствовалъ себя, не смотря на ночь, проведенную безъ сна, совершенно бодрымъ. За завтракомъ, состоявшимъ изъ кофе, къ которому была подана какая-то гадость подъ именемъ консервированныхъ сливокъ, и хлѣба съ медомъ, я снова встрѣтился съ французомъ. Онъ также провелъ безсонную ночь и чувствовалъ себя въ еще болѣе скверномъ расположеніи духа.

Я одѣлся во все, что у меня съ собой было, и ровно въ часъ ночи мы двинулись въ путь. Лишнія вещи были оставлены въ Гранъ-Мюле. Взяли съ собой только провизію, бутылку холоднаго кофе и вино. Все это долженъ былъ нести носильщикъ. Мёнье взялъ только жестяную флягу, въ которую было влито двѣ бутылки краснаго вина и двѣ бутылки асти. Получился довольно пріятный на вкусъ напитокъ, хорошо утоляющій жажду. Другой поклажи у него на этотъ разъ не было; онъ долженъ былъ быть совершенно свободенъ на случай опасности; на немъ лежала теперь вся отвѣтственность.

Отъ Гранъ Мюле къ намъ присоединился еще новый спутникъ. Гидъ, сопровождавшій француза, взялъ съ собой 15-лѣтняго сынишку. Это былъ еще совсѣмъ молодой мальчикъ, уже весь горѣвшій поэтической страстью къ могущественной красотѣ горъ и опасностямъ. Его мечта была сдѣлаться со временемъ гидомъ, не такимъ гидомъ, которые сопровождаютъ англичанокъ къ Леднику де-Боссонъ, Монтанверъ и Меръ де-Глясъ, Флежеръ или Бреванъ, но гидомъ на Монбланъ и опасныя вершины горной цѣпи. На 300 слишкомъ гидовъ, значащихся въ спискахъ бюро общины, такихъ не болѣе 50. Эти гиды шамоньяры своего рода поэты, поэты природы и опасностей. Надо видѣть, съ какимъ дѣтскимъ восторгомъ они смотрятъ на снѣжныя вершины, съ какой нѣжностью любуются на горные цвѣты, съ какой любовью пьютъ воду глетчеровъ. Надо видѣть, съ какою удалью и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ хладнокровіемъ и самоувѣренностью карабкаются они по отвѣснымъ скаламъ или скатываются на ногахъ внизъ по снѣгу, дѣлая скачекъ въ сторону надъ самымъ обрывомъ. Гиды нѣмецкой Швейцаріи, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться позже, отличаются въ большинствѣ случаевъ полной прозаичностью. Изъ нихъ есть не менѣе смѣлые и опытные. Въ этомъ я убѣдился во время восхожденія на Монте Розу и когда затѣмъ дѣлалъ переходъ съ однимъ изъ нихъ черезъ Альпхубельйохъ, во время котораго насъ застигла на ледникѣ при рѣзкомъ холодѣ снѣжная мятель, продержавшая около пяти часовъ. Но они дѣлаютъ свое дѣло какъ какую-то скучную работу, безъ того увлеченія, которое отличаетъ гидовъ шамоньяровъ.

Отецъ присоединившагося къ нашей компаніи мальчика также былъ однимъ изъ лучшихъ гидовъ. На Монбланѣ онъ былъ 64 раза. Мой гидъ дѣлалъ восхожденіе на вершину Монблана всего въ 25-й разъ, но зато онъ дѣлалъ много восхожденій на другія вершины цѣпи Монблана, а равно въ Зерматѣ и другихъ мѣстахъ. Мальчикъ былъ уже на первой ступени къ тому, чтобы сдѣлаться со временемъ гидомъ: онъ сопровождалъ туристовъ въ качествѣ погонщика муловъ. Потомъ онъ сдѣлается носильщикомъ, а затѣмъ, выдержавъ испытаніе, будетъ принятъ въ общину гидовъ. Восхожденіе на Монбланъ было его мечтой. Между тѣмъ уже въ Гранъ Мюле можно было предполагать, что французъ не дойдетъ до цѣли; къ тому же, онъ шелъ слишкомъ медленно, а сердце молодого Каша рвалось такъ ретиво. Онъ просился, чтобы мы взяли его съ нами, въ чемъ я, конечно, и не могъ ему отказать, хотя такимъ образомъ на двухъ опытныхъ проводниковъ, изъ которыхъ одинъ, впрочемъ, также дѣлалъ восхожденіе на Монбланъ въ первый еще разъ, приходилось двое неопытныхъ.

Связавшись всѣ вмѣстѣ веревкой, мы двинулись въ путь. Мёнье шелъ впереди и освѣщалъ дорогу фонаремъ. Кругомъ царила темная ночь и тишина, время отъ времени прерываемая грохотомъ лавинъ, но и онѣ какъ будто спали, ожидая, чтобы ихъ пробудило утреннее солнце.

Луна уже скрылась; на небѣ яркимъ блескомъ горѣли звѣзды; въ воздухѣ было морозно. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами и визжалъ подъ стальными наконечниками нашихъ горныхъ топоровъ. Дѣлая зигзаги, мы поднимались по Малому Подъему по направленію къ Малому Плато. Подъемъ былъ настолько крутъ, что мѣстами мы шли, упираясь руками въ снѣжную стѣну. Черезъ нѣкоторое время внизу далеко позади насъ показался другой огонекъ: это французъ также двинулся въ путь... Окна гостинницы оставались нѣкоторое время освѣщенными, затѣмъ потухли, и Гранъ Мюле снова погрузились въ объятія ночного мрака и сна.

Молча, таинственнымъ шествіемъ, освѣщая дорогу фонаремъ, мы подвигались впередъ.

Было около трехъ часовъ ночи. Голубоватая полоска показалась на востокѣ. Звѣзды тухли одна за другою. Свѣтало. Фонарь былъ болѣе не нуженъ и оставленъ на снѣгу, чтобы взять его на обратномъ пути. Мы поднялись до Малаго Плато. Здѣсь идти было уже легко, но переходъ черезъ это мѣсто всегда представляетъ нѣкоторую опасность. Съ правой стороны Плато поднимается почти отвѣсная снѣговая стѣна, съ которой часто скатываются лавины. Слѣды ихъ были видны въ видѣ дорожекъ по снѣгу; на пути лежала разбившаяся лавина. Равно вѣсіе снѣжныхъ массъ, лежащихъ на весьма наклонной покатости, бываетъ настолько неустойчиво, что, проходя мимо такихъ мѣстъ, гиды предостерегаютъ даже отъ громкаго разговора. Достаточно иногда малѣйшаго сотрясенія воздуха, производимаго звукомъ, который въ различныхъ направленіяхъ отражается отъ скалъ, чтобы нарушить равновѣсіе и вызвать обвалъ, и тогда снѣжная масса сваливается, словно комъ снѣга все наростая по пути, и огромная лавина разбиваетъ и засыпаетъ все встрѣчное.

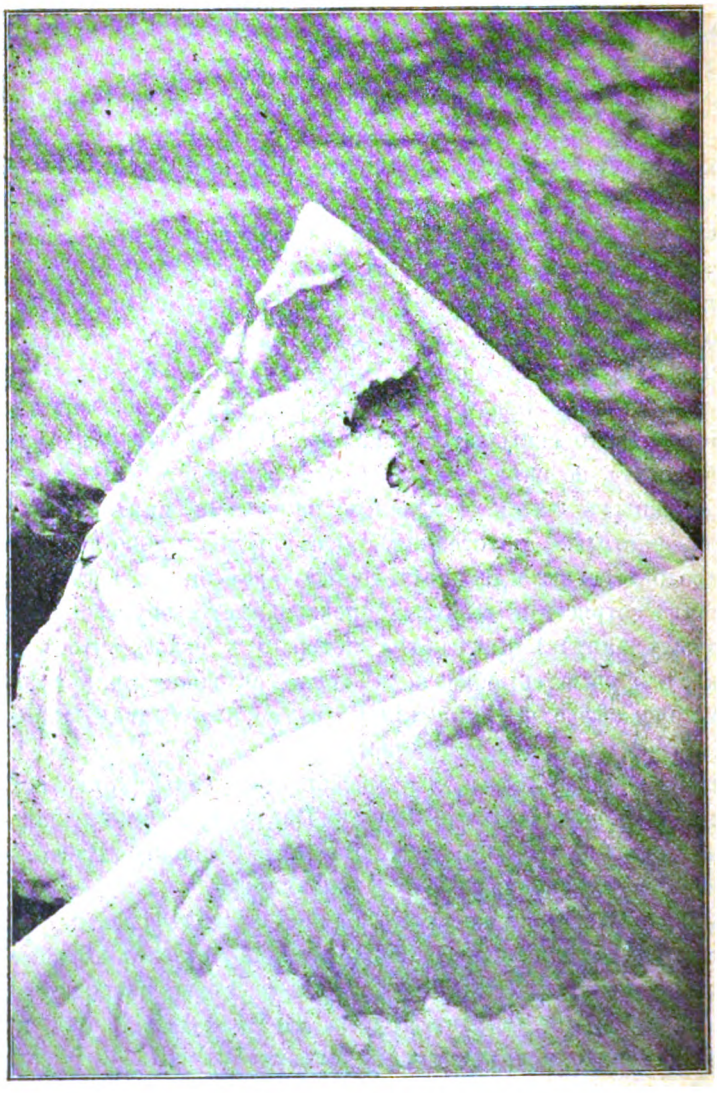
Перейдя Малое Плато, мы должны были снова круто подниматься вверхъ по такъ называемому Большому Подъему, имѣющему наклонъ около 70 градусовъ, и въ $3^3/_4$ часа достигли Большого Плато. Мы шли такимъ образомъ сравнительно очень быстро.

Большое Плато, на которомъ Бальма провелъ свою первую ночь— огромная снѣжная равнина, приблизительно, въ часъ ходьбы, съ лѣвой стороны которой возвышаются Проклятыя Горы, впереди куполъ Монблана, справа Игла дю-Гуте и Домъ дю-Гуте; назади она круто спускается внизъ по направленію къ Малому Плато.

Вообще весь путь отъ Гранъ Мюле до вершины Монблана гораздо однообразнѣе, чѣмъ первая половина дороги. Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ, лежащій на различной степени покатостяхъ.

Передъ нами виднѣлось нѣсколько скалъ и узкій кряжъ около нихъ. Это былъ путь, по которому дѣлались первыя восхожденія. Для того, кто смотритъ на вершину Монблана снизу, онъ представляется наиболѣе естественнымъ. Но теперь онъ давно уже оставленъ и провод-

никамъ даже запрещено водить по нему послѣ частыхъ несчастій, которыя здѣсь случались вслѣдствіе снѣжныхъ обваловъ. Мы должны были взять одинъ изъ двухъ другихъ путей, или налѣво отъ Большого Плато черезъ такъ называемый Корридоръ—путь, нѣсколько болѣе длинный, но зато защищенный отъ вѣтра, или болѣе короткій путь



Серакъ Монблана.

вправо къ Боссъ дю-Дромадеръ и затѣмъ по узкому снѣговому кряжу, состaвляющему границу между Франціей и Италіей. Этотъ путь нѣсколько короче, но зато представляется болѣе опаснымъ при сильномъ вѣтрѣ. Такъ какъ вѣтеръ показался намъ не очень сильнымъ, то мы выбрали послѣдній и взяли отъ Большого Плато вправо.

Вершина Монблана загоралась розовымъ свѣтомъ, который затѣмъ сталъ палевымъ, и, постепенно блѣднѣя, перешелъ въ бѣлый. Мало-по-малу освѣщались и другія вершины. Внизу было еще совершенно темно. Небо сдѣлалось уже свѣтлымъ на востокѣ, но было еще совершенно темно-синее на западѣ, и на его темномъ фонѣ блистала вершина Монблана. Понемногу освѣщались кряжи горъ противоположной стороны и наступалъ день. Въ 4 час. 20 мин. показалось солнце. Оно встало раньше, но его не было видно за иглою дю-Миди.

Мы поднимались все выше и выше по боковой сторонѣ Дома. Снѣгъ горѣлъ милліонами алмазовъ, по склону горы отъ насъ падали рѣзкія гигантскія тѣни. Подъ лучами солнца становилось все теплѣе; только ноги, не смотря на ходьбу, сильно зябли въ снѣгу.

Въ 5 час. 30 мин. мы достигли хижины Валло на высотѣ 4,400 метровъ, построенной на небольшихъ скалахъ у основанія снѣжнаго хребта, соединяющаго Домъ дю-Гуте съ вершиной Монблана, и получившаго за всю форму названіе Горбовъ Верблюда—Боссъ дю-Дромадеръ. Хижина представляетъ собою небольшой досчатый сарайчикъ, въ который ведетъ двойная дверь, устроенная такимъ образомъ, что наружная дверь отворяется, а во внутренней прорѣзано окно, черезъ которое нужно влѣзать. Такъ устроено для защиты отъ наметанія снѣга. Внутреннее помѣщеніе раздѣлено на двѣ части, отдѣленныя другъ отъ друга дверью. Въ первой, большей, комнатѣ устроены палати; на нихъ лежатъ грубые матрацы, одѣяла и подушки. Всякій путешественникъ во время непогоды можетъ найти здѣсь пристанище. Въ горахъ Швейцаріи во многихъ мѣстахъ устроены такія хижины и много путешественниковъ обязано имъ спасеніемъ жизни. Невдалекѣ отъ хижины стоитъ небольшая обсерваторія Валло.

Мы сѣли на камнѣ возлѣ хижины и расположились на завтракъ. Дверь въ хижину сильно примерзла, и мы не стали ее отбивать. Разрѣженный воздухъ уже началъ оказывать свое дѣйствіе. Чувствовалась легкая усталость, какъ бы легкая дурнота и нѣкоторая наклонность ко сну. Все это однако быстро прошло послѣ кофе съ коньякомъ и послѣ того, какъ на солнцѣ согрѣлись ноги. Мы сытно и съ большимъ аппетитомъ позавтракали и немного отдохнули. Въ 6 час. 20 мин. мы снова двинулись въ путь, взявъ съ собою только самое необходимое, остальное же оставивъ на мѣстѣ нашего привала.

Это былъ послѣдній и самый трудный переходъ. Не смотря на короткое разстояніе, онъ былъ труднѣе чѣмъ весь путь, сдѣланный до сихъ поръ.

Отъ хижины Валло мы снова взяли влѣво, поднимаясь по боку Дромадера. Снѣгъ былъ твердъ, и приходилось съ силою становить ноги, чтобы не съѣхать внизъ. Подниматься было очень утомительно вслѣдствіе разрѣженности воздуха. На такихъ высотахъ силы истощаются чрезвычайно быстро. Нѣтъ возможности сдѣлать двадцати

шаговъ, чтобы не остановиться перевести дыханіе. Послѣ этого силы быстро возвращаются на новые пятнадцать, двадцать шаговъ, а затѣмъ приходится останавливаться, хотя бы на нѣсколько секундъ, снова.

Мы миновали Турнеттъ—послѣднюю небольшую скалу недалеко отъ снѣжнаго купола Монблана, и достигли узкаго снѣжнаго кряжа, ведущаго къ вершинѣ. Справа открылся необозримый видъ на Италію, но было не до видовъ, такъ какъ нужно было смотрѣть подъ ноги. Мы шли по узкому снѣжному ребру, круто спускающемуся направо въ Италію, налѣво во Францію —двѣ бездны справа и слѣва. Невѣрный шагъ могъ увлечь насъ или туда, или сюда. Снѣгъ былъ настолько твердъ, а кряжъ настолько узокъ, что приходилось вырубать ступеньки для каждаго шага. Подвигаться такимъ образомъ шагъ за шагомъ впередъ, тяжело дыша въ сильно разрѣженномъ воздухѣ, было очень утомительно. Къ тому же, когда мы были уже недалеко отъ вершины, поднялся рѣзкій вѣтеръ, который дулъ намъ въ спину и тѣмъ еще болѣе затруднялъ дыханіе.

Наконецъ, черезъ два часа съ половиной такой работы, въ 8 час. 50 мин. мы достигли вершины. Вѣтеръ сорвалъ шляпу съ моего проводника и унесъ ее далеко внизъ въ Италію.

Едва мы достигли вершины и остановились около обсерваторіи, мною овладѣла сильная усталость, которая почти не чувствовалась, пока мы шли. Въ обсерваторію нельзя было проникнуть, такъ какъ дверь ея была занесена снѣгомъ. Мёнье поднялъ какой-то желѣзный желобъ, валявшійся рядомъ, оторванный вѣтромъ отъ обсерваторіи, положилъ его однимъ концомъ на лѣсенку обсерваторіи, а другимъ на снѣгъ, и мы сѣли.

Мною овладѣла сильная наклонность ко сну и какъ бы апатія къ тому, гдѣ я, и что меня окружаетъ. Это былъ легкій приступъ горной болѣзни, которой подвергается почти всякій, достигающій вершины Монблана. Мальчикъ и носильщикъ, которые такъ же, какъ и я, въ первый разъ поднимались на такую высоту, чувствовали себя еще хуже моего. Одинъ Мёнье не показывалъ никакихъ замѣтныхъ признаковъ усталости.

Это не была собственно усталость, такая усталость, какая чувствуется послѣ усиленной ходьбы или работы. Это было какъ бы полное истощеніе силъ, соединенное съ совершенной апатіей. Я не чувствовалъ ни голода, ни жажды, хотя обыкновенно въ такихъ случаяхъ испытывается палящая жажда, и съ трудомъ заставилъ себя выпить немного коньяку. Заснуть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, могло значить болѣе не проснуться. Часто путешественниковъ, засыпавшихъ на большихъ высотахъ на морозѣ, ихъ проводники не могли разбудить никакими усиліями. Мнѣ не хотѣлось также компрометировать себя передъ проводниками. Коньякъ нѣсколько

ободрилъ меня, но не на долго. Я зналъ, что главная причина недомоганья заключается въ затрудненномъ дыханіи въ разрѣженномъ воздухѣ. Если я стану противъ вѣтра, подумалъ я, то мнѣ должно стать лучше. Дѣйствительно, это помогло почти немедленно, и я снова сталъ чувствовать себя бодрымъ и свѣжимъ.

Мы стояли на самой вершинѣ Монблана на высотѣ 4.810 метровъ. Передо мною разстилалась картина, которой я, конечно, никогда не забуду. Есть явленія въ природѣ, которыя до такой степени превосходятъ видѣнное до тѣхъ поръ, до такой степени выходятъ изъ рамокъ привычнаго, что на первыхъ порахъ остаешься въ недоумѣніи, что это красиво, величественно, или не представляетъ ничего замѣчательнаго? Ихъ дивная красота начинаетъ чувствоваться тогда, когда она начинаетъ пониматься.

Во всѣ стороны вокругъ далеко внизу разстилалось волнистое море горъ, маленькихъ какъ на выпуклой картѣ, уходящее въ безпредѣльную даль. Мой проводникъ говорилъ мнѣ ихъ названія. Вотъ горы Бернской Швейцаріи, вотъ Юра, вотъ Зерматъ, Санъ-Бернаръ... Но меня эти названія нисколько не интересовали. До такой степени эти горы были ничтожны, до такой степени онѣ не стоили названія. Только Монтъ Роза выдѣлялась еще нѣсколько среди другихъ горныхъ кряжей. Земля съ ея горами и долинами, со всей ея жизнью, городами и государствами, со всѣми ея интересами и треволненіями, была далеко внизу. Я смотрѣлъ на нее съ заоблочной выси и видѣлъ, насколько она ничтожна.

Но къ этому чувству ничтожества земного существованія примѣшивалось еще другое чувство, которое дѣлало картину еще болѣе величественной.

Здѣсь на высочайшей вершинѣ цивилизованной Европы, на мѣстѣ, не принадлежащемъ ни одному государству, такъ какъ вершина Монблана составляетъ границу между Италіей и Франціей, высоко надъ политической и экономической злобой дня, водрузилъ человѣкъ свое научное знамя и какъ бы начерталъ на немъ: «симъ побѣдиши».

Чувство ничтожества земли въ сравненіи съ этимъ необъятнымъ темно, темно-синимъ небомъ, земли, которой горы стали такъ мизерны, а города превратились въ едва различимыя точки, и чувство величія и могущества человѣка, наукой и знаніемъ покоряющаго дикія силы, производили какое-то странное, но гармоничное въ своемъ противорѣчіи сочетаніе.

Дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, который все усиливался. Облака снѣжной пыли проносились мимо насъ. Оставаться долѣе было опасно. Въ 9 час. 30 мин. мы стали спускаться по прежнему пути по снѣжному кряжу. На этотъ разъ пришлось идти противъ сильнаго вѣтра. Это нѣсколько облегчало дыханіе, но вообще спускъ былъ труднѣе, чѣмъ подъемъ, такъ какъ не было той увѣренности въ ногахъ и было легко

оступиться. Теперь Мёнье шелъ послѣднимъ, такъ какъ на него было всего болѣе надежды въ случаѣ, если бы передніе поскользнулись, и, не удержавшись, упали. Мы всѣ были сильно утомлены, когда достигли хижины Валло. Здѣсь мы сдѣлали долгій привалъ. Вмѣстѣ съ молодымъ Каша я залѣзъ на нары и легъ на грязные тюфяки. Во всѣхъ членахъ чувствовалалось сильное утомленіе. Голову сжимало словно обручемъ, и такое же стѣсненіе чувствовалось вокругъ пояса, какъ будто бы я все еще былъ крѣпко обвязанъ веревкой. Мы отдыхали довольно долго. Здѣсь была оставлена наша провизія, но никто изъ насъ не могъ ѣсть. Мы всѣ потеряли аппетитъ—обычное явленіе при подобныхъ восхожденіяхъ. На всемъ возвратномъ пути вплоть до Шамуни, то-есть, за весь день я съѣлъ только небольшой кусочекъ шеколада, а проводники вмѣстѣ съѣли лишь маленькую коробочку сардинокъ.

Когда мы пришли назадъ въ хижину де-Боссъ, отсюда выходилъ французъ, съ которымъ я встрѣтился въ Гранъ Мюле. Онъ былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи и не могъ идти далѣе. По дорогѣ назадъ онъ на каждомъ шагу спотыкался, падалъ, лежалъ на снѣгу и мѣстами его проводникамъ прямо приходилось нести его на рукахъ, такъ что они вернулись въ Шамуни крайнѣ измученными.

Это было дѣйствіе горной болѣзни, отъ которой я отдѣлался сравнительно очень легко. Ея степень зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей и привычки къ разрѣженному воздуху; равнымъ образомъ и проявленія ея не одинаковы для различныхъ организмовъ. Нѣсколько медиковъ поднималось на вершину Монблана спеціально для изученія симптомовъ и причинъ этой болѣзни, однако въ своихъ показаніяхъ и выводахъ они не вполнѣ сходятся другъ съ другомъ, быть можетъ именно потому, что припадки этой болѣзни подвержены значительнымъ индивидуальнымъ измѣненіямъ.

Главная причина болѣзни заключается въ усиленной работѣ въ холодномъ и сильно разрѣженномъ воздухѣ. Барометръ на вершинѣ Монблана стоитъ почти на половинѣ своей нормальной высоты, температура же никогда не поднимается выше точки замерзанія, спускаясь зимой до -43° Ц. Однако, одно уменьшеніе давленія и холодъ сами по себѣ еще не вызываютъ горной болѣзни. При поднятіяхъ на воздушномъ шарѣ на высотѣ, соотвѣтствующей вершинѣ Монблана, еще не ощущается обыкновенно никакихъ непріятныхъ симптомовъ; они чувствуются лишь значительно выше. Равнымъ образомъ, докторъ Жансенъ, поднимавшійся на вершину Монблана на плечахъ проводниковъ, не употребляя собственныхъ усилій, не чувствовалъ симптомовъ болѣзни, пока находился въ совершенномъ спокойствіи. Какъ скоро, однако, онъ принимался за работу, болѣзнь не замедляла обнаружиться. Отсюда ясно, что причина болѣзни заключается именно въ работѣ въ разрѣженномъ и холодномъ воздухѣ.

Усиленная работа вмѣстѣ съ повышеннымъ испареніемъ въ разрѣ-

женномъ воздухѣ ведетъ къ значительной потерѣ вещества въ организмѣ. По наблюденіямъ одного медика, восхожденіе на Монбланъ обходится человѣку въ одну двадцать пятую часть вѣса его тѣла—потеря громадная, которая, впрочемъ, впослѣдствіи довольно быстро возстановляется. Затрудненіе дыханія ведетъ къ венозному застою и недостаточному окисленію крови, которое проявляется въ томъ, что руки дѣлаются обыкновенно темно-синими, какъ у мертвеца. Отсюда—учащеніе дыханія и дѣятельности сердца. Еще Соссюръ сравнивалъ такое состояніе съ лихорадочнымъ. Пульсъ на вершинѣ Монблана доходитъ до 160 ударовъ въ минуту. Развивается задыханіе, головокруженіе, наклонность ко сну и апатія, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе сильнымъ истощеніемъ, доходящимъ до прострацiи. Часто къ этому присоединяется головная боль, палящая, ничѣмъ неутолимая жажда, склонность къ обморокамъ и кровотеченіямъ, особенно у женщинъ, тошнота и рвота. Наконецъ, въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ, горная болѣзнь ведетъ къ смерти. Такой случай имѣлъ мѣсто на Монбланѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Докторъ Джакота изъ Шамуни умеръ въ припадкахъ горной болѣзни въ обсерваторіи Валло. Вскрытіе обнаружило начинающееся воспаленіе легкихъ и мозга. Отъ крайняго истощенія, главнымъ образомъ, погибъ на Монбланѣ дю-Такюль и извѣстный русскій путешественникъ Федченко.

Горная болѣзнь съ ея послѣдствіями является однимъ изъ главныхъ препятствій къ достиженію вершины Монблана. Большая часть попытокъ остается неудачной, въ особенности, если восхожденіе затрудняется сильнымъ вѣтромъ или дурной погодой, и путешественники принуждены бываютъ совершенно изнуренные вернуться назадъ, не достигнувъ цѣли своей экскурсіи.

Я не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, которые окончились смертью. Въ настоящее время Монбланъ насчитываетъ всего 55 констатированныхъ жертвъ на одной французской сторонѣ. Одни нашли смерть въ трещинахъ, другіе замерзли, третьи убиты лавинами, четвертые сорвались и разбились, пятые пропали безъ вѣстии неизвѣстно, что съ ними случилось.

Приходишь въ ужасъ, читая этискорбныя страницы катастрофъ, и можноутѣшаться только тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ смерть бываетъ вовсе не такъ ужасна, какъ кажется издали. Смерть въ большинствѣ случаевъ безболѣзненна, а страхъ смерти, который обыкновенно ужаснѣе самой смерти, рѣдко овладѣваетъ альпинистомъ. Онъ борется съ непогодой' его застигшей, до послѣдней возможности и теряетъ сознаніе скорѣе, чѣмъ впадаетъ въ отчаяніе. Здѣсь всего болѣе примѣнимы слова Шопенгауера, что жизнь со смертью не встрѣчаются. Пока есть жизнь, есть и желаніе жизни, которое заглушаетъ мысль о смерти и страхъ предъ нею, а когда приходитъ смерть, уже нѣтъ жизни и некому ея бояться. Замерзая, че-

ловѣкъ засыпаетъ и не чувствуетъ особенныхъ страданій, смерть же вслѣдствіе паденія, если вѣрить доктору Гейму, доказывающему свои слова на научныхъ основаніяхъ и подтверждающему ихъ разсказами тѣхъ, которые остались живы послѣ паденія, есть самая пріятная и самая лучшая, какая только можетъ быть. Онъ утверждаетъ, что страданій при этомъ не испытывается никакихъ, но мысль напрягается до чрезвычайныхъ размѣровъ, и въ этомъ напряженіи мысли время кажется продолженнымъ до безконечности; потомъ слышится очаровательная музыка, и летящій внизъ вступаетъ въ прекрасное голубое небо, окаймленное розовыми облаками. Наконецъ, сознаніе прекращается, обыкновенно, въ самый моментъ удара при паденіи, который самое большее можно слышать, но не ощущать, такъ какъ чувство слуха исчезаетъ послѣднимъ.

Но и изъ тѣхъ, которые достигаютъ вершины, только четверо изъ двадцати приходятъ на своихъ ногахъ. Остальныхъ встаскиваютъ гиды. Въ такихъ случаяхъ восхожденіе, разумѣется, не доставляетъ ровно никакого удовольствія и не вознаграждаетъ той страшной усталости и непріятностей горной болѣзни, которымъ приходится подвергаться. Въ нѣкоторыхъ путеводителяхъ, въ виду этого, прямо не рекомендуется ни въ какомъ случаѣ, особенно путешественникамъ, не испытавшимъ себя въ трудныхъ восхожденіяхъ, рисковать своимъ здоровьемъ и даже, можетъ быть, жизнью, предпринимая восхожденіе на Монбланъ.

Для меня лично горная болѣзнь не причинила большихъ непріятностей. У меня не было аппетита, я чувствовалъ наклонность ко сну, затѣмъ уже при спускѣ тяжесть въ головѣ и довольно сильное изнуреніе, но далеко не въ такой степени, чтобы не могъ съ этимъ справляться или чтобы восхожденіе было отравлено. Но это, вѣроятно, благодаря нѣкоторой тренировкѣ за предъидущіе дни и прекрасной погодѣ, которая выпала на нашу долю.

Отдохнувъ и выпивъ немного вина, мы пошли далѣе. По мѣрѣ того, какъ я спускался, я почти съ каждымъ шагомъ внизъ чувствовалъ себя лучше; недомоганіе и чувство изнуренія постепенно проходили, не смотря на то, что спускаться было крайне трудно. Снѣгъ отъ дѣйствія солнца сдѣлался рыхлымъ, и съ каждымъ шагомъ нога увязала то по колѣно, то вплоть до пояса. Изломанный ледъ, который ноги встрѣчали подъ рыхлымъ снѣжнымъ покровомъ, дѣлалъ шагъ неровнымъ и труднымъ. Мѣстами мы скатывались сидя, но это было возможно только на большихъ покатостяхъ, на мѣстахъ же болѣе пологихъ рыхлый снѣгъ мѣшалъ этому. Лучи солнца буквально жгли, и всѣ мы, подходя къ Гранъ Мюле, сильно устали, но это была уже простая усталость, а не то чувство полнаго истощенія, которое одно время мною овладѣло на вершинѣ.

Около Гранъ Мюле мы снова нагнали француза. Онъ шелъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, еле передвигая ноги, и имѣлъ самый

жалкій видъ. При встрѣчѣ онъ пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя однако нельзя было разобрать.

Въ часъ 40 минутъ мы были въ Гранъ Мюле. Здѣсь мы отдыхали довольно долго, такъ что вышли изъ Гранъ Мюле уже въ 3 часа съ четвертью. Такъ какъ ледъ ниже Грань Мюле былъ покрытъ менѣе толстымъ слоемъ снѣга, то идти было гораздо легче и ноги вязли не такъ глубоко. Мы спускались почти бѣгомъ. Послѣ отдыха, по мѣрѣ того, какъ мы спускались ниже, проходила послѣдняя усталость. Расположеніе духа было самое прекрасное. Недалеко отъ конца ледника мы снова перегнали француза, который вышелъ изъ Гранъ Мюле раньше нашего, такъ какъ боялся, чтобы темнота не застигла его на дорогѣ, «Что же, довольны вы своимъ восхожденіемъ?—спросилъ онъ меня,—я очень усталъ».—«Очень доволенъ», отвѣчалъ я.—«До свиданья, быть можетъ, но только не на вершинѣ Монблана»,

Перейдя ледникъ де-Боссонъ, мы вступили на землю. «Теперь мы внѣ опасности», сказалъ мой проводникъ. Мы весело шли нога въ ногу и скоро были въ Пьеръ Пуантю.

Здѣсь я долженъ былъ заплатить по счету, поданному въ Гранъ Мюле. Этотъ счетъ настолько интересенъ по своимъ цѣнамъ, что я приведу его цѣликомъ. Обѣдъ—6 франковъ. Полбутылки самаго простаго вина къ нему—2 фр. 75 сант. Обѣдъ проводниковъ—5 фр. Комната—12 фр. Кофе утромъ—3 фр. Завтракъ проводниковъ утромъ—5 фр. Провизія на дорогу (въ весьма небольшомъ количествѣ)—12 фр. Двѣ бутылки Асти—12 фр. Двѣ бутылки простого краснаго вина—8 фр. Бутылка холоднаго кофе—2 фр. Свѣчка для фонаря—1 фр. Итого 67 фр. 75 сантимовъ,—дороже, чѣмъ въ самыхъ первоклассныхъ ресторанахъ. Если принять однако во вниманіе, чего стоила постройка гостинницы въ Гранъ Мюле, и съ какими трудностями приходится доставлять туда ежедневно свѣжую провизію, то эти цѣны не покажутся особенно высокими.

Въ семь часовъ вечера мое возвращеніе было привѣтствовано въ Шамуни по установившемуся обычаю пушечными выстрѣлами.

Я съ большямъ аппетитомъ пообѣдалъ, взялъ ванну и заснулъ самымъ богатырскимъ сномъ. На другой день усталости также почти не чувствовалось, только было нѣчто вродѣ зубной боли въ пяткахъ, которыя я съ непривычки отбилъ при быстромъ спускѣ внизъ. Руки у меня были коричневыя, все лицо обожжено и долго послѣ этого лупилось. Цѣлую недѣлю послѣ восхожденія я ѣлъ и спалъ много больше обыкновеннаго.

Французъ вернулся въ Шамуни только въ десятомъ часу вечера совершенно изнуреннымъ. Страшно изнурены были и его гиды, которымъ пришлось тащить его.

На другой день въ бюро гидовъ мнѣ выдали свидѣтельство, въ которомъ удостовѣрялось мое восхожденіе.

Ни одна изъ экскурсій ни раньше, ни позже, не доставила мнѣ столько разнообразныхъ, совершенно новыхъ, высокихъ впечатлѣній, какъ восхожденіе на Монбланъ. Черезъ два дня я оставилъ Шамуни, но послѣ Монблана значительная часть Швейцаріи показалась мнѣ скучной. Я искалъ повторенія тѣхъ же впечатлѣній въ восхожденіи на Монтъ Розу, которая только немного ниже Монблана, въ большихъ турахъ по горамъ, въ переходахъ черезъ ледники, но есть вещи, которыя во всей своей цѣльности переживаются только однажды, а затѣмъ утрачиваютъ свою дѣвственность. Повторяясь во второй разъ, они уже не тѣ. Мнѣ казалось, что я слышалъ какую-то дивную небесную пѣснь, которой не могли замѣнить

Скучныя пѣсни земли.

Прив.-доц. Н. Иванцовъ.

Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вѣковъ.

Проф. Р. Виппера.

(*Продолженіе* *).

VII. **Общественная философія и историческая теорія индивидуализма.** Помимо традиціи старыхъ религіозныхъ теорій, передавшихъ XVIII-ому вѣку представленіе о человѣчествѣ, какъ о великомъ цѣломъ, которое придетъ къ общему объединенію и просвѣтлѣнію, къ концу вѣка можно было отмѣтить два главные толчка, два ряда новыхъ впечатлѣній, давшихъ направленіе теоріи безконечнаго прогресса. Это были, во-первыхъ, успѣхи естественныхъ наукъ: они составляли исходный моментъ мысли о быстромъ развитіи власти человѣка надъ природой, о его безконечномъ техническомъ торжествѣ на земной поверхности; и вмѣстѣ съ тѣмъ они вырабатывали представленіе о преемственности формъ на землѣ, о единствѣ матеріала и силъ во всей природѣ; благодаря этому, человѣческое общество стало представляться высшей ступенью въ восходящей линіи развитія земного міра, и общій законъ непрерывнаго движенія былъ перенесенъ на его будущее.

Другимъ возбудителемъ мысли о прогрессѣ служилъ быстро возрастающій торговый и культурный обмѣнъ, который развили европейцы между собою и во всѣхъ частяхъ свѣта, и связанное съ этимъ обмѣномъ огромное раздѣленіе труда, которое ускоряло производство, раздвигало сношенія и усиливало взаимодѣйствіе общественныхъ и національныхъ группъ.

Параллельно съ теоріей прогресса и въ значительной мѣрѣ подъ тѣми же впечатлѣніями развивалась своеобразная общественная философія, слѣды и вліяніе которой доходятъ до нашего времени. Соціальная доктрина индивидуализма, обошедшая всю Европу и торжествовавшая свои успѣхи также съ конца XVIII в., примыкала тѣсно къ крупному промышленному перевороту, въ который втянуты были одна за другой главныя европейскія страны. Подъ давленіемъ этого огромнаго факта различными общественными группами болѣе или менѣе живо

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

сознавалась тяжесть формъ, сохранившихся отъ временъ стараго натуральнаго и замкнутаго хозяйства. Большая часть этихъ формъ были теперь затрудненіями въ прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ большими всесвѣтными рынками: таковы были неравномѣрности въ податяхъ, стѣсненія въ сбытѣ товаровъ или въ расширеніи ремесла, устарѣлыя повинности, которымъ не отвѣчали болѣе ни выгоды, ни охрана въ общественномъ союзѣ.

Новыя соціальныя теоріи всего интенсивнѣе отражали настроеніе тѣхъ общественныхъ группъ, которыя были наиболѣе втянуты, увлечены въ обмѣнъ, наиболѣе непосредственно въ немъ заинтересованы. Классъ, который стоялъ ближе всего къ сбыту и обмѣну, крупные торговцы и промышленники, всего яснѣе и чувствовалъ необходимость устраненія того, что стояло на пути къ соединенію съ огромными міровыми рынками всѣхъ нитей экономической жизни народа.

Въ XVIII в. классъ, о которомъ идетъ рѣчь, переживалъ свою, такъ сказать, героическую пору. Онъ находился въ томъ періодѣ, который можно бы назвать періодомъ его эмансипаціи. У самаго порога этого періода можно помѣстить характерный для его понятій эпизодъ. Когда великій опекунъ французской индустріи и торговли, Кольберъ, въ свои послѣдніе годы изыскивая средства поощренія и регулированія французскаго производства и вывоза, собралъ крупныхъ промышленниковъ на совѣщаніе, одинъ изъ нихъ, Лежандръ, сказалъ министру: laissez nous faire! т. е. дайте намъ просторъ въ дѣлахъ, не опекайте насъ, не затрудняйте благожелательными регламентами! Лежандръ произнесъ слова, которыя потомъ стали эпиграфомъ цѣлаго ученія, лозунгомъ партіи и наконецъ догматомъ цѣлой эпохи.

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ ранѣе и болѣе всего втянулась во всѣ условія міроваго обмѣна Англія. Она есть классическая страна индивидуалистическихъ теорій. Ихъ, можно бы сказать, стремительный характеръ на англійской почвѣ объясняется силой, рѣзкостью переворота. Здѣсь около смѣны XVIII вѣка нашимъ вѣкомъ экономическая и общественная перемѣна прошла въ особенно бурной формѣ — «промышленной революціи». Здѣсь не было ни провозглашенія правъ человѣка, ни сверженія старой политической формы, ни истребительной борьбы партій, какъ во Франціи. Но общественная физіономія страны даже ея культурно-географическая картина измѣнилась не менѣе быстро и ярко. Въ первой половинѣ вѣка, большая часть населенія Англіи сидѣла въ ея южной половинѣ, въ области пахоти и земельныхъ луговъ, и преобладалъ въ немъ значительно деревенскій составъ надъ городскимъ. Повсюду перевѣшивала старая трехпольная система хозяйства; сбытъ сельскихъ продуктовъ изъ внутреннихъ областей былъ невеликъ, они употреблялись большею частью въ самихъ хозяйствахъ. Дороги были плохи; путешествія были мало распространены. Много сидѣло на землѣ мелкихъ хозяевъ, которыхъ мы затруднимся теперь

назвать опредѣленно помѣщиками или крестьянами. На большихъ помѣстьяхъ преобладали некрупные арендаторы. Большимъ подспорьемъ для мелкаго люда, особенно для батраковъ, которые жили въ собственныхъ избахъ, были общинныя земли и пустоши, гдѣ можно было брать дрова, пасти скотъ, распахивать полоски. Въ деревнѣ частью помѣщалась и мануфактура: она держалась здѣсь на кустаряхъ, работавшихъ на дому, всей семьей, своими инструментами; подмогою служила земледѣлица, огородъ, или само ремесло было дополнительнымъ заработкомъ къ земледѣлію.

Съ захватывающей быстротой стали разрушаться эти устои старой Англіи около средины вѣка. Не даромъ англійская дипломатія устраивала коалиціи, моряки англійскіе забирали проливы и разрѣзывали пути чужой торговли. Англійскій хлѣбъ, шерсть и мануфактуры широко двинулись въ разные концы Европы, Азіи и Америки. Приспособляясь къ работѣ на весь міръ, Англія перестроилась сверху до низу. Большой землевладѣлецъ, обладатель капитала, сталъ скупать землю, округлять разбросанные участки подъ знаменемъ раціональнаго хозяйства. Подъ его давленіемъ пошелъ дѣлежъ деревенскаго запаснаго капитала, общинныхъ земель, и съ этимъ дѣлежомъ вмѣстѣ разорялся и эмигрировалъ изъ деревни мелкій хозяинъ и полусамостоятельный рабочій. Исчезалъ и мелкій арендаторъ съ его натуральными взносами: все равно, игралъ-ли собственникъ на блескъ политическаго представительства въ столицѣ, или увлекался самъ усовершенствованной техникой сельскохозяйственнаго дома, ему нуженъ былъ дѣловой фермеръ-предприниматель; оба они искали рабочаго чистаго типа, рабочаго-номада, который выросталъ бы изъ земли, когда нужно, и не занималъ досадливо мѣста въ имѣніи. Вдобавокъ поля замѣнялись пастбищами, занятыхъ людей требовалось меньше, и деревня пустѣла.

Ея бывшіе жители стягивались въ другомъ концѣ Англіи, въ томъ краю, который потомъ назвали ея черной Индіей, на почвѣ залежей каменнаго угля и желѣза, и здѣсь быстро выросли фабричные центры. Мануфактура изъ избы стала перемѣщаться въ большія общія мастерскія, а кустарь обратился въ фабричнаго рабочаго. Возрастаніе спроса кружило головы, и предпринимательскій рискъ сказывался одинаково въ разнообразныхъ помѣщеніяхъ капитала и въ многочисленныхъ техническихъ изобрѣтеніяхъ. Дорожныя сооруженія и каналы, новыя и новыя машины слѣдуютъ быстро другъ за другомъ. Это—эпоха техниковъ-самоучекъ и диллетантовъ, типомъ которыхъ можетъ служить неутомимый иниціаторъ, фабрикантъ и изобрѣтатель машинъ, Аркрайтъ, сначала парикмахеръ, который къ ужасу своей семьи отрывался отъ своего покойнаго занятія для приготовленія моделей, а потомъ умеръ милліонеромъ, человѣкъ, который производилъ свои техническіе разсчеты какими-то ему одному понятными пріемами самоучки и въ 50 лѣтъ сѣлъ

учиться элементарнымъ предметамъ, а въ то же время носился съ грандіозными планами монополіи всего ввоза хлопчатой бумаги.

Въ свое время Аристотель, подводя итоги экономической мысли древности, заявлялъ, что рабство прекратится развѣ тогда, когда сами собою безъ помощи человѣческихъ рукъ забѣгаютъ челноки въ станкахъ; въ его устахъ это почти значило—когда остановится земля. Чудеса техники въ концѣ XVIII в. осуществили то, что считалъ невозможнымъ Аристотель. Забѣгали сами челноки, и быстрота производства, его размѣры стали въ десять, въ сто разъ больше, чѣмъ въ эпоху ручного труда. Но при какой обстановкѣ?

Рабство исчезло гораздо раньше; сказочная техника пока не сопровождалась соціальными улучшеніями, напротивъ съ нею объ руку, косвенно подъ вліяніемъ ея успѣховъ рушились старые классы и образовались массы, поставленныя исключительно на наемный трудъ. Глава предпріятія, который долженъ былъ вложить большой капиталъ, чтобы воспользоваться новой техникой и который получалъ въ свое распоряженіе множество спеціальныхъ рабочихъ рукъ, рѣзкой чертой отдѣлялся теперь отъ старыхъ мастеровъ, отъ мелкаго промышленника, работавшаго на мѣстнаго потребителя. При весьма развитой иниціативѣ и подвижности, эти люди, нерѣдко пробившіеся кверху полуразвитые рабочіе, вносили извѣстную жесткость, мало вниманія къ нуждамъ тѣхъ, кто силою вещей долженъ былъ имъ служить. Для общественнаго мнѣнія въ средѣ развитыхъ классовъ темныя стороны начинающагося движенія также закрывались громадностью достигнутыхъ успѣховъ. Можно-ли было жалѣть о невозвратномъ прошломъ? Тамъ было невѣжество, косность, неумѣнье пользоваться силами природы. Правда, крестьянинъ, обратившійся въ наемника, и кустарь, ставшій фабричнымъ рабочимъ, не жили лучше. Но, можетъ быть, потому что блага техники не распространили всюду своего дѣйствія, потому что массы еще не развиты? Нельзя-ли было надѣяться, что если возрастаетъ общее богатство страны, оно должно постепенно сказаться на всѣхъ? Наконецъ худо или хорошо, переворотъ былъ необходимъ и неизбѣженъ, какъ результатъ культуры, и теперь, когда онъ совершился, надо приспособить къ нему соціальныя отношенія.

Такъ приблизительно могло думать большинство современниковъ, и увлеченныхъ, и смущенныхъ крупнымъ событіемъ. Среди его шумныхъ перипетій одно обстоятельство должно было бросаться въ глаза: государство было здѣсь ни причемъ; усиліями частныхъ лицъ возникали крупныя сооруженія; напримѣръ, система каналовъ родилась благодаря иниціативѣ ливерпульскихъ купцовъ; безъ поощреній, безъ участія законодательства, какимъ-то стихійнымъ образомъ возникла эксплуатація минеральныхъ богатствъ сѣверной Англіи, большія фабрики Манчестера и другихъ городовъ, и эта стихія слагалась изъ множества интересовъ личностей, направленныхъ къ однѣмъ цѣлямъ и риску.

Съ сознаніемъ этого факта могущества частной иниціативы и огромной неизбѣжности ея направленія сплеталась другая мысль, мысль о ненужности формъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго и ставившихъ промышленника, рабочаго, землевладѣльца, въ стѣснительныя рамки. Зачѣмъ первородство, эти запутанныя условія перехода земель, когда надо поощрять пріобрѣтеніе земли свѣдущимъ энергическимъ хозяиномъ? Зачѣмъ законы, требующіе для рабочаго осѣдлости или опредѣляющіе количество занятыхъ въ мастерствѣ лицъ, если размѣры фабричнаго предпріятія должны сообразоваться съ большими иностранными рынками, и если техническія условія требуютъ привлеченія новыхъ и новыхъ рабочихъ массъ?

Такъ слагалась мысль о могуществѣ и здравости частной иниціативы, которая поддерживается соревнованіемъ и необходимымъ взаимодѣйствіемъ въ сложной организаціи труда и обмѣна.

Важное новое впечатлѣніе получалось и отъ обширности самого обмѣна. Раздѣленіе труда выходило за предѣлы территоріи, націи. Оно ставило свои требованія, свои законы, и, подчиняясь имъ, предприниматель долженъ былъ смотрѣть выше политическихъ границъ. Отсюда космополитическая черта въ направленіи соціальной мысли конца XVIII вѣка. Реальныя основы космополитизма у разныхъ націй были различныя. У французовъ, гдѣ онъ появляется болѣе преходящимъ образомъ въ видѣ момента энтузіазма, онъ прямо сопровождаетъ побѣдоносные штыки и демократическія формулы, шагающіе черезъ горы и другія естественныя границы націй Европы: человѣчество на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, представляется побѣдителямъ и пропагандистамъ очень большой расширенной Франціей. У англичанъ болѣе мирный и болѣе цѣпкій космополитизмъ: онъ вырастаетъ вмѣстѣ съ проникновеніемъ во всѣ моря и ко всѣмъ материкамъ англійскаго флага и англійскаго товара. Конечно, купцу обыкновенно предшествовалъ требовательный дипломатъ, безпощадный завоеватель, а иногда и отчаянный каперъ; но много было и мирныхъ завоеваній. Во всякомъ случаѣ купецъ смотрѣлъ на войну, какъ на неизбѣжное зло, которое какъ можно скорѣе должно уступить ему дорогу. Поэтому сторонники свободнаго обмѣна, исходившіе отъ интересовъ индустріи и торговли, обыкновенно становились горячими проповѣдниками международнаго мира.

Любопытны слова демократа Томаса Пэна, великаго друга революціонной Франціи и освобожденной Америки; онъ обращается къ своимъ соотечественникамъ, которые не могутъ помириться съ потерею колоній: «вѣдь вамъ могло бы быть безразлично, кто правитъ и начальствуетъ въ Америкѣ, если ваши мануфактурные товары находятъ тамъ сбытъ». Этотъ идеалистическій защитникъ «правъ человѣка» прибавляетъ еще одно реалистическое замѣчаніе въ подкрѣпленіе: «Внимая звукамъ побѣды и увлекаясь безумной любовью къ оружію, вы пренебрегаете подумать о тратахъ на войну и ея послѣдствіяхъ».

Новая экономико-космополитическая школа рекомендовала миръ народовъ не только изъ соображеній выгоды; она считала его необходимой, естественной фазой будущаго развитія. Торговля призвана къ тому, чтобы вытѣснить войну. Такъ разсуждаетъ тотъ же Томасъ Пэнъ, увѣренный, что торговля откроетъ собой эру братства между всѣми людьми. «Вѣдь всего дѣйствительнѣе можно улучшить положеніе человѣка, поддерживая его интересъ. Если бы торговлѣ былъ открытъ просторъ воздѣйствовать въ тѣхъ размѣрахъ, на какіе она способна, она уничтожила бы систему войны и произвела бы революцію въ нецивилизованномъ состояніи нынѣшнихъ правительствъ».

Наконецъ, промышленный переворотъ поражалъ современниковъ захватывающе быстрымъ характеромъ, неожиданностью соціально-культурнаго перелома, который совершился подъ его вліяніемъ. Онъ какъ бы нарушалъ историческія представленія, онъ казался чѣмъ-то внезапно вторгнувшимся въ судьбы старой Европы. Эту черту мы можемъ прослѣдить во взглядахъ Адама Смита.

Знаменитое изслѣдованія глэзговскаго профессора «о богатствѣ народовъ» возникло еще въ началѣ переворота (1776 г.) недалеко отъ центровъ новой промышленной жизни. Оно отражало всю еще неясность движенія, которое развертывалось въ странѣ, всѣ ожиданія, какія оно вызывало въ умахъ. Оно пыталось схватить въ научныхъ формулахъ его смыслъ и результаты и въ то же время дать практическія правила дѣйствія слагавшемуся новому обществу.

Адамъ Смитъ полонъ увлеченія въ виду огромнаго мірообъемлющаго обмѣна и раздѣленія труда, въ виду всей совокупности результатовъ промышленности, столь развитой технически, основанной на многообразномъ взаимодѣйствіи всѣхъ общественныхъ элементовъ. Хорошо припомнить Руссо, его швейцарскія идилліи мелкихъ хозяевъ, не нуждающихся въ остальномъ мірѣ, хорошо припомнить его теперь, читая знаменитую вступительную главу къ «богатству народовъ». Адамъ Смитъ осматриваетъ съ гордостью великую мастерскую земного шара: «для того, чтобы въ настоящее время самый мелкій частный человѣкъ въ цивилизованной странѣ могъ одѣться и обзавестись, нужна работа многихъ тысячъ работниковъ».

Если Руссо видѣлъ верхъ независимости въ условіяхъ замкнутаго въ горахъ существованія изолированныхъ людей, способныхъ на всѣ руки, гармонически развитыхъ, законченныхъ въ себѣ, то Адамъ Смитъ открываетъ основу свободы личности какъ разъ въ противоположныхъ соотношеніяхъ: чѣмъ многообразнѣе связи человѣка съ міромъ, чѣмъ дробнѣе его доля въ сложной общей работѣ, тѣмъ независимѣе онъ поставленъ: надъ нимъ нѣтъ человѣческой власти, нѣтъ конкретнаго личнаго господина, какъ въ старину, когда вся работа, весь оборотъ вертѣлся въ кругу помѣстья, гдѣ поглощались продукты безъ остатка.

У Адама Смита есть и очень любопытный матеріалъ для опытнаго сравненія живой старины съ послѣднимъ словомъ культуры: въ то время, какъ онъ работалъ надъ своей книгой, среди кипѣнія индустріи въ низменной Шотландіи, недалеко въ горахъ той же страны живы были патріархальныя связи: едва минуло время, когда тамъ царили старые вожди, творившіе судъ и расправу, какъ будто не существовало государства и закона, и собиравшіе въ рѣшительную минуту какія-то легендарныя дружины своихъ кліентовъ. Адамъ Смитъ еще помнилъ ихъ появленіе въ шотландскомъ возстаніи 1745 г. Не идилліей вѣяли эти порядки на него, а мракомъ и жалкой косностью.

Пораженный успѣхами обмѣна и раздѣленія труда, Адамъ Смитъ не видитъ однако въ ростѣ городовъ и мануфактуры подъ вліяніемъ міровой торговли—факта, издавна подготовленнаго и необходимаго. Напротивъ, эта перемѣна представляется ему словно бурной революціей, внезапно налетѣвшимъ вихремъ. Нормально было бы постепенное развитіе деревни, ея богатства и культуры и возникновенія среди нея городовъ; такимъ путемъ, правильнымъ, по его мнѣнію, идетъ счастливая молодая страна, Америка. Но въ старой Европѣ, гдѣ традиція вѣками накопила стѣсненія и тягости, гдѣ деревня заснула и задавлена, надо радоваться и этому ненормальному неожиданному подъему торгово-промышленныхъ центровъ: своей огромной движущей силой они, обратно, должны приподнять затвердѣвшія формы сельской жизни, внести въ нее оживленіе, раскрыть и вызвать силы ея.

Къ этимъ взглядамъ у Адама Смита примыкаетъ цѣлая, можно сказать, экономическая философія исторіи. Онъ начинаетъ съ характеристики ранняго средневѣковаго строя; это было господство крупной собственности на основѣ рабскаго труда; оба элемента, и владѣльческій, и рабочій, были неспособны къ движенію, къ экономическому прогрессу. Въ объясненіи феодализма Адатъ Смитъ схватываетъ его глубокую экономическую основу. Феодализмъ коренился не въ правовыхъ условіяхъ; напротивъ, судъ и администрація сеньера—явленія производныя; причина зависимости массы лицъ отъ сеньера заключается въ томъ, что онъ кормилъ при себѣ округу, которая ему и служила, т. е. въ натуральномъ хозяйствѣ.

Ростъ населенія и появленіе внутренняго обмѣна ведетъ къ постепенному очень медленному высвобожденію рабочихъ классовъ: рабы переходятъ въ половниковъ, половники въ арендаторовъ и свободныхъ мелкихъ собственниковъ. Образуются центры обработки деревенскихъ продуктовъ—города. Но эти старые европейскіе города развивались очень медленно. Ихъ вліяніе не могло пробить той массы стѣсненій, привилегій и т. д., которыя остались въ наслѣдіе отъ феодальной эпохи и по сейчасъ задерживаютъ жизнь деревни. Революціонную работу исполняютъ новые города, стоящіе на широкомъ иностранномъ сбытѣ. Ихъ возникновеніе произошло почти на нашихъ глазахъ. Увле-

ченные ихъ силой, народы идутъ «ретроградным шагомъ, противнымъ естественному порядку».

Адамъ Смитъ не вѣритъ въ прочность результатовъ переворота, совершеннаго міровой торговлей и приморскими городами. Вѣрнѣе и прочнѣе улучшеніе, которое совершается черезъ развитіе сельской культуры. Развитіе торговли полно риска: примѣромъ служатъ Италія и Нидерланды. Для разрушенія успѣховъ земледѣлія въ римской имперіи потребовалось не менѣе двухъ вѣковъ страшныхъ конвульсій и расхищеній, совершенныхъ варварами. Для разрушенія торговли достаточно смутъ, одной революціи.

У Адама Смита нѣтъ особыхъ классовыхъ пристрастій: по симпатіямъ онъ совсѣмъ не апостолъ капитализма. Онъ во многомъ сочувствуетъ рабочимъ; у него, напримѣръ, есть горькое замѣчаніе, что рабочихъ рѣзко преслѣдуютъ за стачки, тогда какъ предприниматели могутъ свободно вступать въ соглашенія между собою. Мелкаго землевладѣльца, зажиточнаго крестьянина онъ считаетъ вмѣстѣ съ крупнымъ фермеромъ самымъ лучшимъ хозяиномъ и самымъ здоровымъ соціальнымъ элементомъ.

Но онъ пораженъ фактами, въ которыхъ выражается быстрое возрастаніе національнаго богатства. Онъ ищетъ движущихъ его мотивовъ, во имя общей пользы оправдываетъ и ставитъ очень высоко предпринимательскіе пріемы, хотя бы они исходили отъ очень узкихъ влеченій. Этимъ путемъ онъ незамѣтно подходитъ къ поощренію класса капиталистовъ. «Пропитанія своего мы ждемъ не отъ добраго расположенія мясника, пивовара или булочника, а отъ ихъ заботы о собственныхъ интересахъ. Мы обращаемся не къ ихъ человѣколюбію, а къ ихъ эгоизму, и никогда не ставимъ имъ на видъ свои потребности, а напротивъ всегда ихъ выгоды».

Вся исторія возрастанія культуры сложилась изъ переплетенія выгодъ двухъ классовъ, большихъ землевладѣльцевъ, не знавшихъ, куда тратить свои средства, тщеславныхъ и дѣтски жадныхъ, и промышленниковъ, которые рисковали и напрягали свои силы, чтобы подвозомъ и выдѣлкой массы предметовъ заработать на удовлетвореніи ихъ жадности. Адамъ Смитъ очень низкаго мнѣнія о морали купцовъ. Извѣстно вѣдь, что они граждане всего міра: «имъ мало свойственна забота объ общемъ благѣ и, прибавляетъ съ добродушной ироніей Адамъ Смитъ, не нужно длинныхъ рѣчей, чтобы излечить ихъ отъ этого прекраснаго влеченія».

Всего любопытнѣе слѣдующій шагъ разсужденія. Для Адама Смита несомнѣнно, что всякій человѣкъ, старающійся наивыгоднѣйшимъ образомъ помѣстить свой капиталъ, увеличиваетъ ежегодный доходъ всего общества и слѣдовательно оказываетъ обществу услугу. «Въ дѣйствительности у такого лица вовсе нѣтъ общаго намѣренія послужить общему благу, и оно даже не знаетъ, въ какой мѣрѣ можетъ

быть полезно обществу. Если такой человѣкъ пускаетъ капиталъ въ сферу національной индустріи, то вовсе не изъ патріотизма; успѣхъ національной индустріи онъ просто потому предпочитаетъ успѣху иностранной, что имѣетъ въ виду для себя бо́льшую охрану и обезпеченность. Но думая всюду о собственномъ выигрышѣ, онъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, направляется мановеніемъ невидимой руки къ достиженію цѣли, которая вовсе не входитъ въ его мысли. И это—не бѣда для общества. Добиваясь личнаго обогащенія люди часто гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе работаютъ на благо общества, чѣмъ если бы они прямо искали этого блага. Я никогда не видѣлъ, чтобы люди, желавшіе путемъ торговли поработать на пользу общую, съумѣли сдѣлать много хорошаго».

Можно замѣтить въ этихъ словахъ особый оттѣнокъ оптимизма, оттѣнокъ какъ бы религіозный? Не должно мѣшать теченію естественнаго порядка, свободной игрѣ силъ; пути осуществленія этого порядка какъ бы предписанія мудраго благаго существа, а это существо, какъ именно и подобаетъ представлять себѣ его въ промышленномъ вѣкѣ, желаетъ обезпечить людямъ и матеріальныя блага. Экономистъ-теоретикъ, обозрѣвающій волнующееся море человѣческихъ интересовъ и предпріятій, видитъ вездѣ слѣды богосозданной гармоніи, слѣды и тропы, которые человѣкъ долженъ раздвинуть въ широкія торныя дороги всесвѣтнаго обмѣна. Гармонія дана и въ соотношеніяхъ людей внутри каждаго общества; она дана и въ сплетеніи интересовъ всѣхъ странъ на земномъ шарѣ.

Еще болѣе горячо проводили эту религіозную идею самопроизвольной гармоніи интересовъ французскіе физіократы. Можно подумать, что имѣешь передъ собой фанатичную проповѣдь какой-нибудь эпохи религіозныхъ войнъ, когда читаешь слѣдующій отрывокъ у Дюпонъ де Немура: «нарушить свободу частныхъ лицъ въ приложеніи ими капиталовъ своихъ, отдаться такому преступному искушенію—значитъ объявить войну своимъ ближнимъ; это значитъ нарушить права и уклониться отъ обязанностей, установленныхъ Творцомъ; это значитъ возмутиться противъ Его велѣній, насколько допускаютъ слабыя силы наши, совершить преступленіе противъ величества Божьяго имени и человѣческой природы».

Такова, можетъ, самая смѣлая варіація XVIII в. на тему о превосходствѣ натуральнаго надъ искусственнымъ, на тему о томъ, что правила и руководительства портятъ и искажаютъ, а природа исправляетъ и ведетъ къ лучшему. Работа индивидуальныхъ силъ, ро́зныхъ и, можетъ быть, злыхъ, должна слиться въ сумму общаго блага, вотъ въ чемъ это чудо природы. При господствѣ такой вѣры даже бѣсъ XVIII в., Мефистофель, долженъ былъ назваться духомъ, который вѣчно желаетъ зла и вѣчно творитъ добро.

Соціальная философія, слагавшаяся подъ вліяніемъ промышленнаго

переворота, и соединилась поэтому съ опредѣленнымъ моральнымъ ученіемъ, которое поставило въ центръ понятіе о личной пользѣ и наслажденіи и отождествило сумму личныхъ выгодъ съ интересомъ и благомъ общества. Въ новомъ вырабатывшемся общественномъ строѣ исчезли или, казалось, должны были исчезнуть всякіе особые союзы и группировки, принудительные или охранительные, чтобы на всесвѣтной аренѣ открыть просторъ высвобожденному отъ опеки, изолированному отъ давленія человѣку. Оставалось-ли еще представленіе объ обществѣ, какъ особомъ, самостоятельномъ цѣломъ, налагающемъ обязанности на личность? Не сводилось ли значеніе общества къ условнымъ рамкамъ, условному обозначенію, простому знаку нѣкоторой суммы живущихъ вмѣстѣ или сплетенныхъ въ своихъ сношеніяхъ и интересахъ людей?

Самый послѣдовательный учитель этихъ моральныхъ идей—Джеремія Бентамъ, котораго надо поставить рядомъ съ Адамомъ Смитомъ по характеру и силѣ вліянія на англійское общество первой половины нашего вѣка. Формулы этого неутомимаго адвоката разумно понятой выгоды широко распространились и за предѣлы Англіи, хотя главнымъ образомъ косвенно, черезъ сочиненія и популяризаціи другихъ, такъ какъ его самого мало читали. Однимъ изъ препятствій къ чтенію его является удивительная сухость изложенія, однообразіе доказательныхъ пріемовъ, скудость жизненныхъ примѣровъ. Это—какая-то алгебраическая голова. Бентамъ прожилъ всю свою долгую жизнь—онъ умеръ въ 1832 году 84-хъ лѣтъ—кабинетнымъ отшельникомъ; онъ все болѣе изолировался въ своей мысли, отвыкалъ отъ людей и наклонность къ отвлеченному разсчету не встрѣчала никакого противодѣйствія. Нельзя не быть пораженнымъ его педантическимъ терпѣніемъ, его неустрашимой и скучной классификаціей, когда онъ, сводя мораль на экономію чувствъ удовольствія и страданія, даетъ длинную таблицу, такъ сказать, сравнительный тарифъ удовольствій и страданій, когда онъ начинаетъ различать 15 простыхъ видовъ удовольствія и 11 простыхъ видовъ страданія, которые въ свою очередь распадаются на второразрядные виды.

Бентамъ съ удивительной настойчивостью старался вывести всѣ требованія морали и права изъ одного простого принципа, одного простого чувства, по его мнѣнію, всегда и въ одинаковой мѣрѣ присущаго людямъ; это именно способность взвѣсить выгоды и невыгоды для себя всякаго поступка, разсчитать количество пріятнаго и непріятнаго въ его результатахъ. Ничто не мѣшало затѣмъ теоретику въ своей кельѣ складывать голыя цифры этихъ одинаково дѣйствующихъ человѣческихъ машинъ. Бентамъ и называлъ это моральной ариѳметикой. Вопросъ стоитъ исключительно ариѳметически въ знаменитой бентамовской формулѣ: величайшее, какое возможно счастье для наивозможно бо́льшаго числа людей—вотъ мѣра правды и неправды. И что главное

при этомъ—имѣется увѣренность, что ариѳметическія данныя для рѣшенія могутъ быть просто и отчетливо отысканы и указаны.

Добродѣтель и порокъ опредѣляются исключительно по результатамъ человѣческихъ поступковъ; это—лишь общія обозначенія для совокупности обстоятельствъ, вызывающихъ удовольствія или страданія. Такъ какъ порокъ составляетъ зло лишь вслѣдствіе страданій, сопровождающихъ его, то въ случаѣ, если за образомъ дѣйствій, который мы называемъ добродѣтелью, слѣдуетъ больше страданія, чѣмъ удовольствія, мы не должны колебаться въ обозначеніи этой, будто бы, добродѣтели порокомъ. Добродѣтель состоитъ исключительно въ принесеніи меньшаго интереса въ жертву большему, минутнаго продолжительному, сомнительнаго обезпеченному. Что такое долгъ? Исключительно одно сознаніе высшаго, т. е. болѣе крупнаго интереса, который мы имѣемъ въ виду, отрекаясь отъ удобствъ даннаго момента. Нужно ли держать обязательства? Да, но только въ виду того, чтобы не вызывать къ себѣ недовѣрія въ другихъ сношеніяхъ съ людьми. Совѣсть—лишь привившееся намъ, привычное вниманіе къ сужденію другихъ людей, похвала которыхъ доставляетъ намъ радость, а порицаніе боль. Добродѣтель вообще совпадаетъ съ популярной санкціей. Все, что основывается на противоположномъ разсужденіи, на готовности принимать больше зла, чѣмъ получать добра и выгоды отъ своего поступка,—извращеніе, и Бентамъ называетъ эту ложную мораль аскетизмомъ.

Въ виду этого, Бентамъ беретъ на себя, какъ онъ выражался, роль цензора по отношенію ко всѣмъ формамъ права и общественнаго строя. Поэтому обратно онъ считалъ себя въ правѣ и призваннымъ писать своды законовъ и политическія наставленія для любыхъ народовъ и странъ, хотя бы напримѣръ для Триполиса; онъ составилъ даже проектъ Уложенія для всѣхъ «либеральныхъ» народовъ.

Мѣрка для регулирующей роли учрежденій, для опредѣленія круга полномочій общественной власти, для опредѣленія строгости закона и т. д. одна, это—выгоды наибольшаго количества индивидовъ.

Въ чемъ можетъ заключаться соотвѣтствіе силы наказанія съ тяжестью проступка? Оно соизмѣряется количествомъ вреда, прямого и косвеннаго, нанесеннаго и возможнаго. Всякій законъ, какъ стѣсненіе, нарушеніе свободы, есть зло: онъ терпимъ и желателенъ, поскольку можетъ быть вычислена въ разности приносимая имъ прямо и косвенно польза. Въ концѣ концовъ государственный законъ полезенъ, если онъ именно обезпечиваетъ свободу труду и движенію продукта труда. Государство оправдывается не договоромъ, который разъ взялись соблюдать, не святостью традиціи, а исключительно выгодой для личностей властной защиты и надзора. Этимъ и должны быть опредѣлены размѣры тратъ на правленіе.

И политикъ-моралистъ и политикъ-экономъ, оба выросли на одной почвѣ промышленной, всесвѣтной, предпринимательской Англіи; на обоихъ

видно, какъ направленіе интересовъ, какъ извѣстные, бьющіе въ глаза факты дѣйствительности превращаются въ «законы вещей», т. е. въ научныя формулы и морально общественныя требованія. Статьи новаго кодекса, заповѣди его завершались формулой, смыслъ которой заключался въ томъ, что нити эгоистическихъ влеченій, идущихъ отъ личностей, сами собой связываются въ клубокъ общаго благополучія. Здѣсь въ мысли былъ явный скачокъ: факты не складывались въ аргументы, и добрая вѣра вступала въ свои права.

Въ ученіяхъ индивидуалистовъ роль государства естествено очень непохожа на то опредѣленіе, какое ему давали въ эпоху просвѣтительной публицистики. По Бентаму управленіе должно быть слабое и дешевое. «Стой смирно»! такъ хочетъ ему сказать Бентамъ въ короткой формулѣ. Индустрія, говоритъ онъ, проситъ у управленія лишь того, чего просилъ Діогенъ у Александра: «не закрывай мнѣ солнца». Какъ ни отвлечененъ Бентамъ, но здѣсь у него совершенно ярко отмѣченъ исходный мотивъ; пружина общества есть успѣвающій капиталъ. Съ этимъ комментаріемъ надо читать и слѣдующій совѣтъ: «берегите индивиды, не отягощайте ихъ, не допускайте никогда, чтобы ихъ отягощали—и вы достаточно сдѣлали для общаго блага». Со стороны государства такъ же не нужны поощрительныя мѣры къ развитію производства, какъ невозможно усилить жажду и голодъ у людей. Притомъ «первый министръ меньше понимаетъ, чѣмъ фермеръ въ арендной платѣ, меньше въ перегонкѣ жидкостей, чѣмъ винокуръ, меньше въ кораблестроеніи, чѣмъ корабельный мастеръ».

Государство, по ученію индивидуалистовъ, не имѣетъ другой задачи, какъ только содѣйствовать свободной дѣятельности членовъ общества; общество, сложенное изъ частныхъ интересовъ, а не политическое цѣлое, вотъ что представляется живой ареной; политическая власть, это—предохранительный клапанъ, это—спеціальный аппаратъ на крайній конецъ, на случай, гдѣ не могутъ сразу удобно воздѣйствовать общество и цивилизація. Чѣмъ рѣже его примѣненіе, тѣмъ лучше. Самое лучше—въ немъ вовсе не нуждаться, вовсе его не примѣнять, и достаточно жить въ покойномъ сознаніи, что въ арсеналѣ оружіе есть.

Томасъ Пэнъ, о которомъ уже была рѣчь, говоритъ: «общество дѣлаетъ для себя почти все, что приписывается государству. Чѣмъ выше поднялась цивилизація, тѣмъ менѣе нуждается оно въ правительствѣ. Правительство—ничто иное, какъ національный союзъ, который дѣйствуетъ согласно принципамъ общества».

Итакъ у государства нѣтъ иной задачи, какъ только содѣйствовать свободной дѣятельности членовъ общества путемъ устраненія всѣхъ препятствій. Государство сходитъ на положеніе слуги личныхъ интересовъ: берегите намъ границы, дайте строгій судъ, чтобы не было обмана и прекаканій въ экономическихъ сношеніяхъ—вотъ чего требуютъ отъ здравыхъ политиковъ будущаго. Государство въ ученіи

этой школы упразднено, разложено во имя соціальныхъ интересовъ, а соціальные во имя личныхъ. Послѣдовательные теоретики заранѣе признавали въ государствѣ опасную для личности силу. Надо, говоритъ одинъ, найти такія учрежденія, которыя бы наиболѣе дѣйствительно могли охранить личность отъ «покушеній общественной власти». М—мъ де-Сталь почти физически ощущаетъ это: она находитъ, что самое слово государство заключаетъ въ себѣ что-то жестокое и тираническое.

Едва ли у кого-нибудь въ концѣ прошлаго вѣка политическій и соціальный индивидуализмъ выражался въ такой крайней формѣ, какъ у Вильяма Годвина въ его книгѣ «Политическая справедливость» (1793 г.). Годвинъ былъ сначала сектантскимъ проповѣдникомъ. Его разсужденія далеки отъ какихъ-либо практическихъ совѣтовъ. Онъ отворачивается отъ всякаго насильственнаго переворота. Онъ хочетъ лишь громко и безстрашно объявить то, что считаетъ истиной. Съ возглашенія этого ученія и начнется тысячелѣтнее царство мира и счастья. Вѣруя въ магическую силу слова и увѣщанія, онъ надѣется, что соотечественники его, подъ давленіемъ аргументовъ, сразу прозрѣютъ. Нежелательны даже союзы для политической агитаціи; Годвинъ хочетъ только, чтобы всякій исповѣдалъ познанную истину свободно и открыто, во всей полнотѣ, и, если нужно, съ самоотверженіемъ мученика. Реформы этимъ самымъ станутъ ненужны, такъ какъ наилучшій порядокъ тотъ, когда люди руководятся однимъ разсудкомъ. Этотъ наилучшій порядокъ въ сущности отсутствіе какого-либо порядка, строя, принужденія.

Трогательна вѣра Годвина въ разумную и благую основу человѣческаго существа; но она ведетъ его къ тому, что, внѣ сознанія личности, онъ не признаетъ никакихъ обязывающихъ законовъ. Даже отдѣльные моменты сознанія не связываютъ другъ друга. Напримѣръ, давать обѣщанія—неразумно, а держать ихъ ненужно, потому что въ каждую данную минуту надо слѣдовать указанію истины и справедливости, какъ онѣ именно въ эту минуту представляются человѣку.

При этихъ условіяхъ о принудительной власти общества не можетъ быть рѣчи. Слово «подданный» заключаетъ въ себѣ полное извращеніе. Въ свою очередь нельзя говорить и о правахъ личности на свободу, потому что здѣсь уже чувствуется нѣкоторое ограниченіе; всѣ эти «права личности» лишь сводятся къ отсутствію правъ общества на человѣка, а весь порядокъ къ тому, что люди подчиняются тѣмъ предписаніямъ справедливости и истины, которыя они въ данную минуту признаютъ. Поэтому, напримѣръ, совершенно не нужны какія-либо законодательныя опредѣленія; не нуженъ сводъ гражданскаго права и т. п. Національная слава, расширеніе отечественной территоріи — все это химеры, любовь къ отечеству — иллюзія, потому что нація, общество не представляютъ сами по себѣ живого цѣлаго; общее счастье—лишь сумма интересовъ всѣхъ.

Государство въ сущности вовсе не нужно. Годвинъ осуждаетъ даже какую-либо упорядоченную экономическую кооперацію. Идеалъ его состоитъ въ свободномъ существованіи рядомъ совершенно независимыхъ личностей. Практически лучше всего—мелкіе самостоятельные приходы, которые образуютъ слабую конфедерацію на случай нападенія.

Благожелательный Годвинъ увѣренъ, что съ установленіемъ этой формы или, лучше сказать, при этомъ отсутствіи формъ отпадутъ сами собою и условія матеріальнаго неравенства, а слѣдовательно исчезнутъ войны и столкновенія, которыя теперь неизбѣжны въ обществѣ, основанномъ на несправедливыхъ привилегіяхъ.

Но политическій идеалъ пассивнаго государства является большею частью на службѣ другихъ соціальныхъ направленій. Разъ общество простая сумма людей, болѣе или менѣе случайная, разъ въ немъ на лицо лишь дѣловой договоръ, не захватывающій всего человѣка, связывающій его, лишь пока онъ хочетъ быть въ обществѣ, то государство окажется простой администраціей группы соединившихъ свои интересы лицъ. А какъ скоро государство—только суммарное выраженіе существующаго общественнаго уклада, только показатель распредѣленія силъ и богатствъ, то естественно, что права лицъ и группъ, т. е. ихъ участіе въ открываемыхъ государствомъ выгодахъ должны отвѣчать общественному преобладанію этихъ лицъ и группъ.

Поэтому сторонники этой доктрины сравнивали общество съ акціонерной компаніей, а государство съ ея дирекціей. Сталкиваясь съ требованіемъ равенства, вытекавшимъ изъ признанія правъ личности, политики разбираемаго направленія готовы были продолжать сравненіе: пусть всѣ акціонеры, хотя бы съ мельчайшими паями, войдутъ въ общее собраніе, пусть всѣ заявляютъ желанія, но, безъ сомнѣнія, дѣйствія дирекціи должны опредѣляться вѣсомъ крупныхъ владѣльцевъ акцій, а дивиденды должны распредѣляться не по числу головъ, а пропорціонально числу акцій въ рукахъ членовъ.

Соціальная теорія индивидуализма сказалась и на историческихъ построеніяхъ. Въ работахъ, отражающихъ ея духъ, факты прошлаго выстроились по магическому лозунгу: освобожденіе лица. Первымъ этапомъ въ пройденномъ великомъ пути выступалъ маленькій, но живой греческій міръ, гдѣ хоть на моментъ сверкнули всѣ дарованія и запросы человѣческой личности. Традиція свободы изображалась затѣмъ въ ея движеніи на западъ: здѣсь римское право и христіанство выработали основные принципы правовой и моральной независимости лица. Восходящая линія, казалось, шла безъ нарушенія. Даже въ катастрофѣ древняго міра не видѣли перерыва среди общаго процесса освобожденія личности. Варварское нашествіе не задавило его: германцы принесли изъ лѣсовъ стихійную свободу, ея инстинктъ, который претворился въ охрану независимости лица въ государствѣ. Въ феодализмѣ та же черта сказалась, хотя для ограниченной группы, но

за то съ особой силой. Затѣмъ все ускоряя темпъ, шло освобожденіе чрезъ непринужденную фантастичность и свѣтскую мораль рыцарскаго общества, чрезъ упрямый корпоративный духъ самоуправляющихся городовъ, чрезъ неутомимую критику, духъ изслѣдованія и начала вѣротерпимости эпохъ возрожденія и реформаціи; а заключилось оно вѣнцомъ всего—политической свободой въ Англіи, Америкѣ, Франціи.

Въ этихъ построеніяхъ были излюбленныя эпохи, демократическія Аѳины, средневѣковыя коммуны, реформація, политическіе перевороты новыхъ временъ. Они рисовались вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ моменты матеріальнаго процвѣтанія, полнаго раскрытія всѣхъ силъ и стремленій въ обществѣ.

Ослѣпительно красива была исторія освожденія личности. Что могъ этотъ процессъ обѣщать въ будущемъ?

Такъ же быстро, какъ революція машинъ перевернула весь строй и обликъ промышленности, какъ наводнила она весь международный рынокъ новыми механическими продуктами, и новыя фурмулы пріобрѣли власть въ Европѣ. Во Франціи они сошлись съ ученіемъ физіократовъ, которые разсматривали общество, какъ естественный организмъ, и считали свободный обмѣнъ необходимымъ условіемъ органической жизни. Въ Германіи далекій провинціальный университетъ въ Кёнигсбергѣ, гдѣ училъ великій Кантъ, сталъ главнымъ мѣстомъ пропаганды Смитовыхъ идей, главнымъ разсадникомъ экономистовъ и политиковъ, строившихъ въ будущемъ золотой вѣкъ на торжествѣ личной иниціативы. Скоро департаменты чуть-ли не самаго авторитарнаго государства въ Европѣ, Пруссіи, наполнились убѣжденными сторонниками и даже резонерами невмѣшательства, и терминологія докладовъ и указовъ своеобразно видоизмѣнилась, повторяя рѣзкія положенія доктрины. Въ странѣ, гдѣ еще не такъ давно утверждали, что общество не понимаетъ своихъ выгодъ, что къ индустріи людей надо воспитывать и тянуть, чиновники стали утверждать, что «каждая личность легче откроетъ свой истинный интересъ, чѣмъ это можетъ быть ей предписано правительствомъ».

Въ это время—въ началѣ вѣка послѣ наполеоновскаго разгрома—въ Пруссіи готовилась крупнѣйшая реформа—освобожденіе крестьянъ, вызванное желаніемъ поднять патріотическій духъ народа. Надъ проектами, кругомъ реформы хлопотали ученики и поклонники Смита, которые осуждали крѣпостное право во имя свободнаго договора, свободной иниціативы лицъ. Но доктрина сослужила плохую службу крестьянскимъ интересамъ. Она совпала со стремленіемъ крупныхъ землевладѣльцевъ перевести старое барщинное и оброчное хозяйство съ крестьянской подмогой на капиталистическое съ обезземеленными наемными рабочими.

Только что приведенныя слова принадлежатъ министру фонъ-Шрётеру. Онъ ими мотивировалъ важный и характерный отказъ: по его

мнѣнію, не слѣдовало продолжать старинную охрану крестьянскихъ дворовъ отъ снесенія ихъ помѣщиками, которые составляли большія фермы и заводили крупное раціональное хозяйство; прекрасно имѣть въ государствѣ многочисленное и зажиточное крестьянство, но, говорилъ онъ, «ускорять, искусственно содѣйствовать его образованію положительными мѣрами» неразумно и рискованно, пока нація въ культурномъ и имущественномъ отношеніи не созрѣла. Лучше дать крестьянамъ политическія права, участіе въ представительствѣ національномъ и въ земствѣ, и пусть они самобытно поднимаются къ лучшему положенію и создадутъ себѣ условія для пріобрѣтенія земли.

Какъ Шрёттеръ, думало большинство либеральныхъ бюрократовъ, усердно и съ добрыми намѣреніями работавшихъ надъ реформой, и реформа была погублена, такъ какъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ она создала всѣ условія для обезземеленія.

Этотъ примѣръ можетъ иллюстрировать силу, упорство доктрины, шедшей изъ Англіи: она исходила изъ понятія объ интересахъ личности, изъ вѣры въ ея глубоко правильный инстинктъ и могла приходить на практикѣ къ разрушенію цѣлыхъ классовъ, т. е. массы тѣхъ же личностей, или мириться съ подобнымъ фактомъ. Если она дѣлала это, не смущаясь противорѣчіемъ, или не чувствуя его, то это значитъ, что въ общей суммѣ итоговъ она усматривала такіе перевѣшивающіе факты, которые казались ей важнѣе, чѣмъ видимыя явленія.

Что-же прозрѣвала впереди доктрина? То мистическое благо, которое она усматривала, состояло въ накопленіи дохода, въ безконечномъ торжествѣ производства вообще. Теорія шла къ обоготворенію производства. Въ эпоху, когда такъ внезапно, такимъ чудеснымъ образомъ возросли средства къ произведенію новыхъ богатствъ, было естественно увлечься самимъ процессомъ, который обѣщалъ въ будущемъ безконечное обиліе.

Но почти одновременно напомнилъ о себѣ другой вопросъ. Новая техника, запросы расширеннаго международнаго рынка, создавали новую рабочую организацію. Масса людей, которые на рынокъ могли принести лишь свои руки и спину, лишь продать свой трудъ, становились въ зависимость отъ огромныхъ, часто очень далекихъ, почти стихійныхъ приливовъ и отливовъ международнаго спроса на товары. Они должны были нести послѣдствія торговыхъ кризисовъ, которыхъ мѣстное производство не могло предусмотрѣть, они должны были быть на мѣстѣ, вырости въ числѣ, когда требовалось расширеніе производства, и сократиться, составить нуждающійся резервъ, когда требовалось уменьшеніе производства. Нельзя было также закрывать глаза на тяжелыя физическія и моральныя условія, въ которыхъ пребывала новая рабочая масса. Какъ же было примирить культъ производства съ человѣческими жертвами, съ видимымъ ухудшеніемъ или страданіемъ человѣческой породы?

Въ моментъ, когда писалъ Адамъ Смитъ, эти вопросы не возникали въ острой формѣ. Адамъ Смитъ, напримѣръ, еще могъ говорить о чрезвычайно медленномъ ростѣ населенія въ Европѣ сравнительно съ новыми землями въ Америкѣ. Но вопросы эти приходилось уже задать къ концу вѣка. Въ знаменитой книгѣ Мальтуса опрокидывался старый экономическій догматъ, что обиліе населенія—государственное благо и что политика должна энергически содѣйствовать размноженію его. Свои пессимистическія заключенія о томъ, что новымъ непрошеннымъ пришельцамъ нѣтъ мѣста на землѣ, Мальтусъ старался ослабить жестокими совѣтами воздержанія или ссылкой на нѣкоторыя естественныя жестокости, совершаемыя самой природой ради возстановленія равновѣсія.

Но съ подобными выводами о неизбѣжности массоваго соціальнаго зла, на которомъ строится новое промышленное общество, слѣдуетъ сопоставить картину свѣтлаго будущаго, которую рисуетъ оптимистическій реформаторъ, Бентамъ: она показываетъ, какъ ограничены были обѣщанія индивидуалистовъ относительно предстоящаго совершенствованія. Разумному существованію мѣшаютъ извѣстныя учрежденія, предразсудки и традиціи. Что же произойдетъ съ исчезновеніемъ всѣхъ затрудненій и стѣсненій, которыя теперь испытываетъ личность? Насколько придвинется общее счастье?

Бентамъ изображетъ сначала рядъ свѣтлыхъ, положительныхъ явленій. «Въ спискѣ запрещенныхъ дѣяній не будетъ больше проступковъ, вредъ которыхъ лишь воображаемый; права и обязанности различныхъ классовъ людей будутъ такъ хорошо опредѣлены уложеніемъ, что не будетъ процессовъ по существу права; судопроизводство будетъ упрощено и тяжбы будутъ рѣшаться въ короткій срокъ и дешево. Зданія судебныя будутъ всегда открыты и рѣдко полны; народы, сложивъ оружіе и распустивъ арміи на основаніи договоровъ, а не вслѣдствіе взаимнаго безсилія, будутъ платить только самые необременительные налоги. Торговля будетъ свободна, не будетъ монополій, льготы и стѣсненія не будутъ задерживать естественнаго развитія. Права и обязанности чиновниковъ будутъ хорошо разграничены, и наклонности народа къ повышенію и сопротивленію хорошо урегулированы, благодаря усовершенствованію конституціонныхъ законовъ; тогда политической жизни и всему, что съ ней связано, не будутъ грозить перевороты; наконецъ законы будутъ кратки и ясны».

Но все, что за эти предѣлы выходитъ, принадлежитъ къ области химеръ. Можно уменьшить, но невозможно искоренить въ людяхъ мрачныя и пагубныя страсти; неравенство даровъ природы и судьбы всегда будетъ вызывать въ людяхъ горькое чувство зависти; всегда будетъ существовать противоположность интересовъ, а слѣдовательно и соперничество, и ненависть; удовольствія всегда будутъ покупаться цѣной страданій и лишеній. И наконецъ: тяжелый трудъ, ежедневное пора-

бощеніе, состояніе близкое къ нищетѣ будутъ всегда участью большинства людей.

Вотъ что говоритъ намъ индивидуалистическій реформаторъ. Теорія, создавшаяся подъ вліяніемъ промышленнаго переворота, нарисовала торжество начала движенія въ прошломъ въ видѣ растущаго освобожденія личности. Ея представители должны были почувствовать, что завершеніе этого процесса свободы скоро дойдетъ до извѣстной предѣльной черты. Теорія наталкивалась на свои собственныя положенія о непобѣдимыхъ условіяхъ производства, созданныхъ потребностью культурнаго человѣка и порабощающихъ того же человѣка.

Казалось, какъ будто строитель плана общества будущаго уже откинулъ мысленно всѣ препятствія къ свободному проявленію человѣческихъ силъ; онъ обѣщалъ терпѣливо переждать исчезновеніе дурныхъ привычекъ, созданныхъ несправедливостью и ложными отношеніями стараго порядка. Допустивъ, что все осужденное имъ устранено, онъ долженъ былъ спросить себя, обезпечено ли этимъ счастье? Онъ чувствовалъ, что хотя естественныя силы могутъ теперь вступить въ свои права, но на пути къ счастью какъ будто уже поднимаются преградой недостатки самой природы внѣ и внутри человѣка. И вотъ ему оставалось осмотрѣться снова: не примкнетъ ли какой-нибудь благодѣтельный процессъ къ тѣмъ послѣднимъ усиліямъ, на какія способенъ освобожденный благожелательный человѣкъ?

Ученіе о прогрессѣ, одновременно развивавшееся, подавало въ данномъ случаѣ руку: оно обѣщало ростъ гуманности, знанія и чудеса техники, которая должна насъ поднять надъ многими слабостями нашей натуры, заставить исчезнуть само собою много общественныхъ золъ. Страна, пережившая раньше и рѣзче всѣхъ революцію машинъ, т. е. Англія, всего больше и поддалась культу машины, вѣрѣ въ ея цѣлительную силу. Такъ создавалось крупное и какъ бы конкретное утѣшеніе. Распространеніе знанія даетъ новыя средства; тяжелыя и и недостойныя работы исчезнутъ, эксплуатація природныхъ силъ возрастетъ въ безконечное множество разъ; предѣлы естественные, въ которыхъ сдавлено человѣческое общество, раздвинутся, а съ обиліемъ и просторомъ члены общества не будутъ гибнуть отъ борьбы и станутъ лучше. Вслѣдствіе этого необходимо пока примириться съ тѣми жертвами, которыя уноситъ совершенствованіе техники.

Гораздо раньше, чѣмъ теорія могла сослаться на свой опытъ, испробовать до конца свои средства, поднялись возраженія.

VIII. Мистика и реализмъ въ ученіяхъ реакціи.

Безусловное право и безграничная свобода личности, вытекающія изъ природы вещей; вѣра въ благодѣтельность порядка, создаваемаго этой свободой, вѣра, которая основана была на признаніи добраго на-

чала въ человѣкѣ, но не лишена была и мистической идеи, что природа сама исправляетъ, взаимно стираетъ и гармонизируетъ всю пестроту и хаосъ противоположныхъ влеченій и поступковъ отдѣльныхъ личностей; вѣра въ безконечность прогресса, также требуемаго природой и нынѣ незыблемо стоящаго на торжествѣ гуманности, точныхъ знаній и техники.

Вотъ приблизительно то, что можно назвать завѣщаніемъ просвѣтительнаго вѣка, что лежало въ основѣ революціонныхъ программъ и что стало символомъ либеральной школы начала нынѣшняго вѣка.

Скоро противъ этихъ принциповъ поднялась буря протеста, изъ котораго сложилось своеобразное міровоззрѣніе такъ называемой реакціи. Ожесточенность этого протеста въ значительной мѣрѣ объясняется конвульсивностью поворота, катастрофами революціи. Быстро исчезли старинныя группы и дѣленія общества, сокрушились старинныя привилегіи и учрежденія, прошелъ въ захватывающемъ водоворотѣ рядъ партій, смѣнившихъ у власти другъ друга.

Событія точно разрѣзали общество на два лагеря, рѣзко противоположныхъ, образовавшихъ точно двѣ враждебныя націи, два разныхъ отечества, двѣ противорѣчивыя традиціи. Масса людей, сбитыхъ съ привычнаго положенія, такъ или иначе болѣзненно захваченныхъ переворотомъ, увеличивали возбужденность и односторонность настроеній.

На томъ концѣ, гдѣ собрались вытолкнутые революціей, испугавшіеся ея и разочарованные, естественно все было подвергнуто сомнѣнію и отрицанію, что составляло характерную черту, привычный знакъ мысли предшествующаго направленія. Мало того, вещи безразличныя въ общественномъ отношеніи, какъ, напримѣръ, химическое открытіе, что вода—не элементъ, а составное тѣло, причислены были къ опаснымъ для общественнаго строя ересямъ. Если Кондорсе пропагандировалъ мысль о языкѣ будущаго, универсальномъ отвлеченномъ языкѣ, то Жозефу де-Местру было достаточно этого, чтобы возвеличивать языкъ прошлаго, латынь, сравнивать возстановленіе его, въ которомъ онъ не сомнѣвался, съ воскресеніемъ Христа и говорить о возрожденіи латыни во вѣки вѣковъ.

Все пагубно, все отравлено, что по ту сторону нашихъ окоповъ—вотъ господствующій внѣшній мотивъ реакціи. Вы поклоняетесь Локку, Монтескьё, Руссо: этого достаточно, чтобы намъ ихъ заподозрить.

Злой вѣкъ кажется однимъ нѣсколько длиннѣе, другимъ нѣсколько короче, но всѣ закидываютъ его начало далеко назадъ. При этомъ разсуждаютъ, что такъ же, какъ истинной вѣрѣ предшествовали пророки, такъ и великой лжи задолго готовили пути сѣятели дурныхъ сѣмянъ. Протестантъ Галлеръ помѣщаетъ эру злой науки за два вѣка назадъ, т. е. къ началу XVII-го столѣтія: первые ересіархи, это—Гроцій и Гоббсъ, провозгласившіе ученіе о договорѣ, т. е. объ искусственномъ происхожденіи общества, ученіе о томъ, что общество—

дѣло рукъ людскихъ. Католикъ де-Местръ гораздо мстительнѣе: онъ вспоминаетъ старую рану, нанесенную западной церкви; точно противъ своихъ современниковъ, гремитъ онъ противъ Лютера и Кальвина «двухъ людей ничтожества, съ высокомѣріемъ сектантовъ, злобой плебеевъ и трактирнымъ фанатизмомъ». Вычеркивать, такъ вычеркивать: де-Местръ считаетъ безусловно необходимымъ предварительнымъ шагомъ—стереть изъ европейскаго лексикона роковое слово—«протестантизмъ».

Самый мрачный изъ реакціонеровъ, наименѣе тронутый новой культурой, наиболѣе подозрительный ко всему, что отзывается ею, Бональдъ, уходитъ еще глубже. Отцы новой философіи въ его глазахъ, не только Кальвинъ и Лютеръ, но также Виклефъ и Гуссъ. Дойдя до этихъ проповѣдниковъ «бѣдной церкви», онъ уже чувствуетъ близость къ нимъ еще болѣе раннихъ нищенствующихъ монаховъ, тѣмъ болѣе, что и францисканцы не разъ поднимали голосъ противъ начала власти въ церкви—и вотъ средневѣковые миноритъ тоже причислены къ родоначальникамъ революціи. Мало того, Бональдъ находитъ, что революцію начали издавна сами короли, когда они въ XV и XVI вв. отъ системы феодальнаго ополченія перешли къ содержанію оторванныхъ отъ земли наемниковъ, когда они стали увлекаться модами и художественными вкусами Италіи. Все дальше и дальше назадъ въ этихъ поискахъ первыхъ шаговъ злого и безпокойнаго элемента, который разросся до возмущенія массы эмансипированныхъ людей въ современной революціи, и все больше и больше открывается шаткихъ началъ въ старинѣ: бѣда, оказывается, пошла уже со времени судовъ XIII в., которые дали просторъ тяжбамъ и адвокатамъ, со времени установленія, вмѣсто странствующей юстиціи, прочныхъ трибуналовъ, потому что около нихъ стали скопляться люди, расти большіе города. Словомъ нѣтъ конца этому розыску, нѣтъ исхода страху людей, испуганныхъ новымъ духомъ

Нетрудно показать, что они не могли стереть предполагаемаго Каинова знака съ собственнаго лица, что, напрягая усилія къ исцѣленію міра, они не могли исцѣлить самихъ себя отъ «яда», впитавшагося работой вѣковъ, которые они хотѣли вычеркнуть.

Но реакція не есть только возвращеніе побѣжденныхъ, разстроенныхъ или раздраженныхъ общественныхъ группъ. Она не только отражаетъ возмущенное сознаніе тѣхъ, кто не поспѣлъ за движеніемъ, кто защищалъ оспариваемое владѣніе или требовалъ возмездія за отнятое у него. Система идей реакціи не была только сплошнымъ отрицаніемъ всего, что связывалось съ просвѣтительствомъ, что отмѣчено было печатью анализа и критицизма.

Реакція была нѣкоторымъ естественнымъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ настроенія предшествующей эпохи. Она примыкала съ одной стороны къ готовому уже давно протесту противъ культуры,

къ патріархальнымъ идилліямъ и натурально-хозяйственнымъ фантазіямъ. Не даромъ же представители реакціонной школы такъ своеобразно относились къ Руссо, чувствуя къ нему не ненависть, а влеченіе, готовые признать въ немъ глубоко вѣрное чутье и въ то же время испуганные его демократическими принципами. Бональдъ съ сожалѣніемъ говоритъ, что Руссо могъ бы блистать въ качествѣ величайшаго публициста современности, если бы онъ не поддался заблужденіямъ, исказившимъ его ученіе.

Въ то же время реакція подводила до извѣстной степени логическій итогъ крайностямъ индивидуализма.

Для психологіи соціальныхъ настроеній особенно интересны типы людей, перешедшихъ къ реакціи почти нечувствительно черезъ крайнія вершины своего ученія. Энтузіасты индивидуализма, черпнувъ его до дна, нашли тамъ новый авторитетъ, новаго пожирателя—Молоха.

Мы уже видѣли, на какую наклонную плоскость становился англійскій публицистъ Годвинъ. Но это былъ только политическій мечтатель; его мысли о спасительной дезорганизаціи общества предполагали все же въ человѣкѣ нѣчто прочное, несомнѣнное, обязательное отъ природы, именно—охоту къ труду, симпатію къ другимъ, интересъ къ знанію.

Культъ личности, требованіе для нея простора и, можно сказать, беззаконія, гораздо болѣе буйно разростается у нѣмецкихъ романтиковъ. «Сильныя натуры» эпохи Шиллеровскихъ разбойниковъ, которыя во имя характера и геніальной своеобразности попирали все условное и правильное въ жизни, смѣняются поклонниками непосредственнаго чувства, необузданной безсистемной фантазіи, теоретиками безцѣльности и распущенности.

Едва ли гдѣ-нибудь этому культу придана болѣе циническая форма, чѣмъ въ романѣ Фридриха Шлегеля «Люциндѣ» (1799 г.), этомъ своего рода манифестѣ для цѣлой партіи. Герой и героиня романа хотятъ заботливо охранить своего ребенка отъ «всякаго воспитанія». Почему? «Человѣкъ, къ сожалѣнію, отъ природы серьезное животное. Этому позорному и скучному влеченію къ серьезности надо изъ всѣхъ силъ и со всѣхъ сторонъ противодѣйствовать». Вершина общественности—легкомысленные разговоры, изящные и тонкіе, но достаточно безстыдные. Геркулесъ, богъ непринужденной животной натуры, противопоставленъ въ романѣ Прометею «изобрѣтателю воспитанія и просвѣщенію». «Отъ Прометея вы (люди вообще) получили безпокойный духъ. Онъ людей соблазнилъ на работу, зато онъ—это олицетвореніе людей, ставящихъ себѣ цѣли и ведущихъ въ жизни борьбу, и долженъ вѣчно работать, хочетъ или не хочетъ, и никогда не избавится отъ своихъ оковъ».

О праздность, праздность!—слышимъ мы дальше.—Единственная черта богоподобія, которая осталась намъ отъ райской жизни! Полный

стремленія трудъ—скверный капризъ, онъ создаетъ лишь скуку себѣ и другимъ. «Высшая, совершеннѣйшая жизнь» ничто иное, какъ чистое прозябаніе, растительный процессъ. Герой Шлегеля выбираетъ образчикомъ свою дочь, двухлѣтняго ребенка, который, лежа на спинѣ, болтаетъ въ воздухѣ ногами, не безпокоясь объ общественномъ мнѣніи. «Отчего,—говоритъ онъ,—не дѣлать мнѣ того же самаго; вѣдь я же, Господи Боже мой, мужчина и мнѣ незачѣмъ быть чувствительнѣе самаго чувствительнаго женскаго существа»! Съ такой возвышенной точки зрѣнія, на которой божественная непринужденность соединяется съ безсознательностью растенія, гдѣ ужъ устоять морали!.. конечно, она безжалостно сбрасывается въ кучу предразсудковъ. И вотъ у Шлегеля сатанишки, мелкіе бѣсы въ фантастическомъ театрѣ жизни, высмѣиваютъ Прометея и внушаютъ людямъ: «нѣтъ ничего безсмысленнѣе, когда ваши моралисты упрекаютъ васъ въ эгоизмѣ. Они совершенно не правы; какой же богъ можетъ вызвать почтеніе у человѣка, если онъ не будетъ выраженіемъ собственнаго духа человѣка?»

Дальше идти нельзя. Удовлетворять своимъ влеченіямъ—значитъ служить Богу; напротивъ, связывать себя чѣмъ-нибудь—значитъ совершать святотатство, богохульствовать. Чѣмъ сильнѣе въ личности развито это самосознаніе, тѣмъ болѣе избранной является она. Тогда въ ней какъ бы заключена великая, озаряющая міръ сила.

Въ одновременной философіи эти мысли получили систематическую форму. У Фихте весь міръ представляется обстановкой, скрытой во мракѣ, въ центрѣ которой находится свѣтъ личнаго сознанія. Все, что мы называемъ міровыми отношеніями—сознаніе нашей духовной жизни нашего «я»; остальное—«не я» лишь голое наименованіе того, что внѣ личности, что не существуетъ вообще, потому что не существуетъ въ насъ, или потому что существуетъ только какъ безконечное наше стремленіе и безконечная для насъ возможность расширить предѣлы нашего сознанія.

Литературной иллюстраціей этой теоріи единственнаго всеозаряющаго міръ «я» можетъ служить романъ Тика «Вильямъ Ловель» (1795). Герой его привѣтствуетъ «возвышенную мысль, которая поднимаетъ его на высоту божества». «Вещи существуютъ, потому что мы ихъ мыслимъ; въ далекомъ мракѣ—міръ, который мы освѣщаемъ мерцаніемъ своей личности. Отчего міръ не распадается въ груды развалинъ? Мы—судьба, которая его держитъ на ногахъ. Смѣло иду я впередъ, свободный отъ тяжелыхъ обязанностей, которыя придуманы трусливыми глупцами. Добродѣтель существуетъ только потому, что существую я, потому что я мыслилъ ее; это отраженіе внутри меня самого». «Все подчинено моему произволу; я могу назвать каждое явленіе, каждый поступокъ, какъ мнѣ нравится; я самъ—единственный законъ во всей природѣ: живое и мертвое въ мірѣ связано цѣпями.

которыми правитъ мой духъ; вся моя жизнь—сонъ, различные образы котораго слагаются по моей волѣ».

Головокружительной высоты достигъ здѣсь человѣкъ, и онъ на волоскѣ отъ паденія: добыча мистики въ сущности уже готова. Мы легко и нечувствительно возводимъ въ нѣчто объективное внушенія нашего сознанія, результаты нашей внутренней жизни. Кто мнитъ, что собралъ въ себѣ міровую жизнь, можетъ склониться къ мысли, что черезъ него оперируетъ необъятная таинственная сила.

Вождемъ новѣйшихъ заблужденій реакціонной школѣ представляется по преимуществу Адамъ Смитъ съ его восхваленіемъ новаго общества, основаннаго на широкомъ обмѣнѣ и на раздѣленіи труда. Идущая отъ него наука, политическая экономія, крайне раздражаетъ представителей реакціи: вѣдь она знаетъ, говоритъ АдамъМюллеръ, лишь безличное накопленіе богатства, ея объектъ—чистый доходъ, мертвые, подлежащіе продажѣ продукты, товары и вещи на земной поверхности; она не хочетъ признавать традицій, историческихъ правъ, исконныхъ реальныхъ основъ гражданскаго строя. Во имя неясной будущей цѣли это слѣпо напирающее ученіе опрокидываетъ всѣ установившіяся вѣками отношенія.

Ожесточенное столкновеніе народовъ и правительствъ, демократіи и монархіи, сторонниковъ правъ личности и носителей авторитета—не составляетъ сущности революціи въ глазахъ Адама Мюллера; это лишь показатель совершившагося великаго крушенія, въ которомъ сами государи задолго до революціи посредствомъ системы бюрократическаго абсолютизма служили гибельной разрушительной работѣ. Великое несчастье новой культуры состоитъ въ уничтоженіи тѣхъ разнообразныхъ мелкихъ самобытныхъ общественныхъ группъ, тѣхъ естественно сложившихся корпорацій, тѣхъ первоначальныхъ союзовъ, въ которыхъ родились и органически возрастали личности, и которыя образовали собою настоящія живыя государственныя тѣла. Новая культура безжалостно нивеллируетъ ихъ во имя «фетиша абстрактнаго единаго государства», механически подчиняющаго себѣ всю жизнь людей, всѣ ихъ разнообразныя отношенія и отправленія. Вмѣсто многочисленныхъ «государствъ и свободъ» она ставитъ одно государство, одну свободу. Предъ лицомъ этой огромной бездушной машины остается лишь разрозненная масса изолированныхъ человѣческихъ единицъ. Государи первые стали служить этой отвлеченной идеѣ, этому ненатуральному праву: они разорвали старые контракты съ корпораціями, съ привилегированными, владѣльческими, патріархальными группами. Тогда народы сочли себя въ свою очередь вправѣ разорвать свой мнимый первоначальный договоръ съ государями.

Такъ поднялись другъ противъ друга два догмата, абсолютизмъ государей и народное верховенство, поднялись непримиримыми врагами два заблужденія, два произвола, монархическій и демократиче-

скій. Оба они однако стоятъ на одномъ и томъ же общественномъ принципѣ, на почвѣ одного и того же соціальнаго порядка, въ которомъ люди образуютъ между собою лишь случайную связь, соединены утилитарными выгодами, экономическими интересами, тогда какъ въ старинныхъ общественныхъ организаціяхъ личности скрѣплены были глубокой моральной связью. «Вѣкъ ажіотажа», говоритъ о современности Бональдъ, глубоко возмущаясь свойственнымъ индивидуалистамъ сравненіемъ политическаго общества съ коммерческой компаніей.

Съ великой общественно-политической катастрофой, такъ казалось реакціонерамъ, тѣсно связана революція въ умахъ и настроеніяхъ, именно великое паденіе вѣры. Патріархальныя отношенія, органическія связи въ старыхъ общественныхъ группахъ покрывались религіозной санкціей. Когда начали разрушать ихъ самостоятельность и проводить абстрактное единство новѣйшаго государства, то стала слабѣть, исчезать и старая вѣра: сначала она какъ будто лишь перенесена была изъ сферы общественнаго авторитета въ глубину человѣческаго сердца — здѣсь Адамъ Мюллеръ подразумѣваетъ протестантизмъ съ XVI в.—но это былъ лишь первый шагъ къ ея приниженію и выключенію, какъ дѣятельной моральной силы. Ясный знакъ, грустный показатель отсутствія ея, это — необходимость внѣшняго принужденія, это ростъ грубыхъ и массовыхъ средствъ защиты и господства въ современномъ государствѣ, безъ которыхъ оно разсыпается.

Реакціонеры придавали огромное значеніе совпаденію политической революціи и господства невѣрія или религіознаго индивидуализма. Бональдъ, въ своемъ историческомъ разслѣдованіи отдаленныхъ причинъ революціи, обрушивается на Вестфальскій миръ, установившій религіозную терпимость: вотъ откуда, отъ этого провозглашенія «религіозной демократіи», пошла пропаганда идей политической демократіи. Онъ резонируетъ, что авторитетъ, власть включаютъ въ себѣ творческій элементъ; власть въ общественной жизни можетъ быть приравнена къ причинѣ въ сферѣ философской мысли. И вотъ онъ утверждаетъ, что всякій атеистъ, отрицатель «конечной причины», необходимо долженъ имѣть тайное расположеніе къ отрицанію общественной власти или къ неповиновенію ей.

Въ самой катастрофѣ, въ самомъ дерзкомъ возмущеніи разнузданной личности противъ божескаго и человѣческаго авторитета реакціонеры усматривали страшное доказательство непоколебимой истинности и глубокой жизненной необходимости тѣхъ именно началъ, которыя старались устранить жалкіе святотатцы. Бональдъ недаромъ говорилъ о революціи: «неслыханная смѣсь силы и слабости, позора и величія, безумства и разума, преступленій и добродѣтели, головою въ небесахъ, ногами въ аду». Безумствомъ было въ ихъ глазахъ переносить верховную власть, высшій рѣшающій голосъ и судъ внутрь самого человѣка, какъ это дѣлалъ, по ихъ мнѣнію, атеизмъ; это значило ждать, чтобы

«плотина родилась изъ самого потока». Но въ судорожныхъ усиліяхъ революціонеровъ поставить вмѣсто неизвергнутыхъ авторитетовъ высшій отвлеченный принципъ, продуктъ человѣческаго разума, въ концѣ концовъ вырывалось наружу хотя и болѣзненно, искаженно, жажда несчастнаго поколѣнія найти опять Бога, найти абсолютную силу, вѣчную истину, отъ которой оно само отпало. Его великая ошибка была въ томъ, что оно мнило въ глубокомъ заблужденіи создать эту силу изъ себя, тогда какъ абсолютное было дано свыше, было открыто въ сферѣ вѣры, существовало до насъ и безъ насъ.

Вотъ толкованіе переворота у реакціонеровъ: итакъ революція—огромный ужасающій примѣръ, могущественный отрицательный аргументъ въ пользу того, что авторитетъ, религія составляетъ единственную созидающую и охраняющую силу въ обществѣ. Итакъ, среди общественнаго хаоса, среди полной распыленности общества снова открываются неизмѣнныя, вѣчныя начала общежитія. Не представляетъ ли вся новая культура временнаго налета, искуственной жалкой надстройки надъ несокрушимымъ твореніемъ природы?

Въ своихъ мечтаніяхъ о предстоящемъ наступленіи эры новой религіи, которыя писались почти одновременно съ «Люциндой», Шлегель и выражается именно въ этомъ смыслѣ: «свободное движеніе геніальнаго субъекта связано съ движеніемъ міротворящаго хаоса, съ объективнымъ содержаніемъ безконечно полнаго и богатаго мірового цѣлаго». О фантазіи и юморѣ въ поэзіи онъ говоритъ такъ: «объясни нѣжное видѣніе и обрати игру въ серьезное, и ты схватишь центръ всего и въ высшемъ свѣтѣ снова ты найдешь дорогое искусство».

Чѣмъ больше человѣкъ приписываетъ творчеству своего сознанія, тѣмъ крупнѣе опасность упасть передъ новымъ кумиромъ. Если онъ попробуетъ опрометчиво собрать все въ одинъ центръ личныхъ чувствъ и личной оцѣнки и освободиться отъ всякихъ связующихъ традицій, отъ всякаго общественнаго закона, то это централизованное «все» легко улетитъ и повиснетъ надъ его личностью деспотическимъ закономъ.

Въ кругахъ романтиковъ, которые довели духовную эмансипацію личности до послѣдней возможной черты, очень скоро совершился этотъ переходъ. Тикъ, поставившій въ Ловелѣ «памятникъ многимъ взлелѣяннымъ и любимымъ своимъ страданіямъ и заблужденіямъ», приводитъ героя своего, послѣ ряда жгучихъ испытаній жизни, послѣ жаднаго служенія всѣмъ прихотямъ своего «я», когда всѣ его изжитыя чувства «окружали его мертвой грудой», когда онъ охваченъ ужасомъ и пустотой полнаго отсутствія убѣжденій,—къ вѣрѣ въ чудесное, въ привидѣнія, знаменія и т. п. Оборотную сторону этой вѣры — составляетъ его предшествующее убѣжденіе, что дѣйствительность лишена существа, что «міръ лишь безсодержательная игра тѣней».

Въ настроеніи такой переходъ едва чувствителенъ: въ самомъ дѣлѣ, разъ все, что сознается, переживается человѣкомъ должно быть глу-

боко, значительно, всякое явленіе этой жизни можетъ казаться чудеснымъ, все сведется на предзнаменованія, на исполненіе таинственныхъ цѣлей и указаній. Пойдетъ ли теперь человѣкъ, испугавшійся мистической силы въ самомъ себѣ, въ лоно старой религіозной организаціи, прошлое которой ему грозно импонируетъ, или сложитъ себѣ свою теософію, это уже менѣе важно. Но его призывъ, его жажда, будутъ направлены къ авторитету. А подъ этимъ заголовкомъ могутъ проскользнуть невѣроятныя уступки и жертвы со стороны здраваго смысла. Шлегель, объявляя эру новой религіи, открываетъ широкій просторъ всему фантастическому и миѳологическому. Не только религія, но всѣ религіи должны быть воскрешены изъ своихъ гробовъ, и онъ толкуетъ о возрожденіи мистерій, оргій и т. п.

На высотѣ своего развитія европейская реакція выработала цѣлую систему ученій о личности и обществѣ, объ условіяхъ возникновенія и жизни общественнаго союза, о законѣ историческаго движенія.

Впереди реакціи стоитъ одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей ораторскаго пафоса всѣхъ временъ, Эдмундъ Боркъ. Этотъ старый защитникъ политической свободы и чистоты политическихъ нравовъ въ Англіи, неожиданно съ яростью обрушился на великій французскій переворотъ, и притомъ еще въ тотъ моментъ, когда революція торжествовала свои мирныя побѣды, когда она еще не выходила изъ праздничнаго настроенія своихъ молодыхъ дней. Онъ протестовалъ не противъ крайностей революціи, не противъ безпощаднаго примѣненія принциповъ, не противъ принесенія имъ жертвъ, а противъ самихъ принциповъ. Боркъ своими «разсужденіями о революціи» открылъ войну противъ всего, что казалось ему гордыней индивидуализма, который онъ считалъ разлагающей болѣзнью вѣка. Онъ уже сковалъ основныя возраженія противъ просвѣтительнаго вѣка.

Если проводить до конца, думалъ онъ, освобожденіе лица, то «все общество спустя немного поколѣній разрушится; оно разсыплется въ песокъ и пыль индивидуальностей, и вѣтры развѣютъ его во всѣ концы». Для Борка тотъ фактъ, что все подвергается обсужденію, критикѣ, что ко всему прилагается мѣрка личности,—не слава, а позоръ переживаемаго вѣка. Личность глупа. Боркъ возстаетъ противъ механическаго взгляда на общество, какъ простую сумму личностей. Нація есть корпорація, органическое цѣлое. Народъ не простая масса индивидовъ, воля которой можетъ быть открыта и подсчитана вычисляющими головами. Общественный или политическій строй — вовсе не продуктъ сознательнаго выбора или искусственнаго построенія. Онъ медленно выработанъ игрой безконечнаго числа соціальныхъ силъ. Какъ можно мечтать о простомъ, математическомъ разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ, о томъ, чтобы дѣлать прямые выводы изъ природы человѣка или характера его потребностей? «Природа человѣка запутана, задачи общества необычайно сложны».

Не анатомировать, не пульверизировать должно общество, какъ это дѣлали современныя поколѣнія, думаетъ Боркъ, надо, напротивъ, крѣпко держаться за существующія связи, беречь и любить ихъ. Онъ выбираетъ сравненіе изъ военнаго быта, чтобы подчеркнуть значеніе дѣла и дисциплины въ общественной жизни. Прилѣпись къ своей кучкѣ, люби свой малый батальонъ, которымъ ты входишь въ великую армію общества—вотъ первое правило въ общественныхъ отношеніяхъ.

Во имя чего однако? Авторитетъ указанъ, это — общество, это — существующія учрежденія, это—цѣлое въ противоположность личности; но почему мы должны считать этотъ авторитетъ святымъ и непреложнымъ?

Боркъ знаетъ два источника авторитета, давность и предразсудокъ. Всѣ правовыя учрежденія основаны на продолжительности существованія; это и есть самое сильное право. Вольности англійскаго народа цѣнны и дороги, но почему? Потому что онѣ получены въ видѣ обезпеченнаго наслѣдства отъ предковъ. Другая опора — предразсудокъ, необыкновенно полезный и спасительный предразсудокъ въ пользу всѣхъ существующихъ установленій.

Боркъ любитъ возвращаться къ этой темѣ. Что такое наши нравственныя чувства? Да они такъ близки къ предразсудку, что почти совпадаютъ съ нимъ. Предразсудокъ обращаетъ добродѣтель въ привычку, тогда какъ иначе она могла бы проявляться лишь въ рядѣ несвязанныхъ между собою поступковъ. Благодаря правильнымъ предразсудкамъ сознаніе долга становится долею природы человѣка. Поэтому спасеніе въ томъ, что предписано, что требуетъ слѣпого подчиненія.

Итакъ во всякой старинѣ хорошо то, что она старина. Но какъ убѣдить человѣка, располагающаго разсудкомъ, больше чтить предразсудокъ? Это достигается слѣдующимъ утвержденіемъ, въ которомъ собственно повторяется знакомая мистика Руссо. Отдѣльная личность лишена разума; толпа въ каждый данный моментъ ошибается; но порода человѣческая мудра; если ей открытъ просторъ и срокъ воздѣйствія, она почти всегда дѣйствуетъ правильно. Значитъ, сами по себѣ наши предки, которые завѣщали намъ извѣстный строй, не были мудрѣе насъ, и въ отдѣльности историческіе шаги были, можетъ быть, рядомъ ошибокъ; но въ цѣломъ смѣнявшіяся поколѣнія обнаружили и провели въ жизнь безсознательную мудрость.

Закрой глаза на происхожденіе вещей, не ищи принципіальныхъ основъ, вѣрь совершившемуся факту, какъ будто хочетъ сказать Боркъ. Съ другой стороны, ему кажется, что осуждаемая имъ общественная философія индивидуализма—безпочвенная игра знаками.

Призвать вниманіе къ фактамъ, т. е. къ явленіямъ вжившимся къ народнымъ привычкамъ и понятіямъ, къ политическимъ традиціямъ, къ живымъ еще учрежденіямъ, было бы, безъ сомнѣнія, полезно въ

то время, когда строители новаго общества однимъ почеркомъ пера готовы были декретировать права и новыя учрежденія для всего міра. Но бѣда всякой реакціи въ томъ, что она бросается въ прахъ предъ лицомъ вызваннаго ею факта.

Хорошо еще было для осуществленія ея требованій, если никто не представлялъ себѣ ясно происхожденія защищаемой святыни. Но какъ только смѣлая рука отмѣчала моментъ и условія возникновенія того, что въ силу старинности объявлялось святымъ, какъ только оказывалось, что старое было когда-то новымъ и даже, можетъ быть, было новизной революціонной, реакція провозглашала: не поднимать покрывала Изиды! Не ставить даже вопроса о возникновеніи общественнаго союза! Это таинство, это божество, котораго не смѣетъ касаться человѣкъ. Притомъ задача—объяснить происхожденіе общества, государства и не по плечу человѣку: онъ долженъ преклониться предъ тѣмъ, что было до него, что выше его, безъ чего онъ самъ не могъ бы существовать. Человѣкъ не можетъ ни создать, ни усовершенствовать общества. Личность формируется обществомъ; она родится слѣпымъ его органомъ и частицей, вступаетъ на положенное ей въ общемъ строѣ мѣсто и назначенную ей функцію.

Начавши съ убѣжденія, что сильно то, что непонятно, люди реакціи могли искренне проникаться взглядомъ, что кругомъ все непонятно, что человѣкъ предназначенъ жить въ сумеркахъ. «Ясное зрѣніе—не удѣлъ сего міра», вотъ формула, къ которой они приходили.

Если Боркъ выставилъ общій манифестъ, военный призывъ къ сбору кругомъ забытыхъ знаменъ, то у слѣдующихъ представителей реакціи появляются болѣе реальныя формулы, возникаетъ систематизація явленій.

Никому, можетъ быть, не удалось такъ отчетливо формулировать предметъ тяжбы двухъ поколѣній и двухъ лагерей, провести между ними такую ясную грань, какъ нѣмецкому публицисту Адаму Мюллеру.

Удивительно интересна въ этомъ превращеніи понятій судьба терминовъ, этихъ какъ-бы безтѣлесныхъ существъ! Реакціонная школа усвоила себѣ всѣ привычныя формулы предшествующаго вѣка, естественное право, противоположность натуры и культуры и т. д. Стоитъ сравнить уже одни заглавія. Сочиненія Бональда называются: «Аналитическій опытъ о естественныхъ законахъ общественнаго порядка»; «Первоначальное законодательство, постигаемое въ наше время исключительно при свѣтѣ разума». Но старыя названія, особенно напримѣръ терминъ «натура», переживши благополучно революцію, спокойно перейдя въ противоположный лагерь, закрыли собою понятія обратныя тѣмъ, которыя они означали раньше.

Педантично и откровенно такая переоцѣнка происходитъ въ огромной тяжеловѣсной книгѣ швейцарца Галлера. Основательный публицистъ уже въ характерномъ длинномъ заглавіи постарался выразить

сущность своей мысли. Его книга называется; «Реставрація государственной науки, или теорія натурально-общественнаго состоянія въ противоположность химерѣ искусственно-гражданскаго».

Галлеръ по старому ищетъ повелительнаго голоса природы въ человѣческихъ установленіяхъ. Но онъ думаетъ, что просвѣтительная философія невѣрно опредѣляла отношеніе натуры и культуры, что не тамъ искали натуры, гдѣ она находится. Натура вовсе не есть только фактъ счастливаго прошлаго, она вовсе не есть поставленный въ современности идеалъ. Она всегда была и есть въ силѣ, потому что она сама дѣйствительность, никогда не исчезала и не разрушалась, напротивъ въ идеалахъ и проектахъ просвѣтителей заключена искусственность и порча натуры. Галлеръ хочетъ заставить отказаться отъ «идолослуженія гражданскому договору», изъ котораго исходили просвѣтители общество, и «возстановить честь Бога и природы».

Галлеръ еще возвращается къ другому термину изъ осуждаемаго ученія, «право личности». И это прекрасное слово, но опять не надо его примѣнять къ идеалу; оно цѣнно, по скольку означаетъ дѣйствительныя права нѣкоторыхъ только сильныхъ личностей. Общія, равныя права—безсмыслица. Природа вездѣ создала и освятила неравенство и господство однихъ надъ другими: мужъ правитъ надъ женой, опытный старикъ надъ несовершеннолѣтнимъ молодымъ, землевладѣлецъ надъ батраками, врачъ надъ больными, учитель надъ учениками, юристъ надъ кліентами. Эта естественная іерархія и есть натуральное общество; держится оно на системѣ взаимныхъ услугъ, исполненныхъ любви и преданности. Объявить всеобщее равенство — значитъ разрушить эту систему и создать величайшую несправедливость: у однихъ вы отнимете прирожденное право на власть, у другихъ защиту. Только сильный вѣдь и можетъ править. Проводникъ — естественный повелитель толпы, того отряда, который онъ ведетъ. Какой смыслъ сравнять съ нимъ другихъ?

Выводъ отсюда очень простъ: блажены имущіе, счастливы нынѣшніе обладатели власти. Всѣ фактическія владѣнія и устройства, имѣющіяся въ Европѣ, правильны и незыблемы. Галлеръ идетъ дальше: обладателя власти, патріарха, вожака, короля онъ хочетъ сдѣлать безгранично независимыми лицами, надѣлить ихъ опять-таки натуральной свободой. Ему не нравится выраженіе Фридриха II, что король—первый слуга своего государства; вообще съ властью не связано никакихъ обязанностей ни передъ людьми, ни даже передъ Богомъ. Правитель владѣетъ государствомъ, какъ помѣщикъ усадьбой. Иного права, кромѣ частнаго права собственности на землѣ не существуетъ. Опредѣленіе власти гласитъ такъ: «Правитель ничто иное, какъ богатый, могущественный и черезъ это независимый человѣкъ, или наоборотъ, всякій человѣкъ, котораго счастье или обстоятельства сдѣлали вполнѣ свободнымъ, сталъ черезъ это самое правителемъ, государемъ».

Детали еще лучше иллюстрируютъ дѣло: получить корону, правительственное полномочіе отъ народа, думаетъ Галлеръ, нельзя, потому, что народъ существуетъ какъ цѣлое, только когда его соберутъ для приказа; но купить власть, обмѣнять, взять въ приданое, какъ домъ, какъ поле—можно. Выдаются и просто хорошіе случаи, «восхитительныя наслѣдства», которыя падаютъ съ неба: напримѣръ, съ исчезновеніемъ императорской власти въ Германіи вдругъ стало множество независимыхъ князей, прелатовъ и городовъ, которые до тѣхъ поръ были подданными, вотъ они прямо безъ уполномоченія въ силу дара природы вступили въ число государей.

Мы не ошибаемся: Галлеръ воскрешаетъ старинное правовое начало, то самое, которое называлось прежде феодализмомъ.

Но кто-же этотъ преданный рыцарь феодальнаго права? Галлеръ—совсѣмъ не продуктъ какой-нибудь канцеляріи эмигрантскаго двора: онъ—патрицій бернской республики. Онъ спѣшитъ самъ разсѣять наше недоумѣніе: не считайте республикъ народнымъ правленіемъ. Это то же лишь независимыя богатыя компаніи; бываютъ одинокіе помѣщики, бываютъ товарищества собственниковъ—вотъ и вся разница. Въ аристократической бернской республикѣ члену правящей компаніи, какимъ былъ Галлеръ, власть казалась не результатомъ почетнаго и отвѣтственнаго уполномоченія, а привилегіей, доходной статьей, угодьемъ, какъ право ловли въ такой-то рѣкѣ или охоты въ такомъ-то лѣсу.

Поразительные выводы получились изъ этой теоріи. Напримѣръ, ни о какихъ жалобахъ или протестахъ гражданъ не можетъ быть рѣчи, да и слово гражданинъ—извращенное, революціонное слово. Патріотизмъ то же опасное, ложное понятіе, потому что оно намекаетъ на какія-то общія чувства обывателей помѣстья-государства. Но не странно-ли рядомъ съ этимъ услыхать, что государство не имѣетъ права привлекать жителей ко всеобщей воинской повинности? Вести войну государь можетъ самостоятельно, но идутъ за нимъ на войну или изъ любви, или по особому договору. Это возведеніе въ идеалъ стараго наемничества. Судъ—то же благодать, особая милость, частная помощь со стороны правящихъ.

Всего изумительнѣе разсужденіе о гарантіяхъ, объ обезпеченіи лица отъ неправды. Тутъ мы иногда реально чувствуемъ, что Галлеръ переноситъ насъ въ какой-нибудь X вѣкъ, когда право было на концѣ меча, въ эпоху дружиннаго быта, когда такъ легко было переѣхать отъ одного князя къ другому. Вы недовольны строемъ, ваши права нарушены; вы имѣете право отъѣзда, вы можете найти опять въ другой области нарушенный покой. Власть недостаточно охраняетъ васъ, вашему владѣнію грозятъ; да вѣдь вы можете прибѣгнуть съ самопомощи, у васъ есть самосудъ. Оттого хорошо, чтобы въ государствѣ были еще мелкіе частные союзы для взаимной вооруженной защиты.

Галлеръ находитъ даже, что когда просвѣтительная философія

осуждала самоуправство, какъ варварство и ссылась на государственный авторитетъ, единственно призванный властно охранять права и разрѣшать тяжбы, она лишала человѣка истинной свободы. Онъ находитъ возможнымъ посмѣяться надъ ея будто бы безсиліемъ: «смотрите пожалуйста, нынѣшніе философы хотятъ намъ запретить тушить горящій домъ подъ тѣмъ предлогомъ, что самопощь, частная защита запрещена. Или намъ сначала дождаться судебнаго приговора, чтобы на основаніи него открыть единственный признакъ того, происходитъ-ли здѣсь настоящій пожаръ, или только невинная иллюминація»? Невольно хочется спросить, что-же наконецъ у Галлера въ этомъ противоположеніи свободы, съ которой мы можемъ распорядиться палкой, тѣмъ путамъ, которыя налагаются на насъ деспотическими формальностями суда,—сознательная софистика или глубокое убѣжденіе? Впрочемъ, какъ бы то нибыло, разсуженіе идетъ логично до конца, и лучшаго комментарія къ теоріи оправданія всякаго сущаго владѣнія и торжества частнаго права и не нужно.

Но что же получилось? Галлеръ все время пытался утилизировать для себя оружіе враговъ. Онъ искалъ истинной натуры, онъ защищалъ истинное право личности. Его теорія и разбилась о ту скалу, на которой сокрушились ученія индивидуалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же то общество, во имя котораго онъ двинулся въ походъ противъ дерзкихъ притязаній случайныхъ человѣческихъ единицъ, притязаній, построенныхъ на отвлеченномъ правѣ равенства всѣхъ? Вѣдь онъ самъ вернулся къ разсыпающимся въ мелкій песокъ, какъ говорилъ Боркъ, притязаніямъ отдѣльныхъ лицъ, съ той только разницей, что онъ провелъ черту между имѣющими и неимѣющими право дерзать, но провелъ тамъ, гдѣ засталъ моментальное распредѣленіе фактической силы, и такимъ образомъ справедливая «натура» оказалась сцѣпленіемъ слѣпыхъ случайностей.

Читая Галлера, кажется, что имѣешь передъ собой благожелатель наго сельскаго патріарха, немного филантропа, большого оптимиста, среди большой группы родства, кліентовъ и работниковъ, въ спокойной обстановкѣ; онъ спрашиваетъ себя, зачѣмъ этимъ людямъ стали толковать о свободѣ, когда имъ въ подчиненіи и подъ охраной лучше. Но онъ не приведенъ въ отчаяніе: онъ думаетъ въ концѣ концовъ, что натуры не повернешь; превратныя ученія исчезнутъ и ихъ забудутъ. Галлеръ предупреждаетъ, что въ его I томѣ главы 3—11, излагающія ложныя ученія съ критикой ихъ, имѣютъ лишь временное значеніе; впослѣдствіи можно будетъ не читать этихъ главъ, когда ученія вывѣтрятся изъ головъ и погрузятся въ забвеніе, котораго заслуживаютъ.

Жозефъ де Местръ далекъ отъ такого оптимизма. Это—другой типъ реакціи. Эмигрантъ, занесенный изъ Турина въ Петербургъ, уполномоченный одного изъ мелкихъ, бѣднѣйшихъ дворовъ Европы, Сардинскаго, который почти былъ забытъ въ теченіе долгаго революю-

ціоннаго и наполеоновскаго кризиса, натерпѣвшись личной нужды и огорченій, де Местръ не только ненавидѣлъ новыя ученія и новые порядки, онъ озлобился вообще противъ человѣческихъ порядковъ и человѣческой натуры.

Зла такъ много кругомъ, что онъ не знаетъ даже на чемъ остановиться. Ужасны въ его глазахъ революціонеры, но и пострадавшіе кажутся ему глубоко виновными. Страшный судъ произошелъ на землѣ. Глядя на терроръ и войны, онъ думаетъ: міръ полонъ законныхъ наказаній и смертныхъ приговоровъ, исполнители которыхъ однако преступны и нечестивы. Какъ же можно удовлетвориться однимъ загробнымъ наказаніемъ великихъ злодѣевъ! Здѣсь, въ земной жизни хочетъ онъ возмездія—такъ велика жажда мести.

Руссо сказалъ, что человѣкъ родился свободнымъ. Какъ разъ обратное положеніе вѣрно, настаиваетъ де Местръ. Да такъ по закону природы и было въ древнихъ государствахъ, гдѣ рабство составляло необходимую основу общества. И зачѣмъ осуждали Аристотеля, который говорилъ, что масса людей отъ природы—рабы. Вѣдь онъ опирался на исторію, которая ничто иное какъ экспериментальная политика, и на самую натуру человѣка, которая создала исторію. Тотъ, кто достаточно изучилъ эту печальную натуру, знаетъ, что человѣкъ вообще, предоставленный самому себѣ, слишкомъ золъ, чтобы быть свободнымъ.

Итакъ, счастлива древность, имѣвшая рабство. Однако вѣдь христіанскій новый міръ осудилъ рабство? Да, говоритъ де Местръ, но, во-первыхъ, отмѣну рабства провозгласилъ папа, притомъ лишь въ принципѣ и очень поздно—въ XII в. А главное, рабство въ существѣ осталось; христіанская церковь придумала ему суррогатъ. Политическая власть не можетъ одна управлять. Ей нуженъ, какъ необходимый помощникъ, или рабство, уменьшающее число волей, дѣйствующихъ въ государствѣ, или высшая сила, которая, посредствомъ особой «духовной прививки», разрушаетъ естественную неподатливость этихъ волей и заставляетъ ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, не вредя другъ другу.

Что такое монашество въ католическихъ странахъ? Это облагороженное рабство. Къ древнему учрежденію, которое само по себѣ было полезно, оно прибавляетъ новыя достоинства. Но разъ человѣкъ всегда былъ и есть золъ и ничтоженъ, разъ онъ прирожденный рабъ. то остается искать лишь жестокихъ, страшныхъ, неодолимыхъ сдержекъ; надо стянуть цѣпи, на которыя жаловался Руссо, говоря о противорѣчіи природы съ общественнымъ строемъ. Поэтому де Местръ прославляетъ инквизицію. Для него наказанія суть законы общества. Оттого онъ провозглашаетъ культъ всенастигающей кары и пишетъ знаменитое восхваленіе палача, «существа необычайнаго, созданнаго творческой силой въ качествѣ символа, составляющаго ужасъ и связующее начало человѣческаго единенія».

Поэтому де Местръ стремится къ возстановленію авторитета во что

бы-то ни стало. Нужно найти что-нибудь совершенно безапелляціонное на землѣ, а если такового нѣтъ, надо придумать. Должна быть центральная власть, которая бы говорила людямъ: «вы заблуждаетесь». И онъ логически приходитъ къ требованію верховенства папы надъ государями, какъ было въ средніе вѣка, и дальше приходитъ къ тому, что должна быть непогрѣшимая папская воля. Будетъ ли, есть ли папа дѣйствительно непогрѣшимъ, это безразлично; онъ долженъ быть таковымъ. На практикѣ вѣдь все равно—не быть подверженнымъ ошибкѣ или не подлежать обвиненію въ ошибкѣ.

Вершина человѣческаго общества на землѣ найдена, потому что такая вершина должна быть. И де Местръ, нарисовавъ идеальную картину среднихъ вѣковъ, когда папскій трибуналъ рѣшалъ всѣ споры, устанавливалъ незыблемыя основы права, охранялъ культуру, пророчитъ, что скоро римскіе епископы будутъ во всемъ мірѣ объявлены «высшими направителями цивилизаціи, создателями монархіи и единства въ Европѣ, охранителями науки и искусства, основателями и прирожденными покровителями гражданской свободы, благодѣтелями рода человѣческаго».

Хотя основнымъ мотивомъ реакціи была мысль, что сила непонятна, что право основано на забвеніи, но исторію невозможно было обойти. Вѣдь исторія всякому кажется сокровищницей примѣровъ и образцовъ, именно для него приспособленныхъ. Если дѣло шло о вѣчныхъ принципахъ, то необходимо было показать ихъ непрерывное дѣйствіе отъ начала временъ. Такъ реакція была направлена на истолкованіе исторіи.

Она встрѣтилась прежде всего съ идеей прогресса. Но кто были носители этой идеи и съ чѣмъ связано было представленіе о немъ? Острая анализирующая наука, безпокойный критическій духъ — тотъ самый, который видѣлся реакціонерамъ и въ революціи. Можно ли было имъ привѣтствовать успѣхи знанія, видѣть въ нихъ залогъ безконечнаго свѣтлаго будущаго? Напротивъ они боялись прикоснуться къ научнымъ и техническимъ открытіямъ, которыя внушали такой смѣлый полетъ человѣческому уму и наполняли его гордымъ сознаніемъ.

Кто же можетъ разобрать, когда именно наука изъ скромной собирательницы обратилась въ верховнаго судью высшихъ вопросовъ жизни? «Ваше хваленое книгопечатаніе»,—говоритъ Галлеръ съ недовѣріемъ о старомъ гуттенберговомъ изобрѣтеніи, какъ будто это было спеціально придуманное для либеральной школы орудіе войны. Новая наука все ссылается на опытъ, на важность индуктивнаго пріема. Кто его родоначальникъ? Бэконъ. И вотъ де Местръ воюетъ съ нимъ, какъ съ личнымъ врагомъ. Тотъ же де Местръ, скрываясь подъ видомъ одного изъ персонажей діалога въ «Петербургскихъ вечерахъ», не одобряетъ научнаго истолкованія приливовъ и отливовъ моря, не одобряетъ и опыта разложенія воды, полагая, что скоро бросятъ эти опрометчивыя

теоріи. Нѣтъ, эти успѣхи науки—не прогрессъ, а явленія вырожденія, это признаки регресса. Да и моральное паденіе на лицо: якобинцы революціи, это—новые варвары. Одинъ изъ реакціонеровъ называетъ революціи—преходящими эпохами вырожденія, озвѣренія человѣка, когда на него обрушивается сатанинскій духъ.

Но въ такомъ случаѣ нельзя ли было вернуться къ мысли Руссо, что наука и культура составляютъ утрату первобытной чистоты? Шатобріанъ въ своихъ индійскихъ идилліяхъ, разыгрывающихся на берегахъ Миссисипи и въ лѣсахъ Америки, и продолжаетъ въ сущности мечту о добромъ дикарѣ. Но это не шло къ борьбѣ. Лживой культурѣ надо было противопоставить истинную. Ученіе о доброй, исторически первоначальной природѣ человѣка въ глазахъ реакціонеровъ также заключало въ себѣ опасное зерно. И вотъ де Местръ, которому вездѣ чудились страшные грѣхи и страшныя наказанія, круто порвалъ съ идеей добраго дикаря.

Дикарь, это—разжалованный, опустившійся человѣкъ, это—результатъ долгаго и глубокаго паденія, это—наказанное существо. Онъ—своего рода Каинъ. Де Местръ истолковываетъ первородный грѣхъ въ видѣ исторически продолжающагося факта, въ видѣ моральнаго крушенія человѣческой природы путемъ наслѣдственности. Дикарей, въ настоящемъ смыслѣ первобытныхъ, не существуетъ; всѣ они—потомки культурныхъ поколѣній, наказанныхъ за свои пороки. Дикарь никоимъ образомъ не натуральный человѣкъ, онъ менѣе натуральный, чѣмъ мы; но и нынѣшній культурный человѣкъ уже испорченъ, ушелъ отъ натуры, онъ упалъ съ высоты.

Когда и гдѣ былъ этотъ высокій пунктъ истинной натуры и культуры? Де Местръ пускается въ странныя, фантастическія построенія: то онъ говоритъ о великихъ знаніяхъ людей до потопа; то предполагаетъ, что египетская наука дошла до чудесныхъ успѣховъ, о которыхъ намъ и не снится; то думаетъ, что средневѣковые мистики постигали тайны природы глубже насъ. Во всякомъ случаѣ онъ возвеличиваетъ какую-то первоначальную науку, смѣлую науку непосредственной интуиціи надъ кропотливой современной наукой, строющей методически заключенія. Нуженъ ли, спрашиваетъ онъ съ презрѣніемъ къ послѣдней, орлу въ цѣпяхъ воздушный шаръ, чтобы взлетѣть на облака? Нѣтъ, нужно дать лишь свободу его крыльямъ. Новая наука—только машина въ сравненіи съ живымъ организмомъ, какимъ была божественная прежняя.

Печать мертвенности новой науки носитъ и ея языкъ, вообще современный языкъ. Слова аэростатъ, кислородъ и т. п. вызываютъ отвращеніе де Местра. Это сочиненныя, пустыя, алгебраическія слова. Что можетъ быть болѣе варварскаго, думаетъ онъ, чѣмъ терминологія метрической системы?

Старый языкъ былъ въ противоположность этому художествен-

нымъ, символическимъ языкомъ. Это потому, что старый языкъ не былъ сочиненъ. Но онъ и не выработался постепенно изъ элементарныхъ звуковъ. Онъ родился совершенствомъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Де Местръ идетъ дальше: онъ уже не сознаетъ, что языкъ—орудіе мысли. Языкъ въ его глазахъ напротивъ руководитель мысли. Слово умнѣе мысли. Все, что мы можемъ узнать, намъ даютъ слова. Старайся понять вещь изъ ея названія—вотъ высшій научный методъ. Такимъ образомъ языкъ обращается въ непроизвольно возникшій символъ абсолютнаго, въ Божій знакъ, положенный на вещи. И вотъ де Местръ начинаетъ мудрить надъ словами, латинскими и французскими, произвольно разчленять ихъ и подставлять корни, открывая такимъ образомъ въ каждомъ словѣ цѣлую философскую формулу.

Тотъ же своеобразный интересъ къ языку, какъ божественной грамотѣ, какъ откровенію, развитъ у другихъ реакціонеровъ. У всѣхъ мы рискуемъ напасть на игру звуками, сочетаніями слоговъ, на моралистическія этимологіи такъ же, какъ на углубленіе въ мистику чиселъ. Бональдъ разсуждаетъ, напримѣръ, что не даромъ на всѣхъ языкахъ, кельтскихъ, скиескихъ, германскихъ и т. п. имя лица, облеченнаго общественной властью, звучитъ одинаково: Kŏnig, King, Kàn, Chagan, Kiep. Всѣ эти слова происходятъ отъ корня kŏnnen, мочь, т. е. означаютъ человѣка, который можетъ, имѣетъ силу и т. д.

Въ этихъ фантазіяхъ о древней наукѣ, о божественномъ языкѣ обозначается совершенно своеобразная философія исторіи. Ея основной принципъ и смыслъ сводится къ колебанію великихъ моментовъ грѣхопаденія и искупленія человѣчества, утраты человѣкомъ райскаго облика и райской гармоничности и дальнѣйшаго блужданія его въ поискахъ потерянаго блаженства, невинности природы и совершеннаго божественнаго знанія. Въ этихъ страданіяхъ и просвѣтахъ, въ смѣнѣ подъема къ божественному и пониженія къ животному, человѣкъ подчиняется великой борьбѣ злого и добраго начала.

Всего послѣдовательнѣе и сильнѣе эта философія исторіи выражена у Фридриха Шлегеля. Шлегель одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ обращенія индивидуалиста въ мистика. Онъ перешелъ потомъ въ католицизмъ, т. е. примкнулъ къ самой авторитарной религіозной системѣ, берущей личность въ опеку, властно опредѣляющей все теченіе ея жизни и мысли. Шлегель начинаетъ исторію человѣчества съ грѣхопаденія. Его сущность состояла въ утратѣ божественнаго дара, мудраго языка. Человѣкъ потерялъ сознаніе окружающаго, опустился до уровня животнаго и отдался во власть зла. Философія исторіи должна демонстрировать усилія возстановить утраченное подобіе Божіе въ человѣкѣ.

Шлегель показываетъ на историческихъ событіяхъ древняго и новаго міра, какъ развивалась борьба, какъ стояли другъ противъ друга воинство злого духа и воинство божье, сначала въ потомкахъ Каина

и Сиѳа, потомъ въ титанахъ и патріархахъ, въ чудовищахъ греческой миѳологіи и поборающихъ ихъ герояхъ.

Со времени христіанства борьба видоизмѣнилась: сатанинское начало стало являться въ видѣ преходящихъ умственныхъ направленій, въ видѣ «духа времени»: то въ сектантствѣ первыхъ вѣковъ церкви, то въ схоластическихъ спорахъ, то въ ожесточенныхъ столкновеніяхъ между церковью и государствомъ, то наконецъ въ требованіи безграничной религіозной терпимости и въ индифферентизмѣ.

Въ новомъ мірѣ раздвоеніе перешло во внутреннюю жизнь человѣка; человѣкъ разорвался въ своемъ существѣ, однѣ его силы возстали противъ другихъ, онъ утратилъ моральное равновѣсіе, нигдѣ онъ не можетъ болѣе удержать гармоніи между своими данными. Въ своей невинности человѣкъ обладалъ ими всѣми. Въ паденіи онъ отдается односторонне одному качеству: китаецъ подчиненъ разуму, индусъ—воображенію, еврей—волѣ. Отсюда различіе народнаго характера и ихъ безконечныя взаимныя столкновенія.

Шлегель возстаетъ противъ теоріи прогресса Кондорсе, противъ историческаго либерализма, какъ онъ выражается. Въ человѣческой природѣ есть, правда, способность къ совершенствованію, но рядомъ съ ней есть и другая, столь-же сильная,—къ порчѣ. Въ реальномъ-же историческомъ ходѣ послѣдовательнаго совершенствованія нѣтъ. Факты не пригибаются подъ предполагаемый законъ прогресса, не отвѣчаютъ ему. Нерѣдко напротивъ обнаруживается законъ круговращенія, и притомъ не только въ превратностяхъ жизни нѣсколькихъ изолированныхъ народовъ, но и въ великихъ періодахъ общей культурной исторіи.

Если у человѣка есть какая-нибудь надежда на совершенствованіе, то единственно въ воспоминаніи о первоначальномъ своемъ богоподобіи. «Древнія черты этого богоподобія человѣка, стертыя временемъ, выступаютъ однако на каждой страницѣ исторіи, и слѣды его открываются размышленію, если оно глубоко опускается къ сокровеннѣйшимъ тайникамъ человѣческаго сердца; кто способенъ на такое проникновеніе, тотъ, какъ-бы ни велико было паденіе божественнаго образа въ человѣкѣ, никогда не потеряетъ надежды увидѣть его возрожденіе».

Реакція подняла множество соціальныхъ и историческихъ вопросовъ. Каковъ-же былъ результатъ ея умственной работы, результатъ прямой или косвенный? Реакція не хотѣла научнаго анализа, не хотѣла простора и самобытности личности, не хотѣла даже технико-экономическаго прогресса. Она проповѣдовала господство авторитета и величіе общественнаго союза въ его сложившихся формахъ, вѣру и смиреніе для личности.

Она сама не могла, разумѣется, разобраться въ элементахъ для реставраціи общества. Ея усилія повернуть исторію, открыть въ прошломъ здравыя основы общежитія заставляли подниматься къ миѳиче-

ожимъ временамъ, къ порѣ райскаго блаженства, такъ какъ ближе, позднѣе, всюду уже чуялись слѣды опасныхъ и ядовитыхъ началъ критики и самодѣятельности человѣка.

Значеніе реакціи не въ ея идеальныхъ реставраціяхъ; она важна тѣмъ, что дала рядъ толчковъ общественной мысли, важна тѣмъ, что она заставила своихъ противниковъ всмотрѣться въ строеніе общества и искать въ немъ такихъ сторонъ, которыя раньше игнорировались.

Реакція преувеличивала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выдвигала значеніе тѣхъ элементовъ въ общественной жизни, которые нельзя свести на сознательныя усилія, на акты ума и воли обособленно взятыхъ людей одного даннаго момента; она напоминала о наличности традиціи, привычки, силы несознаннаго, о могуществѣ пассивнаго элемента, наконецъ о значеніи тѣхъ условій, которыя связываютъ людей помимо ихъ воли, раньше, чѣмъ они могутъ ставить себѣ самостоятельныя цѣли, напоминала о тѣхъ явленіяхъ, которыя можно назвать органическими чертами, свойствами и условіями жизни общества.

Но она оставила также въ наслѣдіе послѣдующему поколѣнію нѣкоторую философію революціи, которая выростала въ цѣлую философію всемірной исторіи. Смыслъ ея состоялъ въ томъ, что спокойную гармонію естественно сложившейся общественной іерархіи возмутилъ и опрокинулъ безпокойный критическій и нивеллирующій духъ просвѣщенія и революціи; изъ развалинъ долженъ подняться новый міръ гармоніи и порядка. Ужасы и преступленія, беззаконіе и хаосъ гибельной катастрофы служатъ тому яркимъ подтвержденіемъ: въ нихъ пробивается мутной сильной волной религіозный порывъ, въ нихъ готовится религіозное начало новой эры. Эта формула и опредѣлила надолго историческія представленія и толкованія.

Р. Виппперъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДЫХЪ.

Въ тѣни акацій и черешенъ
Люблю я въ жаркій, лѣтній день
Мечтать безъ дѣла... Зной и лѣнь—
Друзья, и ими я утѣшенъ
Отъ всѣхъ печалей и трудовъ,
И скорбныхъ думъ—среди цвѣтовъ,
Въ тѣни акацій и черешенъ.
Лежишь бывало... Солнца блескъ
Горитъ въ листвѣ. Веселый трескъ
Кузнечиковъ и пчелъ жужжанье,
И крылъ незримыхъ трепетанье
Въ ушахъ безъ умолку звенятъ...
Мгновенья—тихи. Думы спятъ;
И міръ таинственно-безгрѣшенъ;
И льется пряный ароматъ
Въ тѣни акацій и черешенъ.
Сквозь сѣть колеблемыхъ вѣтвей
Надъ самой головой твоей—
Видать, какъ бѣлыми клубами
Скользятъ лѣниво облака,
Большія, круглыя, слегка
Посеребренныя лучами.
Межъ ними свѣтится мѣстами—
Невозмутима, глубока
Лазурь небесъ...
И такъ часами
Лежишь да смотришь. Степь, просторъ,
Дорога вьется. Дальній боръ
Лиловой дымкою завѣшанъ.

А ближе виденъ барскій домъ,
Бѣлѣютъ хаты надъ прудомъ
Въ тѣни акацій и черешенъ.
Глядишь... А знойный трепетъ дня
Ко сну невольно вѣки клонитъ.
Струится нѣга бытія,
И въ ней, какъ легкая струя,
Душа устало, тихо тонетъ.
Она уносится въ мечты;
На землю глядя съ высоты,
Она, какъ солнца лучъ, играетъ,
Какъ облако, на небѣ таетъ,
Благоухаетъ, какъ цвѣты,
И съ ней въ одно созвучье смѣшанъ
Іюльскій день. Шумятъ листы...
И крѣпко засыпаешь ты
Въ тѣни акацій и черешенъ.

С. Маковскій.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(«Изъ житейскаго опыта»).

(Окончаніе) *).

Мы разстались съ Викофомъ въ лѣсномъ станѣ Фицъ-Адамса, наканунѣ его ухода оттуда дальше на западъ. Теперь—послѣ нѣкотораго промежутка, о которомъ авторъ не говоритъ намъ ничего, мы находимъ его у воротъ Чикаго, въ моментъ самыхъ горячихъ приготовленій къ всемірной выставкѣ.

Намъ уже приходилось упоминать, какъ сильно занималъ его воображеніе и привлекалъ къ себѣ этотъ громадный человѣческій муравейникъ, этотъ гигантскій городъ, почти до основанія разрушенный пожаромъ 1871 года и за какіе нибудь двадцать лѣтъ успѣвшій стать однимъ изъ первыхъ торгово-промышленныхъ—и пожалуй даже умственныхъ центровъ Великой Заатлантической Республики. Въ этой обширной соціальной лабораторіи,—думалъ онъ,—какъ въ фокусѣ, сходятся всѣ соціальныя проблемы, волнующія современное человѣчество. Здѣсь-то сможетъ онъ не только познакомиться съ ними во всей ихъ реальности, но и разгадать ихъ загадку, рѣшить ихъ или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ ихъ рѣшенію. Здѣсь онъ впервые столкнется лицомъ къ лицу съ тою «арміею безработныхъ», о которой ему приходилось такъ много читать и думать; съ тѣми тысячами «бунтовщиковъ противъ соціальнаго порядка», самый языкъ которыхъ казался ему до сихъ поръ какимъ-то таинственнымъ и малопонятнымъ для непосвященныхъ сектантскимъ жаргономъ; съ тѣми, наконецъ, полумиѳическими въ глазахъ его свѣтскихъ пріятелей, людьми, вся жизнь которыхъ проходитъ въ хроническомъ голоданіи, въ поискахъ насущнаго хлѣба, въ вѣчной—и часто безуспѣшной—борьбѣ съ призракомъ смерти отъ того, что на языкѣ коронеровъ называется «недостаточнымъ питаніемъ». А рядомъ съ этою изнанкою нашего соціальнаго строя онъ увидитъ тамъ во всей ея красѣ и мощи и ея показную сторону: многомилліонныя торговыя и промышленныя предпріятія, цвѣтущія фабрики и заводы, роскошные отели и дворцы «полководцевъ

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

промышленности», фешенебельныя церкви, обширныя библіотеки, музеи, университеты,—всѣ эти аттрибуты богатой интеллектуальной, художественной и матеріальной жизни, доступной, увы, лишь для побѣдителей въ соціальной борьбѣ... Сколько предметовъ, достойныхъ изученія, сколько поучительныхъ поводовъ для размышленія, какая неисчерпаемая школа жизни и науки!...

Весь поглощенный нетерпѣливымъ ожиданіемъ, Викофъ совершенно не задумывался о своей собственной судьбѣ въ этой громадной соціальной лабораторіи. Напряженная борьба за жизнь, которую онъ долженъ былъ встрѣтить въ Чикаго, смущала его очень мало. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что безъ труда найдетъ себѣ работу въ безграничномъ морѣ труда, готовомъ поглотить его. Онъ не побоялся поэтому истратить на послѣднемъ этапѣ свои послѣднія деньги на удобную постель и сытный завтракъ и бодро подвигался теперь по пути къ городу. Вотъ, наконецъ, и обширная водяная гладь Мичиганскаго озера; вотъ и городскія предмѣстья съ длинными рядами высокихъ фабричныхъ трубъ, изъ которыхъ вырываются черные столбы дыма, съ возвышающимися тамъ и сямъ элеваторами, съ сложнымъ лабиринтомъ перекрещивающихся рельсовыхъ путей, съ снующими повсюду электрическими конками, съ то и дѣло пролетающими въ разныя стороны поѣздами, съ толпами пѣшеходовъ, сосредоточенно спѣшащихъ каждый по своему дѣлу. Всюду чувствуется могучее біеніе пульса, дѣятельная, бьющая ключемъ жизнь. Улицы принимаютъ все болѣе и болѣе городской видъ. Вотъ, наконецъ, и безконечный заборъ, за которымъ возвышаются гигантскіе желѣзные скелеты причудливыхъ зданій будущей выставки.

И въ такомъ то городѣ, среди такой лихорадочной дѣятельности, да не найти работы!—думаетъ Викофъ, минуя предмѣстья и вступая въ городскую черту.

Онъ чувствуетъ утомленіе и голодъ; въ карманѣ у него пусто; мелкій снѣгъ—или скорѣе дождь—пронизываетъ усталые члены; приближается вечеръ, но Викофъ не теряетъ бодрости и тотчасъ же принимается за поиски работы.

Въ продолженіе двухъ часовъ Викофъ добросовѣстно обходитъ одну за другою попадающіяся по пути постройки, фабрики и иныя работы и предлагаетъ свои услуги въ качествѣ чернорабочаго. Всюду онъ встрѣчаетъ рѣшительный отказъ; отовсюду его гонятъ прочь, въ большинствѣ случаевъ грубо, съ проклятіями и ругательствами, изрѣдка—вѣжливо и съ выраженіемъ сочувствія къ его положенію.

— Вы, по крайней мѣрѣ, пятидесятый,—говоритъ ему одинъ болѣе добродушный и общительный боссъ,—которому мнѣ приходится отказывать съ сегодняшняго утра. Жаль мнѣ вашего брата, да что подѣлаешь? Слишкомъ уже много васъ набралось сюда.

Викофъ начинаетъ понимать, до какой степени не отвѣчали дѣйствительности его мечты, и такъ сильно привлекавшій его къ себѣ

городъ начинаетъ невольно внушать ему какое-то смутное чувство страха. Такъ проходитъ онъ милю за милею, усталый, голодный, вымоченный до нитки, теряя постепенно бодрость, все болѣе поддаваясь унынію и безнадежности. На одномъ изъ перекрестковъ хорошо одѣтый молодой человѣкъ, очевидно членъ какой нибудь христіанской миссіи, раздаетъ проходящимъ объявленія о происходящемъ по сосѣдству религіозномъ собраніи.

— Это совсѣмъ близко отсюда—прибавляетъ онъ, вглядываясь въ стоящую передъ нимъ жалкую фигуру нашего героя—самаго, повидимому, подходящаго объекта «христіанской работы».—Тамъ тепло и уютно. Почему бы вамъ не пойти туда?

Викофъ не заставляетъ просить себя и входитъ въ залу собранія, уже почти полную. Среди нарядныхъ туалетовъ дамъ и черныхъ сюртуковъ мущинъ онъ замѣчаетъ не мало оборванныхъ личностей, которые пришли сюда, какъ и онъ, привлеченные тепломъ и свѣтомъ. Онъ усаживается въ уголкѣ, и блаженное состояніе покоя охватываетъ его измученное тѣло. Какъ хорошо здѣсь! И неужели черезъ какой нибудь часъ снова прійдется итти отсюда на улицу, темную, грязную, холодную? Одна только эта перспектива удерживаетъ его отъ страстнаго желанія положить голову на пюпитръ и уснуть тяжелымъ сномъ. Какъ въ туманѣ проходятъ передъ нимъ послѣдовательныя фазы службы. Вотъ она и кончается. Пропѣтъ послѣдній гимнъ, произнесено послѣднее напутствіе, и присутствующіе начинаютъ расходиться, изчезая группами въ туманной и дождливой атмосферѣ улицы.

— Вы, однако, изрядно промокли,—говоритъ Викофу одинъ изъ посѣтителей, столкнувшійся съ нимъ у выхода.—Не особенно пріятно, чортъ возьми, шататься въ такую погоду по улицамъ,—прибавляетъ онъ, поднимая воротникъ своего легкаго пальто.

— Не особенно,—лаконически подтверждаетъ Викофъ, присматриваясь къ своему собесѣднику. По всему видно, что это рабочій, представитель «искуснаго труда», но въ данный моментъ—безъ мѣста.

— Вамъ некуда идти, что-ли?—продолжаетъ тотъ свои распросы.

— Некуда,—мрачно отвѣчаетъ Викофъ.

— Какъ и мнѣ, значитъ... Давно вы здѣсь?

— Только съ сегодняшняго вечера.

— Ищете работы?

— Да.

— Опять, какъ я. А каково ваше ремесло?

— У меня нѣтъ ремесла; я готовъ работать какую угодно работу.

— Да?.. А впрочемъ, не все ли равно! Вотъ я—имѣлъ ремесло, а развѣ мое положеніе лучше вашего? Я обѣгалъ всѣ заводы Чикаго, но ни въ одномъ изъ нихъ не нашлось для меня мѣста... Гдѣ вы думаете ночевать?

— Я самъ не знаю... У меня нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ.

— Въ такомъ случаѣ переночуемъ въ участкѣ на Гаррисоновой улицѣ. Я покажу вамъ дорогу туда, товарищъ. Меня зовутъ Кларкъ, Томасъ Кларкъ...

Но ночлежный пріютъ при участкѣ открывался лишь около полуночи, до которой оставалось еще нѣсколько часовъ. Эти часы надо было провести, бродя по улицамъ, потому что карманы обоихъ новыхъ знакомцевъ были совершенно пусты. Зашли они было въ одинъ изъ дешевенькихъ трактировъ, но подозрительный взоръ гарсона скоро открылъ ихъ въ шумной толпѣ и они предпочли удалиться сами, не ожидая, пока ихъ удалятъ силою. Также неудачна была ихъ попытка провести хоть полчасика въ ночлежномъ домѣ, въ которомъ ночевалъ прошлую ночь Кларкъ. Хозяинъ дома встрѣтилъ ихъ у дверей, и когда выяснилось, что они не имѣли въ виду платить за кровати, довольно недвусмысленно показалъ имъ, что дѣлать имъ у него нечего. Оставались улицы, грязныя, холодныя улицы, по которымъ надо было безостановочно ходить, по возможности не попадаясь на глаза грубымъ блюстителямъ порядка.

Къ счастью, имъ удалось наткнуться на хорошую сухую подворотню, въ темныхъ углахъ которой можно было укрыться и отъ дождя и, пожалуй, даже отъ нескромнаго взора. Они поспѣшили забраться туда и, прижавшись другъ къ другу, старались согрѣться, все время трепеща, какъ бы проходящій полицейскій не лишилъ ихъ этого жалкаго убѣжища. Но люди проходили, не замѣчая ихъ. Никому въ мірѣ, казалось, не было до нихъ дѣла. Единственное существо, обратившее на нихъ вниманье и сказавшее имъ доброе слово, была уличная дѣвушка, спѣшившая домой послѣ неудачной прогулки. Она остановилась, обмѣнялась съ ними нѣсколькими словами и, уходя, всунула въ руку Кларка серебряную монету.

— Прощайте, ребята,—сказала она при этомъ,—вамъ хуже, чѣмъ мнѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не голодна и имѣю, гдѣ спать. Возьмите... Это немного, но больше у меня самой нѣтъ... Прощайте...

Этотъ эпизодъ умилилъ Викофа, но у него не хватило духа воспользоваться полученною такимъ образомъ милостынею и послѣдовать за Кларкомъ въ ближайшій кабакъ. Онъ остался подъ воротами и скоро заснулъ, поджидая возвращенья товарища.

Разбудила его внезапная боль въ ногѣ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Надъ нимъ стоялъ здоровенный полисменъ и самыми отчаянными ругательствами гналъ его на улицу. Бѣшеная злоба охватила Викофа, но лишь на мгновеніе. Онъ вспомнилъ, кто онъ теперь, склонилъ покорно голову и, молча покинувъ свою подворотню, вышелъ на улицу, гдѣ скоро встрѣтился съ весело возвращавшимся изъ кабака товарищемъ. Наконецъ, настала желанная полночь, и они направились къ участку, куда со всѣхъ сторонъ подходили теперь группами въ 2 и 3 человѣка такіе же бездомные бродяги.

По слѣдамъ одной изъ такихъ группъ наши пріятели вошли въ

обширную контору и, пройдя черезъ формальности пріемки, были, наконецъ, допущены въ широкій внутренній корридоръ, весь полъ котораго былъ густо уложенъ скорченными человѣческими фигурами. Ничего отвратительнѣе этого участковаго пріюта не приходилось еще видѣть Викофу, и онъ долго не рѣшался лечь на отведенномъ ему мѣстѣ. Въ корридорѣ было ужасно душно; атмосфера была густо насыщена тяжелымъ запахомъ человѣческихъ тѣлъ; все было такъ грязно и дико, и въ полной гармоніи съ этою ужасною обстановкою были и сами ночлежники. Какъ мало походили на людей эти оборванныя, грязныя существа съ всклокоченными волосами, съ чертами лица, въ которыхъ ясно читались безхарактерная слабость и параличъ воли, съ безпокойными, бѣгающими глазами, въ которыхъ не замѣчалось ни честной прямоты, ни даже рѣшительной и энергичной «преступности». Попадались, однако, между ними и другіе типы—вродѣ Кларка и Викофа—жертвы случайнаго несчастія, недавно пріѣхавшіе эмигранты, новички въ этой арміи погибающихъ, которые видимо чувствовали себя истинно несчастными, и участь которыхъ была еще болѣе достойна сожалѣнія.

Несмотря на поздній часъ, многіе еще не спали, и въ разныхъ углахъ корридора долго еще слышался шопотъ разговоровъ, прерывавшійся отъ времени до времени дикими проклятіями по адресу разныхъ насѣкомыхъ. Но усталость брала свое, и люди засыпали одинъ за другимъ, несмотря ни на грязь, ни на вонь и духоту, ни на аттаки насѣкомыхъ.

Не спалъ одинъ Викофъ. Его мучилъ голодъ, и тяжелыя мысли занимали его возбужденный мозгъ. Передъ его разстроеннымъ воображеніемъ длинною чередою проходили картины иной жизни и иного міра, свѣтлаго, радостнаго, изящнаго, богатаго художественными, идейными и моральными интересами. Что общаго между этими двумя, столь различными, мірами? Какая неразрѣшимая тайна связываетъ ихъ между собою? Какъ понять, какъ примирить съ ужасною дѣйствительностью слова, такъ часто произносимыя въ церковныхъ проповѣдяхъ: Много насъ, но всѣ мы — одна семья во Христѣ и братья другъ другу?... Заснулъ, наконецъ, и онъ.

Таковъ былъ дебютъ Викофа въ громадномъ городѣ, въ который онъ такъ рвался. Онъ сразу попалъ въ армію безработныхъ и первую же свою ночь провелъ въ полицейскомъ участкѣ, среди профессіональныхъ бродягъ и нищихъ. Проснувшись, онъ чувствовалъ всего себя изломаннымъ отъ лежанія на твердомъ полу безъ всякой подстилки, и первою его мыслью было поскорѣе покинуть участковый пріютъ, казавшійся теперь при дневномъ свѣтѣ, еще болѣе безобразнымъ, чѣмъ съ вечера. Это оказалось, однако, не такъ-то просто. Пришлось ждать до регламентарнаго часа, когда всѣ ночлежники были собраны въ пріемной комнатѣ, провѣрены, подвергнуты опросу и снабжены, каждый, чашкою кофе и кускомъ хлѣба. Только послѣ этого они, въ томъ числѣ

и Викофъ съ своимъ вчерашнимъ товарищемъ, Кларкомъ, были выпущены на улицу и снова предоставлены самимъ себѣ.

Умывшись у озера,—другого способа привести свой туалетъ въ порядокъ у нихъ не было,—наши пріятели нѣсколько оправились отъ ночныхъ испытаній и почувствовали себя способными приступить къ поискамъ работы. Одно за другимъ обходили они мѣста, въ которыхъ можно было надѣяться найти что-нибудь — склады, постройки, магазины, у которыхъ стояли длинные ряды тяжело нагруженныхъ ломовиковъ, и вездѣ, гдѣ только можно было добраться до хозяевъ или боссовъ, предлагали свои услуги.

Все было безполезно. Вездѣ, безъ малѣйшаго колебанія, ихъ отсылали прочь, и мало-по-малу ими снова начинало овладѣвать чувство безнадежнаго уныніе, робкаго сознанія своей ненужности и даже какъ бы виновности передъ кѣмъ-то. И не удивительно: жизнь била ключемъ вокругъ нихъ; во всемъ чувствовалась неисчерпаемая дѣловая энергія; всюду кипѣла напряженная безостановочная работа, подъ тяжестью которой сгибались спины десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ, и тѣмъ не менѣе для нашихъ пріятелей на этомъ роскошномъ пиру труда не оказывалось ни малѣйшаго мѣстечка. Молодые, здоровые, готовые на всякую работу, которая дала бы имъ возможность утолить свой голодъ, они должны были оставаться въ сторонѣ и съ завистью глядѣть на тѣхъ «счастливцевъ», которые изнемогали, обливаясь потомъ, подъ тяжестью громадныхъ ящиковъ, нагружаемыхъ или разгружаемыхъ у нихъ передъ глазами. Мало того: въ отвѣтъ на предложеніе своихъ услугъ они сплошь и рядомъ выслушивали грубые окрики и ругательства озабоченныхъ боссовъ; на нихъ смотрѣли съ подозрѣніемъ, ихъ гнали прочь, какъ будто желаніе работать было чѣмъ-то продосудительнымъ, постыднымъ, чуть не преступнымъ.

Такъ проходили часы за часами, и голодъ, только раздразненный легкимъ завтракомъ въ участкѣ, давалъ себя чувствовать все сильнѣе, тѣмъ болѣе, что всюду вокругъ были навалены громадныя кучи всевозможныхъ фруктовъ, овощей и прочихъ съѣдобныхъ и лакомыхъ вещей. И вотъ, когда наши пріятели потеряли послѣдній запасъ энергіи, когда ихъ лица начали уже принимать то выраженіе загнанности и безнадежности настигаемаго звѣря, которое такъ поразило Викофа въ лицахъ его вчерашнихъ соночлежниковъ, судьба послала имъ спасителя въ лицѣ хозяина какого-то склада, спѣшившаго нагрузить поскорѣе приготовленные ящики съ апельсинами.

— Эй, ребята!—крикнулъ онъ,—замѣтивъ двѣ фигуры, робко жавшіяся къ стѣнѣ его лавки—не возьметесь ли нагрузить телѣгу вотъ этими ящиками? Дамъ 50 центовъ на брата...

«Ребята» не подпрыгнули отъ восторга, не бросились въ объятья другъ другу, а просто сняли верхнее платье и, не говоря ни слова, принялись за работу. Только черезъ нѣсколько минутъ опомнились они,

и Кларкъ, какъ бы только теперь понявъ всю громадность своего счастья, проговорилъ трепетнымъ шопотомъ, въ которомъ слышались слезы: «по 50 центовъ, товарищъ... какъ мы поѣдимъ; Боже, какъ мы поѣдимъ!»...

Покончивъ съ нагрузкою, наши пріятели условились сойтись къ вечеру въ опредѣленномъ мѣстѣ и для дальнѣйшихъ поисковъ разошлись въ разныя стороны. Пообѣдавъ въ дешевомъ ресторанѣ и отдохнувъ въ одной изъ многочисленныхъ въ городѣ публичныхъ библіотекъ, Викофъ снова вышелъ на поиски и какъ-то нечаянно забрелъ на одну изъ желѣзно-дорожныхъ станцій, какъ разъ въ моментъ прихода поѣзда. Видъ суетливой толпы пассажировъ, расходившихся со станціи съ чемоданами въ рукахъ, подавалъ нѣкоторую надежду на заработокъ, но не успѣлъ еще Викофъ предложить свои услуги первому, попавшемуся ему на дорогѣ, пассажиру, какъ онъ долженъ былъ горько раскаяться въ своей дерзости. Со всѣхъ сторонъ на него накинулась цѣлая орава мальчугановъ и подростковъ, составлявшихъ, повидимому, организованную артель, монополизировавшую станцію и, осыпая его ругательствами и угрозами, заставила поспѣшно ретироваться. Однако, немного подальше отъ станціи ему все-таки удалось пронести чемоданъ одного изъ пассажировъ до гостинницы и получить за это 25 центовъ.

Дальнѣйшія старанія Викофа не дали никакихъ результатовъ. Наступилъ вечеръ, и онъ поспѣшилъ къ условленному мѣсту встрѣчи съ товарищемъ. Было уже совсѣмъ поздно, когда появился, наконецъ, Кларкъ. Видъ его ясно говорилъ о полной неудачѣ его поисковъ. Онъ казался похудѣвшимъ и постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ. Онъ обошелъ чуть не всѣ заводы по своей спеціальности, говорилъ съ десятками боссовъ и управляющихъ и нигдѣ не нашелъ не только мѣста, но даже надежды на близкую ваканцію. Все было переполнено. Бѣдный Кларкъ былъ въ полномъ отчаяніи. Такое, повидимому, безвыходное положеніе было для него ново. Случалось ему, конечно, и прежде оставаться безъ работы, но какое же сравненіе? Тогда у него всегда былъ готовый кровъ, кругъ пріятелей и знакомыхъ, нѣсколько отложенныхъ на черный день долларовъ, благодаря которымъ онъ могъ выжидать поворота фортуны безъ особой тревоги. Теперь онъ былъ выброшенъ на улицу, въ чужомъ городѣ, безъ копѣйки въ карманѣ, безъ друзей, если не считать Викофа, находившагося въ такомъ же положеніи, безъ какой бы то ни было поддержки и надежды. Это было выше его силъ, и Викофу пришлось утѣшать и успокаивать его, какъ малаго ребенка.

— Вѣдь я чуть было не поладилъ съ однимъ боссомъ,—говорилъ Кларкъ, едва удерживая слезы.—Мы разговорились; дѣло шло совсѣмъ на ладъ, какъ вдругъ я почувствовалъ, что у меня что-то ползетъ по шеѣ. Это было насѣкомое, которое я захватилъ въ проклятомъ участкѣ... брръ!.. Боссъ тоже увидѣлъ его, и, конечно, все сразу пропало... Меня

съ позоромъ прогнали. Никогда еще не бывало со мною ничего подобнаго, никогда, и, видитъ Богъ, я не меньше другихъ ненавижу нечистоту... но что тутъ подѣлаешь...—И послѣ нѣкотораго молчанія онъ прибавилъ какимъ-то грубымъ, озлобленнымъ голосомъ:—У насъ еще осталось кое-что отъ заработка, пойдемъ выпьемъ...

Викофу удалось, однако, урезонить своего товарища. Денегъ у нихъ едва хватило бы на плату за ночлегъ и за легкій ужинъ. Это было благоразумнѣе, чѣмъ пропить ихъ и потомъ ночевать въ участкѣ. На этомъ, въ концѣ концовъ, и порѣшили...

Такъ шли дни за днями, смѣняя другъ друга, но не принося съ собою нашимъ пріятелямъ ничего утѣшительнаго. Съ неослабною энергіею, но безъ всякихъ сколько-нибудь осязательныхъ результатовъ продолжали они свои поиски, Кларкъ—въ сферѣ своего ремесла, Викофъ—вездѣ, гдѣ только могли потребоваться его руки. Эти безплодные поиски сами по себѣ составляли работу пожалуй болѣе тяжкую, чѣмъ самый напряженный трудъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ или заводѣ, особенно по своему моральному дѣйствію, конечно. И чѣмъ дальше, тѣмъ эта работа становилась непріятнѣе и тяжелѣе. Вы, правда, научаетесь нѣкоторымъ практическимъ пріемамъ, легче ориентируетесь въ окружающей обстановкѣ, по немногимъ признакамъ узнаете, куда стоитъ обращаться и куда нѣтъ, но за то всякое новое обращеніе дается вамъ все труднѣе, и всякій новый отказъ становится все болѣе обиднымъ и унизительнымъ. Вы молча и безропотно,—по наружности,—переносите такой отказъ, въ большинствѣ случаевъ выражаемый въ грубой и рѣзкой формѣ, но въ глубинѣ души у васъ на долго остается сочащаяся кровью и желчью рана. Вы пытаетесь не замѣчать ее, усиливаете энергію поисковъ, но боль нанесенной обиды не прекращается ни на минуту, заставляя васъ иногда долго колебаться, прежде, чѣмъ вы соберетесь, наконецъ, съ силою сдѣлать новую попытку. Ваши неудачи начинаютъ, въ концѣ концевъ, казаться чѣмъ-то фатальнымъ, непреодолимымъ. Васъ охватываетъ уныніе и апатія. Вы теряете всякое мужество, всякую надежду на успѣхъ; вы готовы отказаться отъ дальнѣйшей борьбы. Все вокругъ васъ окрашивается въ мрачный цвѣтъ. Камни мостовой кажутся вамъ поломъ громадной тюрьмы; небо надъ вашею головою—ея потолкомъ; ряды домовъ—ея стѣнами. Вы спрашиваете себя, чѣмъ эта незапертая на ключъ тюрьма лучше настоящей тюремной камеры, гдѣ васъ, по крайней мѣрѣ, кормятъ и одѣваютъ, даютъ вамъ кровъ и тепло?..

Вы доходите до той точки, съ которой начинается крутой спускъ въ міръ проступнаго. Вы въ томъ критическомъ моментѣ, когда все окружающее — и люди, проходящіе индиферентно мимо, и магазины, нагло выставляющіе на показъ роскошь своихъ товаровъ, и мраморныя статуи въ нишихъ богатыхъ домовъ, и полисмены, существующіе для ихъ охраненія, и, вообще, все общество со всѣми

его репрессивными силами — начинаютъ казаться вамъ чѣмъ-то несправедливымъ и ненавистнымъ, чѣмъ-то достойнымъ гибели и разрушенія... И Богъ знаетъ, сколь многіе не удерживаются на этомъ опасномъ пунктѣ и скатываются съ него внизъ, вольными или невольными нарушителями порядка и закона, преступниками въ глазахъ «благонамѣренныхъ и самодовольныхъ», несчастными—въ глазахъ тѣхъ, кто знаетъ ихъ прошлое и путь, который привелъ ихъ къ кризису.

Въ одинъ изъ особенно тяжелыхъ моментовъ своей безработной карьеры, Викофъ незамѣтно для самого себя близко подошелъ къ этому опасному состоянію. Голодный, озлобленный, измученный душевно и тѣлесно брелъ онъ однимъ такимъ вечеромъ по тихой улицѣ отдаленнаго городского квартала, въ которомъ жили преимущественно богатые люди. Безсвязныя мысли обрывками толпились въ его разгоряченномъ мозгу, навѣвая на него смутные проекты не то самоубійства, не то какой-нибудь дикой выходки, вродѣ разбитія стекла перваго попавшагося магазина, не то возвращенія домой... Лучи заходящаго солнца освѣщали окна, черезъ которые можно было любоваться изящною меблировкою комнатъ... И вдругъ, въ одной изъ этихъ комнатъ разсѣянный взоръ Викофа упалъ на знакомое лицо. Въ комфортабельно убранномъ кабинетѣ, передъ ярко горѣвшимъ каминомъ, въ удобномъ креслѣ сидѣлъ съ газетою въ рукахъ молодой человѣкъ, въ которомъ Викофъ сразу призналъ одного изъ своихъ ближайшихъ друзей. Годъ тому назадъ этотъ самый господинъ, разставаясь съ нимъ на пароходной пристани, взялъ съ него слово погостить у него въ Чикаго, если когда-нибудь занесетъ его туда судьба. И вотъ теперь онъ здѣсь, на послѣдней ступени нищеты и безпріютнаго одиночества. А рядомъ съ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, гостепріимное убѣжище, въ которомъ его примутъ съ распростертыми объятьями, гдѣ онъ найдетъ комфортабельную обстановку, истинную дружбу и участіе, культурныя условія жизни и, вообще, все, что краситъ человѣческое существованіе. Стоитъ только протянуть руку, постучать въ дверь, и мракъ разсѣется, кошмаръ изчезнетъ и засіяетъ живительный солнечный свѣтъ!.. И, съ другой стороны, къ чему упорствовать, отворачиваться отъ спасенія, которое само дается въ руки? Не дало ли задуманное, и болѣе чѣмъ наполовину выполненное, имъ предпріятіе все, что оно могло дать, и не значило ли бы продолжать его дальше, лишь обречь себя на безполезныя и безсмысленныя страданія? Что можетъ принести оно наукѣ, человѣчеству? Вѣдь, въ сущности, все, что онъ видѣлъ и испыталъ до сихъ поръ и, конечно, все, что ему еще предстоитъ испытать, новое и интересное для него, давно извѣстно наукѣ, отмѣчено въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, занесено въ статистическія таблицы, объяснено, обобщено, подведено подъ законы и формулы. Къ чему же продолжать свой опытъ? Не благоразумнѣе ли, не умнѣе ли отказаться отъ него и вернуться къ нормальной человѣческой жизни? Не само ли прови-

дѣніе посылаетъ ему якорь спасенія въ лицѣ такъ нечаянно обрѣтеннаго друга?..

Такъ размышлялъ Викофъ, стоя передъ квартирою пріятеля, но что то въ глубинѣ его души глухо протестовало противъ соблазнительныхъ доводовъ разума и не позволяло ему принять окончательное рѣшеніе въ соотвѣтствующемъ духѣ. Въ концѣ концовъ, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этого труднаго испытанія, оторвалъ свой очарованный взоръ отъ заманчиваго окна и поспѣшилъ къ условленному мѣсту встрѣчи съ Кларкомъ, говоря себѣ сквозь стиснутые зубы: «Не теперь... продержусь еще немного»...

Кларкъ уже давно ожидалъ его. «Ну что—говорили его тревожно-нетерпѣливые глаза—подвернулось ли вамъ хоть что-нибудь»?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Викофъ на этотъ молчаливый вопросъ.—Я ничего не нашелъ и не ѣлъ съ самаго утра... У васъ видно, тоже ничего?

— Конечно, ничего — отвѣчалъ съ проклятіемъ Кларкъ, и наши друзья опять принуждены были искать себѣ прибѣжища на ночь въ участкѣ, а въ ожиданіи полночи—прогуливаться по улицамъ и обсуждать выставленные въ окнахъ ресторановъ меню.

Выпадали, однако, и на ихъ долю праздничные дни, когда имъ удавалось случайно заработать не только на ночлегъ въ приличномъ ночлежномъ домѣ, но и на обѣдъ въ дешевомъ ресторанѣ. Одинъ изъ такихъ особенно счастливыхъ дней надолго остался въ памяти Викофа. Выпалъ онъ какъ разъ на воскресенье. Съ ночи выпалъ глубокій снѣгъ, и на утро всѣ улицы были покрыты бѣлою пеленою. Предстояло много работы по очисткѣ тротуаровъ, и наши пріятели поспѣшно направились въ богатые городскіе кварталы, надѣясь всего скорѣе найти тамъ работу. Сначала они были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Повсюду, оказалось, имѣлись свои дворники, не нуждавшіеся въ чужой помощи. Нашлись, однако, и исключенія изъ этого правила, и послѣ ряда неудачъ имъ удалось найти тротуаръ, за очистку котораго имъ было обѣщано по 25 центовъ на брата. Велико было искушеніе оставить на время работу и сбѣгать чего-нибудь перекусить, но надо было ковать желѣзо, пока оно было горячо, надо было не упускать драгоцѣннаго времени, и наши друзья самоотверженно принялись за дѣло на голодный желудокъ. Наградою имъ былъ еще одинъ тротуаръ, предложенный для очистки за ту же цѣну,—не считая того, что предварительно ихъ позвали на кухню и дали позавтракать. Давно не приходилось имъ такъ завтракать! Имъ дали по большой мискѣ супа, яичницу, бифштексъ съ картофелемъ и, въ довершеніе этой необыкновенной роскоши, по большой чашкѣ прекраснаго, ароматнаго, домашняго кофе со сливками! Кухаркѣ оставалось только изумленно раскрывать глаза, глядя на ихъ аппетитъ. Когда же она узнала, какъ долго и безплодно они ищутъ работы, она прониклась къ нимъ самымъ искреннимъ сочувствіемъ и заявила, что

«всему виною эти грязные итальянцы, которые перебиваютъ работу у всѣхъ», и что «государство прежде всего должно бы было издать законъ, по которому работа должна быть доставляема всякому честному человѣку, который въ ней нуждается».

Счастье не покидало ихъ въ этотъ день до конца, и, оканчивая работу, они имѣли въ карманѣ громадную сумму въ 1 даллара, не говоря уже о томъ, что они были сыты. Заплативъ впередъ за мѣста въ знакомомъ ночлежномъ домѣ, они умылись, почистились, привели себя въ приличный видъ и остатокъ дня посвятили удовольствіямъ, каждый по своему вкусу. Кларкъ рѣшилъ посѣтить нѣкоторыхъ изъ боссовъ съ которыми успѣлъ познакомиться во время своихъ шатаній по заводамъ: спокойная и обстоятельная бесѣда въ праздничный день должна была, какъ онъ надѣялся, дать лучшіе результаты, чѣмъ поспѣшный обмѣнъ лаконическихъ вопросовъ и отвѣтовъ во время работы. Викофъ же, напрасно уговаривавшій своего компаньона сходить лучше въ церковь, отправился туда самъ. Какъ глубоко религіозный человѣкъ, онъ никогда не пропускалъ случая прослушать проповѣдь и пропѣть нѣсколько десятковъ гимновъ. Въ этотъ разъ, однако, онъ рѣшился на это не безъ колебаній, побаиваясь, что его пожалуй и не пустятъ, въ его настоящемъ видѣ, въ «порядочную» церковь. Опасенія эти оказались, однако, совершенно неосновательными. Скорѣе наоборотъ: къ нему были болѣе внимательны и предупредительны, чѣмъ къ другимъ. Оборванный бродяга, онъ очутился рядомъ съ разодѣтою дамою, которая не только не выражала неудовольствій по поводу такого сосѣдства, но даже охотно дѣлилась съ нимъ своимъ молитвенникомъ.

Приведенный въ прекрасное настроеніе такимъ истинно христіанскимъ демократизмомъ чикагскихъ методистовъ, Викофъ рѣшилъ воспользоваться свободнымъ вечеромъ, чтобы выполнить свое давнишнее намѣреніе и посѣтить одинъ изъ мѣстныхъ клубовъ рабочей партіи. Онъ былъ знакомъ съ доктринами партіи, со многимъ въ нихъ соглашался—исходя, впрочемъ, въ этомъ согласіи не столько изъ какихъ нибудь научныхъ принциповъ, сколько изъ гуманитарныхъ соображеній,—многое—отрицалъ, но настоящихъ собраній этой партіи ему еще не приходилось видѣть, и онъ былъ недалекъ отъ того, чтобы смѣшивать ихъ, по общему обыкновенію, съ революціонерами, анархистами и прочими «врагами общества». Дѣйствительность совершенно не отвѣчала этому представленію. Самая внѣшность митинга, на который онъ проникъ, противъ всякаго ожиданія, безъ малѣйшихъ затрудненій, поразила его отсутствіемъ какого бы то ни было элемента таинственности и заговорщицкаго оттѣнка. Все носило характеръ «респектабельности», какою отличаются обыкновенно публичныя лекціи, организуемыя либеральными пасторами при своихъ церквахъ. Въ публикѣ преобладали прилично одѣтые рабочіе съ серьезными и интеллигентными лицами—очевидно, хорошо оплачиваемые представители такъ называе-

маго квалифицированнаго труда,—которыхъ всякій принялъ бы скорѣе за среднихъ буржуа, чѣмъ за пролетаріевъ. Произносимыя рѣчи отличались,—за рѣдкими исключеніями,—сравнительною умѣренностью и указывали на такое знакомство съ политическою экономіею, какого трудно бы было ожидать отъ простыхъ рабочихъ. Партійный элементъ въ нихъ сводился исключительно къ кое-какимъ рѣзкимъ оборотамъ рѣчи. Почти всѣ ораторы высказывали себя убѣжденными эволюціонистами, вѣрующими въ естественные законы общественнаго развитія, непризнающими насилія и рѣшительно отвергающими какъ теоріи, такъ—еще болѣе практику анархистовъ, на которыхъ они нападали въ своихъ рѣчахъ съ еще большимъ, кажется, ожесточеніемъ, чѣмъ на самихъ капиталистовъ. Вообще, они произвели на Викофа гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ онъ ожидалъ, и впослѣдствіе онъ не разъ посѣщалъ ихъ собранія и познакомился довольно близко съ нѣкоторыми изъ нихъ. Они, конечно, не убѣдили его и не привлекли въ свои ряды, но онъ не могъ не видѣть, что въ ихъ ученіи есть много общаго и съ его собственными инстинктивными гуманными стремленіями, и съ высшимъ для него воплощеніемъ истины.

Это же воскресенье закончилось однимъ инцидентомъ, на долго оставшимся въ памяти Викофа. Возвращаясь съ митинга, на которомъ онъ наслушался горячихъ рѣчей о братствѣ людей, и приближаясь къ своему ночлежному дому, онъ замѣтилъ въ темномъ углу улицы двѣ маленькія копошившіяся въ снѣгу, дѣтскія фигурки. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ двухъ дѣвочекъ—младшей изъ нихъ было не болѣе 4 или 5 лѣтъ—дѣятельно рывшихся въ сорномъ ящикѣ, наполненномъ отбросами изъ сосѣдняго ресторана. Онѣ выбирали изъ нихъ лучшіе обрывки мяса, кусочки хлѣба и складывали ихъ въ старую, дырявую корзину. Имъ, должно быть, было очень холодно, потому что одѣты онѣ были въ жалкія лохмотья, едва прикрывавшія наготу, но онѣ весело щебетали между собою, не обращая вниманія ни на что, кромѣ своей работы.

— Что вы дѣлаете тутъ, дѣти?—спросилъ Викофъ, подойдя къ нимъ вплотную.—Зачѣмъ вамъ эти остатки?

Испуганныя дѣти вздрогнули. Глаза старшей дѣвочки загорѣлись, какъ у собаки, у которой отнимаютъ кость. Она схватилась обѣими руками за свою корзинку и, закрывая ее своимъ маленькимъ тѣльцемъ, закричала: «не трогайте... не смѣйте!...»

Викофъ поспѣшилъ ее успокоить, и довѣрчивый ребенокъ началъ объяснять ему, въ чемъ дѣло.

— Мама послала насъ сюда набрать что нибудь на ужинъ,—говорила она.—У насъ трое жильцовъ, только двое изъ нихъ ничего не платятъ мамѣ вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, а папа всегда пьянъ и никогда не работаетъ. Сегодня онъ вышелъ было съ лопатою, и мама ждала, что онъ хоть что нибудь заработаетъ, а онъ вернулся пьянъ и безъ

денегъ. Мама сама занята съ бебе и потому посылаетъ насъ однихъ. Она сердится, когда мы мало приносимъ... Но сегодня она не будетъ сердиться, не правда-ли? Вотъ посмотрите!... О, она будетъ рада...

Викофъ подождалъ, пока дѣвочки окончатъ свою работу, и проводилъ ихъ до дому—полуразвалившейся избенки въ концѣ улицы,—желая собственными глазами взглянуть на ихъ жизнь. Не веселую картину увидѣлъ онъ. Комната была грязна и пуста, почти безъ мебели. Больной ребенокъ кричалъ на рукахъ у худой, истощенной, оборванной женщины. Невдалекѣ отъ нея сидѣлъ грубый мужчина, флегматически дымившій изъ своей трубки, а въ углу, на кучѣ лохмотьевъ, спалъ тяжелымъ сномъ какой-то пьяница. Все дышало здѣсь такою безъисходною нуждою, такою нищетою, что жутко было смотрѣть, и Викофъ поспѣшилъ выйти на свѣжій воздухъ. Эта, выхваченная изъ жизни, картинка долго не могла исчезнуть изъ его памяти. Это была замѣчательно подходящая иллюстрація къ той проповѣди, которую онъ слушалъ въ этотъ день въ церкви, и къ тѣмъ рѣчамъ, которыя произносились затѣмъ на митингѣ.

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвели на него и тѣ портняжныя мастерскія, въ которыхъ практикуется такъ называемая *sweating system*. Особенно запомнилась ему одна изъ нихъ. Это была большая низкая комната въ подвальномъ этажѣ стараго дома. Слабый дневной свѣтъ проникалъ въ нее черезъ два узкихъ и грязныхъ окошка. Капризные узоры и пятна на стѣнахъ и потолкѣ говорили о страшной сырости. Въ одномъ углу комнаты стояла печка съ плитою, возлѣ которой возилась какая то отвратительная старуха; въ другомъ жалась группа дѣвочекъ отъ 8 до 12 лѣтъ, которыя дѣятельно работали иглами, получая за это до 75 центовъ въ недѣлю; все остальное мѣсто было занято тѣсно уставленными одна возлѣ другой швейными машинами съ склоненными надъ ними фигурами рабочихъ. Мастерская занималась производствомъ дамскихъ пальто и накидокъ для одной изъ самыхъ уважаемыхъ въ городѣ фирмъ. и, Боже, какъ, мало подходили эти изящныя, кокетливые предметы къ окружающей обстановкѣ!...

Какъ разъ въ присутствіи Викофа посѣтилъ эту мастерскую членъ санитарной инспекціи. Съ мрачнымъ лицомъ обходилъ онъ комнату, но его посѣщеніе ни на одну секунду не пріостановило движенія машинъ. Ни одинъ изъ рабочихъ не поднималъ глазъ отъ своей работы: только хозяинъ слѣдилъ тревожнымъ взоромъ за инспекторомъ. который дѣлалъ какія то отмѣтки въ своей записной книжкѣ. Обойдя комнату. онъ подошелъ къ хозяину и. подавая ему печатный бланкъ. сказалъ:

— Вы должны заполнить этотъ бланкъ къ моему слѣдующему визиту.

Затѣмъ, не говоря болѣе ни слова. онъ повернулся. чтобы выйти, но. наткнувшись у порога на какую-то особенно поразившую его кучу нечистотъ. не выдержалъ и. повернувшись къ ближайшему рабочему. крикнулъ возмущеннымъ тономъ:

— Послушайте, вы должны вычистить это... Это безобразіе... Вѣдь вы распустите такую заразу по всему городу, что ее не скоро остановишь!...

Молодой еврей, къ которому онъ обратился, поднялъ голову. Глубокія морщины покрывали его безбородое истомленное лицо, на которомъ какъ уголья горѣли громадные глаза.

— Вы требуете отъ насъ чистоты!—почти истерически закричалъ онъ ломаннымъ англійскимъ языкомъ.—Развѣ у насъ есть время для соблюденія чистоты, когда намъ некогда проглотить кусокъ хлѣба? Вы толкуете тамъ о какой-то заразѣ, а вѣдь мы *голодны*, понимаете, *голодны*!...

Въ его голосѣ звучало такое отчаяніе, что инспекторъ поспѣшно отвернулся и вышелъ. За нимъ вышелъ и Викофъ, почувствовавшій себя на грязной и холодной улицѣ какъ бы вырвавшимся изъ ада.

Между тѣмъ время шло, а положеніе нашихъ пріятелей оставалось неизмѣннымъ. Несмотря на всѣ поиски, ни одинъ изъ нихъ не могъ найти сколько нибудь регулярной и постоянной работы, случайные-же заработки, вродѣ чистки тротуаровъ, были рѣдки и едва позволяли имъ поддерживать полуголодное существованіе. Тѣмъ не менѣе, теперь они легче переносили его. Изъ новичковъ они постепенно обращались въ ветерановъ безработной арміи, и ихъ положеніе начинало казаться имъ чѣмъ-то чуть не нормальнымъ и естественнымъ. Они испробовали всѣ способы, какими люди достаютъ себѣ работу—посредническія конторы, газетныя объявленія, часовое стояніе у воротъ фабрикъ и заводовъ, ежедневный обходъ складовъ и построекъ—и прекрасно знали ихъ сравнительныя достоинства и недостатки. Менѣе всего, повидимому, можно было надѣятся на посредническія конторы уже по одному тому, что большая часть изъ нихъ были просто мошенническіе ловушки, разсчитанныя на наивныхъ провинціаловъ, пріѣзжающихъ искать счастья въ Чикаго и привозящихъ съ собою кое-какія сбереженія «на первое время».

Нѣсколько больше даютъ газетныя объявленія, но лишь при условіи имѣть ихъ тотчасъ-же по выходѣ газеты изъ типографіи. Впрочемъ, даже и при такомъ условіи шансы на полученіе мѣста очень малы, потому что на одно предложеніе откликаются обыкновенно десятки и сотни кандидатовъ. По крайней мѣрѣ, Викофу ни разу не случалось являться по вызову безъ того, чтобы не застать на мѣстѣ цѣлую толпу опередившихъ его претендентовъ. Объ одной изъ такихъ попытокъ Викофъ разсказываетъ очень подробно.

Прочитавъ объявленіе, вызывавшее охотника занять мѣсто рабочаго на всѣ руки, Викофъ поспѣшилъ къ указанному магазину, находившемуся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ его ночлежнаго дома. Задолго до назначеннаго въ объявленіи часа подходилъ онъ къ магазину, надѣясь, что хоть на этотъ разъ онъ будетъ однимъ изъ первыхъ,

если не первымъ. Каково же было его удивленіе и разочарованіе, когда онъ увидѣлъ у магазина толпу въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, терпѣливо поджидавшихъ появленія нанимателя. Къ толпѣ—то кучками, то въ одиночку—ежеминутно подходили новые члены. Къ двумъ часамъ ихъ было уже болѣе 50 человѣкъ. Наниматель, какъ водится, заставилъ себя долго ждать и, явившись, велъ себя какъ капризный покупщикъ рабовъ, несмотря на то, что это былъ лишь приказчикъ, присланный хозяиномъ для предварительнаго осмотра. Съ выраженіемъ брезгливаго презрѣнія на своемъ бритомъ лицѣ обошелъ онъ толпу жадно глядѣвшихъ на него людей, отпуская отъ времени до времени грубыя остроты, вродѣ слѣдующихъ: «Ай да коллекція! И все это за 15 долларовъ въ мѣсяцъ!» или: «Подальше, подальше, чортъ васъ возьми... Не подходите близко... вы, вѣдь, больше нуждаетесь въ водѣ съ мыломъ, чѣмъ въ работѣ...», и т. п. Пересмотрѣвъ поданныя ему рекомендаціи, онъ отдѣлилъ изъ толпы пятерыхъ—въ томъ числѣ и Викофа—и приказалъ имъ явиться въ опредѣленный часъ по данному адресу, гдѣ ихъ посмотритъ самъ хозяинъ, который и выберетъ изъ нихъ наиболѣе подходящаго. Новый визитъ къ хозяину сопровождался новыми непріятностями, но распространяться о нихъ мы не будемъ. Достаточно сказать, что Викофъ мѣста не получилъ, потому что его рекомендаціи оказались недостаточно солидными.

Чаще же всего наши пріятели просто стояли часами у воротъ какой-нибудь большой фабрики, чтобы быть наготовѣ въ случаѣ, если тамъ потребуются лишнія рабочія руки. Опытъ Викофа говорилъ, что такія случаи крайне рѣдки, и тѣмъ не менѣе даже такой ничтожный шансъ найти работу привлекалъ къ воротамъ фабрикъ сотни голодныхъ оборванцевъ. Многіе изъ нихъ, правда, торчали тутъ просто потому, что надо же было куда-нибудь дѣться, но не мало было и такихъ—какъ наши пріятели,—которые всѣмъ существомъ своимъ рвались къ работѣ и были бы на верху счастья, если бы нашли ее.

Однимъ пасмурнымъ утромъ, послѣ цѣлаго ряда особенно неудачныхъ дней, голодные, истощенные и озлобленные стояли наши друзья у воротъ одной изъ такихъ фабрикъ въ обществѣ стоголовой толпы такихъ же, какъ они, чающихъ движенія воды. Прозвонилъ фабричный колоколъ, во дворъ вошелъ послѣдній рабочій и ворота закрылись. Осталась отворенною лишь калитка, передъ которою заходилъ сторожъ,—здоровенный ирландецъ, разнообразившій свое монотонное шаганіе грубыми окриками по адресу тѣхъ, кто осмѣливался слишкомъ близко подходить къ священной оградѣ. Толпа стояла кучками; люди молчали или говорили тихимъ, боязливымъ шопотомъ.

Прошелъ часъ, другой, и толпа начала по-немногу расходиться по сосѣднимъ кабачкамъ. Къ воротамъ подошелъ молодой рабочій, очевидно новичекъ-эмигрантъ, не знавшій еще мѣстныхъ порядковъ. Онъ посмотрѣлъ на толпу, молчаливо ожидающую у открытыхъ воротъ, на сторожа, безучастно

ходившаго передъ ними, и, повидимому, ничего не понялъ. «Вотъ фабрика,—читалось на его простодушномъ лицѣ; вотъ люди, ищущіе на ней работы. Почему же они торчатъ тутъ и теряютъ драгоцѣнное время? Почему не пойти просто къ управляющему и не узнать отъ него въ одну минуту, нужны ли ему рабочіе, или нѣтъ?» Постоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности, онъ вдругъ подошелъ къ калиткѣ и занесъ ногу, чтобы перешагнуть порогъ. Сторожъ какъ будто ждалъ этого. Какъ голодный волкъ, намѣтившій свою жертву, онъ бросился на несчастнаго, схватилъ его обѣими руками за горло и затрясъ съ какимъ то непонятнымъ бѣшенствомъ. «Вотъ тебѣ, такой-сякой»—кричалъ онъ, молотя его по спинѣ кулаками и, наконецъ, отбрасывая сильнымъ толчкомъ назадъ въ толпу. Эмигрантъ даже и не пытался бороться, такъ поразило его это неожиданное нападеніе. Онъ растерянно оглядѣлся кругомъ, но вмѣсто знаковъ сочувствія на встрѣчу ему раздался изъ толпы взрывъ грубаго хохота.

Этотъ хохотъ былъ каплею, переполнившею чашу нервнаго возбужденья, охватившаго Викофа во время происшедшей дикой сцены. Не помня себя, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, онъ въ одно мгновеніе очутился у воротъ, какъ бѣшеный бросился на сторожа и, вцѣпившись одною рукою въ его горло, другой началъ наносить ему съ какимъ то наслажденіемъ быстрые и мѣткіе удары по лицу. Сторожъ какъ бы оторопѣлъ передъ этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, но не надолго. Опомнившись, онъ однимъ движеніемъ своей здоровенной лапы оторвалъ отъ себя тщедушнаго противника и нанесъ ему страшный ударъ въ носъ. Викофъ упалъ, обливаясь кровью, но не чувствуя въ своемъ возбужденіи ни малѣйшей боли.

— Ты съ ума сошелъ!—закричалъ подбѣжавшій къ нему на выручку Кларкъ.

— Ничего, ничего; за то и ему досталось!—отвѣчалъ ему нашъ герой, выплевывая кровь, но съ довольною улыбкою.

А вечеромъ этого же дня судьба повернулась, наконецъ, лицомъ къ одному изъ нашихъ пріятелей. Они стояли у окна ресторана, когда кто-то—какъ оказалось впослѣдствіи одинъ изъ боссовъ, къ которому онъ нѣсколько разъ обращался за работою—тронулъ Кларка за плечо.

— Здорово!—сказалъ онъ, протягивая ему руку.—Ну, что? Какъ дѣла? Нашли работу?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Кларкъ.

— Ладно!... Я не забылъ о васъ. У насъ на заводѣ все еще нѣтъ свободнаго мѣста, но одинъ мой пріятель въ Мильвоки нуждается въ рабочихъ вашей спеціальности. Не согласились ли бы вы поѣхать туда?

— Поѣхать я не могу, но я могу отправиться туда пѣшкомъ.

— Ну вотъ, пѣшкомъ!.. Надѣюсь, вы не откажетесь занять у меня на билетъ...

Получивъ билетъ и въ придачу къ нему одинъ долларъ «на до-

рожные расходы», Кларкъ почувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Но въ своемъ счастьѣ—какъ и въ несчастьѣ—онъ оказался вѣрнымъ товарищемъ и не позабылъ Викофа, съ которымъ такъ долго дѣлилъ лишенія и горести. Помочь ему какъ-нибудь существенно онъ не могъ, но благодаря полученному доллару онъ могъ, по крайней мѣрѣ, накормить его на прощанье, что и сдѣлалъ въ ближайшемъ ресторанѣ.

А черезъ нѣсколько дней наступилъ чередъ и Викофа. Онъ тоже нашелъ работу,—на фабрикѣ земледѣльческихъ машинъ—въ качествѣ нагрузщика и вообще рабочаго на всѣ руки, съ жалованіемъ въ $1^1/_2$ доллара въ день. Первою его заботою было обезпечить себѣ квартиру съ полнымъ пансіономъ,—съ такимъ ужасомъ думалъ онъ о шатаніи по улицамъ и о ночлегѣ въ пріютѣ. Это удалось ему безъ труда. Достаточно было сказать хозяйкѣ намѣченнаго пансіона, что онъ получилъ работу на сосѣдней фабрикѣ, чтобы она тотчасъ же приняла его въ число своихъ столовниковъ и накормила вкуснымъ домашнимъ обѣдомъ.

Читатель легко представитъ себѣ, съ какимъ чувствомъ глубокаго удовлетворенія возвращался Викофъ въ первый день съ работы *къ себѣ* на квартиру, съ какимъ наслажденіемъ умылся онъ *въ своей* комнатѣ, поужиналъ въ компаніи своихъ новыхъ сожителей, провелъ вечеръ въ общемъ салонѣ, играя съ хозяйскими дѣтьми и мирно бесѣдуя съ другими квартирантами, и, наконецъ, заснулъ въ чистой и удобной постелѣ. Сознаніе, что онъ имѣетъ постоянную работу, свой уголъ, нѣчто даже въ родѣ домашняго очага, доставляло ему настоящее блаженство. Къ тому же и пансіонъ выдался ему очень хорошій. Хозяева были люди простые, честные и внимательные къ своимъ постояльцамъ. Постояльцы—всѣ безъ исключенія принадлежали къ числу рабочихъ той же фабрики, и хотя по своему положенію въ рабочей іерархіи всѣ они стояли гораздо выше Викофа, они приняли его въ свою среду—вполнѣ по товарищески и съ врожденнымъ джентельменствомъ старались не показывать ему своего превосходства. На самой фабрикѣ Викофъ тоже чувствовалъ себя очень не дурно. Работа его не тяготила и давала ему возможность значительно пополнить запасъ своихъ наблюденій надъ жизнью рабочихъ.

Здѣсь онъ, между прочимъ, впервые познакомился на практикѣ съ системою поштучной платы и нашелъ, что она совсѣмъ не заслуживаетъ тѣхъ обвиненій, которыя приходилось ему встрѣчать въ иныхъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ. По его мнѣнію она вноситъ въ работу элементъ интереса, котораго такъ недостаетъ труду чернорабочихъ, и, обезпечивая ему извѣстный *minimum* заработка, въ то же время позволяетъ ему до извѣстной степени проявлять свою иниціативу и самому устанавливать напряженность своего труда. Но, рядомъ съ этимъ, она не нарушаетъ общихъ интересовъ рабочихъ, не покровительствуетъ сильнымъ противъ слабыхъ и не служитъ въ рукахъ хозяина средствомъ повысить интензив-

ность труда безъ повышенія заработка. Все это, конечно, имѣло бы мѣсто, если бы не молчаливое—несомнѣнное, хотя и неуловимое соглашеніе всѣхъ рабочихъ не устанавливало бы во всѣхъ отрасляхъ труда максимальнаго предѣла напряженности, переходить который не разрѣшалось никому подъ страхомъ общаго осужденія. Этотъ молчаливый контроль парализовалъ потенціальное зло, таящееся въ системѣ поштучной работы, сохраняя заключающееся въ ней добро.

Другая сторона крупнаго фабричнаго производства, останавливавшая на себѣ вниманіе Викофа, была удивительная цѣлесообразность въ устройствѣ фабрики, въ организаціи работъ и управленіи ими въ видахъ возможно большей производительности труда и возможно меньшихъ расходовъ по эксплуатаціи. Все было на диво прилажено одно къ другому; нигдѣ нельзя было замѣтить ни сучка, ни задоринки: машины—самыя усовершенствованныя, комнаты—просторныя, свѣтлыя, прекрасно вентилируемыя и отопляемыя,—именно такія, въ которыхъ рабочіе должны чувствовать себя бодро и не жалѣть усилій; административный персоналъ—замѣчательно дѣятельный, внимательный и ловкій, умѣющій утилизировать всѣ способности, отличать и выдвигать всѣ таланты, награждать всѣ заслуги; наконецъ, сами рабочіе—почти сплошь представители квалифицированнаго труда—опытные, умѣлые, не лишенные извѣстнаго образованія и довольно значительной внѣшней культурности, дорожащіе своимъ положеніемъ, но въ еще большей степени цѣнящіе свое личное достоинство и успѣхъ своего союза. Однимъ словомъ это былъ поражавшій своимъ совершенствомъ организмъ, несмотря на то, что онъ состоялъ изъ столь различныхъ и даже враждебныхъ между собою элементовъ. Только теперь, наблюдая его въ дѣйствіи, Викофъ началъ понимать, какимъ могучимъ факторомъ увеличенія производительности человѣческаго труда является система капиталистическаго хозяйства, и какія прогрессивныя потенціальности скрываетъ она въ себѣ, несмотря—или, быть можетъ, благодаря ей—на ту ожесточенную и безпрерывную борьбу за существованіе, которую она порождаетъ въ нѣдрахъ современнаго общества.

Проработавъ на фабрикѣ $7^1/_2$ недѣль и близко ознакомившись за это время со всѣми сторонами ея жизни, Викофъ нашелъ, что надо было перемѣнить поле своихъ наблюденій, и взялъ разсчетъ, хотя, проработай онъ еще немного, его навѣрное повысили бы въ рангъ «искусныхъ рабочихъ». Несмотря на то, что въ теченіе этихъ безъ малаго двухъ мѣсяцевъ онъ не только жилъ въ приличномъ пансіонѣ, но и привелъ въ порядокъ свой гардеробъ, при уходѣ съ фабрики онъ имѣлъ чистыхъ $17^1/_2$ долларовъ въ карманѣ.

Онъ снова былъ безъ работы и пробылъ въ этомъ положеніи около 3 недѣль, но какъ различно чувствовалъ онъ себя теперь сравнительно съ первымъ временемъ пребыванія его въ Чикаго! Сбереженные $17^1/_2$ долларовъ позволяли ему имѣть квартиру, каждый день обѣдать и ужинать и не

спѣша, исподволь и съ разборомъ, подыскивать себѣ подходящую работу. Да и время теперь было совсѣмъ другое. Наступала весна, и вмѣстѣ съ оживленіемъ природы оживалъ и міръ труда, въ которомъ вращался Викофъ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы по окончаніи долгой опустошительной войны. Съ каждымъ днемъ возникали новыя предложенія работы,—особенно въ провинціи—цѣна на рабочія руки поднималась, и посредническія бюро проявляли лихорадочную дѣятельность. Конечно, эта перемѣна не рѣшала окончательно вопроса о безработныхъ. Одни изъ нихъ—бродяги по призванію—сами уклонялись отъ работы, предпочитая итти бродяжничать по деревнямъ и фермамъ, или попрошайничать и нищенствовать въ городахъ. Съ этимъ типомъ окончательно деморализованнаго и падшаго бродяги Викофъ близко познакомился во время своихъ ночевокъ въ участковомъ пріютѣ. Другіе же такъ ослабѣли и отощали отъ зимнихъ лишеній, что теперь, когда имъ чуть не на всякомъ шагу предлагали работу, оказывались физически неспособными на нее.

Викофу не разъ случалось натыкаться на такіе случаи. Одинъ изъ нихъ произвелъ на него особенно сильное впечатлѣніе. Рабочій—Викофъ немного зналъ его: это былъ русскій еврей, всю зиму работавшій по 16 часовъ въ сутки у sweater'a и едва кормившій семью своимъ грошовымъ заработкомъ—просилъ работы у жирнаго, здороваго босса. Боссъ нуждался въ рабочихъ и, несмотря на тщедушный видъ еврея, совсѣмъ было согласился взять его къ себѣ. Но въ послѣдній моментъ онъ нѣсколько внимательнѣе взглянулъ на просительно поднятое къ нему изможденное, жалкое лицо и заколебался. «А покажите ка свою руку»?—сказалъ онъ вдругъ. Рабочій засучилъ рукавъ оборванной рубахи, и взору зрителей открылась худая, какъ плеть, изсиня-блѣдная рука, безъ малѣйшихъ признаковъ мускуловъ,—что называется: кожа да кости. Жалко было смотрѣть, какъ несчастный старался напречь свой biceps и придать рукѣ сколько-нибудь приличный видъ. Боссъ грубо расхохотался, и бѣдняга покорно пошелъ прочь, съ такимъ отчаяніемъ въ глазахъ, какого не передать словами.

Но всякій, кто былъ хоть на что-нибудь годенъ, могъ безъ труда найти себѣ работу не только въ провинціи, но даже въ самомъ Чикаго. Нашъ герой нашелъ себѣ таковую на выставкѣ, въ качествѣ, опять-таки, чернорабочаго. Здѣсь онъ снова столкнулся съ тѣми же условіями, съ какими онъ познакомился на первыхъ же шагахъ своей рабочей карьеры, при сломкѣ старыхъ академическихъ зданій въ Вестъ-Пойнтѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, главный контингентъ рабочихъ принадлежалъ къ различнымъ категоріямъ простаго, чернаго труда—землекопамъ, носильщикамъ и т. п., и эта однородность рабочаго состава одинаково отражалась на организаціи и ходѣ работъ. Онѣ страдали тѣми же недостатками, какъ и тѣ, на которыхъ мы подробно останавливались раньше, съ тою лишь разницею, что здѣсь онѣ были

болѣе значительны и болѣе бросались въ глаза уже по одному тому, что дѣло велось въ гораздо большемъ масштабѣ и присмотръ за рабочими, по самому характеру мѣста и работъ, былъ гораздо затруднительнѣе. Тоже, что такъ удивляло его на первыхъ порахъ въ Вестъ-Пойнтѣ, еще болѣе поражало его здѣсь,—особенно послѣ всего того, что онъ лишь мѣсяцъ тому назадъ могъ наблюдать на фабрикѣ: тотъ же индиферентизмъ; то же отсутствіе какого бы то ни было интереса къ своей работѣ и еще менѣе—чувства отвѣтственности за нее; тотъ же рабскій характеръ труда со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями; вѣчное «отлыниваніе» отъ работы, съ одной стороны, и грубый мелочной присмотръ съ другой; слабая, сравнительно, производительность труда; безцѣльная порча орудій и матеріаловъ; громадные непроизводительные расходы; отсутствіе какой бы то ни было нравственной связи между рабочими и администраціею, отношенія которыхъ подъ часъ напоминаютъ собою отношенія между школьниками и нелюбимымъ учителемъ; трудность выдѣлиться изъ общей массы, быть отличеннымъ и повышеннымъ, отсюда безнадежное отношеніе къ своей профессіональной будущности и дѣтская непредусмотрительность, расточительность и пьянство въ личной жизни.

Несмотря на то, что такую же въ сущности картину приходилось наблюдать Викофу всюду, гдѣ только преобладаютъ чернорабочіе, онъ никакъ не могъ заглушить въ своей душѣ благовоспитаннаго джентльмена—инстинктивнаго протеста противъ нея. Временами, даже, этотъ протестъ невольно проявлялся въ его поведеніи, не приводя, впрочемъ, ни къ какимъ практическимъ результатамъ уже по одному тому, что въ своей работѣ онъ былъ тѣсно связанъ съ своими товарищами по артели. Онъ не могъ самостоятельно ни ускорить темпъ работы, ни повысить ея качество. Всякая попытка его въ этомъ направленіи неизбѣжно разбивалась о равнодушную апатію другихъ, вызывая съ ихъ стороны то грубую ругань, то добродушную насмѣшку: «Полегче, полегче, Джонъ,—говорили ему въ такихъ случаяхъ,—что ты спѣшишь, какъ на пожаръ? Уймись...»—и честный Джонъ долженъ былъ униматься и невольно примиряться, «ради товарищества», съ непріятнымъ сознаніемъ, что онъ лѣнтяй и школьникъ.

Познакомившись съ работами на выставкѣ, Викофъ счелъ себя вправѣ отдаться чувству, которое тянуло его вонъ изъ Чикаго на лоно возрождавшейся природы, и взялъ разсчетъ. Прежде, однако, чѣмъ пуститься въ поиски работы по фермамъ, онъ соблазнился случаемъ посѣтить Минеаполисъ, въ которомъ какъ разъ въ это время происходило собраніе національной республиканской конвенціи. На эту затѣю онъ истратилъ почти всѣ свои сбереженія, но время на фермахъ было горячее, онъ не боялся надолго остаться безъ работы. Эта увѣренность еще болѣе возрасла послѣ бесѣды съ однимъ мѣстнымъ докторомъ, который какъ-то предложилъ подвезти его въ своемъ кабріолетѣ.

— Вы разсказываете мнѣ,—говорилъ онъ ему между прочимъ,— объ арміи безработныхъ въ Чикаго, и я охотно вѣрю вамъ, зная, что наша современная цивилизація есть по преимуществу городская цивилизація, что ея развитіе создаетъ крупные городскіе центры съ переполненными рабочими рынками и всѣми, создаваемыми такимъ положеніемъ вещей, ужасами... Но знаете ли вы, что параллельно съ этимъ у насъ здѣсь въ сельской жизни ощущается хроническій недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, недостатокъ настолько большой, что лишь въ двухъ, трехъ смежныхъ графствахъ мы могли бы легко найти занятіе по меньшей мѣрѣ еще для 50.000 рабочихъ... И не думайте, что это только теперь, въ горячій сезонъ весеннихъ и лѣтнихъ работъ!.. Конечно, теперь спросъ на трудъ особенно силенъ, настолько силенъ, что самый плохой рабочій можетъ разсчитывать на 1 долларъ въ день на всемъ готовомъ; хорошій же, опытный рабочій у всякаго фермера получитъ $2^1/_2$—3 доллара въ день, но трудность найти подходящихъ рабочихъ въ надлежащій моментъ дѣлаетъ то, что наши фермеры предпочли бы держать постоянныхъ годовыхъ рабочихъ, съ платою по 20 долларовъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, даже при томъ условіи, что втеченіе 4 зимнихъ мѣсяцевъ, имъ почти ничего не придется дѣлать... А о теперешнемъ сезонѣ и говорить нечего... Наши фермеры— вы это скоро увидите сами—готовы чуть не драться изъ-за вашего брата!..

И дѣйствительно, чуть не на каждомъ шагу Викофу дѣлали предложенія, одно выгоднѣе другого. Онъ могъ не спѣшить и наслаждаться отдыхомъ, пока не истратилъ послѣдняго гроша. Только истративъ его, онъ принялъ предложеніе одного фермера, нѣкоего Бартона, предваривъ его, однако, что не останется у него дольше недѣли. Недѣля прошла быстро и оставила по себѣ самыя пріятныя впечатлѣнія. Викофъ сразу сблизился съ семьей хозяина, вошелъ въ нее, какъ въ свою, и могъ бы остаться въ ней навсегда на самыхъ выгодныхъ, съ точки зрѣнія рабочаго—условіяхъ.

Дальнѣйшія приключенія нашего героя могутъ быть разсказаны въ короткихъ словахъ. Покинувъ гостепріимную ферму Бартона, онъ продолжалъ свой путь на западъ ускореннымъ шагомъ, задерживаясь для работы лишь тогда, когда оказывалось необходимымъ пополнить истощенный кошелекъ. Ему не приходилось болѣе испытывать сколько-нибудь серьезныхъ лишеній, потому что недостатка въ работѣ не было нигдѣ. Нерѣдко ему случалось находить работу, которая обѣщала ему выгодное и постоянное занятіе; иногда же передъ нимъ возникали даже перспективы обогащенія. Страна, по которой онъ шелъ—преимущественно земледѣльческая—производила на него впечатлѣніе богатой рессурсами и съ блестящимъ будущимъ. Встрѣчался онъ, конечно, съ случаями страданій и нищеты, причиненными болѣзнью, несчастіемъ или, наконецъ, пьянствомъ и лѣнью, съ примѣрами грубости и дико-

сти; съ выраженіями недовольства своимъ положеніемъ, даже со стороны фермеровъ, но какъ мало походило все это на ту безпомощность, которая придаетъ городской нищетѣ ея характеръ отчаянности и безвыходности, и выливаетъ городское недовольство въ форму преступленій!.. Проходилъ онъ, конечно, и черезъ города съ переполненнымъ рабочимъ рынкомъ, но увѣренность, что тутъ же рядомъ раскинуты тысячи фермъ, нуждающихся въ рабочихъ рукахъ, смягчала производимое ими впечатлѣніе. Чѣмъ дальше шелъ онъ, чѣмъ на большемъ пространствѣ знакомился онъ съ этою страною, тѣмъ болѣе проникался онъ къ ней любовью и уваженіемъ, тѣмъ неисчерпаемѣе казались ему ея природныя богатства, тѣмъ большими энергія, предпріимчивость и интеллигентность ея населенія, тѣмъ несомнѣннѣе ея настоящее величіе и ея славное будущее.

Пройдя эту полосу, Викофъ отклонился нѣсколько на югъ, познакомился съ своеобразною жизнью пограничныхъ мексиканскихъ ранчо, перевалилъ скалистыя горы, спустился въ благословенную Калифорнію, съ ея апельсинными и лимонными рощами и, наконецъ, добрался до береговъ Тихаго океана, гдѣ должно было окончиться его предпріятіе. И чѣмъ дальше подвигался онъ на западъ, тѣмъ болѣе простора и довольства замѣчалось кругомъ, тѣмъ легче можно было находить работу, тѣмъ лучше эта работа оплачивалась—даже ему, чернорабочему, удавалось получать до $2^1/_2$ доллара въ день,—тѣмъ разнообразнѣе, колоритнѣе и интереснѣе казалась ему жизнь. Съ того ранняго утра, когда онъ покинулъ, съ котомкою за плечами, роскошную виллу на берегу Атлантическаго океана, до момента, когда передъ его глазами открылась водная гладь Тихаго океана, прошло $1^1/_2$ года. Сколько разъ за это время, когда онъ сгибался подъ непосильнымъ трудомъ, или, еще хуже, когда онъ совсѣмъ не имѣлъ работы, и матеріальныя условія существованія становились окончательно невыносимыми, онъ проклиналъ свою затѣю и съ нетерпѣніемъ призывалъ ея конецъ,—и вотъ этотъ конецъ пришелъ, а онъ, странно сказать, не чувствовалъ въ душѣ ни малѣйшаго облегченія. Напротивъ, ему было какъ-то не по себѣ, не то грустно, не то стыдно. Возвратъ къ прежнему, нормальному для него, существованію его не радовалъ. Разрывъ съ настоящимъ, которое открыло ему такъ много новаго и важнаго, благодаря которому онъ такъ близко сроднился съ интимною жизнью своего народа и своей страны, вызывалъ въ немъ чувства тоски и сожалѣнія.

«Быть можетъ,—говоритъ онъ, заканчивая свою книгу, и этими же словами закончимъ мы нашу статью,—я обошелъ ее (страну) безъ опредѣленнаго плана и ясно поставленной цѣли, но мой опытъ не пропалъ для меня даромъ. Поставивъ меня лицомъ къ лицу съ настоящею жизнью, окунувъ меня въ наполняющую ее борьбу людей за существованіе, онъ далъ мнѣ совершенно новое пониманіе всего окружающаго. Еще болѣе далъ онъ мнѣ познать мою родину, и я съ какимъ-то свя-

щеннымъ трепетомъ думаю теперь о ея безграничныхъ пространствахъ и о быстротѣ, съ какою эти, недавно еще дикія, пространства, призываются къ плодотворной и культурной жизни. Но болѣе всего укрѣпило мою національную гордость соприкосновеніе съ народною массою. Мѣстныя условія, вторженіе въ страну громадныхъ массъ не ассимилированныхъ еще иностранныхъ элементовъ, слишкомъ быстрыя перемѣны въ области экономическихъ отношеній, наконецъ, индивидуальныя отклоненія и слабости являются причиною ужасныхъ язвъ на нашемъ политическомъ организмѣ; рядомъ съ этимъ быстро растетъ могущество концентрированнаго капитала, сословная рознь и классовая вражда. И тѣмъ не менѣе, подъ этою внѣшнею оболочкою противорѣчивыхъ событій и теченій нельзя не видѣть единой великой націи, цементированной моремъ пролитой за нее крови; нельзя не видѣть народа интеллигентнаго, находчиваго, энергичнаго и полнаго жизни. Онъ многому еще долженъ научиться, но онъ ни сидитъ, сложа руки, и учится, въ тоже время, какъ живетъ. Онъ съ изумительною быстротою ассимилируетъ пришлые элементы и въ результатѣ этого процесса лишь здоровѣетъ; онъ работаетъ съ напряженною энергіею и въ награду получаетъ довольство и процвѣтаніе; онъ не знаетъ, что такое пораженіе, не понимаетъ, что такое страхъ, и съ каждымъ годомъ въ немъ растетъ и крѣпнетъ національное сознаніе и предвидѣніе великаго будущаго»...

Эти заключительныя строки покажутся, быть можетъ, читателю не совсѣмъ умѣстными въ устахъ человѣка, который только что съ такимъ патетическимъ краснорѣчіемъ описывалъ намъ ужасы безработнаго существованія на улицахъ и въ участковыхъ пріютахъ Чикаго. Не надо, однако, забывать, что они относятся не столько къ настоящему—притомъ американскому настоящему—сколько къ будущему. При всемъ своемъ оптимизмѣ авторъ далеко не принадлежитъ къ числу Панглоссовъ, для которыхъ все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Онъ видитъ язвы настоящаго не хуже насъ съ вами, но въ то же время онъ глубоко вѣритъ, что эти язвы исцѣлимы, что онѣ залечатся и зарубцуются въ процессѣ жизни и развитія. И благо ему,—скажемъ мы,—потому что трудно жить безъ такой вѣры и еще труднѣе—работать на благо и пользу человѣчества.

И. К—въ.

СТУДЕНТКА.

Романъ Грэхэмъ Трэверса.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

(*Продолженіе* *).

Глава XXXIII.

Сѣверные туманы.

Немного жестоко перенести читателя отъ розъ, яркаго солнца и чистаго синяго неба въ сторону тумановъ, холода и грязи,—это необходимо. Я не долженъ терять изъ виду главную свою героиню.

Въ пасмурные декабрьскіе дни Борроунессъ казался еще скучнѣе обыкновеннаго, но въ «магазинѣ» миссъ Симпсонъ кипѣла жизнь. Торговля шла бойко. Изъ Лондона прибыло еще нѣсколько ящиковъ съ товаромъ, и странствующій торговецъ уже не забавлялъ своихъ кліентовъ разсказами о томъ, какъ миссъ Симпсонъ хозяйничаетъ въ своемъ магазинѣ. Мало того, онъ чувствовалъ сильное искушеніе предложить руку и сердце хорошенькой и ловкой помощницѣ миссъ Симпсонъ. Еслибъ не его блестящіе виды на будущее и не боязнь оскорбить чувства своихъ родныхъ, онъ бы такъ и сдѣлалъ. Имѣть жену, которая кое-что смыслитъ въ твоемъ дѣлѣ, выгодно во многихъ отношеніяхъ; а вѣдь ей, бѣдняжкѣ, не легко будетъ найти себѣ мужа въ Борроунессѣ. У нея, очевидно, была какая-то сердечная исторія; можетъ-быть, ее бросилъ женихъ—иначе зачѣмъ бы ей селиться въ такой глуши? Съ ея наружностью, манерами и умѣньемъ считать, она вездѣ нашла бы мѣсто.

Къ счастью, Мона не подозрѣвала, какой соблазнительный фруктъ качался на вѣткѣ надъ самой ея головой. Правда, во время посѣщеній торговца ей довольно трудно было заставить его говорить только о дѣлѣ, но при ея маломъ знакомствѣ съ сильнымъ поломъ это не казалось ей особенно страннымъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Она отъ души радовалась успѣху магазина и еще больше радовалась тому, что ея кліентки понемногу привыкали совѣтоваться съ ней обо всѣхъ своихъ дѣлахъ. «Теперь у меня двѣ профессіи,—писала она Дорисъ,—я помощница миссъ Симпсонъ и въ то же время какой-то третейскій судья, къ которому женщины и дѣвушки обращаются за совѣтомъ при покупкѣ новыхъ вещей и передѣлкѣ старыхъ. «Вещи»—терминъ, довольно неясный, его можно толковать очень широко, и въ данномъ случаѣ подъ нимъ разумѣются не только платья, шляпы и мебель, но и мужья.»

Рэчель не особенно одобряла этотъ новый видъ практики, отнимавшій много времени и совсѣмъ не вознаграждавшійся. Еслибъ еще Мона наставляла своихъ кліентовъ въ «добродѣтели и религіи», а то толкуютъ о разныхъ домашнихъ пустякахъ—стоитъ того дѣло!

Къ Матильдѣ Куксонъ она относилась милостивѣе, чѣмъ къ другимъ, но зато не могла надивиться непослѣдовательности Моны.

— Стоило Куксонамъ приласкать васъ, и вы раболѣпствуете передъ ними, какъ и всѣ прочіе! — вырвалось у нея какъ-то подъ сердитую руку.

Мона не могла смирить себя настолько, чтобы отвѣтить шуткой, и потому вынуждена была промолчать, хотя это было очень непріятно и шло въ разрѣзъ съ ея правилами.

Матильда оставалась вѣрна своему идолу и свято хранила его тайну. Въ этотъ періодъ времени она представляла собой весьма интересный объектъ наблюденій для психолога. Всѣ ея взгляды и мнѣнія можно было съ перваго же взгляда раздѣлить на двѣ категоріи: ея собственные и заимствованные у Моны. Первые она высказывала осторожно и застѣнчиво; вторые бросала въ лицо всѣмъ и каждому, безапелляціоннымъ тономъ, не допускавшимъ возраженій и тѣмъ болѣе непріятнымъ, что самые взгляды нерѣдко поражали новизной. Матильда съ гордостью повторяла своимъ знакомымъ смѣлыя и оригинальныя замѣчанія Моны; когда ей случалось высказать собственную незрѣлую и робкую мысль, она запиналась и краснѣла. Благодаря первымъ, за ней скоро установилась незаслуженная репутація «умницы»; вторыми особенно дорожила Мона. Нетрудно подкидывать дрова, когда костеръ уже пылаетъ; но вызвать первую искру священнаго огня въ душѣ ближняго, оберегать ее, слѣдить за тѣмъ, какъ она разгорается въ пламя—ради этого стоитъ жить.

У Моны была еще *protegée*, о которой Рэчель избѣгала упоминать,—блѣдная дѣвушка, упавшая въ обморокъ на вечерѣ въ часовнѣ. Мона заинтересовалась своей паціенткой, прописала ей мышьякъ и овощи, и больная быстро поправлялась.

— Бывало, она пока на лѣстницу взойдетъ, такъ два раза присядетъ,—хвасталась ея бабушка Рэчели,—а теперь бѣгомъ бѣжитъ, словно кошка на дерево.

Рэчель, конечно, остереглась повторить это замѣчаніе Монѣ, боясь, что успѣшный результатъ лѣченія укрѣпитъ дѣвушку въ намѣреніи заниматься медициной, отъ котораго, какъ втайнѣ надѣялась Рэчель, она отказалась навсегда. Добрая женщина просто ужаснулась, увидавъ рецептъ, подписанный Моной. Совсѣмъ настоящій рецептъ,—какъ у доктора Бёрнса! Когда женщина дошла до того, что выучилась писать рецепты, развѣ ее убѣдишь, что она не можетъ быть докторомъ? А доктора-то что же дѣлаютъ? тѣ же рецепты пишутъ. Оставалась одна надежда—на м-ра Броуна, и Рэчель рѣшила пригласить его съ сестрами къ себѣ на чай.

Изученіе *Musci*, *Algae* и *Fungi* пока еще не дало особенно утѣшительныхъ результатовъ. Устроилась одна восхитительная прогулка по скаламъ и прудамъ, но повторить ее не удалось. Предположеній было много, но ничего изъ этого не вышло. Одинъ разъ миссъ Броунъ захворала и ей запретили выходить; въ другой не могла участвовать въ прогулкѣ, такъ какъ ей необходимо было навѣстить больную тетку; въ третій—просто дождь помѣшалъ.

Придя къ такому героическому рѣшенію, Рэчель тотчасъ же принялась дѣйствовать. Въ одно прекрасное утро она сказала Монѣ:

— Душа моя, если вы сегодня пойдете въ Киркстоунъ, зайдите пожалуйста, къ Дональду и закажите печенье и сладкій пирогъ. Завтра я пригласила на чай м-ра Броуна и его сестеръ.

Мона чуть не выронила коробки съ лентами, которую держала въ рукахъ.

— Кузиночка, да вѣдь онѣ не бываютъ у васъ?

— Ну, не бываютъ,—такъ что-жъ изъ того? надо же когда-нибудь начать. Вѣдь онѣ же угощали насъ чаемъ.

— Я обѣщала м-рсъ Юингъ завтра вечеромъ акомпанировать хору на спѣвкѣ.

— Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ! Она просто эксплуатируетъ васъ.

— Не забудьте, что за это она позволяетъ мнѣ играть самой, сколько душѣ угодно, а это для меня истинное наслажденіе.

— Да польза-то въ этомъ какая? Вѣдь вы не можете взять съ собой въ гости органъ?

— Что правда, то правда, — разсмѣялась Мона, — это несомнѣнно эгоистическое удовольствіе... Хорошо, я закажу пирогъ у Дональда.

— Скажите ему, что печенье я возьму во всякомъ случаѣ, но пирогъ только въ томъ случаѣ, если придутъ мои гости.

— Такъ онѣ еще не дали вамъ знать, что придутъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ нечего и безпокоиться, — подумала Мона,—онѣ навѣрное пришлютъ отказъ.

Но и это было ей непріятно. Съ какой стати было приглашать только для того, чтобы нарваться на отказъ?

А отказъ и очень сухой, пришелъ въ тотъ же вечеръ:—миссъ Броунъ сожалѣли, что не могутъ быть, но не сочли нужнымъ объяснить, почему онѣ не могутъ.

Рэчель очень разсердилась, но не отказалась отъ своего плана. Одинъ козырь убитъ, но у нея на рукахъ еще тузъ и король. Король — это Монино «чудачество», а тузъ — самъ м-ръ Броунъ. За первымъ ящикомъ съ растеніями послѣдовали другіе, и теперь Рэчель радовалась имъ гораздо больше самой Моны. За м-ра Броуна безпокоиться нечего: его намѣренія ясны; а Мона...—Рэчель не допускала мысли, что Мона можетъ быть настолько слѣпа и равнодушна къ своей собственной участи, чтобы встать на сторону миссъ Броунъ.

Глава XXXIV.

Algae и Fungi.

— Душа моя!—вскричала Рэчель, вбѣгая въ лавку и еле переводя духъ отъ волненія.—У меня чудесная новость для васъ. Миссъ Бонтронъ просятъ, чтобъ вы помогли имъ устроить кіоскъ для базара! Онѣ очарованы вашимъ обхожденіемъ и думаютъ, что вы будете имъ несравненно полезнѣе, чѣмъ расфуфыренныя барышни, которыя жаждутъ однихъ развлеченій и не въ состояніи сообразить, сколько останется, если изъ фунта вычесть три съ половиною шиллинга. Ну само собой и поторговать вамъ придется. Я сказала, что вы будете въ восторгѣ. Онѣ еще спрашивали, неужели вы до сихъ поръ не присоединились къ нашей, баптистской церкви.

Мона низко наклонилась надъ счетной книгой и долго не отвѣчала. Первой мыслью ея было отказаться наотрѣзъ; второй—согласиться, высказавъ напрямикъ, что это дѣлается противъ воли; третьей и послѣдней—принять безъ возраженій. Еслибъ ей суждено было всю жизнь жить у кузины,—дѣло другое; но вѣдь до срока остается меньше трехъ мѣсяцевъ. Въ эти послѣдніе мѣсяцы надо избѣгать всякаго повода къ неудовольствію.

— Я увѣрена, что совсѣмъ не гожусь для базара,—возразила она спокойно,—но, если вы уже дали слово Бонтронамъ, мнѣ кажется, тутъ и разговаривать не о чемъ.

— О, я увѣрена, что все сойдетъ отлично. У васъ на это врожденный талантъ. А удовольствіе-то какое! Я думаю, сколько барышенъ позавидуютъ вамъ! Угощеніе, обѣдъ, завтракъ—все даромъ, и еще билетъ для входа на балъ.

— Ну, на балъ я не собираюсь.

— Что за вздоръ, дѣточка! неужели же вы останетесь дома, имѣя даровой билетъ! Я и то думаю, не пойти ли мнѣ, чтобъ вамъ одной не было неловко. Любопытно взглянуть на все это великолѣпіе, да и

моему зеленому шелковому платью нехудо провѣтриться; мнѣ не часто представляется случай надѣть его.

И опять, какъ въ первый вечеръ въ Борроунессѣ, эта женщина своей сердечностью взяла приступомъ сердце Моны, и ласковый отвѣтъ самъ собой сорвался съ ея устъ.

Зато послѣ обѣда она сочла себя вправѣ пойти пить чай къ тетѣ Белль, и Рэчель не стала ей перечить.

— Не можете-ли вы, проходя черезъ Кильвинни, исполнить для меня маленькое порученіе?

— Съ удовольствіемъ.

— Зайдите къ м-ру Броуну и спросите, есть-ли у него еще та зеленая лента, которую я брала на шляпку въ прошломъ году. Завязки совсѣмъ износились. Я думаю, полтора аршина будетъ достаточно, я вамъ дамъ образчикъ.

Монѣ было бы несравненно пріятнѣе купить ленту въ какомъ-нибудь другомъ магазинѣ, но она уже обѣщала и отступать было поздно.

Проходя по главной улицѣ Кильвинни, Мона замѣтила въ окнѣ верхняго этажа лицо одной изъ трехъ сестеръ Броунъ, поклонилась и вошла въ лавку. М-ръ Броунъ былъ занятъ съ другимъ покупателемъ, и Мона обратилась къ приказчику, очень довольная, что ей удалось ускользнуть отъ разговора. Но она ошиблась. М-ръ Броунъ мгновенно передалъ своего кліента приказчику, а самъ подошелъ къ ней, весь сіяя отъ радостной неожиданности. У него, какъ у вѣрныхъ собакъ, бывали минуты, когда глаза его болѣе чѣмъ искупали его неумѣніе говорить.

— Какъ здоровье миссъ Симпсонъ?—спросилъ онъ, находя это самымъ подходящимъ началомъ для разговора.

— Благодарю васъ, она здорова.—И Мона объяснила, что ей нужно, и вздохнула свободнѣе, заслышавъ на лѣстницѣ шаги одной изъ миссъ Броунъ.

— Не зайдете-ли вы къ намъ отдохнуть минутку, миссъ Маклинъ, мы какъ разъ теперь пьемъ чай. Нѣтъ, нѣтъ, Филиппъ, тебя намъ ненужно. Мужчинамъ не годится пить чай послѣ обѣда.

Мона не сумѣла бы объяснить, что заставило ее принять приглашеніе. Ей безспорно не хотѣлось итти, но ее слишкомъ тяготилъ краснорѣчивый взглядъ этихъ карихъ глазъ, и она рада была спастись отъ него какой угодно цѣной.

У м-ра Броуна вытянулось лицо, потомъ опять просвѣтлѣло.

— Быть можетъ, вы сговоритесь, когда назначить вторую прогулку.

Мона прошла вслѣдъ за миссъ Броунъ по узенькой темной лѣсенкѣ въ уютную гостиную. Хозяйки встрѣтили гостью очень радушно и приложили всѣ старанія, чтобы занять ее разговоромъ, не отличавшимся

ни остроуміемъ, ни глубиной. Постепенно они свели рѣчь на охоту за женихами.

— Да вотъ, скажите по совѣсти, какъ вамъ кажется, миссъ Маклинъ, можно назвать моего брата интереснымъ мужчиной?

Мона, захваченная врасплохъ, отвѣтила вполнѣ искренно:

— Я никогда не думала о немъ въ этомъ смыслѣ.

— Ну вотъ, видите, онъ совсѣмъ не изъ тѣхъ людей, которые женятся. Это, казалось-бы, всякому ясно, а между тѣмъ вы не повѣрите, сколько женщинъ всячески стараются поймать его въ свои сѣти. У другого-бы голова закружилась отъ всѣхъ этихъ ухаживаній, а ему хоть-бы что—онъ и не замѣчаетъ. Зато мы потѣшаемся.

— И вотъ подите же,—подхватила другая сестра,—умный вѣдь человѣкъ, а съ женщинами точно дурачекъ,—право! Онъ говоритъ съ ними все равно, какъ съ мужчинами, а онѣ этимъ пользуются, и вѣчно онъ оказывается въ смѣшномъ положеніи.

— Мы сколько разъ ему говорили, что это просто глупо,—сказала третья,—пора бы ему уже выучиться самому беречь себя.

Мона вся побѣднѣла, но отвѣтила спокойнымъ голосомъ:

— Когда вы спросили, считаю-ли я м-ра Броуна интереснымъ мужчиной, мнѣ въ первую минуту хотѣлось отвѣтить: нѣтъ. Но послѣ того, что вы сказали, у меня сложилось иное мнѣніе. Я нахожу его очень интереснымъ въ томъ отношеніи, что онъ можетъ говорить съ женщиной просто какъ съ человѣкомъ, забывая о различіи половъ. Онъ способенъ понять, что женщина можетъ искать знанія, даже дружбы, а не только мужа. На вашемъ мѣстѣ я бы не сокрушалась объ этомъ и не старалась измѣнить его. Его взгляды могутъ казаться странными здѣсь, но въ культурной средѣ они не такъ ужъ рѣдки.

Послѣднія слова она выговорила мягко, съ улыбкой и съ видомъ спокойнаго достоинства, который сдѣлалъ бы честь самой леди Мунро. Броуны сразу почувствовали себя отодвинутыми на почтительную дистанцію.

Онѣ такъ растерялись, что ни одна не нашлась, что отвѣтить.

— Вы уже уходите?—слабо выговорила старшая, видя, что Мона облеклась въ свою мѣховую пелеринку.—Отчего-бы вамъ не выпить еще чашечку?

— Благодарю васъ, мнѣ пора итти. Я спѣшу къ м-рсъ Иссонъ.

— Она такая чудачка — совсѣмъ простая! — замѣтила одна изъ сестеръ.—Какъ она вамъ приходится,—тоже кузиной?

— Да, и я горжусь этимъ родствомъ.

— А мы и не сговорились насчетъ прогулки,—спохватилась младшая.—Выберите, какой хотите день, на будущей недѣлѣ—мнѣ все равно.

— Благодарю васъ, но этотъ удивительный базаръ поглотилъ всю мою энергію. Боюсь, что нашу прогулку придется отложить на неопредѣленное время.

Мона любезно пожала руки хозяйкамъ и медленно спустилась съ лѣстницы въ сѣни, выходившія прямо на улицу.

— Будь я на пять лѣтъ моложе,—говорила она себѣ,—у меня бы послѣ такого разговора, пожалуй, явилось искушеніе слегка поощрить м-ра Броуна и за тѣмъ...

Но это была неправда: будь Мона даже совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, у нея не могло-бы явиться серьезнаго желанія выместить мелочную обиду за счетъ этихъ большихъ печальныхъ глазъ.

М-ръ Броунъ поджидалъ ее и взволнованный бросился къ ней:

— Ну что, назначили день?

— Нѣтъ; боюсь, что я въ теченіе нѣсколькихъ недѣль буду очень занята. Это очень мило съ вашей стороны еще разъ предложить мнѣ свою помощь. Прощайте.

Она не сознавала, насколько измѣнились за послѣднюю четверть часа ея тонъ и манеры, но онъ это сразу почувствовалъ и догадался, что могло произойти наверху.

— Миссъ Маклинъ,—выговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, сжимая руку, которую она старалась отнять у него,—къ чему намъ третій въ нашихъ прогулкахъ? Пойдемте одни. Хотите, пойдемъ сейчасъ же наверхъ и скажемъ имъ.

— Я и такъ засидѣлась у васъ... надо спѣшить,—прощайте!

И она ушла, даже не обернувшись: она не рѣшалась даже взглянуть на него. Щеки ея пылали, глаза были полны слезъ.

— Какой стыдъ! какой стыдъ!—повторяла она про себя.—Я сама во всемъ виновата! Если-бъ я была осторожнѣе, никогда не дошло-бы до этого!..

На выручку ей, какъ и всегда, явилась комическая жилка.

— Понятно, душа моя, сказала она себѣ,—изученіе Algae и Fungi—дѣло опасное и можетъ завести насъ дальше, чѣмъ мы предполагаемъ.

Тетя Белль, какъ умная женщина, съ перваго взгляда замѣтила, что съ ея любимицей что-то неладно, но проявила свое участіе только тѣмъ, что поспѣшила заварить свѣжій чай и нарѣзать большими ломтями домашнюю булку.

— Э, да какая же ты сегодня интересная!—говорила она, то вбѣгая, то выбѣгая изъ гостиной.—Ты положительно похорошѣла. Ну, какъ тебѣ живется, нехудо?

— Какъ видите, цвѣту. Рэчель тоже здорова.

— Что ей дѣлается. Она себѣ кровь понапрасну портить не станетъ,—не таковская! Что-жъ вы, ходите еще съ м-ромъ Броуномъ за бабочками?

Мона не ожидала этого вопроса и покраснѣла.

— Нѣтъ, не ходимъ. Погода неподходящая.

— И человѣкъ неподходящій. Онъ хорошій человѣкъ, слова нѣтъ, и, говорятъ, не глупый, знаетъ толкъ въ букашкахъ, въ растеніяхъ и т. д. но для моей дѣвочки онъ не годится. Ты бы не пошла за него, Мона?

— Милая тетя Белль,—сконфуженно засмѣялась Мона,—мнѣ даже въ голову не приходило ничего подобнаго...

Она не прибавила: «пока», но ея лицо говорило достаточно краснорѣчиво.

— Онъ уже дѣлалъ тебѣ предложеніе?

— Нѣтъ, нѣтъ, и никогда не сдѣлаетъ. Неужели мужчина и женщина не могутъ пойти «за бабочками», какъ вы выражаетесь, безъ всякихъ помысловъ о любви и бракѣ?

На лицо тети Белль стоило взглянуть въ эту минуту.

— Н—не знаю,—протянула она,—а что-то мнѣ сомнительно.

— Увѣряю васъ, что м-ръ Броунъ ни разу не заводилъ объ этомъ рѣчи, даже намекомъ.

Тетя Белль зорко поглядѣла на нее сквозь золотыя очки, но Мона выдержала этотъ взглядъ, не краснѣя.

— Ну, не онъ, такъ его сестры,—рѣшила умная старуха.—Какъ только соберусь въ городъ, зайду къ нимъ и распушу ихъ хорошенько.

Сейчасъ же послѣ чаю Мона поднялась, чтобы итти. Дни въ это время года такъ коротки, что ей по необходимости приходилоеь сокращать свои визиты.

— Ты все-таки намѣрена вернуться домой, въ Лондонъ?

— О да, я не могу остаться дольше.

— А что же будетъ съ лавкой?

— Постараюсь найти на свое мѣсто какую-нибудь толковую дѣвушку.

— И поѣзжай, дѣвочка. Здѣсь тебѣ не мѣсто. Я даже не стану просить тебя, чтобъ ты осталась, хотя мнѣ, старухѣ, будетъ очень тоскливо безъ тебя.

— Милая тетя Белль,—ласково возразила Мона,—вѣдь мы рѣшили, что вы пріѣдете ко мнѣ.

— Я то! Богъ съ тобой, голубка! Гдѣ же мнѣ, старухѣ, пускаться въ такой дальній путь. Я и по желѣзной дорогѣ разучилась ѣздить, не то что на пароходѣ.

Онѣ стояли у открытой двери; мѣсяцъ свѣтилъ прямо въ лицо тетѣ Белль и въ этомъ свѣтѣ ея усталое морщинистое лицо казалось еще старше.

— Тогда поѣдемте вмѣстѣ со мной. Я не умѣю сказать, какъ я буду радоваться и гордиться, если вы захотите жить у меня.

Старческое лицо просіяло.

— Ей Богу, она способна посадить меня въ вагонъ перваго класса и обращаться со мной, какъ съ королевой. М-рсъ Доудсъ, съ сосѣд-

ней фермы, все смѣется надо мной, отчего я никогда не съѣзжу съ дешевымъ поѣздомъ въ Эдинбургъ. Вотъ я ей и похвастаю, что могу поѣхать не то что въ Эдинбургъ, а даже въ Лондонъ, и еще въ первомъ классѣ, со всѣми удобствами!..

Тетя Белль даже въ плясъ пустилась отъ радости, но вдругъ притихла и, напустивъ на себя важный видъ, промолвила:

— Можешь поклониться отъ меня Рэчели и сказать ей, что тетя Белль также бодра, какъ и была.

— Еще-бы! вѣдь вы обѣщали танцовать на моей свадьбѣ,—отозвалась Мона уже на ходу, послала ей воздушный поцѣлуй и легкой, быстрой поступью пошла дальше.

Много она передумала за дорогу и, еще не дойдя домой, пришла къ опредѣленному рѣшенію:

— Сегодня же напишу записочку м-ру Броуну и скажу ему, что жизнь слишкомъ коротка для изученія Algae и Fungi.

Глава XXXV.

Базаръ.

Въ день открытія базара погода стояла теплая, ясная. Въ городѣ царило необычайное оживленіе. Убранству залы недоставало художественной гармоніи; придирчивый критикъ нашелъ-бы въ немъ, пожалуй, разительное сходство съ одѣяломъ изъ кусочковъ, присланнымъ какой-то доброй женщиной въ даръ устроительницамъ и теперь служившимъ мишенью для разныхъ шуточекъ и остротъ;—но мѣстные жители думали иначе. Чтобы полюбоваться базаромъ, они съѣзжались со всѣхъ концовъ графства. И дѣйствительно, зала, вся увѣшанная разноцвѣтными матеріями и гирляндами, имѣла веселый нарядный видъ.

Надъ входной дверью красовалась выложенная изъ остролистника надпись: «Да процвѣтаетъ Киркстоунъ!» На хорахъ гремѣлъ мѣдный оркестръ, очевидно привыкшій играть подъ открытымъ небомъ, но рѣзкіе громкіе звуки были по сердцу обывателямъ и не разстраивали уравновѣшанныхъ нервовъ.

Старѣйшій изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ сэръ Родерикъ Алисонъ изъ Бальнамора объявилъ базаръ открытымъ. Наплывъ посѣтителей былъ такъ великъ, что двигаться можно было только съ трудомъ, Мона была въ началѣ не особенно довольна, что ее заставили принять участіе въ этой «затѣѣ», но потомъ увлеклась ею. Весь день наканунѣ она трудилась въ своемъ кіоскѣ, разставляла, раскладывала, драпировала, и дѣвицы Бонтронъ могли только поздравлять другъ дружку съ удачнымъ выборомъ помощницы. Добрыя старушки застѣнчиво предложили Монѣ снабдить ее подходящимъ костюмомъ;—«Знаете, что-нибудь повеселѣе, посвѣтлѣе, хотя и ваше платьице очень миленькое»...—

но она поблагодарила и отказалась, говоря, что свѣтлыя платья остались въ Лондонѣ и она попроситъ пріятельницу прислать ей, что нужно.

Платье, которое было теперь на Монѣ, тоже не било въ глаза, но очевидно вышло изъ рукъ художницы-портнихи и обращало на себя вниманіе всѣхъ, знавшихъ «помощницу миссъ Симсонъ».

— Я нахожу, что продавщицѣ такъ одѣваться просто смѣшно,— говорила Клоринда Куксонъ своей сестрѣ. — Это страшно мове-тонъ. Сразу видно, что у нея никогда въ жизни не было такого платья. Обрадовалась, что пригласили продавать на базарѣ. Впрочемъ, и то сказать, для нея это—событіе.

Матильда закусила губы и не отвѣтила. Она уже привыкла сдерживаться.

Скоро, однако, у продавщицъ не стало времени думать о тряпкахъ: публика валомъ валила, и все такая, которая приходитъ именно съ цѣлью купить; деньги лились рѣкою. Монѣ приходилось то дѣлать вычисленія за своихъ покровительницъ, то отыскивать что нибудь подходящее для джентельмена, то симпатизировать тѣмъ, кому нравились только вещи съ надписью «продано», и т. д. и т. д., — словомъ ее разрывали на части.

Но она всюду поспѣвала. Въ этотъ день она чувствовала себя совсѣмъ молодой. Она была жизнью и душой своего уголка. Дорисъ какъ всегда ясная, спокойная и прелестная, продававшая въ сосѣднемъ кіоскѣ, каждую свободую минуту любовалась подругой. Пожалуй, главной причиной хорошаго настроенія Моны было то, что Рэчель простудилась и не могла выходить изъ дому. Мона искренно жалѣла кузину и готова была раздѣлить съ ней болѣзнь и заключеніе, но это было невозможно,—а все таки пріятно день-два быть себѣ госпожей и заботиться только о себѣ.

Первая партія покупателей необыкновенно быстро исчезла и передъ обѣдомъ наступилъ перерывъ: продавщицы болтали между собой, хвастались другъ передъ дружкой итогами, успѣвали даже сбѣгать въ буфетъ. Но вдругъ у входной двери раздались голоса и шаги.

— Смотрите, смотрите!—заволновались всѣ три миссъ Бонтронъ;— вѣдь это изъ Тоуэрса пріѣхали!

Въ околодкѣ было всего два магната: сэръ Родерикъ Алисонъ изъ Бальнаморы и лордъ Киркгопъ изъ Тоуэрса. Сэръ Родерикъ, въ качествѣ депутата отъ восточной части графства, живо интересовался всѣми мѣстными дѣлами, его присутствіе на разныхъ сборищахъ считалось за честь, но всѣ къ этому привыкли и находили это въ порядкѣ вещей. Киркгопы, наоборотъ, вели разсѣянную веселую свѣтскую жизнь, не водились съ низшими и въ дѣлѣ выполненія общественныхъ обязанностей ограничивались тѣмъ, что позволяли иногда устраивать цвѣточныя выставки въ своихъ садахъ. По этому, когда имъ случалось

принять участіе въ какомъ нибудь мѣстномъ торжествѣ, это всегда производило сенсацію.

Леди Киркгопъ позвала къ себѣ на праздники полонъ домъ гостей, и ей пришла фантазія свезти ихъ всѣхъ на базаръ, какъ два мѣсяца тому назадъ на деревенскую ярмарку смотрѣть великаншу и дѣвочку о двухъ головахъ. «Все, что угодно, лишь-бы весело было»,—говаривала она и придумывала для своихъ гостей самыя причудливыя развлеченія, а гости, простодушные провинціалы, подчиняясь ея зятѣямъ, спрашивали себя: что-же тутъ веселаго?

Мона, не будучи мѣстной уроженкой, мало интересовалась ново-прибывшими и видѣла въ нихъ только выгодныхъ покупателей. Прислонившись къ стѣнѣ, она отдыхала и улыбалась тому, какъ всѣ суетились изъ-за пріѣзда важной дамы, какъ вдругъ у нея екнуло сердце и кровь прилила къ щекамъ. Въ десяти шагахъ отъ нея, въ группѣ, окружавшей леди Киркгопъ, стоялъ сагибъ. Ошибиться было невозможно. Вмѣсто старой соломенной шляпы и холоднаго пиджака на немъ былъ безукоризненный костюмъ, сшитый по послѣдней модѣ, но круглое молодое привѣтливое лицо осталось все тѣмъ-же. Какъ отрадно было увидать его! сколько счастливыхъ воспоминаній разомъ встали въ душѣ! И она ликовала, думая о томъ, какъ много у нихъ найдется чего поразсказать другъ другу, но черезъ минуту ее позвала миссъ Бонтронъ:

— Скажите, пожалуста, душенька,—у васъ въ магазинѣ, кажется, есть такія шкатулочки,—какъ вы думаете, сколько за нихъ спрашивать?

Этотъ вопросъ, подобно стуку въ дверь въ *Макбетѣ*, разомъ вернулъ Мону къ дѣйствительности. Неумолимая память подсказала ей, что сагибъ пріѣхалъ съ «графами», что онъ здѣсь въ качествѣ почетнаго гостя, а она — бѣдная дѣвушка, продавщица, приглашенная сюда отчасти изъ желанія доставить ей удовольствіе, отчасти же благодаря ея умѣнью складывать и вычитать.

— Сколько спрашивать? Мы ихъ продаемъ по полкронѣ. Здѣсь я думаю, можно брать по три шиллинга,—отвѣчала она, улыбаясь, про-себя же думала:—Господи, хоть бы онъ не замѣтилъ меня! Могу себѣ представить сагиба въ лавкѣ!

Она засмѣялась, но смѣхъ этотъ походилъ на рыданіе, а глаза ея подозрительно блестѣли.

— Мона! — подойдя, окликнула ее Дорисъ, — одна особа сегодня просто очаровательна, вы это знаете?

— О да!—отвѣтила Мона полнымъ восхищенія взглядомъ;—я ужъ давно замѣтила и все утро любуюсь ею.

— Мнѣ такъ и хочется крикнуть на всю залу: — Вы видите, что это за прелесть? Это студентка, медичка!

— Ради Бога:—ужаснулась Мона.—Кузина никогда бы вамъ этого не простила, да и я тоже.—Ну, какъ у васъ?

— Я продала цѣлую кучу всякаго хламу. Въ сущности, весь секретъ успѣха на базарѣ въ томъ, что у каждаго свой вкусъ.

Въ это мгновеніе къ столику Моны подошелъ покупатель; пришлось заняться имъ. Оглянувшись черезъ минуту, она увидала, что Дорисъ оживленно бесѣдуетъ съ какимъ-то пожилымъ господиномъ и разслышала нѣсколько словъ о «власти женщинъ».

— Женщины не могутъ властвовать — возразилъ пожилой господинъ, съ почтительнымъ поклономъ,—онѣ могутъ только вліять.

Дорисъ покраснѣла и молвила съ ясной улыбкой:

— Не будемъ спорить о словахъ. Власть не что иное, какъ внѣшняя форма вліянія.

Она была прелестна въ эту минуту, — стройная, нѣжная съ закинутой назадъ головкой, съ видомъ робости и вмѣстѣ вызова. Никогда еще Мона не видала свою подругу такой очаровательной, такой непохожей на всѣхъ другихъ. Скоро она замѣтила, что любуется не одна. Не подозрѣвая, что за ними наблюдаютъ, невдалекѣ стоялъ молодой человѣкъ и съ интересомъ прислушивался къ разговору. Лицо его выражало забавную смѣсь удивленія и восторга. Человѣкъ этотъ былъ сагибъ.

Еще мигъ—и лицо его засіяло такой радостью, что у Моны всколыхнулось сердце, и всѣ ея страхи разсѣялись. Нѣтъ, на этого человѣка можно положиться вполнѣ. Недаромъ всѣ женщины смотрятъ на него, какъ на брата.

Тѣмъ не менѣе, подходя къ Монѣ, чтобы подать ей руку, сагибъ придалъ своему лицу болѣе серьезное выраженіе. Онъ не могъ отрицать, что радъ былъ видѣть ее, но не могъ и забыть, что она обошлась съ нимъ очень дурно.

— Я заходилъ къ вамъ въ Лондонѣ,—замѣтилъ онъ обиженнымъ тономъ, когда они обмѣнялись первыми привѣтствіями—но мнѣ сказали только, «уѣхала, не оставивъ адреса».

— Ахъ, какъ мнѣ жаль! мнѣ и въ голову не приходило, что вы зайдете.

Онъ зорко посмотрѣлъ на нее. Она, очевидно, говорила совершенно искренно, а между тѣмъ трудно было повѣрить, что это правда. Вѣдь она не заурядная барышня, готовая флиртовать съ каждымъ встрѣчнымъ. Неужели-же послѣ всѣхъ ихъ встрѣчъ и разговоровъ въ Норвегіи, она могла думать, что онъ позволитъ ей навсегда уйти изъ его жизни, даже не попытается отыскать ее?

Мона и теперь была очень далека отъ того чтобъ угадать его мысли. Убѣжденная, что она «не въ мужскомъ вкусѣ», она ничего не ждала отъ мужчинъ. Лично къ Сагибу она питала самыя дружескія чувства, но никогда не спрашивала себя, что онъ чувствуетъ и какъ онъ относится къ ней. Она и черезъ десять лѣтъ такъ же обрадовалась-бы ему и такъ же горячо пожала-бы его руку, но чтобы въ

эти десять лѣтъ онъ хоть разъ свернулъ съ дороги, чтобы навѣстить ее,—это, какъ она говорила совершенно искренно, просто-на-просто не не приходило ей въ голову.

— Кто бы могъ ожидать встрѣтить васъ на базарѣ! — удивлялся сагибъ.

— Это мнѣ слѣдовало бы сказать, а не вамъ. Впрочемъ, я здѣсь, правду говоря, не по собственному желанію. За меня дали слово безъ моего вѣдома. Я-бы повиновалась охотнѣе еслибъ знала, что увижу васъ.

Лицо его просвѣтлѣло.

— Теперь моя очередь сказать, что вы предвосхитили мою мысль. Меня привезли сюда. Я гощу въ Тоуэрсѣ, полагаю проводить Рождество по старинному. Гдѣ вы здѣсь живете, или вы нарочно пріѣхали сюда, для этого базара?

У Моны упало сердце.

— Нѣтъ, я гощу у родственниковъ по сосѣдству.

— Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, имѣть удовольствіе быть у васъ. Вы уже завтракали?

— Нѣтъ еще.

— Вотъ и отлично. Идемте въ буфетъ. Могутъ же они четверть часа обойтись безъ васъ.

Мона представила его дѣвицамъ Бонтронъ, какъ «друга семьи», и взяла его подъ руку. Разъ они уже встрѣтились, надо же поговорить по душѣ.

— Вы знакомы съ леди Киркгопъ? — спросилъ онъ, прокладывая себѣ дорогу черезъ толпу.

— Нѣтъ, да и не имѣю возможности познакомиться съ ней. Лучше ужъ сказать вамъ сразу, что я...

— Леди Киркгопъ, — сказалъ сагибъ, неожиданно останавливаясь передъ очень подвижной пожилой дамой, — я увѣренъ, что вы будете рады познакомиться съ миссъ Маклинъ. Она—дочь Гордона Маклина, о которомъ мы говорили давеча вечеромъ.

— Горжусь возможностью пожать ея руку,—ласково отвѣтила леди Киркгопъ.—На свѣтѣ очень немного людей, миссъ Маклинъ, которыми бы я такъ восхищалась, какъ вашимъ отцомъ.

Онѣ обмѣнялись еще двумя-тремя любезными фразами; затѣмъ Мона и сагибъ продолжали свой путь.

— О, м-ръ Дикинсонъ,—начала Мона, когда они вошли въ просторный буфетъ и сѣли въ уголокъ,—что вы сдѣлали!

— Что жъ я такого особеннаго сдѣлалъ?—добродушно удивился сагибъ.—Положимъ, мнѣ слѣдовало спросить у васъ позволенія, прежде чѣмъ знакомить васъ съ кѣмъ нибудь на базарѣ, но леди Киркгопъ въ этомъ отношеніи не очень взыскательна; притомъ же мы встрѣтили ее такъ *à propos*. Я увѣренъ, что вы не гнѣвались бы на меня, еслибъ знали, какъ восторженно она отзывалась о вашемъ отцѣ.

— Не въ томъ дѣло.—Мона тяжело перевела духъ.—Вы ни чуточки не виноваты, но все-таки мое положеніе преглупое.

Мона запнулась. Въ первый моментъ, при видѣ дружеской улыбки сагиба, она вообразила, что ей легко будетъ разсказать ему всю правду; но теперь дѣло приняло такой нелѣпый, смѣшной, невозможный оборотъ, что она не находила словъ.

— М-ръ Дикинсонъ,—выговорила она наконецъ,—леди Мунро моя родная тетка.

— Она, повидимому, и сама убѣждена въ этомъ.

— А Гордонъ Маклинъ мой отецъ.

— И это мы слыхали.

— Мать моя, миссъ Леннокеъ, была настоящая леди, знакомство съ которою каждый могъ считать за честь.

— За это я могу поручиться!

— Но вѣдь я вамъ никогда не говорила этого? Никогда не хвасталась своими родственниками?

— Думаю, что этотъ вопросъ не требуетъ отвѣта. Ваше вступленіе изумительно, но пожалуйста, не держите меня такъ долго въ ожиданіи. Я умираю отъ любопытства.

Мона не улыбнулась въ отвѣтъ на его улыбку.

— Все это,—продолжала она съ усиліемъ,—сущая правда; но правда и то, что въ данный моментъ я живу у кузины, которая держитъ небольшой галантерейный магазинъ въ Борроунессѣ. Меня пригласили продавать на этомъ базарѣ просто потому что—*c'est mon métier à moi*, что я, говорятъ, мастеръ своего дѣла. Теперь вы понимаете, почему я не желала быть представленной леди Киркгопъ.

Прошло добрыхъ двѣ минуты, прежде чѣмъ сагибъ заговорилъ; отвѣтъ его былъ весьма характеренъ.

— Чего ради вы это дѣлаете?

Мона мгновенно овладѣла собой: въ ней проснулась ея обычная гордость.

— Зачѣмъ я это дѣлаю? Почему же мнѣ этого не дѣлать? Кузина имѣетъ на меня такія же права, какъ и Мунро, а нуждается во мнѣ гораздо больше. Если бы мнѣ пришлось выбирать, я предпочла-бы пасть вмѣстѣ съ Рэчелью Симпсонъ, чѣмъ устоять съ леди Мунро.

Она поднялась было, но сагибъ удержалъ ее за руку.

— Вы какъ-то сказали, что не желали бы помѣряться со мною силой,—молвилъ онъ вполголоса.—Я все равно не пущу васъ, поэтому вамъ лучше сѣсть. А то вѣдь хуже будетъ—выйдетъ скандалъ.

— Во всякомъ случаѣ вы пустите мою руку.

— На честное слово?

Мона невольно сдалась.

— На честное слово.

— Я могу остаться еще ровно на десять минутъ И она положила передъ собою на столъ часы.

— Ладно. Трудное положеніе не станетъ легче отъ того, что человѣкъ откажется отъ завтрака.

— Я не нахожу свое положеніе труднымъ, да и для васъ выходъ открытъ.—Она движеніемъ головы указала на дверь.—Мнѣ только жаль, что вы не дали мнѣ разсказать вамъ все это, прежде чѣмъ вы меня познакомили съ леди Киркгопъ. Знай я, что вы будете здѣсь, я бы сдѣлала вамъ знакъ избѣгать меня.

— Миссъ Маклинъ, позвольте вамъ замѣтить, что вы стали болѣзненно обидчивы.

Онъ заглянулъ ей въ глаза. Она не опустила своихъ.

— Это правда,—сказала она просто.

— А для такой женщины, какъ вы, замѣтить это въ себѣ и искоренить—одно и то же.

— Можете быть увѣрены, что мнѣ это крайне непріятно, но право же при такихъ условіяхъ трудно держать себя совсѣмъ просто. Я часто смѣюсь, вспоминая, какъ я говорила вамъ, что въ моей жизни не было ни одного компромисса.

— Если не ошибаюсь, вы тогда сказали еще, что я человѣкъ несравненно болѣе цѣльный и прямолинейный, чѣмъ вы. Полагаю, теперь вы этого не сказали бы.

— Напротивъ, и съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Гм. Вы считаете меня способнымъ откапывать бѣдныхъ родственниковъ ради удовольствія посвятить себя исключительно имъ? Напрасно?

Мона вспыхнула.

— М-ръ Дикинсонъ, я должна вамъ сказать, что поѣздка къ кузинѣ была рѣшена раньше, чѣмъ я познакомилась съ Мунро. Не скажу, чтобы я вообще не способна была этого сдѣлать, но все таки рѣшеніе мое было принято въ то время, когда, имѣя множество друзей, я была въ сущности, совсѣмъ одинока. Кромѣ того,—Мона вспомнила «сказочку» полковника Лауренса,—даже оставивъ въ сторонѣ Мунро, еслибъ я знала все, что знаю теперь, я бы, пожалуй, не поѣхала. Вотъ и судите, чего стоитъ мое геройство.

— Ваша добросовѣстность по истинѣ великолѣпна.

— Я не увѣрена, что это не шарлатанство. Еще двѣ минуты. Вы слышали, что леди Киркгопъ собирается заѣхать ко мнѣ?

— Не тревожьтесь: это мы уладимъ. Вы простили мнѣ это знакомство?

Мона улыбнулась.—Въ отплату я познакомлю васъ съ несравненно болѣе интересной женщиной—съ моей пріятельницей Дорисъ Колькхунъ.

— Когда мы увидимся? Вы позволите мнѣ зайти?

— Нѣтъ.

— Какъ вы доберетесь домой?

— Миссъ Бонтронъ отвезутъ меня въ кэбѣ.

— Вы будете на балу?

— Нѣтъ.

— Но вѣдь вы легко могли бы найти себѣ дуэнью?

— О да.

— Поѣхали ли бы вы, еслибъ я попросилъ васъ сдѣлать это въ видѣ личнаго мнѣ одолженія?

Мона подумала и просто сказала:

— Не вижу, почему бы мнѣ не сдѣлать этого.

— Спасибо. Еще одно, миссъ Маклинъ,—зачѣмъ непремѣнно побѣждать, или падать? Не слѣдуетъ думать только о себѣ одной; всѣ мы связаны другъ съ другомъ. А теперь—я вашъ плѣнникъ. Ведите меня къ своему столику: я готовъ купить все, что вамъ будетъ угодно.

Сагибъ былъ не единственной жертвой въ этотъ день, добровольно и безстрашно предоставившей себя въ распоряженіе Моны. Часъ спустя пришелъ м-ръ Броунъ съ пятифунтовымъ билетомъ въ карманѣ и четыре съ лишнимъ фунта оставилъ у столика миссъ Бонтронъ.

Глава XXXVI.

Балъ.

Просторная зала съ хорошо навощеннымъ паркетомъ, множество разноцвѣтныхъ свѣчей и тепличныхъ растеній, струнный оркестръ, играющій увлекательные вальсы и жизнерадостныя кадрили; словомъ—балъ въ полномъ разгарѣ. Даже почтенныя матери семействъ, забывъ свои лѣта приняли участіе въ танцахъ, по просьбѣ сѣдобородыхъ кавалеровъ.

Дорисъ упросила Мону ѣхать на балъ вмѣстѣ съ ней и ея знакомыми, такъ какъ дѣвицы Бонтронъ вообще не одобряли этой поѣздки. Рэчель таки соблазнилась посмотрѣть на базаръ, хотя бы въ день закрытія, и возвращаясь домой, простудилась еще сильнѣе, такъ что никоимъ образомъ не могла сопровождать кузину. Мона отъ души готова была провести вечеръ съ нею, но Рэчель и слышать объ этомъ не хотѣла. Она чувствовала себя такъ нехорошо, что за день прочла цѣлыхъ двѣ проповѣди, и, придя въ умиленное настроеніе, геройски отвергла предложеніе Моны, которое казалось ей гораздо болѣе великодушнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Гости изъ Тоуэрса пріѣхали уже въ одиннадцатомъ часу, и притомъ одни мужчины. Сагибъ думалъ, что леди Киркгопъ, въ погонѣ за «весельемъ» тоже будетъ сопровождать, но она объявила, что «всему есть граница» и она отказывается «танцовать съ бакалейщиками». Зато между джентльменами нашлись желающіе. По дорогѣ они много

смѣялись и острили насчетъ провинціальныхъ дамъ, за которыми имъ придется ухаживать; поэтому сагибъ не безъ гордости представилъ своихъ знакомыхъ Дорисъ и Монѣ.

Мона была въ тяжеломъ бархатномъ платьѣ, которое не годилось для танцевъ, но очень шло къ ней; Люси говорила, что она въ этомъ платьѣ смотритъ императрицей;—а танцовать она и не собиралась. Она и Дорисъ—вся въ свѣтломъ шелку—представляли рѣзкій контрастъ съ вычурно разряженными матронами и барышнями, одѣтыми въ тарлатанъ и кисею.

Дорисъ, какъ и всегда, скоро сдѣлалась центромъ небольшой группы. Мона пришла только посмотрѣть и поболтать съ сагибомъ, но и за ней много ухаживали, что положительно изумляло ее, въ виду ея «ложнаго положенія».

Разумѣется, это ей нравилось. Ей было пріятно, что въ двухъ миляхъ отъ лавки ее встрѣчаютъ, какъ леди, и видятъ въ ней только свѣтскую женщину; но, въ сущности, изъ присутствовавшихъ о ея профессіи знали только м-рсъ Юингъ, да Куксоны. Большинство ее кліентокъ принадлежали къ низшимъ слоямъ общества, или же были членами баптистской церкви и потому не могли быть на балу. А кто и видалъ Мону въ лавкѣ, не узналъ «помощницы миссъ Симпсонъ» въ этой изящной, красивой дамѣ, пріѣхавшей съ избраннымъ обществомъ изъ Сентъ-Рульса.

Матильда ликовала; еслибъ можно было она хвастала бы всѣмъ и каждому, что она одна все время знала тайну переодѣтой принцессы. Кларинда надула губки и объявила, что она надѣется по крайней мѣрѣ, что «у этой лавочницы» жемчугъ поддѣльный, а кружево—имитація.

Мона была приглашена на всѣ танцы, но не танцовала, а сидѣла и разговаривала со своими кавалерами. Веселая, непринужденная болтовня не смолкала ни на минуту, и Мона дивилась тому, какъ легко быть интересной собесѣдницей вечеромъ, когда голова не утомлена цѣлымъ днемъ умственнаго труда.

— Вы ждете кого-нибудь?—неожиданно спросилъ ее во время галопа, кэптенъ Стиль, красивый господинъ среднихъ лѣтъ, представленный ей сагибомъ.

— Нѣтъ,—а что? Почему вы спрашиваете?

— Вы такъ пристально всматриваетесь въ каждаго входящаго.

— Развѣ? Это машинально. Я здѣсь почти никого не знаю.

Тѣмъ не менѣе она слегка покраснѣла. Этотъ вопросъ заставилъ ее сознаться себѣ, что въ глубинѣ ея сердца таится желаніе, чтобы докторъ Дудлей пришелъ полюбоваться ея успѣхомъ. Онъ видѣлъ ее совсѣмъ при другихъ условіяхъ—пусть бы посмотрѣлъ теперь; скоро и Рождество; его ждутъ со дня на день; почему бы ему не пріѣхать сегодня? Это было очень скромное, очень невинное желаніе, но Мона поспѣшила отогнать его и посвятить все свое вниманіе своему кавалеру.

Бѣдное маленькое желаніе! ему не суждено было исполниться. Дудлей цѣнилъ свою ловкость по достоинству и никогда не пускался въ танцы; въ эту минуту надвинувъ на лобъ мѣховую шапку, онъ сладко спалъ въ вагонѣ, мчавшемъ его въ Борроунессъ... А между тѣмъ, еслибы это желаніе осуществилось, можетъ быть все вышло бы по другому!

Во время паузъ Мона наблюдала за подругой и сагибомъ. Рѣдкая женщина не кажется хорошенькой въ изящномъ вечернемъ туалетѣ, а Дорисъ, въ серебристомъ шелку, смотрѣла рождественской розой въ дымкѣ тумана. Она оживилась—говорила съ увлеченіемъ; сагибъ слушалъ улыбаясь, и эта улыбка чрезвычайно красила его простоватое лицо. Мона была увѣрена, что онъ во всю свою жизнь не смотрѣлъ ни на одну женщину съ такой улыбкой и съ такимъ свѣтомъ въ глазахъ. «Счастливъ будетъ тотъ, кому достанется моя Дорисъ!»—сказала она себѣ, и сейчасъ же вслѣдъ за этой мыслью пришла другая: «говорятъ, свахи всегда только портятъ дѣло, но мнѣ кажется, если начать хвалить женщину мужчинѣ, а мужчину при женщинѣ бранить, они непремѣнно заинтересуются другъ другомъ».

Оркестръ заигралъ вальсъ.

— Мы съ вами, миссъ Маклинъ,—сказала сагибъ, подходя.—Пойдемте, спрячемся куда-нибудь въ уголокъ и поговоримъ по душѣ.

— Это очень заманчиво, только говорить то мнѣ придется все больше грустное.

— И мнѣ тоже. Вамъ нравится здѣшнее общество?

— Другими словами: нравлюсь ли я сама себѣ? Не особенно.

— Не философствуйте. Не мѣшаетъ иногда и посплетничать. Мнѣ здѣсь не нравится, все такъ глупо, пошло и напыщенно.

— Люди, пожалуй, но мѣстность чудная. Какъ вы сюда попали?

— Я давно знакомъ съ Киркгопомъ. Мы встрѣтились въ Индіи, и я оказала ему маленькую услугу, а потомъ мы случайно столкнулись мѣсяцъ тому назадъ. Онъ пригласилъ меня погостить; я имѣлъ слабость принять приглашеніе; а теперь, оказывается судьба была ко мнѣ благосклоннѣе, чѣмъ я того заслуживалъ.

— Я видѣла васъ разъ, въ Эдинбургѣ на станціи.—И Мона разсказала ему, какъ она досадывала, что имъ не удалось поговорить.

— Эгакая досада! Я вѣдь часто бываю въ Эдинбургѣ; это моя родина;—тамъ живетъ мой отецъ.

— Неужели вы никогда не встрѣчались съ Дорисъ?

Сагибъ не сразу отвѣтилъ.

— Я не былъ ей представленъ. Но я видѣлъ ее. Ея лицо не изъ тѣхъ, которые забываются.

— А если бы вы знали, что это за душа! Вы не найдете другой такой женщины. Полное отсутствіе эгоизма;—настоящее дитя природы.

— Она удивительно проста и естественна. Въ этомъ ея очарованіе. Что за человѣкъ Колькхунъ? по имени-то его всякій знаетъ.

— Да; онъ изъ лучшихъ артистовъ. Кромѣ того онъ ученый, но въ этомъ отношеніи немножко—трогателенъ. Вы намѣрены быть у нихъ?

— Получилъ разрѣшеніе.

— Пожалуйста, когда онъ будетъ вамъ показывать свои инструменты и приборы, или разсказывать о своихъ опытахъ, отнеситесь къ нему снисходительно,—ради меня. Онъ часто и не замѣчаетъ, что надъ нимъ смѣются. А я его очень люблю.

— Не думаю, чтобы у меня явилось желаніе смѣяться надъ нимъ. А миссъ Колькхунъ тоже занимается наукой?

— Лучше того. Она любитъ собаку за то, что она собака,—червяка за то, что онъ червякъ. Сама наука должна преклонится передъ такой врожденной любовью къ природѣ.

Опять наступила пауза. Но вдругъ сагибъ встрепенулся.

— Миссъ Маклинъ, уговоръ дороже денегъ. Я вамъ объяснилъ, какъ я попалъ сюда. Теперь ваша очередь.

Мона вздохнула.

— Когда я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ, вы готовились быть яркимъ свѣтиломъ медицинскаго горизонта. Почему вы зарыли свой талантъ?

— Прекрасно. Вы сразу бьете по больному мѣсту. Такъ и надо. Это полезно, хоть и больно. Я скажу вамъ правду, сагибъ. Я здѣсь главнымъ образомъ потому, что дважды провалилась на экзаменѣ при переходѣ на старшій курсъ.

Снова молчаніе. Эти паузы составляли характерную особенность рѣчи сагиба.

— Какимъ образомъ вы ухитрились это сдѣлать?—выговорилъ онъ наконецъ.—Когда видишь, какіе дураки мужчины переходятъ...

Краска на щекахъ Моны сгустилась.

— Не думаю, чтобы на медицинскомъ факультетѣ въ Лондонѣ кончало много дураковъ... Разумѣется, человѣкъ ищетъ себѣ оправданія.—Такъ и я говорю себѣ, что слишкомъ рано начала работать въ госпиталѣ, училась не по программѣ, что уровень моихъ занятій былъ выше, чѣмъ нужно для экзамена и т. д. и т. д. и только въ рѣзкіе моменты когда я бываю вполнѣ добросовѣстна, я сознаюсь себѣ, какъ сознаюсь теперь вамъ, что вся бѣда въ моей собственной тупости и неспособности къ дѣлу.

— Полноте, меня въ этомъ не проведете. Это неправда, и вы сами этому не вѣрите. Это не значитъ говорить добросовѣстно.

Слова звучали грубовато, но сердце сагиба было въ эту минуту полно нѣжности къ Монѣ. Онъ всегда находилъ ее прелестной и талантливой,—пожалуй, немножко черезчуръ независимой,—тѣмъ болѣе восхитительно было видѣть ее смущенной и покорно, какъ ребенокъ, отвѣчающей на его вопросы, видимо считая себя обязанной говорить вполнѣ искренно, хотя это стоило ей усилій.

— Это правда и только правда. Иногда я позволяю себѣ думать, что это не все правда.

— Вы намѣрены еще разъ попытаться?

— Да.

— Когда?

— Въ іюлѣ.

— Надѣетесь выдержать?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же пытаться?

— Я обѣщала.

Снова наступило молчаніе, и вдругъ сагибъ брякнулъ безъ всякихъ предисловій.

— Послушайте, миссъ Маклинъ: бросьте вы это все и поѣдемте вмѣстѣ въ Индію!

Это было такъ неожиданно, что въ первый моментъ Мона думала, что онъ шутитъ.—Это было-бы весьма пріятный и простой способъ выйти изъ затруднительнаго положенія,—начала она и недокончила, только тутъ догадавшись, что онъ хотѣлъ сказать. Она хотѣла сдѣлать видъ, что не поняла, но не могла, внезапная блѣдность выдала ее.

— Поѣдемте!—повторилъ онъ.—Хотите? Я никогда ни одной женщины не любилъ такъ, какъ васъ!

— О сагибъ, и я васъ люблю, но это не то. Я напла въ васъ, то, чего мнѣ недоставало—брата.

Ей не было жаль его; она слишкомъ досадовала на его глупость. Ни на минуту ей не пришло въ голову, что онъ можетъ быть дѣйствительно любить ее. Конечно, она ему нравится; онъ восхищается ею, сочувствуетъ ей, въ данный моментъ жалѣетъ ее, но неужели же онъ думаетъ, что женщина не можетъ принять его дружбу, восхищеніе, симпатію, даже жалость, просто, такъ, безъ того, чтобы это было переведено на ходячую монету, на предложеніе руки и сердца? Неужели женщинѣ только и можно предложить бракъ, какъ нищему деньги, и нѣтъ другой формы, въ которой мужчина могъ бы выразить ей свои чувства?

Мона довольно вѣрно прочла въ его душѣ: сестра сагиба, Лена, въ недалекомъ будущемъ должна была выйти замужъ, его отпускъ приходилъ къ концу, и онъ подумывалъ о томъ, что недурно было бы влюбиться и увезти съ собою въ Индію жену, вмѣсто того, чтобы ѣхать одному.

Среди его знакомыхъ дѣвушекъ миссъ Маклинъ была несомнѣнно *facile princeps* и во многихъ отношеніяхъ подходила къ нему. Она была изъ тѣхъ женщинъ, которые въ зрѣломъ возрастѣ интереснѣе и красивѣе, чѣмъ въ молодости. Въ Англо-Индійскомъ обществѣ она явится совершенно новымъ типомъ, а три мѣсяца пріемовъ въ своей собственной гостиной сдѣлаютъ изъ нея блестящую свѣтскую даму.

Осенью, охотясь въ Шотландіи, сагибъ тѣшилъ себя мыслью, что онъ по доброй водѣ сошелъ со сцены, и еще больше радовался, думая о томъ, какъ онъ «самъ, по собственной иниціативѣ», пойдетъ къ ней въ Лондонѣ—провѣрить, возобновятся ли въ полной силѣ прежнія впечатлѣнія. Онъ былъ горько разочарованъ, не найдя Моны на ея прежней квиртирѣ, и при этомъ почти убѣдился, что онъ влюбленъ.

А тутъ эта неожиданная встрѣча въ Киркстоунѣ.—Видите вы эту—особу въ мѣховой накидкѣ?—сказала ему Мона въ день закрытія базара.—Не пугайтесь; я не собираюсь васъ знакомить; но это моя кузина. Теперь вы знаете все, что мнѣ нужно сказать вамъ.

Его изумленіе и недовѣрчивый взглядъ не ускользнули отъ Моны, хотя онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и былъ настолько тактиченъ, что промолчалъ. Онъ, дѣйствительно, изумился при видѣ «кузины», но особеннаго огорченія не ощутилъ.—Въ сущности,—говорилъ онъ себѣ,—каждый изъ насъ, при желаніи, могъ бы откопать гдѣ-нибудь въ глуши такую же родственницу.—При мысли объ этой захолустной кузинѣ и о неудачахъ Моны въ ея медицинской карьерѣ, онъ испытывалъ безсознательное удовольствіе, чувствуя себя рыцаремъ изъ волшебной сказки, которому предстоитъ освободить принцессу. Притомъ же, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ которыя была поставлена Мона, они очень сблизились за послѣдніе дни. Она позволила сагибу заглянуть въ сокровенный уголокъ своей души, и онъ былъ очарованъ. Пріятно было видѣть, какъ сгущается румянецъ на ея щекахъ, слышать ея учащенное, взволнованное дыханіе, а сегодня—она была просто красавицей, и у него не осталось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что онъ любитъ ее.

— Вы, конечно, лучшій судья въ дѣлѣ своихъ чувствъ ко мнѣ, но позвольте мнѣ самому знать, что чувствую я,—отвѣтилъ онъ холодно.

Сагибъ былъ хорошій и добрый человѣкъ, но онъ зналъ себѣ цѣну, и странно было бы, еслибъ отвѣтъ Моны не удивилъ его. Этотъ отвѣтъ могъ быть объясненъ только однимъ, и такое объясненіе приводило сагиба въ негодованіе. Дальнѣйшія слова его были непростительны, но естественны. Быть можетъ, Мона сама избаловала его своей откровенностью.

— Скажите мнѣ,—спросилъ онъ рѣзко,—тамъ, въ Норвегіи, когда мы видѣлись чуть не каждый день, былъ у васъ еще кто-нибудь?

Мона поднялась и спокойно молвила:

— Это уже обида. Вы думаете, что каждая незамужняя женщина только и ждетъ, что жениха? Вамъ кажется невозможнымъ, чтобы женщина предпочла не выйти замужъ, ради того дѣла, которое доступно только незамужней женщинѣ.

Лицо сагиба замѣтно просвѣтлѣло. Въ сущности, эта умная и образованная дѣвушка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе ребенокъ, чѣмъ всѣ эти кисейныя барышни, прыгающія по залѣ.

— Миссъ Маклинъ, простите мою безтолковость и отвѣтьте мнѣ тремя словами: «Никого не было».

Мона подняла на него свои правдивые глаза и просто сказала:

— Никого не было.

— Благодарю васъ. Если у меня нѣтъ иныхъ соперниковъ, кромѣ дѣла, доступнаго лишь незамужней женщинѣ, я отказываюсь принять вашъ отвѣтъ за окончательный.

— Не дурачтесь, м-ръ Дикинсонъ. Вы звали меня честной, и въ данномъ случаѣ я безусловно поступаю съ вами честно. Если бы у меня была хоть тѣнь сомнѣнія, я бы сказала вамъ. На свѣтѣ немного людей, которые мнѣ такъ симпатичны и которымъ я такъ безусловно довѣряю, какъ вамъ, но выйти за васъ замужъ для меня это также дико, какъ выйти за сэръ Дугласа Мунро. А вы, вы жертвуете собой изъ рыцарства. Я испортила себѣ жизнь, и вы, чтобы утѣшить меня, готовы сдѣлать меня своей женой.

— Это неправда. Одно только нехорошо, что въ васъ больше мужественности, чѣмъ во мнѣ.

Мона засмѣялась.

— *Eh bien! L'un n'empeche pas l'autre.* Нѣтъ, нѣтъ; вы слишкомъ хороши для того, чтобы отдать себя женщинѣ, которая только симпатизируетъ и довѣряетъ вамъ.

— Когда вы уѣзжаете?

— Въ мартѣ.

— Заѣдете по дорогѣ въ Эдинбургъ?

— Да; я обѣщала погостить недѣльку у Колькхуновъ.

— Хорошо. Тамъ я еще разъ приду къ вамъ за отвѣтомъ.

— Милый сагибъ, не портите себѣ жизни. Пока она еще не испорчена. Но потратить хотя бы три мѣсяца на рыцарскую фантазію было бы жаль. Выкиньте меня изъ головы и постарайтесь совсѣмъ забыть обо мнѣ, пока не встрѣтите молоденькую хорошенькую дѣвушку, полную иллюзій и энтузіазма, а не стараго истрепаннаго циника вродѣ меня. Тогда, если *она* позволитъ мнѣ быть ея сестрой, мы съ вами снова станемъ сестрой и братомъ.

— Можно мнѣ писать вамъ?

— Я полагаю, что это было бы большой ошибкой.

— Ваша воля—законъ. Но помните, я буду думать о васъ безпрестанно, а когда вы будете въ Эдинбургѣ, приду къ вамъ. Не вернуться ли намъ въ залу?—Онъ всталъ и предложилъ ей руку.

— М-ръ Дикинсонъ, я положительно отказываюсь оставить вопросъ открытымъ. Къ чему?

— Вы даже этого не хотите для меня сдѣлать?

— Это значило бы отплатить за добро зломъ.

— Все равно Послѣдствія я беру на себя.

Они снова были въ толпѣ, на яркомъ свѣту; продолжать разговоръ стало немыслимо.

— Кто бы могъ ожидать встрѣтить здѣсь двухъ прелестныхъ *эманципантокъ?*—удивлялся Кэптенъ Стиль по дорогѣ домой.

— Если всѣ *эманципантки* похожи на миссъ Колькхунъ,—воскликнулъ рыжеволосый юноша съ убѣгающимъ назадъ подбородкомъ,—я готовъ хоть завтра же идти собирать голоса за права женщинъ!

Глава XXXVII.

Locum tenens.

Послѣ возбужденія наступила реакція. Здоровье Рэчели не улучшилось, а настроеніе сдѣлалось положительно хуже; сборникъ проповѣдей по прежнему лежалъ на столѣ, но, подобно самому нездоровью, и онъ утратилъ для больной привлекательность новизны.

Мона тоже заразилась общимъ унынiемъ и придирчивость кузины была для нея въ эти дни тяжелымъ испытанiемъ. Къ счастью, это имѣло свою хорошую сторону. Какой же изъ меня выйдетъ врачъ,—сказала себѣ Мона,—если у меня не хватаетъ терпѣнія даже въ такихъ пустякахъ?—И она взяла себя въ руки и легкой поступью, съ веселымъ лицомъ переходила изъ лавки въ гостиную и обратно, стараясь развлекать Рэгмель, не вызывая ее на разговоръ.

— М-трсъ Смитъ пришла узнать о вашемъ здоровьи,—сказала она, входя въ маленькую душную гостиную.—Хотите вы ее видѣть? По моему, не слѣдовало бы. Давеча, послѣ разговора съ м-трсъ Андерсонъ, у васъ разболѣлась грудь.

— Интересно знать, какъ это я поправлюсь, если я весь день буду киснуть здѣсь одна съ утра до ночи! Скука вѣдь смертная. Другiе веселятся, а ты сиди. Хорошо вамъ говорить: «не слѣдовало бы». А мнѣ и на базаръ, и на балъ, и въ лавкѣ въ день сколько народу перебываетъ...

— Хорошо, я приведу ее сюда; только сами-то вы поменьше говорите, поберегите свой голосъ.

Разговоръ длился долго, но не произвелъ желаемаго эффекта; и послѣ него настроеніе больной не улучшилось.

— Ей Богу,—вскричала она, когда гостья ушла,—я въ жизнь свою не видала такой скрытной дѣвушки! Я тутъ сижу больная, скучаю, а она выѣзжаетъ, веселится. Я думала, она мнѣ хоть новости всѣ разскажетъ—гдѣ тамъ!

— Да вѣдь я же вамъ все разсказала, кузиночка. Даже разсказала, какъ кто былъ одѣтъ.

— Да, про всякiе пустяки. А о томъ, что ея сiятельство мило-

стиво разговаривала съ вами, ни слова? Интересно знать, что обо мнѣ подумала мистрисъ Смитъ, замѣтивъ, что я этого не знаю.

Мона не сразу сообразила, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, да, вы о леди Киркгопъ? — выговорила она, наконецъ.— Она вѣдь сказала мнѣ только нѣсколько словъ.

— А о чемъ же ей еще разговаривать-то съ вами?—*ей съ вами?* Вы думаете, что сестра вашей матери замужемъ за сэромъ, такъ и вы, важная птица? Нѣтъ, душенька, лорды на дорогѣ не валяются. Много эта тетенька сдѣлала для васъ, нечего сказать! Дѣвочка набиваетъ себѣ голову всякой дурью, а ей и горюшка мало! И все-таки, я увѣрена, что вы гораздо больше дорожите ею, чѣмъ мною, хоть и живете здѣсь вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ первый разъ въ разговорѣ между кузинами было упомянуто имя Мунро. Мона поспѣшила прекратить разговоръ. «Вышла замужъ за сэра!»—повторила она мысленно.—Фу, какая пошлость!

Мона отказалась видѣться съ сагибомъ въ остальное время, проведенное имъ въ Тауэрсѣ, и ни минуты не жалѣла о своемъ отказѣ, но тѣмъ не менѣе ощущала въ своей жизни пустоту. Она, очевидно, лишилась друга, можетъ быть, на время, а можетъ быть, и навсегда. Впрочемъ, послѣдняго она не особенно боялась; она надѣялась вернуть его себѣ черезъ Дорисъ.

— Эти два мѣсяца онъ постоянно будетъ видѣться съ нею,—говорила себѣ Мона,—и непремѣнно полюбитъ ее. Онъ уже теперь ее любитъ, только не сознаетъ этого. Нелѣпо даже думать, чтобы его глаза когда-нибудь такъ заясіяли при видѣ *меня*. Онъ восхищается мною и разбираетъ меня по косточкамъ, а Дорисъ захватила его всего. Полюбитъ ли она его—это вопросъ другой, но по теоріи вѣроятности трудно предположить, чтобы двѣ разумныя женщины въ промежутокъ двухъ мѣсяцевъ отказали одна за другой такому великолѣпному сыну Анака. Онъ, разумѣется, будетъ считать себя связаннымъ со мной, но отъ этого только еще скорѣе влюбится въ нее и въ назначенный срокъ явится, дрожа отъ страха, какъ бы я не поймала его на словѣ. Какъ это будетъ забавно!

И при этой мысли блѣдный, холодный лучъ солнца пробился сквозь сѣрый туманъ ея жизни.

Въ этотъ день Рэчели въ первый разъ измѣнилъ аппетитъ; лицо ея какъ-то все распухло; вялыя влажныя руки стали сухими и горячими. Мона встревожилась и поставила ей термометръ; температура оказалась 39° слишкомъ.

— У васъ маленькій жарокъ, дорогая. Надѣюсь, серьезнаго ничего нѣтъ, но все-таки лучше бы вамъ лечь въ постель, а я пойду за докторомъ. Или, можетъ быть, лучше послать Салли?

— Пошлите, и пожалуйста ничего ему не говорите объ этой вашей машинкѣ. Онъ и самъ замѣтитъ, что у меня жаръ.

— Я сдѣлаю, какъ вы хотите, хотя теперь почти въ каждомъ домѣ есть термометръ, имъ пользуются даже такіе люди, которые знаютъ о медицинѣ не больше, чѣмъ вотъ эта ложка. Впрочемъ, у вашей ложки по этой части опытъ большой, — улыбнулась она, вспомнивъ о пристрастіи кузины ко всякимъ домашнимъ средствамъ.

Рэчель тоже улыбнулась. Сознаніе, что она дѣйствительно больна, подѣйствовало на нее знамѣчательно благотворно: она сразу почувствовала себя первымъ лицомъ въ домѣ и нашла, что это хорошій случай проявить на практикѣ свои христіанскія чувства.

Докторъ пришелъ только вечеромъ и объявилъ, что пока не можетъ сказать ничего опредѣленнаго. Молочная діэта, прохладительное питье, полный покой и терпѣніе—иныхъ лекарствъ не надо. Онъ зайдетъ завтра въ полдень.

— Боюсь, что вы сами еще больше кузины нуждаетесь въ уходѣ и покоѣ,—замѣтила Мона, когда жестокій приступъ кашля прервалъ окончательныя инструкціи доктора.

— Я просто съ ногъ сбился,—сознался онъ.—Въ послѣднее время то и дѣло приходилось выѣзжать по ночамъ, а тутъ еще этотъ балъ вызвалъ рядъ бронхитовъ и нервныхъ головныхъ болей. Одинъ товарищъ обѣщалъ меня замѣнить недѣльки на двѣ, но онъ не можетъ пріѣхать раньше, какъ черезъ десять дней. Надо какъ-нибудь дотянуть до того времени. Хоть бы морозъ ударилъ; эта сырость просто убиваетъ меня.

Желаніе доктора скоро исполнилось; морозъ, словно по заказу, завернулъ въ ту же ночь. На утро Мона нашла у себя на окнѣ цѣлый тропическій лѣсъ. Мрачный старый домъ и лавка сразу утратили свое гнетущее вліяніе, и сама дѣвушка почувствовала себя мыслящимъ существомъ, благодарнымъ природѣ за то, что она одарила его жизнью.

Рэчель была все въ томъ же состояніи, и Мона, покончивъ уборку комнаты и больной, отправилась на рынокъ. Несмотря на просьбу Рэчели «послать Салли», она не рѣшилась довѣрить покупку провизіи небрежной и глуповатой служанкѣ, тѣмъ болѣе, что покупатели обыкновенно являлись не раньше десяти часовъ. Она шла быстро и вернулась съ пушинками снѣгу на мягкомъ темномъ мѣху шапочки и съ лицомъ, похожимъ на полураспустившуюся розу.

— Докторъ только что прошелъ наверхъ,—шепнула Салли, и Мона поспѣшила наверхъ, но нашла тамъ не доктора Бёрнса, а доктора Дудлея. Захваченная врасплохъ, она не съумѣла скрыть своего удовольствія и, какъ ни готовился Дудлей къ этой встрѣчѣ, у него закружилась голова отъ этой радостной, прелестной улыбки. Въ первую минуту онъ даже не нашелъ словъ для привѣтствія.

— Боюсь, что докторъ Бёрнсъ заболѣлъ,—сказала Мона пожимая его руку.

— Да. Онъ серьезно простудился, и это отразилось на легкихъ.

Ему, бѣднягѣ, надо основательно полечиться. Его товарищъ пріѣдетъ черезъ недѣлю, а пока, *volens-nolens*, придется мнѣ замѣнять его. Благодарю васъ, миссъ Симпсонъ; теперь достаточно.

Онъ взялъ у Рэчели термометръ, посмотрѣлъ его на свѣтъ и далъ нѣсколько наставленій Монѣ.—Своего термометра у васъ, вѣроятно, нѣтъ?

— Я этой машинки и въ рукахъ-то никогда не держала,—поспѣшно заявила Рэчель.

— Вы знаете, что достать градусникъ очень не трудно,—строго замѣтила Мона.

— Ну, да это не бѣда. Тутъ все дѣло несомнѣнно, въ простудѣ. Продолжайте микстуру и не мѣшало бы дать больной нѣсколько порошковъ хинина. Черезъ нѣсколько дней она будетъ совсѣмъ здорова.

Онъ написалъ рецептъ,—безъ чего свободно можно было обойтись, какъ подумала Мона,—и пошелъ внизъ. Мона послѣдовала за нимъ. Войдя въ лавку, онъ остановился и круто повернулся къ ней лицомъ, но сказать ничего не могъ; у него все спуталось въ умѣ. Онъ уже не думалъ о красотѣ ея души, ея лица и характера; онъ пересталъ даже восхищаться ею. Онъ только зналъ, что она ему необходима и принадлежитъ ему по праву, потому что онъ первый открылъ её; всѣ другія мысли и чувства потонули въ сладостномъ сознаніи того, что возлѣ него женщина, которую онъ любитъ а что они—одни.

Онъ стоялъ спиной къ свѣту, и Мона, не видя его лица, удивлялась только, почему ея «товарищъ» такъ молчаливъ.

— Неудачные у васъ вышли праздники,—сказала она.

Онъ тряхнулъ головой, словно отгоняя видѣнія, и весело отвѣтилъ:

— Не знаю. Это своего рода отдыхъ для тѣхъ мозговыхъ клѣтокъ, которыя работали въ Лондонѣ, притомъ маленькое предвкушеніе настоящаго дѣла, отодвинутаго моей глупостью въ неопредѣленное будущее.

Эти полныя смиренія слова были сказаны съ гордостью, и самъ говорившій смотрѣлъ вполнѣ сложившимся мужчиной, даже на взглядъ Моны, еще сохранившей живое воспоминаніе о сагибѣ. Въ тяжеломъ зимнемъ плащѣ плечи его казались шире; онъ держался прямѣе, и лицо его приняло выраженіе спокойной увѣренности въ себѣ.

— «Дѣло» вамъ къ лицу,—улыбаясь, замѣтила Мона.

— Скорѣй бы ужъ оно началось!—Онъ съ силой стукнулъ кулакомъ по прилавку.—Когда я сдамъ экзамены, миссъ Маклинъ, я стану другимъ человѣкомъ—тогда я буду вправѣ говорить и дѣлать то, чего не смѣю говорить и дѣлать теперь.

Онъ выговорилъ это горячо, втайнѣ надѣясь, что она пойметъ его, но тотчасъ у него вырвалось съ горечью:

— Если только не провалюсь.

— *Вы* провалитесь!—засмѣялась Мона.

— Ахъ! хорошо вамъ говорить! Вы понятіе не имѣете объ этихъ экзаменахъ; тутъ все зависитъ отъ случая.

Краска залила ея щеки. Сколько разъ уже ей хотѣлось попросить позволенія у Рэчели посвятить его въ свою тайну, и каждый разъ вопросъ: Почему именно ему? сковывалъ ей уста. Не сказать-ли все теперь, на чистоту,—снять бремя съ души;—а тамъ пускай сердится кузина. Другой такой случай врядъ-ли представится.

Мона хотѣла сказать, что ей слишкомъ хорошо извѣстно, съ какими случайностями сопряжены экзамены, но, къ удивленію своему, замѣтила, что исповѣдываться *ему* гораздо труднѣе, чѣмъ сагибу. При одной мысли объ этомъ, сердце ея безумно забилось, и дыханіе сперлось у нея въ груди.

— Нѣтъ, это слишкомъ нелѣпо!—возмущалась она мысленно, негодуя на свою слабость.—Какое тебѣ дѣло до того, что онъ подумаетъ? Но если ты не можешь говорить объ этомъ, не пыхтя, какъ самоваръ, лучше ужъ молчи. Да и не все-ли равно, въ сущности, будетъ онъ знать, или не будетъ!

— А знаете,—весело сказалъ Дудлей,—я было сегодня утромъ подумалъ, что заблудился, не туда попалъ. Я едва узналъ вашу квартиру.

— Вы замѣтили разницу? у васъ зоркіе глаза и хорошая память.

Замѣтилъ разницу! Онъ давно не испытывалъ такого удовольствія, какъ при видѣ этого превращенія. Дудлей не былъ исключеніемъ среди мужчинъ, и видъ наряднаго, чистенькаго, приличнаго магазинчика порадовалъ его, пожалуй, больше, чѣмъ обрадывало бы его появленіе его Золушки на балу. Если ужъ его возлюбленная—продавщица, пусть она по крайней мѣрѣ знаетъ свое дѣло.

— Я былъ увѣренъ, что ваше вліяніе скажется съ теченіемъ времени,—замѣтилъ онъ—миссъ Симпсонъ, должно быть, не очень охотно передала бразды правленія?

— Нѣтъ, она была очень добра ко мнѣ. Не думаю, чтобы я сама дала такую волю помощницѣ. Надѣюсь вамъ понравилось наше окно? По моему это шедевръ.

— Я бы сказалъ, что, это нѣчто лучшее,—выговорилъ онъ суховато и протянулъ ей руку: До свиданія.

— Милая!—думалъ онъ, усаживаясь въ свою бричку.—Она даже не извиняется за свое ремесло, никогда не говоритъ о немъ, такъ какъ это что то ниже ея. А я—Господи, какой же я скотъ!

Когда онъ вышелъ, Мона подняла руку, только что пожатую имъ, и принялась внимательно ее разсматривать. Потомъ пропласъ по лавкѣ.—Я не собираюсь замужъ,—вдумчиво говорила она самой себѣ,—и едвали когда-нибудь узнаю, что такое любовь, но для мужчины это былъ-бы хорошій пробный камень—взять меня такой, какой я есть,—полюбить меня, думая, что я только помощница Рэчели Симпсонъ.

Слѣдующій день былъ воскресный. Рэчель чувствовала себя гораздо лучше и настаивала, чтобы Мона шла въ церковь.

— А то люди, пожалуй, вообразятъ, что у меня что нибудь заразительное, и перестанутъ заходить въ нашу лавку. Выздоровѣешь, сойдешь внизъ—пожалуй, и словомъ перемолвиться будетъ не съ кѣмъ.

Утро было ясное, морозное. Мона едва дождалась конца службы.

— Вѣроятно, докторъ уже былъ?—освѣдомилась она съ замѣтнымъ равнодушіемъ, входя въ комнату больной.

— Да, и остался мной очень доволенъ. Говоритъ, все хорошо; сегодня можно будетъ встать къ чаю, а завтра даже выйти ненадолго. Онъ очень занятъ и говорилъ, что не придетъ, пока мы не пришлемъ за нимъ. Вотъ человѣкъ, не то, что иные доктора,—которые только и стараются, чтобы побольше визитовъ накопилось.

— Д-да,—устало протянула Мона, но сейчасъ же овладѣла собою.—Какъ я рада, что вамъ лучше, дорогая!—М-ръ Стюартъ сказалъ, что завтра зайдетъ навѣстить васъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

*(Продолженіе *).*

19-го сентября.

Сегодня назначена въ Херіенѣ дневка и потому мы съ Н. Е. надѣялись поспать лишняго, но не пришлось.

Въ шесть часовъ раздались гдѣ то близко какія-то мелодичныя завыванія ближе, ближе и наши дворъ, комната наполнились вдругъ этимъ страннымъ восточнымъ пѣніемъ, завываніемъ.

Неумытый П. Н. просунулъ взволнованное лицо и шепнулъ:

— Начальникъ города.

— Скажите, что мы очень извиняемся, что мы еще въ постелѣ, что не пришелъ обозъ, гдѣ наши вещи. Когда придетъ, мы сами будемъ у него.

Опять заглядываетъ П. Н.

— Начальникъ счелъ своимъ долгомъ, въ виду того, что такіе знатные иностранцы посѣтили его городъ, освѣдомиться объ ихъ здоровьѣ и спросить, довольны-ли помѣщеніемъ.

— Мы очень довольны и отъ всей души благодаримъ.

Нѣкоторая пауза и затѣмъ крикъ десяти голосовъ что-то вродѣ нашего «ура» и затѣмъ опять мелодичное завываніе.

Мы высунули голову и смотримъ вслѣдъ. На носилкахъ сидитъ высокій, старый уже человѣкъ. Онъ въ бѣломъ костюмѣ, черной волосяной шляпѣ, а поверхъ бѣлаго костюма фіолетовая туника. Носилки устроены съ возвышеніемъ, покрытымъ барсовой шкурой, на которой и сидитъ начальникъ (кунжу). Съ двухъ сторонъ его идутъ двое съ алебардами, впереди разноцвѣтный фонарь, около него, молодой мальчикъ, его адъютантъ передаетъ распоряженія старшему палачу, этотъ же въ свою очередь громко выкрикиваетъ то же своимъ исполнителямъ, младшимъ палачамъ. Вся свита кунжи—человѣкъ 10, которые и идутъ гуськомъ за нимъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Завыванія уже далеко, но сонъ пропалъ.

— Что они кричатъ?

— Кричатъ, чтобъ всѣ давали дорогу. Когда идетъ начальникъ, надо уходить или, пригнувшись, давать дорогу проходить, несмотря.

Начальникъ ѣдетъ въ громадныхъ китайскихъ очкахъ. При встрѣчѣ съ нимъ всѣ остальные должны снимать свои очки. При встрѣчѣ и поклонахъ другъ съ другомъ они тоже обязательно снимаются.

Напились чаю, я сѣлъ за работу, всѣ наши отправляются посмотрѣть городъ, кромѣ Бибика.

— Что тамъ еще смотрѣть? У насъ въ Томской губерніи...

Онъ не договариваетъ, что у нихъ тамъ въ Томской губерніи. Да что и договаривать, когда все и безъ того ясно: Бибикъ ложится спать поэтому и спитъ весь день

Къ двумъ часамъ приходитъ обозъ, мы одѣваемся и идемъ къ кунжу. Его чиновникъ ждалъ насъ и теперь ведетъ къ своему шефу. За нами идутъ дѣти, корейцы, выглядываютъ корейки. Однѣ стыдливо, другія увѣренно. Одна стоитъ съ болѣшими глазами, съ совершенно бѣлымъ, здоровымъ лицомъ, красивая, даже съ нашей точки зрѣнія. У нея въ глазахъ увѣренность и нѣкоторое даже презрѣніе, пренебреженіе.

— Веселая вдова,—говорю я П. Н.

П. Н. освѣдомляется и оказывается, что веселая вдова, по-просту, проститутка.

— Какъ вы догадались? Она была у прежняго кунжу фавориткой, а этотъ новыхъ набралъ, эта недовольна.

— Откуда набираются проститутки?

Съ тѣмъ же вопросомъ П. Н. обращается къ толпѣ корейцевъ, долгій разговоръ, поправки и затѣмъ переводъ П. Н.

— Проститутки набираются со всѣхъ сословій...

— Я читалъ, что собственно танцовщицы поставляются исключительно сословіемъ городскимъ, среднее нѣчто между крестьянами и дворянами.

П. Н. перебрасываетъ вопросъ въ толпу и энергичный крикъ въ отвѣтъ:

— Это невѣрно. Вотъ какъ это бываетъ въ каждой семьѣ. Въ три года предсказатель, по вашему шаманъ, по корейски таинъ, опредѣляетъ будущность дѣвушекъ. Бываетъ такъ, что дѣвушкѣ назначено умереть, а проституткой она остается живой, такую и назначаютъ... Только это послѣднее дѣло...

П. Н. дѣлаетъ соотвѣтственную гримасу. Онъ переводитъ свою мысль толпѣ, толпа дѣлаетъ такія же гримасы, сочувственно кричитъ и отплевывается.

— Вотъ еще проститутка.

Тоже бѣлолицая женщина, рыхлая, съ непріятнымъ лицомъ, стоитъ и мирно разговариваетъ съ толпой.

— Но съ ней разговариваютъ и пренебреженія къ ней невидно.

Я сообщаю это П. Н.

— Ну, конечно,—говоритъ онъ,—тоже человѣкъ, чѣмъ она виновата.

Мы проходимъ черезъ цѣлый рядъ памятниковъ кунжу, прежнихъ пусаевъ, и подходимъ къ дому съ затѣйливымъ на китайскій образецъ черепичными крышами. Деревянная арка, на ней громадный барабанъ, въ который бьютъ вечернюю зорю.

Тамъ на этой аркѣ самъ кунжу со свитой... Увидѣвъ насъ, онъ поспѣшно идетъ во дворъ.

Передъ нами отворяютъ среднія ворота, въ которыя входитъ только кунжу.

Мы входимъ во дворъ и поднимаемся по ступенькамъ подъ большой навѣсъ. Въ сторонѣ лежатъ корейскія розги: длинныя, гибкія линейки, аршина въ два, съ ручками. Здѣсь происходятъ судбища.

Къ намъ идетъ навстрѣчу начальникъ, мы жмемъ другъ другу руки, онъ показываетъ на дверь. Мы входимъ въ комнату, сажени полторы въ квадратѣ. Посреди ея накрытый бѣлой скатертью столъ, по бокамъ четыре табурета: два изъ нихъ покрыты барсовыми шкурами. На нихъ садятъ меня и Н. Е. На два другихъ садятся кунжу и П. Н.

Начинается разговоръ, какъ высокіе гости доѣхали? Какъ нравится имъ страна и люди?

Мы хвалимъ и страну, и людей, благодаримъ за гостепріимство. Съ введеніемъ техническаго образованія предсказываемъ спокойную и безбѣдную будущность народу корейскому.

— Образованіе необходимо,—говоритъ старикъ,—мой сынъ третій годъ уже въ Петербургѣ. Корея можетъ жить, если другіе великіе народы не уворуютъ ихъ страну. Кореецъ не можетъ сопротивляться, но это будетъ большой грѣхъ. Слава Богу, избавились отъ китайцевъ, но теперь японцы захватываютъ: они жадны, корыстолюбивы, двуличны. Мы за ихъ долларъ даемъ 500 кешъ, а между тѣмъ это уже вышедшая изъ употребленія монета и во всемъ остальномъ мірѣ стоимость ея то серебро, которое въ ней. На сто кешъ не будетъ. Три милліона нищій корейскій народъ бросаетъ такъ японцамъ.

Онъ не любитъ японцевъ. Его, вѣроятно, за это прогонятъ скоро, но онъ говоритъ то, что думаетъ.

Предполагать двуличіе нельзя было, хотя бы потому, что въ дверяхъ и окнахъ стояло множество народу, который внимательно слушалъ. Удивительно въ этомъ отношеніи жизнь на людяхъ здѣсь проходитъ. Къ этому приспособлено все вплоть до этихъ домовъ, гдѣ въ одномъ концѣ слышенъ шопотъ съ другого, эти бумажныя двери. Затворите ихъ, продѣлаютъ дырки пальцами и десятки глазъ опять наблюдаютъ каждый вашъ шагъ.

— Вотъ это мой второй сынъ, это третій отъ наложницы,—говоритъ начальникъ города.

— Прежде и въ Кореѣ были законные и незаконные дѣти, но вотъ,— это уже было давно,—съ какихъ поръ все измѣнилось. У одного министра не было законнаго сына и, согласно обычаю, онъ долженъ былъ усыновить кого-нибудь изъ своего законнаго рода, чтобъ передать ему свои права и имущества. Выборъ его палъ на племянника. Въ назначенный для церемоніи день, когда собрались для этого въ домъ министра всѣ знаменитые люди и прибылъ самъ императоръ, вышелъ къ гостямъ незаконный десятилѣтній сынъ хозяина, держа въ рукахъ много заостренныхъ палочекъ. Каждому изъ гостей онъ далъ по такой палочкѣ и сказалъ: «выколите мнѣ глаза, если я не сынъ моего отца».

— Ты сынъ.

— Тогда выколите мнѣ глаза, если мой двоюродный братъ сынъ моего отца.

— Но онъ не сынъ.

— Тогда за что же вы лишаете меня, сына, моихъ правъ?

— Таковъ законъ,—отвѣтили ему.

— Кто пишетъ законы?—спросилъ мальчикъ.

— Люди,—отвѣтили ему.

— Вы люди?—спросилъ мальчикъ.

— Мы?—Гости посовѣтовались между собой и отвѣтили:

— Люди.

— Отъ васъ, значитъ,—сказалъ мальчикъ,—и зависитъ перемѣнить несправедливый законъ.

Тогда императоръ сказалъ:

— А вѣдь мальчикъ не такъ глупъ, какъ кажется, и почему бы дѣйствительно намъ и не перемѣнить несправедливаго закона?

И законъ перемѣнили, и съ тѣхъ поръ въ Кореѣ нѣтъ больше незаконныхъ дѣтей. «Это такъ», кивaютъ въ окнахъ и дверяхъ серьезные корейцы, и бесѣда наша продолжается дальше.

— Правда ли, что дворянство уничтожено въ Кореѣ?—провѣряю я сообщенныя мнѣ свѣдѣнія.

— Дворянство осталось, но въ правахъ службы всѣ сословія сравнены въ 1895 году.

— А рабство?

— Собираемся и его уничтожить.

На столъ поставили, справившись о томъ, что мы уже обѣдали, корейскія лакомства: бѣлыя и красныя круглыя конфетки (мука съ сахаромъ), родъ финиковъ, китайскіе пряники, темнаго цвѣта, сладкіе, изъ разсыпчатаго тѣста. Подали чай и коньякъ. Этотъ коньякъ я узналъ по бутылкѣ,—это даръ нашихъ, уже побывавшихъ здѣсь.

— Это мнѣ подарокъ.

Тогда и мы поднесли ему свои подарки: полсотни сигаръ, сотню папиросъ, подносикъ съ приспособленіями для сигаръ.

— Очень, очень благодаренъ.

— Не хочетъ ли начальникъ сняться?

— О, да, очень хочетъ. Можно со всѣми наложницами, проститутками и служащими?

— Можно, можно.

Н. Е. берется за это дѣло, а я ухожу.

Н. Е. по возвращеніи передаетъ впечатлѣнія. Кунжу снимался одинъ и со всѣми вмѣстѣ, но двухъ женъ не показалъ: старшая жена въ имѣніи, а другая не совсѣмъ здорова. Вечеромъ онъ еще разъ придетъ къ намъ.

П. Н. нашелъ новаго проводника,—онъ знаетъ много разсказовъ, хорошо читаетъ. Мы купили большую, въ семи частяхъ, корейскую повѣсть. Будемъ читать ее въ дорогѣ.

Новый проводникъ и толпа корейцевъ сидятъ въ моей комнатѣ, и я задаю разнаго рода вопросы.

Больше всего идетъ провѣрка прежнихъ свѣдѣній.

Нашъ китайскій переводчикъ Василій Васильевичъ ходилъ къ своимъ здѣсь.

— Хорошіе люди?

— Все хунхузы (разбойники),—уныло сообщаетъ В. В.

Онъ больше всѣхъ боится этихъ хунхузовъ и трепещетъ при мысли, что мы идемъ въ самое ихъ логовище—Пек-ту-санъ.

Смерклось и скоро раздались заунывные звуки,—начальникъ идетъ. Когда пѣніе неслось уже со двора, я вышелъ, мы пожали другъ другу руки и онъ вошелъ въ комнату.

Мы усадили его на походномъ стулѣ и стали угощать икрой, ветчиной, сардинками, а, главное, коньякомъ.

— Это нашъ предводитель дворянства,—указалъ кунжу на одного изъ стоявшихъ.

Это съ полнымъ лицомъ, среднихъ лѣтъ человѣкъ, въ своемъ длинномъ костюмѣ похожій на доминиканскаго монаха. Лицо его льстивое и подобострастное.

Я попросилъ его присѣсть. Но онъ такъ и не сѣлъ.

Каждый разъ подавая ему коньякъ, П. Н. спрашивалъ разрѣшенія у начальника.

Предводитель дворянства кланялся, бралъ рюмку, какъ-то уморительно выворачивалъ всторону шею и лицо и выпивалъ все, что ему давали. Принималъ двумя руками закуску и, отворачиваясь, ѣлъ. Остальнымъ начальникъ запретилъ пить.

Въ концѣ концовъ начальникъ заговорилъ по-русски.

Разсказалъ, какъ бывалъ онъ во Владивостокѣ, какъ ѣздилъ по желѣзной дорогѣ.

— Мнѣ везло въ жизни,—говорилъ онъ своему предводителю,—я обѣдалъ со всѣми знатными людьми: во Владивостокѣ съ губернаторомъ, въ Хабаровскѣ—съ генералъ-губернаторомъ, на Камнѣ-Рыболовѣ—со становымъ.

Просилъ насъ очень скорѣе строить желѣзную дорогу, показалъ образцы каменнаго угля въ двухъ верстахъ отъ Херіена въ горѣ Саа-гори.

Я предложилъ ему попробовать вермуту, а онъ добродушно сказалъ:

— На сегодня довольно, а лучше оставьте мнѣ эту бутылку, завтра, скучая и вспоминая о любезныхъ гостяхъ, я выпью ее.

— Это мой адъютантъ,—показалъ онъ на юношу,—и я его очень люблю, и онъ всегда спитъ со мной.

Принесли сладкое: халву, карамели.

— Нѣтъ, я не ѣмъ сладкаго, лучше выпьемъ на прощаніе.

Онъ заставилъ выпить меня и я сказалъ:

— Я пью за гостепріимный, ласковый народъ корейскій, я желаю ему блестящей будущности и желаю, чтобъ никто не мѣшалъ ему развиваться.

Всѣ корейцы привѣтливо закивали головами, а начальникъ сказалъ:

— Мы хотимъ русскихъ,—у русскихъ денегъ много, а японцы еще бѣднѣе насъ.

— Возьмите вашимъ дѣтямъ,—далъ я на дорогу начальнику конфектъ.

— Вотъ мои дѣти,—показалъ онъ на толпу, стоящую у двери. И онъ отдалъ имъ всѣ конфекты.

— Сладкое я имъ позволяю: не позволяю вино и курить при себѣ. Только предводителю позволяю вино, но курить и сидѣть нельзя при мнѣ.

Затѣмъ мы простились.

Ночью еще эффектнѣе эти завыванія, разноцвѣтный громадный фонарь и бѣлая гуськомъ стража.

Послѣ ихъ ухода мы стали ѣсть приготовленный намъ корейскій обѣдъ, состоящій изъ семи закусокъ (на югѣ девять),—чиртеби, курица вареная съ бульономъ, жареное въ чеснокѣ мясо, нѣчто въ родѣ бефъ-строганова, и чашка рису, вмѣсто хлѣба. Все съѣдобно и вкусно.

20-го сентября.

Шесть часовъ, но уже заглядываютъ въ дырочки десятокъ дѣтскихъ глазъ. Къ сожалѣнію, дѣти грязны и запахъ отъ нихъ тяжелый, иногда прямо нестерпимый. Воздухъ комнаты отравленъ этимъ запахомъ. Лучше скорѣе вставать, да отворить бумажную дверь,—по крайней мѣрѣ, проникнетъ и свѣжій воздухъ.

Послѣ вчерашняго пиршества много покражъ: пропали чайныя ложечки, много консервовъ и разныхъ мелкихъ вещей. Хуже всего, что исчезла часть патроновъ—могутъ надѣлать себѣ массу зла.

Нигдѣ до сихъ поръ ничто не пропадало у насъ. Правда, случаи мелкаго воровства въ Кореѣ подтверждаются и другими путешественниками, но гдѣ ихъ не бываетъ? И въ уличной толпѣ Лондона развѣ ихъ меньше?

Пока укладываются, сходилъ въ городъ и снялъ нѣсколько видовъ:

лавокъ, улицъ, харчевенъ съ ихъ лапшой, женщинъ, носящихъ сзади на спинѣ своихъ дѣтей. И дѣвочка лѣтъ десяти тащитъ такой непосильный грузъ, обмотанный тряпкой. Въ открытыя двери фанзы видны работающія, на половину голыя, женщины.

Вотъ у лавочки стоитъ миловидная женщина въ своемъ костюмѣ,—бѣлая юбка, кончающаяся бѣлымъ пясомъ, на плечахъ баска, а разстояніе между баской и поясомъ открываетъ голую спину, бока, грудь. Она покупаетъ вату и пока ей отвѣшиваютъ, она стоитъ со связками кешъ въ рукахъ.

Вотъ во дворѣ раскинута палатка. Это годовщина смерти и всѣ знакомые идутъ къ нимъ съ визитомъ въ этотъ день.

Ѣдятъ, пьютъ и поминаютъ.

У лавокъ сидятъ, поджавши по турецки ноги или на корточкахъ.

У здѣшнихъ такой же, какъ и у нашихъ купцовъ, увѣренный видъ и презрѣніе ко всему, кромѣ денегъ.

Передъ нами южныя ворота и черезъ нихъ то и дѣло проходятъ женщины, неся на головахъ высокіе кувшины съ водой.

За нами толпа ребятишекъ и всякаго народа. Всѣ привѣтливы, вѣжливы и расположены.

Слышится ласковое «Араса» (русскій).

Подходитъ старикъ и горячо говоритъ что то П. Н., тотъ смѣется.

— Что онъ говоритъ?

— Говоритъ, что араса хорошъ, только солдатъ араса не хорошъ. Старикъ съ сожалѣніемъ киваетъ мнѣ головой.

Чтобъ кончить о Херіенѣ, слѣдуетъ сказать, что въ немъ 1.000 фанзъ, 6.300 жителей, 100 быковъ, 50 коровъ, 30 лошадей и 1.000 свиней. Съ трудомъ достали семь пудовъ продажнаго ячменя, нашли только пять продажныхъ яицъ.

Сборы кончены. Одинъ изъ нашихъ рабочихъ-кореецъ Сапаги-длинноногій, худой, въ пиджакѣ и котелкѣ, подъ которымъ корейская прическа, уже сидитъ на лошадк и что то горячо кричитъ.

П. Н. переводитъ. Онъ заступается за корейцевъ по поводу мелкихъ пропажъ. Ихъ просто привлекаетъ блескъ и цвѣтъ.

— Это нѣтъ карапчи,—весело кричитъ онъ мнѣ.

Словомъ «карапчи» онъ опредѣляетъ воровство.

— Ну, съ Богомъ.

Бибикъ не готовъ. У него стащили обороть и нечѣмъ увязать вьюки.

— Якъ начну сшивать васъ...—ворчитъ онъ.

— Что значитъ сшивать?—спрашиваю я.

— По шеѣ бить.—нехотя отвѣчаетъ онъ.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, если не хотите Лубенцовской исторіи, которую знаетъ всякій кореецъ,—говоритъ П. Н.

— Да вы что обижаетесь,—говорю я Бибику,—у насъ въ Россіи больше крадутъ.

— Такъ въ Россіи хозяинъ отвѣчаетъ, а тутъ напустятъ всякаго сброду...

Мы тронулись наконецъ, и, извиваясь въ узкихъ улицахъ города, идемъ къ южнымъ воротамъ.

Идетъ красивая блѣднолицая корейка. Она несетъ на головѣ кувшинъ и походка ея какая то особая, сохраняющая равновѣсіе.

Лице Бибика расплывается въ самую блаженную улыбку. Весь гнѣвъ сразу пропалъ.—«Красива, проклятая...»

А черезъ нѣсколько верстъ я спрашиваю его, какъ обошелся онъ безъ недоуздка.

— А украв ихій. А щожъ вони будутъ таскать, а мы... и мы будемъ.

И онъ въѣзжаетъ въ самую середину ихъ посѣвовъ, чтобы лошади поѣли чумизы.

— Бибикъ, а въ Россіи хозяинъ за такую потраву, что сдѣлалъ бы?

— А хиба-жъ мы въ Россіи?—успокаивается Бибикъ.

Верстахъ въ двухъ отъ Херіена стоятъ два высокихъ деревянныхъ столба съ перекладинами. На нихъ гербъ города Херіена—два дикихъ гуся и между ними вилы или, вѣрнѣе, трезубое копье.

Эти ворота поставлены отъ лучей злой горы. Это копье пронижетъ этотъ лучъ. Гуси же эмблемы весны и тепла.

Часто на воротахъ фанзы есть такія надписи: «пусть въ эти ворота скорѣе войдутъ весна и лѣто, несущія съ собой всѣ радости».

Недалеко отъ дороги памятники какого то родового кладбища: мраморныя доски въ три четверти аршина длиной, полъ-аршина шириной. По обѣимъ сторонамъ двѣ плиты съ выпуклыми изображеніями человѣческихъ фигуръ,—это рабы по двумъ сторонамъ,—они были у покойнаго при жизни, будутъ и послѣ смерти.

Иногда на такихъ кладбищахъ стоитъ высокая палка съ райской птицей на ней. Птица вродѣ цапли на длинныхъ ногахъ. Это тѣ, которые при жизни получили отъ императора похвальный отзывъ на красной бумагѣ.

Вотъ деревня въ 15 ли отъ Херіена-Пикори, что значитъ деревня памятниковъ.

Здѣсь при смѣнахъ старый начальникъ города встрѣчаетъ новаго и вручаетъ ему государственную печать.

Здѣсь же множество памятниковъ бывшимъ начальникамъ и дальше по дорогѣ все такіе же памятники. На одномъ изъ нихъ что то написано.

— Что это?

— Здѣсь написано какое счастье отдохнуть здѣсь и полюбоваться видомъ этой долины.

— Это не относится къ памятнику, это такъ написалъ какой-нибудь отдыхавшій кореецъ,—объясняетъ П. Н.,—усталъ, вотъ и понравилось ему.

— А то, что за памятникъ на горѣ?

— Это памятникъ добродѣтельной женщинѣ. Это очень почетный памятникъ,—объ немъ у императора просятъ всѣ жители округа.

— Чѣмъ она знаменита, эта женщина?

— Она была добродѣтельная жена.

— Это первый памятникъ, который мы встрѣтили, развѣ только одна и была до сихъ поръ добродѣтельная жена и кто удостовѣрилъ ея добродѣтель?—недовѣрчиво спрашиваю я.

И мнѣ разсказываютъ прекрасную глубоко-альтруистичную сказку о добродѣтельной женѣ.

«У человѣка восемь счастій: счастливая могила предковъ; хорошая жена; долголѣтіе; много дѣтей; много хлѣба; много денегъ; много братьевъ; образованіе. Но есть люди, которые не обладаютъ ни однимъ изъ этихъ счастій, и тогда они называются восьми-несчастными, — Пхар-ке-боги.

Однимъ изъ такихъ и былъ Нинораиъ-Дуи, котораго даже жена бросила.

И все-жъ таки случилось однажды такъ, что Нинораиъ-Дуи встрѣтилъ женщину по имени Дю-Си,—молодую, красивую, богатую, которая полюбила Нинораиъ-Дуи. И Нинораиъ-Дуи полюбилъ Дю-Си. Но такъ какъ несчастія восьми-несчастныхъ передаются и тѣмъ, кто любитъ ихъ, то и для Дю-си встрѣча съ Нинораномъ-Дуи не прошла даромъ,— ея торговыя дѣла пошли плохо, ея скотъ падалъ, поля ея не приносили больше урожая.

Все это кончилось тѣмъ, что, когда однажды Дю-си проснулась, она не нашла больше подлѣ себя своего любимаго Нинораиъ-Дуи, — она нашла только письмо его. Онъ писалъ ей, что несмотря на то, что онъ любилъ ее всѣми силами своей души, онъ оставляетъ ее, такъ какъ ничего кромѣ несчастія онъ не можетъ ей дать.

Дю-си, прочитавъ письмо, горько заплакала, потому что она любила Нинораиа-Дуи, а не свои богатства, которыя съ этого момента она возненавидѣла, и, раздавъ ихъ нищимъ, ушла изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жила.

Она шла по долинѣ, плакала и думала: «Если бы у меня было столько хлѣба, чтобы накормить всѣхъ голодныхъ, и столько денегъ, чтобы дать всѣмъ, кто въ нихъ нуждается, тогда бы не было больше горя на землѣ!»

Когда она такъ думала, она вдругъ увидала передъ собой, ѣдущаго на быкѣ, красиваго сильнаго человѣка, увѣшаннаго цвѣтами и перевитаго колосьями. Онъ остановилъ быка и сказалъ ей:

— Полюби меня, будь моей женой.

— Я люблю уже одного восьми-несчастнаго и никого, кромѣ него, любить не могу. Но если желаешь, будемъ братомъ и сестрой,—отвѣтила Дю-си.

И они побратались по обыкновенію ихъ страны: надрѣзавъ себѣ пальцы, кровью написали свои имена каждый на полѣ своей одежды, затѣмъ, отрѣзавъ написанное, обмѣнялись и, спрятавъ это у себя на груди, каждый отправился своей дорогой.

Утомившись отъ пути, Дю-си вошла отдохнуть въ хлѣбъ, прилегла тамъ и заснула. Во снѣ она увидала бѣлаго, какъ серебро, лицомъ и волосами старика, который сказалъ ей: «Тотъ человѣкъ, котораго ты встрѣтила на быкѣ и побраталась съ нимъ, былъ я. Я—духъ долины. Я знаю твое желаніе. Вотъ тебѣ мѣшочекъ съ рисомъ,—одного зерна довольно, чтобы самый большой котелъ наполнился рисомъ. И сколько бы ты ни брала изъ этого мѣшечка рису, онъ никогда не истощится!» Сказавъ это, старикъ исчезъ, а Дю-си проснулась. Около нея лежалъ маленькій мѣшочекъ съ рисомъ.

Взявъ мѣшочекъ, она пошла дальше.

Долина кончилась и Дю-си стала подыматься на перевалъ высокой горы. Тамъ, на вершинѣ перевала, росъ прекрасный, густой лѣсъ, посрединѣ котораго стоялъ шалашъ. Молодой, красивый дровосѣкъ сидѣлъ въ шалашѣ передъ огнемъ очага и кипятилъ воду въ котлѣ.

— Что ты положишь въ эту воду?—спросила Дю-си послѣ привѣтствія, остановившись у входа въ его шалашъ.

— Я ничего не могу положить въ эту воду,—отвѣтилъ дровосѣкъ,—потому что у меня нѣтъ ни гумизы, ни рису.

Тогда Дю-си вошла въ шалашъ, достала изъ мѣшечка одно зерно рису и бросила его въ котелъ.

Котелъ сейчасъ же наполнился до верха рисомъ и дровосѣкъ съ Дю-си вполнѣ насытились этою пищею.

Послѣ ужина дровосѣкъ сказалъ Дю-си:

— Полюби меня и будемъ мужемъ и женой.

— Я не могу полюбить тебя,—отвѣчала ему Дю-си,—потому что люблю своего мужа, восьми-несчастнаго, но если хочешь, будь моимъ братомъ.

Дровосѣкъ согласился и они побратались.

Вскорѣ послѣ этого наступила ночь и Дю-си крѣпко заснула. Она увидала во снѣ бѣлаго, какъ серебро, лицомъ и волосами старика, который сидѣлъ верхомъ на громадномъ тигрѣ.

— Дровосѣкъ, ужинавшій съ тобою въ шалашѣ, былъ я. Я—духъ горъ. Я знаю твое желаніе: вотъ возьми этотъ кусокъ золота и сколько бы ты ни отрубила отъ него, золото у тебя никогда не будетъ уменьшаться!

Старикъ исчезъ, а Дю-си проснулась. Не было больше ни дровосѣка, ни шалаша, а около нея лежалъ кусокъ золота.

— Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать,—сказала Дю-си, вставая,—я выстрою на этомъ мѣстѣ цѣлый городъ! Ко мнѣ будутъ приходить со

всѣхъ сторонъ всѣ голодные и всѣ тѣ, кому нужны деньги, и въ числѣ ихъ я найду и своего восьми-несчастнаго.

Такъ и сдѣлала Дю-си. Къ ней приходили всѣ нищіе, всѣ голодные или нуждающіеся въ деньгахъ. Ожиданія ея исполнились, — однажды пришелъ къ ней ея мужъ, Пхар-ке-боги.

Когда увидала его Дю-си, она бросилась къ нему и упрекала его, что онъ такъ ее покинулъ. Пхар-ке-боги, узнавъ Дю-си, былъ конечно, тоже счастливъ. Дю-си взяла съ него клятву въ томъ, что онъ не покинетъ ея и не уйдетъ отъ нея больше. Послѣ этого они зажили очень счастливо, кормя и поя всѣхъ приходящихъ къ нимъ нищихъ.

Однажды у Дю-си вышли всѣ деньги и за ними необходимо надо было ѣхать въ другой городъ, чтобы размѣнять золото на деньги.

Дю-си дала свой кусокъ золота мужу и просила его, чтобы онъ въ городѣ нарубилъ побольше кусковъ и обмѣнялъ ихъ на деньги, чтобъ не ѣздить часто въ городъ и не разлучаться.

Пхар-ке-боги навьючилъ осла золотомъ и отправился съ нимъ въ городъ.

По дорогѣ необходимо было переѣхать ручей, а такъ какъ Нинорань-Дуи былъ восьми-несчастный, то и случилось, что какъ разъ въ это время пошелъ сильнѣйшій дождь, превратившій малый ручеекъ въ громадную рѣку, въ которой и потонулъ при переправѣ оселъ вмѣстѣ съ золотомъ.

— Нѣтъ!—вскричалъ въ отчаяніи несчастный,—такъ не можетъ дольше продолжаться: слишкомъ много ужъ несчастій я приношу собою этой женщинѣ! Или я спасу ея золото, или погибну и самъ вмѣстѣ съ нимъ!

Онъ бросился въ воду и утонулъ. Дю-си долго ждала Нинорана-Дуи и, наконецъ, не вытерпѣвъ, пошла сама его отыскивать.

Когда она подошла къ ручью, вода въ немъ спала и это былъ опять маленькій ручеекъ. На берегу она увидала и лежащее золото, и мертваго Нинорана-Дуи. Ничто больше не могло утѣшить Дю-си. Она шла и плакала. Она пришла въ какое-то глухое мѣсто и, сѣвъ, все плакала. Она плакала о своемъ дорогомъ восьми-несчастномъ и о всѣхъ восьми-несчастныхъ. Она такъ и умерла все плача, а отъ ея слезъ въ томъ мѣстѣ протекъ ручей, который и называется «ручей слезъ». Одинъ купецъ ѣхалъ въ городъ по дѣламъ, сбился съ дороги и попалъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ лежала мертвая Дю-си. Увидавъ женщину, онъ, по обычаю своей страны, въ знакъ уваженія, слѣзъ съ лошади и прошелъ мимо нея пѣшкомъ. Проходя, онъ замѣтилъ, что женщина неподвижна, а подойдя ближе и убѣдившись, что она мертва, вырылъ могилу и похоронилъ ее. Вскорѣ затѣмъ онъ нашелъ опять свою дорогу, благополучно пріѣхалъ въ городъ и удачно кончилъ всѣ свои дѣла. Приписывая удачу встрѣчѣ съ похороненною имъ женщиною, онъ на обратномъ пути снова заѣхалъ на ея могилу и, по обычаю

своей родины, помянулъ ее. Послѣ этого онъ, по пріѣздѣ домой, разсказалъ домашнимъ и знакомымъ о случившемся съ нимъ происшествіи и своей удачѣ въ дѣлахъ. Другіе купцы, его товарищи, ѣздившіе въ городъ по дѣламъ торговымъ, тоже посѣтили могилу Дю-си и помянули ее. И ихъ постигла удача. Купцы изъ другихъ мѣстностей, узнавъ объ этомъ, также завертывали на могилу Дю-си и тоже получали удачу въ своихъ дѣлахъ.

Однажды одинъ несчастный случайно попалъ на могилу Дю-си. Онъ горько плакалъ о своемъ горѣ и такъ и заснулъ на могилѣ. Во снѣ ему явилась прекрасная, молодая женщина, вся въ бѣломъ, и плакала вмѣстѣ съ нимъ и, утѣшая его говорила:

— Напейся изъ этого ручья, — вода въ немъ чистая, потому что источникъ его — слезы за несчастныхъ. Когда ты напьешся, уменьшится твое горе, потому что ты полюбишь всѣхъ другихъ несчастныхъ, какъ любила ихъ та, слезы которой образовали этотъ ручей!

Стали ходить на могилу Дю-си другіе несчастные и слава о могилѣ Дю-си росла все больше и больше.

Согласно законамъ страны, былъ поставленъ на ея могилѣ памятникъ съ надписью «добродѣтельной женщинѣ».

А слава все растетъ и растетъ и будетъ расти, потому что та, которая спитъ въ этой могилѣ, любила несчастныхъ, а ихъ все больше и больше на свѣтѣ».

На 23-ей верстѣ бывшая застава Капунсамъ.

Она обнесена сѣрой каменной стѣной. Время наложило на нее свою печать, — она развалилась, отъ прежняго города осталось всего 30 фанзъ, зелень пробралась въ стѣну, въ черепицу и это соединеніе зелени и сѣраго камня при солнечномъ блескѣ яснаго осенняго дня, при остальныхъ общихъ красно-желтыхъ золотистыхъ тонахъ составляетъ ласкающій и манящій глазъ контрастъ.

Но Боже сохрани взобраться на такую стѣну и довѣрчиво лечь въ ея зелени.

Множество ядовитыхъ змѣй ужалятъ и черезъ нѣсколько минутъ наступитъ смерть.

Такъ умерла здѣсь красавица дѣвушка, когда родители насильно заставили ее выйдти замужъ за нелюбимаго.

Она надѣла свое свадебное платье и въ немъ ушла. Никто не смѣлъ за ней слѣдовать, а она шла по стѣнѣ, пока не дошла до густой ея зелени и легла тамъ.

Все время дорога идетъ живописной долиной рѣчки Чонъ-канъ-мунъ. Тѣ-же горы, та-же кукуруза, чумиза, но больше лѣсу и широкія ветлы низко склонили свои вѣтви къ волнамъ быстрой, прозрачной, какъ хрусталь, холодной рѣки.

Подъ этими ветлами тамъ и сямъ поэтичныя фанзы. Юноши ко-

рейцы въ косахъ, въ женскихъ костюмахъ, мечтательные и задумчивые, какъ дѣвушки.

Мы ночуемъ въ 80 ли отъ Херіона въ деревнѣ Чон-горъ, въ томъ ущельи долины, гдѣ, кажется, горы совсѣмъ преградили ей путь.

Весело вьется синій дымокъ костра въ синее небо, колеблется его пламя и неровно освѣщаетъ группы сидящихъ кругомъ насъ корейцевъ.

— Пришелъ разсказчикъ,—пронеслось по деревнѣ и всѣ собрались и слушаютъ молодого двадцатилѣтняго только что женатаго юношу. Онъ въ своемъ бѣленькомъ дамскомъ костюмѣ и шляпѣ, какъ институтка застѣнчивый, говоритъ свои сказки. Иногда они поютъ ихъ.

Времена еще Гомера у корейскаго народа и надо видѣть, какъ любовно и серьезно они слушаютъ. Лучшіе разсказчики на устахъ у всѣхъ и П. Н. безошибочно дѣлаетъ свой выборъ.

Сказки о предкахъ, о счастьи.

Для счастья кореецъ носитъ своихъ покойниковъ съ мѣста на мѣсто, мѣняетъ чуть не каждый годъ названіе своей деревни, ищетъ счастливый день въ календарѣ, у предсказателей.

На склонахъ горъ его растетъ дикій виноградъ, въ долинахъ дикія яблони, вишни и сливы, въ горахъ золото, желѣзо, серебро, свинецъ и каменный уголь. Но ничего этого не надо корейцу: ему нужны сказки о счастьѣ. И сказки о счастьѣ дороже ему тяжелыхъ денегъ, тощей пашни.

Вотъ что случилось однажды на свѣтѣ.

«Жилъ былъ одинъ бѣдный дровосѣкъ.

Онъ рубилъ каждый день по три вязанки дровъ. Двѣ продавалъ, а одну оставлялъ для себя. Но вотъ съ нѣкотораго времени его вязанка стала пропадать. Проснется утромъ: нѣтъ вязанки. Рѣшилъ онъ узнать, куда пропадаетъ его вязанка, и какъ-то на ночь, вмѣсто того, чтобы лечь въ свою кровать, залѣзъ въ приготовленную вязанку дровъ. Среди ночи явились служители небеснаго сада и унесли вязанку на небо во дворецъ своего хозяина-Оконшанте. Когда дрова тамъ развязали, то увидѣли и дровосѣка. Увидѣли и доложили Оконшанте. Оконшанте потребовалъ къ себѣ дровосѣка.

— Какъ ты попалъ ко мнѣ?

Дровосѣкъ разсказалъ.

— Хорошо,—сказалъ Оканшанте,—твоихъ дровъ не будутъ больше трогать.

Тогда дровосѣкъ сказалъ:

— Разъ ужъ я попалъ къ тебѣ сюда, не можешь-ли ты чѣмъ нибудь помочь мнѣ? Я такой бѣдный и такой несчастный. Я такъ усталъ отъ постоянной работы и все мое тѣло болитъ. Вотъ посмотри мои руки.

— Чего жъ ты хочешь?

— Перемѣнить свое счастье: пусть и другіе поработаютъ, а я отдохну.

*

— Я этого не могу сдѣлать,—сказалъ Оконшанте, — счастье каждаго записано въ книги до сотворенія міра.

Но дровосѣкъ такъ просилъ, такъ плакалъ и такъ жаль всѣмъ было его. что Оконшанте сказалъ ему:

— Вотъ что я могу тебѣ сдѣлать. Не всѣ приходятъ за своимъ счастьемъ и лежитъ оно пока. Возьми чье нибудь такое счастье.

И Оконшанте потребовалъ къ себѣ книги счастья. Когда принесли, онъ посмотрѣлъ въ нихъ и сказалъ:

— Вотъ. напримѣръ, счастье Цапоги. Суждено ему быть и богатымъ, и счастливымъ. Возьми пожалуй хоть его до времени.

И дровосѣка со счастьемъ Цапоги служители Оконшанте отнесли въ его домъ.

Проснулся на утро дровосѣкъ и рѣшилъ попытать свое новое счастье.

Пошелъ къ богатому сосѣду и попросилъ у него взаймы десять тысячъ лянъ, тысячу хлѣба.

Прежде сосѣдъ ему и кеши не далъ бы, не далъ бы и хлѣба, а тутъ и разговаривать не сталъ: далъ все, что просилъ дровосѣкъ. На эти деньги и хлѣбъ, завелъ дровосѣкъ торговлю и скоро сталъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Кореѣ. Выстроилъ много франзъ подъ черепичной крышей, обнесъ ихъ заборомъ, купилъ много рабовъ и жилъ такъ, что всѣ ему завидовали.

Но было и у дровосѣка горе. Онъ только и думалъ о томъ, что вотъ вотъ придетъ какой-то страшный Цапоги и сразу отниметъ у него все его счастье. И отъ этой мысли онъ мало ѣлъ, мало спалъ и рѣшилъ, наконецъ, такъ: убить этого Цапоги, когда онъ явится. И съ тѣхъ поръ онъ ходилъ всегда весь увѣшанный оружіемъ, превратилъ свой домъ въ настоящую крѣпость и вооружилъ всѣхъ своихъ рабовъ.

И вотъ, однажды, въ одинъ жаркій лѣтній день, когда онъ ходилъ по двору и осматривалъ свои войска и крѣпость, онъ услыхалъ вдругъ какой-то крикъ.

— Кто это кричитъ?—спросилъ хозяинъ.

— Это Цапоги кричитъ,—отвѣтили ему.

Цапоги по корейски значитъ—рожденный подъ телѣгой.

Подъ телѣгой, которая стояла среди двора, кричалъ маленькій новорожденный ребенокъ. Его только что родила какая-то женщина и скрылась, потому что была бѣдна и нечѣмъ ей было ростить своего ребенка.

А дровосѣкъ стоялъ и думалъ:

«Такъ вотъ кто этотъ страшный Цапоги, для котораго онъ выстроилъ крѣпость, держалъ войско, котораго хотѣлъ убить. Но развѣ такихъ убиваютъ? За что убить? За то что онъ кричитъ, что хочетъ ѣсть?»

— Нѣтъ я не убью его, — сказалъ дровосѣкъ.—а сдѣлаю своимъ сыномъ и тогда его счастье будетъ и моимъ счастьемъ.

Такъ и сдѣлалъ дровосѣкъ и былъ счастливъ до конца жизни».

21-го сентября.

Лагерь уже выступилъ, и во дворѣ фанзы идетъ энергичная уборка хозяевами.

Опять все чисто и уютно. Масса дѣтей. Опять несчастный прокаженный. На мой вопросъ—много ли ихъ?

— О, много, очень много.

Онъ живетъ въ своей семьѣ. Имъ никто не брезгуетъ.

— Надо жалѣть несчастнаго,—ему ужъ недолго жить.

Семь часовъ утра, обѣдъ нашъ готовъ, надо пріучаться ѣсть съ утра и на весь день, такъ какъ на лошади придется пробыть не меньше 12 часовъ и это самый выгодный способъ передвиженія—весь день ѣхать, всѣ ночи спать.

Чудное утро, ласковое солнце, долины и горы все такъ же прекрасны, прозрачная вода все также нѣжно журчитъ въ широкой горной рѣкѣ. А вверху нѣжно-голубое небо и не знаю въ небѣ или на горѣ таетъ бѣлое, все прозрачное облачко.

Кладбище на склонѣ и уже возится трудолюбивый кореецъ у могилы своихъ предковъ.

Дорога все выше и выше. Изрѣдка попадаются по двѣ, по три двухколесныхъ арбы на быкахъ, мы иногда ихъ обгоняемъ—это везутъ товаръ изъ Россіи,—бязь, ситецъ, кумачъ. Обратные везутъ китайскую водку.

На вершинѣ перевала (3 версты отъ стоянки) Муссан-ленъ устроена молельня: у дерева, сажень въ квадратѣ, подъ черепичной крышей надпись: цонъ-нонъ-танъ (святой домъ начальника горъ). Внутри на стѣнѣ, передъ входомъ на коричневой бумагѣ изображеніе старика съ бѣлыми бровями, бѣлой бородой, съ желто-бѣлымъ лицемъ. На немъ зеленая одежда, желтые рукава (родъ ряски), красная подкладка, синяя оторочка воротника и рукавовъ. Подъ зеленой одеждой бѣлый или даже палевый подрясникъ, ноги въ китайскихъ туфляхъ. Одной рукой онъ обнимаетъ тигра, который изогнулся и смотритъ старику въ глаза.

Это его лошадь, на которой онъ объѣзжаетъ свою гору. На головѣ старика маленькая желтая корона изъ цвѣтовъ.

Старикъ сидитъ въ задумчивой позѣ на скамьѣ съ перилами и смотритъ тигру въ глаза.

Картину рисовалъ художникъ округа Херіонъ, мѣстности Тха-кор О-хан-муги въ 1898 году, третьей луны.

Внизу надпись—святой начальникъ горъ Цхонъ-Ніон-Та-Тхон-Уан-Шин-У. Картина за двумя красными кумачевыми занавѣсками. По двумъ другимъ сторонамъ множество лошадиныхъ волосъ. Всякій проѣзжающій вырываетъ у своей лошади волосы изъ гривы и хвоста и вѣшаетъ ихъ, прося о благополучіи отъ тигровъ.

Передъ изображеніемъ среди молельни два-три камня, на которыхъ сжигается душистое дерево въ честь начальника горъ.

На наружной сторонѣ бесѣдки надписи по русски: 8 мая 1889 г. Ветергофъ, 25 мая 1890 г. Ветергофъ, Неовіусъ и Хрущовъ. 26 февраля 1886 года Десано (неразборчиво).

И я написалъ: 21 сентября 1898 г. и свою фамилію.

Проѣхали 11 верстъ отъ ночевки, и начались дикія, почти необитаемыя мѣста съ узкой долиной и высокой горой.

На 20-й верстѣ развалины стараго Муссана. Сохранилась только стѣна, да нѣсколько фанзъ.

Невдалекѣ китайцы, они же и хунгузы (разбойники), жгутъ уголь. Нѣсколько такихъ хунгузовъ держатъ всю округу въ паникѣ. Корейцы робки, какъ дѣти. Будь хоть сотня ихъ, возвращающихся съ заработковъ изъ Россіи, но одинъ выстрѣлъ и предложеніе всѣмъ сложить свои вещи и деньги дѣлаютъ то, что эта сотня корейцевъ,—бѣлыхъ лебедей, которые, какъ лебеди, съ первыми весенними лучами появляются въ предѣлахъ Россіи, а осенью, съ лебедями, исчезаютъ въ своей странѣ,—складываетъ въ кучу всѣ вещи, весь товаръ, купленный въ Россіи, всѣ деньги, бросаетъ лошадей и скотъ, спасая только свою жизнь.

Китаецъ трусливѣе всѣхъ другихъ, кромѣ корейцевъ, народовъ на войнѣ, умѣющій такъ великолѣпно бѣгать, здѣсь передъ болѣе робкими является героемъ.

Конвой изъ пяти человѣкъ нашихъ солдатъ провожаетъ партію корейцевъ въ сто человѣкъ до Корейской границы—этого достаточно, чтобъ и китайцы не нападали, и сотня корейцевъ были спокойны.

Эти факты ясно характеризуютъ, какой матеріалъ представляетъ въ военномъ отношеніи дѣтскій корейскій народъ. Въ ихъ легендахъ, правда, сохранились представленія о богатырякъ и ихъ подвигахъ, но въ добродѣтели современнаго корейца военныя доблести не входятъ. И, конечно, больше всего за это нашъ Бибикъ презираетъ ихъ отъ всего своего сердца. Навѣрно, презираетъ и меня въ душѣ за то, что я не пользуюсь ихъ робостью: не посылаю его на фуражировку, не позволяю ухаживать за кореянками и дразнить корейцевъ.

Все выше и выше подъемъ и только лѣсъ кругомъ, да верхушки далекихъ горъ просвѣчиваютъ.

Но лѣсъ плохой: или погорѣлый, или сгнившій. Порода—осина и лиственница. Изрѣдка попадется сосновое дерево, но такъ ихъ мало этихъ деревьевъ, что и говорить о нихъ не стоитъ. Остальное хламъ, негодный даже на порядочныя дрова.

Поздно, почти въ темнотѣ мы достигаемъ перевала, послѣдняго передъ Муссаномъ—перевала Чапленъи, спустившись, ночуемъ въ деревнѣ Шекшарикоръ.

Бѣдная фанза,—постоялый дворъ,—вѣтеръ уныло завываетъ въ

лѣсу и отъ шума лѣса кажется, что на дворѣ разыгрывается страшная непогода.

Слушая такой вой вѣтра, одинъ путешественникъ-кореецъ изъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ лѣса, просидѣлъ четыре дня, все выжидая, когда лѣсъ перестанетъ шумѣть. Но онъ шумитъ всегда.

Бѣдная наша фанза имѣетъ характеръ кавказской сакли. Холодно. Термометръ упалъ до 4°.

Сѣна нѣтъ, соломы нѣтъ, овса нѣтъ, ячменя нѣтъ. Послали за пять верстъ и кое-какъ собрали два пуда ячменя и 25 сноповъ соломы бузы.

Но зато пріятный сюрпризъ: оказался картофель. Уже десятый день мы безъ хлѣба и картофеля.

Я не думалъ, что за такое короткое время можно такъ соскучиться за такой новостью, какъ картофель. Обыкновенно я его почти не ѣмъ, но сегодня ѣлъ, какъ самое гастрономическое блюдо.

Клоповъ въ фанзѣ множество. Мы въ почетной комнатѣ, гдѣ кореецъ держитъ своихъ покойниковъ. Дверь на грязную половину открыта и видна вся тамошняя публика: Бибикъ, Бесѣдинъ, Хоповъ,—всѣ отставные солдаты,—два нашихъ корейца: высокій Сапоги и маленькій уродъ Таани—веселый комикъ, ни слова не говорящій по-русски и тѣмъ не менѣе заставляющій нашихъ солдатъ то и дѣло хохотать.

Онъ упросилъ Бесѣдина уступить ему винчестеръ.

На что тебѣ?

Онъ крутитъ усы:—Капитанъ...

Это значитъ, что онъ будетъ имѣть видъ капитана и плѣнитъ тогда сердце какой-нибудь кореянки. Кореянка приметъ его за «араса» (русскаго).

— Значитъ кореянки любятъ «араса»?—спрашиваетъ благообразный исполнительный, бывшій ротный фельдфебель, Бесѣдинъ.

— Ну, такъ неужели любить такихъ уродовъ, — гудитъ Бибикъ, показывая на Таани и уже умираетъ отъ смѣха.

Въ нашей фанзѣ въ женскомъ отдѣленіи путешественница-дворянка. Она путешествуетъ со своимъ рабомъ. Рабу лѣтъ 15. Его продали родители изъ южной Кореи во время свирѣпствовавшаго тамъ голода.

Я утромъ видѣлъ эту путешествующую дворянку. Высокій поясъ, баска, юбка-колоколъ—все безукоризненно бѣлое,—дама, какъ дама, еслибъ не торчащія изъ-подъ юбки въ корейской обуви ноги. Да походка съ выворачиваніемъ пятокъ, точно она все время несетъ на головѣ громадный кувшинъ съ водой.

Рабъ ведетъ въ поводу хорошенькую сытую лошадку. На спинѣ лошади красиво упакованъ тюкъ, торчитъ европейскій зонтикъ.

Другой путешественникъ, молодой человѣкъ, тоже очень опрятно одѣтый.

— Какая его можетъ быть спеціальность?—спрашиваю я у П. Н.

П. Н. отправляется съ нимъ разговаривать и послѣ долгой бесѣды съ пренебрежительной гримасой подсаживается поближе ко мнѣ:

— Онъ самъ живетъ постоянно въ Херіонѣ. Все ихъ имущество двѣ корейскихъ десятины, которыя обрабатываетъ его младшій братъ, а онъ живетъ на этотъ доходъ.

— Какіе-же доходы?

— А много ему надо? Хватитъ чумизы и довольно.

— Но такой костюмъ?

— Ну, 2 р. 50 к. Шляпа на всю жизнь. Ну, немного посводничаетъ... Пріѣдетъ, напримѣръ, изъ глухой деревни крестьянинъ богатый или дворянинъ—ничего не знаетъ въ городѣ. Ну и поведетъ по всѣмъ веселымъ мѣстамъ, гдѣ поютъ, танцуютъ.

— Это вѣдь запрещено теперь?

— На бумагѣ запрещено,—бумага все терпитъ... Только такимъ, какъ этотъ, заработокъ: покажетъ гдѣ. Или познакомитъ съ вдовой, а она просто проститутка, ну и морочитъ съ нимъ вмѣстѣ деревенскаго медвѣдя. А онъ медвѣдь совсѣмъ, можетъ, и города никогда не видалъ. А какъ услышитъ музыку, пѣніе, увидитъ ея танцы, да еще сама она нальетъ ему сули, ну и бери, какъ хунгузъ, всѣ деньги. Отдастъ и уѣдетъ въ деревню,—другой на его мѣсто.

— Это онъ самъ вамъ разсказывалъ?

— Кто это будетъ разсказывать про себя,—хозяинъ разсказывалъ, да и такъ видно. Если человѣкъ честно зарабатываетъ себѣ хлѣбъ—онъ такъ и скажетъ, а кто молчитъ, ну, значитъ, какимъ-нибудь ремесломъ нехорошимъ да занимается. Въ корейскихъ городахъ такихъ половина города: такъ и живутъ на счетъ деревенскихъ дураковъ. Вотъ теперь, навѣрно, ѣздилъ къ какому-нибудь деревенскому дружку, съ которымъ пировалъ, ну, можетъ, поклонъ отъ вдовы привезъ,—дожидается, дескать, его въ городъ. Ну, уши и развѣситъ дуракъ, да и жена тутъ,—какъ бы не проговорился: дастъ ему, сколько надо,—только уходи, пожалуйста. Съ одного, другого соберетъ, ну ему пока и довольно. Теперь вотъ дворянку эту выслѣживаетъ, можетъ и тутъ что-нибудь перепадетъ... Вотъ, если дать ему рюмки три спирта, онъ развернетъ языкъ.

— Богъ съ нимъ. Рюмку дайте, потому что ему, кажется, до сихъ поръ холодно.

Ему дали рюмку спирту и онъ расцвѣлъ, онъ подошелъ къ моей двери и, сдѣлавъ что то вродѣ дамскаго реверанса, что-то сказалъ.

Я понялъ «азенченъ»—благодарю. П. Н. перевелъ остальное:

— Онъ говоритъ, что ему лестно отъ такихъ знатныхъ гостей получить угощеніе. Теперь будетъ врать своимъ, какъ мы его принимали. Столько навретъ, что и въ три года не разберешь.

П. Н. заговорилъ о чемъ-то съ нимъ и лицо молодого франта просіяло.

— Я говорю ему, что мы воротимся еще въ Херіонъ и что нельзя-ли будетъ познакомиться съ какой-нибудь веселой вдовой черезъ него? Говоритъ—сколько угодно.

П. Н. презрительно сплевываетъ и заканчиваетъ:

— Дрянчушка-человѣкъ...

22-го сентября.

Опять мы движемся.

Спустились съ горъ. Опять долины шире, но горы выше, уютныя фанзы въ долинахъ и на неприступныхъ скатахъ горъ—пашня.

— Но какъ они снопы оттуда спускаютъ?

— На волокушкахъ.

На привалѣ мы осматриваемъ корейскую соху. Родъ нашей сохи и пара быковъ въ запряжкѣ. Прежде земледѣльческіе инструменты корейцы сами дѣлали, теперь все больше и больше привозятъ ихъ изъ Японіи, гдѣ работаютъ ихъ лучше.

Ѣдемъ дальше... Попадаются опять рѣдкія арбы парами въ ту и другую сторону. Изъ Муссана везутъ березовую кору, въ которую обертываютъ переносимаго изъ одной могилы въ другую покойника. При любви корейцевъ возиться съ своими покойниками, это видная отрасль торговли—въ березовой корѣ не гніютъ кости.

Спрашиваю я проводника корейца:

— Кто сотворилъ небо, землю?

— Землю создалъ человѣкъ, а небо Оконшанте

— А Оконшанте кто создалъ?

Выходитъ такъ, что тоже человѣкъ. Что-то не такъ.

Мы останавливаемся въ деревнѣ, собираются корейцы и горячо спорятъ. Понемногу побѣждаетъ одинъ почтенный кореецъ.

— Земля сама создалась, а небо создалъ Оконшанте, да и человѣка тоже Оконшанте.

Невдалекѣ монастырь женатыхъ бонзъ. Они сѣютъ хлѣбъ и живутъ сообща.

Къ закату показался Муссанъ, весь окруженный безлѣсными, фіолетовыми отъ заката горами.

Лѣсъ кончился, какъ только спустились съ послѣдняго перевала.

Муссанъ значитъ запутанный въ горахъ. Горъ дѣйствительно множество самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ: вотъ громадный крокодилъ глотаетъ какого-то звѣря поменьше. Вотъ тигръ изогнулся и присѣлъ, чтобы прыгнуть... А въ розовомъ пожарѣ облака дорисовываютъ фантазію горъ и не разберешь, гдѣ сливаются горы земли съ горами неба.

Сумерки быстро надвигаются и скоро ничего не будетъ видно.

Но городъ ужъ близко. Онъ уютно расположился на скатѣ долинки, окруженный стѣной, съ четырьмя китайскими воротами, съ деревянными столбами для отвода лучей злой горы.

— Отчего въ корейскихъ городахъ нѣтъ монастырей, храмовъ?

Проводникъ усталъ и отвѣчаетъ: «нѣтъ и нѣтъ».

Вотъ и Муссанъ.

Какую чудную фанзу намъ отвели. Подъ черепичной крышей четыре чистыхъ комнатки, всѣ оклеенныя корейской сѣро-шелковистой бумагой.

Шумъ, крикъ, восторгъ толпы и ребятъ.

Скорѣе ѣсть и спать. О, какъ пріятно лечь и вытянуться. Но много еще работы, пока заснешь: техническій журналъ, дневникъ, разсказы, астрономическія наблюденія, англійскій языкъ и надо еще послушать послѣ ужина собравшихся корейцевъ: разскажутъ, можетъ быть, что-нибудь, дадутъ свѣдѣнія о таинственномъ Пектусанѣ, объ ожидающихъ насъ тамъ хунгузахъ, о тиграхъ и барсахъ.

Ив. Аф. докладываетъ:

— Пять лошадей расковались, двѣ лошади спины набили, вышелъ ячмень, нѣтъ крупы и мяса... устали лошади къ тому же, время надо, чтобы новыя подводы найти, люди хотѣли бы бѣлье помыть, да и самимъ обмыться, пока еще можно терпѣть воду...

— Въ водѣ 9—10 градусовъ.

— Стерпятъ.

Все, словомъ, сводится къ дневкѣ.

— Хорошо...

— Дневка?

По голосу И. А. слышу, что это за удовольствіе. Положимъ, и у меня накопилось письменной работы.

Ну, дневка, такъ спать,—завтра и наѣмся, и напишусь вволю. Кстати съ начальникомъ округа повидаюсь и запасусь его распоряженіемъ для свободнаго прохода и содѣйствія мѣстныхъ властей до самаго Пектусана.

Да и Пектусанъ какъ будто ближе, чѣмъ предполагали: вмѣсто 500 ли—300. Впрочемъ, никто ничего точно не знаетъ. Да и ли до сихъ поръ не выясненная величина... По нашему опредѣленію, ли это треть версты, а не половина.

Никто: ни торговый человѣкъ, ни администраторъ, ни простой смертный не могутъ опредѣлить, что такое ли.

23-го сентября.

Сегодня дневка въ Муссанѣ.

Я уже послалъ свои визитныя карточки къ начальнику города и получилъ такія же отъ него. Онъ ждетъ насъ къ себѣ въ гости.

Объ этомъ начальникѣ отзываются съ большимъ уваженіемъ. Прежде всего, говорятъ, онъ не беретъ взятокъ, затѣмъ безпристрастно судитъ и человѣкъ съ тактомъ.

Личное мое знакомство съ нимъ только подтвердило это впечатлѣніе. Это 38-лѣтній, очень сохранившійся, сильный и высокій человѣкъ

Сила его скрадывается пропорціональностью и стройностью. Довольно густая черная бородка, красивые большіе глаза: въ нихъ какая-то ласка, задумчивость, скромность.

Обстановка его фанзы скромная. Нѣтъ стульевъ и мы сидимъ на очень простенькомъ коврѣ.

Намъ подали вареную курицу, корейскую лапшу и корейскіе пикули. Все это очевидно не каждодневная пища. Чаю и сладкаго намъ не предлагали.

Онъ очень смущенъ нашими мелкими подарками и просилъ передать, что будетъ, смотря на нихъ, вспоминать о насъ. Онъ уже распорядился о дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи, послалъ предписанія и насъ снабжаетъ ими.

Кстати сказать, дороги его округа являются идеаломъ въ сравненіи съ остальными дорогами Кореи. Даже мосты почти вездѣ имѣются.

Мы говоримъ съ нимъ о политикѣ.

Корейцы совершенно не годятся къ войнѣ, по его мнѣнію. Это кроткій, тихій народъ и теперь по своему очень счастливый, потому что умѣетъ довольствоваться малымъ.

— Деньги не всегда даютъ счастье.

Онъ смѣется, его бѣлые зубы сверкаютъ, глаза ласково смотрятъ. Японцы одно съ ними племя, но они испортились: стали двуличны и жадны. Но денегъ нѣтъ и у нихъ. «Араса»—это сильный могущественный народъ. «Араса» храбръ и ему здѣсь никто не страшенъ. «Араса» богатъ и вся сѣверная Корея живетъ заработками въ Россіи. Для Кореи не надо солдата, нужна ласка. Для хунгузовъ нужно солдатъ.

У нихъ въ городѣ 400 фанзъ и 1.500 жителей, 200 быковъ, 100 коровъ, 100 лошадей. Населеніе города на половину занимается земледѣліемъ. Часть служитъ, часть торгуетъ, остальные бездѣльничаютъ. Въ нашемъ путешествіи къ верховьямъ Тумангана и Ялу, предстоитъ много затрудненій: нѣтъ жилья, становится холодно, бродяги-хунгузы, тигры, барсы. Небо сохранитъ насъ...

Мы встали и откланялись.

24-го сентября.

Весь день вчера прошелъ въ работѣ,—писалъ, осматривалъ городъ. Такія же грязныя улицы, грязныя маленькія фанзы, маленькія лавочки съ дешевыми матеріями и необходимыми принадлежностями несложнаго корейскаго хозяйства.

Часовъ въ семь пришелъ съ визитомъ начальникъ города. Его не несли на носилкахъ и не кричали при его проходѣ. Онъ шелъ уже по новому закону. Такой же скромный, тихій, обстоятельный.

Вслѣдствіе вчерашней моей просьбы принесъ подлинную мѣру пути. Я, наконецъ, добился, что такое ли. Въ ли 360 тигачи. Тигачи соста-

вляетъ 0,445 саж. Слѣдовательно ли равняется 162 саженямъ и составляетъ треть версты. Мы торжествуемъ такимъ образомъ точность нашего измѣренія.

Начальникъ города принесъ подарки: на корейской бумагѣ китайскія надписи: «Начинающійся свѣтъ», «Красная каменная гора».

— Это приноситъ счастье.

Начальникъ выпилъ рюмку коньяку и больше пить отказался.

Мы сняли съ него фотографію и, пожелавъ другъ другу всего лучшаго, разстались.

Онъ ушелъ скромно, съ опущенной головой, точно въ раздумьѣ о чемъ-то.

— Корейскій народъ, можетъ быть, будетъ богатъ и образованъ, но такимъ счастливымъ онъ уже никогда не будетъ,—вздохнулъ онъ, прощаясь.

Это не протестъ: корейцы не способны ни къ какому протесту, — это... вздохъ о проносящемся дѣтствѣ.

Все готово.

Съ сегодняшняго дня весь транспортъ идетъ уже не раздѣляясь. Причина—китайская граница и хунгузы.

Пора ѣхать: запахъ отъ набившейся толпы ребятишекъ несносенъ. Передъ самой дверью ужасное лицо прокаженнаго. Сколько безнадежной скорби въ его глазахъ. Я даю ему деньги,—что ему деньги?

Опять Туманганъ передъ нами, но это уже рѣчка не болѣе 25 саженъ. Крутые берега его иногда не пускаютъ насъ и тогда мы взбираемся на боковые перевалы. По обѣимъ сторонамъ мелкій лѣсокъ, цвѣты осени. Чудная погода, шумитъ Туманганъ и несется шумъ въ синее чистое небо, гдѣ спятъ горы, спятъ и точно дышутъ въ своихъ бархатныхъ коричневыхъ коврахъ.

На той сторонѣ китайскій берегъ, обработанныя поля. Это работа корейцевъ, а поля китайцевъ и берутъ съ нихъ китайцы изъ 10 сноповъ въ свою пользу 6. Это указываетъ на громадную нужду въ землѣ. Надо вспомнить при этомъ, что такой работающій на китайской сторонѣ кореецъ постоянно рискуетъ попасть въ руки хунгузовъ, которые или убьютъ его, или возьмутъ выкупъ. И при корейской робости нужда все-таки гонитъ ихъ на китайскій берегъ.

— А еслибъ пришелъ «араса», онъ храбрый и прогналъ бы хунгузовъ.

— Мы такъ хотимъ «араса»...

Такъ страстно говоритъ каждый поселянинъ этихъ мѣстъ.

Намъ предложили сразу, какъ вышли изъ Муссана, переправиться на китайскій берегъ, какъ болѣе пологій, но мы рѣшили идти корейскимъ. Однако послѣ двухъ головокружительныхъ переваловъ, въ концѣ концовъ, предпочли имѣть дѣло съ хунгузами, чѣмъ рисковать лошадьми. Тропа, по которой двигались мы на высотѣ 50—60 саженъ надъ Ту-

манганомъ, буквально вьется по карнизу, наибольшая ширина котораго 2 аршина, наименьшая же просто промытая пропасть, черезъ которую и проходятъ по выступающимъ камнямъ.

Нога пѣшехода скользитъ, но положеніе вьючной лошади съ шестью пудами колеблющагося на ея спинѣ груза невыносимое.

Одна изъ лошадей потеряла равновѣсіе и уже съѣхала было задними ногами въ пропасть и мы часа два провозились, пока спасли ее.

Хуже всего на поворотахъ, которыхъ корейцы совсѣмъ не умѣютъ устраивать: или приткнутъ другъ къ другу подъ острымъ угломъ съ почти отвѣсными скалами, или совсѣмъ не соединятъ, предоставляя лошадямъ и пѣшимъ прямо прыгать.

За то виды непередаваемо хороши. Тѣмъ не менѣе пришлось отказаться и отъ видовъ. И, хотя наступаетъ вечеръ, мы все-таки перешли ночевать на китайскій берегъ, гдѣ и устроились въ какой-то брошенной китайской фанзѣ.

Проводникъ очень усердно уговаривалъ насъ, хоть переночевать для безопасности на корейскомъ берегу. Онъ и корейцы тамъ и ночевали. Кончивъ свои работы на рѣкѣ, я первый перебрался на другой берегъ и пока возились съ перевозкой вещей присѣлъ тамъ, наблюдая группу изъ корейскихъ женщинъ, которыя въ ожиданіи парома,—длинной и узкой лодки съ бревнами по бокамъ,— сидятъ на берегу. Подходятъ новыя: одна съ мѣшкомъ, другая съ корзинкой на головѣ, почти каждая съ ребенкомъ на спинѣ. Сидящія предупредительно помогаютъ пришедшей снять мѣшокъ. Всѣ онѣ стройны, въ нихъ много граціи, но лица некрасивы. Костюмъ похожъ на нашъ дамскій—баска, широкій поясъ, юбка-колоколъ. Изящныя манеры, прическа—это группа нашихъ дамъ. Онѣ такъ и сидятъ въ противоположность своимъ мужьямъ, не обращая на насъ никакого вниманія.

Уѣхали кореянки и я иду къ одинокой фанзѣ, мѣсту нашего ночлега. Все это время приходилось проводить въ шумномъ обществѣ корейцевъ, отъ любопытства которыхъ нѣтъ спасенья, приходилось и ѣсть, и спать, и работать на глазахъ толпы. Такъ они и всѣ живутъ и въ чужой монастырь не пойдешь со своимъ уставомъ: приходилось по неволѣ покориться. Въ первый разъ здѣсь я былъ одинъ лицомъ къ лицу съ здѣшней природой. Точно первое свиданіе съ рискомъ дорого поплатиться за него. Я замечтался и сижу. Сама осень ясная, свѣтлая навѣваетъ особый покой и какую-то грусть. Точно задумались всѣ эти горы и даль въ своемъ праздничномъ нарядѣ и грустятъ о промчавшихся лучшихъ дняхъ.

Такъ уютенъ уголокъ, гдѣ эта хижина...

Цѣлый лабиринтъ отдѣльныхъ горъ странно закружился и потерялась въ нихъ эта долинка съ хижиной и сверкающей рѣчкой.

Шумъ рѣки словно стихаетъ подъ вліяніемъ вечера, а косые лучи

солнца, уже не попадая въ долину, скользятъ тамъ выше и теряются въ синѣющей мглѣ.

Окраска горъ — волшебная панорама всѣхъ цвѣтовъ. Въ одномъ поворотѣ бархатная даль отливаетъ яркимъ пурпуромъ, тамъ великолѣпный фіолетовый налетъ, а на западѣ въ блѣдной позолотѣ неба. какъ воздушныя, стоятъ изузбренныя группы горъ.

И рѣка полосами отражаетъ эти тона и все кругомъ замерло, неподвижно, все охваченное очарованіемъ, свѣжести и красоты.

А потомъ почти сразу наступила ночь, потухли горы, тьма легла и охватила мягкое бархатное синее небо.

Холодно. 3° всего. Принесли кормъ лошадямъ.

Десятокъ, другой корейцевъ, ободренные нашимъ присутствіемъ не спѣшатъ на свой берегъ.

— Оставайтесь всегда здѣсь—наивно предлагаютъ они намъ.

— Но, вѣдь, это не вашъ берегъ.

— Нѣтъ, нашъ,—еще на 150 ли нашъ, но мы не успѣли сдѣлать пограничныхъ знаковъ и хунгузы захватили нашу лучшую пашню себѣ.

Они, говорятъ, вѣроятно, о нейтральной 50 верстной полосѣ, которую безцеремонно захватили себѣ китайцы.

Эти корейцы сообщаютъ первыя свѣденія о Пектусанѣ, высочайшей здѣсь вершинѣ,—цѣли нашей поѣздки съ таинственнымъ озеромъ на ней, питающимъ будто бы три громадныя рѣки: Туманганъ, Ялу и Сунгари.

Несомнѣнно это бывшій вулканъ.

Одинъ изъ очевидцевъ этой горы (бѣлая гора Пек-ту-санъ), проѣзжавшій около нея въ 10 верстахъ, слышалъ шумъ, похожій на громъ, исходившій изъ нѣдръ земли.

— Это волны озера такъ шумятъ,—объясняетъ онъ по своему,— озеро тамъ глубоко и видѣть его можно, поднявшись на самую вершину, но подняться туда нельзя, потому что сейчасъ же поднимается страшный вѣтеръ, хотя кругомъ и тихо и мелкая пензовая пыль выѣдаетъ глаза.

— Почему же вѣтеръ поднимается?

— Драконъ, который живетъ въ этомъ озерѣ не хочетъ, чтобы смотрѣли на его жилище.

Хорошо, что драконъ запасся такой пылью, а иначе набились-бы и къ нему любопытные корейцы, какъ набивались къ намъ, когда мы ночевали нихъ.

— А Туманганъ изъ этого озера дѣйствительно вытекаетъ?

— Говорятъ.

Что значитъ Туманганъ? Туманъ-неизвѣстно куда скрывшійся, ганъ-рѣка.

— Зачѣмъ ходятъ на Пектусанъ?

— Ходятъ собирать въ его окрестностяхъ жень-шень, цѣна котораго дороже золота.

— Корейцы ходятъ?

— Не корейцы.

25-го сентября.

Холодно: два градуса мороза.

— Ив. Аф. будите людей.

Ив. Аф. дежурный. Дежурство безъ различія чиновъ и званій по очереди. Въ третью ночь моя съ П. Н. очередь.

Какъ не торопишься, а вотъ уже семь часовъ, а вокругъ все еще крикъ и шумъ корейцевъ и вьюки еще не готовы.

Уже пріѣхали корейцы съ той стороны взрослые, дѣти опять кричатъ, обступаютъ толпой.

Только женщинъ никогда нѣтъ.

Сегодня какая-то мгла на горизонтѣ и небо покрыто свинцовымъ налетомъ.

Но уже переходитъ оно въ чистый прозрачно-синій, свойственный осени свой цвѣтъ.

Съ утра и горы поблекли,—желтизна ихъ тускло сверкаетъ,—краски осени, какъ годы утомленной послѣ блестящаго праздника красавицы, уже чувствуется и выступаютъ ярче, говоря уже о ея будущей еще, но уже скорой непривлекательности.

Но выше поднимается солнце и скрадетъ всѣ эти печальные намеки и мы успѣемъ еще спуститься къ югу, не испортивъ впечатлѣнія послѣдней и лучшей красоты.

Окружили корейцы и, раскрывъ рты, смотрятъ.

— П. Н., скажите имъ, что вотъ мужчины корейцы глазъ съ насъ не сводятъ, а женщины ихъ и смотрѣть на насъ не хотятъ. Намъ пріятнѣе было-бы, еслибъ было наоборотъ.

Вотъ дружный хохотъ раздался и долго они хохотали.

Наконецъ тронулись.

Мы ѣдемъ китайской землей. На другой сторонѣ вся въ горахъ Корея, а здѣсь хлѣбородная, версты въ 2—3 долина. Урожай въ этомъ году и здѣсь превосходный: высокій красный гоалинъ, могучая кукуруза, чумиза, буда, яръ-буда, бобы сои: я собралъ до 30 сортовъ всѣхъ этихъ сѣмянъ.

Черезъ десять верстъ опять переправа на корейскій берегъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Туманган впала многоводная и быстрая Тагаібнъ.

Между двухъ рѣкъ высокая скала и дальше по берегу Туманган рядъ скалъ.

Пока идетъ переправа, подходитъ высокій кореецъ съ шкурой барса: онъ убилъ его въ 14 день 8-й луны, то есть недѣлю тому назадъ

Длина туловища безъ хвоста 2 аршина.

Вотъ при какихъ условіяхъ онъ убилъ этого барса: женщина изъ

сосѣдней деревни сидѣла на берегу рѣки и мыла салатъ (салатъ корейцы солятъ на зиму и посыпаютъ перцемъ). Это было часа въ два дня, ходилъ народъ, и тѣмъ не менѣе барсъ съ наглостью, присущей только ему, подкрался и бросился на нее, по обыкновенію сзади и, по обыкновенію, схвативъ ее за шею. Затѣмъ съ этой 25-ти лѣтней женщиной онъ бросился въ воду, но тутъ закричалъ народъ и барсъ, выпустивъ свою жертву, одинъ уже переправился на другую сторону. Но тамъ, несмотря на крики, онъ остановился и слѣдилъ за своей жертвой, которую несло водой и которую никто не рѣшался, ввиду его присутствія, спасать.

Этотъ стоящій теперь передо мной охотникъ успѣлъ сбѣгать домой, зарядить свое фитильное ружье, возвратиться и, выстрѣливъ, положить на мѣстѣ хищника.

Кореянка, хотя и спасена, но въ безнадежномъ состояніи.

Теперь по закону онъ везетъ эту шкуру въ Муссанъ къ начальнику города, который и опредѣлитъ цѣну за нее, взявъ извѣстный процентъ въ пользу государства.

Отвратительный законъ отбивающій у населенія охоту убивать тигровъ и барсовъ, такъ какъ представленія этихъ шкуръ, пошлины и всѣ неправильности произвола, уничтожая всѣ выгоды добычи, оставляютъ корейцу только рискъ быть разорваннымъ звѣремъ.

П. Н. написалъ начальнику города, что я очень прошу продать мнѣ эту шкуру и прислать въ деревню Тяпнэ, послѣдній населенный пунктъ.

День жаркій, на солнцѣ 30°, совершенно лѣтній, лѣтняя мгла покрыла горы, небо. Передъ нами узкая тропа, теряющаяся на трехсотъ футовой высотѣ: по этому подъему мы сейчасъ пойдемъ.

Эпизодъ съ Бибикомъ.

Не хотятъ лошади сходить въ узенькую лодочку, гдѣ и человѣку трудно сохранить равновѣсіе. Уже съ часъ тянутъ ихъ за узду и кричатъ корейцы, но лошади уперлись передними ногами у самой лодки и ни взадъ, ни впередъ.

Подъѣхалъ Бибикъ, посмотрѣлъ, слѣзъ съ своей лошади, подошелъ къ упиравшейся лошади и взявъ ее за переднія ноги, поднялъ и опустилъ ихъ уже въ лодку.

Послѣ этого лошадь спокойно втащила и свои заднія ноги,—такъ поступили и съ другими лошадьми.

Когда корейцы стали выражать ему свое удовольствіе и даже восторгъ, Бибикъ отвернулся, чтобъ скрыть улыбку и проговорилъ:

— Вотъ якъ стану васъ сшивать здѣсь...

Мы опять на корейской сторонѣ, — много горъ, но совсѣмъ нѣтъ пахотныхъ мѣстъ. На перевалахъ кой-какой лѣсокъ, но плохонькій. Порядочныя сосны попадаются иногда только на могилахъ предковъ. Добрая часть Кореи въ этихъ могилахъ.

Проѣхали еще обильный водой притокъ Туманган и Тумангань уже превратился въ десятисаженную, съ множествомъ перекатовъ, горную рѣченку.

Четыре раза поднимались и спускались съ переваловъ. Спуски, круче полуторнаго откоса. Какъ мы не побили нашихъ вьючныхъ лошадей—не знаю.

Сдѣлали 24 версты и уже вечеръ, и люди, и лошади такъ выбились изъ силъ, какъ ни разу еще не выбивались.

До Тяпнэ не добрались и заночевали на одномъ изъ переваловъ, съ котораго спускъ особенно затруднителенъ.

Изъ трехъ фанзъ одна сколько-нибудь сносная, но изъ нея только недавно унесли покойника и чувствуется еще явственный запахъ трупа

Разбили поэтому палатки, хотя и очень холодно. Холодно сразу' какъ только садится солнце.

Солнце теперь какъ разъ садится и опять передъ нами панорама горъ. Но сегодня закатъ какой-то тяжелый, сумрачный. Только на мгновеніе сверкнули огнями горы, а затѣмъ послѣдній блескъ пурпура. послѣдній печальный отсвѣтъ фіолетовой воды и быстро гасятся огни неба и земли.

Холодная тьма заволакиваетъ округу и хочется тепла, уютнаго покоя. Не скоро еще все это.

Выпили по стакану чая и стали приводить въ порядокъ работу дня. Ѣда безъ хлѣба, да и ѣда невозможная, работа тяжелая, цѣлый день на лошади,—сегодня стянутъ мой поясъ на пять дырокъ меньше.

Смотря на другихъ, видишь, какъ каждый сдаетъ: лица вытягиваются, фигуры тоньше.

Переносная кузница работаетъ у фанзы.

Какъ тяжелую мельницу нашу кореецъ замѣнилъ легкой толчеей, такъ и тяжелый горнъ нашъ замѣненъ игрушечнымъ ящичкомъ, въ которомъ движется поршень. Ящикъ трубкой соединенъ съ обыкновеннымъ горшкомъ, наполненнымъ горящимъ углемъ. Кореецъ двигаетъ игрушечный поршень и пламя ярче горитъ, а въ углѣ подкова или расплавляемый чугунъ.

— Можно посмотрѣть ящикъ внутри?

— Теперь, когда плавится чугунъ, нельзя показать, еслибъ даже дѣдъ всталъ изъ могилы.

А чугуна плавится—много, много копѣекъ на пять.

— А снять фотографію можно?

Можно. И я снимаю кузнецу, фанзы, долину рѣки съ ея гористою далью.

Черезъ рѣчку перекинутъ мостикъ. Онъ буквально изъ щепокъ, а вмѣсто помоста плетень, засыпанный сверху пескомъ.

Ширина моста—аршинъ. Ѣхать верхомъ нельзя—провалишься, въ поводу надо вести лошадь.

Идешь и все качается, а внизу съ бѣшеннымъ шумомъ скачетъ по порогамъ рѣка, шириной саженей въ десять.

Это поразительная черта корейца—доводить до минимума всякую потребность. Все есть, но все въ самой минимальной дозѣ.

Достаточно посмотрѣть на ихъ обѣденный въ полъаршина высотой и такой же въ діаметрѣ столикъ со всѣмъ ихъ обѣдомъ и семью закусками.

Въ такихъ маленькихъ чашечкахъ дѣти у насъ угощаютъ своихъ куколъ.

Такія же маленькія у нихъ и лошадки. Скотъ болѣе крупный, но я думаю, что большимъ онъ кажется по сравненію съ мелкорослой лошадкой, на самомъ же дѣлѣ это средній скотъ, пудовъ на 17 мяса, симентальскаго типа. Уступаетъ и нашему малороссійскому, и венгерскому, и итальянскому.

Надо принять во вниманіе, что кореецъ не пьетъ молока, не ѣстъ масла и все молоко коровъ идетъ на прокормъ теленка.

Подъ вечеръ выбрались на плоскогоріе и въ первый разъ въ Кореѣ открылось пространство, которое можно назвать полемъ: тысячъ десять десятинъ годной къ пашнѣ земли и все какъ на ладони.

Урожай, впрочемъ, здѣсь значительно хуже, чѣмъ на китайской сторонѣ,—китаецъ отнялъ счастье корейца.

Оригинальный маленькій скромный народъ, ни на что не претендующій, безобидно утѣшающійся тѣмъ, что счастье его отнято китайцами и всѣми другими.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ случилось, что китайцы отняли у корейцовъ счастье.

Жилъ когда-то на свѣтѣ художникъ Кимъ. Онъ рисовалъ такъ хорошо, что если нарисуетъ, напримѣръ, лошадь, то она убѣгала, если онъ не привязывалъ ее.

Этотъ художникъ задумалъ нарисовать такую картину, которая дала бы счастье всему его народу.

Когда онъ такъ задумалъ, явился къ нему во снѣ старикъ, лицомъ и волосами бѣлый, какъ серебро.

— Я знаю твои мысли,—сказалъ ему старикъ.—Такую картину, какую ты задумалъ, можно нарисовать, но она будетъ стоить тебѣ жизни.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ художникъ.

— Тогда я научу тебя,—сказалъ старикъ.—Посреди неба протекаетъ небольшая рѣка: только ночью можно ее видить опытному глазу. Каждый разъ, когда наступитъ ночь, ты выходи въ поле, ложись вотъ такъ на одинъ бокъ, вотъ такъ перегнувшись и не двигаясь, смотри въ небо. Много такъ пройдетъ ночей, пока пріучишься видѣть ты небесную рѣку.

Такъ научилъ старикъ художника, такъ тотъ и сдѣлалъ.

Приходила ночь, Кимъ уходилъ въ поле, ложился, какъ приказывалъ старикъ, и смотрѣлъ въ небо. Члены его отекали отъ неудобной позы, сонъ клонилъ, въ глазахъ стоялъ туманъ, но Кимъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ. Сперва онъ видѣлъ только то, что всѣ видятъ — синее небо, да звѣзды. Но потомъ сталъ больше видѣть. Онъ увидѣлъ какъ будто красный отблескъ въ небѣ, а темная синева неба становилась все прозрачнѣе. И тогда посреди неба онъ увидѣлъ болѣе свѣтлую, нѣжно голубую почти бѣлую немного мутную полосу. То и была небесная рѣка. Сквозь прозрачное небо онъ видѣлъ садъ Оконшанте и дворецъ его, видѣлъ людей неба и свѣтъ небеснаго дня. Это его свѣтъ краснымъ отблескомъ отливалъ въ небѣ. Кимъ все смотрѣлъ и видѣлъ все больше и больше: онъ увидѣлъ рыбъ въ небесной рѣкѣ и однажды онъ увидѣлъ раскрытую книгу судебъ и прочелъ тамъ, въ чемъ счастье Кореи.

А утромъ послѣ той ночи Кима нашли мертвымъ, онъ умеръ отъ истощенія и утомленія. Такъ его и нашли въ той позѣ, въ какой велѣлъ ему лежать бѣлый старикъ.

Около него нашли и картину его. Но на этой картинѣ ничего нельзя было разобрать: краски были такъ нѣжны, что кромѣ одной линіи ничего нельзя было разобрать.

Думали, думали, что дѣлать съ этой картиной, и по приказанію императора сдали ее въ архивъ.

Но китайцы оказались умнѣе корейцевъ и, пріѣхавъ къ корейскому императору, стали просить продать имъ эту картину.

Императоръ собралъ совѣтъ.

— Картина ничего не стоитъ, — сказали ему его министры, — а деньги стоятъ и ихъ, кстати, нѣтъ у насъ и потому продать картину.

И продали картину китайцамъ за 3.000 лянъ (600 рублей), да взятокъ роздали китайцы на 130.000 лянъ.

Когда китайцы получили, наконецъ, картину, корейцы и спрашиваютъ:

— На что вамъ эта картина? На ней только и проведена одна линія.

Тогда китайцы потребовали удочку и, когда удочку съ наживой поднесли къ картинѣ, оттуда выскочилъ живой карась.

— Теперь понимаете, что это за картина? — спросили китайцы. — Это небесная рѣка и въ ней счастье того, кто обладаетъ ею.

Картину отвезли къ Богдыхану, тамъ она и теперь, китайцы съ тѣхъ поръ пошли въ гору, а корейцы все книзу, да книзу.

26-го сентября.

Ночью въ окрестностяхъ гдѣ-то мяукалъ тигръ.

На разсвѣтѣ я видѣлъ волка, который, не спѣша, переходилъ ближайшее поле. Пока я доставалъ ружье, волкъ исчезъ. Мелкій, величиной съ среднюю собаку, бѣловатый, худой.

*

Вчера Бесѣдинъ долго разсказывалъ про извѣстнаго, изъ Владивостока, охотника В. П. Хлѣбникова.

Зимой онъ отправляется одинъ съ своей собаченкой по слѣдамъ тигра. Иногда недѣлю онъ такъ ходитъ, выбирая для ночлега всегда саженей на 200 открытыя мѣста. Тамъ спитъ онъ, разгребши снѣгъ, въ мѣховомъ мѣшкѣ. На немъ спитъ его собаченка.

— Одинъ братъ только и есть у меня, а въ такія ночи собака и брата дороже. Чуть что, безъ лаю, начинаетъ лапами трогать меня, пока не проснусь. Разъ такъ, пока тигръ подкрадывался, я успѣлъ вылѣзти, приложиться и уложить его въ тотъ моментъ, когда онъ прыгнулъ,—я всегда тогда только стрѣляю и отскакиваю въ сторону: всего сажени на двѣ. Если даже промахнусь или и попаду, да не убью,—тигръ не бросится, а опять обѣжитъ саженей двѣсти кругъ, опять не доходя саженей десять, нацѣлится, сдѣлаетъ прыжокъ, опять отскочи и бей.

Ему приходилось такимъ образомъ всаживать до семи пуль, пока убивалъ тигра.

Изъ 27 случаевъ только два раза удалось ему убить тигра на повалъ, попавъ въ сердце.

И онъ всегда стрѣляетъ разрывными пулями.

Одному тигру онъ разорвалъ всѣ внутренности и тотъ еще два дня послѣ этого жилъ. Этотъ тигръ былъ убитъ жителями одной деревни, когда, обезумѣвъ отъ боли, онъ ворвался въ эту деревню, успѣвъ на улицѣ разорвать трехъ быковъ, пока его убили. Ѣсть онъ уже не могъ, только рвалъ.

На медвѣдей Хлѣбниковъ охотится двояко,—овсяннику, который встаетъ при встрѣчѣ на дыбы, бросаетъ желѣзный шаръ съ заершенными иглами. Медвѣдь обѣими лапами, со всей своей силой схватываетъ такой шаръ, но лапы его, благодаря заершеннымъ иглямъ, пришиваются такимъ образомъ къ шару. И тогда такого медвѣдя можно вести куда угодно: будетъ ревѣть, но пойдетъ.

Муравейникъ-медвѣдь на дыбы не встаетъ, а старается врага сбить съ ногъ: онъ очень опасенъ и надо, не зѣвая, стрѣлять.

Дикій кабанъ въ одиночку—пустякъ, но въ стадѣ кабаны стоятъ другъ за друга, тогда скорѣе на дерево, выбирай потолще, иначе перегрызутъ стволъ клыками.

Сегодня я поднялись рано и уложились рано,—обычный двухчасовой урокъ англійскаго языка по самоучителю я успѣлъ все-таки сдѣлать.

Впереди горы словно меньше, но за то вся мѣстность поднимается и становится на горизонтѣ въ уровень съ пройденными горами. Но тамъ опять, хотя и рѣдкія, выростаютъ новыя горы.

Мы спускаемся, поднимаемся, опять и опять все у той же рѣки Туманганъ. Здѣсь она уже саженей шесть ширины.

Верстъ тридцать вверхъ отъ Муссана она течетъ въ каменистомъ ложѣ. Громадные камни торчатъ и между ними бѣло-зелено-синяя бурно рвется рѣка.

Камни разнообразныхъ причудливыхъ формъ. Вотъ громадное кресло, вотъ высунулась громадная уродливая каменная голова и круглыми черными глазищами смотритъ сфинксомъ изъ воды на синѣющую даль горъ.

Мѣстность сразу обрывается. Исчезаетъ открытое поле, пашня, жилье. Въ узкой тѣснинѣ бѣшено рвется Туманганъ. Крутые откосы его уходятъ въ небо, покрытые мелкой желтой, какъ золото, лиственницей. Вверху нѣжно-голубое небо, бѣлое облако. Это сочетаніе цвѣтовъ—рѣки бѣло-сине-желтой, горъ нѣжно-золотистыхъ, голубого неба, контрастъ этого дикаго порыва рѣки и безмятежнаго покоя—ласкаетъ глазъ, чаруетъ душу.

Слѣдующая маленькая деревня какъ разъ та, гдѣ барсъ (по-корейски тхоупи, а тигръ—хораи или поми) схватилъ женщину. Вотъ та фанза, гдѣ жила эта женщина, вотъ мѣсто, гдѣ она сидѣла.

Вся деревня собралась и разсказываетъ.

Упустивъ добычу, барсъ, оказывается, возвратился назадъ на этотъ берегъ, не обращая вниманія на кричавшій народъ. Охотникъ стрѣлялъ почти въ упоръ въ барса. Разсказали это намъ, обступивъ по корейски и замолчали. И всѣ мы подъ впечатлѣніемъ разсказа. Какой-то кореецъ лѣниво бросилъ слово. Другой что-то сказалъ. Переспросилъ равнодушно П. Н. и неохотно вмѣшался третій. Еще одинъ какое-то слово бросилъ, и вдругъ оживился П. Н., глаза загорѣлись и всѣ сразу закричали, заговорили и удивляешься только, какъ можно при такомъ гвалтѣ что-нибудь понять. Кажется, что ссорятся всѣ они на смерть, если бы не спокойное добродушіе ихъ лицъ, когда, кончивъ, они затягиваются изъ своихъ длинныхъ трубокъ.

— Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло,—радостно переводитъ П. Н.,—тутъ цѣлая исторія выходитъ. Семь лѣтъ тому назадъ за нее сватался одинъ человѣкъ. Онъ былъ бѣдный и отецъ не хотѣлъ отдать ее. Тогда онъ сказалъ: «Буду же я богатый» и пошелъ рыть женьшень. Они поклялись другъ другу, что будутъ мужемъ и женой. Уходя, онъ сказалъ: «Жди меня». Хунгузы убили его. Прошло три года и дѣвушку выдали за другого. Въ день свадьбы онъ явился къ ней во снѣ и сказалъ: «Помнишь клятву,—жди меня». А теперь онъ пришелъ за ней,—не онъ, душа его, вошедшая въ барса. Оттого барсъ и не думалъ о себѣ и не видѣлъ охотника. А обыкновенный барсъ такъ развѣ дѣлалъ-бы? Убѣжалъ-бы и конецъ.

— Ну, что-жь теперь?

— Теперь неизвѣстно. Если женщина выздоровѣетъ, позовутъ тоина или шамана. Черезъ сорокъ дней Оконшанте скажетъ душѣ барса свою волю,—можетъ, сдѣлаетъ его опять барсомъ или тигромъ, или

медвѣдемъ, или кабаномъ или змѣей, словомъ, такимъ звѣремъ, который опять придетъ къ ней, или скажетъ: «довольно»,—и возьметъ его душу къ себѣ на небо или въ червяка превратитъ и она его раздавитъ на дорогѣ. Можетъ, женщина, если жива будетъ, успѣетъ упросить Оконшанте. Шаманъ поведетъ ее на гору, гдѣ устроена «кукша». и будетъ тамъ молиться съ ней.

П. Н. закончилъ такъ:

— Ну, словомъ, корейцы уже успѣли запутать все дѣло такъ, какъ ихъ самихъ запутали ихъ горы.

Такъ на нашихъ глазахъ создалась новая легенда. Этотъ народъ или не вышелъ еще, или въ вѣчномъ періодѣ творчества сказокъ, легендъ.

Мое ощущеніе человѣка своей культуры передъ этой первобытной такое, точно я увидѣлъ вдругъ въ ясной дали временъ безмятежную колыбель народовъ, этотъ младенческій народъ и слышу первый ихъ лепетъ.

А, можетъ быть, это уже дѣтскій возрастъ пережившаго себя старика? Но русскіе корейцы не свидѣтельствуютъ этого, какъ не свидѣтельствуютъ того же братья корейца по происхожденію—японцы.

Еще одна деревня Тяпнэ и затѣмъ конецъ всякому жилью.

Но и здѣсь уже пахнетъ глухой дичью.

Нависли утесы, шумитъ рѣка, мелкая поросль съ обѣихъ сторонъ Откуда-нибудь съ утеса того и гляди прыгнетъ барсъ. Или просто треснетъ вѣтка, испугается лошадь, метнется и полетишь съ ней на острые камни Тумангана.

Мы вытянулись въ линію по одному.

Хунгузы стрѣляютъ въ перваго, тигръ бросается на послѣдняго, барсъ на кого попало,—всѣ мѣста такимъ образомъ равны.

Эти три сильныхъ міра сего оспариваютъ здѣсь власть и свое право.

Право сильнаго: наши винтовки за плечами, заряжены и штыки при нихъ. Веселое возбужденіе у всѣхъ. Хватило бы только его, пока мы въ дикихъ и дѣйствительно опасныхъ мѣстахъ. Какъ бы не осилила русская безпечность.

Бибикъ уже говоритъ:

— Яки таки хунхузы: сколько ходывъ, такъ и не видавъ. Да и что они могутъ?

В. В., нашъ китайскій переводчикъ, сообщаетъ, что сорокъ хунгузовъ ушло къ Пектусану: это говорили ему и въ Муссанѣ, и встрѣчный китаецъ.

Всѣ смолкаютъ на мгновеніе,—извѣстіе дѣйствуетъ непріятно.

Бибикъ говоритъ:

— Хоть и сорокъ, якъ зачнемъ ихъ сшивать...

Его громадная фигура качается въ это время на маленькой лошадкѣ.

— А что жъ, — продолжаетъ онъ, — если на пули пойдетъ дѣло, сколько ихъ уложишь? А въ штыки?

Бибикъ смѣется.

— Онъ отъ штыка, якъ чортъ отъ ладона...

Слова В. В. прошли безъ всякаго впечатлѣнія.

Я ловлю моментъ и прошу его на будущее время всѣ подобные слухи сообщать только мнѣ.

На глухомъ поворотѣ стоитъ западня для тигровъ.

Западня длиною двѣ сажени, шириною аршинъ. Четыре стѣны изъ бревенъ, врубленныхъ въ лѣсу. Высота всего зданія шесть четвертей. Вмѣсто потолка, громадные камни.

Входная дверца западни приподнята, съ противуположной стороны такая же дверца, за которой приманка: собака, свинья.

Тигръ лѣзетъ внутрь, дверь за нимъ опускается и стоитъ онъ тамъ, не будучи въ состояніи ни уйти, ни съѣсть приманки.

Все болѣе и болѣе наглядные признаки глухой стороны.

Послѣдній перевалъ передъ Тяпнэ.

Съ него открывается уже новый видъ: передъ глазами на западъ равнина съ небольшими бугорками, покрытая лѣсомъ.

Здѣсь лѣсъ все еще никуда негодный,—частью вырубленъ и обращенъ подъ пашню, частью растетъ,—все большое и хорошее гніетъ на землѣ, мелкая же чаща только глушитъ другъ друга и нѣтъ впечатлѣнія роста ея.

Изрѣдка только попадаются отдѣльные прекрасные экземпляры лиственницы.

Лиственница, осина, липа, дубъ.

Одинъ день всего, одинъ переходъ, но какая перемѣна: ни одного зеленаго листа. Всѣ они желтые—отъ дуба съ темно-коричневой листвой, до березы и лиственницы нѣжно-золотистыхъ.

Всѣ листья еще на деревьяхъ,—первая буря оборветъ ихъ.

Я съ тревогой думаю, какъ будемъ мы кормить нашихъ лошадей, но мой конь, какъ бы отвѣчая на мой вопросъ, съ величайшимъ наслажденіемъ ѣстъ эти листья, грызетъ вѣтви, жуетъ сухой бурьянъ.

Да, только на такихъ лошадяхъ, если нѣтъ верблюдовъ, здѣсь и можно ѣздить.

На вершинѣ перевала два молитвенныхъ дома: кукши.

Одна въ честь Оконшанте (начальника неба), другая на противуположномъ скатѣ—государственная (Вон-Нан), гдѣ два раза въ годъ молятся за императора. Первая пользуется большой популярностью во всей Кореѣ.

Изъ рисунковъ обращаетъ на себя вниманіе—райская птица аистъ,—бѣлый, съ черными крыльями и хвостомъ, красными лапами и клювомъ.

Аистъ нарисованъ очень хорошо. Затѣмъ уродливая голова—Натхо—родъ нашихъ дельфиновъ, какъ ихъ рисуютъ въ нашихъ сказкахъ. Исторія этого Натхо уже извѣстна.

Я снялъ фотографію и съ рисунковъ, и съ самой кукши; я воспользовался моментомъ, когда проводникъ еще разъ молился по моей просьбѣ о благополучномъ путешествіи.

Я спохватился потомъ уже, что сдѣлалъ неловкость, и извинился за свою неловкость.

Онъ отвѣтилъ:

— Я молился передъ небомъ по просьбѣ и за русскихъ.

Признаюсь, я былъ смущенъ и деликатностью его, и вѣжливостью, и его искусствомъ дипломата какъ въ отношеніи неба, такъ и меня.

Сегодня утромъ замерзла вода; не особенно пріятно, потому что народъ въ партіи на легкѣ. Три солдатика при легкихъ шинеляхъ, а маленькій кореецъ, кромѣ пиджака, ничего не имѣетъ.

Такъ какъ теплое здѣсь можно достать только корейское, то въ костюмахъ нашихъ корейцевъ выйдетъ порядочное разнообразіе: башлыки корейскіе, у одного пиджакъ европейскій, у другого брюки.

— Ничего,—утѣшаетъ Бибикъ маленькаго корейца,—дадимъ тебѣ ружье, а все-таки за капитана бабы примутъ.

Что до солдатъ, то они съ гордостью отказываются отъ теплаго корейскаго платья.

— Холодно будетъ.

Бибикъ презрительно бросаетъ:

— Привыкать, что ли къ цыганскому поту?

Какой-то кореецъ пристадъ къ П. Н. Тотъ нетерпѣливо нѣсколько разъ что-то ему повторяетъ, а кореецъ методично все задаетъ тотъ же вопросъ.

— Ахъ и любопытный же народъ, какъ дѣти!

Вдругъ лицо П. Н. оживляется и онъ начинаетъ съ очень довольнымъ видомъ что-то разсказывать корейцу. Такъ тотъ и отсталъ.

Догоняетъ П. Н. и на лицѣ его полное торжество.

— Пристадъ: скажи ему, зачѣмъ мы идемъ на Пектусанъ? Говорю: такъ—путешествуемъ. Нѣтъ,—зачѣмъ мы идемъ? Ну, я ему хорошую штуку выдумалъ. Говорю ему, что нашему начальнику снился сонъ. Прилетѣлъ къ нему драконъ съ Пектусановскаго озера и сказалъ, что въ послѣдній день восьмой луны онъ поднимется на небо, и такъ какъ мѣсто освободится, то вотъ не хочетъ ли начальникъ положить туда въ озеро кости своего дѣда и тогда изъ рода его выйдутъ французскіе императоры. А у корейцевъ мѣсто послѣ дракона считается самымъ счастливымъ, императорскимъ. Вотъ, дескать, начальникъ и везетъ теперь кости своего дѣда. Вотъ теперь, говоритъ, понялъ. Очень довольный ушелъ.

— Зачѣмъ же вы такъ сдѣлали?

— Да это еще лучше. Самъ все равно выдумалъ бы такое, что хуже бы еще было. Я вѣдь осторожно,—не сказалъ корейскій или китайскій императоръ, а чужой, французскій. Ищи тамъ. Онъ спрашиваетъ: а начальникъ развѣ нашей вѣры? А я ему говорю: чудакъ, чай, каждому охота быть императоромъ, а вѣдь не всѣ же императоры нашей вѣры. Вѣрно, говоритъ.

Разговоръ происходилъ съ жителемъ послѣдней деревни Тяпнэ, куда мы теперь и спускаемся.

За нѣсколько часовъ, что мы не видѣли Тумангана, онъ успѣлъ еще похудѣть. Правда, стремительный потокъ, но саженей пять всего и глубины—полъаршина.

Этимъ въ сущности всѣ надежды на Пектусанское озеро, какъ и на то скалистый, то песчаный Туманчанъ въ смыслѣ судоходства, разбиваются. Надежды вотъ какія: изъ озера берутъ начало три рѣки,—слѣдовательно, при соотвѣтственныхъ работахъ можно всегда располагать запасомъ воды трехъ рѣкъ. Но если такія рѣчки, то и три, соединивъ въ одну, ничего не получимъ.

Остается интересъ туриста, отчасти и географическій,—озеро не измѣрено, не промѣрена его глубина, не изслѣдованы его выходы, слѣдовательно, не провѣрены и истоки этихъ трехъ рѣкъ.

Затѣмъ вопросъ дорогъ. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, одинъ англичанинъ попалъ на Пектусанъ съ восточной стороны. Нашъ русскій путешественникъ, полковникъ генеральнаго штаба Стрѣльбицкій, бывшій на Пектусанѣ въ 1894 году, прошелъ отъ Тяпнэ и возвратился той же дорогой назадъ. Хорошо бы было найти другой выходъ и пройти дорогой, которой не ходили еще европейцы.

По теоріи, такая дорога должна быть,—если есть выходъ на Туманганъ, то тѣмъ болѣе долженъ быть выходъ на гораздо бо́льшую рѣку—Ялу.

П. Н., пользуясь рекомендательнымъ письмомъ пусая, сейчасъ же, какъ пріѣдемъ, сдѣлаетъ совѣтъ изъ жителей Тяпнэ.

— И безъ рекомендаціи всѣ прибѣгутъ.

Дѣйствительно, не успѣли и съ лошадей слѣзть, какъ всѣ уже на лицо. Бросили полевыя работы.

И было же дѣла нашему проводнику: сперва поздоровался онъ со старостой, при чемъ оба присѣли на корточки и положили руки на землю. Въ такомъ положеніи они говорили долго и затѣмъ оба встали. Затѣмъ староста знакомилъ его со своими односельчанами, и нашъ чистенькій старичокъ то и дѣло и очень проворно припадалъ къ землѣ, бросалъ нѣсколько фразъ и озабоченно вставалъ, чтобы опять припасть. Въ моменты припаданія лицо его ласково и заискивающе, а когда онъ на ногахъ, на лицѣ его сдержанное достоинство. И какой милліонъ оттѣнковъ въ этихъ припаданіяхъ!

Если передъ нимъ человѣкъ съ камилавкой—дворянинъ—онъ первый

валится. Валятся, кажется, оба, а смотришь, каждый разъ коснется земли какъ разъ тотъ, кому надо по чину.

Кто въ траурѣ, того вторично опрашиваетъ, и опять оба припадаютъ: молятся за упокой души усопшаго.

Намъ отвели очень хорошую фанзу и всѣ набились туда.

Распросы, разговоры, милліонъ разговоровъ и, наконецъ, заговорилъ высокій представительный старикъ.

Да, онъ знаетъ дорогу на Пектусанъ и прямо на Ялу оттуда. Онъ ходилъ тамъ.

— Не желаетъ ли онъ быть проводникомъ?

Онъ пойдетъ съ товарищемъ,—одинъ боится. Товарищъ въ полѣ и придетъ вечеромъ.

Вечеромъ опять полная фанза народу. Но передъ этимъ я или вѣрнѣе П. Н. сдѣлали очень важное открытіе: Цой-Сапаги, нашъ высокій кореецъ изъ провинціи Хуан-ха, города Хиджю, знаетъ множество сказокъ. За любовь къ сказкамъ и чтенію онъ былъ избранъ мѣстными корейцами во Владивостокѣ даже предсѣдателемъ любителей чтенія. Сейчасъ же мы устроили ему экзаменъ.

И вотъ онъ высокій, съ длинными тонкими ногами, въ узкомъ пиджакѣ, корейской прическѣ, съ котелкомъ на головѣ, сидитъ передъ нами и уже разсказываетъ прекрасную сказку о Сим-чони. Она уже записана у меня, но онъ передаетъ много новыхъ подробностей, существенно измѣняющихъ смыслъ сказки.

Жители Тяпнэ всѣ здѣсь и во дворѣ слушаютъ съ открытыми ртами и, когда Сапаги кончаетъ, задаютъ ему рядъ вопросовъ: знаетъ ли онъ такую то и такую то сказку и еще такую то, и послѣ долгихъ переспросовъ объявляютъ, что такого начитаннаго и знающаго рѣдко встрѣтишь.

Сапаги не слышитъ ихъ отзывовъ. Онъ, кончивъ, возится уже съ лошадьми. Весь день онъ бѣгалъ, разыскивая овесъ, солому, провизію, теперь повелъ поить лошадей.

Недѣлю тому назадъ, онъ пришелъ просить расчетъ за то, что я что то рѣзко сказалъ ему. Ни одного слова брани не было мною произнесено при этомъ.

Я извинился и просилъ его остаться.

Получивъ удовлетвореніе, высокій Сапаги еще энергичнѣе поднимаетъ свои длинныя ноги, прыгая между тюками, дѣлая всѣ дѣла, которыя только ему поручали.

— Если вы его не облегчите,—сказалъ вчера П. Н.,—то онъ прямо не выдержитъ и заболѣетъ.

Но отнынѣ судьба его измѣняется:—Сапаги переходитъ на мой личный счетъ, а вмѣсто него нанимается новый кореецъ.

Дѣло его отнынѣ—закупка припасовъ и разсказы.

— Ну-съ, теперь сказки надо оставить,—объявляетъ мнѣ П. Н., — собрались старики.

Я покорно оставляю сказки и мы переходимъ къ обсужденію предстоящаго похода.

Старикъ-проводникъ совсѣмъ не явился, вмѣсто него его товарищъ—лѣтъ 45, большой, энергичный и увѣренный въ себѣ кореецъ.

— Такъ вы желаете идти на Пектусанъ?

— Да. Съ Стрѣльбицкимъ я ходилъ.

— Я не только хочу идти на Пектусанъ, но оттуда пройти на Ялу.

— Нѣтъ туда дороги.

— Но старикъ говоритъ, что есть.

— Старикъ ничего не знаетъ,—тамъ теперь снѣгъ по колѣна, тамъ хунгузы, тамъ 400 верстъ надо идти до Ялу.

— Но вся Ялу 400 верстъ,—какъ же до верховьевъ выйдетъ 400?

— Много изворотовъ.

— Скажите ему, говорю я, что изворотовъ много въ его словахъ.

— Онъ говоритъ, что въ крайнемъ случаѣ онъ проводитъ васъ до первой корейской деревни по этой дорогѣ—200 ли отъ Пектусана.

— Значитъ есть дорога?

— Опасныхъ людей много.

— А спросите его, много онъ встрѣтилъ съ Стрѣльбицкимъ?

— Двухъ.

— Вотъ въ томъ то и дѣло, потому что зимой опаснымъ людямъ дѣлать тамъ нечего,—они ходятъ туда за жень-шенемъ, за рогами изюбра, за золотомъ,—ничего этого зимой не достанешь, а теперь ужъ зима. Скажите ему, что книга Стрѣльбицкаго передо мной.

Я показываю ему книгу.

— Сколько онъ хочетъ, чтобы проводить насъ?

— Онъ хочетъ 40 долларовъ.

— За 15 дней работы?

— Стрѣльбицкій далъ ему 20 долларовъ и ходилъ съ нимъ только до Пектусана.

— Но Стрѣльбицкій шелъ съ тяжелымъ обозомъ, гналъ барановъ, онъ шелъ шесть дней до Пектусана, а мы пойдемъ два.

— Опасно, онъ меньше не желаетъ, и никто не пойдетъ, кромѣ него.—П. Н. понижаетъ голосъ и говоритъ:

— У нихъ стачка.

— Тогда я пойду безъ проводника или возьму хунгуза.

— Хунгузовъ теперь нѣтъ.

— А какая же опасность тогда?

— Ничего не можемъ на это сказать. Меньше 40 долларовъ не желаемъ.

— Ну и довольно,—я не беру проводника.

— Теперь вьючные: есть охотники?

— Есть, но не знаемъ сколько дадите?

— Сколько хотятъ?

— Десять долларовъ за лошадь и только до Пектусана.

— Сколько пудовъ на лошадь?

— Четыре.

— Я дамъ четыре доллара.

— Не хотятъ.

— Мы навьючимъ своихъ лошадей и всѣ пойдемъ пѣшкомъ. Скажите старикамъ, что я благодарю стариковъ и не утруждаю ихъ больше.

Нашъ проводникъ очень взволнованъ, что то горячо говоритъ, всѣ уходятъ.

— Проводникъ упрекаетъ ихъ въ негостепріимствѣ,—переводитъ П. Н.,—въ желаніи схватить за горло, говоритъ, что для Кореи выгодно, когда пріѣзжаютъ знатные иностранцы, и не надо отбивать у нихъ охоты ѣздить къ намъ, потому что они привозятъ много денегъ.

Съ горя я сажусь за англійскій языкъ.

Н. Е. еще засвѣтло ушелъ на китайскую сторону охотиться за кабанами и съ Бесѣдинымъ и Хановымъ просидѣлъ тамъ до 12 часовъ ночи. Хрюканье слышали, но темно и ни одного кабана не видѣли.

27-го сентября.

Проснулся съ непріятнымъ чувствомъ: итакъ, ничего еще не устроено для дальнѣйшаго путешествія.

— Ну, что-жъ, П. Н., какъ мы будемъ?

— Подождите: уже приходилъ прежній старикъ. Я, говоритъ, далъ слово и пойду и безъ товарища. Проводникъ изъ Муссана вчера съ нимъ всю ночь провозился. Старикъ идетъ, не торгуясь. Вьючные согласны по 5 долларовъ за 4 пуда до Пектусана. Я радъ, что вчерашній проводникъ не идетъ: съ нимъ кончили бы тѣмъ, что вернулись бы съ Пектусана назадъ въ Тяпнэ. Скажетъ: дороги нѣтъ, какъ его провѣришь?

Такимъ образомъ все сразу устроилось.

— А почему старикъ не пройдетъ съ нами на Амнока-гавъ (Ялу)?

— Лошади у него нѣтъ.

— Я дамъ ему лошадь.

Пришелъ старикъ.

— Онъ согласенъ.

Весь день прошелъ въ переборкѣ и переукладкѣ вещей. Все, что можно, уничтожаемъ: ящики, оказавшіяся мало пригодными вещи.

Такъ, напримѣръ, десять фунтовъ песку сахарнаго—везли нетронутымъ: раздать людямъ.

Патроны разобрали по рукамъ. Всего пуда три выбросили. Остальное до Пектусана.

Сегодня отдыхъ и мысли убѣгаютъ далеко, далеко отсюда.

Тихо и медленно дѣлается всякое дѣло. Потомъ оглянешься и будетъ много, а пока въ работѣ, лучше не думать о концѣ.

Я любуюсь и не могу налюбоваться корейцами: они толпятся во дворѣ, разбираютъ вьюки.

Сколько въ нихъ вѣжливости и воспитанности! Какъ обходительны они и между собою и съ чужими, какъ деликатны! Ребятишки ихъ полны любопытства и трогательной предупредительности. Я вынулъ папиросу и одинъ изъ нихъ стремительно летитъ куда-то. Прибѣгаетъ съ головешкой—закурить.

Я снималъ ихъ сегодня и, снимая, сдѣлалъ движеніе, которое они приняли за предложеніе разойтись, что мгновенно и сдѣлали. Когда даешь имъ конфету, сахаръ, принимаютъ всегда двумя руками: знакъ уваженія.

Какое разнообразіе лицъ и выраженій!

Вотъ римлянинъ, вотъ египтянинъ, вотъ одинъ, вотъ другой мой сынъ, а вотъ совершенный калмыкъ.

Лица добрыя, по природѣ своей добрыя.

Я вспоминаю слова одного русскаго туриста, что кореецъ любитъ палку и съ нимъ надо держать себя съ большимъ достоинствомъ, надо бить по временамъ.

Стыдно за такихъ русскихъ туристовъ. Какимъ животнымъ надо быть самому, чтобы среди этихъ дѣтей додуматься-таки до кулака!

Ходилъ осматривать деревню Тяпнэ. Собственно двѣ деревни въ верстѣ другъ отъ друга. Всего 32 фанзы.

Передъ въѣздомъ отводъ изъ бревенъ противъ лучей злой горы.

Вся мѣстность здѣсь плоская,—съ версту пашень. Маленькій Туманганъ звонко шумитъ по камнямъ.

Глубокая осень, нѣтъ и слѣда зелени, все желто и посохло, рѣдкій лѣсокъ исчезаетъ на горизонтѣ.

Едва только выглядываютъ горы съ востока и запада, на сѣверѣ же, куда лежитъ нашъ путь, горъ нѣтъ уже, но вся мѣстность точно вздулась и поднялась въ уровень горъ.

Тяпнэ—піонеръ цивилизаціи въ борьбѣ съ лѣсной тайгой. 240 лѣтъ тому назадъ основалось здѣсь это селеніе. Тогда же и продѣлана была довольно трудная дорога изъ Муссана сюда.

Муссанъ назывался тогда Сам-Сан (три горы). Тогда здѣсь не было совсѣмъ пашни. Теперь лѣсъ верстъ на двадцать уже переведенъ и есть десятинъ семьдесятъ пашни.

По этому расчету, лѣтъ черезъ тысячу или двѣ дѣло дойдетъ и до Пектусана.

Столько и прежде было фанзъ, народу немного прибавлялось, немного убавлялось, но въ общемъ все то же. Можетъ быть, ихъ удерживаетъ необходимость перехода къ незнакомой имъ культурѣ ржи, овса, картофеля, такъ какъ здѣсь и рисъ и кукуруза идутъ уже плохо.

И городъ Муссанъ не мѣняется. Что до округа, то прежде было 5.700 фанзъ, а теперь 3.300 осталось.

— Что-жъ вымираетъ, значитъ, корейскій народъ?

— Да, прироста нѣтъ. Много ушло въ Китай, въ Россію.

— Что замѣчательнаго произошло здѣсь на эти 240 лѣтъ?

— Ничего замѣчательнаго, кромѣ хунгузовъ.

Въ прошломъ году пришло ихъ нѣсколько сотенъ и вся деревня бѣжала отъ нихъ въ горы.

Прежде тигровъ и барсовъ было много, теперь меньше стало.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ пріѣзжала китайская коммиссія для опредѣленія границъ. Были заготовлены и столбы (я ихъ видѣлъ, 35 каменныхъ плитъ), но не поставили, и съ тѣхъ поръ не пріѣзжали.

Между прочимъ, на Пектусанѣ китайцы высѣкли тогда брата нашего проводника изъ Муссана.

— За что?

— Братъ настаивалъ, что Пектусанъ принадлежитъ Кореѣ, они разсердились и высѣкли его.

Вечеръетъ, шумъ рѣки, вечерній шумъ села: блеянье телятъ, ревъ быковъ и коровъ.

Корейцы сидятъ во дворѣ, окруживъ меня, всѣ разговоры кончены.

— Да,—вздыхаетъ какой-то старикъ,—пока русскіе не придутъ, не будетъ намъ житья отъ хунгузовъ.

— Русскіе не придутъ,—говорю я.

— Придутъ,—увѣренно киваетъ головой старикъ,—Манджурія и теперь ужъ русская провинція.

Ѣдутъ мимо сани. Колесъ уже здѣсь совсѣмъ нѣтъ: лѣто и зиму работа происходитъ на волокушкахъ.

Съ завтрашняго дня начинается самый серьезный періодъ нашей экспедиціи. Въ лучшемъ случаѣ предстоитъ намъ сдѣлать двѣсти верстъ въ странѣ, принадлежащей дикимъ звѣрямъ и хунгузамъ. Если снѣгъ выпадетъ, какъ-то будемъ мы, какъ обойдутся кормомъ наши лошади?

Все приготовлено съ вечера съ тѣмъ, чтобы въ четыре часа утра уже выступить.

Я все не теряю надежды довести скорость передвиженія до сорока верстъ, пока удавалось самое высшее 34 версты съ захватомъ однако ночи. Здѣсь же ночью ѣхать ничего и думать, а дни все короче и короче.

Смотрѣлъ только что карту,—сдѣлана пока только пятая часть пути—300 верстъ.

28-го сентября.

Три часа утра.

Ночь звѣздная, ясная, морозная.

Въ послѣдней четверти мѣсяцъ забрался на небо далеко, далеко и маленькій, печальный свѣтитъ оттуда: захватитъ его еще высоко въ небѣ солнце.

На этотъ разъ пѣтуховъ разбудили мы и теперь они смущенно усиленными кукуреку стараются наверстать потерянное время.

Костеръ нашъ тускло горитъ, летятъ отъ него искры и бѣлый дымъ теряется въ темнотѣ ночи.

Раньше половины шестого выступить все-таки не удалось.

Провожать насъ вышло все мужское населеніе.

— Мы желаемъ русскимъ большого счастья. Русскіе счастливы: когда они пріѣзжаютъ, стихаетъ вѣтеръ и свѣтитъ солнце. Пусть ѣздятъ къ намъ почаще—русскіе, мы будемъ и сыты, и одѣты, и въ безопасности отъ хунгузовъ.

Кстати о хунгузахъ: братъ одного изъ идущихъ съ вьюками вчера возвратился и говоритъ, что хунгузовъ много,—собираютъ цѣлебный корень Хуанзо пури.

Въ это время, когда вся трава посохла, а онъ одинъ зеленѣетъ, его легко находить.

Такіе собиратели рискуютъ нерѣдко жизнью: такъ какъ пора ненадежная и первый выпавшій снѣгъ заноситъ быстро едва замѣтныя тропы.

Мѣстность поднимается, лѣсу больше, китайская сторона Тумангана, по которой мы идемъ, представляетъ изъ себя долину саженей въ триста, рѣдко поросшей лиственницей, покрытой высокой сухой травой, которую лошади по пути съ удовольствіемъ хватаютъ.

Дороги нѣтъ — тропа, но и дѣлать дороги не надо, вездѣ можно пока проѣхать. Черезъ ручьи даже мостики, — это слѣды китайской коммиссіи, работавшей здѣсь двѣнадцать лѣтъ назадъ,—они шли отъ Пектусана внизъ по теченію Тумангана.

На четвертой верстѣ послѣднее поселеніе Пургун-пау.

На 12 верстѣ гора Цын-Сани, считаемая корейцами святою. Она имѣетъ оригинальную форму верхней части человѣческаго туловища съ отсѣченной головой и руками.

Высота горы футовъ 700 надъ нами.

На вершинѣ ровная плоскость саженей въ 30. На ней, говорятъ корейцы, есть громадная каменная плита, на которой гигантская шахматная доска. Это богатыры въ часы отдыха играютъ въ шашки.

Съ Пектусана видна *) эта гора и слѣдующая за ней къ востоку Пук-Поктоуй, имѣющая видъ гигантскаго лица, лежащаго вверхъ къ небу.

Черезъ эту гору дорога и перевалъ въ Консанъ и Тяпнэ.

Наша дорога все время идетъ долиной Тумангана, который здѣсь только звонкій прозрачный ручей.

Мѣстность поросла почти исключительно лиственницей. Золотистыя

*) Корейцы говорятъ: эти двѣ горы получаютъ лучи отъ Пектусана и поэтому онѣ тоже священны.

густыя иглы ея уходятъ вверхъ и оттѣняютъ чистую, нѣжно-яркую лазурь осенняго неба.

На 20-й верстѣ, на перевалѣ, въ первый разъ мы увидѣли и Пектусанъ, и Собексанъ (Малый Пектусанъ).

Затѣмъ его видно часто, а съ мѣста, гдѣ я пишу, 38-я верста отъ Тяпнэ, Пектусанъ какъ на ладони.

Рѣдкій, вездѣ горѣлый лѣсъ не мѣшаетъ смотрѣть на него.

Только сейчасъ я разобрался въ этой горѣ. Она кругла, но сбоку виденъ только діаметръ ея, — остальное должно дорисовывать воображеніе. Діаметръ громадный (корейцы опредѣляютъ верхнюю окружность въ 170 ли, а окружность озера въ 80 ли). Тогда, конечно, это что-то грандіозное.

Два вида Пектусана были очень эффектны.

Вчера при закатѣ онъ былъ прозрачно-бѣло-зеленовато-молочный.

Сегодня до восхода солнца, въ туманѣ утра, онъ обрисовался на горизонтѣ громадной, цвѣта сѣраго жемчуга, поднятой къ небу круглой горой.

Теперь видъ его не такъ эффектенъ.

Въ оврагахъ онъ покрытъ снѣгомъ и это и дѣлаетъ его бѣлымъ. Лѣтомъ же онъ черный и только кайма въ самомъ верху, тамъ, гдѣ пемза, какъ будто свѣтлѣе.

Ночевали въ глухомъ мѣстѣ, у подножья какой-то красной горы, по-корейски—Хансоу-сани—красная земля—вѣроятно, киноварь въ ней. Масса норъ въ ней.

Тутъ же шумитъ Туманганъ, черезъ который даже мостъ устроенъ для двѣнадцать лѣтъ тому назадъ бывшей здѣсь китайской коммиссіи. Есть сухая переправа для лошадей и масса сухого лѣса.

Мы развели пять костровъ, спасаясь отъ владыкъ этихъ мѣстъ,— тигровъ, барсовъ и хунгузовъ.

Кстати о нихъ: сегодня проѣхали шалашъ изъ вѣтокъ со свѣжими слѣдами людей,—костеръ былъ еще теплый. Въ шалашѣ нашли двѣ вязанки цѣлебнаго корня хуанца, который продается по 25 зонъ фунтъ.

Товару рублей на 30. Очевидно, эти несчастные хунгузы—два человѣка—при нашемъ приближеніи убѣжали въ лѣсъ.

Также убѣжалъ и барсъ, котораго видѣлъ Н. Е.

Попалось нѣсколько косуль, стрѣляли, но пока неудачно.

Вечеръ. По очереди караулить эту ночь долженъ былъ я.

Въ 9 ч. для вящшаго страха нѣсколько разъ выстрѣлили.

Я поставилъ свой столикъ у костра и рѣшилъ, чтобъ скоротать время, заниматься англійскимъ языкомъ.

Правду сказать, спать безбожно хотѣлось.

Выручили корейцы при вьюкахъ:

— Ложитесь всѣ спать, потому что мы все равно спать не можемъ.

У насъ нѣтъ теплаго платья, да и за лошадьми все равно смотрѣть надо.

Я не заставилъ себя дважды просить: и самъ легъ, и своихъ людей снялъ съ караула.

29-го сентября.

Въ три часа корейцы разбудили насъ.

Итакъ, въ царствѣ хунгузовъ, тигровъ и барсовъ все благополучно: ни хунгузовъ, ни тигровъ, ни барсовъ.

— А що имъ тутъ дѣлать? — отзывается презрительно Бибикъ, — такъ никого до самаго конца и не встрѣтимъ.

— А пишутъ, а говорятъ.

— Хоть и пишутъ, хоть и говорятъ.

Сегодня штыки отвинчены, ружья въ чехлахъ и только Н. Е. не теряетъ надежды на охоту, ѣдетъ впереди и держитъ ружье наготовѣ.

Я было поѣхалъ за нимъ, но увлекся фотографіей, затѣмъ сѣлъ писать и теперь одинъ въ мертвой тишинѣ осенняго, да еще выгорѣлаго лѣса, подъ чуднымъ яснымъ сводомъ голубого, какъ бирюза, неба. Что-то проскочило въ мелкой чащѣ, — коричневое—прыжками: косуля или барсъ? Не все ли равно — грозный обликъ этихъ мѣстъ уже разрушенъ, безпечность русская вошла уже въ свои права. Россія, Европа Азія, Пектусанъ—земля вездѣ кругла.

Вчера Бибикъ, отставъ, выстрѣлилъ въ ворону, а П. Н. свалился съ лошади.

— Я думалъ, — говоритъ онъ, вставая, — что это меня убили хунгузы.

Бибикъ куда-то въ пространство бросаетъ:

— Двохъ сразу убивъ.

Лѣсъ и лѣсъ и все лиственница, изрѣдка въ ней березка, раньше на вершинахъ уваловъ попадался дубокъ.

То, что я видѣлъ, въ общемъ мало пригодный лѣсъ: попадаются отдѣльные экземпляры прямо великолѣпнаго мачтоваго лѣса, высокоцѣнимаго при этомъ, какъ лиственичнаго. Но такого лѣса ничтожное количество и онъ говоритъ только о томъ, что природныя условія для роста такого лѣса— благопріятны и что при соотвѣтственной постановкѣ вопроса черезъ сто лѣтъ здѣсь можетъ быть образцовый лѣсъ. Но теперь въ общемъ это хламъ временъ, почти весь пригорѣвшій, подгорѣвшій, посохшій. Цѣлыя сажени, куда глазъ кинешь, тянется молодая, густая поросль, глушащая другъ друга, мѣстами посохшая. Цѣлыя версты дальше тянется молодижникъ постарше, или посохшій, или уничтоженный пожаромъ. Унылый, жалкій видъ поломанныхъ вершинъ, торчащихъ кольевъ.

— Давно сгорѣлъ?

— Давно.

Лѣсъ умеръ здѣсь и будетъ поляна.

Проѣхали 20 верстъ еще и Туманганъ исчезъ. Уже и на ночевкѣ это былъ ручей въ полсажени.

Исчезъ онъ по направленію къ Пектусану, около озера—Понга—длиной около ста саженъ, шириной еще меньше, исчезъ въ маленькомъ оврагѣ.

Отсюда и названіе: Туман—скрывшаяся, ганъ—рѣка.

Это озеро и вся болотистая мѣстность и являются истоками Тумангана, а не озеро дракона на вершинѣ Пектусана.

Пока я догонялъ своихъ, Н. Е. успѣлъ встрѣтить медвѣдя, стрѣлялъ въ него, но до медвѣдя было далеко.

Медвѣдь черный, не крупный, ѣлъ въ это время голубицу, которая здѣсь въ изобиліи.

Видѣлъ онъ, кромѣ того, двухъ козуль и стадо гурановъ (козули самцы).

Всякаго звѣрья здѣсь и, притомъ не пуганнаго, непочатый уголъ.

Вотъ гдѣ мѣста для охоты: Н. Е. молилъ подарить ему денекъ для этого. Туземцы обѣщаютъ выгнать ему и тигровъ, и барсовъ, и медвѣдей, и козуль.

— Если съ одного конца по вѣтру зажечь, а съ другого на заранѣе выжженномъ мѣстѣ стать, то сами всѣ прибѣгутъ къ вашей цѣпи.

Наши, польскіе магнаты ѣздятъ на охоту въ Индію, въ Африку,—сюда бы пріѣхали, гдѣ первобытное богатство звѣрья, гдѣ люди просты, довѣрчивы, какъ дѣти.

Я приглашаю сюда и художниковъ посмотрѣть на первобытную природу.

Вотъ, напримѣръ, поворотъ и предъ глазами здѣшняя глухая, пощаженная пожарами тайга. Высокіе гиганты ушли вверхъ и сквозь ихъ желто-золотистую листву просвѣчиваетъ нѣжно-голубое небо. Другіе же такіе же гиганты, изживъ свои вѣка, мирно покоятся внизу. Ихъ, какъ ковромъ густымъ, изумрудно-зеленымъ, покрываетъ вѣчная зелень, посыпанная сверху мелкимъ желтымъ цвѣтомъ лиственницы.

Здѣсь вѣковая тишина и печальная туя, тамъ и сямъ, такъ умѣстна здѣсь въ этой тишинѣ кладбища.

Что-то шепчутъ встревоженно вершины.

Мы уходимъ отъ нихъ и уже далеко слышится послѣдній окрикъ нашихъ нанятыхъ для вьюковъ корейцевъ. Это покрикиваютъ на своихъ микроскопичныхъ лошадокъ,—они, люди востока, въ восточныхъ костюмахъ, въ какихъ-то дамскихъ, по случаю холода, капюшонахъ, добродушные, простые, робко косящіеся на всякій кустъ, на всякій шорохъ.

А вотъ и родная тайга: уголокъ вѣковыхъ елей,—неряшливый, грязный, какъ халатъ стараго скряги, и длинныя, зелено-прозрачныя клочья висятъ на старыхъ, дряхлыхъ, сѣдыхъ еляхъ. Пахнетъ сыростью

и погребомъ: ступаетъ осторожно лошадь и проваливается въ гнилой пень.

Вотъ оврагъ, заросль желто-коричнево-черная и свѣсились надъ нимъ высокія, желтыя красавицы лиственницы.

— Любимыя мѣста господина,—говорятъ корейцы, никогда не называя въ такихъ мѣстахъ тигра, и спѣшатъ пройти мимо.

Чувствуется, что это дѣйствительно мѣсто господина здѣшнихъ мѣстъ,—вотъ-вотъ выскочитъ онъ, такой же цвѣтомъ, какъ и даль эта, и, улегшись, облизываясь, какъ кошка, начнетъ весело отбивать на обѣ стороны тактъ хвостомъ...

А вотъ обгорѣлыя, засохшія деревья одиноко торчатъ въ какой-то сѣровато-бѣлой, выжженной солнцемъ пустынѣ. Не растетъ даже трава и обнажился мельчайшій искристый пемзовый песокъ.

На немъ явственные слѣды всякаго звѣрья: вотъ копытца барана, а вотъ и лапа хищнаго спутника его. Множество слѣдовъ, частью уже посыпанныхъ желтымъ цвѣтомъ лиственницы.

Н. Гаринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

РАВНОДУШНЫЕ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

Глава пятнадцатая.

I.

Какъ только Никодимцевъ вошелъ въ гостиную, Инна Николаевна тотчасъ же замѣтила въ его лицѣ какое-то новое для нея выраженіе смущенной озабоченности и серьезности. И это заставило ее, мнительную, подавить въ себѣ радость при встрѣчѣ и поздороваться съ нимъ далеко не такъ дружески, какъ она хотѣла.

Въ свою очередъ и отъ Никодимцева не укрылось ни тревоги при его появленіи, ни холодности встрѣчи, ни испуганно-недовѣрчиваго взгляда молодой женщины.

И, какъ это часто бываетъ между мнительными и самолюбивыми людьми, каждый изъ нихъ объяснялъ къ своей невыгодѣ настроеніе другого. Инна Николаевна рѣшила, что Никодимцевъ совсѣмъ иначе къ ней относится, узнавши, вѣроятно, объ ея прошломъ, а Никодимцеву показалось, что Инна Николаевна догадалась объ его привязанности и что это ей непріятно.

Каждый словно бы испугался другого, и между ними вдругъ появилась боязливая сдержанность, сразу измѣнившая задушевный характеръ ихъ отношеній.

— Я не задержу долго васъ, Инна Николаевна,—заговорилъ Никодимцевъ,—присаживаясь въ креслѣ послѣ того, какъ съ аффектированной почтительностью поклонился ей и пожалъ ей руку. Я позволилъ себѣ побезпокоить васъ, чтобы сообщить о готовности вашего мужа на разводъ. По крайней мѣрѣ, одинъ мой пріятель, адвокатъ, котораго я вчера видѣлъ и просилъ повидаться съ вашимъ супругомъ, вынесъ такое впечатлѣніе. Если вамъ будетъ

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

угодно, я попрошу этого адвоката пріѣхать къ вамъ, и онъ охотно возьмется вести ваше дѣло. Онъ человѣкъ вполнѣ порядочный, и вы можете смѣло на него положиться.

— Мнѣ право совѣстно, Григорій Александровичъ, пользоваться вашими услугами, не имѣя на нихъ никакихъ правъ кромѣ вашей любезности... Спасибо вамъ и за паспортъ, и за адвоката... Я, конечно, возьму его.

— Вы преувеличиваете цѣну моихъ услугъ, Инна Николаевна...

Инна Николаевна вспомнила объ исторіи у Донона и хотѣла было поблагодарить Никодимцева, но что-то ее удержало... Въ письмѣ своемъ она писала и объ этомъ... Онъ прочтетъ и поймет, какъ она высоко ставитъ его рыцарскій поступокъ и какъ вообще она ему благодарна... Къ чему говорить?.. Да и нужно ли отдавать письмо... теперь, когда Никодимцевъ и безъ того перемѣнился...

Онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ въ мрачномъ настроеніи и сталъ прощаться.

— Уже?—вырвалось у Инны Николаевны.

Это восклицаніе словно бы удивило Никодимцева.

— Мнѣ казалось, что я ужъ и такъ надоѣлъ вамъ, Инна Николаевна!—сказалъ онъ.

— Съ чего вы это взяли?..—краснѣя промолвила Инна.

— Это чувствуется...

— А мнѣ казалось, что вы ужъ не прежній мой другъ...

— Я!? Какъ вы могли это подумать?

— Такъ же, какъ и вы... И, признаюсь, мнѣ это было больно, хотя я этого и ждала...

— Ждали?.. За кого же вы меня принимаете, Инна Николаевна?

И онъ взглянулъ на Инну Николаевну съ такою нѣжностью, что она просіяла и воскликнула:

— Такъ оставайтесь... посидите еще... Посидите подольше... И разскажите, отчего вы сегодня такой озабоченный и серьезный. Я подумала, что вы имѣете что-то противъ меня... Теперь вижу, что нѣтъ... Вижу!—обрадованно повторила Инна Николаевна.

Въ эту минуту ему что-то сказало, что молодая женщина дѣйствительно расположена къ нему и имъ дорожитъ... „Конечно, какъ другомъ“—поспѣшилъ онъ мысленно прибавить, не смѣя и думать объ иномъ отношеніи...

И, просвѣтлѣвшій отъ радости, что онъ можетъ любить эту женщину, не возбуждая въ ней чувства непріязни, счастливый, что можетъ видѣть ее и говорить съ нею, онъ опустился въ кресло и сказалъ:

— Васъ удивило, что я пріѣхалъ озабоченный?

— Да... Вы сегодня были какой-то особенный, какъ вошли...

— Не мудрено. Утромъ сегодня я неожиданно получилъ предложеніе ѣхать съ особеннымъ порученіемъ въ мѣста, пострадавшія отъ неурожая.

— И вы... согласились конечно?

— Разумѣется. Развѣ вы не одобряете моего согласія, Инна Николаевна?

— Напротивъ... Вполнѣ, и увѣрена, что вы дѣйствительно поможете...

— Работать буду, сдѣлаю все, что могу, но... едва ли сдѣлаю все то, что нужно сдѣлать, и это меня тревожитъ... Нужда, вѣроятно велика, а средствъ мало... А здѣсь думаютъ... нѣсколько иначе и вѣрно ждутъ, что я пришлю успокоительныя донесенія... Но я предупредилъ, что правды не скрою... Я хоть и чиновникъ, Инна Николаевна, но сохранилъ въ себѣ немножко независимости!— горделиво прибавилъ Никодимцевъ.—На столько, по крайней мѣрѣ, чтобы не называть черное бѣлымъ!—объяснилъ онъ.

Инна Николаевна съ горделивымъ чувствомъ глядѣла на возбужденное, энергичное лицо Никодимцева и про себя подумала:

„И этотъ человѣкъ меня любитъ!“

И ей хотѣлось, чтобъ онъ ее любилъ и въ то же время мысль, что, послѣ письма, онъ перестанетъ ее любить, наполняло сердце ее тоской.

— И на долго вы ѣдете?—спросила она.

— На мѣсяцъ, два, три, четыре... не знаю... Знаю только, что непріятностей предстоитъ много и что нравственнаго успокоенія будетъ мало...

— Отчего?..

— Во-первыхъ оттого, что одинъ въ полѣ не всегда воинъ, а во-вторыхъ оттого, что мы, чиновники, боимся общественнаго участія... Деньги возьмемъ, но для того, чтобы допустить людей желающихъ работать, будемъ прежде узнавать: угодны ли эти люди мѣстному начальству или не угодны... И, наконецъ, развѣ помочь голодающимъ значитъ принять радикальныя мѣры?.. Развѣ можно быть увѣреннымъ, что голодъ снова не повторится и что люди небудутъ пухнуть и умирать, хотя нѣкоторыя газеты и будутъ повторять, что мы шагаемъ гигантскими шагами впередъ...

— Но развѣ вы, занимая такое мѣсто, ничего не можете сдѣлать, чтобы ваши идеи осуществились?

Никодимцевъ горько усмѣхнулся.

— Вы думаете мы всемогущи? Мы всемогущи дѣлать зло, а чтобы дѣлать добро, для этого у меня слишкомъ мало власти и вліянія. И знаете ли что, Инна Николаевна? Иногда спраши-

ваешь себя: для чего цѣлые дни работаешь, прочитывая и подписывая ворохи бумагъ? Есть ли кому отъ этого какая-нибудь польза?.. Дѣйствительно ли наши мѣропріятія, входя въ жизнь, облегчаютъ существованіе тѣхъ людей, которымъ нужно облегченіе? Въ такія минуты беретъ сомнѣніе... и становится жутко... И въ работѣ, неустанной работѣ хочется забыться... Спасибо вамъ... вы заставили меня почувствовать, что есть жизнь, скрасивши своей дружбой мое чиновническое одиночество и, даже болѣе, научивши познать тщету честолюбія... И я этого никогда не забуду... Никогда!..—серьезно и значительно прибавилъ Никодимцевъ.

Инна Николаевна молчала, смущенная и счастливая.

А Никодимцевъ продолжалъ:

— И мнѣ будетъ недоставать вашего общества, когда я уѣду... Я уже къ нему привыкъ... Работа-работой, а дружба дружбой... И не найдете ли вы дерзостью съ моей стороны, если я попрошу позволенія писать вамъ изрѣдка?..

— Я буду очень рада, но... вы меня принимаете не за ту, какая я есть!—неожиданно проговорила Инна Николаевна.

— Вы опять за старое...

— Я вамъ серьезно говорю... Мнѣ тяжело пользоваться вашимъ расположеніемъ, вашей дружбой... Разсказывать свою жизнь мнѣ стыдно, слышите ли стыдно!.. Такъ лучше прочтите...

И съ этими словами Инна Николаевна подала Никодимцеву пакетъ.

— Прочитайте и уничтожьте письмо. Слышите, Григорій Александровичъ!

— Слушаю, Инна Николаевна.

— А теперь, пока еще мы друзья, разскажите мнѣ о себѣ.

— Я всегда останусь вашимъ вѣрнымъ другомъ.

Инна Николаевна взглянула на Никодимцева долгимъ грустнымъ взглядомъ.

— Вы ослѣплены мной, Григорій Александровичъ,—промолвила она.—И это меня тревожило... Вы не изъ тѣхъ людей, мнѣніями которыхъ не дорожишь... Но я слишкомъ самолюбива, чтобы оставлять васъ въ заблужденіи... Послѣ письма оно пройдетъ... А поѣздка поможетъ вамъ основательно забыть меня.

Никодимцевъ не могъ и представить себѣ къ эту минуту, что могло бы заставить его забыть эту очаровательную женщину, искреннюю и правдивую, страдающую отъ сознанія ошибки своего замужества. Ужъ самое это письмо—что бы въ немъ не было—показываетъ честную натуру.

И онъ съ восторженностью юноши отвѣтилъ:

— Это невозможно...

— Все возможно.

Инна промолчала, опустивъ голову.

А Никодимцевъ благоговѣйно любовался ею, и тоскливо подумалъ:

„О, если бы онъ былъ моложе!“

Тогда, быть можетъ, она отозвалась бы на его любовь и согласилась быть его женой... При одной этой мысли онъ внутренно затрепеталъ отъ счастья.

— Зачѣмъ мы съ вами раньше не встрѣтились, Григорій Александровичъ?—проговорила вдругъ Инна Николаевна, словно бы отвѣчая на мысли Никодимцева.

Никодимцевъ густо покраснѣлъ:

— Раньше?.. Развѣ и теперь, когда я старъ и одинокъ, мнѣ менѣе дорого ваше позволеніе быть вашимъ другомъ...

— Вы не поняли меня. Тогда я была другая и стоила бы вашей дружбы... И... и, быть можетъ, долгой, прочной дружбы?— чуть слышно прибавила молодая женщина.

Никодимцевъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

То, что онъ считалъ невозможнымъ, о чемъ не осмѣливался мечтать, теперь вдругъ не казалось ему несбыточной мечтой. Слова Инны Николаевны были для него неожиданнымъ откровеніемъ чего-то необыкновенно свѣтлаго и счастливаго...

Но оно продолжалось нѣсколько мгновеній. Яркій свѣтъ блеснулъ во мракѣ ночи и погасъ.

Мнительный и самолюбивый, онъ тотчасъ же посмѣялся надъ собой. Не можетъ же она, въ самомъ дѣлѣ дорожить его любовью и полюбить его? Ему сорокъ два; ей двадцать шесть, двадцать семь. Онъ некрасивъ, не интересенъ; она—прелестна.

И, принимая ея послѣднія слова за кокетливую обмолвку, онъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ ихъ и, стараясь скрыть волнующія его чувства, проговорилъ:

— Предоставьте мнѣ знать такою, какая вы есть, Инна Николаевна... И знайте, что я упоренъ въ своихъ заблужденіяхъ!— прибавилъ онъ.

— Вижу!—съ улыбкой проронила она... Ну, а теперь разскажите о себѣ... Какъ это вы ухитрились остаться такимъ... такимъ...

— Какимъ?..

— Такимъ не изгаженнымъ, какъ большая часть мужчинъ... и не педантомъ-чиновникомъ, какъ большая часть чиновниковъ.

— Быть можетъ, отъ этого я и одинокъ, какъ видите, и исторія моей жизни, исторія одного изъ очень обыкновенныхъ людей, отличающихся отъ другихъ лишь тѣмъ, что я мечталъ когда-то о большомъ личномъ счастьи и потому не получилъ никакого... Но въ этомъ случаѣ, я предпочитаю лучше ничего, чѣмъ немного.

Да и вообще мой формулярный списокъ не богатъ приключеніями, сколько-нибудь интересными, по крайней мѣрѣ, для не чиновника... Хотите все-таки познакомиться съ моимъ формуляромъ?..

— Еще бы!

— Въ такомъ случаѣ начинаю, обѣщая не злоупотреблять вашимъ вниманіемъ...

— Напротивъ, злоупотребляйте...

— Такъ я начну съ самыхъ дорогихъ воспоминаній...

— О первой своей любви?

— Нѣтъ, Инна Николаевна... Самыя дорогія мои воспоминанія относятся къ моему отцу и къ моей матери... Это были чудные, добрые люди. До сихъ поръ бывшіе ученики одной изъ кіевскихъ гимназій съ любовью съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаютъ о своемъ директорѣ. Да, Инна Николаевна, я имѣю большое и рѣдкое счастье гордиться родителями и благоговѣйно чтить ихъ память... Когда-нибудь, если позволите, я привезу вамъ ихъ портреты... Вы увидите, что это за открытыя, добрыя лица!... Вся жизнь ихъ обоихъ была исполненіемъ долга и проявленіемъ дѣятельной любви. Отецъ былъ идеалистомъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова и даже въ суровыя николаевскія времена съумѣлъ сохранить въ себѣ чувство достоинства и былъ гуманнымъ педагогомъ, часто рискуя остаться безъ мѣста и безъ куска хлѣба. Это былъ скромный, незамѣтный герой, не сознающій своего геройства... И въ этомъ помогала ему мать, до старости лѣтъ питавшая къ нему восторженную привязанность, почти влюбленность. Она была его вѣрнымъ товарищемъ и въ хорошіе, и въ дурные дни жизни... Она бодрила его своимъ сочувствіемъ, согрѣвала своей любовью... Это была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ супружескихъ паръ, которая олицетворяетъ идеалъ брака. Отецъ любилъ разъ въ жизни и только—мою мать. Мать—только отца.

— Такъ только и должно любить!—вырвалось у Инны Николаевны...

— Примѣръ ихъ—былъ лучшей школой. И если у меня есть какія-нибудь правила, если я, не смотря на среду, въ которой живу, сохранилъ въ себѣ подобіе человѣка и не сдѣлался безшабашнымъ человѣкомъ 20 числа, если я умѣю работать, если я смотрю на бракъ серьезно и, какъ вы сказали, не изгаженъ совсѣмъ,—то всѣмъ этимъ я, главнымъ образомъ, обязанъ имъ... Не словамъ ихъ, нѣтъ—они вообще мало поучали—а примѣру... Вы простите, Инна Николаевна, что я такъ увлекся и такъ много говорю о своихъ... Но мнѣ такъ хочется говорить о нихъ и говорить вамъ... Ни съ кѣмъ я не дѣлился этими воспоминаніями... Вы позволили и... пеняйте на себя...

— Что вы? Говорите, говорите! Горячее вамъ спасибо, что вы

со мною дѣлитесь вашими свѣтлыми воспоминаніями... И знаете ли что, Григорій Александровичъ?

— Что?

— Вѣдь вы — счастливецъ! — съ чувствомъ зависти воскликнула Инна Николаевна, невольно припоминая свое дѣтство и отрочество.

О, она дома видѣла совсѣмъ не похожее на то, о чемъ говорилъ Никодимцевъ. Она видѣла почти всегда грустную и обиженную мать, слышала сцены ревности, слезы и рыданія и мягкій, успокоивающій голосъ обманывающаго отца... Она не знала серьезнаго отношенія къ себѣ... только слышала, что она хорошенькая... За ней ухаживали, когда ей было четырнадцать лѣтъ... А потомъ...

— Разсказывайте, разсказывайте, Григорій Александровичъ!— проговорила съ жадной порывистостью Инна Николаевна,—словно бы боясь своихъ воспоминаній.

— Конецъ жизни отца былъ не легкій... Онъ былъ исключенъ изъ службы безъ пенсіи, какъ безпокойный человѣкъ, и жилъ уроками... А я въ то время кончалъ университетъ, мечтая объ ученой карьерѣ, но вмѣсто этого отдалъ дань молодости, былъ исключенъ изъ университета, прожилъ два года на сѣверѣ и когда вернулся, отецъ умеръ, а черезъ полгода умерла и мать... Экзаменъ мнѣ держать позволили, но объ ученой карьерѣ думать было нечего, и я сдѣлался чиновникомъ... И, какъ видите, ухитрился дослужиться до директора департамента безъ протекціи и связей... Меня держатъ въ качествѣ человѣка, умѣющаго работать и много, и скоро и не претендующаго на что-нибудь высшее...

— А ваше честолюбіе?..

— Было, но прошло...

— Почему?

— А потому, что синицѣ моря не зажечь, Инна Николаевна, а, напротивъ, самой попасть въ море... А быть подобной синицей—въ этомъ мало любопытнаго.

— Но, говорятъ, васъ назначаютъ товарищемъ министра, Григорій Александровичъ?

— Да, говорятъ, но никто не спрашиваетъ: соглашусь ли я принять такую должность?.. Впрочемъ, я думаю, что послѣ моей командировки меня не сочтутъ пригоднымъ на такой постъ... Я не изъ большихъ дипломатовъ, Инна Николаевна, и съ радостью принялъ бы мѣсто, на которомъ можно было бы подумать и о душѣ. Заработался я очень... Усталъ... А главное—работа ужъ не такъ захватываетъ меня... Ну, вотъ вамъ и мой формулярный списокъ...

— Онъ не полонъ... А ваши увлеченія?

— Ихъ не было. Была одна привязанность въ молодости.

— Отчего же вы не женились?

— Собирался... И женихомъ былъ...

— И что же?

— Какъ видите, остался холостякомъ...

— Вы отказались?

— Я... И за три дня до свадьбы...

— Почему?..

— Когда-нибудь я разскажу вамъ этотъ грустный эпизодъ изъ моей жизни... А пока скажу вамъ только, что я не раскаявался и, главное, я не разбилъ чужой жизни... Бывшая моя невѣста вышла скоро замужъ за богатаго человѣка и вѣрно была благодарна мнѣ, что я взялъ свое слово назадъ...

— И вы ее любили?

— А то какъ же? Развѣ иначе я сдѣлалъ бы предложеніе.

— И скоро ее забыли?..

— Я вообще забываю не скоро.

— Она была хороша?

— Мнѣ нравилась.

— Блондинка или брюнетка?

— Скорѣе блондинка...

— И вы съ ней больше не встрѣчались?

— Года три не встрѣчался.

— Избѣгали?

— Нѣтъ не случалось.

— А потомъ?

— Какъ-то встрѣтился. Изрѣдка встрѣчаю ее и теперь у однихъ знакомыхъ...

— Она еще хороша?—съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ допрашивала Инна Николаевна.

— Кажется, не дурна...

— Ей сколько лѣтъ?

— Тридцать пять... Но отчего эта особа васъ такъ интересуетъ, Инна Николаевна?—неожиданно спросилъ Никодимцевъ.

Молодая женщина слегка покраснѣла и торопливо отвѣтила:

— Сейчасъ и видно, что вы мало наблюдали, насъ, женщинъ...

— А почему это видно?

— Да потому, что вы не знаете главнаго нашего порока.

— Какого?

— Любопытства.

Въ эту минуту вошелъ лакей и доложилъ, что чай готовъ.

Инна Николаевна пригласила Никодимцева въ столовую.

II.

Тамъ сидѣли: Козельская, Тина и рядомъ съ ней красавецъ-студентъ Скурагинъ.

Онъ только-что принесъ Татьянѣ Николаевнѣ запечатанный конвертъ съ ея нѣсколькими письмами къ Горскому, извиняясь, что утромъ, какъ обѣщалъ, принести не могъ, такъ какъ цѣлый день оставался при больномъ. Ему сдѣлалось хуже—поднялась температура.

Обрадованная, что письма въ ея рукахъ, Татьяна Николаевна не обратила, казалось, особеннаго вниманія на то, что бывшему ея обожателю стало хуже, и пригласила юношу напиться чаю. Онъ сперва отказывался. Ему некогда, онъ опять пойдетъ въ больницу, но молодая дѣвушка съ такою чарующей простотой просила его остаться хоть на полчаса и отогрѣться послѣ мороза, что студентъ, переконфуженный отъ такой любезности, согласился и не замѣтилъ, конечно, мелькнувшаго въ глазахъ дѣвушки хищнически-торжествующаго выраженія, какое бываетъ у кошки, увѣренной, что мыши не миновать ея лапъ.

— Не говорите, пожалуйста, при мамѣ ни слова о Борисѣ Александровичѣ. Мы отъ нея скрываемъ, что онъ ранилъ себя. Мама очень нервна, и всякое волненіе для нея опасно.

Съ этими словами она бросила конвертъ на письменный столикъ и повела гостя въ столовую.

— Викторъ Сергѣичъ Скурагинъ!—назвала она гостя матери и, когда они обмѣнялись рукопожатіями, прибавила: налей, пожалуйста, мамочка Виктору Сергѣичу чая... Онъ прозябъ... Ну, садитесь и кушайте... Я страшно проголодалась.

Татьяна Николаевна посадила Скурагина около себя и, наложивъ на двѣ тарелочки по горкѣ маленькихъ сандвичей, одну поставила передъ нимъ, а другую около себя. Вслѣдъ затѣмъ она передала ему стаканъ чаю, подвинула сливки и лимонъ и проговорила:

— Сандвичи очень вкусны съ чаемъ!

Скурагинъ былъ подавленъ гостепріимствомъ и въ качествѣ благодарнаго человѣка считалъ своимъ долгомъ поскорѣй съѣсть все то, что ему было положено, и выпить стаканъ чая.

И Татьяна Николаевна имѣла возможность видѣть ослѣпительно бѣлые зубы студента и втайнѣ восхищаться его застѣнчивостью и красотою его серьезнаго лица и его глазами ясными и словно бы глядящими куда-то вдаль.

— Хотите еще сандвичей?

— О, нѣтъ... благодарю васъ!—испуганно проговорилъ онъ.

— А чаю?—спросила, улыбаясь, Тина.

— Чаю позвольте! — отвѣчалъ Скурагинъ и, перехвативъ улыбку дѣвушки, сдѣлался еще напряженнѣе и строже.

Въ эту минуту появились Никодимцевъ и Инна.

Никодимцевъ поздоровался со всѣми съ нѣкоторою застѣнчивостью человѣка, стѣсняющагося въ малознакомомъ обществѣ. Но скоро это стѣсненіе прошло, и Никодимцевъ невольно перенесъ частицу своей привязанности къ Иннѣ Николаевнѣ, на мать и на сестру. И Скурагинъ, съ которымъ познакомила Никодимцева Татьяна Николаевна, очень ему понравился. Его замѣчательно красивое лицо невольно обращало на себя вниманіе своей одухотворенностью, и самъ онъ, серьезный и застѣнчивый, видимо и не сознавалъ, какъ онъ хорошъ.

— Два куска сахара и не крѣпкій чай Григорію Александровичу, мама!—замѣтила Нина Николаевна, хорошо изучившая привычки Никодимцева.

Антонина Сергѣевна налила чай и съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ взглядывала на Никодимцева, вспоминая разговоръ мужа о томъ, что онъ влюбленъ въ Инну. И некрасивое лицо его казалось теперь ей и интереснымъ и моложавымъ, особенно молоды были черные небольшіе глаза. И вообще онъ ей казался очень хорошимъ человѣкомъ уже потому, что любилъ ея дочь и потому, что, кромѣ того, представлялъ собою блестящую „партію“ для Инны. „Не сидѣть же ей въ разводкахъ!“—думала она и отъ души желала, чтобы Никодимцевъ понравился Иннѣ и чтобы она вышла за него замужъ. Съ такимъ человѣкомъ она будетъ счастлива и забудетъ неудачу прежняго своего замужества.

Тина, напротивъ, находила, что Никодимцевъ и некрасивъ, и не молодъ, и „прѣсенъ“ и слишкомъ серьезенъ для сестры какъ мужъ, и что если она и женитъ его на себѣ, то ей будетъ трудно вести прежній образъ жизни, и, не стѣсняясь, имѣть любовниковъ. Этотъ господинъ не отнесется къ увлеченіямъ жены съ философской терпимостью идіота Левы. Онъ потребуетъ любви на всю жизнь и не позволитъ Иннѣ выбирать себѣ знакомыхъ для разнообразія впечатлѣній.

„Не моего онъ романа!“—высокомѣрно рѣшила Татьяна Николаевна.

Вотъ ея сосѣдъ, красивый какъ богъ, молодой и цвѣтущій, могъ быть желаннымъ героемъ ея новаго романа. Увлечь его, влюбить въ себя и отдаться поцѣлуямъ, этого цѣломудреннаго, строгаго юноши—было бы однимъ изъ чудныхъ впечатлѣній жизни!..—думала Татьяна Николаевна и съ самымъ наивнымъ видомъ допивала вторую чашку, аппетитно заѣдая чай сандвичами.

Разговоръ сперва шелъ вяло.

Антонина Сергѣевна жаловалась на петербургскую погоду и

на петербургскую жизнь. Какая-то вѣчная суета, погоня за развлеченіями и нѣтъ настоящей семейной жизни, нѣтъ, знаете ли, этого круглаго стола, за которымъ вечеромъ собираются всѣ члены семейства. Надъ этимъ смѣются теперь, а между тѣмъ какъ тепло у такого семейнаго очага... Жаловалась Антонина Сергѣевна и на то, что въ Петербургѣ мало истинныхъ друзей. Эти жалобы были ея конькомъ, какъ и воспоминанія о томъ времени, когда они жили въ „милой провинціи", которая такъ нравилась Антонинѣ Сергѣевнѣ, главнымъ образомъ, потому, что тамъ ея любимый Ника еще ее не обманывалъ.

Никодимцевъ съ почтительнымъ вниманіемъ слушалъ эти ламентаціи, отхлебывая чай и изрѣдка подавая реплики. Онъ не испытывалъ скуки только потому, что чувствовалъ присутствіе Инны Николаевны.

А студентъ, уже допившій чай, мысленно бранилъ себя, что затесался къ этимъ „буржуямъ" и не рѣшаясь встать, попрощаться и уйти, сосредоточенно и упорно молчалъ.

— А вы любите Петербургъ, Григорій Александровичъ?—обратилась къ нему съ вопросами Татьяна Николаевна.

— Не люблю.

— А вы, Викторъ Сергѣичъ?

— Терпѣть не могу!—проговорилъ, весь вспыхивая, Скурагинъ.

Всѣ невольно улыбнулись.

— Зачѣмъ же вы живете здѣсь? Вы сами вѣрно не петербуржецъ?

— Я уроженецъ Курской губерніи. А развѣ въ другихъ городахъ лучше жить? Здѣсь все-таки заниматься удобнѣе, и публичная библіотека есть.

— И вы вѣрно много работаете?

— Приходится!—скромно вымолвилъ студентъ.

— Вы на филологическомъ?

— Я—математикъ.

— На первомъ курсѣ.

— На третьемъ.

— Простите... Я думала...

— „И чего она пристаетъ? И чего я сижу здѣсь!?"—спросилъ себя Скурагинъ и рѣшилъ тотчасъ же улизнуть, какъ встанутъ изъ-за стола. Ничего поучительнаго и интереснаго онъ не находилъ здѣсь, и красота обѣихъ сестеръ не произвела на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ не зналъ сущности отношеній Тины съ Горскимъ. Зналъ только, что Горскій былъ въ нее влюбленъ и что стрѣлялся изъ-за нея. Объ этомъ ему сказалъ Горскій, когда онъ прибѣжалъ изъ сосѣдней комнаты на выстрѣлъ, но что именно побудило его желать смерти, о томъ артиллеристъ

умолчалъ. Но за то сестра его не особенно дружелюбно говорила о молодой дѣвушкѣ, и Скурагинъ понялъ изъ словъ Леонтьевой, что Козельская не любила ея брата, а только кокетничала, и Скурагинъ самъ убѣдился въ этомъ сегодня по тому равнодушію, съ какимъ она приняла извѣстіе объ ухудшеніи здоровья Бориса Александровича.

„Пустая барышня!“—мысленно окрестилъ ее Скурагинъ и въ то же время рѣшилъ, что виновата не она, что она пустая, а виновата совокупность разныхъ условій жизни, которыя даже молодыхъ людей дѣлаютъ пустыми и эгоистичными и не желающими искать правды.

— Такъ Петербургъ вамъ не милъ, Григорій Александровичъ?—спросила Никодимцева въ свою очередь и Инна Николаевна.

— Не особенно, какъ городъ спеціально чиновничій...

— И это говоритъ самъ важный чиновникъ? — подсмѣялась младшая сестра.

— За то вы скоро избавитесь отъ немилаго вамъ Петербурга, Григорій Александровичъ! — проговорила Инна Николаевна съ скрытымъ упрекомъ въ голосѣ.

— Развѣ вы уѣзжаете?—спросила Козельская.

— Да... уѣзжаю.

— И надолго?

— Мѣсяца на два, три...

— За границу?.. Отдыхать?

— О, нѣтъ! Для этого я не избавился бы отъ Петербурга, какъ говоритъ Инна Николаевна, — подчеркнулъ Никодимцевъ, словно бы желая показать несправедливость ея упрека,—я ѣду въ голодающія губерніи.

— На голодъ?—со страхомъ и изумленіемъ переспросила Антонина Сергѣевна, почему-то увѣренная, что на голодъ могутъ только ѣхать студенты и студентки, незначительные чиновники и вообще люди, не имѣющіе хорошаго общественнаго положенія.

— Да.

— Но послушайте, Григорій Александровичъ. Что вамъ за охота ѣхать на голодъ?.. Вы могли бы принести не меньшую пользу и здѣсь къ облегченію ужасовъ этого бѣдствія... Но ѣхать туда, чтобы заразиться тифомъ... Я читала въ газетахъ, что многіе заразились... Вы не имѣете права, Григорій Александровичъ, рисковать своей жизнью...

По губамъ студента пробѣжала судорога. Кровь прихлынула къ его блѣднымъ щекамъ.

— А доктора и студенты значитъ имѣютъ на это право? Ихъ жизнь не такъ драгоцѣнна?—проговорилъ онъ вдругъ среди всеобщаго молчанія.

Всѣ смутились. И болѣе всѣхъ смутилась Антонина Сергѣевна.

— Вы меня не такъ поняли молодой человѣкъ... Конечно жизнь драгоцѣнна для всѣхъ...

— Антонина Сергѣевна,—вмѣшался Никодимцевъ,—предполагаетъ, что мы въ самомъ дѣлѣ жрецы незамѣнимые и потеря одного изъ нихъ была бы лишеніемъ... Но жрецовъ много, Антонина Сергѣевна, очень много. На мѣсто выбывшаго явится другой. И Викторъ Сергѣичъ вполнѣ правъ, находя, что рисковать своею жизнью обязаны всѣ... А ѣду я потому, что меня посылаютъ изслѣдовать на мѣстѣ размѣры бѣдствія, организовать помощь... Заражусь ли я тифомъ или нѣтъ, это еще вопросъ, а отказываться отъ такого порученія только потому, что можно заразиться,—было бы совсѣмъ неблаговидно.

Скурагинъ насторожилъ уши и впился глазами въ Никодимцева.

— О, разумѣется... Я понимаю, что вы ѣдете! — поспѣшила согласиться Антонина Сергѣевна.

И хотя она, какъ и остальныя дамы, бывшія въ столовой, довольно равнодушно относилась къ тому, что гдѣ-то въ Россіи люди голодаютъ,—тѣмъ не менѣе сочла нужнымъ спросить:

— А большой у насъ голодъ, Григорій Александровичъ?..

— Судя по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, бѣдствіе не особенно велико... Но не всегда можно полагаться на точность свѣдѣній. У сообщающихъ нерѣдко бываютъ розовыя очки на глазахъ.

— О, вы убѣдитесь, навѣрное убѣдитесь, что бѣдствіе ужасно!— взволнованно вдругъ заговорилъ Скурагинъ... Здѣсь, въ Петербургѣ, и не представляютъ себѣ, что дѣлается тамъ, да и не хотятъ думать объ этомъ... Иначе здѣсь не бросали бы денегъ на зрѣлища и на удовольствія, не плясали бы на балахъ, не задавали бы обѣдовъ въ то время, когда ближніе наши голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова... Надо видѣть этихъ голодныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей покорно умирающихъ отъ тифа и цынги, чтобы понять жестокость сытыхъ и обезпеченныхъ не изъ книгъ только, а изъ жизни...

— А вы видѣли?—спросилъ Никодимцевъ.

— Я мѣсяцъ тому назадъ вернулся изъ Самарской губерніи пробывши три мѣсяца въ голодающей мѣстности. Я работалъ тамъ, помогая одной доброй барынѣ, организовавшей кое-какую помощь на свои скудныя средства... Она отдала все, что у нея было и что она могла собрать черезъ знакомыхъ... Но, разумѣется, помощь была ничтожна. Мы могли помочь сотнѣ, другой людей, а кругомъ... что дѣлалось кругомъ, гдѣ не было никакой помощи...

И, „волнуясь и спѣша“, молодой студентъ въ захватывающихъ

картинахъ разсказалъ то, что онъ видѣлъ. И всѣ слушали эту вдохновенную, полную любви и состраданія, рѣчь, нѣсколько смущенные, подавленные и словно бы виноватые. Всѣ были подъ обаяніемъ этого взрыва честнаго и благороднаго сердца и сильнаго ораторскаго таланта. И дотолѣ скромный и застѣнчивый студентъ словно бы преобразился. Его красивое блѣдное и серьезное лицо дышало властностью искренности и правды, и глаза свѣтились вдохновеніемъ.

И всѣ невольно любовались имъ. Всѣ почувствовали въ немъ рыцаря духа, одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ душъ молодости, которыя являются какъ бы маяками среди тьмы пошлости, равнодушія и человѣконенавистничества.

Никто изъ присутствовавшихъ и не догадывался, что этотъ студентъ въ обтрепанномъ сюртукѣ, ходившій зимой въ лѣтнемъ пальто, былъ до извѣстной степени состоятельнымъ человѣкомъ, получая отъ отца, помѣщика Курской губерніи, сто рублей въ мѣсяцъ. Но Скурагинъ оставлялъ себѣ только двадцать пять рублей и жилъ впроголодь. Остальныя деньги прежде онъ раздавалъ бѣдующимъ товарищамъ, а потомъ посылалъ на помощь голодающимъ. На это же пошли деньги и отъ заложенныхъ золотыхъ часовъ, недавно подаренныхъ ему теткой, и отъ заложеннаго зимняго пальто.

Ему просто было стыдно имѣть эти вещи, когда на вырученныя за нихъ деньги цѣлая сотня людей можетъ прокормиться недѣлю. Онъ хорошо понималъ условное значеніе благотворительности и безсиліе ея въ роковомъ вопросѣ о соціальномъ неравенствѣ, но теоретическія рѣшенія не погашали въ немъ чувства стыда и состраданія. Оно жило въ немъ, и потому онъ не могъ быть равнодушнымъ къ человѣческимъ страданіямъ, хотя и сознавалъ ихъ логическую неизбѣжность при извѣстныхъ условіяхъ. Теоретическое, обоснованное научными данными, оправданіе невмѣшательства, прикрывавшее холодъ и эгоизмъ, возмущало его до глубины души, и ему было стыдно за другихъ.

Этотъ стыдъ и былъ однимъ изъ руководящихъ стимуловъ его поступковъ и жадныхъ поисковъ правды въ книгахъ, которыя онъ читалъ. Но книги не давали ему отвѣта на вопросы: „Что дѣлать? Какъ жить?“ Они обогащали его умъ знаніями, изощряли умъ, вырабатывали его міросозерцаніе, но не давали возможности практически разрѣшить то, чѣмъ болѣла его душа.

Когда онъ окончилъ свою рѣчь, то словно спустился на землю и смущенно притихъ, точно виноватый, что надоѣлъ другимъ и занялъ ихъ вниманіе своей особой.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

И вдругъ Антонина Сергѣевна вышла изъ столовой и, отдавая Скурагину сторублевую бумажку, взволнованно проговорила:

— Вотъ... пошлите пожалуйста вашей знакомой...

Дали деньги и обѣ сестры, и Никодимцевъ.

Скурагинъ благодарилъ.

Никодимцевъ очень заинтересовался студентомъ, который напомнилъ ему что-то хорошее, свѣтлое, давно прошедшее... И онъ когда-то былъ юношей, готовымъ вступить въ бой съ жизнью, и что онъ теперь? Но этотъ, конечно, не примирится съ жизнью...

— А у васъ, Викторъ Сергѣичъ, уже намѣчены планы будущей жизни?—спросилъ онъ.

— О, нѣтъ... Одно только могу сказать, что служить не пойду, чтобы не быть, въ лучшемъ случаѣ, въ положеніи Пилата... Вы простите, что я такъ говорю...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь...

— Я знаю, что очень много хорошихъ людей успокоиваютъ себя тѣмъ, что они, по возможности, противодѣйствуютъ тому, что считаютъ нехорошимъ и дѣлаютъ хорошее... Но вѣдь это самообманъ: въ большей части случаевъ они дѣлаютъ то, что неизбѣжно приходится дѣлать, и нерѣдко вводятъ въ заблужденіе и другихъ, прикрывая своими почтенными именами то, что они считаютъ въ глубинѣ души вреднымъ. Одинъ вѣдь въ полѣ не воинъ!.. Не правдали ли?

И—странное дѣло!.. Никодимцевъ, который считалъ себя независимымъ и горделиво думалъ, что онъ все таки противодѣйствуетъ тому,съ чѣмъ не согласенъ, почувствовалъ въ эту минуту въ словахъ Скурагина ударъ именно въ то больное мѣсто, которое, казалось, давно затянулось и было забыто въ туманной работѣ, самый процессъ которой словно бы ослаблялъ или скрывалъ ея сущность и значеніе...

И вотъ этотъ восторженный, милый юноша съ наивною жестокостью раскрылъ давно зажившую рану...

И безъ того, благодаря захватившему его чувству, Никодимцевъ нѣсколько охладѣлъ къ тому, что считалъ безконечно важнымъ и значительнымъ, а теперь онъ въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя немножко Пилатомъ. И въ головѣ его проносятся случаи изъ дѣятельности, когда это имя дѣйствительно подходитъ къ нему.

„Да, онъ былъ Пилатомъ!“ —мысленно съ безпощадной откровенностью повторяетъ Никодимцевъ и ему хочется оборвать этого „мальчишку“, напомнившему ему то, что такъ старательно было убаюкано разными софизмами, услужливо продиктованными честолюбіемъ подъ эгидой добрыхъ намѣреній принести пользу отечеству.

Но какая-то новая волна, подъ вліяніемъ чувства любви,

охватываетъ тепломъ сердце его превосходительства, и вмѣсто того, чтобы оборвать мальчишку онъ необыкновенно ласково глядитъ на него и, словно бы находясь подъ чарами этой чистой души, взволнованно говоритъ ему:

— Дай Богъ, чтобъ вы остались какъ можно долѣе такимъ, какой вы есть. Вы правы въ своихъ разсужденіяхъ, Викторъ Сергѣичъ... Но правота не значитъ еще, что найденъ исходъ... Что для одного возможно—для другого нѣтъ... Люди—не герои...

— Но я и не виню людей... Людей дѣлаютъ такими или другими множество условій... И если условія неблагопріятны, то они отражаются и на хорошихъ людяхъ... Но вѣдь правда же есть?.. И ее найдутъ же когда-нибудь... Не даромъ же ее ищутъ, несмотря ни на какія препятствія...

Скурагинъ оборвалъ рѣчь и вдругъ сорвался съ мѣста и сталъ прощаться. Его оставляли посидѣть еще, но онъ наотрѣзъ отказался. И то онъ опоздалъ. Ему надо итти по дѣлу.

Антонина Сергѣевна просила его заходить къ нимъ запросто, но онъ объявилъ, что на дняхъ уѣзжаетъ.

— Куда? Вѣрно опять на голодъ? — спросила Татьяна Николаевна.

— Да...

— Но до отъѣзда зайдите. Непремѣнно зайдите. Я, быть можетъ, соберу между знакомыми въ пользу голодающихъ... Зайдете?—спрашивала Татьяна Николаевна.

— Въ такомъ случаѣ зайду... Когда прикажете?

— Послѣ завтра вечеромъ, а то приходите обѣдать.

— Нѣтъ ужъ я вечеромъ...

— А не хотите ли ѣхать со мной, Викторъ Сергѣевичъ? — обратился къ Скурагину Никодимцевъ.

Скурагинъ на минуту задумался.

— Вы будете мнѣ очень полезны своими указаніями.

— Позвольте дать отвѣтъ черезъ два дня.

— Сдѣлайте одолженіе. Я уѣзжаю черезъ недѣлю. Вотъ вамъ моя карточка. До двѣнадцати часовъ утра я дома и очень буду радъ васъ видѣть!—сказалъ Никодимцевъ, подавая студенту карточку.

Когда Скурагинъ ушелъ, всѣ примолкли на минутку и почти разомъ и Никодимцевъ, и Нина Николаевна сказали:

— Какой славный юноша!

— Что за симпатичный этотъ Скурагинъ...

— Немного рѣзокъ, но тѣмъ не менѣе премилый!—подтвердила и Козельская.

Только Тина молчала, притихшая и, казалось, чѣмъ-то недовольная.

*

Скоро распрощался и Никодимцевъ. Антонина Сергѣевна пригласила его на другой день обѣдать, и онъ обѣщалъ.

Нина Николаевна проводила Никодимцева до дверей гостиной и, пожимая крѣпко руку, шепнула:

— Не поминайте лихомъ, Григорій Александровичъ.

На глазахъ у нея блестѣли слезы.

Глава шестнадцатая.

I.

Никодимцевъ возвращался домой возбужденный, точно выбитый изъ колеи.

Вся прошлая жизнь проносилась передъ нимъ въ видѣ непрерывнаго и неустаннаго труда, служебныхъ заботъ, огорченій и радостей въ зависимости отъ тѣхъ лицъ, подъ начальствомъ которыхъ онъ служилъ. И онъ вспоминалъ сколько ему приходилось затрачивать силъ и энергіи, ума и хитрости только на то, чтобы сохранить свое нравственное достоинство и не принимать непосредственнаго участія въ такихъ дѣлахъ, которыя онъ считалъ противорѣчащими основнымъ его взгладамъ или несогласными съ закономъ.

Теперь онъ видѣлъ въ своей дѣятельности что-то однообразно-скучное, далеко непроизводительное и удивлялся, какъ до недавняго времени онъ могъ такъ увлекаться ею, усматривая въ ней главнѣйшую цѣль и единственный смыслъ жизни. Всѣ эти безчисленныя записки, которыя онъ написалъ на своемъ вѣку, и въ которыхъ онъ старался провести свои взгляды, передѣлывались, переиначивались и если иногда проводились въ жизнь, то въ такомъ видѣ, что онъ и не узнавалъ своего творенія, но еще чаще онѣ покоились въ архивѣ до болѣе благопріятнаго времени, до болѣе счастливыхъ вѣяній...

А сколько было пережито вѣяній и сколько надо было змѣиной мудрости, чтобы уцѣлѣть на мѣстѣ и, притаившись на время, снова начинать свою Сизифову работу... Сколько разъ приходилось итти на компромиссъ во многихъ дѣлахъ, чтобы отвоевать себѣ право провести свою точку зрѣнія въ какомъ-нибудь одномъ дѣлѣ.

И эта мудрость, вмѣстѣ съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и скромностью, и доставила Никодимцеву блестящую карьеру вмѣстѣ съ репутаціей безукоризненнаго джентльмена и неподкупнаго человѣка. Зная, что для него есть предѣлъ, который онъ не преступитъ, ему не давали порученій, которыя бы его стѣсняли, и его держали, такъ сказать, для чистой работы, особенно налегая на него, когда вѣянія благопріятствовали для такой работы...

И Никодимцевъ, такимъ образомъ, могъ утѣшать себя тѣмъ, что онъ въ сторонѣ отъ того, что ему было уже очень не по сердцу...

А вотъ теперь и это утѣшеніе теряло свою силу при болѣе серьезномъ и безпощадномъ анализѣ. Онъ, честный, одушевленный лучшими намѣреніями человѣкъ, вѣдь не сдѣлалъ дѣйствительно того, что считалъ необходимымъ и полезнымъ. И на что положилъ всю свою жизнь—жизнь непрерывнаго труда?

Итоги получались незначительные, почти ничтожные, и вся дѣятельность представлялась ему безплодной. И напрасно онъ старается опровергнуть эти мысли доводами, что, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не сдѣлалъ дурного и что будь на его мѣстѣ не такой порядочный человѣкъ, какъ онъ, было бы несравненно хуже.

„Въ общемъ ничего бы не измѣнилось!—говорилъ ему внутренній голосъ.

А между тѣмъ лучшіе годы прошли въ этой безплодной, по мнѣнію Никодимцева, работѣ, прошли однообразно, съ аккуратностью маятника, безрадостно и безпечально. Дни на службѣ, вечера въ работѣ или за чтеніемъ книгъ, разъ въ недѣлю винтъ въ клубѣ, разъ опера и изрѣдка посѣщеніе двухъ, трехъ знакомыхъ семействъ. Ни родныхъ, ни близкихъ друзей. Ни малѣйшаго сердечнаго увлеченія.

И когда, наконецъ, онъ, прозрѣвшій и понявшій, что жизнь—не одна только канцелярія, когда онъ, просвѣтленный охватившимъ его чувствомъ, жаждетъ счастья и радостей жизни, ищетъ любви и дружбы женщины,—уже поздно.

— Поздно, поздно!—невольно шепчетъ Никодимцевъ.

И щемящая тоска охватываетъ его при мысли о прошедшей молодости и при мысли о томъ, что онъ одинокъ и навсегда останется одинокимъ.

А образъ Инны Николаевны словно бы дразнитъ Никодимцева своей чарующей привлекательностью, вызывая въ немъ не однѣ только восторженно-благоговѣйныя мысли.

II.

Никодимцевъ вошелъ въ свою квартиру, отворивъ двери маленькимъ ключомъ, зажегъ свѣчку и, снявъ шубу, прошелъ въ кабинетъ. Его холостая квартира показалась ему холодной, неуютной и тоскливой. И на душѣ у него стало еще холоднѣй и тоскливѣй.

„И онъ прожилъ въ ней десять лѣтъ!“—испуганно подумалъ Никодимцевъ, зажигая большую лампу на письменномъ столѣ и свѣчи.

Затѣмъ онъ сѣлъ въ кресло, вынулъ изъ кармана конвертъ и, взрѣзавъ его ножомъ, сталъ читать письмо Инны Николаевны.

Вотъ что прочелъ онъ:

„Вы знаете, что я пишу Вамъ, потому, что уважаю Васъ и слишкомъ дорожу Вашимъ расположеніемъ, чтобы пользоваться имъ не по праву. Когда прочтете мою исповѣдь, тогда поймете, что именно Вамъ, которому такъ много обязана я своимъ пробужденіемъ отъ кошмарнаго сна, одному Вамъ я рѣшаюсь разсказать горькую правду о себѣ. Какъ это ни тяжело, но Вы должны знать, что я не та, совсѣмъ не та, какою Вы себѣ представляете, и къ какой выказываете расположеніе слишкомъ горячее, чтобъ назвать его дружбой, и не бояться, что оно можетъ усилиться и тогда разочарованіе можетъ быть еще тяжелѣе для Васъ. Простите и не сочтите это за женскую самонадѣянность. Мы женщины вообще чутки и чувствуемъ, кто и какъ привязанъ къ намъ... Но если бъ я и ошиблась, еслибъ только одна дружба сблизила насъ въ послѣднее время, то и тогда я сочла бы долгомъ написать это письмо, чтобы Вы знали къ кому Вы питаете дружескія чувства...

Я прочла безмолвный вопросъ вашъ при первой же нашей встрѣчѣ, когда вы увидѣли бывшаго моего мужа, „какъ это я могла быть женой такого ничтожнаго, неумнаго человѣка“? И почти у всѣхъ стоялъ этотъ вопросъ, когда насъ видѣли вмѣстѣ. И—вообразите?—такой же вопросъ задаю себѣ теперь и я. Задаю и рѣшительно не могу объяснить себѣ, какъ это случилось, какъ я могла прожить съ нимъ нѣсколько лѣтъ и не убѣжать, не застрѣлиться, не повѣситься... Мысли о самоубійствѣ, впрочемъ, у меня мелькали.

И вѣдь за такого человѣка я вышла замужъ, не любя его. Почему вышла? Разскажу лучше, какъ это случилось и все это стоитъ живо въ моей памяти.

Мнѣ было тогда двадцать лѣтъ. За мной много ухаживали. Меня слушали, какъ неглупую дѣвушку, нахватавшуюся изъ разныхъ книгъ и преимущественно романовъ. Къ сожалѣнію, молодые люди, бывавшіе у насъ въ домѣ, не отличались ни образованіемъ, ни развитостью. Этотъ подборъ былъ не особенно интересенъ. Отецъ какъ-то мало обращалъ на это вниманія и рѣдко бывалъ по вечерамъ дома, когда къ намъ собирались, а мама была добра и снисходительна, и предоставляла мнѣ и сестрѣ самимъ выбирать знакомыхъ. И къ намъ приводили больше своихъ товарищей два нашихъ двоюродныхъ брата, кончающіе правовѣды. Въ числѣ ихъ былъ и Травинскій. Я на него не обращала ни малѣйшаго вниманія, хотя онъ и влюбился въ меня. Мнѣ нравился другой, но этотъ послѣ шестимѣсячной влюбленности

уѣхалъ, предпочтя мнѣ мѣсто на югѣ... Да и приданаго у меня никакого не было, вѣроятно потому многіе за мной ухаживали, но предложенія не дѣлали. А мнѣ хотѣлось замужъ—не потому чтобы я чувствовала желаніе любви—совсѣмъ нѣтъ,—меня просто манило положеніе замужней женщины, большая свобода и я боялась остаться старой дѣвой... Большая часть моихъ подругъ по гимназіи вышли замужъ, а я все еще была невѣстой безъ серьезныхъ претендентовъ...

И когда Травинскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе, объяснившись что онъ меня любитъ, я вмѣсто того, чтобы сразу отказаться, колебалась... Безхарактерность сгубила меня вмѣстѣ съ незнаніемъ людей и полною неприготовленностью къ жизни. Идеаловъ почти никакихъ... Такъ что то смутное, что слышалось изрѣдка... Жизнь, казалось мнѣ, какой то вѣчный праздникъ особенно для хорошенькой женщины. Вы понимаете, что я была уже достаточно испорчена, и почти всѣ разговоры съ подругами вертѣлись на любовныхъ темахъ .. И атмосфера въ кружкѣ людей, въ который я попала, была любовная... Стыдно вспомнить: мы ничѣмъ не интересовались... Ничего не читали... Разговоры о любви, развлеченія—вотъ одно, что интересовало, однимъ словомъ я была пустѣйшей изъ пустѣйшихъ барышень.

Однако я не скрыла отъ Травинскаго, что я не люблю его, что отношусь къ нему только какъ къ доброму знакомому. Тогда онъ сказалъ, что мы сдѣлаемъ опытъ. Если черезъ годъ я не полюблю его—мы разойдемся. Онъ не станетъ препятствовать—чувство вѣдь свободно. При этомъ онъ увѣрялъ въ своей любви и грозилъ въ случаѣ отказа застрѣлиться... Мнѣ стало жалко его, и я согласилась...

Но, согласившись, я все-таки со страхомъ думала о днѣ свадьбы. И останови меня въ ту пору кто-нибудь вѣскимъ словомъ, покажи весь ужасъ выхода замужъ безъ любви, я конечно взяла бы свое слово назадъ. Но никто не сказалъ. Мама совѣтовала выходить, считая жениха порядочнымъ человѣкомъ, которому предстоитъ карьера. Отецъ подсмѣивался надъ женихомъ, острилъ, но не отговаривалъ...

И я была повѣнчана и сдѣлалась конечно дурной женой!

На второй день свадьбы я снова повторила, что не люблю мужа и не скрыла отъ него, что его ласки внушаютъ мнѣ отвращенье... Онъ плакалъ, съ нимъ дѣлались истерическіе припадки... Онъ грозилъ, что застрѣлится, и я по безхарактерности его жалѣла и рѣшила терпѣть. Первый годъ прошелъ, и я была вѣрна мужу. Мужъ старался доставить мнѣ развлеченія, и мы вели праздную жизнь, какую ведутъ очень многіе петербургскіе супруги... Я старалась скрыть чувства, которыя онъ во мнѣ воз-

буждалъ, но по неволѣ была холодна... и изъ за этого бывалъ рядъ сценъ самыхъ невозможныхъ... Я напомнила объ обѣщаніи развестись — онъ на это отвѣтилъ отказомъ. Тогда я старалась забыться въ чаду жизни, въ развлеченіяхъ, въ поклонникахъ, въ вѣчной сутолокѣ... И мужъ очень радъ былъ этому, и первый помогалъ сдѣлать изъ нашей квартиры какой-то вѣчной рынокъ, только-бы я не скучала и только бы я позволяла ему любить себя... Эти годы были какимъ-то кошмаромъ. Страшно вспоминать... Я имѣла увлеченія и почти не скрывала этого отъ мужа, и онъ терпѣлъ эти menages en trois... Но ужаснѣе всего, что я не любила ни одного изъ нихъ... Я увлекалась ими больше изъ любопытства, отъ скуки, отъ жажды впечатлѣній, изъ за чего хотите, но только не изъ за любви... И я такъ же скоро бросала ихъ, какъ и сходилась... И чѣмъ больше я неуважала себя, чѣмъ больше презирала себя въ минуты просвѣтленія,—тѣмъ болѣе хотѣлось мнѣ забыться хотя въ иллюзіи увлеченія... Но всѣ ухаживатели смотрѣли на меня какъ на красивую женщину, съ которой можно пріятно провести время. Всѣ любовались только внѣшностью... И мое собственное тѣло по временамъ возбуждало во мнѣ самой отвращеніе... Хороша я была и сама, но хороши были и эти влюбленные!.. О, еслибъ вы знали, какъ они клеветали потомъ на меня... Впрочемъ вы знаете. Вы слышали что говорили громко про меня у Донона и... поступили, какъ рѣдко кто изъ мужчинъ поступаетъ... Говорить ли, какъ я была тронута и какъ я жалѣла, что вы рисковали изъ за меня?..

Встрѣча съ вами, ваши бесѣды, ваше отношеніе были для меня, какъ я вамъ не разъ говорила, счастливымъ случаемъ, заставившемъ меня встрепенуться и задуматься. Безъ этой встрѣчи я, быть можетъ, продолжало бы прежнюю жизнь. И чѣмъ больше я думала, тѣмъ чаще спрашивала себя: „какъ могла я такъ жить, какъ жила“. Какъ видите, я хочу попробовать иную жизнь... Хочу загладить безконечную вину передъ своей дѣвочкой... Но старое не можетъ быть вычеркнуто изъ жизни чело-вѣка. Это старое будетъ всегда стоять за мною грозной тѣнью и между мной и вами. Такъ лучше вы узнайте объ этомъ отъ меня чѣмъ отъ другихъ. Вы поймете, что дольше я молчать не могу. И вамъ легче будетъ узнать теперь, чѣмъ потомъ, что вы оказывали трогательную привязанность не той, какую создали въ своемъ воображеніи, а той, которую знаете въ ея настоящемъ-видѣ, и вамъ легче будетъ основательно забыть глубокоблагодарную вамъ. Н. Т.

Никодимцевъ нѣсколько секундъ сидѣлъ, взволнованный и умиленный.

Наконецъ онъ взялъ листъ почтовой бумаги и написалъ слѣдующія строки:

„Вы не ошиблись, глубокоуважаемая Инна Николаевна, я любилъ васъ. Но послѣ вашего письма я люблю васъ еще больше и вы въ моихъ глазахъ являетесь въ ореолѣ выстраданной чистоты. Простите мнѣ эти дерзкія строки и вѣрьте, что ваше довѣріе, оказанное мнѣ письмомъ, незабываемое счастье... Если васъ не оскорбляетъ привязанность старика—я буду завтра у васъ... Въ противномъ случаѣ напишите два слова: „не приходите".

Вложивъ письмо въ конвертъ, Никодимцевъ немедленно вышелъ изъ квартиры и поѣхалъ къ Козельскимъ.

Онъ разбудилъ швейцара и велѣлъ тотчасъ же передать письмо Иннѣ Николаевнѣ, разумѣется, если она не спитъ, а самъ остался въ швейцарской.

Черезъ пять минутъ швейцаръ вернулся и передалъ Никодимцеву записочку.

Тотъ быстро разорвалъ конвертъ и замеръ отъ счастья. Въ запискѣ было написано:

„Завтра приходите. Жду васъ. Приходите пораньше. Развѣ привязанность ваша можетъ оскорбить!.. Напротивъ... Или вы недогадливы"?

Никодимцевъ далъ швейцару три рубля и счастливый ѣхалъ домой, думая теперь о томъ счастьѣ, о которомъ не смѣлъ раньше и мечтать.

На другой день, когда Егоръ Ивановичъ подалъ Никодимцеву чай, то былъ изумленъ радостнымъ видомъ барина.

„На голодъ ѣдемъ, а онъ радуется!"—подумалъ онъ и спросилъ:

— А когда на голодъ отправимся, Григорій Александровичъ?

— Ровно черезъ недѣлю... Черезъ недѣлю!..—весело отвѣтилъ Никодимцевъ. Успѣете приготовиться?

— Какъ не успѣть.

— А что бы вы сказали, Егоръ Ивановичъ еслибъ я рискнулъ сдѣлать предложеніе?—неожиданно спросилъ Никодимцевъ.

— Что бы я сказалъ?—переспросилъ изумленный слуга.

— Да что бы вы сказали?

— Я бы сказалъ, что давно бы пора...

— А теперь... Или я ужъ очень старъ?

— Вы-то?..

И Егоръ Ивановичъ вмѣсто отвѣта весело улыбался.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ А. МИЦКЕВИЧА.

Аккерманскія степи.

(Изъ «Крымскихъ сонетовъ»).

Я выплылъ на просторъ сухого океана:
Телѣга въ зелени ныряетъ, какъ ладья;
Средь волнъ шумящихъ травъ, качаясь, ѣду я,
Минуя острова цвѣтущаго бурьяна...

Темнѣетъ... Не видать дороги, ни кургана...
Ищу я въ небѣ звѣздъ, отрады моряковъ...
Тамъ—вспыхнула заря... Тамъ—отблескъ облаковъ...
То—полоса Днѣстра, то—факелъ Аккермана.

Стой!..—Тихо какъ... Слыхать крикъ журавлей съ высотъ,
Куда-бъ и сокола не досягнуло око;
Слыхать, какъ мотылекъ былинку колыхнетъ,

Какъ проползетъ змѣя... Мой слухъ въ тиши глубокой
Такъ чутко напряженъ, что изъ Литвы-бъ далекой
Услышалъ зовъ...—Пошелъ!.. Никто тамъ не зоветъ...

А. Колтоновскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Пушкинъ», Л. Майкова.—Изъ жизни Пушкина.—Характеристика его личности окружающими и близкими людьми.—Пушкинъ, какъ критикъ.—Впечатлѣнія смерти Пушкина на современниковъ: воспоминанія Гончарова.—Судъ потомства.—«Русская школа»: мнѣнія стараго педагога о современной молодежи.—Мнѣнія попечителя г. Яновскаго о современной школѣ.—Почему эта школа не удовлетворяетъ всѣхъ.—Современная школа есть бюрократическое учрежденіе и должна быть разсматриваема какъ преддверіе канцеляріи.

Пушкинъ, пушкинскіе дни отодвигаютъ на задній планъ всѣ текущіе литературные интересы, Пушкинъ является теперь истиннымъ властителемъ думъ, къ которому, какъ къ солнцу, направляются думы всѣхъ любящихъ литературу, всѣхъ видящихъ въ ней сокровищницу народнаго духа, всѣхъ, въ комъ находитъ отзвукъ его потрясающее слово—«жить, чтобъ мыслить и страдать», въ комъ «выстраданный стихъ, пронзительно унылый» вызываетъ отвѣтное трепетаніе. Пушкинъ заполонилъ не только столбцы ежедневной печати, книжки толстыхъ ежемѣсячниковъ и дѣтскіе журналы,—толпа, по обыкновенію, вынесла и его на улицу, и имя Пушкина попадается здѣсь на каждомъ шагу, то въ видѣ картинки дуэли на папиросной коробкѣ, то въ видѣ портрета на конфетахъ, то въ видѣ маленькихъ копѣечныхъ изданій его твореній, о которыхъ рослые молодцы зычнымъ голосомъ выкликаютъ на перекресткѣ: «Пушкина—О попѣ и Балдѣ—вмѣсто десяти три копѣйки!» Нѣкоторымъ строгимъ цѣнителямъ и судьямъ это не нравится, они видятъ въ этомъ чуть не профанацію великаго поэта и готовы по обычаю русскихъ людей взывать къ недремлющему оку всепопечительнаго начальства—объ укрощеніи толпы и изъятіи этихъ невинныхъ знаковъ народнаго признанія имени Пушкина. Они забываютъ, что Пушкинъ никогда не сторонился толпы и улицы, онъ ихъ любилъ, онъ первый вынесъ литературу изъ великосвѣтскихъ салоновъ на улицу, изъ жеманной приживальщицы сдѣлалъ ее «народной, гордой и свободной». Ибо свобода только на улицѣ, и онъ понималъ это и всегда стремился къ ней. Не оскорбительна для памяти его эта народная утѣха, которую улица дѣлаетъ себѣ въ видѣ этихъ папиросныхъ коробочекъ и конфетокъ съ его именемъ.

Мало, конечно, въ этомъ «красы», той духовной красоты, которая у каждаго, знающаго Пушкина, соединяется съ его именемъ. Но уже и то хорошо, что этимъ путемъ становится извѣстно самое имя и у самыхъ лѣнивыхъ и не любопытныхъ вызываетъ естественный вопросъ, а кто же такой этотъ Пушкинъ? Немного о немъ доходитъ пока до народа. Въ школѣ знакомятся съ жалкими обрывками Пушкина, съ двумя-тремя стихотвореніями, въ родѣ пресловутой «Птички»—и больше ничего. Для народныхъ изданій, съ правомъ пропуска въ народныя читальни и библіотеки, разрѣшена незначительная часть, и великій національный писатель—до сихъ поръ еще запретный плодъ для своего

народа *). Есть ли большая насмѣшка судьбы? Академія устраиваетъ торжественныя засѣданія въ честь Пушкина, разрѣшаются и благосклонно поощряются всероссійскіе сборы на выкупъ родоваго имѣнія поэта, открыта подписка по всей странѣ на памятники Пушкину,—только считаются опасными для народа его творенія...

Да и одинъ ли народъ его плохо знаетъ? Для многихъ и многихъ, прошедшихъ среднюю школу, Пушкинъ впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ, является своего рода открытіемъ. Мертвящій духъ этой школы такъ основательно убиваетъ въ ученикахъ желаніе поближе съ нимъ познакомиться, что большинство только и ограничивается обязательнымъ, «програмнымъ» знакомствомъ съ нимъ. И только потомъ, если счастливая случайность натолкнетъ ихъ на произведенія Пушкина, они съ удивленіемъ убѣждаются, что Пушкинъ отнюдь не школьный поэтъ, а великій писатель для всѣхъ возрастовъ и всѣхъ поколѣній, у котораго всегда можно найти неисчерпаемый источникъ новыхъ и новыхъ наслажденій. Обыкновенно такое открытіе совершается въ зрѣломъ возрастѣ, когда вкусы становятся болѣе требовательными, мысли болѣе глубокими и понятіе красоты болѣе тонкимъ. Вначалѣ увлекаетъ пламенный и пышный Лермонтовъ, болѣе близкій къ современности Некрасовъ, и только потомъ начинаешь постигать всю силу кованнаго стиха, пластическую красоту образовъ и глубину мысли Пушкина, который при ближайшемъ знакомствѣ все болѣе и болѣе становится необъятнымъ, все углубляется и расширяется, такъ что никогда нельзя сказать, что знаешь его вполнѣ.

Такое же впечатлѣніе производитъ и самая жизнь поэта, которая все болѣе захватываетъ васъ, по мѣрѣ знакомства съ условіями, при которыхъ онъ жилъ и работалъ. Едва-ли, однако, она больше извѣстна широкой публикѣ, чѣмъ его творенія. До сихъ поръ нѣтъ хорошей общедоступной біографіи его, хотя литература о Пушкинѣ очень богата. Нынѣшніе пушкинскія дни значи-

---

*) Чтобы не быть голословнымъ, сошлемся на обстоятельную статью г. Шестакова въ № 129 «Рус. Вѣд.», въ которой авторъ говоритъ: «Изъ оффиціальнаго каталога книгъ, разрѣшенныхъ для низшихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, видно, что по отдѣлу «Разсказы, повѣсти и сказки» народная школа можетъ имѣть въ своей библіотекѣ 450 книгъ, изъ коихъ на сочиненія Пушкина приходится только 12, между тѣмъ въ тотъ же отдѣлъ изъ сочиненій К. Тхоржевскаго внесена 41 книга. Полное собраніе сочиненій Пушкина для низшихъ школъ остается неразрѣшеннымъ. Мало того: до 1895 года, когда по ходатайству одного изъ губернскихъ земствъ послѣдовало разрѣшеніе пріобрѣтать въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ книги, одобренныя для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, даже народные учителя принуждены были ограничивать свое чтеніе изъ Пушкина только нѣкоторыми, такъ-называемыми «изабранными» его сочиненіями. Насколько вообще считается Пушкинъ желательнымъ авторомъ для широкаго круга читателей, показываетъ также тотъ, не такъ давно сообщенный въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» фактъ, что московскому Обществу грамотности не было разрѣшено выпустить дешевое изданіе «Бориса Годунова», какъ это предполагалось въ виду предстоящаго юбилея Пушкина.

«Мы видѣли выше, что черезъ школу и библіотеку трудно проникнуть въ народъ сочиненіямъ Пушкина. Если мы посмотримъ теперь съ этой точки зрѣнія на народныя аудиторіи, справедливо признаваемыя однимъ изъ лучшихъ средствъ ознакомленія народа съ литературными произведеніями, то увидимъ, что и онѣ являются не лучшими проводниками въ народную среду произведеній нашего великаго поэта. Достаточно сказать, что до послѣдняго времени, именно до 17 іюля 1896 года, къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ изъ Пушкина были допущены только три вещи: «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Полтава» и «Капитанская дочка» (то и другое въ сокращенномъ видѣ). Да и теперь, послѣ пополненія списка произведеній, допущенныхъ для народныхъ чтеній, дѣло измѣнилось къ лучшему весьма незначительно: очень многое изъ Пушкина, напримѣръ, «Борисъ Годуновъ», по прежнему остается запретнымъ для народной аудиторіи».

Такимъ образомъ, заканчиваетъ г. Шестаковъ свою статью, «Пушкинъ и черезъ сто лѣтъ остается мало извѣстнымъ своему народу»...

гельно оживили ее, и каждый день приноситъ что-либо новое. Этому можно только радоваться, такъ какъ каждая лишняя черточка освѣщаетъ не только личность Пушкина, но и характерна для его времени, безъ яснаго представленія о которомъ нельзя уяснить себѣ многаго въ творчествѣ поэта и еще больше въ его бурной жизни.

Изъ всей этой массы воспоминаній, записокъ и прочихъ матеріаловъ для біографіи Пушкина мы остановимся на только что вышедшей книгѣ академика Л. Майкова, представляющей одинъ изъ солиднѣйшихъ вкладовъ въ пушкинскую литературу. Правда, мы ожидали отъ книги г. Майкова бо́льшего въ смыслѣ новизны. Оказалось, что большая часть этого матеріала уже извѣстна и была ранѣе имъ опубликована, а кое-что новое, вошедшее въ книгу, далеко не таково, чтобы придавать ей особое значеніе. Таковы, напр., выдержки изъ дневника Вульфа, сосѣда по имѣнію и хорошаго знакомаго Пушкина. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе блѣдное и бѣдное по мысли, слогу и содержанію. Но и съ этимъ можно бы еще примѣриться, если-бы дневникъ не страдалъ главнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ въ немъ Пушкина, которому въ запискахъ посвящена *одна* страничка, да и въ той рѣшительно ничего новаго. Печатаніе и комментированіе такихъ трудовъ можетъ служить достойнымъ образчикомъ тщеславнаго гелертерства и академической полноты (мы бы сказали пустоты). Къ счастію, дневникъ Вульфа занимаетъ въ книгѣ неважное мѣсто, и его вполнѣ окупаютъ чрезвычайно интересные записки И. И. Пущина, лицейскаго товарища Пушкина, декабриста, которому поэтъ посвятилъ такъ много воспоминаній.

Въ этихъ запискахъ оживаетъ Пушкинъ, котораго мы видимъ сначала мальчикомъ, «живымъ, курчавымъ, быстроглазымъ». Описывая первое впечатлѣніе знакомства, Пущинъ говоритъ: «всѣ мы видѣли, что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все, что читалъ, помнилъ; но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ выказываться и важничать, какъ это часто бываетъ въ тѣ годы (каждому изъ насъ было 12 лѣтъ) съ скороспѣлками, которые по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ и раньше, и легче находятъ случай чему-нибудь научиться. Обстановка Пушкина въ отцовскомъ домѣ и у дяди, въ кругу литераторовъ, помимо природныхъ его дарованій, ускорила его образованіе, но нисколько не сдѣлала его заносчивымъ,—признакъ доброй почвы. Все научное онъ считалъ ни во что и какъ-будто желалъ только доказать, что мастеръ бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ, и проч Случалось точно удивляться переходамъ въ немъ: видишь, бывало, его поглощеннымъ не по лѣтамъ въ думы и чтеніе, и тутъ же онъ внезапно оставляетъ занятія, входитъ въ какой-то припадокъ бѣшенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебѣжалъ его или однимъ ударомъ уронилъ всѣ кегли».

Въ этихъ замѣчаніяхъ ровесника и сверстника игръ отмѣчены всѣ будущія характерныя черты поэта, впослѣдствіи смущавшія такихъ его знакомыхъ, какъ, напр., Мицкевичъ, который поражается глубиной и разнообразіемъ знаній Пушкина и въ тоже время его «легкомысліемъ въ поведеніи». Нѣсколько сумрачный по настроенію и строго-серьезный по характеру польскій поэтъ не могъ понять того удивительнаго сочетанія геніальности и дѣтской жизнерадостности, бившей ключемъ въ русскомъ поэтѣ, который съ одинаковой свободой и легкостью переходилъ отъ сужденій о политикѣ и литературѣ къ шалостямъ и забавамъ, увлекавшимъ окружающихъ своею безудержностью. И не одинъ Мицкевичъ не понималъ этой черты Пушкина. Какъ видно изъ тѣхъ же записокъ Пущина, и онъ, и другіе декабристы не могли совмѣстить въ своемъ мнѣніи о немъ этихъ его чертъ и относились къ нему, по нашему мнѣнію, легкомысленнѣе, чѣмъ онъ къ нимъ. «Подвижность пылкаго его права, сближеніе съ людьми нена-

дежными пугали меня», говоритъ Пущинъ, несомнѣнно имѣвшій возможность лучше, чѣмъ кто-либо другой, знать Пушкина. Въ данномъ случаѣ эта недовѣрчивость оказалась къ благополучію русской литературы. Но самого Пушкина, который о многомъ догадывался по слухамъ («ужъ знала вся гвардія наша»), такое къ нему отношеніе со стороны ближайшихъ его друзей, какими были Пущинъ или Кюхельбекеръ, видимо оскорбляло. Встрѣтившись случайно на одномъ собраніи у Н. И. Тургенева, Пушкинъ требовалъ у друга объясненій, и Пущинъ отдѣлался кое-какими общими разсужденіями. Въ запискахъ онъ по этому поводу пишетъ: «Не знаю настоящимъ образомъ, до какой степени это объясненіе удовлетворило Пушкина; только вслѣдъ за тѣмъ у насъ перемѣнился разговоръ, и мы вошли въ общій кругъ. Глядя на него, я долго думалъ,—не долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ предложить ему соединиться съ нами? Отъ него зависило принять или отвергнуть мое предложеніе. Между тѣмъ, тутъ же невольно являлся вопросъ: почему же, помимо меня, никто изъ близко знакомыхъ ему старшихъ нашихъ членовъ не думалъ о немъ? Значитъ, ихъ останавливало тоже, что меня пугало: образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, но не было полнаго къ нему довѣрія... Я страдалъ за него, и подчасъ мнѣ опять казалось, что, можетъ быть тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймомъ поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть на самого себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ нормальномъ своемъ быту. Я зналъ, что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но видно, не пришла еще пора кипучей его природы угомониться. Какъ ни вертѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончилъ тѣмъ, что сознался себя не въ правѣ дѣйствовать по личному шаткому воззрѣнію, безъ полнаго убѣжденія, въ дѣлѣ отвѣственномъ предъ цѣлью самого союза. Послѣ этого мы какъ-то часто не видались».

Пушкинъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи общую судьбу всѣхъ великихъ людей, которые именно близкимъ и окружающимъ не кажутся тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ. Истинное величіе всегда просто и доступно, что обманываетъ людей обыкновенныхъ, привыкшихъ все мѣрить на свой аршинъ. Только на нѣкоторомъ отдаленіи можно охватить величье, какъ и было съ Пушкинымъ, огромное вліяніе котораго росло по мѣрѣ отдаленія отъ него. Всѣ его друзья-литераторы цѣнили и понимали его неизмѣримо ниже его дѣйствительнаго значенія, кромѣ, быть можетъ, Гоголя, благоговѣвшаго передъ Пушкинымъ, что и выразилось послѣ смерти поэта въ полныхъ отчаянія и пессимизма письмахъ.

Пущинъ описываетъ свое посѣщеніе поэта въ Михайловскомъ во время его ссылки и опять, между прочимъ, касается видимо больного пункта Пушкина относительно довѣрія. «Незамѣтно,—говоритъ онъ,—коснулись опять подозрѣній насчетъ общества. Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: «Вѣрно, все это въ связи съ майоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тираспольской крѣпости и ничего не могутъ выпытать». Потомъ, успокоившись, онъ продолжалъ: «Впрочемъ, я не заставляю, тебя, любезный Пущинъ, говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно, я этого довѣрія не стою,—по многимъ моимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко расцѣловалъ его».

Пущинъ былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени, идеальнѣйшій по натурѣ, способный на истинное самоотверженіе, но нѣсколько прямолинейный по уму и общему складу души. Блестящій и видный офицеръ, со всѣми шансами на выдающуюся карьеру въ военномъ мірѣ, онъ внезапно бросилъ службу и поступилъ въ гражданскій судъ на скромное мѣсто судьи въ Москвѣ, руководимый цѣлью «союза»—проводить благотворныя идеи на практикѣ въ темную среду тогдашняго общества. Онъ даже хотѣлъ сначала поступить на низшую полицейскую службу, чтобы показать, что въ службѣ госу-

дарству нѣтъ унизительныхъ должностей. Этотъ смѣлый по тогдашнему времени вызовъ обществу, съ его узкими традиціонными мнѣніями, прекрасно рисуетъ его прямую, благородную натуру. Понятно, ему трудно было проникнуть Пушкина, который не подходилъ ни подъ мѣрку «устава союза благоденствія», ни къ тому представленію объ истинномъ гражданинѣ, какое должно было сложиться у корректнаго заговорщика.

Записка Пущина — это одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ, дающихъ больше всего матеріала для оцѣнки условій, при какихъ жилось Пушкину. Она подкупаетъ своей необыкновенной правдивостью и отсутствіемъ рисовки со стороны автора, который все время остается въ тѣни, предоставляя исключительное мѣсто поэту. Въ запискѣ есть любопытная страничка о надзорѣ, которому былъ подчиненъ Пушкинъ въ Михайловскомъ. Друзья занялись, между прочимъ, чтеніемъ «Горе отъ ума», комедіей, до того вовсе незнакомой поэту. «Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четьи-Минею. Замѣтивъ его смущеніе и не подразумѣвая причины, я спросилъ его: что это значитъ? Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ вошелъ въ комнату низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался мнѣ настоятелемъ сосѣдняго монастыря. Я подошелъ подъ благословеніе, Пушкинъ — тоже, приглашая его сѣсть. Монахъ началъ извиненіемъ въ томъ, что, можетъ быть, помѣшалъ намъ, потомъ сказалъ, что узнавши мою фамилію, ожидалъ найти знакомаго ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкаго, котораго давно не видалъ. Ясно было, что настоятелю донесли о моемъ пріѣздѣ, и что монахъ хитритъ. Хотя посѣщеніе его было вовсе не кстати, но я все-таки хотѣлъ faire bonne mine au mauvais jeu и старался увѣрить его въ противномъ... Разговоръ завязался о томъ, о семъ. Между прочимъ, подали чай, Пушкинъ спросилъ рому, до котораго, видно, монахъ былъ охотникъ. Онъ выпилъ два стакана чаю, не забывая о ромѣ, и послѣ этого началъ прощаться, извиняясь снова, что прервалъ нашу дружескую бесѣду. Я радъ былъ, что мы остались одни, но мнѣ неловко было за Пушкина; онъ, какъ школьникъ, присмирѣлъ при появленіи настоятеля. Я ему высказалъ мою досаду, что накликалъ это посѣщеніе. «Перестань, любезный другъ! Вѣдь онъ и безъ того бываетъ у меня, я порученъ его наблюденію. Что говорить объ этомъ вздорѣ». Тутъ Пушкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ читать комедію»...

Это сообщеніе Пущина, что поэтъ состоялъ подъ надзоромъ настоятеля Святогорскаго монастыря, г. Майковъ, на основаніи словъ А. Н. Вульфа, удивительно смѣло отрицаетъ. Но страннымъ представляется, чтобы Пущинъ, столь, повидимому, человѣкъ правдивый, выдумалъ его. Скорѣе Вульфъ, разсказывавшій о Пушкинѣ уже глубокимъ старцемъ (умеръ онъ въ 1881 г.), забылъ или счелъ за лучшее, ради ему одному извѣстныхъ причинъ, умолчать объ этомъ. Тѣмъ болѣе, что тотъ же Вульфъ не отрицалъ частыхъ посѣщеній монаха, любителя рома. Мало того, этотъ святогорецъ послужилъ до извѣстной степени прототипомъ для старца Варлаама въ «Борисѣ Годуновѣ». По словамъ того же Вульфа, отъ святогорскаго настоятеля поэтъ позаимствовалъ рядъ народныхъ поговорокъ, которыя такъ и сыплются изъ устъ отца Варлаама. Такое совпаденіе словъ Вульфа съ характеромъ монаха, описаннаго Пущинымъ, вполнѣ подтверждаетъ правдивость сообщенія послѣдняго о надзорѣ за Пушкинымъ.

Глубоко поучительны мнѣнія и критическія замѣчанія Пушкина, приводимыя въ книгѣ г. Майкова въ статьяхъ «Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ» и «Пушкинъ о Батюшковѣ». Пушкинъ сдѣлалъ рядъ замѣчаній на статью Вяземскаго по рукописи послѣдняго, и, не смотря на ихъ бѣглость, они могутъ служить образцомъ редакторской «чистки». Вяземскій, вообще человѣкъ образованный и, по выраженію Мицкевича, остроумный писатель, можетъ служить

образцомъ ученаго педанта. Онъ превозноситъ Озерова, рабски подчиняясь духу ложнаго классицизма, представителемъ котораго былъ Озеровъ. Статья его о послѣднемъ цвѣтиста, манерна и жеманно-восторженна. Пушкинъ признавалъ талантъ Озерова блѣднымъ и слабымъ, и неспособнымъ именно къ творчеству драматическому. Среди его замѣчаній попадаются истинныя перлы критическаго ума. Вяземскій, напр., превозноситъ Озерова за «добродѣтель» и выводитъ отсюда общее правило для писателя: «Обязанность его (трагика) и всякаго писателя есть согрѣвать любовью къ добродѣтели и воспалять ненависть къ пороку». Пушкинъ смѣло возражаетъ ему: «Ничуть! Поэзія выше нравственности, или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Іисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ—ихъ одна поэтическая сторона». Теперь эти слова—трюизмъ, банальность, общее мѣсто, но если припомнить, когда они сказаны, тогда только мы можемъ оцѣнить огромный умъ и критическое чутье Пушкина. Въ заключеніе своей критики Пушкинъ произноситъ общій судъ надъ писателями въ родѣ Озерова, вѣрно предугадавъ ихъ будущую судьбу: «Озерова я не люблю не отъ зависти, сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ, но изъ любви къ искусству. Слогъ его не хорошъ, я не вижу въ немъ и тѣни драматическаго искусства. Слава Озерова уже вянетъ, а лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ».

Не менѣе ярки и мѣтки замѣчанія Пушкина о Батюшковѣ, котораго онъ очень любилъ и цѣнилъ, признавая его до извѣстной степени своимъ учителемъ, что не мѣшало ему рѣзко критиковать его. Теперь эти замѣчанія имѣютъ чисто-историческое значеніе, но тогда они были «блистательны и новы», по вѣрному опредѣленію Бѣлинскаго, который говоритъ по поводу истинъ, высказанныхъ въ «Онѣгинѣ»: «Многія изъ нихъ и не новы, и даже не очень глубоки; но если бы Пушкинъ не сказалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, они также были бы и новы и глубоки. И потому велика заслуга Пушкина, что онъ первый высказалъ эти устарѣвшія и уже неглубокія теперь истины. Онъ могъ бы насказать истинъ болѣе безусловныхъ и болѣе глубокихъ, но въ такомъ случаѣ его произведеніе было бы лишено истинности; рисуя русскую жизнь, оно не было бы ея выраженіемъ. Геній никогда не упреждаетъ своего времени, но всегда только угадываетъ его не для всѣхъ видимое содержаніе и смыслъ».

Все великое просто и представляется такимъ яснымъ и понятнымъ. Поэтому-то такъ быстро и на всемъ сказалось вліяніе Пушкина. Съ момента его появленія въ литературѣ, словно по волшебству, все измѣнилось въ ней. Все искусственное, чуждое, наносное мгновенно увяло, захирѣло и сгинуло. Все, живое, свое, что коренилось въ родной почвѣ, расцвѣло и окрѣпло. Понятенъ и восторгъ, охватившій читателя, съ которымъ заговорили простымъ языкомъ о простыхъ, всѣмъ дорогихъ и любезныхъ предметахъ.

Объ огромномъ, небываломъ ни до Пушкина, ни послѣ него вліяніи поэта на современниковъ лучше всего свидѣтельствуетъ впечатлѣніе, какое произвела на общество его внезапная смерть. Изъ многочисленныхъ показаній, сохранившихся объ этомъ, приведемъ только два особенно интересныхъ. Одно принадлежитъ И. А. Гончарову, сообщенное въ «Русской Старинѣ» А. Ѳ. Кони.

«Пушкина я увидалъ впервые въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только что начиналъ читать его и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, живя въ Петербургѣ, я встрѣтилъ его у Смирдина, книгопродавца. Онъ говорилъ съ нимъ серьезно, не улыбаясь, съ дѣловымъ видомъ. Лицо его матовое, съуженное книзу, съ русыми бакенами и обильными кудрями волосъ—врѣзалось въ мою память и доказало мнѣ впослѣдствіи, какъ вѣрно изобразилъ его Кипренскій на извѣстномъ портретѣ. Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все, всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія

струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ, «переводчикомъ» въ департаментѣ внѣшней торговли. Работы было немного, и я для себя, безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надо всѣмъ господствовалъ *онъ*. И въ моей скромной комнатѣ на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ и горько, горячо, не владѣя собой, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножемъ рѣзала сердце и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобъ тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣна—лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, невѣрно,—по смерти матери, да, матери... Чрезъ три дня появился портретъ Пушкина съ надписью «погасъ огонь на алтарѣ»... Но цензура и полиція поспѣшила его запретить и уничтожить».

Другое извѣстіе сообщаетъ П. И. Мельниковъ (Печерскій), въ то время бывшій студентомъ казанскаго университета. Литературу читалъ профессоръ Суровцевъ, стараго типа, цѣнитель Державина и Ломоносова, но большой поклонникъ Пушкина. «Онъ не разбиралъ его, говорилъ, что время для оцѣнки его произведеній еще не наступило», и восторженно привѣтствовалъ каждое его новое произведеніе. «Суровцеву пришлось возвѣстить намъ и о преждевременной кончинѣ славнаго нашего поэта. Въ пятницу 5 февраля 1837 г., въ 8 часовъ утра на третьемъ курсѣ словеснаго факультета была лекція русской словесности. Суровцевъ вошелъ въ аудиторію во время боя часовъ... Григорій Степановичъ взошелъ на каѳедру и, не садясь, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, поднялъ его кверху и, окинувъ быстрымъ взглядомъ аудиторію, громко сказалъ: «Встаньте!» Мы встали, съ изумленіемъ глядя на профессора. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались горькія задушевныя слезы, онъ прочелъ извѣстіе—всего нѣсколько словъ. Живо помню первыя слова его: «Солнце нашей поэзіи закатилось—нѣтъ болѣе Пушкина!» Аудиторія ахнула въ одинъ голосъ, послышались рыданія... Самъ профессоръ сѣлъ и, склонивъ на каѳедру сѣдую, какъ серебро, голову, горько заплакалъ... Прошло нѣсколько минутъ, онъ всталъ и сказалъ: «Князь русскихъ поэтовъ во гробѣ. Его тѣло везутъ изъ Петербурга куда-то далеко. Быть можетъ, оно еще не предано землѣ. При не закрытомъ еще гробѣ Пушкина, какъ смѣть говорить о русской словесности! Лекціи не будетъ—пойдемте молиться»...

О силѣ того же вліянія Пушкина говорятъ удивительныя мѣры, принятыя полиціей и цензурой немедленно послѣ его смерти. Самыя подробныя и любопытныя данныя сообщаетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ, справедливо возмущаясь и волнуясь. Это былъ страхъ даже предъ мертвымъ врагомъ, хотя забывали главное—то духовное наслѣдіе, которое нельзя упрятать, втихомолку подъ прикрытіемъ жандармовъ зарыть въ глухомъ уголку, чтобы сдѣлать его недоступнымъ для общества и народа. Правда, имя Пушкина стало запретнымъ, его произведенія были искажены по возможности, но уже черезъ десять лѣтъ геніальный поэтъ какъ бы воскресъ въ статьяхъ Бѣлинскаго, который раскрылъ значеніе поэта и уяснилъ его сокровенный для массы смыслъ.

Прошло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ, и мы присутствуемъ при новомъ воскресеніи Пушкина. Имя его у всѣхъ на устахъ, истины, имъ высказанныя, проникли въ сознаніе всѣхъ, образы, имъ созданные, сіяютъ немеркнущей красотой, которая сама по себѣ уже есть великое добро.

И не «погасъ огонь на алтарѣ»,—онъ превратился въ яркое, ровнымъ свѣтомъ горящее пламя, которое не погаснетъ, пока будетъ существовать русская литература, пока—

«у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть.
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять».

Въ «Русской Школѣ» печатаются очень интересныя и характерныя для нашего времени «Мысли о воспитаніи и обученіи» г. Яновскаго, попечителя кавказскаго округа, и статья «стараго педагога», какъ называетъ себя авторъ,—«Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній».

Хотя авторы сильно расходятся въ пріемахъ своихъ изслѣдованій и въ точкѣ зрѣнія на предметъ его, но, что въ особенности любопытно,—приходятъ къ одинаковому печальному выводу. Старый педагогъ выступаетъ въ своей статьѣ вполнѣ типичнымъ учителемъ, умудреннымъ опытомъ, ко всему присмотрѣвшимся и ко всему равнодушнымъ. Изъ своей многолѣтней практики онъ дѣлаетъ нѣкоторый общій выводъ, но не касается ни причинъ явленія, ни средствъ для борьбы съ нимъ. Онъ знаетъ по опыту, что всякія указанія и объясненія ни къ чему въ его дѣлѣ, что оно идетъ настолько прочно сложившимся путемъ, что тутъ ничего ни измѣнить, ни передѣлать нельзя. Онъ только показываетъ то, что усмотрѣлъ, а затѣмъ—его дѣло сторона. И какъ ни печально то, что онъ показываетъ, мы должны согласиться, что онъ поступаетъ вполнѣ правильно.

Старый педагогъ сравниваетъ два поколѣнія учащихся—прежнее 60—70 гг., и современное, и отмѣчаетъ въ послѣднемъ, какъ характернѣйшую черту его психологіи, необычайную практичность, дѣловитость и корректность его въ этомъ отношеніи. Есть ли у насъ теперь дѣти-школьники? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ,—нѣтъ! Есть маленькіе люди, суховатые, дѣловитые, озабоченные, справляющіе свое школьное дѣло, какъ чиновники, даже дорожащіе этимъ дѣломъ, но отнюдь не ради него самого, не ради ученья или тѣмъ паче какой-то той науки, а ради тѣхъ выгодъ, которыя это дѣло обѣщаетъ принести въ ближайшемъ будущемъ,—словомъ, какъ чиновникъ, дорожащій службой ради 20-го числа. Школа для современнаго ученика не источникъ знаній, а «каторжное чистилище», которое каждому надо пройти, чтобы попасть въ сферу хотя и далеко не райскаго, но болѣе сноснаго существованія. Современное юношество смотритъ на школу, какъ на неизбѣжное зло, тяжкую повинность, которую надо отбыть, нѣчто въ родѣ воинской, съ тѣмъ, чтобы возмѣстить непріятности школы благами будущаго.

Чѣмъ, спрашивается, интересуется современный школьникъ, надъ чѣмъ работаетъ особенно, съ любовью, съ жаромъ, безъ принужденія? Такихъ интересовъ научнаго характера у него нѣтъ. Школьникъ дореформенной школы интересовался, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ школы—то литературой, то математикой, а въ 60—70-ые годы налегалъ на естествознаніе, въ которомъ видѣлъ кладезь премудрости.

У современнаго школьника нѣтъ интереса ни къ чему въ особенности, онъ всѣмъ занимается понемножку, выполняетъ программу, которую не любитъ и не уважаетъ. И чѣмъ старше воспитанники, тѣмъ ярче проявляется ихъ равнодушіе къ предмету школьныхъ занятій. Для нихъ всѣ предметы равны и равно противны, хотя по всѣмъ они идутъ ровно, удовлетворительно, всѣмъ классомъ приблизительно въ одинъ урокъ.

Еще среди младшихъ можно видѣть нѣкоторое различье въ этомъ отношеніи. Одни больше интересуются одними предметами, проявляютъ большія спо-

собности къ математикѣ или языкамъ, другіе оживляются на урокахъ исторіи или географіи. Въ старшихъ классахъ это все пропадаетъ, по крайней мѣрѣ, по наружности. Школа съ удивительнымъ искусствомъ сгладила различья, выровняла шероховатости, выражаясь просто—оболванила каждаго по установленному трафарету.

Чтобы такъ незамѣтно, но непреодолимо вытравлять душу, умъ и волю въ воспитанникахъ и превращать ихъ въ людей-машинъ, механически и исправно выполняющихъ свои обязанности,—средняя школа выработала удивительную систему—бюрократическую, въ которой до мельчайшихъ подробностей разработаны требованія и условія будущей чиновничьей дѣятельности. Изъ каждаго научнаго занятія изгнанъ присущій ему интересъ, все, что могло-бы увлечь и привязать ученика. Зато развита его схематическая сторона, сухо и сжато данъ рядъ непонятныхъ и скучныхъ формулъ, нѣчто въ родѣ скелета науки, оголеннаго отъ плоти и крови. Чтобы ученикъ усваивалъ только его и не заглядывалъ въ сторону, выработаны соотвѣтственные учебники, изъ которыхъ изгнано все интересное, захватывающее, любопытное само по себѣ. Затѣмъ ученикъ заваленъ этой работой до такой степени, что у него не остается ни минуты свободной для какихъ-либо постороннихъ занятій. Усилены требованія по всѣмъ предметамъ, причемъ необходимо, чтобы по всѣмъ былъ одинаковый уровень, и будь ты хоть выдающійся математикъ, лингвистъ или словесникъ, но разъ по одному изъ предметовъ отсталъ,—ты погибъ и не видать тебѣ аттестата зрѣлости.

По поводу этой поразительной нивеллировки всѣхъ способностей учениковъ, г. Яновскій дѣлаетъ интересное замѣчаніе. «Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ онъ,—что Пушкинъ не сдѣлался-бы знаменитымъ Пушкинымъ, если-бы былъ ученикомъ въ современной нашей гимназіи: она употребила бы всѣ усилія, чтобы стереть съ него его блестящія индивидуальныя качества, или же удалила бы его изъ среды своихъ питомцевъ»... Потому что «Пушкинъ, при своей страсти къ поэзіи, мало занимался уроками, но много читалъ и быстро развивалъ свои дарованія, какъ видно изъ множества написанныхъ имъ въ лицеѣ стихотвореній. Онъ написалъ, еще будучи ученикомъ въ этомъ заведеніи, 130 стихотвореній, которыя составили цѣлую книгу». Какъ относились къ нему учителя, видно изъ примѣра, приводимаго Пущинымъ въ запискахъ. «Надобно сказать,—говоритъ онъ,—что всѣ профессора смотрѣли съ благоговѣніемъ на растущій талантъ Пушкина. Въ математическомъ классѣ вызвалъ его разъ Карцовъ къ доски и задалъ алгебраическую задачу. Пушкинъ долго переминался съ ноги на ногу и все писалъ молча какія-то формулы. Карцовъ спросилъ его наконецъ: «Что же вышло? Чему равняется иксъ?» Пушкинъ, улыбаясь, отвѣтилъ: «Нулю». «Хорошо! У васъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ, все кончается нулемъ. Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи». Спасибо Карцеву,—добавляетъ Пущинъ,—что онъ изъ математическаго фанатизма не велъ войны съ его поэзіей».

Пущинъ словно предвидѣлъ ту войну, которую систематически ведутъ теперь въ нашихъ гимназіяхъ каждый учитель съ каждымъ ученикомъ, разъ онъ проявляетъ способности и охоту не къ его предмету. Сколько разъ приходится слышать такимъ ученикамъ не поощрительныя слова Карцова—«пишите ваши стихи», а стереотипное внушеніе: «Вѣдь можете же вы заниматься хорошо по такимъ-то предметамъ,—почему же занимаетесь плохо моимъ?»—слѣдуетъ дурная отмѣтка, одна за другой, и способности магически выравниваются, т. е. ученикъ изо всѣхъ силъ старается по трудному и нелюбимому предмету и запускаетъ пріятный и понятный для него. Въ результатѣ теряется охота ко всѣмъ, но требуемый баллъ получается тоже по всѣмъ.

Къ счастью или къ несчастью, Пушкиныхъ теперь не встрѣчается въ на-

шихъ гимназіяхъ. Иначе эти маленькія, незамѣтныя драмы, которыя тамъ разыгрываются ежедневно, превратились бы въ жестокія трагедіи. Бюрократическая школа не можетъ допустить по существу своему ничего выдающагося. Ея задача приготовить опредѣленное число чиновниковъ, т. е. людей, годныхъ для той кропотливой, но ничтожной работы, которую выполняютъ въ Россіи 10% ея населенія, составляющіе бюрократическую армію. Какъ въ военной арміи необходимо, чтобы вся ея сѣрая масса была на одно лицо, въ одной формѣ и однообразна по составу, такъ и въ бюрократическихъ рядахъ тоже единообразіе служитъ залогомъ успѣшной дѣятельности. Будучи по существу отрицаніемъ всякой жизни, бюрократическая машина только тогда и дѣйствуетъ правильно и хорошо, когда ею двигаютъ машинные люди, безъ выдающихся способностей, безъ увлеченія, безъ горячихъ порывовъ сердца. Иначе на каждомъ шагу происходили бы остановки, заминки, противорѣчія, какъ неизбѣжный результатъ различія въ темпераментахъ, воззрѣніяхъ, способностяхъ и увлеченіяхъ.

Современная школа достигаетъ этой цѣли съ огромнымъ успѣхомъ. Она съумѣла подчинить себѣ интимнѣйшія стороны ученической души, сгладить и отлить эти души въ нѣкую для всѣхъ общую форму, какъ тотъ мундиръ, въ которомъ щеголяютъ ряды учениковъ.

«Возьмемъ ли область религіозно нравственныхъ воззрѣній и обязанностей ихъ, присмотримся ли къ сферѣ ихъ эстетическихъ интересовъ, обратимъ ли вниманіе на характеръ ихъ личныхъ, семейныхъ и общественныхъ интересовъ—вездѣ мы увидимъ одну и ту же рѣзкую черту: внѣшнюю, видимую полноту и «корректность» ихъ жизни и—внутренній холодъ, равнодушное ко всему безразличіе»,—говоритъ старый педагогъ, и продолжаетъ:—«на первый взглядъ современные русскіе юноши и дѣти въ отношеніи религіозно-нравственныхъ понятій представляются болѣе развитыми, въ исполненіи религіозно-нравственныхъ обязанностей болѣе усердными, чѣмъ подобныя имъ же поколѣнія, напр., 50-хъ, 60-хъ годовъ. Побесѣдуйте съ любымъ теперешнимъ гимназистомъ или реалистомъ 13—14 лѣтъ, и вы найдете, что его знанія по христіанскому катехизису много полнѣе и основательнѣе, чѣмъ знанія его родителей; зайдите въ урочный часъ въ любую домовую церковь того или другого изъ нашихъ «благоустроенныхъ» учебныхъ заведеній — и ваше благочестивое сердце умилится зрѣлищемъ порядливо и чинно совершающейся передъ вами общественной молитвы юношества. Ряды молящихся школьниковъ полны и плотны; манкирующихъ богослуженіемъ нѣтъ (ибо за это строго взыскивается, замѣтимъ въ скобкахъ). Поведеніе богомольцевъ выдержанно и чинно... Все совершается въ порядкѣ, «строемъ», въ установленные моменты... Но—задумывается старый педагогъ — дѣйствительно ли современные школьники болѣе религіозны, чѣмъ предшествовавшее имъ поколѣніе?»—и, не задумываясь, онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ!»

Все это—одна внѣшность, мундиръ, дополненіе къ тому аттестату, безъ котораго нельзя войти въ жизнь. И опять старый педагогъ сравниваетъ «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій». У прежней молодежи не было показной мундирной религіозности, но было «исканіе Бога». «Тамъ, говоритъ онъ, были и «испытующіе», но были и «увѣренные»; были колеблющіеся, сомнѣвающіеся, отрицающіе, но были и утверждающіе, убѣжденные,—короче, источникъ религіозно-нравственнаго чувства тамъ не изсякалъ, всегда билъ новой и обильной, хотя порой мутной и нездоровой волной. Теперь не то! Въ кружкахъ современной молодежи въ этомъ отношеніи все, повидимому, полно, «корректно», и все тихо, потому что все мертво. Нѣтъ ни чистой, ни мутной струи: вездѣ догматическая правильность, но и вездѣ формальная сушь и безжизненная обрядность»!

Чего же лучше?—можемъ и мы спросить съ своей стороны. Не это ли и было цѣлью, намѣченною новой школой, усердно и систематически вытравляв-

шей тотъ «духъ живый», который «иде же хощетъ, дышетъ», не поддаваясь циркулярамъ и предписаніямъ. Но старый педагогъ не доволенъ. Онъ хочетъ вѣры не только за страхъ, но и за совѣсть. Съ искренней печалью, дѣлающей ему несомнѣнную честь, онъ вспоминаетъ свои молодые годы, годы исканія истины и вѣры. Онъ разсказываетъ, какъ одинъ его товарищъ раздобылъ книгу Ренана и они вмѣстѣ ее прочли и помутились на время въ разумѣ. «И перечитали мы ее не разъ, не два, а, кажется, разъ пять! что мы пережили за этимъ чтеніемъ, я и разсказать теперь это затрудняюсь. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что наше тогдашнее душевное состояніе было весьма близко, коли не тождественно, съ мучительнымъ настроеніемъ тѣхъ женщинъ и тѣхъ простецовъ изъ послѣдователей Христа, предъ глазами которыхъ Его распяли. То—чувство невыразимой обиды и боли за несправедливыя поруганія и казнь возлюбленнаго Учителя, то—сомнѣнія, доходившія до полнаго невѣрія относительно Его вѣчности и Его обѣтованій, то новый приливъ вѣры, новый подъемъ надеждъ на будущее торжество и побѣду надъ врагами Его! Все, все такое и подобное передумали и перечувствовали мы». Наконецъ, измученные и усталые, товарищи порѣшили свои сомнѣнія очень оригинальнымъ образомъ: «мы рѣшили прекратить наши чтенія и всякіе разговоры, возбуждаемые имъ, а самую книгу бросили, съ привязаннымъ къ ней булыжникомъ, въ глубокій колодезь, находящійся на одномъ изъ городскихъ пустырей».

Впослѣдствіи старый педагогъ часто наблюдалъ такую же борьбу вѣры и сомнѣній среди своихъ учениковъ въ 70-е годы. «Мнѣ лично за это время пришлось выслушать не мало такихъ мучительныхъ признаній, пришлось видѣть такихъ горькихъ юношескихъ слезъ»! Но, заканчиваетъ онъ съ грустью,—«затѣмъ, съ теченіемъ времени, подобный плачъ сталъ слышаться все рѣже и рѣже въ средѣ воспитывающагося юношества, а послѣдніе 10—15 лѣтъ онъ уже и совсѣмъ пересталъ тревожить мое учительское ухо. Атмосфера религіозно-нравственной жизни нашихъ послѣднихъ молодыхъ поколѣній сдѣлалось въ высшей степени чистой и безвѣтренной, а поверхность этой жизни—зеркально-гладкой и покойной. Тутъ царитъ теперь, хотѣлось бы сказать мнѣ народной поговоркой: «тишь, да гладь, да Божья благодать». Но боюсь, не совсѣмъ вѣрно выйдетъ. «Тишь да гладь» здѣсь несомнѣнно, но тутъ ли и «Божья благодать»?!

Вполнѣ законное, но лишнее сомнѣніе. Если бы бюрократическая школа смогла завладѣть еще и душою человѣка и претворить ее по своему образу и подобію, былъ бы разрѣшенъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, нѣкогда волновавшихъ людей,—можно ли создавать искусственнымъ, лабораторнымъ путемъ людей? Рѣшеніе такого вопроса было бы въ рукахъ бюрократическаго государства могущественнѣйшимъ орудіемъ въ борьбѣ съ жизнью, которую можно было бы тогда устранить совсѣмъ, замѣнивъ ее поддѣлкой по трафарету, выработанному въ нарочито избранной комиссіи при содѣйствіи, конечно, свѣдущихъ людей.

Почтенный старый педагогъ не считаетъ себя пригоднымъ для такой комиссіи и ничего не говоритъ о мѣрахъ къ устраненію зла, смущающаго его душу. И благо ему! Онъ выполнилъ свой долгъ, отмѣтивъ ярко и сильно это зло въ своей превосходной статьѣ. Иначе выступаетъ г. Яновскій. Онъ, несомнѣнно, годенъ въ комиссію, въ качествѣ хотя бы только свѣдущаго человѣка. Уже одно то, что онъ прошелъ всю лѣстницу служенія въ современной школѣ до должности попечителя Кавказскаго округа, и притомъ онъ—одинъ изъ лучшихъ попечителей, если не самый лучшій въ наше время,—обязываетъ его, и г. Яновскій не довольствуется констатированіемъ факта и тутъ же предлагаетъ цѣлебныя средства, въ видѣ ряда измѣненій въ программахъ, учебныхъ планахъ и способахъ уловленія ученическихъ душъ въ бюрократическія сѣти. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ методомъ разсужденія и дѣйствія бюрократической системы. Правильно и рѣзко, что называется, «не щадя живота»,

бюрократъ Ивановъ критикуетъ программу бюрократа Петрова и съ своей стороны предлагаетъ тоже проектъ. Онъ думаетъ, что Петровъ упустилъ изъ виду то и то, недостаточно развилъ такую-то сторону, вслѣдствіе чего результаты не оправдали ожиданія. Поэтому, если переставить предметы, одинъ урокъ сократить въ такомъ-то классѣ, а въ другомъ прибавить, здѣсь уничтожить переэкзаменовку, а тутъ ввести такіе и такіе экзамены,—то получится музыка не та, «у насъ запляшутъ лѣсъ и горы». Впрочемъ, какъ человѣкъ дѣйствительно опытный, г. Яновскій понимаетъ, что современные учителя, какъ ихъ не разсаживай, мало годны для роли, которую онъ имъ желаетъ навязать, и не безъ грусти замѣчаетъ въ заключеніе своего проекта: «Безъ сомнѣнія, предлагаемая система потребуетъ отъ учителей больше и умѣнья, и терпѣнія, и вниманія... Поэтому, при предлагаемой системѣ, учителями должны быть назначаемы лица не случайныя, избирающія педагогическую дѣятельность не по призванію, а единственно ради куска хлѣба, но подготовленныя къ дѣлу обученія и воспитанія, и подготовленныя серьезно».

Совершенно справедливо—опытные, подготовленные, любящіе свое дѣло и чувствующіе къ нему призваніе, люди пересоздадутъ школу. Даже и при современной программѣ ея такіе люди, съ творческой искрой и съ Богомъ въ душѣ, съумѣли бы внести жизнь и свѣтъ въ мертвую атмосферу этой школы. Но гдѣ ихъ взять? Въ этомъ и заключается слабый пунктикъ всякой бюрократіи, что для живого дѣла у нея нѣтъ живыхъ людей, а есть лишь эти люди-машины, которыхъ она сама же воспитала и подготовила, «случайные, избирающіе» ту или иную дѣятельность не по призванію, «а ради куска хлѣба».

Поэтому, какъ ни печально кажется современное состояніе средней школы, починить ее тѣми или иными заплатками нечего и думать. Да и незачѣмъ, правду сказать. Дѣло въ томъ, что не все здѣсь такъ ужъ грустно и ужасно, какъ кажется старому педагогу и г. Яновскому. Совершенно вѣрно, что современное молодое поколѣніе съ виду и «корректно», и «холодно», и «благообразно». Но не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующаго. Въ каждой борьбѣ за существованіе вырабатывается приспособленіе къ средѣ. Подъ давленіемъ и въ тискахъ бюрократической школы, молодое поколѣніе приняло ту внѣшность, какая удобнѣе всего и цѣлесообразнѣе всего даетъ ему возможность отстоять именно свою душу, свою индивидуальность отъ посягательствъ на нее со стороны системы. Мы сплошь и рядомъ видимъ, какъ за порогомъ средней школы рѣзко и разомъ мѣняется тотъ же юноша, который такъ «порядливо и чинно» стоялъ только-что въ домашней церкви, «строемъ» билъ поклоны и «строемъ» возводилъ очи горѣ. Обоимъ почтеннымъ авторамъ хорошо извѣстно, какая огромная разница между только-что выскочившимъ изъ гимназіи школьникомъ и студентомъ. Оказывается у него и своя индивидуальность, подчасъ очень и очень опредѣленная, которую онъ умѣетъ при случаѣ рѣзко и сильно проявить, и свой Богъ, и свои интересы, ничего не имѣющіе общаго съ внушеніями и предписаніями, подъ давленіемъ которыхъ онъ пробылъ восемь лѣтъ. Его благонравіе, благочиніе и внѣшняя холодная корректность сослужили ему добрую службу: они послужили ему щитомъ, которымъ онъ оградилъ свою душу отъ посягательства системы.

Эта вѣчно-жизненная приспособляемость внушаетъ намъ лучшія надежды на будущее. Оставимъ прошлое прошлому, и ужъ никакъ не лицей, гдѣ учился Пушкинъ, можетъ служить намъ руководящимъ началомъ при созданіи школы будущаго. Это было барское заведеніе, гдѣ въ «роскоши и нѣгѣ» воспитывались отпрыски именитыхъ родовъ. Школа будущаго, которая выростетъ не путемъ преобразованія современной бюрократической, а путемъ измѣненія самой жизни,—намъ представляется величественной школой труда и свободы, открытой для всѣхъ и любимой всѣми, куда будутъ стремиться не ради только ма-

теріальныхъ благъ, съ нею связанныхъ, но и ради нея самой. Только достигнуть этого нельзя измѣненіями программы и разными преобразованіями только одной школы, потому что всякая школа есть продуктъ своего времени и своего мѣста. При современномъ у насъ расцвѣтѣ бюрократіи, наша средняя школа есть прекраснѣйшее и во всѣхъ отношеніяхъ образцовое созданіе, какъ преддверіе канцеляріи. Если же и теперь школьники, съ свойственной имъ хитростью и лукавствомъ, ухищряются протаскивать сквозь кавдинское ущеліе этой школы душу живу, то это ужъ не вина школы, а дѣло жизни, которую не подчинишь никакимъ самымъ образцовымъ системамъ.

Мы даже думаемъ, что народись въ современной жизни Пушкинъ, то и онъ не пропадетъ. Можетъ быть, его выгонятъ изъ гимназіи, по увѣренію такого компетентнаго лица, какъ г. Яновскій, можетъ быть, даже съ волчьимъ паспортомъ, какъ это чуть-чуть не случилось и съ Александромъ Сергѣевичемъ. За одну дѣтскую шалость, по словамъ Пущина, имя Пушкина и его товарищей по дѣлу было внесено въ «черную книгу, съ тѣмъ, чтобы эта книга имѣла вліяніе при выпускѣ». Но «при разсужденіяхъ конференцій при выпускѣ, предоставлена была директору Энгельгардту Черная эта книга, гдѣ мы трое только и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла еще имѣть вліяніе и на всю будущность молодыхъ людей послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ согласились съ его мнѣніемъ, и дѣло было сдано въ архивъ». Можетъ быть, въ современной конференціи современный Пушкинъ и не найдетъ такого мудраго заступника. Даже навѣрное—нѣтъ. Но все же, въ противность мнѣнію г. Яновскаго, онъ сдѣлается знаменитымъ Пушкинымъ, если, конечно, это будетъ настоящій Пушкинъ.

А. Б.

ПУШКИНЪ и ВОЙНА.

(Замѣтка).

Пушкинскій праздникъ невольно ставитъ на очередь вопросъ, какъ относился къ войнѣ нашъ геніальный поэтъ. Можно ли его причислить къ «друзьямъ мира», или въ будущей исторіи уничтоженія милитаризма имя Пушкина будетъ пройдено молчаніемъ? Важность этого вопроса, помимо его біографическаго интереса, усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что на произведеніяхъ Пушкина воспитываются и долго еще будутъ воспитываться молодыя поколѣнія Россіи. Съ педагогической точки зрѣнія далеко небезразлично знать, какія чувства по отношенію къ войнѣ зарождаетъ въ юныхъ сердцахъ поэзія Пушкина.

Пушкинъ, какъ извѣстно, никогда не служилъ въ военной службѣ и не носилъ военнаго мундира, котораго не избѣгъ даже Левъ Толстой. Этотъ фактъ не можетъ не удивлять насъ, потому что и условія воспитанія, и окружающая среда, и воинственное настроеніе эпохи влекли поэта къ военной службѣ. Уже при самомъ вступленіи поэта въ лицей, на него пахнуло воинственной атмосферой. «Среди сихъ пустынныхъ лѣсовъ, внимавшихъ нѣкогда побѣдоносному россійскому оружію, вамъ повѣданы будутъ славныя дѣла героевъ, поражавшихъ враждебные строи»,—такъ говорилъ, между прочимъ, въ своей рѣчи при открытіи лицея проф. Куницынъ, и въ такомъ же духѣ преподавалась лицеистамъ исторія пресловутымъ Кайдановымъ.

Самое Царское Село съ обширнымъ садомъ, наполненнымъ

И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ,—

могло развивать воинственныя чувства въ подраставшемъ поколѣніи, тѣмъ болѣе, что въ задачи лицея входило приготовленіе молодыхъ людей не только къ гражданской, но и къ военной службѣ. Но еще сильнѣе мѣстныхъ воспоминаній и школьнаго преподаванія вліяла въ воинственномъ направленіи «гроза двѣнадцатаго года». Черезъ Царское Село проходили войска, отправлявшіяся на борьбу съ Наполеономъ, и Пушкинъ, вспоминая объ этомъ времени, незадолго до своей смерти писалъ:

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умиратъ
Шелъ мимо насъ...

Въ 1815 году, въ одѣ на возвращеніе Императора Александра I изъ Парижа, юный Пушкинъ выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось принять участія въ защитѣ отечества.

Почто-жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?

Еще ранѣе, въ одѣ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» Пушкинъ прославлялъ «громкій вѣкъ военныхъ споровъ», ознаменованный побѣдами «безсмертныхъ русскихъ исполиновъ: Орлова. Румянцева и Суворова», и воспѣтый «струнами громозвучныхъ лиръ» Державина и Петрова. Въ томъ же стихотвореніи поэтъ изобразилъ и патріотическое воодушевленіе русскаго народа въ эпоху Отечественной войны и обратился къ Державину съ просьбой «взгремѣть на арфѣ золотой»,—

Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

Обратившись однако къ болѣе интимнымъ лицейскимъ произведеніямъ Пушкина, мы увидимъ, что эпоха Наполеоновскихъ войнъ далеко не такъ сильно увлекала юнаго поэта, какъ это можетъ показаться при чтеніи указанныхъ двухъ одъ, несомнѣнно, написанныхъ подъ давленіемъ лицейскихъ наставниковъ. Дошедшія до насъ стихотворенія 1812 г. ни слова не говорятъ о событіяхъ Отечественной войны. Въ 1814 г. юный поэтъ благословляетъ Пущина «на брань», приглашаетъ «пирующихъ студентовъ» разбить бутылки и рюмки «за здравіе Платова», но о самомъ себѣ заявляетъ, что онъ не любитъ «бранный громъ». Въ слѣдующемъ году, въ посланіи къ Батюшкову, Пушкинъ отказывается воспѣвать «войны кровавыя пиръ», а въ посланіи къ А. М. Горчакову не желаетъ, чтобы онъ былъ увлеченъ славой «въ путь кровавый». Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе заявляетъ Пушкинъ о своемъ равнодушіи къ военной славѣ въ стихотвореніи «Мечтатель».

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ.
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый—
Прелестна сердцу тишина.
Нейду, нейду за славой.

Эта «тишина» была не только личнымъ, но и общественнымъ идеаломъ Пушкина. Въ началѣ упомянутой оды на возвращеніе Императора Александра I изъ Парижа Пушкинъ выражаетъ свою радость по поводу того, что

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.

Заканчивается эта ода шестнадцатилѣтняго поэта также призывомъ къ миру.

...О русскій царь! оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!...
И придутъ времена спокойствія златыя...
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ и т. д.

И въ слѣдующемъ году Пушкинъ дѣлаетъ такія же мирныя заявленія.

Я не герой: по лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой.

Поднося дядѣ своему Василію Львовичу поздравленіе въ стихахъ на пасхѣ 1816 г., Пушкинъ, между прочимъ, выражалъ и такое желаніе:

Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина.

Какъ ни сильны были впечатлѣнія той эпохи, когда, по выраженію Грибоѣдова, «кричали женщины ура и въ воздухъ чепчики бросали», знакомство поэта съ царскосельскими гусарами оказалось сильнѣе. Уже въ 1815 г. видъ блестящаго гусара отгонялъ въ мечтахъ юнаго поэта «мирныя картины прелестной сельской простоты», и онъ воображалъ себя на бранномъ полѣ и летѣлъ въ бой «на гибель супостата». Въ это время Пушкинъ мечталъ о поступленіи въ гусары и въ посланіи Галичу заявлялъ:

Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ.

Въ 1817 г., когда Пушкину по выходѣ изъ лицея предстояло избрать родъ службы, онъ не остановился передъ чрезмѣрной идеализаціей военнаго поприща и въ посланіи своему дядѣ писалъ:

Но что прелестнѣй и живѣй
Войны, сраженій и *пожаровъ (!)*,
Кровавыхъ и пустыхъ (!) полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
И что завиднѣй бранныхъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что—скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.

Но голосъ благоразумія пересилилъ порывы африканской натуры поэта, онъ согласился съ аргументами своего дяди, что

Парады, караулъ, ученье—
Все это оды не внушитъ,
А только душу изсушитъ,

и отказался отъ военной службы, предоставивъ себѣ «уединенье и свободу».

Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера,
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассесора,

говорилъ Пушкинъ въ своемъ обращеніи «Къ товарищамъ» передъ выпускомъ. Такому самоотреченію помогло и то обстоятельство, что отецъ Пушкина рѣшительно отказался содержать сына въ кавалеристахъ, а служить въ гвардейской пѣхотѣ самъ поэтъ не хотѣлъ. Но до окончательнаго отказа Пушкина отъ военной карьеры было еще далеко. Кромѣ дяди отговаривалъ Пушкина отъ поступленія на военную службу и извѣстный генералъ А. Ѳ. Орловъ. Въ посланіи къ нему поэтъ писалъ въ 1819 году:

Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля—суеты.

«Когда-жъ возстанетъ»,—говорится въ томъ же посланіи,—

Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину міръ полей...
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

Воинственное настроеніе Пушкина особенно усилилось во время его пребыванія на югѣ Россіи. Подъ вліяніемъ этого настроенія, навѣяннаго, можетъ быть, кавказскими впечатлѣніями, Пушкинъ написалъ въ 1820 г. одно изъ самыхъ воинственныхъ своихъ произведеній.

Мнѣ бой знакомъ—люблю языкъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

Въ слѣдующемъ году Пушкинъ горячо привѣтствовалъ возстаніе Ипсиланти и собирался лично стать въ ряды защитниковъ Греціи и «причаститься кровавой чашей». Въ это время написано и стихотвореніе «Война», гдѣ поэтъ радостно восклицаетъ:

Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ,

и выражаетъ надежду на то, что «предметы гордыхъ пѣснопѣній разбудятъ мой уснувшій геній».

Если первое изъ приведенныхъ стихотвореній является рѣшительнымъ дифирамбомъ войнѣ ради войны, то второе изъ нихъ, помимо своей связи съ греческимъ возстаніемъ, въ значительной степени объясняется и тѣмъ мрачнымъ состояніемъ духа, которое переживалъ Пушкинъ въ южной Россіи. «Ужель ни бранный шумъ»,—спрашиваетъ поэтъ въ концѣ этого стихотворенія:—

Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?

Принять активное участіе въ освобожденіи Греціи Пушкину не удалось, и скоро подъ вліяніемъ непосредственнаго знакомства со сподвижниками Ипсиланти въ Одессѣ, Греція ему «огадѣла». Въ 1828 г., когда открылась война за освобожденіе «страны героевъ и боговъ», Пушкинъ просился въ дѣйствующую армію на Дунай; но просьба эта вызвана была не мечтами о военной славѣ, съ которыми поэтъ распростился уже давно, а черезчуръ отеческой опекой графа Бенкендорфа, отъ котораго Пушкинъ не прочь былъ уѣхать даже въ Китай. Тѣ же самыя побужденія въ связи съ любовными неудачами заставили Пушкина совершить и путешествіе въ Эрзерумъ на театръ военныхъ дѣйствій въ 1829 году. Послѣ женитьбы Пушкинъ смотрѣлъ уже на военную службу, какъ на верхъ несчастія: въ одномъ изъ писемъ къ женѣ подъ вліяніемъ ревности онъ полу-шутя грозилъ развестись и уйти «въ солдаты съ горя».

Прослѣдивши борьбу благоразумія съ пылкой натурой поэта по автобіографическимъ его стихотвореніямъ, посмотримъ, какъ относится Пушкинъ къ войнѣ въ болѣе объективныхъ и болѣе зрѣлыхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ первомъ своемъ крупномъ произведеніи «Русланъ и Людмила», написанномъ по выходѣ изъ лицея, молодой поэтъ категорически высказывается противъ военной славы. Въ началѣ второй пѣсни онъ отъ своего имени иронически говоритъ:

Соперники въ искусствѣ брани,
Не зная мира межъ собой;
Несите *мрачной* славѣ дани
И упивайтеся враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣетъ,
Дивяся грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.

Въ третьей пѣснѣ этой поэмы находится прекрасная элегія Руслана, навѣянная полемъ битвы. Въ пятой пѣснѣ Ратмиръ громитъ стремленіе къ военной славѣ:

Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ...
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани
И вѣрнымъ счастіемъ богатъ.

Воинственное настроеніе Пушкина, охватившее его на югѣ Россіи, отразилось и въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», особенно въ эпилогѣ этой поэмы, гдѣ поэтъ заявилъ о своемъ намѣреніи воспѣть героевъ кавказскихъ войнъ. Но и въ этотъ самый воинственный періодъ своей жизни великій поэтъ нашелъ въ себѣ достаточно благоразумія, чтобы осудить войну въ лицѣ одного изъ величайшихъ ея героевъ. «Кровавая память», «ненависть народовъ», «проклятіе племенъ», «зло воинственныхъ чудесъ»—вотъ какія выраженія встрѣчаются въ одѣ Пушкина «Наполеонъ», написанной въ 1821 г.

Въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» даже дикихъ татаръ Пушкинъ заставляетъ предпочитать «мирную нѣгу» «кровавой войнѣ» и «ужаснымъ набѣгамъ». Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» великій поэтъ относится съ нескрываемой ироніей къ представителямъ военнаго сословія. Достаточно напомнить характеристику Зарѣцкаго.

Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный...
. . . . . и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный...

Въ «Борисѣ Годуновѣ» самозванецъ охлаждаетъ воинственный пылъ князя Курбскаго словами: «кровь русская, о Курбскій, потечетъ» и слагаетъ грѣхъ войны на Бориса. Въ «Полтавѣ» Пушкинъ художественно изобразилъ Полтавскую битву и не скрылъ своихъ радостныхъ чувствъ при видѣ побѣды русскихъ. Но эта побѣда радуетъ поэта, не какъ бойца побѣдителя, а какъ гражданина того государства, которое обязано этому кровавому событію новыми путями своего культурнаго развитія. Точно также и Петръ Великій идеализированъ въ Полтавѣ не какъ герой войны, а какъ создатель новой Россіи, и съ этой стороны противопоставленъ Карлу XII, оставившему въ исторіи «кровавый слѣдъ насилій, бѣдствій и побѣдъ». «Войны же Петра Великаго—говорится въ одной изъ замѣтокъ Пушкина—были благодѣтельны и плодотворны. Успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы».

«Путешествіе въ Эрзерумъ» замѣчательно заявленіемъ Пушкина о недостаточности одной силы оружія для окончательнаго замиренія Кавказа. На помощь грубой силѣ, по мнѣнію поэта, должна явиться мирная культура. «Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію—писалъ Пушкинъ о черкесахъ:—самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть наконецъ средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія... Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ».

Въ остальныхъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ прозой, и война, и военная служба, и военное сословіе изображены такъ иронически и прозаически, что трудно допустить, чтобы чье-нибудь юное сердце плѣнилось перспективою войны съ бандами Пугачева или нашло симпатичными тѣхъ представителей военнаго сословія, которые выведены, напримѣръ, въ повѣстяхъ Бѣлкина. Бреттеръ Сильвіо, бывшій первымъ буяномъ въ арміи и перепившій Бурцова, вос-

пѣтаго Давыдовымъ;—Бурминъ, не задумавшій повѣнчаться съ чужой невѣстой; Минскій, похитившій дочь станціоннаго смотрителя—вотъ представители военной молодежи первой половины XIX вѣка, при томъ представители далеко не худшіе. Если къ нимъ прибавить Германа, способнаго на всевозможныя подлости ради скораго обогащенія, Зурина, подпоившаго Гринева, чтобы вѣрнѣе обыграть его, и наконецъ, совершенно погибшаго Швабрина, то получится цѣлая галлерея военныхъ, среди которыхъ совершенно теряются симпатичные образы Гринева и капитана Миронова. И жизнь военной молодежи въ мирное время повѣсти Пушкина изображаютъ довольно непривлекательными красками. «Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ—ученье, манежъ; обѣдъ—у полкового командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ—пуншъ и карты». Такъ начинается повѣсть «Выстрѣлъ», главнымъ героемъ которой является упомянутый Сильвіо. Не лучше и жизнь гвардейскаго офицера, судя по началу «Пиковой дамы». «Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра» и т. д. Недаромъ говоритъ отецъ Гринева: «чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать».

Обратившись къ лирическимъ произведеніямъ Пушкина, созданнымъ въ зрѣлый періодъ его жизни, мы вовсе не найдемъ данныхъ, чтобы считать нашего великаго поэта пѣвцомъ войны ради войны. Когда въ 1829 г. Пушкинъ уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій, въ газетахъ писали: «Теперь читающая публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго?» Но любимецъ воинственно настроенной публики обманулъ ея ожиданія. Правда, подъ вліяніемъ военныхъ впечатлѣній онъ написалъ нѣсколько пьесъ, но эти стихотворенія не могли удовлетворить поклонниковъ войны. «Делибашъ» изображаетъ безславную и безполезную гибель двухъ жертвъ безразсудной удали. Пьеса «Былъ и я среди донцовъ, гналъ и я османовъ шайку» носитъ шуточный характеръ. Бой барабана заставляетъ Пушкина прекратить чтеніе Данта и унестись мыслями, но не на поле битвы, а въ Царское Село. Наконецъ, въ это же время написано стихотвореніе: «Не плѣняйся бранной славой». Позднѣе Пушкинъ возмутился печатнымъ заявленіемъ одного француза, что будто бы онъ, Пушкинъ, явился въ Малую Азію, чтобы воспѣвать подвиги своихъ соотечественниковъ. «Пріѣхать на войну—говорится въ предисловіи къ «Путешествію въ Эрзерумъ»—съ тѣмъ, чтобы воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня... слишкомъ *непристойно*».

Вѣрный такому убѣжденію, великій поэтъ, не смотря на свою близость ко двору, не написалъ почти ни одной оды въ честь побѣдъ, одержаннымъ русскимъ оружіемъ въ царствованіе императора Николая I. Единственнымъ исключеніемъ является «Бородинская годовщина», да и та написана при исключительныхъ обстоятельствахъ. Гуманный поэтъ, мечтавшій съ Мицкевичемъ «о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», не могъ не сожалѣть о кровавыхъ столкновеніяхъ съ поляками. Не разгромомъ Польши вызваны оды: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина», а возмутительными рѣчами «мучителей палатъ» и «легкоязычныхъ витій» по адресу Россіи. Характерно для величайшаго русскаго поэта, что даже въ этихъ, по выраженію Писарева, «въ буквальномъ смыслѣ слова воинственныхъ стихотвореніяхъ» Пушкинъ далекъ отъ угрозъ Европѣ *наступательной* войной, а по отношенію къ Польшѣ онъ является проповѣдникомъ примиренія, что особенно важно было въ ту эпоху:

Въ бореньи падшій невредимъ:
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;

Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ,
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ *пѣснь обиды*
Отъ лиры русскаю пѣвца.

Соединеніе горячаго патріотизма съ духомъ истинной гуманности въ этихъ одахъ не укрылось отъ Бѣлинскаго, и великій критикъ не задумался рекомендовать русскому юношеству чтеніе этихъ «воинственныхъ» произведеній.

Вообще, далекій отъ радикальной проповѣди: «Долой оружіе»!—которая въ тотъ «жестокій вѣкъ» была бы не болѣе, какъ донъ-кихотствомъ,—Пушкинъ въ зрѣлый періодъ своего творчества допускалъ войну, только какъ неизбѣжное зло. Такими неизбѣжными войнами онъ считалъ войны для защиты отечества отъ иноземныхъ нашествій и войны освободительныя. Неудивительно поэтому, что великій поэтъ сдѣлался пѣвцомъ героевъ Отечественной войны и историкомъ того патріотическаго воодушевленія, которое охватило Россію въ эпоху нашествія Наполеона. Вполнѣ понятно также, что какъ въ 1823 г. Пушкинъ призывалъ грековъ къ возстанію («Востань, о Грецiя, возстань!.. Страна героевъ и боговъ, расторгни рабскія вериги!»), такъ въ 1831 г. гордился тѣмъ, что русскіе «кровью искупили Европы вольность, честь и миръ».

Кромѣ войнъ освободительныхъ и оборонительныхъ Пушкинъ допускалъ еще и войны ради распространенія высшей культуры. Съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на войны Петра Великаго и на завоеваніе Кавказа.

Подводя итоги отношеніямъ Пушкина къ войнѣ, нельзя не признать, что если въ юности пламенная натура поэта находила «упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю», то его геніальный умъ и гуманное чувство возмущались впослѣдствіи «зломъ воинственныхъ чудесъ», связанныхъ не только съ убійствами, пожарами и грабежами, но и съ праздной жизнью молодежи въ мирное время, и съ рекрутствомъ, которое Пушкинъ считалъ «тягчайшей изъ повинностей народныхъ». Отказавшись отъ дипломатическаго поприща, великій поэтъ не жалѣлъ о томъ, что ему не суждено было «мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать», и своими произведеніями онъ сдѣлалъ для мира гораздо болѣе того, что онъ могъ бы сдѣлать въ роли дипломата при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Онъ пробуждалъ лирой «добрыя чувства», осуждалъ «зло воинственныхъ чудесъ», и рисовалъ идеалъ будущаго,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

С. Ашевскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

На голодѣ. Изъ многочисленныхъ, печатающихся въ газетахъ отчетовъ объ организаціи помощи голодающему населенію, особенный интересъ представляетъ отчетъ Льва Львовича Толстого («Спб. Вѣд.»), выдержки изъ котораго мы и приведемъ здѣсь.

Л. Л. Толстой лично былъ въ Самарской губ. постомъ и слѣдующимъ образомъ резюмируетъ вынесенныя оттуда впечатлѣнія:

«Вопросъ: — лучше или хуже стало положеніе крестьянъ съ голоднаго 1891—1892 года, въ знакомой мнѣ съ тѣхъ поръ мѣстности.—особенно занималъ меня, когда я ѣхалъ въ нынѣшнемъ году въ Самару. По слухамъ, шедшимъ оттуда. ничего отраднаго нельзя было ожидать. Однако, мнѣ хотѣлось самому провѣрить эти слухи на мѣстѣ.

«Теперь могу смѣло и правдиво отвѣтить на поставленный мной выше вопросъ. Могу отвѣтить, что положеніе крестьянъ Петровской волости, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи стало не лучше, а хуже съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея. И это— не голословное заключеніе, ни на чемъ не основанное, а истина, подтверждающаяся новыми наблюденіями. Она наглядно обнаруживается слѣдующими тремя признаками, прежде всего бросающимися въ глаза. Я не видалъ въ Петровской волости ни одной мало-мальски порядочной новой деревянной избы. Это — первое. Если и возникли новыя жилища у крестьянъ съ памятнаго голоднаго года, то это—не избы, а тѣ же несчастныя, сырыя и темныя мазанки, типъ которыхъ знакомъ всякому, побывавшему въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ.

«Вторымъ признакомъ того, что положеніе народа стало хуже, служитъ все увеличивающееся число безлошадныхъ крестьянъ; по общему голосу схода, съ которымъ мнѣ пришлось говорить, въ с. Петровки, 1/2 этого села состоитъ изъ безлошадниковъ. Это—второе. Правда, земство раздаетъ теперь или уже раздало казенныхъ лошадей безлошаднымъ крестьянамъ, но это—только капля въ морѣ. На Петровскую волость придется всего 18 лошадей, какъ мнѣ говорили: что же это составляетъ для всей волости, когда въ одной Петровкѣ изъ 400 дворовъ, 100, по меньшей мѣрѣ, безъ лошадей? Въ связи съ убылью лошадей въ селахъ, конечно, въ одинаковой пропорціи замѣчается и есть убыль скота всякаго рода...

«Третье, что поразило меня, за послѣднюю мою поѣздку въ Бузулукскій уѣздъ, это—усиленное переселенческое движеніе отсюда, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ о переселеніи раньше и не помышляли, и куда еще недавно новые поселенцы сами стремились.

«Это—тоже крупный и очень характерный симптомъ современной народной нужды. При существующемъ дешевомъ тарифѣ жел. дорогъ и, болѣе или менѣе

организованной помощи переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ, народъ валомъ-повалилъ туда, надѣясь найти тамъ лучшія условія жизни. Отъ хорошей жизни не побѣжишь, отъ добра добра не ищутъ, и народъ бѣжитъ, конечно, только отъ своего горя, голодовокъ и нищеты... Въ этомъ бѣганіи лежитъ, съ одной стороны, спасеніе народу, обнищавшему на старыхъ мѣстахъ, исковырявшему безпощадно и истощившему старую почву, съ другой—въ бродячемъ духѣ русскаго народа кроется одна изъ главныхъ причинъ его культурной отсталости и медленнаго движенія впередъ. Вмѣсто того, чтобы стараться какъ-нибудь перемѣнить отжившія, старыя формы, найти новые, лучшіе способы земледѣлія и землевладѣнія и замѣнить ими первобытные, народъ и не задумывается надъ этимъ; не въ этомъ онъ видитъ причину своего обѣднѣнія, а въ недостаткѣ земли. И вотъ бѣжитъ онъ дальше въ новыя, еще дѣвственныя мѣста тамъ ковырять и портить землю, — пока и тамъ земля эта не откажется служить ему.»

Переходя къ положенію народа въ этомъ году, Л. Л. Толстой замѣчаетъ:

«Покажется страннымъ если сказать, что,—хотя голода такого нѣтъ тамъ, какой былъ въ 1891—1892 году,—нужды въ народѣ стало больше. Но, въ сущности, это—именно такъ. Голодъ былъ отъ страшной засухи, отъ того, что хлѣба не было въ Россіи, и онъ былъ въ высокой цѣнѣ; нужда есть и усиливается отъ прогрессивно падающаго народнаго хозяйства, причины чего надо искать не въ цѣнахъ на хлѣбъ и засухахъ, а въ чемъ-то другомъ. И, чтобы остановить это быстрое разореніе крестьянства, надо не дождя, и не диференціальнаго тарифа, а перестройки условій жизни и хозяйства народныхъ, основанной на принципахъ разума и логики, а не кажущейся выгодѣ и рутинѣ. Какъ голода, такъ и болѣзней—вродѣ повальныхъ эпидемій тифа.—нѣтъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ нынѣшнемъ году. Есть цынга, и ея довольно много,—цынга среди бѣднѣйшихъ жителей, какъ вѣрный признакъ ихъ хронической нужды и недоѣданія. Страшная эта болѣзнь! Страшнѣе тифа, холеры, чумы, страшнѣе всѣхъ болѣзней, которыя я знаю... Ножемъ рѣжетъ васъ по сердцу видъ этихъ больныхъ. И заболѣваютъ они цынгой не сразу. Много мѣсяцевъ, много лѣтъ, можетъ быть, ихъ организмы чахли и истощались, чтобы, наконецъ,—на высшей точкѣ этого истощенія,—стать жертвами свинцовыхъ кровоподтековъ, расшатанныхъ зубовъ и кровоточивыхъ десенъ. И вотъ, въ Патровской волости есть цынготные. Къ земскому врачу въ сосѣднемъ селѣ ежедневно приходитъ такіе больные, и къ веснѣ число ихъ все расло и растетъ.

«Я просилъ врача давать имъ отъ своего имени записки въ наши столовыя, по которымъ цынготные могли бы получать изъ нашихъ столовыхъ порціи горячей пищи.

«Когда я посѣтилъ одну изъ столовыхъ въ с. Патровкѣ, гдѣ дожидались меня голодные столующіеся, гдѣ кипѣлъ горячій кулешъ въ большомъ котлѣ и пахло вкуснымъ хлѣбомъ, я спросилъ у собравшихся, есть-ли въ селѣ больные...

«— Нѣтъ, этого нынѣче нѣтъ, слава Богу,—отвѣчали голоса.—Я спросилъ, нѣтъ-ли такихъ больныхъ, у которыхъ качаются зубы, болятъ десна. Худой мужикъ Ив. Кудринъ всталъ въ концѣ стола,—я узналъ его лицо по прошлому голодному году, — и сказалъ, что у него дома двѣ бабы жалуются на десны и что зубы у нихъ шатаются. Онѣ оказались цынготными. Толпа народа окружила меня въ столовой, прося и ихъ записать въ столовыя. Пришлось разбираться. Между тѣмъ, дѣти на рукахъ у матерей кричали, прося скорѣе кашки. Я сказалъ хозяину, чтобы наливали чашки, и черезъ минуту ѣда началась. Стали тепло благодарить меня. Я отвѣчалъ имъ, что «не меня благодарите, а добрыхъ людей». Старый солдатъ, сидѣвшій въ красномъ углу, всталъ и благодарилъ меня, говоря, что онъ не думалъ еще разъ увидаться.

Что особенно поразило меня въ Патровкѣ за это мое посѣщеніе ея, это количество сифилитиковъ. Вотъ цифры, зарегистрированныя земскимъ врачемъ въ журналѣ за періодъ послѣднихъ 4-хъ лѣтъ.

«Больныхъ сифилисомъ въ с. Патровкѣ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всѣхъ—190 человѣкъ, изъ нихъ дѣтей—около 60-ти человѣкъ. Въ заразномъ періодѣ—дѣтей 44 человѣка. Можно себѣ представить по этимъ даннымъ, какую почву находитъ эта зараза для своего распространенія! Спрашивается, что же дѣлается для прекращенія этой болѣзни, для борьбы съ ней? — Ровно ничего. Единственное, что намъ пришлось сдѣлать, это выдавать сифилитикамъ пищу на дома, не пуская ихъ въ столовыя.

«Хуже всего то, что всѣ эти несчастные—въ то же время и голые, безнадежные бѣдняки. Вотъ кабы ихъ по настоящему пожалѣли благотворители, кабы ими занялись, это было бы истинно христіанское дѣло. Мнѣ хочется сказать здѣсь также нѣсколько словъ объ инородцахъ Самарской губерніи,—особенно же о татарахъ, какъ самыхъ слабыхъ изъ нихъ, среди которыхъ, какъ извѣстно, не въ одной Самарской губерніи, рѣзче всего выразилась въ нынѣшнемъ году нужда. Татарскій вопросъ у насъ—сложное дѣло, которымъ давно пора бы заняться и привести его въ порядокъ. Самарскій губернаторъ А. С. Брянчаниновъ справедливо говорилъ мнѣ нынѣшней зимой, что татары, предоставленные самимъ себѣ, не могутъ толкомъ справляться со своими землями. Надъ ними нуженъ постоянный контроль, руководство. Кабы приставить къ нимъ особыхъ блюстителей ихъ интересовъ, могущихъ сдавать ихъ земли и вообще ладить дѣла,—какъ были уже этому удачные примѣры въ той же Самарской губерніи,—существованіе татаръ могло бы рѣзко измѣниться къ лучшему. Въ борьбѣ же съ пройдохами, русскими кулаками, въ непосильной зависимости отъ нихъ, татары постоянно угнетены и всячески отъ нихъ терпятъ»...

Для характеристики деревни, Л. Л. разсказываетъ интересные факты о мѣстномъ земскомъ начальникѣ:

«Земскій начальникъ села Патровки, напримѣръ,—какъ мнѣ разсказывали и жаловались всѣ мѣстные жители поголовно,—сажаетъ мужиковъ въ холодную за то, что они не снимаютъ предъ нимъ шапокъ или не сворачиваютъ съ обозомъ съ дороги. Онъ отказалъ большинству крестьянъ въ сѣменной ссудѣ за то, что эти крестьяне пришли поговорить со мной о своей нуждѣ на сельскомъ сходѣ. Онъ,—вмѣсто того, чтобы выслушать мужика, пришедшаго къ нему за ссудой,—кричитъ письмоводителю гнать мужика «въ шею и въ морду»! Къ сожалѣнію, этотъ земскій начальникъ не понимаетъ того, зачѣмъ онъ приставленъ къ народу, и народъ поэтому заброшенъ, одинокъ и жалокъ... Уѣзжая изъ Патровки на станцію, я ѣхалъ съ ямщикомъ, молодымъ патровскимъ мужикомъ. Я спросилъ его еще разъ: правда-ли и возможно-ли, чтобы ихъ земскій начальникъ сажалъ въ холодную за то, что мужики не сворачиваютъ съ дороги съ обозомъ и не снимаютъ шапокъ?

«Мужикъ отвѣчалъ мнѣ:

«— Это онъ только своихъ крѣпостныхъ, которыми онъ владаетъ, а другихъ не трогаетъ.

«Бѣдные крѣпостные! Это слово было сказано парнемъ такъ наивно, такъ просто, что видно было, что онъ дѣйствительно убѣжденъ въ своей закрѣпощенности къ земскому начальнику и иначе не смотритъ на него.

«Стало быть, не перевелось еще у насъ крѣпостное право?

«Стало быть, не такъ, такъ иначе оно должно царствовать у насъ съ сажаніемъ на холодныя, съ тѣлеснымъ наказаніемъ и съ другими своими аттрибутами? Боже мой! какъ это грустно, какъ больно мнѣ было слышать слова

патровскаго добродушнаго парня, свободнаго гражданина земли русской, везшаго меня степью на станцію»..

Фабричные безпорядки. 17 декабря прошлаго года на Шлиссельбургскомъ трактѣ происходили фабричныя волненія, сопровождавшіяся столкновеніемъ съ чинами полиціи. Дѣло это разсматривалось въ с.-петербургской судебной палатѣ и приговоръ, напечатанный въ газетахъ и прочитанный при открытыхъ дверяхъ, гласитъ такъ:

29—31 марта 1899 г. с.-петербургская судебная палата слушала дѣло о крестьянахъ: Ѳедорѣ Филипповѣ, Алексѣѣ Денисовѣ Якушевѣ, Иванѣ Платоновѣ Маловѣ и др., въ числѣ 15 человѣкъ, обв. по 13 и 271 ст. ул. о нак.

Въ порядкѣ, закономъ установленномъ, названныя 15 обвиняемыхъ преданы суду с.-петербургской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, по обвиненію въ томъ, что въ ночь на 17 декабря 1898 года, въ селѣ Смоленскомъ, подъ Петербургомъ, при появленіи въ корпусѣ № 63 Петровско-Спасской бумагопрядильной мануфактуры чиновъ полиціи, намѣревавшихся арестовать проживавшихъ въ корпусѣ нѣсколькихъ человѣкъ рабочихъ этой мануфактуры, произведшихъ днемъ 15 декабря нападеніе на надзирателя сыскной полиціи, согласились между собою и съ другими, оставшимися необнаруженными рабочими, силой воспрепятствовать полиціи проникнуть въ означенный корпусъ и, размѣстившись съ этой цѣлью вмѣстѣ съ другими рабочими на лѣстницѣ и на ея площадкахъ, стали бросать въ чиновъ полиціи полѣнья дровъ, табуреты, ведра, куски желѣза и т. п. предметы, вслѣдствіе каковыхъ насильственныхъ дѣйствій поименованныхъ лицъ, помощникъ пристава шлиссельбургскаго участка Миссюнасъ, околоточный надзиратель Яковлевъ и 14 человѣкъ низшихъ чиновъ полиціи получили болѣе или менѣе значительные ушибы, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13 и 271 ст. улож. о нак.

На судебномъ слѣдствіи всѣ поименованные подсудимые виновными себя въ предъявленномъ имъ обвиненіи не признали.

Изъ числа допрошенныхъ на судѣ подъ присягою свидѣтелей, приставъ шлиссельбургскаго участка Барачъ, бывшій помощникъ его Миссюнасъ, начальникъ полицейскаго резерва Галле и нижніе полицейскіе чины, въ количествѣ 15 человѣкъ, показаніями своими установили слѣдующее. Въ ночь на 14-е декабря 1898 года на Спасско-Петровской бумагопрядильной мануфактурѣ, находящейся въ мѣстности, называемой «село Смоленское», Шлиссельбургскаго участка, гор. С.-Петербурга, были разбросаны воззванія, приглашавшія рабочихъ устроить немедленно забастовку, съ цѣлью добиться улучшенія нѣкоторыхъ условій работы. Подъ вліяніемъ этихъ воззваній всѣ рабочіе названной мануфактуры, въ числѣ болѣе 2.000 человѣкъ, 14 декабря, послѣ обѣденнаго перерыва прекратили работы и разошлись по домамъ; на слѣдующій день, 15 декабря, рабочіе съ утра стали собираться группами на улицѣ близъ фабрики и послѣ переговоровъ съ прибывшимъ вскорѣ фабричнымъ инспекторомъ Шевалевымъ начали мало по малу расходиться; въ это время нѣсколько человѣкъ рабочихъ, встрѣтивъ на улицѣ надзирателя сыской полиціи Васильева, набросились на него и стали его бить; проѣзжавшій случайно мимо околоточный надзиратель Брызга поспѣшилъ на помощь къ Васильеву и успѣлъ задержать одного изъ нападавшихъ на послѣдняго—крестьянина Андрея Алексѣева, остальные же рабочіе успѣли разбѣжаться. Будучи доставленъ въ управленіе шлиссельбургскаго участка, Алексѣевъ указалъ, какъ на соучастниковъ въ нападеніи на Васильева, на рабочихъ: проживавшихъ въ принадлежащемъ названной мануфактурѣ домѣ № 63, населенномъ семейными рабочими. Такъ какъ, кромѣ того, названныя лица были замѣчены въ числѣ зачинщиковъ стачки и забастовки рабочихъ, то приставъ Шлиссельбургскаго участка, ротмистръ Барачъ, получилъ отъ своего

начальства приказаніе задержать ихъ. Съ этою цѣлью приставъ Барачъ въ двѣнадцатомъ часу ночи на 17-е декабря командировалъ околоточныхъ надзирателей Черепенка и Панина съ нѣсколькими городовыми. Вскорѣ, однако, командированные чины полиціи вернулись въ участокъ и доложили приставу, что не могли исполнить даннаго имъ порученія, такъ какъ къ этому не допустили ихъ криками и угрозами побить рабочіе, живущіе въ домѣ № 63. Тогда приставъ командировалъ помощника своего штабсъ-капитана Миссюнаса, съ тѣми же околоточными надзирателями и болѣе многочисленнымъ нарядомъ городовыхъ; но и Миссюнасу не удалось войти въ домъ, въ виду крайне возбужденнаго состоянія рабочихъ, угрожавшихъ разными насиліями. Прибывшій на мѣсто приставъ Барачъ засталъ рабочихъ, расположившимися частью у крыльца дома № 63, частью на лѣстницѣ и у оконъ. Въ этомъ домѣ проживало рабочихъ мужчинъ и женщинъ, не считая дѣтей, свыше 700 человѣкъ. Всѣ окна дома были освѣщены, рабочіе же кричали, свистали, стоялъ общій гулъ, среди котораго иногда удавалось различить отдѣльныя угрозы и ругательства. Видя себя въ невозможности при такихъ обстоятельствахъ съ имѣвшимися въ его распоряженіи чинами полиціи исполнить приказаніе начальства о заарестованіи вышепоименованныхъ рабочихъ, приставъ Барачъ доложилъ объ этомъ по телефону градоначальнику. По распоряженію послѣдняго, на мѣсто прибыли усиленные наряды пѣшей и конной полиціи, въ количествѣ около 300 человѣкъ, и эскадронъ жандармовъ, а также полиціймейстеръ III отдѣленія подполковникъ Палибинъ, который и приказалъ пѣшему наряду полиціи занять домъ для водворенія порядка. Когда команда городовыхъ, подъ начальствомъ старшихъ чиновъ полиціи, направилась ко внутренней лѣстницѣ дома, то рабочіе, размѣстившись какъ на самой лѣстницѣ, такъ и на всѣхъ ея площадкахъ, стали бросать въ городовыхъ полѣнья дровъ, пустыя ведра, куски желѣза, табуреты и даже лили сверху горячую воду. Первая партія городовыхъ, человѣкъ около 30-ти, подвергаясь серьезной опасности и прикрываясь снятыми съ петель дверями отъ сыпавшихся градомъ полѣньевъ, успѣла добраться до первой площадки и занять первый этажъ дома; тѣмъ же путемъ были заняты затѣмъ полиціею и остальные четыре этажа, причемъ, при занятіи каждаго этажа рабочіе, живущіе въ немъ, разбѣгались по корридорамъ и укрывались въ своихъ комнатахъ. Лишь около 4-хъ часовъ утра полиціи удалось водворить въ домѣ порядокъ. Во время описаннаго восхожденія полиціи по лѣстницѣ, помощникъ пристава Миссюнасъ получилъ удары однимъ полѣномъ по ногамъ и другимъ по головѣ, вслѣдствіе чего у него закружилась голова, и онъ скатился по лѣстницѣ внизъ; фельдфебелю Нечипоренко была разсѣчена до крови бровь, околоточному надзирателю Яковлеву упавшимъ полѣномъ сильно ушибло ногу; кромѣ того, 13 человѣкъ городовыхъ получили болѣе или менѣе значительныя поврежденія головы, груди, ногъ и рукъ. Къ этому всѣ спрошенные чины полиціи добавили, что въ сопротивлявшейся толпѣ они въ лицо никого не примѣтили и не могутъ указать отдѣльныхъ участниковъ сопротивленія.

Обсудивъ изложенное, судебная палата находитъ, что въ описанныхъ дѣйствіяхъ рабочихъ, проживающихъ въ домѣ № 63 Спасско-Петровской мануфактуры, заключаются всѣ признаки явнаго, сопровождавшагося насильственными дѣйствіями, сопротивленія правительствомъ установленной власти, а именно чинамъ с.-петербургской городской полиціи, при отправленіи этими чинами должности, въ предѣлахъ, предоставленныхъ имъ по закону.

Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію названнымъ подсудимымъ слѣдуемыхъ имъ по закону наказаній, судебная палата находитъ, что на основаніи 271 ст. улож. о нак. виновные подлежатъ: или лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по 3, 4 или 5-й степени 31 ст. улож., или заключенію

въ тюрьмѣ на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ, на основаніи ст. 50 улож., правъ и преимуществъ, или же заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ;

что представляется правильнымъ для подсудимыхъ Филиппова, Якушева, Малова, Николаева, Птюшкина, Козлова и Дроздова избрать изъ указанныхъ въ 271 ст. наказаній—наказаніе по 1 степ. 36 ст. улож.;

что въ виду крайняго невѣжества названныхъ подсудимыхъ является справедливымъ понизить опредѣленное имъ наказаніе на двѣ степени и назначить таковое: Филиппову въ низшей мѣрѣ, а остальнымъ —въ средней, и именно заключить въ тюрьму: Ѳедора Филиппова на восемь мѣсяцевъ, а Алексѣя Якушева, Ивана Малова, Петра Николаева, Арсенія Птюшкина, Ефима Козлова и Ѳому Дроздова—на одинъ годъ каждаго,

и что въ отношеніи подсудимыхъ Ирины Шумилиной, Ирины Васильевой, Маріи Ястребовой и Елены Петровой представляется справедливымъ избрать изъ означенныхъ въ 271 ст. наказаній — наказаніе по 3 степ. 38 ст. улож., понизить это наказаніе, въ виду крайняго невѣжества подсудимыхъ на одну степень и, перейдя къ 1 степ. 39 ст ул., назначить имъ наказаніе въ низшей мѣрѣ, а именно подвергнуть ихъ, за силою 58 ст. улож., аресту при полиціи на три недѣли каждую.

Что же касается подсудимыхъ Василія Кириллова Волкова, Арсенія Кузьмина Ястребова, Ивана Гаврилова и Григорія Адріанова Григорьева, то, имѣя въ виду, что основаніемъ къ преданію первыхъ трехъ суду послужили данныя на предварительномъ слѣдствіи показанія свидѣтелей Марка Иванова и Савватія Сорокина, удостовѣрившихъ, что названные подсудимые принимали непосредственное участіе въ сопротивленіи чинамъ полиціи въ ночь на 17-е декабря; что на судѣ, подъ присягою, Ивановъ и Сорокинъ заявили, что они ошибочно при слѣдствіи указали на этихъ лицъ, а что въ дѣйствительности они, свидѣтели, не видѣли ихъ въ числѣ сопротивлявшихся; что въ отношеніи Григорія Григорьева имѣется лишь показаніе свидѣтеля Егора Батурина, удостовѣрившаго только, что Григорьевъ вбѣжалъ въ его кухню вмѣстѣ съ подсудимымъ Дроздовымъ, и что это одно обстоятельство, при отсутствіи другихъ данныхъ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію Григорьева, — особое присутствіе судебной палаты признаетъ предъявленное къ подсудимымъ Василію Волкову, Арсенію Ястребову, Ивану Гаврилову и Григорію Григорьеву обвиненіе недоказаннымъ и всѣхъ ихъ въ приписываемомъ имъ по настоящему дѣлу преступленіи невиновными.

Еврейскіе безпорядки въ Николаевѣ. Корреспондентъ «Спб. Вѣдомостей» даетъ слѣдующую картину еврейскихъ безпорядковъ, происходившихъ въ Николаевѣ на Пасху.

«Безпорядки начались вечеромъ, 19 апрѣля. Первый день Св. Христова Воскресенья прошелъ мирно и тихо. Много толпилось пьяныхъ, галдѣвшихъ и пѣвшихъ; но это—обычное праздничное явленіе. Рабочіе скоплялись около винныхъ лавокъ. На второй день праздника св. Пасхи, близъ Сѣнной площади, толпа рабочихъ, собравшихся около винной лавки, затѣяла драку съ евреями, торговавшими содовой водой, папиросами и тому под. Рабочіе накидывались на евреевъ, били ихъ, переворачивали ихъ деревянныя будочки. Зачинщиками безпорядковъ были мальчуганы и подростки. Они забѣгали впередъ, бросали камни въ окна еврейскихъ домовъ, накидывались на попадавшихся евреевъ. Тѣ отбивались, защищались, какъ могли, прятались, запирали лавки, двери. Пьяная, дико ревущая толпа все росла и росла и запружала широкой лавиной всѣ улицы. Съ базара рабочіе шли густою толпою къ центру города, ломая и разбивая все,

что попадалось подъ рукою еврейскаго, разыскивая и разбивая еврейскія лавки, еврейскія квартиры. «Бей жидовъ, бей христопродавцевъ!»—слышались дикіе возгласы. Свистъ, гамъ нападающихъ, вопли и крики избиваемыхъ, грохотъ и гулъ отъ выбрасываемыхъ изъ оконъ мебели, рухляди и утвари... Стономъ стояли надъ городомъ дикіе возгласы разъяренной толпы. Впереди бѣжали мальчуганы, выискивая и высматривая еврейскія квартиры и лавки. Они-то и были застрѣльщиками и зачинщиками. За ними брела сплоченной массой толпа пьяныхъ рабочихъ, камни летѣли въ воздухѣ, стекла въ окнахъ въ мгновеніе ока разбивались въ дребезги, вылетали рамы, вышибались рамы. Толпа врывалась внутрь помѣщенія. Сверху летѣли столы, стулья, диваны, мелкій скарбъ. Внизу стоявшіе съ дикимъ крикомъ и гоготомъ набрасывались на выброшенные предметы, ломали ихъ, разрывали, разбивали на части. Летѣли дорогіе зеркала, ковры, диваны, кровати. При громкихъ кликахъ разъяренной толпы выброшено было со второго этажа піанино и сейчасъ же разбито, разломано вдребезги. Подушки и пуховыя перины разрывались и распарывались. Выпускать изъ нихъ пухъ доставляло громадное удовольствіе толпѣ. Пухъ разлетался далеко по вѣтру, устилая бѣлымъ покровомъ, словно снѣгомъ, тротуары улицъ.

«На первыхъ порахъ безпорядки застали врасплохъ полицію. Небольшой наличный составъ городовыхъ не имѣлъ возможности сдержать напоръ бушующей толпы. Рабочихъ были массы, они ходили сплоченной гурьбою. Неудержимымъ напоромъ тысячной толпы городовые были смяты, сбиты. Вечеромъ, 19 апрѣля, не принималось никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ безпорядковъ, войскъ не было видно. Лишь дѣйствовали усиленные наряды городовыхъ да кое-гдѣ разъѣзжали казаки, которые ничего ровно не могли подѣлать противъ несмѣтной толпы, стоявшей стѣною и вплотную запружавшей улицы. Буянамъ было полное раздолье.

«Только 20 апрѣля вызваны были съ ранняго утра войска. Всѣ команды съ пароходовъ, казаки, резервный батальонъ призваны были къ охранѣ порядка. Вызванъ былъ изъ казармъ весь Прагскій полкъ. Участниковъ погрома начали арестовывать. Скопища разгоняли казаки. Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ были еврейскія лавки и дома, ставили для охраны взводы солдатъ. Толпа оказывала слабое сопротивленіе воинскимъ командамъ. Летѣли въ солдатъ обломки мебели, камни но затѣмъ, подъ натискомъ военной силы, толпа разбѣгалась во всѣ стороны, чтобы сплотиться вновь и продолжать дѣло разрушенія. Бушевавшихъ рабочихъ окружали, оцѣпляли со всѣхъ сторонъ казаки и загоняли во дворы полицейскихъ участковъ. При арестахъ было много ранено казаковъ и солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ были сбиты съ лошадей и получили серьезные ушибы въ голову камнями. Къ вечеру 20 апрѣля было арестовано около 800 чел. Безпорядки къ ночи прекратились.

«По городу разъѣзжалъ, окруженный казаками, и. д. Николаевскаго военнаго губернатора, контръ-адмиралъ Ѳедоровъ, полиціймейстеръ и др. власти.

«У воротъ полицейскихъ участковъ, гдѣ содержатся арестованные рабочіе, стояли толпами ихъ жены, родные. Бабы выли, причитали, ругались. Слышатся ругань, угрозы, въ ворота летятъ камни, комья грязи. На ихъ крики слышится шумный откликъ арестованныхъ во дворѣ. Николаевскія жены мастеровыхъ и рабочихъ представляютъ изъ себя типъ особаго уклада и повадки. Жены и дочери матросовъ, онѣ унаслѣдовали отъ моряковъ воинственность, необычайную крѣпость мускуловъ, смѣлость, отвагу. Николаевскія «дамы» съ любымъ мужчиной вступятъ въ рукопашный бой и неизвѣстно еще, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Можно судить поэтому, какую осаду выдерживали полицейскіе участки со стороны женщинъ, выступившихъ на защиту арестованныхъ.

«Особенному разгрому подтвергся домъ Либина, подрядчика по замощенію улицъ. Громилами были рабочіе другихъ конкуррентовъ Либина. У Либина

убытковъ тысячъ на 20. Либинъ спасся благодаря тому, что спрятался въ погребѣ. Грабежа не было, за исключеніемъ одного случая. Встрѣтивъ на улицѣ еврейку, толпа потребовала, чтобы она сняла съ пальцевъ 6 золотыхъ колецъ, что та и сдѣлала. Съ встрѣчавшимися евреями жестоко не расправлялись. Надъ ними больше издѣвались, хотя наносили и побои. 21-го апрѣля разгромили магазины на Сѣнной и базарѣ. Здѣсь уже таскали товары. Задерживали парней, на которыхъ было по нѣсколько костюмовъ. У иныхъ находили цѣлыя штуки товаровъ. 22-го апрѣля прибыли крестьне окрестныхъ деревень: Варваровки, Богоявленска, съ бабами и мѣшками. Прибыли «поживиться», но ихъ сейчасъ же выпроводили изъ города. По дорогѣ они разнесли сторожку при еврейскомъ кладбищѣ и повредили нѣкоторые памятники. Торговля въ городѣ прекращена. Магазины закрыты до 28-го апрѣля. Въ больницѣ нѣсколько раненыхъ. Арестованныхъ свыше 400 человѣкъ.»

Погромъ продолжался три дня. Убытки города простираются до 300 тыс. рублей. Большихъ несчастій съ людьми не было, но раненые камнями и притомъ раненые тяжело—есть. Убитъ одинъ еврей, принимавшій участіе въ грабежѣ и въ погромѣ еврейскаго дома.

Кстати, приведемъ слѣдующее изумительное извѣстіе, появившееся въ «Новомъ Времени»:

«Всѣ харьковскіе дачевладѣльцы обязаны уѣздною полиціей особыми подписками не отдавать ихъ дачъ въ наемъ лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Исключеніе, по словамъ «Южн. Края», можетъ быть сдѣлано въ этомъ случаѣ только тѣмъ евреямъ, которые или сами больны, или же члены ихъ семейства, и по роду болѣзни, удостовѣренной врачемъ, нуждаются въ климатическомъ леченіи».

Воспоминанія о Салтыковѣ. 26 апрѣля исполнилось десятилѣтіе со дня смерти Михаила Евграфовича Салтыкова. Въ «Сынѣ Отечества» появились интересныя воспоминанія о немъ г-на Пантелѣева. Приведемъ нѣкоторые, наиболѣе интересные отрывки изъ этихъ воспоминаній. О появленіи «Губернскихъ очерковъ», г-нъ Пантелѣевъ, со словъ Салтыкова, разсказываетъ слѣдующее:

«Губернскіе очерки» М. Е. написалъ въ 1856 г. въ Петербургѣ, проживая въ Волковскихъ номерахъ (Б. Конюшенная), въ которыхъ съ давнихъ поръ привыкли останавливаться сибиряки и пріѣзжіе изъ сѣверо-восточныхъ губерній, смежныхъ съ Сибирью. Окончивъ «Губернскіе очерки», М. Е. прежде всего далъ ихъ прочитать А. В. Дружинину. Отзывъ Дружинина былъ самый благопріятный: «вотъ вы стали на настоящую дорогу: это совсѣмъ не похоже на то, что писали прежде».—Черезъ Дружинина «Губернскіе очерки» были переданы Тургеневу. Послѣдній высказалъ мнѣніе, прямо противоположное:—это совсѣмъ не литература, а чортъ знаетъ что такое!

Вслѣдствіе такого отношенія Тургонева къ «Губернскимъ очеркамъ», Некрасовъ отказался принять ихъ въ «Современникъ», хотя отчасти тутъ играли роль и цензурныя соображенія. Въ Петербургѣ провести ихъ почти не представлялось возможности. Выручилъ судьбу «Губернскихъ очерковъ» В. П. Безобразовъ, товарищъ по лицею М. Е., съ которымъ онъ былъ въ то время въ очень близкихъ отношеніяхъ, даже жили вмѣстѣ. В. П. Безобразовъ высоко цѣнилъ «Губернскіе очерки», и участвуя въ «Русскомъ Вѣстникѣ», переслалъ ихъ М. Н. Каткову, который сразу понялъ выдающееся значеніе «Губерскихъ очерковъ» и съ радостію согласился напечатать ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Но безъ цензора Крузе первое крупное произведеніе М. Е. не скоро увидало бы свѣтъ, хотя съ треть все-таки было выкинуто. М. Е. не разъ говорилъ мнѣ, что корректуры безъ пропусковъ должны были сохраниться, но гдѣ—припомнить не могъ. Можетъ быть, онѣ и по сей день живы?

Къ слову о корректурахъ. М. Е. говорилъ (въ 1886 г.), что сохранились первоначальныя корректуры «Исторіи одного города», которая въ печати вышла съ большими сокращеніями. Гдѣ эти корректуры?

Необыкновенный успѣхъ «Губернскихъ очерковъ» подалъ мысль выпустить ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, какъ только окончено печатаніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это дѣло взялъ на себя М. Н. Катковъ. Отдѣльное изданіе разошлось быстро и дало М. Е. около 2.000 р.

— Этимъ я обязанъ Каткову; и вообще, за это время, могу только добромъ помянуть Каткова.

О своихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ Тургеневу, Салтыковъ разсказывалъ г. Пантелѣеву:—На литературномъ вечерѣ въ концѣ 1870 г. или началѣ 1871 г., устроенъ здѣшними французами въ пользу своихъ раненыхъ, я былъ, разсказывалъ М. Е., чтобы заявить свое сочувствіе французамъ. Тамъ встрѣтился съ Тургеневымъ, съ которымъ былъ не въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ и даже иногда проходился на его счетъ. Завидя меня, Тургеневъ самъ подошелъ ко мнѣ и при этомъ далъ мнѣ оттискъ своей статьи о моей «Исторіи одного города» (кажется, статья была напечатана въ англійскомъ «Атенеумѣ»). Тургеневъ сравнивалъ меня съ Свифтомъ. Я недавно перечиталъ Свифта; хотя при изданіи и была статья В. Скотта, все-же трудно понимать безъ комментаріевъ; потому онъ на меня и не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія.

— У насъ,—продолжалъ М. Е.—установилось такое понятіе о романѣ, что онъ безъ любовной завязки быть не можетъ, собственно это идетъ со времени Бальзака; ранѣе любовная завязка не составляла необходимаго условія романа, напр., Донъ-Кихотъ. Я считаю мои—«Современная идиллія», «Головлевы», «Дневникъ провинціала» и др. настоящими романами; въ нихъ, несмотря даже на то, что они составлены какъ-бы изъ отдѣльныхъ разсказовъ, взяты цѣлые періоды нашей жизни.

Возобновленныя въ 1871 г. отношенія съ Тургеневымъ еще болѣе скрѣпились съ 1875 году, когда М. Е. былъ за границей. Между ними происходила даже оживленная переписка.

У Тургенева въ Буживалѣ разъ М. Е. встрѣтился съ гр. Соллогубомъ, заранѣе просившимъ у Тургенева разрѣшенія прочитать ему свою новую пьесу. Началось чтеніе: въ пьесѣ было выставлено въ самомъ ужасномъ видѣ молодое поколѣніе; представители его являлись людьми, лишенными всякихъ нравственныхъ принциповъ, ворами, мошенниками. М. Е. нѣкоторое время слушалъ, хотя видно было, что пьеса Соллогуба глубоко возмущала его; наконецъ онъ не выдержалъ и разразился страшной бранью по адресу Соллогуба. Возбужденіе М. Е. дошло до высшей степени, и съ нимъ сдѣлался обморокъ. Все это такъ подѣйствовало на Соллогуба, что онъ тутъ же бросилъ свою пьесу въ каминъ.

Закрытіе «Отечественныхъ Записокъ» въ 1884 г. какъ громомъ поразило Салтыкова: въ первое время, говоритъ г. Пантелѣевъ, онъ даже опасался дальнѣйшихъ личныхъ непріятностей. Не задолго передъ тѣмъ я обратилъ вниманіе М. Е. на корреспонденцію въ «Daily News», въ которой М. Е. выставлялся, какъ глава республиканской партіи въ Россіи, очень хитро ведущій свои дѣла; при этомъ подробно разсказывалась фантастическая сцена обыска у него (легенда объ этомъ обыскѣ разнеслась по всей Россіи, хотя никакого обыска у М. Е. въ дѣйствительности никогда не было). М. Е. послалъ въ «Daily News» опроверженіе, справедливо указывая въ немъ, что никогда не стоялъ во главѣ какой-нибудь политической партіи, и всего менѣе республиканской, о которой въ Россіи никто и никогда не слыхалъ. Но ликвидація дѣла скоро отвлекла его вниманіе, и сначала казалось, что къ самому факту прекращенія журнала

онъ былъ нѣсколько равнодушенъ. Но когда все кончилось, онъ сталъ чувствовать своего рода одиночество, сиротство.

— Вы не можете себѣ представить,—говорилъ онъ,—какое для меня лищеніе, что я не могу ежемѣсячно говорить съ публикой и пригомъ, о чемъ хочу. Друзей у меня никогда не было (говоря такъ, М. Е., по меньшей мѣрѣ, забывалъ въ эту минуту о своихъ отношеніяхъ къ А. М. Унковскому, котораго въ душѣ считалъ самымъ близкимъ въ себѣ человѣкомъ); я жилъ только общеніемъ съ публикой. А теперь, какое одиночество! Въ «Вѣстникѣ Европы» меня печатаютъ («Пестрыя письма»—въ это время), но вѣдь я тамъ чужой, всѣ мои отношенія ограничиваются тѣмъ, что по временамъ ко мнѣ заѣзжаетъ Стасюлевичъ.

По закрытіи «Отечественныхъ Записокъ» М. Е. писалъ въ «Вѣстникѣ Европы», и «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Покойному П. А. Гайдебурову очень хотѣлось что-нибудь получить отъ М. Е. для книжекъ «Недѣли». Долго его покушенія были тщетны, наконецъ въ одну добрую минуту М. Е. далъ ему «Оброшеннаго», небольшую вещицу, но такую характерную и драгоцѣнную по автобіографическому значенію. М. Е., однако, скоро раскаялся въ своей уступчивости.

— Не мѣсто «Оброшенному» въ книжкахъ «Недѣли», кто его тамъ будетъ читать; чортъ знаетъ, какую глупость сдѣлалъ.

Дня черезъ три П. А. Гайдебуровъ пріѣзжаетъ къ М. Е. въ необычное время, вечеромъ. Сцена происходила при мнѣ.

— Вашъ разсказъ уже сверстанъ, только я думаю...—Тутъ П. А. нѣсколько замялся.

— Что жъ вы думаете, цензура не пропуститъ? — съ живостью прервалъ М. Е.

— Нѣтъ, въ цензурномъ отношеніи онъ не представляетъ никакихъ затрудненій. По моему, слѣдовало бы кое гдѣ сдѣлать нѣкоторыя редакціонныя поправки.

— Какого же рода?

— Встрѣчаются, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ удачныя выраженія, напр...— и тутъ Гайдебуровъ указалъ на нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, лучше было бы замѣнить другими, и даже указалъ какими.

Я ожидалъ взрыва со стороны М. Е.; къ удивленію, тотъ сдержался и только сухо отвѣчалъ.

— Не вижу никакой надобности измѣнять.

— Я вамъ завтра пошлю корректуру и отмѣчу мѣста, на которыя сейчасъ указывалъ,—закончилъ П. А. и съ этими словами откланялся.

Я тоже хотѣлъ сдѣлать, но М. Е. меня удержалъ.

— Нѣтъ, вы только подумайте: Гайдебуровъ вздумалъ меня исправлять! Я возьму назадъ «Оброшеннаго».

М. Е. такъ и сдѣлалъ; никакія просьбы Гайдебурова не перемѣнили его рѣшенія. Впослѣдствіи онъ далъ ему совсѣмъ незначительную вещь «Полковницкую дочь», да еще сказку «Неумытый трезоръ». Содержаніе послѣдней показалось П. А. не совсѣмъ понятнымъ, но, наученный опытомъ, онъ уже никакихъ разговоровъ съ М. Е. не заводилъ по этому поводу.

Интересенъ также разговоръ Салтыкова о его незаконченныхъ сказкахъ.

Не всѣ «сказки», задуманныя М. Е., онъ записалъ; случалось, что болѣзненное состояніе усиливалось и обрывало тему, которую онъ начиналъ обдумывать; становилось лучше—онъ брался за что-нибудь новое.

— У меня почти готовы три сказки; давно собираюсь по поводу одной изъ нихъ переговорить съ вами. Въ ней я переношу сцену дѣйствія въ Сибирь, и мнѣ хотѣлось бы знать, какое впечатлѣніе производитъ то время,

когда круглый день стоитъ ночь, а потомъ, наоборотъ.—Я не могъ удовлетворить любопытству М. Е., такъ какъ сѣвернѣе 63° не жилъ въ Сибири.

— Но почему васъ это интересуетъ?

— Дѣло въ томъ, что въ одной сказкѣ я вывожу личность, которая живетъ въ большомъ городѣ, принимаетъ сознательное и дѣятельное участіе въ ходѣ общественной жизни, сама на него вліяетъ, и вдругъ, по мановенію волшебства, оказывается среди сибирскихъ пустынь. Первое время она живетъ продолженіемъ тѣхъ интересовъ, которые только что вчера ее волновали, чувствуетъ себя, какъ бы въ средѣ борющихся страстей; но постепенно образы начинаютъ отодвигаться вдаль, какой-то туманъ спускается, вотъ едва выступаютъ очертанія прошлаго, наконецъ, все исчезаетъ, воцаряется мертвое молчаніе. Лишь изрѣдка въ непроглядную ночь слышится звонъ колокольчика проѣзжей тройки, и до него долетаютъ слова: «ты все еще не исправился?»

Но эта сказка никогда не было закончена; о ней потомъ М. Е. даже позабылъ.

«Тяжело было видѣть, говоритъ Пантелѣевъ, какъ физически страдалъ М. Е.; въ письмахъ его постоянно встрѣчаются строки, вродѣ слѣдующихъ: «...голова такъ слаба, что рѣшительно ничего не могу дѣлать. Вѣчный шумъ, точно прибой волнъ. Боюсь сойти съ ума», (29 мая 1887 г.); «...я чувствую себя ужасно. Каждое утро встаю съ мыслью: не лучше ли застрѣлиться». (5 іюня 86 г.).

Но еще тяжелѣе было слушать, когда онъ высказывалъ свои душевныя боли. Постепенно онъ сталъ приходить къ убѣжденію, что его болѣзнь хроническая, а не временный недугъ.

— Вы только подумайте, что мнѣ, можетъ быть, придется прожить нѣсколько лѣтъ, ничего не читая, не работая, не позволяя себѣ думать о чемъ-нибудь серьезномъ. Бываютъ минуты, что я боюсь сойти съ ума, да вѣрно этимъ и кончу. Мое положеніе ужасно: ни читать, ни писать не могу, цѣлый день думаю о пустякахъ; по временамъ находитъ такое странное физическое состояніе, что я долженъ употреблять всѣ усилія, чтобы подавить его.

— До сихъ поръ,—говорилъ въ другой разъ М. Е.,—я не зналъ, что такое тоска, бывало скучно и только. А теперь, я ношу въ себѣ эту тоску, какъ нѣчто постоянное, она не покидаетъ меня ни на минуту и угнетаетъ мое душевное состояніе окончательно. И вмѣстѣ съ тѣмъ, малѣйшіе пустяки, не стоющіе никакого вниманія, раздражаютъ меня (примѣръ—прислуга, собирающаяся выйти замужъ, да еще не ранѣе, какъ черезъ полгода). И этотъ шумъ, вѣчный звонъ въ ушахъ! вотъ цѣлую недѣлю гудитъ въ ушахъ—«Вдоль по улицѣ метелица мететъ», тутъ навѣрно сойдешь съ ума.

Пушкинская выставка. Въ академіи наукъ съ 15 мая по 25 была устроена Пушкинская выставка, описаніе которой, болѣе обстоятельное, заимствуемъ изъ газеты «Россія».

Матеріалы распредѣлялись по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) автографы, фотографическіе снимки съ автографовъ, какъ самого А. С. Пушкина, такъ и его ближайшихъ родныхъ, т. е. отца, матери, сестры—О. С. Павлищевой, и брата, Льва Сергѣевича; 2) журналы, издававшіеся при жизни Пушкина; 3) печатныя изданія его сочиненій до 1887 г., когда творчество великаго поэта сдѣлалось достояніемъ всей Россіи; 4) альманахи, альбомы и сборники иллюстрацій; 5) предметы, принадлежавшіе А. С. Пушкину или освященные памятью о немъ. Шестой и самый обширный отдѣлъ портретовъ и видовъ распадается на слѣдующія группы: портреты А. С. Пушкина; его изображенія въ скульптурѣ; виды мѣстностей и зданій связанныхъ съ его именъ; портреты родственниковъ; портреты, относящіеся къ лицейскому періоду; портреты современныхъ Пушкину

особъ царствующаго дома; портреты его начальниковъ; портреты дамъ, съ которыми онъ былъ закомъ и которыми такъ или иначе интересовался; портреты товарищей, друзей и современныхъ ему литераторовъ; портреты актеровъ, художниковъ и музыкантовъ пушкинскаго періода; портреты критиковъ, посвящавшихъ свои труды произведеніямъ А. С. Пушкина.

Четыре рукописи Пушкина доставлены изъ Императорской публичной библіотеки, въ томъ числѣ записная тетрадь начала двадцатыхъ годовъ, принадлежавшая первоначально опскуну дѣтей поэта, Н. И. Тарасенко-Отрѣшкову. Вторая рукопись озаглавлена: «Комедія о Царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ». Какое значеніе придавалъ этому труду геніальный авторъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ собственноручно сдѣланная имъ въ концѣ приписка: «3-го ноября 1825 г. конецъ комедіи въ ней же первая персонала царь Борисъ Годуновъ. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу Аминь». Весьма любопытна записная книжечка, относящаяся ко времени путешествія Пушкина въ Оренбургъ, въ 1833 г., и поступившая въ публичную библіотеку въ 1889 г. съ бумагами покойнаго А. А. Краевскаго, издателя «Отечественныхъ Записокъ» и «Голоса». На семи листкахъ книжки занесены матеріалы къ «Исторіи пугачевскаго бунта», замѣтки о самозванцѣ, отрывки изъ пѣсенъ о Пугачевѣ и разные рисунки, среди которыхъ выдѣляется видъ Смоленской горы съ домомъ историка Карамзина въ Симбирскѣ. Четвертая рукопись, «Сказка о золотомъ пѣтушкѣ», также снабжена русункомъ самого поэта, набросаннымъ чернилами въ видѣ заглавной виньетки. Рисунки Пушкина, выполненные большею частью весьма старательно, встрѣчаются, вообще, въ его рукописяхъ очень часто и представляютъ тѣмъ большій интересъ, что воспроизведена въ печати лишь ничтожная доля ихъ. Трудно понять, почему эта обильная область пушкинскаго образнаго творчества еще не нашла издателя.

Много рукописей Пушкина доставлено Л. Н. Майковымъ и его супругою, А. А. Майковой. Не перечисляя подробно автографовъ этого собранія, отмѣтимъ лишь наиболѣе выдающіеся: черновая знаменитой пьесы «Даръ напрасный, даръ случайный» (26-го мая, 1828 г.), написанной болѣзненнымъ, неровнымъ, несвойственнымъ Пушкину почеркомъ, вполнѣ гармонирующимъ съ пессимистическимъ настроеніемъ стихотворенія; черновой набросокъ стихотворенія: «Нѣтъ я не льстецъ, когда царю хвалу свободную слагаю»,—на оборотѣ наброска занесено четвертостишіе:

«Милый другъ! Отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ, новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ».

Подъ четвертостишіемъ Пушкинъ пять разъ оттиснулъ на сургучѣ свой перстень—талисманъ; отрывокъ изъ частью не напечатаннаго еще дневника Пушкина, начинающійся словами: «Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ» и помѣченный 15 октября 1827 года; рукописи многихъ лирическихъ стихотвореній, собственноручные перечни стихотвореній Пушкина, письма его, сдѣланная рукой поэта помѣтка на заглавномъ листѣ Брюсова календаря, списанный Пушкинымъ указъ Пугачева, рисунки поэта и пр.

Изъ остафьевскаго архива князей Вяземскихъ доставлена, въ числѣ другихъ автографовъ, графомъ С. Д. Шереметевымъ статья кн. П. А. Вяземскаго «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова», съ собственноручными замѣчаніями на нее Пушкина. Какъ чутко подмѣчалъ онъ всякую фальшь въ искусствѣ, характерно свидѣтельствуетъ сдѣланная имъ карандашная помѣтка противъ слѣдующей тирады кн. Вяземскаго: «Вотъ одна трагическая сторона поэмы Озеровой! Онъ съ искусствомъ умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему въ глубинѣ печальной души преступныя надежды, взаимную и про-

стосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, благородство и довѣрчивость Фингала, и сочеталъ въ одной картинѣ краски *добродѣтельной* страсти, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожадной мести, и хитрость злобной старости съ довѣрчивою смѣлостью добродѣтельной молодости». Пушкинъ подчеркнулъ карандашемъ отмѣченное курсивомъ слово «добродѣтельной» и написалъ сбоку: «Противуположности характеровъ вовсе не искусство—но пошлая пружина французской трагедіи!» Критическимъ чутьемъ своимъ онъ на голову переросъ даже даровитыхъ современниковъ, выработавъ въ себѣ безошибочное мѣрило художественной красоты, благодаря которому замѣчалъ всякое уклоненіе отъ естественности, не обольщаясь и столь яркимъ геніемъ, какъ Данте. Извѣстныя пародіи его на «Божественную Комедію», обличающія чрезмѣрную сгущенность красокъ пародируемаго подлинника, служатъ доказательствомъ необычайной проникновенности эстетическаго пониманія великаго поэта.

Утонченнымъ благородствомъ дышатъ строки, внесенныя Пушкинымъ въ выставленный тутъ-же альбомъ директора лицея Э. А. Энгельгардта, въ который лицеисты вписывали свои имена при выпускѣ: «Пріятно мнѣ думать, что увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между молодыхъ людей, которые обязаны вамъ щастливѣйшимъ годомъ жизни ихъ, вы скажете: въ лицеѣ не было неблагодарныхъ». Альбомъ съ этой драгоцѣнной для характеристики поэта надписью составляетъ собственность барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена.

Изъ собственнвй библіотеки Государя Императора доставлено два документа; письмо А. С. Пушкина П. А. Плетневу, написанное въ мартѣ 1826 г. Оно начинается словами: «Карамзинъ боленъ—милый мой, это хуже многаго; ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты».

Второй документъ—не воспроизведенная еще въ печати французская записка Пушкина къ Соломирскому слѣдующаго содержанія: «A l'instant si vous le desirez, venez avec un temoin. 15 Avr. P.».

Записка относится къ 1827 г, и припечатана перстнемъ «талисманомъ». Вызовъ, о которомъ въ ней говорится, не состоялся.

Тутъ же 21 листъ съ рисунками П. П. Соколова къ повѣсти Пушкина «Капитанская дочка». Прекрасно выполненные карандашомъ рисунки даровитаго художника составляютъ истинное украшеніе отдѣла иллюстрацій къ сочиненіямъ А. С. Пушкина.

Отъ президента академіи наукъ устроители выставки удостоились получить замѣчательный экземпляръ первыхъ шести главъ «Евгенія Онѣгина» издан. 1825—1828 гг., съ проклеенными между страницъ листками бѣлой бумаги, на которыхъ рукою А. С. Пушкина сдѣланы поправки. Кромѣ поправокъ, на этихъ листкахъ имѣются прекрасныя иллюстраціи къ тексту, нарисованныя самимъ поэтомъ. Такъ, напримѣръ, противъ словъ: «Она звалась Татьяной» набросана очаровательная героиня романа; противъ описанія сна Татьяны, нарисованы разныя чудовища—ракъ верхомъ на паукѣ, чертенята въ разныхъ позахъ и пр. Кромѣ того отъ президента академіи доставлены два автографа А. С. Пушкина: посланіе къ поэту—слѣпцу И. И. Козлову, 1825 г. (начинающееся словами: «Пѣвецъ! Когда передъ тобой...») и сонетъ «Не множествомъ картинъ безсмертныхъ мастеровъ», вписанный Пушкинымъ, въ Москвѣ, 30 августа 1830 г., на страницѣ 185—186 альбома, принадлежавшаго Юрію Никитичу Бартеневу. Посланіе къ Козлову пріобрѣтено отъ дочери автора «Чернеца», понынѣ живущей въ С.-Петербургѣ.

Отъ младшаго сына поэта, Григорія Александровича Пушкина, на выставку ожидаются изъ села Михайловскаго биллiардные шары, которыми игралъ поэтъ, и его сабля. Этимъ присыломъ пополнится весьма любопытная витрина вещей принадлежавшихъ А. С. Пушкину.

Изъ прочихъ достопримѣчательностей отдѣла автографовъ слѣдуетъ указать на доставленную Б. Я. Гротомъ рукопись перваго стихотворенія Пушкина «О, Делія драгая...», написаннаго въ 1812 г., когда юному поэту исполнилось лишь 12 лѣтъ,—на автографъ французскихъ стиховъ «Mon portrait» (1814 г.), принадлежащій Е. Д. Куломзиной, письмо Пушкина 1836 г. къ барону Геккерену-отцу, на французскомъ языкѣ, альбомъ П. А. Осиповой, съ выписаннымъ на 85 й стр. посвященнымъ ей стихотвореніемъ «Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ...»

П. Я. Дашковымъ доставлены автографы родственниковъ А. С. Пушкина: письмо матери поэта, Надежды Осиповны Пушкиной, 1827 г., французскіе стихи отца его, Сергѣя Львовича Пушкина, и французскіе стихи сестры—Ольги Сергѣевны Павлищевой. Изъ обильной коллекціи А. А. Майковой, супруги вице-президента академіи наукъ, выставлено письмо Сергѣя Львовича Пушкина отъ 16-го апрѣля 1830 г. къ сыну, касающееся женитьбы поэта на Н. Н. Гончаровой.

Пушкинъ въ сельскомъ населеніи. Ярославскій статистическій комитетъ предпринялъ изслѣдованіе вопроса, приняты ли сочиненія Пушкина въ народную массу и какъ они тамъ читаются. Результаты этого изслѣдованія сообщаются въ интересной статьѣ г. Свирщевскаго, напечатанной въ «Курьерѣ».

«Изслѣдованіе показало, что почти въ половинѣ школьныхъ районовъ Ярославской губерніи не оказалось «тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ признаковъ знакомства населенія (взрослаго) съ Пушкинымъ». Другими словами: Пушкинъ остается далеко не общеизвѣстнымъ писателемъ даже въ селеніяхъ, ближайшихъ къ школѣ. Такъ обстоитъ дѣло въ губерніи, которая въ данномъ отношеніи находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Грамотность въ Ярославской губерніи стоитъ выше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Россіи, исключая однѣ прибалтійскія губерніи.

Но въ тоже время по подсчету оказалось, что въ 245 школьныхъ районахъ взрослое населеніе и подростки пользуются для чтенія сочиненіями Пушкина изъ различныхъ источниковъ; въ 160 районахъ, на $^3/_4$ не совпадающихъ съ вышеуказанными 245, крестьянское населеніе на собственныя средства пріобрѣтаетъ сочиненія Пушкина. Такимъ образомъ, приблизительно въ половинѣ школьныхъ районовъ или, иначе, на протяженіи приблизительно половины Ярославской губерніи Пушкинъ извѣстенъ крестьянскому населенію, по крайней мѣрѣ, тѣми или иными своими произведеніями.

Отношеніе населенія къ возможности пользоваться произведеніями Пушкина и отзывы его о тѣхъ произведеніяхъ, которыя приходилось ему читать, не одинаковы. Есть нѣсколько отвѣтовъ по губерніи, по 2—3 въ каждомъ уѣздѣ, которые сообщаютъ, что сочиненія Пушкина не нравятся крестьянамъ, не доступны ихъ пониманію, рѣдко берутся и не особенно охотно читаются ими. Иногда съ особенной силой указывается на непривычку крестьянъ къ чтенію произведеній въ стихотворной формѣ. Всѣ эти случаи, конечно, объясняются тѣми же причинами, которыя лежатъ въ основаніи всѣхъ отрицательныхъ показаній. Но въ большинствѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказывается, что для всѣхъ сколько-нибудь подготовленныхъ школьнымъ обученіемъ людей все, написанное Пушкинымъ, является вполнѣ доступнымъ, очень интересуетъ читателей, производитъ на нихъ глубокое впечатлѣніе и составляетъ любимое чтеніе.

Учителя, къ которымъ обращался со своимъ запросомъ статистическій комитетъ, сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія объ отношеніи читателя изъ народа къ Пушкину:

«Крестьяне интересуются сочиненіями Пушкина и добиваются имѣть ихъ у себя въ семьѣ».—«Сочиненія Пушкина еще мало проникли въ народную массу. но разъ Пушкинъ попалъ въ ея среду, то онъ читается и усваивается наро-

домъ, какъ вполнѣ родной ему народный поэтъ».—«Всѣ, кто читалъ что-либо изъ сочиненій Пушкина, говорили, что хорошо».—«Въ тѣхъ домахъ, гдѣ они имѣются, сочиненія Пушкина читались охотно, видимо, съ интересомъ. Нравится и содержаніе, и звучность, всегда говорилось съ восторгомъ о стихахъ его и о простотѣ и задушевности разсказовъ».—«Замѣчается, что живость фантазіи въ твореніяхъ Пушкина и реальность изображенія въ нихъ бытовой стороны жизни завлекаетъ часто сельчанина въ пользу поэта, и онъ съ удовольствіемъ читаетъ и даже воспроизводитъ въ своихъ пѣсняхъ его сочиненія».

«Изъ Курбевой народной библіотеки-читальни и взрослые, и подростки охотно берутъ и читаютъ Пушкина, особенно повѣсти Бѣлкина», «Бориса Годунова», «Евгенія Онѣгина», «Кавказскаго плѣнника», «Мѣднаго всадника». Приходилось слышать, какъ подростки рекомендуютъ другъ другу то или иное произведеніе Пушкина, говоря: «возьми это, я читалъ: это хорошо и все тутъ понятно». Возвращая книги въ читальню, многіе съ восхищеніемъ говорятъ о стихотвореніяхъ, въ которыхъ Пушкинъ рисуетъ русскую природу. Вообще замѣтно, что Пушкинъ читается съ интересомъ, языкъ его произведеній легокъ для читающихъ, поэзія его доступна имъ и увлекаетъ ихъ».

«Сочиненія Пушкина читаются съ большимъ интересомъ; это видно изъ того, что нѣкоторые по нѣскольку разъ перечитываютъ одно и то же сочиненіе». «Изъ Богословскаго земскаго училища взрослые пользуются для чтенія сочиненіями Лермонтова, Крылова, Тургенева и Пушкина; изъ сочиненій послѣдняго болѣе читаются т. I, II и VI. Взрослые и подростки очень часто обращаются съ просьбой дать имъ Пушкина».

«Среди лицъ, пользующихся книгами вятской читальни, есть не мало и такихъ читателей, которые интересуются Пушкинымъ и прочитываютъ всѣ его произведенія».—«Изъ середской библіотеки вовсе не требуются стихотворенія Пушкина; во все время существованія библіотеки (2 года) было 5—6 случаевъ требованія ихъ крестьянами. Повѣсти же, особенно «Капитанская дочка», и «Исторія пугачевскаго бунта», берутся крестьянами крайне охотно и читаются ими съ увлеченіемъ».

«Пушкинъ нравится народу; это видно изъ того, что его стихотворенія, выученныя дѣтьми въ школѣ, часто повторяются ими въ юношескомъ возрастѣ. А «Капитанская дочка» прочитана съ удовольствіемъ всѣмъ грамотнымъ населеніемъ».

«Сказки Пушкина, которыя находятся въ библіотекѣ, нравятся и взрослымъ. Послѣдніе не разъ спрашивали почитать повѣсть «Капитанскую дочку», и я доставалъ ее у попечительницы школы; еще взрослые и подростки интересуются поэмой «Полтава», которую я давалъ изъ своихъ книгъ. Одинъ, читавшій «Капитанскую дочку», отозвался съ особымъ выраженіемъ въ голосѣ: «ну хороша книжка», а такъ онъ говорилъ только о классическихъ произведеніяхъ. Очень интересными крестьяне называютъ также сказки, «Бориса Годунова» и «Полтаву». Одинъ, прочитавшій «Евгенія Онѣгина», на вопросъ: каковъ же былъ человѣкъ Онѣгинъ, отвѣчалъ: «да это былъ какой-то пустозвонъ». Ну, а понравился ли весь этотъ разсказъ о немъ?—«Нѣтъ, въ немъ ничего нѣтъ хорошаго и нестоило читать».

«Мнѣніе крестьянъ о Пушкинѣ трудно выразить, но случалось иногда слышать: Пушкинъ—первый сочинитель, очень умный, Императоръ Николай I часто бесѣдовалъ съ нимъ; онъ первый подалъ «прошеніе» объ освобожденіи крестьянъ. Крестьянинъ Алексѣевъ (порядочно начитанный—50 лѣтъ) по какому-то разговору со мною очень удачно продекламировалъ: «хвалу и клевету пріемли равнодушно и не оспаривай глупца».—Это откуда же?—спрашиваю. «Неужели не знаете? Пушкинъ». Оказывается, онъ хорошо знакомъ съ его сочиненіями, и видно, что и въ пошехонскіе края проникъ духъ Пушкина».

* * *

«Въ веретейской библіотекѣ не разъ приходилось слышать очень лестные отзывы объ историческихъ и повѣствовательныхъ сочиненіяхъ Пушкина, очень увлекаются повѣстями его подростки, 17—18 лѣтняя молодежь. Въ нашей мѣстности фамилія великаго поэта стала нарицательной всѣхъ вообще художественныхъ произведеній, и очень часто приходилось слышать просьбу, чтобы была дана книга изъ «сочиненій Пушкина» о двѣнадцатомъ годѣ или вообще историческая, при чемъ подразумѣваютъ сочиненія Л. Н. Толстого или Полевого».

«Пришлось мнѣ усмотрѣть въ одномъ домѣ моего прихожанина полное собраніе сочиненій Пушкина. «Это сынъ мой читаетъ, купилъ ихъ въ Петербургѣ». Повидавшись съ сыномъ. я узналъ отъ него, что онъ прочиталъ всѣ сочиненія Пушкина и многія знаетъ наизустъ».

Но лучшимъ доказательствомъ популярности Пушкина служитъ пріобрѣтеніе его сочиненій самими крестьянами. Пріобрѣтаются населеніемъ всего охотнѣе, во-первыхъ, тѣ сочиненія, на которыя предъявляетъ требованія учащаяся молодежь, т. е. сказки Пушкина, затѣмъ нѣкоторыя произведенія, имѣющіяся въ отдѣльныхъ дешевыхъ изданіяхъ—особенно «Капитанская дочка», «Дубровскій», повѣсти, «Исторія пугачевскаго бунта», «Полтава», но не рѣдко также и «Борисъ Годуновъ», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Кавказскій Плѣнникъ», «Цыгане», и, наконецъ. довольно часто и полныя собранія сочиненій Пушкина. Крайне неблагопріятныя условія книжной торговли въ уѣздахъ. т. е. отсутствіе книжныхъ лавокъ и складовъ, полученіе книгъ чрезъ посредство разносчиковъ, придерживающихся обыкновенно старыхъ рамокъ лубочной литературы, обусловливаютъ очень часто совершенно случайный характеръ книжныхъ покупокъ. Вообще здѣсь наблюдаются различныя степени сознательности въ пріобрѣтеніи именно сочиненій Пушкина крестьянами. Иногда, на толкучкѣ въ Ярославлѣ, на сельскихъ базарахъ, на ярмаркахъ, у ходебщиковъ-офеней, вмѣстѣ съ другими лубочными изданіями разнообразнаго содержанія попадаются имъ въ руки, прельщая картинкой на своей оберткѣ, «никольскія» изданія Пушкина, прежде всего сказки. Въ другихъ случаяхъ это пріобрѣтеніе совершается уже подъ вліяніемъ школы, по просьбѣ учениковъ. «Если что можно встрѣтить изъ сочиненій Пушкина въ крестьянскомъ домѣ,—пишетъ одинъ учитель, и тоже повторяется многими другими,—то это его сказки или повѣсти, и книжки эти всегда оказывались купленными или самими школьниками, или по ихъ желанію и выбору. Наконецъ, имѣется и много указаній на совершенно сознательное стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію сочиненій Пушкина, какъ своего любимаго писателя». «Встрѣчаются изъ числа бывшихъ моихъ учениковъ, пишетъ одинъ учитель, любители поэзіи вообще, и есть между ними такіе, которые большое предпочтеніе отдаютъ Пушкину и имѣютъ свои книги этого поэта». Многіе обращаются съ просьбой выписать для нихъ сочиненія Пушкина къ школьнымъ учителямъ; такъ, напримѣръ, по сообщенію учителя глѣбовскаго 2-класснаго училища въ рыбинскомъ уѣздѣ, имъ одновременно, при выходѣ въ свѣтъ дешеваго изданія полнаго собранія сочиненій Пушкина, было выписано для крестьянъ 8 экземпляровъ; многіе имѣютъ болѣе или менѣе полно составленныя библіотечки, содержащія въ себѣ произведенія лучшихъ русскихъ писателей, среди которыхъ обыкновенно почетное мѣсто занимаютъ произведенія Пушкина; многіе изъ отхожихъ промышленниковъ привозятъ съ собой изъ Петербурга и другихъ городовъ его сочиненія, а иногда снабжаютъ ими своихъ родственниковъ, оставшихся въ губерніи. Этотъ послѣдній фактъ присылки роднымъ произведеній Пушкина изъ столицы, объяснять-ли его запросомъ со стороны остающихся на мѣстѣ, или желаніемъ отсутствующихъ дать своей семьѣ дорогой подарокъ, — одинаково указываетъ уже на совершенно осмысленное отношеніе населенія къ нашему народному поэту и является высоко-знаменательнымъ.

VII-й Пироговскій съѣздъ русскихъ врачей.

Въ седьмой разъ собираются для обсужденія насущныхъ вопросовъ своей спеціальности русскіе врачи, поставившіе на своемъ знамени славное имя незабвеннаго Н. И. Пирогова, врача-просвѣтителя, врача-философа. Мѣстомъ послѣдняго съѣзда общества русскихъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова или, какъ его называютъ короче, пироговскаго съѣзда было избрано, согласно рѣшенію VI-го кіевскаго съѣзда, Казань, старая, экономически-захудалая Казань, по выраженію казанскаго городскаго головы, привѣтствовавшаго врачей на первомъ общемъ собраніи.

Число участниковъ съѣзда—всего около 600 чел.—оказалось значительно меньшимъ, чѣмъ на предъидущихъ съѣздахъ, что отчасти объясняется дальностью Казани и неудобствомъ путей сообщенія, отчасти неудачнымъ выборомъ времени для съѣзда, а главнымъ образомъ, сильно распространенными сейчасъ эпидеміями тифа, цынги и проч., заставившими многихъ врачей остаться на мѣстахъ своего настоящаго служенія.

Изъ 600 врачей,—участниковъ съѣзда, на долю Казани приходится болѣе 100 человѣкъ, остальные-пріѣзжіе—преимущественно земскіе врачи и больше всего изъ Поволжья. Представителей клиники, каѳедры было, сравнительно съ прежними съѣздами, мало и этимъ обстоятельствомъ до извѣстной степени объясняется то, что научная сторона съѣзда уступала мѣсто вопросамъ практическимъ, имѣющимъ общественно-бытовой характеръ. Земскій врачъ, въ силу условій своей жизни, вдали отъ библіотекъ, лабораторій, клиникъ, заваленный и подавленный чрезмѣрной работой и тяжелыми впечатлѣніями текущей дѣйствительности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишенъ возможности, при всемъ желаніи, предаваться научнымъ рабочамъ, требующимъ, помимо надлежащей обстановки, душевнаго покоя и отрѣшенности отъ жизни, ежеминутно приводящей земскаго врача въ столкновеніе съ окружающей темнотой, голодомъ и холодомъ... Надо, впрочемъ, замѣтить, что вообще обсужденіе научныхъ вопросовъ въ большихъ собраніяхъ представляется крайне затруднительнымъ: нельзя поднятіемъ рукъ притти къ окончательному рѣшенію по какому-либо научному вопросу. Въ данномъ случаѣ мнѣніе большинства далеко не всегда будетъ самымъ близкимъ къ истинѣ.

Собравшись въ городѣ, принадлежащемъ къ одной изъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній, врачи не могли не отдать значительную часть вниманія и времени вопросу о голодѣ. И въ первомъ же засѣданіи секціи общественной медицины вопросъ о голодѣ былъ поставленъ первымъ. Проф. Высоцкій, завѣдующій медицинской частью мѣстнаго отдѣленія Краснаго Креста, д-ръ Гранъ изъ Самары и нѣкоторые другіе познакомили присутствующихъ съ тяжелой, не поддающей описанію картиной голода, переживаемаго цѣлымъ обширнымъ райономъ Россіи. Голодъ со своими неизбѣжными спутниками—тифомъ и цынгой поражаетъ цѣлые уѣзды и губерніи. Въ одной Казанской губ. зарегестрировано до 20.000 цынготныхъ больныхъ, столько же въ Самарской. А какое количество не попало въ регистрацію! Скрюченные, кровоточащіе, отекшіе люди лежатъ безъ движенія и стонутъ... о хлѣбѣ. На глазахъ матерей валяются несчастныя голодныя дѣти... Понятно, что при такихъ условіяхъ, медицинская наука со всѣми своими блестящими завоеваніями совершенно безсильна. Тамъ, гдѣ населеніе лишено хлѣба, нельзя помочь гигіеническими наставленіями и медикаментами. Нуженъ хлѣбъ, хлѣбъ и хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчалось такое явленіе, что бывшіе сравнительно болѣе зажиточными до голода крестьяне пострадали отъ болѣзней больше, чѣмъ бѣднѣйшіе, такъ какъ первымъ удалось дольше кормиться своимъ убитымъ скотомъ, подвергшимся, благодаря оттепели, порчѣ.

Тяжело было врачамъ выслушивать всѣ эти разсказы, разсматривать графическія изображенія колоссальнаго роста цынги и куриной слѣпоты, являющейся результатомъ жироваго голоданія. Тяжело было въ особенности въ виду безсилія оказать настоящую помощь. Собравъ между собою до 7.000 руб., на которыя рѣшено отправить два санитарные отряда въ голодныя губерніи отъ имени Пироговскаго съѣзда, секція находила необходимымъ возбудить ходатайство о скорѣйшемъ изслѣдованіи причинъ хроническихъ у насъ голодовокъ, ведущихъ къ вымиранію и вырожденію населенія...

Грустное настроеніе, вызванное вѣстями о голодѣ съ момента прибытія въ Казань, не могло быть разсѣяно и рѣчью проф. А. А. Боброва, произнесенной на торжественномъ открытіи съѣзда на тему «о современной хирургіи въ дѣлѣ врачеванія». Разсказавъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ настоящее время хирургіей, благодаря антисептикѣ и асептикѣ, способамъ обезболиванія при операціяхъ и т. д., почтенный профессоръ кончилъ свою рѣчь уже на тему... о любви къ отечеству и народной гордости. Послѣдній международный конгрессъ въ Москвѣ удивилъ весь міръ, показавъ, какъ высоко стоитъ у насъ наука; теперь уже не только не надо ѣздить учиться за границу, а—наоборотъ—начинаютъ изъ-за границы ѣздить къ намъ, что пора притти къ заключенію, что если больному не помогутъ въ Россіи, то не помогутъ уже нигдѣ. Въ то время какъ проф. Бобровъ такъ превозноситъ отечественную науку, военно-медицинская академія командируетъ 17 врачей, въ томъ числѣ двухъ профессоровъ для усовершенствованія за границу. Очевидно, не всѣмъ представляются наши успѣхи въ области науки такими уже большими...

Переходя къ бѣглому обзору обсуждавшихся на съѣздѣ вопросовъ, имѣющихъ общій, не спеціально медицинскій интересъ, остановимся прежде всего на вопросѣ «о расторженіи брака вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ супруговъ», дебатировавшемся въ секціи нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Вопросъ этотъ былъ поднятъ еще на шестомъ Пироговскомъ съѣздѣ д-ромъ П. С. Штейнбергомъ, представившимъ докладъ «о необходимости включить душевную болѣзнь въ число законныхъ причинъ къ расторженію брака». Д-ръ Штейнбергъ предлагалъ тогда ходатайствовать по слѣдующимъ постановленіямъ: а) по біологическимъ и соціальнымъ мотивамъ съѣздъ въ Кіевѣ призналъ крайне полезнымъ и желательнымъ введеніе государственнаго закона, въ силу котораго разрѣшался-бы брачный разводъ между православными супругами, если формально будетъ удостовѣрена наличность душевной болѣзни у одного изъ нихъ; б) иниціатива ходатайства должна исходить только отъ психически здороваго члена супружеской четы; и в) несовершеннолѣтнія дѣти разведенныхъ супруговъ, вполнѣ сохранивъ всѣ права по наслѣдству своихъ родителей, должны до совершеннолѣтія оставаться на попеченіи психически здоровой стороны, получившей разводъ. Докладъ д ра Штейнберга вызвалъ оживленныя пренія, приведшія кіевскій съѣздъ къ слѣдующей резолюціи: поручить правленію общества русскихъ врачей препроводить докладъ д-ра Штейнберга въ русскія психіатрическія и юридическія общества для обсужденія и собранный такимъ образомъ матеріалъ препроводить VII съѣзду русскихъ врачей.

Правленіе выполнило возложенную на него задачу, разославъ во многія общества предложеніе д-ра Штейнберга, и полученные отъ этихъ обществъ отвѣты сгруппировало въ особый докладъ настоящему съѣзду. Изъ обзора всего полученнаго матеріала видно, что выводы, къ которымъ пришло большинство обществъ, отвѣтившихъ на запросъ правленія, благопріятны для введенія новаго закона, разногласія существуютъ только относительно частностей дѣла. Такъ, большинство обществъ не считаетъ достаточнымъ одной наличности душевной болѣзни для возбужденія ходатайства о разводѣ, а необходимо представить доказательство неизлѣчимости душевной болѣзни.

По мнѣнію всѣхъ обществъ, одобряющихъ введеніе новаго закона, вопросъ о томъ, насколько душевная болѣзнь одного изъ супруговъ подходитъ подъ требованія устанавливаемыхъ условій, долженъ рѣшаться судебной властью на основаніи заключенія экспертовъ. Относительно послѣднихъ мнѣнія также расходятся. Одни настаиваютъ на необходимости экспертовъ-психіатровъ, другія говорятъ, что экспертами могутъ быть и не спеціалисты, а проф. Кожевниковъ требуетъ «единогласнаго рѣшенія не менѣе трехъ врачей-психіатровъ». Большинство обществъ высказалось за то, что необходимымъ условіемъ при расторженіи брака, вслѣдствіе душевной болѣзни, должно быть матеріальное обезпеченіе душевно-больного супруга со стороны здороваго супруга, если онъ имѣетъ средства, или со стороны общества и государства. Еще на кіевскомъ съѣздѣ противъ проекта д-ра Штейнберга высказался проф. Чижъ изъ Юрьева, находя, что условія развода установлены догматическимъ правомъ и не могутъ быть измѣнены. Затѣмъ нѣкоторыя изъ членовъ Кіевскаго съѣзда указывали на неудобства введенія этого закона, на то, что этотъ законъ нарушитъ интересы дѣтей, что въ такомъ законѣ не существуетъ настоятельной необходимости.

При обсужденіи вопроса въ Казани тоже возникли интересныя дебаты, въ которыхъ приняли участіе не только врачи, но и юристы—профессоръ Шершеневичъ и нѣкоторые представители мѣстной магистратуры и адвокатуры. Всѣ юристы, за исключеніемъ одного, признавали желательнымъ введеніе новаго закона, доказывая, на основаніи историческихъ данныхъ, что русское каноническое право допускало разводы по поводу душевной болѣзни одного изъ супруговъ и, что съ точки зрѣнія этической и нашихъ гражданскихъ законовъ, сожительство двухъ лицъ, сдѣлка между лицами, изъ которыхъ одно оказалось душевно-больнымъ, представляются крайне вредными и подлежащими прекращенію. Противникъ новаго закона указывалъ на то, что бракъ, какъ таинство, не можетъ и не долженъ быть расторгнутъ, что расторженіе брака, вызванное хотя-бы и душевной болѣзнью одного изъ супруговъ, возможно только при грубомъ взглядѣ на бракъ, какъ на сдѣлку, какъ на союзъ физіологическій, что мыслимо и желательно только предупрежденіе такихъ ненормальныхъ браковъ. Изъ врачей оппонентомъ явился тотъ самый проф. Чижъ, который и на кіевскомъ съѣздѣ высказывался противъ новаго закона. Нельзя сказать, чтобы его аргументація отличалась особой убѣдительностью. По мнѣнію проф., крайне трудно рѣшить вопросъ, излѣчима-ли болѣзнь или нѣтъ; далѣе, за недостаткомъ у насъ психіатровъ, при обширности нашихъ пространствъ, новымъ закономъ смогутъ воспользоваться только зажиточные классы населенія и при томъ только люди недобрые, что такого рода законъ поощряетъ эгоизмъ... Секція не вняла доводамъ почтеннаго профессора и постановила слѣдующую резолюцію: душевное заболѣваніе одного изъ супруговъ можетъ служить поводомъ къ разводу въ томъ случаѣ, если оно неизлѣчимо и если оно также выразилось рѣзкимъ измѣненіемъ психической личности.

Наслѣдіемъ кіевскаго съѣзда является и докладъ д-ра А. Л. Эбермана «объ учрежденіи Высшаго Врачебнаго Управленія въ Имперіи». Вопросъ этотъ, являясь чрезвычайно важнымъ, имѣетъ уже свою довольно продолжительную исторію. Еще въ 1886 году была организована при медицинскомъ департаментѣ комиссія по вопросу объ улучшеніи санитарныхъ условій и уменьшенія смертности въ Россіи съ покойнымъ С. П. Боткинымъ во главѣ. Комиссія эта, между прочимъ, вполнѣ согласилась съ мнѣніемъ тоже нынѣ покойнаго проф. А. П. Доброславина, что «безъ реорганизаціи врачебно-санитарнаго дѣла въ Россіи невозможно что-либо сдѣлать для улучшенія санитарнаго положенія населенія, невозможно и разсуждать о томъ, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ, на коихъ таковыя разсужденія могли бы опираться». По этому, комиссія высказалась за

необходимость «учрежденія главнаго управленія по дѣламъ здравія со всѣми правами высшей распорядительной инстанціи, которое бы вѣдало всѣ санитарныя дѣла Имперіи». Авторитетное имя С. П. Боткина заставило многихъ съ надеждою смотрѣть на труды комиссіи, хотя и оппозиція имѣла во-главѣ Ѳ. Ѳ. Эрисмана, лучшаго знатока нашей общественно-медицинской организаціи. Какъ бы то ни было, труды комиссіи ни къ чему не привели, хотя ненормальность существующаго порядка вещей продолжаетъ сознаваться всѣми. На 6-мъ съѣздѣ въ Кіевѣ д-ръ А. Л. Эберманъ, вообще много потрудившійся для врачебнаго сословія въ Россіи, выступилъ съ докладомъ объ учрежденіи министерства народнаго здравія. Въ Кіевѣ предложеніе д-ра Эбермана было встрѣчено далеко не сочувственно. Общій мотивъ возраженій сводится, какъ резюмируетъ его правленіе общества русскихъ врачей, къ тому, что децентрализаціонный строй является вообще единственно согласнымъ съ исконнымъ историческимъ ходомъ развитія у насъ общественности и отвѣчающимъ самой сущности врачебно-санитарнаго дѣла, которое не можетъ быть заключено въ неподвижныя рамки, а, наоборотъ, нуждается въ свободной иниціативѣ, въ возможности примѣниться къ разнообразнѣйшимъ и сложнымъ мѣстнымъ особенностямъ и условіямъ. Однако кіевскій съѣздъ поручилъ правленію разработать этотъ вопросъ и докладъ по этому поводу разослать въ медицинскія общества и во всѣ медицинскія учрежденія, прося ихъ высказать свои мнѣнія и затѣмъ, сопоставивъ выводы, доложить о результатахъ настоящему 7-му съѣзду.

Правленіе общества, очень аккуратно и точно выполняющее порученія, которымъ сочувствуетъ, очень небрежно, повидимому, отнеслось къ данному порученію. А между тѣмъ, д-ръ Эберманъ продолжалъ свое дѣло и въ Петербургѣ, по его иниціативѣ, была организована комиссія изъ 30 членовъ-представителей разныхъ медицинскихъ обществъ въ Петербургѣ. Въ результатѣ трудовъ этой комиссіи, до сихъ поръ еще функціонирующей, явился краткій докладъ д-ра Эбермана Казанскому съѣзду, при чемъ рѣчь идетъ уже не о министерствѣ народнаго здравія, какъ видно изъ заглавія, а объ высшемъ врачебномъ управленіи—перемѣна далеко не существенная и принятая, какъ сообщилъ д-ръ Эберманъ, по совѣту одного очень извѣстнаго юриста. Сущность доклада сводится къ тому, что, вслѣдствіе разбросанности управленія врачебной частью по различнымъ министерствамъ и вѣдомствамъ замѣчается полное отсутствіе единства и цѣлесообразности въ дѣйствіяхъ по врачебно-санитарной части, что главными руководителями въ проведеніи врачебныхъ и санитарныхъ мѣръ являются обыкновенно лица, далеко не компетентныя. Врачи же не только не имѣютъ должной власти, но даже права голоса, а слѣдовательно—и возможности соотвѣтствующимъ образомъ приложить свои знанія къ дѣлу. Результатомъ этого является грустная картина нашего врачебно-санитарнаго неустройства, недостатокъ врачей, повивальныхъ бабокъ, недостатки законодательства по врачебной части, отсутствіе правильной медицинской статистики, недостатокъ больницъ и т. д. Для устраненія всѣхъ этихъ печальныхъ несомнѣнно существующихъ явленій рекомендуется созданіе очень сложной, *бюрократической медицинской системы*, съ цѣлымъ рядомъ исполнительныхъ органовъ, долженствующей правильно поставить у насъ медицинское дѣло. Проектъ въ такомъ видѣ, какъ онъ представленъ д-ромъ Эберманомъ, является далеко не разработаннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно, что и болѣе детальная его разработка врядъ ли могла бы многихъ убѣдить въ его цѣлесообразности. Главнѣйшимъ недостаткомъ проекта является *уничтоженіе* въ дѣлѣ развитія медицинской у насъ организаціи *всякой общественной иниціативы*, и безъ того уже крайне вялой и урѣзанной. Пренія, вызванныя докладомъ д-ра Эбермана, отличались большой страстностью, и проектъ д-ра Эбермана былъ съ шумомъ отвергнутъ, а ненормальному порядку вещей суждено, повидимому, еще долго держаться.

такъ какъ никѣмъ не было предложено ничего такого, что сколько нибудь двинуло бы дѣло впередъ. А между тѣмъ взаимныя отношенія оффиціальной, такъ сказать, казенной медицины и общественной части вызываютъ большія недоразумѣнія; неразграниченность областей вѣдѣнія каждой изъ этихъ вѣтвей медицинской организаціи даетъ поводъ къ появленію распоряженій, взаимно противоположныхъ, повергающихъ обывателя, котораго всѣ эти заботы касаются, въ большое недоумѣніе...

Съ гораздо большей страстностностью, я готовъ сказать—съ нетерпимостью—обсуждался на съѣздѣ проектъ проф. Д. О. Отта объ организаціи акушерской помощи среди сельскаго населенія. И этотъ вопросъ былъ возбужденъ на Кіевскомъ съѣздѣ, при чемъ тогда же рѣшено было учредить постоянное бюро при клиническомъ повивальномъ институтѣ въ Петербургѣ для собиранія матеріаловъ о положеніи повивальнаго дѣла въ Россіи и изысканія способовъ къ его улучшенію, а организація этого дѣла была поручена проф. Отту. О томъ, какъ печально стоитъ у насъ дѣло оказанія акушерской помощи, наглядно свидѣтельствуютъ цифровыя данныя. Въ одномъ уѣздѣ Тульской губ. въ 1897 году на 8.722 родовъ, помощь акушерками оказана лишь въ 100 случаяхъ. въ Котельническомъ уѣздѣ Вятской губ. въ 1896—1897 гг., на 13.675 родовъ, акушерками принято только 854 и т. д. На окраинахъ дѣло стоитъ еще хуже. Одинъ врачъ сообщаетъ изъ Уфимской губ., что на 45.000 населенія нѣтъ ни одной акушерки; въ Кунгурскомъ уѣздѣ, Пермской губ., одна фельдшерица-акушерка приходится на 100.000 жителей. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ нерѣдко являются и смертельныя исходы при родахъ. Такъ, Полтавская уѣздная управа, въ докладѣ за 1898 годъ пишетъ, что изъ 15 умирающихъ въ производительномъ возрастѣ (отъ 16 до 55 лѣтъ) женщинъ, одна умираетъ отъ родовъ. А ту массу болѣзней, которыя нерѣдко являются результатомъ неумѣло поданной помощи или полнаго ея отсутствія, даже учесть нельзя. Такъ какъ далеко еще то время, когда все населеніе будетъ обезпечено настоящей акушерской помощью, для чего, по разсчетамъ, уѣздъ долженъ быть разбитъ на участки съ радіусомъ не болѣе 10 верстъ и каждый участокъ снабженъ врачемъ-акушеромъ и хотя бы небольшимъ родильнымъ пріютомъ, то, по неволѣ, сейчасъ приходится прибѣгать къ мѣрамъ палліативнымъ. Такимъ палліативомъ, по мнѣнію проф. Отта, могло бы служить значительное увеличеніе числа сельскихъ повивальныхъ бабокъ, которыя должны замѣнить нынѣ дѣйствующихъ «повитухъ» или «бабокъ». Желая имѣть болѣе точныя мнѣнія по этому вопросу, проф. Оттъ сначала напечаталъ въ газетѣ «Врачъ», а затѣмъ разослалъ во всѣ земства и другія учрежденія, вѣдающія санитарное дѣло въ Имперіи, свой проектъ съ цѣлымъ рядомъ вопросныхъ пунктовъ. Проф. Оттъ предлагаетъ командировать въ повивальные институты женщинъ, не имѣющихъ даже никакого образованія, а только грамотныхъ, на одинъ учебный годъ, т. е. на 8—9 мѣсяцевъ, для ознакомленія съ раціональными способами подачи акушерской помощи. Такія женщины, являясь стипендіатками пославшаго ихъ земства, обязаны по окончаніи курса, который съ полнымъ содержаніемъ долженъ обойтись въ 100 руб., жить въ мѣстѣ постояннаго жительства, гдѣ онѣ и будутъ развивать свою дѣятельность. Вознагражденіе этихъ бабокъ должно производиться либо въ видѣ небольшого жалованья, либо въ видѣ отдѣльной платы (отъ 1 до 2 рублей) за каждые засвидѣтельствованные врачемъ, священникомъ или кѣмъ либо изъ должностныхъ лицъ роды. Профессоромъ Оттомъ получено было 160 отвѣтовъ, изъ которыхъ 105 — за проектъ, а 46—противъ, 10 отвѣтовъ неопредѣленныхъ, хотя надо замѣтить, что при обсужденіи проекта въ медицинской печати гораздо чаще встрѣчались отзывы неблагопріятные проекту, чѣмъ сочувствующіе ему.

Въ Казани проектъ проф. Отто обсуждался, какъ уже сказано, съ большой

горячностью, а слѣдовательно и недостаточно справедливо. Основное возраженіе то, что проектъ этотъ противорѣчитъ идеаламъ земской медицинской организаціи, содѣйствуя распространенію и укрѣпленію среди населенія вмѣсто врачей, «полузнаекъ», которымъ, однако, дипломъ повивальнаго института дастъ возможность относиться высокомѣрнѣе къ населенію, чѣмъ это дѣлаютъ дѣйствующія въ настоящее время «повитухи», которыя скорѣе являются замѣстительницами хозяйки, пока послѣдняя лежитъ, чѣмъ медицинской силой. Солидныя соображенія привелъ, по крайней мѣрѣ, относительно Курской губ. д-ръ В. И. Должековъ, доказавшій, что если сельскія бабки будутъ получать 1 руб. за оказанную при родахъ помощь, на нихъ должна быть израсходована такая сумма, которая дала бы возможность покрыть всю Курскую губ. цѣлой сѣтью новыхъ врачебныхъ пунктовъ. Если бы такія данныя были приведены относительно всѣхъ губерній, то стало бы очевидно, что проектъ не отвѣчаетъ настоящимъ нуждамъ населенія. Отвергнувъ проектъ проф. Отта, собраніе и въ данномъ случаѣ не указало выхода изъ ужаснаго положенія, и дѣлу акушерской помощи населенію суждено еще надолго оставаться въ самомъ незавидномъ положеніи.

Кромѣ указанныхъ уже предложеній и докладовъ обсужденію съѣзда была представлена очень цѣнная работа особой комиссіи при правленіи общества по вопросу объ объединеніи методовъ санитарно-статистическихъ изслѣдованій. Трудность составленія и вмѣстѣ съ тѣмъ важность такого рода объединяющей программы медико статистическихъ изслѣдованій понятна всякому и надо сказать, что комиссія добросовѣстно выполнила возложенную на нее задачу. Слѣдуетъ еще указать на цѣлый рядъ сообщеній, хотя и по вопросамъ болѣе частнымъ, но имѣющимъ довольно значительное общественное значеніе. Многіе изъ такихъ вопросовъ возбуждаются уже далеко не въ первый разъ, но приходится продолжать ихъ обсужденіе, такъ какъ до приведенія въ жизнь всѣхъ благихъ пожеланій врачей еще очень далеко. Пришлось услышать нѣсколько сообщеній о санитарномъ неблагоустройствѣ нашихъ городовъ, о томъ зачаточномъ состояніи, въ какомъ находится санитарная организація не только мелкихъ, но и крупныхъ городовъ и т. д. Шла рѣчь и о необходимости преподаванія гигіены въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ вопросъ былъ расширенъ и высказано желаніе о распространеніи гигіеническихъ свѣдѣній не только въ женскихъ, но и мужскихъ школахъ и при томъ не только въ среднихъ, но и низшихъ. При этомъ нельзя не согласиться съ той постановкой даннаго вопроса, какую сдѣлалъ проф. Капустинъ. По его мнѣнію, гигіена не должна явиться новымъ обязательнымъ предметомъ въ нашей школѣ, и безъ того заваливающей учащихся массой занятій, со всѣми тяжелыми признаками обязательныхъ предметовъ, т. е. съ отмѣтками, экзаменами, вызовами и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не должна преподаваться въ догматической формѣ въ видѣ правилъ, касающихся личной гигіены, а должна дать сводъ такихъ свѣдѣній, которые позволяли бы разумно и сознательно относиться къ окружающему міру.

Слушая сообщенія о распространеніи гигіеническихъ свѣдѣній въ народѣ, о царящей тамъ тьмѣ и о полной вслѣдствіе этого безпомощности врачей, чувствуешь, что находишься въ какомъ-то заколдованномъ кругу, изъ которыхъ необходимо найти выходъ—иначе будущее представляется чрезвычайно мрачнымъ... Безъ школы нѣтъ просвѣщенія, но какая же школа мыслима безъ хлѣба, или, быть можетъ, потому и нѣтъ хлѣба, что нѣтъ школъ, но во всякомъ случаѣ безъ того и другого немыслима и разумная медицинская помощь, немыслимо проведеніе никакихъ гигіеническихъ знаній. Личная и общественная гигіена развиваются надлежащимъ образомъ только тамъ, гдѣ населеніе культурно, т. е. гдѣ въ массахъ есть сознаніе потребности и полезности предлагаемыхъ мѣръ А пока мы во многихъ случаяхъ уподобляемся тому врачу въ

Гейневскомъ стихотвореніи, который совѣтовалъ умиравшему на чердакѣ бѣднаку пить хорошее вино и въ морозы получше закутываться въ шубу.

Изъ докладовъ уже спеціально-медицинскихъ нельзя не указать на бодрящее сообщеніе извѣстнаго дерматолога проф. В. М. Тарновскаго объ излѣчимости одной изъ самыхъ тяжелыхъ и распространенныхъ органическихъ болѣзней. Аргументація профессора, о которой здѣсь не мѣсто говорить, оказалась блестящей и убѣдительной. Въ секціи глазныхъ болѣзней подробно дебатировался вопросъ о трахомѣ, болѣзни заразной, имѣющей огромное распространеніе, въ особенности въ войскахъ, находящейся несомнѣнно въ связи съ почвенными условіями и вмѣстѣ съ тѣмъ опять-таки съ культурой или вѣрнѣе—некультурностью населенія, такъ какъ грязь, скученность и т. д. облегчаютъ передачу болѣзни отъ одного къ другому. Секціи анатоміи и физіологіи пришлось посвятить нѣкоторое время возбужденному тамбовскимъ медицинскимъ обществомъ вопросу о пріобрѣтеніи способа консервированія труповъ д-ра Эфизіо Марини въ Неаполѣ. О способѣ Марини было много сообщеній и въ общей прессѣ и притомъ въ сравнительно недавнее время, между тѣмъ какъ Марини вызывалъ уже удивленіе Наполеона III и лучшихъ врачей того времени. Для цѣлей спеціально-медицинскихъ, способъ Марини, составляющій секретъ изобрѣтателя, имѣетъ огромное значеніе при изученіи топографіи человѣческаго тѣла. Тамбовское медицинское общество въ своемъ докладѣ допускаетъ даже предположеніе, пока ни на чемъ не основанное, что всеобщее пользованіе способомъ Марини можетъ уничтожить вредное вліяніе кладбищъ. Въ чемъ состоитъ секретъ Марини, не извѣстно, извѣстно только то, что въ тѣло онъ ничего не вводитъ, а достигаетъ поразительныхъ результатовъ при помощи цѣлаго ряда ваннъ. Марини, добывающій средства къ жизни врачебной практикой, бѣденъ и готовъ продать свой секретъ, очевидно, за приличную сумму. Изобрѣтатель, повидимому, очень озлобленъ и выразился въ разговорѣ съ Ферора, что онъ кончитъ тѣмъ, что броситъ все въ море. Тамбовское общество вступило въ переговоры съ Марини въ томъ предположеніи, чтобы поставленныя имъ условія передать на обсужденіе пироговскаго съѣзда. Точнаго отвѣта Марини не далъ, а секція физіологіи и анатоміи, гдѣ слушался докладъ тамбовскаго медицинскаго общества, вполнѣ правильно разсудила, что пока препараты Марини не будутъ подвергнуты точному строго-научному изслѣдованію, было бы преждевременно вести переговоры о покупкѣ секрета.

Не имѣя въ виду перечислить здѣсь всѣ спеціально-медицинскіе доклады, я на этомъ и заканчиваю своей краткій обзоръ съѣзда и позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ объ организаціи съѣздовъ вообще и казанскаго въ частности. Къ несомнѣннымъ недостаткамъ организаціи съѣздовъ надо отнести отсутствіе строгой критики въ отношеніи представляемыхъ докладовъ. Нужно разъ навсегда установить правило, по которому допускается чтеніе докладовъ заранѣе представленныхъ и выдержавшихъ критику организаціоннаго комитета и никакъ не должно допускаться представленіе докладовъ уже во время самого съѣзда. Строгая критика въ данномъ случаѣ не должна быть разсматриваема какъ стѣсненіе свободы высказать свое мнѣніе. Такое мнѣніе, такая статья или докладъ могутъ быть прочитаны въ какомъ-либо мѣстномъ медицинскомъ обществѣ или напечатаны въ медицинскомъ журналѣ. Для выигрыша времени необходимо изъ докладовъ исключать историческую и литературную части. При соблюденіи этихъ условій плодотворность работъ съѣздовъ много выиграла-бы. На такого рода съѣздахъ должны обсуждаться только тѣ доклады, которые представляютъ общій интересъ и являются результатомъ собственныхъ и то въ достаточномъ числѣ произведенныхъ опытовъ и наблюденій. Предварительное составленіе такъ называемыхъ программныхъ вопросовъ является очень полезнымъ, такъ какъ по такимъ вопросамъ обыкновенно выступаютъ докладчиками люди,

имѣющіе достаточно данныхъ для того, чтобы подѣлиться ими съ товарищами. Относительно допускаемыхъ возраженій на доклады надо сказать, что и этими возраженіями тоже не слѣдуетъ злоупотреблять, напоминая предъ дебатами, что оппоненты приглашаются дорожить временемъ и, поэтому, должны говорить только по существу дѣла, а не изъ одного желанія поговорить вообще. Нечего толковать о томъ, что ко всѣмъ оппонентамъ должны предъявляться однѣ и тѣже требованія и разъ рѣшено удѣлять каждому возраженію 5 или 10 мин., то этому правилу должны подчиняться рѣшительно всѣ. Что касается казанскаго съѣзда, то развѣ очень придирчивый человѣкъ поставитъ на видъ тѣ незначительные недочеты, представляющіеся совершенно неизбѣжными при той массѣ огромнаго труда, который выпадаетъ на долю организаціоннаго комитета за долго до съѣзда, а въ особенности во время самого съѣзда. Людямъ буквально приходится разрываться на части, оставаясь все время любезными, предупредительными, такъ какъ они являются хозяевами. И съ этой стороны врядъ ли въ чемъ-нибудь можно упрекнуть организаціонный комитетъ послѣдняго съѣзда. Простота, сердечность, желаніе оказать услугу или сдѣлать пріятное—вотъ какъ приходится характеризовать отношеніе къ пріѣзжимъ со стороны комитета. Много въ этомъ отношеніи поработали студенты-медики Казанскаго университета, которымъ, я думаю, каждый участникъ съѣзда приноситъ свою сердечную благодарность. Взаимныя отношенія студентовъ и профессоровъ (если не всѣхъ, то многихъ), представляются такими доброжелательными, простыми и товарищескими, насколько, конечно объ этомъ можно было судить за короткое время пребыванія въ Казани, что заслуживали бы отдѣльнаго описанія. И городское управленіе, и вообще всѣ, кто только могъ, въ той или иной формѣ выказывали самое сердечное вниманіе членамъ съѣзда. А если принять во вниманіе незавидное экономическое положеніе Казани, неприспособленность ея къ принятію сразу большаго числа пріѣзжихъ, то заботливость и предупредительность казанцевъ станутъ еще очевиднѣе. Думаю, что не у меня одного недѣля, проведенная въ Казани, останется навсегда пріятнымъ воспоминаніемъ въ жизни.

Врачъ В. И. Бинштокъ.

За границей.

Дрейфусовская эпопея. Дѣло Дрейфуса по прежнему продолжаетъ держать въ напряженномъ состояніи общественное вниманіе не только во Франціи, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Всѣ ждутъ, чѣмъ наконецъ разрѣшится это дѣло, затянувшееся до безконечности. Чуть не ежедневно раскрываются все новыя и новыя подробности и надо удивляться упорству, съ которымъ защищаются явная несправедливость и беззаконіе. Въ сущности личность Дрейфуса теперь отходитъ на второй планъ, и въ яркомъ свѣтѣ выступаютъ язвы современнаго буржуазнаго строя во Франціи, страшный вредъ милитаризма и лжепатріотизма, подъ прикрытіемъ которыхъ могутъ совершаться гнусныя дѣла, позорящія человѣчество.

Каждаго, кто слѣдилъ за слѣдствіемъ производимымъ уголовною палатой кассаціоннаго суда, должно было поразить одно обстоятельство: ненормальные размѣры, принимаемые въ показаніяхъ нѣкоторыхъ свидѣтелей совершенно побочными вопросами, не имѣющими прямого отношенія къ единственному вопросу, который долженъ бы быть рѣшенъ, т. е. къ тому, былъ ли Дрейфусъ правильно и законно осужденъ въ 1894 году. Слѣдствіе должно было установить только факты, доказывающіе или опровергающіе это. Между тѣмъ мы присутствуемъ точно на состязаніи въ краснорѣчіи, и всѣ, какъ противники пересмотра, такъ

и сторонники его, наперерывъ, другъ передъ другомъ, доказываютъ, разсуждаютъ и объясняютъ факты каждый по своему, сообщаютъ свои впечатлѣнія, и,—въ особенности противники пересмотра,—призываютъ Бога и судей въ свидѣтели своего непоколебимаго убѣжденія въ виновности Дрейфуса. Еще больше поражаютъ враждебныя чувства, которыя, повидимому, питаютъ другъ къ другу нѣкоторые свидѣтели. Эксперты почерка противорѣчатъ другъ другу и обвиняютъ другъ друга въ некомпетентности и въ ошибкѣ. Генералы главнаго штаба и офицеры спеціальнаго оружія никакъ не могутъ согласиться между собою насчетъ значенія бордеро, гидравлическаго тормаза, руководства къ стрѣльбѣ и т. п., и часто въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ отзываются другъ о другѣ, подчеркивая взаимное промахи и ошибки съ особенною язвительностью. Роже, Гонзъ, Билльо, Цурлинденъ, Гартманъ, Кюинье, Мерсье, Кавеньякъ и др., каковы бы ни были ихъ имена и титулы, на каждомъ словѣ противорѣчатъ другъ другу, подводятъ изподтишка, ругаютъ другъ друга и не могутъ сойтись буквально ни на *одномъ* пунктѣ. Ихъ соединяетъ только одно общее чувство—ненависть къ единственному человѣку, который имѣлъ мужество отстаивать свое убѣжденіе въ невинности Дрейфуса. Человѣкъ этотъ Пикаръ, который до сихъ поръ, къ удивленію всѣхъ честныхъ людей, томится въ заключеніи и не извѣстно когда будетъ выпущенъ. Всякаго безпристрастнаго читателя должны поразить также своею глупостью или цинизмомъ тѣ извиненія и оправданія, которыя приводятся нѣкоторыми свидѣтелями въ защиту поддѣлывателя Анри и браваго улана Эстергази.

Любопытно въ данномъ случаѣ показаніе Кюинье, которое въ сущности является обвинительнымъ актомъ противъ Пати дю Кляма. Оказывается, что именно этотъ офицеръ долженъ нести отвѣтственности за подлогъ Анри, дѣйствовавшаго по его внушенію. Тщеславіе, надменность, безпримѣрная наглость и нравственная низость всѣхъ этихъ офицеровъ сквозятъ въ каждомъ словѣ ихъ показаній суду, а между тѣмъ они высокомѣрно заявляютъ, что они—носители чести арміи и что на нихъ лежитъ обязанность защищать эту честь. Невольно возникаетъ вопросъ: а честь страны, народное достоинство, не страдаютъ ли они отъ такихъ представителей и защитниковъ.

Объемистые документы кассаціоннаго суда не доставляютъ ни одного сколько нибудь вѣскаго доказательства въ пользу виновности Дрейфуса, и чѣмъ дальше, тѣмъ ярче обнаруживается нелѣпость процесса 1894 г., несостоятельность улики и неправильность судопроизводства. Прежде всего, ничѣмъ не доказано, что бордеро, на основаніи котораго былъ осужденъ Дрейфусъ, было имъ написано и даже, наоборотъ, существуетъ сильное и основательное подозрѣніе, что авторомъ этого документа былъ дѣйствительно Эстергази, и въ этомъ смыслѣ высказался докладчикъ кассаціоннаго суда Балло-Бопрэ; затѣмъ слѣдствіе обнаружило цѣлую серію поддѣлокъ и подлоговъ, которые приписываются Анри, но въ которыхъ Кюинье прямо обвиняетъ Пати дю Кляма. Эти поддѣлки и подлоги бросаютъ тѣнь на весь процессъ 1894 г. и заставляютъ сильно подозрѣвать, что весь онъ сначала до конца, былъ основанъ на обманѣ и весь сотканъ изъ злоупотребленій.

Документы слѣдствія представляютъ также въ довольно странномъ свѣтѣ поведеніе нѣсколькихъ министровъ, находившихся у власти въ то время, когда начатъ былъ злополучный процессъ. Многіе изъ министровъ сознались суду, что они противились процессу, находя улики недостаточно доказательными, но должны были уступить подъ давленіемъ генерала Мерсье, который былъ тогда военнымъ министромъ. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, котораго независимая печать обвиняетъ теперь въ легкомысліи, находилъ небезопаснымъ начинать процессъ на основаніи такихъ доказательствъ, какія были собраны Мерсье. Ганото зналъ, что ни германское, ни итальянское правительство

не имѣютъ ни какихъ сношеній съ Дрейфусомъ, но за все время министерства Мелина онъ ни разу не вмѣшался, не высказалъ своего мнѣнія, не протестовалъ противъ ложныхъ заявленій, явно направленныхъ къ тому, чтобы ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, и которыя дѣлались министрами или генералами съ трибуны палаты депутатовъ.

Легкомысліе Ганото поражаетъ не менѣе, чѣмъ глупость Кавеньяка, огласившаго съ трибуны документы, подложность которыхъ была хорошо извѣстна всѣмъ посвященнымъ въ дѣла главнаго штаба и должна была быть извѣстна ему. Удивительно типично также признаніе генерала Билльо. Когда его спросили по поводу противорѣчивыхъ версій депеши полковника Паниццарди, то Билльо признался, что ему была извѣстна подлинная и точная версія этой депеши, представленная министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, *но онъ не придавалъ ей значенія, потому что она устанавливала невинность Дрейфуса, поэтому то онъ и удалилъ ее изъ секретнаго dossier!* Почтенному защитнику чести (?) арміи ни разу не пришло въ голову, что именно поэтому этотъ документъ имѣетъ огромную важность; онъ совершенно не сознаетъ значенія своего поступка и того, что этимъ онъ доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ предвзятое намѣреніе главнаго штаба, во чтобы то ни стало представить Дрейфуса виновнымъ!

Врядъ ли какой нибудь другой процессъ на свѣтѣ представляетъ такую изумительную смѣсь лжи, низости и удивительной наивности и непониманія самыхъ элементарныхъ вещей. Но въ этомъ процессѣ, въ которомъ гнусное перемѣшивается съ трагическимъ, есть одна свѣтлая сторона, это—доказательство силы общественнаго мнѣнія. Нельзя считать погибшей сторону, въ которой общественная совѣсть можетъ такъ громко заявлять о своихъ правахъ и заставить преклониться передъ своими требованіями могущественную, захватившую въ свои руки власть, клику продажныхъ, низкихъ и гнусныхъ дѣятелей, прикрывающихся громкими фразами о патріотизмѣ, чести арміи и т. п.! Не погибъ тотъ народъ, который не боится суда, общественнаго мнѣнія и не страшится вырвать съ корнемъ тѣ злокачественные наросты на общественномъ организмѣ, которые подрываютъ его благосостояніе!

Около половины Іюня Дрейфусъ будетъ привезенъ во Францію и тогда то наступитъ эпилогъ этой безпримѣрной трагикомедіи конца вѣка.

Двѣ годовщины. 18 го мая 1799 г. умеръ въ Парижѣ Пьеръ Огюстенъ Каронъ Бомарше, знаменитый французскій драматургъ и публицистъ, а два дня спустя въ Турѣ родился Гоноре де Бальзакъ, знаменитый французскій романистъ и родоначальникъ реалистической школы. Одинъ мощный талантъ угасъ, другой народился и Франція можетъ съ гордостью праздновать двойную годовщину въ этомъ году. Когда Бомарше сошелъ въ могилу и на свѣтъ родился Бальзакъ, то во Франціи еще господствовалъ республиканскій календарь и только что затихъ громъ революціи. Начиналась буржуазная реакція, на почвѣ которой выросла Имперія; но страна была еще такъ богата интеллектуальными силами, что каждая потеря немедленно вознаграждалась, таланты смѣняли другъ друга и, казалось, запасъ ихъ былъ неистощимъ. Умственная жизнь страны била мощнымъ ключемъ, который разливался широкимъ потокомъ, не изсякавшимъ и не ослабѣвавшимъ въ теченіе двухъ столѣтій.

Въ то время, однако, какъ память Бальзака чествуютъ въ этомъ году на его родинѣ, въ Турѣ, и литературное общество посвящаетъ ему торжественное засѣданіе, о Бомарше точно забыли. Въ честь его не слагаются гимны и лишь въ немногихъ органахъ печати были посвящены ему краткія замѣтки по случаю столѣтней годовщины его смерти. Это и понятно. Бальзакъ стоитъ ближе къ нынѣшнему поколѣнію, между тѣмъ какъ Бомарше всецѣло принадлежитъ

XVIII вѣку. Трудно даже представить себѣ болѣе противоположные характеры, нежели Бомарше и Бальзакъ. Бомарше былъ истиннымъ сыномъ просвѣщеннаго XVIII вѣка, все стремившагося впередъ, тогда какъ Бальзакъ представляетъ скорѣе пресыщенный умъ, болѣе склонный къ отступленію, нежели къ дальнѣйшему движенію впередъ. Въ своихъ романахъ Бальзакъ далъ вѣрную картину современнаго ему французскаго общества. До того картины, изображавшіяся романистами, были лишены плоти и крови; въ нихъ не было живыхъ существъ, а какіе-то безплотные призраки, созданія фантазіи романиста, не нуждавшіеся ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, а только въ любви, которая была главнымъ ихъ занятіемъ. Бальзакъ замѣнилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ живыми людьми и въ своей «Comédie humaine» создалъ цѣлый рядъ типическихъ образовъ, проявляя при этомъ необыкновенную наблюдательность и способность подмѣчать мельчайшіе детали жизненной обстановки.

Однако между Бомарше и Бальзакомъ, несмотря на ихъ противоположность во всемъ, можно все таки найти точки соприкосновенія. Оба были дѣльцами, оба мечтали о богатствѣ, оба сами присвоили себѣ дворянское достоинство, прибавивъ частицу *de* къ своей фамиліи, хотя и тотъ и другой происходили изъ буржуазной семьи. Бальзакъ былъ сначала три года клеркомъ у нотаріуса и затѣмъ уже выступилъ на поприще романиста, потерпѣвъ неудачу какъ писатель-драматургъ. На этомъ новомъ поприщѣ ему повезло, издатели и книгопродавцы на расхватъ раскупали его произведенія и, богатство, о которомъ всегда мечталъ Бальзакъ, было у него тутъ подъ рукой. Но онъ, также какъ и Бомарше, пустился въ издательскія спекуляціи, которыя разорили его, вовлекли въ долги, отъ которыхъ онъ потомъ не могъ освободиться до самой смерти и вынужденъ былъ работать до истощенія силъ. Впрочемъ пылкая фантазія Бальзака часто до такой степени увлекала его, что онъ то представлялъ себя крезомъ, то нищимъ. Выдержки изъ его писемъ попадали въ европейскую печать и въ нихъ часто можно было прочесть жалобу на то, что онъ вынужденъ голодать, что у него нѣтъ денегъ, чтобы отправить франкированное письмо, чтобы заплатить за извозчика и т. д. и т. д. Но тотъ, кто посѣтилъ бы Бальзака какъ разъ въ это время, увидалъ бы его окруженнымъ чисто азіятскою роскошью. Бальзакъ точно не сознавалъ противорѣчія между своими жалобами на нужду и этою роскошью, между невозможностью заплатить за извозчика и своимъ рабочимъ костюмомъ доминиканскаго покроя, изъ тончайшаго бѣлаго кашемира, на бѣломъ шелку.

М-me Анселo, въ своихъ «Salons de Paris», разсказываетъ слѣдующій фактъ, характеризующій увлеченія Бальзака. Утромъ она встрѣтила его на улицѣ Парижа; онъ имѣлъ видъ совершенно растеряннаго человѣка и сказалъ ей, что находится въ отчаяніи, что онъ несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, кошелекъ у него пустъ, а голова полна мыслей. Онъ только что заложилъ свои часы, чтобы имѣть возможность позавтракать. Вечеромъ, въ тотъ же день, она встрѣтилась съ нимъ опять въ салонахъ герцогини Абрантесъ. Отъ утреннихъ жалобъ не осталось и слѣда и Бальзакъ вдохновеннымъ тономъ разсказывалъ о своихъ грандіозныхъ планахъ и надеждахъ, которые должны были доставить ему баснословныя богатства. Наконецъ-то талантъ и умъ получатъ то, что имъ принадлежитъ по праву! Онъ говорилъ о милліонахъ и, когда онъ потрясалъ рукой, то какъ будто слышался звукъ золота, это былъ совсѣмъ другой Бальзакъ, не тотъ, который утромъ жаловался на свою бѣдность. Въ сущности однако это былъ тотъ же самый человѣкъ, склонный все преувеличивать до крайнихъ предѣловъ, какъ свои мечты о богатствѣ, такъ и жалобы на бѣдность. Въ этомъ отношеніи онъ отличался отъ Бомарше, который никогда не уносился мечтами. Бомарше все перепробовалъ, занимался финансовыми предпріятіями, затѣвалъ процессы, сочинялъ памфлеты, комедіи, драмы и даже оперу, но въ

дѣйствительности былъ политикомъ и политика составляла его главное и истинное призваніе. Бальзакъ же былъ истиннымъ сыномъ того вѣка, который ознаменовался всеобщею погоней за богатствомъ, послѣ того какъ раздались знаменитыя слова Гизо: «Enrichissez vous!» Онъ отличался отъ своихъ современниковъ лишь тѣмъ, что былъ щепетиленъ въ выборѣ средствъ къ обогащенію. Въ его театральномъ произведеніи «Mercadet le faiseur» заключается рѣзкая сатира на финансовыхъ спекуляторовъ, не стѣсняющихся въ выборѣ средствъ. Бальзакъ говорилъ, что деньги надо презирать, но чтобы имѣть возможность ихъ презирать—ихъ надо имѣть. Безъ денегъ нѣтъ власти, безъ власти нѣтъ положенія въ свѣтѣ. Такова теорія Бальзака.

Бальзакъ часто говорилъ о «маршалахъ французской литературы», охотно заимствуя свои сравненія изъ временъ Наполеона I, которому онъ поклонялся; недаромъ онъ былъ легитимистъ. Надъ однимъ изъ портретовъ Наполеона онъ написалъ слѣдующія слова: «Я заканчиваю перомъ то, что онъ началъ мечомъ». Помня, что Наполеонъ по царски награждалъ своихъ маршаловъ, Бальзакъ находилъ, что и «маршалы литературы» должны получать княжескіе оклады.

Бомарше не былъ, пожалуй, столь разборчивъ въ средствахъ, какъ Бальзакъ, но за то и не такъ былъ пропитанъ мечтами о власти и богатствѣ, какъ этотъ послѣдній. Правда, онъ занимался торговыми спекуляціями и наживалъ на нихъ милліоны, но его привлекала не столько самая перспектива богатства, сколько самый процессъ его наживанія, рискованныя спекуляціи и т. д. Его кипучая натура постоянно жаждала дѣятельности, сильныхъ ощущеній и впечатлѣній. Онъ устраивалъ банкирскія операціи и въ тоже время затѣвалъ какую нибудь сложную политическую интригу или же рисковалъ своею жизнью, защищая честь своей сестры и т. п. Бомарше соединялъ въ себѣ всѣ типичныя стороны французской расы и былъ самъ олицетвореніемъ французскаго народа, со всею его непослѣдовательностью, стремительностью и впечатлительностью и быстрыми переходами отъ одного состоянія къ другому. Начавъ свою карьеру подмастерьемъ въ лавочкѣ своего отца, который былъ часовщикомъ, Бомарше ухитрился попасть въ высшее общество, гдѣ, благодаря своему музыкальному и разговорному таланту, онъ быстро обратилъ на себя вниманіе и завязалъ связи, которыя ему потомъ очень пригодились. Ему было 32 года, когда онъ отправился въ Испанію, чтобы отмстить обольстителю своей сестры, испанскому писателю-поэту Клавиго. Этотъ эпизодъ Бомарше описываетъ въ своихъ «Fragments de voyage en Espagne». Исполнивъ это семейное дѣло, Бомарше занялся другими: онъ велъ разсѣянную жизнь; принятый въ лучшемъ мадридскомъ обществѣ, онъ интриговалъ, писалъ стихи, затѣвалъ коммерческія предпріятія и т. п. Изъ Испаніи, онъ вывезъ весь декорумъ и костюмы для своихъ пьесъ «Севильскій Цирюльникъ» и «Свадьба Фигаро» и тамъ же онъ впервые выказалъ въ яркомъ свѣтѣ всѣ разнообразныя стороны своего характера, какъ дѣлецъ, семьянинъ и веселый жуиръ и какъ политикъ и публицистъ. Такая разнохарактерность составляетъ наиболѣе типическую черту всей его дѣятельности и пролегаетъ красною нитью черезъ всю его жизнь.

Музей общественной гигіены въ Берлинѣ. Въ Берлинѣ, въ 1887 году основанъ Музей общественной гигіены. Въ началѣ это было скромное учрежденіе, состоявшее только изъ коллекцій германской выставки по гигіенѣ, но съ этихъ поръ Музей этотъ расширился и обогатился многочисленными новыми аппаратами, планами, моделями и коллекціями, которыя доставлялись Музею съ разныхъ сторонъ.

Музей помѣщается въ обширномъ двухъэтажномъ зданіи, рядомъ съ гигіеническимъ институтомъ берлинскаго университета и открытъ для публики каждый день, а читальный залъ, гдѣ находятся книги и журналы по гигіенѣ, рисунки

и т. п. открытъ два раза въ недѣлю. Въ этомъ Музеѣ можно найти все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ гигіенѣ, спасанію жизни или предупрежденію несчастныхъ случаевъ. Тутъ есть аппараты для спасенія утопающихъ, карты съ указаніями маяковъ у германскихъ береговъ, модели сторожевыхъ постовъ, пожарной команды и т. д. Но особенно заслуживаютъ вниманія мѣры противъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими различныхъ профессій. Тутъ находятся также различные препараты, доказывающіе вредъ, приносимый здоровью рабочихъ вдыханіемъ мельчайшей угольной, древесной, хлопчатобумажной и др. пыли на фабрикахъ и указываются мѣры къ борьбѣ съ этими вредными вліяніями, модели аппаратовъ для очищенія воздуха въ копяхъ и на фабрикахъ, предохранительные респираторы, очки и т. д. Въ этомъ отдѣлѣ Музея обращаютъ на себя вниманіе таблицы несчастныхъ случаевъ, а также статистическія таблицы смертности, ясно указывающія, что смертность уменьшилась со введеніемъ канализаціи и проведеніемъ воды для питья.

Въ Музеѣ находятся также модели жилищъ для рабочихъ, экономическихъ кухонь, пріемныхъ покоевъ для поданія первой помощи при несчастныхъ случаяхъ, фабричныхъ бань, школъ и планы рабочихъ кварталовъ. При этомъ тщательно вычислена цѣна каждой постройки, наемная цѣна помѣщенія и все остальное. Затѣмъ идетъ отдѣлъ дѣтской и школьной гигіены, гдѣ можно видѣть модели школьныхъ колоній, гимнастическіе аппараты, представляющіе послѣднее слово науки, дѣтскія игры и учебныя пособія. Въ музеѣ конечно собрано также все, что относится къ военной гигіенѣ, къ поданію первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и во время войны, а рядомъ съ Музеемъ во дворѣ устроена испытательная станція и лабораторія для изслѣдованія почвы, воздуха, температуры и т. д.

Городское управленіе въ Лондонѣ и палата общинъ. Британскій парламентъ занимается въ настоящее время обсужденіемъ законопроекта новаго лондонскаго городскаго самоуправленія. Обсужденіе этого законопроекта представляетъ важное событіе въ лондонской жизни, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что Лондонъ—это государство съ шестимилліоннымъ населеніемъ, передъ которымъ многія изъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ должны отступить на второй планъ. Исторія лондонскаго самоуправленія лучше всего указываетъ соціальную и политическую эволюцію Англіи за послѣднее полстолѣтіе и весь ходъ этой эволюціи и ея перипетій.

Но эта исторія вовсе не древняя. Сорокъ пять лѣтъ тому назадъ Лондонъ имѣлъ два милліона жителей и считался уже два столѣтія самымъ большимъ европейскимъ городомъ. Несмотря на это, управленіе Лондона носило довольно-таки примитивный характеръ. Главная роль принадлежала Сити, съ его небольшимъ населеніемъ и весьма микроскопическими размѣрами; но Сити обладало грандіозною корпораціей, альдерменами и лордъмэромъ. Лондона въ сущности не было, такъ какъ онъ состоялъ всегда изъ отдѣльныхъ частей и предмѣстій, связанныхъ въ одно цѣлое, причемъ каждый округъ сохранялъ вольности и свое управленіе, никакого центральнаго органа не было и всѣ дѣйствовали въ разбродъ, такъ что вся исторія Лондона сводится къ постоянной борьбѣ двухъ различныхъ направленій, что впрочемъ повторяется также и во всей исторіи политической и соціальной эволюціи Англіи. Представительницей одного изъ этихъ направленій, консервативнаго, служитъ партія умѣренныхъ, которые являются потомками старинныхъ виговъ. Исправлять постепенно наслѣдіе прошлаго, но сохранять поскольку возможно архаическій характеръ всѣхъ учрежденій и ихъ разнообразіе—вотъ принципъ, котораго придерживается эта партія. Въ Лондонѣ эта партію желала сохранить во чтобы-то ни стало и организацію Сити и муниципальныя корпораціи. Другая партія, въ составъ которой входятъ либералы,

радикалы, фабіановскіе соціалисты, добивается отмѣны старинныхъ посадовъ, предмѣстій, даже Сити, и централизаціи городского управленія, которое должно исходить непосредственно отъ народа. Это такъ называемые прогрессисты, возмущающіеся въ особенности анахронизмомъ и аномаліей учрежденій Сити и требующіе ихъ уничтоженія. «Какъ!—восклицаютъ они,—представитель нѣсколькихъ купцовъ продолжаетъ, подъ именемъ лордъмэра, говорить отъ лица шести милліоновъ людей, изъ которыхъ ни одинъ не участвовалъ въ его избраніи. Развѣ это справедливо»!..

Прогрессистамъ удалось таки постепенно расшатать это прочное учрежденіе и добиться компромиссовъ. Казалось, окончательная побѣда была не за горами и дни Сити были сочтены, но наступила реакція. Въ данный моментъ въ палату общинъ внесенъ законопроектъ не только сохраняющій организацію Сити и всѣ его прерогативы, но стремящійся также укрѣпить его и возвысить. Этотъ, такъ называемый «London Government Bill» вызвалъ горячія пренія въ палатѣ общинъ, причемъ даже былъ выдвинутъ на сцену женскій вопросъ. Одинъ изъ консервативныхъ депутатовъ внесъ поправку къ новому законопроекту, въ которой стремился ограничить права женщинъ и ихъ участіе въ новомъ городскомъ управленіи. Онъ указывалъ, что хотя образованныя женщины и принесли пользу въ дѣлѣ управленія городскими общественными библіотеками, въ школьныхъ комиссіяхъ и т. п., тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, можно было обойтись безъ ихъ содѣйствія. Въ санитарной комиссіи участіе женщинъ онъ находитъ тоже неудобнымъ. «Притомъ,—прибавляетъ ораторъ,—было бы очень жаль вмѣшивать женщинъ въ политическую борьбу, которой избѣжать невозможно въ новомъ городскомъ самоуправленіи, и если мы допустимъ женщинъ туда, то *въ будущемъ мы не будемъ имѣть никакого основанія лишать ихъ парламентскихъ избирательныхъ правъ и въ концѣ концовъ онѣ получатъ доступъ въ парламентъ*».

Въ послѣднихъ словахъ оратора заключалась его главная точка зрѣнія: «не слѣдуетъ протягивать женщинамъ палецъ, чтобы онѣ не захватили всю руку». Рѣчь его, какъ и слѣдовало ожидать, вызвала оживленныя пренія. Первымъ возражалъ Бальфуръ, указавшій на то, что уже въ 1894 г. парламентъ призналъ права женщинъ занимать выборныя должности и если теперь, въ новомъ законопроектѣ, отказать имъ въ этомъ правѣ, то это означало бы «шагъ назадъ». Притомъ же женщины доказали свои способности и свою полезность въ различныхъ комиссіяхъ и было бы странно, послѣ такого плодотворнаго опыта, снова ограничивать ихъ поле дѣятельности. По мнѣнію Бальфура женщинамъ слѣдовало бы дать нѣкоторыя парламентскія избирательныя права, но разумѣется съ извѣстными ограниченіями. Что же касается ихъ появленія въ парламентѣ, то онъ долженъ сознаться, что одна мысль о томъ, что онѣ будутъ засѣдать въ палатѣ общинъ, приводитъ его въ содроганіе. Если бы женщины вздумали этого добиваться, то лишились бы въ немъ своего защитника.

Послѣ рѣчи другихъ ораторовъ, высказавшихъ свое отношеніе къ женскому вопросу, было приступлено къ голосованію и на этотъ разъ женщины вышли побѣдительницами, такъ какъ поправка къ биллю, лишающая ихъ право участія въ городскомъ самоуправленіи, была отвергнута большинствомъ 127 голосовъ противъ 101. Но пренія этимъ не кончились. Либеральный депутатъ Лодзъ внесъ новую поправку къ биллю, въ которой заявлялось, что ни полъ, ни замужество, не должны служить препятствіемъ къ занятію выборныхъ должностей. Въ доказательство способности женщинъ занимать выборныя должности и пользы, приносимой ими, онъ привелъ результаты послѣднихъ выборовъ въ Ирландіи, гдѣ 39 женщинъ были выбраны на разныя должности. Въ Лондонѣ 17 женщинъ давно уже состоятъ членами различныхъ совѣтовъ и онъ полагаетъ, что врядъ ли можно желать лучшихъ членовъ, чѣмъ онѣ!

Нѣкоторые изъ консервативныхъ депутатовъ потребовали, чтобы была внесена въ новый законопроектъ оговорка, ограничивающая права женщинъ и не допускающая ихъ занимать должность мэра, депутатъ Блэнбери поставилъ при этомъ на видъ, что мэръ непремѣнно долженъ обладать «знаніемъ людей» (knowledge of men), а женщины этого знанія понять не могутъ! Это предложеніе принято, также какъ и другое, отнимающее у женщинъ право занимать должность альдерменовъ (старшихъ). Такимъ образомъ, сдѣлавъ шагъ впередъ въ одномъ отношеніи, палата общинъ точно испугалась своего прогрессивнаго движенія и сразу подалась назадъ. Эти колебанія взадъ и впередъ дали поводъ депутату Джону Бёрнсу въ рѣзко юмористической формѣ осмѣять палату, не рѣшающуюся прямо высказать свое нежеланіе допустить женщинъ въ городское самоуправленіе. «И чего только не говорилось по этому поводу! воскликнулъ онъ. Указывали на то, что женщинъ не слѣдуетъ вовлекать въ политическую избирательную борьбу, забывая при этомъ, что въ «Primrose League» женщины служатъ консервативной партіи для политической агитаціи, между тѣмъ именно въ городскомъ самоуправленіи много такого дѣла, въ которомъ женщины могутъ принести наибольшую пользу. Было бы очень желательно, чтобы парламентъ, въ данномъ случаѣ, не поддавался вліянію гг. «правой стороны».

Въ виду рѣзкости тона рѣчи Бёрнса, Бальфуръ счелъ за лучшее прекратить пренія, заявивъ, что вопросъ о допущеніи женщинъ можетъ быть рѣшенъ во время дальнѣйшаго обсужденія билля по статьямъ.

Въ то время какъ въ палатѣ общинъ пренія вертѣлись вокругъ женскаго вопроса, въ палатѣ лордовъ они носили нѣсколько юмористическій характеръ. Какой то благородный лордъ разразился пламенною рѣчью противъ новыхъ мозаичныхъ украшеній собора св. Павла. Эта мозаика является грубымъ нарушеніемъ вкусовъ публики и понятій о красотѣ и гармоніей своихъ красокъ напоминаетъ англійскій «lobster salad», заявилъ лордъ и требовалъ, чтобы правительство вмѣшалось въ это дѣло.

Лордъ Салисбюри хладнокровно возразилъ на это, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться, да еслибъ и имѣлъ, то ни за что не воспользовался бы имъ, такъ какъ художественные и религіозные вопросы принадлежатъ къ числу очень щекотливыхъ предметовъ и правительство должно, насколько это возможно, избѣгать ихъ.

Тогда выступилъ другой лордъ съ вопросомъ: гдѣ находится голова Веллингтона? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ палата общинъ вотировала необходимые фонды для сооруженія въ томъ же самомъ соборѣ св. Павла памятника, на которомъ должна была возвышаться конная статуя побѣдителя Ватерлоо. Памятникъ существуетъ, но безъ статуи, которую удалили въ подвалъ, а когда захотѣли ее вытащить оттуда, то замѣтили, что у нея не было головы. Веллингтонъ обезглавленъ и казнь произведена надъ его изображеніемъ—какое страшное оскорбленіе! Почтенный лордъ такъ возмущался, такъ негодовалъ, что каждую минуту можно было ожидать, что онъ потребуетъ головы министровъ, чтобы смыть это оскорбленіе.

Лордъ Салисбюри также хладнокровно возразилъ и на на эту пламенную филиппику, что «такъ какъ скульпторъ, дѣлавшій статую Веллингтона, не получилъ за нее денегъ и умеръ, то его душеприкащикъ явился, взялъ голову Веллингтона и, положивъ ее къ себѣ въ карманъ, удалился. Притомъ-же,— замѣтилъ лордъ Салисбюри—правительство королевы имѣетъ слишкомъ много другихъ дѣлъ и заботъ на рукахъ и потому не можетъ заниматься разыскиваніемъ головъ всѣхъ знаменитыхъ личностей, живыхъ или мертвыхъ, потерявшихъ свою голову, и предоставляетъ членамъ парламента самимъ, по собственной иниціативѣ, ходатайствовать въ палатѣ общинъ насчетъ ассиг-

*

новки необходимыхъ фондовъ для возстановленія головы герцога Веллингтона на мѣстѣ».

Первыя шаги японскаго государственнаго дѣятеля. Японскій городъ Осака праздновалъ не такъ давно 300-лѣтній юбилей одного изъ своихъ величайшихъ народныхъ героевъ, Таико Хидейоши, который былъ сыномъ простого крестьянина, но достигъ наивысшаго положенія въ странѣ, не взирая на кастовыя ограниченія, и во время войны былъ главнымъ полководцемъ Японіи. Три столѣтія тому назадъ, онъ создалъ планъ покоренія Кореи и присоединенія ея къ Японіи и этотъ планъ, хранящійся въ японскомъ архивѣ, былъ выполненъ японцами во время ихъ послѣдней войны. Таико Хидейоши хотѣлъ проникнуть черезъ Манджурію въ Пекинъ и превратить его въ столицу великаго японскаго государства. Смерть помѣшала ему привести въ исполненіе свой смѣлый планъ. Со временъ Таико ни одинъ изъ государственныхъ дѣятелей, также вышедшихъ изъ народа, не достигъ такого высокаго положенія, и только теперь маркизъ Ито, первый способствовавшій введенію въ своемъ отечествѣ реформъ, приблизившихъ его къ цивилизованнымъ европейскимъ государствамъ,— также какъ и прежній японскій герой, самъ добился почестей и славы.

Маркизъ Ито происходитъ изъ простой крестьянской семьи. Онъ родился въ деревнѣ Тсукаримура, насчитывающей всего лишь 1.500 жителей. Родители его были бѣдные и Ито выросъ среди лишеній и нужды. Когда онъ былъ ребенкомъ, то всѣ окружающіе считали его совершенно неспособнымъ. но впослѣдствіи имъ пришлось разубѣдиться въ этомъ. Молодымъ человѣкомъ Ито отправился въ Гаги и оттуда въ Кіото; онъ былъ однимъ изъ первыхъ японцевъ, признавшихъ необходимость полнѣйшаго преобразованія какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ условій страны. Самъ Ито недавно, въ засѣданіи японскаго экономическаго общества, разсказывалъ объ этомъ слѣдующее:

«Теперь наши сношенія съ заграницей носятъ очень оживленный характеръ, сказалъ онъ;—ввозъ иностранныхъ книгъ въ Японію никакихъ затрудненій не представляетъ и кромѣ того у насъ уже существуетъ довольно много японскихъ переводовъ; поэтому теперь познакомиться съ европейскою культурой не трудно и для нынѣшней учащейся японской молодежи это большая благодать. Когда же я былъ ученикомъ, то ничего подобнаго не существовало и единственнымъ пособіемъ при обученіи иностранному языку служилъ англо-японскій словарь. Учителей англійскаго языка найти было нелегко тогда, эта книга замѣняла намъ и учителя, и руководителя и мы добросовѣстно изучали ее, ища въ ней подспорье въ трудныхъ случаяхъ. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ я въ первый разъ поѣхалъ въ Англію. Въ то время въ странѣ уже поднятъ былъ вопросъ о томъ, должна ли Японія по прежнему оставаться закрытой для европейской культуры. Споръ былъ очень горячій и страсти разгорались сильнѣе чѣмъ при теперешней борьбѣ партій. Но партія, мечтавшая о доступѣ въ страну европейской культуры, была тогда слишкомъ слаба, а противоположная партія казалась слишкомъ сильной.

«Къ счастью для насъ, не все то, что кажется сильнымъ, бываетъ сильнымъ на самомъ дѣлѣ, и въ нашей исторіи можно найти неоднократные примѣры этого. Когда Таико Хидейоши, триста лѣтъ тому назадъ, завладѣлъ Кореей и наши войска стояли уже въ Пингъянгѣ, то династія Минга, господствовавшая въ Нанкинѣ прислала тогда корейцамъ на помощь такое громадное войско, что наши люди совершенно упали духомъ. Несмотря на это, всѣ кричали, что надо сражаться до послѣдняго издыханія и никто ничего и слышать не хотѣлъ о мирѣ, но въ глубинѣ души всѣ мечтали и желали мира. Трое полководцевъ отправили посланнаго къ одному изъ генераловъ, который славился своею храбростью, но онъ сказался больнымъ, такъ какъ прекрасно зналъ, что

за нимъ посылаютъ лишь для того, чтобы онъ посовѣтовалъ заключить миръ и можно было бы такимъ образомъ сослаться на него. Припасовъ оставалось лишь не болѣе, какъ на десять дней, и войско очутилось въ очень трудномъ положеніи. Снова послали къ генералу и на этотъ разъ онъ явился. Устроили военный совѣтъ, на которомъ нѣкоторые изъ полководцевъ заявили, что они намѣрены бороться до послѣдней крайности, даже если у нихъ не останется ничего, кромѣ камней. На это генералъ спокойно возразилъ: «Мои войска не могутъ ѣсть камни. Не лучше ли намъ заключить миръ?» Тогда всѣ съ восторгомъ подхватили его слова и даже тѣ самые полководцы, которые только что заявляли, что они готовы питаться камнями. Выслушавъ все это, генералъ также спокойно замѣтилъ: «Но прежде чѣмъ отступить, я попробую все таки сразиться съ войсками Минга, я одинъ буду сражаться со своимъ войскомъ и другимъ полководцамъ не зачѣмъ принимать участіе въ этомъ сраженіи». Такъ и случилось; генералъ одержалъ блестящую побѣду надъ громаднымъ китайскимъ войскомъ и тогда заключилъ миръ.

«Такіе же точно «камнеѣды» и теперь хотѣли во чтобы то ни стало изолировать страну и не допустить въ нее иностранную культуру; когда ихъ спрашивали, какими способами они разсчитываютъ закрыть иностранцамъ доступъ въ Японію, они отвѣчали: «Мы укрѣпимъ всѣ берега Японіи, уставимъ ихъ пушками и будемъ обстрѣливать каждое иностранное судно, которое осмѣлится приблизиться къ берегу». Но когда имъ задавали вопросъ, откуда они возьмутъ такъ много пушекъ, они возражали: «Всѣ колокола изо всѣхъ буддійскихъ храмовъ будутъ перелиты и изъ нихъ будутъ сдѣланы пушки и кромѣ того всѣ тѣ, кто добивается открытія страны, будутъ казнены». Такъ какъ слухи ходили, будто бы и самъ императоръ раздѣляетъ такую точку зрѣнія, то понятно, вся страна пришла въ сильнѣйшее волненіе. Я былъ въ то время въ Кіото изъ числа очень немногихъ, которые стояли за то, что Японія должна сдѣлаться открытой страной; поэтому я рѣшилъ отправиться заграницу и познакомиться съ иностранною культурой. Съ этою цѣлью я заключилъ тайный союзъ со своими пріятелями: Кахору Инуи, Мазару Инуи, Іоso Ямао и Кинсуке Іендо. Затѣмъ я обратился за содѣйствіемъ къ одному высокопоставленному чиновнику, моему земляку, Шошу Кусака, который однако высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ моего плана.

«Но это насъ не остановило. Мы отправились въ Токіо и тамъ разыскали другого нашего земляка, генерала Омура, который, какъ намъ было извѣстно, зналъ голландскій языкъ и интересовался Европой. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, отнесся очень сочувственно къ нашему плану и тотчасъ же согласился оказать намъ поддержку. Въ тѣ времена у насъ господствовалъ старинный законъ, воспрещавшій японцамъ подъ страхомъ смертной казни покидать свою страну. Мы переодѣлись купцами и попытались въ Іокогамѣ попасть на какое-нибудь иностранное судно. Тамъ мы обратились къ англійскому консулу, который хорошо говорилъ по японски, и онъ согласился отправить насъ тайкомъ на одномъ суднѣ. Мы размѣняли 5.000 іенъ, данныя намъ генераломъ Омурой, на американскіе доллары и ночью, тайкомъ, зашли въ европейскую лавку, чтобы пріобрѣсти тамъ европейское платье и сапоги. Но мы ничего не достали кромѣ старыхъ сапогъ и стараго матросскаго платья, за которое насъ заставили заплатить очень большіе деньги. Мы не знали назначенія этого костюма и только впослѣдствіи узнали это и много смѣялись надъ своею глупостью. Старые сапоги, которыми насъ снабдилъ лавочникъ, были такъ велики, что наши обѣ ноги свободно входили въ одинъ сапогъ и поэтому мы съ трудомъ могли въ нихъ двигаться; мы остригли волосы по европейскому образцу и спрятались въ саду консульства.

«Вечеромъ, по приглашенію консула, явился иностранный капитанъ, но какъ

ни просилъ его консулъ взять насъ съ собою, капитанъ ни за что не соглашался, зная, какъ строго караютъ законы страны всякую попытку къ эмиграціи. Послѣ разговора съ нимъ консулъ пришелъ къ намъ и сказалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для насъ. «Мы уже остригли свои волосы, сказалъ я ему, и если мы теперь, въ такомъ видѣ, покажемся на улицѣ, то все равно намъ отрѣжутъ голову. Мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ выйти изъ консульства и лучше готовы сами лишить себя жизни, нежели подвергнуться казни». Консулъ увидѣлъ, что мы твердо рѣшились продѣлать надъ собою «Гаракири» (вскрытіе живота), и сказалъ намъ: «Ваша рѣшительность трогаетъ меня. Я попробую еще разъ поговорить съ капитаномъ». Онъ повелъ насъ въ комнату, гдѣ находился капитанъ. Инуи, говорившій немного по англійски, принялся объясняться съ нимъ и я замѣтилъ, что капитанъ уже склоняется въ нашу пользу, вѣроятно ради консула, который подвергался серьезной опасности, благодаря нашему присутствію. Капитанъ сказалъ, что возьметъ насъ съ собой, и мы въ полночь перебрались къ нему на судно, японская стража въ темнотѣ не узнала насъ и приняла насъ за иностранныхъ матросовъ. Но на суднѣ намъ пришлось спрятаться, пока мы не вышли въ открытое море; только тогда мы могли безопасно показаться на палубѣ.

«Намъ было очень непріятно, что никто изъ насъ, кромѣ Инуи, не понималъ по англійски. Матросы давали намъ остатки отъ своего стола и вообще обращались съ нами, какъ съ дѣтьми, хотя мнѣ, самому младшему изъ нашей компаніи было уже 23 года, а Инуи исполнилось 29 лѣтъ. Въ Японіи мы занимали довольно почетное положеніе, но тутъ, на суднѣ, съ нами обращались очень презрительно. Теперешніе путешественники даже и представить себѣ не могутъ, какую жизнь намъ пришлось вести тогда на этомъ парусномъ суднѣ. Мы должны были помогать матросамъ въ ихъ работѣ и не разъ случалось, что насъ будили ночью ударомъ веревки и заставляли выходить на палубу и помогать ставить паруса и т. п. А между тѣмъ мы заплатили за свой проѣздъ и пропитаніе изрядную сумму. Но мы должны были волей неволей мириться съ такою жизнью и почитать себя счастливыми, что насъ не выдали японскимъ властямъ.

«Суэзскій каналъ тогда еще не былъ открытъ и намъ пришлось плыть мимо мыса Доброй Надежды. Такимъ образомъ мы путешествовали четыре мѣсяца, пока, наконецъ, не достигли Лондона и въ теченіе этого времени только одинъ разъ зашли въ гавань, такъ что путешествіе наше было очень утомительное и скучное. Все время мы питались солониной и морскими сухарями. Находясь въ такихъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, мы все-таки должны были все время усердно учиться англійскому языку и по прибытіи въ Лондонъ я уже зналъ употребительныя англійскія фразы. Капитанъ повелъ насъ къ цирюльнику, потомъ въ баню и затѣмъ пошелъ съ нами къ разнымъ профессорамъ, которыхъ онъ просилъ пріютить насъ у себя. Но вездѣ намъ отказывали, такъ какъ къ японцамъ не привыкли и относились съ предубѣжденіемъ. Наконецъ, мнѣ и Инуи удалось упросить профессора лондонскаго университета Вильямсона взять насъ къ себѣ; остальныхъ пріютилъ у себя одинъ художникъ. Мы не имѣли ни малѣйшаго понятія о той культурѣ, какую увидѣли въ Лондонѣ; намъ и во снѣ не снилось ничего подобнаго, а казалось по временамъ, что мы переселились въ какую-то волшебную страну.

«Я и Инуи поселились у профессора и скоро познакомились со студентами, которые охотно взялись обучать насъ по англійски. Однажды жена профессора, читая газету, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: какъ называется моя родина. «Шошу» отвѣчалъ я. «Ну а гавань Симоносеки тамъ же находится, гдѣ и Шошу, «спросила она». «Да», отвѣтилъ я. «Какіе однако безумцы ваши соотечественники! замѣтила она намъ. Вѣдь они вздумали обстрѣливать наши военныя суда въ

Симоносеки». Она дала газету и мы пришли въ неописанное изумленіе, когда прочли, что жители Шошу дерзнули вступить въ бой съ англійскими судами. Мы теперь хорошо знали англійское могущество и понимали, что Японіи никогда не совладать съ Англіей. Тутъ намъ стало еще болѣе ясно, что если наше отечество останется при прежнихъ условіяхъ культуры, то оно погибнетъ, и мы твердо рѣшили тотчасъ же вернуться въ Японію и употребить всѣ силы, чтобы побудить Японцевъ не затѣвать распри съ англичанами и не противиться доступу европейской культуры въ страну, такъ какъ только полное преобразованіе нашего отечества можетъ спасти его отъ гибели!»

Ито вернулся въ Японію вмѣстѣ съ Инуи и оба принялись энергично работать надъ возрожденіемъ страны. Онъ добился введенія конституціоннаго правленія въ Японіи послѣ долгихъ трудовъ и усилій. Въ 1890 г. Конституція была введена въ странѣ. Ито былъ ея составителемъ и образцомъ для него послужила прусская конституція, которую онъ изучилъ въ 1883 году въ Германіи. Современная Японія очень много обязана своимъ прогрессомъ смѣлости Ито, его настойчивости и неустрашимости.

Парижскій соціальный музей и его дѣятельность. Музей, открытый въ Парижѣ графомъ Шамбреномъ и носящій названіе «Соціальнаго музея», уже успѣлъ пріобрѣсти въ теченіе своего пятилѣтняго существованія репутацію одного изъ самыхъ полезныхъ учрежденій. Онъ открытъ для всѣхъ и каждый, интересующійся соціальными вопросами и желающій изучить ихъ, найдетъ въ въ этомъ музѣе всѣ нужные ему документы, планы, образцы, уставы и т. п. всевозможныхъ учрежденій и соціальныхъ организацій, имѣющихъ цѣлью улучшить матеріальное и нравственное положеніе рабочихъ классовъ. Въ свое время *) мы сообщили нашимъ читателямъ исторію этого полезнаго учрежденія и теперь только скажемъ нѣсколько словъ о его дѣятельности.

Соціальный музей получаетъ и собираетъ свѣдѣнія, относящіяся къ области соціальной экономіи, рѣшительно изо всѣхъ странъ, гдѣ онъ имѣетъ своихъ корреспондентовъ. Въ библіотекѣ получаются всѣ печатные труды, относящіеся къ соціальнымъ вопросамъ и соціальному движенію въ разныхъ государствахъ. Иногда музей организуетъ спеціальную миссію для изученія того или иного спеціальнаго вопроса. Такъ музеемъ были отправлены миссіи для изученія аграрнаго вопроса въ Германіи, рабочихъ союзовъ (Trade Unions) въ Англіи, кооперативнаго движенія въ Италіи и т. п. Такимъ образомъ въ музей притекаютъ свѣдѣнія съ разныхъ сторонъ; затѣмъ уже дѣятельность музея заключается въ томъ, чтобы сдѣлать эти свѣдѣнія доступными для публики. Съ этою цѣлью въ музеѣ устроено справочное бюро, куда обращаются всѣ, кто желаетъ получить какія-либо свѣдѣнія и разъясненія по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: устройству дешевыхъ жилищъ, кооперативныхъ обществъ, пенсіонныхъ кассъ въ обезпеченіи старости, обществъ взаимопомощи, всякаго рода страхованій, профессіональныхъ синдикатовъ, школъ, библіотекъ, народныхъ банковъ и т. п. Если канцелярія музея затрудняется дать тотчасъ же отвѣтъ и требуемую справку, когда дѣло касается какого-нибудь сложнаго вопроса, то это поручается одному изъ компетентныхъ людей въ этой области, работающихъ въ различныхъ секціяхъ музея.

Музей распадается на три отдѣла: 1) Промышленный и рабочій, куда поступаютъ всѣ запросы касающіеся различныхъ рабочихъ ассоціацій, синдикатовъ, биржъ труда, кооперативныхъ обществъ и т. д.; 2) сельско-хозяйственный, имѣющій сношенія со всѣми сельско-хозяйственными ассоціаціями въ Парижѣ и въ провинціяхъ, и 3) отдѣлъ корреспонденцій и объявленій. Въ на-

*) См. «М. Б.» 1897 г.

стоящемъ году музей обладаетъ своимъ органомъ, въ которомъ печатаются передовыя статьи и хроника, знакомящая съ дѣятельностью соціальнаго музея. Въ библіотекѣ музея собрано до 15.000 томовъ, относящихся къ соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, и получается 400 періодическихъ изданій.

Но музей не ограничивается только собираніемъ документовъ или ожиданіемъ, что къ нему обратятся за справками. Дирекція музея постоянно устраиваетъ публичныя лекціи, съ цѣлью возбудить въ публикѣ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ. Кромѣ того, основатель музея, покойный графъ Шамбрен, умершій въ февралѣ этого года, организовалъ «общество молодежи» для изслѣдованія «великихъ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ нашего времени». Это общество, состоящее изъ 120 молодыхъ людей, изъ которыхъ одни еще находятся на студенческой скамьѣ, другіе же уже изыскали себѣ какой-нибудь родъ дѣятельности и занимаются адвокатурой, журналистикой, педагогическою дѣятельностью, промышленностью и т. д.,—служитъ дополненіемъ соціальнаго музея и спеціально командируетъ своихъ членовъ для изученія соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ въ разныя мѣста. Результаты этихъ поѣздокъ служатъ потомъ предметомъ публичныхъ конференцій въ музеѣ и образуютъ матеріалъ, поступающій въ библіотеку и справочное бюро музея.

Музей доставляетъ всѣмъ, обращающимся въ канцелярію его, всякія свѣдѣнія по вопросамъ соціальнаго характера, даетъ техническіе отзывы, указываетъ на необходимыя реформы и улучшенія, которыя должны быть введены въ существующія учрежденія, организуетъ конференціи, лекціи, демонстраціи, назначаетъ ученыя коммиссіи и распредѣляетъ награды и медали за лучшіе труды по соціальнымъ вопросамъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des deux Mondes».—«North American Review».

Героическое путешествіе Нансена и безумно-смѣлая попытка Андре достигнуть полюса на воздушномъ шарѣ послужили толчкомъ къ возбужденію интереса къ арктическимъ странамъ. Никогда еще столько экспедицій не отправлялось къ полюсамъ, какъ въ прошломъ 1898 году, и между старымъ и новымъ міромъ возникло нѣчто въ родѣ соперничества въ этомъ стремленіи въ область неизвѣстнаго. Соединенные Штаты организовали цѣлый рядъ экспедицій въ арктическія страны съ различными научными цѣлями, и изъ числа этихъ экспедицій безспорно заслуживаетъ наибольшаго вниманія экспедиція подъ управленіемъ лейтенанта Пири, который въ 1897 году представилъ американскому географическому обществу свой планъ и съ такимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ изложилъ свои взгляды, что произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей. Американскіе милліардеры тотчасъ же сложились и предоставили въ распоряженіе путешественника 150.000 долларовъ на устройство экспедиціи. «Revue de Paris» сообщаетъ разныя любопытныя подробности, относящіяся къ этой экспедиціи и ея организатору.

Лейтенантъ Пири тотчасъ же, по полученіи необходимыхъ суммъ, началъ приводить въ исполненіе свой планъ. Онъ зафрахтовалъ корабль, собралъ экипажъ и заготовилъ съѣстные припасы. Въ прошломъ году, въ іюлѣ, его судно «Windward» вошло въ гавань «Whale Sound», приняло на бортъ нѣсколько эксимосовъ, собакъ и разный необходимый матеріалъ и затѣмъ отправилось далѣе къ сѣверу. Съ этого времени Пири блуждаетъ въ полярныхъ льдахъ. Гдѣ онъ находится—неизвѣстно. Но Пири, подобно Нансену и другимъ арктическимъ путешественникамъ, обладаетъ необыкновеннымъ мужествомъ, энергіею

и настойчивостью. «Если я не достигну своей цѣли съ одного раза,—сказалъ онъ, отправляясь въ свое путешествіе,—то начну снова и такъ до тѣхъ поръ, пока не одержу побѣды!»

Пири давно уже подготовлялъ себя къ этой экспедиціи. Съ 1891 по 1897 годъ онъ совершилъ шесть путешествій по Гренландіи и изъ этой страны вѣчныхъ льдовъ и снѣга онъ сдѣлалъ какъ бы свою вторую родину. Два раза онъ бралъ съ собою свою молодую жену. Онъ привезъ съ собою маленькій деревянный срубъ изъ Америки и, устроивъ его на берегу, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ снѣжныхъ лавинъ и ледниковъ, провелъ въ немъ зиму, вмѣстѣ съ женой. Онъ описываетъ поэтическими красками эту зиму, проведенную имъ въ полярныхъ льдахъ; разсказываетъ, какъ они вмѣстѣ съ женою отпраздновали Рождество, согласно традиціямъ своей родины, какіе подарки они сдѣлали другъ другу и какъ они занимались чтеніемъ прошлогднихъ газетъ, которыя захватили съ собою. Тамъ, въ этомъ домикѣ, на разстояніи 12° отъ полоса, у ихъ родилась дочка. Она родилась въ тотъ моментъ, когда солнце въ послѣдній разъ показалось на горизонтѣ и затѣмъ наступила долгая полярная ночь.

Гиперборейская дѣвочка была названа эскимоскимъ именемъ «Ahnighitto», что означаетъ: снѣжинка. Вотъ какъ Пири самъ описываетъ рожденіе своей дочери: «12-го сентября 1891 г. въ «Anniversary Lodge» произошло интересное событіе: явилась на свѣтъ маленькая иностранка, которая вѣсила девять фунтовъ. Благодаря попеченіямъ доктора и мистриссъ Кроссъ (ирландская нянюшка, которую мистриссъ Пири взяла съ собою), мать и дочь благополучно пережили кризисъ. Наша маленькая Снѣжинка съ голубыми глазами появилась какъ разъ на закатѣ арктическаго дня и могла видѣть послѣдніе блѣдные лучи свѣта, предшествующіе наступленію близкой полярной ночи. Ее положили на мягкіе мѣха ея родной страны и распростерли надъ нею американское знамя».

Снѣжинка росла и восхищала собою всѣхъ окружающихъ. «Въ первые полгода своей жизни, прибавляетъ Пири, она не знала другого свѣта, кромѣ свѣта лампы, и когда она увидѣла первые лучи весенняго солнца, упавшіе въ нашу комнату, то протянула рученки, чтобы схватить ихъ. Эти лучи были ея первою игрушкой, затѣмъ наступилъ великолѣпный лѣтній день и наша дѣвочка разцвѣла подъ вліяніемъ непрерывныхъ и блестящихъ лучей арктическаго солнца, подобно тому, какъ пышно распускается тюльпанъ, вынесенный изъ темнаго погреба на окно, на солнце. Когда одиннадцати мѣсяцевъ отъ роду, наша Снѣжинка покинула свою родину, то какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи она оказалась на годъ впереди всѣхъ своихъ сверстницъ. Эскимосы пріѣзжали издалека, чтобы сдѣлать намъ визитъ и поглядѣть на нашу Снѣжинку».

Пири говоритъ, что Гренландія—самая интересная изъ всѣхъ арктическихъ странъ. Отправивъ свою жену и дочь въ Америку, онъ остался на третью зиму въ Гренландіи, съ однимъ только спутникомъ, мистеромъ Ли и слугою негромъ. Пири не только привыкъ къ своей обстановкѣ, но даже началъ находить особенную прелесть въ унылой полярной ночи, «когда наступаетъ царство безмолвія и смерти, холода и мрака».—«Есть какая-то особенная дьявольская красота, говоритъ онъ, въ этомъ изсиня черномъ небѣ, усѣянномъ звѣздами изумительнаго блеска. Это небо спускается въ видѣ свода на землю, окутанную бѣлымъ саваномъ, и на море, скованное льдами. Но когда луна освѣщаетъ эту картину или на небѣ начинаютъ сверкать и переливаться магическіе лучи сѣвернаго сіянія, то все кругомъ пріобрѣтаетъ какую-то сверхъестественную красоту и великолѣпіе».

Пири очень хорошо отзывается объ эскимосахъ, которыхъ онъ называетъ «самыми наивными, самыми мужественными и самыми маленькими представителями человѣческой расы». Эти затерявшіеся въ полярныхъ льдахъ представи-

тели человѣчества обитаютъ одни въ этой обширной области. Пири точно пересчиталъ ихъ; оказалось—153 человѣка. Съ помощью этихъ самыхъ эскимосовъ и по ихъ указанію ему удалось разыскать огромныя метеориты Мельвильской бухты. Это были три громадныя глыбы космической матеріи, желѣза и никеля, которыя были доставлены имъ впослѣдствіи въ Америку и хранятся теперь въ музеѣ въ Нью-Іоркѣ.

Изъ холодныхъ странъ перейдемъ въ теплыя. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Revue de deux Mondes» описываетъ свое посѣщеніе Цейлона. Онъ вернулся оттуда разочарованный въ буддизмѣ. Эта экзотическая доктрина представлялась ему совершенно въ иномъ свѣтѣ въ Парижѣ, среди послѣдователей буддизма, пріобрѣтающаго въ Европѣ все больше и больше сторонниковъ. Ему пришлось бесѣдовать по этому поводу въ Коломбо съ апостолическимъ делегатомъ Индіи. Этотъ прелатъ давно уже жилъ въ Индіи и хорошо изучилъ ее. Онъ въ яркихъ чертахъ изобразилъ своему восхищенному слушателю всю исторію Цейлона, начиная съ того момента, когда королю Котта, близъ Коломбо, было доложено, что на берегъ высадились какіе-то блѣдные люди. Древнія королевства роковымъ образомъ погибали одно за другимъ, послѣ того, какъ они открыли свои двери европейцамъ.

— «Вы пріѣхали изъ страны, въ которой написано много прекрасныхъ книгъ о буддизмѣ и браманизмѣ, сказалъ прелатъ журналисту. Я прочелъ ихъ и восхищаюсь ихъ остроумною метафизикой. Европейскій умъ умѣетъ придать опредѣленныя формы индусскимъ религіямъ и очистить ихъ отъ примѣсей, такъ что буддизмъ, возрождаясь въ Парижѣ и въ Берлинѣ, совершенно преобразуется. Но здѣсь, на родинѣ буддійской легенды, мы бы напрасно стали искать слѣды ея величія. Этотъ великій образъ, который воспѣваютъ ваши поэты, оставилъ послѣ себя только роковую тѣнь огромнаго идола. Посмотрите на общество, которое насъ окружаетъ: атеизмъ въ высшихъ классахъ, фетишизмъ—въ низшихъ. Тѣ, кто не отрицаютъ Бога, живутъ, сгибаясь подъ бременемъ вѣчнаго страха дьявола. Они боятся и никогда не устаютъ бояться. Ихъ бонзы, за исключеніемъ немногихъ, знаніе которыхъ скрываетъ отъ глазъ прохожихъ невѣжество другихъ,—эти бонзы, презрѣнные и низкіе, нарочно поддерживаютъ такой страхъ, и всѣ эти священныя деревья, молитвы и паломничества имѣютъ одну лишь цѣль, отвратить бѣдствія, которыя могутъ обрушиться на человѣка. Все ихъ существованіе проходитъ въ этомъ страхѣ передъ роковою судьбой, которая имъ не извѣстна, но заставляетъ трепетать. А между тѣмъ эти красивые арійцы, потемнѣвшіе отъ жгучаго солнца, эти сингалезцы, называющіе себя сынами льва, принадлежатъ къ одной изъ самыхъ интеллигентныхъ и способныхъ расъ на свѣтѣ. Если бы не буддизмъ, который привелъ ихъ въ оцѣпененіе, то мы бы присутствовали теперь при роскошномъ разцвѣтѣ этой человѣческой расы».

Таково вліяніе буддизма, доктрину котораго многіе такъ желали бы пересадить въ Европу, но, какъ справедливо замѣтилъ прелатъ, въ Европѣ эта доктрина уже получаетъ иную окраску, иное значеніе и смыслъ и поэтому ея вліяніе на судьбы человѣчества будетъ тоже иное.

Президентъ американской библіотечной ассоціаціи печатаетъ въ «North American Review» статью о свободныхъ библіотекахъ и сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ ихъ дѣятельности. Двѣ тысячи публичныхъ библіотекъ разсылаютъ ежегодно до тридцати милліоновъ книгъ въ разные уголки Соединенныхъ Штатовъ. Составъ этихъ библіотекъ и ихъ организація весьма разнообразны. Тутъ есть и сельскія библіотечки, состоящія всего лишь изъ какой нибудь сотни-другой книгъ и снабжающія чтеніемъ обитателей различныхъ отдаленныхъ

ферм,—и огромныя городскія библіотеки, весьма сложнаго устройства, разсчитанныя уже на удовлетвореніе гораздо болѣе широкихъ потребностей. Сюда же надо причислить великолѣпную Чикагскую городскую библіотеку, зданіе которой стоитъ два милліона долларовъ, украшено драгоцѣнною мозаикой и имѣетъ въ городѣ 40 отдѣленій или станцій для выдачи книгъ. Такая же библіотека существуетъ и въ Бостонѣ, подъ управленіемъ совѣта, назначеннаго мэромъ. Эта библіотека также помѣщается въ роскошномъ дворцѣ, постройка котораго стоила городу $2^1/_2$ милліона долларовъ. Десять отдѣленій библіотеки и 17 станцій для выдачи книгъ разсѣяны по всему городу; книги доставляются въ вагонахъ. Библіотека имѣетъ 700.000 томовъ и можетъ вмѣстить одновременно до 2.000 читателей. Администрація библіотеки состоитъ изъ 250 человѣкъ и на ея содержаніе ежегодно расходуется четверть милліона долларовъ.

Съ каждымъ годомъ въ Америкѣ открываются все новыя и новыя библіотеки, что указываетъ на возрастающую потребность къ чтенію. Въ Филадельфіи, напримѣръ, недавно открыта библіотека спеціально для слѣпыхъ, состоящая изъ двухъ тысячъ томовъ, напечатанныхъ рельефными буквами. Въ непродолжительномъ времени эта библіотека должна обогатиться еще 500 томами. Кромѣ библіи и молитвенниковъ, въ ней находятся жизнеописанія различныхъ знаменитыхъ людей, историческія сочиненія, стихи и т. д. Кромѣ того въ залахъ ея устраиваются лекціи, спеціально для слѣпыхъ, имѣющія огромный успѣхъ и вызвавшія подражаніе въ другихъ большихъ городахъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физика и метеорологія. Жертвы молніи и нѣкоторыя ея эффекты. — Медицина и гигіена. 1) Новыя изслѣдованія о зараженіи туберкулёзомъ. 2) Стерилизація воды для питья посредствомъ озона.—Этнографія. Русскіе на рѣкѣ Колымѣ.

Физика и метеорологія. *Жертвы молніи и нѣкоторые ея эффекты.* Явленіе молніи, интересующее съ одной стороны метеорологовъ, съ другой физиковъ, которые не въ состояніи еще дать полнаго, научнаго объясненія нѣкоторымъ, чрезвычайно любопытнымъ формамъ этого явленія, какъ, напр., шаровидная молнія, обращаетъ на себя вниманіе и въ обыденной жизни. Ни одинъ годъ не проходитъ безъ того, чтобы молнія не нанесла иногда значительнаго ущерба имуществу жителей любой страны, гдѣ лѣтнія грозы обыденное явленіе, чтобы, наконецъ, она не унесла нѣкотораго количества человѣческихъ жертвъ. Неудивительно поэтому, что не только многіе люди, но часто и животныя, чувствуютъ необъяснимый и непреодолимый страхъ передъ грозой. Тѣ, которымъ такой страхъ неизвѣстенъ, взывая къ логикѣ боящихся грозы субъектовъ, повторяютъ старое положеніе: опасность быть убитыми молніей меньше, чѣмъ быть убитыми сорвавшейся со стѣны вывѣской. Конечно, какъ и всякій другой логическій доводъ, такіе слова вовсе не производятъ дѣйствія на того, кому органически свойственъ страхъ передъ грозой, но позволительно также усомниться въ вѣрности вышеприведеннаго положенія самого по себѣ. Провѣрить его можно только на основаніи точныхъ статистическихъ цифръ. Довольно обширный и очень интересный матеріалъ собранъ въ этомъ отношеніи извѣстнымъ французскимъ астрономомъ Камилломъ Фламмаріономъ въ Bulletin de la Société astronomique de France *).

Во Франціи статистика убитымъ молніей ведется правильно съ 1835 года министерствомъ юстиціи. До 1895 года т.-е. за шестьдесятъ лѣтъ молніей убито *на одной только французской территоріи* шесть тысячъ сто девяносто восемь человѣкъ. Въ среднемъ это составитъ 100 человѣкъ въ годъ, иногда же годичное количество убитыхъ, какъ мы увидимъ, значительно превышаетъ эту цифру. Явленіе, какъ видно, достаточно значительно, чтобы быть достойнымъ серьезнаго вниманія и во всякомъ случаѣ имѣетъ мало общаго съ басней о *вывѣскѣ, сорвавшейся со стѣны*. Притомъ, нужно замѣтить, что вышеприведенная цифра имѣетъ въ виду только лишь убитыхъ наповалъ. Общее количество пострадавшихъ отъ молніи впятеро превышаетъ число убитыхъ наповалъ; тѣмъ не менѣе нужно замѣтить, что *число* смертныхъ случаевъ отъ ожоговъ молніей и отъ паралича сравнительно очень невелико: если человѣкъ поднимается послѣ удара, онъ обыкновенно почти невредимъ Разсматривая цифры убитыхъ, приходящихся на каждый годъ, Фла-

*) Bull. de la Société astr. de France. Avril 1899. Les victimes de la foudre et ses caprices.

маріонъ приходитъ къ выводу, что количество смертей отъ молніи постепенно увеличивается, если даже принять въ соображеніе то обстоятельство, что статистика была не полна въ первые годы. Мы не будемъ проводить всѣхъ цифръ, укажемъ только, что съ 1835 до 1860 года только четыре года дали болѣе 100 убитыхъ (максимумъ 111 челов.). Минимальныя количества выпали на 1843 г. (48 чел.), 1853 г. (50 чел.), 1854 г. (52 чел.); тогда какъ съ 1860 по 1895 г. только четыре года дали меньше 100 убитыхъ (минимумъ 1879 г. (86 чел.). Максимумъ убитыхъ пришелся на слѣдующіе годы: 1892 г. (187 чел.), 1874 г. (178 чел.), 1884 г. (174 чел.), 1868 г. (156 чел.), 1893 г. (155 чел.). Увеличеніе количества убитыхъ можно было бы прежде всего приписать общему увеличенію количества населенія, но, какъ извѣстно, за послѣднее 30-лѣтіе Франція въ этомъ отношеніи почти не двинулись впередъ. Съ 1854 г. позаботились о томъ, чтобы въ статистическихъ свѣдѣніяхъ различался полъ убитыхъ: оказалось, что убитыхъ молніей женщинъ гораздо меньше. Возьмемъ для примѣра каждый десятый годъ: въ 1854 г. убито мужчинъ 38, женщинъ 14, 1864 г. муж. 61, жен. 26, 1874 г. муж. 127, жен. 53, 1884 г. муж. 134, жен. 40, 1894 г. муж. 94, жен. 23. Всего съ 1854 по 1895 г. муж. 3.435, жен. 1.305. Разные изслѣдователи пытались разными причинами объяснить такое предпочтеніе молніи къ пораженію мужчинъ: одни приписывали его разницѣ въ природѣ существа, органическаго электричества, платья т. п. Дѣло объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что число мужчинъ занятыхъ полевыми работами больше числа женщинъ.

Хотя территорія Франціи и невелика по сравненію съ поверхностью земного шара, однако и на этой маленькой территоріи распредѣленіе ударовъ молніи далеко не отличается правильностью. Замѣчаются области, гдѣ жертвы молніи очень рѣдки и, наоборотъ, нѣкоторыя провинціи платятъ въ нѣкоторомъ смыслѣ ежегодную и постоянную дань. Наиболѣе страдаютъ гористыя мѣстности, хотя съ ними иногда на одной ступени стоятъ и низменныя равнины. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о неравномѣрности такого распредѣленія, приведемъ цифры убитыхъ за 60 лѣтъ, приходящихся на отдѣльные департаменты. Такъ, на департаментъ Пюи-де-Дамъ приходится 230 убитыхъ, далѣе идутъ съ постепенно убывающей цифрой департаменты верховьевъ Луары (195 чел.), Саоны и Луары (164 чел), Сѣвера (152 чел.) и т. д. На самыхъ послѣднихъ ступеняхъ стоятъ департаменты Морбиганъ (30 чел.), Кальвадосъ (27 чел.), Орнъ (25 чел.) и Маншъ (17 чел.).

Многія причины играютъ важную роль въ этомъ распредѣленіи. Съ одной стороны замѣчено, что въ горныхъ областяхъ грозы чаще, чѣмъ въ равнинахъ; съ другой стороны случаи пораженія молніей, несомнѣнно, должны быть чаще тамъ, гдѣ число жителей больше. Въ тоже время случаи пораженія въ жилыхъ помѣщеніяхъ чрезвычайно рѣдки, такъ что городъ Парижъ, увеличивая до чрезвычайности количество жителей департамента Сены, чрезвычайно понижаетъ процентъ пораженныхъ грозою въ этомъ маленькомъ департаментѣ. Такъ напр., въ Парижѣ и во всемъ департаментѣ Сены съ 1864 г. по 1893 г. не было ни одного случая пораженія молніей, несмотря на то, что ежегодно нѣсколько грозъ разражается надъ нимъ и молнія почти каждый разъ ударяетъ въ деревья, общественныя зданія и дома. Для того, чтобы лучше судить объ относительномъ количествѣ пораженныхъ молніей сравнительно съ плотностью населенія, количество жителей каждаго департамента было раздѣлено на общую цифру пораженныхъ молніей и такимъ образомъ получилось количество жителей на одного пораженнаго громомъ. Оказалось, что эта пропорція значительно варіируетъ по областямъ. Если даже отбросить находящійся въ особыхъ условіяхъ департаментъ Сены, гдѣ одинъ убитый приходится на 92.792 жителя, мы найдемъ

такія цифры: въ деп. Маншѣ одинъ на 29.414 жит.; въ Морбиганѣ одинъ на 18.400 жит.; тогда какъ въ Лозерѣ одинъ убитый приходится на 1.362 жителя, въ нижнихъ Альпахъ одинъ на 1.458 жителей; въ верхней Луарѣ одинъ на 1.675 человѣкъ.

Количество несчастныхъ случаевъ съ людьми располагается въ слѣдующемъ порядкѣ по мѣсту происшествія. Первую группу составляютъ пораженные подъ деревьями, которыхъ оказывается значительное большинство; затѣмъ слѣдуютъ пораженные въ открытомъ полѣ, въ особенности часты притомъ несчастные случаи, если держать въ рукахъ желѣзные предметы: плугъ, косу, вилы и т. п. или вести въ рукахъ животныхъ. Далѣе слѣдуютъ несчастные случаи въ изолированныхъ строеніяхъ, фермахъ, пастушескихъ хижинахъ и т. п. Затѣмъ, въ сторожевыхъ будкахъ желѣзнодорожныхъ линій и, наконецъ, въ городахъ.

Вотъ краткое резюме шестидесятилѣтнихъ наблюденій. Въ заключеніе авторъ останавливается на отдѣльныхъ, рѣдкихъ случаяхъ, которые наблюдались лицами достойными довѣрія. Передаемъ наиболѣе интересные случаи собранные Фламмаріономъ. Вотъ случаи рѣдкаго явленія шаровидной молніи. Профессоръ Шнауферъ отъ 30 Октября 1898 года сообщилъ слѣдующее: «Молнія въ видѣ шара появилась въ жилой квартирѣ, въ комнатѣ, гдѣ находились молодая дѣвушка, которая сѣла на столъ и подняла ноги съ пола. Шаръ катился по полу, направился къ дѣвушкѣ, поднялся къ ней, спирально прокатился по ея тѣлу и затѣмъ вышелъ въ отверстіе камина, закрытое бумагой. По трубѣ свѣтящійся шаръ поднялся далѣе вверхъ и при выходѣ на воздухъ произвелъ взрывъ съ страшнымъ трескомъ, отъ котораго задрожалъ весь домъ. Молнія притомъ не причинила никакого вреда». Этотъ случай вполнѣ аналогиченъ съ тѣмъ, который сдѣлался классическимъ, благодаря отчету о немъ Бабинэ и Араго и произошелъ въ Парижѣ 5 іюля 1852 года. Замѣчательно полное сходство характерныхъ обстоятельствъ происшествія, выходъ шара въ отверстіе камина и его взрывъ на крышѣ при выходѣ изъ трубы. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ бюллетеней французской Ассоціаціи для процвѣтанія наукъ Вандеръ сообщаетъ слѣдующій фактъ. Надъ коммуной Беньонъ разразилась сильная гроза. Авторъ сообщенія находился на фермѣ съ двумя дѣтьми 12—13-лѣтняго возраста. Дѣти находились подъ крытыми воротами хлѣва, въ которомъ помѣщалось 25 головъ рогатаго скота. Передъ ними находился открытый дворъ длиною около 20 метровъ, на концѣ котораго росъ тополь. Вдругъ на верхушкѣ тополя появился огненный шаръ, величиною въ яблоко, который на глазахъ наблюдателя спускается съ вѣтки на вѣтку внизу и, наконецъ, спускается по стволу на землю. Затѣмъ, очень медленно онъ катится по двору по самой землѣ и пробирается подъ ворота, гдѣ находились дѣти. Одинъ изъ нихъ имѣлъ храбрость коснуться шара ногою; тотчасъ раздался страшный взрывъ, потрясшій стѣны фермы, дѣти были брошены на землю, но остались совершенно невредимыми, зато одинадцать головъ скота наповалъ убито въ хлѣвѣ. Невозможно дать объясненія этой аномаліи: ребенокъ касающійся самой молніи отдѣлывается страхомъ, а позади него 11 животныхъ убито наповалъ?!

Иногда молнія проходитъ, не причинивши не только вреда, но даже оказываетъ благодѣтельное вліяніе, иногда же просто какъ бы забавляется. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ практики прошлаго лѣта. Нѣкто Фино находился на порогѣ своей хижины, наблюдая грозу, какъ вдругъ сильными ударами грома его сшибла съ ногъ и бросило въ уголъ комнаты. Нѣкоторое время, онъ находился въ безсознательномъ состояніи и зрѣніе его оставалось помраченнымъ въ теченіе 10 часовъ, послѣ чего онъ вполнѣ оправился. Но замѣчательно то, что субъектъ этотъ, страдая сильнымъ ревматизмомъ ногъ, едва могъ ходить съ помощью палки; со времени происшествія онъ ходитъ безъ палки и съ легкостью выполняетъ работы, которые давались ему съ большимъ трудомъ. Въ другомъ мѣстѣ три

женщины стояли возлѣ жатвенной машины; ударомъ молніи одна изъ нихъ убита наповалъ, двѣ другія поднялись совершенно невредимыми, но на нихъ не осталось признаковъ платья: даже обувь была сорвана съ ихъ ногъ. Подобныхъ случаевъ извѣстно нѣсколько. Нерѣдко желѣзные предметы вырываются изъ рукъ молніей, причемъ она не причиняетъ никакого вреда человѣку; изъ многочисленныхъ примѣровъ этого рода, приведемъ слѣдующій: рабочій несъ на плечахъ вилы; ударомъ молніи вилы были вырваны изъ его рукъ, унесены на разстояніи около 50 метровъ, причемъ стальные зубья ихъ оказались спирально закрученными въ видѣ пробочниковъ.

Бываютъ случаи, когда молнія разсѣкаетъ человѣка на-двое, какъ бы сильнымъ ударомъ топора. Такъ напр., 20 января 1868 г. въ Круа молнія упала на вѣтряную мельницу и убила мельника, который съ головы до ногъ оказался какъ бы раздѣленнымъ пополамъ. Ударъ молніи расплавилъ серебряную серьгу, продѣтую въ ухѣ одной женщины; послѣдняя осталась живой.

Примѣры эти можно было бы умножить до безконечности. Въ заключеніе приведемъ еще одинъ фактъ, недавно наблюдавшійся въ Соединенныхъ Штатахъ. Одинъ фермеръ, ярый республиканецъ, украсилъ фасадъ своей новой фермы большими литографированными портретами Макъ-Кинлея и Гобарта. Во время сильной грозы, молнія нѣсколько разъ ударяла въ новое зданіе, которое казалось объятымъ пламенемъ. Испуганный владѣлецъ бросился къ своей фермѣ, но къ своему крайнему изумленію нашелъ все въ полной цѣлости. Онъ замѣтилъ только, что портреты его кандидатовъ исчезли, но зато молнія воспроизвело ихъ точную копію со всѣми деталями на стѣнѣ, гдѣ они висѣли.

Всѣ эти факты, объясненія которымъ мы еще не въ состояніи дать, еще разъ доказываютъ намъ, насколько несовершенно еще наше знаніе природы и какъ интересны должны быть многія ея области, куда научное изслѣдованіе не могло пока проникнуть.

Медицина и гигіена. 1) *Новыя изслѣдованія о зараженіи туберкулёзомъ.* Обыкновенно допускаютъ, что зараженіе туберкулёзомъ происходитъ черезъ высохшую мокроту, выдѣляемую туберкулёзными больными. Это положеніе основано на классическихъ въ настоящее время изслѣдованіяхъ берлинскаго профессора Cornet. Онъ показалъ, что мокрота чахоточныхъ, плюющихъ прямо на землю, высыхаетъ, превращается въ пыль подъ ногами прохожихъ, либо подъ метлою и щеткою убирающаго жилыя помѣщенія слуги; пыль эта, заключающая въ себѣ способныя произвести зараженіе туберкулёзныя бациллы поднимается вѣтромъ. носится въ воздухѣ и вдыхается легкими лицъ, окружающихъ туберкулёзнаго больнаго, вводитъ въ ихъ легкія агента, производящаго зараженіе чахоткой. Такъ въ большинствѣ случаевъ происходитъ зараженіе въ казармахъ, рабочихъ помѣщеніяхъ, различныхъ бюро, гдѣ часто чахоточный рабочій или чиновникъ передаетъ болѣзнь своему сосѣду. Факты эти въ настоящее время общеизвѣстны и теорія берлинскаго ученаго объясняла ихъ повидимому тѣмъ полнѣе, что многочисленныя изслѣдованія показали, что воздухъ, выдыхаемый туберкулёзными больными не заключаетъ въ себѣ туберкулёзныхъ бациллъ. Во избѣжаніе распространенія туберкулёзной заразы посредствомъ высохшей мокроты, Cornet предложилъ рядъ профилактическихъ мѣръ (запрещеніе плевать на полъ, устройство общественныхъ плевальницъ и введеніе плевальницъ для личнаго употребленія, чистку комнатъ мокрыми тряпками и т. п.), которыя чрезъ нѣкоторое время были введены въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ.

Вопросъ о передачѣ туберкулёзной заразы стоялъ на этой фазѣ, когда два года тому назадъ бреславскій профессоръ Flügge, занимаясь изслѣдованіемъ о зараженіи хирургическихъ ранъ бактеріями воздуха, констатировалъ, что въ то время, когда человѣкъ говоритъ громко или тихо, а еще болѣе когда онъ кашъ-

ляетъ или чихаетъ, въ воздухъ выбрасывается множество микроскопическихъ капелекъ слюны, которыя, будучи наполнены бактеріями, находящимися нормально въ полости рта, летаютъ нѣкоторое время въ воздухѣ, переносятся иногда довольно далеко воздушными теченіями и, въ концѣ концовъ, осѣдаютъ на землю. Посредствомъ самыхъ тщательныхъ опытовъ, онъ опредѣлилъ время, въ теченіе котораго микроскопическія капельки носятся въ воздухѣ, минимальную скорость воздушнаго тока, необходимую для ихъ переноса, разстояніе, на которое совершается такой переносъ и т. п. Эти изслѣдованія проливали новый свѣтъ въ туманный вопросъ о передачѣ нѣкоторыхъ болѣзней дыхательныхъ органовъ. Становилось очевиднымъ, что больной воспаленіемъ легкихъ, инфлуэнцой или чахоткой, который кашляетъ много, создаетъ вокругъ себя, когда онъ говоритъ или кашляетъ, опредѣленную зону наполненную микроскопическими капельками, содержащими въ себѣ специфическихъ агентовъ, производящихъ пневмонію, инфлуэнцу, туберкулёзъ; далѣе, что лица находящіяся по сосѣдству съ такими больными, подвергаются опасности ввести въ свои легкія вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ, заключающіяся въ немъ капельки съ специфическими бациллами.

Flügge принялся за провѣрку этихъ положеній и изслѣдованія, произведенныя въ его лабораторіи и подъ его руководствомъ четырьмя его учениками, недавно опубликованныя въ «Zeitschrift für Hygiene» (мартъ 1899 г., т. XXX, выпускъ I), ясно доказываютъ, что опасность зараженій жидкою мокротою (микроскопическими капельками) болѣе, чѣмъ опасность зараженія сухою мокротою, и что профилактика туберкулёза въ томъ видѣ, въ какомъ она была установлена на основаніи изслѣдованій Cornet, должна быть измѣнена и дополнена. Были произведены изслѣдованія двоякаго рода: одни были предназначены для провѣрки опытовъ Cornet надъ заразительностью сухой мокроты, другія, чтобы подкрѣпить теорію возможности передачи туберкулёза посредствомъ жидкой мокроты. Мы изложимъ вкратцѣ сущность этихъ опытовъ.

Для провѣрки теоріи Cornet, Sticher произвелъ двѣ серіи опытовъ. Первый былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ. Тонкая пыль, предварительно стерилизованная, была растерта до сухости съ мокротою туберкулёзныхъ и помѣщена въ каучуковый баллонъ, соединенный съ одной стороны съ мѣхомъ для поддуванія, съ другой съ маской надѣвающейся на голову и укрѣпляющейся на шеѣ морскихъ свинокъ, надъ которыми, производились опыты. По выходѣ изъ маски воздухъ проходилъ черезъ флаконъ съ растворомъ хлористаго натрія. Въ этихъ условіяхъ, несмотря на быстрый токъ воздуха, производимый поддуваломъ (скорость тока каждый разъ съ точностью опредѣлялась) и несмотря на частое встряхиваніе баллона, въ которомъ заключалась высохшая мокрота, *ни одна изъ морскихъ свинокъ, надъ которыми производился опытъ, не заразилась туберкулёзомъ.*

Въ другой серіи опытовъ, Sticher замѣнилъ мокроту, растертую съ пылью, мокротою, расположенною на компрессахъ и предварительно высушенныхъ въ десиккаторѣ. Поступая также, какъ въ предъидущемъ опытѣ т. е., сотрясая и сжимая баллонъ въ то время, когда продувался токъ воздуха, онъ констатировалъ, что *всѣ морскія свинки заболѣли туберкулёзомъ*, когда скорость тока воздуха доходила до одного метра въ секунду и во всякомъ случаѣ не была менѣе 30 сентиметровъ въ секунду. Слѣдовательно, когда высушиваніе мокроты не было совершеннымъ или когда притокъ воздуха не былъ достаточно сильнымъ, зараженія туберкулёзомъ черезъ вдыханіе не происходило, несмотря на сильныя встряхиванія баллона, заключавшаго наполненную бациллами пыль. Чтобы по возможности ближе стать къ условіямъ обыденной жизни, Beninde повторилъ опыты Sticher'a, пользуясь платками, бывшими въ употребленіи у туберкулезныхъ больныхъ, и ему удалось констатировать слѣдующее: если пла-

токъ, въ которыхъ плевалъ чахоточный, былъ предварительно высушенъ въ десиккаторѣ, морскія свинки становились туберкулёзными, также какъ и въ опытахъ Sticher'a. Если же опыты производились съ платками, которые, послѣ употребленія ихъ чахоточными, оставались въ ихъ карманѣ, гдѣ они и высыхали въ теченіе 24 или 48 часовъ, можно было пропускать воздухъ со скоростью превосходящею 1 метръ въ секунду, встряхивать, тереть и сжимать платокъ, заключенный въ баллонѣ, и ни одно изъ животныхъ не заражалось туберкулёзомъ.

Что же показываютъ намъ эти опыты? Они доказываютъ, что зараженіе высохшей мокротой *можетъ* произойти; но для того, чтобы оно произошло, нужны нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства (полное высыханіе мокроты, значительной скорости притокъ воздуха), которыя рѣдко, если не въ видѣ исключенія, встрѣчаются въ обыденной жизни.

Опыты Лащенка и Heymann'a показываютъ намъ условія зараженія жидкою мокротою туберкулёзныхъ. Въ первой серіи опытовъ Лащенко пропускалъ токъ воздуха по поверхности и черезъ жидкую мокроту туберкулёзныхъ и констатировалъ, что достаточно тока воздуха скоростью въ 3 миллиметра, чтобы унести на разстояніе одного метра жидкія частицы, переполненныя бациллами. Слѣдовательно, распространеніе жидкой пыли происходитъ съ большею легкостью, чѣмъ распространеніе твердой. Въ другой серіи опытовъ тотъ же изслѣдователь заставилъ чахоточныхъ говорить, кашлять и плевать на опредѣленномъ разстояніяніи отъ блюдечекъ, наполненныхъ бульономъ, предназначеннымъ для культуры бациллъ. Изъ 6 туберкулёзныхъ четверо заразили бульонъ, т. е., кашляя и разговаривая, распространили микроскопическія капельки съ туберкулёзными бациллами вокругъ себя на значительное разстояніе. Эти опыты съ тѣмъ же успѣхомъ были повторены Heymann'омъ: изъ 35 чахоточныхъ онъ нашелъ 14 человѣкъ, т. е. 40%, которые въ этихъ условіяхъ разбрасывали на разстояніе 50 сентим. и болѣе жидкую пыль, наполненную бациллами. Не ограничившись этимъ, Heymann пошелъ далѣе и поставилъ слѣдующіе опыты: онъ помѣщалъ чахоточныхъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ клѣтокъ, въ которыхъ находились морскія свинки; головы ихъ были укрѣплены такъ, что они смотрѣли прямо въ лицо чахоточнымъ; больные кашляли, говорили, отплевывали мокроту, когда въ этомъ была надобность. Опытъ длился нѣсколько мѣсяцевъ и далъ слѣдующій результатъ: *изъ 25 морскихъ свинокъ, подвергавшихся опыту, 6 заболѣли легочной чахоткой.* Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, не нужно забывать, что количество воздуха, проникающаго въ легкія морскихъ свинокъ очень незначительно, и что сила вдыхательныхъ движеній очень слаба у этихъ животныхъ по сравненію съ человѣкомъ.

Изслѣдованія Лащенка и Heymann'a устанавливаютъ такимъ образомъ существованіе новаго источника заразы: это зона, наполненная жидкою пылью съ бациллами, которая образуется вокругъ чахоточнаго, когда онъ кашляетъ или плюетъ. Какова же дѣйствительная опасность, которую она представляетъ? Анализируя работы своихъ учениковъ, Flügge говоритъ, что значенія этой опасности не нужно преувеличивать. Прежде всего оказывается, что не всѣ чахоточные распространяютъ пыль съ бациллами: таковыхъ по изслѣдованіямъ Sticher'a оказывается 40%. Во-вторыхъ, слѣдуетъ принимать въ соображеніе разстояніе, на которомъ воздухъ становится зараженнымъ капельками: опасная зона по изслѣдованіямъ Лащенка и Sticher'a имѣетъ радіусъ 50 сентим.; на разстояніи 1 метра или $1^1/_2$ м. уже не находятъ капелекъ съ бациллами. Слѣдуетъ, наконецъ, принимать во вниманіе продолжительность времени пребыванія въ опасной зонѣ. Очень простыхъ профилактическихъ средствъ достаточно, чтобы уменьшить шансы зараженія жидкой мокротой. Достаточно, чтобы больной, когда онъ кашляетъ или плюетъ, держалъ передъ своимъ ртомъ руку или

платокъ, чѣмъ сведется почти къ нулю распространеніе жидкой мокроты съ бациллами. Лица, окружающія больного, не должны безъ особой надобности приближаться къ нему въ то время, когда онъ кашляетъ или плюетъ. Наконецъ, въ конторахъ, различныхъ бюро и рабочихъ помѣщеніяхъ, слѣдуетъ наблюдать, чтобы разстояніе между головами чиновниковъ или рабочихъ не было менѣе одного метра, разстояніе, ограничивающее опасную зону. Что же касается профилактическихъ мѣръ, основанныхъ на изслѣдованіяхъ Cornet, то онѣ должны быть сохранены во всей своей силѣ въ казармахъ, конторахъ, рабочихъ помѣщеніяхъ, общественныхъ экипажахъ, вагонахъ, словомъ всюду, гдѣ частое движенія публики можетъ, хотя бы и рѣдко, создать опасность зараженія высохшею мокротою. (Revue générale des sciences № 8, 1899 г.).

Изъ вышеизложеннаго ясно видно, какую серьезную опасность зараженія чахоткой создаетъ скверная привычка плевать на улицахъ, на полъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, если немного подумать, не трудно придти къ выводу, что плевать на улицѣ или въ общественномъ мѣстѣ—значитъ плевать въ ротъ своего сосѣда и любого прохожаго. Не даромъ американцы ведутъ серьезную борьбу съ обыкновеніемъ плевать, гдѣ угодно и когда угодно. Два года тому назадъ запрещено было плевать въ вагонахъ и общественныхъ экипажахъ подъ угрозою штрафа, доходящаго до крупной суммы (около 200 руб.). Въ настоящее время въ Бостонѣ запрещено плевать даже на улицахъ и общественныхъ площадяхъ. Санитарное бюро въ Бостонѣ, по словамъ Médecine moderne, объявило безжалостную войну противъ этой скверной привычки, развѣсивши слѣдующее объявленіе: «санитарное бюро Бостона считаетъ привычку плевать въ общественномъ мѣстѣ актомъ безусловно вреднымъ, источникомъ опасности и причиною болѣзней. Поэтому, формально воспрещается плевать на полъ, платформы и ступеньки всякаго общественнаго экипажа, вагона, трамвая, въ помѣщеніи вокзала, ресторанахъ, церквахъ, театрахъ, рынкахъ, на тротуарахъ улицъ и общественныхъ площадяхъ»! Желательно, чтобы этотъ хорошій примѣръ нашелъ побольше подражаній.

2) *Стерилизація воды для питья посредствомъ озона.* Извѣстно, что вода служитъ часто источникомъ распространенія инфекціонныхъ болѣзней и съ тѣхъ поръ какъ фактъ этотъ былъ прочно установленъ въ наукѣ, гигіенисты съ одной стороны, инженеры съ другой заняты изобрѣтеніемъ способовъ, которыми можно было бы удалять изъ воды патогенныхъ микробовъ. Множество способовъ предложено было для достиженія этой цѣли. Ихъ можно раздѣлить на двѣ большихъ категоріи: одни изъ нихъ направлены на то, чтобы помѣшать проникновенію зародышей болѣзней съ поверхности земли до почвенныхъ водъ, служащихъ для питья; другіе имѣютъ цѣлью удаленіе или разрушеніе зародышей микробовъ, присутствія которыхъ въ водѣ не было возможности избѣжать. Такъ какъ многіе города находятся въ такихъ условіяхъ, что нѣтъ возможности избѣжать разныхъ причинъ зараженія ихъ почвенныхъ водъ, благодаря геологическому строенію верхнихъ слоевъ земной оболочки, на которой они расположены, имъ остается только выборъ средствъ послѣдней категоріи.

Почти всѣ способы очистки, предложенные до сихъ поръ, представляютъ серьезныя затрудненія, въ особенности, если ихъ нужно примѣнить въ большомъ масштабѣ. Фильтрованіе черезъ слои песку улучшаетъ воду, но не даетъ никогда достаточной гарантіи въ полной безопасности такой воды для питья. Стерилизація посредствомъ теплоты слишкомъ дорого обходится, чтобы ее можно было широко примѣнить на практикѣ. Изъ способовъ химической очистки единственный оказавшійся въ настоящее время пригоднымъ для практическаго осуществленія, основанъ на примѣненіи озона.

Уже давно извѣстны качества этого газа, являющагося энергичнымъ окислителемъ и губительнымъ для микробовъ. Давно уже многіе ученые рекомендо-

вали этотъ газъ, какъ весьма пригодный для стерилизаціи воды, оставалось только разрѣшить практическую сторону дѣла. Первый аппаратъ для такой стерилизаціи появился на гигіенической выставкѣ въ Парижѣ въ 1895 году; онъ давалъ два кубическихъ метра стерилизованной воды въ часъ. но система эта не получила широкаго примѣненія въ обиходѣ какого-нибудь города и задача массовой стерилизаціи воды оставалась все еще не разрѣшенной. Недавно былъ произведенъ въ городѣ Лиллѣ опытъ въ большомъ масштабѣ по способу предложенному Мармье и Абрагамомъ. Мы не будемъ описывать тѣхъ, по своей сущности, очень простыхъ машинъ, которыя потребовались для приведенія въ исполненіе проекта названныхъ инженеровъ, которымъ, судя по отчету коммиссіи, назначенной муниципалитетомъ Лилля, удалось вполнѣ удовлетворительно разрѣшить практическую задачу. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о результатахъ, которые получены были названной коммиссіей, устроившей рядъ опытовъ. Способъ стерилизаціи большихъ количествъ воды посредствомъ озона предложенный Мармье и Абрагамомъ признанъ вполнѣ дѣйствительнымъ, лучшимъ изъ всѣхъ, примѣнявшихся до сихъ поръ. Простое устройство аппаратовъ, ихъ прочность и правильность функціонированія даютъ всѣ гарантіи, которыхъ можно требовать отъ индустріальныхъ аппаратовъ. Всѣ патогенные микробы и сапрофиты вполнѣ разрушаются, за исключеніемъ Bacillus subtilis, совершенно безвреднаго для человѣка и животныхъ; къ тому же названный микробъ сопротивляется большинству примѣнявшихся для стерилизаціи средствъ и даже кипяченію при увеличеніи давленія при 110°. Важно замѣтить также, что озонированіе воды не вноситъ въ нее никакого посторонняго элемента, вреднаго для здоровья организма. Наоборотъ, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія содержащихся въ водѣ органическихъ соединеній, вода, подвергнутая обработкѣ озономъ менѣе подвержена послѣдующимъ процессамъ броженія и, слѣдовательно, не такъ легко портится. Наконецъ, такъ какъ озонъ есть ничто иное какъ кислородъ съ инымъ молекулярнымъ строеніемъ, примѣненіе его имѣетъ то преимущество, что онъ какъ бы энергичнѣе насыщаетъ воду воздухомъ, дѣлаетъ ее болѣе здоровою и пріятною для питья, не лишая ее въ тоже самое время ея полезныхъ минеральныхъ элементовъ.

Энтографія. *Русскіе на рѣкѣ Колымѣ.* По низовьямъ сибирскихъ рѣкъ, протекающихъ по дикой, непривѣтливой и неудобной для культурной жизни тундрѣ и впадающихъ въ Ледовитый Океанъ, расположены русскія поселенія, основанныя первыми завоевателями Сибири. Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о жизни нѣкоторыхъ изъ такихъ русскихъ поселеній, именно расположенныхъ по среднему и нижнему теченію рѣки Колымы, были сообщены *В. Г. Богоразомъ* въ засѣданіи Имп. Русск. Географич. Общества 7 мая 1899 года. Населеніе это, смѣшавшись съ туземными инородцами, составило своеобразную племенную смѣсь, сравнительное изученіе которой представляетъ громадный интересъ въ энтографическомъ, антропологическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Нерѣдко среди русскаго населенія по рѣкѣ Колымѣ можно встрѣтить типичныхъ тунгусовъ и чукчей. Немногочисленные инородническіе роды Нижнеколымска совершенно смѣшались съ русскими, находятся въ непрерывномъ брачномъ соединеніи съ ними и ни въ какомъ отношеніи не разнятся отъ остального русскаго населенія. Въ Среднеколымскѣ русское населеніе живетъ бокъ-о-бокъ съ якутами, что при свободѣ нравовъ на Колымѣ, влечетъ за собой постоянное смѣшеніе крови. Въ типѣ русскаго населенія примѣсь эта сказалась многими, весьма замѣтными чертами. Такъ, на Походской вискѣ, составляющей центръ русскаго населенія, попадаются еще лица чистаго кавказскаго типа съ русыми волосами, сѣрыми или голубыми глазами, прямымъ носомъ, но обыкновенно эти признаки смѣшиваются съ признаками инородническими: при сѣрыхъ глазахъ являются широкія скулы, носы и т. п. Несмотря на свою мало-

численность (всѣхъ русскихъ на Колымѣ около 1.200 человѣкъ) русское населеніе, раздѣленное къ тому же на двѣ неравныя группы поселеніями якутовъ, сохранило однако русскій языкъ со многими его архаическими формами, русскія пѣсни, сказки, суевѣрія и обычаи въ томъ же видѣ, въ какомъ они были принесены съ далекой родины. Наряду съ многими словами юкагирскаго и ламутскаго происхожденія въ ихъ языкѣ можно встрѣтить древне-русскія слова и даже историческія выраженія, потерявшія для колымчанъ всякій смыслъ, таковы напр.: *разнобоярщина*, *на бѣлой землѣ сидѣть*, *литовское разоренье* и пр. Среди юкагирскихъ и чукотскихъ сказокъ попадается множество старыхъ московскихъ сказокъ. Память колымчанина съ изумительнымъ упорствомъ хранитъ названія неизвѣстныхъ для него рѣкъ и городовъ, какъ напр. Волга-матушка, Донъ Ивановичъ, Черниговъ, Саратовъ или имена историческихъ лицъ, какъ напр. Скопинъ, Императоръ Петръ Алексѣевичъ, казакъ Платовъ и т. п. Наряду съ обрядами инородническаго шаманства являются смѣшанные съ ними повѣрья и обряды древне-русскіе. Сусѣдко-домовой, дѣдушка-водяной, лѣшій встрѣчаются въ ихъ представленіяхъ съ таинственными шайтанами, выходящими ночью изъ могилъ, разбросанныхъ по глухимъ берегамъ Колымы, Анѣя и др. рѣкъ. Колымчане исполнены робкаго и почтительнаго обожанія къ своей далекой, таинственной и неизвѣстной для нихъ отчизнѣ, откуда вышли ихъ предки 250 лѣтъ тому назадъ, а потому нерѣдко въ столкновеніяхъ съ инородцами, которыхъ называютъ «дикими азіатами», колымскій порѣчанинъ настаиваетъ на своемъ русскомъ, православномъ происхожденіи. И тѣмъ не менѣе русское населеніе усвоило себѣ весь матеріальный бытъ туземныхъ племенъ, пріобрѣло образъ жизни и привычки этихъ «дикихъ азіатовъ», являющихся тѣми же охотниками-ихтіофагами, какими были сѣверные инородцы Сибири еще до пришествія туда русскихъ.

Довольно значительный элементъ составляютъ также уголовные ссыльные, число которыхъ съ ихъ семьями доходитъ въ настоящее время до 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ такихъ невольныхъ поселенцевъ совершенно ассимилировались, обзавелись семьей, хозяйствомъ и не требуютъ отъ общества никакого вспомоществованія. Но это явленіе составляетъ исключеніе; большая же часть поселенцевъ является тяжелымъ бременемъ для округовъ, къ которымъ они приписаны, получая отъ нихъ содержаніе рыбой и деньгами. Количество ихъ постоянно мѣняется, но были годы, когда, напр., одинъ обрусѣлый родъ колымскихъ якутовъ, имѣющій только 13 взрослыхъ мужчинъ, въ томъ числѣ 3 стариковъ, должны были содержать 9 поселенцевъ. Административное устройство русскаго населенія также разнообразно. Въ Среднеколымскѣ самымъ важнымъ элементомъ являются служилые казаки, причисленные къ пѣшему якутскому казачьему полку; они не имѣютъ оружія и числятся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Казаки эти употребляются для полицейской службы, но главная ихъ обязанность заключается въ томъ, что они возятъ почту и сопровождаютъ поселенцевъ. Повинность эта падаетъ тяжелымъ бременемъ на долю молодыхъ, бѣдныхъ казаковъ, такъ какъ болѣе зажиточные подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уклоняются отъ командировокъ, равнымъ образомъ какъ и люди постарше возрастомъ. Трудно представить себѣ трудности такого пути въ особенности въ лѣтнее время, когда онъ тянется мѣсяцевъ 4, 5 и представляетъ крайне тягостную экспедицію по болотистой мѣстности: цѣлыми днями лошадь бредетъ по брюхо въ грязи и къ вечеру трудно бываетъ найти достаточно сухое мѣсто для того, чтобы разложить огонь и поставить палатку. Весь дневной переходъ въ такихъ условіяхъ не превышаетъ 15—18 верстъ. Тамъ, гдѣ мѣстность гористая, является другое затрудненіе, такъ какъ приходится переходить вбродъ множество горныхъ рѣчекъ, если же послѣднія разольются въ половодье, то приходится цѣлыми недѣлями ждать переправы

Кормиться во время такихъ путешествій приходится отъ гостепріимства якутовъ и въ случаѣ отказа съ ихъ стороны, казакъ долженъ насильно добывать себѣ пропитаніе. Трудно представить себѣ, какой образъ жизни складывается подъ вліяніемъ такихъ постоянныхъ разъѣздовъ для молодого казака, который получаетъ отвращеніе отъ всякаго труда и промысла. Для своего содержанія служилый казакъ получаетъ отъ казны 2 п. муки въ мѣсяцъ, причемъ половина мѣсяцевъ въ году выдача идетъ деньгами, что составляетъ по казенной, доставной цѣнѣ отъ 15 до 20 руб. въ мѣсяцъ, а со всѣми другими денежными выдачами составляетъ на паёкъ: 150 рублей деньгами и 12 пудовъ муки. Но такъ какъ жалованье выдается неисправно, то три четверти казаковъ запродаютъ его торговцамъ, причемъ за пудъ муки платятъ въ 6—9 разъ дороже ея мѣстной стоимости.

Вторая многочисленная группа населенія—нижнеколымское мѣщанское общество, которое совершенно было бы подавлено тяжестью непосильныхъ платежей и натуральныхъ повинностей, если бы не станочная гоньба для казенной почтовой надобности: 700—800 руб., получаемые обществомъ за содержаніе нижнеколымскаго станка и цѣликомъ почти уходящіе на платежи повинностей, недоимокъ и т. п., спасаютъ населеніе, неимѣющее за отсутствіемъ на крайнемъ сѣверѣ заработковъ никакихъ платежныхъ средствъ. Въ особенно же тяжеломъ по отношенію къ податямъ положеніи находятся обрусѣлые инородческіе роды, которые во время эпидеміи оспы вымерли больше чѣмъ на половину и которые до сихъ поръ никакъ не могутъ избавиться отъ платы за вымерочныя души; яркимъ примѣромъ такого положенія можетъ служить одинъ обрусѣлый юкагирскій родъ, въ которомъ всего лишь 3 работника, молодыхъ парня, которымъ приходится платить повинности за 10 душъ.

Главнымъ занятіемъ, дающимъ населенію средство къ существованію, является рыболовство. Мука, въ особенности на нижней Колымѣ, драгоцѣнная рѣдкость и употребляется не въ пищу, а для питья въ случаѣ отсутствія кирпичнаго чаю: ее поджариваютъ на сковородѣ и завариваютъ кипяткомъ. Мясо еще болѣе рѣдкій продуктъ питанія: на многихъ заимкахъ его видятъ лишь въ короткое лѣто, когда случается убить дикаго оленя. Рыбу либо отвариваютъ, или же зимою морозятъ сырую рыбу и ѣдятъ, строгая ее тонкими стружками. Для соленія рыбы нѣтъ достаточно соли, которая очень дорога на Колымѣ, ни посуды, необходимой для соленія. Нѣтъ также погребовъ за отсутствіемъ нужныхъ для ихъ устройства инструментовъ. А между тѣмъ невозможность сохраненія запасовъ—основная причина ежегодныхъ голодовокъ на Колымѣ. Главнымъ животнымъ служащимъ для перевозки является собака, а потому русскіе являются лучшими собаководами, у которыхъ даже сидячіе чукчи, которые издавна ѣздятъ на собакахъ, заимствуютъ собакъ для улучшенія породы своихъ собакъ, а также форму нарты, родъ упряжи и т. и. Откуда русскіе на Колымѣ позаимствовали собаководство, опредѣлить съ точностью невозможно; нужно полагать, судя по нѣкоторымъ лингвистическимъ признакамъ, что оно заимствовано съ камчатки или отъ сидячихъ коряковъ. Скотоводство и коневодство у русскаго населенія мало развито; скотоводами по преимуществу являются якуты.

Во всемъ округѣ нѣтъ почти никакой медицинской помощи, если не считать того обстоятельства, что за 10 послѣднихъ лѣтъ былъ на Колымѣ врачъ въ теченіе одной зимы, да и тотъ, неужившись съ населеніемъ, бѣжалъ изъ округа. Въ обычное время люди умираютъ на Колымѣ оттого, что некому вытащить занозу или разрѣзать случайно образовавшійся нарывъ. Во все остальное время леченіе лежало на одномъ фельдшерѣ, который за множествомъ другихъ заботъ не могъ выполнять своихъ прямыхъ обязанностей. Результатомъ крайней распущенности нравовъ и свободы половыхъ отношеній, начинающихся

съ наступленіемъ зрѣлости, является распространеніе сифилиса. Въ 1896—1897 гг. вслѣдствіе сильнаго развитія этой болѣзни былъ назначенъ въ колымскій округъ еще одинъ фельдшеръ для борьбы съ сифилисомъ, но борьба эта превратилась скоро въ самый грубый судебно-медицинскій сыскъ и населеніе просило пріѣхавшаго изъ Якутска ревизора избавить его отъ всѣхъ мукъ леченія и свидѣтельствованія, послѣ чего искорененіе сифилиса временно прекратилось.

Еще ужаснѣе для населенія другая страшная гостья, пять разъ посѣщавшая Колыму въ теченіе нынѣшняго столѣтія—это эпидемія оспы, особенно свирѣпствовавшая въ теченіе зимы 1884—1885 г., когда нѣкоторыя заимки на нижней Колымѣ вымерли до послѣдняго человѣка. Болѣзнь эта сразу уноситъ весь приростъ населенія, накопившійся со времени послѣдней эпидеміи. Докладчикомъ была изображена ужасающая картина послѣдней эпидеміи оспы, записанной имъ со словъ одного казака, приставленнаго по приказу начальства ухаживать за больными оспой. Вполнѣ понятнымъ становится по этому тотъ суевѣрный ужасъ, который населеніе Колымы питаетъ къ оспѣ. «Матушка оспа», «начальница»—вотъ тѣ эпитеты, которыми ее величаютъ. Цѣлыя семьи поголовно вымирали въ одну ночь отъ этой ужасной болѣзни.

«Въ такихъ то условіяхъ», закончилъ свой длинный и интересный докладъ В. Г. Богоразъ, «небольшой осколокъ великаго русскаго народа влачитъ свое жалкое существованіе. заброшенный среди полярныхъ снѣговъ на оледенѣлыхъ берегахъ негостепріимной рѣки. Родина не посылаетъ ему ничего, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ матеріальнаго быта, необходимыхъ для существованія послѣднему дикарю. Никакое благое вѣяніе не достигаетъ его лица, ни одна благая вѣсть не доносится къ его ушамъ. Глаза его обращены къ землѣ и только изрѣдка обращаются на западъ и то не съ надеждой, но съ суевѣрнымъ страхомъ, такъ какъ оттуда приходитъ могучая въ сѣверныхъ пустыняхъ матушка-оспа собирать человѣческую дань съ дикихъ и одичавшихъ обитателей полярнаго края».

Чтеніе было иллюстрировано многочисленными діапозитивами, которые усугубляли и безъ того тяжелое впечатлѣніе, произведенное краснорѣчивымъ разсказомъ о мрачныхъ условіяхъ существованія, въ которыхъ проходится жить и нѣкоторымъ невольнымъ пришельцамъ, истиннымъ сынамъ далекой европейской отчизны.

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюнь. 1899 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги*: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Юридическія науки.—Философія и психологія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—*Иностранная литература.*—Изъ западной культуры: «О театрѣ и идеяхъ». Ив. Иванова. Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С Елпатьевскій. «Разсказы и очерки».—*Бонч-Бруевичъ.* «Русская поэзія». *Н. Соколовъ.* «Стихотворенія.—*Каллашъ.* «Русскіе поэты о Пушкинѣ». *Божерянов.* «Поэты поэту».

Елпатьевскій. Разсказы и очерки. Спб. Изд. Л. Пантелѣева. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Новый сборникъ разсказовъ и очерковъ г. Елпатьевскаго, въ который вошли произведенія его за послѣдніе 3—4 года, составленъ разнообразно и читается съ неослабнымъ интересомъ.

Талантъ г. Елпатьевскаго, его теплый юморъ, умное и мѣткое слово придаютъ огромному матеріалу наблюденій, которымъ располагаетъ авторъ, живость и интересъ современности или же ту особую жизненность художественнаго творчества, которая вызываетъ сочувственное біеніе въ сердцѣ читателя. Именно на двѣ категоріи такого рода распадается содержаніе этого сборника. Это—или наблюденія жизни, самой разнообразной—отъ далекаго Туруханскаго края до Ниццы и Рима, жизни нижегородской ярмарки и Вяземской лавры въ Петербургѣ,— или небольшія художественныя картинки, на которыхъ тщательно и съ подкупающей читателя любовью выписаны типичные образы, надолго запечатлѣвающіеся въ памяти. Таковы разсказы «Гекторъ», «Пожалѣй меня», «Въ кухнѣ», «Ѣдутъ», «Присяжнымъ засѣдателемъ».

Какъ наблюдатель, авторъ умѣетъ схватить главныя стороны жизни и обрисовать ихъ нѣсколькими смѣлыми штрихами достаточно ярко. Очень живо написаны его заграничныя воспоминанья. Особенно интересна и справедлива его характеристика современнаго француза съ его несокрушимымъ самодовольствомъ и вѣчнымъ любованіемъ собой, на подкладкѣ пошлости и духовнаго обнищанія. Впрочемъ, добавляетъ авторъ въ заключеніе, «французы за послѣднюю четверть вѣка значительно потеряли свою самоувѣренность. Хотите знать—почему? Потому что ихъ нѣмецъ побилъ. Я желаю одного,—чтобы имъ не удалось въ скорости побить нѣмца. Вы только вообразите,—французъ сомнѣвается! И цѣлыхъ уже 25 лѣтъ! Уже эта одна необычная продолжительность сомнѣнія даетъ право надѣяться, что онъ что-нибудь придумаетъ. А побьетъ нѣмца, тотчасъ получитъ увѣренность,—гребень кверху, хвостъ колесомъ и сейчасъ на заборъ—возвѣщать міру, какая онъ превосходная птица»... Также интересны и живы его картинки нижегородской ярмарки — «Самокаты» и «Мамоны», въ которыхъ авторъ, хорошо ознакомленный съ изнанкой всероссійскаго торжища, выводитъ нѣсколькихъ представителей веселящагося купечества и его увеселителей. Въ очеркѣ «На переписи» описано ночное посѣщеніе Вяземской лавры во время однодневной переписи въ Петербургѣ.

Замѣчательно, что такое огромной важности событіе, какъ всероссійская перепись, промелькнуло въ литературѣ почти безслѣдно, и небольшой очеркъ г. Елпатьевскаго пожалуй единственное исключеніе.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ общаго содержанія сборника стоятъ два большихъ очерка «Миша» и «Спирька», въ которыхъ авторъ дѣлаетъ попытку дать общую характеристику двухъ доминирующихъ въ наше время сословій—дворянства и купечества. Въ обработкѣ темы чувствуется вліяніе Щедрина и свойственныхъ старому народничеству взглядовъ на капитализмъ и его развитіе у насъ. Публицистическая струйка, примѣшивающаяся въ этихъ очеркахъ къ художественности, дѣлаетъ ихъ невполнѣ выдержанными, но отдѣльныя мѣста и въ нихъ удачны. Мѣтко схвачены нѣкоторыя черты господствующихъ сословій, какъ, напр., національныя тенденціи Миши или всероссійскій патріотизмъ на чисто карманной подкладкѣ Спирьки. «Я не совсѣмъ точно выразился, сказавши, что Миша антисемитъ: онъ анти... анти...—Я, собственно говоря, не знаю что. Миша всегда любилъ словечки и восклицанія и въ уѣздѣ въ минуты душевнаго жара часто говорилъ: «дондеръ-шишъ!» иногда въ видѣ объясненія добавляя: «тысяча чертей и одна пушка»... Теперь онъ говоритъ «народность»... хотя я также мало понимаю, что разумѣетъ Миша подъ этимъ словомъ, какъ его «дондеръ-шишъ», и тѣ объясненія, которыя онъ дѣлаетъ, также мало даютъ моему уму, какъ и тысяча чертей и одна пушка. Поляковъ онъ не любитъ за то, что они поляки, мусульманъ за то, что вѣрятъ въ Магомета, финляндцевъ—они пьютъ дешевое венгерское вина, а онъ, Миша—дорогое. кавказскіе народцы—маленькіе народцы и владѣютъ такими хорошими землями въ то время, какъ у Миши ничего нѣтъ... Развившаяся въ Мишѣ ненависть къ законности и къ законамъ придаетъ иногда несвойственный Мишѣ злобный характеръ... Все ему кажется, что разныя народности обладаютъ чрезмѣрнымъ и излишнимъ количествомъ правъ и что слишкомъ много по отношенію къ нимъ проявляется законности... Онъ сдѣлался нервенъ и раздражителенъ,—все что-то ему чудится и мерещится, на кого-то онъ постоянно сердится, все выслѣживаетъ, подсматриваетъ, подслушиваетъ»... Въ «Спирькѣ» вѣрно подмѣчены его современная побѣдоносная наглость, умѣнье вездѣ выставлять свои интересы, какъ истинно государственные, и уловлена связь Спирьки съ правящими сферами, гдѣ онъ задаетъ тонъ и закулисно управляетъ. Если въ очеркѣ односторонне освѣщена исторія происхожденія Спирьки и его развитія, на что намъ уже приходилось указывать въ свое время *),—то типичныя черточки современнаго нашего капиталиста схвачены удачно, и фигура получилась характерная и импозантная. Таковъ, напр., Спирька въ роли думскаго гласнаго, свѣдущаго человѣка, засѣдающаго въ коммиссіяхъ, гдѣ онъ диктуетъ свои условія, наконецъ,—на всероссійскихъ съѣздахъ, гдѣ Спирька величается, какъ соль земли русской.

Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русской поэзіи. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. Изданіе второе. О сборникѣ г. Бончъ-Бруевича мы воздерживались давать отзывъ и вѣроятно промолчали бы совсѣмъ, если-бы не второе изданіе, недавно вышедшее. Очевидно, существуетъ спросъ на такого рода изданія, какъ они ни кажутся странны на первый взглядъ. Странность эта заключается въ особомъ подборѣ стихотвореній, при которомъ составитель видимо руководствуется не внутренними достоинствами произведенія, а чисто внѣшними признаками. Разъ то или иное стихотвореніе имѣетъ хотя слабое отношеніе къ гражданскимъ мотивамъ, составитель, ничто же сумнясь, закатываетъ его въ число «избранныхъ». Въ результатѣ такого «избранія» получился объемистый сборникъ, болѣе чѣмъ на половину составленный изъ

*) См. «М. Б». 98 г., мартъ, «Крит. Замѣтки».

набора риѳмованныхъ фразъ, не согрѣтыхъ чувствомъ, не проникнутыхъ силой и далеко не блещущихъ красотою формы. Гоняясь за полнотою представленія гражданскихъ мотивовъ въ русской поэзіи, авторъ набираетъ ихъ вездѣ, гдѣбы они ни встрѣтились и въ какую-бы форму ни отлились. Получается удивительное смѣшеніе, гдѣ на ряду съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Некрасовымъ фигурируютъ въ числѣ «избранныхъ»—гг. Ленцевичи, Коринѳскіе, Филимоновы и даже г. Фофановъ, попавшій, навѣрное къ великому своему изумленію, въ число «гражданскихъ» поэтовъ. Не понимаемъ, почему въ такомъ случаѣ пропущенъ, напр., Державинъ, которому тоже случилось обмолвиться стишкомъ, въ своемъ родѣ знаменитымъ:

«Проснися, сибаритъ! Ты спишь
И въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь, и т. д.».

Обращаемъ вниманіе г. Бончъ-Бруевича на такое упущеніе, въ надеждѣ, что при слѣдующемъ изданіи онъ исправитъ столь существенный недостатокъ. Право, старикъ Державинъ не хуже тѣхъ молодыхъ поэтовъ, коихъ составитель удостоилъ своимъ избраніемъ.

Насколько вообще г. Бончъ-Бруевичъ безпеченъ по части поэзіи, показываетъ его отношеніе къ излюбленнымъ поэтамъ. Пушкину, напр., онъ отвелъ въ сборникѣ, имѣющемъ свыше 40 печатныхъ листовъ, только *шесть* страничекъ, Полежаеву—шесть, Лермонтову немного больше—цѣлыхъ двѣнадцать. За то г. Ленцевичу—18, нѣкоему Яхонтову—21 (то-то, должно быть, поэтъ!), знаменитой поэтессѣ Барыковой—10, господину Лихачеву—листъ, поэту Боровиковскому (есть, оказывается, и такой поэтъ)—листъ, «поэту» Навроцкому—даже 1½ листа (24 стран.!). Съ столь знаменитыми и чудными поэтами, какъ перечисленные гг. Ленцевичъ, Боровиковскій, Яхонтовъ, Барыкова и Навроцкій, конкуррируютъ въ сборникѣ только Некрасовъ—27 стр. и Надсонъ—37.

Сказаннаго было-бы достаточно для характеристики избранной поэзіи г. Бончъ-Бруевича, но, къ великому стыду и огорченію нашему, оказалось, что многихъ любимцевъ составителя сборника мы совсѣмъ не знаемъ, и это заставляетъ насъ нѣсколько углубиться въ суть вещей, чтобы ознакомить и читателей съ такими препрославленными пѣвцами нужды и народнаго горя, какъ знаменитые гг. Яхонтовъ, Боровиковскій, Лихачевъ, Филимоновъ и др. О г. Ленцевичѣ мы какъ-то говорили недавно, почему вдаваться еще разъ въ разборъ достославнаго піита не станемъ. Миръ его праху, и напрасно г. Бончъ-Бруевичъ откопалъ его. Тоже самое и относительно г-жи Барыковой, которой года два назадъ мы уже имѣли счастье посвятить нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. Но гг. Боровиковскій, Яхонтовъ, Лихачевъ и многіе другіе не уступающіе имъ по достоинству піиты,—да будетъ имъ воздана честь.

Въ каталогѣ изданій г. Суворина есть А. Л. Боровиковскій, авторъ многочисленныхъ изданій по судебнымъ установленіямъ, какъ-то: «Отчетъ судьи», два тома, «Законы гражданскіе», «Уставы гражданскаго судопроизводства» и т. д.,—очень извѣстный цивилистъ. Въ сборникѣ г. Бончъ-Бруевича тоже А. Л. Боровиковскій. Если это одно и тоже лицо, то отрадно, конечно, видѣть, что строгій судія, снявъ судейскіе доспѣхи, непрочь подчасъ побаловаться и стихомъ. Поэзія, извѣстно, смягчаетъ нравы, а для судьи мягкость никогда не лишня, особенно въ нашъ вѣкъ суровый. Правда, стихъ его не изъ легкихъ и «судьбы звучитъ въ немъ приговоръ». Въ стихотвореніи «31 января 1881 г.» (похороны Достоевскаго) онъ сопоставляетъ торжественность похоронъ съ началомъ жизни Достоевскаго, когда

Тридцать лѣтъ назадъ, въ началѣ жизни, *онъ*,
Чей гробъ теперь несутъ усыпанный цвѣтами,—

Онъ шелъ закованный, и тяжкій сердца стонъ
Старался заглушить, бряцая кандалами.

И заканчиваетъ обращеніемъ къ будущему судіѣ:

Судомъ исторіи свергались алтари,
Судились геніи... Ты будь правдивъ, историкъ,
Какой найдешь въ немъ грѣхъ, всю правду говори,
Хотя-бы твой успѣхъ былъ тягостенъ и горекъ...
Но совершая судъ, напомни громко намъ,
Тѣ вдохновенныя, возвышенныя строки,
Откуда черпали мы всѣ и ты, ты самъ,
Любви, прощенія, великіе уроки.

Въ этихъ строфахъ вполнѣ сказывается вся «поэзія» г. Боровиковскаго,—размѣренно-тяжкіе періоды, точно заключеніе судейскаго резюме. Таковы же и другіе стихотворенія, болѣе легкія по размѣру, какъ напр., «О пшеницѣ», въ которомъ на вопросъ дѣтей, почему мужикъ не ѣстъ пшеницы, отецъ отвѣчаетъ слѣдующимъ яко-бы глубоко ироническимъ стихомъ:

—Дѣтки, любитъ онъ пшеницу
Въ полъ-цѣны продать еврею,
Деньги жъ любитъ отдавать онъ
Въ казначейства, да въ управы...
Таковы мужичьи вкусы!...
Таковы мужичьи нравы!...

Правильныя мысли выражаетъ г. Боровиковскій, спору нѣтъ, и если-бы правильности мышленія было достаточно для поэзіи, то онъ несомнѣнно былъ-бы поэтомъ. Но, считая себя въ правѣ отъ русской поэзіи требовать послѣ Пушкина, Лермонтова и Некрасова—глубины чувства, силы выраженія и блеска формы, мы осмѣливаемся такіе стихи считать плохими, банальными передовицами во вкусѣ скучно-добродѣтельнаго «Сына Отечества», изложенными въ плохо риѳмованной прозѣ.

Не уступаетъ ему въ благомысліи и добродѣтели и г. Яхонтовъ. Вотъ, напр., его «Земская школа», гдѣ—

«Барышня земская съ дьякономъ дружно
Разуму учатъ ребятъ:
Пищу сердцамъ ихъ здоровую нужно,
Въ грамотѣ—свѣтъ, говорятъ».

И все дальше въ томъ же духѣ, все по той же прописи для гражданскихъ мотивовъ, гдѣ «холодъ» риѳмуетъ съ словомъ «голодъ», «народъ»—«впередъ» и проч. И такихъ «избранныхъ» стиховъ—20 страницъ для удрученія ума и сердца читателя.

Впрочемъ, не 20 страницъ, а около 600, такъ какъ, за исключеніемъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Полежаева, нѣсколькихъ стихотвореній Надсона, Плещеева, Добролюбова, П. Я., весь объемистый сборникъ представляетъ подобный же наборъ риѳмованной прозы. Останавливаться на другихъ представителяхъ такой «избранной поэзіи» мы считаемъ лишнимъ! Они всѣ на одну колодку, и отличить, напр., какого-нибудь Филимонова отъ Яхонтова или Алмазова не сможетъ даже и самъ г. Бончъ-Бруевичъ. А ужъ онъ-ли не знатокъ, какъ показываетъ его сборникъ.

Мы вовсе не противъ гражданскихъ мотивовъ въ поэзіи, думаемъ, что въ чести гражданина не менѣе красоты, чѣмъ и въ другихъ чувствахъ. Но мы безусловно отказываемся признавать поэзіей добродѣтельныя мысли, заворочен-ныя въ грубую и тошнотворную риѳмованную ветошь. И когда какой-нибудь «избранный», но «частію по глупой честности, частію по простотѣ», пропадающій въ неизвѣстности «поэтъ», напр., г. Медвѣдевъ, начинаетъ завывать, «напрягши умъ, наморщивши чело»,—

Зародыши добра и мысли благородной
На нивѣ дѣственной, на нивѣ плодородной,
На пажити святой, на пажити народной
Со всѣмъ стараньемъ сѣй!—

а ему со всѣхъ сторонъ на протяженіи 40 печатныхъ листовъ подвываютъ въ тонъ не менѣе «избранные» «поэты», — то отъ такой дьявольской какофоніи убѣжишь за тридевять земель.

Н. М. Соколовъ. Стихотворенія. Спб. 1899 г. Стихи г. Соколова выгодно отличаются отъ его критическихъ опытовъ (см. слѣдующій отдѣлъ, отзывъ объ его книгѣ «Лирика Я. П. Полонскаго»). Это доказываетъ лишній разъ, что можно недурно играть на роялн и не знать физическихъ свойствъ звука. Не слѣдуетъ, конечно, предъявлять къ г. Соколову, какъ поэту, непомѣрныхъ требованій: мысль его неглубока, а поэзія далеко неоригинальна. Вездѣ, гдѣ онъ берется философствовать на отвлеченныя темы (*Царица мысль*, *У памятника Мицкевича*), хочется посовѣтовать ему не тратить на нихъ свое дарованіе. Лучше всего ему удаются стихотворенія, гдѣ ни мысль, ни даже чувство не претендуютъ на своеобразность, гдѣ все дѣло въ мѣткомъ выраженіи и въ изящной формѣ. Таковы многія изъ восьмистишій, соединенныхъ подъ общимъ названіемъ *Изъ дневника*. Всѣ они довольно однообразны, всѣ они посвящены довольно заурядному чувству, въ которомъ тѣмъ не менѣе слышится что-то пережитое, на всѣхъ ихъ, наконецъ, замѣтно нѣкоторое вліяніе любовной лирики Гейне, вѣроятно безсознательное. Не обладая характерной для великаго романтика ироніей надъ самимъ собой и надъ всѣмъ міромъ, обнаруживая разницу и въ другихъ весьма существенныхъ пунктахъ, г. Соколовъ приближается къ Гейне эпиграмматичностью формы. Первое четверостишіе обыкновенно не представляетъ ничего особеннаго: обычныя, часто избитыя слова, и только въ послѣдней строфѣ, иногда въ послѣдней строчкѣ неожиданный поворотъ мысли, эффектная фраза, то, что французы называютъ pointe. Порой кажется, что все стихотвореніе написано спеціально для этой заключительной строчки. Приведемъ только одинъ примѣръ.

Когда твой взоръ ко мнѣ летитъ,
Меня въ толпѣ другихъ замѣтитъ,
Мнѣ шлетъ привѣтъ, мнѣ говоритъ,
Мнѣ улыбается и свѣтитъ,

Не вѣрю я своимъ глазамъ
И отойти хочу къ порогу,
Какъ нищій въ храмъ, чтобы тамъ
Издалека молиться Богу...

Изъ болѣе длинныхъ стихотвореній г. Соколова самое удачное по нашему мнѣнію (*Волшебная пѣсня*) несомнѣнно также сложилось подъ живымъ впечатлѣніемъ Гейне. Это не только слышится въ стилѣ всей пьесы и даже въ складѣ строфы, но можно прямо указать тѣ баллады Гейне, которыя могли внушить г. Соколову сюжетъ его испанской легенды: здѣсь соединены двѣ темы—пѣснь торжествующей любви изъ *Frau Mette* и казнь счастливаго любовника, благословляющаго передъ смертью причину своей гибели изъ *Ritter Olaf*.

Стихъ г. Соколова и въ другихъ мѣстахъ (за немногими исключеніями) гладокъ и звученъ, языкъ выразителенъ. Можно сказать, что г. Соколовъ обладаетъ поэтическими способностями, но не обнаруживаетъ той всесторонней индивидуальности, которая одна даетъ право на званіе поэта.

Переводъ десяти сонетовъ Петрарки, приложенный въ концѣ книги, нельзя назвать удачнымъ. Даже съ внѣшней стороны г. Соколовъ не съумѣлъ сохранить классическое для сонета чередованіе рифмъ, что недопустимо при переводѣ такого формиста, какъ Петрарка. Надо впрочемъ признать, что перево-

дить Петрарку весьма неблагодарная задача. Постоянная игра словъ, намеки на миѳологическіе эпизоды, изысканныя, слишкомъ взвѣшенныя сравненія дѣлаютъ его стихи прозаическими на всѣхъ языкахъ, кромѣ итальянскаго.

В. Каллашъ. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. Стр. 333.—И. Н. Божеряновъ. Поэты поэту. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ Пушкину. Спб. 1899 г. Ц. 25 к. стр. 96. Оба сборника посвящены памяти Пушкина, но существенно отличаются другъ отъ друга. Сборникъ г. Каллаша представляетъ *все*, что существуетъ въ русской поэзіи о Пушкинѣ, какъ написанное при жизни поэта, такъ и послѣ его смерти. Получилась довольно объемистая книга въ 20 печатныхъ листовъ слишкомъ, въ которой весь матеріалъ распредѣленъ въ 8 отдѣлахъ: I—стихотворенія при жизни Пушкина (съ 1815 по 1837 гг.); II — стихотворенія на смерть Пушкина (1837 г.); III—до открытія памятника въ 1880 г.; IV—на открытіе памятника (1880 г.); V—стихотворенія 1880—1887 г.; VI—юбилейныя стихотворенія 1887 г.; VII—стихотворенія 1887—1899 г.; VIII—дополненія. Сборникъ г. Божерянова гораздо скромнѣе: въ него вошли только стихотворенія на смерть Пушкина и на открытіе памятника. Свой сборникъ г. Божеряновъ снабдилъ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ собраны очень интересные отзывы и мнѣнія современниковъ, кн. Вяземскаго, Никитенко, Гоголя, и затѣмъ отзывы послѣдующихъ писателей, изъ рѣчей и статей при открытіи памятника. Издана книжечка г. Божерянова небрежно, но съ портретами Пушкина, его жены и родителей и нѣсколькими иллюстраціями къ произведеніямъ Пушкина. Вообще, изданіе это заслуживаетъ вниманія, но сборникъ г. Каллаша гораздо интереснѣе уже по одной своей полнотѣ.

Просматривая эту массу стиховъ, посвященныхъ Пушкину или написанныхъ о Пушкинѣ, выносишь одно общее и тяжелое впечатлѣніе—необычайной скудости мысли и бѣдности поэтическаго творчества. Единственнымъ, достойнымъ имени того, кому посвящено, остается до сихъ поръ Лермонтовское «На смерть Пушкина». Оно ни тогда, ни потомъ не было превзойдено никѣмъ ни по силѣ выраженія, ни по красотѣ формы. Среди окружающей его бѣдноты и безцвѣтности оно выдѣляется, какъ огромный брилліантъ чистѣйшей воды въ кучѣ жалкихъ поддѣлокъ. До извѣстной степени и только отчасти съ нимъ можно сопоставить «Лѣсъ» Кольцова, по задушевности тона и пластичности языка. И это въ своемъ родѣ поразительное явленіе, что личность и судьба Пушкина не вдохновили ни одного русскаго поэта. А вѣдь ихъ было довольно, правда, уступавшихъ Лермонтову въ энергіи и объемѣ таланта, но все же несомнѣнно крупныхъ дарованій, какъ А. Толстой, Фетъ, Полонскій, Плещеевъ, Майковъ. Единственное исключеніе послѣ Лермонтова составляетъ Некрасовъ, у котораго вылилось нѣсколько чудесныхъ строфъ, посвященныхъ Пушкину въ его «Русскихъ женщинахъ». Въ нихъ Некрасовъ прекрасно схватилъ характерныя черты великаго поэта, его искренность, доброту, дѣтскую жизнерадостность, огромный умъ и мѣткость языка. Напр., эти слова Пушкина, которыми онъ провожаетъ княгиню Волконскую:

«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный!
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстной!
Что свѣтъ? опостылѣвшій всѣмъ маскарадъ!
Въ немъ сердце черствѣетъ и дремлетъ,
Въ немъ царствуетъ вѣчный, разсчитанный хладъ
И пылкую правду объемлетъ...

Вражда умирится вліяньемъ годовъ,
Предъ временемъ рухнетъ преграда,
И вамъ возвратятся пенаты отцовъ
И сѣни домашняго сада!
Цѣлебно вольется въ усталую грудь
Долины наслѣдственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, вѣрю! Недолго вамъ горе терпѣть,
Гнѣвъ царскій не будетъ же вѣчнымъ...
Но если придется въ степи умереть,
Помянутъ васъ словомъ сердечнымъ:
Плѣнителенъ образъ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
Сокрывшейся рано въ могилу!»

Вѣдь это—почти пушкинскіе стихи, и когда послѣ нихъ переходишь къ вылощеннымъ, размѣренно-утонченнымъ и пусто-звонкимъ строфамъ нашихъ «парнасцевъ», тѣхъ, что «до сѣдыхъ волосъ лишь въ чести гражданина не усмотрѣли красоты»,—какимъ холодомъ повѣетъ отъ нихъ! Вотъ, для примѣра, начало Полонскаго:

Пушкинъ, это—возрожденье
Русской музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это—незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.
Это—эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнье
Ихъ божествъ безъ покрывалъ, и т. д.

А между тѣмъ, это еще лучшее изъ всего, что посвящено Пушкину. У Полонскаго есть красивые обороты и удачныя сравненья, чего совсѣмъ нѣтъ у Майкова, Фета и другихъ. У Тютчева хороши только два заключительныхъ стиха: «Тебя, какъ первую любовь, Россія сердце не забудетъ». Попадаются недурные отдѣльные стихи у поэтовъ-современниковъ Пушкина, есть они у Курочкина («не зналъ свободы онъ для гордыхъ вдохновеній»), но они тонутъ въ массѣ дѣланнаго пафоса, холодной реторики и искусственнаго сочетанія словъ.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Памяти Бѣлинскаго».—*Н. Кареевъ.* «Жанъ-Жакъ Руссо».—*Н. М. Соколовъ.* «Лирика Я. П. Полонскаго».

Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Съ 3-мя фототипіями. Изданіе Пензенской общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. Москва 1899. Названный сборникъ предназначенъ для образованія фонда для просвѣтительныхъ цѣлей въ память Бѣлинскаго при Пензенской библіотекѣ, и въ первой части своей представляетъ болѣе или менѣе полную картину юбилейныхъ празднествъ прошлаго года. Вступленіемъ въ сборникъ служитъ лѣтопись, во многомъ похожая на скорбный листъ, о дняхъ Бѣлинскаго въ Пензѣ, затѣмъ слѣдуютъ всѣ рѣчи, произнесенныя на торжественномъ собраніи Общества люб. росс. словесности въ Москвѣ 8 апрѣля 1898 г., а также нѣкоторыя изъ юбилейныхъ рѣчей и статей изъ Петербурга и другихъ городовъ. Много воодушевленія, много искренней, горячей любви къ геніальному пролетарію слышится

въ этихъ поминальныхъ рѣчахъ старыхъ и молодыхъ литераторовъ и профессоровъ. И въ этомъ несомнѣнно лишній разъ оправдалось наблюденіе Тургенева, который, какъ извѣстно, характеризовалъ Бѣлинскаго подъ именемъ Покорскаго въ *Рудинѣ*: стоитъ только произнести это имя,—говоритъ Лежневъ,—и въ человѣкѣ зашевелится все, что въ немъ есть благороднаго, «точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами». Передъ читателями статей Н. И. Стороженко, А. Н. Веселовскаго, И. И. Иванова и другихъ воскресаетъ великій, чистый образъ Бѣлинскаго, который одинъ могъ бы заставить любить русскую литературу,—и этого совершенно достаточно, чтобы сообщить крупный интересъ изданному Пензенскою библіотекою сборнику.

Болѣе обширная вторая часть его, состоящая изъ болѣе или менѣе случайныхъ стихотвореній и прозаическихъ статей, этюдовъ, очерковъ и отрывковъ, оставляетъ, къ сожалѣнію, менѣе отрадное впечатлѣніе. Изданіе подобныхъ сборниковъ съ какою-нибудь благою цѣлью давно уже вошло у насъ въ обычай, давно уже сложился типъ такихъ спорадическихъ изданій, въ которыхъ по большей части добрыя намѣренія оправдываютъ бѣдность содержанія. Книга, носящая имя Бѣлинскаго, должна была бы, по нашему мнѣнію, носить иной характеръ, нежели заурядные благотворительные сборники. Помимо матеріальнаго успѣха, который несомнѣнно будетъ достигнутъ благодаря однимъ «именамъ» участниковъ, послѣдніе должны были бы не упускать изъ виду, что ихъ произведенія войдутъ въ составъ литературнаго памятника тому, кто столько далъ русской литературѣ и обществу и такъ мало получилъ отъ него при жизни. Мы знаемъ литераторовъ, которые не послали своихъ произведеній въ сборникъ единственно потому, что считали ихъ недостойными памяти великаго критика. Тѣ же писатели, которыхъ общественное мнѣніе до нѣкоторой степени обязывало участвовать въ славной тризнѣ, не должны были ограничиться пожертвованіемъ перваго попавшагося листка «изъ портфеля» или перваго пришедшаго въ голову зигзага своего талантливаго пера. Намъ представляется, что благоговѣніе передъ памятью Бѣлинскаго ставило всѣхъ участниковъ сборника въ необходимость дать нѣчто такое, что могло бы претендовать на вниманіе и одобреніе *самого* Бѣлинскаго. Тѣ, которые это сдѣлать не въ состояніи, должны были бы просто молчать. Жизнь писателя, а нарочито русскаго писателя протекаетъ часто въ такихъ условіяхъ, что обращать упрекъ къ тому или другому имяреку было бы, можетъ быть, несправедливо, но въ общемъ остается краснорѣчивымъ тотъ фактъ, что изъ четырехсотъ страницъ, составляющихъ 2-ю часть «Сборника В. Г. Бѣлинскаго», лишь весьма немногія обнаруживаютъ въ авторахъ стремленіе дать лучшее, на что только они способны. Особенно бѣдна (качественно) беллетристика въ сборникѣ. Три крошечные разсказца г. Чехова, какъ всегда остроумные и мастерски написанные, принадлежатъ по своему содержанію едва ли не къ самымъ мелкимъ изъ безчисленныхъ анекдотовъ, которые онъ такъ забавно разсказываетъ. Даже заманчивое имя гр. Л. Н. Толстого на этотъ разъ украшаетъ почти пустое мѣсто. Онъ задумалъ передѣлать окончаніе извѣстной повѣсти Костомарова *Сорокъ лѣтъ*. Странно, какъ это великій художникъ не видѣлъ, что версія Костомарова гораздо сильнѣе, проще и вмѣстѣ оригинальнѣе, чѣмъ та, которую онъ теперь предлагаетъ. Изъ стихотвореній нѣкоторыя не лишены достоинствъ. Къ лучшимъ принадлежатъ стихи покойнаго Я. П. Полонскаго (написаны 9 декабря 1897), Ив. Бунина и П. Я.

Бо́льшую часть небеллетристическихъ статей составляютъ критическія и историко-литературныя этюды, что и естественно было ожидать въ юбилейномъ сборникѣ величайшаго русскаго критика. Къ сожалѣнію, многіе изъ этихъ этюдовъ не дѣлаютъ чести наслѣдникамъ Бѣлинскаго; нѣкоторые просто пора-

жаютъ незрѣлостью (*Идеалистическія настроенія въ поэмѣ «Демонъ»*), безсодержательностью (*Нѣсколько словъ о Тургеневѣ, какъ поэтѣ*) или непродуманностью. Къ послѣдней категоріи относится статья Л. Е. Оболенскаго *Эволюція личности у женщинъ по типамъ Ибсена*, гдѣ авторъ увѣряетъ, что «міръ его (Ибсена) музы очень нешировъ. Въ драмахъ его мы встрѣчаемъ почти исключительно стремленія женской души и ея борьбу за нихъ. Почти никакія иныя стремленія и вопросы нашей эпохи Ибсеномъ не затрогивались». Можно подумать, что критикъ не знаетъ *Врага народа*, *Столповъ общества*, *Союза молодежи*, *Пэра Гинта* и пр. и пр. Впрочемъ критику приходится противорѣчить самому себѣ при довольно подробномъ изложеніи *Бранта*. Въ названныхъ драмахъ затронуты всѣ современные вопросы, кромѣ женскаго: отношеніе личности къ толпѣ, соціальная проблема, герои улицы, идеалъ и компромиссъ. Другой критикъ г. Баженовъ, авторъ «психіатрическаго этюда» *Символисты и декаденты*, также обнаруживаетъ слабое критическое дарованіе, цитируетъ, какъ авторитетъ, «очень интересную и оригинальную» книгу Макса Нордау, а кромѣ того весьма плохо знакомъ съ новѣйшей французской поэзіей; такъ, напр., слѣдуя нѣкоторымъ нецеремонящимся съ истиною газетнымъ корреспондентамъ, г. Баженовъ думаетъ, что произведенія Леона Диркса, провозглашеннаго, какъ извѣстно, королемъ поэтовъ послѣ смерти Малларме, «извѣстны лишь небольшому кружку его единомышленниковъ и въ печати, повидимому, не появлялись». Въ дѣйствительности же Леонъ Диксъ началъ печатать стихи еще въ 60-хъ годахъ, появляется въ извѣстнѣйшихъ журналахъ, давно уже собралъ свои стихотворенія въ изданіи Альфонса Лемера въ 2 томахъ и никакихъ особыхъ единомышленниковъ не имѣетъ.

Лишь двое изъ критиковъ дали серьезныя и тщательно обработанныя статьи: г. Каренинъ, который давно уже занимается Жоржъ-Зандъ и ея эпохой, помѣстилъ въ сборникѣ весьма обстоятельную, основанную на богатомъ и свѣжемъ матеріалѣ статью *Сентъ Бевъ, Мишель и Жоржъ-Зандъ*; другой этюдъ—*На разстояніи полувѣка* (*Бальзакъ, Ант. Чеховъ и Вл. Короленко о крестьянахъ*)—принадлежитъ г. Батюшкову, который въ сущности вложилъ въ свою статью гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ скромный подзаголовокъ: во всеоружіи сравнительнаго метода, авторъ характеризуетъ отношеніе къ крестьянству французскаго и русскаго романа за послѣдніе полвѣка. Со многими соображеніями критика позволительно несоглашаться, можно удивляться методическому безстрастію, съ какимъ онъ излагаетъ узко классовые взгляды Бальзака, но нельзя не признать весьма интереснымъ и многое объясняющимъ это сопоставленіе двухъ чуждыхъ литературъ въ ихъ отношеніи къ одной и той же темѣ. Такая очная ставка даетъ хорошее освѣщеніе сущности французскаго натурализма и нашего реальнаго романа.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что *Сборникъ* заключаетъ нѣсколько интересныхъ писемъ Тургенева, Анненкова, Салтыкова, Чернышевскаго, Некрасова, Гончарова, гр. А. Толстого, а также нѣкоторые другіе матеріалы, важные для біографій выдающихся русскихъ писателей.

Н. Карелинъ. Жанъ-Жакъ Руссо. Опытъ характеристики его общественныхъ идей. Изданіе П. Б. Струве. Спб. 1899. Ц. 1 р. Читатель, незнакомый съ нашими журнальными теченіями послѣднихъ лѣтъ, былъ бы вѣроятно очень изумленъ, что такія темы, какъ общественные взгляды Руссо, ставшія давно академическими даже во Франціи, вызываютъ столь страстное къ нимъ отношеніе со стороны русскихъ изслѣдователей. Можно не соглашаться съ мнѣніями, установившимися въ обширной литературѣ по этому предмету, можно находить въ ней существенные промахи и недостатки, но это ни въ какомъ случаѣ не можетъ объяснить того полемическаго ожесточенія, которымъ полна книжечка г. Карелина отъ первой до послѣдней страницы. Осно-

ванія для этого надо искать далеко за предѣлами столь невинной, повидимому, темы. Если г. Карелина такъ волнуютъ несогласныя съ нимъ мнѣнія, то естественно было бы ожидать, что онъ прежде всего обратится противъ наиболѣе видныхъ и оригинальныхъ изслѣдователей даннаго вопроса, которыхъ дѣйствительно можно считать отвѣтственными за утвердившіяся ошибки. Вмѣсто того онъ пишетъ свою книгу какъ будто исключительно противъ гг. Карѣева и Южакова, которые даже въ русской литературѣ не являются ни самыми глубокими, ни наиболѣе самостоятельными цѣнителями Руссо.

Г. Карелинъ претендуетъ на то, что ему первому удалось раскрыть истинное значеніе общественныхъ теорій Руссо, тогда какъ его предшественники ихъ не понимали и сознательно или безсознательно извращали ихъ въ угоду своимъ буржуазнымъ идеямъ. Въ немногихъ словахъ можно такъ формулировать воззрѣнія Руссо, какъ ихъ понимаетъ г. Карелинъ: исторія развитія общественныхъ формъ не есть нѣчто случайное, измѣненіе и направленіе ихъ зависитъ не отъ законодателя, какъ думали энциклопедисты, а отъ измѣненія условій удовлетворенія матеріальныхъ потребностей людей. Правда, наименьшую сумму золъ человѣчество знало лишь въ своемъ младенчествѣ, когда отдѣльныя пары легко находили средства для поддержанія своего существованія, не нуждаясь ни въ запасахъ, ни въ эксплуатаціи труда другихъ людей, но безсмысленно было бы мечтать о возвращеніи къ этому естественному состоянію, что нерѣдко приписывалось Жанъ-Жаку его противниками. Съ увеличеніемъ народонаселенія, съ уменьшеніемъ легкости пропитанія, естественнымъ образомъ возникла собственность, а съ нею общественное неравенство, для охраны котораго потребовалась гражданская организація. Подъ вліяніемъ этого неизбѣжнаго процесса измѣнилась и самая человѣческая природа, усложнились потребности, развились страсти, возникли современныя государственныя формы. И такимъ образомъ, сколько бы цивилизація ни принесла несчастій человѣчеству, она представляетъ изъ себя такое же закономѣрное и *естественное* состояніе, какъ и стадія первобытности.

До извѣстной степени такая формулировка дѣйствительно соотвѣтствуетъ взглядамъ Руссо. Но нужно замѣтить, что если другіе изслѣдователи не придавали этой сторонѣ идей Руссо такого значенія, какъ г. Карелинъ, то трудно указать кого-нибудь, кто бы, самостоятельно излагая общественныя теоріи великаго женевца, такъ или иначе не говорилъ бы о томъ же. Правда, никто не видѣлъ въ этихъ теоріяхъ такой цѣльности и послѣдовательности, какъ г. Карелинъ. По мнѣнію послѣдняго, Руссо «не былъ ни метафизикомъ, ни «просвѣтителемъ», ни, что въ сущности то же самое, «субъективнымъ» мыслителемъ» (стр. 108); «онъ яснѣе многихъ, не своихъ только, а также и нашихъ современниковъ, видѣлъ соотношеніе между экономическимъ, нравственнымъ и политическимъ состояніемъ извѣстныхъ ему государствъ» (стр. 152). Но не поступаетъ ли въ данномъ случаѣ г. Карелинъ такъ, какъ живописцы XV и XVI вѣковъ, когда они наряжали въ современные имъ костюмы Мадонну, пророковъ и апостоловъ? Съ точки зрѣнія г. Карелина казалось бы особенно страннымъ, что при тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, которыя породили теорію физіократовъ, могъ получить такое полное развитіе экономическій матеріализмъ.

На самомъ дѣлѣ, Руссо, не будучи просвѣтителемъ, былъ въ значительной степени субъективнымъ мыслителемъ и далеко не всегда ясно видѣлъ связь между экономическимъ и политическимъ состояніемъ даннаго государства, что вполнѣ естественно для его времени, когда еще политическая экономія и статистика были въ зародышѣ, и тѣ историки, которые приписываютъ Руссо предпочтительное вниманіе къ политическому фактору, не заслуживаютъ столь строгихъ упрековъ, какіе къ нимъ обращаетъ г. Карелинъ. Для примѣра возь-

мемъ хотя бы *разсужденіе о польскомъ правительствѣ*, гдѣ Руссо ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни объ экономическихъ условіяхъ современнаго ему состоянія Польши, ни объ экономическихъ основахъ для предлагаемыхъ реформъ. Дѣйствительно, въ этихъ реформахъ онъ все время рекомендуетъ наблюдать крайнюю осторожность, стараясь приспособить ихъ къ національному характеру поляковъ и исходить изъ существующаго государственнаго строя, но ultima ratio всетаки остается у него разумъ и добрая воля господствующаго класса-дворянства. Говоря о только что названномъ *разсужденіи*, г. Карелинъ допускаетъ весьма странную ошибку. Съ обычною рѣзкостью онъ насмѣхается надъ г. Карѣевымъ, а за нимъ и надъ г. В. В. за то, что они «обвиняютъ Руссо въ томъ, что онъ совѣтовалъ польскимъ панамъ не освобождать крестьянскихъ тѣлъ, не освободивши сперва ихъ душъ». «Поэтому онъ рекомендуетъ польскимъ панамъ,—говоритъ г. Карѣевъ,—отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого своимъ хорошимъ поведеніемъ». Г. Карѣевъ «хочетъ увѣрить читателя, будто Руссо говоритъ о простомъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, о той свободѣ, которою польскіе крестьяне пользуются въ настоящее время. Но у Руссо объ одномъ такомъ освобожденіи нѣтъ и рѣчи. Оно является у него лишь необходимымъ условіемъ политическаго освобожденія крестьянъ, надѣленія ихъ законодательной властью» (стр. 126). «Не заводя и рѣчи о простомъ гражданскомъ освобожденіи—продолжаетъ г. Карелинъ (стр. 131),—Руссо, во имя спасенія Польши отъ чужеземнаго ига, убѣждалъ пановъ поставить крестьянъ въ такое положеніе, при которомъ они сами были бы достаточно сильны, чтобы отстоять все то, что сочли бы своимъ благомъ». Посмотримъ, что же на самомъ дѣлѣ говоритъ Руссо. Онъ находитъ необходимымъ «открыть выходъ крѣпостнымъ (serfs) къ свободѣ, а мѣщанамъ доступъ къ благородному состоянію». О какой свободѣ тутъ идетъ рѣчь, о простомъ освобожденіи отъ крѣпостничества или о дарованіи политическихъ правъ, становится яснымъ изъ дальнѣйшаго. Освобожденіе это должно происходить очень медленно слѣдующимъ образомъ. Каждые два года должны собираться провинціальныя собранія, составленныя извѣстнымъ образомъ изъ дворянскихъ депутатовъ, которые бы приглашали въ свою среду еще нѣкоторыхъ, наиболѣе достойныхъ священниковъ, а можетъ быть и старцевъ-нотаблей изъ всѣхъ сословій. «Главный предметъ занятій такого комитета заключался бы въ томъ, чтобы на основаніи достовѣрныхъ воспоминаній и свидѣтельствъ тщательно провѣреннаго общественнаго мнѣнія составлять списокъ крестьянъ, которые отличились хорошимъ поведеніемъ, хорошею обработкою поля, добрыми нравами, заботою о своихъ семьяхъ, хорошимъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей своего состоянія. Этотъ списокъ долженъ былъ бы затѣмъ быть представленнымъ на саймикъ (diétine), который изъ него выбралъ бы опредѣленное закономъ число подлежащихъ освобожденію крестьянъ» (un nombre fixé par la loi pour être *affranchi*). «Когда же такимъ образомъ будетъ освобождено извѣстное количество крестьянъ въ данномъ округѣ», когда эти освобожденные образуютъ цѣлыя общины, когда ихъ надѣлять общинной землей, когда исполнится еще нѣсколько условій, тогда только можно будетъ «возвратить имъ наконецъ данное имъ природою право участвовать въ управленіи своего края и отправлять депутатовъ на сеймики». Для блестящаго начала такой операціи есть прекрасный случай. «Не можетъ быть, чтобы въ несчастьяхъ, которыя только что пережила Польша, конфедераты не получали помощи и не удостовѣрились въ привязанности нѣкоторыхъ мѣщанъ и даже нѣкоторыхъ крестьянъ... Какой прекрасный дебютъ, по моему мнѣнію, торжественно даровать дворянство этимъ мѣщанамъ и свободу (franchise) этимъ крестьянамъ!» и т. д. Не подлежитъ такимъ образомъ сомнѣнію, что Руссо очень ясно различаетъ и раздѣляетъ долгимъ промежуткомъ времени освобожденіе отъ панщины и дарованіе политическихъ правъ крестьянамъ,

и что условіемъ для перваго должны быть не только хорошее поведеніе, но также хорошее исполненіе обязанностей, присвоенныхъ крестьянскому сословію, и привязанность къ панамъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ г. Карѣевъ болѣе правъ, чѣмъ г. Карелинъ. Вполнѣ справедливо осуждая тенденціозный подборъ цитатъ у своихъ противниковъ, г. Карелинъ цитируетъ самъ очень усердно ту главу, изъ которой нами взяты всѣ вышеприведенныя выписки, и пропускаетъ весьма важныя въ данномъ вопросѣ мѣста.

За сдѣланными оговорками книгу г. Карелина нельзя не признать однако цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о Руссо. Будучи вполнѣ оригинальной, книга г. Карелина обладаетъ всѣми свойствами свѣжей и ясной мысли, что такъ благотворно вліяетъ вообще на читателя. Даже своей односторонностью она полезна и поучительна, исправляя узость мысли противниковъ, слишкомъ перегнувшихъ палку въ другую сторону и освѣщающихъ личность Руссо, какъ исключительно субъективнаго мыслителя и утописта.

Н. М. Соколовъ. Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ. С.-Петербургъ. 1899 г.

Каждое въ отдѣльности взятое предложеніе г. Соколова просто и понятно. Большинство изъ нихъ выражаютъ весьма общія, хотя и не безспорныя мысли. Но по мѣрѣ того, какъ авторъ наполняетъ ими страницу за страницей, читателю начинаетъ казаться, что эти разсужденія ведутъ къ какому нибудь неожиданному выводу, въ концѣ же концовъ оказывается, что все разрѣшается такимъ же, болѣе или менѣе общимъ тезисомъ, какъ и предпосылки. «На все, что стоитъ передъ его глазами, онъ (поэтъ) смотритъ не такъ, какъ смотрятъ другіе, потому что во всемъ и всегда онъ ищетъ не того, что нужно для успѣха въ жизни и для житейской мудрости». Поэтъ долженъ «отрѣшиться отъ завѣтныхъ (?) и общепризнанныхъ убѣжденій», «долженъ безусловно отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ и цѣлей». Подобными афоризмами начинаетъ г. Соколовъ свой критическій этюдъ. Затѣмъ, на 8-й страницѣ критикъ формулируетъ курсивомъ свой взглядъ на поэтическую дѣятельность: «Безъ художественной воспріимчивости—нѣтъ поэта, безъ конкретнаго образа — нѣтъ поэзіи». Авторъ, повидимому, думаетъ, что онъ открылъ «эти элементарныя и простыя истины». «Мы убѣждены,—говоритъ онъ, — что только неясное представленіе объ этихъ существенныхъ моментахъ творческаго процесса даетъ нѣкоторую устойчивость и кажущуюся убѣдительность явно ошибочнымъ, основаннымъ на какомъ-то недоразумѣніи современнымъ теоріямъ въ этой области». Изъ дальнѣйшаго оказывается, что дѣло не въ теоріяхъ, а въ практикѣ. Есть «мнимые друзья искусства, которые, не отрицая его въ принципѣ, пытаются поработить его своимъ личнымъ и эгоистическимъ цѣлямъ». «Формула журнальныхъ убѣжденій занимаетъ мѣсто музы. Журналъ долженъ пропагандировать свои «идеи» и поручаетъ это своимъ сотрудникамъ, которые съ своей стороны обязаны поставлять и прозу, и стихи. Между поэтомъ и міромъ—густымъ туманомъ стелется «тенденція», отвлеченная мысль, которая, какъ бы она ни была симпатична по своему внутреннему содержанію (гдѣ ужъ тамъ симпатична, когда она служитъ личнымъ и эгоистическимъ цѣлямъ!), ничего не даетъ ни глазу, ни воображенію». Мы не возражали противъ привилегіи, данной г. Соколовымъ поэту—на все смотрѣть не такъ, какъ смотрятъ другіе, но безусловно отрицаемъ за критикомъ такую прерогативу. Указанныя имъ отношенія между издателями и авторами прозы и стиховъ можно наблюдать только на Никольскомъ рынкѣ въ Москвѣ. Если же г. Соколовъ думаетъ, что то же самое происходитъ и въ журнальныхъ редакціяхъ, то это доказываетъ, что г. Соколовъ недостаточно знакомъ съ ними, и судитъ скорѣе съ предвзятой точки зрѣнія.

Произведенія Полонскаго очень нравятся г. Соколову, онъ находитъ его

истиннымъ поэтомъ, съ которымъ не могутъ равняться ни Фетъ, ни даже гр. А. Толстой. Но критическій методъ г. Соколова не въ силахъ никого убѣдить въ правильности безапелляціонныхъ приговоровъ. Одному можетъ нравиться больше Полонскій, другому больше гр. А. Толстой, — это дѣло личнаго расположенія. Чтобы критика имѣла серьезное значеніе, даже если читатель не соглашается съ ея конечными приговорами, она должна стремиться выяснить тѣ психологическія, біографическія и общественно-историческія условія, при которыхъ создалось данное литературное явленіе, данная художественная индивидуальность. По мнѣнію г. Соколова, «біографическія черты», а тѣмъ болѣе условія общественной среды стоятъ «далеко на второмъ планѣ» при характеристикѣ «истиннаго поэта»; его произведенія должны быть оцѣниваемы, какъ нѣчто абсолютное, внѣ всякихъ соображеній о времени и пространствѣ. Но и самъ г. Соколовъ не можетъ удержаться на этой точкѣ зрѣнія; иногда и ему приходится указывать вліяніе историческаго момента на то или иное произведеніе Полонскаго; иногда, забывъ, что онъ предписалъ истинному поэту отрѣшаться отъ «завѣтныхъ убѣжденій», онъ подмѣчаетъ яркое ихъ отраженіе въ стихахъ Полонскаго. Къ сожалѣнію, подобныя непослѣдовательности г. Соколовъ допускаетъ черезчуръ рѣдко. Будь ихъ больше, книга г. Соколова имѣла бы несравненно большую цѣнность. Повидимому, авторъ располагалъ такимъ матеріаломъ гораздо болѣе, чѣмъ использованный имъ въ книгѣ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

А. Эсменъ. «Основныя начала государственнаго права».—*Lombroso* и *Ferrero.* «Женщина преступница и проститутка».

А. Эсменъ, профессоръ парижскаго юридическаго факультета. Основныя начала государственнаго права. Переводъ съ французскаго Н. Кончевской подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Томъ II. Москва, 1899 года. Цѣна 1 руб. Мы уже отмѣтили появленіе въ русскомъ переводѣ этого выдающагося сочиненія по конституціонному праву, разбирая первый томъ трактата профессора Эсмена, изданный О. Н. Поповой *). Мы закончили тогда нашъ обзоръ пожеланіемъ самаго широкаго распространенія этому сочиненію и не могли не высказать надежды, что въ непродолжительномъ времени появится въ переводѣ на русскій языкъ и вторая часть обширнаго труда профессора Эсмена, но въ болѣе тщательно и точно редактированномъ переводѣ. Желанія наши исполнились и даже въ большей степени, чѣмъ мы ожидали: не только появляется на русскомъ языкѣ второй томъ сочиненія Эсмена въ прекрасномъ переводѣ, но и первый томъ издается на ново другимъ издателемъ, подъ другой редакціей и по болѣе доступной цѣнѣ,—оба тома изданія г. Солдатенкова стоятъ всего 2 рубля!

Вторая часть труда г. Эсмена посвящена государственному праву французской республики. Особенный интересъ получаетъ эта часть вслѣдствіе того, что здѣсь, по многимъ вопросамъ, не нашедшимъ себѣ мѣста въ первой части, авторъ сопоставляетъ дѣйствующее французское право съ прежними конституціями Франціи, а также съ конституціями иностранныхъ государствъ. Содержаніе этой части сочиненія Эсмена слѣдующее: прецеденты конституціи 1875 г., вотированіе учредительныхъ законовъ 1875 г., ихъ общій характеръ (глава I);

*) См. «М. Б.», 1898 г, № 7, стр. 71—73.

исполнительная власть: президентъ республики (главы II и III), министры (глава IV); законодательная власть: составъ палатъ и избраніе ихъ членовъ, привилегіи обѣихъ палатъ и гарантіи, которыми онѣ пользуются, функціи палатъ (глава V); верховный судъ (глава VI); пересмотръ конституціи (глава VII) и приложеніе, посвященное чрезвычайно интересному и важному вопросу парламентаризма: обязаны или не обязаны министры выйти въ отставку послѣ неблагопріятнаго для нихъ вотума сената. Читатели съ громаднымъ интересомъ прочтутъ это приложеніе, также какъ и первую главу, излагающую исторію возникновенія современной французской конституціи, ея учрежденій, въ связи съ тѣми условіями, въ которыхъ они возникли. Съ захватывающимъ интересомъ читается отдѣлъ о функціяхъ палатъ, гдѣ излагаются столь животрепещущіе вопросы, какъ изготовленіе законовъ, роль законодательныхъ палатъ въ финансовыхъ вопросахъ, роль обѣихъ палатъ въ осуществленіи контроля надъ правительствомъ: вопросы, интерпелляціи, парламентскія слѣдствія. Со свойственнымъ автору талантомъ, онъ чрезвычайно тонко анализируетъ каждый вопросъ, даетъ всестороннее его освѣщеніе, такъ что читатель вполнѣ точно уясняетъ себѣ существо спорнаго предмета и получаетъ возможность установить себѣ опредѣленную точку зрѣнія. Чтобы не повторяться, скажемъ, что второму тому сочиненія профессора Эсмена присущи всѣ тѣ крупныя достоинства, которыя мы отмѣтили, давая отзывъ о первой части его труда.

Переводъ этой части книги г. Эсмена, также какъ и перваго тома въ изданіи г. Солдатенкова, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Попадаются кое-гдѣ мелкія опечатки, иногда нѣкоторыя неточности (напр. на стр. 97 «code d'instruction criminelle» переведено «уложеніе объ уголовномъ слѣдствіи», вмѣсто «кодексъ уголовнаго судопроизводства»), но онѣ такъ рѣдки, что нисколько не нарушаютъ пріятнаго впечатлѣнія отъ безукоризненнаго въ общемъ перевода.

Можно искренне порадоваться, что наша небогатая литература обогатилась такимъ классическимъ сочиненіемъ, какъ «Основныя начала государственнаго права» профессора Эсмена. Желаемъ ему самаго широкаго распространенія и нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что оно займетъ выдающееся мѣсто въ политической литературѣ послѣднихъ лѣтъ.

C. Lombroso & G. Ferrero. Женщина преступница и проститутка. Переводъ д-ра Г. И. Гордона. Съ 14 таблицами внѣ текста. Изд. южно-русскаго книгоиздательства Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1898 г. Изъ предисловія переводчика мы узнаемъ, что, предлагая вниманію русскихъ читателей переводъ сочиненія проф. Lombroso и Ferrero, онъ руководствовался желаніемъ обогатить русскую литературу выдающимся трудомъ по уголовной антропологіи. Но переводчикъ сейчасъ же спѣшитъ оговориться: хотя Lacassagne, Tarde, Laurent и другіе изслѣдователи совершенно опровергли ученіе Lombroso о преступномъ типѣ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ онъ, вышеназванная книга представляетъ огромный интересъ... Итакъ, сразу оказывается, что вмѣсто *«выдающагося труда»* по уголовной антропологіи, русскимъ читателямъ предлагается *«книга, представляющая огромный интересъ»*. Затѣмъ переводчикъ отмѣчаетъ искусственность группировки матеріала, собраннаго въ разбираемомъ сочиненіи по анатоміи, психологіи и криминалогіи женщины, и одностороннее его освѣщеніе. Что же остается въ концѣ концовъ въ числѣ достоинствъ названнаго сочиненія? Переводчикъ указываетъ, что переведенная имъ «книга, по разнообразію своего фактическаго матеріала и детальности обработки, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ руководствъ для изученія какъ нормальной, такъ въ особенности преступной женщины».

Намъ кажется все это довольно страннымъ. Лѣтъ 14—15 тому назадъ, когда началась громкая европейская извѣстность Ломброзо, когда основанная

имъ школа поражала всѣхъ новизной идей и не была еще подвергнута строгой научной критикѣ, можно было еще говорить о «выдающихся трудахъ», объ «огромномъ интересѣ» и о «лучшихъ руководствахъ». Но послѣ того, какъ доказано Тардомъ, что Ломброзо «принимаетъ за подтвержденіе правила случайно подобранный рядъ исключеній» (а это признаетъ и переводчикъ), произведенія Ломброзо не могутъ не только обогатить русскую литературу выдающимся трудомъ или служить однимъ изъ лучшихъ руководствъ для изученія нормальной и преступной женщины, но и не въ состояніи даже представлять для читателей огромный интересъ.

Книга состоитъ изъ четырехъ частей, въ которыхъ являются темою: нормальная женщина, преступность женщины (къ специфической формѣ женской преступности авторы относятъ и проституцію), патологическая анатомія и антропометрія преступницъ и проститутокъ и, наконецъ, біологія и психологія преступницъ и проститутокъ.

Наиболѣе слабыми частями являются первая и третья. Первая часть, посвященная нормальной женщинѣ, представляетъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, обвинительный актъ противъ всѣхъ женщинъ. Женщины обвиняются: 1) въ томъ, что при сравненіи съ мужчиной у нихъ мы замѣчаемъ недоразвитіе: женщина меньше мужчины по росту и вѣсу, лицо ея лишено растительности, число красныхъ шариковъ въ крови ея и удѣльный вѣсъ ихъ меньше и т. д. (стр. 14—35); 2) въ томъ, что въ нихъ слабѣе развиты какъ специфическая и общая чувствительность, такъ и нравственная чувствительность (стр. 36—53); 3) въ томъ, что онѣ болѣе, чѣмъ мужчины, жестоки, мстительны, непріязненны по отношенію другъ къ другу и, какъ это ни странно, въ тоже время и болѣе сострадательны! (стр. 54—81); 4) въ томъ, что женская любовь есть въ сущности только особый видъ материнскаго чувства, что любовь къ мужчинѣ есть слѣдствіе не влеченія къ нему, а той преданности и подчиненія ему, которыя развились въ женщинѣ путемъ постепеннаго примѣненія къ жизни (стр. 87—100); 5) въ томъ, что женщины болѣе мужчинъ религіозны (стр. 101—107); 6) въ томъ, что онѣ лживы (стр. 108—114); 7) въ томъ, что у женщины нравственное чувство менѣе развито, чѣмъ у мужчины, что онѣ несправедливы, болѣе вспыльчивы, чѣмъ мужчины, и легче ихъ поддаются гнѣву, тщеславны, отличаются скупостью, жадностью, непрямодушны, понимаютъ честь совсѣмъ иначе, чѣмъ мужчины (стр. 115—130) и, наконецъ, 8) въ томъ, что умъ ихъ отличается ничтожной способностью къ творческой дѣятельности, отсутствіемъ оригинальности, женщины—враги прогресса и т. д. и т. д. (стр. 131—150).

Столь пространный обвинительный актъ, занимающій 137 страницъ, тѣмъ не менѣе, страдаетъ всѣми недостатками, свойственными обыкновенно обвинительнымъ актомъ: въ немъ много преувеличеній, излишествъ и увлеченій. Многіе обвинительные пункты остаются вовсе не доказанными, другіе доказаны очень слабо, а многіе не могутъ быть вовсе вмѣнены въ вину. А между тѣмъ, въ слѣдующихъ частяхъ своего труда авторы пользуются всѣмъ этимъ матеріаломъ, ссылаются на многія положенія, высказанныя въ отдѣлѣ о нормальной женщинѣ, какъ на вполнѣ доказанныя, и на нихъ строютъ свои дальнѣйшіе заключенія и выводы. Такимъ образомъ, авторы допускаютъ ошибку, извѣстную въ логикѣ подъ названіемъ petitio principii. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, признать, что авторы доказали наличность у женщинъ жестокости, если они въ подтвержденіе своего тезиса говорятъ: «Всякая женщина въ глубинѣ души своей жестока и даже самая кроткая изъ нихъ поступитъ безчеловѣчно съ тѣмъ, кто ее оскорбитъ, ибо въ жестокосердіи заключается, какъ сказано, ея оборонительное и наступательное оружіе» (стр. 72). Въ подтвержденіе другихъ своихъ положеній, авторы приводятъ по нѣсколько цитатъ изъ Prudhomme'a,

Шопенгауэра, Макса Нордау и другихъ самыхъ разнообразныхъ по характеру и достоинству авторовъ. Мы знаемъ, говорятъ, напримѣръ, Lombroso и Ferrero на стр. 122, что женщина способна убить, чтобы завладѣть какимъ нибудь украшеніемъ, въ родѣ ожерелья. Или напр. на стр. 123: «Многимъ изъ насъ нерѣдко приходится наблюдать, какъ въ семьѣ благородныя и щедрыя побужденія отца встрѣчаютъ отпоръ со стороны матери, болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, преданной своимъ дѣтямъ и потому черезъ чуръ эгоистичной». Таковъ аргументъ въ пользу женской скупости. Чтобы доказать, пишутъ Lombroso и Ferrero на стр. 125, что прямодушіе не можетъ считаться одной изъ женскихъ добродѣтелей, можно было бы сослаться, за недостаткомъ другихъ доказательствъ, на лживость женщины и ту легкость, съ какою она пишетъ анонимныя письма. Такихъ примѣровъ аргументаціи можно было бы привести очень много.

Такимъ же характеромъ бездоказательности отличается и третья часть, посвященная патологической анатоміи и антропометріи преступницъ и проститутокъ. Здѣсь вполнѣ приложимы слова Торда, что Ломброзо свойственно принимать за подтвержденіе правила случайно подобранный рядъ исключеній. Напр. на стр. 195 авторы упоминаютъ, что они изслѣдовали 26 череповъ и 5 скелетовъ проститутокъ; въ другихъ изслѣдованіяхъ матеріаломъ служили трупы 60-ти преступницъ. И на основаніи такихъ данныхъ, авторы составляютъ статистическія таблицы патологической анатоміи и антропологіи преступницъ.

Нѣкоторый интересъ представляютъ вторая и четвертая части, въ виду богатаго матеріала въ нихъ содержащагося. Интересна глава, излагающая исторію проституціи, и главы III—XII четвертой части, посвященныя психологіи преступницъ. Но и этими главами и частями слѣдуетъ пользоваться очень осторожно, такъ какъ и въ нихъ встрѣчаются, подобно другимъ частямъ этого труда, противорѣчія, неточности и всякаго рода ошибки,—логическія, фактическія, историческія и т. д. Примѣровъ можно привести не мало. Напр., на стр. 321 авторы устанавливаютъ неопровержимый тезисъ ничѣмъ однако не доказанный, что нормальная женщина есть полупреступница! Или положеніе, высказанное на той же страницѣ: естественная атавистическая форма преступности у женщины есть не преступленіе, а проституція, такъ какъ примитивная женщина болѣе проститутка, чѣмъ преступница. Характерна ссылка на положеніе, высказанное въ первой части труда, но тамъ вовсе не доказанное: «Говоря о нравственности нормальной женщины, мы уже видѣли, что у нея слабо развито уваженіе къ чужой собственности» (стр. 360). Или еще совершенно голословное утвержденіе на стр. 364: «Въ то время, какъ нищенство является у мужчины почти всегда слѣдствіемъ дегенераціи и продуктомъ врожденной склонности къ бродяжничеству и отвращенія къ труду, оно у женщинъ сплошь да рядомъ только случайное преступленіе». Далѣе, устанавливая въ нѣсколькихъ мѣстахъ основное положеніе, что причина проституціи кроется въ отсутствіи нравственнаго чувства, и признавая даже, что происхожденіе врожденной проституціи кроется въ нравственномъ помѣшательствѣ (стр. 405, 406 и др.), авторы разбираемаго сочиненія, тѣмъ не менѣе, на стр. 419 цитируютъ Parent-Duchatelet, утверждающаго, что «лѣнь является одной изъ главныхъ причинъ проституціи»!.. На стр. 423 цитируется д-ръ de Sanctis, констатирующій, на основаніи наблюденія 28 (sic!) проститутокъ, у нихъ удивительную аналогію съ истероэпилептическими больными.

Мы могли бы еще продолжить списокъ примѣровъ въ подтвержденіе высказанныхъ нами замѣчаній. Но намъ кажется, что достаточно и тѣхъ, которые мы привели. Всѣ указанные нами недостатки разбираемаго труда лишаютъ его значенія, которое старается придать ему переводчикъ. Мы думаемъ, что настоящій переводъ не обогатитъ русскую литературу выдающимся трудомъ по уголовной антропологіи; врядъ ли также онъ можетъ служить однимъ изъ

лучшихъ руководствъ для изученія какъ нормальной, такъ въ особенности преступной женщины.

Что касается перевода, то въ общемъ онъ выполненъ удовлетворительно. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, переведена ли книга съ итальянскаго подлинника, или съ перевода на одинъ изъ европейскихъ языковъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Паульсенъ. «Кантъ, его жизнь и ученіе».—*Ланге.* «Исторія матеріализма».—*Тиченеръ.* «Очерки психологіи».

Паульсенъ. Кантъ, его жизнь и ученіе. Спб. 1899. Всѣмъ извѣстна та громадная роль, которая выпала на долю философіи Канта въ текущемъ столѣтіи; всѣмъ извѣстно также, какъ мало доступно изученіе философіи Канта и какъ много комментаріевъ на его сочиненія появилось въ послѣднія десятилѣтія. Поэтому нужно считать вполнѣ своевременнымъ появленіе сочиненія о Кантѣ Паульсена, который въ настоящее время извѣстенъ не только какъ выдающійся мыслитель, но и какъ писатель съ блестящими литературными способностями. Книга Паульсена представляетъ интересъ еще и потому, что принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ сочиненій о Кантѣ, которыя излагаютъ систему его въ полнотѣ. Особенная же важность въ книгѣ Паульсена принадлежитъ тому обстоятельству, что онъ пытается опредѣлить значеніе философіи Канта въ настоящее время, для современнаго міровоззрѣнія.

Паульсенъ говоритъ, что онъ «не можетъ причислить себя къ безусловнымъ поклонникамъ Канта», однако убѣжденъ въ томъ, что «его философія съ его великими основными мыслями должна указывать путь современному міровоззрѣнію. Серьезность и сила, съ которою онъ разрѣшаетъ послѣднія и глубочайшія проблемы, всегда будутъ придавать его сочиненіямъ характеръ привлекательнаго и высокаго предмета изученія».

Онъ находитъ, что «этически-метафизическій идеализмъ Кантовской философіи, ея пониманіе отношенія познающаго духа къ дѣйствительности, ея взглядъ на значеніе *знанія* и *воли* для жизни и міровоззрѣнія, все это прочныя пріобрѣтенія нѣмецкой философіи».

«Спеціальная цѣль критической философіи, философіи Канта, по мнѣнію Паульсена, состояла въ томъ, чтобы *установить миръ между вѣрою и знаніемъ*».

Въ теоретической философіи Кантъ вмѣстѣ съ матеріализмомъ утверждаетъ, что наука приводитъ къ познанію *закономѣрности*, а не *смысла* вещей, она даетъ механическое, а не теологическое объясненіе міра. Но Кантъ убѣжденъ съ идеализмомъ въ томъ, что въ вещахъ есть *смыслъ* и мы можемъ быть увѣрены въ этомъ. Жизнь имѣетъ смыслъ; съ непосредственною достовѣрностью мы признаемъ нравственныя блага за абсолютную цѣль жизни не разсудкомъ или научнымъ мышленіемъ, а *волею*, или какъ говоритъ, Кантъ *практическимъ разумомъ*. Вѣра убѣждена въ томъ, что Богъ создалъ міръ, чтобы осуществить въ немъ вмѣстѣ съ людьми идею блага. Всѣ догматы религіи представляютъ не что иное, какъ «различныя выраженія увѣренности въ томъ, что міръ существуетъ для добра, что природа и исторія имѣютъ основаніе въ идеѣ—цѣли Бога».

Но такъ какъ эти двѣ точки зрѣнія, т. е. научное пониманіе вещей и религіозное истолкованіе ихъ совершенно различны, то спрашивается, какимъ образомъ они совмѣщаются въ одномъ міровоззрѣніи. Кантъ думаетъ, что это можетъ быть достижимо при помощи различенія чувственнаго и сверхчувствен-

наго міра. Міръ, составляющій предметъ естественно-научнаго познанія есть лишь явленіе для нашей чувственности, а не дѣйствительность въ себѣ; на оборотъ, міръ религіозной вѣры есть сама въ себѣ сверхчувственная дѣйствительность. Эта дѣйствительность никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ научнаго познанія, потому что человѣческое познаніе ограничено чувственнымъ опытомъ. Мы можемъ знать только объ существованіи этого міра. Это послѣдній предѣлъ, до котораго можетъ достигнуть человѣческое познаніе. Критически изслѣдуя самаго себя, свою сущность и границы своего познанія, разсудокъ узнаетъ, что по ту сторону чувственно познаваемаго міра существуетъ абсолютная дѣйствительность. При этомъ духъ, содержаніе котораго не исчерпывается однимъ разсудкомъ, признаетъ себя, какъ нравственное существо, членомъ этой абсолютной дѣйствитительности, и опредѣляетъ сущность этой дѣйствительности на основаніи своей собственной сущности.

Такъ какъ въ системѣ Канта истолкованію міра при помощи практическаго разума придается первенствующее значеніе, то эта особенность ученія Канта и называется *приматомъ* практическаго разуму передъ теоретическимъ.

Этому ученію Канта вполнѣ сочувствуетъ Паульсенъ. По его словамъ, Кантъ вполнѣ правильно понялъ сущность знанія и вѣры. Кантъ поощряетъ естествоиспытателя къ подчиненію міра явленій законамъ, руководясь при этомъ чувственнымъ опытомъ. Разсудокъ можетъ пытаться объяснить при помощи механической связи природы всѣ явленія. Единственная цѣль науки—это достиженіе *истины*,. вѣра же выступаетъ только при *оцѣнкѣ* вещей. Съ другой стороны Кантъ вполнѣ признаетъ и религіозную вѣру, поскольку она хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть, а именно она должна быть нравственною увѣренностью въ томъ, что высшее благо возможно въ дѣйствительности. Религія не наука, поэтому она не можетъ быть предметомъ доказательства, но именно поэтому она не можетъ быть заблужденіемъ: ее нельзя отвергать на основаніи доказательствъ. Догматы можно разрушать критикою, но сама религія неуничтожима: она постоянно вновь возрождается въ человѣческомъ духѣ изъ своихъ живыхъ корней.

Такимъ образомъ Кантъ отводитъ волѣ надлежащее для нея положеніе въ человѣческомъ міропониманіи, и этимъ кладетъ конецъ одностороннему *интеллектуализму* XVIII-го вѣка, который состоялъ въ убѣжденіи, что цѣнность человѣка основывается на его образованіи, что нравственное развитіе зависитъ также отъ образованія. Кантъ примкнулъ къ перевороту, начатому Руссо, и повелъ его дальше. Новыя воззрѣнія характеризуются двумя положеніями: цѣнность человѣка зависитъ не отъ его разсудка, а исключительно отъ его *воли*, міровоззрѣніе зависитъ не столько отъ разсудка, сколько отъ воли.

Въ этомъ Паульсенъ видитъ особую заслугу Канта для современнаго міровоззрѣнія. Его послѣдователями въ этомъ смыслѣ являются въ нѣмецкой философіи: Ланге, Вундтъ и Паульсенъ; въ французской философіи есть также его послѣдователи. Въ недавнее время извѣстный американскій психологъ, Джэмсъ написалъ блестящую статью въ защиту роли вѣры въ человѣческомъ міровоззрѣніи подъ заглавіемъ «О волѣ вѣрить».

Ланге. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к. Изд. Л. Пантелѣева. Нельзя не порадоваться появленію новаго изданія этой замѣчательной книги, имѣвшей такое огромное значеніе въ міровой литературѣ, какъ въ смыслѣ поворота въ сторону Кантіанства, такъ и въ смыслѣ популяризаціи самой философіи въ обширныхъ кругахъ общества. Книга Ланге, появившаяся на нѣмецкомъ языкѣ въ 1866 году, была затѣмъ переиздана пять разъ и переведена на многіе языки. Такой успѣхъ объясняется дѣйствительно выдающимися достоинствами этой книги. Она не только затрогиваетъ глубочайшіе вопросы философіи, но и

даетъ болѣе или менѣе законченное рѣшеніе ихъ, при удивительно глубокой эрудиціи автора какъ въ области философіи, такъ и въ области исторіи и естествознанія: она затрогиваетъ не только вопросы философскаго міропониманія, но и вопросы соціально-этическіе. Изъ огромной массы эмпирическаго матеріала онъ стремится создать одно гармоническое цѣлое, одно стройное міросозерцаніе, насколько это было возможно при исходной точкѣ автора. Въ немъ замѣчается одна особенность, которая характеризуетъ вообще нѣмецкую философію конца XIX-го вѣка—это именно попытка строить идеалистическую философію на эмпирическихъ началахъ. Ланге въ этомъ отношеніи пріобрѣлъ особенное значеніе: онъ пытался примирить реалистическое стремленіе своего времени съ идеалистическими традиціями прошлаго, онъ стремился примирить разсудокъ съ чувствомъ, дѣйствительность съ идеаломъ, эмпирію съ міромъ трансцендентнаго, міръ дѣйствительнаго съ міромъ «цѣнностей». Для достиженія этого Ланге предлагаетъ особую точку зрѣнія, которую онъ называетъ точкою зрѣнія «идеала», т. е. точку зрѣнія, возвышающуюся надъ трезвымъ разсмотрѣніемъ міра простыхъ явленій и дающую мѣсто для свободнаго и смѣлаго подъема «идеалистическаго» мышленія.

Въ ту эпоху, когда Ланге писалъ свою книгу, въ публикѣ было замѣтно стремленіе къ философіи *матеріализма*. Поэтому задача Ланге заключалась въ тщательномъ критическомъ изслѣдованіи этой доктрины, съ устраненіемъ которой онъ приходитъ къ собственной точкѣ зрѣнія «идеала».

Какъ извѣстно, сущность матеріалистической доктрины состоитъ въ признаніи, что истинная дѣйствительность состоитъ не въ духѣ, а въ матеріи, вся дѣятельность которой состоитъ въ механической связи по формѣ причины и слѣдствія и въ которой не существуетъ никакихъ цѣлей; съ этимъ взглядомъ связывается тенденція устранять изъ области научнаго изслѣдованія всѣ тѣ вопросы, которые находятся внѣ механической связи матеріальныхъ атомовъ и движущихся матеріальныхъ массъ.

Въ этомъ воззрѣніи есть одна основная ошибка, открытіе которой принадлежитъ собственно Канту, но въ совершенно самостоятельной формѣ предложено Ланге, по всей вѣроятности, не безъ вліянія со стороны Шопенгауера,—именно такъ называемое доказательство неосновательности матеріализма съ точки зрѣнія теоріи познанія. Сущность этого доказательства, какъ извѣстно, сводится къ тому, что мы не можемъ собственно воспринимать матеріи безъ того, чтобы не воспринимать при этомъ нашего «я»; воспринимая вещество, мы воспринимаемъ собственно наши ощущенія; въ этомъ смыслѣ наши духовныя состоянія такъ же реальны, какъ и матерія, и даже въ извѣстномъ смыслѣ реальность духовныхъ состояній для насъ болѣе очевидна, чѣмъ реальность матеріи. Отсюда ясно, что матеріализмъ совершенно теряетъ подъ собою почву. Его необходимо оставить какъ философскую доктрину.

Но не слѣдуетъ думать, что Ланге хотѣлъ совершенно устранить матеріализмъ изъ человѣческаго познанія. Нѣтъ, онъ находилъ для него мѣсто въ научномъ познаніи. Онъ думалъ, какъ это до него дѣлали Кантъ и Шопенгауеръ, что руководящей точкой зрѣнія для натуралиста должна быть матеріалистическая. Онъ думалъ, что натуралистъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не долженъ принимать въ соображеніе тѣ цѣли, которыя человѣкъ связываетъ съ вещами: онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не долженъ находиться подъ вліяніемъ этическихъ или религіозныхъ задачъ. Натуралистъ долженъ думать, что только въ томъ случаѣ онъ можетъ достигнуть истиннаго познанія, когда онъ всю дѣйствительность можетъ объяснить изъ механическихъ дѣйствій матеріальныхъ атомовъ.

Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что матеріализмъ можетъ быть той законченной доктриной, которая высказываетъ послѣднее слово о сущности дѣйстви-

тельнаго. Здѣсь именно въ качествѣ дополненія должна явиться *философія* и именно философія *критическая* и *идеалистическая*.

По мнѣнію Ланге, мы нуждаемся не только въ эмпирическомъ естествознаніи, но также въ основѣ всѣхъ наукъ, въ *философіи* и въ особенности въ *теоріи познанія*. Кромѣ того, мы на ряду съ познаніемъ нуждаемся въ поэзіи, съ которой связывается дѣятельность не разсудка, а фантазіи. Мы нуждаемся въ дополненіи дѣйствительности посредствомъ идеала. «Всѣ философемы,—говоритъ Ланге,—имѣющія тенденцію давать значеніе только дѣйствительному, необходимо должны тяготѣть къ матеріализму. Но зато у матеріализма нѣтъ отношеній къ высшимъ функціямъ свободнаго человѣческаго духа. Онъ помимо своей творческой несостоятельности, бѣденъ возбужденіями, безплоденъ для науки и для искусства, равнодушенъ или склоненъ къ эгоизму въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Онъ едва можетъ замкнуть кольцо своей системы, не заимствуясь у идеализма».

Естествознаніе не можетъ дать законченнаго міровоззрѣнія. «Всякая естественная наука останавливается на частностяхъ... Вселенная, когда мы понимаемъ ее естественно научно, можетъ насъ также мало воодушевлять, какъ читаемая по складамъ Иліада».

Послѣ того, какъ натуралистъ постигъ это, онъ можетъ оставаться матеріалистомъ въ своей области, но если онъ переходитъ къ разсмотрѣнію общей области всѣхъ наукъ и затѣмъ всей духовной жизни человѣка, то онъ долженъ съ одной стороны быть критическимъ философомъ, съ другой стороны идеалистическимъ. Такое рѣшеніе проблемы является господствующимъ въ современной идеалистической философіи въ Германіи.

Имѣя въ виду выдающіяся достоинства этой книги, мы позволимъ себѣ рекомендовать эту книгу нашимъ читателямъ, интересующимся высшими философскими вопросами. Для нихъ тщательное изученіе книги Ланге можетъ быть источникомъ весьма обширнаго поученія. При этомъ мы не можемъ обойти молчаніемъ, что цѣна книги, 1 р. 50 коп. при такомъ хорошемъ изданіи и при такомъ хорошемъ переводѣ, невѣроятно дешевая, и мы можемъ выразить пожеланіе, чтобы и это обстоятельство послужило поводомъ для наиболѣе широкаго распространенія этой книги среди образованной публики.

Тиченеръ. Очерки Психологіи. Спб. 1898. «Цѣлью моей при составленіи этой книги, говоритъ авторъ, было дать краткій и простой очеркъ методовъ и наиболѣе важныхъ результатовъ экспериментальной психологіи». Нельзя не признать, что авторъ выполнилъ свою задачу вполнѣ удачно. На сравнительно небольшомъ пространствѣ, авторъ сжато, но полно излагаетъ важнѣйшіе результаты современной экспериментальной психологіи, насколько она, разумѣется, поддается изложенію въ элементарной и доступной формѣ.

Надо замѣтить, что для оцѣнки значенія экспериментальной психологіи необходима предварительная подготовка, во первыхъ по физикѣ и физіологіи, а затѣмъ по т. н. «общей психологіи». Подъ этой послѣдней понимается та психологія, которая разбираетъ основные принципы психологіи, такіе вопросы какъ напр. вопросъ о методѣ психологіи, объ отношеніи психологіи къ другимъ наукамъ, объ отношеніи психическихъ явленій къ физическимъ и т. п. Только тогда для читателя огромный матеріалъ современной экспериментальной психологіи, часто представляющійся въ сыромъ и не обобщенномъ видѣ, можетъ получить должное освѣщеніе.

Хотя авторъ и имѣлъ ввиду только экспериментальную психологію, но онъ излагаетъ ее такъ, что читатель видитъ ихъ связь съ общей психологіей Съ другой стороны, хотя по заявленію автора, «книга его, какъ это неизбѣжно дѣлаетъ всякая психологія, предлагаетъ извѣстное количество познаній по физикѣ и физіологіи, но онъ свелъ количество этихъ познаній до минимума».

Весьма часто, у насъ въ Россіи, при словѣ экспериментальная психологія многіе думаютъ, что это есть тотъ видъ психологіи, который единственно заслуживаетъ вниманія, что всякая другая психологія должна быть признана не научной и не заслуживающей вниманія. Въ книгѣ Тиченера читатель можетъ узнать, что на самомъ дѣлѣ экспериментальная психологія есть часть психологіи и именно та, которая занимается изслѣдованіемъ явленій *доступныхъ* экспериментальному изслѣдованію, а такихъ явленій сравнительно немного.

Хотя авторъ считаетъ психологію отраслью *философіи* на ряду съ онтологіей, этикой и т. д., но въ своемъ изложеніи онъ той части психологіи, которая граничитъ съ философіей, удѣляетъ очень мало мѣста (всего 7 стр.); это онъ объясняетъ своимъ желаніемъ отдать метафизикѣ то, что ей принадлежитъ. Между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что многіе въ настоящее время требуютъ полной эмансипаціи психологіи отъ философіи, подобно тому, какъ физика давнымъ давно эмансипировалась отъ нея. Въ этомъ отношеніи Тиченеръ значительно умѣреннѣе, чѣмъ многіе сторонники экспериментальной психологіи.

Книгу Тиченера можно рекомендовать тѣмъ, кто желаетъ въ доступной формѣ ознакомиться съ современной экспериментальной психологіей.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

съ 15-го апрѣля по 15-е мая 1899 года.

Джонъ-Невиль Кейнсъ. Предметъ и методъ политической экономіи. Пер. съ англ. Гучковскаго «Научно-образовательная библіотека». М. 1899.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. 4, 5. Съ 177 таб. и 37 рис. Перев. М. В. Павловой. «Научно-образовательная библіотека» М. 1899.

Е. И. Булгакова. Японія и японцы. М. 1899.

Д. Н. Жбанковъ и В. И. Яковенко. Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. М. 1899. Ц. 80 к.

Е. Волкова. Несчастный женихъ. Историч. разсказъ изъ времени царя Бориса Годунова. М. 1899.

М. А. Энгельгардтъ. Письма о земледѣліи (съ вводными предложеніями по адресу неомарксизма). Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Т. Рибо. Философія Шопенгауера. Перев. съ фр. Э. Ватсонъ. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 50 к.

В. Лункевичъ. «Научно-популярная библіотека для народа». Изд. Павленкова Спб. 1899 г.:

№ 1. Земля. Съ 13 рис. въ текстѣ. Ц. 8 к.

№ 2. Небо и звѣзды. Съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 8 к.

№ 3. Громъ и молнія. Съ 24 рис. въ текстѣ. Ц. 12 к.

№ 4. Жизнь въ каплѣ воды. Съ 14 рис. въ текстѣ. Ц. 8 к.

№ 5. Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. въ текстѣ Ц. 16 к.

№ 6. Зеленое царство. Бесѣды о томъ, какъ живетъ растеніе. Съ 32 р. Ц. 16 к.

№ 9. Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. въ текстѣ. Ц. 25 к.

№ 10. Великаны и карлики въ царствѣ животномъ. Съ 37 рис. Ц. 20 к.

№ 11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ. Съ 33 рис. въ текстѣ. Ц. 16 к.

№ 15. Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. Жизнь муравьевъ. Съ 12 рис. въ текстѣ.

Обзоръ сельско-хозяйственный Самарской губ. за 1898—1899 г. Вып. I. Самара. 1899 г.

Н. Перцовъ. Стихотворен. Пермь. 1899. Ц. 1 р.

М. Б. Полиновскій. Въ желтомъ домѣ. (Сцена-монологъ). Одесса. 1899.

Д-ръ Л. С. Пинскеръ. «Авто-эмансипація». Призывъ русскаго еврея къ своимъ соплеменникамъ. Одесса. 1899. Ц. 15 к.

С. Хорошенковъ. Характеристика холодильныхъ машинъ и о примѣненіи холода. Спб. 1899. Ц. 50 к.

М. А. Бернов. Испанія, Алжиръ и Сахара. Путевые очерки. Съ портретомъ, біографіей и 52 илл. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

Н. А. Юрьевъ. Наше время и его задача. М. 1899. Ц. 25 к.

Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. М. 1899. Ц. 1 руб.

В. Каллашъ. Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. М. 1899. Ц. 1 р.

Фр. Альб. Ланге. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Пер. съ 3-го нѣм. изд. 2 т. Изд. 2-е Пантелѣева. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

D-r. Th. Kistiakowsky. Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie. Berlin. 1899. Ц. 4 марки.

А. Додэ. Новые разсказы. Спб. 1899. Ц. 20 к.

Брауэръ и Шпенратъ. Руководство для кочегаровъ и надсмотрщиковъ за котлами и для преподаванія въ низшихъ школахъ. Съ 61 рис. въ текстѣ. Пер. и доп. В. Остерманъ. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Н. Н. Борисовъ. Поруганные идеалы. Разсказъ. Спб. 1899. Ц. 10 к.

Альфредъ Фулье. Будущее морали. Спб. 1899. Ц. 20 к.

Л. С. Въ защиту личности. Педагогическія идеи. Н. А. Добролюбова. Спб. 1899. Ц. 25 к.

П. Деляновъ. Казенная винная монополія. Вып. IV.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской комиссіи народныхъ чтеній за 1897—1898 г. Воронежъ. 1899.

М. Чепинская. Разсказы о животныхъ. Дѣтство.

Отчетъ комиссіи по нар. образованію за 1898 г. Начальныя народныя училища. Спб. 1899.

Е. Каре. Жоржъ Зандъ. Пер. О. Н. Масловой. М. 1899. Ц. 60 к.

А. Лященко. Къ исторіи русскаго романа. Публ. элементъ въ романахъ Ѳ. А. Эмина. Спб. 1898.

Ж. Уссингъ. Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ. Пер. Ѳедоровой. Спб. 1899. Ц. 75 к.

А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губ., получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Вып. 3. Владиміръ. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

К. Б. Гренгагенъ. Поѣздка на Иматру. Съ прилож. кратк. словаря Р. Ш. Фин. словъ. Изд. Поповой. 1899. Ц. 40 к.

— Путеводитель по Финляндіи. Изд. Поповой. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общимъ руководствомъ В. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Т. I. Московско-промышленная область и верхнее поволожье. Изд. Девріена. Спб. 1899. Ц. 1 р. 75 к.

Е. И. Конради. Сочиненія. Съ портретомъ и біограф. очеркомъ. Подъ ред. М. А. Антоновича. Т. I. Исповѣдь матери.

Атласъ естественно-историческій. Составъ П. Ю. Шмидтъ и И. В. Ламбинъ. Изд. Поповой. 1899. Ц. при подпискѣ 5 р.

В. В. Шарковъ. Какъ измѣрить крестьянское трехполье. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 4 к.

И. П. Селивановскій. Опытные суслятники или лучшіе способы истребленія сусликовъ. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 20 к.

А. Т. Прохоровъ. Приготовленіе бѣлевской чисто-яблочной пастилы. Изд. Тихомирова. М. Ц. 4 к.

В. В. Шарковъ. Крымъ, его прошедшее и настоящее. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 5 к.

— О засухахъ на поляхъ Южной Россіи. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 3 к.

И. П. Селивановскій. Ложкари. Руководство по выдѣлкѣ деревян. ложекъ. Изд. Тихомирова. М. 1899. Ц. 15 к.

Е. Жадовскій. Дихотомическія таблицы для опредѣленія растеній. Изд. Тихомирова. М. Ц. 1 руб.

Сборникъ постановленій Московскаго губ. земскаго собранія съ 1865—1897 г. посвящ. памяти Д. А. Наумова. М. 1899.

А. Кернеръ ф.-Мариланъ. Жизнь растеній. Вып. 18—20.

Унатъ Галайда. Добромъ же переможешь. Харьковъ. 1899. Ц. 3 к.

Отчетъ Совѣта Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегор. губ. за 1898 г. Н. Новгородъ. 1899.

Д-ръ М. Б. Додинъ. Общественное призрѣніе и массовое вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Воронежъ. 1898.

В. В. Розановъ. Литературные очерки. Сборникъ статей. Изд. П. Перцова. М. 1899. Ц. 1 руб.

Д-ръ И. И. Пантюховъ. Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа. Съ картою. Тифлисъ. 1898.

Р. Штамлеръ. Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1898 г. Одесса. 1899.

Сутта-Нипата. Сборникъ бесѣдъ и поученій. Буддійская каноническая книга. Перев. съ англ. Герасимова «Восточная библіотека». Т. I. М. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Л. Е. Оболенскій. Изложеніе и критика идей неомарксизма. Спб. 1899. Ц. 1 р.

М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали. Спб. «Знаніе» 1899. Ц. 2 р.

И. И. Ивановъ. Пушкинъ. Очеркъ. М. Библіотека Д. Ст. 1899. Ц. 25 к.

Пушкинскій сборникъ. Изд. «Библіотеки Дѣт. Чтенія». 1899. Ц. 75 к.

А. С. Пушкинъ. Сочиненія. Изд. книжнаго магаз. «Знаніе» подъ ред. Вѣтринскаго. Съ портр. и илл. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Роза Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши. Ред. Д. Протопопова. Перев. Ф. Гурвича. Изд. книж. маг. «Знаніе». Спб. 1899. Ц. 50 к.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Пер. З. Венгеровой. Изд. Тов. «Знаніе». Спб. 1899. Подп. цѣна на изд. въ 3 т. съ 1.200 рис. 10 руб.

Р. Кэрръ. Телеграфъ безъ проводовъ. Съ рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. В. Поляковъ и А. Бѣлой. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Ю. Мильталеръ. Что такое красота. Введеніе въ эстетику. Пер. З. А. Венгеровой. Изд. Поповой. «Образовательная библіотека». Спб. 1899. Ц. 40 к.

Г. Гиггсъ. Физіократы. Пер. подъ ред. П. Струве. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Рисъ-Дэвидсъ. Буддизмъ. Перев. подъ ред. проф. С. Ольденбурга. Изд. Поповой. Спб. 1899. Ц. 40 к.

Карлъ Бюхеръ. Работа и ритмъ. Рабочія пѣсни, ихъ происхожденіе эстетическое и экономическое значеніе. Изд. Поповой. «Экономическая библіотека». Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Джозуэ Кардуччи. Дантъ и его произведенія. Пер. съ ит. П. Риттера. Харьковъ. 1899. Ц. 20 к.

Отчетъ Нижегородской общественной библіотеки за 1898 г. Н. Новгородъ. 1899.

Д. Сапожниковъ. Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Изд. редакціи жур. «Русское Обозрѣніе». 1899. Ц. 1 р.

Б. Ф. Брандтъ. Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. II часть. Спб. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

А. А. Коринфскій. «Бывальщины» и «Картины Поволжья». Спб. 1899. Ц. 2 р.

А. Новиковъ. Записки земскаго начальника. Спб. 1899 Ц. 1 р. 50 к.

Д. Мёиро. Очеркъ электр. явленіи и ихъ примѣненій къ практической жизни. Изд. Суворина. «Научная дешевая библіотека». Спб. 1898.

К. Вейзеръ. Исторія англійской литературы. Пер. съ нѣм. Изд. Суворина. «Научная дешевая библіотека». Спб. 1899.

Энгель. В. Шекспиръ. Пер. съ нѣм. Ѳ. Черниговца. Изд. Суворина. «Научная дешевая библіотека». 1899. Спб.

В. Г. Бѣлинскій. Обзоръ русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина. Ч. I. О Пушкинѣ. Ч. II. Изд. Суворина. «Дешевая библіотека». Спб. 1890 г. Ц. 20 и 25 к.

Н. М. Языковъ. Стихотворенія. Ч. I. и II. Изд. Суворина. «Дешевая библіотека». Спб. 1899. Ц. 40 к.

Вл. А. Тихоновъ. Пустоцвѣтъ (Въ деревнѣ). Романъ. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 1 р.

И. Потапенко. Свѣтлый лучъ. Романъ. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

А. Фогаццаро. Исчезнувшія тѣни. Романъ Изд. Суворина. «Новая библіотека». Спб. Ц. 60 к.

Г. д'Аннунціо. Невинная жертва. Пер. М. М. Иванова. Изд. Суворина. «Новая библіотека». Спб. 1899. Ц. 60 к.

Князь Дм. Голицынъ. (Муравлинъ). Въ Петербургѣ. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Воспоминанія сержанта Бургоня. Пожаръ Москвы и отступленіе французовъ. Пер. съ фр. Л. Г. Изд. Суворина. Спб. Ц. 1 р.

Н. Леонардъ. Новый торговый и промышленный уставъ. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

Д. Кайгородовъ. Дневникъ петербургской весенней и осенней природы за 10-лѣтіе 1888—1897 г. Съ табл. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

О ТЕАТРѢ И ИДЕЯХЪ.

По поводу книги *Le drame romantique, par Pierre Nebout.*

I.

Въ исторіи европейской культуры существуетъ фактъ чрезвычайно любопытный, и даже отчасти странный. Касается онъ предмета, всѣмъ извѣстнаго, почти для всѣхъ увлекательнаго и въ послѣднее время именно у насъ получившаго исключительное значеніе. Русское общество, несомнѣнно, очень усердно занято мыслью о народномъ просвѣщеніи, дѣятельно изыскиваетъ всевозможные пути къ умственному подъему своей темной родины и одинъ изъ этихъ путей открыло въ театральныхъ зрѣлищахъ. Они неизбѣжно входятъ въ программы современныхъ просвѣтителей, культурное ихъ значеніе обсуждается съ великой горячностью, они ставятся наравнѣ съ библіотеками, школами, публичными лекціями и даже выше всего этого. По существу вопросъ считается рѣшеннымъ разъ навсегда: театръ—учрежденіе безусловно просвѣтительное, слѣдуетъ только составить вполнѣ литературный репертуаръ, и народу можно будетъ входить въ театральную залу, какъ въ настоящій храмъ науки и добродѣтели.

Повидимому, эта вѣра въ театральныя представленія можетъ опереться на очень почтенныхъ свѣдущихъ людей. Всякому просвѣщенному русскому читателю извѣстны прежде всего восторженныя чувства, воодушевлявшія самое благородное и идейное молодое поколѣніе во всей исторіи русскаго общества. Гимнъ театру, пропѣтый Бѣлинскимъ, первый приходитъ на память. Какихъ только страстныхъ словъ не вложено молодымъ критикомъ въ это «стихотвореніе!» Говорится здѣсь о «любви всѣми силами души, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ», о любви больше всего на свѣтѣ, кромѣ любви ко благу и истинѣ, о театрѣ—самовластномъ властелинѣ нашихъ чувствъ, о неизъяснимо-сладостномъ блаженствѣ еще только въ ожиданіи поднятія занавѣса... А потомъ?.. Вся полнота возможныхъ для человѣка ощущеній, самыхъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ; и критикъ отказывается описать всѣ очарованія театра, желаетъ только, чтобы и у насъ былъ свой народный, русскій театръ...

Это очень искренно, даже до нѣкотораго самозабвенія, потому что одновременно съ театромъ получаетъ дань восторга и «біеніе

пульса могучей русской жизни». Время въ сильнѣйшей степени охладитъ представленіе великаго критика на счетъ мощи этого пульса, измѣнится и температура театральныхъ увлеченій. Горькая дѣйствительность не разъ заставитъ его съ грустной ироніей вспомнить о своемъ юношескомъ трепетѣ и воскликнуть: «Увы! все это поэзія, а не проза, мечты, а не существенность!» И на этомъ печальномъ заключеніи Бѣлинскому придется помириться. Только изрѣдка на представленіяхъ *Гамлета*, да еще съ Мочаловымъ въ заглавной роли, критику удается отдохнуть отъ мучительной «существенности», да и то моментами, когда божество снизойдетъ на геніальнаго артиста. Это случается далеко не всегда, и страстному обожателю изящнаго необходимо прощать прихотливому генію томительно-заурядныя сцены ради одной вспышки, одного монолога.

Дѣйствительный театръ годъ за годомъ все больше разочаровывалъ Бѣлинскаго и подъ конецъ онъ даже пересталъ вспоминать о выспренныхъ мечтахъ юности, вынужденный безпрестанно считаться съ пошлостями и уродствами драматической сцены. Искатель всемогущаго искусства и всепожоряющей красоты невольно превращается въ рецензента, въ болѣе или менѣе раздраженнаго обязательнаго лѣтописца, отнюдь не возвышенныхъ и не просвѣтительныхъ явленій.

Противорѣчіе по-истинѣ трагическое, если представить во всей яркости и силѣ неутолимую эстетическую и идейную жажду Бѣлинскаго. Оно не миновало и другого его современника, столь же рыцарственнаго поклонника театра. Гоголь, въ самый разгаръ своего проповѣдничества, обуреваемый мучительной тоской о недосягаемомъ нравственномъ совершенствѣ и думами объ отреченіи отъ суеты мірской, сохранилъ добрыя чувства къ театру. Для него это каѳедра, и съ нея можно много оказать міру добра. Даже больше, — театръ можетъ быть ступенью къ христіанству для всѣхъ, кто отдѣлился отъ христіанства. Публика пойдетъ куда ее поведутъ, у нея нѣтъ собственнаго каприза, она вся во власти художника. Надо только выбрать достойныя пьесы, прекрасно ихъ поставить, и театръ выполнитъ свое высокое назначеніе. Главными героями на этомъ пути будутъ, по соображеніямъ Гоголя, «первоклассные актеры-художники». Только они въ состояніи выбрать пьесу, произвести репетиціи, научить всѣхъ исполнителей и вообще упрочить «каѳедру». Гоголь религіозно вѣритъ во «внутреннее эстетическое чувство» актера-художника и его идеальную добросовѣстность во всѣхъ поступкахъ: «собственная извѣстность» убережетъ актера отъ личныхъ пристрастій и удержитъ его на высотѣ просвѣтительнаго призванія...

Вотъ какъ умилительно разсуждалъ о нашемъ вопросѣ геніальный сатирикъ, мнившій проникать сокровеннѣйшія глубины человѣческаго сердца и разоблачать душеспасительнымъ словомъ язвы и недуги своихъ соотечественниковъ!

И развѣ это не авторитетъ? Кому же, какъ не автору *Ревизора*, судить здраво и внушительно о значеніи театра? Вопросъ совершенно естественный, но одновременно съ нимъ возникаетъ и недоумѣніе столь же неопровержимое.

Мы припоминаемъ, по какимъ случаямъ Гоголь вспоминалъ о театрѣ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ раньше чѣмъ

взялъ на себя званіе проповѣдника и очистителя душъ? Ему приходилось иногда касаться театра весьма близко, именно рисовать нѣкоторыхъ особенныхъ любителей театральныхъ удовольствій. И нельзя сказать, чтобы это были дѣятели почтенные и умы просвѣщенные. «Самые выгодные люди для театральной дирекціи», по выраженію Гоголя, это поручики Пироговы, коллежскіе ассесоры Ковалевы и титулярные совѣтники Поприщины. Нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно поручики, не только «въ театрѣ безсмѣнно», но при случаѣ и сами умѣютъ превосходно продекламировать стихи даже изъ *Горе отъ ума*, здѣсь же пріятно разсказать анекдотъ и выпустить изъ трубки дымъ кольцомъ. Все это, надо полагать, таланты одного порядка, не встрѣчающіе ни малѣйшаго уваженія со стороны автора, и все это вызываетъ нѣкоторые вопросы.

Если поручикъ Пироговъ, такой страстный любитель театровъ, умѣетъ даже отличать хорошіе стихи отъ дурныхъ, какъ же въ немъ уживаются столь малопочтенные таланты и какъ вообще весь поручикъ Пироговъ можетъ оставаться личностью до такой степени ничтожной и смѣшной? Вѣдь театръ неотразимо дѣйствуетъ на умъ и нравственность своихъ посѣтителей, особенно безсмѣнныхъ, а у нашего героя, повидимому, именно благодаря театральнымъ вкусамъ, прибавились только развѣ лишнія черты пошлости. Какъ примирить все это, тѣмъ болѣе, что въ вопросѣ замѣшаны такія представленія, какъ *Горе отъ ума* и, разумѣется, не мало «актеровъ-художниковъ»: дѣло идетъ о цвѣтущемъ времени русской сцены.

Очевидно и здѣсь приходится признать извѣстное разногласіе между мечтами и «существенностью». Геніальный сатирикъ столь же неосторожно увлекся чисто-отвлеченными идеями о театрѣ-каѳедрѣ, какъ и Бѣлинскій, и оказалось два непримиримыхъ факта: съ одной стороны — храмъ съ безсмертными божествами красоты и искусства, съ другой—увеселительный пріютъ несовершеннолѣтнихъ любителей стишковъ и охотниковъ «громко вызывать актеровъ».

Гоголь въ свѣтлыя минуты готовъ былъ склонить вѣсы въ прискорбную сторону. Среди тысячной толпы онъ подслушалъ всего два-три голоса, обличавшіе пониманіе его произведенія, сочувствіе его таланту,—и то одинъ самый осмысленный и желанный голосъ попалъ въ столичную театральную публику случайно, изъ глухой провинціи, принадлежалъ отнюдь не безсмѣнному гостю театральной залы, раздался скромно, почти одиноко... Театръ, очевидно, не причемъ въ развитіи образа мыслей этого удивительнаго зрителя, и еще менѣе актеры-художники, можетъ быть впервые представшіе предъ его глазами. А вотъ два comme il faut, двѣ бекеши, два офицера, да еще литераторъ—несомнѣнные театралы и именно они болѣе всего причиняютъ мученій автору безнадежной тупостью мысли и заскорузлостью вкуса. Очевидно, надо полагать—театръ не создаетъ для самаго себя ни тонкихъ цѣнителей, ни просто умныхъ зрителей. Подавляющее большинство театральной толпы покидаетъ зрѣлище съ такими, примѣрно, критическими мыслями: «да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ» или съ болѣе опредѣленнымъ интересомъ: «какъ зовутъ ту молоденькую актрису?»

Такова аудиторія. Вполнѣ подстать и профессора. Писатель

рисуетъ себѣ, изъ своего прекраснаго далёка—великаго актера-художника, идеально просвѣщеннаго, благороднаго, всецѣло поглощеннаго судьбой великихъ идей и геніальныхъ образовъ на драматической сценѣ, чуждаго всякихъ себялюбивыхъ страстей и разсчетовъ... Однимъ словомъ, идеалъ не менѣе ослѣпительный, чѣмъ даже откупщикъ Муразовъ и помѣщикъ Констанжогло, предназначенные, какъ извѣстно, спасти свое отечество отъ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Бѣдный писатель! Какъ скоро забылъ онъ собственныя слезныя жалобы на *дѣйствительныхъ* актеровъ и простилъ имъ горечь, отравившую его сердце при первомъ же появленіи его созданія на сценѣ!

Онъ забылъ или совсѣмъ не зналъ гораздо болѣе важныхъ вещей. Никогда и нигдѣ на памяти цивилизованнаго человѣчества не существовало ни публики, вступившей на путь совершенствованія подъ вліяніемъ душеспасительныхъ театральныхъ зрѣлищъ, ни актеровъ-художниковъ, ставившихъ себѣ исключительно одну апостольскую задачу, просвѣщать и облагораживать толпу. Театръ всегда и вездѣ стремился къ одной цѣли: увеселять и забавлять. Если по временамъ оказывалось, что эта цѣль совпадаетъ съ другими болѣе благородными, совпаденіе нисколько и никогда не зависѣло отъ самого театра и менѣе всего отъ актеровъ-художниковъ. Театръ неизмѣнно, при всѣхъ обстоятельствахъ, шелъ за толпой, *въ данное время* вліятельной и благодарной. Ни единаго раза онъ не взялъ на себя иниціативы ни въ какомъ ни въ общественномъ, ни даже въ художественномъ вопросѣ, напротивъ, именно въ лицѣ актеровъ-художниковъ, неизмѣнно становился на пути всякому художественному и литературному прогрессу въ области драмы. Все, что только имѣется стихійно-консервативнаго, слѣпо-традиціоннаго и коснаго въ культурныхъ обществахъ, все это искони вѣковъ охранялъ и поощрялъ театръ, какъ учрежденіе. Его всегда прежде всего интересовалъ размѣръ успѣховъ и славы, а не качество ихъ и театръ дни своего благоденствія высчитывалъ и продолжаетъ высчитывать по количеству зрителей, а не по ихъ умственному уровню. Если по временамъ съ драматической сцены раздавалось смѣлое и новое слово, можно заранѣе поручиться, оно проникло сюда вопреки «актерамъ-художникамъ», послѣ продолжительныхъ и тягостныхъ усилій литературы и настойчиваго требованія публики. Но и послѣ торжества новой идеи, стоило возникнуть реакціи среди сѣраго большинства, среди «бекешъ» и «мужчинъ въ мундирахъ», театръ немедленно и послушно билъ отбой и оказывалъ гостепріимство сатирѣ и пасквилю на какіе угодно идеалы, лишь бы только они оказались внѣ покровительства толпы.

И это вполнѣ естественно и убѣдительно, независимо даже отъ историческихъ свидѣтельствъ. Театральныя зрѣлища предназначены для возможно большаго количества зрителей. Они, слѣдовательно, должны быть приспособлены къ *среднему* уровню, общества, откуда они разсчитываютъ брать свою публику. А какъ съ точностью опредѣлить этотъ *средній* уровень? При самомъ слабомъ опасеніи,—остаться безъ публики театръ непремѣнно возьметъ мѣрку *ниже* средней и начнетъ служить менѣе всего развитымъ, просто даже—литературнымъ вкусамъ. Единственное спасеніе—геніальный драматургъ, способный силой своего дарованія

подчинить одинаково и взрослыхъ и малыхъ сихъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, театръ неудержимо опускается все ниже и ниже по направленію къ уличнымъ увеселеніямъ и постепенно утрачиваетъ всякую связь съ литературой и какими бы то ни было идеями.

Этотъ фактъ мы и наблюдаемъ именно въ наше время, когда на театръ начинаютъ возлагать самыя отвѣтственныя надежды по части народнаго просвѣщенія. Стоитъ посмотрѣть, чѣмъ сталъ современный театръ для общества, чтобы въ сильнѣйшей степени понизить надежды на его просвѣтительную роль.

Прежде всего, драматическая литература со временъ Островскаго перестала совсѣмъ считаться литературой. Это просто особый видъ грамотнаго промысла, въ родѣ сочиненія разныхъ прошеній и свидѣтельствъ для уловленія простодушной публики. Драматургъ пользуется неограниченной свободой подобнаго рода сочинителей: онъ можетъ невозбранно что угодно и кого угодно передѣлывать, обкрадывать, откуда угодно заимствовать. Правда, его произведеній не напечатаетъ ни одинъ журналъ, но на сценѣ они создадутъ ему извѣстность и пріобрѣтутъ капиталъ. Его цѣль, вовсе не красота и не искусство, а *сценичность*, т. е. особыя чисто актерскія удобства, сыграть ту или другую роль.

Роли играются, пьеса часто черезъ два-три мѣсяца совершенно забывается, но авторъ ничего не теряетъ: онъ сочиняетъ на смѣну другое такое же произведеніе, и лавры въ его вѣнкѣ не увядаютъ. Съ дѣйствительно литературнымъ явленіемъ такая судьба не мыслима. Оно непремѣнно вноситъ въ общество какую-нибудь мысль, оставляетъ въ памяти болѣе или менѣе яркій образъ. Ничѣмъ подобнымъ не сопровождается кратковременная жизнь драматической пьесы, развѣ только какой-нибудь откровенный намекъ на личности, воспроизведеніе какого-либо юридическаго или пикантнаго приключенія заставить заранѣе освѣдомленное общество—нѣсколько дольше поговорить о находчивомъ авторѣ и его удачливомъ дѣтищѣ.

Таково обычное положеніе театра и драматической литературы. Но бываютъ и на этой улицѣ праздники,—собственно не для нея, а вообще для литературы,—появляются большіе таланты, желающіе говорить съ публикой со сцены. Въ эти періоды обыкновенно провозглашается великое культурное значеніе театра, сами геніальные писатели стараются возможно ярче представить неограниченное вліяніе драматическихъ монологовъ и сценической игры. Такъ было во второй половинѣ XVIII вѣка, въ первой—XIX, когда шла борьба за преобразованіе литературы и вмѣстѣ съ ней—нравственныхъ и политическихъ идеаловъ.

Тогда Шиллеръ объявлялъ: «Театръ это каналъ, которымъ льется не посредственно въ народныя массы то, что вырабатываетъ наука и знаніе»; «гдѣ кончается власть законовъ, тамъ начинается власть театра». Во Франціи выражались еще энергичнѣе,—не знали, гдѣ и положить предѣлъ благодѣтельнымъ воздѣйствіямъ театра на умъ и сердце толпы, даже всего народа.

«Просвѣтители» всѣхъ направленій и темпераментовъ ожидали отъ театра всевозможныхъ благодѣяній,—въ нравахъ, въ законодательствѣ, даже во внѣшней политикѣ. Именно на театръ

правительство, попечительное о своемъ народѣ, должно обратить особенное вниманіе, сдѣлать его однимъ изъ *важнѣйшихъ учрежденій*. Путемъ сцены можно подготовлять какія угодно преобразованія, драмы—замѣнятъ церковныя проповѣди, актеры—учителей среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а драматурги превратятся въ государственныхъ людей. Одинъ изъ самыхъ вѣрующихъ вождей новой свободной и мужественной мысли написалъ блестящій гимнъ театру—искренній, страстный, отразившій всю глубину идеальныхъ настроеній идеалистической эпохи.

«Самое дѣйствительное и цѣлесообразное средство вооружить непреодолимой силой человѣческій разумъ и бросить вдругъ въ народъ массу просвѣтительныхъ идей, заключается, несомнѣнно, въ театрѣ. Тамъ подобно потрясающему звуку трубы, который въ извѣстный день, долженъ поразить мертвыхъ, краснорѣчіе простое и яркое можетъ въ одно мгновеніе пробудить уснувшую націю. Тамъ величавая мысль одного человѣка воспламенитъ, подобно электрическому току, всѣ души. Тамъ, наконецъ, законодательство встрѣтитъ меньше всего препятствій и достигнетъ величайшихъ результатовъ, легко и безъ насилій».

Сильнѣе трудно выражаться, и театръ, дѣйствительно, оказался на высотѣ даже такихъ выспреннихъ упованій. Можно сказать, онъ открылъ новѣйшую исторію европейской мысли и чрезвычайно страстно сопровождалъ всѣ общественныя событія, служилъ самымъ чувствительнымъ барометромъ политической атмосферы. Но весь этотъ блескъ принадлежитъ не ему, не его дѣятелямъ и героямъ, а силѣ, безпрестанно вступавшей съ ними въ жестокую борьбу—литературѣ. Театръ только уступалъ этой силѣ и лишь въ томъ случаѣ, когда въ уступкахъ находилъ отнюдь не идейную цѣль, а просто практическую выгоду, когда общество завѣдомо становилось на сторону литературы и властно несло въ театральную залу свои новые вкусы и желанія. Тогда театръ, въ лицѣ «актеровъ-художниковъ» покорно склонялся предъ высшей волей, предъ своимъ неотразимымъ господиномъ—публикой, и становился всѣмъ чѣмъ угодно—парламентомъ, трибуной, каѳедрой.

Ни для кого изъ очевидцевъ не была тайной эта уступчивость и это благородство. Публика отдавала себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ театральнаго прогресса и, преклоняясь предъ истинными виновниками новаго движенія—писателями, продолжала по прежнему крайне сурово и часто презрительно относиться къ самимъ исполнителямъ благородныхъ монологовъ и идеальныхъ ролей.

II.

Въ самомъ дѣлѣ, какая неожиданная,—съ перваго взгляда едва понятная картина,—въ самый разгаръ гуманнѣйшихъ идей! Всѣ слои стараго общества охвачены чувствомъ терпимости и человѣколюбія, кто пониже — тотъ вполнѣ искренне, повыше — больше играютъ комедію и обличаютъ невмѣняемость и легкомысліе. Но и здѣсь усиливаются идти съ вѣкомъ наравнѣ и усердно толкуютъ о естественномъ равенствѣ всѣхъ людей, о позорѣ всяческаго рабства, юридическаго и нравственнаго, о неограничен-

ной власти свободнаго разума и чувствительнаго сердца. Такова мода, и уже въ этомъ извѣстная порука, что аристократъ поостережется слишкомъ явно обнаруживать феодальные инстинкты и «благородный» образъ мыслей. О непривилегированныхъ, особенно о писателяхъ—нечего и говорить: они готовы всякую минуту по братски обнять негра, невольника и вскорѣ даже политическимъ актомъ провозгласятъ его *человѣкомъ* и *гражданиномъ*.

И вотъ среди этихъ прекрасныхъ чувствъ и небывало искренней и горячей вѣры въ человѣческую природу, исключеніемъ является актеръ, безъ различія emplois и талантовъ. Еще можно понять, почему актеровъ презирала и преслѣдовала старая католическая церковь: тамъ могъ господствовать просто темный предразсудокъ, но какимъ образомъ столь же враждебныя и въ высшей степени упорныя чувства могли передаться людямъ, безусловно просвѣщеннымъ, терпимымъ по природѣ и по убѣжденіямъ?

Напримѣръ, сословіе адвокатовъ: оно дастъ очень много ораторовъ наступающей революціи, и за долго до нея выдѣлитъ немало сторонниковъ новаго движенія и потомъ либеральнѣйшихъ авторовъ знаменитыхъ челобитныхъ въ генеральныя штаты. И вотъ это сословіе вплоть до самой революціи наноситъ нестерпимыя обиды актерскому званію, оно исключаетъ изъ своей корпораціи всякаго члена, вступившаго въ родство съ актеромъ. Въ теченіе почти двухъ вѣковъ актеры не могутъ добиться практическаго осуществленія уже существующаго закона, именно указа Людовика XIII, чтобы званіе актера не считалось нравственно безчестнымъ и въ общественномъ отношеніи предосудительнымъ. И замѣтьте, этотъ удивительный порядокъ вещей невозбранно царствуетъ рядомъ съ повальной театральной страстью общества, сохраняется помимо Мольера, лично актера и автора *Тартюфа*, т. е. истиннаго просвѣтителя въ самомъ культурномъ и гражданскомъ смыслѣ слова. Вѣдь актеры же разыграли геніальную комедію, ихъ устами писатель бросилъ несмываемое клеймо въ позорный недугъ громаднаго вѣкового значенія, и все-таки актеры юридически не составляютъ сословія, не имѣютъ гражданскихъ правъ самаго послѣдняго поденщика.

Вы увѣрены, за нихъ вступится литература, эта свѣтлая и грозная сила Руссо, Вольтера, Дидро, Даламбера. Вступиться, повидимому, неизбѣжно: вѣдь театръ признанъ важнѣйшей школой современнаго просвѣщенія, и писатели должны создать неразрывное нравственное единеніе съ артистами.

Писатели и стремятся къ нему, но встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія. Актеры, среди всеобщаго увлеченія философіей, т. е. новыми общественными идеалами и литературными теоріями, цѣпко держатся за преданія. Они остаются единственнымъ косснымъ міромъ, обнаруживаютъ даже вражду къ знаменитѣйшимъ современнымъ драматургомъ, только потому, что эти драматурги замышляютъ разныя новшества въ литературѣ и намѣреваются пользоваться сценой для просвѣтительныхъ идей.

Ужъ, кажется, на что вліятельнѣе Вольтера: его имя окружено неотразимой властью даже за предѣлами Франціи, каждая его брошюра—европейское событіе,—все равно подписана она его именемъ или только выдается за продуктъ «фернейской мануфак-

туры». И только одни актеры боятся этого имени! Весь геній Вольтера въ ихъ глазахъ ничего не стóитъ предъ какой угодно безсмысленной но непремѣнно любовной интригой въ пьесѣ. Любовь на сценѣ обязательна и притомъ въ старой классической формѣ. Герой долженъ всѣ свои доблести отдавать за прекрасныя очи героини, а героиня въ свою очередь пылать страстью, на пространствѣ пяти актовъ, наполнять сцены исключительно любовными изліяніями и сосредоточивать весь ходъ и развязку драмы на сердечномъ вопросѣ.

Пусть Вольтеръ въ негодованіи сочиняетъ особые трактаты противъ «нелѣпой любви», заполонившей французскую, а за ней и всѣ европейскія сцены, пусть съ неподражаемымъ остроуміемъ высмѣиваетъ амурное резонерство и галантное комедіянство, театръ непоколебимъ.

Идеи, какой вздоръ сравнительно съ хорошимъ выходомъ въ роли перваго любовника! И актеры не стѣсняются излагать авторамъ вполнѣ откровенно свои театральныя идейныя воззрѣнія. Вотъ для примѣра, выговоръ, сдѣланный сценической знамени. тостью XVIII вѣка не менѣе знаменитому драматургу:

«Какъ! ради какой-то ничтожной нравственной цѣли, вы заставляете героя терпѣть наказаніе отъ отца и любовницы! Измѣните конецъ моей роли, смягчите краски, въ особенности постарайтесь сдѣлать моего героя интереснымъ фатомъ. Я вовсе не не хочу, чтобы отецъ лишилъ меня наслѣдства и я желаю жениться на своей возлюбленной».

Такъ рѣшительно актеры сотрудничали съ популярнѣйшими авторами! Они поднимаютъ на смѣхъ трагедію Вольтера *Эдипъ*. Пьеса написана на философскую тему, собственно она открываетъ борьбу театра съ суевѣріями и церковнымъ фанатизмомъ, прокладываетъ путь просвѣщенію на драматическую сцену. Публика оцѣнитъ заслуги *Эдипа* и впослѣдствіи, во время его предсмертнаго тріумфальнаго путешествія въ Парижъ будетъ привѣтствовать Вольтера именно какъ автора этой трагедіи.

Но актерамъ нѣтъ никакого дѣла до смысла пьесы. Они встрѣчаютъ ее вызывающимъ презрѣніемъ—потому что въ ней нѣтъ влюбленной героини. Точно также отнесутся они и къ другой трагедіи Вольтера—*Меропа*, какъ разъ именно той, какую публика поставитъ рядомъ съ *Эдипомъ*, по идейному содержанію—фактъ, въ высшей степени знаменательный! Театральная толпа идетъ впереди художниковъ сцены и заставляетъ ихъ подчиняться вѣяніямъ времени, и не только въ менѣе доступной области политическихъ стремленій, а даже въ простыхъ литературныхъ вопросахъ.

Актерамъ и на умъ не приходитъ, что классическая трагедія отжила свой вѣкъ, для Расина и Корнеля нѣтъ больше публики, составъ культурнаго общества совершенно измѣнился, маркизы и виконты окончательно стали достояньемъ комедіи—и на сценѣ и въ жизни, выросла сила третьяго сословія и предъявила свои мѣщанскія требованія даже государству,—не только литературѣ.

Для всѣхъ фактъ—очевиденъ, не видятъ его только актеры. Они продолжаютъ носиться съ принцами и съ принцессами и только пустота театра на представленіяхъ классическихъ пьесъ, заставляетъ образумиться его хозяевъ. Опытъ дается чрезвычайно трудно.

актеры долго пристаютъ къ авторамъ—такъ или иначе новую драму уподобить старой трагедіи, сообщить ея содержанію по меньше реальнаго, современнаго интереса и украсить блистательными упражненіями въ краснорѣчіи на тему о могуществѣ женскихъ взоровъ и о ничтожествѣ мужскаго героизма предъ дамой королевскаго происхожденія.

Актеры по своему совершенно правы. Иныхъ ролей, кромѣ томныхъ принцессъ и страстныхъ принцевъ, они не въ состояніи играть и естественно отрекаются отъ какихъ бы то ни было основательныхъ нововведеній. Дидро—едва ли не самый восторженный поклонникъ театра и для своего времени—одинъ изъ первыхъ драматурговъ-просвѣтителей, терпитъ кровныя обиды отъ актерской косности и профессіональнаго артистическаго эгоизма. На образцовой столичной сценѣ онъ не можетъ найдти исполнителей для своей популярнѣйшей драмы *Отецъ семейства*. Она вдохновлена благородными преобразовательными идеями, написана *для нашихъ*, а не для выродившихся ротозѣевъ большого свѣта. Но ея-то и не умѣютъ сыграть артисты *французской комедіи*—наслѣдники Мольера. Состоялось одно единственное представленіе и пьеса на цѣлыхъ десять лѣтъ исчезла для парижской публики. Въ провинціи для нея находились актеры и она встрѣчала повсюду восторженный пріемъ.

И такова судьба всякаго другого драматурга, не согласнаго потакать заплеснѣвѣвшимъ вкусамъ закулиснаго міра. Напримѣръ, Мерсье—писатель исключительной оригинальности даже среди просвѣтителей XVIII вѣка, писатель съ высокими гуманными и культурными задачами, прекрасный знатокъ иностранныхъ литературъ, цѣнитель Шекспира и Шиллера: однимъ словомъ—множество литературныхъ и идейныхъ достоинствъ, не вполнѣ доступныхъ даже Вольтеру и энциклопедистамъ. И именно его актеры не желаютъ пускать на сцену. Нѣкоторыя его пьесы нравятся даже при дворѣ, и всѣ безусловно очень эффектны и драматичны, но у актеровъ свои соображенія: Мерсье написалъ книгу о театрѣ, не особенно лестную для «актеровъ-художниковъ» и совсѣмъ не благопріятную для ихъ любимой классической трагедіи. Въ результатѣ—онъ на всю жизнь останется отверженцемъ. Актеры навсегда отказываются даже читать его пьесы. При случаѣ они не затрудняются пожаловаться прямо въ цензуру или въ полицію, и неугодный имъ журналъ будетъ задержанъ, а то и совсѣмъ прекращенъ. Съ цѣлью предупредить даже малѣйшее посягательство на кулисное святилище, актеры рѣшаются платить жалованье цензорамъ, и тѣ нещадно губятъ статьи, непріятныя самолюбію артистовъ.

Но и это еще не все. Актеры совершенно равнодушны къ новымъ идеямъ, къ самому понятію о гражданской свободѣ,—это въ порядкѣ вещей,—и писатели отмѣчаютъ актерское равнодушіе какъ исконный неизбѣжный фактъ. Но актеры не ограничиваются равнодушіемъ. Они становятся въ ряды враговъ просвѣщенія. Отвергая Дидро и Вольтера, — они радушно открываютъ двери театра клеветникамъ и пасквилянтамъ на философовъ и современную литературу. Они ставятъ на сценѣ самыя беззастѣнчивыя драматическія издѣвательства и доносы, — реакціоннаго содержанія,—просто разсчитывая на крупные сборы и желая угодить

властямъ. Незадолго до революціи рабскія чувства исчезаютъ повсюду, даже скромные лавочники и не совсѣмъ захолустные крестьяне начинаютъ открыто толковать о новомъ порядкѣ вещей. Сельскіе священники—и тѣ стремятся побывать на представленіи *Свадьбы Фигаро*. Надъ страной видимо вѣетъ духъ обновленія,—и въ этой атмосферѣ именно театръ продолжаетъ оставаться затхлымъ закоулкомъ, своего рода складомъ всякаго историческаго декоративнаго старья. Актеры все еще чувствуютъ себя вѣрноподданными потентованныхъ джентльмэновъ. Свое «общественное мнѣніе» они проявляютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ былыя времена полиція устраивала на улицахъ овація и манифестаціи среди «добрыхъ обывателей города Парижа». Актеры такъ и остаются ея вѣрнѣйшими соревнователями, торжествуютъ не только со сцены разныя чувствительныя патріотическія событія,—но и составляютъ кляку среди публики—на случай, если не всѣ зрители захотятъ раздѣлить чувства труппы.

Вообще,—театръ, насколько зависитъ отъ него, упорно остается убѣжищемъ всего отсталаго въ искусствѣ, раболѣпнаго въ смыслѣ гражданскомъ и неуязвимаго по части какихъ угодно благородныхъ общественныхъ начинаній. Это—прирожденный врагъ литературы, какъ силы просвѣщающей и развивающейся. Во Франціи ни одинъ писатель не вѣритъ, чтобы сцена по собственному побужденію стала когда-либо союзницей писателей. Самые рѣзкіе отзывы объ артистахъ принадлежатъ такимъ писателямъ, какъ Дидро, Вольтеръ и Даламберъ. Мы не говоримъ о Руссо: онъ написалъ жестокій памфлетъ на служителей драматическаго искусства. Но женевскій философъ вообще не жаловалъ театра и не вѣрилъ въ его достоинства ни при какихъ обстоятельствахъ. Онъ могъ превысить чувство мѣры и наговорить много несправедливаго.

Но всѣ другіе, энергично возставали противъ «варварства», Руссо,—особенно Вольтеръ и Даламберъ. Они искренне защищали театръ и доказывали его великія заслуги предъ цивилизаціей,—и въ то же время не могли не сознаться въ печальной истинѣ: непроходимая пропасть всегда существовала и существуетъ между сценой и литературой. Въ темномъ мірѣ актеровъ просвѣщеніе цѣнится ни во что, не имѣютъ представленія даже о вкусѣ, совершенно не заботятся о нравственномъ и гражданскомъ достоинствѣ артистическаго ремесла, и къ писателямъ относятся какъ къ своимъ подданнымъ, къ людямъ обязаннымъ театру безграничной благодарностью за каждое представленіе ихъ пьесы.

Такъ жаловались во Франціи. Отвѣтный голосъ раздавался изъ Германіи. Здѣсь также явился убѣжденный, даровитый преобразователь драмы и сцены, блестящій критикъ и превосходный драматургъ. Онъ возгорѣлся желаньемъ поднять нѣмецкій театръ на высоту національнаго художественнаго учрежденія. Судьба, повидимому, открыла ему широкій путь къ этой цѣли. Нашелся человѣкъ, также мечтавшій о «національномъ театрѣ» въ самомъ благородномъ смыслѣ слова,—и Лессингу предстояло быть руководителемъ новаго учрежденія.

Какое счастье для «просвѣтителя!» И онъ съ жаромъ принялся насаждать вкусъ и идеи. Но немедленно пришлось остыть. Противъ критика возстали герои сцены и потребовали, чтобы даже имена не ихъ упоминались въ критическихъ статьяхъ Лессинга.

хотя критикъ являлся образцомъ скромности и деликатности. Но театральные боги не желали допускать даже тѣни сомнѣнія въ ихъ величіи и красотѣ. Такъ и разстроился весь величественный замыселъ.

Подобныя исторіи возобновлялись всякій разъ,—лишь только въ литературѣ выступалъ оригинальный талантъ и рѣчь заходила о смѣнѣ отжившихъ преданій новыми. Театръ непремѣнно оказывался на сторонѣ преданій,—и только подъ усиленнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія—рѣшался перейти на сторону новаго движенія.

Сколько испытаній пришлось перенести Гюго! Кажется, — исторія драматической литературы не знаетъ болѣе убѣжденнаго, болѣе отважнаго и, что самое главное—болѣе даровитаго преобразователя. Авторъ *Кромвеля* созданъ вождемъ и воиномъ. Никто какъ онъ не умѣетъ увлечь за собою молодежь, воспламенить толпу, подавить даже противниковъ блескомъ и силой своей чисто-французской, эффектно-краснорѣчивой поэзіи. За какимъ же еще писателемъ и идти артистамъ!

И нѣкоторые поддаются искушенію,—но крайне робко, оглядываясь по сторонамъ, трепетно прислушиваясь къ настроеніямъ публики, ежеминутно готовые отстать и раскаяться. Поэту суждено видѣть удивительныя колебанія въ температурѣ актерскаго сочувствія на одномъ и томъ же спектаклѣ: все зависитъ отъ количества аплодисментовъ и энергіи хлопальщиковъ. У исполнителей нѣтъ собственнаго мнѣнія; театральная зала управляетъ ими, какъ вѣтеръ флюгерами.

Не мало и открытой вражды. Какую, напримѣръ, презрѣнную исторію разыгрываетъ знаменитая m-lle Марсъ по поводу *Эрнани*! Она изводитъ автора безсмысленными придирками къ отдѣльнымъ стихамъ, обижается его равнодушіемъ къ ея критикѣ, грозитъ провалить пьесу, усмиряется только предъ страхомъ—потерять благодарную роль, мститъ автору за каждый свой неудачный выходъ. И все это не потому, что у прославленной артистки имѣется обдуманное опредѣленное мнѣніе о самой пьесѣ,—ничего подобнаго: артистка просто никогда не играла подобныхъ ролей и боится провалить свою славу. Но разъ спектакль сойдетъ благополучно,—она первая придетъ въ восторгъ отъ драмы и даже предложитъ автору поцѣловать ее «свою донью Соль».

Подобная исторія повторится при постановкѣ драмы—*Король забавляется*. Теперь разыграется чувство ревности къ таланту соперницы. Оно совершенно ослѣпляетъ классическую артистку, толкаетъ ее на такого сорта поступки, что авторъ вынужденъ будетъ публично заявить г-жѣ Марсъ, до какой степени возмутителенъ ея образъ дѣйствій. Онъ—авторъ—напоминаетъ при постороннихъ свидѣтеляхъ, какъ она—геніальная m-lle Марсъ душила несчастныхъ молодыхъ дебютантокъ, не давала имъ ходу—лишь бы самой блистать бутафорской молодостью въ пятьдесятъ лѣтъ!..

Происшествіе, возможное только въ тускломъ царствѣ кулисъ,—и оно отнюдь не исключительное, оно даже не тайна для публики. И мы понимаемъ, почему именно публика во всѣхъ столкновеніяхъ литературы съ театромъ становится на сторону писателей и позволяетъ съ артистами часто даже слишкомъ жестокія мѣры.

Факты преизобилуютъ опять въ тотъ же просвѣтительный вѣкъ. Публика часто выходитъ изъ терпѣнія, возмущенная актерскими художественными прихотями, ихъ раболѣпіемъ даже предъ второстепенными агентами правительства. Бываютъ случаи, когда партеръ бурно требуетъ отъ актера—стать на колѣни среди сцены и просить у публики прощенія за неприличную выходку, дѣлаетъ актерамъ выговоры за незнаніе ролей и дурную игру, незадолго до революціи—прерываетъ представленіе пасквильныхъ комедій реакціоннаго содержанія и заставляетъ актеровъ опускать занавѣсъ при самыхъ оскорбительныхъ крикахъ. И властямъ безпрестанно приходится прибѣгать къ полиціи, наполнять залу даже вооруженной стражей, чтобы дать актерамъ возможность—разыграть сатиру въ лицахъ на современныхъ популярнѣйшихъ писателей.

По сторонѣ актеровъ, кромѣ полиціи, еще «большой свѣтъ», мужескаго и женскаго пола. «Герцогини» даже пріобрѣтаютъ особенную извѣстность, какъ покровительницы сценическихъ героевъ. Весь Парижъ распѣваетъ куплеты о дамской театральной психопатіи, не стѣсняясь называть по именамъ и виновниковъ и жертвъ постыднаго недуга,—и фамиліи особенно модныхъ театральныхъ свѣтилъ превращаются чуть не въ бранныя клички.

И такъ продолжается въ то самое время, когда новая драма завладѣла всѣми сценами, когда театръ дѣйствительно превратился въ школу и въ парламентъ. Это превращеніе нисколько не подняло уваженія публики къ дѣятелямъ сцены и нисколько не расположило къ нимъ даже литературу. Актеры и драматурги и особенно критики по прежнему два воинствующихъ враждебныхъ лагеря. Это два непримиримыхъ психологическихъ міра. Взаимныя ихъ отношенія, очевидно, не подлежатъ преобразованію, какъ бы ни измѣнялись направленія общественной мысли и литературныя школы. Результатъ остается одинъ и тотъ же: театръ покорный слуга вѣяній, господствующихъ въ толпѣ, создающихъ ему публику,—все остальное внѣ его интересовъ. Исторія театра—типичная исторія *безъ направленія*,—точнѣе съ направленіемъ въ пользу *фактической силы* даннаго времени. Этотъ выводъ имѣетъ громадное значеніе: онъ показываетъ, что самъ по себѣ театръ—вовсе не культурное и не просвѣтительное явленіе,—онъ становится таковымъ исключительно какъ орудіе внѣшней, ему посторонней и въ сущности ему чуждой и весьма часто ненавистной власти—художественной литературы и прогрессивной общественной политики. Именно исторія подтверждаетъ печальную истину, что театръ—въ лицѣ своихъ даже первостепенныхъ дѣятелей—отзывался гораздо охотнѣе на реакціонныя мѣры правительства и на литературные вкусы толпы, чѣмъ шелъ на встрѣчу новому движенію идей и возрожденію искусства.

Франція въ теченіе двухъ столѣтій представила безчисленное множество доказательствъ,—въ высшей степени краснорѣчивыхъ и, надо думать, для восторженныхъ поклонниковъ театра болѣе или менѣе убѣдительныхъ.

III.

Чего только не перевидала французская публика на театральныхъ зрѣлищахъ! До восемнадцатаго вѣка ученые знали по кни-

гамъ о поразительныхъ дѣяніяхъ аѳинскаго народа во время спектаклей. Историки разсказывали о безумныхъ взрывахъ восторга и гнѣва, о самыхъ откровенныхъ чувствахъ толпы по отношенію къ современнымъ знаменитостямъ политики и философіи. Исторія увѣковѣчила также услугу, какую аѳинскій театръ оказалъ эллинскимъ мракобѣсамъ и старовѣрамъ. Комедія яростно преслѣдовала новую свободную мысль и поразила пасквилемъ даже Сократа. Приснопамятная черта театральная безразличія къ идеямъ и людямъ! Но все это—блѣдныя тѣни сравнительно съ опытами новыхъ вѣковъ. Аристофанъ, конечно, чрезвычайно усердно защищалъ древній Олимпъ, вовсе лично не вѣруя въ него, издѣвался надъ демократическими вольностями республики, пользуясь ими какъ разъ для своихъ издѣвательствъ. Но авторъ *Облаковъ*— явленіе временное и нѣчто исключительное, до Аристофана и послѣ него театръ не имѣлъ такого громкаго политическаго значенія, Не то—въ послѣднія два вѣка.

Съ помощью драматическихъ пьесъ можно подробно воспроизвести исторію современнаго общества, разумѣется въ той странѣ, гдѣ драматическая литература не состоитъ подъ усиленнымъ надзоромъ цензуры. Самымъ поучительнымъ примѣромъ можетъ служить французскій театръ. Даже протоколы законодательныхъ собраній и политическихъ митинговъ не могутъ дать такого жизненнаго и яркаго матеріала для характеристики новаго французскаго общества, какимъ изобилуетъ прошлое и настоящее однихъ только парижскихъ сценъ. Недаромъ французская печать съ такимъ усердіемъ слѣдитъ за дѣятельностью театра, безпрестанно издаются періодическіе отчеты объ отдѣльныхъ сценахъ, пишутся тщательныя изслѣдованія по вопросамъ драмы, для другихъ литературъ совершенно безразличнымъ. Даже ученое книгопроизводительства до сихъ поръ не изсякаетъ въ области театра и драматической критики. И на самомъ, дѣлѣ французамъ есть что изслѣдовать и чему поучиться въ своей театральной исторіи.

Въ высшей степени замѣчателенъ фактъ, что именно во Франціи идея о народно-образовательномъ назначеніи театра съ теченіемъ времени почти совсѣмъ заглохла. Полтораста лѣтъ тому назадъ она, можно сказать, гипнотизировала литературу и общество, а теперь даже временно не всплываетъ на поверхность идейныхъ интересовъ новой Франціи. Ея писатели способны рѣшать какіе угодно вопросы по теоріи драмы, искать новыхъ «формулъ» но восхвалять театръ, какъ просвѣтительное учрежденіе эта идея имъ не приходитъ на умъ. Театръ можетъ служить прекраснымъ зеркаломъ дѣйствительности, еще лучше—развлеченіемъ но школой!—это противорѣчитъ всей его новой исторіи.

Правда, въ прошломъ вѣкѣ со сцены публика слушала цѣлые политическіе трактаты, но это было наивное, младенчески-идеалистическое время. Оно исчезло безвозвратно и съ тѣхъ поръ театръ ни разу не допускалъ водвориться на своей сценѣ учительской каѳедрѣ. Революція разочаровала весьма многихъ даже изъ прежнихъ проповѣдниковъ, но никто не поспѣшилъ съ такой ревностью отмѣтить новое настроеніе, какъ театръ.

Во время революціи онъ торжествовалъ гибель самыхъ почтенныхъ преданій, повидимому, съ неудержимой радостью, показывалъ на сценѣ духовенство въ самыхъ предосудительныхъ карти-

нахъ, открещивался отъ всякаго намека на монархію, даже отъ слова *roi*. Но лишь только въ воздухѣ почуялись реакціонныя вѣянія, театръ немедленно сталъ во главѣ отрезвѣвшихъ и кающихся и здѣсь также хватилъ черезъ край,—согласно законамъ сценическаго темперамента. Реакціонный азартъ актеровъ дошелъ до такой степени что публика снова начала устраивать скандалы по образцу дореволюціонныхъ, даже стрѣлять на сцену при слишкомъ вызывающихъ благонамѣренныхъ упражненіяхъ исполнителей. Но вѣтеръ дулъ въ ихъ сторону.

Всходила звѣзда Бонапарта, и театръ могъ со всею страстью предаваться издѣвательству надъ революціей, надъ созданными ею законами, надъ ея идеями и ея исторіей. Театръ поспѣшилъ воспользоваться вопіющей подтасовкой фактовъ, съ тѣхъ поръ вошедшей во всеобщее обращеніе среди враговъ революціи. Театръ отождествилъ все революціонное движеніе съ терроромъ, всѣ принципы 89-го года съ якобинствомъ. Унижая до послѣдней степени Робеспьера и его кровавую клику, театръ заносилъ руку на всѣхъ дѣятелей революціи. Естественно, Бонапартъ нашелъ въ актерахъ готовыхъ глашатаевъ своихъ добродѣтелей и своего генія, и ни одно общественное учрежденіе, ни одно общество не спускалось до столь низкихъ ступеней лести, на какихъ стояла сцена и ея герои въ теченіе всего правленія Наполеона. Въ настоящее время трудно представить, до какой первобытной откровенности доходили публичныя вѣрноподданическія чувства театра, и нельзя сказать, чтобы всегда и во всемъ былъ виноватъ самъ грозный господинъ. Театръ явно старался забѣжать впередъ, соперничалъ съ полиціей и цензурой по части празднествъ и торжествъ въ честь семейныхъ радостей императора. Какихъ только пьесъ и сценъ не измышляли актеры, чтобы прославить то или другое событіе! Исторія и миѳологія были призваны къ отчету, чтобы увѣнчать новаго «Карла Великаго» и новаго «Ахилла» его отпрыска. На Бонапарта сыпались со сцены монологи совершенно въ духѣ византійскаго краснорѣчія, его украшали именами добродѣтельныхъ римскихъ императоровъ, особенно Траяна.

Но Наполеонъ палъ, Парижъ занятъ иноземными войсками, герой былъ русскій императоръ и актеры спѣшатъ его возвести также въ Траяна, ради него разыграть тотъ самый спектакль, которымъ они еще такъ недавно угощали Наполеона. Александръ I возмущается столь азіятской угодливостью, даетъ суровый урокъ актерамъ, отказываясь выслушивать ихъ словословія.

Александръ I не одинъ, — найдется не мало коронованныхъ любителей театра во вкусѣ Бонапарта, и театръ, еще не изжившій своихъ хвалебныхъ гимновъ въ честь Наполеона, принимается вѣнчать Бурбоновъ, воскрешаетъ память Генриха IV, увѣряетъ публику, что вся Франція въ восторгѣ даже отъ графа Артуа—едва ли не самаго легкомысленнаго и ограниченнаго принца во всей бурбонской фамиліи. Но актеры слишкомъ поторопились, Наполеонъ еще не совсѣмъ погибъ, онъ возвращается въ Парижъ и воцаряется на сто дней: приходится опять перестраивать инструменты и бѣдный Траянъ опять долженъ отвѣчать своей славой, въ третій разъ мѣнять себѣ соревнователя и соименника.

Уже этихъ преобразованій вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить

историческую роль театра въ одну изъ самыхъ отвѣтственныхъ политическихъ эпохъ новой Франціи. Мы не должны забывать, что направленіе сцены зависѣло отъ вкуса самихъ актеровъ. Конечно, наполеоновская тайная и явная полиція не дремала, народились и литераторы съ откровеннымъ девизомъ «чего изволите», но театръ могъ дѣлать выборъ. Какъ прежде такъ и при Наполеонѣ *французская комедія* сама обсуждала и принимала пьесы для представленія. *Комитетъ* актеровъ изрекалъ приговоры авторамъ и ихъ произведеніямъ, и этотъ именно комитетъ шелъ на встрѣчу рабскому повѣтрію литературы. Мы не знаемъ ни единаго случая болѣе или менѣе независимаго и достойнаго поведенія со стороны всей труппы или ея отдѣльныхъ членовъ. Съ авторами и печатными произведеніями наполеоновской цензурѣ приходилось выдерживать непріятныя столкновенія: она отлично умѣла читать ненапечатанное!—актеры и пьесы, принятыя на сцену,—блистали благонравіемъ. И Наполеонъ умѣлъ цѣнить услуги театра, былъ ревностнымъ посѣтителемъ спектаклей, велъ даже знакомство съ актерами, напримѣръ съ знаменитымъ Тальма.

Но и съ этой дружбой произошла неожиданная исторія, еще разъ открывшая актерамъ глаза на ихъ настоящее общественное и нравственное положеніе. Тальма очень желалъ украсить себя знакомъ почетнаго легіона. Наполеонъ жаловалъ артиста чрезвычайно, повидимому не существовало никакихъ препятствій. Крестами и наградами располагалъ человѣкъ съ неограниченной властью и съ глубочайшимъ принципіальнымъ презрѣніемъ къ общественному суду. И все таки Тальма креста не получилъ: даже Наполеонъ побоялся сравнять великаго актера съ простымъ солдатомъ своей арміи. Можно было перечеркнуть всѣ революціонныя декларацiи и конституціи,—но украсить актера орденомъ это, повидимому, нестерпимое нарушеніе естественныхъ законовъ благоустроеннаго государства. И Наполеонъ былъ правъ. Онъ не могъ не знать, на какомъ уровнѣ даже послѣ революціоннаго уравненія всѣхъ сословій и состояній, стояло званіе актера въ глазахъ общества? Писатель успѣлъ завоевать себѣ гражданскія права. Ихъ у него не было такъ же, какъ и у актера, при старой *классической* монархіи. Полвѣка мужественной идейной борьбы возвели писателя на степень нравственной и даже политической силы, революція признала его дѣло великимъ достояніемъ страны, даже Наполеонъ терялъ сонъ и аппетитъ изъ страха предъ «идеологами» и призналъ необходимымъ почтить гоненіемъ женщину-писательницу.

Ничего подобнаго не случилось въ судьбѣ актеровъ. Они какъ были отверженцами полноправнаго гражданскаго общества при Людовикахъ, такими и остались при Наполеонѣ и даже при Бурбонахъ. Конечно, революція, освобождавшая негровъ, не могла допустить отлученія актеровъ отъ церкви и лишенія обыкновенныхъ правъ всякаго гражданина, не обезчещеннаго по суду. Но кодексъ узаконялъ разныя положенія самъ по себѣ, а общество рѣшало вопросы само по себѣ,—и даже Наполеонъ не дерзнулъ пойти противъ его рѣшеній.

И причина, разумѣется, не предразсудки: возводилъ же Наполеонъ даже въ королевскій санъ людей самаго послѣдняго происхожденія. Бывшіе трактирные слуги становились герцогами и

маршалами, а Тальма до конца дней оставалось сѣтовать на безгранично болѣе скромную неосуществленную мечту. Очевидно, актеры даже въ эпоху всеобщаго энтузіазма во имя свободы, не сумѣли подняться до общаго уровня, не оставили въ памяти публики ни одной черты своей гражданской доблести и только—они единственные—прошли сквозь революцію не дѣятелями и не участниками, сколько-нибудь сочувствующими и сознательными.

И общество не находило возможнымъ—перемѣнить свой исконный взглядъ на достоинство актера. Театральные подвиги за время имперіи могли только упрочить этотъ взглядъ и Бурбоны впослѣдствіи попытаются опять низвести актеровъ къ прежнему дореволюціонному положенію, т. е. считать ихъ отлученными отъ церкви, лишать ихъ церковнаго погребенія, не признавать ихъ браковъ законными. Правда, парижское населеніе возмутится противъ нетерпимости духовенства, но вовсе не изъ желанія,—защитить честь актеровъ, а въ порывѣ негодованія вообще противъ ненавистной іезуитской политики реакціоннаго правительства.

Дальнѣйшая роль театра нисколько не противорѣчила этому положенію вещей. Съ теченіемъ времени театръ, повидимому, все рѣшительнѣе сосредоточивался на одной благодарной задачѣ: уловливать забавное и пикантное въ современныхъ событіяхъ, все равно каковъ бы ни былъ общій смыслъ этихъ событій.

На первомъ планѣ—бонапартизмъ. Несомнѣнно, французскіе либералы не обнаружили особенной политической зрѣлости, избравъ знаменосцемъ своей партіи сначала свято-еленскаго изгнанника, потомъ его сына и, наконецъ, цѣлый рядъ мелкотравчатыхъ наполеонидовъ. Но политики имѣли за собой, по крайней мѣрѣ, одно оправданіе: имя Наполеона, славныя военныя преданія имперіи служили смертоноснымъ укоромъ бездарности и немощамъ Бурбоновъ. Театръ пользовался «наполеоновской легендой» безъ всякихъ политическихъ разсчетовъ, просто какъ неисчерпаемымъ кладеземъ для мелодраматическихъ и весьма часто просто уличныхъ зрѣлищъ. Онъ явился усерднѣйшимъ оруженосцемъ бонапартизма, впослѣдствіи—Луи Наполеона, безъ конца эксплуатировалъ пресловутый *Меморіалъ св. Елены*, выводилъ на сцену всѣ небылицы въ лицахъ, какія только можно извлечь изъ этой едва ли не самой лживой, рабской и лицемѣрной книги, какая только появлялась во Франціи за первую половину XIX-го вѣка. Театръ пустилъ въ ходъ всѣ испытанные дешевые эффекты, собиралъ богатую дань съ уличныхъ зѣвакъ, мелкихъ аферистовъ, съ площаднаго шовинизма, прокладывая дорогу къ престолу второму цезарю. Одновременно актеры издѣвались надъ соціальнымъ движеніемъ, выдергивали отдѣльныя фразы изъ произведеній даровитѣйшихъ публицистовъ—въ родѣ Прудона и Луиблана и играли на смѣшливыхъ инстинктахъ толпы. Повторялась дореволюціонная исторія: тогда Руссо показывали со сцены дикаремъ на четверенькахъ, выводили его послѣдователей въ лицѣ лакеевъ, плутовъ и воровъ, теперь та же политика была пущена въ ходъ противъ соціальныхъ ученій. Революція сорокъ восьмого года создала неограниченную свободу печатнаго и устнаго слова, и театръ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, для пущаго униженія республики и ея законовъ. Театръ прямо настаивалъ на новомъ государственномъ переворотѣ въ пользу монархіи. Появилась на-

рочно написанная пьеса *Ярмарка идей*, долго не сходившая съ афиши. Она вела правильную ожесточенную войну съ республиканскимъ правительствомъ, съ народными представителями, поднимала на смѣхъ знаменитый девизъ—свобода, братство и равенство, объясняла эти слова всевозможными шутовскими способами и, разумѣется, дискредитировала и людей и идеи въ глазахъ всегда многочисленныхъ охотниковъ до пошлаго пищеварительнаго зубоскальства. Слово воровство, напримѣръ, предлагалось замѣнить словомъ *братство* и говорить вмѣсто,—часы украли, часы побратали—*on fraternise une montre*! Не пощадили актеры даже національнаго гимна. На сценѣ депутаты являлись въ видѣ лягушекъ и квакали, при общей потѣхѣ зрителей,—мотивъ *Марсельезы*.

Это—въ области комедіи. Драма старалась въ томъ же направленіи. Она давала трогательныя зрѣлища изъ временъ первой революціи, воспроизводила судьбу ея жертвъ и старалась вызвать позднія слезы раскаянія и сожалѣнія у современной публики. Однимъ словомъ,—театръ всецѣло состоялъ на услугахъ реакціи и своей свободой пользовался въ интересахъ господина.

Онъ уже приближался, на встрѣчу ему летѣли прозрачные льстивые намеки, сцена превращалась въ лагерь или въ боевое поле и публику старались электризовать бонапартисткимъ токомъ. Цѣль достигнута, бонапартизмъ одержалъ побѣду и надъ революціей и надъ республикой и надъ всѣми принципами и девизами. Началась эпоха, заложившая прочныя основы растлѣнію общества, государства и литературы, эпоха, перенесшая свое тлетворное дыханіе и на третью республику. Театръ, разумѣется, не могъ отстать отъ общаго теченія,—и воспоминаніе о немъ—какъ о «трибунѣ» и «кафедрѣ»—навсегда кануло въ невозвратное прошлое.

Время отъ времени, конечно, появлялись пьесы идейнаго содержанія. Но даже самыя *театральныя* и наивныя изъ этихъ произведеній—въ родѣ, напримѣръ, пресловутой *Дамы съ камеліями*—должны были по исконному порядку выдерживать борьбу съ актерской косностью и неизмѣннымъ равнодушіемъ къ «ничтожнымъ нравственнымъ цѣлямъ».

Это равнодушіе съ поразительной силой отразилось на театральной критикѣ. Театръ именно въ наше время создалъ особую породу литератора-*рецензента*, породу—не обладающую ни единымъ признакомъ собственно писательскаго типа. Раньше, еще до второй четверти нашего вѣка, театральная критика являлась дѣломъ безусловно литературнымъ, драматурги-реформаторы непремѣнно старались теоратически выяснить принципы своей реформы, предисловія къ пьесамъ—настоящіе трактаты по драмѣ и театру, писались одновременно съ художественными произведеніями, создававшими эпоху въ искусствѣ. Вообще театральная критика была столь же неразрывно связана съ литературой, какъ и сама драма. Теперь все это измѣнилось въ самомъ корнѣ.

Все равно какъ драматурги считаются какъ бы внѣ писательскаго круга прессы, вовсе не причисляются къ литературѣ, такъ и театральная критика давно уже стала особымъ—*полулитературнымъ* ремесломъ. Театральный критикъ можетъ и даже долженъ писать рѣшительно обо всемъ, что касается кулисъ и

сцены,—и не имѣть ни малѣйшаго касательства собственно къ литературѣ. Онъ—принадлежитъ учрежденію не художественному, дѣятелямъ не идейнымъ, онъ—приспѣшникъ актеровъ, а не союзникъ писателей, онъ, по мѣрѣ силъ обязанъ быть такъ же увеселителемъ театральной толпы, какъ и сценическіе герои, писать въ особомъ genre badinant, т. е. фельетонно-шутовскомъ и беззаботномъ на счетъ содержанія и цѣлей писанія. Образцы достаточно извѣстны: Франциск Сарсэ и Жюль Лемэтръ—истинные создатели цѣлой школы, особаго улично-кулиснаго блягерства, импрессіонистской амикошонской болтовни объ актерахъ и актрисахъ и—*по поводу ихъ*—о пьесахъ. Это принципіальное и послѣдовательное упраздненіе мысли и литературы и неограниченное торжество истинно декадентскаго лозунга: *Cela nous amuse*! И посмотрите, съ какимъ варварскимъ фанатизмомъ эти критики возстаютъ противъ всякаго литературнаго явленія, угрожающаго идеями. Сарсэ ополчился противъ шекспировскихъ драмъ и не побоялся печатно заявить, что всѣмъ этимъ *Отелло и Гамлетамъ* гораздо предпочтительнѣе бойкій водевиль парижскаго происхожденія. Таже судьба постигла и драмы Ибсена. Лемэтръ съ своей стороны вооружился на «славянщину», т. е. русскій романъ, и смѣшалъ съ самой подлинной бульварной грязью *Грозу* Островскаго. И все это вполнѣ естественно; современному театру не подъ силу подобныя произведенія, актеры ихъ не понимаютъ, съ ихъ стороны потребовалось бы исключительное напряженіе мысли и сценическаго таланта, и напряженіе, на ихъ взглядъ, совершенно излишнее: достаточно найдется благодарной публики и для ихъ привычныхъ, почти механическихъ упражненій.

Въ результатѣ устанавливается своего рода круговая порука между театромъ и драматической литературой, актеромъ и рецензентомъ. Въ общемъ получаются въ полномъ смыслѣ поддонки, *интеллигентный отстой* и даже мысль о высокомъ общественномъ назначеніи театра является праздной и жалкой мечтой. Разсчитывать на ея осуществленіе могутъ только или безнадежные теоретики-идеалисты или люди съ богатырскими силами—художественными и практическими. Какъ велики должны быть эти силы, показываетъ самая послѣдняя попытка въ нашемъ вѣкѣ преобразовать театръ въ просвѣтительное учрежденіе. Авторъ книги, вызвавшей насъ на бесѣду о театрѣ, только мимоходомъ успѣлъ собрать немало въ высшей степени краснорѣчивыхъ данныхъ. Извѣстны онѣ давно, но слишкомъ часто забывается ихъ дѣйствительный смыслъ, и самъ авторъ не отдаетъ себѣ полнаго отчета въ ихъ значеніи, хотя и не принадлежитъ къ породѣ театральныхъ фанатиковъ.

IV.

Врядъ ли кто изъ всѣхъ писателей новаго времени до такой степени былъ одаренъ талантами поэта-трибуна, какъ Викторъ Гюго. И онъ весьма рано понялъ силу своего таланта и направилъ ее на двойную цѣль: преобразовать драму и пустить въ оборотъ множество новыхъ свободныхъ идей, создать торжество литературному и политическому либерализму. Общее направленіе искусства и идеаловъ именовалось романтизмомъ и вмѣщало въ себѣ небывало-богатое содержаніе.

Гюго и его соратники не оставили, кажется, ни одного нрав-

ственнаго и политическаго вопроса не затронутымъ, по своему неразработаннымъ. Ближайшій и самый «поэтическій»—разумѣется, вопросъ о любви. Романтики поставили его на новую почву, освѣтили его по истинѣ сверхъестественнымъ свѣтомъ, усложнили его до послѣдней степени—сравнительно съ прежними поэтами—и связали его съ политикой, съ величайшимъ фактомъ новой исторіи, съ демократическимъ движеніемъ. Можно написать обширный трактатъ только на тему о «романтической любви».

Какое прежде всего возвышенное *психологическое* представленіе объ этомъ чувствѣ? «Земная» любовь—вовсе не простая потребность человѣческой природы, не страсть, не голосъ крови и сердца, а нѣкая таинственная сила, только однажды снисходящая на человѣка. Она—божественнаго происхожденія и неразрывными узами связана съ «вѣчной любовью». Она очищаетъ грѣшника искупляетъ преступленія, она—высшая евангельская истина: Іисусъ обнаруживалъ больше нѣжности къ обращеннымъ грѣшницамъ, чѣмъ къ женщинамъ безупречной добродѣтели. Любовь не ограничивается земнымъ существованіемъ, она безсмертна, какъ человѣческая душа, она—источникъ величайшихъ самопожертвованій и подвиговъ, она, какъ Богъ, имѣетъ своихъ мучениковъ и исповѣдниковъ.

Естественно, предъ любовью исчезаютъ всѣ ранги и грани, измышленныя государствомъ и обществомъ. Королева можетъ полюбить послѣдняго изъ своихъ подданныхъ, потому что *женщина* выше *королевы* и сердце благороднѣе всѣхъ ранговъ и состояній. Здѣсь, рядомъ съ высшимъ закономъ природы и нравственности, восторжествуетъ также политическій принципъ: королева, обожающая лакея, дальше не можетъ идти протестъ противъ привилегій и неравенства!

Но, при столь рѣшительной и глубокой постановкѣ сердечнаго вопроса, соотвѣтствующій характеръ долженъ получить и самъ герой. И онъ дѣйствительно будетъ вознесенъ на головокружительную высоту: предъ нимъ самые пышные короли и принцы классической сцены покажутся жалкими фигурантами.

Романтическій герой—личность фатальная, надѣленная совершенно исключительной судьбой. Его духовныя силы—громадны, его несчастья—безпримѣрны, превращенія его участи—сверхъестественны. Его внѣшній видъ, его рѣчь, каждый его выходъ на сцену исполнены блеска и эффекта. Герой, по основному правилу романтическаго искусства, олицетворяетъ народъ—силу таинственную, мощную и всеобъемлющую.

Но при такомъ крайнемъ напряженіи *индивидуальной* героической психологіи поэты не желаютъ пожертвовать толпой и исторической обстановкой. Они выведутъ на сцену и самый народъ, одной изъ основъ преобразованной драмы—признаютъ историческое освѣщеніе среды и событій. Поэзія никогда еще не задавалась такими разносторонними и, повидимому, даже необъятными задачами: реализмъ обстановки и сверхчеловѣческое величіе героевъ, и въ результатѣ должна получиться непремѣнно значительная политическая идея. Это значитъ—исчерпать всѣ рессурсы драмы и сцены и театръ поставить выше и трибуны и каѳедры, выше самой жизни, такъ какъ она только въ смутныхъ и отрывочныхъ образахъ заставляетъ наблюдателя прозрѣвать высокіе нравственные уроки.

И романтики обратились несомнѣнно къ самому внушительному учителю, все къ тому же Шекспиру, который уже неоднократно возрождалъ и создавалъ европейскую драму. Гюго, преисполненный восторженныхъ чувствъ къ британскому поэту, вознамѣрился извлечь изъ его произведеній—непреложныя указанія и образцы для новой драмы. И онъ извлекъ, перенесъ ихъ немедленно на современную сцену и провозгласилъ ихъ неограниченную и вѣчную власть надъ театромъ новаго времени.

Но посмотрите, что произошло съ шекспировскими уроками на романтической сценѣ!

Шекспиръ, какъ всякому извѣстно, рѣшительный реалистъ: онъ не останавливается предъ самыми удручающими личностями, въ нравственномъ отношеніи и предъ самыми жестокими трагическими эпизодами. Это одно,—другое—рядомъ съ великимъ зломъ Шекспиръ даетъ мѣсто низменной пошлости, смѣхъ и слезы на его сценѣ не исключаютъ другъ друга, а, напротивъ, сопровождаютъ, короли и шуты, герои и уродцы—выступаютъ одновременно и правовѣрный классикъ пришелъ бы въ отчаяніе, какъ назвать шекспировскую пьесу—трагедіей или комедіей? Въ ней всего достаточно—и крови и юмора, и ужасовъ и идиллій.

Именно такъ и должно быть!—восклицаетъ новѣйшій романтикъ,—и устанавливаетъ правило: въ драмѣ непремѣнно должно быть на сценѣ *grotesque*, т. е. нѣчто выдающейся по своей оригинальной смѣхотворности: это, по мнѣнію Гюго, одна изъ высшихъ красотъ драмы. Рядомъ возвышенное *sublime*, ужасное и шутовское—*bouffon*: изъ ихъ совмѣстнаго развитія на сценѣ и получится, по соображеніямъ романтика, настоящій реализмъ и въ то же время будетъ оправданъ кличъ новой литературы: «Шекспиръ—богъ театра».

На самомъ дѣлѣ реальнаго получилось очень мало. То, что у Шекспира являлось непосредственнымъ выраженіемъ дѣйствительности и свободнымъ внушеніемъ его творческаго генія, у романтика превратилось въ чисто-отвлеченную систему, въ заранѣе придуманную программу театральныхъ эффектовъ. Сліяніе трагическаго и комическаго на современной сценѣ преобразовалось въ сногсшибательные контрасты невиданной міромъ красоты и едва вѣроятнаго уродства.

На сценѣ контрасты выходили чрезвычайно поразительными, актеры, побѣжденные въ своемъ косномъ упорствѣ предъ всякимъ нововведеніемъ, скоро освоились съ *гротесками* романтиковъ и почувствовали даже глубокую благодарность за необыкновенно благодарныя роли высшаго театральнаго эффекта. Театръ, въ лицѣ актеровъ-художниковъ, торжествовалъ, изображая рыцарственныхъ бандитовъ, геніальныхъ лакеевъ, чувствительныхъ королевъ и трагическихъ шутовъ, но исторія и жизненная правда должны были облечься въ трауръ и отчаяться въ своемъ торжествѣ на новой *реальной* сценѣ.

Это не первый случай, когда интересы театра порабощали исторію и психологію, и всегда послѣ страстнаго увлеченія Шекспиромъ. Уже Шиллеръ ввелъ на сцену контрасты, сценическіе эффекты, основанные на столкновеніи двухъ непримиримо-враждебныхъ и одинаково неисторическихъ личностей. Знаменитыя сцены—маркиза Позы съ королемъ Филиппомъ, Маріи Стюартъ съ

Елизаветой—классическіе образцы блестящей *сценичности* и совершенно извращенной исторической правды и психологической логики. Но именно эти образцы и создали славу шиллеровскихъ пьесъ на сценѣ. Никакія идеи не могли бы побудить актеровъ и актрисъ играть роли «безъ выходовъ», и если бы маркизъ Поза произносилъ свои монологи не предъ «коронованнымъ инквизиторомъ» и не очаровывалъ своимъ благороднымъ и революціоннымъ краснорѣчіемъ именно это чудовище самовластія и жестокости, драма Шиллера давно была бы осуждена на почетное пребываніе среди классической исключительно книжной литературы.

Гюго подчинился тѣмъ же *театральнымъ* разсчетамъ. Весь шаржъ, вся лубочность красокъ въ его пьесахъ должны быть отнесены на счетъ ихъ сценичности. Надо обладать единственнымъ геніемъ Шекспира, чтобы спасти исторію и психологію рядомъ съ актерскими запросами къ пьесѣ. И недаромъ Шекспиръ устами Гамлета жестоко негодовалъ на сотрудничество актеровъ въ драмахъ и комедіяхъ, на произвольныя вставки, на шутовскія выходки—комиковъ и раздираніе природы на части—трагиковъ.

Однородныя явленія мы наблюдаемъ до сихъ поръ. Всякій, кому случалось видѣть самыхъ знаменитыхъ исполнителей шекспировскихъ ролей, долженъ знать, въ какомъ обязательно изуродованномъ видѣ предлагаются публикѣ, именно этими театральными геніями, и роли и самыя пьесы. Мы не можемъ назвать даже ни одного сценическаго Гамлета, не наложившаго рукъ на шекспировскій текстъ. Достаточно двухъ примѣровъ: даровитѣйшій французскій Гамлетъ Мунэ-Сюлли *вставляетъ* въ драму цѣлыя сцены собственнаго или, во всякомъ случаѣ, не шекспировскаго сочиненія, напримѣръ, безсмысленную школьническую сцену—врученія Гамлетомъ письма—Офеліи. Блестящій итальянскій Гамлетъ Росси передѣлывалъ всю драму, переставлялъ сцены, вычеркивалъ цѣлые монологи—и это изъ пьесы, гдѣ вся сущность въ монологахъ, вычеркивалъ даже незабвенную жалобу датскаго принца на распаденіе міра и на нравственный долгъ его, принца, возстановить міровую гармонію!

Для всякаго сколько-нибудь мыслящаго читателя въ этой жалобѣ, весь Гамлетъ съ величавыми порывами юнаго идеализма, съ безысходной тоской одиночества, съ невыносимо-жестокой жизненной задачей, а для актера это лишнія слова, потому что, надо думать, въ нихъ мало сценическаго содержанія и съ ними нельзя сдѣлать благодарнаго «выхода».

Такова исконная борьба театра съ правдой и истинно художественнымъ искусствомъ. Актеръ требуетъ наиболѣе громкаго успѣха съ наименьшей затратой труда, успѣха, разсчитаннаго непремѣнно на самый обширный кругъ публики, безъ малѣйшаго соображенія о культурныхъ достоинствахъ этого круга, объ его художественномъ вкусѣ и просто даже умственномъ развитіи. Требуется совершенно исключительное самоотверженіе со стороны сценическаго таланта, чтобы онъ легкость и общедоступность своихъ лавровъ принесъ въ жертву идеѣ и художественности. По крайней мѣрѣ, исторія не знаетъ примѣровъ подобнаго мужества и, если судить по современному направленію театра, врядъ-ли когда и узнаетъ.

Мы безпрестанно убѣждаемся, до какой степени театръ по

существу—учрежденіе косное и эгоистическое. Каждому русскому зрителю долженъ быть извѣстенъ господствующій фактъ нашей современной сцены: она безнадежно вращается будто въ колесѣ въ ограниченномъ шаблонномъ репертуарѣ такъ называемыхъ фрачныхъ и сюртучныхъ пьесъ. Это не просто гардеробные и бутафорскіе термины: они выражаютъ вполнѣ опредѣленный *жанръ* драматической литературы. Современный русскій актеръ умѣетъ изображать только такъ называемаго интеллигентнаго человѣка, т. е. фигуру совершенно неиндивидуальную, своего рода международную формулу прилично одѣтой и умѣющей держать себя человѣческой особи. По этой фигурѣ выкраиваются драмы, комедіи и просто пьесы. Каждое представленіе ничто иное, какъ варіація на давно вытверженные сценическіе пріемы, жесты, манеру объяснять любовныя и всякія иныя чувства. Умѣть носить костюмъ, ходить по сценѣ и болѣе или менѣе естественно выбалтывать всякія пошлости въ спокойныхъ сценахъ и эффектно, съ оттѣнками выкрикивать избитыя тирады въ драматическіе моменты, вотъ и весь современный артистъ. А что касается *индивидуализированія* роли, ея психологическаго изученія, то это, во-первыхъ, лишнее: драматурги сами не имѣютъ ничего общаго съ живой *личной* психологіей, они давно уже выдрессированы для сочиненія *ролей*, а не для создаванія *типовъ*, а потомъ, психологія и разнообразіе личностей вполнѣ подмѣняются видоизмѣненіями въ гриммѣ и въ подробностяхъ костюма. Пиджакъ съ бородой или фракъ съ усами, полосатые брюки съ обильной шевелюрой или скромная «пара» съ прической подъ гребенку—вотъ и вся «психологія», привычный зритель уже догадается, что все это означаетъ и будетъ даже благодаренъ, что ему, вмѣсто разныхъ соображеній, прямо показываютъ готовую вывѣску съ надписями въ родѣ дѣтскихъ иллюстрацій.

Въ результатѣ, со сцены исчезло все характерное, жизненное, индивидуальное. Она превратилась въ школьническую маріонеточную игру, въ царство—шаблоннаго, посредственнаго, безличнаго. На русскихъ сценахъ, напримѣръ, почти совсѣмъ не играются пьесы Островскаго,—и не потому что для нихъ нѣтъ публики: опытъ доказываетъ совершенно обратное, а потому что актеры не умѣютъ, не способны играть сколько-нибудь психологическихъ ролей. Гораздо легче разрисовать физіономію и сшить новый костюмъ, чѣмъ работать умомъ, ломать годами пріобрѣтенный сценическій навыкъ, приспособлять свою застывшую въ трафаретныхъ рамкахъ и въ конецъ нравственно обѣднѣвшую природу, къ глубокому жизненному замыслу художника. Если, ужъ *геніальные* артисты, въ родѣ Росси, не въ силахъ сыграть дѣйствительно—шекспировской роли и берутся за нее только послѣ многообразныхъ «исправленій» и «аранжировокъ», чего же требовать отъ простыхъ ремесленниковъ сцены—все равно на первыхъ ли они роляхъ или на вторыхъ? Разницы по существу нѣтъ между современнымъ первымъ театральнымъ персонажемъ и вторымъ и третьимъ: одинъ столяръ и кузнецъ, а другой рѣзчикъ и слесарь,—и всѣ одинаково не художники и не психологи.

И мы безпрестанно видимъ, какъ постепенно падаетъ литература на служеніи театру. Актеры стоятъ плотной стѣной противъ писателей и произведеній, угрожающихъ нарушить ихъ безпе-

чальное приживательство якобы у храма искусства. Напримѣръ, пьесы изъ народной жизни или не попадаютъ на сцену или непремѣнно проваливаются: актеры не могутъ и, слѣдовательно, не желаютъ ради «ничтожной нравственной цѣли» совлекать съ себя модные костюмы, мѣнять салонный языкъ, покидать танцмейстерскіе манеры. На все это существуетъ публика и даже психопатически-увлеченная, что и требуется доказать, все остальное не касается театра.

Мы могли бы подтвердить всѣ эти положенія множествомъ поучительнѣйшихъ фактовъ и, вѣроятно, найдется не одинъ читатель, также располагающій запасомъ подобныхъ доказательствъ. Но мы говоримъ объ общихъ тенденціяхъ театра, какъ общественнаго учрежденія. Они сами по себѣ менѣе всего просвѣтительныя и культурныя. Театръ, предоставленный собственнымъ задачамъ и стремленіямъ, никогда и нигдѣ не обнаруживалъ наклонности служить какой бы то ни было идеѣ. Онъ по существу и по всей своей исторической судьбѣ зрѣлище, а не школа, и мы видѣли, въ самыя идейныя эпохи новой европейской исторіи—театръ, на сколько отъ него зависѣло, стоялъ на сторонѣ преданій, отжившихъ привилегій и правъ матеріальной власти. Если онъ начиналъ служить освободительному движенію, это происходило исключительно подъ непреодолимымъ давленіемъ литературы и общества. Какъ только это давленіе, ослабѣвало или реакція пріобрѣтала власть,—театръ немедленно и съ чрезвычайнымъ усердіемъ становился застрѣльщикомъ *торжествующей* силы и часто простиралъ свое усердіе до такихъ предѣловъ, что даже вызывалъ открытое негодованіе публики.

Эти историческіе уроки мы должны помнить всякій разъ, когда рѣчь заходитъ о нравственномъ и общественномъ значеніи театра. Онъ въ такихъ случаяхъ—простое орудіе, *пассивное средство* съ исконными привычками *активно* сопротивляться именно идейнымъ цѣлямъ. Литература и общество должны напрячь всѣ усилія, чтобы повернуть театръ на путь просвѣщенія и идейности и неотступно слѣдить за новымъ направленіемъ сцены. Она только будетъ отражать безусловно *настойчивыя* внѣшнія внушенія и по собственной иниціативѣ не вступитъ на идейную дорогу и еще менѣе пойдетъ по ней, если въ данное время идеи не будутъ господствующей силой въ литературѣ и въ общественной средѣ, если сама публика не станетъ увѣренно идейной.

Только на такой почвѣ и можно строить планы объ услугахъ театральной сцены народному просвѣщенію и вообще національному прогрессу. И въ особенности русское общество и русская художественная и критическая литература не должны забывать, какъ дешевы и по существу безцѣльны мечты о театрѣ-школѣ и о театрѣ-трибунѣ и какъ на самомъ дѣлѣ *лично*—отвѣтственны и трудны обязанности всякаго, кто сочувственно и съ дѣятельными намѣреніями произноситъ слова «народное просвѣщеніе». Онъ, и только онъ, въ эту минуту просвѣтитель и трибунъ.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Lehrkunst und Lehrhandwerk» Von Oskar Jäger. Wiesbaden (Kunze's Nachfolger) (Учительское искуство и учительское ремесло). Очень толстая книга для всѣхъ, интересующихся педагогическими вопросами или занимающихся педагогикой. Въ первой части авторъ дѣлаетъ характеристику отдѣльныхъ классовъ гимназій, опредѣляетъ ихъ цѣли, задачи и особенности. Вторую онъ посвящаетъ важнѣйшимъ педагогическимъ вопросамъ, школьной дисциплинѣ, личности и поведенію учителей, отношеніямъ между школой и родительскимъ домомъ и т. п. Въ третьей части исключительно говорится о преподаваніи въ трехъ старшихъ классахъ гимназіи и о новыхъ программахъ. (Frankfurter Zeitung).

«The Workers. An Experiment in Reality» by Walter A. Wyckoff. (Heinemann). (Рабочіе; опытъ дѣйствительной жизни) Авторъ этой любопытной книги провелъ три года среди рабочихъ всякаго рода и жилъ ихъ жизнью, раздѣляя всѣ невзгоды и лишенія этой жизни. Собранныя имъ за эти три года наблюденія могутъ составить очень цѣнный матеріалъ для изученія современныхъ соціальныхъ условій, тѣмъ больше что авторъ, принадлежащій къ привилегированному классу, нарочно превратился въ простого рабочаго и терпѣлъ страшную нужду въ Чикаго, гдѣ онъ очутился среди «Unemployed» для того, чтобы имѣть возможность судить по собственному опыту о положеніи рабочаго и о главныхъ характерныхъ особенностяхъ рабочихъ классовъ. (Literary World).

«The Underground Railway from Slavery to Frudom» by prof. Wilbur Sibert (Macmillanand and C°). (Подземная желѣзная дорога отъ рабства къ свободѣ). Чрезвычайно интересное и основанное на историческихъ данныхъ описаніе наиболѣе романическихъ сторонъ великаго движенія въ пользу уничтоженія рабства въ Соединенныхъ Штатахъ. «Подземной желѣзной дорогой» называлась тайная организація, дѣйствовавшая въ пользу освобожденія негровъ. Небольшая группа самоотверженныхъ людей, преданныхъ идеѣ аболиціонизма, помогала бѣгству негровъ, рабовъ изъ южныхъ штатовъ въ Канаду, гдѣ они находились уже подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ. Авторъ разсказываетъ трогательную исторію Джона Брауна, имя котораго употреблялось какъ военный кличъ во время гражданской войны и президента «подземной желѣзной дороги» самоотверженнаго Леви Коффина, который, вмѣстѣ со своею преданною женой, помогъ бѣжать болѣе чѣмъ тремъ тысячамъ рабовъ. (Daily News).

«Across the Everglades» by Hugh Z. Willoughby (Dentand C°). Очерки Флориды. «Everglades» называется та часть Флориды, куда бѣлые люди почти никогда не заглядывали. Авторъ отправился туда для собиранія естественно-историческихъ коллекцій по порученію пенсильванскаго университета, но описаніе его путешествія носитъ не только научный, а также и въ высшей степени популярный характеръ. Очень интересенъ его разсказъ объ одномъ индѣйскомъ племени во Флоридѣ, съ которымъ ему пришлось близко познакомиться. Семиналы—такъ называется это племя.—въ высшей степени оригинальный и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже стоящій на высокой степени цивилизаціи народъ. Они относятся съ презрѣніемъ къ бѣлымъ и «бѣлый человѣкъ», по ихъ мнѣнію, синонимъ лжеца. (Literary World).

«Degeneracy: its causes, signs and Results» by prof. Eugene Talbot. Chicago. With illustrations. Rice: 6 s. (The Contemporary Science Series). (Вырожденіе; его причины, признаки и результаты). Книга посвящена очень важному вопросу о вырожденіи въ современной жизни. Авторъ разсматриваетъ съ научной точки зрѣнія разнообразныя причины этаго явленія и обсуждаетъ способы борьбы съ нимъ. Книга иллюстрирована преимущественно фотографическими снимками. (Bookseller).

«*The Wonderful Century: its Succcsses andits Failures*» *by Alfred Russel Wallace.* (*Swan Sonnenschein and C°*) *Second Edition.* (*Удивительное столѣтіе*). Очень интересно и живо написанная книга, въ которой обсуждаются всѣ свѣтлыя и темныя стороны кончающагося столѣтія, великія открытія, ознаменовавшія его и прискорбные факты и событія бросающіе на него тѣнь.

(Bookseller).

«*Wild Animals I have Known*» *by Ernest Secton Thompson* (*Nutt*) *With 200 illustrations* (*Дикія животныя, которыхъ я зналъ*). Авторъ этой книги—натуралистъ, помѣстилъ въ ней цѣлый рядъ разсказовъ о различныхъ животныхъ, которыхъ онъ зналъ или о которыхъ слыхалъ. Несмотря на научный характеръ этой книги, по живости изложенія и интересу ее можно сравнить съ сочиненіемъ Киплинга «The Lungle Book». Разсказы автора увлекаютъ читателя и заставляютъ его чувствовать глубокую симпатію ко многимъ изъ четвероногихъ. (Athaeneum).

History of intellectual Development on the Lines of modern Evolution» *by J. Beattie Crozier.* (*Longwans, Green and C°*). (*Исторія интеллектуальнаго развитія на основаніи современной эволюціи*). Авторъ, уже издавшій трудъ о цивилизаціи и прогрессѣ, задался цѣлью представить общую исторію эволюціи человѣческой мысли, начиная съ древнихъ временъ до настоящаго времени и прослѣдить ея развитіе и отраженіе въ религіи, наукѣ и философіи.

(Revue Sciéntifique).

«*Hokusai*» *by C. J. Holmes.* (*Umicorn Press*) (*Гокусая*). Чрезвычайно интересно и тепло написанная исторія симпатичнаго японскаго художника, къ которому можно примѣнить пословицу: «Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Гокусаи родился въ 1760 г. и прожилъ почти 90 лѣтъ въ большой бѣдности и неустанно работая. Онъ былъ *бѣденъ* и работалъ преимущественно только для бѣдныхъ, но до сихъ поръ его вліяніе сказывается во всѣхъ произведеніяхъ японскихъ художниковъ, въ японской орнаментикѣ и каждый современный японскій художникъ по справедливости можетъ быть названъ послѣдователемъ и учениковъ Гокусая, съ которымъ, однако, никто изъ нынѣшнихъ японскихъ художниковъ не можетъ сравниться по талантливости изображенія и воспроизведенія сценъ изъ жизни животныхъ, а также по смѣлости фантазіи. (Literary World).

«*Paisans et Ouvriers depuis sept cents ans*» *par le vicomte d'Avenel* (*A. Colèn*). *Paris. Prix 4 fr.* (*Рабочіе и крестьяне въ теченіе семи вѣковъ*). Ученый авторъ этого сочиненія издалъ гигантскій трудъ, въ которомъ заключается подробное изслѣдованіе экономической исторіи собственности, заработной платы, продуктовъ и всѣхъ вообще цѣнъ во Франціи, начиная съ 1200 по 1800 годъ. Желая сдѣлать доступными большому кругу читателей результаты своихъ ученыхъ изысканій, авторъ резюмировалъ въ двухъ томахъ свои выводы. Въ первомъ онъ говоритъ о земельной собственности и деньгахъ, а второй томъ посвящается рабочимъ и крестьянамъ и сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія объ условіяхъ жизни рабочихъ классовъ, эволюціи заработной платы и т. п. за послѣднія семьсотъ лѣтъ. Какъ первый (la Fortune privée à tsavers sept siècles) такъ и второй томы продаются отдѣльно и представляютъ совершенно законченныя сочиненія.

(Journal des Débats).

«*La Guerre et la Paix*» (*étude sur l'arbitrage international*) *par Charles Richet.* (*Schleicher*). *Paris. Prix 1 fr.* (*Война и миръ; изслѣдованіе вопроса о международномъ третейскомъ судѣ*). Этотъ небольшой томикъ входитъ въ составъ изданій «Bibliothèque littéraire de vulgarisation scientifique» и заключаетъ въ себѣ чрезвычайно ясное, хотя и сжатое изложеніе всѣхъ причинъ и послѣдствій войны, шансовъ на ея уничтоженіе. Авторъ подробно разбираетъ вопросъ о международномъ третейскомъ судѣ и о прочихъ мирныхъ учрежденіяхъ. Къ книгѣ приложенъ библіографическій указатель сочиненій, относящихся къ третейскому суду. (Journal des Débats).

«*Hommes et Chose d'outre-mer*» *par Paul Hamelle* (*librairie Fischbacher*) *avec facsimilés d'autographes. Paris. Prix: 3 fr. 50 c.* (*Люди и вещи за моремъ*). Книга заключаетъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ очерковъ, картинъ и портретовъ различныхъ знаменитыхъ общественныхъ дѣятелей; авторъ набрасываетъ ихъ мастерскою рукою, по мѣрѣ того какъ они проходили передъ его глазами. Эти небольшіе очерки написаны очень живо и интересно. Гладстонъ, Сесиль Родесъ, Макъ Кэртней, Лорье, Ирландскій вопросъ и т. д.—вотъ славные сюжеты той картинной и портретной галлереи, которую авторъ представляетъ своимъ читателямъ.

(Journal des Débats).

«*Histoire Sociale au Palais de Justice*» *par Emile de St.-Auban* (*A. Pedone*). *Prix: 3 fr. 50 c.* (*Соціальная исторія въ судѣ*). Чрезвычайно интересная книга. Авторъ ея, извѣстный адвокатъ, анализируетъ и комментируетъ пренія недавнихъ судебныхъ процессовъ. Второй томъ его сочиненія вышелъ подъ заглавіемъ: «Le silence et le secret». (Молчаніе и тайна).

(Journal des Débats).

«*Lesen und Reden*» *von prof. D-r Hilty. Leipzig. 1899.* (*Чтеніе и разговоръ*). Хорошо извѣстный по своимъ предшествующимъ сочиненіямъ профессоръ Гильти издалъ подъ этимъ заглавіемъ два очерка: въ первомъ онъ даетъ превосходные совѣты молодежи относительно выбора книгъ и извлеченія пользы изъ чтенія; во второмъ—онъ

стремится дать полезныя указанія людямъ, которые желаютъ говорить публично.

(Litterarische Echo).

«*Les Savants modernes; leur vie etleurs travaux d'aprés les documents académiques*»— *par M. A. Rebiere.* (*Nony et C°*). *Paris.* (*Современные ученые, ихъ жизнь и труды*). Цѣль автора, извѣстнаго французскаго математика Ребьера, познакомить обыкновенныхъ читателей со всѣми великими именами, великими проблемами и великими открытіями науки. Трудъ его, для котораго онъ воспользовался академическими документами, охватываетъ періодъ двухъ вѣковъ. Читатель постепенно знакомится съ жизнью и работами ученыхъ преимущественно французскихъ, обезсмертившихъ свое имя великими открытіями.

(Revue Internationale).

«*Intimate China: the Chinese as I have Seen them*» *by M-rs Archibald Little.* (*Hutchinson und C°*). *With 120 illustrations.* (*Китайцы вблизи*). Мистриссъ Литтль, написавшая эту книгу, долго жила и путешествовала по Китаю и познакомилась съ жизнью не только большихъ городовъ, но и самыхъ отдаленныхъ закоулковъ обширной китайской имперіи. Она возстаетъ противъ существующихъ воззрѣній, что китайцы ненавидятъ иностранцевъ и въ особенности миссіонеровъ. Китайскіе крестьяне—народъ добродушный, вѣжливый и гостепріимный и только подъ вліяніемъ подстрекательства и наущенія мандариновъ, они производятъ нападенія на миссіи и нападаютъ на иностранцевъ. Вообще, по словамъ мистриссъ Литтль, между народнымъ Китаемъ и Китаемъ мертвыхъ доисторическихъ учрежденій надо дѣлать различіе. Съ послѣднимъ то и приходится бороться иностранцамъ, такъ какъ именно «Китай мандариновъ» служитъ главнымъ препятствіемъ къ прогрессу. Описанія мистриссъ Литтль сельской и городской жизни въ Китаѣ чрезвычайно интересны; ея анекдоты изъ китайской военной жизни блещутъ юморомъ, а описанія природы очень живописны. Книга снабжена превосходными иллюстраціями.

(Daily News).

«*Le plus beau royaume sous le ciel*» *par Onésime Reclus.* (*Librairie Hachette*). *Самая прекрасная страна подъ небесами*). Читатель быть можетъ не догадывается, что тутъ дѣло идетъ о Франціи. Автора этой книги можно было бы назвать «поэтомъ географіи» (le poète de la géographie). Его описаніе Франціи проникнуто поэтическимъ чувствомъ и восторженностью, но въ тоже время съ научной стороны не оставляетъ желать ничего лучшаго и взгляды, высказываемые авторомъ на настоящее и будущее страны, ея политико-экономическія условія и т. п. отличаются глубиной и научностью. Авторъ предсказываетъ блестящее будущее французскимъ колоніямъ, въ особенности африканской Франціи (France d'Afrique), которая явится источникомъ новой и кипучей жизни въ будущемъ.

(Indépendance Belge).

«*Le paysan dans la littérature française*» *par Henri Tajot.* (*Крестьянинъ во французской литературѣ*). Авторъ собралъ и резюмировалъ различные взгляды на крестьянина, господствовавшіе во французской литературѣ и изобразилъ эволюцію этихъ взглядовъ въ различныя эпохи.

(Journal des Débats).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

УБѢЖИЩЕ ДЛЯ ИНВАЛИДОВЪ ПЕЧАТНАГО ДѢЛА ВЪ ПАМЯТЬ

А. С. ПУШКИНА.

Въ настоящее время въ Одессѣ поставленъ на очередь вопросъ объ устройствѣ, по иниціативѣ редактора-издателя «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкаго, Убѣжища для инвалидовъ печатнаго дѣла, съ просвѣтительными при немъ учрежденіями имени А. С. Пушкина, память котораго чествуетъ вся Россія 26 мая сего года, въ день столѣтія со дня его рожденія.

Литература и печатный трудъ только въ исключительныхъ случаяхъ даютъ какое-либо обезпеченіе трудящимся на этомъ поприщѣ. Обыкновенно же болѣзнь, старость, преждевременная потеря способности трудиться или прекращеніе занятій по другимъ причинамъ вызываютъ бѣдность и даже нищету. Въ виду-то этого и необходимо создать «Убѣжище», предназначенное для того, чтобы пріютить этихъ тружениковъ печатнаго дѣла (наборщиковъ и литераторовъ) безъ различія національностей, вѣроисповѣданій, званія и класса,—словомъ, всѣхъ, кто отдалъ свои силы и здоровье служенію дѣлу гласности и просвѣщенію и оказался затѣмъ въ безпомощномъ состояніи.

При одесскомъ «Убѣжищѣ» предполагается устройство просвѣтительныхъ учрежденій—народной школы, народной читальни и аудиторіи для народныхъ чтеній, гдѣ тѣ же призрѣваемые найдутъ возможность пополнить свой досугъ и приложить въ той или иной формѣ свои силы и способности въ организаціи народныхъ чтеній и читальни.

Одесская Гор. Дума весьма сочувственно отнеслась къ этой идеѣ и отвела Одесскому Обществу вспомоществованія Литераторамъ и Ученымъ для устройства проектируемаго зданія безплатно участокъ земли въ 700 кв. саж. и ассигновала Обществу ежегодную субсидію въ размѣрѣ 5.000 руб.

Но настоящее время у Общества имѣется пожертвованій на устройство Убѣжища свыше 23.000 р. Но этихъ денегъ пока недостаточно для сооруженія Убѣжища со всѣми просвѣтительными при немъ учрежденіями, почему Правленіе Одесскаго Общества вспомоществованія Литераторамъ и Ученымъ, исполняя постановленіе Общаго собранія, обращается ко всѣмъ, кому дорого дѣло свѣта и печати, кто сознаетъ значеніе печатнаго дѣла, кто сочувствуетъ учрежденію такого убѣжища и просвѣтительныхъ при немъ учрежденій имени великаго поэта А. С. Пушкина—оказать посильное содѣйствіе къ его скорѣйшему осуществленію путемъ присылки пожертвованій.

Правленіе принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы день 26 мая ознаменовать закладкою зданія Убѣжища, которое служило бы памятникомъ въ Одессѣ незабвенному великому поэту.

Лицъ, желающихъ оказать сочувствіе этому просвѣтительному учрежденію, просятъ присылать пожертвованія на имя Предсѣдателя Общества—одесскаго городскаго головы Павла Александровича Зеленаго и въ редакціи мѣстныхъ газетъ. Имена гг. жертвователей будутъ опубликованы.

Предсѣдатель *П. А. Зеленый.* — Члены Правленія: *А. С. Бориневичъ. В. В. Кирхнеръ. П. Г. Меликовъ. М. Л. Марковичъ. В. В. Навроцкій. А. С. Попандопуло.*

ЛЬЕЖСКОЕ РУССКОЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО.

(*Bureau russe des renseignements d'etudes*).

Симъ объявляемъ, что существующее въ Ліежѣ съ 1897 г. Русское справочное бюро для лицъ, ѣдущихъ за границу учиться, даетъ всевозможныя свѣдѣнія, могущія интересовать учащихся, какъ-то: справки объ условіяхъ поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія за границей (преимущественно во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи), о стоимости жизни и обученія и т. п.

Подобное же бюро существуетъ въ Мюнхенѣ для странъ съ нѣмецкимъ языкомъ.

Просятъ прилагать двѣ десятикопеечныя марки при каждомъ запросѣ для отвѣта.

Адресъ бюро въ Ліежѣ:

Bureau russe des renseignements d'etudes, Liége, (Belgique).

Адресъ бюро въ Мюнхенѣ:

Russischer Auskunftsbureau, Gerenstrasse, 16. München.

Просимъ другія повременныя изданія перепечатывать періодически сіе объявленіе.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

1) **Выразительное чтеніе.** Пособіе для учащихъ и учащихся. (Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ), ц. 50 к. 1898 г. Содержаніе: Вступленіе; значеніе искусства читать; искусству читать можно выучиться; какъ выучиться читать (голосъ, дыханіе, произношеніе, паузы, ударенія логическія), о чтеніи стиховъ; заключеніе. Въ приложеніи:—основаніе стихосложенія; практическія указанія для обученія выразительному чтенію; примѣрная хрестоматія разбора образцовъ (до 21-го, начиная съ примѣровъ для маленькихъ дѣтей и кончая разборомъ сценъ изъ Шекспира).

2) **Изъ исторіи моего учительства, какъ я сдѣлался учителемъ.** (1851—1864) изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895, ц. 1 р. 25 к.

3) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. журн. «Міръ Божій», Спб. 1897. цѣна 40 коп.

4) **Очерки пушкинской Руси,** Спб. 1897, изд. (2-е) журн. «Міръ Божій». ц. 40 к.

5) **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества, съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 6-е. М. 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

6) **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ,** разсказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

7) **Хорошіе люди.** Сборникъ разсказовъ, съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

8) **Этюды о русскихъ писателяхъ:** I. И. А. Гончаровъ, М. 1897 г. Ц. 75 к.—II. Н. Г. Помяловскій. Ц. 40 к.—III. М. Ю. Лермонтовъ. Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. 1893 г. Ц. 50 к.

9) **Русскіе педагогическіе дѣятели:** Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ. М. 1887 г. Ц. 75 к.

10) **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній** (по Л. Эккардту) съ прил. «Краткаго учебника теоріи и поэзіи». Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

11) **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е. Ц. 90 к.

12) **Русскіе писатели какъ восп.-образов. матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Толстой, Погоскій, С. Аксаковъ. Изд. 4-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

13) **Родные поэты, для чтенія въ классѣ и дома.** Сборникъ стихотворныхъ произведеній для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго; **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е М. 1894 г.

14) **Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей для юношества,** съ 20-ю портретами. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

15) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Ц. 10 к.

16) **Изъ Дальняго прошлаго.** Драматическіе эскизы. («Мгла», др. въ 5 д.; «Липочкинъ-комъ. въ 3 д. съ прологомъ; сцены: «На однѣхъ сѣняхъ»; «Первый шагъ»; «Въ бельэтажѣ на улицу». Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 г. Ц. 80 к.

17) **С. Т. Аксаковъ** Критико-біографическій очеркъ. Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 коп.

18) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ, Мѣщанинъ въ дворянствѣ,** пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

19) **Изъ народнаго быта. Титъ, Вавило. Маша.** Изд. 5-е. М. 1898 г. Ц. 10 к.

20) **В. Г. Бѣлинскій какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи.** Спб. 1898 г. Ц. 60 коп.

21) **Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Избранные статьи для семьи и школы съ біографическимъ очеркомъ, портретами и факсимиле.** Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 1898. Ц. 1 руб.

AP 50
.M67
v.8,
nos.4-6
Apr
-
Jun
1899

Mir Bozhii

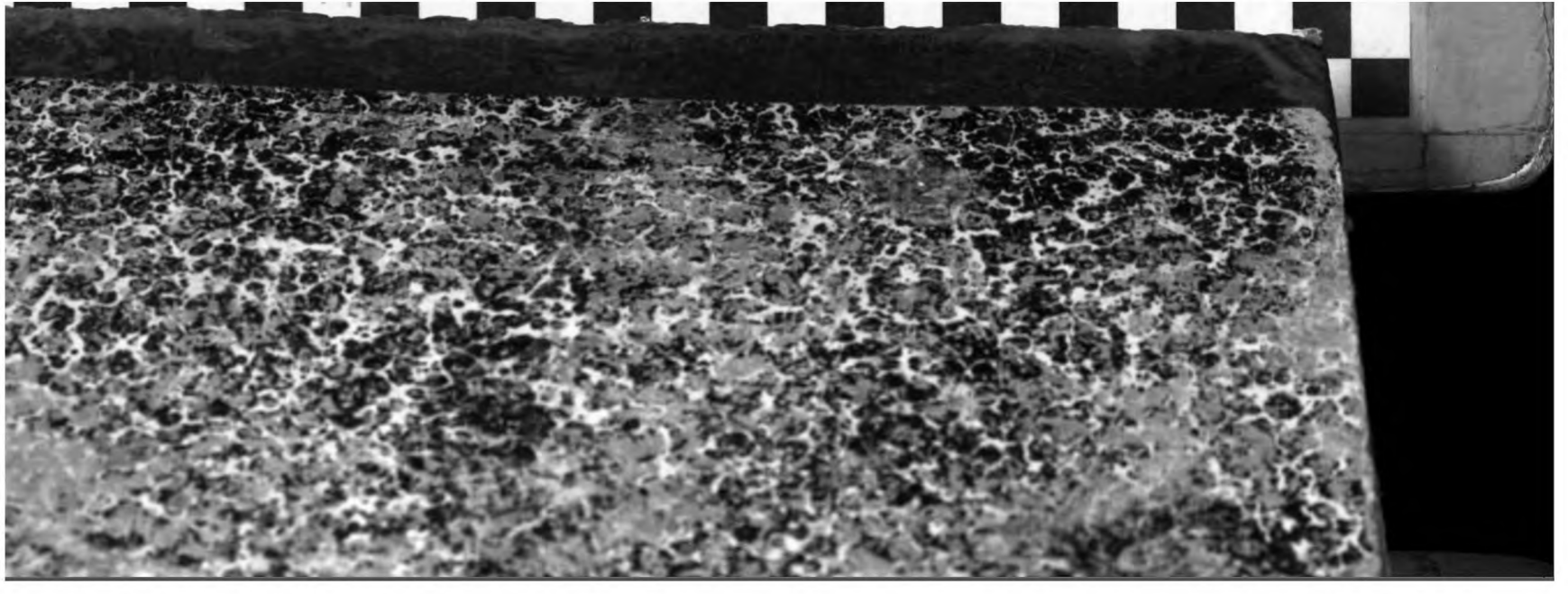
NOV 14 1

AP 50
.M67
v.8,
nos.4-6
Apr
-
Jun
1899

Mir Bozhii

n/c

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY



U of Chicago
55015131